

11- [20611]

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

„ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ“

А. Э. БРЭМА

111
Б88

СО МНОЖЕСТВОМЪ ПОЛИТИПАЖЕЙ И ХРОМОЛИТОГРАФІЯМИ

ВЪ ДЕСЯТИ ТОМАХЪ

ПЕРЕВОДЪ СЪ 3-ГО НѢМЕЦКАГО ИСПРАВЛЕННАГО И ДОПОЛНЕННАГО ИЗДАНІЯ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ МАГИСТРА ЗООЛОГІИ К. К. СЕНТЬ-ИЛЕРА

СЪ УЧАСТІЕМЪ ПРОФЕССОРА Д. И. КАЙГОРОВОГА.

4860

Томъ VI.

П Т И Ц Ы.

Понсковыя. — Ластокрылыя. — Буревѣстниковыя. — Босвыя. —
Шпорцккрылыя. — Нанду. — Казуаровыя. — Страусовыя.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“ И К^о.
ВОЛЬШАЯ ПОДЪИЧКОКА, 89.

1894.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 10 Іюня 1894 года.

95732-36

2011136701

Типографія Высочайше утвержденного Товарищества „Общественная Польза“, В. Подъяч., № 39.

Оглавление VI-го тома.

Иллюстрированной „Жизни Животных“ А. Э. Брэма.

Отрядъ VII: Поисковыя птицы. (Charadriornithes).

	Стр.		Стр.
1-е Сем. Ржанковья. Charadriidae...	1	Морской песочникъ. <i>T. maritima.</i>	42
Бекасовья. <i>Scolopacinae.</i>	1	Красновобикъ. <i>T. subarctica.</i>	44
1-й родъ. Бекасы. Scolopax.	1	Черновобикъ. <i>T. alpina.</i>	44
Валдинецъ <i>S. rusticula.</i>	2	Малый черновобикъ. <i>T. schinzii.</i>	44
2-й родъ. Болотные бекасы. Galinago.	7	Обыкновенный песочникъ. <i>T. minuta.</i>	46
Дунель. <i>G. major.</i>	7	Американскій песочникъ. <i>T. minutilla.</i>	47
Обыкновенный бекасъ. <i>G. caelestis.</i>	10	Малый песочникъ. <i>T. temminckii.</i>	47
Гаршнецъ. <i>G. gallinula.</i>	13	Травяной песочникъ. <i>T. fuscicollis.</i>	47
3-й родъ. Бекасо-курочки. Rhyngchaea.	15	Полосатый песочникъ. <i>T. maculata.</i>	48
Золотистый куликъ. <i>Rh. capensis.</i>	15	Рыжеватый песочникъ. <i>T. rufescens.</i>	48
Улитовья. <i>Totaniinae.</i>	17	11-й родъ. Грязовики. Limicola.	48
4-й родъ. Кроншнепы. Numenius.	17	Грязовикъ. <i>L. platyrhynchos.</i>	48
Кроншнецъ. <i>N. arcuatus.</i>	17	12-й родъ. Песчанки. Calidris.	49
Средний кроншнецъ. <i>N. phaeopus.</i>	17	Песчанка. <i>C. argus.</i>	49
Малый кроншнецъ. <i>N. tenuirostris.</i>	18	13-й родъ. Перепончатопалые песочники. Symphemia.	51
Сѣверный кроншнецъ. <i>N. borealis.</i>	18	Перепончатопалый песочникъ. <i>S. semipalmata.</i>	51
5-й родъ. Сукальни. Limosa.	21	14-й родъ. Плавунчики. Phalaropus.	52
Лапландскій сукалень. <i>L. laponica.</i>	21	Одинова курочка. <i>Ph. hyperboreus.</i>	52
Чернохвостый сукалень. <i>L. aegocerphala.</i>	22	Плосконосый плавунчикъ. <i>Ph. fulicarius.</i>	53
6-й родъ. Длинноногие нетигляны. Macrorhamphus.	24	15-й родъ. Ходулочники. Himantopus.	56
Сѣрый сукалень. <i>M. griseus.</i>	24	Ходулочникъ. <i>H. candidus.</i>	57
7-й родъ. Улиты. Totanus.	25	16-й родъ. Шилоклювки. Recurvirostra.	59
Турухтанъ. <i>T. rufus.</i>	26	Шилоклювка. <i>R. avocetta.</i>	59
Большой улитъ. <i>T. littoreus.</i>	30	Ржанковья. Charadriinae.	62
Прудовой улитъ. <i>T. stagnatilis.</i>	30	17-й родъ. Пигалицы. Vanellus.	62
Красноногий улитъ. <i>T. calidris.</i>	32	Обыкновенный чибисъ. <i>V. capella.</i>	62
Темный улитъ. <i>T. fuscus.</i>	33	Степной чибисъ. <i>V. gregarius.</i>	67
Чернокрылый улитъ. <i>T. ochropus.</i>	35	Болотный чибисъ. <i>V. leucurus.</i>	68
Фифи. <i>T. glareola.</i>	35	Шпорцевый чибисъ. <i>V. spinosus.</i>	69
Вѣлобрюхий улитъ. <i>T. hypoleucus.</i>	37	18-й родъ. Ржанки. Charadrius.	71
Пятнистый лозникъ. <i>T. macularis.</i>	37	Тулесъ. <i>Ch. squatarola.</i>	72
8-й родъ. Длиннохвостые лозники. Actiturus.	39		
Длиннохвостый лозникъ. <i>A. longicaudatus.</i>	39		
9-й родъ. Мородулки. Xenus.	40		
Мородулка. <i>X. cinereus.</i>	40		
10-й родъ. Песочники. Tringa.	42		
Керкутъ. <i>T. canutus.</i>	42		

	Стр.		Стр.
Сивка. <i>Ch. pluvialis</i>	73	<i>sorphaeus</i>	119
Рыжая ржанка. <i>Ch. fulvus</i>	73	Одуриновая чайка. <i>L. audouini</i>	119
Глухая ржанка. <i>Ch. morinellus</i>	75	Морской голубокъ. <i>L. gelastes</i>	119
Степная ржанка. <i>Ch. asiaticus</i>	76	Большая морская чайка. <i>L. mari-</i> <i>nus</i>	120
Рѣчная ржанка. <i>Ch. cyrenicus</i>	78	Клуша. <i>L. fuscus</i>	120
Галетушникъ. <i>Ch. hiaticula</i>	78	Черноголовый хохотувъ. <i>L. ich-</i> <i>tyaetus</i>	122
Морская ржанка. <i>Ch. alexandri-</i> <i>nus</i>	79	Обыкновенная чайка. <i>L. ridibun-</i> <i>cus</i>	123
19-й родъ. Бѣгунки. <i>Cursorius</i>	80	Средиземноморская чайка. <i>L. me-</i> <i>lanoccephalus</i>	123
Бѣгунокъ песчаный. <i>C. gallicus</i>	80	Малая чайка. <i>L. minutus</i>	123
Египетскій бѣгунокъ. <i>C. aegyur-</i> <i>tius</i>	83	Бѣлоглазая чайка. <i>L. leucophtal-</i> <i>mus</i>	123
20-й родъ. Камнешарки. <i>Arenaria</i>	86	Сѣроголовая чайка. <i>L. atricilla</i>	123
Камнешарка. <i>A. interpres</i>	86	7-й родъ. Бѣлыя чайки. <i>Gavia</i>	126
21-й родъ. Морскіе кривки. <i>Haem-</i> <i>atorus</i>	89	Бѣлая чайка. <i>G. alba</i>	126
Куликъ-сорока. <i>H. ostrilegus</i>	89	8-й родъ. Трехпалыя чайки. <i>Rissa</i>	128
III-ое Сем. Тиркуши. <i>Glareolidae</i>	93	Моевка. <i>R. tridactyla</i>	128
1-й родъ. Тиркуши. <i>Glareola</i>	93	9-й родъ. Вилохвостыя чайки. <i>Chema</i>	131
Луговая тиркуша. <i>G. gratincola</i>	93	Вилохвостая чайка. <i>Ch. sabinii</i>	131
Степная тиркуша. <i>G. melano-</i> <i>ptera</i>	93	10-й родъ. Розовыя чайки. <i>Rhodos-</i> <i>tethia</i>	132
III-ье Сем. Чайковыл. <i>Laridae</i>	96	Розовая чайка. <i>Rh. rossi</i>	132
Крочки. <i>Sterninae</i>	96	Поморники. <i>Stercorariinae</i>	132
1-й родъ. Настоящія крочки. <i>Sterna</i>	98	11-й родъ. Поморники. <i>Stercorarius</i>	132
Крочка-чеграва. <i>St. caspia</i>	98	Большой поморникъ. <i>St. catarrac-</i> <i>tes</i>	134
Быстрокрылая крочка. <i>St. bergii</i>	99	Омка. <i>St. pomatorhinus</i>	134
Пестроносая крочка. <i>St. cantiaea</i>	101	Исправникъ. <i>St. parasiticus</i>	137
Средняя крочка. <i>St. media</i>	101	Короткохвостый поморникъ. <i>St.</i> <i>longicauda</i>	138
Маргышка. <i>St. hirundo</i>	103	IV-ое Сем. Чистиковыл. <i>Alcidae</i>	140
Длиннохвостая крочка. <i>St. mac-</i> <i>guga</i>	103	1-й родъ. Чистики. <i>Fratercula</i>	140
Райская крочка. <i>St. dougalli</i>	103	Чистикъ. <i>Fr. arctica</i>	140
Дымчатая крочка. <i>St. fuliginosa</i>	104	2-й родъ. Гагарки. <i>Alca</i>	143
Малая крочка. <i>St. minuta</i>	105	Гагарка. <i>A. torda</i>	143
Черноносая крочка. <i>St. nilotica</i>	107	3-й родъ. Безкрылыя гагарки. <i>Plautus</i>	145
2-й родъ. Болотныя крочки. <i>Hy-</i> <i>drochelidon</i>	108	Безкрылая гагарка. <i>P. impennis</i>	145
Черная крочка. <i>H. nigra</i>	108	4-й родъ. Кайры. <i>Uria</i>	151
Свѣтлокрылая крочка. <i>H. leucor-</i> <i>tera</i>	109	Атлантическій чистикъ. <i>U. grylle</i>	151
Бѣлощекая крочка. <i>H. hybrida</i>	109	Полярный чистикъ. <i>U. mandtii</i>	151
3-й родъ. Шелковистыя крочки. <i>Gygis</i>	111	Норвежская кайра. <i>U. lomvia</i>	153
Шелковистая крочка. <i>G. alba</i>	111	Бѣлоглазая кайра. <i>U. ringvia</i>	153
4-й родъ. Глухыя крочки. <i>Anous</i>	112	Кайра-гагарка. <i>U. bruenichii</i>	153
Подди. <i>A. stolidus</i>	112	5-й родъ. Малыя гагарки. <i>Mergu-</i> <i>lus</i>	158
Ножеклювы. <i>Rhynchopsinae</i>	113	Люрикъ. <i>M. alle</i>	158
5-й родъ. Ножеклювы. <i>Rhynchops</i>	113	V-ое Сем. Парровыл. <i>Parridae</i>	160
Нильскій ножеклювъ. <i>Rh. flaviro-</i> <i>tris</i>	113	1-й родъ. Парры. <i>Parra</i>	161
Чайки. <i>Larinae</i>	115	Исава. <i>P. nigra</i>	161
6-й родъ. Настоящія чайки. <i>Lar-</i> <i>gus</i>	117	VI-ое Сем. Дроховыл. <i>Otididae</i>	163
Большая полярная чайка. <i>L. glau-</i> <i>cus</i>	118	1-й родъ. Дрохвы. <i>Otis</i>	163
Малая полярная чайка. <i>L. leu-</i> <i>corterus</i>	118	Дрохва. <i>O. tarda</i>	165
Серебристая чайка. <i>L. argenta-</i> <i>tus</i>	118	Стрелетъ. <i>O. tetrah</i>	173
Сибирская хохотуныя <i>L. affinis</i>	119	Вихляй. <i>O. macqueeni</i>	178
Обыкновенная хохотуныя. <i>L. leu-</i> <i>sorphaeus</i>	119	Дрохва-красотка. <i>O. undulata</i>	179
		VII-ое Сем. Авдоковыл. <i>Oedicnemidae</i>	181
		1-й родъ. Авдоки. <i>Oedicnemus</i>	182
		Авдожка. <i>O. scolorax</i>	182

Отрядъ VIII. Ластокрылыя. (Artenodytornithes).

	Стр.		Стр.
I-ое Сем. Пелетовыя. <i>Artenodytidae</i>	186	Златовласый пингвинъ. <i>A. chrysosome</i>	187
1-й родъ. Пелеты. <i>Artenodytes</i>	186		
Патагонскій вельтъ. <i>A. pennanti</i>	186		

Отрядъ IX. Буревѣстниковыя. (Thalassornithes).

	Стр.		Стр.
I-ое Сем. Буревѣстниковыя. <i>Procellariidae</i>	198	Капскій буревѣстникъ. <i>Pr. capensis</i>	211
1-й родъ. Альбатросы. <i>Diomedea</i>	198	3-й родъ. Качурки. <i>Thalassidroma</i>	212
Обыкновенный альбатросъ. <i>D. exulans</i>	199	Качурка малая. <i>Th. pelagica</i>	212
Зеленоклювый альбатросъ. <i>D. chlororhynchos</i>	199	Качурка большая. <i>Th. leucorrhoea</i>	213
2-й родъ. Буревѣстники <i>Procellaria</i>	205	Качурка голубиная. <i>Th. bulwerii</i>	214
Исподневскій буревѣстникъ. <i>Pr. gigantea</i>	206	Океанскій буревѣстникъ. <i>Th. oceanica</i>	214
Глушишь. <i>Pr. glacialis</i>	207	4-й родъ. Буревѣстники. <i>Puffinus</i>	217
Южный буревѣстникъ. <i>Pr. haesitata</i>	208	Буревѣстникъ обыкновенный. <i>P. anglorum</i>	217
		Большой пухфинь. <i>P. major</i>	217
		Бурый пухфинь. <i>P. griseus</i>	218
		Гибралтарскій пухфинь. <i>P. kuhli</i>	218

Отрядъ X. Боевыя птицы (Pelagornithes).

	Стр.		Стр.
I-ое Сем. Соколиныя. <i>Falconidae</i>	226	Степной орелъ. <i>A. orientalis</i>	311
1-й родъ. Соколы <i>Falco</i>	227	Карликовый орелъ. <i>A. pennata</i>	314
Обыкновенный кречеть. <i>F. scandiaca</i>	235	Клиновостый орелъ. <i>A. audax</i>	321
Арктический кречеть. <i>F. arcticus</i>	236	Ястребиный орелъ. <i>A. fasciata</i>	322
Исландскій кречеть. <i>F. rusticolus</i>	237	4-й родъ. Канюки. <i>Archibuteo</i>	326
Балабанъ. <i>F. lanarius</i>	242	Канюкъ. <i>A. lagopus</i>	326
Египетскій кречеть. <i>F. tanipterus</i>	243	5-й родъ. Сарычи. <i>Buteo</i>	330
Сапсанъ. <i>F. peregrinus</i>	246	Сарычь обыкновенный. <i>B. vulgaris</i>	330
Малый сапсанъ. <i>F. minor</i>	247	Сарычь. <i>B. ferax</i>	331
Шахинь. <i>F. peregrinator</i>	247	Степной сарычь. <i>B. desertorum</i>	331
Чернодекий сапсанъ. <i>F. melanogeryus</i>	247	6-й родъ. Крачуны. <i>Circus</i>	336
Барварийскій сапсанъ. <i>F. barbargus</i>	247	Крачуна голубовогий. <i>C. gallicus</i>	336
Соколя турюмди. <i>F. chiquera</i>	256	7-й родъ. Фигляры. <i>Helotarsus</i>	340
Челнокъ. <i>F. subbuteo</i>	258	Фигляръ. <i>H. caudatus</i>	341
Челнокъ элеонора. <i>F. eleonorae</i>	260	8-й родъ. Орляны. <i>Haliaeetus</i>	344
Дербникъ. <i>F. aesalon</i>	268	Орляна бѣлохвость. <i>H. albicilla</i>	344
Пустельга. <i>F. tinnunculus</i>	274	Орляна чернохвость. <i>H. leucorhynchus</i>	345
Красная пустельга. <i>F. cenchris</i>	281	Бѣлоголовый орляна. <i>H. leucoserphalus</i>	345
Кобчикъ. <i>F. vespertinus</i>	285	Морской орляна. <i>H. pelagicus</i>	356
2-й родъ. Карликовые соколы. <i>Picoga</i>	290	Орляна-крикунь. <i>H. vocifer</i>	356
Мутл. <i>P. caeruleascens</i>	290	9-й родъ. Грифовыя орляны. <i>Gyrohierax</i>	360
3-й родъ. Орлы. <i>Aquila</i>	291	Грифовый орляна. <i>G. angolensis</i>	360
Беркутъ. Холзашъ. <i>A. chrysaetos</i>	291	10-й родъ. Рѣчные скопы. <i>Pandion</i>	363
Канадскій беркутъ. <i>A. canadensis</i>	292	Рѣчная скопа. <i>P. haliaetus</i>	363
Могильникъ. <i>A. melanaetus</i>	303	11-й родъ. Особды. <i>Pernis</i>	369
Испанскій орелъ. <i>A. adalberti</i>	303	Особды европейскій. <i>P. apivorus</i>	369
Крикунь. <i>A. pomarina</i>	309	12-й родъ. Каны. <i>Elanus</i>	376
Карагужъ. <i>A. clanga</i>	310	Каня чернокрылая. <i>E. melanopterus</i>	376

	Стр.		Стр.
13-й родъ. Иктинія. <i>Ictinia</i>	379	Кондоръ. <i>S. gryphus</i>	505
Иктинія миссиссипская. <i>I. missis-</i>		Королевскій грифъ. <i>S. para</i>	510
<i>sipensis</i>	379	2-й родъ. Индюковые грифы. <i>Catharista</i>	512
14-й родъ. Вилохвостые коршуны. <i>Nauclerus</i>	381	Индюковый грифъ. <i>C. aura</i>	512
Вилохвостый коршунъ. <i>N. furcatus</i>	381	Уруби. <i>C. atrata</i>	513
15-й родъ. Коршуны. <i>Milvus</i>	384	III-ое Сем. Голенастые грифы. Serpentariidae.	518
Красный коршунъ. <i>M. iclinus</i>	384	1-й родъ. Секретари. <i>Serpentarius</i>	518
Черный коршунъ. <i>M. migrans</i>	390	Секретарь. <i>S. secretarius</i>	518
Коршунъ-паразитъ. <i>M. aegyptius</i>	395	IV-ое Сем. Цапли. Ardeidae	524
16-й родъ. Хохлатые орлы. <i>Spizaetus</i>	399	1-й родъ. Дневныя цапли. <i>Ardea</i>	527
Хохлатый орелъ. <i>S. bellicosus</i>	399	Сѣрая цапля. <i>A. cinerea</i>	527
Гребневый орелъ. <i>S. occipitalis</i>	402	Пурпуровая цапля. <i>A. purpurea</i>	528
17-й родъ. Коршуповые орлы. <i>Morphnus</i>	405	Черноголовая цапля. <i>A. melanoccephala</i>	528
Гвианскій перепелятникъ. <i>M. guianensis</i>	405	Исповинская цапля. <i>A. nobilis</i>	529
18-й родъ. Гарнии. <i>Thrasaetus</i>	407	Бѣлая цапля. <i>A. alba</i>	532
Гарни. <i>Th. harpyia</i>	407	Нужда. <i>A. garzetta</i>	533
19-й родъ. Ястребы. <i>Accipiter</i>	410	Ибисовая цапля. <i>A. ibis</i>	536
Ястребъ перепелятникъ. <i>A. nisus</i>	411	Косматая цапля. <i>A. comata</i>	537
Коротконогий ястребъ. <i>A. brevipes</i>	411	2-й родъ. Малыя цапли. <i>Ardetta</i>	538
Весра. <i>A. virgatus</i>	417	Малая цапля. <i>A. minuta</i>	538
20-й родъ. Тетеревятники. <i>Astur</i>	419	3-й родъ. Выпни. <i>Botaurus</i>	541
Тетеревятникъ. <i>A. palumbarius</i>	419	Выпь обыкновенная. <i>B. stellaris</i>	541
Черноголовый ястребъ. <i>A. atricapillus</i>	419	Американская выпнь. <i>B. lentiginosus</i>	542
21-й родъ. Цѣвчїе ястребы. <i>Asturina</i>	428	4-й родъ. Ночныя цапли. <i>Nycticorax</i>	545
Цѣвчїй ястребъ. <i>A. musicus</i>	428	Кваква. <i>N. griseus</i>	545
Саранчевый ястребъ. <i>A. polyzona</i>	428	Саваку. <i>N. sacrophagus</i>	548
22-й родъ. Луни. <i>Circus</i>	431	V-ое Сем. Китоглавоя. Balaenicipidae.	550
Полевой дувъ. <i>C. cyaneus</i>	431	1-й родъ. Китоглавы. <i>Balaeniceps</i>	550
Степной дувъ. <i>C. macrurus</i>	431	Корольскій китоглавъ. <i>B. rex</i>	550
Луговой дувъ. <i>C. pygargus</i>	435	VI-ое Сем. Ансты. Ciconiidae.	552
Камышевый дувъ. <i>C. aeguginosus</i>	440	1-й родъ. Настоящїе ансты. <i>Ciconia</i>	553
23-й родъ. Крикливые луни. <i>Ibicter</i>	447	Бѣлый анстъ. <i>C. alba</i>	553
Хиماхина. <i>I. crotophagus</i>	447	Черный анстъ. <i>C. nigra</i>	562
Химаго. <i>I. australis</i>	449	Симбиль. <i>C. abdimii</i>	563
24-й родъ. Каракары. <i>Polyborus</i>	450	2-й родъ. Исполнскїе ансты. <i>Mysteria</i>	565
Каракхо. <i>P. brasiliensis</i>	450	Миктерия. <i>M. senegalensis</i>	565
25-й родъ. Змѣятники. <i>Gymnogenys</i>	454	3-й родъ. Зобатые ансты. <i>Leptorhtilus</i>	567
Змѣятникъ. <i>G. typicus</i>	454	Марабу. <i>L. crumenifer</i>	567
26-й родъ. Лгнятники. <i>Gypaetus</i>	454	4-й родъ. Разини. <i>Anastomus</i>	571
Вородатый ягвятникъ. <i>G. barbatus</i>	455	Разиня. <i>A. lamelligerus</i>	572
Голоногий ягвятникъ. <i>G. ossifragus</i>	456	5-й родъ. Ключевчїи. <i>Tantalus</i>	573
27-й родъ. Грифы настоящїе. <i>Vultur</i>	478	Ключавчъ. <i>T. ibis</i>	574
Сѣрый грифъ. <i>V. monachus</i>	485	VII-ое Сем. Молотоглавы. Scopidae.	576
Ушастый грифъ. <i>V. auricularis</i>	489	1-й родъ. Тѣневыя птицы. <i>Scopus</i>	576
Лысый грифъ. <i>V. calvus</i>	489	Тѣневая птица. <i>S. umbretta</i>	576
28-й родъ. Сипы. <i>Gyps</i>	493	VIII-ое Сем. Ибисы. Ibisidae.	579
Бѣлоголовый сипъ. <i>G. fulvus</i>	493	1-й родъ. Коровайки. <i>Plegadis</i>	580
Сипъ Рюппеля. <i>G. ruppellii</i>	493	Коровайка. <i>P. falcinellus</i>	580
29-й родъ. Стервятники. <i>Neophron</i>	498	2-й родъ. Настоящїе ибисы. <i>Ibis</i>	584
Стервятникъ. <i>N. percnopterus</i>	498	Священныи ибисъ. <i>I. aethiopica</i>	584
Мохлатый стервятникъ. <i>N. pileatus</i>	502	3-й родъ. Колпицы. <i>Platalea</i>	588
II-е Сем. Американскїе грифы. Sarcogamphidae	505	Колпица. <i>P. leucorodia</i>	588
1-й родъ. Гребневые грифы. <i>Sarcogamphus</i>	505	IX-ое Сем. Фламанговыя. Phoenicopteridae.	591
		1-й родъ. Фламинго. <i>Phoenicopterus</i>	592
		Красный гусь. <i>Ph. rosceus</i>	592

	Стр.		Стр.
X-ое Сем. Баклановыя. <i>Phalacrocoracidae</i>	600	Канадская казарка. <i>V. canadensis</i>	672
1-ый родъ. Бакланъ. <i>Phalacrocorax</i>	600	4-й родъ. Древесные гуси. <i>Chenalorhex</i>	675
Большой бакланъ. <i>Ph. carbo</i>	601	Нильскій гусь. <i>Ch. aegyptiacus</i>	675
Хохлатый бакланъ. <i>Ph. graculus</i>	602	5-й родъ. Норковые гуси. <i>Tadorna</i>	678
Карликовой бакланъ. <i>Ph. rugmacus</i>	603	Карагатка. <i>T. casarca</i>	678
2-ой родъ. Змѣшейки. <i>Plotus</i>	607	Цѣпанка. <i>T. damiatica</i>	681
Африканская змѣшейка. <i>P. levailantii</i>	607	6-й родъ. Шпорцевые гуси. <i>Plectropterus</i>	685
Американская змѣшейка. <i>P. anginga</i>	608	Шпорцевый гусь. <i>P. gambensis</i>	685
3-й родъ. Олуши. <i>Sula</i>	612	7-й родъ. Новоголландскіе гуси. <i>Sereopsis</i>	687
Олушь. <i>S. bassana</i>	612	Новоголландскій гусь. <i>S. novaehollandiae</i>	687
XI-ое Сем. Пеликановыя. <i>Pelecanidae</i>	614	8-й родъ. Настоящія утки. <i>Anas</i>	689
1-ый родъ. Пеликанъ. <i>Pelecanus</i>	615	Свиязь. <i>A. penelope</i>	691
Баба-птица. <i>P. onocrotalus</i>	616	Кряква. <i>A. boscas</i>	692
Кудрявая баба. <i>P. crispus</i>	616	Сърая утка. <i>A. strepera</i>	693
XII-ое Сем. Фрегатовыя. <i>Atagenidae</i>	621	Чирокъ-коростелокъ. <i>A. querquedula</i>	696
1-й родъ. Фрегаты. <i>Atagen</i>	621	Чирокъ-свистунокъ. <i>A. crecca</i>	696
Фрегатъ. <i>A. aquila</i>	621	Клохтувья. <i>A. formosa</i>	696
XIII-ое Сем. Фазановыя. <i>Phaetonidae</i>	625	Епалчевая утка. <i>A. falcata</i>	697
1-ый родъ. Фазаны. <i>Ph. aeton</i>	625	Узконосый чирокъ. <i>A. angustirostris</i>	698
Фазанъ. <i>Phaethaereus</i>	625	Шилохвость. <i>A. acuta</i>	700
XIV-ое Сем. Гагаровыя. <i>Columbidae</i>	628	Широконоска. <i>A. cyreata</i>	701
1-ый родъ. Поганки. <i>Columbus</i>	628	9-й родъ. Каролинскія утки. <i>Lamprocygna</i>	704
Чомга. <i>C. cristatus</i>	632	Каролинская утка. <i>L. sponsa</i>	704
Сърошекая поганка. <i>C. griseigena</i>	636	10-й родъ. Гаги. <i>Somateria</i>	708
Рогатая поганка. <i>C. auritus</i>	637	Настоящая гага. <i>S. mollissima</i>	709
Ушастая поганка. <i>C. nigricollis</i>	637	Гага-гребенушка. <i>S. spectabilis</i>	709
Малая поганка. <i>C. fluviatilis</i>	637	11-й родъ. Синьги. <i>Oedemia</i>	714
XV-ое Сем. Морскія гагары. <i>Urinatoridae</i>	639	Синьга. <i>O. nigra</i>	714
1-й родъ. Морскія гагары. <i>Urinator</i>	639	Турпаль. <i>O. fusca</i>	715
Полярная гагара. <i>U. glacialis</i>	639	Американскій турпаль. <i>O. perspicillata</i>	715
Чернозобая гагара. <i>U. arcticus</i>	639	12-й родъ. Чернети. <i>Fuligula</i>	716
Краснозобая гагара. <i>U. septentrionalis</i>	640	Красноголовая чернеть. <i>F. ferina</i>	716
XVI-ое Сем. Зубчатоклювыя. <i>Anatiformes</i>	643	Бѣлоглавая чернеть. <i>F. pygosa</i>	717
1-й родъ. Лебеди. <i>Cygnus</i>	646	Красноклювая чернеть. <i>F. rufina</i>	717
Лебедь шишувъ. <i>C. olor</i>	649	Морская чернеть. <i>F. marila</i>	718
Лебедь бѣлякъ. <i>C. immutabilis</i>	649	Хохлатая чернеть. <i>F. cristata</i>	718
Лебедь кликувъ. <i>C. musicus</i>	649	Гоголь обыкновенный. <i>F. clangula</i>	721
Малый лебедь. <i>C. bewickii</i>	649	Исландскій гоголь. <i>F. islandica</i>	721
Черношейный лебедь. <i>C. nigricollis</i>	653	Сѣвероамериканскій гоголь. <i>F. albeola</i>	721
Черный лебедь. <i>C. atratus</i>	653	Морянка. <i>F. hyemalis</i>	723
2-ой родъ. Гуси. <i>Anser</i>	655	Камеюшка. <i>F. histrionica</i>	723
Сѣрый гусь. <i>A. ferus</i>	658	Цѣгій вырокъ. <i>F. stelleri</i>	724
Гуменникъ. <i>A. egetum</i>	664	13-й родъ. Савки. <i>Eristmatura</i>	725
Полевой гусь. <i>A. arvensis</i>	664	Савка бѣлоголовая. <i>E. leucoceryphala</i>	725
Короткоклювый гусь. <i>A. brachyrhynchus</i>	664	14-й родъ. Крохали. <i>Mergus</i>	727
Гусь-межнякъ. <i>A. intermedius</i>	667	Малый крохаль. <i>M. albellus</i>	728
Бѣлоблбый гусь. <i>A. albifrons</i>	667	Большой крохаль. <i>M. merganser</i>	730
Малый гусь. <i>A. finmarchicus</i>	667	Длинноносый крохаль. <i>M. serrator</i>	731
Бѣлый гусь. <i>A. hyperboreus</i>	668	Хохлатый крохаль. <i>M. cucullatus</i>	731
3-й родъ. Казарки. <i>Branta</i>	669		
Черная казарка. <i>B. bernicla</i>	669		
Бѣлощекая казарка. <i>B. leucopsis</i>	670		
Краснозобая казарка. <i>B. ruficollis</i>	670		

Отрядъ XI-ый. Шпорцекрылыя. (Palamedeornithes).

1-й родъ. П а л а м е д е и. Palamedea.	Стр. 735	Паламедя. P. cornuta.....	Стр. 735
---	-------------	---------------------------	-------------

Отрядъ XII-ый. Нанду. (Rheornithes).

1-й родъ. П а н д у. Rhea.	Стр. 738	Нанду. Rh. americana..	Стр. 739
----------------------------	-------------	------------------------	-------------

Отрядъ XIII-ый. Казуаровыя. (Nypalaeotyornithes).

I-ое Сем. Казуары. Nypalaeotyornidae.	Стр. 747	Мурукъ. N. bennettii.	Стр. 748
1-й родъ. К а з у а р ы. Nypalaeotyorn...	747	II-ое Сем. Эму. Dromaeidae...	750
Новоголландскій казуаръ. N. gal-		1-й родъ. Э м у. Dromaeus. ...	750
leatus.	748	Эму. Dr. novae-hollandiae..	751

Отрядъ XIV-ый. Страусовыя. (Struthionithes).

I-ое Сем. Страусы. Struthionidae.	Стр. 755	Страусъ сомалн. St. molybdoph-	Стр.
1-й родъ. С т р а у с ы. Struthio	755	nes.	755
Обыкновенный страусъ. St. camelus	755		

ОГЛАВЛЕНІЕ РИСУНКОВЪ.

ОТДѢЛЬНЫЕ РИСУНКИ.

	Стр.		Стр.
Вальдшнепъ.. .. .	4	Южноевропейскіе грифы.	496
Большая полярная и серебристая чайки	120	Дневныя и ночныя цапли.	528
Дрохва.....	168	Королевскій китоглавъ....	550
Патагонскій нелеть	186	Черношейный лебедь.	652
Кречеть..	240	Новоголландскій гусь.	688
Беркутъ....	296	Кряква.	696
Орланъ бѣлохвость..	344	Нанду	736
Рѣчная скопа....	368	Казуаръ	748
Луни ..	432	Страусъ.....	752
Бородатый ягнятникъ.	456	Карты въ концѣ тома.	
Африканскіе грифы.	480		

РИСУНКИ ВЪ ТЕКСТѢ.

	Стр.		Стр.
Золотистый куликъ .	16	Сапсайъ .	247
Большой кроншнепъ	18	Турумди... .	257
Туруктанъ	26	Челокъ .	259
Песчанка	50	Дербинкъ .	269
Шилоклювка .	60	Обыкновенная пустельга.	274
Обыкновенная пегалица	63	Красная пустельга... .	282
Шпорцевый чибисъ .	70	Кобчикъ..	286
Гжанка глупая .	74	Мути	290
Египетскій бѣгунокъ..	84	Орелъ могильникъ..	304
Камнешарка .	87	Орелъ крикунъ..	309
Морской кривокъ.....	90	Карликовый орелъ..	316
Тиркуша ..	94	Канюкъ .	327
Чеграва .	99	Ястребинный орелъ.	323
Обыкновенная чайка	124	Обыкновенный сарычъ	332
Розовая чайка .	132	Крочуиъ голубоногий..	337
Большой поморникъ	135	Фигляръ .	341
Безкрылая гагарка	146	Бѣлоголовый орланъ .	347
Норвежская кайра .	154	Орланъ-крикунъ)....	357
Исана... .	162	Грифовый орланъ .	360
Стрепетъ .	174	Ософъ европейскій..	370
Авдотка . . .	181	Капи чернокрылая..	377
Златовласый пингвинъ .	188	Икитниа и Вилохвостый коршунъ .	380
Альбатросъ . . .	200	Черный коршунъ и красный коршунъ.	385
Испанискій буревѣстникъ .	206	Коршунъ-паразитъ .	396
Глушчъ . . .	208	Хохлатый орелъ	400
Канскій буревѣстникъ.....	211	Гребневый орелъ	403
Качурка малая .	213	Гвядскій перелетятникъ	406
Балабанъ.....	242	Гарпия	408

	Стр.		Стр.
Ястребъ-перепелятникъ.	412	Тѣневая птица	577
Тетеревятникъ.	420	Ибисъ ..	584
Саранчевый ястребъ и змѣятникъ	430	Колпица-лопатень	589
Камышевый лунь...	441	Фламинго..	592
Химанго	448	Большой бакланъ.	602
Караихо	451	Африканская змѣшейка	609
Лысый грифъ	490	Глушышъ	613
Сипъ Рюппеля.	494	Баба-птица.....	617
Мохнатый стервятникъ	503	Фрегать...	622
Кондоръ.	506	Фазгонъ.	626
Королевскій грифъ	511	Чомга.	633
Индюковъ грифъ	513	Лебедь-кликувъ	650
Черный грифъ.	515	Черный лебедь	654
Секретарь.	519	Дикій гусь	658
Исполинская цапля.	530	Черная казарка	671
Бѣлая цапля.	532	Нильскій гусь.	676
Пужда	534	Карагатка..	680
Выпь	543	Пѣганка . . .	682
Саваку	549	Шиорцевый гусь.....	686
Бѣлый аистъ	554	Широковоска	702
Симбилъ.	564	Каролинская утка	705
Миктерія	566	Настоящая гага	710
Марабу	569	Большой врокаль	730
Разивя..	572	Паламедя	731
Клювачъ	575	Эму	755

Отрядъ VII.

Поисковыя птицы. (Charadriornithes).

На основаніи научныхъ изслѣдованій анатомическаго строенія птицъ Фюрбрингеръ соединилъ въ одинъ отрядъ **Поисковыхъ птицъ** (Charadriornithes. Suchvögel) 10 семействъ, которыя прежде относились къ различнымъ отрядамъ. Заключая въ себѣ только одинъ подотрядъ того же имени (Charadriiformes), отрядъ этотъ раздѣляется на три группы: **Береговыхъ птицъ** (Lagolimicolae. Ufervögel), **Плавунцевыхъ пастушковъ** или **Парровыхъ** (Parridae. Blätterhüpchen или Blätterrallen) и **Дрохвовыхъ птицъ** (Otides. Trappenvögel). Мы начнемъ описаніе отряда съ первой изъ этихъ группъ, которая обнимаетъ собою очень разнообразныя семейства, по прежнимъ классификаціямъ отстоявшія далеко другъ отъ друга, именно семейства: **Ржанковыхъ** (Charadriidae. Regenpfeifer) и **Тирнушковыхъ** (Glareolidae. Brachschwalben) съ одной стороны и **Чайновыхъ** (Laridae. Möwen), и **Чистиковыхъ** (Alcidae. Flügeltaucher) съ другой. Семейства ржанковыхъ въ свою очередь распадаются на нѣсколько подсемействъ. Къ описанію этого семейства мы и приступимъ.

Первое подсемейство ржанковыхъ, обнимающее собою 30 видовъ, составляютъ **Бенасовыя** (Scolopaciinae). Характерными признаками птицъ этого семейства будутъ слѣдующіе: тѣло ихъ цилиндрическое, голова сильно выпуклая, средней величины, клювъ тонкій, ноги слабыя, тонкія, крылья заостренныя, задній край ихъ болѣе или менѣе серповидно выемчатый, а передъ первымъ большимъ маховымъ перомъ имѣется еще маленькое, узкое, добавочное, недоразвитое маховое перышко; хвостъ короткій, сильно округленный. Опереніе отличается большою мягкостью.

Всѣ принадлежащія къ этому семейству птицы живутъ въ сырыхъ, болотистыхъ мѣстностяхъ; лѣтомъ держатся парочками, осенью-же и зимой стаиками, выкалываютъ другъ къ другу большую привязанность или, по крайней мѣрѣ, охотно держатся вмѣстѣ; онѣ питаются насѣкомыми, ихъ личинками, червяками, моллюсками и ракообразными. Кладка состоитъ изъ 4 грушевидныхъ яицъ землистаго цвѣта; родители ходятъ съ выводками пуховыхъ птенцовъ, скоро покидающихъ гнѣздо, пока послѣдніе не становятся въ состояніи отыскивать пищу самостоятельно. Всѣ живущіе у насъ виды бенасовыхъ принадлежатъ къ перелетнымъ птицамъ; живущіе-же въ южныхъ широтахъ — къ кочевымъ.

Слѣдующіе признаки характеризуютъ родъ **Бекасовъ** (*Scolopax. Waldschneppen. Becasses*): тѣло ихъ плотное, относительно короткое, голова сжатая съ боковъ, съ высокимъ лбомъ, съ небольшимъ плоскимъ теменемъ и крупными, чрезвычайно далеко отставленными впередъ и назадъ глазами и длиннымъ, прямымъ, слабымъ, тонкимъ, очень мягкимъ вообще, но спереди болѣе гибкимъ и чувствительнымъ клювомъ, конецъ нижней половинки котораго частью захватывается верхней половинкой. Ноги низкія, толстыя, оперены до плюсны; изъ трехъ переднихъ пальцевъ средній много длиннѣе двухъ другихъ. Крылья относительно короткія, но широкія. Мелкое опереніе, несмотря на мягкость и густоту, гладкое и даже плотное; его окраска, несмотря на пестрый рисунокъ, всегда сливается съ общимъ цвѣтомъ почвы тѣхъ мѣстъ, гдѣ эти птицы держатся.

Главнымъ представителемъ этого рода является **Вальдшнепъ, Слонка, Слука, Кряхтунъ** (*Scolopax rusticula, rusticola, indica, orientalis, sylvestris, scoraria, platyura, pinetorum, Rusticola vulgaris, europaea, sylvestris. Waldschneppfe. Becasse ordinaire*), характеризующійся слѣдующими признаками: клювъ его довольно длинный, на концѣ округленный, ноги низкія, плотныя, выше плюсны оперенныя, маленькій задній палецъ ихъ имѣетъ короткій коготь. Крылья довольно круглыя, тупыя, хвостъ состоитъ изъ 12 рулевыхъ перьевъ. Опереніе передней части головы—сѣрое, верхняя часть ея, затылокъ и зашеекъ имѣютъ 4 бурыхъ и столько-же ржаво-желтыхъ поперечныхъ полосокъ, верхнія части тѣла сверху ржаваго цвѣта съ ржаво-сѣрыми, ржаво-желтыми, сѣро-бурыми и черными пятнышками, горло бѣловатое, нижняя часть тѣла сѣро-желтоватаго и бурого волнистаго оттѣнка. Маховыя перья покрыты ржавыми пятнами по бурому фону, рулевые такими-же, но по черному фону. Очень крупныя глаза — бурого цвѣта, клювъ и ноги сѣраго роговаго цвѣта. Длина птицы достигаетъ 32 см., размахъ крыльевъ 58, длина крыла ея 21, хвоста 9 см.; вѣсъ птицы, по Гофману, въ среднемъ равняется отъ 308 до 309,7 г., но можетъ колебаться между 250 и 406 г.

Многіе нѣмецкіе охотники различаютъ двѣ разныя породы вальдшнеповъ: большаго вальдшнепа или свиноголоваго (*Eulenkopf*) и малаго вальдшнепа или остроголоваго (*Spitzkopf*). Однако нужно согласиться съ Гофманомъ, что обѣ эти породы принадлежатъ одному и тому-же виду.

За исключеніемъ нѣкоторыхъ острововъ на сѣверѣ, вальдшнепъ является обычнымъ гостемъ всѣхъ областей Европы, всей сѣверной и Средней Азіи, также острововъ Мадеры, Канарскихъ, Азорскихъ; иногда залетаетъ онъ въ Исландію и развѣ былъ встрѣченъ на Нью-Фаундлендѣ. По Зеебому, онъ, гонорясь, долетаетъ до Нью-Джерсея и Виргиніи. Изъ Европы онъ совершаетъ перелетъ въ сѣверную Африку, изъ сѣверной Азіи въ Индію и посѣщаетъ не только горы сѣвера, но и низменности юга вплоть до Калькутты и Мадраса. Обыкновенно за ихъ родину, т. е. за поясъ мѣстъ ихъ гнѣздованія, принимаютъ области, лежащія между 45 и 67 градусами сѣверной широты. По послѣ сообщенія графа фонъ-деръ-Мюле мы уже знаемъ о гнѣздованіи нѣкоторыхъ вальдшнеповъ въ горахъ Греціи, а по словамъ «Горнаго жителя» и о томъ, что немало этихъ птицъ гнѣздуютъ въ Гиммалаяхъ и, конечно, подъ самой границей ихъ снѣговой лѣяніи. Гофманъ, со словъ Годмана, приводитъ мѣстомъ гнѣздованія вальдшнеповъ Азорскіе острова, по Болле и Бертело, они, по всей вѣроятности, гнѣздуютъ на Канарскихъ островахъ, а, по Гаркуру, и на Мадейрѣ. Въ Германіи, Англии, Шотландіи и Ирландіи гнѣздящихся бекасовъ относительно немного, чаще всего они выводятъ птенцовъ въ центральныхъ возвышенностяхъ или на сѣверѣ Германіи; на сѣверѣ лѣтомъ этихъ птицъ

встрѣчаютъ во всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ рощахъ. Въ теплыя зимы они иногда изъ году въ годъ остаются на своихъ гнѣздовыхъ мѣстахъ. Однако большинство каждую осень совершаетъ перелеты, причемъ останавливается въ юго-западныхъ областяхъ Азіи, въ южной Европѣ и въ сѣверо-западныхъ частяхъ Африки. Отличныя экземпляры, по наблюденіямъ графа фонъ-деръ-Мюле, встрѣчаются въ Греціи уже въ срединѣ сентября, причемъ направляются сначала въ горы, откуда позднѣе, съ наступленіемъ болѣе ощутительныхъ холодовъ, спускаются внизъ въ долины. «Какъ только большинство перепеловъ¹ совершитъ свое опасное путешествіе надъ моремъ», говоритъ вышеупомянутый натуралистъ, «въ Морѣ начинаютъ появляться вальдшнепы, причемъ вначалѣ на тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ незадолго до того охотники встрѣчали обильную перепелиную добычу, а именно—въ заросляхъ и кустарникахъ вдоль береговъ канавъ или по каменистымъ пригоркамъ, гдѣ эти птицы прячутся въ шалфеѣ и миртовыхъ кустахъ. Количество прилетающихъ птицъ необыкновенно велико. Если наступаетъ холодная погода, вальдшнепы улетаютъ прочь съ поросшихъ кустарникомъ луговъ, и ихъ можно найти только въ узкихъ горныхъ долинкахъ, по южнымъ склонамъ холмовъ или по берегамъ рѣкъ. поросшихъ кустарникомъ». Позднѣйшее появленіе ихъ въ низменностяхъ, по Ляндермайеру, всецѣло зависитъ отъ состоянія погоды. При господствующемъ юго-западномъ вѣтрѣ вальдшнепа не встрѣтишь ни въ долинѣ, ни въ предгорьяхъ: «но лишь только съ Албанскихъ горъ на наши залитыя лучами солнца долины задуетъ сѣверный вѣтеръ, онъ приноситъ съ собой баснословное количество вальдшнеповъ. Въ такіе дни даже въ провинціи Атикѣ, почва которой весьма неблагоприятна для пребыванія вальдшнеповъ, сотни этихъ красивоглазыхъ птицъ дѣлаются добычей охотниковъ». Три англичанина, охотившіеся между Патрасомъ и Пиргосомъ въ Целопонезѣ, въ три дня убили 1000 вальдшнеповъ. Съ февраля мѣсяца эти птицы уже начинаютъ свой отлетъ. Приблизительно въ это-же время начинается онъ и въ южно-европейскихъ и въ сѣверо-западно-азиатскихъ областяхъ, именно въ Румыніи, Болгаріи, Турціи, Малой Азіи и Испаніи, вѣроятно также въ Марокко или вообще въ областяхъ Атласскихъ горъ.

Смотря по состоянію погоды на сѣверѣ, вальдшнепы появляются у насъ позднѣе или раньше. Появленіе ихъ очень мѣтко выражено въ старой нѣмецкой поговоркѣ:

Reminiscere *)	— nach Schnepfen suchen geh'.
Oculi	— da kommen Sie.
Iätare	— das ist das wahre.
Iudica	— sind Sie auch nochda.
Palmarum	— trallarum
Quasimodogeniti	— halt Jäger, halt! jetzt bruten Sie.

*) Reminiscere, Oculi etc. названія воскресеній (начиная со втораго) въ Великомъ посту. Поговорка можетъ быть переведена приблизительно такъ:

2-е воскресенье	— пора собираться на вальдшнеповъ.
3-е "	— начинается ихъ прилетъ.
4-е "	— прилетъ въ разгарѣ
5-е "	— прилетъ все еще продолжается.
6-е "	— напрасно беспокоиться.
7-е "	— довольно, охотникъ, довольно! птицы съѣли на яйца.

Примѣты эти уже оттого имѣютъ мало значенія, что Великій постъ зависитъ отъ передвижнаго праздника Пасхи и потому воскресенія его бывають въ различные дни марта и апрѣля мѣсяца.

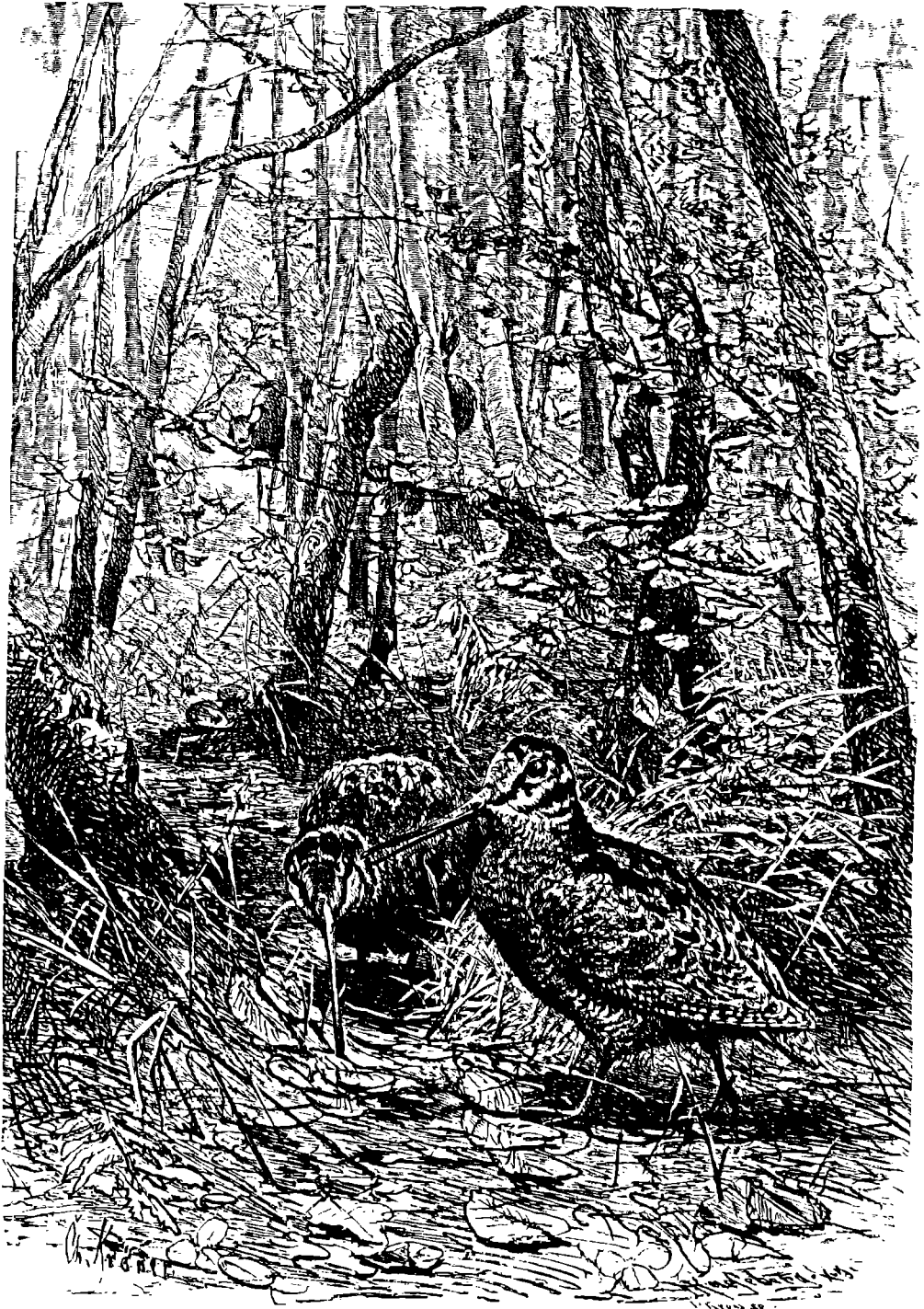
Прим. перев.

Въ среднемъ пролетъ вальдшнеповъ въ Германіи начинается съ середины марта. Однако опредѣленнаго объ этомъ ничего сказать нельзя, такъ какъ эти птицы самому наблюдательному охотнику ежегодно устраиваютъ сюрпризы. «Въ продолженіи 17 лѣтъ», говоритъ Шауеръ, «я почти ежедневно посѣщала пролетныя мѣста вальдшнеповъ въ Польшѣ и Галиціи, въ послѣдніе-же годы дѣлалъ это съ начала и до конца апрѣля каждый день безъ исключенія; я велъ точную запись дней, часовъ, температуры, барометрическихъ наблюденій, начала и конца пролета, числа убитыхъ и встрѣченныхъ кѣмъ-либо вальдшнеповъ, состоянія погоды за день пролета, заносилъ направленіе вѣтровъ, облаковъ и т. п.,—все это наблюдалось мною съ точностью, и если мнѣ теперь кто-либо говоритъ: «въ такую-то погоду вы идете на вальдшнеповъ, вѣдь они не будутъ тянуты!»—я отвѣчаю: «это мы посмотримъ!» У старыхъ охотниковъ сложилось мнѣніе, что вальдшнепный летъ зависятъ отъ погоды въ данную минуту, однако на дѣлѣ это не такъ: мои точныя и непрерывныя наблюденія доказали мнѣ обратное и привели меня къ заключенію, что вальдшнепы въ этомъ случаѣ руководствуются предчувствіемъ предстоящей погоды *). Самый летъ ихъ весьма разнообразенъ. Позавчера всѣ они тянули очень низко и тихо, вчера низко и быстро, сегодня-же летятъ очень высоко и не токутъ дорогой, завтра они могутъ появиться такъ поздно, что въ нихъ невозможно будетъ стрѣлять, послѣ-же завтра, наоборотъ, потянутъ сейчасъ по заходѣ солнца». Къ этому можно еще прибавить, что самые пути пролета этихъ птицъ чрезвычайно разнообразны: въ мѣстности, повидимому, совершенно благопріятной для нихъ, одинъ годъ встрѣчаешь ихъ въ большомъ количествѣ, въ другіе года въ такихъ-же мѣстахъ ихъ не встрѣчаешь почти ни одного, хотя налицо всѣ данныя ожидать обратнаго. Если послѣ суровой зимы своевременно наступитъ оттепель и воздухъ сохраняетъ извѣстную умѣренность въ колебаніи температуры, весенній пролетъ идетъ самымъ регулярнымъ и правильнымъ образомъ. Точно также дознано, что вальдшнепы, подобно другимъ птицамъ, неохотно тянутъ по вѣтру и больше всего предпочитаютъ летѣть при умѣренномъ противномъ вѣтрѣ. Очень темныя и бурныя ночи препятствуютъ лету ихъ; точно также они сидятъ крѣпко, если чуютъ плохую погоду, напримѣръ, во время позднего выпаденія снѣга въ какой-нибудь мѣстности. Вначалѣ они предпочитаютъ держаться въ болѣе крупныхъ и густыхъ лѣсахъ, нежели въ небольшихъ заросляхъ кустарника, весьма вѣроятно потому, что болѣе крупныя лѣса предоставляютъ для нихъ больше защиты, нежели мелкіе, которые позже они посѣщаютъ охотно. Въ бѣдныхъ лѣсами областяхъ они нерѣдко опускаются даже въ кустарники садовъ или въ одиноко разбросанныя кусты.

Вальдшнепы, повидимому, ни одному дереву не оказываютъ особеннаго предпочтенія передъ другими, и въ хвойныхъ лѣсахъ ихъ встрѣчаютъ столь-же часто, какъ и въ лиственныхъ. Главной потребностью для ихъ жизни является присутствіе сырой мягкой лѣсной почвы, въ которой они могли-бы рыться своимъ клювомъ. Въ этомъ отношеніи вполнѣ соотвѣтствуютъ ихъ потребностямъ необъятныя лѣса сѣвера, состоящіе большею частью изъ сосенъ; напротивъ, такія же сосновыя рощи песчаныхъ областей не представляютъ никакихъ благопріятныхъ условій для ихъ пребыванія.

Наблюденія надъ ежедневной или семейной жизнью вальдшнеповъ далеко не легки, такъ какъ они чрезвычайно боязливы и недовѣрчивы. Днемъ они ни-

*) Если вечеръ хорошій, а ожидаемой тяги нѣтъ, то русскіе охотники увѣрены въ томъ, что на другой или на третій день будетъ холодно или выпадетъ снѣгъ.

ВАЛЬДШНЕПЪ.

когда не показываясь на открытых мѣстахъ; если же они вынуждены спуститься на таковыя, то, распластавшись, плотно прижимаются къ почвѣ, причѣмъ окраска ихъ оперенія сливается съ цвѣтомъ послѣдней, какъ это замѣчается у сѣрой куропатки. Если въ лѣсу очень тихо, то можетъ случиться, что и днемъ увидишь ихъ бѣгающими по землѣ, но въ подобныхъ случаяхъ они всегда выбираютъ такія мѣста, гдѣ по возможности могутъ считать себя скрытыми и защититься отъ яркаго свѣта, по всей вѣроятности для нихъ неприятнаго. Только съ наступленіемъ сумерекъ они становятся смѣлѣе и начинаютъ свою бѣготню. Въ спокойномъ состояніи они подтягиваютъ шею, держатъ тѣло горизонтально и опускаютъ къ землѣ кончикъ клюва. Ходятъ они сгорбившись, крадучись, мелкими шажками, немного торопливо и не останавливаясь, но зато полетъ ихъ во всѣхъ отношеніяхъ превосходенъ. Они могутъ пролетѣть, не задѣвая, сквозь густѣйшую чащу иѣтвей; вообще же соразмѣряютъ быстроту своего полета съ обстоятельствами и, то торопя, то умѣряя его, ловко несутся въ любомъ направленіи. Иногда они круто поднимаются вверхъ, но никогда, по крайней мѣрѣ днемъ, не поднимаются высоко на воздухъ и, насколько возможно, избѣгаютъ перелетать черезъ открытыя площади. Слугнутые, при взлетѣ они издають глухой кряхтящій звукъ, по которому ихъ узнаетъ всякій охотникъ, даже если и не видитъ самой птицы. Обыкновенно вальдшнепъ, напуганный днемъ выстрѣлами охотниковъ, вечеромъ взлетаетъ съ мѣста почти вертикально и затѣмъ летитъ дальше, какъ только можетъ быстрѣе. Совершенно иной полетъ этой птицы, когда она «тянетъ», т. е. продѣлываетъ свои воздушныя упражненія, чтобы доставить удовольствіе самкѣ. Въ это время вальдшнепъ приподнимаетъ всѣ перья, почему выглядитъ гораздо крупнѣе, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, прилетаетъ чрезвычайно тихо, слабо взмахивая крыльями, и скорѣе становится похожимъ на сову, нежели на какую-бы то ни было болотную или голенастую птицу. Если два вальдшнепа-самца налетятъ одинъ на другого, между ними начинается оригинальная борьба въ воздухѣ: они долгое время гоняются другъ за другомъ, взаимно нанося удары клювами, иногда они въ полномъ смыслѣ схватываются и мѣшаютъ другъ другу летѣть. Случается, что три вальдшнепа образуютъ настоящій клубокъ и при паденіи внизъ запутываются въ густыхъ иѣтвяхъ. Эти драки, аналогичныя токованію, начинаются уже во время полета; вначалѣ онѣ длятся лишь короткое время, позднѣе на мѣстахъ гвѣздованія становятся болѣе продолжительными, но съ наступленіемъ сумерекъ обыкновенно уже оканчиваются.

Первое время при видѣ живого вальдшнепа его можно счесть за глупую птицу, но это большая ошибка: онъ не только остороженъ, но, сверхъ всякаго ожиданія, прямо таки уменъ и по крайней мѣрѣ хитеръ. Онъ очень хорошо понимаетъ ту защиту, которую доставляетъ ему его опереніе, подходящее подъ цвѣтъ земли или древесной коры и мастерски умѣетъ выбирать такія мѣста, въ которыхъ можетъ укрыться Зоркій глазъ самаго испытаннаго и опытнаго охотника можетъ просмотрѣть вальдшнепа, притаившагося въ густой листвѣ, среди сухого древеснаго валежника, возлѣ сваливагося на землю куска коры или у торчащаго корня дерева, и только въ счастливомъ случаѣ птицу можно открыть по ея крупнымъ глазамъ. Въ такомъ положеніи она остается столько времени, сколько того требуетъ осторожность; когда же ее преслѣдуютъ, она часто подпускаетъ охотника на нѣсколько шаговъ и затѣмъ вдругъ снимается, при этомъ не иначе, какъ по другую сторону куста и всегда съ такимъ расчетомъ, чтобы между ней и охотникомъ былъ кустъ или дерево. Передъ тѣмъ, какъ садиться, вальдшнепъ часто описываетъ широкую дугу, но, достигнувъ чащи, онъ забирается

еще дальше, иногда даже дѣлаетъ зигзагъ и нерѣдко такъ ловко обдѣлываетъ дѣло и прячется, что охотникъ начинаетъ искать его тамъ, куда онъ и не садился. Какъ и другіе виды этого семейства, онъ, впрочемъ, очень мало заботится о другихъ птицахъ, пока не наступитъ пора любви, да и на своихъ собратьевъ обращаетъ мало вниманія; онъ предпочитаетъ идти своей дорогой и по возможности держаться въ сторонѣ отъ всѣхъ другихъ птицъ. Онъ недовѣрчиво относится ко всякому мало-мальски подозрительному животному и склоненъ видѣть недруга въ самомъ безвредномъ и безобидномъ существѣ.

При внимательномъ уходѣ и общеніи съ пойманнымъ вальдшнепомъ, онъ мало по малу перестаетъ быть недовѣрчивымъ, что говоритъ въ пользу его ума. Онъ ручнѣетъ и, воспитанный смолodu, становится очень довѣрчивымъ, выказываетъ заботящемуся о немъ привязанность, принимая тѣ странныя позы и выкидывая тѣ штуки, которыя онъ обыкновенно продѣлываетъ въ пору спариванья; онъ повинуется зову, прилетаетъ на него и, какъ бы привѣтствуя, издаетъ часто одинъ изъ немногихъ звуковъ своего крика. Послѣдній лишенъ всякой благозвучности, звучитъ хрипло и глухо, какъ напримѣръ «кач» или «дак» и «эч»; однако въ пору любви или во время испуга крикъ этотъ отчасти измѣняется. Въ первомъ случаѣ это короткій отрывистый свистъ, похожій на «псип», часто предшествующій глухому, выходящему какъ бы изъ груди «юррк», во второмъ—торопливое «шэч». Весьма вѣроятно, что свистъ и такъ называемое «хорканье»*) издается только самцомъ, а вѣжный свистъ только самками.

Съ наступленіемъ вечернихъ сумерекъ вальдшнепъ вылетаетъ на кормежку на широкія лѣсныя прогалины, луга и на лѣсныя болота или держится по близости этихъ мѣстъ. Здѣсь хорошо спрятавшійся наблюдатель, о присутствіи котораго птица совершенно не подозрѣваетъ, можетъ видѣть, какъ вальдшнепъ своимъ длиннымъ клювомъ переворачиваетъ и ворошитъ кучами опавшую листву, открывая спрятавшихся подъ ней личинокъ, жуковъ и червяковъ или «торкаетъ» носомъ сѣрую, рыхлую почву, продѣлывая своимъ клювомъ, насколько то позволяетъ мягкость и гибкость послѣдняго, одно отверстіе вплотную съ другимъ. Точно такимъ же образомъ онъ поступаетъ со свѣжей трухой отъ коры, очень скоро наполняющейся всевозможными личинками. Обыкновенно онъ не застываетъ долго на одномъ мѣстѣ, но перелетаетъ съ одного на другое. Его пищу составляютъ личинки различныхъ насѣкомыхъ, сами насѣкомыя, мелкіе голые слизняки, въ особенности же дождевые черви. Въ неволѣ, если вначалѣ ему въ достаточномъ количествѣ доставляютъ дождевыхъ червей, онъ мало по малу привыкаетъ и къ вымоченной въ молокѣ булкѣ и муравьинымъ яйцамъ и скоро пріучается бурить въ мягкомъ дереву, даже если онъ былъ вынутъ изъ гнѣзда молодымъ и не имѣлъ случая раньше на опытъ познакомиться съ этимъ способомъ добыванія пищи.

Въ одиноко стоящихъ тихихъ рощахъ для своего ночлега вальдшнепъ выбираетъ такія мѣста, гдѣ полянки и чащи идутъ въ перемежку. Когда парочка этихъ птицъ соединилась, и самецъ уже успѣлъ за цѣлую недѣлю перевоевать со всѣми сосѣдями, самка подыскиваетъ подходящее мѣсто у подножья небольшого куста, возлѣ стараго ствола, между корней, во мхѣ или въ травѣ, пользуется для своего гнѣзда найденной ямкой или сама вырываетъ ее, скудно и неискусно выкладываетъ гнѣздо сухими прутиками, мхомъ и другимъ подобнымъ матерья-

*) Крикъ «тянущаго» вальдшнепа скорѣе можно передать звуками «хр хр хр» (хорканье и «ссс—іку» («свистъ»)).

ломъ и кладетъ сюда 4 довольно большихъ яйца. Послѣднiя имѣютъ въ длину около 42 мм., въ толщину 32 мм.; онитупыя у толстаго конца, матовыя, безъ блеска; ихъ блѣдный ржаво-желтый фонъ покрытъ то гуще, то рѣже нижними—красно-сѣрыми, и верхними—темно-красноватыми или желто-бурыми пятнышками; впрочемъ яйца вальдшнеповъ варьируютъ какъ величиной, такъ и окраской. Самка сидитъ на яйцахъ очень ревностно и высидиваетъ птенцовъ дней черезъ 17—18. Въ это время она подпускаетъ охотника или просто случайнаго человѣка на нѣсколько шаговъ, вырывается даже, какъ это наблюдалъ Гинце, изъ подъ самыхъ ногъ, даже позволяетъ себя трогать. Обыкновенно она не улетаетъ далеко и возвращается по возможности скорѣе обратно въ гнѣздо и остается насиживать даже въ случаѣ похищенiя одного яйца.

Самецъ, повидимому, очень мало заботится о самкѣ, однако присоединяется къ ней, когда птенцы вылупятся и выбѣгутъ изъ гнѣзда. Обѣ птицы выказываютъ много заботливости по отношенiю къ своей семьѣ, пугливо взлетаютъ при приближенiи какого-либо врага и, то прячась, то шныряя и шмыгая, летитъ отъ него, испуская испуганное «дак дак», однако описываютъ при полетѣ лишь небольшой кругъ и снова падаютъ на землю по близости гнѣзда. Молодые же въ это время такъ хорошо прицутся во мху и въ травѣ, что безъ собаки ихъ найти почти невозможно. Многочисленные охотники, а между ними и очень внимательные наблюдатели, видѣли, какъ старыя вальдшнепы въ минуту большой опасности уносили своихъ птенцовъ, или взявъ ихъ когтями или прижавъ ихъ шеей и клювомъ къ груди, или захвативъ прямо клювомъ, или зажавъ между бедрами. Они взлетали и относили своихъ цыплятъ въ болѣе безопасное мѣсто. Однако окончательно все-таки не выяснено, какимъ изъ вышеупомянутыхъ способовъ эти птицы переносятъ своихъ дѣтенышей. На третью недѣлю своей жизни послѣднiе уже начинаютъ перепархивать и, хотя они не вполне еще научились летать, становятся уже самостоятельными.

До сихъ поръ полагали, что вальдшнепъ гнѣздится лишь разъ въ годъ и, самое большее, несется вторично только въ томъ случаѣ, если у него первая кладка похищена. Однако въ настоящее время собраны, въ особенности Гофманомъ, нѣкоторыя наблюденiя, которыя, повидимому, говорятъ за то, что въ благоприятныя годы всѣ или большинство вальдшнеповъ выводятъ птенцовъ дважды въ годъ.

Врагами вальдшнеповъ, ихъ птенцовъ и яицъ—являются дикiя и домашнiя кошки, куницы, ястреба и перепелятники, благородныя сокола, сойки и сороки. Охотники охотятся за ними только на пролетѣ, жители юга — и во время ихъ зимовки, несмотря на то, что ихъ мясо тогда бываетъ жестко и твердо. Охота на тигъ вальдшнеповъ принадлежитъ къ числу самыхъ прiятныхъ охотъ для истаго охотника; немало удовольствiя доставляетъ собою и охота на выводковъ. Мѣстами эту прекрасную дичь ловятъ птичьимъ клеемъ, тенетами, петлями, силками и другими способами.

* * *

Въ особiй родъ соединяютъ **Болотныхъ бекасовъ** (*Gallinago. Sumpfschnepfen*), благодаря ихъ относительно длинному клюву, средней длины ногамъ, неопределеннымъ плюсамъ и части голени, длиннымъ, тонкимъ, совершенно разъединеннымъ пальцамъ, сильно вырѣзанымъ крыльямъ и короткому хвосту, составленному изъ 14—26 рулевыхъ перьевъ.

Самый крупный изъ видовъ этого рода, гнѣздящихся въ Германiи—**Дупель, Леженонъ** (*Gallinago major, media, montagui, Scolopax major, media, palustris, leucis-*

rus, solitaria, *Telmatias major*, nisoria, brachyptera, uliginosa, *Ascolopax major*. Doppelschnepfe. Double becasse). Средняя длина его равна 28 см., размах крыльевъ 55. длина крыла 13, а хвоста 6 см. Верхняя часть его головы буровато-чернаго цвѣта съ узкой ржаво-желтоватой полоской по срединѣ; такія же полоски и надъ глазами; остальные верхнія части—буровато-черныя, съ свѣтлыми ржаво-бурыми поперечными пятнами и узкими, прерывистыми зубчатыми и дугообразными полосками того же цвѣта. Наиболье длинныя перья этихъ частей имѣютъ болѣе широкую ржаво-желтую вѣшнюю кайму, снаружи отороченную бѣлымъ, которал, вмѣстѣ съ другими четырьмя таковыми же, образуетъ продольныя полосы, идущія по спинѣ. Надхвостье буро-черное. каждое перо его имѣетъ темный ржаво-красный кантъ и поперечно исчерчено. Горло бѣловатое; зобъ ржаво-сѣро-желтоватый; остальные нижнія части тѣла сѣровато-бѣлыя, причемъ каждая изъ нихъ покрыта темно-бурыми, ржаво-красно-каемчатыми, книзу становящимися постепенно болѣе широкими стрѣловидными пятнами. Большія маховыя перья черно-бурого цвѣта; верхнія кроющія перья крыльевъ сѣровато-ржаво-бурыя и, подобно темно-сѣрымъ, мраморнымъ снизу, малымъ маховымъ, передъ болѣе темными кончиками имѣютъ широкія грязно-бѣлыя полосы, благодаря которымъ на крылѣ образуются пять свѣтлыхъ поперечныхъ полосъ. Хвостовыя перья у основанія темныя, въ конечной половинѣ ржаво-красныя; въ поперечномъ направленіи они исчерчены черными полосками и имѣютъ широкія бѣлыя каймы; три пары самыхъ наружныхъ въ конечной половинѣ почти совершенно бѣлыя; верхнія и нижнія кроющія перья окрашены и разрисованы соответственно рулевымъ перьямъ. Старыя и молодыя птицы обоихъ половъ въ существенныхъ чертахъ имѣютъ опереніе одинаковое.

Дупель—гнѣздящаяся птица тундры Старого Свѣта и въ Германіи встрѣчается только на немногихъ болотахъ и топяхъ. Я нашелъ гнѣздо его въ лѣсу по рѣкѣ Шпре; другіе наблюдали его въ гнѣздовую пору въ Голштиніи, Ольденбургѣ, Ганноверѣ, Вестфалии, Мекленбургѣ, Помераніи и Ангальтѣ. Въ Скандинавіи онъ еще попадается; въ русской и сибирской тундрѣ онъ обыкновененъ и является единственнымъ представителемъ своего рода. Изъ тундры онъ ежегодно совершаетъ перелеты черезъ всю Европу и среднюю Азію, направляясь на зимовку въ Африку и юго-западную Азію. Въ Африкѣ онъ долетаетъ до южной оконечности материка, и такъ же далеко заходитъ, по всей вѣроятности, въ Азію. Такъ какъ на его родинѣ снѣгъ таетъ довольно поздно, а зима наступаетъ вновь отъсительно скоро, то онъ начинаетъ свой весенній летъ поздно, рѣдко раньше начала мая, осенью же — рано, большею частью уже въ августѣ и самое позднее въ сентябрѣ. На пути, на примѣръ въ верхней и средней Оби, онъ часто на недѣлю остается на одномъ мѣстѣ, токуетъ и затѣваетъ бои, подобно тому, какъ на мѣстахъ гнѣздованія, однако гнѣздъ не строитъ и, внезапно исчезая, сплзнить въ тундру; тамъ немедленно приступаетъ къ гнѣздованію, а затѣмъ, по выводѣ птенцовъ, вновь улетаетъ на югъ *). По врожденной привычкѣ онъ появляется и гнѣздится и въ Германіи едва-ли позже, чѣмъ въ тундрѣ, точно также остается и у насъ почти не дольше, чѣмъ въ тѣхъ мѣстахъ.

Дупель во многомъ отличается отъ родственнаго ему бекаса. Его лѣтняя стоянка не есть собственно болото, и онъ исключительно держится на довольно сухихъ мѣстахъ. въ тундрѣ—между кустами малорослой березы, на моховой почвѣ

*) Некоторые дупели такъ сильно жирѣютъ, что не могутъ продолжать путь и остаются жить на временныхъ стоянкахъ; ихъ называютъ „жировыми дупелями“, и русскіе охотники ихъ бьютъ иногда поздно осенью по порохѣ.
Прим. перес.

или въ низкой травѣ, въ Германіи же при этомъ всегда только на совершенно опредѣленныхъ мѣстахъ болота или, быть можетъ даже чаще, въ высокой луговой травѣ. Онъ ни въ какомъ случаѣ не такъ общественъ, какъ бекасъ, однако часто на пути по необходимости соединяется съ другими дупелями на соотвѣствующихъ обычныхъ мѣстахъ его пребыванія. Точно также и на гнѣздовья дупеля прилетаютъ вмѣстѣ, чтобы начать драки. На далекой тундрѣ каждая пара владѣетъ значительнымъ райономъ, а въ разгаръ гнѣздованья встрѣчаешь только пары; обществами дупеля уже не летаютъ. Даже молодые подетки остаются со стариками весьма короткое время и, какъ только можно, скоро улетаютъ своей дорогой. Если обратить вниманіе на избранныя мѣста, гдѣ въ некоторое время держалось много дупелей, можно замѣтить, по крайней мѣрѣ весной, довольно широкія, ясно замѣтныя, но то и дѣло скрывающіяся тропочки между стеблями и листьями свѣсившейся травы, которыя, безъ сомнѣнія, были набѣганы дупелями и считаются сибирскими охотниками за явные признаки пребыванія ихъ. Съ такой тропочки дупель, вспугнутый человѣкомъ или какимъ-либо хищникомъ, поднимается только въ самой крайней нуждѣ, такъ какъ онъ сидитъ необыкновенно крѣпко и срывается днемъ только будучи къ тому вынужденъ, причемъ всегда, пролетѣвъ низко надъ землею небольшое разстояніе, вновь садится. Онъ никогда не дѣлаетъ на лету зигзаговъ, свойственныхъ бекасу и, разъ ему пришлось подняться высоко на воздухъ, онъ описываетъ самое большее 2 или 3 большихъ круга и затѣмъ снова опускается на землю. При взлетѣ онъ издаетъ своеобразный шумъ, который Шауманъ очень удачно называетъ «тижеловѣснымъ»; лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ онъ испускаетъ слабый глухой крикъ, похожій на «бэд, бэд, бэд», но никогда не издаетъ звука, сходнаго съ извѣстнымъ блеяніемъ бекаса. Дупель не пугливъ, напротивъ того большею частью онъ такъ довѣрчивъ, что только упорное преслѣдованіе заставляеть его принять нѣкоторую осторожность. Передъ собакой онъ до самаго взлета остается сидѣть неподвижно, словно статуя, подтянувъ шею и выпрямивъ впередъ клювъ, а не въ томъ сторбленномъ положеніи, какъ его сородичи.

Будучи, какъ вообще всѣ бекасы, ночной птицей, дупель слетаетъ днемъ съ выбраннаго имъ для отдыха мѣста только въ случаѣ, если его къ этому вынудятъ. Съ наступленіемъ сумерекъ онъ становится бодрѣе и начинаетъ бѣгать вытянувъ какъ песочникъ шею, временами перелетаетъ низко надъ землею небольшія пространства и летаетъ въ поискахъ за кормомъ то туда, то сюда на всѣ подходящія мѣста. Кормъ его состоитъ изъ разныхъ личинокъ насѣкомыхъ, въ тундрѣ же главнымъ образомъ изъ личинокъ комаровъ, изъ улитокъ и червяковъ, обыкновенно въ перемѣжку съ маленькими камелками, а случайно и съ полусгнившими частями растеній. Желудокъ ихъ перевариваетъ очень быстро.

По сообщенію опытнаго и превосходнаго наблюдателя Коллетта, и какъ я узналъ отъ сибирскихъ охотниковъ, дупель никогда не забирается высоко на воздухъ для выраженія своихъ чувствъ, но токуеть на землѣ. Тамъ, гдѣ эти птицы обыкновенны, съ наступленіемъ вечернихъ сумерекъ собираются 8—10 самцовъ, иногда больше, иногда меньше на опредѣленныхъ мѣстахъ, которыя можно узнать по совершенно вытопанной травѣ, и здѣсь токуеть по временамъ до ранняго утра, вволю испускаясь своеобразные тихіе звуки. Съ изъерошенными перьями, прижатymi ногами, слегка поднятымъ и распущеннымъ хвостомъ они гордо выступаютъ передъ самками, словно шенча, издаютъ крикъ «би би би би би би би би би би перере би перере», временами громче, приблизительно, какъ красноногий улитъ, и въ серединѣ пѣсни испускаютъ страшное щелканье (цирканье), происходящее, въ-

роятно, отъ сильныхъ ударовъ нижней половинки клюва о верхнюю. При всемъ этомъ они поднимаютъ вверхъ голову и клювъ, то складываютъ, то вѣеромъ выпускаютъ хвостъ и всѣмъ своимъ поведѣніемъ доказываютъ, что находятся въ сильно возбужденномъ состояніи. Если одинъ самецъ натолкнется на другого, между обоими начинается бой, при которомъ больше дѣйствуютъ крылья, нежели клювы; однако драка никогда не бываетъ продолжительной. Въ чистыя, свѣтлыя ночи дупеля токуютъ всего усерднѣе, менѣе ревностно—въ дождливыя. Около полуночи они летятъ на кормежку. Въ разгаръ брачнаго времени и токовъ они становятся еще менѣе пугливы, чѣмъ въ другое время, допускаютъ приближеніе наблюдателя, не прерывая своей игры и, будучи спугнутыми, по прошествіи короткаго времени снова возвращаются обратно на мѣсто тока. Эти любовныя игры кончаются только тогда, когда всѣ самки уже сѣли на яйца.

Какъ и въ тундрѣ, въ Германіи самки начинаютъ строить свои гнѣзда также поздно, самое раннее въ концѣ мая или въ началѣ іюня. Гнѣздо дупеля не отличается отъ бекасиного; 4 яйца, положенныя дупелемъ, въ подробностяхъ сходны съ яйцами бекаса, но немного крупнѣе, чѣмъ эти послѣднія; средняя длина ихъ равняется 44 мм., толщина 32 мм. Самка съ полнымъ самоотверженіемъ насиживаетъ яйца около 18 дней, сидитъ необыкновенно крѣпко, прижимается, чтобы быть еще незамѣтнѣе, и даже, какъ то наблюдалъ Годманъ, покрываетъ свою спину надерганными волокнами мха; срывается же только тогда, когда потревожившее ее существо подойдетъ ужъ очень близко къ гнѣзду. Молодость птенцовъ протекаетъ такъ-же, какъ и у бекасовъ; однако молодые дупеля, повидимому, становятся самостоятельными и покидаютъ стариковъ раньше, чѣмъ молодые бекасы.

У дупелей тѣ-же враги, что и у бекасовъ. Мясо первыхъ считается вкуснѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ бекасовъ. Охота за ними одна изъ самыхъ легкихъ, что, къ крайнему сожалѣнію, ведетъ къ замѣтному уменьшенію числа птицъ этого вида.

На дупеля очень похожъ **Обыкновенный бекасъ** или **Барашекъ** (*Gallinago caelestis, gallinaria, scolopacina, scolopacinus, japonicus, burka, latipennis, niloticus, unclavata, unclava, Scolopax gallinago, brehmii, sabinii, unclavata, peregrina, pygmaea, lamottii, saturata, Temlatias gallinago, petenyi, salicaria, stagnatilis, septentrionalis, lacustris, peregrina, brachypus, faeroensis, Ascolopax gallinago. Heerschnepper. Bécassine*). Верхнія части его имѣютъ буро-черный основной фонъ; посрединѣ головы тянется широкая ржаво-желтая полоска, четыре длинныхъ другихъ полоски того-же цвѣта тянутся по спинѣ и плечамъ. Нижнія части, напротивъ—бѣлыя, въ передней части тѣла съ сѣрыми, въ верхней части груди и по бокамъ—съ бурными пятнами. Хвостъ состоитъ изъ 14 рулевыхъ перьевъ. Глаза темно-каріе; клювъ черный; ноги темнаго роговаго цвѣта. Длина птицы достигаетъ 29 см., размахъ крыльевъ 45, длина крыла 13, хвоста 6 см.

Родину бекаса составляетъ сѣверъ Европы и Азіи; однако онъ не поднимается такъ далеко на сѣверъ, какъ дупель, и гнѣздится всюду, гдѣ есть обширныя болота, по всей вѣроятности еще на югъ Европы и, вѣроятно, въ сѣверной Африкѣ. На подходящихъ мѣстахъ они бывають чрезвычайно обыкновенны, какъ въ сѣверной Германіи, такъ въ Голландіи, Даніи, Скандинавіи, Лифляндіи, Финляндіи, Россіи и въ южной Сибири. Во время своихъ пролетовъ они посѣщаютъ всѣ крупныя и мелкія болота, топи и трясины, которыя только находятся на пути между ихъ лѣтней и зимней стоянкой. Послѣдняя, быть можетъ, занимаетъ еще болѣе обширное пространство, чѣмъ сама ихъ родина; тамъ бекасъ

является перелетной птицей отъ Китая до Сенегала для всѣхъ странъ, лежащихъ между 45 и 10 градусами сѣверной широты. Съ началомъ октября бекасы въ безчисленномъ количествѣ появляются въ Египтѣ или въ Индіи, садятся здѣсь на всѣ болота, болотцы и на затопленные рисовыя поля, даже опускаются на песчаные берега рѣкъ и бѣгають по нимъ открыто, подобно песочникамъ. Насколько возможно они слѣдуютъ по теченію рѣкъ, по направленію къ югу и посѣщаютъ даже истоки Нила столь-же регулярно, какъ и устье Ганга. Несмотря на присутствіе массаи на одномъ мѣстѣ, бекасы также должны быть причислены къ необщественнымъ птицамъ. Одинъ бекасъ можетъ сидѣть совсѣмъ вплотъ къ другому, но сосѣдъ сосѣдомъ, тѣмъ не менѣе, очень мало интересуется, и каждый бекасъ, за исключеніемъ гнѣздовой поры, живетъ и летаетъ, сообразно со своими личными желаніями. Возвратный путь они также совершаютъ ночью, но и во время перелета каждый летитъ по пролетному пути независимо отъ другихъ. Въ Германіи бекасиный пролетъ начинается какъ только установится болѣе или менѣе теплая весенняя погода, т. е., смотря по обстоятельствамъ, уже отъ середины февраля до середины апрѣля, осенью—отъ августа до сентября и октября. Сухія мѣста бекасъ пролетаетъ возможно быстрѣе. Его встрѣчаютъ только въ сырыхъ низменностяхъ, на трясинахъ, на торфяныхъ болотахъ, на затопленныхъ лугахъ, короче—на такихъ мѣстахъ, которыя болѣе или менѣе схожи съ болотомъ; его присутствіе на голыхъ берегахъ рѣкъ, какъ я это наблюдалъ въ Нубіи, принадлежитъ къ весьма рѣдкимъ исключеніямъ. Для пребыванія бекасовъ является существеннымъ условіемъ, чтобы почва была покрыта травой, осокой и другою болотною растительностью и ничѣмъ не препятствовала бы ихъ бурею. На такихъ мѣстахъ, которыя мы для краткости назовемъ болотами, они ведутъ себя, за исключеніемъ гнѣздовой поры, такъ тихо, что рѣшительно ничто не выдаетъ ихъ присутствія. Они также становятся болѣе дѣятельными въ сумеркахъ, но ихъ больше можно считать дневными птицами, нежели вальдшнеповъ и дупелей. Быть можетъ бекасъ спитъ только въ полуденные часы и все остальное время дня употребляетъ, если ничто его не тревожитъ, на отысканіе пищи.

Походка бекаса относительно недурна, правда она не такъ проворна, какъ у песочниковъ и у улитовъ, но гораздо быстрѣе, чѣмъ у вальдшнепа; полетъ его чрезвычайно быстръ и характеризуется тѣмъ, что, будучи вначалѣ короткимъ, при подъемѣ образуетъ много зигзагообразныхъ линій, за которыми слѣдуетъ уже прямо стремительный полетъ. Почти каждый бекасъ внезапно взвивается кверху, быстрыми взмахами летитъ далѣе, описываетъ большую дугу, возвращается почти къ тому же мѣсту, съ котораго сорвался, быстро складываетъ крылья и стремглавъ опускается въ косомъ направленіи снова на болото. Что онъ умѣетъ превосходно плавать и дѣлаетъ это безъ особой необходимости, и имѣлъ случая наблюдать очень часто. Въ случаѣ опасности, въ особенности если его преслѣдуетъ кака-нибудь хищная птица, онъ ищетъ спасенія въ ныряніи. Обыкновенный призывной крикъ его, испускаемый имъ при взлетѣ, — хриплое «кэт», которое при случаѣ повторяется имъ нѣсколько разъ. На пролетѣ онъ издаетъ хриплое «грэк гэкгэ», иногда же высокое «цип». По своему образу жизни онъ во многомъ отличается отъ вальдшнепа и дупеля. Онъ также пугливъ и боязливъ, какъ и они, но гораздо подвижнѣе и оживленнѣе обоихъ, часто забавляется, летая кругомъ, повидимому, совершенно бесполезно и становится нѣсколько вялѣе, когда сильно зажирѣетъ. Къ самцѣ онъ относится съ чрезвычайной нѣжностью и необыкновенно любитъ своихъ птенцовъ; впрочемъ, строго говоря, онъ очень мало заботится о тѣхъ животныхъ, которыя для него безопасны.

Пищу бекаса составляют насекомья, червяки, мелкіе голые слизняки и моллюски съ тонкими раковинами. Онъ также ищетъ кормъ только въ сумеркахъ и ночью, по крайней мѣрѣ только къ этому времени начинаетъ летать съ мѣста на мѣсто и, случается, садится на такое мѣсто, гдѣ его днемъ никогда не увидишь. При изобиліи корма бекасы становятся необыкновенно жирными.

Въ подходящемъ болотѣ одна парочка бекасовъ гнѣздится рядомъ съ другой. Еще за долго до кладки начинаются чрезвычайно интересныя во всѣхъ отношеніяхъ токованія бекасовъ. «Съ быстротою стрѣлы самецъ взвивается», совершенно точно начинаетъ свое описаніе Науманъ, «съ своего мѣста на зеленѣющемъ болотѣ, поднимаясь сначала въ косомъ направленіи и затѣмъ крупной спиралью возносясь къ небу въ ясную погоду такъ высоко на воздухъ, что только зоркій глазъ можетъ признать въ немъ птицу. На такой высотѣ онъ начинаетъ летать кругами, дѣлая частые взмахи крыльевъ и затѣмъ, распластавъ ихъ, носится тамъ вверхъ и внизъ, падая и взвиваясь отвѣсною дугою. При паденіи онъ несется съ такою силой, что во время этого дугообразнаго стремительнаго полета концы его большихъ маховыхъ перьевъ приходятъ въ трепещущее движеніе, благодаря чему слышится дрожаній, жужжаній, ворчаній или бормочущій звукъ, имѣющій много сходства съ бляніемъ лягушка, что и послужило къ наименованію этой птицы баранкомъ (Himmelziege, Haberbock). Сильнымъ дугообразнымъ полетомъ онъ снова взвивается на прежнюю высоту, гдѣ, быстро взмахивая крыльями, дѣлаетъ нѣсколько круговъ, чтобы набраться силы для новаго стремительнаго полета отвѣсною дугою внизъ, сопровождаемаго жужжаніемъ, бормотаніемъ и бляніемъ. Этотъ новый полетъ внизъ бекасъ совершаетъ почти тотчасъ-же. Такія воздушныя круженія въ горизонтальномъ направленіи и на небольшомъ пространствѣ, смѣняемыя стремительными полетами и бляніемъ, часто продолжаются четверть и даже полчаса, причѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что звукъ этотъ длится немного болѣе двухъ секундъ и повторяется сначала съ промежутками въ 6—8 секундъ, позднѣе же, когда силы бекаса начинаютъ ослабѣвать—въ 20—25 секундъ. Чтобы выразить его болѣе или менѣе отчетливо, его лучше всего передать слогами «дудудудудудуду», произнесенными насколько можно быстро одинъ за другимъ. Такъ какъ самецъ продѣлываетъ свои странныя воздушныя упражненія не только въ утреннія и вечернія сумерки, но и днемъ, притомъ всегда при совершенно ясномъ небѣ и въ тихую погоду, то зоркому глазу, конечно, не трудно отчетливо разглядѣть сквозь прозрачный воздухъ трепещущія и жужжащія движенія кончиковъ маховыхъ перьевъ при взлетахъ и паденіи птицы и тѣмъ самымъ убѣдиться, что бляющіе звуки происходятъ именно благодаря этимъ движеніямъ, а не издаются горломъ бекаса». Въ новѣйшее время добавляютъ, что бляющій шумъ производится не только одними маховыми перьями, но и хвостовыми. Воодушевленіе любовью такъ влияетъ на самца бекаса, что онъ совершенно измѣняетъ своему обычному поведенію, иногда, напримѣръ садится на толстые сучья вершинъ деревьевъ или носится вокругъ порхающимъ полетомъ; на этотъ разъ онъ обращаетъ вниманіе и на другихъ бекасовъ и, конечно, не изъ дружескаго расположенія. Во всякомъ случаѣ каждый самецъ ведетъ всю игру самъ по себѣ и занимаетъ въ воздухѣ свой собственный районъ; однако совсѣмъ нерѣдко случается, что ревность приводитъ на одно мѣсто двухъ самцовъ и между ними происходятъ довольно серьезные бои.

Послѣ толченія въ воздухѣ, наступаетъ второй актъ любовной игры бекаса. «Когда самецъ уже достаточно устанетъ послѣ всѣхъ этихъ странныхъ и кочевно утомительныхъ движеній, изъ густо заросшей сырой трясинѣ, въ болѣе

безопасномъ мѣстѣ, иногда даже съ возвышающагося камня или холмика раздается вѣжнѣй призывной крикъ избранницы бекаса къ ея возлюбленному, и какъ только послѣднѣй услышитъ этотъ зовъ, онъ тотчасъ-же прекращаетъ свои штуки, складываетъ крылья п камнемъ, со свистомъ, почти отвѣсно падаетъ съ высоты къ ногамъ своей возлюбленной. Слѣдующій за этимъ третій и послѣднѣй актъ скрытъ отъ наблюдателя въ густой чащѣ». Вышеупомянутый призывной голосъ любви есть высокій, чистый, свистящій крикъ, который можно передать приблизительно слогами «тиккюп» или «дїеп». На томъ-же самомъ мѣстѣ, съ котораго обыкновенно самецъ взлетаетъ для своихъ воздушныхъ упражненій и на которое возвращается обратно, устраивается и гнѣздо, собственно просто примятая трава, выложенная—самое большее—сухими листочками и стебельками. Такое гнѣздо обыкновенно со всѣхъ сторонъ окружено болотистой почвой и водой, помѣщается на кочкѣ между камышемъ и хорошо спрятано. Впослѣдствіи выросающая вокругъ гнѣзда трава скрываетъ его совершенно. Въ промежутокъ времени отъ середины апрѣля и до конца мая въ такомъ гнѣздѣ находятъ обыкновенно 4 яйца, въ среднемъ длиною въ 33 мм., шириною 28 мм. Яйца бекасовъ мелкозернисты, гладкія, матовыя; ихъ грязный или зеленоватый оливково-бурый или же слабо-сѣро-зеленый фонъ покрытъ сѣрыми нижними пятнами и многими грубыми вѣшними пятнами и точками зеленоватаго или красноватаго и черно-буратаго цвѣта. Самка на яйцахъ сидитъ одна и выводитъ птенцовъ въ 15—17 дней, но послѣднихъ водятъ оба родителя, почему самецъ и прекращаетъ свои воздушные фокусы, какъ только вылупятся птенцы. Молодые уже черезъ 8—10 дней получаютъ юношескую одежду на мѣсто пестраго, пѣгаго, луховаго оперенія; по прошествіи около двухъ недѣль они уже начинаютъ перепархивать, а нѣсколькими днями позже становятся уже совершенно самостоятельными.

Мѣстопробываніе и значительная быстрота полета гарантируютъ бекасу большую безопасность, нежели вальдшнепу; однако благородные сокола и ястреба ловятъ ихъ достаточно, а на болотахъ за ними охотится лиса. Птенцы подвергаются опасности большею частью со стороны камышеваго дупля. Внезапные разливы иногда уничтожаютъ сотни бекасиныхъ гнѣздъ одновременно. Европейцы повсемѣстно охотятся за бекасами ради ихъ вкуснаго мяса, уступающаго, правда, по вкусу дупелиному, но значительно болѣе деликатнаго, чѣмъ мясо вальдшнепа. Впрочемъ, охота на бекасовъ не вездѣ ведется съ одинаковымъ рвеніемъ, такъ какъ во первыхъ для этого нужно шататься по топямъ и болотамъ, что не всякому по душѣ, во вторыхъ она требуетъ хорошей стрѣльбы въ летъ, что тоже дается не каждому. Въ Венгріи и среди европейцевъ Египта и Индіи эта охота, по моему мнѣнію, принадлежитъ къ числу самыхъ пріятныхъ изъ всѣхъ мѣстныхъ охотъ; кому-же нигдѣ страстный охотникъ за бекасами не можетъ такъ удовлетворить своей страсти, какъ въ вышеупомянутыхъ странахъ.

Бекасовъ тоже можно держать въ неволѣ, но для ухода за ними нуженъ опытный глазъ такого воспитателя, котораго бы не смутили никакія затрудненія. Пойманныя птицы становятся доврчивыми; днемъ онѣ очень вялы и сонливы, становясь веселыми и бодрыми только ночью; поэтому бекасовъ нельзя рекомендовать, какъ особенно интересныхъ комнатныхъ птицъ.

Самый маленькій изъ бекасиныхъ птицъ **Гаршнепъ** или **Бекасъ—стучикъ** (*Gallinago gallinula minima*, *Scolopax*, *Telmatias*, *Ascolopax*, *Lymnocyrtas gallinula*, *Philolimnos gallinula*, *stagnatilis minor*. *Moorschnepfe*. *Bécasse sourde*). Клювъ его узкоспинный, короткій, относительно высокій и у конца расширенный; хвостъ со-

стоитъ изъ 12 перьевъ. Длина его достигаетъ 16 см., размахъ крыльевъ 39, длина его крыла 11, хвоста 4 см. Уздечка, полоска подъ щеками и голова его—бурая; двѣ полоски надъ и подъ глазомъ—ржаво-желтоватя; нижнія шейныя перья—черносивія съ зеленымъ и пурпуровымъ отблескомъ и четырьмя главными полосками ржаво-желтаго цвѣта, причеиъ тѣ, которыя расположены на горлышкѣ, на зубу и по бокамъ, — сѣрыя съ буроватымъ волнистымъ рисункомъ или пятнами, а остальные бѣлаго цвѣта. Маховыя и рулевыя перья матово-черныя, послѣднія имѣютъ ржаво-желтую оторочку. Въ весеннемъ опереніи гаршнепъ имѣетъ болѣе рѣзкую ржаво-красную окраску крыльевъ, нежели осенью; опереніе молодыхъ не такъ ярко, какъ у старыхъ.

На тѣхъ же мѣстахъ, на которыхъ живутъ бекасы во время ихъ весенняго и осенняго лета, держатся и ихъ маленькіе сородичи, однако послѣдніе никогда не встрѣчаются въ такомъ большомъ количествѣ, какъ первые. Отдѣльныя парочки мѣстами гнѣздятся въ Германіи, но настоящей ихъ родиной является Россія и Западная Сибирь; въ Восточной Сибири Радде находилъ ихъ лишь изрѣдка. Въ Скандинавіи гаршнепа встрѣчаютъ кое-гдѣ въ качествѣ гнѣздящей птицы; въ Лифляндіи и въ Литвѣ онъ обыкновененъ. Его перелетъ не распространяется такъ далеко къ югу, какъ у бекасовъ, хотя онъ въ Индію прилетаетъ одновременно съ послѣдними, разлетается по всему полуострову и весной снова покидаетъ его вмѣстѣ со своими сородичами. То же самое относится и къ Африкѣ. Многіе гаршнепы зимуютъ въ Испаніи и Греціи, именно на пашняхъ. «Эти поля», говоритъ графъ фонъ-деръ-Мюле, «зимой покрываются на 30—60 см. водою, благодаря дождямъ, идущимъ часто въ теченіи двухъ недѣль, и въ это время являются любимымъ мѣстопробываніемъ безчисленныхъ бекасовъ и гаршнеповъ, изъ которыхъ послѣднихъ, хотя меньше, но все же еще достаточное количество. Я въ первый разъ видѣлъ ихъ тамъ днемъ тысячами бѣгавшихъ по полю и отыскивавшихъ кормъ, въ особенности въ туманную и дождливую погоду». Линдермайеръ прибавляетъ къ этому, что здѣсь можно стрѣлять въ сидячихъ птицъ, но послѣ выстрѣла поднимаются цѣлыя тучи изъ тысячъ гаршнеповъ и другихъ болотныхъ кудиковъ, приводящія охотника въ замѣшательство. Въ началѣ марта зимніе гости оставляютъ югъ и летятъ на свою родину, совершая, подобно остальнымъ видамъ, свой летъ ночью.

Своимъ поведеніемъ гаршнепъ похожъ на своихъ сородичей, бѣгаетъ по землѣ приблизительно такъ же, какъ и они; однако летаетъ гораздо хуже, т. е. неуклюже ихъ, хотя и его полетъ все еще быстръ и можетъ сопровождаться различными зигзагами. Онъ неохотно поднимается высоко на воздухъ, иногда же, быстро трепеща крыльями, носится надъ болотомъ, положительно напоминая собою летучую мышъ. При взлетѣ онъ подаетъ голосъ еще рѣже, чѣмъ дунель, сидитъ необыкновенно крѣпко и во всѣхъ случаяхъ подпускаетъ къ себѣ всякаго почти совсѣмъ вплотъ, прежде чѣмъ вздумаетъ подняться. При сильномъ вѣтрѣ онъ почти не рѣшается взлетать, такъ какъ въ противномъ случаѣ вѣтеръ гонитъ его какъ перышко. Голосъ гаршнепа, который чаще всего слышится около вечера, есть — тонкій, рѣзкій крикъ, въ родѣ «киц» или, если онъ издается глухо, «эч». Крикъ токующаго гаршнепа можно передать слогами «теттеттеттет», которое издается птицей иногда 4—6 секундъ безъ перерыва. Онъ также чрезвычайно необщителенъ и вообще только въ случайныхъ необходимости обращаетъ вниманіе на другіе виды. Пища его въ сущестственныхъ чертахъ та-же, что и у другихъ бекасовъ; однако въ ихъ желудкахъ находятъ ижныя сѣмена чаще, чѣмъ у другихъ родственныхъ имъ видовъ.

Очень можетъ быть, что въ Германіи гаршнепъ выводитъ птенцовъ не такъ рѣдко, какъ это обыкновенно думаютъ. Гомейеръ получалъ яйца, добытыя въ Помераніи, Сѣтеръ и Гольцманъ имѣли ихъ изъ Вестфаліи. Гаршнепъ обыкновенно

гнѣздуетъ въ Скандинавіи, Литвѣ, Лифляндіи, Эстляндіи, средней Россіи и южной Сибири; гнѣздо его находится на небольшой кочкѣ и состоитъ изъ ямки, слегка выложенной стебельками травы. Четыре яйца, лежація въ немъ, меньше и глаже бекасиныхъ яицъ, но во всемъ другомъ сходны съ ними. На матовомъ оливково-зеленомъ фонѣ ихъ разбросаны фіолетово-сѣрыя, въ серединѣ желтоватыя или красновато-бурыя нижнія пятна съ черно-бурыми вѣшними крапинками. Высиживающая самка сидитъ такъ крѣпко, что къ одной изъ нихъ Уоллей отважды прикоснулся рукой. О жизни птенцовъ гаршнепа я не имѣю подъ рукой ни одного достовѣрнаго свѣдѣнія.

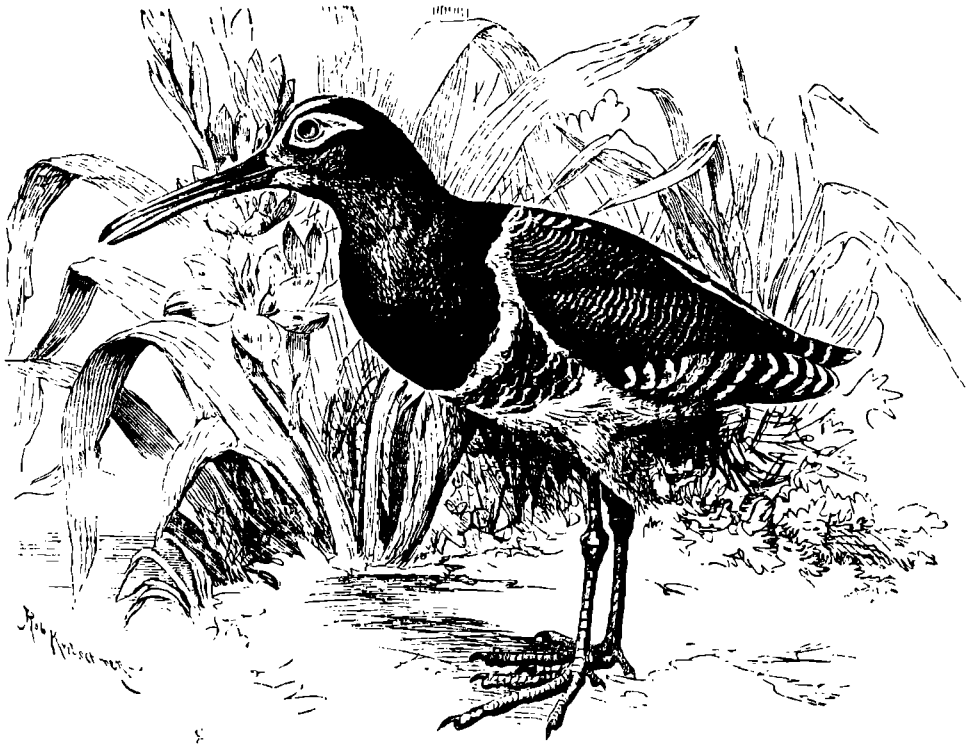
У гаршнепа тѣ же враги, что и у бекаса. Охота за нимъ не представляетъ особенной трудности, такъ какъ птица эта сидитъ крѣпко и, сорвавшись, летитъ довольно медленно. Позднею осенью, когда гаршнепы становятся очень жирными, они летаютъ иногда такъ неуклюже, что ихъ можно взять рукой изъ подъ собаки плече накрыть сѣткой. Мясо ихъ вкуснѣе бекасиного.

Къ бекасовымъ птицамъ обыкновенно относятъ одинъ бѣдный видами родъ **Бенасо-курочень** (*Rhynchaea. Schnepfenfallen. Rhynchées*). Характерные признаки этого рода слѣдующіе: клювъ длиннѣе головы, у основанія прямой, спереди согнутъ, съ боковъ сжатъ; обѣ половинки его одинаковой длины и на концѣ согнуты книзу. Ноги средней высоты, съ относительно короткими, совершенно раздѣленными пальцами; самый задній изъ нихъ сочленяется нѣсколько выше другихъ. Крылья широкія, слабо закруглены; изъ большихъ маховыхъ перьевъ ихъ третье самое длинное. Хвостъ двѣнадцатиперый; опереніе имѣетъ красивый рисунокъ. Самцы меньше самокъ и не такъ красивы, какъ овѣ; вѣдѣствіе этого послѣднія часто были описываемы за самоцовъ.

Въ Африкѣ я познакомился съ **Золотистымъ куликомъ** (*Rhynchaea capensis, africana, madagascarensis, variegata, bengalensis, sinensis, orientalis, madaraspata, Scolopax capensis, sinensis, madaraspata, Gallinago madaraspata, Rallus bengalensis. Goldschnepfe. Rhynchée du Cap*). Верхнія части оперенія самца—черно-сѣрыя; продольная полоска по серединѣ головы, надбровныя и плечевыя полоски—желтоватыя; верхнія части крыла имѣютъ бурый фонъ, покрытый волнистымъ рисункомъ; передняя часть шеи и верхъ грудки темнаго черно-сѣраго цвѣта съ бѣлымъ волнистымъ рисункомъ; остальныя нижнія части бѣлыя; маховыя и рулевыя перья украшены золотисто-желтыми глазчатыми и черными поперечными пятнами. У самокъ верхняя часть темно-бурая, неравномерно исчерченная поперечными зелено-черными полосками; голова бурога цвѣта съ зеленоватымъ отблескомъ, брови желтовато-бѣлыя; полоска, идущая по серединѣ головы, желтоватая; шея коричнево-бурая; передняя часть грудки черно-бурая; перехватъ, идущій отъ шеи къ плечамъ, и нижнія части—бѣлыя; маховыя и рулевыя перья покрыты зеленымъ и чернымъ волнистымъ рисункомъ и украшены золотисто-желтыми пятнами; кроющія перья крыльевъ зеленоватаго цвѣта съ мелкими черными полосками. Глаза у этихъ птицъ каріе; клювъ у конца клюварно-краснаго цвѣта, у основанія—темно-зеленый; ноги свѣтло-зеленыя. Длина самцовъ достигаетъ 24, самокъ 26 см.; размахъ крыльевъ у первыхъ 42, у вторыхъ—47 см., длина крыла ихъ 14, а хвоста 5 см.

Область распространенія золотистаго кулика простирается на большую часть Африки и южной Азии. Я находилъ ихъ по берегу озера Мензала и въ Нижнемъ Египтѣ, одиночныхъ куликовъ и въ Суданѣ. Другіе натуралисты видали

ихъ въ Сенегалѣ, у Мозамбика и на Мадагаскарѣ, а экспедиція Гюсфельдта въ Лоанго встрѣчала ихъ и въ Нижней Гвинее. Кромѣ того этотъ куликъ водится въ Японіи, Китаѣ и Индіи, на Формозѣ, Цейлонѣ и Зондскихъ островахъ, равно посѣщаетъ и южную Австралію. По моимъ изслѣдованіямъ, онъ не совершаетъ перелетовъ и принадлежитъ самое большее къ кочевымъ птицамъ; такъ, его одновременно встрѣчаютъ въ Нижнемъ Египтѣ и въ Восточномъ Суданѣ. Онъ живетъ на болотахъ и толяхъ, на заливныхъ поляхъ, однако держится и въ кустахъ, даже въ камышахъ, причѣмъ довольствуется для жизни самымъ небольшимъ клочкомъ подходящаго мѣста. Весною золотистые кулики держатся парочками, позднѣе-же соединяются въ небольшія стайки изъ 4—6 штукъ. Образомъ жизни они въ суще-

Золотистый куликъ. *Rhynchasa capensis*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

ственныхъ чертахъ напоминаютъ куликовъ вообще, но больше похожи на пастушковъ. Это ночныя или сумеречныя птицы. По возможности прячась, они бѣгаютъ между скрывающимися ихъ растеніями, рѣдко показываются на открытыхъ мѣстахъ и, если ужъ имъ приходится перебѣжать одно изъ такихъ мѣстъ, какъ можно скорѣе спѣшатъ добраться вновь до спасительной чащи. Ихъ бѣгъ очень быстръ, какова бы ни была почва, по которой они бѣгутъ, твердая или топкая. Но зато тѣмъ хуже ихъ полетъ; всѣ, наблюдавшіеся мною золотистые кулики вырывались, подобно бекасовымъ птицамъ, сначала изъ подъ самыхъ моихъ ногъ, скорѣе перепархивая, чѣмъ летя, двигались впередъ низкимъ, неуклюжимъ и ковыляющимъ полетомъ и черезъ нѣсколько мгновений снова садились. Порханіе этихъ жалкихъ летуновъ нисколько не похоже на ловкій и искусный полетъ нашихъ бекасовъ: даже водяные пастушки и коростели летаютъ лучше ихъ. Призывной голосъ ихъ,

слышающийся весной, есть громкий, двусложный крикъ, который я передаю слогами «нэки нэки».

О размноженіи этихъ куликовъ я не могъ узнать ничего опредѣленнаго, вынуть только два яйца изъ яйцеводовъ двухъ самокъ, убитыхъ одна—8 мая, другая—12-го. Оба яйца формой и цвѣтомъ были сходны съ яйцами бекасовъ.

Во второе подсемейство, согласно Рейхенову, мы помещаемъ **Улитовыхъ** (*Totaniac. Wasserläufer*), отличающихся слабымъ, обыкновенно закругленнымъ у конца клювомъ, половинки котораго одинаковой длины, и довольно длинной плюсной.

* *

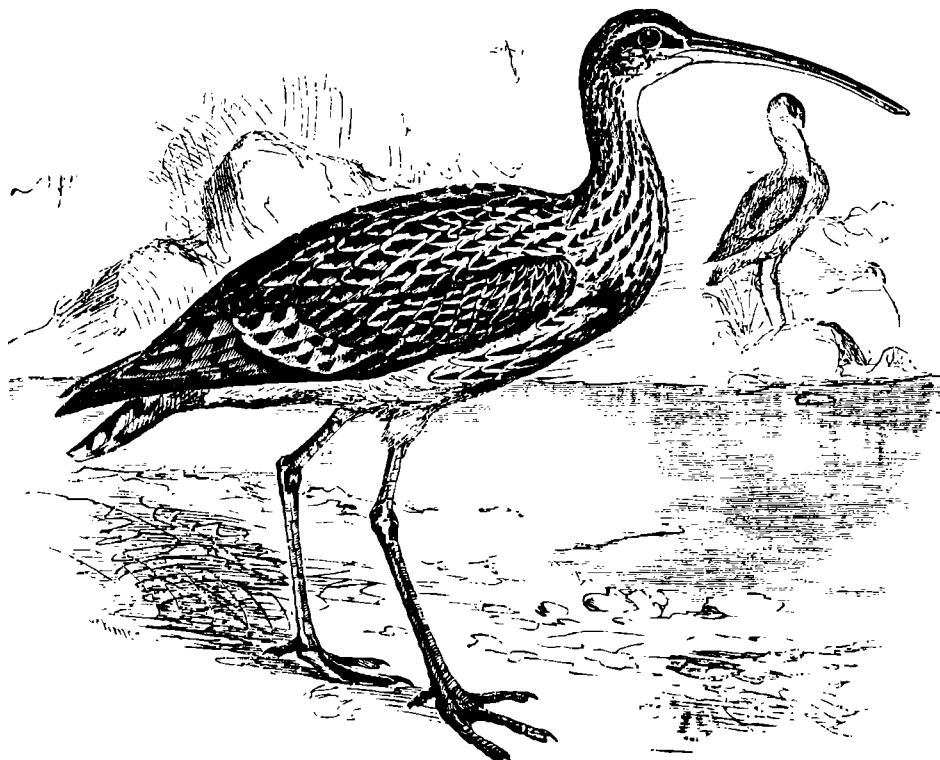
Первый родъ образуютъ **Кроншнепы** (*Numenius. Brachvogel. Courlis*). Тѣло ихъ стройное, клювъ очень длинный, слабо согнутый, высокій у основанія, а къ концу все болѣе и болѣе утончающійся; на всемъ протяженіи онъ мягокъ, за исключеніемъ рогового кончика; верхняя половинка клюва немного длиннѣе нижней и слегка загибается надъ ней. Ноги четырехпалыя, тонкія и высокія, оголенные далеко выше когтя и снабжены широкими подошвами; пальцы ихъ связаны замѣтной перепонкой. Крылья большія, остроконечныя, первое маховое перо ихъ самое длинное. Хвостъ двѣнадцатиперый, средней длины, округленный. Мелкое опереніе твердое, плотно прилегающее, по цвѣту похожее на опереніе жаворонка; оно варьируетъ, смотря по полу и времени года.

Самый крупный изъ нашихъ видовъ **Кроншнепъ, Большой куликъ или Степной куликъ** (*Numenius arcuatus, arcuatus, major, virgatus, lineatus, nasicus, sarquatula, medius, assimilis, rufescens, longirostris, Scolopax arcuata, madagascariensis. Brachvogel. Courlis ordinaire*). Длина его достигаетъ 70—75 см., размахъ крыльевъ среднимъ числомъ равенъ 125 см., длина крыла 32, хвоста 12, клюва 18—20 см. Опереніе верхнихъ частей тѣла бурое съ свѣтлыми ржаво-желтыми каемками, задняя часть спины бѣлая съ бурыми продольными пятнами, нижняя часть тѣла ржаво-желтая съ бурыми стержнями перьевъ и продольными пятнами; маховыя перья черныя, съ бѣлыми каемками и пятнами; три первые пера ихъ на внутреннихъ опахалахъ имѣютъ бѣлыя каймы, остальные снабжены зубчатыми, болѣе свѣтлыми пятнами. Рулевыя перья имѣютъ черно-бурыя поперечныя полосы. Глаза темно-каріе, клювъ черный, у основанія нижней половинки оливково-сѣрый, ноги свинцово-сѣраго цвѣта. Молодые отличаются отъ старыхъ короткимъ клювомъ и болѣе блѣдыми пятнами оперенія нижнихъ частей тѣла.

Средній кроншнепъ, Трескунъ (*Numenius phaeopus. minor, luzonensis, atricapillus, uropygialis, melanorhynchus, haesiatus, Scolopax phaeopus. Mittelbrachvogel. Petit courlis*) на одну четверть менѣе большого кроншнепа. Длина его достигаетъ 52 см., размахъ крыльевъ 90, длина крыла 24, хвоста и клюва 11 см. Опереніе въ общемъ сходно съ опереніемъ вышеописаннаго вида, но имѣетъ нѣсколько болѣе темную окраску. Перья головы темно-бурыя, безъ пятенъ, по срединѣ дѣлится свѣтлой продольной полоской. Шаги бѣлые съ стрѣловидными черно-бурыми пятнами и поперечными полосками. Хвостовыя перья сѣро-бѣловатыя, у основанія испельно-сѣрыя, украшенныя 7—8 темными, у краевъ расплывшимися полосами. Глаза темно-каріе, клювъ черный, ноги свинцово-сѣрыя.

Малый кроншнеп (*Numenius tenuirostris, hastatus, syngenicus*. Sichelvögel. Courlis tenuirostre) отличается от среднего кроншнепа, которому по величине приблизительно равен, заметно более тонким клювом, более светлой окраской всего оперения, иногда цветом нижних шейных перьев, теменем, покрытым по ржаво-желтому основному фону черно-бурыми пятнами, большими ийцевидными или ромбическими пятнами по бокам груди и в пахах, а равно и белыми хвостовыми перьями, украшенными ясно очерченными черными поперечными полосами.

Стеверный кроншнеп (*Numenius borealis, brevirostris, microrhynchus*, Scolopax

Большой кроншнеп. *Numenius arcuatus* $\frac{1}{4}$ вост. вел.

borealis. Eskimobrachvogel. Courlis boréal) меньше всех вышеприведенных видов. Длина его достигает около 35 см., длина его крыла 19, хвоста 9, клюва 6 см. В перьях верхних частей тела преобладает умбро-бурая окраска с красноватым налетом на плечах и желтовато-белыми или бледными красноватыми краями перьев. Серединная продольная полоска на голове и надбровная полоска—глинисто-желтая с мелкими темными штрихами. Горло, нижняя часть груди и брюхо желтовато-белого цвета. Шея и зоб с темно-бурыми полосками, бока груди и паха с такими же стреловидными пятнами. Маховые перья имеют белые стержни, сами же землисто-бурого цвета. Хвостовые перья темно-бурого цвета, переходящего в красноватый и снабжены темно-бурыми поперечными полосами. Глаза темно-карие; клюв у основания желтоватого мясного цвета, у конца—буровато-черный; ноги зелено-бурые.

Въ Европѣ нѣтъ ни одной области, въ которой не наблюдали бы большого кроншнепа: на сѣверѣ онъ гнѣздится, на югѣ же бываетъ во время своего пролета. Кромѣ того по той же причинѣ его встрѣчаютъ въ большей части Азій. Во время своихъ перелетовъ онъ также регулярно появляется въ Африкѣ, какъ и въ Индіи, прилетая въ сентябрѣ и оставаясь до марта. Въ сѣверо-западной Америкѣ онъ тоже не принадлежитъ къ числу рѣдкихъ птицъ. Въ Германіи онъ появляется въ апрѣлѣ и летъ его продолжается до начала мая, но уже въ концѣ іюля кроншнепъ возвращается обратно, безцѣльно летаетъ повсюду и наконецъ въ сентябрѣ улетаетъ на зимовку, конечно если погода не благоприятна, такъ какъ при случаѣ онъ зимуетъ въ сѣверныхъ странахъ, въ Германіи рѣже, въ Великобританіи и на Ферерскихъ островахъ чаще. Въ Греціи, по словамъ графа фонъ-дербъ-Мюле, а въ Испаніи, по моимъ личнымъ изслѣдованіямъ, одиночныхъ кроншнеповъ встрѣчаютъ круглый годъ. Средній кроншнепъ въ гнѣздовую пору живетъ въ тундрахъ далекаго сѣвера, совершаетъ такіе же далекіе перелеты, какъ и другіе виды, поэтому, какъ и большой кроншнепъ, долженъ быть причисленъ къ птицамъ космополитамъ. Въ Германіи малый кроншнепъ представляетъ собой весьма рѣдкое явленіе, свойственъ Средиземно-морскимъ областямъ и на пролетахъ посѣщаетъ часть Африка и Азія. Наконецъ сѣверный кроншнепъ есть житель дальняго сѣвера Америки и посѣщаетъ Европу только случайно и очень рѣдко.

По образу жизни всѣ виды такъ походятъ другъ на друга, что будетъ совершенно достаточнымъ, если я ограничусь описаніемъ образа жизни большого кроншнепа. Изъ всѣхъ куликовъ онъ выказываетъ себя наименѣ разборчивымъ въ выборѣ мѣстопребыванія. Для него всякое мѣсто хорошо, будь то берегъ моря или внутреннія рѣки и озера, равнины или холмистая мѣстность. Съ мокрыхъ мѣстъ онъ летитъ на совершенно сухія, съ послѣднихъ на поля или луга, съ нихъ снова къ водѣ, словомъ, какъ ему вздумается. Онъ то держится вмѣстѣ съ бекасами, то живетъ въ одной мѣстности съ авдотками. Его встрѣчаютъ всюду, но никогда регулярно. Во время своихъ перелетовъ, совершаемыхъ имъ одинаково днемъ и ночью, онъ во всякомъ случаѣ слѣдуетъ общимъ пролетнымъ путямъ, хотя и оставляетъ рѣки и озера на нѣсколько миль въ сторонѣ и, не задумываясь, перелетаетъ черезъ горы средней высоты. На зимовкахъ онъ коцуетъ такъ же, какъ и у насъ. На озерахъ онъ представляетъ собой обычное явленіе, однако, подобно ибисамъ, онъ ловитъ въ степяхъ кузнечиковъ или, какъ въ Пубіи, отыскиваетъ свой кормъ по скалистымъ берегамъ Нила. Всѣ экземпляры, убитые Пехуземъ Леше въ Нижней Гвинееѣ на берегу моря и въ лагунахъ, питались исключительно краббами.

И наблюдалъ этого кроншнепа на его гнѣздовьяхъ въ Лапландіи и Сибири, Бѣломъ и Голубомъ Нилѣ, въ Египтѣ, Греціи, Испаніи и Германіи, видѣлъ его при различныхъ условіяхъ и убѣдился, что онъ всегда остается однимъ и тѣмъ же. Онъ всегда пугливъ, остороженъ, недоувѣрчивъ, полонъ сознанія собственного достоинства и все-таки боязливъ. Будучи болѣе общественной птицей, чѣмъ многіе другіе кулики, онъ охотно соединяется въ небольшія общества и его осторожность всегда собираетъ вокругъ него стаи другихъ, менѣ понятливыхъ голенастыхъ птицъ. Онъ же остается среди этого смѣшаннаго общества столько времени, сколько ему заблагоразсудится. Онъ летитъ на призывной голось другого кроншнепа, по крайней мѣрѣ откликается на него, о крикахъ же другихъ птицъ онъ мало заботится. Къ остальнымъ животнымъ онъ относится или равнодушно, или недоувѣрчиво и пугливо. Человѣка онъ избѣгаетъ всюду, даже въ мѣстахъ гнѣздованія, хотя тамъ онъ выказываетъ себѣ несравненно менѣ пугливымъ, чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ

мѣстахъ. На южныхъ озерахъ онъ становится невыносимымъ, такъ какъ для охотника является еще болѣе неприятнымъ стражемъ, чѣмъ пугалица, постоянно взлетая, не только тогда, когда опасность становится совершенно близкой, но даже и тогда, когда еще издали видить что-либо подозрительное. При этомъ онъ очень хорошо распознаетъ опасныхъ для него людей отъ неопасныхъ, подпуская къ себѣ пастуха и крестьянина и улетая отъ всякаго болѣе или менѣе необычнаго для него челоуѣка. Моимъ чернымъ помощникамъ удавалось убивать кроншнеповъ гораздо чаще, чѣмъ мнѣ, хотя я и прилагалъ всѣ старанія перехитрить это лукавое созданіе.

Осанкой, походкой, полетомъ и голосомъ кроншнепъ выгодно отличается отъ всѣхъ остальныхъ куликовъ. Онъ ходитъ крупными шагами, но легко и красиво, «поступно джентльмена», какъ выражается Науманъ; если ему нужно идти быстро, онъ удваиваетъ величину шаговъ, но не число ихъ; онъ часто бродитъ по брюхо въ водѣ и плаваетъ хорошо и непринужденно. Полетъ его, хотя и не особенно быстрый, но ровный, правильный, ловкій и иногда сопровождается самыми разнообразными поворотами. Передъ тѣмъ, какъ сѣсть, кроншнепъ обыкновенно нѣкоторое время кружится въ воздухѣ; опускаясь съ значительной высоты, онъ складываетъ крылья какъ камнемъ, со свистомъ, несется стремглавъ внизъ, однако, нѣсколькими взмахами крыльевъ и распустивъ ихъ, во время удерживается отъ удара о землю, на которую и садится послѣ нѣ котораго ковылянія въ воздухѣ. Голосъ его состоитъ изъ округленныхъ, полныхъ, звучныхъ тоновъ, которые можно передать слогами «таю таю» *) и «тлаюд тлаюд». Переключаясь, кроншнепы издають «тви тви»; крикъ страха— крихтящее «крэ» или «крю». Въ пору спариванія они издають еще одинъ звукъ, но послѣдній собственно состоитъ изъ обычнаго призывнаго крика, нѣсколько расплывающагося, особеннымъ почти не поддающимся описанію образомъ.

Нѣкоторыя области сѣверной Германіи служатъ постояннымъ мѣстомъ гнѣздованія кроншнеповъ, однако собственно область выплыванія ихъ лежитъ все-таки въ сѣверныхъ странахъ, и тамъ, какъ замѣчено, они гнѣздуютъ главнымъ образомъ въ тундрѣ. Въ Лапландіи они встрѣчаются приблизительно въ то-же время, какъ и у насъ, и скорѣ послѣ прилета приступаютъ къ размноженію. Въ это время самецъ подаетъ свой призывной крикъ каждый день, больше же всего въ тихіе полуденные часы, въ то время, какъ самка занята отыскиваніемъ подходящей для гнѣзда кочки на болотѣ. Гнѣздо кроншнепа — простая ямка среди мха или осоки, которая, по моему, просто выминается и выравнивается, а не выкапывается птицей. Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ гнѣздъ я нашелъ скудную подстилку изъ натасканнаго растительнаго матерьяла; въ другихъ она состояла изъ мха. Четыре яйца, крупнѣе утиныхъ, имѣютъ около 66 мм. въ длину и 46 мм. въ толщину; они имѣютъ грушевидную или округлую форму, не слишкомъ гладкія, лишены глянца и по грязному оливково-зеленому фону, отражающемуся болѣе или менѣе желтымъ и буроватымъ цвѣтомъ, — покрыты темно-сѣрыми нижними пятнами и крапинками и зеленоватыми черно-бурыми поверхностными пятнами, штрихами и завитками. Самецъ и самка, повидному, сидятъ на яйцахъ попеременно, по меньшей же мѣрѣ проявляютъ горячую любовь къ своему потомству и, при видѣ врага, ради него подвергаютъ себя опасности. Молодые, какъ только возможно скорѣе, уодятся въ мѣста, заросшія высокой травой.

Пичу взрослыхъ кроншнеповъ составляютъ насѣкомыя, самыя разнообразныя

*) Этотъ крикъ кроншнепа лучше передать слогами «тюи тюи», причемъ оба слога слитые: первый — короче и ниже, второй — выше и болѣе растянутый. *Примѣч. перев.*

и во всѣхъ стадіяхъ развитія, червяки, ракушки, рачки, также рыбешки и гады и, наконецъ, всевозможная растительная пища, въ особенности ягоды; молодые ѣдятъ только насѣкомыхъ, а на сѣверѣ исключительно комаровъ и ихъ личинокъ. Въ невольѣти птицы чувствуютъ себя хорошо, скоро привыкаютъ, какъ къ обыкновенному клѣточному корму, такъ къ своимъ воспитателямъ и другимъ, помѣщеннымъ вмѣстѣ съ ними животнымъ. Онѣ становятся очень ручными, чѣмъ и доказываютъ высокую степень своего умственнаго развитія.

Охота за кроншнепами нелегка и лучшимъ помощникомъ для охотника остается все-таки случай. Болѣе благоприятные результаты получаются отъ ловли этихъ птицъ на гнѣздѣ; ихъ тоже ловятъ изъ шалаша, какъ бекасовъ. Въ такихъ случаяхъ кроншнепъ для завязатаго птицелова является такою же желанною добычею, какъ для охотника глухарь или олень. Необыкновенная осторожность и понятливость птицы требуютъ со стороны ловца самой строгой внимательности при ловѣ. Послѣдній не смѣетъ пошевеливаться въ своемъ шалашѣ, долженъ хорошо подражать голосу птицы, притомъ избѣгать выкрикивать его не во время или затягивать этотъ крикъ. Часто такая охота является хорошимъ испытаніемъ терпѣнія и заставляетъ ловца выжидать птицъ долго, при этомъ нерѣдко совершенно понапрасну. «Зато не малая же бываетъ и радость птицелова, когда пять, шесть и даже больше кроншнеповъ одновременно запутаются въ сѣтяхъ».

Мясо кроншнеповъ недурно, но по вкусу далеко уступаетъ мясу бекасовъ; при этомъ оно хорошо только позднимъ лѣтомъ, но не осенью или весною. Кроншнепы, убиваемые зимою въ Африкѣ, годятся развѣ только на супъ.

* * *

Слѣдующій родъ **Сукальной, Нетигелей или Веретенниковъ** (*Limosa. Uferschnepfen. Barges*) характеризуется слѣдующими признаками: это довольно крупныя птицы крѣпкаго сложенія, съ небольшою головою; клювъ ихъ очень длинный, прямой или слегка загнутый вверху, у основанія толстый и высокій, къ концу все утончающійся, съ широкимъ ложечкообразнымъ кончикомъ, до самаго конца мягкій и гибкій. Ноги высокія, тонкія, четырехпалыя. Крылья довольно длинныя, узкія, заостренныя; первое маховое перо ихъ самое длинное; плечевыя перья образуютъ добавочныя крылышки. Хвостъ короткій, закругленный или округлый и состоитъ изъ двѣнадцати перьевъ. Мелкое опереніе густое, плотное, гладко прилегающее. Окраска у всѣхъ очень однообразная, мѣняющаяся смотря по времени года. По строенію и образу жизни нетигели ближе всего стоятъ къ улитамъ, хотя съ другой стороны нельзя отрицать нѣкотораго сходства ихъ съ кроншнепами и бекасовыми.

Лапландскій сукалень, Красный или Малый веретенникъ, Малый нетигель, Песарь морской (*Limosa lapponica, ferruginea, novaboracensis, Scolopax lapponica, leucophaea, Tringa gregaria, Totanus ferrugineus, leucophaeus, Limicola lapponica, Fedoa rufa, pectoralis, meyeri. Pfuhschnepfe. Barge aboyeuse*) отличается слѣдующими признаками: темя и затылокъ его ярко-красно-ржавые съ бурыми продольными штрихами; спина и плечи черныя съ ржавыми пятнами и краями; кроющія перья крыльевъ имѣютъ сѣроватыя и бѣлыя каймы; надхвостье бѣлое съ бурыми пятнышками. Броня, горло, бока шеи и нижнія части тѣла яркаго темно-ржаво-краснаго цвѣта. Бока груди и нижнія кроющія перья хвоста имѣютъ черныя продолговатыя пятна. Маховыя перья черныя съ бѣлыми мраморными разводами; рулевыя перья снабжены сѣрыми и бѣлыми поперечными полосами. Глаза каріе; клювъ красноватый, на концѣ черно-сѣрый; ноги черныя. У самокъ окраска менѣе яркая. Въ зим-

немъ нарядѣ этотъ сукалень имѣеть верхнія части пепельно-сѣрыя, продольно покрыты черновато-бурыми пятнами, спину, надхвостье и нижнія кроющія перья хвоста бѣлыя, кроющія перья крыльевъ черныя съ бѣлыми каймами, нижнія части тѣла бѣлыя. Длина птицы достигаетъ 41 см., размахъ крыльевъ 60, длина ея крыла 20, хвоста 7 см.

Чернохвостый сукалень, Большой веретенникъ, Болотный нуликъ (*Limosa aegoccephala, melanura, melanuroides, islandica, jadrecia, Scolopax limosa, belgica, aegoccephala, Totanus limosa, aegoccephala, Actitis limosa, Limicola, Fedoa limosa. Uferschnepfe. Limose*) бываетъ 45—48 см. длины, размахъ его крыльевъ 80, длина крыла 23, хвоста 9 см. Преобладающая окраска его малаго оперенія—ржаво-красная. На головѣ и верхней части спины идутъ широкія стержневые пятна, на нижнихъ шейныхъ перьяхъ пятна стрѣловидныя. Нижнія части, начиная отъ зоба, имѣють черныя поперечныя полосы. Малая кроющія перья крыльевъ—сѣрыя; нижняя часть спины буровато-черная; надхвостье бѣлое. Маховыя перья черноватыя; начиная отъ четвертаго, они имѣють основныя части бѣлыя. Хвостовыя перья у основанія бѣлыя, другія части ихъ черныя. Глаза каріе; клювъ у основанія оранжевый, далѣе рогово-го-чернаго цвѣта; ноги черныя. Въ зимней одеждѣ птица сѣрая, не покрыта пятнами, нижнія части ея свѣтлыя, блѣдно-сѣрыя.

Всѣ нетигели ведутъ настолько одинаковый образъ жизни, что я позволю себѣ ограничиться описаніемъ одного лапландскаго сукальня.

Область его гнѣздованія лежитъ въ сѣверной Европѣ и сѣверной Азіи. Оттуда во время своихъ перелетовъ онъ посѣщаетъ большую часть южной Азіи, всю южную Европу и сѣверную Африку, до южной Нубіи и Гамбіи включительно; такимъ образомъ онъ массами появляется и на берегахъ Германіи, а въ особенности Голландіи. «Мириадами», говоритъ Науманъ, «летаютъ они по западному берегу Шлезвига и Ютландіи, носясь тучами съ отмелей на луга и выгоны и обратно, смотря по приливу и отливу. Тамъ, гдѣ съѣла одна изъ подобныхъ стай, берегъ буквально сплошь покрывается ею на большое пространство, тамъ же, гдѣ они, расположась на болотѣ и, отыскивая кормъ, сидятъ менѣе тѣсно другъ къ другу, площадь, занимаемую ими, почти нельзя окинуть взоромъ. Это количество птицъ просто невѣроятно и взлетающая стая ихъ часто издали напоминаетъ густые клубы поднимающагося дыма». Главная масса птицъ, повидимому, совершаетъ свой пролетъ, слѣдя берегамъ морей; но крайней мѣрѣ внутри Германіи нетигели встрѣчаются лишь въ небольшомъ числѣ. Напротивъ того, ихъ очень часто видятъ на югѣ Европы и въ особенности по побережнымъ озерамъ Нижняго Египта; вообще же страны, лежащія у Средиземнаго моря, служатъ главной зимней квартирой для тѣхъ нетигелей, которые летятъ изъ сѣверо-западной Европы. Едва только стаи, встрѣчаемыя тамъ весною на болотахъ, потянутъ на сѣверо-востокъ, какъ уже нѣкоторые одиночыя старики возвращаются обратно; по мнѣнію Наумана, это тѣ, которыхъ на гнѣздовыхъ постигла неудача и которые остались безъ птенцовъ. Настоящій летъ начинается въ концѣ августа и длится весь сентябрь; обратный прилетъ начинается въ апрѣлѣ и продолжается до середины мая. Во время лета нетигели неохотно отдаляются отъ моря, кочуютъ по отмелямъ и песчанымъ дюнамъ, обнаженнымъ отливомъ, при наступающемъ приливѣ возвращаются на материкъ, высылаютъ развѣдчиковъ узнать объ отливѣ, съ оглушительнымъ шумомъ снимаются, когда послѣдніе принесутъ имъ благопріятныя извѣстія, спѣшатъ къ водѣ и слѣдуютъ по отмелямъ за убѣгающими волнами отлива. «Все здѣсь», говорятъ Науманъ, «полю веселья и радости; ясно видно, что птицы здѣсь чувствуютъ

себя свободно я въ своей сферѣ. Эти повторяющіяся часовъ 5—6 подрядъ перемѣщенія съ суши на влажный берегъ такой удивительной массы большихъ и красивыхъ птицъ представляютъ для натуралиста прекрасный случай полюбоваться интереснымъ зрѣлищемъ». Тѣ нетигели, которые держатся внутри материка, тоже любятъ летать отъ воды на сухія мѣста и возвращаться обратно. Полдень, во время котораго они спятъ, они проводятъ на сушѣ, а вечеромъ предпочитаютъ быть у воды и проводятъ около нея всю ночь или же по крайней мѣрѣ какъ вечернія, такъ и утреннія сумерки.

Большіе веретенники ходятъ размѣренными шагами по урѣзу водъ или по брюхо бродятъ въ водѣ; они плаваютъ и въ случаѣ нужды умѣютъ превосходно нырять. Шиллингъ наблюдалъ, какъ одинъ подстрѣленный имъ лапландскій сукалень передъ его глазами нырнулъ въ море и уже болѣе не показывался; подобное нѣсколько разъ и мнѣ случалось видѣть на озерѣ Мензалѣ. Полетъ нетигелей по легкости и ловкости похожъ на полетъ болѣе мелкихъ улитовъ и почти не уступаетъ ему въ быстротѣ, по крайней мѣрѣ можно видѣть, какъ малые нетигели и улиты продолжительное время могутъ летѣть вмѣстѣ, не перегоняя другъ друга. Передъ тѣмъ, какъ сѣсть, большіе веретенники обыкновенно трепещутъ крыльями и прежде, чѣмъ сложить ихъ, поднимаютъ оба конца перпендикулярно надъ собою. Нѣсколько нетигелей, летающихъ вмѣстѣ, рѣдко придерживаются опредѣленнаго порядка, большею же частью образуютъ неправильныя стаи; однако во время лета стая ихъ располагается клиномъ. Голосъ ихъ отличается отъ голоса маленькихъ улитъ глубиной тона и неблагозвучностью. Призывной голосъ нетигелей звучитъ вродѣ «кэу» или «кей кеи», или же «іэк іэк іэк»; крикъ во время спариванія благозвучнѣе, болѣе напоминаетъ звукъ флейты, вродѣ «табіе табіе». Впрочемъ, по благозвучію, собственно, ни одинъ птичій голосъ не можетъ сравняться съ крикомъ улита.

Своимъ поведеніемъ большіе веретенники выказываютъ хорошее развитіе вѣшнихъ чувствъ и понятливости. Иногда попадаютъ совершенно непугливые экземпляры, большинство же тщательно избѣгаютъ охотника и умѣютъ различать опасныхъ для нихъ людей отъ безопасныхъ. Стайка веретенниковъ всегда пуглива, гдѣ бы она ни сидѣла; не менѣе боязливы и одиночные экземпляры, когда они уже испытаютъ преслѣдованіе, да и не только въ одномъ этомъ случаѣ, но и тогда, когда они являются вожаками доврившагося имъ общества мелкихъ куликовъ. По словамъ Наумана, такой славой пользуются въ особенности молодые чернохвостые веретенники, по моимъ-же наблюденіямъ, старыя въ этомъ случаѣ не разнятся отъ молодыхъ. На озерѣ Мензалѣ я рѣдко видѣлъ этихъ веретенниковъ безъ обычной ситы всевозможныхъ песочниковъ и ржанокъ, слѣдившихъ за каждымъ движеніемъ ихъ пожака-веретенника и вообще подчинявшихся ему во всемъ. Къ такому обществу другіе виды улитъ не присоединяются, словно желая показать, что они сами способны быть вожаками другихъ.

Пищу веретенниковъ составляютъ черви, личинки наѣдомыхъ, сами наѣдомыя, мелкія ракушки, молодыя рачки и рыбешка; болѣе крупную добычу они глотать не могутъ. Дѣйствительно-ли клювъ ихъ такъ чувствителенъ, какъ полагаютъ, и можетъ отыскивать кормъ безъ помощи зрѣнія—съ достовѣрностью еще неизвѣстно.

О способѣ размноженія малыхъ нетигелей до сихъ поръ еще свѣдѣнія крайне недостаточны и неточны, напротивъ, про большихъ веретенниковъ мы знаемъ, что они гнѣздятся большою частью преимущественно въ Ютландіи, Голландіи и Польшѣ, устраивая свои гнѣзда на слегка возвышенныхъ мѣстахъ въ глубь большихъ болотъ, топей или на сырыхъ топкихъ лугахъ. Гнѣзда эти представляютъ собой простыя ямки, выложенныя корешками и стебельками травы. Въ концѣ апрѣля въ

нихъ кладутся 4 крупныя яйца въ среднемъ 55 мм. длиной и 38 мм. толщиной; они имѣютъ выпуклую форму и по сѣро-желтоватому, буроватому, темно-оливково-зеленому или ржаво-бурому, всегда мутному фону покрыты крупными и мелкими пятнами, штрихами и крапинками пепельно-сѣраго и темно-бурого цвѣтовъ. Самецъ и самка насиживаютъ яйца попеременно, совершенно предаваясь заботамъ о нихъ. Они летаютъ съ громкими жалобными криками вокругъ всякаго, потревожившаго ихъ покой и приближившагося близко къ гнѣзду; птенцовъ водятъ они также сообща.

Въ неволѣ большіе веретенники ведутъ себя такъ-же, какъ другіе кулики, легко привыкаютъ къ корму, быстро свыкаются, научаются узнавать ухаживающаго за ними сторожа и превосходно выживаютъ по нѣсколько лѣтъ.

* *

Одинъ видъ, не принадлежащій Европѣ, можетъ быть рассматриваемъ, какъ переходная форма отъ улитовъ къ бекасовымъ. Этотъ видъ, получившій, благодаря вышесказанному, смѣшанное нѣмецкое названіе (*Schnepfenlimose*), **Сѣрый сукалень** (*Macrorhamphus griseus, punctatus, scolopaceus, Scolopax grisea, paykullii, Limosa grisea, scolopacea, Totanus noveboracensis, Limnodromus griseus, Schnepfenlimose, Barge grise*). Въ виду того, что онъ нѣсколько разъ появлялся въ Европѣ, именно въ Великобританіи и Франціи, онъ заслуживаетъ упоминанія. Принадлежитъ онъ къ особому роду **Длинноногихъ нетигелей** (*Macrorhamphus, Schnepfenläufer*) и характеризуется главнымъ образомъ длинными ногами съ длинной плюсной, перепонкой между наружнымъ и среднимъ пальцами, двѣнадцатиперымъ хвостомъ и измѣчивымъ, смотря по времени года, опереніемъ. Последнее въ брачную пору имѣетъ красновато-бурюю, снизу болѣе свѣтлую основную окраску, покрытую темно-бурыми пятнышками. Перья имѣютъ блѣдно-сѣрые края. Передъ шеей и брюхо почти одноцвѣтныя, преобладающій цвѣтъ надхвостья — сѣрый съ болѣе темнымъ поперечнымъ волнистымъ рисункомъ. Голова украшена широкими ржаво-желтыми надбровными и узкими болѣе темными уздечковыми полосками. Хвостовыя перья и нижнія кроющія перья крыльевъ — бѣлыя, украшенныя широкими черными поперечными полосками; оба самыя среднія хвостовыя пера ржаво-красныя и поперечныхъ полосъ не имѣютъ. Большой маховыя перья одноцвѣтныя черно-сѣрыя, малыя-же маховыя только на концахъ имѣютъ узкія бѣловатыя каймы. Глаза темно-каріе; клювъ черно-бурый; ноги зеленовато-бурыя. Въ зимнемъ опереніи птицы имѣютъ основной цвѣтъ свѣтло-пепельно-сѣрый, пятна болѣе матовыя и менѣе отчетливыя. Длина птицы достигаетъ около 29 см., размахъ крыльевъ 50, длина крыла 14, хвоста 6 см.

Сѣрый сукалень живетъ въ тундрахъ Сѣверной Америки, но ежегодно совершаетъ перелеты, именно, начиная съ августа до октября и въ апрѣлѣ и маѣ, черезъ Соединенные Штаты, направляясь на зимовку въ среднюю или Южную Америку. По характеру окраски, по повадкамъ и образу жизни сѣрые сукалень напоминаютъ нетигелей, почему ихъ и слѣдуетъ номѣстить рядомъ съ этими птицами. Они носятъ разную брачную и зимнюю одежды, не будучи обезпокоены, не прячутся въ камыши, но бѣгаютъ и бродятъ по берегу, образуютъ многочисленныя стаи и охотно также присоединяются къ другимъ береговымъ птицамъ. Они никогда не сидятъ скученной стаей и держатъ себя непринужденно, почему иной разъ всѣ дѣлаются добычей охотника. Всѣ эти качества болѣе свойственны веретенникамъ, нежели бекасовымъ. Будучи боязливыми, они въ то же время необыкновенно доверчивы; нервы выстрѣлъ ихъ мало тревожитъ и, спугнутые имъ,

они возвращаются обратно часто на то же мѣсто, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ уже нашли смерть. Если ихъ не тревожить, то всѣ птицы этого пернатого общества находятся въ непрерывной дѣятельности: онѣ ходятъ, бѣгаютъ, бродятъ по водѣ, тыкаютъ клювомъ, засовывая его по самое основаніе въ тину, отыскивая свой кормъ—всевозможныхъ червячковъ, улитокъ, мелкихъ ракушекъ, личинокъ насѣкомыхъ, растительные остатки, а также сѣмена,—и при всемъ этомъ не обращаютъ никакого вниманія, если волны ходятъ имъ черезъ головы. Въ случаѣ пужды они умѣютъ хорошо плавать и нырять. Полетъ ихъ такъ-же быстръ и ловокъ, какъ и продолжителенъ. Голосъ ихъ—слабый крикъ; ихъ перекликаніе можно назвать шушуканьемъ.

Гнѣзда сѣрыхъ сукальней, простые слегка выложенныя внутри углубленія на травянистыхъ мѣстахъ, содержатъ въ юнѣ 4 яйца, почти не отличающихся отъ бекасиныхъ и имѣющихъ въ длину среднимъ числомъ 42 мм., въ толщину 27 мм.

Безразсудная довѣрчивость этихъ птицъ облегчаетъ охоту за ними, а превосходное мясо вознаграждаетъ эту охоту. Последнее, если и не можетъ сравниться на вкусъ съ бекасинымъ, то все же много превосходитъ мясо песочниковъ и улитовъ.

*

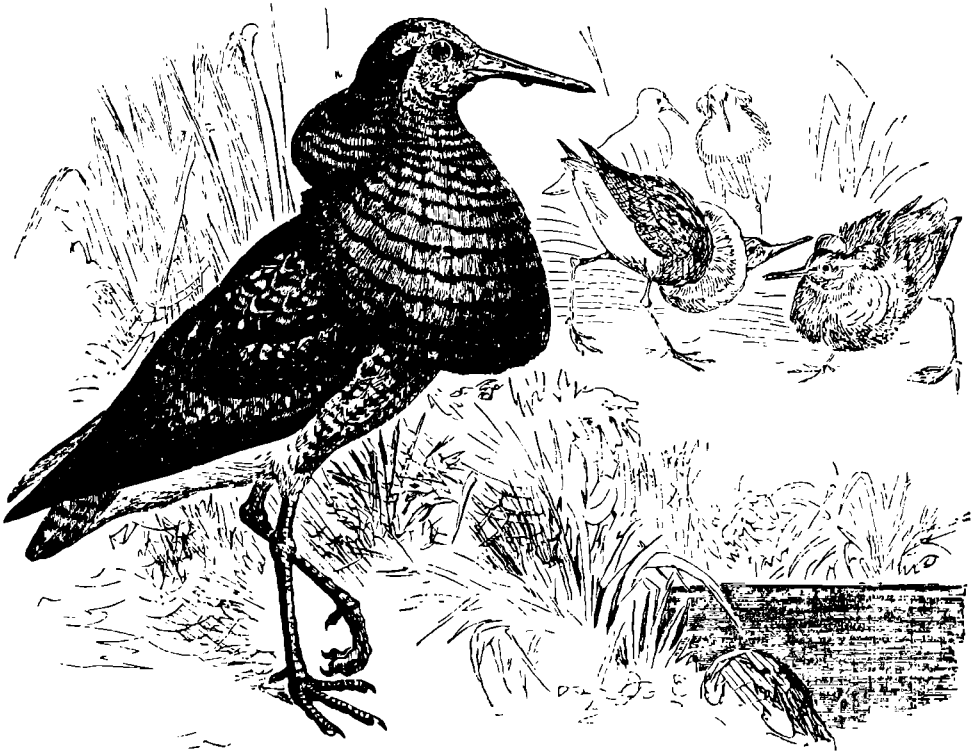
Улиты, Лозники (*Totanus. Wasserläufer. Chevaliers*) характеризуются слѣдующими признаками: они довольно стройнаго тѣлосложенія, съ небольшою головою, длиннымъ клювомъ и высокими ногами. Клювъ ихъ равенъ длинѣ головы или немного длиннѣе; отъ основанія до середины онъ мягокъ, у конца—роговой. Ноги у улитовъ бываютъ разныя: то высокія и тонкія, то короткія и сильныя; онѣ имѣютъ обыкновенно четыре, но иногда и три пальца. Крылья длинныя и узкія, первое маховое перо ихъ самое длинное. Хвостъ двѣнадцатиперый, короткій, закругленный, ступенчатый или клиновидный. Мелкое опереніе плотно прилегаетъ къ тѣлу и мѣняется дважды въ году. Самцы и самки немного отличаются величиною и большею частью очень мало или совсѣмъ не различаются по окраскѣ.

Какъ и только что описанныя птицы, улиты свойственны преимущественно сѣверу; однако всѣ виды ихъ совершаютъ перелеты, во время которыхъ посѣщаютъ всѣ лежація на пути области. Ихъ мѣстопребываніемъ служатъ берега текучихъ и стоячихъ водъ, болота и топи, рѣже берегъ моря. На зимовкахъ они присоединяются къ другимъ птицамъ, иногда совершенно другаго вида, однако рѣдко сбиваются въ такія крупныя стаи, какъ песочники. Образъ жизни ихъ имѣетъ много привлекательнаго; походка красивая, проворная, шагающая; полетъ необыкновенно легокъ и быстръ; голосъ заключаетъ въ себѣ пріятныя, высокіе, напоминающіе флейту и далеко слышныя звуки, которые у разныхъ видовъ такъ сходны, что улиты одного вида нерѣдко летятъ на крикъ улитовъ другаго вида. Гнѣздо большею частью устраивается на землѣ, но иногда и на деревьяхъ; кладка состоитъ также изъ четырехъ сравнительно крупныхъ грушевидныхъ или округлыхъ яицъ, покрытыхъ буро-сѣрыми пятнами по оливково-зеленому фону. Яйца насиживаются самкой. Птенцы съ первыхъ же дней существованія бѣгаютъ за старикомъ, при опасности, какъ и птенцы родственныхъ имъ видовъ, чрезвычайно ловко прячутся на землѣ или въ травѣ, скоро научаются перепархивать и, достигнувъ полнаго умѣнія летать, становятся вполне самостоятельными.

Всѣ улиты принадлежатъ къ числу осторожныхъ и пугливыхъ птицъ; крупныя виды, благодаря этому, берутъ на себя роль вожака вездѣ, гдѣ только они живутъ вмѣстѣ съ другими береговыми птицами. Охота за ними отнюдь не всегда удачна, ловля также сопряжена съ известными трудностями. Въ клѣткахъ они

обживаются скоро, привыкаютъ къ клѣточному корму и при болѣе или менѣе надлежащемъ уходѣ выживаютъ въ невольѣ годы.

Самый интересный изъ всѣхъ улитовъ **Турухтань, Курухтань, Таратайна.** (*Totanus pugnax, indicus, Machetes pugnax, alticeps, planiceps, minor, optatus, Tringa pugnax, littorea, equestris, grenovicensis, rufescens, Philomachus pugnax, Pavoicella pugnax, Limosa hartwickii. Kampfläufer. Combattant*). Клювъ его равенъ длинѣ головы, прямой, у кончика слегка согнутый, но не расширенный, по всей длинѣ мягкій. Ноги высокія и тонкія, неоперенныя далеко выше плюсны. четырехпалыя; средній палецъ съ самымъ наружнымъ соединены между собой маленькой перепонкой, задній

Турухтань. *Totanus pugnax*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

палецъ короткій и сочленяется довольно высоко. Крылья средней длины и заостренныя; первое маховое перо ихъ самое длинное. Хвостъ короткій, плоско закругленный. Мягкое и густое мелкое опереніе къ тѣлу прилегаетъ большею частью гладко; весною самцы украшаются большими боевыми воротниками, покрывающими у нихъ шею и грудь. Самцы отличаются отъ самокъ тѣмъ, что на треть крупнѣе ихъ, въ брачную пору опереніе ихъ въ высшей степени разнообразно по цвѣту, около клюва у нихъ вырастаютъ своеобразныя бородавки, осенью пропадающія вмѣстѣ съ воротниками. Описанія, которое было бы общимъ для всѣхъ турухтановъ, дать невозможно. Верхняя сторона крыльевъ—темно-буро-сѣрая, хвостъ черно-сѣрый съ черными пятнами на шести среднихъ перьяхъ, брюхо бѣлое, все-же остальное опереніе бываетъ чрезвычайно разнообразно по окраскѣ и рисунку. Последнее въ особенности относится къ воротнику, состоящему изъ жест-

нихъ, крѣпкихъ, около 5 см. длиною перьевъ, окружающихъ большую часть шеи. Фонъ его бываетъ черно-синяго, чернаго, черно-зеленаго, темно-ржаво-бураго, красно-бураго, ржаваго, бѣлаго и другихъ цвѣтовъ; при этомъ онъ бываетъ покрытъ такими разнообразными, болѣе свѣтлыми или болѣе темными пятнами, полосами, разводами или рисунками, что трудно найти двухъ самокъ, которые были бы совершенно похожи другъ на друга. Исслѣдованія показали, что у одной и той же птицы каждый годъ на перѣ появляется тотъ же рисунокъ и та же окраска. Грудные перья бываютъ или одного рисунка съ воротникомъ, или окрашены иначе. То же относится къ окраскѣ спины. Глаза у турухтановъ каріе; клювъ зеленоватый или зеленовато-желтый, мѣняющій болѣе или менѣе свой цвѣтъ вмѣстѣ съ окраской оперенія; ноги обыкновенно красновато-желтаго цвѣта. Длина птицы достигаетъ 29—32 см., размахъ крыльевъ около 64, длина крыла ея 19, хвоста 8 см. Опереніе самокъ не измѣняется. Верхнія части ихъ сѣраго цвѣта, который болѣе или менѣе отливаетъ красноватымъ и покрытъ темными пятнами; лицевая часть и лобъ обыкновенно свѣтло-сѣрые; перья верхушки головы сѣрыя съ продольными буро-черными пятнышками. Затылочныя перья сѣрыя, перья спины и плечъ имѣютъ буро-черное среднее поле и ржавые края; перья на горлѣ и подъ глоткой сѣрыя, опереніе брюха болѣе или менѣе бѣлаго цвѣта. Длина самки достигаетъ самое большее 26 см. при размахѣ крыльевъ въ 57 см.

Отечество турухтановъ—сѣверъ Стараго Свѣта; одиночные экземпляры, впрочемъ, залетали и въ Сѣверную Америку. На своемъ пролетномъ пути эти птицы не только посѣщаютъ всѣ европейскія и азиатскія области, но и всю Африку; такъ, ихъ убивали какъ въ Капской землѣ, такъ и въ Сенегалѣ и въ верхнемъ теченіи Нила. Очень обширныя плоскія болота—излюбленныя мѣста пигалицъ—обыкновенно служатъ пристанищемъ и для турухтановъ; однако они не распространяются такъ широко, какъ первыя. Южную Германію турухтаны посѣщаютъ только пролетомъ; въ сѣверной Германіи мѣстами они поселяются регулярно. Ихъ часто можно видѣть на морскомъ берегу, хотя настоящей морской птицей ихъ назвать нельзя. Они слѣдуютъ теченію рѣкъ отъ моря и до далекихъ областей внутри материковъ, держатся большею частью только вблизи этихъ рѣкъ, но иногда отлетаютъ довольно далеко отъ ихъ береговъ и встрѣчаются часто на поляхъ и даже въ степяхъ.

Въ Германіи пролетъ турухтановъ начинается въ началѣ мая, рѣдко уже въ послѣднихъ числахъ апрѣля; они посѣщаютъ свои лѣтнія мѣста и уже въ іюлѣ и августѣ снова начинаютъ кочевать или приготовляться къ отлету. Турухтаны летятъ тоже ночью, причемъ всегда стаями, которыя обыкновенно при летѣ вытягиваются цѣпью, образуя клинъ. Самцы летятъ отдѣльно отъ самокъ и молодыхъ; на зимовкахъ самцы и самки также держатся раздѣльно. Многочисленные стаи, встрѣченныя мною на озерѣ Мензалѣ и въ бассейнѣ низменности Судана, обыкновенно состояли изъ самокъ; самцы же попадались мнѣ на глаза по одиночнo и рѣдко. Самки первыя оставляютъ насъ и послѣдними прилетаютъ къ намъ обратно; вѣроятно всякаго сомнѣнія, что на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ ежегодно пролетаютъ тѣ же самыя птицы.

До послѣ птенцовой поры поведеніе самокъ и самокъ совершенно одинаково. Походка ихъ красивая, скорѣе шагающая, нежели бѣгающая, поступъ гордая и полная достоинства; полетъ очень быстрый, скорѣе плавный и отличающійся легкими и быстрыми поворотами. До птенцовой поры турухтаны ведутъ себя очень хорошо: они общительны, держатся дружно вмѣстѣ, иногда даже, хотя всегда лишь на короткое время, смѣшиваются съ такими же стаями другихъ

куликовъ и весело посятся въ опредѣленномъ районѣ ихъ мѣстожительства, проявляя свою дѣятельность то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, смотря по времени дня. Едва покажется заря, какъ они, подобно родственнымъ имъ видамъ, уже веселы и бодры и такъ вплоть до глубокой ночи, а при лунѣ и всю ночь; такимъ образомъ отдыхаютъ и спятъ они самое большее въ полуденные часы. Утромъ и вечеромъ они усердно заняты отыскиваніемъ корма, который состоитъ изъ различныхъ водныхъ животныхъ; впрочемъ, они ѣдятъ и наземныхъ насекомыхъ, червяковъ, а также и различныя сѣмена. Въ Индіи, въ продолженіи всей зимовки, они почти исключительно питаются рисомъ; то же самое должно быть и въ Египтѣ, такъ какъ тамъ я находилъ ихъ также на рисовыхъ поляхъ. Отыскивая кормъ, они обыкновенно ведутъ себя тихо и молчаливо, могущенные всецѣло своимъ важнымъ занятіемъ; въ это время можно развѣ только при влетѣ услышать ихъ очень слабый крикъ,—оживленное «какъ какъ». Съ наступленіемъ ночи они становятся болѣе дѣятельными и часто долгое время носятся повсюду, повидимому, ради собственнаго удовольствія.

Поведеніе турухтановъ совершенно измѣняется, когда наступитъ пора спариванія. Въ это время они оправдываютъ вполне свое латинское названіе (*rig-na*—боевой). Между самцами начинаются непрерывныя драки, безъ особенныхъ побудительныхъ къ нимъ причинъ, возможно даже, что не изъ-за самокъ, а изъ за всякой мухи, жучка, червячка, изъ-за мѣста,—словомъ изъ-за всего, а въ сущности не изъ-за чего; близко ли отъ нихъ самки, или ихъ вовсе нѣтъ по близости, пользуются ли они сами свободой, или находятся въ неволѣ, пойманы ли они нѣсколько часовъ тому назадъ, или уже годы прожили въ клеткѣ, — все это для турухтановъ не имѣетъ значенія: когда приходитъ время, они пускаются между собою въ драки, дерутся во всякое время дня, короче, — дерутся рѣшительно при всѣхъ условіяхъ. На свободѣ они собираются на особыя мѣста, которыя тамъ, гдѣ турухтаны въ изобиліи, бываютъ расположены другъ отъ друга шаговъ на 500 — 600. Такія мѣста посѣщаются дерущимися турухтанами ежедневно и отъ постоянного пользованія ими сами собою становятся отличными отъ окружающей ихъ почвы. Мѣстомъ боя избирается слегка возвышенная, всегда сырая, покрытая короткой травой площадка отъ 1,5 до 2 м. въ поперечникѣ. Такое мѣсто нѣсколько разъ въ день посѣщается извѣстнымъ количествомъ самцовъ. Здѣсь каждый поджидаетъ своего противника и вступаетъ съ нимъ въ драку. Пока воротниковыя перья еще не вполне выросли, на этихъ площадкахъ не увидишь ни одного турухтана, но лишь только они одѣнутся въ свой полный брачный нарядъ, они уже тамъ и съ удивительной настойчивостью придерживаются своего разъ выбраннаго мѣста.

«Первый прибывшій самецъ», превосходно и вѣрно описываетъ Пауманъ, «оглядывается кругомъ, ища глазами другого; если таковой прилетѣлъ, но не расположенъ еще къ дракѣ, упомянутый самецъ поджидаетъ третьяго, четвертаго и т. д., и бой искорѣ закипаетъ. Противникъ найденъ, оба сталкиваются, безумно кидаясь другъ на друга, и дерутся такъ въ продолженіи нѣкотораго короткаго времени до истощенія силъ; тогда каждый занимаетъ свое прежнее мѣсто, чтобы отдохнуть, набраться свѣжихъ силъ и начать бой сызнова. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока драка не надоѣстъ обоимъ притивникамъ и они удалятся, впрочемъ обыкновенно не на долго, а очень скоро возвращаются обратно. Эти бои бываютъ всегда только единоборствами: никогда нѣсколько птицъ не дерутся одновременно; однако часто случается, когда на одномъ мѣстѣ сидятъ нѣсколько турухтановъ, что двѣ или три пары, каждая порознь, дерутся одновременно, въ

разныхъ мѣстахъ перекрещиваютъ и пересѣкаютъ арену битвы; причемъ, встрѣчаясь, сталкиваются и перескакиваютъ другъ черезъ друга. Зритель, смотрящій на все это издали, можетъ подумать, что птицы сошли съ ума или одержимы злымъ духомъ. Приготовившись къ битвѣ, оба самца сначала выпрямляются и начинаютъ трести перьями и кивать головой, затѣмъ такъ низко пригибаютъ грудь, что задняя часть тѣла ихъ становится выше: нацѣлившись другъ въ друга клювами, они топорщатъ крупныя грудныя и спинныя перья, приподнимаютъ кверху затылочный воротникъ, выставляя шейный воротникъ щитообразно впередъ. Въ такомъ видѣ они стремглавъ набѣгаютъ и насккиваютъ другъ на друга, осыпая себя взаимно ударами клюва, которые падаютъ на обросшую наростами голову, какъ на шлемъ и на густой шейный воротникъ, какъ на рыцарскій щитъ. Все это съ быстротой слѣдуетъ одно за другимъ, причемъ противники такъ разгораются, что отъ ярости начинаютъ дрожать, что особенно замѣтно въ небольшихъ промежуткахъ между быстро слѣдующими одна за другой схватками. Въ одно нападеніе такихъ схватокъ бываетъ больше или меньше, смотря по степени возбужденности воюющихъ сторонъ; послѣ же нападенія наступаетъ довольно продолжительная пауза. Драка заканчивается почти тѣми же движеніями, съ которыхъ она началась, только дрожаніе и киваніе головой становятся еще сильнѣе, послѣднее ктому-же продѣлывается нѣсколько инымъ образомъ: турухтаны клюютъ носомъ въ воздухъ по направленію къ противнику, повидимому, выражая угрозу. Наконецъ оба встряхиваютъ свои перья и возвращаются на свои мѣста, если только драка имъ не надоѣла; въ противномъ случаѣ на нѣкоторое время они совершенно оставляютъ эту арену боя.

«У нихъ нѣтъ другого оружія, кромѣ ихъ мягкаго, съ утолщеніемъ на концѣ и тупыми краями клюва, орудія весьма несовершеннаго, которымъ они никогда не могутъ ни поранить, ни клонуть до крови, почему при ихъ схваткахъ они лишь въ рѣдкихъ случаяхъ теряютъ свои перья. Самая крупная неудача, которая только можетъ произойти съ бойцомъ, это—если противникъ поймаетъ его за языкъ и нѣкоторое время потаскаетъ за него. Что клювъ ихъ при простыхъ ударахъ можетъ иногда необыкновенно сгибаться—нѣтъ ничего невѣроятнаго и весьма возможно, что, благодаря этому-то и появляются на сильно погнутыхъ или почти надломленныхъ мѣстахъ клюва тѣ выросты или наросты, частенько попадающіяся на клювахъ старыхъ самцовъ, которые и являютъ наиболѣе ярмы драчунами».

Иногда на мѣстѣ боя присутствуетъ и самка. Она занимаетъ такое же мѣсто, какъ и самцы, бѣгаетъ кругомъ между ними, но никогда не вмѣшивается въ драку и скоро опять улетаетъ прочь. Тогда можетъ случиться, что какой-нибудь изъ самцовъ слѣдуетъ за ней и нѣкоторое время они проводятъ вмѣстѣ. Однако вскорѣ онъ снова возвращается на поле битвы, не заботясь болѣе о самкѣ. Никогда не случается, чтобы два самца, летая, гонялись одинъ за другимъ. Драки происходятъ только на избранныхъ аренахъ, внѣ которыхъ царствуетъ полный миръ.

Когда приближается пора кладки, вдали отъ мѣста турнировъ и вблизи будущаго мѣста для гнѣзда, можно увидѣть или самца въ обществѣ двухъ самокъ, или, наоборотъ, самку въ сопровожденіи нѣсколькихъ самцовъ. Гнѣздо рѣдко устраивается вдали отъ воды, чаще же помѣщается на какой-нибудь кочкѣ въ болотѣ, представляя собой не болѣе какъ ямку, скудно выложенную твердыми стебельками и травинками. Кладка состоитъ изъ 4-хъ, рѣже трехъ яицъ значительной величины около 40 мм. длины и 32 мм. въ поперечникѣ; послѣдніе бываютъ оливково-буроватаго или зеленоватаго цвѣта съ красновато-бурыми или

черноватыми пятнами, покрывающими яйца у тупого конца обыкновенно гуще, чѣмъ у остраго. Самка сидитъ на яйцахъ одна, высиживая птенцовъ черезъ 17—19 дней. Она очень любитъ свое потомство и возлѣ гнѣзда прибѣгаетъ къ тѣмъ же уловкамъ, какъ и другіе кулики; птенцы ведутъ тотъ же образъ жизни, какъ и у родственныхъ видовъ. Самецъ не заботится о своемъ потомствѣ; онъ дерется съ другими все время, пока еще находятся похотливыя самки, оканчиваетъ свои драки въ послѣднихъ дняхъ іюня и кочуетъ, куда взбредетъ на умъ, по странѣ вплоть до времени отлета.

Ни одного кулика нельзя поймать съ такою легкостью, ни одинъ куликъ не привыкаетъ такъ легко къ неволѣ,—какъ турухтанъ. Стоитъ поставить силки на мѣстѣ боевъ, и самецъ непременно будетъ въ нихъ; турухтановъ ловятъ также часто въ большомъ количествѣ въ сачки для ловли бекасовъ. Въ клѣткахъ они почти тотчасъ-же свыкаются, безъ всякихъ колебаній начинаютъ ѣсть и живутъ очень хорошо. Въ большой общей клѣткѣ они ведутъ себя очень мило и очень занимательны для каждаго, по крайней мѣрѣ въ теченіи птенцовой поры, такъ какъ и въ клѣткахъ они не прекращаютъ своихъ боевъ: каждая брошенная къ нимъ крошка приводитъ въ возбужденіе все общество. По окончаніи поры спариванія наступаетъ миръ, и храбрые воики живутъ между собою уже тихо, миролюбиво и спокойно, хотя иной разъ до того, то другой принимаютъ угрожающія позы.

Кромѣ человека турухтановъ преслѣдуютъ всѣ извѣстные четвероногіе и пернатые враги мелкихъ голенастыхъ птицъ; въ особенности многіе дѣлаются добычей хищныхъ птицъ. Яйца и птенцы гибнутъ при разливахъ; яйца ихъ, какъ и яйца пугалицы, собираютъ на ѣду. Мясо турухтановъ вкусно.

Изъ другихъ видовъ этого рода выше всѣхъ стоятъ **Большой улитъ**, **Травникъ**, **Семенуха**. (*Totanus littoreus, glottis, canescens, griseus, fistulans, glottoides, Scolopax totanus, canescens, Glottis chloropus, natans, nivigula, floridanus, canescens, vigorsii, horsfieldii, Limicola glottis, Limosa totanus, glottoides*. Glutt. Grand chevalier). Клювъ его длинный, тонкій, согнутый кверху и чрезвычайно жесткій. Ноги высокія, съ неоперенной плюсою и голенью въ большей ея части; наружный и средній пальцы ихъ соединены между собою перепонкой. Опереніе верхнихъ частей — буро-черное съ бѣлыми краями перьевъ. Нижняя часть спины и надхвостье чисто-бѣлыя, перья нижнихъ частей также бѣлыя вплоть до груди, покрытой черными продольными пятнами и полосками. Большія маховыя перья буро-черныя съ черными стержнями кромѣ самаго перваго, имѣющаго бѣлый стержень; малыя маховыя—матово-бурья, снизу волнисто-бѣловатыя; среднія хвостовыя перья—сѣрыя, боковыя — бѣлыя съ черными пятнами. Въ осеннемъ нарядѣ голова, зобная часть и бока шеи — сѣровато-черныя съ бѣлыми штрихами, нижнія шейныя перья темно-пепельно-сѣрыя съ черными стержнями, съ такими-же пятнами и бѣловатыми кантиками; бока нижней части шеи и зоба имѣютъ черныя продольныя полосы и такіе-же стержни перьевъ. Глаза каріе, клювъ черно-зеленый, ноги сѣро-зеленыя. Длина птицы достигаетъ 34 см., размахъ крыльевъ 58, длина крыла 18, хвоста 8 см.

Ближайшимъ родственникомъ травника пужко считать гнѣздящаго въ восточной Европѣ и сѣверной Азіи, иногда прилетающаго впрочемъ и въ Германию, а чаще въ Австро-Венгрію — **Прудового улита** или **Поручейника** (*Totanus stagnatilis, tenuirostris*. Teichwasserläufer. Chevalier des étangs). Онъ только на

треть меньше травника и легко отличается отъ послѣдняго своимъ чрезвычайно слабымъ, почти прямымъ клювомъ. Длина поручейника достигаетъ 23 см., размахъ крыльевъ 45, длина его крыла 14, хвоста 4 см. Опереніе верхнихъ частей — буровато-сѣрое, покрытое черными продолговатыми и стрѣловидными пятнами, расширяющимися на плечахъ; перья этихъ частей имѣютъ сѣрые края. Нижняя часть спины, надхвостье и весь низъ—бѣлые, причемъ на переди шеи, зобъ и по бокамъ накрапаны кругловатыя пятнышки. Маховыя перья—темно-бурыя; болѣе блѣдныя малыя маховыя имѣютъ бѣлыя наружныя каймы; подобно перьямъ плечъ, они имѣютъ буровато-сѣрыя и черныя поперечныя полосы; такія-же полосы и на среднихъ хвостовыхъ перьяхъ, остальные-же хвостовыя—бѣлыя, украшенныя снизу черной, постепенно исчезающей кнаружи поперечной полосой, снаружи—поперечными пятнами. Нижнія части чисто бѣлаго цвѣта. Глаза темно-каріе, клювъ черный, ноги зеленоватыя. При осеннемъ нарядѣ свѣтло-сѣрыя верхнія части имѣютъ перья съ свѣтлыми краями, бѣлыя-же нижнія части на тѣхъ-же мѣстахъ имѣютъ маленькія буряя пятнышки.

Травникъ, описаніемъ котораго я ограничусь, попадаетъ буквально во всѣхъ частяхъ свѣта, почему можетъ считаться космополитомъ. Однако его настоящее отечество — сѣверъ Старога Свѣта. Германію посѣщаетъ онъ весною и осенью во время своего пролета. Гнѣздующей птицей тамъ его еще не наблюдали. Прилетая съ сѣвера, онъ появляется уже въ послѣдней половинѣ іюля, кочуетъ безъ опредѣленнаго направленія по странѣ въ продолженіи августа и сентября и въ концѣ его или въ началѣ октября начинаетъ отлетъ; зимніе мѣсяцы онъ проводитъ, начиная уже съ многихъ острововъ греческаго Архипелага, или въ сѣверной Африкѣ, однако, сохраняя въ себѣ любовь къ кочевой жизни, онъ долетаетъ до тропическихъ и болѣе южныхъ странъ, прилетаетъ, напримѣръ, въ южную Австралію, Тасманію, южную Африку и штаты Ла-Платы. Въ апрѣлѣ и маѣ онъ пролетаетъ по Германіи на обратномъ пролетѣ.

Подобно своимъ сородичамъ, онъ предпочитаетъ прѣсныя воды и болота морскимъ берегамъ. Во всякомъ случаѣ иногда его встрѣчаютъ и на послѣднихъ, но обыкновенно только на топкихъ мѣстахъ и всегда лишь на короткое время. На зимовкахъ онъ поселяется на заливныхъ берегахъ рѣкъ и озеръ, особенно-же охотно на рисовыхъ поляхъ. Обыкновенно ихъ встрѣчаютъ тамъ одиночками, но почти всегда въ кругу всевозможныхъ песочниковъ, ходулочниковъ, веретенниковъ и даже плавающихъ птицъ, именно утокъ; онъ охотно принимаетъ на себя роль вожака всѣхъ этихъ птицъ, по крайней мѣрѣ онѣ слѣпо слѣдуютъ за нимъ. Онъ не любитъ обширныхъ водныхъ пространствъ, напротивъ того, держится на берегу самыхъ маленькихъ озерковъ и прудовъ.

Травникъ соединяетъ въ себѣ всѣ качества своихъ родичей, проявляетъ свойственныя имъ бодрость, ловкость и подвижность, держитъ себя высоко-мѣрно, можно сказать даже гордо, шагаетъ, держа тѣло горизонтально, легко и проворно; охотно бродитъ по водѣ. Онъ переплываетъ, и не только изъ одной нужды, часто довольно широкія пространства, въ случаѣ опасности превосходно нырять и грести подъ водою своими крыльями. Летаетъ травникъ болѣею частью въ прямомъ направленіи проворно и ловко, быстро и сильно взмахивая крыльями, на лету описываетъ изгибные повороты и садаясь, со свистомъ несется прямо внизъ и только у самой земли взмахами крыльевъ умѣряетъ стремительность паденія. Голосъ его высокій, ясный, далеко слышимый, весьма пріятный свистъ, который можно передать приблизительно слогомъ «тіа»; призывной крикъ его тихое «дик-дик»; страхъ выражается рѣзкимъ «крю-крю»; въ пору

спариванія травникъ подаетъ голосъ, напоминающій звуки флейты, «дахюдл-дахюдл-дахюдл», которые онъ часто повторяетъ, но издаетъ ихъ только на лету. Среди своихъ родичей онъ, безъ сомнѣнiя, самый умный, самый осторожный и самый пугливый, почему въ высшей степени заслуживаетъ роли вожака. Во всякое время дня его видятъ въ движенiи, такъ какъ онъ спитъ только въ полуденные часы и можетъ быть еще въ полуночные; но и спитъ онъ настолько чутко, что малѣйшiй шумъ его тотчасъ-же будитъ. Приближающагося человѣка онъ разсматриваетъ внимательно и съ явнымъ недоумѣнiемъ, при этомъ одинаково боязливо избѣгаетъ какъ верхового, такъ и пѣшехода, какъ рыбака въ лодкѣ, такъ и крестьянина на телѣгѣ. Все необычное приводитъ его въ бѣгство и чѣмъ меньше онъ встрѣчается съ человѣкомъ, тѣмъ пугливѣе становится. Общительность также чужда ему: онъ почти не заботится, въ чемъ я легко убѣдился, о другихъ травникахъ, хотя иногда онъ и держится вмѣстѣ съ другими птицами, однако въ такихъ случаяхъ не онъ присоединяется къ вышеперечисленнымъ птицамъ, а онѣ окружаютъ его. Его призывной крикъ для всѣхъ родственныхъ ему птицъ служитъ несомнѣннымъ знакомъ безопасности данной мѣстности; его поведенiе служитъ для всѣхъ руководной нитью.

Пища травника въ сущности та же, которою довольствуются песочники, состоитъ изъ всевозможныхъ водяныхъ животныхъ, главнымъ-же образомъ изъ насѣкомыхъ и ихъ личинокъ, изъ жуковъ, мухъ, поденокъ, стрекозъ и тому подобныхъ, также изъ червей, ракообразныхъ и моллюсковъ въ особенности морскихъ; онъ ѣстъ также икру лягушекъ, головастиковъ и мелкихъ лягушатъ и наконецъ разнаго рода рыбенку. Науманъ видѣлъ травника, ловившаго съ поверхности воды вертячекъ (*Gyrinus*) и даже нырившаго за ними глубоко въ воду.

Хотя травникъ уже гнѣздится какъ на островѣ Рюгенѣ, такъ и на датскихъ и шведскихъ островахъ, онъ все-же предпочитаетъ выводить своихъ птенцовъ въ странахъ, лежащихъ ближе къ сѣверу. Для гнѣздовья онъ охотнѣе всего выбираетъ безлѣсныхъ пространства въ тундрѣ, иногда вблизи озера, однако нерѣдко устраиваетъ гнѣздо и въ лѣсу, гдѣ есть свободныя поляны, какъ я наблюдалъ это на нижнемъ теченiи Оби. Тамъ онъ обыкновенно садится на вершинки высочайшихъ сосенъ и елей и съ вышины ихъ издаетъ свой крикъ любви; въ такомъ положенiи онъ выглядитъ очень милостивымъ. Безыскусственное, сложенное изъ стеблей гнѣздо его устраивается на травянистой почвѣ, большею частью подъ кустомъ; въ юнѣ оно содержитъ въ себѣ 4 довольно большихъ яйца около 18 мм. длиной и 36 мм. толщиной; послѣднiя имѣютъ блѣдный оливково-желтый фонъ, покрытый болѣе или менѣе ясными буровато-сѣрыми нижними пятнами и множествомъ маленькихъ и средней величины красно-бурыхъ крапинокъ и точекъ.

Вслѣдствiе крайней осторожности и пугливости травника его обмануть не легко; въ большинствѣ-же случаевъ онъ разсѣиваетъ всѣ козни охотника или птицевода, которые, подражая призывному голосу, стараются подманить его въ сѣти; подражая ему, послѣднiе основываются на томъ, что разъ онъ пойдетъ, то и остальныя береговые птицы за нимъ послѣдуютъ. Удачно пойманный травникъ скоро привыкаетъ къ клѣточному корму для куликовъ; при этомъ выживаетъ годы, легко ручиѣтъ и доставляетъ много удовольствiя, особенно когда живеть въ общей клѣткѣ.

Одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ куликовъ—**Красноногiй улитъ** или **Травникъ**, **Красноножка** (*Totanus calidris, littoralis, striatus, graecus, meridionalis, Scolopax calidris, Tringa gambetta, striata. Sumpfwasserläufer. Chevalier gambette*). Длина

его достигаетъ 27 см. размахъ крыльевъ 49, длина его крыла 16, хвоста 17 см. Верхнія части сѣровато-бураго цвѣта; голова и шея украшены маленькими продолговатыми черными пятнышками; спина и нижнія шейныя перья съ пятнами того-же цвѣта, но только большими и круглыми. Низъ спины и надхвостье бѣлые, перья послѣдняго имѣютъ черныя поперечныя полосы. Бока шеи и зобъ сѣро-желтоватаго цвѣта съ такими-же черными, отороченными бурымъ пятнами, какъ и на бокахъ; остальные нижнія части тѣла бѣлыя. Большія маховыя перья, изъ которыхъ первое имѣетъ бѣлый стержень,—бураго цвѣта у основанія. остальные по направленію къзадѣ постепенно бѣлѣютъ и на концѣ совѣмъ бѣлыя; малыя маховыя, кромѣ послѣдняго, пнзутри имѣютъ полосы; въ остальныхъ частяхъ они почти совершенно бѣлаго цвѣта, благодаря чему на крылѣ образуется широкое зеркальце. Перья плечъ темно-бурыя съ поперечными зубчатыми пятнами ржаво-краснаго цвѣта; хвостовыя перья бѣлыя съ темно-бурыми поперечными полосами съ сѣрымъ оттѣнкомъ. Глаза сѣро-каріе; прямой клювъ травника у основанія блѣдно-красный, на концѣ—черный; ноги киноварно-красныя. Въ зимней одеждѣ этотъ куликъ имѣетъ верхнія части темно-сѣрыя, перья ихъ съ черными стержнями, нижнія части гуще покрыты пятнами.

Только что описанному виду близко родственъ другой замѣтно болѣе крупны видъ—**Темный улитъ, Щеголь** или **Куведраха** (*Totalus fuscus, maculatus, natans, ater, gayli, Limosa fusca, Scolopax fusca, natans, curonica, cantabrigiensis, Tringa atra, longipes, totanus. Moorwasserläufer. Chevalier noir*). Длина его достигаетъ 30 см., размахъ крыльевъ 59, длина его крыла 17 см., хвоста 7,5 см. Мелкое опереніе очень густое, на груди и брюхѣ почти шерстистое, въ брачную пору бываетъ буровато-чернаго цвѣта и на верхнихъ частяхъ покрыто болѣе свѣтлыми продольными и блѣдными буроватыми, зубчатыми поперечными пятнами, причѣмъ перья имѣютъ на концахъ болѣе свѣтлые края, нижнія же части имѣютъ только послѣдній признакъ и то въ слабой степени. Нижняя часть спины бѣлая; надхвостье бѣлое съ черно-бурыми поперечными полосами. Большія маховыя перья окрашены такъ-же, какъ у другихъ улитовъ; малыя маховыя перья, въ особенности ихъ наружныя опахала, обыкновенно бѣлаго цвѣта съ черно-бурыми поперечными полосами; на хвостовыхъ перьяхъ ясно очерчены темныя поперечныя полосы. Глаза свѣтло-каріе; слегка загнутый кверху клювъ у основанія красноватый, въ остальныхъ мѣстахъ—бурый; ноги темно-бурыя. Зимняя одежда его очень похожа на таковую-же у красноножки, только верхнія части все-таки болѣе темныя, чѣмъ у ней.

Область гнѣздованія красноногихъ улитовъ охватываетъ всю Европу, за исключеніемъ развѣ Исландіи и Ферерскихъ острововъ, Малую, сѣверную и Среднюю Азію; область же перелета простирается до Калскаго моря и Индіи, включая со-сѣдніе съ ней острова. Щеголь замѣняетъ красноножку или живетъ вмѣстѣ съ ней на сѣверѣ Стараго Свѣта, водится въ Исландіи и Ферерскихъ островахъ и пролетаетъ по всей Европѣ, Азии и Африкѣ; въ Новомъ Свѣтѣ оба эти вида еще не наблюдались.

Въ Германіи, крайней мѣрѣ на сѣверѣ ея, красноногий улитъ, описаніемъ образа жизни котораго я и ограничусь, выводитъ итенцовъ во всѣхъ подходящихъ мѣстахъ и не представляетъ тамъ рѣдкости, но нигдѣ не бываетъ такъ обыкновененъ какъ въ Скандинавіи, Россіи, южной Сибири и Туркестанѣ. Горь и лѣсовъ онъ избѣгаетъ, селится-же на открытыхъ долинахъ повсюду, гдѣ есть довольно большія или много стоячихъ водъ, болотъ и топкихъ мѣстъ. Столь-же охотно онъ

летаетъ на морскихъ берегахъ или на берегахъ большихъ и маленькихъ рѣкъ и на влажныхъ лугахъ или пастбищахъ. У моря онъ нерѣдко зимовываетъ; гнѣздовья же внутри материковъ онъ покидаетъ тотчасъ по окончаніи птенцовой поры, начиная свои дальнѣйшія кочевки по окрестнымъ областямъ. Начало его отлета— въ октябрѣ; въ мартѣ же, иногда уже въ первые дни этого мѣсяца, чаще же въ серединѣ его, онъ уже возвращается обратно. Красноногіи улитъ также летитъ ночью, причемъ довольно торопливо только весною, осенью же эти кулики летятъ медленно, спокойно, слѣдуя теченію рѣкъ или берегамъ озеръ и останавливаясь часто на цѣлый день въ мѣстахъ, обильныхъ кормомъ.

Будучи также проворнымъ и ловкимъ, красноногіи улитъ тѣмъ не менѣе уступаютъ другимъ видамъ улитовъ какъ въ этихъ качествахъ, такъ и въ миловидности и привлекательности. Однако онъ тоже шагаетъ быстро и красиво, нерѣдко даже плаваетъ безъ особаго принужденія, летаетъ легко и скоро и забавляется иногда въ пору спариванія, продѣлывая всевозможныя воздушныя упражненія, крутясь, и не шелохнувъ крыльями пролетая большія разстоянія. Его призывной голосъ—довольно благозвучный двойной звукъ, который приблизительно можно передать слогами «дьяю» или «дьюю»; крикъ предостереженія похожъ на предыдущій, но нѣсколько растянутѣе его; нѣжность выражается у него свойственнымъ всѣмъ улитамъ «дюк дюк»; крикъ испуга—непріятный рѣзкій пискъ; крикъ, издаваемый красноножкой въ пору спариванія и притомъ только на лету, есть цѣлая, настоящая веселая нѣсенка, нѣсколько похожая на слоги «длidl длidl длidl». Будучи мало общительнымъ по отношенію къ другимъ куликамъ, онъ все-же во время опасности или несчастья прилетаетъ съ громкими криками, какъ будто желаетъ оказать помощь, подать совѣтъ, предостеречь; такимъ образомъ и онъ ставитъ себя въ роль вожака береговыхъ куликовъ. Онъ тоже пуливь, но гораздо менѣе уменья остороженъ, чѣмъ травникъ. Правда, онъ умѣетъ отличать пастуха отъ охотника, взрослого отъ ребенка, но допускаетъ обмануть себя, а на гнѣздовыхъ обыкновенно смѣло рискуетъ своею жизнью.

Пищу свою—въ существенныхъ чертахъ она та-же, что и у травника—онъ отыскиваетъ на берегахъ водъ или на болотахъ, причемъ бродитъ по водѣ, пока достаютъ его ноги; онъ часто погружается въ воду всей передней частью тѣла, чтобы словить глубоко спрятавшуюся добычу, но охотится и за насѣкомыми въ поляхъ и на сухихъ лугахъ.

Тотчасъ же по прилетѣ онъ приступаетъ къ размноженію, тѣмъ болѣе, что онъ большою частью и прилетаетъ уже парами. Гнѣздо его, небольшая, выложенная немногими стебельками ямка, въ большинствѣ случаевъ помѣщается неподалеку отъ воды, если можно, то посреди болота, между ситникомъ, осокой и другой болотной травой; обыкновенно уже въ серединѣ апрѣля въ немъ находятъ полную кладку. Яйца красноногихъ улитовъ относительно велики, въ среднемъ бываютъ 48 мм. длины и 30 мм. толщины; они кубаревидной формы, гладкіи, мелкозернистыя, неблестящіи и по блѣдному отъ буровато-желтаго до мутнаго охряно-желтаго цвѣта фону болѣе или менѣе густо покрыты крупными крапинками, пятнами и точками сѣроватаго, темно-сѣро-бураго и нуриурово-бураго цвѣта. Самка сидитъ на яйцахъ одна, высиживая птенцовъ въ продолженіи 14—15 дней, послѣ чего отводитъ свой выводокъ для корма въ соответствующее мѣсто. Вначалѣ она кладетъ поймавную добычу передъ птенцами, согрѣваетъ ихъ подъ своими крыльями, водитъ и учитъ ихъ; при видѣ врага она самоотверженно отдаетъ себя въ жертву и въ падеждѣ спасти своихъ птенцовъ прибѣгаетъ къ обычному притворному способу отманыванія; свои опасенія она выражаетъ пугливымъ кри-

комъ, на который иногда очень живо откликается и самецъ, но послѣдній гораздо рѣже самки рискуютъ для дѣтей своей безопасностью. Спустя около четырехъ недѣль по выдупленіи, птенцы уже могутъ летать и вскорѣ послѣ того дѣлаются самостоятельными, и съ этихъ поръ быстро исчезаетъ тѣсное общеніе между ними и родителями.

Врагами красноногихъ улитовъ являются все известныя хищныя звѣри и птицы; немало терпятъ они и отъ людей, собирающихъ ихъ яйца; кромѣ того ихъ преслѣдуютъ охотники и птицеловы, хотя мясо ихъ и не очень вкусно. Пойманныя красноножки также скоро ручнѣютъ и ведутъ себя въ общемъ такъ-же, какъ и ихъ сородичи.

Такое же сходство, какъ между красноногимъ и темнымъ улитами, замѣчается между обоими самыми маленькими представителями рода—чернокрылымъ и болотнымъ улитами, живущими въ Европѣ. Болѣе крупный изъ нихъ—**Чернышъ** или **Чернокрылый улитъ** (*Totanus ochropus, rivalis, leucurus, Tringa, Actitis, Helodromas ochropus. Waldwasserläufer. Becasseau*). Его длина достигаетъ 26 см., размахъ крыльевъ 48, длина его крыла 14, хвоста 4 см. Опереніе его головы и нижнихъ шейныхъ перьевъ имѣетъ темно-бурый, отсвѣчивающій оливковымъ, основной цвѣтъ, покрытый маленькими бѣлыми боковыми пятнышками, которыя на головѣ образуютъ полосы. Опереніе шеи, горла и зоба имѣетъ основной фонъ бѣлый, затылка—буроватый;—все эти мѣста равномерно продольно исчерчены. Перья краевъ крыльевъ одноцвѣтныя, темно-бурныя; перья надхвостья, подбородка и остальныхъ нижнихъ частей чисто—бѣлыя. Маховыя перья буро-черныя, плечевыя или большія нижнія кроющія перья крыльевъ темно-буро-сѣрыя, съ бѣлыми поперечными полосами. Хвостовыя перья въ основной половинѣ бѣлыя, въ конечной—украшены 3—4 поперечными полосами, которыя снаружы постепенно переходятъ въ крапчатая пятна. Глаза темно-каріе; клювъ зеленовато-рогового цвѣта, на концѣ темнѣе; ноги зеленовато-свинцово-сѣрыя. При осеннемъ нарядѣ бѣлыя пятна становятся очень мелкими и бока головы болѣе темными.

Болотный улитъ, Фифи или **Фифишка** (*Totanus glareola, affinis, grallatorius, glareoloides, sylvestris, palustris, kuhlii, Tringa glareola, grallatoris, Tringa littorea, Rhyacophilus, Actitis glareola. Bruchwasserläufer. Glareole*) замѣтно меньше предыдущаго. Его длина достигаетъ 22 см., размахъ крыльевъ 43, длина его крыла 13, хвоста 5 см. Верхнія части его зеленовато-черно-бурныя; все перья головы и задней части шеи имѣютъ слабыя бѣловатыя полосы; перья спины имѣютъ кругомъ свѣтлые блѣдно-сѣрые края и сѣрыя съ бѣлыми крапинки; шея и зобъ имѣютъ по бѣловатому фону узкія, темныя продольныя полосы. Надхвостье, нижняя часть груди и брюхо—чисто бѣлыя; маховыя перья, у которыхъ первое имѣетъ бѣлый стержень—черно-бурныя; перья плечъ—бѣлыя съ узкими темными поперечными полосками. Хвостовыя перья имѣютъ поперечныя полосы вплоть до основанія; оба или три самыя наружныя пера ихъ, на внутреннемъ опахалѣ которыхъ болѣе или менѣе преобладаетъ бѣлый цвѣтъ, снаружы покрыты еще поперечными пятнами. Глаза темно-каріе; клювъ черный; ноги зеленовато-желтыя. Въ осеннемъ опереніи верхнія части тѣла болѣе свѣтлаго бурого цвѣта съ ржаво-желтовато-бѣлыми пятнами. Нижнія части на шеѣ и зобу имѣютъ полосы и волнистый рисунокъ.

Областью гнѣздованія этихъ обонхъ улитовъ служитъ какъ средняя и сѣверная Европа, такъ и сѣверная Азія; область же распространенія ихъ охваты-

вают всю Европу, Азию и Африку. Въ Исландіи и на Ферерскихъ островахъ они, повидимому, не встрѣчаются; въ остальной Европѣ ихъ наблюдали повсюду. Въ Германіи они появляются въ апрѣлѣ и маѣ, около конца іюля начинаютъ кочевать, а въ августѣ наступаютъ ихъ отлеть на зимовье, которое начинается уже на югѣ Европы, но распространяется до Индіи и до Калской земли. Одибочные фифи зимуютъ даже въ Германіи. Оба вида ведутъ скрытный или даже таинственный образъ жизни. Болотный улитъ, оправдывая свое названіе, предпочитаетъ держаться на берегахъ небольшихъ водныхъ бассейновъ, лиственныхъ кустовъ; чернышъ, напротивъ, отдаетъ преимущество уединеннымъ, тихимъ и темнымъ лѣсамъ, хвойнымъ и лиственнымъ одинаково. Въ Скандинавіи и въ Сибири я лишь въ исключительныхъ случаяхъ встрѣчалъ его въ другихъ условіяхъ и часто любовался, наблюдая какъ онъ усаживался на верхушечныхъ или другихъ вѣтвяхъ высокихъ деревьевъ. Впрочемъ, недостатокъ подходящихъ мѣстъ и другія условія нерѣдко вынуждаютъ его перемѣнять мѣстожительство.

Оба эти улита въ высшей степени милостивыя птицы, красивыя, ловкія во всѣхъ отношеніяхъ, подвижныя, сообразительныя, умныя и осторожныя, хотя и пугливыя; впрочемъ, таковыми они дѣлаются только послѣ горькаго опыта. Сидя, они держатся горизонтально, часто покачиваются какъ перевозчики, ходятъ легко и хорошо, летаютъ превосходно, съ полнѣйшей безопасностью пролетаютъ сквозь вѣтви деревьевъ и кустовъ, а въ пору размноженія продѣлываютъ почти всѣ присущія ихъ семейству воздушныя упражненія. Ихъ голосъ необыкновенно высокій и громкій, но при этомъ чистый и благозвучный; отдѣльные тоны его почти сходны съ голосами лучшихъ пернатыхъ пѣвцовъ. Призывной голосъ фифи—серебристое, чистое и нѣсколько разъ быстро одинъ за другимъ повторенное «дюдюдю»; у черныша онъ представляется въ видѣ свистащаго «гиффгифф»; вѣжность выражается у фифи короткимъ, высокимъ «дик дяк», у черныша—сходно звучащее «гик гик»; въ пору спариванья крикъ фифи—это повторенный нѣсколько разъ въ измѣненномъ тонѣ призывной голосъ; у чернокрылаго улита — настоящая пѣсня, въ которой то слышатся звуки вродѣ «титирле», то вѣчто вродѣ «тиладл». Во всемъ остальномъ оба кулика проявляютъ качества своихъ сородичей.

Фифи устраиваетъ свое гнѣздо одинаково какъ на землѣ, такъ и на деревьяхъ, въ старыхъ гнѣздахъ, напримѣръ въ гнѣздахъ бѣлокъ, голубей, соекъ и дроздовъ, даже въ дуплахъ на высотѣ до 10 м. надъ землей, но въ такихъ случаяхъ всегда въ непосредственной близости отъ воды. То же самое должно относиться и къ чернышу, который, по моимъ изслѣдованіямъ еще болѣе, чѣмъ фифи, можетъ считаться древесной птицей. Однако я не имѣю до сихъ поръ еще опредѣленныхъ свѣдѣній о гнѣздахъ этого кулика, построенныхъ на деревьяхъ. Кубаревидныя яйца болотнаго улита, длина которыхъ достигаетъ 36 мм., а поперечникъ 26 мм., имѣютъ основной фонъ свѣтлый оливково-зеленый, отсвѣчивающій то желтоватымъ, то зеленоватымъ цвѣтами, и покрыты мелкими пятнами, завитушками и точками отъ буровато-пепельно-сѣраго цвѣта до темной зелено-бурой окраски. Яйца черныша, при длинѣ въ 35 мм. и поперечникѣ въ 24 мм., очень похожи на предыдущія, но имѣютъ болѣе грубыя пятна. Птенцы вылупляются по прошествіи около 15 дней пасиванья; лишь только обсохнутъ, они оставляютъ гнѣздо, спрыгиваютъ, если гнѣздо помещалось на деревѣ, какъ то изслѣдовалъ Гипце, съ высоты прямо въ траву безъ всякаго вреда для себя, и быстро растутъ, подъ заботливымъ и самоотверженнымъ руководствомъ своихъ родителей. Самостоятельными молодые становятся такъ-же скоро, какъ и птенцы другихъ видовъ куликовъ.

Враги обояхъ улитовъ тѣ же, что и враги другихъ береговыхъ птицъ. Въ неволѣ они выживаютъ тоже хорошо и ведутъ себя совершенно такъ, какъ родственные имъ другіе улиты.

Бѣлобрюхій улитъ, Перевозчикъ, Береговикъ или Зуекъ (*Totanus hypoleucus, guinetta, Actitis hypoleucus, stagnatilis, megarhynchos, schlegelii, Tringa hypoleucus, guinetta, Trynga guinetta, leucoptera, Tringoides hypoleuca, Guinetta hypoleuca. Flussuferläufer. Guignette*) имѣеть опереніе верхней части тѣла оливково-буроватое съ зеленоватымъ или пурпуровымъ отливомъ и черными стержневыми и поперечными пятнами. Перья боковъ головы буроватыя съ болѣе темными стержнями и продольными пятнами. Нижнія части тѣла—бѣлыя. Большія маховыя перья—буровато-черныя съ нѣжными бѣло-сѣрыми каймами на концахъ; начиная отъ третьяго края ихъ внутренняго опахала имѣется бѣлое пятно, постепенно увеличивающееся по направленію къ тѣлу. Малыя маховыя перья у основанія и на концахъ—бѣлыя, въ другихъ частяхъ матовыя буровато-черныя. Среднія рулевыя перья—буро-сѣрыя, съ черными стержнями, ржаво-желтыми кончиками и пятнами, остальные болѣе или мѣнѣе бѣлыя съ узкими поперечными полосами. Глаза каріе; клювъ сѣровато-черный, у основанія свѣтлѣе; ноги свинцово-сѣрыя. Длина птицы достигаетъ 21 см., размахъ крыльевъ 34, длина крыла 11, хвоста 6 см.

Изъ Америки въ Германію залеталъ **Пятнистый лозникъ** (*Totanus macularis, Actitis macularia, notata, wiedii, Tringa macularia, notata, Tringites, Tringoides macularius. Drosselufelerläufer. Chevalier maculé*). Отъ такой-же величины, какъ и его вышеописанный родичъ и сходенъ съ нимъ по оперенію, но отличается отъ него тѣмъ, что бѣлыя нижнія части его по срединѣ не имѣютъ никакихъ пятенъ, на бокахъ же имѣются яйцевидныя черно-бурія пятна; кромѣ того бѣлое горло и подбородокъ покрыты узкими, буро-сѣрыми стержневыми штрихами, а среднія хвостовыя перья снабжены 6—7 полустертыми краевыми поперечными полосами, имѣющими видъ темныхъ пятенъ; на концѣ же ихъ находятся темныя перевязи.

За исключеніемъ дальняго сѣвера Соединенныхъ Штатовъ, перевозчикъ населяетъ или посѣщаетъ пролетомъ какъ среднюю и Южную Америку, такъ и Полинезію и всю землю; гнѣздится также повсюду, гдѣ онъ попадается. Въ сѣверной Германіи онъ появляется въ срединѣ апрѣля, иногда же только въ маѣ выводитъ итенцовъ и уже въ іюлѣ начинаетъ свои кочевки, пока въ срединѣ этого мѣсяца не наступитъ время отлета. Во время перелетовъ, совершаемыхъ имъ ночью и прерываемыхъ на время дня, его встрѣчаютъ небольшими стайками изъ 5—8, быть можетъ даже 20 штукъ. Эти общества, повидимому, не разлетаются во время всего перелета; вечеромъ они снимаются при болѣе или менѣе благоприятной погодѣ, летятъ вплоть до утра и опускаются на какое-нибудь подходящее мѣсто, обыкновенно на берегъ рѣки или ручья. Здѣсь они днемъ заняты отыскиваніемъ корма, немного спятъ въ полуденныя часы, даже остаются на нѣсколько дней, если мѣсто имъ приглянулось, и затѣмъ снова продолжаютъ свой путь.

Этихъ улитовъ обыкновенно видишь сидящими на песчаныхъ отмеляхъ, чаще всего тамъ, гдѣ берегъ поросъ кустарникомъ и тростникомъ. Перевозчики держатъ свое тѣло горизонтально, бѣгаютъ проворно, больше рысью, чѣмъ шагая и, подобно трясогузкѣ, постоянно держатъ своимъ хвостикомъ. Полетъ ихъ легокъ, быстръ

я ловокъ, если сверхъ обыкновенія при взлетѣ они подымутся высоко въ воздушную высь; большею же частью они летятъ по прямой линіи у самой поверхности воды. Бѣлыя пятна на маховыхъ перьяхъ при распущеныхъ крыльяхъ кажутся красивыми перевязями. Въ случаѣ необходимости испуганный перевозчикъ бросается въ воду, быстро плыветъ, если представляется къ тому возможность, или ныряетъ въ глубь, если это оказывается необходимымъ, очень проворно гребетъ своими крылышками и показывается изъ воды уже совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Жуанъ, какъ пишетъ Науманъ, онъ ведетъ спокойную, полускрытную, хотя онъ собственно никогда не прячется и еще того менѣе забирается въ траву. Сами возвышенныя мѣстечки, на которыхъ онъ держится, почти всегда бываютъ расположены такъ, что птицу уже издали трудно или нельзя замѣтить, по крайней мѣрѣ съ ближайшаго берега. «На одномъ старомъ сгнившемъ грушевомъ деревѣ, выдѣлявшемся изъ общаго ряда густолиственныхъ деревьевъ и кустовъ и свѣсившемся изъ-за ограды надъ водою, которое стояло у пруда возлѣ моего сада, было устроена, по крайней мѣрѣ на 1,5 м. отъ поверхности воды, изъ досокъ мѣсто для сидѣнія одному человѣку. Эти доски служили мѣстомъ отдыха всѣхъ перевозчиковъ, посѣщавшихъ на пролетѣ нашъ прудъ, хотя на противоположномъ берегу не дальше, чѣмъ въ 40 шагахъ, шла очень торная тропинка, и прохожіе часто спугивали сидѣвшихъ куликовъ». Такія мѣста перевозчики очень любятъ, такъ какъ они не только осторожны и пугливы, но боязливы въ самой высокой степени. Держась часто около самыхъ селеній и даже въ районѣ ихъ, они каждую минуту бываютъ на сторожѣ. При этомъ они довольно повитливы и умѣютъ отличать неопасныхъ для нихъ людей отъ опасныхъ, и животныхъ, которымъ могутъ довѣрить, отъ тѣхъ, отъ которыхъ нужно во время скрыться. Хищнику рѣдко удается перехитрить эту птицу; послѣдняя умѣетъ ускользнуть даже отъ настойчиваго перенелатника и, завидя этого ужаснаго врага, она какъ можно поспѣшнѣе прячется въ густой кустъ или въ случаѣ необходимости ищетъ спасенія, ныряя въ воду. Первозчикъ рѣдко присоединяется къ другимъ береговымъ птицамъ; даже птицы одной пары прекращаютъ свои сердечныя отношенія другъ къ другу, лишь только пройдетъ итенцовая пора. Голосъ перевозчика—вѣжливый, чистый, высокій и далеко разносящійся свистъ, похожій на крикъ зимородка и звучащій вродѣ «хидиди» или «ит» и «ийдидид»; въ пору спариванія звуки эти сливаются въ трель, которая, начинаясь тихо, разрастается и къ концу снова затихаетъ; при этомъ она часто повторяется птицей до безконечности; для уха же эта трель звучитъ пріятно.

Сейчасъ же вслѣдъ за своимъ прибытіемъ весной каждая парочка выбираетъ себѣ мѣстечко и не подпускаетъ къ нему другихъ перевозчиковъ. Самецъ кажется очень возбужденнымъ: онъ бѣгаетъ удивительными зигзагами, то туда, то сюда, издаетъ свою трель, поетъ и кокетливо шагаетъ вокругъ самки. Послѣдняя выбираетъ себѣ на берегу, незахватываемомъ разливомъ, подходящее мѣстечко ближе или дальше отъ воды. Здѣсь въ кустѣ или между вѣтвей, чаще всего въ ивнякѣ, изъ прутиковъ, камышинокъ, соломонокъ и жесткихъ листочковъ она такъ скрытно устраиваетъ гнѣздо, что его находятъ только послѣ долгихъ поисковъ, несмотря на безпокойство стариковъ, выдающее его мѣстовахожденіе. Четыре яйца, образующія кладку, иногда болѣе короткія—иногда болѣе продолговатыя, имѣютъ въ среднемъ 35 мм. длины и 26 мм. въ поперечникѣ. Они имѣютъ грушевидную форму, вѣжнозерписты, блестящи и по блѣдно-ржаво-желтому фону покрыты нижними сѣрыми, ржаво-бурыми и затѣмъ черно-бурыми пятнами и точками. Каждое безпокойство, причиненное гнѣзду, непріятно для стариковъ; они за-

мѣчаютъ, если у нихъ взято одно яйцо, и тотчасъ же бросаютъ остальные яйца. Последніи насиживаются обоими родителями. Молодые вылупляются недѣли черезъ двѣ послѣ высидиванія; нѣкоторое время они еще согрѣваются матерью, а затѣмъ отводятся ею въ луговые заросли, гдѣ они умѣютъ такъ превосходно прятаться, что безъ хорошей собаки ихъ рѣдко можно отыскать, хотя родители и летаютъ надъ ними съ громкими и боязливыми криками. Черезъ 8 дней у молодыхъ уже отрастаютъ крылья и хвостовыя перья; черезъ 4 недѣли они уже могутъ летать и выходить изъ-подъ надзора родителей.

Пищу перевозчиковъ составляютъ личинки насѣкомыхъ, червяки и летающія насѣкомыя, именно сѣтчатокрылыя и двукрылыя. Они добываютъ ее или по берегу, или ловятъ на лету, или-же склевываютъ съ листьевъ. Мухъ, комаровъ, поде-нокъ и водяныхъ пауковъ перевозчики ловятъ, осторожно подойдя къ нимъ съ подтянутой шеей и головой и быстро вытягивая клювъ впередъ; рѣдко случается, чтобы они промахнулись.

Въ неволѣ они привыкаютъ къ обычному клѣточному корму, скоро осваиваются, дѣлаются очень ручными, держатся болѣе въ небольшомъ районѣ по близости своего корытца съ кормомъ, мало гадятъ клѣтку и доставляютъ своему хозяину много удовольствія.

Штенцамъ и яйцамъ ихъ приносятъ много вреда четвероногіе хищники, а также вѣроны, воробьи и сороки; старики, напротивъ, очень рѣдко терпятъ отъ своихъ враговъ, впрочемъ имѣютъ постоянныхъ недоброжелателей въ лицѣ прожорливыхъ трысогузковъ, съ которыми у нихъ происходитъ постоянныя ссоры.

* *
* *
* *

Ближайшій родственникъ улитовъ—**Длиннохвостый лозникъ** (*Actiturus longicaudatus*, *batrami*, *batramius*, *Actitis batrami*, *Tringa longicauda*, *batramia*, *Tringoides batramius*, *Totanus batramius*, *variegatus*, *melanopygius*, *Batramius longicaudatus*, *Batramia laticauda*, *Euliga batrami*. Hochlandwasserläufer. Chevalier d'Amérique) представитель рода того же имени (*Actiturus*). Характерные признаки этого рода слѣдующіе: клювъ короткій, сильный, утолщенный къ концу; верхняя половинка его слегка согнута книзу. Ноги низкія, довольно сильныя; крылья средней длины, первое маховое перо ихъ длиннѣе остальныхъ; хвостъ очень длинный, сильно ступенчатый. Длина этой красивой птицы достигаетъ 30 см., размахъ крыльевъ 55, длина крыла 18, а хвоста 9 см. Лобъ и брови длиннохвостаго удита свѣтло-ржаво-желтыя съ темными продольными штрихами; темныя перья темно-бурыя. Боковыя имѣютъ болѣе свѣтлыя, среднія болѣе темныя каймы, отчего на этомъ мѣстѣ получаютъ продольныя полоски. Нижнія шейныя перья бурія съ темными поперечными полосами и свѣтлыми блѣдно-сѣрыми каймами. Шея и верхъ груди ржаво-желтые, задняя часть шеи и затылокъ болѣе темныя,—все эти части продольно испещрены темно-бурыми полосками. Остальныя части бѣлыя съ ржаво-желтымъ налетомъ. Бока груди покрыты широкими, бурными, стрѣловидными пятнами. Маховыя перья снаружи и на концахъ—буро-черныя, остальная часть ихъ въ бѣлыхъ поперечныхъ полоскахъ. Хвостовыя перья ржаво-буроватыя съ 8—12 темными поперечными полосками. Глаза каріе, клювъ желто-зеленый; ноги свѣтло-желто-сѣрыя.

Пору гнѣздованія длиннохвостый лозникъ проводитъ въ тундрѣ Сѣверной Америки, къ сѣверу до рѣки Юконъ, къ югу до Иллинойса и Пенсильваніи. На полетѣ онъ посѣщаетъ все лежація между Атлантическимъ океаномъ и Скалистыми горами области Соединенныхъ Штатовъ, на югъ которыхъ, а равно въ

средней и Южной Америки, онъ и зимовываетъ. Онъ нѣсколько разъ залеталъ въ Европу и даже въ Германію. Во время своего осенняго лета въ сентябрѣ и октябрѣ онъ оживляетъ всѣ бассейны и берега рѣкъ всѣхъ штатовъ; онъ держится и въ безводныхъ преріяхъ, такъ какъ менѣе другихъ сородичей нуждается въ озерахъ и болотахъ и предпочитаетъ больше садиться на сухихъ мѣстахъ. На зимовкахъ онъ собирается въ многотысячныя стаи. Съ началомъ мая начинается его отлетъ на родину и въ это время въ сѣверо-восточныхъ областяхъ онъ является самымъ обыкновеннымъ гостемъ изъ всего семейства.

По своему поведенію, привычкамъ и образу жизни онъ больше всего сходенъ съ перевозчикомъ. Стоя, онъ покачивается, охотно садится высоко на коньки крышъ, столбы, деревья и т. п., бѣгаетъ необыкновенно быстро, легко и красиво. Часто онъ издаетъ свой громкій, продолжительный, нѣсколько жалобный, но не лишенный пріятности голосъ; держится онъ беззаботно, доврчиво до тѣхъ поръ, пока не будетъ проученъ горькимъ опытомъ. Благодаря всему вышесказанному, а также и своей миловидной фигуркѣ, длиннохвостый лозникъ заслужилъ всеобщее расположеніе.

Сейчасъ-же вслѣдъ за прилетомъ этихъ лозниковъ на гнѣздовья можно видѣть цѣлыя общества очень дружныхъ парочекъ, оживляющія въ эту пору всѣ уголки прерій и тундръ. Все дѣлается ими сообща. Ловко и проворно шмыгаютъ они въ густой травѣ, отыскивая себѣ пищу, напримѣръ кузнечиковъ, или подходящее мѣстечко для гнѣзда. Въ пору спариванія они часто издаютъ свой совершенно отличный отъ обыкновенныхъ птичьихъ голосовъ и болѣе похожіи на свистъ вѣтерка, громкій, протяжный крикъ, при этомъ иногда взвиваются кверху и, приподнявъ крылышки, тихо опускаются внизъ. Во второй недѣлѣ іюня въ гнѣздѣ, помѣщающемся то вблизи, то въ отдаленіи отъ воды, находятъ уже яйца. Самое гнѣздо есть простая, скудно выложенная внутри ямка, окруженная болѣею частью высокою травой. Яйца, лежащія въ ней, бываютъ около 45 мм. длиной и 33 мм. въ поперечникѣ; ихъ блѣдный глинисто-желтый съ оливковымъ налетомъ фонъ повсюду, но на тупомъ концѣ гуще, покрытъ сѣрнатыми расплывчатыми нижними пятнами и маленькими темно-бурыми поверхностными пятнами. Высиживающая самка сидитъ на яйцахъ очень крѣпко; оба же родителя при приближающейся опасности выказываютъ чрезвычайно много заботливости по отношенію къ своимъ яйцамъ и птенцамъ, употребляютъ въ ходъ все искусство отманыванія, если послѣднимъ угрожаетъ опасность или они пойманы; даже иной разъ смѣло нападаютъ на дерзкаго нарушителя ихъ покоя, хотя-бы яйца не были еще насижены. Птенцы ихъ вначалѣ очень безпомощны, но быстро вырастаютъ, соединяются въ стаи съ другими выводками и съ конца августа начинаютъ отлетать на югъ.

Такъ какъ пища длиннохвостыхъ лозниковъ болѣею частью состоитъ изъ насекомыхъ, то и мясо ихъ бываетъ превосходнаго вкуса. Благодаря послѣднему обстоятельству, за птицами этими охотятся очень усердно и ежегодно бьютъ ихъ тысячами.

*
*

На основаніи изслѣдованій Мевеса, сюда-же мы должны помѣстить одну птицу, которую обыкновенно относили къ веретенникамъ. Я говорю про **Мородунку, Ку-вистри** (*Xenus cinereus*, *Scolopax cinerea*, *sumatrana*, *terek*, *Numenius cinereus*, *Limicola terek*, *Totanus javanicus*, *Limosa terek*, *indiana*, *recurvirostra*, *Simorhynchus cinereus*, *Fedoa terekensis*, *Terekia cinerea*, *javanica*. *Terekwasserläufer*. *Chevalier du Caucase*). Онъ является представителемъ особаго рода (*Xenus. Li-*

mosenläufer) и имѣеть слѣдующіе характерные признаки: клювъ его сильно согнутъ кверху, длиною почти въ два раза превосходить длину головы; ноги плотныя, передніе пальцы ихъ соединены между собою перепонками. Опереніе сверху пепельно-сѣрое, на крыльяхъ болѣе блѣдно-сѣрое и покрыто большими черными стержневыми пятнами; перья надхвостья сѣрыя, на бокахъ шеи свѣтлѣе, чѣмъ въ верхней части, и имѣють болѣе темныя продольныя полосы. Нижнія части, за исключеніемъ сѣроватаго, продольно исстрихованнаго черными полосками зоба,—бѣлыя. Маховыя перья — буро-черныя съ бѣлыми стержнями, снизу они свѣтлѣе; заднія большія и всѣ малыя маховыя перья имѣють на концахъ широкія бѣлыя каймы, которыя и образуютъ одну крыловую поперечную полосу. Хвостовыя перья сѣрыя, расплывчатыя и покрыты болѣе темными крапинками. Глаза темно-каріе; клювъ у основанія зеленоватый, въ остальной части черный; ноги зелено-желтыя. Въ зимней одеждѣ птица имѣеть верхнія части чисто-сѣраго цвѣта. Длина ся достигаетъ 22 см., размахъ крыльевъ 42, длина крыла 13, хвоста 6 см.

Мородунка живетъ на песчаныхъ берегахъ рѣкъ европейской и азіатской тундръ, начиная отъ Бѣлаго моря до Камчатки. Оттуда она зимою летитъ черезъ юго-восточную Европу до Индіи и юго-западной Африки и только въ исключительныхъ случаяхъ направляется по юго-западной пролетной дорогѣ, почему въ Германіи, какъ въ западной и юго-западной Европѣ, принадлежитъ къ числу весьма рѣдкихъ явленій. На Сѣверной Двинѣ и на другихъ рѣкахъ сѣверной Россіи она очень обыкновенна; въ бассейнѣ рѣки Оби мы нашли ее только на рѣкѣ Щучьей. Мѣстомъ своего пребыванія она выбираетъ ровныя, песчаныя отмели текучихъ и стоячихъ водъ одинаково, будутъ-ли онѣ голы или покрыты ивнякомъ. На топкихъ берегахъ она совершенно не держится, на морскомъ же берегу живетъ иногда охотно. Въ Архангельскѣ она появляется во второй половинѣ, рѣдко въ началѣ мая и вскорѣ приступаетъ въ кладкѣ.

Движеніями, голосомъ, образомъ жизни и повадками мородунки похожи на улитовъ, но не на веретенниковъ. Свѣдѣнія по этому поводу мы находимъ у графа Гофмансегга и Генке. Чистый, сильный крикъ, по всей вѣроятности крикъ самца въ пору спариванія, есть полный горловой звукъ. Съ какого-нибудь камня, съ вершины дерева, съ холма или съ небольшой кочки онъ подаетъ свой призывной голосъ, состоящій часто изъ очень продолжительнаго повторенія трехсложнаго, къ концу болѣе растянутаго и усиливающагося «куитрюю» или же «гиррююд гирррїи гиррюид», издаваемыхъ какъ-бы съ усиліемъ и сопровождаемыхъ оживленными движеніями тѣла. Иногда слышится тихое, пѣвучее, почти жалобное «ха-іааа хаіааа ха-іааа»; крикъ этотъ можетъ издаваться и непосредственно за вышеприведеннымъ зовомъ и звучитъ съ такимъ контрастомъ въ отношеніи перваго, что представить это можетъ собѣ только тотъ, который хорошо знаетъ крикъ чернаго дятла. Въ минуту опасности мородунка издастъ рѣзкое «дик дик».

Мѣстомъ для гнѣзда птица эта выбираетъ преимущественно какую-нибудь небольшую лѣсную полянку, находящуюся шагахъ въ 10—20 отъ воды, рѣже такимъ мѣстомъ. служитъ полянка среди кустарника или низменный лугъ, покрытый галькой и задержавшимися послѣ разлива древесными остатками. Здѣсь онѣ вырываютъ обыкновенно подъ какимъ-нибудь прикрывающимъ предметомъ плоскую ямку и въ случаѣ необходимости выкладываютъ ее мелкими гнилущими камышею и листвою. Въ первыхъ дняхъ іюня яйца уже вполне насижены. Яйца мородунки, числомъ всегда четыре, очень похожи на яйца черныша; они относительно малы, около 35 мм. въ длину и 23 мм. въ поперечникѣ, кубаревидной формы, съ

жесткой скорлупой, лишены блеска и по темному глинисто-желтому фону покрыты темно-сѣрыми и темно-бурыми пятнами и нѣжными красными точками. Такъ какъ Лильборгъ нашелъ и у самцовъ, и у самокъ на брюшкѣ плѣши отъ сидѣнія на яйцахъ, то очевидно, что яйца высиживаются обоими родителями; заботы по воспитанію молодыхъ раздѣляются и отцомъ, и матерью. Если вы подходите къ птенцамъ, которые, словно мышки, шмыгаютъ въ травѣ, выдавая свое присутствіе тихимъ пискомъ, перепуганные родители ихъ то садятся на дерево или какой-либо другой возвышенный предметъ, то съ громкими жалобными криками кружатся надъ нарушителемъ ихъ покоя. При приближеніи хищной птицы они подаютъ крикъ «дикъ дикъ дикъ» и не прекращаютъ его все время, пока врагъ находится по близости.

Пища мородунки, которую она отыскиваетъ и въ свѣтлыя ночи, состоитъ почти исключительно изъ водяныхъ насекомыхъ. Пойманныхъ можно, какъ въ томъ убѣдился Блазіусъ, свободно выкармливать мясомъ и дождевыми червями.

*

Песочники (*Tringa. Strandläufer. Maubeches*) отличаются малымъ ростомъ и стройнымъ тѣлосложеніемъ. Клювъ ихъ равенъ или немного длиннѣе головы, прямой или дугообразно согнутый, у конца съ едва замѣтнымъ расширеніемъ. Ноги тонкія, четырехпалыя, съ неоперенными плюсной и половиной голени. Маховыя перья средней длины, заостренные. Хвостъ закругленный или вырѣзанный. Опереніе песочниковъ, вслѣдствіе линіянія дважды въ годъ, оба раза существенно измѣняется.

Самый крупный изъ европейскихъ видовъ—**Исландскій песочникъ** или **Керкунъ** (*Tringa canutus, calidris, islandica, ferruginea, naevia, grisea, australis, cinerea, rufa, Calidris canutus, islandica, Canutus islandicus, cinereus. Roststrandläufer. Grande maubeche grise*). Длина его достигаетъ 25 см., размахъ крыльевъ 55 см., длина его крыла 17, хвоста 6 см. Въ лѣтнемъ опереніи перья его темнаго буро-краснаго цвѣта, снизу одноцвѣтны, кромѣ бѣловатыхъ брюшныхъ перьевъ, сверху покрыты стрѣловидными черными средними пятнами и имѣютъ желтовато-бѣлые края. Спинныя и плечевыя перья—черныя, отороченныя кругомъ бѣлымъ краемъ; перья нижней части спины и надхвостья покрыты по смѣшанному бѣлому и буроватому фону черными поперечными полосками. Большія маховыя перья черноватыя съ бѣлыми стержнями; малыя маховыя—сѣрыя, самыя заднія изъ нихъ съ бѣлыми каймами; хвостовыя перья сѣрыя съ узкими бѣловатыми каймами. Въ зимнемъ нарядѣ перья верхнихъ частей пепельно-сѣрыя съ свѣтлыми блѣдно-сѣрыми каймами; снизу—опереніе сѣровато-бѣлое, по бокамъ мутнѣе, на зобу имѣются узкія стержневые полосы. Глаза каріе; клювъ черный; ноги сѣровато-черныя. Клювъ прямой, по длинѣ почти равный головѣ.

Морской песочникъ (*Tringa maritima, striata, nigricans, canadensis, arquatella, littoralis, Totanus maritimus, Arquatella, Pelidna maritima. Seestrandläufer. Alouette de mer*) значительно менѣе керкуна. Длина его достигаетъ около 21 см., размахъ крыльевъ 42, длина крыла 12, хвоста 5 см. Въ брачную пору верхъ головы и затылокъ его черные съ продольными бѣлыми и охристыми полосками; бока головы и шея грязно-бѣлые съ буровато-черными полосками; верхнія части и спина блестяще черныя, края ихъ перьевъ ржавые, съ бѣлыми каймами; грудь и бока имѣютъ бѣлый фонъ, покрытый черновато-сѣрыми пятнами, остальные нижнія части бѣлыя. Маховыя перья черноватыя съ бѣлыми стержнями; послѣднія большія маховыя перья съ бѣлыми каймами. Среднія хвостовыя перья черныя, остальные—черновато-сѣрыя; стержни ихъ бѣлые; все эти перья имѣютъ свѣтлыя, при

этомъ средня—ржаво-желтыя, наружныя—бѣловатыя каймы. Глаза каріе; клювъ красновато-желтый; ноги шафранно-желтыя. При зимней одеждѣ ржаво-желтый цвѣтъ совершенно исчезаетъ, клювъ и ноги принимаютъ менѣе яркую окраску. Клювъ, превышающій немного длину головы—слегка согнутый.

Какъ и всѣ сородичи, исландскій песочникъ гнѣздуется только на дальнемъ сѣверѣ, но пролетомъ осенью и зимой бываетъ по всей Европѣ, пролетаетъ всю Азію, большую часть Америки, равно и Африку и даже попался на Новой Зеландіи. Во время этихъ перелетовъ онъ оставляетъ берегъ моря только въ исключительныхъ случаяхъ, чтобы посѣтить близъ лежанціе материковые бассейны, почему внутри материковъ принадлежитъ всегда къ числу рѣдкихъ явленій. На морскомъ побережьи онъ сбивается въ очень многочисленныя стаи, ведущія общественный образъ жизни. Много такихъ стай перезимовываютъ еще на сѣверѣ, но другія постепенно тянутъ на югъ, попутно останавливаются на нѣкоторое время въ мѣстахъ, обильныхъ кормомъ, и иногда не продолжаютъ своего странствованія; при приближеніи птенцовой поры они вновь возвращаются на родину. На нашихъ берегахъ, а временами и внутри страны, они появляются уже въ августѣ и сентябрѣ, въ маѣ же обратно летятъ на свою сѣверную родину.

Родина морского песочника та же, что и исландскаго; какъ и послѣдній, онъ пролетомъ встрѣчается въ обоихъ полушаріяхъ, наблюдался даже гораздо южнѣе, но на нѣмецкихъ побережьяхъ появляется рѣже и совершенно не посѣщаетъ внутренніе бассейны Германіи. Онъ тоже проводитъ зиму на сѣверѣ, чаще на берегахъ Великобританіи, Голландіи, Франціи, появляясь и отлетая приблизительно въ то же время, какъ и исландскій песочникъ, да и вообще ведетъ такой же образъ жизни, какъ и послѣдній.

Оба вида, несмотря на ихъ приземистое сложеніе, очень подвижны, проворныя, ловкія, почти непрерывно дѣятельныя, неутомимыя, безпокойныя, умныя и осторожныя, даже пугливыя птички; онѣ бѣгаютъ и летаютъ превосходно, плаваютъ также недурно, издають одинъ громкій, высокій, свистящій, но пріятный крикъ, любятъ общественность, хотя держатся больше общества песочниковъ, нежели другихъ родственныхъ видовъ.

Пища ихъ состоитъ изъ различныхъ мелкихъ животныхъ, въ особенности изъ червей, маленькихъ моллюсковъ съ нѣжными раковинами, насѣкомыхъ, ихъ личинокъ и т. п. Они собираютъ и схватываютъ ее съ поверхности каменистаго или глинистаго морского или рѣчного берега, поэтому бѣгаютъ по нему взадъ и впередъ, совершенно поглощенные этой дѣятельностью и во время охоты держатся на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга.

О гнѣздованіи керкуна пока еще нѣтъ никакихъ свѣдѣній; напротивъ, мы знаемъ, что морской песочникъ гнѣздится уже на Шетландскихъ островахъ и выше къ сѣверу, при этомъ вездѣ по близости берега. Обыкновенно для гнѣзда онъ выбираетъ высокое, каменистое мѣсто, покрытое низкой травой или мхомъ, и въ концѣ мая кладетъ въ мелкую, скучно выложенную ямку или просто въ рыхлую землю четыре довольно большихъ яйца, имѣющихъ около 30 мм. въ длину и 24 мм. въ поперечникѣ. Послѣднія грушевидной формы, варьируютъ въ окраскѣ и рисункѣ и по зеленовато-сѣрому или оливково-буровато-сѣрому фону покрыты многочисленными большими, умбро-бурыми пятнами. Пасивающая самка сидитъ на яйцахъ очень крѣпко и при опасности прибѣгаетъ къ способу отманыванія. Молодые растутъ очень быстро и часто уже въ концѣ іюня начинаютъ летать.

Охота за обоими песочниками легка, ловля ихъ сѣтями также не представляетъ

затрудненій. Однако мясо ихъ не стоитъ ни пороку, ни труда, такъ какъ оно обыкновенно отзывается ворванью. Пойманные исландскіе и морскіе песочники ведутъ себя такъ же, какъ и другіе ихъ сородичи.

Малый песочникъ или **Краснозобикъ**. (*Tringa subarquata*, *subarquata*, *pygmaea*, *chinensis*, *Scolopax subarquata*, *pygmaea*, *africana*, *dethargindii*, *Numenius africanus*, *pygmaeus*, *pusillus*, *ferrugineus*, *Pelidna subarquata*, *macrorhynchus*, *Falcinellus subarquatus*, *cuvieri*, *Aerolia*, *Erolia variegata*, *pygmaea*, *Schoeniclus*, *Ancylocheilus subarquatus*, *Sichlerstrandläufer*, *Maubeche chinoise*) характеризуется слѣдующими признаками: длина его равна 19—20 см., размахъ крыльевъ 35 см., длина крыльевъ достигаетъ 11, хвоста 6 см. Въ весеннемъ опереніи почти вся нижняя часть тѣла его ржаво-красная, свѣтлѣ или темнѣ, чище или буроватѣ; черноватый фонъ верха головы покрытъ волнистымъ ржаво-сѣрымъ рисункомъ, что переходитъ отъ краевъ перьевъ, окрашенныхъ въ этотъ цвѣтъ; задняя часть шеи ржаво-сѣрая или ржаво-красная, съ черными продольными штрихами. Остальныя верхнія части, за исключеніемъ покрытой бѣлыми пятнами гузки, имѣютъ темный черный основной фонъ, покрытый свѣтлыми ржавыми пятнами, перья же снабжены свѣтлыми пепельно-сѣрыми или ржаво-желтыми кантиками. Хвостовыя перья пепельно-сѣрыя, къ серединѣ болѣе темныя, ихъ стержни и края бѣлые; зрачки каріе; согнутый клювъ чернаго цвѣта; ноги черно-бурыя. Въ осеннемъ нарядѣ голова и затылокъ черно-сѣрыя съ бѣловатыми и темными каемками перьевъ; спина и верхъ крыльевъ темнаго черно-сѣраго цвѣта съ черноватыми стержнями перьевъ. Нижнія части имѣютъ бѣло-сѣрый налетъ или покрыты сѣрыми пятнами. Перья ихъ также имѣютъ болѣе темныя стержни. Полоска на уздечкѣ, идущая до глаза—буроватая, другая полоска, тянувшаяся надъ глазомъ—бѣловатая. Въ молодомъ возрастѣ перья верхней части головы—сѣро-бурыя съ ржаво-бурыми краями; перья задней части шеи свѣтло-сѣрыя съ болѣе темнымъ расплывчатымъ рисункомъ; спинныя и плечевыя перья—черноватыя и имѣютъ ржаво-желтыя каймы; перья гузки и нижнихъ частей тѣла бѣлыя; горловыя и зобныя перья ржаво-сѣрыя. Самцы и самки между собою не различаются.

Ближайшій родичъ только что описаннаго вида **Альпійскій песочникъ** или **Чернозобикъ** (*Tringa alpina*, *cinclus*, *variabilis*, *chinensis*, *pygmaea*, *Scolopax pusilla*, *Numenius variabilis*, *Pelidna alpina*, *cinclus*, *calidris*, *melanothorax*, *pacifica*, *Alpenstrandläufer*, *Maubeche alpine*). Длина его достигаетъ 15—18 см., размахъ крыльевъ 30—33, длина крыла 10—11, хвоста 5 см. Верхъ головы, нижнія шейныя перья, плечи и надхвостье его въ брачномъ нарядѣ ржаво-бурыя; всѣ перья по серединѣ черныя; бока головы и шеи, зашеекъ, горло, зобъ, верхняя часть груди и нижнія кроющія перья хвоста—по бѣлому фону продольно исчерчены темными стержневыми штрихами; нижняя часть груди и брюхо одноцвѣтныя, черныя. Большія маховыя перья черно-бурыя, заднія имѣютъ бѣлыя узкія наружныя каймы; малыя маховыя съ такими же, но широкими каймами и на концахъ имѣютъ бѣлые края; хвостовыя перья бурыя. Зрачки каріе; согнутый клювъ и ноги черныя. Въ зимнемъ опереніи всѣ верхнія части сѣровато-бурыя, нижнія же части бѣлыя.

На чернозобика очень походить, по гораздо меньше его **Малый чернозобикъ** (*Tringa schinzii*, *Bergstrandläufer*, *Maubeche de Schinz*).

Краснозобикъ встрѣчается по всему сѣверу земного шара, но совершаетъ

перелеты далеко на югъ, слѣдуя берегамъ морей, рѣкъ и встрѣчается въ большомъ количествѣ регулярно каждую зиму по всей сѣверной Африкѣ вдоль береговъ Краснаго моря, Индѣйскаго, Атлантическаго и Тихаго океановъ; говорятъ даже, что его убивали въ Капской землѣ. Я нашелъ краснозобиковъ въ ихъ красивѣйшемъ опереніи на берегахъ Бѣлаго и Голубаго Нила; другіе наблюдатели встрѣчали ихъ въ западной Африкѣ; такъ напримѣръ, экспедиція въ Лоанго Гюсфельда встрѣтила ихъ въ Нижней Гвиней на Конго. Прилетая съ юга, они появляются около середины апрѣля; одиночные экземпляры возвращаются обратно уже около конца іюля, но нормальный прилетъ начинается только съ августа: пролетъ ихъ длится все-таки до начала октября.

Отечество чернозобика, правда, также сѣверъ, но онъ гнѣздуется уже и въ Германіи и каждую зиму посѣщаетъ пролетомъ почти всѣ части свѣта, за исключеніемъ Австраліи и Полинезіи.

Поведеніе, привычки и образъ жизни обоихъ песочниковъ одинаковы. Оба они тоже птицы преимущественно морскія, однако охотно держатся и на плоскихъ, тинистыхъ берегахъ стоячихъ водъ и, слѣдуя ихъ направленіямъ, забираются высоко въ горы. За исключеніемъ времени полуденныхъ часовъ, часть котораго они тратятъ на сонъ, ихъ цѣлый день видишь въ движеніи. Труся мелкими шагами или быстро бѣгая, они несутся по берегу, почти каждую минуту останавливаются, чтобы клюнуть какое-нибудь мелкое насекомое и снова спѣшать далѣе. Будучи спугнуты, они быстрымъ, ловкимъ полетомъ взвиваются кверху, проносятся стрѣлой нѣкоторое разстояніе и, описавъ большую дугу, возвращаются по близости того мѣста, съ котораго слетѣли. Если они находятся въ обществѣ другихъ песочниковъ, то во всемъ подражаютъ послѣднимъ, бѣгаютъ и летаютъ вмѣстѣ съ ними и даже повторяютъ на лету всѣ тѣ повороты, которые продѣлываетъ вожакъ стаи. Послѣднимъ имѣетъ честь быть какой-нибудь веретеникъ или улитъ покрупнѣе, который и предводительствуетъ смѣшанной стаей этихъ песочниковъ, съ своей стороны, повидимому, чувствуя себя хорошо среди этого маленькаго пернатого общества. На основаніи личныхъ наблюденій я могъ заключить, что подобное общеніе продолжается цѣлыми недѣлями и очень возможно, что прекращается только при отлетѣ. Иногда оно затрудняетъ наблюденія надъ нашими песочниками, птичками въ другое время очень довѣрчивыми; можно очень скоро замѣтить, что боязливость какого-нибудь осторожнаго веретеника передается и на маленькое общество, которое подъ конецъ становится такимъ пугливымъ, что нужно бываетъ много умѣнья, чтобы подкрасться къ нему. Если такое собраніе состоитъ изъ однихъ только песочниковъ, роль вожака тогда беретъ на себя одинъ изъ краснозобиковъ и въ это время онъ также становится гораздо пугливѣе, чѣмъ былъ раньше. Легче всего наблюдать за обоими описываемыми здѣсь песочниками, если дѣлать видъ, что вы идете своей дорогой и не обращаете на нихъ никакого вниманія. Тогда къ стаѣ можно подойти на нѣсколько шаговъ и подсмотреть, что они дѣлаютъ. Всѣ птицы одной стайки, повидимому, воодушевлены однимъ чувствомъ; онѣ всегда держатся скученно, бѣгаютъ всегда всѣ въ одномъ направленіи, повидимому даже одновременно, при этомъ постоянно бѣдятъ, снимаются по первому предупредяющему, слегка щебечущему свисту сторожевого самца, кучею несутся надъ самой поверхностью воды, пролетаютъ нѣсколько сотъ шаговъ и снова возвращаются обратно, чтобы продолжать прерванный запятіи. Многие изъ песочниковъ обоихъ видовъ по долгу остаются на зимовьяхъ, нѣкоторые экземпляры даже на все лѣто; какая побудительная причина этому—неизвѣстно.

На гнѣздовьяхъ возирающіяся стаи разбираются на пары, которыя, все еще

оставался въ нѣкоторомъ общеніи другъ съ другомъ, немедленно приступаютъ къ размноженію. Въ это время самцы, подобно шеврицамъ, летая надъ гнѣздомъ, издають свои свистящія или щебечущія, далеко разносящіяся звуки—нѣчто вродѣ пѣсни, что, впрочемъ, они дѣлають и сиди. Область гнѣздованія краснозобика лежитъ на далекомъ сѣверѣ, районъ-же гнѣздящихся чернозобиковъ простирается отъ тѣхъ мѣстъ вплоть до Германіи; о размноженіи перваго еще ничего неизвѣстно, за то о вторыхъ мы имѣемъ достаточныя свѣдѣнія. Чернозобиковъ мы сами видѣли въ тундрѣ Самоѣдскаго полуострова, очевидно гнѣздовавшихъ въ ней, однако гнѣздъ не нашли; послѣдніе неразъ наблюдались Науманомъ и другими натуралистами въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ, Ольденбургѣ, Ганноверѣ, Вестфалии, Дании и т. д. Гнѣздо болышею частью помѣщается на песчаномъ или сыромъ мѣстѣ, скудно поросшемъ болотной травой, ситникомъ и верескомъ, обыкновенно неподалеку отъ моря, и представляетъ собой небольшое, выложенное немногими стебельками углубленіе въ землѣ; четыре яйца, находимыя, начиная съ конца апрѣля и до середины іюня, имѣють среднимъ числомъ въ длину 35 лп., въ поперечникѣ 24, кубаревидной формы, съ тонкой скорлупой, блестящія и по грязно-оливковому фону покрыты многими крупными и мелкими пятнышками и точками темнаго оливково-бурого цвѣта. На яйцахъ сидитъ одна только самка и насиживаетъ ихъ 16—17 дней; самецъ въ это время сторожить ее, а впоследствии принимаетъ участіе въ надзорѣ за птенцами. Послѣдніе покидаютъ гнѣздо тотчасъ, какъ высохнутъ, быстро вырастають подъ сѣвью родительскихъ заботъ, уже въ первую недѣлю своей жизни покрываются перьями, черезъ три недѣли уже научаются летать и вскорѣ послѣ этого присоединяются къ другимъ песочникамъ и пускаются въ отлетъ уже безъ сопровожденія родителей.

Кромѣ ихъ обычныхъ враговъ, въ особенности мелкихъ соколовъ, за обоими песочниками охотится усердно человекъ, ради ихъ чрезвычайно вкуснаго мяса, сотнями и тысячами убивая и ловя ихъ въ такъ называемые бекасовые силки. Пойманные или воспитанные смолоду краснозобики и чернозобики — премилыя птицы; онѣ легко привыкають къ клеточному корму и вскорѣ становятся ручными и доверчивыми; однако рѣдко выживаютъ долгое время, такъ какъ имѣють обыкновеніе объѣдаться и отъ ожиренія околѣвають.

Обыкновенный песочникъ или Куличекъ-воробей (*Tringa minuta*, *Pelidna minuta*, *pusilla*, *Actodromas minuta*, *Schoeniclus minutus*. *Zwergstrandläufer*. *Alouette de mer à collier*) принадлежитъ къ числу самыхъ маленькихъ видовъ этого рода и имѣеть слѣдующіе отличительные признаки: длина его достигаетъ 14 см., размахъ его крыльевъ 30, длина крыла 9, хвоста 4 см. Въ весенней одеждѣ перья верхней части головы черныя съ ржавыми краями; перья задней части шеи сѣрыя съ темными расклевчатыми пятнами; нижнія шейныя перья темнаго чернаго цвѣта съ широкими, яркими, ржавыми каймами; горло бѣлое; перья по сторонамъ шеи и на верхней части груди свѣтло-ржавыя съ пѣжвыми бурыми пятнышками. Надъ глазомъ идетъ бѣловатая, а между нимъ и клювомъ темно-бурая полоска. Глаза каріе; прямой клювъ чернаго цвѣта; ноги зеленовато-черныя. Въ осеннемъ опереніи верхнія части темно-пепельно-сѣрыя съ отчетливыми буро-черными стержневыми штрихами; горло, бока головы, низъ грудки — ржаво-сѣрыя, остальные нижнія части бѣлыя.

Большинство натуралистовъ отдѣляетъ отъ предыдущаго вида въ другой новый—живущаго на сѣверѣ Америки, но, какъ полагають, часто прилетающаго и

въ Европу **Американскаго песочника** (*Tringa minutilla, nana, fuscicollis, campestris, wilsonii, Pelidna pusilla, Actodromas minutilla, wilsonii*. Pygmäenstrandläufer. Brunette). Онъ очень похожъ на предыдущаго, но туше покрытъ пятнышками на шеѣ и головѣ и еще меньше обыкновеннаго песочника; крылья также короче.

Отъ предыдущихъ рѣзко отличается и уже достаточно характеризуется своимъ согнутымъ клювомъ и низкими плеснами — **Малый песочникъ** или **Зуекъ** (*Tringa temminckii, Pelidna, Leimoncites temminckii, Sandläuferchen, Maubeche de Temminck*). Длина его достигаетъ 15, размахъ его крыльевъ 29, длина крыла 9, хвоста 5 см. Въ осеннемъ опереніи верхнія части у него буровато-сѣрыя, покрытыя черными и ржавыми пятнышками; нижнія части, кромѣ мно штрихованныхъ боковъ зоба — бѣлыя. Въ зимнемъ опереніи верхнія части почти одноцвѣтныя, пепельно-сѣрыя, нижнія же на зобу — буровато-сѣрыя съ болѣе темными продольными штрихами, во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ — бѣлыя. Глаза каріе; клювъ черный, у основанія желтоватый; ноги грязно-зелено-желтыя.

Обыкновенный песочникъ также принадлежитъ сѣверу, но во время перелета залетаетъ такъ далеко, что попадается на берегахъ почти всѣхъ морей и океановъ Европы, Азій, Африки и Австраліи, а также по рѣкамъ и у стоячихъ водъ внутри этихъ материковъ. Въ большомъ количествѣ онъ зимуетъ Египтѣ. Малый песочникъ, имѣя одно съ нимъ отечество, однако не залетаетъ такъ дале — а зимуетъ уже въ южной Европѣ, сѣверной Африкѣ, Китаѣ и Индіи. При своемъ летѣ оба слѣдуютъ направленію морскихъ береговъ внутреннихъ бассейновъ, летать обыкновенно въ сообществѣ съ родственными видами, но иногда большими стаями, составленными только изъ песочниковъ обоихъ видовъ. Перелеты совершаются ими обыкновенно ночью, днемъ же они летаютъ и бѣгаютъ на какомъ-нибудь мѣстѣ, отыскивая свой кормъ. Повидимому они предпочитаютъ больше тишину, нежели песчаную почву, хотя держатся и на послѣдней. Оба вида — премылая, чрезвычайно подвижныя, проворныя и живыя птички: онѣ превосходно бѣгаютъ, ловко и быстро летаютъ, хотя днемъ рѣдко пролетаютъ большія разстоянія; болшею же частью они держатся одного какого-нибудь небольшого района и, спугнутые, возвращаются на прежнее мѣсто. Между собою они живутъ въ самомъ глубокомъ мирѣ, по отношенію къ другимъ животнымъ выказываютъ мало боязни, а къ человѣку даже извѣстную доврчивость. Ихъ голосъ звучитъ тихо и пріятно вродѣ «дюррр» или «дюрррю», иной же разъ «дирррит». Во всемъ остальномъ оба сходны съ уже описанными видами.

Оба песочника гнѣздятся въ тундрахъ Европы и Азій, гнѣзда и яйца ихъ похожи на таковыя другихъ песочниковъ, но меньше; яйца обыкновеннаго песочника имѣютъ въ длину 29 мм., въ поперечникѣ 20; у малаго песочника длина ихъ равна 28 мм. при поперечникѣ въ 19. Какъ у того, такъ и у другаго яйца гладкія, мелкозернистыя и блестящія и по мутному желтовато-сѣрому, доходящему до оливковаго цвѣта фону покрыты пепельно-сѣрыми, расплывчатыми нижними пятнами и полосами, темно-бурыми крапинками и черно-бурыми точками, особенно у тупого конца.

Кромѣ вышеупомянутаго чужеземнаго песочника, Европу, особенно Великобританію, неоднократно посѣщаютъ еще три американскихъ вида песочниковъ. Одинъ изъ нихъ **Травяной песочникъ** (*Tringa fuscicollis, dorsalis, bonapartii* etc. Grasstrandläufer. Maubeche de Bonaparte). Величиной онъ съ чернозобика; го-

лова у него сѣрая, спина и нижнія шейныя перья свѣтлыя блѣдно-бурыя, покрытыя мѣстами мелкими, мѣстами очень крупными черными пятнами на срединѣ перьевъ; нахвостье и нижнія части бѣлыя; зобъ сильно крапчатый.

Второй видъ **Полосатый песочникъ** (*Tringa maculata, pectoralis, dominicensis*. Streifenstrandläufer. Maubeche à bandes) величиною немного меньше морского песочника. Сверху онъ темно-оливково-бурый; голова его съ темными продольными пятнами; нижнія шейныя перья съ крупными черными пятнами на срединѣ перьевъ; нижнія части имѣютъ бѣлый основной фонъ, покрытый многочисленными на шеѣ—узкими и продолговатыми, на грудкѣ и бокахъ—широкими черно-бурыми полосками.

Третій видъ **Рыжеватый песочникъ** (*Tringa rufescens, subruficollis, Tryngites, Actitis, Actiturus, Tringoides rufescens*. Falbstrandläufer. Maubeche rousse) по величинѣ почти равенъ краснозобику. Преобладающій цвѣтъ его оперенія красновато-блѣдно-бурый; верхнія части сѣраго цвѣта съ темными пятнышками и бѣловатыми каймами на перьяхъ; передняя часть шеи, бока ея и верхъ грудки — свѣтло-бурыя съ ржаво-желтыми краями перьевъ; остальные нижнія части ржаво-желтоватыя.

* *
*

Грязовики (*Limicola. Sumpfläufer. Limicoles*) характеризуются слѣдующими признаками: туловище у нихъ удлиненное; голова небольшая; клювъ длиннѣе головы, до самаго расширеннаго кончика мягкій и слабый, передъ концомъ слабо согнутый внизъ. Ноги относительно низкія, довольно крѣпкія, съ неоперенной частью голени и четырьмя пальцами. Крылья средней длины, довольно заостренныя; первое и второе маховыя перья ихъ равны между собой и длиннѣ остальныхъ. Хвостъ короткий, къ срединѣ заостряющійся.

Грязовикъ, Грязничекъ (*Limicola platyrhyncha, pygmaea, hartlaubi, Numenius pygmaeus, pusillus, Tringa pygmaea, platyrhyncha, elarioides, Pelidna pygmaea, megarhynchos*. Sumpfläufer. Limicole) имѣетъ верхъ головы черно-бурый съ двумя ржаво-желтыми продольными полосками; нижнія шейныя перья его, за исключеніемъ ржаво-желтыхъ краевъ—черныя; верхъ крыла пепельно-сѣрый. Нижняя часть шеи, зобъ и бока груди ржаво-желтоватыя, покрытыя сѣро-бурыми пятнышками и на перьяхъ имѣютъ бѣловатыя концевые кантики, снизу-же они бѣлыя. Передъ глазомъ идетъ бурая, надъ нимъ—бѣлая полоски. Глаза каріе, клювъ у основанія красновато-сѣрый, у конца черноватый, ноги темно-зелено-сѣрыя. Въ осеннемъ нарядѣ опереніе верхнихъ частей мѣняетъ окраску и становится темно-пепельно-сѣрымъ, стержни перьевъ становятся темнѣе, кантики свѣтлѣе. Длина птицы достигаетъ 34 см., размахъ ея крыльевъ 16, длина крыла 11, хвоста 4 см.

Въ Европѣ грязовикъ, повидимому, встрѣчается рѣже, чѣмъ въ Азій и Америкѣ. Онъ живетъ на сѣверѣ и совершаетъ перелеты на югъ вплоть до Бенгаліи. Въ Европѣ онъ всюду причисляется къ числу рѣдкихъ птицъ, однако возможно, что онъ бываетъ у насъ чаще, чѣмъ мы думаемъ: такъ напримѣръ, въ Греціи, по увѣренію графафонъ-дербъ-Мюле, въ одни годы онъ обыкновененъ, въ другіе-же совершенно отсутствуетъ. Его мѣстообитываніемъ служатъ тинистыя, чырыя берега стоячихъ водъ, въ особенности открытыя прибрежья. Здѣсь онъ тихо бродитъ, труситъ маленькими шажками на недалекія разстоянія и притомъ со многими остановками. Летаетъ онъ быстро и проворно, болышею частью у самой поверхности воды и лю-

бить возвращаться на то мѣсто, съ котораго слетѣлъ. Науманъ называетъ его вялой птицей, фонъ-деръ-Мюле, наоборотъ, увѣряетъ, что грязовикъ столь-же проворенъ и бодръ, какъ и песочники. Объ его образѣ жизни мы еще не имѣемъ удовлетворительныхъ извѣстій. Отъ другихъ куликовъ онъ отличается тѣмъ, что избѣгаетъ общества береговыхъ птицъ не его вида и тамъ, гдѣ онъ держится, очень мало обращаетъ вниманія на другихъ птицъ и животныхъ, почему даже человѣку позволяеть подойти къ нему близко, прежде чѣмъ слетѣтъ; иногда онъ, по бескасиному, плотно прижимается къ землѣ, пока приближающійся наблюдатель не заставитъ его слетѣтъ. Тогда онъ срывается, пролетаетъ небольшое разстояние и продолжаетъ свое прежнее занятіе. Голосъ его — трель, «тирр», похожая на крикъ песочниковъ. Пищу его составляютъ маленькія насекомыя, ихъ яйца, черви и другія мелкія водяныя животныя; какой родъ пищи онъ предпочитаетъ—неизвѣстно.

Насколько извѣстно, грязовикъ гнѣздится только въ тундрѣ и всегда въ сырѣмъ моховомъ болотѣ. Гнѣздо устраивается глубже и выстилается аккуратнѣе, чѣмъ у песочниковъ. Яйца грязовика, длина которыхъ равна около 30, а поперечникъ около 21 мм., продолговато-грушевидныя и по мутному оливково-желтому фону густо покрыты сѣро-бурыми точками, крапинками, а между ними маленькими пятнышками; одни яйца покрыты такими крапинками гуще и темнѣе, чѣмъ другія. Самка такъ усердно сидитъ на яйцахъ, что только тогда срывается, когда къ ея гнѣзду подойдутъ совсѣмъ близко.

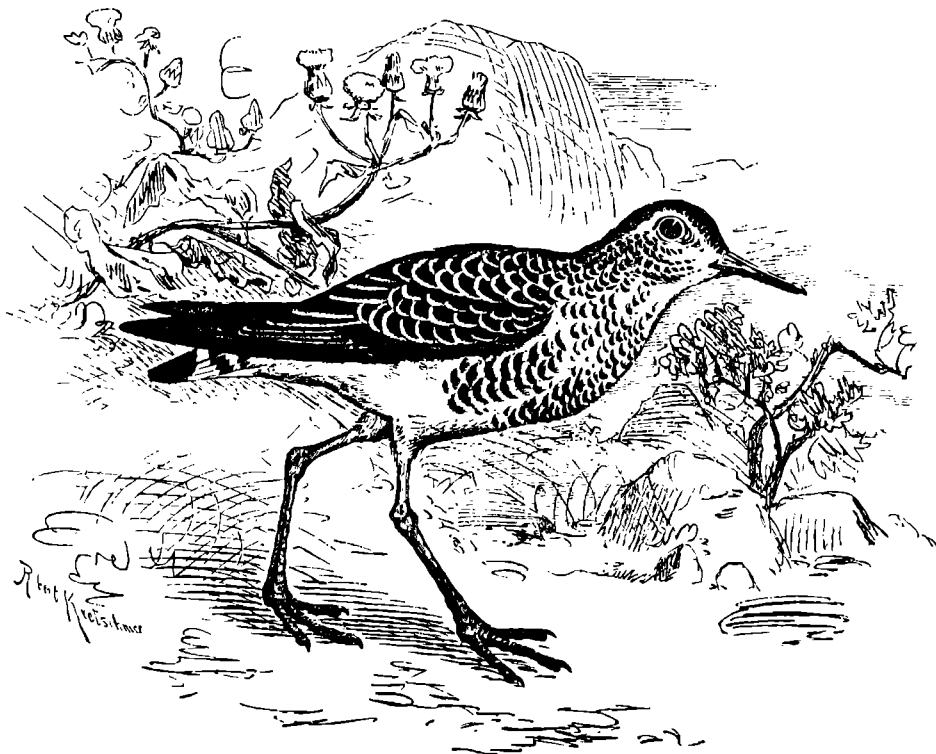
Охота на грязовиковъ не представляетъ ни малѣйшей трудности; удачно налаженная сѣть обыкновенно тоже оказывается цѣлесообразною. Пойманные, они безпрекословно подчиняются судьбѣ, съ самаго начала ведутъ себя спокойно и скоро привыкають къ клѣточному корму.

* *

Песчанка (*Calidris arenaria. rubidus, tringoides, grisea, americana, muelleri, Tringa arenaria, tridactyla, Charadrius calidris, rubidus, Arenaria calidris, vulgaris, grisea. Sanderling*) отличается отъ родственныхъ ей формъ, отсутствіемъ задняго пальца. Длина ея достигаетъ 18 см., размахъ крыльевъ 38, длина крыла 12, хвоста 5 см. Въ лѣтнемъ опереніи голова, шея, горло и зобъ песчанки яркаго ржаво-краснаго цвѣта съ продольными полосками, на головѣ — широкими, на остальныхъ частяхъ — узкими; нижнія шейныя перья и плечи черныя съ широкими блѣдыми ржаво-красными краевыми и концевыми пятнами на перьяхъ; нижнія части, напротивъ того, блѣдыя. Первые пять рулевыхъ перьевъ у основанія блѣдыя, а затѣмъ сѣровато-блѣдыя. Глаза темно-каріе, клювъ черноватый, ноги темно-сѣрыя. Въ зимней одеждѣ опереніе верхнихъ частей тѣла свѣтло-пепельно-сѣрое съ блѣватыми концевыми каймами и черноватыми стержнями перьевъ; опереніе нижнихъ частей чисто-блѣлое. Въ одеждѣ молодыхъ нижнія шейныя перья выглядятъ очень темными и точно также имѣють блѣловатые края; верхъ крыла пепельно-сѣрый; лобъ, надглазные полоски, лицевая часть и визъ тѣла чисто-блѣдыя.

Отечествомъ этой милой птички служить сѣверъ всего земного шара, мѣстомъ ея прибыванія—берега морей и океановъ. Отсюда зимой она совершаетъ перелеты на югъ, и зимуетъ уже, начиная съ Греціи, Испанія, Египта, Китая и Пью-Джерсея; однако она улетаетъ и въ болѣе южныя широты, особенно въ южную Азію, среднюю Африку, Бразилію, вообще не наблюдалась до сихъ поръ только въ Австраліи. Внутри материковъ она показывается рѣдко, мѣдуя во время перелетовъ, повидимому, больше направленію морскихъ береговъ. Подобно остальнымъ песочникамъ, на зимовкахъ песчанка живетъ болѣе или менѣе многочисленными обществами, лѣтомъ-же—парочками.

Образом жизни и повадками песчанка сходна съ песочниками. Походка ея красива и проворна, полетъ изящень, ловокъ и быстръ, сходенъ съ полетомъ рѣчной ржанки. Летая съ мѣста на мѣсто, песчанка ведетъ себя тихо, всегда запыта; она нѣсколько спокойнѣе своихъ сородичей, но столь-же беззаботна и доверчива. Часто она примѣшивается къ стаѣ песочниковъ или вообще къ кучкѣ береговыхъ птицъ; при видѣ чловѣка она ощущаетъ мало страха, такимъ образомъ допускаетъ возможность какъ наблюдать за ней, такъ ловить, загонять въ сѣти и убивать ее, даже просто бить камнями; ее нелегко прогнать даже нѣсколькими выстрѣлами. Голосъ песчанки есть простой, свистящій, отрывистый, тихій призывной крикъ, который можно передать слогами «ци» или «шря». Крикъ

Песчанка. *Calidris arenaria*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

этотъ, смотря по обстоятельствамъ, звучить различно и тогда имѣеть разное значеніе.

Какъ и другіе родственные ей виды, песчанка ѣсть всевозможныхъ мелкихъ животныхъ. На берегу у самой линіи морского прибоя можно видѣть кучку песчанокъ; дождавшись приливной волны, онѣ вмѣстѣ съ ея отливомъ бѣгутъ влѣдъ за ней къ морю и вновь удираютъ отъ новаго приливнаго вала. Это бѣганіе продолжается часами. Однако ихъ можно встрѣтить и вдали отъ воды, гдѣ онѣ усердно заняты, тыкая свой носъ то туда, то сюда, и такъ углубляются въ это занятіе, что, прежде чѣмъ замѣтитъ чловѣка, онѣ подпускаютъ его всего на нѣсколько шаговъ; только тогда онѣ пугаются и улетаютъ прочь. По словамъ Наумана, песчанки такъ любятъ хороши покусать, что ради хорошаго стола, повидимому, даже рискуютъ своей безопасностью.

Такъ какъ песчанка гнѣздуеть исключительно на сѣверѣ, то о размноженіи

ея намъ еще пока ничего неизвѣстно. Яйца ея похожи на яйца большого и малого чернозобковъ; они имѣютъ глинисто-желтый или зеленоватый фонъ и покрыты вѣсколькими слабо-пурпурово-буроватыми пятнышками и довольно неправильными желтовато-бурыми крапинками.

На морскихъ берегахъ за песчанками охотится такъ-же, какъ вообще за вѣми мелкими береговыми птицами и часто съ одного выстрѣла укладываютъ много этихъ беззаботныхъ птичекъ. По увѣренію Наумана, песчанка легко приручается и уже по простствіи немногихъ дней выказываетъ себя такой смирной и довѣрчивой, что, благодаря этому, часто подвергается опасности и въ концѣ концовъ обыкновенно ее кто-нибудь печально раздавливаетъ.

* *

На берега Скандинавіи иной разъ залетаетъ **Перепончатопалый песочникъ** (*Symphemia semipalmata*, *atlantica*, *Catoptrophorus semipalmatus*, *Totanus semipalmatus*, *crassirostris*, *Scelopax*, *Glottis*, *Hodytes semipalmatus*. *Schwimmwasserläufer*. *Chevalier semipalmé*). Одинъ изъ его признаковъ—плавательная перепонка между его передними пальцами, доходить только до половины ихъ. Песочникъ этотъ является представителемъ рода того же имени (*Symphemia*). Длина его достигаетъ 39 см., размахъ крыльевъ 70, длина крыла 21, хвоста 8 см. Верхнія части тѣла у него буровато-сѣрыя, голова и шея имѣютъ темно-бурыя продольныя, синяя и нижнія шейныя перья—поперечныя полосы, кромѣ того они покрыты пятнами такого же цвѣта; малыя кроющія перья крыльевъ сѣрыя съ бурыми шрихами, большія съ бѣлыми кончиками, образуя этимъ поперечную крыловую полосу. Брови, надхвостье, верхнія кроющія перья хвоста и нижнія части—бѣлыя; бока имѣютъ буроватый волнистый рисунокъ. Большія маховыя перья бурія, въ основной половинѣ бѣлыя; первыя изъ малыхъ маховыхъ тоже бѣлыя, послѣднія, какъ и плечевыя перья, буро-сѣрыя съ зеленоватымъ отливомъ. Хвостовыя перья въ основной половинѣ бѣлыя, въ конечной густо покрыты бѣдыными пепельно-сѣрыми крапинками; четыре среднихъ пера имѣютъ буро-черныя и сѣро-бурыя поперечныя полосы. Глаза каріе; клювъ у основанія голубовато-сѣрый, на концѣ черноватый; ноги свѣтло-голубыя.

Перепончатопалый песочникъ, «каменный куликъ» американцевъ, гнѣздуетъ въ области Соединенныхъ Штатовъ, а зимуетъ въ средней и Южной Америкѣ. Мѣстопробываніемъ своимъ онъ выбираетъ голые берега прѣсноводныхъ бассейновъ или морскія побережья. Даже на гнѣздовыхъ онъ охотно ведетъ общественную жизнь, зимой-же соединяется въ весьма многочисленныя стаи; бѣгаетъ бродить по водѣ и летаетъ онъ съ одинаковымъ мастерствомъ, плаваетъ также недурно, хотя пускается на это рѣдко безъ нужды. Голосъ его громокъ. Перепончатопалый песочникъ очень живая, умная, осторожная и пугливая птица. Гнѣздо свое онъ устраиваетъ по близости воды, также по серединѣ болота, большую часть въ кустѣ ситника; яйца его, около 50 мм. длиною и 36 мм. въ поперечникѣ, круглыя, чѣмъ у большинства родственныхъ ему формъ, имѣютъ оливково-буроватый, глинистый или красновато-бурый фонъ, покрытый слабыми нижними и рѣзкими верхними пятнами умбро-бураго цвѣта. Яйца насиживаются обоими родителями и они оба руководятъ своими птенцами обычнымъ способомъ.

* *

«Въ двухъ норвежскихъ миляхъ отъ поселенія Мельбо, на Лофоденскихъ островахъ находится приходская церковь Бѣ, а возлѣ нея домъ настора. Въ

этомъ домѣ живетъ весьма милый человѣкъ, извѣстный какъ проповѣдникъ, но еще болѣе извѣстный, какъ живописецъ. Отыщите его и если вы не захотите сдѣлать этого ради самого пастора, вы должны это сдѣлать ради плавунчиковъ, которые живутъ въ непосредственной близости того мѣста. Въ 300 шагахъ къ востоку отъ пасторскаго дома находятся пять маленькихъ, прѣсноводныхъ, обросшихъ травю прудовъ; тамъ вы найдете тѣхъ птичекъ, о которыхъ вы меня спрашивали». Такъ говорилъ мнѣ лѣсничій Бартъ, къ которому я обращался за совѣтомъ, прежде чѣмъ отправиться въ страну, гдѣ солнце не заходитъ четыре мѣсяца въ году. Я отправился въ путь, пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ чтобы познакомиться поближе съ мѣстнымъ пернатымъ міромъ, обыскивалъ каждое поросшее осокой, прѣсноводное озерко, и тщетно старался найти плавунчиковъ, наконецъ я прибылъ въ Бѣ и встрѣтилъ радушный приемъ у пастора. Онъ показалъ мнѣ цѣнныя картины, которыя этотъ одинокій человѣкъ пишетъ исключительно ради собственнаго удовольствія; послѣ этого, къ немалому удивленію хозяина, я спросилъ его объ уже извѣстныхъ намъ маленькихъ озерахъ. Мы тотчасъ же туда отправились, достигли ихъ, пройдя сотню, другую шаговъ, и — на первомъ же озеркѣ я уже увидѣлъ одну парочку плавунчиковъ, на второмъ — другую и на одномъ изъ остальныхъ — третью. Позднѣе я, конечно, нашелъ еще много другихъ, такъ какъ въ Лапландіи они не принадлежатъ къ числу рѣдкихъ птицъ и на тундрѣ Самоѣдскаго полуострова они повсюду обыкновенны; однако такъ какъ въ этотъ помянутый день, я никогда не любовался и не восхищался ими.

Плавунчики (*Phalaropus. Wassertreter. Phalaropes*) характеризуются слѣдующими признаками: клювъ ихъ средней длины, прямой, очень слабый, сплюснутый, слегка согнутый книзу и плоскій у конца. Ноги низкія, слабыя; три переднихъ пальца ихъ связаны между собой перепонками, доходящими только до половины ихъ и по обѣ стороны имѣютъ дугообразные, мелкозубчатые по краямъ, кожаныя лопасти; крылья длинныя, заостренныя; изъ маховыхъ перьевъ ихъ первое длиннѣе прочихъ. Хвостъ короткій, закругленный, двѣнадцатиперый: кроющія перья хвоста очень длинныя. Опереніе необыкновенно густое. Но внутренней-же организаціи плавунчики, напротивъ, имѣютъ полное сходство съ остальными родственными имъ родами

Круглоносый плавунчикъ (*Phalaropus hyperboreus, yperboreus, cinereus, cinerascens, fuscus, vulgaris, ruficollis, angustirostris, lobatus, australis,*}; *Tringa hyperborea, lobata, fusca, Lobipes hyperborea. Wassertreter. Phalarope rouge*), называемый исландцами **Одиновой курочкой**, имѣетъ слѣдующее опереніе: верхнія части его черно-сѣрыя, въ нижней половинѣ спины и на плечахъ перья черныя съ ржаво-желтыми краями; стороны затылка ржаво-красныя, горло и нижнія части бѣлыя; зобъ и бока сѣрые. Маховыя перья черноватыя съ бѣлыми стержнями, у основанія также бѣлыя; кроющія перья крыльевъ на концахъ имѣютъ бѣлыя каемки; хвостовыя перья бурныя. У самокъ опереніе ярче, черно-сѣрый цвѣтъ верхней части тѣла бархатистаго блеска, окраска шеи и низа горлышка ярко-красная, перья зоба и боковъ тѣла черно-сѣрыя. Глаза каріе; клювъ черный, ноги свинцово-сѣрыя, внутреннія перепонки ихъ пальцевъ и лопасти желтоватыя, наружныя-же сѣрыя. Длина самцовъ достигаетъ 10, размахъ крыльевъ 33, длина крыла 10, хвоста 5 см.; самки-же замѣтно крупнѣе.

На дальнемъ сѣверѣ предыдущій видъ замѣщается **Плосконосымъ плавунчикомъ** (*Phalaropus fulicarius, rufus, rufescens, griseus, glacialis, platyrhynchus, platyrostris, asiaticus, Tringa fulicaria, glacialis, Crymophilus rufus. Pfuhlwassertreter. Phalaropus gris*). Отличительные признаки его: клювъ по длинѣ равенъ головѣ, широкій на концѣ, плоскій и согнутый ввизъ, хвостъ немного длиннѣе, чѣмъ у предыдущаго вида, съ которымъ онъ во всемъ остальномъ совершенно сходенъ. Плосконосый плавунчикъ больше Одиновой курочки: длина его достигаетъ около 21 см., размахъ его крыльевъ 37, длина крыла 13, хвоста 7 см. Верхъ головы, спина и плечи — черныя, всѣ перья послѣднихъ имѣютъ ржаво-желтыя каемки; опереніе зашейка и надхвостья ржаво-красное, низа спины, покровныхъ перьевъ, верха крыла и боковъ хвоста — пепельно-сѣрое; нижнія части красиваго ржаво-краснаго цвѣта. Большія маховыя черно-сѣрыя съ бѣлыми стержнями, основаніями и внутренними краями; малыя маховыя темно-сѣрыя съ бѣлыми краями вокругъ перьевъ, послѣднія изъ нихъ почти совершенно бѣлыя; всѣ верхнія малыя кроющія перья темно-сѣрыя съ узкими, а самыя длинныя на концахъ съ широкими каймами; среднія рулевыя перья черноватыя, слѣдующія за ними темно-аспидно-сѣрыя, оба самыя наружныя имѣютъ темные буро-красные концы. У самокъ верхъ головы и затылокъ бархатисто-черные, спина темная, нижнія части ярко-красныя. Глаза у этихъ птицъ каріе; клювъ зеленовато-желтый, съ рогово-бурымъ кончикомъ; ноги сѣро-бурыя. Въ осеннемъ нарядѣ верхъ головы и затылокъ выглядятъ пепельно-сѣрыми и имѣютъ двѣ сѣро-черныя полосы, тянущіяся по бокамъ затылочной части головы; перья спины и плечъ — голубовато-сѣрыя съ болѣе темными стержнями; перья нижнихъ частей бѣлыя, по бокамъ сѣрыя.

Лѣтомъ Одинова курочка живетъ, начиная отъ Гебридскихъ, Ферерскихъ острововъ, Исландіи и Лапландіи, въ тундрахъ всѣхъ трехъ сѣверныхъ частей свѣта; она рѣдко дѣлаетъ большіе перелеты, однако довольно регулярно встрѣчается въ Шотландіи и Норвегіи, рѣже на берегахъ Даніи, Германіи, Голландіи, Франціи, Испаніи и даже Италіи. Она зимуетъ также на берегахъ Чернаго, Японскаго, Китайскаго морей и Индѣйскаго океана, въ Америкѣ же долетаетъ до широты Гватемалы. Во время своихъ перелетовъ круглоносый плавунчикъ рѣдко удаляется отъ моря, однако попадаетъ и на внутреннихъ бассейнахъ, на примѣръ, ежегодно зимуетъ въ Персіи. Плосконосый плавунчикъ лѣтомъ представляетъ собой одно изъ обычнѣйшихъ явленій на Шпицбергенѣ и въ сѣверной Гренландіи, но уже въ Исландіи, по словамъ Фабера, онъ живетъ лишь въ небольшомъ районѣ и перекочевываетъ на югъ еще рѣже, чѣмъ круглоносый плавунчикъ. За его настоящее отечество принимаютъ сѣверную Сибирь, съ чѣмъ согласуются и его явленія зимой въ Китаѣ и Индіи. Въ Великобританіи временами онъ бываетъ въ большомъ количествѣ, въ Германіи и далѣе на юго-западѣ онъ появляется очень рѣдко, однако наблюдался вплоть до Танжера въ сѣверо-западной Африкѣ. Въ странахъ у Дэвисова пролива онъ принадлежитъ еще къ числу обыкновенныхъ птицъ, которыя, быть можетъ, и образуютъ тѣ часто многочисленныя стаи, которыя встрѣчаются иногда на югѣ Соединенныхъ Штатовъ.

По образу жизни оба плавунчика, какъ утверждаютъ путешественники, наблюдавшіе обоихъ, такъ сходны между собой, что въ этомъ отношеніи почти нельзя указать никакой разницы. Оба — дѣти моря и только въ птенцовую пору держатся вблизи береговъ и на маленькихъ прѣсповодныхъ озеркахъ материковъ; остальное же время они проводятъ на морѣ. Между 20—25 маемъ Одинова курочка прилетаетъ въ Исландію, въ послѣднихъ дняхъ того же мѣсяца — въ Гренландію и по всей вѣроятности около того же времени появляется и въ Финмаркенѣ. Въ концѣ

августа, по словам Преьера и Циркеля, она снова покидает Исландию; уже в серединѣ юля эти натуралисты видѣли «огромную стаю Одиновыхъ курочекъ» на одномъ озерѣ въ сѣверной Исландіи. Плосконосый плавунчикъ появляется въ Гренландіи позже, именно только въ началѣ юня. До этого времени оба вида встрѣчаются или крупными стаями посреди океана, или небольшими стайками въ фіордахъ, по близости береговъ. Затѣмъ стаи разбиваются на пары, и каждая изъ нихъ ищетъ себѣ пруда для гнѣзда. Когда весной въ 1835 году, во время путешествія въ Гренландію, Гольбельль былъ на 18 дней затертъ льдами, онъ всегда видѣлъ плавунчиковъ, плававшихъ между льдинами; позднѣе онъ видѣлъ ихъ на волнахъ во время самаго сильнаго прибоя. Зиму они проводятъ на море, которое доставляетъ имъ такое обиліе пищи, что они настолько тучнѣютъ отъ жира, что съ нихъ трудно бываетъ снять шкурку. Они постоянно что-нибудь ловятъ на поверхности воды, но что за животныя составляютъ ихъ пищу — еще не могло быть опредѣлено. Одубонъ говоритъ, что они охотно садятся на плавучія морскія растенія, гдѣ чрезвычайно дѣятельны, очевидно занимаясь отыскиваніемъ корма. Во всякомъ случаѣ дозано, что на морѣ они ведутъ себя какъ настоящія морскія птицы и въ плаваніи поспорятъ съ каждой другой птицей; однако, какой образъ жизни они ведутъ, въ точности еще неизвѣстно, такъ какъ за исключеніемъ немногихъ уже приведенныхъ нами наблюденій, о жизни этихъ птицъ на морѣ нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

Мнѣ хорошо извѣстно, что отрядъ поисковыхъ птицъ вообще заключаетъ въ себѣ много милыхъ и пріятныхъ птицъ и, несмотря на это, я не поколеблюсь назвать плавунчиковъ, въ особенности Одинову курочку, самыми милыми изъ всѣхъ ихъ. Въ жизни и манерахъ этихъ птичекъ столько интереснаго и привлекательнаго, въ ихъ движеніяхъ столько ловкости, что невольно любуешься ими. Плавунчики одареннѣе всѣхъ другихъ куликовъ; всюду они на мѣстѣ, всюду какъ дома: на землѣ ли, въ камышахъ, на водѣ или въ воздухѣ. Походка ихъ сходна съ походкой песочниковъ. Они спокойно стоятъ на берегу, слегка подбравъ шею; если вздумаютъ пройтись, то бѣгутъ рысцей, но могутъ бѣгать и очень скоро; они съ большой ловкостью шмыгаютъ по камышу и умѣютъ въ немъ превосходно прятаться. Во время своего быстрого, неправильнаго полета они описываютъ всевозможныя дуги, дѣлая это скорѣе ради удовольствія, нежели по необходимости; однако на лету они больше напоминаютъ гаршнеповъ, чѣмъ песочниковъ, отличаясь отъ послѣднихъ еще и тѣмъ, что сильно подтягиваютъ шею, почему передняя часть тѣла у нихъ точно обрѣзана. Ихъ небольшая головка и нѣжный клювъ такъ бросаются въ глаза, что ихъ трудно смѣшать съ другими птицами. При плаваніи они выказываютъ много ловкости, изощества и милостивости, которыя положительно восхищаютъ васъ. На водѣ они держатся легче, чѣмъ всякая другая плавающая птица, почти не колебля водной поверхности; при этомъ опереніе свое они плотно прижимаютъ къ тѣлу, плывутъ сильными движеніями, короткими толчками, гребя попеременно обѣими ногами и кивая головою какъ водяныя курочки; въ короткое время они могутъ проилывать довольно значительное разстояніе. нырять они не умѣютъ: опереніе ихъ слишкомъ густо, чтобы у нихъ хватало силы двигать подъ водой свое легкое, сравнительно съ объемомъ, тѣло; даже будучи ранеными, они не пробуютъ нырять въ глубь, а плывутъ какъ только возможно послѣшно къ камышамъ, чтобы скрыться въ нихъ отъ вражескаго взора. Съ воды они прямо взлетаютъ на воздухъ, равно и садятся на нее прямо съ лета. Плавая, они совершаютъ всѣ свои дѣла: собираютъ съ поверхности воды кормъ, играя, гоняются другъ за другомъ, а самцы на водѣ даже топчутъ самокъ. При этомъ имъ совершенно все равно, спокойна или волнуется поверхность воды, холодно или тепло: Фаберъ видѣлъ ихъ на

прудахъ горячихъ источниковъ, температуру воды которыхъ едва выдерживала рука, гдѣ они плавали столь же беззаботно, какъ и среди ледяныхъ глыбъ. Ихъ призывной голосъ похожъ на голосъ наиболѣе мелкихъ песочниковъ, но его труднѣе передать буквами, такъ какъ ихъ рѣзкіе звуки необыкновенно высоки.

Органы чувствъ ихъ остры, умственные способности достаточно развиты. Беззаботно и довѣрчиво, какъ немногія другія побережныя птицы, плавунчики подпускаютъ къ себѣ человѣка шаговъ на десять и, если не беспокоить ихъ, позволяютъ наблюдать за собой цѣлыя минуты, не пытаясь скрыться изъ глазъ; однако всякая попытка къ преслѣдованію дѣлаетъ ихъ осторожными: одного промаха достаточно, чтобы сдѣлать ихъ чрезвычайно пугливыми. На остальныхъ птицъ, по крайней мѣрѣ въ птенцовую пору, они, повидимому, не обращаютъ вниманія, живутъ больше для себя; однако любовь горячитъ и ихъ, и между самцами одного вида происходятъ оживленные схватки и драки; въ остальное время послѣдніе ведутъ себя превосходно. Драки плавунчиковъ происходятъ какъ на водѣ, такъ и въ воздухѣ. Самецъ, забравшійся въ районъ, занимаемый уже одной парочкой, немедленно вызываетъ негодованіе законнаго владѣльца. Оба, стремглавъ, плывутъ другъ къ другу, поднимаются на воздухъ и дерутся тамъ, кружась и вертясь, до тѣхъ поръ, пока непрощенный гость не будетъ прогнанъ. Зато тѣмъ нѣжнѣе отношенія между самцомъ и самкой одной парочки. Оба постоянно держатся вмѣстѣ и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ разлучаются. «Взаимная любовь этихъ милостивыхъ птичекъ поистинѣ достойна удивленія», пишутъ Прейеръ и Циркель, часто наблюдавшіе плавунчиковъ въ Исландіи. «Если мы убивали самку, самецъ немедленно приплывалъ къ ней и пытался всевозможными, часто забавными способами вернуть убитую подругу къ жизни. Овдовѣвшій самчикъ оставлялъ трупъ только тогда, когда въ воду входила собака, посланная достать птицу. Но при жизни они проявляютъ свою любовь еще удивительнѣе. Мы наблюдали Одиновыхъ курочекъ навѣрное разъ 50 и ни разу одиночками, напротивъ того очень часто нѣсколькихъ паръ вмѣстѣ. Самцы цѣлуются съ самками клювами, выкидываютъ передъ ними различные кудштыки и всячески стараются потѣшить ихъ. Иногда даже самый безжалостный охотникъ не рѣшается дать выстрѣлъ по этимъ беззаботно играющимъ птичкамъ, совершенно не чувствующимъ никакого страха передъ человѣкомъ».

Гольбель утверждаетъ, что самки не часто показываются вблизи гнѣздъ, такъ какъ изъ 11 Одиновыхъ курочекъ, убитыхъ имъ по близости 5 различныхъ гнѣздъ, только одна была самка: на основаніи личныхъ наблюденій и принужденъ высказать обратное, такъ какъ изъ 10 штукъ, убитыхъ и изслѣдованныхъ мною, 6 было самокъ и только 4 самца; кромѣ того и всегда видѣлъ ихъ парочками. На большихъ озерахъ можетъ случиться, что нѣсколько паръ гнѣздятся вмѣстѣ; тамъ же, гдѣ есть маленькія прѣсноводныя озера или настоящіе пруды, каждая парочка завладѣваетъ однимъ изъ нихъ и не терпитъ возлѣ себя никакого сосѣдства. Время отъ времени различныя парочки обмѣниваются визитами, при этомъ прилетѣвшая парочка полетаетъ нѣсколько минутъ надъ озеркомъ или прудомъ, можетъ быть даже на секунду опустится, немного поплаваетъ, однако остается очень недолго и исчезаетъ столь же быстро, какъ появилась.

Гнѣздящихся Одиновыхъ курочекъ въ Лапландіи я всегда находилъ лишь на прудахъ по близости моря, въ тундрѣ же Самоѣдскаго полуострова, напротивъ, на болѣе чѣмъ 100 килом. вдали отъ него, большинство же вблизи Оби и Щучьей рѣки. По замѣчанію Фабера и Гольбелли, плосконосый плавунчикъ любитъ селиться, больше чѣмъ на самыхъ фіордахъ, на островахъ внѣ фіордовъ, гдѣ находятся маленькіе пруды. Оба вида каждый вечеръ съ гнѣздовыхъ прудковъ летаютъ на фіорды,

гдѣ, по словамъ Гольбелля, плаваютъ и ловятъ маленькихъ водяныхъ животныхъ. Это мнѣ кажется очень вѣроятнымъ, такъ какъ и видѣлъ плавунчиковъ, возвращавшихся обратно на землю. Гнѣздо всегда помѣщается не на островкѣ или сухомъ мѣстѣ у пруда, а всегда на самомъ краю его и представляетъ собой простую, но красиво округленную чашку изъ травы, безъ настоящей выстилки, которая, впрочемъ, замѣняется самой травой, загибающейся внутрь гнѣзда при его округленіи. Въ осмотрѣнныхъ мною гнѣздахъ я находилъ 3 и 4 яйца; послѣднее число есть обычная кладка. Яйца плавунчиковъ относительно малы, около 30 мм. длиной и 20 мм. въ поперечникѣ и имѣютъ оливковый фонъ или темный сѣро-зеленый фонъ, покрытый многими болѣе мелкими и болѣе крупными чернубурными крапинками. По словамъ Фабера, самецъ и самка сидятъ на яйцахъ попеременно, причемъ Фаберъ прибавляетъ, что плавунчики являются единственными птицами, у которыхъ самцы имѣютъ два насѣдныя пятна, тогда какъ у самокъ они незамѣтны, почему Гольбелль думаетъ, что самецъ сидитъ на яйцахъ одинъ, самка же вообще яицъ не насиживаетъ. Около гнѣзда высиживающій птенецъ плавунчикъ всегда становится очень озабоченнымъ, постоянно подлетаетъ къ нему, описываетъ большія дуги и тотчасъ снова возвращается, и такъ ведетъ себя все время, пока кто-либо находится около гнѣзда. Временами онъ садится на воду, но я никогда не замѣчалъ, чтобы онъ пытался отманить нарушителя его покоя, притворяясь хилымъ и безпомощнымъ. На это онъ однако пускается, когда водить свой выводокъ. Въ серединѣ іюля въ сѣверной Лалландіи я нашелъ молодыхъ въ пуховой одеждѣ, которые быстро бѣгали между камышомъ и травой, руководимые матерью. Они мастерски умѣли прятаться, однако я ихъ все-таки разыскалъ и переловилъ. Старики были безконечно озабочены, боязливо порхали вокругъ меня и пытались притворными маневрами отманить меня отъ молодыхъ. Послѣдніе поведеніемъ своимъ сходны съ молодыми песочниками, отличаясь отъ нихъ развѣ только тѣмъ, что умѣютъ хорошо плавать. Я упоминаю объ этомъ намѣренно, такъ какъ Фаберъ и Гольбелль утверждаютъ противное. Окраска ихъ пухового наряда сравнительно темная и похожа на цвѣтъ осоки.

Въ желудкахъ убитыхъ мною круглоносыхъ плавунчиковъ я нашелъ различныхъ личинокъ насѣкомыхъ, которыхъ я опредѣлить не могъ; по моимъ наблюденіямъ плавунчикъ собиралъ свой кормъ какъ съ поверхности воды, такъ и по берегу и въ травѣ. Нужно-ли упоминать, что молодые довольствуются пищей, промышленной ими въ камышахъ. По словамъ Мальмгрена лѣтомъ на Шпицбергенѣ плавунчики ѣдятъ главнымъ образомъ одну водоросль, въ изобиліи растущую на болотахъ.

Въ началѣ августа старики вмѣстѣ съ уже летучими молодыми направляются въ фіорды къ островамъ и собираются здѣсь къ безчисленнымъ стадамъ, которыя и начинаютъ готовиться къ зимней жизни. Въ началѣ сентября они уже одѣваются въ свой зимній нарядъ и такъ раскармливаются, что становятся уже пригодными для коллектора. Въ концѣ сентября они совершенно оставляютъ берега и летятъ далеко въ море.

* * *

Родъ **Ходулочниковъ** (*Himantopus*, *Stelzenläufer*, *Echasses*) характеризуется гибкимъ какъ китовый усъ, длиннымъ и тонкимъ, у конца плоскимъ клювомъ; длинными покрытыми одними щитками плеснами, прямымъ хвостомъ и крыльями, заходящими за его концы; изъ маховыхъ перьевъ первое самое длинное.

Во всѣхъ областяхъ, прилежащихъ къ Средиземному морю, особенно часто

въ сѣверной Африкѣ, а также точно и въ Азіи, живетъ своеобразно сложив-
ный **Ходулочникъ**, **Долгоногіи нуликъ** (*Himantopus candidus, vulgaris, rufipes, albi-*
collis, nigricollis, longipes, brevipes, atropterus, melanopterus, asiaticus, europaeus,
intermedius, minor, melanocephalus, leucocephalus, autumnalis, Hupsibates himanto-
pus). Клювъ его длинный и слабый, къ концу утончающійся, прямой, по спинкѣ
округлый, на концѣ согнутой книзу, мягкій только у конца. Ноги трехпалыя, не-
обыкновенно длинныя, слабыя и высокія, голень частью не оперена; наруж-
ный палецъ соединенъ съ среднимъ короткой перепонкой; каждый палецъ воору-
женъ маленькимъ, узкимъ, острымъ когтемъ. Крылья очень длинныя и узкія; пер-
вое маховое ихъ значительно длиннѣе остальныхъ; добавочное крыло короткое.
Хвостъ двѣнадцатиперый, средней длины, но въ сравненіи съ длиною крыльевъ
кажется короткимъ. Мелкое опереніе густое, на нижнихъ частяхъ почти шерстис-
тое, въ брачномъ нарядѣ двухцвѣтное, замѣтно мѣняющееся въ зависимости отъ
времени года и возраста. Въ весеннемъ опереніи задняя часть головы, узкая по-
лоска на шейкѣ и нижнія шейныя перья—черныя, послѣднія съ зеленоватымъ
блескомъ; хвостъ пепельно-сѣрый; всѣ остальные части бѣлыя, въ передней по-
ловинѣ съ нѣжнымъ розово-краснымъ налетомъ. У самокъ окраска и бѣлый цвѣтъ
менѣе яркіе, хвостъ еще менѣе блестящъ, на затылкѣ темный цвѣтъ шире, но ма-
товѣе. Въ зимнемъ опереніи черный цвѣтъ головы и затылка пропадаетъ, пере-
ходя самое большее въ сѣрый оттѣнокъ. У молодыхъ нижнія части сѣровато-бѣ-
лыя, зашеекъ сѣрый съ бѣлыми волнистыми полосами; перья плечъ также болѣе
или менѣе сѣрыя. Глаза красиваго карминно-краснаго цвѣта; клювъ черный; ноги
блѣдно-карминно или розово-краснаго цвѣта. Длина птицы достигаетъ 38 см., раз-
махъ крыльевъ 70, длина крыла 23, хвоста 8 см.

Ходулочникъ живетъ въ южной Европѣ, Средней Азіи и сѣверной Африкѣ,
но совершенно справедливо причисляется и къ птицамъ Германіи, такъ какъ не
только неоднократно посѣщаетъ ее, но даже и выводитъ въ ней птенцовъ. Въ значи-
тельныхъ количествахъ встрѣчается онъ, напримѣръ, въ Венгріи; затѣмъ онъ жи-
ветъ на многихъ, но далеко не на всѣхъ подходящихъ прѣсныхъ водахъ трехъ
южныхъ полуострововъ Европы, въ южной Россіи и, къ югу отъ сибирской границы,
по всей Средней Азіи и Индіи. Здѣсь, какъ и въ Персіи, Египтѣ, сѣверо-запад-
ной Африкѣ и даже въ Сардиніи, онъ бываетъ изъ году въ годъ. Въ мѣстахъ его гнѣз-
довій, лежащихъ болѣе къ сѣверу, онъ появляется въ концѣ апрѣля или въ началѣ
мая и остается въ этой области самое большее до конца сентября. Во время сво-
его перелета онъ пролетаетъ всю Африку вплоть до Капской земли и всю Азію до
острова Люсонъ. Немногія шары, гнѣздящія въ Германіи, для своего мѣстопре-
быванія выбираютъ большія, пространныя и лежація въ сторонѣ болота и ведутъ
такой тихій образъ жизни, что ихъ можно замѣтить только случайно; въ Египтѣ
же, напротивъ, ходулочники живутъ въ непосредственной близости селеній и
даже въ нихъ самихъ. Если въ селеніи по обыкновенію есть какой-либо бассейнъ
для водопоя или купанія буйволовъ, можно съ увѣренностью встрѣтить на немъ
цѣлую компанію бѣгающихъ ходулочниковъ. Это хорошій случай для наблюденія
этихъ птицъ, которыя обыкновенно бываютъ очень осторожны; здѣсь-же онѣ спо-
койно подпускаютъ человѣка на нѣсколько шаговъ. Я былъ очень удивленъ, найдя
тѣхъ ходулочниковъ, которыхъ встрѣтилъ въ центральной Африкѣ, чрезвычайно
луговыми, между тѣмъ какъ тѣ изъ нихъ, которые прилетали въ Египетъ на
зиму, селились на озерахъ, сбивались тамъ въ стаи изъ 200 — 300 штукъ и
оставались до ближайшей весны.

Ходулочникъ очень любитъ мѣста съ соленой водой, хотя исключительно ихъ

и не придерживается. Морской птицей его назвать нельзя. Во всякомъ случаѣ иногда онъ встрѣчается и на морскомъ берегу, гдѣ бродитъ между улитками и шилоклювками; обыкновенно же его встрѣчаютъ на вышеупомянутыхъ небольшихъ прудахъ или тинистыхъ мѣстахъ, а въ птенцовую пору на большихъ болотахъ съ прѣсной или по крайней мѣрѣ испорченной водой. Своей общительностью онъ превосходить всѣхъ наиболѣе родственныхъ ему птицъ: парочками его видятъ только въ пору размноженія, въ теченіи-же всего остального времени онъ всегда держится стайками изъ 6—12 штукъ, зимою же, какъ уже упомянуто, многочисленными стадами. Одиночками я видѣлъ ходулочниковъ только въ Суданѣ, но при этомъ всегда среди другихъ береговыхъ и водяныхъ птицъ. Въ маленькихъ стайкахъ ходулочники, повидимому, мало обращаютъ вниманія на другихъ птицъ, крупныя же стаи ихъ часто держатся вмѣстѣ съ другими куликами, въ особенности же вмѣстѣ съ шилоклювками: однако это можетъ происходить больше, благодаря одинаковому предпочтенію и тѣни и другими извѣстныхъ мѣстностей, чѣмъ вследствие склонностей ходулочниковъ къ общительности. На самомъ берегу послѣднихъ видятъ рѣдко, большею же частью они находятся въ водѣ на извѣстномъ разстояніи отъ берега и отнюдь нерѣдко тамъ плаваютъ. Позой ходулочники напоминаютъ улитовъ, походка ихъ отнюдь не ковыляющая и неловкая, какъ то можно было бы предположить, напротивъ — она легка, красива, шаги мѣрныя, быстро подвижныя птицу впередъ, благодаря длиннымъ ногамъ; полетъ необыкновенно легокъ и красивъ, ловокъ и изященъ. При взлетѣ ходулочникъ быстро хлопаетъ крыльями, но, разъ достигнувши извѣстной высоты, онъ летитъ тише и спокойнѣе; передъ тѣмъ какъ сѣсть, онъ плавно описываетъ одинъ или нѣсколько круговъ. Длиныя ноги при полетѣ всегда бывають вытянуты назадъ, при этомъ общій видъ летящаго ходулочника такъ оригиналенъ, что его всегда узнаешь. Голосъ его Бальдамусъ удачно передаетъ слогами «хюит хюет хюит хюет хюит хюит вит вит вет вет». Въ пору спариванія голосъ его слышенъ особенно часто, но обыкновенно только тогда, когда птица летитъ или по крайней мѣрѣ только-что слетѣла.

Продолжительныя наблюденія надъ ходулочниками убѣждаютъ, что онъ принадлежитъ къ числу самыхъ умныхъ болотныхъ птицъ. Его довѣрчивость по отношенію къ египтянамъ вполне основательна: ни одинъ арабъ не станетъ преслѣдовать или тревожить этихъ хорошо извѣстныхъ ему птицъ; зато достаточно одного выстрѣла, чтобы онѣ стали осторожными, а продолжительное преслѣдованіе дѣлаетъ ихъ весьма пугливыми. Часто я долженъ былъ потратить много труда, чтобы убить и самца, и самку одной пары, если только мнѣ не удавалось убить обоихъ съ перваго же выстрѣла. Потеря вѣрно любимаго друга приводитъ оставшагося въ живыхъ въ величайшее смущеніе, однако только въ очень рѣдкихъ случаяхъ послѣ взлета онъ снова вернется къ убитой и начнетъ описывать надъ ней одинъ или нѣсколько круговъ, какъ это обыкновенно дѣлають многія другія птицы. Пугливость немногихъ ходулочниковъ, встрѣченныхъ мною въ Суданѣ, объясняю просто тѣмъ, что ихъ смущалъ видъ бѣлаго человѣка.

Насѣкомыя, повидимому, составляютъ исключительную пищу ходулочниковъ. Ихъ постоянно видишь занятыми такой ловлей, причемъ они то схватываютъ насѣкомыхъ съ поверхности воды, то ищутъ ихъ, полунырнувъ, въ илу, то ловятъ на лету. Насколько я могъ наблюдать, они ловили мухъ, комаровъ и жуковъ.

Глѣзда ходулочника, къ сожалѣнію, мнѣ лично видѣть не удалось, яйца же имѣлъ въ рукахъ. Въ Египтѣ этотъ куликъ глѣздится въ апрѣлѣ и маѣ, въ сѣверныхъ странахъ нѣсколькими днями, а въ Индіи гораздо позже; глѣзда они чаще

всего устраиваютъ общественно. Мѣстомъ для гнѣзда служитъ какое-нибудь природное углубленіе среди зарослей камыша, лежащее выше уровня воды; иногда птица приноситъ нѣсколько камешковъ для укрѣпленія стѣнокъ, а затѣмъ рыхлое дно скудно выстилаетъ нѣсколькими стебельками. Яйца ихъ имѣютъ приблизительно форму яицъ нашей пугалицы и почти такой же величины: длина ихъ равна около 45 мм., поперечникъ 30 мм. Однако скорлупа у нихъ гораздо нѣжнѣе. Основной цвѣтъ яицъ—темный охрино-желтый, оливково-зеленый или оливково-желтый; рисунокъ состоитъ изъ немногихъ пепельно-сѣрыхъ нижнихъ пятенъ и многихъ красно-и черно-бурыхъ кругловатыхъ и продолговатыхъ, крупныхъ и мелкихъ, у толстого конца тѣсно скученныхъ верхнихъ пятенъ, различной формы. Самка насиживаетъ усердно; оба родителя жалобно кричатъ, если подойти близко къ гнѣзду. Молодые оставляютъ гнѣздо тотчасъ по вылупленіи; нѣсколькими неделями позднѣе они уже вполне оперены.

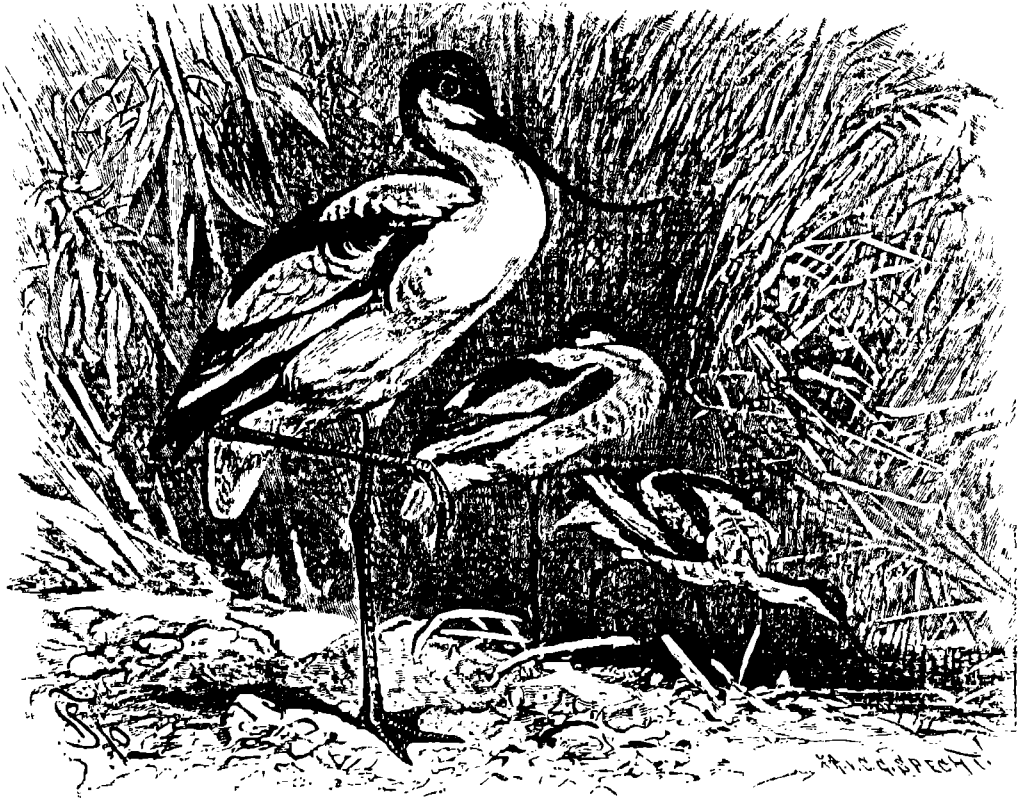
Венгерцы охотятся за «аистовымъ куликомъ», какъ они называютъ ходулочника, хотя мясо его нельзя назвать особенно вкуснымъ; по моимъ же наблюденіямъ оно и съѣдобно то только зимою. Въ неволѣ ходулочниковъ я никогда не видѣлъ.

Шилоклювни (*Recurvirostra. Säbler. Avocettes*) береговая птица средней длины, имѣютъ слѣдующіе характерные признаки: тѣло ихъ довольно плотное, голова крупная, клювъ длинный, слабый, сплюснутый, почему ширина его значительно болѣе высоты, къ концу необыкновенно утонченный, при этомъ согнутъ или просто кверху или послѣ этого перегиба вновь согнутъ книзу, онъ весьма жестокъ и гладокъ, край у него острый, внутри клювъ чрезвычайно плоскій, но имѣетъ двѣ параллельныя между собою кромки на обѣихъ половинкахъ, изъ которыхъ нижняя входитъ въ верхнюю и между которыми лежитъ языкъ. Ноги очень длинныя, но относительно сильныя, съ неоперенными плюсной и частью голени; пальцевъ четыре, между передними перепонки, доходящія до половины ихъ, задній палець у нѣкоторыхъ видовъ недоразвитъ, у другихъ развитъ. Крылья средней длины и заостренные; первое маховое ихъ самое длинное, хвостъ двѣнадцатиперый, короткій и просто закругленный. Мелкое опереніе наверху плотное, внизу густое, шерстистое, какъ у настоящихъ плавающихъ птицъ.

Шилоклювка, Чеботарь (*Recurvirostra avocetta, avocetta, europaea, fissipes, sinensis, hebeii, Scolopax avocetta. Säbelschnäbler. Avocette*) имѣетъ простое, но красиво окрашенное опереніе. Верхъ головы, затылокъ, зашеекъ, плечи и большая часть крыла—черныя; два большія поля на крыльяхъ, образованныя болѣе короткими плечевыми перьями, задній малыя маховыя перья, кроющіе перья большихъ маховыхъ и все остальное опереніе—бѣлое. Глаза красновато-бурые; клювъ черный; ноги пепельно-сѣрыя. У молодыхъ черный цвѣтъ отливаетъ буроватымъ и перья крыльевъ отличаются ржаво-сѣрыми каемками. Длина взрослой птицы достигаетъ 43 см., размахъ ея крыльевъ 74, длина крыла 22, хвоста 7 см.

Въ Старомъ Свѣтѣ шилоклювка найдена повсюду, начиная съ средней Европы. Она живетъ какъ на берегахъ Нѣмецкаго и Балтійскаго морей, такъ на соленыхъ озерахъ Венгрии и Средней Азии; съ этихъ мѣстъ она посѣщаетъ пролетомъ всю южную Европу и Африку до Капской земли, отгуда же—южный Китай и Индію. Гдѣ она водится, тамъ встрѣчается болѣею частью въ значительномъ количествѣ. Въ средней Европѣ она появляется въ апрѣлѣ; обратный отлетъ ея начинается въ сентябрѣ.

Шилоклювка—настоящая морская птица, такъ какъ она рѣдко покидаетъ морской берегъ и дѣлаетъ это по собственному желанію только тогда, когда ей удастся найти какое-нибудь озеро съ соленой или испорченной водой. Внутри материка она принадлежитъ къ числу рѣдкихъ явленій. Мѣстопребываніемъ ея служатъ сырые морскіе берега или берега озеръ съ тинистой почвой; поэтому случается, что въ одной мѣстности она извѣстна всякому, въ нѣсколькихъ же километрахъ уже бываетъ только рѣдкимъ гостемъ. На морѣ, по словамъ Наумана, она мѣняетъ свое мѣстопребываніе, сообразуясь съ приливомъ и отливомъ. Когда послѣдній обнажитъ морское дно, шилоклювокъ часто видишь въ нѣсколь-

Шилоклювка. *Recurvirostra avocetta*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

кихъ километрахъ отъ настоящаго морского берега; подвигаясь же съ приливомъ назадъ, онѣ уже переходятъ на самый берегъ. Птицы эти — одно изъ истинныхъ украшеній моря. При спокойномъ хожденіи или стояніи шилоклювка держитъ тѣло большею частью горизонтально и подбираетъ шею на подобіе французскаго S. Походка ея легкая и относительно скорая, хотя за одинъ разъ она рѣдко проходитъ большія разстоянія; ея полетъ, правда, не такой скорый, какъ у песочниковъ, но все еще достаточно быстрый и притомъ настолько своеобразный, что птицу легко можно узнать на всякомъ разстояніи, такъ какъ она широко машетъ своими вышуклыми крыльями, то поднимающимися высоко кверху, то опускающимися совсѣмъ внизу, подбираетъ шею и вытягиваетъ свои длинныя ноги назадъ. Благодаря очень хорошо развитымъ плавательнымъ перепонкамъ, она можетъ пе-

редвигаться на глубокихъ мѣстахъ, плаваетъ легко и ловко и дѣлаетъ это безъ особенной побудительной причины. Ея свистящій голосъ звучитъ нѣсколько уныло, но отнюдь не лишень пріятности. Призывной крикъ похожъ на «кюп» или «дютт», въ пору спариванія они издаютъ жалобное и часто быстро повторяемое «клю», что положительно напоминаетъ собой такъ называемое «jodeln» тирольскихъ охотниковъ.

Обыкновенно шилоклювку видятъ или стоящей въ водѣ, или медленно бродящей по ней, но съ постоянными кивками и движеніями въ сторону головы; здѣсь она отыскиваетъ свою пищу, нерѣдко погружаетъ всю голову въ воду или тинистое дно, причемъ часто окунается на половину, какъ утка. Клювомъ своимъ она пользуется нѣсколько иначе, чѣмъ другія болотныя птицы. Она, по выраженію Наумана, «какъ саблей» движетъ имъ изъ стороны въ сторону, подхватывая плавающую добычу, удерживая ее крошками нижней поверхности клюва, а затѣмъ проглатывая. Эта оригинальная птица, медленно подвигаясь впередъ, бороздитъ своимъ клювомъ по лужамъ, оставшимся послѣ отлива и буквально кишацимъ мелкими животными; покончивъ совершенно съ одной, она переходитъ къ другой. Часто съ одной лужей она возится часъ и болѣе. Обыкновенно вначалѣ она кладетъ свой клювъ на воду или на разжиженный илъ, нѣсколько секундъ копаются въ немъ какъ утка, послѣ чего стремительно начинаетъ взмахивать своимъ клювомъ. Впрочемъ, послѣднее движеніе, какъ это можно было наблюдать на пойманныхъ экземплярахъ, служитъ только для того, чтобы расшвырять илъ и обнажить добычу, а не для того, чтобы захватывать ее. Я все-таки видѣлъ нѣкоторыхъ, которые, бродя, косили своимъ клювомъ по низкой сырой травѣ или ловили въ водѣ плававшую добычу. Я шилоклювокъ наблюдалъ часто и внимательно, но думаю, что на илистыхъ озерахъ онѣ гораздо чаще копаются клювомъ въ илу, подобно уткамъ, чѣмъ косятъ имъ, какъ саблей.

Шилоклювка, живя всегда общественно, повсюду очень пуглива и во всѣхъ случаяхъ улетаетъ при приближеніи человѣка. Подходя къ мѣсту, гдѣ сотни этихъ птицъ усердно занимаются ловлей добычи, можно замѣтить, какъ по первому предостерегающему крику всѣ онѣ становятся безпокойными и тотчасъ же въ бродъ и плыви или удаляются на глубокое мѣсто, или снимаются, успокаиваясь только тогда, когда будутъ внѣ выстрѣла. Онѣ не выказываютъ никакого желанія присоединяться къ другимъ птицамъ. Ни одна шилоклювка никогда не выбирается мелкими береговыми птицами въ вожаки, и если какая-нибудь изъ нихъ сядетъ около другихъ птицъ, она держится совершенно независимо отъ общества; только съ ходулочниками, какъ было замѣчено выше, онѣ вступаютъ нѣкоторымъ образомъ въ дружескія общенія. Причину такого отступленія отъ своего правила Науманъ совершенно справедливо видитъ не въ недостаткѣ общительности шилоклювокъ, а въ своеобразности ихъ способа питанія.

Скоро по своемъ прилетѣ стаи шилоклювокъ разбиваются на пары и распределяются по мѣстамъ своего гнѣздовья; для гнѣздъ преимущественно выбираются плоскія мѣста, покрытыя низкою травой, гдѣ также гнѣздятся морскія сороки, улиты, песочники, крачки, серебристыя чайки и др. рѣже шилоклювки устраиваютъ свое гнѣздо на полѣ съ молодыми всходами злаковъ; въ обоихъ случаяхъ — всегда недалеко отъ берега моря. Гнѣздо ея есть небольшое углубленіе въ землѣ, выложенное нѣсколькими сухими стебельками и корешками; кладка состоитъ обыкновенно изъ 4, иногда 3, а бываетъ что только и изъ 2 яицъ приблизительно 48 мм. длиной и 37 мм. въ поперечникѣ; послѣднія имѣютъ грушевидную или округлую форму, нѣжную, блестящую скорлупу и свѣтлой ржаво-или оливково-жел-

товатый основной фонъ, покрытый рисункомъ изъ болѣе или менѣе многочисленныхъ черно-сѣрыхъ и фіолетовыхъ пятенъ и точекъ. Самецъ и самка сидятъ на яйцахъ попеременно, насиживая лица 17—18 дней, выказываютъ много заботливости о своемъ потомствѣ, съ жалобными криками летаютъ вокругъ человѣка, когда онъ подходитъ близко къ гнѣзду, и отводятъ птенцовъ, какъ только послѣдніе обсохнутъ, сначала на топкія мѣста, гдѣ они могутъ, въ случаѣ чего, прятаться, позднѣе—на лужи, оставшіяся послѣ отлива, и наконецъ, когда они станутъ способными летать—въ открытое море.

Пойманные шилоклювки требуютъ заботливаго ухода и обильнаго корма изъ личинокъ насѣкомыхъ или муравьиныхъ яицъ и при этихъ условіяхъ выживаютъ въ клѣткахъ годы.

* * *

Ржанковые (Charadriinae. Regenpfeifer) въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, характеризуются твердымъ, прямымъ клювомъ и, какъ будетъ видно изъ послѣдующаго, различаются незначительно между собою.

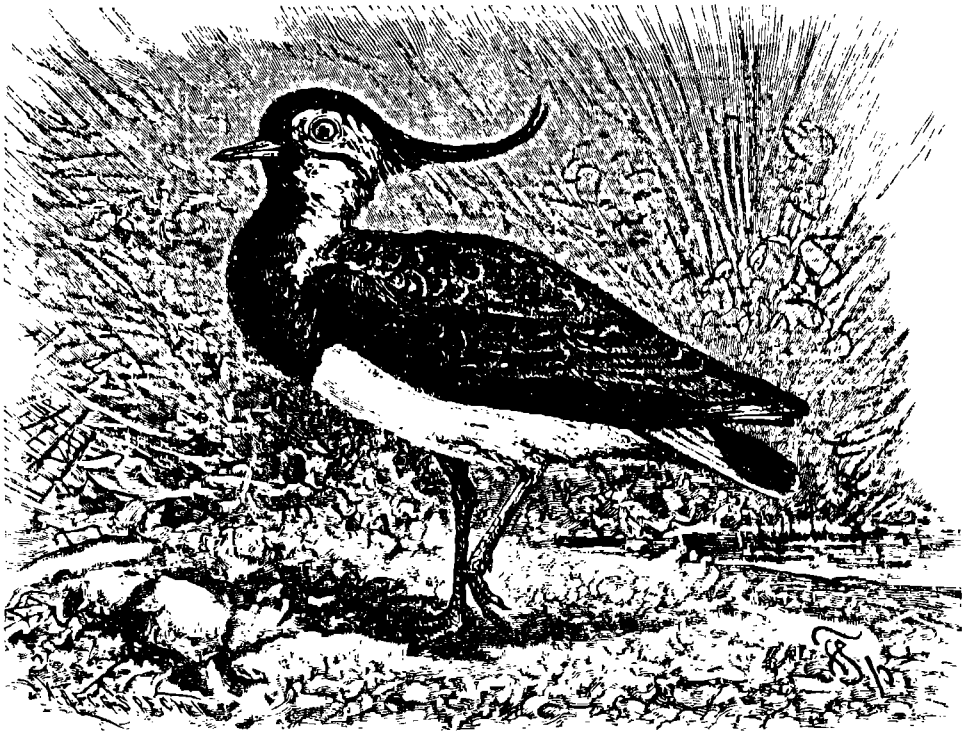
Обыкновенная Пигалица, Пигалка или Чибись (*Vanellus capella, cristatus, vulgaris, gavia, bicornis, crispus, aegyptius, Tringa vanellus, Charadrius vanellus, gavia. Kiebitz. Vanneau huppé*) представитель рода того же имени (*Vanellus*), характеризующагося четырехпалыми ногами, тупыми крыльями, третье маховое перо которыхъ самое длинное, и особеннымъ хохолкомъ на головѣ. Верхняя часть головы, передъ шею, верхняя часть груди и конечная половина хвоста ея — блестящаго чернаго цвѣта; нижнія шейныя перья темно-зеленыя съ синимъ или пурпуровымъ отблескомъ; бока шеи, низъ груди, брюхо и основная половина хвоста бѣлыя; нѣкоторыя изъ верхнихъ и нижнихъ кроющихъ перьевъ хвоста темнаго ржаво-желтаго цвѣта. Хохолокъ состоитъ изъ длинныхъ, узкихъ перьевъ, образующихъ раздвоенный кончикъ. Самка отличается болѣе короткимъ хохолкомъ и бѣлыми и черными пятнами на передней части шеи. Молодые сходны съ ней съ тою только разницей, что цвѣта ихъ оперенія болѣе грязны, перья же на верхней части головы имѣютъ широкіе ржаво-желтые края. Глаза у пигалицы каріе; клювъ черный, ноги грязнаго темно-краснаго цвѣта. Длина ея достигаетъ 34 см., размахъ крыльевъ 70, длина ея крыла 22, хвоста 10 см.

Пигалицу наблюдали во всѣхъ странахъ Стараго Свѣта, начиная отъ 81 градуса сѣверной широты вплоть до сѣверной Индіи и сѣверной Африки. Она одинаково обыкновенна, какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Китая, такъ и въ Великобританіи и каждую зиму совершаетъ свои перелеты съ родины на югъ до областей, лежащихъ между сѣверной Индіей и Марокко; съ другой стороны она летаетъ и на Ферерскіе острова, Исландію и даже въ Гренландію. Какъ въ Греціи, такъ и въ Испаніи, какъ въ Малой Азіи, такъ и въ сѣверной Африкѣ, какъ въ южномъ Китаѣ, такъ и въ Индіи она появляется въ большомъ количествѣ въ концѣ октября, посѣщаетъ долины рѣкъ, болотистыя низменности или берега морей и въ началѣ марта снова улетаетъ на сѣверъ. По словамъ Жердона, она въ Индіи встрѣчается только въ Пенджабѣ, гдѣ и выводитъ птенцовъ. Радде нашелъ ее на среднемъ Амурѣ и очень обыкновенной на Тарай-норѣ, однако лѣтомъ не по берегамъ солончаковыхъ озеръ, но, что довольно странно, въ сухихъ, высоко лежащихъ степяхъ. Сѣверцовъ встрѣтилъ ее въ Туркестанѣ даже на высотѣ между 2000 и 3000 м. Изъ европейскихъ областей наиболѣе изобилуетъ пигалицами, безъ сомнѣнія, Голландія; будучи характерной для страны птицей, она также обычна въ лагуншафтахъ Голландіи, какъ ея каналы, пѣгія коровы, вѣтряныя мельницы и высокія деревья, осѣняющія до-

мики голландцевъ. Однако и въ Германіи она далеко не рѣдка и встрѣчается почти повсюду, за исключеніемъ болѣе высокихъ горъ.

Пигалица, одинъ изъ первыхъ вѣстниковъ наступающей весны, такъ какъ прилетаетъ къ намъ приблизительно въ то же время, какъ и веселый скворецъ и полевой жаворонокъ, прилетаетъ даже и тогда, когда еще господствуетъ зима и она бываетъ принуждена такимъ образомъ вести довольно жалкое существованіе. У пигалицъ болѣе, чѣмъ у другихъ птицъ, былъ замѣченъ тотъ фактъ, что нѣкоторыя птицы изъ перелетныхъ стай летятъ впереди, указывая главную пролетную дорогу и выбирая мѣста для стоянокъ. Имъ иногда приходится очень горько, если погода вдругъ переизмѣнится къ худшему. Счѣтъ, падающей поздно весной, покры-

Обыкновенная пигалица. *Vanellus capellus*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

ваетъ ихъ кормъ; надѣясь на улучшеніе погоды, онѣ не рѣшаются летѣть назадъ, блуждаютъ отъ одного источника къ другому, беспокойно летаютъ по странѣ, съ каждымъ днемъ терпятъ все большую и большую нужду и нерѣдко въ этомъ ожиданіи и надеждѣ на лучшее—погибаютъ. Въ пору ихъ лета, иногда уже ночью слышатся ихъ характерные крики, днемъ же ихъ видятъ, въ особенности въ долинахъ рѣкъ, летящими беспорядочными, но разбитыми на стаи массами.

Какъ только стая этихъ птицъ основалась на роднѣ, она распределяется по различнымъ мѣстамъ и начинаетъ свою лѣтнюю жизнь. Пигалица не любитъ близости человека, почему и избѣгаетъ, за исключеніемъ развѣ заливныхъ луговъ, селиться по близости его жилья. Главнымъ условіемъ для гнѣзда является близость воды. Хотя рѣдко, но бываетъ, что она гнѣздится на плоскихъ возвышенностяхъ; если это случается, то можно съ увѣренностью рассчитывать, что мѣста ея обы-

ныхъ гнѣздованій будутъ залиты водой. На гнѣздовыхъ пигалицъ можно видѣть или слышать сжеминутно. Несмотря на осторожность, которая заставляетъ ихъ въ каждомъ существѣ, за исключеніемъ развѣ скота и овецъ, видѣть опаснаго врага, онѣ почти непрерывно находятся въ движеніи и, такъ какъ онѣ любятъ больше летать, чѣмъ бѣгать, и для выраженія различныхъ чувствъ охотнѣе всего употребляютъ въ дѣло крылья, то, увидѣвъ ихъ, нельзя ошибиться. Всего оживленнѣе ведутъ себя онѣ, пока яйца лежатъ въ гнѣздѣ или птенцы еще безпомощны; въ это время онѣ различными маневрами стараются отдалить отъ гнѣзда приближающуюся опасность. Въ такое время всякій человѣкъ, подходящій къ ихъ гнѣздовью, бываетъ окруженъ стаями чибисовъ, которые съ громкими «кивит» носятся около него иногда съ удивительнымъ безстрашіемъ, такъ какъ испуганныя за свои яйца птицы часто пролетаютъ такъ близко отъ его головы, что онѣ могутъ даже ощутить движеніе воздуха, возбужденнаго быстрымъ движеніемъ птицы. Полетъ пигалицы превосходный и подобенъ самымъ затѣливымъ изворотамъ. Только когда она несется надъ водой, она летитъ, тихо взмахивая крыльями; поднявшись-же высоко на воздухъ, она начинаетъ выкидывать различные фортели, словно этими странными движеніями хочетъ выразить свои чувства. Если ей или птенцамъ ея грозитъ дѣйствительная опасность, она продѣлываетъ на лету самыя головоломныя штуки, то падая стремглавъ чуть не до самой земли и немедленно же вслѣдъ за тѣмъ снова тихо поднимаясь на высоту, то бросаясь изъ стороны въ сторону, то просто кувыркаясь; сѣвъ на землю, она побѣгаетъ немного по ней и затѣмъ, поднявшись, снова начинаетъ прежнія упражненія.

Ни одна наша птица не летаетъ такъ, какъ пигалица, ни одна не сумѣетъ продѣлать такимъ удивительнымъ образомъ всевозможныхъ движеній крыльями, которыя продѣлываетъ она. Свистъ и лязгъ, производимые взмахами ея крыльевъ, настолько своеобразны, что даже въ самую темную ночь по нимъ можно узнать о летящей пигалицѣ и отличить ее отъ всякой другой птицы. Походка ея красива и проворна; бѣгъ ея можетъ достигать значительной быстроты. На лету и бѣганіи по землѣ, она постоянно играетъ своимъ хохолкомъ, то держа его горизонтально, то высоко приподнимая его. Она очень часто подаетъ свой голосъ, который, хотя его и нельзя назвать разнообразнымъ, все же состоитъ изъ нѣсколькихъ звуковъ, которые пигалица выкрикиваетъ на разные манеръ. Ея призывной голосъ, уже упомянутое выше «кивит», то мягче, то болѣе растянутое; она вообще произноситъ его разнымъ образомъ, выражая тѣмъ самымъ разные чувства; крикъ страха похожъ на «хрѣйт»; въ пору спариванія пигалицы выкрикиваютъ цѣлую строфу звуковъ, которые можно приблизительно передать слогами «хэзъ кверкойт кивит кивит кивит кивитъ». Нужно ли прибавлять, что этотъ крикъ онѣ издаютъ на лету, сопровождая его самыми разнообразными воздушными кунштюками. Крикъ и эти воздушныя продѣлки, по словамъ Наумана, у пигалицы составляютъ вѣчто нераздѣльное, немисляемое одно безъ другого.

Такъ же своеобразно, какъ на лету и такъ же странно ведетъ себя пигалица, когда она бѣгаетъ, отыскивая себѣ кормъ. Лишь дѣлалъ наблюденія въ комнатахъ надъ всѣми тѣми дѣйствіями пигалицы, которыя онѣ подмѣтилъ и констатировалъ въ ея жизни на свободѣ; онѣ узналъ при этомъ много, что или совсѣмъ еще не было извѣстно, или не было достаточно выяснено. «Если пигалица», пишетъ онѣ мнѣ, «отправляется за кормомъ, то она пробѣгаетъ, держа свое тѣло спокойно, быстрыми шажками, около метра, затѣмъ вдругъ разомъ останавливается, стоя на одной ногѣ и только упираясь пальцами другой, вытянутой назадъ; не двигая головой, она насколько можно внимательнѣйшимъ образомъ осматриваетъ небольшой клочекъ окружающаго, и ея довольно крупныя глаза что-нибудь да откроютъ. Обозрѣвъ мѣсто, она еще послѣднѣе пробѣгаетъ по землѣ или дерну и вновь останавливается въ вы-

шеупомянутой позѣ, и такъ далѣе. Какъ многія другія птицы, она также машетъ своимъ хвостомъ, но ея покачиванія, медленныя и степенныя, распространяются, исключая головы, на все тѣло, такъ что выходитъ общее качаніе всего туловища. Эти движенія покачиванія становятся особенно сильными, когда птица купается. У пигалицъ замѣчается еще одно странное движеніе, которое однако можно видѣть только тогда, когда она спустилась на лугъ или поле, или она завидитъ что-либо издали или наконецъ нѣсколько пигалицъ сидятъ вмѣстѣ и забавляются. Подобно тому, какъ говорунчики и попутчики киваютъ головою, пигалицы, держа голову горизонтально, вдругъ вытягиваютъ шею кверху. Эти совершенно обычныя для нея движенія я считаю за движенія предосторожности, такъ какъ въ это время птица осматриваетъ болѣе обширный районъ, предвидя малѣйшую опасность. Другое движеніе я считаю за игру, такъ какъ его можно наблюдать только тогда, когда птицы беззаботно сидятъ компаніей и различными знаками и чуть хриплымъ бормотаніемъ ведутъ между собою бесѣды; движеніе это состоитъ въ боковомъ опусканіи головы книзу, какъ будто-бы птица хочетъ поднять что-нибудь съ земли. При болѣе сильномъ возбужденіи эти движенія повторяются все чаще и усиленнѣе. Въ особенности это можно наблюдать въ пору брачныхъ игръ. Въ это время самецъ прежде всего съ самыми удивительными воздушными упражненіями облетаетъ вокругъ сидящей на землѣ самки и наконецъ, когда послѣдняя присядетъ въ какой-нибудь ямкѣ, онъ быстро опускается на землю по близости нея. Онъ ни въ какомъ случаѣ не бѣжитъ къ ней тотчасъ-же, но прежде исполнитъ нѣсколько удивительныхъ движеній: пробѣжитъ немного то вправо, то влево всегда съ короткими паузами, то совершенно остановится и при всемъ этомъ продѣлываетъ вышеописанныя движенія—точь-точь низкіе поклоны. Тогда оживляется самка: она слегка приподнимается, покачивается изъ стороны въ сторону, слегка помахивая хвостомъ, причѣмъ испускаетъ полугромкое, довольно-таки неприятное, хриплое бормотаніе, которымъ, повидимому, желаетъ подбодрить самца. Послѣдній подходитъ тогда ближе и выражаетъ свои пылкія чувства тѣмъ, что, подбѣжавъ на нѣсколько шаговъ къ самкѣ, останавливается, схватываетъ клювомъ какой-нибудь стебелекъ, вѣточку или что-либо въ этомъ родѣ, бросаетъ ихъ черезъ спину и чаще повторяетъ свою игру. Подобныя выраженія любви я не наблюдалъ ни у одной птицы. Не намекаетъ ли этимъ самецъ самкѣ на постройку гнѣзда, желая возбудить въ ней пылкія чувства? Я почти склоненъ вѣрить этому, какъ-бы убого ни было ихъ гнѣздо».

Чѣмъ больше наблюдаютъ пигалицу, тѣмъ все болѣе убѣждаются въ ея большомъ умѣ. Ея осторожность, приводящая въ такое негодованіе охотниковъ, положительно дѣлаетъ ей честь. Она прекрасно знаетъ, какому человеку можно довѣрять, какого слѣдуетъ избѣгать. Съ пастухами и крестьянами она ведетъ извѣстную дружбу; охотника она избѣгаетъ съ такой боязливостью, что положительно приходится убѣдиться, что она знакома съ дѣйствіемъ ружья. Неприятности она никогда не забываетъ, и мѣсто, на которомъ постигло несчастье одну изъ подругъ, на годы остается въ памяти другихъ. Ко всѣмъ четвероногимъ хищникамъ днемъ пигалица выказываетъ самую глубокую ненависть, иногда проявляя при этомъ величайшую храбрость и даже безумную отвагу. Она съ гнѣвомъ бросается на легавую собаку, проносясь часто у самой ея головы такъ близко, что раздосадованное животное дѣлаетъ попытку схватить ее. Точно также нападаютъ пигалицы на лисицу, но не всегда бывають побѣдителями и прогоняють ее; послѣдняя довольно нерѣдко схватываетъ таки наиболѣе смѣлую изъ атакующихъ ее птицъ и прикусываетъ ее на глазахъ ея подругъ, которыя, исполненные ужаса, разлетаются во всѣ стороны и вдали отъ мѣста побоища

криками оплакивают свою несчастную подругу. Пигалицы смѣло нападают на нѣкоторыхъ хищныхъ птицъ: чаекъ, цапель и аистовъ, когда знаютъ, что послѣднія летаютъ хуже ихъ; однако онѣ тщательно избѣгаютъ тѣхъ пернатыхъ хищниковъ, которые превосходятъ ихъ въ искусствѣ летать. Весьма привлекательное зрѣлище представляютъ собой пигалицы, нападающія на сарыча, коршуна, лакомую до яицъ ворону или орла: кажется, что онѣ полны увѣренности въ побѣдѣ, тогда какъ хищникъ ощущаетъ страхъ. При этомъ одна пигалица подбодряетъ другую и смѣлость ихъ возрастаетъ съ числомъ атакующихъ, прилетающихъ на шумъ. Пернатого хищника онѣ такъ отдѣлываютъ, что онѣ предпочитаютъ бросить охоту, чтобы только избавиться отъ крикуновъ. Голенастые птицы обыкновенно внимательно слѣдятъ за пигалицами и, благодаря этому, избавляются отъ многихъ опасностей. Вотъ почему пигалицу греки зовутъ «доброй матерью».

Главную пищу пигалицы, повидимому, составляютъ дождевые черви; на ряду съ этимъ она ѣстъ личинокъ всякаго рода насѣкомыхъ, водяныхъ и земныхъ улитокъ и т. п. На водопой она летаетъ нѣсколько разъ на день и питаетъ большую любовь къ купанью.

Гнѣздо ея большею частью находится на обширныхъ полянахъ, сырыхъ лугахъ, рѣже въ непосредственной близости отъ воды и никогда въ настоящемъ болотѣ. Оно состоитъ изъ небольшого углубленія, иногда красиво выложеннаго немногими тонкими стебельками травы и нѣжными корешками. Время кладки въ благоприятные годы приходится на послѣдніе дни марта, но обыкновенно на первые дни апрѣля. Четыре относительно крупныхъ яйца имѣютъ среднимъ числомъ 46 мм. въ длину и 32 въ поперечникъ; они грушевидной формы, сильно округлены у тупого конца и остры у противоположнаго, нѣжно-зернистыя, гладкія и по матовому оливково-бурому или буроватому фону покрыты болѣе темными, часто черными точками, пятнами и штрихами самаго разнообразнаго вида. Лежатъ яйца всегда такъ, что концы ихъ соприкасаются, за чѣмъ самка всегда строго слѣдитъ. Послѣдняя сидитъ на яйцахъ одна и высидиваетъ ихъ въ 16 дней, послѣ чего уводитъ птенцовъ въ такія мѣста, гдѣ послѣдніе могутъ прятаться. Опереніе птенца, прижимающагося къ землѣ въ случаѣ опасности, выглядитъ комкомъ земли. «Однажды, будучи мальчикомъ», рассказываетъ Гааке, «я бѣжалъ за однимъ птенцомъ пигалицы, желая словить его. Я уже совершенно думалъ схватить его, какъ вдругъ онъ, словно по волшебству, исчезъ. Я былъ въ изумленіи, пока не разглядѣлъ птенца, прижавшагося къ землѣ у самыхъ моихъ ногъ; мнѣ оставалось только взять его». Оба родителя, пока они имѣютъ яйца или птенцовъ, ведутъ себя гораздо смѣлѣе, чѣмъ въ другое время и употребляютъ въ дѣло всю свою хитрость, чтобы обмануть врага. На пасущуюся овцу, приближающуюся къ гнѣзду, самка набрасывается съ взъерошенными перьями и распушенными крыльями, при этомъ кричитъ, дѣлаетъ гнѣвные движенія и обыкновенно такъ пугаетъ глухое животное, что оно бѣжитъ. На человека пигалицы тоже набрасываются съ геройскою смѣлостью, однако самецъ пытается ввести его въ заблужденіе инымъ путемъ, кружась въ воздухѣ и издавая свой крикъ любви. Самые опасные враги пигалицъ—ночные четвероногіе хищники и прежде всего лиса, которая не такъ то легко позволяетъ провести себя; коршунъ, вороны и другие враги яицъ, напротивъ, часто бываютъ обращены въ бѣгство. Разъ птенцы стали летать, имъ остается только беречься встрѣчи съ ястребами и благородными соколами. При видѣ ихъ эти умныя, ловкія птицы ведутъ себя очень растерянно, издаютъ жалостные крики, пытаются броситься въ воду и пробуютъ спастись ныряніемъ, но, если вода неглубока—онѣ пропали.

Въ Германіи пугалицы особенно не преслѣдуются, такъ какъ мясо ихъ по справедливости считается безвкуснымъ; южно-европейцы однако этого взгляда не раздѣляютъ и преслѣдуютъ пугалицъ столь же усердно, какъ будто бы онѣ были куликами. Впрочемъ, мѣстами ставятъ на нихъ силки, и если повести это дѣло съ умѣніемъ, можно рассчитывать на обильную добычу. Яйца ихъ и у насъ въ почетѣ.

Пойманныя пугалицы легко привыкають, въ особенности тѣ, которыя были пойманы еще молодыми; онѣ скоро примѣняются къ новымъ условіямъ, становятся ручными, довѣрчивыми къ заботящемуся о нихъ, берутъ пищу изъ его рукъ, слѣдуютъ за нимъ на нѣкоторое разстояніе, даже дружатся съ собаками и кошками и овладѣвають господствомъ надъ другими береговыми мелкими голенастыми птицами. Если вначалѣ имъ бросать куски дождевыхъ червей, то впослѣдствіи онѣ легко пріучаются къ клѣточному корму, именно къ размоченной въ молокѣ булкѣ. На такой пищѣ онѣ выживаютъ годы, если съ наступленіемъ суровой погоды переносить ихъ въ теплое помѣщеніе.

Въ южно-русскихъ и азиатскихъ степяхъ живетъ **Степной чибисъ, Кречетка, Крякушка, Кептушка** (*Vanellus gregarius, Chettusiagregaria, Charadrius gregaris, ventralis, wagleri, Keptuschka pallidus, Tringa fasciata, keptuschka. Steppenkiebitz. Vanneau mongole*). Темія, уздечка и нижняя часть груди его смоляно-черныя; лобъ, надбровныя полосы, идущія до затылка, подбородокъ, область паховъ и нижнія кроющія перья хвоста—бѣлыя; бока шеи и горло ржаво-желтые; нижнія шейныя перья, зобъ и верхняя часть груди буровато-пепельно-сѣрыя, послѣднія кънизу постепенно темнѣеть до смоляно-чернаго цвѣта; середина нижней части груди и брюха—ржавокрасная. Большія маховыя и самыя наружныя кроющія ихъ перья блестящаго чернаго цвѣта, малыя маховыя и наиболѣе крупныя изъ кроющихъ—бѣлыя, самыя заднія перья крыльевъ, плечевыя и мелкія верхнія кроющія перья крыльевъ буровато-пепельно-сѣрыя, обѣ наружныя пары хвостовыхъ перьевъ — бѣлыя, среднія передъ концомъ имѣють широкій черный перехватъ. Самка по окраскѣ сходна съ самцомъ, у молодыхъ всѣ цвѣта оперенія мутнѣе и темнѣе. Глаза кофейно-бурые, клювъ черно-бурый, ноги черныя. Длина птицы достигаетъ 32 см., размахъ крыльевъ 68, длина крыла 20, хвоста 8 см.

Изъ своей родины кречетка каждую осень совершаетъ перелетъ въ Индію и сѣверную Африку, пролетаетъ также южную Европу, но, насколько мнѣ извѣстно, еще ни разу не убивалась и не наблюдалась въ Германіи. Въ первыхъ дняхъ мая мы нашли ее стаями въ 12—20 штукъ въ киргизскихъ степяхъ отъ Семипалатинска до Монголіи; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она была очень обыкновенна; немного дней спустя, мы встрѣчали ихъ уже парочками, но все еще въ нѣкоторомъ общеніи съ другими парами кречетокъ. Хотя, повидимому, она чаще держится вблизи степныхъ озеръ, чѣмъ въ безводныхъ равнинахъ, она не избѣгаетъ и послѣднихъ и въ этомъ заключается отличіе ея отъ обыкновенной пугалицы, но еще больше отличается она отъ послѣдней своими движеніями. Сидя, она держится совершенно неподвижно, не покачиваясь и не пригибаясь, какъ это дѣлають пугалицы и многія ржанки; на лету она никогда не выдѣлываетъ воздушныхъ упражненій, даже и тогда, когда водить птенцовъ; она рѣдко поднимается высоко на воздухъ, но быстро, подобно ржанкѣ, летитъ на незначительной высотѣ надъ землей и скоро опять опускается. Она осторожна, но въ малолетнихъ стаяхъ менѣе пуглива, чѣмъ обыкновенная пугалица, несмотря на что, однако, не всегда подпускаетъ на выстрѣлъ. Если идти прямо на нее, то она ведетъ себя почти какъ бѣгунокъ: начала приподнимается, чтобы лучше разсмотрѣть пришельца и

затѣмъ долгое время бѣжитъ передъ нимъ, большею частью такъ быстро, какъ только можетъ идти человѣкъ скорымъ шагомъ. Время отъ времени она на секунду останавливается, спѣшитъ далѣе, наконецъ рѣшается летѣть, взмахиваетъ крыльями, не поднимаясь высоко и безъ крику летитъ, довольно быстро махая крыльями, обнаруживая въ полномъ блескѣ бѣлый цвѣтъ своихъ маховыхъ перьевъ. Если у нея есть въ гнѣздѣ итенцы, она, пролетѣвъ нѣсколько метровъ, садится опять на землю, начинаетъ обычнымъ образомъ притворяться, хромаетъ, барахтается и летитъ только тогда, когда ее почти совсѣмъ настигнутъ; въ другихъ случаяхъ она опускается не раньше, чѣмъ пролетѣвъ 200—500 м. за одинъ разъ. Гнѣзда мы не нашли, такъ какъ мы не могли прерывать по желанію нашего спѣшнаго путешествія; я тщетно потратилъ довольно много времени на поиски молодыхъ, присутствіе которыхъ доказывалось особой хлопотливостью стариковъ. Яйца кречетки крупнѣе и круглѣе яицъ пигалицы, длина ихъ равна около 45 мм., толщина около 33; по свѣтло-зеленоватому фону они покрыты буро-черными круглыми пятнами и змѣевидными полосками.

Пища кречетки состоитъ, конечно, изъ тѣхъ насѣкомыхъ, улитокъ, пауковъ и червей, которыхъ онъ можетъ добыть въ мѣстности, гдѣ она живетъ.

На зимовьяхъ она ведетъ себя совершенно такъ-же, какъ и на родинѣ. Уже въ началѣ октября она появляется въ странахъ, прилежащихъ къ Нилу, и почти къ тому же времени и въ Индіи. Какъ здѣсь, такъ и тамъ она преимущественно держится въ степяхъ или на травянистыхъ равнинахъ, охотно вблизи полей; тутъ она всегда живетъ стаями отъ 40 до 50 штукъ и, чѣмъ многочисленнѣе стая, тѣмъ она пугливѣе избѣгаетъ человѣка. Въ это же время кречетки нерѣдко издаютъ свой короткій, рѣзкій, свистящій призывной голосъ. Около марта молодые одѣваются въ брачный нарядъ и вскорѣ послѣ этого летятъ вмѣстѣ со стариками обратно на родину.

Третій видъ этого рода **Болотный чибисъ, Бѣлохвостая пигалица**, (*Vanellus leucurus*, *grallarius*, *villotae*, *Chettusia leucura*, *flavipes*, *Charadrius*, *Lobivanellus leucurus*, *Sumpfkiebitz*, *Vanneau à queue blanche*) живетъ въ сѣверной и средней Африкѣ, особенно въ бассейнѣ Нила, кромѣ того въ Туркестанѣ, Афганистанѣ и Индіи, хотя его убивали также и на островѣ Мальтѣ. Видъ этотъ немного меньше, уже и имѣетъ болѣе длинныя ноги, чѣмъ вышеописанные виды. Тѣмя и затылокъ его сѣро-бурые; нижнія шейныя, плечевыя и нижнія малыя кроющія перья свѣтлаго землисто-бурого цвѣта; лобъ и область подбородка сѣро-желтовато-бѣлые; горло и зобъ непельно-сѣрые; всѣ перья этихъ частей имѣютъ бѣловатыя каймы. Изъ груди и брюхо блѣдно-розоваго цвѣта; надхвостье и хвостъ бѣлые. Большія маховыя перья черныя; малыя маховыя бѣлыя; часть ихъ передъ концами имѣетъ черныя перехваты. Верхнія кроющія перья крыльевъ бѣлыя, у основанія черныя; наружныя части нѣкоторыхъ плечевыхъ перьевъ крыла и самихъ плечъ бѣловатыя. Крупныя глаза ржаво-бурые; клювъ черно-бурый; ноги свѣтло-желтыя. Длина птицы достигаетъ 29 см., размахъ крыльевъ 58, длина крыла 18, хвоста 7.

На побережныхъ озерахъ въ сѣверномъ Египтѣ этотъ красивый и своеобразный чибисъ принадлежитъ къ числу довольно обыкновенныхъ явленій данной мѣстности; въ областяхъ бассейна верхняго теченія Нила онъ попадается рѣдко. Эта въ полномъ смыслѣ болотная птица избѣгаетъ озеръ съ обнаженными берегами, напротивъ того, любитъ болота, гдѣ заросли травы и камыша идутъ въ перемежку съ открытыми водными пространствами; здѣсь она живетъ всегда въ

центръ болота и развѣ только въ исключительныхъ случаяхъ на его окраинѣ. На сухихъ, травянистыхъ мѣстахъ она никогда не держится. Въ большинствѣ случаевъ она встрѣчается парочками, рѣже маленькими стайками изъ 4 или 6—10 выводковъ, собравшихся вмѣстѣ на довольно продолжительное время. Птицы одной пары дружно держатся вмѣстѣ и дѣлаютъ все дѣла сообщ. Бѣгъ бѣлохвостой пугалицы быстрый и проворный, однако не такой стремительный, какъ бѣгъ обыкновеннаго чибиса и нѣкоторыхъ ржанокъ, но болѣе мѣрный, скорѣе шагающій; полетъ его легкій, ловкій, болѣе похожій на полетъ ржанокъ, чѣмъ на полетъ обыкновенныхъ пугалицъ; воздушныхъ кувыркинѣй болотный чибисъ не предпринимаетъ; голосъ-же этой птицы, наоборотъ, болѣе похожъ на голосъ чибиса, чѣмъ на крикъ ржанокъ.

На другихъ птицъ бѣлохвостая пугалица вниманіи не обращаетъ. Правда нерѣдко она живетъ въ обществѣ шпорцевыхъ чибисовъ, ходулочниковъ, веретениковъ, песочниковъ и бекасовъ, однако никогда не беретъ на себя роли предупредителя объ опасности, какъ это дѣлаютъ обыкновенная и шпорцевая пугалицы. Она тоже бдительна, осторожна и пуглива, но часто подпускаетъ охотника на выстрѣлъ. Пища ея состоитъ изъ различныхъ мелкихъ болотныхъ животныхъ. О размноженіи ея мы еще на имѣемъ никакихъ свѣдѣній.

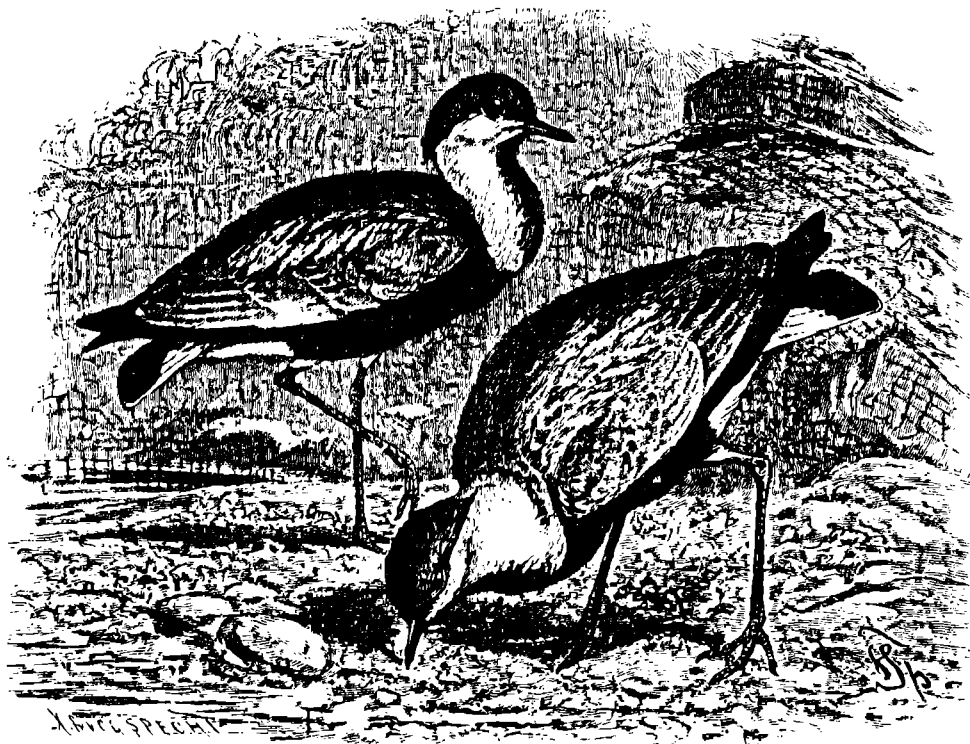
Путешественникъ, ѣдущій по Нилу, уже въ первые дни своего пути знакомится въ странѣ фараоновъ съ одной птицей, которую онъ можетъ просмотрѣть, или не услышать только случайно. Эта птица—**Шпорцевый чибисъ**. (*Vanellus spinosus, melasomus, Hoplopterus spinosus, persicus, armatus, Charadrius spinosus, persicus, cristatus*. Sporenkiebitz. Vanneau armé). Характерными признаками его будутъ: клювъ какъ у чибиса, тонкія, трехпалыя ноги, острые шпоры на сгибахъ крыльевъ, относительно заостренныя крылья, второе маховое перо которыхъ самое длинное, и наконецъ тупой хохолокъ на затылкѣ. Окраска оперенія не измѣняется ни съ поломъ, ни съ возрастомъ. Нижнія шейныя перья его сѣро-бураго цвѣта; голова и нижнія части черныя, бока головы, шея и брюха, зашеекъ и область надхвостья—бѣлыя. Большія маховыя и рулевыя перья въ конечной половинѣ черныя; концы крупныхъ кроющихъ перьевъ крыльевъ и оба самыя наружныя рулевыя пера—бѣлыя. Длина птицы достигаетъ около 30 см., длина крыла ея 18, хвоста 9 см. По мнѣнію Адамса, шпорцевый чибисъ и есть настоящій «трохилосъ» древнихъ или крокодиловый сторожъ, но онъ ничѣмъ не подтверждаетъ этого мнѣнія. Арабы однако хорошо различаютъ обѣихъ птицъ и зовутъ крокодиловымъ сторожемъ другую птицу, шпорцеваго же чибиса называютъ «зпкзакъ», по издаваемому имъ крику.

Изъ всѣхъ птицъ Египта шпорцевый чибисъ—самая обыкновенная. Его видишь повсюду, гдѣ только присутствіе прѣсной воды дѣлаетъ его пребываніе возможнымъ, такъ какъ онъ рѣдко и даже никогда не отдаляется отъ воды; Но онъ очень неприхотливъ въ своихъ требованіяхъ и водится даже на тѣхъ поляхъ, которыя временно бываютъ покрыты водою; такія мѣста во всякомъ случаѣ ему нравятся. Морскихъ береговъ онъ, повидимому, избѣгаетъ; наоборотъ, онъ держится на берегахъ озеръ съ порченной или солончаковой водою. Въ знойной Нубии онъ попадаетъ рѣже, а въ Восточномъ Суданѣ и въ Абиссиніи лишь одиночками; однако онъ еще довольно регулярно встрѣчается по всѣмъ рѣкамъ и озерамъ сѣверной половины центральной Африки. Весною и осенью онъ, летя изъ Египта или Палестины, посѣщаетъ Грецію, но тамъ не гнѣздится. *).

*) Шпорцевый чибисъ залетаетъ и въ южную Россію.

Прим. ред.

По своему поведению шпорцевый чибисъ сходенъ больше съ обыкновенной пугалицей, но, повидимому, меньше общественъ и держится больше парочками; но одна пара живетъ совсѣмъ близко отъ другой и на короткое время охотно соединяется съ другими парами шпорцевыхъ чибисовъ. Мало найдется другихъ птицъ, которыя бы такъ надоедали натуралисту тѣмъ, что попадаются повсюду, какъ шпорцевый чибисъ. Вначалѣ васъ безконечно веселитъ ихъ бодрая, оживленная дѣятельность, ихъ быстрый бѣгъ, ихъ легкій, изящный полетъ, сходный съ полетомъ песочниковъ, ихъ громкій, если не совсѣмъ благозвучный, то не лишенный и въ некоторой пріятности крикъ, ихъ смѣлость и боевой пылъ, но вскорѣ они дѣлаются положительно ненавистными. Они умѣютъ, собравшись массами, ис-

Шпорцевый чибисъ. *Vanellus spinosus*. част. вел.

портить всю охоту охотнику или натуралисту, такъ какъ являются сторожевыми птицами не только для однѣхъ береговыхъ, но и для всѣхъ птицъ вообще. Отъ нихъ ничто не ускользаетъ. Охотникъ, четверть часа бродившій по болоту и озерамъ, завидя прекраснаго фламिंगо или пеликана, начинаетъ подкрадываться къ нимъ, ползая на животъ, и вдругъ съ величайшей досадой замѣчаетъ, что за нимъ слѣдитъ пара этихъ вездѣсущихъ чибисовъ. Надежда овладѣть добычей, уже бывшей почти въ рукахъ охотника, ускользаетъ; большими кругами летаютъ эти возмутительныя птицы надъ головой охотника, громко крича свое «зикзак зикзэ», дерзко кидаются на него сверху и поднимаютъ все пернатое народонаселеніе озера, побуждая къ бѣгству всѣхъ осторожныхъ птицъ. Въ ярости охотникъ вскакиваетъ на ноги и очень часто съ досады сбиваетъ выстрѣломъ одного изъ этихъ надоедливыхъ крикуновъ. Все это точно также происходитъ и ночью,

такъ какъ слова одной арабской саги, что «зикзакъ» никогда не спитъ и всегда тщетно ищетъ покоя, очевидно, основаны на наблюденіяхъ надъ этой птицей. По отношенію къ другому существу, намѣревающемуся нарушить мирную совмѣстную жизнь различныхъ озерныхъ птицъ, эти чибисы ведутъ себя точно такъ-же, какъ и по отношенію къ охотнику. Каждый коршунъ, который летаетъ, высматривая добычу, каждый четвероногій хищникъ атакуетъ ими и часто принужденъ бываетъ обратиться въ бѣгство. По отношенію къ птицамъ шпорцевый чибисъ пускаетъ въ ходъ свое оружіе, внезапно бросаясь на противника и пытаясь нанести ему рану ударомъ крыла. Для меня нѣтъ никакого сомнѣнія, что своей шпорой онъ можетъ нанести чувствительное поврежденіе, такъ какъ ясно замѣтно, что подобные удары очень не по нутру птицамъ, на которыхъ чибисъ нападаетъ. Алленъ выводитъ совершенно вѣрное заключеніе, что птица эта часто пускаетъ въ дѣло свои шпоры, какъ какъ послѣднія почти всегда бываютъ расколоты.

Пища шпорцевого чибиса приблизительно та же, что и у его европейскаго родича; въ желудкахъ убитыхъ находятъ всевозможныхъ насѣкомыхъ, червей, моллюсковъ и песокъ. Отъ этой пищи мясо принимаетъ въ высшей степени неприятный вкусъ и какъ у европейцевъ, такъ и у египтянъ «зикзакъ» считается несъѣдобнымъ.

Въ сѣверномъ Египтѣ размноженіе этой птицы начинается въ срединѣ марта; однако большую часть гнѣздъ находятъ только въ апрѣлѣ и многія еще въ маѣ. Въ Египтѣ для своихъ гнѣздовъй парочки шпорцевыхъ чибисовъ выбираютъ сырые участки полей; въ бассейнѣ Верхняго Нила онѣ гнѣздятся на песчаныхъ отмеляхъ вмѣстѣ съ другими береговыми птицами. Я находилъ въ гнѣздахъ по 3—6 яйца, однако я весьма склоненъ думать, что такое количество яицъ принадлежитъ двумъ самкамъ, случайно снесшимъ ихъ въ одно гнѣздо, и что нормальное число кладки равно 4 яйцамъ. Яйца шпорцевыхъ чибисовъ значительно мельче яицъ нашей пугалицы, имѣя около 35 мм. въ длину и 25 мм. въ поперечникѣ, формой же и окраской они похожи на послѣднія. Основной цвѣтъ ихъ есть трудно поддающееся описанію смѣшеніе зеленого, сѣраго и желтаго цвѣтовъ; рисунокъ состоитъ изъ темныхъ нижнихъ и черно-бурыхъ поверхностныхъ пятенъ, которыхъ нѣтъ только на остромъ концѣ; на толстомъ же они сливаются вмѣстѣ. При приближеніи человѣка самка, сидѣвшая на яйцахъ, слетаетъ съ гнѣзда и оба родителя ведутъ себя совершенно такъ, какъ это дѣлаютъ обыкновенныя пугалицы. Въ нѣкоторыхъ гнѣздахъ я находилъ яйца, покрытыя землей, или она лежала между ними; но дѣлаетъ ли это птица, имѣя въ виду защитить яйца отъ сильныхъ солнечныхъ лучей, или чтобы ихъ спрятать—я рѣшить не могъ. Молодые вначалѣ бываютъ покрыты сѣро-пестрымъ пухомъ, немного дней спустя уже одѣваются въ юношескій нарядъ, совершенно похожій на одежду стариковъ, но сначала перья ихъ бываютъ прикрыты пухомъ. Гнѣздо они оставляютъ скоро по вылупленіи и ведутъ въ существенныхъ чертахъ тотъ же образъ жизни, какъ и птенцы другихъ болотныхъ птицъ; они удивительно скоро бѣгаютъ и умѣютъ въ случаѣ опасности очень ловко прятаться.

Во время моего пребыванія въ Африкѣ я часто ловилъ шпорцевыхъ чибисовъ и короткое время держалъ ихъ у себя. Они, подобно нашимъ пугалицамъ, довольствовались самымъ простымъ кормомъ и вскорѣ, казалось, совершенно свыкались съ потерей свободы.

* * *

Ржани (*Charadrius. Regenpfeifer. Pluviers*) въ тѣсномъ смыслѣ характеризуются слѣдующими признаками: клювъ ихъ умѣренной длины, различной тол-

пины, у основанія мягкій, на концѣ колбовидный; ноги довольно высокія, обыкновенно трехпалыя, оперенныя до сочлененія плюсны съ голенью; крылья заостренныя, первое маховое перо ихъ длиннѣе остальныхъ; хвостъ умѣренной длины, закругленный; опереніе пестрое, большею частью мѣняющееся въ зависимости отъ времени года.

Тулесъ, Морская сивка (*Charadrius squatarola, varius, naevius, hypomelanus, pardela, helveticus, longirostris, Tringa varia, helvetica, squatarola, Vanellus helveticus, melanogaster, squatarola, Pluvialis squatarola, varius, Squatarola varia, helvetica, grisea, cinerea, melanogaster, longirostris, megarhynchos, rhynchomega, wilsonii, Kiebitzregenpfeifer, Vanneau pluvier*) отличается главнымъ образомъ тѣмъ, что залій палець имѣетъ видъ бородавки, вооруженной когтемъ. Край лба, уздечка, подбородокъ, горло, передняя часть шеи, грудь и брюхо его—черныя; передняя часть головы, широкая полоска, начинающаяся отъ лба и уобразующая оторочку чернаго мѣста, гузка и нижнія кроющія перья хвоста—бѣлыя; всѣ перья верхнихъ частей по срединѣ черныя съ болѣе или менѣе широкими, бѣлыми полосками кругомъ; нижнія шейныя перья имѣютъ такія же краевыя пятна; всѣ верхнія части крапчатая. Большія маховыя перья черныя, малыя маховыя черно-бурыя, и тѣ и другія у основанія бѣлыя; узкія наружныя полосы послѣднихъ, а равно заднія кроющія перья крыльевъ имѣютъ одинаковый рисунокъ съ нижними шейными перьями. Нижнія кроющія перья крыльевъ бѣлыя, а сзади сѣрыя; подмышечныя перья черныя; хвостовыя перья бѣлыя и имѣютъ черныя поперечныя полосы; кроющія перья надхвостья и верхнія кроющія перья хвоста такой же окраски и съ такими же полосами. Въ зимней одеждѣ верхнія части имѣютъ основной буро-черный цвѣтъ, покрытый различными крупными, кругловатыми, желтовато-бѣлыми пятнами; нижнія части, за исключеніемъ бѣлой середины грудки, имѣютъ грязно-бѣлый фонъ, покрытый темными стержневыми штрихами различной ширины. Самецъ и самка имѣютъ одинаковое опереніе, но лѣтомъ самка имѣетъ больше бѣлаго цвѣта на нижнихъ частяхъ. Длина птицы достигаетъ 30 см., размахъ крыльевъ 66, длина крыла 20, хвоста 9 см.

Какъ сивка, которую мы описываемъ ниже, такъ и тулесъ живутъ на тундрахъ, однако лишь въ сѣверной части ихъ и повидимому только на берегахъ моря, можетъ быть за исключеніемъ Исландіи, Шницбергена и Новой Земли, гдѣ ихъ до сихъ поръ не наблюдали. Отсюда тулесъ каждый годъ зимою странствуетъ почти по всей землѣ; только въ Южной Америкѣ и на Новой Зеландіи его до сихъ поръ не находили. По Германіи онъ странствуетъ въ сентябрѣ, октябрѣ и ноябрѣ или на обратномъ пути отъ марта до іюня. Зиму онъ проводитъ отчасти уже въ бассейнѣ Средиземнаго моря, а отчасти и во всѣхъ другихъ странахъ своей области распространенія; короткое же лѣто, отъ іюня до начала сентября,—на своей родинѣ. Въ концѣ іюня онъ начинастъ насиживать, въ срединѣ августа или самое позднее въ началѣ сентября птенцы его уже могутъ летать, а нѣсколько дней спустя они уже пускаются въ зимнее странствованіе. Вотъ въ краткихъ словахъ описаніе того, какъ проводитъ годъ эта птица.

По своимъ движеніямъ и привычкамъ тулесъ очень походитъ на своего ближайшаго родича, т. е. чибиса. Внешній видъ, походка и полетъ обѣихъ птицъ такъ сходны, что лишь опытный наблюдатель можетъ ихъ различить; нравъ и привычки, даже голосъ обѣихъ видовъ почти одинаковы съ очень небольшими различіями.

Миддендорфъ нашелъ гнѣздо и яйца этой птицы на хребтѣ Выранга подь 74° с. ш., а на рѣкѣ Боганидѣ подь 71° с. ш. въ концѣ іюня, Гарви-Браунъ и

Зеебомъ отъ конца юня до середины юля у устья Печоры. Гнѣздо состоитъ изъ плоскаго углубленія, выкопаннаго на тундрѣ и выложеннаго нѣсколькими тонкими стебельками и оленьимъ лишаемъ. Яички имѣютъ около 54 мм. длины и 36 мм. толщины, они желтовато-сѣраго или оливково-бураго цвѣта съ темно-бурыми пятнышками и похожи отчасти на яйца чибиса, а отчасти на яйца сивки. Птенчиковъ въ пушкѣ почти нельзя отличить отъ птенцовъ сивки.

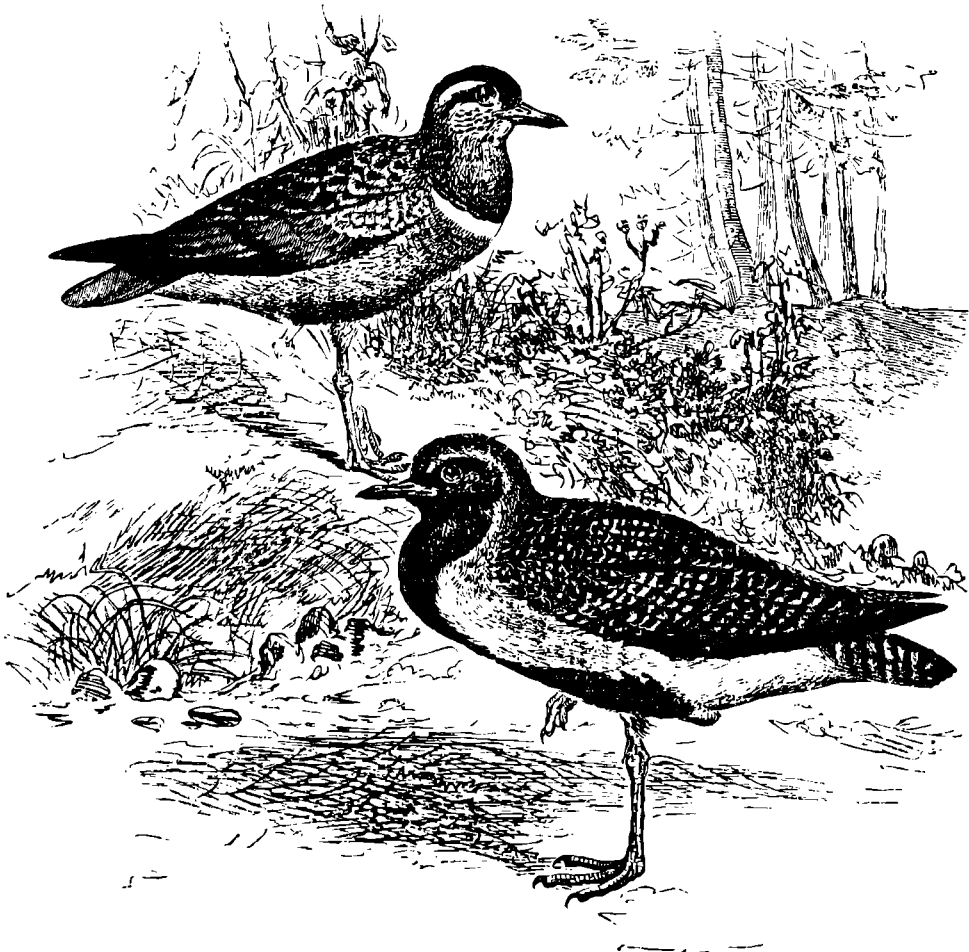
Уже упомянутая выше **Сивка**, **Ржанка**, **Семенушка** (*Charadrius pluvialis*, *auratus*, *aureus*, *apricarius* и *altifrons*, *Pluvialis apricarius* и *aureus*. Goldregenpfeifer. Pluvier doré) ростомъ замѣтно меньше тулеса и легко отличается отъ послѣдняго своими трехпальными ногами, но такъ похожа по окраскѣ и рисунку на тулеса, что ее можно вполне описать, если упомянуть, что верхняя часть тѣла у ней имѣетъ золотисто-зеленовато-желтый оттѣнокъ, такъ какъ всѣ перышки имѣютъ каемки такого цвѣта. Этотъ золотисто-зеленый оттѣнокъ еще болѣе замѣтенъ при зимнемъ опереніи, такъ что тогда еще труднѣе смѣшать ее съ предыдущей птицей. Темя, затылокъ, нижняя часть шеи, и спина черваго цвѣта, но всѣ перья съ золотисто-зелеными каемками, пятнышками и острыми кончиками: лобъ, брови, стороны шеи, груди и брюшка, образующія непрерывающуюся полосу, бѣлаго цвѣта; гузка и нижнія кроющія перья хвоста также бѣлыя. Малыя маховыя перья темно-бураго цвѣта, большія маховыя перья имѣютъ на черномъ фонѣ золотисто-зеленыя поперечныя полоски, нижнія кроющія перья крыльевъ бѣлыя, около сочлененія крыла съ буроватымъ оттѣнкомъ. Перья у основанія крыла чисто бѣлыя, рулевыя перья черновато-бурыя съ 7—9 свѣтлыми полосками. Глаза темно-бурые, клювъ черный, ноги сѣровато-черныя. Длина этой птицы 26 см., размахъ крыльевъ 58, длина крыла 18, а хвоста 8 см.

Рыжая или **Сибирская ржанка** (*Charadrius fulvus*, *glaucopus*, *xanthocheilus*, *virginianus*, *virginicus* и *taitensis*, *Pluvialis fulvus*, *xanthocheilus* и *taitensis*. Tundragegenpfeifer. Pluvier fauve) отличается отъ видовъ, живущихъ въ Европѣ; она живетъ на востокѣ Азіи и въ Сѣверной Америкѣ и иногда попадается въ Европѣ даже на островѣ Гельголандѣ. Ростомъ она еще меньше, крылья короче и голень менѣе оперена; кончики крыльевъ длиннѣе хвоста, рулевыя перья имѣютъ 5—6 свѣтлыхъ полосокъ, а перья у основанія крыла буровато-сѣрыя.

Сивка есть типическая птица тундры и характеризуетъ ее точно такъ, какъ бѣгунки и рябки — пустыню. Если путешествовать по болотамъ, покрывающимъ весь сѣверъ земнаго шара, то со всѣхъ сторонъ слышишь меланхолическій, почти жалобный голосъ этой птицы, видишь ихъ парами, семействами, небольшими стайками или многочисленными обществами, смотря по времени года. Ее тамъ встрѣчаешь повсюду, куда ни оглянешься, такъ какъ одна пара живетъ близко отъ другой, и охотникъ, который ихъ преслѣдуетъ, можетъ съ утра до вечера заниматься своей охотой. Около 57° с. ш. сивка дѣлается рѣже, а въ Германіи она гнѣздуетъ въ небольшомъ числѣ. Но она посѣщаетъ эту страну ежегодно два раза во время своего перелета на югъ, который начинается въ концѣ сентября и кончается въ мартѣ. Если зима теплая, то сивка проживаетъ эти мѣсяцы въ средней Германіи, но большинство птицъ летятъ на югъ изъ Лапландіи и Финляндіи до береговъ Средиземнаго моря и въ юго-западную Африку, изъ сѣверной Азіи въ Индію и Китай и изъ самыхъ сѣверныхъ странъ Америки на югъ Соединенныхъ Штатовъ и даже въ Бразилію. Перелетъ совершается обыкновенно обществами и

преимущественно ночью. Во время своего странствованія сивки летить очень высоко, иногда безъ замѣтнаго порядка, но чаще клиномъ, какъ журавли. Днемъ такая стая отдыхаетъ въ удобной мѣстности, обыкновенно на поляхъ, чтобы поискать себѣ корма, а если погода теплая, то остается тутъ на цѣлую зиму.

По своему образу жизни сивка мало отличается отъ другихъ видовъ этого рода. Это веселая, пугливая птица, которая прекрасно бѣгаетъ, можетъ красиво ходить тихими шагами или быстро бѣжать по землѣ, причемъ она останавливается

Ржанка глухая. *Charadrius morinellus*. Сивка. *Charadrius pluvialis*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

отдохнуть только послѣ очень продолжительной побѣжки. Она ловко и скоро летаетъ, при перелетѣ на большія разстоянія несется по воздуху подобно быстрому голубю, а вблизи гнѣзда любитъ выдѣлывать при полетѣ различные красивые повороты и другіе фокусы. Благозвучный и чистый свистъ ей можетъ быть переданъ слогомъ «тлюи» и звучить очень приятно, несмотря на его меланхолическую интонацію; во время спариванья голосъ этотъ переходитъ въ трель, похожую на пѣніе и которую можно передать слогами «талюдль-талюдль-талюдль-талюдль». Внѣшнія чувства и душевныя способности этой птички развиты хорошо, и она кромѣ того отличается любовью къ обществу себѣ подобныхъ, миролюбивъ, привязанно-

стью половъ между собой, нѣжностью къ птенцамъ и другими хорошими качествами. Главная пища ея состоитъ изъ червячковъ и личинокъ насѣкомыхъ; лѣтомъ она почти исключительно ѣстъ комаровъ во всѣхъ стадіяхъ развитія, а во время перелета — земляныхъ червей, жучковъ и разныхъ насѣкомыхъ; для лучшаго пищеваренія она часто глотаётъ мелкіе кусочки кварца. Вода ей необходима какъ для питья, такъ и для купанья и, вѣроятно, она каждый день омываетъ свои перышки.

Сивка гнѣздится въ Германіи только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ на равнинѣ кругомъ Мюнстера, по Науману, также въ Люнебургской степи и въ западной Ютландіи, но настоящимъ мѣстомъ ея гнѣздованія слѣдуетъ считать тундры. Здѣсь можно наблюдать милыя ухаживанья самца за самкою и безъ труда находить въ большомъ количествѣ гнѣзда съ яйцами и птенцами. Самецъ поднимается высоко на воздухъ, паритъ тамъ и въ это время поетъ, затѣмъ стремглавъ падаетъ внизъ около самой самки, бѣгаетъ около нея, кивая головой и приподнявши одно крыло, а самка отвѣчаетъ на эти любезности какъ только можетъ. Для гнѣзда служитъ небольшая и неглубокая ямка, которая выкапывается самкою и въ которую въ видѣ подстилки кладутся только нѣсколько тонкихъ травинокъ. Кладка состоитъ изъ обыкновеннаго числа относительно очень большихъ кубаревидныхъ яицъ 46 мм. длины и 35 мм. толщины, которыя отличаются своей гладкой матовой и мелкозернистой скорлупой; основной цвѣтъ ихъ грязно- или блѣдно-оливково-зеленый, на которомъ замѣчаются множество черно-бурыхъ или красновато-бурыхъ пятнышекъ, которыя иногда расположены кругомъ яйца въ видѣ полоски; впрочемъ, рисунокъ этихъ яичекъ бываетъ довольно различенъ. Кладка оканчивается или раньше, или позже, смотря по тому, находится-ли мѣсто гнѣздованія сѣвернѣе или южнѣе. Птенцы покидаютъ гнѣздо уже въ первый день своей жизни и рождаются на свѣтъ съ врожденнымъ умѣньемъ прятаться, свойственнымъ всему семейству этихъ птицъ. Пока птенцы еще не выросли, оба родителя забываютъ всякую осторожность и выказываютъ дѣйствительно трогательную заботливость о своемъ потомствѣ. Если первая яйца бываютъ похищены, то парочка рѣшается на вторую кладку, но въ большинствѣ случаевъ самка несется только разъ въ году.

На сѣверѣ сокола преслѣдуютъ взрослыхъ птицъ, а песцы, росомахи и другія куницы, сарычи, вороны и чайки уничтожаютъ птенцовъ, при чемъ чайки чаще всего таскаютъ яйца. Во время зимняго перелета, этихъ птицъ преслѣдуютъ всѣ хищники. Относительно охотниковъ сивка во время перелета выказываетъ большую осторожность и во всякомъ случаѣ умѣетъ ихъ отличить отъ мирныхъ крестьянъ и пастуховъ. Кто умѣетъ подражать ихъ призывному голосу, тотъ легко можетъ прманить ихъ къ себѣ; онѣ попадаютъ также въ спеціально для нихъ устроенный чючекъ. Мясо ихъ считается вкуснымъ, хотя осенью оно немного отзывается ворванью.

Глупая или Черноголовая ржанка, Хрустанъ (*Charadrius morinellus, tataricus, sibiricus* и *anglus, Eudromias morinellus, morinella, montana, stolidus, Morinellus sibiricus, Pluvialis minor, Mornell, Guignard*) имѣетъ опереніе вполне соответствующее по цвѣту горной каменистой мѣстности. Верхняя часть тѣла черноватая со свѣтлымъ рисункомъ, происходящемъ отъ ржаво-красныхъ каемокъ на перьяхъ, сѣрая голова отдѣляется отъ груди черной и бѣлой полосой, грудь ржаво-красная, нижняя ея часть по срединѣ черная, брюшко бѣлое, надъ глазомъ проходитъ широкая свѣтлая полоска, которая замыкается на затылкѣ. Глаза темно-карие,

клювь черный, ноги зеленовато-желтыя. Осенью верхняя часть тѣла темно-пепельно-сѣрая, верхняя часть головы черноватая, съ ржаво-желтымъ рисункомъ, полоска надъ глазами блѣдно-ржаво-желтая, верхняя часть груди сѣрая, а прочія нижнія части бѣлыя. Самка похожа на самца, но не такъ красива. Длина—23 см., размахъ крыльевъ 46, длина крыла 15, хвоста 7 см.

Въ киргизскихъ степяхъ и другихъ плоскогорьяхъ Средней Азии черноголовую ржанку замѣняетъ **Степная ржанка, Каспійскій зуенъ** (*Charadrius asiaticus, caspius, jugularis, damarensis, gigas, Eudromias asiatica, Morinellus asiaticus* и *caspius, Steppenregenpfeifer, Pluvier asiatique*), которая нѣсколько разъ залетала въ Европу и была убита на Гельголандѣ. Она меньше черноголовой ржанки и опереніе ея не такъ пестро. Лобъ, щеки, подбородокъ, верхняя часть горла и вся нижняя часть тѣла бѣлаго цвѣта, по зобу проходитъ широкая, сверху ржаво-красная, а внизу черная поперечная полоса; уздечка и верхняя часть тѣла земляно-бураго цвѣта, наружныя рулевья перья на концѣ бѣлыя.

Я познакомился съ черноголовой ржанкой, какъ съ гнѣздящей птицей, во время охоты на сѣверныхъ оленей въ Доврефьельдѣ, около самой границы тающего лѣтомъ снѣга; позднѣе я ее находилъ повсюду на сѣверѣ, но только въ подобныхъ мѣстахъ около Нордкапа, на низкихъ холмахъ, но всегда въ гористыхъ мѣстностяхъ и на высоколежащихъ тундрахъ. Ея область гнѣздованія простирается отъ Финмаркена до полуострова Таймира и отъ Шпицбергена или Новой Земли до средней Германіи и средней Сибири; странствуетъ же она до Малой Азии, Персіи, Абиссиніи и Алжира. Въ Германіи она селится только на вершинахъ Исполиновыхъ горъ, въ Великобританіи—въ Шотландской горной странѣ, въ южной Сибири, по словамъ Радде, на горныхъ возвышенностяхъ высотой въ 2000—3000 м. Во время своихъ зимнихъ странствованій птица эта постоянно посѣщаетъ Германію, Францію, Венгрію и сѣверную Италію, но рѣдко улетаетъ дальше странъ, расположенныхъ на берегахъ Средиземнаго моря или соответствующихъ странъ Средней Азии и зимуетъ уже въ Испаніи, Греціи, Турціи, Туркестанѣ и Персіи. Вѣроятно и во время зимней стоянки своей она селится по преимуществу на горахъ, и это служитъ причиною того обстоятельства, что наблюдатели вездѣ ее считаютъ рѣдкой птицей. Она уже въ августѣ улетаетъ изъ своей родины и рѣдко возвращается ранѣе апрѣля, но начинаетъ гнѣздиться тотчасъ послѣ возвращенія. Странствуетъ она большими или маленькими обществами, и полетъ совершается, какъ днемъ, такъ и ночью.

Я считаю черноголовую ржанку одною изъ наиболѣе милостивыхъ птицъ ея семейства, но можетъ быть это мнѣніе происходитъ отъ того, что тѣ птицы, которыхъ я лично наблюдалъ, сидѣли на яйцахъ и потому мнѣ казались особенно привлекательными. Птицу эту считаютъ глухой, но я съ этимъ согласиться не могу. Она дѣйствительно на мѣстахъ гнѣздованія мало боится человѣка, но это происходитъ отъ того, что она на своихъ малонаселенныхъ высотахъ рѣдко его видитъ. Какъ только она испытаетъ преслѣдованіе, то очень скоро дѣлается пугливой. Фигура ея необыкновенно граціозная, походка проворная и красивая, при чемъ она бѣгаетъ легко и быстро; полетъ совершается необыкновенно ловко и въ случаѣ нужды она несется по воздуху, какъ стрѣла, совершая при этомъ удивительныя повороты. Голосъ у нея тихій, очень пріятный, похожій на звукъ флейты; его можно примѣрно передать слогами «дюрр» или «дюрю»; нравъ у нея мирслюбивый, ласковый и общительный. Она тихонько бродитъ по снѣжнымъ

полямъ и между многочисленными низвергающимися потоками и живетъ въ мирѣ со всѣми другими птицами, которыя залетають на эти высоты. Она такъ доверчива даже къ человѣку, который поднимается на обитаемыя ею горы, что бѣгаетъ отъ него такъ, какъ домашняя курица отъ незнакомаго; кажется, что ее можно схватить руками или убить палкою. Тотъ, кто видѣлъ парочку этихъ птичекъ, окруженную тремя или четырьмя птенцами, никогда не забудетъ миловидность этой картинки.

На высокихъ мѣстахъ пребыванія этой ржанки въ маѣ или юнѣ мѣсяцѣ можно видѣть ея простое гнѣздо, состоящее изъ неглубокой ямки, выстланной сухими кореньями и лишаями: въ немъ находишь 4, а иногда только 3 грушевидныхъ яйца, 40 мм. длиною и 28 мм. шириною, съ тонкой, гладкой, но не глянцевитой скорлупой, желтовато-бураго или зеленоватаго цвѣта съ неправильными темными пятнами. Самка сидитъ на гнѣздѣ такъ усердно, что на нее можно почти наступить: она знаетъ, что ея опереніе, по цвѣту похожее на почву, дѣлаетъ ее мало замѣтной. Особенно красивое зрѣлище представляетъ семейство, когда птенцы вылупятся. Я только разъ рѣшился убить парочку вмѣстѣ съ птенцами, остальныхъ мнѣ жаль было тронуть, и это чувство пересиливало желаніе увеличить свою коллекцію. При видѣ человѣка самка, водящая выводокъ, начинаетъ очень удачно притворяться, самецъ-же въ это время выказываетъ свое безпокойство громкимъ крикомъ и летаніемъ взадъ и впередъ. Самка бѣгаетъ прихрамывая, порхаетъ, безпрестанно опускаясь передъ человѣкомъ такъ близко, что сопровождавшіе меня лапландцы поддались на обманъ, усердно ее преслѣдовали и совершенно не замѣчали маленькихъ, хорошенькихъ птенцовъ, которые прижались къ землѣ. Они всѣ трое лежали передо мной вытянувши шейки по землѣ; каждый изъ нихъ былъ спрятанъ за камешкомъ, лежалъ безъ всякаго движенія, не выказывая признаковъ жизни, только маленькіе свѣтлые глазки были открыты. Я стоялъ совсѣмъ близко отъ нихъ, но они не трогались съ мѣста. Мать уводила моихъ лапландцевъ все дальше и дальше и обманывала ихъ мастерски, несмотря на продолжительность преслѣдованія, но вдругъ она поднялась на воздухъ и съ быстротою стрѣлы вернулась къ тому мѣсту, гдѣ лежали птенцы; тутъ она меня замѣтила, начала подзывать птенцовъ, но они не трогались съ мѣста, и тогда она снова улетѣла и возобновила свое притворство. Я забралъ птенцовъ, которые дали себя взять, положилъ ихъ на руку и показалъ матери; она тотчасъ-же бросила свое притворство, очень близко подошла ко мнѣ, такъ что я дѣйствительно могъ ее схватить, нахохливала перышки, трепетала крылышками и дѣлала всевозможныя движенія, чтобы возбудить во мнѣ жадность. Птенцы соскочили у меня съ руки на землю, мать ихъ подозвала трудно передаваемымъ крикомъ, и они всѣ къ ней бросились; тогда она усѣлась передо мной, выказывая сильную степень радости, что приобрѣла снова своихъ дѣтенышей, согрѣвала, какъ курица, своихъ малютокъ, которыя проворно спрятались подъ ея крылья, и оставалась нѣсколько минутъ на этомъ мѣстѣ, можетъ быть думая, что она нашла новое средство для защиты своихъ милыхъ птенцовъ. Я зналъ, что доставилъ бы большую радость моему отцу и другимъ любителямъ птицъ, если бы привезъ домой птенца, еще покрытаго пухомъ, но не могъ въ этомъ случаѣ рѣшиться быть истымъ охотникомъ. Къ сожалѣнію, многіе собиратели яицъ думаютъ иначе, и имъ мы обязаны тѣмъ, что эта милая птичка почти истреблена на вершинахъ Исполненныхъ горъ.

Во время своего перелета черноголовая ржанка подвергается тѣмъ-же опасностямъ, какъ и сивка; ее даже чаще убиваютъ, чѣмъ послѣднюю, влѣдствіе ея

довѣрчивости. Слѣдуетъ признать, что мясо ея нѣжнѣе и вкуснѣе всякой другой дичины, оно даже лучше высокоцѣнныхъ бекасовъ.

Рѣчная ржанка, Рѣчной зуекъ (*Charadrius cronicus, fluviatilis, minor, philippinus, pusillus, minutus, hiaticuloides* и *zonatus, Aegialites fluviatilis, minor, cronicus, minutus, pusillus, gracilis, pygmaeus* и *ruficapillus, Hiaticula philippina* и *pusilla, Pluvialis fluviatilis. Flussregenpfeifer. Pluvier fluviatile*) живетъ на плоскихъ каменистыхъ и песчаныхъ берегахъ рѣчекъ и морей, но всегда около открытой воды, а не у болотъ. Птица эта по росту развѣ немного больше нашего жаворонка: длина ея 17 см., размахъ крыльевъ 34, длина крыла 11,5, а хвоста 8,6 см. Шеки, темя и верхняя часть тѣла землисто-сѣрыя, нижнія части тѣла, кромѣ шеи, бѣлыя; на лбу замѣчается узкая черная полоска, около которой находится широкая бѣлая, а за ней снова черная; уздечка черноватая, зобъ и идущая отъ него назадъ полоска чисто черныя, маховыя перья темно-бурыя, съ узкими бѣлыми каемками на концѣ, у основанія они бѣловатыя; на большихъ маховыхъ перьяхъ бѣлый цвѣтъ распространенъ дальше отъ основанія и на концѣ они такъ-же бѣлыя, какъ и стержень перваго махового пера; верхнія кроющія перья крыла также темно-бурыя, оба наружныхъ рулевыхъ пера бѣлыя, остальные бурыя; всѣ рулевыя перья, кромѣ двухъ среднихъ, имѣютъ бѣлые концы, а передъ ними темную поперечную полосу. Глаза темно-каріе и окружены довольно широкимъ желтымъ колечкомъ; клювъ черный, а узкая полоска у основанія его желтовато-оранжевая ноги красновато-сѣрыя. У самки окраска блѣднѣе, а у птенцовъ нѣтъ черной полоски на лбу.

Рѣчную ржанку находили во всей Европѣ, почти во всей Азіи и также почти во всей Африкѣ. Въ южныя области она попадаетъ только во время перелета, который начинается въ средней Европѣ въ августѣ или сентябрѣ, причемъ птица возвращается къ намъ въ мартѣ или апрѣлѣ; гнѣздится она даже на самомъ югѣ Европы. На сѣверѣ она держится почти исключительно на берегахъ внутреннихъ водъ далеко отъ моря; въ своемъ зимнемъ мѣстопребываніи она также предпочитаетъ подобныя мѣста, но иногда встрѣчается и на берегахъ моря. Странствуетъ она большими обществами и на чужбинѣ держится постоянно довольно многочисленными стаями.

На предыдущую птицу похожъ, но замѣтно больше ростомъ, **Галстушникъ** (*Charadrius hiaticula, torquatus* и *intermedius, Aegialites hiaticula, intermedius, auritus, hiaticuloides* и *septentrionalis, Pluvialis torquata, Hiaticula annulata, torquata* и *arabs. Halsbandregenpfeifer. Pluvier à collier*). У него узкая полоска у основанія верхней челюсти клюва, передняя часть темени, соединяющаяся съ ними широкая полоска уздечки, полоска около уха и широкая полоса на зубу—черныя; узкая, окаймленная чернымъ, полоска на лбу, виски, подбородокъ, горло и начинающійся здѣсь, а сзади суживающійся ошейникъ точно такъ, какъ всѣ нижнія части тѣла — бѣлыя; верхнія части тѣла и темя землисто- или свѣтло-оливково-бурыя, маховыя перья черно-бурыя, у основанія съ широкими бѣлыми каемками, снаружи, начиная съ лятаго пера, украшены бѣлыми пятнами; кроющія перья плечевой части крыла бурыя съ бѣлыми каемками на концѣ, рулевые перья черновато-бурыя съ болѣе темнымъ оттѣнкомъ около широкаго бѣлаго конца. Глаза темно-каріе, клювъ у основанія оранжевый, на концѣ черный, ноги красновато-оранжевыя. Длина—19 см., размахъ крыльевъ 39, длина крыла 13, а хвоста 6 см. Оба пола окрашены одинаково.

Галстушникъ встрѣчается на сѣверѣ Старога Свѣта, гнѣздится во всей Европѣ и распространяется до южной оконечности Африки и во всей Азiи до Австрали; лѣтомъ онъ живетъ постоянно на берегу моря и въ песчаныхъ мѣстностяхъ недалеко отъ него.

Морская ржанка (*Charadrius alexandrinus, cantianus, littoralis, albifrons* и *trochilus, Aegialites cantiana, albifrons, ruficeps, dealbata* и *albigularis, Hiaticula cantiana* и *elegans, Aegialophilus cantianus*. Seeregenpfeifer. Pluvier alexandrin), которая по росту занимаетъ середину между рѣчной ржанкой и галстушникомъ, отличается отъ нихъ отсутствіемъ темной поперечной полоски на зобѣ. Лобъ и брови, широкій ошейникъ и всѣ нижнія части бѣлые, уздечка и поперечная полоска по сторонамъ зоба—черныя, темя и затылокъ—красновато-бурые, верхнія части тѣла свѣтло-землисто-бурыя съ темными стержневыми пятнами, надхвостье и среднія кроющія перья хвоста темно-бурыя, маховыя перья черно-бурыя, у основанія бѣлыя, большія маховыя перья бурыя, съ широкими внутренними и съ узкими конечными бѣлыми полосками, кроющія перья крыла такого-же цвѣта, среднія хвостовыя перья бурыя, а три пары наружныхъ—бѣлыя; стержни перваго махового пера и середина стержня слѣдующихъ четырехъ или пяти также бѣлаго цвѣта. Глаза каріе, клювъ черный, ноги свинцово-сѣрыя.

Область распространенія этой птицы простирается на весь земной шаръ, кромѣ самыхъ сѣверныхъ областей, Зондскихъ острововъ, Австрали и Америки; гнѣздится она только на берегахъ моря.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ описывать отдѣльно образъ жизни каждой изъ этихъ ржанокъ, и потому я долженъ ограничиться краткимъ жизнеописаніемъ одной рѣчной ржанки. Она, какъ и другіе виды этого рода, наполовину ночная птица и особенно дѣятельна въ сумерки; въ лунныя ночи она не спитъ, однако рыщетъ иногда и днемъ; она можетъ необыкновенно скоро бѣгать и прекрасно летать, но въ полуденные часы очень рѣдко летаетъ, между тѣмъ какъ вечеромъ и утромъ всячески выказываетъ свою потребность въ движеніи. Призывной голосъ ея можно передать примѣрно слогами «діа» или «деа», звукъ для предупрежденія объ опасности похожъ на коротко произнесенное «дію», при спариваньи слышится настоящая пѣсенка, оканчивающаяся трелью, вродѣ «дюю, дю, дюлл, дюлл люллю люлл». Если не обращать вниманія на небольшія драки въ началѣ гнѣздованія, то рѣчная ржанка живетъ въ согласіи съ другими птицами своего вида. Птицы одной парочки живутъ между собой очень дружно и вѣжно любятъ своихъ дѣтенышей. Если послѣ краткаго отсутствія одна изъ птицъ возвращается къ гнѣзду, то другая привѣтствуетъ ее голосомъ, различными тѣлодвиженіями и ужимками; тамъ, гдѣ она не подвергается преслѣдованію, дѣлается очень довѣрчивой, въ противномъ-же случаѣ осторожной и пугливой. Даже взрослые пойманныя птицы привыкаютъ къ потерѣ свободы и почти всегда дѣлаются очень ручными. Пища ея состоитъ изъ различныхъ насекомыхъ и ихъ личинокъ, а также небольшихъ мягкотѣлыхъ; она переворачиваетъ камни и охотится за добычей даже въ водѣ, пьетъ часто и помногу и кушается одинъ или два раза въ день, такъ что вода является для нея необходимою потребностью.

Гнѣздо представляетъ изъ себя простую ямку, которую самка выцарапываетъ и округляетъ когтями; оно расположено постоянно на песчаныхъ берегахъ рѣкъ въ мѣстахъ, куда не можетъ проникнуть вода даже во время наводненія, иногда на нѣсколько сотъ шаговъ отъ воды. Въ серединѣ малъ гнѣздо это содержитъ

4 хорошенькихъ яйца, 29 мм. длины и 22 мм. ширины; цвѣтъ ихъ чрезвычайно похожъ на цвѣтъ окружающихъ камешковъ: ихъ нѣжная, матовая скорлупа имѣетъ блѣдно-ржаво-желтую окраску съ большими пепельно-сѣрыми пятнами, которыя въ свою очередь покрыты болѣе крупными и очень маленькими черно-бурыми пятнышками и точками, образующими иногда кругомъ яйца колечко. Оба родителя насиживаютъ очень мало, такъ какъ днемъ солнечные лучи достаточны для равномернаго нагрѣванія яицъ, и птицы сидятъ въ гнѣздѣ лишь ночью и при дурной погодѣ. Птенцы вылупляются черезъ 15—17 дней и, какъ только обсохнутъ, оставляютъ гнѣздо вмѣстѣ съ родителями, которые выказываютъ тогда въ полной мѣрѣ свою нѣжность къ потомству. Сначала они носятъ птенцамъ кормъ въ клювъ, но черезъ нѣсколько дней молодья птички уже настолько опыты, что могутъ сами себя прокормить. Съ перваго-же дня своей жизни они умѣютъ прекрасно прятаться, а на третьей недѣлѣ, по словамъ Наумана, уже могутъ обойтись безъ заботы родителей; однако они живутъ съ ними до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаются вполне взрослыми и не расстаются съ родителями даже во время перелета.

Въ неволѣ рѣчныя ржанки принадлежатъ къ числу самыхъ пріятныхъ компаньоновъ птицъ, но требуютъ заботливаго ухода, чтобы долго прожить въ клеткѣ. Сначала онѣ дики и пугливы, но скоро привыкаютъ къ неволѣ и подъ конецъ выказываютъ большую привязанность къ своимъ воспитателямъ.

* *

Бѣгунки (*Cursorius*, *Rennvögel*, *Coure-vite*) образуютъ отдѣльный родъ, который нѣкоторыми натуралистами причисляется къ семейству тиркушъ. Немногие сюда относящіяся виды имѣютъ стройное тѣлосложеніе, немного загнутый средней величины клювъ, который у основанія мягокъ, а на концѣ роговой, клювъ этотъ можетъ открываться очень широко; ноги имѣютъ длинныя плюсны и короткіе пальцы съ маленькими красивыми коготками; крылья острыя, хвостъ короткій и опереніе мягкое и гладкое.

Бѣгункъ песчаный (*Cursorius gallicus*, *europaeus*, *isabellinus*, *pallidus*, *brachydactylus*, *jamesoni*, *Charadrius gallicus*, *corrira*, *Tachydromus gallicus*, *europaeus*, *Cursor gallicus*, *europaeus*, *isabellinus*, *Wüstenläufer*, *Coure-vite isabelle*) можетъ считаться отчасти нѣмецкой птицей, такъ какъ изъ своего отечества не очень рѣдко залетаетъ въ Европу, а иногда и въ Германію. Туловище у него стройное, клювъ довольно длинный и замѣтно загнутый, плюсны тонкія, но очень высокія, ланки трехпалыя, крылья большія, въ которыхъ второе маховое перо самое длинное; хвостъ относительно короткій, широко округленный и состоитъ изъ 12—14 рулевыхъ перьевъ. Опереніе густое, нѣжное, мягкое и по цвѣту очень похожее на несокъ. Кроющія перья сѣровато-желтыя, на верхнихъ частяхъ тѣла съ красноватымъ, а внизу съ желтоватымъ отливомъ; задняя часть головы синевато-сѣрая и отдѣлена отъ прочаго оперенія бѣлой полосой, начинающейся отъ глаза и направляющейся назадъ; полоса эта ограничена сверху короткою, а снизу длинною и узкою черною полоскою, а на затылкѣ образуетъ трехугольное пятно. Большія маховыя перья черно-бурыя, на концѣ съ блѣдно желтовато-красной каемкой, малыя маховыя перья темно-сѣровато-желтыя съ бѣлымъ кончикомъ, передъ которымъ замѣчается черное пятнышко, а внутреннее опахало все черное; рулевныя перья сѣровато-желтыя съ красивымъ отливомъ и бѣлыми кончиками; на всѣхъ нихъ, кромѣ двухъ среднихъ, около конца замѣтна черная поперечная

полоска. Глаза каріе, клювъ черноватый, ноги соломенно-желтыя. Длина птицы 23, размахъ крыльевъ 50, длина крыла 16, а хвоста 7 см. Самецъ и самка отличаются другъ отъ друга развѣ только немного по величинѣ; птенцы имѣютъ болѣе свѣтлое опереніе съ темными пятнами и волнистыми полосками. Большія маховыя перья имѣютъ желтыя каемки на концѣ, а на затылкѣ замѣчается бѣловатая поперечная полоса, ограниченная по сторонамъ нѣсколькими черноватыми перышками.

Область распространенія песчаного бѣгунокъ простирается по всей сѣверной Африкѣ отъ Канарскихъ острововъ до Краснаго моря и по западной Азии отъ Палестины до сѣверо-западной Индіи; въ этихъ странахъ мѣстопробываніемъ птицы служатъ находящіяся здѣсь пустыни. Другіе обитатели пустынь отыскиваютъ себѣ такія мѣста, гдѣ замѣтна хоть какая-нибудь растительность, песчаный-же бѣгунокъ выбираетъ мѣстности, поражающія насъ своею бесплодностью. Я его встрѣчалъ правда и тамъ, гдѣ въ пустынѣ замѣтна нѣкоторая растительность, но въ большинствѣ случаевъ его встрѣчаешь только въ мѣстахъ, покрытыхъ лишь камнями и пескомъ, и гдѣ не можетъ расти даже травка, не говоря уже о болѣе высокыхъ и требовательныхъ растеніяхъ. Нельзя сказать, чтобы онъ часто встрѣчался въ странахъ, по которымъ я путешествовалъ, такъ какъ его паходять только кое-гдѣ и довольно неправильно. Въ сѣверо-западной Африкѣ и на Канарскихъ островахъ онъ встрѣчается, повидимому, чаще: въ восточной части вышеупомянутыхъ острововъ онъ, по словамъ Болле, довольно обыкновененъ и въ извѣстныхъ мѣстахъ его всегда можно найти. Любимымъ его мѣстопробываніемъ служатъ каменистыя равнины, особенно такія, которыя по дѣлту подходятъ къ его оперенію, но его можно встрѣтить и на бесплодныхъ черныхъ потокахъ лавы, которые находятся на Канарскихъ островахъ. Тристрамъ полагаетъ, что эта птица ежегодно правильно покидаетъ сѣверную часть Сахары, но я изъ своихъ наблюденій заключаю, что она не предпринимаетъ правильныхъ перелетовъ, а кочуетъ и при этомъ посѣщаетъ такія мѣстности, гдѣ въ обыкновенное время не живетъ. Напримѣръ, зимою 1850 года я встрѣтилъ стаю бѣгунокъ, состоящую по крайней мѣрѣ изъ 15 штукъ, въ окрестностяхъ Александріи на развалинахъ древняго города, но позднѣе не находилъ ни одной птицы въ подобныхъ мѣстностяхъ, несмотря на внимательные поиски. Передъ временемъ спариванья самцы, вѣроятно, особенно склонны къ кочеванію, и слѣдуетъ предположить, что этому стремленію мы обязаны тѣмъ, что нѣкоторыя изъ этихъ птицъ залетаютъ въ Европу. На югѣ нашей части свѣта бѣгунокъ, разумѣется, встрѣчается чаще, чѣмъ въ Германіи. Напримѣръ въ Провансѣ его можно видѣть, говорятъ, довольно часто, и Испанію, вѣроятно, онъ посѣщаетъ почти ежегодно. На востокъ залетаетъ онъ рѣже, но отъ Эрсенберга мы узнаемъ, что его слѣдуетъ причислить къ мѣстнымъ птицамъ счастливой Аравіи, а отъ Тристрама — что его убивали въ долинѣ Иордана; Нордманъ говоритъ, что онъ встрѣчается и въ Россіи. По словамъ Гартинга, втеченіи 100 лѣтъ въ Англіи было убито 16 экземпляровъ этихъ птицъ, во Франціи ихъ убивали около Парижа, Дюнкирхена, Сентъ-Омера, Кале, Абевилля, Аміена, Фекана, Монпелье и Нима, а въ Италіи, включая сюда Сицилію и Мальту, его видѣли довольно часто. Въ Германію бѣгунокъ залеталъ нѣсколько разъ, напримѣръ, въ ноябрѣ 1807 года въ окрестности Дармштадта, позднѣе, по словамъ Бруха, его видѣли нѣсколько разъ около Эльтфельда на верхнемъ Рейнѣ, гдѣ большое пространство покрыто сыпучимъ пескомъ; затѣмъ онъ посѣтилъ Мекленбургъ, въ сентябрѣ 1868 года окрестности Лемго, а осенью слѣдующаго года мѣстность на Майнѣ, около Оффенбаха и Швабію около Равенсбурга. При этомъ, конечно, нельзя съ точностью

опредѣлить, сколько бѣгунокъ залетало въ Германію, не бывъ никѣмъ замѣченными.

Отъ февраля до іюля бѣгунки всегда встрѣчаются парочками. Тотъ, кто привыкъ внимательно обыскивать извѣстную мѣстность, скоро замѣтитъ его, несмотря на его опереніе, которое совершенно подходитъ подъ цвѣтъ почвы: его вѣшность и движенія такъ замѣчательны, что его трудно проглядѣть. Парочка бѣжитъ съ необыкновенною быстротою по землѣ отъ одного мѣста къ другому, причемъ одна птица очень аккуратно бѣжитъ на разстояніи 15 шаговъ отъ другой. Пока онѣ находятся въ движеніи, видишь только одно туловище, а не ноги, которыя незамѣтны вслѣдствіе быстроты движенія; поэтому кажется, что безногая птица какою то необъяснимою силою несется надъ почвой. Бѣгъ оканчивается внезапно, бѣгунокъ останавливается, оглядывается, иногда схватываетъ насѣкомое, а затѣмъ несется дальше. Тамъ, гдѣ его еще не преслѣдовали, онъ подпускаетъ къ себѣ наблюдателя довольно близко, но держится обыкновенно на такомъ разстояніи, что дробью въ него попасть нельзя и такимъ образомъ можно за нимъ долго слѣдовать, не принудивъ его взлетѣть. Эта невинная хитрость послужила поводомъ къ тому, что на Канарскихъ островахъ его называютъ «обманщикомъ дѣтей», такъ какъ неопытные мальчики часто его преслѣдуютъ, полагая, что легко схватить руками эту птицу, неумѣющую, повидимому, летать, причемъ скоро убѣждаются, что его относительно короткія ножки могутъ точно такъ же быстро передвигаться съ мѣста на мѣсто, какъ болѣе длинныя человѣческія ноги. Однако бѣгунокъ вовсе не ограничивается однимъ бѣгомъ, а можетъ также прекрасно летать. Когда онъ замѣтитъ, что имѣетъ дѣло съ опаснымъ соперникомъ, то поднимается и летитъ вродѣ нашего чибиса, но гораздо быстрее; онъ несется надъ землею довольно высоко, нѣкоторое время красиво паритъ съ распростертыми крыльями надъ тѣмъ мѣстомъ, куда думаетъ опуститься, а затѣмъ снова начинаетъ по прежнему бѣгать.

Онъ очень скоро дѣлается осторожнымъ, а отъ продолжительнаго преслѣдованія становится необыкновенно пугливымъ. «Онъ тотчасъ улетаетъ отъ охотника,» говоритъ Болле, «когда замѣтитъ, что тотъ направляется прямо къ нему. Нужно обходить его сначала большими кругами, которые уменьшаются постепенно, и дѣлать видъ, что все на него не обращаешь вниманія, тогда охота обѣщаетъ нѣкоторый успѣхъ. Однако, вслѣдствіе его необыкновенно быстрыхъ движеній, все же требуется немалое искусство, чтобы застрѣлить его на бѣгу». Всадниковъ онъ во всякомъ случаѣ подпускаетъ къ себѣ ближе, чѣмъ нѣнеходовъ, но съ лошади чрезвычайно трудно пустить въ него мѣткій выстрѣлъ. Вышеупомянутая стая, встрѣченная нами около Александріи, сдѣлалась такъ пуглива отъ продолжительныхъ преслѣдованій, что мы не могли къ ней приблизиться на разстояніе выстрѣла ни пѣшкомъ, ни на ослухъ, а должны были спрятаться за камни и въ канавы и послать людей, которые загнали бы птицъ къ намъ. Во всякомъ случаѣ всѣ наблюденія доказываютъ съ достаточною ясностью, что душевныя способности бѣгунка хорошо развиты. Голоса его я никогда не слышалъ; Гейглинь замѣчаетъ, что птица эта, обыкновенно очень молчаливая, при взлетѣ издаетъ короткій двусложный звукъ, а когда летаетъ вмѣстѣ съ другими по воздуху, то негромко кричитъ своеобразнымъ свистяще-трещающимъ голосомъ.

Бѣгунокъ выбираетъ для гнѣздованія равнины, поросшія сухой короткой травой, а также каменистыя мѣста. Гнѣздомъ служитъ простое углубленіе въ землѣ, а кладка состоитъ изъ 3—4 яицъ, имѣющихъ около 40 мм. длины и 27 мм. ширины. Яицы эти толстыя, на широкомъ концѣ очень тупая, на другомъ округленно суживаются, скорлупка у нихъ тонкая съ матовымъ глянцемъ и чисто-несочнаго

цвѣта, такъ какъ фонъ представляетъ блѣдно-охряный цвѣтъ, а рисунокъ состоитъ изъ пепельно-сѣрыхъ и буровато-сѣрыхъ полосокъ и ломаныхъ линий, которыя распространены по всей поверхности яйца и только по срединѣ соединяются въ довольно замѣтный поясокъ. Болѣе подробныхъ свѣдѣній о гнѣздованіи этой птицы у насъ пока нѣтъ. Маленькія стайки, которыя можно встрѣтить осенью, состоятъ, вѣроятно, изъ родителей и ихъ птенцовъ, а можетъ быть и изъ нѣсколькихъ семействъ. Позднею осенью уже всѣ члены одного семейства имѣютъ полное опереніе взрослыхъ птицъ, изъ чего можно заключить, что юношескій нарядъ очень скоро сбрасывается и что бѣгунки на вторую весну уже способны къ размноженію.

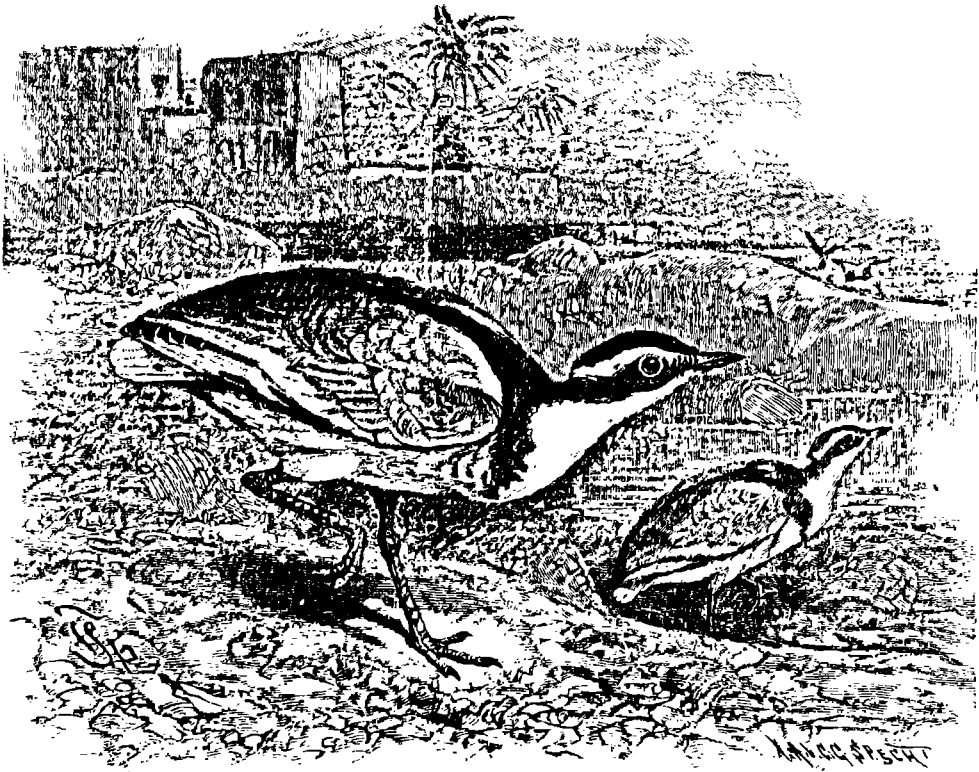
На Канарскихъ островахъ, по словамъ Болле, птицу эту ловить самымъ простымъ образомъ. «Большой глубокой сосудъ или глиняную чашку ставятъ дномъ вверхъ и подпираютъ подставкой такъ, какъ это дѣлаютъ въ сѣверной Германіи съ ситами для ловли маленькихъ птичекъ. Прямаякой служить далеко замѣтный желтый початокъ кукурузы, къ которому иногда припиливаютъ червяка. Хотя бѣгунки очень рѣдко ѣдятъ зерна, но охотно идутъ на кукурузу, чтобы отыскивать тамъ находящихся личинокъ. Когда птица начинаетъ дергать початокъ, то сосудъ ей падаетъ на голову и она поймана». При хорошемъ уходѣ бѣгунки очень хорошо живутъ и въ клѣткахъ; они, правда, долго не привыкаютъ къ клѣточному корму, но разъ это случилось—проживаютъ нѣсколько лѣтъ. Самка, которую держалъ Фавіе, говорятъ, нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ лѣтомъ клала въ неправильные промежутки нѣсколько личекъ.

* *

«Когда крокодилъ лежитъ на землѣ съ открытою пастью», рассказываетъ Плиніи, пользуясь сообщеніемъ Геродота, «то туда влетаетъ птичка трохиль и очищаетъ ему пасть. Это правится крокодилу и потому онъ щадитъ птицу и даже еще шире открываетъ пасть, чтобы птицѣ не пришлось нагибаться, когда она хочетъ вылѣзти. Птица эта невелика, не больше дрозда; она держится вблизи воды и предупреждаетъ крокодила о приближеніи ихневмова, причѣмъ прилѣпаетъ къ нему и, отчасти голосомъ, отчасти клеваньемъ въ морду, будитъ это животное». Это сообщеніе, которое съ перваго раза слѣдовало-бы, казалось, отнести въ область басенъ, имѣетъ однако основаніе, такъ какъ и нынѣ замѣчается дружба между крокодиломъ и его сторожемъ, какъ называютъ арабы эту птицу.

Египетскій бѣгунъ, Крокодиловый сторожъ (*Cursorius aegyptius*, *Hyas aegyptia*, *aegyptiaca* и *aegyptiacus*, *Charadrius aegyptiacus*, *melanocephalus*, *africanus*, *Pluvianus aegyptius*, *aegyptiacus*, *melanocephalus* и *chlorocephalus*, *Cursor* и *Amortilla charadroides*, *Krokodilwächter*, *Coure-vite égyptien*) въ извѣстномъ смыслѣ составляетъ переходъ отъ бѣгунковъ къ ржанкамъ, однако стоитъ ближе къ первымъ, чѣмъ къ послѣднимъ. Тѣлосложеніе у него приземистое, голова средней величины, относительно меньше, чѣмъ у ржанокъ, клювъ величиною болѣе половины длины головы и довольно толстый, сжатъ съ боковъ и имѣетъ вдавленные края; у основанія онъ низкій, но отсюда, равно какъ и отъ подбородка, онъ дѣлается выше, верхняя часть его слабо округляется къ кончику, а снизу онъ прямой. Ноги значительно ниже, чѣмъ у другихъ ржанокъ, но все же довольно высокія; онѣ голыя выше плюсневого сустава, а лапы трехпалыя. Крылья настолько длинны, что когда сложены, то достигаютъ конца хвоста, первое маховое перо у нихъ самое длинное; хвостъ средней длины, слабо округленный. Перья на задней части головы нѣсколько длиннѣе прочихъ и образуютъ короткій хохолокъ; перья средней части спины такъ длинны, что закрываютъ первую треть хвоста, и малыя маховыя перья настолько уд-

лишены, что при сложенныхъ крыльяхъ совершенно или почти совершенно прикрываютъ большія маховыя перья. Верхняя часть головы, широкія уздечки, которыя соединяются на затылкѣ, верхняя часть затылка, широкая грудная полоса и удлиненные узкія перья на спинѣ—чернаго цвѣта; надглазная полоска, которая начинается надъ ноздрями и соединяется съ противоположной на задней части головы, горло, зобъ и вся нижняя часть тѣла бѣлыя; бока около груди бѣдно-красновато-бурые, гузка буровато-сѣрая; верхнія покровныя перья крыльевъ и плечевыя перья свѣтло-шиферно-голубыя или пепельно-сѣрыя; маховыя перья, кромѣ перваго, которое у основанія наружнаго опахала имѣетъ свѣтлую каемку—по серединѣ

Египетскій бѣгунокъ. *Cursorius aegyptius*. наст. вел.

и около конца черныя, а самый конецъ, точно такъ какъ и основаніе, бѣлый, такъ что образуются двѣ широкія полосы, которыя служатъ большимъ украшеніемъ при распростертыхъ крыльяхъ. Рулевыя перья голубовато-сѣрыя, а на концѣ бѣлыя, передъ концомъ-же замѣчается бѣлая полоса. Глаза свѣтло-каріе, клювъ черныя, ноги ярко-свинцово-сѣрыя. Длина достигаетъ 22 см., длина крыла 13, хвоста 7 см. Самка только развѣ немного меньше самца.

Изображеніе египетскаго бѣгунка часто встрѣчается на древне-египетскихъ памятникахъ, такъ какъ фигура его обозначаетъ въ іероглифическихъ письменахъ букву «у»; онъ и теперь еще очень обыкновененъ въ Илійской долинѣ. Отъ Каира вверхъ по теченію рѣки его можно встрѣтить вездѣ на удобныхъ для него мѣстахъ. Его область распространенія на югъ простирается настолько, насколько

я самъ туда проникалъ, но я его видалъ только около самаго Нила и потому можно считать берега этой рѣки за его родину на сѣверо-востокъ Африки. Впрочемъ, его видѣли и около рѣкъ западной Африки, а изрѣдка и въ Палестинѣ, но встрѣчали ли его въ Европѣ, должно считать еще неразрѣшеннымъ вопросомъ. Во всякомъ случаѣ его нельзя считать ни перелетной, ни кочующей птицей. Если возможно, то онъ избираетъ себѣ мѣстопробываніемъ песчаную отмель и до тѣхъ поръ остается тамъ, пока поднятіе воды его оттуда не прогонитъ.

Трудно себѣ представить путешественника по Нилу, которому не бросилась бы въ глаза эта красивая, живая, ловкая и крикливая птица. Она очень замѣтна, когда бѣгаетъ по берегу со свойственной этому семейству быстротой, но еще замѣтнѣе, когда летитъ надъ водой, причемъ выказывается вся красота ея крыльевъ, испещренныхъ черными и бѣлыми полосками. Бѣгъ ея чрезвычайно скорый, но не порывистый; полетъ, соотвѣтственно острымъ крыльямъ, очень быстрый и, повидимому, нисколько не утомляетъ птицы, хотя очень далеко она сразу никогда не летаетъ. Египетскій бѣгунокъ почти всегда летаетъ отъ одной песчаной отмели къ другой и при этомъ держится всегда вблизи около самой воды, слѣдовательно не такъ, какъ наши ржанки, которыя ради безопасности часто поднимаются на значительную высоту. Во время полета всегда слышенъ его громкій свистящій голосъ, состоящій изъ нѣсколькихъ тоновъ, которые можно передать слогами «чип-чип-хойт». Но птица эта кричитъ и въ спокойномъ состояніи и во время бѣга, такъ какъ она гораздо менѣе молчалива, чѣмъ ея родичи.

Арабы совершенно справедливо называютъ бѣгунка «крокодиловымъ сторожемъ», хотя онъ оказываетъ услуги не только крокодилу, но и всѣмъ другимъ животнымъ, которыя желаютъ пользоваться его предостереженіями. Каждый корабль, каждый приближающійся челоуѣкъ, каждое большое млекопитающее привлекаютъ его вниманіе, и онъ спѣшитъ громкимъ крикомъ оповѣстить объ этомъ всѣхъ окружающихъ. Онъ замѣчательно хитеръ и понятливъ и имѣетъ удивительную память. Кажется, что онъ вовсе не боится опасностей, потому что очень хорошо понимаетъ степень ихъ важности; онъ дѣйствительно живетъ въ дружбѣ съ крокодиломъ, но не потому, что это прожорливое пресмыкающееся питается къ нему какія-либо нѣжныя чувства, а потому, что бѣгунокъ умѣетъ прятаться къ опасному сосѣдству вслѣдствіе своей внимательности и проворству. Такъ какъ онъ постоянно живетъ на тѣхъ же песчаныхъ отмеляхъ, гдѣ грѣется на солнцѣ крокодилъ, то и научился жить въ полной безопасности около этого хищнаго животнаго. Онъ безъопасенія бѣгаетъ взадъ и впередъ по спинѣ чудовищнаго пресмыкающагося, какъ будто онъ двигается по зеленому дерну, спокойно клюетъ наѣкомыхъ и пиявокъ, которыя собираются сосать крокодила, осмѣливается даже чистить зубы своему гиганскому прителю, т. е. въ буквальномъ смыслѣ этого слова онъ выклевываетъ кусочки пищи, засѣвшіе между зубами, и ѣтъ животныхъ, которыя присосались къ губамъ и деснамъ крокодила; все это я видѣлъ нѣсколько разъ. Какъ онъ обращается съ орланомъ, я расскажу впоследствии. При этомъ случаѣ бѣгунокъ выказалъ столько же смѣлости, сколько и разсудительности, и онъ былъ похожъ тогда на воробья, который залетаетъ въ клѣтку пойманныхъ орловъ и, повидимому, совершенно равнодушно собираетъ крошки на глазахъ хищной птицы. Заслуги крокодиловаго сторожа зависятъ именно отъ того, что онъ въ высшей степени внимателенъ и хорошо понимаетъ степень опасности. Крикъ, который онъ издаетъ при видѣ всякаго незнакомаго и, повидимому, опаснаго существа или предмета, будитъ спящаго крокодила и заставляетъ его искать спасенія въ болѣе безопасной для него стихіи.

Обыкновенная птица бѣгунка состоитъ изъ различныхъ животныхъ, но возможно, что онъ иногда ѣсть и зерна. Онъ клюетъ всевозможныхъ насѣкомыхъ, именно: жуковъ, живущихъ въ пескѣ, мухъ, водяныхъ пауковъ, червяковъ, маленькихъ улятокъ, рыбъ и, какъ видно ихъ вышесказаннаго, также кусочки мяса большихъ млекопитающихъ.

Хитрость египетскаго бѣгунка лучше всего выказывается во время гнѣздованія. Мнѣ только разъ удалось найти гнѣздо этой очень обыкновенной птицы, хотя я во всякое время года старательно разыскивалъ ихъ, особенно тогда, когда анатомированіе убитыхъ бѣгунковъ указывало мнѣ, что они собираются класть яйца. Случай помогъ мнѣ узнать, какимъ образомъ хитрой птицѣ удается припрятать свои яйца отъ взоровъ враговъ. Я долго наблюдалъ въ подозрную трубу за парочкой и замѣтилъ, что одна изъ птицъ сидѣла на пескѣ, а другая, по обыкновенію, бѣгала назадъ и впередъ. Имѣли поводъ предпологать, что сидячая птица насиживаетъ яйца, я точно замѣтилъ мѣсто ея сидѣнья и медленно направился туда. Къ немалому удивленію моему я замѣтилъ, что, когда я приблизился шаговъ на сто, то сидящая птица осторожно встала, быстро стала рыть песокъ, а затѣмъ присоединилась къ другой птицѣ и обѣ, повидямому, совершенно равнодушно, убѣжали. Подойдя къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла птица, я сначала ничего не могъ замѣтить особеннаго и болѣе случайно, чѣмъ вслѣдствіе старательныхъ поисковъ, обратилъ вниманіе на небольшое углубленіе въ пескѣ, сталъ его рыть и нашелъ два яйца, которые были совершенно покрыты пескомъ и навѣрно еще лучше были-бы скрыты, если бы мать имѣла время болѣе старательно закопать ихъ. Яйца эти принадлежатъ къ числу самыхъ красивыхъ яицъ этого отряда. По формѣ и скорлупѣ они похожи на яйца песчанаго бѣгунка, а по величинѣ равны яйцамъ тиркуни. Длина ихъ около 29, а ширина около 23 мм.; они красновато-желтаго цвѣта, покрыты большими свѣтлыми и темными красновато-сѣрыми пятнами, которыя въ свою очередь испещрены мелкими каштаново-бурыми пятнышками, точками, черточками, и извилистыми линіями; рисунокъ этотъ довольно равномерно распределенъ по всей поверхности яйца. Птенцы имѣютъ желтовато-бурое опереніе съ черными полосками; по наблюденіямъ Гейглиана, они очень хорошо бѣгаютъ и ловко прячутся между камнями и въ углубленіяхъ почвы. Когда они начинаютъ летать, то по цвѣту совершенно похожи на родителей; покрайней мѣрѣ я никогда не видалъ молодыхъ птицъ, имѣющихъ другую окраску.

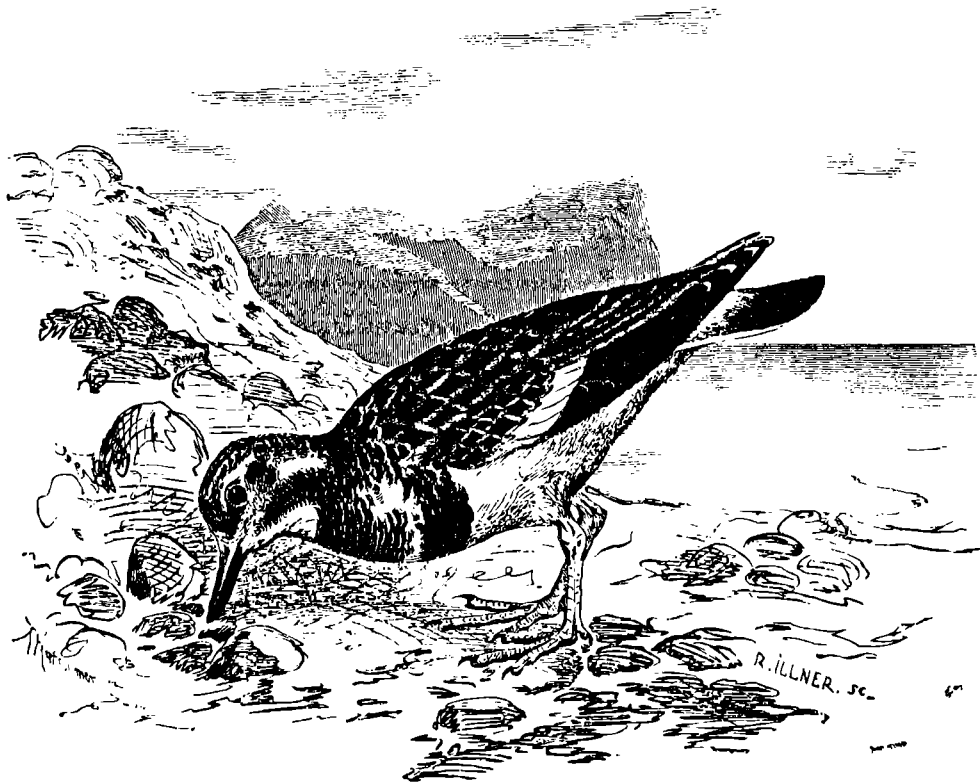
* * *

Между мелкими птицами, которыя живутъ на берегахъ моря, иногда замѣчаешь очень красивую и проворную птичку, которая отличается отъ другихъ не только своею вѣшностью, но также и своеобразнымъ поведеніемъ. Камнешарки, о которыхъ я хочу говорить, встрѣчаются почти по всему земному шару, на берегахъ Исландіи и Скандинавскаго полуострова точно такъ, какъ и въ Греціи, южной Италіи и Испаніи, въ Австраліи точно такъ, какъ въ средней Америкѣ и Бразиліи, въ Египтѣ, какъ и у мыса Доброй Надежды, въ Китаѣ, какъ и въ Индіи. Птицу эту видишь чаще всего около моря и только во время перелета, и то лишь по одиночкѣ, около рѣкъ и озеръ; слѣдовательно эта птица можетъ быть названа въ полномъ смыслѣ этого слова космополитомъ.

Камнешарка (*Arenaria interpres* и *cinerea*, *Streptilas interpres*, *collaris*, *borealis*, *littoralis*, *minor*, *Tringa interpres*, *morinella*, *hudsonica* и *oahuensis*, *Morinella collaris*, *Cinclus interpres* и *morinella*, *Charadrius cinclus*. Steinwalzer. Tourne-

pierres) считается представителемъ особаго рода (*Arenaria*). Туловище у нея довольно плотное, голова сравнительно большая, лобъ выпуклый, клювъ короче головы, конусообразный, немного загнутый вверху, на спинкѣ плоскій и вездѣ твердый. Ноги относительно не очень высокія, но сильныя, лапы четырехпалыя, крылья длинныя и острыя и первое маховое перо у нихъ самое длинное. Перья на плечевой части крыла значительно удлинены. Хвостъ, скорѣе короткій, состоитъ изъ 12 рулевыхъ перьевъ, на концѣ слегка округленный. Опереніе довольно густое, но плотно прилегающее и отличается пестрою окраскою. У взрослыхъ птицъ въ лѣтнемъ опереніи лобъ, щеки, широкій ошейникъ на затылкѣ, задняя часть спины, горло, нижнія кроющія перья крыльевъ и полоска по верхней сторонѣ ихъ—чисто

Камнешарка. *Arenaria interpres*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

бѣлыя; полоска, начинающаяся отъ лба и идущая мимо глаза по шеѣ, переднія и боковыя части шеи и груди — черныя; перья передней части спины покрыты черными и красными пятнами, темя покрыто черными и бѣлыми долевыми полосками, кроющія перья крыла каштаново-бурныя съ черными пятнами; на надхвостьѣ замѣтна широкая бурая полоса; маховыя перья черноватая, рулевыя у основанія и на концѣ бѣлыя, а передъ концомъ по нимъ проходитъ широкая черная полоса. Глаза каріе, клювъ черный, ноги оранжево-желтыя. Длина достигаетъ 24 см., размахъ крыльевъ 48, длина крыла 15, а хвоста 6 см. Осенью и зимою опереніе бываетъ менѣе пестрымъ, вслѣдствіе широкихъ свѣтлыхъ каемокъ на перьяхъ. У птенцовъ верхняя часть тѣла покрыта черновато-бурными, ржаво-желтыми и охрино-желтыми пятнами, передняя часть тѣла сѣровато-черная.

Слѣдуетъ предположить, что камнешарка при перелетѣ преимущественно дер-

жится морских берегов и потому ее так рѣдко встрѣчаютъ во внутренности материковъ. Какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ Европы можно замѣтить, что перелетъ этихъ птицъ совершается такъ-же правильно, какъ и у другихъ береговыхъ птицъ. На Скандинавскомъ полуостровѣ, въ Исландіи и Гренландіи первыя камнешарки появляются отъ первыхъ чиселъ апрѣля до середины мая и покидаютъ страну уже въ концѣ августа. Въ это же самое время замѣчаютъ этихъ птицъ какъ на сѣверныхъ, такъ и на южныхъ берегахъ Средиземнаго моря. Въ лѣтнемъ своемъ мѣстопробываніи камнешарки живутъ парочками и только во время перелета маленькими стайками; зимою онѣ иногда соединяются съ маленькими песочниками, но образуютъ и особые общества, которыя могутъ быть очень многочисленными. Стаи эти только тогда удаляются отъ морского берега, когда вблизи есть озеро съ соленой водой.

Камнешарки отличаются красотой оперенія, живостью, подвижностью и веселымъ нравомъ. Ихъ рѣдко видишь въ спокойномъ состояніи, развѣ только среди дня онѣ дремлютъ нѣсколько минутъ, сидя на одномъ мѣстѣ. Въ остальное время онѣ въ постоянномъ движеніи отъ ранняго утра до заката солнца и часто даже ночью. Когда онѣ отыскиваютъ кормъ, то ходятъ довольно тихо, сѣменя ножками, но могутъ чрезвычайно быстро передвигаться на большія разстоянія; впрочемъ, обыкновенно онѣ пробѣгаютъ нѣкоторое пространство сразу, затѣмъ на минутку останавливаются на какомъ-нибудь возвышеніи, а затѣмъ снова бѣгутъ дальше. Камнешарка летаетъ такъ-же хорошо, какъ и всея родичи, съ быстротою стрѣлы несетя по воздуху, ловко поворачивается и двигается точно такъ-же хорошо надъ землей, какъ и на значительной высотѣ. Голосъ ея похожъ на громкій, рѣзкій свистъ, состоитъ только изъ одного звука и можетъ быть переданъ слогомъ «кин». Звукъ этотъ иногда растягивается, иногда кратко повторяется нѣсколько разъ, такъ что для наблюдателя имѣетъ различныя интонаціи. На морскомъ берегу камнешарка принадлежитъ къ числу самыхъ осторожныхъ птицъ. Она охотно пользуется предостереженіями другихъ, болѣе крупныхъ береговыхъ птицъ, но когда находится въ обществѣ маленькихъ песочниковъ, то сама беретъ на себя роль сторожа и умѣетъ приобрести между ними нѣкоторое значеніе, такъ что ее слушаются. При преслѣдованіяхъ она дѣлается очень пугливою.

Пока она въ дѣятельности, то все время отыскиваетъ себѣ кормъ, который состоитъ изъ различныхъ мелкихъ морскихъ животныхъ, преимущественно червей и небольшихъ миготѣлыхъ. Чтобы достать ихъ, она роется въ песокъ и переворачиваетъ камни, отчего и происходитъ ея названіе. Она, безъ сомнѣнія, схватываетъ и насекомыхъ, которыя находятся на берегу, тамъ, куда волны не достаютъ; но настоящею областью ея питанія слѣдуетъ считать береговую полосу, которая высыхаетъ только во время отлива и гдѣ насекомыя встрѣчаются очень рѣдко.

Она устраиваетъ себѣ гнѣздо охотнѣе всего на небольшихъ плоскихъ песчаныхъ островкахъ или на каменистыхъ мѣстахъ прибрежья. Изъ наблюденій Шиллинга видно, что она предпочитаетъ такіе острова, гдѣ растетъ сухой верескъ и небольшіе кусты можжевельника; Голландъ замѣчалъ, что она выбираетъ мѣста, поросшія высокой травой и кустами ситника, между которыми и закладывается гнѣздо. Во время гнѣздованія она, повидимому, иногда удаляется отъ морского берега, какъ напримѣръ въ Исландіи. Самое гнѣздо состоитъ изъ ямки, застланной нѣсколькими сухими травками. Кладка состоитъ изъ 4 яицъ, имѣющихъ 40 мм. длины и 30 мм. ширины; они имѣютъ гладкую скорлупу сѣровато-бураго, желтовато-оливковаго или синевато-зеленаго цвѣта съ темно-бурыми, сѣрыми и

черновато-оливковыми пятнами, точками и завитками, которыхъ бываетъ больше на тупомъ концѣ. Родители выказываютъ свою вѣжную любовь къ птенцамъ криками, боязливымъ летаньемъ взадъ и впередъ и успленными тѣлодвиженіями. Птенцы ведутъ себя какъ птенцы ржанокъ.

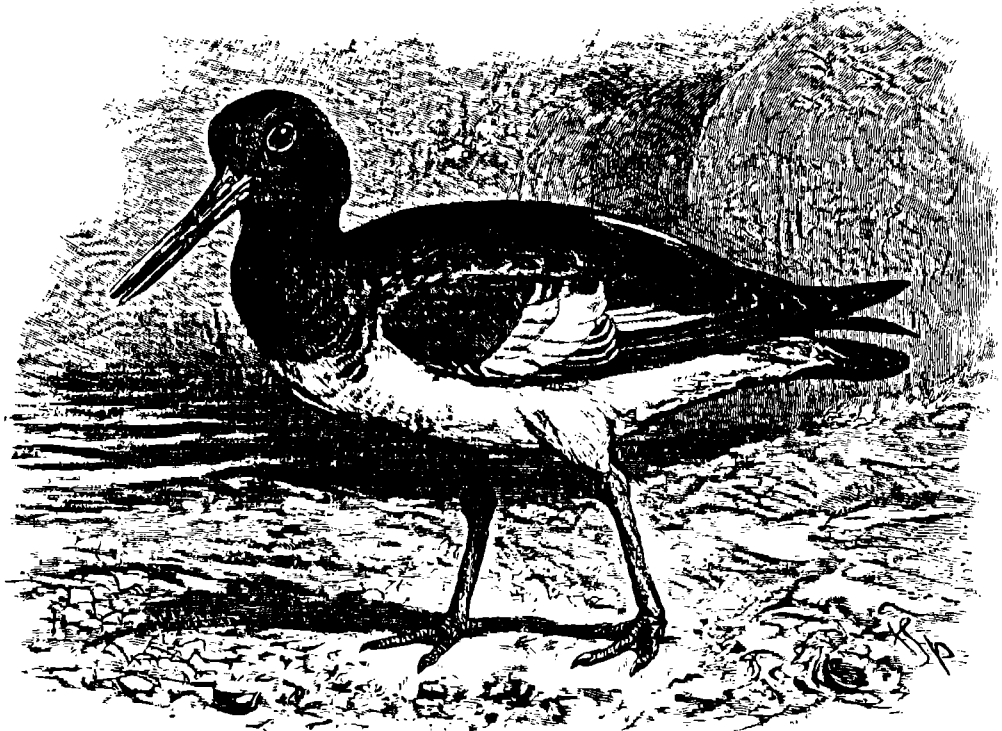
У насъ рѣдко можно встрѣтить камешарокъ въ неволѣ, но онѣ держатся вѣсколько лѣтъ довольно хорошо, особенно, если ихъ не закармливать, и дѣлаются очень ручными.

* *
* *
* *

Тотъ, кто посѣтитъ берега Нѣмецкаго моря, навѣрно познакомится съ береговой птицей, которая встрѣчается почти вездѣ и такъ отличается отъ другихъ птицъ своимъ поведеніемъ, что ее трудно не замѣтить. Береговые жители знаютъ ее точно такъ же хорошо, какъ мы знаемъ вороня и воробьевъ. **Морской кривонъ, Куликъ-Сорока** (*Haematopus ostrilegus, ostralegus, hypoleucus, balticus, orientalis* и *longirostris. Scolopax pica, Ostralega pica* и *europaea, Ostralegus vulgaris. Austernfischer. Huitrier*) сплхо отличается своимъ вѣшнимъ видомъ и мало похожъ на другихъ птицъ, кромѣ тѣхъ, которыя принадлежатъ къ одному съ нимъ роду. Онъ отличается приземистымъ туловищемъ и большой головой; клювъ у него длинный, прямой, сильно сжатъ съ боковъ, спереди клиновидный и очень твердый; ноги средней длины и очень сильны; на лапѣ три короткихъ и широкихъ пальца, между среднимъ и наружнымъ пальцемъ замѣчается большая перепонка. Крылья средней длины, острые и первое маховое перо длиннѣе другихъ; хвостъ довольно короткій, сзади срѣзанъ прямо и состоитъ изъ 12 рулевыхъ перьевъ. Во внутреннемъ строеніи замѣчательны сильныя мускулы, которые двигаютъ челюстями, чему соответствуютъ нѣкоторыя особенности въ строеніи черепа; въ прочемъ скелетѣ и во внутренностяхъ замѣчаются также нѣкоторыя особенности. Позвоночный столбъ состоитъ изъ 13 шейныхъ, 9 грудныхъ и 9 хвостовыхъ позвонковъ; дужка менѣе изогнута, чѣмъ у другихъ мелкихъ голенастыхъ птицъ; на грудной кости замѣчаются четыре очень большія выемки; всѣ 9 паръ реберъ замѣчательно тонки, небныя кости отличаются, напротивъ того, шириною; перегородка между глазницами имѣетъ множество отверстій. Кромѣ того замѣчательны: сильно развитыя носовыя железки, которыя лежатъ широкой подушкой на лобной кости между глазами, короткій языкъ, который на заднемъ краѣ усаженъ роговыми зубчиками, толстостѣнный и мускулистый передній желудокъ, между тѣмъ какъ настоящій отличается слабостью своихъ мускуловъ, и очень длинный кишечный каналъ. Опереніе на верхней части тѣла, передней части шеи и на зобѣ черное съ слабымъ металлическимъ отливомъ; задняя часть спины, надхвостье, мѣсто подъ глазами, грудь и брюшко бѣлыя; большія маховыя и рулевыя перья у основанія бѣлыя, а въ остальной части черныя. Глаза ярко-красно-красныя, у краевъ оранжевые, а голое колечко около нихъ суріковаго цвѣта; клювъ такого-же цвѣта, но имѣетъ свѣтлый кончикъ; ноги темно-красныя. Длина птицы 42 см., размахъ крыльевъ 82, длина крыла 25, а хвоста 11 см. Самка немного меньше ростомъ и черный цвѣтъ на груди у нея занимаетъ меньше мѣста. При зимнемъ одѣянніи на горлѣ замѣчается бѣлое полукруглое пятно.

Отъ Нордкапа или Финскаго залива до мыса Тарифа куликъ—сорока встрѣчается на всѣхъ европейскихъ морскихъ побережьяхъ, особенно тамъ, гдѣ они каменисты. Его находятъ также на островахъ Нѣмецкаго моря, берегахъ Ледовитаго океана и, что всего удивительнѣе, около большихъ сибирскихъ рѣкъ, напримѣръ, по нашимъ собственнымъ наблюденіямъ, по нижнему теченію Оби. Въ южную Европу онъ прилетаетъ зимою, но не очень часто, такъ какъ его стран-

ствования во многих отношеніяхъ своеобразны. Такъ напримѣръ, онъ правильно улетаетъ каждую осень съ береговъ Нѣмецкаго моря, въ Исландіи же перелетаетъ только съ сѣвернаго побережья на южное. Объясняется это очень просто тѣмъ, что эта птица остается весь годъ на тѣхъ берегахъ, которые омываются Гольфштремомъ, а улетаетъ съ тѣхъ береговъ, гдѣ вода зимою замерзаетъ и потому принуждаетъ ее къ странствованію. Во время перелета куликъ-сорока по возможности держится береговъ, не задумываясь перелетаетъ черезъ часть моря, но очень неохотно черезъ материкъ, потому во внутреннихъ частяхъ Европы принадлежитъ къ числу рѣдкихъ птицъ. Тѣ морскіе кривки, которые зимою покидаютъ берега Балтійскаго и Нѣмецкаго морей, находятъ себѣ пристанище уже на бере-

Морской кривокъ. *Hematoopus ostrilegus*   не.

гахъ Франціи, между тѣмъ какъ тѣ, которые живутъ въ Китайскомъ морѣ, зимой долетаютъ до южной Индіи.

Хотя по виду эта птица кажется неуклюжей и тяжелой на подъемъ, но на самомъ дѣлѣ она очень подвижна. Кривокъ этотъ бѣгаетъ такъ-же, какъ камешарка, съ короткими отдыхами, обыкновенно не очень торопясь и семеня ногами, но въ случаѣ нужды онъ можетъ бѣгать очень быстро и, благодаря своимъ широкопалымъ ланамъ, онъ легко держится на самомъ мягкомъ илѣ; онъ прекрасно плаваетъ даже тогда, когда и не вынужденъ къ этому, скоро и сильно летаетъ, большею частью по прямой линіи, но часто также дугами со смѣлыми поворотами, причѣмъ чаще паритъ, чѣмъ другія береговія птицы. Голосъ его похожъ на свистящее «гипп» и слышенъ очень часто; иногда онъ сопровождается продолжительнымъ «квиррррр»; случается, что этотъ звукъ произносится поры-

висто я тогда звучить какъ «квик-квик, кевик-кевик». На мѣстѣ гнѣздованія онъ удивительно благозвучно поетъ трелями, что повторяется нѣсколько разъ и продолжается долго.

Его поведеніе объясняетъ всеобщую извѣстность, которою онъ пользуется. Ни одна птица на прибрежьи не можетъ сравняться съ нимъ по беспокойной дѣятельности, смѣлости, драчливости при постоянно хорошемъ расположеніи духа. Когда онъ сытно поѣлъ и немного отдохнулъ, то начинаетъ гоняться за другими кривками и дразнить ихъ, такъ какъ не въ состояніи долго сидѣть на одномъ мѣстѣ и долго оставаться спокойнымъ. Подобныя забавы часто переходятъ въ серьезныя драки, такъ какъ каждая птица старается отомстить за нанесенную ей обиду. «Отъ восьми до десяти кривковъ», рассказываетъ Граба, «спокойно спали, стоя рядышкомъ на одной или двухъ ногахъ, но вдругъ были разбужены крикомъ пролетѣвшей мимо другой стаи. Въ суматохѣ одинъ изъ нихъ случайно наступилъ на ногу другому, вслѣдствіе чего обѣ птицы начали драться. Съ вытянутой шеей и протянутымъ впередъ клювомъ онѣ бросились другъ на друга, какъ разъяренныя пѣтухи, и били другъ друга нѣсколько разъ крыльями и клювомъ. Впрочемъ, бой длился недолго, такъ какъ одна изъ птицъ убѣжала, а противникъ ея довольствовался тѣмъ, что провожалъ ее нѣсколькими гнѣвными и презрительными взглядами, сопровождая это соответственными тѣлодвиженіями». Подобныя драки между собою случаются однако довольно рѣдко между кривками одной и той же стаи, такъ какъ они гораздо чаще ссорятся съ другими птицами. Такъ какъ они гораздо внимательнѣе другихъ береговыхъ обитателей, то постоянно находятъ себѣ занятіе даже тогда, когда вполне насытились. Они зорко наблюдаютъ за каждой прилетающей или улетающей маленькой птичкой, а большихъ, напримѣръ утокъ и гусей, встрѣчаютъ и провожаютъ громкимъ крикомъ. Но на берегу появляются часто и другія птицы, которыхъ кривки привыкли считать врагами или по крайней мѣрѣ нарушителями ихъ покоя. Какъ только приближается подобная птица, напримѣръ ворона, воронъ, большая хищная птица или круная чайка, то одинъ изъ кривковъ тотчасъ же подаетъ сигналъ къ нападенію, а всѣ другіе встаютъ, бѣгутъ къ неприятелю, громко кричатъ, чтобы дать знать объ его появленіи другимъ птицамъ и съ удивительною смѣлостью бросаются на пришельца. Въ этомъ случаѣ они очень похожи на чибицовъ, но имѣютъ лучшее оружіе и потому дерутся съ большимъ успѣхомъ. Само собою разумѣется, что прочіе жители берега скоро научаются понимать значеніе ихъ крика, напримѣръ отличать ихъ призывной голосъ отъ крика предостереженія. Тамъ, гдѣ встрѣчаются морскіе кривки, они играютъ самую важную роль на прибрежьи и въ извѣстномъ смыслѣ управляютъ образомъ жизни всѣхъ другихъ мелкихъ береговыхъ птицъ. Эти хитрыя созданія вездѣ осторожно избѣгаютъ человѣка. Они узнаютъ рыбаковъ и мастуховъ, и знаютъ, что эти люди очень рѣдко или никогда на нихъ не нападаютъ и потому спокойно позволяютъ имъ приближаться къ себѣ, но всѣхъ другихъ людей они встрѣчаютъ недовѣрчивыми взглядами и позволяютъ охотнику только въ первый разъ приблизиться къ нимъ на разстояніе выстрѣла; второй разъ ихъ уже не обманешь.

Почему по-нѣмецки и по-французски эту птицу называютъ «устричнымъ ловцомъ» (Austernfischer. Huitrier) трудно понять, такъ какъ она никогда не ѣстъ устрицъ. Кривокъ охотно питается мелкими мягкотѣлыми, съѣдаетъ при случаѣ и большого моллюска, который лежитъ мертвымъ на берегу, но живую устрицу онъ не въ состояніи открыть. Пища его гларнымъ образомъ состоитъ изъ мелкихъ червяковъ, и, вѣроятно, онъ кормится преимущественно червяками пес-

кожилами. Безъ сомнѣнія не пренебрегаетъ онъ также маленькими раками, рыбами и другими морскими животными, а когда около берега пасется скоть, то ловить и насѣкомыхъ, водящихся около стада. Онъ еще чаще, чѣмъ камнешарка, переворачиваетъ камни и большія раковины.

Оседлые морскіе кривки начинаютъ подумывать объ устройствѣ гнѣзда уже въ серединѣ апрѣля, а перелетные нѣсколько позже. Стайки разлетаются, и парочки разсѣиваются по области гнѣздованія. Въ это время почти непрерывно слышится трель самца, и можно видѣть какъ два соперника дерутся изъ-за обладанія самкою. Однако съ другими безвредными птицами, гнѣздящимися въ однихъ мѣстахъ съ ними, они живутъ въ полномъ мирѣ. Охотнѣе всего они устраиваютъ гнѣзда около моря на маленькихъ лугахъ, поросшихъ короткой травой; тамъ, гдѣ таковыхъ не имѣется, гнѣздо устраивается въ кучахъ водорослей, выброшенныхъ на берегъ сильными приливами. Гнѣздо состоитъ изъ небольшого углубленія, вырытаго самой птицей; кладка заключаетъ въ себѣ 3, иногда только 2 очень большихъ, острыхъ яичекъ, очень правильной формы и съ твердой скорлупой; они имѣютъ 60 мм. длины при 40 мм. ширявы. Скорлупа у нихъ не гляцевитая, блѣдно-буровато-желтаго цвѣта и покрыта свѣтло-фиолетовыми или темно-сѣро-бурыми и черновато-сѣрыми пятнами, точками, черточками и завитками; рисунокъ этихъ лицъ, впрочемъ, бываетъ очень различенъ. Самка насиживаетъ очень усердно, но въ полуденные часы уходитъ съ гнѣзда, причемъ самецъ ее не замѣняетъ; если же мать убьютъ, то онъ беретъ на себя заботу о потомствѣ. Птенцы вылупляются черезъ три недѣли и тотчасъ же уводятся изъ гнѣзда родителями. Птенцы обыкновенно причуются при опасности, но могутъ хорошо двигаться и въ водѣ, такъ какъ не только хорошо плаваютъ и отлично ныряютъ, но могутъ немного пробѣжать подъ водой по дну моря. Когда родители ходятъ съ выводкомъ, то дѣлаются очень осторожными, а при случаѣ и смѣлыми.

Легче всего приблизиться къ морскимъ кривкамъ, когда они спятъ въ полуденные часы, но ихъ внѣшнія чувства такъ сильно развиты, что и тогда къ нимъ нужно подходить очень осторожно, такъ какъ они уже издали слышатъ шаги приближающаго человѣка. Охота затрудняется еще тѣмъ, что ихъ не такъ легко убить выстрѣломъ дробн. Впрочемъ, серьезно охотятся за кривками только естествоиспытатели и начинающіе неопытные охотники, потому что мясо ихъ совсѣмъ не годится для пищи, вслѣдствіе того, что пріобрѣтаетъ очень неприятный вкусъ отъ ихъ корма. Яйца ихъ, напротивъ, считаются очень большимъ лакомствомъ. Любители иногда ловятъ этихъ веселыхъ птицъ живыми, чтобы держать ихъ въ неволѣ. Ихъ довольно легко поймать въ силки, разставленные на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они бѣгаютъ, а приучить ихъ къ клѣткѣ не стоитъ большого труда. Сначала ихъ слѣдуетъ кормить маленькими крабами, разрѣзанными на куски рыбками, разрубленными раковинами, а потомъ они постепенно привыкаютъ къ обыкновенному клѣточному корму, напримѣръ къ размяченной булкѣ. Даже взрослые скоро привыкаютъ къ человѣку, какъ только убѣдятся, что онъ имъ желаетъ только добра. Они хорошо уживаются съ разными другими птицами, съ которыми ихъ сажаютъ и служатъ имъ и въ неволѣ сторожами. «Парочка кривковъ», рассказываетъ Гадамеръ, «которыхъ я взялъ молодыми изъ гнѣзда и воспиталъ, сдѣлались такими ручными, что узнавали меня по голосу и привѣтствовали уже издали громкими криками. Я пускалъ ихъ гулять по двору вмѣстѣ съ курами, и сіи послѣднія при этихъ сторожахъ были вполне безопасны отъ ястреба: при приближеніи хищника кривки тотчасъ же начинали жалобно кричать и этимъ пріобрѣли

себѣ уваженіе между курами». Къ сожалѣнію, окраска клюва и ногъ сильно выцвѣтаетъ у нихъ послѣ короткаго пребыванія въ неволѣ.

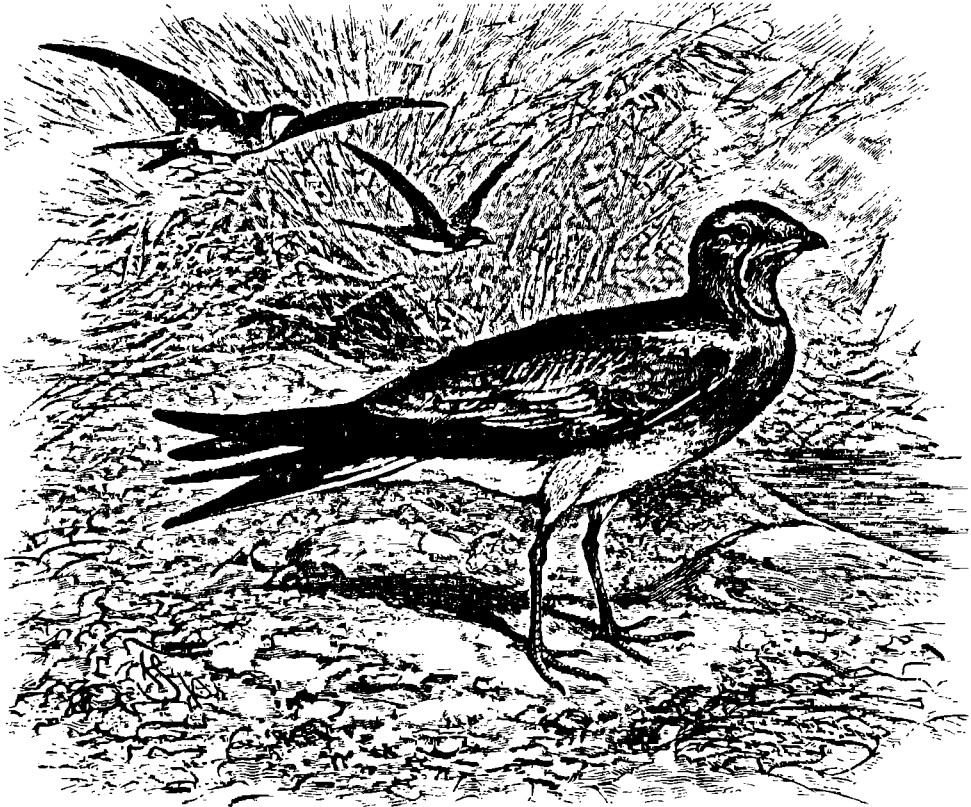
Тиркуши (Glareolidae. Brachschwalben. Giaroles) образуютъ особое семейство, близко стоящее къ предыдущему, но соединяющее въ себѣ признаки нѣсколькихъ отрядовъ. Клювъ у нихъ представляетъ нѣчто среднее между клювами куриныхъ и козодоевъ; ноги высокія, надъ плюсневимъ суставомъ голыя, съ четырьмя узкими пальцами средней длины, изъ которыхъ наружный и средній соединены между собой перепонкой; пальцы оканчиваются длинными, острыми, почти прямыми когтями. Крылья длинныя и нѣсколько похожи на крылья ласточекъ, первое маховое перо у нихъ длиннѣе прочихъ; хвостъ довольно длинный, состоитъ изъ 14 рулевыхъ перьевъ и на концѣ или прямо обрѣзанъ, или пилообразный. Опереніе густое и мягкое: у различныхъ половъ въ различное время года оно мало измѣняется, но не одинаковое въ различныхъ возрастахъ; птицы одного вида очень похожи между собой. Внутреннее строеніе, а особенно форма грудной кости убѣждаетъ насъ въ томъ, что тиркуши очень близки къ ржанкамъ.

Луговая тиркуша (*Glareola pratincola, torquata, austriaca, limbata, Hirundo* и *Trachelia pratincola, Pratincola glareola*. Brachschwalbe. Perdrix de mer) встрѣчается во всѣхъ странахъ около Средиземнаго и Чернаго морей, въ равнинахъ по Дунаю и Волгѣ и въ степяхъ южной Россіи и Сибири. Длина ея равняется 26 см., размахъ крыльевъ 59, длина крыла 19, а хвоста 10 см. Опереніе верхней части тѣла бурое съ жирнымъ отблѣскомъ, затылокъ ржаво-бурый съ грязнымъ отблѣскомъ, плечи и кроющія перья съ металлическимъ отливомъ, надхвостье, нижняя часть груди и брюшко бѣлыя, верхняя часть груди грязно-буроватая. Красновато-желтое горло окружено бурой каемкой, большія маховыя перья и ихъ кроющія—черныя, малыя маховыя перья у конца сѣроватыя съ узкой бѣлой каемкой, нижнія кроющія перья крыла темнаго каштаново-бурого цвѣта, рулевые перья черновато-бурыя, у основанія бѣлыя, крайнія — съ бѣлыми каемками на наружныхъ опахалахъ, а среднія имѣютъ такія каемки на концѣ. Глаза темно-каріе, клювъ черный, около угла рта кораллово-красный, ноги черно-бурыя. Самецъ и самка совсѣмъ похожи другъ на друга.

Степная тиркуша (*Glareola melanoptera, nordmanni* и *pallasii*. Steppenbrachschwalbe. Giarole de Pallas), которая живетъ въ степяхъ около Чернаго моря, отличается отъ предыдущей болѣе высокими плюснами и черно-бурой окраской нижнихъ кроющихъ перьевъ крыла.

Область распространенія обѣихъ тиркушъ простирается далеко за предѣлы Европы. Онѣ при перелетахъ посѣщаютъ всѣ страны средней и южной Европы, Среднюю и южную Азію и всю Африку. Луговая тиркуша появляется ежегодно въ Египтѣ въ числѣ многихъ тысячъ и потому была извѣстна древнимъ египтянамъ, очень часто изображалась на древнихъ памятникахъ, причѣмъ обозначалась тамъ какъ птица, за которой охотятся; напримѣръ, по древней могильной надписи видно, что одинъ богатый египтянинъ, Пта-Хотенъ, въ теченіи жизни убилъ ихъ будто 111000 штукъ. По наблюденіямъ Рейглина, которыя вполне согласны съ моими собственными, тиркуши появляются на низкомъ теченіи Нила и около Краснаго моря

уже в августѣ, а самое позднее в сентябрѣ и перелетаютъ чрезвычайно большими стаями вверхъ по Нилу и вдоль береговъ Краснаго моря во внутреннюю, западную и южную Африку. Онѣ тамъ разсѣиваются по степямъ, ловятъ саранчу, вмѣстѣ съ соколами, дронго, щурками летаютъ передъ горящей травой при стѣнныхъ пожарахъ, чтобы тамъ ловить насекомыхъ, шныряютъ по песчанымъ отмелямъ и дюнамъ и собираются въ огромномъ числѣ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ послѣ разлитія Нила остался толстый слой грязи. Здѣсь тиркуши линяютъ, сильно отъѣдаются и возвращаются на родину въ апрѣлѣ и маѣ, но передъ отлетомъ остаются нѣсколько дней и даже недѣль въ Нижнемъ Египтѣ, а затѣмъ летятъ къ мѣстамъ гнѣздованія. Многія тиркуши

Тиркуша. *Glaucola pratineola*. $\frac{1}{2}$ вѣст. вел.

остаются на лѣто уже около Нейзидлерскаго озера въ Венгріи, а еще чаще онѣ встрѣчаются въ средней Венгріи, а въ необыкновенно большомъ числѣ около озеръ южной Россіи и Сибири, точно такъ какъ и въ подобныхъ же мѣстностяхъ на сѣверо-востокѣ Африки и въ Малой Азіи. Онѣ охотно держатся около воды, но появляются и въ другихъ мѣстахъ, водятся одинаково какъ около соленыхъ, такъ и около прѣсныхъ водъ, но лѣтомъ избѣгаютъ береговъ моря и находящихся тамъ песчаныхъ отмелей. Тотчасъ по прибытіи на родину онѣ раздѣляются на парочки, причетъ каждая избираетъ себѣ участокъ, но съ сосѣдями не ссорится. Вальдамусъ нашель въ одномъ кукурузномъ полѣ около болота въ Венгріи пятнадцать гнѣздъ тиркушъ на пространствѣ не болѣе пятой части десятины, но подтверждаетъ на-

блюденія Лебенштейна, который утверждаетъ, что обыкновенно парочки живутъ обособленно и рѣдко встрѣчаются болѣе двухъ въ одномъ мѣстѣ.

Тиркуша прекрасно бѣгаетъ, но еще лучше летаетъ. Бѣгъ ея происходитъ съ остановками, вродѣ того, какъ у ржанокъ, но съ тѣмъ различіемъ, что тиркуша при этомъ машетъ хвостикомъ, какъ каменка. Полетъ ея похожъ на полетъ щурки и отличается быстротою, красивыми изгибами, быстрыми поворотами и чрезвычайно большимъ разнообразіемъ движеній. Голосъ можетъ быть переданъ слогомъ «клит», къ которому присоединяется иногда жужжащее «кerr»; Науманъ полагаетъ, что въ ея голосѣ слышны слоги «каріэ» и «ведре». Между чувствами наиболѣе развито зрѣніе, о чемъ можно догадаться по большимъ глазамъ и по всѣмъ дѣйствіямъ живой птицы.

Во время гнѣздованія видишь, какъ эти красивыя, безвредныя птички попарно, бѣгая или летая, охотятся за насѣкомыми: жуками, мелкими бабочками, большими комарами, коромыслами и кузнечиками. Бѣгомъ онѣ охотятся довольно часто и дѣлаютъ это на манеръ бѣгунковъ, но съ тою особенностью, что тиркуши иногда прыгаютъ на воздухъ до метра вышины, чтобы поймать летящее насѣкомое; еще чаще онѣ охотятся, летая съ такою ловкостью и проворствомъ, которые немного уступаютъ полету ласточекъ. Онѣ неустанно носятся взадъ и впередъ надъ болотными камышами, засѣянными полями, а особенно клеверными лугами, внезапно бросаются внизъ, открываютъ широкій клювъ и ловятъ намѣченное насѣкомое одинаково ловко, летитъ ли оно или сидитъ на высокой травѣ, причемъ щелканье клюва ихъ очень хорошо слышно. Въ известное время года онѣ почти исключительно питаются кузнечиками. Птица быстро проглатываетъ такое насѣкомое и пищевареніе происходитъ такъ удивительно скоро, что не долѣе, какъ черезъ десять минутъ остатки какъ бы выжатого насѣкомаго выходятъ изъ конца кишечнаго канала и такимъ образомъ птица эта можетъ въ самый короткій срокъ уничтожить массу этихъ вредныхъ животныхъ. Тиркуши глотаютъ цѣликомъ всѣхъ съѣдобныхъ животныхъ совершенно такъ, какъ это дѣлаетъ козодой: графъ фонъ-деръ-Мюле находилъ въ кишечномъ каналѣ тиркуши рѣдкіе экземпляры жуковъ въ такомъ хорошемъ состояніи, что могъ ихъ помѣстить въ свою коллекцію. Тиркуши похожи на козодоевъ еще тѣмъ, что онѣ охотятся часто поздно вечеромъ, такъ что ихъ можно скорѣе назвать сумеречными, чѣмъ дневными животными. Въ полуденные часы онѣ всегда спятъ, сидя около своего гнѣзда, а во время перелета, усѣвшись длинными рядами на берегу рѣки или моря.

Для устройства гнѣздъ тиркуши предпочитаютъ сырые берега болотъ, не заросшія деревьями пастбища въ степяхъ или такія поля, которыя воздѣланы только мѣстами. Гнѣздо состоитъ изъ ямки, высланной травой и корешками; кладка заключаетъ въ себѣ 4 яйца, вмѣющихъ 31 мм. длины при 23 мм. ширины, которыя очень похожи на яйца малой крачки и имѣютъ неглянцевою, буроватую или сѣровато-зеленую скорлупу съ многими ясными сѣрыми пятнами и многочисленными перепутанными завятками желто-бурого и чернаго цвѣта. Тиркуши любятъ свое потомство точно такъ-же нѣжно, какъ большинство другихъ голенастыхъ птицъ и употребляютъ всевозможныя средства, чтобы спасти яйца и птенцовъ отъ нападений врага. Тобіасъ убилъ вторымъ выстрѣломъ своей двустволки одну тиркушу изъ парочки и замѣтилъ, что другая птица сейчасъ же приближалась, усѣлась около убитой и оставалась тамъ такъ долго, что Тобіасъ успѣлъ снова зарядить ружье и убить неутѣшную подругу. Лебенштейнъ, приближаясь къ гнѣзду съ яйцами, видѣлъ, какъ одна изъ взрослыхъ птицъ стала бѣгать

взадъ и впередъ съ опущенными крыльями и расправленнымъ хвостомъ, нѣсколько разъ прижималась къ землѣ, снова бѣгала и продѣлывала это очевидно для того, чтобы отвести охотника отъ гнѣзда. Гоценбахъ говоритъ, что тиркуша иногда принимаетъ очень странныя позы около гнѣзда, напримѣръ, поднимаетъ крылья вверхъ, какъ паруса, или расправляетъ ихъ горизонтально, такъ что кончики касаются земли, или-же ложится на землю съ распростертыми крыльями; все это дѣлается, конечно, для того, чтобы обмануть врага. По опыту извѣстно, что отъ долгаго преслѣдованія онѣ дѣлаются очень пугливыми, но вблизи гнѣзда забываютъ всякую осторожность, и охотникъ, который приближается къ подобному мѣсту съ собакой, всегда убиваетъ птицу, такъ какъ она яростно бросается на собаку, какъ это дѣлаютъ чибисы, крачки и чайки. Птенцы очень скоро покидаютъ гнѣздо и въ первые же дни своей жизни умѣютъ, если нужно, отлично прятаться; они скоро вырастаютъ и приобретаютъ вѣдливость и привычки взрослыхъ.

Въ Венгріи и Россіи безошадно обираютъ яйца у тиркушъ. въ Греціи преслѣдуютъ и самихъ птицъ изъ за мяса, которое осенью очень жирно и потому очень вкусно. Этихъ красивыхъ птицъ рѣдко держатъ въ неволѣ. Графъ фонъ-деръ-Мюле увѣряетъ, что даже пойманныя взрослыми тиркуши скоро привыкаютъ къ искусственному корму, состоящему изъ размяченной булки; онѣ мирно живутъ съ другими береговыми птицами и черезъ нѣсколько времени дѣлаются очень ручными. Одна тиркуша, которую Сави держалъ нѣсколько мѣсяцевъ, поѣдала всякихъ насѣкомыхъ, но всѣмъ другимъ предпочитала медвѣдокъ, однако брала ихъ только изъ сухой земли или изъ рукъ воспитателя, а не изъ воды и передъ ѣдой убивала ихъ, сильно ударила о землю. Потомъ она привыкла къ корму, состоящему изъ размельченныхъ крутыхъ яицъ и подъ конецъ его ѣла такъ-же охотно, какъ и насѣкомыхъ. Когда она была голодна, то громко и рѣзко кричала, какъ только кто-нибудь подходилъ, и успокаивалась только тогда, когда получала ѣду.

По берегамъ морей и многихъ прѣсныхъ водъ на всемъ земномъ шарѣ живутъ птицы изъ семейства **Чайковыхъ** (Laridae. Möwen), которыхъ насчитываютъ около 150 видовъ. Онѣ отличаются скорѣе плотнымъ, чѣмъ стройнымъ туловищемъ, короткою шею и головою средней величины; клювъ у нихъ довольно длинный съ боковъ, болѣе или менѣе приплюснутый и съ острыми краями; онъ или прямой, или нѣсколько загнутъ на спинкѣ, нижняя челюсть оканчивается острымъ угломъ, а въ видѣ исключенія бываетъ, что обѣ половинки не одинаковы; ноздри имѣютъ форму щелей, передніе три пальца соединены перепонкой; крылья длинные, острые; хвостъ средней длины, прямо обрѣзанный или вилообразный, а въ рѣдкихъ случаяхъ клинообразный; опереніе густое, мягкое и окрашено однообразно.

Крачки (Sterninae. Seeschwalben. Hirondelles de mer) могутъ считаться самыми лучшими летунами и нырцами изъ всего семейства. Эта средней величины или маленькія птицы, со стройнымъ туловищемъ и твердымъ, прямымъ или по спинкѣ слегка согнутымъ клювомъ, который бываетъ одной длины съ головою; нижняя челюсть клюва также немного согнута; ноги побольшія, четырехпалыя съ короткими, часто глубоко вырѣзанными перепонками и мало загнутыми, довольно острыми когтями, крылья узкія и острые и въ нихъ первое маховое перо самое длинное; хвостъ состоитъ изъ 12 перьевъ и всегда болѣе или менѣе вилообраз-

ный; опереніе мягкое, плотно прилегающее и въ немъ преобладаютъ свѣтло-сѣрый, черный и бѣлый цвѣта; окраска мало отличается у разныхъ половъ, но довольно сильно измѣняется по временамъ года и по возрасту.

Крачки, которыхъ извѣстно около 70 видовъ, живутъ во всѣхъ поясахъ земного шара, держатся около моря или прѣспой воды и кочуютъ по берегамъ морей и рѣкъ. Нѣкоторые виды предпочитаютъ плоскіе голые берега моря, другіе—воды, заросшія растеніями, нѣкоторые населяютъ по преимуществу южные береговые лѣса.

Всѣ крачки отличаются безпокойнымъ подвижнымъ нравомъ и непрерывно дѣятельны отъ восхода солнца до его заката. Онѣ проводятъ ночь, лежа на берегу, а днемъ почти постоянно летаютъ. Сидя, онѣ держатъ туловище горизонтально или даже нѣсколько наклоняютъ его впередъ, такъ что кончики длинныхъ саблевидныхъ крыльевъ расположены выше прижатой къ тѣлу головы. Поэтому онѣ кажутся нѣсколько красивѣе только тогда, когда сидятъ на возвышеннѣхъ предметахъ, камняхъ, колыяхъ и т. п. Ходятъ онѣ, семеня ножками и такимъ образомъ передвигаются лишь на небольшія разстоянія; вслѣдствіе своей легкости онѣ держатся на поверхности воды какъ пробки, но не въ состояніи плыть противъ волнъ, зато при полетѣ выказываютъ замѣчательную ловкость. Когда онѣ не торопятся, то тихо двигаютъ крыльями, низко опуская ихъ при каждомъ ударѣ, и тихо подвигаются впередъ полнообразными линіями; въ иныхъ же случаяхъ онѣ начинаютъ скоро двигать крыльями и тогда несутся по воздуху съ быстротою стрѣлы. Въ хорошую погоду онѣ выдѣлываютъ въ воздухѣ красивыя дуги и цѣлые круги, а при сильномъ вѣтрѣ онѣ должны постоянно бороться съ воздушнымъ теченіемъ и летѣть противъ вѣтра, такъ какъ иначе онѣ пересилить ихъ и унесетъ какъ перышко въ другую сторону. Чаше всего ихъ видишь низко летящими надъ водой, причемъ онѣ то поднимаются, то опускаются по наклонной линіи съ сильно прижатыми крыльями и такъ глубоко ныряютъ въ волнахъ, что почти все туловище погружаютъ въ воду; затѣмъ онѣ снова вылетаютъ, потряхиваютъ крыльями, чтобы сбросить съ нихъ водиныя капли, и снова летятъ надъ водой. Такимъ образомъ онѣ пролетаютъ въ теченіи дня значительныя пространства, хотя не любятъ удаляться отъ одного мѣста и постоянно возвращаются туда, откуда вылетѣли. Голосъ ихъ похожъ на рѣзкое карканье, которое можетъ быть выражено слогомъ «кріэ» и почти одинаковъ у всѣхъ видовъ. Между внѣшними чувствами наиболѣе развиты зрѣніе и слухъ. Наблюденія надъ ихъ нравомъ показали, что онѣ очень осторожны и пугливы и почти не могутъ обойтись безъ общества себѣ подобныхъ, но завистливо относятся къ удачной добычѣ своихъ товарищей, почему съ любопытствомъ быстро прилетаютъ какъ только видятъ, что другая птица ныряетъ въ воду, причемъ часто ошибаются и приближаются даже ко всякому свѣтлому предмету, который падаетъ въ воду. Изъ этого видно, что всѣ ихъ стремленія направлены къ добыванію корма, и что обо всемъ остальномъ онѣ заботятся лишь настолько, насколько предметъ или явленіе можетъ помочь или повредить добыванію пищи. Хотя онѣ живутъ часто въ обществѣ другихъ животныхъ, но не выказываютъ къ нимъ никакой привязанности, однако съ себѣ подобными онѣ живутъ въ лучшихъ отношеніяхъ, сообщая нападаютъ на враговъ и поспѣшно заботятся о пользѣ всего общества. Самецъ и самка очень дружно живутъ между собой и нѣжно любятъ свое потомство, такъ что, несмотря на свою обычную осторожность, подвергаются явной опасности, если дѣло идетъ о спасеніи яицъ или птенцовъ.

Главную пищу крачекъ составляютъ рыбы и насекомыя; крупныя виды ѣдятъ

однако также маленьких млекопитающих, птицъ, пресмыкающихся и гадовъ, а мелкіе виды — различныхъ червей и другихъ небольшихъ морскихъ животныхъ. Чтобы схватить добычу, онѣ летаютъ близко надъ поверхностью воды, зорко глядятъ внизъ и когда замѣтятъ животное, то опускаются, нѣсколько секундъ парятъ надъ нимъ, чтобы вѣрнѣе схватить, а затѣмъ быстро погружаются въ воду и берутъ клювомъ.

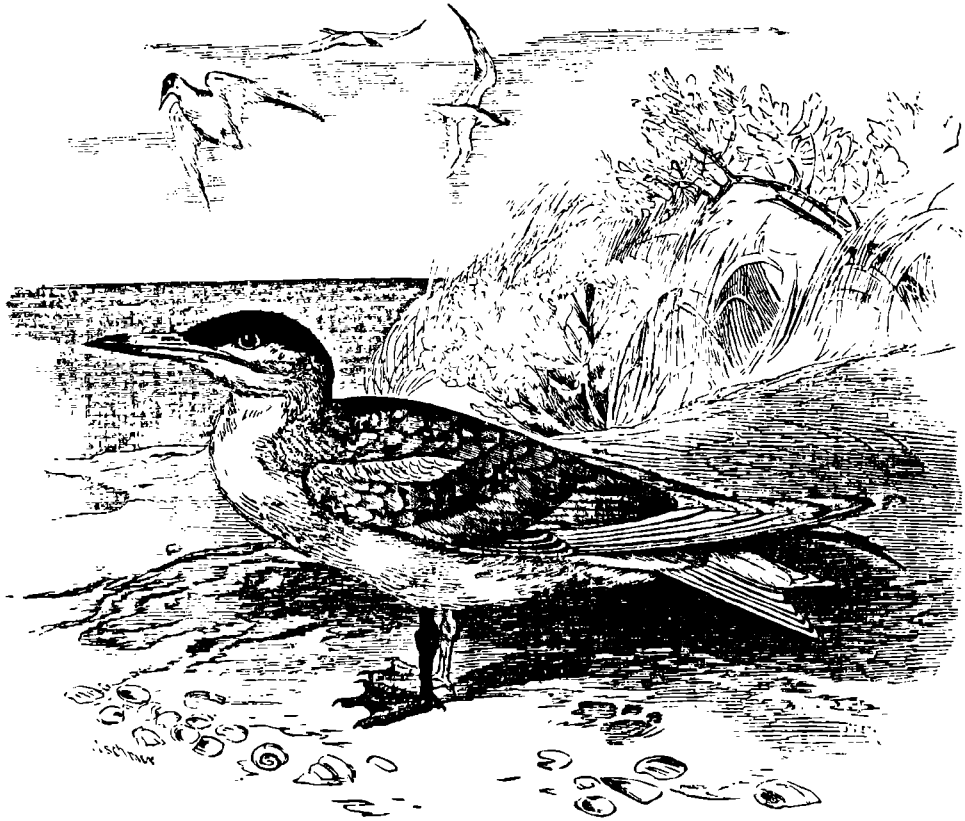
Нѣсколько недѣль до кладки яицъ крачки собираются на мѣстѣ гнѣздованія изъ году въ годъ, по возможности въ одной и той же мѣстности. Тѣ, которыя живутъ около моря, выбираютъ для этого песчанья отмели и острова, коралловые рифы, мангровые или другіе прибрежныя лѣса; птицы, живущія во внутренности материка, избираютъ подобныя же, но не столь голыя мѣстности на берегахъ озеръ и болотъ. Обыкновенно каждый видъ гнѣздится въ большомъ количествѣ отдѣльно отъ другихъ видовъ, иногда же каждая пара по-одиночкѣ, а случается, что вмѣстѣ съ другими птицами. Настоящее гнѣздо строятъ только тѣ виды, которыя живутъ въ болотахъ, прочіе вырываютъ только небольшую ямку въ пескѣ, которую почти нельзя назвать и гнѣздомъ. У иныхъ гнѣзда расположены каждое отдѣльно, у другихъ стоятъ такъ тѣсно другъ около друга, что насиживающія птицы буквально покрываютъ собою все побережье и должны всѣ повернуть головы по одному направлению, чтобы не мѣшать одна другой; тогда невозможно пройти между гнѣздами, не раздавивши яицъ. Большинство кладетъ 3 яйца, нѣкоторыя — 4, другія постоянно только 2, а тѣ немногія, которыя гнѣздятся на деревьяхъ, лишь одно. Самецъ и самка насиживаютъ попеременно, но въ жаркое время дня предоставляютъ одному солнцу нагрѣвать яйца. Птенцы вылупляются черезъ 2—3 недѣли и покрыты сначала нестрымъ пухомъ; они въ первый-же день уходятъ изъ гнѣзда и бѣгаютъ, пожалуй, еще скорѣе взрослыхъ по берегу, причемъ вѣжные родители боязливо присматриваютъ, наблюдаютъ за ними и заботливо кормятъ ихъ. Растутъ они относительно довольно скоро, но вполне взрослыми ихъ можно назвать только тогда, когда они въ совершенствѣ выучатся летать и приобретутъ всѣ привычки своихъ родителей; тогда взрослые вмѣстѣ съ молодыми оставляютъ гнѣздовье и странствуютъ, если не безцѣльно, то по крайней мѣрѣ неправильно по берегамъ морей и озеръ.

Всѣ четвероногіе хищники, которые могутъ добраться до гнѣздъ крачекъ, таскаютъ у нихъ яйца и птенцовъ, въ чемъ имъ помогаютъ вороны и крупныя чайки, а быстрокрылыя хищныя птицы гоняются и за взрослыми. Нѣкоторыя чайки преслѣдуютъ и мучатъ крачекъ, чтобы принудить ихъ выплюнуть только что схваченную добычу. Человѣкъ также имъ сильно вредитъ, похищая у нихъ вкусныя яйца, но самихъ птицъ не трогаетъ потому, что не употребляетъ въ дѣло ни перьевъ, ни мяса ихъ; въ неволь-же держать ихъ можно лишь очень короткое время. Недоброжелательные люди вычитываютъ каждую рыбку, схваченную крачками и потому называютъ ихъ вредными, но при этомъ забываютъ о большой пользѣ, приносимой ими уничтоженіемъ многочисленныхъ насѣкомыхъ, такъ что польза, приносимая ими, вполне вознаграждаетъ вредъ отъ уничтоженія рыбокъ. Виды, живущіе около моря, не приносятъ намъ рѣшительно никакого вреда, а всѣ прочіе настолько радуютъ любителей природы своею красотою и проворствомъ, что кажется вполне справедливымъ ходатайствовать о пощадѣ этихъ птицъ.

*

Первое мѣсто между ними занимаетъ **Крачка-Чергавъ** или **Красноносая мартышка** (*Sterna caspia, megarhynchos, major, melanotis* и *tschegrava, Sylochelidon*

caspia, *balthica*, *melanotis*, *stenurus* и *schillingii*, *Thalassites melanotis*, *Thalasseus* и *Hydroprogne caspia*. Raubseeschwalbe. Hirondelle de mer caspienne). Она отличается относительно толстымъ и плотнымъ туловищемъ, большимъ сильнымъ клювомъ, который длиннѣе головы, короткими ногами съ мало вырѣзанными перепонками, длинными саблевидными крыльями, хвостомъ съ небольшою выемкою на концѣ и плотно прилегающимъ оперениемъ. Верхняя часть головы у нея черная, стороны шеи, нижняя часть тѣла и передняя часть спины блестяще-бѣлаго цвѣта, плечи свѣтло-сѣровато-голубыи; кончики маховыхъ перьевъ темнѣе, а рулевыхъ перьевъ свѣтлѣе прочаго оперенія верхней части тѣла. Глаза каріе, клювъ кораллово-красный, ноги черныя. Въ зимнемъ нарядѣ голова имѣетъ смѣшанное опереніе, черное

Чегрانا. *Sterna caspia* 1/4 наст. вел.

съ бѣлымъ, а у молодыхъ птицъ на синѣ замѣчаются поперечныя бурныя пятна. Длина птицы 52, размахъ крыльевъ 130, длина крыла 42, а хвоста 15 см.

Почти такой-же образъ жизни, какъ вышеописанная крачка, ведетъ въ Индѣйскомъ и Тихомъ океанахъ **Быстрокрылая крачка** (*Sterna bergii*, *velox*, *pelecanoides*, *longirostris*, *rectirostris*, *poliocerca* и *cristata*, *Thalasseus bergii*, *pelecanoides* и *poliocercus*, *Pelecanopus pelicanoides* и *poliocercus*, *Sylochelidon* и *Gelochelidon velox*. Eilseeschwalbe. Hirondelle de mer veloce), которая довольно часто встрѣчается на Красномъ морѣ, иногда на Средиземномъ и даже была убита на берегахъ Великобританіи. Голова блестяще-чернаго цвѣта, вся верхняя часть тѣла пенельно-сѣрая, лобъ,

уздечка, стороны головы, шея, нижнія части тѣла и кроющіе перья верхняго края крыла—бѣлыя; маховыя перья серебристо-сѣрыя съ бѣлыми стержнями, причемъ внутренніе опахала до самаго стержня и кончика бѣлаго цѣнта; малыя маховыя перья почти на всемъ внутреннемъ опахалѣ также бѣлыя и съ такою же каемкою на концѣ. Зимнее и юношеское опереніе похоже на подобное-же опереніе чегравы. Глаза каріе, клювъ желтый, ноги черныя съ желтыми подошвами. Длина равняется 50 см., размахъ крыльевъ 104, длина крыла 35, хвоста 15 см.

Мы ограничимся описаніемъ чегравы, настоящей родины которой слѣдуетъ считать Среднюю Азію и югъ Европы, но она, въ видѣ исключенія, гнѣздится на островѣ Сильтъ, въ Помераніи и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ голландскаго и французскаго морскаго побережья. Зимой она показывается на южныхъ берегахъ Средиземнаго моря и на озерахъ Нижняго Египта, а также сѣверныхъ берегахъ Краснаго моря и Индійскаго океана, причемъ, однако, слѣдуя теченію рѣкъ, залетаетъ и во внутреннія области Африки и Остъ-Индіи. Я ее часто видалъ въ Суданѣ; во внутреннихъ частяхъ западной Индіи она, по словамъ Жердона, является постояннымъ зимнимъ гостемъ; встрѣчали ее и на западномъ берегу Африки. Во внутренней Германіи она принадлежитъ къ числу очень рѣдко и случайно залетающихъ птицъ. На островѣ Сильтъ она появляется въ послѣдней половинѣ апрѣля и покидаетъ гнѣздовья уже въ августѣ, чтобы начать свои странствованія.

Ее чаще всего можно видѣть летающей на высотѣ около 15 м. надъ поверхностью воды съ опущенной внизъ головой, на которой очень замѣтенъ блестящій красный клювъ; она тихо машетъ своими огромными крыльями и съ времени до времени быстро падаетъ въ воду. Для отдыха птицы эти собираются на песчаныхъ берегахъ и сидятъ здѣсь обществами рядышкомъ, причемъ всѣ головы обращены къ водѣ. Общество крачекъ легко издали отличить отъ стаи чаекъ, такъ какъ первыя сидятъ не двигаясь, между тѣмъ какъ нѣкоторыя чайки отъ времени до времени бѣгаютъ по берегу. На моряхъ и большихъ озерахъ крачка, ловящая добычу, на нѣсколько минутъ опускается на воду и плаваетъ, но при этомъ обыкновенно держится на одномъ мѣстѣ, не подвигаясь впередъ, и скоро снова поднимается на воздухъ. Голосъ ея громче, грубѣе и рѣзче, чѣмъ у другихъ видовъ, но состоитъ почти изъ такихъ-же звуковъ, именно очень непріятнаго «кріэ» или «кранк». Чеграва осторожна, такъ какъ очень осторожна и пуглива. Она, повидимому, менѣе общительна, чѣмъ другія крачки; хотя во время гнѣздованія и онѣ живутъ стаями, во послѣ этого времени каждая охотится сама по себѣ и онѣ соединяются только на мѣстахъ отдыха. У нихъ, повидимому, сильно развита жадность и зависть, а кромѣ того онѣ отличаются смѣлостью и драчливостью.

Главную пищу крачки составляютъ рыбы. Она хватается и проглатываетъ довольно большихъ рыбъ, но при случаѣ нападаетъ и на береговыхъ и водныхъ птицъ особенно тогда, когда онѣ плаваютъ, и съѣдаетъ ихъ съ такимъ-же аппетитомъ, съ какимъ маленькіе виды глотаютъ наѣкомыхъ. Въ Индіи она очень усердно охотится, по словамъ Жердона, за раками, хотя и здѣсь она въ большинствѣ случаевъ занимается рыболовствомъ. Шидлингъ первый заподозрилъ ее въ похищеніи яицъ тѣхъ птицъ, которыя гнѣздятся на берегахъ, такъ какъ онъ замѣчалъ, что чайки и другія крачки взлетали съ страшнымъ крикомъ, когда приближалась чеграва, яростно на нее нападали и старались прогнать, между тѣмъ какъ она спокойно пролетала мимо и, повидимому, вовсе не обращала вниманія на преслѣдованіе; другіе наблюдатели подтвердили это.

Пауманъ посетилъ ихъ гнѣздовье на Сильтѣ, расположенное на самомъ сѣверномъ берегу островъ, но птицъ уже очень мало. Заселенное этими птицами, «Яйца»,

говорить оъ, «лежать на голомъ пескѣ въ маленькомъ углубленіи, вырытомъ самими птицами, не у самой воды, но въблизи ея. Тамъ, гдѣ много гнѣздъ, они расположены другъ отъ друга менѣе, чѣмъ на 60 см. Въ гнѣздѣ чаще всего находятъ 2, рѣдко 3 яйца, но никогда не больше этого количества. По величинѣ и формѣ они похожи на яйца домашнихъ утокъ: длина равняется примерно 66, а ширина около 45 мм. Скорлупа у нихъ гладкая, но безъ глянца; они окрашены въ грязновато-желтый или буроватый цвѣтъ съ пепельно-сѣрыми или черновато-сѣрыми пятнами и точками; впрочемъ, величина, цвѣтъ и рисунокъ значительно измѣняются. Черраны начинаютъ здѣсь класться во второй половинѣ мая. На Силтъѣ у нихъ нѣсколько разъ отнимаютъ яйца и дозволяютъ имъ насиживать только за 8 или 14 дней до Иванова дня. Когда приближаешься къ гнѣзду, то обѣ птицы летаютъ съ ужаснымъ крикомъ и самецъ выказываетъ себя болѣе смѣлымъ, чѣмъ самка. При кладкѣ и насиживаньи яицъ всѣ птицы обращаютъ голову къ водѣ. Хотя онѣ часто прерываютъ насиживание, но сидятъ на лицахъ дольше другихъ крачекъ; если ихъ испугнуть, то онѣ долго не возвращаются къ гнѣзду, такъ какъ подобная помѣха производитъ на этихъ пугливыхъ птицъ продолжительное впечатлѣніе. Птенцы на верхней части тѣла покрыты пушкомъ съ сѣровато-черными пятнами, а на нижней части тѣла бѣлымъ пушкомъ; они скоро выбѣгаютъ изъ гнѣзда, и взрослые выкармливаютъ ихъ рыбами. Самецъ приноситъ подобную-же пищу насиживающей самкѣ».

Едва-ли можно предположить, что сокола нападаютъ на черраны, такъ какъ эти послѣднія отлично умѣютъ защищаться своимъ сильнымъ словомъ, наносятъ имъ очень чувствительные удары и часто бываютъ опасны даже охотникамъ, которые ихъ ранили. Люди, впрочемъ, рѣдко преслѣдуютъ ихъ, такъ какъ имъ нужны только ихъ вкусныя яйца. Какъ выше сказано, ихъ вынимаютъ нѣсколько разъ изъ гнѣздъ, такъ что эти яйца даютъ для владѣльца гнѣздовой очень хорошіи доходъ. Для неволи черрана вовсе не годится, такъ какъ она сильно скучаетъ, если не можетъ летать и очень неохотно питается мертвыми рыбами.

Крачка пестроносая, Тернусъ (*Sterna cantiaca, africana, columbiana, sandvicensis, canescens, acufflvida, stubberica* и *boyssii*, *Thalasseus cantiacus, candicans, canescens* и *acufflavida*, *Actochelidon cantiaca* и *acufflvida*, Braundseeschwalbe, Hirondelle de mer blanchâtre) хотя менѣе ростомъ, чѣмъ черрана, но по хищничеству ей мало уступаетъ. Она отличается удлинненнымъ туловищемъ, довольно длиннымъ и замѣтно согнутымъ клювомъ, маленькими ногами съ сильно вырѣзанными перепонками, очень длинными крыльями и сильно виллообразнымъ хвостомъ. Верхняя часть головы и затылокъ бархатисто-черные, верхнія части тѣла серебристо-сѣрыя, шея и брюшко атласисто-бѣлыя съ слабымъ розовымъ оттѣнкомъ, кончики маховыхъ перьевъ пепельно-сѣрые, лѣднія малыя маховыя и рулевыя перья сѣровато-бѣлыя. Въ зимнемъ опереніи верхушка головы бѣлая съ черными штрихами, а нижняя сторона тѣла чисто-бѣлая. Глаза темно-каріе, клювъ черный, на концѣ желтый, ноги также черныя. Длина равняется 40 см., размахъ крыльевъ 94, длина крыла 31, а длина сильно виллообразнаго хвоста 17 см.

На нее очень похожа **Средняя крачка** (*Sterna media, arabiaca, affinis, bengalensis* и *toresii*, *Thalasseus medius, affinis, bengalensis, maxuriensis* и *toresii*, *Sylochelidon affinis*, *Mittelseeschwalbe*, *Hirondelle de mer des Indes*), которая живетъ въ Индѣйскомъ океанѣ, встрѣчается на Красномъ морѣ и, говорятъ, залетала и на берега Италіи. Она отличается отъ предыдущей главнымъ образомъ меньшей ве-

личинной, менѣе видообразнымъ и болѣе короткимъ хвостомъ и желтымъ клювомъ. Длина ея равняется 38 см., размахъ крыльевъ 90, длина крыла 30, хвоста 12 см.

Пестроносая крачка есть настоящая морская птица, которая почти не покидает берега и посѣщаетъ развѣ только береговья, но не внутреннія озера; она распространена по всей средней и южной Европѣ, Африкѣ и Америкѣ на югъ до мыса Доброй Надежды и Бразиліи. На берегахъ Нѣмецкаго моря она появляется не раньше конца апрѣля, скоро послѣ того гнѣздится и улетаетъ уже въ августѣ, а самое позднее въ сентябрѣ, снова на югъ, чтобы провести зиму около Средиземнаго и Краснаго морей и Индѣйскаго и южной части Атлантическаго океановъ. Нѣкоторыя изъ этихъ крачекъ залетаютъ въ Балтійское море, но на берегахъ его никогда не гнѣздятся.

По своимъ движеніямъ и привычкамъ теркусъ напоминаетъ болѣе другихъ видовъ крачекъ чеграву; сходство это настолько велико, что совершенно излишне входить въ подробности объ образѣ жизни этой птицы послѣ того, что сказано выше о чегравѣ. Однако онъ охотится лишь на рыбъ, на птицъ не нападаетъ и гнѣздъ ихъ не грабятъ.

Гнѣздованіе теркуса Науманъ изображаетъ очень живописно. Крачка эта гнѣздится обществами, собираясь вмѣстѣ тысячами и сотнями тысячъ паръ, причемъ всѣ онѣ тѣснятся на очень небольшомъ пространствѣ. Когда Науманъ въ 1819 году посѣтилъ острова на Нѣмецкомъ морѣ и приблизился къ маленькому острову Нордероогъ, ему показалось, что этотъ островокъ покрытъ свѣгомъ, потому что птицы такъ густо покрывали все побережье, что оно бѣлѣло какъ-бы покрытое свѣгомъ, и эта свѣтлая полоса рѣзко выдѣлялась отъ темныхъ морскихъ волнъ. Стая эта была потревожена человѣкомъ, собиравшимъ яйца, и поднялась на воздухъ въ видѣ громадной тучи, среди которой птицы двигались и летали самымъ удивительнымъ образомъ надъ головою потревожившаго ихъ человѣка. Если пройти пѣшкомъ среди крачекъ, то онѣ низко летаютъ около нарушителя ихъ спокойствія; безчисленное количество птицъ затемняетъ воздухъ и ихъ пронзительные, рѣзкіе крики слышны «сбиваютъ съ толку» человѣка. Если идти тихо и осторожно, между тѣсно расположенными другъ около друга гнѣздами, и смотрѣть внизъ на землю, чтобы не наступить на яйца, то птицы дѣлаются настолько смѣлыми, что порхаютъ около самаго посѣтителя и часто касаются крыльями своими его головы и шляпы. При этомъ онѣ такъ сильно пачкаютъ своимъ пометомъ его платье, что потомъ кажется, будто оно обрызгано известкой. Онѣ летаютъ столь близко одна отъ другой, что часто хлопаютъ другъ друга крыльями, и удары эти слышатся очень часто. «Никакое описаніе не дастъ должнаго понятія летианіи и порханіи, суетнѣ и шумѣ, которые производятъ крачки при полетѣ; тотъ, кто самъ не былъ среди нихъ, тому трудно себѣ составить представленіе о движеніяхъ въ воздухѣ этихъ неисчислимыхъ стай птицъ». Гнѣздо пестроносыхъ крачекъ расположено на лугахъ, покрытыхъ низкой травой или на сухихъ песчаныхъ отмеляхъ около самаго моря. Гнѣздами служатъ небольшія чашевидныя углубленія, и они такъ тѣсно помѣщены одно около другаго, что, насидивающія птицы должны расположиться головами по одному направленію и даже при этой предосторожности часто, сидя, касаются другъ друга. Самый осторожный собиратель яицъ невольно давитъ нѣкоторые изъ нихъ. Въ каждомъ гнѣздѣ бываетъ два, много три яйца и они очень красиво выдѣляются на зеленомъ фонѣ травы. Длина ихъ бываетъ около 55 мм., а толщина 36 мм.; они имѣютъ правильную форму, скорлупа у нихъ довольно шероховатая, известково-бѣлаго, ржаво-желтаго или зеленовато-бѣлаго цвѣта съ блѣдно-фіо-

летовыми нижними пятнами на которыхъ замѣчаются бурья верхнія пятна, а на этихъ, въ свою очередь, темно-бурья пятнышки. Птенцы выдупляются приблизительно послѣ трехнедѣльнаго насиживания, очень скоро покидаютъ гнѣздо, а затѣмъ живутъ такъ, какъ и взрослые.

Обыкновенная крачка, Мартышка (*Sterna hirundo, fluvialis, chelidon, macroptera, pomarina, senegalensis, wilsonii* и *blasii*. Flusseeschwalbe. Hirondelle de mer commune) имѣетъ довольно короткій, тонкій и согнутый дугой клювъ, очень низкія, короткопалыя ноги и сильно виллообразный хвостъ. Верхняя часть головы и затылокъ черные, нижнія шейныя перья и плечи голубовато-пепельныя, стороны головы, шея, надхвостье и всѣ нижнія части тѣла — бѣлыя; маховыя перья темнѣе спины, но имѣютъ бѣлые стержни, а ихъ бѣловатыя, внутреннія опахала украшены около стержней чернымъ штрихомъ, за которымъ находится шиферно-сѣрая полоска; переднія малыя маховыя перья на концѣ съ бѣлой каемкой; рулевые перья снаружи сѣроватыя, внутри бѣлыя, а выемка хвоста имѣетъ 8 см. глубины. Глаза темно-каріе, ноги и клювъ кораллово-красные, спивка клюва и конецъ его черноватые. У молодыхъ птицъ на опереніи верхней части тѣла замѣтны буроватыя поперечныя пятна. Длина птицы равняется 40 см., размахъ крыльевъ 82, длина крыла 27, длина крайнихъ рулевыхъ перьевъ 14 см. Область распространенія обыкновенной крачки простирается на всю Европу, большую часть Азии и Сѣверную Америку; зимой она залетаетъ и въ южную часть Африки.

На сѣверѣ къ ней присоединяется или ее замѣняетъ **Длиннохвостая крачка, Чирака** (*Sterna macrura, hirundo, arctica, marina, argentata, argentacea, brachyurus, brachytarsa* и *nitzschii*. Kustenseeschwalbe. Hirondelle de mer à longue queue), которая распространена какъ въ Старомъ, такъ и въ Новомъ Свѣтѣ. Она отличается отъ описанныхъ уже видовъ меньшимъ ростомъ, болѣе короткимъ и толстымъ клювомъ, низкими и маленькими ногами, еще болѣе виллообразнымъ и длиннымъ хвостомъ, узкой темной полосой на внутреннемъ опахалѣ перваго маховаго пера, сѣровато-голубымъ цвѣтомъ брюшка и одноцвѣтнымъ кораллово-краснымъ клювомъ; молодыя птицы имѣютъ на нижней части шеи темный рисунокъ, состоящій изъ волнистыхъ линій и пятенъ, имѣющихъ форму полумѣсяца.

На юго-западныхъ, рѣже на западныхъ и сѣверо-западныхъ берегахъ Европы иногда встрѣчается **Райская крачка** (*Sterna dougalli, paradisea, gracilis, tenuirostris, macdougalli* и *douglasi*, Thalassea и Hydroceropis dougalli, Paradiesseeschwalbe. Hirondelle de mer Macdougall), обыкновенно-живущая на Атлантическомъ и Индѣйскомъ океанахъ. Голова и затылокъ блестяще-бархатисто-черные, стороны шеи, загривокъ и края крыльевъ бѣлые, нижнія шейныя перья, плечи и верхнія кроющія перья крыльевъ нѣжно-голубовато-сѣрыя, всѣ нижнія части тѣла блѣдно-розовыя, большія маховыя перья на наружномъ опахалѣ темно-сѣрыя, а на внутреннемъ свѣтлѣе, а на краяхъ и на концѣ съ широкой бѣлой каемкой; первая изъ нихъ снаружи черная; перья сильно виллообразнаго хвоста бѣлыя. Въ юношескомъ опереніи только задняя часть головы и затылокъ черные, нижнія шейныя перья имѣютъ темныя поперечныя пятна, а на крыльяхъ замѣчаются три бѣлыя полоски, происходящія отъ бѣлыхъ кончиковъ большихъ кроющихъ и большихъ маховыхъ перьевъ. Глаза темно-каріе, клювъ у основанія красный, а на концѣ черный, ноги красновато-оранжевыя. Длина птицы около 45 см., размахъ крыльевъ 80, длина крыла и хвоста по 23 см.

Въ Вестъ-Индіи водится родственная имъ крачка, которая нѣсколько разъ застала и въ Европу, именно **Дымчатая крачка** (*Sterna fuliginosa, infuscata, serrata, luctuosa* и *gouldi*, *Haliplana fuliginosa, serrata* и *gouldi*, *Hydrocheidon fuliginosa*, *Onychoprion fuliginosus*, *Thalassipora infuscata*. Russeeschwalbe. *Hirondelle de mer de Gould*). Лобъ, стороны головы, передняя часть шеи, нижняя часть тѣла и большая часть наружныхъ рулевыхъ перьевъ—бѣлыя, а все прочія части тѣла блестящаго дымчато-черно-бурого цвѣта. Глаза темно-каріе, клювъ и ноги черныя. Длина—40 см., размахъ крыльевъ 90, длина крыла 29, а хвоста 18 см.

Обыкновенная крачка чаще другихъ родственныхъ видовъ живетъ около рѣкъ и внутреннихъ озеръ и потому даже внутри Германіи не принадлежитъ къ числу рѣдкихъ птицъ, и на нѣкоторыхъ рѣкахъ, напримеръ на Эльбѣ встрѣчается въ значительномъ количествѣ. Она появляется въ послѣднихъ числахъ апрѣля или въ началѣ мая, и улетаетъ въ іюль или въ началѣ августа, находя уже въ южной Европѣ удобное зимнее убѣжище, но живетъ въ холодное время года и во всѣхъ сѣверныхъ частяхъ Африки. Во время своихъ странствованій она тихо летитъ въ высокихъ слояхъ воздуха, отъ одного поднаго пространства до другого, по возможности слѣдуя теченіямъ рѣкъ; когда она голодна, то спускается на какой-нибудь прудъ или озеро, чтобы здѣсь поохотиться и отдохнуть. На своемъ зимнемъ мѣстообитаніи она поселяется около моря или прѣсныхъ водъ, не предпочитая одного другому; для гнѣздовья она также выбираетъ всякіе берега. Обыкновенная крачка отличается отъ другихъ видовъ быстротою и разнообразіемъ своего полета, но пестропояса крачка превосходитъ ее въ этомъ отношеніи. Обыкновенный голосъ ея состоитъ изъ известнаго «кріа», во время испуга она тихо кричитъ «кэк» или «крэк», которое повторяется при усиливающейся опасности, а когда эта послѣдняя уменьшается, то крикъ превращается въ «кряк»; въ гнѣздѣ она выкрикиваетъ такъ часто и сильно свое «крэк», что отдѣльные звуки едва можно различить. По понятливости она не уступаетъ никакой другой крачкѣ. Пищей ей служатъ маленькія рыбки, головастики, лягушки, а также черви, личинки и разныя насѣкомыя. Водныхъ животныхъ она достаетъ, окунаясь въ воду, а тѣхъ, которыя находятся на землѣ или въ травѣ, она схватываетъ на лету. Гнѣздится она на низкихъ островахъ и отмеляхъ, по возможности каменистыхъ, а не песчаныхъ. Здѣсь она вырываетъ небольшую ямочку, или пользуется существующимъ уже углубленіемъ для своего гнѣзда. Въ концѣ мая тамъ находятъ два или три большихъ яйца, правильной формы, имѣющихъ 41 мм. длины и 30 мм. ширины; скорлупа у нихъ гладкая, мелко зернистая, безъ глянца, грязнаго ржаво-желтаго или блѣднаго желто-сѣраго цвѣта съ фіолетово-сѣрыми, красноватыми и темно-черно-бурыми круглыми или длинными пятнами и точками. Ночью ихъ насиживаетъ самка, днемъ ее иногда замѣняетъ самецъ, а въ полуденные часы ихъ нагрѣваетъ только солнце. Птенцы вылупляются черезъ 16—17 дней, скоро убѣгаютъ изъ гнѣзда и, при опасности, прячутся между большими камнями прибрежья и въ неровностяхъ почвы. Если застрѣлять матку, то она выдаетъ себя жалобнымъ пискомъ; растутъ они скоро, черезъ двѣ недѣли могутъ уже порхать, и на третьей недѣлѣ послѣ вылупленія уже летаютъ за родителями, хотя полного искусства въ лѣтаніи они достигаютъ лишь въ послѣдствіи.

Около нашихъ рѣкъ и озеръ обыкновенная крачка рѣдко образуетъ большія поселенія, но на берегахъ морей часто многія сотни этихъ птицъ собираются на общее гнѣздовье. Болле посѣтилъ дно изъ этихъ поселеній на берегахъ острова Канаріи. «Чѣмъ далѣе мы двигались впередъ», говоритъ онъ, «тѣмъ больше

вспугивали парочекъ и скоро должны были идти осторожно, чтобы не раздавить яицъ, которыя лежали вокругъ насъ въ огромномъ количествѣ. Едва мы начали собирать яйца въ корзины и ящики, какъ испуганныя и обезпеченныя птицы поднялись на воздухъ несмѣтной толпой цѣлыми тысячами, такъ что мы двигались какъ-бы подъ бѣлоснѣжнымъ облакомъ. Крикъ ихъ былъ оглушительнъ и возбужденіе птицъ еще болѣе увеличилось, когда на другомъ концѣ побережья появились многіе другіе люди, которые тоже собирали яйца. Изъ живого и подвижнаго облака, находящагося надъ нами, нѣкоторыя птицы спускались почти до нашихъ головъ, вѣроятно тѣ, около гнѣздъ которыхъ мы въ ту минуту находились; когда мы немощко удалялись, то могли ясно видѣть, какъ самецъ и самка возвращались къ своимъ яйцамъ, причемъ послѣдняя тотчасъ начинала насиживать, а ея вѣрный сожитель усаживался рядомъ, чтобы охранять ее. Мы оставили это мѣсто только тогда, когда до краевъ наполнили яйцами наши корзины, на что потребовалось менѣе часа времени. Вышеупомянутые собиратели яицъ рассказали намъ, что гнѣздовая эти въ теченіи нѣсколькихъ недѣль образуютъ очень выгодную и обильную кладовую для нѣсколькихъ, близъ лежащихъ деревень; несмотря на это разореніе гнѣздъ, число крачекъ, насколько помнятъ старые люди, вовсе не уменьшается. Это послѣднее сообщеніе было для насъ очевидно».

Нерѣдко случается, что при внезапномъ поднятіи воды въ рѣкѣ или во время сильныхъ бурь на морѣ, гнѣздовья покрываются водою, и тысячи гнѣздъ такимъ образомъ разориются. Если подобное несчастье случится довольно рано весною, то крачки рѣшаются на вторую кладку; если же разореніе произойдетъ довольно поздно, то они остаются безъ потомства. Во всякомъ случаѣ вода ихъ злѣйшій врагъ; отъ человѣка они, къ счастью, страдаютъ немного, а отъ хищныхъ животныхъ спасаются безъ особеннаго труда, какъ только дѣлались взрослыми. Науманъ нѣсколько разъ видѣлъ, какъ за крачками гнался чеглокъ. «Крачка при этомъ не воспользовалась обыкновеннымъ способомъ спасенія водныхъ птицъ, т. е. не бросилась въ воду, а удивительно ловко избѣгала налетовъ сокола: иногда она быстро поднималась вверхъ, иногда, напротивъ, падала внизъ на нѣкоторое разстояніе, иногда же дѣлала смѣлый поворотъ въ сторону; при всемъ этомъ однако преслѣдуемая птица все болѣе и болѣе приближалась къ облакамъ и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока соколъ не утомился и не улетѣлъ безъ добычи. Молодыхъ крачекъ чеглокъ ловить довольно легко, но съ взрослой птицей ему не такъ легко справиться. Онъ можетъ считаться главнымъ врагомъ обыкновенныхъ крачекъ и ловить много ихъ птенцовъ, только что научившихся летать». Птенцы въ гнѣздѣ часто дѣлаются жертвами всѣхъ видовъ воронъ, а на берегахъ моря ихъ хватаютъ также крупныя крачки, хотя родители защищаютъ ихъ съ самоотверженіемъ. Разумный человѣкъ ихъ не преслѣдуетъ. Въ неволѣ ихъ видншь кое-гдѣ въ зоологическихъ садахъ и у любителей, но они долго не проживаютъ, такъ какъ нѣтъ возможности удовлетворить всѣмъ потребностямъ, необходимымъ для ихъ благосостоянія.

Малая крачка (*Sterna minuta, minor* и *metopoleucos*, *Sternula minuta, fissipes, danica, pomarina* и *antarctica*. *Zwergseeschwalbe*. *Petite hirondelle de mer*) отличается отъ другихъ видовъ относительно толстымъ и нѣсколько короткимъ клювомъ, глубоко вырѣзанными переносками между пальцами и не глубокою выемкою на хвостѣ. Лобъ, нижняя часть тѣла и рулевья перья бѣлыя, верхняя часть головы и затылокъ—черные, нижняя шейная перья и кроющія перья на крыльяхъ пепельно-сѣрыя; три первыхъ большихъ маховыхъ пера черноватія съ черными стержнями, внутри они до середины имѣютъ бѣлую кайму, прочія маховыя—сѣрыя. Глаза каріе.

клювъ воскового желтаго цвѣта, на концѣ черный, ноги грязно-желтыя. Длина равняется 22, размахъ крыльевъ 50, длина крыла 18, хвоста—8 см. Птенцы имѣютъ такое-же пятнистое опереніе, какъ у родственныхъ видовъ.

Эта самая маленькая изъ всѣхъ крачекъ распространена по четыремъ частямъ свѣта: по Азіи, Европѣ, Африкѣ и Америкѣ; къ сѣверу она доходитъ примѣрно до 58°, а на югѣ до 24° с. ш. Она также встрѣчается чаще всего около прѣсныхъ водъ, особенно около большихъ рѣкъ, хотя и не вполнѣ избѣгаетъ морского берега. Для нея необходимы плоскія песчаныя отмели, окруженныя водой; она никогда не селится тамъ, гдѣ таковыхъ нѣтъ. Въ Германіи она появляется только въ маѣ, даже въ концѣ этого мѣсяца, гнѣздится тамъ, а въ іюлѣ или самое позднее въ августѣ улетаетъ на югъ. Но она странствуетъ медленно, понемногу живетъ въ разныхъ мѣстахъ своего пути, почему на югѣ Германіи ее можно видѣть гораздо позднѣе, чѣмъ на сѣверѣ, улетаетъ она недалеко, именно до рѣкъ и береговыхъ озеръ сѣверной Африки. Изъ сѣверной Азіи и Сѣверной Америки она подобнымъ же образомъ на зиму улетаетъ на югъ.

«Малая крачка», говоритъ Науманъ, «по красотѣ не уступаетъ другимъ видамъ этого рода и впечатлѣніе это еще болѣе усиливается вслѣдствіе миниатюрныхъ ея размѣровъ.» Она незначительно различается и по образу жизни отъ своихъ родичей, бѣгаетъ и плаваетъ какъ они, точно также летаетъ, можетъ быть даже легче и быстрѣе, но съ такими-же смѣлыми поворотами и большимъ разнообразіемъ движеній, причемъ обыкновенно выказываетъ очень привлекательное проворство; она, повидимому, всегда спѣшить и несомнѣнно можетъ считаться одною изъ самыхъ живыхъ и быстрыхъ крачекъ. «Если встрѣтятся двѣ такія веселыя птицы», продолжаетъ Науманъ, «то онѣ выражаютъ свою радость громкимъ крикомъ. Вскорѣ къ нимъ приближается третья и четвертая; крики усиливаются и дѣлаются все чаще, а затѣмъ начинается общее веселье, причемъ выдѣлываются на воздухъ всевозможные смѣлые повороты. Подобныя сцены, доказывающія веселость и живость этихъ птицъ, повторяются много разъ ежедневно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчается большое количество малыхъ крачекъ. Этими онѣ дѣлаются очень замѣтными и нравятся даже такимъ людямъ, которые обыкновенно обращаютъ мало вниманія на птицъ. Игры эти рѣдко переходятъ въ настоящія ссоры и во всякомъ случаѣ гнѣвъ ихъ продолжается недолго и скоро успокаивается. При всѣхъ своихъ движеніяхъ, хитрая птичка не упускаетъ изъ виду человѣка и недовѣрчивость ея ослабѣваетъ только тамъ, гдѣ она видитъ много людей, но никто ея не преслѣдуетъ». Она, повидимому, менѣе общительна, чѣмъ другія крачки. Во время перелета ее можно видѣть въ довольно большихъ стаяхъ, но на мѣстахъ гнѣздованія она живетъ только небольшими обществами, въ 10 или даже менѣе паръ. Голосъ ея менѣе неприятенъ и рѣзокъ, чѣмъ у другихъ крачекъ и нѣсколько разнообразнѣе; чаще всего слышишь звуки «крэк» или «крайкъ», причемъ послѣдній звукъ издается при нѣкоторомъ возбужденіи; при опасности слышится часто повторенный «крэк» или «кэк», а когда онѣ другъ друга дразнятъ, то повторяютъ, болтая, «кэкэрэк», «кикэрэк»; однако общій другимъ крачкамъ «криээ» составляетъ и ихъ главный крикъ.

Онѣ главнымъ образомъ питаются мелкими рыбками, но кромѣ того ловятъ наѣкомыхъ и ихъ личинокъ, а въ морѣ мелкихъ ракообразныхъ и другихъ подобныхъ животныхъ. Если нѣсколько крачекъ вмѣстѣ занимаются охотой, то замѣчается большое оживленіе и громкій крикъ, такъ какъ всѣ завидуютъ той, которой достался лакомый кусокъ, преслѣдуютъ ее и, если возможно, отнимаютъ у нея добычу, причемъ всѣ орутъ и какъ будто бранятся.

Для гнѣздовья избираются песчанья или каменистыя мѣста на морскихъ берегахъ, особенно у устья рѣкъ или такія же отмели и острова на рѣкахъ. Малыя крачки не любятъ общества себѣ подобныхъ, но охотно дозволяютъ ржанкамъ гнѣздиться около нихъ. Гнѣзда ихъ состоятъ изъ простыхъ ямокъ и расположены довольно далеко одно отъ другого, такъ что многочисленное общество нуждается въ довольно большомъ пространствѣ. Гнѣзда обходятся безъ всякой подстилки и яички лежатъ на голой землѣ; ихъ бываетъ отъ 2 до 3, 32 мм. длины и 23 мм. ширины; скорлупа у нихъ нѣжная, матовая, грязно-ржаво-желтаго цвѣта, съ свѣтло-пепельными, фіолетовыми и темно-бурыми пятнами, точками и завитушками. Оба родителя наспживаютъ поочередно въ теченіи 14—15 дней; при теплой погодѣ днемъ онѣ остаются на гнѣздѣ недолго, не болѣе четверти часа заразъ. Оба родителя любятъ свое потомство такъ же сильно, какъ и другія крачки и такимъ же образомъ ихъ воспитываютъ, если только птенцамъ удастся спастись отъ тѣхъ враговъ, которые опасны другимъ видамъ крачекъ.

Черноносая крачка (*Sterna nilotica, anglica, aranea* и *risoria, Gelochelidon anglica, balthica, nilotica, meridionalis, palustris, aranea* и *macrotarsa, Viralva anglica, aranea* и *affinis, Saropis anglica. Lachseeschwalbe. Hirondelle de mer à bec noir*) болѣе значительно отличается отъ вышеописанныхъ видовъ. Замѣтно согнутый клювъ короче головы, ноги тонкія и довольно высокія съ короткими пальцами и сильно вырѣзанными перепонками, хвостъ короткій и съ относительно небольшою вырѣзкой. Верхняя часть головы и затылокъ блестяще-чернаго цвѣта, верхнія спинныя перья и кроющія перья крыльевъ свѣтло-пепельно-сѣрыя съ широкими краевыми каемками, большія маховыя перья голубовато-свѣтло-сѣрыя, причемъ отъ края къ серединѣ дѣлаются все свѣтлѣе, а на концѣ съ бѣлыми каемками; рулевые перья такого же цвѣта, но у крайняго наружное опахало чисто-бѣлое. Глаза каріе, клювъ и ноги черныя. При зимнемъ опереніи голова и затылокъ свѣтло-сѣрые. Длина птицы 40 см., размахъ крыльевъ 80, длина крыла 30, а хвоста 13 см.

Хотя эта крачка встрѣчается во всѣхъ частяхъ свѣта, однако на сѣверѣ не живетъ и гнѣздится только въ серединѣ и на югѣ сѣвернаго умѣреннаго пояса, какъ въ Старомъ, такъ и въ Новомъ Свѣтѣ. Въ Германіи она водится на маленькихъ островахъ Балтійскаго моря и на нѣкоторыхъ внутреннихъ озерахъ Баваріи, въ Австро-Венгріи на Платенскомъ и на Нейзидлерскомъ озерѣ, въ южной Европѣ, Средней Азіи, сѣверной Африкѣ, на югѣ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, а также въ средней Америкѣ—на всѣхъ для нея удобныхъ прѣсныхъ водахъ. Оттуда она предпринимаетъ каждую осень свои странствованія, которыя ее переносятъ во внутреннія части Африки, въ южную Азію, Австралію и до южной оконечности Америки. Она менѣе, чѣмъ другія крачки привязана къ водѣ; хотя при своихъ странствованіяхъ она держится большихъ рѣкъ и морскихъ береговъ, но часто удаляется отъ воды и рыщетъ внутри страны и во время перелета показывается въ степяхъ, даже въ пустыняхъ, а въ Германіи—на поляхъ и дугахъ.

По своему образу жизни и привычкамъ, по своимъ движеніямъ и нраву она значительно отличается отъ другихъ видовъ крачекъ и можетъ считаться промежуточной формой между крачками и чайками; она во многомъ напоминаетъ послѣднихъ, особенно обыкновенную чайку. Какъ эта послѣдняя, она во время гнѣздованія и зимою живетъ около озера, пруда или болота и оттуда предпринимаетъ свои охотничьи пабѣги. Она летаетъ легко, но относительно довольно медленно,

почти всегда низко надъ землей, или водой, выгнувъ голову и шею впередъ, причемъ клювъ ея не опущенъ книзу. Иногда и она бросается въ воду за намѣченной рыбкой, но гораздо чаще ловить летающихъ или сидящихъ насекомыхъ, особенно кузнечиковъ, стрекозъ, бабочекъ и большихъ жуковъ; она слѣдуетъ также за пахаремъ и съѣдаетъ личинокъ майскихъ жуковъ, вырытыхъ плугомъ. Она вмѣстѣ съ коршунами, обыкновенной и красной пустельгой и другими хищными птицами, а также шурками, тиркушами и аистами появляется передъ огненной полосой горящей степи и, какъ вѣрно замѣчаетъ Гейглипъ, съ удивительною ловкостью и смѣлостью бросается черезъ густыя облака дыма къ самой землѣ, чтобы схватить себѣ добычу. Наблюденія Шиллинга неопровержимо доказали, что она обыскиваетъ гнѣзда разныхъ береговыхъ птицъ и нападаетъ на молодыхъ птенцовъ, величиною съ маленькаго чибиса, причемъ не падаетъ ницъ и дѣтенышей другихъ крачекъ. Все это скорѣе привычки чайки, чѣмъ крачекъ. Даже ея голосъ, хохочущее «хе, хе, хе» или «эф, эф, эф» скорѣе напоминаетъ крикъ чайки.

Черноногая крачка живетъ весь годъ на берегахъ сѣверо-африканскихъ прибрежныхъ озеръ; на своихъ гнѣздовьяхъ въ Далмаціи и Греціи она появляется обыкновенно въ срединѣ апрѣля, а въ Германіи не ранѣе начала мая, но какъ тамъ, такъ и здѣсь тотчасъ послѣ прилета начинаетъ устраивать гнѣзда. Въ Греціи уже въ концѣ апрѣля можно найти гнѣзда съ яйцами, но обычное время кладки и тамъ, точно такъ какъ въ Германіи, приходится на конецъ мая и начало іюня. Она также гнѣздится обществами, иногда въ нѣсколько сотъ паръ, чаще же не слишкомъ большими стаями. Кладка состоитъ изъ 2, рѣже 3 яицъ, имѣющихъ около 52 мм. длины и 35 мм. ширины; они имѣютъ удлиненную форму и тонкую блестящую скорлупу оливково-зеленаго, маслянисто-желтаго или буровато-желтаго цвѣта съ большими фиолетовыми пятнами, покрытыми маленькими буроватыми и темно-бурыми пятнышками. Въ Греціи ихъ собираютъ въ большомъ количествѣ и этимъ принуждаютъ птицъ ко второй кладкѣ. Въ прочемъ насѣживание происходитъ такъ же, какъ у другихъ крачекъ.

Болотныхъ крачекъ (*Hydrochelidon. Wasserschwalben*), которыхъ насчитываютъ 14 видовъ, слѣдуетъ отдѣлять въ особый родъ. Сюда относятся плотныя, но изящнаго вида крачки со слабымъ клювомъ, высокими, длиянопальными ногами, сильно вырѣзанными перепонками между пальцами, очень длинными крыльями и относительно короткимъ, не очень значительно вырѣзаннымъ хвостомъ и густымъ мягкимъ опереніемъ, цвѣтъ котораго бываетъ очень различенъ, смотря по времени года и возрасту; во время гнѣздованія въ немъ преобладаетъ бархатисто-черный цвѣтъ.

Черная крачка, Щебѣрица (*Hydrochelidon nigra, nigricans, obscura, pallida, plum'ea, lariformis* и *surinamensis, Sterna nigra, naevia, plumbea* и *surinamensis, Larus merulinus, Viralva nigra, Anous plumbea, Pelodes surinamensis. Trauersee-schwalbe. Hydrochelide noire*) вмѣстѣ голову, затылокъ, грудь и середину брюшка бархатисто-черныя; верхнія спинныя перья голубовато-сѣрыя, гузка бѣлая, маховыя перья темно-сѣрыя съ свѣтлыми краями, рулевыя—свѣло-сѣрыя. Глаза каріе, клювъ у основанія красный, а въ остальныхъ частяхъ сѣровато-черный, ноги красновато-бурыя. При зимнемъ опереніи только задняя часть головы и затылокъ черныя, лобъ и нижнія части тѣла—бѣлыя. При южномскомъ опереніи верхнія спинныя перья и кроющія перья крыльевъ имѣютъ ржаво-желтыя каемки. Длина равняется 26, размахъ крыльевъ 62, длина крыла 22, а хвоста 8 см.

Свѣтлокрылая крачка (*Hydrochelidon leucoptera, subleucoptera* и *javanica*, *Sterna leucoptera* и *fissipes*, *Viralva leucoptera*, *Weissflügelseeschwalbe*, *Hydrochelide pie*) почти такого же роста, какъ предыдущая: длина ея равняется 27, размахъ крыльевъ 60, длина крыла 21, хвоста 8 см. Перья туловища чисто бархатисто-черныя, крылья сверху голубовато-сѣрыя, у плеча и на концахъ малыхъ маховыхъ перьевъ сѣровато-бѣлыя, а снизу черныя, пахвостье и рулевые перья бѣлыя. Клювъ вишнево-красный, на концѣ черный, ноги кармино-красныя. При зимнемъ опереніи задняя часть головы черная, верхъ спины серебристо-сѣрый, а крылья снизу бѣлыя.

Бѣлощенная крачка (*Hydrochelidon hybrida, leucopareia, grisea, similis, leucogenis, indica, nilotica, meridionalis* и *delalandii*, *Sterna hybrida, leucopareia, innotata, similis, grisea, indica, javanica* и *delamottei*, *Viralva leucopareia* и *indica*, *Pelodes hybrida, indica, fluviatilis* и *delalandii, Gelocheidon innotata*, *Bartseeschwalbe*, *Hydrochelide hybride*.) крупнѣйшій видъ этого рода: длина ея равняется 28, размахъ крыльевъ 72, длина крыла 24, хвоста 8 см. Верхняя часть головы и затылокъ черного цвѣта и отдѣляются отъ темно-сѣровато-голубой нижней части шеи бѣловатой полоской, занимающей мѣсто уздечки; грудь черная, верхъ спины свѣтло-сѣрый, брюшко бѣловато-сѣрое; маховые перья голубовато-пепельнаго цвѣта, стержни ихъ бѣлые, а около стержня и на концѣ цвѣтъ темнѣе, первое маховое перо имѣетъ черное наружное опахало; нижнія кроющія перья у крыльевъ бѣлыя, рулевые—свѣтло-пепельныя, наружныя опахала крайнихъ—почти бѣлыя. Глаза каріе, клювъ малиново-красный, ноги суриково-красныя. При осеннемъ опереніи голова и затылокъ имѣютъ темныя пятна на бѣломъ фонѣ, а нижнія части тѣла бѣлыя.

Между этими тремя, очень сходными между собою по образу жизни крачками, черная имѣетъ наименьшую область распространія, такъ какъ ее въ Австраліи еще не находили, между тѣмъ какъ остальные виды живутъ или, по крайней мѣрѣ, посѣщаютъ все части свѣта; гнѣздится-же онѣ въ сѣверномъ умѣренномъ поясѣ какъ Старого, такъ и Нового Свѣта. Здѣсь мы ограничимся лишь описаніемъ образа жизни черной крачки, которая въ Германіи появляется вмѣстѣ съ прочими крачками и улетаетъ почти въ то же время, но живетъ не на берегу морей или рѣкъ, а только въ обширныхъ низменностяхъ и болотахъ, вообще только у стоячихъ водъ. Странствуетъ она стаями отъ 20—1000 штукъ и при этомъ слѣдуетъ теченію рѣкъ, а тамъ, гдѣ около нихъ замѣчаются разливы, образующіе болота, она останавливается и даже поселяется здѣсь на нѣкоторое время; въ другихъ случаяхъ она избѣгаетъ рѣкъ и морей. Болотныя крачки отличаются отъ своихъ родичей не только мѣстопробываніемъ, но также движеніемъ, пищею и способомъ размноженія. Ходятъ онѣ рѣдко и точно такъ же лохо, какъ и другія крачки, плаваютъ рѣдко и не лучше прочихъ; полетъ у нихъ не такой бурный и колеблющійся, а болѣе мягкій и ровный, но вмѣстѣ съ тѣмъ столь легкій, граціозный и разнообразный, что, глядя на нихъ, невольно любишься. Ночью онѣ отдыхаютъ, а днемъ почти безостановочно находятся въ движеніи; онѣ проводятъ большую часть жизни летая и охотясь. Онѣ питаются почти исключительно насекомыми, по иной разъ хватаютъ и рыбку, а та же не пренебрегаютъ и другими водными животными. Онѣ не могутъ быть названы настоящими охотниками хищниками, но охотятся скорѣе на манеръ аисточекъ, чѣмъ такъ какъ другія крачки; онѣ носятся очень низко надъ водой, дѣлаютъ различныя повороты скорѣе для своего удовольствія, чѣмъ въ дѣтвѣ необходимости, иногда долго держатся на одномъ мѣстѣ и не кидаются, когда увидятъ добычу, такъ внезапно и

отвѣсно въ воду, какъ прочія крачки, но спускаются по пологой линіи и хватаютъ добычу клювомъ, не окуная тѣла въ воду. Движенія эти однако производятся такъ быстро, что охотящаяся крачка представляетъ очень разнообразное и привлекательное зрѣлище. При сильномъ вѣтрѣ и во время бури она почти совсѣмъ летать не можетъ, такъ какъ ея крылья относительно туловища еще больше, чѣмъ у другихъ крачекъ, а силы у ней гораздо меньше; но въ безвѣтренную погоду она вполне владѣетъ своими движеніями на воздухѣ, поднимается красивыми дугами и кругами почти до облаковъ, и точно также изищно спускается съ большой высоты на маленькій прудокъ, чтобы изслѣдовать его и тамъ поохотиться. Въ противоположность своимъ родичамъ она не выказываетъ никакой пугливости относительно другихъ животныхъ. Въ Германіи она-все таки осторожно избѣгаетъ людей, но на югѣ Европы и въ Египтѣ, гдѣ къ ней лучше относятся, она охотится по близости человека и часто такъ близко летаетъ около него, что кажется, будто ее можно схватить руками. Однако и здѣсь поведение ея измѣняется, если она испытывала преслѣдованіе и въ такомъ случаѣ она дѣлается очень осторожной. На другихъ птицъ она не обращаетъ вниманія, хотя любитъ общество себѣ подобныхъ и ее рѣдко можно видѣть одну. Птицы одной стаи живутъ очень дружно между собой, держатся всегда вмѣстѣ и сообща устраиваютъ все свои дѣла и, если не обращать вниманія на маленькія ссоры, живутъ совершенно мирно. Несчастье, случившееся съ одной птицей, возбуждаетъ сочувствіе всѣхъ другихъ; если съ воздуха падаетъ застрѣленная крачка, то всѣ остальные тотчасъ же собираются и дѣлаютъ это не изъ жадности, думая отнять добычу, но съ очевиднымъ намѣреніемъ помочь или, по крайней мѣрѣ, оплакать подругу. Онѣ довольно робки и осмѣливаются нападать или угрожать такимъ противникамъ, которые хуже ихъ летаютъ, а отъ дѣйствительно опасныхъ онѣ боязливо спасаются.

Для гнѣздованія эти крачки выбираютъ себѣ удобное мѣсто посреди болота или трясины. Тамъ гнѣзда устраиваются довольно близко одно около другого или на илестыхъ отмеляхъ, выдающихся изъ воды, или на кустахъ травы и камыша, на плавучихъ островкахъ изъ тростника, осоки и другого матерьяла, а также и на листьяхъ кувшинокъ. При всякомъ измѣненіи высоты воды гнѣзда эти могутъ легко быть затоплены, хотя они устроены такъ, что могутъ болѣе или менѣе плавать. Въ видѣ исключенія бываетъ, что гнѣзда устраиваются между листьями тростника въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ очень густъ или на прибрежныхъ кустахъ, но птицы все-таки предпочитаютъ низкія мѣста. Самое гнѣздо бываетъ устроено различно, смотря по мѣсту нахождения, но оно во всякомъ случаѣ совсѣмъ не похоже на гнѣзда другихъ крачекъ. Для основанія его птицы сносятъ много растительныхъ веществъ, такъ что иногда образуется порядочная куча его, а наверху дѣлается небольшое углубленіе. Оно состоитъ изъ сухихъ листьевъ камыша и осоки, соломинокъ, колосьевъ, корней и пр., которые расположены безъ всякаго порядка. Въ началѣ іюня здѣсь находятъ 3, рѣже 2 или 4 толстыхъ, короткихъ, выпуклыхъ яйца, имѣющихъ при мѣрѣ 34 мм. длины при 25 мм. ширины; скорлупка у нихъ тонкая, мелкозернистая, матовая и блѣдно-маслянисто бурого цвѣта, покрытаго черновато-бурыми пятнами, крапинами и точками. Итенцы вылупляются черезъ 14—16 дней, а двѣ недѣли спустя, научившись немного летать, они оставляютъ гнѣздо. Родители выказываютъ большую заботливость относительно своего потомства и въ случаѣ опасности проявляютъ такое мужество, которое рѣзко отличается отъ обычной имъ робости. Послѣ того, какъ итенцы сдѣлались способными летать, они еще долго сопровождаютъ взрослыхъ во всѣхъ ихъ экскурсіяхъ, выпрашивая себѣ кормъ безпрестаннымъ пискомъ, что продолжается даже до времени осенняго перелета.

Въ Италіи охотятся на этихъ крачекъ. На болотахъ, которыя постоянно посѣщаются пролетающими крачками, устраиваютъ особаго рода точекъ, куда привлекаютъ крачекъ бросаемъ въ воздухъ бѣлой тряпки; иногда ихъ ловятъ живыми и продаютъ мальчишкамъ, которые забавляются тѣмъ, что пускаютъ этихъ птицъ летать, привязавши имъ къ ногѣ длинную нитку; иногда же ихъ убиваютъ, ощипываютъ перья, обрубаютъ крылья и продаютъ на рынкахъ въ видѣ дичи.

*
*

Многія крачка, живущія въ другихъ частяхъ свѣта, по образу жизни отличаются отъ вышеописанныхъ. Прежде всего между ними заслуживаетъ вниманія **Шелковистая крачка** (*Gygis alba, candida* и *napoleonis*, *Sterna alba* и *candida*. Feenseeschwalbe. Hydrochelide blanche), которая служитъ представительницею особаго рода (*Gygis*). Тѣлосложеніе у нея стройное, клювъ длинный, довольно тонкій и замѣтно загнутый кверху, крылья длинныя, хвостъ съ глубокой выемкой, ноги короткія съ небольшими перепонками между пальцами, опереніе мягкое, шелковистое и серебристо-бѣлаго цвѣта. Глаза черныя, клювъ у основанія темно-синій, а на концѣ чернѣйшій, ноги оранжево-желтаго цвѣта. Длина равняется примѣрно 30 см., длина крыла 22, а хвоста 9 см.

Эта въ высшей степени красивая крачка живетъ въ Тихомъ и Индѣйскомъ океанахъ и изрѣдка залетаетъ и въ Атлантическій, но встрѣчается почти исключительно между тропиками. Она населяетъ берега всѣхъ острововъ въ вышеуказанномъ поясѣ и вездѣ встрѣчается въ большомъ количествѣ. На эту птицу обратили вниманіе всѣ, нѣсколько интересующіеся природой путешественники, хотя, можетъ быть, не всѣ они такъ восторженно отзываются объ этой крачкѣ, какъ Дарвинъ, который говоритъ: «не нужно черзчуръ большого воображенія, чтобы представить себѣ, что въ этомъ легкомъ и нѣжномъ тѣлѣ кроется странствующая фея». Этотъ поэтическій отзывъ зависитъ отъ необыкновенной красоты оперенія и полета этой птицы. Но жизнь ея замѣчательна и въ другомъ отношеніи: она выбираетъ для отдохновенія преимущественно дремучіе, тѣнистыя лѣса, садится здѣсь на деревья или летаетъ, эффектно выдѣляясь своей бѣлизной среди зелени лѣса, причемъ выказываетъ большую ловкость въ полетѣ между деревьями и упорно слѣдуетъ за путникомъ, проникшемъ въ ея святилище. Куммингъ посѣтилъ гнѣздовья этихъ птицъ на островѣ Елизаветы, на которомъ нѣтъ ни прѣсной воды, ни жителей. Яйца лежали на горизонтальныхъ вѣтвяхъ деревьевъ, въ углубленіяхъ, едва достаточныхъ для того, чтобы препятствовать паденію яицъ въ случаѣ сильной бури. Каждая самка кладетъ только одно, относительно довольно большое круглое яйцо свѣтло-бурого цвѣта съ бурыми пятнами, точками и завитками. Оба родителя самымъ нѣжнымъ образомъ заботятся о своемъ птенцѣ и очень близко съ боязливымъ крикомъ летаютъ около человѣка, который приближается къ ихъ гнѣзду. Пока птенцы еще не выучились летать, они должны оставаться въ своей опасной колыбели; многіе изъ нихъ и погибаютъ, выпадая изъ гнѣздъ. Пилъ наблюдалъ, что родители кормятъ ихъ преимущественно маленькими рыбками, но предполагаетъ, что они кромѣ того сами собираютъ пауковъ и насѣкомыхъ съ верхушекъ деревьевъ и, вѣроятно, кормятъ ими и дѣтенышей. Пикерингъ называетъ голосъ взрослыхъ крачекъ тихимъ воемъ, но онъ слышится, говорятъ, очень рѣдко.

*
*
*

«Пріятное впечатлѣніе, произведенное на насъ фаэтономъ», рассказываетъ Чуди, «было въ значительной степени уничтожено появленіемъ водди или глупой

крячки. Вся ея фигура, неправильный лѣвнвый полетъ, длинный хвостъ и довольно широкія крылья уже издали указываютъ на то, что она принадлежитъ къ особому роду. У нея незамѣтно ни легкихъ изящныхъ движеній другихъ крячекъ, ни увѣреннаго и быстрого полета буревѣстниковъ, и потому она кажется среди океана какъ бы не на своемъ мѣстѣ. Несмотря на это, ее очень часто встрѣчаешь на большомъ разстояніи отъ твердой земли. Мы не можемъ принять ее подъ защиту и говорить о невѣрности названія, какъ это мы дѣлали относительно олуша, такъ какъ глухая крячка дѣйствительно въ высшей степени глупа и смѣла. Перѣдко случается, что она прямо летитъ въ руки матросамъ или такъ близко несется около нихъ, что ее можно ударить шапкой. Если увидишь эту птицу днемъ около корабля, то можно быть увѣреннымъ, что она вечеромъ сядетъ на рею, чтобы тамъ выспаться».

Описаніе другихъ путешественниковъ и натуралистовъ вполне согласуется съ вышеприведеннымъ: всѣ согласны въ томъ, что эта птица, которая иногда попадаетъ на берегахъ Европы, одна изъ самыхъ глупыхъ; только движенія ея Одюбонъ отзывается нѣсколько благосклоннѣе. «Полетъ ея очень похожъ на полетъ козодоя, когда онъ низко несется надъ лугами и рѣками. Когда она хочетъ сѣсть на воду, то приподнимаетъ оба крыла къверху и касается волнъ сначала своими лапами. Она ловко и красиво плаваетъ и въ это время часто хватается добычу». Голосъ ея очень рѣзкій и напоминаетъ крикъ молодой вороны.

Родъ, къ которому принадлежатъ **Нодди** (*Anous. Törpelseeschwalbe. Oiseau fou*), отличается нѣсколько неуклюжимъ тѣлосложеніемъ, толстымъ почти примымъ, съ боковъ сжатымъ, очень острымъ клювомъ, который длиннѣе головы, нижняя челюсть у него угловатая, ноги короткія, но сильныя съ длинными пальцами, соединенными хорошо развитыми перепонками, узкими острыми крыльями, концы которыхъ нѣсколько закругляются, и длиннымъ клинообразнымъ хвостомъ. **Нодди** или **Глупая крячка** (*Anous stolidus, niger, leucocercs, pileatus, unicolor, fuscatus* и *frater, Sterna stolidus, Megalopterus stolidus*) имѣетъ дымчато-бурое опереніе; верхняя часть головы бѣловато-сѣрая, передъ глазами и за ними замѣчается по черному пятну, маховыя и рулевыя перья черно-бурныя. Глаза каріе, клювъ черпый, ноги темно-красно-бурныя. Длина равняется 42 см., размахъ крыльевъ 84, длина крыла 29, а хвоста 13 см.

Эта одна изъ самыхъ распространенныхъ крячекъ, такъ какъ встрѣчается какъ въ Атлантическомъ, такъ и въ Тихомъ океанахъ, но особенно часто въ послѣднемъ. Одюбонъ видѣлъ ихъ гнѣздовья на берегахъ Мексиканскаго залива, а Джильбертъ—на берегахъ Австраліи. Первый нашелъ гнѣзда, сдѣланныя изъ вѣтокъ и сухой травы на кустарникахъ и низкихъ деревьяхъ, но на землѣ не было ни одного гнѣзда. «Когда я въ маѣ посетилъ островъ, на которомъ находилось гнѣздовье нодди», пишетъ Одюбонъ, «то былъ удивленъ тѣмъ, что многія птицы исправляли и увеличивали старыя гнѣзда, между тѣмъ какъ другія строили новыя, причѣмъ послѣднія наворачивали кучу вѣтокъ въ $\frac{1}{2}$ м. вышины, но углубленіе для гнѣздъ было очень мелкое. Птицы не прекратили своей работы, когда мы приблизились, хотя подъ кустами ходило 10 или 9 человекъ. Когда мы проникли на нѣсколько метровъ въ чащу, то около 1000 птицъ поднялись и пролетѣли надъ нами и около насъ, иныя такъ близко, что мы почти могли схватить ихъ рукою. Съ одной стороны можно было видѣть, какъ нодди тащитъ хворостъ для гнѣзда, съ другой стороны многія птицы смѣло сидѣли на яйцахъ, несмотря на опасность, иныя-же приносили кормъ итенцамъ. Большая часть ихъ улетали, когда мы приближались,

но тотчасъ-же снова садились, какъ только мы удалялись на нѣкоторое разстояніе». Жильбертъ-же сообщаетъ, что нодді въ ноябрѣ и декабрѣ устраниваетъ неправильное гнѣздо изъ морскихъ водорослей, имѣющее 15 см. ширины и 10 см. вышины; сверху птица дѣлаетъ небольшое углубленіе и такъ густо намазываетъ гнѣздо своимъ пометомъ, что кажется, какъ будто оно сдѣлано только изъ этого матерьяла. Гнѣзда въ Австраліи расположены на землѣ или на верхушкѣ густого и невысокаго куста, нерѣдко подъ гнѣздами другого вида крачекъ; оба вида живутъ въ тѣсной дружбѣ: самецъ одной пары часто сидитъ около самаго гнѣзда другого сорта крачекъ, не вызывая этимъ никакого безпокойства. «Если проходить между гнѣздами, то удивляешься усердію, съ которымъ эти птицы сидятъ на нихъ; онѣ почти никогда не слетаютъ съ яицъ или птенцовъ и дозволяютъ схватить себя руками или затоптать ногами. Гнѣзда такъ тѣсно стоятъ одно около другого, что, проходя между ними, никакъ нельзя уберечься, чтобы на каждомъ шагѣ не наступить на яйца или птицъ». Яйца кругловатыя, но имѣютъ различную форму и цвѣтъ; большинство изъ нихъ кофейно-молочнаго цвѣта съ темно-бурыми пятнышками, которыя у тупого конца крупнѣе и образуютъ вѣнчикъ. Птенцы выдупляются въ серединѣ января и бывають покрыты пушкомъ, который на верхней части тѣла свинцово-сѣрый, а на нижней бѣлый; на задней части головы замѣчается бѣлая поперечная полоска, а на горлѣ черное пятно. Въ Австраліи, по словамъ Жильберта, для гнѣздъ крачекъ очень опасна маленькая ящерица, которая въ большомъ количествѣ встрѣчается на гнѣздовыхъ и пожираетъ тамъ птенцовъ, такъ что Жильбертъ думаетъ, что изъ 20 выдупившихся птенцовъ развѣ только одинъ дѣлается взрослымъ.

Ножеклювы (*Rhynchopsinae*. *Scherenschnäbel*. *Becs en ciseaux*) принимаютъ такое-же положеніе относительно крачекъ, какъ совы относительно сивоворонокъ: это ночныя птицы. Туловище у нихъ вытянуто, шея длинная, голова маленькая, крылья очень длинныя, хвостъ средней длины и влообразный; нижняя челюсть клюва гораздо длиннѣе верхней и обѣ онѣ съ самаго основанія такъ сплющены съ боковъ, что ихъ удобнѣе всего сравнивать съ лезвіями ножницъ; ноги довольно длинныя, но тонкія и слабыя, между передними пальцами замѣчается сильно выемчатая перепонка; опереніе состоитъ изъ довольно длинныхъ жирныхъ перьевъ, которыя тѣсно прилегаютъ къ тѣлу.

Подсемейство это состоитъ, сколько извѣстно, изъ трехъ видовъ, но распространено въ тропическихъ странахъ Азіи, Африки и Америки.

* *
*

На среднемъ и верхнемъ теченіи Нила, я познакомился съ **Нильскимъ ножеклювомъ** (*Rhynchops flavirostris, albirostris* и *orientalis*. *Scherenschnabel*. *Coupeur d'eau*). Лобъ, передняя часть головы, хвостъ и нижняя сторона тѣла, точно такъ, какъ кончики большихъ кроющихъ перьевъ на крыльяхъ бѣлаго цвѣта, верхняя часть головы, задняя часть шеи, затылокъ и верхнія спинныя перья черновато-бурая. Глаза темно-каріе, клювъ и ноги кораллово-красныя. Длина птицы равняется 45 см., размахъ крыльевъ 110, длина крыла 34, а хвоста 7 см.

Хотя ножеклювъ летаетъ хорошо и днемъ, но дѣлаетъ это лишь тогда, когда его испугнутъ. Обыкновенно-же онъ проводитъ день безъ движенія на песчаныхъ отмеляхъ, причеиъ или лежатъ, прижавшись брюхомъ къ землѣ, или

изрѣдка стоитъ на своихъ короткихъ слабыхъ ножкахъ. Въ это время отъ него неслышно никакого звука и даже рѣдко замѣтно какое-либо движеніе. Онъ оживаетъ только при закатѣ солнца, а въ пасмурные дни уже въ поздніе послѣобѣденные часы; тогда онъ приподнимается и вытягивается, расширяетъ крылья, начинаетъ мелкими шагами похаживать взадъ и впередъ и отъ времени до времени кричитъ; при наступленіи же ночи онъ улетаетъ искать себѣ пищи. Пехуэль-Лёше, впрочемъ, видѣлъ въ Нижней Гвиней, что онъ и днемъ искалъ себѣ корма. Безшумно летитъ онъ, изрѣдка ударяя крыльями, надъ самою поверхностью воды, отъ времени до времени опускаетъ нижнюю челюсть и ею бороздитъ воду, при этомъ онъ схватываетъ плавающихъ на поверхности насѣкомыхъ, которыя, по крайней мѣрѣ на Нилѣ, образуютъ его главную пищу, хотя, вѣроятно, онъ не пренебрегаетъ и маленькими рыбками. Полетъ его легкій и красивый, но тѣмъ своеобразнѣе, что птица должна высоко поднимать крылья, чтобы кончики не касались воды. Относительно длинная шея позволяетъ птицѣ летать вышеуказаннымъ способомъ и тѣло ея находится на нѣсколько сантиметровъ надъ поверхностью воды, между тѣмъ какъ большая часть нижней челюсти опущена въ воду. Пожеклювъ плаваетъ только въ случаѣ крайней нужды, на примѣръ, когда онъ раненый падаетъ въ воду. Если много пожеклювовъ живетъ на одной отмели, то нѣкоторые изъ нихъ улетаютъ иногда очень далеко за добычей, такъ какъ другіе мѣшаютъ имъ въ этомъ занятіи. Въ средней Африкѣ онъ рѣдко покидаетъ рѣку и охотится на сосѣднихъ прудахъ, образованныхъ дождями. На востокѣ и западѣ этой части свѣта онъ, точно такъ какъ и его американскіе родичи, иногда посѣщаетъ тихіе морскіе заливы. Летящія птицы издаютъ своеобразный жалобный крикъ, который едва-ли можно передать слогами и который не похожъ на голосъ никакой другой птицы.

Около Донголы я написалъ въ маѣ мѣсяцѣ гнѣздовье пожеклюва. Меня привлекли на песчаный островокъ многія изъ этихъ птицъ, лежавшія, прижавшись брюхомъ къ землѣ, а когда я подѣхалъ къ острову, то онѣ стали такъ кружиться около меня, что нетрудно было догадаться въ чемъ дѣло. Послѣ непродолжительныхъ поисковъ, я, къ моей великой радости, скоро нашелъ готовый гнѣздъ, состоящій изъ простыхъ ямокъ въ пескѣ, но имѣвшія ту особенность, что отъ ямки во все стороны шли какъ-бы лучи, состоящіе изъ тонкихъ, точно ножемъ нарезанныхъ желобковъ; очевидно, что желобки эти были сдѣланы нижнею челюстью пожеклюва. Яйца, которыя мы нашли и впоследствии безспорно признали за яйца пожеклюва, были очень похожи на яйца крачки; они были относительно малы, около 42 мм. длины и 26 мм. ширины, правильной формы и имѣли скорлупу сѣровато-зеленую съ желтоватымъ оттѣнкомъ, на которой замѣчались свѣтлыя и темныя, сѣровато-бурыя и темно-бурыя пятнышки и черточки. Въ каждомъ гнѣздѣ было ихъ отъ 3 до 5. Пасиживаютъ-ли оба пола или этимъ дѣломъ занимается одна самка, я узнать не могъ; точно также не могъ собрать наблюденій и относительно образа жизни птенцовъ, но, вѣроятно, что объ этихъ птенцахъ можно сказать то-же, что говорить Жердонъ о дѣтенышахъ другого вида пожеклюва, живущаго въ Индіи. «Интересное зрѣлище представляетъ толпа этихъ птеничковъ, которые въ числѣ ста или болѣе штукъ чрезвычайно быстро побѣжали передъ нами и, достигнувъ конца отмели, пробовали даже спастись въ водѣ, причемъ нѣкоторые, однако, просто спрятались въ пескѣ. Но плавать они еще не умѣли, но крайней мѣрѣ очень глубоко опускались при этомъ въ воду». У американскаго вида замѣтили, что ростъ птенцовъ продолжается очень долго.

Чайки (Larinae. Möwen. Mouettes) могутъ быть довольно вѣрно названы «морскими воронами», такъ какъ онѣ очень похожи на этихъ птицъ по своему образу жизни. Онѣ образуютъ очень естественное, строго ограниченное подсемейство, имѣютъ стройное, но плотное туловище и очень различную величину, такъ какъ мелкіе виды бываютъ ростомъ съ галку, а крупныя достигаютъ почти величины орла. Туловище у нихъ довольно толстое, шея короткая, голова довольно большая, клювъ средней длины, съ боковъ сильно сжатъ, до середины прямой, а на концѣ образуетъ отлогій крючекъ, нижняя челюсть на концѣ ребристая, обѣ челюсти съ острыми краями и ротъ открывается почти до глазъ. Ноги средней величины съ тонкими плюснами, почти всегда четырехпалыя и съ перепонками между передними пальцами. Крылья широкія и длинныя, но съ острыми кончиками, первое маховое перо длиннѣе всѣхъ остальныхъ. Хвостъ средней длины, широкій и на концѣ прямо обрѣзанный, только изрѣдка съ небольшою выемкой или съ нѣсколько удлиненной серединой; онъ состоитъ изъ 12 перьевъ. Кроющія перья на всемъ тѣлѣ очень густыя, а на груди и брюшкѣ даже похожи на мѣхъ, очень мягкіи и нѣжный; окраска оперенія большею частью свѣтлая и пріятная и вообще довольно однообразная, но различная по временамъ года и возрастамъ. По внутреннему строенію чайки въ главныхъ чертахъ похожи на крачекъ.

Чайки, которыхъ нынѣ насчитываютъ около 80 видовъ, распространены по всѣмъ частямъ свѣта и живутъ на всѣхъ моряхъ. Только немногіе виды далеко отлетаютъ отъ земли, и, если это случается, то скоро возвращаются обратно, такъ что ихъ по справедливости можно назвать береговыми птицами. Для моряковъ онѣ служатъ вѣрнѣйшими предвѣстниками земли, такъ какъ, если онѣ кружатся около корабля, то земля навѣрно недалеко. Еще чаще, чѣмъ въ открытое море залетаютъ онѣ во внутренность материка, слѣдуя теченію большихъ рѣкъ и перелетая отъ одного воднаго пространства на другое. Нѣкоторые виды, впрочемъ, предпочитаютъ прѣсныя воды и живутъ тамъ по крайней мѣрѣ передъ и во время глѣздованія. Многіе виды принадлежатъ къ перелетнымъ птицамъ, появляются па своей сѣверной родинѣ весной, тамъ высиживаютъ птенцовъ, а поздно осенью улетаютъ на югъ; другіе виды кочуютъ. Перемѣщенія эти имѣютъ тѣсную связь съ питаніемъ этихъ птицъ. Для всѣхъ чаекъ безъ исключенія рыбы составляютъ самую любимую пищу, но многія усердно гоняются и за насѣкомыми, а именно эти-то чайки и принадлежатъ къ числу перелетныхъ, такъ какъ недостатокъ пищи принуждаетъ ихъ странствовать, между тѣмъ какъ тѣ, которыя живутъ около моря, весь годъ находятъ себѣ кормъ, если только море зимой не замерзаетъ. Кромѣ рыбъ и насѣкомыхъ онѣ ѣдятъ и всякихъ другихъ мелкихъ морскихъ животныхъ, а также различныя животныя вещества. Онѣ, какъ гриффы, охотно питаются падалью, какъ хищныя птицы—гоняются за живой добычей и отыскиваютъ себѣ кормъ на берегу, какъ голуби и куры. Однимъ словомъ онѣ выказываютъ такое-же разнообразіе пріемовъ при отыскиваніи пищи, какъ вороны, но еще жаднѣе и прожорливѣе ихъ; онѣ, повидимому, всегда страшно голодны и потому кажутся перенасытными.

Внѣшній видъ и окраска чаекъ привлекательны, движенія ихъ изящны и образъ жизни ихъ очень интересенъ. Осанка ихъ на землѣ красивая и гордая, ходятъ онѣ довольно скоро. Плаваютъ онѣ лучше большинства другихъ птицъ этого отряда: точно ключья пѣны носятся онѣ по волпамъ, ярко выдѣляясь своею бѣлизной отъ цвѣта воды, такъ что служатъ лучшимъ украшеніемъ для моря. При полетѣ онѣ нечасто и довольно медленно машутъ крыльями, но изрѣдка и парятъ, точно ширококрылые сокола, продолжительно, легко и изящно; динтъ

словомъ, всѣ движенія ихъ по воздуху производятся легко, какъ-бы играя. Ель нырявъ онѣ уступаютъ крачкамъ, но все-же такъ сильно кидаются въ воду, что ихъ легкое тѣло проникаетъ на полъ метра ниже поверхности воды. Голосъ у нихъ неприятный и состоитъ изъ болѣе или менѣе сильныхъ или слабыхъ, громкихъ каркающихъ и трескучихъ звуковъ, которые издаются слишкомъ часто, если только у птицы замѣчается какое-либо возбужденіе. Изъ внѣшнихъ чувствъ очевидно болѣе всѣхъ развиты зрѣніе и слухъ; осязаніе также довольно хорошо развито; онѣ выказываютъ присутствіе вкуса тѣмъ, что очень разборчивы въ пищу, когда ея много, а объ обоняніи достовернаго ничего сказать нельзя.

Всѣ чайки умныя и понятливыя птицы, которыя замѣчаютъ все, что вокругъ нихъ дѣлается и умѣютъ примѣняться къ различнымъ условіямъ; онѣ мужественно вступаютъ въ бой съ другими животными и выказываютъ много самоувѣренности и даже властолюбія. Птицы одной пары очень привязаны другъ къ другу и нѣжно любятъ свое потомство; любятъ онѣ и общество себѣ подобныхъ, но все-таки завистливы, недоувѣрчивы и недружелюбны относительно другихъ птицъ, и потому самая тѣсная дружба прекращается, когда дѣло дойдетъ до дѣлежа корма. О другихъ морскихъ птицахъ онѣ заботятся лишь настолько, насколько это крайне необходимо, или потому, что онѣ ихъ боятся, или надѣясь получить отъ нихъ какую-либо выгоду. Онѣ живутъ и гнѣздятся среди другихъ водныхъ птицъ, но, повидимому, ихъ привлекаетъ не общество, а только извѣстная мѣстность и, если только представится возможность, то онѣ не задумываются разграбить гнѣзда своихъ сожителей. Къ людямъ онѣ относятся недоувѣрчиво всегда и вездѣ, при всѣхъ условіяхъ и постоянно, однако безпрестанно появляются по близости людскихъ жилищъ, посѣщаютъ каждую гавань и каждую прибрежную деревню, кружатся около кораблей, которые уходятъ въ море, или приближаются къ землѣ; все это дѣлается осторожно, но постоянно, такъ какъ эти птицы по опыту узнали, что вблизи людей всегда находятся отбросы, которыми онѣ могутъ воспользоваться для ѣды. Послѣ продолжительнаго наблюденія, онѣ научаются узнавать не только мѣстность, но и отдѣльныхъ лицъ и поэтому очень доувѣрчивы и даже дерзки тамъ, гдѣ ихъ не трогаютъ, но долго не забываютъ причиненнаго имъ вреда. Чѣмъ-нибудь обиженная или раненая чайка даетъ знать о своемъ горѣ всѣмъ другимъ птицамъ и между ними замѣчается полное единодушіе, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы сообща встрѣтить какую-либо опасность или противустоять общему врагу. Хищныя птицы, большіе виды чаекъ, вороны и воробьи преслѣдуются всѣми чайками, находящимися по соседству и большею частью соединенными усиліями бываютъ обращены въ бѣгство.

Въ обыкновенное время взрослыя чайки иногда встрѣчаются и по-одиночкѣ, но во время гнѣздованія всѣ виды образуютъ общества, которыя иногда возрастаютъ до несмѣтной толпы. Уже въ сѣверной Германіи встрѣчаются такъ называемыя чайковыя горы, на которыхъ эти птицы живутъ по нѣсколько сотъ паръ, но ближе къ сѣверу можно видѣть гнѣздовья, обитаемыя несчетнымъ числомъ птицъ. Крупныя виды этого семейства и здѣсь держатся не столь многочисленными стадами, какъ мелкіе; эти же послѣдніе покрываютъ собою въ буквальномъ смыслѣ этого слова цѣлыя скалы или горы, пользуются каждымъ мѣстечкомъ и такъ тѣсно устраиваютъ гнѣздо около гнѣзда, что высиживающія птицы прикасаются другъ къ другу. Гнѣзда устраиваются различно, смотря по мѣстности: тамъ, гдѣ нѣтъ недостатка въ строительномъ матеріалѣ, они безыскусственно выстилаются высохшими водорослями и лишайми, тамъ-же, гдѣ нельзя найти этихъ веществъ, гнѣздо устраивается безъ всякой подстилки. Кладка состоитъ изъ 2—4 большихъ яицъ

правильной формы; скорлупа у нихъ грубая, толстая, обыкновенно грязнаго зеленовато-бурого цвѣта съ пепельно-сѣрыми и темно-бурыми пятнами; яйца насъживаются поочереды и самкой, и самцомъ въ теченіи 3—4 недѣль, причемъ въ холодную погоду птицы сидятъ усерднѣе, чѣмъ въ теплую. Онѣ выказываютъ необычайную привязанность къ своему потомству и подвергаютъ себя всякой опасности, когда дѣтенышамъ угрожаютъ. Птенцы вылупляются изъ яицъ въ густомъ пятнистомъ пушкѣ и оставляютъ гнѣздо тамъ, гдѣ это возможно, уже въ первые дни послѣ появленія на свѣтъ; въ случаѣ нужды они прячутся въ углубленіяхъ почвы и даже спасаются въ воду. Однако тѣ птенцы, которые высижены на уступахъ отвѣсныхъ скаль, должны по необходимости оставаться около гнѣзда до тѣхъ поръ, пока у нихъ не выростутъ маховыя перья. Сначала родители кормятъ птенцовъ отрыгнутой полупереваренной пищей, впоследствии они получаютъ только что пойманныхъ животныхъ и различныя другія вещества. Послѣ вылета изъ гнѣзда они еще нѣкоторое время остаются съ родителями, а затѣмъ покидаютъ гнѣздовья и разсѣиваются во все стороны.

На дальнемъ сѣверѣ чаекъ причисляютъ не только къ самымъ красивымъ, но и къ самымъ полезнымъ птицамъ и ихъ въ нѣкоторомъ отношеніи заботятся точно такъ, какъ и о другихъ животныхъ, появляющихся на такъ называемыхъ «птичьихъ горахъ». Яйца чаекъ считаются доходной статьей у многихъ поррежскихъ землевладѣльцевъ, ихъ охотно ѣдятъ мѣстные жители, а также пересылаютъ ихъ въ другія страны, причемъ за нихъ платятъ недешево; перья чаекъ замѣняютъ у бѣдныхъ жителей сѣвера гагачій и гусиный пухъ, которыми богатыя набиваютъ свои подушки и перины. Мясо взрослыхъ чаекъ считается съѣдобнымъ только у нѣкоторыхъ сѣверныхъ племенъ; птенцы-же употребляются въ пищу жителями Гельголанда, Исландіи и другихъ мѣстъ и представляютъ дѣйствительно съѣдобное кушанье, если хорошо приготовлены; однако яйца и перья всегда цѣнятся выше мяса. Въ нѣкоторыхъ странахъ ежегодно устраиваются большія охоты на чаекъ, но больше для кровожаднаго удовольствія, чѣмъ для того, чтобы пользоваться птицами. Достаточно бросить вверхъ бѣлый платокъ, чтобы этимъ приманить чайку, а какъ только убили первую, то этимъ самымъ привлекаются и другія, такъ какъ каждая чайка, которая видитъ бѣлый предметъ, падающій въ воду, тотчасъ же слѣзаетъ туда, надѣясь на какую-либо добычу. Чаекъ ловятъ различнымъ образомъ: ставятъ силки на песчаныя отмели, кладутъ рыбу на разложенныя сѣти, устраиваютъ удочки съ какой-нибудь наживой, и всѣми этими средствами большею частью достигаютъ своей цѣли. Чаекъ нетрудно содержать въ неволѣ, но кормленіе ихъ обходится довольно дорого для любителей, такъ какъ имъ приходится давать въ изобиліи рыбную или мясную пищу. Если корма не жалѣютъ, то чайки скоро уживаются въ неволѣ, привыкаютъ къ мѣсту и къ своему воспитателю и очень точно отличаютъ его отъ другихъ людей; онѣ приветствуютъ его радостнымъ крикомъ, когда онъ къ нимъ приближается, отвѣчаютъ на зовъ и могутъ быть воспитаны почти до той степени, которой достигаютъ ручныя вороны и воробьи. Если помѣщеніе ихъ достаточно просторно, то онѣ и размножаются въ неволѣ.

Большинство крупныхъ видовъ этого подсемейства называютъ **Настоящими чайками** (*Larus. Fischermöwen. Goelands*), которые отличаются отъ другихъ прямо обрѣзаннымъ хвостомъ и очень одностороннимъ опереніемъ. Сюда относятся большинство видовъ, которые встрѣчаются въ довольно большомъ количествѣ

и въ Европѣ; къ нимъ присоединяются еще нѣсколько залетающихъ къ намъ видовъ.

Одна изъ самыхъ крупныхъ чаекъ это **Большая полярная чайка, Бургомистръ**, (*Larus glaucus, consul, glacialis, giganteus, leucetetes* и *hutchensii, Glaucus consul, Leucus, Laroides* и *Plautus glaucus. Eismöwe. Goeland à manteau gris*). Нижнія шейныя перья и спина нѣжнаго и блѣднаго свѣтло-голубовато-сѣраго цвѣта; большія маховыя перья, которыя при сложенныхъ крыльяхъ лишь немного выступаютъ надъ хвостомъ, свѣтлыя голубовато-сѣрыя; всѣ остальные части тѣла бѣлыя. Глаза соломенно-желтаго цвѣта, клювъ лимонно-желтый, нижняя половина клюва надъ выступающимъ наружнымъ концомъ украшена краснымъ продольнымъ пятномъ; ноги блѣдно-желтыя. Зимнее опереніе на шеѣ покрыто тусклыми буроватыми пятнами, юношеское-же опереніе по грязно-бѣлому фону покрыто сѣрыми или сѣро-бурными полосами, волнами и пятнами; большія маховыя перья свѣтло-буровато-сѣрыя. Длина равняется около 75 см., размахъ крыльевъ 170, длина крыла 47, хвоста 22 см.

Родиной этихъ прекрасныхъ птицъ служить крайній сѣверъ обонхъ полушарій; область странствованія простирается до широты сѣверной части Африки, большинство однако уже зимуетъ въ Исландіи и въ сѣверной Скандинавіи или вообще не покидасть родины.

Родственная **Малая полярная чайка** (*Larus leucopterus, glaucoides, islandicus, arcticus* и *minor, Laroides leucopterus, subleucopterus* и *glaucoides, Leucus, Plautus* и *Glaucus leucopterus. Polarmöwe. Goeland aux ailes blanches*) отличается меньшей величиной и болѣе длинными крыльями, которыя на нѣсколько сантиметровъ длиннѣе хвоста, чисто-бѣлыми большими маховыми перьями и красноватыми ногами; въ юношескомъ опереніи—блѣдно-буровато-сѣро-бѣлыми маховыми перьями, которыя передъ бѣлымъ кончикомъ украшены темными полудлунными пятнами. Длина не превышаетъ 65 см., размахъ крыльевъ 136, длина крыла 43, а хвоста 19 см.

Родина и этого вида есть также крайній сѣверъ, и онѣ не каждую зиму появляются на германскихъ берегахъ.

Серебристая чайка (*Larus argentatus, argenteus, argentatoides* и *smithsonianus, Laroides argentatus, argenteus, argentaceus, argentatoides, major* и *americanus, Glaucus argentatus* и *argentatoides. Silbermöwe. Goeland à manteau bleu*) отличается отъ обонхъ видовъ болѣе темно-синюю верхнюю часть спины, бѣлыми каемками на концахъ плечевыхъ и верхнихъ покровныхъ перьевъ крыла и окраской большаихъ маховыхъ перьевъ, у которыхъ оба первыя пера почти совсѣмъ черныя, а на бѣломъ концѣ украшены черной полосой, между тѣмъ какъ остальные, напротивъ того, становятся все болѣе сѣрыми, у кончика черныя, а передъ концомъ бѣлыя. Ноги блѣднаго мясного цвѣта. Юношеское опереніе похоже на опереніе родичей, однако замѣтно свѣтлѣе. Длина ея 65 см., размахъ крыльевъ 145, длина крыла 45, а хвоста 18 см.

Серебристая чайка населяетъ въ огромномъ количествѣ Нѣмецкое и южную часть полярнаго сѣвернаго моря; кромѣ того она встрѣчается на берегахъ Сѣверной Америки, во время-же зимняго перелета—на всѣхъ берегахъ Европы, а также часто и внутри материка и въ Средиземномъ и Черномъ моряхъ.

На далекомъ сѣврѣ Америки, именно въ Гренландіи, мѣсто серебристой

чайки заступает **Сибирская хохотунья** *) (*Larus affinis*. Schiefermöwe. Goeland du Groenland), которая была также убита и на островѣ Гельголандѣ. Она отличается отъ серебристой чайки болѣе длинными концами крыльевъ и матовымъ шаферно-сѣрымъ опереніемъ верхней части спины, а также и замѣтно меньшимъ ростомъ.

Другой родичъ серебристой чайки **Обыкновенная Хохотунья** (*Larus leucophaeus*, *cachinnans* и *michahellesii*, *Laroides leucophaeus* и *michahellesii*, *Glaucus leucophaeus* и *michahellesii*. Graumantelmöwe. Mouette à manteau gris). Она отличается отъ первой болѣе мышино-сѣрымъ, чѣмъ голубовато-сѣрымъ опереніемъ верхней части спины и свѣтлыми охрово-желтыми ногами; юношеское опереніе вовсе не отличается отъ оперенія серебристой чайки. Длина равняется 64 см., длина крыльевъ 43, длина хвоста 16 см.

Родина ея—Средиземное, Черное и Каспійское моря, откуда она посѣщаетъ выпадающія въ нихъ рѣки и перелетаетъ также и въ сосѣдніе рѣчные бассейны.

Этой же области принадлежит и **Одуинова чайка** (*Larus audouini*, *payroudei*, *Laroides*, *Leucus*, *Glaucus*, *Gavia* и *Gaviana audouini*. Rötelsilbermöwe. Mouette d'Audouin). Спина и верхнее опереніе яркаго сѣро-голубого цвѣта, оба первыхъ маховыя пера украшены на концѣ большимъ бѣлымъ пятномъ, остальные матовыя пепельно-сѣрыя, къ концу черныя, на самомъ концѣ бѣлыя; малыя маховыя и плечевыя перья на концѣ голубовато-бѣлыя, всѣ остальные части бѣлыя, нижнія имѣютъ нѣжный розовато-красный налетъ. Въ зимнемъ опереніи на перьяхъ затылка замѣтны темныя полосы на створахъ и недостаетъ красноватаго налета. Глаза каріе; сургучно-красный клювъ около кончика украшенъ темной поперечной полосой; ноги черныя.

Область распространенія ограничивается, повидимому, Средиземнымъ моремъ; отсюда эта красивая чайка посѣщаетъ большую часть выпадающія въ него рѣки, напримѣръ Нилъ.

Особенно ярокъ розовато-красный налетъ у **Морского голубна** (*Larus gelastes*, *leucosephalus*, *tenuirostris*, *columbinus*, *subroseus*, *arabicus*, *genei*, *lambruschini* и *brehmii*, *Gelastes rubriventris*, *columbinus* и *lambruschini*, *Xemagelastes*, *genei* и *lambruschini*, *Gavia* и *Chroicocephalus gelastes*. Rosensilbermöwe. Mouette colombine); розовый оттѣнокъ распространяется по всей нижней сторонѣ, темнѣетъ и доходитъ до блѣдно-розово-краснаго цвѣта. Нижняя часть шеи и спина голубовато-сѣрыя, голова, шея и хвостъ бѣлые, четыре переднія большія маховыя пера, за исключеніемъ перваго, снаружи черныя, на наружномъ краѣ онахала бѣлыя, остальные сѣровато-голубыя, всѣ внутри буроватыя, пепельно-сѣрыя и на концѣ черныя. На зимнемъ опереніи замѣтенъ лишь налетъ розовато-краснаго оттѣнка. Глаза жемчужно-бѣлые, у болѣе молодыхъ птицъ свѣтло-каріе, клювъ кораллово-красный, ноги сургучно-красныя. Длина равняется 45 см., размахъ крыльевъ 102, длина крыла 30, хвоста 12 см.

Морской голубокъ также населяетъ Средиземное море, но распространяется отсюда и по Черному до Каспійскаго моря и съ другой стороны до индійскихъ и сѣверо-западныхъ африканскихъ береговъ.

*) Сибирская хохотунья встрѣчается также на сѣверѣ Европской и Азіатской Россіи.
Прим. ред.

На сѣверѣ живетъ **Сизая чайка** (*Larus canus, cinereus, hybernus, procellosus, cyanorhynchus, niveus, kamtschatkensis* и *heinei, Gavia hyberna, Rissa nivea*. Sturmmöve. Mouette à pieds bleus). Верхняя часть оперенія възжаго сѣро-голубого цвѣта, остальное мелкое опереніе вмѣстѣ съ хвостомъ бѣлое, первое большое маховое перо черное, передъ концомъ широкое, второе такъ же окрашено, но уже, третье еще менѣе бѣлое, всѣ остальные, напротивъ того, по большей части сѣрыя, лишь къ концу черныя, и какъ всѣ перья крыльевъ вообще, окаймлены тамъ бѣлымъ. Въ зимнемъ опереніи на головѣ, задней сторонѣ шеи и на сторонахъ груди замѣтны по бѣлому полю сѣрыя пятна; юношеское опереніе на верхней сторонѣ темное буро-сѣрое, на зобѣ и по бокамъ покрыто большими сѣро-бурыми пятнами, передняя половина хвоста точно такъ, какъ и кончики маховыхъ перьевъ, буро-черныя. Глаза каріе, клювъ грязновато-сѣрый, на концѣ желтый, у молодыхъ птицъ черный, ноги голубовато-зеленоватая, доходящая до зеленовато-желтаго цвѣта. Длина 45 см., размахъ крыльевъ 112, длина крыла 36, а хвоста 14 см.

Область гнѣздованія сизой чайки простирается отъ широты сѣверо-германскихъ береговъ по всему сѣверу Стараго Свѣта. Область распространенія охватываетъ всю Европу, большую часть Азіи и сѣверной Африки. Она посѣщаетъ также внутреннія воды, отдаленныя на большое разстояніе отъ морскихъ береговъ.

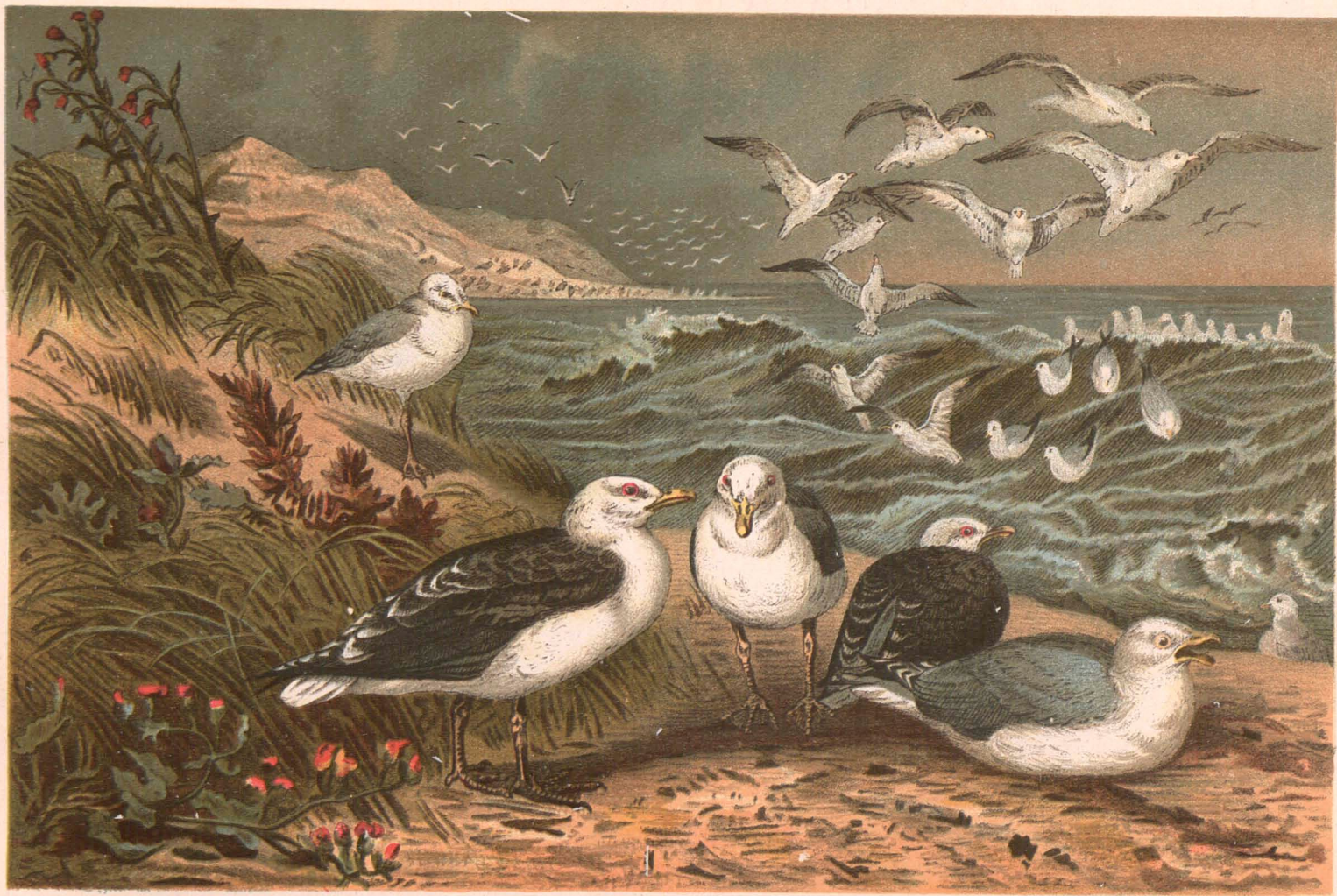
Между чайками съ темнымъ опереніемъ верхней стороны самая крупная **Большая морская чайка** (*Larus marinus, naevius, maculatus, maximus, muelleri* и *fabricii, Dominicanus marinus*. Mantelmöve. Goeland à manteau noir). Голова, шея и затылокъ, вся нижняя сторона, нижняя часть спины и хвостъ ослѣнительно-бѣлые, верхняя часть спины и крылья шиферно-голубовато-черныя, концы маховыхъ перьевъ бѣлые. Въ юношескомъ опереніи голова, шея и нижняя сторона покрыты по бѣлому полю желтоватыми и буроватыми продольными полосами и пятнами, спина и верхнія покровныя перья крыла буро-сѣрыя, съ свѣтлой каймой, маховыя и рулевыя перья черныя, послѣднія съ бѣлымъ рисункомъ. Глаза серебристо-сѣрые, глазное колечко красное, цвѣта киновари, клювъ желтый, на нижней половинѣ у конца красный, ноги свѣтло-сѣро-желтыя. Длина равняется 73 см., размахъ крыльевъ 170, длина крыла 50, а хвоста 20 см.

Сѣверъ земли, между 70° и 60° составляетъ родину этой чайки. Въ продолженіи зимы она правильно посѣщаетъ берега Сѣвернаго и Атлантическаго океановъ, летитъ вдоль вихъ до южной Европы и даже дальше на югъ; въ продолженіи лѣта лишь въ высшей степени рѣдко встрѣчается старыхъ птицъ этого вида южнѣе 50°. Внутри страны появляются иногда заблудившіяся чайки.

Ея ближайшимъ родичемъ считается **Клуша, Чернокрыла** (*Larus fuscus* и *flavipes, Laroides fuscus, melanotos* и *harengorum, Leucus, Dominicanus* и *Clupearus fuscus*. Heringsmöve. Mouette à pieds jaunes), которая отличается отъ первой замѣтно меньшей величиной, крыльями, превышающими величину хвоста, болѣе узкими бѣлыми полосами на концѣ маховыхъ перьевъ и ногами, окрашенными въ ярко-желтый цвѣтъ. Длина ея достигаетъ самое большее 60 см., размахъ крыльевъ 140, длина крыла 40, а хвоста 15 см.

Она населяетъ всѣ моря Европы и распространяется отъ Китая до западной Африки.

Недостатокъ мѣста заставляетъ меня ограничиться лишь жизнеописаніемъ

БОЛЬШАЯ И СЕРЕБРИСТАЯ ЧАЙКА.

большой морской чайки. Между своими родичами она, соответственно величинѣ, одна изъ самыхъ серьезныхъ и спокойныхъ птицъ, но не вялая, ни въ физическомъ, ни въ душевномъ состояніи, напротивъ того, подвижная и поворотливая чайка. Она хорошо ходитъ по землѣ и въ неглубокой водѣ, охотно и много плаваетъ, даже при большомъ волненіи, иногда и спать плавая, летаетъ, правда, медленно, но ни въ какомъ случаѣ не тяжело, скорѣе легко и выносливо; медленно ударяя, машетъ она распростертыми крыльями, затѣмъ паритъ на большомъ пространствѣ или кружась или поднимаясь и опускаясь противъ вѣтра, причеиъ ей не можетъ помѣшать даже самый сильный ураганъ, и устремляется, если усмотритъ добычу, съ большою силою и съ довольно значительной высоты въ воду, погружаясь въ нее на известную глубину. По смѣлости и мужеству, а также и по хищничеству, жадности и прожорливости она превосходить большую часть другихъ чаекъ, притомъ она завистлива и сравнительно необщительна, хотя лишь въ исключительныхъ случаяхъ ее видишь по-одиночкѣ. Она, за исключеніемъ времени насиживания, осторожно избѣгаетъ человека, между тѣмъ какъ въ продолженіи этого времени мужественно на него нападаетъ. Голосъ ея звучитъ глухо и хрипло, какъ «ах ах ах», во время возбужденія какъ «кіау», которое однако произносится съ различными интонаціями.

Ея главную пищу составляютъ рыбы различной величины, но еще болѣе любитъ она падалъ млекопитающихъ или околѣвшихъ рыбъ; при этомъ она ловитъ пеструшекъ, молодыхъ и большихъ птицъ, которыхъ можетъ осидить, воруетъ яйца у болѣе слабыхъ морскихъ птицъ или собираетъ на морскомъ берегу всевозможныхъ червей и другихъ мелкихъ животныхъ. Если скорлупа нѣкоторыхъ раковъ и мягкотѣлыхъ для нея слишкомъ тверда, то она взлетаетъ съ добычей вверхъ и бросаетъ ее со значительной высоты на скалу, чтобы разбить. Въ неволѣ она скоро пріучается къ хлѣбу и впоследствии считаетъ его за лакомство.

Во время моего путешествія въ Норвегію и Лапландію я часто видѣлъ большую морскую чайку, но гнѣздовье ея нашелъ только въ сѣверной части страны, на Порзангерфіордѣ. Отдѣльныхъ серебристыхъ чаекъ, ихъ обыкновенныхъ товарищій по гнѣздовью, я наблюдалъ уже на птичьихъ горахъ Лофоденскихъ острововъ и здѣсь всегда на вершинѣ горы; большихъ-же морскихъ чаекъ, несмотря на все мои тщательнѣйшіе поиски, я не могъ здѣсь найти. Одинъ островъ въ Порзангерфіордѣ былъ населенъ нѣсколькими сотнями птицъ обоихъ видовъ. Гнѣзда были расположены на болотистой почвѣ, не совсѣмъ близко одно къ другому, но все-таки рѣдко дальше, чѣмъ на 50 шаговъ другъ отъ друга, причеиъ оба вида гнѣздовали въ перемежку, какъ будто все гнѣздовье было населено однимъ видомъ. Нѣкоторыя изъ этихъ гнѣздъ были аккуратно округлены и устланы мелкими лишаями, другія были устроены небрежно. Кладка состояла изъ трехъ большихъ яицъ, имѣющихъ примѣрно 80 мм. длины и 55 мм. ширины; скорлупа у нихъ была крѣпкая, грубозернистая, неглянцевитая, зеленовато-сѣраго цвѣта съ бурными, пепельно-сѣрыми и черно-бурными пятнами и крапинами; оба родителя чрезвычайно заботливо сторожили эти яйца.

Когда я появился на островѣ, то между птицами началось сильное волненіе. Тѣ изъ нихъ, которыя насиживали, остались сидѣть на яйцахъ, и подпустили меня на нѣсколько шаговъ, какъ будто надѣясь, что сторожевыя птицы меня напугаютъ и прогонятъ. Эти послѣднія подыались съ ужаснымъ крикомъ и легали на близкомъ разстояніи отъ меня, постоянно набрасывались на меня сверху, затѣмъ снова поднимались и, покружившись на воздухѣ, опять производили нападенія. Нѣсколько разъ онѣ пролетали такъ близко около моей головы, что касались

меня кончиками крыльевъ; однако ни одна изъ птицъ не употребила въ дѣло свой острый клювъ. Во многихъ гнѣздахъ были маленькіе птенцы, которые при нашемъ приближеніи сейчасъ же прятались между листьями и кустами травы, такъ что замѣтить ихъ было нелегко.

Позднѣе я наблюдалъ гнѣздованіе этихъ птицъ у моихъ ручныхъ чаекъ. Парочка нашла себѣ въ своей загородкѣ удобное мѣсто для гнѣзда, прикрытое кустомъ; онѣ воспользовались находящимся тамъ углубленіемъ, кое-чѣмъ его устлали и положили три яйца. Насиживала по преимуществу самка, но самецъ находился постоянно вблизи и тотчасъ же выдавалъ присутствіе гнѣзда, какъ только я приближался. На другихъ людей парочка обращала мало вниманія, такъ какъ скоро замѣтила, что я одинъ беспокоилъ ихъ. Когда я приближался къ гнѣзду ближе обыкновеннаго, то обѣ птицы съ крикомъ сѣшши ко мнѣ на встрѣчу, смѣло нападали на меня и иногда очень чувствительно кусали за ноги. Птенцы вылупились послѣ 26 дней насиживания; какъ только они высохли, родители увели ихъ съ гнѣзда, но вначалѣ приводили ихъ туда снова каждый день вечеромъ. Днемъ птенцы шныряли подъ кустами, обращаю вниманіе на всякое предостереженіе родителей. Взрослыя птицы такъ хорошо узнавали мой голосъ, что мнѣ стояло заговорить, чтобы возбудить въ нихъ беспокойство. Когда я ихъ громко звалъ, то обѣ птицы бѣжали ко мнѣ, громко крича «дѣау, кау, ах ах ах ах» и старались отвлечь мое вниманіе отъ птенцовъ, которые въ это время прижимались къ землѣ. Заботливость ихъ о дѣтенышахъ впоследствии нѣсколько ослабла, однакоже, даже когда птенцы совершенно выросли, обѣ взрослыя птицы тотчасъ же подбѣгали, когда кто-либо близко подходитъ къ дѣтенышамъ. Во время гнѣздованія и воспитанія птенцовъ чайки отгоняли отъ своего участка всѣхъ другихъ птицъ.

Одубонъ сдѣлалъ довольно странное наблюденіе, относящееся, впрочемъ, къ серебристой чайкѣ. Тамъ, гдѣ крупныя чаекъ часто беспокоятъ при насиживаньи и таскаютъ ихъ яйца, онѣ устраиваютъ себѣ гнѣзда, если это только возможно, на верхушкахъ деревьевъ и такимъ образомъ гнѣздится очень высоко надъ землей.

Впрочемъ, вышеазванныя чайки мало страдаютъ отъ различныхъ враговъ: на крупныя виды нападаютъ развѣ морскіе орлы и другія большія хищныя чайки, во послѣднихъ очень часто обыкновенныя чайки мало боятся и смѣло прогоняютъ отъ гнѣздъ. Люди иногда отнимаютъ яйца у этихъ птицъ, но ихъ самихъ не трогаютъ.

Черноголовый хохотунъ, Рыболовъ (*Larus ichthyaëtus* и *chroicocephalus*, Хема, *Chroicocephalus ichthyaëtus*, *Ichthyaëtus pallasii* Fischermöwe. Mouette poissonière.) отличается тѣмъ, что голова, передняя часть шеи и затылокъ матово-чернаго цвѣта, шея, нижняя часть затылка, средняя часть спины, надхвостья, нижняя часть тѣла и хвостъ—бѣлаго цвѣта, верхняя часть спины голубовато-сѣраго, большія маховыя перья бѣлыя, за исключеніемъ пернаго, которое снаружи черное. Первые пять или шесть изъ нихъ имѣютъ около кончика широкую черную полосу, заднія малыя маховыя перья голубовато-сѣрыя съ бѣлой каемкой на копцѣ. При зимнемъ опереніи черная шапка обозначена только немногими темными перышками. Глаза каріе, клювъ оранжево-желтый, около кончика украшенъ краснымъ пятномъ; ноги желтыя. Длина птицы равняется 70 см., длина крыла 48, хвоста 19 см.

Чайка эта гнѣздится на Аральско-Каспійской низменности, а зимой появляется

на Черномъ и Средиземномъ моряхъ, а также на моряхъ сѣверной части Индіи; во время своихъ странствованій она иногда залетаетъ въ западную Европу.

Гораздо далѣе распространена и потому болѣе извѣстна **Обыкновенная чайка**. (*Larus ridibundus*, *canescens*, *erythropus*, *capistratus* и *sahiricus*, *Chroicocephalus ridibundus*, *capistratus*, *pileatus* и *minor*, *Xema ridibundum*, *pileatum* и *capistratum*, *Gavia ridibunda* и *capistrata*. Lachmöwe. Mouette rieuse.) Верхняя часть головы и передняя часть шеи дымчато-темно-бураго цвѣта, затылокъ, нижняя часть тѣла, хвостъ и маховыя перья, кромѣ кончиковъ, бѣлаго цвѣта, верхняя часть спины голубовато-сѣрая, кончики маховыхъ перьевъ черныя. Глаза темно-каріе, ободокъ кругомъ глаза красный, клювъ и ноги сургушно-краснаго цвѣта. При зимнемъ опереніи верхушка головы не черная, нижняя часть шеи сѣрая, и за ухомъ замѣчается темно-сѣрое пятно. Клювъ и ноги блѣднѣе, чѣмъ весною. При юношескомъ опереніи верхняя часть тѣла буроватая. Длина 42 см., размахъ крыльевъ 94, длина крыла 31, хвоста 13 см.

Обыкновенная чайка часто появляется только около 60° с. ш. и гвѣздится до 30° ш. Она одинаково обыкновенна на всѣхъ прѣсныхъ водахъ Европы, Азии и Америки.

Средиземноморская чайка (*Larus melanocephalus* и *atricilloides*, *Chroicocephalus melanocephalus* и *caniceps*, *Xema melanocephalon* и *caniceps*, *Gavia melanocephalus* и *affinis*. Karuzinermöwe. Mouette à capuchon noir) замѣняетъ обыкновенную чайку на Средиземномъ морѣ, особенно около Италіи и Турціи. Она отличается болѣе толстымъ клювомъ, дымчато-черною шапкою, чернымъ наружнымъ опахаломъ перваго маховаго пера и розоватымъ оттѣнкомъ нижней части тѣла. По величинѣ она равняется обыкновенной чайкѣ.

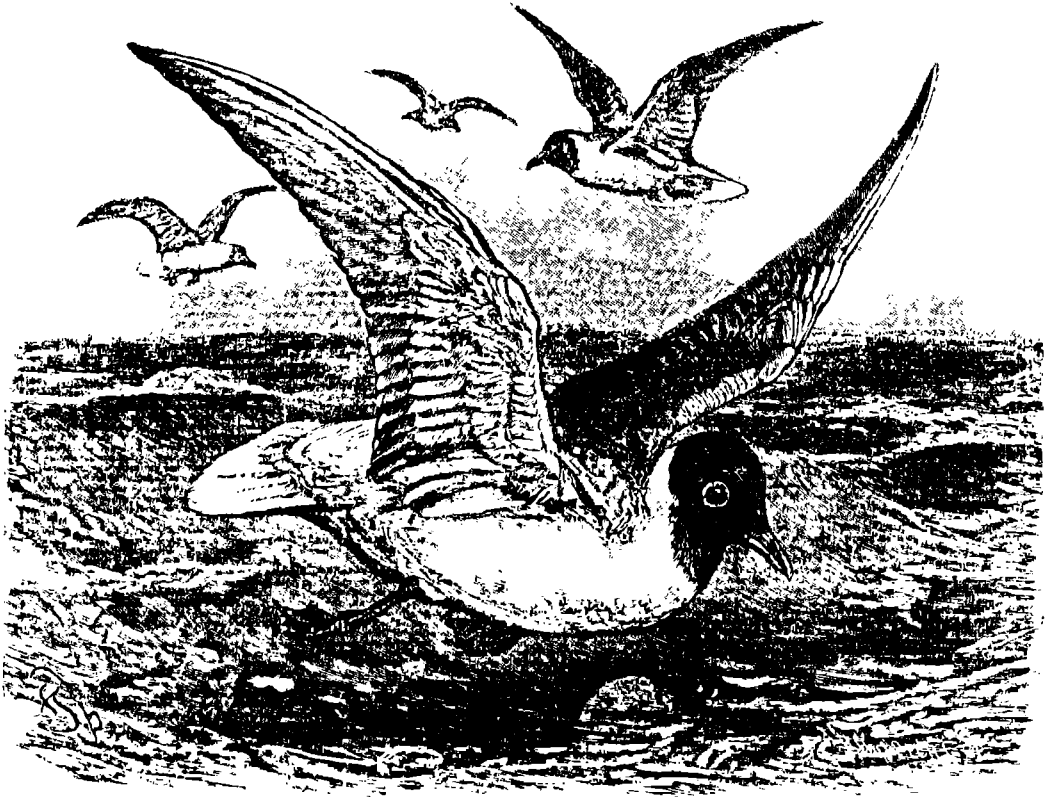
Малая чайка (*Larus minutus*, *nigrotis* и *dorbignii*, *Xema minutum*, *Gavia minuta*, *Chroicocephalus* и *Hydrocolaeus minutus*. Zwergmöwe. Mouette pygmée)-прелестная птица и самая маленькая изъ всѣхъ извѣстныхъ чаекъ. Ея голова чернаго цвѣта, спина нѣжно сѣро-голубая, затылокъ бѣлый, нижняя сторона бѣлая съ розовато-краснымъ налетомъ, хвостъ бѣлый; у сѣро-голубыхъ маховыхъ перьевъ широкіе бѣлые концы. Въ зимнемъ опереніи черныи цвѣтъ на головѣ лишь слегка обозначенъ, а нижняя сторона тѣла бѣлая. Глаза каріе, клювъ черновато-красный, ноги кораллово-красныя. Длина ея 28 см., размахъ крыла 70, длина крыла 22, хвоста 9 см.

Область гвѣздованія этихъ прелестныхъ птицъ считается восточная Европа и Западная Сибирь; отсюда она зимою посѣщаетъ южную Азію, южную Европу и сѣверную Африку.

Кромѣ этихъ видовъ приписываютъ еще Европѣ **Бѣлоглазую чайку** (*Larus leucorhthalmus*. Weissaugenmöwe. Mouette aux yeux blancs), живущую въ южной части Краснаго и Индѣйскаго морей, и **Сѣроголовую чайку** (*Larus atricilla*. Karuzenmöwe. Mouette capuchon plombé), которая живетъ въ Сѣверной Америкѣ; но присутствие ихъ у насъ, по моему мнѣнію, еще не доказано.

Въ прежніи времена обыкновенная чайка, жизнеописаніе которой можетъ дать довольно вѣрное изображеніе прана и свойства вышеприведенныхъ родичей, часто встрѣчалась на озерахъ и прудахъ Германіи; въ настоящее время она вы-

тѣснова изъ многихъ странъ постоянно увеличивающейся обработкой земли, но все еще правильно посѣщаетъ ихъ во время своего перелета. Въ южной Европѣ она остается изъ года въ годъ; среднюю Европу она покидаетъ въ октябрѣ и ноябрѣ, чтобы провести зиму въ странахъ, расположенныхъ у Средиземнаго моря. Ко времени таянiя снѣговъ она возвращается обратно, при благоприятныхъ годахъ уже въ мартѣ, иначе же въ первыхъ дняхъ апрѣля. Болѣе взрослыя птицы еще на зимнихъ мѣстопребыванiяхъ соединяются въ пары и прилетаютъ вмѣстѣ на гнѣздовье; молодыя, повидимому, соединяются лишь здѣсь, а тѣ, которыя еще неспособны къ насиживанью, бродятъ по странѣ. Море онѣ посѣщаютъ

Обыкновенная чайка. *Larus tibundus*. 1/4 наст. вел.

лишь въ продолженiи зимы, такъ какъ очень рѣдко случается, чтобы онѣ насиживали на островахъ вблизи материка. Прѣсные воды, окруженные полями, составляютъ ихъ любимое мѣстопребыванiе.

Ихъ движенiя въ высшей степени граціозны, быстры и легки. Онѣ ходятъ скоро и продолжительно, часто по цѣлымъ часамъ слѣдуютъ за пахаремъ или ловятъ насѣкомыхъ на лугахъ и поляхъ, плаваютъ чрезвычайно красиво, хотя не вполне быстро, и летаютъ спокойно, быстро, ловко, нѣсколько медленно, однако безъ видимаго напряженiя, съ разнообразными поворотами въ воздухѣ. Эту чайку можно назвать осторожной и немного недоувѣрчивой птицей; несмотря на это, она охотно селится вблизи людей, удостоивается въ своей безопасности и соотвѣтственно этому ведетъ себя. Во всѣхъ мѣстностяхъ, расположенныхъ вблизи

водѣ, гдѣ находятся ихъ гнѣздовья, или около моря, ее привыкли считать за полудомашнюю птицу; она беззаботно бродитъ здѣсь даже между людьми, такъ какъ знаетъ, что никто не причинитъ ей вреда; но она очень обижается на всякій нанесенный ей вредъ и не такъ легко забываетъ причиненное зло. Съ себѣ подобными она живетъ въ большомъ согласіи, хотя зависть и обжорство составляютъ господствующія черты ея нрава; съ другими птицами, напротивъ того, она неохотно вступаетъ въ сношеніе, поэтому, насколько возможно, избѣгаетъ ихъ общества и соединенными силами нападаетъ на тѣхъ, которыя къ ней приближаются. Тамъ, гдѣ обыкновенная чайка, вмѣстѣ съ другими видами, населяетъ одинъ и тотъ же островъ, она яростно нападаетъ на родичей, которые приближаются къ ея владѣніямъ, но другія чайки и ее встрѣчаютъ подобнымъ же образомъ. Хищныя птицы, вороны и вороны, цапли, аисты, утки и тому подобные безвредные обитатели водъ въ ея глазахъ считаются также врагами. Голосъ ея до того неблагозвученъ, что вполне объясняетъ данное ей названіе «морской вороны». Каркающее «кріэ» составляетъ призывной зовъ; обыкновенный голосъ раздается какъ «кек» или «шерр»; гнѣвъ выражается скрипящимъ «керрекекек» или хриплымъ «гирр», за которыми слѣдуетъ «кріэ».

Главную пищу обыкновенной чайки составляютъ насѣкомыя и маленькія рыбы; однако она не пренебрегаетъ и мышью, а также не оставляетъ безъ вниманія и падаль. Она выкармливаетъ своихъ птенцовъ почти исключительно насѣкомыми. Несмотря на свою слабость, она отваживается нападать на довольно большихъ животныхъ, и ловко разрываетъ большіе куски мяса на маленькіе кусочки. Хотя она пренебрегаетъ растительными веществами, однако скоро привыкаетъ къ хлѣбу и во временахъ ѣсть его весьма охотно. Она охотится въ продолженіи цѣлаго дня, то отдыхая, то снова летая вокругъ. Съ внутреннихъ водъ летитъ она на поля и дуга, по цѣлымъ часамъ слѣдуетъ за пахаремъ, чтобы собирать личинокъ майскихъ жуковъ, несется близко надъ травой или надъ водой, чтобы поймать насѣкомыхъ или рыбъ, и всюду пользуется чѣмъ-нибудь; затѣмъ снова возвращается къ водѣ, чтобы напиться и выкупаться, перевариваетъ довольно скоро пищу и снова начинаетъ охоту. При отлетѣ и прилетѣ она старается придерживаться извѣстныхъ путей, но посѣщаетъ то одну, то другую страну.

Въ концѣ апрѣля начинается насиживаніе послѣ того, какъ каждая пара съ ссорами и криками избрала себѣ мѣсто гнѣздованія. Обыкновенная чайка никогда не насиживаетъ одиноко, рѣдко въ небольшомъ обществѣ, а чаще всего очень большими стаями, состоящими изъ сотенъ и тысячъ птицъ, которыя на маленькомъ пространствѣ какъ можно ближе тѣснятся другъ къ другу. Гнѣзда стоятъ на низкихъ кустахъ камыша или рогозы, окруженныхъ мелкой водой или болотомъ, или на кучахъ сухого тростника, иногда и на болотѣ между травой и, само собой разумѣется, лишь на недоступныхъ мѣстахъ. Постройка гнѣзда начинается тѣмъ, что отдѣльные пучки камыша и травы пригибаются внизъ, затѣмъ приносится еще камышъ, тростникъ, солома и т. п., которыми выстилается углубленіе. Въ началѣ мая каждое гнѣздо содержитъ 4—5 относительно большихъ яицъ, вмѣющихъ въ поперечникѣ 55 мм. длины и 36 мм. толщины, украшенныхъ по блѣдно-маслянисто-зеленому полю красновато-пепельно-сѣрыми и темно-буро-сѣрыми пятнами, крапинами и точками; форма, окраска и рисунокъ бывають очень разнообразны. Оба пола насиживаютъ попеременно, однако только въ продолженіи ночи не покидаютъ гнѣзда, такъ какъ солнечную теплоту полуденныхъ часовъ считаютъ вполне достаточной для нагреванія яицъ. Послѣ 18-ти дневнаго насиживанія птенцы вылупляются; они опериются черезъ 3—4 недѣли. Тамъ, гдѣ гнѣзда окружены водой, въ первые

дни жизни птенцы их не покидают; на маленьких же островахъ, напротивъ того, они охотно изъ него выбѣгаютъ и весело снуютъ по твердой землѣ. Когда имъ исполнятся недѣля, они отваживаются уже спуститься на воду; на второй недѣлѣ уже начинаютъ порхать вокругъ, на третьей становятся довольно самостоятельными. Ихъ родители въ высшей степени заботятся о нихъ и непрерывно за нихъ опасаются. Каждая хищная птица, которая покажется вдали, каждая ворона или цапля тревожить ихъ; поднимается невозможный крикъ, даже насиживающія покидаютъ свои гнѣзда, густая туча поднимается вверхъ: все стремится на врага и прилагаетъ все средства, чтобы его прогнать. Онѣ съ бѣшенствомъ устремляются на собаку или лисицу, тѣсно кружатся около приближающагося человѣка и очень радуются, когда врагъ отстываетъ. Лишь мало-по-малу снова наступаетъ нѣкоторое спокойствіе и сравнительная тишина.

Въ сѣверной Германіи есть обыкновеніе отправляться въ извѣстные дни на охоту за безвредными чайками; противъ нихъ открывается опустошительная война, которая стоитъ жизни многимъ сотнямъ птицъ, но зато и нѣкоторые изъ участвующихъ также получаютъ зарядъ дроби. Безполезное кровопролитіе, которое подъ названіемъ «охоты за чайками» считается народнымъ праздникомъ, напоминаетъ жестокость южныхъ европейцевъ и ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ себѣ извиненія. Обыкновенная чайка не принадлежитъ, какъ прежде думали нѣкоторые, къ вреднымъ, а къ полезнымъ птицамъ, которыя, пока живутъ, приносятъ пользу нашимъ полямъ; если онѣ и ловятъ нѣсколько небольшихъ рыбокъ, то это не имѣетъ никакого значенія передъ огромнымъ числомъ ими уничтоженныхъ насѣкомыхъ; слѣдовательно ихъ нужно щадить даже тѣмъ людямъ, которые не обращаютъ вниманія на то, что эти птицы въ значительной степени украшаютъ наши пустынные зера.

Въ неволѣ чайки очень пріятныя птицы, особенно тѣ, которыхъ вышули молодыми изъ гнѣзда. Ихъ, конечно, слѣдуетъ кормить рыбами и мясомъ, но онѣ потомъ пріучаются и къ хлѣбу, такъ что ихъ кормъ не слишкомъ дорого стоитъ. Если имъ постоянно заниматься, то онѣ дѣлаются необыкновенно ручными, слѣдуютъ по пятамъ воспитателя, когда онъ ходитъ по двору, какъ собачки, радостно привѣтствуютъ его, когда онъ показывается, а послѣ летитъ за нимъ черезъ дворъ и садъ даже въ поле. Онѣ не покидаютъ мѣстожительства до поздней осени; иногда онѣ удаляются и летаютъ далеко по окрестностямъ, но всегда снова возвращаются назадъ къ назначенному времени для ѣды. Если по дорогѣ онѣ встрѣчаютъ другихъ чаекъ, то стараются принести ихъ съ собой и настолько умѣютъ уничтожить ихъ недовѣріе, что дикія птицы, повидимому, перестаютъ бояться человѣка и живутъ по крайней мѣрѣ нѣкоторое время въ загородкѣ со своими прирученными родичами; затѣмъ онѣ безпрепятственно охотно возвращаются обратно, и въ концѣ концовъ можно, благодаря своимъ воспитанницамъ, собрать такое большое общество чаекъ, что приходится принимать особыя мѣры, чтобы всѣхъ ихъ накормить.

Бѣлая чайка (*Gavia. Eisfeldmöwen.*) отличаются стройнымъ тѣлосложеніемъ, длинными крыльями и хвостомъ, короткими ногами и небольшими перепонками между пальцами; у взрослыхъ опереніе чисто бѣлаго цвѣта.

Бѣлая чайка (*Gavia alba, eburnea и brachytarsa, Pagophila eburnea, brachytarsa и nivea, Larus eburneus, albus и brachytarsus. Cetosparactes eburneus. Elfenbeinmöwe. Mouette blanche*) чисто бѣлаго цвѣта, только на крыльяхъ иногда бываетъ розо-

вый отливъ. Глаза желтые, а ободокъ кругомъ глаза карминно-красный, клювъ отъ основанія до половины синеватый, а на копчикѣ желтовато-красный; передъ ноздрями замѣтно зеленовато-желтое кольцо, ноги черныя. Въ юношескомъ опереніи голова и шея сѣроватая, а на перьяхъ спины, крыльевъ и на кончикахъ рулевыхъ перьевъ замѣчаются черныя пятна. Длина равняется 52 см., размахъ крыльевъ 110, длина крыла 32, а хвоста 14 см.

Эта чайка водится на далекомъ сѣверѣ земного шара и оттуда только рѣдко, какъ бы заблудившись, появляется въ болѣе южныхъ широтахъ. Ее находили на Шпицбергенѣ, въ сѣверныхъ сибирскихъ моряхъ и на сѣверѣ Гренландіи, но въ Исландіи уже она не живетъ. По словамъ Гольбелля, она не очень рѣдка въ Гренландіи и иногда тамъ встрѣчается въ большомъ количествѣ во время сильныхъ осеннихъ и зимнихъ бурь, а также и послѣ нихъ. Какъ всѣ птицы далекаго сѣвера, она очень глупа и ее легко словить, такъ какъ она незнакома съ опасностями, сопряженными съ присутствіемъ человѣка. «Опытами дознано» говоритъ Гольбелль, «что если привязать кусокъ жира на веревочку и бросить его въ воду, то можно птицу приманить къ себѣ очень близко и схватить ее руками. Одинъ гренландецъ, принесшій мнѣ молодую птицу, рассказывалъ, что приманилъ ее тѣмъ, что высунулъ языкъ и шевелилъ имъ, причемъ птица такъ близко подлетѣла, что онъ ее ударилъ весломъ». Мальмгренъ рассказываетъ о ней подробнѣе. «Эта очень красивая чайка», говоритъ онъ, «вѣроятно рѣдко покидаетъ тотъ поясъ сѣверныхъ морей, гдѣ постоянно встрѣчаются плавающіе льды. Она очень обыкновенна на Шпицбергенѣ, но ее почти всегда видишь только вблизи льда». Она, какъ и другія чайки, никогда не садится на воду, что замѣтилъ еще старшій мореходъ Мартенсъ, а всегда сидитъ на краю льдинъ. Свою добычу она очень ловко схватываетъ клювомъ изъ воды. вмѣстѣ съ буревѣстниками эти чайки прилетаютъ въ большомъ количествѣ туда, гдѣ потрошатъ моржа или тюленя, и птицы эти тогда такъ смѣлы, что ихъ можно приманить на очень близкое разстояніе, бросая имъ куски сала. Вблизи этихъ случайныхъ боевъ буревѣстники всегда плаваютъ на водѣ, между тѣмъ какъ бѣлыя чайки сидятъ невдалекѣ на льдинахъ или кружатся по воздуху. Эти чайки охотно ѣдятъ трупы убитыхъ охотниками животныхъ и подбираютъ остатки отъ добычи бѣлаго медвѣдя, но главнѣйшая ихъ пища состоитъ изъ помета тюленей и моржей, что удостовѣряетъ и Мартенсъ. Птицы эти долго сидятъ на льду около тѣхъ отверстій, гдѣ обыкновенно показывается тюлень, чтобы подышать, и терпѣливо ожидаютъ этихъ животныхъ. Три или пять чаекъ тихо и неподвижно сидятъ около отверстія, гдѣ долженъ показаться тюлень, и всѣ глубокомысленно смотрятъ въ воду. Въ самомъ дѣлѣ кажется, что чайки сидятъ около круглаго стола и о чемъ то совѣщаются, вѣроятно, что и подало поводъ странному прозвищу, данному этимъ птицамъ Мартенсомъ: онъ ихъ назвалъ «совѣтниками». Около мѣсть отдохновенія тюленей ледъ окрашенъ въ бурый цвѣтъ отъ ихъ помета, но самый пометъ болѣею частью съѣденъ птицами.

Мальмгренъ нашелъ 7-го іюня на сѣверномъ берегу залива Мурчисона на высокой и крутой известковой скалѣ огромное количество бѣлыхъ чаекъ. Около нихъ жили большія полярныя чайки и мосвки, которыя заняли верхній поясъ скалы, между тѣмъ какъ бѣлыя чайки поселились ниже отъ 15—50 м. надъ моремъ въ скажиннахъ и углубленіяхъ скалы. Легко было замѣтить, что самки сидѣли на гнѣздахъ, но послѣднія были недоступны, и лишь 30 іюня можно было сдѣлать попытку добраться до гнѣздъ при помощи длиннаго капата и другихъ приспособленій. Добрались до двухъ гнѣздъ, которыя были расположены ниже другихъ, и изъ каждаго вынули по одному яйцу. Гнѣздо было устроено небрежно и матерь-

яль его былъ ничѣмъ не связанъ; оно состояло изъ небольшого углубленія скалы, вмѣстѣ около 20 см. ширины и было кое-какъ выстлано сухими растеніями, травой, мхомъ и нѣсколькими перьями. Яйца были сильно насижены; обѣихъ самокъ застрѣлили на гнѣздахъ, самцы-же вначалѣ держались около гнѣзда, но затѣмъ исчезли, когда люди приблизились.

*
*

«Тотъ, кто не видалъ горы, занятой москвами» говоритъ Гольбель, «тотъ не можетъ себѣ составить понятія о красотѣ этихъ птицъ и о несмѣтномъ ихъ количествѣ. Подобную птичью гору, можетъ быть, лучше всего сравнить съ огромной голубятней, населенной милліонами одинаково окрашенныхъ голубей. Гора Инуюатукъ въ Гренландіи имѣетъ длину въ четверть мили и вся болѣе или менѣе сильно населена различными видами чаекъ, причѣмъ птицы живутъ тамъ на такой высотѣ, что самыя верхнія изъ нихъ кажутся небольшими бѣлыми точками». Фаберъ выражается короче и краснорѣчивѣе. «На птичьихъ горахъ Гримзэ чайки гнѣздятся въ такомъ количествѣ, что затемняютъ солнце, когда взлетаютъ; онѣ совершенно покрываютъ собою шхеры, когда сидятъ, оглушаютъ человѣка, когда кричатъ, и окрашиваютъ въ бѣлый цвѣтъ зеленыя скалы, покрытыя ложечной травой, когда онѣ гнѣздятся». Когда я собирался путешествовать, то, само собой разумѣется, прочиталъ оба эти описанія и не сомнѣвался въ правдивости ихъ, но настоящее понятіе о птичьей горѣ я получалъ лишь въ незабвенный для меня день 22-го іюля, когда находился около мыса Свѣргольмъ недалеко отъ Нордкапа. Должное представленіе о населеніи этой горы я получилъ, лишь благодаря любезности капитана почтового парохода, на которомъ я ѣхалъ: онъ велѣлъ выстрѣлить изъ пушки, чтобы вспугнуть чаекъ. Я видѣлъ передъ собою огромную стѣну, похожую на исполинскую грифельную доску, покрытую милліонами бѣлыхъ точекъ; послѣ выстрѣла эти точки отчасти отдѣлились отъ темнаго грунта, онѣ оживились, превратились въ бѣло-снѣжныхъ птицъ и въ теченіи нѣсколькихъ минутъ такимъ сильнымъ и непрерывнымъ потокомъ спустились на море, что мнѣ показалось будто неожиданно поднялась снѣжная вьюга и гигантскіе снѣжные хлопья падаютъ съ неба. Зрѣлище это продолжалось довольно долго; все видимое пространство моря покрылось птицами, а между тѣмъ стѣна казалась покрытою столькими-же бѣлыми точками, какъ и прежде.

Моевна или Трехпалая чайка (*Rissa tridactyla*, *cinerea*, *brachyrhyncha*, *borealis*, *minor*, *gregaria*, *nivea* и *kotzebuei*, *Larus rissa*, *tridactylus*, *cinerarius*, *torquatus* и *gavia*, *Laroides tridactylus*, *rissa* и *minor*, *Cheimonia tridactyla*, *Stummelnöwe*, *Mouette tridactyle*) служить представительницей особаго рода (*Rissa*), отличительнымъ признакомъ котораго служить отсутствіе или очень малое развитіе задняго пальца. Если искать другіе отличительные признаки, то ихъ можно найти въ болѣе тонкомъ клювѣ и относительно короткихъ ногахъ, пальцы которыхъ однако довольно длинныя и между ними находятся большія перепонки. Опереніе взрослой птицы на головѣ, шеѣ, задней части спины, хвостѣ и нижней части тѣла—ослѣпительно бѣлое, верхняя часть спины сѣровато-голубая, маховыя перья бѣловато-сѣрыя, а кончики ихъ черныя. Глаза каріе, ободокъ кругомъ глазъ кораллово-красный, клювъ лимонно-желтый, а у угла челюстей кроваво-красный; ноги черныя, а на подошвѣ желтоватыя. Послѣ осенняго линянья задняя часть шеи дѣлается голубовато-сѣрой, и а ухомъ является черное пятно. Длина равняется 43 см., размахъ крыльевъ 100, длина крыла 30, а хвоста 13 см.

Моевка также принадлежит къ птицамъ крайняго сѣвера, но зимою покидаетъ Ледовитый океанъ и тогда часто встрѣчается на нашихъ берегахъ и иногда залетаетъ довольно далеко на югъ. Внутри материка ее зимою можно видѣть чаще, чѣмъ другихъ морскихъ чаекъ, потому что она далеко залетаетъ въ глубь страны, слѣдуя вверхъ по теченію рѣкъ, и иногда собирается тамъ довольно большими стаями. Въ Исландіи и Гренландіи она считается первымъ вѣстникомъ весны, такъ какъ прилетаетъ туда даже въ случаѣ сильныхъ морозовъ, между 8 и 20 марта и тотчасъ-же посѣщаетъ птичьи горы, какъ будто каждая парочка желаетъ занять тамъ мѣсто для будущаго гнѣзда. Если на склонахъ горъ еще лежитъ глубокий снѣгъ, то птицы дѣлаются очень безпокойными и, не переставая, оглушительно кричать. Моевка остается на родинѣ до ноября, а потомъ покидаетъ фіорды, но пускается въ дальнія странствованія только въ случаѣ крайней нужды, а большею частью пребываетъ зимою на мелкихъ островахъ въ открытомъ морѣ.

По образу жизни и привычкамъ трехпалая чайка замѣтно отличается отъ своихъ болѣе крупныхъ родичей только развѣ своею общественностью и крикливостью. Она ходитъ по землѣ довольно плохо и дѣлаетъ это рѣдко, но плаваетъ охотно и продолжительно, даже при самомъ сильномъ волненіи; летаетъ она легко, иногда махая крыльями, иногда паря и неподвижно держась на воздухѣ, и при полетѣ производитъ разнообразныя и красивые повороты. Отъ времени до времени она ловко бросается съ высоты въ воду, чтобы схватить приблизившуюся къ поверхности воды рыбу или другое животное. Даже въ средѣ другихъ чаекъ моевка отличается удивительною склонностью къ обществу, что можно, вѣроятно, объяснить ея кроткимъ нравомъ. Отдѣльныхъ моевокъ можно встрѣтить лишь рѣдко, гораздо чаще ее видишь большими стаями, и всѣ птицы этихъ стай живутъ, повидимому, между собою совершенно мирно. «Если двѣ птицы и поссорятся», очень вѣрно замѣчаетъ Науманъ, «то это можно считать лишь минутнымъ возбужденіемъ, которое очень скоро проходитъ». На самомъ дѣлѣ нужно удивляться миролюбію этихъ чаекъ и поневолѣ восхищаешься, когда видишь, что миллионы ихъ живутъ вмѣстѣ, причемъ, конечно, кричатъ и болтаютъ, однако не ссорятся между собой, и каждая птица въ стаѣ старается строго довольствоваться тѣмъ мѣстомъ, которое ей досталось на долю. Моевка мало обращаетъ вниманія на другихъ птицъ: сродные виды часто живутъ между ними на тѣхъ же самыхъ горахъ, но не смѣшиваются съ моевками въ точномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ каждый видъ занимаетъ извѣстную часть горы и даже, вылетая въ море, держатся отдѣльными стаями. Въ обыкновенное время эта чайка можетъ считаться одною изъ самыхъ молчаливыхъ, но во время гнѣздованія она кричитъ почти непрерывно и довольно разнообразно. Голосъ ея громкій и рѣзкій и звучитъ какъ «ка ка тай» или «хвѣ» иногда же «дак дак», причемъ иной разъ это похоже на крикъ плачущаго ребенка, а другой разъ на звукъ игрушечной трубы. Каждая птица старается выразить свое возбужденіе посредствомъ голоса, а такъ какъ то-же самое желаніе является у миллионныхъ чаекъ, то можно вполне понять слѣдующія слова Фабера. «Онѣ не могутъ молчать даже тогда, когда несутъ землю въ клювъ для постройки гнѣзда; и въ этомъ случаѣ онѣ непрерывно издаютъ хриплые горловые звуки». Послѣ вывода дѣтенышей у нихъ нѣтъ болѣе повода къ болтовнѣ, и потому онѣ дѣлаются молчаливыми.

Даже тотъ человѣкъ, который полагаетъ, что имѣетъ должное представленіе безконечномъ богатствѣ жизни въ морѣ, не знаетъ какъ отвѣтить на вопросъ: можетъ-ли небольшое пространство моря доставить достаточное пропитаніе миллионамъ этихъ птицъ? Мы знаемъ, что моевка питается почти исключительно рыбами;

Гольбедль замѣтилъ, что во время гнѣздованія чаекъ сѣверныя моря почти наполнены массою мойвы (*Mallotus villosus*) и что тюлени, преслѣдуя этихъ рыбъ снизу, въ значительной степени помогаютъ чайкамъ ловить ихъ сверху; по прошествіи нѣкотораго времени моевка принуждена пролетать 10 и болѣе миль, чтобы найти себѣ пищу. Исслѣдователь этотъ все-таки не можетъ найти удовлетворительнаго отвѣта на вышепоставленный вопросъ, и у него являются нѣкоторыя сомнѣнія относительно питанія чаекъ, хотя всѣ эти сомнѣнія должны исчезнуть передъ несомнѣннымъ фактомъ. Какъ необыкновенно богато животными море и въ какой степени щедро оно доставляетъ кормъ этой чайкѣ, замѣтно по тѣмъ изъ нихъ, которыя случайно залетаютъ во внутренность материка. Здѣсь часто ихъ находятъ мертвыми на берегу воды, и исслѣдованіе ихъ желудка показываетъ, что онъ совершенно пустъ: очевидно, что эта птица, привыкшая къ обильному морскому корму, околѣваетъ отъ голода около прѣсной воды.

Граба, который посѣтилъ гнѣздовья этихъ чаекъ на Ферерскихъ островахъ, замѣтилъ, что они всегда находятся на восточныхъ или сѣверо-восточныхъ берегахъ острова, и изъ этого заключаетъ, что моевка выбираетъ такія скалы, на которыя прямо дуетъ господствующій вѣтеръ, и что этимъ облегчается отлетъ птицъ со скаль въ море. Боіе же полагаетъ, что выборъ гнѣздовья главнымъ образомъ зависитъ отъ большого количества корма въ извѣстное время около береговъ, а Фаберъ думаетъ, что онѣ селятся тамъ вслѣдствіе привычки и любви къ обществу. Какъ ни объяснять это явленіе, но достоверно то, что однажды выбранныя скалистые обрывы ежегодно населяются чайками, повидимому, въ одномъ и томъ же количествѣ, но само собой разумѣется, что птицы выбираютъ лишь такія скалы, которыя даютъ имъ возможность устраивать тамъ свои гнѣзда. Всѣ птичьи горы состоятъ изъ множества террасъ или карнизовъ и въ нихъ много углубленій и выступовъ; во всѣхъ пещеркахъ и на выступахъ гнѣздо расположено около гнѣзда, отъ подошвы горы до самой верхушки: птицы воспользовались здѣсь всякимъ свободнымъ мѣстомъ, и на каждомъ карнизѣ тысячи паръ птицъ устроили колыбели для своихъ птенцовъ. Скоро послѣ прибытія замѣтно, какъ парочки сидятъ около гнѣздъ и ласкаютъ другъ друга, цѣлуются какъ голуби, взаимно чистятъ себѣ перышки, и слышны ихъ воркованіе, по крайней мѣрѣ самые вѣжные звуки, которые можетъ издавать чайка; при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что звуки эти рѣдко бываютъ слышны вслѣдствіе страннаго крика, производимаго всѣми птицами вмѣстѣ. Пока однѣ любезничаютъ, другія птицы улетають и прилетаютъ, принося матерьялъ для гнѣзда; вслѣдствіе этого гора постоянно окружена цѣлыми облаками птицъ, и вслѣдствіе этого сильное возбужденіе. Гнѣздо состоитъ главнымъ образомъ изъ водорослей, но въ теченіи времени около него образуются высокія стѣнки изъ помета этихъ птицъ, и потому въ началѣ гнѣздованья его приходится только немного исправить. Кладка состоитъ изъ 3 — 4 ржаво-желтыхъ или зеленовато-бѣлыхъ яицъ съ немногими темными пятнами и крапинами; яйца имѣютъ около 53 мм. длины и 40 мм. ширяны. Слѣдуетъ предположить, что каждая пара заботится о собственномъ потомствѣ, но трудно повѣтъ, какимъ образомъ между сотнями тысячъ гнѣздъ и птицъ чайки находятъ собственное гнѣздо и узнають свою сожительницу. Птенцы остаются въ гнѣздѣ до середины августа; къ этому времени они уже могутъ летать и носятся вмѣстѣ родителями надъ моремъ, посылно увеличивая общій шумъ своимъ крикомъ.

Какъ всѣ другіе маленькіе виды чаекъ, моевки сильно преслѣдуются кречетами, морскими орлами и поморниками; первые таскають ихъ изъ гнѣздъ или ловятъ на лету, послѣдніе мучатъ ихъ повсюду. Сѣверные жители пользуются ими

насколько возможно, такъ какъ яйца ихъ справедливо считаются очень вкусными блюдомъ, но добраться до гнѣздъ на птичьихъ горахъ чрезвычайно трудно, и потому, несмотря на смѣлость сѣверныхъ охотниковъ, птицы очень мало отъ нихъ страдаютъ.

* * *

Вилохвостыхъ чаенъ (*Chama. Schwalbenmöwen*) слѣдуетъ считать отдѣльнымъ родомъ, такъ какъ онѣ отличаются отъ своихъ родичей сильно развитымъ хвостомъ и чрезвычайно длинными крыльями.

Самый извѣстный видъ этого рода **Вилохвостая чайка** (*Chama sabinii*, *Xema sabinii* и *collaris*, *Larus* и *Gavia sabinii*, *Schwalbenmöwe*, *Mouette de Sabine*). Голова и верхняя часть шеи темно-свинцово-сѣрая, внизу ограничены не очень широкой черной полоской, огибающей шею; затылокъ, вся нижняя сторона тѣла и хвостъ бѣлые, спина голубовато-сѣрая, края крыльевъ и сгибъ ихъ черные, первая пятя большихъ маховыхъ перьевъ также черныя, но внутреннія опахала ихъ и кончикъ бѣлые, всѣ прочія маховыя перья голубовато-сѣрыя съ бѣлыми кончиками. Въ переходное время темная шапка на головѣ обозначена лишь темно-пепельно-сѣрыми пятнами за глазами; затылокъ и малыя кроющія перья крыла матово-черныя, спина голубовато-сѣрая, рулевыя перья на послѣдней трети также черныя, а всѣ прочія части тѣла бѣлыя. Въ юношескомъ опереніи верхняя часть тѣла имѣетъ дымчато-бурый цвѣтъ, причѣмъ всѣ перья имѣютъ свѣтлыя сѣровато-желтыя или бѣлыя каемки, хвостовыя перья на концѣ черныя, а нижняя часть тѣла бѣлая. Глаза свѣтло-каріе, клювъ красновато-черный, на концѣ оранжево-желтый, ноги черныя. Длина равняется примѣрно 35, длина крыла 28, а хвоста 12 см.

Область распространенія вилохвостой чайки ограничивается крайнимъ сѣверомъ земного шара, сѣверными берегами Америки и Сибири и островами Ледовитаго океана. Мѣста гнѣздованія ея находятся сѣвернѣе 73° с. ш. Оттуда взрослые птицы залетаютъ лишь на Шпицбергенъ и южную Гренландію, между тѣмъ какъ молодыя во время перваго и втораго года своей жизни странствуютъ иногда южнѣе и время отъ времени посѣщаютъ Великобританію, Далію, Германію, Голландію, Бельгію, Францію и даже Венгрію. Въ Германіи наблюдали и убивали нѣсколькихъ, а въ Великобританіи многихъ изъ этихъ птицъ. За исключеніемъ времени гнѣздованія, птицы эти, благодаря своимъ удивительно развитымъ крыльямъ, живутъ преимущественно на открытомъ морѣ. Гольбель узналъ отъ греппландцевъ, которые ему однажды принесли вилохвостую чайку, что они встрѣчаютъ ее чаще всего на морѣ, когда отъѣзжаютъ далеко отъ береговъ для охоты или рыбной ловли. Онѣ особенно многочисленны въ Дэвисовомъ проливѣ и въ Баффиновомъ заливѣ. Сабинъ нашелъ ихъ гнѣздовья на Баффиновомъ заливѣ, а Миддендорфъ на рѣкѣ Таймырѣ подъ 73° и 74° с. ш. Этимъ двумъ натуралистамъ мы обязаны тѣми немногими свѣдѣніями, которые намъ извѣстны объ этихъ птицахъ.

По наблюденіямъ Миддендорфа вилохвостыя чайки появились на рѣкѣ Таймырѣ 5-го іюня, но въ скоромъ времени снова скрылись, такъ какъ, вѣроятно, направилась къ своимъ гнѣздовьямъ. Гнѣздовья эти расположены сѣвернѣе 74°, на небольшихъ наносныхъ островахъ вышеназванной рѣки, а также вблизи вѣкоторыхъ маленькихъ озеръ на тундрѣ. Сабинъ, напротивъ того, видѣлъ гнѣздовья на небольшихъ скалистыхъ островахъ, расположенныхъ подъ 75° с. ш. въ 20 морскихъ миляхъ отъ Гренландіи. Какъ здѣсь, такъ и тамъ вилохвостыя чайки встрѣчаются въ обществѣ длиннохвостыхъ крачекъ, на которыхъ по полету болѣе

похожи, чѣмъ на другіе виды. Оба наблюдателя нашли въ іюль мѣсяцѣ по два яйца въ гнѣздахъ; на Таймырѣ яйца лежали въ углубленіяхъ мха, выстланныхъ прошлогодней травой, а на скалахъ они были положены на голую землю. Яйца имѣютъ грязно-желтовато-зеленый цвѣтъ съ буроватыми пятнами, длина 43 мм., а ширина около 30 мм. 10 іюля яйца, видѣнные Миддендорфомъ, были уже сильно насижены, а 15 іюля большинство птенцовъ уже вылупились. Они покрыты сверху пушкомъ ржаво-желтато цвѣта съ большимъ количествомъ черныхъ пятенъ, а нижняя сторона тѣла бѣловато-сѣрая. Птенцы очень скоро вырастаютъ, и родители на тундрѣ главнымъ образомъ выкармливаютъ ихъ личинками одного двукрылаго насѣкомаго, на скалистыхъ-же островахъ кормомъ имъ служатъ маленькія ракообразныя. Впослѣдствіи птенцы отлично выучиваются плавать и нырять. Озабоченные родители бросаются на каждого нарушителя ихъ покоя съ громкимъ гоготаньемъ, которое похоже на трескотню рябинника; они храбро нападаютъ на врага и даже тогда не покидаютъ гнѣздовья, когда одна изъ птицъ падаетъ мертвой отъ выстрѣла охотника.

* *
*

Въ тѣхъ-же негостепримныхъ широтахъ живетъ другой маленькій и очень красивый видъ чаекъ, **Розовая чайка** (*Rhodostethia rossii* и *rosea*. *Larus roseus* и *rossii*, *Rossia rosea*. *Rosenmöve*. *Mouette rose*). Она отличается своимъ клинообразнымъ хвостомъ, среднія перья котораго длиннѣе другихъ на 2 см., почему ее считаютъ представителемъ особаго рода (*Rhodostethia*). На тонкомъ клювѣ едва замѣтенъ угловатый выступъ нижней челюсти; плюсна довольно длинная, четырехпалыя лапы средней величины. Цвѣтъ оперенія пѣжнѣе и красивѣе, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ чаекъ; спина жемчужно—или серебристо-сѣрая, нижняя часть шеи, грудь и брюшко блѣдно-розовыя, на серединѣ шеи замѣтно узкое черное ожерелье, наружное опахало перваго маховаго пера черное, всѣ остальные перья бѣлыя. Вѣки и внутренность рта желтовато-красныя, клювъ черный, ноги карминно-красныя. Длина 37 см., длина крыла 22, хвоста 14 см.

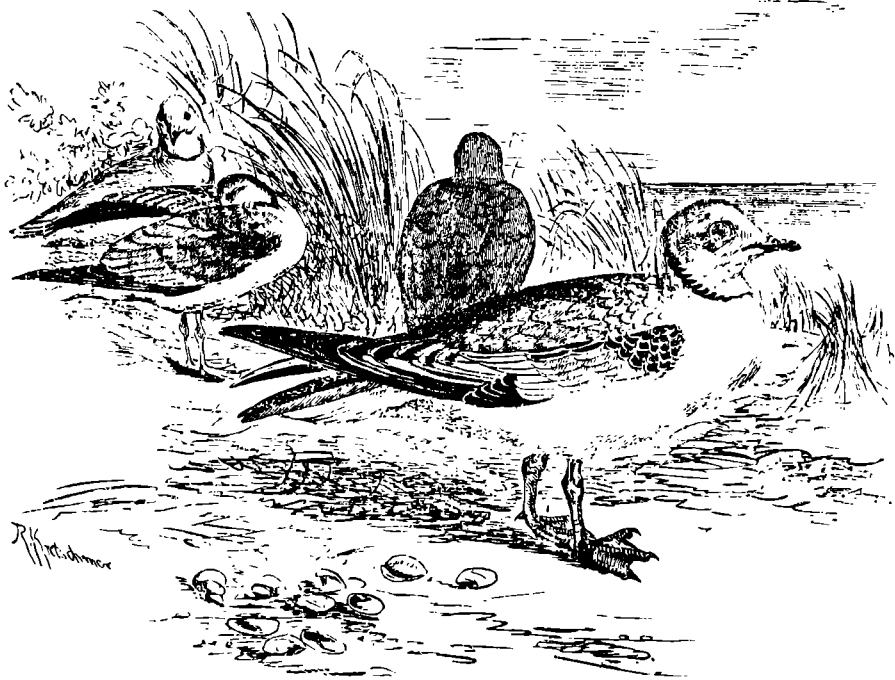
Розовая чайка была открыта въ 1832 году Россомъ на островахъ Ледовитаго океана въ Сѣверной Америкѣ; однажды, именно 5-го февраля 1858 года, ее убили на Гельголандѣ, почему и причислили къ нѣмецкимъ птицамъ. Образъ жизни ея еще неизвѣстенъ.

Такъ какъ **Поморники** (*Stercorariinae*. *Raubmöven*. *Stercoraraires*) отличаются отъ другихъ чаекъ по внѣшнему виду и окраскѣ, то ихъ считаютъ отдѣльнымъ подсемействомъ. Тѣ семь видовъ, которые намъ извѣстны, все-таки въ главныхъ чертахъ похожи на чаекъ. Туловище у нихъ довольно толстое, голова маленькая, относительно короткій клювъ имѣетъ у основаніи восковицу; онъ довольно толстый, сжатъ съ боковъ только спереди, кончикъ верхней челюсти загнутъ сильвымъ крючкомъ, на нижней челюсти замѣтенъ угловатый выгибъ; ноги средней длины, пальцы относительно короткіе съ острыми, сильно загнутыми когтями и соединены большими перепонками. Крылья длинныя, узкія и острыя, первое маховое перо самое длинное; ве очень длинный хвостъ состоитъ изъ 12 перьевъ, изъ которыхъ 2 среднихъ длиннѣе другихъ. Опереніе обильное и густое, на нижней части тѣла похожее на мѣхъ; цвѣтъ его чаще всего темно-бурый, на которомъ у взрослыхъ птицъ рѣдко, а у молодыхъ часто замѣчаются свѣтлыя пятна.

Поморники живутъ по преимуществу въ холодномъ сѣверномъ полсѣ земли, большею частью на открытомъ морѣ, а во время гнѣздованія на тундрахъ, на островахъ и берегахъ. Они ходятъ быстро и ловко, держа туловище горизонтально,

нѣкоторые виды ходятъ почти такъ-же хорошо, какъ и голенастыя птицы, они такъ-же хорошо плаваютъ, но все-же чаще всего летаютъ, причемъ полетъ ихъ совсѣмъ своеобразный и не похожъ на полетъ другихъ морскихъ птицъ: они летаютъ чрезвычайно смѣло, производя на воздухѣ разнообразныя, часто удивительныя повороты, часто парятъ и держатся на мѣстѣ, трепеща крыльями. Голосъ ихъ состоитъ изъ неприятнаго карканья, а птенцы издають тихій пискъ. Они превосходятъ другихъ чаекъ остротою своихъ другихъ вышнихъ чувствъ, а также смѣлѣе и храбрѣе ихъ. Какъ настоящіе хищники, они нападаютъ на тѣхъ животныхъ, которыхъ могутъ одолѣть и какъ истые разбойники до тѣхъ поръ преслѣдуютъ другихъ птицъ, пока тѣ имъ не отдадутъ словенную добычу. Они не принадлежатъ къ числу хорошихъ нырцовъ и могутъ схватывать только тѣхъ рыбъ, которыя держатся у са-

Розовая чайка. *Rhodostethia rossi*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

мой поверхности воды, но занимаются хищничествомъ точно такъ, какъ и другія чайки, и ѣдятъ не только рыбъ, но также птицъ, ихъ яйца, маленькихъ млекопитающихъ, а иногда разныхъ морскихъ безпозвоночныхъ животныхъ; они осмѣливаются даже нападать на молодыхъ ягнятъ, выклевываютъ у нихъ глаза и мозгъ и выѣдаютъ изъ трупа все, до чего могутъ добраться; они питаются какъ живыми животными, такъ и падалью. Кромѣ того они тщательно наблюдаютъ за чайками, крачками, чистиками и другими морскими птицами и какъ только вѣтмъ послѣднимъ удастся схватить добычу, то поморники тотчасъ-же слѣзатъ къ нимъ и до тѣхъ поръ мучатъ счастливаго охотника, пока онъ со страха не выплюнетъ или не вырыгнетъ уже проглоченную добычу; поморники необыкновенно ловко подхватываютъ пищу на лету, пока она еще не попала въ воду. Подобное разбойничанье падекаетъ на нихъ ненависть всѣхъ другихъ птицъ, которыя ихъ боятся, какъ опасныхъ хищниковъ. Ни одна морская птица не гнѣздится по сосѣдству съ ними, ни

одна не занимается охотой около залива или озера, гдѣ держатся поморники; каждая птица осторожно осматривается, когда приближаются эти разбойники; самыя храбрыя птицы тотчасъ нападаютъ на нихъ, какъ только увидятъ, а слабыя улетаютъ отъ нихъ со страхомъ.

Для своего гнѣзда поморники вырываютъ неглубокую круглую ямку въ песокъ или во мхѣ, растущемъ на тундрахъ; въ это простое гнѣздо они кладутъ 2—3 яйца и обѣ птицы одной пары насиживаютъ ихъ по-очереди, чрезвычайно заботливо относятся къ своему потомству и смѣло защищаютъ его при приближеніи врага. Птенцы сначала выкармливаются полупереваренной мясной пищей, а впослѣдствіи болѣе грубымъ кормомъ; если ихъ не тревожить, то птенцы остаются нѣсколько дней въ гнѣздѣ, затѣмъ покидаютъ его и проворно бѣгаютъ, какъ и другія береговыя птицы, прятаясь, при опасности, между камнями и неровностями почвы. Научившись летать, они нѣкоторое время порхаютъ надъ землей, причемъ родители обучаютъ ихъ своему ремеслу, послѣ чего они наконецъ вмѣстѣ съ родителями улетаютъ въ открытое море. Они дѣлаются способными къ размноженію во второе лѣто своей жизни.

Сѣверные жители отыскиваютъ иногда яйца поморниковъ, чтобы попытаться ими, но другой пользы эти птицы не приносятъ, а потому всѣ считаютъ ихъ вредными животными и преслѣдуютъ всевозможными способами. Охота за ними не представляетъ трудностей, такъ какъ поморниковъ легко привлечь на всякую приманку, и они точно такъ-же мало боятся людей, какъ и животныхъ.

* *
*
*
*

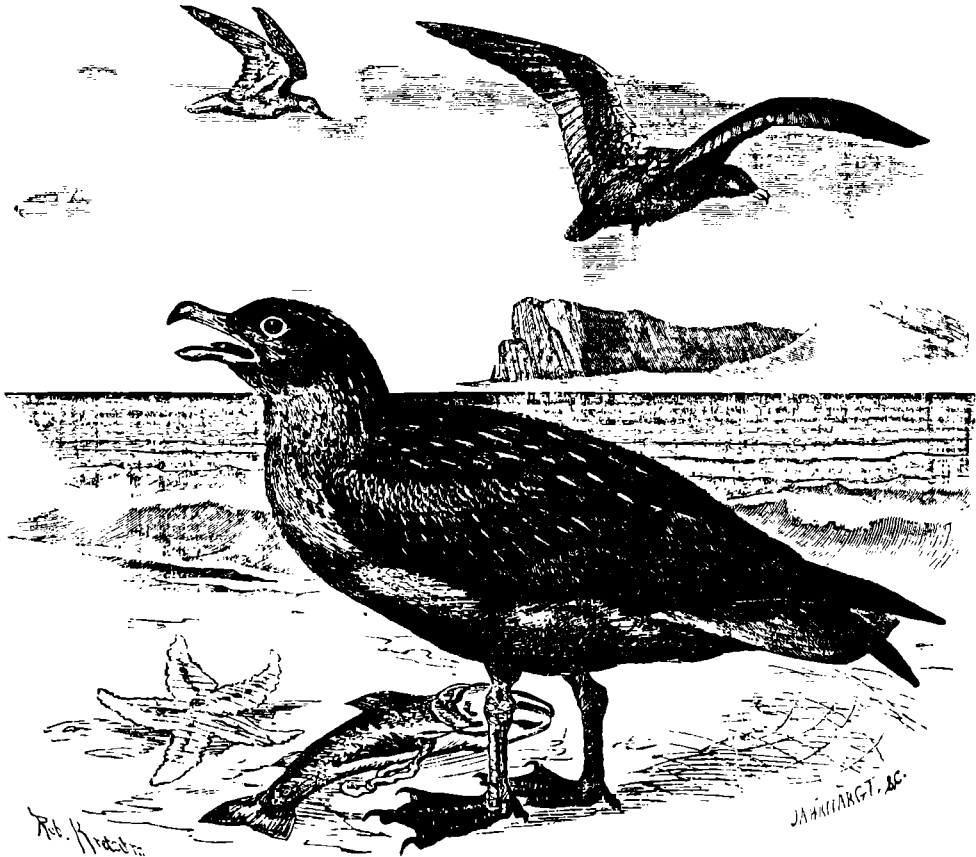
Большой поморникъ или **Скуа** (*Stercorarius catarrhactes*, *Lestris catarrhactes* или *catarractes* и *skua*, *Larus catarrhactes*, *Catarrhactes skua*, *fusca* и *vu'garis*, *Megalestris catarrhactes*, *Buphagus skua*. *Riesenraubmöwe*. *Grand labbe*) можетъ считаться самымъ замѣтнымъ видомъ этого подсемейства и по величинѣ равняется большому ворону: длина его равняется 57 см., размахъ крыльевъ 146, длина крыла 43, а хвоста 17 см. Среднія перья хвоста какъ бы обрѣзаны, слѣдовательно каждое на концѣ имѣетъ два прямыхъ угла; они мало удлинены противъ остальныхъ. Опереніе сѣровато-бурое съ красноватыми и блѣдно-сѣрыми продольными полосками, у основанія темныхъ крыльевъ замѣчается бѣлое пятно, глаза красновато-бурые, клювъ у основанія свинцово-сѣрый, а на концѣ черный, поги черновато-сѣрый. Молодыя птицы по цвѣту оперенія не отличаются.

Родиной большого поморника считаютъ поля между 60° и 70° с. ш., но его наблюдали также на моряхъ болѣе южной умѣренной полосы. Въ Европѣ онъ водится на Ферерскихъ, Оркнейскихъ, Шетландскихъ и Гебридскихъ островахъ, а также въ Исландіи; отсюда онъ зимою пролетаетъ къ берегамъ Англіи, Германіи, Голландіи и Франціи. Большинство этихъ птицъ однако остается на сѣверѣ даже въ холодное время года и отыскиваетъ себѣ пропитаніе на открытомъ морѣ.

Средній поморникъ, Томка (*Stercorarius pomatorhinus*, *pomarinus* и *pomarinus*, *Lestris pomatorhina*, *pomarina*, *pomarinina*, *striata* и *sphaeriuros*, *Catarrhactes pomarina*. *Spatellaubmöwe*. *Labbe noir*) прежде всего отличается отъ большого поморника тѣмъ, что среднія хвостовыя перья у него на концѣ закруглены. Верхняя часть головы и стороны ея, спина, крылья и хвостъ темно черно-бураго цвѣта; подбородокъ, горло, нижняя часть тѣла—бѣлыя, стороны шеи бѣлыя съ грязно-желтымъ налетомъ; на зобѣ замѣчается ошейникъ, состоящій изъ бурыхъ поперечныхъ полосокъ, бока туловища покрыты такими-же полосками, большія

маховья перья имѣютъ бѣлыя основанія и бѣлые стержни. Глаза каріе, клювъ у основанія голубовато-сѣрый, а на концѣ черноватаго рогового цвѣта, ноги черныя. У молодыхъ птицъ по сторонамъ шеи на свѣтломъ фонѣ замѣтны темныя продольныя полоски, а на спинѣ темныя поперечныя полоски; среднія хвостовыя перья у нихъ еще неразвиты. Длина, включая сюда среднія перья хвоста, выдвигающіяся на 8 см., равняется 55 см., размахъ крыльевъ 135, длина крыла 35, а хвоста 23 см.

Средній поморникъ гнѣздится на сѣверныхъ тундрахъ всѣхъ трехъ частей

Большой поморникъ. *Stercorarius catarhactes* $\frac{1}{3}$ наст. вел.

свѣта, но посѣщаетъ иногда всѣ моря земного шара и потому иногда попадаетъ на берегахъ Африки и Австраліи.

Большой поморникъ, который по образу жизни похожъ на другихъ большихъ чаекъ, отличается отъ нихъ проворствомъ, разнообразіемъ и ловкостью своихъ движеній. Онъ бѣгаетъ быстро, красиво и долго плаваетъ, глубоко опустивъ грудь въ воду, легко поднимается съ воды или земли и летаетъ какъ большія чайки, но не столь равномерно, причемъ поражаетъ своими смѣлыми и неожиданными поворотами, напоминающими полетъ хищной птицы. Иногда онъ паритъ, не двигая крыльями, иногда несется, какъ бы по наклонной плоскости, сверху внизъ съ изумительной быстротой. Голосъ его похожъ на низкое «ах ах»

или грубое «я»; при нападеніи на врага онъ громко выкрикиваетъ «гох». По смѣлости, хищности и неуживчивости онъ похожъ на другихъ поморниковъ и превосходить этими качествами всѣхъ другихъ морскихъ птицъ. Это — самый страшный морской хищникъ; онъ не водитъ дружбы ни съ какими другими птицами; его всѣ ненавидятъ, но лишь самые храбрыя осмѣливаются на него нападать. Какъ сильно дѣйствуетъ на другихъ птицъ смѣлость поморника, лучше всего видно изъ того, что даже самая большія морскія птицы, превосходящія его силою, бояливо избѣгаютъ его. Вслѣдствіе своей безпрестанной дѣятельности, поморникъ всегда голоденъ и потому онъ летаетъ только для того, чтобы охотиться. Если онъ не видитъ вблизи другихъ птицъ, то рѣшается самъ добыть себѣ пищу, бросается въ воду за рыбами, бѣгаетъ по берегу и подбираетъ то, что выброшено волнами или ищетъ въ землѣ червей и насѣкомыхъ. Но какъ только онъ издали увидитъ другую плотоядную морскую птицу, то слѣпнеть туда, наблюдаетъ за ней, терпѣливо ожидаетъ, чтобы она поймала добычу и тогда бросается на нее, какъ хищная птица на летящую дичь, и преслѣдуетъ ее съ такою силою и ловкостью, съ такою смѣлостью и наглостью, что бѣдная жертва поневолѣ принуждена выплунуть только что пойманное животное.

Часто случается, что поморникъ схватываетъ и самую птицу. Граба выдалъ, какъ поморникъ однимъ ударомъ раскроилъ черепъ тупику, а другіе наблюдатели замѣчали, что онъ убивалъ чаекъ и олушей, разрывалъ ихъ на части и по кускамъ проглатывалъ. Мертвыя и больныя птицы, которыя плаваютъ по морю, постоянно дѣлаются добычей поморника; здоровыя же птицы потому избѣгаютъ той же участи, что при появленіи поморника тотчасъ же ныряютъ въ воду. На птичьихъ горахъ онъ немилосердно грабитъ гнѣзда живущихъ тамъ птицъ и таскаетъ захваченныя яйца и птенцовъ своимъ собственнымъ дѣтенышамъ. «Какъ только этотъ хищникъ приближается къ гнѣздовью,» пишетъ Науманъ, «то тысячи птицъ начинаютъ издавать жалобные крики, но ни одна изъ нихъ однако не осмѣливается серьезно защищаться отъ поморника. Онъ схватываетъ перваго попавшагося птенца, который странно корчится въ клювъ хищника, и несчастная мать летитъ нѣкоторое время за поморникомъ, жалобно кричить, но помочь своему несчастному птенцу не можетъ. Отлетѣвши на нѣкоторое разстояніе, поморникъ спускается на воду, убиваетъ свою добычу и проглатываетъ ее, а затѣмъ летитъ къ своимъ птенцамъ и отгрызаетъ только что проглоченную пищу.» Такимъ образомъ поморникъ дѣлается настоящимъ бичемъ для птицъ, живущихъ на общихъ гнѣздовьяхъ. При нападеніи онъ пользуется, говорить, только своимъ клювомъ, но, вѣроятно и, острые когти при этомъ играютъ нѣкоторую роль. Послѣ обильной ѣды поморникъ дѣлается лѣнливымъ, отыскиваетъ себѣ спокойное мѣстечко и отдыхаетъ тамъ нѣкоторое время, нахохлившіи всѣ перья; но возвращающійся голодъ скоро снова его заставляетъ продолжать охоту.

Въ серединѣ мая парочки отправляются на гнѣздовья, расположенныя на плоскихъ возвышенностяхъ или на склонахъ горъ, покрытыхъ травою и мхомъ; здѣсь птицы устраиваютъ себѣ гнѣздо, часто вертятся на одномъ мѣстѣ, и образуя такимъ образомъ небольшое углубленіе, а въ первыхъ числахъ іюня кладутъ по два грязно-зеленыхъ яйца съ бурыми пятнами, которыя имѣютъ около 70 мм. длины и 50 мм. ширины. На гнѣздовья, которое посѣтилъ Граба, жило около 50 паръ. Никакая другая птица не устраиваетъ своего гнѣзда около поморника, такъ какъ всѣ боятся этого опаснаго соеѣдства. Самка и самецъ насиживаютъ поочередно въ теченіи около 4 недѣль. Въ началѣ іюля въ большинствѣ гнѣздъ уже можно найти птенцовъ, покрытыхъ сѣровато-бурымъ пушкомъ. Если прибли-

жается человѣкъ, то птенцы быстро покидаютъ гнѣзда, спотыкаясь бѣгутъ по землѣ и прячутся такъ, какъ было описано выше. Взрослыя птицы поднимаются на воздухъ при приближеніи врага, страшно кричатъ и смѣло бросаются сверху на протпвника, причемъ не боятся ни людей, ни собакъ. Случается, что онѣ при этомъ сильно ранятъ человѣка въ голову, почему, по словамъ Граба, жители Ферерскихъ острововъ иногда прикрѣпляютъ къ своей шапкѣ острый ножикъ стоймл, на который птица и натывается при нападеніи. Чѣмъ ближе подходишь къ гнѣзду, тѣмъ тѣснѣе кружатся родители надъ непрошеннымъ гостемъ и наконецъ бросаются на него по наклонной линіи, такъ что поневолѣ приходится нагибаться, чтобы не получить рану въ голову. Птенцы сначала выкармливаются моллюсками, червями, личками, причемъ родители отрыгаютъ то, что у нихъ находится въ зобѣ; въ послѣдствіи птенцы получаютъ куски мяса, рыбъ, молодыхъ птичекъ, пеструшекъ и прочее, а когда они дѣлаются болѣе самостоятельными, то охотно ѣдятъ ягоды, которыя растутъ недалеко отъ ихъ гнѣзда; кромѣ того, какъ я самъ имѣлъ случай наблюдать, они постоянно хватаютъ комаровъ, которые ихъ мучатъ и летаютъ вокругъ. Молодые достигаютъ полнаго роста въ концѣ августа, нѣкоторое время они носятся невдалекѣ отъ гнѣзда, а въ срединѣ сентября улетаютъ въ открытое море.

Въ зоологическихъ садахъ рѣдко можно встрѣтить пойманныхъ поморниковъ. Я получилъ отъ моихъ друзей датчанъ двухъ птенцовъ этой птицы и имѣлъ случай нѣкоторое время наблюдать ихъ. Они лишь немного отличаются отъ другихъ чаекъ болшею жадностью и прожорливостью, но мирно относятся къ другимъ птицамъ, и зависти къ пищѣ, что можно было бы предположить, у нихъ незамѣтно; кажется, они главнымъ образомъ заняты сами собой. Они черезъ нѣсколько дней стали узнавать своего сторожа и постоянно его привѣтствовали при появленіи. Голосъ ихъ, сравнительно съ величиной птицы, необыкновенно слабъ и состоитъ лишь изъ тихаго свиста.

Болѣе извѣстѣя другой видъ этихъ птицъ **Длиннохвостый поморникъ, Исправникъ** (*Stercorarius parasiticus, longicaudus, longicaudatus, buffoni, Lestrus parasitica, longicaudata, brachyrhincha, lessoni, buffoni, Larus parasiticus, Catarhactes parasitica. Schmarotzerraubtöwe. Labbe à longue queue*). Олѣ замѣтно меньше и стройнѣе большаго поморника и кромѣ того отличается значительно удлинненными и остроконечными средними хвостовыми перьями. Опереніе у него однообразно-дымчато-бурое съ бѣлыми или желтовато-бѣлыми пятнами на лбу и горлѣ. На верхней сторонѣ опереніе дымчато-бурое, на горлѣ желтоватое, па нижнихъ частяхъ тѣла сѣровато-бѣлое, а на зобу сѣрое, причемъ это различіе цвѣта не зависитъ ни отъ возраста, ни отъ пола. Глаза каріе, клювъ черныи, восковица темно-свищопо-сѣрая, ноги сивевато-черныя. Длина, включая сюда удлинненныя хвостовыя перья, равняется 60, а безъ хвостовыхъ перьевъ 50, размахъ крыльевъ 100—110, длина крыла 81, а хвоста 18 см.

Насколько нынѣ извѣстно, длиннохвостаго поморника можно считать за самый обыкновенный видъ этого рода; онъ также водится въ сѣверныхъ моряхъ отъ Шницбергена и Гренландіи до средней Норвегіи, очень обыкновененъ въ Исландіи, на Ферерскихъ и другихъ островахъ, расположенныхъ на сѣверѣ Шотландіи, а также на Лабрадорѣ, Ньюфаундлендѣ, въ Беринговомъ и Охотскомъ моряхъ; зимою онъ постоянно появляется на южныхъ берегахъ Нѣмецкаго моря, а иногда залетаетъ и во внутренность материка. За исключеніемъ времени гнѣздованія, онъ всегда живетъ на открытомъ морѣ, не только вблизи ост-

рововъ и шхеръ, но повидимому по цѣлымъ недѣлямъ держится далеко отъ твердой земли.

Его ближайшимъ родичемъ считается **Короткохвостый поморникъ** (*Stercorarius longicauda, crepidatus, cephus, spinicaudus, tephros, asiaticus* и *richardsonii, Lestris crepidata, spinicauda, coprotheses. thuliaca, richardsonii, bojei, schlegelii* и *benickii, Larus crepidatus, cephus, Catarrhactes richardsonii. Kreischraubmöwe. Labbe à courte queue.*) Онъ отличается отъ длиннохвостаго поморника меньшей величиной, болѣе короткимъ клювомъ и чрезвычайно длинными средними остроконечными рулевыми перьями, выступающими на 15 см. надъ остальными средними. Ихъ опереніе бываетъ также однообразно дымчато-бурое или похожее на опереніе большаго поморника. Длина его, включая длинныя хвостовыя перья, равняется 55, а безъ нихъ 40, размахъ крыльевъ 90—95, длина крыла 33, а хвоста 30 или 15 см.

Даже неопытный наблюдатель тотчасъ же отличить длиннохвостаго поморника отъ всякой другой извѣстной ему птицы когда только увидитъ его полетъ. Его походка, правда, очень скорая, но не имѣетъ въ себѣ ничего особеннаго, при плаваньи же онъ очень похожъ, несмотря на его темную окраску, на маленькихъ чаекъ; при полетѣ онъ не только отличается отъ этихъ послѣднихъ, но въ извѣстной степени и отъ своихъ родичей. Науманъ справедливо говоритъ, что его полетъ есть самый замѣчательный и самый разнообразный во всемъ птичьемъ царствѣ. Часто летитъ онъ нѣкоторое время какъ соколъ, то медленно шевеля крыльями, то снова неподвижно паритъ на большомъ пространствѣ, затѣмъ опять качается съ довольно прямо вытянутымъ тѣломъ на подобіе пустельги, такъ что смотря издали, его вполне можно смѣшать съ лунемъ; но вдругъ онъ начинаетъ необыкновенно скоро трясти или махать крыльями, стремится въ дугообразномъ направленіи внизъ, снова поднимается наверхъ, образуетъ извивающуюся линію, состоящую изъ болѣе длинныхъ и короткихъ дугъ, падаетъ съ поразительной быстротой внизъ, медленно взлетаетъ снова вверхъ, иногда кажется утомленнымъ и вялымъ; иногда же въ немъ «какъ бы поселяется злой духъ»: онъ вертится и поворачивается, бьется и трепещетъ, короче—производитъ быстро измѣняющіяся и чрезвычайно разнообразныя движенія. Его крикъ звучитъ на подобіе крика павлина, слѣдовательно вродѣ «мау», громко и звонко; во время же размноженія ихъ бываютъ слышны странные звуки, которые можно назвать даже пѣніемъ, хотя они состоятъ лишь изъ простыхъ, но очень разнообразно отгѣненныхъ слоговъ «ie ie». Его душевныя свойства во многихъ отношеніяхъ согласуются съ душевными свойствами большаго поморника; соответственно своей величинѣ длиннохвостый поморникъ такъ же смѣлъ, нахаленъ, мужественъ, завистливъ, жаденъ и хищенъ, какъ и вышеназванный. Длиннохвостый поморникъ лишь съ одной стороны, повидимому, отъ него отличается, именно онъ любитъ общество другихъ птицъ своего вида. За исключеніемъ времени насиживанья его часто видятъ маленькими обществами, но въ продолженія этого времени они, въ противоположность другимъ родичамъ, живутъ парами до того уединенно, что каждая отдѣльная парочка населяетъ извѣстный участокъ. Маленькія чайки его такъ же боятся, какъ большія морскія птицы—большаго поморника; поразительно однако то, что кулики, бекасы, морскіе кривки и сизыя чайки постоянно гнѣздятся на одномъ и томъ болотѣ.

Какъ на Лофоденскихъ островахъ, такъ и на тундрахъ Самоѣдскаго полуострова я по цѣлымъ недѣлямъ изо дня въ день наблюдаю длиннохвостыхъ поморни-

ковъ и при этомъ замѣтилъ, что они въ продолженіи лѣта ночью такъ-же дѣятельны, какъ и днемъ. Часто казалось мнѣ, будто они по цѣлымъ часамъ охотились за насѣкомыми; несмотря на то, я находилъ въ желудкѣ убитыхъ мною лишь маленькихъ рыбъ и пеструшекъ. Я никогда не наблюдалъ, чтобы они разоряли гнѣзда, но они также всегда преслѣдовали сизыхъ чаекъ и заставляли ихъ уступать имъ только что пойманную добычу. Крачки и глупыши еще болѣе чаекъ страдаютъ отъ нихъ. Несмотря на то, огнятая добыча едва-ли составляетъ, какъ это можно было предположить, главную часть пищи длиннохвостаго поморника, потому что такъ-же часто, какъ при преслѣдованіи птицъ, видишь его занятымъ на болотѣ или морскомъ берегу, или охотящимся за пеструшками и добывающимъ всевозможныхъ червей и ягоды, или подбирающимъ морскихъ животныхъ, выкинутыхъ на берегъ волнами.

Въ серединѣ мая длиннохвостый поморникъ появляется на твердой землѣ, а именно на тундрѣ, чтобы насиживать яйца. На болѣе обширномъ болотѣ можно встрѣтить отъ 50 до 100 паръ; каждая-же отдѣльная пара ограничиваетъ себѣ известное пространство и защищаетъ его отъ другихъ птицъ этого вида. Гнѣздо стоитъ на кочкѣ въ болотѣ и представляетъ простое, но хорошо выровненное углубленіе. Яйца, которыя рѣдко находишь раньше середины іюня, немного напоминаютъ яйца нѣкоторыхъ бекасовъ и имѣютъ въ поперечникѣ около 55 мм. длины, 42 мм. толщины, съ мелкозернистой скорлупой, мало блестящія и покрыты по темному маслянисто—или буро-зеленому фону темно-сѣрыми и темно-красновато-черно-бурыми пятнами и точками, сѣтками и тонкими волособразными черточками. Науманъ говоритъ, что длиннохвостый поморникъ никогда не кладетъ болѣе двухъ яицъ; я же смѣю увѣрить, часто находилъ въ гнѣздѣ по три яйца. Обѣ птицы насиживаютъ попеременно и выказываютъ самое сильное безпокойство, когда человекъ приближается къ гнѣзду, издали стремятся на встрѣчу нарушителю покоя, летаютъ вокругъ него, бросаются на землю, стараются привлечь его вниманіе на себя, начинаютъ притворяться, съ страннымъ шипѣньемъ прыгаютъ и порхаютъ по землѣ, взлетаютъ, когда къ нимъ подойдутъ, но тотчасъ же снова принимаются за прежнія продѣлки. Но они все-таки не такъ нахальны, какъ болѣе крупные виды ихъ семейства, по крайней мѣрѣ я никогда не испыталъ, чтобы одна изъ наблюдаемыхъ мною парочекъ выказала себя болѣе смѣлой, чѣмъ почти одинаковыя съ ними по величинѣ сизыя чайки. Напротивъ того, онѣ преслѣдуютъ съ смертельной ненавистью хищныхъ птицъ и даже чеглока обращаютъ въ бѣгство. Юность хорошенькихъ птенцовъ проходитъ такъ-же, какъ и у среднихъ имъ видовъ.

Несмотря на то, что норвежецъ не можетъ считаться особеннымъ другомъ длиннохвостаго поморника, онъ все-такъ оставляетъ его въ покоѣ, хотя лишь потому, что онъ не хочетъ, охотясь за нимъ, тревожить на гнѣздовьяхъ другихъ полезныхъ для него птицъ. Яйца его ѣдятъ такъ-же охотно, какъ яйца чаекъ; они по вкусу не уступаютъ послѣднимъ. Только лапландцы охотятся за этой птицей ради мяса; они ставятъ удочки, на которыя нацѣпляютъ кусокъ рыбы или птичьяго мяса. Естественный испытатель легче всего убиваетъ его вблизи гнѣзда или когда онъ залетаетъ на чужбину, какъ напримѣръ, въ средней Германіи, на морѣ-же, напротивъ, его надо сначала приманить; по крайней мѣрѣ въ Норвегіи я всегда его находилъ очень осторожнымъ. Науманъ рассказываетъ, что одинъ изъ его друзей подстрѣдилъ длиннохвостаго поморника; птицы, къ его великому изумленію, нападали на него, или съ безумною храбростью близко летали вокругъ него. Я никогда не наблюдалъ ничего подобнаго. Относительно жизни его въ неволѣ мнѣ известны никакія сообщенія.

Къ **Чистиковымъ** (Alcidae. Flugeltaucher. Pingouins) причисляютъ около 30, очень похожихъ между собою, хорошо выряющихъ морскихъ птицъ, которыя распространены по сѣвернымъ морямъ; отличительные признаки ихъ слѣдующіе: сильное туловище, короткая шея, толстая голова, умѣренно-длинный клювъ разнообразной формы, ноги средней высоты, по сторонамъ сжатыя, трехпалыя, снабженныя большими плавательными перепонками, крылья короткія, узкія, въ иныхъ случаяхъ совсѣмъ малоразвитыя, хвостъ короткій и оперенію мягкое, большею частью двухпѣтное.

Всѣ чистиковыя принадлежатъ Сѣверному Ледовитому океану и прилегающимъ къ нему бухтамъ и проливамъ, распространяются только мѣстами на югъ за полярный кругъ, хотя онѣ во время своихъ зимнихъ странствованій ежегодно перелетаютъ его. Это настоящія морскія птицы, которыя собственно только въ продолженіи насиживанья живутъ на землѣ, въ остальное-же время всѣ свои дѣла справляютъ надъ водою или въ водѣ. Онѣ плаваютъ и ныряютъ чрезвычайно искусно, летаютъ большею частью все-таки довольно хорошо, ходятъ, правда, неохотно, однако довольно скоро, хотя большею частью скользятъ на ступняхъ, а не опираются на пальцы. Ихъ внѣшнія чувства хорошо развиты, остальные душевныя способности вовсе не такъ незначительны, какъ обыкновенно считаютъ, такъ какъ забываютъ, что птицы имѣютъ случай выработать ихъ лишь крайне одно-сторонне. Рыбы и раки, которыя достаются съ довольно значительной глубины составляютъ ихъ исключительную пищу. Всѣ живутъ и охотно ловятъ рыбу вмѣстѣ и всѣ на время насиживанья соединяются въ большія или меньшія стаи; нѣкоторые виды соединяются въ такія общества, которыя насчитываютъ до ста тысячъ паръ. Чистиковыя, въ особенности гагарки, считаются жителями сѣвера въ высшей степени полезными птицами. Одинъ видъ вмѣстѣ съ тюленями составляетъ главное средство пропитанія жителей большей части поселеній южной Гренландіи, и если бы эти птицы случайно появились тамъ, но въ очень большомъ количествѣ, то у жителей настала бы голодь. Эти птицы по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ составляютъ главнѣе, иногда исключительное кушанье тѣхъ людей, про которыхъ Гольбелль говоритъ, что ихъ еще никто не научилъ запасаться пищею на слѣдующій день.

Тупикъ (*Fratercula arctica* и *glacialis*, *Mormon arctica*, *fratercula, polaris, glacialis, grabae, Alca arctica, labradorica* и *canagularis*, *Lunda arctica*, *Ceratoplepharum arcticum*. Lund. Macareux commun), представитель одноименнаго рода, можетъ считаться одною изъ самыхъ удивительныхъ морскихъ птицъ. Эта птица средней величины, съ короткойшеей, толстой головою и очень странно устроеннымъ клювомъ. Если посмотрѣть на него сбоку, то онъ имѣетъ трехугольную форму, у основанія шире, чѣмъ у лба и подбородка, необыкновенно сильно сжать съ боковъ, окружень сзади рубцомъ изъ толстой кожи, который огибаетъ углы рта; посреди на клювѣ замѣчаются нѣсколько бороздокъ, кончикъ его не особенно острый, но съ сильно рѣжущимъ концомъ; ноги трехпалыя съ большими плавательными перепонками и очень длинными, на бокъ повернутыми когтями. Крылья небольшія, узкія съ округленными короткими концами, шестнадцатиперый хвостъ очень коротокъ; кроющія перья сверху густыя, жесткія и гладко прилегающія, снизу длиннѣе и похожи на мѣхъ, бородаки у этихъ перьевъ распушены. На глазахъ замѣчательны голыя вѣки, на нижнемъ краѣ которыхъ замѣчается хрящеватый, удлинненный, горизонтальный отростокъ, а наверху трехугольный вертикальный отростокъ. Верхняя часть головы, ожерелье и верхняя часть спины черныя, шея и горло пепель-

по-сѣрыя, нижнія части тѣла бѣлыя, а бока сѣрые или черноватые. Глаза темно-каріе, ободокъ кругомъ глаза кораллово-красный, нижняя часть пальцевъ пепельно-сѣрая, клювъ на концѣ блѣдно-кораллово-красный, въ бороздкахъ еще блѣднѣе, а у основанія голубовато-сѣрый; уголь рта оранжево-желтый, ноги красныя. Молодыя птицы отличаются болѣе низкимъ клювомъ и менѣе яркимъ цвѣтомъ оперенія. Длина равняется 31 см., размахъ крыльевъ 62, длина крыла 17, а хвоста 6 см.

Туникъ живетъ въ Ледовитомъ океанѣ, въ сѣверной части Атлантическаго океана и въ Нѣмецкомъ морѣ до 80° с. ш. Онъ встрѣчается какъ на европейскихъ, такъ и на азіатскихъ и американскихъ берегахъ, но на сѣверѣ Тихаго океана замѣняется другимъ сходнымъ видомъ. Нѣсколько парочекъ уже гнѣздятся на Гельголандѣ; далѣе на сѣверѣ туникъ болѣе обыкновененъ, а въ Ледовитомъ океанѣ онъ живетъ въ несмѣтномъ количествѣ, занимая лѣтомъ своими гнѣздами все удобныя мѣста, причемъ на одной скалѣ находятъ сотни тысячъ и милліоны птицъ. Въ южной Гренландіи онъ не очень обыкновененъ, а дальше на сѣверѣ встрѣчается въ большемъ количествѣ. На европейскихъ берегахъ Ледовитаго океана эти птицы образуютъ самыхъ многочисленныхъ обитателей такъ называемыхъ птичьихъ горъ. Къ перелетнымъ птицамъ его причислить нельзя, хотя зимою онъ часто показывается въ болѣе южныхъ странахъ; строго говоря, онъ только переключивается отъ своихъ гнѣздовій въ открытое море и оттуда снова къ птичьимъ горамъ. При этомъ можетъ, конечно, случиться, что, несясь все дальше и дальше, онъ залетаетъ въ страны, расположенныя далеко на югъ, напримѣръ на Средиземное море.

Во время моего путешествія въ Ланландію я встрѣтилъ или по крайней мѣрѣ замѣтилъ туника только на Лофоденскихъ островахъ. Первое, что меня поразило въ этой птицѣ, это ея необыкновенно странный полетъ надъ самыми волнами, причемъ казалось, что она не летитъ надъ водой, а скользитъ по поверхности ея. Туникъ при этомъ употребляетъ въ дѣло не только крылья, но и ноги и такимъ образомъ быстро подвигается отъ одной волны къ другой, такъ что похожъ на рыбу, которая на половину плаваетъ, наполовину летаетъ; при этомъ, онъ бьетъ крыльями и ногами по водѣ, плотно прилегаетъ къ каждой волнѣ, описываетъ одну дугу за другою и такимъ образомъ подвигается впередъ довольно быстро, но съ замѣтнымъ напряженіемъ силъ. Клювъ при этомъ постоянно прорѣзываетъ воду, такъ что полетъ туника сильно напоминаетъ полетъ ножеклюва. Поднявшись съ воды, онъ летитъ по прямому направленію, быстро махая крыльями и такъ скоро, что охотнику трудно догнать его выстрѣломъ. Въ плаваніи онъ, вѣроятно, не уступаетъ ни одному изъ своихъ родичей. Онъ свободно плаваетъ по поверхности воды и, когда нужно, ныряетъ безъ видимаго напряженія и не производитъ ни малѣйшаго шума, остается подъ водой до трехъ минутъ и, говорятъ, достигаетъ до 60 м. глубины. По твердой землѣ онъ ходитъ мелкими шажками и переваливаясь, но замѣчательно скоро, легко поднимается на воздухъ, прямо съ мѣста и совершенно свободно падаетъ съ высоты на твердую землю; сидя, онъ почти всегда опирается на всю ступню и хвостъ, или даже ложится прямо на брюхо. Даже въ спокойномъ состояніи онъ, точно такъ, какъ его родичи, безпрестанно двигаетъ головой направо и налево, какъ будто что-либо ищетъ, или къ чему-нибудь при-матривается. Голосъ его похожъ на трещаніе другихъ сходныхъ птицъ, но отличается очень низкимъ тономъ; болѣе всего онъ похожъ на голосъ обыкновенной гагарки и звучитъ примѣрно, какъ растянутое «орр, орр»; по словамъ Фабера, голосъ его похожъ на зѣваніе соннаго человѣка. Во время гнѣзда онъ ворчитъ, какъ маленькая злая собачка.

И долгое время, такъ сказать, жилъ съ туниками, т. е. очень внимательно

старался изучить ихъ на ихъ гнѣздовыхъхъ, и долженъ признаться, что изученіе ихъ образа жизни доставило мнѣ много удовольствія. Изъ всѣхъ птицъ этого семейства я считаю тупика самую веселую и умную птицею. Его, конечно, можно, какъ думаетъ Фаберъ, считать глупымъ и скучнымъ, когда видишь, какъ онъ спокойно сидитъ передъ своей норой, и что, увидя человѣка, который приближается къ его гнѣздовью, онъ вмѣсто того, чтобы летѣть на море, прячется въ свою неглубокую нору и тамъ дозволяетъ себя схватить руками. Кажущаяся глупость его дѣлается еще болѣе замѣтной, если пойманную птицу унести съ гнѣздовья и выпустить въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ моря; птица здѣсь показываетъ такое смущеніе, что, повидимому, совершенно забываетъ употребленіе своихъ крыльевъ; если тупика бросить въ воздухъ, то онъ снова падаетъ на землю, вовсе не пробуя добратся до близкаго моря. Онъ злобно нападаетъ на приближающагося человѣка, смѣло подпускаетъ къ себѣ собакъ, и даже онѣ не могутъ его заставить взлетѣть. Но мнѣніе объ этой птицѣ совершенно перемѣняется, когда наблюдаешь ее въ родной стихіи, гдѣ она можетъ выказать все свои способности. Тупикъ и тамъ не выказываетъ осторожности въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, по той простой причинѣ, что на его родинѣ ни одному человѣку не придетъ въ голову на него нападать съ лодки, однако онъ дѣлается осторожнымъ, если замѣчаетъ, что его преслѣдуютъ, а подъ конецъ, какъ я самъ, къ своему удивленію, замѣтилъ, птица эта дѣлается необыкновенно пугливой. Относительно другихъ птицъ своего вида онъ выказываетъ свойственныя всѣмъ своимъ родичамъ, общечеловѣчность и миролюбіе. Можетъ быть между тупиками происходитъ больше ссоръ, чѣмъ между кайрами, но я ничего подобнаго не замѣчалъ, а постоянно видѣлъ, что и между этими птицами царствуетъ полное согласіе. Въ случаѣ нужды, тупикъ, конечно, умѣетъ очень искусно и успѣшно воспользоваться своимъ острымъ клювомъ, и ему приходится чаще другихъ птицъ употреблять его въ дѣло, такъ какъ онъ долженъ защищать свою нору отъ посѣщающихъ ее животныхъ. Всѣ тупики, которыхъ я вынималъ изъ ихъ норъ, очень сильно клевались, а тотъ тупикъ, котораго я выпустилъ на землю, встрѣтилъ крестьянскую собаку такими ударами клюва, что ее нельзя было вторично натравить на птицу.

Пища его состоитъ изъ мелкихъ ракообразныхъ и маленькихъ рыбъ; послѣднія служатъ кормомъ для итенцовъ. Какое значеніе при добываніи пищи имѣетъ странный клювъ тупика, я сказать не могу, но особенно и не стараюсь разрѣшить этотъ вопросъ, а только довольствуюсь наблюденіемъ, что тупикъ очень ловко умѣетъ пользоваться этимъ орудіемъ. Говорятъ, что на гнѣздовыхъхъ онъ ѣстъ также зеленныя части растеній, напримѣръ листья ложечной травы; но собственнхъ наблюденій я относительно этого привести не могу. Такъ какъ тупикъ вездѣ гнѣздится вмѣстѣ съ кайрами и гагарками и, вѣроятно, нигдѣ не образуетъ отдѣльныхъ гнѣздовьевъ, то все, что можно сказать о насиживаньи яицъ этими птицами, относится и къ родичамъ его. Въ срединѣ апрѣля или началѣ мая, смотря по тому, когда растаетъ снѣгъ, тупики появляются на птичьихъ горахъ и каждая пара отыскиваетъ свою старую норку, или вырываетъ себѣ новую. Въ этомъ отношеніи тупикъ отличается отъ кайръ и гагарокъ, такъ какъ никогда не кладетъ яицъ на открытомъ мѣстѣ. Не всѣ сами себѣ вырываютъ норы, такъ какъ сначала пользуются щелями скалъ и темными углами ихъ и только нужда заставляетъ его припяться а тяжелую работу; такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ показалось. На посѣщенныхъ мною маленькихъ тровкахъ очень много тупиковъ гнѣздились подъ большими камнями, а также въ расщелинахъ и трещинахъ круто спускающихся скалъ; но для огромнаго количества птицъ, конечно, не хватало естественныхъ углубленій и по-

тому тонкій слой торфа, покрывающій скалы, былъ вездѣ разрытъ. Норы по ширинѣ своей похожи на кроличьи, но рѣдко бывають глубокими, а большею частью такими короткими, что, взглянувъ въ нору, видишь сидящую птицу. Оба пола, кажется, въ одинаковой степени работаютъ при рытвѣ норъ; я ловилъ какъ самцовъ, такъ и самокъ при копаньи. При этой работѣ они пользуются какъ клювомъ, такъ и ногами, но какъ они копають, я сказать не могу, такъ какъ они сейчасъ же перестаютъ, когда къ нимъ приближаются. Во время копанья они до того запылены или, лучше сказать, замазаны торфянистой землей, что цвѣтъ ихъ оперенія едва замѣтенъ, но передъ насиживаньемъ они тщательно очищаются. Самка кладетъ только одно, относительно очень большое яйцо, около 70 мм. длины и 45 мм. толщины. Скорлупа крупнозернистая и не гладкая, цвѣтъ ея сначала чисто-бѣлый, но отъ торфяной земли онъ скоро дѣлается желтоватымъ и даже буроватымъ. Обѣ птицы насиживаютъ поочередно, но время насиживания я точно опредѣлить не могъ, а только слыхалъ, что оно продолжается около 5 недѣль. Птенецъ при вылупленіи покрытъ длиннымъ и густымъ пухомъ чернаго и свѣтло-сѣраго цвѣта; въ первые дни своей жизни онъ жалобно пищитъ, позднѣе кричитъ громче, но звонкому крику «орр», свойственному взрослымъ, выучивается только тогда, когда можетъ летать. Дѣтенышъ, повидимому, растетъ довольно медленно и остается болѣе мѣсяца въ своей норѣ; затѣмъ, когда крылья у него вполне выроснутъ, онъ покидаетъ гнѣздо и вмѣстѣ съ родителями летитъ на море. Оба родителя ему издадека таскають кормъ и самоотверженно подвергаются опасностямъ, если думаютъ этимъ спасти любимаго птенца, а въ случаѣ нужды защищаютъ его сильными ударами клюва. Оба родителя одинаково нѣжно любятъ дѣтеныша, и самецъ добровольно беретъ на себя всѣ заботы воспитанія, если самка случайно погибнетъ. Если у парочки отнять яйцо, то она кладетъ другое, а если и это отнять, то третье, обыкновенно въ одну и ту же нору. Если обѣ птицы одной пары убиты, то всегда находятся другія, которыя насиживаютъ яйцо, или выкармливають осиротѣлаго дѣтеныша.

Владѣтели птичьихъ горъ всегда отнимають у тупиковъ первое яйцо, если только могутъ добраться до гнѣзда, но даютъ имъ высиживать второе, чтобы впоследствии схватить птенца, когда онъ уже вполне оперится; молодыхъ птицъ сейчасъ же ѣдятъ или солятъ на зиму. Тупиковъ и гагарокъ очень рѣдко ловятъ, чтобы содержать въ неволѣ, такъ какъ они не живучи, или, вѣрнѣе, потому, что невозможно имъ доставить пужный для нихъ кормъ. Охота за этими птицами на морѣ рѣдко бываетъ удачною, потому что онѣ, въ случаѣ преслѣдованія, при плаваньи сильно погружаются въ воду и выставляютъ изъ нея только голову и шею; вслѣдствіе этого можно стрѣлять только мелкою дробью изъ многихъ выстрѣловъ попадетъ только одинъ. Никогда я не видалъ, чтобы тупикъ, въ котораго стрѣляли, спасался помощью своихъ крыльевъ, напротивъ того, всѣ они въ этомъ случаѣ ныряють; даже раненыя птицы, у которыхъ подбито крыло, и тѣ держатся подъ водою очень долго.

Гагарки (*Alca Alken. Pingouins proprement dit*) нѣсколько похожи на тупиковъ по устройству клюва: онъ имѣетъ среднюю длину, очень высокъ и узокъ, на спинкѣ загнутъ дугой, а нижняя челюсть спереди загнута угломъ, задняя часть ея сбоку имѣетъ бороздки, а выгнутые края челюстей очень остры; крылья длинныя съ удлинненнымъ остриемъ и по виду нѣсколько похожи на сабли. Короткій хвостъ состоитъ изъ 12 узкихъ перьевъ.

Во всѣхъ тѣхъ странахъ и моряхъ, гдѣ живетъ тупикъ, встрѣчается также и Гагарка. (*Alca torda, pica, glacialis, microrhynchos, bathica* и *islandica*, *Pinguinus torda* и *pica*, *Utamania torda* и *pica*. Tordalk. Pinguin commun). Въ брачномъ опереніи верхнія части тѣла и шея черныя, узкая полоска отъ клюва къ глазу, каемка, образованная кончиками малыхъ маховыхъ перьевъ, грудь и брюшко—бѣлыя. Въ зимнемъ опереніи бѣлый цвѣтъ появляется на верхней части шеи и по сторонамъ головы; у птєнцовъ цвѣта перьевъ не такіе ясныя. Глаза темно-каріе, клювъ черный съ поперечной черной полосой, ноги также черныя. Длина равняется 42 см., размахъ крыльевъ 70, длина крыла 21, а хвоста 9 см.

По образу жизни и привычкамъ, гагарка такъ похожа на тупика, что почти все то, что сказано о первомъ, можно отнести къ послѣдней. Гагарка также вполне морская птица, круглый годъ встрѣчается почти на тѣхъ же мѣстахъ, однако охотно странствуетъ изъ одной части моря въ другую, на примѣръ зимою часто посѣщаетъ всѣ фіорды Норвегіи, гдѣ лѣтомъ ее никогда не видно; она довольно правильно появляется ежегодно на морскихъ берегахъ Германіи, Голландіи и Франціи, но въ началѣ весны всегда возвращается на сѣверъ для гнѣздованія. Въ маѣ мѣсяцѣ гагарка вмѣстѣ съ кайрами и тупиками прилетаетъ на птичьи горы и здѣсь обыкновенно такъ же многочисленна, какъ обѣ другія названныя птицы. Бойе наблюдалъ тѣсную стаю, которая имѣла около 1000 шаговъ ширины, и такъ долго летѣла надъ его лодкой, что онъ успѣлъ 10 разъ выстрѣлить и снова зарядить свое ружье; я также въ сѣверныхъ странахъ видалъ нѣсколько такихъ стай. На одной горѣ въ Норвегіи жили сотни тысячъ гагарокъ; онѣ парами и цѣлыми обществами сидѣли на выступахъ скалъ, лишь повидимому только безъ движенія, а на самомъ дѣлѣ онѣ постоянно шевелились, но крайней мѣрѣ поворачивали головой направо и налево. Онѣ, не выказывая страха, дозволяли мнѣ приблизиться на 6 или 4 шага и внимательно смотрѣли на меня, если я стоялъ смирно; если же я хотѣлъ ихъ схватить, то онѣ бросались въ море, нѣкоторое время плавали тамъ и ныряли, а затѣмъ снова возвращались на гору. Во время полета онѣ трепетали крыльями, какъ это дѣлаютъ иногда соколы, но при этомъ двигали крыльями гораздо быстрѣе, особенно когда летѣли сверху внизъ. Я произвелъ съ этими птицами интересный опытъ. Чтобы узнать, какъ глубоко можетъ нырнуть гагарка и сколько времени можетъ остаться подъ водой, я привязалъ длинную тонкую нитку къ лапѣ одной пойманной птицы и бросилъ ее съ лодки въ море. Гагарка мгновенно исчезла подъ водой и до самаго конца вытянула нитку, имѣвшую 60 м. длины; она появилась на поверхности воды черезъ 2³/₄ минуты, забрала воздуху и снова нырнула. Я притянулъ ее тогда къ себѣ и тотчасъ замѣтилъ, что туловище у ней точно вздуто; при внимательномъ осмотрѣ оказалось, что птица до того наполнила всѣ свои воздушныя полости воздухомъ, что кожа у нея плотно прилежала къ тѣлу только на шеѣ, крыльяхъ, ногахъ и хвостѣ; всѣ остальные мѣста были наполнены воздухомъ.

Голосъ гагарки похожъ на голосъ тупика, но нѣсколько грубѣе и ниже; онъ похожъ на «ерр» или «арр», иногда же нѣсколько мяукающее «арр ерр кверр и кверр».

На вышеупомянутыхъ птичьихъ горахъ гагарка охотнѣе всего селится въ расклинахъ и трещинахъ скалъ; нѣкоторыя гнѣзда я нашелъ также подъ камнями, т. е. въ углубленіяхъ. Онѣ также кладутъ только по одному, очень большому яйцу, около 80 мм. длины и 50 мм. ширины; оно имѣетъ удлиненную форму и очень разнообразную окраску: трудно найти два яйца, совсѣмъ похо-

жими одно на другое. Какъ долго продолжается насиживание—неизвѣстно, такъ какъ трудно наблюдать отдѣльныя парочки, но, вѣроятно, оно длится не менѣе четырехъ недѣль. Птенецъ покрытъ черно-бурымъ пушкомъ, который около клюва переходитъ въ бѣлый цвѣтъ; когда птенецъ достигнетъ лишь половины роста, то родители посредствомъ сильнаго крика и разнообразныхъ движеній стараются принудить его спрыгнуть въ море, что онъ послѣ долгихъ колебаній и исполняетъ, иногда же онъ катится внизъ по скаламъ до самой воды. Родители слѣдуютъ за нимъ, около него плаваютъ, учатъ его нырять и отыскивать кормъ, и когда онъ выучится питаться самостоятельно, то родители въ некоторое время сопровождаютъ его, но не подкармливаютъ. Если у парочки отнять яйцо, то самка кладетъ второе, иногда и третье, но птенецъ, вылупившійся изъ послѣдняго яйца, большею частью бываетъ очень слабъ.

При паденіи со скалъ многіе птенцы погибаютъ; на вѣкоторыхъ птичьихъ горахъ въ концѣ лѣта все побережье бываетъ покрыто ихъ трупами. Тѣ птенцы, которые слишкомъ рано бросаются въ воду или случайно падаютъ сверху, почти всегда умираютъ, такъ какъ они, хотя плавать умѣютъ, но нырять еще не могутъ, а родители никогда ихъ на водѣ не прикармливаютъ. Кромѣ того, какъ взрослые, такъ и птенцы подвержены тѣмъ же опасностямъ имѣютъ тѣхъ же враговъ, какъ и ихъ родители.

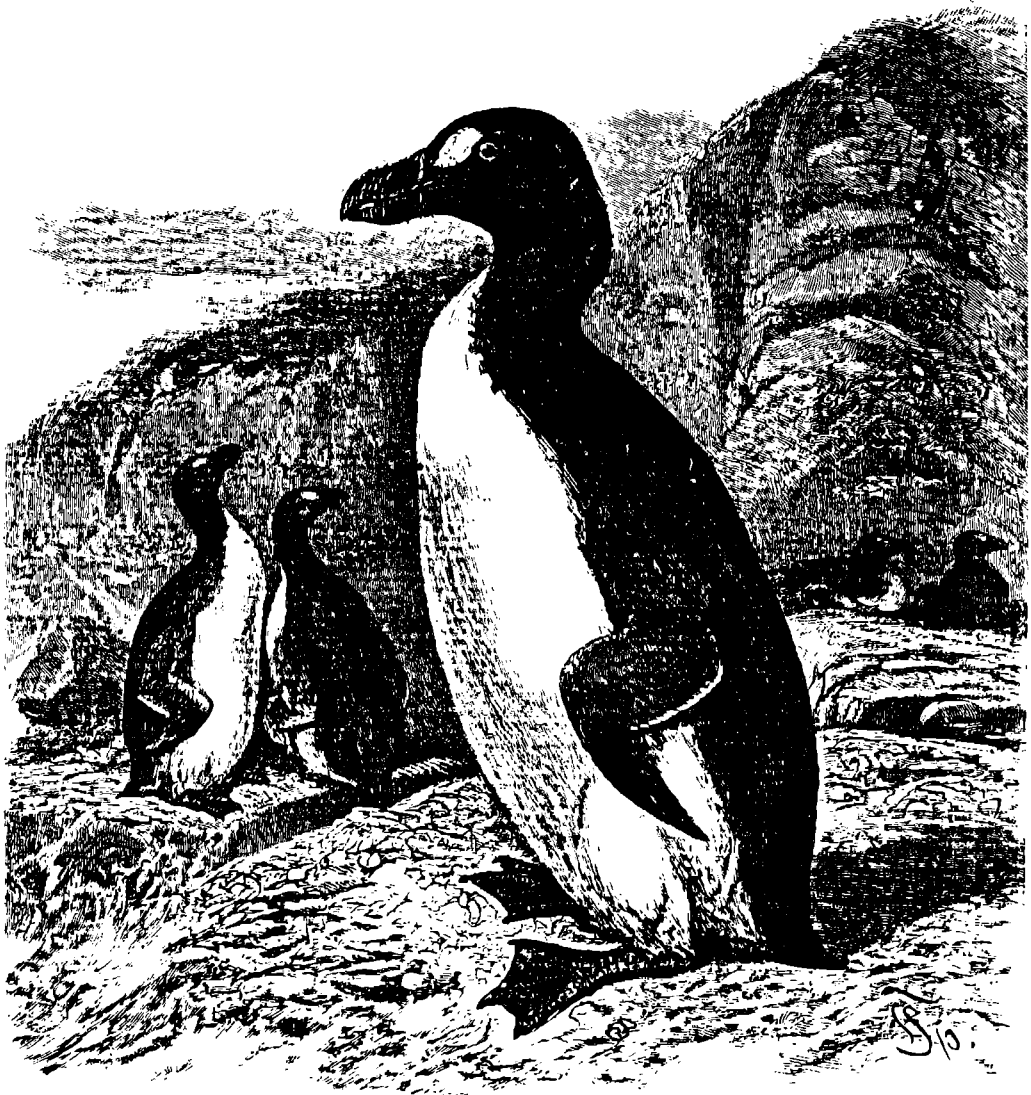
* *

Еще въ началѣ нашего столѣтія жила на далекомъ сѣверѣ удивительная птица, которая теперь совсѣмъ истреблена вслѣдствіе сильнаго преслѣдованія стороны людей. Если бы она и жила нынѣ гдѣ-нибудь на неизвѣстномъ островѣ, то послѣ нахожденія ея, какъ вѣрно замѣчаетъ Ньютонъ, очень скоро послѣдовало-бы ея исчезновеніе. Прежде исландцы и гренландцы питались ея мясомъ, нынѣ же шкура ея цѣнится чуть не на вѣсъ золота.

Безкрылая гагарка (*Plautus impennis*, *Alca* и *Pinguinus impennis*. *Riesenalk*. *Grand pingouin*) справедливо считается представительницею особаго рода (*Plautus*). Кромѣ большого роста она отличается неразвитыми крыльями, въ которыхъ хотя замѣчаются всѣ маховыя перья, встрѣчающіяся у другихъ птицъ, но для летанія крылья эти неспособны. Клювъ довольно длинный и отъ основанія къ концу сверху образуетъ отлогую дугу; нижняя челюсть имѣетъ небольшую выгнутость, направленную наверхъ; клювъ очень высокъ, но чрезвычайно узокъ; края челюстей отъ угла рта до ноздрей образуютъ почти прямую линію, которая затѣмъ нѣсколько поднимается кверху, а къ концу опускается внизъ; на роговомъ веществѣ клюва замѣтно много бороздокъ, которыхъ на верхней челюсти бываетъ отъ 6 до 7, а на нижней отъ 9 до 10. Ноги по своему строенію не отличаются отъ ногъ гагарокъ, опереніе также почти такое же, а хвостъ коротокъ и состоитъ изъ того же числа перьевъ. Безкрылая гагарка ростомъ примѣрно съ гуся, т. е. длиною около 90 см. О размахѣ крыльевъ не стоитъ говорить, вслѣдствіе малаго развитія ихъ, длина крыла колеблется между 17 и 20, а хвоста между 8 и 9 см. Опереніе на верхней части тѣла блестяще-черное, на горлѣ черно-бурое, надъ глазами замѣчается овальное бѣлое пятно, нижняя часть тѣла и каемка на концѣ малыхъ маховыхъ перьевъ также бѣлыя. При зимнемъ опереніи бѣлыи цвѣтъ распространяется и на горло, а у молодыхъ и на сторону головы. Клювъ и ноги черныя.

До послѣдняго времени думали, что эта птица и нынѣ живетъ на сѣверѣ земнаго шара, но изслѣдованія Уоллея доказали намъ противное; по изысканіямъ

Стенструпа, оказывается, что въ доисторическія времена безкрылая гагарка встрѣчалась въ большомъ количествѣ на берегахъ Давіи. Ничто намъ не доказываетъ, что эта птица когда-либо встрѣчалась на Шпицбергенѣ, и се также не нашли на сѣверѣ Америки. По словамъ Прейера, одинъ экземпляръ этой гагарки, убитой въ Лабрадорѣ, сохраняется въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ. Гольбельъ сообщаетъ, что послѣдняя

Безкрылая гагарка. *Plautus impennis*. 1/6 наст. вел.

безкрылая гагарка была поймана въ 1815 году на берегу Гренландіи подь 64° с. ш. около Фискернэса. Блазіусъ однако не вполнѣ отрицаетъ сообщеніе Беникена, что въ 1821 году подь 70°, въ Гренландіи была убита еще одна изъ этихъ птицъ. Всѣ другія извѣстія говорятъ въ пользу того, что она жила въ болѣе южныхъ частяхъ Ледовитаго океана, а прежде, вѣроятно, встрѣчалась въ большомъ количествѣ на сѣверѣ Атлантическаго океана и въ Швецкомъ морѣ. Повидимому

несомнѣнно, что она прежде гнѣздилась на Ферерскихъ островахъ и точно такъ же несомнѣнно, что она появлялась и на Гебридскихъ. Въ 1790 году одинъ экземпляръ былъ убитъ въ Кильской гавани и потому эта рѣдкая птица можетъ быть причислена къ нѣмецкой фаунѣ; въ 1830 году, по словамъ Наумана, мертвая гагарка была выброшена моремъ на берега Нормандіи. Чаще всего, вѣроятно, она встрѣчалась въ Исландіи и на Ньюфаундлендѣ, хотя не на самомъ островѣ, а на окружающихъ шхерахъ и маленькихъ скалистыхъ островахъ, которые постоянно окружены сильнымъ прибоемъ волнъ; эти скалы выбирались безкрылой гагаркой, какъ безопасныя мѣста гнѣздованія и въ послѣднее время служили ей единственнымъ убѣжищемъ. Многія изъ этихъ шхеръ и нынѣ носятъ названіе «гагаркиныхъ скалъ» (Geirfuglasker) какъ доказательство того, что прежде тамъ постоянно встрѣчалась безкрылая гагарка, которую исландцы называютъ Geirfugl. «Если посмотреть», говоритъ Ньютонъ, «на прекрасную карту Исландіи, изданную въ 1844 году по порученію исландскаго научнаго общества, то названіе «Geirfuglasker» найдешь въ трехъ различныхъ мѣстахъ. Наибольше восточный изъ этихъ острововъ очень хорошо извѣстенъ датскимъ морякамъ подъ названіемъ «Китовой спины»; самый южный изъ нихъ принадлежитъ къ Вестманскимъ островамъ, а самый западный лежитъ около мыса Рейкьянесъ. Жили-ли гагарки на исѣхъ трехъ этихъ островахъ, еще подлежитъ сомнѣнію, но на двухъ изъ нихъ онѣ гнѣздились несомнѣнно».

Уже въ прошломъ столѣтіи безкрылая гагарка встрѣчалась здѣсь не особенно часто. Въ одной старой рукописи начала второй половины XVIII столѣтія Ньютонъ и Уоллей нашли описаніе гагаркиной скалы около мыса Рейкьянесъ: въ ней говорится о большомъ количествѣ этихъ птицъ на скалахъ, но при этомъ добавлено, что гагарки тамъ вовсе не такъ многочисленны, какъ исландцы думаютъ и что онѣ занимаютъ лишь шестнадцатую часть этихъ скалъ, такъ какъ вслѣдствіе малаго развитія крыльевъ онѣ не могутъ высоко на нихъ подниматься. Въ одной части этой рукописи дается обстоятельное описаніе этой гагарки со всеми ея особенностями, и авторъ такъ подробно описываетъ яйца, какъ это можетъ дѣлать только натуралистъ; кромѣ того здѣсь приложенъ рисунокъ, изображающій самую скалу и двухъ людей, занятыхъ ловлею гагарокъ. Олафссону, который былъ въ Исландіи въ 1458 году, рассказывали, что прежде жители острова привозили съ этихъ скалъ цѣлыя лодки яицъ, изъ чего слѣдуетъ, что тогда предпринимали правильныя охотничьи поѣздки къ вышеупомянутымъ скаламъ. Поѣздки эти, кажется, продолжались до начала нашего столѣтія, но во времена Фабера, т. е. въ 1822 году, уже онѣ прекратились и туда ѣздили только изрѣдка и случайно. Лѣтомъ 1813 года одинъ корабль ѣхалъ отъ Ферерскихъ острововъ въ Исландію, чтобы оттуда привезти жизненныхъ припасовъ; проѣзжая мимо вышеупомянутой скалы, экипажъ увидалъ, что она покрыта птицами, остановился тамъ, такъ какъ погода это дозволила и убилъ много гагарокъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были привезены въ Рейкьявикъ. Если свѣдѣнія, сообщаемыя тогдашними натуралистами, вѣрны, то моряки тогда перебили много гагарокъ, такъ какъ въ Рейкьявикъ они привезли 24 безкрылыхъ гагарки, не считая тѣхъ, которыя были дорогой слѣдены и посолены. Въ 1814 году, по словамъ Фабера, одинъ исландскій крестьянинъ убилъ на небольшой шхерѣ семь гагарокъ; отъ этого года до 1830 ихъ еще кое-гдѣ находили, но уже не истребляли большими массами. Въ 1830 году нѣкто Гудмундзонъ предпринялъ двѣ охотничьи поѣздки на островъ Эльдей и такъ называемый «Мучной мѣшокъ» и нашелъ на первомъ 12 или 13, а на второмъ 8 безкрылыхъ гагарокъ, изъ которыхъ большинство было убито и приготовлено для коллекцій.

Въ слѣдующемъ году то же самое лицо снова ѣздило на охоту и добыло 24 экземпляра этихъ птицъ, изъ которыхъ нѣкоторыя доставлены живыми и нѣкоторое время сохранялись въ неволѣ. Изъ этихъ гагарокъ потомъ были сдѣланы чучела одной дамой (вѣроятно госпожею Томсенъ или ея сестрою, дѣвицею Леверъ, на которую ссылается Блазіусъ); Ньютонъ и Уоллей говорили съ этой дамой по поводу этихъ птицъ. Въ 1833 году было убито 13 птицъ, въ 1834 году — 9, въ 1840 или 1841 году—3, а въ 1844 году—2 гагарки, послѣднія, о которыхъ упоминается, можетъ быть и вообще послѣднія изъ этихъ птицъ. «Читатели, вѣроятно, извинятъ меня», говоритъ Ньютонъ, «что я сообщаю нѣкоторыя подробности о послѣдней охотѣ на этихъ птицъ: онѣ дадутъ понятіе о томъ, какъ въ прежнее время производилась эта охота».

«Охотничье общество состояло изъ 14 человекъ, изъ которыхъ два уже умерли, а отъ остальныхъ двѣнадцати мы получили нижеслѣдующія свѣдѣнія. Они выѣхали вечеромъ 2-го іюня въ восьмивесельной лодкѣ изъ Киркьюевогра и прибыли на слѣдующее утро къ острову Эльдей. По своему строенію этотъ островъ представляетъ высокую скалу, почти со всѣхъ сторонъ окруженную отвѣсными стѣнами; наибольшую высоту скалъ эти люди опредѣляли довольно различно, но на противоположной сторонѣ острова находится болѣе плоское мѣсто, нижняя часть острова, которая образуетъ довольно отлогій склонъ, возвышающійся постепенно до отвѣсной скалы. На берегу этого склона находится единственное мѣсто, гдѣ можно пристать къ острову, а нѣсколько выше на берегу живутъ безкрылыя гагарки. Три человека сошли здѣсь съ лодки, а четвертый отказался, такъ какъ причаливанье лодки казалось очень опаснымъ. Охотники тотчасъ замѣтили двухъ гагарокъ между безчисленнымъ количествомъ другихъ птицъ, населяющихъ этотъ берегъ, и тотчасъ же начали охоту. Гагарки не выказывали ни малѣйшаго желанія защищаться отъ охотниковъ, но побѣжали вдоль крутой скалы, не издавая никакихъ звуковъ, а выткнувши впередъ головы и нѣсколько раздвинувши крылья. Несмотря на короткіе шаги, онѣ примѣрно подвигались такъ-же скоро, какъ можетъ человекъ идти по этой крутизнѣ. Одинъ изъ охотниковъ, Іонъ, загналъ одну птицу въ уголъ и здѣсь ее схватилъ; другіе два, Зигурдръ и Кетиль, преслѣдовали вторую гагарку и первый изъ нихъ схватилъ птицу у самаго края скалы. Кетиль тогда вернулся къ тому мѣсту, откуда согнали птицъ, увидалъ на кускѣ лавы яйцо и узналъ въ немъ яйцо гагарки; онъ взялъ его, но скоро снова бросилъ, такъ какъ оно оказалось разбитымъ. Было-ли еще другое яйцо, остается вопросомъ. Все это продолжалось болѣе короткое время, чѣмъ сколько нужно для описанія этой охоты; люди не могли терять времени, такъ какъ поднялся сильный вѣтеръ и прибой волнъ очень усиливался. Обѣ птицы были убиты, а затѣмъ проданы за 180 марокъ на нѣмецкія деньги.»

Многочисленныя сообщенія прежнихъ мореплавателей и новѣйшія изслѣдованія доказываютъ, что безкрылая гагарка также часто встрѣчалась на Ньюфаундлендѣ и сосѣднихъ шхерахъ. Мы обязаны Стенструпу собраніемъ древнихъ, болѣе замѣчательныхъ извѣстій объ удивительномъ множествѣ «Пингвиновъ», какъ называютъ этихъ птицъ въ Америкѣ, прежде встрѣчавшихся на западныхъ берегахъ Атлантическаго океана. Сообщенія отъ XVI столѣтія указываютъ намъ, что безкрылыя гагарки были тогда очень многочисленны на Ньюфаундлендѣ. Таклейдъ рассказываетъ въ письмѣ отъ 13-го Ноября 1578 года, что на такъ называемомъ Пингвиновомъ островѣ было найдено большое количество этихъ птицъ, и что ихъ по доскѣ нагнали въ лодку столько, сколько лодка

могла нести. «Мы увидали островъ», пишетъ этотъ путешественникъ, «который называется Пингвиновъ островъ, по имени птицъ, гнѣздящихся тамъ въ немовѣрномъ количествѣ; эта птица летать не можетъ, такъ какъ крылья не въ состояніи поднять тѣло, которое очень велико, не менѣе, чѣмъ у гуся и необыкновенно жирно. Французы на этомъ островѣ обыкновенно ловятъ много такихъ птицъ и солятъ ихъ; и мы могли-бы сдѣлать подобные запасы, если-бы имѣли достаточно времени». Другіе отчеты подтверждаютъ это извѣстіе, но самое лучшее свидѣтельство въ достовѣрности вышесказаннаго состоитъ въ слѣдующемъ: въ 1841 году Петръ Стувицъ, норвежскій натуралистъ, былъ посланъ на Ньюфаундлендъ своимъ правительствомъ, чтобы познакомиться съ тамошними условиями ловли трески; во время своихъ изслѣдованій онъ часто слышалъ отъ рыбаковъ, съ которыми разговаривалъ, о томъ, что въ прежнее время здѣсь встрѣчалось множество птицъ, которыхъ тамошніе жители называли пингвинами. Онъ помѣстилъ это извѣстіе въ своемъ отчетѣ, но ученые его родины были этимъ сильно смущены, такъ какъ полагали, что пингвины встрѣчаются только въ южномъ полушаріи. Стувицъ, узнавъ, что на родинѣ сомнѣваются въ справедливости его извѣстія, рѣшился посѣтить группу маленькихъ шхеръ, которыя находятся при входѣ въ бухту Бонависта и здѣсь нашелъ остатки простыхъ каменныхъ оградъ, куда въ прежнее время загоняли несчастныхъ птицъ, а въ этихъ оградахъ цѣлыя груды костей пингвиновъ. Онъ послалъ въ Христианію нѣкоторыя изъ этихъ костей, гдѣ всѣ ихъ признали за кости безкрылой гагарки, и такимъ образомъ недоразумѣніе это было разъяснено. Въ 1863 году одинъ американецъ получилъ позволеніе отъ правительства снять слой земли, находящейся на этихъ скалахъ, и перевести эту землю въ Бостонъ, какъ удобрительное вещество. При снятіи полузамершаго слоя почвы не только было найдено много костей гагарокъ, но на нѣкоторой глубинѣ подъ поверхностью нашли многія муміи этихъ птицъ, которыя прекрасно сохранились въ слое торфа и льда. Ньюфаундленскій епископъ получилъ, къ счастью, двѣ изъ этихъ мумій и, узнавъ цѣнность ихъ, послалъ въ Англію и такимъ образомъ далъ возможность Овену написать свое извѣстное изслѣдованіе о скелетѣ безкрылой гагарки. Островъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, носитъ названіе острова Функа. Джонъ Мильяръ былъ тамъ въ 1874 году и могъ собрать еще кости около 50 гагарокъ. Въ 1887 году изъ Америки туда былъ посланъ Лукасъ; онъ изслѣдовалъ этотъ маленькій островъ, имѣющій не болѣе 20 м. высоты надъ поверхностью моря; онъ подтвердилъ всѣ сообщенія Стувица и могъ еще собрать отдѣльныя кости около ста птицъ, изъ которыхъ была составлена дюжина полныхъ скелетовъ.

Блазіусъ въ 1883 году составилъ списокъ чучель и икуръ безкрылой гагарки, сохраненныхъ въ различныхъ музеяхъ, причемъ оказалось, что ихъ извѣстно 74 штуки, изъ которыхъ три въ Америкѣ и 71 въ Европѣ; изъ нихъ 21 экземпляръ въ Великобританіи и 20 въ Германіи.

Въ прежнія времена рыбаки около Исландіи такъ часто видѣли лѣтомъ на морѣ безкрылыхъ гагарокъ, что едва обращали вниманіе на ихъ появленіе. Первыми ихъ обыкновенно видали жители Киркьюевогра и Судрнеса, именно на горѣ Гафна, откуда птицы направлялись къ морскому теченію, проходящему около Рейкьянеса. Всѣ наблюдатели утверждаютъ, что птицы эти плавали съ высокоприподнятой головой, но назадъ загнутаго шеей и всегда ныряли, если ихъ безпокоили. На скалахъ онѣ сидѣли прямо, еще прямѣе, чѣмъ кайры и гагарки, ходили же или бѣгали маленькими, короткими шагами, держа тѣло въ отвѣсномъ положеніи, какъ люди; въ случаѣ опасности, онѣ бросались въ море, съ 1 или 5 м. высоты. Шумъ ихъ болѣе безпокоилъ, чѣмъ предметъ, который онѣ могли рас-

познать зрѣніемъ. Отъ времени до времени, онѣ испускали слабое карканье. Пикогда не было замѣчено, чтобы онѣ защищали свои яйца, но, если нападали на нихъ самихъ, то онѣ отвѣчали сильными ударами клюва. Когда Буллокъ посѣтилъ въ 1812 году Оркнейскіе острова, то жители ихъ ему рассказывали о самцѣ гагарки, котораго много лѣтъ сряду наблюдали на близъ лежащемъ островкѣ. Самка этой парочки, которую островитяне называли «королевою гагарокъ», была убита передъ самымъ прїѣздомъ Буллока. Натуралистъ этотъ, нѣсколько часовъ сряду на шестивесельномъ катерѣ охотился за самцомъ, но не могъ его убить; хотя судно очень часто близко подходило къ птицѣ, но она такъ проворно плавала и ныряла, что въ нее никакъ нельзя было выстрѣлить. Быстрота, съ которою гагарка двигалась подъ водой, была почти невѣроятна. Латамъ дополняетъ это сообщеніе тѣмъ, что эта гагарка почти вовсе не боялась тамошнихъ рыбаковъ, но спасалась отъ Буллока, какъ отъ чужеземца. Впослѣдствіи рыбаки убили ее весломъ.

Пища состояла, говорятъ, изъ различной величины рыбъ, но Фабриціусъ сообщаетъ, что онъ нашелъ въ желудкѣ молодой птицы растительныя вещества. Самка клала только одно яйцо въ іюнѣ мѣсяцѣ; оно имѣло кубаревидную форму другихъ яицъ гагарокъ, но отличалось отъ нихъ своей значительной величиною: это самое большое пятнистое яйцо, замѣченное у европейскихъ птицъ. Длина его равнялась 120—130, а наибольшая ширина 75—80 мм. Толстая скорлупа была неглянцева и имѣла замѣтныя поры; основной цвѣтъ былъ сѣровато-бѣлый, болѣе или менѣе впадающій въ желтоватый или зеленоватый, рисункъ очень разнообразный, какъ у кайры и обыкновенныхъ гагарокъ, и состоялъ изъ бурыхъ или черныхъ, круглыхъ и длинныхъ пятенъ, волнистыхъ полосокъ и другихъ линій. По насѣднымъ пятнамъ на животѣ видно, что насѣживаньемъ занимались какъ самецъ, такъ и самка, но продолжительность времени насѣживания неизвѣстна. Дѣтенышъ вылуплялся въ темно-сѣромъ пушкѣ и родители очень скоро уводили его на море.

Въ 1821 или 1822 году Флеммингъ сопровождалъ Стефенсона, который ежегодно осматривалъ сѣверные маяки. «Когда мы 18-го августа собирались уѣзжать съ острова Гласъ», пишетъ Флеммингъ, «то намъ привезли на корабль живую безкрылую гагарку, которая была недавно поймана Макъ-Клеланомъ, арендаторомъ на островѣ Гласъ, на морѣ около острова Сантъ-Кильда. Птица была очень худа и имѣла жалкій видъ, но черезъ нѣсколько дней поправилась, послѣ того, какъ ее обильно кормили рыбою и по временамъ позволяли плавать по подѣ, причѣмъ ее удерживали отъ бѣгства бичевкой, привязанной къ ногѣ. Несмотря на это препятствіе, она ныряла и плавала подъ водой съ такою быстротою, что ее никакъ нельзя было догнать на лодкѣ. Когда ее кормили, то она поднимала клювъ отвѣсно вверхъ, выражала безпокойство покачиваньемъ головы и шеи и издавала звукъ, похожій на полосканье горла водою». Другой экземпляръ былъ, по словамъ Макъ-Джиллврея пойманъ въ 1829 г. около острова Сантъ-Кильда, а третій въ 1834 году у входа въ гавань Ватерфордъ. Послѣдній, по словамъ словившаго его охотника, былъ совершенно истощенъ отъ голода. Пробѣжалъ на лодкѣ, на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, онъ увидалъ плавающую птицу и показалъ ей нѣсколько штукъ мелкихъ селедокъ; увидавши рыбъ, птица тотчасъ же приблизилась и была безъ труда поймана. Охотникъ ее держалъ въ неволѣ нѣсколько дней и кормилъ главнымъ образомъ развареннымъ въ молокѣ картофелемъ, и птица съ жадностью глотала этотъ, ей мало пригодный кормъ. Черезъ 10 дней онъ продалъ гагарку Девису, который ее послалъ Грау въ Горетаунъ; здѣсь она жила около 4 мѣсяцевъ. Ее насильно кормили, также сначала свареннымъ въ мо-

локѣ картофелемъ, а затѣмъ рыбами, которыхъ она жадно глотала еще за одинъ или за два дня до своей смерти. Эта гагарка сидѣла всегда выпрямившись и часто поглаживала себѣ голову ногой, особенно, если ей подносили какую-нибудь любимую пищу. По наблюденіямъ Грау, она предпочитала прѣсноводныхъ рыбъ, особенно форелей, морскимъ рыбамъ, причѣмъ проглатывала рыбъ цѣликомъ. До самой смерти она оставалась довольно дикою.

* *
*

Самую пріятною птицею этого семейства слѣдуетъ считать, безъ сомнѣнія, **Атлантическаго чистика**. (*Uria grylle, minor, lacteola, vivea, leucoptera, scapularis, arctica, groenlandica* и *meisneri*, *Cerpphus grylle, lacteolus, arcticus, faeroensis* и *meisneri*, *Colymbus grylle* и *lacteolus, Grylle scapularis, groenlandicus* и *columba*. *Teiste Petit guillemot.*) представители рода *Uria*. Птица эта отличается небольшою величиною, относительно длиннымъ, тонкимъ, прямымъ, лишь на кончикѣ загнутымъ внизъ клювомъ, нижняя челюсть котораго спереди образуетъ едва замѣтный уголь; ноги отодвинуты сильно назадъ, крылья небольшія, узкія, острые съ крѣпкими маховыми перьями; хвостъ короткій, округленный и состоитъ изъ 12—14 перьевъ; опереніе густое, распушенное, бархатистое и очень различное, смотря по возрасту и полу. Въ свадебномъ опереніи атлантической чистикъ, весь бархатисто-черный съ зеленоватымъ отливомъ, лишь на крыльяхъ замѣтны чисто-бѣлыя зеркальца; глаза каріе, клювъ черный, ноги кораллово-красныя. Перышки, образующія зеркальца, на крыльяхъ у основанія черныя. Въ зимнемъ опереніи нижняя часть тѣла черноватая, крылья покрыты черными и бѣлыми поперечными полосками, брюшко бѣлое, а остальные части покрыты сѣровато-черными пятнами. Длина тѣла 34, размахъ крыльевъ 57, длина крыла 17, а хвоста 5 см.

Подъ именемъ **Полярнаго чистика** (*Uria mandtii* и *glacialis, Cerpphus mandtii* и *glacialis, Grylle mandtii, Eisteiste, Guillemot boreal.*) отличаютъ второй видъ этого рода, который имѣетъ клювъ меньшей величины и бѣлыя основанія перьевъ на зеркальцѣ; вѣроятно его слѣдуетъ разсматривать, какъ разновидность атлантическаго чистика.

Эти чистики распространены на сѣверѣ земного шара и гнѣздуютъ между 30 и 58° с. ш. Подъ этими широтами они встрѣчаются довольно часто, но рѣдко стадами, а чаще парами и по одиночкѣ. Только тамъ, гдѣ море замерзаетъ, случается иногда видѣть очень большое число чистиковъ, собравшихся около полыни. Въ началѣ настоящей зимы чистики предпринимаютъ болѣе или менѣе правильныя перелеты въ болѣе южныя страны, причѣмъ они ежегодно посѣщаютъ сѣверные берега Германіи. Во внутренность материковъ они залетаютъ очень рѣдко; это случается, напримѣръ, при сильномъ снѣгѣ весною, который такъ сбиваетъ съ толку птицъ, что онѣ летятъ во внутренность страны и иногда залетаютъ далеко отъ морскаго берега.

Внѣшній видъ чистика всегда пріятенъ, сидитъ ли онъ на скалахъ или плаваетъ, ныряетъ или летаетъ. Сидя, онъ опирается на всю ступню, держать туловище почти отвѣсно и граціозно двигаетъ при этомъ головой и шеей. Плаваетъ онъ очень проворно, хотя глубоко не опускаетъ туловища въ воду и легче лежитъ на водѣ, чѣмъ всѣ другія птицы этого семейства. При плаваніи онъ часто выставляетъ наружу свои красивыя красныя лапки. Когда онъ хочетъ нырнуть, то сильно ударяетъ обѣими ногами, опускается головою внизъ и безшумно скользитъ подъ поперхпостью воды, причѣмъ тотчасъ распускаетъ крылья и ими, точно

такъ, какъ и ногами, сильно гребетъ; однако подъ водою онъ остается не болѣе двухъ минутъ, а затѣмъ поднимается на поверхность, чтобы подышать. Въ тихую погоду и въ прозрачной водѣ можно долго за нимъ слѣдить глазами, но болѣею частью ошибаешься относительно глубины, на которой плыветъ птица и, вслѣдствіе луче-преломленія, всегда кажется, что она плыветъ глубже, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Полетъ относительно довольно легкокъ, хотя птица очень быстро машетъ, или даже можно сказать трепещетъ крыльями. При поднятіи съ воды она нѣкоторое время держится низко, но, достигнувъ извѣстной высоты, начинаетъ подвигаться гораздо быстрее впередъ и поднимается скоро на довольно значительную вышину, напримѣръ на скалы, окружающія море; когда она спускается на воду, то расширяетъ крылья и ими повсе не двигаетъ. Голосъ чистика отличается отъ голоса всѣхъ родственныхъ птицъ: у него вовсе не слышно каркающихъ звуковъ, а скорѣе свистящія, которые можно примѣрно передать слогомъ «ип». Правъ у чистика кроткій, добродушный и уживчивый. На гнѣздовыхъ однако каждая парочка держится отдѣльно отъ другихъ, но обѣ птицы одной пары очень дружны между собою. Онѣ, повидимому, мало заботятся о дѣйствіяхъ другихъ птицъ, а также почти вовсе не боятся появленія человѣка. Когда соколъ паритъ надъ птичьими горами и страшно пугаетъ всѣхъ живущихъ тамъ птицъ, когда всѣ кайры и гагарки какъ можно скорѣе летятъ на море, тогда поднимается и чистикъ, чтобы искать спасенія на водѣ; но если человѣкъ приближается къ гнѣздовью, то онъ можетъ подойти на 15 и даже на 10 шаговъ, не испугнувъ птицы съ гнѣзда. На водѣ чистикъ всегда осторожнѣе, чѣмъ на землѣ, хотя иногда онъ и здѣсь бываетъ чрезвычайно доверчивъ; удаляясь отъ моря, онъ какъ бы теряетъ присутствіе духа и, повидимому, забываетъ, что природа снабдила его крыльями.

Чистики появляются на птичьихъ горахъ въ началѣ марта: на маленькихъ скалахъ ихъ поселяется не болѣе 3 или 4 паръ, но и на большихъ рѣдко собирается болѣе 20 или 30 паръ, тамъ, гдѣ вмѣстѣ съ ними гнѣздятся милліоны кайръ. Каждая парочка выбираетъ себѣ подходящую расщелину, или трещину скалы и тамъ кладетъ прямо на землю два относительно большихъ яйца, имѣющихъ около 60 мм. длины и 40 мм. толщины; они имѣютъ матовую грубо-зернистую скорлупу грязно-бѣлаго или голубовато-зеленаго цвѣта съ большими пепельно-сѣрыми круглыми или продолговатыми пятнами, въ свою очередь покрытыми бурыми или черно-бурими пятнышками и точками; яйца кладутся рѣдко раньше середины апрѣля, а иногда даже въ маѣ. Если у нихъ отнять первыя яйца, что очень часто случается на птичьихъ горахъ, то парочка насиживаетъ вторично, но тогда кладетъ лишь одно яйцо. Самецъ и самка насиживаютъ поочередно и подъ конецъ дѣлаютъ это такъ усердно, что ихъ можно руками снять съ гнѣзда. Птенцы вылупляются черезъ 24 дня и покрыты густымъ сѣроватымъ пухомъ; родители кормятъ ихъ сначала червяками, гольцами и другой мелкой рыбешкой, впоследствии же они приучаются ѣсть, какъ и взрослые, всякихъ рыбъ и раковъ. Пока птенцы еще покрыты пухомъ, то они уже умѣютъ плавать, но нырять не могутъ и выучиваются послѣднему только тогда, когда получаютъ полное опереніе.

Гренландцы и исландцы ловятъ чистиковъ, если могутъ это сдѣлать, норвежцы же самихъ птицъ не трогаютъ, а отнимаютъ у нихъ только яйца. Кромѣ человѣка на нихъ нападаютъ еще соколы и поморники. Фаберъ видѣлъ однажды, какъ морской орелъ напалъ на стаю чистиковъ и до тѣхъ поръ принуждалъ ихъ нырять подъ воду, пока они окончательно не устали, и онъ могъ схватить одного изъ нихъ. Говорить, что и большія хищныя птицы могутъ быть имъ опасны. Охота за ними не представляетъ трудностей, такъ какъ птица эта испуглива и дозволяетъ охотнику очень близко подходить; ловить ихъ также довольно легко, осо-

бенно лѣтомъ. Мясо ихъ пахнетъ ворванью, но его можно приготовить такъ, что оно дѣлается съѣдобнымъ; въ Лапландіи часто подаютъ на столъ жаркое изъ птенцовъ и подъ конецъ приучаешься къ этому кушанью. Перья идутъ на приготовленіе перинъ. Больше всего цѣнятся ихъ яйца, которыя дѣйствительно представляютъ лакомое кушанье, когда приучишься къ свойственному имъ особенному вкусу. Чистиковъ нельзя держать въ неволѣ, по крайней мѣрѣ довольно продолжительное время; даже если имъ предоставить довольно большой водоемъ, то они все-таки остаются скучными и этимъ доказываютъ, что море имъ замѣнить нельзя.

У **Норвежской кайры** (*Uria lomvia, troile* и *norwegica, Alca troile* и *lomvia, Lomvia troile, Colymbus* и *Catarrhactes troile. Trottellumme. Grand guillemot*) голова, передняя часть шеи и верхняя часть тѣла бархатисто-бурая, кончики малыхъ маховыхъ перьевъ бѣлые, такъ что образуется свѣтлая полоса, нижнія части тѣла бѣлыя, бока бурые съ продольными полосками. Въ зимнемъ опереніи передняя часть тѣла и задняя часть щекъ также отчасти бѣлыя. Глаза каріе, клювъ черный, ноги свинцово-сѣрыя, а снаружки темныя. Длина равняется 46 см., размахъ крыльевъ 72, длина крыла 21, а хвоста 6 см.

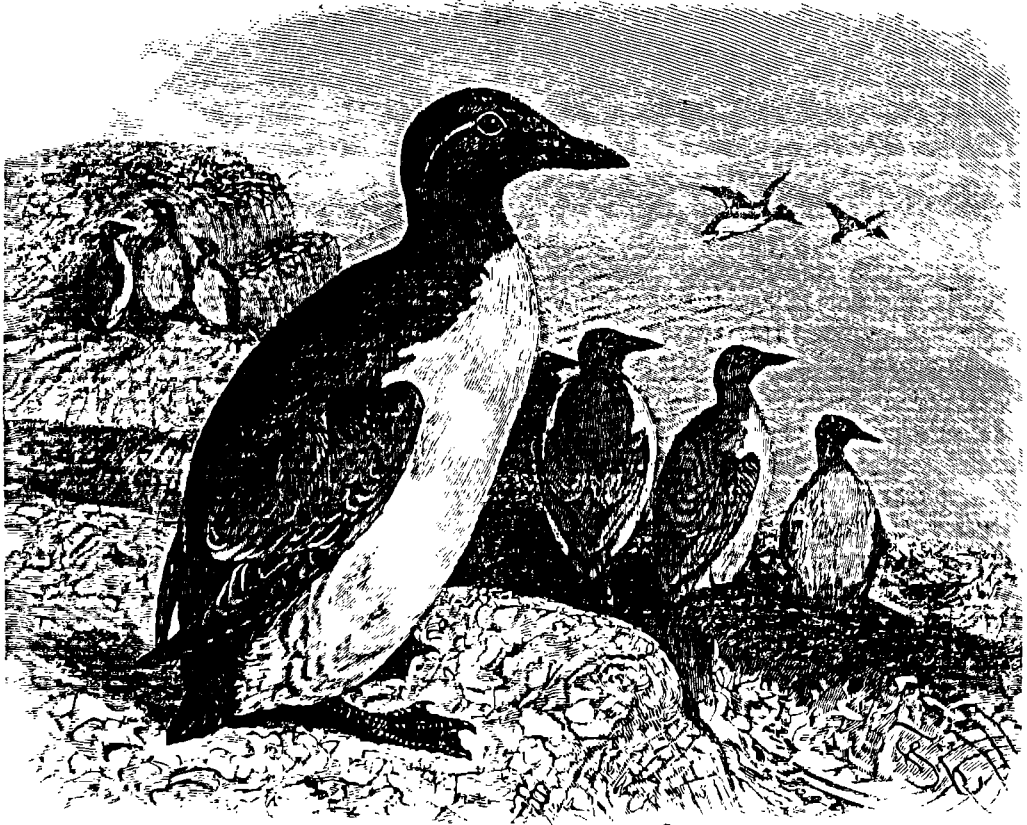
Ближайшіи ей родичъ, ровная съ нею по величинѣ **Бѣлоглазая кайра** (*Uria ringvia, rhingvia, hringvia, alca, leucopsis, leucophthalmus, intermedia, lacrymans* и *longvigia, Colymbus minor, Alca ringvia, rhingvia, hringvia, lacrymans* и *leucophthalma, Lomvia* и *Catarrhactes ringvia. Ringellumme. Guillemot à lunettes*) въ брачномъ своемъ опереніи отличается главнымъ образомъ бѣлымъ кольцомъ во кругъ глазъ и полоскою, идущею отъ нихъ къ затылку.

Кайра-гагарка (*Uria bruennichii, francesii, arra, polaris, unicolor* и *svarbag, Alca bruennichii* и *svarbag, Lomvia svarbag. Polarlumme. Guillemot polaire*), наконецъ, разнится отъ обонхъ предыдущихъ видовъ своимъ болѣе короткимъ и сильнымъ клювомъ и желтовато-бѣлою полоскою на верхнемъ краю рта, идущею отъ угла его до самыхъ ноздрей.

Все эти кайры живутъ въ сѣверныхъ моряхъ земного шара, но отдѣльные ихъ экземпляры выводятъ птенцовъ также и въ умеренномъ поясѣ, куда онѣ правильно перекочевываютъ зимою. Норвежская кайра и кайра-гагарка живутъ въ Исландіи, тогда какъ бѣлоглазой кайры здѣсь еще не находили; изъ этого видно, что все три вида живутъ хотя приблизительно подъ однимъ и тѣмъ-же градусомъ широты, но подъ разными градусами долготы, и что бѣлоглазая кайра принадлежитъ болѣе западу. Съ уступкою Гельгоганда Германіи родиною Норвежской кайры можно считать также и Германію. На Гельголандѣ, по удостовѣренію Нолля, находится одинъ изъ крайнихъ южныхъ пунктовъ гнѣздованія этой птицы, такъ какъ еще такое гнѣздовье встрѣчается только на берегахъ Корнваллиса, на 4 градуса южнѣе. «На западной сторонѣ Гельгоганда», пишетъ Нолль, «по близости сѣверо-западнаго края его, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ башнеподобная скала Нордгорнъ, отдѣленная отъ острова водою и возвышающаяся наравнѣ съ крутымъ обрывистымъ берегомъ, всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, можно видѣть множество птицъ, величиною въ утку, которыя то прилетаютъ на эту скалу, то улетаютъ съ нея. Красный утесъ кажется выбѣленнымъ, такъ какъ въ многочисленныхъ, почти горизонтально идущихъ выщелинахъ, галлереяхъ и нишахъ его торчатъ тысячи птицъ, дна подлѣ другой, обрамляющихъ въ сторону моря свои бѣлыя брюшки. Несмолкаемые кри-

ки раздаются изъ горла этихъ птицъ, внимательно слѣдящихъ за каждымъ движеніемъ приходившихъ и уходившихъ товарищей. Это и есть кайры въ ихъ обществѣ, которыхъ любой наблюдатель и орнитологъ можетъ свободно здѣсь изучить».

Кайры только въ итенцовую пору держатся на землѣ, остальное-же время онѣ проводятъ среди открытаго моря и большая часть ихъ изъ году въ годъ придерживаются однѣхъ и тѣхъ-же мѣстностей. Онѣ плаваютъ очень ловко, причемъ тѣло свое погружаютъ въ воду приблизительно до бѣлыхъ частей брюшка; ныряютъ онѣ мастерски и въ высшей степени проворно и ловко гребутъ подъ водою крыльями и ногами; онѣ могутъ также въ продолженіи нѣсколькихъ ми-

Порвежская айкра. *Uria lomvia*. 1/4 част вел.

нутъ оставаться въ глубинѣ подъ водою; летаютъ онѣ быстро, со свистомъ, перерѣзывая воздухъ, но не любятъ пролетать заразъ далекія расстоянія; при полетѣ онѣ большею частью держатся надъ самыми волнами и только, когда отправляются на гнѣздовье, то летятъ на значительной высотѣ надъ водою. Издали онѣ, вслѣдствіе быстроты движеній ихъ крыльевъ, выглядятъ какъ-бы большими наскочками, а на мѣстахъ своего гнѣздованія, въ особенности когда гора имѣетъ коническую форму, онѣ невольно вызываютъ сравненіе съ ульемъ, около котораго роятся пчелы. Только бросаясь въ воду, онѣ скользятъ по воздуху почти безъ малѣйшаго взмаха крыльями, такъ что съ вершины своей горы, напри- мѣръ, онѣ низвергаются въ море по прямой линіи, при этомъ всѣ, по возможно-

сти, держатся одного и того-же направленія, такъ что изъ поднимающихся и спускающихся птицъ надъ горю образуется буквально нѣчто вродѣ шатра. Помимо птенцовой поры ихъ никогда нельзя видѣть летающими подобнымъ образомъ; въ другое время онѣ больше плаваютъ и ныряютъ или самое большее, что поднимаются на воздухъ короткимъ полетомъ и вскорѣ снова спѣшатъ погрузиться въ волны. Походка ихъ обыкновенно ползающая, такъ какъ онѣ неуклюже скользятъ на ступняхъ; иногда, впрочемъ, онѣ, словно прилясывая, бѣгаютъ на пальцахъ, но тогда принуждены помогать себѣ крыльями, чтобы поддержать въ равновѣсіи, такъ что подобное хожденіе вѣрнѣе слѣдуетъ назвать несовершеннымъ полетомъ. Голосъ ихъ проявляется въ непрерывномъ криканьѣ и хныканьѣ, которое, впрочемъ, звучитъ весьма разнообразными тонами, выражаясь въ звукахъ «бrrr» или «err»: иногда къ этому присоединяется завывающій или мяукающій тонъ. Молодые кайры свистятъ. О гнѣздящихся на Гельголандѣ кайрахъ Нолль говоритъ слѣдующее: «Пѣвунами кайръ, конечно, назвать нельзя, но если ихъ слушать съ судна въ спокойную погоду, то можно различить, что почти каждая птица издаетъ разный звукъ и имѣетъ свой особенный тонъ. Низкіе и высокіе звуки смѣняють другъ друга въ адскомъ шумѣ; то вдругъ прорвется какой-то хриплый хохотъ «ха ха ха ха», или трещащее «ррр ррр ррр», а за нимъ мурлыкающее «рррр херре херре», а то снова загудитъ низкое «о о о», или «хо арре», или пронзительное «хэ хэ хэ;» и все это покрывается крикливымъ зовомъ птенцовъ «филлип филлип».

Всякій, хоть разъ побывавшій на такой птичьей горѣ, занятой кайрами, не станетъ больше удивляться тому, что эти птицы слывятся глупыми. Въ самомъ дѣлѣ, онѣ выказываютъ себя необыкновенно безпечными или довѣрчивыми существами, особенно тогда, когда находятся на сушѣ. Впрочемъ и плавая онѣ зачастую подпускаютъ къ себѣ судно на очень близкое разстояніе; на гнѣздовьяхъ-же онѣ почти не обращаютъ никакого вниманія на человѣка. Здѣсь, совершенно спокойно, не возбуждая ни малѣйшаго подозрѣнія въ птицахъ, можно подойти къ нимъ на 6 или даже на 4 шага; можно смѣло присѣсть, рассмотреть ихъ и тутъ-же заниматься рисованіемъ или письмомъ: онѣ и не подумаютъ улетѣть. Несмотря на все это, внимательный наблюдатель успѣетъ вывести то заключеніе, что ихъ только въ извѣстномъ смыслѣ можно считать глупыми птицами. Человѣкъ, который вообще рѣдко навѣщаетъ ихъ, не возбуждаетъ ихъ опасенія; зато появленіе кречета, какъ только онъ завидитъ кайрами, сразу очищаетъ всю птичью гору, а летящій вдали морской орелъ вспугиваетъ и обращаетъ въ бѣгство тысячи птицъ. Изъ этого видно, что и кайры умѣютъ распознавать своихъ враговъ, а если онѣ не избѣгаютъ человѣка, то лишь потому, что не считаютъ его за врага. Иначе трудно представить, чтобы изъ числа милліона этихъ птицъ, не вѣшалось-бы ни одной, которая набралась-бы опытности, а черезъ это и ума-разума. Ктому-же извѣстно, что тамъ, гдѣ онѣ встрѣчаются отдѣльными экземплярами, продолжительныя преслѣдованія дѣлаютъ ихъ пугливыми и заставляютъ и въ человѣкѣ признавать врага. Между собою онѣ живутъ въ высшей степени дружно, да и съ другими птицами, которыя не могутъ быть для нихъ опасны, также поддерживаютъ добрыя отношенія. Со своей стороны, онѣ не надѣдають никакой другой птицѣ, живущей на той-же горѣ; скорѣе-же стараются быть полезными и услужливыми.

Всякій, кто хочетъ полюбить ихъ, долженъ познакомиться съ ними на ихъ гнѣздовьяхъ. Мѣстомъ своего гнѣздованія онѣ избирають круто воздымающіяся громады или отдѣльныя скалы, которыя возвышаются непосредственно на морскомъ берегу и изобилуютъ карнизамы, выступами и трещинами, доставляя по возмож-

ности богатую рыбную ловлю. Вѣроятно, вблизи этихъ скалъ, море особенно изобилуетъ рыбами и раками, составляющими главную пищу этихъ птицъ; кромѣ того выборъ мѣста по возможности обуславливается тою страной свѣта, куда обращена скала, или главная часть горы: во всякомъ случаѣ выборъ можно назвать счастливымъ. Въ исходѣ марта или въ началѣ апрѣля кайры появляются большими и малыми стаями на горахъ и вскорѣ послѣ этого здѣсь начинается своеобразная жизнь и поднимается суетня. Въ это время птичью гору въ самомъ дѣлѣ можно принять за колоссальный пчелиный улей. Цѣлая туча птицъ постоянно окружаетъ ее: тысячи и сотни тысячъ ихъ сидятъ, повидимому, на всѣхъ выступахъ, углахъ, остріяхъ и карнизахъ, выстроившись правильными рядами и обративъ свои бѣлыя груди въ сторону моря; преимущественно ихъ много тамъ, гдѣ имѣется удобное мѣсто для сидѣнья; другія сотни тысячъ летаютъ сверху внизъ и снизу вверхъ; кромѣ того масса птицъ охотятся и ныряютъ въ морѣ. Самая большая гора, самый выдающійся утесъ переполнены жителями, но каждый довольствуется своимъ мѣстомъ, и между птицами никогда не поднимается спора изъ за гнѣздовья. Каждая старается превзойти одна другую въ терпѣніи относительно сосѣда, каждая старается помочь другой, и по мѣрѣ силъ оказывать всякое содѣйствіе. Пары связаны между собою тѣсною дружбой; пока не настанетъ пора кладки яицъ, онѣ милуются другъ съ другомъ клювами, трутся шеями, въ одно и то-же мгновеніе бросаются въ море, сообща ловятъ рыбу и вмѣстѣ же возвращаются на гнѣздо, гдѣ онѣ впоследствии дружно раздѣляютъ всѣ заботы по выводу птенцовъ.

Самка кладетъ всего одно, но очень большее яйцо, около 85 мм. длиною и 52 мм. толщиною; оно круглой формы, съ крѣпкою крупнозернистою скорлупою, по свѣтлому фону которой разсыяны темныя пятна; впрочемъ, внѣшній видъ этихъ яицъ до того разнообразенъ, что изъ сотни ихъ едва можно подобрать два, совершенно одинаковыхъ. Основная окраска проходитъ черезъ всѣ оттѣнки бѣлаго, впадая то въ желтый, то въ сѣрый колоритъ; узоръ состоитъ изъ пятнышекъ, точекъ и крапинокъ, разсыянныхъ по поверхности то часто, то рѣдко, то болѣе или менѣе равномерно, то сливаясь въячникомъ на верхнемъ или нижнемъ концѣ. Настоящаго гнѣзда кайры не строятъ, а кладутъ яйцо большею частью безъ всякой подстилки прямо на голый камень, съ котораго не счищается даже крупный гравій. Тотчасъ-же послѣ кладки начинается высиживаніе; при этомъ трудъ высиживанія раздѣляется не только птицами одной пары, но на всѣхъ прочихъ горахъ находится масса добродѣтельныхъ птицъ, которыя съ истинною радостью бросаются на всякое незанятое яйцо, чтобы хоть немного посидѣть на немъ. Послѣ 30—35-ти дневнаго высиживанія вылупляется птеникъ, который сначала походитъ скорѣе на сѣро-черный комокъ шерсти, чѣмъ на птицу; впрочемъ, онъ очень быстро вырастаетъ, скоро сбрасываетъ свой пуховый нарядъ и въ теченіи мѣсяца облекается уже въ перья. Въ это время птенцы измѣняютъ своимъ роднымъ скаламъ ради моря, и эта «перемѣна», говорятъ Шауманъ, «сопряжена съ явною опасностью, о чемъ наглядно свидѣлствуютъ поднимающіеся среди семейства суетня и боязливые крики, которыми привѣтствуется наступленіе катастрофы. Подъ руководствомъ стариковъ птенецъ бросается однимъ прыжкомъ съ обрыва въ море, нырять въ тотъ-же моментъ, какъ коснется въ первый разъ воды, находясь и подъ водою въ сопровожденіи родителей, а затѣмъ, когда вынырнетъ, съ громкимъ свистомъ робко прижимается къ нимъ, какъ-бы ища ихъ защиты и желая укрыться на ихъ спинахъ; но такъ или иначе ему приходится свести болѣе близкое знакомство съ влажной стихіей и послѣ учащенныхъ

нырявйй подь руководствомъ родителей, птенець становится смѣлѣе. Старики тутъ-же даютъ ему наставленіе по части самостоятельнаго снискиванія пищи, такъ какъ съ этихъ поръ птенець предоставляется уже самому себѣ, хотя родители все еще присматриваютъ за нимъ и сопровождаютъ его въ море, гдѣ обыкновенно скучиваются и другія семьи, состоящія изъ родителей съ полувзрослыми птенцами, обрекая себя на совмѣстную борьбу съ бурей и непогодой. Многимъ изъ птенцовъ этотъ первый прыжокъ въ море со скалы обходится дорого, въ особенности тѣмъ, которые, по несчастью, упадутъ прямо на камень, гдѣ и разбиваются на смерть».

Такія птичныя горы правильно осаждаются охотниками, которые, смотря по величинѣ горы и количеству гнѣздящихся тамъ птицъ, собираютъ болѣе или менѣе богатую добычу въ видѣ яицъ и птенцовъ. Яйца разсылаются по всему сѣверу довольно далеко; а молодыхъ птицъ заготавливаютъ въ прокъ и сохраняютъ всю зиму. На Ферерскихъ островахъ образовалась уже особая каста людей, птицелововъ, на обязанности которыхъ лежитъ обыскиваніе этихъ горъ; это очень отважные люди, не страшатся никакой опасности и смѣло смотрящіе въ глаза смерти, такъ какъ хорошо знаютъ, что рѣдкому изъ нихъ придется умереть спокойною смертию на собственномъ одрѣ. Они вскарабкиваются на гору снизу и сползаютъ сверху при помощи длинныхъ канатовъ, раскачиваются на нихъ до 15 м. разстоянія, чтобы достать до выступа, усѣяннаго насидивающимися птицами, становится на узкіе карнизы, по пространству своему доступные развѣ только птицѣ, однимъ словомъ изъ невозможнаго дѣлаютъ возможное. Въ Гренландіи кайръ по зимамъ тысячами убиваютъ посредствомъ огнестрѣльнаго оружія и кромѣ того добываютъ ихъ еще другимъ, чрезвычайно оригинальнымъ способомъ. Пока не взломается ледъ, кайры имѣютъ обыкновеніе приходятъ почевать на свои гнѣздовья, гдѣ и проводятъ короткую ночь въ крѣпкомъ снѣ. По прибытіи птицъ гренландцы, съ возможною осторожностью, взбираются на гору и, начинаютъ испугивать птицъ внезапными криками и выстрѣлами; бѣдныя кайры, не соображающія съ перепугу, что море оковано еще льдомъ, безъ размысленія бросаются внизъ головою и на смерть разбиваются о ледъ. Кромѣ людей ихъ непрерывно преслѣдуютъ хищныя птицы, вороны и хищныя чайки, а подь водою также и хищныя рыбы. Однако, несмотря на всѣ эти преслѣдованія, численность ихъ не уменьшается.

На Гельголандѣ кайръ не трогаютъ до 24 іюля; съ этого дня получаютъ свободное право охоты какъ для пріѣзжихъ, такъ и для туземцевъ. «Чтобы изучить вліяніе стрѣльбы на колонію кайръ», пишетъ Нолль, «мы въ первый-же день охоты, 24 іюля 1889 г., отправились вечеромъ въ лодкѣ къ птичьей горѣ. Сильный западный вѣтеръ дулъ намъ на встрѣчу, вздымая на морѣ высокія волны, чѣмъ въ высшей степени затруднялъ ходъ нашей лодки; впрочемъ, за все это насъ вполне вознаградила очаровательная картина солнечнаго заката. Еще двѣ лодки съ охотниками стояли на мѣстѣ и стрѣляли по тѣмъ немногимъ кайрамъ, которыхъ материнскія обязанности снова загоняли на скалу. Нѣкоторые при этомъ падали внизъ и становились добычею ненасытныхъ стрѣлковъ, другіи, испугнутыя направленными въ нихъ выстрѣлами, возвращались въ открытое море. Когда одна изъ такихъ, достигнувъ близости скалы, издавала свое прізывное «хра хра», ей откликались съ карниза многіе голоса своимъ «филлинн», свидѣтельствовавшіе о томъ, что тамъ наверху сидитъ еще немало птенцовъ, а также другіе тонкіе, еще очень пѣжные голоса. Отдѣльныхъ экземпляровъ можно было видѣть кружающимися въ припрыжку по оустѣлымъ проходамъ. Судьба ос-

тавшихся птенцовъ была во всякомъ случаѣ жалкая, такъ какъ къ большинству крикуновъ не вернется уже болѣе заботливая мать, чтобы согрѣть и накормить ихъ; они были обречены на голодъ, холодъ, а затѣмъ и на смерть. Зато гельголандцы нѣсколько дней лакомятся жареными кайрами, мясо которыхъ, такъ же какъ и чайковое, ѣдятъ тѣмъ охотнѣе, что обыкновенно они должны удовлетворяться мясомъ пролетныхъ птицъ или рыбою, такъ какъ убойный скотъ островитянами получается изъ Куксгавена или Гамбурга, вслѣдствіе того, что на островѣ крупныя животныя не водятся. Мясо кайръ темнаго цвѣта и, хорошо приготовленное, имѣетъ своеобразный, довольно пріятный вкусъ дичи, нѣсколько напоминающій мясо утокъ, въ чемъ мы сами успѣли убѣдиться.

«Съ присоединеніемъ Гельгоганда къ Германіи можно надѣяться, что со временемъ будетъ уничтоженъ обычай убивать и ловить миролюбивыхъ и безвредныхъ кайръ цѣлыми сотнями на ихъ гнѣздовьяхъ. Начало охоты могло-бы имѣть мѣсто 24 іюля, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы она производилась не въ непосредственной близости ихъ мѣста гнѣздованія, а среди открытаго моря, въ опредѣленномъ разстояніи отъ острова».

Пойманныя кайры, за которыми я ухаживалъ, безъ всякаго затрудненія принимались за кормъ и, повидимому, не дѣлали никакого различія между мелкою рыбою и крабками. Нѣсколько часовъ въ день онѣ забавлялись плаваніемъ по водѣ, но нырять однако не рѣшались. Уставши плавать, онѣ отправлялись на сушу и здѣсь такъ плотно прижимались другъ къ другу, что составляли какъ-бы одну кучу. Онѣ никогда не скользили на пяткахъ, а скорѣе ходили на пальцахъ, лишь изрѣдка прибѣгая къ помощи крыльевъ; въ этомъ послѣднемъ случаѣ онѣ двигались, приплывая, въ высшей степени граціозно, чрезвычайно быстро и ловко. Въ послѣдніе года въ Берлинскомъ акваріумѣ представлялись неоднократно случаи наблюдать ихъ искусство въ плаваніи, и нырніи, любясь ими сквозь стекла отведеннаго для кайръ бассейна.

* *
* *

Натуралисты, видѣвшіе живую самую маленькую изъ всѣхъ кайръ, **Люрика**, **Малую гагарну** (*Mergulus alle, melanoleucos* и *arcticus*, *Alca*, *Uria*, *Serphus* и *Arctica alle*. *Krabentaucher*. *Plongeon alle*), приходятъ къ единогласному соглашенію относительно того, что ее должно причислить къ наиболѣе симпатичнымъ морскимъ птицамъ. Отъ своихъ сородичей люрикъ отличается короткимъ и толстымъ клювомъ, наверху выпуклымъ, къ острію сильно выгнутымъ, съ зазубриной передъ острымъ кончикомъ; старыя птицы, кромѣ того, передъ овальными вздрами имѣютъ еще бороздки. Во всемъ остальномъ люрикъ сходенъ съ прочими членами своего семейства и является въ нѣкоторой степени переходною формою отъ кайръ къ гагаркамъ. Опереніе его на верхней сторонѣ совершенно черное, на передней части шеи матово-черное, на нижней сторонѣ бѣлое съ черно-бурыми продольными полосками въ области бедеръ. Большія маховыя и рулевыя перья черныя; малыя маховыя на концахъ съ широкими бѣлыми каемками; плечевыя перья окаймлены узенькими бѣлыми каемочками. Глаза темно-бурые; клювъ матово-черный; ноги синеvато-черныя. Въ зимнемъ одѣяніи горло также бѣловатое, а шея темно-сѣрая. Длина птицы 25 см., размахъ крыльевъ 42, длина крыла 13, хвоста 3 см.

Гренландскіе моряки называютъ люрика, **Роттъ** и **Мурръ**, но также **Ледяною птицею**, потому что появленіе его въ большомъ количествѣ указываетъ обыкновенно

венно на близость массы ледяныхъ глыбъ. «Два раза», говорятъ Гольбелль, «я былъ затертъ льдомъ, и оба раза видѣлъ безчисленное количество этихъ птицъ, громадными стаями направлявшихся на сѣверъ». Другіе наблюдатели встрѣчали люрика на самомъ крайнемъ сѣверѣ, куда они только проникали. Парри встрѣчалъ его подь 82° с. ш. а между 81 и 82 градусами даже въ большомъ количествѣ. Онъ весьма обыкновененъ на Шпицбергенѣ, Янъ-Майенѣ, на Новой Землѣ, а въ Гренландіи даже зауряденъ; въ Исландіи онъ попадаетъ лишь мѣстами; далѣе къ югу онъ считается уже за рѣдкость, хотя отдѣльные экземпляры залетаютъ даже на берега Германіи, Англій, Голландіи и Франціи, а на Гельголандѣ каждую зиму встрѣчали нѣсколькихъ люриковъ. Весьма возможно, что эта птица, болѣе всѣхъ другихъ свыкшаяся съ моремъ, предпринимаетъ болѣе дальнія путешествія, чѣмъ это до сихъ поръ думали, и потому ее нельзя считать осѣдною птицею въ строгомъ значеніи слова. Къ сунѣ люрикъ приближается по своей волѣ только въ птенцовую пору или во время продолжительныхъ бурь зимою; при обыкновенныхъ-же условіяхъ онъ даже въ сильное волненіе охотно посится по вздымающимся волнами и даже спитъ на нихъ, зарывъ клювъ въ свои плечевыя перья,—однимъ словомъ, чувствуетъ себя на морѣ какъ дома. при всякихъ условіяхъ и гдѣ-бы онъ ни находился.

Между всѣми чистиковыми люрикъ—самый подвижный, рѣзвый и ловкій. Онъ ходитъ на пальцахъ, относительно быстро и ловко, хотя и маленькими прыгивающими шажками, проворно шныряетъ между камнями, пролѣзалъ въ щели словно мышь, плаваетъ и ныряетъ съ замѣчательною даже въ ихъ семействѣ ловкостью, остается подь водою болѣе двухъ минутъ и терпѣливо выноситъ всякую непогоду, долго не утомляясь въ борьбѣ съ непогодюю. На лету онъ еще больше своихъ сородичей походитъ на пасткомое, такъ какъ его коротенькія крылышки движутся еще быстрѣе. Какъ изъ воды, такъ и отъ земли онъ поднимается очень легко, безъ всякаго труда, а также непринужденно снова спускается. Голосъ его, повидимому, очень разнообразенъ, такъ какъ наблюдатели передаютъ его весьма различно, одни—слогодъ «гюэфъ», свистящимъ и звонкимъ, другіе—звуками «трр, трр, тет, тет, тет». Скучивающихся въ туманную погоду у моря люриковъ скорѣе можно услышать, чѣмъ увидѣть, вслѣдствіе особенной подвижности и юркости, какими отлчаются эти птицы. Во всемъ прочемъ люрикъ выказываетъ себя настоящею кайрою, проявляетъ такое-же миролюбіе, безпечность и легкомысліе, какъ и его родичи.

Пища его состоитъ преимущественно изъ мелкихъ ракообразныхъ, живущихъ близъ поверхности воды. Только изрѣдка въ желудкахъ убитыхъ находятъ остатки рыбъ. Во время охоты люрики разсѣиваются по большому пространству моря, стремительно плаваютъ, ныряютъ, преслѣдуя добычу быстрыми движеніями головы, всегда что-нибудь да схватывая.

На островахъ крайняго сѣвера эти птички, въ періодъ размноженія, соединяются въ громадныя стаи. На берегахъ Шпицбергена онѣ, по словамъ Малмгрена, встрѣчаются всюду во множествѣ, и съ горныхъ склоновъ, избранныхъ ими мѣстожительствомъ, день и ночь раздается ихъ непрерывный крикъ, слышимый на разстояніи полумили отъ берега. Близъ Исландіи люрики, по Фаберу, выводятъ птенцовъ только въ одномъ мѣстѣ—на самой сѣверной оконечности маленькаго островка Гримзе. Каждая парочка выбираетъ себѣ среди обломковъ скалъ, какъ можно глубже, подходящее гнѣздовье и кладетъ здѣсь свое бѣлое съ голубоватымъ отливомъ, иногда съ чуть замѣтнымъ красноватымъ крапомъ яйцо, которое имѣетъ

50 мм. въ длину и 35 мм. въ толщину. «17-го іюня», рассказываетъ Фаберъ, «ночью, въ 12 часовъ, я съ помощью нѣсколькихъ островитявъ, отвалилъ камень, за которымъ скрывались насиживающія птицы и схватилъ десять люриковъ, сидѣвшихъ на яйцахъ, которые, какъ оказалось при вскрытіи, всѣ были самцами. Они дали мнѣ трогательный примѣръ любви, привязывающей къ яйцамъ даже самцовъ этихъ птицъ. За три дня до этого я посѣтилъ это гнѣздовье и подстрѣлилъ тогда въ крыло одну птицу; но она успѣла проворно скрыться между камнями, прежде чѣмъ я могъ схватить ее. Это былъ одинъ изъ тѣхъ десяти самцовъ, которыхъ я черезъ три дня послѣ этого нашелъ сидящимъ на яйцахъ, совершенно изнеможеннымъ, съ раздробленнымъ крыломъ: физическія страданія не могли подавить въ немъ любви къ его потомству». На такихъ гнѣздовьяхъ всегда можно видѣть цѣлыя стаи люриковъ, не занятыхъ высиживаніемъ; они обыкновенно сидятъ тѣсными кучами на свалившихся обломкахъ скалъ, подъ которыми скрываются ихъ насиживающія подруги. Если ихъ испугнуть, то они тотчасъ-же всѣ улетаютъ въ море, но скоро опять возвращаются и скрываются на гнѣздовьяхъ, такъ что ихъ очень легко убить. Днемъ насиживающія птицы занимаются рыбною ловлею въ морѣ, а по вечерамъ сидятъ на камняхъ, близъ своихъ гнѣздъ, оглашая воздухъ несмолгаемыми криками, гоготаньемъ и кудахтаньемъ. Какъ долго продолжается птенцовая пора, до сихъ поръ еще не определено; извѣстно лишь, что оба родителя одинаково нѣжно любятъ своего одѣтаго въ сѣрый пушокъ птенца и кормятъ его до тѣхъ поръ, пока онъ совсѣмъ не оперится и не будетъ въ состояніи покинуть гнѣздо, чтобы улетѣть въ море. По всей нѣроятности, теперь люрики различныхъ гнѣздовой все чаще и чаще собираются въ тѣ безчисленныя стаи, которыя иногда случается замѣчать. Хищныя птицы и рыбы едва-ли ожесточеннѣе свирѣпствуютъ между люриками, чѣмъ человѣкъ, который считаетъ его мясо, наравнѣ съ олениной, однимъ изъ наиболѣе вкусныхъ яствъ крайняго сѣвера. Люриковъ убиваютъ тысячами, зачастую по 30 штукъ за одинъ выстрѣлъ.

На стоячихъ или спокойно протекающихъ водахъ жаркихъ странъ, поверхность которыхъ покрыта широкими, плавучими листьями различныхъ водяныхъ растений, преимущественно водяныхъ лилій, живутъ въ высшей степени красивыя птицы, въ строеніи ногъ которыхъ есть характерное отличіе отъ другихъ птицъ, въ видѣ необыкновенно длинныхъ когтей. **Парровыя**, составляющія самостоятельное семейство (Puffin), населяютъ тропическія страны Стараго и Новаго Свѣта. Каждая страна имѣетъ свои собственные виды, которые, впрочемъ, всѣ сходны между собою по образу жизни. Плавающія листья представляютъ собою районъ ихъ охоты; онѣ покидаютъ эту плавучую почву только въ исключительныхъ случаяхъ, именно, когда приступаютъ къ размноженію.

Въ отличіе отъ другихъ болотныхъ птицъ, парровыя не выказываютъ почти ни малѣйшей робости по отношенію человѣка; напротивъ того, держатся постоянно открыто, такъ что лодка можетъ подойти къ нимъ совсѣмъ близко, наконецъ вспархиваютъ, и, полетавъ немного надъ водой, снова опускаются. Онѣ вовсе не заслуживаютъ своего научнаго названія, такъ какъ ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя считать зловѣщими *) , а скорѣе въ высшей степени пріятными и невинными птицами, которыя въ значительной мѣрѣ способствуютъ украшенію и безъ того

*) Птица Puffin по крику своему у древнихъ римлянъ считалась зловѣщею, но конечно она называли этимъ именемъ другую птицу, чѣмъ теперь. *Прим. ред.*

привлекательныхъ водяныхъ лилій и тому подобныхъ растеній; вслѣдствіе этого онѣ каждаго сразу располагають въ свою пользу, хотя нравы ихъ не всегда соотвѣтствуютъ производимому ими пріятному впечатлѣнію. Та ловкость, съ какою эти птицы разгуливаютъ по листьямъ, не выдерживающимъ никакихъ другихъ птицъ равной съ ними величины, даетъ основаніе не только весьма справедливому восхищенію, охватывающему каждаго путешественника, но также и разнымъ суевернымъ сказаніямъ, которыя кое-гдѣ еще держатся въ народѣ. Изъятыя съ этой лиственной почвы, птицы становятся неловкими и неуклюжими. Еще по жидкому иду онѣ способны передвигаться съ достаточною легкостью, но уже почти не въ состояніи ходить по высокой травѣ и въ такой-же степени не искусны въ плаваніи и полетѣ. Нѣкоторыхъ видовъ совсѣмъ не видали плавающими; но есть между этими птицами и настоящіе нырцы. Полетомъ своимъ не выдается ни одинъ видъ. Голосъ поражаетъ своею странностью и у нѣкоторыхъ звучитъ какъ смѣхъ. Относительно умственныхъ способностей этихъ птицъ нѣтъ обстоятельныхъ наблюденій; но все-же извѣстно, что онѣ могутъ имѣть правильное понятіе о различныхъ обстоятельствахъ, сознають ту общую благосклонность, съ какою къ нимъ относятся люди, и потому-то проявляютъ такую довѣрчивость; но, испытавъ преслѣдованіе, тотчасъ-же становятся пугливыми и своимъ крикомъ предостерегаютъ о приближающейся опасности не только себѣ подобныхъ, но и другихъ птицъ. Между собою онѣ, подобно водянымъ курочкамъ, живутъ въ несогласіи. Каждая парочка, храбро борясь, отстаиваетъ права своей собственности и потому въ своемъ районѣ не терпитъ никого другого.

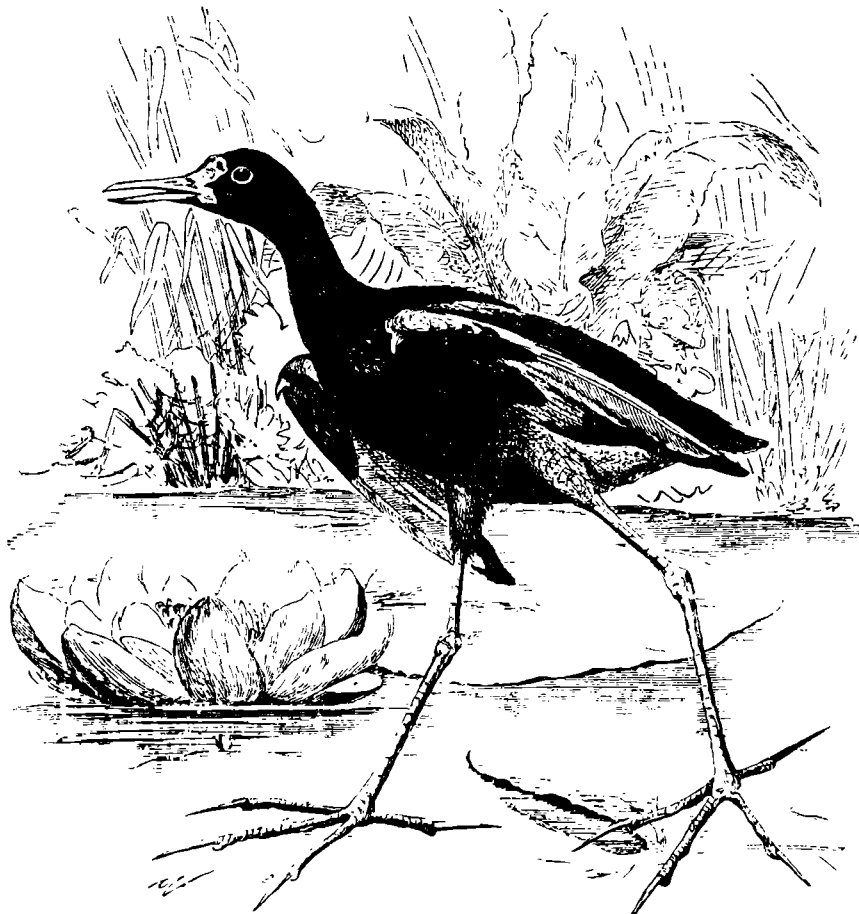
Пища состоитъ по временамъ почти исключительно изъ сѣмянъ тѣхъ растеній, на которыхъ эти птицы живутъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ также и изъ различныхъ мелкихъ животныхъ. Гнѣздо строится на сушѣ и заключаетъ въ себѣ 3—4 яйца.

Плавунцовые пастушки или Парровыя (Parridae), составляющія особое семейство изъ шести видовъ, имѣють слѣдующіе отличительные признаки: стройное сложеніе, тонкій длинноватый клювъ, высокія и чрезвычайно длинныя, тонкопалыя ноги, которыя, такъ сказать, удваиваются длиной когтей; довольно длинныя, узкія и острыя крылья; короткій и узкоперый хвостъ, среднія перья котораго у одного вида удлиняются, и немного рѣдкое, но жесткое, обыкновенно красивое по окраскѣ опереніе. У большинства видовъ на передней части лба имѣется голая мозоль; замѣчательнъ также острый шипъ на кистевомъ суставѣ. Ноги не разнятся между собою; птенцы-же довольно рѣзко отличаются отъ старыхъ птицъ.

Одна изъ самыхъ обыкновенныхъ птицъ Южной Америки — **Ясана** (*Parras nigra*, *jacana* и *brasiliensis*. *Jassana*. *Jacana*) служитъ представительницей рода **Парръ** (*Parras*). Отличительные ея признаки слѣдующіе: легкое, красивое туловище, тонкій, стройный клювъ съ голою мозолью на лбу и голыми лопастями по угламъ рта; высокія, тонкія, длиннопалыя ноги, когти которыхъ почти одинаковой длины съ пальцами; узкія остроперыя крылья, между маховыми перьями которыхъ третье самое длинное; на сгибѣ крыло снабжено крѣпкимъ, вогнутымъ шипомъ, и, наконецъ, округленный хвостъ, состоящій изъ десяти мягкихъ, вѣжныхъ, немного заостренныхъ перьевъ. Старая ясана на головѣ, шеѣ, груди и брюшкѣ имѣетъ черную окраску; на спинѣ, крыльяхъ и по сторонамъ брюшка — красно-бурую; маховыя перья до самаго чернаго конца своего — желтовато-зеленыя; рулевныя перья

темныя красновато-бурыя. Глаза блѣдно-желтые; клювъ красный, на концѣ желтоватый, голая мозоль на лбу, такъ-же какъ и лопасти по угламъ рта—крово-красныя; ноги свинцово-сѣрыя; шипъ на крылѣ желтый. Молодая ясана отъ подбородка до гузки имѣетъ желто-бѣлую окраску; на верхвей части головы и затылкѣ—черную; на спинкѣ—оливково-бурую. Длина ея 25 см., длина крыла 14, хвоста—5 см., высота плюсны 55, длина средняго пальца также 55, когти его 21 см.; задній палецъ имѣетъ въ длину 24, а коготь его 4 см.

Отъ Гвианы до Парагвая ясана водится на всѣхъ стоячихъ водахъ, покры-

Ясана. *Porra nigra* $\frac{1}{2}$ наст. вел.

тыхъ мѣстами широкими листьями водяныхъ растений. Благодаря ея красивой внѣшности, ее всѣ любятъ и щадятъ; она селится въ непосредственной близости жилья, оживляя собою каналы въ плантаціяхъ; по словамъ-же принца фонъ Видъ, ясана главнымъ образомъ водится въ болотистыхъ мѣстахъ, на сырыхъ болотистыхъ дугахъ, въ водныхъ бассейнахъ по близости морского берега, а также и внутри материка или среди первобытныхъ лѣсовъ. Она расхаживаетъ по широкимъ листьямъ, растилающимся по водяной поверхности, на которыхъ держится очень легко, благодаря длиннымъ пальцамъ своихъ ногъ. Хотя ясана и слетаетъ, когда замѣтитъ быстро приближающуюся къ ней лодку, но скоро снова садится на

прежнее мѣсто. Она представляетъ въ высшей степени привлекательное зрѣлище, когда, съ быстротою мысли, несется по плотно сплетеннымъ между собою листьямъ водяныхъ лилій, занимаясь въ то-же время своимъ дѣломъ. Садясь, она высоко приподнимаетъ свои красивыя крылья и выставляетъ на показъ свои ярко-блестящія маховыя перья, какъ будто съ умысломъ щеголяя всей своей красотой. Ясаны, движущіяся въ яркій солнечный день по широкимъ зеленымъ листьямъ водяныхъ растений, превосходятъ вообще по красотѣ великолѣпный цвѣтъ этихъ послѣднихъ. При опусканіи или передъ самымъ взлетомъ слышится обыкновенно громкій, похожій на смѣхъ голосъ, служащій для другихъ птицъ предостереженіемъ; птица издаетъ его также еще тогда, когда, застигнутая врасплохъ, вынуждена съ возможною скоростью искать спасенія въ бѣгствѣ. «Какъ только та или другая изъ нихъ», говоритъ Шомбургкъ, «замѣтитъ что-нибудь подозрительное, такъ немедленно вытягиваетъ шею и испускаетъ свой громкій крикливый звукъ; тогда все общество вторитъ ей и другъ за другомъ устремляется въ бѣгство».

Ясана питается водяными суставчатыми и ихъ личинками, но не пренебрегаетъ также сѣменами и, повидимому, постоянно занята отыскиваніемъ пищи.

Гнѣздо ея представляетъ собою безискусственную постройку, которую она сооружаетъ въ болотахъ и по краямъ канавъ, но часто также она кладетъ прямо на голую землю свои 4—6 блѣдно-зеленоватыхъ или голубоватыхъ яицъ, покрытыхъ свѣтло-бурыми крапинами. Птенцы слѣдуютъ за матерью вскорѣ-же послѣ вылупленія.

По словамъ принца фонъ Видъ, ясаны вовсе не трудно приучить къ неволѣ, въ особенности, если предоставить имъ при этомъ нѣкоторую свободу, напримѣръ, содержать на дворѣ. По всей вѣроятности этихъ красивыхъ созданій можно-бы было привозить въ Европу, но кажется, что до сихъ поръ подобныхъ попытокъ еще не дѣлалось.

Дрохвъ и Авдотонъ Фюрбрингеръ относитъ къ поисковымъ птицамъ и соединяетъ въ семейство **Дрохвовыхъ** (Otides). Первое мѣсто среди нихъ занимаютъ **Дрохвы** (Otididae. Trappen. Outardes),—крупныя или средней величины тяжеловѣсныя птицы съ толстой шеей средней длины, довольно большою головою, съ сильнымъ, у корня сплюснутымъ, вообще конусовиднымъ, а у кончика верхней челюсти слегка вычуклымъ клювомъ, длиною приблизительно съ голову. Ноги у нихъ средней высоты, трехпалыя съ очень сильными плюснами; крылья чрезвычайно развитыя, большія, корытообразной формы, съ сильными широкими маховыми перьями, между которыми третье самое длинное; хвостъ состоитъ изъ 20 широкихъ перьевъ. Опереніе жесткое, плотное, гладко прилегающее къ тѣлу, на головѣ и шеѣ замѣтно удлиняющееся и отличающееся яркой окраской. Самцы отличаются отъ самокъ болѣе крупною величиною, а также болѣе красивымъ опереніемъ; птенцы, скинувъ съ себя пуховой нарядъ, ходятъ обыкновенно на самокъ.

Характернымъ отличіемъ въ строеніи дрохвъ является большой кожистый, открывающійся подъ языкомъ мѣшокъ; онъ лежитъ спереди непосредственно подъ кожей шеи, передъ дыхательнымъ горломъ, и виситъ до самой дужки. Онъ бываетъ только у старыхъ самцовъ и наполняется воздухомъ только въ періодъ спариванія; въ остальное-же время такъ сжимается, что даже самые добросовѣстные анатомы не могли найти его.

За исключеніемъ Америки, дрохвы живутъ во всѣхъ частяхъ свѣта; особенно богаты ими Африка и Азия. Будучи собственно степными птицами, онѣ у насъ въ средней Европѣ, населяютъ обширныя открытыя поля и равнины, хотя далеко

не так многочисленны, какъ въ стѣняхъ. Настоящихъ лѣсовъ онѣ пугливо избѣгаютъ, но вовсе не страшатся мѣстностей, поросшихъ рѣдкимъ кустарникомъ. Онѣ живутъ обыкновенно небольшими группами или нѣсколькими семьями; по прошествіи-же птвцовой поры зачастую соединяются въ стаи, доходящія численностью до нѣсколько сотенъ, и такъ живутъ вмѣстѣ, повидимому, по цѣлымъ недѣлямъ. Всѣ южные виды принадлежатъ къ числу осѣдлыхъ птицъ; тѣ-же, которые водятся въ умѣренномъ поясѣ, или перелетныя птицы, правильно совершающія свои странствованія, или кочевыя, неправильно скитающіяся по обширной области.

Насколько неуклюжи и неповоротливы онѣ по своему внѣшнему виду, настолько-же на самомъ дѣлѣ проворны въ своихъ движеніяхъ. Ихъ обыкновенная походка представляетъ собою размѣренный шагъ, который, впрочемъ, можетъ перейти въ довольно быстрый бѣгъ. Полетъ кажется болѣе неловкимъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, такъ какъ дрохвы легко поднимаются съ земли послѣ короткаго разбѣга, быстро взлетаютъ на достаточную высоту и летаютъ, если и не очень скоро, но зато съ большою выносливостью, перелетая за одинъ полетъ пространства въ цѣлыя мили, пересѣкая даже моря, или предпринимаютъ путешествія въ дальнія страны. Голосъ ихъ чрезвычайно разнообразенъ. Нѣкоторые виды принадлежатъ къ молчаливѣйшимъ изъ всѣхъ птицъ; онѣ только въ видѣ исключенія издаютъ странный звукъ, который скорѣе можно назвать шелестомъ, такъ какъ въ немъ нѣтъ никакой звонкости и нельзя отличить тона; другіе-же виды, напротивъ, обладаютъ звонкимъ, далеко звучащимъ голосомъ, который они издаютъ довольно часто. Всѣ внѣшнія чувства у нихъ отличаются высокимъ развитіемъ; что касается душевныхъ способностей, то никто изъ знающихъ этихъ птицъ, не станетъ отрицать въ нихъ ума. Это очень робкія птицы, которыя осторожно высматриваютъ всякій подозрительный предметъ; онѣ рѣдксъ впадаютъ въ обманъ, никогда не забываютъ прежняго опыта, а если онѣ кому-же былъ изъ горькихъ, то становятся недоувѣрчивыми даже по отношенію самыхъ безобидныхъ существъ. Вмѣстѣ съ этою осторожностью въ нихъ сказывается раздражительность и запальчивость; имъ нельзя также отказать въ нѣкоторой самоувѣренности. Онѣ убѣгаютъ отъ враговъ, которыхъ должны бояться, но, въ случаѣ нужды, выступаютъ даже противъ человѣка ила угрожаютъ ему, ознакомившись съ нимъ. Съ себѣ подобными дрохвы живутъ довольно дружно, но если въ игру замѣшается любовь или ревность, то онѣ вступаютъ въ ожесточенную драку. Точно также онѣ, очертя голову, заводятъ драки съ другими птицами, равными имъ по величинѣ и силѣ. Старше самцы становятся прямо-таки злыми. Къ переменнымъ условіямъ жизни дрохвы привыкаютъ съ трудомъ, но въ концѣ концовъ все-таки безъ сопротивленія подчиняются имъ, хотя не пропускаютъ ни малѣйшаго случая, чтобы сорвать злобу на непріятной личности или какомъ-нибудь ненавистномъ животномъ.

Ихъ образъ жизни во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ жизнь куриныхъ птицъ, а также ржанокъ и другихъ родичей. Если ихъ не пугать, то онѣ проводятъ почти цѣлый день на землѣ: въ утренніе часы онѣ заняты разыскиваніемъ пищи, кричатъ и ссорятся въ это время между собою; въ полдень, уютно растянувшись на пескѣ, копаются въ немъ; вечеромъ снова промышляютъ себѣ пищу и, наконецъ, выбираютъ себѣ по возможности безопасныя мѣста для ночлега. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онѣ появляются въ известное время на опредѣленныхъ мѣстахъ и изо дня въ день улетаютъ назадъ или обѣгаютъ съ такимъ-же постоянствомъ избранное ими пространство. Пищу свою онѣ берутъ главнымъ образомъ изъ растительнаго царства; цыплята-же выкармливаются почти одними лишь насѣкомыми и хлѣбютъ, когда имъ недостаетъ этого корма. На растительную пищу они переходятъ только тогда,

когда совершенно оперятся и выростутъ наполовину. Дрохвы ѣдятъ одинаково охотно какъ зерна, такъ и листья, почки и луковицы; однако листья онѣ любятъ срывать сами, такъ что, напримѣръ, оставляютъ нетронутыми заранѣе нарѣзанные капустные листья, тогда какъ съ жадностью набрасываются на этотъ кормъ, если имъ предложить цѣлый кочанъ. Къ хлѣбу онѣ привыкаютъ очень скоро и впоследствии считаютъ эту пищу за лакомство.

Периодъ размноженія приходится въ позднюю весну той страны, гдѣ оно происходитъ. Всѣ многочисленныя стаи, въ которыя птицы скучиваются за зиму, въ это время разбиваются, и самцы выбираютъ себѣ самокъ. О брачныхъ отношеніяхъ этихъ птицъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній, но большая часть наблюдений говорить за то, что дрохвы живутъ въ единобрачїи. Приближеніе пары любия сказывается у самцовъ въ ихъ чрезмѣрной раздражительности; они гордо расхаживаютъ съ раздутой шеей, растопыренными крыльями и распущеннымъ хвостомъ, ожесточенно дерутся съ каждымъ соперникомъ и, будучи въ крикливомъ настроенїи, непрерывно издаютъ звуки, не переставая все время ухаживать за избранною самкою. Послѣ спариванія самка выкапываетъ себѣ неглубокую ямку въ хлѣбномъ полѣ или въ степи, поросшей высокою травой, скудно выстилаетъ ее и кладетъ туда свои яйца. Самка насиживаетъ одна и первоначально водить своихъ, немного неуклюжихъ, но покрытыхъ краснымъ пушкомъ птенцовъ безъ помощи самца; впоследствии, впрочемъ, самецъ присоединяется къ своему семейству и служить ему вѣрнымъ сторожемъ. Ростъ птенцовъ происходитъ гораздо медленнѣе, чѣмъ у многихъ другихъ птицъ.

За дрохвами во всѣхъ странахъ охотятся съ большою страстью, такъ какъ ихъ крайняя осторожность подстрекаетъ охотничье самолюбїе. Чтобы одолѣть этихъ осторожныхъ птицъ употребляютъ самыя разнообразныя средства, и, несмотря на это охота не всегда оказывается счастливою. Ловля-же ихъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстное время, относительно легка, но приучить ихъ къ неволѣ трудно: старыя птицы отказываются отъ корма, тощатъ и умираютъ съ голода; молодыя-же требуютъ заботливаго ухода, чтобы съ успѣхомъ ихъ выростить. Въ Венгріи и Россїи воспитывается много дрохвъ; кромѣ того ихъ вывозятъ живыми изъ Африки, Азии и Австраліи.

*
*

Дрохва, Дрофа, Дуданъ (*Otis tarda, barbata* и *major*. Grosstrappe. Grande outarde) есть самая большая изъ европейскихъ птицъ. Ея длина достигаетъ свыше одного метра, размахъ крыльевъ 2,2—2,4 м., длина крыла около 70 см., хвоста—28 см.; вѣсъ птицы 14—16 kg. Голова, верхняя часть груди и часть крыла свѣтлаго пепельно-сѣраго цвѣта; спина по ржаво-желтому фону испещрена черными поперечными полосками; затылокъ ржаваго цвѣта; нижнія части грязно—или желтовато-бѣлыя; маховыя перья темныя сѣро-бурыя съ узкими черно-бурыми наружными бородками и такими-же кончиками; стволы ихъ желтовато-бѣлые; перья предплечья черныя, у корня бѣлыя; послѣднія почти чисто-бѣлаго цвѣта; рулевые перья прекраснаго цвѣта съ бѣлыми кончиками и черными полосками передъ ними; крайнія изъ нихъ почти совершенно бѣлыя. Борода состоитъ изъ 30 длинныхъ, нѣжныхъ, узкихъ, разсученныхъ сѣровато-бѣлыхъ перьевъ. Глаза темно-карїе; клювъ черноватый; ноги сѣровато-роговаго цвѣта. Самка отличается замѣтно меньшею величиною, менѣе яркимъ оперенїемъ и отсутствїемъ бороды; длина ея не превышаетъ 70 см., а размахъ крыльевъ—180 см.

Пачная съ южной Швеціи и средней Россїи дрохвы водятся во всей Европѣ и Средней Азии; въ одиночку-же и только зимою онѣ попадаются также въ

сѣверо-западной Африкѣ. Въ Великобританіи онѣ уже совершенно истреблены, хотя иногда еще появляются въ качествѣ перелетныхъ птицъ; во Франціи онѣ сдѣлались очень рѣдкими птицами; въ Испаніи встрѣчаются только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ; въ Венгріи, Молдавіи и Валахіи, въ Румелии и Оссалии, въ южно-русскихъ степяхъ и во всей Средней Азій дрохвы считаются самыми обыкновенными птицами; онѣ встрѣчаются также въ Малой Азій, въ сѣверной Сиріи, Палестинѣ и въ Марокко. Во время своихъ перелетовъ, которые скорѣе можно назвать кочевкой, дрохва посѣщаетъ не только южныя страны, но и такія, гдѣ ее прежде не замѣчали, напримѣръ, Голландію и Швейцарію. Въ Германіи она опредѣленно селится во всѣхъ соответственныхъ мѣстахъ сѣверо-германской равнины и дальше въ безлѣсныхъ пашняхъ средней и южной Германіи, въ особенности въ Помераніи, Познани, Шлезвигѣ, Ангальтѣ, Саксоніи, Брауншвейгѣ, Ганноверѣ, Тюрингіи, по нижнему и верхнему Рейну и въ Баваріи, но всегда въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя соответствуютъ ея требованіямъ жизни. Здѣсь можно иногда встрѣтить стаи болѣе, чѣмъ въ сотню штукъ, но это, конечно, ничто въ сравненіи съ тѣми громадами, которыя населяютъ венгерскія равнины и русскія степи. Дрохва всюду предпочитаетъ тѣ мѣстности, въ которыхъ занимаются хлѣбопашествомъ. Радде встрѣчалъ ее, напримѣръ, въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ всего рѣзче проявлялся степной характеръ Средней Азій, гораздо рѣже, чѣмъ въ Нижнеудинскихъ и Баргузинскихъ степяхъ и въ долинѣ рѣки Селенги, хотя здѣсь мѣстность холмистая или гористая; но именно потому, что здѣсь, также какъ и тамъ, большое пространство земли засѣяно хлѣбомъ. Въ Греціи дрохва принадлежитъ къ числу осѣдлыхъ птицъ всѣхъ равнинъ. Въ Испаніи она оживляетъ обширныя плодородныя пространства обѣихъ Кастилій, Ла-Манчи, Эстремадуры и Нижней Андалузій. На островахъ Средиземнаго моря она встрѣчается только изрѣдка.

Въ Германіи дрохва принадлежитъ къ осѣдымъ птицамъ; хотя она и населяетъ весьма обширную область, тѣмъ не менѣе покидаетъ ее только во время очень суровыхъ зимъ; въ Россіи и въ Средней Азій это — перелетная или по крайней мѣрѣ кочевая птица. Она появляется здѣсь въ известное время весною и остается на мѣстѣ своего гнѣздовья только до августа, предпринимая, стало быть, какъ бы ограниченное путешествіе. Вальтеръ видалъ ее въ Туркменіи только какъ пролетную птицу, но слышалъ, что зимою тамъ встрѣчаются стаи дрохвъ, по крайней мѣрѣ тѣ, которыя располагаются здѣсь на временной отдыхъ во время своего пролета. Зарудный говоритъ, что дрохва рѣдко выводитъ птенцовъ около Ахаль-Теке; Антивори упоминаетъ, что въ 1858 г. въ Бургабѣ, близъ Варны, было убито палками множество дрохвъ, а Кальбермаценъ сообщаетъ, что 15 января 1888 г. при гололедицѣ такимъ же способомъ добывали дрохвъ на Змѣиномъ островѣ въ Черномъ морѣ. Другіе изслѣдователи, наблюдавшіе въ странахъ, лежащихъ по Средиземному морю, также сообщаютъ о подобномъ появленіи многочисленныхъ стай дрохвъ. Съ другой стороны имѣются также свѣдѣнія, что всюду, гдѣ дрохвы выводятъ птенцовъ, онѣ не покидаютъ своихъ лѣтнихъ мѣстожительствъ и во время зимы имъ приходится жестоко страдать отъ удручающей нужды вслѣдствіе большихъ снѣговъ. Общее горе содѣйствуетъ взаимному сближенію; поэтому-то многочисленныя стаи можно встрѣтить только зимою.

Дрохва постоянно избѣгаетъ лѣсистыхъ мѣстностей, потому что она въ каждомъ кустѣ видитъ засаду. Точно также она избѣгаетъ близости жилищъ. Кюльцъ рассказываетъ, что въ Еннаторіи, во время продолжительнаго холода, онъ видѣлъ стаи дрохвъ, пролетающія такъ низко надъ городомъ, что каждый, по своему желанію, могъ стрѣлять ихъ изъ воротъ своего дома. Въ Германіи очень рѣдко

можно встрѣтить подобное. Здѣсь дрохва выбираетъ своимъ мѣстопребываніемъ обширныя поля, гдѣ она еще издали можетъ слѣдить за приближеніемъ чловѣка, и съ расчитанною предусмотрительностью выискиваетъ такія мѣста, въ которыхъ положительно врагу негдѣ укрыться, а потому и не позволяетъ такъ легко провести себя. Чтобы имѣть возможность наблюдать за дрохвами, Науманъ выстраивалъ себя въ соответственныхъ мѣстахъ въ полѣ землянки, но сначала онъ по цѣлымъ мѣсяцамъ не могъ пользоваться ими, такъ какъ осторожныя птицы избѣгали ихъ близости, да и впоследствии, когда уже дрохвы привыкли къ нимъ, онъ долженъ былъ забираться въ нихъ до разсвѣта, чтобы достигнуть своей цѣли. Каждая перемѣна въ обитаемомъ ими лугу, каждая вырытая ямка тотчасъ-же замѣчается недовѣрчивой птицей и кажется ей въ высшей степени подозрительною. Дождливая погода и сырость на нивахъ, очень неприятныя для дрохвы, заставляютъ ее выходить на полевыя дороги и широкія прогалины между посѣвами или на ближайшія паровыя поля; но какъ только она заподозритъ опасность, тотчасъ-же снова пронырываетъ въ скрывающій ее посѣвъ. Зимой она всего охотнѣе выбираетъ такія поля, которыя обѣщаютъ ей пищу, т. е. преимущественно засѣяныя рапсомъ и озимью; въ это время года птица дѣлается еще осторожнѣе, чѣмъ лѣтомъ, когда высокіе хлѣба доставляютъ ей надежное убѣжище. Почуетъ она постоянно на отдаленныхъ поляхъ, большею частью на паровыхъ или сжатыхъ, куда отирается въ сумерки; здѣсь она, какъ кажется, выставляетъ смѣняющіе караульничьи, которые заботятся о безопасности всѣхъ прочихъ. «Какъ только забрезжитъ утро», говоритъ Науманъ, «птицы просыпаются, поднимаются съ мѣстъ своего отдохновенія, пріятно потягиваются, нѣсколько разъ похлопываютъ крыльями, тихонько прохаживаются назадъ и впередъ и всѣ сразу улетають на отдаленныя отъ мѣста ночлега кормовыя мѣста, при чемъ наиболѣе старыя и тяжелыя птицы остаются всегда назадъ».

Походка дрохвы медленная и разнѣренная, придающая птицѣ извѣстную сановитость; но, въ случаѣ необходимости она можетъ бѣжать такъ быстро, что ее съ трудомъ настигаетъ даже собака. Передъ взлетомъ она дѣлаетъ разбѣгъ въ 2—3 маленькіе прыжка и затѣмъ уже поднимается на воздухъ хотя не очень быстро, но безъ всякаго усилія; летитъ она, медленными взмахами крыльевъ разсѣкая воздухъ, но, когда достигнетъ извѣстной высоты, устремляется такъ быстро, что охотникъ, желающій убить ее изъ винтовки, долженъ быть очень увѣренъ въ своемъ глазѣ и ружьѣ. Науманъ полагаетъ, что ворона должна напрягать всѣ усилія, чтобы слѣдовать наравнѣ съ летящею дрохвой; мнѣ-же лично никогда не случалось видѣть, чтобы она летѣла такъ быстро. При полетѣ дрохва вытягиваетъ шею и ноги, а тяжелая грудь ея нѣсколько свѣшивается внизъ; поэтому ее можно признать еще издали. Когда цѣлая стая дрохвъ поднимается одновременно, то каждая изъ нихъ держится на извѣстномъ разстояніи отъ другой, какъ будто изъ страха задѣть другъ друга своими крыльями.

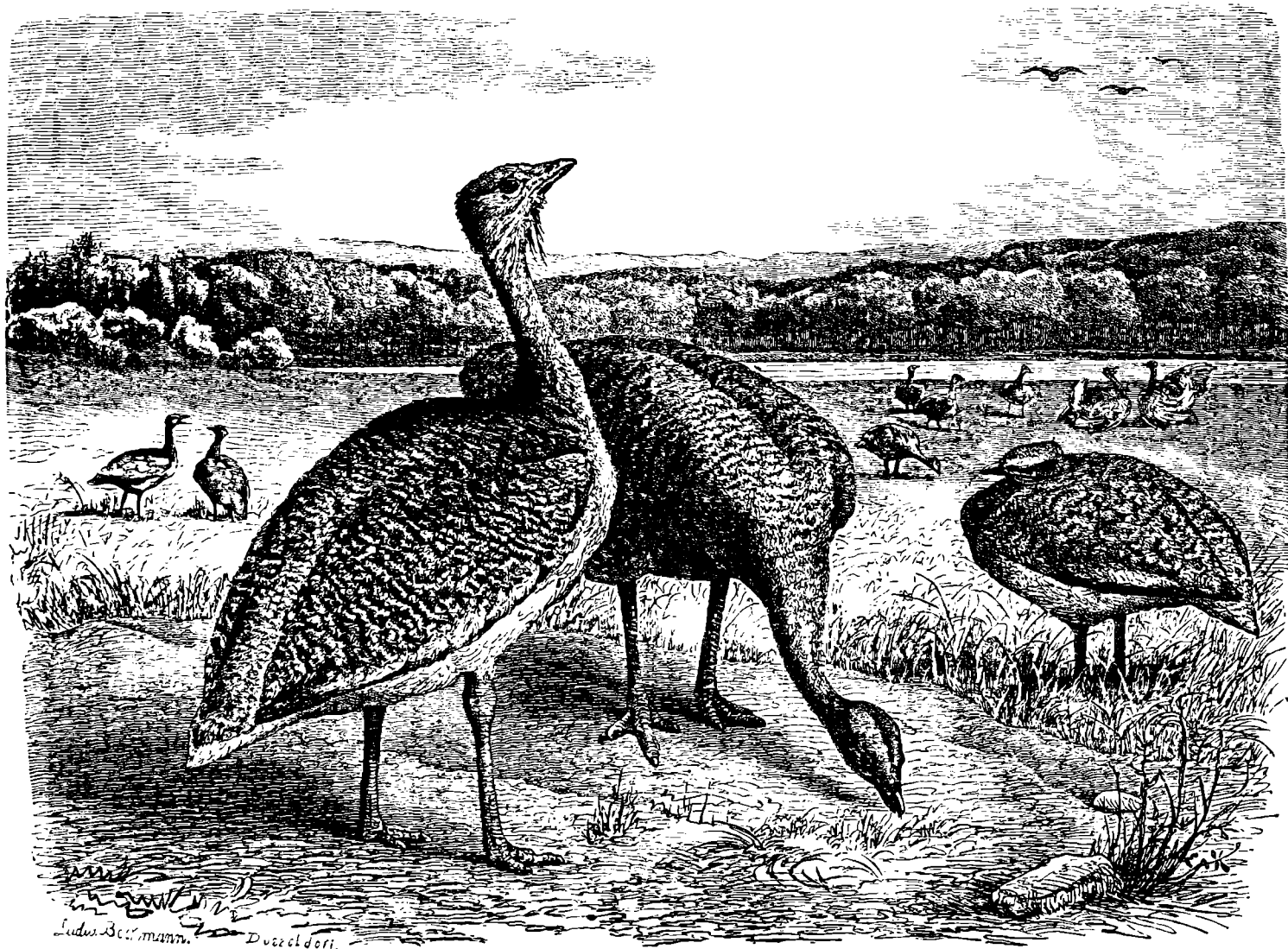
Голосъ дрохвы, который она издаетъ во всякое время, трудно выразить словами; это—тихое и своеобразное трещаніе, слышимое только на самомъ близкомъ разстояніи отъ птицы. У пѣвчихъ дрохвъ я различалъ только этотъ единственный звукъ или, правильнѣе, шорохъ, такъ какъ, строго говоря, о звукѣ или тонѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Чтобы дать приблизительное понятіе о голосѣ дрохвы, можно сравнить его со звукомъ «нсээрр», но передать самый тонъ положительно невозможно. Въ брачную пору Науманъ изрѣдка слышалъ отъ нихъ низкій глухой звукъ, будто въ горлѣ что то бурлитъ, и сравниваетъ его со

звуками «ху-ху-ху» домашнего голубя-самца. Сognанная съ гнѣзда насѣдка изда-
еть, по Эберле, жалобное «цю-цюу».

Опытъ доказываетъ, что изъ всѣхъ внѣшнихъ чувствъ дрохвы—зрѣніе са-
мое развитое. Отъ ея зоркаго глаза ничто не укроется. «Дрохва уже издали», го-
ворить Науманъ, «усматриваетъ грозящую опасность, въ особенности, когда она
представляется въ видѣ подозрительной личности; охотникъ, надѣющійся застать
врасплохъ эту птицу, обыкновенно заблуждается, думая, что онъ настолько отдаленъ
отъ нея, что не можетъ быть замѣченъ; напрасно-бы онъ сталъ надѣ-
яться, добравшись до холма или бугорка, отдѣляющаго его отъ дѣрехвъ, подъ этимъ
прикрытіемъ приблизиться къ птицамъ на разстояніе выстрѣла; въ тотъ самый
моментъ, когда онъ, по его мнѣнію, скрылся изъ виду дрохвъ, онѣ обращаются
въ бѣгство. Завидя опасность, дрохвы, по большей части, вытягиваютъ шею, но
иногда случается, что и нѣтъ; тѣмъ не менѣе всякій, знакомый съ ихъ нравами,
тотчасъ же замѣчаетъ, даже въ томъ случаѣ, когда онѣ напускаютъ на себя на-
ружное спокойствіе, что онѣ перестаютъ пастись, нѣкоторыя смирно стоятъ на од-
номъ мѣстѣ, другія безпокойно шныряютъ туда и сюда, но всѣ стремятся къ од-
ному—спастись бѣгствомъ. Каждый человѣкъ, внимательно созерцающій ее, уже
кажется ей подозрительнымъ, явись онъ въ образѣ крестьянина, или пастуха, или
даже женщины. Только въ томъ случаѣ, когда эти люди не обращаютъ на птицу
никакого вниманія и вовсе не смотрятъ на нее, когда служанка, напримѣръ, пре-
спокойно проходитъ мимо со своею ношею, а крестьянинъ или пастухъ всецѣло
занятъ своимъ стадомъ, дрохвы подпускаютъ къ себѣ близко, да и то не всегда
настолько, чтобы ихъ можно было подстрѣлить. Часто можно подумать, что онѣ
на разстояніи болѣе 300 шаговъ умѣютъ читать по лицу человѣка, замышляетъ-
ли онъ противъ нихъ что-нибудь злое или нѣтъ; точно также онѣ умѣютъ отли-
чить ружье отъ всякой похожей на него простой палки, даже если-бы человѣкъ
держалъ его какъ палку или плотно прижавъ къ себѣ, какъ никогда не носить оружіе».
Науманъ полагаетъ, что слухъ и обоняніе у нихъ развиты очень мало, такъ какъ
ему случалось веразъ сидѣть среди нихъ въ землянкѣ, а онѣ самымъ беззабот-
нымъ образомъ расхаживали вокругъ его засады, до того близко, что нѣкоторыхъ
изъ нихъ онъ легко могъ-бы схватить рукою; ихъ не пугалъ даже запахъ табачнаго
дыма, выходящаго изъ отверстія, продѣланнаго въ землянкѣ для ружья. Во вся-
комъ случаѣ обоняніе у нихъ дѣйствительно очень слабое; но что дрохвы отлично
слышать—это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Взрослая дрохва питается главнымъ образомъ зелеными растеніями, зернами
и сѣменами, въ молодости же почти исключительно насѣкомыми. Она ѣсть всѣ
наши овоци, за исключеніемъ только картофеля, до котораго она обыкновенно не
дотрагивается; всего же охотнѣе—молодой горохъ, капусту, не пренебрегаетъ
также сурьбицей и горчицей, а въ случаѣ нужды оципываетъ также кончики
обыкновенной травы. Зимой она питается преимущественно рапсомъ и злаками;
лѣтомъ же, на ряду съ растительной пищей, ѣсть и нѣкоторыхъ насѣкомыхъ,
хотя специально за нами не охотится, подстерегаетъ, при случаѣ, полевую мышъ,
и поѣдаетъ всякое подвернувшееся ей маленькое животное. Изъ наблюденій
Эльснера вытекаетъ, что дрохву слѣдуетъ считать также за случайнаго ра-
зорителя гнѣздъ. Всякую нищу она беретъ клювомъ и развѣ лишь зимою рас-
капываетъ иногда ногами скрытую подъ снѣгомъ нищу. Для улучшенія пищенва-
ренія дрохва глотаетъ мелкіе камешки. Каждую она утоляетъ каплями росы, по-
крывающей утромъ траву.

Уже въ февралѣ мѣсяцѣ, по наблюденіямъ Наумана, въ поведеніи свободно

ДРОХВЫ.

живущихъ дрохвъ замѣчается существенная перемена. «Съ этихъ поръ оканчивается правильное посѣщеніе извѣстныхъ пастбищъ, опредѣленный полетъ дрохвъ къ этимъ дугамъ и обратно, и миролюбивое сожительство между собою. Ими овладѣваетъ какое-то безпокойство, побуждающее ихъ къ неправильному перекочсыванію съ одного пастбища на другое во всякое время дня. Самцы начинаютъ ссориться изъ-за самокъ, преслѣдовать другъ друга, а самки—расходиться. Союзы становятся шаткими, не распадаясь однако совершенно. При такихъ обстоятельствахъ нерѣдко случается, что въ самозабвеніи онѣ летаютъ по мѣстности, надъ деревьями и въ деревняхъ, даже по самымъ оживленнымъ мѣстамъ, такъ низко отъ земли, какъ никогда въ обычное время. Съ гордой осанкой, надувшись какъ индюки, приподнявъ распущенный вѣеромъ хвостъ, самцы расхаживаютъ около самокъ, рѣдко отлетаютъ далеко и, опустившись, тотчасъ же снова принимаютъ прежнее положеніе». Вышеупомянутый, не признанный многими горловой мѣшокъ, получаетъ теперь значеніе и до того раздувается, что шея самца становится вдвое толще обыкновеннаго. Въ началѣ любовной поры возбужденный самецъ расхаживаетъ съ чуть опущенными крыльями и косо приподнятымъ въ видѣ крыши хвостомъ; но вскорѣ имъ овладѣваетъ весь пылъ любовной страсти: тогда онъ совершенно надуваетъ шею, закидываетъ голову такъ далеко назадъ, что она совершенно лежитъ на затылкѣ, расширяетъ и опускаетъ крылья, причѣмъ всѣ перья ихъ обращаетъ вверхъ и впередъ, такъ что послѣднія плечевыя перья почти совершенно закрываютъ голову сзади, а перья бороды—спереди; хвостъ отбрасываетъ такъ далеко впередъ, что, строго говоря, видны только растопыренные нижнія кроющія перья; наконецъ, переднюю часть тѣла онъ пригибаетъ совсѣмъ книзу, и въ такомъ видѣ представляетъ изъ себя какой-то удивительный перовой шаръ. Самонадѣянность, замѣтная во всемъ его существѣ, выражается по временамъ въ необыкновенной храбрости и въ вызывающемъ задорѣ. Каждый самецъ служить для него теперь предметомъ ненависти и презрѣнія. Онъ силится вызвать въ немъ чувство почтенія, не такъ какъ и противникъ воодушевленъ теми же побужденіями, то ему рѣдко удается имѣть успѣхъ, а потому, волей-неволей приходится тотчасъ-же начать бой. Смѣлые бойцы спѣшатъ другъ къ другу странными прыжками; для обезпеченія побѣды пускается въ дѣло вся сила клюва и ногъ. Иногда противники до того увлекаются, что ихъ удается схватить руками, какъ это и случилось однажды съ Пехуэль-Леше, который былъ свидѣтелемъ подобной драки. Ссорившіеся самцы преслѣдуютъ другъ друга даже на лету, причѣмъ дѣлаютъ въ воздухѣ такія эволюціи, какихъ нельзя было даже ожидать отъ нихъ, и безпощадно долбятъ другъ друга клювами. Но постепенно водворяется спокойствіе. Сильнѣйшіе самцы овладѣваютъ самками, и только слабенькая молодежь пытается еще съ дѣтскими задоромъ воспроизвести серьезное сраженіе, только что закончившееся у старшихъ. Съ этихъ поръ самецъ и самка держатся постоянно вмѣстѣ; куда летитъ одна, туда-же слѣдуетъ и другой. Науманъ говоритъ, что онъ не упускалъ случаевъ дѣлать старательныя наблюденія за брачною жизнью дрохвъ, что его наблюденія служили продолженіемъ долготѣвшихъ трудовъ въ этомъ-же направленіи его отца, основателя вѣмецкой орнитологін, но что ни тому, ни другому изъ нихъ не удалось больше двухъ разъ видѣть въ періодъ размноженія съ однимъ старымъ самцомъ болѣе одной старой самки.

«Если-бы наши дрохвы, подобно настоящимъ лѣснымъ куринымъ птицамъ, жили въ многоженствѣ, то это не могло-бы остаться незамѣченнымъ нами. Поэтому мы должны предположить, что съ дрохвами происходитъ то же, что и съ нашимъ перепеломъ, который спаривается обыкновенно съ одною самкою и гоняется за другою только въ томъ случаѣ, если въ то время, какъ его подруга кладетъ яйца или

насиживается, подвернется другая холостая самка. Такимъ образомъ я положительно сомнѣваюсь въ томъ, чтобы у нашихъ дрохвъ было развито многоженство».

Гнѣздовье выбирается всегда очень осторожно, причѣмъ старыя пары относятся къ этому дѣлу еще заботливѣе молодыхъ. Когда хлѣбъ на поляхъ поднимется уже настолько высоко, что можетъ скрыть насиживающую самку, эта послѣдняя выкапываетъ въ землѣ небольшое углубленіе, выстилаетъ его нѣсколькими сухими стебельками, соломинками и былинками и кладетъ въ него два или въ видѣ исключенія 3 небольшихъ яйца, которыя имѣютъ 78 мм. длины и 56 мм. толщины; они короткой, овальной формы, съ крѣпкою грубозернистою скорлупою безъ всякаго блеска, по блѣдно-оливково-зеленому или матово-сѣро-зеленому фону которой разсыяны темныя пятнышки и разводы. Дрохва приближается къ своему гнѣзду обыкновенно съ величайшею осторожностью, буквально подкрадывается къ нему, очень рѣдко показывается въ это время и, лишь только замѣтитъ кого-нибудь, тотчасъ-же прижимаетъ совсѣмъ плотно къ землѣ свою шею, которую вообще во время насиживания она держитъ прямо. Стоитъ только показаться непріятелю, какъ она тотчасъ-же невидимо проскальзываетъ въ рожь; если опасность появляется совершенно неожиданно, то она вспархиваетъ, но тотчасъ-же снова бросается въ рожь и скрывается бѣгомъ между колосьями. Если человѣку случится дотронуться голой рукой до яицъ дрохвы, то она никогда уже къ нимъ не вернется; точно также она безвозвратно покидаетъ гнѣздо, если замѣтитъ, что почва около него утоптана человѣческими ногами. Этому противорѣчатъ однако нѣкоторыя показанія, между прочимъ наблюденія Вангелина и Попова. Этотъ послѣдній не только регулярно каждый день посѣщалъ гнѣзда, но даже дѣлалъ помѣтки на яйцахъ и затѣмъ плотно укладывалъ ихъ, такъ какъ самка ежедневно переворачивала ихъ, чтобы равномерно по всей поверхности распредѣлять свою теплоту. Эберле видѣлъ, какъ насиживающая самка долгое время защищала свою кладку противъ двухъ черныхъ воронъ. Пауманъ рассказываетъ самкѣ въ птенцовую пору слѣдующее: «При сильномъ вѣтрѣ, когда шумъ нивы мѣшаетъ слышать издали топотъ шаговъ, дрохву можно иногда застать врасплохъ, такъ что она едва успѣваетъ слетѣть съ него, когда посѣтитель находится въ нѣсколькихъ шагахъ. Можно быть вполне увѣреннымъ, что послѣ такого случая она больше уже не вернется къ гнѣзду; разнѣ только тогда, когда она насиживала такъ долго, что яйца почти уже готовы къ вылупленію, она рѣшается иногда вернуться къ гнѣзду и высесть яйца до конца». Послѣ 28—30-ти дневнаго насиживания вылупляются шерстистые, буроватые съ черными пятнышками птенчики, которыхъ самка обсушиваетъ подъ крыльями и послѣ того уводитъ. Она любитъ ихъ съ нѣжнымъ самоотверженіемъ; охраняя ихъ отъ враговъ, беспощадно обрекаетъ себя на опасность, въ испугѣ летаетъ совсѣмъ близко около нарушителя своего покоя, прибѣгаетъ къ искусству притворяться, столь свойственному всякой самкѣ и, когда ей посчастливится провести врага, она снова возвращается къ своимъ птенцамъ, которые въ это время сидятъ, плотно прижавшись къ землѣ, находя защиту въ полнѣйшемъ сходствѣ своего оперенія съ окружающимъ. Свое первое дѣтство дрохвы проводятъ исключительно во ржи, и только впоследствии, принявъ извѣстныя предосторожности, когда никого не видно вокругъ, самка выводитъ своихъ птенцовъ на открытыя зарослыя поля, но при этомъ никогда не заходитъ настолько далеко, чтобы не успѣть во-время и быстро скрыться въ найденномъ убѣжищѣ. Первая нища молодыхъ дрохвъ состоитъ изъ мелкихъ жуковъ, кузнечиковъ и гусеницъ, которыхъ мать отчасти выкапываетъ изъ земли, отчасти ловитъ. По наблюденіямъ Эльнера, самка не только выка-

пываетъ для нихъ жучковъ, но и подаетъ имъ пишу въ своемъ клювѣ, такъ что птенцы питаются прямо изъ клюва матери. Вначалѣ птенцы крайне безпомощны, ходятъ плохо и покачиваясь и только уже въ послѣдствіи научаются сами отыскивать себѣ кормъ; въ это время они начинаютъ ѣсть также разную зелень, по словамъ Вангелина, преимущественно молодой горохъ. Только спустя мѣсяцъ послѣ вылупленія они становятся способными перепархивать небольшое разстояніе; но еще черезъ двѣ недѣли они начинаютъ летать уже довольно хорошо и въ сопровожденіи своихъ родителей пролетаютъ дальнія разстоянія.

Чтобы приручить дрохву, надо поймать ее молодой, такъ какъ старья съ трудомъ выносятъ утрату свободы. Опытные любители покупаютъ у пастуховъ яйца, найденныя ими въ полѣ, и подкладываютъ ихъ для высживания подъ курицу или индѣйку. Высиженныхъ такимъ способомъ птенцовъ вскармливаютъ первоначально размельченными кузнечиками, мучными червями, крошками отъ цыплячьего мяса, а въ послѣдствіи даютъ болѣе питательную мясную пишу, и наконецъ — зелень; Эльснеръ совѣтуетъ давать имъ зимою рапсъ и зерна. Такимъ образомъ самое вскармливаніе не представляетъ никакого труда и одно только можетъ быть поконить, что молодыя дрохвы очень чувствительны къ сырости, а потому требуютъ для своего содержанія теплое и сухое помѣщеніе. Стоитъ имъ только привыкнуть къ соответствующей пищѣ, тогда онѣ выживаютъ по многу лѣтъ, не требуя никакихъ особенныхъ хлопотъ, и держатся тѣмъ лучше, чѣмъ просторнѣе у нихъ помѣщеніе и чѣмъ больше онѣ предоставлены самимъ себѣ. Затворнической жизни онѣ, по моему мнѣнію, не выдерживаютъ, а потому ихъ какъ лѣтомъ, такъ и зимою слѣдуетъ держать на свободѣ. Только надо принять къ свѣдѣнію, что имъ нельзя отводить для помѣщенія благоустроеннаго сада, иначе онѣ сильно попортятъ молодыя растенія. Дрохва, которою много занимаются, научается узнавать своего воспитателя и различать его отъ другихъ людей; она слѣдуетъ на его зовъ, подходитъ къ рѣшеткѣ, но не выноситъ, чтобы входили въ ея загородку; тогда она смѣло идетъ на человѣка, поднимаетъ свой хвостъ, распускаетъ немного крылья, издаетъ вышелепянутой крикъ «псээрр» и старается напугать мѣткими ударами клювомъ. Съ другими птицами, напримѣръ съ глухаремъ, она поддерживаетъ тѣсную дружбу, но все-таки никогда не поддается ему, и всякое нападеніе умѣетъ отразить. Несколько извѣстно, до сихъ поръ еще не дошли до того, чтобы дрохвы размножались въ неволѣ, но, можно все-таки надѣяться, что рано или поздно этого достигнуть.

Въ этомъ отношеніи очень поучительны долгодѣтніе опыты Эльснера, которые онъ производилъ надъ воспитаніемъ дрохвъ. «Для воспитанія годятся только тѣ дрохвы, которыя имѣютъ отъ роду не больше двухъ недѣль; иначе онѣ начинаютъ до того скучать, что умираютъ, хотя-бы ихъ и окружало общество другихъ дрохвъ, уже свыкшихся съ неволюю. Воспитаніе самыхъ юныхъ птенчиковъ является дѣломъ довольно утомительнымъ, такъ какъ для того, чтобы заступитъ имъ мѣсто матери, приходится кормить ихъ по многу разъ въ день, всегда маленькими порціями и чрезъ короткіе промежутки. Въ первые дни ихъ жизни и давалъ имъ сочное, мягкое, сырое голубиное мясо, по черезъ нѣсколько дней присоединилъ къ этому крутыя яйца и немножко зелени золотой травы (*Senecio*). Когда птенцы достигли трехнедѣльнаго возраста, я сталъ давать имъ раздробленныхъ воробьевъ съ перьями и костями, а еще черезъ нѣкоторое время они въ состояніи были съѣдать воробьевъ и цѣлкомъ. Въ видѣ лакомства давались мыши, а въ послѣдствіи и крысы; онѣ пожирались дрохвами вмѣстѣ съ головою, которую онѣ предварительно раздробляли ударами клюва. Пе-

много размоченный горох также считается хорошей придачей къ корму. На просторномъ огороженномъ дворѣ съ дерномъ 3—4-хъ мѣсячныя дрохвы могутъ совершенно самостоятельно снискивать себѣ пропитаніе, но только ихъ легче приучить къ человѣку, если давать, время отъ времени, въ видѣ лакомства, кусочки мяса. Умныя птицы эти скоро становятся очень ручными, хорошо умѣютъ отличать воспитателя отъ недоброжелателей и отлично уживаются съ пернатыми товарищами всѣхъ видовъ; только маленькихъ цыплятъ слѣдуетъ оберегать отъ нихъ. Онѣ издали слѣдуютъ на зовъ знакомаго голоса и громкими звуками даютъ знать о себѣ передъ знакомымъ окномъ, изъ котораго имъ бросаютъ кормъ. Одно время на моемъ дворѣ жила четыре прекрасныя дрохвы, находясь въ отличныхъ отношеніяхъ съ нѣсколькими хорошо выдрессированными легавыми собаками. Во время обѣда онѣ отлично сознавали свое привилегированное положеніе и ударами клюва безъ церемоніи отгоняли отъ себя собакъ на дальнее разстояніе; впоследствии тѣ приучились къ этому и терпѣливо выжидали, пока насытившіяся птицы удалятся, чтобы подобрать остатки послѣ нихъ.

«Мои дрохвы нисколько не были робки, и я могъ пускать ихъ бѣгать на свободѣ, предварительно подрѣзавъ нѣсколько одно крыло; онѣ были настолько умны, что умѣли ловко увертываться на фабричномъ дворѣ, гдѣ постоянно было большое движеніе народа. Со многими рабочими онѣ находились въ тѣсной дружбѣ и во время ихъ обѣда получали отъ нихъ постоянно обильную подачку. Только двухъ крестьянъ онѣ отличали отъ другихъ и, завидя ихъ, съ ожесточеніемъ набрасывались на нихъ; впоследствии я узналъ, что эти крестьяне когда-то избили дрохвъ. Впрочемъ, меня всегда поражала память моихъ воспитанницъ. Я съ удовольствіемъ припоминаю, какъ одинъ самецъ, подаренный мною Берлинскому зоологическому саду, узналъ меня, когда я черезъ 5 мѣсяцевъ послѣ того навѣстилъ его, и тотчасъ-же подбѣжалъ на мой зовъ къ рѣшеткѣ.

«Ночь мои дрохвы проводили въ сухомъ сараѣ, въ который онѣ днемъ совѣтъ не заглядывали, даже при дурной погодѣ. Зимой я постоянно сѣялъ для нихъ въ саду рапсъ, который, вмѣстѣ съ картофелемъ и хлѣбомъ составлялъ въ это время года ихъ исключительную пищу. Мясо я нарочно давалъ имъ по зимамъ только изрѣдка, такъ какъ опытъ показалъ мнѣ, что откормленные за зиму мясною пищей дрохвы въ ближайшую весну начинали страдать отъ біенія сердца, къ этому еще присоединялся ревматизмъ съ его жестокими болями, и тогда мои любимицы, столь долго летѣвныя мною, каждый разъ умирали.

«Когда мои дрохвы достигли годового возраста, самцы начали весной приходить въ возбужденіе и весело двигались по большому пространству, то летая, бѣгая вокругъ. Я убѣжденъ, что мои дрохвы стали-бы и размножаться; но какъ только я собралъ птицъ подходящаго возраста, такъ долженъ былъ покинуть свое мѣстожительство, а затѣмъ я больше уже не имѣлъ случая продолжать въ этомъ направленіи свои изысканія; но я твердо увѣренъ, что размноженіе между плѣвными дрохвами возможно».

Охота за дрохвами считается одною изъ пріятнѣйшихъ, а потому эти птицы всюду ревностно преслѣдуются. Въ прежнія времена для такой охоты употреблялось особенное огнестрѣльное оружіе, пастоящая адская машина, которая состояла изъ многихъ связанныхъ между собою ружейныхъ стволовъ, но, вслѣдствіе своей неломѣрной тяжести, требовала для перевозки тележку. Опытные охотники любятъ охотиться на этихъ птицъ въ періодъ ихъ спариванія, когда самцы гордо чванятся своей красой, и подстрѣливаютъ ихъ тогда просто пулями; въ это время охотники часто переодѣваются крестьянами и идутъ съ какимъ-нибудь кузовомъ

или тачкою, или берутъ крестьянскую рабочую лошадь и ѣдутъ на ней или же идутъ рядомъ, спѣшившись и прикрываясь ея туловищемъ. Иные пытались перехитрять стаи дрохвъ такимъ способомъ: брали крестьянскую телѣгу, накладывали въ нее соломы, зарывались туда, и подѣзжали въ такомъ видѣ какъ можно ближе къ стаѣ. Гдѣ хорошо знакомы съ привычками дрохвъ и знаютъ ихъ пролетный путь, тамъ на нихъ охотится загономъ, т. е. вспугиваютъ и гонятъ ихъ по такому направленію, что онѣ натываются на хорошо спрятанную цѣпь стрѣлковъ. На поляхъ, гдѣ тамъ и сямъ имѣются естественныя, не подозрительныя для дрохвъ прикрытія, съ успѣхомъ пользуются также засадами. Молодыхъ дрохвъ въ средней Европѣ нерѣдко преслѣдуютъ съ помощью собакъ и убиваютъ ихъ во время охоты на куропатокъ. Въ русскихъ степяхъ на нихъ охотится съ борзыми, а въ Азіи—съ соколами или прирученными холзанами. Поджидаютъ также первыхъ заморозковъ съ туманами и въ такую погоду выѣзжаютъ на лошадахъ въ степи для охоты за дрохвами; въ это время крылья дрохвъ покрываются ледяною корою, которая мѣшаетъ птицѣ дѣйствовать ими. Въ суровые морозы дрохвы, по словамъ Кюльца, цѣлыми стаями разыскиваютъ жилища уединенно живущихъ татаръ, и въ это время ихъ ловить здѣсь безъ всякаго труда. Разныя западни и петли, которыя мѣстами разставляютъ для нихъ, рѣдко приводятъ къ цѣли. Гораздо больше челоуѣка дрохвамъ вредятъ четвероногіе и пернатые хищники, которые въ состояніи осилить старую дрохву и безнаказанно унести безпомощныхъ птенцовъ.

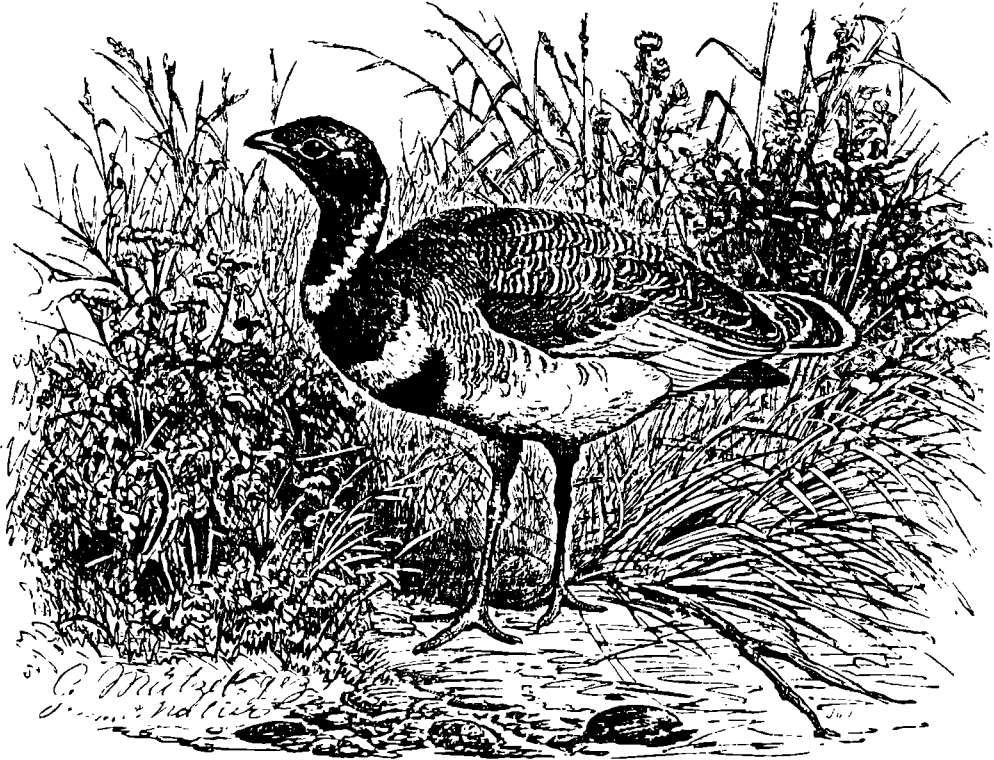
Мясо дрохвъ совершенно несправедливо считается плохимъ. Хорошо приготовленныя молодыя дрохвы представляютъ собою превосходное жаркое; да и старыя птицы, если ихъ для размягченія нѣкоторое время продержать зарытыми въ землѣ, совсѣмъ ужъ не такъ дурны на вкусъ. Только совсѣмъ старыхъ птицъ, конечно, слѣдуетъ считать несъѣдобными; но ихъ клейкое мясо доставляетъ, при варкѣ, крѣпкій бульонъ, и тщательно освобожденное отъ жилъ и мелко истощенное, идетъ также, въ качествѣ хорошей приправы, на приготовленіе паштетовъ и битковъ.

* *

На югѣ Европы къ нашей дрохвѣ присоединяется ея меньшій по величинѣ родичъ—**Стрепетъ** (*Otis tetrax* и *minor*, *Tetrax campestris*. *Zwergtrappe*. *Cannepetière*). Помимо его меньшей величины и различной окраски, онъ отличается еще отъ дрохвы немного удлинненными перьями по сторонамъ верхней части шеи и на задней части головы. У самцовъ шея черная, украшенная бѣлымъ кольцомъ, идущимъ отъ ушей къ зобу, и широкою бѣлою поперечною полосою, обхватывающею зобъ. Передняя часть головы темно-сѣрая; верхняя часть свѣтло-желтоватая съ бурыми пятнышками; нижнія шейныя перья по свѣтло-красновато-желтому фону имѣютъ черныя поперечныя пятнышки и волнистыя полоски; край крыла, верхнія и нижнія кроющія перья хвоста и опереніе нижнихъ частей тѣла—бѣлыя; большія маховыя перья у основанія бѣлыя, на концахъ темно-бурыя; самыя заднія изъ нихъ до широкой полосы передъ кончикомъ—бѣлыя; переднія малыя маховыя перья также бѣлыя; заднія такой-же окраски рисунка какъ синица; верхнія кроющія перья крыла опять таки бѣлыя; перья кончика крыла съ чернымъ срединнымъ пятномъ; самыя большія изъ нихъ у основанія разрисованы темными черточками; хвостовыя перья бѣлыя съ двумя полосками на концахъ. Глаза свѣтло—или буро-желтые; клювъ сѣро-рогового цвѣта, на кончикѣ черныи; ноги—соломенно-желтаго цвѣта. Длина птицы всего 50 см. размахъ крыльевъ 95, длина крыла 26, а хвоста 13 см. У самокъ, которыя еще

меньше величиною, стороны головы желтоватая, передняя часть шеи и груди светло-желтоватая съ черными полосками; нижнія шейныя перья испятнаны сильнѣе, чѣмъ у самцовъ, верхнія кроющія перья крыла бѣлыя съ черными пятнами; опереніе нижнихъ частей бѣлое.

До 1870 года мы не имѣли основанія считать стрепета за птицу, гнѣздящую въ Германіи. Она появлялась тамъ въ видѣ пролетной птицы только во время своихъ весеннихъ или осеннихъ перелетовъ, можетъ быть чаще, чѣмъ мы предполагали, но во всякомъ случаѣ оставалась въ странѣ всегда только короткое время и улетала отсюда то на юго-западъ, то на востокъ Европы. Съ 1870-же года она водворилась въ безлѣсныхъ, голыхъ, холмистыхъ, но плодородныхъ об-

Стрепетъ.

1/5 наст. вел.

ластяхъ Тюрингіи, лежащихъ между городами Вейсензее, Кёлледа, Эрфуртъ, Лангензальца и Грейсенъ, а впоследствии утвердилась и въ Силезіи. Мы обязаны исключительно историку Тинеману тѣмъ, что эта птица не была тотчасъ-же истреблена, такъ какъ, живя въ то время въ деревнѣ Ганглофземмернъ, онъ всѣми возможными средствами способствовалъ благоденствію этой птицы. Такимъ образомъ количество гнѣздящихъ въ Тюрингіи и Силезіи стрепетовъ стало постепенно увеличиваться; тѣмъ не менѣе этотъ видъ дрохвъ все-таки считается въ Германіи большою рѣдкостью. Стрепетъ также степная птица; настоящая область гнѣздованія его пачинается тамъ, гдѣ степи или подобная мѣстность представляетъ ему соответствующія удобства для жизни, а именно: въ южной Вепгріи или южной Франціи, а отсюда уже онъ распространяется съ одной стороны по Турціи, Греціи, южной Россіи, по всей средней и западной Азій, въ особенности по Туркестану, Индіи,

Персін, Малой Азіи и Сиріи, а съ другой—по Италіи, Испаніи и сѣверо-западной Африкѣ. Изъ наблюденій Заруднаго и Вальтера мы знаемъ, что въ Туркменіи стрепеть не гнѣздится, хотя Вальтеръ видѣлъ въ мартѣ между Кизиль-Арватомъ и Асхабадомъ несмѣтныя стаи стрепетовъ, направлявшіяся съ запада на востокъ. Особенно часто стрепеть встрѣчается въ Сардиніи; въ Испаніи, впрочемъ, также онъ хотя и не очень многочисленъ, но во всякомъ случаѣ не считается рѣдкою птицею. Въ русскихъ и сибирскихъ степяхъ, которыя слѣдуетъ считать центромъ области распространенія этой птицы, она появляется иногда цѣлыми массами, особенно во время перелета. «Въ первые дни весны», говоритъ Кюльцъ, «сюда прилетаютъ стрепеты, всѣми желанныя гости, и притомъ, будто сговорившись, всѣ разомъ въ одну ночь, такъ что въ одинъ прекрасный день всюду видны цѣлыя стаи ихъ, тогда какъ еще наканунѣ не замѣчалось ни одного. Вначалѣ они держатся кучами по 12-ти и больше штукъ вмѣстѣ, но потомъ, т. е. черезъ нѣсколько-же недѣль послѣ своего прибытія, раздѣляются на пары». То-же самое, вѣроятно, происходитъ и въ Испаніи, такъ какъ и здѣсь стрепеты отлетаютъ каждую осень, а весной снова появляются. Во время своихъ странствованій стрепеть попадаетъ въ мѣстности, лежащія близъ Атласскихъ горъ, и здѣсь перезимовываетъ. Въ Египтѣ онъ появляется рѣдко: насколько мнѣ помнится, въ мои руки попалъ всего одинъ экземпляръ, убитый близъ Александріи.

Стрепетъ не такъ исключительно привязанъ къ равнинамъ, какъ его болѣе крупный родичъ—дрохва; онъ встрѣчается также и въ гористыхъ мѣстностяхъ. Въ Испаніи гнѣздовьемъ своимъ онъ избираетъ преимущественно виноградники, не обращая вниманія на то, гдѣ они лежатъ—въ равнинѣ или на склонахъ горъ; помимо этого онъ поселяется также въ обществѣ съ авдоткой, въ пустынныхъ испанскихъ «кампо». Въ Венгріи онъ живетъ въ «пустѣ», въ южной Россіи, во всей Сибири и въ Туркестанѣ—въ степяхъ. Въ Тюрингіи его гнѣздовья находятся тамъ-же, гдѣ живутъ и дрохвы, о чемъ свидѣтельствуетъ Тинеманъ, любезности котораго я много обязанъ въ дальнѣйшихъ моихъ сообщеніяхъ; но и здѣсь стрепеть предпочитаетъ мѣстности, имѣющія степной характеръ. Лѣса онъ избѣгаетъ съ такимъ страхомъ, что не только не гнѣздится вблизи его, но даже, при перелетѣ, скорѣе сдѣлаетъ кругъ, нежели пролетитъ мимо. Любимымъ его мѣстожительствомъ служатъ поля, засѣяныя клеверомъ и эспарцетомъ; возвращаясь весной съ теплаго юга, онъ прилетаетъ прямо на такія поля. Когда озимъ станетъ уже довольно высокою, а яровое—густымъ, стрепеть также любитъ иногда, для перемѣны, забраться на клеверныя и эспарцетовыя поля, въ особенности тогда, когда въ іюнѣ молодые всходы достигнуть уже такой высоты, что въ состояніи укрыть птицу отъ вражескихъ взоровъ человѣка или хищника. Избравъ своимъ гнѣздовьемъ хлѣбное поле, стрепеть все-таки иногда утромъ любитъ прилетѣть на клеверное или эспарцетовое поле и провести здѣсь часика два, послѣ чего снова возвращается въ укромную чащу волнующейся вины. Съ наступленіемъ жатвы, которая страшно обезкоиваетъ его, онъ вынужденъ перекочевывать съ одной пашни на другую. Когда срѣзается послѣдній снопокъ, стрепеть отправляется болѣею частью на картофельное или сурьинное поле, причемъ, понятнымъ образомъ, выискиваетъ какъ можно болѣе простору, какъ на обширныхъ клеверныхъ поляхъ. «Если мнѣ надо было въ это время сыскать стрепета», пишетъ мнѣ Тинеманъ, «чтобы показать его кому-нибудь изъ своихъ друзей, то я отправился на мѣсто его пребыванія въ обширное картофельное или сурьинное поле, забирался въ самую середину его и могъ быть вполнѣ увѣренъ, что та или другая семья ихъ не замедлитъ появиться. Въ позднюю осень отдѣльными семьями сбиваются въ стаи, изъ 12—20 и болѣе штукъ.

летають вмѣстѣ по окрестностямъ, но большею частью держатся все-таки на пашняхъ или клеверныхъ поляхъ.

«Въ Тюрингіи стрепеть появляется въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая. Первый прилетъ замѣчается обыкновенно между 22 апрѣля и 3 мая. Только въ 1878 году онъ значительно опоздалъ: стрепеты прилетѣли лишь 18 мая. Осенній отлетъ происходитъ въ ноябрѣ, когда птицы постепенно улетаютъ на югъ. Впрочемъ, отдѣльные экземпляры можно видѣть и убивать въ Германіи въ продолженіи всей зимы».

Въ отличіе отъ своего болѣе крупнаго родича и взрослый стрепеть также питается большею частью насѣкомыми и червями, въ особенности кузнечиками, жуками и различными гусеницами, не пренебрегая, впрочемъ, совершенно и растительною пищею. Желудокъ изслѣдованныхъ мною стрепетовъ я находилъ наполненнымъ преимущественно насѣкомыми. Впрочемъ, разсматриваемыя птицы были застигнуты во время ихъ пролета и потому не могли дать мнѣ полнаго понятія о себѣ. По Тинеману, пища стрепетовъ въ общемъ совершенно такая-же, какъ у нашихъ дрохвъ. Существенную часть ея составляютъ растительныя вещества, затѣмъ уже слѣдуютъ насѣкомыя, которыхъ они собираютъ съ листьевъ и цвѣтовъ растений обитаемаго ими района. Изъ зелени они всего больше любятъ листья клевера, но ѣдятъ также молодые посѣвы, а осенью, по временамъ даже исключительно—листья одуванчика, горечь которыхъ, по всей вѣроятности, такъ-же полезна имъ, какъ и рогатому скоту въ нашихъ конюшняхъ. Для улучшенія пищеваренія они также проглатываютъ маленькіе кусочки кремня. Стрепеты кормятся нѣсколько разъ въ день; раннимъ утромъ, вскорѣ послѣ восхода солнца, ихъ всего вѣрнѣе можно застать въ разгарѣ ихъ дѣятельности. Для своего мѣстожителства они всего охотнѣе выбираютъ обширныя клеверныя поля съ открытымъ видомъ; здѣсь они зарываются въ самую середину и, зорко оглядѣвшись вокругъ, старательно принимаютъ обрывать листья и отыскивать насѣкомыхъ. Осенью они то здѣсь, то тамъ подбираютъ также сѣмяна, но это случается, впрочемъ, рѣдко.

«Стрепеть», продолжаетъ Тинеманъ, «птица красиваго сложенія, съ пріятнымъ, привѣтливымъ нравомъ. Вслѣдствіе ея пугливости и осторожности, ее, къ сожалѣнію, нельзя иначе наблюдать, какъ съ помощью зрительной трубы изъ отдаленнаго укромнаго мѣста. Какъ только она завидитъ человѣка, тотчасъ-же неподвижно застываетъ на мѣстѣ, вытянувъ шею кверху. При приближеніи шаговъ на 200 или 300 стрепеть удаляется и облетаетъ обыкновенно приближающагося къ нему человѣка, описывая надъ нимъ полукругъ, по всей вѣроятности для того, чтобы удостовѣриться въ благонадежности его, такъ какъ онъ отлично умѣетъ отличить простаго прохожаго отъ подсматривающаго наблюдателя и этого послѣдняго, въ свою очередь, отъ пагубнаго для него охотника. Его большіе глаза, обуславливающіе прекрасное зрѣніе, а также его большія ноздри, свидѣтельствующія объ отличномъ чутьѣ, оказываютъ ему въ этомъ случаѣ большую услугу. Если-же парочка находится гдѣ-нибудь ввизу, то самецъ долгое время стоитъ торчкомъ и озирается кругомъ, чтобы разслѣдовать, нѣтъ-ли гдѣ опасности, тогда какъ самка тотчасъ-же припимается расхаживать, отыскивая кормъ. Если самка случится быть одной, то она проявляетъ такую-же бдительность, какъ и самецъ и отправляется промышлять себѣ пищу не прежде, чѣмъ убѣдится, что по близости нѣтъ никакого врага. Семьи, скучившіяся въ стаи или группы, завиди человѣка, уже издали улетаютъ отъ него; отдѣльные-же экземпляры, напротивъ, зачастую подпускаютъ къ себѣ человѣка на довольно близкое разстояніе, потому что они иногда такъ плотно

прижимаются къ землѣ, что ихъ можно совершенно проглядѣть, и взлетаютъ уже изъ подъ самыхъ ногъ человѣка. По всей вѣроятности, вслѣдствіе такой своей увѣренности, нѣкоторые стрепеты охотно задерживаются вблизи пасущихся дрозды, однако никогда не въшиваются въ ихъ стаи, но почтительно остаются въ нѣкоторомъ отдаленіи, шагахъ примѣрно въ 30—50. Полетъ ихъ трепещущій со свистомъ, и такъ походитъ на полетъ дикой утки, что несвѣдущій человѣкъ летящаго стрепета принимаетъ обыкновенно за утку. Вытянувъ голову и шею впередъ, а ноги назадъ, стрепетъ разсѣкаетъ воздухъ быстрыми взмахами крыльевъ и при этомъ не только всецѣло проявляетъ обыкновенно скрытыя бѣлыя части крыльевъ, но также производитъ шумъ, отчасти похожій на звонъ бубенчиковъ идущей вдаль тройки. Только въ октябрѣ мнѣ случилось видѣть стрепетовъ, летающихъ обществами, причѣмъ медленными взмахами крыльевъ они описывали въ воздухъ большіе круги, которые, по красотѣ, отнюдь нельзя сравнить со спиральнымъ полетомъ аистовъ или соколовъ, такъ какъ круги эти имѣютъ наклонное направленіе и очень неправильны. Это лѣтаніе служитъ очевидно предварительнымъ упражненіемъ для дальнѣйшаго путешествія если не смотрѣть на него, какъ на прощаніе съ родиною, на которую, прежде, чѣмъ покинуть ее, имъ хочется еще разъ бросить взглядъ съ высоты. Голосъ взрослыхъ стрепетовъ представляетъ собою странно дрожащій или трещащій звукъ, напоминающій тотъ, который происходитъ, когда деревянною палочкою проводятъ по маленькой деревянной рѣшеткѣ. Кюльцъ передаетъ его, насколько можно выразить птичій голосъ человѣческимъ горломъ, довольно подходящими звуками «терркэ терркэ». Главный лѣсничій Шваннау говоритъ: «Поднятые мною стрепеты издали своеобразное, глухое мурлыканье, которое я не могу выразить точными звуками: его можно сравнить съ мурлыканьемъ токующаго бекаса».

«Вернувшись весною на свою родину и оправившись послѣ тягостей путешествія, стрепеты во второй половинѣ мая приступаютъ къ размноженію. Въ Тюрингіи самка выбираетъ для гнѣзда постоянно клеверное или эспарцетовое поле. Здѣсь, въ томъ мѣстѣ, гдѣ названная трава поднялась всего выше, она выкапываетъ въ землѣ ямку 20-ти см. въ поперечникѣ и 6-ти см. глубины, выдерживаетъ изъ земли массу полувывѣтрившихся прошлогоднихъ стебельковъ эспарцета и изъ этого матеріала не только дѣлаетъ толстую, теплую подстилку на дно, но обкладываетъ имъ и стѣнки, возвышающіяся на 2 см. надъ землею. Внутренность гнѣзда чисто и красиво выстлана тонкими сухими стебельками и листочками куколки и другой травы. Затѣмъ уже самка кладетъ, съ небольшими промежутками, свои 3 — 4 яйца, которые тотчасъ-же можно признать за яйца дрозды. Они имѣютъ въ долевомъ разрѣзѣ 52 мм., а въ поперечномъ 40 мм.; окраска ихъ блестящая, но очень темная оливково-зеленая; по ней довольно правильно распределены полевныя, выцвѣтшія долевые пятнышки печеночнаго цвѣта, которые на остромъ и тупомъ концахъ становятся рѣже. Самка сидитъ на яйцахъ такъ усердно, что можно исколесить вдоль и поперекъ все поле, въ которомъ находится ея гнѣздо, не встревоживъ ее съ мѣста. Самецъ держится постоянно по близости и его почти навѣрное можно встрѣтить на той-же самой полосѣ или, самое дальнее, на сосѣднихъ поляхъ. Иногда онъ почти полдня сидитъ, зарывшись въ высокому клеверу, иногда-же выходитъ на сосѣднее паровое поле и тамъ занимается ловлею насекомыхъ. Раннимъ утромъ, когда самка сходитъ съ гнѣзда, оба супруга нѣкоторое время кормятся вмѣстѣ. Во второй половинѣ іюня выдупляются птенцы и, какъ настоящіе выводковые птицы, тотчасъ-же, вмѣстѣ со своею заботливою матерью, оставляютъ гнѣздо, а въ случаѣ опасности, даже и родное клеверное поле и переходятъ въ болѣе безопасное хлѣбное по-

ле, гдѣ съ полной увѣренностью прячутся въ высокій хлѣбъ. Вслѣдствіе безпомощности малышей перекочевка вначалѣ подвигается очень медленно. Осторожная мать, которая поступаетъ въ этомъ случаѣ совсѣмъ какъ насѣдка, находитъ перья, опускаетъ крылья и медленнымъ шагомъ идетъ то впередъ, то поворачиваетъ назадъ, то обходитъ кругомъ свое безпомощное стадо, при этомъ ловить для своихъ дѣтокъ маленькихъ насѣкомыхъ, которыхъ и кладетъ имъ въ ротъ прямо клювомъ. Пестренькіе певички, покрытые бурымъ и желтымъ пушкомъ, ходятъ на домашнихъ цыплятъ такого-же возраста, но у нихъ шея относительно длиннѣе, а ножки выше, ктому-же они обладаютъ, какъ всѣ дрохвы, очень большими, хитро и зорко всматривающимися глазками, по которымъ ихъ тотчасъ-же можно отличить отъ домашнихъ цыплятъ. Голосъ ихъ также не имѣетъ ничего общаго съ тонкимъ пискомъ цыплятъ, а скорѣе напоминаетъ вѣжливый пискъ маленькихъ индюковъ».

Къ сожалѣнію, какъ въ другомъ мѣстѣ сообщаетъ Тинеманъ, масса стрепетовъ теряетъ своихъ выводковъ при кособѣ клевера, причѣмъ гибнутъ даже и нѣкоторыя самки, такъ что размноженіе этихъ птицъ, вслѣдствіе этого, весьма незначительно. Въ новѣйшее время то же самое подтверждаетъ Шпаннау для Тюрингіи. Между тѣмъ мы исполнѣ можемъ удовлетвориться тѣмъ фактомъ, что, несмотря ни на что, стрепеты, годъ отъ году, постоянно размножаются въ Германіи, такъ что у насъ есть полная надежда на то, что со временемъ они раздвинутъ шире и границы своего мѣстожителства. Стрепеты причисляются къ птицамъ, которымъ не ставится на видъ даже тотъ незначительный вредъ, который они причиняютъ оцѣпываніемъ листочковъ клевера, а потому они вездѣ причисляются къ числу полезнѣйшихъ птицъ. Помимо того, что они способствуютъ очищенію полей отъ вредныхъ насѣкомыхъ и улитокъ, стрепеты приносятъ еще непосредственную пользу тѣмъ, что служатъ у насъ драгоценною дичью, мясо которой, хотя и не походитъ на фазанье, тѣмъ не менѣе считается однимъ изъ самыхъ лучшихъ для нашего стола. Вслѣдствіе того, что стрепеты представляютъ собою превосходную дичь, ихъ всюду ревностно преслѣдуютъ. Въ Испаніи ихъ подаютъ къ столу подъ названіемъ «фазановъ». Въ южной Россіи для охоты на нихъ пользуются всего чаще телѣгами. Когда самецъ увидитъ подъѣзжающую къ нему телѣгу, то боязливо всматривается въ необыкновенное явленіе; если телѣга приближается осторожно, то онъ отлетаетъ на небольшое разстояніе, и тогда весь трудъ охотника пропасть, или-же плотно прижимается къ травѣ, или, наконецъ, смѣло остается на томъ-же мѣстѣ, вызывая охотника своимъ «террк террк.» Въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ самецъ погибъ. Пойманные стрепеты попадаютъ время отъ времени въ наши клѣтки и, разъ приквувъ, держатся очень хорошо.

Къ европейскимъ вообще, а также къ нѣмецкимъ въ частности птицамъ, причисляется также **Вихляй**, **Джень** (*Otis macqueeni* и *inarmorata*, *Eupodotis* и *Hubaga macqueeni*. *Kragentrarre*. *Outarde à collier*), который не разъ залеталъ въ Германію. Опереніе его на лбу и по сторонамъ головы ржаво-красно-сѣрое съ бурымъ налетомъ; головной хохолъ состоитъ изъ длинныхъ и тонкихъ перьевъ, изъ которыхъ большая часть имѣетъ черныя кончики; опереніе затылка бѣловатое съ бурыми и сѣрыми полосками; верхняя часть тѣла по свѣтло-охровому или глинисто-желтому фону имѣетъ легкую черную поперечную волнистость, а тамъ, гдѣ рисунокъ становится гуще—темныя пятна; горло бѣлое, зашеекъ буроватый, передняя часть шеи пепельно-сѣрая съ болѣе темною волнистостью; верхняя часть груди темно-сѣро-синяя; брюхо желтовато-бѣлое. Ошейникъ состоитъ изъ длин-

ныхъ развѣвующихся по обѣимъ сторонамъ шея перьевъ, изъ которыхъ верхнія чисто-чернаго цвѣта, нижнія-же только у основанія и на концахъ черныя, въ остальной же своей части бѣлыя. Маховыя перья имѣютъ бѣлыя основанія и черныя кончики, рулевые перья по красноватому мелко-крапчатому фону украшены двумя темными полосами. Глаза блестяще-желтые; клювъ аспиднаго цвѣта; ноги зеленовато-желтыя. По Жердону, длина самца колеблется между 65 и 80 см., размахъ крыльевъ—между 110—150, длина крыла достигаетъ всего 38, хвоста-же 25 см. По окончаніи періода размноженія самецъ, повидимому, утрачиваетъ свой нарядный ошейникъ.

Дрохва-красотка (*Otis undulata, ornata, hobara, hubara, houbara, Psophia, Eupodotis* и *Houbara undulata, Atix* и *Chlamydotis hubara. Houbara*) очень похожа на вихляя, только немного крупнѣе его и отличается еще тѣмъ, что хохоль у ней чисто-бѣлый, спина и крылья темнѣе, болѣе буроватой окраски, причемъ на концахъ перьевъ ластенинѣе проявляются черновато-бурыя пятна.

Вихляй встрѣчается, по указаніямъ Жердона, на равнинахъ Пейджаба и верхняго Синда, но блуждаетъ иногда и въ другихъ частяхъ Индіи, часто попадаетъ въ сухихъ каменистыхъ равнинахъ Афганистана и кромѣ того въ другихъ частяхъ Азіи, именно въ Туркестанѣ, юго-западной Сибири, Персіи и Месопотаміи. Мы находили его также не слишкомъ рѣдко въ пустынныхъ степяхъ верхняго Иртыша, на южныхъ склонахъ Алтайскихъ горъ, добыли его яйца въ окрестностяхъ Зайсанскаго озера и убѣдились, что онъ хорошо знакомъ всѣмъ киргизскимъ охотникамъ. Отсюда, вѣроятно, странствуютъ тѣ бродячія дрохвы, которыхъ убивали въ Котвицѣ, въ Силезіи, во Франкфуртѣ на Майнѣ, въ Баденѣ, въ Мекленбургѣ, Шлезвигѣ, Верхнемъ Лаузицѣ, а также въ Бельгіи, Голландіи, Великобританіи, Даніи, Швеціи и Финляндіи; такимъ образомъ онѣ воспользовались излюбленнымъ сѣвернымъ пролетнымъ путемъ, который такъ часто доставляетъ намъ азіатскихъ птицъ, чтобы добраться до своихъ зимнихъ пристанищъ. Дрохва-красотка замѣняетъ вихляя въ южныхъ странахъ Средиземнаго моря, начиная отъ Капарскихъ острововъ до Аравіи, нерѣдко встрѣчается въ Марокко, Алжирѣ, Тунисѣ и Триполисѣ, а на Либійскомъ берегу, по словамъ Эренберга, даже часто; по Гейглину-же и по моимъ наблюденіямъ, въ Пильскихъ странахъ красотка принадлежитъ къ рѣдкимъ птицамъ. По указаніямъ Болле, она встрѣчается не на всѣхъ Капарскихъ островахъ, а почти только на одномъ Фуэрталеентурѣ и только нѣкоторые экземпляры случайно залетаютъ на южный берегъ Лансароте. Гораздо чаще случается, что красотка скитается по Испаніи, южной Франціи, Италіи и Греціи, потому что почти всѣ ошейниковыя дрохвы, которыхъ убиваютъ въ этихъ странахъ, принадлежать къ виду красотокъ, а не къ предыдущему. Оба вида, впрочемъ, до того похожи одинъ на другого, что мы имѣемъ полное основаніе все то, что извѣстно про вихляя, примѣнить также и къ дрохвѣ-красоткѣ, и наоборотъ.

Обѣ эти дрохвы предпочитаютъ для гнѣздовья жаркія, сухія, песчаныя и каменистыя равнины, лишь скудно заросшія кустарникомъ; стало быть, излюбленнымъ мѣстожительствомъ ихъ служатъ настоящія пустыни. Болле говоритъ, что онъ встрѣчалъ дрохву-красотку преимущественно по близости обширныхъ хлѣбныхъ полей, но также и въ далекихъ пустыняхъ, даже на каменистыхъ горахъ. Вертело утверждаетъ, что онѣ водятся только въ такихъ мѣстахъ, температура которыхъ рѣдко опускается ниже 25° по Цельсію; Жердонъ-же сообщаетъ отно-

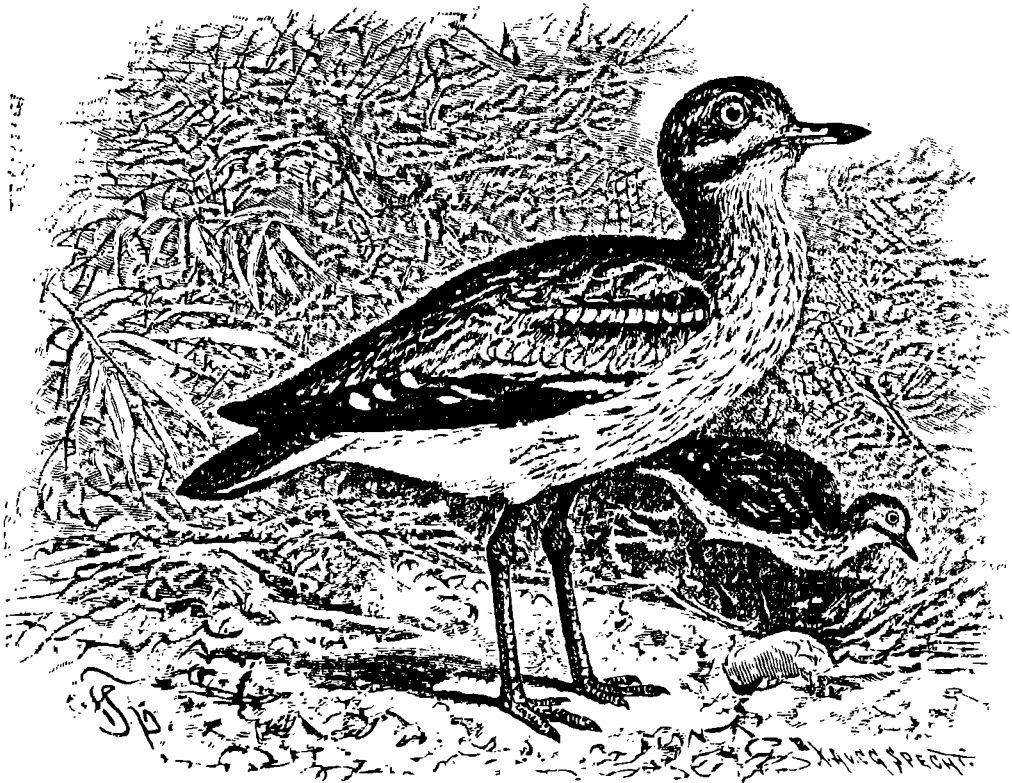
сительно вихляя, что онъ водится въ песчаныхъ и травянистыхъ равнинахъ или на волнистой песчаной почвѣ, которая мѣстами покрыта травю или окружаетъ хлѣбныя поля, но преимущественно встрѣчается на сухихъ, открытыхъ мѣстностяхъ. Съ послѣднимъ согласны и наши наблюденія. По своимъ правамъ оба вида вполне подходятъ на своихъ вышеописанныхъ родичей, но, вслѣдствіе своего ошейника, они выглядятъ еще наряднѣе, хотя по величинѣ и уступаютъ большой дрохвѣ. Вѣра говоритъ, что по своей тяжести вихляй не такъ быстро можетъ взлетать, по зато онъ очень скоро бѣгаетъ, причемъ постоянно взмахиваетъ крыльями; въ періодъ-же спариванія расхаживаетъ гордо, какъ павлинъ, и такъ-же умѣетъ надувать кожистый мѣшокъ, находящійся подъ горломъ. Эренбергъ пишетъ Науману, что дрохвы-красотки, которыхъ ему приходилось достигать врасплохъ, убѣгали необыкновенно быстро, но, отойдя на большое разстояніе отъ человѣка, оставались тамъ нѣкоторое время стоять, спрятавшись за маленькіе кустики и затѣмъ уже, поднявшись на воздухъ, летѣли надъ самой землей по горизонтальной линіи очень быстро, хотя немного и тяжеловато. Въ робости и осторожности эти дрохвы мало уступаютъ своимъ родичамъ. Всѣ тѣ, которыхъ наблюдалъ Эренбергъ, никогда не подпускали его на разстояніе выстрѣла, а видѣнные Болле прибѣгали еще къ другому средству, чтобы скрыться изъ глазъ человѣка: онѣ плотно прижимались къ самой землѣ гдѣ-нибудь за камнемъ. Всего легче достигнуть ихъ, подѣзжая къ нимъ обходомъ на ослѣ или на верблюдѣ и дѣлая при этомъ видъ, что не обращаешь на нихъ никакого вниманія. Болле встрѣчалъ дрохву-красотку большею частью парами; Эренбергъ, напротивъ, говоритъ, что онѣ держатся обыкновенно по 4—5 штукъ вмѣстѣ, а иногда и болѣе многочисленными группами, парами-же не видѣлъ ихъ никогда; онъ прибавляетъ при этомъ, что тѣ, которыхъ онъ встрѣчалъ, держались большею частью безмолвно и только иногда на лету издавали крикъ, звучащій какъ «раа раа раа», который и подалъ, вѣроятно, основаніе къ арабскому названію этой птицы «раадъ». Подобно всѣмъ малымъ дрохамъ, эти виды считаются преимущественно насѣкомыми, въ особенности муравьи составляютъ любимое лакомство дрохвъ-красотокъ. Зобъ одного убитаго въ Бельгіи вихляя былъ наполненъ улитками, гусеницами и травяными стебельками.

Гнѣздомъ ямъ служить небольшое углубленіе или вырытая ямка между пучками длинной травы и другихъ стенихъ растений. 3—5 яицъ, составляющихъ кладку, равны по величинѣ яйцамъ индѣйки; они красивой продолговатой формы и имѣютъ матово-блестящую, желтовато-маслянаго цвѣта скорлупу, по верхней поверхности которой равномерно разсыяны отчасти выцветшія, отчасти ясно выдѣляющіяся пятна. Вѣра сообщаетъ, что красотка гнѣздится въ хлѣбѣ и что птенцы вылупляются изъ яйца послѣ пяти-недѣльнаго высиживанія, а, вылупившись, тотчасъ-же убѣгаютъ, какъ цыплята. Болѣе ничего неизвѣстно о размноженіи ошейниковыхъ дрохвъ.

Арабы и индѣйцы съ увлеченіемъ охотятся за этими дрохвами, преимущественно съ помощью соколовъ. Въ Пенджабѣ и Синдѣ вихляи составляютъ любимую дичь соколятниковъ. Мясо ихъ, говорятъ, превосходно.

«Несмотря на свою робость», заключаетъ Болле, «красотка, пойманная смолу, легко приручается. Я видѣлъ одну самку на дворѣ г-на Монаса. Она бѣгала постоянно между другими домашними птицами и питалась зернами и поджаренною мукою; впрочемъ, это трусливое существо не оставляло своей привычки прятаться, прижимаясь гдѣ-нибудь по угламъ». Въ европейскихъ зоологическихъ садкахъ также иногда держатъ вихляень.

Въ одинъ изъ первыхъ вечеровъ, проведенныхъ мною въ полуразвалившемся домѣ одного изъ предмѣстій Каиро, я, къ немалому своему изумленію, увидѣлъ, что съ плоскихъ крышъ домовъ слетали какія-то большія птицы, которыя направлялись къ садовымъ кустамъ, гдѣ и исчезали. Прежде всего я принялъ ихъ за совъ, но полетъ ихъ былъ совершенно другой, ктому же громкій крикъ, который издала одна изъ птицъ, тотчасъ же вывелъ меня изъ моего заблужденія. Чѣмъ ближе надвигалась ночь, тѣмъ оживленнѣе становилось въ саду, залитомъ яркимъ свѣтомъ полной луны. Въ чащѣ апельсиновыхъ деревьевъ шмыгали онѣ точно привидѣнія, исчезая такъ-же внезапно, какъ и появлялись. Мѣткіи

Авдотка. *Oedicnemus scolopax*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

выстрѣлъ далъ мнѣ должныя разъясненія. Я бросился въ садъ и увидѣлъ, что убитъ, хорошо знакомую мнѣ по чучеламъ, нѣмецкую птицу авдотку или лежечи, — ночную дрохву, какъ ее можно назвать. Впослѣдствіи мнѣ представилось немало случаевъ наблюдать это странное существо, такъ какъ я встрѣчалъ его, или одного изъ его родичей, который мало отличается отъ него образомъ жизни, во всѣхъ областяхъ южной Европы и во всѣхъ странахъ сѣверо-восточной Африки, исследованныхъ мною.

По мнѣнію Фюрбрингера, авдотка со своими родичами служитъ представителемъ немногочисленнаго своими видами семейства дрохвовыхъ птицъ — **Авдотокъ** (*Oedicnemidae*). Отличительные ихъ признаки слѣдующіе: относительно крупная величина, средней длины тонкая шея, толстая большеглазая голова, прямой

клювъ, равный по длинѣ съ головою, утолщенный у лба, съ булавовиднымъ концомъ, мягкій у основанія и твердый на концѣ; высокія, утолщенные въ передней своей сторонѣ плюсны, трехпалыя ноги, средней длины крылья, въ которыхъ второе маховое перо самое длинное, средней длины почти клиновидный хвостъ, состоящій изъ 12—14 рулевыхъ перьевъ и довольно плотно прилегающее опереніе, по цвѣту болѣе или менѣе подходящее къ оперенію жаворонка.

Наша **Авдотка, Лежень** (*Oedicnemus scolopax, crepitans, griseus, europaeus, indicus, arenarius, desertorum* и *bellonii, Charadrius oedicnemus, scolopax* и *illyricus, Otis* и *Fedoa oedicnemus. Triel. Courlis de terre*) имѣетъ въ длину 45 см. при размахѣ крыльевъ въ 80, длина крыла достигаетъ 25, а хвоста 13 см. Опереніе всей верхней части тѣла такого же цвѣта, какъ у жаворонковъ; перья ржаво-сѣрыя съ черно-бурыми полосками по срединѣ; лобъ, мѣстечко впереди глазъ и полоска надъ и подъ нимъ—бѣлыя; такая же полоса проходитъ по верхней части крыла; нижняя сторона тѣла желтовато-бѣлая, маховыя перья черныя, рулевыя тоже черныя, только края ихъ и кончики бѣлые. Глаза золотисто-желтые, клювъ желтый съ чернымъ кончикомъ; ноги соломенно-желтаго цвѣта; вѣки также желтыя. У молодыхъ птицъ преобладающая окраска впадаетъ болѣе въ ржавый цвѣтъ.

Настоящею родиною авдотокъ считаются страны южной Европы, сѣверной Африки и Средней Азии, гдѣ имѣются настоящія пустыни или, по крайней мѣрѣ степныя пространства. Въ страны по Средиземному морю, Сирія, Персія, Аравія, Индія и др. оказываютъ пріютъ множеству этихъ птицъ. Въ Венгрію, Австрію и Германію въ нихъ также недостатка нѣтъ; онѣ встрѣчаются даже въ Голландію, Великобританію, Данію и южной Швеціи и ихъ по крайней мѣрѣ для Германіи слѣдуетъ причислить къ постоянно встрѣчающимся птицамъ, такъ какъ онѣ изъ году въ годъ водятся на однихъ и тѣхъ-же мѣстахъ. Позднею осенью авдотка покидаетъ сѣверныя страны своей области распространенія, перелетаетъ на югъ Европы или въ другія мѣстности соответствующей широты, а весною возвращается обратно. Живущія около Средиземнаго моря авдотки уже не странствуютъ, а просто, какъ осѣдлыя или кочевыя птицы, изъ года въ годъ кочуютъ по одной и той-же области. Мѣстожителства этой птицы весьма разнообразны, хотя всегда имѣютъ пустынный характеръ. Въ испанскихъ камно, на необработанныхъ пространствахъ или на топкихъ поляхъ острововъ Средиземнаго моря, въ настоящей пустынѣ или на границѣ ея, а также тамъ, гдѣ пустыня переходитъ въ степь, авдотка встрѣчается въ качествѣ характерной птицы страны; если-же она водворится въ Германію, то выбираетъ всегда песчаныя мѣстности всюду, гдѣ-бы ни селилась, будь это обширныя паровыя поля или скудныя сосновыя заросли или поросшіе кустарникомъ островки на рѣкахъ и ручьяхъ. Въ южной Европѣ она почти повсюду находитъ подходящія для себя мѣста гнѣздованія, въ Египтѣ она залетаетъ даже въ города и, какъ мы сами видѣли, садится даже на дома, столь боязливо избѣгаемыхъ ею городскихъ обывателей. Арабы увѣрили меня, что хорошо извѣстная имъ птица «**Караванъ**» не только днемъ садится на мечети, фабрики и другія зданія, плоскія крыши которыхъ рѣдко или никогда не посѣщаются людьми, но даже гнѣздится тамъ, и по тому, что я самъ наблюдалъ, мнѣ нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ справедливости этихъ рассказовъ. Только въ одномъ отношеніи наша авдотка при всѣхъ обстоятельствахъ остается вѣрною себѣ: ея мѣстожителство должно быть или съ далеко открывающимся горизонтомъ или съ надежными убѣжками.

Авдотка—большая любительница одиночества; она нисколько не заботится о себѣ подобныхъ и мало способна уживаться съ другими созданіями; тѣмъ не менѣе она изучаетъ своихъ сосѣдей и сообразно этому согласуетъ свое дальнѣйшее поведеніе. Довѣрія она не имѣетъ ни къ кому; каждое животное кажется ей, если не подозрительнымъ, то все-же заслуживающимъ наблюденія. Такимъ образомъ она вѣчно всматривается въ то, что происходитъ вокругъ нея, и рѣдко ошибается. Ей отлично извѣстно, что плоскія крыши въ египетскихъ городахъ столь-же безопасны, даже, можетъ быть, еще безопаснѣе, чѣмъ сухія пустыни у насъ, въ средней Европѣ, окружающія защищенную сосновую чащу, или чѣмъ песчаные, скудно поросшіе ивнякомъ острова на Дунаѣ подъ Вѣною, или, наконецъ, чѣмъ обширныя камно и пустыни, гдѣ представляется больше простора для ея развитыхъ органовъ чувствъ. Днемъ ее можно видѣть рѣдко, развѣ только случайно, такъ какъ она гораздо раньше замѣчаетъ приближающагося къ ней человѣка, чѣмъ онъ ее. Если она находится на обширной, ровной поверхности или въ защищенной чащѣ, то плотно прижимается къ землѣ и тогда, благодаря своему одноцвѣтному съ землей оперенію, становится совершенно незамѣтною. Если-же для прикрытія есть по близости чаща, то она быстрымъ бѣгомъ спѣшитъ къ ней, но не прячется за кустомъ, а проворно пробѣгаетъ ее и выходитъ съ противоположной стороны опять-таки на открытое поле. Въ камно или въ пустынѣ она также сначала прижимается къ землѣ, но если убѣдится, что врагъ приближается, тотчасъ поднимается и, не подпустивъ его къ себѣ на разстояніе выстрѣла, бѣжитъ впередъ, время отъ времени оглядываясь, бѣжитъ такъ быстро, что скоро опережаетъ охотника, не прибѣгая къ помощи крыльевъ. Всаднику она такъ-же рѣдко даетъ обмануть себя, какъ и пѣшеходу, такъ какъ отлично знаетъ, что ей безопасна одна лишь лошадь, безъ всадника. Походка авдотки, пока она не спѣшитъ, неповоротливая и трусливая, но можетъ превратиться въ быстрый бѣгъ; полетъ ея нѣжный и мягкій, даже довольно левкій, но только въ рѣдкихъ случаяхъ продолжительный. Во внутренней Африкѣ, гдѣ ей мало приходится общаться съ человѣкомъ, она поступаетъ какъ испугнутая сова, какъ птица, у которой дневной свѣтъ затемняетъ рассудокъ, и спѣшитъ какъ только можетъ скорѣе скрыться въ первую подходящую чащу; между тѣмъ у насъ, въ средней Европѣ, ею руководитъ вѣрный расчетъ, а не замѣшательство. Съ наступленіемъ ночи авдотка становится оживленною, безпокойно бѣгаетъ и летаетъ взадъ и впередъ, издаетъ крики, легко, точно играя, поднимается на относительно значительную высоту и обнаруживаютъ такое искусство въ лтаніи, какого въ ней нельзя было даже подозрѣвать. Быстрыми шагами, подобно тѣни, скользитъ она по землѣ, то появляясь на мгновеніе въ полосѣ луннаго свѣта, то снова блуждая, невидимо какъ привидѣніе, въ неосвѣщенныхъ мѣстахъ. Прежде всего она направляется къ водою, не заботясь о томъ, гдѣ обрѣтетъ свѣжую воду—по близости, или на дальнемъ разстояніи. Въ лунныя ночи она находится въ движеніи съ заката солнца до самаго его восхода, да и въ темныя ночи едва-ли бываетъ иначе. Голосъ авдотки, который приблизительно можно передать слогомъ «крайтъ», звонко раздается въ тихую ночь, особенно во время полета, когда птица летитъ высоко надъ землею.

Авдотка питается червями, насѣкомыми во всехъ стадіяхъ ихъ развитія, улитками и другими мягкотѣлыми, лягушками, ящерицами и мышами; яйца и итенцы другихъ пернатыхъ также, но всей вѣрности, не обезпечены отъ ея нападеній. Полевыхъ мышей она, по словамъ Наумана, подстерегаетъ какъ кошка и очень ловко ловитъ ихъ на бѣгу; поймавши, она прежде всего наноситъ имъ силь-

ный ударъ клювомъ, затѣмъ схватываетъ, вторично колотить уже о землю до тѣхъ поръ, пока не раздробитъ всѣ кости и наконецъ, буквально раздавивши, проглатываетъ. Насѣкомыхъ она тоже предварительно убиваетъ, а затѣмъ уже проглатываетъ. Для облегченія пищеваренія она глотаетъ крупныя песчинки.

Весною между двумя парочками происходитъ иногда ссоры, какъ изъ за самокъ, такъ и изъ за гнѣздовыя; при этомъ бойцы набрасываются другъ на друга, бьются клювами и преслѣдуютъ одинъ другого на бѣгу и на лету. Прогнавши противника, побѣдитель возвращается къ самкѣ и, по словамъ Наумана, принимается бѣгать вокругъ нея узкими кругами, пригнувъ голову низко къ землѣ, свѣсивъ крылья и вѣрообразно распустивъ хвостъ, причемъ издаетъ нѣжное «дикъ дикъ дикъ». Въ концѣ апрѣля можно видѣть гнѣздо, маленькое углубленіе въ песокъ, а въ немъ, безъ всякой подстилки 3—4 яйца, величиною приблизительно съ куринныя, имѣющія около 53 мм. въ длину и 38 мм. въ ширину; формою своею они также напоминаютъ куринныя и по блѣдно-глинисто-желтому фону покрыты аспидно-голубыми большими пятнами, а на нихъ темно-желтыми и чернобурными пятнышками и черточками; впрочемъ, по узору яйца значительно различаются между собою. Безъ помѣхи парочка выводитъ за лѣто только одно потомство; самка насиживаетъ яйца въ теченіи 16 дней, самецъ-же въ это время старательно оберегаетъ ее. Какъ только птенцы совершенно обсохнутъ, они тотчасъ-же пускаются влѣдъ за родителями и больше уже совсѣмъ не возвращаются въ гнѣздо. Вначалѣ оба родителя даютъ своимъ птенцамъ готовую уже добычу, но по прошествіи нѣкотораго времени приучаютъ ихъ къ самостоятельной охотѣ. Птенцы при малѣйшей опасности тотчасъ же прижимаются къ землѣ, гдѣ всякая неровность служитъ имъ защитою. Хищника родители стараются какъ-нибудь отвлечь; но опытному охотнику они выдаютъ свое убѣжище суетливою бѣготней вокругъ этого мѣста.

Старую авдотку очень трудно обмануть настолько, чтобы подкрасться къ ней на разстояніе выстрѣла. Въ Индіи или въ Сахарѣ для этой цѣли употребляютъ кречетовъ; но такого способа ловли, который обезпечивалъ бы вѣрный успѣхъ, еще никто не знаетъ. Вслѣдствіе этого эту интересную птицу рѣдко можно встрѣтить въ зоологическихъ садахъ или въ птичникахъ у торговцевъ и любителей. «Мой отецъ», рассказываетъ Науманъ, «владелъ живою авдоткою, которая свободно бѣгала по комнатамъ и доставляла моему отцу большое удовольствіе своимъ крѣпкимъ, довѣрчивымъ нравомъ. Ея первый владѣлецъ, воспитавшій ее смолоду, должно быть плохо кормилъ ее и мало заботился о ней, такъ какъ она попала къ отцу моему въ очень жалкомъ видѣ и, несмотря на то, что была годового возраста, не успѣла еще перемѣнить своего юношескаго оперенія. Первая ея линька совершилась уже у насъ, въ февралѣ, по прошествіи полугода со времени ея водворенія. Въ слѣдующемъ іюлѣ, когда ей исполнилось два года отъ роду, она вылиняла во второй разъ и затѣмъ уже линяла правильно каждый годъ въ это самое время. Ея ежедневная пища, состоявшая изъ размоченной въ молокѣ булки, время отъ времени разнообразилась примѣсью мелко нарубленнаго варенаго мяса; иногда она получала также дождеваго червя или какое-нибудь насѣкомое, мышку, лягушку, или кузнечика. Отецъ рѣдко возвращался съ прогулки съ пустыми руками, и птица, зная это, проворно шла ему на встрѣчу къ дверямъ, а если какъ-нибудь пропускала его приходъ, то немедленно являлась на его зовъ «дикъ дикъ» и принесенное брала прямо изъ рукъ. Онъ приносилъ ей этотъ гостинецъ всегда живымъ, завернувъ его въ зеленый листокъ и перевязавъ какимъ-нибудь стебелькомъ. Авдотка брала у него свертокъ, клала его на полъ и впи-ма-

тельно разсматривала, шевелится-ли въ немъ что-нибудь; убѣдившись въ этомъ, она принималась трепать свертокъ до тѣхъ поръ, пока содержимое его не вываливалось, послѣ чего гонялась за принесенной добычей, ловила ее, убивала ударами клюва и наконецъ проглатывала. Она очень скоро соображала, когда ее хотѣли надуть, предлагая свернутый листъ, въ которомъ ничего не было, и равнодушно оставляла его лежать, не развертывая. Эта авдотка потомъ такъ привыкла къ моему отцу, что когда онъ былъ дома, постоянно сидѣла у его ногъ, а когда онъ возвращался съ улицы, тотчасъ-же радостно бросалась къ нему на встрѣчу и зачастую привѣтствовала своимъ нѣжнымъ «дик дик», причемъ держалась въ согнутомъ видѣ, уткнувъ клювъ въ землю, расширивъ крылья и распустивъ хвостъ. У нея было чрезвычайно много разныхъ милыхъ качествъ, но она недоѣдала тѣмъ, что страшно пачкала комнаты, вслѣдствіе чего была отвращеніемъ для всего женскаго пола въ нашемъ домѣ; она и сама не долюбивала женщинъ и до безумія боялась ихъ, особенно, когда кто-нибудь изъ нихъ входилъ въ комнату съ метлою въ рукахъ. Свой скрипящій голосъ она издавала по вечерамъ и по утрамъ въ сумерки, но никогда не недоѣдала имъ. Къ своей чашкѣ съ кормомъ она подходила также и ночью, если было свѣтло отъ лампы или отъ луны, и ѣла тогда такъ же хорошо, какъ и днемъ. Съ необыкновеннымъ удовольствіемъ она грѣлась на солнышкѣ, и ей было очень досадно, если ее сгонили съ такого мѣстечка; тогда она выражала свою досаду несприятнымъ храпѣніемъ. Обиды и тревоги она не такъ-то легко забывала и по отношенію другихъ обитателей комнаты проявляла весьма различное обращеніе. Въ домѣ, кромѣ отца, ее никто не любилъ и ей фигура, въ особенности толстая голова и выпученные глаза, никому не нравились».

Отрядъ VIII.

Ластовкрылыя (*Aptenodytiornithes*).

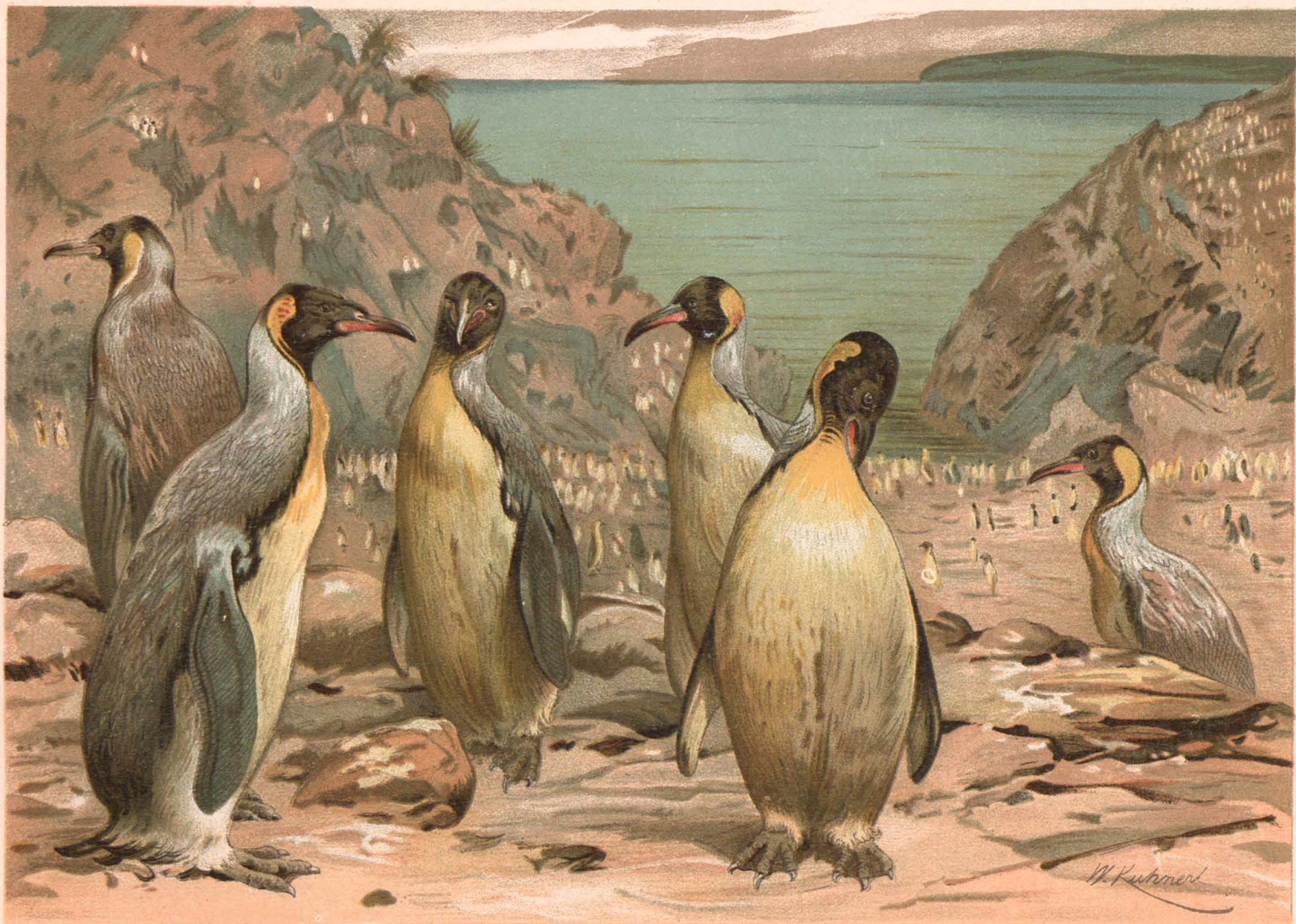
Совершенно отдѣльно отъ всѣхъ другихъ птицъ и всего болѣе приближаясь къ буревѣстникамъ стоять, по Фюрбрингеру, **Нелеты** или **Пингвины** (*Aptenodytidae*, Flossentaucher, Manchots), составляющіе всего одно семейство. Если разсматривать этихъ птицъ съ чисто вѣшной стороны, то онѣ представляютъ собою переходную ступень къ дельфинамъ и рыбамъ. По строенію своему онѣ имѣютъ только отдаленное сходство съ гагарками и образуютъ такое семейство, которое по наружному виду рѣзко отграничено отъ другихъ. Вѣшній видъ ихъ можно до извѣстной степени назвать конусовиднымъ, такъ какъ туловище въ срединѣ лишь немного утолщается, всего толще внизу, а къверху постепенно заостряется. Шея средней длины, но очень толстая, голова маленькая, клювъ почти такой-же длины, какъ голова, прямой, сильный, твердый, по сторонамъ немного сжатый, зачастую съ поперечными бороздками, съ острыми краями и туповатымъ концомъ; ноги въ высшей степени своеобразны, такъ какъ всѣ четыре пальца, изъ которыхъ три связаны плавательной перепонкой, обращены впередъ; крылья до того неразвиты, что скорѣе походятъ на плавники, чѣмъ на крылья, такъ какъ перья ихъ превращены почти въ чешуйки. Опереніе напоминаетъ рыбью чешую какъ по формѣ своей, такъ и по черепчатому расположенію.

Внутреннее устройство соотвѣтствуетъ вѣшнымъ особенностямъ. Всѣ кости существенно отличаются отъ костей другихъ птицъ тѣмъ, что онѣ очень тверды, толсты и тяжелы, ни одна изъ нихъ не имѣетъ отверстій для входа воздуха и даже трубчатая кость содержитъ въ себѣ жидкій костный мозгъ.

Нелеты или пингвины, изъ которыхъ описаны всего 20 видовъ, живутъ только въ южномъ полушаріи, въ океанѣ между южнымъ поворотнымъ кругомъ и 80° южной широты; сушу-же посѣщаютъ только во время размноженія. По образу жизни отдѣльные виды во многихъ отношеніяхъ отячаются другъ отъ друга; тѣмъ не менѣе безъ всякаго вреда для научной точности мы можемъ набросать общую картину всего семейства, хотя будемъ имѣть въ виду всего два вида.

Самый выдающійся видъ этого семейства есть **Патагонскій нелеть** (*Aptenodytes pennantii*, *patagonica*, *imperator*, *rex*, *longirostris*, *forsteri*, *Spheniscus patagonicus* и *pennantii*, *Pinguinaria patagonica*, *Rieseninguin*, *Grand manchot*).

ПАТАГОНСКИЙ НЕЛЕТЬ.

Отличительные признаки его слѣдующіе: крупный ростъ, длинный и тонкій клювъ, слабо согнутый на концѣ на обѣихъ челюстяхъ и оперенный у основанія нижней половинки и между обѣими вѣтвями ея; толстыя ноги съ длинными пальцами, снабженными очень длинными и крѣпкими когтями, оперенныя до самыхъ пальцевъ; длинныя, узкія, ластоподобныя крылья и хвостъ, состоящій изъ 30 тонкихъ, жесткихъ, упругихъ перьевъ. Голова и затылокъ, горло и область зоба темнаго буровато-чернаго цвѣта; продолговатое, овальной формы, поперечное пятно позади ушей, откуда выходитъ узкая полоска, расходящаяся по сторонамъ шеи, и передняя часть шеи,—все это яркаго желточно-желтаго цвѣта; вся верхняя сторона тѣла желѣзно-сѣрая, полосатая, такъ какъ перья, сѣро-буроватыя у корня, къ концу становятся свѣтло-синеватыми или пепельно-сѣрыми: вся нижняя сторона, за исключеніемъ желтоватой верхней части груди, бѣлая; на шеѣ и по сторонамъ груди она отдѣляется отъ верхней стороны узкою черною полоскою; маховыя перья одинаковой окраски со спиною; первыя изъ нихъ разрисованы долевыми полосками; съ нижней стороны онѣ бѣлыя. Клювъ рогового чернаго цвѣта; большая часть нижней челюсти отъ основанія яркаго сургучно-краснаго цвѣта; ноги буроватыя. Общая длина птицы, которая, повидимому, бываетъ довольно различна, превышаетъ 1 м., длина крыла 35 см., а хвоста—всего 8 см. Самки меньше самца, но совершенно одинаковой съ нимъ окраски.

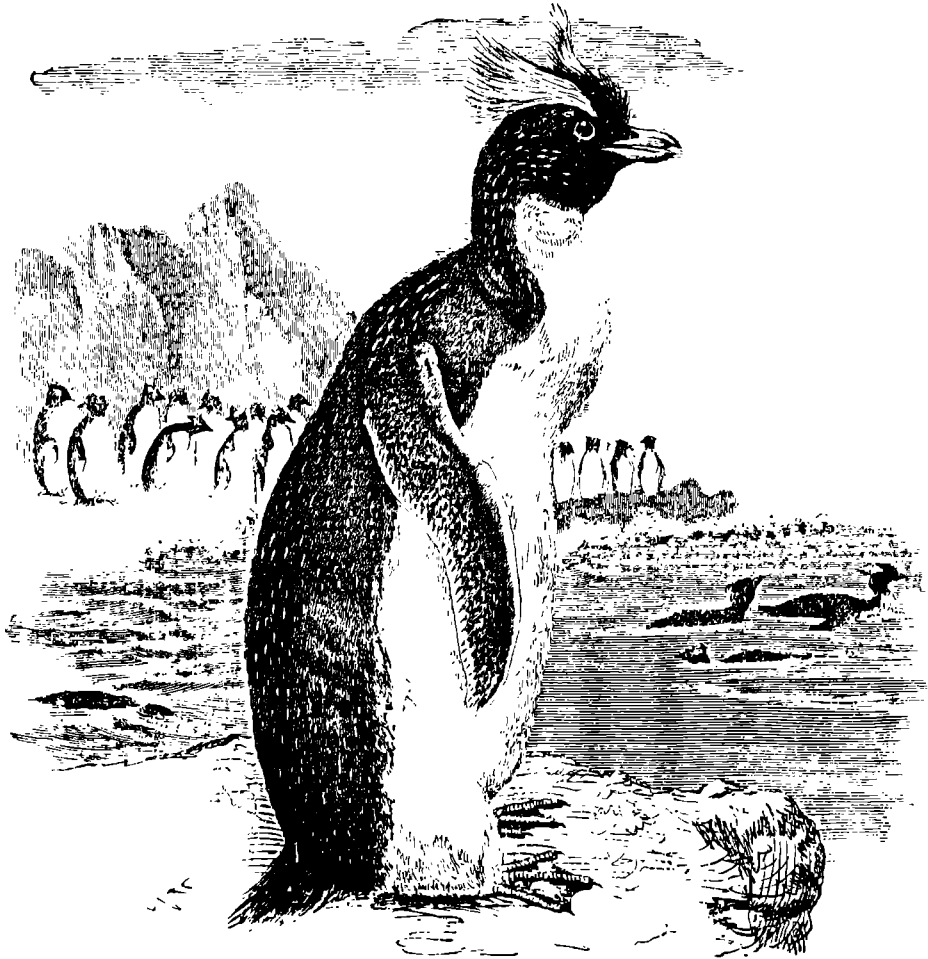
Область распространенія этого вида простирается, начиная съ Патагоніи, по всѣмъ частямъ южнаго океана до острововъ Стюарта и Кергуелена.

Второй представитель рода, **Златовласый пингвинъ** (*Aptenodytes chrysocome*, *Eudyptes chrysocome*, *pachyrhyncha* и *nigrivestis*. *Spheniscus chrysocome*. Goldtaucher. Gorfou sauteur)—дѣйствительно великолѣпная птица. Величиною она съ утку, т. е. приблизительно 50 см. въ длину. У этого пингвина голова, шея, спина и крылья—черныя; перья, образующія хохоль, блѣдно-желтоватыя; нижняя сторона тѣла и задній край крыльевъ бѣлые; клювъ красно-бурый; ноги сѣровато-бѣлыя.

Златовласый пингвинъ водится въ различныхъ частяхъ южнаго океана, а также на Патагонскомъ берегу, въ Огненной Землѣ и на островѣ Тристанъ д'Акунья. Весьма вѣроятно, что онъ, подобно другимъ видамъ семейства, предпринимаетъ довольно дальнія странствованія; нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчали среди открытаго моря, въ очень дальнемъ разстояніи отъ суши.

Пелетовъ можно сравнить съ дельфинами: они не только ведутъ одинаковый съ ними образъ жизни, но походятъ на этихъ хищныхъ животныхъ также своими движеніями, а нѣкоторые виды до того похожи на малевькихъ дельфиновъ, что ихъ можно издали смѣшивать. Строевіе ихъ тѣла приковываетъ ихъ къ морю; зато въ этой сферѣ они двигаются съ неподражаемой ловкостью. Ихъ способность забираться въ глубину просто изумительна. Они пользуются при этомъ только своими короткими крыльями и плаваютъ съ такою силою, что съ замѣчательною легкостью преодолеваютъ волны бурнаго моря и могутъ нырять и выплывать на поверхность воды даже во время самой сильной бури. Рудемъ имъ служатъ ноги, которыя во время плаванія они вытягиваютъ назадъ. До какой глубины они могутъ нырять—неизвѣстно, но можно признать за достовѣрное, что въ этомъ отношеніи они не уступаютъ никакимъ другимъ ныряющимъ птицамъ. На сушѣ они двигаются съ большою неловкостью. Положеніе ногъ принуждаетъ ихъ къ вертикальной ходѣ; такъ какъ они могутъ дѣлать только маленькіе шажки, то должны переставлять одну ногу за другою, вслѣдствіе чего постоянно

виляют и очень медленно сдвигаются съ мѣста. Съ крутыхъ скаль они бросаються внизъ полу-скользя, полу-скатываясь, и, достигнувъ воды, могутъ считать себя обезпеченными. Съ судна ихъ можно видѣть болѣе или менѣе многочисленными обществами, быстро плывущими по опредѣленному направленію. Вся стая находится при этомъ въ постоянно мѣняющемся движеніи; тотъ или другой ныряютъ въ глубину и снова появляются на поверхности далеко впереди; между тѣмъ другія, не ныряющія, а просто плывущія птицы перегоняютъ товарища, и

Златовласый шивгиль. *Aptenodytes chrysocome*. $\frac{1}{4}$ наст. ве.

тотъ, въ свою очередь, старается наверстать просроченное. Подобнаго рода плаваніе означаетъ у нихъ также и охоту, потому что они ныряютъ только для того, чтобы поймать добычу. Эта послѣдняя состоитъ изъ различныхъ рыбъ, а также изъ нѣкоторыхъ ракообразныхъ и микетѣлыхъ, которыхъ они хватаютъ на коралловыхъ рифахъ или выскрываютъ между морскою растительностью. Нѣкоторые виды, впрочемъ, ограничиваются дикими рыбами. Нечего и говорить, что все свои дневныя дѣла они справляютъ въ водѣ и даже спятъ, плавая; и должно замѣтить, что они менѣе другихъ птицъ теряютъ времени на содержаніе

въ порядкѣ своего оперенія, такъ какъ ихъ кожа необыкновенно жирна и постоянно выдѣляетъ маслянистое вещество, служащее для смазыванія перьевъ.

Значительную часть года нелеты посвящаютъ размноженію; при этомъ страннымъ кажется то, что въ періодъ размноженія и не высидывающія птицы живутъ также на сушѣ. На давнишнихъ гнѣздовьяхъ нелеты появляются въ опредѣленное время года; такъ напримѣръ, на Фалкландскихъ островахъ, по словамъ Аббота, въ концѣ сентября, на другихъ островахъ раньше или позже, и съ этого времени здѣсь начинается чрезвычайно дѣятельная жизнь. Беннетъ, посѣтившій островъ Макари въ южной части Тихаго океана, даетъ очень интересное описаніе жизни этихъ птицъ. «Количество нелетовъ», говоритъ онъ, «которые собираются на одномъ этомъ мѣстѣ, невѣроятно велико, такъ что положительно невозможно опредѣлить, хотя-бы даже приблизительно, сколько ихъ тамъ; днемъ и ночью ихъ высидывается на сушу до 30—40 тысячъ штукъ и столько-же уходитъ въ воду. Находящаяся на сушѣ птицы, составляющія еще болѣе многочисленное стадо, стоятъ выстроившись, словно полкъ солдатъ, не только рядами, но и по росту. Молодые—въ одномъ мѣстѣ, линяющія—въ другомъ, насиживающія самки—въ третьемъ, а холостые самцы—въ четвертомъ. Распределеніе производится съ такою строгостью, что всякій, не принадлежащій къ тому или другому обществу, т. е. неправильно присоединяющійся къ толпѣ пингвинъ, не находитъ себѣ мѣста». Милардъ, долгое время жившій на Фалкландскихъ островахъ, подтверждаетъ сообщеніе Беннета во всѣхъ подробностяхъ и описываетъ то поразительное впечатлѣніе, какое производитъ на зрителя движеніе тысячъ этихъ птицъ, скучившихся въ тѣсномъ пространствѣ. Въ хорошій вечеръ, съ наступленіемъ сумерекъ, пингвины поднимаютъ крикъ и кричатъ до того оглушительно, что производятъ въ самомъ дѣлѣ ужасную музыку, которая издали походитъ на гулъ многочисленной народной толпы. Въ періодъ размноженія они протаптываютъ отъ воды прямыя тропинки по травѣ и такъ старательно расчищаютъ ихъ отъ камней и растительности, такъ гладко и чисто утрамбовываютъ, будто онѣ продѣланы людьми. По наблюденіямъ Аббота, такія тропинки на Фалкландскихъ островахъ расходятся въ разныя стороны на цѣлыя мили внутрь.

Нѣкоторые виды для кладки яицъ выкапываютъ въ землѣ глубокія ямки. Для этого они выбираютъ ровное мѣсто и подкапываютъ его ровнымъ четырехугольникомъ, такъ какъ линія ихъ тропинокъ всегда перекрещиваются по возможности подъ прямымъ угломъ. Каждый квадратъ служитъ гнѣздовьемъ и углубляется птицею. Гнѣздо состоитъ изъ печкообразной норы, различной глубины, но во всякомъ случаѣ довольно значительной, примѣрно между 60 и 90 см. Входъ довольно обширный, но очень низкій; самая норка внутри соединена съ соседнею ямкою подземнымъ ходомъ, такъ что птицы и подъ землею могутъ сообщаться другъ съ другомъ. Къ гнѣздовью ведутъ со всѣхъ сторонъ своеобразныя дорожки, которыя такъ-же ровны и гладки, какъ мостовыя и тротуары въ нашихъ городахъ. Каждая пара придерживается своей норы, и всѣ птицы, живущія въ одномъ и томъ-же гнѣздовѣ, составляютъ одну семью, подчиняющуюся общему порядку. Самецъ сидитъ подлѣ насиживающей самки, но какъ только та покидаетъ гнѣздо, самъ проскальзываетъ въ него и продолжаетъ насиживать, такъ что яйцо никогда не остается обѣими птицами сразу. Это, впрочемъ, вызывается необходимою, потому-что нелеты имѣютъ обыкновеніе воровать другъ у друга яйца. У крупныхъ видовъ эта страсть доходитъ до того, что они силою отнимаютъ яйца у болѣе слабыхъ видовъ. Вслѣдствіе этого случается, что въ одномъ гнѣздѣ иногда можно найти итенцовъ разныхъ видовъ. Яйца нелетовъ похожи на гусиные и по зелено-

вату фону покрыты бурными пятнышками. Всѣ нелеты насиживаютъ съ большимъ самоотверженіемъ и не покидаютъ гнѣзда даже въ то время, когда къ нему приближается человѣкъ; они только стараются отогнать его, дѣлая весьма странныя и уморительныя движенія головою со стороны на сторону, а если это не помогаетъ, то пускаютъ въ дѣло и клювъ. При высидиваніи самки, по наблюденіямъ Боппета, берутъ яйцо между соприкасающимися между собою и сросшимися съ брюшиною кожею бедрами и сжимаютъ его такъ плотно, что, испугнутыя, могутъ зачастую довольно далеко уходить съ нимъ. Самцы между тѣмъ снуютъ постоянно взадъ и впередъ, т. е. въ море и обратно, для того, чтобы сначала самкѣ, а потомъ и всей семьѣ доставить необходимое пропитаніе; они предаются этому дѣлу съ такимъ рвеніемъ и успѣхомъ, что буквально своимъ трудомъ вскармливаетъ и самку, и птенца. Искоторые виды выводятъ птенцовъ въ небольшихъ углубленіяхъ въ землѣ, плотно другъ возлѣ друга. Абботъ, напримѣръ, нашелъ одно гнѣздовье, которое занимало 500 п. въ длину при ширинѣ всего въ 50 п., и на всемъ этомъ протяженіи лежали яйца до того плотно, что между ними не было никакой возможности пройти безъ того, чтобы не раздавить одно изъ нихъ. «Я очень удивился», прибавляетъ онъ, «что испугнутая птица опять могла найти свое гнѣздо; но это дѣйствительно такъ: она прямо направляется къ своему яйцу и съ большимъ стараніемъ кладетъ его опять между ногами, какъ разъ подъ насѣдимымъ пятномъ». Въ некоторыхъ гнѣздовьяхъ среди нелетовъ выводятъ птенцовъ также бакланы, причемъ крадутъ у нихъ гнѣздовые матеріалы, которые тѣ притащили для себя; на другихъ островахъ къ нимъ присоединяются буревѣстники, и всѣ живутъ вмѣстѣ, повидимому, въ мирѣ; съ тюленями они также поддерживаютъ дружбу. Всѣ-ли виды выкапываютъ для гнѣзда норку, или это дѣлаютъ только некоторые, до сихъ поръ еще не выяснено вполне.

Птенцы появляются на свѣтъ въ шерстистомъ сѣромъ пушкѣ и получаютъ такъ много пищи, что скоро вырастаютъ. «Ихъ родители», описываетъ Фицрой, «становятся на небольшое возвышеніе и поднимаютъ шумъ, похожій отчасти на ревъ, отчасти на рыканье; при этомъ они поднимаютъ кверху голову, какъ будто хотятъ съ каедрой держать рѣчь передъ всѣмъ обществомъ нелетовъ; птенцы стоятъ тутъ-же подлѣ родителей, только чуть-чуть выше. Поораторствовалъ такимъ образомъ съ минуту, старая птица нагибаетъ голову, и какъ только можетъ широко раскрываетъ пасть, куда птенецъ немедленно совываетъ свою голову и кажется, какъ будто онъ сосетъ въ продолженіи одной или двухъ минутъ. Послѣ этого крикъ повторяется, птенецъ снова кормится и такимъ образомъ дѣло продолжается приблизительно минутъ 10». Когда птенцы достигнутъ извѣстнаго роста, т. е. подростутъ болѣе, чѣмъ вполонину, все общество направляется въ море и гнѣздовье пустѣетъ; тамъ остаются только немногіе запоздалые экземпляры, которые выскиваютъ себѣ мѣста отдохновенія. Такихъ отсталыхъ пингвиновъ по крайней мѣрѣ наблюдалъ Абботъ на Фалкландскихъ островахъ.

Помимо человѣка, у нелетовъ немного найдется другихъ враговъ, которые-бы серьезно вредили имъ. Маленькіе виды, правда, время отъ времени гибнутъ въ пасти какой-нибудь хищной птицы, а крупныя дѣлаются жертвами грабительскихъ пабѣговъ хищныхъ морскихъ птицъ, которыя воруютъ у нихъ яйца и птенцовъ; но чувствительныхъ потерь не испытываютъ ни тѣ, ни другіе. Главнымъ врагомъ ихъ является человѣкъ, который преслѣдуетъ ихъ изъ-за мяса и жира, а также и изъ-за шкуры; но, помимо этого, нелеты страшно терпятъ отъ кровожадности невѣжественныхъ моряковъ, которые устраниваютъ иногда настоящіе боины.

Лессонъ и Гарво дали интересное описаніе того, что происходитъ, когда между насживающими нелетами появляется человѣкъ. Судно «Уранія», на которомъ ѣхали эти натуралисты, сѣло на мель у Малуинскихъ острововъ и, вслѣдствіе недостатка жизненныхъ припасовъ, матросы были посланы разыскивать на берегу чего-либо съѣдобнаго. Они вышли на островъ пингвиновъ,—гнѣздовье, въ которомъ пріютилось до 200,000 нелетовъ,—въ надеждѣ найти тамъ тюленей. Когда ночью они приблизились къ этому мѣсту, на встрѣчу имъ поднялся страшный шумъ; при разсвѣтѣ они увидѣли на берегу тысячи птицъ, которыя всѣ разомъ кричали во все горло. Голосъ каждой птицы по силѣ не уступалъ ослиному; можно себѣ послѣ этого представить, что за ревъ стоялъ въ воздухѣ отъ тысячъ этихъ птицъ! Когда матросы высадились на берегъ, всѣ нелеты быстро свялись съ мѣста и моментально исчезли частью въ высокой травѣ, частью въ своихъ норахъ. Подмѣтивъ, что пингвины бѣгаютъ только по своимъ тропинкамъ, матросы заняли ихъ и такимъ образомъ легко могли наловить птицъ. Охота производилась палками и повторялась по мѣрѣ надобности всякій разъ, какъ истощались съѣстные припасы. Съ этою дѣлюю отряжалось 8—9 человѣкъ, которые тихо выходили на берегъ, зажимали тропинку нелетовъ и убивали птицъ короткими палками. Но необходимо разбивать имъ голову для того, чтобы они не могли опять встать и убѣжать. Когда нападеніе было слишкомъ внезапно, птицы поднимали раздрающій сердце крикъ и защищались страшными ударами клюва. При ходьбѣ онѣ ступали такъ твердо, что шумъ отъ ихъ шаговъ можно было сравнить съ топотомъ маленькихъ лошадей. Мало-по-малу матросы научились вести охоту болѣе или менѣе правильно и въ 5—6 часовъ убивали до 60—80 штукъ. Этого количества хватало для экипажа всего только на два дня. Хотя каждая птица вѣсила 5—6 kgr., но большая часть вѣсу приходилась на внутренности; кромѣ того, при сдираніи шкуры, нужно было удалять и жиръ, такъ что самого мяса съ каждой птицы получалось не болѣе 2-хъ kgr. Безъ крайней нужды люди не стали-бы вести войну противъ этихъ невинныхъ птицъ, такъ какъ мясо ихъ составляетъ прескверную пищу.

Пойманные смолоту нелеты легко приручаются и становятся довѣрчивыми; но все-таки содержаніе и воспитаніе ихъ является дѣломъ довольно утомительнымъ. Штейненъ воспитывалъ трехъ молодыхъ патагонскихъ нелетовъ, которыхъ онъ добылъ на островѣ Южной Георгіи во время остановки тамъ нѣмецкой экспедиціи. «Шрадеръ и Вилль», пишетъ Штейненъ, «встрѣтили 14-го мая на берегу глетчера Нахтигала въ Литльгафенѣ маленькую стайку старыхъ патагонскихъ нелетовъ съ шестью птенцами. Я посѣтилъ это самое мѣсто 16 и 20-го мая. Птенцы немногимъ уступали по величинѣ старымъ, но въ сравненіи съ ними они были толсты и жирны и похожи на маленькихъ бурыхъ медвѣжатъ. Перья были замѣтны только на маленькомъ, стоявшемъ дыбомъ, хвостикѣ. Они довѣрчиво поджидали насъ, но когда мы приблизились къ нимъ, сдвинулись всѣ вмѣстѣ вплотную и выглядели очень комично, когда, тѣсно сомкнувшись, упорно подвигались на два шажка въ сторону. Въ надеждѣ найти еще большее сборище, я направился по дорогѣ вдоль бухты къ глетчеру Кука. На возвратномъ пути я посидѣлъ въ мѣшокъ одного изъ маленькихъ медвѣжатъ и, несмотря на его сопротивленіе, счастливо донесъ его до дому. Для меня въ то время представляло большой интересъ сохранить живымъ въ неволѣ того или другого молодого патагонскаго нелета, наблюдать за развитіемъ оперенія и, если возможно, принести его съ собою въ Европу». Далѣе этотъ натуралистъ рассказываетъ, какъ онъ нѣсколько недѣль позже досталъ еще двухъ птенцовъ и продолжаетъ: «Теперь у меня стало три молодыхъ патагонскихъ нелета. Такъ какъ имъ надо было дать прозвища,

то я далъ имъ имена трехъ вохвовъ Востока: перваго назвалъ Каспаромъ, изъ двухъ послѣднихъ одного, болѣе толстаго и относительно покладистаго—Мельхиоромъ, а болѣе сильваго и непокорнаго—Валтасаромъ. Матросъ Виншлегеръ сдѣлалъ для нихъ особенные кожаные пояса, вродѣ хомутовъ, со шнуровкой назадъ и съ дырками по сторонамъ, черезъ которыя онъ продѣвалъ ихъ лапы. Смыкающимся позади корсетами малыши прикрѣплялись къ веревкѣ, а эта послѣдняя обвивалась вдоль низкой, неупотреблявшейся больше телеграфной проволоки на обсерваторіи. Если имъ приходило желаніе удрать, то они все разомъ налегали на эту сбрую и, подобно конямъ, запряженнымъ въ телѣжку, всѣми силами старались сдвинуть съ мѣста обсерваторію. Каспара, который чувствовалъ себя счастливымъ въ окружавшемъ его обществѣ, я могъ распрягать: онъ и не помышлялъ о бѣгствѣ. Различіе въ воспитаніи всѣхъ трехъ слишкомъ бросалось въ глаза. Валтасаръ особенно страшно кусался и сильно билъ крыльями всякій разъ, какъ его пытались погладить; Каспаръ-же позволялъ рѣшительно все.

«Кормить ихъ мнѣ стоило большихъ хлопотъ. Рыбъ я имъ не могъ давать, и ихъ пищевареніе приходилось приспособливать къ особому корму, состоявшему изъ черстваго хлѣба, размоченнаго въ водѣ и приправленнаго солью, и къ говидиѣ, въ видѣ нашихъ простѣйшихъ мясныхъ консервовъ; впоследствии они стали получать соответственные кухонные отбросы—рисъ, морковь и пр. Въ первыя недѣли они выражали энергической протестъ противъ новаго образа жизни. По что имъ приходилось дѣлать, когда, сидя на ящикѣ, я зажималъ ихъ между ногами, такъ что они не могли пошевелить крыломъ, и, открывая клювъ лѣвою рукою, правую насильно пихалъ лицу въ самую глотку! Послѣдняя мѣра предосторожности была необходима, такъ какъ пока кусокъ находился въ предѣлахъ произвольной ротовой мускулатуры, порывистымъ толчкомъ онъ быстро отбрасывался въ сторону. Мало-по-малу мои неслеты такъ привыкли къ этому ничканью, что ихъ легко можно было кормить съ руки, причѣмъ все-таки пальцемъ постоянно приходилось приоткрывать слегка клювъ. Они обращали большое вниманіе на правильность кормленія и становились крайне беспокойными, когда я былъ неаккуратенъ, кричали или дѣлали напряженные усилія удрать. Какъ только я показывался—раздавался громкій пискъ. Мало-по-малу они очень полюбили меня и еще одного благодѣтеля—синій кухонный котелокъ. Держа передъ ними этотъ котелокъ, ихъ можно было заставить расхаживать куда угодно, взадъ и впередъ, съ самыми произвольными поворотами. Когда я утромъ ставилъ вблизи ихъ синій котелокъ и уходилъ, то они собирались вокругъ дымящейся посуды и какъ-бы жаловались. Они клевали его стѣнки, дужку, но только одинъ Каспаръ, казалось, понималъ, что сущность заключалась въ содержимомъ котелка, и иногда безуспѣшно толкался носомъ въ кормъ. Съ Мельхиоромъ мнѣ еще въ сентябрѣ постоянно удавался, на удивленіе зрителей, одивъ опытъ, именно, какъ-бы онъ ни былъ голоденъ, онъ не дѣлалъ ни малѣйшей попытки схватить кусочекъ хлѣба, который я передъ нимъ держалъ. Онъ сильно кричалъ на меня и клевалъ каждый мой палецъ, который я совалъ ему въ открытый клювъ. Только когда я подносилъ ему хлѣбъ къ самому носу, кусокъ быстро исчезалъ въ глубинѣ клюва. Мои питомцы знали только меня и синій котелокъ. Во время кормленія, несмотря на то, что я держалъ себя со строгимъ безпристрастіемъ, они зачастую энергично дрались между собою и каждый старался оттереть другаго отъ моихъ колѣнъ.

«Въ хорошую погоду я, противъ ихъ желанія, купалъ своихъ птицъ. Такъ какъ онѣ въ этомъ дѣлѣ всегда съ возможною быстротою снѣжили пылѣть на сушу, то я сталъ бросать ихъ съ утеса въ волны безъ веревокъ и пояса. Послѣ

купанья онѣ самостоятельно возвращались въ «Малепартъ» (такъ у насъ назывался зоологическій сарай подлѣ обсерваторіи), который хотя находился и близко отъ берега, однако оттуда не былъ виденъ. Имъ ничего не значило потерять для этой прогулки часть времени. Въ высшей степени замѣчательны были ихъ оклики, когда имъ случалось разбредись въ разные стороны. Громкое, трескучее «рррра», которое издавалъ для другихъ первый, вступавшій въ Малепартъ, тотчасъ же вызывало отвѣтвый крикъ снпзу, и этотъ обмѣнъ звуковъ, производимый съ пунктуальною точностью, продолжался до тѣхъ поръ, пока оставшіе не выскакивали изъ верхушекъ травы.

«Каспаръ проявлялъ по отношеніи меня безпристрастную дружбу. Иногда, перепрыгнувъ черезъ пороги обѣими ногами, толстопузникъ посѣщалъ меня, протискиваясь между моихъ колъѣнъ и оставался тутъ. И сидѣлъ очень низко, такъ что его голова приходилась въ уровень съ моими колъѣнами; зарывъ клювъ въ мой сюртукъ, онъ преспокойно спалъ, до тѣхъ поръ, пока я не вставалъ и признаюсь, что я зачастую нарочно ради него оставался сидѣть въ такой позѣ. Всѣ три проводили ночь въ Малепартѣ; каждый вечеръ я относилъ ихъ въ отгороженный тамъ уголокъ; мало по малу они привыкли сами къ этому, и когда я тащилъ одного, другіе двое слѣдовали туда добровольно. Однообразная жизнь въ пространствѣ, имѣвшемъ всего пять шаговъ въ діаметрѣ, повидимому, совершенно удовлетворила ихъ физическимъ и душевнымъ потребностямъ. Цѣлый день они или лѣниво лежали на брюхѣ или философски стояли всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ въ Малепартѣ. Единственное разнообразіе состояло въ туалетѣ ихъ толстаго туловища, что вызывало обыкновенно съ ихъ стороны глубокую ненависть къ кожаному поясу. Кромѣ того время разнообразилось чисткою перьевъ, но это происходило всегда только послѣ купанья. Выкупавшись, они отряхивали съ себя капли воды и тогда наружность ихъ представляла самый ужасный видъ: вмѣсто свѣтло-бураго шерстистаго оперенія получались какіе-то темные, мокрые, склеившіеся между собою клочья, раздѣльно торчавшіе на уругомъ брюхѣ. Если же, для усиленія эффекта, къ нимъ, играя, подбѣгала наша пьюфаундледская собака, то зрѣлище становилось въ высшей степени уморительнымъ: принявъ вытянутое въ струнку прямое положеніе, птицы тискались другъ къ другу своими кожаными носами и, гнѣвно издавая свое сердитое «херрр», безпощадно толкали другъ друга, шагъ за шагомъ отступая отъ врага по косому направленію. Глядя на эту забавную картину даже нашъ всегда пессимистически настроенный плотникъ не могъ удержаться отъ восклицанія: «Злитесь-то, правда, слѣдуетъ, но и похохотать есть паць чѣмъ на этомъ проклятомъ островѣ!»

«Теперь перейдемъ къ трагическому заключенію: Каспаръ умеръ 15 іюня, а Валтасаръ—20 августа, пробывши подлѣ моего попеченія: первый—не полныхъ два мѣсяца, а второй—2½. У обоихъ приближеніе смерти выразилось въ однихъ и тѣхъ же признакахъ: они сдѣлались грустными, отказывались отъ пищи, проявляли какую-то особенно нѣжную привязанность, когда ихъ ласкали, почти безпрерывно ѣли снѣгъ, страдали кровавымъ поносомъ и стали до того изнуренными, что едва могли держаться на ногахъ. Въ концѣ концовъ они легли плашмя на брюхо и лежали, какъ мертвые, больше уже не вставая, такъ что трудно было опредѣлить самый моментъ ихъ кончины. Ихъ стубила обычная дѣтская болѣзнь—воспаденіе кишекъ.

«Мельхiorъ, самый юный и глупенькій, чувствовалъ себя съ этихъ поръ крайне одинокимъ. Я предоставилъ ему почти полную свободу, но все-таки иногда мнѣ приходилось приносить его домой, когда, по утрамъ, мучимый голодомъ, онъ

пускался въ безцѣльныя экскурсіи. Онъ сталъ, въ своемъ родѣ, совѣмъ домашнимъ животнымъ и терпѣливо переносилъ ласки каждаго; впрочемъ, все-таки все время съ явнымъ безпокойствомъ выслѣживалъ меня или синій котелокъ, и потому большею частью находился въ мыканьи между жильемъ и Малепартомъ. Мы здоровались по утрамъ всегда взаимнымъ громкимъ привѣтствіемъ «ррра». Когда въ сентябрѣ мы снялись съ мели, то, несмотря на общую суматоху и суету, мнѣ не приходилось заботиться о немъ, такъ какъ онъ всюду терся между нами: то былъ внизу у лодокъ, то наверху у ящиковъ; ничто его не волновало, и только, когда я заставлялъ его ждать слишкомъ долго, онъ поклевывалъ, время отъ времени, сапогъ удивленнаго матроса. И безъ синяго котелка, и безъ призывнаго крика онъ могъ признать меня среди массы другихъ; твердыми шагами подходилъ ко мнѣ и старался слѣдовать за мною, когда я уходилъ отъ него. На палубѣ судна «Марія» капитанъ Крокизіусъ устроилъ для моего сыночка (какъ всѣ офицеры называли Мельхіора) удобный птичникъ. Подобно всѣмъ дѣтямъ, мой питомецъ, несмотря на быстрый ходъ судна и бурную погоду, не страдалъ морскою болѣзною. Не чувствуя усталости, онъ стоялъ торчкомъ въ ящикѣ, балансируя верхнею частью тѣла, шло ли судно, или стояло на мѣстѣ. Когда становилось жарко, онъ зачастую ложился, но стоило мнѣ только свиснуть, какъ онъ тотчасъ же бодро вставалъ и откликался на мой зовъ. По мѣрѣ того, какъ повышение температуры становилось чувствительнѣе, его постоянно выносили на носъ и сажали въ кадку для мытья или вѣстовой получалъ приказъ облить нашего бурато гостя нѣсколько разъ водою изъ жестянки, которою черпали морскую воду для опредѣленія ея температуры. Послѣ полудни ему разрѣшалось расхаживать по всей палубѣ, причемъ онъ потѣшалъ весь экипажъ, особенно, когда со свойственной ему важною, любознательно останавливался передъ отдѣльными группами.

«Однако и онъ также сдѣлался жертвою воспаленія кишекъ; приблизительно за 8 дней передъ нашимъ прибытіемъ въ Монтевидео аппетитъ его значительно уменьшился; 25 сентября мы вошли въ гавань, а недѣлю спустя мой бѣдный сыночекъ умеръ, проживши почти 4 мѣсяца исключительно тѣмъ, что я насильно пихалъ ему въ клювъ».

Только въ новѣйшее время пингвины появились у насъ въ Европѣ въ клѣткахъ. О жизни въ неволѣ тѣхъ пингвиновъ, которые весной 1889 года были приобретены Франкфуртскимъ зоологическимъ садомъ, Геблеръ, между прочимъ, сообщаетъ слѣдующее: «Они принадлежали такъ-же, какъ и всѣ впоследствии приобретенные экземпляры, къ виду **Очковыхъ нелетовъ** (*Spheniscus demersus*, Brillentaucher, Sphenisque), живущихъ на южно-африканскомъ побережьи; они были еще въ своемъ юношескомъ опереніи, но имѣли размѣры и внѣшній видъ совершенно взрослыхъ птицъ. Сначала ихъ помѣстили въ аквариумъ, гдѣ имъ былъ отведенъ бассейнъ, чтобы доставить публикѣ возможность наблюдать ихъ нырянье; однако птицы не ныряли, не обращали никакого вниманія на плававшихъ въ водѣ въ качествѣ корма рыбъ и заставили насильно кормить себя, такъ какъ вообще не бѣли самостоятельно. Вслѣдствіе того, что въ аквариумѣ пингвины такимъ образомъ не имѣли никакого значенія, ихъ черезъ нѣсколько дней перевели въ другое помѣщеніе, отведя для нихъ особую клѣтку въ птичникѣ, гдѣ въ ихъ распоряженіи находился также и небольшой плоскій бассейнъ, въ которомъ, впрочемъ, плавать было нельзя. Здѣсь птицы постепенно пріучились къ тому, что стали самостоятельно брать брошенныхъ для нихъ рыбъ и такимъ образомъ кормились. Когда, съ наступленіемъ теплой погоды, пингвиновъ пустили въ большой бассейнъ, находившійся на открытомъ воздухѣ, то они почувствовали себя въ своей настоя-

цей сферѣ, скоро научились превосходно нырять и стали ловить живыхъ рыбъ, такъ что въ скоромъ времени бассейнъ пингвиновъ сдѣлался излюбленнымъ мѣстомъ для посѣтителей сада. Къ сожалѣнію, птицы погибли вслѣдствіе лѣтней жары. Възамѣнъ этой утраты осенью поступилъ великолѣпно окрашенный экземпляръ изъ Лейпцигскаго сада, а зимою и весной 1890 года были прибрѣтены еще нѣсколько пингвиновъ, одѣтыхъ еще въ юношеское опереніе. Мѣстопробываніемъ пингвиновъ служить громадный, обнесенный рѣшеткою фонтаночный бассейнъ; глубина воды въ немъ достигала 0,5 м. Такъ какъ вода въ бассейнѣ содержится всегда чисто, то посѣтители, имѣвшіе возможность подходить вплотную къ самой рѣшеткѣ, могли отлично наблюдать всѣ движенія птицъ подъ водою. Съ одной стороны бассейна находится маленькая деревянная площадка, къ которой изъ воды ведетъ покатый дощатый трапъ съ наколоченными перекладинами, такъ что птицы, по желанію, могутъ держаться и въ водѣ, и на сушѣ.

«Движенія пингвина, какъ на сушѣ, такъ и въ водѣ, чрезвычайно своеобразны. Ихъ покачивающаяся поступь въ поразительно прямомъ положеніи производитъ странное впечатлѣніе не на однихъ только людей. Когда пингвины были помѣщены въ большую среднюю клѣтку птичника, то между остальными обитателями поднялось общее смятеніе; какъ только одинъ изъ пингвиновъ выступилъ на передній планъ, все нервное населеніе птичника столпилось на противоположной сторонѣ, ежеминутно готовое ударить опить на другую сторону, какъ только безобидный новый пришелецъ снова приблизится къ нимъ. Здѣсь, гдѣ пингвины были принуждены держаться почти исключительно на сушѣ, движенія ихъ по землѣ можно было наблюдать какъ нельзя лучше. Поразительно было ихъ сходство съ тюленями, когда они находились въ спокойномъ лежачемъ положеніи. Предаваясь полному комфорту, они ложились немного на-бокъ, вытягивали впередъ голову и все тѣло и растопыривали лапы совершенно такимъ образомъ, какъ это дѣлаютъ тюлени. Ноги они при этомъ держали большею частью вытянувши горизонтально назадъ, вслѣдствіе чего сходство съ тюленями становилось еще разительнѣе. Зачастую при этомъ замѣчалось еще пріятное позѣвываніе. Въ своемъ настоящемъ мѣстожителствѣ, гдѣ ихъ менѣе оставляли въ покоѣ, они имѣли обыкновеніе лежать просто на брюхѣ или-же зачастую отдыхали даже прямо въ стоячемъ положеніи съ полузакрытыми глазами. Свойственное тюленямъ скользжащее на брюхѣ движеніе впередъ, къ которому пингвины прибѣгаютъ на свободѣ, когда имъ приходится спасаться отъ опасности, здѣсь никогда не наблюдалось. Зато птицы отлично умѣли вскакивать на ступеньку, высотой около одного фута, для чего въ этомъ случаѣ подпирались лапами. Точно также, выходя изъ воды, онѣ зачастую поднимались при помощи своихъ лапъ; на особенно гладкихъ мѣстахъ онѣ, между прочимъ, помогали себѣ также клювомъ. Большую гибкость проявляютъ пингвины въ то время, когда приводятъ въ порядокъ свое опереніе; своими короткими ногами, расположенными на самомъ концѣ туловища, они могутъ доставать до самой шея, причѣмъ большую помощь имъ оказываютъ подвижность ихъ позвоночнаго хребта. Впрочемъ, пингвины часто чистятъ и приводятъ въ порядокъ свое опереніе также въ водѣ, причѣмъ они ложатся на бокъ такимъ образомъ, что одна сторона туловища находится надъ водою и тогда лапами они скребутъ и приглаживаютъ ее.

«Настоящая стихія пингвина, это, весьма естественно,—вода, и здѣсь такое повидимому безпомощное созданіе является мастеромъ въ плаваніи и нырніи. Если пингвинъ не нырять, то онъ плаваетъ, причѣмъ издали въ это время походить на утку, только тѣло его, какъ и у большинства нырцовъ, глубже погру-

жено въ воду. Гребетъ онъ исключительно крыльями; ноги же его, при плаваніи, вытягиваются назадъ и служатъ ему, вмѣстѣ съ коротенькимъ хвостикомъ, только лишь рулемъ. Пока пингвинъ только плыветъ, движеніе лапами плохо подвигаетъ его впередъ, зато при нырнѣ онъ скользитъ подъ водою съ поразительною быстротою. Но и при этомъ ноги служатъ исключительно рулемъ, тогда какъ сильные удары ластовъ быстро увозятъ его впередъ. Противорѣчація этому наблюденія Ноака, который говоритъ, что пингвины гребутъ также и ногами, по крайней мѣрѣ нисколько не касаются тѣхъ экземпляровъ, которые содержатся здѣсь. Быстрое подталкиваніе подъ водою значительно облегчается самымъ строеніемъ птицы: острый клювъ и заостренная, всегда вытянутая впередъ голова съ легкостью разсѣкаютъ волны. Когда эти темныя птицы, охотясь за рыбами, скользятъ въ водѣ съ поразительною ловкостью, развивающеюся у нихъ въ этотъ моментъ, и несутся впередъ съ распущенными по сторонамъ лапами, то невольно напрашивается сравненіе съ полетомъ низколетающей ласточки. Поразительна также та ловкость, съ которою пингвины умѣютъ внезапно перемѣнить направленіе: и видѣлъ однажды, какъ одинъ пингвинъ, стремительно плыви подъ водою, непосредственнымъ поворотомъ, при которомъ туловище его выгнулось въ четверть дуги, схватилъ рыбу, неожиданно замѣченную имъ подлѣ себя. При этомъ птицѣ очень помогаетъ ея способность сразу останавливаться даже при самомъ быстромъ движеніи въ водѣ, ставя отвѣсно свои лапы, до тѣхъ поръ находившіяся въ горизонтальномъ положеніи. Вышеупомянутый взрослый экземпляръ и зимою съ одинаковою ловкостью плавалъ подо льдомъ, покрывавшимъ его бассейнъ. Насколько во время своего отдыха на сушѣ пингвины походятъ на тюленей, настолько-же при нырнѣ и охотѣ напрашивается другое сравненіе: въ тѣхъ случаяхъ фигура и всѣ движенія пингвина въ высшей степени напоминаютъ дельфина.

«Въ неволѣ пингвины очень рѣдко издають какіе-нибудь звуки. Голосъ ихъ звучитъ хриплымъ, глухимъ «а-а».

«На свободѣ пингвины питаются, какъ уже сказано, почти исключительно рыбами; въ неволѣ они ѣдятъ всякую мелкую рыбу, какъ-то: плотву, гольцовъ, пикарей и т. п., но только при одномъ условіи, чтобы она была живая. Поступающихъ новичковъ или приходится кормить насильно, или они заходятъ въ своей смѣлости такъ далеко, что хватаютъ рыбу прямо изъ рукъ сторожа. Они очень скоро приучаются къ тому, чтобы самостоятельно брать рыбу, когда она барахтается на сухой землѣ; съ помощью своей гибкости они могутъ, стоя, доставать клювомъ землю и разъ они дошли до этого, то уже совсѣмъ нетрудно заставить ихъ хватать живую рыбу, плавающую вмѣстѣ съ ними въ водѣ. Очень скоро они начинаютъ самостоятельно ловить ее и въ самый короткій промежутокъ времени доходятъ въ этомъ до замѣчательной ловкости. Благодаря быстротѣ, съ какою они плаваютъ, отъ нихъ не ускользнетъ ни одна рыба, выущенная въ ихъ бассейнъ, до тѣхъ поръ, пока они не насытятся. Они хватаютъ рыбу за середину туловища и затѣмъ проглатываютъ ее головою впередъ. Какъ они справляются съ крупными рыбами, я не знаю, такъ какъ здѣсь никогда не давали имъ большихъ рыбъ; по всей вѣроятности ихъ широкая пасть даетъ имъ возможность проглатывать нераздробленными и относительно крупныхъ рыбъ; но отъ самыхъ большихъ они отказываются, по крайней мѣрѣ имъ очень трудно раздробить такую рыбу двумя клювами, а ноги совсѣмъ не годятся въ этомъ случаѣ въ помощь. Лягушекъ, броненныхъ имъ однажды въ бассейнъ, они оставили безъ всякаго вниманія. Привыкнувъ къ живой рыбѣ, они уже пренебрегаютъ мертвою и приступаютъ къ ней только тогда, когда сильно голодны.

«У здѣшнихъ, уже линявшихъ экземпляровъ, линька происходила въ концѣ декабря или въ началѣ января. Птица сразу принимала въ высшей степени странный видъ, такъ какъ ея гладко прилежавшія до тѣхъ поръ перья мѣстами смѣнились длиннымъ курчавымъ опереніемъ. Перья у пингвина имѣютъ чрезвычайно длинные очины, которые во время линьки естественнымъ образомъ еще больше приподнимаются, выталкиваемые вновь пробивающимися перьями, почему и получается такой видъ, какъ будто опереніе въ извѣстныхъ мѣстахъ удлинено. Вѣдѣннѣе того, что приподнятыя перья не такъ плотно лежатъ одно на другомъ, какъ новыя, которыя всѣмъ своимъ очиномъ еще торчатъ въ кожѣ, и кромѣ того старыя перья вмѣстѣ съ собою приподнимаются и находящійся на каждомъ перѣ пухъ, который вѣдѣннѣе этого обнаруживается, то, благодаря всему этому, опереніе выгладитъ негладкимъ и почти шерстистымъ. Что эти ненормально длинные очины не представляютъ собою новыхъ, только во время линьки являющихся образованийъ, какъ это предполагали прежде, видно изъ изслѣдованій, сдѣланныхъ надъ однимъ погибшимъ въ это время экземпляромъ. Замѣчательно еще то, что растущія на лапкахъ перья вовсе не имѣютъ пуха. Линька въ сущности окончилась въ продолженіи двухъ недѣль. Въ теченіи всего этого времени птица не ходила въ воду и почти ничего не ѣла, но въ общемъ была здорова и получила безупречное новое опереніе. Такъ какъ очевидно, что постепенно образующіяся во время линьки на различныхъ частяхъ тѣла перья удлинены во всякомъ случаѣ въ значительной мѣрѣ стѣсняють быстроту и увѣренность въ плаваніи, а черезъ это затрудняютъ птицѣ и самую охоту, то мнѣ кажется весьма вѣроятнымъ, что и на свободѣ пингвинъ проводитъ время линьки на сушѣ, а потому очень естественно и не принимаетъ никакой пищи; это для него тѣмъ возможнѣе, что съ одной стороны онъ лучше всякой другой птицы, во всякое время способенъ питаться собственнымъ жиромъ, а съ другой—потому, что вся линька, какъ уже выше сказано, продолжается у него только двѣ недѣли.

«Умственные способности пингвина, повидимому, незначительны. По отношеніи другихъ птицъ своего вида онъ держится миролюбиво; только новые пришельцы подвергаются въ первое время ударамъ клюва, если подходятъ слишкомъ близко къ старымъ; но это скоро прекращается.

«Пингвины крайне нечувствительны къ холоду; тотъ взрослый пингвинъ, о которомъ я такъ часто говорилъ, цѣлую прошлую зиму провелъ на воздухѣ, несмотря на то, что морозы, особенно по ночамъ, были иногда очень жестоки. Для холоднаго времени птицѣ была отведена маленькая деревянная будка, которая имѣла отверстіе только съ одной стороны въ видѣ узкаго входа, а полъ ея былъ устланъ толстымъ слоемъ соломы. Пингвинъ съ удовольствіемъ пользовался этою будкою, и въ холодные дни выходилъ оттуда только для ѣды, причемъ безъ размыслиенія бросался въ ледяную воду и вылавливалъ рыбу подъ слоемъ льда, покрывавшемъ большую часть поверхности бассейна; въ теплую погоду онъ уходилъ въ свою будку только на ночь. Впрочемъ, въ очень суровыя зимы его все-таки лучше держать въ закрытомъ помѣщеніи. Зато гораздо труднѣе пингвины переносятъ лѣтнія жары и потому весьма рационально помѣщать ихъ на это время по возможности въ какое-нибудь прохладное убѣжище».

Отрядъ IX.

Буревѣстниковыя (Thalassornithes).

По Фюрбрингеру, буревѣстниковыя представляютъ весьма незначительную родственную связь съ остальными птицами и составляютъ всего только одинъ подотрядъ (Procellariiformes) и одно семейство (Procellariidae). Онѣ обнаруживаютъ лишь отдаленное родство съ боевыми птицами и еще менѣе ясно выраженное—съ поисковыми. **Буревѣстниковыя** (Procellariidae) отличаются отъ другихъ птицъ главнымъ образомъ тѣмъ, что носовая полость ихъ продолжается на верхней половинкѣ клюва въ роговыя трубки. Этого признака совершенно достаточно, чтобы ихъ тотчасъ-же безошибочно распознать отъ другихъ птицъ. Верхняя половинка клюва изгибается большимъ крючкомъ надъ нижнюю; низкія, длиннопалыя ноги снабжены большими плавательными перепонками; крылья длинныя, а иногда даже очень длинныя и тогда безиримѣрно узкія; хвостъ короткій, прямо срезанный, слегка скругленный или вилобразный; опереніе очень густое и по большей части темной окраски.

Буревѣстниковыя, изъ которыхъ изслѣдованы 100 видовъ, населяютъ все моря оболхъ полушарій и ведутъ все одинъ и тотъ-же образъ жизни, различаясь только въ нѣкоторыхъ частностяхъ, но до того разительно, что будетъ совершенно рационально рассмотреть каждое отдѣльное подсемейство особо.

По всей вѣроятности **Альбатросовъ** (Diomedinae. Albatrosse. Albatros), составляющихъ отдѣльное подсемейство, насчитывающее въ себѣ 12 извѣстныхъ видовъ, нельзя рассматривать какъ самыхъ высшихъ птицъ этого семейства, тѣмъ не мѣнѣе имъ все-таки приходится отвести здѣсь первое мѣсто. Отличительные признаки ихъ слѣдующіе: значительная величина, сильное тѣло, короткая, толстая шея, большая голова, мощный, длинный, крѣпкій клювъ, съ острыми краями, сжатый съ боковъ, а спереди снабженный крѣпкимъ крючкомъ; спинка его немного выгнута, нижняя-же челюсть болѣе или менѣе прямая; ноздри заканчиваются короткими трубочками, лежащими по сторонамъ, отъ которыхъ идутъ довольно глубокія бороздки къ кончику. Ноги короткія, но сильныя, съ тремя пальцами, снабженными большою плавательною перепонкою; крылья очень длинныя и необыкновенно узкія съ сильными и длинными маховыми перьями, между которыми первое самое длинное; впрочемъ, перья эти быстро укорачиваются по направленію тѣла и на предплечьи и плечѣ едва выступаютъ изъ подъ кроющихъ перьевъ. Хвостъ состоитъ

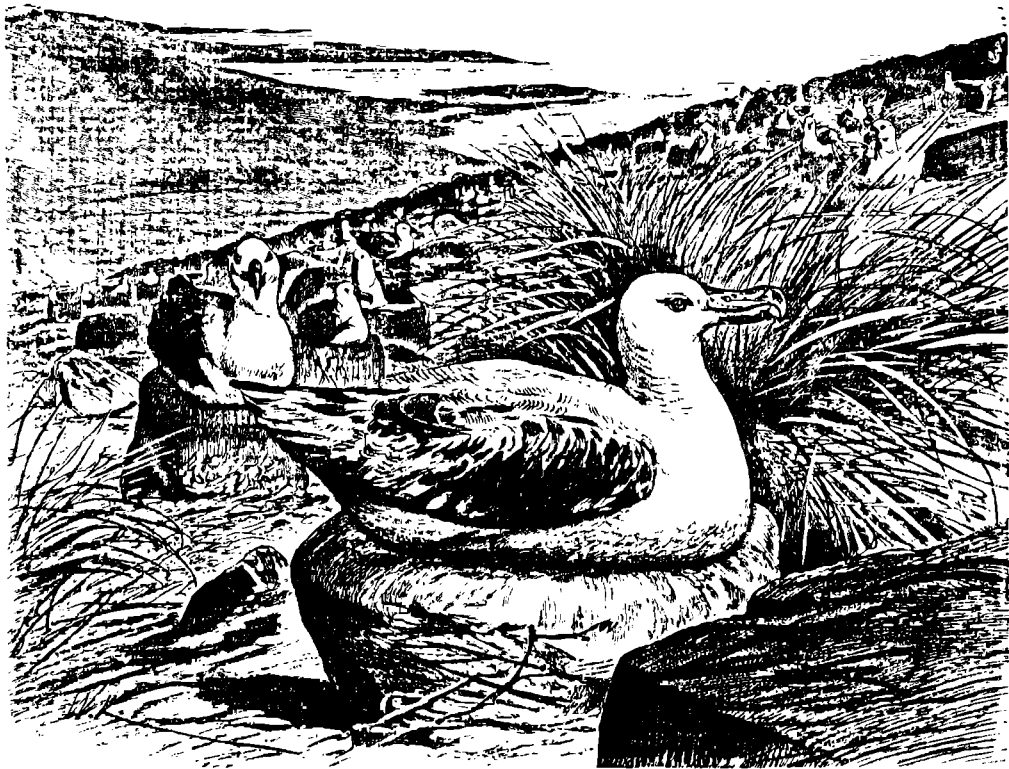
изъ двѣнадцати перьевъ, короткій, то совершенно прямо срѣзанный, то слегка скругленный, то заостренный; опереніе чрезвычайно обильное, густое и пушистое, довольно неяркой окраски, которая, впрочемъ, измѣняется по полу и возрасту, а можетъ быть также и по временамъ года.

Обыкновенный альбатросъ (*Diomedea exulans, spadicea* и *adusta*, *Plautus albatros. Albatros*), за исключеніемъ черныхъ маховыхъ перьевъ, имѣеть чисто-бѣлое опереніе, которое въ молодомъ возрастѣ пестритъ то болѣе, то менѣе темнымъ бурнымъ крапомъ и дугобразными полосками. Глаза у него темно-каріе, голыя вѣки блѣдно-зеленыя; клювъ вѣснаго фіалково-красно-бѣлаго цвѣта, къ концу желтый; ноги красновато-желто-бѣлыя. По Беннету, длина его достигаетъ 1,16 м., размахъ крыльевъ 3,5 м., длина крыла 70 см., хвоста-же 23 см. Размахъ крыльевъ, впрочемъ, измѣняется весьма значительно. Беннетъ увѣряеть, что измѣрять альбатросовъ, имѣвшихъ всего 3 м., а у одного, размахъ крыльевъ достигать 4,25 м. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эта птица владѣеть самыми длинными крыльями.

Изъ родственныхъ видовъ заслуживаетъ упоминанія **Зеленоклювый альбатросъ** (*Diomedea chlororhynchos* и *chrysostoma*, *Thalassarche chlororhynchos. Grünschnabelalbatros. Albatros bec vert*), такъ какъ онъ вмѣстѣ съ обыкновеннымъ альбатросомъ встрѣчается на европейскихъ берегахъ и убивается въ Норвегіи. Онъ гораздо меньше обыкновеннаго альбатроса, въ зрѣломъ возрастѣ бѣлаго цвѣта съ черно-бурою спиною и крыльями, буровато-асидными съ бѣлыми стволіками рулевыми перьями и чернымъ клювомъ, имѣющимъ яркую оранжево-желтую спинку. Длина самой птицы 95 см., крыла 52, а хвоста—22 см.

Родина альбатросовъ въ океанахъ южнаго полушарія; сѣвернѣе тропика Козерога они встрѣчаются, по крайней мѣрѣ въ Атлантическомъ океанѣ, только въ видѣ заблудившихся экземпляровъ. Правильнѣе посѣщаютъ они сѣверныя части Тихаго океана, въ особенности Охотское и Берингово моря, кормятся здѣсь въ продолженіи нѣкотораго времени и затѣмъ снова переправляются на югъ, чтобы тамъ всецѣло отдаться дѣлу размноженія. Въ высшихъ широтахъ южнаго полушарія ихъ встрѣчаютъ чаще по единогласнымъ указаніямъ всѣхъ моряковъ и рыбаковъ. Альбатросы составляютъ самое обыкновенное явленіе между 50 и 60 градусами южной широты. Совершаются-ли ихъ странствованія съ извѣстною регулярностью, или просто зависятъ отъ случайности, до сихъ поръ еще не установлено. Извѣстно только, что они посѣщаютъ всѣ моря, лежація между 23° сѣверной и 66° южной широты; узнали также, что они являются въ Камчатское и Охотское моря полугодичными и истощенными, но черезъ нѣсколько недѣль пребыванія въ этихъ мѣстахъ становятся очень жирными вслѣдствіе чрезвычайнаго изобилія пищевыхъ матерьяловъ въ сѣверныхъ моряхъ; тѣмъ не менѣе, отлѣвшись, они снова перекочевываютъ на югъ. До сихъ поръ все-таки нельзя опредѣлить, происходятъ-ли эти странствованія по извѣстному плану и ежегодно, или они представляютъ собою простую кочевку, которую такъ любятъ эти птицы. Одно только несомнѣнно, что они облетаютъ всю землю въ буквальномъ смыслѣ этого слова, хотя къ нѣкоторымъ поясамъ привязаны болѣе, вслѣдствіе чего тамъ встрѣчаются во всѣ времена года, и тамъ же размножаются. Даже отдѣльные виды въ извѣстномъ смыслѣ ограничиваютъ область своего распространенія: такъ на примѣръ, въ Тихомъ океанѣ нѣкоторые виды попадаютъ правильнѣе и чаще, чѣмъ въ Атлантическомъ, и можно думать, что извѣстную часть моря они обыкновенно не покидаютъ. Впрочемъ, наблюденія надъ

переменною мѣста, если можно такъ назвать ихъ перелеты, странствованія и тяги, до такой степени еще недостаточны и неполны, что никакого опредѣленнаго вывода изъ нихъ сдѣлать нельзя. Рокфейль встрѣчалъ обыкновеннаго альбатроса еще на сѣверо-западномъ берегу Америки; Пехуаль-Леше—какъ на южной оконечности Америки, такъ и въ Беринговомъ морѣ до широты острова Св. Матвѣя; Гэмарь—на Малуинскихъ островахъ и вдоль восточнаго берега Америки до тропиковъ; Боле во время своей переѣздки въ Яву отъ мыса Доброй Надежды, встрѣчалъ его въ сообществѣ съ другимъ чернымъ видомъ, а начиная съ 39° южной широты вмѣстѣ съ третьимъ видомъ. Чуди видалъ его въ первый разъ подь 29° южной широты, а затѣмъ ежедневно встрѣчалъ между 29° и 33° , особенно-же часто между 40 и

Альбатросъ *Diomedea exulans*. наст. вел.

45 градусами. Начиная съ 50° онъ попался рѣже, съ 54° совсѣмъ пропалъ и отсюда до 60° широты его больше уже не замѣчали; только въ Южномъ океанѣ, а именно подь 51° южной широты онъ снова показался близъ судна, на которомъ ѣхалъ названный изслѣдователь; съ этихъ поръ встрѣчался съ каждымъ днемъ все чаще и чаще, а между 46 и 40 градусами появился въ большомъ количествѣ; затѣмъ количество этихъ птицъ опять пошло на убыль и подь 32° южной широты въ этомъ пути видѣли послѣдняго. Такъ какъ Чуди и остальные виды наблюдали только подь названными широтами, то приходитъ къ заключенію, что настоящее мѣсто-жительнаго ихъ находится между 30 и 40 градусами южной широты.

Все наблюдатели согласны въ восторженныхъ отзывахъ, касающихся полета этого грифа морей. «Въ высшей степени радостно и свѣтло дѣлается на душѣ», го-

ворить Беннетъ, «когда видишь, какъ эта великолѣпная птица граціозно и легко паритъ въ воздухѣ, словно влекомая какою-то невидимою силою. Послѣ того, какъ этотъ могучій летунъ сдѣлалъ первое напряженіе, чтобы подняться на воздухъ, больше не замѣчаешь уже ни малѣйшаго движенія крыльевъ; видно только, какъ онъ то поднимается, то опускается, какъ будто та-же самая невидимая сила производитъ различныя движенія, безъ всякаго участія его мускуловъ. Онъ несется по воздуху у самаго корабельнаго руля съ гордымъ видомъ независимости, какъ будто сознавая себя властелиномъ всего, что разстилается подъ нимъ. Замѣтивъ на водѣ какой-нибудь предметъ, онъ постепенно опускается съ расширенными и растопыренными крыльями, погружается въ воду и плыветъ, поѣдая пшцу, точно чайка или утка; затѣмъ поднимается, бѣжитъ съ распущенными крыльями по поверхности моря, начинаетъ кружиться и снова носится по воздуху. Въ его движеніяхъ не замѣчается ни малѣйшаго напряженія, а только сила и выносливость въ соединеніи съ постоянно одинаковою красотою. Съ настоящею граціею плыветъ онъ по воздуху, наклоняясь то въ одну, то въ другую сторону, скользя надъ самыми волнами, такъ что кажется, будто кончики крыльевъ обмакиваются въ воду; затѣмъ снова взвивается въ высь и паритъ тамъ съ одинаковою свободою и легкостью движеній. Его полетъ такъ быстръ, что черезъ нѣсколько мгновеній послѣ того, какъ онъ только-что былъ у корабля, его видишь уже на дальнемъ разстояніи, поднимающимся и опускающимся вмѣстѣ съ волнами, причѣмъ онъ пролетаетъ это громадное пространство въ самое короткое время. Въ бурную погоду онъ летаетъ какъ по вѣтру, такъ и противъ его, носясь какъ самый жизнерадостный изъ всѣхъ весельчаковъ, надъ гребнями волнъ, поднятыми завывающею бурей. Даже въ то время, когда онъ летитъ при сильномъ вѣтрѣ, незамѣтно никакого особеннаго движенія его крыльевъ, только самый полетъ становится чуть-чуть медленнѣе. Нѣкоторые предполагаютъ, что онъ не только не обезсиливается, но летая постоянно противъ вѣтра, какъ парусное судно, въ этихъ случаяхъ подвигается еще успѣшнѣе». Гульдъ говоритъ, что сила полета у альбатроса больше, чѣмъ у какой-бы то ни было другой птицы, которыхъ онъ наблюдалъ. «Хотя въ тихую погоду онъ и отдыхаетъ иногда на водной поверхности, но большую часть почти всегда держится на лету, носясь съ одинаковою самоувѣренностью какъ надъ гладкой поверхностью во время продолжительнаго штиля, такъ и въ сильнѣйшую бурю, когда онъ проносится по воздуху съ быстротою молніи».

Жуанъ наблюдалъ, что въ штиль между каждымъ взмахомъ крыльевъ альбатроса проходитъ полныхъ 5 минутъ, а при сильномъ вѣтрѣ, который очевидно ускоряетъ движенія птицы, промежутокъ длится даже 7 минутъ. Очень сильный штормъ, повидимому, пересиливаетъ альбатроса и неудержимо несетъ его впередъ. Въ безвѣтріе поднятіе его на воздухъ значительно затрудняется, поэтому онъ, подобно многимъ другимъ птицамъ, постоянно движется при этомъ противъ вѣтра. Приготовляясь къ полету, онъ, по словамъ Кёлера, пробѣгаетъ по волнамъ довольно большое разстояніе, такъ какъ при плаваніи волны мѣшаютъ ему подняться съ полною силою, при опусканіи-же видъ его совершенно измѣняется, какъ говоритъ Хуттонъ, и утрачиваетъ всю прелесть и пропорціональность. Альбатросъ поднимаетъ крылья, закидываетъ голову назадъ, вытягиваетъ спину, вытягиваетъ черезъ-чуръ большія ноги съ растопыренными пальцами и со свистомъ надаетъ въ воду. Здѣсь онъ, впрочемъ, опять какъ дома. Онъ носится по волнамъ съ легкостью пробки и подвигается впередъ довольно быстро, но вырваться не умѣетъ и погружается въ воду всѣмъ своимъ роскошно опереннымъ тѣломъ только тогда, когда бросается со значительной высоты. Беннетъ увѣряетъ, что видѣлъ, какъ одинъ

альбатросъ, вырнувшій съ высоты, оставался подъ водою 8 секундъ. На сушѣ онъ теряетъ почти всю свою подвижность. У гнѣзда своего онъ неуклюже переваливается какъ лебедь; такъ-же неповоротливо онъ держится на палубѣ корабля, гдѣ онъ, по словамъ Пехуаль-Лѣше, кромѣ того подвергается морской болѣзни. Голосъ альбатроса зачастую сравнивается съ ревомъ осла; впрочемъ Чуди говоритъ, что это ложное преувеличаніе, и что птица издаетъ только громкій, въ высшей степени непріятный, провзительный крикъ; Бенветъ-же полагаетъ, что его можно сравнить съ крикомъ лебедя. Кѣлеръ утверждаетъ, что въ гнѣздѣ или въ страхѣ альбатросъ, подобно аисту, щелкаетъ клювомъ, а Пехуаль-Лѣше прибавляетъ, что онъ при этомъ сильно кусается.

Между органами чувствъ первое мѣсто у этихъ птицъ несомнѣнно занимаетъ зрѣніе, такъ какъ всѣ наблюденія доказываютъ, что альбатросъ совершенно ясно видитъ на далекомъ разстояніи; завидя, напримѣръ, что маленькій буревѣстникъ чѣмъ-то занятъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ моря, онъ поспѣшно подлетаетъ къ нему. Объ умѣ альбатроса трудно составить опредѣленное понятіе, такъ какъ жизнь его находится совершенно въ особыхъ условіяхъ, и онъ поставленъ внѣ возможности выказать передъ человѣкомъ свои умственные способности. Если справедливо указаніе Чуди на то, что альбатросы провожаютъ суда, идущія съ юга на сѣверъ, дальше тѣхъ, которыя идутъ обратнымъ путемъ, то это несомнѣнно указываетъ на его понятливость. Чуди выводитъ изъ этого, что инстинктъ (какъ онъ называетъ это) удерживаетъ его отъ продолжительнаго слѣдованія за судномъ, которое быстро относитъ его въ несвойственный ему климатъ. Неустрашимость, съ какою онъ приближается къ человѣку, и безмысленная отвага, проявляемая имъ иногда, не должны вызывать въ насъ ложнаго сужденія объ его слабоуміи: онъ просто не имѣетъ случая познакомиться съ человѣкомъ, а потому ведетъ себя по отношенію къ нему такъ, какъ привыкъ. Очень можетъ быть, что онъ перемѣнилъ-бы это обращеніе, еслибъ ему чаще представлялись случаи набираться опыта. Уже то обстоятельство, что онъ слѣдуетъ за судномъ, указываетъ на извѣстный умъ; онъ знаетъ, что оттуда всегда перепадетъ ему что-нибудь съѣдобное. Какъ и у всѣхъ прожорливыхъ птицъ, его жадность почти всегда превосходитъ осторожность; если бурная погода долгое время мѣшала альбатросу успѣшно охотиться, то онъ, зачастую разъ 6 или 8 даетъ поймать себя на удочку и, выпущенный снова на свободу, еще съ окровавленнымъ клювомъ, тотчасъ-же опять бросается на приманку. «На одномъ изъ острововъ», рассказываетъ Чуди, «я поймалъ на удочку великолѣпнаго большого альбатроса и привязалъ ему на шею тонкую свинцовую пластинку, на которой вырѣзалъ названіе нашего судна, число, географическую долготу и широту мѣстности. Потомъ я узналъ въ Вальпарайзо, что спустя двѣ недѣли вѣтотъ альбатросъ вторично былъ пойманъ на удочку на одномъ французскомъ суднѣ».

Съ другими птицами своего вида альбатросъ живетъ въ сообществѣ только въ періодъ размноженія. Хотя на морѣ часто можно видѣть альбатросовъ, летающихъ вѣсть другъ за другомъ, но при этомъ каждый держится своей дороги и заботится о дѣятельности своего собрата только въ той мѣрѣ, въ какой она можетъ обѣщать ему личную поживу. По отношенію мелкихъ буревѣстниковыхъ онъ держится такъ, какъ королевскій грифъ по отношенію своихъ такъ называемыхъ подданныхъ, или проще, какъ сильное животное со своимъ слабымъ собратомъ: онъ утилизируетъ ихъ трудъ и, завидя, что они раздобыли что-либо съѣдобное, тотчасъ налетаетъ на нихъ, разгоняетъ всѣхъ, овладѣваетъ добытымъ или пойманнымъ и затѣмъ летитъ дальше своей дорогой, ни мало не беспокоясь о всякомъ, по его мнѣнію, сбродѣ.

Насколько до сихъ поръ извѣстно, альбатроса слѣдуетъ причислить къ дневнымъ птицамъ; впрочемъ, его дѣятельность продолжается дольше, чѣмъ у большинства прочихъ птицъ и, повидимому, онъ мало нуждается въ покоѣ или, по крайней мѣрѣ, самый короткій отдыхъ въ достаточной мѣрѣ подкрѣпляетъ его для новыхъ движеній. Видя въ безграничномъ океанѣ свою настоящую родину, альбатросъ, гдѣ-бы ни находился, беззаботно летитъ своей дорогой, не обращая вниманіе на разстояніе; день свой онъ проводитъ въ охотѣ за добычею, въ ѣдѣ, отдыхѣ и въ безконечномъ летаніи туда и сюда. Его необыкновенная летательная способность даетъ ему возможность соперничать въ быстротѣ съ самымъ быстроходнымъ судномъ. «Хотя судно», говоритъ Гульдъ, «при попутномъ вѣтрѣ дѣлаетъ зачастую болѣе 12 морскихъ миль въ часъ и держится такого хода нѣсколько дней полярнаго, все-таки альбатросу не стоитъ ни малѣйшаго труда летѣть наравнѣ съ такимъ судномъ; при этомъ еще онъ дѣлаетъ круги въ нѣсколько миль и снова возвращается къ кораблю, чтобы поживиться тѣмъ, что будутъ выбрасывать за бортъ». Чуди обмалвалъ одному альбатросу, пойманному съ корабля, голову, шею и грудь дегтемъ и въ такомъ видѣ снова выпустилъ его на свободу. «Птица моментально исчезла изъ виду корабля, но черезъ три четверти часа снова появилась въ стаѣ своихъ родичей и другихъ буревѣстниковыхъ, которые постоянно слѣдовали за судномъ. Я посвятилъ ему все свое вниманіе и, по моей просьбѣ, каждый изъ дежурившихъ на вахтѣ офицеровъ также слѣдилъ за нимъ. Благодаря нашимъ соединеннымъ наблюденіямъ, удалось установить, что отмѣченная мною птица слѣдовала за нашимъ судномъ въ продолженіи цѣлыхъ шести дней и за все это время только четыре раза, и то не дольше какъ на часъ, скрывалась изъ нашего вида. На седьмой день утромъ она улетѣла въ открытое море и больше уже не показывалась намъ. Что этотъ альбатросъ слѣдовалъ за кораблемъ и ночью, можно съ увѣренностью судить по тому, что мы видѣли его до тѣхъ поръ, пока глазъ могъ различать въ темнотѣ, а на утренней зарѣ вахтенный офицеръ опять уже видѣлъ его неустрашимо летѣвшимъ за нами. Слѣдуетъ при этомъ принять во вниманіе, что судно зачастую нѣсколько недѣль идетъ замѣчательно быстрымъ ходомъ, дѣлая 7—9 морскихъ миль въ часъ, въ эти-же 6 дней надо считать среднимъ числомъ оно проходило 4—5 морскихъ миль въ часъ.

Побудительною причиною, заставляющею альбатроса пролетать такія громадныя разстоянія и большую часть своей жизни проводить въ воздушномъ пространствѣ, является его ненасытный голодъ. Пищевареніе у него совершается необыкновенно быстро и вслѣдствіе этого онъ принужденъ постоянно отыскивать пищу. Если когда-нибудь ему и посчастливится отъѣсть на обильной пищѣ, то вслѣдъ затѣмъ наступаютъ горькіе дни продолжительнаго шторма, за которые онъ опять уснѣтъ сильно отощать. До сихъ поръ еще почему-то въ обществѣ держится совершенно ложное мнѣніе, что бури благопріятствуютъ морскимъ птицамъ, такъ какъ взбаламучиваютъ мѣрь мягкотѣлыхъ и рыбъ, составляющихъ ихъ добычу; между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, бурное море мѣшаетъ птицамъ ловить добычу, и вотъ почему онъ такъ упорно держится по собѣдству судовъ, надѣясь найти здѣсь хоть какое-нибудь удовлетвореніе для своего вопіющаго голода. Въ тихую погоду альбатросы ѣдятъ, по всей вѣроятности, различныхъ головоногихъ и другихъ мягкотѣлыхъ, которыхъ собираютъ на поверхности воды. Они не въ состояніи ловить живыхъ рыбъ подъ водою, поэтому ихъ никогда не видишь бросающимися въ воду на подобіе ныряющихъ птицъ, а они поджидаютъ, когда добыча всплыветъ на поверхность; тогда они хватаютъ ее клювомъ и проглатываютъ, продолжая плыть. «Поэтому», замѣчаетъ Хуттонъ, «ихъ можно ловить только тогда, когда судно идетъ

тихо, т. е. проходить всего 4—5 узловъ въ часъ, но и въ этомъ случаѣ слѣдуетъ закидывать длинную веревку, чтобы дать имъ возможность хорошо присмотрѣться къ приманкѣ». Кромѣ различныхъ мягкотѣлыхъ они ѣдятъ также падаля крупныхъ животныхъ и оказываются въ этомъ отношеніи истыми грифами моря. Маріонъ де-Просъ встрѣтилъ однажды цѣлую массу альбатросовъ, спорившихъ надъ вонючимъ трупомъ кита; они до того были поглощены своей работой, отрывая отъ трупа куски мяса, что даже не обратили ни малѣйшаго вниманія на приближавшееся судно. Оттуда спустили лодку и подошли къ нимъ: они совершенно равнодушно относились къ происходившему; жадность ихъ была такъ велика, что ихъ преспокойно можно было-бы поймать прямо руками, еслибъ не приходилось опасаться ихъ укусовъ. Гульдъ находитъ вѣроятными ужасные рассказы о томъ, что альбатросы нападаютъ на утопленниковъ и, «подобно воронамъ въ рѣкахъ», выклеиваютъ имъ глаза; я, лично, нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что они дѣйствительно это дѣлаютъ, и не вижу никакой причины, по которой бы альбатросы стали дѣлать различіе между трупомъ человѣка или кита: ѣдятъ-же они, не задумываясь, даже трупы своихъ сотоварищей.

Относительно размноженія альбатросовъ до сихъ поръ еще не имѣется вполне достовѣрныхъ свѣдѣній отъ наблюдателей, свободныхъ отъ всякихъ предразсудковъ, тогда какъ въ различныхъ басняхъ недостатка нѣтъ. Корвикъ сообщаетъ Гульду на основаніи личныхъ наблюденій приблизительно слѣдующее. На островахъ Аукландъ и Камбеллъ альбатросъ выводитъ птенцовъ въ ноябрѣ и декабрѣ. Для постройки гнѣзда онъ выбираетъ поросніе травю склоны холмовъ надъ лѣсными чащами. Гнѣздо состоитъ изъ камыша, сухой травы и сухихъ листьевъ, скомканныхъ вмѣстѣ, и имѣетъ въ окружности внизу около 2 м., а вверху около 70 см., при 50 см. высоты. Обыкновенно альбатросъ кладетъ всего одно яйцо; изъ слѣдовавъ болѣе ста гнѣздъ, Корвикъ нашелъ только одно, въ которомъ было два яйца. Яйцо имѣетъ 12 см. длины и 8 см. толщины. Сидящій на яйцѣ альбатросъ сразу бросается въ глаза всякому посѣтителю ихъ гнѣздовья своею бѣлою головою, рѣзко выдѣляющеюся на зеленомъ фонѣ травы.

Во время высидыванія онъ выглядитъ какъ-бы спящимъ, такъ какъ часто зарываетъ голову подъ крыло. При приближеніи врага онъ защищаетъ свое яйцо и не покидаетъ гнѣзда до тѣхъ поръ, пока его къ тому не принудятъ; въ такомъ случаѣ онъ, шатаясь, какъ испугнутая во время насидыванія гагарка, отходитъ на небольшое разстояніе, не дѣлая ни малѣйшей попытки улетѣть. Заклятымъ врагомъ альбатросовъ считается одна дерзкая хищная чайка, такъ какъ стоитъ ему только подняться съ гнѣзда, какъ она тотчасъ-же бросается туда и пожираетъ яйцо; альбатросъ отлично знаетъ этого врага и лишь только замѣтитъ его, начинаетъ ожесточенно хлопать клювомъ.

Альбатросы ловятся безъ всякаго труда на крѣпкую удочку съ паживой изъ сала и мяса. Когда одинъ изъ альбатросовъ попадаетъ на удочку и подтягивается на нее, всѣ другіе окружаютъ его съ громкимъ, презрительнымъ, неприятнымъ крикомъ. Вытащенная на палубу птица совершенно безпомощна и, въ сознаніи своего безсилія, окончательно падаетъ духомъ, хотя иногда и кусается довольно сильно. Гульдъ замѣчаетъ, что уженіе альбатросовъ не причиняютъ имъ никакой боли, такъ какъ крючокъ вкалывается по большей части въ грубый, нечувствительный роговой ковычякъ клюва и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ вызываетъ какую-нибудь каплю крови. Это-то и способствуетъ тому легкомыслію, съ какимъ выпущенный на свободу альбатросъ вторично попадаетъ на удочку. Зато гораздо труднѣе лишить эту живучую птицу жизни. Матросы съ этою цѣлю втыкаютъ

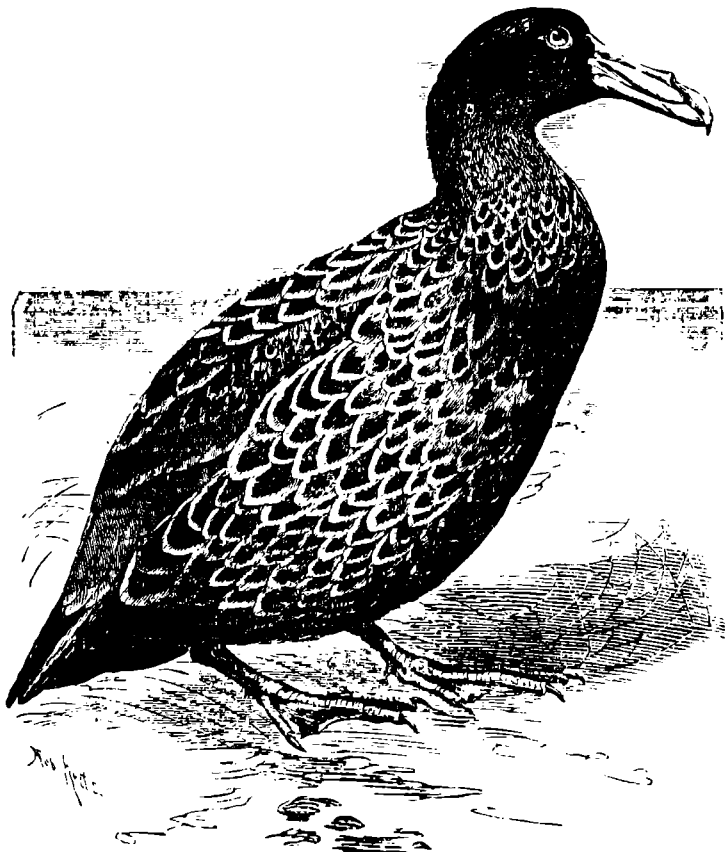
ей въ мозгъ длинную иглу, которой шьютъ паруса; но этотъ способъ вызываетъ продолжительныя мученія; Чуди самъ разъ видѣлъ, какъ одинъ альбатросъ даже улетѣлъ съ корабля съ длиною, въ 15 ст., иглою въ головѣ. Напротивъ того, альбатроса гораздо легче убить, ударивъ полѣномъ по затылку, причемъ онъ умираетъ почти мгновенно. Жесткое, отрывающееся ворванью мясо альбатросовъ моряки ѣдятъ только въ случаѣ недостатка въ другой свѣжей пищѣ. Передъ варкой альбатроса кладутъ на сутки и дольше мочутъ въ морской водѣ или на такое-же время вывѣшиваютъ его на вѣтеръ, чтобы мясо хоть отчасти утратило свой противный вкусъ.

Буревѣстники (Procellariinae. Möwensturmvögel. Petrels), составляющіе второе подсемейство этого отряда, обнимающее собою такъ сказать ядро всей этой группы, отличаются сильнымъ сложениемъ, короткою шеєю и большою головою. Клювъ у нихъ короче головы, сильный и твердый, съ такими бороздками по сторонамъ, что кончикъ его какъ будто срѣзавъ; притомъ онъ какъ сверху, такъ и снизу сильно возвышается, вслѣдствіе чего на верхней половинѣ клюва образуется крутой крючокъ, а на нижней—рѣзко выступающій уголь; края его до извѣстной степенн заходятъ другъ за друга и очень остры; пасть открывается до самыхъ глазъ; ноздри лежатъ въ сросшейся трубкѣ на спинкѣ клюва и раздѣлены вдоль на двѣ половинки. Ноги средней величины и сильныя, съ короткими плюснами, сжатыми съ боковъ; три переднихъ пальца на ногахъ соединены цѣльною плавательною перепонкою, тогда какъ задній палецъ обозначенъ только въ видѣ маленькой бородавки. Крылья, въ которыхъ первое маховое перо всегда безъ исключения самое длинное, похожи на крылья чайки, но все-же не такъ длинны и острѣе ихъ; хвостъ, состоящій изъ 12—14 перьевъ, сильно округленъ. Обильное, мягкое, короткое опереніе на верхней сторонѣ довольно жесткое, на нижней—разсученное, вродѣ густого мѣха; окраска его по большей части темная и мало измѣняющаяся по возрасту, полу и времени года.

Всѣ виды этого подсемейства живутъ на обширныхъ океанахъ, но обыкновенно придерживаются извѣстной мѣстности. Въ жаркомъ поясѣ они не такъ многочисленны, какъ въ умѣренномъ и холодномъ обонхъ полушарій, но въ южномъ полушаріи ихъ гораздо больше, чѣмъ въ сѣверномъ, вслѣдствіе находящихся тамъ большихъ пространствъ воды. Буревѣстники почти не умѣютъ ходить, плаваютъ хотя легко и, повидимому безъ напряженія, но рѣдко, а большую часть своей жизни проводятъ на лету. Съ судна можно видѣть, какъ они въ продолженіи цѣлаго дня находятся въ непрерывномъ и равномерномъ движеніи, носясь по воздуху въ нѣкоторой высотѣ отъ воды, карабкаясь по гребнямъ волнъ, перелетая черезъ промежутки между волнами и время отъ времени опускаясь на воду только на одинъ мигъ, чтобы схватить добычу. Это самые плохіе нырцы изъ всѣхъ остальныхъ морскихъ птицъ, но все-таки умѣютъ погружать въ воду свое густо оперенное тѣло. Изъ органовъ чувствъ выше всего у нихъ стоятъ зрѣніе и слухъ; развито-ли у нихъ обоняніе сообразно странному устройству ноздрей, или нѣтъ, мы не въ состояніи сказать, какъ равно и высказать свое опредѣленное мнѣніе относительно ихъ умственныхъ способностей. Они еще нагляднѣе альбатросовъ проявляютъ свою глубокую отвату и неустрашимость; при мученіяхъ голода они не боятся никакихъ удочекъ, даже тогда, когда бываютъ очевидцами гибели своего собрата, не такъ-то легко дѣлаются осторожнѣе вслѣдствіе опыта и различныя случайности не заставляютъ ихъ измѣнить привычнаго образа жизни. Всякое животное вещество, плавающее по поверхности моря, принимается ими за желанную

добычу; они питаются трупами больших животных, мертвою и живою рыбою, мягкотелыми и другими животными, причем невѣроятно прожорливы, жадны и почти ненасытны, такъ какъ ихъ пищевареніе стоитъ въ прямомъ соответствіи съ ихъ неустанною дѣятельностью. Ради сытнаго обѣда они забываютъ всякую опасность и даютъ убить себя палками или поймать руками.

Всѣ буревѣстники гнѣздятся по близости моря, всего охотнѣе на уединенныхъ, по возможности недоступныхъ утесахъ и скалахъ. Настоящаго гнѣзда они не строятъ, а кладутъ свое очень большое, толстое, шероховатое, чисто-бѣлое яйцо прямо на голую землю и тотчасъ-же начинаютъ насиживать. Птенецъ выходитъ

Исполнинскій буревѣстникъ. *Procellaria gigantea*. $\frac{1}{8}$ наст. вел.

въ сѣренькомъ пушикѣ и растетъ очень медленно. Родители горячо любятъ его и при видѣ врага, не задумываясь, жертвуютъ своею жизнью, пытаясь иногда защитить его тѣмъ, что пускаютъ на врага струю жидкой ворвани. Послѣ вылета птенцовъ изъ гнѣзда все общество разбивается по обширному океану, образуя болѣе или менѣе многочисленныя стаи, безцѣльно летающія туда и сюда.

Соединительнымъ звеномъ между альбатросами и буревѣстниками служитъ **Исполнинскій буревѣстникъ** (*Procellaria gigantea*, *ossifraga*, *Fulmarus giganteus*, *Ossifraga gigantea*, *Riesensturmvogel*, *Petrel gèant*). У взрослой птицы опереніе

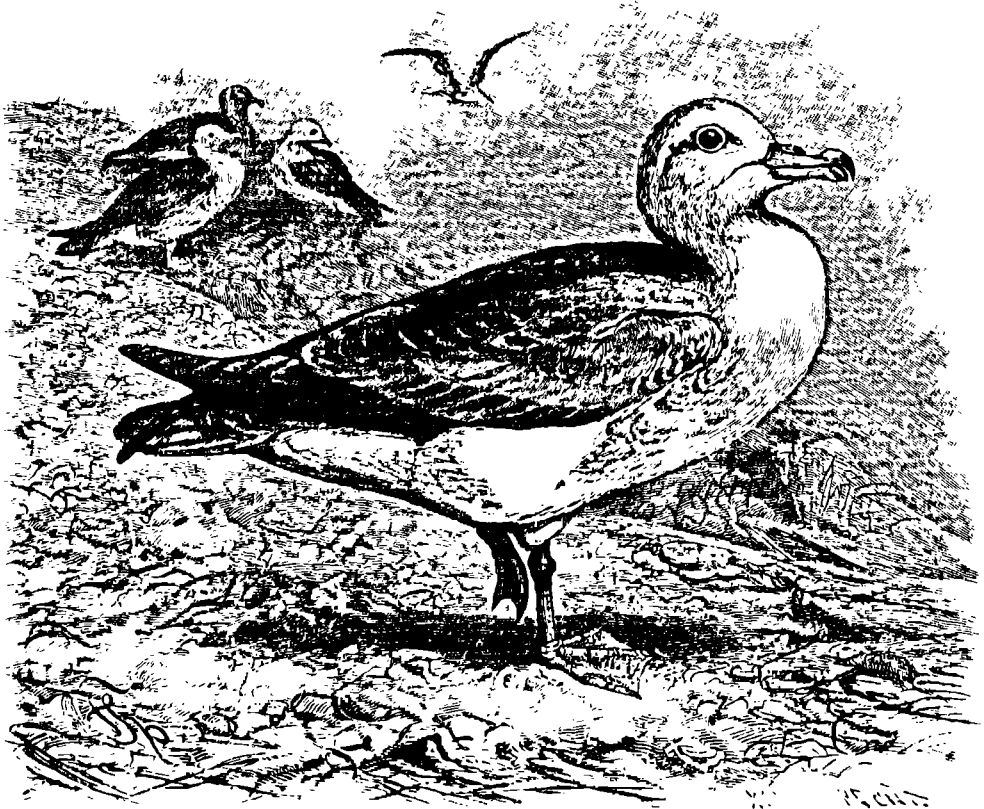
на верхней сторонѣ пятнистое вслѣдствіе того, что большая часть мелкихъ перьевъ имѣють тускло-бѣлые края; нижняя сторона тѣла бѣлая; глаза желтовато-бѣлые; клювъ яркаго, а ноги блѣдно-желтаго цвѣта. Опереніе молодыхъ птицъ одноцвѣтное шоколадно-бурое; глаза темные черно-каріе; клювъ свѣтлаго рогового цвѣта, на кончикѣ съ блѣднымъ винно-краснымъ налетомъ; ноги черновато-бурыя. Длина птицы 90 см., размахъ крыльевъ 200, длина крыла 50, хвоста—18 см.

Область распространенія исполинскаго буревѣстника, трупъ котораго однажды, говорятъ, нашли на Рейнѣ, простирается по умѣренному и холодному поясу южнаго полушарія. Чуди наблюдалъ его изо дня въ день въ Атлантическомъ океанѣ, между 30° и 35°, а въ Южномъ океанѣ между 41 и 54 градусами. Гульдъ полагаетъ, что онъ, по всей вѣроятности, часто облетаетъ вокругъ земли. Одна такая птица, бросившаяся въ глаза своимъ свѣтлымъ опереніемъ, слѣдовала за судномъ, на которомъ ѣхалъ этотъ изслѣдователь, отъ мыса Доброй Надежды до Тасманіи, приблизительно въ продолженіи трехъ недѣль и пролетѣла въ это время по крайней мѣрѣ 2000 морскихъ миль, такъ какъ, описывая громадные круги по 20 морскихъ миль въ діаметрѣ, показывалась въ виду корабля каждые полчаса. Полетъ этого гиганта изъ буревѣстниковыхъ не такой красивый, парящій, какъ у альбатросовъ, а болѣе напряженный, сопровождаемый частыми взмахами крыльевъ; но все-же при бѣгломъ взглядѣ исполинскаго буревѣстника легко смѣшать съ мелкими видами альбатросовъ. «Несмотря на свою прожорливость», говоритъ Чуди, «онъ все-таки остороженъ и недоувѣрчивъ, такъ что рѣдко попадаетъ на удочку; если-же его удастся поймать и вытащить на палубу, то онъ храбро защищается и жестоко дерется своимъ острымъ клювомъ. Передъ нимъ со страхомъ сторонятся всѣ остальные маленькіе буревѣстники, изъ которыхъ онъ, можетъ быть, зачастую выхватываетъ себѣ жертву». Гульдъ находилъ въ желудкѣ убитыхъ имъ экземпляровъ только болѣе или менѣе переваренную рыбу; Лессонъ же сообщаетъ, что ему приходилось находить во внутренностяхъ ихъ остатки птицъ. Хуттонъ говоритъ, что эта птица чрезвычайно прожорлива и жадно бросается на все съѣдобное. Во время своего путешествія въ Австралію Гульдъ видѣлъ тысячи этихъ птицъ, сидящими вмѣстѣ на водѣ и пожирающими плавающій жиръ мертваго кита. Кукъ нашелъ ихъ на островѣ Рождества Христова до того ручными, что матросы могли побивать ихъ палками.

По соображеніямъ Хуттона, исполинскій буревѣстникъ выводитъ итенцовъ на островѣ принца Эдуарда и кладетъ всего одно бѣлое яйцо. Послѣ долгаго насиживания вылупляется итенецъ, одѣтый первоначально въ прекрасное бѣлое пушистое опереніе; онъ растетъ довольно медленно и вслѣдствіи одѣвается въ юношескій нарядъ—темно-бурый съ бѣлыми пятнами. Если кто-нибудь приблизится къ гнѣзду, самка отклоняется немного въ сторону, а итенецъ пускаетъ въ нарушителя покоя отвратительно-вонючую струю маслянистой жидкости, которая бьетъ на 2 м. вдаль.

Глупышъ (*Procellaria glacialis, hiemalis, borealis, cinerea, minor, Fulmarus glacialis* и *minor, Rhantistes glacialis. Eissturmvogel. Petrel gris-blanc*) бѣлаго цвѣта съ свѣтлымъ серебристо-сѣрымъ брюхомъ и съ сѣровато-голубыми шейными перьями; маховыя же перья черноватыя. Глаза каріе, клювъ у основанія сѣро-зеленоватый, на кончикѣ блѣднаго рогового-желтаго цвѣта; ноги желтыя съ голубоватымъ оттѣнкомъ. У молодыхъ птицъ и опереніе нижней стороны также голубоватое. Длина достигаетъ 50 см., размахъ крыльевъ 110, длина крыла 32, а хвоста 12 см.

Глушышъ живетъ въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ и покидаетъ его крайне рѣдко. Самыми южными пунктами его размноженія слѣдуетъ считать острова Сантъ-Кильда и Гримзѣ близъ Исландіи. Подобно всѣмъ его родичамъ, это вполне океанпческая птица; къ сушѣ глушышъ приближается, помимо птенцовой поры, лишь тогда, когда его загонитъ туда туманъ, или черезъ-чуръ ужъ замучитъ продолжительный штормъ; впрочемъ, по словамъ Гольбелля, въ сѣверной Гренландіи его чаще, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, видятъ у береговъ и въ бухтахъ. Свое пѣмецкое названіе (*Eissturmvogel*) онъ носитъ не вполне основательно, такъ какъ

Глушышъ. *Procellaria glacialis*. паст

онъ бьется большими массами льда, и моренъ аванта: затертые на своемъ пути льдомъ, считаютъ появленіе глушыша за вѣрный признакъ открытой воды. Въ зимнее время его чаще наблюдаютъ въ южныхъ областяхъ, хотя настоящаго перелета онъ, собственно говоря, не предпринимаетъ.

Родственный ему видъ **Южный буревѣстникъ** (*Procellaria haesitata, meridionalis, diabolica, brevirostris, Therminieri, Fulmarus haesitatus, meridionalis, Aestrelata haesitata* и *diabolica*. *Teufelsturmvogel*. *Petrel des Antilles*) всею чаще встрѣчается въ Антильскомъ морѣ, но его неоднократно убивали также у англійскихъ и французскихъ береговъ и даже въ южной Венгріи. Бѣлый лобъ его рас-

пещрень узенькими волнистыми черточками и мелкими пятнышками блѣдно-бураго цвѣта; темя, загривокъ и стороны головы темно-бурая; задняя часть шеи и затылокъ свѣтло-бурые; спина и верхнія кроющія перья крыла черно-бурая, зашеекъ пепельно-сѣраго цвѣта; верхнія кроющія перья хвоста, стороны шеи и нижнія части бѣлыя; бока бурые съ сѣроватымъ крапомъ; нижнія кроющія перья хвоста на концахъ пепельно-сѣрыя; маховыя перья у корня бѣлыя, большія маховыя на остальной своей части черныя; малыя маховыя—темно-бурыя; замѣтно скругленныя черно-бурыя рулевыя перья въ первой своей трети отъ корня тоже бѣлыя. Глаза темно-каріе; клювъ черный; ноги желтыя съ черною плавательною перепонкою. Длина птицы 40 см., размахъ крыльевъ 100, длина крыла 30, хвоста 13 см.

По полету глупышъ имѣеть нѣкоторое сходство со многими чайками, въ особенности съ бѣлою чайкою. Онъ легко скользитъ надъ бушующими волнами съ распростертыми, почти недвижими крыльями, держась по возможности на одинаковомъ разстояніи отъ воды, и неутомимо борется со штормомъ, лишь нѣрѣдка прибѣгая къ отдыху. Въ плаваніи онъ проявляетъ большую ловкость; купается въ самыхъ сильныхъ бурунахъ между скалъ или легко несется по поверхности воды; на сушѣ-же зато онъ совершенно безпомощенъ и когда ему приходится передвигаться на ногахъ, то онъ скорѣе скользитъ на плюснахъ, чѣмъ шагаетъ. Голосъ его звучитъ гогочущимъ «гэгэгггг», въ гнѣвѣ-же — каркающимъ «карв». По своимъ нравамъ онъ ничѣмъ особенно не отличается отъ другихъ видовъ семейства. Человѣкъ онъ не страшится, безъ малѣйшаго размышленія приближается къ плывущему судну и съ большою назойливостью лѣзетъ къ рыбакамъ и китоловамъ. «При разсѣченіи кита», говоритъ Гольбелль, «они ведутъ себя до того нагло, что ихъ можно перебить веслами и баграми цѣлыя тысячи». Подобную-же безпечность проявляетъ онъ и на гнѣздѣ, съ котораго его почти нельзя согнать. По отношеніи себѣ подобныхъ онъ держится общительно, и если когда попадетъ одиночный экземпляръ, то наблюдатель справедливо считаетъ такого заблудившимся. Другими птицами онъ мало интересуется, хотя и летаетъ среди нихъ и даже выводитъ птенцовъ на одной съ ними горѣ.

Китоловы утверждаютъ, что самая любимая пища глупыша — сало; нѣкоторые-же компетентные наблюдатели, какъ напримѣръ: Фаберъ, нашли, что онъ питается всевозможными морскими животными и не только ими, но даже ѣсть иногда ложечную траву, растущую на скалахъ. Фаберъ не знаетъ никакой другой птицы, которая бы нападала на медузы, а глупышъ ихъ ѣсть. Пищу онъ схватываетъ или летая надъ водою, или погружившись въ волны; при вскрытіи убитаго кита онъ плаваетъ, обжираясь, взадъ и впередъ по водѣ. Хотя онъ и умѣеть нырять, тѣмъ не менѣе ныряющею птицею его считать нельзя, а потому ему лишь очень рѣдко удается словить быстрыхъ и ловкихъ животныхъ. Въ прожорливости онъ не уступаетъ ни одному изъ своихъ родичей.

Какъ гнѣздящую птицу его находили на всѣхъ островахъ крайняго сѣвера, въ Европѣ-же—на островѣ Сантъ-Кильда, на одномъ изъ Гебридскихъ и въ Исландіи; кромѣ того также на Янтъ-Майенѣ и Шпицбергенѣ.

На Вестманскихъ островахъ близъ Исландіи глупышъ, по словамъ Фабера, самая обыкновенная изъ всѣхъ гнѣздящихъ тамъ птицъ; многочисленности ихъ можно судить по тому, что туземцы потрошаютъ ежегодно по меньшей мѣрѣ до 20000 молодыхъ глупышей; размножается же ихъ тамъ по крайней мѣрѣ 40000 штукъ; ктому же численность ихъ ежегодно увеличивается, такъ какъ многихъ птенцовъ нельзя достать, хотя птицеловы и карабкаются на утесы съ по-

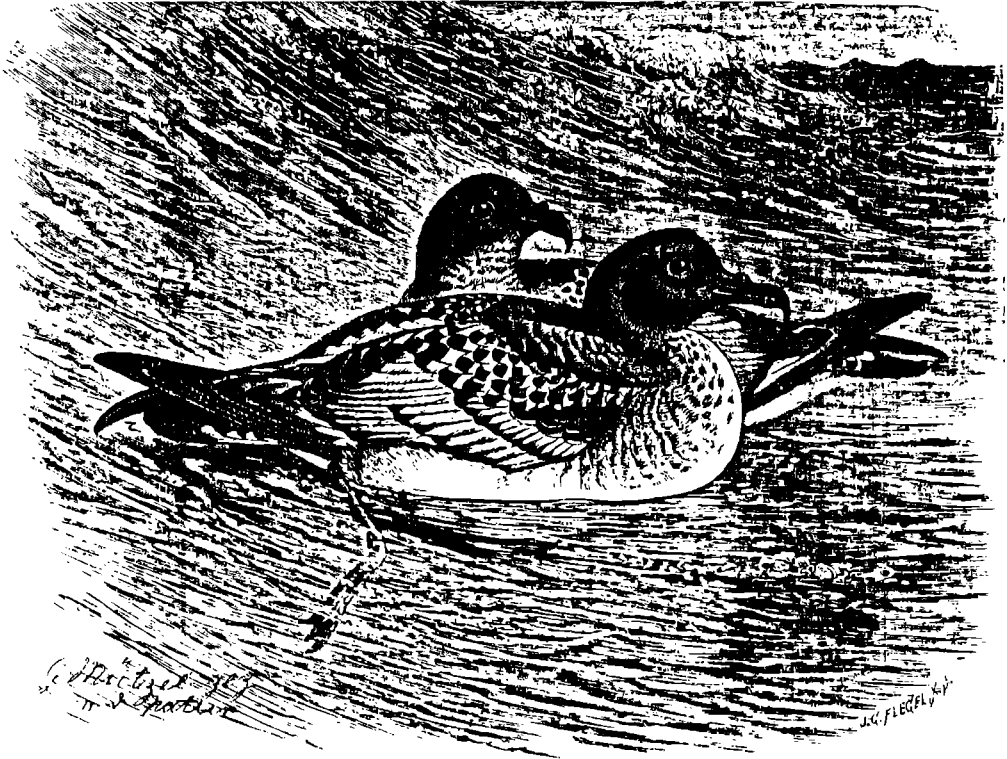
мощью крепких канатовъ. «Въ половинѣ марта», описываетъ Фаберъ, «глунышъ приближается къ мѣсту своего гнѣздовья. Въ началѣ мая, иногда уже въ половинѣ апрѣля, онъ кладетъ свое большое, кругловатое, чисто бѣлое яйцо то прямо на голый уступъ скалы, то въ маленькую ямку въ землѣ на скалистыхъ островкахъ. Въ птенцовую пору глуныши, подобно большинству птицъ, гнѣздящихся на скалахъ, становятся настолько смѣлыми, что ихъ, при известной сваровкѣ, можно брать съ гнѣзда прямо руками; въ одного изъ нихъ я долгое время даже нарочно бросалъ комками земли, чтобы согнать его съ гнѣзда, и все-таки безуспѣшно. Птенецъ вылупляется изъ яйца не раньше первыхъ чиселъ іюля; къ концу этого мѣсяца онъ уже на половину выросъ и покрытъ длиннымъ сѣро-голубоватымъ пухомъ. Уже въ этомъ возрастѣ онъ такъ-же хорошо, какъ и взрослые, умѣетъ выбрасывать свою маслянистую жидкость, иногда на двѣ трети метра вдалѣ, на того, кого онъ хочетъ обрызгать ею, дѣлая при этомъ такое-же движеніе нижею частью глотки, какъ при отрыгиваніи. Запасъ этотъ у него истощается не такъ-то легко. Въ концѣ августа птенцы получаютъ способность летать и становятся необыкновенно жирны, но пахнутъ очень скверно. Въ этотъ періодъ времени туземцы Вестманскихъ острововъ направляются къ скалистымъ островкамъ, тысячами убиваютъ молодыхъ птицъ и солятъ ихъ впрокъ. Въ серединѣ сентября и старыя, и малыя покидаютъ свои гнѣздовья и отправляются въ открытое море, гдѣ и проводятъ зиму, такъ что съ этихъ поръ въ Исландію нельзя больше встрѣтить ни одной птицы».

Кромѣ человека старыхъ и молодыхъ глунышей преслѣдуютъ разные соколы и морскіе орлы; на птенцовъ кромѣ того нападаютъ большія хищныя чайки, такъ какъ онѣ отлично знаютъ, что кромѣ обрызгиванія маслянистою жидкостью взрослые птицы не могутъ оказать имъ никакого сопротивленія.

Капскій буревѣстникъ (*Procellaria capensis, naevia* и *punctata*, *Daption capensis*. Картаубе. Petrel du Cap), хорошо известный всѣмъ мореплавателямъ, отличается отъ вышеописанныхъ родичей своимъ очень плотнымъ сложеніемъ, короткимъ, у основанія широкимъ, на концѣ сжатымъ и поразительно тонкимъ клювомъ и ногами съ длинными пальцами, снабженными широкою плавательною перепонкою. Верхняя часть головы и задняя часть шеи, стороны головы и шеи у него темнаго желѣзно-сѣраго цвѣта; нижнія шейныя перья и верхнія кроющія перья крыла и хвоста бѣлыя съ узоромъ изъ крупныхъ желѣзно-сѣрыхъ красныхъ пятенъ неправильной трехугольной формы; одно мѣсто подъ глазомъ, а также и нижняя часть тѣла—бѣлыя; горло и передняя часть шеи съ частыми темными пятнами, которыя по бокамъ мѣстами разсѣяны рѣже; червоствольныя большія маховыя перья цвѣта сажки, съ внутренней стороны бѣлыя такъ-же, какъ и малыя маховыя перья въ большей своей части; хвостовыя перья также бѣлыя, но съ черною каемкою на концѣ. Глаза темныя капитаново-каріе; клювъ черный; ноги черно-бурыя. Длина достигаетъ 38 см., размахъ крыльевъ 110, длина крыла 27, хвоста—9 см.

Капскій буревѣстникъ изъ всѣхъ морскихъ птицъ самый вѣрный спутникъ судовъ. Географическое распространеніе его по истинѣ изумительно. Въ Атлантическомъ океанѣ онъ живетъ по ту сторону тропика Коверога, и очень рѣдко случается, чтобы онъ забрелъ внутрь жаркаго пояса или въ сѣверное полушаріе до западныхъ береговъ Европы; зато въ Южномъ океанѣ онъ встрѣчается повсюду, по крайней мѣрѣ въ той его части, которая омываетъ западный берегъ Америки до самаго экватора и даже сѣверяте. «Я сдѣлалъ наблюденіе», говоритъ Чуди, «что въ жаркихъ поясахъ капскіе буревѣстники никогда не держатся такъ упорно по близо-

сти судовъ, какъ въ холодномъ климатѣ. Здѣсь они окружаютъ суда и днемъ, и ночью, тамъ же на ночь исчезаютъ и появляются только за часъ и спустя часъ времени послѣ солнечнаго восхода, а также въ поздніе часы послѣ полудня. Нельзя, впрочемъ, утверждать, чтобы это было общимъ правиломъ, но по крайней мѣрѣ во время моихъ путешествій это было всегда такъ. Никогда мнѣ не приходилось встрѣчать канскаго буревѣстника гдѣ-нибудь на рейдѣ или въ бухтѣ, или въ гавани на Южномъ океанѣ, тогда какъ масса другихъ птицъ залетаетъ всегда въ бухты или защищенные отъ вѣтра мѣста якорныхъ стоянокъ судовъ; но стоитъ только удалиться на нѣсколько морскихъ миль отъ суши, какъ тотчасъ

Канскій буревѣстникъ. *Procellaria capensis*. наст. вел.

же показывается первый изъ цѣлой стаи канскихъ буревѣстниковъ, спѣшащихъ на встрѣчу судну».

Канскій буревѣстникъ плавать легко, хотя все-же довольно рѣдко, такъ какъ и день, и ночь онъ проводитъ на лету и садится на воду только для того, чтобы съ большимъ удобствомъ подобрать что-нибудь съѣдобное. «Трудно представить себѣ», говоритъ Гульдъ, «что-нибудь красивѣе его движеній во время полета, когда, закинувъ шею на спину и подтянувъ свои длинныя ноги подъ нижнія кроющія перья хвоста, онъ несется по воздуху съ распущеннымъ въ видѣ вѣтра хвостомъ». Чуди называетъ канскаго буревѣстника крайне прожорливою и сварливою птицею. Его пища состоитъ изъ мягкотѣлыхъ, ракообразныхъ и маленькихъ рыбъ. Во время своего слѣдованія за судномъ въ бурную погоду онъ пытается преимущественно всевозможными кухонными отбросами, выкидываемыми за бортъ и пла-

вающими на кильватерѣ, а также и человѣческимъ каломъ. «Съ отвратительнымъ крикомъ набрасываются они зачастую на эту омерзительную добычу, оспаривая другъ у друга каждый кусокъ ея». Впрочемъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что только крайняя нужда заставляетъ ихъ набрасываться на такую пищу. Чуди находилъ въ жемудкахъ канскихъ буревѣстниковъ, убитыхъ въ тихую погоду, всегда только различныхъ мягкотѣлыхъ и ракообразныхъ или остатки рыбъ; у тѣхъ же птицъ, которыя были убиты въ бурную погоду, напротивъ того—бобы, горохъ, чечевицу, кости, паклю, кожу, сало, капустные листья, корабельные сухари, щепки, и т. п. Пехуэль-Леше, кромѣ того, находилъ табачную жевалину, т. е. выплутый табакъ, который жевали матросы. Въ ясную погоду канскій буревѣстникъ довольно робокъ и недоувѣрчивъ, въ штормъ же, напротивъ, мучимый голодомъ, онъ становится очертя голову смѣлымъ и тогда легко дается въ руки. Для ловли его пользуются просто крѣпкою булавкою, согнутою острымъ угломъ и привязанною на нитку; наживою служитъ нацѣпленный на крючокъ кусокъ сала или хлѣба. Вскорѣ у приманки собирается нѣсколько птицъ, которыя жадно стараются схватить наживу. Если только веревку дернуть во-время, крючокъ втыкается въ верхнюю челюсть птицы, и эта послѣдняя становится добычею ловца. При сильномъ вѣтрѣ нажива, весьма естественно, не доходитъ до воды, а качается на веревкѣ по воздуху; но и тутъ канскій буревѣстникъ такъ-же жадно старается схватить ее и попадется на удочку, или запутывается крыльями въ веревкѣ. Вытянутый на бортъ корабля, онъ храбро защищается клювомъ и брызгаетъ своею отвратительною маслянистою жидкостью съ поразительною мѣткостью прямо въ лицо неприятелю. Матросы сдираютъ съ него шкуру и дѣлаютъ изъ нея флюгера,—вотъ единственная польза, которая извлекается изъ канскаго буревѣстника.

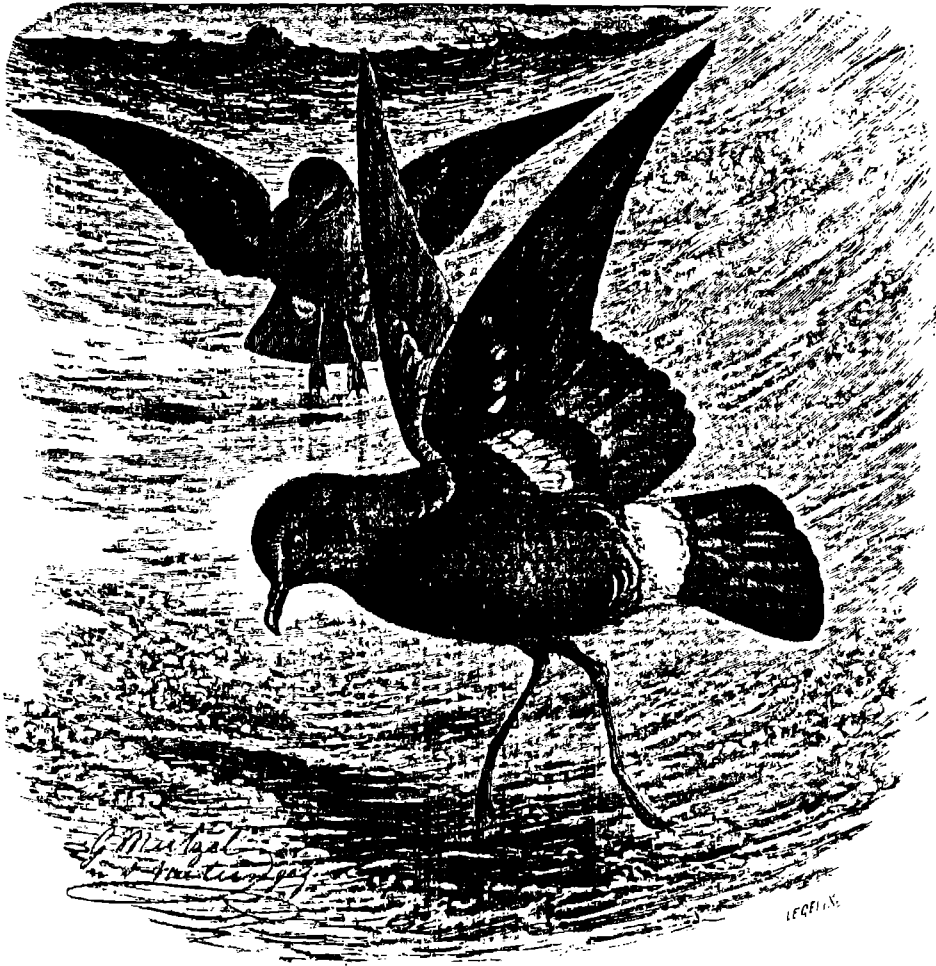
Относительно ихъ размноженія нѣтъ еще никакихъ свѣдѣній. Гульдъ говоритъ, что они гнѣздятся на островѣ Тристанъ д'Акунья и другихъ; Чуди же указываетъ на голые скалистые островки близъ перуанскаго берега, какъ на мѣста ихъ гнѣздованія. Около южной оконечности Африки они совершенно исчезаютъ съ океана въ ноябрѣ и декабрѣ, такъ что это время навѣрное проводятъ на своихъ гнѣздовыхъхъ. По всей вѣроятности эти гнѣздовья находятся на островахъ и на материкѣ южнаго полюса. Здѣсь, вблизи Южной Викторіи, между 71 и 72 градусами южной широты, Россъ видалъ летавшихъ итенцовъ.

*
*

Качурки (*Thalassidroma. Sturmschwalben*) отличаются незначительною величиною, стройнымъ туловищемъ, короткою шею и относительно большою головою. Крылья у нихъ очень длинныя, вродѣ ласточковыхъ; изъ маховыхъ перьевъ второе и третье самыя длинныя; средней длины хвостъ, состоящій изъ двѣнадцати перьевъ, то прямо обрубленный, то сильно заостренный или вилообразный; клювъ маленькій, слабенькій, прямой, крючковатый сверху, съ загнутыми концами обѣихъ половинокъ; нижняя его челюсть въ концѣ длиннаго расщеплена образуетъ болѣе или менѣе остро-выступающій уголъ, но бороздокъ на ней нѣтъ; ноги маленькія, тонкія съ длинными плюсами, покрытыя сѣтчатыми чешуйками; три длинныхъ тонкихъ переднихъ пальца до самыхъ концовъ соединены плавательною перепонкою; задній палецъ очень маленькій и короткій, въ видѣ бородавки. Опереніе густое, вродѣ мѣха, темно-бурой окраски съ бѣловатымъ рисункомъ.

Качурна малая (*Thalassidroma pelagica, melitensis, tenuirostris. minor, albifasciata, Procellaria pelagica, melitensis, lugubris* и *melanonyx, Hydrobates pelagicus*

и *feroensis*. *Sturmschwalbe*. *Oiseau de tempête*) имѣетъ слѣдующіе отличительные признаки: прямо срѣзанный хвостъ, дымчато-бурое опереніе, которое на верхней части головы переходитъ въ блестящее черное, на лбу—въ коричневатое, а на нижнихъ шейныхъ перьяхъ—въ черно-бурое; среднія кроющія перья крыла, въ общемъ составляющія одну болѣе или менѣе ясную поперечную крыловую полосу,—болѣе свѣтлаго цвѣта, выпадающаго въ грязно-бѣлый отбѣнокъ; надхвостье, гузка и боковыя нижнія кроющія перья хвоста, также какъ и корни рулевыхъ перьевъ,—

Качурка малая. *Thalassidroma pelagica*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

бѣлыя. Самцы и самки совершенно одинаковы; птенцы отличаются немного болѣе свѣтлою окраскою, выпадающею въ буро-красноватый цвѣтъ. Глаза каріе; клювъ черный; ноги красновато-бурыя. Длина достигаетъ 14 см., размахъ крыльевъ 33, длина крыла 12, хвоста 5 см.

Качурка большая (*Thalassidroma leucorrhoa*, *leachii*, *bulockii*, *Procellaria leucorrhoa*, *leachii*, *bulockii*, *Hydrobate* и *Oceanodroma leachii*. *Cymochorea leucorrhoa*. *Sturmsegler*. *Petrel cul blanc*) отличается сильно вылообразнымъ хвостомъ

и болѣе значительною величиною: ея длина достигаетъ 20 см., размахъ крыльевъ 50, длина крыла 17, а хвоста, мѣреннаго съ краю, 9 см. Преобладающій цвѣтъ оперенія также буро-черный съ сѣроватымъ отливомъ на головѣ, спинѣ и груди. Надхвостье и боковыя нижнія кроющія перья хвоста бѣлыя; маховыя и рулевыя перья буровато-черныя; внутреннія малыя маховыя перья и большія верхнія кроющія перья крыла буро-сѣрыя съ буроватыми чало-сѣрыми кончиками. Глаза темно-каріе; клювъ и ноги черныя.

Качурка голубиная (*Thalassidroma bulwerii*, *Procellaria bulwerii*, *columbina*, *Puffinus columbinus*, *Bulweria columbina*, *Aestrelata* и *Pterodroma bulweri*. Taubensturmschwalbe. Petrel pigeon) отличается отъ описанныхъ видовъ своимъ клинообразнымъ хвостомъ и необыкновенною величиною. Опереніе почти равномернo лаже-бурое, на верхней сторонѣ немного темнѣе, чѣмъ на нижней; маховыя и рулевыя перья буро-черныя, концы большихъ верхнихъ кроющихъ перьевъ крыла немного свѣтлѣе. Глаза темно-каріе; клювъ черный; ноги бурья. Длина птицы приблизительно 26 см., крыла—20, а хвоста 11 см.

Океанскій буревѣстникъ (*Thalassidroma oceanica* и *wilsoni*, *Procellaria oceanica* и *wilsoni*, *Oceanites oceanicus* и *wilsoni*. Meerläufer. Petrel de Wilson) отличается отъ своихъ родичей короткимъ, относительно сильнымъ клювомъ, очень длинными, покрытыми чешуйками, длиннопальми ногами и чуть замѣтно выемчатымъ хвостомъ. Опереніе буровато-черное съ легкимъ сѣроватымъ отливомъ; надхвостье, верхнія кроющія и боковыя нижнія кроющія перья хвоста чисто-бѣлыя; маховыя и рулевыя перья густого чернаго цвѣта; нѣкоторыя изъ среднихъ верхнихъ кроющихъ перьевъ крыла на концѣ бѣлыя. Глаза бѣлые, клювъ черный, ноги тоже черныя, но нижняя сторона плавательной перепонки желтая. Длина птицы 19 см., размахъ крыльевъ 40, длина крыла 15, а хвоста 8 см.

Всѣ качурки иолдѣ морскія птицы и притомъ съ обширною областью распространенія. Качурка малая, большая и океанскій буревѣстникъ живутъ по всему Атлантическому океану, за исключеніемъ крайнихъ сѣверныхъ частей его, а также и въ Тихомъ океанѣ; всѣ эти три вида встрѣчаются у европейскихъ береговъ. Качурка голубиная водится только въ Атлантическомъ океанѣ и преимущественно въ его средней части; въ Сѣверномъ морѣ качурки попадаются рѣдко, въ Балтійскомъ еще рѣже и только по одиночку, въ Ледовитомъ океанѣ чаще, хотя и появляются здѣсь только въ извѣстное время. Обыкновенно онѣ живутъ въ открытомъ морѣ, не приближаясь къ сушѣ, но если долго держится бурная погода, то ихъ столь же часто можно видѣть вблизи береговъ, какъ и во время размноженія; случается даже, что цѣлая стая ихъ загорается на сушу и даже залетаетъ внутрь материка, безъ сомнѣнія съ намѣреніемъ вновь отыскать море. Такія залетныя качурки неоднократно наблюдались внутри Германіи и даже въ Швейцаріи.

Качурки дѣятельны преимущественно ночью. Хотя ихъ можно видѣть во всякое время дни, но самая оживленная дѣятельность начинается съ наступленіемъ сумерекъ, и онѣ слышны также во всѣ часы ночи. Среди океана ихъ встрѣчаютъ по одиночку, но обыкновенно онѣ держатся маленькими и большими стайками, какъ въ бурную погоду, такъ и въ хорошую. По цѣлымъ днямъ ихъ можно видѣть летающими надъ волнами; онѣ то парятъ высоко въ воздухѣ, подобно ласточкамъ, то носятся надъ злыми волнами, словно преслѣдуемыя ихъ напоромъ, однако не касаясь воды. Глядя на нихъ въ эту минуту, кажется, какъ будто онѣ приросли

къ волнѣ и какаѣ то волшебная сила удерживаетъ ихъ всегда на одномъ и томъ же разстояніи. «Чѣмъ крѣпче вѣтеръ», пишетъ Бойе, «тѣмъ слабѣ становится движеніе ихъ крыльевъ. Птица несется, подобно бабочкѣ надъ цвѣтами, непосредственно надъ самыми волнами, замѣтно предпочитая углубленія между волнами ихъ вершинамъ. То семенящими ножками, то концами своихъ крыльевъ она дотрогивается до поверхности воды и тотчасъ же снова отскакиваетъ постоянно съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣла сѣсть на воду, но никогда не садится». Взмахи крыльевъ у нихъ рѣдкіе, но сильные и очень разнообразны. Чаще всего ихъ можно видѣть въ данномъ положеніи съ распростертыми крыльями, и тогда нѣсколько минутъ подъ-рядъ не замѣтишь ни одного замаха крыльевъ; но вдругъ качурка взвивается на воздухъ, быстро и сильно махая крыльями подобно стрижу, въ одинъ моментъ отдѣляется отъ воды и мастерски летаетъ по всѣмъ направленіямъ до тѣхъ поръ, пока снова не ринется по косому направленію внизъ, на воду и не приметъ своего прежняго положенія. Замѣтивъ добычу, она стремительно бѣжитъ къ ней, схватываетъ ее клювомъ и затѣмъ снова летитъ дальше. Вплавъ она пускается только въ рѣдкихъ случаяхъ, такъ что это подало поводъ компетентнымъ наблюдателямъ утверждать, что качурки никогда не плаваютъ. Въ самомъ дѣлѣ онѣ садятся на воду, повидимому, только съ тою цѣлю, чтобы отдохнуть, а не плыть. Пехуэль-Ленне часто случалось видѣть, какъ качурки ныряютъ, красиво и осторожно погружаясь въ воду за кусочками брошеннаго имъ корма.

Сила ихъ полета необыкновенно велика. Онѣ летаютъ буквально по цѣлымъ днямъ, безъ перерыва, находя отдыхъ лишь въ перемѣнѣ положенія, переходя напримѣръ, изъ парящаго движенія въ настоящій полетъ. Только слишкомъ продолжительные штормы въ состояніи обезсилить ихъ, и то не потому, что ихъ утомляетъ борьба съ вѣтромъ, а оттого, что буря затрудняетъ имъ добываніе пищи и ихъ истощаетъ голодь. Напротивъ, вѣтеръ даже облегчаетъ имъ полетъ: онѣ становятся противъ вѣтра и поддерживаются или несутся имъ по воздуху до тѣхъ поръ, пока направляютъ свои крылья сообразно вѣтру. Во время полета онѣ рѣдко издаютъ какіе либо звуки; всего молчаливѣе онѣ днемъ, когда, повидимому, предаются отдыху, всего бодрѣе становятся къ вечеру и недолгое время послѣ солнечнаго захода. Тогда можно слышать, если то позволить вѣтеръ, ихъ призывной голосъ, звучащій вродѣ «уиб-уиб-уиб-уээ-уээ». Права онѣ самаго безобиднаго: съ собою подобными живутъ въ тѣсной дружбѣ, и о другихъ птицахъ вовсе не беспокоятся. Изгнаны изъ своей родной стихіи, онѣ какъ будто теряютъ сознаніе и положительно не находятъ какъ себѣ помочь, поэтому ихъ и считаютъ, хотя вовсе несправедливо, за глупѣйшихъ изъ всѣхъ птицъ. Среди матросовъ держится повѣрье, что въ красивыхъ качуркахъ живутъ души погибшихъ въ морѣ моряковъ.

Пища качурокъ состоитъ изъ различныхъ мягкотѣлыхъ, маленькихъ раковъ а также, можетъ быть, и изъ рыбъ; разныя жирныя вещества, масло и тому подобное, плавающее на поверхности воды также употребляется ими въ пищу. Сказать еще что-нибудь по поводу этого—нечего, такъ какъ въ желудкахъ убитыхъ качурокъ до сихъ поръ находили постоянно только соленую жидкость и ни малѣйшихъ слѣдовъ животной пищи.

Въ высшей степени привлекательною становится качурка въ періодъ размноженія. «Когда я сообщилъ нашему хозяину, Джону Дальсгарду, о моемъ желаніи получить «друкквити», то онъ сталъ распространять людей, не видаль-ли кто-нибудь изъ нихъ гнѣзда этой птицы. Одинъ мальчуганъ зналъ, гдѣ такое гнѣздо и повелъ насъ къ каменной стѣнѣ одного сарая, стоявшаго въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ дома; тамъ между камнями и находилось гнѣздо. Опредѣлпть

точно мѣсто его нахождения мальчикъ сразу не могъ, но скоро открылъ его своеобразнымъ способомъ: онъ прикладывался ртомъ прямо къ трещинамъ въ стѣнѣ и кричалъ «кюрр», откуда тотчасъ-же раздавалось тонкое «кекереки», которое повторялось каждый разъ, какъ мальчикъ выкрикивалъ свое «кюрр». Тогда мы стали работать здѣсь ломомъ и заступомъ, и промучались добрыхъ полчаса, такъ какъ каменная стѣна не поддавалась; при томъ-же и пискливый голосокъ замолкъ. Наконецъ показалось гнѣздо, состоявшее изъ нѣсколькихъ стебельковъ травы, но птицы на немъ не было: она забралась наверхъ и забила въ отверстіе между камнями; въ концѣ концовъ мы нашли ее и извлекли на свѣтъ Божій. Но едва успѣли вытащить ее оттуда, какъ она боковымъ движеніемъ головою и шеєю троекратно выпрыснула на насъ струю желтой ворвани; первая струя была самая сильная, послѣдующая слабѣе. Дальнѣйшая попытка выпрыснуть жидкость не удалась ей, хотя жиръ все еще капалъ изъ горла.

«Это самая безобидная птица, какія только существуютъ; она даже не дѣлаетъ ни малѣйшей попытки защищаться или укусить врага и ограничивается лишь выпрыскиваніемъ своего жира. Въ моей комнатѣ она стала до того ручною, что я могъ брать ее въ руки и носить съ собою, ласкать или отгонять отъ себя, какъ мнѣ того хотѣлось. Во всей ея позѣ выражалось глубокое уныніе: она неподвижно сидѣла на пяткахъ, не касаясь пола своими брюшными перьями, съ поникшею головою, и принимала это положеніе всякій разъ, какъ ее оставляли въ покоѣ. Никогда не дѣлала она ни малѣйшей попытки полетать по комнатѣ и только изрѣдка тяжело переступала, причемъ у нея зачастую подгибались ноги, какъ только ее чѣмъ-нибудь испугивали. Когда она стояла, что, повидимому, было для нея довольно трудно, то по осанкѣ и позѣ походила на фигуру поморника. Туловище ея принимало горизонтальное положеніе, ноги приходились какъ разъ посрединѣ туловища, шея вытягивалась прямо, а грудь круто выпячивалась впередъ. Она не пыталась отыскивать и принимать какую-нибудь пищу: подобно большинству морскихъ птицъ, она считала себя погибшею, какъ только ее оторвали отъ воды. Я вынесъ ее на рукахъ на улицу; она продолжала сидѣть неподвижно даже тогда, когда я остановился на берегу моря, но какъ только я подбросилъ ее на воздухъ, она съ поразительною быстротою полетѣла противъ вѣтра и направилась въ открытое море.

«Многимъ туземцамъ Ферерскихъ острововъ друнквити была извѣстна только по имени, и они знали о ней только то, что она живетъ подъ землею въ ворахъ и никогда не держится на поверхности земли. Все время, пока я жилъ на Ферерскихъ островахъ, я никогда не встрѣчалъ этой птицы по близости берега; на открытомъ же морѣ, напротивъ, необыкновенно часто, въ особенности вблизи сѣвернаго острова.

«За нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, какъ качурки начинаютъ выводить птенцовъ, онѣ отправляются въ пещеры и расхлѣны по близости моря. Онѣ выкапываютъ свои норки въ землѣ, сколь возможно глубоко, зачастую на 60 см. глубины, изготовляютъ себѣ гнѣздо, изъ нѣсколькихъ рыхло положенныхъ стебельковъ травы и въ концѣ іюня кладутъ въ него свое единственное круглое бѣлое яйцо. Хотя одинъ туземецъ и говорилъ мнѣ, что онъ уже около Ианова дня видѣлъ молодыхъ подлетковъ, а около Михайлова дня снова вышелъ въ гнѣздѣ другихъ такихъ-же птенцовъ, но по всѣмъ сдѣланнымъ наблюденіямъ это оказалось невѣрнымъ. Еще за нѣсколько времени передъ тѣмъ, какъ класть яйцо, птица выпячиваетъ себѣ перья на брюхѣ въ томъ мѣстѣ, которымъ насиживаютъ; я находилъ такое голое пятно у большинства качурокъ уже дней за восемь

до кладки. О самомъ насиживаньи и о птенцахъ я не могъ сдѣлать никакихъ личныхъ наблюдений, но полагаю, что оба родителя насиживаютъ по-очередно, такъ какъ на гнѣздѣ находилась всегда только одна птица, а въ продолженіи дня я видалъ тамъ какъ самца, такъ и самку». Яйцо качурки имѣетъ въ длину около 30 мм., а въ поперечникѣ около 23 мм.

Кромѣ поморниковъ никакая другая птица не нападаетъ въ морѣ на качурокъ. Загнанныя на сушу, онѣ часто дѣлаются жертвами всякаго ворона, такъ какъ встрѣчаютъ врага, не проявляя ни малѣйшей попытки къ защитѣ. Человѣкъ ихъ не преслѣдуетъ, такъ какъ свойственный имъ запахъ ворвани до такой степени силенъ, что отвращаетъ даже сѣвернаго жителя. Впрочемъ, еще во времена Грабы убитыхъ качурокъ употребляли въ видѣ лампъ, продѣвая прямо сквозь ихъ тѣло свѣтильню, которую и зажигали.

Въ концѣ семейства мы ставимъ **Буревыхъ нырковъ, Пуффиновъ** (Puffininae. Sturmtaucher. Puffins), хотя и признаемъ въ нихъ высоко одаренныхъ буревѣстниковъ. Пренадлежащіе къ этому подсемейству виды отличаются слѣдующими признаками: туловище у нихъ стройное, клювъ средней длины, стройный, слабенькій; верхняя его челюсть своимъ клинообразнымъ сильно выгнутымъ и длиннымъ крючкомъ надвигается надъ соответственно ей искривленнымъ концомъ нижней челюсти; ноздри, лежащія на спинкѣ клюва, около основанія его, продолжаются въ широкія плоскія двойныя трубки; большія ноги съ широкими ступнями сочленяются далеко назадъ; крылья относительно короткія; хвостъ болѣе или менѣе длинный, округленный и состоящій изъ двѣнадцати перьевъ; опереніе гладко прилегающее и жирное.

Буревые нырки, которыхъ извѣстно болѣе 20 видовъ, покидаютъ море тоже только въ періодъ размноженія, но приближаются къ сушѣ все же чаще своихъ сородичей и нерѣдко залетаютъ въ гавани. Обыкновенно они живутъ стайками въ 8—20 штукъ и, охотясь совместно, придерживаются извѣстнаго направленія; въ птенцовую же пору они скучиваются въ большія общества и буквально усаиваютъ собою отдѣльные острова.

Пища ихъ состоитъ главнымъ образомъ изъ рыбъ и головоногихъ, вслѣдствіе чего въ желудкѣ у нихъ нѣтъ жирной жидкости, какъ у буревѣстниковъ. Добычу свою они ловятъ, ныряя и плавая, о чемъ еще будетъ говориться ниже.

Изъ тѣхъ видовъ, которые живутъ на европейскихъ берегахъ, самый извѣстный—**Буревѣстникъ обыкновенный** (*Puffinus anglorum, arcticus, obscurus, yelkuan, barolii, Procellaria puffinus, yelkuan, Nectris puffinus, obscura, anglorum, Thalassidroma, Cymotomus anglorum. Sturmtaucher. l'uffin des anglais*). У взрослой птицы опереніе на верхней сторонѣ сѣро-буровато-черное, на нижней—чисто-бѣлое, по сторонамъ шеи, тамъ, гдѣ черный цвѣтъ отдѣляется отъ бѣлаго—сѣрое съ рябью; на наружной части бедеръ—съ буро-черными пятнами. Глаза каріе, клювъ свинцово-сѣрый; ноги зеленовато-желтыя. Длина птицы 36 см. размахъ крыльевъ 80, длина крыла 26, а хвоста 8 см. У молодыхъ птицъ опереніе на верхней сторонѣ желтаго буровато-сѣраго цвѣта, на нижней—бѣловато-сѣраго.

Большой пуффинъ, Большой буревѣстникъ (*Puffinus major, cinereus, Procellaria major, Cymotomus arcticus, Ardenna major. Wasserscherer. Grand puffin*)

значительно крупнѣе своего родича. Его длина достигаетъ по крайней мѣрѣ 50 см., длина крыла 32, а хвоста 12 см. Верхняя и задняя части головы темно-бурая, задняя часть шеи и затылокъ буровато-бѣлыя; нижнія шейныя и кроющія перья крыла темно-бурая съ болѣе свѣтлою каймою; вся нижняя сторона бѣлая, за исключеніемъ сѣроватыхъ съ бѣлыми каемками нижнихъ кроющихъ перьевъ крыла; маховыя и рулевыя перья черновато-бурыя, маховыя внутри у корня бѣлыя. Глаза темно-каріе, клювъ темно-рогового-синяго цвѣта; ноги буроватыя съ мясо-красною плавательною перепонкою.

Бурый пуффинъ, Бурый буревѣстникъ (*Puffinus griseus, fuliginosus, tristis, amaurosa, Procellaria grisea, fuliginosa, tristis, Nectris fuliginosa, amaurosa*. *Russsturmtaucher. Puffin gris*) долгое время считался за самку или птенца большого пуффина. Вся его верхняя сторона темнаго саже-бурого цвѣта, на которомъ красиво выдѣляются свѣтлыя каемки перьевъ; нижняя сторона свѣтлѣе и сѣроватѣе: маховыя и рулевыя перья черно-бурыя. Глаза темно-каріе, клювъ буровато-черный, ноги снаружи черно-бурыя, остальная ихъ часть желтовато-бурая. Длина птицы 42 см., крыла 30, хвоста—9 см.

Гибралтарскій пуффинъ (*Puffinus kuhli, Procellaria kuhli, cinerea, Nectris cinerea, macrohyncha. Mittelmeersturmtaucher. Puffin de la Méditerranée*) почти такой же величины, какъ большой пуффинъ. Длина его 47, крыла—35 см., хвоста 14 см. Верхняя сторона тѣла сѣро-бурая, нижнія шейныя, верхнія кроющія перья крыла и верхнія кроющія перья хвоста украшены свѣтлыми каемками, нижняя сторона чисто-бѣлая, большія маховыя перья черноватыя, малыя маховыя, плечевыя и рулевыя перья темно-бурыя, послѣднія изъ нихъ къ концамъ становятся постепенно темныя, черно-бурыми. Глаза темно-каріе, клювъ у основанія глинисто-желтый, на концѣ голубоватый, ноги свѣтло-желтыя.

Буревѣстникъ обыкновенный живетъ въ сѣверной части Атлантическаго океана, включая сюда и Средиземное море, а кое-когда встрѣчается также и въ Балтійскомъ морѣ. Большой буревѣстникъ распространяется по всему Атлантическому океану; бурый буревѣстникъ—какъ по Атлантическому, такъ и по Тихому океанамъ; гибралтарскій пуффинъ живетъ, сообразно своему названію, въ Средиземномъ морѣ и ограничивается тѣми частями Атлантическаго океана, которыя омываютъ острова Канарскіе и Мадейру.

Отъ всѣхъ прочихъ буревѣстниковыхъ, пуффиновъ, которые всѣ ведутъ одинъ и тотъ же образъ жизни, сразу можно отличить по ихъ своеобразному полету. Я не знаю никакой другой птицы, которая летала-бы такъ бѣшено, какъ пуффинъ. Правда, нерѣдко случается видѣть его и спокойно плывущимъ или ныряющимъ въ глубину прямо съ поверхности воды; обыкновенно-же его видишь на лету и не въ нарящемъ положеніи, а бѣшено носящимся надъ самыми волнами и какъ-бы разсѣкающимъ ихъ. Онъ гоняется по воздуху съ распущенными крыльями, бросается изъ стороны въ сторону, вверхъ и внизъ, необыкновенно быстро слѣдующими одинъ за другимъ, какими-то свистящими взмахами крыльевъ, кружится и мечется во всѣ стороны, такъ что то мелькаетъ въ воздухѣ его темная спина, то свѣтлое брюхо, то онъ несется надъ самыми волнами, карабкается по ихъ гребнямъ, или погружаясь въ ихъ глубину, то вдругъ залетитъ на 3 и болѣе метровъ въ вышину и оттуда бросится по косому направлению прямо въ воду, исчезнетъ въ ней и снова выплыветъ, гребя, по способу нелетовъ, одновременно крыльями и ногами; такъ плыветъ онъ порядочное разстояніе, а затѣмъ

снова взлетаетъ на воздухъ, зачастую только для того, чтобы перевести духъ, такъ какъ тотчасъ же опять исчезаетъ въ водѣ. Вполнѣ основательно считаютъ полетъ другихъ буревѣстниковыхъ красивѣе, но надо сознаться, что никакая другая птица этого семейства не летаетъ такъ измѣнчиво и разнообразно, какъ буревой нырокъ. Разнообразіе полета увеличивается еще тѣмъ, что сразу видишь нѣсколько этихъ птицъ, связанныхъ тѣсными узлами общезитія, которое заставляетъ ихъ всѣ свои дѣла справлять въ извѣстномъ смыслѣ сообща, хотя и не въ одинаковое время; поэтому въ то время, какъ однѣ изъ нихъ исчезаютъ въ волнахъ, другія поднимаются оттуда, перелетаютъ черезъ нырнувшихъ и когда тѣ показываются на поверхности, сами онѣ снова погружаются въ воду и т. д. Эта постоянная перемѣна только увеличиваетъ прелесть картины; я по крайней мѣрѣ могу сказать, что меня это пестрое зрѣлище игры буревыхъ нырковъ на воздухъ и въ водѣ приводило въ неописанный восторгъ. Слѣдуетъ еще замѣтить при этомъ, что несмотря на постоянные перерывы въ полетѣ, они быстро пролетаютъ значительное разстояніе, такъ какъ они собственно нигдѣ не останавливаются, а постоянно летятъ все дальше и дальше впередъ, хотя и описываютъ иногда въ воздухѣ широкіе круги, приближающіе ихъ къ исходному пункту. Голоса я отъ нихъ никогда не слыхалъ; по Фаберу, онъ напоминаетъ голосъ чайки и занимаетъ среднее мѣсто между голосами трехпалой чайки и поморника.

Для вывода птенцовъ буревые нырки въ большомъ количествѣ стекаются на островъ Сантъ-Клильда и другіе Гебридскіе, а также и на Ферерскіе; прилетъ ихъ бываетъ въ началѣ мая, по увѣренію туземцевъ, всегда ночью, такъ какъ въ эти часы птица всего дѣятельнѣе. По обычаю многихъ ныряющихъ морскихъ птицъ, пуффины выкапываютъ съ помощью клюва и когтей глубокую нору въ торфяномъ грунтѣ, на которомъ находится ихъ гнѣздовье; иногда эта нора имѣетъ цѣлый метръ въ глубину и походитъ скорѣе на кроличье, чѣмъ на птичье жилище. Въ заднемъ концѣ нора нѣсколько расширяется, настоящаго гнѣзда однако нѣтъ, и яйцо кладется большею частью прямо на землю, или же подстилкою служатъ нѣсколько стебельковъ травы. Само собою разумѣется, что птицы пользуются прошлогодними норами, если онѣ уцѣлѣли, еще охотнѣе, чѣмъ вновь выкопанными, хотя работа эта поглощаетъ у нихъ очень мало времени. Большое кругловатое яйцо имѣетъ 60 мм. въ длину и 45 мм. въ толщину, и почти чисто-бѣлаго цвѣта. Обѣ птицы попеременно и съ большимъ усердіемъ насиживаютъ яйцо въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, но какъ долго—опредѣленно неизвѣстно; въ это время онѣ бываютъ свирѣпы, если ихъ потревожатъ, и въ гнѣвѣ издають звукъ, похожій на ворчанье и визгъ шенка; при этомъ также онѣ распускаютъ вѣеромъ свой хвостъ, поднимаются и довольно яростно кусаютъ врага. Одинъ изъ родителей постоянно торчитъ въ норѣ даже тогда, когда изъ яйца уже вылупился буросѣрый птенецъ, покрытый густымъ длиннымъ пухомъ. Несмотря на обильную пищу, доставляемую обоими родителями, птенецъ растетъ медленно и только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ развивается настолько, что въ состояніи покинуть гнѣздо и улетѣть въ море. Пока они сидятъ въ норѣ, то такъ жирѣютъ, что на груди у нихъ нарастаетъ слой сала въ сантиметръ толщиною, вслѣдствіе чего они составляютъ лакомую пищу островитяняъ. Жители Ферерскихъ острововъ рассказывали Грабѣ, что старая птица въ сумерки или ночью покладаетъ свои гнѣздовые норы. и только разъ въ день, именно по утрамъ, отрыгиваютъ пищу своимъ птенцамъ.

Помимо человека, посѣщающаго ихъ гнѣздовья, у пуффиниовъ мало враговъ. Въ южныхъ моряхъ ихъ преслѣдуютъ большіи хищныя рыбы, а на гнѣздовыхъ горахъ одолѣваютъ соколы и поморники.

Охота за ними очень трудна, такъ какъ ихъ неутомимость затрудняетъ правильное преслѣдованіе. Собственно робкими ихъ назвать нельзя, такъ какъ стоитъ только натолкнуться на стаю ихъ, тогда можно перебить другъ за дружкой массу птицъ; но онѣ просто глумятся надъ преслѣдованіемъ и, ни мало не боясь лодки, стремительно летятъ впередъ со своею обычною поспѣшностью. Нѣкоторыхъ ловятъ въ рыболовныя сѣти, другихъ—на удочку, но нѣтъ никакого такого способа ловли, который обезпечивалъ-бы вѣрный успѣхъ.

ОТРЯДЪ Х.

Боевыя птицы (Pelargornithes). *)

Фюрбрингеръ вполне основательно соединяетъ иногда въ одну группу нѣсколько семействъ, которыя въ прежней системѣ были раздѣлены и, наоборотъ, отдѣляетъ одну отъ другой нѣкоторыя группы, обыкновенно соединенныя въ одинъ отрядъ. Лучшимъ примѣромъ этихъ измѣненій въ системѣ птицъ, вызванныхъ изслѣдованіями и сопоставленіями самого Фюрбрингера, могутъ служить **Боевыя птицы**—новый отрядъ, въ который Фюрбрингеръ соединяетъ подотряды **Хищныхъ**, **Гагаровыхъ** и **Зубчатоклювыхъ**. Изъ нихъ первый—подотрядъ **Хищныхъ** (Ciconiiformes. Würgervögel) слагается изъ четырехъ группъ: **Дневныхъ хищныхъ**, **Голенастыхъ**, **Веслоногихъ** и **Фламинго**.

Во главѣ подотряда должны быть поставлены **Дневныя хищныя птицы** (Accipitres. Fängvögel. Oiseaux de proie diurnes). Въ прежнихъ системахъ ихъ соединяли въ отрядъ «Хищныхъ» вмѣстѣ съ совами, которыхъ Фюрбрингеръ относитъ къ ракшевиднымъ.

Почти всѣ относящіяся сюда виды питаются, можно сказать, исключительно другими животными. Они ловко подстерегаютъ свою жертву и болѣе или менѣе долго преслѣдуютъ ее въ воздухѣ или по землѣ, между вѣтвями деревьевъ или даже въ водѣ, пока наконецъ не схватятъ и не убьютъ ее; иногда они довольствуются тѣми трупами, которыхъ находятъ; однимъ словомъ они въ этомъ отношеніи вполне сходны съ хищными млекопитающими. Къ группѣ дневныхъ хищныхъ относятся крупныя, средней величины и мелкія птицы; но какъ бы ни было велико различіе въ этомъ отношеніи, общій характеръ группы замѣтенъ вездѣ безъ исключенія, и дневныхъ хищныхъ трудно смѣшивать съ другими птицами.

Въ общихъ чертахъ охарактеризовать эту группу довольно легко. Тѣло дневныхъ хищныхъ очень похоже на тѣло попугаевъ; оно сильное, сжатое съ боковъ, съ широкою грудью; конечности мощныя и производятъ впечатлѣніе избытка силы, несмотря на то, что кажутся иногда несоразмѣрно длинными. Голова у нихъ большая, красиво округленная, только въ исключительныхъ случаяхъ удлиненная; шея обыкновенно короткая и всегда толстая, даже тогда, когда она достигаетъ

*) Извѣщаемся передъ русскими читателями за этотъ новый и непривычный терминъ, но мы не нашли лучшаго для перевода нѣмецкаго слова «Stössvögel». Называть этихъ птицъ «ударными, схватными, бьющими» и т. д. намъ показалось неудобнымъ по разнымъ причинамъ. Боевыя, по крайней мѣрѣ, чисто русское слово, хотя употребляется у насъ въ другомъ смыслѣ.

Примѣч. редакц.

необычайной длины; туловище короткое и широкое, особенно в грудной области. Передняя и задняя конечности также плотные; таким образом легко узнать дневных хищных, даже лишенных своего вооружения, т. е. клюва и когтей, а также своего оперения. Тем не менее именно этим вооружением выражаются их характерные черты, и оно то преимущественно и служит их главным признаком. Клюв их напоминает в известных отношениях клюв попугая; он также короткий, верхняя половина его имеет выгнутую спинку и загнутый крючком кончик и также покрыта при основании восковицей; но верхняя половина неподвижна и шире нижней, которую она обхватывает; кроме того крючек ее более заострен и края острее, чем у попугая. Часто острота краев усиливается еще присутствием зубца на конце верхней челюсти; там, где нет этого зубца, края верхней челюсти выгнуты и только в исключительных случаях нет и этого изгиба. Ноги их также напоминают ноги попугая. Они так же короткие, сильные и длиннопалы, но всегда отличаются от последних расположением пальцем (три вперед, один назад), а также развитием когтей, благодаря которым они приспособлены к ловле добычи. Когти более или менее сильно загнуты и заострены, редко мало выгнуты и тупы; верхняя сторона их округлена, нижняя большею частью несколько выдолблена, так что представляет два острых края; они служат таким образом удобным хватательным органом и вместе с тем страшным оружием.

Оперение представляет значительное разнообразие, смотря по семействам и родам. Вообще перья крупные и редкие; но у соколов наблюдается как раз обратное. Добавочного пера, выходящего из стержня у основания опахала, нет у речной скопы и у грифов Нового Света. Пух, иногда покрытый тонкою пылью, как перья иных попугая, встречается у грифов и других дневных хищных или на всей поверхности тела, или сосредоточен преимущественно на шее и на голых полосах, находящихся между местами, заросшими кроющими перьями; иногда даже пух замняет в некоторых местах покровные перья. Случается, что отдельные места на голове, особенно часто—уздечка и, как у многих попугая, кольцо вокруг глаз не покрыты перьями. Как и у попугая, спинная оперенная полоса разделяется на две между лопатками и далее сдвигается; обе боковые ветви грудобрюшной оперенной полосы широко расходятся, иногда очень расширены в своей передней части и большею частью дают ясную наружную ветвь около плечевого сочленения. Маховые и рулевые перья всегда значительных размеров; число их очень постоянно: 10 больших маховых перьев, по крайней мере 12, но большею частью 13—16 малых маховых и почти всегда 12 парно одинаковых рулевых.

В окраске оперения преобладают темные цвета; но она не лишена красивых сочетаний, а также рисунков, удовлетворяющих нашим эстетическим понятиям. Некоторые представители дневных хищных могут даже считаться очень красиво окрашенными. Голые участки кожи на голове, гребни и бородки под клювом, которые также у них встречаются, уздечка, восковица, клюв, ноги и глаза иногда окрашены очень ярко.

Из органов чувств нужно прежде всего указать на глаза. Они всегда большие и обладают, благодаря присутствию гребня, наиболее совершенной внутренней подвижностью, аккомодацией, и допускают одинаково отчетливое зрение с различных расстояний, так как легко приспособляются к последним. По-прежнему приближая и удаляя руку от глаза грифов, можно без труда заметить, как изменится величина зрачка. Слух дневных хищных также высоко

развить; обоняніе, напротивъ, по сравненію съ зрѣніемъ и слухомъ, можетъ считаться слабымъ, хотя относительно грифовъ часто утверждали противное. Во всякомъ случаѣ чувство осязанія болѣе развито, нежели обоняніе и вкусъ; послѣдній, повидимому, стоитъ не на слишкомъ высокой степени развитія, хотя замѣчено, что дневныя хищныя дѣлаютъ выборъ между той или другой пищей и даже до извѣстной степени лакомы.

Умственная ограниченность наблюдается лишь у немногихъ дневныхъ хищныхъ; большинство-же ихъ несомнѣнно высоко одарено. Онѣ дѣйствительно обладаютъ большею частію приписываемыхъ имъ душевныхъ качествъ: мужество и самоувѣренность, конечно также жадность, жестокость, хитрость и даже злоба—являются ихъ отличительными качествами. Онѣ дѣйствуютъ, заранѣе обдумавъ свои намѣренія, составляютъ планъ дѣйствія и приводятъ его въ исполненіе. Онѣ самоотверженно преданы членамъ своей семьи, смѣло нападаютъ на враговъ и противниковъ и сильно привязываются къ друзьямъ. До какой степени можетъ дойти развитіе ихъ способностей, тому яркимъ примѣромъ служатъ соколы—самые хищные представители этой группы, которыми человекъ сумѣлъ воспользоваться для своихъ цѣлей.

Одного, общаго многимъ птицамъ качества недостаетъ дневнымъ хищнымъ: онѣ не имѣютъ пріятнаго голоса. Многія изъ нихъ могутъ издавать только одинъ или два, три различныхъ, простыхъ, подчасъ непріятныхъ звука. Впрочемъ, это не совершенно общій недостатокъ; нѣкоторыя изъ нихъ издаютъ звуки, которые даже музыкально развитое ухо можетъ считать пріятными.

Дневныя хищныя живутъ по всей землѣ, во всѣхъ широтахъ и долготахъ. Онѣ принадлежатъ большею частію къ древеснымъ птицамъ и потому преимущественно населяютъ лѣса, но не избѣгаютъ ни безлѣсныхъ горъ, ни голыхъ степеней и пустынь. Онѣ встрѣчаются на самыхъ небольшихъ островахъ океана, на высочайшихъ горныхъ вершинахъ, какъ на ледяныхъ поляхъ Гренландіи и Шпицбергена, такъ и въ сожженныхъ солнцемъ равнинахъ пустыни, какъ въ чащѣ вьющихся растений дѣвственнаго лѣса, такъ и на крышахъ церквей большихъ городовъ. Область распространенія отдѣльныхъ видовъ обыкновенно очень велика, но далеко не всегда соответствуетъ степени ихъ подвижности, можетъ даже, сравнительно съ послѣдней, оказаться очень ограниченной. Нѣкоторые виды, конечно, едва-ли имѣютъ опредѣленную область распространенія и кочуютъ почти по всей землѣ.

Многія изъ дневныхъ хищныхъ съ наступленіемъ зимы, когда ихъ охота становится менѣе прибыльной, откочевываютъ въ южныя страны, слѣдуя за болѣе мелкими птицами; но именно виды, населяющіе крайній сѣверъ, только перелетаютъ съ мѣста на мѣсто. Во время такихъ перелетовъ онѣ иногда соединяются въ стаи, которыхъ нельзя наблюдать въ другое время, такъ какъ только меньшинство этихъ птицъ можетъ быть причислено къ общественнымъ животнымъ. Эти общества уже къ веснѣ распадаются на меньшія, а эти на пары. Пары возвращаются на родину въ довольно точно опредѣленное время и при первой возможности приступаютъ къ выводу птенцовъ.

Всѣ дневныя хищныя выводятъ птенцовъ въ первые весенніе мѣсяцы, и только разъ въ годъ, если имъ ничто не помѣшаетъ. Гнѣзда свои они строятъ въ различныхъ мѣстахъ и, сообразно съ этимъ, различнымъ образомъ. Въ большинстве случаевъ они расположены на деревьяхъ, часто также на выступахъ скалъ, въ старыхъ зданияхъ, въ отверстіяхъ ихъ стѣнъ или на недоступной высотѣ; рѣже въ дулахъ деревьевъ и всего рѣже онѣ кладутъ яйца прямо на землю, на подстилку

изъ хвороста. Гнѣзда, расположенныя на деревьяхъ или скалахъ, всегда велики и широки, но плоски и съ неглубокой выемкой; они служатъ большею частію нѣсколько лѣтъ сряду и потому становятся постепенно значительно выше отъ ежегодныхъ поправокъ. Оба пола принимаютъ участіе въ постройкѣ гнѣзда; по крайней мѣрѣ самецъ помогаетъ самкѣ. Крупные виды не безъ труда добываютъ матеріалы, необходимыя для постройки, именно крѣпкія и толстыя палки. Орлы добываютъ ихъ, какъ рассказываетъ Чуди о беркутѣ, прямо съ деревьевъ; для этого они, сложивъ крылья, бросаются внизъ съ значительной высоты, схватываютъ на лету лапами намѣченную вѣтку и отламываютъ ее силой полученнаго толчка. Они несутъ затѣмъ къ гнѣзду доставшіеся имъ съ такимъ трудомъ вѣтки и сучья. Тѣ дневныя хищныя, которыя гнѣздятся въ дуплахъ и норахъ, кладутъ яйца прямо на гниль въ дуплѣ или на землю и голые камни. Не будетъ, вѣроятно, ошибкой сказать, что только меньшинство видовъ само строить себѣ гнѣзда. Менѣе крупные сокола предпочитаютъ пользоваться гнѣздами другихъ птицъ, именно вороньями въ широкомъ смыслѣ, другихъ дневныхъ хищныхъ, можетъ быть также гнѣздами цапель, черныхъ аистовъ и т. п. Иногда, какъ уже сказано выше, они пользуются дуплами деревьевъ, вообще строить гнѣзда лишь въ случаѣ крайней необходимости.

Согласно многолѣтнимъ наблюденіямъ Гомейера, въ Германіи болѣе крупные виды пользуются гнѣздами сарычей, болѣе мелкіе—гнѣздами черной или сѣрой вороны, рѣже—грача и сороки. Нѣкоторыя дневныя хищныя, напримѣръ, большіе орлы періодически мѣняютъ гнѣзда, которыя должны строить сами, благодаря ихъ значительнымъ размѣрамъ; маленькіе сапсаны охотно занимаютъ покинутыя гнѣзда орловъ. Можетъ случиться, что въ одномъ и томъ же гнѣздѣ попеременно высиживаютъ одинъ годъ—орланъ бѣлохвость или рѣчная скопа, а другой годъ—сапсанъ. Въ гнѣздахъ, построенныхъ первоначально, вѣроятно, сарычемъ, Гомейеръ находилъ высиживающихъ орлонъ-крикуновъ, коршуновъ, сапсановъ и ястребовъ.

Спариванію предшествуютъ разныя игры, вполнѣ соответствующія нраву этихъ гордыхъ птицъ. Выраженіемъ любви у большинства служатъ красивыя упражненія въ летаніи, часто совершенно отличныя отъ обыкновеннаго полета, пареніе на большой высотѣ своеобразныя, рѣзкіе или чрезвычайно пѣкные звуки выражаютъ у нѣкоторыхъ видовъ возбужденіе. Ревность играетъ, разумѣется, большую роль и въ этой семьѣ властелиновъ: они нападаютъ на всякаго пришельца и по возможности изгоняютъ его изъ своихъ владѣній, будь то даже чуждая птица, т. е. принадлежащая къ другому виду. Эти битвы служатъ поводомъ къ красивымъ движеніямъ, быстрому нападенію, ловкому отраженію, мужественному преслѣдованію одной птицы другою и къ такой же стойкой защитѣ. Когда раздраженные противники схватятся, они не уступаютъ оба: они царапаютъ другъ друга и, не будучи больше въ состояніи пользоваться крыльями, крутятся въ воздухѣ, падаютъ вмѣстѣ на землю. Здѣсь битва прерывается на одно мгновеніе; но едва она поднимется на воздухъ, какъ бой возобновляется снова съ такимъ-же ожесточеніемъ. Послѣ продолжительнаго поединка, болѣе слабый противникъ отступаетъ и, преслѣдуемый побѣдителемъ, покидаетъ его владѣнія. Несмотря на пораженіе, онъ не уступаетъ и часто война длится цѣлые дни, даже недѣлю, пока рядъ побѣдъ не обезпечитъ побѣдителя спокойнаго обладанія мѣстомъ. Эти битвы иногда, правда рѣдко, кончаются смертью одного изъ противниковъ. Избранная или взятая съ боя самка глубоко привязывается къ самцу и съ живымъ участіемъ слѣдитъ за такими битвами, но въ случаѣ неблагоприятнаго для нея исхода поединка, она спокойно покидаетъ его для побѣдителя.

Кругловатія яйца имѣютъ большую частію нѣсколько шероховатую скорлупу сплошь бѣлаго, сѣроватаго и желтоватаго цвѣта или усѣянную болѣе темными пятнами и точками по свѣтлому фону. Число ихъ колеблется отъ 1 до 7. У большинства видовъ дневныхъ хищныхъ насиживаетъ одна самка, но у нѣкоторыхъ самецъ по временамъ смѣняетъ ее. Насиживаніе продолжается отъ 2 до 6 недѣль, послѣ чего выдупляются птенцы въ совершенно безпомощномъ состояніи: маленькіе, круглые, покрытые густымъ бѣловато-сѣрымъ перистымъ пухомъ, съ большой головой и открытыми глазами. Они быстро растутъ и покрываются скоро, по крайней мѣрѣ съ верхней стороны, густыми перьями. Родители очень о нихъ заботятся, такъ-же какъ и лйцахъ, никогда не покидаютъ ихъ и жертвуютъ для нихъ жизнью, если не въ силахъ отразить нападеніе. Очень немногія дневныя хищныя выказываютъ трусость при подобныхъ же обстоятельствахъ; огромное большинство обнаруживаетъ, напротивъ, мужество, достойное уваженія. Нѣкоторые переносятъ своихъ птенцовъ на другое, болѣе безопасное мѣсто, если имъ угрожаетъ опасность. Такое же самоотверженіе, какъ при нападеніи враговъ, онѣ обнаруживаютъ, добывая птенцамъ нужную пищу. Онѣ приносятъ обильную добычу и при опасности прямо бросаютъ ее въ гнѣздо съ высоты. Сначала онѣ кормятъ птенцовъ полупереваренной пищей, отрывая ее изъ зоба, потомъ даютъ имъ разорванныя части животныхъ. Но у нѣкоторыхъ видовъ одна только самка умѣетъ готовить для птенцовъ пищу; самецъ не умѣетъ разрывать на части добычу и, въ случаѣ отсутствія самки, птенцы голодаютъ даже при изобиліи пищи. Молодыхъ хищниковъ, вылетѣвшихъ уже изъ гнѣзда, родители продолжаютъ еще долго водить, кормить, учить и оберегать.

Пища дневныхъ хищныхъ состоитъ изъ позвоночныхъ всѣхъ классовъ, самыхъ разнообразныхъ насѣкомыхъ, птичьихъ яицъ, червей, слизней, падали, человеческого кала и въ исключительныхъ случаяхъ также изъ плодовъ. Онѣ добываютъ себѣ пропитаніе то ловя живыхъ животныхъ, то отбивая у другихъ представителей этой же группы пойманную ими добычу, то просто подбирая найденную случайно падаль. Для ловли служатъ имъ лапы: клювомъ онѣ раздѣляютъ пищу на части или, вѣрнѣе, разрываютъ ее. Насѣкомыхъ онѣ ловятъ прямо клювомъ. Пищевареніе совершается у нихъ очень быстро. У тѣхъ изъ нихъ, которые имѣютъ зобъ, пища смачивается въ послѣднемъ слюною и отчасти разлагается; остальное довершаетъ быстро дѣйствующій желудочный сокъ. Кости, сухожилья и связки превращаются въ кашицу, перья и волосы сбиваются въ комки и время отъ времени отрываются въ видѣ такъ называемыхъ погадокъ. Пометъ ихъ представляетъ жидкую кашицу, похожую на разведенную известьку, и выбрасывается наружу струей. Всѣ дневныя хищныя могутъ заразъ съѣсть очень много, но зато могутъ и голодать подолгу.

Дѣятельность дневныхъ хищныхъ нужно разсмотрѣть еще съ другой и самой важной стороны: ихъ хищническія наклонности могутъ быть направлены на вредныхъ или полезныхъ намъ животныхъ и потому онѣ сами могутъ быть полезны или вредны. Въ своей совокупности эта группа должна считаться чрезвычайно полезною; но отдѣльные представители ея, напротивъ, вызываютъ болѣе или менѣе ожесточенныя преслѣдованія съ нашей стороны, такъ какъ истребляютъ много полезныхъ намъ животныхъ. Лишь немногія дневныя хищныя полезны намъ непосредственно: тѣ услуги, которыя могутъ оказывать намъ самыя одаренныя изъ этихъ птицъ, если ихъ поймать и выдресировать, — теперь потеряли свое значеніе, а польза, которую приносятъ намъ содержащія въ клеткахъ дѣльныя птицы, для многихъ непонятна и потому для нихъ не существуетъ. Но и самыя ограниченныя

люди должны наконецъ понять, сколько пользы приносятъ намъ, истребляя вредныхъ грызуновъ и насѣкомыхъ, многіе изъ этихъ хищниковъ, на которыхъ привыкли смотрѣть косо, и которые между тѣмъ работаютъ для насъ. Не только секретарь, уничтожающій ядовитыхъ змѣй, или грифъ, очищающій улицы въ городахъ Африки, южной Азіи и Америки, должны считаться незамѣнимыми; и у насъ на поляхъ и лугахъ живетъ много полезныхъ дневныхъ хищныхъ, заслуживающихъ не меньшаго уваженія, чѣмъ многія, такъ называемыя на востоцѣ «священныя» птицы. Всякій благоразумный человѣкъ обязанъ охранять и оберегать ихъ и не мѣшать ихъ дѣятельности.

Сравнительно съ этимъ невелика польза, которую могутъ приносить намъ, людямъ, дневныя хищныя во всѣхъ другихъ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ; мясо ихъ намъ не годится въ пищу, а перья орловъ имѣютъ цѣну только для альпійскихъ скотниковъ, индѣйцевъ и монголовъ. Польза, которую можно извлечь изъ нѣкоторыхъ орловъ и соколовъ въ предѣлахъ этихъ цѣлей, очень незначительна, а для иныхъ цѣлей нѣвыныя или убитыя дневныя хищныя непригодны. Онѣ могутъ быть дѣйствительно полезны, только пользуясь полной свободой.

Кромѣ человѣка, дневныя хищныя имѣютъ мало враговъ. Сила и ловкость ихъ служить имъ надежной защитой въ борьбѣ съ болѣе сильными противниками. Впрочемъ, онѣ немало терпятъ отъ различныхъ паразитовъ, какъ наружныхъ, такъ и внутреннихъ, и дѣлаются жертвой ненависти, которую по справедливости заслуживаютъ по крайней мѣрѣ многія изъ этихъ птицъ; въ общемъ однако онѣ живутъ безмятежной и свободной, прекрасной жизнью до тѣхъ поръ, пока не придутъ въ столкновение съ человѣкомъ. Послѣдній и есть самый опасный врагъ ихъ.

Различаютъ три семейства хищныхъ птицъ: семейство Соколиныхъ, Грифовыхъ Новаго Свѣта и Секретарей, изъ которыхъ первое является наиболѣе высокоорганизованнымъ.

Точная систематизація семейства **Соколиныхъ** (Falconidae. Falkenvögel. Falconides), къ которымъ главнымъ образомъ и относится все вышесказанное о хищныхъ, чрезвычайно затруднительна. Мы будемъ придерживаться подраздѣленія Рейхенова.

Соколиныя (Falconinae. Falken. Faucons), въ тѣсномъ смыслѣ, представляющія собой наиболѣе высокоорганизованное подсемейство, характеризуются слѣдующими признаками: на верхней половинѣ ихъ клюва имѣется замѣтный зубчикъ, на нижней—соотвѣствующая послѣднему выемка; плюсна ихъ довольно длинная; крылья длинны, заострены и доходятъ почти до самаго конца хвоста, второе или второе вмѣстѣ съ третьимъ маховыя перья—самыя длинныя, а первое по длинѣ равно третьему или четвертому. Подсемейство состоитъ изъ двухъ родовъ съ 60 видами въ обихъ вмѣстѣ, область распространенія которыхъ охватываетъ собой всю землю. Соколиныя питаются только свѣжеумерщвленной ими же добычей, и ловкостью и быстротой полета превосходятъ всѣхъ другихъ хищныхъ птицъ. Онѣ съ такой стремительностью бросаются на свою добычу, что наиболѣе рывныя изъ нихъ охотятся исключительно за летящими птицами или насѣкомыми.

Онѣ гнѣздятся на высочайшихъ вершинахъ деревьевъ, на скалахъ или башняхъ; яйца ихъ отъ яицъ другихъ хищныхъ птицъ отличаются ржаво-бурымъ основнымъ цвѣтомъ и болѣе темнымъ пятнистымъ рисункомъ.

На мой взгляд первое мѣсто между всѣми хищными птицами занимаютъ **Благородные соколы** (Falcones. Edelfalken. Faucon vrais), характеризующіеся круглыми ноздрями. Между птицами это то же, что кошки между хищными животными, и вообще изъ всѣхъ хищныхъ птицъ это самыя совершенныя. Ихъ душевныя качества, какъ я говорилъ о нихъ въ одномъ изъ первыхъ моихъ сочиненій, идутъ рука объ руку съ ихъ физическимъ совершенствомъ. Они—отъявленные разбойники, однако имъ можно простить бѣдствія, причиняемыя ими, ради того удивленія, въ которое они приводятъ насъ своей жизнью и поступками. Сила и ловкость, смѣлость и охотничій пылъ, благородная осанка, большая понятливость,— вотъ бросающіяся постоянно въ глаза качества этихъ птицъ.

Сокола живутъ во всѣхъ частяхъ свѣта и во всѣхъ областяхъ ихъ. Они встрѣчаются, начиная отъ береговъ океановъ и кончая вершинами высокихъ горныхъ поясовъ, живутъ преимущественно въ лѣсахъ, но почти столь же обыкновенны и на скалахъ и развалинахъ, какъ въ безлюдныхъ мѣстностяхъ, такъ и въ оживленныхъ городахъ. Распространеніе каждаго вида обнимаетъ собою большую площадь земного шара, и внѣ своего района замѣщается весьма близкими видами; кромѣ того каждый видъ предпринимаетъ весьма отдаленныя экскурсіи въ видѣ перелетовъ или кочевокъ. Многіе виды представляютъ собою настоящихъ перелетныхъ птицъ, другіе только иногда странствуютъ и наконецъ нѣкоторые причисляются къ числу кочевыхъ птицъ.

Всѣ благородные сокола являются птицами въ высшей степени ловкими въ своихъ движеніяхъ. Ихъ полетъ превосходить, благодаря необыкновенной быстротѣ, продолжительности и высшей степени ловкости. Соколъ пролетаетъ огромныя пространства съ невѣроятной стремительностью и при нападѣніи бросается со значительной высоты на земь, иногда съ такой стремительностью, что глазъ не можетъ различить его формъ. У настоящихъ благородныхъ соколовъ полетъ обусловливается быстро слѣдующими одинъ за другимъ ударами крыльевъ, лишь изрѣдка прерываемыми непродолжительнымъ и главнымъ наяриваніемъ полетомъ; полетъ другихъ соколовъ медленнѣе и болѣе наяриваній; послѣднимъ породамъ присуще также особое «трепыханіе (Rütteln)», какъ выражаются обыкновенно орнитологи, когда эти птицы держатся въ воздухѣ на одномъ мѣстѣ, продолжительно трепеща крыльями, чего нѣкоторые сокола однако не дѣлаютъ.

На пролетѣ или въ пору любви благородные сокола взвиваются на неизмѣримую высоту и наяриваютъ тамъ красивыми кругами, устраивая настоящія воздушныя игры ради удовольствія или для возбужденія самки. Въ другое время они держатся на высотѣ отъ 60—120 м. надъ землей. Сидя, благодаря короткости своихъ ногъ, они принимаютъ вертикальное положеніе, при походкѣ же держатъ тѣло горизонтально; однако на землѣ они являются чрезвычайно неловкими и страннымъ, безпомощнымъ образомъ прыгаютъ попеременно обѣими ногами, обыкновенно даже, чтобы подвинуться впередъ, бывають принуждены прибѣгать къ помощи своихъ крыльевъ.

Пищу благородныхъ соколовъ составляютъ позвоночныя животныя, и въ большинствѣ случаевъ преимущественно птицы, но они питаются также и насекомыми. Они ловятъ свою добычу почти всегда на лету и не въ состояніи схватить птицы, если она сидитъ на землѣ. Нѣтъ ни одного благороднаго сокола, который бы на свободѣ питался надалью; каждый болѣею частью питается добычей, имъ же самимъ захваченной: въ неволѣ голодь, конечно, можетъ принудить ихъ брать и мертвыхъ животныхъ. Пойманная добыча рѣдко бывасть съѣдена на мѣстѣ, обыкновенно же она относится на подходящее мѣсто, удобное тѣмъ, что оно

доставляет обширный кругозор или, прикрывая птицу, все-таки дает возможность осматривать окрестность.

Охотничьимъ временемъ благородныхъ соколовъ являются утренніе и вечерніе часы. Въ полдень они обыкновенно сидятъ съ набитымъ зобомъ на какомъ-нибудь возвышенномъ и укромномъ мѣстѣ и неподвижно, тихо, взъерошивъ перья, предавшись полудремотѣ, ждутъ пока переваривается пища. Они спятъ довольно долго, но зато поздно отправляются на покой; въ некоторыхъ можно видѣть охотящимися еще въ сумеркахъ.

Благородные сокола, хотя и не чужды обществу, но послѣдняя отнюдь не является для нихъ потребностью. Инымъ они большею частью живутъ парами въ какой-либо разѣ избранной ими области и въ этомъ районѣ не терпятъ присутствія ни другой пары ихъ же вида, ни какихъ-либо другихъ хищныхъ птицъ. Во время своихъ путешествій они летятъ стаями съ другими птицами ихъ вида, а равно и съ родственными формами; въ некоторые виды образуютъ тогда довольно значительныя стаи, которыя, повидимому, держатся вмѣстѣ по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ. Однако къ орламъ и совамъ такія стаи относятся столь же враждебно, какъ это въ некоторые изъ соколовъ выказываютъ еще на своей родинѣ. Никто изъ нихъ не пропуститъ случая досадить часто гораздо болѣе сильному пернатому хищнику.

Мѣстоположеніе гнѣздъ благородныхъ соколовъ бываетъ различно, большею частью таковымъ служить какая-либо подходящая разсѣлина крутой скалы, высокое строеніе или верхушка высочайшаго дерева въ лѣсу; однако въ некоторые виды устраиваютъ свои гнѣзда и тамъ, гдѣ нѣтъ деревьевъ и скаль, прямо на голой землѣ или для той же цѣли выбираютъ какое-нибудь просторное древесное дупло. Очень охотно также они пользуются гнѣздами другихъ болѣе крупныхъ птицъ, напримеръ различныхъ воронъ. Особеннаго труда при устройствѣ гнѣздъ эти сокола себѣ не даютъ. Натасканныя прутья обыкновенно складываются въ плоское ложе и только въ центрѣ гнѣзда слегка выкладываются въжыми корешками. Кладка состоитъ изъ 3—7 яицъ весьма однороднаго рисунка. Они кругловаты, съ болѣе или менѣе толстой скорлупой и обыкновенно по блѣдному розовато-бурому фону бывають густо покрыты болѣе темными въжыми крапинками и болѣе крупными пятнами того же цвѣта. Яйца высиживаются одною самкою и, пока послѣдняя сидитъ на нихъ, самецъ кормитъ ее и старается развлечь трудящуюся подругу, продѣлывая на ея глазахъ свои воздушныя упражненія. Молодые вскармливаются обоими родителями, которые выказываютъ по отношенію ихъ въжкую любовь, самоотверженно защищаютъ ихъ отъ враговъ, въ некоторомъ отношеніи и отъ человека, а по вылетѣ заботливо наставляютъ ихъ въ первыхъ шагахъ самостоятельной жизни.

Съ сожалѣнію, болѣе сильныя сокола принадлежать къ числу вредныхъ птицъ, почему и не могутъ быть терпимы у насъ; всѣ же мелкіе виды являются полезными птицами и заслуживаютъ пощады. За исключеніемъ человека, сокола имѣють немного враговъ и для болѣе слабыхъ видовъ, достигшихъ зрѣлости, таковыми будутъ ихъ болѣе крупныя сородичи. Яйца и птенцы иногда терпятъ отъ лазавшихъ хищныхъ звѣрей, однако это пока предположеніе, фактически еще не совсемъ доказанное.

Съ другой стороны съ древнихъ поръ благородныя сокола служатъ человеку для охотничьей потѣхи, что существуетъ еще и въ наши времена во многихъ мѣстностяхъ Азии и Африки. То были «соколы», упомянутые въ разныхъ народныхъ пѣсняхъ, тѣ самые, что употреблялись для травли. Все относящееся до этого рода охоты такъ

обстоятельно и сжато изложено Ленцомъ, что я не нахожу ничего лучшаго, какъ привести его слова. «Искусство дрессировки соколовъ для охоты ведетъ свое начало съ глубокой древности. Уже около 400 лѣтъ до Р. Х. Ктезій нашелъ подобную охоту у индѣйцевъ; за 75 лѣтъ до Р. Х. оракійцы уже охотились съ соколами; около 330 года послѣ Р. Х. Юлій Фирмикъ Матернусъ изъ Сициліи говоритъ про *nutritores accipitrum, falconum ceterarumque avium, quae ad aucupia pertinent* (воспитателей ястребовъ, соколовъ и другихъ птицъ, которыя годятся для птицеловства). Около 480 г. по Р. Х. соколиная охота была еще мало развита у римлянъ, такъ какъ Сидоній Аполлинарій прославилъ Гекдицію, сына Авита, римскаго цезаря того времени, говоря, что онъ первый въ своей странѣ ввелъ соколиную охоту. Однако вскорѣ послѣ него число любителей этого дѣла настолько увеличилось, что соколиная и псовая охоты въ 506 году на мѣстномъ соборѣ въ Агдѣ были запрещены духовнымъ лицамъ. Это запрещеніе не имѣло никакихъ результатовъ и столь же безуспѣшно было повторено въ 517 году въ Эпаонѣ и въ 585—въ Макопѣ. Въ VIII столѣтіи король Этельбертъ писалъ Бонифацію, архіепископу Майнскому, прося прислать пару соколовъ, которые служили бы для травли журавлей. Въ 800 году Карлъ Великій издалъ слѣдующее постановленіе объ охотничьихъ ястребахъ, соколахъ и кобчикахъ, «Кто украдетъ или захватитъ ястреба, ловящаго журавлей, тотъ, взявъ его, какъ вознагражденіе, обязанъ дать такого-же, какъ былъ тотъ, и 6 шиллинговъ; за сокола, который бьетъ птицъ на воздухѣ—3 шиллинга. Кто украдетъ или убьетъ ястреба или другую птицу, которую носить на рукѣ, тотъ долженъ въ вознагражденіе дать такую-же, какъ была та, и одинъ шиллингъ». Особенно сильное развитіе соколиная охота получила въ средніе вѣка послѣ первыхъ крестовыхъ походовъ, такъ какъ крестоносцы нашли эту охоту процвѣтающею на Востоцѣ и оттуда принесли хорошихъ соколовъ и опытныхъ сокольниковъ. Императоръ Фридрихъ Барбаросса самъ дрессировалъ охотничьихъ соколовъ, лошадей и собакъ. По разсказамъ Вандолуса, графъ Эсте, Ринальдо, сынъ Бартоло, держалъ, тратя большія деньги, до 150 охотничьихъ соколовъ. Императоръ германскій Генрихъ VI, по словамъ Колленуціо, также былъ большимъ любителемъ соколиной охоты; императоръ Фридрихъ II былъ самымъ ловкимъ и страстнымъ охотникомъ своего времени и написалъ книгу: «*De arte venandi cum avibus*», (искусство охотиться съ птицами) которая однако была напечатана только въ 1596 году, именно въ Аугсбургѣ. Рукопись сопровождалась примѣчаніями сына Фридриха, Манфреда, короля Сициліи. Филиппъ Августъ, король Франціи, у котораго во время осады Аккона улетѣлъ отличный соколъ, щеотно предлагалъ туркамъ за возвращеніе птицы 1000 червонцевъ. Около 1270 года Дмитрій, вѣроятно врачъ греческаго короля Михаила Палеолога, написалъ на греческомъ языкѣ книгу о соколиной охотѣ; она была напечатана въ Парижѣ въ 1612 году. О томъ увлеченіи, съ которымъ велась соколиная охота даже дамами, даетъ свидѣнія книга, «*De la Curie de Sainte-Palaye*» (Paris 1759). Въ Пруссіи въ 1396 году гофмейстеръ Колрадъ фонъ-Юнгингенъ основалъ даже школу сокольниковъ. Англійскій король, Эдуардъ III, назначилъ смертную казнь за воровство ястреба и присуждалъ разорившаго ястребиное гнѣздо на одинъ годъ и одинъ день тюремнаго заключенія. Когда Баязетъ въ битвѣ подъ Никополемъ въ 1396 году взялъ въ плѣнъ герцога Неверскаго и многихъ французскихъ рыцарей, то онъ отвергалъ всякіе, предложенные за нихъ выкуны. Но, когда вмѣсто денегъ ему были предложены посланные герцогомъ Бургундскимъ 12 бѣлыхъ крестовъ, то онъ тотчасъ-же освободилъ за нихъ герцога и всѣхъ плѣнныхъ французовъ. Французскій король, Францискъ I, имѣлъ особаго главнаго сокольникаго, которому были подчинены 15 сокольниковъ изъ дворянъ и 50 человекъ прислуги. Число его

соколовъ достигало до 300. Король Карлъ V передалъ островъ Мальту Иоганнитамъ подъ условіемъ, чтобы они ежегодно доставляли ему по одному бѣлому кречету. Послѣ того, какъ духовенству наконецъ была-таки запрещена соколиная охота, бароны отстояли себѣ право во время мессы сажать своихъ соколовъ на алтарь».

«Людовикъ IV, ландграфъ Гессенскій», сообщаетъ Ландау по старымъ источникамъ, «5 мая 1577 года запретилъ подъ страхомъ крупнаго взысканія опустошеніе соколиныхъ гнѣздъ и ловлю самихъ соколовъ. Извѣстно еще одно письмо отъ 18 ноября 1629 года, адресованное Гессенскому ландграфу Вильгельму V, въ которомъ было описано, какъ при дрессировкѣ соколовъ цаплямъ надѣвали на обѣ половинки клюва бузиновые трубочки, чтобы онѣ не причинили соколамъ какого-либо вреда ударами своего клюва, затѣмъ, какъ на шею цапель надѣвались холщевые футляры для предохраненія ихъ отъ задушенія соколами и наконецъ какъ, для большей легкости поимки цапель, къ ногамъ ихъ подвѣшивались тяжести, замедлявшія полетъ. При Гессенскомъ ландграфѣ Филиппѣ любителямъ голубей было предписано каждаго десятаго голубя доставлять въ княжескую охоту для упражненія соколовъ. Чтобы не имѣть недостатка въ цапляхъ для соколиной охоты, имѣлись особыя помѣщенія, гдѣ эти птицы воспитывались смолоду.

«Цѣлыя столѣтія существовала лучшая, а впоследствии единственная въ Европѣ школа сокольничьихъ въ селѣ Фалкенвертѣ во Фландріи. Въ прежнія времена соколовъ, ловимыхъ на мѣстѣ, далеко не хватало для удовлетворенія спроса: на ловлю ихъ люди отправлялись до Норвегіи и Исландіи и особенно этотъ островъ доставлялъ лучшихъ ловчихъ птицъ. Въ Помераніи также, какъ сообщаетъ Шмидтъ, прежде голландскіе соколиные охотники усердно ловили по берегамъ соколовъ, изголодавшихъ и уставшихъ отъ полета черезъ море съ сѣвера и такимъ образомъ иногда налавливали ихъ до 100 штукъ. Возвращаясь обратно въ Голландію, ловцы сажали птицъ на шести, положенные на каждое плечо. Ради экономіи для корма этихъ птицъ, дорогой они выпрашивали и убивали лишнихъ деревенскихъ собакъ». О состояніи соколиной школы въ Фалкенвертѣ въ 1860 г. генераль фонъ Арденшъ сообщаетъ слѣдующее.

«Еще теперь въ Фалгенвертѣ живутъ люди, усердно занимающіеся ловлей и дрессировкой соколовъ. Мѣстоположеніе этого мѣстечка совершенно открытое, степное, что весьма благоприятствуетъ этому занятію. Сокола ловятъ осенью. Обыкновенно держатъ только самокъ, и лучше всего однолѣтнихъ, такъ какъ онѣ оказываются наилучшими; двухлѣтнія также еще годны для дрессировки, старыхъ же выпускаютъ снова на волю. Ловли ведется слѣдующимъ образомъ: ловець тщательно прячется на открытомъ полѣ, причеъ отъ него тянется шнуръ около 100 м. длины съ привязаннымъ на концѣ его живымъ голубемъ, который можетъ свободно двигаться по землѣ. На разстояніи около 40 м. отъ ловца вышеописанный шнуръ проходитъ въ кольцо, возлѣ котораго приспособлена особая накрывающая сѣть, отъ которой также къ ловцу протянута бичева. Лишь только появится какой-нибудь соколъ, ловець тянетъ за шнуръ голубя къ себѣ, послѣдній пытается улетѣть, чѣмъ приманиваетъ къ себѣ вниманіе сокола, который и ловить его на лету. Въ то же мгновеніе ловець мало-по-малу начинаетъ подтягивать голубя, а вмѣстѣ съ нимъ и крѣпко вцѣпившагося въ послѣдняго сокола, къ кольцу, у котораго обѣ птицы и накрываются внезапно сѣтью. Очень важно точно же узнать о появленіи въ данной мѣстности сокола, для чего охотникъ пользуется услугами чрезвычайнаго чуткаго и зоркаго стража, именно сорокопута (*Lanius excubitor*), который привязывается неподалеку отъ голубя и никогда не пропуститъ подать свой далеко слышимый голосъ, какъ только издали увидитъ появившагося сокола.

Возлѣ него вырывается яма, въ которую сорокопуть въ случаѣ нужды можетъ спрятаться. Только что пойманнаго сокола нужно непремѣнно три дня продержать голоднымъ, а впослѣдствіи какъ можно чаще носить его на рукѣ, завязавъ глаза. Къ лишенію сна не прибѣгаютъ. До весны соколъ долженъ хорошо выдрессироваться и тогда Фалкенвертскіе ловцы ѣдутъ въ Англію къ герцогу Бадфордскому, къ которому они и нанимаются на нѣкоторое время вмѣстѣ со своими соколами. Во время охоты эти люди нерѣдко ломаютъ себѣ шею и ноги, такъ какъ имъ приходится прыгать черезъ пни и камни, будучи вынуждены при этомъ, слѣдя за соколомъ, не спускать глазъ съ неба. Обыкновенный соколъ служить не болѣе трехъ лѣтъ.

«Въ XVIII столѣтіи соколиная охота мало-по-малу вышла изъ моды. Будучи мальчикомъ, я зналъ одного соколинаго охотника, который еще съ большой страстью предавался этой охотѣ; такой же страстный любитель жилъ въ то время и въ Мейнингенѣ. Насколько мнѣ извѣстно, въ настоящее время соколиныя охоты сохранились еще въ слѣдующихъ мѣстахъ Европы: прежде всего въ Бадфордѣ въ Англіи у герцога Бадфордскаго; затѣмъ въ Диллингтонъ-Галлѣ въ Норфолькскомъ графствѣ у лорда Бэрнэрс. Каждую осень изъ Фалкенверта въ Бадфордъ и Диллингтонъ-Галлѣ прибываютъ ловцы соколовъ съ ихъ соколами, зимой возвращающиеся къ себѣ обратно. Въ Диллингтонѣ есть специальный цанлиный садокъ, гдѣ въ безчисленномъ количествѣ гнѣздятся и выводятся цанли. Наконецъ въ Лoo, имѣніи Голландскаго короля, еще въ 1841 году усердно велась соколиная охота.

«Къ атрибутамъ соколиной охоты относятся слѣдующіе предметы: кожаный колпачекъ, устроенный такимъ образомъ, чтобы онъ не давилъ на глаза, короткая и длинная привязь, обѣ ремянные, причемъ послѣдняя бываетъ около 2 м. длиной. Онѣ прикрѣпляются къ саложку т. е. къ кожаному кольцу, охватывающему ногу птицы. Изъ пары птичьихъ крыльевъ, привязанныхъ къ яйцеобразному тѣлу, устраивается небольшое чучелко, служащее для обратнаго приманиванія сокола, который издали принимаетъ чучелко за птицу. Въ защиту отъ острыхъ когтей сокола рука соколиничьяго должна быть одѣта въ толстую перчатку. Когда начинается дрессировка, соколу надѣваютъ на голову колпакъ, привязываютъ къ цѣпи и 24 часа выдерживаютъ голоднымъ, послѣ чего его сажаютъ на тылъ ладони, снимаютъ колпачекъ и даютъ съѣсть птицу. Если онъ не ѣсть, на него снова надѣваютъ колпакъ и только черезъ 24 часа снимаютъ послѣдній; если-же онъ въ теченіи 5 дней не захочетъ ѣсть, сидя на рукѣ, то каждый разъ не мпущетъ колпака и безжалостно голодаетъ, сидя на ремяной цѣпи. Впрочемъ, чѣмъ чаще за это время съ птицы снимаютъ колпакъ и сажаютъ ее на кулакъ, тѣмъ легче она ручѣется и тѣмъ охотнѣе пріучается ѣсть, сидя на рукѣ. Какъ только послѣднее достигнуто, начинаются самыя учебныя упражненія, причемъ передъ каждымъ изъ нихъ соколъ долгое время носится на рукѣ съ открытой головой, и послѣ каждаго на него снова надѣвается колпакъ и прикрѣпляется цѣпь, чтобы онъ спокойно могъ поразмыслить о данномъ ему урокѣ. Во время первыхъ уроковъ птицу съ открытой головой сажаютъ на спинку стула и оттуда приглашаютъ ее для ѣды сначала скакнуть на руку, а послѣ прилетать къ охотнику все съ болѣе и болѣе далекаго разстоянія; то же самое затѣмъ продѣлывается и на волѣ, причемъ однако соколъ во избѣжаніе, бѣгства удерживается на бичевѣ, привязанной къ длинной ремянной цѣпи; соколиничій становится такимъ образомъ, что птица должна летѣть противъ вѣтра, такъ какъ соколъ, какъ и другія птицы, летитъ по вѣтру очень неохотно. Если онъ хорошо исполняетъ свое дѣло, на него вечеромъ надѣваютъ колпакъ и сажаютъ на подвижный обручъ и качаютъ всю ночь, чтобы онъ совершенно не могъ спать;

на слѣдующее утро начинаются прежнія упражненія; онъ ѣсть на рукѣ, его снова носятъ до вечера и снова всю ночь качаютъ; то же самое продѣлывается и на третій день и на третью ночь; на четвертый день все повторяется снова и только теперь ему даютъ ночью соснуть. На слѣдующій день его пускаютъ свободно на землю, не привязывая на бичевку и удерживая на одной только длинной ремняной цѣпи; онъ долженъ летать за пищей на руку; если онъ летитъ мимо, за нимъ идутъ слѣдомъ и манятъ его до тѣхъ поръ, пока онъ наконецъ не прилетитъ. Съ этого момента такое упражненіе часто повторяется на волѣ; птица приучается также прилетать на руку охотника, сидящаго на лошади и не бояться ни людей, ни собакъ.

«Теперь наступаетъ первый урокъ травли. На воздухъ бросаютъ убитаго голубя, пускаютъ на него сокола, привязаннаго къ длинному шнурку, и для перваго раза дозволяютъ немного поѣсть; впоследствии же голуби у него отнимаютъ тотчасъ же и только на рукѣ онъ получаетъ какую-либо подачку. Въ слѣдующіе дни такія же упражненія продѣлываются нѣсколько разъ съ живыми птицами, у которыхъ подрѣзаютъ маховыя перья; затѣмъ при помощи легавыхъ собакъ разыскиваютъ куропатокъ, по возможности одиночныхъ экземпляровъ, быстро снимаютъ съ сокола колпакъ, какъ только куропатка взлетитъ, и спускаютъ его на нес. Если онъ промахнулся, его приманиваютъ обратно живымъ голубемъ съ подрѣзанными маховыми перьями, или же чучеломъ. Чтобы приучить его схватывать болѣе сильныхъ птицъ, какъ напримѣръ, цапель и журавлей, его сначала дрессируютъ на молодыхъ птицахъ этого вида, или же на старыхъ, у которыхъ подрѣзаны крылья, а на клювѣ надѣтъ футляръ; также его вначалѣ, если возможно, спускаютъ вмѣстѣ съ хорошимъ старымъ соколомъ. Предназначеннымъ для этихъ упражненій цаплямъ и журавлямъ на шею надѣвается чехоль изъ мягкой кожи, чтобы онѣ не такъ легко могли быть задушены. При нападеніи на цапель сокола обыкновенно взвиваются высоко на воздухъ и оттуда сверху стремглавъ несутся на добычу; съ своей стороны цапля также всегда старается взлетѣть еще выше и съ изумительной быстротой протягиваетъ по направленію къ несущемуся врагу острый конецъ своего клюва съ цѣлью проткнуть противника. Наконецъ соколъ схватывается съ цаплей и оба падаютъ съ высоты внизъ. Быстро поспѣвающіе охотники сейчасъ-же освобождаютъ сокола, даютъ ему въ награду хорошій кусокъ мяса и лишаютъ цаплю ея наиболѣе красивыхъ перьевъ. Послѣ этого на ногу цапли надѣвается металлическое кольцо, на которомъ вырѣзается годъ и мѣсто ловли и ее отпускаютъ на свободу. Нѣкоторыя цапли нерѣдко бываютъ вновь затравлены иногда по прошествіи многихъ годовъ и такимъ образомъ украшаются нѣсколькими кольцами. Если хотѣть, чтобы птицы хорошо травили зайцевъ, для чего главнымъ образомъ употребляются въ дѣло ястреба, то готовятъ хорошее чучело зайца, много разъ кормятъ ястреба, посадивъ его на это чучело, затѣмъ привязываютъ мясо къ самому чучелу, ставятъ послѣднее на колеса и заставляютъ человека сначала тихо, затѣмъ быстро возить такого зайца по землѣ, наконецъ даже запрягаютъ быструю лошадь, гоняютъ чучело по полю и пускаютъ ему вслѣдъ сокола. Для соколиной охоты нужна ровная, безлѣсная мѣстность».

Наиболѣе пышно издавна обставлялась соколиная охота въ Средней Азій «Въ маргѣ», пишеть около 1290 года Марко Поло, «халъ Кублай обыкновенно уѣзжаетъ изъ Камбалу; онъ беретъ тогда съ собой около 10000 соколиничьихъ и ловцовъ. Эти послѣдніе разлѣзжаются по странѣ группами въ 200—300 человекъ и все, что ими убивается, должно было доставляемо хану. При своей персонѣ халъ имѣеть еще особую свиту изъ 10000 человекъ, изъ которыхъ каждый

имѣть свистокъ. Когда ханъ охотится, они становятся въ нѣкоторомъ отдаленіи другъ отъ друга, образуя вокругъ хана обширный кругъ, слѣдятъ за выпускаемыми имъ соколами, ловятъ ихъ и подвозятъ къ хану обратно. Всякій соколъ, принадлежащій хану или какому-либо высокому сановнику, имѣетъ на своей ногѣ серебряную бляху съ вырѣзаннымъ на немъ именемъ владѣльца сокола и сокольника. Существуетъ даже особый чиновникъ, въ руки которому сдаются тѣ сокола, владѣльцы которыхъ сразу не находятся. Во время охоты ханъ ѣздитъ на слонѣ и всегда имѣетъ при себѣ 12 лучшихъ соколовъ. Около него ѣдетъ верхомъ толпа людей, высматривающая птицъ и дѣлающая хану знаки тотчасъ, если появится что-либо достойное охоты. По всему государству изъ году въ годъ заботливо разводятся зайцы и пернатая дичь, чтобы для ханскихъ охотъ всегда былъ въ нихъ избытокъ.» Тавернье, много лѣтъ прожившій въ Персіи, рассказываетъ (1681) слѣдующее: «персидскій шахъ держитъ при себѣ болѣе 800 соколовъ, изъ которыхъ одни служатъ для травли дикихъ кабановъ, дикихъ ословъ, антилопъ, лисицъ, другіе для поимки журавлей, цапель, гусей и куропатокъ. При дрессировкѣ соколовъ на четвероногихъ животныхъ берутъ какое-нибудь чучело, кладутъ въ глазныя впадины мясо и дозволяютъ птицѣ, сидящей на чучелѣ, съѣсть это мясо. Когда это удается, чучело ставится на четыре колеса и приводится въ движеніе; сокола же по прежнему приучаютъ ѣсть, сидя на головѣ чучела. Наконецъ впрягаютъ впереди лошадь и все время, пока соколъ сидитъ и ѣсть, возятъ чучело, насколько можно быстро. Такимъ же способомъ дрессируютъ даже ворововъ». Шарденъ, который немного спустя послѣ Тавернье также жилъ долгое время въ Персіи, добавляетъ къ вышесказанному: когда соколъ нападетъ на какое-нибудь сильное четвероногое и сидитъ послѣднему на голову, къ нему на помощь сбѣгаютъ съ собаками; еще въ началѣ VII столѣтія соколовъ часто дрессировали нападать на людей и выклеивать у нихъ глаза». Что и въ болѣе новое время соколиная охота еще не исчезла въ Персіи, мы узнаемъ изъ эскизовъ о Персіи Джона Малькольма, появившихся въ 1827 году. «Охота ведется», такъ рассказываетъ онъ, «на лошади съ соколами и борзыми. Если гдѣ-нибудь встрѣчатъ антилопу, за ней гонятся съ быстротою вѣтра. Собакъ и соколовъ спускаютъ совершенно. Послѣдніе летятъ близко надъ землей и быстро достигаютъ добычу, бросаются на ея голову и задерживаютъ дичь на мѣстѣ; въ это время подоспѣваютъ собаки и выцѣпляютъ въ свою добычу. На старыхъ самцовъ антилопъ соколовъ не спускаютъ, такъ какъ они легко прокалываютъ рогами этихъ прекрасныхъ птицъ». Малькольмъ присутствовалъ также при охотѣ на вихляевъ (*Otis macqueenii*) и рассказываетъ, что эта птица такъ сильно защищается крыльями и клювомъ, что иногда прогоняетъ сокола. Въ новѣйшее время Гюгель видѣлъ между Лагоромъ и Канниромъ Ваджаурскаго раджу, охотившагося съ соколами на куропатокъ. Муравьевъ въ 1820 году повсемѣстно въ Хивѣ нашелъ дрессированныхъ соколовъ; послѣдніе спускались даже на дикихъ козъ. Эрмаицъ въ 1828 году нашелъ у банкировъ и киргизовъ соколовъ, дрессированныхъ для травли зайцевъ, и орловъ, приученныхъ травить лисицъ и волковъ. Эверманъ также въ 1825 году встрѣтилъ у банкировъ дрессированныхъ беркутовъ, могильниковъ, ястребовъ и перенелатниковъ. Аткинсонъ нарисовалъ киргизскаго бека, кормищаго своего любимца ловчаго орла. Далѣе отъ Вальтера и Мозера мы узнаемъ, что и теперь еще въ центральной Азій усердно ведется соколиная охота и въ Бухарѣ и Туркменіи цѣна а хорошаго сокола можетъ равняться цѣнѣ и лошади. У киргизовъ, у которыхъ, по словамъ Мозера, соколиная охота воведена въ степень настоящей науки, гдѣ ими пользуются для мелкой дичи,

а орлами для крупной, испытанный соколъ такъ высоко цѣнится, что владѣтель его скорѣе рѣшится продать свою жену, нежели сокола.

Я добавлю къ вышеприведеннымъ даннымъ, что въ Англіи и теперь стремятся къ благородной соколиной охотѣ. Эрцгерцогъ Рудольфъ, кронпринцъ Австрійскій, видѣлъ въ Александра-Галлѣ въ Лондонѣ ловчихъ соколовъ, сапсановъ и ястребовъ, принадлежавшихъ одному охотничьему обществу и съ которыми охотились въ Ирландіи, Голландіи, Нормандіи и Бретани. Кронпринцъ самъ сажалъ на руку соколовъ и спускалъ сапсана на голубя, который, несмотря на близость гигантскаго города, скоро сдѣлался добычей ловчей птицы *).

Соколиная охота по сію пору еще представляетъ собой обыкновенное явленіе у арабовъ, въ особенности у бедуиновъ Сахары, у персовъ, индусовъ, различныхъ кавказскихъ и средне-азиатскихъ племенъ, у китайцевъ и другихъ монгольскихъ народовъ. Арабы особенно предпочитаютъ балабановъ, водящихся на югѣ Европы, которыхъ они называютъ «Сукръ-эль-Хоръ», и ловятъ на сѣверѣ Африки какъ зимнихъ гостей или привозятъ изъ Сиріи, Малой Азіи, Крыма и Персіи, причемъ арабы за хорошо дрессированныхъ соколовъ платятъ необыкновенно высокія цѣны. Мнѣ ни разу не представилось случая видѣть лично соколиную охоту арабовъ, однако, благодаря Гейглину, мы имѣемъ очень дѣльное и подробное описаніе дрессировки и травли соколовъ. «Арабскіе соколиные охотники», говоритъ этотъ натуралистъ, «ловятъ «сукровъ» въ капканы, дуги которыхъ обернуты матеріей, чтобы не порвать ногъ пойманной птицы. Западни приносятся на такія мѣста на деревьяхъ, гдѣ эти птицы обыкновенно ночуютъ, причемъ онѣ снабжены шарниромъ, который легко оборачивается, такъ что пойманный соколъ виситъ съ капканомъ на воздухѣ и не можетъ себѣ нанести никакого вреда, пока его не вынетъ изъ западни поджидающій охотникъ. Прирученіе сокола къ охотѣ за газелями требуетъ много вниманія, терпѣнія и ловкости со стороны соколинаго охотника. Последній тотчасъ же привязываетъ своего любимца, надѣваетъ ему кожаный колпакъ, въ которомъ есть только одно отверстіе для клюва, а на затылкѣ онъ можетъ быть завязанъ съ помощью кожаныхъ ремешковъ. Птицу относятъ въ темное помѣщеніе и сажаютъ на какую-нибудь деревянную жердочку или на сосудъ, наполненный сухимъ пескомъ. Первые дни ее нужно поморить голодомъ; кормленіе совершается только на перчаткѣ сокольникаго. При этомъ колпачекъ всегда снимается съ сокола и онъ скоро привыкаетъ къ перчаткѣ и даже къ движеніямъ руки. Пища, довольно скудно доставляемая ему, состоитъ преимущественно изъ сердца и печени домашняго скота. Затѣмъ соколиный охотникъ начинаетъ приучать его, снявъ колпачокъ, летать къ перчаткѣ сначала въ комнатѣ, позвѣте па волѣ, сперва, конечно, на привязи, мало по малу увеличивая разстояніе; послѣ же кормежки тотчасъ же снова надѣваютъ колпакъ на голову сокола. Наконецъ къ дѣлу примѣняется удлиннная реминная привязь и чучело газели, глазныя впадины котораго наполняются кормомъ».

Приемы и самая охота индѣйскихъ соколиныхъ охотниковъ весьма картинно и живо описаны Жердономъ: «Въ различныхъ мѣстностяхъ страны дрессируются сапсаны, обыкновенные въ данной области въ зимнее время. Ихъ ловятъ по берегамъ и продаютъ 2—10 рупій настоящимъ соколинымъ охотникамъ, которые и

*) Русскіе князья и цари издавна также занимались соколиной охотой и держали цѣлый штатъ сокольниковъ и лощовъ. Умѣніе дрессировать хищныхъ птицъ въ Россію проникло, вѣроятно, съ востока. Въ послѣднее время были сдѣланы, впрочемъ неудачныя, попытки возобновить этого рода охоту.

натаскиваютъ ихъ на цапель, аистовъ, журавлей, разинъ, ключачей, ибисовъ и даже на дрохвъ. При этомъ я долженъ замѣтить, что мнѣніе, будто цапля при подобной травлѣ пытается пронзить сокола своимъ клювомъ, совершенно подтверждается туземными сокольниковыми, которые насчетъ этой охоты имѣютъ болѣе опытности, чѣмъ кто-либо изъ европейцевъ. Даже тогда, когда соколъ уже сбиль на землю свою добычу, онъ еще рискуетъ погвбнуть отъ ударовъ мощнаго клюва цапли, если только онъ съ перваго разу не вцѣпился лапой въ затылокъ своей добычи, что старая ловчая птица, конечно, всегда старается сдѣлать. Когда охотится за красавкой (*Grus virgo*), то сапсанъ весьма оберегается острога, кривого задняго когтя этой птицы, который можетъ причинить опасныя раны. Пожалуй еще болѣе, чѣмъ сапсанъ, цѣнится у индѣйцевъ «шахинъ» или королевскій соколъ (*Falco peregrinator*); ему отдаютъ предпочтеніе передъ всѣми другими. Этихъ соколовъ ежегодно ловятъ массамаи, именно на тонкихъ камышинахъ, которыя намазываются птичьимъ клеемъ, и куда сокола приманиваются при посредствѣ мелкихъ птицъ. Этотъ соколъ въ особенности дрессируется для охоты на «сидячую дичь», выражаясь охотничьимъ языкомъ, т. е. его не спускаютъ на добычу съ руки, но онъ высоко паритъ въ воздухъ и описываетъ надъ сокольниковымъ до тѣхъ поръ свои круги, пока не спугнетъ какую-нибудь дичину. Тогда онъ съ изумительной поспѣшностью несется внизъ, стремглавъ, на испуганное животное. Дѣйствительно, чудное зрѣлище представляетъ собой этотъ соколъ, когда онъ несется за куропаткой или дрохвой, уже отлетѣвшими на довольно далекое расстояние. Едва только соколъ замѣтитъ спугнутую имъ добычу, онъ дважды или трижды летитъ внизъ и затѣмъ, сложивъ крылья, коломъ бросается прямо на вспугнутую птицу, причемъ движеніе его быстрое, нежели пущенная изъ лука стрѣла. Этотъ родъ охоты, правда весьма безопасный, хотя значительно болѣе интересный, нежели охота съ короткокрылыми соколами, все-таки нельзя сравнивать съ великолѣпной охотой съ сапсанами, которыхъ спускаютъ съ руки на цаплю или ключача».

Послѣ этихъ предварительныхъ свѣдѣній мы можемъ перейти къ ознакомленію съ наиболѣе извѣстными и интересными видами соколовъ.

Самыми благородными изъ птицъ этого рода можно считать **Кречетовъ**, жителей далекаго сѣвера. Для нихъ характерны: весьма значительная величина, относительно сильный, согнутый кривымъ крючкомъ клювъ, плюсна, оперенная до двухъ третей своей длины и длинный въ сравненіи съ крыльями хвостъ. Во всемъ остальномъ они чрезвычайно схожи съ другими благородными соколами; даже нельзя считать отличительнымъ признакомъ не разъ высказываемое замѣчаніе, что въ старости опереніе ихъ дѣлается бѣлымъ.

Несмотря на самое тщательнѣйшее изслѣдованіе натуралисты еще не пришли къ соглашенію, должны ли мы различать одинъ, два, или три вида кречетовъ, почему во всѣхъ учебникахъ по поводу этой птицы встрѣчаются значительныя разноглаголія. Я полагаю, что нужно признать существованіе двухъ видовъ, что, конечно, ни въ коемъ случаѣ не исключаетъ возможности въ концѣ концовъ считать ихъ разновидностями одного и того же вида. По крайней мѣрѣ мы можемъ различить эти двѣ формы по оперенію всѣхъ возрастовъ съ нѣкоторою достовѣрностью, а по оперенію взрослыхъ—съ полною точностью; оба они также, повидимому, нѣсколько, хотя мало, различаются другъ отъ друга условіями жизни.

Опереніе **Обыкновеннаго кречета** (*Falco candicans, arcticus, islandus, islandicus, groenlandicus, holböllii, Hierofalco arcticus, islandicus, groenlandicus, holböllii. Jagd-*

falke. Gerfault commun) чисто бѣлаго цвѣта съ болѣе или менѣе темнымъ черно-бурымъ рисункомъ изъ пятенъ, который со временемъ почти совершенно исчезаетъ, но на кончикахъ перьевъ мелкаго оперенія остаются въ видѣ крапинокъ или пятенъ, похожихъ по формѣ на наконечникъ стрѣлы. Глаза, обрамленные голымъ зеленовато-темнымъ ободкомъ—бураго цвѣта; клювъ у старыхъ птицъ желтовато-синяго цвѣта, темнѣе на концѣ, желтый на восковицѣ; ноги у вполне взрослыхъ—желтыя, у молодыхъ—голубыя.

Сокола такой окраски и такого рисунка гнѣздовыми птицами являются исключительно въ самыхъ сѣверныхъ широтахъ, на примѣръ навѣрно въ сѣверной Гренландіи и на Новой Землѣ и только зимою прилетаютъ на югъ Гренландіи, въ сѣверную Исландію, на сѣверное побережье восточной Азіи, а равно и въ наиболѣе сѣверныя части Сѣверной Америки. Его и называли **Арктическимъ кречетомъ** (*Falco arcticus*. Polarfalke. Gerfault boréal); отъ него отличаютъ въ особый видъ другихъ кречетовъ, очень похожихъ, но живущихъ въ Исландіи, въ южной Гренландіи и на Лабрадорѣ. Однако въ настоящее время Гольбелль, проводившій многие годы въ Гренландіи и весьма обстоятельно изучившій мѣстныхъ птицъ, опредѣленно заявляетъ, что кречетъ въ Гренландіи наиболѣе обыкновенный видъ изъ всего семейства, встрѣчается одинаково часто какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ страны, но весьма варьируетъ въ окраскѣ: существуютъ всѣ переходы отъ бѣлаго съ нѣсколькими болѣе темными пятнышками до почти одноцвѣтной темно-голубовато-сѣрой окраски. «Безъ сомнѣнія», говоритъ онъ, «на эту разницу оказываетъ вліяніе возрастъ, такъ какъ почти не встрѣчается ни одного молодого кречета бѣлаго цвѣта. Но есть разница въ окраскѣ не только между гнѣздовыми, но и между населяющими птицами, у которыхъ замѣчается опереніе, сохраняемое ими, вѣроятно, въ продолженіи всей своей жизни. Я видѣлъ много гнѣздовавшихъ паръ, изъ которыхъ одна птица была свѣтлой окраски, другая темной, и убивалъ на гнѣздахъ какъ свѣтлыхъ, такъ и темныхъ самцовъ. Однажды я получилъ даже одно соколиное гнѣздо съ четырьмя птенцами, изъ которыхъ одинъ былъ голубовато-сѣраго цвѣта, почти безъотмѣтливъ, другіе, напротивъ, очень свѣтлой окраски съ свѣтло-бурыми штрихами. Затѣмъ я самъ убивалъ много молодыхъ соколовъ, которые представляли собою тѣ же варіаціи окраски, и среди свѣтлыхъ экземпляровъ встрѣчалъ какъ самцовъ, такъ и самокъ. Тѣ, правда, рѣдкіе случаи, въ которыхъ я могъ производить соответствующія наблюденія, приводятъ меня къ мнѣнію, что бѣлая окраска преобладаетъ у сѣверо-гренландскихъ кречетовъ, тогда какъ въ южной Гренландіи выводятся болѣе темныя птицы». Я полагаю, что высказанное Гольбеллемъ мнѣніе совершенно исчерпываетъ столь, повидимому, запутанный вопросъ и что такимъ образомъ бѣлые кречеты суть взрослые птицы дальняго сѣвера, а тѣ экземпляры, которые сверху имѣютъ свѣтлую аспидно-голубую окраску съ болѣе темными пятнами, а снизу бѣлаго цвѣта съ продольными на груди и поперечными на шеѣ пятнами, водятся въ менѣе сѣверныхъ широтахъ, причѣмъ и у тѣхъ, и у другихъ можетъ быть рисунокъ изъ продольныхъ и поперечныхъ пятенъ. Съ наступающимъ возрастомъ можетъ случиться, что нѣкоторые кречеты южныхъ областей становятся бѣлыми, хотя обыкновенно только кречеты съ самаго дальнѣйшаго сѣвера пріобрѣтаютъ сѣжное опереніе, въ которомъ въ концѣ концовъ мало по малу исчезаютъ всѣ болѣе темныя пятна и перехваты, которые у молодыхъ птицъ испещряютъ всѣ верхнія части, а на хвостѣ образуютъ полосатый рисунокъ. У молодыхъ птицъ, какъ у сѣверныхъ, такъ и у южныхъ кречетовъ основной цвѣтъ спины бываетъ сѣро-бураго или темно-сѣраго цвѣта,

причемъ рисунокъ состоитъ изъ отчетливо выдѣляющихся продольныхъ и поперечныхъ пятенъ. Темя можетъ быть болѣе свѣтлымъ или болѣе темнымъ и особенно рѣзко выдѣляется, благодаря чернымъ стержнямъ своихъ перьевъ. Крылья и хвостъ всегда сильно исполосованы».

Въ такомъ же духѣ высказывается и Гомперъ. «Что касается до обыкновенныхъ различаемыхъ трехъ видовъ сѣроватыхъ кречетовъ», пишетъ онъ мнѣ, «то, послѣ старательныхъ изслѣдованій большого числа птицъ, я не могу отличить отдѣльныхъ видовъ ни у старыхъ, ни у молодыхъ птицъ, даже не могу отличить бѣлаго исландскаго отъ обыкновеннаго кречета. Болѣе или менѣе бѣлое опереніе арктическихъ кречетовъ, на мой взглядъ, зависитъ отъ разницы въ возрастъ и мѣстожительствѣ, быть можетъ даже отъ индивидуальныхъ особенностей даннаго экземпляра; продольная же и поперечная исчерченность находится въ очевидной зависимости отъ одного только возраста. Яйца всѣхъ этихъ трехъ, такъ называемыхъ «видовъ», вѣроятно не различаются. Я тоже придерживаюсь того же мнѣнія, что лопчихъ кречетовъ существуетъ лишь всего одинъ видъ».

Несмотря на предыдущія, во всякомъ случаѣ чрезвычайно важныя замѣчанія, обыкновеннаго кречета, живущаго на материкѣ Европы, я буду описывать отдѣльно.

Исландскій кречеть (*Falco rusticolus, gyrfalco, gyrofalco, norvegicus, Accipiter, Hierofalco gyrfalco. Gerfalken. Gerfalken d'Islande*), выражаясь въ двухъ словахъ, есть крупный сапсанъ. Верхняя часть тѣла у него темно-голубого цвѣта, спина и нижнія шейныя перья черныя, хвостъ свѣтло-голубой съ болѣе-темными поперечными полосами; маховыя перья буро-черныя. Нижняя часть сѣроватаго или желтовато-бѣлаго цвѣта съ темными продольными пятнами, переходящими въ поперечныя на бокахъ и на штанахъ. У молодыхъ птицъ темно-голубой цвѣтъ верхней части преобладаетъ; напротивъ, нижняя часть тѣла у нихъ имѣетъ свѣтлый, сѣро-желтоватый основной фонъ, покрытый темными продольными пятнами. О значеніи даннаго этому кречету названія намъ сообщаетъ Геснеръ. «Кречета этого зовутъ *Gyrfalco*, потому что онъ описываетъ нѣсколько круговъ около добычи: мелкими тварями онъ пренебрегаетъ, преслѣдуя лишь крупную птицу, какъ журавлей, лебедей и т. п.»

Размѣры всѣхъ кречетовъ почти одинаковы; исландскій кречеть, повидному, самый маленькій. По собственнымъ измѣреніямъ, длина самки этого кречета достигаетъ 60 см., размахъ ея крыльевъ 126, длина крыла 10, хвоста 24 см.

Область распространенія исландскаго кречета, насколько въ настоящее время извѣстно, ограничивается сѣверомъ Скандинавіи, Россіи а по непосредственнымъ наблюденіямъ Мидделдорфа—Востоchnою Сибирью. Сообщеніе Пальмена, что кречеть встрѣчается на Шницбергѣ оказывается сомнительнымъ. По моимъ изслѣдованіямъ, это единственныи кречеть, гнѣздящійся въ Лалландіи. Молодой, убитый въ Сибири экземпляръ, котораго я видалъ въ коллекціи въ Тюмени на восточномъ Уралѣ, оказался не исландскимъ, а обыкновеннымъ кречетомъ.

Еще въ настоящее время мы не имѣемъ удовлетворительныхъ свѣдѣній о свободной жизни кречетовъ и еще менѣе можемъ съ обстоятельностью сказать, различаются ли по образу жизни вообще и если да, то насколько различаются оба вида кречетовъ. Поэтому будетъ далеко не лишнимъ въ краткихъ словахъ передать здѣсь все извѣстное намъ по этому вопросу, чтобы выяснитъ себѣ картину жизни этихъ птицъ.

Ловчіе кречета живутъ въ сѣверныхъ странахъ, преимущественно по берегамъ океановъ, на скалахъ которыхъ они и селятся. Хитя они и не пѣвгаютъ

лѣсовъ, но ихъ нельзя причислять, какъ другихъ соколовъ, къ лѣснымъ птицамъ. Скорѣе всего они любятъ селиться по близости «птичьихъ горъ», тамъ, гдѣ въ лѣтнюю пору собираются на гнѣздовья миллионы морскихъ птицъ. Не было случая, чтобы я не встрѣтилъ въ такихъ мѣстахъ кречета. Молодые, т. е. всѣ тѣ, которые еще не спарились, будучи уже зрѣлыми въ половомъ отношеніи, часто при случаѣ залетаютъ далеко въ глубь страны и нерѣдко встрѣчаются въ сѣверныхъ Альяхъ, тогда какъ старыхъ птицъ находятъ въ горахъ рѣдко. Молодые кречета иногда переходятъ далеко за границу свойственной имъ области распространенія и такимъ образомъ были замѣчены на сѣверѣ Скандинавіи, на Ферерскихъ островахъ, въ Великобританіи, Даніи, Германіи, а равно и встрѣчаются, начиная съ сѣвера Россіи до южныхъ частей этого государства и кочуютъ отъ Новой Земли по Оби до южнаго Урала; по крайней мѣрѣ эти кречета попадались въ окрестностяхъ Тюмени. Были-ли наблюдавшіеся въ восточной Сибири Миддендорфомъ и Радде кречета дѣйствительно исландскими кречетами, я оставляю нерѣшеннымъ; болѣе вѣроятнымъ кажется мнѣ, что наиболѣе сѣверный видъ кречетовъ, кромѣ Новой Земли, водится еще и на другихъ островахъ и по побережью сѣверной Азіи и оттуда зимою кочуетъ или летитъ южнѣе, подобно тому, какъ онъ на самомъ сѣверѣ Америки, отъ Баффинава залива и до Беринговаго пролива можетъ считаться гнѣздящей птицей. Увѣряютъ однако, что исландскихъ кречетовъ убивали и въ западной британской Сѣверной Америкѣ, и такимъ образомъ оказывается возможнымъ, что область распространенія его простирается отъ сѣвера Скандинавіи вдоль береговъ океана до Америки, а это, въ свою очередь, можетъ навести на мысль, что этотъ кречетъ можетъ быть разсматриваемъ какъ южная разновидность обыкновеннаго кречета.

Позволю себѣ упомянуть, что, по моимъ провѣркамъ, Коллетъ въ своихъ «Замѣткахъ о норвежскихъ птицахъ» настолько спутываетъ исландскаго кречета съ сансаномъ, что сообщаетъ про одного свидѣнія, относящіеся до другого.

Пищу кречетовъ составляютъ лѣтомъ—всякая водная птица, зимою—бѣлыя куропатки; кромѣ того они нападаютъ на зайцевъ и, по утверженію Радде, цѣлые мѣсяца живутъ, питаясь бѣлками. Они оказываются ужасными врагами для пернатого міра и страшлищемъ всякой «птичьей горы». Во время моего трехдневнаго пребыванія на Никахъ, двухъ птичьихъ горахъ въ сѣверной Лапландіи, я видѣлъ чету исландскихъ кречетовъ, регулярно прилетавшую на добычу около 10 часовъ утра и затѣмъ около 4 часовъ пополудни. Ихъ охота была всегда необыкновенно коротка. Они прилетали, дѣлали одинъ или два круга надъ птичьей горой и затѣмъ, стремглавъ, бросались въ стаю кайръ, чистиковъ или тупиковъ, схватывали всегда какую-нибудь изъ этихъ птицъ и уносили ее съ собою. Я никогда не видѣлъ, чтобы они промахнулись. Гольбелль увѣряетъ, что онъ лично наблюдалъ, какъ одинъ исландскій кречетъ на лету схватилъ сразу двухъ молодыхъ моевокъ, по одной въ каждую лапу, и такимъ же образомъ добылъ себѣ пару песочниковъ; Фаберъ нашелъ въ одномъ изъ гнѣздъ, къ которому онъ добрался, массу натасканныхъ кайръ, чистиковъ, тушковъ и мосвокъ. Кромѣ водныхъ птицъ гнѣздящіеся кречеты опасны также и для болотныхъ курочекъ и голубей; однако Гольбелль говоритъ, что онъ видѣлъ только двухъ молодыхъ голубей, которыхъ кречетъ схватилъ сидящихъ, такъ какъ старыхъ птицъ, несмыа часто преслѣдуемыхъ имъ, онъ поймать не можетъ. По окончаніи гнѣздовой поры кречеты часто приближаются къ человѣческимъ поселеніямъ, вообще выказываютъ мало пугливости и даже позволяютъ подмакивать себя, если бросать нѣсколько разъ вверхъ бѣлую куропатку или другую какую-нибудь птицу. Зимою они оставляютъ морскіе берега и, слѣдя за летомъ куропатокъ, перекочевываютъ въ

горы. Куропатки до такой степени боятся кречетовъ, своихъ опасѣйшихъ враговъ, что, какъ это наблюдалъ Шрадеръ, при видѣ кречета съ стремительной быстротой и съ удвоенной силой кидаются въ свѣгъ и насколько можно поспѣшно зарываются въ немъ. Можетъ быть водяная птица также пытается прятаться отъ соколовъ, но при ихъ необыкновенной массѣ нельзя замѣтить движеній той птицы, на которую устремился хищникъ. Видно только, какъ стая разлетается въ разные стороны, какъ это обыкновенно дѣлаютъ голуби, когда на нихъ бросится сапсанъ.

Зависимость появленія обыкновеннаго кречета отъ присутствія водныхъ птицъ уже показываетъ, что онъ не совершаетъ такихъ регулярныхъ перелетовъ, какъ сапсанъ или дербникъ, которые живутъ вмѣстѣ съ нимъ на самомъ сѣверѣ. Для него сѣверная зима теряетъ всякое значеніе. Насколько простирается вліяніе Гольф-стрема, свободное отъ льдовъ море омываетъ населенные птицей берега и даже тамъ, гдѣ воздѣ нихъ скопляются плавучія льдины, остаются еще чистыя водныя пространства, куда собираются различныя жертвы кречетовъ, обезпечивающія ихъ пропитаніе; равно и сѣверныя страны и острова изъ году въ годъ наполняются разной болотной птицей, что доставляетъ соколу хорошую добычу и на твердой землѣ. На чужбинѣ ему по всей вѣроятности приходится обходиться болѣе скромнымъ столомъ и болѣе трудиться для насущнаго пропитанія, нежели у себя на родинѣ, при этомъ даже предпринимать такія охоты, какія ему въ родныхъ мѣстахъ дѣлать никогда не приходится. «Въ зарослевыхъ чащахъ лѣсовъ Малаго Хингана» говоритъ Радде, «для кречета было-бы невозможнымъ гоняться за своей обычной добычей—бѣлками. Онъ пускался на хитрости, подстерегая ихъ, причѣмъ выказывалъ много терпѣнія, но при всемъ этомъ былъ такъ пугливъ, что я никогда не могъ подойти къ нему на выстрѣлъ». Тотъ же самый наблюдатель видѣлъ другого такого же кречета вблизи ствола одной сосны, въ непосредственной близости отъ тетеревиного выводка, сидѣвшаго на вѣтвяхъ сосѣдняго дерева. Нѣтъ сомнѣнія, что хищникъ подкарауливалъ и этихъ птицъ.

Большое плоское гнѣздо, по Фаберу, помѣщается въ какомъ-нибудь углубленіи недоступной скалы, вблизи моря. По увѣренію Нордвоя, исландскій кречеть завладѣваетъ вороньимъ гнѣздомъ, найдя его незанятымъ или просто выгнавъ изъ него силой законныхъ обитателей. Въ такихъ случаяхъ кречеть лишь выкладываетъ гнѣздо немногими тонкими прутиками, принося ихъ въ когтяхъ, и набиваетъ внутренность мелкими ивовыми прутиками и листьями осоки, причѣмъ эта подстилка впоследствии совершенно покрывается остатками обильнаго корма, натаскиваемого для птенцовъ. Гнѣзда, цѣликомъ устроенныя кречетомъ, состоятъ изъ очень толстыхъ сучковъ, какъ мы видимъ это у воронъ и сарычей, и изъ небольшого количества сухой травы. Макъ-Фарланъ увѣрляетъ, что въ окрестностяхъ Авдерсовоной рѣки, вблизи укрѣпленія того же имени, онъ такъ часто встрѣчалъ гнѣздящихся исландскихъ кречетовъ, что могъ добраться до 18 гнѣздъ. За двумя исключеніями все они находились на вершинахъ сосенъ и другихъ деревьевъ на высотѣ отъ 3 до 8 м. надъ землей. Одни гнѣзда были расположены на верхушкахъ, другія свиты были глубоко въ вѣтвяхъ у самаго ствола. Все состояло изъ сучьевъ и болѣе мелкихъ вѣтвей и были набиты мхомъ, высохшей травой, оленьимъ волосомъ, перьями и другимъ мягкимъ матеріаломъ. Только одно гнѣздо помѣщалось на скалѣ и соотвѣственно этому было легкой конструкціи; наконецъ другое гнѣздо было найдено на землѣ у подножія одного крутого и высокаго холма. По Гольбеллю, арктическій кречеть въ Гренландіи кладетъ свои яйца въ іюлѣ; Нордвоя, напротивъ, говорилъ мнѣ, что исландскій кречеть начинаетъ свою кладку уже въ апрѣлѣ, и подарилъ мнѣ чучела четырехъ молодыхъ, взятыхъ имъ въ іюлѣ. Въ началѣ іюля я нашелъ пару

исландскихъ кречетовъ еще на гнѣздѣ, но не могъ опредѣлить, были-ли въ послѣднемъ итенцы или ибтъ. Съ этимъ вполне согласны и данныя Уоллея, который лично изслѣдовалъ въ Лапландіи гнѣзда исландскихъ кречетовъ. Онъ также находилъ свѣжеснесенныя яйца въ началѣ мая и получилъ одну кладку, бывшую полвой уже въ концѣ апрѣля. Около этого времени родина этихъ хищниковъ лежитъ еще подъ глубокимъ снѣгомъ. На Новой Землѣ и въ Фронтотакже и на другихъ самыхъ сѣверныхъ мѣстностяхъ области распространенія кречетовъ время итепцовой поры вообще падаетъ, по всей Фронтности, только на болѣе поздніе мѣсяцы лѣта. Когда графъ Вильчекъ 25 августа занятъ былъ на Новой Землѣ фотографированіемъ мѣстности, онъ издали замѣтилъ бѣлоснѣжнаго исландскаго кречета, летѣвшаго прямо къ нему, почему и выстрѣлилъ въ птицу мелкой дробью. Кречетъ громко закричалъ и принялся самымъ упорнымъ образомъ преслѣдовать графа, въ теченіи 4—5 часовъ подъ-рядъ летая вокругъ него и непрерывно съ громкими криками бросаясь на него сверху. Благодаря этому возбужденному состоянію птицы, графъ наконецъ убѣдился въ существованіи гнѣзда, въ которомъ сидѣла самка, насиживая три яйца. Во время нападеній птица вела себя совершенно такъ-же, какъ сапсанъ у своего гнѣзда: она пронеслась въ нѣсколькихъ метрахъ передъ самымъ лицомъ человѣка и, несмотря на полученное уже предостереженіе, такъ рисковала своей жизнью, что Вильчеку въ концѣ концовъ удалось убить ее, спрятавшись около гнѣзда. Гольбелль не безъ основанія сравниваетъ яйца съ яйцами бѣлой куропатки, съ тою разницею, что первыя въ два раза болѣе вторыхъ и имѣютъ болѣе тупую форму; окраска же все-таки у всѣхъ различна; форма также имѣетъ довольно значительныя отклоненія.

Въ прежніе года датское правительство посылало въ Исландію ежегодно особый корабль, называвшійся соколинымъ кораблемъ, для добыванія оттуда благородныхъ соколовъ. Эти гордые птицы ловились или посылаемыми сокольничьими или уже были вынуты изъ гнѣзда самими исландцами и ими-же вскормлены. Цѣна при покупкѣ, стоимость содержанія соколовъ, плата матросамъ и т. п. были довольно значительны, но такъ какъ ловля была организована правильно, то соколъ всегда обходился не болѣе 9 или 10 талеровъ. Изъ Копенгагена доставленные сокола поступали во владѣнія любителей соколиной охоты или-же посылались въ качествѣ драгоценныхъ подарковъ къ различнымъ дворамъ. Въ наши дни правительство, повявтно, болѣе не организуетъ подобной ловли; несмотря на это, лѣтній корабль, отправляющійся въ Исландію, почти ежегодно привозитъ еще нѣсколькихъ живыхъ соколовъ въ свое отечество, и это тѣ самыя птицы, которыя появляются въ нашихъ зоологическихъ садахъ. Въ Лапландіи или Скандинавіи, повидимому, никто не занимается ловлей соколовъ, такъ что, несмотря на вредъ, приносимый ими дичи, исландскіе кречеты тамъ преслѣдуются только натуралистами.

Конечно, птичьи горы въ лѣтнее время бывають наполнены такою массой птицъ, а высокія мѣста такъ сильно заселены бѣлыми куропатками, что вредъ, причиняемый кречетомъ, не очень замѣтенъ; кому же норвежцы увѣряють, что нѣкоторые охотящіеся англичане, убивающіе ежегодно тысячи куропатокъ ради одной жажды къ избѣленію, гораздо болѣе вредны для послѣднихъ, нежели исландскіе кречеты, всѣ имѣетъ взятыя. Въ Исландіи и Гренландіи, наоборотъ, гдѣ кречета встрѣчаютъ и въ зимнее время постоянно приближаются къ населеннымъ мѣстностямъ, ихъ преслѣдуютъ довольно безпощадно, а по всей сѣверной Азіи они и въ настоящее время ловятся для травли. Туингузы, напримеръ, хорощо знаютъ этихъ птицъ, рассказываютъ, что китайскіе чиновники и богатые купцы Небесной Имперіи держали у себя кречетовъ и дрессировали ихъ для охоты или поединковъ орлами, и что теперь это болѣе не дозволяется. У

КРЕЧЕТЪ.

номадовъ Восточной Сибири соколиная охота находится въ прежнемъ видѣ и ихъ ловчими птицами, притомъ высоко цѣнимыми, являются обыкновенные кречеты.

Кромѣ человека кречеты имѣютъ враговъ лишь въ воровахъ, которые по крайней мѣрѣ равны имъ по силѣ. Фаберъ и Гольбёлль упоминаютъ, что обѣихъ этихъ птицъ можно очень часто видѣть дерущимися.

По моимъ наблюденіямъ въ кѣткахъ исландскіе кречета ведутъ себя также точно, какъ и сапсаи. Они требуютъ того же ухода, какъ и послѣдніе, но лишь въ исключительныхъ случаяхъ достигаютъ въ кѣткѣ значительнаго возраста. Изъ исторіи соколиной охоты мы знаемъ, что ловчіе кречеты могли прожить лѣтъ 20; исторія нашихъ зоологическихъ садовъ не можетъ привести аналогичныхъ данныхъ. Уже радуются, если одна изъ этихъ красивыхъ птицъ доживетъ до своего стариковскаго оперенія. Конечно, намъ теперь очень трудно обставлять ихъ такимъ превосходнымъ уходомъ, какимъ они, по сообщеніямъ старыхъ писателей, пользовались у соколиныхъ охотниковъ. Искусство такого ухода заключалось не только въ правильности его, но и въ своевременномъ и соответствующемъ кормленіи птицы, а также въ излѣченіи или предотвращеніи малѣйшихъ заболѣваній. «Опытный соколиный охотникъ», рассказываетъ Геснеръ, «очень внимательно слѣдитъ за тѣмъ, чтобы птица была накормлена во время и въ соответствующемъ количествѣ, какъ это свойственно было вольнымъ соколамъ, когда они еще не подвергались дрессировкѣ и жили на свободѣ; при этомъ кормомъ ловчимъ птицамъ служило хорошее, удобоваримое, еще теплое, дымящееся мясо, отъ котораго еще шелъ запахъ свѣже-убитаго животнаго. Птица должна содержаться въ среднемъ тѣлѣ, не будучи ни жирной, ни худой, такъ какъ отъ сильной худобы она становится слабой и больной, теряетъ свою бодрость и становится совершенно унылой; при этомъ не перестаетъ кричать, и если ее подбросить кверху, она садится на землю около сокольникаго и продолжаетъ кричать. Если же она слишкомъ жирна, то становится вялой, лѣνιαвой и безпечной; поэтому-то кречета и нужно держать въ среднемъ тѣлѣ, такъ, чтобы онъ не слабѣлъ и не заболѣвалъ, чтобы онъ не чувствовалъ голода, какъ результата отощавшаго желудка, а имѣлъ бы аппетитъ, какъ нормальную потребность пищи въ извѣстное время. А это достигается лучше всего, если кормить кречета не прежде, чѣмъ переварится рывѣ принятая имъ пища. Затѣмъ, что касается до температуры этихъ птицъ, то нужно всегда имѣть въ виду полъ и видъ птицы. Такъ, тѣмъ изъ нихъ, которыя имѣютъ черное опереніе и меланхолическій характеръ, нужно давать больше такой пищи, которая содержитъ въ себѣ влажное и теплое мясо, какъ напримѣръ мясо куръ, голубей и молодыхъ козлятъ. Бѣлоперые сокола болѣе флегматичнаго тина, заключающіе въ себѣ много холодныхъ и вредныхъ соковъ, должны кормиться такой сухой и теплой пищей, какъ мясо козловъ, собакъ, муловъ, сорокъ, воробьевъ и т. п. Соколамъ, имѣющимъ красное опереніе, въ которыхъ течетъ много горячей крови, должно давать холодное и сырое мясо, которое-бы прохладило жаръ крови, вродѣ мяса лисухъ, водяныхъ птицъ и немного раковъ». Во всякомъ случаѣ изъ вышеприведеннаго описанія явствуется, что соколовъ старались по возможности содержать хорошо и не останавливались ни передъ какими расходами, чтобы доставить имъ свѣжую и хорошую пищу, которую указывалъ опытъ. Въ такіи издержки не можетъ входить ни одинъ зоологическій садъ, что, вѣроятно, и служитъ главной причиной, почему мы не имѣемъ благоприятныхъ результатовъ. Если бы можно было нашимъ кречетамъ ежедневно доставлять по возможности живыми одного или двухъ голубей, куръ, куропатокъ, утокъ и другихъ птицъ, то нѣтъ сомнѣнія, что наши птицы выжили бы столько же времени, сколько онѣ выживали у прежнихъ соколиныхъ охотниковъ.

Не менѣ прославленнаго кречета цѣнился въ прежнее время другой благородный соколъ—**Балабанъ** (*Falco lanarius*, sacer, saker, sager, milvipes, lanarius. Würgfalke. Lanier), статная птица около 54 см. длины, 1,4 м. въ размахѣ крыльевъ, съ крыльями въ 41 и хвостомъ въ 20 см. Опереніе балабановъ довольно сходно съ опереніемъ молодыхъ сапсановъ и поэтому ихъ часто можно смѣшивать другъ съ другомъ. Усы у балабановъ выражены слабо; на ржаво-красныхъ темянныхъ перьяхъ находятся темно-бурыя продольныя пятна, сливающіяся на загривкѣ

Балабанъ. *Falco lanarius*. 1/3 наст. вел.

и образующія тамъ большое темное пятно; лобъ желтоватый и вмѣстѣ съ такими же перьями щекъ покрытъ болѣе темными штрихами. Загривокъ бѣлый съ блѣдно-бурыми продольными полосками и пятнами. Вся верхняя часть, включая малыя маховыя перья, блѣдно-бурого цвѣта, причѣмъ каждое перо съ сѣрыми концами и ржаво-красными боковыми каймами, по серединѣ же имѣеть темную стержневую полосу. Подбородокъ и горло желтовато-бѣлыя; вся нижняя часть красновато-бѣлая съ крупными темными продольными пятнами, на концѣ крапчато расплывающимися. Большія маховыя перья темнаго блѣдно-бурого цвѣта и на внутреннихъ

опахалахъ снабжены большими продолговато-округлыми, бѣлыми, ближе къ стержню красноватыми пятнами; среднія хвостовыя перья однообразнаго блѣдно-бураго цвѣта, всѣ остальные на наружныхъ опахалахъ имѣютъ 7—8 кругловатыхъ, а на внутреннихъ—продольныхъ, бѣлыхъ или красновато-бѣлыхъ пятенъ, замѣтныхъ и снизу. Верхняя половинка клюва рогового-сѣраго цвѣта, нижняя желтоватая, восковица мясо-краснаго цвѣта. Ноги зеленоватыя или цвѣта воска. Молодые отличаются отъ стариковъ болѣе темнымъ опереніемъ, болѣе крупными пятнами на нижней части и голубыми восковицей, ободками около глазъ и ногами.

Въ юго-восточной Европѣ, именно въ Далмаціи, чаще же въ Египтѣ и вообще въ сѣверной Африкѣ вплоть до Восточнаго Судана и Абиссиніи, мѣсто балабана заступаетъ красивый, длинокрылый и короткопалый благородный соколъ—**Египетскій кречеть** (*Falco tanypterus, feldeggii, biarmicus, cervicalis, punicens, Genaia tanypterus*). Онъ такъ близко стоитъ къ послѣднему, что нѣкоторыми орнитологами онъ разсматривается какъ разновидность, но ясно отличается отъ балабана замѣтно меньшей величиной, красноватымъ, украшеннымъ одними черными штришками или совершенно одноцвѣтнымъ затылкомъ, болѣе сильно развитой бородой, болѣе широкими, притомъ голубоватыми каймами перьевъ спины, проходящими насквозь, и не состоящими изъ пятенъ хвостовыми перевязями, свѣтло-темной выбѣленной нижней частью и болѣе мелкими крапчатыми пятнами.

Балабанъ не причисляется къ гнѣздящимъ птицамъ Германіи, но распространенъ по всей юговосточной части Европы въ особенности въ нижней Австріи, Галиціи, Польшѣ, Венгріи, Придунайской низменности, южной Россіи и по Балканскому полуострову; кромѣ того на извѣстныхъ мѣстахъ встрѣчается по всей Средней Азіи до Китая; онъ живетъ также въ Арменіи, Малой Азіи, вѣроятно также въ Персіи и долетаетъ зимой до Индіи и средняго Египта, хотя тамъ не гнѣздятся. Въ Германію онъ долженъ бы былъ залетать довольно часто, однако мнѣ неизвѣстенъ ни одинъ точный случай нахождения его въ границахъ этого государства. Ближайшимъ пунктомъ, гдѣ онъ выводитъ птенцовъ внѣ Германіи, является Богемія. Въ прирѣчной рошѣ одного острова на Дунаѣ около Вѣны, кронпринцъ эрцгерцога Рудольфа 20 апрѣля 1878 года убилъ на гнѣздѣ одного самца балабана; уже по прошествіи четырехъ дней гнѣздо было занято другимъ балабаномъ; изъ этого можно вывести заключеніе, что случаи встрѣчи такого сокола въ нижней Австріи отнюдь не единичны.

По своему образу жизни, своимъ повадкамъ и поведенію балабанъ схожъ съ сапсаномъ, но арабскіе соколиныя охотники отличаютъ его отъ послѣдняго и приписываютъ первому свойства, которыми, по ихъ увѣренію, сапсанъ не обладаетъ. Нѣкоторыя изслѣдованія убѣдили меня, что пужно согласиться съ мнѣніемъ арабскихъ знатоковъ. Во время одной охотничьей поѣздки кронпринца эрцгерцога Рудольфа въ Венгрію мы нѣсколько разъ видѣли балабановъ, и хотя время не позволило разсмотрѣть ихъ поближе, мы не могли не найти существенной разницы между нимъ и сапсаномъ. Отъ послѣдняго вида его можно съ перваго же взгляда узнать по полету. Въ сравненіи съ сапсаномъ балабану постоянно свойственны слѣдующіе признаки: болѣе вытянутое, чѣмъ у сапсана тѣло, болѣе длинный и болѣе острый клювъ и болѣе широкія въ плечахъ и предплечьяхъ, по общему сильно выпуклыя крылья. Онъ летаетъ быстрѣе своего родича, болѣе походитъ въ этомъ отношеніи на чеглока, чѣмъ на сапсана, движется быстро и мощно своимъ крыльями, плавно пролетая, послѣ нѣсколькихъ взмаховъ и, играя надъ

гнездомъ, описываетъ большіе круги, плывя по воздуху долгое время съ изумительной легкостью и почти не взмахивая крыльями. Доказательствомъ его страсти къ охотѣ служить примѣръ вышеупомянутаго самца. Сопровождавшій насъ лѣсничій Домбровский, обманчиво подражалъ крику вяхиря, подманилъ нѣсколько такихъ голубей на дунайскій островъ, который мы пересѣкали. Едва эти птицы поднялись на воздухъ, какъ на нихъ бросился балабанъ. Въ испугѣ голуби, забывая всякій страхъ передъ нами, бросились, ища спасенія, на верхушки стоявшихъ вокругъ насъ деревьевъ и минуту спустя соколъ уже охотился возлѣ насъ. Стрѣлой, въ полномъ смыслѣ этого слова, носился онъ теперь, такъ что отъ его полета былъ слышенъ свистъ; но какъ быстро онъ не несся въ воздухъ, его все же достигъ почти не знающій промаха зарядъ ружья эрцгерцога; птица поплатилась жизнью за свою смѣлость.

Что касается до гнѣздованія, то первыя свѣдѣнія о немъ мы имѣемъ отъ Воборциля, встрѣтившаго гнѣздованіихъ балабановъ въ Молдавіи; въ новѣйшее время намъ о гнѣздованіи сообщаютъ Гольбелль и Гольцъ. Въ Уманьскомъ округѣ южной Россіи, въ районѣ наблюденій Гольбелля, балабанъ встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ сапанъ, и принадлежитъ къ числу нерѣдкихъ лѣтнихъ гостей. Гнѣздо тамъ всегда бываетъ расположено не на скалѣ, а на какомъ-либо деревѣ, болшею частью на дубѣ, въ исключительныхъ случаяхъ и на липѣ, обыкновенно на опушкѣ лѣса, въ соседствѣ съ полями; оно вѣтается приблизительно на высотѣ 16 м. отъ земли. Основаніемъ гнѣзда служатъ сучья и вѣтви, выстилкой плоскому ложу—тонкіе прутики, немного листы и омела.

Въ серединѣ апрѣля кладка бываетъ уже вполнѣ законченной и состоитъ изъ 5, рѣже 4, иногда 6 яицъ. Яйца даже одной и той же кладки, какъ у всѣхъ соколовъ, значительно разнятся между собой по величинѣ, формѣ и окраскѣ. Наиболѣе длинный поперечникъ имѣетъ 51—56, наиболѣе короткій 40—42 мм; окраска бываетъ или желтоватая или бѣловатая; въ первомъ случаѣ рисунокъ состоитъ изъ очень темныхъ, ржаво-бурыхъ пятенъ, болѣе разбросанныхъ въ видѣ крупныхъ облаковъ, между которыми то тамъ, то сямъ проглядываетъ основной цвѣтъ; во второмъ случаѣ такія пятна распространены равномерно по всему яйцу и оставляютъ мало просвѣтовъ для основнаго цвѣта. Какъ и всѣ сокола, балабаны въ высшей степени любятъ свое потомство. Самка сидитъ на яйцахъ очень крѣпко, обыкновенно удаляется отъ него только тогда, когда на дерево лѣзетъ человекъ, причемъ часто ждетъ до тѣхъ поръ, пока онъ не доберется до гнѣзда и тогда начинаетъ безпокойно кружиться надъ гнѣздомъ, но держится при этомъ на почтительномъ разстояніи. Гольцъ соглашается съ Гольбеллемъ въ томъ, что балабанъ отнюдь не пугливая птица. «Въ гнѣздовую пору», говоритъ первый, «я часто видѣлъ его спокойно чистившаго свои перья, сидя на краю гнѣзда или на соседней вѣткѣ и не выказывая ни малѣйшей пугливости». Второй же пишетъ: «я долженъ причислить его скорѣе къ отважнымъ хищнымъ птицамъ, чѣмъ къ пугливымъ, такъ какъ я, примѣръ, два раза весной подходилъ къ одному одиноко стоявшему на лугу, еще непокрытому листвою, дереву и убивалъ съ него балабановъ». Баронъ Вильдбургъ, напротивъ, характеризуетъ ихъ какъ боязливыхъ птицъ. Въ нижней Австріи и Венгріи мы находили зимой балабановъ только въ лѣсахъ. Они гнѣздились въ долинахъ близъ Вены по рощамъ, состоявшимъ главнымъ образомъ изъ тополей, и среди зимней стоянки баклановъ и цапель; въ такихъ же условіяхъ жизни мы нѣсколько разъ наблюдали ихъ въ Венгріи на островахъ Дуная, но сокола эти встрѣчались и въ богатыхъ лѣсами мѣстностяхъ около Фруска гора. Слѣдуетъ упомянуть, что онъ самъ устраиваетъ свое гнѣздо или по крайней мѣрѣ обдѣлы-

ваетъ его: самка изъ пары, гнѣздовавшей около Вѣны, носила въ гнѣздо прутья. Въ началѣ мая по приказанію эрцгерцога Рудольфа добрался до одного гнѣзда въ дубовой рощѣ южной Венгріи; въ немъ нашли четырехъ молодыхъ, покрытыхъ бѣлымъ пухомъ, у которыхъ уже начали показываться маховыя и рулевныя перья. Вальтеръ наблюдалъ балабана гнѣздящимъ въ особенности въ юго-восточной Туркменіи и называетъ его «самой обыкновенной и хищной птицей на Афганской границѣ. Мѣстами для его гнѣздъ служатъ болѣею частью крутизны песчано-глинистыхъ пустынныхъ холмовъ, а также обрывы рѣчныхъ береговъ и даже стѣны развалившихся колодезевъ».

Объ образѣ жизни балабановъ на зимовкахъ намъ мастерски разказываетъ Гейглингъ. «Когда на лагуны и болота Пильской дельты слетится много всякой водной птицы, сюда въ то же время собирается большое количество соколовъ и орловъ, именно: египетскіе кречеты и сапсаны, могильники и орлы-крикуны, которые здѣсь не терпятъ недостатка въ добычѣ. вмѣстѣ съ ними мѣстами показывается и балабанъ. Вскорѣ онъ высмотритъ себѣ какой-нибудь постъ на одиноко-стоящемъ сикоморѣ, на пальмѣ или акаціи, съ которыхъ онъ могъ бы осматривать кругомъ весь свой охотничій районъ. Лишь только пробудится день, а вмѣстѣ съ нимъ и олушительный шумъ тысячъ сбившихся въ стаи гусей, утокъ, песочниковъ, насѣвшихъ по тростниковымъ островамъ въ лагунахъ или по мелкимъ воднымъ пространствамъ,—балабанъ покидаетъ свой постъ. Но еще густой, стелющейся по низу туманъ покрываетъ собою водяную ширь, что, впрочемъ, отнюдь не препятствуетъ никому принятъ за охоту. Болѣею частью безъ всякихъ предварительныхъ круговъ онъ несется по прямой линіи внизъ на какую-нибудь оживленно квакающую стаю утокъ. Мгновенно наступаетъ гробовая тишина! Водныя курочки и другіе плохіе летуны присѣдаютъ и стремительно ныряютъ въ глубь, въ то время, какъ утки, надѣясь на быстроту своего полета, внезапно снимаются и ищутъ спасенія въ быстромъ бѣгствѣ. Соколъ всегда забирается немного выше, стрѣлой несется за ними, съ изумительной ловкостью сбиваетъ свою жертву ударомъ или схватываетъ ее когтями и уноситъ съ собой, часто преслѣдуемый кричащими коршунами и пустельгами, на которыхъ онъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія. Онъ садится на какое-нибудь ближайшее, нѣсколько возвышенное, сухое мѣсто, гдѣ и принимается за ѣду. Иногда онъ летаетъ кругомъ высоко въ воздухѣ и, словно играя, бросается на летающихъ повсюду болотныхъ птицъ, ускоряя свой полетъ только тогда, когда добыча достаточно ему приглянется. Послѣдніи рѣдко ускользаютъ отъ него, хотя балабанъ охотится съ меньшею поснѣшностью и удалю, чѣмъ его сородичи. Въ жаркое время дня онъ усаживается на дерево, а съ наступленіемъ вечернихъ сумерекъ онъ летитъ на почлегъ спокойнымъ, ровнымъ, слегка тлжеловатымъ полетомъ». Къ этому описанію я долженъ прибавить, что оно вполне соответствуетъ моимъ наблюденіямъ надъ земною жизнью сапсановъ. «Для охоты на газелей», продолжаетъ далѣе Гейглингъ, «годенъ только балабанъ, такъ какъ остальные благородные сокола болѣею частью кидаются съ такою силою, что разбиваются до смерти, передомивъ себѣ грудную кость. Поэтому то за хорошо выдрессированныхъ балабановъ и платятъ необыкновенно большія цѣны».

У нашихъ любителей соколиной охоты балабанъ былъ въ большой чести и цѣнился почти столько же, какъ и исландскій кречетъ. Геснеръ описываетъ его подъ именемъ «Sacker» или „Kurpulaag» и въ дальнѣйшемъ изложеніи приводитъ доказательство, что птицѣ этой въ серединѣ XVI столѣтія пришлось фигурировать подъ различными названіями. «Первый изъ благородныхъ соколовъ есть Falco Britannicus или Sacer, Aelius, Aeriphilus, имѣющій кромѣ того много другихъ на-

званий». — «Мы недавно узнали», продолжаете далее Геснеръ, «что императоръ Максимилянъ послалъ нѣкоторыхъ изъ своихъ приближенныхъ въ далекую Польшу, чтобы они добыли и принесли ему изъ гнѣздъ соколовъ этой породы, которыхъ въ тѣхъ мѣстахъ находятъ на болѣе низкихъ деревьяхъ. Изъ этого легко вывести, что эти соколы гоняются не за маленькими, а только за большими птицами.—*Falco Sacer* (говорить Тардиниусъ) бываетъ трехъ родовъ. Первый зовется у ассириянъ и вавилонянъ «сефъ»; онъ водится въ Египтѣ на западѣ страны, и въ Вавилонѣ и ловить зайцевъ и маленькихъ оленей. Другой родъ «сэми» ловитъ маленькихъ косуль. Третій зовется «гинаионтъ» или «скиталець», такъ какъ родина его неизвѣстна. Онъ ежегодно летитъ на полдень. Около восхода солнца его бьютъ и ловятъ на островахъ Кипрѣ, Критѣ и Родосѣ, равно въ Россіи и Монголіи, а также онъ привозится къ намъ изъ за большого океана. Этотъ соколъ считается самымъ благороднымъ; опереніе его красное или сѣрое голубиное, формой же и видомъ онъ похожъ на другихъ соколовъ; языкъ у него толстый, лапы широкія, что рѣдко бываетъ у другихъ благородныхъ соколовъ; пальцы у него также толсты и окрашены въ небесно-голубой цвѣтъ. Изъ всѣхъ хищныхъ птицъ онъ лучше всѣхъ исполняетъ свое дѣло, причеъ онъ добродушенъ и кротокъ; онъ легко перевариваетъ жесткую и твердую пищу. Онъ охотится за крупными птицами, дикими гусями, журавлями, цаплями и кромѣ того за такими четвероногими, какъ косули и т. п.». Изъ вышеприведенныхъ словъ можно вывести по крайней мѣрѣ то, что писатель, у котораго Геснеръ заимствовалъ свои свѣдѣнія, говоритъ не о комъ иномъ, какъ о балабанѣ.

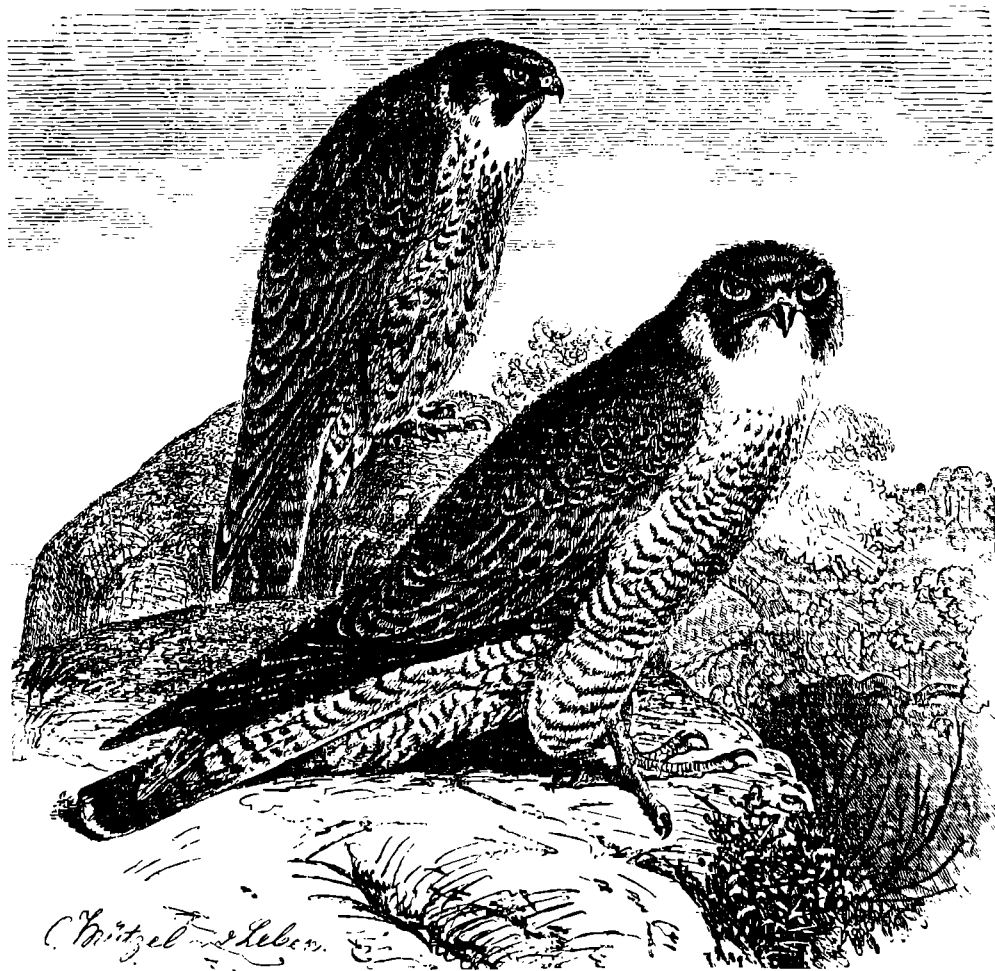
* *

Сапсанъ, Перелетный соколъ, Голубятникъ, (*Falco peregrinus, communis, orientalis, hornotinus, calidus, lunulatus, abietinus, pinetarius, gentilii, cornicum, anatum, griseiventris, micrurus, leucogenys, atriceps, brookii*. Wanderfalke. Faucon ordinaire), отличается отъ другихъ ловчихъ соколовъ—меньшей величиной, сравнительно болѣе короткимъ и болѣе согнутымъ клювомъ, не такъ низко оперенными плюсами и болѣе короткимъ хвостомъ сравнительно съ длиною крыльевъ. Вся верхняя часть его свѣтлаго аспидно-сѣраго цвѣта съ темными аспидно-сѣрыми же треугольными пятнами въ видѣ полосъ. Лобъ его сѣрый, горло бѣловато-желтое, обрамленное черными баками; верхняя часть груди такого цвѣта, какъ и горло, нижняя часть груди и брюхо глинисто-красновато-желтыя, причеъ первая исптрихована бурожелтыми полосками и покрыта кругловатыми сердцевидными пятнышками, второе же имѣетъ болѣе темныя поперечныя пятна, образующія полосы, особенно отчетливыя въ области гузки и на штанахъ. Маховыя перья аспидно-чернаго цвѣта съ ржаво-темными внутренними опахалами, покрыты пятнами, соединяющимися въ полосы; рулевыя перья имѣютъ свѣтлыя пепельно-сѣрые перехваты, а на концахъ боковыхъ перьевъ хвоста имѣются желтоватыя каймы. При жизни опереніе птицы имѣетъ болѣе сѣроватый тонъ. Въ окраскѣ самокъ обыкновенно болѣе свѣжести въ цвѣтахъ, нежели въ окраскѣ самцовъ. У молодыхъ птицъ верхняя часть черно-сѣрая, каждое перо ея имѣетъ ржаво-желтый кантъ; область зоба бѣловатая или сѣро-желтоватая, нижняя часть бѣловатая, остальные повсюду покрыты свѣтло или темно-бурыми продольными пятнами. Радужина темно-бурого цвѣта; клювъ свѣтло-голубой, на концѣ черный; восковица, углы рта, голое мѣсто около глазъ и ноги желтыя. У болѣе молодыхъ птицъ клювъ свѣтло-синеватый, ноги голубоватыя или зеленовато-желтыя, восковица какъ и остальные голыя части головы, буровато-зеленая. Длина стараго самца достигаетъ 42—47 см., размахъ его крыльевъ 84—104, длина крыла 36, хвоста 20 см.; длина значительно болѣе крупной самки достигаетъ

47—52 см., размахъ ея крыльевъ 110—120, длина послѣднихъ 82, длина хвоста ея 20 см.

На западѣ и югѣ Африки сапсана замѣняетъ нѣсколько болѣе мелкій и болѣе темный видъ **Малый сапсанъ** (*Falco minor*. Kleinwanderfalke. Petit faucon), въ Индіи—болѣе крупный и болѣе черный **Шахинъ** (*Falco peregrinator*. Schahin. Faucon chahin), а въ Австраліи—**Чернощекій сапсанъ** (*Falco melanogenys*. Schwarz-

Сапсанъ. *Falco peregrinus*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

backenfalke. Faucon d'Australie); видовая самостоятельность каждой изъ этихъ формъ впрочемъ еще не выяснена. Въ сѣверной Африкѣ и сѣверо-западной Азіи сапсана замѣняетъ другой видъ, значительно меньшей величины и легко отличимый по своему ржаво-красному затылочному пятну и рѣдкой крапчатости на нижней сторонѣ тѣла. Это **Варварійскій сапсанъ** (*Falco barbarus*, peregrinoides, ruficus, Gennaia barbara, barbarus. Berberfalke. Faucon berbère), въ видовой самостоятельности котораго сомнѣнія нѣтъ. Эта красивая птица по своему образу жизни представляетъ точный снимокъ съ обыкновеннаго сапсана, живеть, по-

видимому, по всему южному побережью Средиземнаго моря, распространяется от него до центральной Африки, а равно и через Персію до Индіи; однако перѣдко она залетаетъ и въ Испанію, гдѣ я и видѣлъ ее во многихъ коллекціяхъ; здѣсь же этихъ сапсановъ добывали въ коллекціи и англійскіе натуралисты.

Сапсанъ вполне оправдываетъ свое латинское названіе (*peregrinus*—путешествующій), такъ какъ онъ летаетъ почти по всему свѣту. Его необыкновенная распространенность будетъ очевидна, если принять во вниманіе, что онъ живетъ не только въ умѣренныхъ, но даже и въ сѣверномъ холодномъ поясѣ; въ тундрѣ за полярномъ кругомъ онъ является даже преобладающимъ соколомъ, но само собою разумѣется, онъ каждую зиму бываетъ вынужденъ оставлять область своего гнѣздовья и летѣть на югъ. Во время этого перелета онъ посѣщаетъ все сѣверныя страны Европы, Азии и Америки, пролетаетъ по всей Европѣ до самыхъ южныхъ областей и встрѣчается тамъ въ зимнее время очень часто; вмѣстѣ съ перелетными птицами онъ странствуетъ черезъ Средиземное море и, слѣдя проленнымъ путемъ, залетаетъ далеко въ глубь Африки. Во время подобныхъ же перелетовъ въ Азіи онъ долетаетъ до Японіи, Китая и Индіи, а въ Америкѣ встрѣчается въ Соединенныхъ Штатахъ, въ средней Америкѣ и въ Вестъ-Индіи. По моимъ наблюденіямъ и по изслѣдованіямъ другихъ натуралистовъ, на югъ залетаютъ преимущественно самки, тогда какъ самцы больше предпочитаютъ оставаться на сѣверѣ. Не мало и тѣхъ и другихъ зимовываютъ уже въ Германіи. Итакъ область гнѣздованія сапсановъ простирается по всей Европѣ, за единственнымъ, быть можетъ, исключеніемъ южной оконечности Иберійскаго полуострова, а равно по Средней Азии и болѣе сѣвернымъ частямъ Америки, слѣдовательно вовсе не удивительно, что ихъ паходятъ почти по всей землѣ. Поэтому можно предположить съ нѣкоторою вѣроятностью, что вышеназванные три замѣстителя представляютъ лишь установившіяся разновидности нашего сапсана. Сапсаны, встрѣчающіеся въ Германіи и посѣщающіе ее пролетомъ, значительно варьируютъ въ величинѣ и окраскѣ, и въ каждой коллекціи, гдѣ имѣется довольно большое количество этихъ птицъ, можно встрѣтить такіе экземпляры, которые стоятъ очень близко къ вышеприведеннымъ тремъ видамъ, если только не совершенно походятъ на нихъ. Этотъ фактъ говоритъ въ пользу того мнѣнія, что все такъ называемые виды, похожіе на нашего сапсана, должны быть съ нимъ соединены. Во всякомъ случаѣ сапсанъ проявляетъ чрезвычайную способность привыкаться и совершенно уживаться при самыхъ разнообразнѣйшихъ условіяхъ. Въ сѣверо-восточной Африкѣ зимой онъ живетъ по всему побережью и каждой нильской области до средней Нубіи, равно встрѣчается повсюду во всехъ мѣстностяхъ, удовлетворяющихъ его потребностямъ въ пищѣ и общающихся безопаснѣе. То же самое можно сказать и про южную Азію. «Сапсанъ», замѣчаетъ Жердонъ, «встрѣчается по всей Индіи отъ Гиммалайскихъ горъ до мыса Коморина, но только въ холодное время. Особенно обыкновененъ онъ на берегахъ моря и крупныхъ рѣкъ. Въ Индіи онъ гнѣздится, какъ мнѣ думается, также рѣдко, какъ и въ Гиммалайскихъ горахъ, являясь скорѣе зимнимъ гостемъ, прилетающимъ въ первыхъ недѣляхъ октября и вновь покидающимъ страну въ апрѣлѣ». Въ Закавказской области, по Вальтеру, онъ гнѣздится. Въ Америкѣ онъ также летаетъ далеко на югъ. Встрѣчается-ли онъ въ Бразиліи, мнѣ неизвѣстно; я могу только съ достовѣрностью утверждать, что онъ пролетаетъ надъ Мексиканскимъ заливомъ. При его необыкновенной способности къ дальнимъ перелетамъ, путешествіе въ 1000 километровъ для него оказывается до извѣст-

ной степени простой прогулкой; я глубоко убѣжденъ, что онъ безъ особеннаго напряженія перелетаетъ Средиземное море въ одинъ день.

Въ Германіи сапсанъ живетъ въ обширныхъ лѣсахъ, преимущественно въ такихъ, среди которыхъ поднимаются крупныя скалы. Столь-же часто встрѣчаютъ его и въ безлѣсныхъ горахъ и наконецъ вовсе не рѣдко можно видѣть его въ центрѣ многолюднаго города. Я самъ наблюдалъ сапсановъ въ качествѣ болѣе или менѣе частыхъ посѣтителей и на церковныхъ башняхъ Берлива, и на башнѣ Св. Стефана въ Вѣнѣ, и на Кельнскомъ и Ахенскомъ соборахъ, причемъ узналъ отъ заслуживающихъ довѣрія жителей, что на другихъ высокихъ зданіяхъ онъ встрѣчается даже постоянно. Въ Берливѣ его видишь отнюдь не въ одно зимнее время, но очень часто и лѣтомъ, и если до сихъ поръ, насколько я знаю, на болѣе высокихъ башняхъ еще не найдено ни одного его гнѣзда, то это далеко еще не доказываетъ, что онъ въ этихъ мѣстахъ не гнѣздуетъ. Особенно благоприятныя мѣстности, именно недоступныя откосы скалъ, служатъ такимъ-же обычнымъ пріютомъ для сапсановъ, какъ сѣверныя скалы съ птичьими поселеніями для кречетовъ. Такъ, Фалькенштейнъ (соколиная скала) въ Тюрингенскомъ лѣсу совершенно заслуженно носитъ свое названіе, такъ какъ это мѣсто съ незапамятныхъ временъ служитъ гнѣздовьемъ пары сапсановъ. Однако ни деревья, ни скалы, ни высокія зданія не оказываются необходимыми для удобства его жизни. Отнюдь не рѣже, пожалуй, даже чаще, чѣмъ у насъ, ихъ встрѣчаютъ въ тундрѣ, какъ уже было замѣчено выше. Въ Лапландіи во всякомъ случаѣ я встрѣчалъ сапсановъ нечасто, зато тѣмъ чаще наблюдалъ ихъ въ мое послѣднее путешествіе въ сѣверную Сибирь. Въ тундрѣ Самоѣдскаго полуострова ихъ почти нѣтъ на скалахъ, столь любимыхъ ими въ другихъ мѣстахъ; несмотря на это, они и здѣсь находятъ мѣста, которые кажутся имъ подходящими для устройства гнѣзда, почему они и являются постоянными лѣтними гостями этой негостепріимной, но для нихъ однако удобной страны.

«Сапсанъ», говоритъ Науманъ, «смѣлая, сильная и чрезвычайно ловкая птица; его мощное тѣлосложеніе и его блестящіе глаза доказываютъ это съ перваго же взгляда. Исслѣдованія показываютъ, что онъ не даромъ надѣленъ природой такъ кимъ ужаснымъ оружіемъ, и что въ примѣненіи его къ дѣлу онъ могъ бы со славою перещеголять своихъ ближайшихъ родичей, кречетовъ и балабановъ. Его полетъ чрезвычайно скоръ, сопровождается быстрыми взмахами крыльевъ, весьма рѣдко бываетъ плавнымъ и болѣею частью происходитъ низко надъ землею. Слетая съ земли, онъ распускаетъ хвостъ и, прежде чѣмъ подняться на высоту, пролетаетъ небольшое разстояніе надъ самой землею. Лишь весною онъ иногда летаетъ въ воздухѣ на неизмѣримой высотѣ. Онъ очень пугливъ и такъ остороженъ, что для ночного покоя отыскиваетъ лишь хвойныя лѣса. Если таковыхъ нѣтъ по близости, то онъ охотнѣе останется сидѣть въ открытомъ полѣ на какомъ-нибудь камнѣ, и его ночевка въ маленькой листовенной рошѣ принадлежитъ къ числу рѣдкихъ случаевъ. Изъ осторожности онъ въ небольшой рошѣ летитъ на ночной отдыхъ лишь очень поздно вечеромъ и выбираетъ какой-нибудь толстый сукъ высокаго стараго дерева; въ болѣе обширномъ лѣсу онъ охотно ночуетъ на одинокихъ, оставшихся на лѣсоосѣкѣ деревьяхъ, и прилетаетъ сюда уже съ заходомъ солнца болѣею частью съ набитымъ зобомъ. Днемъ сапсанъ неохотно садится на деревья. Когда онъ сидитъ, онъ очень вытягиваетъ шею, такъ что его круглая голова кажется сидящей прямо на плечахъ; бѣлое горло съ рѣзко выдѣляющимися черными боками дѣлаетъ его замѣтнымъ издали. На лету онъ отличается отъ другихъ родичей тонкостью тѣлосложенія, узкимъ хвостомъ и длинными, узкими и острыми крыльями. Голосъ его сильный и звучный, похожій на слогъ: «к'акъ к'іакъ» или «каіакъ каіакъ». Однако, за исключеніемъ

поры спариванія, его слышишь не очень часто». Данные Наумана о пугливости и осторожности сапсана подходят для лѣсныхъ мѣстностей въ Германіи, но не для всѣхъ другихъ мѣстностей. Въ бесплодной тундрѣ сапанъ также осторожно избѣгаетъ приближающагося охотника; напротивъ, въ большихъ городахъ онъ нисколько не заботится о томъ, что дѣлается ввиду подъ нимъ; тамъ онъ нерѣдко выказываетъ такую дерзость, которая находится въ полнѣйшемъ противорѣчій съ его поведеніемъ въ другое время. Но еще болѣе можно удивляться, видя сапановъ въ сѣверо-восточной Африкѣ, именно въ Египтѣ, безопасно сидящихъ посреди селеній на немногихъ пальмахъ или сикоморахъ на рынкѣ, на церковныхъ башняхъ, домахъ и голубятняхъ, откуда они предпринимаютъ свои разбойничьи экскурсіи. Отсюда видно, что поведеніе его всегда и всюду зависитъ отъ обстоятельствъ и что онъ все соображаетъ и взвѣшиваетъ.

Повидимому, сапанъ ѣсть только птицъ; онъ страшенъ для всѣхъ пернатыхъ, начиная отъ дикаго гуся и кончая жаворонкомъ. Самыя сильныя опустошенія онъ производитъ среди куропатокъ и голубей; утокъ онъ преслѣдуетъ съ неутомимымъ терпѣніемъ и оказывается ужаснымъ врагомъ даже для умѣющихъ хорошо защищаться воронъ; онъ иногда недѣлями питается исключительно ими. Подобно своимъ ближайшимъ родичамъ онъ охотится обыкновенно за пернатой добычей, пока она летитъ. Сидящихъ на деревѣ птицъ онъ схватываетъ безъ дальнѣйшихъ околичностей, но не дѣлаетъ этого съ сидящими на землѣ или плывущими по водѣ; по крайней мѣрѣ ловля добычи при такихъ условіяхъ предоставляетъ для него трудности, почти непреодолимыя, и, вслѣдствіе его бѣшенаго и стремительнаго полета, въ извѣстной степени для него опасна. «Сапанъ», пишетъ мнѣ Гомейеръ, на основаніи своихъ многочисленныхъ наблюденій, «совершенно не можетъ схватить птицы съ земли или воды. Если кто и увидитъ, что видѣлъ это, то онъ былъ самъ введенъ въ заблужденіе по недостаточной внимательности при наблюденіи, причѣмъ испуганная несущимся на нее соколомъ птица сдѣлала навѣрное легкомысленную попытку улетѣть и, едва только снялась съ земли или воды, была тотчасъ же схвачена хищникомъ. Однажды я видѣлъ на разстояніи около 200 шаговъ, какъ сапанъ навѣрное разъ 50, но всегда безуспѣшно бросался на притаившагося къ землѣ голубя. Въ другой разъ я стоялъ въ одномъ небольшомъ заливчикѣ у Юкермунда, спрятавшись въ камышѣ, когда динъ сапанъ, преслѣдуя чернозобика, подлетѣлъ ко мнѣ. Приблизительно въ 40 шагахъ отъ меня чернозобикъ бросился въ совершенно тихую воду. Сапанъ постоянно кидался на открыто лежавшаго на водѣ песочника, но всегда мимо. Наконецъ эта охота ему подошла и онъ полетѣлъ прочь; почти тотчасъ же снялся и песочникъ, улетѣвъ въ противоположномъ направленіи; однако въ нѣсколько секундъ соколъ былъ снова на мѣстѣ и песочникъ снова бросился въ воду. Еще нѣсколько безуспѣшныхъ нападеній со стороны сокола и охота кончилась ничѣмъ. Третій случай я наблюдалъ во время моей поѣздки изъ Стральзунда въ Гиддензе, въ прекрасную, солнечную погоду, когда лодка чуть-чуть двигалась дуновеніемъ совсѣмъ слабого вѣтерка, и море также было совершенно спокойно. Преслѣдуя голубя, сапанъ уже совсѣмъ было догонялъ свою жертву, какъ голубь быстро бросился въ воду. Безперерывными и стремительными натисками соколъ старался спугнуть птицу; однако этого ему не удалось, и голубь неподвижно оставался на водѣ. Наконецъ соколъ удалился; случилось совершенно то же, что и въ предыдущемъ случаѣ; голубь успѣлъ спастись отъ своего опаснаго врага; но лишь только онъ поднялся съ воды, соколъ былъ опять по близости, и птица еще разъ бросилась въ воду. Такъ продолжалась охота далѣе, пока еще ее можно было видѣть съ удалившейся мало-по-малу лодки. Этотъ случай мнѣ вновь подтвердилъ,

что сапсанъ не можетъ схватить животнаго съ воды и, если покажется, что это случилось, то не иначе, какъ послѣ взлета птицы».

Имѣя въ виду эти точныя свѣдѣнія столь превосходнаго наблюдателя, я готовъ признать, что ошибся, полагая, что видѣлъ ясно, какъ въ сѣверномъ Египтѣ одинъ сапсанъ нѣсколько разъ хваталъ съ воды утокъ, а утки тамъ плавали въ такихъ массахъ, что подобный обманъ зрѣнія вполне понятенъ; однако я долженъ все-таки замѣтить, что какъ разъ эти повторенныя попытки сокола говорятъ за хотя рѣдкій, но все-таки возможный успѣхъ въ его стараніяхъ. Доказано, что онъ ловится въ ястребиныя ловушки; это же не могло бы случиться, еслибы онъ не подлеталъ къ самой землѣ. Если его налеты не приводятъ къ цѣли, онъ пускаетъ въ дѣло хитрость. «Тамъ, гдѣ его видишь сидящимъ на полѣ», говоритъ Науманъ, «обыкновенно гдѣ-либо по близости находится выводокъ куропатокъ; онъ ловитъ первую взлетѣвшую изъ нихъ, но не приноситъ имъ никакого вреда, пока онѣ сидятъ на землѣ. Обыкновенно онъ ждетъ до тѣхъ поръ, пока куропатки думаютъ уже, что онъ улетѣлъ. Тогда онѣ взлетаютъ и сапсанъ достигаетъ своей цѣли». На лету-же даже самыя быстрыя птицы рѣдко могутъ спастись отъ него. «Благоразумныя домашніе голуби не знаютъ», говоритъ Науманъ, «никого средства спастись, какъ, съ возможною быстротой сбившись въ плотную стаю, броситься въ бѣгство. Соколы стрѣлою кидается на тѣхъ изъ нихъ, которые хоть немного отдѣляются отъ стаи. Если онъ первый разъ промахнется, то голубь старается взлетѣть выше сокола и, если это ему удастся, послѣдній устаетъ и бросаетъ охоту».

Охоту сапсана на голубей въ городахъ описываетъ Альтумъ на основаніи своихъ трехлѣтнихъ наблюдений въ Берлинѣ. «Здѣсь на выступѣ черепичатой крыши гарнизонной церкви спокойно и скорчившись обыкновенно сидѣла ранними утрами одна самка сапсана. Воздухъ наполняется стаями голубей: соколы становятся возбужденнымъ и слѣдятъ за ними глазами. Это длится около 5 минутъ, послѣ чего онъ слетаетъ. Голуби его еще не замѣтили, но въ нѣсколько секундъ онъ настолько приближается къ нимъ, что въ одно мгновеніе ихъ легкій, непринужденный полетъ превращается въ безпокойное, безпорядочное летаніе и взываніе. Однако съ невѣроятной быстротой соколы догоняютъ ихъ и поднимаются метровъ на 10 еще выше. Теперь онъ проявляетъ всю свою ловкость и стремительность. Съ шумомъ несется онъ по косой линіи внизъ на самаго крайняго изъ голубей и направляетъ свой полетъ такъ точно, что слѣдуетъ за всѣми неожиданными изворотами своей быстрой жертвы. Но въ то мгновеніе, когда онъ хочетъ ее уже схватить, послѣдняя изъ подъ него ускользаетъ. Тотчасъ же съ быстротой, равной быстротѣ паденія, онъ безъ замаха крыльями взвивается снова кверху, быстро машетъ крыльями, и не проходитъ 10 секундъ, какъ онъ снова нагоняетъ голубя и взвивается надъ нимъ на ту же высоту; сложивъ крылья и шумно падалъ стремглавъ внизъ, онъ вновь повторяетъ свое нападеніе, и окровавленная добыча уже судорожно бьется въ когтяхъ хищника. Тогда онъ летитъ прочь со своей добычей и скоро исчезаетъ изъ виду. Изъ остальныхъ голубей нѣкоторые еще безпокойно летаютъ въ заоблачной выси, тогда какъ другіе уже послѣшно бросились внизъ, и нашли безопасность подъ кровомъ своей голубятни». Мой отецъ рассказываетъ про одного сапсана, который, въ погонѣ за голубями, залетѣлъ даже въ голубятню и былъ въ ней пойманъ. Кромѣ того замѣчу, что сообщенный Гомейеромъ случай не единиченъ. Науманъ также видѣлъ одного домашняго голубя, бросившагося въ воду и благополучно спасшагося нырніемъ.

По наблюденіямъ Альтума, кромѣ куропатокъ и какъ дикихъ, такъ и ло-

маннвхъ голубей, отъ сапсана много терпятъ также пугалицы. Въ Помераніи, а равно и въ Браденбургѣ лѣсные участки, въ которыхъ свили гнѣзда сапсаны, усыпаны массой перьевъ пугалиць.

Всѣ птицы, на которыхъ нападаетъ этотъ соколъ, очень хорошо знаютъ его, и безъ дальнѣйшихъ проволочекъ стараются отъ него спастись. Вороны ни разу не рѣшаются пугать его, но, завидя его, тотчасъ же, елико возможно скорѣе, улетаютъ, имѣя, конечно, вполне основательныя причины бѣжать отъ него, такъ какъ онъ и имъ, нападающимъ и преслѣдующимъ всякаго другого сокола, не позволяетъ ни малѣйшихъ шутокъ надъ собой; большею частью онъ взвивается надъ такими, быть можетъ еще неопытными птицами, которыя осмѣляются дразнить его, несется сверху прямо на нихъ и бьетъ ихъ безъ промаха. По собственнымъ наблюденіямъ я знаю только одну птицу, которая успѣшно нападаетъ на него и безусловно выгоняетъ его изъ данной мѣстности; это—большой поморникъ. Всякій пролетающій мимо сапсанъ возбуждаетъ въ этомъ чрезвычайно ловкомъ, смѣломъ и храбромъ обитателѣ тундры безпокойство за птенцовъ, и всякій такой соколъ, появляющійся вдали, въ ту же минуту подвергается самому ожесточенному нападенію. Я съ удовольствіемъ наблюдалъ такую охоту на Самоѣдскомъ полуостровѣ. Соколъ летѣлъ прямо къ своему, видимо довольно отдаленному гнѣзду, и попался на глаза поморнику. Послѣдній тотчасъ-же съ громкимъ крикомъ поднялся на воздухъ, въ самый короткій промежутокъ времени догнавъ пернатого разбойника и началъ ему непрерывно наносить самыя ожесточенныя удары. Съ игривой легкостью и неподражаемымъ искусствомъ онъ безпрестранно поднимался надъ своимъ противникомъ и несся сверху прямо на него. Соколъ, насколько могъ, старался увернуться, но не отвѣчалъ на нападенія; напротивъ, онъ, видимо очень струсивъ, насколько можно успѣшно летѣлъ далѣе, все время преслѣдуемый незнавшимъ устали поморникомъ. Эта охота надъ дикою тундрой продолжалась до тѣхъ поръ, пока оба не скрылись изъ моихъ глазъ.

Если сапсанъ схватитъ какую-либо добычу, то душитъ или закалываетъ ее обыкновенно еще въ воздухѣ; но съ очень тяжелыми птицами, которыхъ онъ не въ силахъ утащить, какъ напримѣръ тетеревами и дикими гусями, поканчиваетъ на землѣ, промучивъ ихъ все время, пока несется съ ними на землю. При преслѣдованіи добычи онъ летитъ съ такой сказочной быстротой, что трудно сдѣлать какое-либо опредѣленіе его скорости. Слышенъ только свистъ и виденъ несущійся въ воздухѣ предметъ, но нѣтъ никакой возможности узнать въ немъ сокола. Эта стремительность его пападенія какъ разъ является и причиной того, что онъ рѣдко кидается на сидящую птицу. Онъ рискуетъ самъ разбиться до смерти и дѣйствительно извѣстны примѣры, что сапсанъ при стремительномъ полетѣ падалъ оглушенный ударомъ о древесный сукъ и убивался до смерти. Палласъ увѣряетъ, что иногда этотъ соколъ, преслѣдуя утокъ, нападаетъ въ воду: сила паденія настолько сильна, что онъ уходитъ далеко подъ поверхность воды, почему и захлебывается. При другихъ условіяхъ онъ рѣдко даетъ промахъ и вообще ловитъ съ крайнею легкостью. Сознвая необыкновенную ловкость своего полета, онъ часто выказываетъ чрезвычайно много дерзости въ своихъ разбойничьихъ набѣгахъ, схватываетъ на глазахъ охотника убитую послѣднимъ въ летъ дичь, прежде чѣмъ она упадетъ на землю, и за это безразсудство нерѣдко платится жизнью. Захваченная добыча утаскивается тогда имъ на какое-нибудь открытое мѣсто и здѣсь съѣдается; однѣ только болѣе крупныя птицы съѣдаются тамъ, гдѣ онъ ихъ убивалъ. Передъ ѣдой онъ ихъ ощипываетъ, но крайнею мѣрѣ одно мѣсто на тѣлѣ. Болѣе мелкихъ птицъ онъ съѣдаетъ въ внутренностяхъ, тогда какъ не трогаетъ таковыхъ у болѣе крупныхъ птицъ.

Въ нашихъ мѣстахъ сапсанъ предпочитаетъ гнѣздиться въ трещинахъ кру- тыхъ скалъ, трудно или совсѣмъ недосягаемыхъ; въ случаѣ же нужды строить гнѣздо и на высокихъ деревьяхъ лѣса. Собственную постройку онъ возводитъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, большею же частью пользуется гнѣздами другихъ хищныхъ птицъ, начиная отъ гнѣзда орлана и до полуразвалившагося жилища коршуна, а равно селится и въ покинутыхъ или взятыхъ силою гнѣздахъ воронъ. Онъ охотно устраиваетъ свое гнѣздо среди мѣста, заселеннаго цаплями, и даже иногда пользуется гнѣздомъ этой птицы, такъ какъ молодые цапли, которыхъ онъ просто вытаскиваетъ изъ гнѣзда, облегчаютъ ему его охоту и пропитаніе его собствен- ныхъ птенцовъ. Три гнѣзда, найденныя нами въ тундрѣ, послужили подтвержде- ніемъ, что онъ даже лишнимъ считаетъ притаскивать матерьялы для постройки. Такъ какъ въ этихъ мѣстахъ на большомъ протяженіи скалы совершенно отсут- ствуютъ, то онъ довольствуется простыми земляными выступами, которые по крайней мѣрѣ съ одной стороны имѣютъ крутизну, а въ случаѣ нужды—даже одинокимъ камнемъ или болѣе крупнои, частью размытой дождемъ, земляной глыбой, возлѣ которой онъ безъ дальнѣйшихъ приготовленій кладетъ яйца прямо на землю. Всѣ три найденныя нами гнѣзда находились на верхнемъ краю впа- дины или долинки, но только одно на такомъ мѣстѣ, подъ которымъ высту- пала каменная порода. Все имѣло видъ, какъ будто бы птица выскивала такое возвышенное мѣсто, которое, по крайней мѣрѣ съ одной стороны было бы трудно досягаемо, тогда какъ съ другой стороны можно было идти ровнымъ мѣс- томъ вплоть до самаго гнѣзда, не имѣя никакой надобности влѣзть. Здѣсь мы видѣли въ іюлѣ и августѣ пуховыхъ или полуоперенныхъ птенцовъ, прижавшихся вплотную къ камню или къ кучкѣ земли, разъ даже на совершенно открытомъ вы- ступѣ. Птенцы, казалось, чувствовали себя въ полной безопасности, какъ будто въ тундрѣ вовсе не водилось ни волковъ, ни песцовъ. Въ нашихъ краяхъ въ апрѣлѣ или маѣ, иногда только въ іюлѣ находятъ полную кладку изъ 3, самое большее изъ 4 кругловатыхъ яицъ, покрытыхъ бурными пятнами по темно-красноватому фону. Яйца высидиваются одной самкой; самецъ развлекаетъ ее способомъ, уже описан- нымъ выше. Оба родителя необыкновенно любятъ своихъ птенцовъ и съ ожесто- ченіемъ прогоняютъ всякаго врага, приближающагося къ гнѣзду. По крайней мѣрѣ это мы наблюдали въ сибирской тундрѣ. Уже издали сапсаны указали намъ на мѣсто, гдѣ находилось гнѣздо. Они еще на далекомъ разстояніи прилетѣли къ намъ на встрѣчу, съ громкимъ крикомъ крутились надъ нами высоко въ воздухѣ, спускались все ниже и ниже, по мѣрѣ приближенія нашего къ гнѣзду и непре- станно бросались прямо на насъ. Зрѣлище, которое представляли собой эти пере- пуганные сокола, было чрезвычайно привлекательно, такъ какъ при этомъ они вы- казывали все свое искусство въ полетѣ. Только что видишь ихъ кружащимися въ далекой воздушной выси далеко за предѣлами выстрѣла, какъ, внезапно сло- живъ крылья, они со свистомъ проносятся мимо въ нѣсколькихъ метрахъ отъ кого нибудь изъ насъ, достигаютъ самаго низкаго пункта, соответствующимъ образомъ пускаютъ въ дѣло свои рулевые перья и безъ замаха крыльями взбираются на прежнюю вышину, снова летаютъ кругами и снова стремглавъ несутся внизъ. На настоящее нападеніе однако они не рѣшались и ни разу не приближались такъ близко, какъ это дѣлаютъ при подобныхъ же обстоятельствахъ ястреба и чайки.

Молодые вначалѣ кормятся полуперевареннымъ въ зобу мясомъ, позднѣе же въ изобиліи разнообразными птицами, но вылетѣ обстоятельно обучаютъ и только тогда сами оставляютъ родителей, когда станутъ совершенными ловцами. «Въ 1872 году», пишетъ мнѣ Либс, «я видѣлъ въ долинкѣ рѣки Эльстеръ пару сапсановъ,

кружившихся надъ роццей въ полѣ. Эта пара вскорѣ стала страшилищемъ для воронъ данной области. По своему обыкновению я почти ежедневно посѣщалъ эту мѣстность и черезъ 8 дней увидѣлъ, что одинъ изъ сапсановъ каждый вечеръ летаетъ въ вышеназванную роццу, посидитъ тамъ съ четверть часа и отъ времени до времени, чего-то ища, летаетъ надъ долиной. Мое предположеніе, что самка была убита, не подтвердилось. По прошествіи нѣкотораго времени она въ опредѣленный часъ между 6—7 вечера прилетѣла вмѣстѣ съ самцомъ въ роццу въ сопровожденіи двухъ молодыхъ, которые были еще настолько безпомощны, что, садясь на дерево, не всегда быстро приходили въ равновѣсіе. Спустя короткое время оба старика отлетѣли и стали, играя, кружиться противъ вѣтра; это было чудное зрѣлище, которое я уже видѣлъ разъ въ Норвегіи, а другой разъ здѣсь, когда игралъ одинъ самецъ. Самецъ скоро отлетѣлъ въ сторону, тогда какъ самка продолжала свои чудные извороты, причѣмъ все ближе и ближе подлетала къ молодымъ, пока наконецъ косвеннымъ ударомъ не сбита одного изъ нихъ съ вѣтки крыломъ или грудью, я разобрать не могъ, такъ какъ мѣсто, гдѣ я скрывался, было отдаленно, а моя подозрительная труба не была достаточно сильна. Волей-неволей молодой принужденъ былъ летѣть и безпомощно подражалъ движеніямъ родителей, но вскорѣ снова уцѣлся на дерево. Послѣ этого мать сбросила другого птенца съ его высокаго сѣдалища, заставивъ его, какъ и перваго, летать. Послѣ короткаго отдыха она заставила работать обоихъ птенцовъ, при этомъ косо взлетѣла противъ вѣтра, давъ имъ пролетѣть кругомъ на большое разстояніе, красивой дугой пронеслась вертикально внизъ и снова взвилась наверхъ, продолжая всѣ другія, свойственныя этой игрѣ упражненія. Пытаясь слѣдовать за матерью, они довольно неуклюже подражали ея движеніямъ. Но вотъ вновь появился самецъ съ сорокой или вороной въ когтяхъ; однако семья эта была обезпокоена какимъ-то явленіемъ и улетѣла прочь».

Въ нашихъ мѣстахъ сапсанъ не можетъ быть терпимъ, такъ какъ вредъ, причиняемый имъ, весьма значителенъ. Если-бы этотъ гордый хищникъ ловилъ столько, сколько для него требуется, ему, пожалуй, еще можно было бы разрѣшить это, но онъ одинъ работаетъ за цѣлую компанію другихъ хищныхъ птицъ. Весьма бросается въ глаза тотъ фактъ, что всѣ благородные сокола, подвергавшіеся нападенію, бросаютъ заполученную ими добычу. Эту манеру очень хорошо знаютъ пернатые разбойники. «Вотъ на пограничныхъ столбахъ или на пригоркахъ поля», рассказываетъ Науманъ, «сидятъ разные пернатые дѣтля и увальни, внимательно слѣдящіе за соколами. Какъ только они замѣтятъ, что хищникъ что-то схватилъ, они успѣшно прилетаютъ и безъ всякой церемоніи отнимаютъ его добычу. Столь смѣлый и храбрый въ другое время соколъ, видя приближающагося непрошеннаго гостя, бросаетъ свою добычу, взвизываетъ на высоту, испуская частое «kia kia», и улетаетъ. Онъ покидаетъ свою добычу даже передъ трусливымъ краснымъ коршунѣмъ, отъ котораго храбрая насѣдка можетъ защитить своихъ цыплятъ». Въ сѣверной Африкѣ такими любителями поживиться на чужой счастъ является главнымъ образомъ египетскій коршунъ-паразитъ, вполнѣ оправдывающій свое названіе. Я самъ видѣлъ, какъ одинъ сапсанъ въ теченіи нѣсколькихъ минутъ убилъ трехъ утокъ, всѣхъ трехъ бросилъ безстыднымъ пернатымъ бродягамъ и только съ четвертой улетѣлъ, уже не будучи тревожимъ. Этотъ образъ дѣйствій соколовъ старались объяснить, причѣмъ были высказаны разные предположенія. По мнѣнію однихъ—соколъ оставляетъ свою добычу упомянутымъ попрошайкамъ, чтобы избѣжать бесполезнаго шума, по мнѣнію другихъ онъ чувствуетъ себя слабѣе такихъ противниковъ. Ризенталь, защищающій второе пред-

положеніе, увѣряетъ, что, по его наблюденіямъ, паразитъ никогда не осмѣливался подлетать къ соколу, пока тотъ несъ добычу на воздухѣ, и дѣлалъ это большей частью тогда, когда тотъ, сидя на землѣ, начиналъ клевать свою жертву. Я могу только сказать, что я лично не знаю настоящей причины такого поведенія столь сильной и гордой птицы, но, въ противоположность мнѣнію Ризенталя, видѣлъ, даже очень часто, какъ соколъ, несшій добычу, на лету бросалъ ее окружавшимъ его попрошайкамъ; при этомъ, если подыскивать объясненія, я долженъ всего вѣроятнѣе предположить, что соколу чрезвычайно надобѣдаетъ это приставаніе пернатыхъ паразитовъ, почему онъ, вполне сознавая свои охотничьи способности, и кидаетъ имъ легко добытую и легко, въ случаѣ чего, замѣнимую добычу.

Вредъ, приносимый сапсаномъ, не подлежитъ сомнѣнію, но многіе полагаютъ, что отъ него нѣтъ никакой пользы, и какъ охотники, такъ и любители голубей видятъ въ немъ самаго неприятнаго врага, истребленіе котораго должно производиться всѣми средствами. Однако я, а вмѣстѣ со мною и всякій другой, который когда-либо видѣлъ эту гордую птицу во время ея воздушной охоты, никакъ не могутъ желать ея исчезновенія, такъ какъ соколъ этотъ—украшеніе пашихъ лѣсовъ и луговъ. Онъ соединяетъ въ себѣ силу съ ловкостью, смѣлость съ понятливостью; сидитъ ли онъ или летитъ—онъ привлекаетъ вниманіе всякаго наблюдателя. Радея за его пощаду, я рискую пріобрѣсти враговъ во всѣхъ охотникахъ и голубятникахъ; несмотря на это, я не могу не обратить здѣсь вниманія на то обстоятельство, что въ Англіи на этого сокола начинаютъ смотрѣть уже другими глазами, чѣмъ раньше. Тамъ также всякій охотникъ точилъ на него зубы и въ обращеніе были пущены всѣ средства къ его истребленію, начиная отъ капкановъ, ставившихся въ гнѣзда, до вороньяго шалапа, отъ ружья до петли; благодаря соединеннымъ успіямъ, добились, что въ нѣкоторыхъ охотничьихъ областяхъ, по крайней мѣрѣ въ птенцовую пору, сапсаны были совершенно изгнаны. Съ тѣхъ поръ начали замѣчать какую то все болѣе и болѣе увеличивающуюся эпидемическую болѣзнь тетеревовъ и сѣрыхъ куропатокъ, столь бережно охраняемыхъ; тогда пришло на мысль, что эта болѣзнь, прежде не замѣчанная, можетъ быть явилась, какъ слѣдствіе безпощаднаго избіенія сапсановъ. Истребленіемъ послѣднихъ облегчена была борьба за существованіе куропаткамъ, поэтому болѣе слабые экземпляры прежде обыкновенно первыми попадавшіе въ лапы сокола, также оставались жить, размножились и дали такимъ образомъ еще болѣе слабое, склонное ко всякаго рода болѣзнямъ, потомство. Возникъ эти обстоятельства, нѣкоторые крупныя англійскіе землевладѣльцы болѣе не преслѣдуютъ сапсановъ и ждутъ отъ этого, если не пріумноженія выводковъ куропатокъ, то болѣе здоровыхъ поколѣній пернатой дичи. Я не рѣшаюсь высказаться окончательнѣе вѣрности вышеприведеннаго мнѣнія, однако оно по моему все же заслуживаетъ вниманія натуралистовъ и охотниковъ. Конечно, нѣчто другое видимъ, если рѣчь пойдетъ о вредѣ, причиняемомъ сапсаномъ нашимъ любителямъ голубей. Во всякомъ случаѣ они имѣютъ полное право ненавидѣть и преслѣдовать соколовъ, противъ которыхъ они такъ безсильны, что уже прибѣгали, какъ напримѣръ въ Берлинѣ, къ помощи полиціи противъ этихъ воздушныхъ грабителей.

При заботливомъ уходѣ сапсанъ выживаетъ нѣсколько лѣтъ въ неволѣ и больше всего предпочитаетъ мясную пищу; однако онъ требуетъ много корма. «Одинъ разъ», говоритъ Пауманъ, «я больше года держалъ одного такого сокола въ большой клеткѣ; онъ съѣдалъ въ два дня цѣлую лисницу, а въ одинъ день трехъ воронъ; однако онъ могъ болѣе недѣли оставаться голоднымъ. Часто онъ слатывалъ разомъ шесть живыхъ воробьевъ, по три въ каждую лапу. причемъ онъ

садился на ступни и, оторвав у них одну за другой головы, клалъ послѣднія въ сторону. Живая старая ворона задавала ему много работы, точно также и сова. Когда онъ видѣлъ меня, подходящимъ съ живой совой, онъ взъерошивалъ перья и, готовый нанести ударъ, садился на самое высокое мѣсто своего помѣщенія; какъ только сова попадала въ клѣтку, она тотчасъ же ложилась на спину, выставляла ему распушенные когти и грозно шипѣла. Однако соколъ не обращалъ на это вниманія и бросался на нее сверху, пока ему не удавалось схватить добычу за шею и придавить ее за горло. Сидя на своей добычѣ, онъ радостно расширялъ крылья и во все горло кричалъ свое «ггга ггга ггга», клювомъ разрывая горло совы. Мышей онъ также ѣлъ, но хомяковъ и кротовъ не трогалъ.

Въ большинствѣ зоологическихъ садовъ сапсаны, какъ и остальные хищныя птицы, по заведенному обычаю получаютъ только конину. Ясно, что при такой пищѣ они рѣдко выживаютъ долго. Судя по опыту, ихъ нужно сажать только съ подобными имъ птицами и только парами; мелкихъ пернатыхъ хищниковъ они заѣдаютъ, а крупные опасны для нихъ самихъ: въ особенности же никогда не нужно сажать къ нимъ ястреба, такъ какъ послѣдній беретъ надъ ними верхъ и рано или поздно съѣдаетъ ихъ.

* *
*

Въ средней Африкѣ и Инди группа сапсановъ замѣчается чрезвычайно красивымъ пернатымъ хищникомъ, который, благодаря своей необыкновенной красотѣ, заслуживаетъ упоминанія и въ этой книгѣ. Это **Красношейный соколъ** или **Соколъ Турумди** (*Falco chiquera, ruficollis, ruficapillus, Hypotriorchis chiquera, ruficollis, Chiquera ruficollis, Rothalsfalke, Faucon chiquera*) быть можетъ самый красивый изъ всѣхъ благородныхъ соколовъ. Его голова и затылокъ ржаво-краснаго цвѣта, мѣстами нѣжно исптрихованы темными стержнями перьевъ; напротивъ, спина, верхъ крыльевъ, кроющія перья крыльевъ и верхнія малыя маховыя имѣютъ широкія, сильно выдѣляющіяся, черныя поперечныя полосы по пепельно-сѣрому, при жизни съ свѣтло-голубымъ налетомъ. фону; нижняя часть груди, брюхо и бедра снабжены темными пепельно-сѣрыми, густо расположенными перемычками по свѣтло-желтому фону. Узкая полоска надъ глазомъ, равно какъ и ясно выдѣляющіяся усы—черныя; горло бѣлое; зобъ, включая сюда и верхнюю часть груди, особенно по бокамъ—свѣтло-ржаво-красный, сгибъ крыла того же цвѣта. Хвостъ имѣетъ ту-же основную окраску, какъ и спина и 8—10 болѣе темныхъ перехватовъ; широкія концевыя перемычки имѣютъ бѣлыя каймы. Глаза темно-карие; клювъ у основанія зеленовато-желтый, на концѣ рогового-голубого цвѣта; ноги свѣтло-оранжево-желтыя. Длина самца достигаетъ 29 см., самки—34, размахъ крыльевъ у перваго—58 см., у второй—68; длина крыла самца—18,5 см., самки 22, длина хвоста самца 11, самки 14,5 см.

Нѣкоторые натуралисты различаютъ красношейнаго сокола отъ турумди; однако здѣсь мы имѣемъ дѣло съ такими-же разновидностями, какъ и у сапсановъ.

По моимъ изслѣдованіямъ этотъ красивый соколъ въ сѣверной Африкѣ водится только южнѣ 16° сѣв. шир., а тамъ въ свою очередь исключительно живетъ на пальмахъ-делобъ, которые поднимаются надъ высокимъ лѣсомъ своими роскошными верхушками и предоставляютъ весьма подходящее мѣсто для гнѣзда этого сокола на своихъ широкихъ вѣерообразныхъ листьяхъ. Мы видѣли его единственный только разъ въ лѣсу, состоящемъ изъ пальмы-думъ при Розсерсѣ; конечно здѣсь далеко кругомъ не было ни одной пальмы-делебъ.

Въ средней Африкѣ Рейглингъ встрѣтилъ турумди на тѣхъ же деревьяхъ, по

всей вѣроятности и на западномъ берегу этой части свѣта, гдѣ онъ также водится, онъ держится на растущихъ тамъ вѣрныхъ пальмахъ.

Одной вышеназванной пальмы достаточно, чтобы на ней поселилась парочка этихъ соколовъ. Отсюда соколъ летаетъ также и на одинъ изъ растущихъ кругомъ баобабовъ, гдѣ и усаживается на самой вышкѣ обозрѣвать съ этого поста свой районъ. Если мимо пролетитъ стая ткачиковъ, онъ кидается сверху внизъ, словно стрѣла, пущенная изъ лука, и рѣдко безъ результата, такъ какъ его ловкость необычно-

Турумди *Falco chiquea* 1/8 в.

венно велика и, по моему, превосходить ловкость всѣхъ остальныхъ соколовъ, которыхъ я наблюдалъ.

Подъ его гнѣздомъ я нашелъ убитого карликоваго стрижа (*Microtus parvus*), а позднѣе видѣлъ, какъ пара этихъ роскошныхъ соколовъ долгое время преслѣдовала и счастливо поймала одного изъ этихъ стрѣйшихъ изъ всѣхъ тамонскихъ летуновъ. Однако болѣе мелкія птицы, особенно-же разные виды вѣрковъ и преимущественно ткачки составляютъ его почти исключительную пищу. На болѣе крупныхъ птицъ онъ не нападетъ; а это по крайней мѣрѣ говоритъ тѣ своеобразныя дру-

жественныя отношенія, которыя мы нѣсколько разъ наблюдали: именно на однихъ и тѣхъ же вѣрообразныхъ пальмахъ, на которыхъ помѣщается гнѣздо сокола, гнѣздятся гвинеискіе голуби (*Columba guinea*), и мы часто видѣли, какъ эти со-сѣди мирно сидѣли въ непосредственной близости одинъ отъ другаго. Самое гнѣздо я никогда не могъ изслѣдовать: пальмы, на которыхъ онъ гнѣздится, были для меня недоступны.

Быстрота и ловкость этого красиваго хипчика обезпечиваютъ ему приволь-ную жизнь, но и у него есть свои враги по всей вѣроятности среди болѣе круп-ныхъ сородичей. Въ дѣтственномъ лѣсу я нашелъ однажды, въ видѣ остатковъ отъ обѣда, голову и оба крыла самца сокола этого вида. Туземцы центральной Африки никогда не преслѣдуютъ этой птицѣ; индусы, наоборотъ, умѣютъ обра-щаться съ нимъ и извлекать для себя пользу изъ его ловкости.

Я пополнию вышесказанное приведу описаніе турумди, составленное Жердономъ. «Онъ распространенъ по всей Индіи съ сѣвера на югъ, хотя въ лѣсистыхъ областяхъ и рѣдокъ, такъ какъ онъ предпочитаетъ открытое пространство по близости селеній, садовъ и роцъ. Часто его видятъ въ открытой мѣстности, сидящимъ на высокомъ, одиноко стоящемъ деревѣ, съ котораго онъ и производитъ свои нападенія въ знойное время дня. При этомъ съ невѣроятной быстротой онъ проносится вдоль кустар-никовъ, изгородей, береговъ прудовъ, надъ полями и внезапно бросается на жа-воронка, трясогузку или воробья. Я его уже нѣсколько разъ видѣлъ трепещу-щимъ нѣсколько секундъ въ воздухѣ, подобно пустельгѣ. На охотѣ турумди встрѣ-чается постоянно парами, охотится преимущественно на маленькихъ птицъ, именно жаворопковъ, воробьевъ, ржанокъ, но также и на полевокъ. Гнѣздо ту-румди расположено обыкновенно на высокомъ деревѣ и содержитъ обычную кладку изъ 4 желтовато-бурыхъ яицъ, окрашенныхъ бурными пятнами. Молодые выле-таютъ изъ гнѣзда уже въ концѣ марта или началѣ апрѣля. Возлѣ гнѣзда турумди очень отваженъ и съ рѣзкимъ крикомъ прогоняетъ отъ своего мѣста воронъ, коршунуновъ и даже беркута.

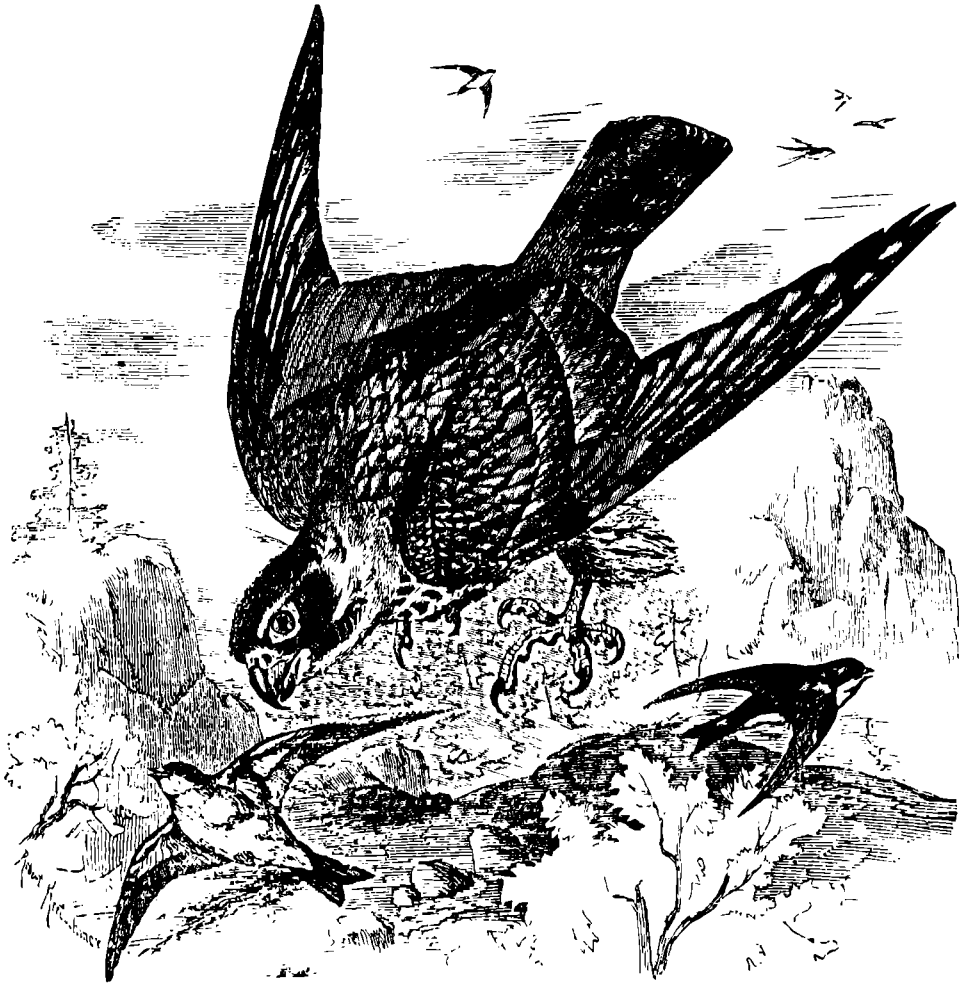
«При случаѣ этого сокола приручаютъ и дрессируютъ на перепеловъ, сѣрыхъ куропатокъ, мейнтъ, въ особенности-же на индѣйскихъ сивоворонокъ. При преслѣ-дованіи этой добычи соколъ бываетъ остороженъ и внимателенъ, но все-таки часто бываетъ обманутъ необыкновенными изворотами сивоворонокъ, которыя то несутся въ косомъ направленіи, то стремятся совершенно вертикально, причемъ не переставая кричать, насколько можно скорѣе стараются добраться подъ защиту какого-нибудь дерева. Но здѣсь то онъ какъ разъ и въ опасности, такъ какъ соколъ преслѣдуетъ ихъ съ вѣтки на вѣтку, снова выгоняетъ ихъ наружу и нѣсколь-ко секундъ спустя обезсиленная добыча дѣлается жертвой не знающаго покоя преслѣдователя. Я зналъ соколиныхъ охотниковъ, которые выдрессировали ту-румди охотиться по нѣсколько вмѣстѣ».

* * *

Челлокъ, Бѣлогорликъ или Подсокольникъ (*Falco subbuteo*, *hirundinus barletta*, *Dendrofalco*, *Pypotriorchis subbuteo*. Baumfalke. Pöbereau) принадле-жить къ болѣе мелкимъ благороднымъ соколамъ. Его длина достигаетъ 31 см., размахъ его крыльевъ 78, длина крыла 25, хвоста 16. Самка сантиметра на 4 длиннѣе, а въ размахѣ на 5—7 см. шире. Отличительными признаками его являются: малая величина, вытянутое тѣло и относительно длинныя, серповидныя, заходящія за конецъ хвоста, крылья. Вся верхняя часть его голубовато-черная, голова сѣрватая, затылокъ покрытъ бѣлыми пятнышками, маховыя перья черно-

ватия съ ржаво-темными кантами, на внутренних опахалах снабжены 5—9 ржаво-красноватыми, продолговато-круглыми поперечными пятнами. Хвостовыя перья сверху аспидно-голубыя, снизу сѣрые и на внутренних опахалах снабжены восемью ржаво-красными поперечными пятнами, сливающимися въ перехваты, но на двухъ среднихъ перьяхъ они отсутствуютъ.

Нижняя часть по бѣлому или желтовато-бѣлому фону, начиная отъ зоба, покрыта

Чеглокъ. *Falco subbuteo*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

черными продольными пятнами; штаны, гузка и нижнія кроющія перья хвоста красиваго ржаво-краснаго цвѣта. Усы ясно выдѣляются. Глаза темно-каріе, голій ободокъ вокругъ нихъ, восковица и ноги—желтыя. Клювь у основанія свѣтлый, на концѣ темно-голубой. У молодыхъ птицъ голубовато-черныя перья верхней части имѣютъ ржаво-темныя края, свѣтлое затылочное пятно у нихъ больше, чѣмъ у стариковъ, и имѣетъ желтоватую окраску; нижняя часть имѣетъ на бѣло-желтомъ основаніи фонѣ черныя продольныя пятна; нижняя часть тѣла, нижнія кроющія перья хвоста и штаны желтоватыя, послѣдніе имѣютъ черныя стержневныя пятна.

На греческих островах чеглока замѣщаетъ другой видъ, весьма схожій съ нимъ, но очень измѣнчивый. Онъ приблизительно на одну пятую крупнѣе чеглока, темнѣе окрашенъ, снизу покрытъ черными пятнами по бурому фону. Этотъ видъ—Чеглокъ Элеонора (*Falco eleonoraе, arcadicus, concolor, dichrous, gadama, Dendrofalco eleonoraе, arcadicus, Hypotriorchis eleonoraе. Eleonorenfalke. Nobereau Eléonore*).

Чеглокъ этотъ быстрѣйшій изъ всѣхъ нашихъ благородныхъ соколовъ, гнѣздится во всей Европѣ, начиная отъ центральныхъ частей Скандинавіи, южной Финляндіи и сѣверной Россіи до Греціи и Испаніи. Кромѣ того онъ живетъ по всей Азіи, отъ Урала до Амура и гнѣздится также, по Вальтеру, во всѣхъ подходящихъ мѣстахъ Туркестана. Къ югу онъ становится рѣже и напримѣръ въ Италіи нигдѣ до сихъ поръ не былъ встрѣченъ гнѣздящимъ, но его всегда наблюдали тамъ лишь во время своего пролета; лѣтомъ въ Греціи и Испаніи онъ также встрѣчается довольно рѣдко, такъ что за границу области своего распространения, Балканы, Альпы и Пиренеи, онъ переходитъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Пролетомъ онъ чрезвычайно рѣдко посѣщаетъ сѣверную Африку, но на Канарскіе острова летаетъ еще довольно регулярно; напротивъ, въ Индіи онъ является довольно частымъ зимнемъ гостемъ. По Эверсману, онъ довольно обыкновененъ въ предгоріяхъ и пограничныхъ степяхъ Урала. Въ Германіи онъ предпочитаетъ полевые роци, въ особенности же лиственные лѣса всѣмъ остальнымъ мѣстностямъ; въ обширныхъ лѣсахъ его наблюдаютъ только на пролетѣ. Подобно этимъ лѣсамъ онъ избѣгаетъ и горы, покрайней мѣрѣ посѣщаетъ ихъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ и всегда только по одиночкѣ. Обыкновеннымъ его вообще назвать нельзя, но и къ рѣдкимъ птицамъ причислить, конечно, также невозможно. Въ равнинахъ сѣверной Германіи мѣстами его встрѣчаютъ постоянно и почти не рѣже, чѣмъ пустельгу; въ холмистой странѣ онъ попадается по меньшей мѣрѣ на всѣхъ подходящихъ мѣстахъ, но всегда только въ одиночку, такъ что участокъ, обитаемый одной парой, отдѣленъ отъ другого участка часто многими километрами. Въ Германіи онъ является лѣтней птицей, регулярно покидающей насъ къ сентябрѣ и октябрѣ и снова возвращающейся въ апрѣлѣ.

По своимъ повадкамъ чеглокъ во многомъ отличается отъ другихъ благородныхъ соколовъ. «Онъ представляетъ собою», говорятъ мой отецъ, «чрезвычайно отважнаго, смѣлаго и ловкаго пернатого хищника, который можетъ помѣряться со всякимъ другимъ въ быстротѣ своего полета. Последний имѣетъ много общаго съ полетомъ ласточекъ: какъ и онѣ, чеглокъ большею частью серповидно держитъ крылья, мало распускаетъ хвостъ и всей своей осанкой очень походитъ на башибузовъ стрижей. Покинувъ какое-либо дерево, онъ проносится по воздуху, часто пролетая цѣлый участокъ въ 300—400 шаговъ безъ малѣйшаго видимаго движенія крыльями и не медленно, какъ сарычи или пустельги, но весьма быстро. Если онъ залетѣлъ слишкомъ низко, такъ какъ во время такого полета онъ замѣтно опускается, то ему стоитъ только сдѣлать нѣсколько взмаховъ крыльями, и онъ снова достигаетъ прежней вышины. Такъ продолжается далѣе этотъ красивый полетъ и въ короткое время скрываетъ сокола изъ глазъ человека. Если обыкновенный полетъ его можно назвать скорымъ, то полетъ его во время преслѣдованія какой-либо птицы становится стремительнымъ. Какъ стрѣла пускается чеглокъ за какой-нибудь деревенской ласточкой и, если въ его распоряженіи довольно пространства для ея преслѣдованія, птица погибла. Мы однажды видѣли, какъ взрослый самецъ напалъ на добычу. Онъ извился надъ небольшою птичкой, за которой гнался и

быстрыми ударами крыльевъ достигъ нужной для нападенія высоты. Тогда онъ сложилъ крылья и, пронесясь десять метровъ въ косомъ направленіи, схватилъ птицу. Зеленый дятель, пролетавшій также мимо сокола, пришелъ въ такой ужасъ отъ этого стремительнаго налета, что съ громкимъ крикомъ и большой поспѣшностью бросился въ ближайшую чашу». При такихъ охотахъ чеглокъ иногда забываетъ всякій страхъ передъ человѣкомъ, слѣпо несется за преслѣдуемой птицей, причемъ часто залетаетъ въ дома, даже внутрь ѣдущаго экипажа, если тамъ ищеть спасенія его перепуганная и обезумѣвшая добыча. Съ величайшей легкостью онъ совершаетъ самые красивые повороты во время своего плавнаго полета. На землю онъ садится рѣдко, чаще же всего на деревья; свою добычу онъ съѣдаетъ какъ на деревьяхъ, такъ и на землѣ.

Самцы и самки живутъ очень дружно и сообща предпринимаютъ осенью свой отлетъ на зиму. Охотятся они также сообща, но при этомъ очень завидуютъ другъ другу и нерѣдко ссорятся между собой. «Я знаю», говоритъ мой отецъ, «тому одинъ примѣръ. Два чеглока охотились вмѣстѣ; одинъ поймалъ ласточку, бросилъ ее, когда подлетѣлъ другой соколъ, метнулся за ней и поймалъ ее еще разъ. Тогда второй чеглокъ потребовалъ своей доли въ пойманной добычѣ, но первый не хотѣлъ уступить ему этого. Оба начали клевать другъ друга и такимъ образомъ спустились на землю, гдѣ побѣдившій схватилъ ласточку и быстро улетѣлъ, прежде чѣмъ побѣжденный окончательно пришелъ въ себя». Иногда случается, что при такихъ ссорахъ пойманная птица освобождается и счастливо ускользаетъ. За исключеніемъ такихъ пустынныхъ размолвокъ, самецъ и самка живутъ очень дружно. Парочку ихъ всегда видишь вмѣстѣ, причемъ одна изъ птицъ старается повеселить другую. Голосъ чеглока есть чистое и пріятно звучащее «гэт, гэт, гэт», часто и быстро повторяемое. Въ пенцовую пору онъ издаетъ ясное «гик». Чеглокъ бываетъ всегда пугливъ и остороженъ, поэтому только тогда летитъ спать, когда наступитъ совершенная темнота, и каждаго человѣка сильно боится. Всѣ его повадки говорятъ за высокое развитіе его умственныхъ способностей. Какъ уже было замѣчено Науманомъ, чеглокъ является ужасомъ для полевыхъ жаворонковъ. Однако онъ отнюдь не гнушается и другими птицами и бываетъ опасенъ даже для быстрыхъ ласточекъ. «Столь храбрыя обыкновенно ласточки, такъ охотно преслѣдующія задорнымъ крикомъ другихъ хипныхъ птицъ, чрезвычайно боятся его и при его появленіи поспѣшно обращаются въ бѣгство. Иногда я видѣлъ чеглока, вставшаго въ стаю домовыхъ ласточекъ, которыя были этимъ такъ перепуганы, что нѣкоторыя изъ нихъ положительно падали со страху на землю, гдѣ и позволяли имѣ себя взять. Я долго держалъ ихъ на раскрытой ладони, прежде чѣмъ онѣ осмѣлились летѣть дальше. Жаворонки такъ сильно пугаются при видѣ своего смертельнаго врага, что преслѣдуемые имъ, летятъ часто прямо на людей, падаютъ подъ ноги пахарей и лошадей и съ перепугу и страху такъ обезумѣваютъ, что ихъ нерѣдко можно поймать руками. Обыкновенно чеглокъ летитъ низко и быстро надъ землей. Если весною жаворонки завидятъ его еще издали, они быстро взываются на такую высоту, что человѣческій глазъ едва можетъ различить ихъ, и усердно повторяютъ оттуда свою трель, хорошо сознавая, что на высотѣ чеглокъ не можетъ имъ повредить, такъ какъ онъ, подобно предыдущему, нападаетъ всякій разъ на свою добычу сверху и при этомъ никогда не преслѣдуетъ ихъ на столь значительной высотѣ, потому что ему стоило бы большаго труда и усилій залетать выше нихъ. При появленіи чеглока, ласточки производятъ большой шумъ, сбиваются въ стаю и, кружась, взываются на высоту. Чеглокъ нападаетъ на одиночныхъ и низко летящихъ птицъ и на свободѣ ловить ихъ въ 4—10

налетовъ; если же онъ еще чаще промахивается, то скоро устаетъ и улетаетъ».

Тонкій и опытный наблюдатель Снэль полагаетъ, что чеглокъ можетъ ловить только городскихъ ласточекъ, тогда какъ для деревенскихъ онъ неопасенъ. «Поведеніе ласточекъ», говоритъ онъ, «я очень хорошо высмотрѣлъ. Лишь только соколъ появился и началъ свои воздушныя упражненія, все ищетъ спасенія съ очевиднымъ страхомъ. Однѣ только деревенскія ласточки начинаютъ летать нѣсколько выше, чѣмъ остальные, предупреждая другихъ птицъ, а нѣкоторыя изъ нихъ, особенно смѣлыя изъ стаи, бросаются даже за ненавистнымъ имъ хищникомъ. Но это дѣлалось ими съ большой поспѣшностью и осторожностью». На основаніи болѣе новыхъ наблюдений, я долженъ согласиться съ Снэлемъ. Я также въ послѣдніе годы видѣлъ, какъ чеглокъ былъ преслѣдуемъ нашими деревенскими ласточками; какъ разъ то же самое пишутъ мнѣ Гомейеръ и Рейхеновъ. «Во времени осеняго лета», сообщаетъ послѣдній, «въ моемъ помѣстьѣ Литцельнау въ горной странѣ верхней Баваріи я однажды видѣлъ дюжину дроздовъ, стремглавъ летѣвшихъ у самой земли по фруктовому саду. Обративъ на это вниманіе, я сталъ искать предметъ, который такъ напугалъ ихъ, и увидѣлъ высоко на воздухѣ чеглока, который скоро метнулся внизъ. Встрѣтивъ препятствіе въ раскинувшихся вѣтвяхъ чрезвычайно скученно растущихъ деревьевъ, онъ долженъ былъ удержаться и сталъ парить надъ деревьями. Въ это время его замѣтили гнѣздившіяся въ дому и имѣвшія птенцовъ деревенскія ласточки, числомъ около 20 штукъ. Онѣ тотчасъ же съ оглушительнымъ крикомъ бросились на сокола. Послѣдній, до котораго то и дѣло задѣвали концы крыльевъ кружившихся около него ласточекъ, совершенно смущенный безчисленными криками «бивис», не только бросилъ свою охоту, но даже повернулъ и сѣлъ на нижнюю вѣтку одной совершенно близко стоявшей отъ меня груши, высотой около 6 м., подъ тѣнью листы которой онъ очевидно искалъ защиты. Увидѣвъ меня, онъ сорвался и весьма поспѣшно полетѣлъ прочь подъ фруктовыми деревьями». Во время своей охоты чеглокъ нерѣдко залетаетъ не только въ деревни, но даже и въ города. При нѣкоторыхъ условіяхъ онъ проносится низко по улицамъ, охотясь за ласточками, ловитъ одну изъ нихъ и летитъ прочь. Если ему не удастся достигнуть своей цѣли, пользуясь неожиданностью, то онъ пускаетъ въ дѣло свою чрезвычайную быстроту полета. Зейдензахеръ видѣлъ, какъ ласточки, въ смертельномъ страхѣ спасавшіяся отъ него, спрятались въ кустъ ситника и тѣмъ избѣжали когтей сокола. Послѣдній, повидимому, прекратилъ преслѣдованіе, кружился надъ кустомъ ситника, поднимался все выше и выше и наконецъ отлетѣлъ на нѣсколько шаговъ въ сторону, гдѣ снова принялся описывать спирали. Но лишь только ласточки, благодаря отсутствію сокола сдѣлавшіяся смѣлыми, покинули свой кустъ, какъ чеглокъ снова бросился внизъ и мгновенно спустя былъ уже среди перепуганной стаи этихъ птичекъ. Охота его на ласточекъ представляетъ собою чудное зрѣлище. Обыкновенно обѣ птицы одной пары соединяются вмѣстѣ и въ то время, какъ одна изъ нихъ старается взлетѣть выше проворныхъ ласточекъ, другая насколько можно держится ниже ихъ. Оба сокола, впрочемъ, въ теченіи охоты безпрестанно мѣняютъ свои роли, выказывая при этомъ такое же превосходное искусство въ летаніи, какъ и перепуганныя ласточки. При извѣстныхъ условіяхъ чеглокъ уничтожаетъ такъ много нашихъ домовыхъ и городскихъ ласточекъ, что убыль ихъ бываетъ очень замѣтна; но такого опустошенія, какое замѣчается среди жаворонковъ, среди ласточекъ онъ не производитъ.

Въ то время, какъ ласточки видятъ въ чеглокѣ своего заклятаго врага, ба-

шенные стрижи, повидимому, не обращаютъ на него никакого вниманія. «Въ моемъ прежнемъ охотничьемъ районѣ въ западной Пруссіи», говоритъ Ризенталь, «одна парочка чеглоковъ гнѣздилась въ непосредственной близости отъ гнѣздовья башенныхъ стрижей. Такимъ образомъ эти оба вида самыхъ ловкихъ и самыхъ быстрыхъ летуновъ были сосѣдями. Сокола нисколько не беспокоили стрпжей, которые влетали и вылетали у самаго гнѣзда чеглока въ свои гнѣздовья отверстія въ старыхъ полусгнившихъ соснахъ. Одинъ изъ соколовъ только при случаѣ леталъ въ перегонку со своими черными сосѣдями, и если онъ перегонялъ ихъ, что всегда случалось, то радостно оповѣщалъ с своей побѣдѣ своимъ звонкимъ «кик кик кик». Не беспокоиться подобнымъ сосѣдствомъ было въ характерѣ быстрокрылыхъ стрижей, а для соколовъ въ большинствѣ случаевъ было гораздо легче ловить другую добычу, нежели этихъ стремительно носившихся сосѣдей. Несмотря на это, доказано, что чеглокъ можетъ ловить и ихъ. «Это единственная хищная птица», говоритъ еще Глогеръ, «которая настигаетъ многихъ изъ летающихъ стрѣлой башенныхъ стрижей»; Альтумъ также подтверждаетъ это: «я даже видѣлъ разъ», говоритъ онъ, «какъ онъ поймалъ горнаго стрижа».

Само собою разумѣется, что чеглокъ не ограничивается охотой на однихъ только деревенскихъ и городскихъ ласточекъ, стрижей и полевыхъ жаворонковъ, но гоняется также и за лѣсными и хохлатыми жаворонками или, на югѣ Россіи и въ степяхъ, за бѣлокрылыми жаворонками, каландрами, черными и короткопалыми жаворонками, вообще за всѣми видами этого рода, которые только ему попадутся; однако онъ отнюдь не довольствуется постоянно столь мелкою добычей, но также ловить птицъ до величины перепела и горлянки и нападаетъ на сѣрыхъ куропатокъ и даже на журавлей. Всѣ наблюдатели, встрѣтившіе его на зимовкахъ, выставляютъ на видъ, что онъ появляется вмѣстѣ съ перепелами и остается столько же времени, сколько и они. Въ одно солнечное утро послѣ сильнаго дождя Сакса встрѣтилъ одного самца, убившаго голубя, но такъ перемокшаго, что онъ не могъ подняться и былъ пойманъ; Мейеринкъ же сообщаетъ мнѣ, что онъ часто видѣлъ, какъ чеглокъ нападалъ на сѣрыхъ куропатокъ. «Я частенько осенью на охотѣ видѣлъ бѣлогорлика, охотничагося за сѣрыми куропатками. Въ сентябрѣ 1876 года я убилъ двухъ куропатокъ изъ летѣвшаго выводка и, когда я посмотрѣлъ имъ вслѣдъ, куда онѣ полетѣли, внезапно появился чеглокъ и дважды налетѣлъ, но безрезультатно, на выводокъ, который успѣлъ скрыться въ чащу. Продолжая охоту, я постоянно не терялъ изъ вида этого чеглока. Слѣдовавшая за мной повозка случайно снова вспугнула выводокъ куропатокъ. Птицы пролетѣли недалеко отъ меня, но такъ, что я не могъ въ нихъ выстрѣлять. Въ это время чеглокъ вновь стрѣлой кинулся съ выси еще разъ испытать свое охотничье счастье; но я издалека положилъ его на мѣстѣ. Изъ этого наблюденія и изъ другихъ, поразъ повторенныхъ, слѣдуетъ, что чеглокъ бьетъ и куропатокъ». Последнее предположеніе можетъ быть и невѣрно, такъ какъ есть наблюденія, доказывающія, что этотъ смѣлый и отважный пернатый хищникъ преслѣдуетъ нѣкоторыхъ птицъ, которыхъ онъ очевидно одолѣть не можетъ, изъ одного только задора. «Чеглокъ», говоритъ Нордманъ, «находить удовольствіе въ преслѣдованіи такихъ птицъ, которыя крупнѣе его, хотя онъ ихъ ранить не можетъ, а только дразнить. Особенно часто страдаютъ отъ его драчливости малые журавли (красавки). Въ Крыму и наблюдалъ пару этихъ соколовъ, изъ шалости нападавшихъ на общество вышеупомянутыхъ журавлей, которые по обыкновенію были заняты танцами; при этомъ, повидимому шутки ради, чеглоки налетали то на одну, то на другую птицу».

Этому же соответствовать и данныя, приводимыя Глогеромъ, что чеглоки па-

падаютъ и на бѣлокъ. Если это основано на наблюденіи, то, безъ сомнѣнія, мы и здѣсь должны считать причиною этого явленія просто зазоръ: наша бѣлкаслишкомъ хорошо умѣетъ защищаться, чтобы на нее могла безнаказанно нападать такая небольшая птица, какъ чеглокъ. Я думаю, что тѣ же самыя побужденія имѣютъ мѣсто и при его запугиваніи куропатокъ. Поэтому-то я и сомнѣваюсь, чтобы онъ могъ бить взрослыхъ куропатокъ. Во всякомъ случаѣ преимущественную пищу его составляютъ мелкія птицы; мышей, которыхъ ему такъ-же трудно ловить съ земли, какъ и сапану, онъ схватываетъ въ рѣдкихъ случаяхъ. Напротивъ, онъ часто ловитъ на лету насѣкомыхъ, въ особенности сверчковъ, стрекозъ и даже самцовъ муравьевъ, когда они роятся. У многихъ убитыхъ чеглоковъ зобъ былъ набитъ исключительно насѣкомыми. Наблюденія моего отца доказываютъ, что они ловятъ насѣкомыхъ клювомъ, а не когтями. «Въ нашемъ присутствіи одинъ самецъ гнался въ сумеркахъ за однимъ навознымъ жукомъ. При этомъ онъ такъ поусердствовалъ, что пролетѣлъ въ 20 м. мимо нашихъ головъ и трепыхалъ крыльями, словно козодой. Но отъ движенія воздуха, произведеннаго стремящимся чеглокомъ, жука отнесло въ сторону и соколъ напрасно щелкнулъ клювомъ, которымъ пытался схватить насѣкомое. Тогда онъ полетѣлъ за жукомъ, но послѣдній случайно повернулъ въ сторону и подлетѣлъ къ землѣ, такъ что птицѣ пришлось бросить свою охоту. Было ясно замѣтно, что у сокола не было необходимыхъ для ловли жуковъ качествъ, широкой пасти и полета, не произведящаго сильнаго теченія воздуха; отъ козодоя этотъ жукъ едва-ли ушелъ-бы».

Такъ какъ ту обильную добычу, которую чеглокъ долженъ промышлять для своихъ прожорливыхъ птенцовъ, доставляютъ ему только поздняя весна и раннее лѣто, когда молодыя птицы уже вылетѣли изъ гнѣзда, то онъ и не приступаетъ къ размноженію ранѣе мая, большею частью въ іюнѣ и нерѣдко только въ концѣ іюли. Гнѣздо онъ устраиваетъ на деревѣ, въ горахъ также на скалѣ, а въ степныхъ мѣстахъ и на землѣ. Въ первомъ случаѣ этотъ соколъ обыкновенно пользуется старымъ вороньимъ гнѣздомъ, какъ основаніемъ для своего гнѣзда; но случается также, что основаніе гнѣзда онъ дѣлаетъ изъ прутьевъ и выстилаетъ его изнутри волосами, щетиной и мхомъ. 4—5 яицъ его имѣютъ продолговатую, въ исключительныхъ случаяхъ и кругловатую форму, 40—43 мм. въ длину, 32—33 мм. въ ширину и по бѣловатому или красноватому фону болѣе или менѣе густо покрыты очень вѣжными, сливающимися другъ съ другомъ желто-красноватыми нижними и болѣе отчетливыми и болѣе раздѣльными красно-буроватыми верхними пятнами; нѣкоторыя притомъ расположены такъ густо, что кажутся почти кирпично-красными или сѣро-бурыми. Отъ яицъ пустельги они отличаются болѣе крѣпкой, менѣе блестящей скорлупкой и замѣтно крупнѣе ихъ. Самка сидитъ на яйцахъ около трехъ недѣль, и въ это время кормится самцомъ. «Какъ только послѣдній приближается къ гнѣзду съ пойманной птицей или жукомъ», рассказываетъ мой отецъ, «она издаетъ свой громкій крикъ, покидаетъ гнѣздо, съ крикомъ летитъ на встрѣчу своему самцу и слѣдуетъ добычу уже въ гнѣздѣ». Если въ началѣ птенцовой норы убить самца, самка тотчасъ-же вылетаетъ, чтобы спариться съ другимъ самцомъ и достигаетъ своей цѣли большею частью уже въ первые дни. Стефенсонъ рассказываетъ про одну самку, которой удалось вывести птенцовъ только послѣ того, какъ три я самца были убиты и она была вынуждена спариться наконецъ съ однимъ молодымъ еще несовершеннолѣтнимъ самцомъ. Оба родителя чрезвычайно любятъ свое потомство, никогда не покидаютъ его, защищаютъ свое гнѣздо отъ всякаго врага и бросаются также съ необыкновеннымъ мужествомъ на лѣзущаго къ гнѣзду человека, пролетая на раз-

стоявшіи около метра отъ головы своего могущественнаго врага. «Мы видѣли», рассказываетъ Науманъ, «единственнаго птенца одной запоздалой кладки, еще не умѣвшаго летать и выброшеннаго изъ гнѣзда; онъ сидѣлъ внизу у подножья одного дерева; родители снабжали его кормомъ и не переставали дѣлать этого и тогда, когда мы раза два, но безуспѣшно, клали его обратно въ гнѣздо».

Какъ велика привязанность родителей къ птенцамъ, видно изъ слѣдующаго примѣра. Когда Бриггсъ долѣзъ до одного гнѣзда чеглока съ цѣлю овладѣть птенцами, онъ прежде всего былъ встрѣченъ громкими криками обоихъ родителей, а затѣмъ былъ непрерывно атакованъ вышеупомянутымъ образомъ. Счастливо спустившись на землю вмѣстѣ со своею добычей, похититель птенцовъ рѣшилъ убить и родителей; въ виду этого онъ положилъ птенцовъ на сосѣднее поле, сталъ поблизости и приготовилъ ружье. Какъ только старики услышали крики своихъ птенцовъ, они опять появились и снова начали свои нападенія; но это они продолжали съ такой значительной высоты и съ такой необыкновенной быстротой, что Бриггсъ не былъ въ состояніи произвести выстрѣла. Если часто тревожить гнѣздящихся чеглоковъ, узнаешь, что они, подобно воронамъ, удивительно хитро доставляютъ кормъ птенцамъ, въ то же время не подвергая себя самихъ неизбежной смерти. Они появляются съ пойманной птицей въ когтяхъ, кружатся надъ гнѣздомъ, нѣкоторое мгновеніе останавливаются въ воздухѣ на мѣстѣ и бросаютъ птицу въ гнѣздо. Если убить самку, самецъ одинъ беретъ на себя весь трудъ прокормленія птенцовъ и безъ усталости таскаетъ имъ съ ранняго утра и до поздняго вечера обильный кормъ. Вначалѣ молодые чеглоки въ большинствѣ случаевъ получаютъ насѣкомыхъ, въ особенности стрекозъ, кузнечиковъ, іюньскихъ и другихъ мягкокожихъ жуковъ, позднѣе всевозможные виды мелкихъ птицъ, въ особенности-же жаворонковъ и ласточекъ. Вначалѣ птенцы еще не умѣютъ обходиться съ приносимыми имъ птицами и нерѣдко роняютъ ихъ съ высокихъ деревьевъ, на которыхъ они совершаютъ свою трапезу; позднѣе они разнимаютъ, раздираютъ и съѣдаютъ приносимую имъ добычу такъ же быстро, какъ и ловко. Если они настолько уже окрѣпли, что могутъ предпринимать небольшіе вылеты, они летаютъ вблизи гнѣзда, пробуютъ свои крылья и послѣ кратковременнаго летанія отдыхаютъ то на краю гнѣзда, то на сосѣднихъ деревьяхъ; при этомъ они даже охотятся за высмотрѣннымъ ими кузнечикомъ или за мелкой пташкой.

Еще долго родители остаются дѣйствительными кормильцами своихъ птенцовъ. Дальновзоркіе глаза послѣднихъ съ вышины смотрятъ на то, что дѣлаютъ родители. Радостный крикъ, который они столь же хорошо умѣютъ различать, какъ и другіе крики своихъ воспитателей, оповѣщаетъ ихъ, что охота послѣднихъ удачна. Въ ту же секунду они отвѣчаютъ, взлетаютъ на воздухъ и летятъ на встрѣчу родителямъ. Когда несущій кормъ родитель почти столкнется съ первымъ долетѣвшимъ молодымъ, онъ беретъ пойманную птицу изъ лапы въ клювъ и такимъ образомъ надѣляетъ своей добычей излюбленнаго взрослого уже птенца, который хватываетъ ее клювомъ, перекладываетъ въ лапу и несетъ въ свое безопасное жилище, гдѣ и съѣдаетъ ее, сидя на высокомъ деревѣ. Снисходительный родитель обыкновенно сопровождаетъ его туда-же, по скоро снова принимается за охоту,

тѣмъ, чтобы притащить новую добычу. При случаѣ, такая процедура длится вплоть до глубокихъ сумерекъ, такъ какъ съ появленіемъ ихъ насѣкомыя оживляются, а вмѣстѣ съ ними для стариковъ становится легче добывать по крайней мѣрѣ мелкую дичь. Если молодые уже настолько выучились летать, что они могутъ слѣдовать за родителями на дальнія разстоянія, то послѣдніе принимаютъ за правильное обученіе летучихъ уже молодыхъ съ тѣмъ, чтобы приготовить свое

излюбленное дѣтище къ самостоятельности. Зова и крича, взлетаютъ оба родителя на воздухъ, съ зовомъ и крикомъ слѣдуетъ за ними юная компанія. Вначалѣ первые летятъ сравнительно медленнымъ и простымъ полетомъ, но вскорѣ одинъ изъ нихъ начинаетъ продѣлывать различные изгибы и повороты, то же самое продѣлываетъ и другой, а птенцы перенимаютъ это, сначала довольно неуклюже, но съ теченіемъ времени, со дня на день ихъ ловкость увеличивается. Если на глаза попадаетъ какая-либо добыча, она быстро ловится или только однимъ родителемъ или при участіи другого. Тотчасъ послѣ дова счастливый охотникъ поднимается высоко на воздухъ, перегоняетъ стаю молодежи и роняетъ нарочно свою добычу. Всѣ молодые пробуютъ свое счастье, и всѣ сообща съ громкими криками кидаются на падающую птицу. Если одному изъ нихъ удастся схватить ее, онъ несетъ ее, не всегда безъ надобливаго сопровожденія другихъ членовъ семейства, на подходящій древесный сукъ съ тѣмъ, чтобы на немъ и отобѣдать; если они промахнутся всѣ, то второй изъ родителей, летѣвшій ниже своихъ дѣтенышей, бросается на птицу и затѣмъ самъ взлетаетъ надъ птенцами, чтобы начать ту же процедуру. Такое ученіе и наставленіе длится 8, 14 дней, быть можетъ даже три недѣли, пока птенцы не будутъ достаточно выучены собственнымъ трудомъ добывать себѣ ежедневное пропитаніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ обыкновенно наступаютъ и время отлета; старъ и младъ большею частью обществомъ летятъ на свои зимнія квартиры, но уже порознь въ ближайшую осень снова возвращаются на родню.

Вредъ, приносимый чеглокомъ также немаловаженъ. Ленць высчитываетъ, что онъ ежегодно уничтожаетъ по крайней мѣрѣ 1095 мелкихъ птицъ. Зато это самый любезный сотоварищъ человѣка изъ всего этого семейства. «Я никогда не имѣлъ», говоритъ мой отецъ, «другой птицы, которая доставляла бы мнѣ столько радости, какъ мой ручной чеглокъ. Когда я проходилъ мимо помѣщенія, гдѣ онъ содержался, онъ, еще не видя меня, начиналъ кричать, подлеталъ къ дверцѣ, бралъ отъ меня птицу и съѣдалъ ее. Если я входилъ въ помѣщеніе, онъ садился мнѣ на руку, позволялъ себя гладить и при этомъ доверчиво смотрѣлъ на меня. Если я приносилъ его въ комнату и сажалъ на столъ, онъ оставался спокойно сидѣть и съ большимъ удовольствіемъ ѣлъ даже въ присутствіи постороннихъ людей предложенную ему птицу. Когда его дразнили или хотѣли отнять у него добычу, онъ клевался клювомъ, но никогда не наносилъ ранъ своими когтями. Кто видѣлъ этого сокола, тотъ всегда съ удовольствіемъ ласкалъ его. Никто не пожалѣетъ, если будешь держать у себя пойманнаго чеглока. Онъ знаетъ своего хозяина, умѣетъ цѣнить его любовь и, повидимому, благодарить за нее своимъ благороднымъ взглядомъ».

Я могу только подтвердить это сообщеніе моего отца. Птицы, которыхъ я держалъ, доставляли мнѣ много радости, такъ какъ онѣ выказывали ко мнѣ въ полномъ смыслѣ привязанность. Нѣкоторые изъ моихъ друзей безъ труда могли приучить ихъ вылетать и прилетать обратно. «Судя по тому, что было сказано старымъ знатокомъ, Врѣмомъ отцомъ, о чеглокѣ», добавляетъ Либе къ вышесказанному, «птица эта своими качествами заслуживаетъ любовь каждаго натуралиста, который дастъ себѣ трудъ хорошо воспитать ее смолodu. Птицы эти выгладѣли въ неволѣ, благодаря ихъ жесткому, гладкому оперенію, красивѣе и опрятнѣе, нежели всякая другая дневная хищная птица и были столь ручными, что, повидимому, совершенно бросили свои хищническія наклонности. Если бы не было такъ трудно держать ихъ въ здоровомъ тѣлѣ, ихъ можно было-бы лучше, чѣмъ всякій другой видъ изъ всѣхъ средне-европейскихъ птицъ, причислить къ компанымъ птицамъ. Если, желая воспитать молодого чеглока, менѣе заботиться о большей приручен-

ности, а больше о его лучшемъ физическомъ развитіи, то совѣтуютъ вынимать его изъ гнѣзда поздно, почти къ тому времени, когда развившіяся маховыя перья могутъ его уже защитить отъ паденія, предоставлять такому птенцу возможную свободу и кормить его полуощипанными молодыми птицами; если же хотять сдѣлать изъ него тихую комнатную птицу, то лучше вынимать птенца изъ гнѣзда гораздо раньше, а это-то какъ разъ и весьма затрудняетъ дальнѣйшее воспитаніе птицы. Кормить ее надобно три раза въ день, давая мелко нарѣзанные кусочки сырой говядины въ перемежку съ стрекозами, кузнечиками и другими насѣкомыми, у которыхъ предварительно отрываются ноги, голова и крылья, равно и мучными червями, а въ случаѣ нужды, даже муравьиными яйцами; необходимой приправой къ этому служатъ толченныя кости и мелкія перья. При этомъ нужно заботливо избѣгать, чтобы птица не объѣлась и предохранять отъ малѣйшаго сквозного вѣтра. Несмотря на всѣ заботы, при подобномъ уходѣ нѣкоторыя птицы все-таки заболѣваютъ костоѣдой и ящуромъ; другія же чувствуютъ себя превосходно, становятся сильными, при этомъ все-таки необыкновенно ручными и добродушными. Если хотять, чтобы онѣ и далѣе оставались здоровыми и не теряли умѣнія летать, то необходимо давать имъ возможность ежедневно полетать въ какой-нибудь большой комнатѣ, къ чему ихъ въ случаѣ нужды можно понудить, сажая чеглока на руку и быстро отдергивая послѣднюю. При этомъ не нужно опасаться, что онѣ вонзятъ въ руку свои когти. Чеглоки ведутъ себя всегда прилично и никогда не наносятъ ущерба заботящимся о нихъ, такъ какъ они очень хорошо умѣютъ отличать своего хозяина отъ другихъ людей и охотно издали летятъ навстрѣчу ему, когда проголодаются или захотятъ, чтобы ихъ поласкали. Такихъ, уже въ совершенствѣ умѣвшихъ летать соколовъ, я выносилъ, свободно сидѣвшихъ на рукѣ, въ садъ, на вечернія общественныя собранія и даже на лекціи передъ большимъ собраніемъ; при этомъ птицамъ и въ голову не приходило улѣтѣть или вообще дѣлать какія-либо движенія, выказывающія страхъ или смущеніе. Онѣ довольно часто прогуливались какъ днемъ, такъ и вечеромъ между моими, весьма многочисленными мелкими птицами и при случаѣ взлетали на клѣтки, не проявляя никакихъ ни охотничьихъ, ни хищническихъ наклонностей. Конечно, когда мои чеглоки научились летать, я постоянно кормилъ ихъ съ руки маленькими кусочками мяса и не терпѣлъ, чтобы имъ клали для разрыванія птицъ, мышей или даже просто болѣе крупныя куски мяса. Только насѣкомыхъ они получали цѣликомъ, причемъ чрезвычайно потѣшно было смотрѣть, какъ эта мощная птица бросалась на кузнечика, ловко схватывала его когтями посреди тѣла и съ аппетитомъ съѣдала сначала голову насѣкомаго, затѣмъ грудь и брюшко, смакуя и облизываясь языкомъ. Ноги и крылья она брезгливо отбрасывала въ сторону. Въ умственномъ отношеніи, по моимъ изслѣдованіямъ, чеглоки уступаютъ другимъ соколамъ и далеко менѣе понятливы, чѣмъ совы. Стоить только упомянуть слѣдующее: на капанный на столѣ сургучъ они каждый разъ принимаютъ за кусочки мяса и, несмотря на ежедневныя повторяемыя ими опыты, они такъ и не могутъ догадаться, что въ сургучѣ нѣтъ ничего съѣдобнаго для ихъ столь разборчиваго въ другое время клюва. Достаточно единственной пробы, чтобы всякая сова, къ какому бы виду она ни принадлежала, была проучена уже на всю жизнь».

Во время процвѣтанія соколиной охоты чеглока также къ ней пріучали и употребляли для травли перенеловъ и другихъ мелкихъ птицъ; нѣкоторыя соколичья, говорятъ, доводили свою дрессировку до того, что чеглоки даже гоняли дикихъ гусей, которыхъ они схватывали за горло и не выпускали до тѣхъ поръ, пока тѣ не падали вмѣстѣ съ ними на землю. Несмотря на это, въ соколиной охотѣ чеглоковъ,

повидимому, особенной роли не игралъ и держался больше ради своего ловкаго полета, приводящаго въ восторгъ всякаго наблюдателя, чѣмъ ради травли. «Чеглокъ», говорить нашъ старшій другъ Геснеръ, «очень благородная птица и хотя она, именно благодаря своей малой величинѣ и слабости, почти не употребляется для травли, но все же является ручнымъ и добродушнымъ созданиемъ и каждый разъ возвращается къ своему хозяину, будетъ ли выпущена въ чистомъ полѣ или въ лѣсу. Ея ссоры и раздоры съ галками представляютъ собой весьма интересное зрѣлище».

* *
* *
* *

Каждую осень, направляясь съ сѣвера, мѣста своей родины, въ Германію бываетъ пролетомъ одинъ маленькій быстрый благородный соколокъ, который перезимовываетъ въ южной Европѣ или сѣверной Африкѣ, а весною снова летитъ обратно въ свою родную страну, это—**Дербникъ** (*Falco aesalon, lithofalco, regulus, falconaricum, smiritus, sibiricus, caesius, Hypotriorchis aesalon, lithofalco, Aesalon lithofalco, regulus, orientalis, Lithofalco aesalon. Merlin. Emerillon*), короткія крылья котораго, будучи сложены, доходятъ только до двухъ третей длины хвоста. Усы у него выражены слабо, а самецъ и самка имѣютъ различную окраску. Длина самца дербника достигаетъ 32 см., размахъ его крыльевъ 86, длина послѣднихъ 20, хвоста 13 см.; самка сантиметра на 2 длиннѣе, а размахъ крыльевъ на 3—4 см. меньше, чѣмъ у самца. Лобъ и щеки послѣдняго желтовато-бѣлыя; темя и передъ головы, равно какъ и верхняя часть тѣла—темно-голубовато-пепельно-сѣрая; горло и область глотки чисто бѣлаго цвѣта; полоска надъ глазомъ, широкая затылочная полоса, бока шеи и вся остальная нижняя часть тѣла, включая бока его и бедра—красиваго ржаво-желтаго цвѣта то свѣтлѣе, то темнѣе; всѣ перья за немногими исключеніями, въ томъ числѣ перьевъ горла и области глотки, украшены черными, сверху совѣмъ узкими, снизу продолговатыми, ланцетовидными, на нижнемъ концѣ крапчатыми пятнами. Маховыя перья буро-черныя, на концѣ съ грязно-бѣлыми каймами, а на внутреннемъ опахалѣ съ бѣлыми, увеличивающимися къ основанію поперечными пятнами, простирающимися до стержней. Пепельно-голубыя, съ черными стержнями хвостовыя перья, напротивъ, имѣютъ широкія, окаймленныя бѣлымъ, концевыя полосы и болѣе или менѣе ясно выступающія, черныя поперечныя пятна. Глаза темно-каріе; вѣки и восковица лимонно-желтаго цвѣта. Клювъ чистаго или грязнаго-фіолетонаго цвѣта, у основанія желтовато-зеленый. Ноги оравжево-желтыя. У старшихъ самокъ лобъ, окологлазная полоска, щеки, перья горла и глотки—бѣлыя, горловыя перья не исптрихованы, тогда какъ всѣ остальные перья имѣютъ узкія стержневыя полосы; перья ушной области и темени красновато-бурія съ черными штрихами, перья затылка сѣробоураго цвѣта и покрыты красновато-бѣлыми пятнами; перья остальной верхней части тѣла темнаго буро-сѣраго цвѣта съ свѣтлыми блѣдно-темными каймами и черными продольными штрихами, перья надхвостья покрыты свѣтло-голубымъ налетомъ; наконецъ, перья нижней части тѣла сильно отличаются отъ перьевъ самца черными стержневыми штрихами и большими, кругловатыми, темно-бурыми крапчатыми пятнами; маховыя перья у самки темно-бурыя, изнутри съ ржавыми, къ стержнямъ бѣловатыми, поперечными пятнами; рулевые перья, покрытыя сѣрымъ налетомъ, украшены шестью узкими ржаво-буровато-бѣлыми поперечными пятнами. У нѣкоторыхъ самокъ аспидно-голубая тѣнь выступаетъ рѣзче, именно на поперечныхъ полосахъ хвоста. Молодыя птицы походятъ на самку, но сверху онѣ свѣтло-ржаво-бураго цвѣта, на затылкѣ имѣютъ ясный перехватъ, а около глаза желтоватую бровную полосу.

Нѣсколько разъ уже высказывалось предположеніе, наиболѣе пастойчиво Бехштейномъ и Пасслеромъ, что дербникъ гнѣздуетъ и въ Германіи. Бехштейнъ увѣряетъ, что наблюдалъ дербника въ гнѣздовую пору въ Тюрингенскомъ лѣсу, Глогеръ—въ Исполиновыхъ горахъ, Тобіасъ—въ Лаузицѣ; первый лзь перечисленныхъ натуралистовъ описываетъ даже гнѣздо, повидимому, на основаніи собственныхъ наблюденій, Пасслеръ-же причисляетъ его къ гнѣздящимъ птицамъ

Дербникъ *Falco aesalon*. наст.

Ангальта, такъ какъ въ тридцатомъ году онъ самъ нашелъ гнѣздо дербника, а позднѣе получилъ свѣдѣнія, что птица эта въ данной мѣстности выводила птенцовъ уже нѣсколько разъ. Въ виду этихъ столь определенныхъ данныхъ, нельзя сомнѣваться, что этотъ соколъ въ исключительныхъ случаяхъ гнѣздится и въ Германіи. Такіе случаи принадлежатъ все-таки къ рѣдкимъ исключеніямъ, такъ какъ испытанною областью гнѣздованія дербника является дальній сѣверъ, въ особенности тундра и примыкающій къ нимъ съ юга лѣсной поясъ, приблизительно на широтѣ острова Готлянда. Въ сѣверной Скандинавіи, Исландіи и на

Ферерскихъ островахъ дербникъ принадлежитъ къ числу обыкновенныхъ гнѣздящихся птицъ данныхъ областей; въ Сибири онъ живетъ, начиная отъ Новой Земли въ подобныхъ же мѣстностяхъ, но, смотря по состоянію лѣсовъ, идетъ далѣе къ югу, такъ что въ Европѣ, по Эверсману, онъ долженъ даже лѣтомъ водиться въ южныхъ степяхъ. Мы его здѣсь съ достовѣрностью не замѣчали, но уже наблюдали по ту сторону 56 градуса, такъ, встрѣтили его въ Обдорскѣ и разъ даже на рѣкѣ Щучьей, лежащей около двухъ градусовъ сѣвернѣе. Къ востоку онъ, повидимому, встрѣчается повсюду вплоть до нижняго теченія Амура: по крайней мѣрѣ Палласъ, Миддендорфъ и Радде во время всѣхъ своихъ путешествій встрѣчали его въ этихъ областяхъ. Этотъ маленькій, почти исключительно питающийся воробьиными птицами соколокъ бываетъ, какъ и не охотящійся за морскими птицами сапанъ, вынужденъ съ наступленіемъ зимы покидать свою родину и летѣть на югъ; при этомъ онъ само собою разумѣется долженъ посѣтить всѣ лежащія между нею и мѣстомъ его зимовокъ страны, въ Азіи даже перелетать черезъ горы въ 4000 м. высотой, такъ какъ его замѣчали во время такихъ осеннихъ и весеннихъ пролетовъ. Что это случается не очень правильно, достаточно доказываютъ небольшая величина, быстрый полетъ и слишкомъ скрытный для благороднаго сокола образъ жизни дербника. Въ Европѣ онъ перезимовываетъ ежегодно въ значительныхъ количествахъ на трехъ южныхъ полуостровахъ, но еще въ большемъ числѣ проводитъ онъ зиму въ сѣверной Африкѣ, въ особенности въ Египтѣ, гдѣ иногда дербникъ, совершенно противно обычаю другихъ представителей семейства, встрѣчается многочисленными стаями. Я самъ встрѣтилъ разъ стаю ихъ изъ 10 штукъ; Шелли-же увѣряетъ, что въ лѣсахъ при Бени-Суефѣ въ теченіи дня онъ видѣлъ ихъ по крайней мѣрѣ 30 штукъ. Последнее объясняется тѣмъ, что въ Египтѣ область обитанія соколовъ сводится на узкую долину Нила, а въ ней на небольшія рощи. Въ Азіи дербникъ простираетъ свой лѣтъ до сѣверной границы Индійскаго полуострова, но въ южномъ Китаѣ онъ попадаетъ чаще, чѣмъ въ Индіи.

Несмотря на свою малую величину, дербникъ не уступаетъ въ хищничествѣ, отважности и смѣлости ни одному изъ другихъ благородныхъ соколовъ. Онъ не такой превосходный летунъ, какъ чеглокъ: его полетъ, напротивъ, часто походитъ на полетъ ястреба-перепелятника, почему я еще могу поспорить съ Финшемъ, былъли ежедневно прилетающій въ Обдорскъ соколокъ дербникъ или перепелятникъ. Благодаря короткости своихъ крыльевъ, дербникъ можеть, подобно перепелятнику, производить крупные повороты, соединяя умѣніе перваго съ быстротою движенія, которой перепелятникъ никогда не можетъ достичь и часто развлекается, какъ и чеглокъ, летая кругами во время своихъ воздушныхъ упражненій, которыя по привлекательности почти равны движеніямъ чеглока. Эти качества въ высшей степени облегчаютъ ему охоту за мелкими пернатыми, которыхъ онъ приводитъ въ ужасъ такъ же, какъ чеглокъ или перепелятникъ. Когда я съ высоты Обдорска обзиралъ лежавшую передо мной широкую, сильно наводненную сѣверную мѣстность, на разстояніи почти одного метра отъ моей головы внезапно появился дербникъ, преслѣдовавшій снизу одну варакушку; испуганный неожиданной встрѣчей, соколокъ въ полномъ смыслѣ отпрянулъ назадъ, задерживая свой быстрый летъ трельханіемъ крыльевъ, повернулъ и, нѣсколько секундъ спустя, исчезъ изъ моихъ глазъ, въ то время, какъ перенуганная и спасшаяся, благодаря мнѣ, добыча, какъ мышь ныгнула въ кучу сложившихъ дровъ, ища спасенія отъ своего ужаснаго врага. Мелкія птицы, живущія въ туидрѣ, доставляютъ необходимую для дербника пищу. Отъ него много терпятъ варакушки и лапландскіе подорожники, ще-

врицы, желтыя и сѣверныя плиски, снницы и трещетки, но не менѣе того и всѣ песочники, вообще мелкія голенастыя птицы, а также и дрозды, такъ какъ онъ съ такою же отвагой, какъ и чеглокъ, бьетъ птицъ, равныхъ ему по вѣсу и быть можетъ даже болѣе тяжелыхъ, чѣмъ онъ. Грай увѣрять, что видѣлъ, какъ дербники, посѣщавшіе центральныя части города Глазгова, преимущественно питались многочисленными голубями, а лорду Лильфорду пришлось убѣдиться, какъ одинъ изъ этихъ пернатыхъ хищниковъ утащилъ у него въ теченіи одного только часа не менѣе пяти раненыхъ вальдшнеповъ. На Ферерскихъ островахъ, по словамъ Мюллера, онъ часто ловится, залетая внутрь домовъ въ погонѣ за скворцами. Когда онъ охотится за стаей этихъ птицъ, скворцы стараются подняться выше его и до тѣхъ поръ летятъ кверху, пока не становятся едва замѣтными для глаза. Этимъ самымъ они нерѣдко спасаются отъ сокола. Но, если какой-либо скворецъ отобьется отъ стаи, онъ дѣлается вѣрной добычей дербника. О ловкости этого хищника говоритъ фактъ, замѣченный Сальвиномъ и Бродрикомъ, что онъ, подобно чеглоку, охотится и за ласточками, съ несравненнымъ искусствомъ перенимая всѣ ихъ изворотливыя движенія. Мои личныя наблюденія заставляютъ меня думать, что дербникъ, въ противоположность другимъ благороднымъ соколамъ, хватается свою добычу съ земли и съ воды. По крайней мѣрѣ я нѣсколько разъ видѣлъ, какъ онъ, совершенно какъ перепелятникъ, такъ близко облеталъ кусты, что почти задѣвалъ своими крыльями ихъ листву, и поэтому я считаю его способнымъ на все то, въ чемъ такъ искусенъ перепелятникъ. За вѣрность моего взгляда говоритъ сообщеніе Коллета, что лѣтомъ 1872 года дербникъ встрѣчался на сѣверѣ гораздо чаще, чѣмъ прежде, вслѣдствіе происходившаго въ томъ году необычайнаго переселенія пеструшекъ. Привычки дербника также напоминаютъ привычки перепелятника; садясь на дерево, онъ всегда выбираетъ болѣе низкіе сучки и здѣсь усаживается по возможности ближе къ стволу.

Какъ большинство благородныхъ соколовъ, дербникъ гнѣздится такъ-же, сообразуясь съ условіями мѣстности; въ горныхъ сѣверныхъ областяхъ болѣею частью на скалахъ или въ трещинахъ ихъ, въ лѣсистыхъ на деревьяхъ, въ тундрѣ или на болотахъ — на землѣ. Путешественника, посѣщающаго дальній сѣверъ, изумляетъ, по словамъ Наумана, что дербникъ устраиваетъ свое плотное, сплетенное изъ жесткихъ прутьевъ и кусковъ коры гнѣздо болѣею частью на небольшомъ выступѣ крутой скалы, то на большой высотѣ, то болѣе низко, но всегда на трудно достигаемомъ мѣстѣ. Коллетъ подтверждаетъ это, но замѣчаетъ, что этотъ соколъ на южныхъ фіельдахъ Норвегіи избираетъ для своего жилия покинутое гнѣздо сѣрой вороны и лишь слегка выкладываетъ внутренность притащеннымъ мхомъ. Гнѣздо, найденное Пэслеромъ, помѣщалось на одномъ густолиственномъ кустѣ; наблюдатель однако не говоритъ, воспользовался-ли дербникъ и въ этомъ случаѣ вороньимъ гнѣздомъ. Въ болотахъ южнаго Юркишира и сѣвернаго Дервейшира, гдѣ этотъ соколъ являлся около конца марта или начала апрѣля, а позднѣе уже приносилъ значительный вредъ молодымъ тетеревамъ, онъ гнѣздится на землѣ, пользуется для помѣщенія гнѣзда какимъ-нибудь углубленіемъ въ землѣ и беспорядочно выкладываетъ его маленькими вѣточками и жесткой травой. Въ серединѣ или концѣ мая въ немъ находятъ, (на дальнемъ сѣверѣ во всякомъ случаѣ только позднѣе) 4—6 или продолговатыхъ или кругловатыхъ яицъ, покрытыхъ по бѣловатому или темному кирпично-красному фону пестрыми нѣжными и болѣе грубыми, буро-красноватыми или черноватыми пятнами; въ исключительныхъ же случаяхъ яйца имѣютъ нескладный основной цвѣтъ съ темно-бурыми пятнами, которые часто до неузнаваемости бываютъ похожи на яйца пустельги или кобчика. Молодые выво-

дятся приблизительно послѣ трехнедѣльнаго насиживания, вскармливаются обоими родителями, горячо любимы и храбро защищаются послѣдними, въ общемъ воспитываются какъ чеглоки и оставляютъ родителей часто уже въ концѣ августа, покидая свой гнѣздовый районъ и направляясь на свои зимнія стоянки.

Хотя дербникъ питается преимущественно мелкими птицами, но вредъ, причиняемый имъ, едва-ли ощутителенъ. Его родина такъ богата излюбленной его дичью, что убыль, производимая имъ, почти незамѣтна. Равно и ущербъ, причиняемый имъ тетеревамъ, не такъ уже значителенъ, какъ увѣряютъ слишкомъ усердные лѣсничіе. Разумѣется и пользы намъ хищникъ приноситъ столь-же мало, такъ какъ уже прошли тѣ времена, когда и его пускали въ погоню за пернатой дичью. Его удивительная смѣлость и несравненная ловкость дѣлаютъ его въ высокой степени годнымъ для охоты за мелкой дичью. Дербникъ былъ излюбленной ловчей птицей у страстныхъ охотницъ и особенный любимецъ императрицы Екатерины II, для охоты которой эти птицы ловились и доставлялись ежегодно въ довольно большомъ количествѣ. Послѣ осеннихъ охотъ онѣ выпускались на свободу.

Я понимаю, почему эта птица заслужила любовь всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ съ ней дѣло. Въ Германіи также иногда ловятъ дербниковъ, большею частью въ силки, куда они, быть можетъ, попадаютъ, полетѣвши на пойманныхъ дроздовъ; такимъ образомъ этотъ быстрокрылый соколокъ временами попадаетъ и въ наши клѣтки. Одного я самъ воспитывалъ очень продолжительное время. Нужно сказать, что дербникъ въ клѣткѣ чрезвычайно привлекательное существо. Какъ истый благородный соколъ онъ держитъ себя всегда гордо, притомъ красивъ и опрятенъ. При своихъ миловидныхъ и ловкихъ движеніяхъ онъ и въ узкой клѣткѣ можетъ такъ справляться, что рѣдко портитъ себѣ маховыя перья. Со сторожемъ онъ скоро очень дружится и, если имъ побольше позаняться, онъ становится такимъ ручнымъ, какъ никакой другой соколъ изъ того-же семейства. Одинъ мой знакомый имѣлъ одного такого дербника, который позволялъ съ собой обходиться такъ-же, какъ и ручной попугай, отбросивъ всякій страхъ передъ своимъ хозяиномъ; онъ спокойно сидѣлъ на своей жердочкѣ и бралъ изъ рукъ предлагаемаго ему воробья или мышь.

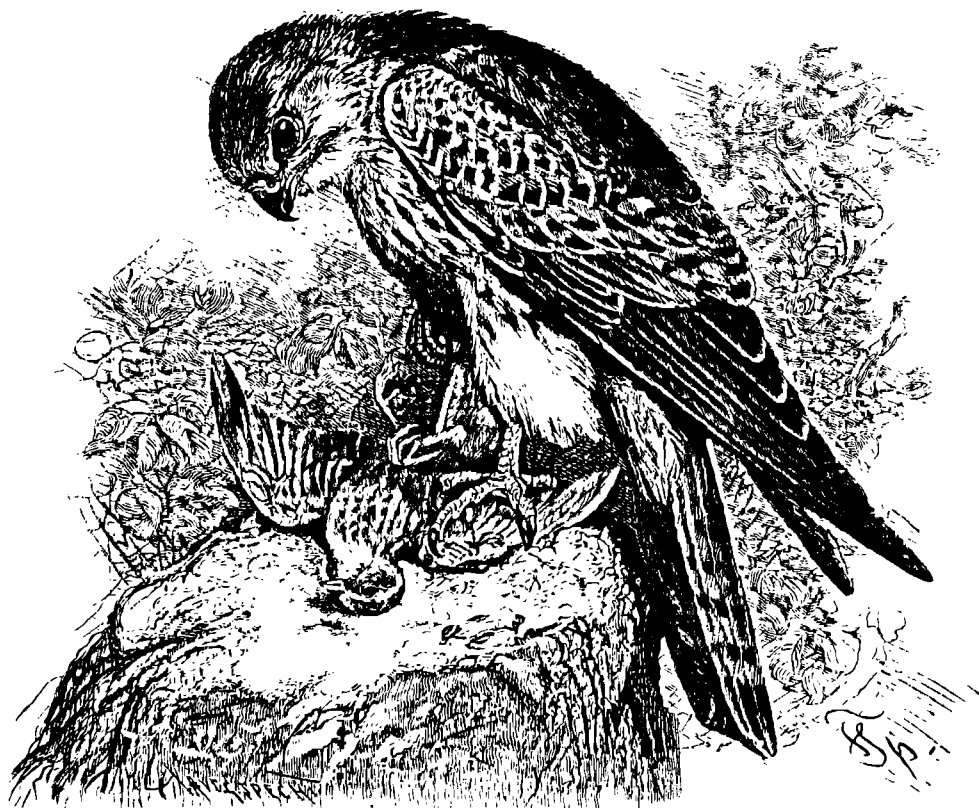
* *
*

Пустельга и родственные ему, такъ называемые **Неблагородные сокола** еще схожи съ ихъ благородными родичами по вѣшности, строенію клюва, крыльевъ и хвоста, но имѣютъ болѣе длинное и рыхлое опереніе, болѣе короткія крылья, въ которыхъ маховыя перья не столь тверды, болѣе длинный хвостъ, болѣе сильныя ноги съ болѣе короткими пальцами и различно окрашенное, смотря по полу, опереніе. Неблагородные сокола похожи другъ на друга, какъ по образу жизни и повадкамъ, такъ и по формамъ и окраскѣ, однако тотчасъ видно, что они менѣе одарены, чѣмъ только что описанные родичи ихъ. Полетъ ихъ, правда, еще легокъ и довольно быстръ, но все-таки далеко уступаетъ полету благородныхъ соколовъ и особенно отличается трепещущими движеніями крыльевъ. Обыкновенно они летаютъ на значительной высотѣ надъ землею, внезапно стапавливаются, завиди добычу, долгое время трепещутъ крыльями, благодаря чему продолжительное время держатся почти надъ тѣмъ же мѣстомъ и затѣмъ съ довольно стремительной силой бросаются внизъ за памѣщенной добычей. Ради удовольствія они иногда, особенно въ ясный лѣтній вечеръ, забираются высоко наверхъ, причеиъ продѣлываютъ весьма красивыя воздушныя упражненія. Когда они сидятъ, то выглядятъ болѣе вялыми, нежели благородные сокола, почему кажутся больше, чѣмъ

они есть на самомъ дѣлѣ. На землѣ они держатся довольно ловко: ихъ длинныя плюсны придаютъ имъ даже довольно легкую походку. Что касается до развитія вѣшнихъ чувствъ, то они нисколько не уступаютъ въ этомъ благороднымъ сородичамъ; но своимъ образомъ жизни они отъ послѣднихъ отличаются. Они живѣе и веселѣе и притомъ смѣлы и задорны. Своимъ усерднымъ преслѣдованіемъ они часто надѣдаютъ болѣе крупнымъ пернатымъ хищникамъ, а филина дразнятъ насколько хватаетъ силъ. Даже по отношенію къ человѣку они иногда проявляютъ удивительную смѣлость. Равно утромъ они уже бодрствуютъ, на покой летятъ лишь поздно вечеромъ; еще въ сумерки ихъ часто можно видѣть летающими по окрестностямъ. Ихъ крикъ есть ясное «кли кли кли», различно звучащее, смотря по тому, что они выражаютъ имъ: радость или страхъ. Будучи раздражены, они хихикаютъ. Смотри по обстоятельствамъ, они разнo относятся къ человѣку. У насъ они довольно пугливы и бывають даже очень осторожны, когда знаютъ, что ихъ преслѣдуютъ; на югѣ они живутъ съ человѣкомъ на самой короткой ногѣ, а красная пустельга вовсе не боится его и даже жилище его считаетъ своимъ. Въ неволѣ они скоро ручнѣютъ и, если къ нимъ хорошо относятся, то они платятъ за это истинной привязанностью. Они легко приучаются вылетать и возвращаться обратно, повинуются зову, привѣтствуютъ своихъ хозяевъ радостнымъ крикомъ и выказываютъ свою привязанность разными другими способами.

Чрезвычайно пріятельна зимняя жизнь этихъ соколовъ. Во время перелетовъ они также собираются въ общества, которыя держатся вмѣстѣ во все время пребыванія своего на чужбинѣ. Отъ Жердона и другихъ индѣйскихъ орнитологовъ мы узнаемъ, что оба европейскіе вида являются въ южной Азій общими зимними гостями; во время, соответствующее нашимъ зимнимъ мѣсяцамъ, я встрѣтилъ большія стаи ихъ въ центральной Африкѣ. Не заботясь о родственныхъ имъ видахъ, живущихъ въ Египтѣ и изъ году въ годъ остающихся тамъ, они совершаютъ перелеты вплоть до центральныхъ частей экваторіальныхъ странъ и для пребыванія своего избирають тамъ подходящія мѣста въ степяхъ или дѣвственныхъ лѣсахъ. Причиной продленія ихъ пребыванія служатъ обиліе корма; поэтому ихъ обыкновенно и встрѣчаютъ тамъ, гдѣ массами нападается саранча. Кто не видѣлъ лично тучъ этихъ насѣкомыхъ, тотъ не можетъ составить о нихъ никакого представленія; нападаютъ такіе участки лѣса, въ которыхъ по стволамъ и вѣтвямъ деревьевъ видна одна только саранча. Спугнутая туча этихъ прожорливыхъ созданій затемняетъ свѣтъ. Но скоро появляются и истребители саранчи, и первымъ изъ нихъ—красная пустельга. Сотни этихъ птицъ неподвижно сидятъ на высочайшихъ вершинахъ мимозъ и плавно, или трепеща крыльями безъ устали летаютъ и скользятъ надъ черно-сѣрой тучей саранчи, продѣлывая самыя разнообразныя движенія. Пока саранча виситъ еще на вѣтвяхъ, длинныя иглы и шипы деревьевъ не позволяютъ ринуться на нее проворнымъ пернатымъ хищникамъ; но лишь только насѣкомыя зимаются, сокола подстають къ ней, пропосится, охотясь, съвозъ толну летящей массы и ловко выхватываютъ когтями одного изъ этихъ вредныхъ насѣкомыхъ. Саранча вертится въ когтяхъ птицы, кусаетъ своего врага острыми челюстями въ зашицевную щитками плюсну; но врагъ оказывается сильнѣе. Одинъ щипокъ сильнаго клюва раздробляетъ голову саранчи и побѣдитель тутъ же принимается ѣсть ее. Не теряя времени, пустельга отрываетъ у насѣкомаго крылья, отламываетъ жесткія ножки и съѣдаетъ свою лакомую добычу на воздухѣ же, гдѣ онъ умѣетъ удерживаться плавнымъ полетомъ. Въ теченіи двухъ минутъ ловкій охотникъ ловитъ, обдѣлываетъ и уже съѣдаетъ одну саранчу, снѣжа вновь къ неуенкоконшеюся еще тучѣ насѣкомыхъ, чтобы еще по-

живиться однимъ или другимъ изъ нихъ. Это зрѣлище имѣло для насъ всегда нѣчто столь привлекательное, что мы никогда не пропускали случая спугивать саранчу, тряся деревья, а пустельги выказывали намъ свою благодарность тѣмъ, что ловили насѣкомыхъ передъ нашими глазами. Впрочемъ, намъ казалось чрезвычайно интереснымъ, что саранча, повидимому, знала своего главнаго врага: туча ихъ разлеталась въ разные стороны, когда пустельга послѣдно проносилась надъ ними. Уже этихъ данныхъ достаточно, чтобы эти птицы приобрѣли наше расположеніе. Но и въ лѣтнюю пору онѣ приносятъ такую же пользу человѣку,

Обыкновенная пустельга. *Falco tinnunculus*. наст. вел.

какъ въ далекой Африкѣ, почему вполне и заслуживаютъ, чтобы всякій здравомыслящій человѣкъ по возможности щадилъ ихъ, беретъ и холитъ.

Обыкновенная пустельга (*Falco tinnunculus, fasciatus, brunneus, rufescens, interstinctus, Tinnunculus alaudarius, Cerchneis tinnuncula, media, murum, Aegyptius tinnunculus*. Turmfalke. Cresserele) чрезвычайно красивая птица. У самца въ полномъ опереніи голова, затылокъ и хвостъ (за исключеніемъ голубовато-черныхъ концевыхъ полосъ съ бѣлыми каемками)—исцельно-сѣрыя; верхняя часть его красиваго ржаво-краснаго цвѣта, все перья съ концевыми треугольными пятнами; горло

бѣловато - темное, грудь и брюхо красиваго красно-сѣраго или блѣдно-желтаго цвѣта, на нѣкоторыхъ перьяхъ имѣется по одному черному продольному пятну: маховыя перья черныя и украшены 6—12 бѣловатыми или ржаво-красными треугольными пятнами на внутреннихъ опахалахъ, на концахъ же съ болѣе свѣтлыми каймами. Глаза темно-каріе, клювъ рогового бурога цвѣта, восковица и голое мѣсто около глазъ—зеленовато-желтое, ноги лимонно-желтаго цвѣта. Имѣются усы. Старая самка имѣеть всю верхнюю часть красноватую съ продольными пятнами, идущими вплотъ до верхней части спины, отсюда же идутъ поперечныя пятна; хвостъ ея по сѣре-красноватому фону имѣеть перевязи на концѣ широкия, въ другихъ частяхъ узкія, одно только надхвостье чистаго щепельно-сѣраго цвѣта. Молодые носятъ одежду матери. Длина птицы достигаетъ 33 см., размахъ ея крыльевъ 70, длина ихъ 24, хвоста 16 см. Самка савтиметра на 2 длиннѣе и на 3—4 шире самца.

Нѣтъ ни одной страны отъ Лапландіи и до южной Испаніи, отъ Приамурскаго края и до западнаго берега Португаліи, ни одного мѣстечка въ Европѣ и Азій—гдѣ бы не было пустельги. Она живетъ какъ въ равнинахъ, такъ и въ гористыхъ мѣстностяхъ, все равно лѣсисты онѣ или нѣтъ, такъ какъ она такъ же хорошо укрывается въ скалистыхъ, какъ и въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ.

На югѣ нашей части свѣта она встрѣчается чаще, нежели на сѣверѣ, но и тамъ ее можно найти. Въ Сибири Миддендорфъ убилъ ее подъ 71 градусомъ сѣверной широты, а Коллеттъ приводитъ 69 градусовъ 40 минутъ самымъ сѣвернымъ пунктомъ изъ тѣхъ, гдѣ эта птица наблюдалась до сихъ поръ въ Скандинавіи. Начиная отъ этихъ широтъ, до Персіи и сѣверной Африки, включая Мадейру и Канарскіе острова, пустельга является гнѣздящей птицей. Во время своего странствованія она перелетаетъ Черное и Средиземное моря, въ сильныя бури въ случаѣ нужды ищетъ убѣжища на корабляхъ, отдыхаетъ нѣсколько часовъ, быть можетъ даже день на другомъ берегу, и летитъ далѣе до южной Азій и далеко въ глубь Африки. Несмотря на это, нѣкоторые экземпляры, если и не регулярно, то все-же и не рѣдко, перезимовываютъ въ Германіи, чаще зимуютъ уже на югѣ этого государства или въ Австріи, напримѣръ около Зальцбурга, ежегодно остаются въ южномъ Тиролѣ и на всѣхъ трехъ южныхъ полуостровахъ нашей части свѣта, равно какъ, по словамъ Вальтера хотя бы только иногда, я въ Туркменіи.

Возвращаясь изъ своего зимняго мѣстопробыванія, пустельга часто появляется въ Германіи уже въ февралѣ, самое позднее въ мартѣ, и, если осень болѣе или менѣе благоприятна, она остается въ области своего гнѣздованія не только до конца октября, какъ обыкновенно, но и до послѣднихъ чиселъ ноября. Въ горахъ ее встрѣчаютъ еще на высотѣ 2000 м., само собою разумѣется, если здѣсь или нѣсколькими сотнями метровъ ниже она найдетъ подходящее для гнѣздованія мѣсто. Впрочемъ, какъ охотно она ни живетъ въ горахъ, ее все же нельзя причислить къ птицамъ высокоихъ горныхъ поясовъ. Она любитъ болѣе предгорія и среднія высоты, нежели самыя высокія горныя вершины, причемъ, въ равнинахъ еще обыкновеннѣе, чѣмъ въ горахъ. Тамъ ей мѣстожительствомъ служитъ какая-нибудь роща въ полѣ или болѣе крупный лѣсъ, гдѣ гнѣздо ее помѣщается на одномъ изъ самыхъ высокихъ деревцевъ; толь-же часто она селится на скалистомъ откосѣ, а въ южныхъ странахъ иногда и въ какомъ-нибудь старомъ зданіи. Въ развалинахъ рыцарскихъ замковъ почти всегда можно найти пустельгу; большинство городовъ также служатъ ей обычнымъ убѣжищемъ. Я встрѣтилъ ее, хотя и не вездѣ, гнѣздящей во всѣхъ большихъ и малыхъ городахъ, башняхъ, церквахъ и другихъ высокихъ зданіяхъ, ко-

торыя и служить ей убѣжищемъ. Такъ, она гнѣздуетъ на башнѣ св. Стефана въ Вѣнѣ, на Кельнскомъ соборѣ и на многихъ другихъ, выстроенныхъ изъ кирпича церквахъ со старыми башнями въ Бранденбургѣ, а равно и на югѣ Европы ее всегда находятъ въ соответствующихъ мѣстахъ. Иной разъ она, по крайней мѣрѣ временно, живетъ рядомъ съ сапсаномъ и для меня вовсе не кажется невѣроятнымъ, что оба эти вида одновременно гнѣздятся въ одной и той же разсѣлянѣ скалы или на высококомъ старомъ зданіи. Именно, мнѣ помнится, я гдѣ то читалъ противоположное, причемъ утверждалось, будто пустельга оставляетъ свое гнѣздо, если только по близости поселится сапсанъ, но я не знаю, передавалось ли это какъ определенный фактъ или высказывалось предположеніе. Среди воронъ и голубей пустельга селится также часто, какъ и въ чистомъ полѣ среди грачей или даже посреди поселенія цапель.

Пустельга безспорно принадлежитъ къ числу милостивѣйшихъ соколовъ Германіи. Ея повсемѣстная распространенность и ея постоянное появленіе то тутъ, то тамъ предоставляетъ всякому случай наблюдать эту птицу; кто же познакомится съ ней, тотъ и полюбитъ ее. Пустельгу можно видѣть въ дѣятельности съ ранняго утра до поздняго вечера, часто еще совершенно въ сумеркахъ. Съ своего гнѣзда, которое всегда является центральнымъ пунктомъ обитаемой области, она летаетъ на поля въ одиночку или парами, а осенью даже и болѣе многочисленными обществами, по крайней же мѣрѣ вмѣстѣ со своимъ подросткомъ семействомъ. Пустельга вьется, трепеща крыльями, надъ какимъ-нибудь определеннымъ мѣстомъ, обозрѣваетъ съ этого пункта весьма обстоятельно всю разстилающуюся подъ ней окрестность и несется стремглавъ внизъ, завидя своимъ необыкновенно зоркимъ глазомъ какую-нибудь мышку, кузнечика, саранку или другое болѣе крупное насекомое. При этомъ, почти камнемъ пещясь внизъ, она прижимаетъ къ тѣлу свои крылья; подлетѣвъ къ самой землѣ, она снова немного раскрываетъ крылья, нацѣливается опять на добычу, схватываетъ ее когтями, извивается и съѣдаетъ ее, отлетая прочь, какъ было сказано выше; если добыча велика, она относитъ ее на болѣе удобное мѣсто, гдѣ и съѣдаетъ. Если самка сидитъ на яйцахъ, то самецъ оповѣщаетъ уже издали ее своимъ обыкновеннымъ призывнымъ крикомъ о своемъ прибытіи или удачѣ на охотѣ, издавая при этомъ разнообразныя, сдавленные и слегка крикливыя звуки. Если пустельга во время своей охоты окружена еще неопытными молодыми, то взлѣтѣ пернатого кормильца царствуетъ веселый беспорядокъ; каждый изъ птенцовъ старается предупредить другого, каждый пытается первымъ овладѣть добычей. Такая семейная картина представляетъ собой чрезвычайно занимательное зрѣлище: горячая преданность птицы къ своему потомству дѣлаетъ ее еще болѣе привлекательной.

Смотри по состоянію погоды, пустельга кладетъ яйца позже или раньше. До начала мая рѣдко можно найти полную кладку; чаще всего ея не находятъ до начала іюня; само собою разумѣется, что въ южной Европѣ птица несется раньше. Для гнѣзда служитъ болѣею частью гнѣздо вороны, въ скалахъ и строеніяхъ—какое-либо подходящее углубленіе. У насъ пустельга гнѣздится во всѣхъ вороньихъ или грачиныхъ гнѣздахъ, въ сѣверной Германіи также и въ сорочьихъ гнѣздахъ, въ старыхъ лѣсахъ также охотно и въ дуплахъ деревьей. Она общительна, какъ ея ближайшіе родичи, и иногда образуетъ настоящія колоніи: извѣстны случаи, что 20—30 паръ мирно гнѣздились въ одной и той же роуцѣ на полѣ. Разъ она чувствуетъ себя въ вѣкоторой безопасности отъ своего главнаго врага, безтолковаго челоуѣка, она уже мало обращаетъ вниманія на то, что послѣдній дѣлаетъ, такъ какъ и въ оживленномъ городѣ, она кое-гдѣ устраиваетъ свое гнѣздо на

деревыхъ, окаймляющихъ главныя улицы. Въ южной Европѣ она вступаетъ еще въ болѣе тѣсныя сношенія съ человѣкомъ; здѣсь, подобно своему сорочичу, красной пустельгѣ, она отнюдь не рѣдко выбираетъ мѣстомъ своего гнѣзда дома въ селахъ и городахъ, какъ бы мало такое мѣсто ни подходило для ея жилия. Изъ за своего гнѣздовья она часто должна выдерживать жаркія битвы со строителями захваченнаго ею гнѣзда, такъ какъ ни воронья, ни сорочья пара добровольно не позволяютъ прогнать себя; по отношенію же къ послѣднимъ пустельга въ случаѣ неоднократнаго пораженія, все-таки считаетъ нужнымъ являться въ гости, таская своеобразную крышу сорочьяго гнѣзда на подстилку въ гнѣздо, ей самой устроенное. Плоское дно гнѣзда этого сокола, мало отличающагося отъ гнѣздъ другихъ хищныхъ птицъ, скудно выкладывается корешками, соломой, мхомъ и шерстью животныхъ.

Кладка состоитъ изъ 4—9, обыкновенно 4—6 кругловатыхъ яицъ, повсюду покрытыхъ буро-красными пятнами и крапинками по бѣлому или ржаво-желтому фону; яйца весьма различны по величинѣ и формѣ, имѣютъ въ большемъ поперечникѣ 36—41 мм., въ меньшемъ—29—32 мм. Они насиживаются преимущественно самкой; но иногда трудъ этотъ раздѣляется и самцомъ, который въ другое время птенцовой поры заботится о кормѣ для самки. Мой отецъ наблюдалъ даже, какъ одинъ самецъ еще при жизни самки сидѣлъ на только что вылупившихся птенцахъ, согрѣвая ихъ подъ крыльями, но какъ только самка была убита, самецъ оставилъ птенцовъ умирать голодною смертью. Какъ и большинство остальныхъ хищныхъ птицъ, самецъ чувствуетъ себя пригоднымъ для ловли добычи, но не въ состояніи раскладывать ее по ртамы птенцовъ или обрабатывать ее, размягчая предварительно въ зобу. Напротивъ, если молодые уже довольно окрѣпли, можетъ быть даже научились летать, тогда онъ проявляетъ самую горячую отцовскую заботливость даже и тогда, когда по волѣ случая самка лишилась жизни. Оба родители любятъ свое потомство съ чрезвычайной нѣжностью, присущей всѣмъ хищнымъ птицамъ, и проявляютъ необыкновенную смѣлость даже противъ человѣка. Когда мой отецъ, будучи десятилѣтнимъ мальчикомъ, долбѣзъ до одного гнѣзда пустельги съ цѣлью достать яйца, обѣ птицы подлетѣли такъ близко къ его головѣ, что онъ едва могъ защититься отъ нихъ; когда то же самое попробовалъ другой двѣнадцатилѣтній мальчикъ, явившаяся самка сняла съ него шапку и такъ далеко унесла ее, что шапки такъ и не нашли.

Любимую пищу пустельги составляютъ мыши, вмѣстѣ съ тѣмъ она питается и насѣкомыми. Она ѣстъ также и мелкихъ птицъ, если можетъ добыть ихъ, и, случается, натаскиваетъ своимъ птенцамъ нѣсколько паръ жаворонковъ и щеврицъ; точно также я не считаю невѣроятнымъ, что она временами рѣшится полакомиться гдѣ-нибудь молодымъ зайчикомъ, а наконецъ мнѣ припоминается даже интересное наблюденіе моего отца, какъ одна пустельга летѣла за бѣгуцимъ взрослымъ зайцемъ, бросилась на него съ высоты по крайней мѣрѣ 20 м., дважды подымалась наверхъ и стремительно бросалась на косога съ той же высоты и съ такою силою, что отъ него летѣла шерсть. Однако считать пустельгу, благодаря этому, за вредную птицу и преслѣдовать ее, вмѣсто того, чтобы брать ее подъ защиту, столь же несправедливо, какъ и безразсудно. Всякій, кто наблюдаетъ пустельгу, долженъ съ удивленіемъ отнестись къ высказанному знакомомъ нѣмецкихъ хищныхъ птицъ, Кригеромъ, мнѣнію, что онъ держится правила не давать пощады ни одной хищной птицѣ, пустельгѣ же особенно потому, что онъ видѣлъ, какъ она ловить жаворонкови, илисоки и рополовоки, отпоя ихъ въ свое гнѣздо, и преслѣдуетъ ихъ столь же безжалостно, какъ всякій другой пернатый хищникъ. При этомъ воз-

зрѣнія не принято въ соображеніе ни образа жизни этой птицы, ни ея привычекъ и поведенія; при этомъ не сопоставлено приносимая ею польза и вредъ, почему Кригеръ, если и найдетъ сочувствующихъ его мнѣнію, то среди охотниковъ, но не среди натуралистовъ, помѣщиковъ и лѣсоводовъ. Кто знакомъ съ образомъ жизни пустельги, тотъ знаетъ, что соколъ этотъ принадлежитъ къ числу полезнѣйшихъ птицъ и сохраняетъ наши поля отъ многихъ грабителей, хотя изрѣдка онъ и промыслитъ гдѣ-нибудь какого-нибудь зайчишку или куропатку.

Я добирался до многихъ гнѣздъ пустельги, будучи уже взрослымъ, наблюдалъ этого сокола въ трехъ частяхъ свѣта и считаю себя поэтому совершенно компетентнымъ высказать о немъ свое собственное мнѣніе. Но въ этомъ случаѣ мое мнѣніе не единично. Всѣ истинные и лишенные предразсудковъ наблюдатели высказываются совершенно въ томъ же смыслѣ, какъ и я. «Вредъ, причиняемый пустельгой», говоритъ мой отецъ, «незначителенъ, такъ какъ она уничтожаетъ небольшое количество птицъ; но польза, приносимая ею истребленіемъ мышей, весьма велика». Въ такомъ же духѣ высказывается и Пауманъ: «пустельга правда разоряетъ многія гнѣзда мелкихъ птицъ, преимущественно жаворонковъ; однако она уничтожаетъ гораздо большее количество мышей, почему и является весьма полезной птицей; она съѣдаетъ также много вредныхъ насѣкомыхъ, напримѣръ кузнечиковъ, полевыхъ сверчковъ и т. п.». Съ меньшей ясностью высказывается и Глогеръ, хотя онъ добросовѣстно перечисляетъ всѣ продѣлки пустельги и обвиняетъ ее, напримѣръ, въ уничтоженіи птичьихъ яицъ. «Пища, которою питается эта птица, дѣлаетъ ее, несмотря на небольшой вредъ, причиняемый ею мелкимъ животнымъ, весьма полезной для человѣка». Убѣдительны слова и Гомснера: «Красная пустельга принадлежитъ къ числу полезнѣйшихъ птицъ, благодаря тому, что питается, насколько я могъ заключить, исключительно мышами, жуками, сверчками, кузнечиками и т. п. Сколько я ни наблюдалъ пустельги во время своихъ экскурсій, я никогда не видѣлъ, чтобы она поймала птицу или даже преслѣдовала ее. Правда, говорятъ, наблюдались случаи, что она ловила птицъ, но во всякомъ случаѣ это были исключенія, не стоящія вниманія». Упомянувъ еще здѣсь, что Принъ, изслѣдовавшій погадки въ гнѣздахъ одной колоніи изъ двадцати гнѣздъ этихъ соколовъ, нашелъ, что онѣ состояли исключительно изъ мышинной шерсти и костей, я считаю излишнимъ приводить дальнѣйшія доказательства пользы пустельги.

И ставлю въ истинную заслугу Ризенталя, что въ своемъ трудѣ «Хищныя птицы Германіи» онъ достойнымъ образомъ отстаиваетъ полезность пустельги. «Наиболѣе ретивые среди охотниковъ», такъ выражается онъ, «которые готовы все уничтожить, кромѣ тетеревои и зайцевъ, уже прокричали о вредѣ, причиняемомъ этими соколами охотникамъ, и требовали ихъ истребленія. По какому это праву? Не потому-ли, что они разъ слышали отъ кого-нибудь, а можетъ быть и сами видѣли, что пустельга вилась надъ выводкомъ куропатокъ или бросалась въ стаю ихъ, наконецъ даже хотѣла утащить или утащила одну куропатку? Подобной поспѣшности въ сужденіи мы, впрочемъ, удивляться не должны: вѣдь въ недавнее время къ врагамъ охотниковъ причислили и крота. Очень возможно, что пустельга и хватаетъ какую-нибудь большую куропатку или отбивагося отъ насѣдки птенца; но кто видѣлъ, съ какимъ усѣхомъ курица или пѣтухъ, или оба вмѣстѣ, прогоняютъ болѣе сильную хищную птицу, хотя бы, напримѣръ, лuvia, тотъ не повѣритъ, что этотъ маленькій соколъ при нормальныхъ условіяхъ могъ захватить молодую куропатку; а если птенцы потеряли родителей, то они погибнутъ и безъ пустельги. Подобныя наблюденія по своимъ выводамъ имѣютъ то же значеніе, какъ ийца въ коллекціяхъ такихъ собирателей, которые посылаютъ раз-

ныхъ негодяевъ обирать гнѣзда въ цѣлой области, даже провинціи; затѣмъ добытыя такими людьми свѣдѣнія помѣчаютъ на яйцахъ и публикуютъ ихъ въ специальныхъ изданіяхъ, конечно, за своимъ поручительствомъ, и все это дѣлается ради процвѣтанія науки! Развѣ не звучитъ для уха болѣе, чѣмъ наивно, когда вы читаете въ научномъ изданіи сообщеніе, что «въ этомъ году пустельга посѣтила нашу родину, къ сожалѣнію, только въ числѣ одной парочки—яйца ея я получилъ такого-то числа»? Итакъ, несмотря на то, что эта безобидная птица понемногу исчезаетъ, а вся кладка стоитъ лишь нѣсколько пфениговъ, это все-таки не останавливаетъ жестокаго коллектора. Кладка должна быть взята въ коллекцію, ссылаясь еще при этомъ на пользу для науки! Пустельга служить намъ хорошую службу, истребляя мышей и насѣкомыхъ, она оказываетъ огромную услугу странамъ, гдѣ свирѣствуетъ саранча, угрожающая и намъ, поэтому мы должны считать ее полезной для тѣхъ странъ, гдѣ ее не преслѣдуютъ. Если бы оказалось, что въ извѣстныхъ мѣстахъ пустельга вредна, то пусть тамъ и ратуютъ противъ нея, а обобщать подобнаго рода отдѣльные факты не слѣдуетъ». Эти слова писаны ученымъ лѣсоводомъ, охотникомъ, посвятившимъ свою жизнь лѣсу и извѣстнымъ своимъ солиднымъ трудомъ о германскихъ хищныхъ птицахъ—результатомъ его многочисленныхъ изслѣдованій. Тотъ изъ моихъ читателей, кто не имѣлъ случая наблюдать пустельгу на волѣ, теперь имѣетъ возможность судить, кому слѣдуетъ больше довѣрять: тому ли наблюдателю, который «вообще держится правила не щадить ни одной хищной птицы», или моему отцу, Науману, Глогеру, Гомейеру, Ризенталю, мнѣ и другимъ.

«Пустельга—славный сотоварищъ, вполне пригодный даже для жизни въ комнатахъ», отъ искренняго сердца пишетъ мнѣ Либс. «Отъ родственныхъ ему соколовъ она отличается большею чистоплотностью. Если обложить дно кѣтки мхомъ, то отъ птицы не идетъ никакого запаха, такъ какъ съ одной стороны взрослая птица ровняетъ пометъ внизъ, а не обрызгиваетъ имъ стѣны кѣтки, какъ это часто дѣлаютъ ястреба, а съ другой стороны самый пометъ, повидимому, не такъ скоро загниваетъ, но скоро сохнетъ. Пустельга держитъ свое опереніе въ большемъ порядкѣ, чѣмъ всѣ другія птицы, и не терять грязи. Время отъ времени, если только не всегда, онѣ нѣютъ и тогда нѣсколько разъ моютъ свое опереніе сырмъ клювомъ, послѣ чего слѣдуетъ основательная прочистка перьевъ, пропускаемыхъ птицей черезъ клювъ. Онѣ легко привыкаютъ къ епрыскиванію ихъ время отъ времени водою, даже выказываютъ при этомъ нѣкоторое удовольствіе, тогда какъ остальные хищныя птицы всегда боятся этого искусственнаго дождя. Самое опереніе пустельги очень мягкое и мало поддающееся порчѣ, почему хвостъ ея долгое время и въ кѣткѣ сохраняетъ свою красоту. Самый движеніи этого сокола также болѣе мягки и спокойны, а не такія бурныя, какъ у родственныхъ ему видовъ. Поэтому-то, что я всегда дѣлалъ, ихъ можно разъ въ день выносить изъ кѣтки и дать полетать въ комнатахъ. Остальные мелкія птицы, находящіяся въ комнатѣ, при этомъ не выказываютъ такого страха, какъ при видѣ ястреба. Если въ первый разъ птички и бьются испуганно въ своемъ помѣщеніи, то онѣ понемногу привыкаютъ къ своему знатному сожителю и скоро не выказываютъ и слѣда пугливости. Къ одной, давно пойманной пустельгѣ, я посадилъ разъ столь же давно пойманную самку синигрия, желая испытать, схватитъ-ли ее хищникъ, вообще же посмотрѣть, какъ онъ будетъ себя вести. Къ моему удивленію, синигрия не выказывалъ никакого страха, но спокойно усѣлся на жердочку сокола. Я пять дней держалъ его въ кѣткѣ послѣдняго, которому, разумѣется, давался обычный кормъ, и убѣдился, что синигрию не было причинено ни малѣйшаго вреда.

«Самое лучшее — вынимать соколовъ изъ гнѣзда тогда, когда хвостовые и маховыя перья выльзутъ изъ подъ пуха самое большее на 1 см. Но, конечно, въ это время къ воспитанію птицы нужно относиться съ возможной заботливостью. Кусокъ мяса молодого бычка или свиньи разбиваютъ тщательно оборотной стороной лезвія ножа и рѣжутъ его на мелкіе кусочки, которые разъ въ 1—2 дня посыпаются порошкомъ изъ костей. Волосъ и перьевъ, которыхъ я прежде всего добавлялъ къ корму воспитывавшихся у меня совъ, я молодымъ соколкамъ не давалъ. Весьма необходимо разъ въ день вынимать птенцовъ изъ помѣщенія и, сажая на палецъ, приучать ихъ держаться на немъ, иначе сочлененія ихъ лапъ остаются слабыми и въ результатѣ могутъ вырасти такія калѣки, которыя не только не могутъ сидѣть на жердочкахъ, но даже, съжившись, сидятъ, поджавъ плюсны въ углу. Они очень скоро привыкаютъ лазать на палецъ и вскорѣ начинаютъ, прочно уцѣпившись за него и махая крыльями, упражняться въ летаніи. Ихъ привязанность къ своему господину извѣстна. Въ годы моей школьной жизни я былъ обладателемъ одной самки, которая черезъ окно прилетала ко мнѣ на плечо, когда я шелъ гулять вмѣстѣ съ моими товарищами. Если удачное время упущено и молодые птицы уже выросли, ихъ трудно бываетъ приручить, труднѣе же всего, когда онѣ уже вылетѣли изъ гнѣзда и сидятъ на ближайшихъ вѣтвяхъ. Легче удастся до извѣстной степени сдѣлать ручными старыхъ птицъ, будутъ-ли онѣ пойманы на гнѣздѣ или подстрѣлены.

«Удивительно скоро пустельги выльчиваются отъ ранъ, причиненныхъ выстрѣломъ. Однажды мнѣ была принесена уже сильно полинявшая, старая самка, у которой были перебиты выстрѣломъ плечевая кость и обѣ кости предплечья. Такъ какъ мускулы и кожа не были сильно разорваны, то я плотно привязалъ крылья широкими перевязками къ тѣлу и посадилъ птицу на жердочку въ большую клѣтку. Здѣсь она оставалась сидѣть на одномъ и томъ же мѣстѣ и упрямялась цѣлыхъ пять дней, не принимая никакой пищи и выпивая лишь немного воды изъ корытца, которое передъ ней держали. Въ концѣ 5-го дня она порывисто выхватила кусочекъ предложеннаго ей мяса и съ этихъ поръ уже ежедневно принимала кормъ. На 13-ый день повязки сдвинулись съ мѣста, хотя онѣ были хорошо наложены и придерживали маховыя перья. Я вынулъ птицу, осторожно снялъ повязки, и соколъ на моихъ глазахъ полетѣлъ черезъ комнату въ окно. Разбитое крыло уже выздоровѣло и только незамѣтно ближе прилегало къ тѣлу, нежели другое».

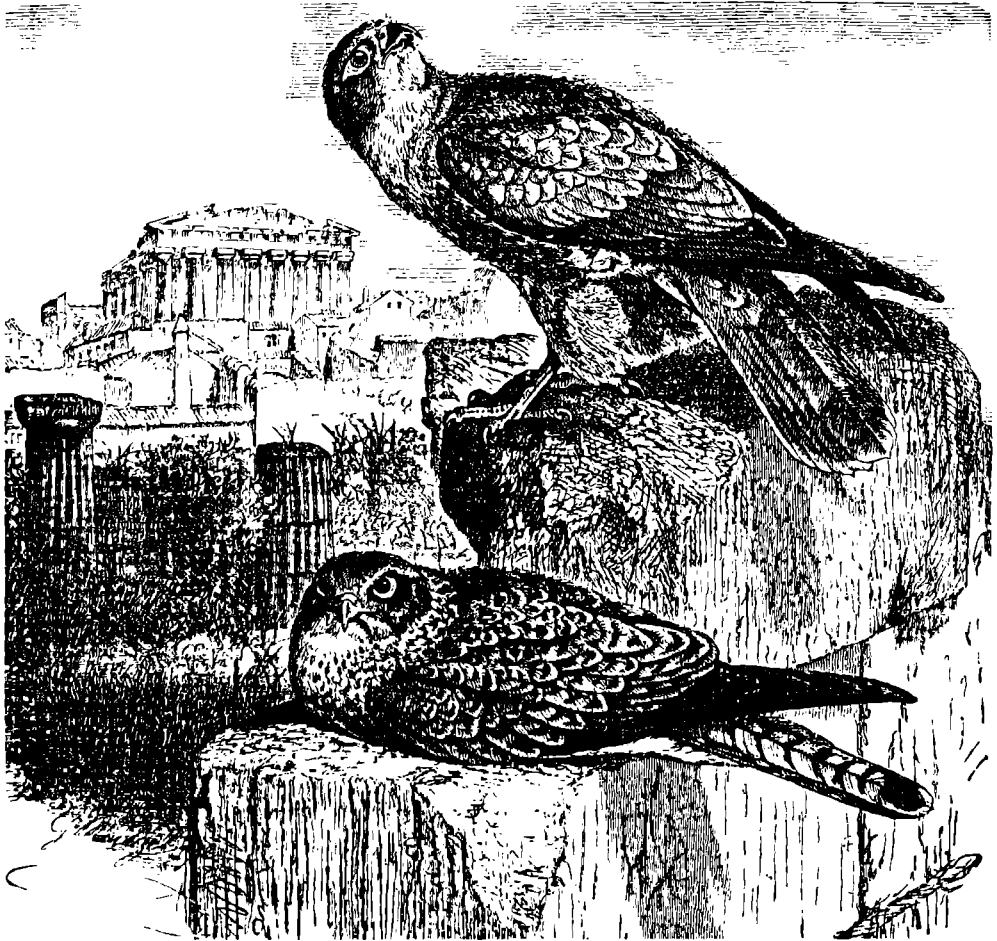
Весьма интересное наблюденіе надъ плѣнными пустельгами сдѣлалъ Вюстней. Одинъ выпавшій изъ гнѣзда, почти выросшій соколокъ по обыкновенію скоро потерялъ всякій страхъ, бралъ предлагаемый ему кормъ изъ рукъ, но не любилъ, чтобы кто-либо видѣлъ, какъ онъ ѣсть, выказывая это тѣмъ, что въ такихъ случаяхъ пытался прикрыть кусокъ мяса, распустивъ надъ нимъ крылья и согнувъ тѣло; при этомъ онъ безъ перерыва издавалъ крикъ неудовольствія. Это недовѣріе, которое вѣроятно обуславливалось тѣмъ, что птицу дразнили, доходило до наибольшей степени раздраженія, когда къ птицѣ подносили зеркало, гдѣ она, увидѣвъ похожее на себя существо, считала его за еще болѣе опасное для ея корма. Тотчасъ же пустельга начинала свои нападенія, клювомъ и лапами защищала свои права и долго возобновляла свою атаку на зеркало, отъ полированной поверхности котораго ея удары безсильно отскакивали. Когда она понапраспу истощила свои силы и убѣдилась, что не можетъ преодолѣть раздѣляющаго отъ врага препятствія, она додумалась напасть на врага съ другой стороны и внезапно бросилась за зеркало. Прекуръезно было видѣть, какое удивленіе выразилось во всей ея фигурѣ! Ея возбужденность сразу уступила мѣсто полному недоумѣнію,

крикъ ея прервался и, вытянувъ голову, пустельга неподвижно смотрѣла на пустое мѣсто. Она долгое время оставалась въ этомъ положеніи; затѣмъ вновь испустила рѣзкій крикъ, какъ будто желала откуда то вызвать предполагаемаго противника. Повернутое зеркало доказывало ей, что послѣдній не могъ совершенно исчезнуть и ея возбужденное состояніе снова вернулось. Такъ какъ зеркало много разъ отбивало у нея охоту пообѣдать, то оно всегда оставалось для нея подозрительнымъ предметомъ. Каждый разъ, когда дѣлали жестъ, что хотять свать со стѣны зеркало, пустельга приходила въ чрезвычайное неистовство и испускала громкій крикъ. То же самое было, когда люди просто приближались къ зеркалу».

Въ южной Европѣ къ обыкновенной пустельгѣ присоединяется весьма близко родственнѣй, болѣе красивый видъ—**Красная пустельга** (*Falco cenchris*, *tinnunculoides*, *tinnuncularius*, *xanthonux*, *Tinnunculus cenchris*, *Erythropus cenchris*, *Cerchneis cenchris*, *paradoxa*, *ruficauda*. Rötelfalke. Cresserelette). Длина ея достигаетъ 32 см., размахъ ея крыльевъ 68, длина послѣднихъ 26, хвоста 14 см.; самка сантиметра на 2 длиннѣе и на 5 шире самца. У стараго самца зобъ, большія кроющія перья крыльевъ, заднія маховыя и хвостъ—голубовато-пепельно-сѣрыя; перья спины кирпично-красныя безъ малѣйшей отмѣтины; грудь и брюхо темно-красноватыя съ очень мелкими стержневыми, часто почти невидными пятнами; хвостовыя перья на концѣ имѣютъ черную перевязь. Глаза, клювъ и ноги окрашены такъ же, какъ и у обыкновенной пустельги, но когти не чернаго цвѣта, а желтовато-бѣлые. Самка очень походитъ на самку вышеописаннаго вида, но свѣтлѣе послѣдней и легко отличается по бѣло-голубоватому хвосту и по свѣтлымъ когтямъ. Молодые сходны съ матерью.

Истинной родиной красной пустельги служатъ: южная Европа, Испанія съ ея островами, Мальта, южная Италія, но предпочтительнѣе всего Греція и страны, лежащія далѣе на востокъ. Она обыкновенна въ южной и средней Испаніи, въ Сицилии и Греціи, нѣсколько рѣже встрѣчается въ Турціи, но попадаетъ повсюду, а въ южнорусскихъ, сибирскихъ и туркестанскихъ степяхъ вмѣстѣ съ кобчикомъ является одной изъ самыхъ обыкновенныхъ хищныхъ птицъ тѣхъ мѣстностей. Данныя Заруднаго, относящіяся къ Туркестану, Вальтеромъ не подтверждаются, послѣдній скорѣе говоритъ, что Зарудный ошибся и по всей вѣроятности принялъ обыкновенную пустельгу за красную. Къ сѣверу область распространенія красной пустельги простирается недалеко за границы вышеприведенныхъ странъ; Ширеней и Альпы соколъ этотъ рѣдко перелетаетъ, однако, по одному наблюденію Губера, на востокъ отъ послѣднихъ онъ проникаетъ изъ году въ годъ все далѣе, вслѣдствіе чего онъ уже обжился не только въ Крайнѣ, но и въ Каринтіи и южной Штиріи, живетъ также, хотя и не повсюду, въ Кроаціи. Отъ птицъ, живущихъ въ Кроаціи, быть можетъ и происходятъ тѣ красныя пустельги, которыя иногда, быть можетъ чаще, чѣмъ мы думаемъ, посѣщаютъ Германію. Въ западной Сибири, по моимъ наблюденіямъ, область ихъ гнѣздованія ограничена степями, почти навѣрное то же самое можно сказать и о востокѣ Азіи. Къ югу красная пустельга распространена до Марокко, Алжира и Туниса; нѣкоторыя изъ нихъ, по словамъ Гейглива, гнѣздятся въ крѣпостныхъ стѣнахъ Александріи; въ Палестинѣ, Сирии и Малой Азіи этотъ соколъ принадлежитъ къ числу обычныхъ гнѣздящихся птицъ, и совершенно обыкновененъ въ Персіи, особенно на югѣ ея. Изъ своей столь обширной родины онъ каждую зиму совершаетъ перелетъ въ Африку и южную Азію. По своимъ личнымъ наблюденіямъ и знаю его, какъ одну изъ самыхъ обычныхъ зимнихъ птицъ степей внутри Африки, о чемъ уже упоминалось

выше. Красная пустельга слѣдуетъ по этой области, раскрянувшейся по наибольшей части Африки, вплоть до ея крайнихъ южныхъ границъ и, что заслуживаетъ вниманія, становится тамъ, какъ въ Капской землѣ, такъ и въ юго-восточной Африкѣ, изъ году въ годъ обыкновеннѣе съ тѣхъ поръ, какъ залетѣла въ эту благословенную страну. На своихъ зимовкахъ она вновь присоединяется къ своимъ вѣрнымъ сотоварищамъ кобчикамъ, общества которыхъ она должна лишиться въ юго-западной и южной Европѣ. Въ Испаніи она предпочитаетъ большіе

Красная пустельга. *Falco tinnunculus*. вел.

города, напримѣръ, Мадридъ, Севилью, Гренаду, въ Греціи, кромѣ того, селенія въ равнинахъ, особенно такія, которыя расположены по близости воды. Въ Испаніи и Греціи она появляется въ послѣдней половинѣ марта, въ Персіи—немного ранѣе; напротивъ того, въ степяхъ западной Сибири—только въ концѣ апрѣля или началѣ мая, непосредственно послѣ тапья снѣга и ледохода по рѣкамъ, долины которыхъ служатъ ей также пролетными путями; лѣто она проводитъ на своей роднѣ и уже въ августѣ, самое позднее въ концѣ сентября, летитъ обратно.

По своему образу жизни, поведенію и повадкамъ она представляетъ собою точную копію нашей обыкновенной пустельги, но еще болѣе походить своими привычками на кобчиковъ, съ которыми она ведетъ самую тѣсную дружбу. О жизни кобчиковъ я буду говорить подробнѣе, почему и отсылаю читателя къ этому описанію; здѣсь-же упомяну только, что красная пустельга безусловно относится къ числу самыхъ привлекательныхъ птицъ изъ всего семейства. Благодаря своей общительности и дружбы съ кобчиками, а равно и съ обыкновенными пустельгами, этихъ столь же красиво оперенныхъ, какъ и ловкихъ и неутомимыхъ соколовъ видишь иногда, какъ исключеніе, парочками, обыкновенно же они держатся обществами, сообща летающими на кормежку въ подходящія мѣста, сообща отправляющимися на ночлегъ и сообща гвѣздящимися.

Я видѣлъ этихъ красивыхъ соколовъ, продѣлывавшихъ свои чудныя воздушныя движенія надъ акрополисомъ Аоинъ и башнями мадридскихъ церквей, и если во время своего пребыванія въ Гренадѣ я не встрѣтилъ ихъ среди обитателей столь прославленныхъ мавританскихъ дворцовъ, то это только потому, что я былъ тамъ въ зимнее время: лѣтомъ же они и здѣсь летаютъ массами вокругъ роскошныхъ замковъ этого чуднаго города. Но они отнюдь не придерживаются однихъ особенно высоко поднимающихся зданій, какъ это обыкновенно дѣлаетъ наша пустельга, но иногда отдаютъ предпочтеніе самымъ маленькимъ мазанкамъ. Несмотря на страсть къ истребленію у испанцевъ, итальянцевъ и грековъ, на югѣ Европы никто не думаетъ ихъ преслѣдовать, въ глазахъ же турскъ и русскіхъ они считаются неприкосновенными птицами. Какъ на востокѣ, такъ и въ южной Россіи въ полезности этихъ соколовъ уже убѣдились. Въ однихъ мѣстностяхъ на нихъ смотрятъ какъ на посланцевъ съ неба въ губительную пору налетовъ саранчи, въ другихъ, кромѣ того, просто радуются ихъ присутствію, бодрой подвижности и съ благодарностью смотрятъ на нихъ, какъ на полноправныхъ обитателей однообразныхъ степей; по крайней мѣрѣ охотно забавляются ими, когда приходится ѣхать верхомъ или въ повозкѣ черезъ эти гладкія равнины. При приближеніи птицы пугливо слетаютъ со своихъ мѣстъ отдыха и все далѣе и далѣе летятъ передъ путниками. Красная пустельга оказывается еще въ болѣе высокой степени насѣкомоядной птицей, чѣмъ обыкновенная, а также и наиболѣе успѣшно дѣйствующимъ врагомъ ужасной саранчи. Онѣ разумѣется не откажутся также и отъ какой-нибудь мышки, молодой безпомощной птички, ящерицы, если таковыя попадутся имъ на глаза; въ общемъ по своей пищѣ онѣ ближе походятъ на кобчиковъ, чѣмъ на обыкновенную пустельгу.

Итепцовая пора красной пустельги приходится, по крайней мѣрѣ въ Греціи и Испаніи, на послѣднія числа апрѣля или на первыя числа мая. Какъ въ той, такъ и въ другой странѣ гвѣздо помѣщается обыкновенно въ углубленіяхъ стѣнъ или подъ крышами домовъ, все равно, будутъ ли послѣднія обитаемы или нѣтъ. Иныя зданія заключаютъ въ себѣ много гвѣздъ. Въ Аоинахъ я не только видѣлъ этихъ соколовъ на акрополисѣ, занятыми постройкой гвѣзда, но даже сидящими на всѣхъ удобныхъ для нихъ домахъ или летящими къ гвѣздамъ, устроеннымъ подъ крышами такихъ жилищъ. Въ Испаніи я видѣлъ ихъ въ качествѣ обитателей башенъ. Въ остальныхъ странахъ области своего распространенія тамъ, гдѣ нѣтъ для нихъ подходящихъ зданій, онѣ гвѣздятся на скалахъ или въ дуплахъ деревьевъ и нерѣдко при этомъ въ обществѣ обыкновенной пустельги. Поэтому мы съ удивленіемъ узнаемъ отъ Губера, что въ Каринтіи красная пустельга посѣщаетъ гвѣздовыя своего сородича и выгоняетъ изъ него послѣдняго. Самое гвѣздо есть всегда неискусная постройка. Внутри какого-нибудь углубленія эта пустельга вообще

никакого гнѣзда не устраиваетъ, но кладетъ свои яйца прямо на землю, почти безъ подстилки. Кладка обыкновенно заключаетъ въ себѣ 4, рѣдко 5 или 6 яицъ, отличающихся отъ яицъ обыкновенной пустельги лишь своей малой величиной. Говорить далѣе о размноженіи этой птицы и о воспитаніи ея птенцовъ почти лишнее. Самка, какъ водится, беретъ на себя главную заботу о воспитаніи птенцовъ; однако самецъ все-таки посильно участвуетъ въ этомъ, не только кормя самку и помогая выращивать птенцовъ, но, повидимому, даже временами замѣняя сидящую на яйцахъ самку. Въ Сициліи молодыхъ птицъ этого вида зовутъ «мальтійскими соколами», такъ какъ мальтійскіе рыцари подносили одного такого соколка съ большою пышностью въ видѣ дани королю Сициліи, чтобы символически выразить зависимость ихъ маленькаго, но храбраго братства отъ могущественнаго повелителя острова.

Весьма странно, хотя отчасти и вѣроятно, сообщеніе Саундерса, что при случаѣ оба вида пустельги спариваются между собой и выращиваютъ помѣси, также плодятся. Это предположеніе однако основано лишь на томъ, что у красной пустельги иногда бываютъ яйца необыкновенно большой величины, равныя самымъ крупнымъ яйцамъ обыкновенной пустельги, и потому еще подвержено сомнѣнію.

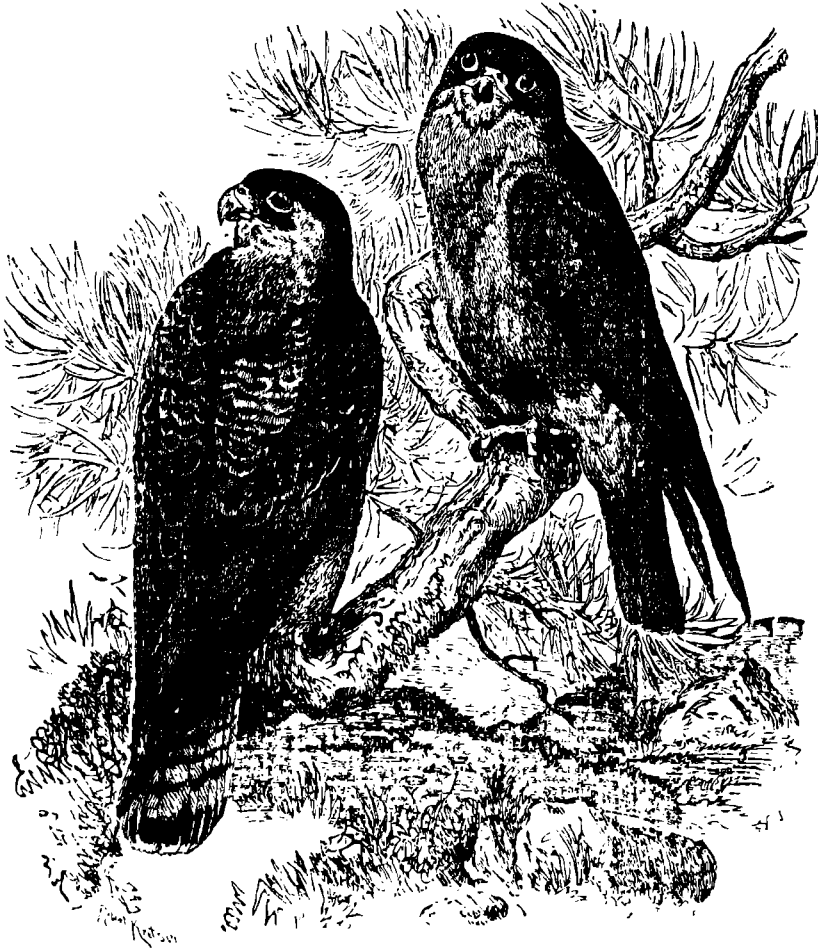
Плѣнные красныя пустельги и въ клѣткахъ мало отличаются отъ своихъ сѣверныхъ родичей. Ихъ поведеніе и повадки въ существенныхъ чертахъ тѣ же, что и у послѣднихъ; однако ихъ красота всегдѣ нравится и даже возбуждаетъ вниманіе людей несвѣдущихъ. Этотъ милостивѣйшій соколокъ выглядитъ всегда красивымъ и изящнымъ, постоянно содержитъ въ образцовомъ порядкѣ свое опереніе и ведетъ себя такъ, что скоро заслуживаетъ любовь. Онъ привыкаетъ къ заботящемуся о немъ человѣку, уживается съ другими себѣ подобными и требуетъ лишь немного большей заботливости въ уходѣ, нежели другіе сокола, если хотять, чтобы онъ хорошо чувствовалъ себя въ клѣткѣ, преуспѣвалъ и долго жилъ. Эту заботливость прежде всего нужно направить на выборъ корма, такъ какъ все мелкіе сокола, которые охотятся за насѣкомыми, должны и содержаться какъ насѣкомоядные птицы. Грубое мясо безъ малѣйшей примѣси дѣйствуетъ на нихъ безусловно губительно. Птицы въ перьяхъ и мелкія млекопитающіяся въ шерсти уже потому не удовлетворяютъ своей цѣли, что не могутъ быть доставляемы ежедневно; такимъ образомъ нужно обратиться къ соотвѣтствующему корму, который бы удовлетворялъ вкусу и потребности этихъ птицъ. Я даю моему питомцу, какъ и мелкимъ совамъ и кобчикамъ, смѣшанный кормъ, который предназначенъ для насѣкомоядныхъ птицъ. На этой пищѣ эти сравнительно очень нѣжныя созданія чувствуютъ себя, повидимому, какъ нельзя лучше. Затѣмъ слѣдуетъ чрезвычайно оберегать красную пустельгу, какъ и другихъ южныхъ сородичей ея, отъ холода, такъ какъ уже въ свѣжій осенній день имъ становится не по себѣ, а настоящая морозная погода безусловно убиваетъ ихъ. Какъ только наступаетъ свѣжая погода, красныя пустельги становятся угрюмыми, взъерошиваютъ опереніе, теряютъ аппетитъ, не хотять купаться, продолжаютъ хилѣть, и наконецъ послѣ нѣкоторыхъ судорогъ падаютъ мертвыми со своихъ жердочекъ. Напротивъ, въ теплую погоду, а въ особенности, когда онѣ утренними часами чувствуютъ благотворное дѣйствіе солнечнаго свѣта, онѣ всегда бодры и глаза ихъ такъ свѣтятся, что въ здоровьи ихъ не можетъ быть сомнѣнія. Въ клѣткахъ красныя пустельги кричатъ много и часто; онѣ обыкновенно испускаютъ продолжительное и медленно издаваемое «грри-и, грри-и, грри-и», но не болѣе ясное и болѣе сильное «кли-кли-кли», свойственное обыкновенной пустельгѣ. Своихъ знакомыхъ красная пустельга приветствуетъ такъ же, какъ и ее сѣверный родичъ, но всегда только вышеприведеннымъ первымъ крикомъ.

Такъ какъ красная пустельга, будучи въ состояніи долго голодать, можетъ переносить лѣтнюю непогоду, при перелетѣ же черезъ море только въ исключительныхъ случаяхъ тернить отъ бурь, а на зимовкахъ всегда находить обильный кормъ,—то она размножается весьма значительно во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ только ея гнѣздованію не препятствуетъ опаснѣйшій врагъ ея, человѣкъ. Если оправдается сообщеніе Губера, мы можемъ надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ она появится и въ Германіи. Быть можетъ она прибудетъ въ среднюю Европу ранѣе, чѣмъ мы можемъ того ожидать, идя слѣдомъ за саранчей, которая, какъ извѣстно, теперь тамъ появляется. Тогда отъ насъ уже будетъ зависѣть принять ее съ тѣмъ гостепримствомъ, котораго она заслуживаетъ своею полезностью. Я высказываю только желаніе, въ исполненіе котораго вѣрю съ трудомъ. На нее такъ же ополчатся, такъ-же подозрительно отнесутся къ ней, какъ и къ нашей пустельгѣ, такъ-же безпощадно будутъ избивать ее, какъ бьютъ по крайней мѣрѣ въ Богеміи кобчиковъ, которые принимаются за постройку гнѣзда. Послѣ всего сказаннаго о нашей пустельгѣ можно уже и не пояснять, насколько несправедливы и безразсудны были бы такіе поступки, однако я позволю себѣ привести здѣсь слѣдующія слова Ризенталя, которымъ я глубоко сочувствую: «Если насъ смущаетъ преслѣдованіе въ чужихъ странахъ птицъ, приносящихъ намъ со своимъ прилетомъ радость и пользу, если мы въ этомъ случаѣ ищемъ защиты для этихъ птицъ путемъ международныхъ соглашеній, то развѣ мы не должны и сами платить тѣмъ же, взявши подъ защиту и покровительство такихъ птицъ, которыя для чуждыхъ намъ странъ оказываются не только пріятными или полезными, но прямо-таки необходимыми».

* *
* *
*

Южной Европѣ свойственна еще другая пасѣкомоядная хищная птица, родственная обыкновенной пустельгѣ, но особенно близкая красной, это—**Кобецъ** или **Кобчикъ** (*Falco vespertinus, rufipes, barletta, Cerchneis vespertinus, rufipes, Tinnunculus vespertinus, rufipes, Pannychistes rufipes, Erythropus vespertinus, rufipes. Rotfussfalke. Nobereau gris*)—одинъ изъ самыхъ красивыхъ соколовъ вообще. Отличительные признаки его: болѣе короткій клювъ, другая относительная длина маховыхъ перьевъ, болѣе короткій хвостъ и наконецъ разнообразіе оперенія, зависящее не только отъ пола, но и отъ возраста птицы. По величинѣ онъ почти равенъ красной пустельгѣ. Длина самца кобчика достигаетъ 31 см., размахъ его крыльевъ 78, длина послѣднихъ 22, хвоста 14 см. Самка сантиметра на 3 длиннѣе и на 4—5 шире. Въ полномъ опереніи самца нельзя смѣшать ни съ однимъ соколомъ. Нижняя часть брюха его, штаны и нижнія кроющія перья хвоста темнаго ржаво-краснаго цвѣта. Восковица, голое окологлазничное кольцо и ноги кирпично-красныя, клювъ сзади желтый, спереди рогового голубоватаго цвѣта. У самки голова и затылокъ свѣтлаго ржаваго цвѣта, всѣ остальные верхнія части тѣла свинцово-сѣрыя; нижнія шейныя перья и хвостъ имѣютъ болѣе темныя поперечныя полосы; передъ шею, бока ея, за исключеніемъ бурныхъ усовъ—бѣлые; остальные нижнія части тѣла ржаво-желтыя съ единичными бурными стержневыми пятнами. Восковица, окологлазничный ободокъ и ноги—оранжево-красныя. Въ молодомъ опереніи верхняя часть тѣла темно-бурая, причѣмъ каждое перо оторочено ржаво-желтоватою каймой; хвостъ ржаво-желтый, съ 10—12 болѣе темными поперечными полосами; нижняя часть тѣла, начиная отъ бѣлаго горла, ржаво-желтовато-бѣлая, покрытая широкими бурными продольными пятнами. Голыя мѣста еще свѣтлѣе, чѣмъ у самки. Глаза всегда каріе.

Кобчикъ одинаково водится какъ въ юговосточной Европѣ, такъ и въ Средней Азійи и только на Амурѣ и въ Китаѣ замѣненъ близкимъ родичемъ (*Falco amurensis*). На западѣ нашей части свѣта онъ рѣдокъ, но иной разъ пролетомъ встрѣчается и тамъ, когда перейдетъ за границу области своего лета. При такихъ именно обстоятельствахъ кобчиковъ нѣсколько разъ убивали въ различныхъ областяхъ Германіи, а равно и на Гельголандѣ, въ Англіи, и даже въ Швеціи. Чаше же какой-нибудь пзъ этихъ милыхъ соколовъ пролетаетъ Францію или Швейцарію.

Кобчикъ. *Falco vespertinus*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

Аккуратно каждую весну и осень кобчики летятъ черезъ Грецію и Италію, въ первой между 15 и 25 апрѣлемъ и 2 и 14 октябремъ, въ послѣдней въ маѣ; въ Сициліи и на Мальтѣ они появляются въ то же время, какъ и въ Греціи. Въ римской Кампаньи ихъ иногда видятъ на пролетѣ весьма многочисленными стаями, такъ какъ они принадлежатъ къ числу самыхъ общительныхъ соколовъ; на Восторфѣ кобчики къ этому же времени столь же обыкновенны, какъ и всякій другой родственникъ имъ хищникъ. Во всѣхъ вышеназванныхъ странахъ его гнѣздованіе еще не доказано; однако Гомейеръ получилъ изъ восточной Пруссіи молодого кобчика,

вылетѣвшаго изъ гнѣзда, очевидно, лишь за нѣсколько дней до того, а по сообщенію Либе, Крачь въ шестидесятомъ году нашелъ одну пару, гнѣздившуюся въ герцогствѣ Саксенъ Алтенбургъ. Если вѣрнѣе и было бы доказано, что этотъ красивый соколокъ выводилъ птенцовъ внутри Германіи, то такіе случаи принадлежатъ къ весьма рѣдкимъ исключеніямъ. Кобчикъ представляетъ собой въ полномъ смыслѣ характерную для степей птицу и живеть въ нихъ, начиная отъ венгерской степи черезъ южную Россію и всю Среднюю Азію до границъ Китая. Соответственно этому онъ зимою улетаетъ преимущественно въ Индію, а не въ Африку. Правда, онъ и здѣсь встрѣчается въ долинѣ Нила, но всегда лишь одиночками, и только на юго-востоки этой части свѣта, куда онъ попадаетъ очевидно изъ Индіи и южной Аравіи, его наблюдаютъ чаще.

Въ посѣщенныхъ мною степяхъ южной части западной Сибири и сѣверномъ Туркестанѣ кобчикъ принадлежитъ къ числу весьма обыкновенныхъ птицъ: о немъ можно даже выразиться, что въ этой области его такъ же часто можно видѣть, какъ облака на небѣ. Лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ я видѣлъ одиночныхъ кобчиковъ, большею частью и почти всегда я наблюдалъ ихъ обществами, постоянно въ сообществѣ съ красными пустельгами, на которыхъ они до мельчайшихъ подробностей походятъ своимъ поведеніемъ и повадками. Оба эти быстролетные сокола всюду являются вѣрными товарищами, и что замѣчаешь у однихъ, то видишь и у другихъ. Гдѣ только найдется мѣстечко для ихъ отдыха, будетъ ли то линія телеграфныхъ столбовъ, или окаймляющій зимникъ частоколь, или плетень изъ коническихъ корзинъ, наполненныхъ землею, или врытые наискось столбы съ 2—3 оставленными нарочно вѣтвями—они непременно уже тутъ.

Отдыхая, переваривая пищу и высматривая въ то же время новую добычу, окидывая своими зоркими глазами окрестность,—сидятъ они на такихъ возвышеніяхъ и слетаютъ, спугнутые шумомъ подъѣзжающей повозки или троечнымъ колокольникомъ, только для того, чтобы продолжать свою охоту. Нѣсколькими быстрыми и ловкими взмахами крыльевъ, весьма напоминала при этомъ настоящихъ соколовъ, пролетаютъ они значительныя пространства, переходятъ на плавный полетъ и останавливаются на одномъ мѣстѣ, една замѣтно рѣя въ воздухѣ, т. е. чуть-чуть трепещутъ крыльями; затѣмъ отлетаютъ немного далѣе и снова продѣлываютъ то же самое. Нерѣдко можно видѣть 10, 20, 30 птицъ обоихъ видовъ, летающихъ сообща надъ степью, или однихъ соколовъ, появляющихся на томъ мѣстѣ, гдѣ немного времени назадъ были другіе, какъ будто-бы они нарочно мѣнялись. желая вновь изслѣдовать площадь, которую только что осмотрѣли ихъ родичи. Одинъ за другимъ соколки несутся внизъ на землю, остаются на ней нѣсколько секундъ, чтобы захватить какое-нибудь мелкое насекомое, всею главнымъ образомъ какого-либо жука, взвиваются обратно вверхъ и вновь повторяютъ прежнюю игру. При этомъ, сознавая свою безопасность, птицы нисколько не смущаются присутствіемъ зрителя, продѣлываютъ свои воздушныя упражненія у него надъ головой, стрѣлой кидаются внизъ на землю возлѣ самыхъ его ногъ и даже издали летить на небольшой кустеръ. Только тогда, когда они, отдыхая, сидятъ на телеграфной проволоцѣ или на верстовыхъ столбахъ, соколы эти не всегда дожидаются подходящаго человѣка, но нерѣдко отлетаютъ на разстояніе двухъ выстрѣловъ, гдѣ и начинаютъ послѣ короткаго полета свое рѣяніе на воздухѣ и свою охоту. Увлеченные снова, они уже не обращаютъ вниманія на только что испугавшаго ихъ человѣка и падъ его головой продѣлываютъ все вышеописанное. Я считалъ за особенное удовольствіе часами просиживать подѣ ними, глядя на ихъ игру; я даже прицѣливался въ нихъ ружьемъ, чтобы узнать, дѣйствительно-ли они стоятъ на одномъ мѣстѣ, какъ это кажется, и

убѣдился, что это такъ; тогда я, не тревожа, позволялъ имъ летѣть далѣе, такъ какъ все поведеніе ихъ было мнѣ чрезвычайно симпатично.

Я долженъ замѣтить, что кобчики встрѣчаются въ степяхъ отнюдь не повсюду въ одинаковомъ количествѣ, а также, что они во время своего полета видимо слѣдуютъ направленію болѣе крупныхъ рѣкъ, и что по крайней мѣрѣ во время своихъ прилетовъ и отлетовъ въ прирѣчныхъ долинахъ встрѣчаются чаще, нежели въ далекихъ степяхъ. Здѣсь они разлетаются уже потому, что не вездѣ могутъ найти себѣ подходящихъ гнѣздовій и должны отыскивать себѣ болѣе удобное мѣсто стоянки. По моему предположенію, они предпочитаютъ отлогіе откосы холмовъ или даже круглые обрывы горъ—открытымъ равнинамъ, хотя и здѣсь они отнюдь не отсутствуютъ. Такое предпочтеніе объясняется, быть можетъ, просто тѣмъ, что по близости такихъ отроговъ есть подходящая для гнѣздоваго скалистая стѣна, которая въ послѣдствіи и становится центральнымъ пунктомъ ихъ участковъ. Если въ известной мѣстности растутъ нѣсколько высокихъ деревьевъ, то кобчики иной разъ образуютъ настоящіе поселенія, во всякомъ же случаѣ оно дѣлается мѣстомъ утреннихъ и въ особенности вечернихъ собраній этихъ милыхъ соколовъ. Тогда ихъ видишь здѣсь въ полуденную пору усѣвпимися для отдыха тѣсно другъ къ другу на деревья обществами изъ 20, 30 и болѣе штукъ. Въ такомъ положеніи кобчики ждутъ, пока наступитъ позднее послѣполуденное или вечернее время, необходимое для ихъ охоты. Случается, что такого дерева едва хватаетъ для отдыха всего общества, и тогда эти мирныя въ другое время птицы начинаютъ между собою ссориться изъ за мѣсть, какъ это наблюдалъ Пауманъ. Необыкновенная склонность къ общественности однако не позволяетъ имъ сѣсть на другія деревья. Кажется, будто все они должны дѣлать непременно то, что нравится одному изъ нихъ. Одинъ изъ кобчиковъ выбираетъ опредѣленное дерево для мѣста своего отдыха, 2—3 другихъ прилетаютъ сюда же, опускаются возлѣ него; вслѣдъ за этимъ собираются со всѣхъ сторонъ остальные, какъ разъ на то же самое дерево. Нордманъ увѣряетъ, что иногда видѣлъ ихъ столь скучившимися, что съ одного выстрѣла ихъ падала цѣлая дюжина, не считая въ этомъ числѣ легко раненыхъ, которые не попадали въ руки охотника. Лишь только насѣкомыя начнутъ усерднѣе летать и ползать, кобчики снимаются и летятъ во всѣ стороны въ степи высматривать тамъ кузнечиковъ, стрекозъ, бабочекъ, крылатыхъ муравьевъ и жуковъ. Большую часть пища этихъ соколовъ составляютъ насѣкомыя въ различныхъ стадіяхъ развитія, въ особенности же взрослые, а между ними преимущественно жуки; рѣже они промышляютъ какую-нибудь мышку или маленькую ящерицу. Удивительно то искусство, съ которымъ они схватываютъ ползущаго по землѣ жука, держатъ его плотно между своими короткими когтями и сѣдаютъ на лету. Иногда насѣкомое бываетъ настолько мелко, что его не замѣчаешь, будучи даже на разстояніи нѣсколькихъ метровъ отъ сокола, и судишь объ удачномъ ловѣ лишь по тому, что птица сѣдаетъ свою добычу на лету, для чего слегка протягиваетъ свои лапы, что-то беретъ изъ нихъ клювомъ и сѣдаетъ; послѣ этого соколокъ тотчасъ же приступаетъ къ своимъ воздушнымъ упражненіямъ и вновь что-нибудь да ловитъ. Чѣмъ ближе наступаетъ вечеръ, тѣмъ оживленнѣе становятся движенія кобчика, такъ какъ съ приближеніемъ ночи больше и больше появляется насѣкомыхъ, оставляющихъ свои укромные уголки и принимающихся за лѣтаніе. Поэтому этихъ птицъ часто можно видѣть на охотѣ уже поздно, послѣ захода солнца и только съ полнымъ наступленіемъ ночи онѣ обществами летятъ на почлегъ; напротивъ, въ туманную погоду онѣ, по словамъ Робсона, сидятъ на землѣ или летаютъ у самой ея поверхности, въ надеждѣ еще разокъ поживиться какимъ-нибудь одиночнымъ насѣко-

мымъ. Но лишь только погода прояснится и солнце снова ярко заблеститъ на небѣ, онѣ выказываютъ полную оживленность и веселость.

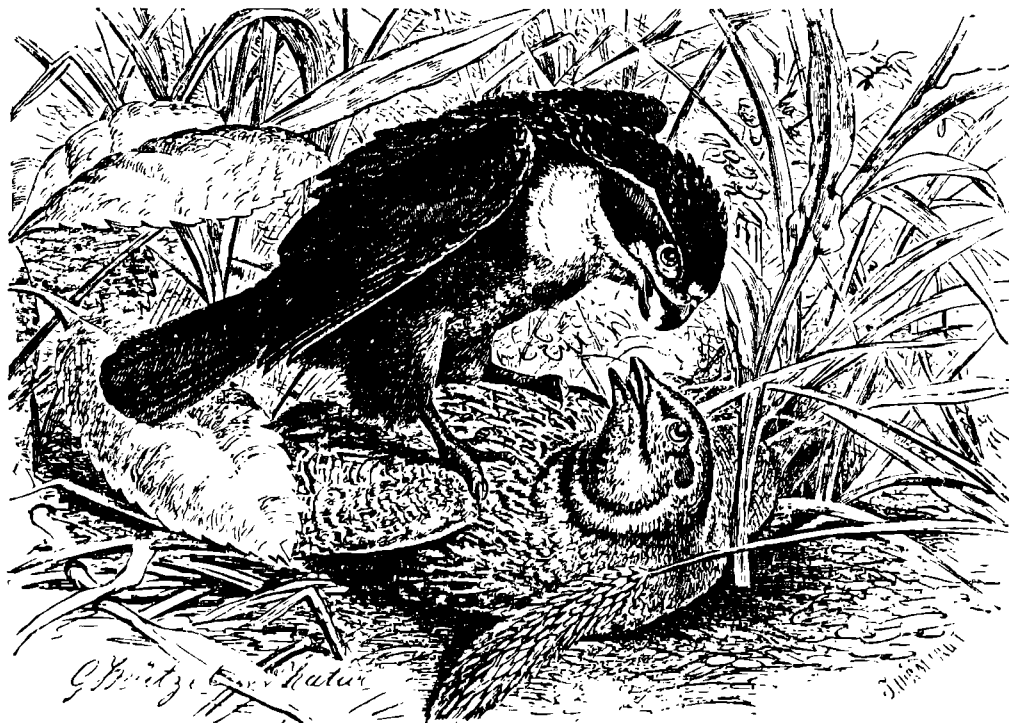
Во времени птенцовой поры стаи, сообща летавшія на зимовки, общественно жившія тамъ и сообща же вернувшіяся, разбиваются на пары и въ это время можно видѣть, какъ самцы продѣлываютъ всевозможныя воздушныя упражненія, охорашиваясь передъ самками и развлекая ихъ; вообще они выказываютъ все свойственное имъ искусство въ летаніи. Однако, насколько я могъ наблюдать, кобчики играютъ сравнительно гораздо меньше, чѣмъ благородные сокола и луни, но вѣдь они и безъ того проводятъ на лету половину своей жизни. О размноженіи, къ сожалѣнію, я не могу привести собственныхъ наблюденій и въ этомъ случаѣ долженъ заимствовать свѣдѣнія у другихъ натуралистовъ, именно у Раде и Нордмана. По сообщенію перваго, кобчики устраиваютъ въ маѣ свои гнѣзда на деревьяхъ и для этого выбираютъ преимущественно высокія ивы; по свѣдѣніямъ послѣдняго, они нерѣдко пользуются сорочьими гнѣздами. Последнее обстоятельство не совсѣмъ нравится настоящимъ владѣльцамъ гнѣздъ; пара кобчиковъ должна прежде, чѣмъ достигъ своей цѣли, выдержать жаркій бой, часто даже вынуждена, какъ говорятъ, звать на помощь своихъ товарищей. Утверждали, что кобчикъ охотно устраиваетъ свое гнѣздо и въ дуплахъ деревьевъ, и это мнѣніе отнюдь не повѣротно. 4—5 яицъ, изъ которыхъ состоитъ кладка—очень малы, шаровидны, пѣнвозернисты и по желтовато-бѣлому фону покрыты болѣе блѣдными и болѣе темными красно-бурыми точками и завитками. Въ началѣ августа птенцы уже вылетѣли и съ этихъ поръ самымъ усерднымъ образомъ обучаются своими родителями. Лишь только они выучатся ловить добычу, всѣ кобчики, и старыя и молодые, начинаютъ готовиться къ отлету на зиму.

Въ ловушки кобчики ловятся легче всѣхъ другихъ благородныхъ соколовъ, за исключеніемъ развѣ красной пустельги. Для этого стоитъ только тамъ, гдѣ они водятся, помѣстить на видномъ мѣстѣ какого-нибудь кузнечика, стрекозу или другое болѣе крупное насѣкомое и окружить его клеевыми прутьями. Когда кобчикъ, завидя соблазнительную добычу, подлетитъ къ ней для поимки, прутья эти пристають къ его оперенію и затрудняютъ его полетъ. Насколько я могъ наблюдать по тѣмъ экземплярамъ, которыхъ воспитывалъ самъ или видѣлъ въ зоологическихъ садахъ, соколы этотъ легко осваиваются въ неволѣ. Я могу смѣло сказать, что клѣтка съ кобчиками привлекаетъ вниманіе всякаго, и каждому наблюдателю приноситъ много удовольствія. Кромѣ всѣхъ достоинствъ соколовъ, они обладаютъ еще и красотой. Осанка ихъ красива, ихъ нравъ миролюбивъ, наконецъ, благодаря привычкѣ къ насѣкомоядной пищѣ, кровожадность у нихъ мало развита. Они бывають очень благодарны за оказанное имъ вниманіе и заботу. Они хорошо знаютъ своихъ друзей и привѣтствуютъ ихъ дружественнымъ крикомъ. Ихъ можно, не задумываясь, держать въ клѣткахъ обществомъ, а равно и вмѣстѣ съ красными пустельгами; они уживаются также и съ болѣе мелкими совами. Съѣсть какую-нибудь мелкую птичку для нихъ очевидно довольно трудно, хотя, само собою разумѣется, они не преминутъ напасть на нее. Моихъ питомцевъ я воспитывалъ на кормѣ для дроздовъ, и они, повидимому, чувствовали себя очень хорошо. Вскорѣ они привыкли къ смѣшанной пищѣ и выказывали много искусства въ выклываніи этого корма. Очень странно видѣть, какъ соколы роются клювомъ въ массу, стоящей изъ мелко нарубленнаго мяса, тертаго хлѣба, моркови и муравьиныхъ яицъ.

Самые маленькіе изъ соколовъ живутъ въ южной Азій. Эти хищныя птицы,

будучи величиной съ жаворонка, однако вполне оправдывают свое название, такъ какъ въ смѣлости и храбрости онѣ соперничаютъ съ самыми крупными благородными соколами. Родъ **Карликовыхъ соколовъ** (*Hieraces. Zwergedelfalken. Petits faucons*), который они образуютъ, имѣеть слѣдующіе характерныя признаки: клювъ короткій, сильный, съ острымъ зубомъ на верхней половинкѣ клюва и двумя выемками по сторонамъ его (почему часто говорятъ о двухъ зубахъ); крылья короткія, второе и третье маховыя перья равны между собой и длиннѣе прочихъ; хвостъ очень короткій, ровно срѣзанный; ноги короткія, сильныя, съ мало-удлиненнымъ среднимъ пальцемъ; всѣ пальцы вооружены сильными когтями.

Эти маленькіе миловидные соколы, которыхъ Каупъ сравниваетъ съ попу-

Мути. *Hierax coeruleus*. 1/2 наст. вел.

гаями, свойственны Индіи и странамъ Малайскаго архипелага и распространены тамъ въ числѣ около полудюжины видовъ.

Самый извѣстный видъ—**Мути индійцевъ** или **Алапъ яванцевъ** (*Hierax coerulescens, malayanus, Falco coerulescens, fringillarius. Muti*), птица, имѣющая въ длину самое большее 20 см., при длинѣ крыльевъ въ 9 см. и хвоста въ 6. Темя, затылокъ, хвостъ и состоящія изъ шелковистыхъ перьевъ штаны этого соколка—голубовато-черныя; передъ головы, горло, грудь и полосы, идущія отъ угловъ рта вплоть до плечъ—ржаво-красновато-бѣлыя; остальные нижнія части ржаво-красныя. Круглыя бѣловатыя пятна на хвостѣ образуютъ четыре красивыхъ перелизги; съ такимъ же рисункомъ и маховыя перья. Глаза темно-каріе, клювъ бурочерный, ноги свѣтло-голубыя.

Мути, птица хорошо извѣстная всѣмъ туземцамъ, распространена по всей южной Азіи. Къ сожалѣнію, объ его нравѣ, равно какъ и о нравѣ другихъ род-

ственныхъ ему соколовъ, извѣстно очень мало. Даже Жердонъ не можетъ сообщить о немъ ничего болѣе или менѣе существеннаго. Рассказываютъ, что карликовые сокола въ высшей степени храбрыя птицы, ревностно охотящіяся за всѣми мелкими пернатыми, но не боящіяся битвы и съ болѣе крупными птицами. Этими достоинствами, разумѣется, пользуются столь любящіе охоту индусы. Название мути обозначаетъ «горсть» и дано птицѣ потому, что, идя на охоту, ее забирали въ кулакъ и прямо какъ камень бросали на добычу. Его, по словамъ Мундея, дрессируютъ бросаться на перелетовъ и другую подобную дичь. По увѣренію этого натуралиста, онъ по опыту убѣдился, что подобная охота доставляетъ своеобразное удовольствіе. Выдрессированный соколикъ помѣщается на ладони головою въ одну сторону, хвостомъ въ другую, причемъ его опереніе тщательно разглаживается. Подойдя шаговъ на 20—30 къ дичи, сокольной сильно кидаетъ птицу вслѣдъ за улетающей дичью. Муты въ минуту справляется со своими крыльями и съ величайшею храбростью, по ястребиному, стремительно несется внизъ на добычу.

Нѣкоторые натуралисты, а между ними и Жердонъ, сомнѣваются, чтобы мути употреблялся для такихъ охотъ; однако наблюденія Мундея почти не оставляютъ никакого сомнѣнія въ истинности этихъ данныхъ, не говоря уже о томъ, что такіа свѣдѣнія есть и у другихъ писателей.

По изслѣдованіямъ Рейхенова, короткія плюсны, недостигающія болѣею частью длины средняго пальца и самое большее, если немного превосходящія его, характеризуютъ **Сарычевыхъ** (*Buteoninae*. Bussarde), относительно вялыхъ, уступающихъ въ ловкости соколамъ и ястребамъ хищныхъ птицъ, охотящихся болѣе за бѣгущей, нежели за летящей дичью. Между ними есть много рыболововъ и любителей мышей; иныя не брезгаютъ и падалью, а также кухонными растительными отбросами. Паря, рѣже рѣя и трепеща крыльями, онѣ высматриваютъ свою добычу и вдругъ зигзагомъ или косо несутся на нее внизъ и схватываютъ. «Глязда свои», говоритъ Рейхеновъ, «онѣ предпочитаютъ устраивать на опушкахъ лѣсовъ, на лугахъ и поляхъ, по рѣкамъ, озерамъ или берегамъ моря и столь-же охотно помѣщаютъ ихъ на вершинахъ болѣе высокихъ деревьевъ. Яйца ихъ по бѣлому фону бываютъ покрыты красно-бурыми пятнами, рѣже бываютъ чисто-бѣлыя.

* *

Родъ **Орловъ** (*Aquila*. Adler. Aigles) характеризуется совершенно оперенными плюснами, кругловатыми или яйцевидными, въ послѣднемъ случаѣ косыми, почти вертикально расположенными въ восковицѣ ноздрями, плюснами, почти достигающими длины средняго пальца, и хвостомъ, равнымъ половинѣ длины крыла. Этотъ родъ, состоящій изъ 15 видовъ, распространенъ по всѣмъ частямъ свѣта, за исключеніемъ Южной Америки.

Самый крупный и самый сильный изъ орловъ **Беркутъ** или **Холзанъ** (*Aquila chrysaetos, fulva, nobilis, Falco chrysaetos, fulvus*. Steinadler. Aigle royal). Это болѣе крѣпко-сложенная птица изъ всѣхъ ближайшихъ родичей ея, это «Орелъ» въ настоящемъ смыслѣ этого слова, ловчая птица всѣхъ средне-азіатскихъ кочевыхъ наѣздниковъ, герой различныхъ сказаній, оригиналь для гербовъ, эмблема силы и могущества. Длина беркута достигаетъ 80—95 см., размахъ его крыльевъ 2 м. и болѣе, длина послѣднихъ 58—64 см., хвоста 31—36 см. Первыми измѣренія соответствуютъ величинѣ самцовъ, вторыя—болѣе крупныхъ самокъ. У старой

птицы затылокъ, включая заднюю часть шеи, ржаво-буро-желтый, все остальное опереніе въ первыхъ двухъ основныхъ третяхъ—бѣлое, на концѣ—весьма равномернаго темно-бурого цвѣта; хвостъ въ основной трети бѣлый, дальѣе-же покрытъ черными пятнами или перевязями, конечная половина черная. Штаны бурья, нижнія кроющія перья хвоста бѣлыя. Въ молодомъ опереніи, которое повсюду свѣтлѣе, свѣтло-бурый цвѣтъ затылка распространень дальше, до темени и боковъ шеи; крылья снабжены большимъ бѣлымъ зеркаломъ; хвостъ черный только въ конечной трети, въ остальномъ же сѣро-бѣлый; штаны очень свѣтлыя, часто тоже бѣлыя.

Вышесказанное относится къ наибодѣе частой окраскѣ, и необходимо добавить, что опереніе этихъ орловъ необыкновенно склонно къ варіаціямъ въ цвѣтѣ. Однѣ старыя птицы однообразнаго темно-бурого цвѣта, другія золотисто-бурья, третьи въ области головы и на брюхѣ окрашены въ золотисто-бурый цвѣтъ, всѣ же остальные части ихъ имѣютъ темно-бурюю окраску; нѣкоторыя сохраняютъ зеркальце на крыльяхъ вплоть до глубокой старости, у другихъ на маховыхъ перьяхъ замѣчаются красивыя полоски и т. д. На сѣверѣ Америки беркута замѣняетъ близкій родичъ его **Канадскій беркутъ** (*Aquila canadensis*).

Беркутъ живетъ въ высокихъ горныхъ поясахъ и чрезвычайно обширныхъ лѣсахъ Европы и Азіи, но при случаѣ, по Гейглину, долетаетъ, но рѣдко, до сѣверо-восточной Африки. Въ Германіи, насколько мнѣ извѣстно, онъ гнѣздится въ настоящее время исключительно въ Баварскихъ горахъ, въ обширныхъ казенныхъ лѣсахъ юго-восточной части восточной Пруссіи и въ такихъ же лѣсахъ Помераніи; остальную Германію онъ посѣщаетъ временами, какъ кочующая птица и поселяется тамъ лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Какъ исключеніе, послѣднее случается во всякомъ случаѣ и въ наше время; благодаря строгому присмотру нѣмецкихъ лѣсничихъ, такое появленіе четы орловъ обыкновенно стоитъ ей жизни и по крайней мѣрѣ потери своихъ яицъ или птенцовъ. Нѣсколько дѣсятилѣтій тому назадъ дѣло обстояло иначе: въ тридцатыхъ, даже въ сороковыхъ годахъ беркутъ безусловно принадлежалъ къ числу гнѣздящихся птицъ восточной, южной и средней Германіи. Гораздо чаще, чѣмъ внутри границъ Германской имперіи эта гордая птица живетъ въ Австро Венгріи, въ особенности въ Штирійскихъ, Тирольскихъ, Каринтійскихъ и Краинскихъ Альпахъ, гдѣ я самъ наблюдалъ ее нѣсколько разъ. Орелъ этотъ отнюдь не рѣдокъ въ Карнатахъ и въ Трансильваніи, кромѣ того въ большей части Венгріи и по всему югу Австріи. Даже въ Богемскомъ лѣсу временами гнѣздится одна или другая пара беркутовъ, какъ это, говорятъ, было нѣсколько дѣсятилѣтій тому назадъ въ Исполиновыхъ горахъ. Кромѣ того, этотъ орелъ распространень по Швейцаріи, южной Европѣ, сѣверной Африкѣ, Скандинавіи, всей Россіи, гдѣ она покрыта лѣсами или скалами. по Малой Азіи, сѣверной Персіи и Средней Азіи отъ Урала до Китая и отъ лѣсного пояса Сибири до Гиммалайскихъ горъ. Въ западной Европѣ, во Франціи и Бельгіи онъ встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ на востокѣ и югѣ; въ Великобританіи онъ появляется лишь какъ кочевая птица; въ Швейцаріи онъ, правда, не совсѣмъ рѣдокъ, однако и не часто встрѣчается; на югѣ Россіи представляетъ собою обычное, а въ горахъ Средней Азіи ежедневное явленіе.

Не избѣгая крупныхъ лѣсовъ, этотъ орелъ селится все-таки предпочтительно въ высокихъ горахъ и на болѣе или менѣе недостижимыхъ, охотѣе же всего на недоступныхъ скалахъ. Разъ избранной мѣстности орлиная чета придерживаея особенно настойчиво и даже зимой не покидаетъ ея, если находитъ достаточно дичи, за это время акуратно посѣщаетъ даже свое гнѣздо, словцо желая заявить

на него свои права. Одни только молодые орлы совершаютъ, не будучи вынуждены къ тому, перелеты или кочевки; они то главнымъ образомъ и попадаютъ подъ наши выстрѣлы. Для достиженія зрѣлости, въ полномъ смыслѣ этого слова, орлу нужно много, можетъ быть 6, а можетъ быть и 10 лѣтъ и больше. До этого времени онъ летаетъ по всему бѣлому свѣту, пролетая, быть можетъ, гораздо большія разстоянія, чѣмъ мы думаемъ. Осѣдлымъ беркутъ становится лишь тогда, когда онъ спарится и задумаетъ устроить собственное гнѣздо. Но и тогда районъ его жительства еще очень обширенъ, что вызывается значительными требованиями въ пищѣ этой птицы.

Пара беркутовъ предпринимаетъ ежедневныя экскурсіи изъ своего гнѣздовья, чаще всего въ одномъ и томъ же направленіи. Она покидаетъ мѣсто своего ночлега лишь много времени спустя послѣ восхода солнца, и клѣкая, летитъ надъ мѣстностью, держась довольно значительной высоты. Линія горныхъ хребтовъ въ пзвѣстномъ смыслѣ является дорогой, которой слѣдуютъ орлы, большею частью сравнительно низко летя надъ ихъ псверхностью, если горы высоки, — часто едва на высотѣ ружейнаго выстрѣла. «Я видѣлъ», говоритъ Гиртанверъ, «какъ беркутъ и его самка часто такъ тщательно обыскивали пзвѣстную альпійскую область, что я дѣйствительно никакъ не допускалъ мысли, чтобы отъ этихъ четырехъ орлиныхъ глазъ, при столь тщательномъ осмотрѣ, могло ускользнуть хоть одно пернатое существо. Одновременно слетѣвъ съ карниза скалы, находящагося вблизи гнѣзда, пара этихъ пернатыхъ хищниковъ стремительно летѣла внизъ, облетала долину и затѣмъ медленно тянула въ прямомъ направленіи по откосу отрога противуположнаго горнаго хребта; при этомъ самецъ и самка летѣли на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, но на одной высотѣ, такъ что, если что либо ускользало отъ одного, то тѣмъ болѣе попадалось на глаза другой птицѣ и что только спугивалось первой, то навѣрное попадало въ лапы второй.

Такимъ образомъ орлы долетали до конца своихъ владѣній; здѣсь они поднимались, взлетая на высоту 100 м. и болѣе, и летѣли на этой высотѣ обратно въ противуположную сторону, затѣмъ снова поднимались и, продѣлывая широкіе зигзаги, старались самыхъ тщательнымъ образомъ обыскать весь горный кряжъ. «Горе недостаточно проворной дичи, которую высмотритъ одинъ изъ четырехъ зоркихъ глазъ: она погибла, если только ее не спасетъ какая-нибудь случайность. Сообща промышляя себѣ добычу, орлы сообща и съѣдаютъ ее. Однако трапеза отнюдь не всегда проходитъ мирно. Лакомый кусочекъ способенъ породить ссору между самыми нѣжными супругами. Охота продолжается приблизительно до полудня; послѣ этого хищники возвращаются по сосѣдству къ гнѣзду и выбираютъ себѣ укромный уголокъ для отдыха. Обыкновенно это случается тогда, когда ловъ былъ удаченъ. Орель сидитъ тогда долгое время на одномъ мѣстѣ съ набитымъ зобомъ и растрепаннымъ опереніемъ, предаваясь отдыху и пицеваренію, обращая однако вниманіе на свою безопасность. Отдохнувъ, беркутъ обыкновенно летитъ на водопой. Утверждаютъ, что для него достаточно уже крови убитой имъ жертвы, однако каждый плѣнный орель доказываетъ противуположное. Онъ пьетъ много и кромѣ того нуждается въ водѣ для купанья. При теплой погодѣ рѣдкій день проходитъ, чтобы онъ не дѣлалъ этого. Утоливъ жажду и вычистившись, онъ еще разъ вылетаетъ на добычу; къ вечеру онъ обыкновенно забаливается, играя въ воздухѣ; съ наступленіемъ сумерекъ онъ осторожно, безъ малѣйшаго крика, прилетаетъ на мѣсто ночлега, которое выбирается беркутами всегда съ чрезвычайной осторожностью. Такова, въ короткихъ словахъ, ежедневная жизнь этой птицы.

Только сидя и на лету орелъ красивъ и величественъ, походка же его безпомощна и неловка до смѣшного. Если онъ очень медленно движется по землѣ, онъ держится почти прямо и, не торопясь, переставляетъ одну ногу за другой; если же орелъ спѣшитъ, будетъ ли это оттого, что онъ не можетъ улетѣть или находится въ раздраженіи, онъ скачетъ, пуская въ дѣло и крылья, большими, удивительными скачками, притомъ отнюдь не медленно, но даже такъ быстро, что для поимки его нужно хорошенько пробѣжаться. Однако бѣгъ его такъ неравномеренъ и тяжелъ, что эта гордая птица становится достойной сожалѣнія. Чтобы взлетѣть съ ровной поверхности земли, онъ, все такъ-же ковыляя, сначала дѣлаетъ пробѣжку, и медленно и мощно взмахиваетъ крыльями; разъ онъ достигъ извѣстной высоты, онъ паритъ часто цѣлыхъ четверть часа, не дѣлая крыльями ни одного взмаха, лишь немного колеблясь, и, направляясь противъ вѣтра, взвивается на высоту, причѣмъ только въ исключительныхъ случаяхъ прибѣгаетъ къ помощи своихъ крыльевъ. На лету, подобно грифамъ, орелъ распластываетъ свои крылья настолько, что концы отдѣльныхъ маховыхъ перьевъ уже не соприкасаются между собой, тогда какъ хвостовыя перья всегда прикрываютъ другъ друга.

Видъ летящаго беркута, благодаря ровно сръзанному хвосту, представляетъ собою вѣчто столь своеобразное, что его никогда нельзя смѣшать съ грифомъ. Кружащійся въ далекой вышѣ хищникъ, завидя добычу, сначала опускается по спиральной линіи, чтобы лучше нацѣлиться на завидный предметъ; затѣмъ онъ вдругъ складываетъ свои крылья и со свистомъ стремглавъ несется на землю въ косомъ направленіи, выставивъ впередъ когти прямо на намѣченную добычу, и бьетъ ее обѣими лапами. Если добыча не тяжела, онъ сейчасъ-же вонзаетъ въ нее свои когти; если-же послѣдняя можетъ нанести ему какъ-либо вредъ, онъ никогда не забываетъ нанести ей ударъ лапой по головѣ, чтобы одновременно и ослѣпить ее, и обезоружить. Мой отецъ часто видѣлъ приемы охоты нападающихъ орловъ на своемъ плѣнномъ холзанѣ, которые и изложилъ въ превосходномъ описаніи; поэтому я и приведу это описаніе, хотя только въ видѣ выдержекъ. «При схватываніи добычи», говоритъ онъ, «онъ такъ сильно бьетъ когтями, что слышенъ звукъ удара и видно, какъ мощно сжимаются пальцы. Обыкновенно онъ схватываетъ такъ, что пальцы одной лапы вонзаются въ голову. У одной брошенной мною орлу кошки послѣдній однимъ когтемъ выкололъ глазъ, передніе же пальцы такъ расположились вокругъ подбородка, что кошка ни на одну линію не могла разжать своей пасти. Когти другой ноги глубоко впились въ грудь жертвы. Чтобы держаться въ равновѣсіи, беркутъ широко раскрылъ крылья и вмѣстѣ съ хвостомъ пользовался ими какъ подпоркой; при этомъ глаза орла налились кровью и казались больше обыкновеннаго, всѣ перья на тѣлѣ прилегли плотно, клювъ былъ раскрытъ, языкъ высунутъ. Въ немъ замѣтна была не только чрезвычайная ярость, но и необычное напряженіе силы; что-же касается до кошки, то она была безсильна освободиться отъ насѣвшаго на нее врага. Она извивалась какъ червь, вытягивала передъ собой всѣ четыре лапы, но не могла употребить въ дѣло ни зубовъ, ни когтей. Когда она начала кричать, орелъ перехватилъ ее лапой далѣе и ударилъ ее въ другое мѣсто груди, второй-же лапой онъ почти неподвижно сжалъ пасть животнаго. Клювъ въ дѣло онъ совсѣмъ не употреблялъ. Такъ все шло до тѣхъ поръ, пока кошка не издохла, что случилось только по истеченіи трехъ четвертей часа. До этого времени беркутъ сидѣлъ на ней, сжавъ свои когти и распустивъ крылья, но теперь онъ ее оставилъ и взлетѣлъ на своей насѣсть. Эти продолжительныя мученія кошки произвели на меня такое тяжелое

впечатлѣніе, что я болѣе никогда не давалъ беркуту такихъ животныхъ живыми». Другія жертвы скорѣе разстаются съ жизнью подъ могучими когтями хищника, такъ какъ онѣ менѣе кошки способны оказывать ему сопротивленіе.

Однако орелъ нападаетъ и на болѣе сильныхъ животныхъ; наблюдали, что онъ не падаетъ даже острозубыхъ лисицъ. «Горе бѣдной кумушкѣ Патрикѣвнѣ», совершенно правильно рассказываетъ Гиртаннеръ, «у которой не удалась ночная охота и которая, желая промыслить себѣ что-нибудь на обѣдъ, крадется къ беззаботно играющему выводку каменныхъ куропатокъ, тогда какъ за ней уже слѣдитъ крутящаяся пара орловъ! Горе, если увлекшись охотой, лиса слишкомъ сосредоточила свое вниманіе на намѣченной добычѣ! Быстро прижавъ крылья къ тѣлу, съ широко раскрытыми когтями, царь птицъ стрѣлой и со свистомъ летитъ на нее. Въ то же мгновеніе онъ бьетъ неосторожную плутовку въ оскаленную мордочку и такимъ образомъ дѣлаетъ безвредными ея острые зубы; другою лапой онъ вцѣпляется въ тѣло своей жертвы, насѣдаетъ на нее всею силой, удерживается при томъ въ равновѣсіи взмахами крыльевъ и затѣмъ жестоко начинаетъ разрывать свою жертву, прежде чѣмъ послѣдняя разсталась съ жизнью. Что подобныя битвы оканчиваются не всегда побѣдоносно для орла, мы уже видѣли во II томѣ, стр. 197, но сомнѣнья не должно быть, что онѣ вообще имѣютъ мѣсто и ясно доказываютъ храбрость и сознаніе собственнаго достоинства мощной птицы. Не будетъ преувеличеніемъ утверждать, что послѣднее ясно выражается видомъ орла, который съ сверкающими смѣлостью глазами, взъерошенными затылочными перьями и полураспушенными крыльями сидитъ на своей добычѣ, испуская по обыкновенію свой громкій побѣдоносный крикъ. Въ этомъ положеніи онъ представляетъ собой необыкновенное соединеніе гордой красоты и мощной силы, выраженіе которыхъ не можетъ ускользнуть отъ наблюдателя.

Сознаніе собственной силы увлекаетъ беркута иногда до того, что онъ рѣшается даже нападать на властителя земли. То, что онъ налеталъ на маленькихъ дѣтей и, если могъ, уносилъ ихъ съ собой, вовсе не принадлежитъ къ числу басенъ; извѣстны даже факты, что онъ бросался на взрослыхъ людей, не будучи вынужденъ къ тому обороной или защитой своего гнѣзда. По этому поводу Нордманъ рассказываетъ одну забавную исторію. «Я получилъ», говоритъ онъ, «одного хоззана, поймака котораго сопровождалась слѣдующими необыкновенными обстоятельствами. Голодная и безумно смѣлая птица кинулась въ серединѣ села на большую пасшуюся свинью, громкіе крики которой привлекли вниманіе поселянъ. Прибѣжавшіи крестьянныя прогнали орла, который съ большою неохотою оставилъ свою тяжелую добычу и, слетѣвъ съ жирной спины свиньи, бросился на кота и съ этою ношей усѣлся на заборѣ. Раненая свинья и окровавленный котъ начали ужасный концертъ. Крестьянину теперь хотѣлось освободить и кота, но онъ не рѣшался подойти безъ всякаго оружія къ свирѣпой птицѣ, почему и поспѣшилъ домой за заряженнымъ ружьемъ. Но увидѣвъ въ третій разъ нарушителя своего покоя, орелъ бросилъ кота, налетѣлъ на крестьянина и вцѣпился въ него когтями; дуэль тогда превратилась въ тріо: попавшіися врасплохъ крестьянинъ, жирная свинья и старый котъ кричали вмѣстѣ о помощи. Прибѣжали другіе крестьяне, схватили орла руками и отнесли связаннаго злодѣя къ одному моему пріятелю».

Весьма вѣроятно, что по крайней мѣрѣ большая часть злодѣяній, приписываемыхъ ягпятику, нужно отнести къ продѣлкамъ смѣлаго беркута. Въ Испаніи намъ рассказывали много о нахальствѣ этихъ птицъ, и одинъ хоззанъ на нашихъ глазахъ подтвердилъ справедливость этихъ рассказовъ. Онъ поднималъ почти передъ

самымъ домомъ, въ которомъ мы жили, жирнаго пидюка п насколько могъ по-сильно потащить его прочь. Пидюка удалось счастливо отнять отъ беркута, но онъ былъ болѣе мертвъ, чѣмъ живъ, и я узналъ теперь причину непонятнаго для меня до тѣхъ поръ поведенія куриныхъ птицъ, содержимыхъ горными жителями. Онѣ приходятъ въ такой ужасъ при нападеніи беркута или ястребинаго орла, что при появленіи самаго мелкаго изъ пернатыхъ хищниковъ, напримѣръ, пустельги, какъ безумныя влетаютъ во внутрь испанскихъ домовъ и здѣсь въ комнатѣ своего господина пугливо ищутъ защиты. Во всѣхъ горахъ, гдѣ только живетъ нашъ орелъ, онъ въ высшей степени опасенъ для мелкаго скота, такъ какъ, несмотря на самый бдительный присмотръ пастуховъ, беркутъ, побуждаемый голодомъ, стремительно кидается на ягнятъ и козлятъ и на глазахъ подпасковъ поднимается съ ними на воздухъ. Какъ въ Швейцаріи, такъ и въ южной Европѣ для владѣльцевъ мелкаго скота нѣтъ птицы, болѣе ненавистной и ни одна изъ нихъ дѣйствительно больше его не вредитъ стадамъ. Едва-ли можно сомнѣваться, что онъ убиваетъ не только ягнятъ нашихъ домашнихъ овецъ, но даже гораздо большихъ по размѣрамъ ягнятъ дикихъ барановъ, и что для горной дичи онъ болѣе пагубенъ, чѣмъ суровая зима.

Слишкомъ долго перечислять здѣсь всѣхъ животныхъ, за которыми орелъ охотится. Среди европейскихъ птицъ отъ него не страдаютъ лишь хищныя, ласточки и быстрокрылыя пѣвчія птицы, а изъ млекопитающихъ, не считая крупныхъ хищниковъ, только большія парно- и непарнокопытныя. Что онъ не падаетъ молодыхъ ни первыхъ, ни послѣднихъ мы,—только что видѣли; что онъ не отказывается отъ мелкихъ животныхъ—считается прочно установленнымъ, на основаніи долговременныхъ наблюденій. Къ нашему орлу можетъ относиться все то, что я говорилъ въ введеніи о паразитныхъ обитателяхъ орлинаго гнѣзда. Такъ, въ его гнѣздѣ селятся воробья и живутъ тамъ, повидимому, ничѣмъ не тревожимые: однако орелъ не прочь и полакомиться ими. Послѣднее доказываетъ наблюденіе Радде, который видѣлъ орла, ловившаго жаворонковъ. «Каландры», говоритъ онъ, «начали преслѣдовать орла, когда послѣдній вылетѣлъ на добычу. Вотъ орелъ опустился на ближайшее возвышеніе и мелкія птички сѣли на землю и не проявляли никакой боязни. Но вдругъ хищникъ ринулся въ ихъ кучу, какъ молнія метнулся на нихъ, и одинъ изъ жаворонковъ уже сдѣлался его добычей». Изъ наблюденій моего отца видно, что орелъ не задумывается нападать даже на ежа, какъ не неприятно можетъ быть ему иглистое одѣяніе послѣдняго. Столь же мало, какъ иглы ежа, защищаютъ отъ нападенія орла твердые какъ желѣзо панцири черепахъ. «Упомянутое Плиніемъ сказаніе», замѣчаетъ графъ фонъ-дербъ-Мюле, «что Эсхиль былъ убитъ черепахой, брошенной однимъ орломъ на его илѣнивую голову, отнюдь не лишено вѣроятія. Очень часто случается, что беркутъ схватываетъ какую-нибудь наземную черепаху, подымается съ нею на воздухъ, ровняетъ ее на скалу и повторять это до тѣхъ поръ, пока не расколотитъ ее, послѣ чего онъ усаживается возлѣ нея и прививается за ѣду».

Многія животныя, которыя находятъ защиту отъ орла, прячась отъ него, дѣлаются все-таки его добычей, такъ какъ онъ охотится за ними такъ долго, что, утомленный, они предаются въ его власть. Такъ, онъ до тѣхъ поръ наводитъ ужасъ на водонявающихъ птицъ, ищущихъ спасенія отъ него въ ныряніи, пока тѣ отъ усталости болѣе нырять не могутъ; тогда орелъ и хватается ихъ безъ затрудненія. Онъ не отказывается попользоваться и на чужой счетъ, допускаетъ вмѣсто себя поработать другихъ хищниковъ, напримѣръ сапсановъ и заставляетъ ихъ только что захваченную ими добычу отдать ему. Иногда даже онъ уноситъ убитую охот-

БЕРКУТЪ.

никомъ дичь на глазахъ у послѣдняго. Въ недоступныхъ скалахъ по близости отъ Астроса въ Греціи жила одна пара беркутовъ, за которой четыре года наблюдалъ графъ фонъ-дёръ-Мюле. Неподалеку отъ названнаго мѣста находится болѣе или менѣе обширное болото, посреди котораго есть озеро, населенное зимою безчисленными стаями всякой водяной птицы. «Гуда» рассказываетъ упомянутый натуралистъ, «я часто зимой ѣздилъ на охоту. Частенько случалось, что убитая мною птица падала далеко въ воду и не была принесена мнѣ моими собаками; она становилась добычею орловъ. Послѣдніе обратили на это вниманіе настолько, что каждый разъ, когда по болоту раздавался мой выстрѣлъ, они слетали со скалъ, начинали кружиться надъ озеромъ и часто съ невѣроятной дерзостью уносили на моихъ глазахъ убитую дичь, въ то время, какъ ихъ застрѣлить мнѣ возможности не представлялось». Уже изъ этого сообщенія видно, что орель отнюдь не всегда уноситъ добычу, убитую имъ самими; я же отмѣчу еще и то, что онъ обыкновенно не брезгаетъ и падалью. Во всякомъ случаѣ онъ прежде всего предпочитаетъ недавно убитыхъ животныхъ тѣмъ, которыя уже начали разлагаться, однако въ этомъ отношеніи онъ отнюдь не можетъ быть причисленъ къ брезгливымъ птицамъ. При особенныхъ обстоятельствахъ, можетъ быть подъ вліяніемъ болѣе сильнаго голода, беркутъ питается даже и растительной пищею; Рейхеновъ находилъ въ желудкѣ ихъ картофель.

Пойманную, убитую или по крайней мѣрѣ полужизненную добычу орель, передъ тѣмъ какъ ѣсть, сначала поверхностно ощипываетъ; оковчивъ это, онъ начинаетъ съ головы. У болѣе крупныхъ птицъ онъ оставляетъ только клювъ. Послѣ головы онъ сѣдаетъ шею, затѣмъ уже остальное тѣло. Наполненные каломъ кишки онъ не трогаетъ, все же остальное, что только можетъ разгрызть, онъ сѣдаетъ и перевариваетъ. Такъ какъ онъ, подобно ястребамъ и благороднымъ соколамъ, глотаетъ только маленькіе куски, то чтобы сѣсть половину вороны онъ тратитъ около 20 минутъ. Ѧсть онъ съ большою осторожностью, время отъ времени озирается и прислушивается во все стороны. При малѣйшемъ шумѣ онъ сосредоточивается, долго всматривается въ то мѣсто, откуда пронесся шумъ, и только тогда принимается за ѣду вновь, когда все успокоится. Послѣ ѣды онъ очень тщательно вычищаетъ клювъ. Волосы и шерсть, кажется, для него необходимы: они, повидимому, нужны ему для прочищенія желудка. Послѣ полного переваренія нищи шерсть сбивается въ клубки, которые орель и отрываетъ въ видѣ погадокъ, обыкновенно каждые 5—8 дней. Если не давать ему перьевъ и волосъ, онъ проглатываетъ сѣно и солому. Кости, охотно глотаемыя имъ, совершенно перевариваются въ его желудкѣ.

Беркутъ начинаетъ гнѣздиться рано въ году, обыкновенно уже въ серединѣ или концѣ марта. Его гнѣздо вьется имъ въ горахъ и, если только не исключительно, то преимущественно въ большихъ, сверху прикрытыхъ нишахъ или на широкихъ карнизахъ возможно менѣе досигаемыхъ утесовъ; напротивъ, въ обширныхъ лѣсахъ онъ устраиваетъ свое гнѣздо на верхушечныхъ вѣтвяхъ высочайшихъ деревьевъ, причѣмъ послѣднее бываетъ различнаго устройства, смотря по мѣстоположенію. Устроенное на деревѣ обыкновенно состоитъ изъ массивнаго фундамента изъ крѣпкихъ сучьевъ, которые орель или подбираетъ съ земли или срываетъ съ деревьевъ, налетая съ большой высоты прямо на сухіе сучья и въ то же мгновеніе схватывая ихъ лапами. Болѣе тонкія вѣтви служатъ наружной обкладкой, прутья и мохъ—внутренней подстилкой плоскаго гнѣздоваго ложа. Такое гнѣздо имѣетъ въ поперечникѣ 1,30—2 м. съ гнѣздовымъ ложемъ въ 70—80 см., однако съ годами, употребляемое въ дѣло долгое время, оно растетъ если не въ объемѣ, то въ высоту и иногда поэтому представляетъ собой понестнѣ

массивную постройку. При устройствѣ гнѣзда въ нишѣ утеса орелъ меньше заботится о солидности основанія. Правда, онъ и сюда обыкновенно натаскиваетъ большіе сучки для складыванія изъ нихъ нижней опоры, послѣ чего продолжаетъ верхнюю постройку вышеописаннымъ же образомъ; при случаѣ, впрочемъ, онъ довольствуется болѣе мелкими прутьями. Такъ, Гиртаннеръ изслѣдовалъ въ Граубюнденѣ одно орлиное гнѣздо, которое представляло собою ничто иное, какъ огромную кучу тонкихъ вѣтокъ сосенъ и лиственницъ и имѣло въ вышину 1 м., въ длину 3 и въ ширину 2. Выбранная орломъ ниша, образовавшаяся выступомъ большого утеса, была такъ хорошо защищена сверху и съ боковъ, что гнѣздо нельзя было пробить пулею, не говоря уже о его недосыгаемости для человѣка. Затѣмъ орелъ оставилъ свободными по бокамъ два мѣста, гдѣ бы онъ могъ только сѣсть; передній край гнѣздовой кучи заходилъ за край ниши, и для кладки, для сидящей на яйцахъ самки и для самого потомства свободнымъ оставалось только мѣсто въ самой глубинѣ задняго угла гнѣзда. «Для молодого орла», говоритъ этотъ натуралистъ, «эта огромная куча хвороста собственно не имѣетъ особаго значенія, но она служитъ до нѣкоторой степени первой защитой кладки, которая лежитъ за нимъ, отъ бури и непогоды, отъ холода и бурана, защищаетъ отъ тѣхъ же напастей сидящую на яйцахъ орлицу, которая и безъ того можетъ легко подвергаться при ранней кладкѣ и холоду, и свѣгу, и другой непогодѣ; вполнѣдствіи эта куча защищаетъ птенцовъ въ отсутствіи родителей отъ паденія, такъ какъ они не такъ скоро рѣшаются перебираться черезъ высокій и колючій валь.

Яйца беркута сравнительно невелики, очень круглы, окружены грубой скорлупой и имѣютъ бѣловатый или сѣровато-зеленый основной фонъ, неравномерно покрытый болѣе крупными и болѣе мелкими сѣроватыми и буроватыми пятнами и точками, часто сливающимися между собой. Въ гнѣздѣ находятъ 2—3 яйца, но рѣдко болѣе двухъ птенцовъ, часто же только одного. Самка насиживаетъ яйца приблизительно пять недѣль. Вылупившіеся изъ яицъ птенцы, появляющіеся на свѣтъ обыкновенно уже въ первыхъ дняхъ мая, бываютъ покрыты, какъ и у другихъ хищныхъ птицъ, густымъ сѣровато-бѣлымъ шерстистымъ пухомъ. Они растутъ довольно медленно и получаютъ способность летать или немного ранѣе середины іюля, или болѣею частью въ концѣ этого мѣсяца. Вначалѣ они почти неподвижно сидятъ на своихъ плюснахъ и о жизни ихъ свидѣтельствуетъ одна только изрѣдка ворочающаяся голова; позднѣе они временами приподнимаются, возятся много въ своемъ опереніи, такъ какъ вырастающія перья производятъ непріятный зудъ, время отъ времени расправляютъ свои какъ бы обрубленные крылья и, двигая ими, дѣлаютъ нѣкоторый намекъ на попытки летать, наконецъ приподнимаются на пальцахъ, подбѣгаютъ и отбѣгаютъ отъ края гнѣзда, съ любопытствомъ смотрятъ въ неизмѣримую глубину яли на видѣющихся въ голубой выси родителей, пока не научатся вылетать изъ гнѣзда и прилетать къ нему обратно. Оба родителя обращаются съ птенцами съ чрезвычайной вѣжностью и въ особенности орлица тщательно заботится объ удовлетвореніи всѣхъ ихъ нуждъ. Пока они еще малы, она почти не оставляетъ гнѣзда, садится на нихъ, чтобы согрѣть ихъ и даже носить въ гнѣздо, какъ то Гиртаннеръ видѣлъ лично, ежедневно свѣжія лиственныя вѣтви, чтобы замѣнить ими выброшенные предварительно, запачканныя пометомъ птенцовъ; поэтому ложе у птенцовъ всегда сухо. Выбѣтъ съ самцомъ орлица натаскиваетъ обильную добычу, чтобы птенцы не терпѣли въ ней никакого недостатка. Въ самомъ раннемъ возрастѣ послѣдніе получаютъ кормъ, предварительно размягченный въ зобу матери; вполнѣдствіи она разрываетъ для нихъ пойманную добычу; наконецъ оба родителя начинаютъ носить въ гнѣздо цѣльную добычу и предоставляютъ

птенцамъ ѣсть, какъ они желаютъ, чтобы постепенно приучить ихъ къ самостоятельности. Отъ всѣхъ этихъ причинъ зависитъ также и продолжительное первоначальное пребываніе въ гнѣздѣ обоихъ родителей, по-крайней же мѣрѣ самки; напротивъ, позднѣе, въ зависимости отъ успѣшнаго подростанія своихъ птенцовъ они улетаютъ на болѣе долгое время и на болѣе отдаленное разстояніе; и, наконецъ, если они достаточно запасли пищи для своихъ птенцовъ, они часто пропадаютъ на цѣлый день. Въ концѣ птенцовой поры орлиное гнѣздо превращается въ бойню или даже въ настоящее зловонное мѣсто, такъ какъ, насколько тщательно заботятся старики объ обновленіи гнѣздового матерьяла, настолько равнодушно оставляютъ своихъ птенцовъ сидѣть среди гниющихъ животныхъ, остатковъ и массы притащенной добычи, распространяющей зловоніе. Насколько велико число жертвъ, нужныхъ для поддержанія жизни двухъ молодыхъ орлятъ, видно изъ одного сообщенія Бехштейна, по словамъ котораго, около одного орлинаго гнѣзда найдены были остатки 40 зайцевъ и 300 утокъ. Быть можетъ цифры эти и преувеличены, но все-же орлиная чета довольно-таки пагубно распоряжается среди окрестныхъ животныхъ, причемъ нужно понимать слово окрестность въ обширномъ значеніи его; такъ, наблюдались случаи, что орель таскалъ цапель изъ за 20—30 килом. Въ одномъ гнѣздѣ, къ которому 2-го іюля 1877 года былъ спущенъ на перевѣкъ охотникъ Раггъ, лежали: еще не загнившая, на три четверти съѣденная, молодая серна, остатки одной лисы, сурика и не менѣе пяти альпійскихъ зайцевъ. Для небольшого стада мелкаго рогатаго скота въ птенцовую пору орель является истинной пагубой и причиной большихъ тревогъ для пастуховъ; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если скотоводъ готовъ на все, лишь-бы избавиться отъ столь ужаснаго хищника.

Охота на орловъ въ большинствѣ случаевъ возможна только для хорошаго ходока по горамъ и искуснаго стрѣлка, такъ какъ птица эта только исключительно тамъ, гдѣ еще не испытала преслѣдованія, настолько довѣрчива, что къ ней можно бываетъ подойти и подкрасться безъ особенныхъ усилій. Въ большинствѣ же случаевъ орлы даже въ ранней молодости, еще издали выказываютъ необыкновенную осторожность и пугливость. Съ возрастомъ недоувѣрчивость орла настолько же увеличивается, насколько развивается въ немъ попятливость. Онъ также различаетъ безвреднаго человека отъ охотника, напримѣръ безъ всякихъ опасеній занимается своимъ грабежомъ вблизи пастуховъ, но уже издали летитъ прочь отъ вооруженнаго человека, обыкновенно же относится недоувѣрчиво ко всякому непривычному явленію, почему чаще всего уже издали во время удаляется отъ всякой угрожающей ему опасности. Даже на гнѣздѣ орлица рѣдко оставляетъ свойственную орламъ осторожность и, если она вполнѣ убѣдилась, что самецъ ея палъ жертвой смертельной пули, она болѣе уже къ себѣ никого не подпускаетъ. Легче всего удается добыть птицу на выставленную приманку, но тогда вужно уже подчиниться необходимости долгихъ ожиданій орла, спрятавшись въ ближайшемъ, хорошо скрытомъ шалаши. Павшую дичь орель предпочитаетъ всякой другой надали и, если по близости таковой выставить живого филина, а самому замечъ недалеко иъ тщательно скрытомъ шалаши, то можно съ нѣкоторою достовѣрностью рассчитывать на счастливую охоту. Это я узналъ отъ эрцгерцога Рудольфа Австрійскаго, одного изъ самыхъ усердныхъ и самыхъ счастливыхъ орлиныхъ охотниковъ, изслѣдованія котораго въ этомъ отношеніи далеко превосходятъ наблюденія иного пожилого и сѣдлоласаго охотника. Орла легче поймать въ ловушку, нежели добыть выстрѣломъ. Для этого довольно удобны желѣзные калканы или сильныя глухія петля и, напримѣръ, китайцы

употребляютъ въ дѣло для овладѣнія этими птицами только послѣдній способъ.

Воспитанные смолоду орлы вскорѣ становятся ручными и довѣрчивыми; они такъ привыкають къ своему хозяину, что случаютъ по немъ, если его нѣтъ долгое время, встрѣчаютъ его радостными криками, когда онъ возвращается, и никогда не дѣлають ему вреда. Съ себѣ подобными, а также и съ другими крупными хищниками они обыкновенно живутъ въ ладу, но только тогда, когда они убѣждены, что не могутъ справиться со своими сотоварищами по неволѣ. Довѣрять имъ однако слѣдуетъ такъ же мало, какъ и другимъ хищнымъ птицамъ. Особенно нужно остерегаться держать въ узкомъ помѣщеніи и безъ строгаго призора нѣсколькихъ орлятъ, такъ какъ у нихъ еще не развилось достаточно сообразительности, почему они просто по одному только непониманію нападаютъ другъ на друга, причѣмъ одинъ изъ нихъ послѣ долгой битвы беретъ верхъ надъ другимъ и начинаетъ совершенно невозмутимо ѣсть побѣжденнаго. У старыхъ птицъ можно меньше опасаться такихъ инцидентовъ и, если помѣщеніе ихъ достаточно обширно, къ нимъ можно посадить и болѣе мелкихъ хищныхъ птицъ, ловкость которыхъ спасала-бы ихъ въ случаѣ чего отъ могущихъ развиться въ орлахъ хищническихъ наклонностей. Наболѣе подходящими сожителями для орловъ являются очевидно грифы, неуклюжесть которыхъ всегда позволяетъ орламъ во время завладѣть кускомъ корма; изумительная же природная сила грифовъ защищаетъ ихъ отъ нападенія орловъ. Вѣтеръ и непогода мало беспокоятъ послѣднихъ, однако, если рассчитываютъ на продолжительную бодрость въ птицахъ, для нихъ необходимо хорошо защищенное помѣщеніе, въ которое-бы онѣ, по желанію, могли укрываться. Правда ихъ самихъ можно видѣть сидящими на самыхъ верхнихъ жердяхъ большой кѣтки, въ то время какъ стоитъ суровый морозъ или дуетъ сильный вѣтеръ, но замѣчено также и то, что иногда орлы въ полномъ смыслѣ слова забиваются въ углы, очевидно, ища защиты отъ неблагоприятной погоды. Насколько неприятна для нихъ сырая холодная погода или дождь, видно по ихъ поведенію. Въ то время, какъ при яркомъ солнцѣ они находятся въ движеніи, кричать часто и много, въ дождливую погоду они по долгу и неподвижно сидятъ на одномъ мѣстѣ и выглядываютъ необыкновенно угрюмыми. Въ пищѣ они мало требовательны. Всякое мясо имъ по вкусу, а шерсть и перья по крайней мѣрѣ не принадлежать къ ихъ необходимымъ потребностямъ. Напротивъ того, при всякихъ условіяхъ жизни они требуютъ много чистой воды для питья вволю и еще скорѣе для купанья. Орлы очень чистоплотны, не терпятъ никакой грязи ни на своемъ опереніи, ни на клювѣ, почему безпрестанно чистятся. При относительно удонстворительномъ уходѣ они выживаютъ въ неволѣ много лѣтъ. «Въ Императорскомъ дворцѣ въ Вѣнѣ», рассказываетъ Фитцингеръ, «по старому обычаю правителей дома Габсбурговъ нѣсколько столѣтій подрядъ содержались въ неволѣ живые орлы, пользовавшіеся самымъ заботливымъ уходомъ. Одинъ холзанъ прожилъ тамъ съ 1615 по 1719 годъ. Въ Шенбруннѣ же въ 1809 году околѣлъ одинъ орелъ того же вида, который провелъ въ неволѣ почти полныхъ 80 лѣтъ».

Палласъ, а послѣ него Эверсманъ первые сообщили намъ, что банкиры и другія внутренне-азіатскія племена употребляютъ беркутовъ для охоты. Во время нашего путешествія по Сибири и Туркестану я самъ видѣлъ этихъ огромныхъ ловчихъ птицъ, а отъ киргизовъ, которые отдавали этимъ птицамъ особое предпочтеніе, узналъ все нижеслѣдующее пріемахъ этой охоты и дрессировки орловъ. Всѣ киргизскіе охотники, пользующіеся холзанами, какъ ловчими птицами, вынимають ихъ изъ гнѣздъ возможно болѣе юными и воспитываютъ ихъ съ боль-

шою заботливостью. Молодой орелъ кормится на рукѣ и изъ рукъ сокольничьяго, чтобы птица привыкла къ нему съ ранняго дѣтства; позднѣе, однако же ранѣе, чѣмъ орленокъ совершенно оперится, послѣ каждой ѣды на голову ему заботливо надѣваютъ колпакъ. Какую-либо особенную дрессировку киргизъ не считаетъ нужной и скорѣе довольствуется приученіемъ птицы къ рукѣ и призыву; послѣдственная привычка дополняетъ недостающее. Когда орелъ научится хорошо летать, охотникъ выѣзжаетъ съ нимъ въ степь, чтобы его сначала натравливать на слабую дичь, именно на байбаковъ и сусликовъ; такъ какъ тяжелая птица, сидящая на рукѣ, одѣтой въ толстую перчатку, скоро утомляетъ охотника, то онъ и кладетъ руку на луку сѣдла или на особую подставку, упирающуюся въ стремя. Благодаря искусству киргизовъ пробираться верхомъ по самымъ плохимъ дорогамъ, верховой сокольничій взбирается всегда на какое-нибудь возвышенное мѣсто, откуда открывается большой кругозоръ. Тамъ онъ, завидя подходящую дичь, снимаетъ съ головы птицы колпакъ и бросаетъ ее въ воздухъ. Вначалѣ орелъ выказываетъ себя довольно неловкимъ, но вскорѣ приобретаетъ необходимую ловкость, чтобы настичь степного сурка прежде, чѣмъ послѣдній достигнетъ своего жилища. Когда птица пойметъ свое назначеніе, ее начинаютъ натравливать на лисицъ. Послѣднихъ охотники вспугиваютъ изъ ихъ норъ, преслѣдуютъ на лошади и стараются гнать ихъ такъ, чтобы онѣ прошли поблизости отъ сокольничьяго, который въ нужный моментъ и бросаетъ въ слѣдъ ловчую птицу. Орелъ поднимается, описываетъ сначала одинъ или два круга, затѣмъ по косому направленію несется на лису и вонзаетъ свои когти въ заднюю часть ея тѣла. Лиса сейчасъ же изворачивается, чтобы нанести противнику смертельный укусъ; однако послѣдній ловитъ моментъ и схватываетъ лису за морду, стараясь по возможности вонзить когти въ глаза. Лиса и тутъ старается спасти свою шкуру и препятствуетъ второму или третьему нападенію орла, внезапно бросаясь вмѣстѣ съ орломъ на землю и поворачиваясь на спину. Но наѣзники слѣдуютъ все время по пятнамъ преслѣдуемаго животного и отнимаютъ у него, если не силу, то, по крайней мѣрѣ, смѣлость. Орелъ также скоро узнаетъ, съ какимъ опаснымъ противникомъ онъ имѣетъ дѣло, и въ ту минуту, когда лиса хочетъ перевернуться, разжимаетъ свои лапы, поднимается на воздухъ и снова какъ грозная туча несется надъ бѣдной плутовкой, готовый еще разъ вонзить свои ужасные когти въ голову животного. Такія нападенія, смѣняемая угрожающимъ полетомъ, утомляютъ лису скорѣе, чѣмъ то можно было-бы ожидать, и она наконецъ почти не оказываетъ сопротивленія держащей ее птицѣ, пока подѣдутъ спѣшнѣе въ слѣдъ и ободряющіе орла лялюющимъ гиканіемъ охотники. Послѣдніе и прекращаютъ страданія лисы ловкимъ ударомъ палицы. Когда орелъ достаточно ознакомится съ травлей лисицы, сокольничій начинаетъ травить его на волковъ, которые, какъ и лисицы, предварительно выгоняются на чистое поле. Не всякій орелъ рѣшается нападать на этого несравненно сильнѣйшаго хищника, во ловчая птица, хорошо натасканная на лисицъ, исполняетъ это отлично, хотя всегда съ большою осторожностью; при этомъ орелъ поступаетъ совершенно такимъ образомъ, какъ при вышеописанной травлѣ лисицы. Причинить серьезныя поврежденія, какъ это часто бываетъ съ лисицами, волку орелъ не въ состояніи; но ѣдущіе послѣдъ охотники во время подобной охоты болѣе, чѣмъ когда-либо стараются подослѣть къ птицѣ во время, почему волка, схваченнаго разъ орломъ, обыкновенно можно считать погнѣшимъ. Орла, который бьетъ страннаго волка и безъ дальнѣйшей подготовки травитъ антилопу и другую дичь, киргизъ не продастъ ни за какія деньги; ловчая птица, удовлетворяющая болѣе скромнымъ требованіямъ, и та въ глазахъ такого охотника стоитъ

2—3 кобылицъ. Одновременно съ двумя орлами охотиться нельзя, такъ какъ они такъ возбуждаются соперничествомъ, что бросаются другъ на друга и бьются не на животь, а на смерть.

Гораздо обыкновеннѣе примѣняется въ дѣло орлиное опереніе, нежели живой орелъ. Уже среди тирольцевъ и происходящихъ отъ одного съ ними племени верхнебаварцевъ, нѣкоторыя части орлинаго оперенія употребляются какъ дорогое украшеніе. Выше всего цѣнятся «орлиный пухъ» (Adlerflaumen) или нижнія кроющія перья хвоста, за которыя охотно платятъ 4—10 марокъ; послѣ него особенно цѣнятся когти. Очень часто носятъ, большею частью на серебряныхъ часовыхъ цѣпочкахъ, клыки благороднаго оленя, клыки лисицы, когти ястреба или филина, но высшее украшеніе для такой цѣпочки—орлиныя когти. Особенное предпочтеніе отдается заднему когтю, меньше цѣнятся тотъ или другой изъ обоихъ болѣе крупныхъ и болѣе сильныхъ переднихъ когтей, наконецъ, дешевле всего слабый коготь самаго маленькаго пальца. За первый изъ нихъ горный житель охотно платитъ до 12 марокъ (6 рублей) на нѣмецкія деньги; въ зависимости отъ этого и цѣна убитаго беркута большею частью доходитъ въ горахъ до 60 даже до 80 марокъ. У китайцевъ голова и лапы беркутовъ служатъ врачевными амулетами, а маховыя перья употребляются на вѣера и на опереніе стрѣлъ. У буритъ также высоко цѣнятся маховыя и рулевыя перья орловъ, а монголы приносятъ ихъ въ жертву богамъ. Повидимому, на этомъ основывается одинъ предрасудокъ этихъ людей: орла, по сообщенію Радде, убиваютъ неохотно, но разъ случилось, что одна изъ этихъ птицъ подстрѣлена или поймана, ее нужно возможно скорѣе прикончить, въ противномъ случаѣ можно навлечь на себя гнѣвъ злого духа.

Весьма интересно, что среди индѣйцевъ Америки господствуетъ то же воззрѣніе. «Они охотно вынимаютъ изъ гнѣзда», говоритъ принцъ фонъ Видъ, «взрослага орленка, котораго выращиваютъ, а потомъ пользуются его хвостовыми перьями, которые у нихъ весьма высоко цѣнятся: одно перо продается за цѣлый долларъ. У всѣхъ индѣйскихъ племенъ Сѣверной Америки перья служатъ знаками ихъ геройскихъ подвиговъ и у большинства такое перо означаетъ одного убитаго врага. Орлиное перо, выкрашенное киноварью въ красный цвѣтъ и съ укрѣпленными на его концѣ погремушками гремучей змѣи, имѣетъ въ глазахъ индѣйцевъ весьма почетное значеніе, а именно: оно обозначаетъ въ высшей степени отличный и заслуженный подвигъ въ дѣлѣ ковокрадства. Далѣе индѣйцы украшаютъ орлиными перьями свои перистыя шапки, прикрѣпляя перья перпендикулярно въ рядъ на красную суконную тесьму; на верху же устраивается шапочка изъ мелкихъ перьевъ. Когда такая шапка надѣта, красныя тесьмы съ гребневидными, перпендикулярно стоящими орлиными перьями виспадаютъ на спинѣ до земли. Индѣйцы-майданы зовутъ это украшеніе, надѣваемое въ большія праздники, «махеси-акубъ-валка», причѣмъ его могутъ носить только отличившіеся бойцы; такое украшеніе ктому же и дорого, и обладатель его помѣняется имъ только на лошадь. Я долженъ только замѣтить здѣсь, что на большинствѣ идеализированныхъ картинкахъ художника Котлина, изображающихъ охоту за бизонами, индѣйцы нарисованы съ подобными украшеніями. Это совершенно невѣрно. Индѣецъ какъ на охоту, такъ и на войну идетъ безъ всякаго украшенія; только талисманъ свой онъ никогда не забываетъ. Большія перистыя космы носятъ, правда, извѣстными предводителями въ большомъ сраженіи или во время битвы, которую можно предвидѣть впередъ, причѣмъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, на охотѣ-же никогда. Точно также индѣйцы прикрѣпляютъ часто орлиныя перья къ своему оружію, или же носятъ ихъ въ волосахъ; крылья же служатъ имъ вѣерами».

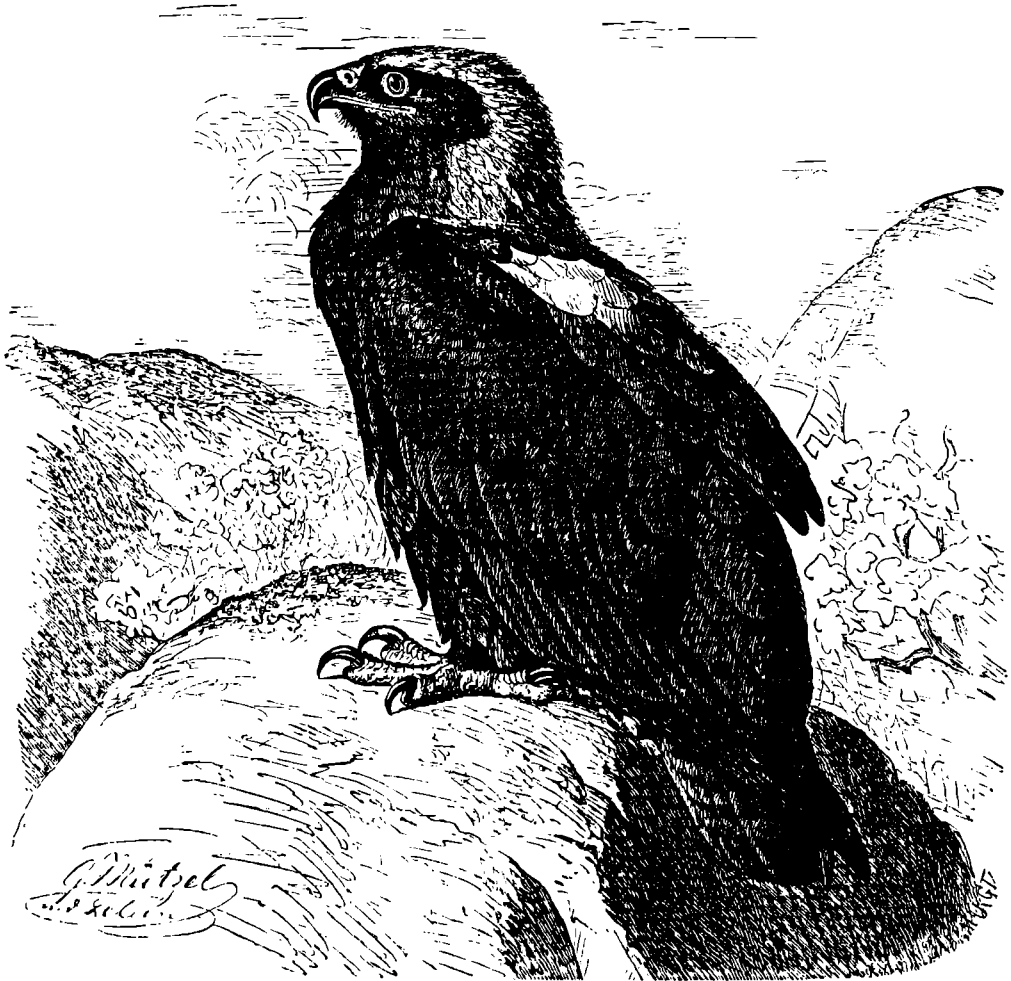
Два другіе крупныя орла, изъ которыхъ одинъ въсколко разъ былъ уби-
ваемъ въ Германіи и даже вѣроятно въ ней гнѣздится, принадлежать къ птицамъ
юго-восточной, южной и юго-западной Европы.

Самый извѣстный изъ обоихъ видовъ—**Орелъ-могильникъ** (*Aquila melanoctus, mogilnik, imperialis, heliaca, riparia, Falco mogilnik, melanoctus, imperialis*).
Онъ значительно меньше беркута: длина его достигаетъ только 80—86 см, раз-
махъ крыльевъ 1,9—2,2 м. длина крыла 60—63, хвоста 27—29 см; такимъ об-
разомъ самка этого вида не вполнѣ достигаетъ размѣровъ самца холзана. Тѣло
могильника сжатое, хвостъ относительно короткій, но крылья настолько длинны,
что, будучи сложенными, они заходятъ за конецъ хвоста. Основной цвѣтъ ста-
рой птицы—весьма темный равномерный желто-бурый. Голова и затылокъ этого
орла ржаво-бурья или свѣтлаго блѣдно-желтаго цвѣта; большое пятно на плечѣ
или наиболѣе заднихъ кроющихъ перьяхъ крыла—чисто-бѣлое; хвостъ имѣетъ
узкія равномерныя черныя полосы по пепельно-сѣрому фону не очень широкой
концевой перевязи. Въ молодомъ опереніи могильникъ имѣетъ блѣдное буровато-
желтое опереніе съ темно-бурыми продольными пятнами, образуемыми выступаю-
щими краями перьевъ; такая окраска настолько отличаетъ молодого могильника
отъ орляты беркута, что его можно смѣшивать только съ его ближайшимъ родствен-
никомъ, испанскимъ орломъ.

Испанскій орелъ (*Aquila adalberti, leucolena, Prinzenadler, Aigle d'Espagne*),
получившій свое латинское названіе въ честь Баварскаго принца Адальберта,
былъ открытъ только въ 1860 году въ Пенаніи братомъ моимъ Рейнгольдомъ.
Орелъ этотъ въ старости отличается отъ могильника, на котораго онъ больше всего
похожъ, большей распространенностью бѣлаго цвѣта въ плечевой области, кото-
рая, начиная отъ этого мѣста идетъ довольно широкою полосой вдоль краевъ
плеча и предплечья, включая крыловой сгибъ; другимъ отличіемъ служить тем-
ное опереніе вообще. Напротивъ, въ молодости испанскій орелъ отличается ме-
нше ясной полосатостью оперенія нижней части.

Область распространенія могильника очень обширна, такъ какъ она прости-
рается отъ Венгріи до Китая. Въ Германіи эта птица, по наблюденіямъ, сдѣлан-
нымъ до настоящаго времени, принадлежитъ къ величайшимъ рѣдкостямъ, но, быть
можетъ, чаще пересѣкаетъ эту страну, чѣмъ мы думаемъ. Людеръ полагаетъ,—что
нашелъ его здѣсь въ качествѣ гнѣздящейся птицы; однако его наблюденіе осно-
вано на такихъ ненадежныхъ данныхъ, что во всякомъ случаѣ лучше всего не
придавать ему особаго значенія. Насколько намъ извѣстно, въ настоящее время
могильникъ гнѣздится лишь въ Венгріи, Галиціи, Трансильваніи, Россіи, Дунай-
скихъ низменностяхъ и на Балканскомъ полуостровѣ со включеніемъ относящихся
къ нему острововъ, а также во всей степной области Средней Азіи отъ Урала до
Китайскаго моря, наконецъ въ Закавказьи и Малой Азіи; въ Туркестанѣ Аль-
фредъ Вальтеръ не разъ наблюдалъ его, но не приводитъ въ качествѣ гнѣзди-
щейся птицы. Отдѣльныя пары выюдили итеяцовъ также въ нижней Австріи, на
дунайскомъ островѣ Лобау, точно также можетъ случиться, что онъ иногда пере-
ходитъ за предѣлы области степей и въ Азіи, но такіе случаи принадлежать къ
исключеніямъ. Этому орлу правильнѣе назвать степной птицею, хотя онъ вовсе не
избѣгаетъ также лѣсовъ, на равнинахъ и невысокихъ горахъ. Какъ въ Европѣ,
такъ и въ Азіи, онъ съ наступленіемъ зимы оставляетъ свое мѣстообитаніе съ
такою же правильностью, какъ и другія перелетныя птицы, и снова появляется

лишь тогда, когда земля освободится от снѣга, рѣдко ранѣ послѣднихъ чиселъ марта. Къ южной Европѣ это указаніе не относится: Крюперъ находилъ яйца могильниковъ въ гнѣздѣ уже въ первыхъ числахъ апрѣля. Въ противоположность другимъ орламъ, которые совершаютъ правильные перелеты, могильникъ перекочевываетъ не далѣе того, чѣмъ безусловно необходимо. По Аллену, онъ уже въ окрестностяхъ Константинополя осѣдая птица; по моимъ наблюденіямъ, онъ каждую зиму посѣщаетъ Египетъ и съ октября до марта встрѣчается здѣсь крайне

Орелъ могильникъ. *Aquila melanaetus*. наст. вел.

правильно, мѣстами даже часто. Его особенно привлекаютъ большія озера дельты; но одиночкѣ онъ перекочевываетъ и далѣе вверхъ по долинѣ Нила, селится у Меридова озера и его случается наблюдать до первыхъ пороговъ, но крайне рѣдко въ южной Суданѣ, Абиссиніи или Кордофанѣ. Точно такъ-же онъ посѣщаетъ изъ Средней Азіи Персею, Белуджистанъ, южный Китай и Индію, а слѣдовательно встрѣчается, вѣроятно, зимою также въ Анамѣ и Сіамѣ. По Жердову, онъ выводитъ птенцовъ и въ Деканѣ; однако надо замѣтить, что птица, которой идетъ рѣчь, можетъ быть и степнымъ орломъ. Испанскій орелъ замѣняетъ его на Пиреней-

скомъ полуостровѣ и, вѣроятно, именно онъ и встрѣчается также въ странахъ Атласа и далѣе на югъ западнаго берега Африки.

Область, въ которой могильникъ живетъ во время вывода птенцовъ, можетъ быть гораздо разнообразнѣе, чѣмъ у беркута. Въ степи, по моимъ наблюденіямъ, онъ селится, соображаясь главнымъ образомъ съ распространеніемъ сусликовъ, по крайней мѣрѣ во время нашего послѣдняго путешествія по Сибири я всегда находилъ эту гордую птицу въ большомъ числѣ лишь тамъ, гдѣ было много сусликовъ. То же самое относится болѣе или менѣе и къ Венгріи и вообще къ Дунайскимъ низменностямъ. Во время упомянутой уже охотничьей экскурсіи кронпринца эрцгерцога Рудольфа Австрійскаго въ Венгрію мы находили могильника, гнѣздящихся, лишь начиная съ Сирміи и Славоніи, но и здѣсь сусликъ принадлежитъ къ обыкновеннымъ животнымъ. Нашъ орелъ былъ здѣсь рѣшительно лѣсовою птицей, но чаще гнѣзвился въ дубовыхъ лѣсахъ равнины, чѣмъ въ великолѣпныхъ лѣственныхъ лѣсахъ возвышенности Фруска-Гора. Изъ извѣстныхъ до настоящаго времени наблюденій относительно того, гдѣ онъ селится, выясняется, что въ различныхъ частяхъ области распространенія его онъ примѣняется къ обстоятельствамъ и живетъ то въ лѣсу, то на группѣ деревьевъ, даже на отдѣльномъ деревѣ и наконецъ въ горахъ и на скалахъ. Поведеніе его совершенно отличается отъ поведенія беркута въ томъ отношеніи, что тамъ, гдѣ онъ можетъ рассчитывать на равнодушіе жителей страны, а, быть можетъ, видить и защиту съ ихъ стороны, онъ гнѣздится въ непосредственной близости селеній и даже въ самыхъ селеніяхъ.

Нѣкоторые орнитологи утверждаютъ, что могильникъ по благородству, мужеству и хищности замѣтно уступаетъ беркуту; однако это воззрѣніе можетъ быть справедливо лишь отчасти. Принимая во вниманіе менѣе значительные размѣры могильника, можно сказать, что онъ ведетъ себя болѣе или менѣе сходно съ беркутомъ. Соответственно тому, что онъ держится по близости селеній или въ нихъ, онъ и на чужбинѣ оказывается менѣе боязливымъ, часто прямо подпускаетъ къ себѣ охотника и подаетъ поводъ къ ошибочному взгляду, будто-бы онъ менѣе нятливъ, чѣмъ гордый беркутъ; но въ поведеніи своемъ онъ, какъ и неоднократно могъ убѣдиться, всегда соображается съ обстоятельствами. Въ заселенныхъ теперь степяхъ юго-западной Сибири около Алтая, принадлежащихъ удѣльному вѣдомству, гдѣ могильникъ встрѣчается мѣстами очень часто, онъ былъ, правда, такъ мало пузливъ, что часто продолжалъ сидѣть на верстовыхъ столбахъ у самой дороги, когда наша тройка, звеня колокольчиками, проѣзжала мимо; въ деревняхъ онъ отдыхалъ на отдѣльныхъ высокихъ деревьяхъ, не заботясь о движеніи людей подъ нимъ; но тамъ, гдѣ онъ мало встрѣчался съ людьми, онъ оказывался гораздо осторожнѣе, а въ Венгріи и Египтѣ я мѣстами находилъ его даже очень боязливымъ. Такія условія, какъ въ Сибири, существуютъ для него и въ Дунайскихъ низменностяхъ, напримѣръ въ Добруджѣ, и потому онъ обнаруживаетъ здѣсь такую-же довѣрчивость, исполнѣ оправдываемую опытомъ. Напротивъ, если ему пришлось разъ подвергнуться преслѣдованію, то онъ поступаетъ соответственно этому. Въ посадкѣ и полетѣ я не могъ найти значительныхъ различій между нимъ и его болѣе крупнымъ родичемъ и никогда онъ не напоминалъ мнѣ болѣе орла крикуна, чѣмъ беркута. Совершенно вѣрно, что онъ чаще охотится за болѣе мелкой дичью, чѣмъ послѣдній, и я считаю вѣроятнымъ, что въ степяхъ, гдѣ обыкновенный сусликъ доставляетъ ему столь обильную и удобную пищу, онъ рѣдко нападаетъ на животныхъ, могущихъ защищаться, а можетъ быть и никогда не нападетъ на нихъ; но я исполнѣ убѣжденъ, что, побуждаемый голодомъ, онъ станетъ дѣйствовать отпо-

нительно такъ-же храбро, какъ и любой другой представитель того же семейства. Называть его, какъ дѣлаетъ Юмъ, «неблагодарнымъ обжорой» и считать его за птицу почти что равную большому коршуну, потому что онъ не всегда нападаетъ на человѣка у гнѣзда, что онъ позволяетъ воронамъ себя преслѣдовать и даже садится на падалъ, я считаю совершенно неосновательнымъ; то, на что указываетъ Юмъ, можно сказать и про беркута. Какъ показываютъ различныя наблюденія, могильникъ охотится за всякой дичью, соразмѣрной его величинѣ, которую онъ разсчитываетъ догнать и одолѣть, отъ зайца или байбака до мыши и отъ полувзрослага павлина или дрохвы до воробья.

Большое гнѣздо могильника, похожес въ существенныхъ чертахъ на гнѣздо беркута, устраивается на деревьяхъ всюду, гдѣ они есть, безразлично, какой-бы высоты они ни были, въ степи, напротивъ, на землѣ, а въ горахъ мѣстами также въ нишѣ или на карнизѣ крутой скалы. Въ степяхъ къ югу отъ Урала и въ Добруджѣ гнѣздо находятъ часто около самыхъ селеній на окружающихъ ихъ деревьяхъ, особенно на тополяхъ, осинахъ и явахъ, въ Венгрии и южной Россіи по большей части въ маленькихъ рощахъ, въ Греціи, Македоніи и Малой Азіи, какъ въ дѣсахъ, такъ и на скалахъ въ горахъ. Гнѣздо, которое описываетъ Худльстонъ, находилось на деревѣ, верхушка котораго была отрублена, на высотѣ не болѣе 3 м. надъ землею и было шириною приблизительно 1,6 м. Оно было устроено изъ различныхъ толстыхъ палокъ и имѣло крайне плоское углубленіе, выстланное шерстью. Другія гнѣзда, которыя изслѣдовалъ Фарманъ, представляли большую плоскую постройку 1,3 м. въ поперечникѣ, 50—70 см. и болѣе въ вышину, состояли изъ грубаго хвороста и были болѣе или менѣе опрятно выстланы внутри и вокругъ плоскаго углубленія тонкими вѣтвями, сухой травой, шерстью, тряпками и т. п. Пять гнѣздъ, которыя видѣли кронпринцъ эрцгерцогъ Рудольфъ Австрійскій и принцъ Леопольдъ Баварскій въ южной Вепгрии, находились по большей части на среднихъ вѣтвяхъ дубовъ и, насколько можно было замѣтить снизу, не отличались существенно отъ гнѣздъ гнѣздящихся въ Венгрии орлановъ; нижнія части всѣхъ гнѣздъ, какъ и въ гнѣздахъ орлановъ, занимали полевые воробы и населяли ихъ въ довольно большомъ количествѣ.

Вѣроятно каждая пара могильниковъ ежегодно выводитъ птенцовъ въ одномъ и томъ же гнѣздѣ, по крайней мѣрѣ пока ее не тревожатъ. Замѣчаютъ, что пара занимаетъ гнѣздо тотчасъ по возвращеніи своемъ весною и храбро защищаетъ его противъ всѣхъ птицъ, которыя хотятъ завладѣть имъ или лишь приближаются къ нему. Въ теченіи всего времени вывода птенцовъ самецъ, по словамъ Фармана, постоянно на сторожѣ, то описывая красивые круги надъ гнѣздомъ, то сидя по близости него на сосѣднемъ деревѣ; онъ слетаетъ при малѣйшемъ намекѣ на опасность и предостерегаетъ самку грубымъ, каркающимъ крикомъ, послѣ чего послѣдняя оставляетъ гнѣздо и начинаетъ описывать круги вмѣстѣ съ самцомъ. Если приближается другой могильникъ или вообще хищная птица, то самецъ тотчасъ загораживаетъ дорогу и бьется съ нимъ на жизнь и смерть. Вниманіе Фармана было однажды привлечено громкимъ карканьемъ и хриплымъ крикомъ двухъ птицъ этого вида, между которыми происходилъ одинъ изъ серьезныхъ поединковъ на высотѣ около 100 м. надъ землею. Битва продолжалась по крайней мѣрѣ минутъ 20. Она началась съ того, что оба бойца описывали на извѣстномъ разстояніи круги одинъ вокругъ другаго; затѣмъ то одинъ, то другой переходилъ къ нападенію, причемъ со всѣхъ силъ бросался на противника. Послѣдній очень ловко уклонился отъ удара и напалъ въ свою очередь. Битва продолжалась такимъ образомъ долгое время. Затѣмъ орлы разлетѣлись на нѣкоторое разстояніе, одинъ

вдругъ обернулся и снова съ величайшей яростью бросился на ненавистнаго врага, который теперь съ громкимъ крикомъ тоже пустилъ въ дѣло свое оружіе. Клювъ, когти и крылья одинаково были въ дѣйствиіи и оба орла двигались такъ быстро и сильно, что наблюдатель могъ видѣть лишь катящуюся въ воздухѣ, перепутанную массу перьевъ, не поддающуюся никакому описанію. Наконецъ, оба такъ крѣпко вцѣпились когтями другъ въ друга, что не могли болѣе дѣйствовать крыльями и, кувыркаясь, свалились метровъ на 30 или 40 внизъ, послѣ чего высвободили свои когти и снова раздѣлились на короткое время. Этимъ окончилась первая схватка. Вторая, началась такимъ-же образомъ, какъ первая, причѣмъ отъ времени до времени одна изъ птицъ дѣлала притворное нападеніе на другую. Но скоро онѣ перемѣнили пріемъ боя и каждая старалась, описывая тѣсные круги вокругъ другой, подняться выше противника; наконецъ, это дѣйствительно удалось одному изъ орловъ, и онъ могъ всею тяжестью устремиться внизъ. Подвергнувшись нападенію мгновенно перевернулся на спину и встрѣтилъ врага вытянутыми впередъ лапами. Оба снова вцѣпились другъ въ друга, кружась, спустились внизъ болѣе, чѣмъ на 100 м. и, почти достигнувъ земли, снова раздѣлились. Битва продолжалась съ такою-же яростью, пока одному изъ нихъ не удалось наконецъ схватить своего храбраго противника послѣ сильнаго удара на высотѣ около 100 м. надъ землею. Этотъ послѣдній мужественно встрѣтилъ врага, тоже вонзилъ ему въ тѣло когти, и теперь оба тяжело свалились на землю на разстояніи едва 10 м. отъ наблюдателя. Фармантъ соскочилъ съ лошади, чтобы поймать благородныхъ бойцовъ, но они выпустили другъ друга и улетѣли въ разныя стороны. Лужи крови на землѣ достаточно показывали, какъ серьезна была битва.

Въ первыхъ числахъ апрѣля, по большей части 7-го или 8-го, въ Россіи и Сибири на мѣсяць позднѣе, кладка, состоящая изъ двухъ, самое большее изъ трехъ яицъ, бываетъ обыкновенно закончена. Яйца, представляющія замѣтныя различія по величинѣ, формѣ и цвѣту, обыкновенно меньше, чѣмъ яйца беркута; они длиною 70—82 мм., толщиною 54—60 мм. и на бѣломъ фонѣ разрисованы разбросанными по всему яйцу, довольно частыми фіолетово-зелеными, блѣдно-пурпурово-красными или блѣдыми свѣтло-бурыми точками и пятнами, но могутъ быть и безъ пятенъ. Самкъ достается по обыкновенію главная часть труда вывода птенцовъ; но и самецъ принимаетъ въ этомъ участіе, чтобы дать своей подругѣ возможность принести себѣ добычу по собственному выбору. Иногда оба родителя одновременно оставляютъ гнѣздо на долгое время, хотя оно содержитъ еще яйца. Возвращаясь, они всегда приближаются къ гнѣзду осторожно, не кружатъ сначала надъ нимъ, а быстро прилетаютъ и, не останавливаясь, тотчасъ бросаются въ гнѣздо. Если ихъ испугнуть, то они отлетаютъ къ не слишкомъ далеко отстоящему дереву, на которомъ отдыхаетъ обыкновенно та изъ птицъ, которая не высиживаетъ, долгое время остаются здѣсь и снова возвращаются на гнѣздо, когда думаютъ, что тревога прошла. Птенцы, которые выдуняются изъ яйца послѣ высиживания, дянцагося около мѣсяца, въ Венгріи въ первыхъ числахъ мая, подобно родичамъ, одѣты густымъ, бѣлымъ пухомъ, выкармливаются обоими родителями такъ, какъ было описано выше относительно беркута, и становятся способными къ летанію приблизительно около половины іюля, а въ сѣверной части области распространенія могильника соответственно позднѣе.

Могильника, вслѣдствіе его меньшей пугливости, большею частью гораздо легче убить, чѣмъ беркута. Однако очень старыя опытыя птицы бываютъ всегда осторожны и часто доставляютъ охотнику не меньшія затрудненія, чѣмъ любой изъ ихъ родичей. Онѣ требуютъ, какъ и все орлы, чрезвычайнаго сильнаго заряда,

такъ какъ лишь такой наноситъ имъ смертельную рану, и проявляютъ такую живучесть, которая приводитъ просто въ изумленіе. Одинъ могильникъ, котораго держалъ мой покойный другъ Герклоцъ, былъ сваленъ выстрѣломъ дробью однимъ охотникомъ диллетантомъ; его сочли мертвымъ и отдали одному врачу, чтобы тотъ набилъ его. Птица, у которой была прострѣлена голова, пролежала болѣе двухъ дней подъ ящикомъ и только тогда, когда отсюда послышался шумъ, врачъ обратилъ на нее вниманіе. Оказалось, что мнимоумершій оправился и обнаруживалъ самымъ несомнѣннымъ образомъ желаніе не разставаться еще съ жизнью. Врачъ, любитель животныхъ, сжалился надъ животнымъ и птица осталась жить. Вслѣдствіе поврежденія головы орелъ былъ слѣпъ на оба глаза и совершенно равнодушенъ ко всѣмъ внѣшнимъ вліяніямъ, не двигался по собственному побужденію, не принималъ никакой пищи, однимъ словомъ, всѣмъ своимъ поведеніемъ былъ совершенно сходенъ съ тѣми птицами, у которыхъ искусственно удалили мозгъ. Онъ сидѣлъ безъ движенія на обрубкѣ дерева и ни солнце, ни свѣтъ, ни дождь, ни буря, казалось, не оказывали на него никакого дѣйствія. Автоматически переходилъ онъ на другое мѣсто, если внѣшняя сила принуждала его къ этому. Чтобы наблюдать, какъ долго останется живою столь тяжело раненая птица, мой другъ далъ себѣ трудъ набивать ей ротъ кусочками мяса. Болѣе года птица жила такимъ образомъ, но по прошествіи этого срока Герклоцъ замѣтилъ, что орелъ началъ до нѣкоторой степени обращать вниманіе на окружающее. Повидимому, прежде всего начало развиваться чувство слуха, такъ какъ онъ замѣчалъ по звуку шаговъ приближеніе своего хозяина и начиналъ по собственному побужденію двигаться, когда тотъ приближался, разставлялъ крылья, трясъ перья, короче, велъ себя, какъ пробудившійся отъ глубокаго сна. Постепенно его движенія становились свободнѣе и сильнѣе; но его все еще приходилось кормить искусственно. Наконецъ, по истеченіи четырехъ лѣтъ онъ снова началъ ѣсть самъ и теперь онъ въ немалому удивленію своего вѣрнаго воспитателя сталъ издавать хорошо извѣстное ему «кау кау», обыкновенный крикъ этого орла. Шесть мѣсяцевъ спустя, онъ совершенно походилъ на любую птицу того же рода, кромѣ ослѣпшихъ глазъ.

Могильники, вынутые изъ гнѣзда молодыми, становятся столь же ручными и ихъ можно также дрессировать для охоты, но, какъ единогласно увѣряютъ киргизы и монголы, они далеко не оказываютъ такихъ услугъ, какъ беркутъ. «Когда я былъ еще мальчикомъ», пишетъ мнѣ графъ Лацаръ, «я долгое время держалъ живого могильника. Сначала онъ иногда схватывалъ нашихъ куръ, но, получивъ за это нѣсколько ударовъ хлыстомъ, онъ остерегался повторять свои проказы. Подъ конецъ онъ свободно бѣгалъ по двору и саду, не трогая ни одного изъ нашихъ домашнихъ жипотныхъ. Меня онъ звалъ очень хорошо, по крайней мѣрѣ тотчасъ подходилъ ко мнѣ, когда я называлъ его по имени «Плутона». Чужихъ и собакъ онъ не могъ выносить; на первыхъ онъ нападалъ, когда они приближались къ нему, а собакъ онъ всегда старался отогнать отъ себя. Его нападенія на людей были неопасны, но очень чувствительны. Онъ употреблялъ свои когти лишь самымъ безвреднымъ образомъ, но зато наносилъ удары крыльями, отъ которыхъ всегда дѣлались синяки. Умеръ онъ печальнымъ образомъ. Онъ залетѣлъ въ садъ къ одному крестьянину и, вѣроятно, что-нибудь напроказилъ тамъ, за что крестьянинъ жестоко побилъ его. Онъ возвратился домой печальный, не принималъ болѣе ницы и умеръ на 10-ый день. При вскрытіи не оказалось никакого поврежденія, которое могло бы вызвать смерть, и потому мнѣ кажется можно принять, что онъ умеръ отъ огорченія за понесенные побои».

Въ большемъ числѣ, чѣмъ какой-нибудь изъ большихъ орловъ, живетъ въ Германіи **Малый орелъ, Крикунъ** (*Aquila pomarina*, *naevia*, *assimilis*, *subnaevia* и *rufonuchalis*. Schreijadler. Aigle tacheté). Онъ значительно меньше беркута и могильника; длина его равна отъ 65 до 70 см., размахъ крыльевъ 168—185, длина крыла 48—52, а хвоста 24—26 см. Преобладающую окраску его составляетъ очень равномерный слабоблестящій кофейно-бурый цвѣтъ, который весной и лѣтомъ блѣднѣетъ до тусклага земляного бураго и на шеѣ становится нѣсколько

Орелъ крикунъ. *Aquila pomarina*. (Молодая птица). наст. вел.

свѣтлѣе; мелкія и среднія верхнія кроющія перья крыла весной замѣтно свѣтлѣе, чѣмъ верхняя часть спины; перья нижней стороны нѣсколько свѣтлѣе, чѣмъ перья спины; ручныя маховыя матово-черныя или черно-бурія съ неясными, болѣе темными поперечными полосками, самыя заднія едва темлѣе, чѣмъ кроющія; хвостовыя перья нѣсколько свѣтлѣе маховыхъ, на внутренней бородкѣ имѣютъ свѣтлыя чаше-желтыя поперечныя полоски; нижнія кроющія перья хвоста блѣднаго земляно-бураго цвѣта съ болѣе свѣтлыми кончиками; плюсна тоже свѣтло-землисто-бурая. Радужная оболочка желтая съ отдѣльными бурными точками, а у самки золо-

тисто-желтая съ красными точками на нижней сторонѣ глаза; восковица желтая; клювъ рогового голубого цвѣта, на концѣ чернаго; ноги, насколько онѣ не оперены, желтыя. Молодыя птицы всегда замѣтно темнѣе старыхъ, перья затылка украшены маленькими ржаво-красноватыми пятнами на кончикахъ, перья верхней части спины землисто-бурая съ мѣднымъ блескомъ, мелкія и среднія верхнія кроющія перья крыла замѣтно свѣтлѣе, большія кроющія перья крыла или кроющія перья большихъ и малыхъ маховыхъ перьевъ красиво разрисованы узкими, расширяющимися книзу свѣтло-ржавыми пятнами на концахъ, которыя образуютъ двѣ поперечныхъ полосы; перья области зоба тоже украшены ржавыми пятнами, перья остальной нижней стороны землисто-бурого цвѣта и не имѣютъ блеска, наконецъ нижнія кроющія перья хвоста замѣтно свѣтлѣе и украшены длинными чало-ржавыми пятнами по стержню и на концахъ.

Насколько достоверно извѣстно, въ настоящее время крикунъ въ качествѣ птицы, выводящей птенцовъ, населяетъ, кромѣ сѣверной Германіи, лишь Польшу, западную Россію, Венгрію, Галицію, Европейскую Турцію и Грецію, посѣщаетъ во время перелета по одиночкѣ также западную Германію, Францію, Швейцарію и Италію, можетъ быть и сѣверо-восточную Африку, иной разъ залетаетъ также въ Голландію, Великобританію и Швецію; но его совершенно нѣтъ уже въ Испаніи, а въ восточной Европѣ его замѣщаютъ два родственныхъ вида: карагужъ и степной орелъ.

Карагужъ (*Aquila clanga, fusca, vittata, fuscoater* и *unicolor, Falco naevius* и *maculatus*. Schelladler. *Aigle roux*) замѣтно больше и стройнѣе крикуна; крылья, которыя достигаютъ, когда сложены, конца хвоста или выдаются за него, по крайней мѣрѣ на 5 см., хвостъ на 2—3 см. длиннѣе, плюсны значительно выше, лапы сильнѣе, чѣмъ у предыдущаго вида, опереніе почти одноцвѣтное, на затылкѣ, верхней части спины и верхней части груди безъ ржавыхъ пятенъ, на нижней сторонѣ разрисовано длинными ржаво-желтыми пятнами, которыя начинаются однако лишь ниже зоба; нижняя часть плюсны обыкновенно бѣлая. У молодой птицы пятнистость на верхнихъ кроющихъ перьяхъ крыла гораздо обширнѣе, чѣмъ у крикуна, такъ какъ на нѣкоторыхъ перьяхъ пятна занимаютъ весь край; но цвѣтъ пятенъ всегда сѣроватый и никогда не бываетъ чисто-ржавымъ; нижняя часть спины разрисована обыкновенно на ржавомъ фонѣ отдѣльными темными стержневыми пятнами, опереніе нижней стороны, за исключеніемъ одноцвѣтной области шеи и зоба, черноватое и разрисовано очень широкими, красновато-буросѣрыми пятнами, падающими на серединѣ перьевъ и мало выделяющимися ржавыми стержневыми пятнами; нижнія кроющія перья хвоста тоже очень свѣтлыя, часто чисто- или желтовато-бѣлыя, наконецъ плюсны черно-бурыя и перья ихъ украшены многими большими стержневыми пятнами такого же цвѣта, какъ на брюхѣ.

Область распространенія карагужа лежитъ на востокъ отъ области его нѣмецкаго родича; однако при этомъ слѣдовало бы исключить всѣ степныя мѣстности. Въ качествѣ птицы, выводящей птенцовъ, его встрѣчаютъ отъ сѣверныхъ береговъ Каспійскаго моря по всей южной Сибири до области Амура включительно, а также въ лѣсахъ южнаго Урала. Зимой онъ перекочевываетъ въ Индію и въ юго-западную Азію вообще и въ Египетъ, гдѣ на Дельтѣ, особенно у береговыхъ озеръ, онъ является самымъ обыкновеннымъ изъ орловъ; во время перелета онъ посѣщаетъ также, гораздо чаще, чѣмъ крикунъ, южную Германію, Швейцарію, Францію и Италію; напротивъ, въ сѣверной Германіи онъ принадлежитъ къ самымъ рѣдкимъ явленіямъ.

Наконецъ **Степной орель** (*Aquila orientalis, nipalensis, bifasciata, naevioides, amurensis* и *pallasii*. Steppenadler. Aigle des steppes), самый крупный видъ изъ этой группы орловъ, по размѣрамъ не уступаетъ могильнику, отличается отъ всѣхъ родичей продолговатыми, косо расположенными ноздрями, а также пятнистымъ оперениемъ. Осенній цвѣтъ его оперенія очень похожъ на цвѣтъ осенней одежды карагуза, но свѣтлѣе; ржавое пятно на затылкѣ можетъ быть или не быть, кроющія перья крыльевъ перваго и втораго порядка особенно отличаются большими пятнами, занимающими весь конецъ перьевъ, такъ что здѣсь образуются широкія поперечныя полосы, которыя у молодыхъ птицъ еще болѣе расширяются, а потому выступаютъ еще явственнѣе; вслѣдствіе того, что концы перьевъ предплечія тоже ржаваго цвѣта, число этихъ полосокъ увеличивается еще одною; въ опереніи молодыхъ рулевыхъ перья также имѣютъ широкіе ржаво-красноватые концы.

Степной орель населяетъ большую часть восточной Европы и Средней Азіи; въ качествѣ птицы, выводящей птенцовъ, онъ несомнѣнно живетъ въ той области, отъ которой получилъ названіе, то есть въ степяхъ по Волгѣ, Акмоливской области, южной части Пермской губерніи, южномъ Туркестанѣ, Забайкальской области, возвышенности Гоби и т. д., на востокъ до Китая и Индіи, но, повидимому, гнѣздится иногда и далеко на западѣ, что доказываетъ убитая недавно въ восточной Помераніи молодая птица, лишь недавно вылетѣвшая изъ гнѣзда. Однако при своихъ странствованіяхъ степной орель избѣгаетъ западную Европу, по крайней мѣрѣ его еще не добывали здѣсь.

Орель крикунъ, описаніемъ котораго я ограничусь въ дальнѣйшемъ изложеніи, любитъ влажныя и болотистыя мѣстности, а потому селится преимущественно въ лѣсахъ по рѣчнымъ долинамъ и въ лиственныхъ лѣсахъ. Въ Бранденбургѣ, Брауншвейгѣ, Ганноверѣ и Мекленбургѣ онъ не рѣдокъ, въ Помераніи обыкновененъ, но вовсе не встрѣчается во всѣхъ лѣсахъ, а выбираетъ мѣстопробываніе, какъ кажется, такъ же часто по капризу, какъ и по надобности. Однако для Германіи установленъ по крайней мѣрѣ тотъ фактъ, что онъ предпочитаетъ буковые лѣса всѣмъ другимъ и, напротивъ, лишь крайне рѣдко селится въ чистыхъ хвойныхъ лѣсахъ. Участокъ каждой пары относительно малъ, но зато птицы тѣмъ вѣрнѣе держатся его. Орла крикуна, который разъ поселился въ мѣстности, не такъ легко прогнать; онъ возвращается обратно къ своему гнѣзду даже въ томъ случаѣ, если у него похитили яйца или птенцовъ, хотя обыкновенно онъ предпочитаетъ поселиться въ новомъ, большей части на разстояніи нѣсколькихъ сотъ шаговъ отъ того дерева, на которомъ находилось первое. Онъ является рано весною, обыкновенно въ апрѣлѣ, а также уже въ концѣ марта, и остается въ странѣ до конца сентября; однако перелетъ его начинается уже въ августѣ и продолжается до указаннаго времени. Отдѣльныхъ экземпляровъ встрѣчали, впрочемъ, и зимою.

По своему нраву онъ не такъ привлекателенъ, какъ его родичи. Это самый робкій и безобидный изъ орловъ, которыхъ я знаю. Характеръ его смиренный, гораздо болѣе похожій на характеръ сарыча, чѣмъ орла; уже его вышній видъ, его взглядъ выдаютъ это. Сидя, онъ имѣетъ неблагородный видъ, на лету же выказываетъ себя настоящимъ орломъ. Онъ тоже поднимается высоко въ воздухъ и парить, особенно въ хорошую погоду, по цѣлымъ часамъ, описывая великолѣпные круги. Голосъ его—далеко раздающійся крикъ, который передавали слогами «исф исф». Хорошее настроеніе онъ выражаетъ приятными звуками, которые Пауманъ сравниваетъ съ тихимъ звономъ колокольчика. Въ неволѣ нѣкоторые кричатъ много, столько же, какъ живущіе на свободѣ; другіе совсѣмъ молчатъ.

Пища крикуна состоитъ изъ мелкихъ позвоночныхъ. У насъ его любимую пищу составляютъ лягушки, а можетъ быть и другія земноводныя, пресмыкающіяся и мелкіе грызуны. При всякихъ обстоятельствахъ лягушки остаются его главной пищею и этимъ достаточно объясняется, почему онъ встрѣчается чаще или рѣже, или вовсе отсутствуетъ въ той или другой области. Гомейеръ нашелъ въ его желудкѣ также остатки жуки, изъ чего можно заключить по крайней мѣрѣ то, что онъ ѣстъ рыбу, когда можетъ овладѣть ими, мертвыми или живыми—этотъ вопросъ я оставляю открытымъ. Гораздо чаще, чѣмъ за ними, онъ охотится за пресмыкающимися: ящерицами, ужами, а можетъ быть и гадюками. Птицей, приносящей вредъ высшимъ животнымъ, онъ становится лишь къ концу періода размноженія. Дѣло въ томъ, что когда его птенцы подрастаютъ и требуютъ много пищи, онъ грабитъ, что можетъ добыть, и въ это время добычею его становятся не только молодые дрозды и скворцы, но также и молодые зайцы. Но вѣроятно даже и въ это время онъ не приноситъ такого вреда, какъ сарычъ. Подобно послѣднему, его можно видѣть сидящимъ на отдѣльно стоящихъ деревьяхъ, на камняхъ или столбахъ и подстерегающимъ добычу. Замѣтивъ что нибудь, онъ быстро спускается на землю и старается схватить замѣченное животное, въ случаѣ нужды даже дѣлая быстрые прыжки вслѣдъ за нимъ или быстро идя большими шагами, какъ ворона; насколько мнѣ извѣстно, такъ не поступаетъ никакой другой орелъ. Бросается-ли онъ на водяныхъ птицъ, какъ неразъ утверждали, я не могу сказать; но я могу увѣрить, что и онъ отнимаетъ у сапсана добычу. На падаль онъ опускается очень охотно, почти какъ настоящій грифъ.

Изъ всѣхъ нѣмецкихъ орловъ крикунъ всего больше держится лѣса и, какъ кажется, посѣщаетъ безлѣсныя мѣстности лишь въ томъ случаѣ, если принужденъ къ этому. Въ лѣсу онъ рѣшительно предпочитаетъ извѣстные мѣста; для устройства гнѣзда онъ выбираетъ, какъ сообщилъ мнѣ Гомейеръ, всегда мѣсто по близости маленькой лѣсной поляны, чтобы быть въ состояніи по возможности безпрепятственно сквозь вѣтви слетѣть съ гнѣзда. Если лѣсъ холмистый, то гнѣздо обыкновенно находится на высотѣ, но всегда расположено такъ, чтобы орелъ, слетѣвъ, могъ скоро попасть на открытое мѣсто, не встрѣчая препятствія со стороны чащи вѣтвей. Онъ рѣдко гнѣздится въ очень маленькихъ лѣсахъ и, напротивъ, очень охотно въ рощахъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ лугами, такъ какъ здѣсь онъ можетъ заниматься своей охотою самымъ удобнымъ образомъ. Для гнѣзда онъ требуетъ старыхъ толстыхъ деревьевъ. Дубы и буки онъ, повидимому, предпочитаетъ всѣмъ другимъ деревьямъ; хвойнымъ деревомъ онъ довольствуется лишь весьма рѣдко; гораздо чаще можно найти гнѣздо на березѣ или ольхѣ. Самъ онъ строитъ гнѣздо лишь въ крайнемъ случаѣ, а отыскиваетъ себѣ подходящее гнѣздо сарыча или ястреба и охотно высиживаетъ поочередно въ двухъ гнѣздахъ, одинъ годъ въ одномъ, другой въ другомъ. До кладки яицъ онъ всегда натаскиваетъ въ гнѣздо нѣсколько хворостинъ, а во время вывода птенцовъ, подобно другимъ орламъ, неизмѣнно украшаетъ гнѣздо зелеными вѣтвями для того, чтобы закрывать ими себя или птенцовъ или же, чтобы имѣть возможность лучше держать гнѣздо въ чистотѣ. Благодаря этому притаскиванію новыхъ вѣтвей, гнѣздо, въ которомъ постоянно живутъ орлы-крикуны, вырастаетъ съ годами до значительной высоты. Въ первыхъ числахъ мая, а въ видѣ исключенія, уже въ концѣ апрѣля самка кладетъ въ теченіи приблизительно 3 или 4 дней два яйца, изъ которыхъ обыкновенно состоитъ кладка. Одно яйцо можно найти въ гнѣздѣ лишь въ томъ случаѣ, если данной парѣ помѣшали ранѣе; 3 яйца принадлежатъ къ числу величайшихъ рѣдкостей. Форма яицъ бываетъ

различна: они бываютъ правильной формы, кругловатыя, продолговатыя; цвѣтъ и рисунокъ тоже бываютъ различны: блѣдно-голубовато-сѣрыя пятна на бѣломъ фонѣ бываютъ то болѣе, то менѣе видимы и у однихъ имѣютъ желтый оттѣнокъ, у другихъ буро-красноватый; нѣкоторыя яйца имѣютъ красивый вѣнчикъ изъ пятенъ вокругъ середины и т. д. Обѣ птицы принимаютъ участіе въ высиживаніи, сидятъ на яйцахъ чрезвычайно усердно, необыкновенно любятъ свое потомство и рѣдко выказываютъ страхъ при видѣ человѣка, если не подвергались раньше многократнымъ преслѣдованіямъ.

Спугнутый съ гнѣзда, высиживающій крикунъ обыкновенно очень скоро возвращается назадъ. Если подходить къ мѣсту высиживанія, то онъ медленно поднимается на гнѣздѣ и часто долго смотритъ на человѣка, прежде чѣмъ рѣшится слетѣть. Иногда онъ сидитъ такъ крѣпко, что оставляетъ гнѣздо лишь послѣ того, какъ нѣсколько разъ захлопаютъ въ ладоши. Если же онъ слетаетъ, то всегда страннымъ образомъ. Именно, онъ бросается сначала внизъ, своеобразно качаясь со стороны въ сторону, пока не будетъ въ состояніи вполнѣ распушить крылья и потому при его взлетѣ даютъ промахъ часто даже хорошіе стрѣлки. Описанъ нѣсколько круговъ надъ вершинами деревьевъ, онъ возвращается обратно на небольшое разстояніе отъ гнѣзда, садится иногда на ближайшее дерево и начинаетъ жалобно кричать. Если у него похитить яйца, онъ обыкновенно оставляетъ гнѣздо, но не во всѣхъ случаяхъ. У одного гнѣзда, какъ сообщилъ мнѣ Гомейеръ, была застрѣлена самка и устроенъ шалашъ, чтобы въ случаѣ возможности убить и самца. Послѣдній явился, сѣлъ на гнѣздо, долго разсматривалъ яйца и вдругъ нанесъ имъ два удара. Гомейеръ убилъ птицу, велѣлъ снять яйца и нашелъ, что они были разбиты клювомъ. Вышеназванный авторъ не оставлялъ гнѣзда послѣ того, какъ самка была застрѣлена; другого животнаго тамъ не было; наконецъ онъ видѣлъ упомянутыя подозрительныя движенія: не подлежало, слѣдовательно, никакому сомнѣнію, что орелъ самъ долженъ былъ уничтожить свое потомство, быть можетъ подъ первымъ впечатлѣніемъ гори о потерѣ подруги. На такіе случаи, какъ описанный, должно однако смотрѣть, какъ на исключенія; обыкновенно орелъ-крикунъ самецъ пытается самъ вырастить свое потомство, если убита мать. Самка другой пары, которую наблюдалъ Гомейеръ, была убита выстрѣломъ на гнѣздѣ. Черезъ нѣсколько дней нашъ авторъ пришелъ къ гнѣзду и замѣтилъ, что съ него слетѣлъ орелъ. Онъ выстрѣлилъ въ него и такъ сильно повредилъ ему выстрѣломъ ногу, что она висѣла неподвижно. Тѣмъ не менѣе раненая птица еще нѣсколько разъ показывалась по близости гнѣзда, но остерегалась приблизиться на выстрѣлъ. На слѣдующее утро Гомейеръ принесъ филина и посадилъ его недалеко отсюда; орелъ бросился внизъ на него и былъ убитъ. Это былъ самецъ, раненый наканунѣ. Нога оказалась на пути къ полному выздоровленію и черезъ нѣсколько дней птица могла бы снова владѣть ею. Въ гнѣздѣ оказались насиженные яйца. Выклюнувшимся птенцамъ оба родителя приносятъ столько пищи, сколько могутъ, но и теперь еще земноводныя и пресмыкающіяся составляютъ главную пищу и родителей, и дѣтенышей. По словамъ Мехленбурга, часто можно видѣть, какъ старика приносятъ въ гнѣздо большихъ змѣй.

Крикунъ, воспитанный смолоду становится настолько же ручными, какъ и любая другая хищная птица, даже добытые старыми скоро приручаютъ къ неволѣ. Гомейеръ держалъ одного изъ нихъ пять лѣтъ и такъ приручилъ его, что могъ выпускать его изъ клѣтки и пускать летать на свободѣ. Когда ему надо было давать пищу, клѣтку отворяли и Гомейеръ показывался на дворѣ, подходилъ къ приготовленному для орла сидѣнію и заставлялъ птицу прилетать къ нему, чтобы

братъ нищу изъ рукъ хозяина. Разъ орелъ поднялся до крыши амбара и его пришлось снять оттуда съ помощью лѣстницы, но и тутъ онъ не пытался улетѣть. Онъ хорошо отличалъ своего хозяина отъ другихъ людей, обнаруживалъ къ послѣднимъ недобъріе и прямо избѣгалъ тѣхъ, которыхъ раньше не видалъ. Послѣ пятилѣтняго пребыванія въ неволѣ пятна юношескаго оперенія еще едва измѣнились; это служить достаточнымъ доказательствомъ того, что и орлу-крикуну надо нѣсколько лѣтъ для того, чтобы онъ сталъ взрослымъ и способнымъ къ размноженію.

Помимо болѣе сильныхъ хищныхъ птицъ, которыя овладѣваютъ его гнѣздомъ, паразитовъ, живущихъ на его кожѣ и во внутренностяхъ, вороновъ и воронъ, которые съ крикомъ преслѣдуютъ его, этотъ орелъ не имѣетъ враговъ среди животныхъ; но, къ сожалѣнію, у него много враговъ среди стрѣлковъ и собирателей яицъ и къ числу послѣднихъ принадлежатъ самые злѣйшіе, такъ какъ они самые безжалостные. Я никогда не стану отрицать пользы научно составленной, богатой коллекціи яицъ, но тотъ вредъ, который причиняетъ безразсудный собиратель яицъ птицамъ въ мѣстности, посѣщаемой имъ, гораздо больше той пользы, которую его коллекторское рвеніе можетъ имѣть для орнитологіи. Такъ какъ гнѣздо орла-крикуна легко найти, то онъ и подвергается злѣйшимъ преслѣдованіямъ со стороны этихъ грабителей и изъ многихъ лѣсовъ онъ буквально прогнанъ уже ими, къ огорченію всѣхъ тѣхъ, кому эта большая, безбидная и почти безвредная хищная птица доставляла радость и удовольствіе.

Охота за нимъ не особенно трудна; крикунъ становится осторожнымъ и пугливымъ лишь въ томъ случаѣ, если испыталъ многократныя преслѣдованія. Изъ винтовки его убиваютъ безъ труда; обыкновенно при нѣкоторой осмотрительности можно къ нему подойти и съ дробовикомъ. Я полагаю, что слѣдуетъ по возможности меньше преслѣдовать его, такъ какъ изъ всего, что я могъ узнать, можно бы вывести заключеніе, что онъ приноситъ гораздо больше пользы, чѣмъ вреда. Быть можетъ онъ иногда и схватываетъ взрослога зайца или сѣрую куропатку, но этотъ незначительный вредъ онъ болѣе, чѣмъ заглаживаетъ своею охотою на мышей и мѣшъ.

* *

7 октября 1810 г. въ восточномъ Тюрингенѣ, приблизительно въ двухъ миляхъ отъ Рентендорфа, мѣста моего рожденія, былъ застрѣленъ маленькій орелъ, который такъ существенно отличался по цвѣту отъ единственнаго до тѣхъ поръ тамъ извѣстнаго родича, что мой отецъ счелъ нужнымъ описать его подъ названіемъ карликоваго орла (*Aquila minuta*), какъ еще неизвѣстный видъ. До новѣйшаго времени я тоже полагалъ, что слѣдуетъ отличать этотъ видъ, тѣмъ болѣе, что во время моего пребыванія въ Египтѣ мнѣ удалось убить нѣсколько орловъ точно такъ-же окрашенныхъ, на которыхъ можно было установить, что отличительная темная окраска ихъ не имѣетъ отношенія ни къ возрасту, ни къ полу, а напротивъ, является общей какъ самцамъ, такъ и самкамъ, какъ молодымъ, такъ и старымъ. Но послѣ того, какъ въ послѣдніе годы согласными между собою наблюденіями было установлено, что нашъ темно-бурый карликовый орелъ спаривается съ давно извѣстнымъ **Обутымъ орломъ**, (*Aquila pennata*. Stiefeladler), и что среди птенцовъ одного гнѣзда находятъ, какъ окрашенныхъ въ темный, такъ и въ свѣтлый цвѣтъ, должно было признать видовое единство этихъ обоихъ орловъ.

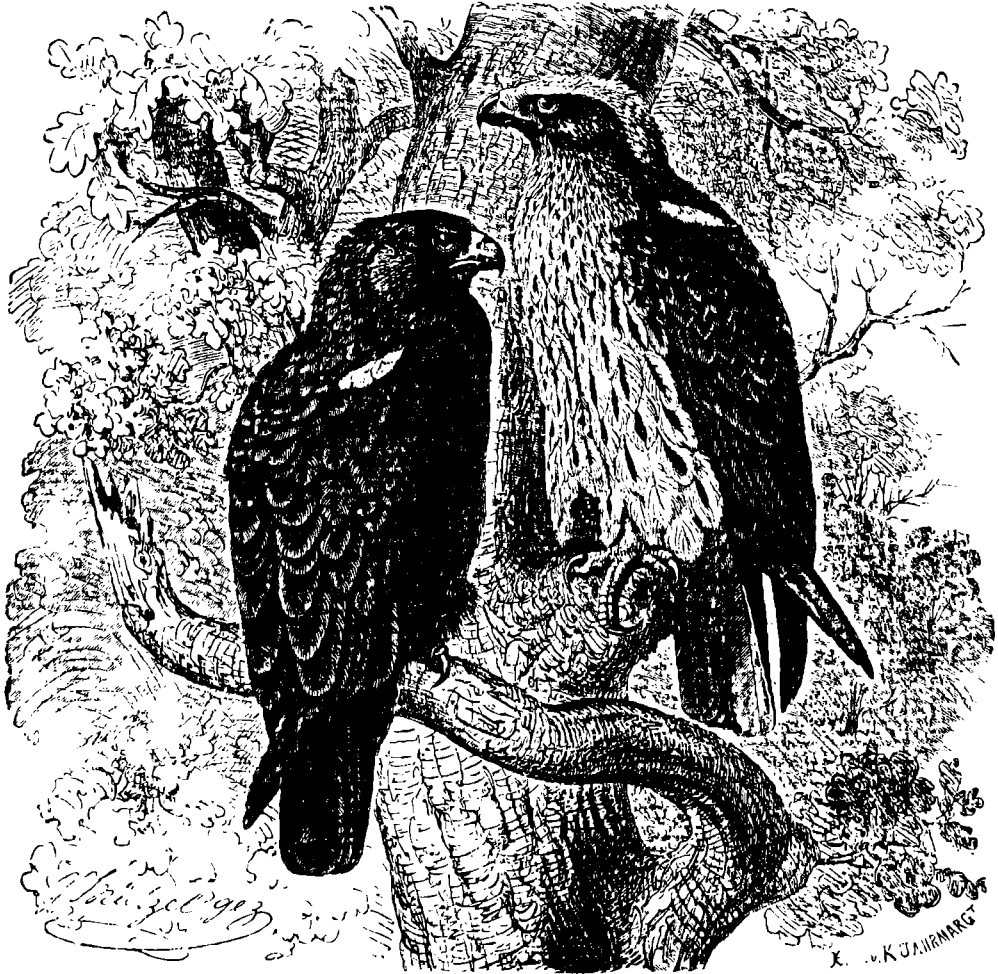
Карликовый орелъ (*Aquila pennata, minuta, paradoxa, nudipes, maculatirostris* и *albipectus*, *Falco*, *Hieraetus*, *Butaetus* и *Nisaetus pennatus*, *Spizaetus milvodes*, *Butaquila strophhiata*, *Morphnus dubius*. Zwergadler. *Aigle botté*)—быть

можетъ самая привлекательная птица во всемъ родѣ. Длина самца равна 47 см., размахъ крыльевъ 113, длина крыла 36, длина хвоста 19 см. Самка длиннѣе на 4 см. и имѣетъ на 8 см. большій размахъ, чѣмъ самецъ. У свѣтлыхъ экземпляровъ лобъ и уздечка желтовато-бѣлые; темя, щеки и область уха темно-бурая; всѣ перья у корня бѣлаго цвѣта и испещрены вдоль черными стержневыми черточками; затылокъ и затылокъ рыжевато-бурые; верхняя часть спины и крылья черно-бурая съ мѣдно-бурымъ блескомъ и съ болѣе свѣтлой тушевкой. Тушевка эта образуется, благодаря болѣе свѣтлымъ краямъ перьевъ и, появляясь также на большихъ кроющихъ перьяхъ крыльевъ, образуетъ двѣ неясныхъ полоски поперекъ крыльевъ. Большія маховыя перья черно-бурыя, малыя маховыя темно-бурыя съ тремя неясными поперечными полосками на внутренней бороздкѣ; послѣднія имѣютъ также на концѣ бурый край. Рулевыя перья на концѣ съ свѣтлой каймою, сверху темно-бурого цвѣта, снизу свѣтло-сѣраго. Нижнія части на свѣтло-желтоватомъ фонѣ разрисованы бурыми стержневыми пятнами, которыя расположены чаще всего на горлѣ и груди, а рѣже всего—на нижней части тѣла, на штанахъ частью отсутствуют и у очень старыхъ птицъ ограничиваются маленькой частью груди. Плечо украшено бѣлымъ пятномъ. Глаза свѣтло-бронзоваго цвѣта; клювъ у основанія свѣтло-голубой, на концѣ черный; ноги лимонно-желтаго цвѣта; восковица соломенно-желтаго. Молодая птица отличается свѣтлой, болѣе ржаво-красноватой нижней стороною, вообще-же совершенно сходна со старой; у птенцовъ въ гнѣздѣ верхняя сторона бурая, нижняя ржаво-красно-желтая безъ стержневыхъ черточекъ; бѣлыхъ плечевыхъ пятенъ еще нѣтъ.

У темныхъ экземпляровъ голова и затылокъ матово-красно-бурого цвѣта съ черноватыми продольными пятнами, особенно выступающими на передней части теменн; перья верхней части спины темно-бурыя, болѣе длинныя плечевыя перья черно-бурыя, остальные перья верхней части спины земляного бурого цвѣта. Хвостовыя перья матово-бурого цвѣта съ 3—4 явственными черноватыми поперечными полосками и болѣе свѣтлымъ концомъ. Наконецъ, нижняя сторона равномернаго темно-бурого цвѣта съ едва замѣтными, черноватыми стержневыми черточками. Кольцо вокругъ глаза болѣе темнаго бурого, а штаны, плюсна и нижнія кроющія перья хвоста нѣсколько болѣе свѣтлаго бурого цвѣта, чѣмъ остальная нижняя сторона тѣла. Бѣлыя плечевыя пятна тоже существуютъ. Глаза бурые; клювъ у основанія голубоватый, на концѣ черный; восковица и пальцы лимонно-желтаго цвѣта. Оперенію молодыхъ свѣтлѣе, на головѣ болѣе свѣтлаго ржаваго цвѣта съ сильнѣе выступающимъ чернымъ на передней части головы и съ болѣе свѣтлыми верхними кроющими перьями крыла, задними маховыми и средними плечевыми перьями и съ болѣе свѣтлой нижней стороною тѣла, которая на кофейно-буромъ фонѣ разрисована ясными, довольно широкими стержневыми черточками. Хвостовыя полоски мало замѣтны.

Карликовый орелъ распространенъ по большей части юго-западной и юго-восточной Европы и Азии. Область распространенія его начинается на востокѣ, отъ Германіи, уже въ Нижней Австріи и южной Польнѣ и простирается отсюда съ одной стороны по Галиціи, Трансильваніи, Венгріи, Дунайскимъ низменностямъ, Европейской Турціи и Греціи, съ другой—по всей южной Россіи. Эта птица встрѣчается также на западѣ, гнѣздится уже въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи и населяетъ въ значительномъ числѣ весь Пиренейскій полуостровъ. Напротивъ, въ Италіи она принадлежитъ къ величайшимъ рѣдкостямъ, хотя и нельзя найти для этого достаточной причины. Въ лѣсахъ южнаго Урала карликовый орелъ не рѣдокъ, въ Тянь-Шанѣ и юго-восточномъ Туркестанѣ онъ вообще одна изъ наиболѣе обыкно-

венныхъ хищныхъ птицъ; въ Индіи, какъ и на Цейлонѣ, онъ выводитъ еще птенцовъ. На западѣ онъ населяетъ лѣса Малой Азіи и Персіи и селится въ удобныхъ мѣстахъ также вдоль всего сѣвернаго берега Африки. За исключеніемъ Индіи и, какъ кажется, Алжира онъ всюду лѣтняя птица, которая появляется въ апрѣлѣ у своихъ гнѣздъ и въ концѣ сентября снова оставляетъ страну. При этомъ путешествіи карликовый орелъ буквально пересѣкаетъ всю Африку, пока море не остановитъ, наконецъ, его передвиженія. Подобно другимъ перелетнымъ птицамъ, онъ

Карликовый орелъ. *Aquila pennata*. $\frac{1}{4}$ наст. вѣ.

собирается на удобныхъ пролетныхъ путяхъ, напримѣръ около Босфора и въ долину Нила, въ настоящія стаи; напротивъ, прибывъ на зимнія квартиры, стаи до нѣкоторой степени снова разбиваются. Это я наблюдалъ по крайней мѣрѣ въ Египтѣ и въ центральной Африкѣ. И тамъ, и тутъ я часто встрѣчалъ эту птицу. Въ концѣ марта 1852 г. я встрѣтилъ столь многочисленныя перелетныя стаи, что въ три дня могъ убить около 20 штукъ. Въ Сенаарѣ я находилъ карликоваго орла лишь зимою.

Карликовый орелъ — настоящій благородный орелъ по праву и характеру. Онъ отличается отъ своихъ болѣе крупныхъ родичей, по мѣрѣ, двумя особеннос-

тами: большей ловкостью и меньшей осторожностью. Полетъ его быстръ, силенъ и легокъ, по долгу бываетъ парящимъ и при нападеніи на добычу быстръ, какъ стрѣла. Дрессеръ, къ удивленію моему, сравниваетъ карликоваго орла съ сарычемъ; я же утверждаю, что онъ превосходитъ послѣдняго во всѣхъ отношеніяхъ и что ихъ нельзя сравнивать ни по посадкѣ, ни по движеніямъ, ни по характеру, ни по привычкамъ. Другіе авторы, въ томъ числѣ Гебель, который многократно имѣлъ случай наблюдать этого орла, совершенно согласенъ со мною. «Карликовый орелъ», говоритъ послѣдній: «играя охотится лишь короткое время днемъ, беспокоитъ каждую пролетающую мимо болѣе крупную хищную птицу, какъ напрямѣръ морского орла, орла-крикуна и другихъ, и живетъ въ вѣчной враждѣ съ балабаномъ; вражда эта ведетъ къ ежеминутнымъ битвамъ высоко на воздухѣ, причемъ обѣ ловкія птицы исполняютъ всевозможные фокусы при полетѣ и доставляютъ наблюдателю высокое наслажденіе». Эти слова я считаю справедливыми, такъ какъ и самого меня появленіе карликоваго орла всегда приводило въ восторгъ. Для собственнаго увеселенія онъ крайне привлекательнымъ образомъ долгое время кружить надъ однимъ мѣстомъ и любитъ подниматься на значительную высоту; на охотѣ онъ, напротивъ, паритъ довольно низко надъ землею и, по наблюденіямъ графа Лацара нерѣдко трепещетъ на мѣстѣ, какъ пустельга. Садясь на деревья, онъ рѣдко выбираетъ высочайшія вершины ихъ, а по большей части опускается на нижнія вѣтви. Здѣсь онъ сидитъ прямо, часто долгое время не двигая ни однимъ членомъ, но обращаетъ вниманіе на все, что происходитъ около него, а больше всего смотритъ на возможную добычу. Самцы и самки держатся всегда вмѣстѣ, даже во время перелета. Я никогда не видѣлъ въ Африкѣ одинокаго карликоваго орла; всегда держались вмѣстѣ пары или цѣлыя общества. Этой постоянной взаимной привязанности птицъ одной пары соответствуетъ и поведеніе этихъ птицъ у гнѣзда.

Голосъ карликоваго орла бываетъ различенъ; графъ Водзицкій передаетъ его слогами «кох кох кей кей», графъ Лацаръ—«вюд вюд» и сравниваетъ эти звуки съ звонкимъ свистомъ. Крюперъ и Гебель согласны съ Лацаромъ. «Если какой-нибудь ислѣдователь, довольно хорошо знакомый съ голосами европейскихъ птицъ», говоритъ первый, «слышитъ всюю крикъ карликоваго орла, издаваемый во время спариванія, и не замѣчаетъ самой птицы, то онъ можетъ подумать, что этотъ звукъ исходитъ отъ находящагося по близости какого-нибудь вида улитокъ. Онъ совершенно ясно слышитъ чистое «тю тю», повторяемое два, иногда три раза. Если онъ сравнитъ эти звуки съ хриплыми звуками могильника, беркута, орлана, рѣчной скопы или крикуна, то онъ и не подумаетъ, что это голосъ орла или какой-нибудь другой хищной птицы. Во время спариванія и вывода птенцовъ голосъ карликоваго орла состоитъ всегда изъ звучнаго крика, который повторяется по нѣскольку разъ, смотря по обстоятельствамъ, подъ вліяніемъ страха или радости. Но коль скоро дѣло вывода птенцовъ окончено и родители начинаютъ водить птенцовъ съ собою и пріучать къ охотѣ, крикъ орла измѣняется и особенно крикъ птенцовъ звучитъ настолько глухо, что въ немъ едва-ли можно узнать чистый звукъ, издаваемый этими птицами всюю.

Карликовый орелъ очень энергичный хищникъ; мелкія птицы составляютъ главный предметъ его охоты. Графъ Лацаръ указываетъ, что онъ питается стернатовками, жаноронками, щеврицами, вьюрками, перенелками и куропатками; графъ Водзицкій указываетъ кромѣ того на скворцовъ и синицъ; я находилъ въ его зобѣ остатки горлицъ. Кромѣ своей любимой дичи карликовый орелъ охотится и за мелкими млекопитающими, именно за мышами, и Гебель находилъ зобы изслѣдованныхъ имъ экземпляровъ наполненными ими; точно также онъ не пренебрегаетъ и пре-

смыкающимися; въ Испаніи, по наблюденіямъ моего брата, очковая ящерица составляетъ даже существенную часть его пищи. Дрессеръ, на основаніи своихъ наблюденій, сомнѣвается, чтобы этотъ орелъ могъ поймать на лету взрослого голубя, но я, на основаніи того, что видѣлъ самъ, могу самымъ рѣшительнымъ образомъ возражать ему. Вѣроятно карликовый орелъ нисколько не уступаетъ ястребу и съ одинаковою ловкостью ловить птицъ и на лету, и сидящихъ. «На одномъ болотѣ», рассказываетъ графъ Водзицкій, «большія стаи скворцовъ занимались отыскиваніемъ пищи и, повидимому, приманили карликоваго орла изъ сосѣдняго лѣса. Онъ кружилъ, дѣлая прекрасные повороты, надъ скворцами, которые помпнутно взлетали и снова садились. Эта игра наскучила орлу и онъ пожелалъ принудить ихъ взлетѣть, чтобы скорѣе добыть себѣ завтракъ. Съ быстротою молніи онъ бросился по прямой линіи внизъ на скворцовъ. Испуганная стая старалась скрыться въ деревьяхъ, подъ которыми я отдыхалъ. Несмотря на незначительное разстояніе и на то, что птицы подлетали къ ивамъ, орлу удалось схватить одну изъ нихъ. Когда орелъ спускался внизъ, его неимоверно быстрый полетъ производилъ громкій шумъ. Послѣ удачнаго лова хищникъ взлетѣлъ на ближайшій сарай, усѣлся на крышѣ, не обращая вниманія на охотниковъ и собакъ, долгое время съ большою осторожностью осматривался вокругъ и затѣмъ началъ оципывать скворца. Это приготовленіе обѣда продолжалось болѣе четверти часа, и когда я затѣмъ застрѣлилъ орла, скворецъ былъ такъ прекрасно оципанъ, какъ будто-бы его приготовлялъ самый лучшій поварь». Охотникъ всего карликовый орелъ охотится въ лѣсу, гдѣ ловить добычу здѣсь почти такимъ-же способомъ, какъ ястребъ. Въ Египтѣ ему доставляютъ обильную добычу пальмовые лѣса, и здѣсь онъ ревностно охотится главнымъ образомъ за горлицами; только въ южномъ сапсанѣ онѣ имѣютъ, быть-можетъ, еще болѣе страшнаго врага, чѣмъ въ этомъ ловкомъ орлѣ. Его хищническія способности вполне признаютъ хищные паразиты; подобно сапсану, и карликовый орелъ подвергается ревностнымъ преслѣдованіямъ коршуновъ, какъ только достанетъ добычу и, подобно черному, онъ тоже принужденъ оставлять ее иногда этимъ наглымъ попрошайкамъ.

О размноженіи его собраны въ настоящее время различныя наблюденія, согласныя между собою въ существенныхъ чертахъ; особенно Гольцъ и Гебель значительно расширили наши свѣдѣнія по этому вопросу. Карликовый орелъ гнѣздится охотникъ всего въ лиственныхъ лѣсахъ, если возможно, то по близости большихъ рѣкъ, не пренебрегая однако вполне и хвойными. Въ австрійскомъ императорскомъ звѣриномъ паркѣ, недалеко отъ Шенбрунна, ежегодно гнѣздятся 1—2 пары. Графъ Лацаръ никогда не находилъ въ Трансильваніи гнѣзда этого орла на горахъ и сомнѣвается поэтому, чтобы карликовый орелъ поднимался во время вывода птенцовъ на значительныя высоты; напротивъ, Сѣверцевъ рассказываетъ, что этотъ орелъ на Тянь-Шанѣ выводитъ птенцовъ даже на высотѣ 2000 м. Такъ какъ и онъ лишь въ крайнемъ случаѣ строитъ гнѣздо самъ, то и гнѣздо его можетъ быть расположено довольно различнымъ образомъ, смотря по тому, какой строитель гнѣзда работалъ для него, и, соответственнно этому, можетъ случиться, что въ небольшомъ районѣ окажется нѣсколько гнѣздящихся паръ. Подобно крикуну, онъ пользуется всѣми удобными гнѣздами, какія найдетъ въ своей области. По наблюденіямъ Гольца—гнѣздами орлана, сарыча, коршуна и ворона, по наблюденіямъ Гебеля,— иногда даже гнѣздомъ цапли, и огравививается тѣмъ, что разнѣ немного поправитъ его. Въ Испаніи, по наблюденіямъ моего брата, гнѣздо находится преимущественно на вязахъ и соснахъ и притомъ всегда на послѣднихъ развѣтвленіяхъ далеко выдающихся вѣтви, которая прикрыта другою, лежащею выше. Въ южной Россіи Гольцъ и Гебель находили гнѣзда на различныхъ лиственныхъ деревьяхъ, липахъ, дубахъ,

грабахъ и т. д., на средней высотѣ въ 12 ш. надъ землею, чаще въ развилинахъ стволловъ, чѣмъ на боковыхъ вѣтвяхъ. Ширина гнѣзда снаружи равнялась 70 см., внутри 40, высота 60, глубина 18 см. Основаніе составляли сухія вѣтви и сучья, внутреннюю выстилку липовое лыко, трава, вѣтви омелы, листья и шерсть. Гнѣзда, изслѣдованныя моимъ братомъ и графомъ Лацаръ, были всегда украшены зелеными листьями.

Въ началѣ мая оканчивается уже обыкновенно кладка, которая состоитъ изъ двухъ яицъ. Продольный діаметръ яицъ равенъ въ среднемъ 56 мм., самое большее—59, самое меньшее—52 мм., а поперечный въ среднемъ 45, самое большее—47, самое меньшее—43 мм.; форма колеблется отъ совершенно правильной до заостренно-грушевидной и очень округлой; скорлупа то толще, то тоньше, то болѣе грубо-зерниста, то болѣе мелкозерниста; рисунокъ тоже различенъ. Обыкновенно яйца неправильно разрисованы на желтоватомъ или бѣло-зеленоватомъ фонѣ мелкими ржаво-желтыми или ржаво-красными точками и пятнами. Вильдбургъ полагаетъ, что эта птица приступаетъ къ размноженію на третьемъ году: однажды онъ застрѣлилъ самку, въ которой было 4 развитыхъ яйца. Всѣ натуралисты, которые наблюдали карликоваго орла во время вывода птенцовъ, отзываются о немъ съ большой похвалою. Самецъ и самка относятся чрезвычайно вѣжно другъ къ другу: графъ Водзицкій видѣлъ, какъ одна пара стояла на гнѣздѣ и цѣловалась по голубиному клювами. Въ то время, какъ самка сидитъ на яйцахъ, самецъ сидитъ по цѣлымъ часамъ на томъ же деревѣ, нѣсколько разъ въ день смѣняетъ самку и дѣлаетъ это не только въ полуденныя часы. По Водзицкому, для карликоваго орла характерно то, какимъ образомъ онъ поднимается на свое гнѣздо. Онъ садится на вѣтвь недалеко отъ него, наклоняетъ голову, надуваетъ зобъ и медленно шагаетъ къ гнѣзду, какъ голубь, пока не взойдетъ наконецъ на край его. При этомъ онъ издаетъ благозвучное, похожее на звукъ флейты «кей кей кей». При видѣ челоуѣка, угрожающаго гнѣзду, онъ ведетъ себя различно. Обыкновенно онъ сидитъ очень крѣпко и его можно испугнуть лишь продолжительнымъ хлопаньемъ; когда онъ наконецъ слетитъ, то озабоченно приближается къ гнѣзду въ то время, когда изъ гнѣзда вынимаютъ яйца, садится отъ времени до времени на вершины сосѣднихъ деревьевъ и при этомъ забываетъ часто о своей безопасности; иногда онъ раздражается и жалобнымъ крикомъ, но никогда, насколько приходилось наблюдать до настоящаго времени, онъ не рѣшается напасть на челоуѣка.

Иначе ведетъ онъ себя, когда показывается другая хищная птица, безразлично, орелъ ли это или соколъ. По отношенію къ своимъ родичамъ онъ всегда смѣлъ, но во время вывода птенцовъ онъ съ изумительной храбростью и видимою злобой нападаетъ на всѣхъ болѣе крупныхъ хищныхъ птицъ, которыя пролетаютъ по близости отъ его гнѣзда. «Пара карликовыхъ орловъ», рассказываетъ графъ Водзицкій, «устроила свое гнѣздо недалеко отъ гнѣзда орлановъ и съумѣла внушить этимъ крупнымъ хищникамъ такое уваженіе, что орланы подъ конецъ никогда не отваживались летѣть въ ту сторону, гдѣ жили карликовые орлы. Ежедневно повторявшіеся на моихъ глазахъ битвы были очень привлекательны. Я часто по цѣлымъ часамъ смотрѣлъ на нихъ, такъ какъ хотѣлъ наблюдать за воспитаніемъ птенцовъ, сидѣвшихъ въ гнѣздѣ орлановъ. Какъ только крупный родичъ осмѣливался показаться по близости карликовыхъ орловъ, тотчасъ раздавался печальный крикъ «кох кох» одного изъ нихъ; другой прилеталъ, и оба съ яростью начинали преслѣдовать орлана, бросались на него какъ вороны, наносили ему удары клювомъ и когтями и обнаруживали при этомъ такую ловкость, что орланъ вовсе не могъ защищаться. Позднѣе, когда самка сидѣла на яйцахъ, са-

мецъ одинъ несъ эту сторожевую службу. Такимъ же образомъ прогонялись коршуны и ястреба». Точно такъ-же, какъ оба карликовыхъ орла раздѣляютъ между собою высиживаніе, оба они приносятъ и пищу птенцамъ. Послѣдніе выклевываются послѣ высиживанія, продолжающагося около 4 недѣль, обыкновенно во второй половинѣ іюня, одѣтые длиннымъ, мягкимъ, какъ шелкъ, пухомъ свѣтлаго, на головѣ желтоватаго цвѣта, но скоро получаютъ описанное гнѣздовое опереніе. Однако и ихъ развитіе идетъ относительно медленно, такъ что они едва-ли могутъ оставить гнѣздо раньше конца августа. Тамъ, гдѣ эту птицу не преслѣдуютъ, родители съ птенцами, не боясь человека, летаютъ около своего гнѣзда; но коль скоро родители замѣчаютъ преслѣдованіе, они совершенно измѣняютъ свое поведение. «Во время моихъ экскурсій на Олимпъ въ концѣ августа», говоритъ Крюперъ, «я замѣтилъ карликоваго орла, за которымъ черезъ нѣсколько дней стала слѣдовать молодая птица. Я часто преслѣдовалъ ихъ, чтобы убить молодую птицу. Но мать съ такою осторожностью смотрѣла за нимъ, что приблизиться было невозможно. Въ концѣ сентября оба исчезли; они начали свое переселеніе въ южныя страны».

По отношенію къ филину карликовый орелъ обнаруживаетъ смертельную ненависть. «Я хотѣлъ», пишетъ мнѣ графъ Лацаръ, «застрѣлить орла крикуна, выставилъ поэтому своего филина на выкошенномъ лугу и спрятался въ ожиданіи за кучу сѣна. Я увидѣлъ тогда маленькую, бурую хищную птицу, которая подлетѣла съ такою поспѣшностью, что я едва успѣлъ схватить ружье. Карликовый орелъ, котораго я скоро призналъ въ этой хищной птицѣ, бросился со всѣхъ силъ на филина. Раздался выстрѣлъ, но птица благополучно улетѣла. Однако ова не удалилась, а поднялась лишь на высоту около 150 м. и болѣе получаса описывала круги надъ филиномъ. Наконецъ, орелъ снова бросился внизъ и приблизился вплотнѣ къ разстоянію выстрѣла; но мною овладѣла охотничья лихорадка; я выстрѣлилъ и промахнулся опять. Когда орелъ удалился послѣ этого, я потерялъ всякую надежду, но черезъ 10 минутъ онъ снова возвратился, снова сталъ кружить и въ третій разъ бросился внизъ. На этотъ разъ я убилъ его.

Охота за карликовымъ орломъ, какъ можно видѣть изъ сказаннаго, представляеть мало трудностей, пока онъ не испытатъ преслѣдованій. Вѣрная привязанность птицъ одной пары часто становится гибельной для обоихъ; и почти всегда могъ убивать этихъ птицъ парами. Можно ли ловить карликоваго орла въ калканы такъ-же, какъ другихъ родичей его, я не могу сказать.

Карликовые орлы, взятые изъ гнѣзда молодыми, становятся, при надлежащемъ уходѣ, такими-же ручными, какъ и другіе орлы. Только разъ я видѣлъ въ неволѣ нѣсколько штукъ этихъ привлекательныхъ птицъ, но не могъ наблюдать ихъ долго и хочу поэтому упомянуть только, что мой братъ Рейнгольдъ и графъ Лацаръ, которые долго могли заниматься такими питомцами, единогласно называютъ ихъ крайне привлекательными, красивыми птицами и хвалятъ ихъ умъ и легкую приручаемость.

Въ Испаніи карликоваго орла иногда своеобразно дрессируютъ. Какая-то изобрѣтательная голова нашла на мысль пользоваться птицами для гаданія о счастьи. Для этой цѣли человѣкъ становится на бойкомъ мѣстѣ съ япникомъ, въ которомъ сидятъ различныя хищныя птицы, и приглашаетъ прохожихъ дозволить птицамъ выбрать для нихъ счастливыи номеръ лоттереи. Соколы, а между ними и нашъ карликовый орелъ, приучены брать клювомъ билеты изъ кучи, которую фокусникъ держитъ передъ ними, и такимъ образомъ выбираютъ ихъ. Повидимому, держатся того мнѣнія, что, благодаря такому приему, счастье въ буквальномъ смыслѣ слова приносится съ неба.

Соотвѣтствующая нашему беркуту хищная птица Австраліи отличается отъ него вытянутымъ, но все-же сильнымъ клювомъ, длиннымъ, сильно ступенчатымъ хвостомъ и длинными перьями на задней части шеи.

Клинохвостый орелъ (*Aquila audax, fucosa, albirostris* и *cuneicauda*, *Vultur* и *Uroaëtus audax*, *Falco fucosus*. Keilschwanzadler. Aigle d'Australie) длиною 98—100 см., размахъ его крыльевъ около 2,3 м. Голова, область зоба, верхняя и нижняя сторона черновато-бураго цвѣта; почти все перья, именно перья крыльевъ и верхняя кроющія хвоста, на краяхъ и на концѣ блѣдно-бураго цвѣта; спина и бока шеи ржаваго цвѣта. Радужная оболочка орѣхово-бурал; восковица и голая полоска вокругъ глаза желтовато-бѣлыя; клювъ при основаніи желтовато-рогового цвѣта, на концѣ желтаго; ноги свѣтло-желтыя. Очень старые экземпляры болѣе плотнаго сложенія и окрашены темнѣе, чѣмъ молодые, которые отличаются стройностью и свѣтлымъ цвѣтомъ.

Клинохвостый орелъ населяетъ всю Австралію и повсюду довольно обыкновененъ. Его находятъ въ глухомъ лѣсу и на равнинахъ, парами и обществами. Всего обыкновеннѣе онъ тамъ, гдѣ водятся кенгуру: здѣсь «старый буниментъ» могъ убить въ теченіи зимы болѣе дюжины экземпляровъ. «Все, что писатели рассказываютъ о мужествѣ, силѣ и хищности беркута», говоритъ Гульдъ, «примѣнимо и къ клинохвостому орлу. Онъ нападаетъ на все мелкіе виды кенгуру, которые онъ находитъ на равнинахъ и открытыхъ холмахъ, одолеваетъ дрохвъ и является величайшимъ врагомъ овечьихъ стадъ, которымъ жестоко отъ него достается». Большихъ кенгуру онъ не можетъ одолѣть, но иногда можетъ справиться съ ихъ дѣтенышами и умѣетъ даже овладѣвать такими, которые находятся еще въ сумкѣ матери. «Однажды», рассказываетъ «старый буниментъ», «я наблюдалъ, какъ клинохвостый орелъ гнался по лѣсу за кенгуру-матерью, у которой былъ въ сумкѣ дѣтенышъ. Хитрая птица преслѣдовала свою дичь шагъ за шагомъ. Она не смѣла напасть на мать, но знала хорошо, что какъ скоро та почувствуетъ себя изнуренной, она выброситъ дѣтеныша и оставитъ его на добычу орлу».

На падалъ клинохвостый орелъ нападаетъ съ жадностью грифовъ, которыхъ въ Австраліи нѣтъ; Гульдъ видѣлъ 30—40 штукъ ихъ, собравшихся на трупъ большого быка. Нѣкоторые, уже наѣвшисъ, сидѣли на сосѣднихъ деревьяхъ; остальные справляли еще свой пиръ. За охотниками на кенгуру клинохвостый орелъ слѣдуетъ на протяженіи нѣсколькихъ миль и по цѣлымъ днямъ, послѣ того, какъ убѣдится, что при ихъ охотахъ всегда достается кое-что и ему. Въ глазахъ скотоводовъ это истинная язва страны.

Гнѣздо устраивается на самыхъ недоступныхъ деревьяхъ, не всегда высоко надъ землею, но обыкновенно такъ, что до него почти невозможно добраться. Величина его значительно колеблется, такъ какъ пара многократно пользуется старымъ гнѣздомъ и увеличиваетъ его ежегодными поправками. Основаніе его состоитъ изъ толстыхъ вѣтвей, середина изъ болѣе тонкихъ; внутренность гнѣзда выложена тонкими вѣтвями и травою. По Рамзаю, время вывода птенцовъ приходится въ наши послѣдніе лѣтніе мѣсяцы; обыкновенно находятъ въ августѣ два круглыхъ яйца съ шероховатой скорлупою, которая длиною равна 80 мм., шириною въ самомъ толстомъ мѣстѣ 60 мм. и болѣе или менѣе покрыты на бѣломъ фонѣ ржаво-красноватыми, свѣтло-желтовато-бурыми и красновато-голубыми точками и пятнами. Въ нѣкоторыхъ лѣсахъ можно видѣть много необитаемыхъ гнѣздъ, — остатки того времени, когда въ эти лѣса не вступала еще нога бѣлаго.

Клинохвостата орла легко убить, именно на падали, а еще легче поймать

въ ловушки всякаго рода; туземцы часто вынимають его молодымъ изъ гнѣзда, затѣмъ его воспитываютъ въ прибрежныхъ городахъ и отсылають потомъ въ Европу. Въ нашихъ зоологическихъ садахъ онъ встрѣчается довольно часто. Цѣна на него такъ незначительна, что непонятно, какъ можно было прокормить его во время переѣзда на ту сумму, которую онъ стоитъ. Птица эта безъ затрудненія переноситъ у насъ неволю. Объ одной парѣ Гюрней рассказываетъ, что самка не только клала въ клеткѣ яйца, но и высиживала ихъ.

* *
*

Стройное тѣло, относительно короткія крылья, концы которыхъ не достигаютъ до конца очень длиннаго хвоста, длинныя ноги, оперенныя до пальцевъ, высокая плюсна и большія, сильныя лапы съ длинными, слабо согнутыми когтями и наконецъ вытянутый въ длину, но все же сильный клювъ служатъ отличительными признаками **Ястребинаго орла** (*Aquila fasciata bonelli*, *intermedia* и *rubriventer*. *Nisaetus fasciatus*, *grandis*, *niveus* и *strenuus*, *Falco bonelli* и *ducalis*, *Spitzaetus grandis*, *Pseudaetus*, *Eutolmaetus* и *Tolmaetus bonelli*, *Aquilastur bonelli*. *Habichts-adler*. *Aigle de Bonell*). Онъ достигаетъ приблизительно величины карагужа: длина его равна 70 см., размахъ крыльевъ 145, длина крыла 45, а хвоста 26 см. Самка на 8 см. длиннѣе и по крайней мѣрѣ на 10 см. больше въ размахѣ крыльевъ. Въ окончателъномъ опереніи лобъ и полоса надъ глазомъ бѣлые, темя и затылокъ покрыты на буромъ фонѣ болѣе темными полосками; нижняя часть шеи и зашеекъ бѣлые съ черно-бурыми пятнами на краяхъ перьевъ. Перья верхней части спины одноцвѣтныя темно-бурыя, перья нижней части спины черно-бурыя, верхнія кроющія перья хвоста съ мраморнымъ рисункомъ бѣловатаго и бурата цвѣтовъ; горло, грудь и середина брюха разрисованы на бѣломъ фонѣ черными стержневыми пятнами, а штаны — широкими, темными, зубчатыми пятнами въ видѣ полосокъ. Внутренняя сторона голени, а также опереніе плюсны съ ржаво-буроватыми и сѣрыми волнами и съ черными продольными пятнами; маховыя перья черно-бурыя съ легкимъ пурпуровымъ блескомъ, большія маховыя перья на внутренней сторонѣ при основаніи бѣлыя съ темно-бурыми поперечными полосками и мраморнымъ рисункомъ; малыя маховыя перья на внутренней сторонѣ съ неправильными сѣрыми пятнами и разводами; рулевыя перья, кромѣ среднихъ, почти одноцвѣтныя бурыхъ, на верхней сторонѣ сѣро-бурыя съ окаймленною бѣлымъ цвѣтомъ полоской на концѣ и 7 узкими зубчатыми, темными поперечными полосками, на нижней сторонѣ съ бѣло-желтоватымъ налетомъ и буро-сѣрыми крапинками. Въ опереніи молодыхъ темя свѣтло-красноватое, затылокъ чало-красный, верхняя часть спины свѣтло-бурая, каждое перо съ чало-желтой каемкой, хвостъ сверху лопельно-сѣро-бурый съ 9—10 поперечными полосками и бѣлой каймою, вся нижняя сторона на блѣдно-желтовато-ржаво-буромъ фонѣ разрисована тонкими темными стержневыми черточками, брюхо грязно-красновато-бѣлое и безъ пятенъ. Глаза мѣдно-желтые, клювъ рогового голубого цвѣта, восковица грязно-желтая, ноги сѣро-желтыя.

Ястребинный орелъ, котораго тоже убивали и въ Германіи, населяетъ въ довольно большомъ числѣ экземпляровъ южную Францію, Испанію, Португалію, южную Италію, Грецію и Турцію, сѣверо-западную Африку, а также вѣроятно Туркестанъ и всю Индію, отъ Гиммалайскихъ горъ до крайняго юга. Въ Греции и южной Италиі онъ не рѣдокъ, въ Испаніи и Алжирѣ это самый обыкновенный орелъ. Мѣстопробываніемъ его служатъ здѣсь горы, лишенные лѣса, съ крутыми скалистыми склонами. Въ Индіи онъ живетъ преимущественно въ холмистыхъ мѣстно-

стяхъ, поросшихъ джунглями. Онъ не совершаетъ перелетовъ, но во время спариванья кочуетъ по странѣ и часто собирается при этомъ въ общества, состоящія изъ довольно большого числа экземпляровъ: мой братъ Рейнгольдъ видѣлъ разъ, какъ 20 этихъ орловъ пролетали надъ королевскимъ увеселительнымъ садомъ около Мадрида. На мѣстѣ гнѣздовья однако пара этихъ орловъ не тернитъ около себя другой пары или вообще другой хищной птицы.

Ястребинный орелъ чрезвычайно ловкая, мужественная, смѣлая, даже дерз-

Ястребинный орелъ. *Aquila falx*

вел.

кая, наглая птица, которая по нраву совершенно сходна съ ястребомъ, но во многихъ отношеніяхъ превосходитъ его по силѣ и ловкости. Полетъ его болѣе похожъ на полетъ благороднаго сокола, чѣмъ на полетъ орла и такому впечатлѣнію существенно способствуетъ стройное сложеніе птицы. Она, правда, описываетъ и круги по орлиному, но летаетъ, дѣлая гораздо болѣе быстрые удары крыльями, и потому подвигается впередъ гораздо скорѣе, чѣмъ все остальные извѣстные мнѣ представители этого семейства. Только сидя, онъ держится менѣе благородно, чѣмъ остальные орлы, именно болѣе горизонтально, нагнувшись впередъ; однако и онъ часто держится очень

прямо. Взглядъ его не только живой, но сверкающій. Простъ и дикость свѣтятся въ его глазахъ, и его поведеніе не противорѣчитъ этому впечатлѣнію. Онъ соединяетъ быстроту сокола съ ловкостью перепелятника, мужество орла съ кровожадностью ястреба, не боится никакой другой птицы и нападаетъ на каждую, которая приближается къ нему, или для того, чтобы прогнать ее, или для того, чтобы овладѣть ею. Мой братъ видѣлъ, какъ онъ бѣшено дрался съ ягнятникомъ, Крюперъ—какъ онъ съ такимъ же ожесточеніемъ бросался на орлана, крайне опаснаго противника, а также и на грифовъ; я убѣдился, что онъ преслѣдуетъ сѣраго грифа и холзана. Вѣроятно онъ дерется со всякою хищною птицею.

Охотится онъ, какъ я полагаю, за столь-же многими животными, какъ и холзанъ. Темнякъ, впервые описавшій его, говоритъ просто, что онъ нападаетъ на водяныхъ птицъ; однако ястребинный орелъ вовсе не довольствуется только этою охотою. Въ Испаніи это самый страшный врагъ домашнихъ куръ: онъ уноситъ ихъ на глазахъ у людей и преслѣдуетъ ихъ съ такимъ упорствомъ, что буквально истребляетъ всѣхъ куръ нѣкоторыхъ уединенныхъ крестьянскихъ дворовъ. Не менѣе ревностно преслѣдуетъ онъ и голубей. Млекопитающимъ, величиною до зайца, онъ угрожаетъ постоянно. «Однажды», рассказываетъ Тачановскій, «по близости отъ лежащаго среди пустыни лѣса Сада, въ провинціи Константина, мы увидѣли, какъ самка бросилась на зайца, умертвила его однимъ ударомъ и не позволила подоспѣвшему самцу принять участіе въ этой добычѣ. Другой разъ во время охоты съ соколами на викляя мы замѣтили, что сокола не хотѣли бросаться на добычу: причиною этого было то, что вдругъ съ высоты спустился ястребинный орелъ и тотчасъ убилъ эту дрохву». Въ Индіи онъ, по словамъ Жердона, охотится за зайцами, джунглевыми курами, цаплями, утками и другими водяными птицами, по словамъ Андусовъ, также за клювачами, по увѣреніямъ туземныхъ соколятниковъ, даже за ихъ ручными или дрессированными соколами. Жердонъ видѣлъ самъ, какъ онъ въ Нильгири бросался послѣдовательно на зайца, джунглеваго пѣтуха и павлина, но тщетно, такъ какъ густота джунглей дѣлала безуспѣшными его нападенія. Одна пара правильно посѣщала тамъ одно село, чтобы ловить въ немъ куръ. Эллиотъ увѣряетъ, что онъ видѣлъ, какъ два ястребинныхъ орла почти одолѣли павлина, но крайней мѣрѣ сбили его на землю. «Большой вредъ», говоритъ Жердонъ, «причиняетъ пара ихъ голубятнямъ въ Нильгири. Я узналъ, что одна или двѣ голубятни были совершенно опустошены ими. По рассказамъ очевидцевъ, ястребиные орлы ловятъ голубей слѣдующимъ образомъ: когда голуби обрастаются въ бѣгство, одинъ изъ этихъ орловъ бросается внизъ съ значительной высоты, но направляется при этомъ скорѣе подъ голубей, чѣмъ въ середину стаи. Товарищъ его пользуется тѣмъ мгновеніемъ, когда голуби приходятъ въ смятеніе отъ перваго нападенія и съ безошибочной вѣрностью устремляется на одного изъ нихъ. Другой орелъ между тѣмъ снова поднимается и дѣлаетъ въ свою очередь столь же удачное нападеніе.

Всѣ животныя, которыхъ преслѣдуетъ ястребинный орелъ, хорошо знаютъ, какъ онъ страшенъ, и стараются поэтому какъ можно поспѣшнѣе избѣжать хищника. «Когда я», рассказываетъ Пауисъ, «хорошо спрятавшись въ ситникѣ на берегахъ озера Албанія, подстерегалъ утокъ и водяныхъ курочекъ, то часто замѣчалъ, какое впечатлѣніе производило появленіе ястребинаго орла. Всѣ водяныя птицы едва обращали вниманіе на камышенныхъ луей, которые парили надъ ними, и едва поднимали головы, когда показывался орелъ-крикунъ. Но лишь только появлялся ястребинный орелъ, водяныя курочки бѣжали извѣстнымъ образомъ къ ситнику, утки, вытянувъ горизонтально шею, распластывались на водѣ и со всѣхъ

сторонъ раздавались крики предостереженія и страха, пока страшный хищникъ не пролеталъ мимо. Я видѣлъ два раза, какъ эти орлы бросались на птицъ, которыхъ я ранилъ, но никогда не могъ выстрѣлить въ нихъ».

Гнѣздо, какъ кажется, всегда помѣщается въ углубленіяхъ на крутыхъ склонахъ скалъ, въ мѣстахъ, по возможности безопасныхъ. Крюперъ изслѣдовалъ одно, которое находилось въ пещерѣ скалы на одной изъ греческихъ горъ и содержало два яйца. Гнѣздо состояло изъ мелкихъ вѣтвей дикой маслины и нѣсколькихъ листьевъ остролиста, а ложе было выложено пухомъ птицы. Оба яйца различались по цвѣту и зернистости, такъ какъ одно было безъ пятенъ и грязно-бѣлаго цвѣта, другое чисто-бѣлаго съ мелкими ясными пятнами. Крюперъ указываетъ какъ на замѣчательное обстоятельство, что это гнѣздо было подвержено дѣйствію лучей полуденнаго солнца, и что поэтому пещера была чрезвычайно нагрѣта. Полковникъ Ирби наблюдалъ нѣсколько лѣтъ сряду единственную пару, которая выводила птенцовъ на скалахъ Гибралтара, и убѣдился, что и ястребинные орлы любятъ перемѣнять гнѣзда. Въ 1869 и 1871 гг. они пользовались однимъ гнѣздомъ, которое находилось приблизительно на высотѣ 100 м. надъ подошвою скалъ, въ 1870 и 1872 годахъ они пользовались вторымъ, лежавшимъ выше. Въ 1873 г. полковникъ не былъ на Гибралтарѣ; по возвращеніи въ 1874 г. онъ нашелъ, что пара устроила совершенно новое гнѣздо. Надъ постройкой гнѣзда ястребинные орлы трудятся мало, но никогда не забываютъ многократно обкладывать верхнюю часть его свѣжими зелеными масляными вѣтвями. Какимъ образомъ они обламываютъ эти вѣтви, Ирби, повидимому, не могъ выяснитъ. Тѣ вѣтви, которыя онъ подобралъ у подошвы скалъ, были перегрызены, какъ будто бы ихъ отгрызла крыса. Исправленіемъ гнѣзда птицы обыкновенно начинаютъ заниматься уже съ Рождества, хотя самка начинаетъ класть яйца не ранѣе начала февраля. Въ 1871 г. первое изъ двухъ яицъ было положено 5 февраля и птенцы вылупились 16 марта, слѣдовательно послѣ 40 дневнаго высидиванія. Обѣ птицы высидиваютъ поочередно и часто сидятъ даже одновременно на гнѣздѣ. Яйца онѣ поворачиваютъ клювомъ, отъ этого и происходятъ царапины, которыя можно видѣть на яйцахъ, долго подвергавшихся насидиванію. Яйца, которыя названный наблюдатель велѣлъ вынуть изъ гнѣздъ въ 1873 и 1874 г.г. были удивительнымъ образомъ разрисованы красными черточками и точками и такъ сходны между собою, что въ нихъ тотчасъ должно было признать яйца одной и той же самки. Не всѣ гнѣзда, которыя изслѣдовалъ Ирби, находились на значительной высотѣ или на недоступныхъ мѣстахъ, напротивъ, къ нѣкоторымъ можно было взобраться безъ особенныхъ усилій. Въ Индіи ястребинный орелъ тоже выводитъ птенцовъ постоянно на скалахъ. Слѣдуетъ предположить, что ястребинные орлы защищаютъ своихъ птенцовъ съ такимъ же мужествомъ, какое они обнаруживаютъ вообще; но на человѣка, угрожающаго ихъ потомству, онъ все же, кажется, не нападаютъ.

Во время моего пребыванія въ Испаніи мы два раза достали живыхъ ястребинныхъ орловъ. Одинъ, старая птица, былъ пойманъ на деревѣ, которое было приготовлено для ловли воробьевъ и для того обложено прутьями, помазанными клеемъ; онъ, свѣсивъ на прутья, склеилъ себѣ все опереніе. Однако пойманшій такъ жестоко избилъ его, что онъ испустилъ духъ спустя нѣсколько часовъ, которые онъ прожилъ на нашемъ попеченіи. Другой, молодая птица, котораго ловець, какъ онъ говорилъ, досталъ изъ гнѣзда, былъ уже вполне оперенъ и, повидимому, обладалъ уже всеми качествами старыхъ птицъ. Мы помѣстили его въ клетку, въ которой пахотились: холзачъ, бѣлоголовый сипъ, ягнятникъ и галка. Въ этомъ сво-

образномъ обществѣ царило до того времени полное согласіе, но оно было мгновенно нарушено ястребинымъ орломъ. Этотъ послѣдній велъ себя, какъ бѣшеный, топтался по клѣткѣ, пытался завязать драку со всѣми товарищами, а когда они добирались до него, бросался на спину и наносилъ удары когтями. Смѣлая, бодрая галка первая стала жертвой бѣшеной птицы; черезъ часъ она была уже въ его желудкѣ. По отношенію къ намъ онъ велъ себя такъ же необузданно, какъ и по отношенію къ своимъ товарищамъ, и нападалъ безъ размысленія и на насъ, когда думалъ, что можетъ добраться до насъ. Поведеніе его въ клѣткѣ напоминало поведеніе ястреба.

Жердонъ думаетъ, что этого орла можно было-бы легко дрессировать для охоты за антилопами, зайцами, дрохвами и тому подобной крупной дичью. Вѣроятно онъ правъ, такъ какъ тотъ самый плѣнникъ, о которомъ я только что упоминалъ, оказался позднѣе въ Франкфуртскомъ зоологическомъ саду милымъ и доврчивымъ существомъ.

* *
*

Въ сѣверныхъ странахъ, а особенно въ тундрѣ, живетъ одинъ сарычъ, который отличается особенно тѣмъ, что плюсна его оперена, какъ у орловъ. На этомъ основаніи мой отецъ сдѣлалъ его представителемъ особаго рода (*Archibuteo*). Это **Канюнь**, **Конюхъ** (*Archibuteo lagopus*, *pennatus*, *africanus*, *alticeps*, *planiceps*, *Falco lagopus*, *slavonicus*, *sublagopus* и *plumipes*, *Buteo lagopus*, *Buteoetus buteo*, *lagopus*, *Rauchfussbussard*, *Buse pattue*). Клювъ его малъ и узокъ, сильно согнутъ и снабженъ длиннымъ крючкомъ; большія крылья, въ которыхъ третье или четвертое маховое перо длиннѣе другихъ, достигаютъ въ сложенномъ положеніи конца длиннаго закругленнаго хвоста. Опереніе рыхлое, въ области зоба превращенное въ щетинки; перья большія и длинныя, а тѣ, которыя покрываютъ голову и затылокъ—средней длины и закруглены. Необыкновенно разнообразная окраска представляетъ смѣсь бѣлаго, желтовато-бѣлаго, красно-сѣраго, буро-чернаго и бураго цвѣтовъ. Длина равна 65 см., размахъ крыльевъ около 150, длина крыла 45, длина хвоста 24 см.

Хотя и говорятъ, что канюкъ гнѣздяся въ различныхъ частяхъ Германіи, особенно на Рюгенѣ, въ западной Пруссіи, Лаузитцѣ, Тюрингенѣ и на Таунусѣ, тѣмъ не менѣе Германія лежитъ собственно внѣ предѣловъ области, гдѣ онъ выводитъ птенцовъ. Областью этой надо считать тундру. Доказано, что эта птица гнѣздяся въ сѣверной части Великобританіи, именно въ Шотландіи, вѣроятно лишь въ тѣхъ мѣстахъ, которыя похожи на тундру. Что изъ этого пребыванія онъ перемѣщается въ лѣса, лежанціе далѣе на югъ, и строитъ въ нихъ гнѣздо, это объяснимо. Въ Европѣ его встрѣчаютъ лѣтомъ чаще всего въ Скандинавіи и сѣверной Россіи; въ Сибири мы наблюдали его лишь у сѣвернаго края пояса лѣсовъ, а гораздо чаще въ настоящей тундрѣ. Въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ онъ тоже встрѣчается, безъ сомнѣнія замѣчается то же самое. Даже тамъ, гдѣ онъ гнѣздится далѣе на югъ, какъ напримѣръ въ частяхъ Скандинавіи, представляющихъ иной характеръ, онъ отыскиваетъ обыкновенно для жительства такія мѣста, которыя сходны съ тундрой или, строго говоря, представляютъ тундру, хотя бы они и были окружены со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, какъ напримѣръ обнаженные горныя фіельды.

Въ Германіи канюкъ появляется съ сѣвера около середины октября, рѣдко раньше, по большей части нѣсколько позднѣе, чтобы оставаться здѣсь, на своихъ зимнихъ квартирахъ, до марта, даже до апрѣля. Въ нѣкоторые зимы онъ простираетъ свои перекочевки далѣе, но уже въ южной Франціи и сѣверной Италіи онъ принадлежитъ къ очень рѣдкимъ явленіямъ; его наблюдаютъ также еще на Бал-

канскомъ, но не на Пиренейскомъ полуостровѣ. Изъ сѣверной Россіи онъ посѣщаетъ южныя части страны или направляется въ области, прилежащія къ Черному морю; изъ Сибири онъ перекочевываетъ до степей Туркестана. Въ Туркменіи Вальтеръ неоднократно наблюдалъ его въ значительномъ числѣ въ теченіи марта въ ущельи Геокъ-тене.

Опытный наблюдатель можетъ отличить канюка отъ всѣхъ туземныхъ родичей его во всякомъ положеніи, а особенно на лету. Благодаря болѣе длиннымъ

Канюкъ. *Archibuteo lagopus*. $\frac{1}{2}$ н.сл. вел.

крыльямъ съ черными пятнами на сочлененіи и бросающемся въ глаза рисунку хвоста, общій видъ его на лету достаточно отличаетъ его отъ сарыча. Движенія обѣихъ птицъ тоже различны, такъ какъ канюкъ, ударивъ крыльями, опускаетъ ихъ ниже и послѣ каждаго двухъ или трехъ ударовъ пролетаетъ обыкновенно нѣкоторое разстояніе пари. Помимо этого, оба вида такъ мало различаются по своей жизни зимою, что можно безъ колебанія отнести къ одному изъ нихъ то, что случится наблюдать надъ другимъ. Гораздо скорѣе и опредѣленнѣе можно указать различія въ лѣтней жизни обѣихъ столь родственныхъ между собою птицъ.

Проѣзжая по тундрѣ, навѣрное замѣтишь уже въ первые часы путешествія, а по крайней мѣрѣ въ первые дни, пару канюковъ, которые или описываютъ круги высоко въ небѣ или, подобно сарычамъ, парятъ низко надъ землею, отъ времени до времени трепещутъ перелетають нѣкоторое разстояніе и снова останавливаются, чтобы высмотрѣть пеструшку. Если посѣтить тундру въ послѣдніе дни іюля, то такая птица, навѣрное, замѣтивъ человѣка, подлетитъ къ нему и громкимъ крикомъ будетъ выражать свой страхъ, чтобы онъ не посѣтилъ гнѣзда. Дѣло въ томъ, что около этого времени изъ 4—5 яицъ, которыя едва можно отличить отъ яицъ нашего сарыча, уже вылупились птенцы и сидятъ на гнѣздѣ въ пушистомъ пуховомъ нарядѣ, ожидая родителей. Гнѣздо лишь крайне рѣдко находится въ тундрѣ на такомъ мѣстѣ, гдѣ до него можно добраться безъ затрудненій. Правда я канюкъ никогда не упустить случая воспользоваться деревьями или удобными впадинами скаль, но на большихъ пространствахъ не можетъ сдѣлать этого потому, что во многихъ мѣстахъ той своеобразной области, гдѣ онъ выводитъ птенцовъ, есть достаточно пищи, но нѣтъ деревьевъ или скаль, а потому канюкъ видитъ себя вынужденнымъ устраивать гнѣздо прямо на землѣ. Въ отличіе отъ сапсава онъ выбираетъ для этого не мѣста около обрывовъ, а всегда вершину холма, все равно, поднимается-ли оно на 30—40 м. или лишь на 2—3 м. надъ средней высотой равнины. Помимо безспорно страннаго для сарыча выбора мѣста, гнѣздо, которое въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ едва отличается отъ гнѣзда нашего сарыча, представляетъ въ тундрѣ еще и то отличіе, что для постройки его употребляются исключительно тонкія ломкія вѣтви. Дѣло въ томъ, что канюку стоитъ не малаго труда достать себѣ даже и такія. Пролетая большія пространства, онъ лишь кое-гдѣ находитъ случайно отломанную вѣтку карликовой березы, а въ самомъ благоприятномъ случаѣ вырванный кустъ этого дерева или сухую вѣтку лиственницы, которую можетъ употребить въ дѣло. Очень понятно поэтому, что онъ довольствуется самыми незначительными вѣтвями и употребляетъ при постройкѣ основанія гнѣзда даже такія, которыя не толще, чѣмъ переплетенныя между собою вѣтви верхушки карликовой березы, на которыхъ находится гнѣздо. Тяжесть послѣдняго тѣмъ не менѣе настолько значительна, что гибкія, упругія вѣтви карликовой березы, которыягибаются даже подъ тяжестью птицы, прижимаются къ землѣ, какъ-бы слипаются съ самымъ гнѣздомъ и такимъ образомъ, строго говоря, образуютъ нижнюю часть его. Если канюкъ найдетъ оленью шерсть или другія мягкія вещества для выстилки гнѣзда, то привозитъ и ихъ, если-же не найдетъ ихъ, то довольствуется тѣмъ, что выстилаетъ очень плоское углубленіе гнѣзда, а иногда, и нижнюю часть его очень тонкими вѣтвями и отдѣльными стеблями ситника. Въ сѣверной Скандинавіи онъ кладетъ яйца, по наблюденіямъ Уоллея, между половинной мая и концомъ іюня, въ тундрѣ западной Сибири, повидимому, тоже не поздне. Въ концѣ іюля и началѣ августа мы находили въ различныхъ гнѣздахъ птенцовъ въ пуховомъ нарядѣ.

Если вступить въ участокъ, обитаемый парой канюковъ, то сами старики навѣрное заставятъ обратить вниманіе на гнѣздо, и если съ толкомъ слѣдовать за ними, то они навѣрное приведутъ и къ тому мѣсту, гдѣ выводитъ птенцовъ. Одинъ изъ стариковъ замѣчаетъ издали приближающагося человѣка, явленіе для него необыкновенное, и испѣшно подлетаетъ, чтобы хорошенько разсмотрѣть пришельца, затѣмъ, какъ уже было описано, раздражается громкимъ жалобнымъ крикомъ и всегда привлекаетъ этимъ другую птицу, по большей части уже спусти нѣсколько минутъ. Обѣ описываютъ круги надъ путникомъ, осторожно держась на значительной высотѣ и по крайней мѣрѣ оставаясь вѣвѣ выстрѣла, постепенно поднимаются кругами по

винтовой линіи выше и выше, отъ времени до времени бросаются внизъ, какъ будто желая сдѣлать нападеніе, но никогда не отваживаются на такой смѣлый ударъ, какъ сапсанъ при такихъ обстоятельствахъ, и не упускаютъ изъ вида своей безопасности. Хотя по усилению ихъ крика и быстроты движеній и можно замѣтить, когда приближаешься къ гнѣзду, но тѣмъ не менѣе найти его не всегда легко. Можно пройти мимо него въ не слишкомъ большомъ разстояніи, такъ какъ само оно вовсе не бросается въ глаза и его можно признать лишь по виднымъ издали живымъ комкамъ пуха—птенцамъ. Если замѣтить его заблаговременно, то можно, повемногу приближаясь къ нему, удобно наблюдать за поведеніемъ птенцовъ съ помощью подзорной трубы. Повернувшись по обыкновенію головами внутрь, они мирно сидятъ рядомъ въ различныхъ позахъ. Одинъ, вытянувъ шею и положивъ голову на дно гнѣзда, удобно лежитъ, полускрывъ глаза, въ грезахъ и дремотѣ; другой присѣлъ, скорчившись на плюснахъ, и роется клювомъ въ перьяхъ; третій пробуетъ двигать недоразвитыми крыльями, какъ будто желая летѣть; четвертый сердито топорщитъ головныя перья, на которыхъ сидитъ болѣе дюжины кровожадныхъ комаровъ; пятый присѣлъ, на половину скрючившись, между другими. Вдругъ одинъ изъ стариковъ, на боязливый крикъ котораго вся молодая стая не обращала до тѣхъ поръ вниманія, бросается низко къ землѣ и поспѣшно пролетаетъ надъ самымъ гнѣздомъ: мгновенно всѣ птенцы прижимаются къ гнѣзду и остаются неподвижны. Одинъ, который пробовалъ двигать крыльями, оказался перевернутымъ тѣмъ, который сердился на комаровъ, и лежитъ теперь косо на спинѣ, плотно прижавъ къ тѣлу одну открытую лапу и далеко вытянувъ другую, полусжатую, не рѣшаясь сдѣлать какое-либо движеніе и только миганіемъ и движеніемъ груди при дыханіи обнаруживая, что онъ живъ. Въ такомъ неподвижномъ положеніи птенцы остаются, какъ изваянія, до тѣхъ поръ, пока находишься около гнѣзда. Можно срисовать ихъ, не боясь, что который-нибудь измѣнитъ положеніе; можно брать ихъ изъ гнѣзда и снова класть обратно, и они все-таки будутъ вести себя такъ, какъ будто-бы были мертвы, и неизмѣнно сохранять то положеніе, которое вздумаешь придать имъ. Между тѣмъ старики жалобно кричатъ, бросаются внизъ, снова поднимаются кругами вверхъ, выражаютъ свой страхъ на тысячу ладовъ, но не отваживаются приблизиться на разстояніе выстрѣла.

Любовь къ птенцамъ они выражаютъ и другимъ способомъ, именно принося имъ обильную пищу. Въ одномъ гнѣздѣ, хотя оно содержало еще очень маленькихъ птенцовъ, мы нашли, кромѣ остатковъ пеструшекъ, молодого турухтана, видимо задушеннаго лишь за нѣсколько минутъ до того, котораго птенцы, повидимому, вовсе и не могли еще проглотить и который предназначался, можетъ быть, для того, чтобы старики растерзали его въ самомъ гнѣздѣ. О дальѣйшемъ ходѣ выкармливанія и воспитанія птенцовъ я не могу ничего сказать на основаніи собственныхъ наблюденій и не читалъ объ этомъ ничего въ извѣстныхъ мнѣ сочиненіяхъ. Отъ Гарви-Броуна и Альстона мы узнаемъ, что самка чрезвычайно усердно сидитъ на яйцахъ въ недоступномъ, слѣдовательно находящемся въ расщелинахъ или на скалахъ гнѣздѣ, и иногда не слетаетъ даже послѣ выстрѣла пулей въ гнѣздо, а также, что одна изъ птицъ скоро перестаетъ горевать о потерѣ другой, если ее застрѣлятъ, и иногда уже на слѣдующій день оказывается спарившеюся съ другой птицей.

Животное, которое привязываетъ капюкъ къ тундрѣ,—пеструшка и другіе грызуны. Благодаря чрезвычайному обилію этихъ животныхъ, птица въ теченіи самаго важнаго времени ея жизни никогда не терпитъ нужды. Пеструшекъ она ловитъ безъ труда, сколько хочетъ и сколько ей нужно. Ими капюкъ питается

самъ и кормить своихъ птенцовъ. Что онъ не пренебрегаетъ и другими животными тундры, доказываетъ намъ уже упомянутый турухтанъ; что онъ можетъ быть опаснымъ и зайцамъ, когда подрастающіе птенцы болѣе обыкновеннаго побуждаютъ его хищничать, это можно заключить изъ тѣхъ наблюденій, которыя мы собрали относительно канюка во время зимняго пребыванія его у насъ. Правда и здѣсь мыши, и именно обыкновенныя и земляныя полевки, настолько составляютъ его главную пищу, что набиватель чучель Локай, которому, по словамъ Фритша, въ иную зиму присылали до 60 канюковъ, убитыхъ въ окрестностяхъ Праги, увѣрялъ, что онъ находилъ зобъ ихъ наполненнымъ почти исключительно обыкновенными полевками и лишь къ концу зимы при глубокомъ снѣгѣ находилъ въ немъ иногда остатки куропатки. Но голодъ побуждаетъ и этого сарыча къ проступкамъ, которые наши охотники никогда не прощаютъ ему. «Пока земли свободна отъ снѣга», говоритъ Гомейеръ, который почти каждую зиму наблюдалъ его въ Помераніи въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, «едва-ли можно видѣть, чтобы канюкъ охотился за чѣмъ-нибудь инымъ, какъ за мышами, какъ ни готовъ онъ отбивать добычу у благородныхъ соколовъ и ястребовъ-тетеревитниковъ. Но онъ охотно держится по близости охотника и отыскивающей дичь собаки, и съ нами не разъ случалось, что канюкъ уносилъ равную нами и упавшую на нѣкоторомъ разстояніи сѣрую куропатку. Замѣчательный случай встрѣтился мнѣ однажды, когда я отправился на охоту съ однимъ знакомымъ послѣ того, какъ выпалъ первый снѣгъ,—и сдѣлавъ выстрѣлъ по куропаткамъ, отъ котораго одна изъ нихъ упала на разстояніи приблизительно 300 шаговъ. На нее тотчасъ устрѣлся канюкъ, но на перваго не менѣе быстро бросился другой и оба вцѣпились другъ въ друга когтями. Прежде, чѣмъ мы успѣли подѣхать къ нимъ рысью, между ними сидѣлъ уже третій. При глубокомъ снѣгѣ, когда мыши показываются рѣдко, этотъ сарычъ становится особенно опаснымъ для сѣрыхъ куропатокъ. Мнѣ извѣстенъ даже случай, когда канюкъ въ теченіи цѣлыхъ недѣль каждое утро уносилъ со двора по голубю, пока его не убилъ наконецъ привезенный туда охотникъ. Тѣмъ не менѣе канюкъ принадлежитъ къ птицамъ преимущественно полезнымъ, хотя и могутъ встрѣтиться случаи, когда бываетъ необходимо избавиться отъ него».

Я охотно заявляю о своемъ согласіи съ послѣдними словами, и настолько-же опредѣленно опровергаю мнѣніе многихъ охотниковъ, будто-бы канюка, подобно сарычу, слѣдуетъ истреблять при всякихъ обстоятельствахъ. По моему, сельскій хозяинъ и въ этомъ случаѣ имѣетъ большія права, чѣмъ ружейный охотникъ.

* *
*

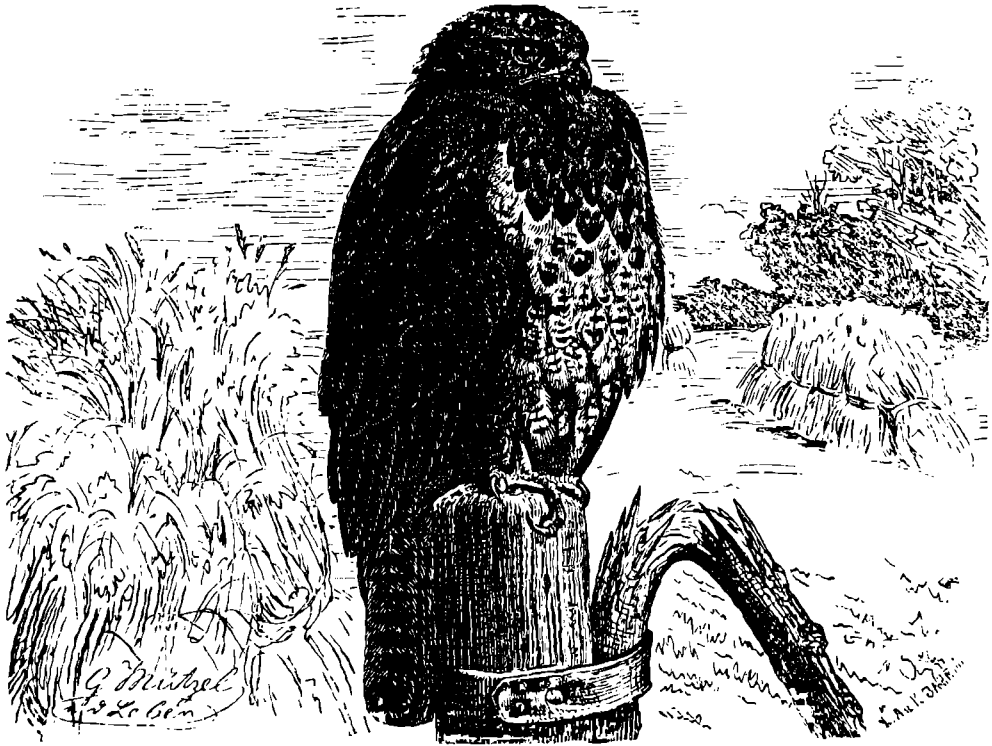
Главный представитель рода сарычей (*Buteo. Bussarde. Buses*) отличается маленькимъ, узкимъ, сильнымъ, согнутымъ клювомъ, неопредѣленными плюснами, относительно короткими лапами, широкими крыльями, въ которыхъ маховыя перья отъ третьяго до пятаго равной длины между собою и длиннѣе остальныхъ, и короткимъ, самое большее достигающимъ средней длины, прямо усѣченнымъ хвостомъ, который покрывается сложенными крыльями. Пашъ **Сарычъ обыкновенный** (*Buteo vulgaris, albidus, cinereus, fasciatus, mutans, septentrionalis, medius* и *mirum, Falco buteo, albus, glaucopsis, versicolor, albidus* и *rojana. Müusebussard. Buse commune*) достигаетъ длины въ 50—56 см. при размахѣ крыльевъ въ 120—125 см.; длина крыла равна 38—40, длина хвоста 26 см. О цвѣтѣ его трудно сказать что-нибудь общее, такъ какъ окраска сарыча чрезвычайно разнообразна и рѣдко можно видѣть двухъ, окрашенныхъ совершенно одинаково. Пѣ-

которые равномернаго черно-бурого цвѣта съ поперечными полосами на хвостѣ, у другихъ верхняя сторона, грудь и голени бурого цвѣта, а остальные части свѣтло-буро-сѣрыя съ поперечными пятнами; третьи свѣтло-бурого цвѣта съ продольными черточками до самаго хвоста; четвертые желтовато-бѣлаго цвѣта съ темными маховыми и хвостовыми перьями, съ пятнами на груди, съ поперечными полосами на рулевыхъ перьяхъ и т. д. Глаза въ молодости сѣро-бурые, позднѣе красновато-бурые, въ старости сѣрые; восковица воскового желтаго цвѣта; ноги свѣтло-желтыя; клювъ у основанія голубоватый, на концѣ черноватый.

Область распространенія обыкновеннаго сарыча мало переходитъ за границы Европы. Уже въ степяхъ южной Россіи его замѣняетъ замѣтно болѣе крупный, болѣе сильный и съ болѣе высокими ногами **Бѣлохвостый сарычъ**, **Сарнь** (*Buteo ferox*, *capescens*, *longipes*, *leucocephalus*, *aquilinus*, *rufinus*, *fuliginosus*, *pectoralis* и *nigricans*, *Accipiter ferox*, *Fa co ferox*, *rufinus* и *astracanus*. *Butaquila leucoccephala*, *Butaëtus leucurus*, *Circaëtus ferox* и *Limnosalus africanus*. *Adlerbussard*. *Buse feroce*), который хотя и сильно варьируетъ, но можетъ быть узнавъ по своему по большей части свѣтлому, почти бѣлому хвосту. По словамъ Вальтера, онъ «во всемъ закаспійскомъ краѣ самый обыкновенный видъ своего рода». Въ Сибири, Малой Азій, сѣверо-восточной Африкѣ его замѣщаетъ **Степной сарычъ** (*Buteo desertorum*, *rufiventer*, *cirtensis*, *capensis*, *vulpinus*, *minor*, *tachardus* и *delalandii*, *Falco desertorum* и *cirtensis*. *Steppebussard*. *Buse des steppes*), пролетающій во время перелета и Германію. Въ противоположность предыдущему, онъ отличается замѣтно меньшей величиною и опереніемъ преимущественно красноватаго цвѣта и по крайней мѣрѣ явственно красноватымъ хвостомъ, но тѣмъ не менѣе онъ настолько близокъ къ нашему сарычу, что ихъ легко смѣшать. Въ Европы обыкновенно сарыча наблюдали въ Туркестанѣ и зимою въ сѣверной Африкѣ. Въ Великобританіи онъ почти истребленъ, въ южной Скандинавіи, сѣверной и средней Россіи, Даніи, Германіи, Австро-Венгріи онъ, напротивъ, одна изъ самыхъ обыкновенныхъ хищныхъ птицъ; въ Голландіи онъ ограничивается главнымъ образомъ восточными частями, въ Бельгій и Франціи рѣдко бываетъ осѣдой, но часто перелетной птицей, на трехъ южныхъ полуостровахъ онъ правильно бываетъ зимою. Въ южной Германіи онъ остается обыкновенно и зимою, въ сѣверныхъ частяхъ ея большая часть птицъ, выводившихъ птенцовъ, улетаетъ на зиму. Болѣе холодныя страны сарычъ оставляетъ ежегодно осенью, именно въ сентябрѣ и октябрѣ, чтобы возвратиться сюда въ мартѣ или апрѣлѣ. Во время перелета онъ собирается обществами отъ 20 до болѣе 100 штукъ, которые хотя и движутся въ одномъ направленіи, но вовсе не составляютъ стаи, а распредѣляются на пространства нѣсколькихъ квадратныхъ километровъ, летятъ медленно и по большей части на довольно значительной высотѣ и всегда находятъ время по цѣлымъ получасамъ винтообразно подниматься вверхъ, описывая широкіе круги. На возвратномъ пути они охотно остаются по нѣсколько дней въ мѣстахъ, общающихся пищу, и затѣмъ снова перекочевываютъ на нѣкоторое разстояніе. Для жительства пара избираетъ всякаго рода лѣса, всего охотнѣе такіе, которые чередуются съ полями и лугами; они встѣчаются однако и въ обширныхъ лѣсахъ и высоко поднимаются на горы.

Опытный наблюдатель узнаетъ сарыча съ перваго взгляда, все равно, сидитъ-ли онъ, или летаетъ. Обыкновенно онъ сидитъ, съежившись, съ мало прилегающими перьями, охотно на одной ногѣ, согнувъ другую и спрятавъ ее въ перья. Камень, земляной бугоръ или дерево, которое онъ выбралъ для отдыха, служатъ ему сторожевыми пунктами, съ которыхъ онъ обозрѣваетъ свою область.

Летает онъ медленно, но легко, почти безъ шума и пролетаетъ большія пространства паря. Во время охоты сарычъ часто долгое время трепещетъ надъ однимъ мѣстомъ, чтобы самымъ тщательнымъ образомъ осмотрѣть его, или чтобы хорошенько присмотрѣться къ замѣченному животному. Падая, онъ падаетъ на землю, плотно прижавъ крылья къ тѣлу, расправляетъ ихъ внизу, пролетаетъ еще нѣкоторое разстояніе надъ землею и затѣмъ хватаетъ свою добычу, широко разставивъ лапы. При обыкновенной охотѣ онъ рѣдко поднимается на значительную высоту, но весной, и именно во время спариванья, онъ поднимается вверхъ необыкновенно высоко и продѣлываетъ при этомъ фокусы, которые отъ него нельзя было бы и ожидать. «Тамъ, гдѣ онъ гнѣздится», совершенно вѣрно го-

Обыкновенный сарычъ. *Butor vulgaris*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

ривъ Альтумъ, «онъ составляетъ истинное украшеніе мѣстности. Великолѣнное зрѣлище представляетъ пара сарычей въ ясные весенніе дни или позднѣе, когда они носятся надъ лѣсомъ, описывая чрезвычайно красивые круги. Ихъ громкое и звучное «хях» еще увеличиваетъ пріятное оживленіе. Послѣ того, какъ они достаточно долгое время продѣлывали свои летательные фокусы, одинъ изъ нихъ складываетъ крылья и съ громкимъ свистомъ падаетъ въ лѣсъ; за нимъ тотчасъ слѣдуетъ другой». Голосъ сарыча похожъ на мяуканье кошки и ему сарычъ обязанъ своимъ нѣмецкимъ названіемъ, такъ какъ слова «Buse» означаетъ кошку, а слѣдовательно «Bussard» то же самое, что «Katzenaag», т. е. кошачій орелъ. Изъ чувствъ сарыча выше всего стоитъ зрѣніе; но и слухъ его остръ, осязаніе тонко, вкусъ также замѣченъ, а обоняніе, быть можетъ, развито болѣе, чѣмъ мы думаемъ. Душевные способности, повидимому, хорошо развиты: какъ сарычъ, жи-

вущій на свободѣ, такъ и находящійся въ неволѣ довольно часто обнаруживаютъ большую смышленность и хитрость.

Въ концѣ апрѣля или началѣ мая сарычъ селится на своемъ старомъ гнѣздѣ или строить новое. Онъ выбираетъ для этого удобное дерево въ лиственныхъ или хвойныхъ лѣсахъ и возводитъ здѣсь то выше, то ниже надъ землею, обыкновенно по возможности близко отъ ствола, или на развилинѣ вѣтвей или въ удобной развилинѣ толстыхъ сучьевъ почти всегда большую постройку, которая увеличивается съ годами въ объемъ, если онъ не предпочтетъ воспользоваться гнѣздомъ ворона или вороны, которое покажется ему удобнымъ. По большей части онъ бываетъ строителемъ не только для себя, но и для многихъ другихъ хищныхъ птицъ нашего отечества. Гнѣздо имѣетъ въ діаметрѣ около 60, самое большее 80 см. и состоитъ изъ болѣе толстыхъ вѣтвей, которыя становятся обыкновенно кверху все тоньше и тоньше и наконецъ выбираются съ большою тщательностью, такъ что плоское углубленіе гнѣзда оказывается выложенной вѣжными зелеными прутиками. Иногда сарычъ выстилаетъ гнѣздо тѣже мхомъ, шерстью животныхъ и другими мягкими веществами. Кладку составляютъ 3—4 яйца, которыя на зеленовато-бѣломъ фонѣ испещрены свѣтло-бурыми пятнами. Самка высидиваетъ, повидимому, одна, а птенцы выкармливаются обоими родителями сообща.

Съ сарычемъ происходитъ приблизительно то-же, что и съ лисицей. Каждый его проступокъ замѣчается неблагоклонными взорами, а полезная дѣятельность его оцѣнивается постоянно слишкомъ низко. Въ глазахъ всѣхъ охотниковъ это самая вредная хищная птица нашего отечества и потому сарычъ подвергается ожесточеннымъ преслѣдованіямъ. «Въ 1848 году», говоритъ Либс, «сарычамъ досталось болѣе, чѣмъ всѣмъ остальнымъ хищнымъ птицамъ. Въ этомъ и слѣдующемъ году очень многія изъ этихъ весьма безвредныхъ хищниковъ были застрѣлены крестьянами у гнѣздъ или съ подхода и хвастливо прибиты гвоздями у дверей амбаровъ, потому только, что бѣдные птицы были слишкомъ велики, чтобы не бросаться въ глаза, слишкомъ доверчивы, чтобы относиться съ недоверіемъ къ поселянину, который до тѣхъ поръ ихъ не преслѣдовалъ, и слишкомъ неуклюжи и медлительны, чтобы успѣть избѣгнуть выстрѣла дробью». То же самое, что сказано о крестьянахъ, относится и ко многимъ другимъ лицамъ, владѣющимъ ружьями, по крайней мѣрѣ я думаю, что лишь очень немногіе изъ нихъ составили себѣ предположеніе о дѣятельности сарыча на основаніи собственныхъ наблюденій.

Изъ числа лицъ, которые произносятъ безповоротно приговоръ надъ сарычемъ, принадлежитъ и одинъ очень опытный охотникъ, Мейеринкъ. «Уже въ теченіи 50 лѣтъ», пишетъ онъ мнѣ, «я многократно наблюдалъ сарыча въ самыхъ богатыхъ дичью мѣстностяхъ Германіи и могу поэтому позволить себѣ высказаться совершенно опредѣленно относительно его пользы или вреда. Подобно его родичу, каяюку, сарычъ безусловно принадлежитъ къ самымъ вреднымъ хищнымъ птицамъ, и вредъ, причиняемый ими охотѣ, вовсе не соответствуетъ пользѣ, которую они приносятъ лѣсоводу и сельскому хозяину. Сарычи похищаютъ дѣтенышей козуль, зайцевъ, особенно молодыхъ, фазановъ во всякое время года, и старыхъ куропатокъ. Я могу доказать это сотнями примѣровъ, и всѣ владѣльцы охоты въ мѣстностяхъ, обильныхъ дичью, присоединяются къ моему мнѣнію. Въ мѣстахъ, обильныхъ дичью, сарычи ловятъ мышей лишь между прочимъ, точно такъ же, какъ и лисица, если въ ея распоряженіи имѣется добыча, болѣе вознаграждающая трудъ. Я живу въ настоящее время въ Силезіи. Въ эту весну на здѣшнихъ поляхъ довольно много мышей, такъ что два человѣка ежедневно ло-

види и губили въ теченіи апрѣля 500—600 мышей на пшеничныхъ и ржаныхъ посѣвахъ на пространствѣ около 300 гектаровъ. Въ теченіи всей весны я не видѣлъ еще ни одного сарыча на полѣ, но видѣлъ ихъ на опушкахъ и около опушекъ лѣсовъ и на межахъ, гдѣ можно было замѣтить мало мышей. Здѣсь въ округѣ Неймаркъ въ теченіи 14 дней случилось четыре раза, что сарычей прогоняли отъ молодыхъ зайцевъ, которыхъ они убили въ лѣсу и уже половину съѣли. Двухъ сарычей удалось при этомъ убить, и въ желудкѣ ихъ находилось лишь мясо молодыхъ зайцевъ, но не было и слѣда мышей. По содѣйствию со мною были сдѣланы такія же наблюденія и не только по отношенію къ молодымъ зайцамъ, но и къ старымъ фазанамъ-самкамъ. Одинъ лѣсничій выставилъ недавно сѣть съ голубемъ, чтобы поймать ястреба, а самъ спрятался на разстояніи 150 шаговъ отъ сѣти. вмѣсто ожидаемаго ястреба оказался сарычъ, бросился вертикально сверху на голубя и унесъ его изъ сѣти, причемъ сѣть не захлопнулась. На слѣдующій день сѣть снова стояла на томъ же мѣстѣ и снова показался сарычъ, вѣроятно тотъ же самый, и снова унесъ голубя изъ сѣти и не попался самъ. На третій день надъ сѣтью были протянуто нѣсколько крестообразныхъ веревокъ. На этотъ разъ хитрый хищникъ наконецъ попался. У него въ желудкѣ не было никакихъ остатковъ мышей. Въ 1834 г., когда осенью мыши причиняли жестокія опустошенія, въ молодыхъ дубовыхъ насажденіяхъ въ лѣсничествѣ Леддеритцъ, гдѣ эти грызуны приносили чрезвычайно много вреда, ежедневно ловили въ вырытыя ямы и убивали до 1000 штукъ ихъ; но и здѣсь оказалось, что сарычи, которыхъ было довольно много, обращали вниманіе лишь на молодыхъ фазановъ и ловили крайне мало мышей въ дубовыхъ плантаціяхъ, за которыми между тѣмъ продолжали наблюдать. У сарычей, убитыхъ изъ вороньяго палаша, оказывалось поэтому въ желудкѣ лишь мясо птицъ и рѣдко остатки мыши. При такомъ множествѣ мышей то количество ихъ, которое истребляютъ сарычи, вовсе не заслуживаетъ вниманія, и человѣкъ можетъ въ короткое время убить въ сто разъ больше этихъ грызуновъ. Очень часто случалось, что сарычи убивали молодыхъ косуль, и ихъ при этомъ убивали самихъ. Уже много лѣтъ я ежегодно приманивалъ голосомъ косуль въ различныхъ округахъ во время ихъ течки. При этомъ не разъ случалось, что сарычи послѣ того, какъ я нѣсколько разъ манилъ, съ большою быстротою бросались внизъ на разстояніи 8—10 шаговъ передо мною и, расширивъ крылья, дико озирались, въ надеждѣ увидѣть молодую косулю. Сопровождавшіе меня на охотѣ лѣсники и надсмотрщики надъ охотой уже прежде часто наблюдали то же. Замѣчу въ дополненіе, что до того времени, какъ я пачиналъ манишь, я никогда не замѣчалъ сарыча около себя; они должны были, слѣдовательно, замѣчать зовъ по крайней мѣрѣ на разстояніи 300 шаговъ. Что сарычи очень часто схватываютъ куропатокъ зимою, когда выпадетъ снѣгъ, и фазановъ на мѣстѣ кормленія, это могутъ подтвердить всѣ охотники, которые надзирали за такими охотами. Я могъ бы привести безчисленные примѣры, которые доказываютъ вредъ сарыча; но это завело бы слишкомъ далеко. На основаніи всего сказаннаго здѣсь, я не могу присоединиться къ взгляду, высказанному въ первомъ изданіи «Жизни животныхъ», будто бы сарычи принадлежатъ скорѣе къ полезнымъ, чѣмъ къ вреднымъ птицамъ». Вильдбургъ рассказываетъ, что въ ловушку для истребовъ въ теченіи мѣсяца были пойманы, кромѣ 3 истребовъ, 3 перепелитниковъ и 1 филина, также 7 сарычей.

Я привелъ цѣликомъ мнѣніе прекраснаго охотника, котораго наблюденія я высоко цѣню, но долженъ пояснить, что, несмотря на то, я вовсе не убѣжденъ въ томъ, что вредъ сарыча перевѣшиваетъ приносимую имъ пользу. Что касается

проступковъ этихъ хищныхъ птицъ, то я и теперь признаю ихъ такъ же, какъ не умалчивалъ о нихъ и въ первомъ изданіи «Жизни животныхъ». Я намѣренъ даже привести еще данныя относительно вреда, приносимаго сарычами по временамъ, частью на основаніи собственныхъ наблюденій, частью на основаніи словъ другихъ. Вѣрно, что сарычъ ловить, какъ мышей, крысъ и хомяковъ, змѣй, лягушекъ, насѣкомыхъ и дождевыхъ червей, такъ и молодыхъ зайцевъ или добываетъ старыхъ, больныхъ, и особенно раненыхъ и питается ихъ мясомъ. Не менѣе вѣрно и то, что онъ иногда ловить куропатовъ, возможно даже, что онъ достаточно ловокъ, чтобы ловить даже лѣтомъ и осенью здоровыхъ тетерекъ или фазановъ. Далѣе доказано, что онъ приноситъ своимъ птенцамъ, кромѣ только что названныхъ родовъ дичи, также кротовъ, вьюрковъ, жаворонковъ, черныхъ дроздовъ и другихъ молодыхъ птицъ, которыми можетъ овладѣть; нельзя отвергать наконецъ, что онъ, подобно лунямъ, поѣдаетъ иногда яйца утокъ, а можетъ быть и другихъ охотничьихъ птицъ. Но главная пища сарыча состоитъ тѣмъ не менѣе въ мышахъ всѣхъ видовъ, крысъ, хомяковъ, сусликовъ, лягушекъ, сверчковъ и другихъ насѣкомыхъ, слѣдовательно изъ животныхъ, которыя или приносятъ намъ самый чувствительный вредъ или, какъ лягушки, существуютъ въ такомъ множествѣ, что истребленіе нѣсколькихъ изъ нихъ не имѣетъ значенія. Блазиусъ вынулъ остатки 30 мышей изъ желудка одного сарыча, Мартинъ вскрывалъ сотни этихъ хищныхъ птицъ, переданныхъ ему для набиванія, и во всѣхъ зобахъ находилъ лишь мышей. Возможно, что мнѣніе Ленца, будто бы сарычъ, поѣдая по 30 мышей въ день, ежегодно долженъ истреблять около 10000 штукъ этихъ вредныхъ грызуновъ, невѣрно, подобно всѣмъ теоретическимъ вычисленіямъ, въ этомъ родѣ; но, какъ бы то ни было, вѣрно то, что сарычъ приноситъ большіе пользы, поѣдая мышей, чѣмъ вреда, нападая на нѣкоторые виды дичи.

Нельзя при этомъ забывать и то, что эта хищная птица, какъ и всѣ родичи ея, болѣе или менѣе примѣняется къ обстоятельствамъ, а слѣдовательно въ мѣстностяхъ, богатыхъ дичью, понятнѣе чаще нападаетъ на дичь, чѣмъ въ мѣстности, бѣдной дичью, гдѣ ловля ея причиняетъ ей гораздо больше труда, чѣмъ добываніе обычной пищи; но не слѣдуетъ упускать изъ виду и то, что по временамъ сарычъ становится особенно вреднымъ, именно, если онъ долженъ кормить голодныхъ, требующихъ много пищи птенцовъ; онъ тогда нападаетъ на все, что можетъ схватить и одолѣть, и, побуждаемый голодомъ, оказывается особенно смѣлымъ зимою. Что не всѣ охотники согласны съ Мейеринкомъ, можно заключить изъ слѣдующихъ словъ графа Коспота. «Гдѣ есть много мышей», пишетъ послѣдній Ризенталю, «туда сарычъ явится издали. Когда въ 1873 г. мыши начали производить у насъ опустошенія, то первые изъ этихъ враговъ сельскаго хозяйства оказались на клеверномъ полѣ, величиною въ 5 гектаровъ. Я могъ теперь ежедневно видѣть 12 сарычей, которые ровностно занимались ловлей мышей и совершенно не обращали вниманія на молодыхъ зайцевъ и куропатовъ. Они оставались цѣлый день на этомъ мѣстѣ, пока мыши не распространились вокругъ, гдѣ птицы и расселились попарно. Зимой съ 1874 на 1875 г. при глубокомъ снѣгѣ сарычи были, напротивъ, очень вредны, правда лишь изъ крайности. Мой охотникъ на фазановъ поймалъ въ теченіи этого времени 7 сарычей въ канканы, причѣмъ каждый изъ нихъ передъ тѣмъ схватывалъ по самку фазана. Охотникъ прогонялъ сарыча отъ фазана, ставилъ на томъ же мѣстѣ канканъ, а на него клалъ ту же самую самку, послѣ чего обыкновенно черезъ часъ воръ садѣлъ уже въ канканъ. Безъ надзора эти 7 сарычей произвели бы жестоки опустошенія среди моихъ фазановъ на мѣстѣ кормленія. Поэтому мое мнѣніе таково, что лѣтомъ слѣдуетъ пре-

доставлять ему летать, а зимою стрѣлять его всюду, гдѣ встрѣтишь». Съ точки зрѣнія охотника такой взглядъ можетъ считаться основательнымъ; но дѣло представляется инымъ, если стать на точку зрѣнія лѣсовода и сельскаго хозяина и обратить вниманіе на то, что они, конечно, имѣютъ еще большее право, чѣмъ охотникъ, рѣшать вопросъ о пользѣ или вредѣ животнаго. Если же они будутъ рѣшать этотъ вопросъ безпристрастно, не принимая во вниманіе охоту, то фактъ преобладающей полезности сарыча останется неоспоримымъ, а такъ какъ естествоиспытатель очевидно долженъ присоединиться къ ихъ точкѣ зрѣнія, то я и теперь еще держусь прежде высказаннаго мною мнѣнія.

Хотя приписываемая Мейеринкомъ сарычу способность или по крайней мѣрѣ намѣреніе нападать иногда и на молодыхъ косуль не кажется мнѣ вѣроятной, я долженъ однако признать, что иногда эта птица, какъ сумасшедшая, бросается даже на такихъ животныхъ, которымъ не можетъ ничего сдѣлать. «Въ 1863 г.», пишетъ мнѣ Либе, «одинъ сарычъ бросился въ пасмурный осенній день на полевой дорогѣ около Гогенлаубена на запряженнаго быка и такъ крѣпко вцѣпился въ спину испуганнаго животнаго, что крестьянинъ могъ убить его рукояткой кнута. Этотъ сарычъ обезумѣлъ, конечно, отъ голода. Что голодъ оказываетъ замѣчательное дѣйствіе на хищныхъ птицъ, доказываетъ примѣръ одного перепелятника, который, только что пойманный, бросился въ комнату на мою клѣтку съ птицами».

Чтобы пріобрѣсти сарычамъ, которыхъ я желалъ бы по прежнему видѣть на нашихъ равнинахъ, еще нѣсколько друзей, я хочу подчеркнуть еще то обстоятельство, что эта птица, о которой часто такъ несправедливо судятъ и на которую такъ клеветаютъ,—одинъ изъ самыхъ ревностныхъ истребителей гадюкъ. Ленцъ произвелъ самые обширные опыты, чтобы удостовѣриться въ этомъ, и чрезвычайно прославляетъ эту птицу. Чтобы оцѣнить по достоинству опасность битвъ сарыча съ гадюками, надо знать, что онъ можетъ пострадать отъ яда гадюкъ и умираетъ отъ коварнаго пресмыкающагося, если бываетъ укушенъ въ часть тѣла, обильную кровью. Правда, рѣдко случается, чтобы хищная птица не вышла побѣдительною изъ битвы; но нѣкоторые сарычи навѣрное погибаютъ въ битвѣ съ гадюками. Такъ, Голландъ узналъ дѣйствительно трогательную исторію отъ одного своего пріятели, достойнаго довѣрія лѣсничаго. Этотъ послѣдній поднялся къ гнѣзду сарыча, такъ какъ птица, которую онъ видѣлъ уже снизу, не слетѣла. Добравшись до гнѣзда, онъ замѣтилъ, что сарычъ былъ мертвъ. Онъ поднялъ его и къ немалому испугу увидѣлъ лежащую подъ нимъ живую гадюку, должно быть онъ принесъ змѣю въ гнѣздо, былъ укушенъ ею и умеръ.

* *

Тѣло Крачуновъ (*Circaetus Schlangenbussarde. Circaetes*) вытянуто, но сильно, шея коротка, голова довольно велика, клювъ сильный, согнутый отъ основанія, нѣсколько сжатый съ боковъ, съ длиннымъ крючкомъ и прямыми краями, ноги высокія, одѣтыя настоящимъ панцыремъ изъ щитковъ, съ очень короткими пальцами, вооруженными короткими, кривыми и острыми когтями, крылья широкія и длинныя, третье или четвертое маховое перо удлинено болѣе остальныхъ, хвостъ средней длины, широкій и прямо усѣченный. Большія и длинныя перья лежатъ рыхло и заостряются на головѣ и затылкѣ, какъ у орловъ.

Въ Европѣ живетъ одинъ видъ этого рода, **Крачунъ голубоногій** (*Circaetus gallicus, brachydactylus, leucopsis, anguim, meridionalis, orientalis, hypoleucus* и

paradoxus, Falco gallicus, leucopsis и brachydactylus, Buteo gallicus, Aquila brachydactyla, leucamphomma, gallica, Accipiter hypoleucus. Schlangenbussard. Jean le blanc). Длина его равна 70 см., размахъ крыльевъ 180, длина крыла 56, длина хвоста 30 см. Острыя перья головы и задней части шеи матово-бурыя съ болѣе свѣтлой каймою; перья спины, плечъ и мелкія кроющія перья крыла темно-бурыя съ болѣе свѣтлыми краями; маховыя перья черно-бурыя съ тонкой свѣтло-бурой каймою, бѣ-

Брачунъ голубоногій. *Circus gallicus*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

лымъ краемъ и черными поперечными полосками; хвостовыя перья темно-бурыя съ широкими бѣлыми концами и тремя широкими черными поперечными полосками; лобъ, горло и щеки бѣловатаго цвѣта съ узкими бурными черточками; зобъ и верхняя часть груди яркаго свѣтло-бурого цвѣта; остальная нижняя сторона бѣлая съ рѣдкими свѣтло-бурыми поперечными пятнами. Кружокъ изъ шерстистаго пуха окружае большіе глаза; направленные впередъ щетинки покрываютъ уздечку. Глаза желтые, клювъ голубовато-черный, восковица и ноги свѣтло-голубыя. Молодыя птицы мало отличаются отъ старыхъ.

Еще въ началѣ этого столѣтія крачуна считали очень малоизвѣстной птицей, и свѣдѣнія о немъ были собраны лишь гораздо позднѣе. Эту бросающуюся въ глаза и легко отличимую хищную птицу смѣшивали, вѣроятно, прежде съ свѣтлыми сарычами, пока не начали обращать на нее вниманіе. Съ этого времени ее наблюдали всюду въ Германіи, именно въ Пруссіи, Помераніи, Силезіи, Бранденбургѣ, Мекленбургѣ, на Вестервальдѣ и въ Пфальцѣ въ качествѣ птицы, выводящей птенцовъ, а кромѣ того во всѣхъ частяхъ Германіи въ качествѣ перелетной птицы. Чаще крачунъ встрѣчается на югѣ Австрійской имперіи, въ южной Россіи, на Балканскомъ полуостровѣ, а также въ Италіи, Франціи и Испаніи; напротивъ, въ Великобританіи и Скандинавіи, насколько мнѣ извѣстно, его еще не убивали; я не знаю также ни одного случая, чтобы онъ встрѣчался въ Голландіи. У насъ это лѣтняя птица, которая прилетаетъ въ началѣ мая и снова оставляетъ насъ въ сентябрѣ, чтобы провести зиму въ средней Африкѣ и южной Азіи съ живущими тамъ представителями того-же вида. Онъ селится въ большихъ, уединенныхъ лѣсахъ и ведетъ здѣсь, насколько извѣстно до сихъ поръ, по истинѣ тихую жизнь или, по крайней мѣрѣ, бываетъ мало замѣтенъ. Въ Индіи, гдѣ онъ тоже выводитъ птенцовъ, онъ живетъ менѣе въ лѣсахъ и джунгляхъ, чѣмъ на открытыхъ равнинахъ и въ воздѣланныхъ странахъ, безразлично, сухи-ли онѣ или влажны. Въ сѣверной Африкѣ его можно видѣть главнымъ образомъ зимою, часто обществами по 6—12 штукъ; онъ охотно держится на скалахъ у воды, но еще охотнѣе въ степи и здѣсь иногда на разстояніи многихъ километровъ отъ воды. Въ сѣверо-западной Африкѣ его находили гнѣздящимся.

Образъ жизни и поведеніе, нравы и привычки крачуна несравненно болѣе напоминаютъ нашего сарыча, чѣмъ какого-нибудь орла. По моимъ наблюденіямъ, это спокойная, лѣнивая, капризная и сварливая птица, которая, повидимому, обращаетъ вниманіе лишь на дичь, за которой охотится, и на другихъ крачуновъ, которые были счастливѣе его на охотѣ. У гнѣзда онъ по всѣмъ указаніямъ боязливъ и остороженъ и любитъ кричать; въ Африкѣ отъ него едва ли можно услышать хоть одинъ звукъ, а онъ оказывается тамъ одною изъ самыхъ неосторожныхъ хищныхъ птицъ. Усѣвшись на дерево, онъ таращитъ свои большіе глаза на приближающагося охотника и думаетъ о чемъ угодно, но только не о томъ, чтобы улѣтѣть. Однако его можно видѣть сидящимъ на деревѣ лишь къ вечеру и въ самые ранніе утренніе часы; въ теченіи всего остального дня онъ медленно и не торопясь занимается своей охотою. Онъ паритъ, описывая круги, надъ равнинами, общающимися добычу, или неподвижно сидитъ около воды, подстерегая дичь. На лету онъ часто трепещетъ на мѣстѣ, какъ его родичъ сарычъ; при нападеніи онъ медленно опускается внизъ и движется еще нѣкоторое время надъ землею съ помощью нѣсколькихъ ударовъ крыльями, пока не бросится, наконецъ, на землю, широко разставивъ лапы, чтобы схватить намѣченное животное. Во время охоты пѣнкомъ, онъ часто входитъ въ воду и идетъ въ бродъ по мелкому мѣсту а затѣмъ вдругъ хватаетъ добычу, вытянувъ лапу. Особенно бросилось мнѣ въ глаза то, что крачунъ, какъ я убѣдился, завидуетъ всѣмъ другимъ представителямъ того-же вида и ревностно нападаетъ на нихъ, если они были счастливѣе. Какъ только одинъ изъ нихъ опустится, чтобы схватить добычу, другой спѣшитъ къ нему, яростно нападаетъ на него и начинается драка, которая становится настолько жаркой, что оба противника вцѣпляются иногда другъ въ друга когтями, мѣшajúть другъ другу летѣть и падаютъ на землю. Попавъ на землю, каждый отбѣгаетъ нѣсколько шаговъ и затѣмъ медленно поднимается, вѣроятно ревностно слѣдя за ускользнувшей между тѣмъ добычею. Въ полуденное время крачунъ посѣщаетъ пес-

чанья отдели около воды, чтобы пать, прыгаетъ здѣсь, какъ воронъ, перелетаетъ съ мѣста на мѣсто и затѣмъ медленно удаляется. Въ самую сильную жару, въ полдень, онъ садится на дерево и сидитъ тогда по цѣлымъ часамъ, повидимому, безъ движенія, выпрямившись, какъ человѣкъ. Для ночлега онъ охотно избираетъ одиноко стоящія деревья, которыя позволяютъ видѣть далеко кругомъ; но и здѣсь онъ безъ колебанія позволяетъ человѣку подойти.

Крачунъ заслуживаетъ свое нѣмецкое названіе (Schlangenbussard—змѣиный сарычъ), такъ какъ онъ охотится преимущественно за этими пресмыкающимися. Но онъ не довольствуется ими, а ловитъ также ящерицъ и лягушекъ, преслѣдуетъ рыбъ и охотится, по Жердону, даже на крысъ, мелкихъ птицъ, раковъ, большихъ наѣдомыхъ и многоножекъ. Однако пресмыкающіяся и земноводныя во всякомъ случаѣ составляютъ его любимую дичь. При нападеніи онъ дѣйствуетъ такъ разсудительно, что даже самая опасная змѣя мало можетъ повредить ему или даже не можетъ ничего подѣлать, причемъ это искусство охоты кажется прирожденнымъ. «Мой крачунъ, воспитанный смолоду въ неволѣ», пишетъ Мехленбургъ Ленцу, «съ быстротой молніи бросается на всякую змѣю, какъ бы ни была она велика и бѣшена, хватаетъ ее одной лапою тотчасъ позади головы, а другою за спину съ громкимъ крикомъ и ударя крыльями; своимъ клювомъ онъ перекусываетъ сухожилія и связки позади самой головы и животное лежитъ неспособное къ сопротивленію въ его лапахъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ приступаетъ къ ѣдѣ, причемъ глотаетъ змѣю, которая еще сильно извивается, головой впередъ и при каждомъ глоткѣ раскусываетъ ей спинной хребетъ. Разъ утромъ онъ въ нѣсколько часовъ съѣлъ три большихъ змѣй, изъ которыхъ одна была болѣе 1 м. длиною и очень толста. Онъ никогда не разрываетъ змѣю, чтобы глотать ее кусками; чешую онъ потомъ выплевываетъ въ видѣ комковъ. Змѣй онъ предпочитаетъ всякой другой пищѣ. Я приносилъ ему одновременно живыхъ змѣй, крысъ, птицъ и лягушекъ, но онъ, не обращая вниманія на животныхъ, находившихся ближе, бросался на змѣй». Эллиотъ упоминаетъ, что видѣлъ одного крачуна, который былъ крѣпко обвить змѣю, но такъ крѣпко держалъ ее за голову, что всѣ усилія ядовитаго животнаго были тщетны. Вообще его ловкость и густое опереніе представляютъ единственную защиту отъ яда змѣй; самому крачуну ядъ вовсе не безвреденъ, какъ думали прежде. По желанію Ленца, Мехленбургъ далъ гадюкѣ укубить въ голову его крачуна; птица часъ отъ часу теряла свою бодрость и умерла на третій день.

Гнѣздо, которое постоянно находится на высокыхъ лиственныхъ или хвойныхъ деревьяхъ, но на очень различной высотѣ надъ землею, а въ исключительныхъ случаяхъ и на скалахъ, строится въ началѣ мая, или же птицы въ это время пользуются старымъ гнѣздомъ; дѣло въ томъ, что пара правильно возвращается много лѣтъ сряду на одно и то же мѣсто для вывода птенцовъ, даже если у нея отнять яйца. По подробнымъ наблюденіямъ Зейдензахера, пара появляется въ Штирии около середины марта, по большей части въ сопровожденіи одной или двухъ птицъ того-же вида, и сначала паритъ высоко въ воздухѣ надъ мѣстомъ, избранымъ для гнѣзда. Черезъ нѣсколько дней общество раздѣляется и можно видѣть лишь гнѣздящуюся пару, которая кружитъ, неподвижно распустивъ крылья и почти не ударя ими; часто слышенъ и громкій голосъ крачуповъ, настоящій крикъ сарыча, звучащій какъ «хи хи». Скоро пара принимается и за исправленіе своего стараго гнѣзда, если не выберетъ себѣ другаго, вслѣдствіе того, что у нея отбирали яйца и много разъ мѣняли ей, или не станетъ строить себѣ сама новое гнѣздо. Самое гнѣздо не больше, чѣмъ у нашего сарыча, и состоитъ изъ су-

хихъ, не особенно толстыхъ вѣтвей, а его плоское углубленіе выложено такими-же вѣтвями. Подобно другимъ хищнымъ птицамъ, крачуны выстилаютъ углубленіе гнѣзда также зелеными листьями и кромѣ того прикрѣпляютъ къ нему зеленныя вѣтви для защиты отъ солнца. Говорили, что самка кладетъ два яйца, но всегда находятъ лишь одно и именно въ первыхъ числахъ мая, скоро послѣ того, какъ птицы явятся на гнѣздо. Яйцо продолговато-круглое, относительно очень большое, съ тонкой и шероховатой скорлупою голубовато-бѣлаго цвѣта. Спариванію часто предшествуютъ, по словамъ Тристрама, воздушныя игры. Самецъ и самка гоняются другъ за другомъ съ громкимъ крикомъ, поднимаются въ воздухъ, описываютъ на значительной высотѣ надъ землею узкіе круги и затѣмъ вдругъ снова бросаются внизъ, самка на гнѣздо, а самецъ по близости отъ него на то мѣсто, гдѣ онъ отдыхаетъ и сторожитъ. Обѣ птицы высидиваютъ, по Мехленбургу, въ теченіи 28 дней и обѣ принимаютъ участіе въ воспитаніи и выкармливаніи птенцовъ. Въ случаѣ опасности озабоченная мать переноситъ своего птенца на другое гнѣздо: это, совершенно независимо другъ отъ друга, наблюдали графъ Водзицкій и охотники принца фонъ-Видъ.

Крачуны, воспитанные смолоду, становятся ручными и довѣрчивыми; однако, чтобы добиться этого, надо много повозиться съ ними. При кормленіи, они, по словамъ Гомейера, жадно кидаются большимъ прыжкомъ на брошенные имъ куски мяса, ложатся на нихъ, распустивъ крылья, громко и благозвучно кричатъ «бли бли», почти какъ сарычъ, и недовѣрчиво озираются, точно думаютъ, что каждая другая птица хочетъ отнять у нихъ пищу. Къ сожалѣнію, не такъ легко сохранить крачуна для клѣтки: я могъ наблюдать въ неволѣ лишь двухъ и имѣлъ возможность значительное время держать лишь одного, кому же раненаго. Поэтому я не могу надлежащимъ образомъ высказаться относительно этой, столь же рѣдкой, какъ и своеобразной птицы. Мой питомецъ сидѣлъ тихо и спокойно на одномъ мѣстѣ и пристально смотрѣлъ большими желтыми глазами на каждого, кто къ нему приближался, но не выказывалъ никакого безпокойства, а потому производилъ впечатлѣніе птицы, душевно мало одаренной. Что это не такъ, достаточно доказываютъ другіе крачуны, которыхъ держали въ неволѣ. Одна птица этого вида, выпущая изъ гнѣзда молодую, которую Зейдензахеръ могъ не разъ наблюдать, была необыкновенно ручною, такъ что ее пускали свободно бѣгать по двору съ неподрѣзанными крыльями; она позволяла каждому, даже незнакому человѣку брать ее и гладить, не трогала домашнихъ куръ, а ловила мышей и крысъ, долго таскала ихъ и иногда съѣдала; нерѣдко она издавала и свой голосъ.

* *
*

Во всей Африкѣ отъ 16-го градуса сѣверной широты до Капской земли живетъ одна изъ самыхъ замѣчательныхъ соколиныхъ птицъ, которая по виду и характеру во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ орла. Левальянъ далъ этой птицѣ характерное названіе «фиглира», а Смитъ справедливо сдѣлалъ ее представителемъ особаго рода (*Helotarsus*). Родъ этотъ отличается сильнымъ, плотнымъ, короткимъ тѣломъ, короткой шеей и большой головою съ голой уздечкой, сильнымъ незубчатымъ клювомъ съ большимъ крючкомъ, короткими, но толстыми плюснами, покрытыми толстыми щитками; пальцы средней длины, когти мало согнуты и тупы, крылья очень длинны въ которыхъ третье маховое перо нѣсколько длиннѣе перваго, а первое длиннѣе четвертаго, хвостъ чрезвычайно короткій и, наконецъ, опереніе замѣчательно обильное, состоящее изъ большихъ, широкихъ перьевъ.

Цвѣтъ и рисунокъ оперенія **Фигляра** (*Helotarsus ecaudatus*, *fasciatus*, *leucopotus* и *brachyurus*, *Falco*, *Theraptorius* и *Circaetus ecaudatus*, *Gaukler*, *Aigle paille*) такъ же бросаются въ глаза, какъ и его фигура. Прекрасный матово-черный цвѣтъ, покрывающій голову, шею, заднюю часть спины и всю нижнюю сторону, рѣзко отдѣляется отъ свѣтло-каштаново-бурой верхней части спины, такъ же окрашеннаго хвоста, нѣсколько болѣе свѣтлой нижней части спины и широкой полосы на крыльяхъ; эта полоса образована четырьмя послѣдними большими маховыми и семью

Фигляръ. *Helotarsus ecaudatus*, $\frac{1}{3}$ наст. вел.

малыми маховыми перьями, которыя, въ противоположность чисто-чернымъ перьямъ большимъ маховымъ, сѣровато-бурого цвѣта, на внутренней бороздкѣ блѣлого цвѣта и украшены на концѣ широкимъ чернымъ краемъ. Кроющія перья большихъ маховыхъ черныя, кроющія перья второго порядка буро-черныя съ бурой каймой на концѣ, остальныя верхнія кроющія перья крыльевъ блѣдно-бурого цвѣта съ болѣе свѣтлыми краями; нижнія кроющія перья крыльевъ блѣдыя. Глаза прекраснаго бурого цвѣта съ золотистымъ блескомъ, верхнее вѣко карминно-красное; клювъ у основанія красно-желтый, на концѣ рогового голубого цвѣта; восковица блѣдно кораллово-красная; уздечка отъ розово-краснаго до кроваво-краснаго цвѣта, въ послѣднемъ

случаѣ съ красновато-желтыми пятнами; нижнее вѣко бѣловатое; ноги кораллово-красныя. Молодыя птицы темно-бурого цвѣта, на спинѣ обыкновенно нѣсколько темнѣе, чѣмъ на нижней сторонѣ, гдѣ отдѣльныя перья имѣютъ сѣро-буроватые края; перья на горлѣ и лбу свѣтло-бурыя; маховыя втораго порядка сѣро-бурыя. Глаза красно-бурыя; клювъ, включая восковицу и уздечку, голубой; ноги голубоватыя съ краснымъ оттънкомъ. Длина самки равна 58 см., размахъ крыльевъ 183, длина крыла 58, а хвоста лишь 13 см.; самецъ меньше самки.

Фигляръ широко распространенъ по Африкѣ; его нѣтъ лишь на сѣверѣ, а отъ Сенегала до берега южной части Краснаго моря и оттуда до южной оконечности Африки онъ встрѣчается всюду. Онъ любитъ горы, но не связанъ съ ними; я полагаю даже, что въ настоящей степи онъ обыкновеннѣе, чѣмъ въ гористыхъ странахъ. На высочайшихъ горахъ Абиссиніи Гейглинъ не замѣчалъ его, но постоянно наблюдалъ его на всѣхъ скалистыхъ горныхъ массахъ, которыя поднимаются надъ равнинами Судана по большей части отдѣльно отъ другихъ горъ, а также вдоль низменностей и болотъ Бѣлаго Нила и Газелевой рѣки. Его видишь очень часто, но рѣдко имѣешь возможность ближе познакомиться съ нимъ. Обыкновенно его случается видѣть летающимъ. Онъ летитъ высоко въ воздухѣ, всегда внѣ выстрѣла и осматриваетъ сверху большія пространства. Гейглинъ узналъ, что уже съ наступленіемъ дня онъ покидаетъ высокія деревья, на которыхъ проводилъ ночь, и, непрерывно летая, кружить по своей области; я не видалъ его въ движеніи такъ рано и лишь въ видѣ исключенія наблюдалъ, что онъ описывалъ круги. Напротивъ, я почти всегда замѣчалъ, что онъ летитъ по прямому направленію, не останавливаясь иначе, какъ затѣмъ, чтобы продѣлать одинъ изъ своихъ летательныхъ фокусовъ или, если замѣтитъ добычу. Въ послѣдніе утренніе часы онъ правильно показывается у воды, остается здѣсь нѣкоторое время и летитъ затѣмъ на одно изъ сосѣднихъ деревьевъ, чтобы отдохнуть здѣсь нѣсколько часовъ. Къ вечеру онъ предпринимаетъ новую охотничью экскурсію и лишь при наступленіи темноты отправляется на покой. Левальянъ говоритъ, что ихъ всегда встрѣчаютъ парами; я долженъ сказать противоположное: по моимъ наблюденіямъ онъ всегда показывается по одиночкѣ. Пара живетъ, повидимому, въ очень обширной области и кромѣ времени вывода птенцовъ лишь рѣдко держится вмѣстѣ, а обыкновенно порознь.

Даже самый неопытный наблюдатель легко узнаетъ фигляра. Его видъ настолько бросается въ глаза, что всюду даль поводъ къ разнымъ баснямъ. Слика самымъ серьезнымъ образомъ увѣрили туземцы восточной Африки, что тѣнь этой птицы гибельна; напротивъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ Африки на фигляра смотрятъ съ извѣстнымъ благоговѣніемъ, такъ какъ считаютъ его врачомъ среди птицъ, который приноситъ издали корни, обладающіе чудесными цѣлебными свойствами. Абиссинцы называютъ эту птицу «небесной обезьяной». Каждое изъ этихъ названій и каждая басня, сочиненная про фигляра, основывается на видѣ и поведеніи животнаго. Прежде всего его полетъ настолько удивителенъ, какъ ни у какой другой птицы. Мое прежнее описаніе этого движенія было сочтено однимъ моимъ ученымъ другимъ за слишкомъ поэтическое; но я и теперь могу повторить его. Левальянъ не даромъ даль этой хипцовой птицѣ названіе фигляра: она плавать, вертится, играетъ, летаетъ, какъ будто бы для того, чтобы развлечься, а не для отысканія пищи. Уже Левальянъ упоминаетъ, что онъ иногда вдругъ падаетъ на нѣкоторое разстояніе внизъ и такъ сильно складываетъ крылья, что кажется, будто бы онъ сломалъ крыло и долженъ упасть на землю; я видѣлъ, какъ онъ дѣлалъ настоящіе прыжки по воздуху. Надлежащимъ образомъ описать

полетъ фиглярвъ нельзя: онъ единственный въ своемъ родѣ. Часто онъ высоко поднимаетъ крылья, нѣсколько минутъ не двигается, а затѣмъ такъ сильно ударяетъ ими, что слышенъ своеобразный, далеко раздающійся шумъ. Лишь на лету эта птица выказываетъ всю свою красоту; сидя, она кажется болѣе странной, чѣмъ привлекательной. Особенно удивительный видъ имѣетъ она, когда сидитъ на деревѣ. Фигляръ нахохливается иногда такъ, что кажется комкомъ перьевъ, поднимаетъ перья на головѣ и шеѣ и поворачиваетъ голову то вверхъ, то внизъ, совершенно какъ филинъ. Если онъ замѣтитъ что-нибудь такое, что возбудило его вниманіе, то принимаетъ особенныя позы: онъ расширяетъ тогда крылья и сопровождаетъ это еще болѣе сильными движеніями головы, чѣмъ обыкновенно.

Изъ его чувствъ безспорно выше всего стоитъ зрѣніе, на что достаточно указываютъ уже его большіе глаза; но и слухъ развитъ хорошо, а осязаніе также замѣтно. Относительно остальныхъ чувствъ я не имѣю данныхъ для сужденія. Нравъ фигляра своеобразенъ. Его нельзя собственно назвать мужественнымъ, хотя онъ и вступаетъ въ самыя опасныя битвы; повидимому, онъ скорѣе довольно трусливъ и добродушенъ. На свободѣ онъ выказываетъ чрезвычайную осторожность, избѣгаетъ всего бросающагося въ глаза, но съ трудомъ отличаетъ опасныхъ людей отъ неопасныхъ; въ неволѣ же онъ скоро становится въ высокой степени ручнымъ, на столько довѣрчивымъ, что позволяетъ играть собою, какъ играютъ съ попугаемъ. Всѣ хищныя птицы не любятъ, чтобы ихъ гладили; фигляру же, повидимому, особенно нравится, если у него чешутъ шею между перьями или гладятъ его. Однако я долженъ замѣтить, что онъ охотно принимаетъ это не отъ всякаго, а лишь отъ тѣхъ, съ кѣмъ лучше всего знакомъ. По отношенію къ другимъ птицамъ онъ обнаруживаетъ большую уживчивость, по крайней мѣрѣ никогда не думаетъ о томъ, чтобы причинить зло какой-нибудь изъ болѣе крупныхъ, которую принесутъ къ нему. Вообще онъ, когда сидитъ, настолько же смиренъ и спокоенъ, какъ оживленъ, когда летаетъ. Лишь крайне рѣдко можно слышать голось фигляра, котораго держать въ неволѣ; обыкновенно это тихое «ква ква», рѣже болѣе громкое «какк какк» или рѣзкое «кау»; на лету же онъ нерѣдко издаетъ «хихихи» или «хіахіа», звучащее какъ голось сарыча.

Левальянъ говоритъ, что фигляръ нападаетъ на молодыхъ газелей, ягнятъ и большихъ овецъ; Гейглинъ убѣдился, что онъ опасенъ мелкимъ млекопитающимъ. Я самъ никогда не наблюдалъ, чтобы онъ нападалъ на большихъ млекопитающихъ. Добыча его состоитъ изъ самыхъ различныхъ пресмыкающихся, а именно змѣй и ящерицъ; часто можно видѣть, какъ онъ носитъ первыхъ по воздуху. Не кружа предварительно и не трепеща на мѣстѣ, какъ сарычъ или сапанъ, онъ вдругъ останавливается въ своемъ быстромъ полетѣ, я, какъ падающій камень, со свистомъ бросается внизъ на замѣченную змѣю. Онъ убиваетъ безъ различія мелкихъ, крупныхъ, ядовитыхъ и безвредныхъ змѣй. На этомъ основана сказка, о которой я упоминалъ выше: арабы считаютъ змѣй, поднятыхъ птицей на воздухъ, за цѣлебныя коренья. Какъ и всѣ остальные хищныя птицы средней Африки, истребляющія змѣй, фигляръ слышитъ издали, если зажигаютъ въ степи траву, и охотится то поднимаясь, то опускаясь, вдоль линіи огня и часто пролетаетъ сквозь самыя густыя облака дыма надъ самымъ пламенемъ, чтобы схватить одно изъ пресмыкающихся, убѣгающихъ отъ огня. Что онъ охотится также за мелкими млекопитающими, птицами и даже саранчюю, узналъ Гейглинъ, преслѣдуя ихъ желудки; не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что онъ ѣстъ и падаль. Джонъ Киркъ добылъ одного, который съѣлъ отравленное мясо, выброшенное гіеною при рвотѣ, и отъ этого потерялъ сознаніе.

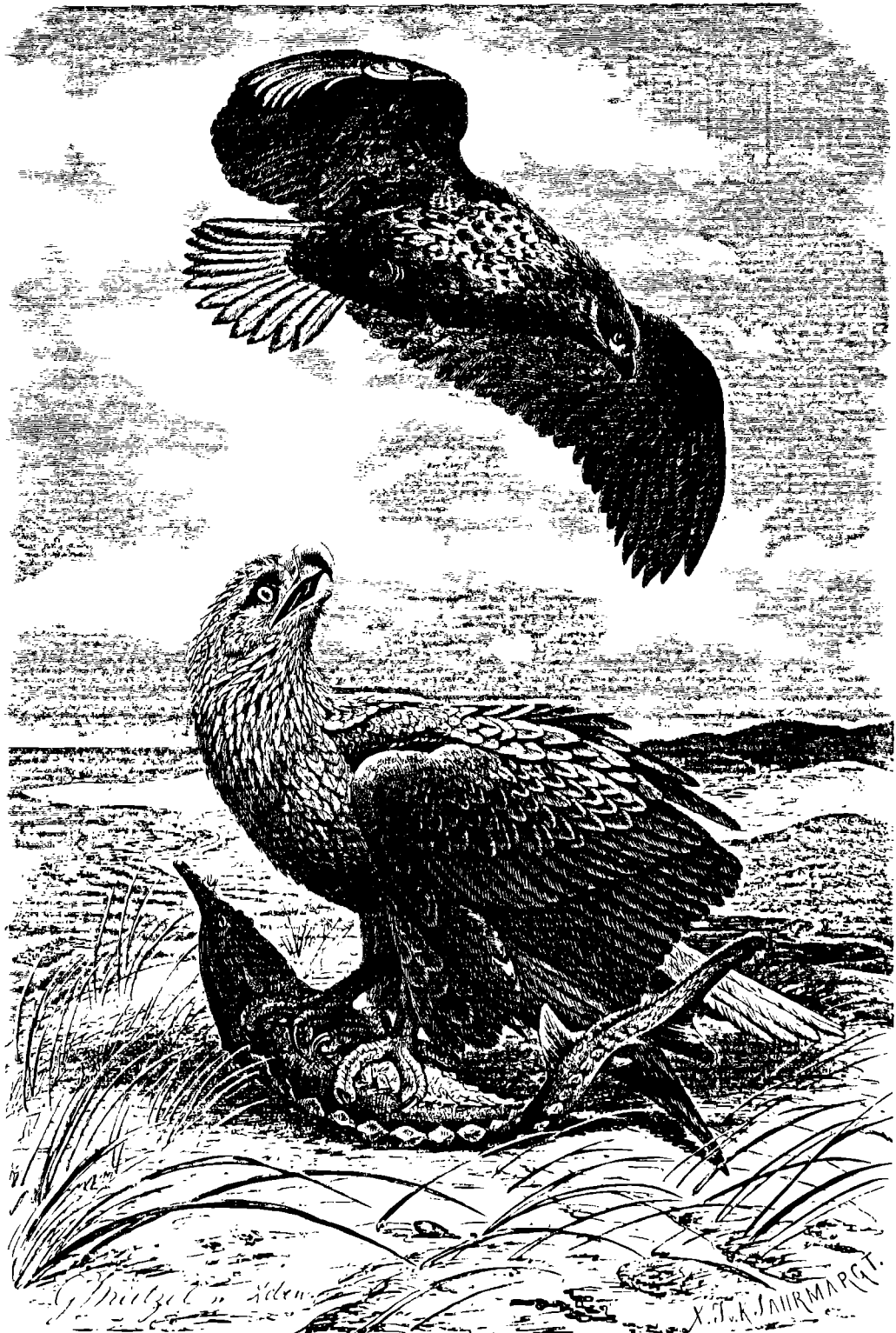
Левальянь говорятъ, что фигляръ гнѣздится на высокихъ деревьяхъ и кладетъ 3 — 4 бѣлыхъ яйца; напротивъ, Спикъ утверждаетъ, что гнѣздо содержитъ лишь одно яйцо. Истина, повидимому, между тѣмъ и другимъ, такъ какъ Гейглинь добылъ двухъ оперившихся птенцовъ изъ одного гнѣзда. Время вывода птенцовъ совпадаетъ съ началомъ сухаго времени года, такъ какъ въ это время птицѣ легче охотиться, чѣмъ весною, когда роскошный коверъ травы скрываетъ пресмыкающихся.

Въ новѣйшее время часто привозили въ Европу живыхъ фигляровъ и теперь они встрѣчаются въ каждомъ болѣе крупномъ зоологическомъ саду. Однако они и теперь принадлежатъ къ числу птицъ, на которыхъ есть большой спросъ, а за достигшихъ окончательнаго цвѣта особенно хорошо платятъ. Дѣйствительно едва ли какая-нибудь другая хищная птица такъ привлекаетъ зрителя, какъ великолѣпно окрашенный и кромѣ того бросающійся въ глаза по своему поведенію фигляръ. Содержаніе его едва ли можетъ представить затрудненіе. Онъ привыкъ переносить значительныя различія температуры и потому въ теплыя зимы его можно держать на открытомъ воздухѣ; его легко приучить къ обычной пищѣ хищныхъ птицъ, сырому мясу, и онъ вообще крайне скромнѣе въ своихъ требованіяхъ. На основаніи своихъ наблюденій, я долженъ назвать его одною изъ самыхъ привлекательныхъ птицъ этого семейства, которыхъ держать въ клеткахъ.

* *
*

Одинъ изъ широко распространенныхъ и очень характерныхъ родовъ описываемаго нами подсемейства заключаетъ **Орлановъ** (*Haliaëtus*. Seeadler. *Aigles pêcheurs*). Принадлежащіе сюда сарычи крупныя, въ большинствѣ случаевъ даже очень большія хищныя птицы съ крѣпкимъ и длиннымъ клювомъ, который у восковицы мало приподнятъ, а спереди ся къ концу загнутъ внизъ, съ толстыми, только на половину оперенными плюснами, сильными, раздѣльными пальцами, длинными, острыми и очень кривыми когтями, большими крыльями, какими отличаются всѣ парящія птицы; третье маховое перо длиннѣе остальныхъ; когда крылья сложены, то они почти доходятъ до конца не очень длиннаго, широкаго и болѣе или менѣе закругленнаго хвоста. Опереніе у орлановъ довольно обильное. Перья головы и затылка не особенно длинны, но съ заостренными кончиками. Основной цвѣтъ оперенія болѣе или менѣе темный, яркій или тусклый сѣрый; хвостъ обыкновенно бѣлый; голова часто также бываетъ бѣлой.

По берегамъ всѣхъ морей, омывающихъ Европу, часто встрѣчается **Орланъ-бѣлохвость** (*Haliaëtus albicilla, nisus, orientalis, borealis, islandicus, groenlandicus, cinereus, funereus* и *brookii*, *Vultur* и *Aquila albicilla, Falco albicilla, albicaudus, ossifragus, pygargus* и *hinnularius*. Seeadler, Orfraye). Его называютъ **Ере** по датски, **Асса** по исландски, **Гафсере** по шведски, **Мерикотка** по фински, **Шомета** по арабски. Смотря по мѣстности, величина и окраска его сильно варьируютъ; послѣдняя значительно меньше, чѣмъ первая. Въ длину онъ имѣетъ 85—95 см., размахъ крыльевъ почти 2,5 м., длина крыла 65—70 см. а длина хвоста 30—32 см. У взрослой птицы голова, затылокъ, горло и верхняя часть шеи свѣтлые чело-сѣро-желтые съ нелестными темными продольными полосками, образованными темно-бурыми основаніями перьевъ и темными стержневыми полосами; перья верхней части спины и нижнія шейныя перья темныя землисто-бурныя, всегда съ свѣтлыми чело-желтовато-сѣрыми каемками и съ темно-бурой полосой на стволѣ; нижняя часть спины и вся нижняя сторона однообразнаго тускаго землисто-бурого

ОРЛАНЪ БЪЛОХВОСТЬ.

цвѣта, къ хвосту переходящая въ болѣе темный. Маховыя перья черно-бурыя, стволы ихъ бѣловатыя, малыя маховыя перья свѣтлѣе, чѣмъ большія; перья нѣсколько закругленнаго хвоста чисто-бѣлыя. Передъ линяньемъ опереніе выпцвѣтаетъ такъ, что становится желтовато-сѣрымъ. Кольцо вокругъ глазъ, клювъ, восковица и ноги горохово-желтаго цвѣта. Молодыя птицы отличаются отъ старыхъ болѣе темной головой и хвостомъ, а также тѣмъ, что преобладающій цвѣтъ части оперенія, состоящей изъ желтыхъ перьевъ, свѣтлый сѣро-бурый, и на этомъ фонѣ разсыяны продолговатыя пятна, образованныя темно-бурыми кончиками перьевъ. Зрачекъ у нихъ буро-желтый, клювъ голубоватый, ноги зеленовато-желтыя.

Области распространенія орлана-бѣлохвоста и беркута почти совпадаютъ. Эта могучая птица водится во всей Европѣ; достоверно извѣстно, что она выводитъ птенцовъ въ Германіи, особенно въ восточной и западной Пруссіи, Помераніи, можетъ быть въ нѣкоторыхъ частяхъ Бранденбурга и Мекленбурга; кромѣ того также въ Шотландіи, Скандинавіи, сѣверной и южной Россіи, Венгріи, Семиградской области, въ Дунайской низменности, Турціи, Греціи, Италіи, Малой Азій, Палестинѣ и Египтѣ, наконецъ на востокъ во всей сѣверной и средней Сибири. Вальтеръ часто встрѣчалъ орлана-бѣлохвоста близъ восточнаго побережья Каспійскаго моря, а въ мартѣ мѣсяцѣ также нѣсколько разъ на Аму-Дарьѣ. По Оби область его распространенія не простирается, повидимому, южнѣе сѣверныхъ склоновъ Алтайскихъ горъ; по крайней мѣрѣ по верхнему теченію Иртыша его замѣняетъ уже орланъ чернохвость. На сѣверѣ я встрѣчалъ его по берегамъ Оби всюду, гдѣ они лѣсисты, не разъ также среди тундры на Самоѣдскомъ полуостровѣ къ сѣверу отъ Урала, и можно предположить, что онъ встрѣчается также по сѣверному побережью этого полуострова, такъ какъ достоверно извѣстно, что онъ водится въ Исландіи, на Шпицбергенѣ, Новой Землѣ и въ Гренландіи, а Миддендорфъ видалъ его еще подъ 75° сѣв. широты близъ Таймыра. На Амурѣ и въ сѣверномъ Китаѣ онъ встрѣчается часто, такъ какъ область его распространенія простирается даже и на Японскіе острова. Подлежитъ сомнѣнію, водится-ли онъ на сѣверѣ Америки; но, сколько мнѣ извѣстно, здѣсь его еще ни разу не убивали и не видали.

Упомянутый уже нами выше **Орланъ-чернохвость** (*Haliaëtus leucorhynchus*, *fulviventris*, *unicolor*, *albipes*, *lanceolatus* и *macei*, *Falco leucorhynchus* и *macei*, *Aquila leucorhynchos*, *deserticola*, *macei*, *Circus albipes*, *macei*, *Icthyophaga leucorhynchus*, *Pontoaëtus leucorhynchus* и *macei*. *Bandseeadler*. *Aigle à queue noire*), замѣняетъ бѣлохвостаго орлана въ Арало-каспійской степной области, по верхнему теченію Иртыша и вѣроятно также во всемъ южномъ Туркестанѣ, такъ какъ Эверсманъ встрѣчалъ его во время своего путешествія въ Бухару. Въ виду того, что эта птица встрѣчается также и въ Европѣ, а именно по нижнему теченію Волги, въ Крыму и Болгаріи, я укажу, что отъ орлана-бѣлохвоста она отличается меньшими размѣрами, темно-бурымъ цвѣтомъ верхней стороны и свѣтло-бурымъ пухомъ, чало-ржаво-бурой головой и затылкомъ, красновато-желтоватою окраской горла и верхней части шеи и бѣлымъ хвостомъ, конецъ котораго украшенъ широкой черной полосой. Какъ сообщаетъ Вильдбургъ, зимой 1867 г. баронъ Борсъ убилъ въ Венгріи орлана-чернохвоста.

Слѣдуетъ также не упомянуть въ этомъ сочиненіи сѣверо-американскомъ **Бѣлоголовомъ орланѣ** (*Haliaëtus leucocephalus* и *washingtoni*, *Falco leucocephalus*, *leucogaster* и *washingtoni*, *Aquila leucocephala*. *Weisskopfseeadler*. *Aigle à tête*

blanche) не только потому, что онъ замѣняетъ въ Америкѣ нашъ европейскій видъ, но главнымъ образомъ въ виду того, что онъ неоднократно залеталъ въ Европу и, какъ говорятъ, былъ даже убитъ въ Германіи, въ Тюрингіи. Онъ нѣсколько меньше орлана-бѣлохвоста; смотря по полу, онъ имѣетъ въ длину отъ 72—85 см., размахъ крыльевъ 190—211, длина крыла 52—57, длина хвоста 27—30 см. У старыхъ птицъ окраска оперенія туловища однообразная темно-бурая, причемъ каждое отдѣльное перо снабжено болѣе свѣтлой каемкой; голова же, верхняя часть шеи и хвостъ ослѣпительно-бѣлаго цвѣта, маховыя перья черныя; глаза, восковица, клювъ и ноги окрашены нѣсколько свѣтлѣе, чѣмъ у его европейскаго родича. У молодыхъ птицъ опереніе почти сплошь черно-бурое, на головѣ и затылкѣ оно темнѣе, почти совершенно черное, а на спинѣ, крыльяхъ и груди становится болѣе яркимъ вслѣдствіе того, что крылья снабжены здѣсь свѣтлыми каемками; клювъ темнаго ржаваго цвѣта, восковица зелено-желтая, глаза бурые, лапы желтыя.

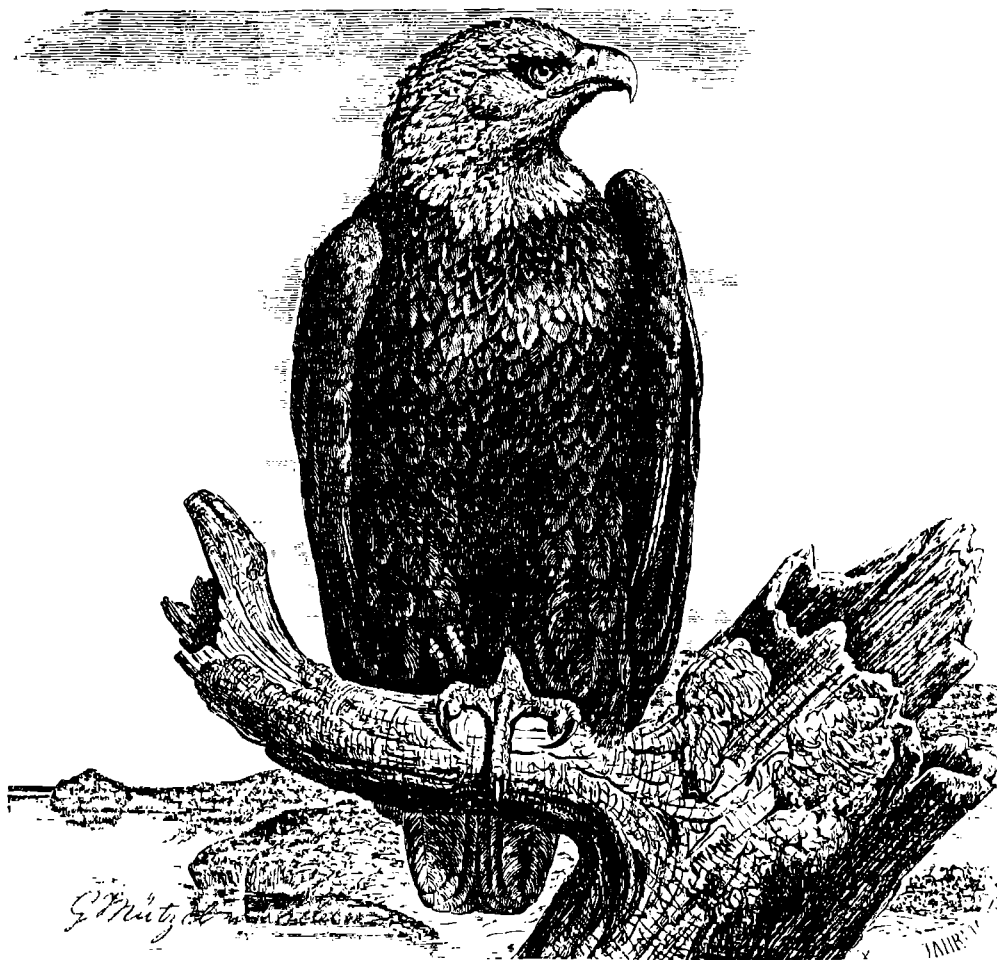
Образъ жизни и характеръ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ большихъ орлановъ чрезвычайно сходны: это лѣтныя, но сильныя, выносливыя и упрямыя хищныя птицы и притомъ принадлежащія къ числу самыхъ опасныхъ хищниковъ. Приступая къ характеристикѣ этого рода, считаю умѣстнымъ начать съ повѣстическаго описанія бѣлоголоваго орлана, даннаго Одюбовомъ.

«Чтобы получить понятіе объ этой птицѣ, перенеситесь на берега Миссисипи въ то время, когда приближеніе зимы пригоняетъ сюда изъ сѣверныхъ мѣстностей миллионы водяныхъ птицъ, ищущихъ на югѣ болѣе мягкаго климата. На берегу этой широкой рѣки вы увидите орла, величественно сидящаго на самой верхушкѣ высочайшаго дерева; своими сверкающими глазами онъ осматриваетъ всю окрестность и внимательно прислушивается ко всякому звуку, издающемуся въ его чуткаго уха. Время отъ времени онъ обращаетъ свои взоры на землю, и отъ нихъ не ускользнетъ даже совершенно безшумно крадущійся молодой олень. Самецъ усѣлся на дерево, находящееся на противоположномъ берегу рѣки, и иногда среди тишины и спокойствія раздается его крикъ: это онъ перекликается со своей самкой, которая тогда раскрываетъ свои широкія крылья, наклоняетъ ниже туловище и отвѣчаетъ на крикъ звуками, напоминающими хохотъ сумасшедшаго; затѣмъ она тотчасъ принимаетъ прежнее положеніе и снова наступаетъ полная тишина.

«Разные виды утокъ—шилохвосты, свѣзизы, криквы быстро проплываютъ мимо внизъ по теченію рѣки, но орланъ не нападаетъ на нихъ. Но въ тотъ же моментъ слышится издали дикій, напоминающій звукъ трубы, крикъ приближающагося лебедя. Надъ рѣкой раздается зовъ самки орлана, предупреждающей объ этомъ самца. Онъ вдругъ встряхивается и клювомъ приглаживаетъ свои перья. Вотъ уже показалась бѣлоспѣнная птица; ея длинная шея вытянута, она озирается кругомъ, чтобы въ время замѣтить приближеніе какого-нибудь врага. Длинные крылья, повидному, съ трудомъ поддерживаютъ тяжелое туловище, и потому птица все время машетъ ими; ноги, приспособленныя для плаванія, помогаютъ также измѣнять направленіе полета. Намѣченная орланомъ добыча приближается. Въ то самое мгновеніе, когда лебедь пролетаетъ мимо пары опасныхъ хищниковъ, орланъ-самецъ поднимается съ всеяющимъ ужасъ крикомъ, который для лебедя болѣе страшнѣе, чѣмъ даже звукъ ружейнаго выстрѣла. Теперь насталъ тотъ моментъ, когда орланъ проявляетъ всю свою силу. Онъ скользитъ по воздуху, подобно падачей впередъ и съ быстротой молніи устремляется на дрожащую жертву, которая въ смертельномъ страхѣ и отчаяніи употребляетъ все свое искусство,

чтобы на лету увернуться отъ жестокаго врага, угрожающаго ей смертью. Лебедь поднимается, мѣняетъ направленіе полета и охотно бросился-бы въ рѣку, если-бы орланъ не былъ знакомъ со всѣми его уловками и не заставлялъ-бы его все время держаться на высотѣ. Наконецъ лебедь теритъ надежду на спасеніе, страхъ одолеваетъ его, и онъ падаетъ духомъ, видя смѣлость и быстроту противника. Еще одна отчаянная попытка спастись—и орланъ вонзаетъ свои когти подъ крылья

Бѣлоголовый орланъ. *Haliaeetus leucoscephalus*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

жертвы и съ непреодолимой силой заставляеть ее спуститься вмѣстѣ съ нимъ на ближайшій берегъ.

«Теперь мы можемъ убѣдиться въ жестокости этого опаснѣйшаго врага пернатыхъ. Выпрямившись надъ издыхающей подъ нимъ жертвой, онъ сжимаетъ свои сильныя лапы и вонзаетъ острые когти глубоко въ сердце умирающей птицы. Онъ шумно проявляетъ свою радость въ то время, какъ его жертва судорожно вздрагиваетъ подъ нимъ. Самка все время наблюдала за всякимъ движеніемъ самца и если она не поспѣшила къ нему на помощь, то только потому, что она чувствовала, что у самца совершенно достаточно силы и храбрости. Теперь же она спус-

кается къ нему, они вмѣстѣ переворачиваютъ несчастнаго лебедя грудью вверхъ и принимаютъ за «ду». Только поэтъ, каковымъ былъ Одюбонъ, можетъ такъ живо описать нападеніе орлана на его незащитную добычу. Одюбонъ передалъ въ своемъ описаніи то, что дѣйствительно видѣлъ: краски нарисованной имъ картины вполне соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Къ сожалѣнію, я не могу далѣе цитировать этого автора, не растягивая черезчуръ своего описанія; мнѣ слѣдуетъ попытаться передать все то, что мнѣ извѣстно еще о нашемъ орланѣ, какъ можно болѣе кратко.

Всѣ орланы вполне заслуженно называются по-нѣмецки Seeadler, морскіе орлы. Они преимущественно береговыя птицы, по крайней мѣрѣ только въ исключительныхъ случаяхъ они удаляются на значительныя разстоянія отъ воды. Внутри материковъ старые орланы встрѣчаются почти только по берегамъ большихъ рѣкъ и озеръ, молодыхъ же, напротивъ, часто можно бываетъ видѣть и очень далеко отъ моря. Съ того времени, когда они научатся летать и вплоть до періода спариванія, т. е. въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ молодые орланы странствуютъ по бѣлому свѣту, летая, куда глаза глядятъ, и во время такихъ путешествій появляются и въ самыхъ центральныхъ частяхъ материковъ, слѣдуя вверхъ по теченію самыхъ большихъ или, по крайней мѣрѣ, значительныхъ рѣкъ. Большею частью орлановъ не замѣчаютъ во время этихъ путешествій, такъ какъ они обыкновенно летятъ на очень большой высотѣ и спускаются только тамъ, гдѣ ихъ путь граничитъ съ лѣсомъ. Особенно поздней осенью и весной много орлановъ странствуетъ вѣроятно по Германіи, потому что иначе невозможно объяснить себѣ появленія множества ихъ въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ они могутъ рассчитывать на обильную добычу.

«Въ теченіе 16 лѣтъ въ 1843—59 г., когда я руководилъ большими придворными охотами въ Лецлингерскомъ охотничьемъ участкѣ», пишетъ мнѣ Мейеринкъ, «почти ежегодно черезъ одинъ или два дня послѣ охоты появлялось 6, 8—12 орлановъ, которые отыскивали отбросы отъ убитыхъ оленей и кабановъ, число которыхъ доходило до 400—500 штукъ, а также большую и издохшую дичь и затѣмъ довольно долго оставались въ лѣсу. Этотъ участокъ находится на разстояніи болѣе, чѣмъ 600 килом. отъ Балтійскаго моря, однако только съ его береговъ могли прилетѣть туда орланы, чтобы насытиться дичью. Придворныя охоты въ то время всегда устраивались между 28 октября и 20 ноября; но раньше я никогда не встрѣчалъ ни одного орлана въ этомъ лѣсу, хотя посѣщалъ его ежедневно въ разные часы. Я конечно не возьмусь объяснить, что именно заставляло орловъ такъ быстро слетаться; но явленіе это не могло быть чисто случайнымъ, такъ какъ оно повторялось почти каждый годъ. Среди быстро собиравагося въ лѣсу общества орлановъ падалось всегда и нѣсколько старыхъ птицъ съ почти бѣлой головой, очень свѣтлой шеей и бѣлыми хвостовыми перьями». Я не думаю, чтобы было правильно предположеніе Мейеринка, что орланы прилетѣли съ береговъ Балтійскаго моря только для того, чтобы наѣсться до-сыта въ Лецлингерскомъ лѣсу; я скорѣе полагаю, что указанное время совпадало со временемъ кочевки орлановъ, и они, замѣтивъ съ высоты добычу, понемногу слетѣлись на нее цѣлой стаей, совершенно такъ-же, какъ поступаютъ въ такихъ случаяхъ грифы. Съ нѣмецкаго побережья орланы бывають вынуждены удаляться не каждую зиму, но тѣмъ, которые живутъ на берегахъ Медовитаго океана, восточнѣе Варангеръ-фіорда въ Лалландіи или на сѣверѣ Россіи, по-неволѣ приходится переселяться, когда та область, гдѣ они охотятся, одѣнется льдомъ или необычайно толстымъ снѣжнымъ покровомъ; они и отправляются тогда на югъ, причѣмъ или странствуютъ вдоль береговъ моря или углубляются внутрь материковъ, летя вдоль рѣкъ. Зимой въ юж-

ной Европѣ или сѣверной Африкѣ они присоединяются къ тѣмъ орланамъ, которые живутъ по этимъ побережьямъ изъ году въ годъ. По крайней мѣрѣ на основаніи точныхъ наблюденій оказывается, что въ Греціи и сѣверномъ Египтѣ зимой бываетъ гораздо больше орлановъ, чѣмъ лѣтомъ.

Старые орланы гораздо рѣже рѣшаются отправиться на кочевку, чѣмъ молодые, во первыхъ потому, что они неохотно покидаютъ свое постоянное мѣсто-жительство, а во вторыхъ потому, что они болѣе опытны въ своемъ хищническомъ ремеслѣ, чѣмъ молодые. Они даже не всегда переселяются изъ Россіи или другихъ сѣверныхъ, лежащихъ вдали отъ моря мѣстностей, а просто перелетаютъ зимой ближе къ населеннымъ мѣстамъ и живутъ вблизи ихъ, голодая и жадно высматривая, нельзя ли чѣмъ-нибудь поживиться, пока не раздобудутъ себѣ или какую-нибудь падаль, или собаку, кошку, поросенка, козленка, курицу, тетерева, гуся или утку. Въ Германіи орланы, если они совсѣмъ улетаютъ изъ прибрежныхъ лѣсовъ, то поселяются близъ большихъ озеръ и ревностно занимаются рыбной ловлей и охотой за водяными птицами, пока озера не замерзнутъ; затѣмъ они, можетъ быть, снова возвращаются къ морю и только тогда предпринимаютъ болѣе отдаленное путешествіе, когда ни въ одномъ изъ ихъ обычныхъ мѣстопробываній не оказывается болѣе никакой добычи. Впрочемъ, какъ бы далеко ни странствовалъ орланъ, онъ только въ послѣдней крайности удаляется отъ воды. Пасколько мнѣ извѣстно, какъ старыхъ, такъ и молодыхъ орлановъ только въ совершенно исключительныхъ случаяхъ убивали въ мѣстностяхъ, бѣдныхъ водой, а именно въ горахъ, хотя не подлежитъ никакому сомнѣнію, что они пролетаютъ черезъ такіа мѣстности. Вѣроятно гораздо рѣже случается, чтобы внутри материка, далеко отъ воды поселилась пара орлановъ, т. е., чтобы они свили себѣ гнѣздо на одномъ изъ высочайшихъ деревьевъ лѣса. Они не избѣгаютъ степей, а въ южной Россіи даже рѣшаются строить въ нихъ гнѣзда, но поселяются непременно близъ рѣки.

За исключеніемъ періода размноженія, орланы живутъ большею частью обществами, походя въ этомъ скорѣе на грифовъ, чѣмъ на орловъ. Удобно расположенный лѣсъ или скала служатъ мѣстомъ собранія или ночлега; среди лѣта они охотно ночуютъ на небольшихъ островахъ, особенно на шхерахъ, часто также они проводятъ ночь въ лѣсу близъ берега, а иногда даже и далеко отъ воды. Въ такомъ случаѣ они помѣщаются всегда на одномъ изъ нижнихъ сучковъ вершины высокаго дерева, такъ что густая листва почти совершенно закрываетъ ихъ. Если въ окрестности орланъ можетъ имѣть обильную добычу, то онъ возвращается на такое мѣсто ночлега съ такимъ же постоянствомъ, какъ и въ свое гнѣздо; онъ прилетаетъ сюда каждый вечеръ, и его не удастся прогнать съ этого мѣста даже въ томъ случаѣ, если нѣсколько разъ потревожить его. Онъ прилетаетъ поздно на ночлегъ и рано утромъ, еще до восхода солнца, отправляется осматривать тотъ районъ, въ которомъ охотится. Если онъ скоро найдетъ добычу, то наѣдается еще до полудня и затѣмъ нѣсколько часовъ отдыхаетъ, вычистивъ сначала свой клювъ и напиившись воды; при этомъ онъ роется клювомъ въ опереніи, иногда также немного поспитъ, а въ послѣобѣденное время отправляется вторично на охоту, съ которой возвращается уже прямо на ночлегъ.

Подобно беркуту, орланъ охотится за всякой дичью, съ которой можетъ справиться, и при всякомъ удобномъ случаѣ пускаетъ въ дѣло свои неоперенныя лапы, чрезвычайно облегчающія ему рыбную ловлю. Ежу, несмотря на его иглы, точно такъ же, какъ и лисицѣ съ ея острыми зубами, трудно спастись отъ этого хищника; дикому гусю его осторожность помогаетъ не больше, чѣмъ выряющимъ птицамъ ихъ умѣнье скрываться подъ водой. Вблизи берега моря онъ пре-

слѣдуетъ различныхъ морскихъ птицъ, особенно утокъ и гагаръ, а также рыбъ и морскихъ млекопитающихъ. По словамъ Валленгрена, ныряющія птицы страдаютъ отъ него болѣе не ныряющихъ. Послѣднія, при видѣ опаснаго хищника, тотчасъ же поднимаются и спѣшатъ улетѣть, ныряющія же слишкомъ надѣются на то, что успѣютъ укрыться отъ него подъ волнами; онѣ спокойно дожидаются приближенія орлана, ныряютъ и считаютъ себя въ безопасности, между тѣмъ, какъ злой врагъ только и поджидаетъ того момента, когда онѣ снова появятся на поверхности воды. Два или три раза имъ, можетъ быть, и удастся избавиться отъ острыхъ когтей хищника, но въ четвертый, когда онѣ, почти задыхаясь, остаются на одно мгновеніе дольше обыкновеннаго, чтобы перевести духъ, орланъ схватываетъ ихъ и черезъ нѣсколько секундъ душитъ. Въ Египтѣ, близъ озера Мензале, въ Венгріи и Норвегіи мнѣ часто случалось видѣть орлановъ, и я всегда замѣчалъ, что всѣ птицы, отъ мала до велика, не исключая даже и хищныхъ, боялись ихъ приближенія; я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что рѣчную скопу, отъ которой онѣ часто отбиваютъ добычу, онѣ стали бы ѣсть совершенно такъ же спокойно, какъ и всякую другую дичь. Къ смѣлости и увѣренности въ своей силѣ у этого хищника присоединяется еще удивительная настойчивость. Гомейеръ видѣлъ, какъ орланъ нѣсколько разъ сряду бросался на лисицу, которая, какъ извѣстно, умѣетъ постоять за себя. Этотъ же натуралистъ слышалъ отъ очевидцевъ, къ разсказу которыхъ можно отнести съ полнымъ довѣріемъ, что въ другомъ подобномъ случаѣ одному орлану чуть было не удалось убить выслѣженную имъ лисицу, безпрестанно нападая на нее, ловко уклоняясь отъ ея опасныхъ зубовъ и никакимъ образомъ не позволяя ей укрыться въ сосѣднемъ лѣсу. Что стада мелкаго скота сильно терпятъ отъ этого орла, достаточно извѣстно; не подлежитъ также сомнѣнію, что онѣ нападаютъ на дѣтей. Нордманъ разсказываетъ даже, что въ Лапландіи орланъ бросился на одного лысаго рыбака и какъ бы оскальпировалъ его своими когтями; другой орланъ утащилъ изъ рыбацкой лодки только что пойманную щуку, пока сидѣвшій тутъ же рыбакъ приводилъ въ порядокъ сѣть. Кальберматтенъ особенно удивляется мускульной силѣ орлана, позволяющей ему «уносить на разстояніе нѣсколькихъ миль даже такихъ крупныхъ животныхъ, какъ ягнятъ, косуль, козъ и т. п.», а также «при сильнѣйшихъ вихряхъ летѣть въ направленіи, противоположномъ воздушному теченію, и притомъ съ большой быстротой».

На птичьихъ горахъ сѣвера орлана можно бываетъ встрѣтить постоянно, и здѣсь онѣ преспокойно вытаскиваютъ птицъ изъ ихъ гнѣздъ. Гагаръ онѣ настаиваютъ на лету, молодыхъ тюленей уносятъ на глазахъ матерей, а рыбъ преслѣдуетъ глубоко подъ водой. Иногда, впрочемъ, эти попытки ему не удаются. Китлицъ слышалъ отъ камчадаловъ, что иногда дельфинъ, на котораго бросается орланъ, утаскиваетъ его съ собой въ воду, гдѣ онѣ и погибаетъ, Ленцъ же разсказываетъ слѣдующее: «орланъ носился надъ Гапелемъ и замѣтилъ осетра, на котораго онѣ тотчасъ же и бросился; но смѣлый хищникъ слишкомъ понадѣялся на свою силу: осетръ оказался для него чересчуръ тяжелымъ, и онѣ не могъ вытащить свою добычу изъ воды. Но въ то же время и рыба была не въ силахъ утащить орла съ собой въ глубь. Осетръ, какъ стрѣла, несся надъ самой поверхностью воды; на немъ сидѣлъ орелъ съ распростертыми крыльями, такъ что оба они напоминали корабль, идущій подъ парусами. Нѣсколько челобѣкъ, замѣтивъ это странное зрѣлище, сѣли въ лодку и поймали осетра вмѣстѣ съ орланомъ, который такъ глубоко понзилъ когти въ рыбу, что ужь не могъ вытащить ихъ».

Въ степяхъ южной Россіи орлану часто приходится довольствоваться самой жалкой дичью. Когда онѣ охотится вдали отъ рѣки, то, по словамъ Нордмана,

главную добычу его составляютъ маленькія степныя млекопитающія и птицы. Сидя на верстовыхъ столбахъ или на холмахъ, насыпанныхъ для обозначенія дороги, зимой часто въ непосредственной близости отъ людскихъ жилищъ, онъ подкарауливаетъ сусликовъ и ящерицъ; онъ умѣетъ также изловить роющагося подъ землей цокора, схватывая его какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ, роясь, приподнимаетъ верхній слой земли. Нордманъ, изслѣдовавшій желудки болѣе дюжины орлановъ, которыхъ онъ убилъ въ степи, не находилъ въ нихъ никогда остатковъ рыбы, и всегда только млекопитающихъ, птицъ и изрѣдка также ящерицъ. Орланы любятъ падаль, пожалуй не меньше чѣмъ грифы, даже близъ моря значительную часть ихъ пищи составляетъ мертвая рыба, выброшенная моремъ; внутри материковъ они никогда не упускаютъ случая поживиться найденной падалью. Въ лѣсу, на берегахъ Тобола, вблизи Ялutorовска, я встрѣтилъ однажды не менѣе восьми штукъ орлановъ, питавшихся трупами нѣсколькихъ лошадей и вѣроятно жившихъ на этомъ мѣстѣ уже не одну недѣлю; правда, въ это время Тоболъ былъ еще покрытъ льдомъ, и орланы терпѣли недостатокъ въ рыбѣ. Способность отыскивать даже прикрытую чѣмъ-нибудь падаль у нихъ удивительно развита. Мейеринкъ на этомъ основаніи считаетъ возможнымъ утверждать, что у нихъ превосходное обоняніе. «Если», пишетъ онъ мнѣ, «бросить въ лѣсную чашу околѣвшую лошадь, чтобы приманить кабановъ и лисицъ, но прикрыть при этомъ падаль землей и хворостомъ, чтобы ее не уничтожили слишкомъ быстро, то скорѣ увидишь, что орланы замѣтили добычу и принимаются за нее, хотя они и не могли видѣть лошади, пролетая надъ лѣсомъ». Я не думаю, чтобы заключеніе, сдѣланное изъ этого Мейеринкомъ, было вѣрно, а скорѣ полагаю, что орлановъ точно такъ же, какъ и грифовъ, привлекаютъ къ падали, которую они сами не могутъ видѣть, собирающіяся вокругъ нея стаи воронъ. Несмотря на всякія случайныя уклоненія и грѣшки, которые иногда позволяетъ эта статная хищная птица, все же пищу ея составляютъ преимущественно рыбы; онѣ и есть та дичь, которую орланъ преслѣдуетъ всего болѣе. Онъ летаетъ и вьетъ себѣ гнѣздо близъ береговъ только изъ за того, чтобы охотиться за рыбами. Орланъ непременно посѣщаетъ тѣ рыбацкія деревни, гдѣ рыбаки относятся небрежно къ своему улову, и если его здѣсь не преслѣдуютъ, онъ подъ конецъ становится настолько смѣлымъ, что садится на дерево, отстоящее иногда всего на нѣсколько шаговъ отъ хижинъ, и жадно высматриваетъ, не перепадетъ-ли и ему чего-нибудь.

По физическимъ способностямъ всѣ орланы стоятъ ниже орловъ. По землѣ они движутся, можетъ быть, проворнѣ послѣднихъ и, какъ уже было сказано, умѣютъ до известной степени управляться на водѣ; но полету ихъ недостаетъ той ловкости и изящества, которыми отличается полетъ всѣхъ благородныхъ орловъ. На лету они выглядятъ ипаче, чѣмъ эти послѣдніе: ихъ короткая шея и короткій, сильно закругленный хвостъ при очень длинныхъ, но довольно узкихъ и почти всюду ямъющихъ одинаковую ширину крыльяхъ, настолько характерны, что ихъ трудно принять за кого-нибудь изъ ихъ болѣе благородныхъ родичей. Кромѣ того они болѣе тяжело машутъ крыльями и полетъ ихъ болѣе медленный, хотя все же они летитъ еще очень скоро, даже и тогда, когда, совѣтъ не шевеля крыльями, парятъ, описывая въ воздухѣ круги или скользя по прямому направлению. Зато они превосходятъ благородныхъ орловъ въ одномъ отношеніи, а именно въ искусствѣ, съ которымъ они управляются на водѣ; умѣяемъ этимъ обладаютъ только пемногія хищныя птицы. Орланъ точно такъ же, какъ и рѣчная скопа, ныряетъ, бросаясь въ воду съ высоты и въ этомъ отношеніи онъ можетъ поспорить съ любой чайкой или крачкой. По сообщенію одного прекрас-

наго наблюдателя, шведскаго натуралиста Нильсона, иногда орланъ, чтобы отдохнуть, прямо-таки опускается на поверхность моря, совершенно подобно плавающей птицѣ, и остается на водѣ болѣе или менѣе долго, смотря по желанію. Когда онъ хочетъ взлетѣть, то простираетъ крылья почти вертикально п однимъ ударомъ ихъ поднимается съ воды. Органы чувствъ развиты у него почти такъ же хорошо, какъ и у орловъ.

Въ мартѣ для орлановъ наступаетъ періодъ размноженія. Весьма вѣроятно, что и у нихъ самка часто всю жизнь остается вѣрной одному и тому же самцу, но послѣднему при приближенія всякаго другого самца приходится вступить съ нимъ въ серьезный бой и въ случаѣ неблагоприятнаго исхода онъ можетъ лишиться подруги. «Два орлана самца, за которыми я имѣлъ случай наблюдать», рассказываетъ графъ Водзицкій—«постоянно заводили драки. Они били другъ друга клювомъ и когтями, причемъ часто падали на землю и здѣсь продолжали драться, совершенно подобно пѣтухамъ, съ той только разницей, что не нападали другъ на друга съ разбѣга, какъ это дѣлаютъ послѣдніе. Послѣ каждаго боя на землѣ оставалось немало перьевъ, а иногда также и слѣды крови. Самка, которая или кружилась надъ бойцами или сидѣла невдалекѣ, всегда ласкала побѣдителя, когда онъ подлеталъ къ ней, и при этомъ я замѣтилъ слѣдующую странность: самка одинаково любовно встрѣчала каждаго изъ самцовъ, оставшагося побѣдителемъ. Такъ какъ одинъ изъ нихъ былъ моложе, то ихъ всегда можно было легко различить. Убийственная игра продолжалась около двухъ недѣль, и орланы были въ это время до того возбуждены, что въ теченіи дня совсѣмъ не охотились. Ночь они проводили вблизи воды на двухъ высокихъ дубахъ, одна пара—повидимому побѣдитель съ самкой—на одномъ деревѣ, а побѣжденный на другомъ. Черезъ мѣсяцъ стало извѣстнымъ, что наши гнѣздо орлановъ въ сосѣднемъ лѣсу. Нѣсколько недѣль спустя изъ гнѣзда вынули птенца, и затѣмъ оба старіе орлана возвратились на то же мѣсто, гдѣ жили весной. Тогда къ нимъ снова присоединился третій, и прежнія схватки возобновились. Однажды соперники послѣ долгой борьбы въ воздухѣ, слетѣли, стремглавъ, на землю. Одинъ изъ нихъ одолѣлъ и началъ изъ всѣхъ силъ бить другаго клювомъ; наконецъ онъ вскочилъ на своего смертельнаго врага, одной лапой схватилъ его за шею, а другой уперся ему въ животъ. Въ этомъ положеніи засталъ ихъ лѣсничій съ хорошей дубиной. Побѣжденный орланъ судорожно вцѣпился въ ногу и крыло побѣдителя. Нѣкоторое время оба они вмѣстѣ катались по землѣ и затѣмъ снова вскочили на ноги. Лѣсничій былъ отъ нихъ уже всего въ нѣсколькихъ шагахъ; между тѣмъ орланы продолжали драться, и человѣку удалось ударить одного изъ нихъ по головѣ такъ сильно, что онъ остался на мѣстѣ. Другой орланъ, хотя онъ и былъ весь въ крови, все-таки не хотѣлъ выпустить мертваго противника; онъ приподнялся и такъ грозно посмотрѣлъ на человѣка, что тотъ испугался и отступилъ на нѣсколько шаговъ. Повидимому лишь нѣсколько времени спустя орланъ повялъ всю опасность своего положенія, бросилъ своего врага и медленно взвился на воздухъ. Если бы охотникъ не былъ такъ испуганъ, то онъ несомнѣнно могъ бы убить обоихъ орлановъ своей палкой. Почти съ полной достовѣрностью можно утверждать, что третій изъ описанныхъ нами орлановъ провелъ весну одинъ и, затаивъ свою месть, подобно корсиканцу, выполнялъ ее такъ жестоко при первомъ удобномъ случаѣ. Въ Венгріи мнѣ также рассказывали про видѣнныхъ тамъ орлановъ, что нерѣдко случается наблюдать, какъ они дерутся на большой высотѣ. Однажды на глазахъ лѣсничаго Рущевича, два вцѣпившихся другъ

въ друга самца упали въ Дунай иплыли въкоторое время внизъ по теченію, представляя изъ себя какой-то безформенный клубокъ перьевъ.

Мѣстонахожденіе гнѣзда зависитъ отъ мѣстныхъ условій. Вездѣ, гдѣ крутые утесы омываются непосредственно моремъ, орланъ отыскиваетъ подходящее мѣсто: тамъ, гдѣ берегъ моря или большой рѣки поросъ лѣсомъ, онъ выбираетъ для постройки гнѣзда всякое дерево; если вблизи воднаго бассейна, изобилующаго рыбой, нѣтъ ни одного высокаго дерева, онъ довольствуется часто совѣмъ жалкими кустами, которые едва могутъ вынести тяжесть постройки, и даже камышами.

Въ послѣднемъ случаѣ онъ выбираетъ самую непроницаемую, высокую и густую заросль и на довольно значительномъ пространствѣ пригибаетъ стебли камыша до тѣхъ поръ, пока они не доставятъ достаточно прочнаго фундамента для гнѣзда, возвышающагося надъ водой едва на одинъ метръ. Наконецъ въ степи орланъ устраивается, какъ придется; близъ степныхъ озеръ онъ, вѣроятно, также пользуется камышами, а въ случаѣ крайности приходится строить гнѣздо и прямо на землѣ. Вдоль всего балтійскаго побережья, тамъ, гдѣ онъ еще живетъ постоянно, онъ, по словамъ Гольда, всегда выбираетъ высокія деревья, съ которыхъ хорошо видны окрестные лѣса, луга, рѣки и озера. Всего чаще онъ гнѣздится на соснахъ, а кромѣ того также на букахъ и дубахъ. Самое гнѣздо всегда представляетъ огромную постройку, имѣющую 1,5—2 м. въ поперечникѣ и 30—100 см. и даже болѣе въ вышину; оно также служитъ одной и той-же парѣ много лѣтъ подрядъ, а отъ ежегодныхъ починокъ становится все болѣе и болѣе высокимъ. Основаніе сложено изъ сучьевъ, толщиною въ руку, а верхняя часть гнѣзда изъ болѣе тонкихъ вѣтвей. Очень пологое дно покрыто нѣжными вѣтвями и выстлано сухой травой, лишаями, мхомъ и т. п. Во время уже нѣсколько разъ упомянутой мною охотничьей экскурсіи, устроенной кронпринцемъ эрцгерцогомъ Рудольфомъ Австрійскимъ, мы осмотрѣли 19 гнѣздъ орлановъ. Изъ нихъ 6 находились на дубахъ, столько-же на черныхъ тополяхъ, 5 на серебристыхъ тополяхъ и 2 на букахъ. Большинство гнѣздъ было найдено на лѣсистыхъ островахъ Дуная, нѣсколько также въ роскошныхъ лѣсахъ Фруска—Гора на разстояніи 4—5 килом. отъ рѣки. Два гнѣзда находились на самой верхушкѣ деревьевъ, 3 на боковыхъ вѣтвяхъ, а остальные на виллообразныхъ сучьяхъ совѣмъ близъ отъ ствола. Шесть гнѣздъ были построены изъ толстыхъ сучьевъ, другія же изъ вѣтвей, развѣ только немного болѣе толстыхъ, чѣмъ большой палецъ. Хотя нѣкоторыми изъ нихъ пользовались постоянно уже лѣтъ 16, только немногіе изъ нихъ были очень велики, большинство же были даже сравнительно малы. Въ самыхъ большихъ гнѣздахъ жили самые старые орлы. За исключеніемъ двухъ, всѣ они были населены многочисленными обществами полевыхъ воробьевъ.

Въ концѣ марта, рѣдко раньше, обыкновенно даже немного позже, въ гнѣздѣ можно бываетъ найти всю кладку, состоящую изъ двухъ или никакъ не болѣе трехъ, сравнительно небольшихъ яицъ, имѣющихъ только 67—73 мм. въ длину, 53—57 мм. въ толщину; яйца эти бываютъ довольно разнообразны. Скорлупа у нихъ толстая, грубая и крупно-зернистая, окраска бываетъ различная; встрѣчаются и совершенно бѣлыя безъ всякихъ пятенъ и такія, у которыхъ по бѣлому фону разсыяны болѣе или менѣе многочисленныя красноватая, коричневыя и темно-бурыя пятна. Сколько времени продолжается высиживаніе, до сихъ поръ еще достоверно не знаютъ, но мнѣ извѣстно, что самецъ помогаетъ самкѣ высидывать; для отдыха въ это время онъ всегда избираетъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ гнѣзда скалу или высохшій сукъ, на которыхъ открывается видъ на всю окрестность; при малѣйшей тревогѣ онъ тотчасъ же спѣшитъ отсюда на помощь самкѣ. Одинъ лу-

чай, котораго я былъ свидѣтелемъ, заставляетъ меня думать, что самецъ оказываетъ дѣятельную помощь самкѣ или по крайней мѣрѣ старается быть ей полезнымъ. Въ Фруска-Гора я сильно разилъ выстрѣломъ самку орлана и поручилъ сопровождавшему меня егерю кронпринца Рудольфа поискать ее въ долину, куда она спустилась. Вдругъ я услышалъ сначала надъ головой, затѣмъ рядомъ съ собою и наконецъ ниже себя сильный шумъ, какъ будто налетѣлъ страшный вихрь, и увидалъ, что мимо хижины, въ которой я былъ, пронеслась громадная птица; потомъ егеръ разсказалъ мнѣ, что на него бросился съ высоты орланъ, угрожая ему своими лапами, и приблизился къ нему на половину разстоянія ружейнаго выстрѣла; тогда онъ счелъ наилучшимъ спрятаться отъ хищной птицы за деревомъ. Такъ какъ по близости жила пара орлановъ, то можно предположить, что на егеря напалъ самецъ, чтобы отмстить виновнику гибели его подруги. Вблизи самого гнѣзда подобныхъ нападений, насколько мнѣ извѣстно, не случалось; орланы здѣсь всегда бывають, напротивъ, осторожны и боязливы. Въ высиживаньи самка бываетъ не особенно ревностна. Достаточно обыкновенно постучать въ стволъ того дерева, на которомъ находится гнѣздо, чтобы заставить ее слетѣть съ яицъ; въ такихъ случаяхъ она иногда не скоро возвращается и обыкновенно сначала долго кружится надъ деревомъ, прежде чѣмъ снова усядется въ гнѣздо. Для вылупившихся птенцовъ обѣ птицы, подобно орламъ, таскають множество пищи; они охотятся съ тѣмъ большимъ рвеніемъ и смѣлостью, чѣмъ больше подростаютъ ихъ птенцы, и мало по малу гнѣздо ихъ обращается въ настоящую бойню, гдѣ можно бываетъ найти остатки всевозможныхъ животныхъ, въ особенности рыбъ и водяныхъ птицъ. Какъ только они завладѣють добычей, они направляются прямо къ гнѣзду и при этомъ, по наблюденіямъ графа Бамбелли, одного изъ членовъ нашего охотничьяго общества въ Венгрии, пролетаютъ разстояніе въ 4—5 килом. такъ быстро, что приносятъ своимъ птенцамъ еще живыхъ, бьющихся рыбъ. Когда они прилетаютъ съ добычей, то забываютъ свою обычную осторожность, не парятъ надъ гнѣздомъ, а, подобно камню, бросаются въ косвенномъ направленіи прямо въ него съ такой быстротой, что даже самый искусный охотникъ не успѣетъ подстрѣлять ихъ. Если птенецъ выпадетъ изъ гнѣзда—что нерѣдко случается—и при этомъ не убьется, то родители продолжаютъ кормить его внизу, какъ будто съ нимъ ничего не случилось. Если убьютъ самку, то самецъ одинъ кормитъ птенцовъ. При благопріятныхъ обстоятельствахъ послѣдніе уже черезъ 10—14 недѣль бывають въ состояніи покидать гнѣздо, но послѣ вылета еще часто возвращаються въ него. Только къ осени они совсѣмъ покидаютъ родителей.

Если у пары орлановъ выкрадутъ изъ гнѣзда первую кладку, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но далеко не всегда, они рѣшаются выводить второе поколѣніе; но тогда самка только рѣдко несетъ болѣе одного яйца обыкновенно въ томъ же гнѣздѣ. Вообще орланы очень неохотно расстаются со своимъ гнѣздомъ и даже, если ихъ часто тревожатъ, не переселяются въ другую мѣстность. Въ случаѣ довольно мягкой зимы они проводятъ я это время года вблизи отъ гнѣзда, которое становится дѣйствительно центральнымъ пунктомъ того района, въ которомъ они живутъ.

Орланъ только потому оказывается менѣ вреднымъ, чѣмъ холзанъ, что большую часть пищи добываетъ изъ воды. Въ Венгрии охотники не жалуется на то, чтобы онъ приносилъ особенный вредъ. Къ нему охотно уступаютъ рыбъ, которыхъ онъ ловитъ въ изобилующемъ ими Дунаѣ и его рукавахъ, и смотрять снисходительно на то, что иногда онъ позволяетъ себѣ преслѣдовать и другую дичь. То же самое можно сказать про Россію и Сибирь. Но вездѣ, гдѣ онъ живетъ вблизи

населенныхъ пунктовъ и посѣщаетъ при своихъ охотничьихъ экскурсіяхъ окрестныя поля, а иногда даже и дворы, онъ причиняетъ людямъ никакъ не меньшіе, а даже большіе убытки, чѣмъ холзанъ. Изъ нашихъ домашнихъ птицъ только быстро летающіе голуби застрахованы отъ его нападеній; нерѣдко жертвой его становятся небольшія или молодыя домашнія млекопитающія; въ лѣсныхъ дачахъ, предназначаемыхъ для охоты, орланы причиняютъ порядочный вредъ. Поэтому немудрено, что всякій не прочь уничтожить орлана, но обыкновенно ему удается избавиться отъ преслѣдователя. Онъ всегда очень лугливъ, къ нему невозможно подбѣжать и очень трудно подкрасться; сидитъ ли онъ на деревѣ или на землѣ, онъ все равно поднимается тогда, когда охотникъ не подошелъ еще на разстояніе выстрѣла, а тѣ орланы, которые уже неоднократно подвергались преслѣдованіямъ, становятся настолько осторожными, что къ нимъ дѣйствительно почти невозможно приблизиться. Всего легче убить орлана тѣмъ способомъ, который примѣняютъ для истребленія воронъ, т. е. изъ шалаша, приманивая его живымъ филиномъ, такъ какъ орланъ питаетъ къ нему такую же ненависть, какъ и другія дневныя хищныя птицы. Удастся также приманить его къ шалашу падалью, но въ такомъ случаѣ охотникъ долженъ обладать большимъ терпѣніемъ, такъ какъ приходится очень долго дожидаться его прилета. Поймать его въ западню легче, чѣмъ подстрѣлить; особенно удачно примѣняются желѣзные капканы, которые разставляютъ вокругъ какой-нибудь падали, положенной на воду въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ее можно замѣтить издалека. Въ западни, выставлемыя для лисицъ, ежегодно попадаетъ также нѣсколько штукъ орлановъ, зоркіе глаза которыхъ замѣчаютъ даже небольшую приманку, помещенную въ такой западнѣ. Въ исключительныхъ случаяхъ орланъ, благодаря своей жадности, подвергается еще опасностямъ другого рода: такъ, на примѣръ, 28 декабря 1853 г. въ окрестностяхъ Форхгейма на дворѣ одного крестьянина былъ пойманъ живымъ и затѣмъ убитъ молодой орланъ, который долго охотился въ этой мѣстности. Въ Норвегій для охоты на орлановъ складываютъ изъ камней небольшія хижинки и въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ кладутъ на землю кусокъ мяса, привязанный къ длинной веревкѣ, конецъ которой держитъ стоящій въ хижинѣ охотникъ. Какъ только птица бросится на приманку, охотникъ тянетъ ее къ себѣ; орланъ не хочетъ выпустить изъ своихъ лапъ добычу, и дѣло кончается тѣмъ, что его или возьмутъ живымъ, или убьютъ. Что въ первомъ случаѣ необходима нѣкоторая осторожность—понятно само собой; орланъ хорошо знаетъ свою силу и въ случаѣ нужды умѣетъ отлично защищаться когтями. Насколько возможно, онъ избѣгаетъ человека, но разъ его схватятъ, защищается съ все возрастающей яростью, и въ такихъ случаяхъ онъ бываетъ не менѣе опасенъ, чѣмъ страшная гарнія. Изъ убитыхъ орлановъ у насъ дѣлаютъ только чучела; но въ южной Италіи или по крайней мѣрѣ въ Сициліи они имѣютъ и другое примѣненіе: здѣсь ихъ ѣдятъ.

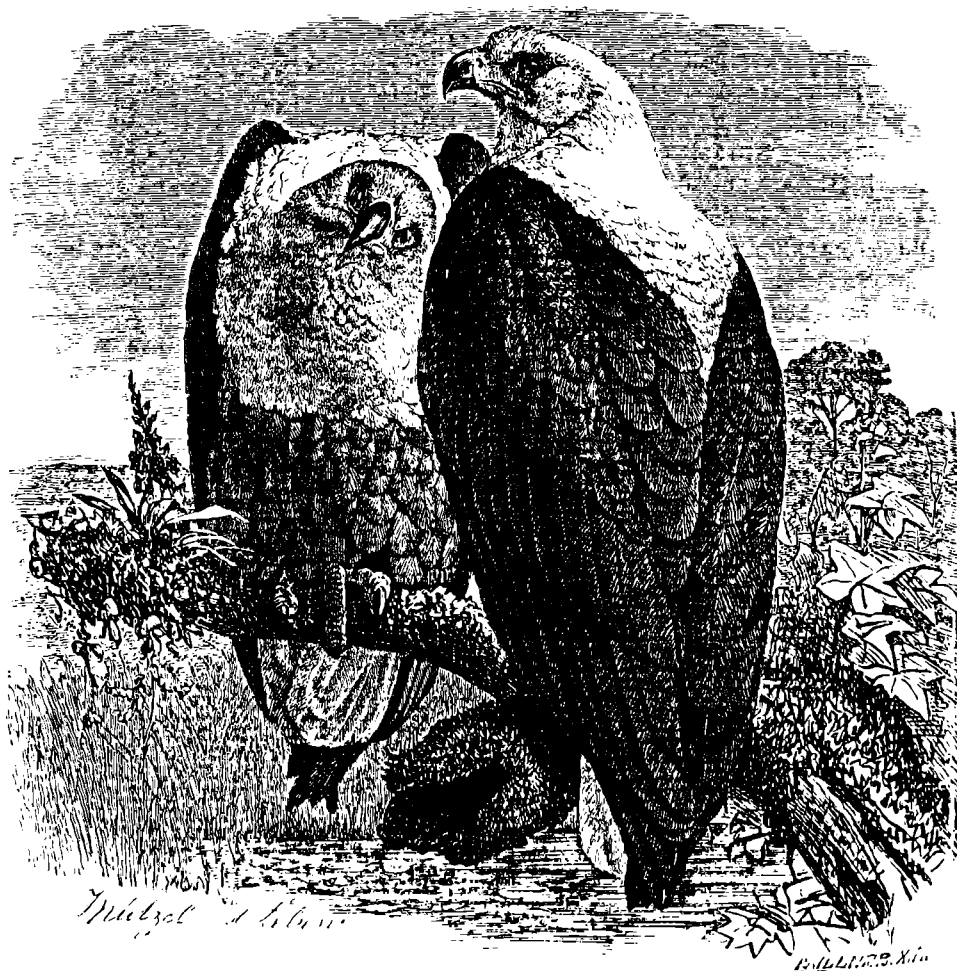
Въ клѣткѣ орланъ держитъ себя сначала крайне безпокойно, нападаетъ даже на сторожа, но вскорѣ онъ приручается и относится тогда къ людямъ вполне дружелюбно. Поэтому завѣдующіе зоологическими садами любятъ орлановъ и дорожать ими. Они всегда встрѣчаютъ хозяина громкимъ веселымъ крикомъ и особенно доставляютъ ему удовольствіе тѣмъ, что сейчасъ же отличаютъ его отъ другихъ людей. Современемъ орланы такъ привыкаютъ къ неволѣ, что уже не особенно цѣнятъ свободу, если имъ удастся снова приобрести ее, благодаря какой-нибудь счастливой случайности. Одинъ улетѣвшій отъ меня орланъ цѣлыми днями леталъ по близости, возвращался ежедневно, вѣроятно привлекаемый голосами товарищей и въ концѣ концовъ снова былъ пойманъ на ихъ клѣткѣ. При болѣе илц

менше удовлетворительномъ уходѣ орланы переносятъ неволю такъ же долго, какъ и другіе родственные имъ виды. Случай, что орланы проживали въ клѣткѣ до 40 лѣтъ не составляютъ рѣдкости. Относительно тѣхъ, которые такъ долго прожили въ неволѣ, извѣстно, что они только на 10-мъ или 12-мъ году приобрѣтаютъ окраску старыхъ птицъ, или, что также иногда случается, несутъ первыя яйца. Самка, содержащаяся у Панье, ежегодно несла по одному яйцу, которое она защищала отъ всякаго приближавшагося своими острыми когтями. Изъ этого можно заключить, что если помѣстить орлановъ въ очень просторную клѣтку и стараться, чтобы ничто ихъ не беспокоило, то они навѣрно стали бы размножаться и въ плѣну.

Въ восточной Азій водится самый большой изъ всѣхъ орлановъ, **Морской орланъ**, (*Haliaëtus pelagicus*), а въ Африкѣ самый красивый **Орланъ-крикунъ** (*Haliaëtus vocifer* и *clamans*, *Falco* и *Pontoaëtus vocifer*, *Aquila* и *Cuncuma vocifera*. Schreiseeadler, *Aigle criard*). Послѣдній является вообще однимъ изъ самыхъ красивыхъ представителей семейства соколиныхъ и настоящимъ украшеніемъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ онъ обитаетъ. У взрослыхъ птицъ голова, шея, затылокъ, верхняя часть груди и хвостъ ослѣпительно-бѣлаго цвѣта, нижнія шейныя и маховыя перья голубовато-черныя, край крыльевъ, т. е. всѣ верхнія кроющія перья крыла отъ локтевого сочленія до кистевого, и вся нижняя сторона тѣла—великолѣпнаго красно-бурого цвѣта; кольцо вокругъ глазъ, восковица и лапы свѣтло-желтыя, клювъ, какъ сверху, такъ и снизу синеовато-черный. У молодыхъ птицъ перья верхней части головы черно-сѣро-бурья, смѣшанныя съ бѣлыми, затылокъ и задняя часть шеи бѣлыя съ подмѣсью буро-сѣраго цвѣта, нижнія шейныя перья черно-бурья; на верхней части плечъ и нижней части спины перья бѣлыя съ буро-черными пятнами на концахъ. Передняя часть шеи и верхняя часть груди покрыты бурыми продольными пятнами, разсѣянными по бѣлому полю, остальная нижняя часть тѣла бѣлая, только на груди тамъ и сямъ разсѣяны коричневатыя продольныя полоски стержней и бурья пятна, украшающіе концы перьевъ. Маховыя перья бурья, а около очина бѣлыя, рулевья—бѣловатыя съ коричневыми крапинками и такими же концами. Только послѣ многократнаго линянія и послѣ того, какъ отчасти и самый цвѣтъ перьевъ поблѣднѣетъ, какъ это бываетъ и у сѣверо-американскаго орлана, опереніе молодыхъ птицъ получаетъ цвѣта оперенія взрослыхъ. Длина этой птицы 68—72 см., длина крыла 50 и длина хвоста 15 см.

Орланъ-крикунъ впервые былъ открытъ Левальномъ въ южной Африкѣ; позже другіе натуралисты встрѣтили его также въ западной и во внутренней сѣверо-восточной Африкѣ. Область его распространенія простирается на большую часть тропическаго пояса Африки или приблизительно отъ 18° сѣверной широты до Капской земл. Онъ водится въ этой послѣдней и во всей восточной Африкѣ вплоть до впаденія Атбары въ Нилъ. Левальнъ утверждаетъ, что въ южной Африкѣ орланъ-крикунъ держится обыкновенно около морскаго берега и только въ видѣ исключенія вблизи большихъ рѣкъ; я же встрѣчалъ его исключительно на Голубомъ и Бѣломъ Нилѣ и никогда не видалъ его на берегу моря. Пехуаль-Леше встрѣчалъ его въ западной Африкѣ также только вблизи рѣкъ, хотя иногда и недалеко отъ устья. Гейглинъ сообщаетъ совершенно то же, что и я, но прибавляетъ еще, что нашъ орланъ попадаетъ изрѣдка около русла небольшихъ, иногда уже полувысохшихъ потоковъ, образующихся отъ дождей, при этомъ онъ выбираетъ такіе, которые окаймлены высокимъ лѣсомъ. Къ югу отъ слиянія обихъ Ниловъ

онъ всюду встрѣчается довольно часто, сѣвернѣе же только въ видѣ исключенія. Настоящее его мѣстопробываніе—дѣвственные лѣса Судана; именно здѣсь нужно его видѣть, чтобы оцѣнить всю его красоту. Пара орлановъ, сидящихъ на деревѣ, обвитомъ лианами и нависшемъ надъ зеркальной поверхностью воды, представляетъ чудную картину, и какъ ни избалованъ глазъ наблюдателя въ этихъ мѣстахъ, изобилующихъ роскошно окрашенными птицами—эта картина всегда приводитъ его въ восторгъ.

Орланъ-крикунъ. *Haliaeetus vocifer* насг. всл.

Образомъ жизни и характеромъ орланъ-крикунъ вполне походитъ на своихъ родичей. Онъ всегда живетъ парами, только по минованіи періода размноженія иногда эти орланы, можетъ быть, собираются временно въ общества, подобно ихъ болѣе крупнымъ родичамъ. Каждая пара избираетъ себѣ участокъ, имѣющій около 3 килом. въ діаметрѣ. Здѣсь въ утренніе часы орланы летаютъ взадъ и впередъ, выеатривая добычу; въ полдень оба поднимаются высоко на воздухъ, чтобы поиграть, кружатся здѣсь съ полчаса и болѣе и при этомъ время отъ времени звонко кричатъ, такъ что ихъ бываетъ слышно на далекомъ разстояніи. «Голосовыя сред-

ства орлана-крикуна» — говорит Швейнфуртъ, который повидимому особенно увлекается имъ—«замѣчательны; въ этомъ отношеніи онъ не имѣетъ себѣ подобныхъ въ царствѣ пернатыхъ. Крикъ его всегда раздается неожиданно и распространяется далеко по гладкой поверхности рѣки; то онъ напоминаетъ голоса испуганныхъ женщинъ, то кажется, что спрятавшаяся гдѣ-нибудь толпа шалуновъ-мальчиковъ вдругъ выскочила съ шумомъ и гамомъ. Обманъ слуха бываетъ настолько полный, что я, напримѣръ, всегда оглядывался съ удивленіемъ, чтобы открыть виновника этого крика, хотя въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ очень часто имѣлъ случай наблюдать орлановъ-крикуновъ. Такъ какъ этотъ крикъ составляетъ, повидимому, наиболѣе существенную ихъ особенность, то туземцы въ Суданѣ называютъ его очень характернымъ именемъ «факи», т. е. жрецъ. Когда орланъ кричитъ на лету, то движенія его становятся чрезвычайно безпоскойными; такъ и ожидаешь, что онъ сейчасъ перекувырнется въ воздухѣ. «Когда эти орлы» — пишетъ Пехуэль-Леше—«во время заката солнца летятъ въ вышинѣ надъ широко разстилающейся поверхностью воды, они иногда вдругъ начинаютъ выдѣлывать на лету удивительныя штуки: кружатся, предаваясь какому-то дикому веселью, и при этомъ сильно вздрагиваютъ и встряхиваются, словно охваченные судорогами. Затѣмъ, чрезъ извѣстный промежутокъ времени, слышится ихъ крикъ, который у нихъ сопровождается такими странными упражненіями». Послѣ обѣда и подъ вечеръ парочка отдыхаетъ на верхушкѣ дерева или на какомъ-нибудь плавающемъ стволѣ, и обѣ птицы сидятъ тутъ цѣлыми часами другъ возлѣ друга. Всякое новое явленіе орлана обыкновенно встрѣчаютъ крикомъ; при этомъ одинъ изъ нихъ закидываетъ голову далеко назадъ, подобно другимъ орланамъ, поднимаетъ вѣерообразно распущенный хвостъ кверху между крыльями и изъ груди его съ силой вырывается громкій звучный крикъ. У каждой пары есть свое любимое мѣсто отдыха, и если удастся открыть его, то можно быть увѣреннымъ, что ежедневно въ извѣстный часъ встрѣтишь тамъ орлановъ. Для ночлега они однако выбираютъ болѣе густой лѣсъ, гдѣ ихъ убаюкиваютъ своимъ крикомъ живущіе тамъ попугаи. Левальянъ находилъ, что эти птицы пугливы и осторожны, я же наблюдалъ какъ разъ обратное. Въ Суданѣ орлановъ никогда не преслѣдуютъ, и потому они смотрятъ на человека, можетъ быть, съ удивленіемъ, но во всякомъ случаѣ безъ страха. Только частыя преслѣдованія дѣлаютъ ихъ пугливыми; но я самъ былъ свидѣтелемъ того, какъ сидѣвшій на деревѣ орланъ-крикунъ спокойно далъ пролетѣть мимо себя пулѣ и не двинулся съ мѣста; за такую неосторожность ему пришлось заплатить жизнью—вторая пуля уже не пощадила его.

Пища орлана-крикуна состоитъ изъ рыбы и падали. На первую онъ бросается какъ рѣчная скопа съ большой высоты, ныряетъ за ней глубоко въ воду и затѣмъ снова поднимается, тяжело махая крыльями. За падалью онъ или опускается на землю, замѣтивъ ее здѣсь, или вытаскиваетъ ее изъ воды, если она плыветъ внизъ по рѣкѣ. Гартманъ узналъ въ Суданѣ отъ туземцевъ, что онъ также вытаскиваетъ изъ воды большія раковины и разбиваетъ ихъ на скалахъ. Свою добычу онъ несетъ на острова и ѣсть ее здѣсь на берегу возлѣ самой воды. Я видѣлъ однажды, какъ орланъ-крикунъ преслѣдовалъ цаплю; другой разъ орланъ съѣлъ подстрѣленного нами коршуна. Но все-таки я не думаю, чтобы онъ посто-янно охотился за вышними позвоночными, какъ утверждаетъ Левальянъ, нашед-шій кости газели въ числѣ другихъ остатковъ отъ его обѣда. «Мы ни разу не видали», говоритъ Пехуэль-Леше, «чтобы орланъ-крикунъ преслѣдовалъ птицу или млекопитающихъ; они и не боятся этого орла». Зато съ другими хищными пти-цами у орлала-крикуна далеко не мирныя отношенія; особенно яростно онъ напа-

даетъ на грифовъ и, благодаря своей ловкости, обыкновенно остается побѣдителемъ. Онъ не терпитъ конкурентовъ по своему ремеслу. Такъ, однажды Гейглинъ видѣлъ на рѣкѣ Козангѣ, какъ орланъ-крикунъ съ крикомъ бросился на другую хищную птицу и отнялъ у нея рыбу. Ливингстонъ неразъ былъ свидѣтелемъ того, какъ орланы мучали пеликановъ до тѣхъ поръ, пока послѣдніе не извергали изъ своего мѣшка пойманныхъ ими рыбъ и не уступали ихъ своимъ мучителямъ. Зато и самимъ орланамъ приходится иногда терпѣть отъ другихъ птицъ. Мнѣ пришлось однажды быть свидѣтелемъ слѣдующаго зрѣлища: самка орлана-крикуна вытащила изъ воды большую рыбу и принялась ее ѣсть какъ разъ противъ насъ на песчаной отмели среди Голубого Нила. При помощи отличной зрительной трубы я могъ наблюдать за каждымъ ея движеніемъ. Сначала она сняла съ рыбы кожу и затѣмъ принялась осторожно ѣсть мясо. Въ это время появился на отмели крокодиловый сторожъ (*Nyas aegyptiacus*); онъ приблизился къ орлу и началъ дѣлать съ нимъ обѣдъ. Очень интересно было наблюдать за поведеніемъ этого смѣлаго маленькаго паразита. Съ удивительной быстротой онъ подбѣгалъ къ рыбѣ, живо схватывалъ нѣсколько кусочковъ и съѣдалъ ихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. Орланъ иногда поворачивалъ голову въ его сторону и смотрѣлъ на него, по-видимому, довольно добродушно, не проявляя ни малѣйшаго намѣренія напасть на него. Тѣмъ не менѣе я увѣренъ, что крокодиловый сторожъ остался цѣлымъ и невредимымъ, только благодаря своей быстротѣ и ловкости. Долгое знакомство съ крокодиломъ научило его, конечно, какъ слѣдуетъ держать себя въ обществѣ большихъ животныхъ.

Въ Суданѣ орланъ-крикунъ, вѣроятно, выводитъ птенцовъ въ началѣ періода большихъ дождей, когда намъ не было никакой возможности посѣтить дѣйствительные лѣса. Позже, въ послѣдніе мѣсяцы нашего года, мы уже не встрѣтили ни одного семейства орлановъ въ гнѣздѣ, такъ что я не могу сообщить читателю никакихъ собственныхъ наблюденій надъ размноженіемъ этихъ птицъ. По сообщенію Левальяна, пара орлановъ вьетъ себѣ большое, мягко выстланное гнѣздо на верхушкѣ высокаго дерева или на скалѣ; самка несетъ 2 или 3 совершенно бѣлыхъ яйца. Гейглинъ считаетъ, что спариванье происходитъ въ февралѣ и мартѣ, что несогласно съ моими наблюденіями; свое мнѣніе этотъ изслѣдователь основываетъ на томъ, что въ эти мѣсяцы всего чаще раздается въ дѣйствительныхъ лѣсахъ громкій крикъ самца. По мнѣнію маркиза Антинори, орланы-крикуны совокупляются на лету; Гейглинъ также видалъ, что они гоняются другъ за другомъ какъ на большой высотѣ, такъ и среди густой листвы деревьевъ, и при этомъ то треплютъ другъ друга, то играютъ; затѣмъ они вдругъ спускаются, стремглавъ, почти до самой поверхности воды и нѣкоторое время летятъ совсѣмъ низко одинъ надъ другимъ; потомъ снова они взлетаютъ на высоту и тамъ продолжаютъ свои игры. Другихъ подробностей о размноженіи этихъ птицъ я не могу сообщить.

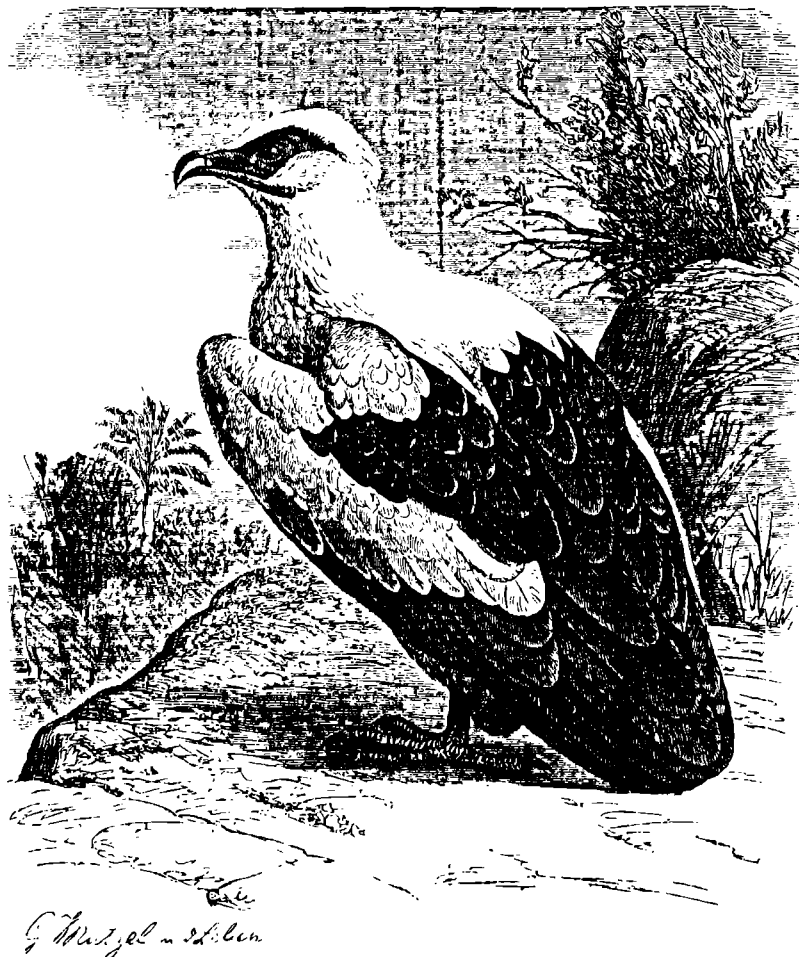
Въ неводѣ орланы-крикуны держатъ себя совершенно такъ-же, какъ и остальная ихъ родня. Они скоро приручаются и встрѣчаютъ тогда хозяина звонкимъ крикомъ. Насколько можно судить по имѣющимся наблюденіямъ, они легко переносятъ нашъ суровый климатъ. Въ зоологическихъ садахъ плѣнные орланы-крикуны живутъ изъ году въ годъ на открытомъ воздухѣ.

* *

Не безъ нѣкотораго колебанія мыставляемъ здѣсь описаніе одной хищной птицы, которая, хотя обыкновенно и причисляется повѣйшими орнитологами къ

соколинымъ, но по внѣшнему виду имѣть такое сходство съ грифами, что на первый взглядъ ее скорѣе слѣдовало бы причислить къ этому послѣднему семейству.

Грифовый орланъ (*Gypohierax angolensis*, Falco, *Gypaetus*, *Haliaetus* и *Rasata angolensis*, *Vultur hypoleucus*. Geirseeadler. *Circaète vautour*), о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, внѣшнимъ видомъ и осанкой гораздо болѣе похожъ на стервятника, чѣмъ на какого-нибудь изъ представителей соколиныхъ; къ послѣднимъ его

Грифовый орланъ. *Gypohierax angolensis*. 1, наст. вел.

приближаетъ только опереніе ногъ и образъ жизни. Клювъ у него сильный, хотя длинный и очень узкій. Верхняя половина его слегка дугообразно изогнута, коротка и оканчивается тупымъ крючкомъ, на краяхъ ея нѣтъ зубцовъ; нижняя половина большая и приблизительно на одну треть менѣе высокая, чѣмъ верхняя. Восковица прикрываетъ половину клюва; ноздри имѣютъ видъ широкихъ щелей, расположенныхъ нѣсколько косвенно въ продольномъ направленіи. Уздечка голая, ноги слабыя; голени покрыты небольшими шестиугольными роговыми пластинками. Пальцы сравнительно короткіе, вооруженные не особенно большими кривыми ког-

тами. Крылья длинныя и острыя; третье, четвертое и пятое маховыя перья длиннѣе остальныхъ. Хвостъ, состоящій изъ 12 перьевъ, довольно короткій и слабо закругленный. Опереніе взрослой птицы все бѣлое, за исключеніемъ черныхъ кончиковъ большихъ маховыхъ перьевъ, малыхъ маховыхъ перьевъ, плечевыхъ перьевъ и широкой черной полосы. Глаза свѣтло-оранжевыя, клювъ синевато-сѣрый, восковица грязнаго желтаго цвѣта, уздечка оранжевая или даже красно-желтая; ноги мясо-краснаго цвѣта. По словамъ Пехуэль-Леше, у нѣкоторыхъ экземпляровъ бѣлое опереніе нижней стороны имѣетъ красивый розоватый оттѣнокъ. У молодыхъ птицъ однообразное темно-бурое опереніе и бурые глаза. Только на третьемъ или четвертомъ году молодыя птицы вполнѣ пріобрѣтаютъ окраску взрослыхъ; эта перемѣна окраски, по наблюденіямъ Рейхенова, происходитъ постоянно какъ путемъ линянія, такъ и путемъ выцвѣтанія, такъ что встрѣчаются часто грифовыя орланы, опереніе которыхъ пятнистое, частью бурое, притомъ, смотря по возрасту, преобладаетъ то одинъ, то другой цвѣтъ. Передъ окончательнымъ пріобрѣтеніемъ окраски взрослой птицы перья молодого грифоваго орлана бывають бѣлыя съ желто-бурыми каемками, и тогда онъ выглядитъ очень грязнымъ, словно онъ только что вывалялся въ глинѣ. Въ длину онъ имѣетъ 60 см., длина крыла 40, хвоста 20 см.

Относительно образа жизни этой птицы, извѣстной уже въ теченіи цѣлаго столѣтія, мы только въ послѣднее время получили свѣдѣнія отъ Рейхенова. Преимущественно на основаніи его наблюденій нами и составлено послѣдующее описаніе. «Грифовый орланъ часто встрѣчается подъ тропиками въ западной Африкѣ, въ восточной же былъ убитъ до сихъ поръ только одинъ экземпляръ на островѣ Пемба, къ сѣверу отъ Занзибара. На западно-африканскомъ побережьѣ, внутри указанныхъ нами предѣловъ онъ принадлежитъ къ числу наиболѣе обыкновенныхъ хищныхъ птицъ. По Золотому берегу вплоть до Габуна я встрѣчалъ его повсюду, гдѣ только имѣлись подходящія условія для его существованія. Питаясь преимущественно рыбой, онъ можетъ жить только вблизи воды, т. е. на морскомъ берегу или около рѣкъ; на плохо орошаемыхъ возвышенностяхъ и горахъ онъ представляетъ такую же рѣдкость, какъ и нашъ орланъ-бѣлохвостъ внутри европейскаго материка. Наиболѣе удобное мѣстожительство представляютъ для этого орлана болотистыя пространства, тянущіяся вдоль рѣкъ, особенно тамъ, гдѣ воды большихъ западно-африканскихъ рѣкъ несутъ съ собою громадное количество ила, мутящаго море на протяженіи многихъ миль и образующаго часто обширныя дельты. Эти болотистыя мѣстности главнымъ образомъ покрыты зарослями мангровыхъ деревьевъ и, только мѣстами, украшенныя пальмами и колючими налданусами, пересѣкаются узкими рѣчными рукавами, которые очень рѣдко посѣщаются человѣкомъ; здѣсь-то обыкновенно и устраиваютъ свои жилища грифовыя орланы. Они представляютъ здѣсь настолько обыкновенное явленіе, что вмѣстѣ съ тѣневою птицею могутъ быть отнесены къ числу птицъ, наиболѣе характерныхъ для пустынныхъ болотистыхъ мѣстностей. Ихъ можно видѣть то спящими въ одиночку или парами на верхушкѣ дерева и отдыхающими послѣ ѣды, то играющими высоко въ воздухѣ, причемъ они то описываютъ круги, то несутся надъ самой поверхностью воды, высматривая добычу. Сидящій грифовый орланъ совершенно напоминаетъ грифа, хотя и держится довольно прямо; его длинный клювъ и голая передняя часть головы дѣлають его настолько похожимъ на грифа, что его узнаешь только тогда, когда онъ поднимется. Особенности своего образа жизни онъ напоминаетъ нашего орлана-бѣлохвоста, только всѣ движенія его болѣе медленны. На лету онъ также имѣетъ наиболѣе сходства съ орланомъ-бѣлохвостомъ. Подобно послѣднему, онъ тоже иногда, играя, бросается внизъ съ большой высоты и затѣмъ, спокойно наря, снова подни-

мается въ вышину. Впрочемъ, у него манера охотиться иная, чѣмъ у орлана-бѣлохвоста; въ этомъ отношеніи онъ скорѣе напоминаетъ коршуновъ. Охотясь, онъ низко несется надъ поверхностью воды и, замѣтивъ рыбу, спускается довольно медленно по дугообразной линіи, чтобы схватить ее на поверхности. И никогда не видалъ, чтобы онъ бросался круто, завидѣвъ добычу. Кромѣ рыбы онъ, повидимому, питается также и моллюсками, которые во множествѣ находятся на болотистыхъ берегахъ устья рѣкъ. Впрочемъ, возможно, что онъ иногда нападаетъ на млекопитающихъ и птицъ. Неразъ мнѣ случалось видѣть его преслѣдующимъ сѣрыхъ попугаевъ, которые улетали отъ него съ явными признаками страха и съ громкимъ крикомъ. Сначала я скорѣе склоненъ былъ смотрѣть на эти преслѣдованія, какъ на игру, но въ виду интереснаго наблюденія Ушера, видѣвшаго, какъ грифовый орланъ бросился на молодую козу, должно предположить, что онъ преслѣдуетъ попугаевъ съ враждебными намѣреніями. Но я считаю невѣроятнымъ, чтобы грифовый орланъ ѣлъ косточки плодовъ пальмы, какъ утверждаетъ Пэль. Удивительна молчаливость этой птицы. Хотя я въ теченіи полугода могъ почти ежедневно наблюдать ее въ низменностяхъ Камеруна, я ни разу не слышалъ отъ нея ни одного звука.

«Гнѣздо я всегда находилъ на одномъ изъ самыхъ высокихъ деревьевъ того района, въ которомъ жила пара этихъ птицъ. На время періода размноженія грифовые орланы часто покидаютъ устья рѣкъ и летятъ вверхъ по теченію туда, гдѣ растутъ гигантскіе хлопчатники и баобабы, на которыхъ удобнѣе строить гнѣздо, чѣмъ на низкихъ мангровыхъ деревьяхъ. Гнѣздомъ, устраиваемымъ на верхушкѣ или на виллообразно расходящихся сучьяхъ упомянутыхъ нами деревьевъ, птицы пользуются нѣсколько лѣтъ подрядъ, и потому оно достигаетъ значительныхъ размѣровъ. Кладка состоитъ, повидимому, только изъ двухъ яицъ. Къ сожалѣнію, я не могъ вполне убѣдиться въ этомъ; мнѣ ни разу не удалось достать яйца изъ гнѣзда, хотя самыя гнѣзда я видалъ нѣсколько разъ; но они всегда находились на совершенно недоступныхъ для меня мѣстахъ. Что негры умѣютъ гнѣзды не мѣнѣе добираться до этихъ гнѣздъ, доказываютъ нерѣдко привозимые въ Европу живыми молодые грифовые орланы».

Во многихъ отношеніяхъ значительно расходится съ этимъ рассказомъ сообщенія Пехуэль-Леше. «Эта коренастая птица или отдыхаетъ въ лѣнливой позѣ на сукѣ дерева, растущаго на берегу или среди саванны, или рѣже—кругами носится по воздуху на сравнительно небольшой высотѣ и медленно паритъ надъ берегомъ моря или надъ водами, прорѣзывающими материкъ. По дорогѣ этотъ орланъ схватываетъ краббовъ, раковинъ, слѣдующихъ за приливомъ рыбъ и т. п. легко добываемую мясную пищу. Никогда мы не видали, чтобы онъ бросался стремглавъ съ высоты на свою добычу или долго преслѣдовалъ какое-нибудь животное. И также ни разу не замѣчалъ, чтобы какая-нибудь птица или млекопитающее выказывали страхъ передъ нимъ. Онъ схватываетъ только то, что случайно попадется ему по пути и, какъ на свободѣ, такъ и въ неволѣ особенно охотно питается плодами масличной пальмы. Когда мы охотились за водяными птицами, неразъ случалось, что послѣ удачнаго выстрѣла какой-нибудь находившейся по близости грифовый орланъ преспокойно подлеталъ и уносилъ подстрѣленную птицу, несмотря на нашъ крикъ и угрожающіе жесты. Одинъ старый орланъ въ теченіи нѣсколькихъ недѣль ежедневно появлялся утромъ около нашего жилища какъ разъ, когда мы стрѣляли для обѣда зеленыхъ голубей, постоянно пролетававшихъ мимо насъ въ одно и то-же время. Онъ садился на баобабъ и терпѣливо дожидался, покуда мы уйдемъ, чтобы тогда подобрать то, что оставалось отъ нашей добычи».

«Мы можемъ назвать грифовыхъ орлановъ вполнѣ безвредными или даже полезными птицами; туземцы также не сообщили намъ ничего, что говорило-бы не въ ихъ пользу. Поэтому ихъ никто не преслѣдуетъ. Мѣстами, конечно, за ними охотятся изъ-за мяса, которое приобретаетъ пріятный вкусъ можетъ быть вслѣдствіе того, что они отчасти питаются плодами масляной пальмы. У негровъ племени Кру, этихъ западно-африканскихъ странствующихъ мастеровъ, мясо ихъ считается даже однимъ изъ самыхъ лакомыхъ блюдъ. Пойманные молодыми, грифовые орланы дѣлаются чрезвычайно ручными, позволяютъ гладить себя, узнаютъ того, кто о нихъ заботится и привѣтствуютъ его, поднимая крылья; но они всегда остаются тупыми и лѣнливыми и какъ на свободѣ, такъ и въ неволѣ не представляютъ ничего привлекательнаго; кому же они выглядятъ довольно нечистоплотными, хотя и употребляютъ довольно много времени на чистку и приведене въ порядокъ своего оперенія.

«Очень рѣдко отъ нихъ услышишь какой-нибудь звукъ и то обыкновенно только отъ старой птицы, послѣ того, какъ она усядется на дерево; если при этомъ не слѣдить за ней внимательно, то никакъ не догадаешься, что странный звукъ, поразившій ухо, исходитъ отъ нея. Крикъ грифоваго орлана похожъ на исходящую изъ самой глубины груди отрыжку, за которой слѣдуютъ продолжительные ноющие звуки, напоминающіе стоны человѣка, который чувствуетъ приближеніе рвоты».

Я видалъ этихъ птицъ въ нѣсколькихъ зоологическихъ садахъ и за нѣкоторыми изъ нихъ могъ наблюдать довольно долго. Обыкновенно тамъ видишь только молодыхъ грифовыхъ орлановъ, такъ какъ, вѣроятно, въ неволѣ они умираютъ на первыхъ же годахъ жизни. Впрочемъ одинъ орланъ прожилъ въ Лондонскомъ зоологическомъ саду такъ долго, что приобрѣлъ опереніе вполнѣ взрослой птицы. Старапія мои найти у грифовыхъ орлановъ какія-нибудь свѣдѣнія, которыя приближали бы ихъ къ настоящимъ орламъ, оказались совершенно безуспѣшными; эти птицы всегда производили на меня впечатлѣніе небольшихъ грифовъ. Привлекательными и интересными они кажутся только орнитологу; даже большой любитель птицъ, разъ онъ не ученый специалистъ, отнесется къ нимъ совершенно равнодушно. Они неподвижно сидятъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, обыкновенно на полу клѣтки и остаются совершенно равнодушными ко всему, что происходитъ вокругъ нихъ, хотя, повидимому, они и наблюдаютъ за всѣмъ очень внимательно. Даже когда имъ бросаютъ кормъ, они не обнаруживаютъ никакого особеннаго волненія, а медленно и спокойно подходятъ къ брошеннымъ имъ кускамъ мяса, хватаютъ ихъ лапой и начинаютъ скорѣе обгрызать, чѣмъ рвать ихъ, совершенно подобно грифамъ. Въ одномъ только они оказываются чрезвычайно неутомимыми—это въ чисткѣ своего оперенія; но, несмотря на это, они всегда выглядятъ грязными и неряшливыми. Словомъ, они принадлежатъ къ числу наименѣе интересныхъ изъ тѣхъ хищныхъ птицъ, которыхъ можно содержать въ неволѣ.

* * *

Какъ по внѣшнему виду, такъ и по образу жизни большой интересъ представляетъ Скопа рѣчная (*Pandion haliaëtus, fluvialis, americanus, carolinensis, indicus, ichtyaëtus, alticeps, planiceps, albitus, minor, fasciatus, leucocephalus* и *gouldii, Falco haliaëtus, arundinaceus, carolinensis* и *cajanensis, Aquila haliaëtus, marina, piscatrix, balbusardus, Accipiter haliaëtus, Triorches fluvialis, Balbusardus haliaëtus*. Fischadler. Balbusard. Osprey по англійски, Flodörn по-датски, Fiskljese по шведски, Чифча по-лапландски). Вотъ отличительные признаки этой птицы: ту-

ловище относительно мало, но довольно коренасто, голова умѣренной величины; довольно короткій клювъ загибается уже у восковицы и образуетъ длинный крючекъ. Лапы сильныя, опереніе на нихъ едва доходитъ до пятки, неоперенная часть ихъ покрыта толстой, но мелкой сѣтчатой чешуей; сравнительно короткіе пальцы вооружены острыми, круглыми, сильно изогнутыми когтями; крайній наружный палецъ можетъ вращаться впередъ и назадъ. Крылья такъ длинны, что простираются дальше хвоста, тоже далеко не короткаго; третье маховое перо длиннѣе остальныхъ. Характеристична также для рѣчной скопы ея гладко прилегающее, жирное опереніе. Голова и затылокъ желтовато-бѣлые съ черно-бурыми продольными полосками; здѣсь всѣ перья отличаются острыми кончиками. Верхняя сторона туловища бурая; каждое перо имѣетъ болѣе свѣтлую каемку. Хвостовыя перья бурья съ черными поперечными полосами. Нижняя часть тѣла окраской рѣзко отличается отъ верхней—она бываетъ бѣлой или желтовато-бѣлой. На груди бурья перья образуютъ пятно или полосу, вродѣ ошейника, которая иногда выражена ясно, иногда же бываетъ чуть замѣтна; отъ глаза къ серединѣ шеи спускается темная полоса. Глаза ярко-желтые, восковица и кожа на ногахъ свинцово-сѣрыя, клювъ и когти блестящаго чернаго цвѣта. Въ длину скопа рѣчная имѣетъ 53—56 см.; размахъ крыльевъ 156—164, длина крыла 50—92, длина хвоста 18—15 см.

Рѣчная скопа принадлежитъ къ числу немногихъ птицъ, распространенныхъ рѣшительно по всей землѣ. Правда пытались выдѣлить американскихъ, азіатскихъ и австралійскихъ рѣчныхъ скопъ въ особые виды, отличные отъ нашего европейскаго вида; но при сравненіи большаго числа чучель становится очевиднымъ, что такое раздѣленіе въ настоящее время не можетъ быть признано основательнымъ. Между свойственными каждой изъ упомянутыхъ странъ типами рѣчныхъ скопъ существуютъ всевозможные переходы; принадлежность всѣхъ ихъ къ одному и тому же виду подтверждается также и полнымъ сходствомъ ихъ образа жизни. Въ Европѣ рѣчная скопа живетъ и размножается лѣтомъ повсюду, начиная отъ Лапландіи, Финляндіи и Сѣверной Россіи вплоть до южныхъ окраинъ материка; она водится даже какъ на большихъ, такъ и на нѣкоторыхъ мелкихъ островахъ, находящихся близъ европейскаго материка. Въ Азій она водится близъ всѣхъ большихъ озеръ какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ; какъ здѣсь, такъ и въ нѣкоторыхъ частяхъ Африки она живетъ круглый годъ. Во всѣхъ изслѣдованныхъ до сихъ поръ частяхъ Африки она встрѣчается по крайней мѣрѣ временами. Въ сѣверной Америкѣ она не водится только тамъ, гдѣ прѣсныя воды слишкомъ долгое время остаются подъ ледянымъ покровомъ; далѣе по направленію къ югу она встрѣчается рѣшительно повсюду вплоть до южной Бразиліи. Наконецъ въ Австраліи она живетъ вездѣ, гдѣ только существуютъ подходящіе условія. На сѣверѣ рѣчная скопа повсюду только лѣтній гость, на югѣ же, повидимому, она кочевая птица. Способъ добыванія пищи опредѣляетъ весь ея образъ жизни: она питается почти исключительно рыбой, только въ послѣдней крайности гадами и пренебрегаетъ всякой другой добычей.

Въ Германіи эта всѣмъ ненавистная и вполне заслуженно преслѣдуемая птица избираетъ въ качествѣ постояннаго мѣстожительства конечно только мѣстности, изобилующія водой, но во время перелета она встрѣчается здѣсь повсемѣстно и удостоивается своимъ вниманіемъ даже самыя незначительныя пруды. Тотчасъ же послѣ прилета, который имѣетъ мѣсто поздней весной, т. е. не раньше конца марта, начинается ея лѣтняя жизнь, и она приступаетъ къ починкѣ стараго или къ сооружецію новаго гнѣзда, которое съ этихъ поръ становится ея постояннымъ жилищемъ. Она строитъ гнѣздо только на самыхъ высокихъ деревь-

лхъ и притомъ обыкновенно выбираетъ тѣ изъ нихъ, съ которыхъ открывается видъ на воду или по крайней мѣрѣ на поле, сосѣднюю лѣсную поляну или какой-нибудь дугъ. Соответственно этому гнѣздо всегда находится на значительной высотѣ (15—20 м.) надъ землей и притомъ непременно на верхушкѣ дерева, а не на одномъ изъ большихъ боковыхъ сучьевъ. Рѣчная скопа сама строитъ свое жилище, а матеріалъ для него большею частью достаетъ изъ воды; уже благодаря одному послѣднему обстоятельству гнѣздо ея легко отличить отъ гнѣздъ всѣхъ другихъ орловъ. Для постройки основанія гнѣзда она употребляетъ толстыя, слегка подгнившія вѣтви, имѣющія 3—4 см. въ поперечникѣ; верхняя часть строится изъ болѣе тонкихъ прутьевъ, а внутри гнѣздо, которое бываетъ не особенно глубоко, выстлано осокой, соломой, мхомъ и лишаями. Толстыя вѣтви скопы вылавливаетъ изъ воды; мохъ она срываетъ большими кусками съ деревьевъ. Гнѣздо рѣчной скопы легко узнать еще издали по слѣдующимъ двумъ признакамъ: оно помѣщается на самой верхушкѣ высокихъ деревьевъ, и нижняя поверхность его бываетъ очень слабо закруглена. Диаметръ углубленія гнѣзда имѣетъ приблизительно 1 м., высота же колеблется между 1 и 2,5 м., смотря по тому, сколько лѣтъ оно служить. Это зависитъ отъ того, что рѣчныя скопы каждый годъ приносятъ для гнѣзда новые строительные матеріалы и такимъ образомъ съ теченіемъ времени постройки ихъ принимаютъ огромные размѣры. Грувакъ, чтобы добыть яйца или птенцовъ рѣчныхъ скопъ 20 лѣтъ подъ рядъ посѣщалъ 8—10 гнѣздъ, находящихся въ одномъ лѣсу близъ Берлина, и вотъ что онъ мнѣ пишетъ: «Только въ томъ случаѣ, если буря попортитъ гнѣздо и если въ предшествующіе года рѣчныхъ скопъ упорно тревожили во время высиживанья, онѣ предпринимаютъ постройку новаго гнѣзда почти въ непосредственной близости отъ стараго; если же ихъ не тревожатъ, то онѣ тотчасъ же послѣ прилета возвращаются въ старое гнѣздо и обыкновенно уже въ теченіи 4 недѣль до кладки яицъ пользуются имъ съ замѣчательной правильностью, такъ что въ немъ все время отдыхаетъ попеременно то одна, то другая изъ птицъ».

Дерево, или по крайней мѣрѣ верхушка, на которомъ находится гнѣздо, позже или раньше погибаетъ, вѣроятно вслѣдствіе того, что всѣ верхнія вѣтви бываютъ перепачканы острымъ ѣдкимъ пометомъ птицъ. Иногда, хотя только въ очень рѣдкихъ случаяхъ, въ Германіи находили два гнѣзда рѣчныхъ скопъ на одномъ и томъ же деревѣ. Смотри по погодѣ, самка начинаетъ нести яйца то раньше, то позже, обыкновенно между 24 и 30 апрѣля; она кладетъ по яйцу черезъ день. Кладка состоитъ изъ 3, рѣдко изъ 4, а иногда только изъ 2 продолговатыхъ яицъ, съ твердой и почти матовой скорлупой. Въ длину они имѣютъ 59—70 мм., а наибольшій поперечникъ 44—52 мм. Окраска ихъ и рисунки, образуемые на нихъ пятнами, такъ-же измѣнчивы, какъ и размѣры. По словамъ Пэсслера, основной цвѣтъ ихъ чисто бѣлый; рисунокъ состоитъ изъ матовыхъ аспидно-синевато-сѣрыхъ и ржавыхъ пятенъ. Самые красивыя яйца тѣ, на которыхъ пятна кровино-красныя, часто еще съ черными жилками или сливающимися или на тупомъ или на остромъ концѣ яйца. На другихъ пятна прекраснаго каштаново-бурого цвѣта, шоколадно-бурья, желтовато-ржавыя или даже почти сѣрыя. На однихъ яйцахъ пятна крупныя, другія же усыяны мелкими крапичками; на нѣкоторыхъ, наконецъ, пятна образуютъ какъ бы вѣячникъ. По увѣренію Грувака, изслѣдовавшаго болѣе 100 штукъ яицъ, въ большинствѣ случаевъ даже яйца, принадлежащія къ одной и той же кладкѣ, такъ же, какъ и яйца, вынутыя въ разные годы изъ одного и того же гнѣзда, отличаются другъ отъ друга окраской. Высиживанье, начинающееся тотчасъ же послѣ того, какъ самкой положено первое яйцо, про-

должается 22—26 дней; въ немъ, повидимому, принимаютъ участіе обѣ птицы; обыкновенно вылупливается только два птенца. Они отличаются чудовищной прожорливостью, которая, впрочемъ, удовлетворяется настолько обильно, что гнѣздо бываетъ все завалено едва только на половину съѣденными свѣжими рыбами, причемъ обыкновенно обѣдена только передняя ихъ половина; земля подъ деревомъ бываетъ также положительно сплошь усыяна гниющей рыбой, если только пара коршуновъ, воспользовавшись счастливымъ случаемъ, не догадается свить по близости свое гнѣздо и на станеть кормить своихъ птенцовъ главнымъ образомъ обѣдками со стола своего богатаго родича. Птенцы научаются летать не ранѣе какъ черезъ 8, а иногда даже только черезъ 10 недѣль. Тогда они покидаютъ гнѣздо, слѣдя за своими родителями, подъ руководствомъ которыхъ они научаются искусству рыбной ловли, а въ сентябрѣ или октябрѣ или самое позднее въ ноябрѣ они наконецъ предпринимаютъ путешествіе въ болѣе южныя страны.

Если буря разрушитъ гнѣздо или если срубятъ дерево, на которомъ оно свито, то рѣчная скопа нерѣдко совсѣмъ покидаетъ тотъ лѣсъ, въ которомъ она жила. Если же изъ гнѣзда только украдутъ яйца, то она все-таки ежегодно возвращается на прежнее мѣсто. Если вблизи высокоствольнаго лѣса находится большой, изобилующій рыбой, водный бассейнъ, то иногда двѣ пары рѣчныхъ скопъ поселяются въ довольно близкомъ сосѣдствѣ другъ отъ друга, но обыкновенно каждая пара избираетъ особый обширный районъ, по возможности находящійся не у самаго морского берега.

До сихъ поръ рѣчь шла о постройкѣ гнѣздъ и о размноженіи рѣчныхъ скопъ въ Германіи. Въ другихъ странахъ дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Уже въ Норвегіи и въ Лапландіи птицѣ этой не всегда бываетъ легко найти подходящее дерево для постройки гнѣзда, и тогда ей приходится волей-неволей устраивать свое жилище на скалѣ; вблизи отъ большихъ скальныхъ рѣкъ она принуждена бываетъ вить гнѣздо прямо на землѣ; а на Красномъ морѣ, гдѣ только на югѣ встрѣчаются острова, поросшіе лѣсомъ или по крайней мѣрѣ хотя кустарникомъ, ей, какъ и въ степи, также приходится строиться прямо на маленькихъ островкахъ, часто на коралловыхъ рифахъ, возвышающихся едва на 2 м. надъ уровнемъ воды. Такъ какъ здѣсь вдобавокъ отсутствуютъ обыкновенно употребляемые ею для постройки материалы, она пользуется, насколько возможно, всѣмъ, что доставляетъ ей море, вылавливаетъ изъ воды всякія водоросли, притаскиваетъ раковины, можетъ быть обломки коралловъ, пользуется также остатками другихъ морскихъ животныхъ и изъ всѣхъ этихъ материаловъ сооружаетъ конусообразную постройку, имѣющую около 60 см. въ вышину; наверху, въ очень незначительномъ углубленіи лежатъ яйца. Рѣчная скопа по возможности и здѣсь строитъ гнѣздо на какомъ-нибудь деревѣ, хоть на кустѣ мимозы или шоры и употребляетъ для постройки, какъ обыкновенно, преимущественно сучья, водорослями же пользуется только въ качествѣ добавочнаго материала; она не прочь также иногда устроить гнѣздо на старой цистернѣ, на плоской крышѣ покинутой рыбачной хижины или на какихъ-нибудь развалинахъ. Въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ рѣчныя скопы точно также, какъ и у насъ, гнѣздятся преимущественно на деревьяхъ, во время періода размноженія, онѣ, по словамъ Риджвалъ, проиляютъ нѣкоторыя своеобразныя привычки, а именно поселяются въ какомъ-нибудь мѣстѣ цѣлыми колоніями; такъ, на примѣръ, на одномъ маленькомъ островкѣ, если только вѣрить сообщенію этого изслѣдователя, онѣ видѣли колонію, состоявшую паръ изъ 300 этихъ птицъ. Правда, и у насъ рѣчныя скопы иногда поселяются въ какой-нибудь мѣстности цѣлыми обществами, но только въ очень рѣдкихъ случаяхъ два

гнѣзда помѣщаются въ непосредственной близости другъ отъ друга или даже на одномъ и томъ же деревѣ, а колоніи, подобныхъ той, о которой говоритъ нашъ авторъ, не встрѣчали болѣе нигдѣ во всемъ свѣтѣ. По словамъ того же американскаго наблюдателя, рѣчная скопа, которая дѣйствительно довольно добродушна, проявляетъ будто-бы такія добродѣтели, которыя вовсе несвойственны такимъ хищнымъ птицамъ, какъ орлы, а именно—помогаетъ другимъ птицамъ того же вида при постройкѣ новаго гнѣзда. Во избѣжаніе недоразумѣнія, мы обращаемъ вниманіе читателя на то, что мы сами не ручаемся за достовѣрность этого факта.

Дневныя занятія у рѣчной скопы распределены довольно регулярно. Обѣ птицы вылетаютъ довольно поздно изъ гнѣзда на рыбную ловлю къ озеру или рѣкѣ, которые часто находятся очень далеко, причемъ всегда съ замѣчательной точностью придерживаются одного опредѣленнаго пути. Длинные крылья позволяютъ рѣчной скопѣ легко пролетать большія разстоянія. Сначала она паритъ на большой высотѣ, а потомъ опускается ближе къ поверхности воды и начинаетъ ловлю. Скопа не летаетъ надъ водой, пока не исчезнетъ туманъ, мѣшающій ей замѣтить издали добычу, такъ что наблюдать за ея охотой можно не раннимъ утромъ, а ближе къ полудню. Прилетая, рѣчная скопа описываетъ въ воздухѣ круги и внимательно озирается, чтобы убѣдиться въ безопасности; затѣмъ она спускается къ водѣ и начинаетъ носиться взадъ и впередъ на высотѣ 20 м. надъ ея поверхностью. Временами она приостанавливается и виситъ въ воздухѣ на одномъ мѣстѣ, трепеща крыльями, подобно пустельгѣ, чтобы внимательнѣе слѣдить за замѣченной ею рыбой, и тогда уже, протянувъ далеко впередъ лапы, чрезвычайно ловко и быстро опускается на воду въ нѣсколько косвенномъ направленіи и исчезаетъ подъ волнами; но вскорѣ она снова выплываетъ и нѣсколькими сильными взмахами крыльевъ поднимается надъ поверхностью воды, стряхиваетъ съ себя прилипшія капли, затѣмъ, каковъ бы ни былъ результатъ ловли, она обыкновенно улетаетъ въ другое мѣсто, если охотилась на прудѣ или маленькомъ озерѣ. Благодаря этому своеобразному способу охоты, рѣчная скопа часто дѣлаетъ промахи, но она отъ этого вовсе не терпитъ недостатка въ пищѣ, такъ какъ даже частыя неудачи нисколько не смущаютъ ее. Если ей удастся поймать рыбу, то она запускаетъ обѣ свои лапы въ ея спину съ такой силой, что бываетъ не въ состояніи сразу вытащить когти; поэтому банкиры дали ей очень характеристичное названіе—«железный коготь». Нерѣдко скопа рискуетъ жизнью и даже погибаетъ, такъ какъ черезчуръ крупная рыба можетъ утащить ее съ собой въ глубь и утопить. Разсматривая пойманныхъ рѣчной скопой рыбъ, замѣтили, что она всегда вонзаетъ два пальца въ одинъ бокъ и два пальца въ другой бокъ добычи. Схватенную рыбу—если она не окажется слишкомъ тяжелой, скопа уноситъ далеко, обыкновенно въ лѣсъ, чтобы здѣсь съѣсть ее на свободѣ, а очень тяжелыхъ рыбъ она все-таки дотаскиваетъ по крайней мѣрѣ до берега, хотя иногда это и бываетъ ей настолько трудно, что по временамъ она совсѣмъ касается поверхности воды. Затѣмъ скопа съѣдаетъ лучшіе куски своей добычи, остальное-же все бросаетъ; при ѣдѣ ей случается иногда проглатывать чешую, но къ внутренностямъ она никогда не притрагивается. Только въ крайности рѣчная скопа рѣшается охотиться и за чѣмъ-нибудь другимъ кромѣ рыбы. Такъ, мой пріятель Либе сообщилъ мнѣ, что она ловитъ лягушекъ въ прудахъ, если, вслѣдствіе частыхъ преслѣдованій, боится показываться близъ соседнихъ рѣкъ или озеръ, избѣгающихъ рыбой.

Рѣчныя скопы относятся другъ къ другу чрезвычайно миролюбиво. На другихъ птицъ онѣ не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія и бываютъ только довольны, если и тѣ съ своей стороны не причиняютъ имъ никакого безпокойства.

Маленькимъ птицамъ рѣчная скопа охотно дозволяетъ поселяться въ своемъ просторномъ гнѣздѣ, и эти сожители ея съ своей стороны настолько увѣрены въ ея добродушія, что рѣшаются строить здѣсь свои гнѣзда, которыя, конечно, не уцѣлѣли бы, если-бы такой сильной хищной птицѣ, какъ скопа, захотѣлось прогнать непрощенныхъ гостей. У насъ въ Европѣ маленькія птицы только въ исключительныхъ случаяхъ поселяются въ гнѣздахъ рѣчныхъ скопъ, но уже на островахъ Краснаго моря это случается гораздо чаще; особенно охотно гнѣздится на большихъ постройкахъ рѣчныхъ скопъ одинъ видъ сорокопутовъ. Въ Америкѣ трупіалы, а особенно пурпуровыя мейны постоянно вьютъ свои легкія качающіяся гнѣзда, имѣющія видъ кошельковъ, на нижней части гнѣзда рѣчной скопы, которыя, именно благодаря этому, легко бываетъ узнать еще издали. Вильсонъ нашелъ на одномъ гнѣздѣ скопы не менѣе четырехъ такихъ висячихъ построекъ. Уже одно это заставляетъ думать, что рѣчная скопа птица довольно добродушная, или, выражаясь точнѣе, что она никогда не нападаетъ на другихъ представителей царства пернатыхъ; но еще болѣе подтверждается это поведеніемъ водяныхъ птицъ. Всѣ онѣ отлично знаютъ рѣчную скопу и нисколько не боятся ея, а смотрятъ на нее, какъ на равную и поэтому совершенно спокойно относятся къ ея сосѣдству. Въ Египтѣ, на озерѣ Мензале, куда прилетаютъ на зиму сотни рѣчныхъ скопъ, которымъ здѣсь живется очень хорошо, мнѣ неразъ случалось видѣть, что онѣ сидѣли среди утокъ, которыя не обращали на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Напротивъ того, скопѣ самой приходится много терпѣть отъ другихъ птицъ. Въ Германіи ее преслѣдуютъ ласточки и трясогузки, вѣроятно скорѣе съ цѣлю подразнить ее, чѣмъ съ дѣйствительно враждебными намѣреніями; но тамъ, гдѣ водятся орланы, рѣчной скопѣ часто приходится работать на нихъ; особенно бѣлоголовый орланъ постоянно воюетъ съ ней. Какъ только она поймаетъ рыбу, орланъ бросается на нее и мучаетъ до тѣхъ поръ, пока она не уступитъ ему своей добычи. Коршуны, большіе черныя вѣроны, сѣрыя и черныя вѣроны также нерѣдкѣ отнимаютъ отъ нея пойманныхъ ею рыбъ. Наконецъ въ самыхъ большихъ и старыхъ гнѣздахъ рѣчныхъ скопъ часто поселяется куница, которая, вѣроятно, иногда поѣдаетъ также и яйца этихъ птицъ.

Послѣ выдры рѣчная скопа величайшій врагъ всякаго правильно ведущагося рыбнаго хозяйства, и рыболовы съ полнымъ основаніемъ ненавидятъ ее больше, чѣмъ всякую другую хищную птицу. По словамъ Шалова, въ окрестностяхъ Нейтца, гдѣ въ 72 прудахъ, занимающихъ пространство болѣе 1000 гектаровъ, производится въ огромныхъ размѣрахъ разведеніе карповъ, ежегодно живетъ отъ 25 до 30 паръ рѣчныхъ скопъ, которыя причиняютъ арендатору прудовъ такіе значительные убытки, что онъ платитъ премію не менѣе 6 марокъ за каждую убитую скопу. Въ Сѣверной Америкѣ еще не всюду убѣдились въ томъ, что птица эта приноситъ большой вредъ; здѣсь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напротивъ, еще существуетъ старое повѣрье, что хозяину, на землѣ котораго поселилась пара рѣчныхъ скопъ, особенно будетъ благоприятствовать счастье. Въслѣдствіе постоянныхъ преслѣдованій, которымъ подвергается эта птица, у насъ она бываетъ очень боязлива и только въ исключительныхъ случаяхъ, защищая свое гнѣздо, она проявляетъ извѣстную смѣлость и не отступаетъ передъ опасностью. Благодаря своей осторожности, а еще болѣе благодаря тому, что, охотясь, она летаетъ надъ обширными водными пространствами, ей неразъ удается избѣгать назначаемой ей пули, и охота за ней у насъ весьма затруднительна; на югѣ же, гдѣ на ея разбойничье ремесло смотрятъ снисходительно, бываетъ неособенно трудно подкрасться къ ней, когда она сядетъ на дерево, или подстрѣлить ее, пользуясь тѣмъ,

РВЧНАЯ СКОПА.

что, охотясь, она обыкновенно долго летаетъ взадъ и впередъ постоянно надъ одними и тѣми же мѣстами. Легче поймать ихъ при помощи поставленнаго надъ водой желѣзнаго капкана, въ которомъ для приманки помѣщена рыба. Такимъ способомъ въ Германіи ежегодно ловятъ много рѣчныхъ скопъ, и въкоторыя изъ нихъ, вѣроятно, попадаютъ затѣмъ въ клѣтку. Впрочемъ, эта птица даже въ большихъ зоологическихъ садахъ представляетъ въ извѣстномъ смыслѣ рѣдкость. Я пробовалъ воспитывать рѣчныхъ скопъ какъ старыхъ, такъ и вынутыхъ изъ гнѣзда еще молодыми, но онѣ не доставили мнѣ никакого удовольствія. Старыя никогда не привыкаютъ къ неволѣ, цѣлыми днями сидятъ на одномъ мѣстѣ; если кто-нибудь войдетъ къ нимъ въ клѣтку, то онѣ совершенно теряютъ присутствіе духа и выказываютъ только величайшій страхъ. Онѣ нисколько не привыкаютъ къ сторужу, замѣтно чахнуть, худѣютъ все больше и больше, и въ одинъ прекрасный день ихъ находятъ въ клѣткѣ мертвыми, причемъ невозможно бываетъ опредѣлить причину ихъ смерти. Взятые изъ гнѣзда молодыми, рѣчныя скопы также плохо переносятъ неволю, съ трудомъ приучаются даже ѣсть кормъ и рано или поздно умираютъ даже при самомъ лучшемъ уходѣ.

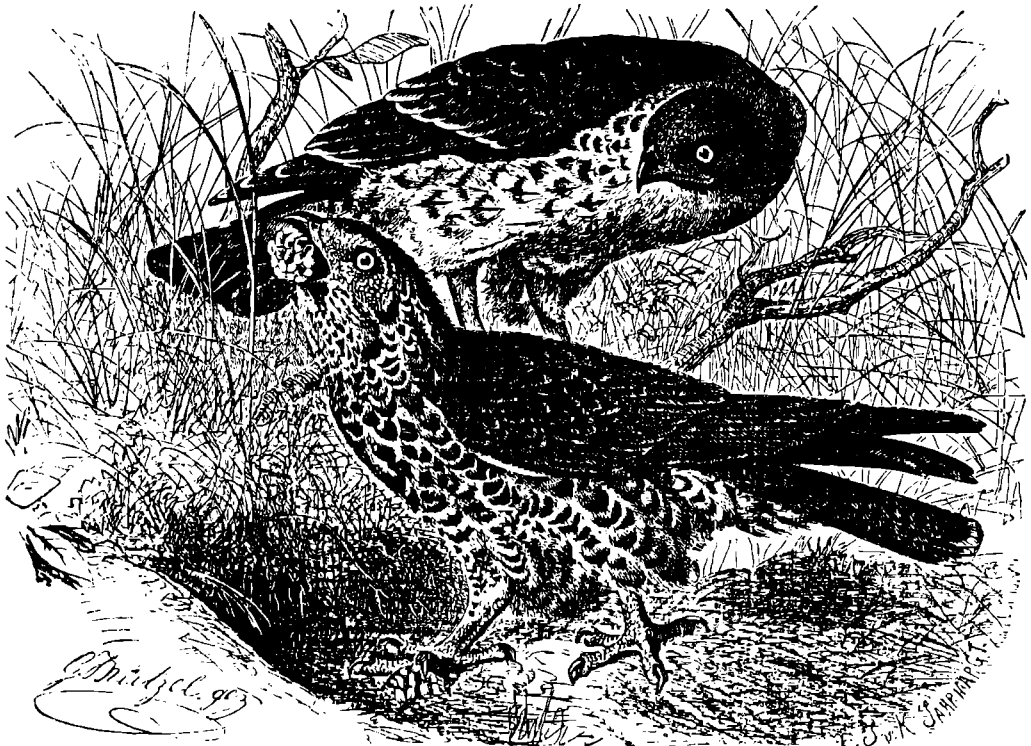
* * *

Нашъ европейскій представитель рода **Осоѣдовъ** (*Pernis. Wespenbussarde. Bondrées*) отличается отъ другихъ соколиныхъ сравнительно длиннымъ туловищемъ. Клювъ у него длинный, низкій, слабый и только къ концу круто загнутый; ноги короткія, пальцы умѣренной длины, вооружены длинными, слабыми и мало изогнутыми когтями. Въ крылѣ третье маховое перо длиннѣе остальныхъ; хвостъ длинный, уздечка покрыта не щетинками, а короткими жесткими перышками, напоминающими чешуйки; остальное опереніе у него жестче и лежитъ плотнѣе, чѣмъ у другихъ родичей.

Осоѣдъ европейскій (*Pernis apivorus, communis, apium, vesparum* и *platy ura Falco apivorus, dubius, incertus* и *poliorhynchus, Accipiter lacertarius, Buteo apivorus, Aquila variabilis. Wespenbussard. Bondrée commune*) достигаетъ 59—62 см. въ длину; размахъ его крыльевъ 135—140, длина крыла 40, длина хвоста 23 см. Опереніе подвержено разнообразнымъ измѣненіямъ; но, по наблюденіямъ Берендса, особенности окраски въ точности сохраняются въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній, такъ что птенцы двухъ родителей одинаковаго цвѣта наследуютъ ихъ окраску. Иногда опереніе бываетъ однообразнаго бурого цвѣта, только на хвостѣ три большихъ и нѣсколько маленькихъ коричневыхъ полосъ, да голова у самца сѣро-голубая; часто также верхняя сторона туловища бываетъ бурой, а нижняя болѣе или менѣе испещрена бѣлыми пятнами или скорѣе бѣлая съ бурыми поперечными пятнами и съ черными стержневыми полосками. Молодыя птицы обыкновенно коричневая или желто-бурья; перья на головѣ у нихъ свѣтлѣе, а стержни у первыхъ болѣе темные. Кромѣ указанныхъ видоизмѣненій окраски, существуетъ и много другихъ. Глаза у осоѣда бываютъ всякихъ оттѣнковъ, начиная отъ серебристо-бѣлаго до золотисто-желтаго; клювъ черный, восковица золотисто-желтая, ноги лимонно-желтыя.

Вся Европа, за исключеніемъ самыхъ сѣверныхъ странъ, можетъ считаться отечествомъ осоѣдовъ. Начиная отъ средней Скандинавіи и Финляндіи, они водятся рѣшительно повсемѣстно, но всюду—развѣ только за исключеніемъ восточной Россіи—встрѣчаются по одиночкѣ и только мѣстами. На низменностяхъ Норвегіи они иногда бываютъ очень многочисленны, а лѣтомъ большое количество

ихъ всегда появляется на морскомъ побережьи. Въ Швеціи осоѣдъ встрѣчается всюду вплоть до границы Лапландіи; въ Россіи онъ принадлежитъ къ числу наиболѣе распространенныхъ птицъ; въ Данію онъ залетаетъ по пути во время перелета, но мѣстами выводитъ и здѣсь птенцовъ. Въ Германіи онъ живетъ преимущественно на западѣ, но не отсутствуетъ также и на сѣверѣ. На низменностяхъ онъ попадается чаще, чѣмъ въ центральныхъ горныхъ мѣстностяхъ; вообще на высотѣ болѣе чѣмъ на 1000 м. надъ уровнемъ моря онъ, повидимому, не встрѣчается; кромѣ того присутствіе или отсутствіе осоѣдовъ въ какой-нибудь мѣстности зависитъ также отъ характера лѣса. Въ Голландіи осоѣдъ живетъ близъ нѣмецкой границы, въ Бельгіи главнымъ образомъ на Арденскихъ горахъ, во Франціи онъ во-

Осоѣдъ европейскій. *Pernis apivorus.* вел

дится въ гораздо большемъ количествѣ на югѣ и юго-востокѣ, чѣмъ на сѣверѣ. Въ Испаніи же, Италиі и Греціи онъ, какъ кажется, очень рѣдко поселится на все лѣто; сюда обыкновенно онъ залетаетъ только во время перелета. Исключительно хвойныхъ лѣсовъ осоѣдъ избѣгаетъ или, по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ можетъ выбирать, предпочитаетъ лиственные. По словамъ Альтума, онъ охотнѣе поселится въ буковыхъ, чѣмъ въ дубовыхъ лѣсахъ. Въ Германіи осоѣды появляются лишь поздней весной, только въ исключительныхъ случаяхъ въ серединѣ апрѣля, обыкновенно же въ концѣ этого мѣсяца, но нѣкоторые изъ нихъ еще въ концѣ мая пролетаютъ черезъ Германію, направляясь въ болѣе сѣверныя мѣстности. Въ августѣ они уже пускаются въ обратный путь и залетаютъ въ центральную, а иногда даже и въ южную Африку.

Обыкновенно осоѣды странствуютъ небольшими обществами; по черезъ мѣстности, лежація на одномъ изъ главныхъ путей, по которымъ они направляются

во время своихъ переселеній, иногда въ теченіи дня ихъ пролетаетъ много со-тенъ. «Съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь живу»—сообщаетъ Брюгманъ—«почти еже-годно въ концѣ мая стая этихъ птицъ пролетаетъ непремѣнно надъ Кнингаузе-номъ. Обыкновенно стая бываетъ не болѣе какъ штукъ въ 30—40. Птицы всегда летятъ по прямому направленію съ запада на востокъ, притомъ держатся не выше, какъ на уровнѣ верхушекъ самыхъ большихъ деревьевъ и никогда не описываютъ на лету круговъ; я также ни разу не замѣчалъ, чтобы онѣ опускались на землю. Въ этомъ году (1875) 26 мая въ 4 часа дня я замѣтилъ первыхъ осо-фдовъ, числомъ около 50-ти. Они пролетали по направленію съ запада на востокъ въ сторонѣ отъ Кнингаузена, приблизительно на высотѣ 30 м., постоянно описы-вая въ воздухѣ круги. Вслѣдъ за ними непрерывной вереницей летѣли въ томъ же направленіи и остальные, но не описывая круговъ и держась приблизительно на высотѣ домовъ. Многие изъ нихъ спускались въ Кнингаузенскомъ саду. Пере-летъ ософдовъ продолжался до 8 часовъ, и я не знаю достоверно, прилетали-ли затѣмъ еще новыя стаи, но думаю, что прилетали, такъ какъ на слѣдующее утро видѣли на пашвѣ около 30 штукъ ософдовъ. По моему мнѣнію, въ этотъ разъ пролетѣло гораздо болѣе 1000 птицъ. Изъ Вильгельмсгафена, мимо котораго 26-го мая пролетали эти же птицы, мнѣ сообщили совершенно то-же. Какъ извѣстно, ософды во всей сѣверной Германіи живутъ только въ одиночку; спрашивается, откуда же являются эти стаи и куда онѣ направляются?» Гетке сдѣлалъ на Гель-голандѣ наблюденія, вполнѣ согласующіяся другъ съ другомъ. Однажды, какъ онъ сообщилъ мнѣ устно, во время осенняго перелета около полудня стаи прилетать съ востока небольшія стаи ософдовъ, штукъ по 5—7, быстро слѣдовавшія одна за другой. Стаи становились все больше и летѣли на разстояніяхъ, все болѣе близ-кихъ другъ отъ друга; отъ 2 ч. дня до наступленія ночи стаи въ 20—30 штукъ до того быстро смѣнялись другъ друга, пролетая надъ островомъ, что у Гетке есте-ственно возникъ тотъ же вопросъ, что и у Брюгмана. По моему мнѣнію, птицы эти летѣли съ дальняго востока Россіи и направлялись въ западную Африку. Замѣчательно, насколько точно ософды, гдѣ бы онѣ ни пролетали, придерживаются направленія отъ ВСВ къ ЗЮЗ или обратно. Въ сѣверо-восточной Африкѣ ни мнѣ, ни Гейглину не удалось увидать ни одного ософда; какъ теперь извѣстно, они встрѣчаются здѣсь очень рѣдко, только въ исключительныхъ случаяхъ и всегда по одиночкѣ; напротивъ, въ Испаніи, Марокко и въ западной Африкѣ они яв-ляются постоянными зимними гостями, а во время весенняго и осенняго пере-лета они большими стаями пролетаютъ надъ Гибралтарскимъ проливомъ.

«Ософдъ», говоритъ Науманъ, «совсѣмъ небогата и трусливая птица; по этому качеству онъ превосходитъ всѣхъ нашихъ хищныхъ птицъ. Главныя черты его характера—добродушіе, трусливость и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокое упрямство. Онъ пугливъ, летаетъ медленно, тяжело и обыкновенно низко надъ землей; на лету онъ лѣнливо, а при поворотахъ и довольно неловко машетъ крыльями, по временамъ паритъ и въ такомъ случаѣ кажется менѣе неповоротливымъ; вообще полетъ его болѣе тихій и медленный, чѣмъ у другихъ сарычей. Прибавлю еще, что когда онъ летитъ, то его легко отличить отъ его родича, обыкновен-наго сарыча, часто встрѣчающагося въ Германіи. Ософдъ кажется значительно больше вытянутымъ въ длину и хотя онъ, подобно всѣмъ сарычамъ, своей фигу-рой на лету напоминаетъ трезубецъ, его всегда можно отличить отъ послѣднихъ по его болѣе длиннымъ крыльямъ и хвосту. Въ періодъ любви онъ также выдѣ-лываетъ разные фокусы, о чемъ мы будемъ еще говорить ниже. «Во всемъ поведеніи ософда» продолжаетъ Науманъ, «проявляется величайшая лѣнь. Цѣлыми часами

онъ сидитъ на одномъ мѣстѣ, обыкновенно на жеженомъ камнѣ или на уединенно стоящемъ деревѣ, высматривая добычу. Вопреки обыкновенію другихъ хищныхъ птицъ, онъ довольно свободно двигается по землѣ и часто на ходу преслѣдуетъ насѣкомыхъ. Когда онъ идетъ по землѣ, поднимъ довольно высоко голову и растопыривъ головныя и затылочныя перья, пожалуй, его можно было-бы принять за небольшого орла, если бы его тотчасъ не выдавала походка, которой онъ напоминаетъ скорѣе ворону. Крикъ его — торопливое, часто повторяющееся «кикики», тянущееся иногда нѣсколько мнуть сряду».

Осоѣды вполне заслуженно носятъ свое имя, такъ какъ пищу его главнымъ образомъ составляютъ осы и другія перепончатокрылыя. До тѣхъ изъ этихъ насѣкомыхъ, которыя строятъ свои гнѣзда надъ землей, онъ добирается, вѣроятно, сбрасывая ихъ жилища съ вѣтвей, къ которымъ они прикрѣплены, а живущихъ подъ землей онъ добываетъ, разрывая ихъ подземныя постройки. «Однажды я видѣлъ» — пишетъ мнѣ Либенъ — «пару осоѣдовъ, которые были заняты тѣмъ, что на краю одного поля раскапывали шмелиное гнѣздо. Самка хватала лапами дернъ и землю и вырывала кусокъ за кускомъ, причемъ помогала иногда и клювомъ. Самецъ нѣсколько разъ на короткое время смѣнялъ свою подругу. Приблизительно черезъ $\frac{1}{4}$ часа они окончили свою работу». Разъ эта птица открыла пчелиное или осиное гнѣздо, ее нелегко отогнать отъ него. «Въ одно июльское утро» — рассказываетъ Берендсъ — «крестьянинъ замѣтилъ осоѣда, занятаго раскапываньемъ осинаго гнѣзда. Хотя его нѣсколько разъ спугивали, онъ вскорѣ снова появлялся и усердно принимался за прерванную работу. Въ полдень и его застрѣлили прежде, чѣмъ онъ успѣлъ раскопать гнѣздо. Въ его зобу и желудкѣ я нашелъ только остатки жуковъ и ни малѣйшаго слѣда осы, которыя однако во время 6-ти часовой работы осоѣда цѣлыми сотнями кружились около него; онъ отгонялъ ихъ отъ себя, встряхивая головой. Это явленіе побудило мое вниманіе, и я очень обрадовался, когда вскорѣ послѣ того мнѣ удалось достать старую, легко раненую самку, и я получилъ возможность производить надъ ней опыты. Когда я предлагалъ ей осу, то она не только не ѣла ее, но даже отворачивалась; если же она рѣшалась схватить осу, то сейчасъ же и бросала ее. Сколько разъ я ни повторялъ опыты, результатъ былъ одинъ и тотъ же. Никогда я не могъ заставить птицу съѣсть осу». Берендсъ, взгляды котораго мы еще будемъ опровергать далѣе, замѣчаетъ затѣмъ, что осоѣды, кромѣ осы и пчелы, ѣсть еще главнымъ образомъ саранчу, жуковъ, гусеницъ, лягушекъ и ящерицъ. Остатки теплокровныхъ животныхъ Берендсъ находилъ въ ихъ желудкѣ только изрѣдка; шмелей, а также сережки березы и цвѣтчныя почки хвойныхъ деревьевъ, о которыхъ упоминаетъ Науманъ — никогда не видалъ, но попадались иногда листья черники. Науманъ думаетъ, что осоѣды грабятъ гнѣзда другихъ птицъ и утверждаетъ даже, что онъ иногда, кромѣ мышей, крысъ, хомяковъ и т. п. животныхъ, не прочь задушить и молодого зайца. Говоритъ также, что осоѣды иногда направляются въ гости къ ястребу, т. е. садятся по сосѣдству съ этимъ хищникомъ и дожидается, пока тотъ окончитъ свой обѣдъ, довольствуясь тѣмъ, что останется. Въ концѣ лѣта осоѣды, какъ говорятъ, ѣсть не только чернику, но также бруснику и другія лѣсныя ягоды. «Зобъ осоѣды» — говоритъ Альтумъ — «обычно наполненъ то земляными червями и небольшими гусеницами, живущими на травѣ, то еще недоразвившимися осаами и шмелями, то маленькими голыми гусеницами пяденицъ, то лягушками, то наконецъ птенцами, которыхъ онъ похищаетъ изъ гнѣздъ нѣкоторыхъ птицъ, особенно дроздовъ. Мышей, которыхъ онъ несомнѣнно также ѣсть, я никогда не находилъ въ

немъ. Повидимому главную его пищу составляютъ насѣкомыя, особенно жуки, еще недоразвившіеся шмели, разныя гусеницы, а также лягушки».

За исключеніемъ одного Берендса, всѣ наблюдатели, разсматривавшіе насѣкомыхъ, находившихся въ зобу и желудкѣ осоеда, единогласно утверждаютъ, что онъ непременно откусываетъ жало у всѣхъ перепончатокрылыхъ, т. е. у шершней, осъ, шмелей и пчелъ, прежде чѣмъ проглотить ихъ. По словамъ Наумана, онъ умѣетъ такъ ловко ловить этихъ насѣкомыхъ, что когда онъ схватываетъ ихъ, то они располагаются у него въ клювѣ сбоку въ поперечномъ направленіи. Быстро сжимая челюсти, осоедъ откусываетъ конецъ брюшка насѣкомаго на разстояніи мллиметра отъ жала, такъ что откушенный кусокъ отпадаетъ; онъ никогда не проглатываетъ жала, такъ какъ иначе оно могло бы нанести ему смертельную рану, возвившись во рту или глоткѣ. Надъ всѣми насѣкомыми онъ производитъ эту операцію, и никогда въ содержимомъ его желудка не находили ни одного жала. Во время охоты за осаами и пчелами его достаточно защищаютъ отъ укушенія летающихъ вокругъ него насѣкомыхъ его жесткое опереніе и твердые щитки, покрывающіе его лапы.

Тотчасъ послѣ прилета на родину осоедъ принимается за постройку новаго или за починку стараго гнѣзда. Онъ строитъ его всего охотнѣе въ лиственныхъ лѣсахъ, граничащихъ съ полями и лугами. Только въ крайности онъ самъ строитъ себѣ гнѣздо: гораздо охотнѣе онъ пользуется готовымъ гнѣздомъ, въ которомъ въ предыдущемъ году жилъ сарычъ или коршунъ, или даже старымъ ровнымъ гнѣздомъ, которое онъ чинитъ, насколько находитъ нужнымъ, обыкновенно употребляя для этого свѣжіе зеленые прутья. Когда онъ рѣшится самъ строить себѣ гнѣздо, то принимается за дѣло въ высшей степени неловко и небрежно. Постройка въ такомъ случаѣ выходитъ чрезвычайно плохая и состоитъ обыкновенно изъ нѣсколькихъ слоевъ тонкихъ прутьевъ, которые иногда бываютъ такъ неплотно паложены одинъ на другой, что видны насквозь яйца, если смотрѣть на гнѣздо снизу. Во время періода любви самцы и самки осоедовъ, подобно другимъ соколинымъ птицамъ и особенно сарычамъ, играютъ другъ съ другомъ высоко въ воздухѣ, и тогда, по словамъ Наумана, бываетъ очень интересно смотрѣть на эти игры, пропеходящія надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ находится гнѣздо осоедовъ. Парочка ихъ, не шевеля крыльями, большими кругами взлетаетъ на высоту, поднимаясь по спиральной линіи; самецъ постепенно отдѣляется отъ самки и залетаетъ на еще большую высоту, чѣмъ она; затѣмъ отсюда онъ почти съ вертикально поднятыми крыльями, какъ то особенно быстро покачиваясь, спускается снова къ самкѣ, но тотчасъ опять кругами поднимается на большую высоту. чтобы еще разъ спуститься къ ней, затѣмъ снова взлетаетъ на высоту и т. д.; такъ они играютъ другъ съ другомъ иногда въ теченіи цѣлой четверти часа.

Обѣ птицы долго сидятъ въ гнѣздѣ еще раньше, чѣмъ самка снесетъ яйца. Саксъ, въ теченіи 12—14 лѣтъ осматрѣвшій въ Вестервальдѣ не менѣе 31 гнѣзда этой рѣдкой въ другихъ мѣностяхъ хищной птицы, нашелъ, что уже 11-го мая гнѣзда были выложены свѣжей листвою, хотя яйца появились въ гнѣздахъ только 4-го іюня. Кладка состоитъ изъ двухъ яицъ, форма и цвѣтъ которыхъ измѣнились: то они скорѣе шарообразны, то июльскія яйцевидны. Скорлупа у нихъ болѣе или менѣе блестящая, желто-бѣлая или красно-бурая съ свѣтлыми или темными пятнами, цвѣтъ которыхъ иногда всюду одинаковъ, иногда же на одной половинѣ яйца темнѣе, чѣмъ на другой. По наблюденіямъ Сакса, осоедъ несетъ яйца никакъ не раньше конца мая и притомъ второе яйцо черезъ промежутокъ отъ трехъ до пяти дней послѣ перваго. «Самецъ и самка сидятъ на яйцахъ попеременно и

кормятъ другъ друга личинками ось и шмелей; личинки эти приносятся осами вмѣстѣ съ сотами, и часто въ гнѣздѣ образуются большіе запасы ихъ. Замѣчательно, какъ смѣлы бываютъ осы, когда они сидятъ на яйцахъ. 6-го іюня 1870 г. я рассчитывалъ найти яйца въ одномъ гнѣздѣ, которое я передъ тѣмъ много разъ осматривалъ. Осы сидѣлъ въ немъ; хвостъ его высовывался изъ гнѣзда. Я постучалъ палкой о дубъ, но осы не шевельнулся. Только послѣ того, какъ я нѣсколько разъ принимался стучать, онъ сѣлъ на край гнѣзда, нахохлился, поднялъ перья на головѣ, злобно посмотрѣлъ на меня, встряхнулся и снова усѣлся на яйца. Только, когда я уже почти добрался до самаго гнѣзда, осы, нѣсколько не торопясь, пошелъ вдоль сука, на которомъ находилось гнѣздо и затѣмъ уже полетѣлъ. Преслѣдуемый воронами и разными небольшими птицами, онъ нѣкоторое время леталъ вокругъ дерева и затѣмъ снова опустился шагахъ въ 50 отъ меня. Оказалось, что яйца высиживались уже въ теченіи 4—5 дней. Не разъ со мной случалось, что осы улеталъ изъ гнѣзда только тогда, когда я уже почти могъ схватить его. Сначала птенцы кормятся гусеницами, мухами и другими насекомыми; родители собираютъ эту пищу въ глотку и выбрасываютъ потомъ птенцамъ. Позже они приносятъ птенцамъ цѣлыя соты, наполненныя личинками, и осиныя гнѣзда, а подъ конецъ даже молодыхъ лягушекъ, птицъ и т. п. Птенцы послѣ того, какъ научатся летать, нѣкоторое время еще ночуютъ въ гнѣздѣ; потомъ они начинаютъ кочевать, причемъ однако сначала держатся всѣ вмѣстѣ и вѣроятнo все еще возвращаются на то мѣсто, гдѣ родились. Подъ руководствомъ своихъ родителей они скоро научаются сами добывать себѣ пищу, но, несмотря на это, еще долго остаются въ нѣкоторой зависимости отъ нихъ».

Въ неволѣ осы бываютъ очень забавны, какъ можно заключить изъ приводимаго нами здѣсь описанія Берендса. «Пойманный мною молодой самецъ, уже умѣвшій летать, черезъ нѣсколько недѣль относился чрезвычайно довѣрчиво къ знакомымъ людямъ и къ моимъ собакамъ и даже проявлялъ къ нимъ привязанность: но, увидя чужую собаку, онъ принималъ угрожающую позу, растопыривалъ перья и нападалъ на нее. Особеннымъ расположеніемъ его пользовалась одна маленькая собачка. Если она ложилась, то птица становилась между ея ногами и играла съ ней или теребила клювомъ ея шерсть, что, повидимому, нравилось собацѣ. Только во время ѣды осы становился иногда злымъ, отгонялъ собакъ, которыя ему не сопротивлялись, и часто долго охранялъ отъ нихъ кормъ, къ которому однако самъ не притрогивался. Онъ бѣгалъ по всему дому, а также и внѣ его и, найдя какую-нибудь дверь запертой, кричалъ изо всѣхъ силъ до тѣхъ поръ, пока ее не отворяли. Лѣтомъ онъ ежедневно посѣщалъ находившійся по соседству съ моимъ домомъ публичный садъ, гдѣ былъ любимымъ гостемъ, и всегда получалъ какую-нибудь подачку. Въ концѣ лѣта и осенью онъ иногда половину дня проводилъ на живнѣ, отыскивая себѣ пищу. Осы отзывался на кличку «Гансъ», но прилеталъ только, когда былъ въ духѣ или чувствовалъ голодь. Будучи въ хорошемъ расположеніи духа, онъ вскакивалъ на колѣни къ женщинамъ и поднималъ одно крыло, чтобы его пощекотали, причемъ съ видимымъ удовольствіемъ зажимывалъ глаза; иногда онъ вскакивалъ на плечо и игралъ волосами. Если кому-нибудь случалось его обидѣть, то онъ долго помнилъ это и избѣгалъ обидчика. Проголодавшись, осы бѣгалъ по всему дому за дѣвушкой, которая его кормила, крича и дергая ее за платье. Если же она хотѣла его оттолкнуть, онъ поднималъ ужасный крикъ и становился въ оборонительную позу. Любимой его ѣдой была булка съ молокомъ, но онъ ѣлъ всякую всячину: мисо, мучныя кушанья, картофельъ, а иногда и маленькихъ птицъ. Осиное гнѣздо, висѣвшее въ нашемъ саду на

кустарникъ, нисколько не интересовало его. Летавшихъ вокругъ его ось онъ старался прогонять, мотая головой; если же ему предлагали осу, то онъ убивалъ ее, но никогда не ѣлъ. Осойъ нашъ былъ чрезвычайно чувствителенъ къ холоду. Зимой онъ часто прятался подъ печку и, зная, что его неохотно пускаютъ въ комнаты, сидѣлъ тамъ очень смиренно, чтобы не выдать своего присутствія. Въ общемъ, своимъ поведеніемъ онъ напоминалъ скорѣе ворону, чѣмъ хищную птицу, только движенія его были разбѣренныя и походка иная: онъ шагаль, а не подпрыгиваль, и только, если его преслѣдовали, дѣлалъ нѣсколько прыжковъ. Черезъ три года онъ умеръ.

«Поиманная уже взрослой самка осойда, которая также содержалась у меня въ неволѣ, страстно любила личинки ось. Когда ей предлагали осиное гнѣздо, она видимо волновалась, съ жадностью кидалась на него и глотала его цѣлыми кусками. Пустыя гнѣзда она рвала на кусочки, отыскивая личинокъ. Послѣ личинокъ ось любимую ея пищей были также булка съ молокомъ. Мертвыхъ птицъ она часто оставляла нетронутыми, охотнѣе она ѣла лягушекъ; майскихъ жуковъ она также ѣла, но не особенно любила ихъ. Этотъ осойдъ отлично уживался съ остальными домашними животными, жившими у меня. Очень забавно было смотрѣть, какъ онъ ѣлъ изъ одного блюда съ двумя морскими свинками, скворцомъ, зуйкомъ и двумя перепелами. Ни одно изъ нашихъ животныхъ не выказывало ни малѣйшаго страха передъ осойдомъ, а дерзкій скворецъ изъ зависти даже клевалъ его или брызгалъ ему въ лицо молокомъ, что осойдъ переносилъ совершенно спокойно; иногда въ такихъ случаяхъ онъ только съ важностью приподнимался, окидывая гордымъ взглядомъ пестрый кругъ своихъ застольныхъ товарищей. Разъ и досталъ голубя и посадилъ его рядомъ съ осойдомъ. Къ немалому своему удивленію я увидалъ, что голубь не только не боялся своего сосѣда, но даже чрезвычайно сблизился съ нимъ. Скоро голубь до того привязался къ осойду, что пологительно не отходилъ отъ него ни на шагъ. Соскочивши за кормомъ съ жерди, на которой онъ сидѣлъ рядомъ съ осойдомъ, онъ потомъ, не будучи въ состояніи летать, бѣгалъ внизу подъ своимъ другомъ до тѣхъ поръ, пока его снова не сажали на жердь. Если осойдъ сидѣлъ неспокойно, то голубь часто клевалъ его, на что осойдъ, повидимому, нисколько не обижался. Но насколько добродушенъ былъ осойдъ къ людямъ и упомянутымъ мною животнымъ, настолько же злымъ онъ становился, когда къ нему приближалась собака; тогда онъ яростно съ быстротой стрѣлы бросался на собаку и впѣплялся когтями прямо въ ея голову, кусалъ и билъ ее крыльями; при этомъ онъ растопыривалъ перья и фыркалъ, какъ кошка. Самыя сильныя и злыя собаки, и тѣ чрезвычайно трусили передъ осойдомъ и спасались отъ него бѣгствомъ. Даже, когда собака убѣгала, осойдъ не сразу успокаивался, а нѣкоторое время въ сильной ярости кусалъ всѣхъ, кто къ нему приближался.

«Онъ чрезвычайно любилъ солнечный свѣтъ и потому часто съ распущенными крыльями и раскрытымъ ртомъ садился у открытаго окна, а иногда перелеталъ и на сосѣднія крыши. Дождя онъ очень боялся и, застигнутый имъ, быстро прятался въ ближайшій уголокъ. Къ холоду онъ также былъ весьма чувствителенъ, такъ что зимой его приходилось держать въ кабинетѣ».

Альтумъ обращаетъ вниманіе на то, что легко можно преувеличить пользу, приносимую осойдомъ, если принимать въ расчетъ только съѣдаемыхъ имъ гусеницъ, сверчковъ и ось и не обращать вниманія на то, что лягушки и шмели, которыхъ онъ ѣстъ, вовсе не вредныя животныя и что кромѣ того онъ истребляетъ множество птенцовъ. Что это дѣйствительно такъ, всего болѣе убѣждаетъ насъ слѣ-

дующее. По словамъ Сакса, всѣ птицы, какъ большія, такъ и малыя, замѣтивъосоѣда, всегда яростно преслѣдуютъ его, а на сарыча обыкновенно не обращаютъ вниманія. Сказаннымъ здѣсь исчерпывается весь вредъ, приносимыйосоѣдомъ; а изъ сравненія этого вреда съ той пользой, которую онъ несомнѣнно приноситъ, уничтожая вредныхъ насѣкомыхъ, слѣдовало бы заключить, что его надо падить, а не преслѣдовать. Тотъ, кто ставитъосоѣду въ упрекъ всякое разоренное имъ гнѣздо или всякую съѣденную имъ молодую куропатку, конечно будетъ видѣть въ немъ только опаснаго хищника, но онъ упускаетъ при этомъ изъ виду всѣ услуги, оказываемыя намъ этой птицей.

* *
*

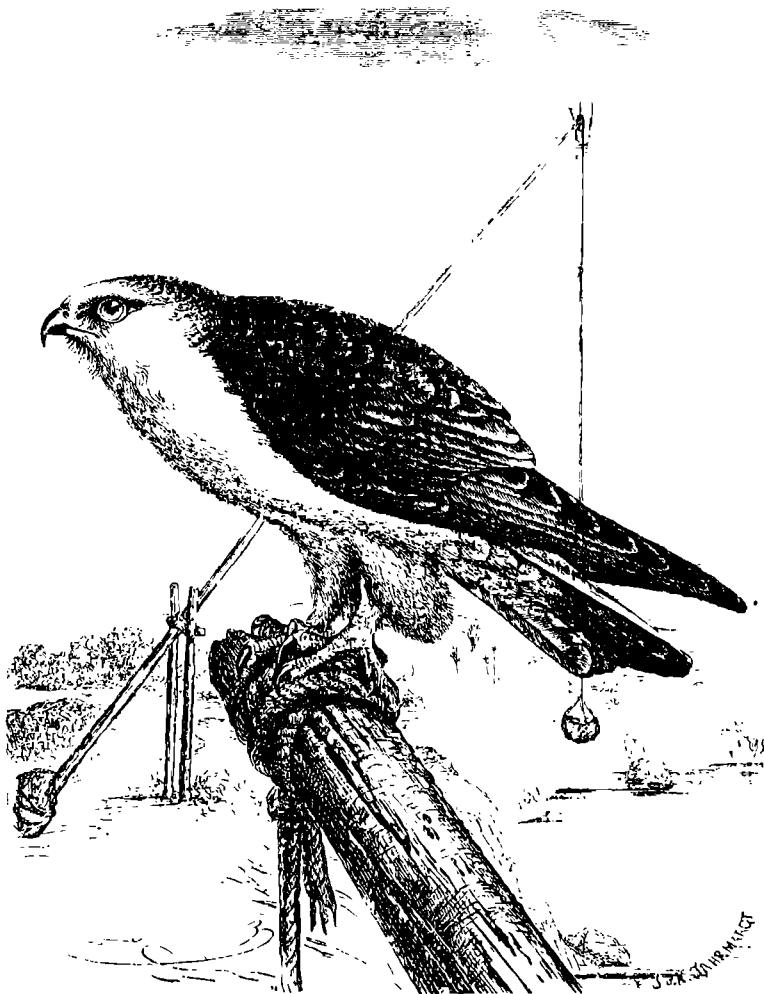
Кани (*Elanus. Gleitaare. Elanes*) распространены во всѣхъ частяхъ свѣта, за исключеніемъ Европы; впрочемъ, нельзя сказать, чтобы и здѣсь онѣ были совсѣмъ неизвѣстны; одинъ изъ видовъ ихъ неразъ встрѣчали даже въ Германіи. Представители немногихъ установленныхъ до сихъ поръ видовъ, чрезвычайно сходны между собою. Голова у нихъ большая и округлая, туловище коренастое, клювъ короткій, сравнительно высокій, сильно изогнутый въ длинный крючокъ; край верхней половины клюва слегка выгнуты. Оперенныя больше, чѣмъ до половины плюсны, короче средняго пальца и соответственно тому чрезвычайно толсты; пальцы снабжены сильно изогнутыми, очень острыми когтями. Крылья очень длинны, такъ что когда они сложены, то заходятъ дальше короткаго хвоста, имѣющаго на концѣ небольшую выемку; второе маховое перо длиннѣе остальныхъ. Чрезвычайно густое опереніе канъ состоитъ изъ очень иѣжныхъ, какъ бы разсученныхъ шелковистыхъ перьевъ, какъ у совъ.

У **Кани чернокрылой** (*Elanus melanopterus, coeruleus, caesius* и *minor, Falco coeruleus, melanopterus, vociferus, clamosus, soniensis, Buteo vociferus, Elanoides caesius. Gleitaar. Blac*) верхняя сторона тѣла окрашена въ красивый пепельно-сѣро-голубой цвѣтъ, лобъ и нижняя сторона тѣла бѣлыя, кроющія перья крыльевъ и плечи черныя. Впереди глаза находится черное пятно, которое, продолжаясь въ видѣ узкой полоски, доходитъ до носа. Большія маховыя перья, за исключеніемъ послѣдняго, внутренняя сторона котораго близъ очина бываетъ бѣлой, всѣ темнаго пепельно-сѣраго цвѣта съ черновато-бурыми кончиками; малыя маховыя перья пепельно-сѣрыя, внутренняя сторона ихъ бѣлая до самаго кончика; два среднихъ рулевыхъ пера пепельно-сѣрыя, остальные бѣлыя съ сѣровой каемкой на наружной сторонѣ, которой, впрочемъ, нѣтъ у двухъ крайнихъ перьевъ. Глаза великолѣпнаго ярко-краснаго цвѣта, клювъ черный, восковица и ноги оранжево-желтыя. У молодыхъ птицъ верхняя сторона буровато-сѣрая, а нижняя свѣтло-желтая съ буро-желтыми продольными полосками; большинство перьевъ съ бѣлыми краями; глаза желтые. Взрослый самецъ имѣетъ 35 см. въ длину; размахъ крыльевъ 78, длина крыла 30, длина хвоста 14 см. Самка немного больше самца.

Уже въ Сирии каня чернокрылая попадаетъ нерѣдко, а въ Египтѣ она принадлежитъ къ числу довольно обыкновенныхъ птицъ. Начиная отсюда, она распространена во всей Африкѣ и въ южной Азіи; нерѣдко она залетаетъ также и въ Европу, гдѣ ее уивали не только въ Испаніи, южной Италіи, Греціи и Далмаціи, но неразъ также и во Франціи, Германіи, Фландріи и Великобританіи. Тамъ, гдѣ каня является постояннымъ жителемъ, а не гостемъ, какъ у насъ въ Европѣ, она поселяется всего охотнѣе въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ лѣса чередуются съ полями; такъ напримѣръ, она вообще избѣгаетъ селиться въ большихъ лѣсахъ сѣверо-восточной Африки, въ одномъ изъ которыхъ нашелъ ея гнѣзда Верро. Въ

дѣвственныхъ лѣсахъ Восточнаго Судана кани встрѣчаются очень рѣдко, а въ небольшихъ рощицахъ Египта и въ садахъ крупныхъ населенныхъ пунктовъ гораздо чаще. По наблюденіемъ Жердона и другихъ ученыхъ, въ Индіи онѣ водятся всюду, гдѣ по условіямъ мѣстности могутъ найти достаточную для ихъ пропитанія добычу. Онѣ живутъ всегда парами и не соединяются въ общества съ другими птицами того же вида, развѣ только летаютъ вмѣстѣ съ птенцами, пока тѣ тре-

Каня чернокрылая. *Elanus melanopterus*. наст. вел.

буютъ еще обученія. Впрочемъ, пары ихъ живутъ очень близко одна къ другой и, благодаря этому, иногда случается увидѣть сразу отъ 4 до 6 штукъ, парящихъ въ воздухѣ.

По образу жизни каня имѣетъ много общаго съ одной стороны съ сарычами, съ другой—съ коршунами и совами. Она бываетъ особенно дѣятельна рано утромъ и вечеромъ, летаетъ также и въ сумерки, когда другія хищныя птицы уже отправляются на покой. Летитъ-ли каня или сидитъ на одномъ изъ своихъ излюбленныхъ постовъ, ее всегда легко бываетъ узнать. На лету она отличается отъ боль-

шинства другихъ хищныхъ птицъ тѣмъ, что высоко держитъ крылья, такъ что концы маховыхъ перьевъ находятся значительно выше туловища. Когда она сидитъ, ее еще издали легко узнать по ослѣпительной окраскѣ, которая сверкаетъ подъ лучами южнаго солнца. Въ Египтѣ она имѣетъ обыкновеніе отдыхать, сидя на журавляхъ колодець, которыми крестьяне пользуются для орошенія своихъ полей; отсюда и происходитъ ихъ египетское названіе «колодезныхъ соколовъ». Въ Нубіи она выбираетъ тѣ деревья, съ которыхъ всего лучше можно видѣть всю окрестность. Замѣтивъ добычу или почувствовавъ голодъ, каня слетаетъ съ дерева и почти не шевеля крыльями, паритъ на умѣренной высотѣ, хотя очень рѣдко такъ низко, какъ коршуны. Увидѣвъ бѣгущую по землѣ мышку или саранчу, она трепещетъ нѣкоторое время на одномъ и томъ-же мѣстѣ, затѣмъ складываетъ крылья, устремляется внизъ и, въ случаѣ удачи, относитъ добычу на свой наблюдательный постъ, чтобы здѣсь съѣсть ее. Саранчу она поѣдаетъ часто и на лету, но мышей всегда относитъ на дерево. На одномъ какомъ-нибудь большомъ полѣ каня можетъ наловить достаточно добычи для того, чтобы насытиться, такъ какъ она очень невзыскательна. Главную, даже почти исключительную пищу ея составляютъ мыши; саранчу она ѣстъ лишь между прочимъ. Конечно она не пренебрегаетъ и птенцами, которыхъ ей иногда случается находить въ гнѣздахъ, а также, по словамъ Гейглина, и ящерицами, водящимися въ пустынѣ. Она нападаетъ даже на летучихъ мышей, за которыми охотятся, кромѣ нея, еще только нѣкоторые виды совъ.

Каня не только красивая, но и пріятная птица. Въ Египтѣ она относится къ человѣку довѣрчиво и имѣетъ для этого полное основаніе. Она безъ всякой боязни летаетъ около работающихъ крестьянъ и беззаботно устраиваетъ свое гнѣздо на померанцевыхъ деревьяхъ, которыя еженедѣльно посѣщаетъ садовникъ, чтобы снимать съ нихъ плоды. Но познакомившись съ безжалостными европейцами, и каня становится менѣ смѣлой и остерегается приблизиться къ человѣку на разстояніе выстрѣла. Къ своей самкѣ самецъ относится очень нѣжно. Безобидныхъ птицъ каня не трогаетъ; сильныхъ же хищныхъ птицъ она преслѣдуетъ съ громкимъ крикомъ. Голосъ ея похожъ на голосъ нашего чеглока, но отдѣльные тоны болѣе продолжительны; они почти свистящіе и бываютъ слышны издали.

Въ Египтѣ каня сидятъ на яйцахъ во время нашихъ весеннихъ мѣсяцевъ, въ Суданѣ—въ началѣ дождливаго времени года. Мнѣ удалось найти нѣсколько гнѣздъ этихъ птицъ. Первое изъ нихъ, въ которомъ было три птенца, покрытыхъ еще только пухомъ, я нашелъ 4-го марта на лимонномъ деревѣ; другое, содержавшее 3 яйца—13-го марта на терновникѣ; третье гнѣздо съ 5 птенцами было найдено мною 18-го марта. Основная окраска яицъ сѣровато-бѣлая; по этому фону разбѣяны очень неправильной формы вишнево-бурые пятна и полосы, которыхъ такъ много, что бѣлый фонъ едва просвѣчиваетъ. Они имѣютъ 40 мм. въ длину, а наибольшій поперечникъ изъ 31 мм. Жердонъ утверждаетъ, что яйца бываютъ чисто-бѣлыми, такъ что возможно, что окраска ихъ бываетъ довольно разнообразна. Всѣ осмотрѣнные мною гнѣзда находились на низкихъ деревьяхъ съ густыми верхушками, на высотѣ не болѣе 6 м. надъ землей. Они были плоски, построены изъ тонкихъ хворостинокъ и выложены внутри корешками и травинками; если-же въ нихъ находятся птенцы, то они бываютъ покрыты или даже буквально набиты мышинной шерстью и погадками.

Каня, взятая изъ гнѣзда молодыми, такъ же хорошо приручается, какъ наша пустельга и чеглокъ; впрочемъ, и взрослые, даже раненыя каня, попавши въ неволю, скоро дѣлаются очень довѣрчивыми, не пускаютъ въ ходъ противъ хо-

зяина своихъ острыхъ когтей и только иногда, угрожая, раскрываютъ клювъ, но на самомъ дѣлѣ не кусаются. Пробывши въ неволѣ всего нѣсколько дней, онѣ уже берутъ кормъ изъ рукъ сторожа. Съ жизнью въ комнатѣ онѣ свыкаются скоро и вообще, повидимому, не очень тоскуютъ о свободѣ, но съ другими птицами кани уживаются плохо. Одинъ изъ нашихъ плѣнниковъ, въ клѣтку котораго мы помѣстили чибиса, уже на второй день пребывания вмѣстѣ задушилъ и съѣлъ его. Содержаніе плѣнныхъ канъ требуетъ нѣкоторой заботливости. Если кормить ихъ исключительно кониной, то онѣ скоро гибнуть; для нихъ необходимо нѣкоторое разнообразіе въ пищѣ.

* *
*

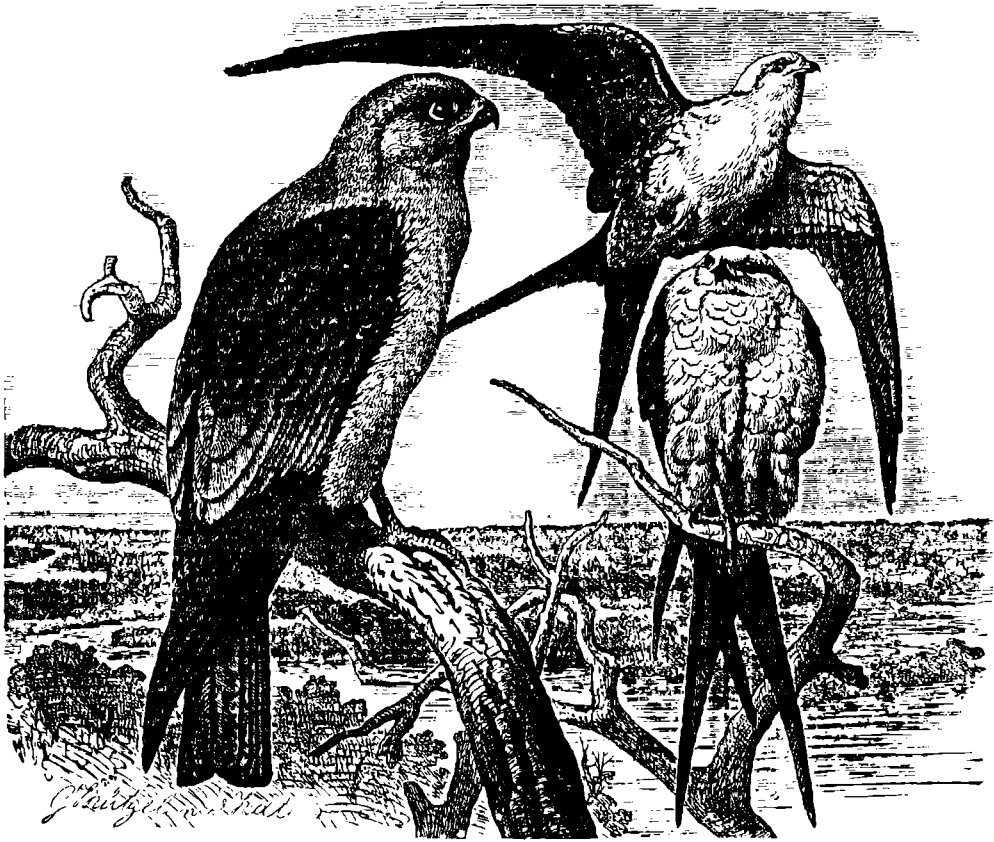
Въ Америкѣ живутъ двѣ близко родственныя канямъ хищныя птицы, которыя называются **Иктиніями** (*Ictinia*. Schwebeweihen. *Ictinias*). Это коренастыя птицы съ короткимъ клювомъ, верхняя половина котораго сильно изогнута, а нижняя слабо, такъ что образуется короткій крючокъ; клювъ снабженъ неправильнымъ краевымъ зубцомъ и выемкой. Восковица узкая, ноздри кругловатыя. Ноги короткія, сильныя, покрытыя спереди широкими щитками; средній палецъ почти одинаковой длины съ плюсной; когти короткіе, острые, сильно изогнутые, на нижней сторонѣ снабженные небольшимъ желобкомъ. Крылья длинныя, третье маховое перо длиннѣе остальныхъ; хвостъ умѣренной длины съ небольшою выемкой на концѣ; всѣ короткія перья очень мягкія.

Иктинія миссиссипская (*Ictinia mississippiensis*, Falco, *Milvus* и *Nertus mississippiensis*. Schwebeweihe. *Ictinia du Mississipi*) достигаетъ 37 см. въ длину; размахъ крыльевъ 95 см., длина крыла 29, длина хвоста 13 см. Голова, шея, малыя маховыя перья и вся нижняя сторона тѣла чисто-свинцоваго цвѣта, причемъ слѣдуетъ замѣтить, что на лбу и на кончикахъ малыя маховыя перья цвѣтъ этотъ переходитъ въ серебристо-бѣлый. Остальныя части тѣла, за исключеніемъ черныхъ уздечки и вѣкъ, окрашены преимущественно въ темный свинцово-сѣрый цвѣтъ, переходящій на верхнихъ покровныхъ перьяхъ крыльевъ и хвоста, а также на большихъ маховыхъ и на рулевыхъ перьяхъ въ сѣро-черный. Около очина перья головы, шеи, плечъ, груди, брюшка окрашены въ бѣлый цвѣтъ; поэтому когда опереніе иктиніи въ безпорядкѣ, то на немъ выступаютъ бѣлыя пятна неправильной формы. Паружная часть опахала большихъ маховыхъ перьевъ украшена нерѣдко ограниченной бурой полосой, а внутреннія—большими бурыми пятнами. У самокъ свѣтлые цвѣта окраски болѣе темны, чѣмъ у самцовъ, а у птенцовъ они менѣе чисты. Глаза у иктиніи кроваво-красныя, клювъ черный, ноги карминно-красныя.

Область распространенія миссиссипской иктиніи простирается только на южныя и юго-западные окраины сѣверо-американскихъ странъ, омываемыхъ мексиканскимъ заливомъ. Отдѣльные экземпляры залетали въ южную Каролину и даже еще сѣвернѣе, такъ что иногда здѣсь удавалось подстрѣлить ихъ; но настоящая ихъ родина Техасъ и Мексика.

«Съ наступленіемъ весны»—разсказываетъ намъ Одюбонъ—«миссиссипская иктинія появляется на берегахъ той величественной рѣки, имя которой она носитъ, и кочуетъ вдоль нея, долетая до Мемфиса. Въ Луизиану она прилетаетъ въ половинѣ апрѣля небольшими стаями, штукъ въ 5 или 6, и поселяется въ лѣсахъ по берегамъ рѣкъ. Въ глубь страны она не залетаетъ. Повидимому, она всего охотнѣе поселяется въ недавно насаженныхъ плантаціяхъ, находящихся по близости воды. Полетъ миссиссипской иктиніи красивый и сильный; она очень неуто-

мимо и залетаетъ на такую высоту, на которую можетъ подняться еще только одинъ вилохвостый коршунъ. Часто иктинія парить въ воздухѣ, совершенно не двигая крыльями, и описываетъ правильные круги; часто также, сложивъ крылья, она вдругъ, словно стрѣла, устремляется внизъ въ косвенномъ направленіи и проносится надъ самыми вѣтвями, на которыхъ замѣтила ящерицу или какое-нибудь насекомое; иногда случается видѣть, какъ она, съ изумительной ловкостью, летаетъ вокругъ верхушки или ствола дерева, намѣреваясь схватить добычу. Порою иктинія летаетъ зигзагами, какъ-бы спасаясь отъ преслѣдованій опаснаго врага, а иногда кажется, что она кувыркается на лету, подобно голубю-турману. Дальнія

Иктинія. *Ictinia mississippiensis* и Вилохвостый коршунъ. *Falco furcatus*. 1/2 вост. вел.

путешествія она совершаетъ небольшими перелетами, обыкновенно сопровождаемая дѣлой свитой ласточекъ; иногда-же она парить на большой высотѣ среди стаи воронъ и грифоновъ, или въ обществѣ вилохвостаго коршуна. Грифа она охотно дразнитъ, пока этотъ трусъ не спустится на землю, чтобы прекратить неприятную для него игру. Преслѣдуя крупное насекомое, пресмыкающееся или небольшого гада, иктинія поворачивается бокомъ, вытягиваетъ лапы съ широко раскрытыми пальцами и обыкновенно моментально схватываетъ добычу. Повидимому, она съѣдаетъ ее на лету съ наименьшимъ удовольствіемъ и удобствомъ, чѣмъ сидя на деревѣ. На землю она никогда не спускается, пока здорова. На млекопитающихъ иктинія никогда не нападаетъ, хотя она и любитъ преслѣдовать лисицу,

громко крича и бросаясь на нее; птицъ она также не трогаетъ. По Риджваю, пища иктинія главнымъ образомъ состоитъ изъ разныхъ цвбадь и кузнечиковъ, а отчасти также и изъ маленькихъ змѣй. Она не всегда схватываетъ добычу когтями, а пользуется для этого также и клювомъ.

Гнѣздо свое иктинія устраиваетъ на верхнихъ вѣтвяхъ самыхъ высокихъ деревьевъ, преимущественно на роскошныхъ магноліяхъ и бѣлыхъ дубахъ, составляющихъ украшеніе всѣхъ южныхъ штатовъ. Постройка эта бываетъ очень проста и похожа на гнѣздо вороны; она состоитъ изъ набросанныхъ другъ на друга вѣтвей, обложенныхъ сверху испанскимъ мхомъ, корою виноградныхъ лозъ и сухими листьями. Два или три кругловатыхъ яйца разрисованы множествомъ темно-шоколадно-бурыхъ и черныхъ пятенъ по зеленоватому фону. Въ длину они имѣютъ 40 мм., а наибольшій поперечникъ равняется 35 мм., такъ что они очень округлы и безъ всякихъ пятенъ. Обѣ птицы высидываютъ яйца и такъ любятъ своихъ птенцовъ, что храбро защищаютъ ихъ отъ всякаго врага, даже отъ человека. Одюбонъ сообщаетъ, что пара иктиній, гнѣздо которыхъ онъ велѣлъ достать, нѣсколько разъ пронеслась около самой головы негра, лазавшаго за гнѣздомъ. Птенцы, какъ только научатся летать, становятся похожи на родителей и еще до зимняго перелета вполне пріобрѣтаютъ опереніе взрослыхъ птицъ.

Миссисипская иктинія вовсе непугливая птица и когда она сидитъ на деревѣ, къ ней нетрудно подойти, но охота за ней трудна, потому что обыкновенно ее можно видѣть только летающей, а на лету она почти никогда не приближается на разстояніе выстрѣла. Да если она и захочетъ отдохнуть, то садится всегда на верхушку самаго высокаго дерева въ лѣсу, такъ что охотникъ можетъ ее достать только съ помощью винтовки. Ранняя иктинія старается защищаться, подобно всѣмъ другимъ соколинымъ.

* *
* *
* *

Вилохвостый коршунъ (*Nauclerus furcatus, forficatus, Falco furcatus, forficatus, Milvus, Elanus furcatus, Elanoides yetapa, Schwallbenweihe, Milan de la Caroline*) одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и, несмотря на простоту своей окраски, одинъ изъ наиболѣе великолѣпныхъ представителей соколиныхъ птицъ Южной и Средней Америки; онъ нерѣдко залеталъ также и въ Европу и потому причисляется также къ птицамъ этой части свѣта. Туловище у него коренастое, шея короткая, голова небольшая, но сильно вытянута въ длину, клювъ довольно длинный, но низкій, слегка загибающійся уже отъ основанія и образующій крѣпкій крючокъ, края его прямые безъ зубцовъ и выемокъ, разрѣзъ рта очень глубокой. Ноги короткія и небольшія, но довольно крѣпкія; короткіе пальцы вооружены сильно загнутыми, чрезвычайно острыми когтями. Крылья, похожія на крылья ласточки, очень длинные и слегка заострены, второе или третье маховое перо самое длинное; хвостъ необыкновенно развитъ и на концѣ снабженъ такой глубокой выемкой, что крайнія его перья болѣе, чѣмъ вдвое, длиннѣе среднихъ; мелкія перья очень мягкія. У взрослыхъ птицъ все опереніе бѣлое, за исключеніемъ нижнихъ шейныхъ перьевъ, крыльевъ и хвоста, которые окрашены въ черный цвѣтъ съ металлическимъ зеленоватымъ отливомъ; внутренняя половина опахала малыхъ маховыхъ перьевъ вплоть до самаго конца чисто-бѣлая, а у крайнихъ только самый кончикъ черный. У молодыхъ птицъ на затылкѣ стержни перьевъ черные, а иногда бываютъ и темныя стержневые полоски. Перья спины матово-сѣрыя; у нижнихъ кроющихъ перьевъ сѣрые кончики, а крайнія большія маховыя перья чисто-бѣлыя. Глаза кофейнаго цвѣта или темно-каріе; клювъ черный, восковица

голубовато-сѣрая, ноги свѣтлаго зеленовато-голубого цвѣта; когти свѣтлаго рогового цвѣта. Самецъ немного меньше самки, опереніе его туловища болѣе чистаго бѣлаго цвѣта, а черныи цвѣтъ крыльевъ болѣе блестящій. Длина этой птицы 60 см., размахъ крыльевъ 130, длина крыла 40—45, длина крайнихъ хвостовыхъ перьевъ 30 см.

Вилохвостый коршунъ встрѣчается во всей Южной Америкѣ, начиная отъ южной Бразиліи до южной окраины Соединенныхъ Штатовъ, и мѣстами онъ принадлежитъ къ числу довольно распространенныхъ птицъ. Въ южныхъ Сѣверо-американскихъ Штатахъ онъ живетъ только во время лѣтнихъ мѣсяцевъ. По Одюбону, большія стая вилохвостыхъ коршуновъ появляются въ началѣ апрѣля въ штатахъ Луизиана и Миссиссипи, гдѣ ихъ причисляютъ къ самымъ обыкновеннымъ птицамъ; въ сентябрѣ они снова улетаютъ отсюда. Нѣкоторые изъ нихъ залетаютъ за предѣлы ихъ области распространенія и появляются въ Пенсильваніи, Нью-Йоркѣ и другихъ сѣверныхъ штатахъ, но здѣсь они такіе-же случайные гости, какъ и тѣ, которыхъ иногда убивали въ Европѣ. Осѣдлыми птицами они являются только на югѣ Сѣверной Америки, въ Техасѣ и Мексикѣ, а также и въ Бразиліи.

Чрезвычайно рѣдко можно видѣть вилохвостыхъ коршуновъ, летающихъ по-одиночкѣ или парами, обыкновенно же они собираются многочисленными стаями и парятъ высоко въ воздухѣ или сидятъ на деревьяхъ; въ такихъ случаяхъ бываетъ отъ 20 до 200 штукъ этихъ птицъ. «Вилохвостый коршунъ» — говоритъ Одюбонъ — «чрезвычайно красивъ и неутомимъ на делу. Онъ движется по воздуху съ такой легкостью и граціею, что всякій, кто сколько-нибудь любитъ наблюдать за птицами, придетъ въ восторгъ отъ этого зрѣлища. Паря и описывая большіе круги въ воздухѣ, коршунъ то поднимается на неизмѣримую высоту, направляя полетъ только при помощи своего вилообразнаго хвоста, то вдругъ съ быстротою молніи спускается внизъ и затѣмъ снова поднимается, паритъ все дальне и дальше и скоро исчезаетъ изъ виду. Иногда видишь, какъ стая кружится около дерева или быстро пролетаетъ между его вѣтвями, почти касаясь его ствола, чтобъ схватить какякъ-нибудь насѣкомыхъ или маленькхъ ящерицъ. Движеніе этихъ птицъ изумительно быстро и разнообразно. Глубокія дуги, описываемыя ими, внезапные круги и зигзаги и необычайная легкость, съ которой онъ разрѣзаетъ воздухъ, должны привести въ восторгъ каждаго наблюдателя».

Пища вилохвостаго коршуна состоитъ преимущественно, а иногда даже исключительно изъ насѣкомыхъ. Одюбонъ и Риджвай сообщаютъ, что онъ ѣстъ также ящерицъ и змѣй, но почти всѣ остальные наблюдатели утверждаютъ, что онъ истребляетъ только насѣкомыхъ. Охотится онъ за ними такъ-же, какъ и ласточки, съ тою только разницей, что онъ хватаетъ свою добычу не клювомъ, а лапой. «Во время нашего путешествія по горамъ» — рассказываетъ Одюбонъ — «мы увидели цѣлую стаю вилохвостыхъ коршуновъ, летавшихъ взадъ и впередъ довольно низко надъ дорогой, по которой мы слѣдовали. Нѣкоторые изъ нихъ парили на высотѣ едва 4 м. надъ землею; вся стая тѣсно держалась вмѣстѣ и очень напоминала стаю нашихъ касатокъ. Полетъ ихъ былъ не быстръ, но силенъ и ровенъ, крыльями они совсѣмъ не шевелили. Наше появленіе, повидимому, нисколько не смутило коршунговъ; даже крикъ восторга, вырвавшійся у моего спутника, его знаки и жесты, отъ которыхъ я тщетно старался его удержать, не встревожили ихъ. Нѣкоторые изъ нихъ пролетали на разстояніи всего 4 или 5 м. отъ насъ и такимъ образомъ давали намъ возможность хорошо рассмотреть всѣ ихъ движенія. Время отъ времени кака-нибудь изъ птицъ медленно и граціозно поворачивала или нагибала внизъ голову и въ то-же время выдвигала впередъ ногу, которая передъ

этимъ, судорожно сжавшись, что-то хватала; нога выдвигалась настолько далеко, что касалась закрытаго до сихъ поръ клюва. Но птица оставалась въ этомъ положеніи только одно мгновеніе: она раскрывала клювъ, проглатывала добычу и снова поднимала голову. Эти движенія продѣлывала вся стая. Скоро мы поняли ихъ причину: вилохвостые коршуны охотились за однимъ видомъ пчелъ, отличающимся великолѣпной окраской.

Птицы знаютъ, что вилохвостый коршунъ истребляетъ насѣкомыхъ и потому нѣкоторые виды птицъ смотрятъ на него очень косо, какъ на соперника по ремеслу. «Однажды»,—сообщаетъ Бурмейстеръ—«мы видѣли, какъ вилохвостаго коршуна преслѣдоваль тиранъ, все время нападавшій на коршуна и причинявшій ему немало безпокойства. Тиранъ питаетъ настоящую ненависть къ этому коршуну и, гдѣ-бы онъ его ни замѣтилъ, непременно нападаетъ на него; можетъ быть онъ дѣлаетъ это потому, что знаетъ, какъ вилохвостый коршунъ надъ самымъ его носомъ уносить лучшихъ жуковъ, схватывая ихъ на лету съ вѣтвей, на которыхъ они сидятъ, тогда какъ тиранъ можетъ ловить только летающихъ жуковъ, а сидящихъ оставляетъ въ покоѣ».

«При тихой и теплой погодѣ»—продолжаетъ Одюбонъ—«вилохвостый коршунъ паритъ на неизмѣримой выси, охотясь за большимъ насѣкомымъ, такъ называемымъ «москитовымъ соколомъ», и выказываетъ при этомъ все свое искусство. Главную пищу этой птицы составляютъ саранча, гусеницы, маленькіи змѣи, ящерицы и лягушки. Пролетая низко надъ землей, онъ иногда вдругъ останавливается на мгновеніе, не шевеля крыльями, спускается внизъ, схватываетъ змѣю, уноситъ и растерзываетъ ее на лету.

«Когда вилохвостые коршуны охотятся такимъ образомъ, то нетрудно бываетъ приблизиться къ нимъ, тогда какъ въ другое время они бываютъ очень пугливы. Если убьютъ одного изъ нихъ, то всѣ остальные слетаются надъ мертвымъ, какъ бы собираясь унести его. Благодаря этому, мнѣ удавалось подстрѣлить множество, причемъ я дѣлалъ выстрѣлы за выстрѣломъ, стараясь только какъ можно скорѣе зарядить ружье. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ убить вилохвостаго коршуна бываетъ очень трудно, такъ какъ днемъ онъ летаетъ на большой высотѣ, а для ночного отдыха выбираетъ самыя высокія деревья, растущія на берегахъ рѣкъ и озеръ». Азара рассказываетъ, что одинъ изъ его друзей, чтобы добыть этихъ хищныхъ птицъ, которыхъ ему никакъ не удавалось подстрѣлить, пустилъ бумажнаго змѣя, которому придалъ форму и цвѣтъ бѣлохвостаго коршуна; и дѣйствительно, змѣй привлекъ вниманіе этихъ птицъ: онѣ слетѣлись къ нему и приблизились на разстояніе выстрѣла.

Въ заключеніе Одюбонъ сообщаетъ свѣдѣнія о размноженіи описываемой нами птицы. «Вилохвостый коршунъ»—говоритъ онъ—«спаривается тотчасъ-же по прибытіи въ южныя штаты. Самецъ ухаживаетъ за самкой на лету, и тогда движенія его красивѣе, чѣмъ когда-либо. Гнѣздо обыкновенно строится на верхнихъ сучьяхъ самыхъ высокихъ дубовъ и сосенъ, по возможности около рѣки или пруда. Оно похоже на гнѣздо вороны; наружная часть состоитъ изъ сухихъ прутьевъ, перемѣшанныхъ съ испанскимъ мхомъ, а внутри оно выложено мягкой травой и перьями. Кладка состоитъ изъ 4—6 яицъ, длина которыхъ равняется приблизительно 50, а наибольшій поперечникъ 40 мм. Они бываютъ зеленоватобѣлыя или молочно-бѣлыя, а около толстаго конца находится нѣсколько темно-бурыхъ или ржаво-коричневыхъ пятенъ неправильной формы. Самецъ и самка попеременно высиживаютъ и отыскиваютъ другъ для друга кормъ. Только что вылупившіеся изъ яйца птенцы бываютъ покрыты желтоватымъ пухомъ; но вскорѣ

они уже получают оперение, а осенью становятся уже очень похожи на родителей; оперение вполне взрослых птиц они приобретают следующей весной».

Одубовъ рассказываетъ объ одномъ вилхвостомъ коршунѣ, котораго онъ нѣсколько дней держалъ въ клеткѣ. Онъ отказывался отъ всякой пищи, даже извергалъ все содержавшееся въ его желудкѣ и не давалъ кормить себя насильно. Взъерошивъ перья, коршунъ со скучнымъ видомъ сидѣлъ все на одномъ и томъ же мѣстѣ; только если его хватили за крылья, онъ старался защищаться когтями. Онъ умеръ отъ истощенія.

* *

Коршуны (*Milvus. Milane. Milans*) довольно большія стройныя соколиныя птицы съ слабымъ и сравнительно небольшимъ, но глубоко разрѣзаннымъ клювомъ, который лишень всякихъ зубовъ, у основанія только слегка загибается, но на концѣ образуетъ довольно длинный крючекъ. Короткія ноги оперены спереди немного ниже плюсны; умѣренно длинные пальцы вооружены слабо искривленными когтями. Крылья у нихъ очень большія и длинныя, четвертое маховое перо въ крылѣ самое длинное; хвостъ длинный, болѣе или менѣе вилкообразный. Опереніе у коршунонъ рыхлос, не плотно прилегающее къ тѣлу; на головѣ перья удлинены и остры, на груди узки и также заострены. Всѣ известныя до сихъ поръ 8 видовъ коршунонъ живутъ въ Старомъ Свѣтѣ.

Изъ всѣхъ птицъ этого рода самымъ известнымъ можетъ считаться **Красный коршунъ** (*Milvus iclinus, regalis, guber* и *vulgaris, Falco milvus* и *austriacus, Accipiter milvus. Königsweihe. Milan commun*). Это статная птица, имѣющая 65—72 см. въ длину; размахъ ея крыльевъ 140—150 см., длина крыла 50, длина крайнихъ хвостовыхъ перьевъ 38 см. Отъ своихъ европейскихъ родичей и вообще отъ всѣхъ другихъ коршунонъ красный коршунъ отличается болѣе вилкообразнымъ хвостомъ, среднія перья котораго на цѣлыхъ 10 см. короче крайнихъ. У старыхъ самцовъ перья головы и горла бѣлыя съ узкими черно-бурыми стержневыми полосками, перья головы имѣютъ кромѣ того легкой свѣтло-ржавый оттѣнокъ. Задняя часть шеи, затылокъ и передняя часть груди ржаво-красныя; перья спины и плечъ черно-бурыя, посерединѣ съ ржаво-красными краями; опереніе брюшка, груди и ногъ красиваго ржаво-краснаго цвѣта съ несобственно широкими черными стержневыми полосками. Большія маховыя перья окрашены въ черный цвѣтъ, а около очина—въ бѣлый; среднія изъ нихъ черныя съ ржаво-бурымъ оттѣнкомъ и украшены узкими темными поперечными полосами. Маленькія нижнія кроющія перья крыльевъ ржаво-красныя съ черными пятнами, а большія—черныя съ ржаво-красной каемкой; среднія хвостовыя перья ржаво-красныя, крайнія—черноватыя; концы ихъ имѣютъ буроватый оттѣнокъ и снабжены бѣлой каймой. Нижняя сторона маховыхъ и рулевыхъ перьевъ бѣлая съ узкими черноватыми поперечными полосами. У самки голова темнѣе, спина одноцвѣтная бурая; ржавый оттѣнокъ всюду болѣе свѣтлый. Пятна на перьяхъ и бѣлыя каемки болѣе узкія; послѣднія, кромѣ того, менѣе чисты, чѣмъ у самца. Радужная оболочка глаза серебристая, а у очень старыхъ коршунонъ свѣтло-желтая; основаніе клюва желтое, у птицъ, не очень старыхъ, клювъ голубоватый и всегда съ чернымъ концомъ; восковица, равно какъ и ноги, желтыя. У птенцовъ всѣ цвѣта свѣтлѣе и неопредѣленнѣе, чѣмъ у взрослыхъ птицъ; стержневые полоски у нихъ менѣе ясны, и большинство перьевъ окаймлены широкой желтой полосой; зрачки у нихъ бурые, клювъ черный, восковица и ноги блѣдно-желтыя.

Всѣ равнины Европы, начиная отъ южной Швеціи до Испаніи и отсюда до Сибири, служатъ родиной этихъ хищныхъ птицъ, которыхъ Шиллеръ назвалъ «царями воздуха». Внутри этой области распространенія, очень обширной для такой птицы, красный коршунъ встрѣчается далеко не повсюду и далеко не всегда въ областяхъ, сходныхъ между собой по характеру мѣстности. Въ южной части Скандинавскаго полуострова онъ встрѣчается чаще, чѣмъ можно было-бы думать, а мѣстами считается одной изъ самыхъ обыкновенныхъ птицъ. Въ Даніи

Черный коршунъ. *Milvus migrans* и Красный коршунъ. *Milvus ictericus*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

его встрѣчаютъ на всѣхъ островахъ, въ Голландіи и Бельгіи онъ попадается по крайней мѣрѣ во время перелета; во Франціи, Португаліи, Испаніи, а также въ подходящихъ мѣстностяхъ южной и средней Италиіи онъ живетъ осѣдло, черезъ Грецію онъ только пролетаетъ; на Дунайской низменности онъ водится повсемѣстно, точно также на равнинахъ по теченію Вислы; въ южной Россіи онъ только мѣстами выводитъ птенцовъ. Въ Германіи онъ живетъ на Тюрингенской равнинѣ, въ Саксоніи, Брауншвейгѣ, Ганноверѣ, Прирейнскихъ провинціяхъ, Мекленбургѣ, Помераніи, Познани и въ западной и восточной Пруссіи всюду, гдѣ находятъ подходящія мѣста, въ Вестфалии же и въ Верхней Силезіи есть полосы,

„жизнь животн.“ вр.

гдѣ онъ совсѣмъ не встрѣчается; въ Баваріи онъ водится только на обширныхъ равнинахъ, а въ юго-западной Германіи его замѣняютъ другіе родичи. Въ горную мѣстность Германіи онъ, залетаетъ, только во время перелета; онъ появляется здѣсь всегда въ началѣ марта и остается до первыхъ чиселъ октября, а въ теплыя зимы онъ, вѣроятно, даже совсѣмъ не улетаетъ изъ Германіи, если есть надежда найти здѣсь хотя какое-нибудь пропитаніе. Во время перелета красныя коршуны часто соединяются въ большія стаи, штукъ въ 50—200. Около Толедо мы наблюдали однажды среди зимы стаю коршуновъ, состоявшую по крайней мѣрѣ изъ 80 штукъ; всѣ они жили очень дружно, днемъ охотились вмѣстѣ, а ночью отправлялись почевать въ небольшой лѣсокъ на берегу Тахо. Лѣтомъ въ той же мѣстности красныя коршуны встрѣчаются только парами и то не особенно часто. Во время своихъ періодическихъ странствованій они направляются черезъ сѣверо-западную Африку и долетаютъ до острововъ Зеленаго мыса. Большое количество ихъ ежегодно дважды перелетаетъ чрезъ Гибралтарскій проливъ. Вѣроятно отдѣльные экземпляры остаются на чужбинѣ и увеличиваютъ собою число тѣхъ, которые издавна уже живутъ на Атласѣ и на Канарскихъ островахъ. Въ прежнее время красный коршунъ игралъ ту-же роль, которая въ настоящее время въ Африкѣ выпала на долю коршуна-паразита. «Во времена Генрха VIII», говоритъ Пеннантъ, «надъ Британской столицей носилось много коршуновъ, которыхъ привлекали разные отбросы, валяшіеся на улицахъ; эти птицы были до того смѣлы, что хватали свою добычу, не стѣняясь ни шумомъ, ни большой толпой. Убивать ихъ было запрещено». Богемаецъ Шашекъ, посѣтившій Англию въ 1471 г., замѣчаетъ, что онъ видѣ не видалъ такого множества красныхъ коршуновъ, какъ въ Лондонѣ, а Белонъ увѣряетъ, что онъ не нашелъ никакой разницы между коршунами, живущими въ Каирѣ и въ Лондонѣ. Въ настоящее время обстоятельства измѣнились, и эта птица, принадлежавшая въ Великобританіи къ числу самыхъ обыкновенныхъ, теперь совсѣмъ исчезла отсюда и только въ Шотландіи мѣстами выводитъ птенцовъ.

Красный коршунъ вовсе не величественная птица; онъ лѣнивъ, неповоротливъ и откровенно трусливъ. Летаетъ онъ медленно, но удивительно неутомимо, тихо плывя по воздуху, онъ иногда въ теченіи цѣлой четверти часа ни разу не взмахнетъ крыльями и управляетъ полетомъ только при помощи своего широкаго хвоста. Такимъ образомъ коршунъ повидимому безъ всякаго усилія то поднимается на неизмѣримую, почти недостижимую для человѣческаго глаза высоту, то проносится чрезъ большія пространства надъ самой землей. Походка у него некрасивая; онъ скорѣе подпрыгиваетъ, чѣмъ ходитъ. Сидящаго на деревѣ краснаго коршуна можно узнать потому, что онъ насколько возможно вытягиваетъ шею, такъ что голова кажется лежащей совсѣмъ между плечами, а также потому, что хвостъ у него обыкновенно бываетъ направленъ не прямо ввизъ, а немного впередъ; поэтому, если смотрѣть на сидящаго краснаго коршуна сбоку, то бросается въ глаза угловатость линий его профиля. Изъ чувствъ у краснаго коршуна несомнѣнно всего лучше развито зрѣніе; чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть на его прекрасные глаза; но еще убѣдительнѣе доказывается это поведеніемъ парящаго на громадной высотѣ коршуна, если покажется гдѣ-нибудь животное, могущее служить ему добычей, или какой-нибудь изъ крупныхъ представителей рода совъ. Затѣмъ у него порядочно развиты слухъ и осязаніе, но, по нашему мнѣнію, нельзя того-же сказать о вкусѣ и обоняніи. По развитію умственныхъ способностей красный коршунъ конечно не уступитъ ни одной изъ хищныхъ соколиныхъ птицъ, живущихъ въ Германіи: болѣе всѣхъ ихъ онъ умѣетъ

сообразовать свое поведеніе съ обстоятельствами. Онъ, напримѣръ, всегда умѣетъ отличить охотника отъ простаго крестьянина, избѣгаетъ возвращаться въ тѣ мѣстности, гдѣ онъ разъ уже былъ напуганъ; но гдѣ можно, тамъ онъ становится не менѣе смѣлымъ и даже нахальнымъ попрошайкой, чѣмъ другіе его родичи. Одинъ красный коршунъ, за которымъ наблюдалъ Штелькеръ, ежедневно посѣщалъ всѣ двory одной деревни и преспокойно садился на низкія деревья, росшія между домами. Онъ сдѣлался понемногу настолько ручнымъ, что Штелькеръ сталъ бросать ему кормъ и могъ наблюдать за его поведеніемъ на разстояніи всего какихъ-нибудь 10 шаговъ отъ дома, когда тотъ подбиралъ брошенные ему остовы птицъ, кожа съ которыхъ сдиралась Штелькеромъ для набивки чучель. Когда для него поставили западню, онъ подлетѣлъ совсѣмъ близко, покружился надъ ней, закричалъ и улетѣлъ обратно. Другой коршунъ постоянно посѣщалъ чаны около колодцевъ и подбиралъ внутренности рыбъ и обрѣзки мяса; его нисколько не смущала близость людей, и даже выстрѣлами нельзя было прогнать его. Въ повѣтливости краснаго коршуна можно бываетъ также убѣдиться, если застанешь его по близости гнѣзда или если приходится наблюдать его въ неволѣ. Крикъ его довольно неприятный, протяжный, нѣчто среднее между смѣхомъ и блянѣніемъ. Его можно передать приблизительно слогамъ «гиги гиаэ». Во время спариванья слышится также своеобразная трель. Красный коршунъ питается маленькими млекопитающими, птенцами, еще не умѣющими летать, ящерицами, змѣями, лягушками, жабами, кузнечиками, жуками и дождевыми червями. Кромѣ того, онъ воруетъ у крестьянъ цыплятъ, причиняетъ не мало хлопотъ гусятникамъ, досаждаеть охотникамъ своими нападеніями на молодыхъ зайцевъ и куропатокъ; своимъ безстыднымъ попрошайничаньемъ онъ заставляеть благороднаго сокола уступить ему свою добычу. Несмотря на всѣ эти грѣхи, краснаго коршуна едва ли можно причислить къ вреднымъ птицамъ. Если гдѣ-нибудь на поляхъ начнутъ особенно сильно размножаться мыши, то туда является и красный коршунъ; онъ остается въ такихъ мѣстахъ иногда по нѣскольку недѣль и каждый день пируетъ на славу. Если принять въ соображеніе, что красный коршунъ истребляетъ множество мышей и вредныхъ наѣдокъ, то нельзя не прійти къ тому заключенію, что ему можно простить убійство какого-нибудь зайчика или гусенка. Если-бы онъ былъ менѣе нахаленъ и своимъ безсовѣстнымъ попрошайничаньемъ не заставлялъ благородныхъ соколовъ хищничать больше, чѣмъ нужно для удовлетворенія ихъ собственныхъ потребностей, то ему можно было-бы отвести почетное мѣсто среди природныхъ охранителей нашихъ полей. Охотники считаютъ неоспоримымъ, что онъ приноситъ большой вредъ, истребляя много дичи въ лѣсныхъ дачахъ, предназначаемыхъ для охоты, и поэтому всякій изъ нихъ считаетъ нужнымъ по мѣрѣ возможности истреблять красныхъ коршуновъ и ихъ птенцовъ. Но на самомъ дѣлѣ эти коршуны принадлежать къ числу наиболѣе безвредныхъ нашихъ хищныхъ птицъ. Упомянутаго уже нами краснаго коршуна, котораго наблюдалъ Штелькеръ, не боялись ни куры, ни голуби той деревни, которую онъ посѣщалъ, и его привлекали во всякомъ случаѣ больше мертвыя птицы, чѣмъ живыя. Ловлей рыбы, которой онъ занимается довольно правильно и ради которой иногда не лѣнится пролетать разстоянія въ 25—30 килом., онъ также приноситъ далеко не такой значительный вредъ, какъ обыкновенно думаютъ. Помимо того, что ему только изрѣдка удается схватить замѣченную имъ рыбу, онъ вообще направляетъ свои преслѣдованія больше противъ лягушекъ, чѣмъ противъ рыбъ. Только во время періода размноженія онъ дѣйствительно производитъ опустошенія какъ среди домашнихъ птицъ, такъ и среди дичи.

Періодъ размноженія начинается вскорѣ послѣ весенняго перелета. Красный коршунъ придерживается по возможности той же мѣстности, въ которой онъ провель предыдущее лѣто, но не всегда поселяется въ своемъ прежнемъ гнѣздѣ. Если ему удастся найти незаятое воронье или соколиное гнѣздо, то онъ довольствуется имъ; если же не удастся, то самъ строитъ себѣ новое. Избравши для житья какой-нибудь лѣсъ, самецъ и самка сначала долго летаютъ надъ нимъ, играя другъ съ другомъ и выказывая при этомъ все свое искусство; затѣмъ они выбираютъ какое-нибудь дерево, обыкновенно какъ можно болѣе высокое, но иногда и совсѣмъ не подходящее, плохое, причемъ не обращаютъ вниманія на то, лиственное оно или хвойное. На верхнихъ вѣтвяхъ этого дерева или на одномъ изъ его большихъ боковыхъ сучьевъ они начинаютъ строить гнѣздо, имѣющее около 1 м. въ поперечникѣ и по способу постройки не отличающееся существенно отъ гнѣздъ сарычей и другихъ соколиныхъ птицъ. Узнать его можно бываетъ благодаря тому, что красный коршунъ любитъ выстилать гнѣздо разными тряпками и бумагами, причемъ не всегда выбираетъ для этого самыя чистыя. Кенигъ-Вартгаузенъ увѣряетъ, что осматривать гнѣзда этихъ коршунонъ иногда бываетъ весьма непріятно, такъ какъ они часто бываютъ высланы грязными кусками газетной бумаги, принесенной изъ самыхъ неопрятныхъ мѣстъ. Совершенно то же сообщаютъ и почти всѣ остальные изслѣдователи. Даже тряпки красный коршунъ достаетъ обыкновенно изъ навозныхъ кучъ, лежанокъ на поляхъ, такъ что и онѣ бываютъ немвогимъ лучше собираемыхъ имъ кусковъ бумаги. Бывали случаи, что коршунъ притаскивали къ себѣ съ поля дѣло пугало или крали у прачки развѣшанныя для просушиванія занавѣси и выстилали ими свое гнѣздо.

Кладка состоитъ изъ 2 — 3, рѣдко 4 яицъ, которыя очень похожи на яйца обыкновеннаго сарыча, только немного крупнѣе ихъ. Длина ихъ равняется 59—62 мм., наибольшій поперечникъ 45—47 мм. Скорлупа мелкозернистая, но матовая; основной цвѣтъ бѣлый съ легкимъ зеленоватымъ отгѣнкомъ; фонъ этотъ усаженъ пестрыми крапинками и грубыми черточками темнаго краснобураго цвѣта. Повидимому высидываетъ только самка; по крайней мѣрѣ, пока она сидитъ, самецъ ревностно занимается добываньемъ для нея пищи. Приблизительно черезъ 4 недѣли выдупляются птенцы, и тогда оба супруга непрерывно начинаютъ таскать имъ пищу. Птенцы красныхъ коршунонъ не менѣе прожорливы, чѣмъ птенцы другихъ хищныхъ птицъ; благодаря этому, ихъ родители припуждены усиленно заниматься охотой, чтобы прокормить ихъ, и въ это время они иногда позволяютъ себѣ нападать на домашнюю птицу. Высиживающая самка очень упорно сидитъ на яйцахъ, и ее можно прогнать изъ гнѣзда только сильно стуча по дереву, на которомъ она находится; когда же птенцы нѣсколько подрастутъ, и имъ бываетъ уже не такъ нужна помощь родителей, то послѣдніе становятся болѣе осторожными и обыкновенно при приближеніи человѣка заблаговременно улетаютъ. Даже крикъ проголодавшихся птенцовъ не можетъ заставить ихъ приблизиться къ охотнику на разстояніе выстрѣла; въ крайнемъ случаѣ они только пробуютъ бросать въ гнѣздо пищу съ большой высоты. Штелькеръ убѣдился, что они относятся съ очень осмысленной заботливостью и къ оперившимся птенцамъ. Когда онъ однажды приказалъ осмотрѣть замѣченное имъ гнѣздо красныхъ коршунонъ, то самый маленькій изъ находившихся въ немъ птенцовъ не могъ послѣдовать за двумя другими, выпорхнувшими на сосѣднія вѣтви; тогда родители вытолкнули этого птенца изъ гнѣзда и помогли ему отлетѣть отъ него, такъ что когда добрались до гнѣзда, то оно было уже пусто, и всѣ птенцы успѣли скрыться.

Въ неволѣ красній коршунъ скоро приручается при хорошемъ уходѣ. Если его поймають взрослымъ, то, какъ пришлось наблюдать Штелькеру, онъ ведетъ себя очень странно по отношенію къ людямъ. Онъ прикидывается мертвымъ, ложится плашмя на землю и лежитъ не шевелясь; иногда онъ нарочно падаетъ съ шеста, причеиъ крылья и хвостъ его болтаются совсѣмъ какъ у мертваго; онъ даже открываетъ ротъ, высовываетъ языкъ и позволяетъ поднять себя за лапу, не подавая ни малѣйшаго признака жизни, а если его положить, то продолжаетъ лежать совершенно неподвижно. Такъ онъ притворяется довольно долго, но дѣлаетъ это все рѣже и рѣже и начинаетъ прикидываться уже только полумертвымъ, а не умершимъ. Наконецъ онъ убѣждается, что всѣ его старанія не ведутъ ни къ чему, перестаетъ притворяться, становится все болѣе довѣрчивымъ и въ концѣ концовъ начинаетъ проявлять даже сильную привязанность къ тому, кто о немъ заботится. Красные коршуны, которыхъ я воспитывалъ, всегда привѣтствовали меня, какъ только я показывался, даже если я и не приносилъ для нихъ никакого корма; они прекрасно отличали меня отъ другихъ и узнавали на всякомъ разстояніи, даже среди густой толпы людей. Они въ высшей степени невзыскательны и прекрасно уживаются какъ другъ съ другомъ, такъ и съ другими животными; впрочемъ въ этомъ отношеніи бываютъ и исключенія.

Вотъ что рассказываетъ по этому поводу Берге. «Я довольно долго держалъ одного краснаго коршуна въ просторной клѣткѣ, куда впоследствии помѣстили еще двухъ молодыхъ кошекъ. Я кормилъ этихъ кошекъ хлѣбомъ, размоченнымъ въ молокѣ. Сначала коршунъ, повидимому, не обращалъ никакого вниманія на своихъ сотоварищей, но потомъ онъ сталъ отгонять ихъ отъ пищи всякій разъ, какъ они принимались за нее, и вскорѣ онъ сталъ до того завистливъ, что совсѣмъ не притрогивался къ мясу, которое получалъ, но зато регулярно два раза въ день съдавалъ тарелку молока съ хлѣбомъ, предназначавшуюся для кошекъ. Кончилось тѣмъ, что послѣднихъ пришлось перевести въ другое помѣщеніе, чтобы онѣ не умерли съ голоду, такъ какъ коршунъ, хотя самъ и не ѣлъ мяса, но не позволялъ притрогиваться къ нему и кошкамъ». Другіе плѣнники оказывались болѣе дружественными. «У одного изъ моихъ знакомыхъ»—говоритъ Ленцъ—«былъ коршунъ съ больнымъ крыломъ; его выпускали въ садъ гулять на свободѣ. Здѣсь онъ построилъ себѣ гнѣздо, снесъ два яйца и усердно высиживалъ ихъ. То же самое повторилось и въ слѣдующемъ году, и тогда мы подложили коршуну три куриныхъ яйца. Онъ высидѣлъ трехъ цыплятъ, которыхъ постоянно приносилъ, при помощи клюва, въ гнѣздо, какъ только они изъ него выбѣгали; онъ пряталъ ихъ подъ себя и старался выкормить ихъ кусочками мяса. Но бѣдняжки скоро околѣли, такъ какъ онъ слишкомъ теребилъ ихъ, стараясь спрятать ихъ подъ себя». Этотъ примѣръ далеко не единственный въ своемъ родѣ. Жирарди въ теченіи 23 лѣтъ держалъ у себя краснаго коршуна, вынутаго изъ гнѣзда. «Хамацъ»—такова была кличка этой птицы—шелъ на зовъ своего хозяина такъ-же послушно, какъ и куры, когда ихъ зовутъ, чтобы дать имъ кормъ; иногда онъ прилеталъ и тогда, когда его вовсе не звали, бралъ у домашнихъ кормъ прямо изъ рукъ и вообще велъ себя совсѣмъ какъ курица. Такъ, онъ много лѣтъ сряду высиживалъ куринья яйца, которыя ему подкладывали, и съ удивительной заботливостью и любовью вскармливалъ вылупившихся цыплятъ. Очень странно было видѣть, какъ цыплята таскали у него изъ лапъ и клюва приносимые имъ куски мяса и поѣдали ихъ. Къ сожалѣнію, «Хамацъ», котораго считали также отличнымъ предсказателемъ погоды, умеръ насильственной смертю: его загрызла охотничья собака.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи мѣсто краснаго коршуна занимаетъ **Черный коршунъ** (*Milvus migrans, ater, niger, actolius* и *fuscus*, *Falco migrans, ater* и *fuscoater*, *Accipiter milvus*, *Hydroictinia atra*. Milan. Milan noir), котораго иногда смѣшиваютъ съ предыдущимъ; мѣстами встрѣчаются оба вида вмѣстѣ. Черный коршунъ замѣтно меньше краснаго. Онъ имѣетъ 55—58 см. въ длину, размахъ его крыльевъ равняется 136—145 см., длина крыла 44—47, длина хвоста 26—29 см.; первый изъ приведенныхъ нами цифръ относятся къ самцу, вторыя—къ самкѣ. Опереніе вообще темнѣе, чѣмъ у краснаго коршуна, такъ что названія, данныя этимъ двумъ птицамъ, нельзя не признать удачными. У чернаго коршуна голова, затылокъ, подбородокъ, верхняя и нижняя части горла бѣловато-сѣрые съ узкими черно-бурыми продольными полосками неравной ширины; нижнія шейныя перья хвоста болѣе или менѣе чистаго ржаво-бурого цвѣта съ легкимъ сѣроватымъ налетомъ и узкими черными продольными полосками. Маховыя перья черно-бурыя съ мѣднымъ отблескомъ; верхнія покровныя перья крыльевъ свѣтлаго землисто-сѣраго цвѣта съ еще болѣе свѣтлой каемкой; рулевые перья темныя землисто-бурыя съ 8—12 неясными, но правильно расположенными полосками и свѣтлой чало-сѣрой каемкой на концѣ. Кольцо вокругъ глазъ буро-сѣрое, клювъ черный, восковица желтая, ноги оранжево-желтыя. Самка не отличается окраской отъ самца. У птенцовъ голова и нижняя часть тѣла красновато-бурыя, и всѣ перья этихъ частей снабжены бѣловато-желтыми концевыми пятнышками и темными стержневыми полосками; нижнія шейныя покровныя перья темно-бурыя съ свѣтлыми чало-желтыми краями; покровныя перья крыльевъ свѣтлыя землисто-сѣрыя, темно-сѣрыя по серединѣ, съ черными стержнями и уже съ свѣтло-сѣрыми краями; горло иногда бываетъ совершенно чистаго свѣтлаго чало-желтаго цвѣта.

Область распространенія чернаго коршуна довольно ограничена, что можно сказать вообще и про всѣхъ его родичей. Въ средней Германіи онъ принадлежитъ къ числу рѣдкихъ птицъ; въ Бранденбургѣ, особенно вблизи озеръ, образуемыхъ Гавелемъ, въ Помераніи, Мекленбургѣ, по верхнему теченію Рейна и нижнему теченію Майна, особенно въ Гессенѣ и Баденѣ онъ встрѣчается чаще; въ нижней Австріи, Венгріи, на Дунайской низменности, въ большей части Россіи, а также въ Италіи и Испаніи онъ живетъ почти повсемѣстно, выводитъ птенцовъ и въ нѣкоторыхъ излюбленныхъ имъ мѣстностяхъ считается одной изъ самыхъ обыкновенныхъ птицъ и поселяется здѣсь даже цѣлыми обществами. По словамъ Вальтера, въ Туркменіи лѣтомъ онъ встрѣчается чаще всѣхъ другихъ хищныхъ птицъ; близъ Мургаба солдаты часто ѣдятъ его яйца и находятъ ихъ вкусными. Въ Германіи черныи коршунъ живетъ только лѣтомъ; онъ прилетаетъ сюда въ мартѣ, а въ октябрѣ уже улетаетъ. Въ южной Европѣ онъ остается и на зиму; впрочемъ нѣкоторые и отсюда на холодное время года улетаютъ въ Африку; при этомъ они пролетаютъ черезъ всю эту часть свѣта и останавливаются только въ южной и югозападной ея части. По словамъ Андерсона, въ земляхъ Дамара и Нама черныя коршуны появляются никакъ не раньше конца августа, обыкновенно же въ октябрѣ и ноябрѣ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже только въ декабрѣ. Пехуваль-Леше на Конго въ первый разъ увидалъ ихъ въ концѣ октября, а въ юго-западной Африкѣ, около Окагандіи 2 октября, а около Отимбингуа, по его словамъ, они появлялись часто только въ серединѣ октября. Сначала прилетаетъ только небольшое количество ихъ, черезъ нѣсколько дней появляются цѣлые легионы, такъ что они и ихъ родичи, коршуны-паразиты, къ которымъ они присоединяются, зимой встрѣчаются здѣсь, пожалуй, чаще

всѣхъ другихъ птицъ. Весной, тотчасъ-же по прибытіи на свое лѣтнее мѣстопробываніе, черный коршунъ отыскиваетъ то мѣсто, гдѣ онъ жилъ въ предыдущемъ году и приступаетъ къ своимъ лѣтнимъ занятіямъ. Эрцгерцогъ Рудольфъ Австрійскій доставилъ мнѣ такое прекрасное и вѣрное описаніе этой птицы, что всего лучше будетъ привести его здѣсь цѣликомъ, только мѣстами добавляя его наблюденіями другихъ изслѣдователей. «Въ Венгріи черный коршунъ считается довольно обыкновенной птицей; въ нижней Австріи я встрѣчалъ его только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, но въ нихъ онъ поселяется ежегодно. Любимымъ его мѣстопробываніемъ бывають лѣса, особенно растушіе по берегамъ большихъ рѣкъ или около болотъ. Высокія деревья нужны ему собственно только для витья гнѣзда и для ночлега. Въ теченіи дня онъ все время летаетъ вдоль рѣки, надъ кустами или среди ихъ. Все въ немъ приспособлено для жизни на ровной мѣстности, изобилующей водой, поэтому онъ особенно любитъ наши придунайскіе луга. Тотъ, кто знакомъ съ нимъ, конечно не будетъ въ состояніи и представить себѣ его среди мѣстности холмистой или гористой. Въ такихъ мѣстахъ его никогда не приходится видѣть; онъ не встрѣчается ни на высокихъ горахъ, ни на лѣсистыхъ предгорьяхъ, ни на плоскихъ возвышенностяхъ, и онъ избѣгаетъ даже тѣхъ лѣсовъ, которые граничатъ съ большими лугами и полями. Въ этомъ отношеніи его разборчивость доходитъ до того, что, напримѣръ, на лугахъ, орошаемыхъ Дунаемъ, онъ изъ множества живущихъ здѣсь хищниковъ встрѣчается всѣхъ чаще, а на разстояніи всего одной мили отсюда, на опушкѣ Вѣнскаго лѣса, его уже никогда не увидишь. Я имѣю возможность бывать очень часто въ Вѣнскомъ лѣсу и ни разу еще не встрѣчалъ тамъ чернаго коршуна, красный же ежегодно прилетаетъ сюда.

«Черные коршуны—птицы общительныя; разъ они водятся въ какой-нибудь мѣстности, то встрѣчаются въ ней всегда въ большомъ количествѣ и ищутъ общества другихъ хищныхъ птицъ; красный же коршунъ любитъ уединеніе и поселяется въ самыхъ тихихъ мѣстахъ лѣсистыхъ горъ и луговъ. Въ нижней Австріи онъ уже не боится близости населенныхъ мѣстъ, а въ Венгріи онъ часто посѣщаетъ даже большіе города, не исключая и столицы, и подолгу остается въ нихъ. Собственно говоря образъ жизни чернаго коршуна легко изучить только въ періодъ спариванья и высиживанья; все же остальное время онъ перелетаетъ съ мѣста на мѣсто и ведетъ такой безпкойный образъ жизни, что нѣтъ никакой возможности наблюдать за нимъ. Когда проникаешь въ луговые мѣстности, тянущіяся вдоль Дуная, то сначала надъ низкими кустарниками, растущими по окраинамъ полей, встрѣчаешь обыкновенно нѣсколько одинокихъ коршунуновъ, улетающихъ на поиски за добычей или возвращающихся съ охоты. Чѣмъ дальше углубляешься въ болѣе густыя высокія заросли, тѣмъ чаще встрѣчаешь этихъ птицъ. Проѣзжая весной на лодкѣ по одному изъ уединенныхъ рукавовъ рѣки, видишь обыкновенно коршунуновъ самцовъ, парящихъ вокругъ высокихъ деревьевъ, растущихъ на маленькихъ, сплошь заросшихъ кустарниками и деревьями островкахъ; самки въ это время сидятъ тамъ въ гнѣздахъ. Время отъ времени одинъ изъ коршунуновъ перелетаетъ съ острова на луговой берегъ рѣки, причемъ часто совсѣмъ не обращаетъ вниманія на близость лодки.

«Полетъ этой птицы чрезвычайно красивъ, особенно когда она, летая, играетъ надъ поверхностью большихъ рѣкъ, чѣмъ она занимается иногда въ теченіи цѣлой четверти часа и даже болѣе; но только весной въ періодъ спариванья можно получить истинное понятіе объ ея искусствѣ. Возбужденная чувствомъ любви, пара черныхъ коршунуновъ поднимается на большую высоту и

парить адѣсь. Вдругъ одинъ изъ нихъ, опустивъ совсѣмъ крылья, падаетъ и опускается почти до самой поверхности воды, затѣмъ онъ въ некоторое время летитъ стрѣлой по кривой линіи, быстро возвращается назадъ, трепещетъ на мѣстѣ, подобно пустельгѣ, и вообще производитъ удивительныя эволюціи, летая по всѣмъ направленіямъ.

«Гнѣздо чернаго коршуна построено чрезвычайно просто; его слѣдуетъ искать на самыхъ пустынныхъ островахъ, которые почти никогда не посѣщаются человѣкомъ. Коршуны строятъ его на нижней половинѣ одного изъ самыхъ высокихъ деревьевъ и обыкновенно въ углу между стволомъ и однимъ изъ главныхъ сучьевъ. Оно состоитъ изъ набросанныхъ кое-какъ прутьевъ; обыкновенно уже издали виденъ высывающійся изъ него раздвоенный хвостъ самки. Въ большинствѣ случаевъ черныи коршунъ завладѣваетъ покинутыми гнѣздами цапель, вслѣдствіе чего гнѣзда этихъ птицъ трудно отличить одно отъ другого. Большинство гнѣздъ я находилъ на тѣхъ островахъ, гдѣ жили цапли и бакланы; на тѣхъ же, гдѣ гнѣздились сарычи, красные коршуны и болѣе крупныя представители соколиныхъ, я никогда не встрѣчалъ черныхъ коршуновъ во время періода размноженія. Время высиживания подвержено значительнымъ колебаніямъ. Въ половинѣ апрѣля я находилъ гнѣзда, въ которыхъ самки уже ревностно высиживали яйца, а нѣсколько другихъ нарѣ въ то-же время еще строили гнѣзда или даже только отыскивали подходящее мѣсто для ихъ постройки. Къ срединѣ мая въ большинствѣ гнѣздъ самки уже сидѣли на яйцахъ.

«Тотъ, кому приходилось наблюдать черныхъ коршуновъ, навѣрно замѣчалъ, что они чрезвычайно любятъ общество болотныхъ и водяныхъ птицъ, и дружба, въ которой живутъ съ этими птицами, можетъ служить доказательствомъ безвредности этихъ коршуновъ. Однажды на берегу большого острова я нашелъ гнѣздо черныхъ коршуновъ; въ ста шагахъ отъ него всѣ деревья были испещрены гнѣздами цапель, между которыми кое-гдѣ виднѣлись также гнѣзда пустельги и чеглока. Всѣ обитатели этой колоніи совершенно мирно пролетали другъ возлѣ друга, а коршунъ-самецъ, играя, носился среди гнѣздъ летающихъ цапель и баклановъ. Одно изъ нихъ было построено на высотѣ всего какихъ-нибудь 3 м. надъ землей на толстомъ сучкѣ; надъ нимъ на томъ-же деревѣ помѣщались 4 или 5 гнѣздъ баклановъ. Другое гнѣздо коршуновъ находилось на толстомъ деревѣ также низко надъ землей: едва 1 м. выше его помѣщалось гнѣздо цапель и въ обоихъ этихъ гнѣздахъ самки сидѣли на яйцахъ, а самцы—коршунъ и цапля—сидѣли рядомъ на одномъ и томъ же сучкѣ. Оба гнѣзда коршуновъ были построены на самыхъ крайнихъ изъ высокихъ деревьевъ острова, одно на краю болотистой части лѣса, другое на противоположномъ концѣ, на берегу широкаго рукава Дуная. Рядомъ, на другомъ небольшомъ островкѣ находилось еще одно гнѣздо коршуновъ, а совсѣмъ близко отъ него, хотя по другую сторону узкаго рукава рѣки, поселились сарычъ, балабанъ и нѣсколько чеглоковъ; наконецъ тутъ-же находилось большое гнѣздо рѣчной скопы, впрочемъ, покинутое въ этомъ году. Я думаю, что черныя коршуны поселяются рядомъ съ цаплями и бакланами главнымъ образомъ по той причинѣ, что, будучи очень прожорливыми, они вмѣстѣ съ тѣмъ очень лѣнны и не любятъ особенно трудиться надъ добычаніемъ себѣ пищи. Всего охотнѣе они ѣдятъ рыбу, и имъ легко утолить голодъ, живя по соседству съ цаплями, такъ какъ послѣднія часто ровняютъ изъ своихъ гнѣздъ большихъ рыбъ, чѣмъ и пользуются другія птицы. Правда, черныи коршунъ самъ довольно искусный рыболловъ, но онъ предпочитаетъ попрошайничать и жить на чужой счетъ. Иногда онъ на лету пристаётъ къ большимъ водянымъ птицамъ и къ рѣчнымъ скопамъ и отбиваетъ

у нихъ добычу точно такъ-же, какъ его родственникъ красный коршунъ въ лѣсу надобѣдаетъ орламъ, сарычамъ и соколамъ и часто заставляетъ ихъ уступить ему пойманную дичь. Кромѣ рыбъ пищу его составляютъ чаще всего молодые зайцы, хомяки, суслики, мыши и въ особенности лягушки. Для обитателей птичниковъ онъ очень опасенъ, благодаря своему необыкновенному нахальству; онъ безъ всякаго стѣсненія похищаетъ цыплятъ и утятъ на глазахъ ихъ родителей, и, въ случаѣ такихъ нападеній, его можно отогнать только ружейными выстрѣлами. Однажды въ одной деревнѣ, расположенной среди долины на окраинѣ луга, я наблюдалъ чернаго коршуна, который постоянно являлся сюда охотиться и, совершенно подобно пустельгѣ, леталъ приблизительно на высотѣ дымовыхъ трубъ, высматривая добычу».

Относительно размноженія чернаго коршуна могу еще прибавить, что онъ свое гнѣздо, подобно красному коршуну, всегда выстилаетъ разными лохмотьями, старыми передниками, ночными кофтами или сваляной шерстью млекопитающихъ, паклей и тому подобными матерьялами, такъ что его жилище легко отличить отъ гнѣзда другихъ, живущихъ у насъ соколиныхъ птицъ. По словамъ Блазіуса, не трудно бываетъ узнать, занято-ли гнѣздо черными коршунами или уже покинуто ими, по тѣмъ тряпкамъ или клочкамъ пакли, которыя часто прицѣпляются къ краямъ гнѣзда или къ сосѣднимъ вѣтвямъ, когда птицы таскаютъ ихъ въ гнѣздо. Въ концѣ апрѣля въ гнѣздѣ обыкновенно уже находится вся кладка, состоящая изъ 3 — 4 яицъ, поразительно сходныхъ съ яйцами красныхъ коршунцовъ; основная окраска ихъ желтоватая или сѣровато-бѣлая; благодаря испещряющимъ ихъ бурымъ жилкамъ, они выглядятъ какъ бы мраморными; кромѣ того они густо усыяны болѣе мелкими пятнами. Повидимому, высиживаетъ только самка, по крайней мѣрѣ такъ заставляетъ думать одно наблюденіе Прэна, который, подкарауливая коршунцовъ около ихъ гнѣзда, замѣтилъ, что одинъ изъ нихъ — вѣроятно самецъ — бросалъ съ большой высоты рыбъ въ гнѣздо, въ которомъ въ это время находилось еще всего два яйца. Самка обыкновенно до того ревностно сидитъ па яйцахъ, что ее можно согнать только ружейнымъ выстрѣломъ. Гомейеру и мнѣ, во время охотничьей экскурсіи, предпринятой въ сопровожденіи кронпринца Рудольфа, неразъ случалось тщетно стараться прогнать стукомъ, крикомъ и всяческимъ шумомъ сидѣвшую на яйцахъ самку чернаго коршуна. Если она рѣшается въ концѣ концовъ улетѣть, то дѣлаетъ это чрезвычайно быстро и далеко не всегда направляется въ ту сторону, гдѣ ей открывается наибольшій просторъ; чаще ловкая птица, наоборотъ, чрезвычайно искусно пролетаетъ черезъ самую чащу вѣтвей, такъ что охотнику очень трудно бываетъ прицѣлиться въ нее. Если самку не тревожили раньше, то она обыкновенно скоро опять возвращается къ гнѣзду, съ котораго ее спугнули, самецъ-же часто заставляетъ дожидаться себя цѣлыми часами. Если коршунцовъ часто беспокоятъ и въ концѣ концовъ убьютъ самку, то иногда, какъ убѣдился Прэнъ, случается, что самецъ уничтожаетъ яйца. Послѣ трехнедѣльнаго высиживанья вылупляются птенцы; они покрыты пуховымъ одѣяніемъ, основная окраска котораго бѣлая; начиная съ затылка оно имѣетъ слабый ржавый оттѣнокъ, позади глазъ находится буроватая пятна, а вся верхняя сторона свѣтлая сѣро-бурая. По словамъ Блазіуса, пухъ ихъ чрезвычайно длинный и рыхлый, чѣмъ они рѣзко отличаются отъ птенцовъ всѣхъ другихъ живущихъ у насъ хищныхъ птицъ. Вначалѣ родители кормятъ птенцовъ полупереваренными кусками мяса, лягушками и рыбами. «Едва-ли» — говоритъ Блазіусъ — «существуетъ два другихъ такихъ близкихъ вида птицъ, которыя такъ рѣзко отличались бы по осянкѣ, какъ эти оба вида

коршунуновъ. Всякій согласится, что старшій черныи коршунъ полетомъ и осанкой немного напоминаетъ орла: точно также и неоперившiеся птенцы его похожи на птенцовъ орла-крикуна. Даже когда они еще не могутъ стоять на ногахъ, они сидятъ въ гнѣздѣ всегда съ поднятой головой и безъ малѣйшаго страха и совершенно спокойно смотритъ на всякаго, кто къ нимъ приближается. Обыкновенно они начинаютъ вылетать изъ гнѣзда, когда хвостъ и крылья еще не приобрѣли тѣхъ размѣровъ, которые они имѣютъ у взрослыхъ птицъ, и тогда въ дождливую погоду ихъ нетрудно поймать на землѣ или на низкихъ деревьяхъ. Наоборотъ, птенцы краснаго коршуна сначала бываютъ пугливы и робки и обыкновенно лежатъ, вытянувшись во всю длину и положивъ голову на дно гнѣзда. Даже, когда они уже совсѣмъ выростутъ, они сначала добровольно не покидаютъ гнѣзда, лежатъ въ немъ обыкновенно плашмя, плотно прижавшись ко дну и позволяютъ изловить себя руками даже тогда, когда уже вполне научатся летать. Поэтому достаточно одного взгляда, чтобы безошибочно опредѣлить, имѣешь-ли передъ собой птенцовъ чернаго или краснаго коршуна». Зато первый изъ нихъ и послѣ того, какъ научится летать, еще долго нуждается въ помощи своихъ родителей; въ теченiи нѣсколькихъ недѣль можно видѣть всю семью летающей вмѣстѣ и, если внимательно наблюдать за ней, то убѣждаешься въ томъ, что родители обучаютъ молодыхъ коршунуновъ не только всѣмъ прiемамъ летанья, но и не менѣе важному для нихъ искусству попрошайничать и жить на чужой счетъ. Только позднимъ лѣтомъ семейство распадается, и каждый изъ членовъ его начинаетъ жить особнякомъ. Къ осени пары черныхъ коршунуновъ снова собираются сначала въ небольшiя общества, а потомъ въ цѣлыя стаи и вмѣстѣ предпринимаютъ зимнее путешествiе.

Черныи коршунъ вообще считается одной изъ самыхъ вредныхъ нашихъ хищныхъ птицъ. Я не могу однако вполне присоединиться къ этому мнѣнiю и скорѣе думаю, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ водятся много этихъ коршунуновъ, причиняемый ими вредъ не особенно значителенъ. Всего болѣе черныи коршунъ вредитъ конечно тѣмъ, что самымъ наглымъ образомъ попрошайничаетъ у другихъ птицъ и пристаётъ къ нимъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не бросятъ схваченную ими добычу; этимъ онъ заставляеть ихъ хищничать больше, чѣмъ необходимо для собственныхъ ихъ надобностей. Самъ онъ, конечно, также таскаетъ все, что попадется, но скольконибудь значительныя опустошенiя какъ среди живущихъ на свободѣ животныхъ, такъ и среди домашнихъ птицъ онъ производитъ только въ теченiи послѣднихъ дней перiода размноженiя. При безпристрастномъ сравненiи вредныхъ и полезныхъ сторонъ его дѣятельности, приходишь къ заключенiю, что онѣ приблизительно уравниваются другъ друга. Конечно черныя коршуны приносятъ больше вреда, чѣмъ красныя, но во всякомъ случаѣ далеко не столько, сколько думаютъ; по крайней мѣрѣ, ощутительный убытокъ они причиняютъ только въ исключительныхъ случаяхъ, напримѣръ, когда кто-нибудь изъ нихъ повадится таскать цыплятъ или утятъ въ какой-нибудь деревнѣ. Но и въ такомъ случаѣ этотъ хищникъ остается совершенно такимъ-же трусливымъ, какъ и всѣ его собратья, и храброй нападкѣ зачастую удается прогнать его; но онъ все-таки успѣваетъ утащить по одну курочку или утенка. Если коршунъ особенно пристрастится къ рыбной ловлѣ, то онъ иногда производитъ порядочныя опустошенiя въ прудахъ, въ которыхъ разводять карповъ; но, строго говоря, своими занятiями рыбной ловлей онъ причинить не болѣе вреда, чѣмъ охотой за молодыми зайцами и другой мелкой дичью и нападенiями на домашнюю птицу. Пищу его составляютъ главнымъ образомъ мыши и лягушки, а также рыбы, которыхъ онъ во время перiода размноженiя, впрочемъ,

подбираетъ преимущественно подъ гнѣздами цапель. Поэтому нельзя не признать, что причиняемый имъ вредъ весьма незначителенъ, и мнѣ кажется, что за нимъ числится вовсе не такъ уже много грѣховъ, какъ думаютъ. Конечно нельзя считать его совершенно безвреднымъ, но я все-таки осмѣлюсь обратиться съ просьбой шадить его къ тѣмъ, кому, какъ и мнѣ, доставляетъ удовольствіе слѣдить за полетомъ такой красивой птицы. Своимъ присутствіемъ онъ очень оживляетъ мѣстность, особенно въ тѣхъ однообразныхъ равнинахъ, въ которыхъ онъ обитаетъ, и пейзажъ очень выигрываетъ въ красотѣ, когда среди неба виднѣется парящій коршунъ.

Кронпринцъ Рудольфъ указываетъ еще на то, что черный коршунъ относится съ явной враждебностью къ филину, хотя и не бросается на него съ такой яростью, какъ другіе представители соколиныхъ. «Въ густомъ молодомъ лѣсу, граничащемъ съ лугомъ и отдѣленнымъ отъ сосѣднихъ полей рукавомъ рѣчки, я посадилъ филина среди полянки, а самъ спрятался за кустами, чтобы подстрѣлить нѣсколькихъ жившихъ тамъ луговыхъ луней. Какъ только нѣсколько штукъ ихъ стали наладать на филина, съ высоты спустились также два черныхъ коршуна, привлеченные шумомъ, и стали кружиться надъ филиномъ. Но они все время парили на такой высотѣ, что ихъ невозможно было подстрѣлить изъ ружья, заряженнаго дробью, не бросались на филина, но въ то же время не пугались выстрѣловъ и не подымались на большую высоту: минутъ черезъ 10 они улетѣли обратно въ ту же сторону, откуда явился».

Въ клѣткѣ чернѣй коршунъ, какъ и другіе его родичи, доставляетъ немало удовольствія. Онъ нетребователенъ, легко свыкается съ потерей свободы и вскорѣ чрезвычайно привязывается къ своему хозяину; замѣтивъ его, коршунъ еще издали привѣтствуетъ его радостнымъ крикомъ и вообще старается всячески выказать ему свое расположеніе. Съ другими хищными птицами, равной съ нимъ величины, черный коршунъ уживается отлично, такъ какъ онъ слишкомъ трусливъ, чтобы нападать на нихъ; зато онъ совершенно спокойно съѣдаетъ трупъ птицы, съ которой жилъ дружно въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Африканскій представитель описываемаго нами рода — **Коршунъ-паразитъ** (*Milvus aegyptius, forskali, parasiticus* и *leucorhynchus, Falco forskali, aegyptius, parasiticus. Schmarotzermilan. Milan parasite*) настолько сходенъ съ чернымъ коршуномъ, что нѣкоторые натуралисты сомнѣваются, слѣдуетъ ли считать его особымъ самостоятельнымъ видомъ. Дѣйствительно, этотъ коршунъ на первый взглядъ отличается отъ нашего чернаго коршуна только своимъ желтымъ клювомъ, но при болѣе внимательномъ изученіи можно найти и другіе признаки, по которымъ безошибочно можно отличить другъ отъ друга эти два вида. Коршунъ-паразитъ имѣетъ 52—55 см., въ длину, размахъ крыльевъ его равняется 132—136, длина крыла 43—45, а хвоста 20—22 см. Первые изъ приведенныхъ цифръ относятся къ самцамъ, вторыя къ самкамъ. Голова, шея и нижняя сторона тѣла у него красовато-бурныя, опереніе ногъ и нижнія покровныя перья хвоста довольно яркаго ржаво-краснаго цвѣта; перья области уздечки и подбородка имѣютъ бѣловатый оттѣнокъ; перья всѣхъ поименованныхъ частей снабжены узкими черно-бурыми стержневыми полосками. Нижнія шейныя перья, плечи и вся остальная верхняя сторона тѣла бурныя; у перьевъ этихъ частей черныя стержни и какъ бы выщипанные концы. Маховыя перья буро-черныя; у большихъ маховыхъ перьевъ внутренняя половина опахала нѣсколько свѣтлѣе, зато другая половина словно оттѣнена; малыя маховыя перья темно бурныя съ нѣтью неявными поперечными

полосами. Хвостовыя перья сверху бурья; крайнія изъ нихъ самыя темныя; внутренняя половина опахала ихъ имѣетъ болѣе свѣтлыя края и украшена 8—9 неясными, темными поперечными полосами; нижняя же сторона внутренней половины буровато-бѣлая. Глаза свѣтло-каріе, клювъ цвѣта желтаго рога, ноги соломенно-желтыя.

Область распространенія коршуна-паразита обнимаетъ всю Африку, за исключеніемъ области Атласскихъ горъ, кромѣ того Мадагаскаръ, Палестину, Сирію, Малую Азію и вѣроятно также Европейскую Турцію; по крайней мѣрѣ, по моему

Коршунъ-паразитъ. *Milvus aegyptius*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

мнѣнію, еще вовсе не установлено, что на мечетяхъ Константинополя гнѣздятся дѣйствительно черныя коршуны, а не коршунъ-паразитъ. Въ сѣверо-восточной Африкѣ этотъ коршунъ является самой обыкновенной изъ хищныхъ птицъ; онъ принадлежитъ также къ числу типичныхъ представителей фауны странъ, орошаемыхъ Ниломъ и побережья Краснаго моря. Коршунъ-паразитъ — первая птица, которую встрѣчаешь въ Египтѣ; его же видишь наярпимъ надъ дѣвственными лѣсами и въ области верхняго теченія Нила. Онъ болѣе, чѣмъ какой-нибудь другой его родичъ, питается на счетъ человѣка и живетъ съ нимъ въ большой дружбѣ, которая, впрочемъ, очень выгодна для коршуна, но для человѣка часто оказывается весьма нежелательной.

Коршунъ-паразитъ самая дерзкая и надоѣдливая пзъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ птицъ. Онъ вполне заслуживаетъ данное ему названіе. Попрошайничество — его ремесло; въ виду этого онъ всего охотнѣе живетъ въ населенныхъ мѣстахъ, посѣщаетъ ежедневно дворы и поселяется на пальмахъ, растущихъ въ садахъ, или на верхушкахъ минаретовъ. Онъ дѣлается наконецъ докучливымъ и даже ненавистнымъ, такъ какъ его видишь рѣшительно повсюду. Ничто не ускользаетъ отъ его зоркихъ глазъ; онъ внимательно слѣдитъ за дѣятельностью людей и, благодаря своему близкому знакомству съ ними, онъ прекрасно понимаетъ всѣ ихъ дѣла, такъ что въ этомъ отношеніи съ нимъ могутъ сравниться только очень немногія птицы и млекопитающія. Онъ непременно полетитъ вслѣдъ за овцой, которую ведутъ на бойню, но если пастухъ гонитъ овцу съ пастбища, онъ остается совершенно равнодушнымъ; когда рыбакъ возвращается съ ловли, коршунъ летитъ ему на встрѣчу, когда же тотъ отправляется на ловлю, онъ не обращаетъ на него никакого вниманія. Онъ летаетъ надъ баркой, въ которой убиваютъ какое-нибудь животное или даже садится на нее, кружится около повара стоящаго на якорѣ или плывущаго судна, какъ только онъ появляется; онъ первый посѣщаетъ лагерь, первый замѣчаетъ всякую падаль. Отъ него нельзя достаточно далеко спрятать никакого куска мяса. Съ ловкостью сокола у него соединяется необъяснимая дерзость, съ жадностью—знакомство со всѣми привычками человѣка. Иногда онъ, повидимому, совершенно безучастно сидитъ на какомъ-нибудь деревѣ вблизи отъ бойни или на верхушкѣ крыши, гдѣ-нибудь около мясной лавки и, кажется, совсѣмъ не обращаетъ вниманія на лежащія по близости лакомые куски; но вотъ появляется покупатель, и коршунъ-паразитъ моментально покидаетъ свой наблюдательный постъ, летитъ вслѣдъ за пришедшимъ и начинаетъ носиться надъ нимъ. Плохо приходится неосторожному покупателю, который несетъ мясо на головѣ въ корзинѣ или въ деревянной чашкѣ, какъ это часто дѣлаютъ въ Египтѣ: деньги его, вѣроятно, пропадутъ даромъ. Мнѣ самому пришлось однажды быть свидѣтелемъ того, какъ коршунъ-паразитъ схватилъ вѣсившій болѣе 1 kg. кусокъ мяса, который несли въ корзинѣ, и унесъ его цѣликомъ, несмотря на брань ограбленнаго имъ человѣка. Въ Абиссиніи однажды нашъ поваръ разрѣзалъ на куски зайца на ящикѣ, стоявшемъ посреди двора; едва только онъ успѣлъ повернуть голову на чей то зовъ, какъ одинъ изъ кусковъ уже очутился въ когтяхъ подлетѣвшаго коршуна-паразита, который и тутъ не упустилъ благоприятнаго момента. Я неразъ видалъ, какъ этотъ коршунъ таскалъ рыбу изъ лодокъ рыбаковъ, хотя они вслѣдствіи старались отогнать этого нахальнаго попрошайку. Онъ умѣетъ воровать буквально изъ самыхъ рукъ человѣка.

Коршунъ-паразитъ питается не исключительно на счетъ людей; онъ слѣдитъ также за дѣятельностью животныхъ и птицъ. Какъ только соколъ или орелъ схватитъ добычу, его окружаетъ толпа этихъ несносныхъ коршуновъ; они съ крикомъ преслѣдуютъ хищника, яростно бросающаго на него, и чѣмъ долѣе продолжается эта охота, тѣмъ болѣе увеличивается количество попрошайекъ. Тяжелая добыча, которую держитъ въ своихъ лапахъ благородный соколъ, мѣшаетъ ему летѣть съ обычной быстротой, и онъ не можетъ избавиться отъ нападающихъ на него сзади коршуновъ. Своимъ наглымъ приставаніемъ они доводятъ его до того, что, желая избавиться отъ нихъ, онъ обыкновенно скоро бросаетъ добычу и предоставляетъ коршунамъ драться изъ-за нея другъ съ другомъ, а самъ возвращается на тѣ мѣста, гдѣ онъ охотится, и отыскиваетъ новую добычу. Грифамъ тоже ненавистны коршуны-паразиты. Они постоянно кружатся около пирующихъ грифовъ, смѣло пролетаютъ среди нихъ и умѣютъ во время подхватить куски мяса, разбрасываемые грифами, которые всегда съ необычайной жадностью набрасываются на най-

дневную ими добычу. Собаки рычат на коршуна-паразита и стараются схватить его, какъ только онъ приблизится къ нимъ, такъ какъ и онѣ знаютъ, что онъ всегда радъ стащить у нихъ добытый ими, часто съ большимъ трудомъ, кусочекъ мяса или по крайней мѣрѣ заставить ихъ подѣлиться съ нимъ добычей. Коршунъ-паразитъ рѣдко самъ охотится, хотя онъ довольно ловокъ и очень искусно умѣетъ ловить мелкихъ домашнихъ птицъ, даже молодыхъ голубей, а также мышей, пресмыкающихся и рыбъ, которыхъ онъ особенно любитъ.

Коршунъ-паразитовъ приходится обыкновенно видѣть летающими цѣлыми стаями: парами они держатся только около своихъ гнѣздъ. Надъ бойнями большихъ городовъ они носятся иногда стаями штукъ въ 50—60. Гнѣздо обыкновенно помѣщается на пальмахъ, а также нерѣдко, особенно въ большихъ городахъ, на стройныхъ минаретахъ мечетей. Кладка состоитъ изъ 3—5 яицъ, имѣющихъ 50—55 мм. въ длину и 40—42 мм. въ поперечникѣ; форма ихъ совершенно яйцевидная, верхняя сторона закруглена немного меньше нижней; они довольно гладкія и матовыя. По чисто-бѣлому фону скорлупы разсыяны темныя и свѣтлыя красно-бурыя пятна, часто сливающіяся на тупомъ концѣ. Самка несетъ яйца въ періодъ времени отъ февраля до апрѣля и затѣмъ обѣ птицы принимаются за высиживание; въ это время коршуны-паразиты, понятно, становятся еще болѣе несносными и шумятъ болѣе, чѣмъ обыкновенно. Они обнаруживаютъ большую привязанность къ своимъ птенцамъ, стараются добыть имъ какъ можно больше пищи и поэтому таскаютъ въ это время все, что только возможно, постоянно беспокоятся, не угрожаетъ ли птенцамъ какая-нибудь опасность, и въ случаѣ надобности храбро защищаютъ ихъ отъ врага. Къ концу мая птенцы выучиваются летать, но еще довольно долго сопровождаютъ своихъ родителей, постоянно крича на лету; только къ осени они становятся вполне самостоятельными.

Арабское названіе коршуна-паразита «хитайе» есть звукоподражаніе, довольно вѣрно передающее обычный крикъ этой птицы. Крикъ этотъ начинается высокимъ звукомъ, который можно приблизительно передать слогомъ «хи», и оканчивается продолжительнымъ, дрожащимъ «тэхэхэхэ». Относительно полета и другихъ движеній коршуна-паразита, его характера и способностей мы здѣсь не затѣмъ распространяться: во всѣхъ этихъ отношеніяхъ онъ совершенно сходенъ съ его европейскимъ родичемъ.

Туземцы вполне заслуженно считаютъ коршуна-паразита чрезвычайно дерзкой и несносной птицей; тѣмъ не менѣе они не преслѣдуютъ его; они думаютъ, что и къ нему должны примѣняться законы вѣжливости и гостепріимства, такъ что онъ можетъ съ полной безопасностью летать всюду, гдѣ ему вздумается. Объ его добѣрчивости существуетъ немало интересныхъ разсказовъ; онъ играетъ также роль и въ нѣкоторыхъ сказкахъ.

«Ястребинныя» (Accipitrinae. Habichte. Accipitrins), говоритъ Рейхеновъ, «отличаются отъ каракаръ тѣмъ, что бока головы у нихъ вполне оперены. Отъ сарычей же ихъ отличаютъ длинныя плюсны и длинный хвостъ и короткія или во всякомъ случаѣ не особенно длинныя крылья. У наиболѣе типичныхъ представителей ястребинныхъ сложенные крылья доходятъ всего до середины хвоста. Плюсна значительно, иногда почти вдвое длиннѣе средняго пальца. Длина хвоста равняется обыкновенно тремъ четвертямъ, рѣдко двумъ третимъ длины крыла; у нѣкоторыхъ видовъ онъ, впрочемъ, вопреки общему правилу, бываетъ даже длиннѣе крыла. Что же касается длины плюсны, то въ этомъ отношеніи исключеніе составляютъ только высшіе представители ястребинныхъ—хохлатые орлы и гарпіи, у которыхъ

длина плюсны или едва превышает длину среднего пальца или даже совершенно равна ей. Но и эти виды обыкновенно бываетъ нетрудно отличить отъ сарычей по ихъ длинному хвосту. Плюсны бываютъ почти всегда голыя, только у хохлатыхъ орловъ онѣ оперены. Изъ пальцевъ только оба крайніе всегда соединены короткой перепонкой. Крылья закругленные. всего длиннѣе бываютъ третье и четвертое, или третье, четвертое и пятое маховыя перья. Мы причисляемъ къ ястребиннымъ около 120 видовъ».

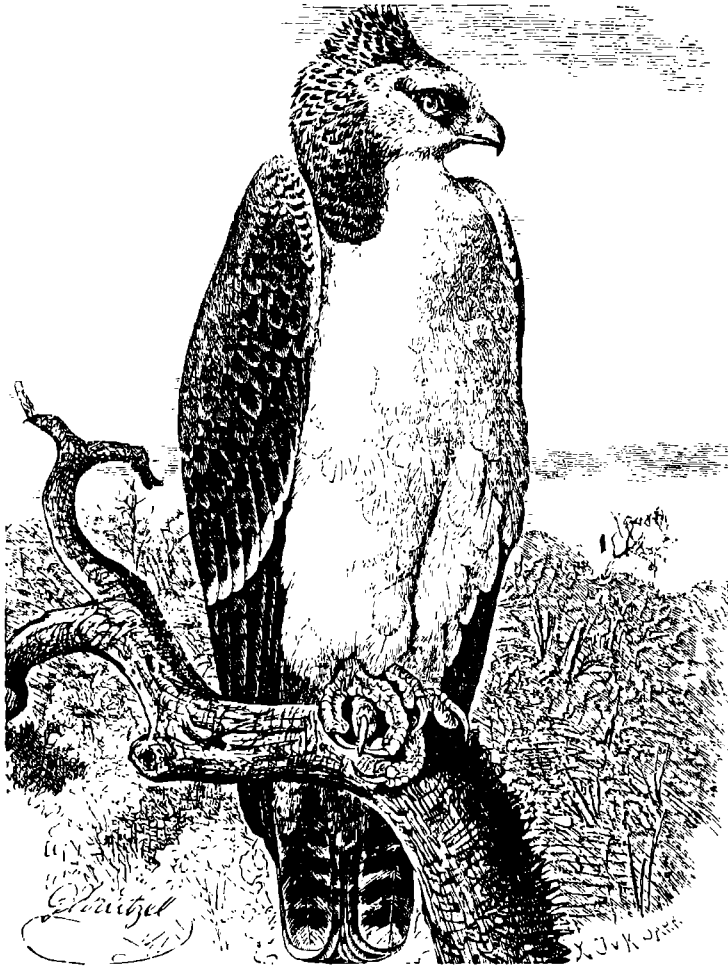
За исключеніемъ дуней, обладающихъ многими особенностями какъ въ образѣ жизни, такъ и въ строеніи, у всѣхъ членовъ подсемейства ястребиныхъ, начиная отъ небольшого ястреба-перепелятника и кончая гарпией, самой сильной изъ хищныхъ птицъ, можно найти много общаго въ ихъ характерѣ и образѣ жизни. Всѣ ястребиныя питаются живыми животными, которыхъ они сами ловятъ и убиваютъ, въ противоположность сарычамъ въ широкомъ смыслѣ слова, которые не брезгаютъ и падалью. Ястребиныя—самыя ловкія хищныя птицы изъ всего описываемаго нами отряда; онѣ одинаково искусно схватываютъ добычу и на лету, и когда она бѣжитъ, плыветъ или сидитъ и умѣютъ охотиться какъ въ открытомъ полѣ, такъ и среди густой лѣсной чащи. Соответственно этому онѣ и охотятся совершенно иначе, чѣмъ сарычи и соколы. Въ то время какъ послѣдніе высматриваютъ добычу, описывая круги на большой высотѣ или, рѣже, трепеща на одномъ мѣстѣ, и затѣмъ, стремглавъ, бросаются на намѣченную ими жертву, ястребы по возможности прибѣгаютъ ко всякимъ хитростямъ, чтобы добраться до своей жертвы и, благодаря этому, охотятся съ неменьшимъ успѣхомъ, чѣмъ соколы, многіе сарычи и орлы, несмотря на то, что всѣ эти птицы, и особенно орлы, умѣютъ гораздо лучше, чѣмъ ястреба, бросаться съ высоты на свою добычу. Охотясь, ястреба быстро несутся надъ опушками лѣсовъ или вдоль живыхъ изгородей, быстро огибаятъ рощи и строенія, углубляются въ лѣсную чащу и оттуда совершенно неожиданно вылетаютъ на поляны, благодаря чему имъ удается застигнуть врасплохъ и схватить на лету намѣченную ими жертву. Иногда также они караулятъ добычу, спрятавшись въ листвѣ деревьевъ, какъ настоящіе разбойники, и внезапно бросаются изъ засады на пролетающую мимо нихъ птицу или пробѣгающее животное. Такъ охотятся и ястребъ перепелятникъ, и гарпия, что доказываетъ принадлежность этихъ послѣднихъ къ подсемейству ястребиныхъ. Гнѣзда свои ястребиныя птицы строятъ въ самыхъ глухихъ мѣстахъ, но никогда среди полянъ или на замѣтныхъ издали верхушкахъ деревьевъ; онѣ устраиваютъ свое жилище преимущественно въ густыхъ, мало посѣщаемыхъ людьми, высокоствольныхъ лѣсахъ, или гдѣ-нибудь въ непроницаемой чащѣ, на нижнихъ вѣтвяхъ деревьевъ, около ихъ ствола. Яйца ихъ или чисто-бѣлыя или испещренные буровато-красными пятнами по бѣлому фону».

*
*

Хохлатые орлы (*Spizaëtus. Haubenadler. Spizaëte*) стройнѣе ястреба съ относительно короткими крыльями, длиннымъ хвостомъ и высокими, сильными ногами, особенно отличаются болѣе или менѣе явственнымъ хохломъ на задней части головы.

Въ Африкѣ живетъ самый крупный и сильный представитель этого рода. **Хохлатый орелъ** (*Spizaëtus bellicosus, Falco bellicosus* и *armiger, Aquila bellicosus* и *armigera, Pseudaetus bellicosus. Kampfadler. Aigle griffard*), большая птица длиною 80—86 см. съ соответственнымъ размахомъ крыльевъ, крыльями длиною въ 60—65, и хвостомъ въ 31—34 см. Преобладающій цвѣтъ на верхней сторонѣ пе-

пельно-сѣро-бурий, на головѣ къ нему примѣшивается черно-бурий, которымъ окрашены стержни отдѣльныхъ перьевъ; на верхней части спины края почти всѣхъ перьевъ свѣтлѣе; благодаря этому получается поперечная полоса на крылѣ, образованная концевыми краями болѣе крупныхъ кроющихъ перьевъ крыла, которыя шиферно-пепельно-сѣраго цвѣта и имѣютъ черныя поперечныя полосы. Бѣловатая полоса пробѣгаетъ надъ глазами къ задней части головы и теряется въ короткомъ, широкомъ хохлѣ. Вся нижняя сторона бѣлалъ съ голубоватымъ налетомъ и почти безъ

Хохлатый орелъ. Spizaeetus he

част. вел.

пятна. Большия маховыя перья на наружной бородкѣ черныя, на внутренней свѣтлѣе и съ болѣе темными полосками, нижняя кроющія перья крыла бѣлыя, хвостовыя сверху темно-пепельно-сѣрыя, снизу свѣтло-буровато-пепельно-сѣрыя, съ шестью болѣе темными поперечными полосками. Болѣе молодыя птицы сверху черновато-бурого цвѣта, снизу бѣлаго и испещрены здѣсь многочисленными бурными пятнами, которыя постепенно исчезаютъ до четвертаго года по мѣрѣ того, какъ чернубурий цвѣтъ верхней стороны становится свѣтлѣе. Глаза сѣро-бурые, восковица зеленовато-голубая, клювъ черный, ланы свинцово-сѣрыя.

Первое описаніе хохлатого орла появилось въ концѣ прошлаго столѣтія въ знаменитомъ сочиненіи Левальяна о птицахъ южной Африки. Названный естествоиспытатель добывалъ этого орла въ странѣ Нама, начиная отъ 28° южн. шир. до середины этой части свѣта. Позднѣе его нашли въ западной и восточной Африкѣ, и теперь я знаю, что большая хищная птица, которую я видѣлъ въ абиссинскихъ горахъ сидящую на высокомъ деревѣ, сильно выдававшемся надъ окружающею мѣстностью, была хохлатый орелъ.

Объ образѣ жизни и поведеніи этого красиваго хищника все еще нѣтъ болѣе подробныхъ наблюденій, чѣмъ тѣ, которыя сообщилъ Левальянъ, и потому я долженъ основываться на нихъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Хохлатый орелъ выбираетъ себѣ для жилья одиноко стоящее дерево, такъ какъ онъ очень остороженъ и любить видѣть, что дѣлается вокругъ него. Отсюда пара облетаетъ обширную область, неизмѣнно держась вмѣстѣ; въ ней она не терпитъ ни одной другой птицы того же вида и вообще никакой хищной птицы. Всякій другой хищникъ, который вторгнется въ эту область, подвергается безпощадному нападенію; хохлатые орлы бьются съ нимъ изо всѣхъ силъ и принуждаютъ его обратиться въ бѣгство. «Случается», говоритъ Левальянъ, «нерѣдко, что собираются стаи грифовъ и вороновъ съ намѣреніемъ отнять у хохлатого орла его добычу; однако одного взгляда хищника бываетъ достаточно, чтобы удержать эту ватагу паразитовъ».

Вѣроятно хохлатый орелъ охотится главнымъ образомъ въ утренніе и вечерніе часы и конечно рѣдко неудачно. Обыкновенная добыча его состоитъ изъ мелкихъ антилопъ и зайцевъ; но вообще онъ не щадитъ и многочисленныя виды дикихъ куриныхъ птицъ. Весь характеръ его показываетъ, что онъ настолько же опасный врагъ африканскихъ животныхъ, какъ нашъ беркутъ европейскихъ. Во всей южной Африкѣ нѣтъ хищной птицы, которая равнялась бы хохлатому орлу по силѣ и кровожадности. Это неограниченный властелинъ въ своей области; сила и смѣлость соединяются въ немъ, дѣлая его страшнымъ врагомъ всѣхъ беззащитныхъ существъ. Полетъ его совершенно орлиный, но легче и быстрѣе. Голосъ, какъ говорить, то рѣзкій и пронзительный, то грубый и глухой.

Гнѣздо устраивается въ вершинахъ высочайшихъ деревьевъ и лишь въ случаѣ недостатка ихъ на выступахъ скалъ недоступныхъ горныхъ обрывовъ; оно въ общемъ похоже на гнѣздо орла, но отличается, какъ говорятъ, тѣмъ, что строится совершенно опредѣленнымъ образомъ изъ трехъ различныхъ слоевъ: изъ одного, состоящаго изъ толстыхъ палокъ, втораго—изъ болѣе тонкихъ вѣтвей, мха, сухихъ листьевъ, вереска и другихъ мягкихъ растительныхъ веществъ, встрѣчающихся въ окрестностяхъ, и наконецъ третьяго, состоящаго изъ тонкихъ прутиковъ, который и образуетъ лотокъ гнѣзда. Вся постройка имѣетъ въ діаметрѣ отъ 1,5 до 2 м. и такъ крѣпка, что человѣкъ совершенно безопасно можетъ держаться на немъ. Если гнѣздо воздвигается на скалѣ, то основанія гнѣзда, конечно, не строится. Левальянъ полагаетъ, что пара пользуется гнѣздомъ всю жизнь. Яйцъ два, около 8 см. длиною; они почти шарообразны и чисто бѣлаго цвѣта. Пока самка высидиваетъ, самецъ снабжаетъ ее необходимымъ кормомъ, а позднѣе онъ охотится и для всего семейства, но лишь до тѣхъ поръ, пока птенцы еще очень малы; какъ только они подростутъ, они нуждаются въ такомъ большомъ количествѣ пищи, что старики едва могутъ добыть достаточное количество ея. Готтентоты увѣряли Левальяна, что они два мѣсяца питались тѣмъ, что отнимали у двухъ молодыхъ хохлатыхъ орловъ. До вылета птенцовъ на гнѣздѣ и вокругъ него накапливаются кучи костей самыхъ различныхъ животныхъ.

Левальянъ долгое время держалъ въ неволѣ одного хохлатого орла и наблюдалъ, какъ онъ съ жадностью бросался на предлагаемое мясо, проглатывалъ его фунтами и никогда не колебался принимать пищу, даже если его зобъ былъ уже полонъ. Этотъ изслѣдователь упоминаетъ далѣе, что этому хищнику по вкусу приходились всякія животныя, что онъ не пренебрегалъ даже предложеннымъ ему трупомъ другаго хохлатого орла. Я на основаніи собственныхъ наблюденій надъ птицами этого вида въ неволѣ считаю это указаніе преувеличеннымъ. Мой братъ описалъ одного изъ моихъ питомцевъ, и я могу лишь подтвердить сказанное имъ. «Хохлатый орелъ, содержимый въ неволѣ», говоритъ онъ: «умѣетъ очаровать cadaго; это дѣйствительно крайне привлекательное животное. Онъ, повидимому, совершенно оставилъ свою дикость. Онъ оказывается замѣчательно ручнымъ и довѣрчивымъ, дѣйствительно дружится съ человѣкомъ, по крайней мѣрѣ отвѣчаетъ на каждый зовъ. Голосъ его поразительно звучный и пріятный, но тихій и мягкій, совершенно въ противоположность другимъ орламъ, крикъ которыхъ, какъ извѣстно, не слишкомъ благозвученъ; насколько его можно передать, онъ можетъ быть выраженъ слогами «глюк, глюк».

«По большей части птица эта сидитъ, прижавъ перья къ тѣлу и выпрямившись, какъ другіе орлы, но обыкновенно поднимаетъ хохолъ. Глаза ея сверкаютъ смѣлостью, но не кажутся дикими; на знакомыхъ орелъ смотритъ даже съ кроткимъ выраженіемъ. Пищу, которую ему протягиваютъ рукою, онъ схватываетъ клювомъ, не нанося при этомъ ранъ своему благодѣтелю. Если взойти въ самую клетку его и быстро подходить къ нему, то онъ принимаетъ оборонительное положеніе, расширяетъ свои длинныя крылья, поднимаетъ одну изъ своихъ опасныхъ сильныхъ лапъ и опускаетъ хохолъ, такъ что голова его становится совершенно гладкой. На землѣ онъ хотя и стоитъ, подобно орламъ, въ нѣсколько горизонтальномъ положеніи, но все же прямѣе, чѣмъ они. Такъ какъ его помѣщеніе столь велико, что онъ не только можетъ удобно расправлять свои крылья, но и дѣлать маленькія попытки летать, то онъ часто оставляетъ сидячее положеніе, вылетаетъ изъ защищеннаго пространства клетки и влетаетъ на довольно высоко прикрѣпленную жердь. Онъ мало интересуется своими сосѣдями и, напротивъ, съ большимъ вниманіемъ смотритъ на всѣхъ проходящихъ мимо людей и находящихся по близости отъ него оленей».

Къ этимъ словамъ я хочу еще прибавить, что мой питомецъ переносилъ значительный холодъ, хотя и не безъ неудовольствія. Въ суровую зиму онъ часто сидѣлъ совсѣмъ тихо на своей жерди и подчасъ дрожалъ отъ мороза. Тѣмъ не мене онъ рѣшительно чувствовалъ себя на свободѣ лучше, чѣмъ въ тепломъ помѣщеніи, куда его наконецъ перенесли ради предосторожности.

* * *

Приблизительно въ тѣхъ же странахъ встрѣчается родственный, но гораздо меньшій хищникъ, котораго мы ради его длиннаго хохла будемъ называть **Гребневымъ орломъ** (*Spizaetus occipitalis*, *Falco occipitalis* и *senegalensis*, *Morphnus*, *Harpyia* и *Lophoaetus occipitalis*, Schopfadler, Nuppart). Онъ плотнаго сложения, съ длинными крыльями, короткимъ хвостомъ и высокими ногами; опереніе его довольно одноцвѣтно. Очень темный бурый цвѣтъ составляетъ основную окраску, брюхо темнѣе, грудь свѣтлѣе, внутренняя сторона голени бѣловатая, плюсна грязно-бѣлая, верхняя сторона съ пурпурово-бурымъ блескомъ. Основаніе маховыхъ перьевъ перваго порядка на внутренней бородкѣ бѣлое, на наружной грязно-буровато-бѣлое; темно бурая концевая половина на внутренней бородкѣ разрисована двумя

темными поперечными полосками; бѣлыя при основаніи маховыя перья второго порядка разрисованы двумя темными поперечными полосами черезъ обѣ бородки. У хвостовыхъ перьевъ наружная бородка бурая, внутренняя почти бѣлая и украшена тремя широкими черно-бурыми поперечными полосами и широкой полосой на концѣ, которая того же цвѣта. Малыя кроющія перья крыла вдоль ручного края бѣлыя, остальные нижнія черно-бурыя. Глаза ярко-желтые; клювъ рогового го-

Гребневый орелъ. *Spizaetus occipitalis*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

лубого цвѣта, темнѣе на концѣ и свѣтлѣе при основаніи; восковица свѣтло-желтая; ноги соломенно-желтыя. Длина равна 50—52 см., размахъ крыльевъ 120—130, длина крыла 33—35, а хвоста 18—20 см.

Изъ африканскихъ хохлатыхъ орловъ гребневый орелъ одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ, если не самый распространенный изъ всѣхъ. Онъ встрѣчается, начиная отъ 17° сѣв. шир. до Каспской колоніи и отъ Сенегала до береговъ Краснаго моря, а также и на Мадагаскарѣ, и притомъ, какъ на горахъ, такъ и на

равнинахъ, лишь бы только онѣ были покрыты лѣсомъ. Въ открытую степь онъ огваживается пускаться лишь въ томъ случаѣ, если и здѣсь не вполне отсутствуетъ болѣе густая древесная поросль, если напримѣръ, переплетенная вьющимися растениями чаща мимозъ покрываетъ берега ложбины дождеваго потока, въ которой по временамъ бываетъ вода. Въ лѣсахъ области Нила онъ встрѣчается довольно часто. Здѣсь его можно видѣть спокойно сидящимъ на верхушкахъ мимозъ около ствола и крайне серьезно играющимъ своимъ хохломъ. Онъ то наморщиваетъ лобъ, наполовину закрываетъ глаза и поднимаетъ свой хохоль такъ, что онъ стоитъ вертикально, разставляетъ перья хохла также въ стороны и нахохливаетъ остальное опереніе, то снова гладко прижимаетъ хохоль къ затылку. Это важное занятіе длится по цѣлымъ получасамъ, причеъ онъ не дѣлаетъ никакого другого движенія. Въ это время онъ кажется воплощеніемъ лѣни и производитъ впечатлѣніе мало дѣятельной хищной птицы. Однако можно скоро узнать эту сонливую птицу и съ другой стороны, стоитъ ей только замѣтить что-нибудь, за чѣмъ можно охотиться: мышку, полевую крысу, земляную бѣлку, воркующаго голубя, стаю ткачиковъ. Съ быстротою молніи она слетаетъ, дѣлая короткіе, быстрые удары крыльями, ловко пролетаетъ, подобно нашему ястребу, черезъ самый густой кустарникъ, ревностно преслѣдуетъ намѣченную добычу и почти безъ промаха схватываетъ ее. По поведенію и характеру гребневаго орла можно сравнить съ нашимъ ястребомъ. Онъ такъ-же дерзокъ и хищенъ, какъ и тотъ, и по отношенію къ своей величинѣ представляетъ безусловно лучшаго хищника лѣса. Лишь дружныя стаи обезьянъ онъ такъ-же мало тревожитъ, какъ и остальные большія соколиныя птицы Стараго Свѣта; ему плохо пришлось-бы при нападеніи на общество, заключившее между собою наступательный и оборонительный союзъ. По словамъ Гейглина, онъ охотится также за пресмыкающимися и рыбами, а можетъ быть и за земноводными, и въ случаѣ нужды бросается, какъ указываетъ уже Левальянъ, на падалъ; Гейглинъ видѣлъ по близости отъ боенъ, какъ гребневые орлы сидѣли, подобно воронамъ, на деревьяхъ и поджидали отбросовъ или объѣдали валявшіеся вокругъ кости.

О размноженіи гребневаго орла я не дѣлалъ самостоятельныхъ наблюденій. Левальянъ говоритъ, что онъ устраиваетъ гнѣздо на деревьяхъ и выстилаетъ углубленіе его перьями и шерстью. Самка кладетъ, какъ говорятъ, два почти круглыхъ яйца, которыя испещрены на блѣдномъ фонѣ красно-бурыми нитями.

Гребневый орелъ, который не слишкомъ рѣдко попадаетъ въ Европу, при надлежащемъ уходѣ выживаетъ въ неволѣ цѣлые годы; онъ выносливъ и мало чувствителенъ къ вліяніямъ климата. Можно утверждать, что онъ принадлежитъ къ наиболѣе бросающимся въ глаза птицамъ этого семейства и хотя дѣлаетъ мало, чтобы обратить на себя вниманіе, однако всѣ знаютъ его. Длинный, развѣвующійся хохоль изъ перьевъ, который орелъ, спокойно сидя, почти всегда держитъ поднятымъ вверхъ, темное опереніе, на фонѣ котораго рѣзко выступаютъ очень живые, огненные глаза, кажутся необыкновенными и потому достойными вниманія даже не специалисту. Въ утренніе и вечерніе часы онъ часто очень оживленно и въ это время охотно кричить совершенно иначе, чѣмъ его родичи. Голосъ его разнообразенъ и онъ издаетъ его оригинальнымъ образомъ. Обыкновенно крикъ начинается нѣсколькими короткими, отрывистыми, болѣе глухими звуками; за ними правильно слѣдуютъ болѣе продолжительные; конецъ крика протяжный и рѣзкій. Я думаю, что можно довольно правильно передать весь крикъ слогами: «вевве веве ве ве вие вііііі». Сторожа онъ, правда, пріивѣтствуетъ, но съ видимымъ неудовольствіемъ избѣгаетъ всѣхъ попытокъ установить съ нимъ дружескія

отношенія. Какъ онъ ведетъ себя по отношенію къ родственнымъ птицамъ, я не знаю, но не ожидаю отъ него много хорошаго. На слабыхъ млекопитающихъ, которыхъ приносятъ къ нему въ клѣтку, онъ долгое время внимательно смотритъ, прикладываетъ при этомъ перья къ тѣлу, опускаетъ хохоль, беспокойно семенитъ взадъ и впередъ по жерди, служащей для сидѣнія, и поворачиваетъ голову почти такъ-же, какъ сова при подобныхъ обстоятельствахъ. Удовлетворивъ наконецъ свое любопытство, онъ переходитъ къ нападенію: опускается на землю, подходитъ шагами къ предназначенному въ добычу животному, быстро хватается по направленію къ нему лапою, но сначала съ испугомъ отскакиваетъ назадъ, если животное сдѣлаетъ движеніе. Повемногу онъ становится смѣлѣе, но не проявляетъ беспощадной хищности орловъ; притомъ-же онъ и гораздо болѣе неловокъ, чѣмъ они, долго раздумываетъ прежде, чѣмъ начать новое нападеніе, и дѣлаетъ его замѣчательно неуклюже. Однако можетъ быть и тѣснота клѣтки является непобѣдимымъ препятствіемъ для него, и онъ выказалъ-бы себя совершенно другимъ, если-бы могъ нападать обычнымъ способомъ, т. е. на лету. Мнѣ кажется, что ему не достаетъ смысленности орловъ, которые очень хорошо умѣютъ пряминыться къ подобнымъ затрудненіямъ.

*

Бразильскіе лѣса служатъ убѣжищемъ своеобразныхъ хищныхъ птицъ—**Коршуновыхъ орловъ** (*Morphnus. Würgadler. Aigles autours*). Они обладаютъ величиною, силой и гордой осанкой орловъ, но сложеніемъ ястребовъ. Тѣло ихъ толсто, голова велика, клювъ нѣсколько вытянутъ, низокъ, но относительно слабъ; верхняя половина его загнута въ видѣ остраго крючка, край челюсти съ слабой выемкой; плюсна по крайней мѣрѣ вдвое длиннѣе средняго пальца и лишь мало оперена ниже пятки, а на остальномъ протяженіи одѣта табличками, образующими пояски; лапа коротка, но не слаба и вооружена крѣпкими, большими и острыми когтями; крылья коротки; хвостъ широкъ и длинень.

Самый извѣстный видъ этого рода **Гвіанскій перепелятникъ** (*Morphnus guianensis, Falco guianensis. Sperberadler. Aigle-autour huppé*). Длина его равна 70 см., размахъ крыльевъ 150—154, длина крыла 40—42, а хвоста 30 см. Замѣчательно рыхлое опереніе, похожее на опереніе совъ, удлиняется на задней части головы въ перистый хохоль длиною въ 15 см. и измѣняется съ возрастомъ птицы. По словамъ принца фонъ Видъ, голова, шея, грудь, брюхо, гузка и бедра бѣлыя безъ пятенъ, лишь мѣстами какъ-бы запачканы желтымъ цвѣтомъ; перья спины, плечъ и кроющія перья крыльевъ блѣдно-сѣро-красноватыя, такъ какъ отдѣльныя перья здѣсь имѣютъ очень тонкія сѣро-красноватыя поперечныя пятнышки, точки и мраморный рисунокъ; маховыя перья черно-бурыя съ узкими сѣро-красноватыми поперечными полосами; хвостовыя перья разрисованы такимъ-же образомъ. Нельцельтъ, напротивъ, полагаетъ, что такое опереніе свойственно молодымъ птицамъ, а съ возрастомъ птица становится темнѣе. Тогда, по его словамъ, голова и горло темно-бурыя, затылокъ, спина, верхняя сторона, крылья, нижняя часть шеи и грудь зеленовато-черныя, а верхнія кроющія перья хвоста съ неправильными бѣлыми поперечными полосами и каемками на концѣ.

Принцъ фонъ Видъ, Шомбурггъ и Бурмейстеръ сообщаютъ намъ кое-что относительно мѣстопребыванія и образа жизни этой, все еще мало извѣстной птицы. Изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ, что гвіанскій перепелятникъ распространенъ по большей части Южной Америки и держится въ прибрежныхъ лѣсахъ и въ оазисахъ степей, а всего охотнѣе у береговъ рѣкъ. Его можно видѣть описывающимъ

въ воздухѣ круги и легко узнать по ослѣпительно-бѣлому оперенію, которое рѣзко выдѣляется на темно-голубомъ небѣ. По Шомбургку, онъ отличается и своимъ громкимъ крикомъ. Для отдыха онъ выбираетъ сухія вершины высокихъ деревьевъ, остается здѣсь, не двигаясь, цѣлые часы и по временамъ поднимаетъ свой красивый хохоль. Охотится онъ за млекопитающими и птицами. Принцъ фонъ Видъ нашелъ въ желудкѣ одного изслѣдованнаго имъ гвіанскаго перепелятника остатки сумчатыхъ и узналъ отъ охотниковъ, что эта птица особенно охотится за обезьянами. Гнѣздо строится, по Шомбургку, на не слишкомъ высокихъ деревьяхъ.

Гвіанскій перепелятникъ. *Morphnus guianensis*. 1/5 част. вел.

Охота на гвіанскаго перепелятника представляетъ трудности, благодаря высокимъ деревьямъ, и удается почти исключительно стрѣлкамъ изъ винтовокъ и индѣйцамъ. «Два сильныхъ индѣйца изъ племени Камакая», рассказываетъ принцъ фонъ Видъ, «убили недалеко отъ берега рѣки гвіанскаго перепелятника стрѣлою въ то время, какъ онъ сидѣлъ на своемъ большомъ гнѣздѣ, устроенномъ изъ прутьевъ, на высочайшихъ вѣтвяхъ большого дерева. Длинная толстая стрѣла попала ему въ нижнюю часть горла, тѣмъ не менѣе онъ былъ доставленъ мнѣ совершенно живымъ. Вѣроятно это смѣлая сильная птица, такъ какъ раненый сильно

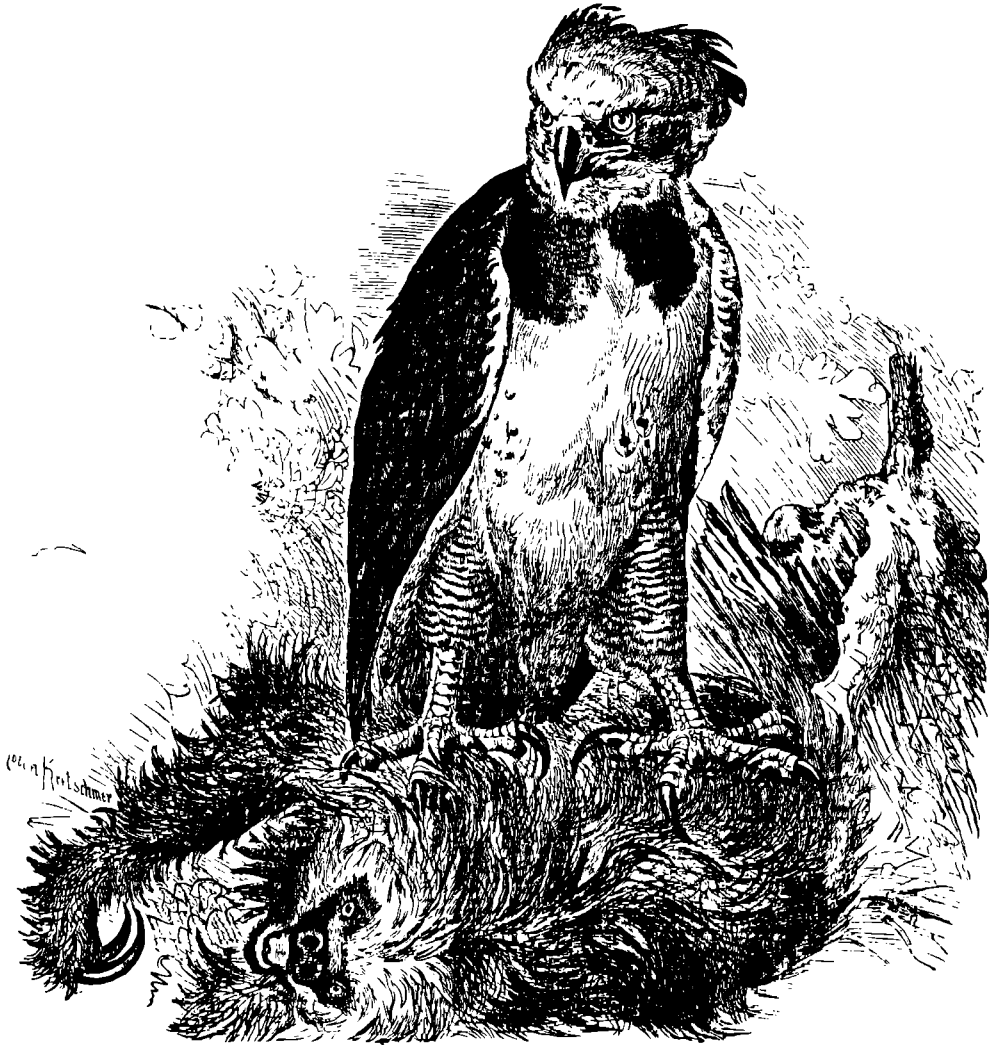
защищался лапами и клювомъ. Къ сожалѣнію, невозможно было приказать индѣйцамъ подняться къ гнѣзду, такъ какъ нельзя было найти никого для этого рискованнаго предпріятія».

* *
* *

Извѣстное родство съ только-что описанной хищной птицею обнаруживаетъ самый сильный изъ ястребовъ, живущихъ въ Южной Америкѣ, *Гарпія* (*Thrasaetus harpyia*, *Harpyia destructor*, *ferox* и *maxima*, *Falco destructor* и *cristatus*, *Vultur*, *Morphnus* и *Asturina harpyia*. *Harpyie. Grande Harpye*). Тѣло ея очень дюжее, голова большая, вооруженіе замѣчательно сильное, клювъ необыкновенно высокій и крѣпкій, съ сильно закругленной спинкой и заостреннымъ краемъ, который образуетъ изгибъ подъ ноздрями и тупой зубецъ передъ ними; ноги толще, чѣмъ у всѣхъ другихъ хищныхъ птицъ; лапы очень длинны и каждый изъ длинныхъ пальцевъ вооруженъ еще чрезвычайно большимъ, толстымъ и сильно согнутымъ когтемъ; плюсна сзади до пятки голая, спереди оперена до середины, а на голыхъ мѣстахъ одѣта большими чешуйками въ видѣ таблицъ. Крыло, которое въ сложенномъ положеніи не достаетъ до середины хвоста, коротко и закруглено, какъ и хвостъ; пятое маховое перо длиннѣе всѣхъ остальныхъ. Опереніе обильное и мягкое, почти какъ у совъ; на затылкѣ оно удлинняется въ длинный и широкій хохолъ, который можетъ подниматься. Голова и шея сѣраго цвѣта, удлинненные перья на затылкѣ, вся спина, крылья, хвостъ, верхняя часть груди и бока тѣла шиферно-чернаго цвѣта; хвостовыя перья съ тремя поперечными бѣловатыми полосками; нижняя часть груди и гузка бѣлаго цвѣта; остальная нижняя часть имѣетъ черныя капли на бѣломъ фонѣ; голени на такомъ же фонѣ покрыты черными волнистыми полосками. Клювъ и когти чернаго цвѣта, ноги желтыя; глаза красно-желтые. Въ молодости цвѣтъ, въ общемъ, болѣе тусклый; перья спины съ сѣрыми поперечными полосками; грудныя и брюшныя перья съ черными пятнами. Чѣмъ чище цвѣта, тѣмъ старше птицы. По Чуди, длина гарпіи равняется 1 м., длина крыла 55 см., а хвоста 34 см. Бурмейстеръ приводитъ еще большіе размѣры. Средній палецъ длиною 8 см., задній 4 см.; но послѣдній снабженъ когтемъ, который имѣетъ въ длину 8 см., если мѣрить по дугѣ, а коготь средняго пальца, измѣренный такимъ же образомъ, равенъ 4 см.

Начиная отъ Мексики и до середины Бразиліи и отъ Атлантическаго океана до Тихаго, гарпія встрѣчается, повидимому, въ каждомъ болѣе или менѣе обширномъ лѣсу. Въ горахъ она населяетъ однако лишь болѣе глубокія и болѣе теплыя долины; на высоты она не поднимается. Тамъ, гдѣ она встрѣчается, это хорошо извѣстная хищная птица, пользующаяся съ незапамятныхъ временъ большимъ уваженіемъ и о жизни которой издавна существуютъ различныя басни. Уже первые путешественники, которые описывали Америку, а особенно ея животныхъ, упоминаютъ объ этой птицѣ и каждый старается рассказать о ней совершенно невѣроятныя вещи. Такъ, Фернандецъ рассказываетъ, что гарпія, которая будто-бы почти такой величины, «какъ овца», даже прирученная, нападаетъ на человѣка по самому ничтожному поводу, постоянно дика и раздражительна, но тѣмъ не менѣе можетъ быть полезной, такъ какъ ее легко можно дрессировать для охоты. Модуитъ дополняетъ это указаніе тѣмъ, что увѣряетъ, будто-бы одного удара клюва гарпіи достаточно, чтобы раздробить черепъ человѣка, и въ его описаніи проглядываетъ, что эта хищная птица очень часто пускаетъ въ дѣло свою силу. Только позднѣйшіе наблюдатели, д'Орбини, Чуди и Шурламакъ, которые подробно описываютъ жизнь гарпіи, не дозволяютъ себѣ преувеличеній. Отъ нихъ мы узнаемъ въ краткихъ чертахъ слѣдующее.

Гарпія населяетъ влажныя, богатые водою лѣса южной Америки въ указанныхъ предѣлахъ и преимущественно берега рѣкъ; д'Орбиньи увѣряетъ, что онъ никогда не видалъ гарпіи внутри лѣсовъ, т. е. вдали отъ рѣкъ. Она встрѣчается всюду, но нигдѣ не попадаетъ часто, вѣроятно лишь потому, что ея перья съ незапамятныхъ временъ составляютъ крайне цѣнное украшеніе у индѣйцевъ, и ее поэтому сильно преслѣдуютъ. Кромѣ времени спариванія ее всегда наблюдаютъ

Гарпія. *Thrasaëtus harpyia*. С наст. вел.

по одиночкѣ, какъ будто-бы она боится, что даже другая птица изъ пары помѣшаетъ ей на охотѣ. Подобно ястребу, ее рѣдко можно видѣть на высокихъ деревьяхъ, напротивъ, она сидитъ на нижнихъ вѣтвяхъ. Отсюда она поднимается сначала вертикально вверхъ короткимъ, порывистымъ, но быстрымъ, какъ стрѣла, полетомъ, кружить нѣсколько минутъ и, если ей посчастливится высмотрѣть добычу, съ силой бросается внизъ на нее. Говорятъ, что она вовсе не пулива и очень близко подпускаетъ къ себѣ человѣка; однако это относится, вѣроятно, лишь къ

тѣмъ лѣсамъ, въ которыхъ она имѣетъ мало случаевъ познакомиться со своимъ самымъ страшнымъ, если не единственнымъ врагомъ.

Насколько можно заключить изъ различныхъ указачій, гарпія не пренебрегаетъ никакимъ высшимъ позвоночнымъ животнымъ, если только оно не слишкомъ сильно и велико. Нѣкоторые наблюдатели склонны думать, что она нападаетъ лишь на млекопитающихъ и именно главнымъ образомъ на обезьянъ и лѣнивцевъ; но Чуди наблюдалъ, что она ревностно преслѣдуетъ также птицъ. «Ни одной хищной птицы»,—говоритъ онъ,—«индѣйцы не боятся такъ, какъ гарпію. Ея величина, мужество и отвага дѣйствительно дѣлаютъ ее однимъ изъ самыхъ опасныхъ враговъ плантацій Перу, и потому, гдѣ только ее увидятъ, она подвергается самому ожесточенному преслѣдованію. Во многихъ лѣсныхъ странахъ, для индѣйцевъ совершенно невозможно держать птицъ или маленькихъ собакъ, такъ какъ эта ненасытная хищная птица уноситъ ихъ съ изумительной смѣлостью. Мы видѣли, какъ одна гарпія бросилась около индѣйца, стоявшаго едва въ трехъ шагахъ отъ своихъ куръ, на одну изъ нихъ и унесла ее. Въ лѣсахъ она находитъ обильную пищу среди пелелопъ и скрытохвостыхъ куръ, но производитъ значительныя опустошенія и среди бѣлокъ, двуутробокъ и обезьянъ. Если стадо этихъ послѣднихъ, а особенно капуциновъ, почуветъ близость гарпіи, то обезьяны поднимаютъ жалобный крикъ, убѣгаютъ по возможности все на одно дерево и стараются спрятаться въ самой густой листвѣ. Эти безпомощныя животныя могутъ противопоставить своимъ врагамъ лишь жалобные крики». Макузи увѣряли Шомбургка, что гарпія величайшій врагъ ревуновъ, что она уноситъ косуль и даже дѣтей, охотится также на лѣнивцевъ и кусками отрываетъ этихъ послѣднихъ отъ вѣтви, къ которой они прицѣпились. Что послѣднее указаніе очень нуждается въ подтвержденіи, мнѣ едва-ли нужно упоминать.

Гнѣздо, по словамъ Шомбургка, находится на высочайшихъ деревьяхъ, по величинѣ равняется гнѣзду миктеріи и, по словамъ индѣйцевъ, употребляется въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ сряду. Вѣрнаго описанія яицъ я не знаю.

Д'Орбюньи рассказываетъ, что индѣйцы очень часто вынимаютъ гарпію изъ гнѣзда, выкармливаютъ и держатъ въ неволѣ, единственно затѣмъ, чтобы добывать драгоценныя перья болѣе легкимъ способомъ, чѣмъ путемъ охоты за старыми птицами. Индѣецъ, у котораго есть живая гарпія, пользуется уваженіемъ со стороны другихъ и поэтому очень счастливъ. Кормить птицу и таскать ее во время странствованія по лѣсамъ выпадаетъ на долю женщинъ. Коль скоро содержимыя въ неволѣ гарпіи получаютъ окончательную окраску, начинается ихъ мученіе: два раза въ годъ хозяинъ вырываетъ у каждой изъ нихъ перья хвоста и крыльевъ, чтобы украшать ими свои стрѣлы или сдѣлать себѣ головной уборъ. Перья эти составляютъ одинъ изъ самыхъ важныхъ предметовъ мѣнливой торговли у индѣйцевъ, и нѣкоторые племена, извѣстныя, какъ искусные охотники за гарпіями, получаютъ за нихъ все, что цѣнится вообще индѣецъ. Въ Перу счастливому охотнику достается еще особенное вознагражденіе. «Если индѣйцу посчастливится убить гарпію», говоритъ Чуди, «то онъ идетъ съ нею изъ хижины въ хижину и собираетъ дань въ видѣ яицъ, куръ, майса и тому подобныхъ вещей». У дикарей и европейцевъ, на берегахъ Амазонки, мясо, жиръ и пометъ этой птицы считаются, по словамъ Пурламака, драгоценными цѣлебными средствами.

Живыхъ гарпіи неразъ привозили въ Европу, именно въ Лондонъ, Амстердамъ и Берлинъ. Какъ я убѣдился на основаніи собственныхъ наблюденій, это дѣйствительно гордые, величественныя птицы. Хотя о поведеніи ихъ въ клѣткѣ существуютъ различныя рассказы, но лучше всего ограничиться приводимымъ ниже

разказомъ Пурламака. «Музей въ Рио-де-Жанейро получилъ съ Амазонской рѣки молодую гарпію, которая едва могла летать; теперь ей уже 8 лѣтъ и по величинѣ она равняется индюку. Въ своей клѣткѣ она остается иногда въ полнѣйшемъ покоѣ, поднявъ голову кверху, пристально смотря вдаль и дѣйствительно кажется тогда величественной; но по большей части она безпокойно бѣгаетъ взадъ и впередъ по жердямъ. Если пролетитъ какая-нибудь птица, то выраженіе ея становится дикимъ; она дѣлаетъ оживленныя движенія и при этомъ сильно кричитъ. Въ ярости она достаточно сильна, чтобы гнуть желѣзныя прутья своей клѣтки. Несмотря на продолжительную неволю, она не стала ручной, не обнаруживала склонности къ своему сторожу и разъ даже нанесла ему незначительную рану въ плечо. По отношенію къ постороннимъ зрителямъ она дика, и если кто неосторожно приблизится къ ней, то подвергается ея нападеніямъ. Если ее дразнятъ палками и зонтиками, то она тотчасъ-же мститъ тѣмъ, что схватываетъ ихъ когтями и съ яростью разламываетъ. По отношенію къ животнымъ она проявляетъ необузданную ярость. Когда разъ къ ея клѣткѣ неосторожно приблизилась собака, она тотчасъ втащила ее въ клѣтку и разорвала на части; то же сдѣлала она и съ однимъ молодымъ дикобразомъ. Она нападаетъ и на птицъ того-же вида. Когда разъ ей пустила въ клѣтку другую живую гарпію, обѣ тотчасъ приняли боевое положеніе. Старшая поднялась на верхнюю жердь и расширила крылья, младшая прислонилась къ стѣнѣ въ такой же позѣ. Въ это время сторожъ бросилъ въ клѣтку курицу, на которую съ дикой жадностью бросилась молодая гарпія. Старшая тотчасъ напала на нее, вырвала у нея курицу и взлетѣла съ нею на свою жердь. Новая гарпія издала крикъ, зашаталась, изъ ея клюва показалась кровавая слизь и она упала мертвой. При изслѣдованіи оказалось, что ея сердце было пронзено.

«Голодъ этой птицы ненасытенъ, и ея хищность такъ велика, что она нападаетъ на всѣхъ животныхъ, четвероногихъ и птицъ, которыми можетъ овладѣть, и пожираетъ ихъ съ костями. Она нуждается въ чрезвычайно большомъ количествѣ пищи: когда она была еще молода, она въ одинъ день съѣла поросенка, индюка, курицу и кусокъ бычачьяго мяса. Она не пренебрегаетъ ничѣмъ; лишь особенно лакомые кусочки она откладываетъ иногда на нѣсколько часовъ. Живыхъ животныхъ она предпочитаетъ мертвымъ. Если ея жертва грязна или гнила, то она бросаетъ ее сначала въ сосудъ съ водою, чтобы вымыть ее. Несмотря на свою силу, она осторожна при нападеніяхъ. Сильныхъ птицъ она схватываетъ когтями за клювъ, такъ что тѣ не могутъ сопротивляться. Во время ѣды она громко кричитъ и хлопаетъ крыльями. Этотъ крикъ пронзителенъ и почти оглушительенъ, между тѣмъ какъ въ невозбужденномъ состояніи гарпія только пищитъ, какъ цыпленокъ. При сильномъ голодѣ она шипитъ. Послѣ ѣды она чиститъ клювъ и ноги; пометъ она отбрасываетъ далеко отъ себя, нисколько не пачкаясь при этомъ.

«Какъ на замѣчательный фактъ, слѣдуетъ еще указать на то, что она линяетъ въ теченіи всего года».

* *

Обыкновенный **Ястребъ** считается типическою птицею рода, распространеннаго по всѣмъ частямъ свѣта и названнаго по этому представителю (*Accipiter. Sp. ber. Eregvieg*). Вытянутое тѣло съ маленькой головою и изящнымъ клювомъ съ очень острыми краями, короткими крыльями, длиннымъ, прямо усѣченнымъ хвостомъ и очень высокими тонкими плюснами съ тонкими, длинными пальцами, вооруженными крайне острыми когтями—таковы главнѣйшіе признаки ястребовъ. Опереніе старыхъ и молодыхъ окрашено и разрисовано очень сходно.

Среди родственныхъ имъ хищныхъ птицъ ястреба—самыя ловкія и смѣлыя. Въ остальномъ они обладаютъ всѣми качествами лучшихъ представителей семейства.

Ястребъ-Перепелятникъ (*Accipiter nisus* и *nisosimilis*, *Astur nisus* и *major*, *Nisus communis*, *fringillarius*, *elegans*, *peregrinus* и *fringillarum*, *Falco nisus*, *Sparvius* и *Buteonius*, *Daedalion* и *Jerax fringillarius*, *Sperber*, *Epervier commun*) принадлежитъ къ числу меньшихъ видовъ семейства. Длина его равна 32 см., размахъ крыльевъ 64, длина крыла 20, длина хвоста 15 см. Значительно болѣе крупная самка на 8—9 см. длиннѣе и на 12—15 см. больше въ размахѣ крыльевъ. У старыхъ птицъ вся верхняя сторона черновато-пепельно-сѣрая, нижняя сторона бѣлая съ ржаво-красными волнистыми линиями и ржаво-красными стержневыми черточками; цвѣтъ послѣднихъ у самца обыкновенно ярче, чѣмъ у самки; хвостъ съ 5—6 черными поперечными полосками и бѣлой каймой на концѣ. Молодые птицы сверху сѣро-бурая, снизу бѣлая, на горлѣ и передней части шеи съ бурными продольными черточками, на брюхѣ и голенахъ съ поперечными пятнами. Клювъ голубой, восковица желтая, радужная оболочка золотисто-желтая, ноги блѣдно-желтыя.

На Балканскомъ полуостровѣ, а также внутри Россіи къ перепелятнику присоединяется, а мѣстами и замѣняетъ его **Коротконогія ястребъ** (*Accipiter brevipes*, *sphaenurus*, *badius* и *gurneyi*, *Nisus brevipes*, *Astur brevipes*, *Micronisus brevipes* и *badius*, *Kurzfangsperber*, *Epervier à courtes pattes*). Онъ отличается отъ перепелятника болѣе сильнымъ клювомъ и лапами, болѣе короткими плюснами и пальцами, болѣе темнымъ опереніемъ верхней стороны, приближающимся къ шиферно-голубому цвѣту, частыми пятнами на нижней сторонѣ, особенно въ области зоба, и болѣе узкими и изящными полосами на хвостѣ; одноцвѣтные крылья острѣе, чѣмъ у германскаго вида.

Въ Европѣ перепелятникъ, повидимому, водится вездѣ, а также и въ большей части Средней Азіи онъ, вѣроятно, осѣдлая птица. Онъ гнѣздится, какъ въ Лапландіи и вообще въ сѣверной Скандинавіи, такъ и въ Греціи, начиная отъ Амура, по всей Средней Азіи и Европѣ до Мадейры и слѣдовательно водится во всей палеарктической области. Соответственно характеру лѣсовъ онъ чаще встрѣчается въ Европѣ, чѣмъ въ Азіи, но и здѣсь водится въ каждой области, которая до нѣкоторой степени удовлетворяетъ его требованіямъ. Осенью и онъ предпринимаетъ перелетъ, слѣдуя болѣе за вьюрками, чѣмъ за жаворонками; эти перелеты приводятъ его отъ насъ въ сѣверную Африку, а изъ Азіи въ Индію. Въ странахъ, лежащихъ по Нилу, онъ, по словамъ Рюппеля, достигаетъ Кордофана; однако я никогда не наблюдалъ его далѣе на югъ, чѣмъ до средней Суданіи. Въ Египтѣ, Алжирѣ, Марокко, но также уже на трехъ южныхъ европейскіихъ полуостровахъ онъ обыкновененъ въ теченіи всей зимы; изъ сѣверо-восточной Африки онъ совершенно исчезаетъ въ началѣ весны; напротивъ, въ Алжирѣ и на Канарскихъ островахъ онъ, по словамъ натуралистовъ, выводитъ птенцовъ. То же относитъ къ Малой Азіи и Персіи, гдѣ онъ, по крайней мѣрѣ въ сѣверной части страны, повидимому извѣстенъ каждому. Въ Индіи онъ, по словамъ Жердона, постоянный зимній гость, появляется въ началѣ октября и снова удаляется въ концѣ февраля или началѣ марта. Онъ живетъ въ лѣсахъ всякаго рода, именно въ рощахъ, охотнѣе всего въ такихъ, которыя находятся въ гористыхъ странахъ, но вовсе не боится человѣка, напротивъ, охотно селится въ непосредственной близости отъ дере-

вень и городовъ. По крайней мѣрѣ онъ правильно посѣщаетъ ихъ осенью и зимою, охотится даже въ маленькихъ садахъ внутри большихъ городовъ, ежедневно появляется, если ему разъ удалось достать здѣсь добычу, въ опредѣленные часы и иногда не даетъ себѣ даже труда унести добычу, а поѣдаетъ ее въ укромномъ мѣстечкѣ въ непосредственной близости отъ жилыхъ построекъ.

«Перепелятникъ», говоритъ мой отецъ, который очень подробно и точно описалъ его: «прячется большую часть дня и появляется лишь тогда, когда хочетъ охо-

Истребъ-перепелятникъ. *Accipiter nisus*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

таться. Несмотря на короткія крылья, онъ летаетъ легко, быстро и очень ловко; ходитъ онъ, напротивъ, подпрыгивая и неловко. Онъ настолько же боязливъ передъ человекомъ, какъ деревокъ и безстрашенъ по отношенію къ болѣе крупнымъ птицамъ. Бѣхштейнъ приписываетъ бѣлую отвагу самцу, Науманъ—самкѣ, но оба ошибаются: и тотъ, и другая одинаково храбры. Правда, самка сильнѣе и можетъ съ успѣхомъ выдержать битву, въ которой самецъ былъ-бы побѣжденъ. Такъ, мнѣ пришлось однажды видѣть замѣчательное зрѣлище передъ моимъ окномъ. Самка перепелятника поймала воробья и унесла его за заборъ моего сада, едва въ 10 шагахъ отъ моего жи-

лица, чтобы съѣсть его здѣсь. Я замѣтилъ это изъ окна и не сталъ мѣшать. Когда перепелятникъ не управился еще и наполовину, прилетѣла ворона, чтобы отнять у него добычу. Перепелятникъ расправилъ крылья и закрылъ ими свою добычу. По послѣ того, какъ ворона нѣсколько коразъ бросалась на него, онъ взлетѣлъ, держа воробья въ одной лапѣ, ловко повернулся на лету такъ, что спина его почти была обращена къ землѣ, и такъ сильно схватилъ ворону свободной лапой за грудь, что она принуждена была улетѣть. Но и самецъ обнаруживаетъ такую же дерзость, какъ и самка и, подобно ей, появляется въ деревьяхъ».

Съ дерзостью перепелятникъ соединяетъ замѣчательное присутствіе духа и хитрость. Это настоящій прототипъ бродячаго вора или разбойника на большой дорогѣ, и по своему образу дѣйствій онъ существенно отличается отъ всѣхъ остальныхъ европейскихъ соколиныхъ птицъ, за единственнымъ исключеніемъ его коротконолагаго родича и тетеревятника. Его движенія, которыя, конечно, вполне соответствуютъ его короткимъ крыльямъ и длинному хвосту, позволяютъ съ увѣренностью узнать его на всякомъ разстояніи. Только, если онъ хочетъ перелетѣть изъ одной части лѣса въ другую и долженъ пронестись черезъ открытое поле, онъ летитъ прямо, поочередно то подвигая себя нѣсколькими быстро слѣдующими другъ за другомъ ударами крыльевъ, то паря съ распущенными крыльями; обыкновенно онъ держится опушки лѣса или края кустарника и описываетъ постоянно изгибы самаго различнаго вида. Въ лѣсу можно иногда видѣть его летящимъ надъ верхушками деревьевъ, но гораздо чаще между ними и подъ ними. Въ кустахъ или у изгородей онъ скользитъ надъ самой землею, подстерегая добычу, вдругъ дѣлаетъ поворотъ и бросается сквозь вѣтви, пролетаетъ вдоль другой стороны ряда кустовъ, проносится надъ самыми ихъ верхушками, снова дѣлаетъ поворотъ, всегда внезапно появляется около самыхъ птицъ, сидящихъ среди вѣтвей, круто поднимается вверхъ и, какъ стрѣла, бросается на намѣченную добычу. Болѣе, чѣмъ какая-либо другая хищная птица, онъ умѣетъ притвориться. Уже Науманъ рассказываетъ, что онъ, чтобы обмануть мелкихъ птицъ перенимаетъ иногда полетъ сойки; Гомейеръ наблюдалъ то же самое. На концѣ длиннаго ряда деревьевъ, состоящаго по крайней мѣрѣ изъ 20 дубовъ, показалась птица и полетѣла, какъ сойка, отъ дерева къ дереву, оставаясь на каждомъ короткое время. Это поведеніе настолько походило на поведеніе соекъ, что Гомейеръ только потому продолжалъ слѣдить глазами за птицей, что на дубахъ не было еще зрѣлыхъ плодовъ, а потому для соекъ не было никакого повода обыскивать ихъ верхушки. Съ нѣкоторымъ изумленіемъ Гомейеръ узналъ въ этой птицѣ перепелятника. Хитрый разбойникъ приближался болѣе и болѣе къ послѣдному дубу, на которомъ сидѣлъ рой мелкихъ птицъ. Наконецъ разбойникъ вдругъ сбросилъ свою маску, какъ молнія кинулся на безобидную стаю и черезъ мгновеніе улетѣлъ оттуда съ окровавленной жертвой въ лапахъ.

Если хищность перепелятника разъ возбуждена, онъ забываетъ все вокругъ себя, не обращаетъ вниманія ни на людей, ни на собакъ и кошекъ, схватываетъ и уноситъ намѣченную добычу около самаго наблюдателя, бросается со свистомъ надъ самой головою сидящаго человѣка, такъ что почти задѣваетъ его крыльями, схватываетъ жертву почти безъ промаха и исчезаетъ съ нею, прежде чѣмъ успѣешь хорошенъко опомниться. Перепелятниковъ очень часто ловили внутри домовъ или даже въ вѣдушихся экипажахъ: они такъ жадно преслѣдовали добычу, что забывали обо всемъ остальномъ. Нѣсколько времени тому назадъ рассказывали, что одинъ перепелятникъ, преслѣдуя птицу, влетѣлъ въ желѣзно-дорожный вагонъ на полномъ ходу и былъ пойманъ. Птицы, сидяція въ клѣткахъ передъ окнами или за ними,

такъ же мало застрахованы отъ нападенія перепелятника, какъ и живущія на свободѣ. Не обращая вниманія на оконныя стекла, онъ бросается на клѣтки, разбиваетъ, иногда съ опасностью для жизни съ размаха стекло и, не заботясь о крикѣ обитателей комнаты, бросается на птицу. «Однажды», рассказываетъ Шахтъ, «я выставилъ клѣтку съ щегленкомъ, служившимъ приманкой, въ саду около самой изгороди. Когда я подошелъ туда въ полдень, чтобы снова унести птицу домой, и былъ занятъ сниманіемъ палочки, намазанной клеемъ, вдругъ на стоящую у моихъ ногъ птицу бросился перепелятникъ и съ дикой поспѣшностью нѣсколько разъ облетѣлъ клѣтку. Такой смѣлости я еще не встрѣчалъ. Опѣломленный этимъ, я бросилъ въ дерзкаго хищника прутомъ, такъ какъ у меня не было въ рукахъ никакого другаго оружія. Къ сожалѣнію, я промахнулся и перепелятникъ благополучно улетѣлъ. Даже, если въ него стрѣляютъ изъ ружья, это не всегда удерживаетъ его отъ нападенія. Роведеръ выстрѣлилъ крупной дробью въ летящаго перепелятника, который послѣ выстрѣла сталъ, кружась, падать съ распростертыми крыльями, но на разстояніи около 5 м. надъ землею онъ упалъ на широкую вѣтвь бука, зацѣпился здѣсь ногою и провисѣлъ около двухъ минутъ внизъ головою, полураспустивъ крылья, какъ въ судорогахъ, и не дѣлая ни одного движенія. «Когда затѣмъ онъ нѣсколько поднялъ голову и сдѣлалъ движеніе крыльями», говоритъ рассказчикъ, «я принялъ это за начало предсмертныхъ судорогъ, повѣсилъ ружье на плечо и взялъ въ руку шляпу, чтобы поймать въ нее умирающаго. Онъ отцѣпился, но вмѣсто того, чтобы упасть, расправилъ крылья, отлетѣлъ и, прежде чѣмъ я успѣлъ приготовиться къ выстрѣлу, въ его когтяхъ находился уже кричащій скворецъ, съ которымъ онъ торжественно улетѣлъ, какъ будто-бы ничего не случилось. Вѣроятно одна изъ крупныхъ дробинъ, которыми я зарядилъ ружье для охоты на самца косули, ударила его въ клювъ и, не причинивъ другихъ поврежденій, на короткое время оглушила его». У охотника, стрѣляющаго мелкихъ птицъ, онъ нерѣдко уноситъ подстрѣленную дичь. Тачановскій увѣряетъ даже, что для того, чтобы приманить перепелятника, достаточно сдѣлать выстрѣлъ изъ ружья. Я долженъ сказать, что и я часто видѣлъ послѣ выстрѣла приближающагося перепелятника, но не считалъ возможнымъ сдѣлать такой выводъ, какъ только что упомянутый авторъ.

Перепелятникъ самый страшный врагъ мелкихъ птицъ, но вовсе не рѣдко онъ отваживается нападать и на болѣе крупныхъ. Отъ сѣрой куропатки до королька ни одна птица, повидимому, не безопасна отъ его нападеній; мелкими млекопитающими онъ тоже не пренебрегаетъ. Смѣлость его иногда по истинѣ безпримѣрна. Случалось наблюдать, что онъ нападалъ на домашнихъ пѣтуховъ и не разъ видѣли, что онъ бросался на зайцевъ. Однако казалось, что онъ хотѣлъ при этомъ лишь въ шутку напугать этихъ боязливыхъ животныхъ. Нѣкоторые наблюдатели, которые очень хорошо знаютъ его и его характеръ, хотѣли опровергнуть тотъ фактъ, что онъ убиваетъ голубей и сѣрыхъ куропатокъ. Снѣль увѣряетъ, что никогда не видѣлъ, чтобы перепелятникъ осмѣлился напасть на голубей.

«Правда», говоритъ онъ, «голуби обращаются въ бѣгство, когда перепелятникъ устремляется туда, гдѣ они находятся. Но сколько разъ я ни наблюдалъ это, перепелятникъ всегда бросался мимо голубей на дворъ или изгородь сада за воробьями, которые находились тамъ. Разъ одинъ изъ нихъ сидѣлъ даже на выступѣ крѣши лишь на нѣсколько метровъ ниже летнаго отверстія моей голубятни. Но навѣрное его привела туда лишь охота за воробьями». Въ общемъ, это можетъ быть и вѣрно, но я все же знаю нѣсколько несомнѣнныхъ случаевъ, когда перепелятники, и именно самки, умерщвляли голубей, и знаю также, что они

схватывали сърыхъ куропадокъ. Последнее подтверждаетъ Гомейеръ, первое Циттвицъ; что они нападаютъ на мелкихъ англійскихъ куръ, за это ручается Тобиасъ.

«Мой отецъ», пишетъ мнѣ Рейхеновъ, «добылъ разъ на одной изъ своихъ охотъ сърую куропатку, не употребляя въ дѣло собаки, пороха и свинца. На разстояніи около 100 шаговъ поднялось стадо куропадокъ и почти въ то же время въ середину тѣсно скупившейся стаи бросился перепелятникъ-самка. Съ куропаткой въ лапахъ перепелятникъ направился на находившуюся недалеко оттуда межу и прикончилъ здѣсь свою добычу. Мой отецъ спокойно подождалъ, пока перепелятникъ убилъ куропатку, и подкрался, прикрываясь склономъ межи, на довольно близкое разстояніе къ тому мѣсту, гдѣ долженъ былъ сидѣть перепелятникъ, схватилъ камень и съ крикомъ бросилъ его въ хищника; этимъ онъ такъ испугалъ перепелятника, что тотъ оставилъ куропатку и улетѣлъ. Я самъ однажды въ Ведларѣ помѣшалъ громкимъ крикомъ перепелятнику-самкѣ схватить голубя, котораго онъ уже догналъ». У перепелятника, конечно, нѣтъ недостатка въ мужествѣ и хищности для того, чтобы броситься на каждую дичь, которую онъ расчитываетъ какимъ-нибудь образомъ одолѣть: онъ отваживается нападать, повидимому безцѣльно, даже на животныхъ, могущихъ хорошо защищаться. «Я шелъ разъ по своему лѣсу и слѣдилъ за цаплей, которая спокойно пролетала надъ самыми деревьями. Вдругъ изъ густыхъ вѣтвей одного изъ послѣднихъ деревьевъ бросился перепелятникъ, мгновенно схватилъ испуганную цаплю за шею и оба со страшнымъ крикомъ унади внизъ. Я подбѣжалъ тотчасъ къ нимъ, но перепелятникъ замѣтилъ меня слишкомъ рано, онъ испугался, выпустилъ цаплю и обѣ птицы спокойно полетѣли въ разные стороны. Я очень хотѣлъбы знать, чѣмъ окончилась бы эта неравная битва, еслибы я не помѣшалъ. Одолѣлъ ли бы маленький, безумно смѣлый хищникъ цаплю и дѣйствительно умертвилъ ли бы ее?» Если можно принять, что тѣ перепелятники, которые бросаются на болѣе крупныхъ млекопитающихъ, хотятъ лишь напугать ихъ, то все же должно думать, что на болѣе мелкихъ, величиною до бѣлки, перепелятникъ нападаетъ лишь затѣмъ, чтобы съѣсть ихъ. Мюллеръ долгое время наблюдалъ, спрятавшись, за перепелятникомъ, который повторялъ свои нападенія на бѣлку, причемъ она подвергалась смертельной опасности.

Для мелкихъ птицъ, именно въюрковъ, воробьевъ, синицъ, скворцовъ и дроздовъ перепелятникъ особенно опасенъ тѣмъ, что, захватывая ихъ всегда врасплохъ, онъ дѣлаетъ спасеніе почти невозможнымъ, ловить такъ же хорошо летящихъ птицъ, какъ и сидящихъ, и во время своей охоты даже бѣгаетъ вслѣдъ за вспугнутой добычею.

«Одинъ перепелятникъ-самецъ, котораго я наблюдалъ», говоритъ мой отецъ, «преслѣдовалъ у изгороди воробья. Этотъ послѣдній, хорошо сознавая, что онъ погибъ, если взлетитъ, бѣгалъ взадъ и впередъ сквозь тонкую изгородь. Перепелятникъ преслѣдовалъ его нѣкоторое время, прыгая по землѣ съ возможной быстротою, пока наконецъ, утомленный безплодной охотою, не усьлся на сливное дерево, на которомъ и былъ застрѣленъ».

Всѣ мелкія птицы знаютъ и очень боятся своего страшнѣйшаго врага. «Воробьевъ», говоритъ Науманъ, «страхъ передъ нимъ загоняетъ въ мышиныя норы и всѣ остальные птицы стараются подобнымъ образомъ спастись, какъ только могутъ». Нѣкоторыя поступаютъ при этомъ съ немалой сообразительностью. Онѣ описываютъ тѣсные круги вокругъ древесныхъ вѣтвей и стволовъ, причемъ перепелятникъ, несмотря на свою ловкость, не можетъ такъ скоро слѣдовать за ними;

благодаря этому, онѣ немного опережаютъ его и съ быстротою молніи бросаются въ густой кустарникъ. Другія, при появленіи хищника, бросаются на землю, прижимаются къ ней, лежатъ неподвижно и часто остаются незамѣченными; короче, каждый изо всѣхъ силъ старается спастись. Только сидящаго перепелятника птицы, по наблюденіямъ моего отца, не боятся, и даже остаются иногда долгое время на томъ деревѣ, которое онѣ избрала для отдыха. Самыя проворныя изъ мелкихъ птицъ преслѣдуютъ злодѣя съ громкимъ крикомъ и тѣмъ обращаютъ на него вниманіе мелкихъ птицъ и дѣлаютъ ихъ осторожными. Особенно деревенскія ласточки часто портятъ ему охоту, и онѣ хорошо знаютъ, сколько вреда онѣ причиняютъ ему; если онѣ приблизятся къ нему, онѣ взвиваются въ высоту, описываютъ, паря, нѣсколько круговъ и затѣмъ улетаетъ къ лѣсу, навѣрное съ сильной злобой въ сердцѣ на то, что докучливыя птицы такъ быстры. При нападеніяхъ онѣ нерѣдко даетъ промахъ; но зато если посчастливится, онѣ схватываетъ и сразу двухъ птицъ. Пойманную добычу онѣ уносятъ въ укромное мѣсто, вырываетъ у нея большія перья и затѣмъ, не торопясь, съѣдаетъ ее. Кости, перья и волосы онѣ выбрасываетъ обратно въ видѣ погадокъ. Молодыя птицы, еще не вылетѣвшія изъ гнѣзда, и именно такія, которыя выводятся на землѣ, принадлежатъ къ любимой пищѣ перепелятника, но онѣ не падитъ и яйцъ. «29 мая», рассказываетъ Гинцъ, «мой пастухъ пришелъ и сказалъ, что нашелъ наканунѣ гнѣздо куропатки съ 22 яйцами, но что сегодня ихъ лишь 20, и что онѣ видѣлъ маленькаго перепелятника, который взлетѣлъ недалеко отъ гнѣзда. Я тотчасъ пошелъ туда и нашелъ еще 19 яйцъ въ гнѣздѣ. Я спрятался и едва простоялъ четверть часа, какъ появился перепелятникъ, опустился около гнѣзда и тотчасъ улетѣлъ. Въ гнѣздѣ оказалось однимъ яйцомъ меньше. По прошествіи часа онѣ снова появился и снова улетѣлъ съ яйцомъ. Но, несмотря на все вниманіе, я не могъ замѣтить, какимъ образомъ онѣ уносилъ яйца, въ лапахъ или въ клювѣ».

Голосъ перепелятника слышенъ рѣдко, обыкновенно лишь у гнѣзда. Это быстро слѣдующіе другъ за другомъ «ки ки ки» или медленное «кэк кэк». Первый крикъ служить, повидимому, предостереженіемъ. Гнѣздо находится въ чащахъ или въ молодыхъ лѣсахъ, рѣдко высоко надъ землею; оно, по возможности, хорошо скрыто и помѣщается, если можно, на хвойныхъ деревьяхъ близко отъ ствола. Въ Скандинавіи перепелятникъ иногда гнѣздится, говорятъ, на скалахъ, а по другому указанію, иногда выводитъ птенцовъ въ дуплахъ деревьевъ. И то и другое едва ли вѣрно и скорѣе основано на неточныхъ наблюденіяхъ, притомъ-же это вовсе не соответствуетъ характеру перепелятника, который сидитъ всегда на деревьяхъ или на землѣ. Онѣ любитъ такія мѣстности, гдѣ поле и лѣсъ чередуются между собою; здѣсь онѣ выбираетъ для постройки гнѣзда чащу или молодой лѣсъ, расположенный, по возможности, вблизи отъ полей или даже отъ деревень, и если онѣ разъ далъ себѣ трудъ построить гнѣздо, то выводитъ въ немъ птенцовъ изъ году въ годъ, а если у него похитить весною яйца, то кладетъ ихъ два раза въ одинъ годъ. Гнѣздо различно, смотря по мѣстности и обстоятельствамъ. Иногда оно состоитъ лишь изъ сухихъ еловыхъ, сосновыхъ и березовыхъ вѣтокъ и построено такъ плохо, что его скорѣе можно принять за гнѣздо вяхири, чѣмъ за гнѣздо хищной птицы; въ другихъ случаяхъ оно построено изъ слоевъ названныхъ веществъ, мха, листьевъ и земли, аккуратно выложено внутри прутьями, корнями и волосами, а также выстлано нѣсколькими пушистыми перьями самки и представляетъ въ такомъ случаѣ дѣйствительно красивую постройку. Между 10 мая и 20 іюня въ немъ находятъ 3—5 не очень большихъ, довольно гладкихъ яйцъ различной формы, величины и цвѣта, съ толстой скорлупою; обыкновенно на извест-

ково-бѣломъ, болѣе или менѣе сѣроватомъ или зеленоватомъ фонѣ на нихъ замѣчаются красно-бурая, глиняно-красная и сѣро-голубая, отчетливая или неясная, большія и мелкія пятна и точки, иногда частыя, иногда очень рѣдкія. Самка высиживаетъ одна, сидитъ очень усердно и обнаруживаетъ чрезвычайную любовь къ яйцамъ, не оставляетъ ихъ даже, если ее нѣсколько разъ потревожатъ, и старается всѣми силами оборонять ихъ при нападеніяхъ. Оба родителя въ изобиліи приносятъ птенцамъ пищу; однако лишь самка умѣетъ надлежащимъ образомъ раздирать ее на куски. Наблюдали, что молодые перепелятники, у которыхъ была убита мать, умирали отъ голода при обильной пищѣ, такъ какъ отецъ не умѣлъ приготовить ее такъ, чтобы они могли ее ѣсть. Послѣ вылета родители долго еще кормятъ птенцовъ, водятъ и учатъ ихъ.

Болѣе крупные благородные сокола и тетеревятникъ безъ колебанія сѣдуютъ перепелятника, если могутъ овладѣть имъ; болѣе мелкія птицы проявляютъ свою ненависть по крайней мѣрѣ тѣмъ, что преслѣдуютъ его. Человѣкъ всюду является врагомъ этого крайне вреднаго хищника, гдѣ только познакомится съ нимъ. Эта хищная птица не заслуживаетъ никакой пощады, а лишь постояннаго и безпощаднаго преслѣдованія. Не будетъ лишнимъ посовѣтовать употреблять противъ нея всякія средства. Но не всѣ такъ думаютъ. У многихъ народовъ Азіи перепелятникъ еще и теперь высоко цѣнятся въ качествѣ охотничьей птицы и имѣетъ поэтому много друзей. «Въ южномъ Уралѣ», говоритъ Эверманъ. «его употребляютъ для охоты больше, чѣмъ какого-либо изъ соколовъ, но главнымъ образомъ лишь для охоты на перепеловъ. Лѣтомъ выкармливаютъ птенцовъ, дрессируютъ ихъ, употребляютъ осенью для охоты и затѣмъ отпускаютъ на свободу. Ихъ не стоитъ кормить въ теченіи зимы, такъ какъ весной можно достать столько молодыхъ, сколько нужно. Для охоты выкармливаютъ только болѣе крупныхъ самокъ; мелкихъ самцовъ отпускаютъ на волю, такъ какъ они для охоты не годятся». Точно такъ-же, какъ на Уралѣ, перепелятниковъ вынашиваютъ и въ Персіи и Индіи и употребляютъ съ большимъ успѣхомъ. «Охота на воробьевъ», замѣчаетъ Сентъ-Джонъ, «одно изъ любимѣйшихъ лѣтнихъ удовольствій въ Персіи, когда погода слишкомъ жаркая для охоты, требующей напряженія. Мелкую добычу вспугиваютъ главнымъ образомъ около оросительныхъ канавъ и бросаютъ ястреба прежде, чѣмъ улетающія птицы достигнутъ безопаснаго убѣжища. Перепелятникъ рѣдко даетъ промахъ и преслѣдуетъ воробьевъ съ такимъ рвеніемъ даже въ мышиныхъ норкахъ и другихъ убѣжищахъ, что часто бываетъ трудно вытащить его оттуда обратно и такимъ образомъ случается терять цѣнныхъ ловчихъ птицъ. Хорошій перепелятникъ ловитъ 15—20 воробьевъ въ часъ. Его попятливость удивительна. Уже черезъ недѣлю послѣ поймки его можно употреблять для охоты, правда, привязавъ къ длинному шнуру. Достаточно запясться имъ нѣсколько дней, чтобы настолько приручить его, что онъ и безъ веревки возвращается къ хозяину. Самокъ употребляютъ преимущественно для охоты на перепеловъ». Какъ мы узнаемъ отъ Жердова, перепелятника и его родича *Besra* (*Accipiter virgatus*.) высоко цѣнятъ всѣ индѣйскіе соколятники. Обоихъ часто ловятъ въ сѣть для хищныхъ птицъ и дрессируютъ на куронокъ, перепелокъ, бекасовъ, голубей, а особенно на мейнъ. Они оказываютъ хорошія услуги особенно въ джунгляхъ и вознаграждаютъ трудъ, затраченный на ихъ дрессировку. Забавную исторію рассказываетъ Раде. На югѣ Кавказа, и именно въ области источниковъ Евфрата, жило въ горахъ племя курдовъ, которое и теперь еще занимается соколиной охотою и старшина котораго употреблялъ для охоты, въ качествѣ ловчихъ птицъ, особенно хорошо дрессированныхъ тетеревятниковъ, перепе-

лятниковъ и орловъ-крикуновъ. У этого старшины Радде увидѣлъ хищную птицу, въ которой по цвѣту и строенію тѣла нельзя было не узнать перепелятника, но у которой очевидно былъ хвостъ пустельги. Такъ какъ о помѣси нечего было и думать, то необходимо было найти естественное объясненіе этой, столь странной формы; оно оказалось слѣдующимъ. Перепелятникъ настолько растрепалъ свой хвостъ, что не могъ пользоваться имъ во время охоты. Старому начальнику курдовъ пришла тогда въ голову счастливая мысль искусственно придѣлать перепелятнику хвостъ пустельги. Старыя истрепанныя хвостовыя перья были обрѣзаны у очина, а новыя воткнуты въ образовавшіяся такимъ образомъ чехлы и смазаны очень клейкимъ, скоро твердѣющимъ сахарнымъ сиропомъ. Искусственный хвостъ вполне замѣнялъ потомъ перепелятнику на охотѣ настоящій.

Кто самъ держалъ перепелятника въ неволѣ, долженъ признать искусство азіатскихъ соколятниковъ. Эти хищныя птицы вовсе не пріятныя плѣнники; ихъ пугливость, дикость и обжорство просто отвратительны. Ленцъ приводитъ примѣръ прожорливости, на который я хочу указать въ заключеніе, такъ какъ онъ характеризуетъ нравъ птицы. «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я досталъ самку перепелятника, которая такъ яростно преслѣдовала овсянку въ колючемъ кустѣ, что залетала въ немъ и была поймана. Я тотчасъ связалъ ей концы крыльевъ вмѣстѣ и посадилъ его въ комнату, гдѣ собралось 11 человекъ, на которыхъ онъ смотрѣлъ сверкающими глазами. Я принесъ шесть молодыхъ воробьевъ и пустилъ одного изъ нихъ на полъ, воробей побѣжалъ и перепелятникъ тотчасъ бросился на него, схватилъ, задушилъ его когтями и усѣлся на своей добычѣ, которую сильно сжималъ, пристально смотря на общество. Такъ какъ онъ не хотѣлъ при насъ ѣсть, то мы ушли прочь, и когда вернулись черезъ 10 минутъ, воробей былъ съѣденъ. То же случилось и съ двумя слѣдующими воробьями; но четвертого, которого онъ такъ-же яростно задушилъ, какъ и остальныхъ, онъ съѣлъ лишь на половину, когда мы возвратились, давъ ему, какъ всегда, для ѣды 10 минутъ. Тѣмъ не менѣе онъ такъ-же жадно схватилъ и 5-го и опять черезъ 10 минутъ 6-го, хотя и не могъ съѣсть ихъ, такъ какъ его зобъ былъ полонъ». Совершенно такъ-же поступалъ и другой, только что пойманный перепелятникъ. «Однажды», пишетъ мнѣ Либе, «мнѣ принесли перепелятника, который, бросившись на птицу, прилипъ къ прутьямъ, намазаннымъ клеемъ, и такимъ образомъ попалъ въ неволю. Моя жена, которая взяла перепелятника у торговца птицами, по неосторожности дала свирѣпому злодѣю поранить себя и въ испугѣ выпустила его. Но вмѣсто того, чтобы летѣть въ окно на свободу, хищникъ бросился на одну изъ моихъ клѣтокъ съ птицами и сталъ кидаться на находившихся тамъ птицъ съ такой слѣпой яростью, что я снова могъ взять его съ клѣтки, къ которой онъ прицѣпился».

Я часто держалъ перепелятниковъ въ неволѣ долгое и короткое время, но никогда не могъ вступить въ дружбу съ ними. Правда, я не имѣлъ возможности убѣдиться, что они убиваютъ даже другихъ перепелятниковъ, какъ это дѣлаетъ тетеревиатникъ съ членами своего собственнаго семейства, но зато я и не запиралъ вмѣстѣ столько перепелятниковъ, чтобы имѣть возможность рѣшить этотъ вопросъ. Вѣроятно я не буду несправедливъ къ нимъ, если предположу, что они такъ-же кровожадны, какъ и ихъ болѣе крупный родичъ, тетеревиатникъ. Въ душевномъ отношеніи оба настолько же родственны, какъ и въ тѣлесномъ; поэтому оба ведутъ себя и въ неволѣ совершенно сходно. Уда-ли надо упоминать, что перепелятниковъ еще труднѣе держать въ неволѣ, еще труднѣе кормить, чѣмъ тетеревиатника. Для него, самаго лакомого изъ всѣхъ германскихъ хищныхъ птицъ, конина, почти единственная пища четвероногихъ и пернатыхъ хищниковъ въ большей части зоологическихъ садовъ, кажется отпра-

тительной, и если голодъ очень мучить его и принуждаетъ ѣсть такую необычную пищу, то послѣ каждаго куска перепелятникъ съ досадою точить клювъ, какъ-бы желая выразить, что сочное мясо мелкихъ вьюрковъ, жаворонковъ и пѣвчихъ птицъ имѣетъ совсѣмъ другой вкусъ, чѣмъ мясо благороднаго коня. Нечего удивляться, что при такомъ кормѣ эта хищная птица видимо хирѣетъ, и если не разобьетъ себѣ раньше голову объ рѣшетку, то рано или поздно навѣрное погибнетъ отъ неестественной пищи.

* * *

Тетеревятникъ, Утятникъ (*Astur palumbarius, indicus, gallinarum, paradoxus* и *brachyrhynchus, Falco palumbarius, albescens, dubius, gallinarius, naevius, incertus, marginatus, tigrinus* и *longipes, Accipiter astur, Daedalion* и *Sparvius palumbarius, Habicht, Ерervier-autour*) не только по имени, но и по характеру своему ястребъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Отличительные признаки рода **Тетеревятниковъ** (*Astur*), представителемъ котораго онъ служитъ, въ существенныхъ чертахъ тѣ же, что и у перепелятниковъ; однако послѣдніе отличаются отъ нихъ плотнымъ тѣломъ, болѣе длиннымъ клювомъ, закругленнымъ хвостомъ и болѣе сильными ногами.

Тетеревятникъ большая, сильная хищная птица длиною 55 см. и 1,1 м. въ размахѣ крыльевъ, при длинѣ крыла въ 31 см. и длинѣ хвоста въ 22 см. Значительно болѣе и болѣе сильная самка на 12—15 см. длинѣе и на 15—18 см. больше въ размахѣ крыльевъ, чѣмъ самецъ. Въ окончательномъ опереніи верхняя сторона тѣла черновато-сѣро-бурая, съ большимъ или меньшимъ голубымъ налетомъ; нижняя сторона бѣлая, каждое перо разрисовано буро-черными стержневыми черточками и волнистыми линиями. Клювъ рогового чернаго цвѣта, восковица блѣдно-желтая, глаза ярко-желтые, ноги желтыя. Въ одеждѣ молодыхъ верхняя сторона тѣла бурая, каждое перо съ ржаво-желтымъ краемъ и пятнами; нижняя сторона ржаво-красноватая, позднѣе ржаво-бѣловатая, съ бурыми продольными пятнами. Клювъ, глаза, ноги и восковица блѣднѣе, чѣмъ у старыхъ птицъ. Уклоненія рѣдки; впрочемъ очень свѣтло окрашенныхъ тетеревятниковъ и альбиносовъ наблюдали неоднократно.

Область распространенія тетеревятника простирается по большей части Европы и Средней Азіи; въ предѣлахъ этихъ странъ онъ однако встрѣчается вовсе не вездѣ, а если и встрѣчается, то не одинаково часто. Въ Великобританіи онъ принадлежитъ къ столь рѣдкимъ явленіямъ, что случаи появленія его тщательно занесены въ зоологическія сочиненія. На Исландіи и Ферерскихъ островахъ его вовсе нѣтъ. Напротивъ, онъ населяетъ Скандинавію, насколько она покрыта лѣсомъ, Данію, Голландію, Германію и Францію, всю Австрію, страны по Дунайскимъ низменностямъ, Россію отъ сѣвера до юга, Малую Азію и сѣверную Персію, сѣверную и среднюю Испанію въ качествѣ птицы, выводящей птенцовъ, но въ самыхъ южныхъ странахъ онъ гораздо рѣже, чѣмъ въ Германіи. На сѣверѣ Америки его замѣняетъ очень близкій родичъ, **Черноголовый ястребъ** (*Astur atricapillus, Schwarzkopfhabicht, Ерervier d'Amérique*).

Въ Германіи онъ представляетъ обыкновенное явленіе въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ, и тамъ, гдѣ нѣтъ тщательнаго присмотра за охотою, скорѣе увеличивается въ числѣ, чѣмъ уменьшается; въ другихъ областяхъ происходитъ противоположное. Такъ, говорятъ, что въ Браденбургѣ онъ сталъ рѣдокъ, между тѣмъ какъ въ восточной Тюрингіи встрѣчается чаще, чѣмъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Въ ноябрѣ онъ тоже начинаетъ копчевать, но его едва ли можно считать настоящей перелетной птицею, хотя, судя по моимъ собственнымъ наблюденіямъ,

онъ перекочевываетъ до сѣвернаго Египта. Но это случается всегда рѣдко и неправильно и даже на южныхъ полуостровахъ онъ является не каждую зиму. Я не могу опредѣлить, остается-ли на родинѣ одинъ полъ болѣе другаго, какъ это бываетъ у другихъ соколиныхъ птицъ; но я могу сказать, что въ Германіи зимою наблюдаютъ и убиваютъ, какъ самцовъ, такъ и самокъ. То же самое относится къ Азіи. На югѣ этой части свѣта онъ встрѣчается, по Жердону, постоянно, хотя всегда по одиночкѣ, лишь на Гиммалайскихъ горахъ, а если и замѣчаютъ одного изъ нихъ на равнинѣ, то это считается исключеніемъ. Гдѣ тетереватникъ разъ

Тетереватникъ *Astur palumbarius*. Молодой самецъ. наст. вел.

поселился, оттуда его трудно прогнать, если условія до нѣкоторой степени благоприятны для его жизни. Онъ требуетъ густой древесной заросли, въ которой онъ можетъ пользоваться покоемъ и легко хватать добычу; онъ едва-ли дѣлаетъ различіе между краснолѣсьемъ и лиственнымъ лѣсомъ и особенно любитъ такіе лѣса, которые чередуются съ полями и лугами, но все-же чаще встрѣчается въ значительныхъ лѣсахъ, чѣмъ въ болѣе мелкихъ.

По моему мнѣнію описаніе этой хищной птицы, данное моимъ отцомъ, остается до настоящаго времени самымъ лучшимъ; оно послужитъ поэтому основой послѣдующаго изложенія и лишь мѣстами я буду вставлять болѣе новыя и важныя наблюденія.

Тетеревятникъ одинокая, необщительная хищная птица, которая лишь во время спариванія и вывода птенцовъ держится вмѣстѣ съ другой птицей; это крайне необузданный, дикій, дерзкій, быстрый, сильный и при этомъ хитрый и пугливый хищникъ. Полетъ его всегда быстръ, а когда онъ бросается на добычу, онъ летитъ порывисто и шумно и часто паритъ. При этомъ онъ обыкновенно нѣсколько расширяетъ свой длинный хвостъ. Наблюдатель, до нѣкоторой степени опытный, легко отличаетъ его на всякомъ разстояніи отъ всѣхъ мѣстныхъ хищныхъ птицъ, можетъ быть лишь за исключеніемъ перепелятника-самки; относительно короткія крылья и длинный хвостъ, которые дѣлаютъ его похожимъ на лету на дикаго голубя, составляютъ отличительные признаки его, помимо значительной величины. Если онъ летитъ изъ одной части лѣса въ другую и, особенно въ гористыхъ мѣстностяхъ, стремится отъ одной возвышенности къ другой, то онъ летитъ на значительной высотѣ, приблизительно на 200—400 м. надъ землею; обыкновенно же онъ скользитъ, какъ кустовые хищники, низко надъ землею, держась лѣсныхъ опушекъ и рядовъ кустовъ, часто пересекая группы деревь и кустарники или пролетая надъ самыми верхушками ихъ. Едва ли какая-нибудь другая птица изъ соколинныхъ обнаруживаетъ во время полета столько разнообразія въ движеніяхъ, какъ тетеревятникъ, который соединяетъ быстроту съ рѣзкими и неожиданными поворотами, стремительность движенія съ ловкостью, изумительною въ такой большой птицѣ. Онъ часто быстро поднимается вверхъ, нѣкоторое время паритъ, описывая круги, внезапно бросается внизъ, съ величайшей увѣренностью пролетаетъ сквозь густыя деревья и то поднимается, то опускается. На землѣ и онъ недовонокъ, обыкновенно прыгаетъ и лишь рѣдко ходитъ. Садясь на дерево, онъ всегда выбираетъ нижнія вѣтви и помѣщается по возможности ближе къ стволу. Никогда не видѣлъ его сидящимъ на скалахъ и стѣнахъ; на дома въ деревняхъ онъ, говорятъ, иногда опускается. Голосъ его сильный, далеко слышный, противный крикъ, который однако слышится нечасто. Отъ злости или досады тетеревятникъ издаетъ протяжное «ивіэ», радуясь добычѣ — «ивіэ ивіэ», при спариваніи — «гэк гэк гэк» и затѣмъ быстро слѣдующіе другъ за другомъ «кык кык»; въ страхѣ онъ издаетъ или «віэ віэ» или тихое «вис вис».

Тетеревятника можно видѣть въ движеніи и дѣятельности во всякое время дня, даже въ полуденные часы, которые большинство остальныхъ хищныхъ птицъ посвящаютъ отдыху. Онъ довольно правильно облетаетъ большую область и долгое время возвращается изо дня въ день на то мѣсто, гдѣ ему разъ посчастливилось. Его изумительное обжорство принуждаетъ его охотиться почти непрерывно: подобно перепелятнику, онъ рѣдко дѣйствительно сытъ, а всегда голоденъ или по крайней мѣрѣ кровожаденъ. Онъ охотится за всѣми птицами, отъ дрохвъ и глухарей до маленькихъ въюрковъ, и за всѣми млекопитающими, которыхъ надѣется одолѣть. Онъ бросается на зайца, чтобы умертвить его, поднимаетъ съ земли злую ласку и уноситъ съ гнѣзда бѣлку, онъ разбойничаетъ среди летящихъ и сидящихъ животныхъ, плавающихъ птицъ и бѣгущихъ млекопитающихъ и даже вытаскиваетъ свою добычу изъ убіжищъ. Величайшій страхъ охватываетъ животныхъ, которыя знаютъ, что онъ опасенъ для нихъ; они часто такъ пугаются, что остаются на мѣстѣ, неподвижно устремивъ глаза и, какъ говоритъ Пауманъ, «проливаютъ кровь въ его когтяхъ, прежде чѣмъ рѣшатся искать спасенія въ бѣгствѣ или прижавшись къ землѣ». Хищность его можно лишь сравнить съ его дерзостью, а оба эти качества — съ его кровожадностью: онъ никому не даетъ пощады. На сѣверѣ и востокѣ Германіи отъ него страдаютъ всѣ тетеревины, отъ глухаря до бѣлой куропатки; онъ страшенъ сѣрымъ куропаткамъ, дикимъ и домашнимъ голубямъ, ди-

кимъ и домашнимъ уткамъ, а во многихъ лѣсныхъ деревняхъ онъ самый опасный врагъ домашнихъ птицъ вообще. Подобно перепелятнику, онъ всегда захватываетъ добычу врасплохъ и потому почти всегда достигаетъ цѣли. «Оболю деревенскихъ жилищъ», совершенно справедливо пишетъ Альтумъ, «онъ такъ-же неожиданно, какъ на окраинѣ лѣса, со свистомъ проносится черезъ крышу низкаго строенія или въ промежуткѣ между двумя постройками, съ быстротою молніи схватываетъ на дворѣ одну изъ домашнихъ куръ или голубя и исчезаетъ съ ними прежде, чѣмъ успѣешь хорошенько узнать нежданнаго гостя».

За домашними голубями онъ охотится постоянно и одна пара тетеревинокъ можетъ въ нѣсколько мѣсяцевъ опустошить самую богатую голубятню. Замѣтивъ тетеревирика, голуби поспѣшно обращаются въ бѣгство; но онъ съ быстротою молніи бросается въ косвенномъ направленіи за ними и старается схватить одного изъ нихъ, причеиъ обыкновенно бросается на него сверху. Это происходитъ безъ замѣтнаго движенія крыльевъ съ далеко вытянутыми лапами и нѣсколько сложенными крыльями, но съ такой быстротою, что сопровождается шумомъ, который можно слышать на разстояніи 100 – 150 шаговъ. «Однажды», рассказываетъ мой отецъ, «я былъ на полѣ и увидѣлъ тетеревирика, парившаго надъ высокой горою. На разстояніи четверти часа пути отъ него, глубоко въ долину, стоя голубей спокойно отыскивала кормъ. Едва онъ замѣтилъ голубей, какъ бросился косвенно внизъ на разстояніи болѣе 1000 м. Но и голуби замѣтили его заблаговременно; они съ возможной быстротою подлетали уже къ голубятнѣ, когда онъ пролетѣлъ половину пути. На это онъ, повидимому, не рассчитывалъ, такъ какъ при своемъ паденіи спустился слишкомъ низко, чтобы имѣть возможность долетѣть до нихъ. Онъ поднялся, взлетѣлъ въ середину стаи и хотѣлъ схватить одного голубя, который однако ловкимъ поворотомъ избѣжалъ хищника и счастливо достигъ голубятни». Если ему не удастся добыть голубей, преслѣдуя ихъ, то онъ прибѣгаетъ къ хитрости. «Въ моемъ помѣстьѣ въ Подоліи», рассказываетъ графъ Водзицкій, «было разведено много голубей и скоро голубятни оказались переполненными. Большое число голубей скоро привлекло изъ окрестностей всѣхъ тетеревинокъ и соколовъ, такъ какъ птицы, какъ извѣстно, извѣщаютъ другъ друга объ опасности и такимъ же образомъ приглашаютъ другъ друга на пиръ. Мои голуби стали подвергаться такимъ преслѣдованіямъ и такъ уменьшились въ числѣ, что не отваживались болѣе летать въ поле и отыскивали пищу между постройками. Приобрѣтенная голубями опытность побудила хищныхъ птицъ къ большей хитрости. Голуби очень рѣдко оставляли свои убѣжища и, всегда бродя по землѣ, никогда не уходили далеко отъ двора. Эта странная игра продолжалась болѣе недѣли. Хищныя птицы принуждены были удалиться; только два хитрыхъ тетеревирика умѣли ежедневно добывать пищу съ помощью разсудительной охоты. Одинъ изъ нихъ сидѣлъ по цѣлымъ часамъ, нахохливъ перья, довольно хорошо спрятавшись на соломенной крышѣ, не двигаясь и видимо подражая посадкѣ совы. Голуби скоро становились довѣрчивѣе, садясь на ту же крышу, а злодѣй не трогался, но когда птицы слетали или прилетали, онъ, какъ стрѣла, бросался на нихъ и рѣдко оставался безъ добычи, съ которою онъ каждый разъ улеталъ въ садъ, зная по опыту, что тамъ не стрѣляютъ, такъ какъ они лежатъ между зданіями. Второй тетеревирикъ еще болѣе умный, смѣлый и хитрый, чѣмъ первый, ежедневно прилеталъ въ одинъ и тотъ же часъ, пугалъ птицъ въ голубятнѣ и затѣмъ устривалъ настоящую охоту съ загономъ. Онъ садился па дощечку, которая вела ко входу въ голубятню, обѣгалъ вокругъ голубятни, становился затѣмъ, распуская крылья, па одну сторону ея и до тѣхъ поръ стучалъ по доскамъ, танцуя на

одномъ мѣстѣ, пока наконецъ не выгонялъ голубя, котораго тотчасъ и начиналъ преслѣдовать».

Очень понятенъ и основателенъ тотъ смертельный страхъ, который охватываетъ при его появленіи всѣхъ тѣхъ птицъ, которымъ онъ угрожаетъ. Лишь только онъ показывается, во всемъ птичьемъ мірѣ начинается тревога. Голуби или куры, которыхъ онъ схватываетъ, но которыхъ освобождаютъ отъ него, продолжаютъ неподвижно сидѣть на землѣ, позволяютъ человѣку брать ихъ руками или убѣгаютъ въ какое-нибудь укромное мѣсто и цѣлые дни и недѣли не забываютъ перенесеннаго испуга. Сильныя куры, собирая послѣднія силы, бѣгутъ съ хищникомъ на спящій въ домъ, какъ-бы желая искать защиты у человѣка, и только храбрыя вороны, которымъ тоже приходится жестоко терпѣть отъ него, отваживаются надолѣдать ему.

Точно также усердно, какъ птицъ, преслѣдуетъ онъ и млекопитающихъ. «Молодыхъ зайцевъ», говоритъ мой отецъ, «онъ одолеваетъ легко, а на старыхъ нападаетъ по опредѣленному плану. Именно, когда заяцъ ищетъ спасенія въ бѣгствѣ, онъ нѣсколько разъ ударяетъ его клювомъ, а когда заяцъ раненъ и утомленъ, онъ хватается его лапами и постепенно умерщвляетъ его клювомъ и когтями. Эта битва продолжается обыкновенно долгое время, и я знаю примѣръ, что заяцъ нѣкоторое время катался вмѣстѣ съ ястребомъ по землѣ и послѣдній все-таки не выпустилъ его, хотя ему часто приходилось лежать подъ зайцемъ. Одинъ мой пріятель, человѣкъ достойный довѣрія, убилъ изъ засады однимъ выстрѣломъ сразу зайца и тетеревику въ то время, какъ послѣдній бросился на перваго». На сѣверѣ, а особенно въ Скандинавіи, онъ убиваетъ больше млекопитающихъ, чѣмъ у насъ. Такъ напримѣръ, онъ слѣдуетъ за стадами пеструшекъ, такъ какъ онѣ легче всего достаются ему въ добычу.

Если возможно, тетеревику вовсе не довольствуется одною жертвою, а сначала убиваетъ столько птицъ, сколько можетъ поймать, затѣмъ спокойно ѣстъ ихъ. Такъ, Розенталь видѣлъ, какъ тетеревику въ теченіи часа унесъ изъ гнѣзда, одну за другою, пять воронъ, почти способныхъ уже летать, несмотря на защиту собравшихся старыхъ воронъ, а Вильдбургъ наблюдалъ одного, который унесъ изъ гнѣзда ворона всѣхъ трехъ птенцовъ, послѣ того какъ воронъ-самецъ былъ застрѣленъ. Съ ненасытнымъ хищничествомъ и кровожадностью ястребъ этотъ соединяетъ дерзость и страсть къ лакомству. Онъ нѣсколько разъ сряду посѣщаетъ тотъ дворъ, на которомъ досталъ разъ добычу, совершенно не заботясь о мѣрахъ, которыя человѣкъ принимаетъ, чтобы встрѣтить его. Ни одна хищная птица не уклоняется лучше его отъ всѣхъ преслѣдованій. Внезапность его появленія не только постоянно доставляетъ ему добычу, но также и безопасность. «Онъ унесъ у меня», сердито жалуется Ризенталь, «съ уединеннаго лѣснаго двора въ короткое время 60 цыплятъ и старыхъ куръ. Онъ уносилъ ихъ на моихъ глазахъ, когда я былъ безъ ружья, съ огороженнаго двора, такъ что я бросалъ въ него камнями и палками; онъ никогда не показывался, если со мною было ружье, хотя-бы я поджидалъ его цѣлые часы, но едва я входилъ въ домъ, какъ шумъ на птичьемъ дворѣ повѣщивалъ мнѣ о новомъ разбоѣ, и я могъ видѣть, какъ онъ улеталъ съ цыпленкомъ. Конечно онъ слѣдилъ за мною изъ ближняго лѣса». Я не знаю, вѣрно-ли послѣднее предположеніе, но я считаю возможнымъ утверждать, что тетеревику внимательно наблюдаетъ за человѣкомъ и точно отличаетъ опаснаго для него охотника отъ крестьянина. Все его поведеніе характеризуетъ вора, выжидающаго удобнаго момента, который подкрадывается ко двору, гдѣ онъ неразъ уже былъ, и полагается на свою хитрость и проворство, а также и на свое чрезвычай-

ное присутствіе духа. Съ этимъ согласуется то, что онъ всегда охотнѣе беретъ болѣе слабыхъ животныхъ, напримѣръ, молодыхъ куръ, чѣмъ болѣе старыхъ, а также, что онъ, какъ по крайней мѣрѣ увѣряетъ Альтумъ, прежде всего хватается изъ множества животныхъ тѣхъ, которыя бросаются въ глаза своимъ цвѣтомъ, и что онъ охотится обыкновенно за отдѣльнымъ животнымъ, нѣсколько отдѣлившимся отъ стада, что, впрочемъ, дѣлаютъ всѣ соколиныя птицы. Если онъ голоденъ или возбужденъ продолжительнымъ преслѣдованіемъ, а можетъ быть и обезкураженъ рядомъ неудачныхъ нападеній, то онъ забываетъ всякую осмотрительность, преслѣдуя спасающагося отъ него голубя, залетаетъ даже внутрь дома или влетаетъ въ окно, бросается на птицу въ клѣтку; даже, какъ наблюдалъ Нордманъ въ Финляндіи, уносить птицу, служащую приманкой, вмѣстѣ съ клѣткою, отлетаетъ съ необыкновенной ношею шаговъ на 100, опускается на землю и вытаскиваетъ птицу сквозь рѣшетку. На дворахъ его случалось ловить руками на схваченной имъ курицѣ, накрывать корзинами, прогонять ударами палки. Левисъ разсказалъ недавно еще объ одномъ такомъ случаѣ. Замѣчательно то, что онъ большой лакомка. Гдѣ у него есть выборъ, онъ всегда бросается лишь на самую вкусную дичь. Это доходитъ до того, какъ пишетъ мнѣ Мейеринкъ, что въ мѣстностяхъ, богатыхъ дичью, особенно тамъ, гдѣ много фазановъ и сѣрыхъ куропатокъ, его иногда нельзя поймать въ ловушку, если посадить въ качествѣ приманки голубя, и, напротивъ, онъ попадаетъ въ нее очень скоро, если посадить туда курицу, фазана или куропатку. Тамъ, гдѣ держать голубей, онъ всегда больше охотится за ними, чѣмъ за курами, хотя ему и легче ловить этихъ послѣднихъ; очевидно онъ поступаетъ такъ только потому, что голуби болѣе нравятся ему, чѣмъ куры.

Причиной необщительности тетеревиатника служитъ, вѣроятно, его немовѣрная хищность. У содержимыхъ въ неволѣ мы чрезвычайно часто наблюдали убійство собственныхъ дѣтенышей и птицъ того-же вида. «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ», разсказываетъ мой братъ, «я велѣлъ поймать на гнѣздѣ и снять съ дерева взрослую самку тетеревиатника съ двумя птенцами, которыхъ я предназначалъ для одного зоологическаго сада. Я помѣстилъ утромъ мать вмѣстѣ съ ея дѣтенышами въ большую клѣтку; послѣ полудня я хотѣлъ дать старой самкѣ пищи, но замѣтилъ, что она уже насытилась и именно мясомъ и кровью собственныхъ птенцовъ. Я нашелъ одного птенца наполовину съѣденнымъ, а другого задушеннымъ. Нѣсколько дней спустя я случилъ пару тетеревиатниковъ тоже съ двумя птенцами. Я заперъ ихъ по-одиночкѣ въ отдѣльныя помѣщенія, обильно кормилъ ихъ и послалъ по назначенію. Здѣсь ихъ помѣстили вмѣстѣ съ годовалой птицей того-же вида, которая находилась уже тамъ. Эта послѣдняя скоро напала на обоеихъ птенцовъ и съѣла ихъ, въ заключеніе напала на старыхъ, одолѣла ихъ и тоже съѣла, но въ свою очередь была съѣдена тетеревиатникомъ, котораго позднѣе посадили къ ней. Одинъ мой пріятель, лѣсничій, увѣрялъ меня, что держалъ однажды 14 тетеревиатниковъ въ большомъ помѣщеніи; несмотря на обильную пищу, они послѣ ужасныхъ битвъ переѣли другъ друга, такъ что осталось лишь два». Я могу дополнить эти данныя, прибавивъ, что въ неволѣ болѣе сильный тетеревиатникъ съѣдаетъ болѣе слабого, даже своего самца, птенца, отца или мать.

Невыразимая ненависть встрѣчаетъ тетеревиатника всюду, гдѣ онъ покажется. Особенно вороны, которыхъ онъ подчасъ схватываетъ, когда онѣ сидятъ, неутомимо преслѣдуютъ его и бросаются на него, обнаруживая полное презрѣніе къ смерти. «Одинъ тетеревиатникъ», продолжаетъ мой отецъ, «котораго преслѣдовали три вороны, пытался иногда схватить одну изъ-нихъ, но онѣ умѣли такъ искусно уклоняться, что ему никогда не удавалось ранить которую-нибудь. Послѣ того,

какъ онѣ нѣкоторое время летали такимъ образомъ вмѣстѣ съ ястребомъ, этотъ послѣдній замѣтилъ на разстояніи 300 шаговъ голубей на крышѣ. Онѣ тотчасъ послѣшили туда и бросился въ косвенномъ направленіи внизъ на разстояніи болѣе 160 м., но возвратился безъ голубя. Вороны были, казалось, совершенно изумлены этимъ нападеніемъ на голубей. Пока тетереватникъ парилъ, онѣ могли очень легко слѣдовать за нимъ, но когда онъ кинулся на голубей, то ни одна изъ нихъ не была въ состояніи сопровождать его. Лишь, когда онъ поднялся снова, онѣ возобновили свои нападенія. Нѣкоторое время онѣ опять гонялись за нимъ; вдругъ онъ бросился по мало наклонной, почти горизонтальной линіи, пролетѣлъ около 200 м., поймалъ голубя и улетѣлъ съ нимъ. Однако вороны своевременно замѣтили его и стали такъ сильно преслѣдовать, что онъ долженъ былъ выпустить голубя и отказаться отъ всякой попытки поймать другого». Вороны вообще единственные птицы, которыя проявляютъ при каждомъ удобномъ случаѣ свою смертельную ненависть къ тетереватнику и доставляютъ ему много хлопотъ. Лишь только онъ показывается, какъ черная толпа скружаетъ его; громкое карканье привлекаетъ все новыхъ и новыхъ помощниковъ и такимъ образомъ вороны иногда совершенно останавливаютъ тетереватника. Это случается особенно тогда, когда онъ улетаетъ съ добычей въ когтяхъ или хочетъ съѣсть ее на землѣ. Въ пылу битвы обѣ стороны иногда совершенно забываютъ обо всемъ окружающемъ. Такъ, 19 мая 1868 г. одинъ тетереватникъ, подвергшійся нападенію воронъ, былъ убитъ охотничьемъ ножомъ помощникомъ лѣсничаго Мюллеромъ, изъ Германс-грюнъ. Привлеченный крикомъ воронъ, Мюллеръ думалъ, что ему удастся спасти жизнь молодому зайцу, на котораго, какъ онъ полагалъ, напали вороны. Онъ осторожно подкрался и увидѣлъ большую хищную птицу, вниманіе которой до такой степени были поглощено окружавшей ее черной стаей, что Мюллеръ могъ приблизиться шаговъ на 10 и бросить въ улетающаго хищника охотничьимъ ножомъ, который онъ между тѣмъ вытащилъ. Случайно клинокъ попалъ тетереватнику въ голову, оглушилъ его и сбилъ на землю, и такимъ образомъ тетереватникъ попалъ въ руки преслѣдователя. Придворный охотникъ Браунъ, которому я обязанъ сообщеніемъ этого замѣчательнаго случая, встрѣтился съ Мюллеромъ тотчасъ послѣ этой странной охоты и видѣлъ самъ тетереватника. Науманъ говоритъ, что хищнику удается иногда схватить одну изъ преслѣдующихъ его воронъ, но такіе случаи могутъ встрѣчаться лишь рѣдко, такъ какъ вороны, охотясь за тетереватникомъ, дѣйствуютъ всегда съ большою осторожностью. Кромѣ воронъ, и наши мелкіе благородные соколы нападаютъ на ненавистную и для нихъ хищную птицу, а ласточки постоянно забавляются тѣмъ, что съ громкимъ предостерегающимъ крикомъ сопровождаютъ его.

Гнѣздо устраивается на самыхъ старыхъ и самыхъ высокихъ деревьяхъ въ лѣсу, но большей части на толстыхъ вѣтвяхъ, около ствола; оно очень велико и плоско, состоитъ внизу изъ самыхъ сухихъ сучьевъ, затѣмъ изъ прутьевъ и сверху выложено зелеными еловыми, пих.овыми и сосновыми вѣтвями, которыя, повидимому, постоянно замѣняются новыми. Собственно лотокъ гнѣзда, очень неглубокая ямка, выложенъ обыкновенно пуховыми перьями самой высиживающей птицы. Шрадеръ замѣчаетъ, что въ Норвегій тетереватникъ гнѣздится на скалахъ, причемъ пользуется иногда ранѣе устроеннымъ гнѣздомъ; однако это указаніе такъ рѣшительно противорѣчитъ привычкамъ этой птицы, что къ нему, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ относиться съ сомнѣніемъ. Разъ построенное гнѣздо служить и на слѣдующій годъ той-же парѣ тетереватниковъ, которые поправляютъ, расширяютъ его и втыкаютъ въ него свѣжія вѣтви. Однако иногда

пара имѣетъ 3 или 4 гнѣзда, которыя строятся на незначительномъ разстояніи одно отъ другаго, и выводятъ въ нихъ птенцовъ, то въ одномъ, то въ другомъ. Уже въ мартѣ, въ прекрасные ясные дни, можно видѣть, какъ обѣ возбужденныя любовью птицы поднимаются винтообразно въ вышину, дѣлая равномерные повороты. Во второй половинѣ апрѣля или въ началѣ мая кладка бываетъ обыкновенно закончена. Она состоитъ изъ 2—4 большихъ, скорѣе продолговатыхъ, чѣмъ круглыхъ, очень вздутыхъ посерединѣ яицъ, съ толстой и шероховатой скорлупою. Они разрисованы по зеленоватому фону рѣдкими желтыми пятнами, но часто бываютъ и лишены пятенъ. Самка высиживаетъ съ горячей преданностью и не оставляетъ гнѣзда даже послѣ того, какъ ее нѣсколько разъ тревожили; иногда она не слетаетъ даже тогда, когда въ гнѣздо стрѣляютъ дробью. Альтумъ констатируетъ такой случай, когда высиживающаго тетеревику не прогналъ съ яицъ даже выстрѣлъ изъ винтовки, который, правда, стесилъ ему лишь нѣсколькихъ хвостовыхъ перьевъ. Оба родителя стараются защищать свое потомство отъ нападений и обнаруживаютъ при этомъ мужество, которое иногда переходитъ просто въ безумную смѣлость. Наблюдали, что они съ жаромъ нападали на людей, которые влѣзали на то дерево, гдѣ находилось гнѣздо; мало того, не разъ случалось, что тетеревику, котораго собственно и не дразнили, нападали во время вывода птенцовъ на людей и даже на лошадей. Птенцы растутъ быстро, но и ѣдятъ невѣроятно много, и обоимъ родителямъ приходится немало трудиться, чтобы утолить ихъ волчій аппетитъ. Гнѣздо превращается въ это время въ настоящую бойню. Оба родителя приносятъ все, что находятъ; по наблюденію одного нашего знакомаго, человѣка вполне достойнаго довѣрія, даже цѣлыя гнѣзда съ находящимися въ нихъ птенцами, именно гнѣзда обыкновенныхъ и черныхъ дроздовъ. Едва-ли слѣдуетъ сомнѣваться въ томъ, что, какъ увѣряли нѣкоторыя лица, болѣе сильныя птицы въ гнѣздѣ, если терпятъ голодъ, нападаютъ на своихъ братьевъ и сѣдаютъ ихъ.

Вслѣдствіе вреда, приносимаго тетеревику, вреда, который нельзя и оцѣнить и который очень часто непосредственно касается человѣка, эту коварную хищную птицу, понятно, ревностно преслѣдуютъ. Къ сожалѣнію, преслѣдованіе ведется однако еще неудовлетворительнымъ образомъ. Слишкомъ мало заботятся о томъ, чтобы отыскивать гнѣзда и истреблять разбойничье потомство, такъ сказать въ зародышѣ, да и старыхъ птицъ преслѣдуютъ еще слишкомъ вяло. Охота за ними не особенно легка, такъ какъ смысленность и хитрость старыхъ тетеревику доставляютъ охотнику много хлопотъ, но тѣмъ лучше вознаграждается ловля ихъ или охота, основанная на томъ, чтобы разумно пользоваться ненавистью тетеревику къ филину. Насколько онъ не любитъ, чтобы другія задорныя птицы нападали на него, настолько же ревностно, горячо и упорно нападаетъ онъ самъ на филина. Своеобразно хлопая крыльями, болѣе порхая, чѣмъ трепеща, онъ приближается къ ненавистной совѣ на разстояніе нѣсколькихъ сантиметровъ, такъ что часто нельзя бываетъ стрѣлять въ него, чтобы не попасть въ филина. Однако, такъ какъ онъ иногда садится на жерди передъ шалашомъ, то его можно безъ труда застрѣлить изъ него, а также легко стрѣлять на гнѣздѣ высиживающихъ самокъ. Въ сѣти и ловушки для хищныхъ птицъ, особенно въ корзину, специально назначенную для ловли тетеревику, можно навѣрное поймать хитрую шельму, если только ловушки хорошо налажены.

Въ неволѣ тетеревику для насъ такая же возбуждающая ненависть птица, какъ и на свободѣ. Его дикость и злоба, неуживчивость и кровожадность скоро дѣлаютъ его въ высшей степени противнымъ. Правда, я никогда не видѣлъ ручнаго тетеревику, а только дикихъ и необузданныхъ, которые при приближеніи чело-

вѣка вели себя, какъ безумные, топтались и бѣсновались въ клѣткѣ, бросались на рѣшетку и при этомъ обдирали перья со лба или разбивали въ кровь крылья, и отъ бѣшенства и злобы не знали, что дѣлать. Что ихъ можно приручать, доказали намъ древніе соколятники, а азіатскіе соколиные охотники доказываютъ и въ настоящее время; но что надо дѣлать, чтобы сломить ихъ упрямство, остается для меня загадкою. Я старался относиться къ взрослымъ тетеревиатникамъ съ довѣрчивой любовью, и труды мои пропали; обращался самымъ дружелюбнымъ образомъ съ молодыми совершенно тщетно. Что я ни дѣлалъ, птицы отвѣчали черною неблагодарностью. — Мало того: другая хищная птица привыкаетъ наконецъ, если не къ клѣткѣ, т. е. къ потерѣ свободы, то хоть къ корму; тетеревиатникъ же никогда не бываетъ доволенъ, что бы ему ни давали. Всегда сидитъ онъ сердитый, какъ будто порвавшій связи со всѣмъ міромъ, въ углу клѣтки, ворочая желтыми глазами, наполовину прислонившись спиною къ стѣнѣ, упираясь на хвостъ и держа обѣ лапы наготовѣ, чтобы схватить и ударить всякаго, повидимому, выжидая лишь удобнаго момента, чтобы проявить свое безумное и безразсудное бѣшенство. Эта отвратительная птица и въ клѣткѣ, и въ лѣсу, настолько же необузданное, какъ коварное существо, которое никогда не отказывается отъ своихъ злодѣйствъ и которое нельзя держать вмѣстѣ ни съ какой другой птицею равной величины, какъ бы ни была она способна къ защитѣ. Каждый сарычъ, коршунъ, сѣрая сова погибла, если ее помѣстить въ одну клѣтку съ тетеревиатникомъ: рано или поздно она подвергнется нападенію, будетъ умерщвлена и съѣдена. Иногда начинаешь надѣяться: проходятъ дни и всѣ птицы остаются цѣлы. Но вдругъ ястребиное сердце пробуждается и одинъ изъ сожителей по клѣткѣ становится жертвою когтей хищника. Если-же разъ ястребъ полизалъ крови, то онъ уничтожаетъ все живое, что раздѣляетъ съ нимъ помѣщеніе, и тогда кажется, какъ будто бы онъ не можетъ выносить, чтобы передъ нимъ было что-нибудь живое: онъ всѣхъ умерщвляетъ, какъ опьянѣвшая отъ крови куница.

Покорить такое существо человѣку—это торжество прирученія. Въ глазахъ нашихъ старыхъ соколятниковъ тетеревиатникъ стоялъ высоко; всѣ азіаты, которые занимаются соколиной охотою, высоко цѣнятъ его и въ настоящее время. Въ Индіи онъ, по Жердону, самый драгоценный изъ всѣхъ охотничьихъ соколовъ. «Бацъ», какъ называютъ его въ Индіи, дрессируется на вихляевъ, коршуновъ, стеревиатниковъ, утокъ, баклановъ, цапель, ибисовъ, зайцевъ и т. д. Для охоты на зайцевъ тетеревиатнику надѣваютъ кожаные штаны, чтобы онъ не изорвалъ ноги объ шипы кустовъ, какъ случается обыкновенно, такъ какъ заяцъ тащитъ обыкновенно хищника за собою. Этотъ послѣдній держится одною лапою, а другую волочитъ за собою, чтобы схватывать соломины, вѣтви и тому подобное и тѣмъ удерживать зайца. Онъ летитъ прямо къ добычѣ; но если она находится не на надлежащемъ разстояніи (около 100—200 м.), то оставляетъ охоту и или возвращается обратно къ соколитнику, или садится на сосѣднее дерево или на землю. Хорошо дрессированный тетеревиатникъ — самка стоитъ обыкновенно 20 — 50, а самецъ 10 — 30 рупій».

Томсонъ сообщаетъ подробности о способѣ ловли тетеревиатника, обыкновенно прилѣгаемомъ въ Индіи, и о пользованіи имъ. Изъ всѣхъ короткокрылыхъ соколовъ выдрессированный тетеревиатникъ считается наилучшимъ и притомъ его ставятъ гораздо выше другихъ, какъ по его быстротѣ и смѣлости, такъ и по неустойчивости. Чѣмъ дольше и чаще имъ пользуются, тѣмъ лучше онъ становится. Онъ привыкаетъ къ людямъ, собакамъ и другимъ предметамъ, которые могутъ сначала пугать его, довольно быстро, и его понятливость въ рукахъ хорошаго соколятника

просто удивительна; умъ его почти равенъ уму собаки. Томсонъ увѣряетъ, что у него были настолько ручные и умные тетеревики, что достаточно было протянуть руку, чтобы приманить ихъ на нее; другіе могли сидѣть передъ палатками безъ привязи, перелетали, когда охотничье общество снималось съ мѣста, на ближайшее дерево и слѣдовали за охотниками по лѣсу и открытымъ мѣстамъ, никогда не отставая, пока не взлетала какая-нибудь птица, годная для охоты и не начиналась ихъ работа. «Чудное зрѣлище», замѣчаетъ онъ, «доставляла одна изъ этихъ птицъ, по имени «султана», когда она, какъ пуля, устремлялась за взлетѣвшей дикой курицей и сбивала ее на землю, прежде чѣмъ мы успѣвали различить, что это за птица. Иногда между ними начиналось состязаніе въ быстротѣ: курица летѣла впереди, «султана» за нею, обѣ птицы напрягали всѣ мускулы, ястребъ все болѣе и болѣе приближался, пока ему не удавалось наконецъ схватить добычу. Въ мѣстности, поросшей травой, которая не мѣшала видѣть далеко вокругъ, такая охота имѣетъ величественный видъ. Не менѣе привлекательна и охота на франколиновъ въ высокой густой травѣ. Рядъ словъ взгоняетъ добычу, франколинъ взлетаетъ прямо, спущенный соколъ слѣдуетъ за нимъ по горизонтальной линіи, пока не увидитъ, что тотъ опускается, и схватываетъ его, падая почти вертикально внизъ». Хорошо дрессированныхъ тетеревишковъ можно, по словамъ Томсона, употреблять на всѣ виды куриныхъ Индіи, отъ павлина до сѣрой куропатки; въ часъ они могутъ поймать болѣе дюжины птицъ. Томсонъ видѣлъ, какъ они умерщвляли павлиновъ, налетая на нихъ, и убивали зайцевъ, хотя ихъ ноги и не были обуты. При охотѣ на утокъ на покрытыхъ деревьями болотахъ брошенный тетеревишникъ опускается обыкновенно на одно изъ ближайшихъ деревьевъ и выжидаетъ здѣсь, пока загонщики не поднимутъ водяныхъ птицъ. Тогда онъ спѣшитъ за ними и бросается на нихъ, когда стая поднимается. Въ Персіи тетеревишка вынашиваютъ чаще, чѣмъ какого-либо другаго сокола, и, случается, платятъ за него 400 марокъ на наши деньги. Изъ которыхъ изъ птицъ, употребляемыхъ для этого, ловятъ на лѣсистыхъ холмахъ юга и запада, но большую часть привозятъ изъ прикаспійскихъ лѣсовъ. «Тарлана», какъ называютъ въ Персіи тетеревишка, употребляютъ для охоты на каменныхъ куропатокъ и франколиновъ. Бѣлые экземпляры, получаемые изъ Сибири, цѣнятся не выше обыкновенныхъ. Въ южномъ Уралѣ и прилежащихъ степяхъ тоже чаще всего вынашиваютъ именно этого сокола, частью потому, что его во множествѣ находятъ во всѣхъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ, а потому не трудно и достать, частью потому, что онъ очень понятливъ.

*

Въ Африкѣ нашихъ тетеревишковъ замѣняютъ родственныя имъ птицы, которыхъ называли **Пѣвчими ястребами** (*Asturina. Singhabichte. Eperviers chanteurs*). Они отличаются отъ европейскихъ родичей болѣе стройнымъ сложениемъ, болѣе слабымъ клювомъ, нѣсколько болѣе длинными крыльями, закругленнымъ хвостомъ и болѣе высокими и сильными ногами, съ относительно болѣе короткими пальцами и когтями.

На югѣ этой части свѣта живетъ, насколько извѣстно до настоящаго времени, самый крупный видъ этого рода, собственно **Пѣвчій ястребъ** (*Asturina musicus. Singhabicht. Epervier chanteur*), въ средней Африкѣ—родичъ, отличающійся отъ него главнымъ образомъ меньшей величиною, котораго называютъ **Саранчевымъ ястребомъ** (*Asturina polyzona, Melierax polyzonus* и *cantans, Falco, Nisus* и *Astur polyzonus. Heuschreckenhabicht. Epervier à sauterelles*). У сего послѣдняго опереніе

верхней стороны, горла и верхней части груди шиферно-сѣрое; опереніе брюха, гузки и штановъ, а также большія кроющія перья крыльевъ покрыты на бѣломъ фонѣ тонкими пепельно-сѣрыми зигзагообразными поперечными линиями. Маховыя перья буро-черныя, хвостовыя того же цвѣта, но блѣднѣе, съ тремя поперечными полосками и бѣлыми кончиками. Радужная оболочка прекраснаго бураго цвѣта, клювъ темно-синій, восковица и ноги ярко-оранжеваго цвѣта. Длина самца равна 50 см., размахъ крыльевъ 99, длина крыла 30, длина хвоста 22 см. Самка приблизительно на 4 см. длиннѣе и на 5—6 см. больше въ размахѣ крыльевъ. У молодыхъ опереніе на верхней сторонѣ бурое, на нижней бѣлое съ свѣтло-бурыми поперечными полосками. Бока головы и широкая полоса на груди того же цвѣта.

Левальянъ, который открылъ этотъ видъ соколиныхъ, ставшій, благодаря его описанію, извѣстнымъ, говорить, что пѣвчій ястребъ довольно часто встрѣчается въ землѣ Каффровъ и въ сосѣднихъ земляхъ; живетъ онъ на одиноко стоящихъ деревьяхъ, охотится за зайцами, куропатками, перепелами, крысами, мышами и другими животными; строитъ большое гнѣздо, въ которое кладетъ четыре чисто-бѣлыхъ кругловатыхъ яйца. Во всемъ этомъ не было-бы ничего удивительнаго, если-бы Левальянъ не прибавлялъ, что самецъ пѣвчаго ястреба вполнѣ заслуживаетъ свое названіе довольно продолжительной, хотя странной пѣсенкой, которую онъ тянетъ иногда цѣлыми часами безостановочно. Я, конечно, не могу рѣшить, слѣдуетъ-ли безусловно вѣрить этому разсказу; съ своей стороны могу съ увѣренностью сказать, что никогда не слыхалъ пѣнія его сѣвернаго родича, саранчеваго ястреба, за которымъ мнѣ удавалось часто наблюдать: продолжительный свистъ—вотъ единственный звукъ, слышанный мною. Пѣвчій ястребъ встрѣчается въ большомъ количествѣ во всѣхъ степныхъ лѣсахъ, южнѣе 17° с. ш. Въ первобытномъ лѣсу онъ уже является рѣже, хотя и тутъ постоянно попадаетъ подъ выстрѣлы охотниковъ. Гейглинъ замѣтилъ его еще на два градуса сѣвернѣе, чѣмъ я, въ землѣ Богосовъ и въ Абиссиніи на высотѣ 1500—2000 м. надъ уровнемъ моря, но весьма рѣдко, и то въ одиночку, выдалъ его у верхняго Нила. Спикъ убивалъ пѣвчихъ ястребовъ въ Сомали, Гемприхъ и Эренбергъ находили его въ сосѣдней Аравіи. Эти ястреба живутъ осѣдло, почти всегда парами, преимущественно въ лѣсистыхъ степныхъ низменностяхъ, не обращая вниманія на живущихъ невдалекѣ людей. Ихъ любимымъ мѣстопробываніемъ служатъ отдѣльно стояція въ степи деревья, съ вершины которыхъ они могутъ обозрѣвать всю окрестность. Здѣсь пребываютъ они почти цѣлый день. Владѣнія ихъ не обширны, такъ какъ парочки живутъ довольно близко другъ къ другу и каждая должна довольствоваться весьма ограниченнымъ пространствомъ.

Саранчевый ястребъ имѣетъ только весьма отдаленное наружное сходство съ европейскимъ ястребомъ; по умственнымъ способностямъ и нраву онъ совершенно отлчается отъ него. Это лѣнивая угрюмая птица, которая вовсе не обладаетъ той смѣлостью, которая дѣлаетъ европейскаго ястреба такимъ опаснымъ врагомъ всѣхъ болѣе слабыхъ позвоночныхъ животныхъ. Лѣнь—преобладающая черта его характера: цѣлыми часами сидитъ онъ на одномъ мѣстѣ, сонливо оглядывая со своей вышки ближайшую окрестность. Полетъ его вообще похожъ на ястребиный, но не такъ быстръ и ловокъ, какъ у нашихъ ястребовъ, а, напротивъ того, вялъ и нерѣшителенъ. Его короткія, закругленныя крылья медленно приходятъ въ движеніе и долго остаются распущенными; въ такомъ положеніи скользятъ саранчевый ястребъ по воздуху нѣсколько метровъ, послѣ чего дѣлаетъ опять нѣсколько взмаховъ крыльями. Спускаясь съ высоты, онъ припимаетъ почти отвѣсное направленіе, втягиваетъ голову въ плечи и пристально смотритъ передъ собою въ какую-нибудь точку.

Я думаю, что Рюппель ошибается, называя голубей и других малевьких птичек почти единственной пищей саранчеваго ястреба. Если-же его слова основаны на личных наблюденіяхъ, то нужно допустить, что онъ былъ введенъ въ заблужденіе какимъ-либо одиночнымъ случаемъ. Главной пищей саранчеваго ястреба служатъ насѣкомыя, пресмыкающіяся и мелкія млекопитающія. По моимъ наблюденіямъ, саранча составляетъ его любимую, а временами и исключительную пищу. Кромѣ того онъ охотится еще за мышами, остатки которыхъ находятъ

Саранчевый ястребъ. *Asturina polyzona* и Змѣитникъ *Gymnogenys tyricus*. $\frac{1}{n}$ наст. вел.

обыкновенно въ его желудкѣ. Гартманъ видѣлъ, что онъ ловить и ящерицъ, и наблюденія этого натуралиста совершенно сходятся съ моими собственными. На птицъ онъ нападаетъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда мелкія пташки несутся дѣльными стаями къ водою, но ему и тутъ рѣдко удается выхватить хоть одну птичку изъ стан. Онъ слишкомъ неуклюжъ, чтобы поймать птицу на лету, и я никогда не видалъ, чтобы онъ преслѣдовалъ голубей, какъ это дѣлаютъ наши тетеревики и переселятники. Уже грызуновъ, величиною съ бѣлку, онъ никогда не трогаетъ, а съ сусликами, напримѣръ, живетъ въ величайшей дружбѣ. Гнѣзда его мнѣ не удалось открыть. По словамъ Гейглина, они устраиваются на верхушкахъ гус-

тыхъ деревьевъ изъ сухихъ вѣтокъ. Объ яйцахъ и высиживаньи ихъ вышеупомянутый наблюдатель не собралъ, повидимому, никакихъ точныхъ свѣдѣнй. Съ своей стороны я могу только прибавить, что въ началѣ дождливаго времени, т. е. въ августѣ и сентябрѣ, находилъ только что вылетѣвшихъ изъ гнѣзда птенцовъ саранчеваго ястреба. Пойманные ястреба этого вида по нраву совсѣмъ противоположны европейскимъ представителямъ этого подсемейства; это спокойныя, тихія птицы, которыя, подобно благороднымъ соколамъ, цѣлыми часами сидятъ на одномъ мѣстѣ, такъ-же скоро, какъ они, знакомятся со своими воспитателями, и со временемъ становятся съ ними даже очень ласковыми; безъ видимаго неудовольствія принимаютъ они предлагаемую имъ пищу, но все-же легко дѣлаются жертвами не вполне соответствующей ихъ природѣ обстановки.

* *
*
*
*

Луни (*Circus. Feldweihen. Buzards*) стройныя птицы, средней величины, съ небольшимъ слабымъ туловищемъ, нѣжнымъ и слабымъ, сильно загнутымъ, тупозубчатымъ клювомъ, конецъ котораго образуетъ длинный крючокъ; ноги стройныя, длинныя и короткопалыя, крылья длинныя, большія, но довольно узкія; хвостъ средней величины, широкій и мягкій. Опереніе шелковистое и блестящее; третье и четвертое маховыя перья длиннѣе другихъ; первое, напротивъ того, значительно короче. Перья около клюва образуютъ, какъ у совъ, вѣнчикъ.

Полевой лунь (*Circus cyaneus, pygargus, gallinarius, cinereus, pallens* и *nigripennis, Falco cyaneus, pygargus* и *strigiceps, Accipiter variabilis, Pygargus dispar, Strigiceps cyaneus. Kornweihe. Oiseau de St. Martin*) одинъ изъ самыхъ красивыхъ представителей дневныхъ хищныхъ птицъ нашей части свѣта. Вся верхняя часть тѣла взрослого самца свѣтло-пепельно-бураго цвѣта за исключеніемъ затылка, который бурый съ бѣлыми долевыми полосками; нижняя сторона бѣлая. Первое маховое перо черно-сѣрое, слѣдующія пять—черныя, а около корня сѣроватая или бѣлая; прочія—пепельно-сѣрыя; среднія перья хвоста свѣтло-темно-сѣрыя, у краевъ свѣтлѣе, почти бѣлыя; крайнія покрыты у корней едва замѣтными неправильными полосками. У старой самки верхняя сторона блѣдно-бурая; опереніе затылка, задней части тѣла и верхней части крыльевъ имѣетъ ржаво-желтые края; полоска надъ глазомъ бѣловатая; нижняя сторона по ржаво-желтому полю покрыта продолговатыми бурыми полосками; на хвостѣ нѣсколько бурыхъ и ржаво-желтыхъ полосъ. Молодыя птицы похожи на самку. Зрачокъ, восковица и ноги лимонно-желтыя; клювъ рогового чернаго цвѣта. Длина достигаетъ 46 см., размахъ крыльевъ 113, длина крыла 36, длина хвоста 21 см. Самка на 6 см. длиннѣе и на 9 см. шире самца.

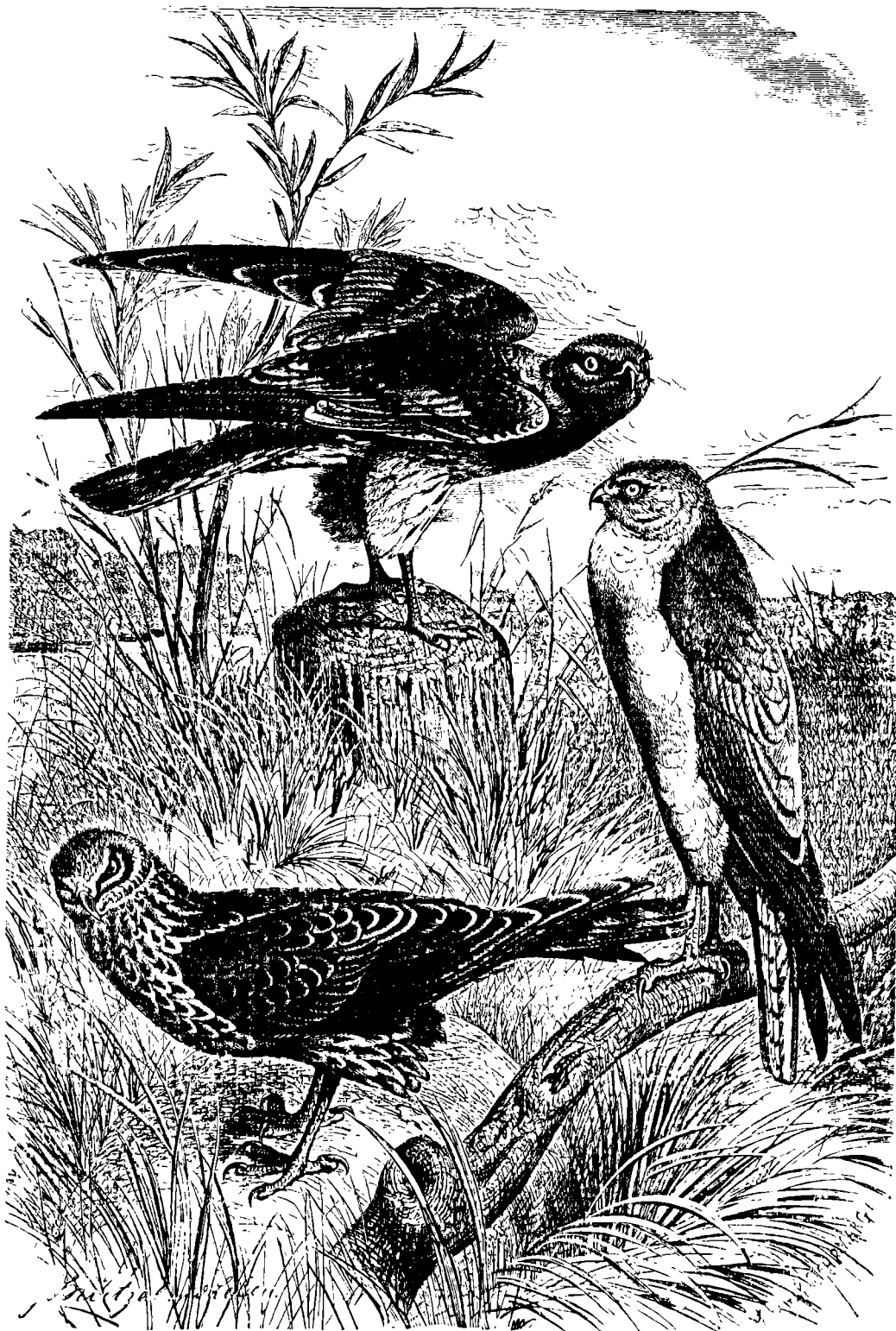
На югѣ Россіи, въ Придунайскихъ низменностяхъ, Турціи и Греціи и на югѣ Средней Азіи и сѣверной Африки полевого луня замѣняетъ **Степной лунь** (*Circus macrurus, macrourus, swainsonii, pallidus* и *dalmatinus, Strigiceps swainsonii, Glaucorteryx pallidus, Accipiter macrourus. Steppenweihe. Buzard pale*) который неоднократно появлялся и даже выводилъ птенцовъ въ Германіи. Старые самцы отличаются болѣе блѣднымъ или свинцово-сѣрымъ, а на спинѣ бѣлымъ цвѣтомъ; перья гузки и хвоста покрыты ярко-пепельно-сѣрыми полосами; концы крыльевъ черныя. У взрослой самки на верхней части тѣла и груди перья имѣютъ бурые, блѣдно-ржавые края; на нижней они красно-желтые съ ржавыми продольными пятнами. Птенцы отличаются отъ самки тѣмъ, что у нихъ брюшко ржаво-желтое, безъ всякихъ пятенъ. Кромѣ того у полевого луня четвертое, а у степного—третье

маховыя перья самыя длинныя и наружный край маховыхъ перьевъ стуживается только до четвертаго, а не до пятаго пера, какъ у полевого луня; внутренній-же край крыла вырѣзанъ подъ тупымъ угломъ, только до третьяго, а не до четвертаго пера; и наконецъ внутренній вырѣзь перваго маховаго пера расположенъ на оконечности верхнихъ кроющихъ перьевъ, и не подъ нею, какъ у полевыхъ луней.

Область распространенія полевого луня довольно обширна. Онъ живетъ во всей средней части Европы, точно такъ-же, какъ и въ большей части Средней Азии, посѣщаетъ во время своихъ перелетовъ всѣ страны сѣверной Африки до экватора, также всю южную Азію, насколько мѣстныя условія удовлетворяютъ его потребностямъ. Къ сѣверу 55° сѣв. широты составляетъ границу его области распространенія. Въ южной Европѣ онъ, повидимому, появляется только во время перелета. Въ Германіи встрѣчается онъ въ Пруссіи, Познани, Нижней Силезіи, Помераніи, Бранденбургѣ, Саксоніи, Мекленбургѣ, Ганноверѣ, низменностяхъ Вестфалии, также въ Баваріи, въ удобныхъ ему мѣстностяхъ; онъ появляется по одиночкѣ въ западной Тюрингіи, Гессенѣ и Рейнскихъ земляхъ, но совершенно отсутствуетъ во всѣхъ горныхъ странахъ и даже считается уже рѣдкостью на холмистыхъ мѣстностяхъ. Слишкомъ обширныхъ лѣсовъ онъ тоже избѣгаетъ. Полевой лунь, подобно всѣмъ мнѣ извѣстнымъ видамъ этого рода, исключительно житель долинъ и преимущественно такихъ, гдѣ встрѣчаются и поля, и луга, и рѣки. Почти въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ, и въ тѣхъ же мѣстностяхъ встрѣчается, правда рѣдко и одиноко, и степной лунь; опытные наблюдатели видали его въ разныхъ мѣстахъ Германіи, напримѣръ въ Вестфалии, гдѣ онъ даже выводилъ птенцовъ; но гнѣздящей птицей является онъ только въ вышеупомянутыхъ странахъ южной Европы и преимущественно въ Добруджѣ.

Въ своихъ нравахъ и привычкахъ, насколько я могъ узнать, оба родственные вида луней такъ мало чѣмъ отличаются другъ отъ друга, что совершенно достаточно въ послѣдующихъ описаніяхъ имѣть въ виду одного полевого луня. Появившись въ Германіи въ концѣ марта, полевой лунь, устроившись въ своихъ владѣніяхъ, начинаетъ вести такой правильный образъ жизни, что его невозможно не замѣтить. Область его дѣятельности, правда, довольно обширна, но онъ не считаетъ ее своей исключительной собственностью; нѣсколько разъ въ сутки облетаетъ онъ свои владѣнія вдоль и поперекъ, почти всегда держась выбраннаго однажды направленія, такъ что не можетъ не броситься въ глаза даже не особенно внимательному наблюдателю. Едва успѣютъ кусты, луга и поля обсохнуть отъ росы, какъ полевой лунь уже отправляется на поиски за добычей и продолжаетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока старанія его не увѣнчаются успѣхомъ; за счастливымъ ловомъ слѣдуетъ болѣе или менѣе продолжительный отдыхъ, послѣ котораго лунь опять летитъ за пищей; такъ проводитъ онъ время, попеременно летая и отдыхая, до самыхъ сумерекъ. Летаетъ онъ, какъ бы качаясь въ воздухѣ, повидимому неуверенно, почти касаясь земли. То паря, высоко поднявши вверхъ крылья, то ускоряя свой полетъ лѣнивыми взмахами крыльевъ, летитъ лунь по избранной имъ дорогѣ, направляясь преимущественно къ ручью, канавѣ или ряду кустарничковъ. Иногда онъ уклоняется отъ главнаго направленія вправо или влево, или кружить по одному мѣсту, нѣсколько разъ стремительно опускается на землю, какъ будто хваталъ добычу, но по большей части, поднявшись безъ нея, продолжаетъ свой путь, облетаетъ, какъ-бы качаясь, по нѣскольку разъ вокругъ верхушки дерева, летаетъ надъ рядами кустовъ или по ту или другую ихъ сторону, несетъ надъ лугомъ или нивой и наконецъ возвращается, описывая большія дуги, къ исходному пункту своихъ странствованій. Кто внимательно слѣдитъ за какой-нибудь парочкой луней,

Л У Н И.

1. Полевой лунь. 2. Луговой лунь. 3. Степной лунь.

тотъ, конечно, замѣтитъ, что самецъ всегда почти одинаковымъ образомъ, болѣе или менѣе тщательно изслѣдуетъ извѣстныя мѣстности, но охотится на нихъ въ разное время дня, то утромъ, то въ полдень, то вечеромъ. Такая охота продолжается часа полтора, послѣ чего лунь обыкновенно отдыхаетъ отъ четверти до получаса или по крайней мѣрѣ нѣсколько минутъ. Для отдыха лунь выбираетъ какое-нибудь повышеніе почвы или извѣстное мѣсто среди дуга или хлѣбнаго поля; сидитъ вначалѣ въ задумчивости нѣсколько минутъ неподвижно, причѣмъ не упускаетъ случая оглядывать кругомъ всю мѣстность и наконецъ приступаетъ къ чисткѣ и разглаживанью своихъ перьевъ. Последнее производится такъ тщательно, что мѣсто отдохновения луня легко отыскать по множеству разбросанныхъ тамъ перьевъ, особенно въ періодъ линянья. Я никогда не видалъ, чтобъ полевой лунь сидѣлъ на деревьяхъ, между тѣмъ какъ степные луни всегда отдыхаютъ на нихъ.

Совершенно иначе ведетъ себя та же птица въ періодъ размноженія. Всемогущее чувство любви и ее приводитъ въ сильное волненіе. Между тѣмъ какъ въ обыкновенное время каждая изъ птицъ летаетъ по одиночкѣ, теперь можно ихъ видѣть постоянно вмѣстѣ; иногда онѣ летятъ, такъ близко прижавшись другъ къ другу, что кажется, будто одна птица поддерживаетъ другую и помогаетъ ей въ охотѣ, или долго кружатся на одномъ мѣстѣ, описывая въ воздухѣ перекрещивающіеся круги. Но вотъ самецъ внезапно подымается вверхъ, почти отвѣсно, съ приподнятой головой, движется быстрѣе, чѣмъ можно было отъ него ожидать; потомъ вдругъ опрокидывается внизъ головой, и падаетъ, сложивъ на половину крылья; опять описываетъ кругъ въ воздухѣ и снова подымается вверхъ, чтобы снова приняться за повтореніе своихъ эволюцій. Воодушевляемый любовью самецъ въ состояніи продолжать эти упражненія въ теченіи нѣсколькихъ минутъ и повторять ихъ въ продолженіи получаса отъ 10 — 12 разъ. Самка тоже пробуетъ свои силы на подобныхъ воздушныхъ упражненіяхъ, но всѣ ея движенія гораздо тяжеловѣснѣе.

Гнѣздо полевого луны построено весьма плохо. Оно устраивается или просто на землѣ или въ низкомъ кустарникѣ, на молодыхъ просѣкахъ, среди высокихъ злаковъ или высокой травы болотистыхъ луговъ или даже въ осокахъ и камышѣ, но въ такомъ случаѣ всегда на кочкѣ. Гнѣздо это собственно представляетъ только кучу сухого хвороста, травы, тростника, картофельной ботвы, кусковъ навоза и т. д., которые лунь приноситъ въ когтяхъ, кладетъ на мѣсто и укладываетъ почти безъ помощи клюва; внутри оно также неряшливо выстлано набросаннымъ кое-какъ мхомъ, шерстью, перьями и другими мягкими веществами. Изъ некоторую аккуратность внутренней подстилки можно замѣтить уже въ то время, когда самка сидитъ на яйцахъ, какъ будто она до той поры не имѣла времени хорошенько разостлать материалы и разгладить углубленія гнѣзда. Такъ какъ полевой лунь, какъ и всѣ другіе виды этого семейства, не садится на яйца раньше, чѣмъ трава и злаки выростутъ настолько, чтобы закрыть гнѣздо, то кладка рѣдко бываетъ окончена раньше половины мая; она состоитъ изъ 4—5, рѣдко 6-ти яицъ, имѣющихъ въ долеюмъ поперечникѣ отъ 40—46 мм. и въ поперечномъ отъ 31—37 мм.; формой они то продолговаты, то почти круглы, похожи на совиныя, слѣдовательно выпуклы, мелкозернисты, но не блестящи; цвѣта она матово-зеленовато-бѣлаго, по большей части безъ всякихъ пятенъ или покрыты только рѣдкими, мелкими, красновато-сѣрыми или желтовато-бурыми крапинками. Насколько я могъ замѣтить, на яйцахъ сидитъ только самка; по крайней мѣрѣ, во время вылеживания я видѣлъ постоянно самца, одиноко летающаго вокругъ гнѣзда, изъ чего я заключаю, что онъ въ это время исключительно заботится о доставленіи пищи подругѣ. Самка

крѣпко сидитъ на яйцахъ и покидаетъ ихъ только въ такомъ случаѣ, если врагъ появится въ непосредственной близости; но тогда она удивительно искусно умѣетъ укрыться отъ него. Сколько времени продолжается высидыванье, я вѣрно сказать не могу: Пауманъ полагаетъ на него три недѣли, и я думаю, что его мнѣніе вѣрно. Прелестные маленькіе птенчики, покрытые густымъ сѣроватымъ пухомъ, сидятъ въ гнѣздѣ, крѣпко прижавшись другъ къ другу головами. При всякомъ приближеніи незнакомаго имъ существа они плашмя ложатся на дно гнѣзда и остаются въ такомъ положеніи, будто мертвые, пока врагъ не схватитъ ихъ или не удалится, причемъ они упорно молчатъ, между тѣмъ какъ въ другое время постоянно раздается ихъ пискъ, походящій на крикъ молодыхъ цыплятъ. Они тоже долго сидятъ въ гнѣздѣ, такъ какъ ихъ можно видѣть летающими не раньше половины, а еще чаще конца іюля. Вначалѣ они облетаютъ окрестности своего мѣсторожденія въ сообществѣ родителей, которые еще учатъ ихъ всѣмъ необходимымъ приѣмамъ и приучаютъ охотиться за добычей; но скоро въ нихъ пробуждается желаніе дѣйствовать самостоятельно и по прошествіи трехъ недѣль они уже ничѣмъ не отличаются отъ старыхъ птицъ, сообщества которыхъ, правда, еще не избѣгаютъ, но съ той поры пролагаютъ себѣ уже самостоятельный путь въ жизни. Съ августа молодые птицы начинаютъ совершать небольшія путешествія: отъ времени до времени возвращаются къ насиженнымъ мѣстамъ, опять улетають, и съ каждымъ разомъ совершая все большіе и большіе круги, въ сентябрѣ предпринимаютъ окончательно свое зимнее путешествіе. Случается, что 2—3 птенца остаются и дольше, а въ особенно благоприятныя зимы и вовсе не оставляютъ удобныхъ имъ мѣстностей.

Къ искреннему моему сожалѣнію, я не могу выступить въ роли защитника полевого луня. Пельзя не согласится, что красивая ярко-голубая птица служить истиннымъ украшеніемъ равнинъ, особенно когда она весной плавно носится надъ полями; несомнѣнно и то, что она намъ даже очень полезна уничтоженіемъ мышей и наѣдокъ, а въ особенности саранчи, а ловлей ящерицъ и лягушекъ, которыя вмѣстѣ съ мышами, составляютъ ея главную пищу, не приноситъ намъ по крайней мѣрѣ никакого вреда: но различныя злодѣянія, которыя она позволяетъ себѣ совершать на нашихъ глазахъ, лишаютъ ее права на наше сочувствіе и защиту. Несмотря на свою кажущуюся слабость, полевой лунь такой же дерзкій, какъ и опасный врагъ всѣхъ тѣхъ животныхъ, которыхъ онъ въ состояніи одолѣть. Въ его хищническіе когти попадаютъ всѣ мелкія млекопитающія, какъ суслики и молодые зайцы, и всѣ еще неоперившіяся птицы, гнѣзда которыхъ расположены на землѣ, начиная съ молодыхъ фазановъ и куропатокъ и кончая малиновкой. Взрослой птицы лунь поймать, конечно, не можетъ, но сидящую низко на гнѣздѣ самку онъ снимаетъ такъ же ловко, какъ выхватываетъ изъ гнѣзда неоперившагося вполнѣ птенца или лежащія въ немъ яйца. Что онъ убиваетъ молодыхъ фазановъ—совершенно удостовѣрено многими свидѣтелями. «Въ сентябрѣ 1876 г.», пишетъ мнѣ Мейерякъ, «я подстрѣлилъ полевого луня, летѣвшаго надъ картофельнымъ полемъ и мгновенно спустившагося на землю, какъ бы для нападѣнія; оказалось, что онъ убилъ молодого фазана и уже успѣлъ вырвать его внутренности, за что и получилъ должное возмездіе. Подобные случаи встрѣчались мнѣ часто». По словамъ Паумана, видъ его страшно пугаетъ куропатокъ. Во время ихъ полета, онъ, правда, не можетъ имъ причинить вреда; ногъ почему онъ, завидя его, тотчасъ улетають какъ можно скорѣе и причуются отъ страшнаго хищника среди высокорастущихъ злаковъ или кустарничковъ, или же въ огородахъ, засаженныхъ капустой и рѣпой. Отъ зоркихъ глазъ луня однако не укрывается эта игра въ прятки. Онъ тотчасъ подлетаетъ, обыскиваетъ самымъ тщательнымъ образомъ мѣсто убѣжища своей жертвы, порхаетъ надъ

нимъ, стремительно опускается на землю какъ бы для того, чтобы схватить добычу, опять подымается вверхъ и продолжаетъ эту жестокую игру до тѣхъ поръ, пока молодая куропатка не оплошаетъ и не попадетъ ему въ когти. «Старыя куропатки», говоритъ Ризенталь, «защищаютъ сообща свое потомство, причемъ однако, большею частью погибаетъ одинъ или два птенца». Точно такимъ же образомъ хватаетъ онъ молодыхъ камышевокъ, бекасовъ и другихъ болотныхъ и водяныхъ птицъ; кромѣ того полевой лунь умѣетъ отлично пользоваться своей способностью мгновенно останавливаться на лету и падать на землю, чтобы застать врасплохъ сидящую на яйцахъ птицу. Впрочемъ, вышеупомянутыми свѣдѣніями мы вполнѣ исчерпали весь запасъ прегрѣшеній полевого луня и окажемъ ему только должную справедливость, высказавъ, что вся его вредная мелкимъ птишкамъ дѣятельность, оканчивается временемъ высживания яицъ послѣднихъ. Такимъ образомъ, изъ безпристрастнаго взвѣсиванья его добрыхъ и дурныхъ дѣлъ, явствуетъ, что онъ, относительно въ короткое время губить полезныхъ намъ животныхъ, въ остальное время года—напротивъ—нападаетъ на вредныхъ, или, по крайней мѣрѣ, не причиняетъ намъ никакого убытка.

Съ воронами полевой лунь живетъ въ постоянной враждѣ, и нелегко одолеваетъ храбрыхъ маленькихъ птицъ, вродѣ ласточекъ и трясогузокъ. Наконецъ онъ много страдаетъ и отъ живущихъ на немъ самомъ паразитовъ. Изъ людей для луня опасны больше всего собиратели яицъ, такъ какъ отъ охотника онъ по большей части съумѣетъ уберечься. Филинъ, выставленный въ непосредственной близости гнѣзда, привлекаетъ обыкновенно только молодыхъ луней. Западно, за исключеніемъ, развѣ, тщательно скрытыхъ и правильно устроенныхъ капкановъ—почти никогда не достигаютъ цѣли. Такимъ образомъ охота за нимъ собственно дѣло случая. Впрочемъ, охотникъ, который не очень дорожитъ временемъ, можетъ все-таки застрѣлить его, спрятавшись на выслѣженномъ долгими наблюденіями пути, по которому летаетъ птица. Застрѣлиши же одного луня, стоитъ только укрыться въ кусты, и, выждавъ появленіе второй такой же птицы, подбросить въ воздухъ убитаго луня и стрѣлять, почти навѣрняка, во второй разъ, такъ какъ любопытство, свойственное всѣмъ лунямъ вообще и полевымъ въ особенности, тотчасъ останавливается ихъ въ полетѣ и привлекаетъ къ тому мѣсту, гдѣ упала птица ихъ вида.

Полевой лунь, пойманный даже взрослымъ, ведетъ себя въ неволѣ гораздо спокойнѣе, чѣмъ всякая другая хищная птица, за единственнымъ исключеніемъ его ближайшихъ родичей. Повидимому безъ всякаго озлобленія мирится онъ съ потерей своей свободы; совершенно равнодушно смотритъ на стоящихъ передъ его клеткой людей, спокойно прохаживается туда и сюда, причемъ принимаетъ такія странныя позы, что тутъ только и можно себя составить настоящее представленіе объ его наружности. На всякую предложенную ему пищу онъ бросается безъ оглядки, побираетъ все, что ему приносятъ, но доказываетъ скоро, что онъ только при извѣстной пищѣ можетъ долго прожить въ неволѣ. Кто хочетъ сохранить его въ живыхъ, долженъ кормить его самыми разнообразными видами мелкихъ животныхъ, а тотъ, кто хочетъ его вырастить—долженъ кромѣ того еще предлагать ему пищу, разрѣзанную на куски. По этимъ то причинамъ можно только весьма рѣдко видѣть въ зоологическихъ садахъ эту, во многихъ отношеніяхъ привлекательную птицу, и то на короткое время.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи живетъ въ сообществѣ съ половымъ лунемъ, а въ другихъ замѣняетъ его *Луговой лунь* (*Circus pygargus, cineraceus*,

cinerarius, *cinerascens* и *montagui*, *Falco cineraceus*, *Strigiceps cineraceus*, *cineracens*, *pratorum* и *elegans*. *Glaucopteryx cinerascens*. Wiesenweihe. Soubuse). Длина его достигает 44 см., размах крыльев 125, длина крыла 48, а хвоста 23 см. У старого самца, бесспорно самого красиваго изъ нашихъ луней, голова, затылокъ, спина и верхъ груди голубовато-сѣраго цвѣта, который на затылкѣ и спинѣ, вслѣдствіе болѣе темныхъ здѣсь каемокъ перьевъ—принимаетъ темно-пепельно-сѣрый оттѣнокъ; нижняя часть груди, брюшко и бедра бѣлыя, съ ржаво-красными стержневыми полосками, придающими имъ очень нарядный видъ. Маховыя перья перваго порядка совсѣмъ черныя, втораго—свѣтло-голубовато-пепельнаго цвѣта, съ черной поперечной полосой; заднія малыя маховыя перья буро-сѣрыя, оба среднія пера хвоста пепельно-сѣрыя, на остальныхъ съ внутренней стороны болѣе свѣтлое пятно, которое къ наружному краю все расширяется, такъ что наружныя перья кажутся почти бѣлыми, между тѣмъ какъ оба крайнихъ пера красновато-бурья; весь хвостъ украшенъ черными поперечными полосками. Среднія нижнія покровныя перья тоже украшены ржаво-красными стержневыми полосками; самыя маленькія изъ нихъ бѣлыя, нижнія украшены неправильными сѣрыми полосками, а локтевыя ржаво-бурными. У старыхъ и молодыхъ самокъ, опереніе которыхъ почти одинаковое, верхняя часть тѣла преимущественно буро-сѣрая; нижняя часть бѣлая съ маленькими неясными ржавыми крапинками; темя у нихъ ржаво-красное съ черными полосками. У молодыхъ птицъ брюшко почти равнаго ржаваго цвѣта, безъ пятенъ, перья же верхней части тѣла темно-сѣро-бурья съ рыжеватыми каймами на концахъ. Надъ глазомъ видно одно бѣлое пятно, а подъ нимъ, на щекѣ, большое темно-бурое пятно. Губка бѣлая, а маховыя и рулевыя перья украшены темными поперечными пятнами. Глаза у старыхъ птицъ ярко-желтые, у молодыхъ каріе, клювъ голубовато-черный, восковица желтая; очень высокія и тонкія ноги изжелта-воскового цвѣта.

Область распространенія лугового луна не менѣе обширна, чѣмъ мѣстожительство обоехъ, описанныхъ нами раньше его родичей, однако птица эта принадлежитъ болѣе востоку, чѣмъ западу сѣверныхъ странъ Стараго Свѣта. Въ Германіи онъ причисляется къ рѣдкимъ видамъ этого семейства, хотя его все-таки можно видѣть въ извѣстныхъ, ему удобныхъ мѣстностяхъ. Согласно данному ему имени, онъ предпочитаетъ для житья обширные луга, или по крайней мѣрѣ болота, высыхающія лѣтомъ на большія пространства; поэтому онъ селится преимущественно по близости рѣкъ и въ особенности на низменностяхъ, затопляемыхъ зимою во время половодья. Такъ напримѣръ, онъ населяетъ въ Германіи преимущественно сѣверо-германскую равнину отъ восточной Пруссіи до Прирейнскихъ странъ. Еще чаще встрѣчается онъ въ низменностяхъ Австріи и Венгріи, южныхъ Придунайскихъ долинахъ и отъ времени до времени появляется и въ Россіи; но центральнымъ пунктомъ его области распространенія должны мы, вѣроятно, считать сибирскія степи и Туркестанъ. Во всѣхъ степяхъ около Алтая, къ юго-востоку до горной страны Алатау, гдѣ мы путешествовали вмѣстѣ съ Финтшемъ и графомъ Вальдбургъ-Зейлемъ, мы находили чаще всѣхъ остальныхъ видовъ луней — лугового луна; но (о чемъ слѣдуетъ особенно упомянуть) встрѣчали его очень часто и въ тундрѣ нижняго теченія Оби, подъ 68° сѣв. широты; слѣдовательно, гораздо сѣвернѣе, чѣмъ какую бы то ни было извѣстную мнѣ птицу этого семейства. Къ востоку его область распространенія простирается до Китая. Во время своихъ путешествій онъ посѣщаетъ осенью и зимой всю южную Европу, большую часть южной Азіи и Африки, попадаетъ зимою и въ Индію въ удобныхъ ему мѣстностяхъ, проникаетъ до средне-африканскихъ степей, появляется, по словамъ Андерсона, даже

въ южной Африкѣ и подымается, по словамъ Гейглина, на самую высоту Абиссинскихъ горъ.

Хотя луговой лунь ни внѣшнимъ своимъ видомъ, ни образомъ жизни, ни правами, ничѣмъ особенно не отличается отъ полевого и степного луня, я все же не могу отказать себѣ въ удовольствіи передать здѣсь тѣ сообщенія, которыми я обязанъ талантливому перу кронпринца Рудольфа Австрійскаго. Описаніе жизни этой птицы передано такъ живо и ярко, а вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ вѣрно и правдиво, что дѣйствительно я ничего не читалъ равнаго, а тѣмъ болѣе лучшаго этого описанія. «Въ Австрійской низменности», такъ пишетъ мнѣ кронпринцъ, «луговой лунь вѣтъ гнѣзда даже въ самыхъ окрестностяхъ Вѣны, но, подобно другимъ своимъ сородичамъ, оказывается очень прихотливымъ въ выборѣ себѣ мѣстожителства. Любимымъ мѣстопробываніемъ его служатъ обширныя безлѣсныя равнины, покрытыя однако то мелкимъ тернистымъ кустарникомъ, то попеременно полями и нивами и прорѣзанныя рѣками. Луговой лунь настоящій житель низменности и никогда не встрѣчается ни въ горахъ, ни въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ. Онъ, правда, не связанъ, подобно камышевому луню, съ какой-нибудь опредѣленной мѣстностью; однако онъ заботливо избѣгаетъ всякія далекія путешествія внѣ своего отечества. Обширныя поля и въ особенности сырые луга, молодые поросли и просѣки по краямъ береговыхъ лѣсовъ большихъ рѣкъ—служатъ ему любимымъ мѣстопробываніемъ, въ особенности, если въ ихъ непосредственной близости находятся большія, безлѣсныя пространства. Впрочемъ, весьма замѣтно, что Австрійская низменность составляетъ крайній предѣлъ его области распространенія, такъ какъ онъ появляется тамъ только изрѣдка, и то на самыхъ удобныхъ для него мѣстностяхъ».

Съ своей стороны я могу прибавить, что луговой лунь, даже въ вышеупомянутыхъ степяхъ отыскиваетъ себѣ для жилья преимущественно мѣстности, орошаемыя рѣкою, ручьемъ или едва просачивающимся изъ земли ручейкомъ и уже оттуда предпринимаетъ путешествія по сухимъ степямъ. Однако, вопреки всѣмъ собранымъ нами наблюденіямъ, луговой лунь подымается и на вершины степныхъ горъ, залетаетъ по дорогѣ и въ небольшія рощи, хотя при этомъ все-таки придерживается тѣхъ горныхъ откосовъ, которые сохраняютъ отпечатокъ степей.

«Луговой лунь» продолжаетъ кронпринцъ, «настоящая земляная хищная птица, которая всю свою жизнь проводитъ на самой землѣ или по крайней мѣрѣ надъ самой землей. Только во время спариванія можно видѣть, какъ они парочками поднимаются въ вышину, гдѣ совершаютъ всевозможныя эволюціи къ воздуху; однако эти упражненія въ полетѣ далеко не такъ разнообразны, какъ у камышеваго луня, хотя нужно сказать, что луговой лунь собственно, гораздо быстрѣе, легче и выносливѣе своего большого сородича. Полетомъ своимъ онъ нѣсколько не напоминаетъ хищныхъ птицъ, а скорѣе ласточекъ и чаекъ; за послѣднихъ принимаетъ его нерѣдко даже опытный охотникъ. Когда луговой лунь, поднявшись прямо съ земли, несется, совсѣмъ почти касаясь ея, то полетъ его удивительно напоминаетъ полетъ козодоя. Луговой лунь одна изъ самыхъ подвижныхъ и беспокійныхъ птицъ: съ восхода солнца—далеко за полночь онъ находится въ постоянномъ движеніи, хотя кругъ дѣятельности его ограничивается только весьма небольшимъ пространствомъ. Часто можно видѣть, какъ онъ, широко распустивъ крылья и почти не ударяя ими въ воздухъ, паритъ надъ волнующеюся нивою, или вдругъ пролетаетъ совсѣмъ низко небольшое пространство, описывая надъ полемъ или лугомъ извилистыя линіи; потомъ круто подымается въ вышину, чтобы на манеръ соколовъ покачаться или покружиться въ воздухѣ, послѣ чего

почти всегда камнем падаетъ на землю въ густые злаки или высокую траву, гдѣ отдыхаетъ нѣсколько минутъ; потомъ опять принимается за ту же игру, которую продолжаетъ со дня на день почти безостановочно. Самки ведутъ болѣе спокойную жизнь, чѣмъ самцы, и сидятъ, по большей части на землѣ, въ особенности во время высидиванія. Самка, впрочемъ, такая невзрачная птица, что незнатому трудно признать ее за лугового луня, а скорѣе за какую-нибудь другую хищную птицу, если онъ вообще и замѣтитъ ее. Что касается до самца, то онъ безспорно одна изъ самыхъ красивыхъ и изящныхъ птицъ Германіи. Его веселый и беспокойный нравъ въ высшей степени оживляетъ монотонную равнину. Его красивую наружность изразитъ всякій, кому удастся увидать эту стройную птицу, какъ она, освѣщенная солнцемъ, искрясь и отливая серебромъ, плавно несется надъ волнующимися нивами, тѣмъ болѣе, что въ средне-европейскихъ странахъ привыкли видѣть только темно-оперенныхъ хищныхъ птицъ. Для ночлега луговой лунь выбираетъ себѣ хлѣбное поле, нескошенный лугъ, густой кустарникъ, иногда осоку; часто онъ отдыхаетъ и на пограничныхъ камняхъ, воткнутыхъ въ землю кольяхъ, часовняхъ и т. д.; во всякомъ случаѣ, онъ спитъ только на землѣ или низко надъ нею. Лѣса избѣгаетъ онъ даже днемъ, а тѣмъ болѣе ночью. Я никогда не видалъ, чтобы луговой лунь сѣлъ на дерево, но замѣчалъ, напротивъ того, что онъ избѣгаетъ не только лѣса, но и одиноко стоящихъ деревьевъ и даже въ молодомъ лѣсу, гдѣ вѣтъ свои гнѣзда, никогда не садится на кусты. Чѣмъ охотѣе держится онъ долинь, орошаемыхъ рѣками, тѣмъ рѣшительнѣе избѣгаетъ лѣсной чащи. Конечно ему случается летѣть мимо опушекъ высокихъ лѣсовъ, но никогда не проникаетъ онъ въ середину ихъ. Чаше всего можно видѣть, какъ луговой лунь, подобно чайкамъ, носится туда и сюда вдоль какого-нибудь рѣчного протока; только одинъ разъ замѣтилъ я, что, испуганный встрѣтившейся ему лодкой, онъ полетѣлъ по направленію высокаго лѣса.

«Такой же общительный, какъ всѣ вообще птицы этого вида, луговой лунь отыскиваетъ себѣ даже весной товарищій, въ сообществѣ которыхъ вѣтъ гнѣзда и проводить цѣлые дни. Часто можно видѣть, какъ нѣсколько самцовъ, соединившись вмѣстѣ, гоняются другъ за другомъ по равнинѣ, или отъ времени до времени пролетаютъ надъ самой водой, что, повидимому, доставляетъ имъ большое удовольствіе. Около Дуная они часто летаютъ у берега вмѣстѣ съ коршунами и камышевыми лунями, или возятся съ ними въ воздухѣ. Луговой лунь, какъ и всѣ его сородичи, довольно пугливая птица, которая держится отъ человѣка въ почти-тельномъ отдаленіи; однако она не одарена хитрою и умною осторожностью соколовъ. Не умѣя различить, какъ это дѣлаютъ другія хищныя птицы, охотника отъ крестьянина, мужчину отъ женщины, онъ спасается отъ всякаго человѣка, съ удивительной настойчивостью преслѣдуя свой дугообразный путь и уклоняясь отъ него лишь настолько, насколько это соответствуетъ вообще его привычкѣ описывать въ воздухѣ волнообразную линію. Если онъ летитъ высоко надъ полями и завидитъ человѣка уже издали, то можно быть увѣреннымъ, что онъ пролетитъ дальше, чѣмъ на ружейный выстрѣлъ отъ заклятаго врага всѣхъ звѣрей. Но часто случается, что лунь пробирается у самой земли, по тропинкамъ между хлѣбными полями и лугами и тогда можетъ легко случиться, что, вслѣдствіе закрытаго со всѣхъ сторонъ вида на окрестность, онъ на заворотѣ поля неожиданно наткнется почти на самаго охотника и такимъ образомъ попадется ему въ руки. Сидя на землѣ, онъ не такъ пугливъ и умѣетъ скрыться отъ врага: когда-же онъ отдыхаетъ, скрывшись среди густаго кустарника, то часто спокойно пропускаетъ мимо себя человѣка или подымается съ земли, когда онъ уже совсѣмъ близко.

«Гнѣздо лугового луня представляетъ весьма простую постройку изъ хвоста, сухихъ вѣтокъ и т. п. веществъ, которыя довольно крѣпко соединены между собою; оно расположено всегда у самой земли, среди густого кустарника, хлѣбныхъ растеній высокой травы и иногда въ камышѣ. Вообще луговой лунь гораздо осторожнѣе камышеваго при выборѣ мѣста для постройки гнѣзда и избѣгаетъ въ особенности открытыхъ мѣстъ. Смотри по состоянію погоды, во большую частью не раньше половины мая, кладка, состоящая изъ 4—5, рѣдко 6 яицъ окончена. Яйца, длина которыхъ достигаетъ 42 мм., а ширина 32 мм., чисто бѣлыя или покрыты только рѣдкими пятнами; они мелкозернисты и безъ глянца, вслѣдствіе чего имѣютъ сходство съ яйцами совъ, но рѣшительно отличаются отъ нихъ своимъ свѣтло-зеленымъ отливомъ. Они такъ похожи на яйца полевыхъ луней, что ихъ часто смѣшиваютъ между собою. Любовью къ яйцамъ и птенцамъ своимъ луговой лунь превосходить даже другихъ своихъ сородичей, и въ особенности камышеваго луня. Любовь эта выказывается не одной только самкой, такъ какъ самецъ, для защиты гнѣзда, готовъ, не задумываясь, подвергнуться всякой опасности. Даже другіе луговые луня спѣшатъ на защиту чужихъ птенцовъ, которымъ грозитъ опасность и вмѣстѣ съ встревоженными родителями съ громкимъ крикомъ окружаютъ врага; обстоятельство это объясняется еще тѣмъ, что почти всегда на одномъ мѣстѣ гнѣздится нѣсколько луней и кромѣ того старья и очень молодыя, еще холостыя птицы, не имѣющія собственныхъ гнѣздъ, очень охотно селятся по близости. Пока самка сидитъ на яйцахъ, самецъ постоянно носится взадъ и впередъ около гнѣзда, отъ времени до времени онъ подлетаетъ къ подругѣ и садится съ нею рядомъ; послѣ короткаго отдыха опять начинается онъ кружиться около гнѣзда и наконецъ покидаетъ, большую частью не надолго, свое мѣстожительство, для добыванія себѣ пищи.

«Я нашелъ однажды два гнѣзда лугового луня въ молодой лѣсной поросли, на южномъ берегу Дуная около Мансверта, къ востоку отъ Вѣны. Поросль эта имѣла въ длину не болѣе одного километра и въ ширину около 500 — 600 шаговъ. Съ сѣверной стороны она граничитъ съ высокимъ лѣсомъ, съ юга отдѣляется одинъ рѣчной протокъ отъ сосѣднихъ полей, нѣсколько выше расположенной равнины. Сама поросль была густа, но въ вышину имѣла не болѣе одного метра. На нѣкоторыхъ, болѣе открытыхъ мѣстахъ, виднѣлись еще нѣсколько срубленныхъ деревьевъ. Оба гнѣзда находились въ срединѣ поросли, на разстояніи 50 шаговъ другъ отъ друга. Переправляясь въ лодкѣ черезъ протокъ, я увидалъ уже издали четырехъ старыхъ самцовъ и одну самку или молодого самца, кружившихся въ воздухѣ надъ молодымъ лѣсомъ. О присутствіи на каждомъ гнѣздѣ сидищей на яйцахъ самки, я могъ удостовѣриться только подопедши совѣмъ близко къ гнѣзду. Обѣ самки весьма ловко исчезли, поднявшись прямо вверхъ черезъ кустарникъ, послѣ чего онѣ быстро понесли въ воздухѣ, подобно соколамъ, представляли такимъ образомъ совершенную противоположность лѣнливымъ камышевымъ лунямъ. Однако онѣ опять почти точно такъ же вернулись, несмотря на то, что я стоялъ очень близко къ гнѣзду. Самцы тоже летали неподалеку, по большей части вдоль высокаго бора, то кружась надъ нимъ, то опять опускались надъ низкимъ кустарникомъ, то, подобно чайкамъ, носились надъ поверхностью рѣки, вверхъ и внизъ по теченію, отражаясь въ его зеркальной поверхности. Когда они привыкли къ моему присутствію, то стали отлетать на большое разстояніе, до самыхъ полей, но всегда скоро возвращались къ тому-же самому мѣсту. Тогда я поставилъ своего филина на открытое мѣсто около гнѣзда, а самъ спрятался въ сосѣдніе кусты. Въ то же мгновеніе, луня, какъ безумные, кинулись на ненавистнаго противника и стали

низко кружиться вокруг него. Очень красиво смотрѣть на эту блестящую се-ребромъ птицу, когда она въ страшной ярости, съ взъерошенными, распущенными крыльями и вытянутыми впередъ длинными ногами, носится вокругъ филина и отъ времени до времени даже толкаетъ его. При этомъ лунь часто издаетъ громкій свистъ, между тѣмъ какъ при столкновеніи слышится только слабое сопѣніе. Съ своей стороны филинъ тотчасъ узнаетъ въ немъ слабѣйшаго врага и едва удостоиваетъ его однимъ взглядомъ. Ни выстрѣлы, ни даже смерть одного изъ товарищей не могли разогнать луней; нѣкоторые изъ нихъ сажались даже неподалеку отъ филина въ кустарникѣ, какъ бы желая подкрѣпить себя отдыхомъ для новаго нападенія. Однако, черезъ полчаса эти нападенія стали менѣе яростны и часты, круги, описываемые около противника, все обширнѣе и шире и луни наконецъ удалились въ дальніе кусты. Но мѣстности они все-же не покинули, а принялись опять за свои нападенія, какъ только я перенесъ своего филина на противоположный конецъ молодого лѣса.

«Луговой лунь живетъ охотой на бѣгающую, сидящую или ползающую, но никакъ не на летающую дичь. Самой любимой его пищей служатъ хомяки, суслики, полевые мыши и лягушки; кромѣ того онъ хватается и птицъ, не умѣющихъ летать, отъ времени до времени и молодыхъ зайцевъ, перепелсвъ и куропатокъ. Но вообще я того мнѣнія, что приносимый имъ вредъ нельзя сравнить никоимъ образомъ съ тою пользою, которую онъ оказываетъ, уничтожая мышей, сусликовъ и другихъ вредныхъ грызуновъ».

Послѣдній видъ этого рода, о которомъ мнѣ остается еще упомянуть, есть **Болотный или Камышевый лунь** (*Circus aeruginosus, rufus и arundinaceus. Falco aeruginosus, rufus и arundinaceus, Buteo aeruginosus, Pygargus rufus, Accipiter cir-cus. Rohrweihe. Награуе*). Опереніе его довольно значительно измѣняется, не только смотря по полу и возрасту, но и по временамъ года. У стараго самца перья лба и темени покрыты бурыми и желтыми полосками; остальная верхняя часть тѣла кофейнаго цвѣта; щеки и горло блѣдно-желтаго, съ болѣе темными стержнями; перья передней части груди и шеи желто-бурья, съ продольными пятнами; на остальной нижней части тѣла они ржаво-красныя, съ болѣе свѣтлыми оконечнос-тями; большія маховыя перья черно-бурья; часть малыхъ маховыхъ перьевъ и большія покровныя перья крыльевъ—прекраснаго сѣро-пепельнаго цвѣта; рулевые перья сверху свѣтло-сѣрыя съ красноватымъ налетомъ, снизу—бѣловатыя. У взрослой самки опереніе менѣе яркое и не такое пестрое; такъ напримѣръ пепельно-сѣрый цвѣтъ на крыльяхъ и хвостѣ почти не выдѣляется, а хвостъ по большей части сверху сѣро-бурый, голова изжелта-бѣлая съ болѣе темными стержнями; пятна по обѣ стороны затылка, плечи, вѣрвь и грудь имѣютъ тоже болѣе свѣтлую окраску. У молодыхъ птицъ, въ общемъ очень похожихъ на самку, господствуетъ однотонный темно-бурый цвѣтъ, верхняя часть головы, затылокъ и горло у нихъ бѣловато-желтые или, по крайней мѣрѣ, очень свѣтлые съ болѣе или менѣе темными пятнами или стержнями. Длина достигаетъ 55 см., размахъ крыльевъ 136, длина крыла 43, длина хвоста 24 см. Самка на 3—4 см. длиннѣе и на 7—9 см. шире.

Съ 57° сѣв. шир. къ югу камышевый лунь водится во всѣхъ странахъ и мѣстностяхъ Европы, отвѣчающихъ тѣмъ условіямъ, которыя онъ считаетъ необходимыми для своего существованія. Кромѣ того онъ встрѣчается во всей западной Азій къ югу отъ Алтайскихъ горъ; но чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ по-является онъ все рѣже и рѣже, а на Амурѣ и въ Китаѣ залетаетъ развѣ только

въ одиночку. Во время своихъ перелетовъ онъ посѣщаетъ материкъ южной Азии и большую часть Африки. Жизнь камышевого луны, преимущественно передъ всѣми птицами этого семейства, связана съ изменностью: положительно можно сказать, что болото и вода такъ необходимы для его существованія, что онъ никогда не упускаетъ ихъ изъ виду. У насъ камышевый лунь перелетная птица и появляется съ весеннимъ разливомъ рѣкъ, слѣдовательно не раньше марта, и не позже апрѣля; въ августѣ начинается отлетъ этихъ птицъ, а къ концу октября онѣ совершенно исчезаютъ. Но въ южной Европѣ, а именно въ Греціи и Испаніи, такъ же какъ и въ сѣверной Африкѣ и преимущественно въ Египтѣ, а еще чаще въ Персіи и Индіи этого луны считаютъ уже осѣдой птицей. Общественный, какъ всѣ вообще луны, онъ присоединяется во время своихъ странствованій не только къ

Камышевый лунь. *Circus aeruginosus*. 1/4 наст. вел.

птицамъ одного съ нимъ вида, но также временно и къ сарычамъ и ястребамъ и въ сообществѣ съ ними путешествуетъ и гоняется за добычей.

Несмотря на то, что мнѣ случилось наблюдать за камышевымъ лунемъ въ трехъ частяхъ свѣта и, по временамъ, даже въ значительномъ количествѣ, я все-таки предпочитаю передать здѣсь слова кронпринца Рудольфа объ этомъ предметѣ; позволю себѣ, впрочемъ, отъ времени до времени вставить наблюденія другихъ опытныхъ натуралистовъ и иногда и свои собственные.

«Въ обширныхъ болотахъ Венгріи», говоритъ кронпринцъ, «камышевый лунь встрѣчается еще чаще, чѣмъ на низменностяхъ сѣверной Германіи, Шлезвига и Голландіи. Въ прочихъ же мѣстахъ Австріи онъ или вовсе не встрѣчается или строго ограниченъ нѣкоторыми мѣстностями, какъ напримѣръ, Австрійской низменностью, гдѣ большіе лѣса чередуются съ сухими полосами земли, обращенными въ нивы, болотистыми мѣстами береговыхъ лѣсовъ и берегами Дуная. Это тѣмъ за-

мѣтѣе, что камышевый лунь еще менѣе прочихъ своихъ сородичей находитъ поводъ предпринимать далекія путешествія. Онъ какъ будто боится покинуть свое мѣстожительство, такъ что его никогда нельзя встрѣтить въ лѣсу или на горахъ, или даже на сухихъ хлѣбныхъ поляхъ. Я никогда его не видалъ въ холмистыхъ и высокихъ мѣстностяхъ; даже въ лѣсахъ, находящихся отъ его жилища не болѣе чѣмъ на 10 килом., онъ отсутствуетъ совершенно, какъ въ кочевое время, такъ и во время высиживанья яицъ. Въ Придунайскихъ низменностяхъ, въ которыхъ онъ ежегодно появляется въ значительномъ количествѣ, онъ держится тоже только строго опредѣленныхъ мѣстностей; замѣчательно, что его никогда нельзя встрѣтить въ высокоствольномъ лѣсу, даже если его гнѣздо находится въ ста шагахъ отъ него.

«Образъ жизни и нравъ камышевого луня изобличаютъ въ немъ неблагогоднаго хищника, въ которомъ не отразились характеристичныя особенности этой группы птицъ. Слабость его тѣлосложенія дозволяетъ ему только охоту за небольшою дичью, которую онъ убиваетъ на землѣ или разыскиваетъ среди болотъ. Человѣкъ онъ боязливо избѣгаетъ, умѣетъ тоже спастись отъ него среди камыша, или непроходимыхъ болотъ и такимъ образомъ, не будучи слишкомъ пугливымъ, почти всегда избѣгаетъ преслѣдованія. За исключеніемъ времени размноженія, эту большую хищную птицу можно видѣть только довольно рѣдко. Днемъ скрывается она въ камышѣ, гдѣ въ полной тишинѣ, но съ большимъ успѣхомъ, гоняется за добычей. Это относится особенно къ тѣмъ лунямъ, которые устроили свое жилище среди обширныхъ болотъ, у стоячихъ водъ и топей. Здѣсь лунь сидитъ цѣлый день на толстыхъ стебляхъ тростника и камышевыхъ головкахъ, плавающихъ бревнахъ, старыхъ выступающихъ изъ воды сваяхъ и т. п., но всегда какъ можно дальше отъ берега. Плывущую среди осоки лодку или охотничью собаку онъ подпускаетъ къ себѣ на самое близкое разстояніе, какъ будто надѣясь на свое темное опереніе, и только, когда опасность ему покажется очень серьезною, то онъ подымается вверхъ, но не такъ, какъ другія хищныя птицы, которыя какъ можно скорѣе спѣшатъ удалиться на извѣстное разстояніе, но медленно летитъ надъ самымъ камышемъ, тяжело ударяя о воздухъ своими круглыми крыльями. Въ первую минуту своего полета, особенно если онъ собирается совершить только небольшой путь, лунь летитъ со сжатыми внизъ длинными ногами и тогда даже опытный охотникъ легко можетъ его принять за выпь или пурпуровую цаплю. Если онъ еще въ первый разъ застигнутъ охотникомъ, то не ищетъ своего спасенія въ бѣгствѣ, но скоро опять опускается на землю и старается спрятаться. Я увидалъ однажды у Нейзидлеровскаго озера пару камышевыхъ луней, поднявшихся около самой нашей лодки изъ тростника, покрывавшаго озеро на большое разстояніе отъ берега; они принялись летать вокругъ нашей лодки надъ самымъ камышемъ. Обѣ птицы держались отъ насъ на такомъ разстояніи, что ружейный выстрѣлъ не могъ ихъ достигнуть; отъ времени до времени они опускались внизъ, опять поднимались вверхъ и продолжали свою игру все время, пока я охотился, не обращая вниманія на выстрѣлы, направленные противъ чаекъ, утокъ и выпей. Совершенно иначе ведетъ себя камышевый лунь въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ не чувствуетъ себя безопаснымъ отъ преслѣдованій человѣка; такъ напримѣръ, въ Придунайскихъ низинахъ, гдѣ онъ долженъ вить гнѣзда среди тростниковыхъ порослей, окружающихъ старое русло рѣки, имѣющее всего 30—40 шаговъ ширины, среди тихихъ рукавовъ, между полями. Въ иныхъ случаяхъ ему даже приходится жить въ густомъ молодомъ лѣсу, въ высокой травѣ или въ кустарникѣ, на островахъ,—слѣдовательно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ каждую минуту можетъ появиться человѣкъ. Здѣсь онъ

ведеть себя осторожнѣе, чѣмъ въ болотахъ, но именно по этой причинѣ его здѣсь можно чаще увидать, чѣмъ тамъ. Единственное время, когда камышевый лунь отрывается отъ своей лѣнивой медлительности, отъ своей, такъ сказать пресмыкающейся лизни, это пора размноженія: тутъ онъ бросаетъ болото и тростникъ, носится высоко по воздуху, совершая самые удивительные фокусы на воздухѣ, какъ будто желая похвастаться своимъ умѣньемъ летать. Пара такихъ птицъ, живущая обыкновенно такъ скрыто, что ихъ въ остальное время года и не замѣтишь, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ состояніи оживить всю окружающую мѣстность. Раньше, чѣмъ самка начнетъ свою кладку, т. е. еще во время спариванья, парочка луней часто подымается въ высочайшіе слои воздуха и тамъ предается еще болѣе разнообразнымъ и искуснымъ играмъ, чѣмъ это дѣлають коршуны. Камышевые луни отличаются, впрочемъ, отъ коршуновъ тѣмъ, что, отъ времени до времени, со значительной высоты, вдругъ низвергаются на землю, и отдохнувъ нѣсколько секундъ, снова начинаютъ играть, совершенно такъ, какъ это дѣлають другіе луни. Около береговъ Дуная можно часто видѣть въ апрѣлѣ, какъ 4—5, а иногда и большее число камышевыхъ луней производить всевозможныя эволюціи въ воздухѣ, послѣ чего, спустившись до поверхности воды, скользятъ по ней съ одного берега къ другому, парятъ надъ песочными мелями, а, при случаѣ, кружатся въ воздухѣ вмѣстѣ съ чайками. Если же къ нимъ, какъ это почти всегда бываетъ, присоединятся обыкновенные и красные коршуны, серебристыя луговые луни, и всѣ эти различныя птицы стануть производить свои упражненія въ полетѣ, то оживленными ими поля представлять наблюдателю самую прелестную весеннюю картину.

«Съ началомъ мая, всѣ игры прекращаются; самки садятся уже на свои гнѣзда и только одни самцы отъ времени до времени забавляютъ ихъ и себя разными воздушными упражненіями. Когда видишь ихъ кружащимися все по одному и тому же мѣсту, то навѣрно можешь сказать, что гнѣздо находится неподалеку; поэтому его нетрудно отыскать. Въ стоячихъ водахъ, въ тростникѣ и болотѣ гнѣздо это устроено на высокыхъ кустахъ травы, или близъ самого берега въ осокѣ, иногда даже въ хлѣбномъ полѣ, въ случаѣ если эти поля непосредственно граничатъ съ берегами, населенными камышевыми лунями.

«Если нѣтъ подходящаго мѣста, или все болото покрыто водою, то гнѣздо, подобно гнѣзду лысухи, строится между высокими стеблями тростника, на самой водѣ, и слѣдовательно плаваетъ. Въ береговыхъ полянахъ оно находится чаще всего въ камышахъ, окаймляющихъ запруды или узкіе рукава, но кромѣ того встрѣчается постоянно въ просѣкахъ и молодыхъ лѣсахъ, расположенныхъ недалеко отъ берега. Я, впрочемъ, замѣтилъ, что нѣкоторыя гнѣзда изрѣдка попадаются и очень далеко отъ воды, въ совершенно сухихъ мѣстахъ. Въ такихъ случаяхъ гнѣздо представляетъ довольно обширную, плоскую, какъ тарелка, постройку изъ вѣтвей и травы и лежитъ прямо на землѣ, между тѣмъ какъ среди болотъ и тростниковыхъ зарослей оно всегда состоитъ изъ тростника, осок и другихъ болотныхъ растеній, которыхъ самка, часто издалека, притаскиваетъ въ своихъ лапахъ. При выборѣ мѣстожительства, птица главнымъ образомъ обращаетъ вниманіе на то, чтобы по близости его ничто не могло помѣшать ей свободно прелетать и вылетать изъ гнѣзда. Поэтому оно всегда построено на просѣкахъ, среди молодого лѣса на небольшихъ полянахъ, гдѣ нѣтъ густыхъ вѣтвей, которыя могли бы препятствовать длиннокрылой птицѣ быстро вспархивать съ мѣста при первой надобности. Самка продолжаетъ еще постройку гнѣзда, даже послѣ того, какъ начала кладку, и считаетъ его оконченнымъ только ко времени высидыванья. Большею частью въ первыхъ числахъ мая и во всякомъ случаѣ не раньше конца

апрѣля въ гнѣздѣ находятъ окончательную кладку, состоящую изъ 4—5, рѣдко 6 яицъ. Яйца бываютъ 40—46 мм. длины и 31—37 мм. ширины и имѣютъ шероховатую, матовую скорлупу бѣловато-зеленаго цвѣта; внутренняя же сторона скорлупы, напротивъ, ярко-зеленаго цвѣта.

«Камышевые луни самые нѣжные родители. Въ то время, какъ всѣ остальные хищныя птицы, за исключеніемъ полевыхъ луней, долго не рѣшаются вернуться къ гнѣзду, съ котораго разъ ихъ спугнули, камышевый лунь даетъ себя нѣсколько разъ согнать съ гнѣзда и снова возвращается къ нему даже на виду своего противника. Когда гнѣздо стоитъ на открытомъ мѣстѣ, то самка, которая, какъ у всѣхъ луней, одна занимается высиживаньемъ, старается обмануть вниманіе охотника, распластываясь по землѣ и только тогда съ шумомъ поднимается съ гнѣзда, когда врагъ ея находится отъ нея шага на два или на три; но и тутъ она не спѣшитъ улетѣть подальше, какъ это дѣлаютъ другія хищныя птицы, а медленно несется надъ самой землей, и только, отлетѣвши шаговъ на сто, подымается прямо вверхъ на довольно большую высоту, описываетъ большой кругъ надъ гнѣздомъ и возвращается къ нему съ другой стороны. Если же она замѣтитъ, что врагъ все еще не удался, то продолжаетъ носиться надъ нимъ съ жалобнымъ крикомъ; но стоитъ нарушителю ея спокойствія удалиться шаговъ на сто, какъ птица тотчасъ же съ высоты прямо опускается на гнѣздо.

«Я нашелъ однажды гнѣздо въ камышахъ у береговъ Дуная; самка, испугнутая шумомъ моихъ шаговъ, поднялась съ гнѣзда почти изъ подъ самыхъ моихъ ногъ, и была тотчасъ же мною застрѣлена. Самецъ, который кружился по близости, тотчасъ прилетѣлъ на мой выстрѣлъ и принялся, съ громкимъ крикомъ, описывать около меня все меньшіе и меньшіе круги, несмотря на то, что я стоялъ на совершенно открытомъ мѣстѣ, пока направленный въ него, но неудачный выстрѣлъ не испугалъ его и не заставилъ улетѣть. Другое гнѣздо я нашелъ въ густой порослѣ, покрывавшей просѣку въ довольно большомъ разстояніи отъ Дуная. Когда мы подошли къ нему на разстояніе нѣсколькихъ шаговъ, самка слетѣла съ него. Три направленныхъ въ нея выстрѣла не причинили ей вреда: она медленно полетѣла по направленію къ молодому лѣсу и тамъ скрылась съ нашихъ глазъ. Нѣсколько минутъ спустя она опять появилась съ противоположной стороны у опушки высокаго лѣса. Мы посигналили удалиться на 200 шаговъ и увидали, что самка тотчасъ приблизилась къ гнѣзду и быстро сѣла въ него. Тогда я подкрался опять къ ней и мѣткимъ выстрѣломъ убилъ самоотверженную мать въ ту минуту, какъ она вспорхнула съ гнѣзда. Чѣмъ легче убить камышеваго луня около гнѣзда, тѣмъ труднѣе подстеречь его въ другомъ мѣстѣ. Охота съ филиномъ вовсе не достигаетъ цѣли, такъ какъ лунь не кидается на филина, какъ соколы. Онъ, правда, быстро подлетаетъ къ ненавистой птицѣ, покружится около нея раза 2—3, а затѣмъ улетитъ подальше отъ нея».

Камышеваго луня мы безусловно должны считать самымъ вреднымъ хищникомъ изъ его рода: пища его состоитъ почти исключительно изъ водяныхъ и болотныхъ птицъ, ихъ яицъ и молодыхъ птенцовъ, и только въ случаѣ ихъ недостатка онъ довольствуется пресмыкающимися, рыбами и насѣкомыми. Охотится онъ въ общихъ чертахъ совершенно такъ-же, какъ и прочіе его сородичи, съ тою только разницей, что онъ гораздо усерднѣе преслѣдуетъ птицъ и въ этомъ отношеніи приноситъ больше вреда, чѣмъ какая-бы то ни была хищная птица, такъ какъ другіе ловятъ много мелкихъ грызуновъ и насѣкомыхъ. «Въ полѣ», разсказываетъ Наумацъ, «камышевый лунь выслѣживаетъ гнѣзда жаворопковъ и другихъ птицъ, причемъ не брезгаетъ ни яйцами, ни молодыми птичками. Большія

яйца онъ искусно высасываетъ, маленькія-же проглатываетъ съ скорлупой. Поэтому онъ производитъ страшныя опустошенія какъ въ гнѣздахъ полевыхъ птицъ, такъ и среди камышевыхъ зарослей, въ гнѣздахъ дикихъ гусей и утокъ, потому что во время вывода птенцовъ онъ питается одними яйцами и птицами. Старыя птицы, которыя очень хорошо знаютъ, что камышевый лунь такой-же искусный, какъ и злобный истребитель ихъ потомства, стараются всѣми силами удалить его отъ своего гнѣзда и преслѣдуютъ его жалобнымъ крикомъ и сердитыми ударами клюва. Дикія утки, гуси и другія плавающія птицы, покидая временно гнѣздо, тщательно закрываютъ яйца разнымъ настилочнымъ матеріаломъ, стараясь скрыть ихъ отъ глазъ луня. Зато яйца птицы, случайно слугнутой съ гнѣзда и не успѣвшей прикрыть ихъ—должны считаться неминуемо погибшими, такъ какъ первый лунь, которому они попадутся на глаза, безъ всякой церемоніи высосетъ ихъ. Только лебединыя яйца ему, кажется, разбить не подъ силу: я видѣлъ, какъ лунь долгое время клевалъ ихъ, но принужденъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Мелкихъ плавающихъ птицъ, которыя и сами то не безопасны отъ его когтей, онъ просто стогняетъ съ гнѣзда, чтобы добыть ихъ яйца; когда же птицы вылупились изъ яицъ, онъ начинаетъ преслѣдовать молодыхъ дикихъ утокъ, гусей, турухтавовъ, лысухъ, пигалицъ и т. д. Главнымъ предметомъ его нападеній во все время отъ вывода яицъ до самой осени служатъ лысухи, которыя, плавая вразсыпную и завидя врага издали, носпѣшно скликаютъ другъ друга и спѣшатъ укрыться въ ближайшемъ тростникѣ. Если хищникъ и тутъ преслѣдуетъ ихъ, то лысухи снова плывутъ на открытую воду и стараются снастись ныряя, такъ какъ въ тростникѣ лунь скоро утомляетъ ихъ, перепрыгивая съ одного тростниковаго стебля на другой, пока не спааетъ которую-нибудь изъ нихъ. Старымъ уткамъ онъ повредить не можетъ и даже не смѣетъ нападать на молодыхъ утятъ въ присутствіи матери, которая, чуть замѣтитъ, что лунь намѣренъ напасть на утенка, взлетаетъ ему на встрѣчу, иногда даже выше камыша, кидается и кусаетъ его, между тѣмъ какъ птенцы, прижавшись другъ къ другу въ комочекъ, испуганно дожидаются матери. Пока у молодыхъ гусятъ живы еще оба родителя, ни одинъ камышевый лунь не можетъ обидѣть ихъ, потому что оба родителя, а преимущественно самецъ постоянно сторожатъ птенцовъ». Какъ опустошительно хозяйничаетъ камышевый лунь среди птицъ того пруда, около котораго онъ устроивается на жительство, испыталъ Неркорнъ, у Риддагсаузерскаго пруда въ Брауншвейгѣ. Чтобы удержать около себя камышевыхъ луней, которые отъ времени до времени вили гнѣзда у пруда, онъ поручилъ позаботиться о томъ, чтобы парочка луней вывела и вырастила тутъ своихъ птенцовъ; къ его великому удовольствію двѣ пары луней свили себѣ тамъ гнѣзда и съ тѣхъ поръ онъ имѣлъ возможность наблюдать за ними, какъ за правильно возвращающимися въ эту мѣстность обѣдлыми птицами. Намѣреваясь послать птенцовъ въ Берлинскій зоологическій садъ, онъ отправился въ 1876 году къ мѣсту гнѣздованія и тутъ узналъ, какихъ обѣдъ натворили его питомцы. «Хотя я и зналъ, что камышевые луни настояще разбойники и въ особенности, пока пруды еще не заросли камышемъ, постоянно грабятъ гнѣзда лысухъ, я еще не имѣлъ полнаго представленія объ ихъ разрушительной дѣятельности. Около гнѣзда, на пространствѣ 50 квадратныхъ метровъ, лежали на кочкахъ головныя перья и остатки преимущественно молодыхъ лысухъ и утокъ въ такомъ огромномъ количествѣ, что я вполнѣ понялъ тогда причину необъяснимой мнѣ до сихъ поръ страшной убыли этихъ птицъ. Въ то время, какъ въ прежніе годы сотни лысухъ населяли прудъ, въ эту весну я ихъ насчиталъ едва десять паръ; подобная же убыль замѣчалась и у различныхъ гагаръ. Среди ка-

мышевокъ дуня, кажется, еще не успѣли произвести такихъ страшныхъ опустошеній, такъ какъ количество ихъ было значительно. Несмотря на это, я рѣшилъ положить конецъ этимъ злодѣяніямъ и лучше разводить такихъ птицъ, которыя хоть и утащатъ отъ времени до времени у меня рыбку, но по крайней мѣрѣ не станутъ такъ грубо злоупотреблять моимъ гостеприимствомъ.»

Къ особенному семейству причисляемъ мы **Каракарь** (Polyborinae, Geierfalcken. Сагасагас); это хищныя птицы съ относительно длиннымъ клювомъ, который у основанія прямой, на концѣ слегка загнуть короткимъ крючкомъ и не имѣетъ зубцовъ. Ноги высокія, съ узкими плюснами и слабыми, не очень длинными пальцами, вооруженными мало загнутыми, но острыми на концѣ когтями; крылья короткія, хвостъ широкій и длинный, опереніе жесткое, уздечка, въ рѣдкихъ случаяхъ горло и передняя часть лба голые, а на задней части головы перья заострены.

О родинѣ, жилищѣ, образѣ жизни и нравахъ этихъ замѣчательныхъ птицъ мы имѣемъ весьма подробныя и многочисленныя свѣдѣнія, благодаря наблюденіямъ принца фонъ Видъ, д'Орбиньи, Дарвина, Шомбургка, Чуди, Одюбона и Бурмейстера. «Каракары», говоритъ Дарвинъ, «своей многочисленностью, наглостью и отвратительнымъ образомъ жизни должны броситься въ глаза всякому, кто привыкъ только къ птицамъ сѣверной Европы». Онѣ замѣняютъ не только грифовъ, но и вороновъ, воронъ и галокъ. Въ Южной Америкѣ онѣ попадаются вездѣ, гдѣ только можетъ ступить нога человѣка, отъ берега моря, до самыхъ вершинъ Андъ. «Каракары», говоритъ д'Орбиньи, «самые несносные паразиты человѣка на различныхъ ступеняхъ его цивилизаціи. Вѣрные спутники дикаря, онѣ слѣдуютъ за нимъ съ одного конца лѣса до другого, вдоль береговъ рѣкъ, черезъ равнины и временно поселяются тамъ-же, гдѣ поселяется и онъ. Стоитъ только остановиться гдѣ-нибудь на короткое время и раскинуть шалашъ, чтобы тотчасъ явились каракары; опустившись на крышу временнаго жилища, онѣ какъ будто берутъ его во владѣніе, готовые тотчасъ наброситься на остатки пищи одинокого поселенца. Если человѣкъ гдѣ-нибудь основываетъ колонію, то каракара и тутъ послѣдуетъ за нимъ, устраивается по сосѣдству и безъ усталки носится между домами, гдѣ находитъ себѣ обильную пищу. Когда наконецъ человѣкъ, собираясь обработать большія пространства земли, окружаетъ себя многочисленными стадами домашнихъ животныхъ, неутомимая дѣятельность каракарь, повидимому, еще увеличивается. Жизнь ихъ тогда вполнѣ обезпечена, такъ какъ онѣ не боятся заниматься разбоемъ даже вблизи человѣческаго жилья; пользуясь небрежностью жителей, онѣ то утащатъ пыленка, то украдутъ кусокъ вывѣшеннаго для сушенія мяса. Но зато, подобно грифамъ, онѣ приносятъ и пользу безпечнымъ жителямъ, пожирая трупы животныхъ и другія нечистоты». Два вида этого подсемейства всегда встрѣчаются у дверей домовъ, въ степи или у опушекъ лѣсовъ; другіе съ тою-же цѣлю окружаютъ жилища въ горахъ, иные-же населяютъ обширные лѣса и наконецъ нѣкоторые виды живутъ вдоль морского берега, такъ какъ каракары ѣдятъ не только все, что имъ можетъ доставать животное царство, но питаются и лѣсными плодами.

Каракарь можно узнать издали по полету: ихъ крылья кажутся четырехугольными потому, что раздвинутыя маховыя перья кажутся одинаковой длины. Полетъ ихъ могъ бы быть очень быстрымъ, но по большей части птица несетъ медленно и низко падъ землю; ходить онѣ безъ труда, важно и медленными шагами. Одинъ видъ каракарь такъ освоился съ землею, что для ночлега никогда

не выбираетъ деревья, а только обломки скаль. Изъ внѣшнихъ чувствъ выше всѣхъ стоитъ зрѣніе; слухъ и обоняніе, повидимому, такъ-же хорошо развиты. Правъ ихъ представляетъ смѣсь безпечности и наглости, общительности и нетерпимости. Въ понятливости имъ отказать нельзя, но пріятными птицами ихъ никто не назоветъ. Въ особенноти непріятенъ ихъ часто повторяющійся, пронзительный крикъ, который онѣ испускають, сильно мотая головою, преимущественно въ то время, какъ завидяють что-нибудь съѣдобное.

Гнѣздо строится на землѣ или на деревьяхъ, кладка состоитъ изъ 2 — 6 кругловатыхъ и пятнистыхъ яицъ, очень похожихъ на яйца всѣхъ вообще видовъ дневныхъ хищныхъ птицъ. Повидимому оба родителя высиживають яйца.

* * *

Представителемъ рода **Криливыхъ луней** (*Ibycter*) можетъ служить **Химахина** (*Ibycter crotophagus*, *Milvago chimachina* и *ochrocephalus*, *Polyborus* и *Haliaëtus chimachina*, *Falco degener* и *crotophagus*, *Gymnops strigilatus*. *Chimachina*). Эту птицу, такъ же какъ и другихъ ея сородичей, отличаютъ слѣдующіе характерные признаки: длинный слабый клювъ оканчивается короткимъ крючкомъ и не имѣетъ зубцовъ на верхней челюсти; восковица образуетъ широкую выемку передъ круглыми ноздрями, окруженными высокими краями; стройныя ноги средней длины, плюсны почти совсѣмъ голыя; довольно длинныя пальцы вооружены крѣпкими, круто загнутыми когтями; крылья, въ которыхъ четвертое маховое перо самое длинное, заострены; довольно длинный хвостъ нѣсколько закругленъ; на горлѣ опереніе очень рѣдкое.

У стараго химахина общій цвѣтъ оперенія грязно-бѣлый; полоса, идущая отъ глаза къ задней части головы, спина, крылья и хвостъ темно-бурые; четыре переднихъ маховыхъ пера на обѣихъ бородкахъ бѣлыя и покрыты по срединѣ темными точками, вслѣдствіе чего образуется свѣтлая поперечная полоса; прочія маховыя перья у корня желтовато-бѣлыя съ черными поперечными полосками, а къ концу черно-бурыя; хвостовыя перья бѣловатыя съ узкими черно-бурыми полосками, за исключеніемъ широкой черно-бурой оконечности. Большіе глаза сѣро-бурые, клювъ у основанія голубовато-бѣлый, у кончика свѣтлѣе; ноги блѣдно-голубоватыя; восковица, уздечка, вѣки, узенькій ободокъ вокругъ глазъ и кожа подбородка оравжевые. Самка и самецъ мало различаются по цвѣту. У самки цвѣта грязнѣе и полосы на хвостѣ шире, а на заднихъ маховыхъ перьяхъ бѣлыя каемки. У молодыхъ птицъ верхняя часть головы и щеки темно-бурыя; бока и задняя часть шеи желтовато-бѣлыя съ темно-бурыми пятнами. Нижнія шейныя перья темно-бурыя, въкоторыя изъ нихъ окаймлены краснымъ цвѣтомъ, кроющія перья крыльевъ имѣють красно-бурыя и черно-бурыя поперечныя полоски; горло грязно-бѣлое, перья на груди черновато-бурыя съ желтыми долевыми полосками по срединѣ; перья брюшка желтоватыя. Длина достигаетъ 38 см., а у самки 40 см., размахъ крыльевъ 81 — 83, длина крыла 25 — 26, длина хвоста 16—17 см.

Химахина распространена въ большей части Южной Америки. Въ Бразиліи онъ водится вездѣ по множествѣ, въ Гвианѣ преимущественно въ степяхъ, а именно въ высохшихъ болотахъ; на островахъ Чили онъ живетъ вездѣ, въ Чилое встрѣчается въ огромномъ количествѣ, а на берегахъ Патагоніи и Огненной Земли составляетъ еще довольно обыкновенное явленіе. Любимымъ его мѣстопробываніемъ служатъ открытыя, ровныя мѣстности, особенно выгоны, гдѣ пасется скотъ, на островахъ Чилое его можно видѣть на каждой крышѣ, за каждымъ плугомъ. На берегахъ моря онъ

встрѣчается вездѣ, на горахъ же только до извѣстной вышины. Ходить онъ на землѣ довольно увѣренно, летаетъ же не очень быстро, такъ какъ пареніе прерывается довольно частыми ударами крыльевъ. Химахина перелетаетъ прямо съ одного мѣста на другое, чаще попарно, но иногда и въ одиночку, но никогда не собирается въ стаи или общества. Въ высшей степени задорный, химахина постоянно воюетъ со всѣми своими сородичами, между тѣмъ какъ съ птицами другихъ отрядовъ живетъ довольно согласно. По словамъ Дарвина, химахина

Химагго. *Ibyster australis* и Химахина. *Ibyster crotophagus*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

пожираетъ все, даже хлѣбъ, выброшенный съ соромъ изъ дому, или сырой картофель, который онъ воруетъ не только около домовъ, но выкапываетъ и въ полѣ, вскорѣ послѣ того, какъ его посадятъ. Химахина послѣднимъ изъ хищниковъ покидаетъ скелетъ трупа: его часто можно видѣть за ребрами скелета, коровы или лошади, какъ птицу въ клеткѣ. Черви и личинки насѣкомыхъ составляютъ тоже иногда лакомое блюдо для химахина; кромѣ того онъ часто садится на спины домашнихъ животныхъ, чтобъ освободить ихъ отъ вшей и другихъ насѣкомыхъ или ихъ личинокъ. Въ болотахъ отыскиваетъ онъ улитокъ и пресмыкающихся, на мор-

скомъ берегу онъ клюетъ въ песокъ разныхъ морскихъ животныхъ, которыхъ приливъ выбрасываетъ на берегъ. Повидимому онъ совсѣмъ не гоняется за птицами и млекопитающими. Въ желудкѣ этихъ птицъ натуралисты находили только бѣлыхъ личинокъ и червей, улитокъ и рыбъ, но никогда не видали слѣдовъ съѣденныхъ ими птицъ. Химахина несомнѣнно своею воровскою наглостью, но еще несомнѣнно своимъ высокимъ, звонкимъ, часто повторяющимся свистомъ, который буквально оглушаетъ слушателя.

Въ сентябрѣ или октябрѣ химахина удаляется отъ человѣческихъ жилищъ, чтобы на подходящемъ деревѣ изъ хвороста и корней построить свое большое, но низкое и сверху плоское гнѣздо. Кладка состоитъ, по мнѣнью д'Орбиньи, изъ 5—6 кругловатыхъ яицъ, покрытыхъ по красноватому или свѣтло-сѣрому фону красными или темно-бурыми пятнами и крапинками, которая у толстаго конца гуще, чѣмъ у тонкаго и въ общемъ расположена весьма неправильно. Въ періодъ высиживания химахина общительнѣе и терпимѣе, чѣмъ въ другое время и выказываетъ большую нѣжность къ своимъ птенцамъ, но какъ только птенцы становятся самостоятельными, вся суровость права снова возвращается къ родителямъ.

Химанго. (*Ibycter australis*, *Falco australis* и *novae-zaelandiae*, *Morphnus* и *Polyborus novae-zealandiae*, *Circaetus novae-zealandiae* и *antarcticus*, *Milvago australis* и *leucurus*, *Senex australis*, *Aetiochis novae-zealandiae* и *australis*, *Vultur plaucus*, *Chimango*) хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ живетъ вмѣстѣ съ химахинами, но вообще принадлежитъ болѣе южной оконечности материка. Особенно часто встрѣчается онъ на Фалклендскихъ островахъ, которые, повидимому, составляютъ центральный пунктъ его области распространенія. По величинѣ эти каракары подходятъ къ нашимъ орламъ—крикунамъ. Переніе старыхъ птицъ густого чернаго цвѣта, только перья спины и груди покрыты бѣловатыми долевыми пятнами; бедра ярко-ржаво-красныя; корни маховыхъ перьевъ и концы хвостовыхъ перьевъ—бѣлые. Клювъ свѣтло-рогового цвѣта, восковица и ноги—оранжевыя. Молодые птицы отличаются отъ старыхъ отсутствіемъ свѣтлыхъ полосъ на шеѣ и груди; перья ихъ ржаво-красныя и красновато-бѣлыя, корни маховыхъ перьевъ ржаваго цвѣта, перья хвоста черновато-бурыя, безъ бѣлыхъ концовъ. Клювъ темнѣе, ноги желтовато-бурыя.

О правахъ и образѣ жизни химанго сообщаютъ намъ Дарвинъ и Абботъ. «Эти хищныя птицы», говоритъ Дарвинъ, «во многомъ сходны съ другими видами семейства каракаръ. Они питаются мясомъ убитыхъ животныхъ и рыбъ, на нѣкоторыхъ же островахъ одно море доставляетъ имъ пищу. Они совсѣмъ не робки, скорѣе въ высшей степени безстрашны и отыскиваютъ себѣ пищу въ отбросахъ, около самыхъ жилищъ человѣка. Когда общество охотниковъ убьетъ звѣря, то химанго собирается въ большомъ количествѣ вокругъ трупа, терпѣливо ожидая, не перепадетъ-ли что-нибудь на ихъ долю. Но они также охотно нападаютъ и на раненыхъ животныхъ: такъ напримѣръ, одинъ раненый бакланъ, убѣжавшій отъ нихъ къ берегу моря, былъ мгновенно схваченъ и убитъ нѣсколькими химанго, по крайней мѣрѣ его смерть была ускорена ударами клюва этихъ хищниковъ. Офицеры одного военнаго судна, зимовавшаго на Фалклендскихъ островахъ, рассказываютъ много примѣровъ необыкновенной хищности и безстрашии этихъ птицъ. Такъ, они напали напримѣръ на собаку, лежавшую у ногъ своего господина, а на охотѣ, стрѣлкамъ стоило немало труда спасать отъ химанго убитыхъ ими дикихъ гусей, которыхъ эти хищники хватили прямо на ихъ глазахъ. Говорятъ, что цѣлое общество каракаръ сидитъ часто передъ отверстіемъ кроличьей норы, и когда

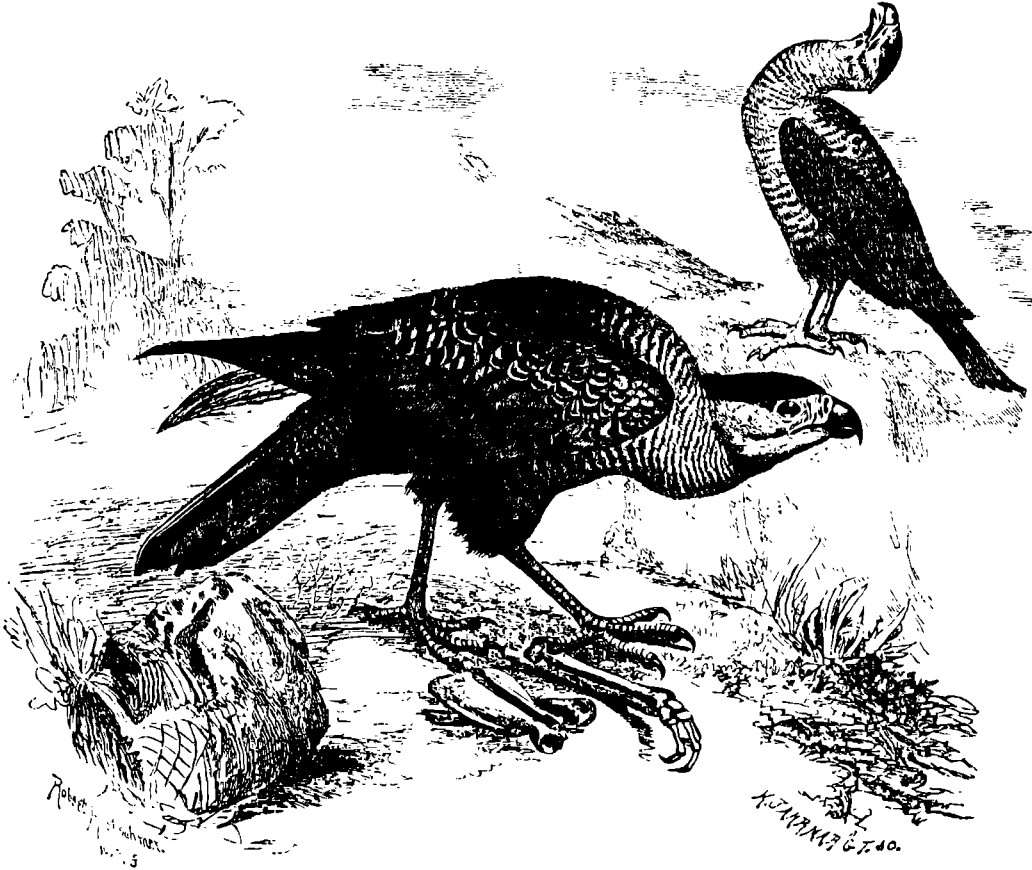
выйдет животное, набрасываются на него всё вмѣстѣ. Пока корабль находился въ гавани, эти птицы постоянно летали вокругъ борта корабля, такъ что надо было ставить усиленный караулъ, чтобы помѣшать имъ срывать кожу со снастей или воровать мясо и дичь съ кормы корабля». Абботъ замѣтилъ, что онѣ не щадятъ даже раненыхъ птицъ, своего собственнаго вида, а яростно набрасываются на нихъ, убиваютъ и пожираютъ. «Онѣ чрезвычайно живы и любопытны и хватаютъ почти все, что лежитъ на землѣ: большую черную, лакированную шляпу затащили онѣ разъ на цѣлую англійскую милю разстоянія; точно также унесены были два тяжелыхъ шара, которые употребляются для поимки скота. У Узборна, во время съѣмки плана береговой линіи, какарары утащили маленькій компасъ вмѣстѣ съ футляромъ, въ которомъ онѣ лежалъ, и такъ далеко унесли его, что его никакъ не могли отыскать; кромѣ того птицы эти такъ задорны и страстны, что иногда со злости вырываютъ клювомъ траву». Несмотря на то, онѣ очень трусливы при встрѣчѣ съ болѣе мужественнымъ животнымъ. Абботъ видалъ, какъ камешарка прогнала каракару, которая собиралась утащить яйца этой береговой птицы. По землѣ онѣ бѣгаютъ съ удивительной скоростью, почти такъ-же ловко, какъ фазаны; полетъ ихъ, напротивъ того, тяжелъ и неуклюжъ, такъ что онѣ скорѣе бѣгаютъ, чѣмъ летаютъ. Онѣ тоже кричатъ и испускаютъ подъ-рядъ нѣсколько неприятныхъ звуковъ, которые такъ напоминаютъ карканье воронъ, что охотники за тюленями называютъ каракаръ прямо воронами. Во время своего крика, онѣ, подобно другимъ видамъ этого подсемейства, закидываютъ голову вверхъ и назадъ. Гнѣздо вѣсится на утесахъ морского берега, состоитъ обыкновенно изъ сухихъ стеблей травы и часто выложено внутри шерстью. Кладка состоитъ изъ 2, рѣдко 3 кругловатыхъ яицъ, которыя по свѣтло-коричневому фону покрыты болѣе темными пятнами, черточками и точками и появляются въ черныхъ числахъ ноября. Молодые птицы только къ концу втораго года покрываются пестрымъ опереніемъ своихъ родителей.

* *
*

Родъ **Настоящихъ Каракаръ** (*Polyborus. Geierfalken*), которыя служатъ представителями самыхъ распространенныхъ видовъ этого подсемейства, отличается стройнымъ тѣломъ, большимъ, вытянутымъ, но высокимъ, у корни прямымъ клювомъ со слабымъ крючкомъ на концѣ, высокими стройными ногами, довольно короткіе пальцы которыхъ снабжены острыми, но едва загнутыми когтями, длинными, сильными крыльями, въ сложенномъ состояніи почти достигающими конца хвоста; на нихъ третье маховое перо самое длинное; длиннымъ, на концѣ обрубленнымъ хвостомъ, жесткимъ тусклымъ опереніемъ, которое на головѣ, шеѣ и груди состоитъ изъ узкихъ, а на спинѣ изъ широкихъ, закругленныхъ перьевъ, а на уздечкѣ превращается въ щетинки.

Каранхо. (*Polyborus brasiliensis, tharus, vulgaris, cheriway* и *auduboni, Falco tharus, brasiliensis, planctu; и cheriway, Caracara vulgaris. Carancho. Caracara commun.*); по измѣренію принаца фонъ Видъ, достигаетъ 70 см. длины; размахъ крыльевъ равняется 125 см., длина крыла 38, длина хвоста 20 см. Перья верхней и задней части головы, которыя иногда приподнимаются въ видѣ хохла—темно-буро-черныя; перья спины черно-бурыя, съ бѣлыми поперечными полосками; крыло темно-бурое, заднія большія кроющія и рулевья перья покрыты блѣдными поперечными полосками; щеки, подбородокъ, горло и нижняя часть шеи—бѣлые или желтовато-бѣлые; бока шеи и груди покрыты такими-же полосками, какъ и спина; брюшко, бедра и гузка равномерно черно-бурого цвѣта;

маховыя перья у корня и кончика черно-бурыя, съ бѣлой серединой и тонкими темными поперечными полосами, точками и треугольными пятнами на наружной бороздѣ; рулевыя перья наконецъ бѣлыя, съ очень узкими блѣдно-буроватыми поперечными полосками и широкой черно-бурой концевой полоской. Глаза сѣрые или красновато-бурые; клювъ свѣтло-голубоватый, ноги оранжевыя, восковица, уздечка и голое пятно около глазъ желтовато-бурыя. Самка немного больше самца, но вообще отличается отъ него только немного болѣе блѣдной окраской. У молодыхъ птицъ перья верхней части тѣла имѣютъ свѣтлыя каймы и нѣсколько заост-

Каранхо. *Polyborus brasiliensis*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

рены, перья темени матово-буро-черныя и всѣ остальные цвѣта оперенія блѣдныя и тусклые.

Азара, принцъ фонъ Видъ, Дарвинъ, д'Орбинья, Одюбонъ, Шомбургъ, Чуди, Бокъ, Овенъ, Германъ и другіе натуралисты доставили намъ очень подробныя свѣдѣнія объ образѣ жизни, нравахъ и мѣстожительствѣ каранхо. Эта хищная птица живетъ нерѣдко парами въ равнинахъ Южной Америки, преимущественно въ степяхъ и рѣдкихъ лѣсахъ. Въ первобытныхъ лѣсахъ и въ горахъ они никогда не встрѣчаются, но особенно многочисленны въ мѣстахъ болотистыхъ. «Часто можно видѣть», говорятъ принцъ фонъ Видъ, «какъ эти красивыя хищныя птицы прохаживаются по настинамъ или, сильно ударя крыльями, почти надъ самой землей торопливо перелетаютъ съ одного куста на другой. Но еще кра-

сивше эти пестрые, гордые птицы на землѣ. Онѣ ходятъ выпрямившись и ловко шагаютъ передъ собою, такъ какъ ихъ длинныя ноги, довольно короткіе пальцы и не очень загнутые когти очень удобны для хожденія». Хохоль ихъ придаетъ имъ, по мнѣнію Бока, величественный видъ, а дерзость вполнѣ соответствуетъ тому мнѣнію, которое составляешь себѣ о нихъ съ перваго взгляда.

Пища ихъ состоитъ изъ всякихъ животныхъ веществъ. Въ степяхъ они гоняются, подобно нашему дуню, за мышами, маленькими птицами, пресмыкающимися, улитками и насѣкомыми, на морскомъ берегу они питаются тѣмъ, что выбрасывается приливомъ на берегъ. Принцъ фонъ Видъ находилъ въ желудкѣ каранхо остатки насѣкомыхъ и преимущественно кузнечиковъ, которыхъ очень много въ бразильскихъ лугахъ; Бокъ наблюдалъ часто, какъ они, въ сообществѣ свиней, разрывавшихъ землю, поѣдали личинокъ и червей; Азара видѣлъ, какъ они преслѣдовали американскаго страуса, ягнятъ и молодыхъ оленей. «Если стада», сообщаетъ онъ, «не охраняются хорошей собакой, то легко можетъ случиться, что каранхо нападетъ на новорожденныхъ ягнятъ и съѣстъ ихъ живьемъ, вырвавши предварительно ихъ внутренности изъ живота. Если каранхо не надѣется совладать со своей добычей, то онъ призываетъ 4 или 5 своихъ товарищей и становится тогда опаснымъ хищникомъ». У всякой падали онъ постоянный гость. «Когда въ долинѣ околѣтъ какое-нибудь животное», говоритъ Дарвинъ, «то первый является на пиръ урубѣ, а каранхо чисто обгладываетъ кости. По дорогамъ въ пустыняхъ Патагоніи можно часто видѣть большое число этихъ птицъ, пожирающихъ трупы животныхъ, умершихъ отъ голода и жажды». Поселяне сильно ненавидятъ каранхо за то, что онъ съ величайшею наглостью похищаетъ куски мяса, вывѣшенные для сушки; но для разнообразія онъ поѣдаетъ охотно и цыплятъ или другихъ слабыхъ, а иногда и болѣе сильныхъ домашнихъ животныхъ. По словамъ Дарвина, онъ таскаетъ и яйца. Часто можно видѣть, какъ каранхо, стоя на спинѣ лошади или мула, ищетъ у нихъ паразитовъ или сдираетъ клювомъ струпья съ ранъ бѣднаго животнаго, которое, опустивъ уши и изогнувъ спину, стоитъ спокойно, такъ какъ не имѣетъ возможности освободиться отъ назойливой птицы. Едва-ли подлежить сомнѣнію, что каранхо, при первой возможности безъ церемоніи насыщается и у человѣческаго трупа; объ этомъ можно судить уже по поведенію птицы, когда ляжешь отдохнуть гдѣ-нибудь въ пустынѣ. «Пробудившись», говоритъ Дарвинъ, «вы замѣчаете на каждомъ сосѣднемъ холмѣ по одной или по нѣсколькимъ этимъ птицамъ, которыя терпѣливо сторожатъ васъ своими недружелюбными взорами». Охотники, выѣзжающіе съ лошадьми и собаками, днемъ всегда сопровождаются нѣсколькими каранхо, которые часто утаскиваютъ у нихъ изъ-подъ носа подстрѣленную ими дичь. Она даже гоняется за другими хищниками, въ надеждѣ отнять у нихъ только что пойманную ими добычу. Такъ напримѣръ, они преслѣдуютъ большихъ аистовъ, только что проглотившихъ кусокъ мяса и мучаютъ ихъ до тѣхъ поръ, пока несчастныя птицы не отрыгнуть добычи, которой тотчасъ же завладеваютъ каранхо. Съ другой стороны ихъ тоже дразнятъ и сердятъ всевозможныя птицы. Даже ихъ ближайшіе сородичи часто ссорятся съ ними. «Когда каранхо», говоритъ Дарвинъ, «спокойно сидитъ на вѣткѣ или на землѣ, химанго часто принимается кружиться около него, то поднимаясь, то опускаясь, и нарываетъ, всякій разъ, какъ приблизится къ своему родичу, нанести ему ударъ клювомъ, котораго, съ своей стороны, каранхо старается всѣми силами отвратить». Ваши населяютъ его опереніе въ такомъ огромномъ количествѣ, что трудно даже рѣшиться снять кожу съ убитой птицы.

При крикѣ каранхо закидываетъ совершенно голову на спину и издаетъ скри-

лучше «тра-а-а», затѣмъ еще разъ приподымаетъ голову и кричитъ «ро-о-о» хриплымъ голосомъ, похожимъ на скрипъ, происходящій отъ тренія или ударовъ дерева о дерево. Этотъ крикъ слышенъ издалека, но очень неприятенъ.

Съ ранняго утра до поздней ночи каранхо постоянно дѣятеленъ и въ непрерывномъ движеніи. Къ вечеру онъ соединяется на извѣстныхъ мѣстахъ съ другими птицами своего вида и со своимъ вѣрнымъ товарищемъ, чернымъ коршунотъ, причеиъ выбираетъ для ночлега преимущественно нижнія вѣтки одиноко стоящихъ старыхъ деревьевъ въ степи. Къ такимъ деревьямъ онъ прилетаетъ за 5—6 англійскихъ миль. За неимѣніемъ ихъ, онъ устраивается и на низкихъ кустахъ, садится на удобныя ему скалы или на постройки термитовъ.

Спарившіяся четы каранхо живутъ въ теченіи цѣлаго года въ самомъ тѣсномъ союзѣ. Ихъ можно узнать даже среди цѣлой стаи, такъ какъ они постоянно держатся вмѣстѣ. Время высиживанія различно, смотря по мѣстности, въ которой живетъ каранхо. Въ Парагваѣ онъ вьетъ гнѣздо осенью, въ средней Америкѣ—весною. Гнѣздо представляетъ большую плоскую постройку изъ хвороста, углубленіе которой выложено тонкими кореньями, травой и мхомъ. Его находятъ, какъ на высокихъ, такъ на низкихъ деревьяхъ. Кладка состоитъ изъ 3—4, рѣдко 2 яицъ, которыя имѣютъ форму вытянутой груши; они достигаютъ 45 мм. длины и въ самомъ толстомъ мѣстѣ 35 мм. ширины, бываютъ весьма различны по цвѣту и рисунку; но преобладающій цвѣтъ все также желтоватый съ бурыми и кроваво-красными пятнами. Птенцы, при вылупленіи изъ яйца, покрыты бѣлымъ пушкомъ; родители воспитываютъ ихъ очень заботливо и, пока они нуждаются въ ихъ помощи, поддерживаютъ во всѣхъ отношеніяхъ; но потомъ скоро гонятъ ихъ отъ себя, или по крайней мѣрѣ относятся къ нимъ равнодушно.

О жизни въ неволѣ вынудой имъ изъ гнѣзда парочки каранхо Одюбонъ передаетъ намъ слѣдующее. Самецъ выказывалъ сильное властолюбіе относительно своей сестры и рѣдко пропускалъ случай проучить ее сильными ударами клюва, причеиъ оба громко кричали. Мученія эти иногда бывали такъ жестоки, что злополучная самка по нѣсколько минутъ лежала на спинѣ съ вытянутыми передъ собою для защиты когтями. Самка тоже неприятно и громко кричала, но голову назадъ закидывалъ одинъ самецъ. Оба каранхо относились довольно недружелюбно къ своему воспитателю. Когда ихъ хватали руками, они такъ сильно защищались клювомъ и когтями, что приходилось бросать ихъ. Они ѣли мертвыхъ и живыхъ животныхъ, крысъ, мышей, всякаго рода цыплятъ и выказывали такую же ловкость, какъ орлы и соколы, при хватаніи добычи когтями. Во время ѣды, они крѣпко держали пищу въ когтяхъ и безъ церемоніи разрывали и проглатывали куски мяса вмѣстѣ съ шерстью и перьями. Они ѣли очень много заразъ, но могли голодать по нѣсколько сутокъ безъ ущерба для здоровья. Вода была имъ существенно необходима; они принимались за нее уже съ ранняго утра. На вторую весну опереніе ихъ стало окрашиваться въ тѣ же цвѣта, какъ опереніе старыхъ птицъ, но полной красоты послѣднихъ достигли они только гораздо позже.

По моимъ собственнымъ наблюденіямъ птица эта обращаетъ вниманіе только своей высокой, прямой посадкой, во всемъ-же прочеиъ она ничего не представляетъ привлекательнаго. Цѣлыми часами сидитъ она неподвижно на одномъ мѣстѣ, не двигая ни однимъ членомъ, развѣ только медленно опускаетъ и приподымаетъ свой хохолъ. Въ клѣткѣ она выбираетъ для сидѣнья самую высокую жердочку, но не избѣгаетъ и пола клѣтки, по которому любятъ иногда часами шагать взадъ и впередъ. Обыкновенную и, повидимому, любимую пищу каранхо составляетъ мясо, но онъ не пренебрегаетъ и растятельными веществами; такъ наприиѣръ, ему

очень нравится картофель. Его звонкій, своеобразный, и во всякомъ случаѣ неприятный крикъ раздается иногда очень часто и сильно надоѣдаетъ слушателю

Приблизительно въ тѣхъ же странахъ Африки, гдѣ живетъ пѣвчій лстребъ, водится и самый странный представитель этого семейства, можно даже сказать, одна изъ самыхъ странныхъ птицъ вообще; ее называютъ **Змѣятникомъ** (*Gymnogenys typicus* и *melanostictus*, *Polyboroides typicus*, *radiatus* и *malzakii*, *Circaetus radiatus*, *Nisus radiatus*, *Schiangensperber*. *Gymnogenes*). Птица эта, насколько намъ извѣстно, имѣетъ только одного сородича, живущаго на Мадагаскарѣ. Она отличается маленькимъ туловищемъ и очень маленькой головой съ голыми щеками и относительно слабымъ клювомъ, но несоразмѣрно длинными и широкими крыльями, большимъ, широкимъ, слабоокругленнымъ хвостомъ и очень высокими, но тонкими ногами съ сравнительно короткими пальцами. Опереніе на верхней части тѣла, передней части шеи и груди—пепельно-голубое; на брюшкѣ, бедрахъ и кроющихъ перьяхъ хвоста, по бѣлому полю покрыто узкими черными полосками. Большія маховыя перья черныя, верхнія малыя маховыя—съ круглыми черными пятнами немного выше конца; рулевыя перья черныя съ бѣлыми кончиками и на половинѣ длины украшены широкой бѣлой полоской. Глаза каріе, клювъ черный, ноги лимоннаго цвѣта, восковица и голое кольцо около глазъ свѣтло-желтыя. Длина самца достигаетъ, по нѣкоторымъ измѣреніямъ, 54 см.; размахъ крыла 1,36 м., длина крыла 42 см. хвоста 29, плюсны 9, средняго пальца 4 см.

Область распространенія змѣятника, если считать живущихъ на Мадагаскарѣ его сородичей за особый видъ, простирается на всю среднюю Африку: съ западнаго берега моря до восточнаго, такъ-же какъ и къ югу этой части свѣта. Его убивали въ Гамбін, Габунѣ, землѣ Каффровъ, у Замбези, въ Абиссиніи и въ западномъ Суданѣ. Въ тѣхъ восточныхъ странахъ Судана, которыя я объѣзжалъ, онъ принадлежитъ къ рѣдкимъ птицамъ. Его можно встрѣтить иногда въ негусто заросшихъ лѣсахъ, но всегда близъ воды. Эта большая птица всегда бросается въ глаза. Во время полета ее легко принять за орла, такъ какъ ея огромныя крылья легко бы могли поддержать въ воздухѣ даже и орла. Медленными, лѣнивыми взмахами крыльевъ перелетаетъ змѣятникъ съ одного дерева къ другому, выбирая себѣ для ночлега самую высокую изъ нихъ. Змѣятникъ дикъ и остороженъ, живетъ уединенно и повидимому обладаетъ угрюмомъ нравомъ, свойственнымъ всемъ животнымъ, которыя питаются пресмыкающимися. Я нашелъ въ зобу убитаго мною змѣятника двухъ ящерицъ; другіе наблюдатели замѣтили, что онъ охотится и за лягушками. По словамъ Верро, пальцы змѣятника отличаются безпримѣрною гибкостью: нога его въ пяточномъ сочлененіи можетъ двигаться и впередъ, и назадъ, чѣмъ умѣетъ отлично пользоваться эта странная птица при добываніи себѣ пищи. Она становится въ болото и вертитъ ногами туда и сюда, съ удивительной ловкостью, пока ей не удастся схватить добычу. Короткіе пальцы позволяютъ змѣятнику просовывать ногу въ самыя узкія щели и вытаскивать оттуда лягушекъ и ящерицъ, которыя въ своихъ тѣсныхъ убуѣжипцахъ совершенно безопасны отъ нападеній другихъ хищныхъ птицъ. Впрочемъ, Верро замѣтилъ, что змѣятникъ не брезгаетъ ни мелкими птицами, ни млекопитающими, живущими на болотистой почвѣ, какъ напримѣръ землеройками.

Между описанными нами соколиными птицами и грифами стоитъ родъ **Пгнатииковъ** (*Gypaetus*. *Bartgeier*. *Griffons*). Они до такой степени отличаются отъ всѣхъ

хищныхъ птицъ своимъ вытянутымъ тѣлосложеніемъ, что ихъ считаютъ представителями особаго подсемейства **Ягнятниковыхъ** (*Gypaetinae*). Тѣло ихъ мощное, но вытянутое, голова большая, длинная, спереди плоская, сади выпуклая, шея короткая; крылья очень длинныя и заостренныя; третье маховое перо, которое не сильно выдается противъ втораго и четвертаго, но очень замѣтно выдается противъ перваго, длиннѣе всѣхъ прочихъ; очень длинный двѣнадцати-перый хвостъ ступенчатъ или клинообразенъ; клювъ большой и длинный; верхняя челюсть имѣетъ у основанія выемку въ видѣ сѣдла, къ концу вздута, загнута острымъ крючкомъ и безъ зубцовъ на расщепѣ; нижняя челюсть прямая; ноги короткія и сравнительно слабыя; средней длины и очень слабыя пальцы вооружены крѣпкими, но не сильно загнутыми и довольно тупыми когтями; обильное опереніе состоитъ изъ большихъ перьевъ. Основаніе клюва окружено направленными впередъ пучками щетины, покрывающими восковицу и отчасти нижнюю челюсть. Голова покрыта пуховидными торчащими короткими перьями, а шея, напротивъ того, большими перьями. Прочее опереніе прилегаетъ плотнѣе къ тѣлу, но удлинняется на ногахъ въ видѣ штатовъ и закрываетъ пятки почти до самыхъ пальцевъ.

До сихъ поръ еще нерѣшено, должно ли всѣхъ живущихъ на землѣ ягнятниковъ соединить въ одинъ видъ или разсматривать ихъ какъ нѣсколько отдѣльныхъ видовъ. Вѣрно только то, что живущіе въ Африкѣ ягнятники значительно отличаются отъ тѣхъ, которые встрѣчаются на европейскихъ Альпахъ. По новѣйшимъ наблюденіямъ, образъ жизни и нравы всѣхъ ягнятниковъ весьма схожи между собою, поэтому я считаю возможнымъ соединить всѣ собранныя въ Европѣ, Азіи и Африкѣ наблюденія въ одну общую картину.

Ягнятникъ бородатый (*Gypaetus barbatus, grandis, alpinus, aureus, castaeus, melanoccephalus, hemalachanus, occidentalis* и *orientalis, Falco barbatus, Vultur barbatus, alpinus, niger* и *leucoccephalus. Lämmergeier. Gypaète des Alpes*) достигаетъ, по моимъ собственнымъ измѣреніямъ нѣкоторыхъ испанскихъ экземпляровъ, 1—1,15 м. длины, 2,4—2,67 м. въ размахъ крыльевъ; длина крыла равняется 79—82 см., длина хвоста 48—55 см. Первые цифры относятся къ самцамъ, вторыя къ самкамъ, но тѣ и другія, какъ у всѣхъ вообще хищныхъ птицъ, подлежатъ значительнымъ колебаніямъ. Опереніе старыхъ птицъ на лбу, темени и бокахъ головы желтовато-бѣлое, отгѣненное болѣе темными щетилистыми перьями; задняя часть головы и шеи красиваго ржаво-желтаго цвѣта; спина, надхвостье, верхнія кроющія перья крыльевъ и хвоста черныя съ бѣловатыми стволами, еще болѣе свѣтлою окружностью стволонъ и желтоватыми пятнами на концахъ. Маховыя и рулевыя перья черныя, на внутренней бороздкѣ пепельно-сѣрыя, стержни бѣловатые. Вся нижняя часть тѣла ярко-ржаво-желтая, темнѣе всего на передней части шеи; по бокамъ верхней части груди и на плечахъ перья покрыты отдѣльными бурными боковыми пятнами. По груди проходитъ ожерелье бѣло-желтыхъ перьевъ съ черными пятнами. Съ основанія клюва тянется поперекъ глаза черная уздечная полоска; на задней части головы она загибается, но не совсемъ подходитъ къ такой же полоскѣ, идущей съ другой стороны, такъ, что не образуетъ полного кольца. Глаза серебристо-бѣлые; окружающая ихъ кожа суриково-краснаго цвѣта; восковица голубовато-черная; клювъ рогового-сѣраго цвѣта съ чернымъ кончикомъ; ноги слипцово-сѣрыя. У молодой птицы глаза пепельно-сѣрые, клювъ голубоватый, на вершинѣ и концѣ нижней челюсти темнѣе; ноги—грязновато-свѣтло-зеленыя съ голубоватымъ отливомъ, восковица голубовато-черная. Очень молодые птенцы съ верхней стороны черно-бурые, за исключеніемъ нѣко-

торыхъ перьевъ зашейка, покрытыхъ бѣлыми пятнами; шея и голова у нихъ почти черныя, съ нижней стороны свѣтло-рыжевато-бурая. Только послѣ нѣсколькихъ линій опереніе молодыхъ ягнятниковъ принимаетъ такой же видъ, какъ у старыхъ.

Въ послѣднее время нашли, что сардинскіе, испанскіе и южно-африканскіе ягнятники свѣтлѣе окрашены. чѣмъ тѣ, которые живутъ на Пиренеяхъ и на Алтаѣ; Мевесъ открылъ, что ржаво-золотистый налетъ оперенія стирается отъ мытья, а отъ употребленія химическихъ средствъ — блѣднѣетъ. Вслѣдствіе этого, нѣкоторые натуралисты пришли къ тому заключенію, что окраска эта не свойственна самимъ птицамъ, а есть только слѣдствіе ихъ частаго купанья въ желѣзистыхъ водахъ. Основываясь на этомъ, они пробовали даже совершенно отрицать существованіе различныхъ видовъ ягнятниковъ, и смѣло утверждали, что большая или меньшая яркость оперенія зависитъ отъ того, купается ли ягнятникъ или нѣтъ. Но послѣднему предположенію едва ли можно придавать серьезное значеніе; какъ извѣстно, на высокихъ горахъ такое изобиліе желѣзныхъ источниковъ, что всякому ягнятнику представилось бы множество случаевъ окрасить въ золотистый цвѣтъ свое обильное опереніе. Химію мы пока оставимъ въ сторонѣ, тѣмъ болѣе, что опыты, произведенные по порученію Мевеса, такъ неполны, что едва ли могутъ служить къ разъясненію этого важнаго вопроса. Поэтому мы, конечно, не впадемъ въ ошибку, признавая нѣсколько, а въ крайнемъ случаѣ, два вида ягнятниковъ и утверждая, что **Голоногій ягнятникъ** (*Gypaetus ossifragus, nudipes* и *meridionalis*, *Phene ossifraga*. *Nacktfussbartgeier*. *Gypaète d' Afrique*), живущій преимущественно въ южной Африкѣ, значительно отличается отъ европейскаго бородатаго ягнятника. Къ послѣднему будетъ относиться большая часть послѣдующихъ сообщеній.

Бородатый ягнятникъ очень распространенъ. Въ Европѣ онъ населяетъ Альпы и Трансильванскія горы, рѣже встрѣчается на Балканахъ и Пиренеяхъ, такъ-же какъ и на высокихъ горахъ трехъ южныхъ полуострововъ, и наконецъ на Кавказѣ. Въ Азій онъ водится на всѣхъ высокихъ горахъ, отъ Алтая до пограничныхъ и центральныхъ горъ Китая и оттуда до Синая, южно-аравійскихъ и Гиммалайскихъ горъ. Въ Швейцаріи ягнятникъ въ послѣдніе годы, повидимому, не вѣетъ уже гнѣздъ. Въ прежнее время, по словамъ Гиртаннера, онъ показывался, съ извѣстною правильностью, только на самыхъ высокихъ горахъ Берна, Граубиндена, Тессина и Валлиса; въ Бернѣ и Тессинѣ, вѣроятно, нилъ гнѣзда, въ Валлисѣ же появлялся, можетъ быть, только какъ пролетная птица. Вѣроятно послѣдній ягнятникъ Швейцаріи болѣе извѣстный подъ названіемъ «s'alt Wyb» (старая баба) жилъ въ горахъ Леченталъ въ Валлисѣ, и нилъ гнѣзда на Гохглейфенѣ. Эта старая самка, которая въ настоящее время сохраняется, въ видѣ чучела, въ Лозанскомъ музеѣ, была найдена отравленной зимою въ 1887 году. Самецъ ея былъ убитъ уже въ 1862 году. Однако Чуди-Келлеръ утверждаетъ, что Заранцъ лѣтомъ 1888 года видѣлъ однажды ягнятника въ Розегской долинѣ. Въ нѣмецкихъ и австрійскихъ Альпахъ ягнятникъ совсѣмъ почти вывелся; говорятъ, впрочемъ, что онъ иногда посѣщаетъ нѣкоторые гористые хребты и даже живетъ тамъ нѣкоторое время. Такъ напримѣръ, Гиртаннеръ сообщаетъ, что Кохъ часто встрѣчалъ ягнятника близъ Ретиканской цѣпи горъ. На Балканскомъ полуостровѣ онъ водится еще на всѣхъ высокихъ горахъ; въ Италиі изрѣдка встрѣчается на Альпахъ, въ Сардиніи — вездѣ, хотя въ небольшомъ количествѣ. Въ Испаніи, за исключеніемъ Галиціи и Леона, онъ появляется съ такою правильностью, что въ Европѣ эта страна должна считаться настоящимъ его отечествомъ. Юго-западъ Азіи онъ населяетъ еще въ большемъ количествѣ. Въ Алтаѣ и Небесной Имперіи онъ встрѣчается

БОРОДАТЫЙ ЯГНЯТНИКЪ.

рѣдко; но въ Туркестанѣ, Малой Азій, Палестинѣ, Персїи, Аравїи, далѣе на Гиммалайскихъ горахъ отъ Ненала до Кашемира онъ живетъ осѣдло и въ такомъ количествѣ, что всюду попадаетъ на глаза. Въ Африкѣ, наконецъ, его мѣстопробываніе ограничивается только сѣверными береговыми странами этой части свѣта. Въ Нильскихъ горахъ и въ долинѣ Нила его видятъ только изрѣдка, и то въ видѣ исключенія. Адамсъ, который такъ отлично изучилъ ягнятника во время своихъ охотъ на Гиммалайскихъ горахъ, что никогда не смѣшаетъ его съ другой птицей—говоритъ, что сгонялъ его съ верхушекъ пирамидъ. Гартманъ наблюдалъ за нимъ неподалеку отъ пороговъ Вади Халфа. Я никогда не видалъ ягнятниковъ ни въ Египтѣ, ни въ Нубїи, несмотря на то, что они очень многочисленны въ горахъ по обѣимъ сторонамъ Чермнаго моря.

Ни одна нѣмецкая хищная птица, не исключая даже орла, не была такъ подробно описана, какъ бородатый ягнятникъ, но въ то же время можно положительно сказать, что только въ послѣдніе годы изъ жизнеописанія ея отброшено все лишнее и сказочное. Я самъ, вслѣдствіе своихъ наблюденій за этой гордой птицей въ Каменистой Аравїи и Испанїи, былъ однимъ изъ первыхъ, постаравшихся изобразить жизнь и нравы ея, согласно со строгой истиной. Въ настоящее время мнѣ доставлено много и другихъ наблюденій. Мы получили болѣе или менѣе подробные отчеты отъ Жердона, Адамса, Ходжсона, Ирби, Гейглина, Гюрнея, Крюпера, Гуддлестона, Юма, Сальвина, моего брата и другихъ. Отчеты эти очень сходны между собою, но сильно разнятся отъ рассказовъ о Швейцарскомъ ягнятникѣ прежнихъ и новѣйшихъ наблюдателей, въ томъ числѣ и уважаемаго Гиртаннера. Поэтому я сообщу мои собственные и согласныя съ ними наблюденія вышеупомянутыхъ естествоиспытателей, а потомъ уже передамъ болѣе важныя, по моему мнѣнію, рассказы швейцарскихъ наблюдателей.

Болѣе всѣхъ прочихъ своихъ собратій, за исключеніемъ развѣ кондора, бородатый ягнятникъ имѣетъ право считаться обитателемъ самыхъ высокихъ точекъ горнаго пояса; но подъ этимъ не должно подразумѣвать, что онъ водится исключительно въ горахъ: правда, онъ любитъ вершины, но не избѣгаетъ и долинъ. Совершенно равнодушно относится онъ къ бурѣ и непогодѣ, льду и снѣгу; незамѣтно тоже, чтобы постоянная жара, господствующая въ болѣе низкихъ слояхъ воздуха южныхъ горъ, беспокоила его, тѣмъ болѣе, что при его стремительномъ полетѣ, даже горячій воздухъ вѣетъ ему прохладой, и онъ ежеминутно можетъ унести изъ несносной ему жарыи охладить свою грудь въ чистомъ эфирѣ высшихъ слоевъ воздуха. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ягнятникъ, не опасаясь людей, и безъ большого труда паходитъ себѣ пищу и въ долинѣ, онъ селится и ниже на склопахъ горъ; въ противномъ случаѣ онъ не покидаетъ вершинъ, покрытыхъ снѣгомъ и льдомъ. На всѣхъ высокихъ горахъ Испанїи онъ составляетъ довольно обыкновенное явленіе, но вѣтъ гнѣзда также на высотѣ отъ 200—300 т. надъ уровнемъ моря. То же самое относится и къ Персїи. Въ Швейцарїи, напротивъ того, онъ, по возможности, держится самыхъ высокихъ и недоступныхъ вершинъ, гдѣ живетъ никѣмъ не замѣченный; и только, какъ говоритъ Гиртаннеръ, «когда надъ вершинами проносятся страшныя зимнія бури, разметывая по сторонамъ снѣгъ и ледъ, между тѣмъ какъ ниже отъ ударовъ вѣтра дрожать хижины въ горахъ, а мощный заповѣдный лѣсъ подлѣ напоромъ вѣтра стонетъ, качается и трещитъ и всему живому грозитъ смерть, среди ужаснаго шума разгнѣвавшихся силъ природы; тогда только начинаеть опытный охотникъ посматривать въ вышину изъ своего низенькаго окошка, чтобы узнать, не кружится ли ягнятникъ надъ его деревней. Охотникъ хорошо знаетъ, что исполненная борьба стихїи и лютый голодъ

заставят хищника спуститься съ высотъ и приблизиться къ жилищу человѣка. Если ему удастся что-нибудь похитить для наполненія своего голоднаго желудка — онъ въ скоромъ времени повторяетъ свое посѣщеніе; если счастье ему не благопріятствовало, то онъ исчезаетъ, чтобы больше не возвращаться. Онъ прилетаетъ и улетаетъ опять, какъ чужеземецъ изъ далекой, незнакомой страны. Такъ слеталъ онъ въ прежнее время съ горъ Курфирстовъ на берега Валленштедскаго озера до Квинтена и Бетлиса, хваталъ себѣ добычу и, насытившись, опять подымался на значительную высоту. Такъ спустился онъ, по словамъ Бруннера, около Мейрингена, въ горныя деревни Обергасли; точно также въ Кандерштеггъ, Лаутербруннъ, Гриндельвальдъ; въ Граубинденъ у Понтрезино онъ подлетѣлъ къ самымъ домамъ, также у Лавино и Зюса; его видѣли довольно долгое время и въ низменности долинъ Маггія и Ливинекъ». По моимъ собственнымъ наблюденіямъ, птицы эти живутъ небольшими стаями; я почти всегда видалъ ихъ въ одиночку или парами и никогда не больше пяти штукъ вмѣстѣ. Каждая пара живетъ на пространствѣ въ нѣсколько километровъ протяженія и облетаетъ его каждый день даже съ извѣстною правильностью. Поэтому за ними легко наблюдать въ той мѣстности, гдѣ они водятся.

По моимъ наблюденіямъ его утромъ почти никогда не видно. Только часа полтора послѣ восхода солнца начинаетъ онъ облетать свою область и не позже пяти часовъ полудни опять направляется къ мѣсту ночлега. Обѣ птицы одной пары летятъ не въ слишкомъ далекомъ разстояніи другъ отъ друга, вдоль главнѣйшихъ кражей горнаго хребта, обыкновенно не выше 50 м. надъ землею. Онѣ несутся вдоль всего протяженія хребта, огибаютъ верхушку особенно высокой горы и изслѣдуютъ точно такимъ же образомъ и противоположную сторону. Если главный хребетъ прерывается поперечными долинами, то птица облетаетъ ихъ на той же высотѣ, которой она до сихъ поръ держалась, но рѣдко изслѣдуетъ ихъ тотчасъ же. Надъ котловинами же она кружится по большей части довольно продолжительное время. Если его зоркій взглядъ тутъ ничего не высмотритъ годнаго для пищи, ягнятникъ поднимается вверхъ и точно такимъ же образомъ изслѣдуетъ верхушки горъ и плоскія возвышенности; если и тутъ поиски его окажутся безуспѣшными, то онъ спускается въ долину. Ягнятникъ, совершающій подобный полетъ, не задерживается никакими препятствіями. Я видѣлъ однажды, что ягнятникъ такъ близко пролетѣлъ около населенныхъ домовъ, одиноко стоящей деревни, что его легко можно было бы подстрѣлить изъ окна дробью. Людей онъ тоже не боится; напротивъ того, отыскивая пищу, часто пролетаетъ мимо ихъ на разстояніи нѣсколькихъ метровъ. Во время своихъ перелетовъ бородатый ягнятникъ несется необыкновенно быстро и съ большимъ шумомъ, не двигая крыльями, и вся фигура его при этомъ до того красива, что никакъ нельзя его смѣшать съ коршуномъ или орломъ. Только совершенно незнающіе люди могутъ его принять за стервятника.

Я нѣсколько разъ готовъ былъ принять далеко летящаго бородатаго ягнятника за сапсана, такъ походила его фигура на эту птицу; но воспоминаніе о быстрыхъ ударахъ крыльевъ благороднаго сокола выводило меня изъ заблужденія. Гюрней говоритъ почти то же самое. «Полетъ его до того сходенъ съ полетомъ сокола, что я однажды вообразилъ, что застрѣлилъ послѣдняго, но увидаль къ своему удивленію у себя въ рукахъ ягнятника». Во время полета, онъ безпрестанно кидаетъ свои взоры во всѣ стороны, пока не найдетъ какого-нибудь предмета, достойнаго его вниманія, послѣ чего онъ тотчасъ принимается описывать надъ нимъ свою винтообразную линію; его товарищъ тотчасъ къ нему присоединяется

и оба долго кружатся на одномъ мѣстѣ, прежде чѣмъ пуститься въ дальнѣйшій путь. Если замѣченный ими предметъ достоинъ вниманія, обѣ птицы начинаютъ мало по малу опускаться ниже и наконецъ садятся на землю и бѣгутъ какъ вороны, по направленію къ намѣченной добычѣ. Опускаясь на ноги, бородастый ягнятникъ всегда выбираетъ возвышенную мѣстность, преимущественно выступы скалъ или по крайней мѣрѣ горныя площадки. Видно, что ему трудно взлетать вверхъ, почему онъ и предпочитаетъ летѣть всегда съ извѣстной высоты, чтобы отсюда, не взмахивая крыльями, двинуться впередъ, потому что, когда онъ уже разъ паритъ въ воздухѣ, малѣйшаго дуновенія достаточно, чтобы приподнять его на какую угодно высоту. Въ Абиссинскихъ горахъ онъ подымается, по словамъ Гейглина, иногда такъ высоко въ воздухѣ, что самому зоркому глазу кажется точкой въ небѣ. На скалахъ, гдѣ только возможно, онъ сидитъ прямо; но большею частью ему приходится держаться горизонтальнаго положенія ради своего длиннаго хвоста. Походка его сравнительно хороша: онъ шагаетъ, а не припрыгиваетъ. Ягнятникъ, который весьма равнодушенъ къ сообществу себѣ подобныхъ, никогда не избѣгаетъ большихъ хищныхъ птицъ, хотя никогда не сближается съ ними. Не обращая на нихъ никакого вниманія, онъ летитъ своей дорогой и даже если гнѣздится среди нихъ, то не вступаетъ съ ними ни въ какія сношенія. Онъ уживается даже съ беркутомъ, но обращаетъ и на него такъ же мало вниманія, какъ и на другихъ своихъ родичей, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ случаевъ, когда эти дерзкіе хищники сами нападутъ на него. Но и тогда онъ послѣшно летитъ дальше, не защищаясь и не мстя своему врагу.

Съ предшествующими сообщеніями совершенно согласны и собранныя раньше наблюденія Гиртаннера о жизни этой птицы на Альпахъ. Изъ Граубиндена и Тессина сообщаютъ тоже, что дѣятельность его начинается не тотчасъ послѣ восхода солнца, а уже въ то время, когда «солнце свѣтитъ на вершинахъ горъ». «Лѣтомъ онъ слетаетъ съ гнѣзда или съ защищенной отъ вѣтра и удобно расположенной площадки въ скалѣ, гдѣ онъ провелъ ночь; зимою подымается изъ болѣе темнаго лѣсистаго ущелья и принимается за охоту; смотря по времени года, онъ посѣщаетъ одинъ или съ своей самкой прежде всего тѣ альпійскія мѣстности, гдѣ пасутся серны или стада козъ и барановъ, или летитъ къ сурковымъ норамъ, или старается вснугнуть альпійскаго зайца и вообще насытиться какимъ-бы то ни было образомъ. Если это ему удастся, онъ удаляется на нѣкоторое время на излюбленное мѣсто, по большей части на одинокую вершину скалы, гдѣ предается покою и перевариванью нищи. Оттуда совершаетъ онъ къ вечеру еще прогулку, или просто ради удовольствія, или для отысканія остатковъ своей утренней добычи. Къ мѣсту ночлега ягнятникъ направляется, по словамъ нашего тессинскаго наблюдателя, гораздо позже солнечнаго заката». Достоверные свидѣтели сообщали Гиртаннеру, что полетъ ягнятника, смотря по своей цѣли, бываетъ весьма различенъ. Если онъ направляется къ намѣченной имъ заранѣ цѣли, полетъ его стремительный, шумный, быстрый и съ рѣдкими взмахами крыльевъ; тогда птица летитъ по прямому направленію и всегда на одинаковой высотѣ надъ долинами, или надъ самыми гребнями горъ, или въ большомъ отдаленіи, вдоль горныхъ хребтовъ. Всѣ сообщенія сходятся въ томъ, что ягнятникъ, даже при встрѣчѣ съ людьми и людскими жилищами, весьма неохотно покидаетъ взятое имъ однажды направленіе или высоту. Говорятъ, что онъ иногда такъ низко и притомъ такъ медленно и беззаботно летитъ надъ головами людей, что совѣшь не знаешь, имѣешь-ли дѣло съ совершенно безобаязненной, вслѣдствіе своего уединеннаго мѣстожителства (т. е. не понимающей опасности) птицей, или, напротивъ того, со слѣпкомъ.

смѣлымъ, желающимъ напасть на васъ хищникомъ. Всѣ наблюдатели говорятъ тоже, что во время простыхъ прогулокъ ягнятникъ летаетъ легко, какъ-бы паря и плавая, и описываетъ въ воздухѣ спиральныя линіи. Совершенно иначе ведетъ онъ себя во время отыскиванія добычи. Гольдъ видѣлъ, какъ онъ, повидимому, тяжело летѣлъ надъ самой землей, медленно, рѣдко и шумно взмахивая своими крыльями, и вдругъ, къ его изумленію, взвился вверхъ и сталъ, красиво поворачиваясь и какъ-бы качаясь въ воздухѣ, облетать обломки скалъ. Насколько онъ мастерски владѣетъ всѣми своими движеніями во время полета, настолько же ему трудно подняться съ земли, благодаря своимъ длиннымъ крыльямъ и короткимъ ногамъ. На ровныя мѣста онъ никогда не опускается безъ крайней необходимости; въ Тессинѣ одинъ охотникъ видѣлъ, какъ застигнутый въ такомъ неприятномъ положеніи ягнятникъ поспѣшно подбѣжалъ къ возвышенному мѣсту и оттуда приготовился къ отлету. Другой ягнятникъ, котораго Садисъ, къ обоюдному удивленію, вдругъ увидалъ на обрывѣ, въ 15-ти м. надъ собою, буквально соскочилъ со скалы нѣсколькими уморительными прыжками, послѣ чего легко и гордо пролетѣлъ надъ головою изумленного наблюдателя. Спускаясь съ высоты, онъ заранѣе опускаетъ ноги и старается умѣрить силу паденія распусканіемъ крыльевъ, а, достигнувъ земли, долженъ еще сдѣлать, по гладкому мѣсту, нѣсколько быстрыхъ шаговъ, прежде чѣмъ твердо стать на ноги.

Еще въ 1858 г. я писалъ: если спросить у добросовѣстнаго испанскаго охотника, что ѣсть бородатый ягнятникъ—онъ, конечно, не станетъ рассказывать тѣхъ невѣроятныхъ охотничьихъ и разбойничьихъ исторій, которыми такъ злоупотребляютъ швейцарцы, говоря о своемъ ягнятникѣ. Испанецъ скажетъ просто: «костоломъ» (Quebranta-huesas) ѣсть падалъ, кроликовъ, зайцевъ и другихъ мелкихъ млекопитающихъ, но преимущественно—кости, которыя онъ раздробляетъ, сбрасывая ихъ съ большой высоты въ глубину долины. Ни одинъ испанецъ, къ которому мы обращались, какъ къ охотнику или какъ ученому, не считалъ своего ягнятника такимъ отчаяннымъ разбойникомъ, какимъ швейцарцы считаютъ своего. Когда я спрашивалъ въ Испаніи о птицѣ, которая похищаетъ козъ и барановъ, дѣтей и собакъ, то мнѣ всегда называли беркута, а никакъ не ягнятника. О первомъ, и только о немъ одномъ, рассказывалось столько-же исторій, сколько ихъ сообщаютъ нѣмецкіе натуралисты объ альпійскомъ ягнятникѣ. Вообще, въ Испаніи смотрятъ на бородатаго ягнятника, какъ на очень безвредную птицу. Пастухи вовсе не боятся его, а владѣльцы стадъ никогда и не слышали о разбойничьихъ набѣгахъ, будто-бы совершенныхъ имъ; но каждый человѣкъ увѣряетъ, что ягнятникъ постоянно вмѣстѣ съ грифами набрасывается на падалъ и, какъ уже раньше замѣчено, бросаетъ съ высоты кости, чтобъ раздробить ихъ. Я самъ разъ наблюдалъ въ Сиерра-Невадѣ за ягнятникомъ, который съ одной скалы высоко подымался въ воздухъ, опускался внизъ, что-то бралъ со скалы, опять подымался вверхъ, и снова опускался на скалу: поведеніе его въ этомъ случаѣ я иначе не могу объяснить, какъ въполнѣ повѣривъ разсказу испанца. По правдѣ сказать, нѣтъ основанія сомнѣваться въ томъ, что птица именно такимъ способомъ разбиваетъ большія кости. Орланъ бѣлохвость и другія хищныя птицы, а именно вороны и чайки, поступаютъ, по увѣренію добросовѣстныхъ наблюдателей, совершенно такъ же. Бородатый ягнятникъ такимъ образомъ носить съ полнымъ правомъ свое испанское названіе.

Про абиссинскаго ягнятника Гейглингъ сообщаетъ слѣдующее: «Наши кабинетные ученые описываютъ бородатаго ягнятника гордымъ разбойникомъ, смѣло сбрасывающимъ въ пропасть большихъ млекопитающихъ и вападающимъ даже

на людей. Я имѣлъ случай наблюдать за этой птицей ежедневно въ теченіи долгаго времени, убивалъ ихъ дюжинами и, по изслѣдованіи желудка, къ величайшему своему удивленію, нашель, что его пища исключительно почти состоитъ изъ костей и другихъ отбросковъ боенъ, и что онъ питается трупами людей и животныхъ, самъ же охотится за добычей только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, такъ какъ ему рѣдко удается поймать зайца или заблудившуюся большую козу. Можно его иногда видѣть шагающаго или скачущаго бокомъ, подобно воронамъ, на зеленыхъ лужайкахъ горныхъ странъ, для того, чтобы подстеречь многочисленныхъ, тамъ водящихся крысъ. По своей осанкѣ онъ ничего не имѣетъ общаго съ грифами, развѣ со стервятникомъ, котораго напоминаетъ своими движеніями по землѣ. Утромъ, съ разсвѣтомъ, покидаетъ онъ скалы, на которыхъ почевалъ, быстро и далеко летитъ надъ полями, лугами и деревнями къ долинѣ, причемъ движенія его такъ неимоверно быстры, что ясно слышится шумный, почти металлическій звукъ, издаваемый его перьями; потомъ онъ начинаетъ кружиться надъ рыночными площадями, гдѣ бьютъ животныхъ, или летитъ вмѣстѣ со стервятниками влѣдъ за войсками. Такъ, въ первые мѣсяцы нашего пребыванія въ богосскихъ земляхъ его совѣтъ не было видно до появленія абиссинскихъ войскъ, вмѣстѣ съ которыми онъ опять исчезъ. Во время походовъ царя Θεодора противъ Галласовъ птицы эти дюжинами сопровождали войско».

Крюперъ говоритъ слѣдующее: «Когда слышишь имя ягнятника, то невольно вспоминаешь о самомъ смѣломъ разбойникѣ пернатого царства, ужасаешься при мысли о страшныхъ злодѣйствахъ этой птицы, и приходишь на умъ. дѣйствительно-ли ягнятникъ такое вредное существо, внушающее ужасъ и страхъ людямъ и стадамъ, или онъ вовсе не заслуживаетъ ту печальную репутацію, которая сложилась о немъ въ ученыхъ сочиненіяхъ и головахъ простолюдиновъ? Въ Аркадіи, гдѣ нѣтъ очень высокихъ горъ, мѣстожительство его начинается у самаго моря. Чѣмъ-же можетъ тамъ, въ долинѣ, поживиться этотъ опасный сосѣдъ? Отыскиваетъ-ли онъ тамъ овецъ, козъ или даже рогатый скотъ, чтобы растерзать ихъ? Его можно иногда видѣть кружащимся на небольшой высотѣ у подножія поросшей кустами горы: голова его опущена внизъ, онъ что-то выслѣживаетъ и вдругъ бросается внизъ и исчезаетъ. Вѣроятно онъ въ эту минуту напалъ на добычу, нашель, можетъ быть, козу? Нѣтъ, только черепаху, которая утолитъ его голодъ и придется по вкусу его птенцамъ. Чтобы добыть мясо черепахи, онъ ее бросаетъ съ высоты на скалу и такимъ образомъ разбиваетъ ее цѣтъ. Англичанинъ Симпсонъ, который наблюдалъ за ягнятникомъ въ Алжирѣ, подтвердилъ это сообщеніе и рассказывалъ мнѣ, что всякій ягнятникъ имѣетъ особенную скалу, на которой онъ разбиваетъ черепахъ. 14 мая 1861 года я нашель гнѣздо ягнятника. Подъ нимъ у скалистой стѣны лежало великое множество черепахъ и различныхъ костей».

«Мозговые кости», говоритъ Симпсонъ, «составляютъ лакомство, которое больше всего любятъ бородастый ягнятникъ, и когда грифы склюютъ все мясо съ трупа животнаго, онъ появляется подъ конецъ пира и проглатываетъ кости цѣликомъ, или же разбиваетъ ихъ и проглатываетъ кусками, если не въ состояніи добыть иначе костяной мозгъ. Разламываетъ онъ кости, сбрасывая ихъ съ значительной высоты на камень. Какъ старые, такъ и молодые ягнятники страшно прожорливы: около ихъ гнѣзда находятъ множество костей черепахъ и тому подобныхъ лакомствъ. Изъ этого, впрочемъ, не слѣдуетъ, что онъ самъ и его птенцы ограничиваются мозговыми костями, черепаками и тому подобными яствами; напротивъ того, онъ не брезгаетъ ни ягненкомъ, ни зайцемъ, ни курицей, хотя его когти и клювъ относительно его роста очень слабы и онъ не можетъ, по-

добно грифамъ и орламъ, растерзать свою добычу. Этотъ недостатокъ вознаграждается, впрочемъ, его удивительной глотательной способностью. Греки увѣряютъ, что онъ глотаетъ и перевариваетъ рѣшительно все, но исторія, которая разсказываются по этому случаю, такъ удивительны, что я не рѣшаюсь ихъ передавать. Я самъ видѣлъ, какъ однажды ягнятникъ проглотилъ кость или какой-то другой необычайный предметъ; но было замѣтно, что онъ находился въ весьма неприятномъ положеніи и, чтобы достигнуть цѣли, онъ долженъ былъ подпереться длинными перьями своего хвоста».

«Падалъ», говоритъ Ирби, «составляетъ, повидимому, единственную пищу бородачатого ягнятника». «Эта птица», подтверждаетъ Гюрней, «проглатываетъ большія кости. Желудокъ убитого мною у южнаго берега Африки ягнятника былъ переполненъ ими. Кости эти, безъ всякаго сомнѣнія, проглочены были безъ кусочка мяса, и я самъ видѣлъ, какъ одинъ ягнятникъ проглотилъ сухую кость. Самая большая изъ найденныхъ мною — была позвонокъ быка въ 10 см. длины, 7 ширины и 5 см. толщины. Въ желудкѣ птицы я нашелъ вмѣстѣ съ костями еще большое количество шерсти дамана, изъ чего заключилъ, что ягнятникъ таскаетъ и подобныхъ животныхъ, вѣроятно въ то время, какъ они, выйдя изъ своей норки, днемъ грѣются на солнцѣ». «Онъ ловить», говоритъ Адамсъ, «тоже сурковъ, но не придерживается исключительно живой добычи, такъ что его часто можно видѣть тихо летящимъ вдоль откосовъ горъ, гдѣ онъ высматриваетъ падалъ и другіе остатки. Въ желудкѣ убитого мною въ Кашемирскихъ горахъ ягнятника я нашелъ различныя длинныя кости и копыто козерога». Хутонъ увѣряетъ, что ягнятникъ въ Индіи питается исключительно падалю и рѣдко хватается добычу больше курицы, которую тутъ же и разрываетъ на лету. Ходжсонъ подтверждаетъ эти слова; Юмъ, наконецъ, предполагаетъ, что онъ, при случаѣ, ѣстъ и человѣческій калъ. «Пища ягнятника», пишетъ мнѣ мой братъ Рейнгольдъ, уже 20 лѣтъ наблюдающій за этими птицами въ Испаніи, «состоитъ изъ костей, падали и живыхъ животныхъ; я никогда не видалъ, чтобы онъ спускался на свѣжую падалъ; онъ только проносится низко надъ нею, не обращая вниманія ни на нее, ни на пирующихъ уже воронъ, коршуновъ и грифовъ; въ такихъ случаяхъ онъ иногда описываетъ надъ лежащей падалю нѣсколько круговъ, но въ самомъ пирѣ не принимаетъ участія. Во время моихъ охотъ на грифовъ я могъ ежедневно наблюдать за ягнятникомъ. Часто онъ летѣлъ не выше 6 — 8 метровъ надъ падалю, кружился надъ нею раза три-четыре, но никогда не бросался на нее, все равно, лежала ли падалъ нетронутою или была уже окружена грифами; онъ даже не садился на находящуюся по близости скалу. Четыре или пять дней сряду караулил я его съ утра до сумерекъ и, несмотря на то, что, изъ боязни испугать его, все это время не стрѣлялъ въ орловъ и коршуновъ—я не дождался его. Въ горахъ центральной Испаніи, какъ напримѣръ, въ Сіерра де-Гвадарамѣ, де-Авилѣ, де-Гредосъ, на него смотрятъ, какъ на свирѣлаго разбойника, но самъ я никогда не видалъ, чтобы онъ хваталъ живое существо, а часто видѣлъ, напротивъ, что онъ проносился надъ стадами козъ, не выказывая ничѣмъ намѣренія напасть даже на самаго маленькаго козленка. Я не беру съ рѣшноты, есть ли доля справедливости въ сообщенныхъ лордомъ Лильфордомъ разсказахъ испанскихъ охотниковъ, будто ягнятникъ гоняется за козерогомъ по скаламъ, и, убивши его, питается его костями послѣ того, какъ коршуны поѣли его мясо. Въ его гнѣздѣ я находилъ ноги барановъ и ягнятъ, еще покрытыя шерстью; это можетъ служить доказательствомъ, что онъ животныхъ хватаетъ живыми, такъ какъ ни одинъ испанскій пастухъ не отдастъ падали грифамъ, не содравъ съ нея предварительно шкуру».

Послѣ такихъ многочисленныхъ и во всѣхъ почти отношеніяхъ схожихъ между собою описаній, трудно уже повѣрить рассказамъ швейцарскихъ наблюдателей о смѣлости, силѣ и хищности ягнятника. Сюда относятся, напримѣръ, рассказы Штейнмюллера, будто одинъ огромный ягнятникъ пробовалъ спихнуть со скалы быка; другой, говорятъ, унесъ годовалого козленка, несмотря на сопротивление его хозяина, обращеннаго птицей въ концы концовъ въ бѣгство; третій съ высоты сбросилъ козленка 15-ти фунтовъ вѣсу; четвертый втащилъ на противоположную скалу двадцатисемифунтовый желѣзный капканъ; пятый самъ былъ убитъ въ воздухѣ лисицей, которую унесъ съ земли; шестой похитилъ ребенка на глазахъ его родителей; седьмой, наконецъ, утащилъ на 1400 шаговъ трехлѣтнюю дѣвочку, Анну Цурбухенъ, которую спасло отъ растерзанія только присутствіе мужчины, прибѣжавшаго на крикъ дѣвочки; однако хищникъ успѣлъ поранить лѣвую руку своей жертвы, которая, на всю жизнь сохранивъ за собой прозвище «ягнятниковой Анны», впоследствии вышла замужъ за портного. Если бы Гиртаннеръ еще въ повѣйшее время не рассказалъ о нападеніи бородатаго ягнятника на полувырослаго мальчика, то я отнесъ бы всѣ эти рассказы къ сказочнымъ вымысламъ и причислилъ бы бородатаго ягнятника къ тому же разряду птицъ, какъ и во многомъ сходнаго съ нимъ стервятника, но большаго размѣра, т. е. назвалъ бы его слабымъ, трусливымъ, какъ тѣлесно, такъ и умственно мало одареннымъ природою хищникомъ; я думаю, что онъ хотя случайно и можетъ напасть на слабое живое позвоночное животное, но обыкновенно питается только костями и другими животными остатками. Но изъ уваженія къ извѣстной добросовѣстности высокоуважаемаго наблюдателя, я не могу не упомянуть объ его рассказѣ, какъ ни трудно мнѣ вѣрить ему.

«Вопросъ о питаніи альпійскаго бородатаго ягнятника», говоритъ Гиртаннеръ, сообщенія котораго я передаю только отрывками, «принадлежитъ къ спорнымъ вопросамъ естественной исторіи, какъ относительно качества питательныхъ веществъ, такъ и способовъ, которыми онъ ихъ добываетъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ ѣсть падаль: съ этимъ согласны наблюденія всѣхъ натуралистовъ. Если даже мы не будемъ выводить заключеніе объ его жизни на свободѣ по его поведенію въ неволѣ, то уже одно обстоятельство, что лучшей приманкой въ западнѣ всегда служитъ падаль, и что его всегда находятъ на ней, будетъ самымъ яснымъ доказательствомъ справедливости этого мнѣнія. Охотникъ изъ Граубиндена застрѣлилъ однажды стараго ягнятника на трупѣ лежавшаго у подножія крутой скалы молодого быка, которому птица эта успѣла выклевать глаза. Онъ намѣревался уже своимъ сильнымъ крючковатымъ клювомъ распоротъ животъ своей жертвы, когда пуля поразила его самаго. Незадолго передъ тѣмъ бычка этого видѣли пасущимся на площадкѣ этой скалы. Уже многіе ягнятники были убиты на трупахъ серны, и сибѣе-убитая серна, вмѣстѣ съ подстрѣленными на ней ягнятниками, втаскивается торжественно въ хижину горнаго жителя, какъ особенно счастливая добыча. Растерзаніе маленькихъ млекопитающихъ онъ и на волѣ начинаетъ съ затылка и рветъ своимъ клювомъ добычу на куски, придерживая ее то одной, то обѣими ногами. При разрываніи на части труповъ большихъ животныхъ онъ держится той-же методы. Часто сомнѣвались въ томъ обстоятельстве, будто ягнятникъ поднимается вверхъ съ большими костями съ тѣмъ, чтобы, сбросивъ ихъ съ высоты, раздробить и размельчить для болѣе удобнаго проглатыванья, однако-же въ Граубинденѣ и часто слышались подобные рассказы съ подробностями, уничтожающими всякое сомнѣніе въ ихъ справедливости. Къ падали или къ убитымъ имъ самимъ ранше животнымъ ягнятникъ возвращается, чтобы доѣсть ихъ, только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не успѣлъ промыслить себѣ живой добычи рапъ-

ше приступа голода. Знакомый нам охотник из Тессина замѣтилъ, что одинъ ягнятникъ вернулся черезъ недѣлю къ выброшенной ему для приманки падали: птица летѣла издалека прямо къ добычѣ, привлеченная, вѣроятно, запахомъ, а можетъ быть и памятью мѣстности. Добравшись до падали и увѣрившись въ своей безопасности, ягнятникъ наѣдается вплотную. Насколько въ обыкновенное время эта птица осторожно подходитъ къ падали, настолько дерзко и смѣло она набрасывается на всякую пищу, когда ее мучить голодь. «Такъ, во время сильной свѣжвой мятели», пишетъ мнѣ Манни, «передо мной съ дороги поднялся ягнятникъ, когда я былъ отъ него не болѣе, какъ въ 15 шагахъ разстоянія. Нужно сказать, что онъ находился въ то время за домомъ, въ которомъ въ этотъ день кололи скотину, такъ что онъ, вѣроятно, нашелъ тутъ кости, внутренности или вообще остатки убойны». Въ Швейцаріи любимой его пищей служатъ убитыя имъ самимъ мелкія млекопитающія животныя, а именно: зайцы, сурки, новорожденные и вообще молодыя серны, козы, ягнята, поросята и т. д., но дичь онъ все-таки предпочитаетъ домашнимъ животнымъ. Однако, если ему удастся добыть себѣ безъ особенныхъ усилій и опасностей достаточное число домашнихъ животныхъ, чтобы безъ труда утолить свой голодь, онъ, конечно, очень доволенъ; но если ему это не удастся и онъ не можетъ добыть и падали, то голодь и чувство самосохраненія принуждаютъ его нападать на большихъ животныхъ, какъ на примѣръ, овецъ, козъ, сернь, лисицъ, телятъ и т. п. Съ этимъ согласны всѣ полученные мною сообщенія самыхъ достовѣрныхъ наблюдателей, такъ что я не считаю себя въ правѣ сомнѣваться въ совершенной истинѣ этого факта. Всѣ наблюдатели согласны между собою еще въ томъ мнѣніи, что одной падалью и мелкими животными ягнятникъ не могъ бы поддерживать свое существованіе». Кальберматтенъ сообщаетъ, что видѣлъ, стоя на берегу Дуная, у Орсовы, какъ бородатый ягнятникъ, только въ 20 шагахъ отъ него, набросился на гуся и унесъ его.

«Альпійскихъ зайцевъ ягнятникъ старается прежде всего выгнать изъ-подъ защиты кустовъ и хвойныхъ деревьевъ, чтобы потомъ въ открытомъ полѣ прямо схватить ихъ или прежде оглушить только ударомъ крыла. Смотря по большей или меньшей безопасности мѣста, онъ тутъ же объѣдаетъ свою добычу или уносить ее въ гнѣздо, или же въ свое обыкновенное мѣстожительство. Во время охоты на взрослыхъ сернь, овецъ и т. д. онъ пускаетъ прежде всего въ ходъ не когти, а крылья. Въ то время, какъ орелъ, сложивъ крылья, какъ камень падаетъ съ высоты на добычу, выпускаетъ въ нее когти и старается задушить ее — нападеніе ягнятника происходитъ по большей части съ болѣе близкаго разстоянія. Нашъ тессинскій наблюдатель послѣ многократныхъ собственныхъ наблюденій сообщаетъ намъ слѣдующее: «Если ягнятникъ, своимъ зоркимъ глазомъ, высмотритъ на землѣ годное ему въ пищу животное, онъ не падаетъ съ высоты камнемъ, подобно благородному орлу, но спускается, описывая въ воздухѣ большіе круги. Часто садится онъ на близъ стоящее дерево или же скалу и начинаетъ нападеніе, взлетѣвши съ того мѣста еще немного вверхъ. Если онъ увидитъ по близости людей, онъ громко кричитъ и улетаетъ. Никогда не нападаетъ онъ на животныхъ, пасущихся въ долинѣ, далеко отъ обрывовъ; но если онъ замѣтитъ серну, которая пасется около самаго обрыва, то начинаетъ, подлетѣвъ къ ней сзади, пугать оторопѣлое животное и гонять его взадъ и впередъ, пока оно, оглушенное и безумѣвшее отъ страха, не бросится къ краю обрыва. Достигнувъ этой цѣли, ягнятникъ пускаетъ въ ходъ свои мощныя крылья. Съ оглушительнымъ свистомъ и шумомъ хлопаютъ съ обѣихъ сторонъ жесткія крылья по бокамъ до смерти испуганной и ослѣпленной жертвы. Тщетно старается она, собравъ послѣднія силы, защититься

рогами отъ своего убійцы. Наконецъ она рѣшается сдѣлать прыжокъ или просто отступается, прыгаетъ или валится въ пропасть, или же, падая въ совершенномъ изнеможеніи, умирающая скатывается внизъ по уступамъ скалы. Медленно опускается бородастый ягнятникъ за своей жертвой, добываетъ ее, если нужно, еще ударами клюва и крыльевъ и немедленно принимается за растерзаніе еще теплаго животнаго. Если овца, другое подобное ей животное или охотничья собака, стоя на самой крутизнѣ обрыва, не замѣтитъ хищника, пока онъ не поддетитъ совсѣмъ близко сзади, то борьба обыкновенно непродолжительна. Онъ озадачиваетъ изумленную жертву сильными ударами крыльевъ и однимъ мѣткимъ толчкомъ сбрасываетъ ее благополучно внизъ съ помощью клюва и когтей, на лету стаскиваетъ ее съ края скалы, потомъ выпускаетъ ее изъ когтей, такъ что она падаетъ и разбивается на днѣ пропасти.

«Согласнъ съ этимъ рассказываетъ мнѣ Бальденштейнъ: «Какъ-то вечеромъ, въ одну изъ моихъ охотъ въ горахъ, я сидѣлъ въ пріятномъ разговорѣ съ пастухомъ, а собака его бѣгала около близкаго обрыва взадъ и впередъ, обнюхивая землю; вдругъ до нашего уха донесся страшный вой собаки, и въ то же мгновение мы увидали нашего вѣрнаго сторожа, летящаго въ воздухѣ надъ пропастью, между тѣмъ, какъ его убійца, бородастый ягнятникъ, торжественно парилъ надъ нимъ. Мы передъ тѣмъ не обращали вниманія на собаку и не замѣтили появленія ягнятника, пока страшный крикъ собаки не заставилъ насъ оглянуться. Не будь этого жалобнаго воя, собака пропала-бы совершенно загадочнымъ для насъ образомъ и мы бы никакъ не могли себѣ объяснить ея внезапнаго исчезновенія, хотя, весьма вѣроятно, у насъ и возникло-бы подозрѣніе именно объ этомъ родѣ ея смерти. Быстро спустился ягнятникъ за своей добычей и вмѣстѣ съ нею скрылся съ нашихъ глазъ. Все это совершилось чрезвычайно быстро, быстрѣе, чѣмъ это можно передать словами. Сбросила-ли птица свою добычу со скалы ударами своихъ сильныхъ крыльевъ или стапила ее крючковатымъ клювомъ—я рѣшить не могу, потому что, какъ сказано выше, оглянувшись, собаку увидали уже летящею надъ бездной; но я навѣрно могу сказать, что ягнятникъ ни разу не нападалъ на моихъ гончихъ, пока онѣ гонялись далеко отъ обрыва, хотя часто кружился надъ ними. Бородастый ягнятникъ не бьетъ свою добычу налетомъ, какъ это дѣлаетъ орелъ».

«Сарацъ имѣлъ случай видѣть собственными глазами, что бородастый ягнятникъ нападаетъ на взрослыхъ сернь и осиливаетъ ихъ. «Когда я однажды», пишетъ онъ, «смотрѣлъ изъ своего дома на бѣгущую серну, я вдругъ увидѣлъ, какъ сильный ягнятникъ бросился на нее сзади, нанесъ ей нѣсколько быстрыхъ ударовъ крыльями, кинулся потомъ на лежащую на землѣ добычу и началъ ее обрабатывать клювомъ. Во время моихъ охотъ на сернь я увидѣлъ однажды небольшое стадо этихъ животныхъ, идущее около глетчера и спокойно за передовой самкой направляющееся къ горному хребту. Вдругъ передовая серна какъ-бы остолбѣнѣла, остальные тоже остановились, будто чѣмъ-то пораженные; затѣмъ въ одно мгновение онѣ составили кругъ, обратившись головами во внутрь его. Что могло быть причиной такого искуга, такой внезапной остановки? Взглядъ, брошенный наверхъ, объяснилъ мнѣ все: я замѣтилъ, что въ воздухѣ что-то качалось и, направивъ къ тому мѣсту зрительную трубу, я увидѣлъ бородатаго ягнятника. Онъ вдругъ ринулся въ косомъ направленіи на сернь, которая, однако, встрѣтили его дружнымъ, сильнымъ ударомъ роговъ и заставили его отступить. Онъ поднялся вверхъ и четыре раза повторилъ свое нападеніе, наконецъ началъ подниматься наверхъ но вотъ разъ все выше и выше, и только, когда онъ обратился,

въ точку на небѣ, перепуганныя животныя разсыпались въ разныя стороны, чтобы быстрымъ бѣгомъ достигнуть нависшей скалы, къ которой онѣ и прижались, вперивъ тревожные взгляды наверхъ. Въ такомъ положеніи оставались онѣ до тѣхъ поръ, пока наступающая ночь не принесла имъ безопасности.

«Другой охотникъ изъ Граубиндена рассказываетъ, какъ однажды онъ, невдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ стоялъ, увидѣлъ бородатаго ягнятника, который напалъ на серну и напрасно старался ударомъ крыла сбросить ее въ пропасть. Обыкновенный его способъ нападенія на этотъ разъ не удался потому, что смѣливая серна, вмѣсто того, чтобы броситься къ пропасти, нѣсколькими смѣлыми прыжками во время спаслась въ пещеру, откуда мужественно отражала нападеніе своими рогами, такъ что хищникъ никакими усиліями не могъ выгнать ее изъ ея убѣжища. Изъ Тессина сообщили мнѣ въ то же время о подобномъ же случаѣ. Всѣ эти рассказы исходятъ изъ устъ горныхъ жителей, и именно въ предѣлахъ Альпъ, гдѣ бородатый ягнятникъ живетъ постоянно; всѣ они переданы людьми, которые безошибочно могутъ отличить ягнятника отъ беркута; они въ одномъ случаѣ хищничества совершенно увѣренно обвиняли одну птицу, въ другомъ—другую, и никакъ не хотѣли отказаться отъ фактовъ, замѣченныхъ ими днемъ своими собственными, большею частью очень зоркими глазами.

«Давно перестали вѣрить тому, что бородатый ягнятникъ бросается также на человѣка съ намѣреніемъ его убить; рассказы эти даже осмѣивали, какъ басни, но потомъ опять начали ихъ выдавать за правду или, по крайней мѣрѣ, за вещь возможную. Случай похищенія маленькихъ дѣтей большими хищными птицами, которые на Альпахъ можно приписать только орламъ, слишкомъ достовѣрно доказаны, чтобы въ нихъ можно было еще сомнѣваться. Я не совсѣмъ ясно понимаю, почему преступникомъ въ этомъ отношеніи можетъ быть только орелъ? Почему же ягнятникъ, который, какъ доказано, одолеваетъ даже взрослыхъ сернъ, во всякомъ случаѣ лучше вооруженныхъ, чѣмъ маленькія дѣти, не можетъ утащить такое беззащитное существо, какъ ребенокъ, и сбросить его со скалы, гдѣ дѣти часто играютъ вблизи своихъ хижинъ. Тутъ, по моему, тяжесть преступленія слѣдуетъ подѣлить поровну между обѣими птицами, потому что и бородатый ягнятникъ старается унести свою добычу, если онъ по какой-нибудь причинѣ не можетъ растерзать ее на мѣстѣ. Если тяжесть жертвы превышаетъ его силу, которую также нельзя считать слишкомъ ничтожной, онъ всегда можетъ ее сбросить внизъ, какъ это замѣчается у другихъ хищныхъ птицъ. Болѣе основательно и болѣе понятно сомнѣніе въ томъ, что нашъ ягнятникъ бросался на подростковъ съ цѣлю умертвить ихъ какимъ-бы то ни было образомъ. Очень мало извѣстно примѣровъ подобныхъ успѣшныхъ или безуспѣшныхъ нападеній, въ которыхъ нельзя сомнѣваться; но достовѣрность того факта, какъ на Зильбернальпѣ ягнятникъ столкнулъ одного пастушенка со скалы въ пропасть и у подножія ея растерзалъ, получаетъ сильное подтвержденіе, благодаря новымъ рассказамъ о подобныхъ же случаяхъ въ Бернскихъ Альпахъ. Этотъ новѣйшій случай нападенія ягнятника на подростка вовсе не старая исторія, и я много потрудился надъ тѣмъ, чтобы узнать вѣрность этого факта и удостовѣриться въ томъ, что это не есть неосновательный слухъ.

«Изъ теченія іюня 1870 года можно было прочесть во многихъ швейцарскихъ газетахъ, что вблизи Рейхенбаха въ Бернскомъ кантонѣ, ягнятникъ напалъ на одного мальчика и убилъ-бы его, еслибы птицу не спугнули во время. Сначала и мало обратилъ вниманія на это сообщеніе и ждалъ, что этотъ ягнятникъ скоро обратится въ орда или даже въ ястреба, а пострадавшій мальчикъ—въ курочку. Но

опроверженія не послѣдовало на этотъ разъ и такъ какъ дѣло интересовало меня настолько, что стоило его изслѣдовать, то я отправился въ Кандергрундъ къ пастору Галлеру, радушіе котораго мнѣ было хорошо извѣстно».

Гиртаннеръ рассказываетъ дальше, какъ этотъ пасторъ направилъ его ко второму лицу, Блазеру, и какъ послѣ довольно длинной переписки съ этимъ послѣднимъ онъ узналъ слѣдующее.

«Дѣло было 2-го іюня 1870 г. въ 4 часа пополудни; этотъ самый мальчикъ, Іоганнъ Бетшенъ, веселый, живой парень лѣтъ 14, небольшого роста, но крѣпкаго сложенья, шелъ изъ Кина въ Арисъ. Кинъ лежитъ въ глубокой долинѣ близъ Рейхенбаха, въ уголѣ, образуемомъ въ Кинской долинѣ сліяніемъ рѣкъ Кина и Кандера; Арисъ приблизительно на 150 м. выше на площадкѣ горнаго выступа. Довольно крутая дорога вела мальчика по только-что скошенному дугу, и когда онъ на маленькомъ горномъ пастбищѣ подошелъ къ небольшому стогу сѣна въ 100 шагахъ отъ жилья, на него сдѣлано было нападеніе. Внезапно и совсѣмъ неожиданно птица набросилась на мальчика сзади, съ страшной силой ударила его обоими крыльями по головѣ такъ, что, по его собственнымъ словамъ, ему показалось, что его бьютъ двумя косами; однимъ ударомъ птица сшибла его съ ногъ и повалила на землю. Падая и стараясь обернуться назадъ, чтобы увидѣть, кто такимъ дерзкимъ образомъ ударилъ его въ голову, мальчикъ снова потерпѣлъ такое-же нападеніе: послѣдовалъ второй натискъ и ударъ обоими крыльями, которыя свистѣли справа и слѣва вокругъ его головы и почти лишали его сознанія, такъ что онъ былъ совсѣмъ оглушенъ. Тутъ мальчикъ увидалъ огромную птицу, которая напала на него въ третій разъ, вонзила когти ему въ бокъ и грудь, ударя крыльями, почти лишивъ его дыханія и наконецъ начала долбить ему голову клювомъ. Ни движеніями ногъ, ни поворотами всего тѣла не могъ онъ прогнать птицу. Тѣмъ сильнѣе дѣйствовалъ мальчикъ своими кулаками; одной рукой онъ старался отражать удары, другой—освободиться отъ своего врага. Это ему наконецъ удалось. Птица вдругъ поднялась кверху надъ мальчикомъ, можетъ быть для того, чтобы возобновить нападеніе. Но мальчикъ принялся отчаянно кричать. Этотъ-ли крикъ удержалъ птицу отъ повторенія нападенія или, можетъ быть, поднимаясь, она увидала слѣшавшую на крикъ женщину и потому бросила свое намѣреніе—о сталося неизвѣстнымъ. вмѣсто того, чтобы снова напасть, ягнятникъ поспѣшно скрылся за склономъ горы. Мальчикъ такъ ослабѣлъ отъ испуга и ужаса, что едва могъ подняться съ земли. Упомянутая женщина нашла его окровавленнымъ и съ трудомъ поднимающимся съ земли. Женщина эта уже не видѣла птицы. Въ этомъ фактѣ можно было-бы, пожалуй, еще сомнѣваться, но я не сомнѣваюсь нисколько. Іоганнъ Бетшенъ, который раньше никогда не слыхивалъ о такихъ птицахъ, не могъ-бы сочинить подобный рассказъ о птичьемъ нападеніи и такъ описать его, причѣмъ онъ совершенно одинаково рассказывалъ о ходѣ вещей и своей спасительницѣ и другимъ людямъ, когда его обмывали и перевязывали у жилья. Его и его семью я знаю за людей правдивыхъ. Раны его, которыя я самъ потомъ осматривалъ, состояли изъ трехъ, доходящихъ до костей черепа шрамовъ на затылкѣ. На груди и бокахъ видны были очень ясно слѣды когтей въ видѣ сильныхъ пятепъ, частью кровавыхъ; потеря крови была также очень значительна. Въ продолженіи 8 дней мальчикъ былъ очень слабъ. По моему мнѣнію, нельзя сомнѣваться ни въ правдивости его рассказа, ни въ дѣйствительности подобнаго факта. Но какъ я могъ узнать отъ мальчика, который никогда не видалъ такихъ птицъ и который былъ такъ испуганъ нападеніемъ, имѣлъ-ли онъ дѣло съ орломъ или съ бородачатымъ ягнятникомъ? Я вызвалъ его на допросъ и онъ рассказалъ мнѣ все, что могъ и

как умѣлъ. Именно, у него остался въ памяти страшный крючковатый клювъ, на концѣ котораго онъ видѣлъ свои собственные волосы и кровь, далѣе—кольцо вокругъ шеи, испещренные бѣлыми пятнами крылья, и наконецъ, что особенно было для меня убѣдительно,—«что подъ клювомъ у него было что то сильно мохнатое».

Пасторъ сообщаетъ въ болѣе подробномъ видѣ то, что Гиртаннеръ отчасти сократилъ, а именно какъ тщательно и искусно выпытывали пострадавшаго мальчика, предлагая ему различныя изображенія и, наконецъ, рѣшили свезти его въ Бернъ. Далѣе онъ рассказываетъ, что когда въ музеѣ мальчика подвели сначала къ орлу, онъ и слышать не хотѣлъ, что противникъ его былъ такимъ, но при одномъ взглядѣ на бородатаго ягнятника въ темномъ юношескомъ опереніи, онъ впалъ въ глубокую задумчивость, потому что относительно формы и величины клюва и бороды онъ показался ему вполне похожимъ на его врага, но не походилъ только опереніемъ; когда-же онъ, наконецъ, увидѣлъ стараго желтаго ягнятника, онъ вдругъ воскликнулъ: «Вотъ онъ! онъ и есть! это тотъ самый клювъ, тѣ-же пятна, какія я видѣлъ, и кольцо вокругъ шеи, а вотъ и борода». Все время мальчикъ возвращался къ этому ягнятнику съ свѣтло-желтой шеей, грудью и брюхомъ, и признавалъ въ немъ своего врага. Снова остававливался онъ передъ птицей и взволнованно твердилъ: «Вотъ онъ! такимъ онъ и былъ».

«Хотя, къ счастью, случаи нападенія ягнятниковъ на людей», продолжаетъ Гиртаннеръ, «въ общемъ очень рѣдки, въ особенности на людей въ такомъ возрастѣ, какъ упомянутый мальчикъ, но я, по крайней мѣрѣ, не сомнѣваюсь теперь въ томъ, что они бывають; другимъ-же предоставляю, конечно, судить по своему. Чтобы нашъ ягнятникъ нападалъ на взрослого человѣка въ надеждѣ его осилить, чтобы онъ его сбрасывалъ со скалы или убивалъ какимъ-нибудь другимъ образомъ, еще ничѣмъ не доказано. Тѣмъ не менѣе охотники, путешественники и пастухи увѣряють, что иногда, отдыхая въ опасныхъ горныхъ мѣстахъ, они со страхомъ, чувствовали надъ собой удары шумящихъ и свистящихъ крыльевъ могучей птицы, которая, съ быстротой стрѣлы, проносилась надъ ихъ головами въ зияющую пропасть со скалистой вершины. Но они предполагають, что только случай привелъ птицу на это мѣсто и что она только нечаянно зацѣпилась за ихъ тѣло крыльями. Я могъ бы привести, какъ доказательство вѣрности своего мнѣнія, наблюденія, основанныя на собственныхъ опытахъ такихъ людей, какъ Вальденштейнъ, настоящаго испытаннаго Граубинденскаго охотника и вмѣстѣ съ тѣмъ образованнаго человѣка и добросовѣстнаго наблюдателя, и многихъ другихъ; всѣ они единогласно признають всю опасность подобнаго положенія въ уединенномъ мѣстѣ; тѣмъ не менѣе, какъ и раньше замѣчено, нѣтъ вполне доказанныхъ примѣровъ несчастныхъ случаевъ, происшедшихъ вслѣдствіе нападенія ягнятника на взрослыхъ людей. Однако, даже очень невѣрующіе люди могутъ сомнѣваться въ томъ, что ягнятникъ настолько глупъ и слабъ, что не можетъ причинить вреда взрослому человѣку при повторяющихся выпадахъ».

Наши свѣдѣнія о размноженіи бородастыхъ ягнятниковъ въ настоящее время существенно увеличились, благодаря различнымъ наблюденіямъ. Почти всеми установлено, что эта птица, такъ же какъ и другія птицы этого семейства, высидываетъ птенцовъ по нѣскольку разъ въ одномъ гнѣздѣ, а на югѣ даже, не задумываясь, гнѣздится среди грифовъ. Гнѣздомъ, которое лордъ Лильфордъ нашелъ въ Испаніи, птицы пользовались, по увѣреніямъ ближайшихъ жителей, съ незапамятныхъ временъ. Обыкновенно бородастый ягнятникъ выбираетъ для высидыванья, какъ и другія хищныя птицы, просторную пещеру, большею частью за какой-нибудь пе-

приступной каменной стѣной; впрочемъ, по сообщенію моего брата, можетъ случиться, что ягнятникъ устраиваетъ себѣ гнѣздо только на 10 м. выше доступнаго людямъ мѣста. До сихъ поръ еще не выяснено, дѣлаетъ-ли онъ самъ себѣ гнѣздо или просто завладѣваетъ гнѣздомъ какой-нибудь другой хищной птицы, точно такъ-же, какъ еще не доказано, чтобы одна и та же пара каждый годъ высиживала въ одномъ и томъ же гнѣздѣ, а не мѣнялась имъ съ другими. Въ Швейцаріи, по рассказамъ Гиртаннера, ягнятникъ выбиралъ для гнѣзда мѣсто на голой, недоступной скалѣ, довольно высоко въ горахъ, и всегда тамъ, гдѣ нависшій утесъ образуетъ крышу надъ довольно просторной нишей. Одинъ сардинецъ, о которомъ упоминаетъ Гиртаннеръ, нашелъ гнѣздо на трехъ близко стоящихъ другъ къ другу дубовыхъ пняхъ у большого обломка скалы. Птица правильно посѣщаетъ свое гнѣздо въ послѣднихъ мѣсяцахъ каждаго года, потому что уже въ январѣ или, самое позднее, въ первыхъ числахъ февраля начинается процессъ высиживанья. Какъ достоверно извѣстно, самка кладетъ только одно яйцо; хотя Сарацъ замѣчаетъ, что въ Камогаскерской чащѣ, съ противоположной горы видны были то одинъ, то два птенца, что подтверждаетъ и Адамсъ по позднѣйшимъ наблюденіямъ. Яйца круглыя и крупныя, по мутно-бѣлому фону окрашены мелкими или крупными, иногда даже очень большими пепельно—или красно-сѣрыми пятнами и желтыми буро-красными или красно-бурыми крапинками и пятнами, которыя гуще всего расположены внизу или въ серединѣ. Какъ долго продолжается высиживанье яицъ—неизвѣстно; мы знаемъ только, что въ началѣ марта или, самое позднее, въ концѣ апрѣля, въ Швейцаріи, какъ и въ южной Итали и сѣверной Африкѣ можно видѣть только что вылупившихся молодыхъ ягнятниковъ.

Первый натуралистъ, которому удалось достигнуть до гнѣзда ягнятника, былъ, кажется, мой братъ. Гнѣздо было расположено на выступѣ скалы, защищенномъ отъ лучей солнца нѣсколько выдающимся камнемъ; оно находилось только на 15 м. выше подошвы послѣдняго горнаго гребня, такъ что достигнуть до него было относительно нетрудно. Поперечникъ нижней постройки равнялся приблизительно 1,5 м.; поперечникъ гнѣздоваго углубленія, имѣншаго около 12 ст. глубины, равнялся 60 ст., вышина гнѣзда равнялась 1 м. Длиныя вѣтки, толщиною отъ дѣтской руки до большого пальца, служили ему основаніемъ, надъ нимъ была еще тонкая настилка изъ вѣтокъ и сучковъ, среди которыхъ углублялся лоточекъ гнѣзда; онъ состоялъ изъ тѣхъ же, только болѣе тонкихъ матеріаловъ и былъ тщательно выложенъ внутри лыкомъ, коровьими и лошадиными волосами. Вокругъ него всѣ площадки скалы были покрыты густою, бѣлоснѣжною корой помета. Другое гнѣздо было найдено въ Греціи Симпсономъ. Оно было, какъ сообщаетъ Крюперъ, выстроено изъ толстыхъ вѣтокъ и какъ-бы заткано шерстью различныхъ животныхъ, но преимущественно козей; лотокъ былъ совсѣмъ плоскій и тоже выложенъ шерстью и на немъ сидѣлъ трехмѣсячный птенецъ, около котораго лежали кости, цѣлая ослиная нога, нѣсколько череповъ и т. п. животныхъ остатковъ, очевидно заготовленныхъ ему въ пищу. «Оба родителя приближались къ гнѣзду, и по временамъ издавали свистъ, похожій на свистъ пастуха». Позднѣе старики выказали еще больше безопасности, но Крюперъ новсе не упоминаетъ о какой-нибудь попыткѣ къ нападенію на него; всѣ же рассказы, доказывающіе противное, прямо опровергаются Сальвиномъ. Всѣ пары ягнятниковъ, за которыми наблюдалъ послѣдній, держались въ сторонѣ, пока вскарабкавшійся къ ихъ гнѣзду человекъ вынималъ птенца и не пытались даже напасть на похитителя. «Въ Гиммалайскихъ горахъ», говоритъ Адамсъ, «гнѣздо ягнятника всегда устраивается на неприступныхъ скалахъ. Время размноженія падаетъ на апрѣль и май. Въ окрестностяхъ Симды я нашелъ однажды въ

пещерѣ, подъ нависшей скалой, гнѣздо ягнятника, въ которомъ сидѣло два птенца. Богатое собраніе костей барановъ и другихъ домашнихъ животныхъ окружало ихъ; это, вѣроятно, были кухонные отбросы одного европейскаго поселенія въ нѣсколькихъ миляхъ отсюда».

О жизни ягнятника въ неволѣ существуетъ много наблюдений, и они вполнѣ соответствуютъ тому описанію его характера, которое составлено по наблюдениямъ за жизнью этой птицы на волѣ. Мой братъ Рейнгольдъ получилъ однажды молодого бородатаго ягнятника еще въ юношескомъ опереніи; онъ былъ вынутъ изъ вышеописаннаго гнѣзда двумя пастухами и первоначально отданъ на прокормленіе мяснику, который и уступилъ его позднѣйшему его хозяину. Оба родителя, замѣтивъ, что хотятъ похитить ихъ птенца, стали кружиться надъ самими пастухами, не нападая, впрочемъ, на нихъ; когда же въ нихъ стали бросать каменьями, они совсѣмъ удалились, не обращая вниманія на крики своего птенца.

«Когда въ первый разъ увидаль молодого ягнятника», пишетъ мой братъ, «онъ былъ очень безпомощенъ и неловокъ. На ноги онъ становиться не могъ и когда его принуждали ходить, онъ тотчасъ садился или прямо ложился на брюшко. Предложенные ему куски мяса онъ хваталъ кончикомъ клюва, подбрасывалъ ихъ вверхъ, очень ловко опять ловилъ и затѣмъ проглатывалъ съ жадностью. Костей онъ не любилъ, ни въ началѣ, ни въ концѣ своего пребыванія у меня. Если я ему впахивалъ въ горло до самаго зоба кости съ острыми краями или углами, онъ старался ихъ изрыгнуть и успокаивался только тогда, когда ему это наконецъ удавалось.

«Я оставилъ ягнятника довольно долгое время на попеченіи его перваго хозяина, но такъ какъ мои докторскія обязанности еженедѣльно призывали меня въ ту деревню, то я всякій разъ навѣщалъ его. Онъ жилъ тамъ въ очень узкомъ помѣщеніи, но радовался всякій разъ, когда видѣлъ своего хозяина, выражал свое удовольствіе громкими криками. Днемъ его выносили на солнце, и тогда онъ тотчасъ распускалъ свой хвостъ и крылья, ложился на брюшко, вытянувъ ноги во всю ихъ длину; въ этомъ положеніи оставался онъ цѣлые часы неподвижно, но выказывая при этомъ признаки величайшаго довольства. Черезъ мѣсяць, приблизительно, онъ былъ уже въ состояніи держаться прямо на ногахъ и началъ пить воду. При этомъ онъ придерживалъ поставленный ему сосудъ одной ногой, глубоко опускалъ въ него нижнюю челюсть и быстрымъ движеніемъ головы вверхъ и назадъ вливалъ себѣ въ открытую пасть довольно большое количество воды, послѣ чего онъ опять закрывалъ свой клювъ; 4 — 5 глотковъ, казалось, совершенно утоляли его жажду. Послѣ того онъ принимался клевать руки и ноги окружающихъ его людей, причемъ всегда падалъ ноги своего хозяина. Я оставилъ его еще на мѣсяць у послѣдняго и потомъ взялъ его съ собою въ Мурцію. Онъ тогда уже вполнѣ оперился, за исключеніемъ шеи, на которой еще едва пробивались курчавыя перышки ошейника; хвостъ тоже значительно выросъ, хотя не достигъ еще полной своей длины. Мы помѣстили его въ большую клѣтку, съ которой онъ скоро освоился, но въ первые два дня своего пребыванія у меня ничего не ѣлъ, а пилъ только воду. По прошествіи этого времени онъ проголодался. Я бросилъ ему нѣсколько костей, но онъ до нихъ даже не дотронулся; потомъ ему предложили головы, внутренности и ноги разныхъ породъ куриныхъ, но онъ не прикоснулся и до нихъ; когда я ему наконецъ впахнулъ въ горло нѣсколько костей, онъ тотчасъ изрыгнулъ ихъ точно также, какъ и внутренности куръ; только гораздо позже началъ онъ ѣсть кости. Свѣжее бычачье и баранье мясо онъ глоталъ всегда съ жадностью. Послѣ того, какъ онъ въ первый разъ поѣлъ въ клѣткѣ, онъ опять легъ на песокъ плашмя, чтобы отдохнуть и погрѣться».

«Уже черезъ нѣсколько дней онъ началъ узнавать меня и призналъ во мнѣ своего господина. Онъ отвѣчалъ мнѣ и тотчасъ прибѣгалъ на мой зовъ, позволяя гладить и брать на руки, между тѣмъ какъ тотчасъ же нахохливалъ перья на затылокъ, когда приближался къ нему кто-нибудь чужой. Онъ, повидимому, особенно ненавидѣлъ крестьянъ въ національномъ платьѣ; такъ, онъ набросился однажды съ страшнымъ крикомъ на мальчика, который долженъ былъ чистить его клѣтку, и принудилъ его ударами клюва отказаться отъ своего намѣренія. Одному крестьянину, который тоже вошелъ въ его клѣтку, онъ разорвалъ куртку и штаны. Если къ его клѣткѣ подходила собака или кошка, то онъ нахохливалъ свои перья и испускалъ короткое гнѣвное «грик-грик-грик»; напротивъ того, онъ постоянно подходилъ къ рѣшеткѣ своей клѣтки, когда слышалъ мой голосъ, радостно и тихо испускалъ свой единственный звукъ и всячески выказывалъ свое удовольствіе. Такъ напримѣръ, онъ высовывалъ клювъ за рѣшетку и игралъ моими пальцами, которые я могъ смѣло класть ему въ клювъ, не опасаясь, чтобы онъ меня укусилъ. Онъ бывалъ очень доволенъ, когда его выпускали изъ клѣтки, долго гулялъ кругомъ всего двора, распускалъ крылья, чистилъ себѣ перья и дѣлалъ попытки летать.

«Я мылъ ему отъ времени до времени кончики маховыхъ перьевъ, такъ какъ онъ часто ихъ пачкалъ. Для этого его сажали въ корыто и сильно поливали водой. Это мытье, казалось, было для него самой непріятной вещью, какаѣ когда-либо могла съ нимъ случиться. Всякій разъ, какъ его мыли, онъ рѣшительно велъ себя какъ сумашедшій и скоро сталъ бояться корыта. Когда-же онъ высыхалъ, то, казалось, чувствовалъ себя отлично и охотно допускалъ меня помогать ему приводить въ порядокъ опереніе. Такимъ образомъ прожилъ онъ изо-дня въ день до конца мая. Онъ ѣлъ мясо, иногда даже съ костями, но никогда не ѣлъ птицъ. Я пробовалъ давать ему всевозможныхъ птицъ: онъ получалъ голубей, куръ, куропатокъ, утокъ, скворцовъ, альпійскихъ воронъ, синицъ и т. д., — все напрасно. Даже, будучи очень голоднымъ, онъ все-таки пренебрегалъ птицами; если я самъ впикивалъ ему птичье мясо, съ перьями или безъ нихъ, онъ тотчасъ выплевывалъ его. Напротивъ того, млекопитающихъ всѣхъ родовъ онъ глоталъ безъ сопротивленія. Я повторялъ опыты безчисленное множество разъ и результатъ былъ одинъ и тотъ-же. Въ концѣ мая мой любимецъ (такъ какъ онъ сдѣлался дѣйствительно имъ) получилъ товарища. Одинъ крестьянинъ сообщилъ мнѣ, что онъ подстрѣлилъ крыло у одного «*Aquila real*» и желаетъ его продать. Я отказалъ ему, потому что находилъ, что съ меня достаточно и одного хищника, но крестьянинъ пришелъ опять и принесъ мнѣ мать моего молодого ягнятника. Раненая птица лежала передо мной неподвижно на своей здоровой сторонѣ и выражала свое страданіе только развѣиваньемъ клюва и нахохливаньемъ перьевъ на затылкѣ. Когда къ ней кто-нибудь приближался, она долго слѣдила за его движеніями глазами, старалась ударить клювомъ, а то, что удавалось ей схватить, держала очень крѣпко. Я началъ съ того, что отрѣзалъ ягнятику раненое крыло. Боль отъ раны привела его въ возбужденное состояніе: онъ сильно кусался и ловко пускалъ въ ходъ свои когти.

«Послѣ того я посадилъ его къ молодой птицѣ. Старый ягнятникъ улегся въ клѣткѣ и безмолвно выказывалъ тѣ-же знаки своего неудовольствія, какъ и прежде. Молодая птица съ любопытствомъ осматривала его со всѣхъ сторонъ и съ четверть часа сидѣла около него, не возбудивъ съ его стороны никакого вниманія. До предложеннаго ему мяса онъ даже не дотронулся. На другой день онъ всталъ на ноги; на третій я ихъ обоихъ выпустилъ на дворъ. Старый прохаживался разнѣренными

шагами со свѣсившимися перистыми штанами, поднятымъ хвостомъ и открытымъ клювомъ, повидимому, нисколько не заботясь объ окружающемъ. Я предложилъ имъ воды. Младшій поспѣшно подбѣжалъ и началъ пить. Когда старшій это замѣтилъ, онъ также подошелъ къ сосуду и началъ съ замѣтнымъ наслажденіемъ глотать влагу, которой, повидимому, давно желалъ и долго былъ лишенъ. Послѣ этого онъ сталъ повеселѣе и началъ набивать зобъ приготовленнымъ для него мясомъ, которое раньше всегда выплевывалъ. Мясомъ птицъ онъ пренебрегалъ также и никакъ нельзя было его принудить попробовать его хоть-бы маленькій кусочекъ. Въ скоромъ времени старшій ягнятникъ оставилъ все обнаруженное имъ вначалѣ упрямство. Онъ избралъ своимъ сидѣньемъ выступъ въ стѣнѣ клѣтки и, примостившись тамъ, предоставлялъ всему идти своимъ чередомъ и не обращалъ ни на что вниманія. Если его выпускали на дворъ, онъ быстрыми шагами направлялся снова въ клѣтку. Черезъ нѣсколько дней онъ сталъ позволять себя гладить.

«Пемного времени спустя оба ягнятника получили новаго товарища, именно галку, на которую, впрочемъ, не обращали никакого вниманія. Вскорѣ она стала такъ дерзка, что ударами клюва прогоняла отъ только что наполненнаго сосуда съ питьемъ ягнятниковъ, пока сама не утоляла жажды и съ большой отвагой уносила кусочки того мяса, которое пожирала ягнятники. Послѣдніе не препятствовали этимъ продѣлкамъ дерзкой птицы, ждали съ глупо удивленными взорами, когда она напьется, и тогда только робко приближались къ питью, чтобы самимъ утолить жажду. Вообще, казалось, это величайшее добродушіе было основной чертой ихъ характера; когда я вечеромъ сажалъ ихъ обоихъ рядомъ на высокую жердь, и могъ спокойно прохаживаться подъ ней, въ полной увѣренности, что ни тотъ, ни другой не сдѣлаютъ никакой попытки причинить мнѣ вредъ; молодой даже наклонялся ко мнѣ, чтобы дать себя погладить. На только что оперившагося беркута и двухъ молодыхъ стервятниковъ, которыхъ я получилъ нѣсколько дней спустя, мои ягнятники, смотрѣли, повидимому, съ удивленіемъ, однако не дѣлали и имъ никакого вреда; младшій дозволилъ даже грифу сѣсть ему на спину въ то время, какъ онъ копался въ песокъ. Когда же я присоединилъ къ этому пестрому обществу ястребинаго орла, миръ былъ нарушенъ навсегда. Но и эта птица нашла себѣ достойнаго товарища. Мнѣ принесли третьяго стервятника и одного филина. Ночная птица искала себѣ тихаго угла и, казалось, чувствовала себя прекрасно. Обитатели клѣтки смотрѣли на новаго пришельца съ ясно выраженнымъ любопытствомъ; наконецъ молодой ягнятникъ, казалось, захотѣлъ выразить ему свое участіе, подошелъ, тщательно осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ и подъ конецъ началъ клювомъ разбирать перья угрюмаго гостя. Филинъ моментально вскочилъ и навесѣ простодушному ягнятнику нѣсколько сильныхъ ударовъ когтями, но скоро опять вернулся, ворча, въ свой уголь. Ягнятникъ во время этой вспышки глядѣлъ на него съ величайшимъ удивленіемъ и затѣмъ повернулся къ нему спиной. Вечеромъ я посадилъ большую часть этой компаніи на шесть въ слѣдующемъ порядкѣ: прежде всего беркута, потомъ филина, рядомъ съ нимъ младшаго ягнятника, затѣмъ стервятника и наконецъ старшаго ягнятника. Ястребинный орелъ никогда не оставался долго на мѣстѣ.

«Пока я былъ въ клѣткѣ, они сидѣли на своихъ мѣстахъ, но какъ только я уходилъ, младшій ягнятникъ начиналъ приставать къ филину, отъ котораго ему всегда доставалось. Однако онъ не оставлялъ своихъ приставаній до тѣхъ поръ, пока филинъ не улеталъ съ мѣста, причемъ обыкновенно попадался въ когти всегда готовому къ бою ястребиному орлу. Пока оба забійки ссорились,

между остальными царствовала величайшая тишина и спокойствие; они представляли изъ себя любопытныхъ, но безучастныхъ зрителей. Что ягнятники вполне равнодушны къ красному цвѣту доказываетъ то обстоятельство, что красная подкладка моего халата, которую имъ часто приходилось видѣть, никогда не возбуждала въ нихъ ни тѣни неудовольствія. Точно также не выказывали они никогда нерасположенія къ дѣтямъ, какъ это замѣтилъ Креспонсъ у сардинскихъ грифовъ. Бѣгая по двору, они часто проходили мимо играющаго ребенка, не трогая его и даже не удостоивая его ни единымъ взглядомъ. Только, если кто-нибудь надѣдалъ имъ въ клѣткѣ, младшій начиналъ сердиться, но при этомъ не дѣлалъ разницы между взрослыми и дѣтьми.

«Къ сожалѣнню, клѣтка не была достаточно защищена отъ жаркихъ лучей испанскаго полуденнаго солнца, вслѣдствіе чего старый ягнятникъ мало по малу расхварывался и наконецъ тихо и спокойно умеръ отъ воспаления легкихъ. Молодой ягнятникъ, три стервятника и ястребинный орелъ, несмотря на жару, остались здоровы и ихъ можно было послать въ Германію. Жара, которую выносили животныя во время пути, очень удручала ягнятника: онъ сидѣлъ съ раскрытымъ клювомъ и жаждалъ свѣжаго воздуха и воды. Послѣ того, какъ мы нѣсколько разъ давали ему пить, онъ просовывалъ голову между прутьями дорожной клѣтки, какъ будто хотѣлъ еще попросить воды. Во время переезда во Францію онъ сумѣлъ приобрести любовь всѣхъ матросовъ парохода, которые щедро снабжали его пищей. Онъ часто свободно сидѣлъ на палубѣ, не дѣлая даже попытки испробовать свои могучія крылья».

Изъ остальныхъ сообщеній о жизни въ неволѣ бородатаго ягнятника я приведу только, и то въ извлеченіи, сообщенія Гиртаннера, которыя кажутся мнѣ наиболѣе поучительными. Въ концѣ мая 1869 г. воспитанная вышеупомянутымъ натуралистомъ птица была поймана посредствомъ капкана въ кантонѣ Тессинъ. Одна ступня ея была захвачена въ капканъ и сухожиліе задняго пальца совсѣмъ порвано; вслѣдствіе худого ухода палецъ былъ вывернутъ впередъ и нога отчасти осталась хромой. Здоровая во всѣхъ другихъ отношеніяхъ птица послѣ двухъ мѣсяцевъ перешла во владѣніе Гиртаннера и получила вполне заслуженное одобреніе на богатой и хорошо организованной выставкѣ живыхъ швейцарскихъ птицъ, которую я посѣтилъ. Впродолженіи выставки, свободно сидя на своемъ набитомъ волосомъ ящикѣ и обезпokoиваемая ежедневно сотнями посѣтителей, которые часто дразнили и пугали ее, она находилась въ постоянномъ возбужденіи; никогда не ѣла въ присутствіи постороннихъ, сидѣла съ разинутымъ клювомъ, торопливо дыша, некрасиво опускала внизъ крылья и хвостъ и производила впечатлѣніе больной птицы. Сначала, при появленіи сторожа, она подымалась, какъ будто вооружаясь на всякій случай; впоследствии она перестала обращать на него вниманіе. «Въ то время», говоритъ Гиртаннеръ, «какъ при видѣ меня она подымала перья на затылкѣ, чѣмъ и образовывала какъ бы лучистый вѣнокъ вокругъ узкой головы, злобно выпяливала на меня глаза, бѣгала взадъ и впередъ не то испуганно, не то сердито, при большемъ приближеніи и всякой попыткѣ ее тронуть, приподнимала сгибъ крыла и старалась ударить меня клювомъ, ошибочно думая, что должна защищаться противъ меня и не понимая, что бояться скорѣе долженъ былъ я, чѣмъ она. Скоро, благодаря моему спокойному обращенію, она утратила свою недоувѣрчивость, не ерошила больше своего ошейника и скоро признала во мнѣ своего хозяина. Прижанши особеннымъ образомъ свои шейныя перья, такъ что голова и шея казались совсѣмъ маленькими, она позволяла гладить, даже чесать себя между перьями шеи и груди». Раненую ногу птица позволяла теперь осмат-

ривать, и только въ тѣхъ случаяхъ, когда, дотрогиваясь до задняго пальца, причиняли ей страданіе, она ударяла клювомъ по рукѣ, но, впрочемъ, небожно. Однако такое обращеніе позволяла она одному только Гиртаннеру; постороннихъ же она тотчасъ устраняла, когда замѣчала ихъ намѣреніе дотронуться до больной ноги. Своего прежняго владѣльца она узнала послѣ четырнадцатидневнаго своего пребыванія у Гиртаннера, очень благосклонно отнеслась къ нему и позволила продѣлывать съ собою то же, что и Гиртаннеру. Когда птица была въ особенно хорошемъ расположеніи духа, она наклоняла голову на бокъ и позволяла друзьямъ своимъ слегка почесывать ее; она скашивала глаза вверхъ, причемъ въ ея взорѣ выражалось явное дружелюбіе, потомъ закрывала глаза и испускала тонкій свистъ.

«Вскорѣ воспитатель и питомецъ почувствовали другъ къ другу взаимное довѣріе, и непріятныя отношенія, основанныя на томъ, что «ты меня не тронь и я тебя не трону», уступили мѣсто вполне дружескому обхожденію. Только когда воспитатель пугалъ ягнятника, глаза его загорались огнемъ, кольца вокругъ нихъ наливались кровью и казались больше и толще, онъ подымалъ угрожающе крылья и выказывалъ намѣреніе ударить хозяина клювомъ, но ласковыя слова скоро его успокаивали». Однако-же и Гиртаннеру пришлось испытать на себѣ могучую силу его разнообразныхъ средствъ защиты. Изслѣдованіе и перевязка раненой ноги дѣлали отъ времени до времени необходимымъ укладыванье его на спину, что было ему очевидно крайне непріятно. Поэтому, какъ только онъ замѣчалъ необходимыя приготовленія къ перевязкѣ, его обыкновенное добродушіе замѣнялось страхомъ, соединеннымъ съ яростью; нашъ изслѣдователь и его помощникъ должны были защищаться толстымъ платкомъ отъ его когтей и страшнаго клюва. Когда его отпускали, онъ яростно вскакивалъ на ноги, широко распускалъ крылья, открывалъ клювъ и рубилъ имъ во все стороны; однако все-таки довольно скоро успокаивался. Въ другой разъ ягнятникъ выказалъ свою силу, не имѣя даже намѣренія причинить кому-либо вредъ. Гиртаннеръ и его помощникъ были заняты однажды тѣмъ, что укрѣпляли къ полу толстый изогнутый сукъ, который долженъ былъ служить птицѣ вторымъ насѣстомъ, вдругъ послышался шумъ его крыльевъ, и оба господина были отброшены въ разныя стороны сильными ударами крыльевъ. Когда оба поднялись съ полу, смѣясь своему испугу, они съ удивленіемъ замѣтили, что ихъ питомецъ сидитъ на томъ же мѣстѣ, на которомъ долженъ былъ находиться сукъ, оставшійся въ ихъ рукахъ. Только разъ, и то по инстинктивному чувству обороны, напалъ онъ на своего хозяина, когда тотъ, осматривая его рану, коснулся особенно чувствительнаго мѣста. Съ быстротою молніи и съ пронзительнымъ свистомъ подпрыгнувъ онъ въ воздухъ, распустилъ крылья и, такъ сказать, стоя въ воздухъ, ударилъ по лицу своего хозяина крѣпкими маховыми перьями, сильно размахнувшись связу вверхъ. «Клювъ и когти», говоритъ Гиртаннеръ, «птица къ счастью не пустила въ ходъ, да вѣроятно и не могла этого сдѣлать въ ея положеніи; зато я былъ совершенно окутанъ шумящими перьями, которыя, сильно царапая лицо, шуршали вокругъ головы, и я былъ такъ озадаченъ, что невольно подумалъ: каково было-бы мнѣ при подобномъ нападеніи, если бы это случилось не на ровной землѣ, а въ опасномъ горномъ мѣстѣ на краю пропасти, причемъ мой противникъ находился бы въ полной силѣ, свободно управляя своими движеніями и былъ бы, кромѣ того, побуждаемъ голодомъ къ дальнѣйшимъ нападеніямъ? Въ ту минуту я ничего не видѣлъ и ничего не слышалъ, а только старался освободиться отъ своего злодѣя. Но я теперь достаточно убѣдился въ силѣ, оглушительномъ шумѣ и ослѣпительномъ мельканіи его крыльевъ».

Такъ какъ въ своей тюрьмѣ ягнятникъ чувствовалъ себя весьма одинокимъ, то появленіе воспитателя каждый разъ радовало его. Привѣтъ свой онъ выражалъ обыкновенно тихимъ свистомъ. Когда хозяинъ стоялъ на полу, ягнятникъ слеталъ на свою жердь, чтобы быть съ нимъ на одной высотѣ, клювомъ игралъ его часовой цѣпочкой, трогалъ то тамъ, то сямъ, увивался вокругъ своего друга и старался всѣми силами выказать хорошее расположеніе духа. Съ веселымъ хихиканьемъ вытаскивалъ онъ крѣпко стиснутую въ рукѣ солому; съ удовольствіемъ разрывалъ или расзучивалъ соломенные веревки и тотчасъ слеталъ къ Гиртаннеру, какъ только замѣчалъ намѣреніе его расправить ихъ между пальцами. Неуклюжій съ виду клювъ свой онъ умѣлъ употреблять для самыхъ тонкихъ работъ: ловко, напримѣръ, подбиралъ имъ съ полу осколки кости, величиной съ горошину или мелкіе кусочки костяного мозга, причеиъ клалъ клювъ совсѣмъ плоско на землю, придерживалъ кусочки кончиками верхней и нижней челюсти и затѣмъ отправлялъ ихъ къ себѣ въ горло. Толстую обивку своего ящика онъ рвалъ по всѣмъ направленіямъ, вытаскивалъ изъ нея солому и по долгу игралъ съ ней.

Собаки онъ такъ же мало боялся, какъ и онѣ его; если же онѣ подходили ближе, чѣмъ онъ того желалъ, онъ замахивался на нихъ крыльями или, оставаясь самъ неподвижнымъ, грозилъ имъ издали клювомъ. Относительно же кошекъ онъ велъ себя такъ, какъ уже намъ раньше передавалъ Штейтлинъ. Гиртаннеру очень хотѣлось провѣрить это. «Однажды», говоритъ онъ, «въ его помѣщеніе забѣжалъ странствующій котъ. Я быстро заперъ ихъ вмѣстѣ, не показываясь самъ. Едва только кошка замѣтила своего врага, который, впрочемъ, былъ отдѣленъ отъ нея рѣшеткой, какъ вся ея фигура прониклась выраженіемъ смертельнаго страха, не виданнаго мною еще ни у одной кошки; громко воя, начала она красться по комнатѣ, почти опѣненъвъ отъ страха и ужаса, и вдругъ, съ отчаянной рѣшимостью, выпрыгнувъ въ расположенное наверху открытое окно, исчезла, не оглядываясь, изъ комнаты».

Когда нога нашего ягнятника перестала болѣть, онъ для сидѣнія сталъ предпочитать камни—своей подушкѣ. Часто сидѣлъ онъ по долгу, на половину или совсѣмъ наклонившись, въ очень неудобномъ, повидимому, положеніи, со втянутой и откинутой назадъ или еще чаще вытянутой впередъ головой, которая тогда съ туловищемъ и хвостомъ составляла одну прямую линію. Такъ какъ его хозяинъ замѣтилъ, что онъ охотно ложится въ солому, то принесъ ему наполненный соломой ящикъ. Едва ягнятникъ замѣтилъ ящикъ, какъ уже бросился къ нему и съ удобствомъ въ немъ устроился. Съ тѣхъ поръ каждую ночь онъ спалъ въ ящикѣ, причеиъ совсѣмъ погружался въ солому грудью и ногами, клалъ голову на край ящика и свободно выставлялъ изъ него хвостъ. Когда хозяинъ хотѣлъ перевести его въ другое помѣщеніе, онъ бѣжалъ за нимъ слѣдомъ; если его хозяинъ звалъ его назадъ, онъ сейчасъ же шелъ обратно поспѣшными шагами, несело по-свистывая. Но такимъ довѣрчивымъ выказывался онъ только въ томъ случаѣ, когда съ его другомъ никого не было посторонняго. Воды нилъ онъ очень много и пробовалъ даже купаться, но всегда разливалъ большую часть воды, не достигнувъ цѣли, потому что хотѣлъ весь погрузиться въ узкій сосудъ. Гиртаннеръ отъ времени до времени обливалъ его изъ лейки, что ему, видимо, было очень пріятно; потомъ онъ широко распускалъ крылья, сушилъ ихъ на солнцѣ, чистилъ и приводилъ въ порядокъ перья и, наконецъ, покрывалъ ихъ жиромъ. Главную его пищу составляло сырое бычачье мясо. Полъ фунта насыщали его на цѣлый день. Кромѣ того онъ получалъ иногда кроликовъ, кошекъ, морскихъ свинокъ и т. п. До птицъ

онъ упорно не дотрогивался. На живого кролика онъ наступалъ ногой, вонзалъ раскрытый клювъ ему въ голову, защемлялъ челюсти какъ клещи и однимъ ударомъ убивалъ свою маленькую жертву. Все это дѣлалось съ величайшимъ спокойствіемъ, безъ малѣйшей алчности или кровожадности. Онъ прежде всего начиналъ ѣсть свою жертву за ушами, потомъ освобождалъ мясо отъ кожи и проглатывалъ его, сколько ему требовалось для насыщенія, всегда, впрочемъ, оставляя нѣкоторую часть. Сильно пахнущее мясо онъ не трогалъ. Кости были для него такой же необходимостью, какъ и мясо, но мозгъ предпочиталъ онъ всему другому. Куски берцовой кости, величиной почти съ кулакъ, онъ проглатывалъ, рискуя подавиться, если замѣчалъ, что онѣ наполнены еще мозгомъ, и, напротивъ того, оставлялъ иногда нетронутыми такія же большія, но пустыя кости. Будучи голоденъ, онъ наполнялъ свой зобъ даже старыми, давно вываренными, сухими костями, которыхъ острые, какъ ножъ, концы, игловидные кончики и углы нисколько не стѣсняли его: одинъ за другимъ отправлялись они въ его глотку. Когда зобъ былъ, повидимому, полонъ, ягнятникъ производилъ сильныя глотательныя движенія, причемъ дѣлалъ головой почти полный оборотъ и тогда можно было ясно слышать трескъ и треніе острыхъ костей, которыя сталкивались въ верхнемъ желудкѣ. Совершенно непонятно, какъ это тонкія его стѣнки не были ими пробиты. Послѣ такого пира ягнятникъ сидѣлъ обыкновенно неподвижно съ сильно выдававшимся верхнимъ желудкомъ, низко наклонивши зобъ и шею подъ тяжестью полного желудка; часто и тяжело дыша открытымъ ртомъ, онъ вполне отдавался пищеварительному процессу. Отъ времени до времени извѣстными глотательными движеніями онъ помогалъ передвиженію уже достаточно разложившихся и размягченныхъ костей изъ перваго желудка во второй. Если онъ ѣлъ на ночь кости, то на другое утро испражнялся довольно большими кусками полу-твердой, сѣро-желтой известковой массы, тогда какъ отъ мясной пищи испражнения были жидка, бѣлы, съ примѣсью черной и зеленой желчи. Если было проглочено много волосъ, то можно было ихъ видѣть въ калѣ послѣдняго обѣда перепереваренными, но и не сжатыми въ комокъ, а кольцеобразно расположенными. Только единственный разъ впродолженіи полугода, и то послѣ особенно богатаго обѣда кошачьимъ мясомъ, онъ выбросилъ комокъ шерсти. Когда, при поспѣшной ѣдѣ, острія костей становились поперекъ гортани, онъ съ большимъ трудомъ и съ криками боли выбрасывалъ ихъ назадъ, причемъ изъ клюва вытекалъ отвратительно пахнущій, почти безцвѣтный желудочный сокъ. Съ большой ловкостью отправлялъ онъ куски опять назадъ, и нѣсколько часовъ спустя зобъ его становился на ощупь снова мягкимъ и на половину пустымъ. Зобъ вполне набивался 1—1,5 фунтомъ мяса.

Не проживъ и восьми мѣсяцевъ въ неволѣ, ягнятникъ захворалъ, пересталъ ѣсть, испражнялся послѣдніе дни одной темно-зеленой желчью, становился все болѣе и болѣе вялымъ, расположеніе духа ухудшалось, глаза тускнѣли, кольца вокругъ глазъ блѣднѣли, пока наконецъ онъ не покрылся желто-красными пятнами и полосою и издохъ на четырнадцатый день своей болѣзни. По изслѣдованію оказалось, что всеобщее ожирѣніе было причиною его смерти.

Изъ предпринятаго Гиртаннеромъ сравненія его собственныхъ наблюденій надъ своимъ питомцемъ съ предшествующими изслѣдованіями надъ другими швейцарскими бородатыми ягнятниками видно, что ягнятники, взятые въ лѣтъ молодыми, отличаются отъ старыхъ многими хорошими качествами. Старые бываютъ лѣнны, глупы и упрямы, и никогда не хотятъ войти въ довѣрчивыя отношенія къ людямъ, тогда какъ молодые не только гораздо подвижнѣе, но и одарены большими

способностями и скорѣе становятся самостоятельными въ умственномъ и въ физическомъ отношеніяхъ, легче дружатся со своими хозяевами, вслѣдствіе чего позволяютъ сдѣлать болѣе точныя наблюденія надъ ихъ поведеніемъ на свободѣ. Ягнятникъ, находившійся 7 мѣсяцевъ на попеченіи Бальденштейна, въ общемъ велъ себя совершенно такъ же, какъ только что описанный нами, и выказывалъ къ своему хозяину такое же расположеніе, какъ ягнятникъ Гиртаннера къ этому послѣднему. Онъ самымъ яснымъ образомъ выказывалъ свою потребность въ купаньѣ: тѣмъ, что ложился на полъ, загребая крыльями и какъ бы подметая землю хвостомъ, и такъ точно изображалъ всѣ движенія купающейся птицы, что Бальденштейнъ сейчасъ же принесъ ему полную ванну, въ которую птица немедленно бросилась и повторила въ водѣ, съ видимымъ наслажденіемъ, всѣ тѣ движенія, которыя она продѣлывала на сушѣ, вполне окунаясь при этомъ въ воду. Когда Бальденштейнъ слишкомъ зло дразнилъ своего питомца, тотъ дѣлалъ видъ, что сердито нападаетъ на него, но вреда ему не причинялъ, такъ какъ сильно былъ къ нему привязанъ, и ясно доказывалъ, что считаетъ его своимъ благодѣтелемъ. Когда ягнятникъ стоялъ на столѣ, голова его была вровень съ головой хозяина, и они вели между собой бесѣду. Ягнятникъ щипалъ своего попечителя за бакенбарды, совалъ свой клювъ въ его рукава до сгиба локтя и испускалъ при этомъ довольное «гикх». Бальденштейнъ могъ гладить его сколько хотѣлъ, не возбуждивъ ни разу его недовѣрія. Къ постороннимъ же онъ относился совершенно иначе. Другой молодой ягнятникъ, питомецъ Амштейна, когда хозяинъ, намѣреваясь срисовать его, сажалъ передъ собой, перелеталъ отъ времени до времени на плечо своего господина и ласкалъ его своимъ клювомъ, такъ какъ хорошо понималъ, что отъ него чего-то требовали, но не зналъ, чего именно. Что даже самые добродушные на видъ ягнятники могутъ свирѣпѣть, замѣтилъ Салисъ, наблюдая одного ягнятника, который жилъ уже цѣлый годъ въ неволѣ и долгое время былъ заключенъ вмѣстѣ съ тетеревинымъ. Когда однажды ястребъ хотѣлъ отбить у ягнятника кусокъ мяса, глаза послѣдняго разгорѣлись, шейныя перья оттопырились, послѣдовалъ одинъ быстрый ударъ когтями въ грудь ястреба и тотъ черезъ секунду уже лежалъ около ягнятника въ предсмертныхъ судорогахъ, между тѣмъ какъ убійца продолжалъ спокойно ѣсть, какъ будто ничего важнаго не случилось.

Вредъ, который живущій на свободѣ ягнятникъ можетъ принести человѣку, незначителенъ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ сравниться съ вредомъ, причиняемымъ беркутомъ. На югѣ, гдѣ онъ легко достаетъ падаль и кости черепахъ и другихъ маленькихъ животныхъ, ягнятникъ только въ исключительныхъ случаяхъ позволяетъ себѣ нападать на домашнихъ животныхъ. Въ Швейцаріи онъ самъ сталъ такъ рѣдко являться, что его хищническимъ набѣгамъ тамъ не стоитъ придавать важнаго значенія. О какой-нибудь значительной пользѣ отъ него, конечно, не можетъ быть и рѣчи, если не говорить о Туареггахъ, которые, будто-бы эту птицу убиваютъ ради мяса и жира, чтобы первое съѣсть, а второе употребить, какъ средство противъ укуса ядовитыхъ змѣй. Тамъ, гдѣ ягнятники попадаются часто, они ведутъ довольно спокойную жизнь. Ихъ преслѣдуютъ развѣ только изъ любви къ охотѣ, а никакъ не изъ необходимости. Однако человѣкъ все-таки остается самымъ большимъ врагомъ этой птицы, потому что онъ вредитъ ей, если не непосредственно, то косвенно, все большимъ и большимъ захватомъ тѣхъ владѣній, въ которыхъ онѣ прежде безпрепятственно царствовали и теперь еще ведутъ свободную жизнь. Кромѣ того ихъ всячески дразнятъ и беспокоятъ низшія породы хищныхъ птицъ, а именно стервятники, маленькіе соколы, даже вороны; не менѣе беспокоятъ ихъ также и всякіе паразиты. Но и всѣ эти враги, вмѣстѣ взятые, не

въ состояніи отравить ему жизни. Одинъ только человекъ тѣснить его все больше и больше и окончательно выгоняетъ изъ всѣхъ доступныхъ ему мѣстъ.

Мы очень мало можемъ сообщить о ловлѣ ягнятника и охотѣ на него. Если случай не неблагопріятствуетъ и находка гнѣзда не облегчитъ охоту, то тогда приходится цѣлыми днями караулить его у падали, какъ мы это дѣлали, впрочемъ совершенно напрасно, въ Испаніи, или цѣлыми недѣлями сторожить въ извѣстныхъ горныхъ мѣстахъ, въ надеждѣ подстрѣлить пролетѣвшаго тамъ ягнятника. Еще скорѣе ведетъ къ цѣли искусно наставленный капканъ; но онъ долженъ быть хорошо прикрѣпленъ къ землѣ, чтобы птица не могла его сорвать и утащить. Охота на ягнятника не представляетъ никакихъ опасностей: даже раненые ягнятники не думаютъ о томъ, чтобы защищаться противъ человека, какъ это дѣлаютъ обыкновенно грифы. По моимъ собственнымъ наблюденіямъ, они только нахохливаютъ свои затылочные перья и по возможности широко раскрываютъ клювъ, которыми стараются схватить противника, но ихъ легко укротить. Живучесть ихъ очень велика: только мѣтко направленный выстрѣлъ можетъ убить ихъ сразу. Я прострѣлилъ однажды летящему ягнятнику все тѣло насквозь пулею, которая разорвала грудобрюшную перегородку и печень, и вылетѣла близъ поясничныхъ позвонковъ. Птица, конечно, тотчасъ упала на землю, но жила еще цѣлыхъ 36 часовъ и умерла уже отъ гнойнаго зараженія крови.

Грифовыя (Vulturinae. Geier. Vautours), которыхъ мы станемъ разсматривать всѣхъ вмѣстѣ, какъ подсемейство соколиныхъ—самыя большія изъ хищныхъ птицъ. Клювъ ихъ длиннѣе головы или, по крайней мѣрѣ, одной съ ней длины; онъ прямой, только передъ кончикомъ верхней челюсти загибается крючкомъ, больше въ вышину, чѣмъ въ ширину, и снабженъ острымъ расщепомъ и большой восковицей, которая занимаетъ одну треть, а у слабѣйшихъ видовъ даже половину всей длины клюва. Настоящаго зуба совѣмъ нѣтъ, но его замѣняетъ, какъ и у орловъ, очень замѣтная выемка на краю верхней челюсти. У нѣкоторыхъ видовъ встрѣчаются кожистые наросты, именно гребневидныя возвышенія на клювѣ. Ноги крѣпкія, но пальцы на нихъ слабые, когти короткіе, мало изогнутые и всегда тупые, такъ что имѣютъ мало значенія въ смыслѣ орудія нападенія. Крылья у нихъ необыкновенно велики, но вслѣдствіе того, что четвертое маховое перо длиннѣе другихъ, широки и большею частью очень закруглены. Хвостъ средней длины, закругленъ или сильно ступенчатъ и состоитъ изъ жесткихъ перьевъ. Относительно внутренняго устройства тѣла грифовыя сходятся во всѣхъ существенныхъ признакахъ съ остальными соколиными, но нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ больше шейныхъ позвонковъ, чѣмъ эти послѣднія. Хвостовые позвонки у нихъ шире, плечевыя кости длиннѣе, гребень грудной кости относительно ниже, нежели у соколиныхъ; пищеодъ расширяется въ видѣ большого зоба, который выступаетъ на шею на подобіе набитаго мѣшка; передній желудокъ великъ.

Способности у грифовыхъ односторонни, но по большей части отлично развиты. Осанка лѣтливая; садясь на землю очень низко, онѣ отдѣляютъ крылья отъ туловища и только изрѣдка съ нѣкоторою тщательностью чистятъ свои перья. Ходятъ онѣ, хотя и некрасиво, но легко, большею частью короткими шагами, а летаютъ медленно, но необыкновенно долго. Ихъ внѣшнія чувства по своей тонкости могутъ поспорить съ чувствами другихъ пернатыхъ разбойниковъ; именно, зрѣніе ихъ охватываетъ даль, о которой мы едва-ли можемъ себѣ составить понятіе; слухъ ихъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ есть и самое развитое изъ ихъ внѣшнихъ чувствъ,

очень хорошъ, ихъ обоняніе навѣрно сильнѣе, нежели у всѣхъ другихъ хищныхъ птицъ, хотя вообще не такъ тонко, какъ это описывается въ баснословныхъ разсказахъ о нихъ; вкусъ ихъ, несмотря на отвратительную пищу, которою онѣ питаются, ни въ какомъ случаѣ нельзя считать ничтожнымъ, а присутствіе у нихъ осязанія также отрицать нельзя, какъ относительно способности чувствовать прикосновеніе, такъ и ощущать окружающую температуру. Ихъ умственныя способности, наоборотъ, кажется, мало развиты. Онѣ робки, но рѣдко бываютъ осторожны, раздражительны и вспыльчивы, но не предприимчивы и вовсе не отважны, общественны, однако совсѣмъ не миролюбивы, заносчивы и злонамѣренны, но притомъ трусливы; умъ ихъ даже не возвышается до хитрости. Онѣ рѣдко привязываются къ другому существу и всегда неуклюжи и грубы въ своихъ дѣйствіяхъ. Имъ свойственно замѣчательное упорство во всемъ, что онѣ уже разъ предприняли. Мы назвали ихъ лѣнивыми, потому что видимъ ихъ сидящими цѣлыми часами неподвижно и въ полномъ спокойствіи на одномъ и томъ же мѣстѣ, но могли бы утверждать совершенно противоположное о тѣхъ изъ нихъ, которыя большую часть дня проводятъ летая. Нравъ ихъ представляетъ изъ себя смѣсь разнообразнѣйшихъ и, повидимому, противорѣчащихъ другъ другу качествъ. Многие склонны считать ихъ спокойными и тихими птицами, тогда какъ болѣе точныя изслѣдованія показываютъ, что ихъ надо причислить къ самымъ свирѣпымъ изъ всѣхъ хищныхъ птицъ.

Изучить грифовыхъ можно только освоившись съ ихъ способомъ добыванія пищи. Названіе хищной птицы теряетъ у нихъ отчасти свое значеніе. Немногія изъ нихъ, да и тѣ, вѣроятно, тоже въ видѣ исключенія, нападаютъ на живыхъ животныхъ съ намѣреніемъ ихъ убить, обыкновенно же онѣ просто подбираютъ только то, что имъ доставилъ случай. Онѣ объѣдаютъ трупы или уносятъ замѣченныя ими нечистоты. Но такъ какъ случай не всегда оказывается для нихъ благопріятнымъ и вслѣдствіе этого имъ часто приходится цѣлыми днями голодать, то при видѣ добычѣ онѣ ведутъ себя такъ, какъ будто онѣ во чтобы то ни стало должны вознаграждать себя за перенесенное воздержаніе и запастись на будущее время.

Птицы, питающіяся такимъ образомъ, могутъ жить только въ тепломъ и умѣренномъ поясѣ земного шара. Богатый югъ является для нихъ болѣе щедрымъ, нежели сѣверъ, и доставляетъ грифовымъ совершенно достаточно пищи для поддержанія ихъ жизни. За исключеніемъ Австраліи и Америки всѣ части свѣта даютъ пріютъ грифовымъ. Нѣкоторыя изъ нихъ находятся приблизительно въ одинаковомъ количествѣ въ Европѣ, Азіи и Африкѣ или, по крайней мѣрѣ, замѣщаются тамъ близкими сородичами. Онѣ встрѣчаются въ знойныхъ равнинахъ, такъ же, какъ и на самыхъ высокіхъ вершинахъ горныхъ хребтовъ. Онѣ - же, какъ намъ до сихъ поръ извѣстно, выше всѣхъ другихъ птицъ поднимаются въ воздушномъ пространствѣ; онѣ способны безъ затрудненія переносить самыя значительныя перемѣны давленія воздуха. Нѣкоторые виды селятся на горныхъ хребтахъ и покидаютъ ихъ только въ видѣ исключенія; другіе же, наоборотъ, предпочитаютъ населять скорѣе низкія мѣстности, чѣмъ горы. Впрочемъ, о постоянномъ мѣстожителствѣ ихъ едва-ли можно говорить. Ихъ огромныя крылья позволяютъ имъ, а своеобразность пищи даже вынуждаетъ ихъ пролетать большія пространства, нежели это дѣлаютъ другія хищныя птицы. Только во время кладки яицъ забота о птенцахъ привязываетъ ихъ къ какому - нибудь мѣсту; въ продолженіи остальной части года грифовыя ведутъ болѣе или менѣе скитальческую жизнь. О нихъ можно сказать съ полной справедливостью, что ихъ находятъ вездѣ и нигдѣ. Онѣ появляются внезапно массами въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ по цѣлымъ днямъ и недѣлямъ ихъ не было видно и опять исчезаютъ такъ-же безслѣдно, какъ появились.

Только нѣкоторые изъ грифовъ избѣгаютъ близости человѣческаго жилья, другіе же находятъ свой насущный хлѣбъ здѣсь гораздо легче, нежели въ странахъ, куда не проникло еще человѣческое господство. Во многихъ странахъ южной Азіи и Африки, именно эти хищныя птицы служатъ характернымъ явленіемъ населенныхъ мѣстъ.

Образъ жизни грифовъ станетъ яснымъ, если я опишу нѣкоторыхъ изъ нихъ во время ихъ дѣятельности. Я могу это сдѣлать тѣмъ болѣе, что не только видѣлъ грифовъ въ неволѣ, но наблюдалъ за ними и на свободѣ и довольно часто былъ свидѣтелемъ ихъ дѣятельности.

На южной окраинѣ пустыни лежитъ издохшій верблюдъ. Трудности путешествія изнурили его; хотя погонщикъ и снялъ съ него наганунѣ всю кладь и позволилъ ему свободно идти подлѣ нагруженныхъ товарищей, онъ не могъ уже достичь Нила и, совершенно изнеможенный, упалъ, чтобы больше не вставать. Его хозяинъ, который съ непритворнымъ горемъ о потерѣ, причиненной его смертью, расстался съ нимъ, оставилъ его лежать нетронутымъ, такъ какъ его вѣра запрещаетъ ему употреблять въ свою пользу самую малую часть умершаго и даже убитаго безъ обычныхъ обрядовъ животного. На слѣдующее утро трупъ лежитъ еще нетронутый на своемъ смертномъ ложѣ. Тогда появляется воронъ надъ ближайшей горной вершиной. Его пронизательный глазъ замѣчаетъ падаль; онъ кричитъ и приближается къ ней быстрыми взмахами крыльевъ, нѣсколько разъ кружится надъ павшимъ животнымъ, затѣмъ опускается на землю и ходитъ на небольшомъ отъ него разстояніи по землѣ; опять быстро приближается къ нему и обходитъ его кругомъ нѣсколько разъ, осторожно осматриваясь. Другіе вороны слѣдуютъ его примѣру, и скоро собирается порядочное общество этихъ всесвѣтныхъ птицъ. Тогда появляются и другіе плотоядные хищники. Всюду присущій коршунъ-паразитъ и едва-ли рѣже его встрѣчающійся—стервятникъ описываютъ круги надъ падалью, орелъ приближается тоже, нѣсколько марабу спиралью кружатся надъ приманившею ихъ добычею. Но начальея пира еще нѣтъ. Раньше ихъ прибывшее общество хотя клюетъ тутъ и тамъ павшаго звѣря, но его толстая шкура слишкомъ тверда для ихъ слабыхъ клювовъ, чтобы они могли оторвать себѣ отъ нея большіе куски. Стервятникъ могъ вытащить только обращенный кверху глазъ изъ глазницы. Но время, когда и большіе члены этого семейства вылетаютъ за пищей, повемногу приближается. Вотъ и десять часовъ; хорошенько выснавшись, они покидаютъ одинъ за другимъ свой ночлегъ. Сначала они пролетѣли низко вдоль горнаго хребта, но, не высмотрѣвъ тамъ ничего съѣдобнаго, они взлетѣли на воздухъ и поднялись на неозримую высоту. Тамъ они продолжаютъ кружиться, причѣмъ одинъ слѣдитъ за другимъ взглядомъ, поднимается и опускается вмѣстѣ съ нимъ, поворачивается въ ту или другую сторону со своимъ предшественникомъ. Со своей точки наблюденія онъ можетъ однимъ взглядомъ, такъ сказать, окинуть огромное пространство и отъ его удивительно пронизательнаго взора едва-ли можетъ что-нибудь ускользнуть. Замѣтивъ въ долинѣ сборище, грифъ тотчасъ же ясно понимаетъ, что добыча найдена. Сейчасъ же начинаетъ онъ спускаться, описывая спиральные круги; изслѣдуя дѣло поближе и убѣдившись въ находкѣ, онъ разомъ складываетъ свои могучія крылья. Съ шумомъ падаетъ онъ внизъ съ высоты ста, можетъ быть и тысячи метровъ и разбился бы на мѣстѣ, если бы во время не раскрылъ еще разъ крыльевъ, чтобы остановить паденіе и принять должное направленіе. Болѣе тяжеловѣсные виды грифовъ вытягиваютъ затѣмъ, на порядочномъ разстояніи отъ земли, свои длинныя ноги и опускаются все еще съ необыкновенной быстротой въ косвенномъ направленіи внизъ, тогда какъ бо-

АФРИКАНСКИЕ ГРИФЫ.

лѣе стройные виды слетаютъ съ такою же ловкостью и граціей, какъ и соколы и умѣютъ смягчать тяжесть паденія различными поворотами въ воздухъ. Отъ лѣни и безпомощности, проявляемыхъ грифовыми въ другое время, теперь не остается ни малѣйшаго слѣда; онѣ поражаютъ, наоборотъ, ловкостью, которой никакъ нельзя бы было отъ нихъ ожидать.

За первымъ грифомъ безъ оглядки слѣдуютъ и всѣ остальные, находившіеся поблизости. Знакомъ для начала пира служить паденіе внизъ перваго. Всѣ спѣшатъ затѣмъ туда со всѣхъ сторонъ и уже болѣе не пускаются на отдѣльные розыски. Въ продолженіи минуты слышится постоянно шумъ, который они производятъ при паденіи, и видны падающія по всѣмъ направленіямъ, быстро увеличивающіяся тѣла, тогда какъ за нѣскольکو минутъ передъ тѣмъ птицы, размахъ крыльевъ которыхъ почти равняется 3 м., казались не больше точекъ на горизонтѣ. Теперь ужь ничто не мѣшаетъ хищникамъ. Какъ только одинъ изъ нихъ привался за бѣду, никакая опасность болѣе не спугнетъ ихъ; даже замѣченный ими вдали охотникъ не можетъ имъ помѣшать. Достигнувъ земли, стремятся они, полураспустивъ и влача по землѣ крылья, съ прямо вытянутою впередъ шейю и приподнятымъ хвостомъ къ падали и тутъ вполне оправдываютъ свое нѣмецкое названіе (Geier отъ Gieg—жадность), потому что не можетъ быть птицъ болѣе жадныхъ, чѣмъ они. Ихъ болѣе ничто не удерживаетъ. Меньшая братья почтительно отступаетъ передъ ними, а между одинаково сильными видами возникаетъ яростный бой и споръ. Трудно получить настоящее представленіе объ ихъ теперешней работѣ; толкотня, споры, ссоры, драка—едва-ли доступны описанію. Два или три удара клюва болѣе сильныхъ грифовъ разрываютъ кожу, а потомъ и мышцы падали, тогда какъ болѣе слабо вооруженные виды занукаютъ свои длинныя шеи въ брюшную полость, чтобы добраться до внутренностей. Съ жадной поспѣшностью роятся они въ нихъ, тараясь оттѣснить одинъ другаго. Печенку и легкія они по большей части съѣдаютъ тутъ же внутри животнаго. Кишки же, наоборотъ, вытаскиваются наружу, растягиваются сильными и странными прыжками назадъ и затѣмъ, послѣ яростнаго боя съ другими хищниками, проглатываются кусками. Къ пирующимъ постоянно спускаются еще новыя голодные грифы съ рѣшительнымъ намѣреніемъ, по возможности отогнать первыхъ отъ вкуснаго пира, и опять происходитъ новый бой, шумъ, свирѣпыя удары клювомъ и сердитые крики. Слабѣйшіе гости сидятъ кругомъ, отказываясь отъ пира, пока сильнѣйшіе не насытятся; чрезвычайно внимательно слѣдятъ они за ходомъ дѣла, зная, что иногда и до нихъ долетитъ какой-нибудь кусочекъ, брошенный, конечно, не по желанію дерущихся, а въ пылу боя. Орелъ и коршунъ также парятъ въ высотѣ надъ пирующимъ обществомъ и бросаются, какъ бы ловя летящую добычу, въ середину стаи, схватываютъ когтями только что оторванный грифами кусокъ мяса и уносятъ его прежде, чѣмъ послѣдніе успѣютъ воспрепятствовать этому захвату. Маленькое млекопитающее бываетъ въ нѣсколько минутъ съѣдено до послѣдней косточки такимъ прожорливымъ обществомъ; даже отъ быка и верблюда послѣ одного такого пира остается очень мало. Насытившіяся птицы неохотно удаляются отъ трупа.

Не вездѣ и не всегда иррь грифовъ происходятъ такъ, какъ выше описано. Уже въ южной Европѣ и еще болѣе въ Африкѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ грифы находятъ падалю вблизи населенныхъ мѣстъ, къ нимъ присоединяются еще другіе голодные гости. Во всѣхъ южныхъ мѣстностяхъ собаки тоже отчасти обречены питаться падалю, и тѣ изъ нихъ, которыя дѣйствительно не имѣютъ хозяина, буквально только тогда и бываютъ сыты, когда найдутъ падалю. Во внутренней Африкѣ къ собакамъ еще присоединяются марабу. Грифамъ приходится выдерживать съ

ними тяжелую борьбу; но томящей ихъ голодъ дѣлаетъ ихъ дерзкими и опасными для соперника. Даже самыя большія собаки отгоняются ими, какъ-бы онѣ ни рычали и ни скалили зубы, потому что каждый грифъ видитъ въ нихъ опаснаго конкурента на общую добычу. Даже самая сердитая собака ничего не можетъ сдѣлать противъ грифовъ. Если-бы ей и удалось укусить его, то она можетъ попастьъ не дальше, какъ въ распростертыя крылья, не причиняя никакого вреда птицѣ, тогда какъ послѣдняя, наоборотъ, закидываетъ, какъ змѣя, свою шею впередъ и отъ ея сильнаго клюва всегда остается въ томъ мѣстѣ, куда онъ попадетъ, кровавая рана. Иное дѣло марабу. Они и грифамъ не даютъ возможности отогнать себя, но рубятъ своими клинообразными клювами направо и налево черезъ всю толпу, пока она не очиститъ имъ мѣста.

Во время мучительнаго голода грифы, говорятъ, нападаютъ иногда и на живыхъ животныхъ, именно на больной скотъ, но, повидимому, всѣ виды ихъ предпочитаютъ падаль или кости всякой другой пищи. Выше всего они ставятъ падаль млекопитающихъ, но не пренебрегаютъ и трупами птицъ, пресмыкающихся и рыбъ. Въ Индiи они пожираютъ и трупы людей, брошенныхъ въ священнй Гангъ, или, какъ рассказываютъ Гарбе, Гекель и др., выставленные парсами на «башни смерти» въ Бомбей. Маленькіе виды умѣреннѣе большихъ. Нѣкоторые, кажется, могутъ выдерживать долгое время безъ падали; одни питаются костями, другіе-же преимущественно каломъ людей или пометомъ животныхъ и охотятся при этомъ на насекомыхъ и маленькихъ неповоротливыхъ позвоночныхъ животныхъ.

По окончанiи пира грифы неохотно удаляются отъ мѣста пиршества, а чаще остаются цѣлые часы по близости его и выжидаютъ наступленіе пищеваренія. Довольно долгое время спустя они отправляются на водопой и тамъ опять проводятъ нѣсколько часовъ. Пьютъ они много и очень часто купаются. Впрочемъ, послѣднее едва-ли не нужно имъ, чѣмъ какой-нибудь другой птицѣ, потому что, когда они кончаютъ свой обѣдъ, то покрыты грязью и нечистотами; тѣ, по крайней мѣрѣ, изъ нихъ, которые обладаютъ длинными шеями, облиты кровью съ ногъ до головы. Когда я омовеніе совершенно ими благополучно, они еще нѣсколько часовъ проводятъ въ лѣнивомъ покоѣ, причемъ садятся на свои пятки, распутивъ крылья, съ намѣреніемъ отогрѣть ихъ на солнцѣ или плашмя ложась на песокъ. Къ мѣсту ночлега направляются они уже вечеромъ. Для ночлега выбираютъ они деревья или крутые выступы скалъ, очень охотно ночуютъ на карнизахъ скалъ, къ которымъ нѣтъ доступа ни сверху, ни снизу. Нѣкоторые виды предпочитаютъ деревья, другіе же—скалы для мѣста отдыха. Если вспугнуть до-сыта наѣвшихъ грифовъ, то они имѣютъ обыкновеніе, прежде чѣмъ взлетѣть, освобождать свои зобы отъ накопившейся въ нихъ пищи—рвотой. То же дѣлаютъ и раненыя. У пойманныхъ грифовъ наблюдали то же самое, причемъ замѣчали, что они выброшенную такимъ образомъ пищу съѣдали вновь. Полету предшествуютъ нѣсколько быстро слѣдующихъ другъ за другомъ и довольно высокихъ скачковъ; затѣмъ слѣдуютъ нѣсколько довольно медленныхъ ударовъ широкими крыльями. Но какъ только грифы достигнутъ известной высоты, они двигаются дальше, почти не ударяя крыльями, причемъ они, при помощи различныхъ постановокъ крыльевъ, спускаются внизъ по очень мало наклонной плоскости, или же поднимаются снова вверхъ при помощи встрѣчнаго вѣтра. Такимъ образомъ они, повидимому, безъ всякихъ усилій, поднимаются вверхъ на значительную высоту, на которой и летятъ дальше, если хотять пролетѣть большое пространство. Несмотря на кажущуюся неподвижность крыльевъ, полетъ ихъ необыкновенно быстръ и неутомимъ.

Въ прежнія времена предполагали, что только одно обоняніе руководитъ

грифами въ отыскиваніи падали; мои наблюденія, подтвержденныя опытами другихъ изслѣдователей, убѣдили меня въ противномъ. Нѣкоторые наблюдатели считали себя въ правѣ думать, что грифъ можетъ почуять запахъ падали на разстояніи дѣлой мили; и такъ много рассказывали басенъ на этотъ счетъ, что ширмы хотѣли убѣдить легковѣрныхъ людей, будто грифы чуютъ смерть умирающаго. Мои же наблюденія убѣдили меня въ томъ, что грифы спускаются и на совершенно еще свѣжую, не издающую еще никакого запаха падалъ, что они даже при сильномъ вѣтрѣ слетаются со всѣхъ сторонъ, какъ только одинъ изъ нихъ увидитъ добычу, а на закрытую падалъ летятъ только тогда, когда она уже найдена раньше воронами и стервятниками, собраніе которыхъ привлекаетъ ихъ вниманіе. Поэтому я думаю, что могу съ полной достовѣрностію утверждать, что превосходѣйшее и важнѣйшее изъ внѣшнихъ чувствъ грифовъ есть зрѣніе, и что только зоркіи глаза дѣлаютъ ихъ жизнь возможной.

Грифы вьютъ гнѣзда передъ началомъ весны въ тѣхъ странахъ, гдѣ живутъ, слѣдовательно въ Европѣ въ первыхъ мѣсяцахъ нашего года. Только тѣ виды, которые рѣже попадаютъ, строятъ свои гнѣзда отдѣльно; всѣ же другіе образуютъ поселенія. Они выбираютъ удобную скалу или соотвѣтствующій ихъ цѣли лѣсъ и въ немъ занимаютъ всѣ подходящія для гнѣздъ мѣста. Нѣкоторые виды гнѣздятся только на скалахъ, другіе только на деревьяхъ, третьи, наконецъ, просто на землѣ. Большею частью они допускаютъ во внутрь своего поселенія совершенно отличныхъ отъ себя птицъ, напримѣръ аистовъ—нисколько не беспокоя ихъ. Само гнѣздо, если находится на деревѣ, представляетъ изъ себя крѣпкую постройку, похожую въ общемъ на гнѣздо другихъ хищныхъ птицъ. Сучья, толщиною въ руку, составляютъ основаніе его; хворостъ потоньше—среднюю часть, мягкія вѣтки и тонкіе корни, часто смѣшанныя съ шерстью животныхъ и всегда ею обложенныя внутри, составляютъ дотокъ гнѣзда. Если оно стоитъ на землѣ, въ ущельѣ или на выступѣ скалы, то едва ли даже можетъ быть названо гнѣздомъ. Стоятъ-ли повторять, что грифы выбираютъ для своего поселенія по возможности недоступныя скалы или деревья. Тамъ, гдѣ они себя чувствуютъ иполнѣ безопасными, этого не случается; во внутренней Африкѣ, напримѣръ, нѣкоторые виды вьютъ гнѣзда безъ всякой осторожности на низкихъ деревьяхъ, на которыя очень легко влѣзть и которыя скорѣе могутъ быть названы кустами. Кладка состоитъ изъ 1—2 кругловатыхъ, грубо зернистыхъ яицъ, покрытыхъ по сѣроватому или желтоватому фону болѣе темными пятнами, точками, крапинками и черточками. Вѣроятнo, оба пола сидятъ на яйцахъ поочередно; о нѣкоторыхъ видахъ я навѣрное знаю, что это такъ бываетъ. Сколько времени продолжается высиживаніе, еще до сихъ поръ не могли узнать. Только что вылупившійся изъ яйца птенецъ покрытъ мягкимъ пухомъ, некрасивъ и въ высшей степени безпомощенъ; требуется нѣсколько мѣсяцевъ для того, чтобы онъ сдѣлался способнымъ къ самостоятельной жизни. Оба родителя очень любятъ своего дѣтеныша и защищаютъ его отъ слабыхъ враговъ, отъ людей же не защищаютъ его серьезно. Въ первое время маленькаго уродца питаютъ, отправляя ему въ пасть наполовину перегнившую и череваренную въ зобу родителей падалъ; позже же имъ въ изобиліи приносится болѣе укрѣпляющая пища. Ихъ прожорливость, если это только возможно, превышаетъ еще жадность взрослыхъ птицъ. Послѣ вылета изъ гнѣзда молодой грифъ еще въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль нуждается въ заботахъ и руководствѣ своихъ родителей; но скоро онъ выучивается обходиться безъ ихъ помощи и вмѣстѣ съ ними наступаетъ время, когда при видѣ падали пропадають, какъ у нихъ, такъ и у родителей всякія родственныя чувства.

Нѣкоторые соперники беспокоятъ грифовъ, но немногіе враги вредятъ имъ. Паузы мучаютъ ихъ, орлы, соколы, вороны и другіе крылатые мучители хищныхъ птицъ бросаются на нихъ и сердятъ ихъ, какъ только ихъ завидятъ; на падали имъ приходится вступать въ споръ съ собаками и марабу. Человѣкъ враждуетъ съ этими большими разбойниками, пользу которыхъ признаетъ вездѣ, только тогда, когда они сбиваются съ пути добродѣтели и вмѣсто того, чтобы оставаться могильщиками, принимаются за ремесло другихъ хищниковъ. На большую часть изъ нихъ смотрятъ почти съ священнымъ страхомъ. Настоящей дружбы ихъ не удостоиваютъ, и въ завѣщаніяхъ богатыхъ и доброжелательныхъ магаметанъ о нихъ, по крайней мѣрѣ теперь, не упоминается. Индусъ видитъ въ нихъ, безъ сомнѣнія, священныя существа, потому что они съѣдаютъ трупы его соплеменниковъ; обитатель внутренней Африки просто терпитъ ихъ, хотя и олъ тоже не свободенъ отъ подозрѣній его въ разбойничьихъ набѣгахъ на его собственность.

Всѣ грифы выносливыя птицы, переносящія и самый суровый зимній холодъ, потому что привыкаютъ къ самой разнообразной температурѣ во время своихъ полетовъ внизъ и вверхъ; они довольствуются самой грубой пищей и, если они хорошо питались въ продолженіи нѣкотораго времени, то могутъ пробыть цѣлые дни и даже недѣли безъ пищи, почему ихъ легко держать въ неволѣ. Большинство ихъ скоро приручается, даже если попадаютъ старыми въ руки человека. Ихъ равнодушіе къ окружающему помогаетъ имъ легко переносить всѣ неудобства, которыя ведетъ за собою неволя. Нѣкоторые, впрочемъ, долго видятъ врага въ своемъ сторожѣ, которому при случаѣ коварно даютъ почувствовать свою силу. Грифы дѣлаются интересными, если ихъ посадить въ обширную клѣтку вмѣстѣ съ другими хищными птицами. Хотя они и тогда сидятъ большую часть дня молча и смирно на разъ выбранномъ ими мѣстѣ, но все же такому разнообразному обществу часто представляется случай къ дѣятельности. Именно, кормленіе происходитъ тамъ среди едва поддающагося описанію волненія. Тутъ борются всякимъ оружіемъ и прибѣгаютъ ко всѣмъ средствамъ, чтобы овладѣть лучшимъ кускомъ. Но и здѣсь присиходитъ то же, что и вездѣ: право всегда на сторонѣ самаго сильнаго и ловкаго. Прежде всего бросаются въ глаза бурые грифы: топорща перья и вытянувъ длинную шею, сидятъ они съ сверкающими глазами передъ мясомъ, не трогая его, но видимо рѣшившись отстаивать его отъ соперниковъ. Ихъ изогнутыя шеи двигаются съ быстротою молніи взадъ и впередъ по всѣмъ направленіямъ и каждый изъ ихъ товарищей долженъ опасаться получить ударъ клюва. Въ такія минуты движенія бураго грифа имѣютъ поразительное сходство съ поведеніемъ ядовитой змѣи, которая собирается укусить свою жертву. Ихъ наглость само собою возмущаетъ другихъ и даетъ поводъ къ сильной борьбѣ. Нерѣдко кто-нибудь и противъ воли впутывается въ самую средину боевой суеты; иногда вся толпа летаетъ, порхаетъ и перекатывается черезъ него и ему стоитъ большого труда выбраться оттуда цѣлымъ и невредимымъ. Нечего и говорить, что подобное побоище не обходится безъ сильнаго шипѣнія, хихиканія, гоготанія, хлопанія клювомъ и ударовъ крыльями, другими словами, адскаго шума. Въ такія минуты собраніе грифовъ въ клѣткѣ представляетъ въ высшей степени интересное и любопытное зрѣлище.

Въ послѣдніе годы много разъ случалось, что пойманные грифы строили гнѣзда въ клѣткахъ. Они вили себѣ, смотря по обстоятельствамъ, удобно расположенное гнѣздо, клали въ него отъ одного до двухъ яицъ, которыя высиживали съ большимъ терпѣніемъ, но по большей части безъ всякаго успѣха.

Настоящіе **Грифы** (*Vultur. Schorpfgeier. Percnoptères*) отличаются крѣпкимъ туловищемъ, короткой сильной шеей, большой головой съ сильнымъ клювомъ и широкими крыльями. Голова ихъ покрыта короткимъ, курчавымъ и мягкимъ, какъ шерсть, пухомъ, который образуетъ на задней сторонѣ головы немного выступающій хохолъ. Задняя сторона шеи и нѣкоторыя мѣста на передней ея сторонѣ голыя. Шейный воротничокъ состоитъ изъ короткихъ, широкихъ, едва распушенныхъ перьевъ.

Одинъ представитель этого рода встрѣчается и въ Европѣ, именно **Сѣрый грифъ** (*Vultur monachus, cinereus, vulgaris, arrianus* и *niger, Aegyptius cinereus* и *niger, Gyps* и *Polypteryx cinereus. Mönchsgeier. Grand vautour*). Это самая большая европейская птица. Длина самца, по нѣкоторымъ измѣреніямъ, доходитъ до 1,1 м., размахъ крыльевъ 2,2 м., длина крыла 76 см., длина хвоста 40 см. Самка еще длиннѣе на 4—6 см. и размахъ ея крыльевъ больше на 6—9 см. Опереніе обыкновенно темно-сѣро-бурое, глаза бурые, клювъ у восковицы голубой, мѣстами красноватый, затѣмъ яркій фіолетовый, а на концѣ синій; ноги цвѣта сырого мяса, отливающего въ фіолетовый; шея тамъ, гдѣ не покрыта перьями, свѣтлаго свинцоваго цвѣта, непокрытыя перьями кольца вокругъ глазъ фіолетовыя. Молодые птицы темнѣе; перья ихъ имѣютъ больше блеска и пуховыя перья на затылкѣ грязнаго бѣловато-бурого цвѣта.

Сѣрый грифъ встрѣчается въ Испаніи, въ Сардиніи и на всѣхъ горныхъ хребтахъ Балканскаго полуострова, а также въ Славоніи, Кроаціи и странахъ средняго Дуная, къ сѣверу до Фруска-Гора, по словамъ графа Водницкаго даже и до Карпатовъ въ качествѣ гнѣздящей тамъ птицы. Оттуда онъ распространяется на большую часть Азіи до Китая и Индіи. Еще не такъ давно онъ былъ рѣдкостью на южномъ Уралѣ; теперь онъ тамъ попадается часто. Сибирская язва, которая уже нѣсколько лѣтъ свирѣпствуетъ въ этихъ мѣстностяхъ, доставляетъ ему обильную пищу. Въ мѣстностяхъ по среднему теченію Дуная, въ Сардиніи, Арменіи, Сиріи и Палестинѣ онъ живетъ часто, въ Персіи же рѣдко встрѣчается. Въ Африкѣ онъ нигдѣ не попадается, за исключеніемъ Атласской горной страны и части западнаго берега моря; впрочемъ, иногда онъ отъ времени до времени показывается въ сѣверной части долины Нила. На сѣверѣ же онъ долеталъ только до Даніи. Въ Германіи онъ нѣсколько разъ попадался подъ пулю охотника; сила его полета не представляетъ для него никакихъ затрудненій для путешествія изъ Венгріи въ Германію.

Судя по моимъ собственнымъ наблюденіямъ, которыя согласуются съ наблюденіями другихъ естественныхъ наблюдателей, сѣрый грифъ встрѣчается рѣже бураго; только въ Венгріи мы замѣчаемъ противоположное. Въ южной Испаніи онъ попадается по одиночкѣ или маленькими стаями отъ 3—5 штукъ. Они вмѣстѣ съ бурыми грифами набрасываются на падаль, но ведутъ себя здѣсь гораздо спокойнѣе и приличнѣе, нежели послѣдніе. Движенія ихъ болѣе размѣренны, чѣмъ у бурыхъ грифовъ, но, если возможно еще продолжительнѣе и равномернѣе. Даже полетъ ихъ отличается отъ полета бураго грифа съ одной стороны уже тѣмъ, что относительно болѣе широкая и немного болѣе зоостренная крылья и болѣе длинный хвостъ дѣлаютъ его похожимъ на полетъ орла; съ другой стороны онъ поражаетъ еще тѣмъ, что концы крыльевъ въ это время загибаются немного впередъ, тогда какъ у бурыхъ грифовъ они, наоборотъ, торчатъ прямо въ стороны. Осанка у нихъ благороднѣе, болѣе сходная съ орлиной, и взоръ ихъ не выражаетъ коварства, а скорѣе умный и сверкающій. Сѣрые грифы съѣдаютъ обыкновенно

венно прежде всего мускулы животного; а внутренности, напротивъ, ѣдятъ только тогда, когда не имѣютъ лучшаго мяса. Они тоже проглатываютъ кости. Согласно письменному сообщенію графа Лацара, всѣ охотники Трансильваніи единогласно подтверждаютъ, что сѣрый грифъ хватается и убиваетъ и живыхъ животныхъ. Я могу представить цѣлый рядъ доказательствъ, оправдывающихъ эти показанія. Въ зобу одного изъ пяти сѣрыхъ грифовъ, убитыхъ кронпринцемъ, эрцгерцогомъ Рудольфомъ, принцемъ Леопольдомъ Баварскимъ, графомъ Бомбеллесомъ и мною въ Фруска-Гора, былъ сусликъ, у другаго бѣлка; обоихъ животныхъ грифы, конечно, не могли схватить иначе, какъ живыми. Въ Греціи Гейгливъ увидѣлъ 6—8 сѣрыхъ грифовъ за ѣдой, прокрался къ нимъ на разстояніе шаговъ 30; къ немалому своему удивленію, узнавъ, что они спорили изъ-за обладанія нѣсколькими довольно большими сухопутными черепахами. Одинъ изъ нихъ держалъ черепаху въ когтяхъ и сильно трудился надъ ея спиннымъ щитомъ; остальные уже вскрыли одну черепаху и отдѣлили ея мясо отъ щита, у другой проклевали отверстія по швамъ щитковъ панциря и тяжело поранили, такъ что она обливалась кровью; четвертую перевернули на спину и тогда изранили. Мейеринкъ рассказываетъ, что въ 1867 г., въ которомъ эта птица, кажется, нѣсколько разъ посѣтила Германію, въ помѣстьи Гельмсдорфъ сѣрый грифъ убилъ зайца и въ это время былъ самъ убитъ. Еще лучшимъ доказательствомъ можетъ служить изслѣдованіе моего брата. «Я привязалъ», пишетъ онъ, «козу, чтобы заманить ягнятника. Вдругъ она начинаетъ метаться, какъ бѣшеная во всѣ стороны, насколько позволяетъ ея веревка. Я слышу сильный шумъ въ воздухѣ и надѣюсь уже увидѣть передъ собою бородатого ягнятника, но, къ немалому своему удивленію, вижу сѣраго грифа, который съ вытянутыми когтями съ шумомъ летитъ надъ самой землей и бросается на козу. Я быстро выхожу изъ своей засады и едва успѣваю помѣшать грифу схватить испуганное животное».

«Сѣрый грифъ», повѣствуетъ далѣе мой братъ, «не гнѣздится, какъ бурый, обществами, но въ одиночку, и въ Испаніи, по крайней мѣрѣ, только на деревьяхъ. Его обширное гнѣздо стоитъ или на толстомъ сукѣ сосны или на широкой густой вершинѣ вѣчно-зеленаго дуба, иногда не выше 3—4 м. надъ землей. Основаніе его состоитъ изъ палокъ, толщиною въ человеческую руку; за нимъ слѣдуетъ слой болѣе тонкихъ прутьевъ и только на этихъ послѣднихъ покоится плоское углубленіе гнѣзда изъ тонкаго сухого хвороста. Въ послѣднемъ къ концу февраля находятъ одно бѣлое яйцо съ толстой скорлупой, не превышающее по величинѣ яйцо бураго грифа, но, напротивъ того, часто уступающее ему въ размѣрѣ; продольный разрѣзъ его равняется 85, а поперечный 68 мм. Я постоянно находилъ только одно яйцо; и наблюденія всѣхъ испанскихъ охотниковъ, которыхъ я спрашивалъ, согласуются съ моими наблюденіями. Вылупившійся изъ гнѣзда птенецъ покрытъ густымъ, мягкимъ бѣлымъ пухомъ и раньше четырехъ мѣсяцевъ не вылетаетъ изъ гнѣзда. Его заботливо кормятъ родители падалию, но вовсе не защищаютъ такъ геройски, какъ это обыкновенно предполагають. Если охотникъ подойдетъ близко къ гнѣзду, въ которомъ сидитъ птенецъ, то грифы, правда, кружатся надъ тѣмъ мѣстомъ, но никогда не подлетаютъ къ охотнику на разстояніе выстрѣла. Около Лагранья, гдѣ грифы находятъ самыя удобныя мѣста для гнѣздованія въ огромномъ сосновомъ лѣсу, окружающемъ деревню, они селятся въ большомъ количествѣ и именно на разстояніи четверти часа пути другъ отъ друга. Я, впрочемъ, нашелъ разн. гнѣздо сѣраго грифа вблизи мѣста гнѣздованія цѣлаго общества бурыхъ грифовъ, и даже совсѣмъ рядомъ съ гнѣздомъ послѣдняго. Правда, что дерево, на которомъ находилось гнѣздо, было единственное во всей окрест-

ности и это было, вѣроятно, причиною, почему сѣрый грифъ поселился въ такомъ обществѣ.

Во время одной изъ охотъ кронпринца Рудольфа въ южной Венгріи, мы осмотрѣли въ Фруска-Гора, отъ 6—8 гнѣздъ сѣраго грифа и во время охоты на птицу сдѣлали нѣсколько наблюдений, достойныхъ упоминанія. Гнѣзда эти помѣщались на деревьяхъ, большею частью на старыхъ дубахъ, букахъ и липахъ съ очень густою листвою, но всегда такимъ образомъ, чтобы высиживающая птица могла свободно вылетать и влетать, вслѣдствіе чего оно находилось почти всегда въ верхнихъ частяхъ горныхъ склоновъ. Обыкновенно грифъ выбираетъ самыя крѣпкія вѣтки на маковкѣ, рѣже близкіе къ нимъ сучья тѣхъ деревьевъ, которыя далеко протягиваютъ въ воздухъ одну или нѣсколько сухихъ вѣтвей; эти послѣднія служатъ большею частью мѣстомъ отдохновенія для самцовъ. Гнѣздо, которое расположено часто среди закрывающихъ его совершенно вѣтвей, такъ велико, что сидящая въ немъ птица совсѣмъ не видна. Оно состоитъ изъ различныхъ крѣпкихъ, не очень толстыхъ прутьевъ, сучковъ, палокъ и вѣтокъ и, по словамъ наблюдателя, не имѣетъ никакой подстилки. Самка крѣпко сидитъ въ гнѣздѣ, но обыкновенно постукиваньемъ ее легко согнать съ него. Прежде чѣмъ улѣтѣть, птица имѣетъ привычку нѣсколько разъ приподняться вверхъ, какъ будто для того, чтобы удостовериться въ опасности; потомъ она распускаетъ крылья во всю ширину и, паря, подымается вверхъ безъ всякаго взмаха крыльями. Если ее оставить въ покоѣ, она скоро возвращается назадъ, садится на сосѣднемъ съ гнѣздомъ сухомъ суку, а оттуда уже слетаетъ въ гнѣздо. Если ей долго пришлось кружиться, то она возвращается съ самцомъ и оба одновременно появляются надъ гнѣздомъ, потомъ мгновенно, какъ я описывалъ раньше, падаютъ съ высоты и садятся близко другъ къ другу на деревѣ, гдѣ находится гнѣздо. Кажется, что оба родителя сидятъ попеременно на яйцахъ. Я видѣлъ однажды трогательное доказательство любви самца къ самкѣ. Я долгое время караулилъ подъ однимъ гнѣздомъ и разъ уже выстрѣлилъ изъ ружья, но промахнулся; обѣ птицы были, разумѣется, очень испуганы моимъ коварнымъ нападеніемъ и насторожились. Наступившій вечеръ однако загналъ самку въ гнѣздо и, какъ только она показалась вмѣстѣ съ самцомъ, я вновь выстрѣлилъ и ранилъ ее смертельно, такъ что она упала въ гнѣздо и тамъ и осталась лежать. Испуганный самецъ поднялся во второй разъ, описалъ нѣсколько круговъ, но вскорѣ вернулся назадъ, вѣроятно потому, что увидѣлъ лежавшую въ гнѣздѣ самку, и опять сѣлъ на дерево. Мой проводникъ, привлеченный выстрѣломъ, спугнулъ его, и онъ снова началъ описывать круги. Тогда я велѣлъ влѣзть въ гнѣздо; раньше чѣмъ проводникъ достигъ вершины, самецъ, который долженъ былъ видѣть и влѣзающаго человѣка, и насъ, снова появился, усѣлся опять на дерево и оплатился жизнью за любовь къ подругѣ. Во время нашей охоты въ Фруска-Гора, въ первыхъ числахъ мая, всѣ самки сидѣли на яйцахъ. Въ заключеніе надо сказать, что въ Семиградской области замѣчали, что въ минуту большой опасности старый грифъ хватаетъ когтями птенца и уноситъ его подальше.

Мы узнали изъ слѣдующаго случая, что сѣрый грифъ, который вообще мирнаго характера, имѣетъ также своихъ враговъ, которые отравляютъ ему жизнь: кронпринцъ Рудольфъ, выслѣживая подъ гнѣздомъ парочку грифовъ, увидѣлъ высоко въ воздухѣ двухъ большихъ хищныхъ птицъ, которыя, сбѣгившись вмѣстѣ и кружась, опустились въ гнѣздо. Тутъ онѣ раздѣлились, и наблюдатель съ удивленіемъ замѣтилъ, что бойцы были не одного вида: одинъ изъ нихъ былъ сѣрый грифъ, другой беркутъ. Что побудило этого послѣдняго напасть на мирнаго сѣраго грифа—

остается загадкой. Отъ человѣка онъ не страдаетъ, по крайней мѣрѣ правильно его не преслѣдуютъ. Графъ Хотекъ, который ихъ охраняетъ въ своихъ владѣніяхъ, жалуется, что онъ многихъ теряетъ, потому что зимою они наѣдаются отравленнаго для волковъ мяса, несмотря на то, что оно ради нихъ кладется подъ низкую тесовую крышу.

Сѣрый грифъ, котораго воспитывалъ Лейслеръ, былъ сначала тихъ и добродушенъ, но впослѣдствіи сталъ сердитымъ и, за исключеніемъ своего сторожа, билъ клювомъ и когтями всякаго, кто къ нему приближался. Онъ пожиралъ гнилое мясо такъ же охотно, какъ и свѣжее; ѣлъ онъ животныхъ со шкурой и волосами, а молодыхъ лисичекъ даже съ хвостомъ, а потомъ выплевывалъ погадки; кости, длиною въ 12—15 см., онъ проглатывалъ цѣликомъ. Рыбъ онъ не ѣлъ, на живыхъ животныхъ никогда не набрасывался; большой черный воронъ и галка въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ жили съ нимъ въ ладу, и, несмотря на то, что его заставили голодать, онъ не сдѣлалъ никакого вреда зайцу, съ которымъ жилъ. Мертвыхъ кошекъ онъ ѣлъ охотно: когда же околѣвшую кошку привязывали на бичевкѣ и дергали изъ стороны въ сторону, онъ испуганно отскакивалъ прочь; однако вскорѣ бросался къ ней обратно, ударялъ ее лапой, снова отскакивалъ назадъ и продѣлывалъ это до тѣхъ поръ, пока не убѣждался, что она мертва. Чтобы убить грифа, дали ему 12 гранъ мышьяку. Черезъ часъ онъ началъ дрожать, выплюнулъ отравленное мясо, снова его проглотилъ, и часъ спустя чувствовалъ себя опять совсѣмъ хорошо. Въ тотъ же самый вечеръ ему дали еще два лота мышьяку; снова послѣдовали дрожъ и рвота, но не смерть.

Другой грифъ былъ очень упрямъ, пока его держали взаперти, но какъ только ему предоставили свободно бѣгать по двору, онъ сталъ веселъ и забавенъ. «Онъ пугаетъ куръ», пишетъ мнѣ его воспитатель, графъ Лацаръ, «не дѣлалъ имъ, впрочемъ, вреда, дергаетъ свиней за хвостъ, бѣгаетъ за собаками и обращаетъ ихъ въ бѣгство. Даже мой слуга долженъ опасаться, чтобы «Пандуръ» не отнял у него силу всего мяса, предназначеннаго для корма животныхъ. Пока его не раздражать, онъ со всѣми людьми живетъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ; даже дѣти безъ страха могутъ подходить къ нему близко; въ случаѣ же нападенія онъ храбро защищается и наноситъ сильные удары клювомъ. Разсердившись, онъ волочитъ полураспушенные крылья, ерошитъ свои длинныя синныя покровныя перья, принимаетъ горизонтальное положеніе, далеко протягиваетъ впередъ шею, начинаетъ ходить короткими шажками и такъ странно подпрыгиваетъ, что едва можно удержаться отъ смѣха, глядя на него. Онъ такъ-же прожорливъ, какъ и бурый грифъ, но не можетъ голодать такъ долго, какъ этотъ послѣдній. Вода составляетъ для него необходимую потребность, потому что онъ пьетъ часто и купается чрезвычайно охотно. Мясо млекопитающихъ предпочитаетъ всякому другому, но ѣстъ и птицъ. Рыбъ онъ не трогаетъ даже при самомъ сильномъ голодѣ».

«Когда я былъ еще мальчикомъ», рассказывалъ мнѣ графъ Хотекъ, «я получилъ въ подарокъ сѣраго грифа, котораго, совершенно промокшаго, выгнали изъ Дунайскихъ волнъ и воспитывали въ продолженіи 12 лѣтъ въ домѣ пастора. Этого грифа я взялъ съ собой въ Коромпу, гдѣ онъ прожилъ еще 30 лѣтъ. Тогда онъ перешелъ во владѣніе князя Ламберга, который увезъ его въ Штейеръ и поселилъ во рву тамошняго замка. Вѣроятно онъ тутъ жилъ бы и до сихъ поръ, если бы олень не забодалъ его до смерти. Этотъ грифъ—самка, которая неслась нѣсколько разъ, заключилъ необыкновенную дружбу съ молодой осиротѣвшей домашней курицей, которая пробралась въ его большую клетку между прутьевъ и осталась у него. Вечеромъ или въ дождь можно было видѣть курицу у ея при-

тельницы, которая нѣжно ее оберегала и защищала. Я не припомню, что потомъ стало съ курицей; только хорошо знаю, что грифъ не убилъ ее».

* * *

Ушастый грифъ является однимъ изъ самыхъ крупныхъ представителей этого подсемейства. Онъ отличается очень большимъ сильнымъ клювомъ, высокими ногами, большими, широкими, но нѣсколько округленными крыльями, относительно короткимъ хвостомъ и своеобразнымъ оперениемъ. Только перья верхней части тѣла такой же формы, какъ и у другихъ крупныхъ грифовъ; нижнюю же часть тѣла покрываетъ частый, довольно длинный пухъ сѣровато-бѣлаго цвѣта, изъ котораго торчатъ отдѣльныя, длинныя и узкія саблевидныя перья. На бедрахъ и краяхъ также находятся лишь рѣдкія маленькія перышки обычнаго строенія; эти части тѣла по большей части также покрыты пухомъ, который отличается отъ грудного пуха только большей длиной и желтовато-сѣрымъ цвѣтомъ. Голова, половина затылка и вся передняя часть шеи—голая. Подбородокъ покрытъ перьями въ видѣ волосъ. Самецъ **Ушастаго грифа** (*Vultur auricularis, nubicus, aegyptius* и *imperialis, Otogyps auricularis, nubicus* и *tracheliotus, Ohrengeier, Oricon*) имѣетъ 1—1,05 м. длины, 2,7—2,8 м. ширины, длина крыла 69—72 см., длина хвоста 34—36 см. Самка значительно больше. Преобладающая окраска оперенія—желтовато-сѣро-бурая; маховыя и рулевыя перья темнѣе, большія покровныя перья крыльевъ имѣютъ болѣе свѣтлую кайму. На затылкѣ и затылкѣ очень часто вырастаютъ свѣтло-желтовато-сѣрыя и желтовато-бѣлыя перья. Молодые птицы отличаются отъ старыхъ болѣе темнымъ оперениемъ и болѣе широкими перьями на брюшкѣ. Глаза темно-каріе, клювъ съ боковъ рогового цвѣта, темный на спинкѣ и на нижней части; ноги свѣтло-свинцово-сѣрыя, голая часть шеи—сѣрая, а щеки также голыя и фиолетовыя. При сильномъ возбужденіи птицы всѣ голыя части головы и шеи краснѣютъ, за исключеніемъ темени.

Ушастый грифъ, который, вѣроятно, нѣсколько разъ залеталъ въ Европу, распространенъ отъ Верхняго Египта по всей Африкѣ, а въ высокихъ горахъ подымается до 4000 м. Онъ встрѣчается рѣже своихъ родичей, но все-таки попадаетъ всюду.

Индійскій представитель этой большой птицы—**Лысый грифъ, Сунуни** индѣйцевъ (*Vultur calvus* и *pondicerianus, Otogyps calvus, Hemigyps pondicerianus, Kahlkopfgeier, Vautour royal*). Его длина, говоритъ Жердонъ, 91 см., длина крыла 60, длина хвоста 25 см.; слѣдовательно эта птица значительно меньше ушастаго грифа. Голова, только за исключеніемъ ушной области, скудно одѣтой волосовидными перьями, подбородокъ, горло, зобъ, бока передней части шеи и одно мѣсто на внутренней части голени надъ коленнымъ—голыя; передняя часть шеи посреднѣ и верхняя область зоба покрыты волосовиднымъ пухомъ; нижняя часть зобной области, отмѣченная растянутымъ въ ширину и доходящимъ до плечъ пятномъ, верхняя часть бедра, область бедряной и крестцовой костей одѣты волнистымъ пухомъ, перья брыжей волосовидны только на затылкѣ; ушные складки и морщины на горлѣ и зобу хорошо развиты; нижнія шейныя перья, среднія кроющія перья крыльевъ и всѣ нижнія части тѣла—буровато-черныя, плечевыя перья—желтовато-сѣро-бурыя, украшены нѣсколькими рѣдкими, тонкими, темными поперечными полосами и болѣе темными кончиками; малыя кроющія перья крыльевъ окрашены такимъ-же образомъ, малыя маховыя перья сверху и снизу сѣровато-свѣтло-бурыя, на концѣ черно-бурыя, такъ что вслѣдствіе этого образуется широкая полоса

на крыльяхъ; большія маховыя перья и рулевыя — буровато-черныя. Вся голыя части ярко-красныя, въ возбужденномъ же состоянїи кровавонаго цвѣта. Радужная оболочка темно-каряя, клювъ черно-рогового цвѣта, восковица темная, ноги свѣтло-красныя.

Область распространенія этой птицы простирается по всей Индіи до Бирмы.

Ушастый грифъ наблюдается почти всегда на крупныхъ павшихъ животныхъ

Лысый грифъ. *Vultur calvus*. наст. вел.

и попадаетъ къ югу отъ Средней Нубїи. Онъ боится человѣка несмотря на то, что онъ не такъ доврчивъ, какъ болѣе мелкій черный грифъ. Онъ смѣло появляется въ деревняхъ или на городскихъ бойняхъ. Онъ властвуетъ одинъ надъ падаляю и прогоняетъ всѣхъ другихъ грифовъ, за исключеніемъ, можетъ быть, сильно кусающихся синовъ. Онъ умѣетъ держать на почтительномъ разстоянїи собакъ, которыя во всей сѣверо-восточной Африкѣ являются опасными конкурентами грифовъ. Совершенно то же самое рассказываютъ и про его индїйскаго представителя.

«Индусы», замѣчаетъ Жердонъ, «называютъ сукуни королемъ грифовъ, по-

тому что всѣ остальные грифы его боятся и всегда уступаютъ ему мѣсто, когда онъ показывается». Между всѣми своими родичами ушастый грифъ отличается своимъ обжорствомъ, несмотря на то, что онъ не кажется такимъ жаднымъ, какъ его родичи съ длинной шеей. Его кормленіе совершается всегда очень скоро. Четыре ушастыхъ грифа въ теченіи 5 минутъ съѣдаютъ на чисто, за исключеніемъ черепа и костей ногу, самую большую собаку. Я неоднократно имѣлъ случай убѣдиться въ силѣ ушастаго грифа. Одинъ ударъ его клюва легко пробиваетъ самую толстую кожу большого животнаго, и немного нужно ударовъ, чтобы обнажить мускулы на значительномъ пространствѣ. Я видѣлъ, какъ одна изъ этихъ птицъ схватила клювомъ рослую козу и легко ее утащила.

Послѣ каждаго пира ушастый грифъ летитъ къ ближайшему водоюу, пьетъ и приводитъ въ порядокъ свои перья, отдыхаетъ, причеъ онъ, какъ курица, ложится въ песокъ и съ наслажденіемъ грѣтся на солнцѣ; потомъ онъ летитъ, описывая круги, часто какъ будто плывя и не производя нѣкоторое время ударовъ крыльями, къ мѣсту своего отдыха. Онъ не всегда выбираетъ самыя высокія деревья для ночлега, но довольствуется каждымъ, которое ему кажется подходящимъ, часто даже кустомъ мимозы, имѣющимъ едва 3 м. вышины. Здѣсь онъ сидитъ, держась очень прямо, какъ человѣкъ, плотно втянувши голову и съ вяло-висящимъ хвостомъ. Утромъ онъ по крайней мѣрѣ еще два часа послѣ восхода солнца проводитъ на мѣстѣ своего ночлега, и пока оно не поднимется, онъ такъ мало пугливъ, что можно подойти къ нему и даже убить его дробью. Когда я въ первый разъ возвращался изъ Мензы, я встрѣтилъ въ одной долинѣ, довольно населенной, такъ какъ она прорѣзана дорогой, стаю изъ 8 штукъ спящихъ ушастыхъ грифовъ. Птицы сидѣли такъ крѣпко, что я объѣхалъ кругомъ на лошади дерево, на которомъ онѣ спали, и не спугнулъ ихъ. Грифы взлетѣли только послѣ того, какъ я одного изъ нихъ убилъ, но были еще такъ заспаны, что снова усѣлись уже на разстояніи около 500 шаговъ. Они никогда не появляются на падали раньше 10 часовъ утра и остаются на ней никакъ не позже 4 или 5 часовъ полудни. Ихъ можно узнать по ихъ спокойному, красивому полету, но главнымъ образомъ они бросаются въ глаза своей манерой опускаться на падалъ: увидавъ ее, они падаютъ вертикально съ высоты, много превосходящей 100 м., а потомъ, распластавъ крылья и вытянувъ ноги, косо спускаются на падалъ. Они, какъ и сѣрый грифъ, предпочитаютъ мышцы, а внутренностями, повидимому, пренебрегаютъ.

Левальянъ сообщаетъ слѣдующее на счетъ размноженія ушастаго грифа. «Ушастый грифъ гнѣздится въ трещинахъ скалъ. Самка кладетъ въ октябрѣ 2, очень рѣдко 3 бѣлыхъ яйца. Въ январѣ птенцы вылупляются. Такъ какъ эти птицы живутъ большими стаями, то часто случается, что на одной скалистомъ стѣпѣ находится столько гнѣздъ, сколько вообще можетъ ихъ на ней помѣститься. Повидимому, члены одной колоніи живутъ между собой въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Я видѣлъ иногда въ одной трещинѣ 2—3 гнѣзда, очень близко другъ къ другу. Я рискнулъ своею жизнью, чтобы при помощи моихъ готтентотовъ изслѣдовать эти гнѣзда. Ближайшія окрестности гнѣздовья на самомъ дѣлѣ отвратительны и вонь отъ нихъ почти невыносима. Къ этому надо прибавить, что вслѣдствіе приносимаго мяса, скалы дѣлаются гладкими и скользкими, такъ что является опасность поскользнуться и полетѣть въ бездну. Я пробовалъ яйца ушастаго грифа, и такъ-же какъ и яйца бѣлоголоваго сипа, и нашелъ ихъ достаточно вкусными для не слишкомъ разборчиваго потребителя. Молодые ушастые грифы при вылупленіи изъ яйца покрыты бѣлымъ пухомъ».

Мнѣ кажется, что предыдущее описаніе нуждается въ подтвержденіи. Очень вѣроятно, ушастый грифъ кладетъ не 2 и не 3 яйца, а только одно, и навѣрное они совершенно неудобосъдобны для европейца. Въ пользу перваго предположенія говоритъ одно сообщеніе Гюрнея: его плѣнная самка клала 4 года подъ рядъ. всегда въ февралѣ, одно яйцо, разрисованное по бѣлому фону красноватыми пятнышками, болѣе густо расположенными къ тупому концу. Второе-же предположеніе не нуждается ни въ какихъ объясненіяхъ для того, кто разъ понюхалъ свѣжее яйцо грифа. Во всемъ остальномъ Левальянъ можетъ быть и правъ.

Во время моего продолжительнаго пребыванія въ Хартумѣ, я въ теченіи цѣлаго мѣсяца ежедневно охотился за грифами, которыхъ приманивалъ нарочно брошенной падалью. Последнюю бросали за земляную насыпь, находящуюся въ широкой долинѣ, и такимъ образомъ мы получали возможность подкрасться къ привавшему обществу шаговъ на 20. На этихъ охотахъ я и собралъ наблюденія, сообщенныя мною выше. Быстро перезаряжая ружья, я часто убивалъ по нѣскольку ушастыхъ грифовъ; одинъ разъ даже я однимъ выстрѣломъ убилъ четырехъ изъ нихъ. Тутъ же мы ставили силки, и именно самые простые, но и они давали хорошіе результаты. Спустя немного времени, я забралъ живыми довольно большое количество грифовъ. Между ними всегда находилось нѣсколько ушастыхъ грифовъ, и вскорѣ птицы эти сдѣлались моими любимцами. Въ неволѣ они держали себя съ самаго начала спокойно и умно, не боялись меня, и даже въ нѣкоторомъ смыслѣ были довѣрчивы, въ противоположность сипамъ. Всѣ были привязаны веревками, но ни одному изъ нихъ не приходило въ голову испробовать на веревкахъ силу своего могучаго клюва. Уже на третій день неволи первый ушастый грифъ, котораго я поймалъ, пилъ воду; на четвертый день онъ началъ раздирать лежащую передъ нимъ кошку, которой онъ пренебрегалъ въ теченіи трехъ дней; на пятый день онъ ѣлъ уже на моихъ глазахъ, и съ тѣхъ поръ не обращалъ больше на меня вниманія, даже тогда, когда я стоялъ совсѣмъ близко. Позже онъ бралъ пищу изъ моей руки.

Во время ѣды ушастый грифъ становится на свои прямо вытянутыя ноги; перья на немъ лежатъ гладко, причемъ самъ онъ принимаетъ совершенно горизонтальную позу. Лежащее передъ нимъ мясо онъ придерживаетъ когтями и раздираетъ его клювомъ съ силой, соответствующей его огромной головѣ. Въ большинствѣ случаевъ онъ проглатываетъ только маленькіе кусочки, а кости старательно обгладываетъ. Онъ также нуждается въ водѣ: онъ пьетъ много и, когда можетъ, купается очень аккуратно. Въ злѣбѣ онъ взъерошиваетъ всѣ перья и фыркаетъ какъ сова; при этомъ голое мѣсто на его затылкѣ замѣтнымъ образомъ краснѣетъ. Если онъ злится больше обыкновеннаго, то имѣетъ привычку вырыгать мясо, находящееся въ зобу; но когда онъ успокаивается, онъ его снова съѣдаетъ. Въ большой клеткѣ, сдѣланной для цѣлага общества, онъ держится такъ же спокойно, какъ и на волѣ. Онъ понимаетъ свою силу и не даетъ себя въ обиду, но самыя ссоры никогда не начинаеть. Повидимому, онъ легко переноситъ нашъ климатъ, несмотря на то, что чрезвычайно любить тепло. Въ нашихъ зоологическихъ садахъ ушастые грифы лѣтомъ и зимой содержатся на свободѣ. Конечно, при большихъ холодахъ они забнутъ и это замѣтно по ихъ сильной дрожи, но зато зимой они получаютъ большее количество ѣды, чѣмъ лѣтомъ, и вслѣдствіе этого легко переносятъ холодъ.

Ушастый грифъ находится на дурномъ счету у туземцевъ болѣе, чѣмъ каждый другой грифъ. Его считаютъ ветолюкъ нечистымъ въ религіозномъ отношеніи, какъ остальныхъ грифовъ, но даже опаснымъ для человѣка. Именно рассказы-

вають, будто-бы наблюдали, что онъ бросается на спящихъ людей и ихъ за клевываетъ.

* *
* *

Сипы (*Gyps Gänsegeier. Vautours fauves*) отличаются вытянутымъ, стройнымъ, сравнительно слабымъ клювомъ и низкими ногами, но прежде всего своей длинной гусиной шеей равномерной толщины; она постепенно переходитъ въ продолговатую голову, и покрыта рѣдкими, бѣловатыми, пуховидными щетинками. У птенцовъ всѣ перья, особенно перья шейныхъ брыжей, длинныя. Такимъ образомъ съ безошибочной вѣрностью можно узнать молодыхъ сиповъ по ихъ длиннымъ и висящимъ перьямъ, а старыхъ, наоборотъ, по ихъ короткимъ, размочаленнымъ и волосовиднымъ перьямъ. Также и въ окраскѣ оперенія происходитъ съ возрастомъ болѣе или менѣе замѣтная перемѣна и въ особенности въ окраскѣ перьевъ брыжей, которыя у молодыхъ птицъ всегда темно-желтовато-бурыя, а у старыхъ всегда бѣлыя или желтовато-бѣлыя.

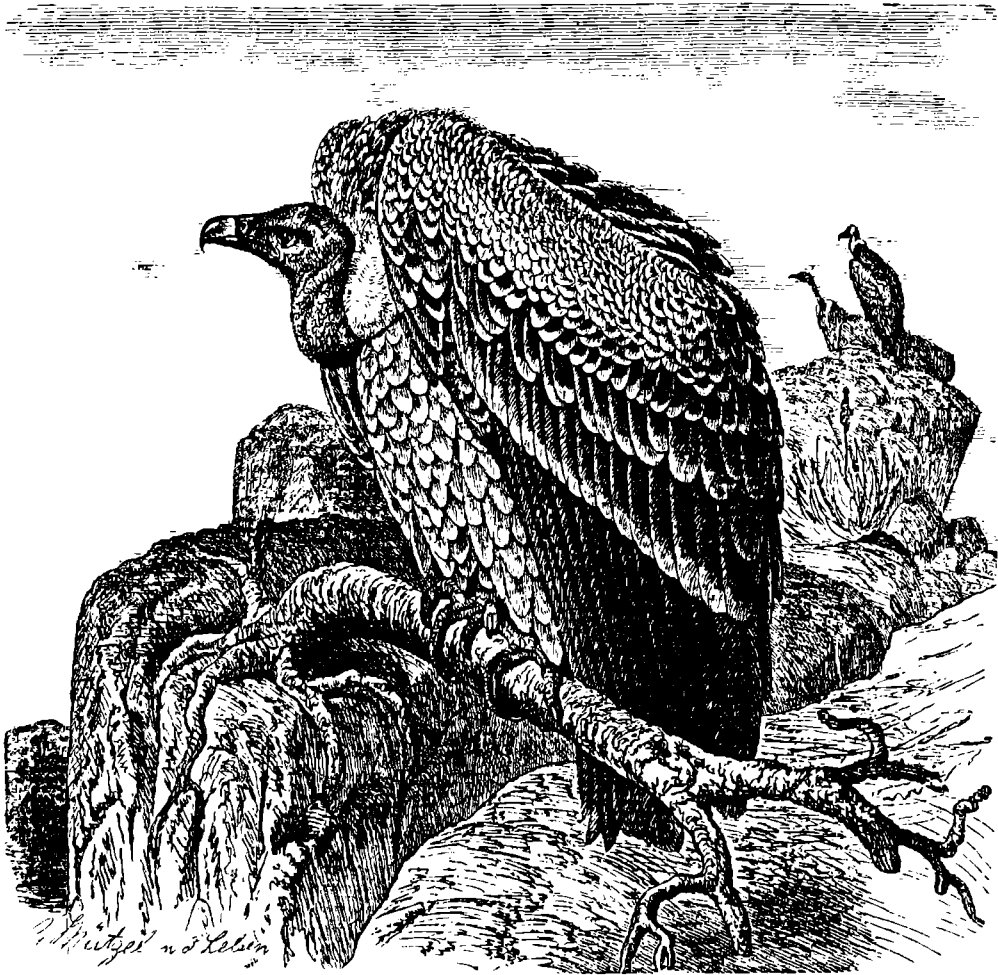
Бурый грифъ, Бѣлоголовый сипъ (*Gyps fulvus и vulgaris, Vultur fulvus, leucocephalus, albicollis, orientalis и occidentalis. Gänsegeier. Vautour fauve*) имѣетъ 1,12 м. длины, размахъ крыльевъ 2,56 м. длина крыла 68 см. и длина хвоста 30 см. Опереніе весьма равномерно свѣтло-желтовато-бурое, на нижней части тѣла темнѣе, чѣмъ на верхней, и каждое отдѣльное перо имѣетъ болѣе свѣтлый стволъ. Широкія, окаймленныя бѣлымъ, большія покровныя перья крыльевъ образуютъ свѣтлую полосу на верхней части тѣла, большія маховыя и рулевыя перья черныя; малыя маховыя перья на наружной части опахала имѣютъ широкую желтовато-сѣрую кайму. Глаза свѣтло-каріе, восковица темно-свинцово-сѣрая, клювъ ржаваго цвѣта, ноги свѣтло-буровато-сѣрыя. У молодыхъ птицъ стержни перьевъ болѣе рѣзко выступаютъ, а все опереніе темнѣе; длинныя узкія перья брыжей также бурныя и не короткія, не размочаленныя и не бѣлыя.

Бурый грифъ встрѣчается въ Трансильваніи, въ южной Венгріи и на всемъ Балканскомъ полуостровѣ, въ восточной, южной и средней Испаніи, въ Сардиніи и Сициліи, но зато очень рѣдко встрѣчается на Аппенинскомъ полуостровѣ, и всегда только случайно; съ другой стороны онъ все болѣе и болѣе распространяется въ Крайнѣ, Каринтіи, и около Зальцбурга, замѣняя мало-по-малу ягнятника, и не очень рѣдко залетаетъ и въ Германію. Зальцбургскія Альпы являются самымъ сѣвернымъ пунктомъ его области размноженія. Еще чаще, чѣмъ въ Трансильваніи, встрѣчается онъ во всемъ Египтѣ и Сѣверной Нубіи, въ Тунисѣ, Алжирѣ и Марокко, а въ Азій онъ также встрѣчается до Гиммалайскихъ горъ; въ Туркестанѣ и т. д. какъ говорятъ Зарудный и Вальтеръ, онъ появляется въ горахъ, гдѣ онъ часто гнѣздится, а также въ долинахъ.

Въ средней Африкѣ бурого грифа замѣняетъ **Сипъ Рюппеля** (*Gyps ruppellii, kolbii и magnificus. Sperbergeier. Vautour de Ruppel*) самый красивый видъ этого рода, и поэтому заслуживающій короткаго описанія. Его длина 1 м., размахъ крыльевъ 2,25, длина крыла 63, длина хвоста 25 см. У старыхъ птицъ, за исключеніемъ маховыхъ и хвостовыхъ перьевъ, всѣ перья темно-сѣро-бурыя, украшены на концѣ грязно-бѣлой каймой въ формѣ болѣе или менѣе широкаго полумѣсяца, вслѣдствіе чего опереніе кажется пестрымъ. Голая кожа, просвѣчивающаяся между рѣдкими перьями шеи—сѣро-голубая; спереди и на бокахъ нижней части шеи она переходитъ въ цвѣтъ сырого мяса, а голыя плечевыя пятна окаймлены голубовато-краснымъ цвѣтомъ. Глаза серебристо-сѣрые, клювъ при основаніи жел-

тый, на концѣ свинцоваго цвѣта, восковица черная, ноги темно-свинцово-сѣрыя. У молодыхъ птицъ маленькія перышки темно-сѣро-бурая съ буровато-сѣрымъ стволомъ и безъ каймы, а перья брыжей темно-бурая съ желто-бурымъ стволомъ; маховыя и хвостовыя перья черно-бурая. Глаза свѣтло-красновато-бурые, клювъ до голубоватыхъ краевъ чернѣй, какъ и восковица; ноги зеленовато-сѣрыя.

Всѣ сины, повидимому, предпочитаютъ жить на скалахъ; поэтому ихъ чаще

Синъ Рюппеля. *Gyps ruppellii*. наст. вел.

всего встрѣчаешь по близости горъ, имѣющихъ удобныя, прямыя, отвѣсныя стѣны. Я видѣлъ нашего европейскаго грифа отдыхающимъ на деревьяхъ только въ Фруска-Гора. Зато другіе виды, и особенно синъ Рюппеля, нерѣдко садятся на деревья, даже и почъ проводятъ на нихъ.

Образъ жизни бурыхъ грифовъ во многомъ сходенъ съ образомъ жизни другихъ видовъ этого подсемейства; но съ другой стороны они походятъ также и на ниже описанныхъ своихъ родичей. Ихъ движенія легче, и изящнѣе, чѣмъ у послѣднихъ, и именно они совершенно свободно держатся, спускаясь съ большой высоты.

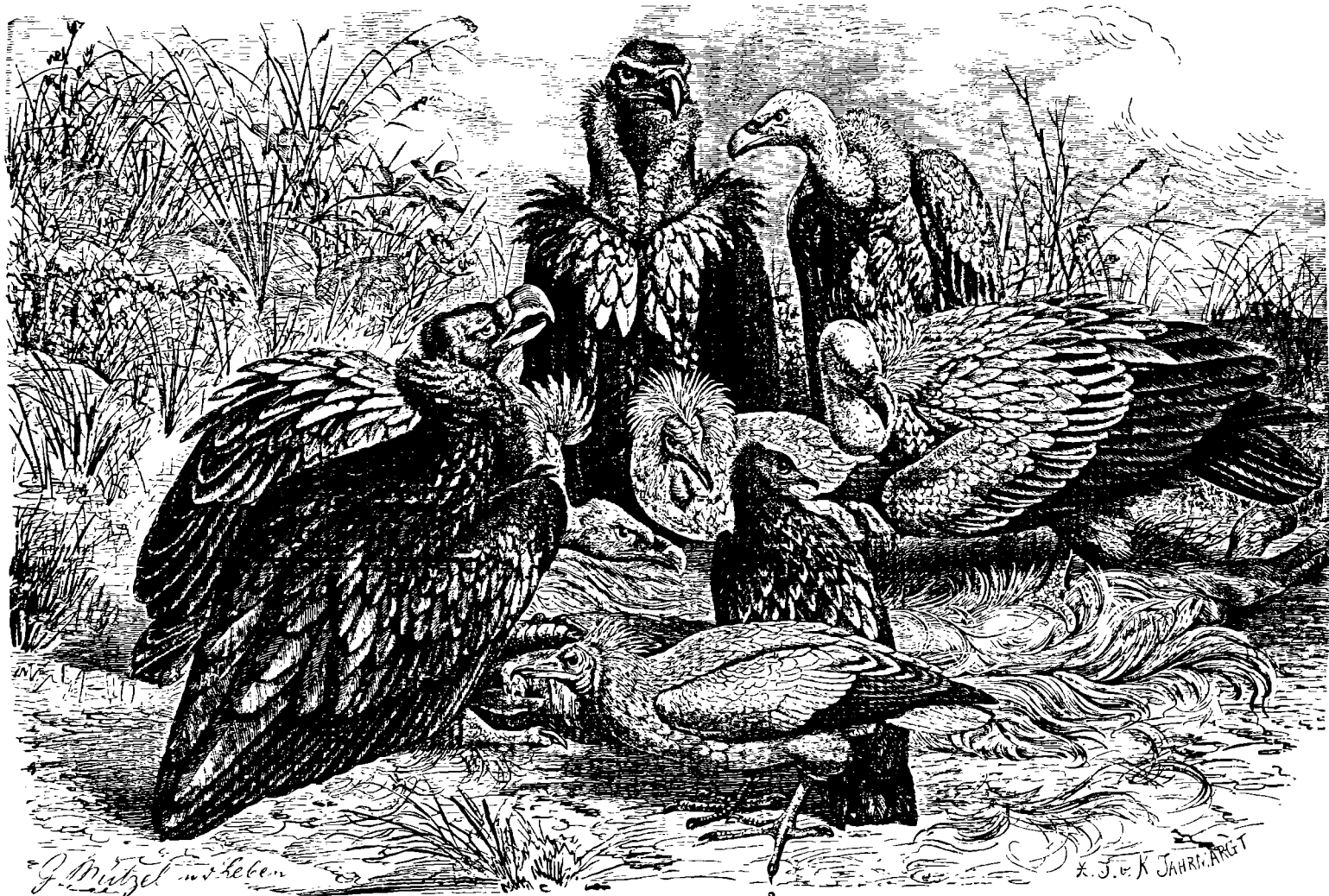
потому что они слетаютъ внизъ, дѣлая многочисленные повороты, почти съ легкостью сокола, тогда какъ другіе виды съ значительной высоты падаютъ внизъ, не двигая крыльями, пока они почти не дотронутся земли. Силы такъ хорошо ходятъ по землѣ, что человѣкъ долженъ употребить известное усиліе, чтобы догнать шагающаго грифа. Бурые грифы лучше всего, хотя и не въ хорошемъ смыслѣ, выказываютъ характеръ всѣхъ грифовъ вообще. Они самые сердитые, вспыльчивые и коварные изъ всего подсемейства. Но сравнительно съ другими грифами ихъ умственные способности не велики; кажется, что у нихъ хорошо развиты только одни низменные качества. Они живутъ большими стаями, основываютъ вмѣстѣ поселенія и соединяются также съ другими видами этого подсемейства; но все-таки они всегда остаются нарушителями мира и затѣйщиками всѣхъ ссоръ. При продолжительномъ сожителствѣ съ другими представителями ихъ подсемейства, они вскорѣ пріобрѣтаютъ власть и защищаются до безумія дерзко противъ нападающихъ. Подстрѣленные, они защищаются храбро и злобно, бросаются на человѣка какъ сварливые собаки, подпрыгиваютъ на полъ метра надъ землею и направляютъ свою длинную шею со внятнымъ щелканіемъ клюва всегда прямо въ лицо соперника. Сначала, будучи подстрѣлены и не имѣя возможности больше летѣть, они убѣгаютъ очень быстро отъ человѣка, причемъ помогаютъ бѣгу ударами крыльевъ; но если послѣдній ихъ догоняетъ, то они поворачиваются съ быстротой молніи, фыркаютъ, какъ совы, и свирѣпо сверкаютъ глазами. Если, наконецъ, удалось имъ овладѣть, то они вдобавокъ сильно царапаются когтями, и, несмотря на тупость послѣднихъ, умѣютъ наносить очень чувствительныя раны. «Во время одной изъ моихъ охотъ на Сьеррѣ де Гуадараме», пишетъ мой братъ, «я наблюдалъ, какъ два бурыхъ грифа на большой высотѣ вдругъ напали одинъ на другаго, вцѣпились когтями другъ въ друга и, образуя нераздѣльную массу и не будучи способны летать, конечно, кружась и со свистомъ упали на землю. Даже паденіе на землю не уменьшило ихъ ярости: и здѣсь они продолжали битву и, повидимому, настолько забыли объ окружающемъ мірѣ, что пастухъ, находящійся по близости, пытался было ихъ поймать. Улетѣли они только послѣ нѣсколькихъ ловко нанесенныхъ ударовъ длинной палкой, которые ихъ привели въ сознаніе и убѣдили, что все-таки было-бы лучше отсрочить дуэль до болѣе удобнаго времени. Они это наконецъ и сдѣлали и поспѣшно улетѣли въ разные стороны».

При уничтоженіи падали они преимущественно выѣдаютъ внутренности оклѣвшихъ животныхъ. Нѣсколькими укусами они прорѣзываютъ круглую дыру въ животѣ и всовываютъ въ нее свою длинную шею, насколько только могутъ. Самыя мясистыя внутренности они проглатываютъ, не вынимая головы изъ дыры, а кишки они сначала вытаскиваютъ сильными движеніями наружу, раздѣляютъ ихъ клювомъ на части и уже кусками проглатываютъ. Само собой разумѣется, что при такого рода работѣ голова и шея покрываются кровью и слизью, такъ что послѣ бѣды бурые грифы представляютъ самую ужасную картину. Вопросъ, бросаются ли они также на большихъ и окружающихъ животныхъ, я оставляю открытымъ. Арабы обвиняютъ ихъ въ этихъ проступкахъ, какъ и пастухи южныхъ венгерскихъ горъ. Кальберматтенъ нашелъ въ одномъ гнѣздѣ остатки еще совсѣмъ свѣжаго молодого гуся.

По моимъ наблюденіямъ, они появляются въ своей охотничьей области только въ утренніе часы, и преимущественно въ полдень спускаются на падалъ. Въ періодъ размноженія имъ, повидимому, больше хлопотъ; по крайней мѣрѣ, графъ Лацаръ, который ихъ наблюдалъ въ это время, мнѣ пишетъ, что они поднимались другъ за другомъ вскорѣ послѣ заката солнца и сначала летали цѣлый часъ вокругъ

своей скалы. «Они потомъ поднимаются все выше и выше, описывая все болѣе широкіе круги, пока не исчезнутъ одинъ за другимъ въ пространствѣ. Къ полдню они возвращаются по одиночкѣ, вскорѣ соединяются по сосѣдству колоніи и еще нѣкоторое время летаютъ вокругъ своей стѣны. Потомъ одинъ за другимъ опускаются на карнизы и выдающіяся мѣста скалы и проводятъ часа два въ мечтательномъ и лѣнивомъ отдыхѣ. Послѣ полудня, а именно между 2 и 3 часами, они еще разъ съ большимъ шумомъ взлетаютъ, нѣсколько разъ облетаютъ свое жилище и во второй разъ направляются къ падали, но всегда не на долгое время. Уже за нѣсколько часовъ до заката солнца они опять возвращаются къ своимъ гнѣздамъ».

На счетъ размноженія бурога грифа даютъ свѣдѣнія Бальдамусъ. Крюперъ, Симпсонъ, Гейглинъ и мой братъ. Наблюденія послѣдняго содержатъ въ главныхъ чертахъ все, до сихъ поръ извѣстное. «Время размноженія бурога грифа въ Испаніи падаетъ на вторую половину февраля или на начало марта. Гнѣздо обыкновенно устраивается въ трещинѣ скалы или, по крайней мѣрѣ, подъ выступомъ скалы и состоитъ изъ тонкаго слоя не очень крупнаго хвороста. Самка откладываетъ въ это гнѣздо одно бѣлое яйцо, величиною съ гусиное, съ толстой скорлупой; она высиживаетъ его по-очередно съ самцомъ, такимъ образомъ, что на самца падаетъ обязанность высиживания обыкновенно въ утренніе и въ первые послѣобѣденные часы, а на самку, напротивъ, во все остальное время дня. Бурый грифъ никогда не гнѣздится на деревьяхъ. Въ удобныхъ мѣстахъ находятся всегда нѣсколько гнѣздъ на разстояніи приблизительно 100—200 шаговъ другъ отъ друга. Замѣчательно то, что общество, гнѣздящее такимъ образомъ на скалистой стѣнѣ, вовсе не состоитъ исключительно изъ грифовъ; послѣдніе преспокойно терпятъ въ своемъ сосѣдствѣ ягнятника п ястребнаго орла, позволяють даже черному ястребу поселиться и гнѣздиться въ непосредственной близости отъ ихъ гнѣзда. Силы довольно плотно сидятъ на яйцахъ и только при громкомъ крикѣ показываются изъ гнѣзда, садятся на край его и высматриваютъ нарушителя ихъ спокойствія. Если послѣдній хорошо спрятался, они возвращаются на гнѣздо, и вообще покидаютъ его только тогда, когда они на самомъ дѣлѣ убѣдились въ грозящей имъ опасности. На моихъ охотахъ по близости Эскуриала, я часто доставлялъ себѣ удовольствіе криками спугивать съ гнѣзда высиживающихъ грифовъ. Они появлялись при каждомъ возгласѣ, тщательно осматривались по всѣмъ сторонамъ, и если они меня не замѣчали, то опять возвращались на гнѣздо. Конечно, вслѣдствіе направленнаго на нихъ выстрѣла, вся высиживающая компанія поднимается и каждый въ одиночку улетаетъ, быстро ударя крыльями. Проходитъ довольно много времени, пока они не покажутся снова; напрасно осматриваешься по всѣмъ сторонамъ; вся мѣстность кажется точно внезапно вымершей, и нигдѣ невидно этихъ могучихъ птицъ. Только спустя около получаса, силы показываются снова одинъ за другимъ. Каждый нѣсколько разъ пролетаетъ мимо мѣстожительства, тщательно осматривается и потомъ съ нѣкоторой осторожностью вдругъ спускается на гнѣздо, остается еще нѣкоторое время снаружи на краю скалы, еще разъ осторожно и недовѣрчиво осматривается, и тогда только проскользаетъ снова внутрь своей скалистой крѣпости. Неразъ думали, что именно эти грифы храбро нападаютъ на охотника, который грозитъ ихъ гнѣзду, но послѣ моихъ наблюденій это показаніе оказывается лишеннымъ всякаго основанія. Мнѣ осталось неизвѣстнымъ, сколько дней они должны высиживать, чтобы это большее яйцо созрѣло; я знаю только, что въ концѣ марта уже нѣкоторые изъ птенцовъ оказываются вылупившимися. Замѣчательно, что несмотря на то, что эти птицы не издаютъ никакого запаха, только что вылупившіеся

ЮЖНОЕВРОПЕЙСКІЕ ГРИФЫ.

1. Сѣрый грифъ. 2. Стервятникъ. 3. Бѣлоголовый сипъ.

12

птенецъ и развивающійся еще въ яйцѣ зародышъ, даже желтокъ и бѣлокъ сильно пахнутъ мускусомъ. На самомъ дѣлѣ, чтобы рѣшиться выдуть ртомъ содержимое подобнаго яйца, нужно обладать всѣмъ спокойствіемъ страстнаго изслѣдователя, да даже и онъ долженъ съ собой бороться, чтобы побѣдить сильное отвращеніе. Птенецъ, который похожъ на маленькій комокъ шерсти, пользуется большой любовью обонхъ родителей, которые его аккуратно кормятъ сначала уже совершенно разложившимися и сгнившими кусками падали, позже-же болѣе питательной пищей, но, конечно, все-таки падалью. Благодаря изобилію пищи, птенецъ растетъ очень скоро, но все-таки всегда проходитъ три мѣсяца, пока онъ не сдѣлается способнымъ летать».

Гомейеръ и я, во время охотничьяго путешествія наслѣдника эрцгерцога Рудольфа въ Фруска-Горѣ, къ немалому нашему удивленію, замѣтили между сѣрыми грифами, часто гнѣздящимися въ великолѣпныхъ лѣсахъ, также и бурныхъ грифовъ, а послѣ того, какъ убили одну самку на гнѣздѣ, мы узнали, что въ мѣстахъ, гдѣ совершенно отсутствуютъ скалистые обрывы, эти птицы рѣшаются строить свое большое гнѣздо и на деревьяхъ, по крайней мѣрѣ, пользуются гнѣздами сѣрыхъ грифовъ. Достойнымъ вниманія кажется мнѣ фактъ, что самка высиживаетъ еще не въ вылинявшемъ опереніи. Графъ Хотекъ, владѣлецъ Фруска-Горы, опытный орнитологъ, до тѣхъ поръ никогда не замѣчалъ бѣлоголовыхъ сиповъ на хорошо ему извѣстномъ мѣстѣ гнѣздованія сѣрыхъ грифовъ, и склоненъ былъ думать, что недавно происшедшія сраженія въ Сербіи и Болгаріи могли быть причиною присутствія бурныхъ грифовъ.

Бальдамусъ вынулъ изъ гнѣзда на нижнемъ Дунаѣ молодого бураго грифа. Птенецъ былъ величиною съ большого пѣтуха и весь былъ покрытъ густымъ грязно-бѣлымъ, похожимъ на шерсть пухомъ; онъ распространялъ уже весьма ощутимый запахъ и обнаруживалъ неутомимый голодъ. Какъ только его поймали, онъ съѣлъ двухъ дроздовъ, одну кукушку, на другое утро одного коршуна, одного средней величины карпа и внутренности различныхъ птицъ. Три недѣли спустя, онъ съѣдалъ въ теченіи 24 часовъ внутренности двухъ телятъ, потроха, сердце, легкія, печеньку и т. д., при этомъ пожиралъ еще все, что находилъ по близости, даже дерево и комки земли, и кромѣ этого получалъ еще немало отъ пассажировъ парохода. Когда передъ нимъ клали цѣлыхъ животныхъ, то онъ уже теперь старался открыть животъ, и когда ему помогали это сдѣлать, онъ дѣйствовалъ совершенно, какъ и его родители. Позже онъ оставлялъ остальныя части тѣла птицъ до тѣхъ поръ ветронутыми, пока не опростаетъ всю внутренность. «При своемъ голодѣ онъ былъ всегда такой буйный, что, увидя меня подходящимъ безъ пицци къ большому курятнику, гдѣ я его помѣстилъ, онъ злобно бросался на меня, издавая безпрерывные крики, сильно мотая головой; а какъ только ему удавалось до меня достать, онъ клевалъ мнѣ ноги и платье. Скоро онъ выучился отличать меня отъ всѣхъ остальныхъ и всегда обращался только ко мнѣ, если даже я входилъ и съ другими лицами».

Бурый грифъ приручается рѣдко. «Не слишкомъ преувеличиваютъ», говоритъ мой братъ, «когда утверждаютъ, что бурый грифъ въ извѣстной степени всегда остается опаснымъ. Только одинъ разъ я видѣлъ настоящаго ручнаго грифа на дворѣ одной гостинницы въ Байонѣ. Конечно онъ былъ привязанъ на длинную, тонкую цѣпь, и вслѣдствіе этого былъ лишенъ свободы движеній. Эта птица, слышавъ голосъ своего хозяина, слетала съ жердочки, довѣрчиво подходила къ нему, и даже позволяла брать себя между ногъ и гладить голову, шею и спину. Съ живущими въ гостинницѣ собаками она жила также въ большой дружбѣ».

Графъ Лацаръ, который называетъ бурога грифа коварнымъ и мрачнымъ существомъ, имѣющимъ нѣкоторое сходство съ злобнымъ идиотомъ, зналъ также, въ видѣ исключенія, двухъ ручныхъ птицъ этого вида. Одна изъ нихъ, которая была ранена, летала за своимъ господиномъ въ открытое поле, самостоятельно предпринимала маленькія путешествія, и иногда исчезала дня на два, но все-таки всегда возвращалась къ своему хозяину. Одинъ мясникъ держалъ другого бурога грифа живымъ нѣсколько лѣтъ на своемъ дворѣ. Этотъ грифъ жилъ въ большой дружбѣ со старой собакой мясника. Когда послѣдняя околѣла, то ее смѣло положили передъ грифомъ; но, несмотря на то, что онъ былъ голоденъ, грифъ не дотронулся до своего стараго друга, загрустилъ, отказывался съ тѣхъ поръ отъ всякой пищи, и на восьмой день лежалъ мертвый около мертвой собаки.

Въ Египтѣ часто ловятъ бурыхъ грифовъ, потому что ихъ перья употребляются, какъ украшенія, или въ хозяйствѣ. Говорятъ, что на Критѣ и въ Аравіи продаютъ шкуры бурыхъ грифовъ скорнякамъ, которые ее выдѣлываютъ и превращаютъ въ цѣнный мѣхъ.

* *
*

Ни одна изъ птицъ этого подсемейства не получила такой большой извѣстности, какъ **Стервятникъ**, **Бѣлый сипъ**, съ древнихъ временъ описанный подъ именемъ **Рахамъ**, **Алимошъ**, и **Курицы фараоновъ** (*Neophron percnopterus* и *gingipianus*, *Vultur percnopterus, albus, meleagris, ginginianus* и *stercorarius, Percnopterus aegyptiacus. Schmutzgeier. Percnoptère d'Égypte*). Онъ изображенъ на старинныхъ египетскихъ постройкахъ, древніе египтяне и евреи вослѣвали его какъ эмблему родительской любви, да и нынѣ по крайней мѣрѣ на него смотрятъ безъ всякаго презрѣнія. Онъ отличается отъ всѣхъ извѣстныхъ видовъ своего подсемейства своимъ тѣлосложеніемъ, похожимъ на воронье, длинными, довольно заостренными крыльями, длиннымъ ступенчатымъ хвостомъ и опереніемъ. Клювъ очень вытянутъ въ длину; восковица простирается дальше половины клюва; крюкъ верхней части клюва согнутъ внизъ, но онъ тонкій и слабый; ноги слабыя и ихъ средніе пальцы почти такой-же длинны, какъ и плюсна; пальцы вооружены слабо загнутыми когтями средней длины. Въ крылѣ третье маховое перо превосходить длиною всѣ остальные; второе длиннѣе четвертаго, шестое длиннѣе перваго. Въ хвостѣ боковыя перья на треть короче наружныхъ. Густое опереніе состоитъ изъ большихъ и длинныхъ перьевъ, которыя на затылкѣ и на задней части шеи становятся еще длиннѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ уже и острѣе. Вся голова лишена перьевъ. Грязно-бѣлый цвѣтъ, который въ области шеи и верхней части груди болѣе или менѣе переходитъ въ темно-желтый, является преобладающимъ, но на спинѣ и на брюшкѣ этотъ цвѣтъ чище; большія маховыя перья черныя, плечевыя перья сѣроватыя. Зрачекъ красно-карій или свѣтло-мѣдно-желтый, клювъ на концѣ сине-рогового цвѣта, а въ остальной части ярко-оранжево-желтаго цвѣта, какъ и голыя части головы и пятно на zobу; кожа на горлѣ нѣсколько свѣтлѣе, чѣмъ край нижней части клюва. У молодыхъ птицъ плечи и верхнія покровныя перья крыла, полоса, проходящая черезъ середину нижней части груди и брюшка, шейныя брыжи, надхвостье, гузка и концы рулевыхъ перьевъ, затылокъ и передняя часть шеи, грудь, бока брюшка и маховыя перья—черно-бурья; перья бедеръ съ сѣрыми и черными крапинками, пушистыя перья брыжей сѣрыя; перья по бокамъ шеи съ бурымъ стержнемъ и съ заостреннымъ концомъ; рулевыя перья сѣрыя, какъ у гуся; передняя часть головы и восковица пепельно-сѣрыя. Глаза темно-каріе, клювъ черный, ноги свѣтло-сѣрыя, какъ и у старшихъ. Длина самки 70 см., размахъ крыльевъ 160, длина крыла 50, длина хвоста 26 см.

Стервятникъ причисляется къ нѣмецкимъ птицамъ, потому что его нѣсколько разъ убивали въ Германіи. Онъ чаще встрѣчается въ Швейцаріи, какъ это уже говоритъ старый Геснеръ; пара стервятниковъ гнѣздилась даже въ окрестностяхъ Женевы. Дальше къ югу онъ появляется гораздо чаще. На югѣ Франціи онъ хотя еще и не является осѣдой птицей, но залетаетъ туда не слишкомъ рѣдко; въ Италіи, на мысѣ Арджентаро и въ окрестностяхъ Пиццы стервятникъ встрѣчается рѣже, а въ Сардиніи въ самомъ любимомъ мѣстожительствѣ другихъ грифовъ онъ страннымъ образомъ не бываетъ осѣдой птицей; въ Испаніи онъ встрѣчается всюду, хотя и не очень часто, а въ Греціи и на Балканскомъ полуостровѣ онъ всюду распространенъ. Здѣсь онъ появляется, говоритъ Крюперъ, болѣе или менѣе правильно въ первые весенніе дни, почему пастухи и считаютъ обыкновенно начало весны со времени его появленія;—они его также называютъ «конемъ кукушки», ибо они думаютъ, что послѣдняя совершаетъ свое зимнее путешествіе на его спинѣ. Въ исключительныхъ случаяхъ онъ появляется въ странѣ уже 12 марта, но также случается, что онъ прилетаетъ только въ концѣ мѣсяца или даже въ началѣ апрѣля. Съ этого времени онъ остается въ странѣ до сентября или октября, чтобы потомъ предпринять свое зимнее путешествіе. На Цикладскихъ островахъ кое-когда нѣкоторые изъ нихъ остаются зимовать, что случается и въ Испаніи, гдѣ мы стервятника наблюдали въ ноябрѣ и декабрѣ въ Андалузіи, а въ январѣ въ окрестностяхъ Толедо. Онъ зимой обыкновенно покидаетъ Крымъ и южную Россію, гдѣ онъ также гнѣздится; въ Африкѣ-же, можетъ быть за единственнымъ исключеніемъ западныхъ береговъ, и въ большей части западной и южной Азіи, онъ рѣшительно осѣдая птица. Къ югу отъ средняго Египта онъ встрѣчается часто, а въ Пубии, это одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ хищниковъ. То-же можно сказать и про среднюю и южную Африку, но при этомъ нужно имѣть въ виду, что стервятникъ является постояннымъ спутникомъ восточныхъ народовъ. Насколько онъ часто встрѣчается всюду, гдѣ обитатель Востока, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, поселился, настолько онъ рѣдко попадаетъ въ другихъ краяхъ. На самомъ дѣлѣ онъ населяетъ всю Африку, отъ сѣверной границы до крайняго юга, можетъ быть за единственнымъ исключеніемъ береговой области запада, гдѣ его до сихъ поръ наблюдали только на островахъ Зеленаго мыса; но онъ составляетъ рѣдкость не только въ побережья Краснаго моря, но также и во внутреннихъ частяхъ материка, т. е. всюду, гдѣ живутъ негры; онъ почти совершенно избѣгаетъ большихъ лѣсовъ, гдѣ встрѣчается его родичъ, мохнатый стервятникъ. Въ западной и южной Азіи онъ гнѣздится въ Малой Азіи, въ Сиріи, Палестинѣ, Аравіи, Персіи, Туркменіи, Афганистанѣ, въ Гиммалайскихъ странахъ, въ сѣверной и средней Индіи, но зато отсутствуетъ совершенно на югѣ этого материка, какъ и дальше къ востоку, напрямѣръ въ Китаѣ.

Грязное ремесло, которымъ занимается этотъ грифъ, послужило основаніемъ предразсудкамъ, которые раздѣляются даже самими крупными нашими изслѣдователями. «Трудно найти другую птицу», говоритъ Науманъ, «противная наружность которой такъ хорошо соотвѣтствовала-бы ей привычкамъ и нраву, какъ стервятника. Голая передняя часть маленькой головы, выдающійся голый зобъ, рыхлыя перья шеи, всегда грязное и стертое опереніе и грубыя ноги, отнюдь не дѣлаютъ благоприятнаго впечатлѣнія на зрителя. Къ этому надо еще прибавить, что у живой птицы часто изъ ноздрей капаетъ противная жидкость и что вообще эта птица распространяетъ запахъ, похожій на запахъ нашего ворона, и притомъ такой сильный, что почти развалившаяся шкура стервятника не терпитъ этого запаха даже по простествіи нѣсколькихъ лѣтъ. Это скучная и лѣни-

вая птица». Я твердо убѣжденъ, что Науманъ судиль-бы иначе, если-бы онъ видѣлъ такъ-же часто, какъ и я, стервятника живымъ. Правда, что ремесло этой птицы противно, но не она сама. Совсе не входитъ въ мои намѣренія описать ее какъ красивую, веселую или пріятную птицу; но, безъ сомнѣнія, она не можетъ быть названа противной. По крайней мѣрѣ мнѣ она всегда гораздо больше нравилась, чѣмъ другіе крупные виды этого подсемейства.

Только въ южной Европѣ стервятникъ пугливъ и остороженъ. Во всей Африкѣ онъ довѣрчивъ относится къ человѣку, если онъ еще не страдалъ отъ кровожадности европейца. Онъ нисколько не глупъ, такъ какъ очень точно отличаетъ того, кто ему полезенъ, отъ того, кто ему вредитъ; даже при весьма трудныхъ обстоятельствахъ онъ умѣетъ съ нѣкоторой хитростью добывать себѣ насущное пропитаніе. Его также нельзя назвать лѣнивымъ; напротивъ, онъ очень подвиженъ и иногда только ради одного развлеченія въ теченіи нѣсколькихъ часовъ упражняетъ свои крылья. Конечно, если онъ сытно поѣлъ, то онъ долгое время сидитъ на одномъ мѣстѣ. Когда онъ ходитъ, онъ похожъ на нашего большого ворона; когда онъ летитъ, онъ нѣсколько напоминаетъ нашего аиста, но также и ягнятника; только онъ летаетъ гораздо медленнѣе и не такъ красиво, какъ послѣдній. Однимъ прыжкомъ онъ покидаетъ землю, поднимается медленными ударами крыльевъ и потомъ быстро улетаетъ, не двигая крыльями. Если погода хороша, то онъ поднимается все выше и выше и иногда залетаетъ въ верхніе слои воздуха на высоту 1000—1200 м. надъ уровнемъ земли. Когда можно, онъ выбираетъ скалу для отдыха; деревья онъ избѣгаетъ, если возможно, а въ большихъ лѣсахъ онъ отсутствуетъ совершенно. Такъ-же часто, какъ и на скалахъ можно его видѣть сидящимъ на старыхъ зданіяхъ, въ сѣверной Африкѣ, Индіи и Аравіи на храмахъ, мечетяхъ, памятникахъ и домахъ. Онъ общителенъ по отношенію къ своимъ родичамъ. Очень рѣдко видишь его одинокимъ, чаще парами, но чаще всего большими или маленькими стаями. Онъ соединяется съ другими грифами, такъ какъ этого требуетъ его ремесло, но всегда только на короткое время; какъ только общій пиръ кончается, онъ больше не заботится о своихъ родственникахъ. Сознвая свою слабость, онъ миролюбивъ и дружелюбенъ, хотя и не совѣтъ такъ, какъ говорятъ старикъ Геснеръ, который утверждаетъ, что онъ «очень застѣнчивъ и робокъ», значить, что его бьютъ вороны и другія подобныя птицы, что его гоняютъ и ловятъ, потому что онъ тяжелъ и лѣнивъ къ работѣ. Въ южномъ Египтѣ и южной Нубіи встрѣчаются большія стаи стервятниковъ, которые въ теченіи нѣсколькихъ часовъ забавляются красивыми упражненіями въ летаніи, сообща отыскиваютъ свои мѣста отдыха, и также вмѣстѣ вылетаютъ за пищей, безъ малѣйшей драки или спора. Въ обществѣ большихъ грифовъ стервятникъ скромно сидитъ въ сторонѣ и, повидимому, со страхомъ смотритъ на ихъ отвратительную работу.

Стервятникъ неразборчивъ въ пищу. Онъ съѣдаетъ все, что только можетъ быть съѣденнымъ. Обыкновенно, но однако невѣрно думаютъ, что падаль составляетъ для него главную пищу: стервятникъ гораздо менѣе разборчивъ. Конечно, онъ появляется на всякой падали, и, насколько это ему позволяютъ его небольшія силы, онъ старается насытиться, выклевываетъ глаза, выдалбливаетъ отверстіе въ заднемъ проходѣ и старается вытащить черезъ него внутренности или дожидается, пока не насытились большіе грифы и тогда обгладываетъ кости, оставленныя ими; но такое пиршество составляетъ его праздничное кушанье. Большія рѣки и море даютъ ему уже болѣе обильную добычу, потому что они выкидываютъ на берега падаль или по крайней мѣрѣ дохлую рыбу и доставляютъ всякихъ низшихъ морскихъ животныхъ. На-

конецъ онъ иногда питается и мелкими живыми животными. Онъ коварно нападаетъ на крысъ, мышей, на мелкихъ птичекъ, на ящерицъ и другихъ пресмыкающихся; какъ воръ, грабитъ онъ гнѣзда съ яйцами и ловко ловить кузнечиковъ на лугахъ и выгонахъ. Мой братъ наблюдалъ, какъ плѣнный стервятникъ сразу бросился на его ручныхъ птицъ и усердно ихъ преслѣдовалъ. Онъ однимъ ударомъ клюва убилъ овсянку, которую удачно поймалъ, схватилъ и тутъ же съѣлъ. Донъ Лоренцо Морель рассказывалъ Болле, что онъ только съ большимъ трудомъ могъ вырастить павлиновъ, потому что стервятники безъ всякаго стыда таскали только что снесенныя яйца и даже потихонько подкрадывались съ этою цѣлью къ курамъ.

Но ни его грабежи, ни его воровство далеко не доставляютъ нужнаго для его пропитанія. Къ счастью, онъ умѣетъ и иначе прокормить себя. Во всей Африкѣ, даже уже въ южной Испаніи человѣческой калъ составляетъ его главную пищу. Почти все населеніе этихъ странъ испражняется на избранныхъ для того мѣстахъ, и именно эти мѣста доставляютъ удомамъ и стервятнику изобильную пищу. Здѣсь собираются стервятники, не обращая вниманія на присутствіе людей; въ ихъ занятіи люди видятъ нѣчто очень достойное презрѣнія, но на самую птицу они смотрятъ, какъ на благодѣтеля. Отъ Жердона мы узнаемъ то же самое и объ Индіи. Стервятникъ является аккуратнымъ гостемъ въ окрестностяхъ большихъ селеній Африки, на бойняхъ, которыя обыкновенно находятся за городомъ. Здѣсь онъ сидитъ рядомъ съ мясникомъ и слѣдитъ за мясомъ и шкуркой или за внутренностями вмѣстѣ съ ихъ содержимымъ, которыя ему бросаетъ мясникъ. Въ крайней нуждѣ онъ колукаетъ землю, пропитанную кровью. Конечно, бываетъ, что въ такомъ случаѣ онъ проглатываетъ иной разъ и несъѣдочное вещество, напримѣръ старую запачканную кровью тряпку, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Для европейскаго наблюдателя интересно особенно видѣть, какъ онъ безошибочно судитъ о чловѣкѣ и какъ онъ его близко знаетъ. Увѣренный въ нѣкоторой защитѣ или, вѣрнѣе сказать, въ равнодушіи, онъ появляется въ непосредственной близости домовъ и отыскиваетъ свою пищу такъ-же спокойно, какъ домашнія птицы или, по крайней мѣрѣ, какъ наши вороны. Я наблюдалъ, когда мы въ палаткѣ сдирали кожу съ птицъ, какъ онъ прокрадывался вплоть до столбовъ палатки, внимательно смотрѣлъ на нашу работу и передъ нашими глазами съѣдалъ куски мяса или обглаживалъ кости, которыя мы ему кидали. Я на самомъ дѣлѣ его полюбилъ во время моихъ путешествій по пустынѣ. Онъ цѣлыми днями провожаетъ караваны, онъ первая птица, которал вмѣстѣ съ пустыннымъ ворономъ находится на мѣстѣ отдыха, и послѣдняя, которая его покидаетъ.

На счетъ размноженія стервятника только въ послѣднее время получились вѣрныя наблюденія. Крюперъ въ Греціи добрался до нѣсколькихъ гнѣздъ и говорить, что нѣсколько паръ рѣдко гнѣздятся близко другъ отъ друга, но все-же иногда на одной и той же стѣнѣ. Но Болле зато наблюдалъ, что 5—6 гнѣздъ находились близко другъ къ другу въ расщелистой стѣнѣ глубокой долины. «Они любятъ», говорить онъ, «жить по сосѣдству другъ около друга. Они поселяются тамъ, гдѣ отвѣсная скалистая стѣна представляетъ имъ удобныя мѣста для гнѣздъ. и не обращаютъ особеннаго вниманія на большую или меньшую теплоту мѣстности. Массы помета, которыя накапливаются рядомъ съ гнѣздомъ и подъ нимъ, дѣлаютъ его замѣтнымъ издали, и гнѣздо легко бросается въ глаза наблюдателю. Стервятники, повидимому, вовсе не заботятся о своей безопасности, выбирая укромное мѣсто, но единственно полагаются на неприступность этого мѣста». Въ Испаніи эта птица встрѣчается такъ рѣдко, что почти никогда не видишь гнѣздящаго общества.

Въ Египтѣ можно видѣть гнѣздо на отвѣсныхъ стѣнахъ известняковыхъ скалъ, но обѣимъ сторонамъ Нила, и когда это дозволяетъ мѣстность, ихъ часто находится по нѣсколько другъ около друга; но эти гнѣзда всегда построены въ такихъ мѣстахъ, до которыхъ можно достигнуть, только спускаясь сверху на веренкѣ, на что я не рѣшался. Гейгливъ, который утверждаетъ, что и на пирамидахъ находятся гнѣзда этихъ птицъ, и который, повидимому, изслѣдовалъ послѣднія, замѣчаетъ, что они выстраиваются самой птицей, довольно велики и плотны и состоятъ изъ прутьевъ и стебельковъ дурры. Гартманъ, напротивъ, говоритъ, что большое гнѣздо дѣлается изъ травы и тряпокъ. Въ Индіи стервятникъ также гнѣздится на скалахъ и камняхъ, но также и на большихъ зданіяхъ, на пагодахъ, мечетяхъ, памятникахъ, при случаѣ даже и на деревьяхъ; онъ также строитъ свое гнѣздо изъ сучьевъ и разныхъ обрѣзковъ и часто выстилаетъ углубленіе старыми тряпками. Аллеонъ говоритъ, что особенно излюбленное, повидимому, мѣсто гнѣздованія стервятника составляетъ Константинополь, но только та часть города, которая населена турками, а въ иностранныхъ кварталахъ Перы его не видно. Здѣсь эта птица гнѣздится на кипарисахъ и на мечетяхъ, и въ такомъ количествѣ, что Аллеонъ считаетъ число ежегодно вылетающихъ птенцовъ до 1000 штукъ. Въ Египтѣ размноженіе происходитъ въ февралѣ до апрѣля; въ Греціи, по Крюперу, приблизительно въ половинѣ апрѣля. Но Крюперъ получилъ свѣжія яйца также въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая. Кладка обыкновенно состоитъ изъ двухъ яицъ, но три раза Крюперъ находилъ только одно. Яйца продолговатая, зернистость и окраска скорлупы очень разнообразны; обыкновенно они имѣютъ на желтовато-бѣломъ фонѣ или глинистыя или ржаво-бурыя пятнышки и крапинки, нѣкоторыя-же разрисованы также черновато-красными большими пятнами и полосками. Иногда эти пятна расположены болѣе густо или на тупомъ концѣ яйца, или на остромъ. Еще неизвѣстно, сколько времени продолжается насиживаніе, не знаютъ также, принимаютъ-ли оба родителя участіе въ насиживаніи, хотя это возможно предположить. Самка сидитъ на яйцахъ очень усердно, и только тогда покидаетъ ихъ, когда преслѣдующій ее человѣкъ добрался до непосредственной близости гнѣзда. Птенцы, которые сначала покрыты сѣро-бѣлымъ пухомъ, кормятся изъ зоба, долго сидятъ въ гнѣздѣ, и еще потомъ проводятъ цѣлые мѣсяцы въ обществѣ своихъ родителей.

Пойманные молодые стервятники дѣлаются очень ручными, слѣдуютъ шагъ за шагомъ за своимъ хозяиномъ, какъ собака, и встрѣчаютъ его радостными криками, какъ только онъ показывается. Пойманные старые стервятники также скоро привыкаютъ и долгіе годы переносятъ потерю свободы.

Въ средней и западной Африкѣ къ стервятнику присоединяется близкій родичъ его, котораго называютъ **Мохнатымъ стервятникомъ** (*Neophron pileatus*, *monachus* и *sagunculatus*, *Vultur pileatus*, *Cathartes monachus*, *Pernopterus niger*, *Kappengeier*, *Pernoptère à calotte*). Онъ отличается отъ перваго болѣе короткимъ клювомъ, болѣе широкими крыльями и болѣе короткимъ, прямо обрѣзаннымъ хвостомъ; опереніе его на задней части шеи и на затылкѣ похоже на шерсть и его голыя мѣста не такъ велики, ибо только темя, щеки и передняя часть шеи лишены перьевъ. Преобладающій и притомъ весьма равномерно распределенный цвѣтъ оперенія—темно-буроземляной. Мягкія бархатистыя перья затылка и шеи—зеленовато-бурыя; короткія перья зоба—грязно-бѣлыя, перья внутренняго бедра бѣлыя; большія маховыя перья буро-черныя, рулевыя перья черно-бурыя. Радужная оболочка карія, клювъ рогового снѣго цвѣта и темнѣе на концѣ; восковица ярко-фіолетовая, голая голова снѣгато-красная, а горло немного свѣтлѣе, ноги свѣтло-свинцово-сѣ-

рыя. Молодые птицы отличаются темно-бурымъ затылкомъ, менѣе замѣтными ушными отверстиями, гладкой, не бородавчатой и не такъ ярко окрашенной кожей шеи. Его длина 63—68 см., размахъ крыльевъ 157—169, длина крыла 45—50, длина хвоста 23—25 см.; первые измѣренія относятся къ самцу, вторыя къ самкѣ.

Въ средней и южной Африкѣ мохнатый стервятникъ встрѣчается всюду, а въ сѣверной Африкѣ, въ Азіи и Европѣ его не находили. Въ нѣкоторыхъ частяхъ

Мохнатый стервятникъ. *Neophron pileatus*. 1/4 наст. вел.

западной Африки, какъ это извѣстно до сихъ поръ, онъ является единственнымъ грифомъ, населяющимъ береговую область; въ Абиссиніи онъ обыкновеннѣе всѣхъ живущихъ тамъ его родичей, по крайней мѣрѣ гораздо чаще попадаетъ, нежели стервятникъ. Въ Массовѣ онъ садится на крыши домовъ; въ абиссинскихъ береговыхъ деревняхъ онъ показывается утромъ по близости домовъ, остается тамъ весь день и только съ закатомъ солнца улетаетъ къ своему мѣсту отдыха. Дальше въ глубь материка онъ замѣняетъ стервятника, который избѣгаетъ пустыни и, повидимому, лучше всего чувствуетъ себя въ непосредственной близости восточныхъ жителей. Мохнатый стервятникъ ведетъ борьбу за существованіе также и вдали отъ людей. Можно

его назвать полудомашнимъ животнымъ. Онъ, по крайней мѣрѣ, такъ-же дерзокъ, какъ и наша сѣрая ворона, даже почти такъ-же, какъ и нашъ воробей. Онъ безстрашно ходитъ взадъ и впередъ передъ дверью, копошится въ непосредственной близости кухни, а когда хочетъ отдохнуть, въ крайнемъ случаѣ, летитъ на верхушку одного изъ ближайшихъ деревьевъ. Онъ также дожидается утромъ перодъ хижинами испражняющихся людей, осмысленнымъ взглядомъ слѣдитъ за этимъ, понимая обоюдную пользу совершающагося, и тотчасъ же очищаетъ запачканное мѣсто. Онъ постоянный гость у каждой бойни; но онъ никогда не уноситъ того, что ему не принадлежитъ; онъ никогда не похищаетъ цыпленка, или какое-нибудь другое живое мелкое домашнее животное; его главную пищу составляютъ кухонные обрѣзки и человѣческій калъ. Иногда онъ въ теченіи цѣлыхъ недѣль питается исключительно послѣднимъ и кормитъ имъ также и своихъ птенцовъ. Онъ также показывается на падали и здѣсь держитъ себя совершенно такъ, какъ и его родичи. Въ противоположность крупнымъ грифамъ, онъ съ восходомъ солнца покидаетъ мѣсто отдыха и возвращается къ нему только съ наступающей ночью. Для ночлега онъ выбираетъ всегда такія деревья, которыя находятся по возможности дальше отъ людей. Около Массовы онъ спитъ или на одиноко стоящихъ мимозахъ въ уединенныхъ долинахъ Самхары, или на густыхъ кустахъ шоры на островахъ. Надъ такими мѣстами отдыха онъ сначала описываетъ кругъ, потомъ падаетъ со сложенными крыльями внизъ и въ обществѣ другихъ садится на избранное дерево.

По своей оканкѣ мохнатый стервятникъ очень красивъ; это настоящій грифъ. Даже когда онъ летитъ, трудно его иногда отличить отъ остальныхъ крупныхъ родичей, тогда какъ близкій ему стервятникъ уже издали отличается по своимъ острымъ крыльямъ и клиновидному хвосту. Ярко окрашенная голова и кожа на горлѣ придаютъ мохнатому стервятнику еще особенную нарядность, такъ какъ у живого на голыхъ частяхъ тѣла проходятъ всѣ оттѣнки цвѣта, которые мы можемъ наблюдать на голой шеѣ и головѣ индѣйскаго пѣтуха.

Мохнатый стервятникъ также любитъ общество своихъ собратьевъ больше, чѣмъ другихъ грифовъ; но онъ вовсе не такъ строго, какъ говоритъ Гейглингъ, избѣгаетъ общества столь близкаго къ нему во многихъ отношеніяхъ обыкновеннаго стервятника; также и послѣ ѣды его можно часто видѣть съ послѣднимъ.

Въ первыхъ мѣсяцахъ нашего года онъ покидаетъ селенія и обращается къ удобнымъ лѣсамъ, чтобы начать гнѣздованіе. Въ одномъ лѣсу изъ высокихъ мимозъ на Голубомъ Нилѣ я нашелъ въ январѣ настоящую колонію этихъ птицъ. Гнѣзда находились на высокихъ мимозахъ, частью на раздвоеніи вѣтокъ, частью на болѣе крѣпкихъ сучкахъ у ствола. Еще болѣе обширную колонію мы нашли по близости Массовы на маленькомъ островѣ Шейкъ-Саида, поросшемъ авиценіями, ризофорами и другими мѣстными кустами и деревьями. Здѣсь мы, а послѣ насъ Гейглингъ и Антинори, видали большія заросли густого кустарника, буквально покрытаго гнѣздами, выстроенными на высотѣ 1—6 м. надъ уровнемъ воды во время прилива и, смотря по мѣсту, стоящими то отдѣльно, то въ большемъ количествѣ другъ около друга; они отчасти служили также и коршуну-паразиту и двумъ различнымъ видамъ цалель для высиживанія. Всѣ гнѣзда, мною изслѣдованныя, были сравнительно маленькія: они едва имѣли 60 см. въ діаметрѣ; они были плоскія, крѣпко сплетенныя и состояли изъ толстыхъ и тонкихъ сучьевъ, выбранныхъ съ большою аккуратностью для выстилки углубленія. Лотки гнѣздъ были такъ малы, что одинъ только птенецъ могъ въ нихъ помѣститься. Я изслѣдовалъ самъ и велѣлъ изслѣдовать другимъ до 20-ти гнѣздъ и во всѣхъ нашелъ только по одному

яйцу. Яйцо мохнатого стервятника кругловатое, грубозернистое и сѣро-бѣлаго цвѣта, на тупомъ концѣ со многими глинисто-красными крапинками; но въ этомъ отношеніи встрѣчаются многочисленныя уклоненія. Оба родителя насиживаютъ яйца, самцы, повидимому, въ полуденные часы, такъ какъ именно въ это время мы убивали нѣсколькихъ изъ нихъ, когда они вылетали изъ гнѣздъ. При разореніи одного изъ гнѣздъ я нашелъ между нижними прутьями огромное число таракановъ и клоповъ, а совсѣмъ снизу, между самыми толстыми хворостинами, соню, которая тутъ поселилась. На южномъ берегу Краснаго моря, въ апрѣлѣ, я въ каждомъ гнѣздѣ нашелъ полувыростаго птенца. Изъ этого видно, что время размноженія, кажется, тянется довольно долго, и такимъ образомъ птенцы вѣроятнo растутъ медленно. Гейглинь сообщаетъ, что они покидаютъ гнѣздо раньше, чѣмъ вполне научатся летать, и что послѣ этого они нѣкоторое время остаются на берегу моря, питаются крысами, выброшенными водой краббами, рыбой и т. д.

Мохнатого стервятника такъ-же мало преслѣдуютъ, какъ и остальныхъ грифовъ. Охота на него не представляетъ никакихъ затрудненій, потому что тамъ, гдѣ онъ встрѣчается, онъ очень довѣрчиво относится къ человѣку. Поймать его также очень просто. Я долгое время имѣлъ одну изъ этихъ птицъ и съ ней подружился. Несмотря на ея естественную склонность къ нечистотамъ, это была красивая и пріятная плѣнница, которая вскорѣ стала меня узнавать и показывать при моемъ появленіи живую радость. Къ несчастію, она улетѣла у меня въ Египтъ. Въ наше время мохнатого стервятника можно иногда видѣть въ томъ или другомъ зоологическомъ саду, но рѣдко и всегда въ одиночку.

Самый бросающійся въ глаза отличительный признакъ **Американскихъ грифовъ** (*Sarcorhamphidae*. *Neuweltsgaeier*. *Vautours d'Amérique*), это—сквозныя продолговатая ноздри. Кроме того эти птицы отличаются болѣе или менѣе длиннымъ клювомъ, покрытымъ при основаніи верхней его части мягкой восковицей; клювъ въ своей конечной части сильно согнутъ и съ зубцомъ, а отъ восковицы 'отдѣленъ перетяжкой; кроме того эти грифы отличаются сильными ногами съ толстой плюсной, длинными, заостренными крыльями, довольно длиннымъ хвостомъ и голой головой, а также голой верхней частью шеи, каковыя части обыкновенно украшены кожпестыми образованиями въ видѣ гребешковъ при основаніи клюва и лба, а также и ярко окрашенными выступами и складками. Внутреннее строеніе также замѣтно отличается отъ строенія соколиныхъ.

Гребневые грифы (*Sarcorhamphus*. *Kammgeier*. *Sarcorhamphes*) являются самыми благородными членами этого семейства. Ихъ отличительные признаки слѣдующіе: относительно выгннутое тѣло и длинный, кругловатый, сжатый съ боковъ клювъ съ сильнымъ зубцомъ; у самцовъ онъ имѣетъ высокій гребень, и украшенъ морщинистой кожей въ области подбородка; шея средней длины, ноги высокія съ длинными пальцами, крылья, длинныя, но довольно узкія, хвостъ длинный, опереніе относительно мелкое, ярко-разноцвѣтное, голова и нижняя часть шеи голыя. Самецъ превосходить ростомъ самку.

Кондоръ (*Sarcorhamphus gryphus*, *magellanicus*, *cuntur*, и *condor*, *Vultur gryphus*, *Cathartes gryphus*. *Condor*) въ значительной степени раздѣляетъ участь ягвятника. Его такъ-же не оцѣнили и оклеветали, какъ и перваго, про него разска-

звали самыя удивительныя вещи и вѣрили въ нихъ. Только изслѣдователямъ нашего столѣтія удалось очистить отъ сказокъ описаніе его жизни. Благодаря А. фонъ-Гумбольдту, Дарвину, д'Орбиньи и Чуди, мы имѣемъ такія вѣрныя свѣдѣнія насчетъ этой, до появленія ихъ изслѣдованій, столь сказочной птицы, что въ настоящее время мы можемъ имѣть полную увѣренность, что обладаемъ ясною картиной ея жизни.

Опереніе вполне взрослага кондора черное, съ слабымъ темно-стальнымъ

Кондоръ. *Sarcorhamphus gryphus*. $\frac{1}{6}$ наст. вел.

блескомъ; перья крыльевъ — матово-черныя, наружныя кроющія перья всѣхъ трехъ рядовъ, а также и шейныя брыжи, состоящія изъ мягкихъ, волосовидныхъ, пушистыхъ, но длинныхъ перьевъ — бѣлыя; малыя маховыя перья на наружной части опахала имѣютъ бѣлую кайму. Эта кайма на перьяхъ предплечья и плеча становится все шире и наконецъ распространяется также и на внутреннюю часть опахала, такъ что плечевыя перья совершенно бѣлыя, а черныя только при основаніи. Зашеекъ, передняя часть головы и горло — черновато-сѣрыя; узкая кожица на горлѣ, какъ и обѣ морщинястыя складки кожи по обоимъ бокамъ шеи у самца — ярко-красныя; шея

цвѣта сырого маса; область зоба блѣдно-красная. Глаза блестяще-карминнаго цвѣта; но у двухъ мнѣ извѣстныхъ самцовъ свѣтло-зеленоватые съ мѣднымъ отливомъ, клювъ при основаніи и на спинкѣ рогового чернаго цвѣта, съ боковъ и на концѣ желто-рогового; ноги темно-бурыя. По измѣреніямъ Гумбольдта, длина самца 102 см., размахъ крыльевъ 275, длина крыла 115, длина хвоста 37 см.; длина самки 85 см.; размахъ крыльевъ на 24 см. меньше.

Родина кондора—высокія южно-американскія горы. Онъ распространенъ отъ Квито почти до южнаго конца этого материка. Въ Андахъ онъ предпочитаетъ полосу высоты отъ 3000 до 5000 м., въ Магеллановомъ проливѣ и въ Патагоніи онъ гнѣздится въ отвѣсныхъ ущельяхъ непосредственно надъ берегомъ. Онъ также часто спускается до береговъ Перу и Боливии, но, какъ говоритъ Чуди, въ высокихъ мѣстахъ онъ встрѣчается, въ десять разъ чаще, чѣмъ въ низкихъ. По описаніямъ А. фонъ-Гумбольдта, онъ часто летаетъ надъ Чимборазо, т. е. въ шесть разъ выше облаковъ, простирающихся надъ долинами, на высотѣ 7000 м. надъ уровнемъ моря.

Образъ жизни и поведеніе кондора въ главныхъ чертахъ такіе же, какъ у грифовъ. Во время размноженія онъ живетъ парами, въ обыкновенное же время стаями, для отдыха выбираетъ отвѣсныя выступы скалъ и аккуратно возвращается къ нимъ, какъ это доказываетъ масса накопившагося помета. Когда кондоръ взлетаетъ, то онъ поднимается при помощи медленныхъ ударовъ крыльевъ; потомъ онъ какъ будто плыветъ дальше, не двигая уже крыльями. Если одинъ кондоръ замѣчаетъ что-нибудь съѣдобное, то онъ опускается, и всѣ остальные, которые это замѣтили, быстро слѣдуютъ за нимъ. «Иногда совсѣмъ непонятно», говоритъ Чуди, «какъ менѣе, чѣмъ въ четверть часа, цѣлыя массы кондоровъ собираются на положенной приманкѣ, тогда какъ прежде самый дальнозоркій глазъ не увидалъ-бы ни одного изъ нихъ». Если имъ охота удалась, то къ полдню они возвращаются на свои скалы и здѣсь дремлютъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ.

Кондоръ, какъ и грифы, преимущественно питается падалью. Гумбольдтъ сообщаетъ, что пара кондоровъ нападаетъ не только на андскаго оленя и викуню, но даже на гуанако и на телятъ; они этихъ животныхъ убиваютъ, преслѣдуя и нанося раны, до тѣхъ поръ, пока они не упадутъ мертвыми. Чуди подтверждаетъ, что кондоры слѣдуютъ за дикими и ручными стадами млекопитающихъ и тотчасъ же бросаются на околѣвшее животное. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ они нападаютъ на ягнятъ, на телятъ, даже на раненыхъ лошадей, которыя не могутъ защититься, а вынуждены терпѣть, пока кондоры, которые раздираютъ и съѣдаютъ мясо вокругъ раны, наконецъ не доберутся до грудной полости, вслѣдствіе чего мучимое ими животное околѣваетъ. При потрошеніи убитыхъ викуній и андскихъ оленей охотники всегда окружены стаями кондоровъ, которые съ жадностью бросаются на брошенные внутренности, не показывая при этомъ ни малѣйшаго страха передъ человѣкомъ. Они, вѣроятно, также подстерегаютъ пуму, чтобы воспользоваться остатками его обѣда. «Когда кондоры опускаются», говоритъ Дарвинъ, «а потомъ вдругъ всѣ вмѣстѣ поднимаются, то чилиецъ уже знаетъ, что этихъ разбойниковъ разогналъ пума, который стерегъ какую-нибудь имъ убитую добычу». Кондоръ также очень тщательно наблюдаетъ за стадами козъ и свецъ во время ягненія и пользуется каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы стащить козленка или ягненка. Чуди говоритъ, что стельную корову всегда должно запереть во дворъ или загонъ, защищенный оградой и находящейся по близости жилища, и старательно ее здѣсь караулить, потому что какъ только она отелится, тотчасъ явятся гигантскія птицы, которыя будутъ стараться овладѣть теленкомъ; послѣдній погибаетъ, если люди его

настойчиво не защищаютъ. Въ странахъ, населенныхъ кондорами, пастушьи собаки такъ дрессированы, что во все время пребыванія кондора въ воздухѣ, онѣ на сторожѣ, смотрятъ вверхъ и громко лаютъ. На берегахъ эти птицы питаются трупамн большихъ морскихъ млекопитающихъ, которыя въ большомъ количествѣ живутъ около береговъ Южной Америки. Кондоры избѣгаютъ человѣческихъ жилищъ и не трогаютъ дѣтей. Часто дѣти спятъ на открытой горѣ, пока отцы собираютъ снѣгъ, и послѣдніе никогда не опасаются кровожадности кондора. Индѣйцы единогласно увѣряютъ, что онъ человѣку нисколько не вреденъ.

Во время ѣды кондоры поступаютъ совершенно какъ грифы. «Сначала», говоритъ Чуди, «они отдираютъ тѣ части, которыя меньше всего представляютъ сопротивленія, особенно глаза, уши, языкъ и мягкія части у задняго прохода. Здѣсь они обыкновенно выдалбливаютъ большую дыру, чтобы проникнуть въ брюшную полость. Если на одномъ павшемъ животномъ собирается большое число этихъ птицъ, то естественныхъ отверстій не хватаетъ, чтобы достаточно скоро утолить ихъ сильный голодъ. Въ такомъ случаѣ они выдалбливаютъ себѣ искусственные пути обыкновенно въ груди или животѣ. Индѣйцы утверждаютъ, что кондоръ очень вѣрно знаетъ, гдѣ лежитъ сердце животныхъ, и отыскиваетъ его раньше всего». Когда кондоръ насытился, онъ дѣлается вялымъ и тяжелымъ, и когда онъ вынужденъ летѣть, то также изрыгаетъ накопившуюся въ зобу пищу. «Кондоръ кажется гордой и величавой птицей, когда онъ съ распущенными и почти не двигающимися крыльями качается въ воздухѣ или когда онъ сидитъ, вытягиваясь на выдающейся вершинѣ и зорко высматривая добычу:

«Er packt den Fels mit Krall'ger Hand,
Der Sonne nah' im öden Land,
Im blauen Luftmeer ist sein Stand» *).

Но когда онъ съ неописанной жадностью съѣдаетъ свою добычу, глотая большіе куски падали, и, когда насытившись, онъ едва способенъ двинуться и, сжавшись, сидитъ около остатковъ своей добычи, которая своимъ зловоніемъ отравляетъ всю окрестность, онъ представляетъ собою только отвратительнаго грифа, обжирющагося падалью».

Время размноженія кондора падаетъ на наши зимніе или весенніе мѣсяцы. Спариванью предшествуютъ со стороны самца своеобразныя любовныя игры. По моимъ наблюденіямъ падъ плѣнными кондорами, я видѣлъ, что оба пола буквально токутъ, чтобы выразить свои чувства. Въ извѣстные промежутки времени, продолжительность которыхъ зависитъ отъ ихъ степени возбужденія, они распускаютъ крылья, сгибаютъ книзу вытянутую впередъ и нѣсколько надутую шею, такъ что кончикъ клюва дотрагивается почти до зоба, и издаютъ, при замѣтномъ дрожаніи языка, странные звуки, похожіе на барабанный бой или на стучаніе палочки по доскѣ; эти звуки издаются съ такимъ усиленіемъ, что глотка и животъ птицъ начинаютъ дрожать; потомъ они поворачиваются кругомъ, медленно семеня маленькими шажками и съ дрожащими крыльями. Послѣ одной, двухъ или трехъ минутъ они, пыхтя, испускаютъ повидимому сдержанное дыханіе, втягиваютъ шею и складываютъ крылья, отряхиваютъ опереніе, иногда выбрасываютъ пометъ и вновь принимаютъ прежнее положеніе. Въ это время другая птица приближается къ

*) «На скалѣ держится онъ когтями,
Близко къ солнцу и въ пустынѣ,
Въ синемъ воздухѣ онъ дома».

токующему, нѣжно ласкаетъ его клювомъ и головой, буквально обнимаетъ его и получаетъ въ свою очередь отъ него такія же ласки. Вся эта любовная игра продолжается приблизительно одну минуту, но въ теченіи утреннихъ часовъ она повторяется 10—20 разъ. Гнѣздо находится на неприступной скалѣ, но едва можетъ назваться гнѣздомъ, такъ какъ самка часто кладетъ свои два яйца на голую землю. Яйца, имѣющія въ длину 108 мм., въ ширину 72 мм., одноцвѣтныя и блестяще бѣлыя. Чаше, чѣмъ у ягнятника вылупляются оба птенца. Они появляются на свѣтъ одѣтыми въ сѣроватый пухъ, растутъ медленно, долго остаются въ гнѣздѣ и еще послѣ вылета кормятся и храбро защищаются родителями при грозящей опасности. «Въ маѣ 1841 г.», говоритъ Чуди, «въ погонѣ за подстрѣленнымъ оленемъ мы заблудились между гребнями высокихъ горъ и попали на трехъ высивающихся замокъ, на разстояніи не болѣе 15 м. надъ нами. Онѣ встрѣтили насъ такимъ страшнымъ карканьемъ и такими грозными движеніями, что мы стали опасаться, какъ бы онѣ насъ не спихнули въ пропасть со скалистого гребня, на которомъ мы находились и который едва достигалъ ширины 60 сп. Мы могли спастись только послѣднимъ отступленіемъ на болѣе широкое мѣсто».

Индѣйцы часто ловятъ кондоровъ, потому что находятъ удовольствіе ихъ мучить. Они наполняютъ тѣло околѣваго животнаго одуряющими травами, и кладутъ его въ видѣ приманки; наѣвшись этого мяса, кондоры шатаются, какъ пьяные; индѣйцы ждутъ, пока птицы не наѣдятся, потомъ прискакиваютъ столь быстро, насколько позволяетъ скорость ихъ лошадей, и бросаютъ лассо въ стаю обжиралющихся кондоровъ. Наконецъ употребляютъ еще особенный способъ лъви, описанный уже Молина и подтвержденный Чуди и другими. Разстилаютъ на землю свѣжую коровью шкуру, на которой висятъ еще куски мяса; подъ нее ложится индѣецъ съ достаточнымъ количествомъ веревокъ. «Когда кондоры насадутъ на шкуру, индѣецъ снизу схватываетъ птицу за лапы и тутъ же прикручиваетъ веревкой тотъ кусокъ шкуры, который мѣшкомъ охватилъ лапы. Когда такимъ образомъ пойманы нѣсколько штукъ, индѣецъ вытѣзаетъ изъ-подъ шкуры, подскакиваютъ и другіе индѣйцы, бросаютъ свои плащи на кондоровъ и уносятъ послѣднихъ въ деревню, гдѣ ихъ берегаютъ для травли быковъ. Кондоры не получаютъ никакой ѣды въ теченіи цѣлой недѣли, предшествующей этому жестокому развлеченію. Въ назначенный день привязываютъ одного кондора на спину быка, котораго предварительно ранятъ пиками. Голодная птица раздраетъ клювомъ измученное животное, которое къ великому удовольствію индѣйцевъ въ изступленіи носится вокругъ мѣста зрѣлища. Въ провинціи Гуарохиринъ, на высокомъ плоскогоріи находится такое мѣсто, гдѣ этихъ птицъ легко можно поймать въ большомъ числѣ. Тамъ есть большое, натуральное, приблизительно въ 20 м. глубиною ущелье, края котораго въ верхней части отстоятъ одинъ отъ другаго на томъ же разстояніи. На его наружный край кладутъ околѣваго лошака или ламу. Вскорѣ слетаются кондоры, при раздражаніи животнаго они спихиваютъ его въ ущелье, куда и сами за нимъ слѣдуютъ, чтобы его съѣсть. Наѣвшись, они уже не въ состояніи вылетѣть изъ ущелья, шириной на днѣ едва достагающаго 5 м. Тогда индѣйцы, вооруженные длинными палками, спускаются внизъ и убиваютъ бонзливо кричащихъ птицъ». Чуди, который рассказываетъ предыдущее, прибавляетъ, что онъ самъ принималъ участіе въ такой охотѣ, при которой были убиты 28 штукъ кондоровъ.

Относительно плѣнныхъ кондоровъ получались очень различныя наблюденія. Нѣкоторые изъ нихъ дѣлаются очень ручными, другіе-же остаются дикими и злобными. Гекель долгое время держалъ двухъ кондоровъ, которые были очень приятны. «Они очень скоро», говоритъ Гурей, «полюбили своего хозяина. Самецъ, по

его приказанію, поднимается съ земли на жердочку, а съ нее слетаетъ ему на руку; хозяинъ его носить, а онъ самымъ нѣжнымъ образомъ ласкаетъ ему лицо клювомъ. Гекель кладетъ ему палецъ въ клювъ, почти свободно садится ему на спину, покрываетъ ему голову шейными брыжами, и играетъ съ нимъ какъ съ собакой. При этомъ самка съ нетерпѣніемъ выжидаетъ конца этого и тянетъ хозяина за платье, пока не получитъ подачи. Вообще они такъ ревнивы относительно ласкъ своего хозяина, что одинъ изъ нихъ часто раздражаетъ ему платье, чтобы отвлечь его отъ другого, съ которымъ онъ играетъ». Они умѣютъ пріобрѣтать и сохранять за собою уваженіе другихъ пльняныхъ грифовъ. Когда дѣло доходитъ до драки, они употребляютъ свой клювъ съ ловкостью, быстротой и силой, такъ что даже злобные бѣлоголовые слпы должны почтительно имъ уступить.

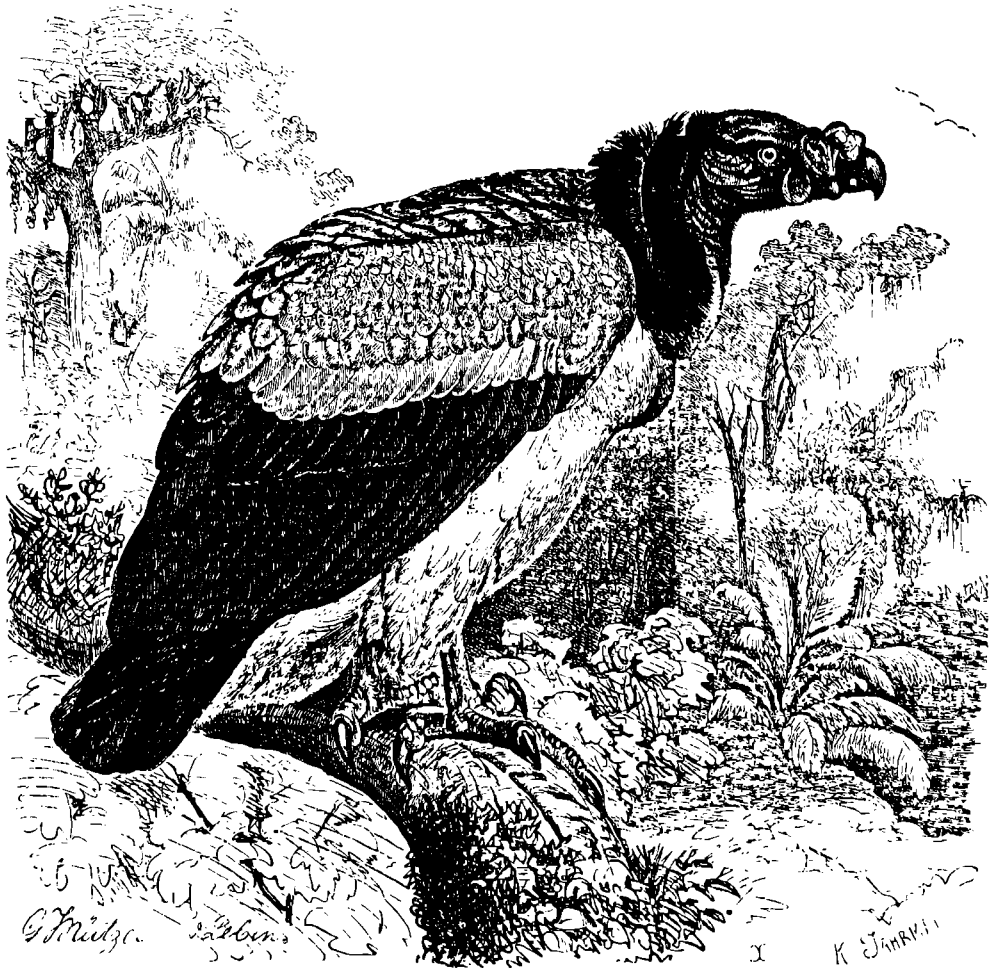
*
*

«Какъ въ Перу кондоръ обратилъ на себя вниманіе первыхъ путешественниковъ», говоритъ Чуди, «такъ въ Мексикѣ и Южной Америкѣ первое мѣсто занимаетъ королевскій грифъ. Уже Фернандецъ упоминаетъ о немъ. Такое яркое, красивое опереніе, не встрѣчающееся ни у одного другого хищника, и даетъ ему право на имя *Rex vulturum*, король грифовъ». Притомъ онъ, какъ и всѣ большіе, родственные ему виды, которые имѣютъ дѣло съ болѣе мелкими птицами, играетъ роль начальника и повелителя послѣднихъ и держитъ ихъ въ почтительномъ отдаленіи своей силой и настойчивостью.

Королевскій грифъ (*Sarcorhamphus para*, *Vultur*, *Cathartes* и *Gyparchus para* *Königsgeier*. *Roi des vautours*) имѣетъ 84—89 см. длины, 1,8 м. въ размахѣ крыльевъ, 52 см. въ крылѣ, и 23 см. въ хвостѣ. Старыя вылинявшія птицы имѣютъ на самомъ дѣлѣ великолѣпное опереніе. Шейныя брыжи сѣрыя, передняя часть спины и верхнія кроющія перья крыльевъ — ярко красновато-бѣлыя; брюшко и нижнія кроющія перья крыльевъ — чисто бѣлыя; перья крыльевъ и хвоста совершенно черныя; большія маховыя перья снаружи имѣютъ сѣрую кайму; темя и передняя часть головы, одѣтая въ короткія, примыя щетинистыя перья — красныя; кругловатая бородавка, украшающія клювъ позади и подъ глазомъ, и припухлая складка, идущая къ зашейку — темно-красныя; шея и голова ярко-желтыя. Глаза серебристо-бѣлые; высокій, мохватый, раздѣленный гребень, который имѣется и у самки, превосходящей самца ростомъ, — черноватый; клювъ при основаніи черный, въ серединѣ ярко-красный, на концѣ желтовато-бѣлый; восковица желтая, поги черно-сѣрыя. Итенцы равномерно орѣхо-бурны, на спинѣ темнѣе, на гузкѣ и на нижней части бедеръ — бѣлыя.

О мѣстѣ жительства и жизни королевскаго грифа мы находимъ свѣдѣнія у Азары, Гумбольдта, принца фонъ-Видъ, д'Орбиньи, Шомбургка, Боніана, Чуди и другихъ. Онъ распространенъ отъ 32 градуса южной широты по всѣмъ внутреннимъ странамъ до Мексики и Техаса и встрѣчался даже во Флоридѣ. Онъ по-является въ горахъ только до высоты 1500 м. надъ уровнемъ моря. Его главное мѣсто-пребываніе составляютъ дѣвственные лѣса или долины, поросшія деревьями. Онъ никогда не живетъ въ степяхъ и горахъ, лишенныхъ деревьевъ. По словамъ д'Орбиньи, онъ встрѣчается по крайней мѣрѣ на половину рѣже, нежели кондоръ и въ десять разъ рѣже чернаго грифа. Ночью онъ собирается болѣею частью въ стаи на низкихъ вѣтвяхъ деревьевъ и, повидимому, возвращается каждый вечеръ къ опредѣленнымъ мѣстамъ отдыха; съ наступленіемъ утра, онъ поднимается и летитъ вдоль лѣса и по его окрестностямъ, чтобы убѣдиться, не приготовилъ-ли ему добычи какой-ни-

будь ягуаръ. Если ему удалось найти падаль, то онъ съ шумомъ бросается внизъ со значительной высоты, но все-таки сначала садится на небольшомъ разстояніи и только время отъ времени бросаетъ глаза на лакомый кусокъ. Онъ даетъ полную свободу своей жадности часто только по прошествіи четверти часа или получаса, потому что онъ всегда остороженъ, а сначала самымъ тщательнымъ образомъ убѣждается въ своей безопасности. Онъ также иногда настолько наѣдается, что едва можетъ двигаться. Если его зобъ набить, то онъ распространяетъ невыносимый

Королевскій грифъ. *Sarcophagus ferox*. наст. вел.

гнилой запахъ; если зобъ пустъ, то отъ птицы сильно пахнетъ мускусомъ. Послѣ ѣды, онъ летитъ къ высоко стоящему, предпочтительно сухому дереву и отдыхаетъ на немъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ.

Обыкновенно ему указываютъ на падаль всюду распространенные индюковые грифы, которые раньше королевскаго замѣчаютъ ее и выдаютъ ей присутствіе своей возней. «Если даже сотни грифовъ», говоритъ Шомбургкъ, «находятся въ полно работѣ на падали, они мгновенно удаляются, какъ только показывается королевскій грифъ. Они ждутъ, сидя на ближайшихъ деревьяхъ, или если ихъ нѣтъ, то на

землѣ, съ жадными и завистливыми взорами, пока ихъ повелитель не утолитъ своего голода и не удалится. Какъ только онъ отлетитъ, то они снова бросаются на оставленную добычу съ усиленною дикостью и жадностью, чтобы проглотить остатки, которыми пренебрегъ королевскій грифъ. Такъ какъ я часто былъ свидѣтелемъ такого рода сценъ, то могу увѣрить, что ни одна другая птица не пользуется такимъ уваженіемъ и уступчивостью со стороны мелкихъ грифовъ, питающихся падаляю. Когда они издалека завидятъ, что королевскій грифъ приближается къ падали, на которой они уже работаютъ, то мгновенно отступаютъ, и когда королевскій грифъ уже близко, они дѣлаютъ странныя движенія головой. Кажется, что они на самомъ дѣлѣ его привѣтствуютъ; по крайней мѣрѣ я объяснялъ себѣ такимъ образомъ ихъ вытягиванія головы и подниманіе и опусканіе крыльевъ. Когда королевскій грифъ усѣлся, то они сидятъ совершенно смиренно и съ голоднымъ желудкомъ наблюдаютъ за его ѣдой». Чуди оспариваетъ предыдущее, потому что онъ не наблюдалъ, чтобы между этими птицами существовали отношенія, подобныя отношеніямъ влательцевъ и рабовъ, и считаетъ показанія Шомбургка невѣрными. Но совершенно такія-же отношенія, по моимъ частымъ наблюденіямъ, существуютъ между африканскими ушастыми грифами и стервятниками и, по словамъ Жердона, между лысыми грифами и стервятниками. Впрочемъ, вышеописанное продѣлывается не всегда одинаково и не при всѣхъ обстоятельствахъ.

Азара узналъ отъ индѣйцевъ, что королевскій грифъ гнѣздится въ дуплистыхъ деревьяхъ; принцъ фонъ-Видъ сомнѣвается въ вѣрности этого показанія, а Чуди его подтверждаетъ; Шомбургкъ ничего не могъ узнать на этотъ счетъ, д'Орбиньи не видѣлъ даже и гнѣзда, но слышалъ то-же самое, что рассказывали Азара; Бурмейстеръ говоритъ, что королевскій грифъ гнѣздится на высокихъ деревьяхъ, даже на верхушкахъ старыхъ, сухихъ, сильныхъ стволовъ. Два яйца, составляющія кладку, говорятъ, бѣлыя. Вылетѣвшихъ птенцовъ можно еще цѣлые мѣсяца видѣть въ обществѣ ихъ родителей.

Можно легко приручить плѣнныхъ королевскихъ грифовъ, но привязанность они выказываютъ только по отношенію къ ихъ хозяину. Съ чужими-же они часто обходятся очень нелюбезно и такъ кусаются, что даже человѣкъ долженъ остерегаться ихъ.

* *

Вся Америка населена **Индюковыми грифами** (Catharista. Hühnergeiern. Catharistes). Между ними наиболѣе извѣстенъ **Индюковый грифъ** (Catharista aura и burroviana, Cathartes aura и ruficollis, urbicola, septentrionalis и ricordi, Vultur, Percnopterus, Oenops и Rhinogryphus aura. Truthahngeier. Cathariste). Они имѣютъ относительно короткій, но широкій клювъ съ восковицей, далеко вытянутой впередъ, которая точно также покрываетъ большія, продолговато-круглыя, сквозныя носовыя отверстія; шея голая въ верхней части, хвостъ ступенчатый и плюсны относительно короткія. Спереди голая, сзади морщинистая голова и кромѣ этого еще морщина, начинающаяся у ротового угла и проходящая черезъ середину темени—спереди карминно-красныя, сзади голубовато-красныя, вокругъ глазъ блѣдно-красная; голая шея красная, оперенная часть шеи, какъ и верхняя часть спины и нижняя часть тѣла — черныя, съ зеленымъ металлическимъ блескомъ; каждое перо верхней части имѣетъ болѣе свѣтлую кайму; маховыя перья—черныя, малыя маховыя перья украшены широкими, полинялыми, сѣровато-желтыми краями; рулевныя перья пѣсколько темнѣе, нежели маховыя. Радужная оболочка черно-каряя, клювъ желто-роговой, ноги бѣлыя. Длина 78 см., размахъ крыльевъ 164 см., длина крыла 49 см., длина хвоста 26 см.

Уруби, Черный грифъ (*Catharista atrata*, *Vultur atratus*, *urubu*, *Perenopterus urubu*, *Cathartes atratus*, *foetens*, *Coragyps atratus*. Rabengeier. Vautour noir), котораго въ Южной Америкѣ называютъ **Галинацо**, отличается болѣе тонкимъ и длиннымъ клювомъ, восковица котораго также далеко выдается впередъ, тогда какъ маленькія, продолговато-круглыя и сквозныя носовыя отверстія лежатъ близко къ основанію клюва, а также болѣе короткимъ, прямо обрѣзаннымъ хвостомъ и относительно высокими ногами. Отъ клюва до затылка проходятъ черезъ темя слабыя поперечныя морщины, стоящія на довольно правильномъ разстояніи другъ отъ друга и

Индюковый грифъ. *Catharista aura*. наст. вел.

продолжающіяся съ нѣкоторыми перерывами черезъ лицо, горло и переднюю часть шеи. Голая голова и передняя часть шеи—темно-свинцово-сѣрая, съ матово-чернымъ отливомъ. Все опереніе, включеніемъ крыльевъ и хвоста—матово-черное съ темно-ржаво-бурымъ отливомъ при благоприятномъ освѣщеніи; стволы перьевъ крыльевъ при основаніи—бѣлые; глаза темно-каріе, клювъ черно-бурый съ концомъ сѣро-рогового цвѣта. Длина 60, размахъ крыльевъ 136, длина крыла 39, длина хвоста 18 см.

Этихъ двухъ грифовъ и еще другіе три сходныхъ вида такъ часто смѣшивали между собой, что становится труднымъ всегда точно опредѣлить, къ какому

виду относятся свидѣнія, сообщаемыя путешественниками объ ихъ образѣ жизни; но всѣ индюковые грифы, насколько извѣстно, ведутъ настолько сходный образъ жизни, что если собрать важнѣйшія наблюденія надъ ними вообще, получится, вѣроятно, вѣрная картина жизни и дѣятельности каждаго вида въ отдѣльности. Поэтому я не ручаюсь за безусловную вѣрность упоминаемыхъ въ нижеслѣдующемъ описаніи названій.

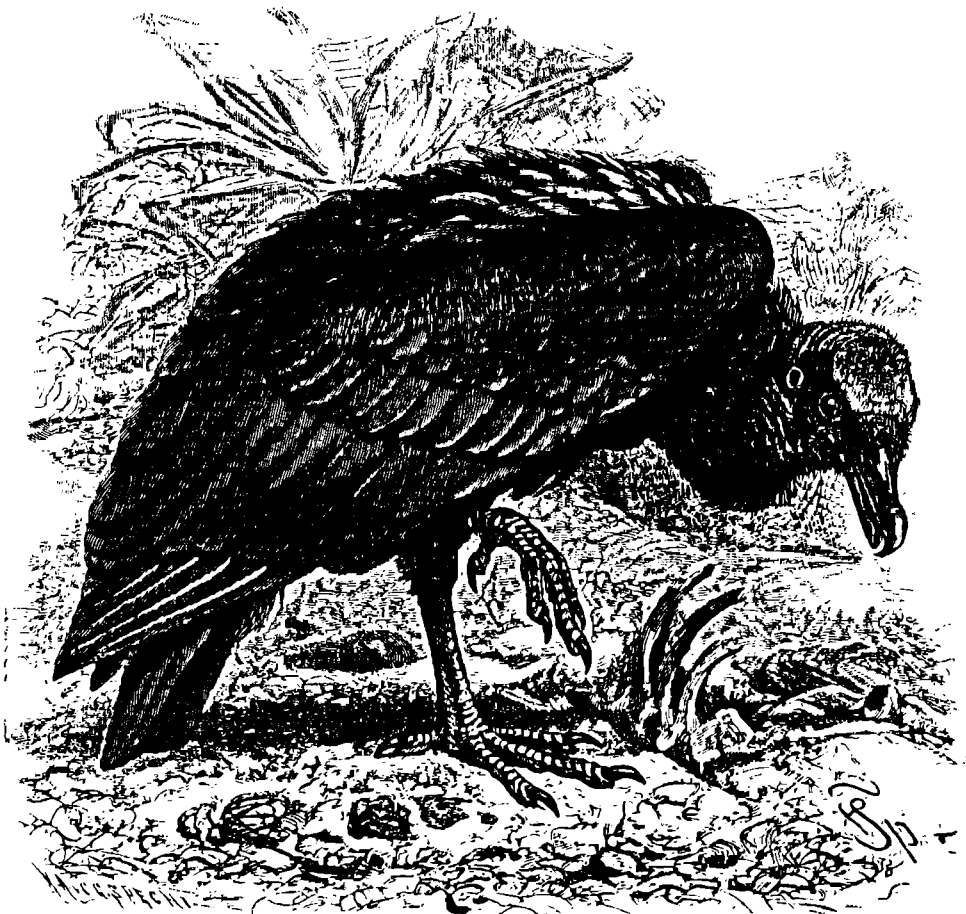
Индюковый грифъ распространенъ отъ Соскочевани по всей Сѣверной, Средней и Южной Америкѣ до Магелланова пролива, и отъ береговъ Атлантическаго океана до Тихаго, но не встрѣчается всюду одинаково часто. Черный же грифъ принадлежитъ скорѣе Южной Америкѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ не встрѣчается сѣвернѣе Каролины, но считается самой обыкновенной птицей въ странахъ, лежащихъ вкругъ Калифорнскаго залива, а также въ Средней и Южной Америкѣ.

Улоа, Азара, А. фонъ-Гумбольдтъ, принцъ фонъ-Видъ, д'Орбиньи, Чуди Шомбургкъ, Дарвинъ, Бурмейстеръ, Госсе, Тайлоръ и Абботъ наблюдали и болѣе или менѣе подробно сообщали объ образѣ жизни и поведеніи южныхъ видовъ, а о сѣверныхъ видахъ намъ доставили свидѣнія Вильсонъ, Одюбонъ, Нутталль, Гундлахъ, Риджвай, Ордъ, Кулохъ, Каусъ и другіе. Образъ жизни и поведеніе индюковыхъ грифовъ такіе же, какъ у всѣхъ грифовъ вообще; но они еще довѣрчивѣе, чѣмъ послѣдніе, такъ какъ въ большинствѣ странъ начальство строго наказываетъ того, кто убиваетъ одного изъ этихъ очистителей улицъ. Оба вида не вездѣ встрѣчаются вмѣстѣ; каждый изъ нихъ скорѣе предпочитаетъ извѣстныя мѣстности. Такъ, Чуди говоритъ, что индюковый грифъ скорѣе живетъ на берегу моря и почти никогда не показывается во внутреннихъ странахъ, а черный грифъ часто встрѣчается въ городахъ, а иногда, вѣроятно, и въ горахъ, но никогда не виденъ на берегахъ. «Европеецъ, который въ первый разъ видитъ берега Перу, удивляется необырочному количеству черныхъ грифовъ, которыхъ онъ встрѣчаетъ у берега на всѣхъ дорогахъ, въ городахъ и деревняхъ, а также на хальству и довѣрчивости, съ которыми они приближаются къ человѣку». Они, повидимому, полагаютъ, что ихъ терпятъ потому, что они замѣняютъ въ городахъ Южной Америки нашу уличную полицію. Чуди увѣряетъ, «что безъ этихъ птицъ, главный городъ Перу принадлежалъ-бы къ самымъ нездоровымъ изъ всѣхъ городовъ этой страны, такъ какъ начальство нисколько не заботится объ удаленіи нечистотъ. Многія тысячи черныхъ грифовъ живутъ въ Лимѣ и ея окрестностяхъ, и такъ довѣрчивы, что на базарѣ они скачутъ среди самой густой толпы». То же самое можно сказать относительно всего юга, и даже нѣкоторыхъ мѣстъ Сѣверной Америки. Къ этимъ птицамъ относятся не только равнодушно, но они ограждены отъ преслѣдованія строгими законами, какъ необходимыя полицейскіе служители.

Ихъ движенія похожи на движенія грифовъ Стараго Свѣта. «Они ходятъ», говоритъ принцъ фонъ Видъ, «высоко выпрямивши тѣло, почему и походятъ на индѣйскаго пѣтуха; отсюда, вѣроятно, и ихъ названіе. Они летаютъ легко, не ударяя часто крыльями и какъ будто плавая, поднимаются также часто на большую высоту, но обыкновенно не заботятся особенно о добываніи пищи, такъ какъ она почти всегда находится въ изобиліи. На покой они сидятъ со втянутой шеей и нахохленнымъ опереніемъ и тогда не производятъ благоприятнаго впечатлѣнія». Ихъ вѣншія чувства очень развиты, но и у нихъ зрѣніе служитъ главнымъ средствомъ для отысканія пищи. Одюбонъ, послѣ многихъ опытовъ, нашелъ, что индюковые грифы, лишенные глазъ, померли-бы съ голоду.

Бурмейстеръ очень живо описываетъ одинъ изъ ихъ пировъ. «Большія черныя птицы, которыя и въ Бразиліи также очищаютъ дороги отъ падали, находятся

вездѣ. Онѣ слетаются на падаля стаями въ 20, 30, 40 штукъ, выклевывають глаза павшему животному и съ нетерпѣніемъ, какъ это видно по всей ихъ манерѣ, ожидаютъ той минуты, когда, подѣ вліяніемъ солнца, накопившіеся въ тѣлѣ газы прорвутъ гнилую кожу живота, и такимъ образомъ представятъ ихъ лакомымъ ртамаъ вонючія внутренности. Происходитъ страшная давка, когда наступаетъ наконецъ ожидаемое мгновеніе. Каждая схватываетъ по куску вываливающихся внутренностей. Въ одну секунду мягкія, полусгнившія кишки раздраны и прогло-

Черный грифъ. *Catharista atrata* 1/4 наст. вел.

чены. Потомъ павшіеся грифы садятся, плотно прижавшись другъ къ другу, на ближайшее высокое дерево и, не спуская глазъ съ падали, дожидаются, пока она не загниетъ и не сдѣлается болѣе мягкой, чтобы имѣть возможность продолжать пиръ. Отъ времени до времени одинъ болѣе жадный грифъ, при первомъ дѣленіи полученнаго недостаточнаго большого кусокъ, слетаетъ на выпотрошенное тѣло, пробуетъ кое-гдѣ продолбить себѣ дыру, тербитъ края ранъ, и такимъ образомъ помогаетъ общему разложенію тѣла. Если другіе замѣчаютъ, что его предпріятіе удается, то они искорѣ слѣдуютъ его примѣру, клюютъ и рвутъ тѣло и съѣдаютъ

одну часть за другой, пока совершенно на чисто не обглодают костей. В два дня они оканчивают работу, и когда они уже ничего не могут получить, то мухи принимают участие в полной очистке костей. Впрочем, грифы бросаются и на свежее мясо, когда они в состоянии его разрывать, а также нападают на живых животных и убивают их, несмотря на все опровержения этого факта. «Днем», говорит А. фон Гумбольдт, «черные грифы облетают берега и появляются в индйских стоянках, чтобы украсть что-нибудь съедобное. Но в большинстве случаев им ничего не остается делать, чтобы удовлетворить свой голод, как напасть на твердой земле или в мелкой воде на молодых крокодилов, длиной от 18—20 сп. Замечательно, как хитро эти маленькие животные защищаются в некоторое время против грифов. Как только они видят одного из них, то становятся на задние лапы, поднимают и вытягивают голову и широко открывают пасть. Не останавливаясь, хотя и очень медленно, они поворачиваются к врагу и показывают ему зубы, которые очень длинные и остры у только что вылупившихся крокодилов. Часто случается, что когда молодой крокодил таким образом всецело занят одним грифом, другой гриф пользуется удобным случаем для внезапного нападения. Он бросается на крокодила, схватывает его за шею и взлетает с ним очень высоко. Мы это наблюдали много раз по утрам». Их смелость и нахальство ставятся и людям, и животным в тягость. Принц фон Вид говорит, что как только раздастся выстрел в лесу, они слетаются со всех сторон. «Если нам удалось застрелить в ручье тьпистаго леса утку, или даже маленькую птичку, то они тотчас же появляются и, в числе 8—10 штук, садятся на соседние деревья и ветки. Если мы только на мгновение удалялись, то убитая птица лежала уже на берегу, и они собирались ее уничтожить». С ягуаром случается то же самое, что и с охотником-человеком. «Вблизи Джовала» рассказывает Гумбольдт, «мы увидели самого большого ягуара, которого нам когда-либо приходилось встречать. Он лежал в тени большой мимозы и только что поймал водосвинку; но он еще не дотрогивался до своей добычи и только одной лапой придерживал ее. Грифы собрались целой стаей, чтобы получить остатки добычи хищника. Они немало нас позабавили странным соединением нахальства и трусости. Они приближались на расстояние почти полметра к ягуару; но отлетали при малейшем его движении. Мы влезли в нашу маленькую лодку, чтобы более удобно рассмотреть поведение этих животных. Но при звуке весель ягуар медленно поднялся, чтобы скрыться за кустами берега. Грифы захотели воспользоваться моментом удаления ягуара, чтобы съесть водосвинку; но ягуар, несмотря на близость нашей лодки, сделал прыжок к ним и, как это было заметно по его походке и движениям хвоста, со злобой утащил свою добычу в лес».

Говорят также про черных грифов, что они воруют чужие яйца: уверяют, что они помещают свои гнезда в близости гнезд некоторых болотных и плавающих птиц только для того, чтобы иметь вблизи их яйца. Не менее нахально, как и при яиче держать они себя на всех водопоях тех стран, в которых вообще вода встречается редко. «Мой хозяин», рассказывает Чуди, «жаловался мне, что черные грифы очень часто заставляют томиться жаждой его осла, и утром я убедился в вярности этого показанья. Когда для осла, которого употребляли для привоза в дом нужной воды, наполнили водой корыто, стоявшее на дворе, то тотчас же около 20 черных грифов опустились на его край, с целью утолить свою жажду, и как только один из них удалялся, как его место сейчас же занимал другой. Бедный осел смотрел сначала на

эту дерзость съ вѣмымъ ужасомъ, но тотчасъ-же встрепенулся, подошелъ къ корыту и спихнулъ головой нѣкоторыхъ изъ непрошенныхъ гостей. Но послѣдніе начали клевать своимъ острымъ клювомъ его сѣрую голову и принудили его удалиться. Послѣ короткаго размышленія, нашъ осель быстро повернулся, и началъ лягать жадныхъ птицъ. Этотъ способъ подѣйствовалъ на минуту. Нѣсколько грифовъ отскочили отъ корыта, а разъяренный и жаждущій мести осель бросился за ними, принуждая ихъ взлетѣть. Съ триумфомъ и гордымъ сознаніемъ своей побѣды послѣшилъ онъ тогда къ корыту, но нашелъ его снова тѣсно окруженнымъ грифами. Тогда повторялось прежнее, и это продолжалось, пока птицы не напились всѣ, или пока уже не оставалось больше воды въ корытѣ. Бѣдный осель долженъ былъ опять дожидаться до слѣдующаго дня, равнше чего онъ не могъ достать воды. Осель только тогда могъ безъ помѣхи утолить свою жажду, когда слуга стоялъ у корыта и палкой отгонялъ грифовъ. Такъ какъ немногочисленные источники прѣсной воды въ этой странѣ почти днемъ и ночью заняты черпающими воду людьми, то грифы должны часто страдать отъ жажды, и стараются, гдѣ только могутъ, напиться при помощи хитрости или силы.

Мѣшать чернымъ грифамъ во время ѣды доставляетъ особенное удовольствіе мѣстнымъ жителямъ. Шомбургкъ рассказываетъ, что офицеры крѣпости Іоакимъ забавлялись тѣмъ, что стрѣляли изъ пушекъ, заряженныхъ маленькими ружейными пулями, въ черныхъ грифовъ, которые собирались около боевъ крѣпости стальми въ 300—400 штукъ. Въ такихъ случаяхъ часто 40—50 штукъ изъ нихъ оставалось на мѣстѣ. «Нашъ индѣйцы», продолжаетъ дальше тотъ же писатель, «часто забавляются во время отдыха тѣмъ, что привязываютъ кусокъ мяса на удочный крючокъ и отбрасываютъ его подале. Тотчасъ же самый жадный и проворный изъ грифовъ хватаетъ мясо, и тогда индѣйцы дѣлаютъ изъ него настоящее пугало. Веселые охотники украшаютъ его чужими перьями, которыя они прикрѣпляютъ мягкимъ воскомъ, срѣзаютъ его шейныя брыжи и т. п., сажаютъ ему на голову коронку и посылаютъ его тогда снова въ стадо его собратьевъ, гдѣ онъ своимъ видомъ приводитъ ихъ въ ужасное волненіе; вскорѣ онъ остается одинокимъ и покинутымъ до тѣхъ поръ, пока ему не удастся сбросить свой нарядъ». Тейлоръ намъ сообщаетъ, что онъ часто бросалъ имъ чучела животныхъ и забавлялся надъ ихъ напраснымъ стараніемъ ими насытиться. «Я находилъ особенное удовольствіе», говоритъ Бурмейстеръ, «мѣшать грифамъ во время ихъ работы. Я часто позволялъ себѣ подкрасться и выстрѣлить въ нихъ. Съ всѣхъ сторонъ стая поспѣшно поднималась и разлеталась, шумно хлопая большими крыльями, пролетала мимо меня, и поднималась до тѣхъ поръ, пока не считала себя внѣ опасности. Потомъ грифы снова начинали медленно кружить, описывая по обыкновенію дуги, не ударя крыльями, и наблюдая врага до тѣхъ поръ, пока ихъ дальнозоркіе глаза еще могли замѣтить его вдали. Потомъ жадная стая снова собиралась надъ падающею и медленно опускалась на драгоцѣнную добычу; при этомъ они толкали другъ друга, и зашицали излюбленныя мѣста клювомъ и крыльями. Но это все они продѣлывали, не издавая ни малѣйшаго звука, и при всѣхъ своихъ движеніяхъ они оставались вѣмыми». Черные грифы терпятъ также отъ хищныхъ птицъ. Каракары и химанго нападаютъ на нихъ, когда они, наѣвшись, имѣютъ набитый зобъ, и до тѣхъ поръ мучатъ ихъ, покуда они не вырыгнутъ уже съѣденное.

Чуди говоритъ, что черныи грифъ гнѣздится въ февралѣ и мартѣ на крышахъ домовъ, на церквахъ, на развалинахъ и разрушившихся высокихъ стѣнахъ. Кладка, по его словамъ, состоитъ изъ трехъ бѣловато-бурыхъ яицъ. Этотъ же наблюдатель сообщаетъ, что уруби выбираютъ для помѣщенія гнѣзда также песча-

ные выступы скаль на берегахъ моря или близкіе къ берегу небольшіе острова; они также въ февралѣ и мартѣ кладутъ 3—4 яйца, которыя круглѣе и свѣтлѣе яицъ черныхъ грифовъ. Всѣ остальные наблюдатели, за исключеніемъ Аббота, показываютъ согласно, что оба вида кладутъ только два яйца и всегда на голую землю, или въ ущелья скалы, или подъ почти свалившимся стволомъ дерева, представляющимъ птенцамъ нѣкоторую защиту отъ непогоды; гнѣзда строятся также, вѣроятно, въ древесныхъ дуплахъ или даже въ норахъ подъ корнями. Въ южныхъ штатахъ Сѣверной Америки, въ Техасѣ и Мексикѣ, среди болотистыхъ пространствъ, индюковые грифы охотнѣе всего выбираютъ для гнѣзда холмы, вершину котораго вода не можетъ достигнуть въ случаѣ наводненія, или же вырываютъ подъ кустомъ неглубокую яму, которая и служитъ гнѣздомъ. Они очень часто гнѣздятся среди цапель и другихъ болотныхъ птицъ. Оба родителя высиживаютъ, говоритъ Одюбонъ, попеременно въ теченіи 32 дней, и при этомъ одна изъ птицъ кормитъ другую, изрыгая передъ ней находящіеся въ зобу куски падали. Птенцы кормятся такимъ же способомъ, сначала полусгнившимъ мясомъ, размельченнымъ на мелкіе кусочки, а позднѣе болѣе крупными кусками.

Въ наше время еще рѣдко встрѣчаешь индюковыхъ грифовъ въ зоологическихъ садахъ. Азара намъ сообщаетъ, что они могутъ сдѣлаться необыкновенно ручными и превращаются даже въ настоящихъ домашнихъ животныхъ. Другъ этого изслѣдователя имѣлъ одного грифа, который могъ летать на свободѣ и провожалъ своего хозяина, какъ вѣрная собака, на прогулкахъ или на охотѣ въ полѣ, даже въ болѣе длинныхъ путешествіяхъ; онъ шелъ на зовъ и принималъ пищу изъ рукъ. Другой грифъ провожалъ своего господина въ путешествіяхъ, превосходящихъ 50 англійскихъ миль, всегда держался около экипажей и отдыхалъ, когда уставалъ, на ихъ крышѣ; но когда уже были на возвратномъ пути, онъ улеталъ впередъ и всѣхъ извѣщалъ о возвращеніи хозяина.

Голенастые грифы (*Serpentariidae*) также дневныя хищныя птицы, но совершенно своеобразныя; вѣрнѣе всего они составляютъ особое семейство, хотя ихъ нѣкоторые причисляютъ къ ястребамъ, а другіе къ речетамъ.

Секретарь (*Serpentarius secretarius, reptilivorus, africanus, cristatus, orientalis, Gypogeronus serpentarius, africanus, capensis, gambiensis, philippensis, Falco* и *Vultur serpentarius, Sagittarius serpentarius, secretarius, Astur secretarius, Ophiotheres cristatus, Otis secretarius. Sekretär. Secrétaire*) отличается отъ всѣхъ остальныхъ хищниковъ своими необыкновенно длинными плюснами, вслѣдствіе чего его ноги напоминаютъ ноги журавлей. Онъ сложенъ стройно; его голова довольно маленькая, широкая и нѣсколько приплюснутая на темени; шея относительно длинная и тонкая, тѣло вытянутое, клювъ короче головы, толстый, сильный съ загибомъ, начинающимся почти отъ основанія, округленный съ боковъ, но сжатый на концѣ; крючекъ средней длины, но очень острый. край челюстей острый и прямой, безъ всякой вырѣзки или зубца; восковица простирается почти до половины верхней части клюва, а съ боковъ заходитъ подъ глаза; ноги во всѣхъ частяхъ удлинены, особенно въ плюсахъ; пальцы короткіе и снабжены средней длины когтями, мало согнутыми, тупыми, но сильными; крылья длинныя, но почти прямо обрѣзанныя на концѣ, потому что первыя пять маховыхъ перьевъ почти одинаковой длины; острый ступенчатый хвостъ замѣчательно длинный; среднее перо съ каждой стороны еще болѣе длинно, чѣмъ остальные; наконецъ, опереніе обильное и крупноперое; на го-

ловъ замѣчается хохоль, который состоитъ изъ 6-ти длинныхъ паръ перьевъ, длиной приблизительно въ 15 см., стоящихъ рядами, расположенными одинъ за другимъ; эти перья могутъ приподниматься, остальные-же, напротивъ, лежатъ гладко. Уздечка и область глаза лишены перьевъ. Окраска простая, но миловидная. Верхнія

Секретарь. *Serpentarius secretarius*. $\frac{1}{8}$ наст. вел.

части тѣла свѣтло-пепельныя съ буроватымъ оттѣнкомъ; нѣсколько служенныя и удлиненыя перья затылка желтовато-сѣрыя; область уха, бока шеи и нижнія части тѣла грязно-сѣро-желтыя; хохоль, большія и малыя маховыя перья, какъ и большія маховыя перья и самыя длинныя покровныя перья плечъ, надхвостье, область задняго прохода и нижнія части бедеръ — черныя; верхнія покровныя

хвостовыя перья—бѣлыя, украшенныя передъ концомъ неправильными пятнами; нижнія кроющія хвостовыя перья и самыя длинныя покровныя перья хвоста—бѣлыя; оба среднія рулевыя пера при основаніи желтовато-сѣро-бѣлыя съ темными крапинками. сѣро-бурая въ серединѣ, черныя къ концу, а на самомъ кончикѣ бѣлыя; остальные рулевыя перья въ конечной трети у основанія черныя и бѣлыя на концѣ. Глаза сѣровато-каріе, клювъ темно-рогового цвѣта, черный на концѣ; восковица темно-желтая, плюсна желто-оранжеваго цвѣта. Самка отличается отъ самца болѣе короткимъ хохломъ и болѣе короткими хвостовыми перьями; ея опереніе свѣтлѣе, перья бедеръ бурныя съ бѣлыми полосками; брюшко бѣлое. Птенцы походятъ на самку. Длина самца 1,15—1,25 м., размахъ крыльевъ 62 см. длина среднихъ хвостовыхъ перьевъ 68, высота плюсны 28 см. Самка нѣсколько больше самца.

Секретарь распространенъ въ большей части Африки. Его находили отъ мыса Доброи Надежды до 16° сѣверной широты, и отъ береговъ Краснаго моря до Сенегала: итакъ, его область распространенія обнимаетъ южную Африку и восточную до Сахары, западную до Гамбіи и вѣроятно также и большія пространства внутри материка. Его странное сложеніе тѣла заранѣе позволяетъ сказать, что онъ живетъ только въ широкихъ степныхъ равнинахъ. Хищникъ, сложенный какъ секретарь, приспособленъ къ жизни на землѣ, и въ воздушномъ пространствѣ онъ не на мѣстѣ. Гейглинъ замѣтилъ, что секретарь въ горахъ Абиссиніи поднимается до 2500 м. высоты, но все-таки и здѣсь живетъ исключительно въ долинахъ. Онъ избѣгаетъ не только лѣса, но и близости высокихъ деревьевъ; его охотничью область составляютъ степи, какъ сухія, такъ и сырыя луговые пространства, и иногда, можетъ быть, рѣдкіе поросшія травой поля, но ни въ какомъ случаѣ не лѣса.

«Секретарь, какъ и страусъ, дрохва и бѣгунокъ», говоритъ Гейглинъ, «настоящая степная птица, которая летаетъ рѣдко, низко и плохо, но проворно ходитъ по своей охотничьей области. Его походка и осанка очень красивы. Выпрямившись, высоко держа шею и голову, которой онъ равномерно покачиваетъ назадъ и впередъ, мѣрными шагами гуляетъ онъ по степи, отыскивая добычу; онъ рѣдко ускоряетъ свой шагъ». Я вполне согласенъ съ моимъ покойнымъ другомъ относительно гордости походки секретаря, но не могу съ нимъ согласиться на счетъ описанія его полета. Идущій секретарь представляетъ очень пріятное зрѣлище, такъ какъ походка его гордая и самоувѣренная; но и высоко летящая птица не уступаетъ нѣкоторымъ хищнымъ, хотя она, конечно, не можетъ тягаться въ полетѣ съ соколомъ, орломъ или грифомъ. Соответственно своимъ длиннымъ ногамъ, онъ ходитъ легче и лучше каждой другой дневной хищной птицы. Онъ ходитъ по полю, высоко выпрямившись, повидимому съ достоинствомъ, не обнаруживая усталости на разстояніи нѣсколькихъ миль. Во время охоты или когда его преслѣдуютъ, онъ бѣжитъ съ согнутымъ впередъ тѣломъ почти такъ-же быстро, какъ и дрохва или другая бѣгающая птица, а свои крылья онъ употребляетъ неохотно; для того, чтобы подняться въ высоту, онъ долженъ сначала разбѣжаться. Сначала полетъ кажется тяжелымъ; но если онъ разъ поднялся на извѣстную высоту, то онъ несется легко и красиво, обыкновенно на большія разстоянія, не двигая при этомъ крыльями. На лету онъ вытягиваетъ ноги назадъ, какъ журавль, а шею часто впередъ, поэтому его никакъ нельзя смѣшивать съ другою летящею хищною птицею. Можетъ быть, онъ охотится преимущественно на ходу, и, потревоженный, поднимается только на незначительную высоту. Но я могу увѣрить, по собственнымъ наблюденіямъ, что онъ можетъ, въ случаѣ нужды, очень высоко подниматься.

Всѣ наблюдатели согласны въ томъ, что секретарь живетъ парами и населяетъ довольно обширную область. Онъ нигдѣ не попадаетъ въ большомъ количествѣ, а встрѣчается всюду. Только въ особенныхъ случаяхъ и, какъ исключеніе, эти удивительныя птицы соединяются въ стаи. Когда, напримѣръ, передъ наступленіемъ дождливаго періода степь поджигается и пожаръ простирается на цѣлыя мили, принуждая къ бѣгству всѣхъ степныхъ животныхъ, секретарь, увѣренный въ обильной добычѣ, находится всегда тутъ, и въ теченіи нѣсколькихъ часовъ ходитъ и летаетъ передъ быстро подвигающейся впередъ линіей пожара. Не считая такого рода исключеній, его всегда видишь въ одиночку или парами и наблюдать его вовсе не такъ легко, какъ можно было-бы подумать, глядя на его ростъ. Иногда онъ очень долго охотится въ высокихъ растеніяхъ, покрывающихъ степь и скрывающихъ его отъ глазъ. Можетъ случиться, что онъ вдругъ появляется передъ всадникомъ, который до этого момента и не подозрѣвалъ объ его присутствіи. Когда онъ сытъ, то онъ охотно выходитъ на открытое мѣстечко и здѣсь долго остается, сидя безъ движенія на одномъ мѣстѣ, въ мечтательномъ отдыхѣ во все время перевариванія пищи. Но онъ никогда не забываетъ осторожности, по крайней мѣрѣ при всѣхъ обстоятельствахъ боится человѣка; онъ видитъ опаснаго врага въ каждомъ путешественникѣ. Когда онъ думаетъ, что его преслѣдуютъ, онъ старается, какъ это наблюдалъ Гейглингъ, какъ можно скорѣе удалиться и, удерживая преслѣдователя на томъ же разстояніи, выбирается на свободу, или же онъ взлетаетъ, пролетаетъ нѣсколько тысячъ шаговъ, спускается снова въ густую высокую траву и бѣжитъ, уже скрытый отъ врага, еще нѣкоторое время, по возможности по другому направленію.

Секретарь питается преимущественно пресмыкающимися и амфибіями, но не пренебрегаетъ и другими позвоночными, если они ему попадаютъ; онъ также никогда не пропускаетъ насѣкомыхъ, которыя по временамъ составляютъ его главную пищу. Онъ ѣстъ удивительно много: его можно назвать почти ненасытнымъ. Левальянъ вытащилъ изъ зоба одного имъ убитаго экземпляра 21 маленькую черепаху, 11 ящерицъ и 3 змѣи, кромѣ этого еще массу кузнечиковъ, а въ большомъ желудкѣ — комокъ изъ костей позвоночныхъ, остатковъ черепахъ и крыльевъ насѣкомыхъ, которыя, вѣроятно, выкинулись-бы послѣ въ видѣ погадки. Гейглингъ думаетъ, что онъ дѣлаетъ еще большее опустошеніе среди млекопитающихъ, нежели между пресмыкающимися; но всѣ остальные изслѣдователи утверждаютъ обратное, и Гейглингъ, повидимому, въ послѣдствіи согласился съ ними. Издревле секретарь извѣстенъ какъ истребитель змѣй. «Онъ смѣло нападаетъ», говоритъ Левальянъ, «на самыхъ опасныхъ змѣй, и когда онѣ отъ него спасаются, преслѣдуетъ ихъ такъ скоро, что, кажется, будто онъ несется надъ землею. Если онъ догналъ змѣю и если послѣдняя начинаетъ защищаться, шипитъ и сильно надуваетъ шею, то онъ расправляетъ одно крыло, держитъ его въ видѣ щита передъ ногами, бьетъ имъ нападающее животное, прыгаетъ взадъ и впередъ и дѣлаетъ самыя странныя движенія. Онъ защищается однимъ крыломъ отъ укусовъ змѣи и этимъ утомляетъ своего коварнаго врага; угломъ другого крыла онъ опрокидываетъ змѣю наземлю, оглушаетъ ее, можетъ-быть подкидываетъ ее еще клювомъ въ воздухъ, раздробляетъ ей темя и наконецъ проглатываетъ или цѣликомъ, или разорвавъ предварительно на куски.

Верро описываетъ секретаря на змѣиной охотѣ такимъ-же образомъ, но во всякомъ случаѣ гораздо подробнѣ Левальяна. «Уже и безъ того красивая и величавая птица, приготовляясь къ борьбѣ со змѣей, кажется еще привлекательнѣе и милѣе, чѣмъ когда-либо. Чтобы напасть на змѣю, которую онъ имѣетъ намѣреніе

убить, онъ выказываетъ всю ему свойственную осторожность, и приближается съ величайшею предусмотрительностью. Нахохливаніе перьевъ хохла и затылка обозначаетъ начало битвы. Онъ бросается сильнымъ прыжкомъ на змѣю, наноситъ ей сильный ударъ мощной лапой и часто уже съ перваго толчка растягиваетъ ее на землѣ. Если первый ударъ ему не удался, то аспидъ гая поднимается, яростно и грозно расширяетъ свою шею и этимъ принуждаетъ секретаря сначала отскануть назадъ. Но онъ это дѣлаетъ только для того, чтобы обождать и высмотрѣть удобный моментъ. Змѣя съ поднятой головой поводитъ языкомъ и шипитъ, чтобы испугать своего врага; но у послѣдняго храбрость возрастаетъ съ опасностью. Онъ снова идетъ впередъ съ поднятыми крыльями и снова наноситъ ей ногами удары съ такой неодолимой силой, что вскорѣ змѣя падаетъ на землю, не будучи въ состояніи продолжать борьбу. Если, какъ мы это часто наблюдали, змѣя сама нападаетъ на своего противника, то и здѣсь послѣдній умѣетъ отклонить ея укусы или при помощи крыльевъ, которыми онъ прикрывается, или же прыгая назадъ или въ сторону. Наконецъ усталая и утомленная змѣя падаетъ въ растяжку на землю и тутъ секретарь удваиваетъ свои усилія, губительными ударами своихъ лапъ разбиваетъ ей позвоночный столбъ, чѣмъ отнимаетъ у нея подвижность и силу, и наконецъ хватаетъ ее съ быстротой молніи своей сильной лапой за затылокъ. Тогда безъ дальнѣйшихъ приготовленій онъ ѣстъ свою добычу. Онъ съѣдаетъ до головы змѣю, длиной почти въ 2 м., въ нѣсколько минутъ; глову-же онъ раздробляетъ при помощи нѣсколькихъ ударовъ клюва, а потомъ спокойно отправляется къ своему мѣсту отдыха, втягиваетъ голову въ плечи, и остается въ этомъ положеніи нѣсколько часовъ подъ-рядъ, спокойно переваривая свою пищу». Драйсонъ увѣряетъ, въ противоположность названымъ изслѣдователямъ, что можно видѣть секретаря, охотящимся и на лету. «Эта птица летитъ на высотѣ приблизительно 60 ш. надъ землею, вдругъ останавливается, спускается, и бѣжитъ за подмѣченной добычей, расправляетъ свои крылья, нападаетъ на врага, нанося удары клювомъ и употребляя крылья для защиты, иногда поднимается, высоко прыгая въ воздухѣ, вѣроятно, когда ея противникъ, коварность котораго ей извѣстна, старается энергично защищаться, но тотчасъ-же снова опускается на землю на разстояніи приблизительно 6 м. и снова идетъ на бой до тѣхъ поръ, пока ей не удастся вполнѣ побѣдить своего врага» Гейглинъ видѣлъ, какъ секретарь однимъ ударомъ своей сильной лапы раздробляетъ панцирь черепахи. Болѣе старинные наблюдатели увѣряютъ, что они видѣли, какъ эта птица поднимаетъ на воздухъ большую змѣю и роняетъ ее со значительной высоты, чтобы ее убить; правда, новѣйшіе путешественники не могутъ ничего сообщить на счетъ этого факта, но это показаніе вовсе не невѣроятно, такъ какъ другія хищныя птицы дѣйствуютъ такимъ-же образомъ.

Въ наше время еще не установлено достоверно, опасны-ли для секретаря укусы большихъ ядовитыхъ змѣй, или-же, въ извѣстномъ смыслѣ, ядъ на него не дѣйствуетъ; но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ безъ размысленій проглатываетъ убитыхъ змѣй вмѣстѣ съ зубами; значить, онъ, не задумываясь, подвергаетъ себя опасности быть изнутри раненымъ и отравленнымъ зубами.

Мы имѣемъ многія, между собою совершенно согласныя показанія на счетъ размноженія секретаря. Левальянъ, Верро и Гейглинъ дѣлаютъ объ этомъ самыя подробныя сообщенія. Въ юнѣ или іюлѣ начинаются ревностныя битвы между самцами изъ за обладанія самкой; послѣдняя тотчасъ же начинается вмѣстѣ съ счастливымъ побѣдителемъ строить гнѣздо. Оно почти всегда находится на вершинѣ высокаго и густаго куста, болѣею частью мимозы или также на отдѣльно стоящихъ деревьяхъ. Основную часть гнѣзда составляютъ сложенные вмѣстѣ прутья,

скрѣпленные глиной; плоское углубленіе выложено растительными волокнами, перьями и другими мягкими веществами. Каждое гнѣздо въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ употребляется одной и той-же парой; легко можно узнать древность гнѣзда по различнымъ слоямъ, потому что каждый годъ прибавляется новый слой къ уже существующимъ. Нерѣдко случается, что прутья наружныхъ стѣнокъ пускаютъ новые побѣги, вслѣдствіе чего постройка совершенно скрывается отъ глазъ. Пара каждый вечеръ прилетаетъ къ гнѣзду для того, чтобы въ немъ переночевать. Они не терпятъ второй пары секретарей въ избранной ими области; но они позволяютъ, какъ и другіе большіе хищники, мелкимъ зернояднымъ селиться въ непосредственной близости гнѣзда, или даже въ его прутьяхъ. Самка кладетъ свои 3—4 яйца только въ августѣ. Яйца величиною почти съ гусинныя, но круглѣе; они или чисто-бѣлыя, или разрисованы рѣдкими красноватыми крапинками. Время высиживания продолжается 6 недѣль, и въ это время самка кормится самцомъ; птенцы вылупляются въ бѣло-снѣжномъ пуху. Они въ высшей степени безпомощны, долгое время остаются слабы ногами, и поэтому рѣдко покидаютъ гнѣздо до шестаго мѣсяца. Если ихъ вынуть изъ гнѣзда, то видишь, что они только послѣ 3—6 мѣсяцевъ нѣсколько могутъ ходить, но все-таки еще часто садятся на пятки.

Птенцы скоро приручаются при хорошемъ уходѣ и забавляютъ своей осанкой, благородной манерой держать себя, гордостью походки, красивыми огненными глазами и игрой своихъ затылочныхъ перьевъ; но, какъ это долженъ былъ испытать Гейглинь, они никогда не избавляются совершенно отъ своей кровожадности и часто нападаютъ на домашнихъ птицъ; они даже нападаютъ на кошекъ и собакъ и нерѣдко наносятъ имъ ногой, конечно только изъ за желанія подраться и по излишней бойкости, опасные удары, всегда направленные въ голову. Они довольствуются каждой подходящей пищей, но очень прожорливы, проглатываютъ необыкновенно большіе куски и часто не даютъ себѣ труда раздробить сначала добычу клювомъ. Они все еще считаются рѣдкостью въ нашихъ зоологическихъ садахъ, но всегда привлекаютъ на себя вниманіе. Говорятъ, что въ Капской землѣ въ прежнія времена ихъ держали какъ домашнихъ птицъ, вслѣдствіе важной заслуги, которую они оказывали, истребляя всевозможныхъ вредныхъ животныхъ, и что не приходилось жаловаться на ихъ излишнее нахальство. Можно согласиться съ тѣмъ, что они приносятъ пользу, истребляя змѣй, крысъ, мышей и т. п.; но врядъ-ли можно допустить, что они могутъ ужиться съ домашней птицей.

Пробовали переселить эту полезную птицу, за убіеніе которой въ Капской землѣ платятъ большой штрафъ, на Мартинику, чтобы истребить куфій копье-головыхъ (*Trimeresurus lanceolatus*), составляющихъ бичъ этого острова; но эта попытка не удалась, не потому, что секретарь не перенесъ чужаго климата, а вслѣдствіе слишкомъ усердныхъ стрѣлковъ, которые поголовно перестрѣляли перелетныхъ птицъ.

Охота на секретаря имѣетъ свои трудности. Нелегко отыскать птицу, а еще труднѣе ее перехитрить. Андерсонъ, а также и Гейглинь увѣряютъ, что долгая погоня на лошади обыкновенно бываетъ успѣшна. Птица старается убѣжать отъ всадника, устааетъ, взлетаетъ уже почти задыхаясь, вскорѣ снова падаетъ на землю, встаетъ еще разъ, бѣжитъ и летитъ попеременно, все время преслѣдуемая, до тѣхъ поръ, пока не можетъ больше ни летѣть, ни бѣжать; тогда она дѣлается добычей охотника. Гейглинь въ теченіи двухъ дней получилъ не менѣе шести штукъ, пойманныхъ такимъ образомъ.

Эта птица издревле носитъ названіе «Секретаря» и это имя дѣлается только тогда понятно, когда сравнишь ее съ писаремъ, который заложилъ перо за ухо.

Арабскія прозванія этой птицы—поэтичныѣ, но еще менѣе понятны. Въ западномъ Суданѣ его называютъ «чортовымъ конемъ», на сѣверо-востокѣ онъ называется «роковою птицею». У туземцевъ существуетъ много разказовъ про нее, но эти разказы большею частью баснословны и не имѣютъ ни малѣйшаго значенія для естественной исторіи секретаря. Я никогда не могъ узнать, что онъ имѣетъ общаго съ рокомъ, который играетъ столь важную роль у всѣхъ магометанъ; даже распространенныя тамъ сказки не могли мнѣ разъяснить этой загадки.

Фюрбрингеръ соединяетъ во второй группѣ боевыхъ птицъ цапель, китоглавоу, аистовъ, тѣневыхъ птицъ и ибисовъ и называетъ ихъ вмѣстѣ **Голенастыми птицами** (*Pelargoherodii. Schreitvogel*). Эта группа отличается значительной длиной клюва и ногъ, на которыхъ задній палецъ находится на одномъ уровнѣ съ передними.

«Голенастыя птицы имѣютъ много общаго въ характерѣ и манерѣ себя держать», говоритъ Рейхеновъ въ своемъ общемъ описаніи жизни этихъ птицъ, которымъ мы воспользуемся; «и живутъ на низменностяхъ, въ болотахъ и на водахъ, на берегахъ моря, на лагунахъ, на песчаныхъ отмеляхъ и въ окрестностяхъ рѣчныхъ устьевъ. Онѣ попадаются въ береговыхъ странахъ, но чаще всего на подходящихъ мѣстностяхъ внутри материка. По гладкой землѣ онѣ двигаются медленными шагами. Онѣ никогда не бѣгаютъ, а по водѣ ходятъ часто, погрузившись до живота; онѣ плаваютъ болѣе или менѣе ловко, когда къ этому принуждены. Полетъ ихъ спокойный и равномерный. У многихъ удары крыльевъ прерываются довольно продолжительнымъ пареніемъ. При перелетахъ онѣ выстраиваются въ извѣстномъ порядкѣ. За единственнымъ исключеніемъ китоглавоу, голенастыя птицы опускаются на землю только съ цѣлью отыскивать добычу, а для отдыха садятся на деревья или на скалы. Ихъ пища состоитъ изъ моллюсковъ, раковъ, насѣкомыхъ и позвоночныхъ, преимущественно рыбъ, пресмыкающихся и амфибій и всегда отыскивается на землѣ, на лугахъ, въ болотахъ и въ мелкой водѣ. Общительность является отличительнымъ признакомъ голенастыхъ птицъ, несмотря на то, что встрѣчаются и исключенія; онѣ соединяются въ стаи не только для перелетовъ, но и въ мѣстѣ гнѣздованія, и не только со своими родичами, но и съ другими видами; онѣ даже еще охотнѣе терпятъ въ окрестностяхъ своего гнѣзда птицъ болѣе отдаленныхъ видовъ. Обыкновенно онѣ строятъ свои гнѣзда на деревьяхъ, и только когда ихъ нѣтъ на землѣ, въ камышахъ озеръ и болотъ и въ низкомъ кустарникѣ. Гнѣзда часто представляютъ очень рыхлую постройку изъ прутьевъ, выложенную иногда тростникомъ. Кладка состоитъ изъ 3—5 яицъ, въ большинствѣ случаевъ одноцвѣтныхъ, бѣлыхъ или голубыхъ, рѣже буроватыхъ; иногда она также имѣетъ крапинки по бѣлому фону. Форма яицъ овальная или продолговато-острая. Голосъ голенастыхъ птицъ глухой и хриплый или крикливый и рѣзкій; нѣкоторыя изъ нихъ вовсе лишены голоса и издаютъ только трещаніе, хлопая челюстями. Голенастыя птицы встрѣчаются по всей землѣ, за исключеніемъ крайняго сѣвера. Онѣ принадлежатъ къ числу птенцовыхъ птицъ. Птенцы остаются въ гнѣздахъ, пока вполне не научатся летать, и кормятся родителями».

Цапли (*Ardeidae. Reiher. Hérons.*) составляютъ первое и самое большое семейство этой группы, заключающее болѣе 70 видовъ. Ихъ тѣло замѣчательно маленькое и очень сжато съ боковъ; шея очень длинная и тонкая, голова маленькая,

узкая и плоская, клювъ обыкновенно длиннѣе головы, или одинаковой съ нею длины, довольно толстый, прямой, очень сжатый съ боковъ, узкій на вершинѣ и концѣ, очень острый на нѣсколько втянутыхъ краяхъ; къ концу края эти дѣлаются зубчатыми; за исключеніемъ окружности ноздрей, клювъ одѣтъ гладкимъ и жесткимъ роговымъ покровомъ. Ноги средней длины, съ длинными пальцами; коготь средняго пальца на внутренней сторонѣ имѣеть тонкіе зубы въ видѣ гребешка; крылья длинныя и широкія, но тупыя, потому что второе, третье и четвертое маховыя перья имѣють почти одинаковую длину; хвостъ, состоящій изъ 10—12 перьевъ, короткій и закругленный. Мелкое опереніе очень обильное, мягкое и рыхлое, часто удлиняется на темени, спинѣ и верхней части груди, мѣстами—разсученное; его окраска очень различна и нерѣдко очень красива, несмотря на то, что настоящихъ яркихъ красокъ оно не представляетъ. Очень странными являются два мѣста въ видѣ подушекъ на каждой сторонѣ тѣла, покрытыя свѣтло-желтымъ или желтовато-бѣлымъ шелковистымъ, клочковатымъ или мохнатымъ пухомъ; одна изъ этихъ подушекъ находится подъ угломъ крыльевъ надъ грудной полостью, а другая около крестцовой кости по сторонамъ брюшка. Покрытыя наружно развѣ только величиной; птенцы носятъ опереніе, отличное отъ родителей и не такое красивое.

Цапли населяютъ всѣ части свѣта, всѣ пояса, высоты и всѣ страны, за исключеніемъ крайняго сѣвера. Онѣ уже во множествѣ встрѣчаются внутри умѣренной полосы, а въ тропическихъ странахъ онѣ составляютъ главную часть населенія болотъ и водяныхъ пространствъ. Нѣкоторые виды предпочитаютъ море, другіе держатся на рѣкахъ, иные въ болотахъ; одни любятъ открытыя мѣстности, другіе же лѣсную глушь или вообще лѣса.

Нравъ у цапель неприятный. Онѣ имѣють принимать самыя удивительныя позы, но ни одна изъ нихъ не можетъ назваться красивой. Онѣ довольно подвижны, но каждое изъ ихъ движеній, въ сравненіи съ другими голенастыми птицами, имѣеть нѣчто неуклюжее, или по крайней мѣрѣ непривлекательное. Ихъ походка покойная, медленная и какъ бы обдуманная; полетъ ихъ ловкій, хотя однообразный и вялый. Онѣ имѣють проворно лазать въ тростникахъ или вѣтвяхъ, но при этомъ такъ себя держатъ, что кажутся неловкими; онѣ могутъ и плавать, но дѣлають это такъ, что невольно возбуждаютъ смѣхъ. Ихъ голосъ -- неприятный, крикливый звукъ, или громкое, далеко раздающееся мычанье, которое многими людямъ кажется страшнымъ; голосъ птенцовъ -- противное тиканье. Зрѣніе, безъ сомнѣнія, самое развитое изъ вышнихъ чувствъ; во взглядъ красивыхъ, въ большинствѣ случаевъ свѣтлыхъ глазъ, имѣеть что-то лукавое, какъ взглядъ змѣи, и нравъ цапель этому соответствуетъ. Изъ всѣхъ голенастыхъ птицъ цапли самыя коварныя и злобныя. Ихъ трудно назвать общительными птицами, несмотря на то, что онѣ часто живутъ большими стаями: каждая изъ нихъ завидуетъ счастью своей сосѣдки и не пропускаетъ ни одного случая доказать ей свое недружелюбіе. Онѣ боязливо избѣгаютъ болѣе крупныхъ животныхъ, или удаляются отъ нихъ, или стараясь остаться незамѣченными при помощи самыхъ странныхъ положеній; но относительно мелкихъ животныхъ онѣ выказываютъ себя жестокими и кровожадными, по крайней мѣрѣ недружелюбными и задорными.

Ихъ добыча состоитъ преимущественно изъ рыбы; самыя мелкіе виды питаются главнымъ образомъ насѣкомыми; но всѣ виды едва ли пренебрегаютъ животнымъ, котораго они могутъ одолѣть. Они уничтожаютъ мелкихъ млекопитающихъ, молодыхъ и безпомощныхъ птицъ, лягушекъ различныхъ видовъ, за исключеніемъ можетъ-быть жабъ, а также моллюсковъ и червей, а вѣроятно и раковъ.

Цапли тихо и весьма внимательно ходят по водѣ и жадно ее осматриваютъ; при этомъ онѣ такъ вытягиваютъ свою длинную шею, что голова кажется лежащей на плечахъ, а нижняя челюсть клюва упирается въ выгнутую впередъ шею; вдругъ шея съ быстротой молніи вытягивается во всю свою длину, и клювъ, какъ дробикъ направляется на добычу, которая въ большинствѣ случаевъ обречена на вѣрную гибель. Онѣ такимъ-же образомъ защищаются отъ нападающихъ на нихъ враговъ, но по возможности дальше убѣгаютъ отъ каждого сильнаго противника; однако поставленные въ безвыходное положеніе, онѣ злобно на него бросаются, всегда цѣлятся въ глаза своего врага и, вслѣдствіе этого, могутъ ранить очень опасно.

Всѣ цапли охотно гнѣздятся въ обществѣ своихъ собратьевъ, родичей и со-всѣмъ чужихъ птицъ. Ихъ большія, грубо сплетенныя гнѣзда находятся или на деревьяхъ, или въ камышахъ на согнутыхъ стебляхъ. Кладка состоитъ изъ 3—6 бѣло-зеленоватыхъ или голубо-зеленоватыхъ яицъ, не имѣющихъ крапинокъ. Самка высиживаетъ одна, но въ это время кормится самцомъ. Птенцы остаются въ гнѣздѣ, пока не научатся летать или почти до этого времени; послѣ вылета они еще въ некоторое время кормятся родителями, а потомъ предоставляются своей судьбѣ.

Сильно населенныя колоніи цапель представляютъ въ высшей степени интересное зрѣлище. Бальдамусъ описываетъ подобное поселеніе приблизительно такъ: «Начало іюня; тростникъ достигъ до высоты болѣе двухъ метровъ и покрываетъ мутную поверхность болота. Глазъ, несмотря на обширность кругозора, скользнуть по долинѣ и нигдѣ не находитъ точки, на которой могъ-бы остановиться. Но на безконечномъ зеленомъ и голубомъ фонѣ великолѣпно выдѣляются предельныя желтыя, сѣрыя, бѣлыя и черныя фигуры: это серебряныя, пурпуровыя, хохлатыя и ночныя цапли, колпицы, ибисы, бакланы, крачки, чайки, гуси и пеликаны. Первые гнѣздятся на кое-гдѣ возвышающихся ивахъ и тополяхъ. Одна изъ этихъ колоній занимаетъ лишь нѣсколько тысячъ шаговъ, и гнѣзда распределены только на 100—150 ивахъ, такъ что на многихъ изъ этихъ деревьевъ расположено 10—20 гнѣздъ. На крѣпкихъ вѣтвяхъ самыхъ большихъ ивъ находятся гнѣзда сѣрыхъ цапель, и рядомъ, часто даже прислонясь къ ихъ краю — гнѣзда ночныхъ цапель; болѣе слабыя и высокія сучки поддерживаютъ гнѣзда малыхъ серебристыхъ цапель и карликовыхъ баклановъ, тогда какъ внизу, на тонкихъ боковыхъ сучьяхъ качаются маленькія прозрачныя гнѣздышки косматыхъ цапель. На выше описанномъ мѣстѣ гнѣздованія больше всего встрѣчается ночныхъ цапель; послѣ нихъ чаще всего попадаются малыя серебристыя цапли, потомъ сѣрыя цапли, и наконецъ косматыя цапли. Всѣ онѣ, за исключеніемъ карликовыхъ баклановъ, такъ мало пугливы, что стрѣльба, продолжавшаяся цѣлыя недѣли, не согнала ихъ съ мѣстъ. Хотя онѣ и взлетаютъ послѣ выстрѣла, но вскорѣ снова садятся на деревья; онѣ даже часто остаются на деревѣ, на которое только что влѣзъ человекъ. Если остановишься на короткое время подъ деревьями въ лодкѣ, то вскорѣ начинается самая разнообразная суэта и получается такое поразительное и мѣняющееся зрѣлище, что не устаешь смотрѣть на эту необыкновенную картину. Сначала ночныя цапли, съ громкими криками и странными гримасами спускаются съ верхнихъ вѣтвей на свои гнѣзда, и кое-что въ нихъ поправляютъ: перемѣняютъ яйца, поворачиваются во всѣ стороны и широко открываютъ свою большую, красную пасть, издавая при этомъ хриплые звуки, если кто-нибудь изъ сосѣдей подвинется слишкомъ близко. Потомъ тихо прилетаютъ маленькія серебристыя цапли, одна съ сухой вѣточкой для гнѣзда, другая проворно взбирается съ вѣтки на вѣтку къ своему гнѣзду; между ними сверкаютъ легкимъ совинымъ полетомъ пре-

лестныя желтыя хохлатыя цапли. Наконецъ, нѣсколько осторожнѣе показываются и сѣрыя цапли. Тутъ начинается такой шумъ, слышатся въ перемежку такіе крики, стоны, трескъ, ворчанье, виднѣтся такое мерцаніе бѣло-снѣжныхъ, желтыхъ, сѣрыхъ, черныхъ и пестрыхъ фигуръ на свѣтло-голубомъ фонѣ неба, что слухъ и зрѣніе начинаютъ путаться и уставать. Наконецъ шумъ нѣсколько утихаетъ; наступаетъ тишина. Большинство птицъ сидитъ выславивая или караулятъ около гнѣздъ; только нѣкоторыя изъ нихъ улетаютъ и прилетаютъ съ матерьяломъ для постройки гнѣзда. Вдругъ одной изъ скачущихъ ночныхъ цапель приходитъ въ голову найти подходящимъ для себя одинъ изъ прутиковъ сосѣдняго гнѣзда, и только что унявшіеся крики начинаются снова. Потомъ опять наступаетъ рѣпо, потому что настоящихъ паузъ не существуютъ. Но откуда взялось теперь это ужасное fortissimo? Коршунъ, имѣющій свое гнѣздо въ 50 шагахъ, преспокойно беретъ въ свои обѣ лапы по молодой сѣрой цаплѣ. Старая цапля съ грознымъ ворчаніемъ сходитъ съ гнѣзда, но дозволяетъ разбойнику спокойно улетѣть съ ея птенцами, тогда какъ ей стоило-бы только попробовать пустить въ дѣло свои опасныя орудія и силу, чтобы отогнать коршуна и другихъ ему подобныхъ хищниковъ. Нѣсколько ночныхъ цапель съ криками провожаютъ непрошеннаго нарушителя мира, но вдругъ повые сильныя крики зовутъ ихъ назадъ. Здѣсь сорока, тамъ сѣрая ворона воспользовались ихъ отсутствіемъ, чтобы унести нѣсколько яицъ. Сосѣди сбюграденныхъ птицъ поднимаются съ ужасными криками, чѣмъ пользуются другіе разбойники, чтобы спуститься на покинутыя гнѣзда и съ быстротой молніи унести свою добычу. Не успѣли еще утихнуть смущенныя, боязливые и сердитые крики, какъ въ воздухѣ раздается шумъ и наступаетъ полное безмолвіе. Сильный властитель воздушныхъ пространствъ, могущественный орелъ пролетѣлъ мимо, на ту сторону, къ тому недоступному тростнику, гдѣ громкое гоготанье гусей и утокъ также сразу умолкаетъ. Дальше, на краю дуга, раздается выстрѣлъ, и все населеніе, за исключеніемъ ночныхъ цапель, взлетаетъ и смѣшивается съ тысячами другихъ птицъ, которыхъ слугнули съ мелкой воды, и которыя поспѣшно кружатъ, пока наконецъ снова не опустятся на прѣжнее мѣсто».

Въ Германіи всюду очень усердно преслѣдуютъ цапель, такъ какъ онѣ приносятъ нашимъ водамъ больше вреда, чѣмъ какое-либо другое животное, питающееся рыбою. Тамъ, гдѣ находятся стоянки цапель, обыкновенно каждый годъ устраивается стрѣльба на нихъ, при которой цапель убиваютъ сколько только могутъ. Впрочемъ, эта охота добычлива только по близости такихъ стоянокъ, такъ какъ, благодаря пугливости и осторожности старыхъ птицъ, цаплямъ обыкновенно удается избѣгать преслѣдованія.

Иногда усердному любителю приходитъ въ голову выростить и приручить молодыхъ цапель. Онъ тогда имѣетъ случай наблюдать странныя движенія этихъ птицъ, можетъ также приучить ихъ вылетать и возвращаться, и даже заставить самихъ отыскивать свою пищу, но особеннаго удовольствія онъ врядли отъ нихъ получитъ. Пріятны лишь мелкіе и красиво окрашенные виды этого семейства, но не сѣрыя и пурпуровыя цапли, которыя встрѣчаются у насъ. Въ зоологическихъ садахъ попадаются именно южныя виды, которые привлекаютъ безспорно вниманіе своимъ опереніемъ. Многіе виды размножаются и въ клѣткахъ.

Сѣрая цапля, Чепура (*Ardea cinerea, cineracea, vulgaris, cristata, rhenana, leucorhaea*. Fischreier. Héron commun) является самымъ извѣстнымъ представителемъ рода **Дневныхъ цапель** (*Ardea*. Tagreier.) Опереніе на лбу и верхней части головы — бѣлое, на шеѣ сѣро-бѣлое, на спинѣ пенельнаго цвѣта; спина

украшена бѣлыми полосами по удлинненнымъ перьямъ; бока нижней части тѣла—черные. Полоса, начинающаяся у глазъ и продолжающаяся къ затылку, три длинныхъ пера хохла, три ряда пятнышекъ на передней части шеи и большія маховыя перья—черныя; верхнія малыя маховыя перья и рулевыя перья — сѣрыя. Глаза золотисто-желтые, голое мѣсто надъ клювомъ зелено-желтое, клювъ соломеннаго цвѣта, ноги буровато-черныя. Длина 100—106 см., размахъ крыльевъ 170—180, длина крыла около 47, длина хвоста 19 см. Птенцы сѣрѣе старыхъ птицъ и не имѣютъ хохла.

Къ сѣверу область распространенія сѣрой цапли достигаетъ до 64°; къ югу она встрѣчается почти во всѣхъ странахъ Старога Свѣта, и не только, какъ перелетная, но и какъ гнѣздящая птица. Я ее встрѣчалъ еще далеко въ глубинахъ Африки; другіе изслѣдователи находили ее на западѣ и на югѣ этой части свѣта. Въ Индіи она очень обыкновенна и оттуда она, вѣроятно, перелетаетъ и на нѣкоторые острова Полинезіи. На сѣверѣ она перелетная птица, на югѣ, по крайней мѣрѣ, кочующая. Изъ Германіи она улетаетъ въ сентябрѣ и октябрѣ, медленно странствуетъ вдоль большихъ рѣкъ, въ октябрѣ всюду появляется въ южной Европѣ, и, наконецъ, перелетаетъ въ Африку. Она возвращается въ мартѣ и апрѣлѣ. Во время перелета одна присоединяется къ другой, и такимъ образомъ образуются стаи, достигающія иногда до 50 штукъ. Онѣ летятъ только днемъ, но очень высоко и медленно, обыкновенно образуя косую линію. Сильный вѣтеръ дѣлаетъ ихъ путешествіе невозможнымъ; иногда онѣ летятъ и при лунномъ свѣтѣ.

Пурпуровая цапля (*Ardea purpurea, purpurata, rufa, variegata, monticola* и *caspia*. Purpurreiher. Héron pourpre) очень похожа на сѣрую. Верхняя часть головы, перья хохла, полоса, идущая отъ клюва къ затылку, и другая полоса на каждой сторонѣ шеи—черныя; бока головы и шеи, развѣвующіяся плечевыя перья и бедра—красновато-бурныя; подбородокъ и горло — бѣлыя; развѣвующіяся перья передней части шеи ржаво-желтовато-сѣрыя, съ черными стержнями; задняя часть шеи и затылокъ—пепельно-сѣрыя; остальные верхнія части тѣла темно-сѣро-бурныя, съ зеленоватымъ отблескомъ; кроющія перья крыльевъ свѣтлѣе; стороны груди, брюшка и бедеръ—темно-пурпурово-бурныя, а остальные нижнія части тѣла—черныя; маховыя перья черныя, кроющія перья на краю предплечья и нижнія кроющія крылья ржаво-коричневыя; хвостовыя перья сѣро-бурныя. У птенцовъ преобладающій цвѣтъ оперенія — ржаво-красный, снизу опереніе окаймлено желтовато-сѣро-бѣлымъ цвѣтомъ. Глаза оранжеваго цвѣта, клювъ зеленовато-желтый, ноги красновато-желтыя. Плюсна и пальцы — черновато-бурныя. Длина бываетъ около 90 см., размахъ крыльевъ 130, длина крыла 36, длина хвоста 13 см.

Область распространенія этой птицы, въ Германіи рѣдко попадающейся, простирается на среднюю, южную, восточную и западную Европу и большую часть средней и южной Азіи и Африки. Въ Голландіи, Венгріи, Галиціи, а также и въ стралахъ, лежащихъ на берегахъ Средиземнаго, Чернаго и Каспійскаго морей, пурпуровая цапля является гнѣздящей птицей.

Черноголовая цапля (*Ardea melanocephala, atricollis*. Schwarzhalsreiher. Héron à tête noire) вѣроятно также залетала въ Европу, и именно въ южную Францію, изъ своей родины—Африки. Верхняя часть головы и шеи совершенно черныя, всѣ остальные верхнія части тѣла — темныя; нижнія, за исключеніемъ бѣлаго горла, свѣтло-пепельно-сѣрыя съ зеленоватымъ отблескомъ; развѣвующіяся перья спины на концѣ—бѣловато-сѣрыя, а на передней части шеи—пепельно-сѣрыя, съ

ДНЕВНЫЯ И НОЧНЫЯ ЦАПЛИ.

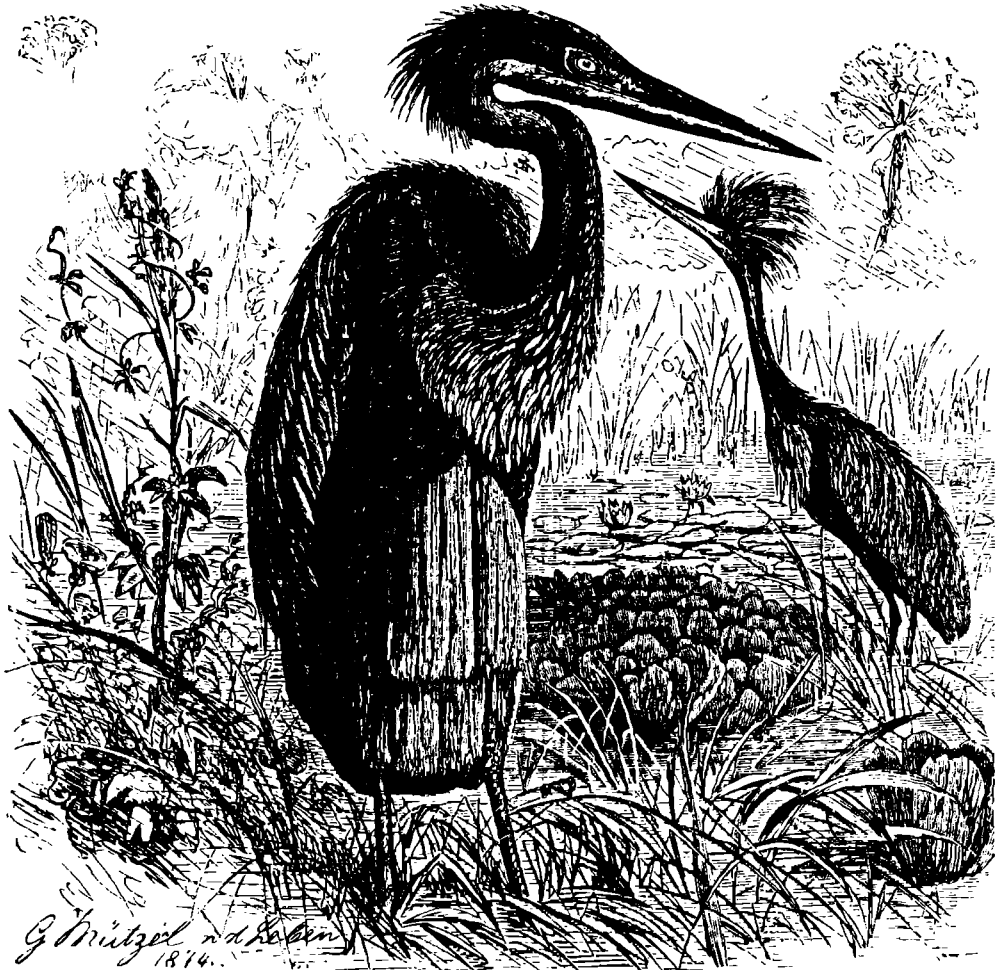
черными стержнями и бѣлой каймой; маховыя и хвостовыя перья темно-шиферно-сѣрыя. Глаза свѣтло-желтые, верхняя часть клюва буро-черная, нижняя часть клюва буровато-желтая; ноги зеленовато-черныя. Длина 95 см., длина крыла 40, длина хвоста 15 см.

Наконецъ еще можно назвать живущую въ Африкѣ и Индіи **Исполинскую цаплю**. (*Ardea nobilis, goliath, gigantodes, Andromeda nobilis, goliath, Riesenreiher, Héron géant*). Верхняя часть головы и перья хохла, голова, згибъ крыльевъ и нижнія части тѣла, за исключеніемъ бѣлаго горла—каштаново-красно-бурая; зашеекъ и бока шеи свѣтлѣе; остальныя верхнія части тѣла голубовато-пепельныя; развѣвующіяся перья передней части шеи снаружи бѣлыя, внутри черныя, часто съ ржаво-бурыми стержнями. Глаза желтые, уздечка зеленая; верхняя часть клюва черная, нижняя на концѣ зелено-желтая, при основаніи фіолетовая; ноги черныя. Длина 136 см., размахъ крыльевъ 186, длина крыла 55, длина хвоста 21 см.

Мѣстопробываніе и область охоты сѣрой цапли, описаніемъ жизни которой мы должны ограничиться, составляютъ всевозможныя водныя пространства, отъ моря до горнаго ручья. Единственное условіе для выбора мѣста то, что вода должна быть мелкой. Эта цапля встрѣчается на самыхъ маленькихъ полевыхъ прудахъ, на канавахъ и лужахъ, а также, по крайней мѣрѣ зимою, на мелкихъ морскихъ бухтахъ и береговыхъ озерахъ; но она все-таки предпочитаетъ воды, по близости которыхъ находятся лѣса или по крайней мѣрѣ высокія деревья; на послѣднихъ она обыкновенно отдыхаетъ. Она боязлива и пуглива всѣхъ остальныхъ видовъ, по той простой причинѣ, что ее усерднѣе всего преслѣдуютъ. Она приходитъ въ ужасъ отъ каждаго громового удара, она сторонится отъ каждаго человѣка, котораго только издали завидитъ. Старая цапля очень трудно дастъ себя обмануть, такъ какъ она замѣчаетъ каждую опасность и всегда очень осторожна. Голосъ звучитъ, какъ крикливое «крайк», а предостерегательный крикъ, какъ короткое «ка»; повидимому, она другихъ звуковъ не издаетъ.

Пища сѣрой цапли состоитъ изъ рыбъ, имѣющихъ до 20 см. длины, изъ лягушекъ, змѣй, особенно ужей, молодыхъ болотныхъ и водяныхъ птицъ, изъ мышей, насѣкомыхъ, живущихъ въ водѣ, ракушекъ и дождевыхъ червей. «Цапли, дойдя до воды», рассказываетъ Науманъ, «и не подозрѣвая близости наблюдателя, обыкновенно тотчасъ-же входятъ въ мелкую воду и начинаютъ свою рыбную ловлю. Онѣ крадутся по водѣ равномѣрными, очень медленными шагами, и при этомъ сгибаютъ шею внизъ, клювъ опускаютъ и внимательно смотрятъ на воду. Онѣ ходятъ такъ осторожно и тихо, что неслышно ни еданаго звука или плеска, и всегда на такомъ разстояніи отъ берега, что вода едва доходитъ имъ до пяточного сустава. Такимъ образомъ прокрадываясь и отыскивая добычу, онѣ мало по малу обходятъ весь прудъ; онѣ каждую минуту, вытягиваютъ съ быстротой стрѣлы сложенную шею, такъ что или одинъ клювъ, или вся голова уходитъ подъ воду, и потомъ снова поднимается; онѣ почти всегда поймаютъ рыбу, тотчасъ ее проглатываютъ или сначала переворачиваютъ ее въ клювъ, чтобы удобнѣе ее проглотить, головой впередъ. Если подмѣченная рыба находится слишкомъ глубоко, то цапля запускаетъ въ воду всю шею, причемъ она, чтобы сохранить равновѣсіе, каждыиъ разъ нѣсколько распускаетъ крылья и такъ сильно бьетъ ими по водѣ, что летятъ брызги. Мнѣ также случалось наблюдать, какъ такой рыбоволовъ вдругъ останавливался, нѣсколько мгновеній стоялъ смирно и потомъ вдругъ вытаскивалъ рыбу; вѣроятно онъ это дѣлаетъ, когда попадаетъ въ стаю проворныхъ

рыбокъ, которыя не знаютъ, куда имъ спастись, и этимъ приводятъ цаплю въ короткое замѣшательство; цапля привыкла цѣлиться навѣрняка и рѣдко промахнется; ей никогда не удается во второй разъ прицѣлиться въ пропущенную рыбу. Она такимъ-же образомъ отыскиваетъ лягушекъ, головастики и водяныхъ жуковъ. Первые доставляютъ ей много труда, когда онѣ довольно велики; цапля колетъ ихъ клювомъ, отбрасываетъ и снова ловить, щиплетъ и т. д. до тѣхъ поръ,

Исполнская цапля. *Ardea nobilis*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

покуда ей не удастся проглотить ихъ полумертвыхъ и головой впередъ». При случаѣ цапли охотятся также плавая и старается достать добычу въ глубокой водѣ.

Сѣрая цапля и въ Германіи охотно гнѣздится обществами, и кое гдѣ составляетъ колоніи или поселки, насчитывающіе 15—100 гнѣздъ и больше. Онѣ каждый годъ снова прилетаютъ на прежнее мѣсто, несмотря на всѣ преслѣдованія, даже тогда, когда гнѣздящія птицы, чтобы долетѣть до гнѣзда, должны пролетѣть 10 килом. и больше отъ ближайшей воды. По близости морскихъ береговъ бакланы всегда присоединяются къ цаплямъ, вѣроятно потому, что имъ удобно воспользоваться ихъ гнѣздами. Деревья и земля дѣлаются совершенно бѣ-

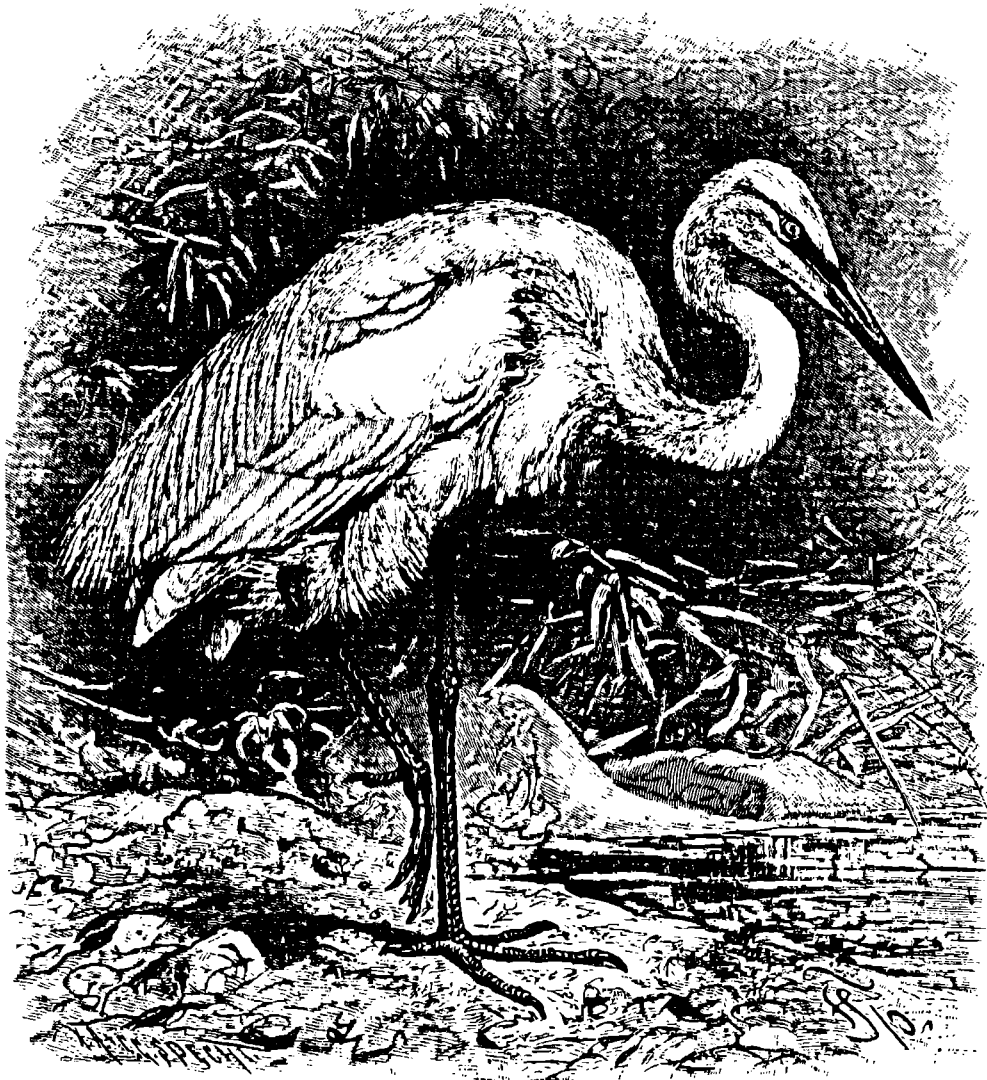
лыми: отъ ихъ помета и вся зелень пропадаетъ; гниющія рыбы отравляютъ воздухъ; однимъ словомъ «грязи и вони здѣсь много», какъ говоритъ Науманъ. Въ апрѣлѣ старыя цапли показываются около гнѣздъ, поправляютъ ихъ, и начинаютъ нестись. Гнѣздо приблизительно имѣетъ 1 м. въ ширину; оно плоское и незатѣйливое и состоитъ изъ сухихъ палокъ, сучьевъ, тростника, камыша и т. д.; неглубокій лотокъ неопратно выложенъ щетиной, волосами, перстью и перьями. 3—4 яйца имѣютъ около 60 мм. длины, 43 мм. ширины; они имѣютъ крѣпкую и гладкую скорлупу зеленаго цвѣта. Насиживание продолжается три недѣли; по истеченіи этого времени птенцы вылупляются; это безпомощныя и некрасивыя существа, которыя, повидимому, мучаются вѣчнымъ голодомъ; они неимоვნно много ѣдятъ, и по излишней жадности роютъ черезъ край гнѣзда большую часть своей пищи; они остаются въ гнѣздѣ дольше четырехъ недѣль; когда слышится предостерегающее «ка» родителей, они прижимаются къ гнѣзду, а обыкновенно они часто стоять прямо; наконецъ, когда они вполне дѣлаются способными летать, они удаляются. Родители учатъ ихъ еще въ теченіи нѣсколькихъ дней, а потомъ предоставляютъ ихъ судьбѣ; старыя и малыя разлетаются и гнѣздовые пугаются.

Благородные соколы и большія совы, а также, вѣроятно, и нѣкоторые орлы нападаютъ на старыя цапели, а болѣе слабыя соколы, вороны и вороны грабятъ гнѣзда. «Ужасъ, который испытываютъ столь хорошо вооруженныя цапли передъ всѣми хищниками и даже передъ воронами и сороками», говоритъ Балдамусъ, «замѣчательнъ и даже смѣшонъ. Разбойники, повидимому, это очень хорошо знаютъ, такъ какъ они грабятъ такое гнѣздовье съ безпримѣрнымъ нахальствомъ, утаскиваютъ птенцовъ среди самой густой стаи и въ наказаніе слышатъ только страшные крики, видятъ какъ цапли боязливо отъ нихъ сторонятся, или же замѣчаютъ широко открытую пасть, и въ крайнемъ случаѣ получаютъ слабый ударъ крыла. Но я видѣлъ, какъ довольно большая цапля съ нахохленными перьями и надутымъ горломъ бросилась на сороку, которая грабила соседнее гнѣздо ночной цапли, прислоненное къ краю ея гнѣзда. Молодыя цапли и отъ человѣка защищаются, шипя и коля его; но онѣ это дѣлаютъ только тогда, когда ихъ прижмутъ къ самому краю гнѣзда, и когда онѣ въ отчаянномъ положеніи».

Охота на цапель при помощи соколовъ, которая прежде существовала во всей Европѣ, въ наше время встрѣчается только у азіатовъ, на примѣръ, въ Индіи, а также у нѣкоторыхъ арабскихъ племенъ въ сѣверной Африкѣ. Какъ только цапля замѣчаетъ приближающагося сокола, она вышлепываетъ только что пойманную добычу, чтобы облегчить себя, и по возможности быстро поднимается высоко въ воздухъ; но конечно соколъ ее перегоняетъ очень скоро и нападаетъ на нее сверху. При этомъ онъ долженъ быть очень остороженъ, потому что цапля всегда держитъ свой острый клювъ готовымъ къ защитѣ. Если соколу удастся схватить свою жертву, то оба, кружась, падаютъ на землю; если онъ имѣетъ дѣло съ опытной цаплей, то погоня продолжается дольше; но въ концѣ концовъ цапля все-таки спускается, потому что не можетъ отъ усталости летѣть дальше. Необыкновенные повороты, полеты вверхъ и внизъ, нападенія и защита обѣихъ птицъ составляютъ великолѣпное зрѣлище. Когда охотникъ держитъ цаплю въ рукахъ, то онъ обыкновенно довольствуется тѣмъ, что выдергиваетъ у нея парядныя перья, или возьметъ домой, чтобы притравливать молодыхъ соколовъ. Перѣдко надѣваютъ на ногу цапли металлическое кольцо съ именемъ охотника и мѣсяцемъ и числомъ поймки, и снова пускаютъ ее на волю. Говорятъ, что нѣсколько разъ ловили одну и ту-же цаплю и такимъ образомъ узнали, что она можетъ жить 50 лѣтъ и больше.

Плѣнныхъ цапель легко выростить, кормя рыбой, лягушками и мышами; но ихъ нельзя держать съ другими домашними птицами, такъ какъ онѣ безъ стѣсненія ловятъ и съѣдаютъ цыплятъ и утятъ. Я могу, по собственному опыту, подтвердить показаніе Наумана, что цапли ловятъ также и воробѣевъ.

Бѣлая цапля (*Ardea alba*, *egretta*, *egrettoides*, *candida*, *modesta*, *flavirostris*,

Бѣлая цапля. *Ardea alba*. $\frac{1}{6}$ наст. вел.

magnifica, *melanorhyncha*, *Erodias* и *Herodias alba*, *egretta*, *symmatophora*, *Egretta alba* и *nivea*. *Edelreiher*. *Grande aigrette*), отличается стройнымъ тѣлосложеніемъ, особенно длинной шеей и относительно слабымъ клювомъ, наконецъ длинными спинными перьями съ особенно длинными бородками, и ослѣпительно бѣлымъ опереніемъ. Опереніе этой великолѣпной птицы чистое и ослѣпительно

близны; глаза желтые, клювъ темно-желтый; голая кожа щекъ—зеленовато-желтая, ноги—темно-сѣрыя. Длина 104 см., размахъ крыльевъ 190, длина крыла 55, длина хвоста 20 см. Птеницы не имѣютъ нарядныхъ перьевъ. Окраска клюва мѣняется, повидимому не по возрасту, а по временамъ года.

Бѣлая цапля населяетъ южную, особенно юго-восточную Европу, среднюю и южную Азію, Африку и Австралію. Въ Германіи она считается рѣдкостью, хотя она достовѣрно здѣсь гнѣздилась; она уже рѣдко попадаетъ на Дунай и не принадлежитъ къ числу обыкновенныхъ птицъ ни въ Греціи, ни въ Италіи, ни въ Испаніи; но она встрѣчается въ значительномъ числѣ еще вокругъ Каспійскаго моря и въ сѣверной Африкѣ.

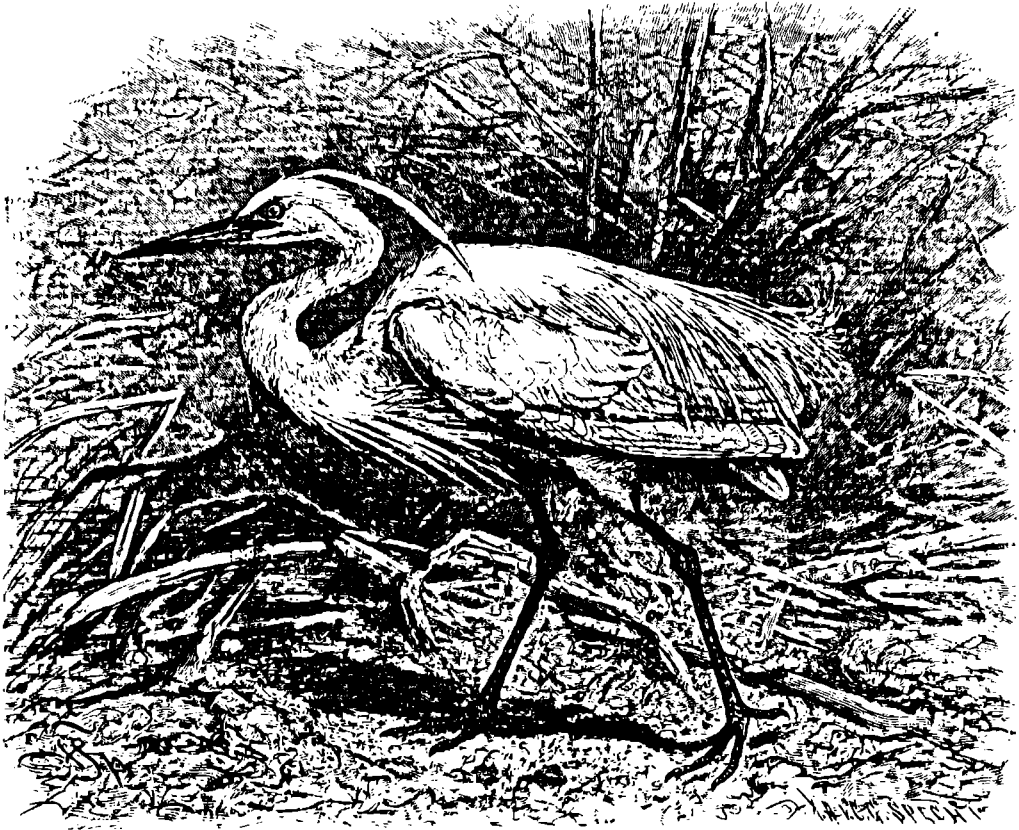
Нужда, Малая серебристая цапля (*Ardea garzetta, nivea, xanthodactylos, orientalis, longicollis, nigripes* и *immaculata, Erodias garzetta, Herodias garzetta, jubata* и *lindermayeri. Seidenreiher. Petite aigrette*), имѣетъ только 62 см. длины размахъ крыльевъ 110, длина крыла 32, длина хвоста 11 см. Опереніе также чисто-бѣлое, глаза ярко-желтые, клювъ черный, ноги черныя, на суставахъ зелено-желтыя.

Нужда живетъ тамъ-же, гдѣ и бѣлая цапля, но первая всюду встрѣчается чаще; она нерѣдко попадаетъ на берегахъ Дуная, Волги и Нила, а въ колоніяхъ цапель она является одной изъ самыхъ обыкновенныхъ птицъ. Ея миниатюрность и миловидность отличаютъ ее отъ многихъ родичей. Ея пищу составляетъ преимущественно мелкая рыба. Время размноженія падаетъ на май и июнь; 4—5 яицъ, составляющія кладку, имѣютъ свѣтло-зеленоватый цвѣтъ.

Бѣлая цапля, какъ и сѣрая, населяетъ различныя воды, но преимущественно большія болоты, а въ нихъ всегда тѣ мѣста, которыя наиболѣе спокойны и отдалены отъ людей, такъ какъ она всюду принадлежитъ къ самымъ осторожнымъ птицамъ, а тамъ, гдѣ ее преслѣдуютъ, къ самымъ пугливымъ. Она гораздо красивѣе держится, чѣмъ сѣрая цапля. Науманъ справедливо выражается, говоря, что по красотѣ и чрезвычайной простотѣ своего оперенія и видному роту, превосходящему ростъ другихъ бѣлыхъ цапель, она дѣйствительно великолѣпная птица. Она отличается отъ сѣрой цапли по осанкѣ, походкѣ и полету. Она также принимаетъ странныя положенія, напримѣръ такъ прячетъ голову шею, и одну изъ своихъ ногъ въ перья, что ровно ничего не замѣчаешь отъ этихъ частей тѣла: кажется, что видишь опрокинутый конусъ на тонкой ножкѣ; но, несмотря на всю странность такого положенія, она все-таки миловиднѣе сѣрой цапли. По моему мнѣнію ея походка, если не легче, то величественнѣе походки сѣрой цапли; полетъ ея гораздо красивѣе уже потому, что летящая птица кажется гораздо стройнѣе сѣрой, и каждое движеніе сильнѣе и быстрѣе. Относительно органовъ чувствъ и понятливости, бѣлая цапля, вѣроятно, также стоитъ на первомъ планѣ, и, по моимъ наблюденіямъ, она нисколько не коварна и не злобна, какъ другія цапли: напримѣръ, въ неволѣ она гораздо скорѣе и лучше дружится со своимъ хозяиномъ, нежели прочіе ея родичи.

Бѣлая цапля постоянно гнѣздится въ Венгріи, въ огромныхъ заросляхъ болотныхъ тростниковъ, не избѣгая и близости деревьевъ. Достойные довѣрія люди изъ Землина рассказывали Науману, что эта птица ежегодно гнѣздится на одномъ изъ острововъ Дуная, что тамъ она всегда занимаетъ самыя высокія деревья и свое гнѣздо помѣщаетъ на самой вершинѣ. Бальдамусъ, который путешествовалъ по Дунаю въ періодъ ея размноженія, хотя слышалъ то-же самое, но бѣлой цапли въ указанной колоніи не нашелъ, а ея гнѣздо встрѣтилъ въ камышахъ Бѣлаго Болота. «Я влѣзъ», такъ рассказываетъ онъ, «на одну изъ рыбацкихъ хижинокъ, находящихся среди болота, и выстрѣлилъ въ сторону указаннаго мѣста; тогда изъ

дѣйственныхъ камышей поднялись 12—13 бѣлыхъ цапель, чтобы тотчасъ-же снова опуститься на то-же самое мѣсто. Направленіе замѣтили и приготовили все для экскурсіи. На двѣ довольно большія лодки помѣстились по три человѣка; провизіи уложили на два дня, и послѣ того, какъ оба проводника — валахи простались впередъ съ жизнью, мы пустились на слѣдующій день въ путь, уже въ 4 часа утра. Несмотря на то, что мы заранѣе знали всю трудность нашего предпріятія, оба храбрые охотника и мы однако не имѣли и понятія объ опасности, которой мы подвергались. Чрезвычайно трудно выбраться изъ этой однообразной и страшной трущобы, состоящей изъ стараго и молодого камыша, высокою больше 2—3 м.

Нужда. *Ardea garzetta*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

изъ валежника, лежащаго надъ водой и ниже ея на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ м., и бездонной тины. Я долженъ сознаться, что этотъ день былъ самымъ тревожнымъ въ моей жизни; мы врядъ-ли достигли-бы цѣли и возвратились когда-либо къ берегу, если-бы не приложили всѣ свои старанія, чтобы выбраться оттуда. 23 іюня, послѣ того, какъ мы проѣхали мимо нѣсколькихъ гнѣздъ пурпуровыхъ цапель, мы нашли пять гнѣздъ бѣлыхъ цапель, каждое съ 3-мя или 4-мя яйцами. Гнѣзда лежатъ на стебляхъ камыша и валежника, причѣмъ стебли на довольно значительномъ разстояніи кругомъ соединены вмѣстѣ и согнуты; гнѣзда построены изъ большого количества того-же матеріала и внутри выложены камышевыми листьями; вслѣдствіе количества согнутыхъ стеблей и вслѣдствіе всей массы собраннаго матерьяла,

гнѣзда настолько прочны, что въ нѣкоторыя изъ нихъ я могъ влѣзть. Число яицъ, повидимому, 3 или 4; мы ни въ одномъ гнѣздѣ не нашли 5 яицъ. Главная примѣта яицъ—строеіе скорлупы, потому что величина, какъ и форма, не могутъ служить вѣрнымъ признакомъ для опредѣленія этихъ яицъ, несмотря на то, что они много больше яицъ пурпуровой цапли и нѣсколько больше яицъ сѣрой цапли. Строеіе скорлупы совершенно другое и яйца значительно глаже, нежели яйца названныхъ видовъ; возвышенія не такъ остры, поры расположены дальше другъ отъ друга и больше; окраска имѣетъ голубоватый оттѣнокъ, а форма яйца болѣе вытянутая. Бѣлая цапля, повидимому, прилетаетъ на свои лѣтвія гнѣздовая обыкновенно къ срединѣ апрѣля и на недѣлю позже пурпуровой цапли; достовѣрно то, что она начинаетъ нестись по крайней мѣрѣ на недѣлю позже».

Гомейеръ слѣдующимъ образомъ описываетъ гнѣздо и привычки бѣлой цапли, которую ему удалось найти по близости Глогау. «Гнѣздо находится на не слишкомъ толстой соснѣ, на краю гнѣздоваго другаго цappelъ; оно построено очень легко, почти прозрачное, и во всякомъ случаѣ каждый годъ снова выстраивается цаплями. Ближайшее гнѣздо—гнѣздо сѣрой цапли; оно отстоитъ отъ перваго на разстояніи 8 шаговъ; и настолько выше, что его владѣлецъ свободно можетъ смотрѣть въ гнѣздо бѣлой цапли. Последнее построено въ верхней части дерева на сильныхъ раздвоенныхъ вѣткахъ; съ боковъ его находятся вѣтки, имѣющія только 1½—2 м. длины, тогда какъ сверху все надъ нимъ свободно. На томъ-же деревѣ, 5 м. ниже, находится также гнѣздо пустельги. Бѣлая цапля поднимается только послѣ повторенныхъ ударовъ по стволу. Ея стройная шея вытягивается далеко вверхъ, клювъ она держитъ горизонтально, тѣло не двигаетъ, а головой поводитъ направо и налево. Я еще разъ постукиваю. Тогда птица слетаетъ, исчезаетъ на три минуты и возвращается, два раза облетаетъ вокругъ гнѣзда на высотѣ дерева и садится на сосѣднюю сосну. Чтобы не мѣшать высиживанію, мы уходимъ опять въ лѣсную сторожку. Поведеніе птицы позволяетъ съ вѣрностью заключить, что ея яйца уже весьма долго насиживаются.» Гомейеръ находилъ 15 іюня самку, сидящую на яйцахъ очень плотно, такъ что она поднималась только на очень короткое время, когда стучали; 28 іюня онъ видѣлъ вылупившихся повидимому уже нѣсколько дней тому назадъ птенцовъ; они такіе же живые, какъ птенцы сѣрой цапли и похожи на нихъ; но они чище и не такъ грубо кричатъ «кек, кек, кек». Исслѣдователь наблюдалъ ихъ ростъ до 10 іюля; въ это время одна изъ молодыхъ цappelъ стояла на наружномъ краю гнѣзда, вторая поднималась въ гнѣздѣ, а самая маленькая еще сидѣла. Черезъ два дня онъ узналъ, что самая старшая уже покинула гнѣздо, полетѣла къ слѣдующему дереву, на которомъ осталась почти весь вечеръ, вторая сидѣла на вѣткѣ возлѣ гнѣзда, а самая меньшая прямо стояла въ гнѣздѣ; вечеромъ онъ опять всѣ три соединились. Въ это время полкъ, гдѣ служилъ Гомейеръ, получилъ приказаніе подвинуться къ польской границѣ, и нашему наблюдателю сдѣлалось страшно за своихъ питомцевъ. Онъ поспѣшилъ переговорить со всѣми охотниками, тотчасъ же поставилъ своихъ любимцевъ подъ покровительство всего города, обратилъ всеобщее вниманіе на рѣдкость явленія и увѣрилъ всѣхъ, что если нисколько не мѣшать высиживанію, старыя и молодыя цапли, вѣроятно, возвратятся и на слѣдующій годъ. Его слова нашли такое сочувствіе, что онъ на самомъ дѣлѣ могъ надѣяться на полный успѣхъ. 28 іюля онъ покинулъ Глогау; молодыя цапли въ этотъ-же день вылетѣли изъ гнѣзда и—въ этотъ же день какіе-то жестокіе охотники ихъ убили выстрѣлами!

Науманъ думаетъ, что легче убить бѣлую, нежели сѣрую цаплю; я-же думаю

наоборотъ, такъ какъ я первую находилъ всегда очень пугливой. Но птица имѣла къ этому свои причины. Ее жестоко преслѣдуютъ на ея родинѣ, особенно для того, чтобы овладѣть ея великолѣпными спинными перьями, изъ которыхъ дѣлаются знаменитые султаны на шапкахъ поляковъ и венгерцевъ. Венгерцы и валахи считаютъ большой ловкостью перехитрить одну изъ этихъ осторожныхъ птицъ. Въ наше время эту великолѣпную птицу можно видѣть во всѣхъ зоологическихъ садахъ, а въ Берлинѣ неразъ имѣли радость выращивать и птенцовъ.

Ибисовая цапля (*Ardea ibis, bubulcus, aequinoctialis, flavirostris, coromandelica, russata, Ardeola bubulcus, coromandelica, ibis, ruficristra, Herodias bubulcus, Buphus russatus, coromandelicus, Bubulcus ibis. Kuhreihher. Héron ibis*) можетъ считаться очень красивой птицей. Она имѣетъ плотное туловище, короткую шею, короткій и сильный клювъ, низкія ноги и разсученныя волосовидныя перья на шеѣ и головѣ. Опереніе ослѣпительно-бѣлое, въ полномъ нарядѣ она украшена на верхней части головы передней части груди и спинѣ длинными волосистыми перьями ржаво-краснаго цвѣта. Глаза ярко-желтые, уздечка и вѣки зеленовато-желтыя, клювъ оранжевый, ноги красновато-желтыя, у птенцовъ болѣе буроватыя. Длина 50 см., размахъ крыльевъ 90, длина крыла 25, длина хвоста 8 см. Самка нѣсколько меньше.

Вѣроятно большинство путешественниковъ, посѣщающихъ Египетъ, принимаютъ эту цаплю за ибиса, потому что думаютъ, что эта птица еще часто встрѣчается въ странѣ Фараоновъ. Отсюда ея область распространенія простирается по всей Африкѣ, до Мадагаскара включительно, и по западной Азіи. Она нѣсколько разъ появлялась въ Европѣ, чаще всего на югѣ, и залетала даже въ Англію. Въ 1890 году Кальберматенъ видѣлъ въ Дунайскихъ болотахъ недалеко отъ устья Дравы шесть штукъ этихъ птицъ. Въ Египтѣ и Нильскихъ странахъ она причисляется къ самымъ обыкновеннымъ птицамъ. Она отличается отъ своихъ уже описанныхъ родичей тѣмъ, что не задумываясь живетъ по близости селеній, даже когда послѣднія не лежатъ близъ воды. Обычныя мѣста ея пребыванія составляютъ поемныя поля и только временами она облетаетъ берега рѣкъ, каналовъ и озеръ; но Гейглянъ встрѣтилъ ее на берегу Краснаго моря на пустынныхъ, сухихъ, вулканическихъ скалахъ. Въ степяхъ она сотнями и тысячами понадается во время появленія саранчи; она не избѣгаетъ совершенно и пустыни, благодаря находящимся въ ней вычнымъ животнымъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ она держится по близости крупныхъ животныхъ, даже садится на нихъ; такъ, въ Египтѣ она предпочитаетъ пасущихся буйволовъ, а въ Суданѣ садится на слоновъ и подъ нихъ. Здѣсь она отыскиваетъ разныхъ паразитовъ, такъ какъ главную часть ея пищи составляютъ различныя насѣкомыя, мучащія скотъ; поэтому-то ее и видишь всегда на спинѣ рогатаго скота и слоновъ. Стада скоро узнаютъ въ ней благодѣтельницу и дозволяютъ ей всякую смѣлость, такъ-же какъ и волоклою. Въ Восточномъ Суданѣ мнѣ многіе рассказывали, что можно видѣть до 20 этихъ маленькихъ цапель на спинѣ одного слона. Уже одинъ буйволъ поситъ часто на себѣ 8—10 этихъ ослѣпительно-бѣлыхъ фигурокъ, и можно сказать, что онѣ служатъ для него очень наряднымъ украшеніемъ. Ибисовая цапля живетъ въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ съ туземцами; она знаетъ, что человѣкъ относится къ ней всегда дружелюбно и никогда ее не трогаетъ, и поэтому беззаботно гуляетъ какъ домашнее животное, между работниками, занимающимися въ полѣ. Даже собаки дозволяютъ ей искать въ своей шерсти насѣкомыхъ, если это ей вадумается. Кромѣ охоты за паразитами, она занимается также ловлей другихъ насѣ-

комыхъ или ловить маленькихъ амфибій и рыбокъ, но насѣкомыя составляютъ ея главную пищу.

Время размноженія начинается въ Египтѣ, когда вода въ Нилѣ поднимается, а въ Восточномъ Суданѣ нѣсколько раньше. Гнѣзда находятся на деревьяхъ, иногда на мимозѣ или сикоморѣ, на которыхъ въ это время соединяются всѣ пары данной окрестности. Этой довѣрчиво относящейся къ человѣку цапли—безразлично, устраивать свою колонію далеко отъ селеній, или среди деревень; она знаетъ, что пользуется гостепрѣимствомъ туземцевъ, и что стоитъ подъ защитой населенія, какъ «благословенная птица». Кладка состоитъ изъ 3—5 продолговатыхъ яицъ, имѣющихъ среднимъ числомъ 43 мм. длины и 32 мм. ширины. Цвѣтъ яицъ—желтовато-зеленый.

Пойманныя ибисовыя цапли уже съ перваго дня привыкаютъ къ потерѣ свободы и держатъ себя такъ, какъ будто онѣ выросли въ клѣткѣ; онѣ ловятъ мухъ и другихъ насѣкомыхъ, схватываютъ брошенную передъ ними пищу, и уже по истеченіи двухъ дней такъ могутъ приручиться, что ѣдятъ пищу изъ руки хозяина. Онѣ самыя красивыя и добродушныя изъ всѣхъ цапель, которыхъ я знаю. Жалко, что у насъ онѣ составляютъ такое рѣдкое явленіе.

Соединительнымъ звеномъ между дневными и ночными цаплями является хорошенькая **Косматая цапля** (*Ardea comata*, *ralloides*, *castanea*, *pumila*, *senegalensis*, *grisea-alba*, *erythropus*, *squajotta*, *marsigli*, *Ardeola comata*, *ralloides*, *Buphus ralloides*, *comatus*, *castaneus*, *illyricus*, *Botaurus minor*, *Cancrophagus rufus*, *Rallengerher*, *Crabier de Mahon*). Ея отличительныя признаки—относительно сильный клювъ и грибовидный хохоль, начинающійся на верхней части головы и простирающійся до затылка; перья, изъ котораго онъ состоитъ—ржаво-желтовато-бѣлыя, съ боку съ черно-бурой каймой; стороны головы и шея свѣтло-ржаво-желтыя; перья верхней части спины и волосовидныя плечевыя перья красноватаго свѣтло-бурого цвѣта; всѣ остальные части тѣла—бѣлыя. Глаза свѣтло-желтые, весной—свѣтло-голубые; клювъ на спинкѣ и на концѣ—черный, ноги зеленовато-желтыя. Опереніе птенца гораздо темнѣе; на спинѣ темно-красновато-бурое, въ остальныхъ частяхъ ржаво-бурое, надхвостье и нижнія части тѣла—бѣлыя, равно какъ и большія маховыя и рулевыя перья. Длина 50 см., размахъ крыльевъ 80, длина крыла 22, длина хвоста 9 см.

Область распространенія косматой цапли простирается на южную Европу, нѣкоторыя страны западной Азіи и всю Африку. Эта птица рѣдко встрѣчается въ Германіи, но разъ гнѣздилась въ окрестностяхъ Бремена; она залетала въ Голландію и Англію. Она постоянно гнѣздится на берегахъ Дуная, отъ средней Венгріи къ югу и востоку и во всѣхъ странахъ, расположенныхъ на Средиземномъ морѣ. Отсюда она путешествуетъ по всей Африкѣ, на берегахъ Нила въ одиночку показывается уже въ іюлѣ, и также остается здѣсь до конца апрѣля, несмотря на то, что въ это время ее можно уже видѣть въ средней Венгріи, и что еще въ сентябрѣ она тутъ попадается часто.

Сравнительно съ ея уже вышеописанными родичами, она ведетъ болѣе или менѣе скрытный образъ жизни. Какъ мѣсто гнѣздованія, она предпочитаетъ всякимъ другимъ мѣстамъ обширныя болота съ большимъ количествомъ свободной воды, заросшія берега рѣчекъ и острова; въ подобныхъ-же мѣстахъ она держится и въ зимнемъ своемъ мѣстопребываніи. Она обыкновенно охотится между кустарникомъ, ее вполне скрывающимъ, но показывается и на свободныхъ, открытыхъ, мелкихъ, потныхъ мѣстахъ; особенно она предпочитаетъ залитые водою берега рѣкъ, поемныя

луга, а иногда пастбища, неглубокія болота и топи. Она, какъ и ибисовая цапля, особенно охотно держится по сосѣдству съ крупными млекопитающими и поэтому въ Венгріи является постояннымъ провожатымъ свиней, которыя часто забираются въ ея излюбленныя мѣста; при опасности, она спасается въ середину стада свиней. Она обыкновенно цѣлый день проводитъ на одномъ мѣстѣ, занимаясь охотой и рыбной ловлей; здѣсь она, вѣроятно, и спитъ среди дня и только къ вечеру летитъ дальше въ окрестность и наконецъ къ своему мѣсту отдыха въ самомъ густомъ кустарникѣ на берегу или въ камышахъ.

Ея привычки во многомъ отношеніи очень своеобразны. Когда она стоитъ, то чрезвычайно вытягиваетъ шею, такъ что кажется гораздо сжатѣе и толще, нежели она есть на самомъ дѣлѣ; она иногда принимаетъ также странныя положенія, но все-таки не доходитъ до тѣхъ удивительныхъ изгибовъ, на которые способны ночныя цапли; на ходу она медленно переступаетъ ногами, но не такъ равномерно шествуетъ, какъ другіе ея родичи; когда она летитъ, то складываетъ шею въ формѣ буквы S, и машетъ не очень широкими крыльями, дѣлая тихо небольшіе, недалеко захватывающіе удары. Хотя она въ общемъ мало пуглива, скорѣе довѣрчива, но въ наше время стала все-таки осторожной птицей, вслѣдствіе сильныхъ преслѣдованій со стороны промышленниковъ-охотниковъ, съ цѣлью достать ея перья. Какъ я это видѣлъ въ 1878 году, она въ Венгріи уже не такъ легко къ себѣ допускала, какъ въ тридцатыхъ годахъ, во время путешествія нашего несравненнаго Наумана. Относительно другихъ, особенно безвредныхъ животныхъ, она довѣрчива или равнодушна. Ея голосъ, состоящій изъ короткаго, хриплаго или глухого тона, звучащаго какъ «карр» или «харр», слышится рѣдко и не на большомъ разстояніи.

Косматая цапля также преимущественно питается рыбой, но можетъ ловить лишь очень мелкую и только въ мелкой водѣ. Кромѣ этого она преслѣдуетъ молодыхъ лягушекъ и водяныхъ насекомыхъ. Роющія сныги, которыя не пренебрегаютъ ея пищей, очень ей помогаютъ въ нахожденіи добычи.

Она размножается въ концѣ мая. Бальдамусъ говоритъ, что она выбираетъ середину дерева, а здѣсь особенно боковыя вѣтки, для помѣщенія маленькаго, чистенькаго гнѣзда, сплетеннаго изъ тонкихъ прутьевъ и кореньевъ и выложеннаго волокнами, папоротникомъ и сухими камышевыми листьями; гнѣздо почти всегда неплотное, сквозное. 4—5 яицъ кладки имѣютъ приблизительно 43 мм. длины, 31 мм. толщины; они имѣютъ правильную форму, крайне тонкую, хотя грубо-зернистую скорлупу зеленого цвѣта. Относительно размноженія и выращиванія птенцовъ можно повторить то, что было сказано въ общей статьѣ о цапляхъ.

* *
*

Родъ **Малыхъ цапель** (*Ardetta. Zwergreiher. Crabiers blangios*), который въ Германіи или Европѣ вообще имѣетъ представителемъ **Малую цаплю** (*Ardetta minuta, Ardea minuta, Ardeola minuta* и *pusilla, Nycticorax minutus, Botaurus minutus* и *pusillus. Zwergrohrdommel. Petit butor*) отличается слѣдующими признаками: величина неособенно большая, клювъ стройный, плюсны низкія и оперены до колѣнъ, крылья относительно длинныя, и въ нихъ второе маховое перо самое длинное, хвостъ короткій и слабій, а опереніе не очень густое, различно окрашенное, смотря по возрасту и полу. Длина 40 см., размахъ крыльевъ 57, длина крыла 14, длина хвоста 5 см. Опереніе на верхней части головы, затылкѣ, спинѣ и плечахъ—черное съ зеленоватымъ блескомъ, на верхней сторонѣ крыльевъ и на нижней части тѣла—ржаво-желтое, на бокахъ груди съ черными пятнышками;

маховыя и рулевыя перья также черныя. Глаза желтыя, клювъ на спинкѣ бурый, а въ своей остальной части блѣдно - желтый; ноги зеленовато - желтыя. У самки темно окрашенныя части тѣла буро-черныя, свѣтлыя же блѣдно-желтыя; у птенцовъ верхняя часть головы и затылокъ ржаво-краснобурые и усыяны вдоль болѣе темными пятнами; нижнія части тѣла ржаво-желтыя съ продольными бурыми пятнами; брюшко и покровныя перья задней части хвоста бѣлыя.

Малая цапля встрѣчается гнѣздящей или перелетной птицей отъ средней Швеціи и Оркнейскихъ острововъ къ югу, по всей Европѣ. Она обыкновенна въ Голландіи, Австріи, Венгріи, Турціи и Греціи, а въ Германіи, южной Франціи и Испаніи она по крайней мѣрѣ не составляетъ рѣдкаго явленія. На сѣверѣ она показывается въ концѣ апрѣля, а исчезаетъ уже въ сентябрѣ; во время своего путешествія она долгое время останавливается въ Греціи, а зимуетъ въ сѣверной Африкѣ; отсюда она мало-по-малу достигаетъ и экваторіальныхъ странъ и долетаетъ даже до южной Африки. Для своего лѣтнаго пребыванія она выбираетъ вообще трясины и воды, поросшія густымъ камышемъ или кустами и высокими болотными растеніями, и поэтому ей несравненно легче найти себѣ мѣсто по вкусу въ Голландіи и Венгріи или Греціи, нежели въ Германіи. Ея мѣстопробываніе и образъ жизни скрываютъ ее отъ наблюденія, и только громкій зовъ самца во время размноженія выдаетъ ее опытному человѣку. Она нерѣдко живетъ на маленькихъ прудахъ, густо поросшихъ камышемъ или кустарникомъ, въ непосредственной близости деревень, и никто здѣсь и не подозреваетъ ея присутствія.

Днемъ она сидитъ, такъ хорошо спрятавшись и такъ неподвижно въ тростникѣ или на вѣткѣ дерева, что неопытный наблюдатель, если даже и увидитъ ее, обыкновенно ошибается. Она прекрасно умѣетъ выбирать всегда такія мѣста, которыя по своему цвѣту соотвѣтствуютъ окраскѣ ея оперенія, и при этомъ она умышленно играетъ въ прятки, принимая обманчивыя, часто очень странныя положенія. Когда она спокойно стоитъ на землѣ, она очень низко опускаетъ шею и вслѣдствіе этого кажется очень маленькой. На ходу она нѣсколько вытягиваетъ голову впередъ и идетъ граціозно и проворно, съ постояннымъ взмахиваніемъ хвоста, почти какъ дергачъ. Она летаетъ относительно скоро и очень ловко; при взлетѣ она порхаетъ, а когда опускается, несется, не двигая крыльями, или сразу падаетъ. Она лазаетъ удивительно ловко. При опасности она мгновенно взбирается по стеблямъ камыша наверхъ и здѣсь такъ ловко двигается, что на самомъ дѣлѣ приводитъ въ удивленіе. Глогеръ въ видѣ опыта предоставилъ ей для сидѣнія тонкія и совершенно гладкія палки, которыя на верхнемъ концѣ не были толще тростниковаго стебля; она ихъ нашла очень удобными, какъ въ горизонтальномъ, такъ и въ наклонномъ положеніи. «Тогда я взялъ палку, на которой сидѣла малая цапля, за верхній конецъ, сталъ опускать ее все ниже и ниже, и наконецъ держалъ ее только за кончикъ, такъ что она висѣла совершенно вертикально: для малой цапли это было безразлично; даже тогда, когда я качалъ изъ стороны въ сторону такимъ образомъ висящую тонкую палку, придерживая ее за шарообразную, гладкую металлическую головку, замѣчательный маленькій лагуль не соскальзывалъ и все еще держался достаточно крѣпко. Въ такомъ случаѣ малая цапля держалась на своихъ болѣе или менѣе плотно сжатыхъ ногахъ совершенно вертикально, несмотря на то, что она, конечно, должна была чрезвычайно сгибать суставы пальцевъ».

Она чувствуетъ себя въ полной безопасности въ своемъ тростникѣ и, даже вынуждаемая къ этому силой, рѣдко покидаетъ его. Она спитъ очень чутко и примѣчаетъ нарушителя своего спокойствія гораздо раньше, чѣмъ опъ ее; когда ей грозитъ опасность, она убѣгаетъ по землѣ или удалится, перелѣзая съ одного стебля

камыша на другой. Науманъ говоритъ, что ни бросанье камней, ни удары палками по тростнику и другой шумъ не принуждаютъ ее взлетѣть. Она добровольно выходитъ только къ вечеру и, когда она считаетъ себя въ безопасности, летитъ низко надъ водою къ другому камышу или же опускается на голый берегъ. «Хотя она вездѣ кажется живѣе и добродушнѣе большинства другихъ цапель», рассказываетъ Науманъ, «можно было бы все-таки ошибиться, если довѣриться ея хитрому взгляду, потому что она такая же коварная и храбрая, какъ и другія цапли. Если къ ней приближается какой-нибудь врагъ, и она отъ него не можетъ удалиться, то она внезапно нападаетъ на него и наноситъ ему сильнѣйшіе удары клювомъ, сильно и необыкновенно скоро вытягивая шею; удары обыкновенно направлены въ глаза, а у человѣка въ руки или въ другія обнаженные части тѣла, и могутъ легко сдѣлаться опасными. Насколько скоро вытягивается шея, какъ будто изъ ноженъ, настолько скоро она принимаетъ снова прежнее положеніе: оба движенія происходятъ въ одно мгновеніе». При сильной опасности она защищается до послѣдняго издыханія. Она не водится съ другими птицами, даже неохотно позволяетъ другимъ представителямъ ея вида поселиться на томъ-же прудѣ. Влюбленный крикъ самца—глубокій, глухой басовой звукъ, который можетъ передаться слогомъ «пумм» или «пумб» и который напоминаетъ громкій и глубокий зовъ жерлянки. Этотъ звукъ повторяется два или три раза другъ за другомъ; потомъ наступаетъ довольно длинная пауза, и мычаніе начинается снова; но эта птица не издаетъ никогда ни одного звука, когда она чувствуетъ близость человѣка. При опасности оба пола издають квакующее «гэт гэт».

Вѣроятно главную пищу малой цапли составляютъ мелкія рыбки и гады; кромѣ того она ловитъ червей и насѣкомыхъ во всѣхъ стадіяхъ ихъ развитія. Она вѣроятно также истребляетъ молодыхъ тростниковыхъ пѣвуновъ или другихъ неловкихъ птичекъ, которыя ей попадаютъ въ болотѣ. Она охотится только ночью, усерднѣе всего въ вечернюю и утреннюю зарю.

Гнѣздо находится обыкновенно на старыхъ срѣзанныхъ камышевыхъ стебляхъ надъ водою, рѣже на землѣ, и только въ исключительныхъ случаяхъ на водѣ; оно большое, рыхлое и незатѣйливое, но все-таки прочное и состоитъ изъ тростника, камышевыхъ листьевъ и осоки, а выложено осокой и травой. Въ началѣ іюня, въ неблагоприятные годы двѣ недѣли позже, находятъ въ немъ 3—4, иногда также 5 или 6 маленькихъ яицекъ съ тонкой скорлупою, имѣющихъ 32 мм. длины, 25 мм. толщины; они гладкія и тусклыя, и имѣютъ бѣлую окраску, переходящую въ голубовато-зеленый цвѣтъ. Изъ нихъ, послѣ приблизительно 16 дневнаго насиживанія, выдупляются птенцы, одѣтые въ ржаво-желтый пухъ. Если ихъ не тревожить, они остаются въ гнѣздѣ до вылета; если же ихъ спугнуть, они спасаются между тростниковыми стеблями, лазая по нимъ, и такимъ образомъ удаляются. «Если подойти къ гнѣзду», сообщаетъ Науманъ, «то самка, противъ обыкновенія, тотчасъ-же показывается, приближается, лазаетъ сверху внизъ по стеблямъ камыша и другихъ растений, жалобно кричитъ «гэт гэт», машетъ при этомъ хвостомъ, какъ дергачъ или водяная курочка, и выказываетъ чрезвычайный испугъ и отчаяніе. Самецъ держится въ отдаленіи и наблюдаетъ за врагомъ изъ своего убѣжища».

Плѣнные малыя цапли не задумываясь принимаютъ предложенную имъ рыбную пищу, доставляютъ своему хозяину много удовольствія и держатъ себя очень хорошо, если имъ даютъ въ распоряженіе большое пространство. «Если нѣсколько штукъ содержать въ клѣткѣ», рассказываетъ мой братъ Рейнгольдъ, «онѣ оказываются очень забавными вслѣдствіе равнодѣрности, съ которой онѣ иногда и какъ

будто по командѣ принимаютъ одинаковыя положенія, въ которыхъ онѣ остаются нѣкоторое время. Очень весело входитъ къ нимъ въ клетку: онѣ тогда всѣ становятся прямо, какъ колья; къ нимъ подходишь совсѣмъ близко: онѣ не двигаются, но умные глаза слѣдятъ за каждымъ движеніемъ, и шея поворачивается какъ винтъ на своей оси. При этомъ птички кажутся такими невинными и покойными, что, кажется, будто имѣешь дѣло съ самыми добродушными существами, которыя только находятся на свѣтѣ». Онѣ могутъ нѣсколько приручиться, но никогда не дѣлаются довѣрчивыми и всегда сохраняютъ свое коварство.

Охота на нихъ не изъ легкихъ; птица эта ловко умѣетъ скрываться. Науманъ забавно рассказываетъ, какъ опытная малая цапля, живущая на одномъ маленькомъ пруду, съ котораго собаки и мальчики должны были ее погнать на многочисленныхъ стрѣлкахъ, провела все общество, и какъ несчастные охотники, между которыми находился и нашъ Науманъ, постыдно возвратились домой, послѣ двухъ часовъ напрасныхъ ожиданій. * *

«Butorius», пишетъ старшій Геснеръ по рассказамъ Альбертуса, «по сложности и величинѣ похожъ на цаплю; онъ питается рыбой, и потому ему даны длинныя ноги. Онъ ѣстъ также лягушекъ и другихъ животныхъ; но по цвѣту онъ не похожъ на цаплю, такъ какъ онъ имѣетъ совершенно земляной цвѣтъ, и когда онъ стоитъ въ водѣ, чтобы отыскивать кормъ, то держится совсѣмъ смирно и неподвижно, точно мертвый, и какъ будто связанъ веревками и пойманъ. Онъ остается неподвижнымъ и тогда, когда птицеловъ приблизится и захочетъ его взять, тогда онъ клюетъ его клювомъ, какъ цапля, и сильно ранитъ, такъ какъ его клювъ очень острый и тонкій. Эта цапля по латыни и гречески получила свое названіе отъ звѣзды, такъ какъ она украшена и усыяна красивыми пятнами, похожими на звѣзды. Въ Германіи она имѣетъ различныя названія, смотря по мѣстности; такъ, ее называютъ: «болотный быкъ, морской быкъ, моховая корова»,—названія происходящія всѣ отъ быка, такъ какъ ея голосъ имѣетъ сходство съ голосомъ послѣдняго. Отъ слова тростникъ она называется «тростниковымъ барабаномъ, тростниковой трубой, тростниковой цаплей», такъ какъ ея голосъ очень отзывается въ тростникахъ и звучитъ какъ барабанъ. Но когда она хочетъ крикнуть во весь голосъ, то вытягиваетъ свою длинную шею въ воду, или суетъ ее въ земляную яму. Она это дѣлаетъ послѣ заката солнца, часто мычитъ въ теченіи всей ночи и утихаетъ только не задолго передъ восходомъ солнца. Въ остальное время дня ее не слышно».

Выпь, Бугай (*Botaurus stellaris, lacustris, arundinaceus, tayarensis, Ardea stellaris. Rohrdommel. Butor*), описанная очень вѣрно старымъ Геснеромъ, служить представителемъ рода того же названія (*Botaurus*). Ея отличительныя признаки слѣдующіе: плотное тѣло, длинная, но толстая шея, узкій, высокій клювъ, ноги, покрытыя перьями почти до конца плюсны и съ большими пальцами; крылья широкая, хвостъ десяти-перый и густое опереніе, удлинненное на шеѣ; красивыхъ перьевъ на шеѣ, какъ у другихъ цапель, не существуетъ. Верхняя часть головы черная, зашеекъ сѣровато-черный, съ примѣсью желтаго цвѣта; остальное опереніе имѣетъ по ржаво-желтому фону черно-бурыя и ржаво-бурыя продольныя и поперечныя пятна, полосы и штрихи самыхъ различныхъ видовъ, составляющія на передней части шеи три продольныя линіи. Маховыя перья имѣютъ по шиферно-сѣрому фону ржавыя полосы, а хвостовыя перья по красновато-ржавому фону имѣютъ буро-черныя крапинки. Глаза желтыя, верхняя часть клюва

буровато-рогового цвѣта, нижняя зеленоватая, ноги свѣтло-зеленыя, желтоватыя на суставахъ. Длина 72 см., размахъ крыльевъ 126, длина крыла 40, длина хвоста 13 см.

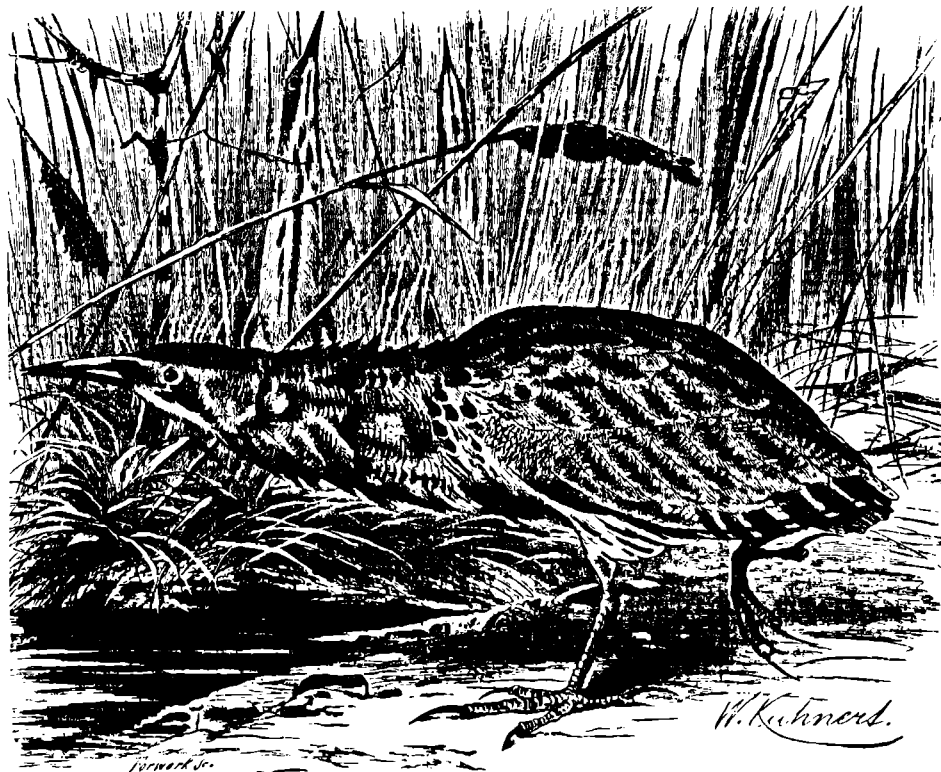
Въ Сѣверной Америкѣ наша выпь замѣняется **Американскою выпью** (*Botaurus lentiginosus, minor, adpersus, mugitans, Ardea lentiginosa, minor, hudsonia, hudsonis, mokoko, Butor lentiginotus, americanus. Sumpfrohrdommel. Butor d'Amérique*), которая неоднократно залетала въ Европу. Она замѣтно меньше и гораздо темнѣе, но по окраскѣ похожа на нашу выпь; на верхней части тѣла она имѣетъ по темно-красновато-бурому фону черно-бурья и ржаво-желтоватыя пятна и волнистыя линіи; на нижней части тѣла, на ржаво-желтовато-бѣлой груди она украшена широкой бурой средней полосой; на удлинненныхъ грудныхъ перьяхъ замѣчаются зубчатая стержневая полоска, на шеѣ сбоку видна черная продольная полоска; большія маховыя перья черно-бурья, малыя на концѣ имѣютъ широкую каштаново-красную кайму; хвостовыя перья по бурому фону украшены мраморно-красноватыми полосками.

Въ Германіи выпь попадаетъ вѣрѣдко, а въ Голландіи часто; она обыкновенна въ долинахъ Дуная и Волги, распространяется къ востоку по всей средней Сибири, къ западу по южной и средней Европѣ и во время перелета посѣщаетъ сѣверную Африку; она, повидимому, не заходитъ далеко во внутрь материка, такъ какъ я ее наблюдалъ только на сѣверномъ берегу Египта. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ она встрѣчается, она преимущественно живетъ на озерахъ, прудахъ или топяхъ, частью заросшихъ тростникомъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ густомъ ивнякѣ сырыхъ луговъ, имѣющихъ канавы, какъ напримѣръ въ Шпревальдѣ. Въ сѣверной Германіи она показывается къ концу марта или въ началѣ апрѣля; улетаетъ она въ сентябрѣ или въ октябрѣ; но при теплой погодѣ она дольше остается на сѣверѣ и тамъ, гдѣ находится открытая вода, и гдѣ, вслѣдствіе этого, она можетъ прокормиться, случается ей и зимовать. Изъ южной Венгріи выпы, вѣроятно, не улетаютъ, и тѣ, которыя улетаютъ отъ насъ, вѣроятно также рѣдко перелетаютъ въ Африку, а скорѣе зимуютъ въ южной Европѣ. Во время путешествія выпь только въ исключительныхъ случаяхъ для отдыха опускается далеко отъ воды, напримѣръ въ горныхъ лѣсахъ, которыхъ она обыкновенно боязливо избѣгаетъ.

Въ искусствѣ принимать самыя странныя положенія она даже превосходитъ маленькихъ цапель. Когда она сидитъ смиренно и свободно, она нѣсколько приподнимаетъ переднюю часть тѣла и такъ вытягиваетъ свою длинную шею, что голова лежитъ на затылкѣ; на ходу она нѣсколько больше приподнимаетъ шею; приведенная въ ярость, она нахохливаетъ перья, поднимаетъ шейныя перья, нѣсколько раскрываетъ клювъ и готовится къ нападенію. Когда она хочетъ обмануть, то садится на пятки и вытягиваетъ вверхъ туловище, шею, голову и клювъ, такъ что они образуютъ прямую линію и тогда она скорѣе похожа на старый острый колъ или сухой кустъ тростника, нежели на птицу. Она ходитъ медленно, внимательно и лѣнливо; полетъ ея мягкій, безшумный, медленный и, повидимому, неловкій. Чтобы высоко подняться, она описываетъ нѣсколько круговъ, но не летаетъ плавно, а всегда порхаетъ и такимъ же образомъ она и спускается до самого тростника, вдругъ складываетъ крылья и отвѣсно падаетъ между стеблями. Впрочемъ, на значительной высотѣ она летаетъ только ночью, а днемъ, наоборотъ, только низко надъ камышами. Когда она летитъ ночью, обыкновенно слышится и ея обычный призывной крикъ, громкое карканье, похожее на воронье,

которое можно приблизительно передать слогами «крэ» или «крау», такъ какъ она издаетъ свой знаменитый ревъ только во время размноженія. Лѣньность, равнодушіе и медлительность, трусость и подозрительность, хитрость и лукавство, злобность и коварство—составляютъ характерныя черты ея нрава. Она живетъ только для себя и, повидимому, ненавидитъ каждое другое существо; она истребляетъ тѣхъ животныхъ, которыхъ можетъ проглотить, и злобно бросается на тѣхъ, которые ей не по росту, когда они подходятъ къ ней слишкомъ близко. Она удаляется, пока только можетъ, отъ каждаго крупнаго врага; разъ ее поставили въ безвыходное положеніе, она храбро бросается на врага и такъ ловко, злобно и быстро направ-

Выпь. *Botaurus stellaris*. $\frac{1}{4}$ нacr. вел

ляетъ свои удары клюва въ глаза своего противника, что даже и опытный чело-вѣкъ долженъ очень остерегаться, если онъ не хочетъ быть ею тяжело раненымъ. Певолы не измѣняютъ ея характера; также и молодыя выросшья выпи выказываютъ при случаѣ всѣ свои непривлекательныя качества.

Ея пищу составляетъ рыба, особенно пискари, лини и караси, лягушки, жерлянки и другіе водяные гады различныхъ видовъ, но также и змѣи, ящерицы, молодыя птицы и мелкія млекопитающія, величиною не превосходящія водяныхъ крысъ. Иногда она питается только пиявками и преимущественно конскими, не обращая вниманія на ихъ острый сосательный аппаратъ и не убивая ихъ предварительно. Она охотится только ночью отъ заката до восхода солнца; она ѣсть очень много, но все-таки не приноситъ замѣтнаго вреда, такъ какъ ея короткія ножки не позволяютъ ей охотиться въ глубокой водѣ.

Странный крикъ самца во время размноженія, похожій на ревъ быка, въ тихія ночи слышится на разстояннн 2—3 килом.; онъ состоитъ изъ аншлага и главнаго тона и, какъ это передаетъ Науманъ, звучитъ какъ «юпрумб». При этомъ, когда находишься очень близко, слышишь шумъ, который звучитъ, какъ будто кто-нибудь ударяетъ по водѣ тростниковымъ стеблемъ. Раньше, нежели птица распоеся какъ слѣдуетъ, ея пѣсня приблизительно звучитъ такъ: «ю-ю-прумб» потомъ «ю прумб, ю прумб, ю прумб». Иногда, но рѣдко, къ «прумб» еще прибавляется «буу». Самецъ усерднѣе всего бухаетъ въ началѣ времени размноженія, начинаетъ съ вечерней зарей, очень оживляется передъ полночью, продолжаетъ издавать свой голосъ до конца утренней зари и еще разъ бухаетъ между 7 и 9 часами. Графъ Водзицкій, по своимъ наблюденіямъ, подтверждаетъ древнее предположеніе на счетъ манеры и способа издавать такой необыкновенно сильный звукъ. «Выпь», говоритъ онъ, «стояла на обѣихъ ногахъ, тѣло держала горизонтально, клювъ воткнула въ воду и начала ревѣть; вода всегда при этомъ брызгала вверхъ. Послѣ нѣсколькихъ нотъ я услыхалъ «ю» Наумана и самецъ поднялъ голову, отбросилъ ее назадъ, потомъ быстро опять опустилъ ее въ воду, и теперь ревъ раздался съ такой силой, что я испугался. Это мнѣ объяснило, что тѣ тоны, которые только вначалѣ звучатъ такъ громко, издаются, когда птица набрала много воды въ горло и съ гораздо большей силой, чѣмъ обыкновенно, выпускаетъ ее снова. Музыка продолжалась, но выпь больше не опрокидывала головы, и громкихъ тоновъ я больше не слыхалъ. Повидимому, этотъ звукъ выказываетъ высшую точку токованія; какъ только страсть удовлетворяется, самецъ его больше не издаетъ. Послѣ нѣсколькихъ вскрикиваній, онъ осторожно вынимаетъ изъ воды клювъ и слушаетъ, потому что, какъ мнѣ кажется, онъ не можетъ положиться на вѣрность самки». Когда выпь токуетъ, она не стоитъ въ самомъ густомъ тростникѣ, а находится скорѣе на маленькомъ свободномъ мѣстечкѣ, потому что самка должна видѣть своего ободьстителя. Шумъ плеска, какъ будто-бы кто-нибудь ударяетъ тростниковымъ стеблемъ по водѣ, происходитъ отъ самца, который ударяетъ клювомъ по водѣ два, три раза во время громкаго рева, и наконецъ погружаетъ его въ воду. Другіе тоны, зависящіе отъ дѣйствія воды, издаются вслѣдствіе оставшагося во рту большаго или мѣньшаго количества воды, которая капаетъ обратно. Послѣднее, издающееся глухо «буу» выкрикивается вмѣстѣ съ выпусканіемъ изъ горла находящейся въ немъ воды, и когда клювъ вынимается изъ болота. Самецъ, которому Водзицкій помѣшалъ въ своей пѣснѣ, взлетѣлъ и выпустилъ далеко только что проглоченную, очень значительную по количеству водяную струю.

Недалеко оттуда, гдѣ чаще всего слышится ревъ, на мѣстѣ, конечно по возможности скрытомъ и почти неприступномъ, находится гвѣздо выпи; оно обыкновенно построено на старомъ согнутомъ камышѣ надъ водою, иногда на земляныхъ холмикахъ или маленькихъ тростниковыхъ островкахъ, а также, какъ исключеніе, оно представляетъ плавающую постройку на водѣ: оно то очень большое, высокое, неряшливо сплетенное комками, то маленькое и довольно аккуратное, и состоитъ изъ сухого тростника, листьевъ, осоки, камыша и т. п., а внутри выложено метелками тростника и сухой травой. Съ конца мая въ немъ находятъ полную кладку, состоящую изъ 3—5 овальныхъ тусклыхъ яицъ, имѣющихъ крѣпкую скорлупу, приблизительно 52 мм. длины и 39 мм. ширины и блѣдно-зеленовато-голубого цвѣта. Самка высиживаетъ одна, но за это время кормится целикомъ, который ее привлекаетъ иногда своимъ ревомъ. Она улетаетъ отъ человѣка только тогда, когда онъ подошелъ уже на нѣсколько шаговъ; она еще ближе допускаетъ собаку. Спустя 21—23 дня птенцы вылупляются, согрѣваются матерью еще въ теченія нѣсколь-

кихъ дней и выкармливаются обоими родителями. Если ихъ не трогать, они остаются въ гнѣздѣ пока не выучатся летать, если-же ихъ вспугнуть, они изъ него выходятъ, еще не умѣя летать и лазаютъ сверху внизъ по тростнику. Когда они сами начинаютъ охотиться, они разлетаются и до отлета бродятъ по окрестности.

Въ Германіи, особенно въ мѣстностяхъ, гдѣ она появляется непостоянно, выпль своимъ ревомъ возбуждаетъ вниманіе, если только не суетѣрный страхъ людей; тутъ ее преслѣдуютъ, если не систематично, то усердно. Въ Греціи или южной Европѣ ее преслѣдуютъ изъ-за мяса, которое очень любятъ, несмотря на его для насъ очень противный вкусъ, отзывающійся ворванью.

* * *

Если въ зимнее время останавливаешься на одномъ изъ египетскихъ озеръ, то тамъ кое-гдѣ видишь толстыя деревья, покрытыя многочисленными цаплями. Онѣ охотно выбираютъ для отдыха сикоморы, находящіяся передъ селеніями или въ самихъ селеніяхъ. Здѣсь онѣ сидятъ въ теченіи всего дня съ очень втянутой шеей, съ закрытыми глазами, не двигаясь; только тогда, когда подходит вечеръ, нѣкоторыя изъ нихъ начинаютъ шевелиться. Одна изъ нихъ открываетъ на половину глаза, немного поворачиваетъ голову въ бокъ и поглядываетъ на солнце, чтобы узнать, какъ высоко оно еще находится на небѣ; другая возится въ своемъ опереніи, третья переминается съ ноги на ногу, четвертая вытягиваетъ крылья: однимъ словомъ, въ обществѣ псяпляется жизнь. За это время солнце опускается и наступаютъ вечернія сумерки. Тогда сонныя птицы оживляются, ловко прыгаютъ съ вѣтки на вѣтку, поднимаясь все выше къ вершинѣ, и вдругъ все общество, по квакающему призывному крику одной цапли, поднимается и летитъ къ первому попавшемуся болоту, чтобы здѣсь начать свою ежедневную, или-же скорѣе ночную дѣятельность. Одно общество, повидимому, присоединяется къ другому и такимъ образомъ можетъ случиться, по крайней мѣрѣ въ перелетное время, что видишь тысячи летящихъ птицъ. не имѣя возможности догадаться, откуда онѣ появились. Но такимъ зрѣлищемъ можно насладиться не только въ Египтѣ, но также и дальше внутри материка, такъ какъ эти ночные гуляки, настоящая родина которыхъ— юго-восточная Европа, путешествуютъ до лѣсовъ Голубого и Бѣлаго Нила.

Кванва, Ночная цапля (*Nycticorax griseus, europaeus, badius, meridionalis, ardeola, gardeni, Ardea nycticorax, grisea, australasiae, obscura, ferruginea, naevia, Botaurus naevius, Nyctiardea europaea, Scotaeus nycticorax, Nachtreiher, Biho-geau.*) отличается отъ другихъ цапель своей сжатой фигурой, короткимъ, толстымъ, сзади очень широкимъ, согнутымъ на спинкѣ клювомъ, сильными, средней длины ногами, очень широкими крыльями и густымъ опереніемъ, не имѣющимъ нигдѣ удлиненныхъ перьевъ, за исключеніемъ трехъ витевидныхъ перьевъ на шейкѣ; поэтому она считается представителемъ особеннаго рода (*Nycticorax*). У старой птицы верхняя часть шеи, затылокъ, верхняя часть спины и плечи зеленовато-черныя; остальные верхнія части тѣла и бока шеи непельно-сѣрые; нижнія части тѣла блѣдно-соломенно-желтыя, три длинныя нарядныя пера—бѣлыя, рѣдко отчасти черныя. Глаза великолѣпнаго пурпуроваго цвѣта, клювъ черный, желтый при основаніи, голое мѣсто на головѣ зеленое, ноги зелено-желтыя. У птенцовъ верхнее опереніе имѣетъ по бурому фону ржаво-желтыя и желтовато-бѣлыя продольныя пятна, а шея разрисована по желтому, нижнія-же части тѣла по бѣловатому фону бурыми пятнышками; хохла нѣтъ и зрачекъ кажется бурымъ. Длина 60 см., размахъ крыльевъ 108, длина крыла 30, длина хвоста 11 см.

Кваква также имѣетъ обширную область распространенія. Въ Голландіи она попадаетъ довольно часто, въ Германіи въ одиночку и непостоянно, а въ Дунайскихъ долинахъ и въ подходящихъ мѣстностяхъ Чернаго и Каспійскаго морей—массами; она встрѣчается также въ Италіи, южной Франціи и Испаніи, каждую зиму путешествуетъ по всей Африкѣ, появляется какъ гнѣздящая птица также въ Палестинѣ, въ восточной и Средней Азій, Китаѣ, Индіи и на Зондскихъ островахъ, наконецъ попадаетъ въ большей части сѣверной, средней и южной Америки и только единственно не встрѣчалась еще въ Австраліи. На сѣверѣ она появляется въ концѣ апрѣля или началѣ мая; улетаетъ она въ сентябрѣ или октябрѣ.

Мѣстность, праящаяся ночной цаплѣ, должна имѣть много деревьевъ, потому что она на нихъ спитъ, и нуждается въ нихъ для помѣщенія гнѣзда. На болотахъ, по близости которыхъ не существуетъ лѣса или деревьевъ, она не живетъ, или-же появляется случайно и всегда только на короткое время; но зато она живетъ въ невѣроятномъ количествѣ на болотистыхъ низменностяхъ, на которыхъ находится по крайней мѣрѣ одна защищенная группа деревьевъ. Не особенно нужно, чтобы подобное мѣсто отдыха находилось по близости болота, такъ какъ для птицы не составляетъ никакого затрудненія перелетать каждую ночь большое пространство, чтобы со своего мѣста отдыха достигнуть охотничьей области и возвратиться обратно.

Кваква, за исключеніемъ времени размноженія, проводитъ цѣлый день во снѣ или отдыхая, и начинаетъ летать и охотиться только съ наступленіемъ настоящей темноты. Ея движенія во многихъ отношеніяхъ отличаются отъ движеній другихъ цапель. Походка отличается короткими шажками, полетъ—относительно быстрыми, но совершенно безшумными, часто повторяемыми ударами крыльевъ, и только короткимъ пареніемъ. Обыкновенно ночная стая видѣется на значительной высотѣ, летая всегда неаккуратной кучей, и гдѣ эти птицы обыкновенны, онѣ часто на большомъ разстояніи застилаютъ собою ночное небо. Когда стая долетаетъ до болота, она опускается все ниже и ниже, и передъ тѣмъ, какъ усѣется, она, вѣроятно, немного паритъ, не ударяя крыльями. Кваква обыкновенно избѣгаетъ сильныхъ движеній, но она можетъ въ случаѣ нужды очень быстро двигаться. Она въ высшей степени обладаетъ слѣдующей способностью: она великодушнѣ лазаетъ и поэтому двигается въ вѣтвяхъ деревьевъ почти такъ-же ловко, какъ и малая цапля, которая считается самымъ хорошимъ лазуномъ изъ всего рода. Голосъ состоитъ изъ хриплаго, далеко раздающагося звука, который несомнѣнно напоминаетъ карканіе вороны, и за который ночную цаплю называютъ также и ночной вороной. Трудно передать этотъ тонъ буквами, такъ какъ слышится иногда «коа», иногда-же «коау» или «коеи». Нельзя назвать ночную цаплю вполнѣ пугливой птицей, хотя она всегда выказываетъ нѣкоторую осторожность. Но обыкновенно ее встрѣчаешь только днемъ и видишь тогда спящую или сонную птицу. Она почти всегда допускаетъ охотника подойти къ дереву, на которомъ она отдыхаетъ, и въ мѣстахъ, гдѣ добродушіе люди ее избаловали, она даже и тогда не всегда рѣшается взлетѣть. Эта-же самая птица, съ наступленіемъ ночи, оказывается веселой и подвижной, хотя и не особенно оживленной, но при всѣхъ обстоятельствахъ она остается осторожной; она боязливо отлетаетъ отъ каждаго человѣка, который къ ней приближается, и дѣлается необыкновенно пугливой, когда замѣчаетъ, что ее преслѣдуютъ. Она ловитъ рыбу приблизительно такъ-же, какъ и дневная цапля, во всякомъ случаѣ совершенно безшумно.

Въ одномъ отношеніи она отличается отъ многихъ своихъ родичей: она значительно общительнѣе ихъ, по крайней мѣрѣ такъ же общительна, какъ и ниб-

совая цапля. Конечно въ сѣверо-восточной Африкѣ попадаются иногда и одпочныя ночныя цапли, но обыкновенно онѣ встрѣчаются всегда обществами, а именно стаями, насчитывающими сотни штукъ; онѣ многочисленнѣе стай всѣхъ остальныхъ цапель; когда за этими птицами наблюдаешь ночью, то замѣчаешь очень скоро, что вслѣдствіе ихъ непрерывнаго крика и карканія, къ нимъ присоединяются все новыя и новыя птицы.

Размноженіе происходитъ отъ мая до іюля. Въ это время птица со своими родичами поселяется или на опредѣленныхъ уже стоянкахъ, или основываетъ новую колонію. Она, повидимому, очень часто гнѣздится въ Голландіи, потому что отсюда ежегодно можно получить живыхъ птенцовъ, но въ Германіи рѣдко, хотя, вѣроятно, все-таки чаще, нежели это думаютъ. Такъ, въ 1863 году Виле нашелъ въ окрестностяхъ Геттингена цѣлое поселеніе этихъ цапель, которое онъ описалъ. Кваква имѣетъ всегда многихъ представителей въ венгерскихъ стоянкахъ: Бальдамусъ насчиталъ на одной изъ средней величины 11 гнѣздъ ночныхъ цапель изъ числа 16 гнѣздъ разныхъ цапель. Ея гнѣзда выстраиваются обыкновенно по срединѣ верхушки или на раздвоеніи вѣтки, или-же они прислоняются къ краю гнѣздъ сѣрой цапли. Она предпочитаетъ высокія деревья низкимъ, но все-таки не очень разборчива. Гнѣздо выстроено относительно неаккуратно; снаружи оно сплетено изъ сухихъ прутьевъ, какъ гнѣздо вороны, а внутри скучно выложено сухими тростниковыми и камышевыми листьями. До начала мая въ южной Венгріи рѣдко находятъ яйца въ гнѣздахъ, а въ концѣ мѣсяца почти каждое гнѣздо содержитъ 4—5 яицъ. Зеленыя яйца, длина которыхъ имѣетъ приблизительно 55, а ширина 40 мм., очень продолговаты и имѣютъ замѣчательно тонкую скорлупу. Вѣроятно самка высидиваетъ одна, но крайней мѣрѣ это такъ кажется днемъ. По наблюденіямъ Бальдамуса, самцы неподвижно сидятъ по близости высидивающей самки, но имѣютъ все-таки еще нѣкоторыя мѣста для собранія, къ которымъ они летятъ, когда ихъ испугаютъ, такъ какъ полное спокойствіе въ колоніи наступаетъ только на нѣсколько мгновеній. «Если имъ не мѣшаетъ никакой хищникъ», рассказываетъ названный изслѣдователь, «онѣ всегда находятъ достаточно поводовъ дразнить и преслѣдовать другъ друга, причемъ сильно кричатъ и обороняются. Это онѣ продѣлываютъ большею частью, вѣзая вверхъ по дереву. При этомъ онѣ часто принимаютъ странныя, смѣшныя позы и кричатъ непрерывно. Въ то время, какъ высидивающая самка часто вытаскиваетъ для себя прутикъ или что-нибудь въ этомъ родѣ изъ одного изъ сосѣднихъ гнѣздъ и встрѣчаетъ громкое сопротивленіе, самцу, находящемуся по близости, можетъ быть, приходится въ голову ущипнуть ноги или пальцы стоящаго надъ нимъ сосѣда. Послѣдній расширяетъ свои крылья для защиты, широко открываетъ клювъ и старается отомстить; но первый преслѣдуетъ его все выше и выше, пока послѣдній не очутится на концѣ вѣтки, выдающейся выше ствола, или на концѣ наружной вѣтки, что ему или внушаетъ храбрость отчаянія, или-же принуждаетъ его спастись при помощи крыльевъ. Въ послѣднемъ случаѣ его обыкновенно дальше не преслѣдуютъ, а въ первомъ—нападающій въ свою очередь такимъ-же образомъ отгоняется. Смѣшно противорѣчіе между ожесточенными приемами битвъ и ничтожными результатами побѣды. Глядя на широко раскрытый клювъ, на безконечныя измѣненія ихъ хриплаго «коау», «крау», «крэу», «крээ» и т. д., на злобный огонь надитыхъ кровью большихъ блестящихъ глазъ, на грозно поднятыя крылья, закидываніе и бросаніе впередъ головы, на странныя повороты всего тѣла, на опускающіяся и нахохливающіяся перья темени и затылка, можно ожидать бой на жизнь и смерть; а въ концѣ концовъ онѣ едва дотрогиваются другъ до друга и толкаются лишь немного

кончиками крыльевъ, а клювами очень рѣдко дерутся. Онѣ грозятъ и кричатъ какъ Гомеровскіе герои и боги, но этимъ все и кончается».

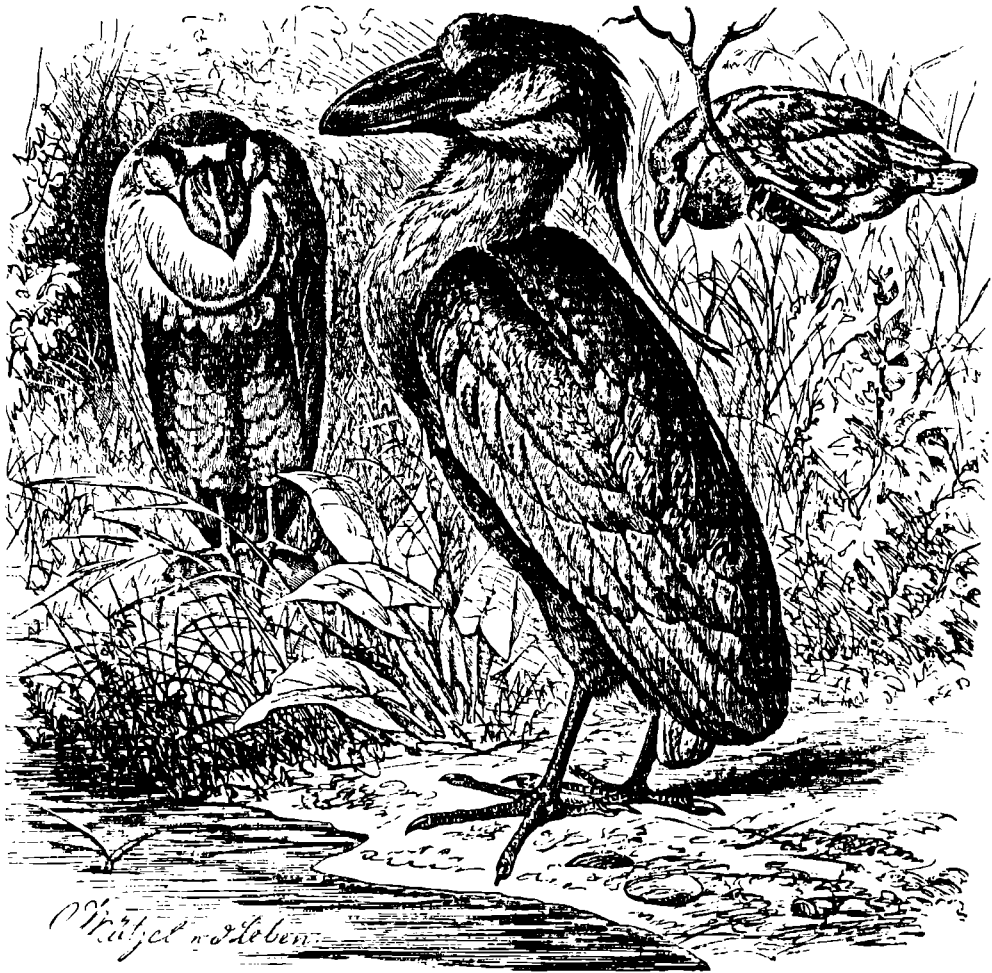
Замѣчательно то, что ночная цапля во время размноженія и днемъ занимается рыбною ловлей. Конечно къ дѣятельности большей, чѣмъ въ обыкновенное время, принуждаетъ ее ненасытный голодъ птенцовъ, и поневолѣ она принуждена измѣнить свой обыкновенный образъ жизни. «Со всѣхъ сторонъ, высоко и низко», описываетъ Ландбекъ, «слетаются къ своимъ гнѣздамъ ночныя цапли, съ зобомъ, набитымъ рыбой, лягушками и личинками насѣкомыхъ. Онѣ уже издали извѣщаютъ о своемъ приближеніи, издавая глубокимъ басомъ «куак» или «гевек», а во время кормленія птенцы отвѣчаютъ звуками «куэт куэт» или «куваоааа куеоеа», похожими на мяуканье кошки. Какъ только старики отлетѣли, музыка птенцовъ снова начинается, и по всѣхъ гнѣздахъ звучитъ непрерывное «цикицики цекцек цек цецецецек» и «геттетгеттет». Для разнообразія молодыя цапли влѣзаютъ по вѣткамъ на верхушку деревьевъ, на которыхъ находятся гнѣзда, откуда онѣ имѣютъ болѣе широкій кругозоръ и могутъ замѣтить своихъ родителей еще издали; но онѣ также часто ошибаются». Почва подъ деревьями усѣяна разбитыми яйцами, гниющей рыбой, мертвыми птицами, разоренными гнѣздами и другими нечистотами. Вокругъ распространяется сильнѣйшая вонь. Молодыя цапли, выпихнутыя изъ гнѣзда, ходятъ по землѣ, собирая рыбу, обретенную изъ гнѣздъ обжорливими птенцами, если старики отказываются кормить ихъ и внизу. Уже на значительномъ разстояніи слышится странное шуршаніе и шумъ, которые происходятъ отъ настоящего дождя помета и выпадающихъ изъ гнѣздъ рыбы или птенцовъ. Никто не можетъ пройти внизу безъ того, чтобы не быть запачканнымъ пометомъ въ зеленый или голубой цвѣтъ. Вблизи ужасный шумъ и вонь почти невыносимы, а видъ дождя гниющихъ молодыхъ цапель, покрытыхъ мухами и червями, — вслѣдствіе чего онѣ кажутся живыми — совсѣмъ отвратительный.

Въ прежнія времена, повидимому, находили особенное удовольствіе въ охотѣ на ночныхъ цапель, потому что этихъ птицъ причисляли къ красной дичи и онѣ считались очень вкусными. Въ наше время ихъ бьютъ изъ-за трехъ бѣлыхъ затылочныхъ перьевъ, названныхъ почему-то «перьями Бисмарка», которыхъ ищутъ мастера, чтобы ихъ обработать въ видѣ султановъ.

Въ большинствѣ зоологическихъ садовъ имѣются плѣвныя ночныя цапли. Онѣ не принадлежатъ къ привлекательнымъ птицамъ, такъ какъ и въ неволѣ онѣ цѣлый день спятъ.

Савану (*Nycticorax caucrochlophagus*, *Cochlearius naevius* и *fuscus*, *Cancroma cochleareae*, *cancrochlophaga*. Kahnschnabel. Savacou), безъ сомнѣнія, по своимъ признакамъ больше всего уклоняется отъ другихъ видовъ этого рода. Эта ночная цапля имѣетъ странно сложенную, плоско округленную верхнюю часть клюва въ видѣ перевернутой ложки, спинка котораго снабжена тупымъ ребромъ, а конецъ имѣетъ зубецъ, загнутый внизъ; при этомъ эта часть имѣетъ углубленія и около нихъ выпуклости; клювъ мало-по-малу спереди закругляется. Нижняя часть клюва широкая, гладкая, раздвоенная до кончика и въ промежуткѣ между обѣими половинами нижней челюсти покрыта влажной кожей. Ноги стройныя, средней высоты, покрытыя до пятокъ перьями; крылья сильныя и довольно длинныя, между маховыми перьями четвертое самое длинное; хвостъ довольно короткій, почти прямо обрѣзанный, состоитъ изъ 12 перьевъ; кроющія перья вѣжныя, рѣдкія, похожія на перья другихъ цапель, причемъ перья зашейка и затылка удлиняются для образованія длиннаго хохла; опереніе это различное на спинѣ и плечахъ, но

область уздечки и горло остаются голыми. Лобъ, горло, щеки и передняя часть шеи—бѣлыя; нижняя часть шеи и грудь желтовато-бѣлыя; перья спины свѣтло-сѣрыя; задняя часть верхней части шеи и брюшко до гузки ржаво-красно-бурая, съ боковъ черныя; маховыя перья и рулевыя бѣловато-сѣрыя. Глаза каріе и имѣютъ внутри сѣрый край; клювъ бурый, желтый на нижней части челюсти; ноги желтоватыя. Длина 58 см., размахъ крыльевъ 99, длина крыла 30, длина хвоста

Саваку. *Nysticorax canerophagus*. $\frac{3}{10}$ наст. вел.

та 12 см. Самка нѣсколько меньше самца; птенцы вначалѣ совершенно красно-бурые, опереніе ихъ темнѣе на спинѣ, свѣтлѣе на груди.

Саваку живеть въ кустахъ и тростникѣ берега всѣхъ лѣсистыхъ рѣкъ Бразиліи, и во время размноженія встрѣчается въ одиночку или парами. Его видишь, когда онъ сидитъ на вѣткѣ довольно высоко надъ водою въ густомъ кустарникѣ рѣчного берега; во внутреннихъ лѣсахъ онъ попадается чаще, нежели близко отъ моря: при приближеніи лодки онъ ловко прыгаетъ съ вѣтки на вѣтку и быстро исчезаетъ. Его пища, вѣроятно, состоитъ изъ всевозможныхъ водныхъ животныхъ, кромѣ рыбы. Принцъ фонъ Видъ нашелъ только червей въ желудкѣ имъ убитаго

экземпляра и думаетъ, что вслѣдствіе своего широкаго, лодкообразнаго клюва, онъ не въ состояніи ловить рыбу. Этотъ изслѣдователь не слышалъ его голоса; но Шомбургкъ говоритъ, что эта птица щелкаетъ своимъ клювомъ, какъ аистъ, по крайней мѣрѣ, когда попадаетъ въ руки человѣка. Насчетъ размноженія еще мало извѣстно. Яйцо продолговато-круглое, бѣлое, тусклое и пятенъ не имѣетъ; оно очень похоже на яйцо ночной цапли.

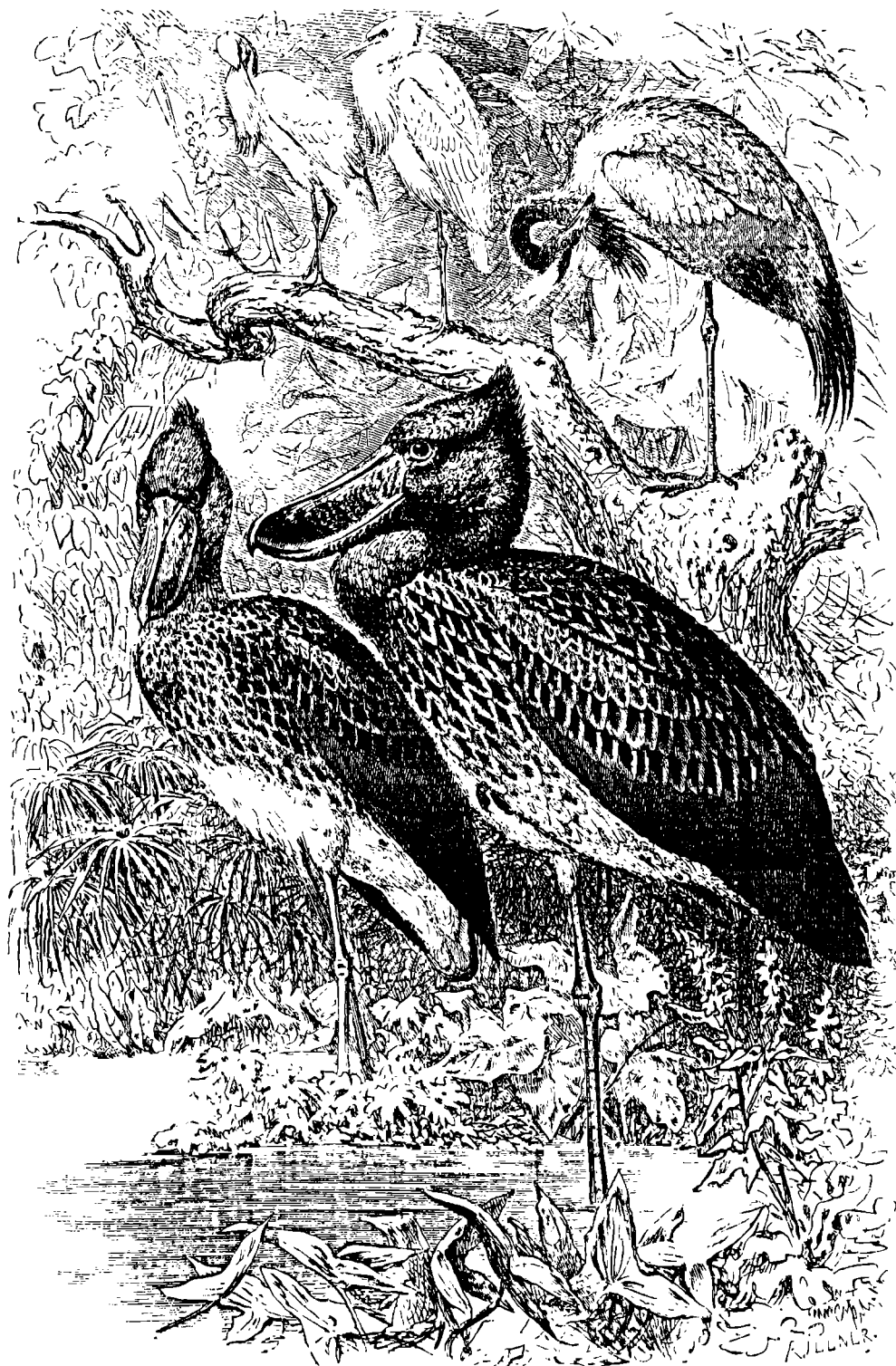
Плѣвные саваку, которые въ новѣйшее время иногда попадаютъ въ наши клѣтки, держатъ себя во всѣхъ отношеніяхъ какъ ночныя цапли.

Одною изъ самыхъ необыкновенныхъ птицъ Африки и даже одною изъ самыхъ своеобразныхъ птицъ всего свѣта можетъ считаться — **Королевскій китоглавъ** (*Balaeniceps rex*, *Schuhschnabel*). Онъ является представителемъ особаго рода (*Balaeniceps*) и семейства (*Balaenicipidae*) того-же названія. Его отличительные признаки слѣдующіе: массивное тѣло, толстая шея и большая голова; мощный клювъ, имѣющій сходство съ тяжелымъ деревяннымъ башмакомъ, слегка вогнутый на спинкѣ, по которой проходитъ округленное ребро, и съ сильнымъ зубцомъ на концѣ; его широкія нижнія челюсти соединены кожистой перепонкой вплоть до самаго кончика клюва. Ноги очень высокія, съ большими ступнями и длинными пальцами, которые снабжены сильными когтями, крылья широкія и длинныя, между маховыми перьями третье и четвертое самыя длинныя; хвостъ средней длины, прямой, двѣнадцати-перый; опереніе крупно-перое, довольно мягкое; на задней части головы находится короткій хохоль. Преобладающей окраской является красивый пепельно-сѣрый цвѣтъ; края большихъ перьевъ свѣтло-сѣрыя, маховыя и рулевыя перья сѣровато-черныя. Глаза свѣтло-желтые, клювъ роговаго цвѣта, ноги черныя. Птенцы имѣютъ грязно- или ржаво-буро-сѣрое опереніе. Длина 140 см., размахъ крыльевъ 262, длина крыла 73, длина хвоста 25 см. Самка значительно меньше самца.

По наблюденіямъ Гейглина и Швейнфурта, этотъ великанъ между болотными птицами живетъ въ одиночку, парами и небольшими обществами, по возможности далеко отъ человѣческихъ селеній, въ огромныхъ, въ большинствѣ случаевъ недоступныхъ болотахъ Бѣлаго Нила и нѣкоторыхъ изъ его притоковъ, особенно въ странахъ негровъ, называемыхъ Кичъ и Нуэръ, между 5° и 8° сѣверной широты. Его еще не встрѣчали на другихъ водахъ внутренней Африки. Обыкновенно виднись, какъ онъ ловитъ рыбу среди этихъ болотъ, на лужѣ, окруженной густымъ камышомъ и кустами папируса, или какъ онъ неподвижно стоитъ, часто на одной ногѣ на термитовомъ холмикѣ, возвышающемся на болѣе сухихъ мѣстахъ болота; отсюда онъ имѣетъ болѣе широкій кругозоръ для наблюденій, здѣсь онъ перевариваетъ и пищу. При приближеніи человѣка онъ уже издали пугливо и осторожно поднимается съ большимъ шумомъ, и низко и тяжело летитъ надъ тростникомъ, за которымъ онъ вскорѣ и скрывается. Если же его испугать выстрѣлами, то онъ высоко поднимается въ воздухъ, долго кружить и носится, но не возвращается къ болоту, пока онъ замѣчаетъ на немъ подозрительныхъ людей. Овъ, вѣроятно, иногда встрѣчается и на открытыхъ водахъ, но рѣдко.

По походкѣ и полету китоглавъ похожъ на марабу, но тѣло держитъ болѣе горизонтально и тяжелую голову кладетъ на зобъ. Когда онъ летитъ, онъ втягиваетъ шею, какъ цапля. Единственный звукъ, который онъ издаетъ — громкое щелканье и трещанье клювомъ, напоминающія щелканье аистовъ. Его пища состоитъ преимущественно изъ рыбы, и онъ лонко умѣетъ ее ловить, стоя въ водѣ

КИТОГЛАВЪ.

часто по грудь, и быстро направляя свой сильный клювъ на добычу, какъ это дѣлають цапли. Говорятъ, что какъ пеликаны, онъ дѣлаеть настоящія облавы вмѣстѣ съ другими китоглавами, образуя кругъ, и стараясь загнать рыбу на мелкія мѣста, шагая и хлопая крыльями. Петерикъ увѣряеть, что онъ ловить и убиваеть водяныхъ змѣй, не пренебрегаеть также и внутренностями мертвыхъ животныхъ и, чтобы достать ихъ, разрываеть тѣло падали, какъ это дѣлаеть марабу; но этотъ изслѣдователь не основываетъ это показаніе на своихъ собственныхъ наблюденіяхъ, а на наблюденіяхъ своихъ людей, которые, вѣроятно, ошиблись относительно змѣй, такъ какъ одна изъ рѣчныхъ щукъ (*Polypterus*), называется въ тѣхъ мѣстахъ «рѣчной змѣей».

Размноженіе происходитъ въ дождливое время года, а именно отъ іюня до августа. Китоглавъ выбираеть для помѣщенія своего гнѣзда маленькое возвышеніе среди камыша или травы, или въ непосредственной близости отъ края воды или среди болота, но охотнѣе всего на мѣстахъ, доступъ къ которымъ вода дѣлаеть почти невозможнымъ; здѣсь онъ сплетаетъ изъ собранныхъ рыхлыхъ стеблей болотныхъ растений большое гнѣздо, скрѣпленное часто дерномъ и тиной, и имѣющее почти метръ высоты. По показаніямъ Гейглина, яйца относительно небольшие, имѣють 80 мм. длины и 55 мм. ширины; они имѣють овальную форму и бѣлую окраску; свѣжія—они имѣють голубоватый оттѣнокъ, а позже, вслѣдствіе насиживанія, они дѣлаются нѣсколько буроватыми; толстая, мелкозернистая скорлупа вся насквозь кажется темно-зеленой, и имѣеть гладкій поверхностный известковый слой, который часто снаружи представляетъ отпечатки и который мѣстами вздувается, а на концахъ совсѣмъ почти отсутствуетъ. Тотъ-же изслѣдователь увѣряеть, что вынутаго изъ гнѣзда птенца очень легко сохранить, кормя рыбной пищей, и приручить, а Петерикъ говоритъ, напротивъ, что всѣ птенцы, вынутые изъ гнѣздъ его людьми—умерли, и что поэтому онъ былъ принужденъ подкладывать яйца курамъ и съ большимъ трудомъ выкармливать птенцовъ. Опытный человекъ сразу догадается, что это послѣднее свидѣніе невѣрно, хотя несомнѣнно то, что Петерикъ въ 1860 г. привезъ въ Лондонъ живыхъ китоглавовъ.

Юнкеръ рассказываетъ слѣдующее на счетъ одного китоглава, содержавшагося въ плѣну во время его путешествій по Африкѣ: «Онъ насъ очень забавлялъ въ послѣдствіи на кораблѣ, а позже на станціи Дьуръ Гаттасъ. Я ежедневно приказывалъ класть рыбу въ мою большую ванну, и было очень занятно наблюдать, какъ эта большая птица иногда долго стояла неподвижно вблизи, потомъ вдругъ погружала въ воду свой массивный клювъ, съ быстротой молніи схватывала рыбу, имѣющую почти футъ длины, и безъ всякаго замѣтнаго усилія проталкивала ее черезъ свою пасть. Она выказывала неимоверно покойный и флегматическій нравъ, съ самаго начала была очень мало пуглива и вскорѣ можно было къ ней подходить. Ее пугало только неожиданное появленіе людей и шумъ. Въ большинствѣ случаевъ китоглавъ задумчиво стоялъ на одномъ мѣстѣ и очень неохотно подчинялся перемѣщеніямъ. Такимъ образомъ нашъ рѣдкій гость безъ стѣсненія и на свободѣ оставался съ нами на палубѣ. Его отношенія къ двумъ маленькимъ шимпанзе были чрезвычайно смѣшными: послѣдніе испытывали передъ нимъ неимоверный страхъ. Это намъ было на руку, такъ какъ шимпанзе вели себя какъ неопытанные дѣти; во время обѣда они скалили зубы, кусались, кричали и буквально принуждали насъ часто вставать и убѣгать, послѣ чего они сами набрасывались на полныя тарелки. Но покойный, флегматичный большой китоглавъ, къ несмадой нашей забавѣ, вскорѣ сдѣлался нашимъ храбрымъ защитникомъ отъ навязчивости этихъ необузданныхъ обезьянъ. Съ тѣхъ поръ нашъ спутникъ Гесли не называлъ

птицу иначе, какъ «полиція». Позже, когда шимпанзе во время нашего обѣда себя нехорошо вели, съ визгомъ топали ногами и съ жадностью невоспитанныхъ дѣтей хватались за кушанья, мы говорили только: «полиція!» Тотчасъ-же добрый геній въ видѣ негритенка приводилъ нашего милого защитника, который неподвижно, какъ статуя, стоялъ на близкомъ разстояніи, не обращая ни малѣйшаго вниманія на шимпанзе, мѣжду тѣмъ какъ послѣдніе, къ нашему великому удовольствію, поспѣшно покидали каюту со всѣми признаками страха и часто оглядываясь. Когда я направился во внутрь материка, я оставилъ птицу у Гесля, у котораго она позже привыкла, кромѣ рыбной пищи, и къ мясу».

Аисты (Ciconiidae. Storche. Cigognes) довольно тяжеловѣсныя голенастыя птицы съ толстымъ клювомъ, длинными ногами и короткими пальцами. Клювъ у нихъ длинный, прямой, удлинено-коническій и клиновидный; онъ иногда загнутъ нѣсколько вверхъ, у нѣкоторыхъ видовъ середины обѣихъ челюстей не вполне сходится, а кончикъ нѣсколько сжатъ со сторонъ. Ноги длинныя и довольно толстыя, значительная часть голени не оперена; короткіе передніе пальцы соединены небольшими плавательными перепонками и вооружены толстыми вогнутыми когтями. Крылья длинныя и широкія, третье и четвертое маховыя перья самыя длинныя; 12-тя перый хвостъ короткій и на концѣ закругленный. Опереніе головы и шеи состоитъ или изъ узкихъ, удлиненныхъ перьевъ, или изъ короткихъ и округленныхъ; у иныхъ оно рѣдкое и шерстистое, даже волосистое; наконецъ, у нѣкоторыхъ на концѣ перьевъ шеи и головы замѣчаются роговыя острія. Оба пола отличаются ростомъ, а у молодыхъ экземпляровъ опереніе тусклѣе.

Скелетъ состоитъ изъ толстыхъ, крѣпкихъ костей, изъ которыхъ многія наполнены воздухомъ; черепъ очень выпуклый, междуглазничная перегородка цѣльная. Хребетный столбъ состоитъ изъ 15 шейныхъ, 7 спинныхъ и 7 хвостовыхъ позвонковъ, причемъ спинные позвонки срастаются между собою, а послѣдній изъ нихъ образуетъ одну кость съ поясничными позвонками. Грудная кость четырехугольная, на нижнемъ краѣ съ выемкой, гребень ея около шеи очень высокъ. Языкъ вовсе не соответствуетъ длинѣ клюва, мало развитъ, удлиненотреугольной формы, вездѣ съ ровными краями, гладкій и не роговой; пищеводъ расширенный и постепенно переходитъ въ первый желудокъ, который въ свою очередь почти не отдѣленъ отъ второго. Дыхательное горло замѣчательно отсутствіемъ нижней гортани, а также длиною и твердостью развѣтвленій.

Аисты живутъ во всѣхъ частяхъ свѣта и почти въ каждомъ климатическомъ поясѣ, но мѣстожительство 20 извѣстныхъ видовъ различно; однако можно сказать, что они предпочитаютъ лѣсистыя равнины, богатая водою, высокими и сухими мѣстностями и погону никогда не живутъ въ горахъ, степяхъ и пустыняхъ. Сѣверныя виды принадлежатъ къ перелетнымъ птицамъ и совершаютъ очень далекія странствованія; живущіе на югѣ аисты кочуютъ. Аисты дѣятельны только днемъ, держатся прямо, шею складываютъ болѣе или менѣе сильно въ видѣ буквы S, ходятъ довольно величественно медленными шагами, охотно бродятъ по водѣ, но лишь рѣдко рѣшаются плавать. Они летаютъ прекрасно, легко и большею частью высоко, нѣрѣдко парятъ, часто подымаясь на высоту винтовыми линіями; при полетѣ они вытягиваютъ шею впередъ, а ноги назадъ и такимъ образомъ по своей фигурѣ легко отличаются отъ другихъ летающихъ птицъ. Они не издають никакого звука, кромѣ хриплаго шипѣнія, но замѣняютъ голосъ очень выразительнымъ щелканіемъ клювомъ. Они ведутъ себя постоянно серьезно и съ достоинствомъ и доказываютъ свою понятливость тѣмъ, что очень хорошо умѣютъ

примѣняться къ обстоятельствамъ. Многіе виды добровольно отдали себя подъ защиту человѣка и сдѣлались на половину домашними животными; однако аисты не дозволяютъ себя привести въ рабство, а всегда сохраняютъ самостоятельность.

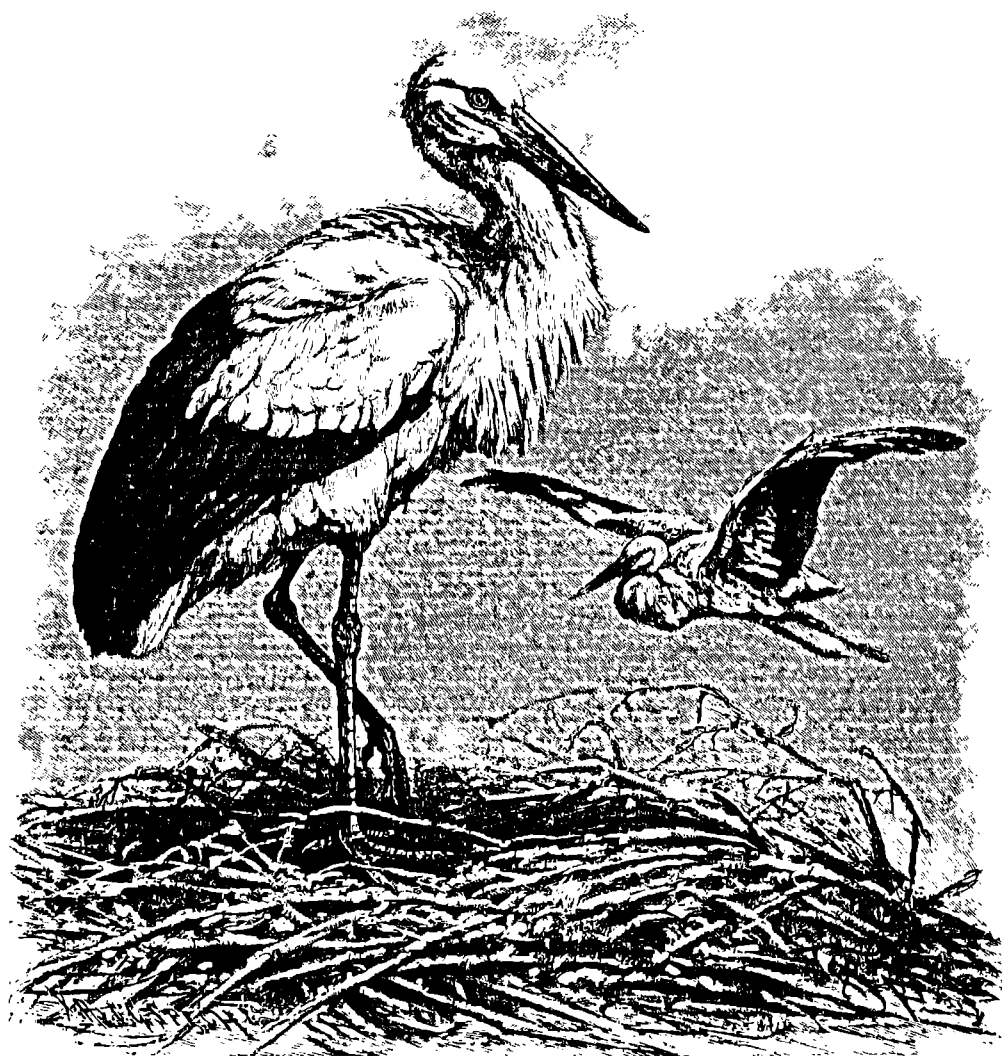
Они живутъ постоянно обществами и ко всѣмъ болотнымъ и воднымъ птицамъ относятся миролюбиво, но не дружелюбно; маленькимъ же животнымъ они опасны, такъ какъ это разбойники по ремеслу и не ограничиваются тѣмъ, что ѣдятъ гадовъ, рыбъ, насѣкомыхъ и червей, но нападаютъ и на всѣхъ остальныхъ слабыхъ животныхъ и убиваютъ ихъ, если это окажется имъ подъ силу; они не гнушаются также падалью и поглощаютъ ее съ такою же жадностью, какъ грифы и гиены. Не смотря на свое хищничество, они рѣдко бываютъ вредны и докучливы человѣку, а большею частью даже полезны. Они строятъ свои огромныя гнѣзда на высокіхъ деревьяхъ или строеніяхъ и дѣлаютъ ихъ изъ сухихъ вѣтвей и прутьевъ, а внутренность выстилаютъ болѣе мягкими веществами. Кладка состоитъ изъ немногихъ большихъ яицъ безъ пятенъ, которыя насиживаетъ только самка, однако и самецъ къ нимъ очень внимателенъ: онъ приноситъ самкѣ кормъ, пока она сидитъ на гнѣздѣ и помогаетъ ей воспитывать птенцовъ. Всѣ виды могутъ быть приручены; выкармливать ихъ нетрудно, и они такъ привыкаютъ къ человѣку или, по крайней мѣрѣ, къ его жилищу, что не только улетаютъ и снова прилетаютъ, но иногда даже остаются на зиму въ болѣе холодныхъ мѣстностяхъ; если же и улетаютъ вмѣстѣ съ другими въ теплыя страны, то на слѣдующую весну опять возвращаются на прежнія мѣста. Они доставляютъ удовольствіе своею понятливостью, держать себя серьезно и съ достоинствомъ и очень привязываются къ хозяевамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они полезны на дворѣ тѣмъ, что уничтожаютъ разныхъ вредныхъ животныхъ; содержать ихъ, впрочемъ, недешево, такъ какъ они требуютъ порядочно пищи.

Настоящіе аисты (*Ciconia*. Klapperstörche. Cigognes) отличаются прямымъ длиннымъ и конусообразнымъ клювомъ; острые края его сильно вогнуты внутрь, а роговой покровъ чрезвычайно гладкій, ноги высокія и значительная часть голени голая, пальцы короткіе и снизу широкіе; наружный и средний палецъ до перваго сустава соединены между собою перепонкой; крылья довольно широкія и на концѣ тупыя, третье, четвертое и пятое маховыя перья—одинаковой величины и длиннѣе прочихъ; хвостъ сзади округленъ и состоитъ изъ 12 короткихъ перьевъ; опереніе обильное, не отличается разнообразіемъ цвѣтовъ, но часто очень блестящее.

Первымъ изъ аистовъ слѣдуетъ назвать **Обыкновеннаго** или **Благо аиста** (*Ciconia alba, albescens, nivea, candida* и *major, Ardea ciconia*. Hausstorcht. Cigogne commune). Кромѣ черныхъ крыльевъ и самыхъ длинныхъ покровныхъ перьевъ, цвѣтъ оперенія его грязновато-бѣлый, глаза каріе, клювъ сургушно-красный, а ноги кроваво-красныя, голыя пятна вокругъ глазъ сѣровато-черныя. Длина его 110 см., размахъ крыльевъ 224, длина крыла 68, а хвоста 26 см. Самка ростомъ немного меньше этого.

За исключеніемъ очень сѣверныхъ странъ, аистъ водится во всей Европѣ, хотя, конечно, гнѣздится не повсюду. Между прочимъ посѣщаетъ онъ и Англію, гдѣ прежде, говорятъ, бывалъ нерѣдко, теперь же встрѣчается тамъ лишь въ небольшомъ количествѣ; точно также онъ болѣе или менѣе удалился и изъ Греціи, потому что его, священную птицу турокъ, жители Мореи вовсе отъ себя изгнали. «Тамъ, гдѣ турки царили долѣе, и греческое возстаніе не уничтожило всего до гла», говоритъ Линдермайеръ, «аисты остались въ своихъ дворахъ, какъ напрямѣръ

на островѣ Эвбеѣ; тамъ-же, гдѣ греческое владычество съ первыхъ дней, послѣдовавшихъ за революціей, быстро утвердилось, тамъ число аистовъ тотчасъ уменьшилось, или они вовсе исчезли, и теперь въ Навплии, Патрасѣ, Сирѣ и въ Аѳинахъ ихъ больше нѣтъ». Въ Испаніи, даже въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ есть все необходимое для ихъ процвѣтанія, они все-же составляютъ рѣдкость. Они кромѣ

Бѣлый аистъ. *Ciconia alba*. част. вел.

того появляются и на югѣ Россіи и вокругъ Каспійскаго и Чернаго морей, въ Сиріи, Палестинѣ, въ Персіи, Туркестанѣ и въ Японіи, а также и въ мѣстностяхъ по ту сторону Атласскихъ горъ, на Канарскихъ островахъ и, по увѣреніямъ Лайярда, безъ сомнѣнія, должны гнѣздиться въ Африкѣ. Во время своихъ зимнихъ путешествій они пролетаютъ всю Африку и Индію. Въ сѣверной и средней Германіи аисты появляются между концомъ февраля и началомъ апрѣля, исключая тѣхъ,

которые или опередили прочихъ, или отстали отъ другихъ. Нѣкоторые единичные экземпляры прилетаютъ уже въ срединѣ февраля, другіе-же показываются лишь во второй половинѣ апрѣля. Нѣсколько дней спустя послѣ отлета, они уже появляются въ странахъ внутренней Африки: я видалъ ихъ 1-го сентября на югѣ Нубіи, а 30-го марта еще близъ Хартума. Они предпочитаютъ равнины, низменные и плоскія мѣстности, изобилующія водой, преимущественно болотами и трясинами, и непременно избираютъ страны, носящія на себѣ печать господства человѣка. Хотя многіе аисты и поселяются въ сторонѣ отъ человѣческаго жилья въ лѣсахъ и строятъ на большихъ деревьяхъ свое объемистое гнѣздо, но все-же большая часть ихъ гнѣздится на дворахъ крестьянскихъ усадебъ и часто даже на крышахъ ихъ избъ.

Иногда посчастливится замѣтить прибытіе любимыхъ гостей, обитателей крышъ; при этомъ наблюдается, что пара, которая уже въ прошлые годы жила на этомъ же самомъ дворѣ, неожиданно съ неизмѣримой высоты винтообразнымъ движеніемъ быстро спускается на прежнее гнѣздо и съ самаго перваго момента своего прибытія чувствуетъ себя совершенно какъ дома, будто она никогда отсюда и не улетала. Жизнь ихъ протекаетъ обыкновеннымъ порядкомъ. Съ гнѣзда, которое дѣлается ихъ настоящимъ домомъ, они улетаютъ на поля и луга, на трясину и болота и тамъ охотятся; въ полдень они обыкновенно прилетаютъ домой, послѣ чего предпринимаютъ еще вторичное вечернее путешествіе, передъ закатомъ солнца снова возвращаются къ себѣ и здѣсь, потрепавъ и похлопавъ клювомъ, наконецъ успокаиваются и засыпаютъ. Такъ они проводятъ время, пока не наступитъ пора высидывать яйца; это дѣло требуетъ, конечно, ихъ заботъ и неминуемо влечетъ за собою уклоненія отъ привычнаго образа жизни.

Намъ кажется, что аистъ держитъ себя съ большимъ достоинствомъ. Походка его тихая и увѣренная, осанка — прямая, полетъ его, которому предшествуютъ обыкновенно нѣсколько прыжковъ, относительно медленный, но легкій и красивый, именно отличается прекрасными винтообразными линіями. Стоитъ аистъ обыкновенно съ нѣсколько втянутой шеей, причемъ клювъ опущенъ кончикомъ книзу; онъ, впрочемъ, никогда не принимаетъ такихъ некрасивыхъ положеній, какъ цапля, и при самомъ глубокомъ покоѣ онъ имѣетъ прстойный видъ. Онъ рѣдко ускоряетъ походку до бѣга, который, повидимому, его быстро утомляетъ, между тѣмъ, медленно расхаживая, онъ въ состояніи безостановочно двигаться по нѣсколькимъ часамъ. Летать онъ можетъ безъ усталости; онъ движетъ крыльями нрѣдка и взмахи слѣдуютъ другъ за другомъ нечасто. Вѣтромъ и каждымъ движеніемъ воздуха онъ умѣетъ пользоваться такъ искусно, что, паря на высотѣ, можетъ, какъ ему вадумается, или опускаться или подниматься; рулемъ своимъ править такъ ловко, что по желанію принимаетъ какое угодно направленіе. Онъ необыкновенно понятливъ. «Онъ умѣетъ», говоритъ Науманъ, «примѣниться и къ времени, и къ людямъ, превосходить въ этомъ отношеніи всѣхъ другихъ птицъ и ни одной минуты не сомнѣвается на счетъ того, какъ люди въ томъ или въ другомъ мѣстѣ къ нему расположены. Онъ различаетъ, гдѣ его только терпятъ и гдѣ ему рады. Какой-нибудь аистъ новичекъ, только что прибывъ въ незнакомый ему край, первые дни своего пребыванія боязливъ и остороженъ, недоувѣрчивъ и избѣгаетъ людей; но стоитъ только ему увидѣть положенное къ-мъ-либо на крышу или на макушку дерева колесо, которое обыкновенно служитъ основаніемъ для гнѣзда, онъ тотчасъ смекаетъ, что этимъ выражается ему приглашеніе, и весь страхъ его исчезаетъ, какъ будто его вовсе не бывало; какъ только онъ тутъ водворился, онъ черезъ нѣсколько дней становится такъ доувѣрчивъ, что даетъ себя разглядывать

совѣмъ вблизи. Въ короткое время онъ научается узнавать своего гостепріимнаго хозяина и очень хорошо различаетъ, кто его доброжелатель и кто къ нему не расположенъ, или вообще, кого слѣдуетъ опасаться. Онъ знаетъ, любятъ-ли его и радуются-ли его пребыванію, или же равнодушны къ нему». Онъ ведетъ себя совершенно сообразуясь съ обстоятельствами. «Часто», рассказываетъ мой отецъ, «я цѣлился ружьемъ въ аиста, стоявшаго на гнѣздѣ, причемъ онъ продолжалъ стоять такъ спокойно, какъ будто былъ вполне увѣренъ, что ничего ему тутъ не приключится. Если же онъ замѣчалъ, что его преслѣдуютъ, то становился очень пугливъ. Не имѣя въ своей коллекціи ни одного экземпляра, я вознамѣрился убить одну самку изъ той пары, которая гнѣздилась на сосѣднемъ дубѣ. Какъ только я приблизился къ гнѣзду, она тотчасъ улетѣла, несмотря на то, что дѣло было при лунномъ свѣтѣ; послѣ этого она долго не возвращалась. Ружье у меня дало осѣчку, но тѣ немногія искры, которыя были вызваны ударомъ, произвели такое впечатлѣніе на птицу, что она заставила меня тщетно ожидать ее до 11 часовъ ночи, несмотря на то, что я спрятался такъ хорошо, что она не могла меня видѣть. Два года спустя она еще помнила объ этомъ преслѣдованіи, такъ какъ при насиживаніи яицъ была настолько пуглива, что за 70 шаговъ уже чужая мое приближеніе». Вдали отъ гнѣзда аисты настолько-же пугливы, какъ и прочіе ихъ родичи. Они, хотя отлично сознаютъ, что крестьяне, пастухи и дѣти—люди безвредные, но избѣгаютъ всякаго сближенія, а охотника, намѣревающагося стрѣлать, они затрудняютъ, не подпуская его къ себѣ на разстояніе выстрѣла. Они ведутъ себя еще осторожнѣе во время перелета и во всѣхъ случаяхъ, когда сходятся съ себѣ подобными. Въ Африкѣ они избѣгаютъ своихъ земляковъ европейцевъ гораздо больше, чѣмъ туземцевъ.

Напрасно на аиста привыкли смотрѣть, какъ на добрую и безвредную птицу; этими качествами онъ вовсе не обладаетъ. Науманъ говоритъ: «его способъ добывать себѣ пищу таковъ, что убійство обратилось у него въ привычку и потому онъ часто умерщвляетъ даже себѣ подобныхъ. Бывали примѣры, что откуда-нибудь появлялись аисты, бросались на чужое гнѣздо, нападали на птенцовъ и, несмотря на отчаянное сопротивленіе родителей, въ концѣ концовъ убивали ихъ; подобныя насилія повторялись во многихъ мѣстахъ». Иногда случается, что даже ручные аисты, раздраженные чѣмъ-нибудь, бросаются на своего противника. Подстрѣленный, онъ храбро защищаетъ и до послѣдняго издыханія продолжаетъ наносить удары клювомъ; такъ какъ онъ почти всегда старается понадать въ глаза, то можетъ сдѣлаться опаснымъ, какъ человѣку, такъ и собакѣ. «Довольно странно, что между аистами господствуетъ такая существенная разница въ настроеніи. Одни относятся къ прочимъ миролюбиво, дозволяютъ имъ даже селиться по сосѣдству, между тѣмъ какъ другіе упрямо и настойчиво отстаиваютъ свое господство въ данной мѣстности. Однообразіе цѣли намѣреній и средствъ защиты, а также страхъ передъ опасностями дѣлаютъ его болѣе покладливымъ во время путешествій и заставляютъ его странствовать довольно большими обществами. Онъ можетъ ладить только со своими родичами, съ остальными же птицами это вовсе немислимо; отставшій при перелетѣ отъ своихъ никогда не присоединится къ птицамъ другого вида, будь это даже ближайшій изъ ихъ рода». Въ припадкѣ ревности они дерутся не на животъ, а на смерть, а мелкимъ животнымъ они всегда опасны.

Единственный звукъ, который аистъ въ состояніи произвести, есть трудно воспроизводимое хриплое шипѣніе. Оно слышится рѣдко, чаще всего у ручныхъ аистовъ, которые хотя бы выразить этимъ свою радость. Гораздо чаще онъ щелкаетъ клювомъ и этимъ страннымъ орудіемъ онъ владѣетъ дѣйствительно съ удивительнымъ умѣньемъ; онъ трепить то дольше, то меньшее время, то скорѣе, то

медленнѣе, то громче, то менѣе шумно, трещить съ радости, а также и съ горя, трещить съ голоду и послѣ обильной пищи. Все тѣмъ же щелканіемъ онъ заявляетъ самкѣ о нѣжныхъ чувствахъ своихъ и наконецъ трещить, лаская птенцовъ своихъ. Эти послѣдніе еще прежде, чѣмъ въ состояніи летать, уже перенимаютъ отъ родителей ихъ странную, но нельзя сказать, чтобы не выразительную рѣчь и какъ только сила клюва дозволяетъ, начинаютъ, пользуясь той же способностью, заявлять о своихъ нуждахъ. До этого они издають звуки, которые, какъ и у родителей, хотя и не могутъ назваться благозвучными, но все же могутъ считаться звуками и точнѣе опредѣляются словами—пискотня и щебетанье.

Аистамъ служить пищею всевозможныя животныя. Они хищныя птицы въ полнѣйшемъ смыслѣ этого слова. Повидимому они предпочитаютъ земноводныхъ, насѣкомыхъ и дождевыхъ червей, но вѣроятно это намъ только кажется, потому что ихъ легче ловить. Во время своихъ прогулокъ, съ цѣлью поохотиться, они чаще всего встрѣчаютъ лягушекъ, мышей и насѣкомыхъ, которые и составляютъ первую добычу; но они также убиваютъ ящерицъ, веретеницъ, ужей и даже ядовитыхъ змѣй; аистъ одинаково падохъ до рыбы, какъ и до лягушекъ, неутомимо охотится за ними въ мутной водѣ и глотаетъ такихъ, которыя длиною съ человѣческую ладонь. «Прежде, чѣмъ проглотить большого ужа», говоритъ Ленцъ, «аистъ иногда колотитъ его клювомъ до тѣхъ поръ, пока тотъ перестаетъ шевелиться и уже потомъ только схватываетъ его какъ попало и спускаетъ головой или хвостомъ внизъ, не обращая вниманія, убить ли онъ или еще такъ проворно двигается, что сильно оббивается вокругъ клюва; аистъ въ такомъ случаѣ принужденъ трясти головой, или вытаскиваетъ ужа ногою, расправляетъ его и снова пытается благополучно препроводить его въ желудокъ. При большой алчности аисты глотаютъ небольшихъ змѣй безъ всякой предварительной обработки; долго еще онъ извивается въ глоткѣ и иногда даже выскальзываютъ обратно, если онъ неосторожно нагябается и открываетъ ротъ, чтобы схватить новую добычу; поэтому очень интересное зрѣлище представляетъ охота его, когда ему на гладкомъ мѣстѣ приходится справляться съ нѣсколькими змѣями заразъ. Ядовитыя гадюки также составляютъ для него лакомое блюдо, но какъ только онъ заполучитъ гадюку на закуску, то начинаетъ усердно и безпрестанно клевать ее въ голову до тѣхъ поръ, пока вовсе не разможитъ ее. Если онъ поторопится и поступитъ неосторожно, то не убитая гадюка кусаетъ его, и отъ этого онъ нѣсколько дней сильно хвораетъ, затѣмъ снова совершенно поправляется. Яйца всѣхъ птицъ, устраивающихъ гнѣзда на землѣ, онъ воруетъ; молодыхъ птенцовъ, включая и куропатокъ, онъ уничтожаетъ немилосердно, иногда притаскиваетъ своимъ дѣтенышамъ цѣлыя гнѣзда съ ихъ содержимымъ; мышей онъ подкарауливаетъ на поляхъ и лугахъ у отверстій ихъ норъ, кротовъ онъ выслѣживаетъ по взрываемой ими землѣ, молодыхъ зайцевъ отнимаетъ отъ матерей, несмотря на ихъ храбрую защиту. На лугахъ, изобилующихъ цвѣтами, онъ гоняется за насѣкомыми и ловитъ не только ползущихъ и сидящихъ, но изловчается схватывать на лету даже тѣхъ, которыя жужжать кругомъ въ воздухѣ. Жабы внушаютъ ему отвращеніе, онъ ихъ такъ ненавидитъ, что убиваетъ, но никогда не съѣдаетъ. Пауманъ нашель близъ одного пруда безчисленное множество жабъ, или убитыхъ, или съ распоротымъ брюхомъ и съ растасканными внутренностями при послѣднемъ издыханіи, и всѣ жертвы эти были дѣломъ двухъ аистовъ, приходившихъ ежедневно къ этому пруду отыскивать себѣ пищу.

Изъ всего выказаннаго явствуетъ, что аистъ вредитъ охотѣ, а, кромѣ того, онъ позволяетъ себѣ дѣлать нападенія на пчелъ, вслѣдствіе чего охотники и пасѣчники считаютъ его вредной птицей, которую слѣдуетъ уничтожать. Нѣкоторые

натуралисты держатся того же мнѣнія, упрекаютъ его за всякую уничтоженную имъ лягушку и стараются доказать, что онъ опустошаетъ всѣ нивы и поля. Почти не стоитъ говорить, что всѣ эти увѣренія очень преувеличены. Если даже признать въ полной мѣрѣ тотъ вредъ, въ которомъ его обвиняютъ охотники, то и въ такомъ случаѣ надо остерегаться произносить надъ нимъ рѣшительный приговоръ. Уничтожить всѣхъ зайцевъ, куропатокъ, пѣвчихъ птицъ, лягушекъ и рыбъ онъ никакъ не можетъ, даже не уменьшаетъ количества ихъ въ такой степени, чтобы стоило объ этомъ говорить; ни лѣсоводамъ, ни сельскимъ хозяевамъ онъ также не вредитъ, между тѣмъ, какъ объ этомъ вредѣ и стоило-бы толковать, поэтому лица эти должны бы были скорѣе причислять аистовъ къ полезнымъ птицамъ и въ уваженіи къ вѣкоторымъ признаннымъ заслугамъ не должны бы строго судить его за кое-какія, несомнѣнно числящіяся за нимъ провинности. Внимательные хозяева замѣтили, что въ тѣ годы, когда было мало аистовъ, мыши и разныя другія вредныя животныя появлялись гораздо въ большемъ количествѣ и преимущественно гадюки встрѣчались замѣтно чаще прежняго. Относительно массы пожираемыхъ ими мышей не можетъ быть и сомнѣній, что видно изъ погадокъ, выбрасываемыхъ аистами; въ нихъ встрѣчается такое множество остатковъ проглоченныхъ мышей, что оно явно свидѣтельствуетъ о томъ безчисленномъ количествѣ, которое ими пожирается. Съ недавнихъ временъ стали смотрѣть на дѣло иными глазами, чѣмъ прежніе знатоки птицъ, и каждый вредъ, усматриваемый наблюдателями, до того преувеличивается, что неудивительно, что и аисту отъ нихъ достается не въ мѣру. Впрочемъ, что бы ни говорили о немъ, все же достовѣрнымъ остается то, что хотя лягушки, улитки и дождевые черви и составляютъ главную пищу аистовъ, однако, несмотря на это, всѣ поименованныя животныя еще водятся въ большомъ количествѣ. Если бы и было замѣчено, что число несомнѣнно полезныхъ лягушекъ и уменьшилось, то въ этомъ скорѣе виновать человекъ, чѣмъ аистъ. Уже и теперь стало замѣтно, что эти большія и бросающіяся въ глаза птицы мало по малу исчезаютъ съ нашихъ полей, между тѣмъ какъ онѣ значительно ихъ оживляли; поэтому не слѣдовало бы придумывать средства къ уничтоженію аистовъ въ непривлекательныхъ болотистыхъ равнинахъ Германіи.

Привязанность этой птицы къ человеку особенно сказывается въ эпоху спариванія. «Слѣдуетъ удивляться», говоритъ Науманъ, «что аисты, выросшіе на чужбинѣ, не взирая на природную недоувѣрчивость, тотчасъ же догадываются, что человекъ къ нимъ относится доброжелательно; они тотчасъ понимаютъ пользу тѣхъ приспособленій, которыя для нихъ устраиваются, и всегда дѣйствуютъ согласно съ желаніями человека. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ пара аистовъ прилетѣла на мою родину; оба они стали осматривать широкія верхушки старыхъ тополей, которыми была обсажена дорога между двумя сосѣдними деревнями; тамошній владѣлецъ охоты не появлялъ ихъ намѣреній, такъ какъ въ тѣхъ мѣстахъ аисты составляли рѣдкое явленіе. Онъ гонялся за ними съ ружьемъ и даже пробовалъ стрѣлять по нимъ, но неудачно; видя это, аисты перелетѣли за версту дальше; въ другой деревнѣ жители догадались въ чемъ дѣло, положили на соломенную крышу колесо, которымъ аисты тотчасъ же и воспользовались; въ нѣсколько дней устроили они себѣ на немъ гнѣздо, очень скоро освоились во всемъ и съ этихъ поръ ежегодно возвращались на прежнее пенелище. Причина привязанности аиста къ человеку кажется чѣмъ то загадочнымъ; при этомъ нельзя однако отрицать вліянія двухъ причинъ: во 1-хъ увѣренность птицъ въ томъ, что доброжелательство людей доставляетъ имъ безопасность, а во 2-хъ—придуманная человекомъ искусствен-

ныя приспособленія, которыя даютъ этимъ птицамъ возможность устраивать удобныя жилища для себя и для своего потомства. Аисты настолько увѣрены въ пользу человѣческой помощи, что даже тѣ изъ нихъ, которые собираются строить гнѣздо на деревѣ, тотчасъ перемѣняютъ свое намѣреніе, если на другомъ деревѣ имъ устраиваютъ мѣсто для гнѣзда, приколотивъ къ вѣтвямъ нѣсколько жердей или палокъ, или помѣстивъ въ удобномъ мѣстѣ кучу хвороста; аисты начинаютъ тотчасъ же строить тамъ гнѣздо. Подобными приспособленіями ихъ можно привлечь даже туда, гдѣ они прежде не гнѣздились, если только мѣстность соотвѣтствуетъ ихъ потребностямъ». Мнѣ однако кажется очень страннымъ, что въ Германіи только обыкновенный аистъ селится такъ близко къ человѣку, между тѣмъ какъ ближайшій его родичъ, черный аистъ, никакого расположенія къ человѣку не проявляетъ.

Однажды устроенное гнѣздо бываетъ ежегодно въ употребленіи: извѣстно, что многія изъ нихъ сто лѣтъ кряду бываютъ населены этими птицами. Нельзя съ точностью опредѣлить, сколько лѣтъ сряду одна и та же пара пользуется своимъ гнѣздомъ, но предполагаютъ, и вѣроятно не безъ основанія, что аисты живутъ очень долго и потому у гнѣздъ нечасто мѣняются хозяева. Самецъ иногда появляется нѣсколькими днями раньше самки и большею частью ведетъ себя сразу такъ, что нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ считаетъ себя обладателемъ гнѣзда. Иногда случается, что возвращается только одна изъ птицъ извѣстной пары; тогда выборъ друга или подруги продолжается часто довольно долгое время и около гнѣзда происходятъ сильныя битвы, такъ какъ появляются молодыя пары, которыя сообща нападаютъ на одинокую птицу и стараются ее прогнать съ готового гнѣзда; иногда это и удается, случается даже, что прежній хозяинъ гнѣзда бываетъ убитъ. Въ такихъ случаяхъ человѣку приходится вмѣшаться въ дѣло, чтобы тѣмъ или другимъ способомъ помирить разсердившихся противниковъ. Всѣ наблюденія говорятъ въ пользу того, что парочки аистовъ соединяются на всю жизнь, и что птицы остаются вполне вѣрными другъ другу; однако супружеская вѣрность аистовъ подлежитъ нѣкоторому сомнѣнію: случалось наблюдать, что самка обращала вниманіе на любезность другихъ самцовъ и говорятъ даже, что видали подобные случаи. Холостой аистъ внезапно нападалъ на самца, сторожившаго свое гнѣздо, убивалъ его удачнымъ ударомъ клюва и, несмотря на это, самка убитаго тотчасъ же благоклонно принимала убійцу. Нѣкоторые полагаютъ, что сильная ревность аистовъ-самцовъ вполне понятна, такъ какъ самки ведутъ себя часто не такъ, какъ слѣдуетъ.

Однако въ противоположность вышесказанному можно привести нѣсколько случаевъ супружеской вѣрности и взаимной любви пары аистовъ. Одна самка аиста три года сряду оставалась въ Германіи и зимой, искала себѣ корма около незамерзшихъ ручьевъ и ключей, а во время самаго сильнаго холода пряталась ночью подъ крышами хлѣбовъ; самецъ ея ежегодно возвращался къ ней и они выводили птенцовъ, какъ обыкновенно; на четвертую зиму и самецъ оставался зимою на родинѣ вмѣстѣ съ самкой, и это продолжалось три года сряду. Наконецъ обѣ птицы были убиты злыми людьми, причѣмъ оказалось, что самка была неспособна къ большому перелету вслѣдствіе давно полученной раны. Совершенно то же самое наблюдалъ я и въ Африкѣ. Я тамъ видалъ двухъ аистовъ, оставшихся въ Африкѣ и лѣтомъ, велѣлъ ихъ застрѣлить и нашелъ, что одна изъ птицъ была также ранена, что и заставило здоровую птицу остаться съ ней на чужбинѣ. Гомейеръ разсказывалъ мнѣ слѣдующій, по его словамъ, вполне достоверный, трогательный случай. Самецъ пары аистовъ, которая гнѣздилась на домѣ Гомейера, былъ убитъ охотникомъ.

Въ слѣдующемъ году самка появилась безъ самца на старомъ гнѣздѣ, за ней много ухаживали, но она стогнала всѣхъ поклонниковъ яростными ударами клюва, исправила старое гнѣздо и осталась въ немъ жить одинокою. Осенью она улетѣла вмѣстѣ съ прочими аистами, весною вернулась и вела себя точно такъ-же, и это продолжалось въ теченіи 11 лѣтъ сряду. На двѣнадцатомъ году другая пара отняла у ней это гнѣздо, и ей не было видно цѣлое лѣто, но когда пара, отнявшая гнѣздо, улетѣла, то прежняя владѣтельница снова появилась, жила въ гнѣздѣ нѣсколько дней и затѣмъ только предприняла свое странствованіе. Гомейеръ потомъ узналъ, что вѣрная самка въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ жила по сосѣдству, удаляясь не болѣе какъ на 15 килом. отъ своего стараго гнѣзда, но очевидно все время слѣдила за нимъ и вспоминала то счастливое время, когда она тамъ жила со своимъ другомъ. Подъ конецъ эта самка была извѣстна по всей окрестности подъ названіемъ отшельницы.

Если парѣ не помѣшаютъ, то она скоро послѣ прилета, весною, начинаетъ чинить старое гнѣздо, приноситъ новыя вѣтви и прутья и укладываетъ ихъ на прежнія, отчасти уже сгнившія, а также тщательно приготовляетъ внутренность гнѣзда. Такимъ образомъ гнѣздо ежегодно становится все выше и тяжелѣе, такъ что наконецъ подставка, на которомъ оно лежитъ, не можетъ выдержать этой тяжести, и людямъ приходится вмѣшаться и выкинуть старыя слои гнѣзда. Постройка эта не отличается аккуратностью: основаніемъ для гнѣзда служатъ палки и вѣтви съ большой палецъ толщиною, а также колючіе прутья, комки земли и куски дерна; второй слой образуютъ болѣе тонкія вѣтви, стебли тростника и листья камыша, внутренняя же подстилка состоитъ изъ пучковъ травы, навоза, перепутанной соломы, тринокъ, кусочковъ бумаги и перьевъ. Всѣ матерьялы приносятся обѣими птицами въ клювъ, но собственно постройкой гнѣзда занимается по обыкновенію самка. Обѣ птицы работаютъ такъ усердно, что строятъ новое гнѣздо въ восемь дней, а починка стараго кончается черезъ два или три дня. Во время постройки гнѣзда аисты дѣлаются очень недоувѣрчивы и одна изъ птицъ всегда караулитъ гнѣздо, пока другая летаетъ за матерьяломъ. При этомъ птицы трещать своимъ клювомъ на всѣ лады и этимъ выражаютъ свою радость по случаю основанія новаго жилища или починки стараго. Самка кладетъ первое яйцо въ серединѣ или концѣ апрѣля и за нимъ слѣдуютъ черезъ нѣсколько дней и остальные три или четыре, если только самка не очень молода. Яйца эти правильной формы и имѣютъ 70 мм. длины при 50 мм. ширины; скорлупа у нихъ мелко-зернистая, гладкая и бѣлая, но иногда съ зеленоватымъ или желтоватымъ отливомъ. Насиживаніе продолжается 28—31 день; обѣ птицы насиживаютъ по-очереди, но большая доля этого занятія падаетъ все-таки на долю самки. Зато самецъ въ это время заботится о безопасности своей подруги.

Когда птенцы вылупились, то забота родителей о своемъ потомствѣ удваивается: они дѣлаются еще болѣе осторожными и никогда не покидаютъ гнѣзда оба вмѣстѣ. Птенцы вначалѣ выкармливаются различными личинками и насѣкомыми, земляными червями, пиявками, жуками, кузнечиками и т. п.; позднѣе они получаютъ болѣе грубую пищу. Родители имъ кормъ въ клювъ не кладутъ и птенцы должны съ первыхъ дней своей жизни клевать пищу съ подстилки гнѣзда, но родители ими руководятъ при этомъ, схватываютъ за клювъ и нагибаютъ его въ ту сторону, гдѣ лежитъ кормъ. Взрослыя птицы всегда предварительно проглатываютъ принесенную пищу, а затѣмъ уже отрыгаютъ, вѣроятно для того, чтобы сообщить ей извѣстную степень теплоты. Аисты приносятъ птенцамъ и воду въ свосмъ зобу и затѣмъ ее выплевываютъ. Говорятъ, что при сильной жарѣ они опрыскиваютъ этой водой птенцовъ и становятся такъ, чтобы затѣнить

гнѣздо съ птенцами, чтобы имъ не было такъ жарко; въ дурную и дождливую погоду, напротивъ, они ихъ прикрываютъ собственнымъ тѣломъ. Семейная жизнь аистовъ представляетъ всегда интересное зрѣлище для наблюдателя, но видъ гнѣзда не всегда пріятенъ для людей. Если гнѣздо устроено на крышѣ, то оно бываетъ сильно перепачкано, множество кусковъ пищи падаетъ внизъ, гниетъ на землѣ и распространяетъ скверный запахъ. Нерѣдко случается, къ ужасу хозяйки дома, что взрослый аистъ теряетъ по дорогѣ нѣкоторыхъ полуживыхъ животныхъ и такимъ образомъ съ крыши валятся веретеницы, ужи и другіе гады, возбуждающіе страхъ или отвращеніе боязливыхъ людей. Однако удовольствіе, доставляемое подобной семьей, пересиливаетъ досаду на ея нечистоплотность. Птенцы въ первые дни своей жизни сидятъ на плюсахъ, а затѣмъ становятся во весь ростъ, причемъ родители предохраняютъ ихъ отъ паденія, устранивая нѣчто вродѣ загородки изъ вновь принесенныхъ вѣтвей; они очень скоро знакомятся съ окрестностями и съ самаго начала доказываютъ, что обладаютъ прекраснымъ зрѣніемъ, такъ какъ уже издали замѣчаютъ родителей, возвращающихся къ гнѣзду съ кормомъ и привѣтствуютъ ихъ сначала различными жестами, а затѣмъ начинаютъ уже щелкать клювомъ, хотя еще неумѣло. Ростъ ихъ продолжается полныхъ два мѣсяца. Къ концу этого времени они начинаютъ пробовать свои крылья, становятся на край гнѣзда, хлопаютъ ими и наконецъ рѣшаются слетѣть съ гнѣзда на конекъ крыши. Когда крылья ихъ еще болѣе окрѣпнутъ, то они вмѣстѣ съ родителями предпринимаютъ небольшія прогулки, но вначалѣ каждый вечеръ возвращаются въ гнѣздо, чтобы тамъ провести ночь. Но привязанность къ колыбели мало по малу теряется, такъ какъ приближается время, когда всѣ аисты, какъ взрослые, такъ и молодые, начинаютъ готовиться къ дальнему странствованію.

Я нарочно упоминаю о многочисленныхъ разсказахъ, въ которыхъ говорится о ревности и жестокости аистовъ самцовъ относительно самокъ и птенцовъ. Я не вѣрю въ справедливость разсказа, по которому аистъ, съ помощью созванныхъ другихъ самцовъ, убилъ свою подругу, такъ какъ люди подмѣнили ея яйца гусиными и утиными, отчего будто бы самецъ обвинялъ ее въ измѣнѣ. Считаю также басней разсказъ о томъ, что родители сами выкидывали своихъ птенцовъ изъ гнѣзда, когда съ ними бываетъ трудно вознѣся. Наблюденіе надъ образомъ жизни и дѣйствіями животныхъ дѣло вовсе не легкое и требуетъ извѣстной опытности, и неопытный наблюдатель слишкомъ часто свои фантазіи принимаетъ за дѣйствительность. Передъ отлетомъ всѣ аисты данной мѣстности съ семействами собираются на опредѣленный мѣста, преимущественно на мягкихъ болотистыхъ полянахъ. Количество слетающихся птицъ съ каждымъ днемъ возрастаетъ и сообщанія ихъ дѣлаются все болѣе и болѣе продолжительными. Въ концѣ іюля обыкновенно всѣ члены общества уже на мѣстахъ, то есть птицы, составляющія стаю, всѣ на лицѣ; вскорѣ послѣ этого онѣ пускаются въ путь; потрещавъ немало на прощанье, онѣ поднимаются высоко, кружатся еще нѣсколько времени надъ любимыми пепелищами и, наконецъ, поспѣшно улетаютъ по направленію къ юго-западу; дорогой, вѣроятно, къ нимъ присоединяются еще немало путниковъ, отъ чего стая постепенно растетъ и все болѣе и болѣе увеличивается. Науманъ говоритъ, что видѣлъ стаи, доходившія до 2000, а иногда и до 5000 штукъ; я могу только подтвердить это предположеніе, такъ какъ стаи, которыя я видѣлъ во время перелета ихъ во внутренней части Африки, были до того многочисленны, что онѣ буквально покрывали сплошь берега рѣкъ или огромныя пространства въ степи, когда же онѣ взлетали, то заполняли собою весь видимый горизонтъ.

Къ неволѣ аисты привыкаютъ легко, особенно если ихъ взять изъ гнѣзда

маленькими; они привязываются къ хозяину и дѣлаются до того ручными, что имѣютъ полное право пользоваться свободой и улетать и прилетать, когда хотятъ; знакомыхъ своихъ они привѣтствуютъ обычнымъ шелканьемъ и взмахами крыльевъ, понимаютъ всѣ дѣйствія и намѣренія, клонящіяся въ ихъ пользу и съ благодарностью принимаютъ всякую любезность; они дружатся съ крупными домашними животными, въ отношеніи же къ слабымъ подчасъ позволяютъ себѣ выходки не очень то похвальные, а дѣтямъ даже могутъ причинить вредъ. Если содержать ихъ парно и дать извѣстную свободу, то они приступаютъ къ размноженію. Они спариваются иногда съ особями, живущими на волѣ, улетаютъ съ ними иногда на зиму, по слѣдующей весной снова возвращаются и живутъ опять по прежнему. Извѣстно, что куницы нападаютъ на молодыхъ аистовъ и убиваютъ ихъ, но никто не можетъ назвать какого-либо хищника, который былъ-бы опасенъ взрослымъ аистамъ, исключая развѣ большихъ кошачьихъ породъ и крокодиловъ, которые изрѣдка похщаютъ нѣкоторыхъ изъ нихъ во время ихъ зимняго пребыванія въ жаркихъ странахъ. Несмотря на это, однако незамѣтно, чтобы число ихъ значительно увеличивалось, изъ чего слѣдуетъ, что такъ или иначе многіе изъ нихъ погибаютъ. Къ счастью человѣкъ чхъ вовсе не преслѣдуетъ въ такой степени, какъ этого бы желали нѣкоторые предубѣжденные недоброжелатели.

* * *

Второй живущій въ Германіи видъ этого рода — **Черный аистъ** (*Ciconia nigra, fusca, Ardea nigra, atra, chrysopelargus, Melanopelargus niger*. Schwarzstorch. Cigogne noire). Длина его достигаетъ 105 см., размахъ крыльевъ 198, длина крыла 55, длина хвоста 24 см. Опереніе головы, шеи и всей верхней части тѣла буровато-чернаго цвѣта съ прекраснымъ мѣднымъ или золотисто-зеленымъ или пурпуровымъ отливомъ, вся же нижняя часть тѣла, начиная съ груди, бѣлая; крылья и хвостовыя перья почти вовсе не имѣютъ блеска. Глаза красновато-бурые, клювъ кроваво-красный, ноги ярко-красныя. Цвѣтъ оперенія птенцовъ буровато-черновато-зеленый, причеиъ всѣ перья имѣютъ бѣловато-сѣрый каемки и почти матовыя, безъ блеска; глаза бурые, клювъ красноватый, ноги сѣроватыя оливково-зеленыя.

Черный аистъ живетъ въ средней и южной Европѣ, рѣже въ сѣверной и во многихъ странахъ Азіи, зимою же пребываетъ въ Африкѣ. Въ Германіи онъ гнѣздуется повсюду въ спокойныхъ лѣсахъ сѣверо-германской равнины, очень часто въ восточной и западной Пруссіи, а также въ Помераніи, нерѣдко въ Бранденбургѣ, Мекленбургѣ, Ольденбургѣ, Брауншвейгѣ и Ганноверѣ, иногда въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ, Ангальтѣ, Саксоніи, рѣже въ Вестфалии, Гессенѣ и Тюрингии и очень рѣдко въ южной Германіи. Въ Австро-Венгріи онъ особенно часто встрѣчается въ средней Венгріи и въ Галиціи; на Скандинавскомъ полуостровѣ изрѣдка попадаетъ до 60° с. ш., въ Россіи и Польшѣ встрѣчается только кое-гдѣ, а въ Давіи гнѣздуется на всѣхъ удобныхъ мѣстахъ. На Балканскомъ полуостровѣ его также можно видѣть нерѣдко; въ Голландіи, Бельгіи, Франціи, Испаніи, Итали и Греціи онъ бываетъ только во время перелета. Въ Азіи область гнѣздованія его распространяется на весь Туркестанъ, южную Сибирь, Монголію и Китай. Зиму онъ проводитъ въ средней и южной Африкѣ, въ Палестинѣ, Персіи и Индіи. Сообщение Верро, что онъ гнѣздуется также въ Капской землѣ, требуетъ еще подтвержденія. Въ Германію онъ прилетаетъ въ концѣ апрѣля или въ маѣ, водворяется въ своихъ старинныхъ гнѣздахъ, а въ августѣ опять пускается въ обратный путь.

Отъ обыкновеннаго аиста черный отличается прежде всего тѣмъ, что живетъ исключительно въ лѣсахъ и никогда не селится по близости людей. Онъ такъ же, какъ и родичъ его, предпочитаетъ равнины горамъ и мѣстности, обильныя водой—сухимъ, впрочемъ, встрѣчается вездѣ, гдѣ только можетъ завладѣть какимъ нибудь старымъ, корявымъ деревомъ съ засохшею верхушкою въ уединенной части лѣса, мало посѣщаемого людьми. На такомъ деревѣ онъ устраиваетъ гнѣздо и отдыхаетъ по ночамъ. Образъ жизни и привычки, всѣ движенія и способъ выраженія своихъ ощущеній, словомъ—весь нравъ его настолько сходенъ съ характеромъ обыкновеннаго аиста, что подробное описаніе чернаго — совершенно излишне. Впрочемъ въ движеніяхъ его болѣе ловкости и граціи, поэтому они красивѣе; онъ гораздо осторожнѣе и пугливѣе домашняго аиста, во всемъ же прочемъ совсѣмъ на него похожъ; онъ такой же хищникъ, какъ и родичъ его, не падать ни одного животнаго, могущаго служить ему въ пищу, по гораздо усерднѣе и успѣшнѣе охотится за всѣми прѣсноводными рыбами и потому въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бываетъ очень вреднымъ.

Свое большое, неуклюжее гнѣздо, похожее на гнѣздо обыкновеннаго аиста, но всегда меньшихъ размѣровъ, онъ устраиваетъ на сухихъ вѣтвяхъ, въ развѣтвленіи сучьевъ, или же на верхушкахъ большихъ старыхъ деревьевъ. Въ Германіи онъ всегда гнѣздится по одиночкѣ, а въ Венгріи въ небольшихъ полевыхъ рощахъ образуетъ цѣлыя поселенія въ двадцать и болѣе паръ, причемъ однако гнѣздо отъ гнѣзда отстоитъ все-таки на 100—600 шаговъ. Кладка состоитъ изъ 2—5, а чаще всего изъ 4 яицъ, которыя меньше яицъ домашняго аиста, имѣютъ около 75 мм. длины и 48 мм. ширины, но очень на нихъ похожи; насиживаніе начинается рѣдко равнѣе половины апрѣля, продолжается полныхъ четыре недѣли и ничѣмъ не отличается отъ вышеописаннаго. Птенцы вылетаютъ изъ гнѣзда въ концѣ іюня или въ началѣ іюля.

* *

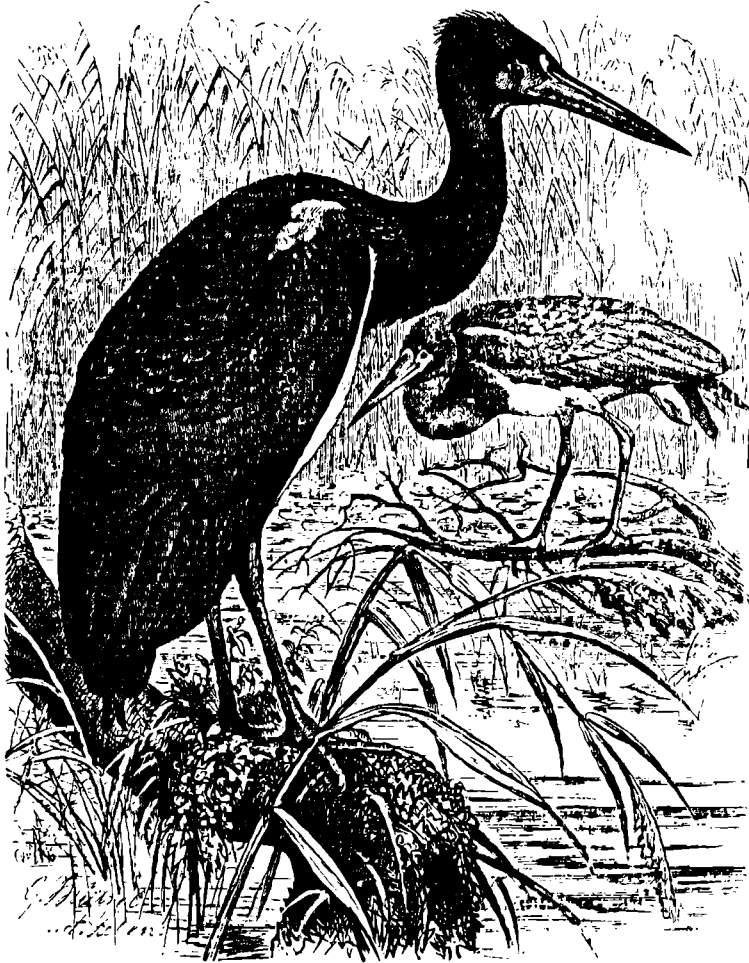
Домовый аистъ внутренней Африки, котораго въ Суданѣ называютъ **Симбилъ** (*Ciconia abdimii*, *Sphenorhynchus abdimii*, *Abdimia sphenorhyncha*, *Abdimstoreh*, *Cigogne africaine*) необыкновенно похожъ на чернаго аиста, но замѣтно меньше ростомъ; голова и шея у него черныя съ пурпуровымъ отливомъ, спина, крылья и хвостъ черныя съ зеленымъ блескомъ, нижнія части тѣла—бѣлыя. Глаза каріе. голое мѣсто около нихъ синее, голая передняя часть головы и горло красныя, клювъ зеленоватый, а на концѣ красный, ноги буровато-сѣрыя, на суставахъ блѣдно-красныя. Длина равняется 75 см., размахъ крыльевъ 160, длина крыла 45, хвоста—19 см.

Этотъ аистъ въ большомъ числѣ живетъ въ удобныхъ для него мѣстахъ отъ Донголы до южной оконечности Африки, и во время насиживанія птенцовъ всегда встрѣчается въ деревняхъ, но гнѣздится не на домахъ, а на сосѣднихъ деревьяхъ; въ южной части материка онъ селится преимущественно на мимозахъ и постоянно въ обществѣ себя подобныхъ, такъ что образуются на одномъ деревѣ настоящія колоніи въ 30 гнѣздъ и болѣе. Яйца, которыя бываютъ разнообразной величины и формы, все-таки меньше яицъ обыкновеннаго аиста, имѣютъ 55 мм. длины при 40 мм. ширины, очень похожи на яйца обыкновеннаго аиста и въ свѣжестъ видѣ имѣютъ голубоватый оттѣнокъ. Путешественнику, мало знакомому съ мѣстными обычаями, очень трудно добыть эти яйца, такъ какъ всякій вредъ, нанесенный этой священной птицѣ, считается преступленіемъ, которое приводитъ въ возбужденіе все населеніе деревни. Однако существуетъ очень простое средство успокоить, или если хотите одурочить мѣстныхъ жителей, сказавши,

*

что эти яйца нужны для приготовления цѣлебныхъ средствъ, а конечно лѣкарства, приготовленные изъ яицъ столь священной птицы, должны, по мнѣнiю африканцевъ, имѣть особенно сильное цѣлебное свойство. Этотъ доводъ всегда оказывается дѣйствительнымъ, и жители тогда даже помогаютъ европейцу добыть яйца.

По своему образу жизни симбиль такъ мало отличается отъ нашего аиста, что его можно описать лишь въ немногихъ словахъ. Это также перелетная птица, которая появляется незадолго до періодическихъ дождей, высидываетъ птенцовъ,

Симбиль. *Syconia abdimii*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

и въ декабрь, когда они уже могутъ летать, улетаетъ. Появленiе этихъ птицъ встрѣчается въ деревняхъ съ радостью, а отлетъ ихъ приводитъ населенiе въ печальное настроенiе. Во время своего пребыванiя въ Африкѣ онъ дружественно относится къ людямъ, трещя клювомъ, выражаетъ имъ привѣтствiя и очень хорошо сознаетъ, что къ нему относятся доброжелательно. Пищу свою, состоящую преимущественно изъ саранчи, а, по Гейглину, и изъ другихъ насѣкомыхъ, скорпионовъ, тарантуловъ, червей, слизней, лягушекъ и мелкихъ пресмыкающихся, онъ отыскиваетъ изъ степи, и потому всегда появляется около степныхъ пожаровъ. Когда онъ

шестуется, ища корма, то пурпуровая шурка часто садится къ нему на голову или спину, чтобы ловить оттуда летающихъ насѣкомыхъ, вспугнутыхъ ногами аиста.

* *
*

Во время моего путешествія по Голубому Нилу мы однажды въ послѣбѣд-
денное время посѣтили песчаный островъ на рѣкѣ, гдѣ было много различныхъ
болотныхъ птицъ. Между ними мы замѣтили двухъ голенастыхъ птицъ, которыхъ до
той поры не видали и которыя были намъ незнакомы. Онѣ отличались отъ про-
чихъ птицъ великолѣпными бѣлосѣжными крыльями съ черной полосой. На слѣ-
дующій день мы ихъ увидали снова и узнали въ нихъ **Исполинскихъ аистовъ**
(*Mycteria. Riesensörche*); туловище у нихъ удлиненное, шея относительно длин-
ная, голова довольно велика, клювъ очень большой, по спинкѣ почти прямой или
немного загнутый кверху, нижній край его замѣтно загибается кверху; иногда на
верхней части бываетъ восковица, а внизу висятъ кожистые наросты. Ноги у
этихъ аистовъ замѣчательно длинныя, но пальцы короткіе; крылья длинныя и
нѣсколько закругленныя, третье маховое перо длинѣе прочихъ; хвостъ средней
длины и на концѣ какъ бы прямо обрѣзанный. Самецъ по величинѣ мало отли-
чается отъ самки, а у молодыхъ птицъ опереніе не такъ красиво.

Миктерія (*Mycteria senegalensis, ephippiorhyncha. Ciconia senegalensis, ephip-
piorhyncha, Ephippiorhynchus senegalensis. Sattelstorch. Jabiru*) крупная и велико-
лѣпная птица. Перья головы, шеи, нижнихъ частей крыльевъ, плечъ и хвоста чер-
ныя съ металлическимъ блескомъ, всѣ прочія части тѣла бѣлыя, глаза золотисто-жел-
тые, клювъ у основанія красный, далѣе черный, а на концѣ кроваво-красный, голая
часть головы около клюва красноватая, ободокъ вокругъ глаза желтый; широкая
восковица, которая лежитъ на клювѣ какъ сѣдло и во всѣ стороны подвижна, зо-
лотисто-желтая и окружена узкой, черной бахромой изъ перьевъ; кожистые нарос-
ты подъ клювомъ тоже золотисто-желтые, плюсны—буровато-сѣрыя, нижній ко-
нецъ плюсны и концы пальцевъ грязно карминно-красные. Длина самца равняется
146 см., размахъ крыльевъ 240, длина крыла 65, а хвоста 26 см. Самка значительно
меньше. У молодыхъ птицъ всѣ темныя мѣста оперенія буровато-сѣрыя, бѣлыя
перья грязно-желтовато-сѣрыя, а кожистые наросты еще не развиты. Глаза у
нихъ каріе, а клювъ темно-красный, почти черноватый.

Для того, чтобы составить себѣ понятіе о силѣ впечатлѣнія, которое эта огром-
ная птица производитъ на наблюдателя и чтобы должнымъ образомъ любоваться
ея красотой, нужно видѣть миктерію на свободѣ, когда она вольно движется, ле-
таетъ и носится, описывая широкіе круги надъ темнымъ лѣсомъ. При ходьбѣ
этотъ аистъ великанъ держится очень прямо и гордо и вслѣдствіе своихъ длин-
ныхъ ногъ кажется еще больше, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ. При полетѣ мик-
терія великолѣпна, такъ какъ бѣлыя маховыя перья рѣзко отдѣляются отъ чер-
ныхъ покровныхъ перьевъ крыла. Къ сожалѣнію, онѣ встрѣчаются такъ рѣдко
въ тѣхъ странахъ, гдѣ я путешествовалъ и такъ пугливы и осторожны, что я
могу сообщить лишь немного наблюденій касательно ихъ жизни на свободѣ. Онѣ
живутъ по-парно на Бѣломъ и Голубомъ Нилѣ, на югѣ отъ 14° с. ш., встрѣ-
чаются какъ на западѣ, такъ и на югѣ Африки, держатся на берегахъ рѣкъ, на
песчаныхъ островахъ, на прибрежныхъ озерахъ и болотахъ и удаляются отъ
русла рѣки лишь только во время періодическихъ дождей; въ видѣ исключенія,
миктеріи встрѣчали и на мелкихъ морскихъ заливахъ. Онѣ рѣдко смѣшиваются
съ другими болотными птицами, и птицы одной пары держатся всегда вмѣстѣ.

Птицы эти выказывают много самоуверенности и достоинства. Марабу, который по росту не меньше миктерия и не глупее ее, не может быть однако сравненъ съ нею по поведенію. Каждое движеніе миктерия и вся осанка ее всегда красивы и граціозны и вполне соответвуютъ красотѣ оперенія. Она ходитъ мѣрными шагами, при ходьбѣ не шумитъ, слегка сгибаетъ шею и опускаетъ клювъ такъ низко, что нижняя челюсть почти касается шеи. Иногда она стоитъ выпрямив-

Миктерія. *Mycteria senegalensis*. $\frac{1}{6}$ наст. вел.

шись на одной ногѣ, иногда же отдыхаетъ на опущенныхъ плюснахъ; случается, что она совсѣмъ ложится на землю, согнувши ноги въ обоихъ суставахъ. Веселыхъ прыжковъ и пляски, какъ у журавлей, у этихъ птицъ никогда не замѣчали, но въ иныхъ случаяхъ она очень скоро бѣгаетъ съ распушенными крыльями. Миктерія очень ловко умѣетъ пользоваться своимъ огромнымъ клювомъ: она можетъ взять съ земли самый маленькій предметъ кончикомъ его и, подбросивши, проглотить; точно также она умѣетъ схватить имъ маленькаго паразита при чисткѣ перьявъ;

кромѣ того она, какъ и аистъ, щелкаетъ клювомъ и этимъ выражаетъ свои ощущенія.

Пища миктеріи, вѣроятно, мало отличается отъ пищи нашего аиста. Въ желудкѣ убитыхъ нами птицъ мы находили рыбъ, лягушекъ и жуковъ; другіе наблюдатели замѣтили, что она сильно истребляетъ саранчу; охотники Рюппеля убили одну изъ нихъ на падали и Гейглинь убилъ одну миктерію, которая вмѣстѣ съ грифами и марабу обжиралась мясомъ павшаго верблюда. Она можетъ точно такъ же ловко ловить летящую саранчу и другихъ насѣкомыхъ, какъ и схватывать ихъ съ земли. Она подбрасываетъ кусокъ пищи на воздухъ и очень ловко подхватываетъ его такъ, что онъ падаетъ прямо въ клювъ, а крупные куски сначала раздавливаетъ между челюстями. Ей нужно около одного килограмма мяса или соответствующаго количества рыбы, чтобы насытиться.

О размноженіи ихъ мы имѣемъ немного свѣдѣній. Въ общихъ чертахъ оно, вѣроятно, имѣетъ много сходнаго съ размноженіемъ аистовъ. Отношенія самца и самки чрезвычайно вѣжны; встрѣчаясь послѣ краткой разлуки, они трещатъ, будто здороваясь, цѣлуются и заводятъ совсѣмъ особенныя, очень потѣшныя пляски. Гнѣздо, на которомъ, поджавъ ноги, сидѣла самка миктеріи, очевидно высиживая птенцовъ, Гейглинь видѣлъ въ непроходимомъ лѣсистомъ болотѣ; расположено оно было на вершинѣ зонтикообразной акаціи, было очень объемисто, сверху плоское и состояло изъ сухихъ вѣтвей и прутьевъ. Яйца, которыя были найдены въ восточной Африкѣ, по виду и окраскѣ похожи на яйца аистовъ, но гораздо крупнѣе. Именно, въ продольномъ разрѣзѣ они имѣютъ 78, а въ поперечномъ 53 мм.

Въ настоящее время пойманныя миктеріи не составляютъ рѣдкости и часто встрѣчаются въ зоологическихъ садахъ. Онѣ очень хорошо переносятъ жизнь въ неволѣ, если получаютъ въ пищу мясо или рыбу, очень быстро осваиваются и дѣлаются такими же ручными, какъ и прочіе аисты, скоро научаются распознавать хозяина или сторожа и отличаютъ его отъ другихъ людей, встрѣчаютъ его щелканіемъ, увидѣвъ его еще издали, приближаются къ нему, если онъ зоветъ, и позволяютъ ему даже дотрогиваться до себя. На прочихъ животныхъ онѣ не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія, впрочемъ, не даютъ себя задѣвать, вслѣдствіе чего очень скоро приобрѣтаютъ полное уваженіе прочихъ сожителей общей загородки. Всякое ихъ движеніе и дѣйствіе очаровываютъ, такъ какъ поведеніе ихъ настолько же привлекательно, какъ и вѣшній ихъ видъ.

* *
*

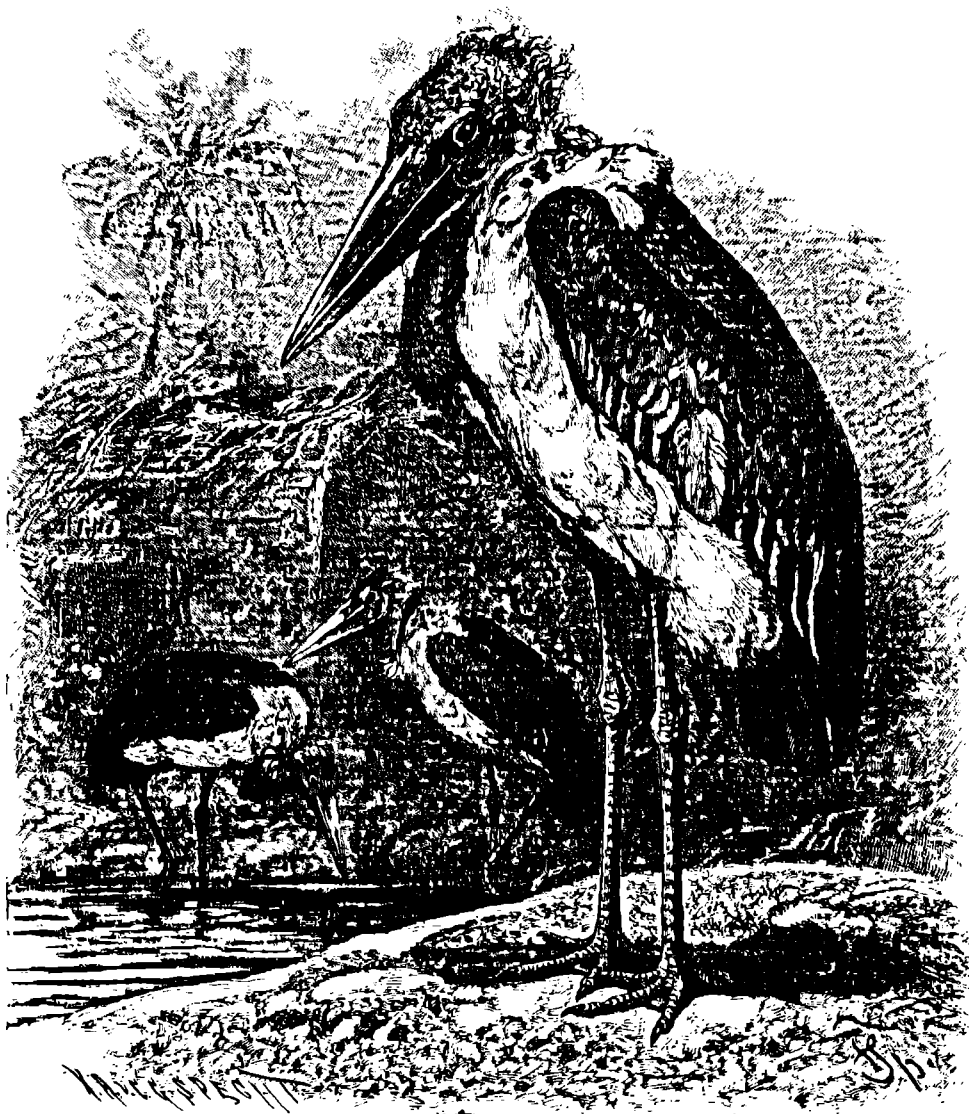
Самые некрасивые аисты носятъ названіе **Зобатыхъ аистовъ** (*Leptoptilus Kropfstörche*. *Cigognes à sac.*), такъ какъ пищеводъ ихъ въ нижней части шеи расширяется, образуя обширный мѣшокъ; хотя онъ имѣетъ мало общаго съ обыкновеннымъ зобомъ, но роль его та-же самая. Прочія особенности, отличающія этихъ аистовъ отъ другихъ, это толстое, почти неуклюжее тѣло, толстая голая шея, прыщеватая голова или вовсе голая, или, въ крайнемъ случаѣ, покрыта пушистыми перышками; чудовищный, у основанія очень толстый четырехгранный клювъ, клереди заостренъ клиновидно, наружная оболочка его поражаетъ своею шероховатостью; ноги высокія, крылья мощныя, закругленныя, въ нихъ четвертое маховое перо самое длинное; хвостъ средней величины, въ немъ нижнія кроющія перья необыкновенно развиты, начиная отъ основанія, сильно распушены и составляютъ прекрасное украшеніе.

Во время моего пребыванія въ Африкѣ я встрѣтилъ впервые живущій тамъ видъ, называемый **Марабу** (*Leptoptilus crumenifer*, *rueppellii*, *argala*, *Ciconia cru-*

menifera, vetula, argala, marabou, Mycsteria crumenifera. Marabou), называемый арабами **Абу Сейнъ** или «отецъ мѣшка», «мѣшконосецъ». Голова его красновато-мясного цвѣта и лишь очень скудно покрыта короткими волосистыми перышками, кожа почти всегда прыщеватая, шея голая. Цвѣтъ оперенія верхней части спины темно-зеленый, съ металлическимъ блескомъ, на всей же нижней части тѣла и на затылкѣ бѣлый; маховыя и рулевыя перья черныя и безъ блеска, наружныя опахала большихъ кроющихъ перьевъ крыльевъ имѣютъ бѣлыя каемки. Глаза каріе, клювъ грязнаго бѣловато-желтаго цвѣта, ноги черныя, но обыкновенно выпачканы свѣтлой грязью. Длина его простирается до 160 см., размахъ крыльевъ 300, длина крыла 73, длина хвоста 24 см.

Въ тѣхъ частяхъ Африки, гдѣ мнѣ приходилось путешествовать, марабу впервые встрѣтился примѣрно подъ 15° сѣверной широты. Начиная же отсюда, онъ встрѣчался уже нерѣдко по теченію двухъ главныхъ рѣкъ и почти всегда по близости большихъ селеній, гдѣ бывають базары, или же тамъ, гдѣ въ извѣстные дни недѣли бьютъ скотъ. Въ сѣверныхъ частяхъ области своего распространенія марабу появляются въ маѣ послѣ времени гнѣздованія, а въ сентябрѣ и октябрѣ опять улетаютъ въ лѣса, лежащіе далѣе къ югу, и тамъ гнѣздуютъ. Въ декабрѣ они уже, повидимому, вывели дѣтенышей, по крайней мѣрѣ мы въ половинѣ этого мѣсяца замѣчали по близости большой лужи необыкновенно количество этихъ прожорливыхъ птицъ. Гнѣзда ихъ я никогда не находилъ, и даже отъ туземцевъ не могъ узнать о немъ ничего достовѣрнаго. Единственный путешественникъ, которому удалось его видѣть, Ливингстонъ, говоритъ о немъ только то, что оно было устроено на боковыхъ вѣтвяхъ боабаба и состояло изъ кучи сухихъ вѣтвей; молодые, которые въ то время въ немъ находились, издавали непріятное «чук чук», всякій разъ, какъ старые прилетали или улетали. Гейглинъ получилъ отъ одного изъ своихъ охотниковъ яйцо, которое принадлежало, какъ полагали, этой птицѣ; оно было бѣлое, матовое, безъ глянца и имѣло 94 мм. длины и 45 мм. ширины. Въ Суданѣ я очень часто имѣлъ возможность наблюдать марабу, а близъ Хартума почти ежедневно. Кромѣ своей величины, онъ поражаетъ также и своей необыкновенной осанкой. Въ зоологическихъ садахъ онъ обыкновенно получаетъ какое-либо прозвище: его иногда называютъ «тайный совѣтникъ»; и дѣйствительно, говоритъ Фирталеръ, онъ сильно смахиваетъ на стараго служаку въ огненно-красномъ парикѣ, сгорбившагося отъ многолѣтней службы, который напялилъ черно-синій фракъ и узкіе бѣлые штаны и безпрестанно боязливо озирается на своего строгаго начальника; я еще прибавлю къ этому, что онъ напоминаетъ неловкаго челоуѣка, котораго впервые вырядили во фракъ и который не умѣетъ съ должнымъ достоинствомъ носить этого одѣянія. Въ Африкѣ мы его въ шутку называли «птица во фракѣ», такъ какъ подобное сравненіе само собою приходитъ на умъ при взглядѣ на марабу. Поведеніе его вполне соответствуетъ его вѣншнему виду и осанкѣ и невольно возбуждаетъ смѣхъ. Всякое его движеніе производится съ необыкновеннымъ спокойствіемъ: его походка, даже каждый шагъ и каждый взглядъ кажутся рассчитанными и точно обдуманными. Когда онъ чувствуетъ преслѣдованіе, то серьезно оглядывается, размѣряетъ разстояніе между собою и врагомъ и сообразуетъ съ этимъ свои шаги. Если охотникъ идетъ тихо, и онъ идетъ тихо, если охотникъ ускоряетъ шаги, и марабу дѣлаетъ то же самое, если охотникъ останавливается, то и птица не идетъ дальше. На обширной равнинѣ, позволяющей ему оставаться на любомъ разстояніи отъ врага, онъ рѣдко подпускаетъ челоуѣка на разстояніе выстрѣла, но и не взлетаетъ, а движется все по одному и тому-же направленію съ такимъ расчетомъ, чтобы между нимъ и охотникомъ оставалось отъ 300 до

400 шаговъ. Марабу очень уменъ и послѣ первыхъ выстрѣловъ, направленныхъ въ него или въ его товарищей, онъ самымъ точнымъ образомъ угадываетъ, какъ далеко хватаетъ охотничье ружье его врага; онъ тотчасъ отличаетъ охотника отъ другого человека, и все необыкновенное дѣлаетъ его болѣе осторожнымъ. Когда я прѣхалъ

Марабу. *Leptoptilus crumenifer*. $\frac{1}{8}$ нас. вел.

въ Хартумъ, то марабу жили въ полномъ согласіи съ мясниками, которые занимались своимъ дѣломъ на бойнѣ, расположенной около города; птицы безъ всякаго страха расхаживали вокругъ здапія и забирались даже внутрь его, выпрашивая себѣ отбросы и до тѣхъ поръ надѣдая мясникамъ, пока не получали какой-либо подачки. Никому не приходило на умъ ихъ преслѣдовать, имъ дозволялось очень

многое; если же онѣ дѣлались слишкомъ нахальными, то въ крайнемъ случаѣ въ нихъ бросали камнями. Во всякомъ случаѣ до нашего пріѣзда птица эта не подвергалась преслѣдованіямъ, такъ какъ даже европейцы, жившіе въ Хартумѣ, за нею не охотились, потому что не знали ей цѣны, по крайней мѣрѣ не знали, что у нея есть очень дорогія перья. Въ первый же разъ мы застрѣлили на охотѣ марабу, чтобы изслѣдовать эту удивительную птицу, и съ тѣхъ поръ товарищи убитаго совершенно измѣнили свое поведеніе. Они, правда, прилетали по прежнему къ скотобойнѣ, но всегда выставляли сторожей и улетали при первомъ приближеніи чловѣка съ бѣлымъ лицомъ или въ бѣломъ одѣявіи. Намъ было трудно убить должное количество этихъ птицъ, необходимыхъ для нашихъ коллекцій; о собираніи же драгоценныхъ перьевъ марабу нечего было и думать. Окончивъ трапезу, марабу удалялись отъ скотобойныхъ дворовъ, направлялись къ Нилу поудить малую толику рыбы и затѣмъ взлетали и проводили самые жаркіе часы дня, паря въ неизмѣримыхъ высотахъ, а можетъ быть разыскивая себѣ безопасное мѣстечко для отдыха, откуда обыкновенно подъ вечеръ опять улетали. Полетъ ихъ по истинѣ великолѣпнень, величественъ и болѣе похожъ на полетъ коршуна, нежели на полетъ нашихъ аистовъ; шея у него при этомъ вытянута, но, вѣроятно изъ за тяжелаго клюва, голова нѣсколько опущена; концы крыльевъ, какъ у нѣкоторыхъ коршуновъ и орловъ, приподняты кверху и вообще крылья движутся рѣдко.

Вѣроятно нѣтъ птицы, которая равнялась бы марабу по прожорливости. Обыкновенную его пищу составляютъ всевозможныя позвоночныя животныя, начиная отъ крысы и молодого крокодила и кончая самой маленькой мышкой; онъ пожираетъ также моллюсковъ, пауковъ, насѣкомыхъ и съ особеннымъ удовольствіемъ падалъ. Мы вынимали у него изъ зоба цѣлыя бычачьи уши и даже ноги съ копытами, также мы находили тамъ такія большія кости, что другой птицѣ ихъ бы даже не проглотить; мы замѣчали, что онъ глотаетъ землю, пропитанную кровью, и тряпки, испятнанныя ею, наблюдали, что, подстрѣленный, съ подшибленнымъ крыломъ, онъ еще торопился справиться съ начатымъ кускомъ. Однажды я видалъ, какъ 10—12 марабу въ Бѣломъ Нилѣ ловили рыбу. Дѣло это они дѣлали очень умѣло и ловко; они оцѣпляютъ извѣстное пространство и гонятъ рыбу другъ къ другу. Одному изъ нихъ посчастливилось поймать большую рыбу, конечно она тотчасъ же была проглочена и въ то время, пока оставалась въ зобу, она тамъ ворочалась, расширяя зобъ на цѣлый футъ. Всѣ прочія птицы тотчасъ же набросились на счастливаго ловца и хватали его за зобъ съ такимъ ожесточеніемъ, что тотъ принужденъ былъ бѣжать, чтобы положить конецъ нападеніямъ, которымъ онъ служилъ цѣлью. Съ грифами и собаками марабу постоянно враждуютъ; на падалъ они всегда нападаютъ одновременно съ грифами, но мѣста своего не уступаютъ; ушастый грифъ, который обыкновенно раздираетъ добычу и вскрываетъ брюшную полость, хотя и умѣетъ постоять за себя, но марабу не пытается прогнать, такъ какъ убѣжденъ, что тотъ себя тоже въ обиду не дастъ, а, напротивъ, начинаетъ угонять сосѣдей направо и налево такими сильными ударами своего клинообразнаго клюва, что непременно обезпечить себѣ должную часть добычи. Въ прожорливости своей онъ мнѣ далъ однажды такое доказательство, которое во мнѣ возбудило къ нему самое сильное отвращеніе. Мой черный служитель однажды выстрѣломъ изъ ружья раздробилъ одному марабу оба крыла и ногу, онъ не поторопился убить изувѣченную птицу и привнесъ ее еще живою въ наше помѣщеніе; въ это время тамъ обдирали кожи съ убитыхъ грифовъ; мясо отъ ногъ и крыльевъ, шеи и прочее кучами валялось вокругъ. Охотникъ Томбольдъ вздумалъ бросить одну изъ ободранныхъ пятацъ рапеному марабу, который, при первой попыткѣ встать на

ноги, тотчас упалъ и, несмотря на то, что лежалъ въ самомъ плачевномъ состоянїи, тотчасъ же сталъ съ жадностью пожирать огромное количество мяса. Я его немедленно убилъ.

Охота на нихъ бываетъ всегда затруднительна, такъ какъ необыкновенная пугливость птицъ этихъ лишаетъ охотника всякой возможности преслѣдовать ихъ. Даже на ночлегахъ ихъ нельзя съ увѣренностію рассчитывать, что удастся перехитрить этихъ умныхъ птицъ. Мы обезпечили нѣкоторыхъ изъ нихъ и послѣ этого они уже цѣлую ночь не садились, а летали надъ деревьями, служившими имъ ночными убѣжищами, и тѣ, которые были чѣмъ-либо напуганы близъ скотобойныхъ дворовъ, могли насъ, охотниковъ, довести до отчаянїя. Легче ихъ ловить слѣдующимъ способомъ и то только туземцамъ, къ которымъ они болѣе привыкли. На тонкую, но крѣпкую и длинную бичевку навязываютъ баранью ногу и кладутъ ее между прочими отбросами. Марабу проглатываетъ ее и, прежде чѣмъ успѣваетъ выплюнуть кость назадъ, онъ уже оказывается пойманнымъ, какъ на удочку.

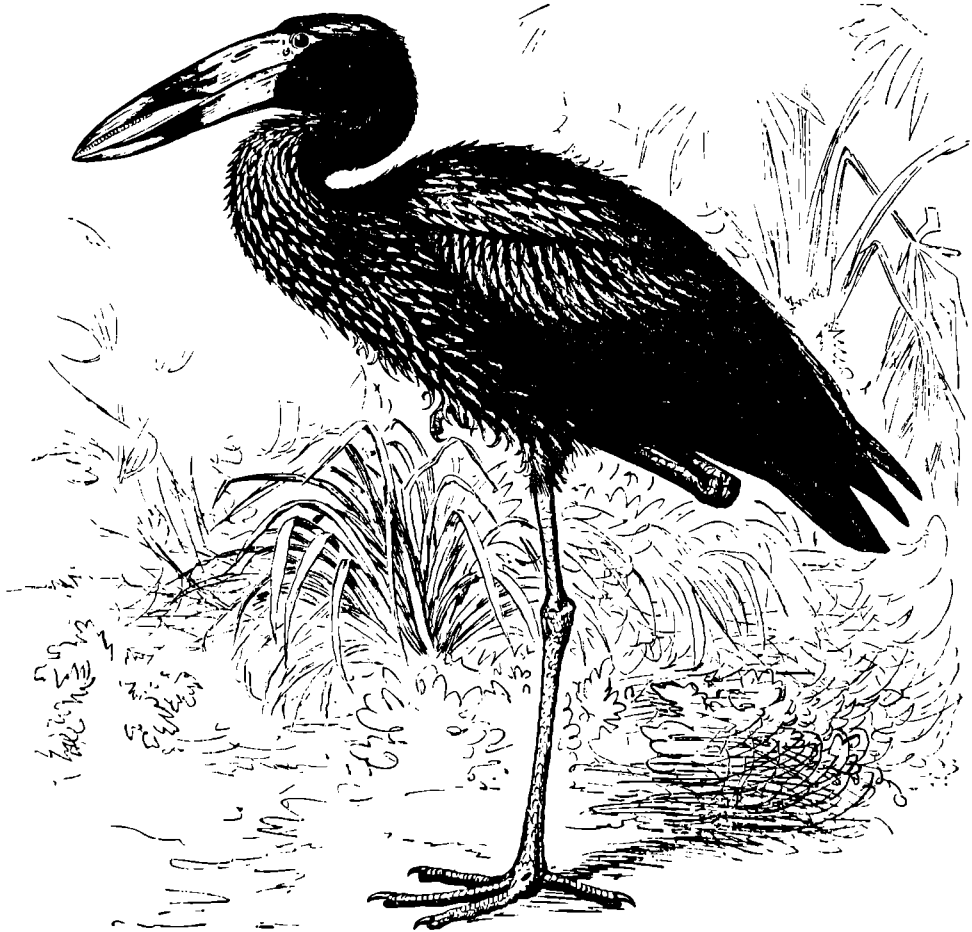
Такимъ точно способомъ и мнѣ удалось заполучить нѣсколькихъ зобатыхъ аистовъ; несмотря на ихъ неимовѣрную прозорливость, я ихъ охотно держалъ, потому что они очень скоро становились ручными и доверчивыми. Въ то время, какъ мы сдирали кожи съ птицъ, они стояли возлѣ, пресерьезно смотрѣли на насъ и караулили каждый кусокъ, который имъ бросали, очень ловко ловили добычу почти безъ промаха на лету, и изъясляли сторожу большую благодарность. Первый, который у меня жилъ, приходилъ ко мнѣ на встрѣчу, кивалъ головою, щелкалъ клювомъ, какъ аистъ, выражая этимъ свое удовольствіе и плясалъ вокругъ меня, принимая самыя потѣшныя позы. Впрочемъ его привязанность ко мнѣ нѣсколько уменьшилась съ тѣхъ поръ, какъ мы привели къ нему товарища, и когда я возвратился послѣ двухмѣсячнаго путешествія, то онъ меня уже не узнавалъ. Въ нашихъ зоологическихъ садахъ нѣтъ недостатка въ марабу, такъ какъ онъ по величинѣ своей составляетъ болѣе, чѣмъ какія-либо другія птицы предметъ общаго вниманія посѣтителей. Его смѣло можно держать вмѣстѣ со всевозможнаго рода домашней птицей; на дворѣ, гдѣ задается кормъ, онъ съ первыхъ же дней прїобрѣтаетъ такое неоспоримое владычество, что всѣ, отъ большихъ до малыхъ, осторожно его обходятъ и ждутъ, пока онъ не утолитъ своего голода. Разъ онъ насытился, то дѣлается покладливѣйшимъ существомъ въ мірѣ и самъ никогда и ни съ кѣмъ не заводитъ ссоръ, если его не раздражать. Эту огромную птицу можно держать даже и съ болѣе опасными животными, не боясь за него. Прирученный марабу, который бѣгалъ по двору у насъ въ Хартумѣ, въ короткое время сумѣлъ прїобрѣсти себѣ уваженіе всѣхъ прочихъ животныхъ и даже молодую, задорную львицу, которая для потѣхи, изъ чистой шалости пробовала нападать на него, онъ убѣдлвъ, что съ нимъ плохія шутки. Немедленно послѣ произведеннаго львицею нападенїя, марабу повернулся и храбро зашагалъ къ ней на встрѣчу и сталъ наносить ей своимъ сильнымъ клювомъ такіе чувствительные удары, что «Баида» сочла за лучшее убраться по добру-по здорову и, наконецъ, преслѣдуемая безстрашной птицей, вспрыгнула на стѣну, чтобы какъ-нибудь спастись отъ нея.

* * *

Тѣло **Разинъ** (*Anastomus*) относительно стройное, голова маленькая, клювъ толстый, сплюснутый съ боковъ, съ краями, нѣсколько подогнутыми, отличается особенно тѣмъ, что мелко-зубчатые края обѣихъ челюстей сходятся лишь у основанїя и на концѣ, а посреднїе отдалены другъ отъ друга; ноги такія-же, какъ у аистовъ, крылья большія, широкія и заостренныя, такъ какъ первое и второе махо-

выя перья въ немъ длиннѣе остальныхъ; двѣнадцатиперый хвостъ коротокъ, опереніе гладкое и прилегающее.

Разиня (*Anastomus lamelligerus*, *Hians capensis*, *Hiator lamelligerus*. Klaffschnabel. Вес ouvert) ростомъ нѣсколько меньше обыкновеннаго аиста; длина его разпается приблизительно 86 см., длина крыла 42, хвоста 19 см. Опереніе его отличается отъ оперенія прочихъ аистовъ тѣмъ, что стержни перьевъ шеи, брюшка и

Разиня. *Anastomus lamelligerus*. наст. вел.

бедеръ на концѣ превращаются въ узкія, длинныя, роговыя или хрящевыя пластинки, въ родѣ того, какъ у свистеля и у каркающаго пѣтуха. Эти пластинки, а также и стержни перьевъ очень блестящи, отливаютъ зелеными и пурпуровыми тѣнями, и перьямъ, которыя безъ этого казались-бы черными, придаютъ совершенно своеобразную красоту. Глаза красноватые, голая уздечка, горло и горловое пятно желтовато-сѣрые, роговой клювъ желтый и ноги черныя. Въ опереніи молодыхъ птицъ отсутствуютъ роговыя пластинки; общая окраска вслѣдствіе этого кажется болѣе темною и по преобладающему цвѣту буровато-сѣрая.

Послѣднія изысканія показали, что разиня живутъ въ средней и южной

Африкѣ, а также и въ Мозамбикѣ. Я встрѣчалъ ихъ у Голубого Нила не далѣе, какъ на 15 град. сѣв. шир. Здѣсь они иногда образовывали огромныя стаи, и тѣснились или по берегу рѣки, или-же частію стояли въ водѣ и ловили рыбу; они дружно сплываются между собою, но съ другими животными мало сходятся, хотя и ихъ случалось видѣть на мѣстахъ общихъ сборищъ всѣхъ болотныхъ пернатыхъ жителей; Гейглинъ находилъ ихъ на всѣхъ притокахъ Голубого и Бѣлаго Нила, а также и близъ стоячихъ водъ, расположенныхъ въ мѣстностяхъ, лежащихъ между двумя поименованными рѣками, въ Кордофанѣ и Такасѣ. По образу жизни Верро сравниваетъ разиню съ цаплей; я же долженъ сказать, что какъ дѣйствія, такъ походка и полетъ этой птицы, доказываютъ, что она настоящій аистъ. Въ спящемъ положеніи, какъ вѣрно рисуетъ его Гейглинъ, разиня держится прямо, сгибаетъ шею въ видѣ буквы S, причемъ голова почти всегда покончена на зобѣ. Ихъ движенія медленны и разнѣрены, полетъ-же, напротивъ, легкій, красивый, часто плавный, при взлетѣ-же шумливъ. Голосъ, по заявленію Гейглина, напоминаетъ грубое воронье карканье. До разсвѣта, часто при густомъ туманѣ, эта птица появляется близъ дужъ, на болотѣ и около пруда, по мнѣнію-же Поллена даже у морского берега, чтобы ловить слизней, улитокъ, ракушекъ, рыбъ и лягушекъ, изъ которыхъ первые составляютъ ея главную пищу. Говорятъ, что она любитъ также и ракообразныхъ, сверчковъ и червей, и Гейглинъ замѣтилъ, что она даже не брезгаетъ и надалью. Улитокъ она ловитъ въ водѣ, а ракушекъ въ илѣ, очень ловко умѣетъ ихъ вскрывать и вытаскивать ихъ мясо. Жердонъ наблюдалъ, какимъ образомъ въ данномъ случаѣ поступаютъ ихъ родичи, живущіе въ Индіи (*Anastomus oscitans*). Птица схватила раковину ногой, передвигала и ворочала ее до тѣхъ поръ, пока не пристроила, какъ ей казалось удобнымъ, и клювомъ своимъ вскрыла створки такъ скоро, что невозможно было прослѣдить, какъ именно она это совершила. Послѣ этого она засунула кончикъ клюва въ открытую раковину, пошевелила имъ тамъ нѣсколько время и вытащила изъ нея животное. Жердонъ видѣлъ нѣсколько разъ эти приемы и не сомнѣвается, что разиня точно также легко и скоро справится и съ рѣчной ракованой.

По свѣдѣніямъ Кирка разини вьютъ гнѣзда на деревьяхъ, по Ливингстону же они селятся колоніями въ камышахъ. Яйца, которыя Гейглинъ добылъ и которыя были ему указаны, какъ яйца разини, имѣютъ въ длину 63 мм., въ ширину 46 мм., тупая, овальная, бѣлая, съ шероховатой скорлупой.

Внутри Африки птицы эти вовсе не пугливы, у береговъ-же моря, наоборотъ, очень робки, поэтому охота на нихъ вдали отъ берега до того легка, что одинъ изъ моихъ охотниковъ могъ однимъ выстрѣломъ убить штукъ 8, на побережьяхъ-же, напротивъ, охота эта очень затруднительна. Близъ Замбези птенцовъ употребляютъ въ пищу, какъ лакомое блюдо, на Мадагаскарѣ-же ѣдятъ и взрослыхъ, такъ какъ Полленъ, говоря ихъ мясо, находить, что оно очень вкусно.

* *

Клювачи (*Tantalus*. *Nimmersatt*. *Tantales*) напоминаютъ ябисовъ. Тѣло ихъ плотное, шея умѣренно-длинная, голова довольно большая, клювъ длинный, закругленный и на остромъ концѣ ясно втянутый, у основанія толще, чѣмъ на концѣ, гдѣ онъ нѣсколько изогнутъ, ноги высокія и сильныя, ступня съ длинными пальцами, перепонка между пальцами широкая, крылья длинныя и широкія, второе маховое перо самое длинное, хвостъ короткій, опереніе обильное, но мелко-перистое, у нѣкоторыхъ видовъ вѣжное и прекраснаго цвѣта. Опереніе молодыхъ выглядитъ иначе, чѣмъ у старыхъ.

Клювач (*Tantalus ibis, rhodinopterus, longirostris, Ibis candida*. Nimmer-satt. Tantale) имѣетъ бѣлое опереніе на спинѣ съ розовато-краснымъ отливомъ, на кроющихъ перьяхъ крыльевъ и на плечевыхъ передъ бѣлымъ концомъ замѣтны розовато-красныя или пурпуровыя поперечныя пятна, которыя окружены узкой каймой болѣе темнаго цвѣта. Маховыя и рулевыя перья блестящія, зеленовато-черныя, нижнія кроющія перья крыльевъ подобны верхнимъ, но разцвѣчены еще великолѣпнѣе. Глаза бѣловато-желтые, клювъ воскового желтаго цвѣта, ноги блѣдно-красныя, голая лицевая часть киноварно-красная. Цвѣтъ оперенія птенцовъ совершенно скромный, именно: на шеѣ и верхней части тѣла пепельно-сѣрый, на прочихъ частяхъ желтовато-сѣрый. Длина взрослыхъ 90—104 см., размахъ крыльевъ 160—170, длина крыла 47—50, хвоста около 15 см.

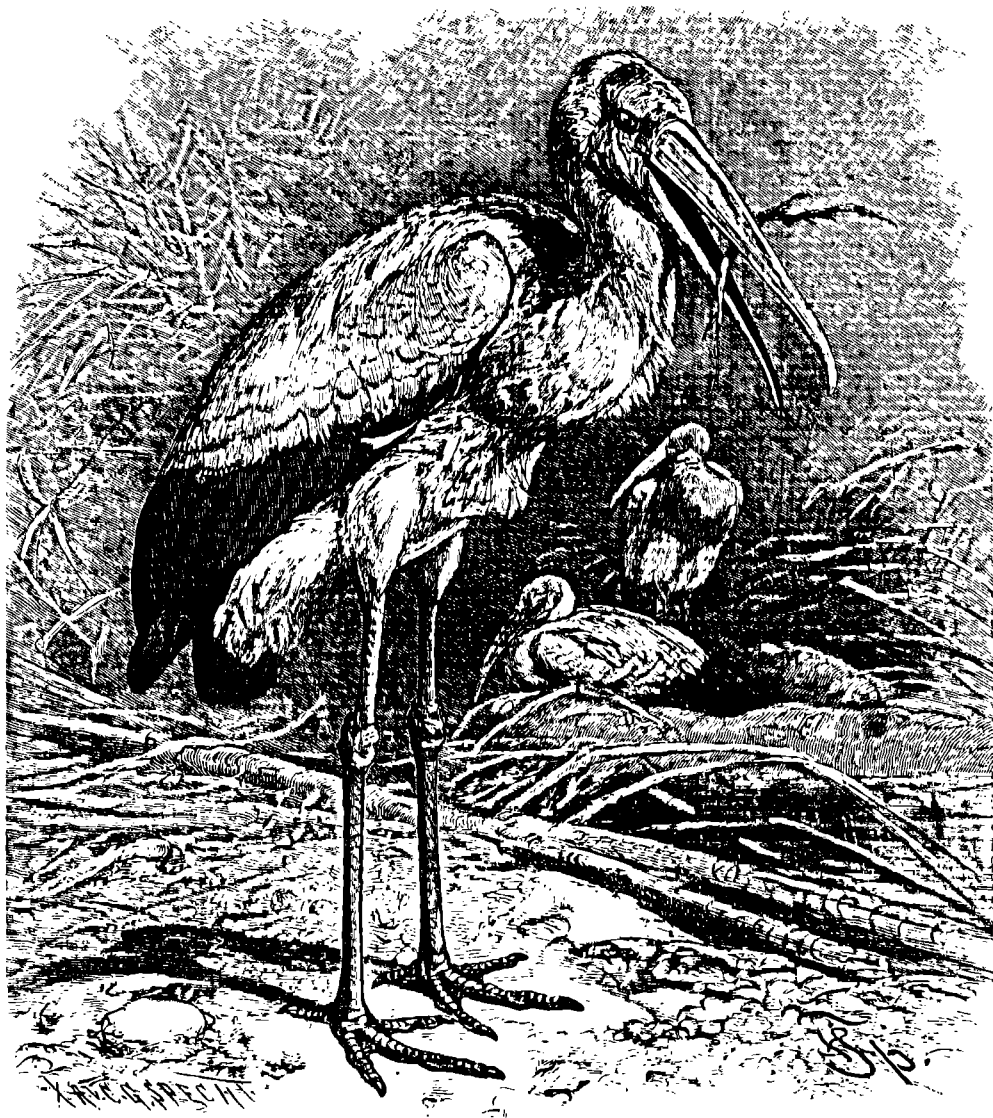
Клювачъ живетъ въ Африкѣ. Начиная отъ 18 град. сѣв. шир., по направленію къ югу онъ встрѣчается на всѣхъ внутреннихъ водныхъ пространствахъ, которыя приходилось наблюдать; немногіе, впрочемъ, встрѣчались и у морскихъ береговъ. Въ Египтѣ изрѣдка можно тоже видѣть отдѣльные экземпляры, которые тѣмъ не менѣе считаются здѣсь рѣдкостью; я не помню, чтобы когда-либо находилъ эту птицу къ сѣверу отъ Донголы. Близъ Хартума клювачъ нерѣдокъ, а у Голубого и Бѣлаго Нила въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчается часто. Клювачи здѣсь появляются около того же времени, какъ сюда прилетаютъ домашніе аисты и ибисы, проживаютъ здѣсь дождливое время и съ окончаніемъ его снова исчезаютъ всѣ, за исключеніемъ немногихъ запоздалыхъ. Въ августѣ цвѣтъ его оперенія особенно прекрасенъ; сообразуясь съ этимъ, слѣдуетъ предположить, что время размноженія ихъ совпадаетъ съ сентябремъ.

Сколько мнѣ помнится, я ихъ постоянно видѣлъ или въ водѣ, или же по близости нея, но никогда они не попадались на такомъ разстояніи отъ рѣки, какъ аисты или журавли. Повидимому, они съ одинаковымъ удовольствіемъ держатся на голыхъ побережьяхъ рѣкъ, какъ и въ прудахъ, сильно заросшихъ травой; клювачъ охотится по утрамъ и по вечерамъ и, какъ кажется, добычей его дѣлаются всякія мелкія животныя безъ исключенія, будь то млекопитающія или птички; впрочемъ, главную пищу его, вѣроятно, составляютъ рыбы, водяные гады и черви. Въ полдень и притомъ обыкновенно большими стаями они стоятъ и отдыхаютъ на песчаныхъ островахъ, разбросанныхъ по рѣкѣ, или въ мелкой водѣ, а иногда даже сидятъ на деревьяхъ. По походкѣ и полету они до того похожи на нашего аиста, что я даже не сумѣю указать какой-либо особенности, составляющей разницу въ этихъ движеніяхъ. Одно только, что онъ при полетѣ кажется гораздо красивѣе аиста, такъ какъ тутъ ярче выступаетъ прекрасная окраска его крыльевъ. Хотя они также бродятъ, какъ и всѣ остальные болотныя птицы, но образуютъ общество, которое болѣе или менѣе держится особнякомъ и выдѣляется изъ общей толпы и для отдыха отстаиваетъ свое обычное мѣсто.

О размноженіи ихъ я, къ сожалѣнію, не могъ сдѣлать собственныхъ наблюденій, и мнѣ даже не удалось получить свѣдѣній отъ другихъ путешественниковъ. Одно яйцо, снесенное самкою клювача въ неволѣ, имѣло, по словамъ Перкорна 68 мм. длины, 45 ширины, было продолговатой, удлиненной и правильной формы, съ крѣпкой скорлупой, мало блестяще и имѣло по бѣлому полю блѣдно-облачныя неясныя желтыя пятна. Мѣрлонъ утверждаетъ, что клювачъ нѣдкими обществами селится обыкновенно на деревьяхъ, устраивая большое общее гнѣздо, и класть отъ 3—4 бѣлыхъ яицъ съ блѣдно-желтыми пятнами.

Въ позднѣйшее время молодые клювачи неоднократно попадали изъ западной Африки въ Европу. Содержаніе ихъ не представляетъ ни малѣйшихъ трудностей,

такъ какъ они довольствуются тѣмъ же кормомъ, который даютъ аистамъ. Съ послѣдними сходенъ ихъ образъ жизни; они отличаются болѣе кроткимъ нравомъ, и необыкновенная уживчивость очень располагаетъ въ ихъ пользу. По словамъ Бодинуса, самое замѣчательное въ этой птицѣ—это то, что она засовываетъ свой клювъ въ воду открытымъ, какъ будто ждетъ, что добыча сама-собою поже-

Клювачъ. *Tantalus ibis.* част. вел.

ласть влѣзть въ ея горло. «Этотъ образъ дѣйствій худо вяжется съ нѣмецкимъ названіемъ этой птицы «Ненасытный», да и въ другомъ отношеніи клювачъ не заслуживаетъ это имя. Онъ ни въ какомъ случаѣ не прожорливѣ своихъ родичей; и скорѣе назвалъ бы его болѣе умереннымъ. Его обращеніе заставляетъ въ немъ предполагать мирное существо, полное душевнаго спокойствія. Онъ съ полнымъ

достоинством прогуливается по своей загородкѣ, обдуманно и внимательно всматривается въ проходящихъ мимо; онъ съ кажущимся снисхожденіемъ занимается другими птицами; когда онъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ разукрасится своимъ великолѣпнымъ опереніемъ, онъ по истинѣ составляетъ гордость и украшеніе зоологическихъ садовъ, принадлежитъ къ красивѣйшимъ птицамъ, которыхъ держать въ неволѣ. Подъ небомъ Германіи ему почему-то не по себѣ, а морозовъ онъ вовсе не можетъ переносить. При самыхъ незначительныхъ холодахъ онъ отмораживаетъ себѣ пальцы и получаетъ воспаленіе кишекъ, отъ котораго обыкновенно и погибаетъ. Если его держать въ непокрытыхъ загородкахъ, гдѣ онъ можетъ летать, тамъ онъ почти цѣлые дни проводить на деревьяхъ и опускается на землю только за пищей». Въ нѣкоторыхъ зоологическихъ садахъ онъ себѣ устраивали гнѣзда; въ Берлинскомъ самка даже спарилась съ однимъ видомъ аистовъ и клала яйца, но птенцовъ не вывела.

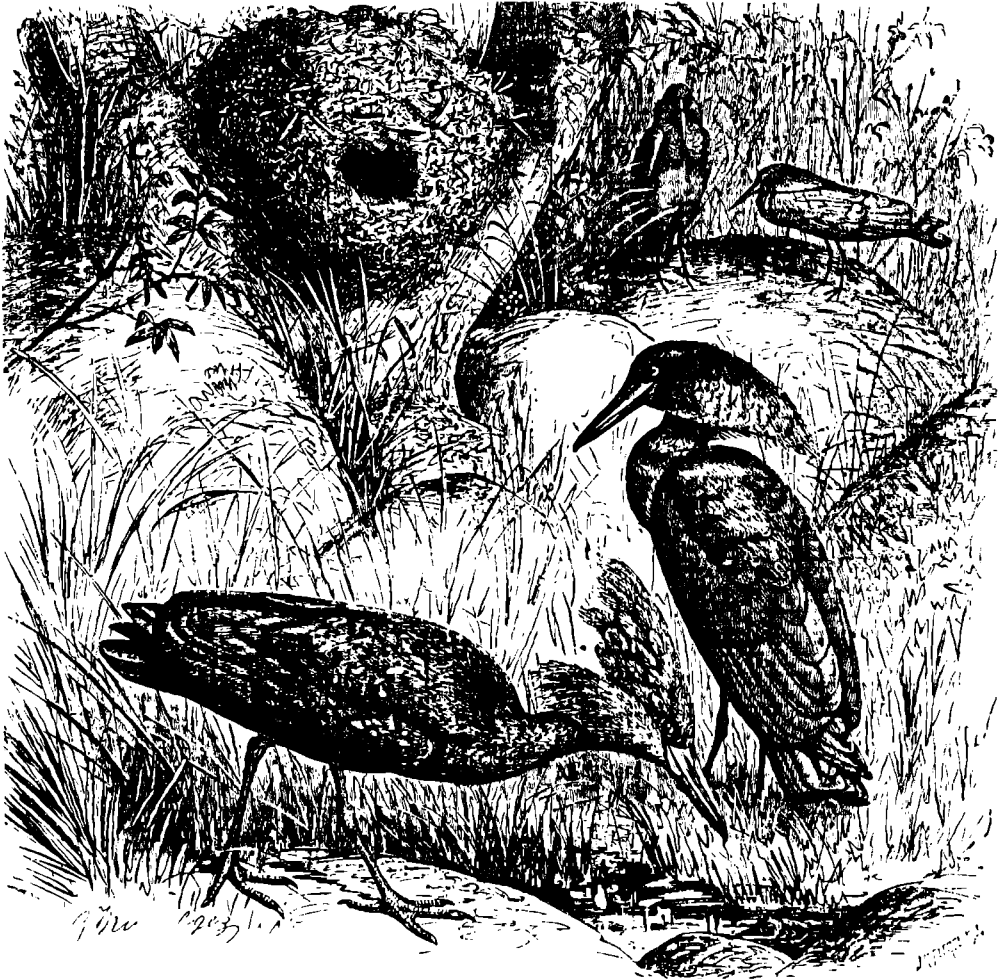
* *
*

Тѣневая птица (*Scopus umbretta*, *Cepphus scopa*, *Ardea fusca*. Schattenvogel. Ombrette) служитъ представителемъ особаго семейства голенастыхъ птицъ,—**Молотоглазовъ** (*Scopidae*. Hammerköpfe). Туловище короткое и почти цилиндрическое, шея короткая и толстая, голова относительно большая, клювъ длиннѣе головы, прямой, высокій, съ боковъ сжатый и на концѣ съ небольшимъ крючкомъ; ноги средней длины, перепонка между пальцами имѣетъ глубокіе вырѣзы, крылья широкія и сильно округленныя, въ нихъ третье маховое перо самое длинное; хвостъ состоитъ изъ двѣнадцати рулевыхъ перьевъ средней длины. Мелкое опереніе густое и длинное, на затылкѣ оно образуетъ довольно большой хохолокъ, окраска его почти однообразно-бурая, цвѣта умбры, на нижней сторонѣ тѣла, по обыкновенію, сѣдлѣе. Маховыя перья темнѣе перьевъ спины и очень блестящи; рулевыя перья имѣютъ широкую пурпурово-бурюю полосу на концѣ и многія неправильныя узкія полоски у основанія. Глаза темно-каріе. клювъ черный. ноги черно-бурыя или также черныя. Длина птицы равняется 56 см. размахъ крыльевъ 104, длина крыла 31, хвоста 16 см. Самка не отличается отъ самца.

Эту голенастую птицу встрѣчали почти во всѣхъ странахъ Африки, не исключая юга этого материка и Мадагаскара, а также въ южной Аравіи, но, по видимому, она нигдѣ не бываетъ многочисленна. Она предпочитаетъ низменности, но Гейглинъ находилъ ее, однако, во внутренности Абиссиніи на вершинахъ до 3000 м. вышины. Я встрѣчалъ неоднократно тѣневую птицу въ тѣхъ странахъ, гдѣ путешествовалъ, но всегда по одиночкѣ или парами. Это довольно странная птица. Когда она стоитъ, то держится не такъ красиво, какъ цапля: шея сильно втянута, хохоль закинута на спину, такъ что голова кажется лежащею на плечахъ. Гаррманъ полагаетъ, что во внѣшности она похожа на ворону и если бы не хохоль и не тонкія длинныя ноги, то сходство это было бы еще поразительнѣе; по моему же мнѣнію, между тѣневою птицею и нѣкоторыми ибисами существуетъ еще болѣе сходства. Когда ничто ея не пугаетъ и она думаетъ, что ее не подстерегаютъ, то играетъ своимъ хохолкомъ и то взъерошиваетъ, то опускаетъ его; иногда же она по нѣсколько минутъ стоитъ совершенно неподвижно на одномъ мѣстѣ. Походка тѣневой птицы легка и красива, но равномерная, а не стремительная; полетомъ болѣе всего она напоминаетъ аиста: тѣневая птица любитъ летѣть прямо съ мѣста, много паритъ и часто поднимается на значительную высоту, если собирается перелетѣть съ воды съ одного мѣста на другое; звука голоса ея я никогда не слыхалъ; по Гейглину, она издаетъ рѣзкое кваканье.

Эти птицы всегда встрѣчаются только на лѣсныхъ рѣкахъ или на такихъ бере-

гахъ, которые поросли лѣсомъ; оживленнѣ всего онѣ бываютъ въ часы утреннихъ и вечернихъ сумерекъ; днемъ онѣ, повидимому, спятъ, такъ какъ сидятъ неподвижно на одномъ мѣстѣ или же тихо и смиренно бродятъ въ самой прохладной и тѣнистой части лѣса, то шлепаютъ по водѣ, какъ всѣ болотныя птицы, то, подобно маленькимъ цаплямъ, съ берега схватываютъ пищу. По моимъ наблюдениямъ, рыба составляетъ главную ихъ пищу. Отъ другихъ естествоиспытателей мы

Тѣневая птица *Scopus umbretta* наст. ве.

знаемъ, что онѣ ѣдятъ также ракушекъ, гадювъ, особенно-же лягушекъ, маленькихъ змѣй, ракообразныхъ, червей и личинокъ насекомыхъ. Самецъ и самка не очень держатся другъ друга, гораздо чаще, кажется, каждый изъ нихъ идетъ своей дорогой и только изрѣдка сходится со своей парой. Онѣ не очень пугливы, но, подобно всѣмъ цаплямъ, осторожны; отъ своихъ болѣе смѣлѣе родичей отличаются тѣмъ, что когда видятъ, что ихъ преслѣдуютъ, не тотчасъ прибѣгаютъ къ бѣгству, какъ съ средству спасенія, но улетаютъ не далѣе нѣсколькихъ сотъ шаговъ, потомъ ожидаютъ своего преслѣдователя, а затѣмъ опять

удаляются. По сообщеніямъ Гейглина, появленіе человѣка иногда вовсе не пугаетъ ихъ, случается даже такъ, что привлеченныя звуками копытъ верхового, онѣ, покачиваясь, низко летятъ и приближаются, чтобы вблизи хорошенько разсмотрѣть нарушителя своего покоя.

Исполинское гнѣздо, отличающееся круглымъ входнымъ отверстіемъ, я нѣсколько разъ видалъ, не догадываясь, что это гнѣздо тѣневой птицы. Первымъ описаніемъ его мы обязаны Делегору и Верро. Всѣ мною видѣнныя гнѣзда были большею частію устроены на развѣтвленіи ствола или сучьевъ мимозы, не очень высоко надъ землею; по мнѣнію Верро, гнѣзда также устраиваются и на вѣтвяхъ другихъ деревьевъ или даже на высокихъ кустахъ. Всѣ они очень искусно слѣплены изъ прутьевъ и глины. Снаружи они имѣютъ 1½—2 м. въ поперечномъ разрѣзѣ и почти столько-же въ вышину, такъ какъ они выведены куполообразно со сводомъ. Внутренность раздѣляется на три совершенно отдѣльныя помѣщенія: прихожую, приемную и спальню. Эти помѣщенія отдѣланы внутри такъ-же тщательно, какъ стѣнки снаружи, входныя отверстія въ нихъ только такого размѣра, чтобы птица могла черезъ нихъ пролѣзть. Заднее помѣщеніе устроено выше двухъ переднихъ, такъ что въ случаѣ несчастія вода, проникающая внутрь жилища, могла бы утекать; вся постройка сработана такъ превосходно, что даже ливни не всегда ей причиняютъ вредъ; если же бѣда и стряется, то обитатели тотчасъ же принимаются за дѣло и искусно исправляютъ поврежденія. Спальня, самая объемистая часть гнѣзда, расположена позади всѣхъ и здѣсь происходитъ насиживаніе, въ которомъ поочередно принимаютъ участіе обѣ птицы, составляющія одну пару. Тамъ, на мягкой подстилкѣ изъ тростника и частей другихъ растений, лежатъ 3—5 яицъ, составляющихъ кладку; яйца бѣлыя, 44 мм. длины и 33 мм. ширины. Среднее отдѣленіе служитъ складомъ добычи отъ охоты. Въ доказательство, что запасовъ бываетъ всегда вдоволь и даже съ избыткомъ, здѣсь можно во всякое время найти кости высохшихъ или сгнившихъ животныхъ. Передняя, самая маленькая изъ всѣхъ трехъ, служитъ для того, чтобы отсюда держать караулъ; здѣсь сторожъ стоитъ и высматриваетъ, чтобы своимъ хриплымъ голосомъ предупредить товарища объ опасности и способствовать его побѣгу. Верро замѣтилъ, что сторожъ всегда лежалъ на груди и вытягивалъ голову впередъ, чтобы тотчасъ замѣтить приближеніе противника. Птенцы тѣневыхъ птицъ такъ-же точно, какъ и птенцы цапли, очень долго не покидаютъ гнѣзда. Пока вся семья вмѣстѣ, у старыхъ дѣла и заботъ половъ ротъ: отъ восхода солнца до заката они все время таскаютъ въ гнѣздо пищу. На тѣлѣ малышей, почти голомъ, все же видны признаки сѣро-бураго пуха.

О строеніи гнѣзда Моятейро, Мидлетонъ и Фалькенштейнъ сообщили недавно слѣдующее: первый говоритъ, что жители Анголы увѣряютъ, что тѣневые птицы сами своего гнѣзда не строятъ, а заставляютъ другихъ птицъ работать за себя; Мидлетонъ однако видалъ, какъ собственникъ гнѣзда подносилъ строительный матеріалъ; онъ же говоритъ, что нашелъ однажды три гнѣзда на одномъ деревѣ; близко одно отъ другого и не выше 2 м. надъ землею. Строенія были произведены такъ крѣпко, что выдерживали тяжесть человѣка, а комнатики были такія крошечныя, что птицѣ едва можно повернуться. «Постройка», говоритъ Фалькенштейнъ, «тѣхъ гнѣздъ, которые я разсматривалъ, были сдѣланы изъ сухихъ вѣтвей, сухихъ травъ и листьевъ. Въ нижней трети отверстіе, около 9 см. поперечника, ведетъ внутрь; въ немъ, при обыскѣ, мы нашли двухъ почти оперившихся птенчиковъ». О тѣневой птицѣ у народовъ, которые знаютъ эту птицу, ходятъ всякаго рода рассказы. Жители Анголы, напримѣръ, вѣрятъ, что пскій, кто выкупался въ одной и той же водѣ съ птицей, непремѣнно покроеся сыпью.

Черны береговъ Газелевой рѣки также боятся ихъ и не разоряютъ гнѣздъ этихъ птицъ.

Ибисы (Ibidae. Ibisae. Ibis.) образуютъ послѣднее семейство голенастыхъ; они средней величины и красиво сложены; около 30 видовъ ихъ разбросано по всей землѣ. Весь клювъ ихъ довольно мягкій, только съ твердымъ кончикомъ и бываетъ двухъ формъ; общимъ признакомъ для обѣихъ составляютъ бороздки, идущія вдоль всего клюва отъ ноздрей до конца его; ноги ихъ довольно длинныя, передніе пальцы соединены короткой перепонкой, крылья заостренныя, хвостъ прямо обрѣзанный; опереніе обильное. Они распадаются на два, опредѣленно разграниченныя подсемейства.

Ибисы (Ibidinae. Ibisae) въ тѣсномъ смыслѣ образуютъ первое подсемейство. Эти птицы не очень большія, но крѣпко сложенныя, съ умѣренно длинной шеей и маленькой головой. Клювъ у нихъ красивый, не очень толстый, но длинный, серпообразно согнутъ книзу, постепенно очень утончается отъ основанія къ концу, почти цилиндрической формы; верхняя челюсть его имѣетъ продольныя бороздки, идущія до самаго кончика, края рта хотя тупы, но не вздуты. Ноги высокія и стройныя, пальцы ногъ довольно длинны, три передніе соединены маленькой перепонкой, когти узкіе, плоскіе, закругленные, на концѣ острые и внизу полые; средній палецъ иногда зазубренъ на подобіе гребня; крылья большія, широкія и закругленныя, второе маховое перо въ большинствѣ случаевъ бываетъ самое длинное, добавочныя же крылья отличаются тѣмъ, что очень коротки и перья на нихъ распушены. Хвостъ короткій, широко закругленный или съ небольшою выемкой, состоитъ изъ 12 перьевъ; мелкое опереніе довольно жесткое и плотно прилегающее; окраска расположена большими пятнами. Нѣкоторые виды поражаютъ тѣмъ, что голова и шея у нихъ голыя, или имѣютъ своеобразные покровы; у иныхъ перья задней части шеи удлинены. Полы мало отличаются одинъ отъ другого, молодые же отъ старыхъ, напротивъ, отличаются очень сильно; зимнее и лѣтнее оперенія также бываютъ не одинаковы.

Ибисы, которыхъ насчитываютъ до 24 видовъ, живутъ преимущественно въ странахъ жаркаго пояса всѣхъ частей свѣта; нѣкоторые отдѣльные виды встрѣчаются въ различныхъ странахъ, другіе же имѣютъ нѣсколько болѣе ограниченную область распространенія. Тѣ, которые живутъ на сѣверѣ, принадлежатъ къ перелетнымъ птицамъ, остальные кочуютъ. Они селятся въ болотахъ, трясинахъ и въ лѣсистыхъ мѣстахъ; какъ дневныя птицы, съ разсвѣтомъ улетаютъ они со своихъ ночлеговъ за пищу, днемъ то заняты, то отдыхаютъ, въ послѣобѣденные часы опять ищутъ корма и вечеромъ всѣ вмѣстѣ направляются къ деревьямъ, служащимъ убѣжищами для ночлега. Они находятся въ движеніи исключительно только днемъ и не пользуются даже свѣтлыми лунными ночами. Ибисы ходятъ хорошо, мѣрными шагами, никогда не бѣгаютъ слишкомъ быстро, но настолько тихо, что движеніе ногъ всегда замѣтно. По водѣ бродятъ, погрузившись до самаго туловища, плаваютъ довольно хорошо, когда имъ вздумается, или если обстоятельства ихъ къ этому принудятъ; летаютъ тихо, иногда махаютъ крыльями часто, иногда же скользятъ по воздуху; при полетѣ стаями они располагаются въ видѣ клина или прямой линіи, которая прорѣзаетъ воздухъ во всю ширь; передъ тѣмъ какъ опуститься на землю, они нѣкоторое время парятъ. Голосъ ихъ неблагозвученъ, глухой, рѣзкій или каркающій, иногда пронзительный и жалобный, у нѣкоторыхъ видовъ очень странный, и ни у одного вида изъ этого семейства звуки голоса не производятъ

приятнаго впечатлѣнія. Внѣшнія чувства развиты очень хорошо, а душевныя способности даютъ имъ право на первое мѣсто въ своемъ отрядѣ. Всѣ они живутъ обществами и соединяются не только съ птицами своего вида, но и съ другими, не сближаясь съ ними однако слишкомъ тѣсно, по крайней мѣрѣ не продолжая эту связь слишкомъ долго; между собою они живутъ всегда стаями или парами, гнѣздуютъ и странствуютъ цѣлыми обществами и не разлучаются и въ зимнихъ мѣстахъ пребыванія. Тѣ изъ нихъ, которые живутъ близъ устьевъ рѣкъ и на берегахъ морей, питаются преимущественно рыбой, раками, моллюсками; тѣ-же, которые живутъ въ болотахъ, ѣдятъ рыбъ, различнаго рода гадовъ и всякихъ мелкихъ водяныхъ животныхъ. Живя на свободѣ, они пренебрегаютъ всякой растительной пищей; въ неволѣ же, напротивъ, они ее предпочитаютъ всему прочему, и особенно любятъ бѣлый хлѣбъ. Гнѣздо всегда устраивается на вѣтвяхъ деревьевъ или кустовъ, иногда же они захватываютъ и чужое гнѣздо, которое другая птица здѣсь свила для себя; кладка состоитъ изъ 3 — 6 одноцвѣтныхъ яицъ. Насиживаютъ-ли обѣ птицы эти яйца, остается вопросомъ не рѣшеннымъ; впрочемъ, намъ извѣстно, что птенцовъ они воспитываютъ сообща. Молодые остаются въ гнѣздѣ до тѣхъ поръ, пока научатся летать, но еще долго и послѣ того нуждаются въ руководствѣ старшихъ и остаются жить съ ними, составляя всѣ вмѣстѣ одно общество. Полнаго возраста они достигаютъ не ранѣе двухъ лѣтъ; многіе виды лишь на третьемъ году становятся способными къ размноженію. Отъ естественныхъ враговъ не страдаютъ особенно ни старыя, ни молодыя, точно также и охотники большею частію щадятъ ихъ, хотя вкусное мясо достаточно наградило бы охотника за его трудъ. Гораздо больше стараній прилагается, чтобы приручить ихъ, такъ какъ пойманныя не только быстро привыкаютъ къ человѣку, но доставляютъ ему большое удовольствіе своею понятливостью и приятнымъ нравомъ.

* * *

Коровайки (*Plegadis*) отличаются слѣдующими характерными признаками: дугообразно согнутый клювъ довольно тонокъ, ноги средней длины, крылья довольно широкія и закругленныя; въ нихъ второе и третье маховыя перья самыя длинныя, хвостъ относительно короткій, опереніе густое и покрываетъ все тѣло, кромѣ уздечки. Представительницею ихъ въ Европѣ является **Коровайка** (*Plegadis falcinellus*, *Falcinellus rufus*, *igneus*, *Scolorax rufa*, *guaranna*, *Tringa autumnalis*, *Numenius autumnalis*, *viridis*, *castaneus*, *igneus*, *chili*, *Tantalus falcinellus*, *manillensis*, *bengalensis*, *mexicanus*, *chalcopterus*, *Ibis sacra*, *fuscata*, *castanea*, *suprea*, *peregrina*, *erythrorhyncha*, *brevirostris*, *ordi*. *Sichler*. *Falcinelle*). Цвѣтъ перьевъ на шеѣ, брюшкѣ, груди, на бедрахъ и верхней части крыльевъ каштаново-буро-красный, на темени темно-бурый съ краснымъ оттѣнкомъ, на спицѣ черновато-бурый съ фіолетовымъ или зеленоватымъ отливомъ; точно также выглядятъ и маховыя и рулевыя перья. Глаза каріе, голый ободокъ вокругъ глазъ зеленовато-сѣрый, клювъ грязновато-темно-зеленый, ноги зеленовато-сѣрыя. Въ зимнемъ опереніи голова, передняя и задняя части шеи черныя; книзу перья дѣлаются свѣтлѣе; всѣ они по сторонамъ имѣютъ бѣлую каемку; вся остальная верхняя часть тѣла имѣетъ мѣдный цвѣтъ въ перемежку съ зеленымъ, нижняя часть тѣла, начиная отъ самой головы, буро-сѣрая. Длина птицы 60 см., размахъ крыльевъ 98, длина крыла 35 и хвоста 9 см.

Коровайки живутъ во всѣхъ пяти частяхъ свѣта. Въ Европѣ онѣ водятся въ долинѣ Дуная, въ Россіи и на югѣ Польши; нѣкоторые отдѣльныя экземпляры попадаютъ въ южной Италіи, южной Франціи и въ Испаніи, въ Азій встрѣ-

чаются во всѣхъ странахъ вокругъ Каспійскаго и Чернаго морей, въ Анатолиі, въ Персіи, Сиріи и во всей Индіи; въ Африкѣ онѣ гнѣздятся на сѣверномъ берегу у Средиземнаго моря, а можетъ быть и внутри материка, а также на Западѣ и на юго-востока́ этой части свѣта; сюда онѣ обыкновенно правильно перекочевываютъ; въ нѣкоторыхъ странахъ Австраліи онѣ встрѣчаются повсемѣстно, въ Америкѣ ихъ можно видѣть въ странахъ, лежащихъ отъ 46 гр. сѣв. шир. до 40 гр. южной широты. Изъ Россіи и Польши небольшое количество ихъ попадаетъ въ Силезію, Авгальтъ, Брауншвейгъ и въ нѣкоторыя другія мѣстности Германіи; случалось, что такія заблудшія птицы залетали даже въ Гренландію. Кажется я не ошибусь, если скажу, что въ Египтѣ коровайки изъ году въ годъ держатся все въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, въ Венгріи онѣ бывають какъ перелетныя птицы, которыя всегда прилетаютъ въ концѣ апрѣля, а въ августѣ и самое позднее въ сентябрѣ улетаютъ. Тутъ притонами имъ служатъ всѣ мѣстности по нижнему теченію Дуная, Савы и Дравы, а именно болотистыя озера и пруды, которые отъ времени до времени наполняются водою отъ разлитія названныхъ рѣкъ. Излюбленными мѣстами пребыванія ихъ слѣдуетъ считать прибрежныя озера, трясинны, а также болота, какъ илестыя, такъ и моховыя; въ этихъ самыхъ мѣстахъ или по близости отъ нихъ онѣ выводятъ дѣтенышей. Стая, населяющія извѣстные участки, повидимому иногда мѣняють мѣста и перебираются съ однихъ болотъ на другія. Замѣчаніе это относится къ зимнему времени, такъ какъ гнѣздованіе само собою привязываетъ ихъ къ одному мѣсту. Во время ходьбы въ спокойномъ состояніи коровайки держатъ шею довольно сильно втянутою и загнутаю въ видѣ буквы S, тѣло спереди приподнято, клювъ направленъ къ землѣ: походка совершается легкими, большими шагами, быстрота и размѣръ которыхъ при всевозможныхъ обстоятельствахъ остаются одинаковыми. Разыскивая пищу, онѣ охотно помещаются въ водѣ, иногда пускаются плавать, даже если на то собственно и нѣтъ особенной необходимости, и переплываютъ отъ одного островка къ другому. При полетѣ онѣ вытягиваютъ шею и ноги совершенно прямо, машутъ крыльями довольно скоро, но не очень широкими размахами, а затѣмъ парятъ, не шевеля крыльями, но все-же подвигаясь впередъ, затѣмъ опять возобновляютъ движенія крыльями, чтобы дать себѣ толчекъ. Совсѣмъ въ исключительныхъ случаяхъ можно видѣть этихъ птицъ по одиночкѣ, въ большинствѣ-же случаевъ большое количество ихъ летитъ вмѣстѣ, всегда высоко надъ землею въ видѣ тупого клина, еще чаще летятъ вытянувшись длиннымъ рядомъ, который всей своей шириной подвигается впередъ, держась такъ плотно, что кажется, будто крыльями онѣ касаются другъ друга. Такимъ образомъ вся стая, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Науманъ, подвигается впередъ, какъ-бы извиваясь. Прекрасное зрѣлище представляетъ эта вереница птицъ, прорѣзывающая воздухъ. Точь въ точь, какъ нити паутины бабымъ лѣтомъ натянуты, повидимому, прямо, а чуть подуетъ вѣтерокъ, то правильность ихъ направленія нарушена, и онѣ виснутъ въ воздухѣ; такъ точно и птицы несутся нестрогой правильной шеренгой, линія ежeminутно становится волнообразной, то медленно поднимаясь, то снова опускаясь, образуетъ въ высшей степени красивыя и разнообразныя изгибы, и такимъ образомъ подается впередъ въ воздушномъ пространствѣ; погружается или возвышается при-этомъ то середина, то одинъ изъ концовъ, или-же часть пространства между этими точками, то забѣгал впередъ, то отставалъ, такъ что линія эта безпрестанно мѣняется, какъ бурная волна или какъ мелкая волна прибоя, но все-же остается непрерывной, и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ птицы въ пей летитъ по одному и тому-же направленію. Только тогда, когда стая такихъ странницъ намѣревается опуститься, чтобы отдохнуть

длинная нить разрывается на части и распадается и каждая птица порознь начинает летать отдѣльно; всѣ перепутываются между собой, кружатся, оплываютъ спиральныя линіи, шумно раскачиваясь изъ стороны въ сторону и хотя по одиночкѣ и не всѣ въ одинъ моментъ, но все-же быстро слѣдуя другъ за другомъ и каждая на свой ладъ стремительно спускаются на землю. При образованіи такой цѣпи, коровайки поднимаются, кругами летать все выше и выше, начинаютъ подвигаться, и не успѣешь оглянуться, какъ изъ беспорядочной кучи птицъ уже образовалось начало шеренги, которая постепенно, но очень быстро растетъ съ обѣихъ сторонъ, отъ прочихъ присоединяющихся птицъ, и нерѣдко можно видѣть, что уже послѣ того, какъ вся масса пустилась въ путь, то къ одному, то къ другому концу присоединяется еще нѣсколько отставшихъ птицъ, удлинняя такимъ образомъ длину шеренги». Голосъ ихъ состоитъ изъ хриплыхъ, мало слышныхъ звуковъ, которые звучатъ какъ «рах» и вняты только на близкомъ разстояніи. Молодые птенцы издають также изрѣдка еще своеобразное чавканье или шепотъ.

Коровайки также принадлежатъ къ умнымъ или къ понятливымъ птицамъ ихъ семейства. Судя по виду ихъ, можно подумать, что онѣ очень серьезныя существа, занятія собой, въ дѣйствительности-же онѣ веселыя, даже шаловливыя созданія, которыя по временамъ проявляютъ нѣкоторую долю задора не только въ отношеніи своихъ, но даже и относительно птицъ другихъ семействъ. Въ осторожности и трусости онѣ не уступаютъ остальнымъ болотнымъ птицамъ. Тамъ, гдѣ онѣ получили охоту, или же устроились лишь на короткое время, онѣ очень скоро научаются различать опасныхъ людей отъ безвредныхъ. Тѣ, которыхъ я могъ наблюдать близъ озера Мензале, перелетая съ ночлеговъ, поднимались очень высоко и выбирали въ болотѣ такія мѣста, которыя бы ихъ обезпечивали отъ приближенія врага и давали имъ возможность оглядѣться вокругъ; здѣсь онѣ разгуливали цѣлый день и лишь съ наступленіемъ сумерекъ возвращались въ свои ночныя убожища, для которыхъ избирались непременно деревья, которыя росли на островахъ озеръ, или же по близости въ самомъ болотѣ или въ другомъ какомъ трудно достижимомъ мѣстѣ. Разъ избраннымъ логовищамъ онѣ отдавали такое очевидное предпочтеніе, что стоило расположиться подъ такимъ излюбленнымъ деревомъ, и можно было навѣрняка рассчитывать на богатую добычу; даже неоднократные выстрѣлы хотя и наводили на нихъ ужасъ, но не могли прогнать ихъ съ насиженнаго мѣста. Несмотря на ихъ осторожность, я, впрочемъ, никогда не наблюдалъ чтобы онѣ, какъ другія птицы, при воспитаніи птенцовъ полагались на сторожей.

Питаются коровайка, смотря по времени и по мѣсту, различными животными. Лѣтомъ главную ихъ пищу составляютъ личинки насѣкомыхъ, червячки, а также и взрослыя насѣкомыя, преимущественно сверчки, стрекозы и жуки. Зимой имъ удается поживиться ракушками, червями, рыбами; онѣ хватають маленькихъ гадювъ и другихъ водяныхъ животныхъ.

Близъ Дуная коровайки гнѣздятся въ болотахъ и трясинахъ, богато поросшихъ кустарникомъ. Больше всего любятъ онѣ завладѣть старымъ гнѣздомъ аиста, въ крайнемъ случаѣ выстилають его соломой и листьями рагозы и этимъ самымъ придаютъ ему такой видъ, что его издали можно узнать. Ихъ 3—4 синеваато-зеленыхъ яйца продолговаты, около 50 мм. длины и 38 мм. ширины и имѣють твердую скорлупу. Прекрасный синеваато-зеленый цвѣтъ ихъ иногда измѣняется въ блѣдно-зеленый. Насиживаютъ-ли обѣ птицы одной пары или только самка одна несетъ эту обязанность, неизвѣстно. Птенцовъ прилежно кормятъ; они сидятъ долго въ гнѣздѣ, позднѣе часто лазаютъ по сучьямъ и наконецъ улетають, руководимые старшими.

Пойманныя коровайки прекрасно выдерживаютъ неволю, ужинаются со всевозможными другими пернатыми, дѣлаются необыкновенно ручными и даже въ неволѣ въ клѣткахъ размножаются.

* *
* *

Умные египтяне считали Нилъ подателемъ жизни и сохранителемъ ея, поэтому ибисъ, появившійся въ странѣ во время разлитія его, долженъ былъ почитаться у народа этого большимъ почетомъ и уваженіемъ. Эту птицу даже обоготворяли и заботились, чтобы бременное тѣло ея не подвергалось-бы тлѣнію, а сохранялось-бы на многія тысячелѣтія. Въ одной изъ пирамидъ Самхары находятъ тысячи мумій этихъ птицъ, сохраненныхъ въ урнахъ, или лежащихъ въ отдѣльныхъ камерахъ, гдѣ онѣ расположены цѣлыми слоями.

Славу ибисовъ распространяли не только египтяне, но и чужестранцы, посѣщавшіе чудесную страну пирамидъ. Геродотъ рассказываетъ, что ибисъ высѣживаетъ драконовъ, летающихъ змѣй и разныхъ другихъ гадовъ Египта, ихъ убиваетъ и потому пользуется тамъ большимъ уваженіемъ. Другіе писатели утверждаютъ, что Меркурій принималъ видъ ибиса. У Овидія сказано, что во время битвы боговъ съ титанами Меркурій спрятался подъ крыльями ибиса. Плиній упоминаетъ, что египтяне при появленіи змѣй обращались съ мольбою къ ибисамъ. Иосифъ Флавій въ своемъ сочиненіи, Иудейская археологія, говоритъ, что когда Моисей шелъ походомъ на эѳіоповъ, то бралъ съ собою ибисовъ въ папирусовыхъ клѣткахъ, чтобы они сражались со змѣями. Плиній и Галенъ приписываютъ ибису открытіе употребленія клистира. Пирей рассказываетъ, что василискъ произошелъ изъ яйца ибиса, образовавшагося изъ яда всѣхъ сѣдненныхъ имъ змѣй, что прикосновеніе пера ибиса дѣйствуетъ на крокодиловъ и змѣй какъ волшебство, оно дѣлаетъ ихъ неподвижными, или же моментально убиваетъ. Зороастръ, Демокритъ и Филонъ присовокупляютъ, что жизнь священной птицы необыкновенно продолжительна, даже, что ибисъ безсмертенъ, и опираются при этомъ на показанія жрецовъ Гермополиса, представившихъ Апіону одного ибиса, который былъ такъ старъ, что уже не могъ умерѣть. Пищу ибиса, говорится далѣе, но уже въ гораздо позднѣйшія времена, составляютъ змѣи и пресмыкающіяся. «Онъ проявляетъ», говоритъ Белонъ, необыкновенную алчность относительно мяса змѣй и вообще питаетъ отвращеніе ко всѣмъ пресмыкающимся животнымъ, съ которыми и ведетъ самыя кровавыя битвы, причемъ, хотя уже и совершенно сытъ, но все же старается убить жертву». Діодоръ Сицилійскій утверждаетъ, что ибисъ день и ночь бродитъ по берегу водовмѣстиямъ, подстерегая пресмыкающихся, разыскиваетъ ихъ яйца и заодно охотится на жуковъ и кузнечиковъ. По мнѣнію другихъ авторовъ, они устраиваютъ гнѣзда на пальмахъ, помѣщая ихъ посреди колючихъ листьевъ, чтобы предохранить ихъ отъ нападенія враговъ—кошекъ. Предполагаютъ, что ибисъ кладетъ 4 яйца, число которыхъ соответствуетъ фазисамъ луны (*ad lunae rationem ova fingit*). Эліанъ тоже, видя какое то соотношеніе между этой птицей и луной, говоритъ, что она посвящена лунѣ и что насиживаетъ яйца свой такое количество дней, какое потребно звѣздѣ Пзиды, чтобы совершить свой путь. Аристотель уже смѣется надъ такими и подобными заблужденіями и ложными понятіями, между прочимъ и надъ тѣмъ, что ибисъ постоянно хранитъ дѣвственность. Цицеронъ замѣчаетъ, что египтяне воздавала божескія почести только такимъ животнымъ, которыя дѣйствительно приносили имъ пользу; Ювеналь вооружается противъ такого идолопоклонства и считаетъ, что подобное боготвореніе египтянъ равносильно преступленію.

Священный ибисъ (*Ibis aethiopica, religiosa, egretta, Threskiornis, Thereschiornis religiosa* и *minor, Geronticus aethiopicus, Tantalus* и *Numenius ibis. Heiliger Ibis. Ibis sacré*) считается представителемъ рода того же имени (*Ibis*). Отличительные признаки его: клювъ довольно толстый, голова и шея подъ старость голая, перья, покрывающія плечи, распушены на кончикахъ. Цвѣтъ перьевъ бѣлый, подъ крыльями желтоватый; концы крыльевъ и перья на плечахъ синевато-черные. Глаза карминно-красные, клювъ черный, ноги черновато-бурые. Голая черная кожа на шеѣ на ощупь бархатистая и замѣтно выпцвѣтаетъ. У молодыхъ птицъ

Ибисъ. *Ibis aethiopica.* наст. вел.

голова и шея покрыты темно-бурыми и черноватыми перьями съ бѣлой каемкой. Горло и нижняя часть шеи бѣлы, какъ и остальное опереніе, за исключеніемъ крыльевъ съ черными кончиками и черными каймами. Послѣ перваго линія и у молодыхъ появляются на плечахъ распушенные перья. Голова и шея еще остаются оперенными; части эти оголяются лишь на третьемъ году жизни. Длина взрослой птицы 75 см., размахъ крыльевъ 130, длина крыльевъ 35, а хвоста 16 см.

Поразительно, что ибисъ въ настоящее время болѣе не посѣщаетъ Египетъ, но крайней мѣрѣ не прилетаетъ сюда правильно, и только въ видѣ исключенія выводитъ здѣсь птенцовъ. Какъ предвѣстникъ разлитія Нила, онъ теперь появляется лишь въ южной Суданѣ. Сѣвернѣе города Мухерефа (18° сѣв. шир.) и

его не видалъ никогда, но близъ Хартума нѣсколько паръ уже гнѣздуя, далѣе же къ югу онъ составляетъ обыкновенное явленіе. Точныя границы его области распространенія еще не опредѣлены. Пехуаль-Леше видѣлъ его въ сентябрѣ мѣсяцѣ у верхняго Конго около Ставлей-Пуль. Въ Суданѣ онъ появляется съ наступленіемъ дождей, значить въ срединѣ или концѣ іюля, гнѣздуетъ тутъ, выводитъ птенцовъ и исчезаетъ съ ними мѣсяца три спустя, но, повидимому, не улетаетъ далеко, а лишь кочуетъ. Тотчасъ по прибытіи въ страну онъ поселяется всегда на своихъ необыкновенно тщательно выбранныхъ гнѣздовьяхъ. Отсюда онъ предпринимаетъ болѣе или менѣе далекія путешествія для отысканія пищи. Нерѣдко можно видѣть, какъ они попарно или цѣлымъ обществомъ бѣгаютъ по степи, догоняя саранчу, или же ихъ видишь на берегахъ рѣкъ и прудовъ, часто въ сообществѣ ибисовой цапли, близъ стадъ коровъ, ни мало не стѣсняясь присутствіемъ пастуховъ, какъ и всѣхъ туземцевъ, передъ которыми ибисы не ощущаютъ ни малѣйшаго страха. Его осанка полна достоинства, походка умѣренная, всегда шагомъ, никогда не доходя до бѣга, полетъ очень легкій и прекрасный, похожъ на полетъ короваекъ, голосъ взрослыхъ слабое «краа» или «гаа». Врядъ-ли какая-либо другая болотная птица превосходитъ его по развитію душевныхъ способностей.

Въ одно изъ путешествій въ дѣйственные лѣса на берегахъ Голубого Нила, которое я предпринималъ лично, 16-го и 17-го сентября я встрѣтилъ тамъ такое множество этихъ священныхъ птицъ, что мы въ короткое время, въ два дня, успѣли добыть 20 штукъ. Стая за стаей прилетали изъ противуположнаго лѣса, чтобы въ степи ловить саранчу, которая въ это время составляла ихъ единственную пищу. Послѣ того, какъ я уже застрѣлилъ перваго ибиса изъ пролетавшей толпы, мнѣ уже нетрудно было заполучить и остальныхъ. По совѣту моего чернокожаго служителя, я, при помощи нѣсколькихъ палочекъ, поставилъ убитую птицу стоймя и сдѣлалъ такимъ образомъ изъ нея приманную птицу для остальныхъ. Каждая вереница, пролетающая послѣ этого мимо, останавливалась, чтобы разсмотрѣть товарища, который мнѣ казался живымъ; мы ихъ встрѣчали выстрѣлами, результатъ которыхъ, конечно, былъ прекрасный, такъ какъ раздѣлявшее насъ разстояніе было очень незначительно. Мы очень скоро замѣтили, что слѣдовало прятаться не только самимъ, но, чтобы не возбуждать подозрительность прочихъ, приходилось подбирать всѣхъ убитыхъ птицъ, кромѣ приманной.

Впослѣдствіи только намъ стала понятна причина такого многочисленнаго скопленія ибисовъ. Лѣсъ, лежавшій на противуположномъ берегу, былъ частію затопленъ, а потому и избранъ умными птицами мѣстомъ для устройства въ немъ гнѣздъ; добраться до гнѣздъ не было никакой возможности. Я предложилъ по двѣ марки за каждое яйцо, но ни одному изъ суданцевъ не пришлось заслужить этихъ денегъ. Почва лѣса была топкая, вода же настолько мелка, что лодка тоже не могла помочь горю. Еще прежде мнѣ пришлось бывать въ другой колоніи гнѣздъ, которая находилась въ подобномъ же мѣстѣ, но все же была болѣе доступна. Она находилась на одномъ маленькомъ островкѣ Бѣлаго Нила, поросшемъ высокими мимозами; при разлитіи рѣки его затопило, но вода въ этомъ случаѣ была такъ высока, что можно было, приблизившись въ лодкѣ, перебраться съ нея и влѣзть на деревья. Здѣсь я замѣтилъ, что священный ибисъ предпочитаетъ одинъ видъ мимозъ, именно тотъ, который арабы изъ-за густыхъ, со множествомъ колючихъ шиповъ, густо сплетающихся сучьевъ называютъ «харази», т. е. себя защищающая. Изъ сучьевъ харази состояло также и плоское гнѣздо его; только внутренность углубленія была выстлана мелкими прутиками и немногими соломинками, все же гнѣздо было сдѣ-

лано не очень искусно, просто сложено кучкой, едва ли лучше, чѣмъ гнѣздо вяхиря. Одно гнѣздо помѣщалось подлѣ другого и для прикрытія ихъ были выбраны самыя колючія вѣтви. Полагають, что кладка состоитъ изъ 3—4 бѣлыхъ, довольно шероховатыхъ яицъ, по величинѣ почти равныхъ яйцамъ утокъ.

Я считаю вѣроятнымъ, что ибисъ дѣйствительно ѣсть маленькихъ змѣй, но не думаю, что онъ рискуетъ нападать на большихъ и болѣе опасныхъ. Во время дождей пища его состоитъ, если не исключительно, то главнымъ образомъ изъ насѣкомыхъ. Въ желудкахъ убитыхъ мы находили саранчу или различнаго рода жуковъ, преимущественно навозныхъ; на пойманныхъ мы наблюдали, что они не пренебрегали и маленькими гадами, которыхъ имъ бросали, но насѣкомыхъ все же предпочитали. Гартманъ говорить, что ибисъ ѣсть и маленькихъ прѣсноводныхъ мягкотѣлыхъ. Несмотря на то, что клювъ кажется намъ очень неуклюжимъ, птица умѣетъ имъ очень ловко владѣть. Кончикомъ его она беретъ съ земли самыхъ мелкихъ насѣкомыхъ и, пропуская траву черезъ клювъ, очень ловко собираетъ сидящихъ на ней букашекъ. «Очень смѣшно наблюдать», говоритъ Гартманъ, «какъ ибисъ ловить саранчу. Сидящихъ на землѣ прямокрылыхъ онъ клюетъ своимъ серповиднымъ клювомъ; если же они, замѣтивъ опасность, подпрыгнутъ, то и ибисъ прыгаетъ за ними, причемъ высокая жесткая трава служить ему помѣхой, вслѣдствіе чего движенія его бываютъ довольно неловкія; однако упускать добычу онъ не любитъ и если словить ее, то давить ее въ клювъ и тотчасъ глотаетъ». Молодыхъ ибисовъ, которыхъ мы воспитывали, кормили сначала насильно кусками сырого мяса и эту пищу они глотали очень охотно. О голодѣ своемъ они заявляли страннымъ крикомъ, который можно передать слогами «цик цик цик» или «тирр тирр тирр»; при этомъ они производили головою и шеей дрожательныя движенія и сильно хлопали крыльями, какъ будто для того, чтобы придать своему крику большее значеніе. Уже черезъ нѣсколько дней они брали пищу изъ рукъ, а по истеченіи недѣли ѣли уже все съѣдобное. Если имъ давали хлѣбъ, то они каждый разъ тащили его въ воду и вообще охотнѣе всего брали пищу изъ воды, гдѣ полоскались клювомъ, какъ утки. Точно также они обыскивали всѣ, даже самыя узкія щели и дыры, ловко схватывали кончикомъ клюва забившихся туда животныхъ, подбрасывали ихъ на воздухъ и съ увѣренностью ловили ихъ снова. Они также больше всего любили саранчу.

Съ перваго же дня неволи, эти птенцы вели себя тихо, казались серьезными и были понятливы, со временемъ они сдѣлались ручными и довѣрчивыми, хотя мы ими и не очень занимались, приходили на зовъ и наконецъ слѣдовали за нами по всѣмъ комнатамъ въ домѣ. Если кто-либо протягивалъ имъ руку, то они тотчасъ подбѣгали и начинали обыскивать руку, причемъ опять повторяли тѣ же дрожательныя движенія. Походка ихъ была тихая и мѣрная; впрочемъ, прежде чѣмъ они научились хорошенько летать, они иногда, съ цѣлью ускорить свои движенія, очень ловко прыгали. Они зачастую просиживали цѣлыми часами на ступняхъ. Такъ какъ ихъ вначалѣ по вечерамъ ежедневно запирали на ночь въ ящикъ, то они впоследствии съ наступленіемъ ночи, хотя имъ это было очень неприятно, рѣшались сами въ него влѣзть, чтобы только избѣгнуть насильственного водворенія. По утрамъ они вылѣзали изъ него съ радостными криками и гуляли по всему двору. Въ октябрѣ они выучились летать, но поднимались только до низенькой дворовой ограды, потомъ до крыши, наконецъ они однажды улетѣли шаговъ за 200—300 отъ нашего жилища, но черезъ непродолжительное время уже опять возвратились и съ этихъ поръ больше не покидали двора, а довольствовались тѣмъ, что добирались до сосѣдняго сада. Когда около полудня становилось

жарко, то они прятались въ прохладныя комнаты и, сгорбившись, съ серьезнымъ видомъ садились на ступняхъ въ кружокъ и имѣли видъ, какъ будто собрались всѣ вмѣстѣ, чтобы держать какой-либо совѣтъ. Иногда двое становились другъ противъ друга, нахохливали всѣ перья головы, начинали кричать, постоянно наклоняя и тряса головою, иногда хлопали крыльями, кричали вродѣ «кек кек кек» и, казалось, выкрикивали обоюдное привѣтствіе, будто здоровались. Передъ нашимъ обѣдомъ они непремѣнно направлялись въ кухню и кланялись и приставали къ повару до тѣхъ поръ, пока онъ не бросалъ имъ чего-нибудь. Тотъ счастливецъ, которому удавалось словить добычу, подвергался общему преслѣдованію всѣхъ остальныхъ до тѣхъ поръ, пока лакомый кусокъ не былъ припрятанъ въ вѣрное мѣсто, иначе говоря, пока онъ не былъ проглоченъ. Какъ только они замѣчали, что въ столовую несутъ тарелки, такъ все общество немедленно направлялось туда; пока мы ѣли, они сидѣли около насъ и выжидали; но стоило намъ только посмотреть на нихъ, какъ они поднимались, вспрыгивали кто на сундукъ, кто на единственный имѣвшійся у насъ стулъ и хватали куски хлѣба у насъ изъ рукъ или съ тарелокъ. У нихъ была совсѣмъ особенная привычка, именно, они очень охотно садились на мягкіе предметы. Если пружинный тюфикъ, покрытый плетенкой изъ кожаныхъ ремней, какіе употребляютъ въ Суданѣ, выносили на дворъ, то ибисы уже навѣрно тотчасъ же забирались на него и укладывались, непремѣнно плотно прижимаясь брюшкомъ съ вытянутыми назадъ ногами. Казалось, что въ это время они прекрасно чувствовали себя и продолжали лежать, даже если кто-либо изъ насъ приближался. Со всѣми птицами, которыя жили у насъ на дворѣ, они были въ дружественныхъ отношеніяхъ, по крайней мѣрѣ сами никогда не нападали; между собою они тоже не ссорились, напротивъ, постоянно были вмѣстѣ, рѣдко удалялись одни отъ другихъ и спали по ночамъ, плотно прижавшись другъ къ другу. Когда мы однажды принесли на дворъ стараго ибиса съ подстрѣленнымъ крыломъ, то всѣ съ радостію пустились бѣжать къ нему, тотчасъ буквально приняли его въ свое общество и такъ хорошо сзумѣли научить его не бояться, что и онъ очень скоро сдѣлался такимъ-же доверчивымъ, какъ и прочіе. Казалось, что сильная жара была имъ очень неприятна; они забирались въ какой-нибудь тѣнистый уголокъ или въ комнаты и тутъ сидѣли съ открытымъ клювомъ и тяжело дыша. Какъ уже сказано, въ водѣ они оставались по долгу и очень охотно, впрочемъ, рѣже купались, чѣмъ можно было ожидать, но если дѣлали это, то ужъ такъ обстоятельно, что смачивали перья всѣ до послѣдняго и послѣ этого едва могли летать.

Ибисы, которыхъ мнѣ приходилось наблюдать въ послѣдствіи, точно также мирно уживались почти со всѣми птицами, жившими съ ними въ неволѣ въ одномъ странствѣ, принимая, впрочемъ, въ отношеніи къ болѣе слабымъ нѣкоторый видъ господства, и, повидимому, испытывали извѣстнаго рода удовольствіе поддразнивать тѣхъ, которыя это дозволяли. Именно съ фламинго они постоянно возились и прелюбопытнымъ способомъ. Когда тѣ стояли вмѣстѣ или спали, запрятавъ голову въ перья, то ибисы тихонько подкрадывались и кончикомъ клюва начинали тереть жертву своего задора-за плавательную перепонку ногъ, можетъ быть и не съ цѣлью причинить боль, а просто, чтобы поддразнить. Фламинго очевидно чувствовалъ неприятный зудъ докучнаго щекотанія, боязливо оглядывался на обидчика, удалялся и пытался снова дремать; ибисъ опять быстро подскакивалъ и снова начиналась прежняя потѣха. Больше всего отъ него доставалось фламинго во время ихъ сожительства въ общемъ зимнемъ помѣщеніи, откуда бѣднягѣ вовсе некуда было спастись. Кроншнепы, сукальни и морскія кривки охотно уступаютъ ибису первенство и не выжидаютъ, чтобы онъ ударами клюва принудилъ ихъ къ отступленію.

По всей вѣроятности въ древнія времена у египтянъ эти священныя птицы размножались въ полудомашнемъ состояніи, теперь же въ зоологическихъ садахъ и при хорошемъ уходѣ онѣ очень часто размножаются въ неволѣ.

Въ Суданѣ за ибисами не охотятся, хотя вкусное мясо ихъ вознаградило бы недурно за трудъ. Туземцы, впрочемъ, съ удовольствіемъ ѣдятъ случайно попавшую имъ птицу. Негры, кромѣ того, ощипываютъ ихъ распущенныя перья, изъ которыхъ войны этихъ племенъ дѣлаютъ свои излюбленныя головныя украшенія.

Колпцевыя (Plataleinae) образуютъ второе подсемейство ибисовъ, обнимающее только шесть видовъ и распространенное въ обоихъ земныхъ полушаріяхъ. Птицы эти больше и толще ибисовъ. Клювъ у нихъ длинный, довольно прямой, невысокій, спереди необыкновенно сплюснутъ и расширяется въ видѣ лопаты. Закругленный конецъ верхней челюсти образуетъ маленькій коготокъ. Внутреннія стороны челюстей снабжены продольными желобками. Ноги сильныя и довольно длинныя. Три передніе пальца соединены широкой перепонкой, когти тупы и малы, крылья большія и широкія; изъ маховыхъ перьевъ самое длинное—второе; хвостъ, состоящій изъ двѣнадцати перьевъ, коротокъ и вѣскольکو закругленъ. Мелкое опереніе очень густое и жесткое, иногда удлиняется на затылкѣ, образуя хохолокъ; горло, а также и верхняя часть головы совершенно голая. Перья почти всегда одноцвѣтны и различаются или по полу, или же по времени года, иногда, впрочемъ, и по возрасту.

Черепъ очень выпуклый и закругленный; основаніе верхней челюсти сильно вздуто пузыремъ. Позвоночный столбъ состоитъ изъ 16 шейныхъ, 7 спянныхъ и 7 хвостовыхъ позвонковъ, грудная кость широка, гребень умѣренно высокъ. Нижній край щитка имѣетъ двѣ большія вырѣзки, затянутыя кожей; округленныя и сильно отогнутыя переднія ключицы не соединяются съ рукояткой грудной кости; плечевыя кости наполнены воздухомъ. Языкъ короткій и широкий, желудокъ мускулистый; дыхательное горло образуетъ низкоспускающуюся петлю.

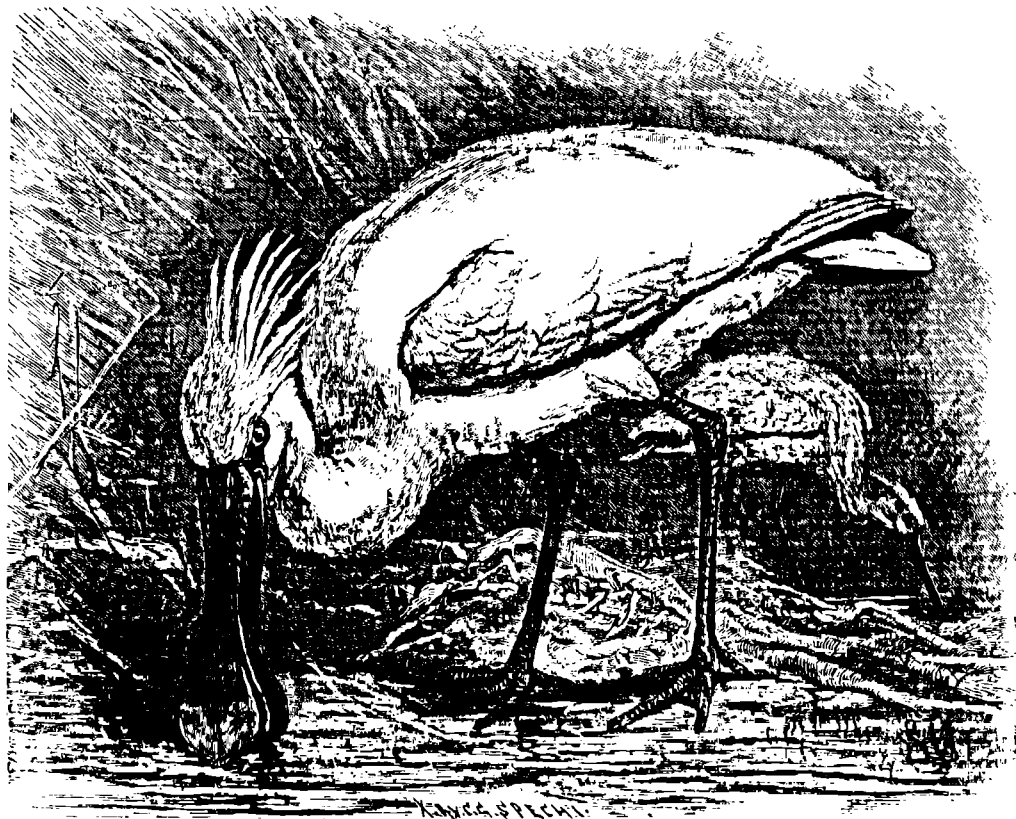
Въ Голландіи, въ Дунайской низменности, на югѣ Европы, во всей Средней Азій, даже еще въ средней Индіи, а также на Канарскихъ и Азорскихъ островахъ живетъ **Колпица Лопатень** (*Platalea leucorodia*, *leucopodius*. *Löffelreiher*. *Spatule blanche huppée*). Образъ жизни ея даетъ намъ понятіе объ остальныхъ членахъ этого подсемейства и рода (*Platalea*). За исключеніемъ желтой полоски на головѣ, цвѣтъ перьевъ ея чисто бѣлый; глаза карминно-красныя, клювъ черный съ желтымъ кончикомъ, ноги черныя, кольцо вокругъ глазъ желтовато-зеленое, горло зеленовато-желтое. Самка немного меньше ростомъ, а молодыя птицы отличаются тѣмъ, что у нихъ нѣтъ ни хохолка, ни желтаго пятна на головѣ. Длина птицы 80 см., размахъ крыльевъ 140, длина крыла 44 и длина хвоста 13 см. Замѣчательно, что колпицы, которыя во время перелета постоянно бываютъ въ Греціи, никогда тамъ не гнѣздятся; повидимому, и въ Индіи, южной Франціи и Испаніи онѣ также не выводятъ птенцовъ. Радде находилъ ихъ въ Сибири вездѣ, гдѣ только бывалъ, и утверждаетъ, что онѣ водятся во всей южной Сибири, исключая среднихъ, высоко-лежащихъ мѣстностей; мы видѣли ихъ въ Туркестанѣ близъ Алакула; Свинхое уломянаетъ о колпицѣ, какъ о зимней гостьѣ южнаго Китая, Жердошъ считаетъ ее постоянною жительницею Индіи; я же встрѣчалъ ихъ часто близъ египетскихъ озеръ и южнаго—въ Нубіи до Дерра. Единичные экзем-

пляръ залетали далеко на сѣверь, чѣмъ заставили прежнихъ натуралистовъ думать, что видъ этотъ принадлежитъ собственно сѣверу, между тѣмъ какъ теперь мы можемъ съ увѣренностью утверждать, что постоянное пребываніе этой птицы въ Голландіи слѣдуетъ считать явленіемъ исключительнымъ.

Въ Индіи и вообще на югѣ Азіи и въ Египтѣ колпица осѣдлая птица; въ болѣе сѣверныхъ странахъ она появляется съ аюстами, значить въ мартѣ и апрѣлѣ, а въ августѣ и сентябрѣ вновь покидаетъ эти края.

Колпицы путешествуютъ днемъ, большею частію держатся въ рядъ шеренгой, вытянутой въ ширину, летѣтъ, повидимому, не очень торопятся, то есть дорогой

Колпица лопатень, *Platalea leucorodia* 5 част

останавливаются вездѣ, гдѣ находятъ пищу. Въ Греціи онѣ появляются послѣ весенняго равноденствія, останавливаются тамъ на короткое время въ болотахъ, а затѣмъ летятъ далѣе, избирая осенью иной путь, чѣмъ весной. Какъ на родинѣ, такъ и въ чужихъ странахъ, онѣ явно предпочитаютъ озера и болота морямъ; поэтому ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться морскими птицами, какъ прежде думали; относительно выбора мѣста онѣ похожи на ибисовъ. Онѣ водятся тамъ, гдѣ дно моря вязко и илесто, но такое мѣсто, строго говоря, болѣе похоже на обширное болото, чѣмъ на берегъ моря. Береговъ и трясинъ, поросшихъ травой, онѣ рѣшительно избѣгаютъ; во всякомъ случаѣ излюбленные участки для добыванія пищи составляютъ илистые берега какихъ бы то ни было водовмѣстителей.

Здѣсь онѣ расхаживаютъ мѣрными шагами, большею частію бродятъ по водѣ, разыскивая пищу; при этомъ верхняя часть тѣла низко наклонена впередъ, а клювъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону, какъ у шилоклювки, обыскиваетъ грязь и воду. Птицу эту рѣдко можно видѣть стоящею съ прямо вытянутой шеей; если она не за работой, а отдыхаетъ, то изгибаетъ шею книзу такъ, что голова покоится почти на плечахъ, а шея сильно выдается впередъ; только настораживаясь, она поднимаетъ голову прямо вверхъ. Ходятъ онѣ съ достоинствомъ, плавно и красивѣе, нежели аисты. Полетъ ихъ чрезвычайно легкій и прекрасный; часто онѣ парятъ или кружатся. Отъ летящей цапли онѣ отлпчаются тѣмъ, что вытягиваютъ шею прямо, отъ аиста-же тѣмъ, что машутъ крыльями чаще и скорѣе. Голосъ ихъ—простой каркающій звукъ, который трудно передать слогами; слышится онъ рѣдко и различается только вблизи. Изъ вѣшнихъ чувствъ лучше всего развито зрѣніе, слухъ хорошій, а также, кажется, не хуже развито и чувство осязанія: клювъ можетъ, повидимому, хорошо ощупывать предметы.

Нравомъ и привычками колпицы проявляютъ мало родственнаго сходства съ аистами и цаплями. Онѣ принадлежатъ къ осторожнымъ и умнымъ птицамъ, которыя умѣютъ примѣняться къ обстоятельствамъ и быстро научаются взвѣшивать ихъ; тамъ, гдѣ имъ нечего бояться, онѣ доврчивы и, наоборотъ, очень робки вездѣ, гдѣ охотятся за болотными птицами. Между собой эти птицы живутъ въ высшей степени дружно и мирно. Я съ истиннымъ удовольствіемъ наблюдалъ, съ какою любовью двѣ колпицы оказывали другъ другу обоюдныя услуги, какъ онѣ клювомъ поправляли и чистили другъ другу перышки на шеѣ, и конечно только тѣ мѣста, которыхъ нельзя было достать своимъ собственнымъ клювомъ. Онѣ стоятъ по нѣсколько минутъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, и услугами этими онѣ, кажется, до известной степени выражаютъ свои ласки. Въ стаѣ колпицъ, кажется, никогда не случается ссоръ и дракъ. Можетъ статься, что и онѣ не чужды зависти, и что голодный нѣсколько времени гоняется за счастливецемъ, получившимъ добычу, но эта погоня никогда не принимаетъ вида угрозы, а скорѣе похожа на выпрашивание. Съ прочими пернатыми, разделяющими съ ними имѣстѣ неволю, онѣ себя держатъ съ милой безпечностью и добродушнымъ миролюбіемъ, дружатъ со всѣми и будто радуются, если другіе ихъ оставляютъ въ покоѣ. Ихъ невинный нравъ даже не допускаетъ и мысли о раздорѣ.

Хотя колпица, какъ и большая часть голенастыхъ, принадлежитъ къ дневнымъ птицамъ, но въ ясную лунную ночь она не прочь увлечься и выйти еще разъ на добычу. Къ немалому моему удивленію, я близъ озера Мензале видалъ нѣкоторыхъ въ одиннадцатомъ часу ночи еще бодрствующими: онѣ прилежно разыскивали пищу. Обыкновенно онѣ уже передъ закатомъ солнца торопятся уйти на ночлегъ и до самаго утра больше оттуда не выходятъ. Онѣ очень охотно устриваются на деревьяхъ, гдѣ спать по ночамъ, и даже иногда на самое короткое время и днемъ. Все время, что онѣ находятся на землѣ и бѣгаютъ по водѣ, онѣ постоянно заняты разыскиваніемъ корма.

Рыбы, конечно, составляютъ ихъ главную пищу. Птица ловко схватываетъ жертву клювомъ и до тѣхъ поръ ворочаетъ ее, пока не направитъ ее должнымъ порядкомъ, то есть, головою впередъ, а тогда уже глотаетъ ее, причемъ справляется съ очень большими, величиною даже до 10 и 15 ст. Вмѣстѣ съ рыбой онѣ, безъ сомнѣнія, ѣдятъ и всякихъ другихъ мелкихъ водяныхъ животныхъ, раковъ, ракушекъ, улитокъ вмѣстѣ съ раковинной, водяныхъ пресмыкающихся, а также и насекомыхъ во всѣхъ стадіяхъ ихъ развитія.

Гдѣ колпицы бывають часто, тамъ онѣ образуютъ общества и на одномъ

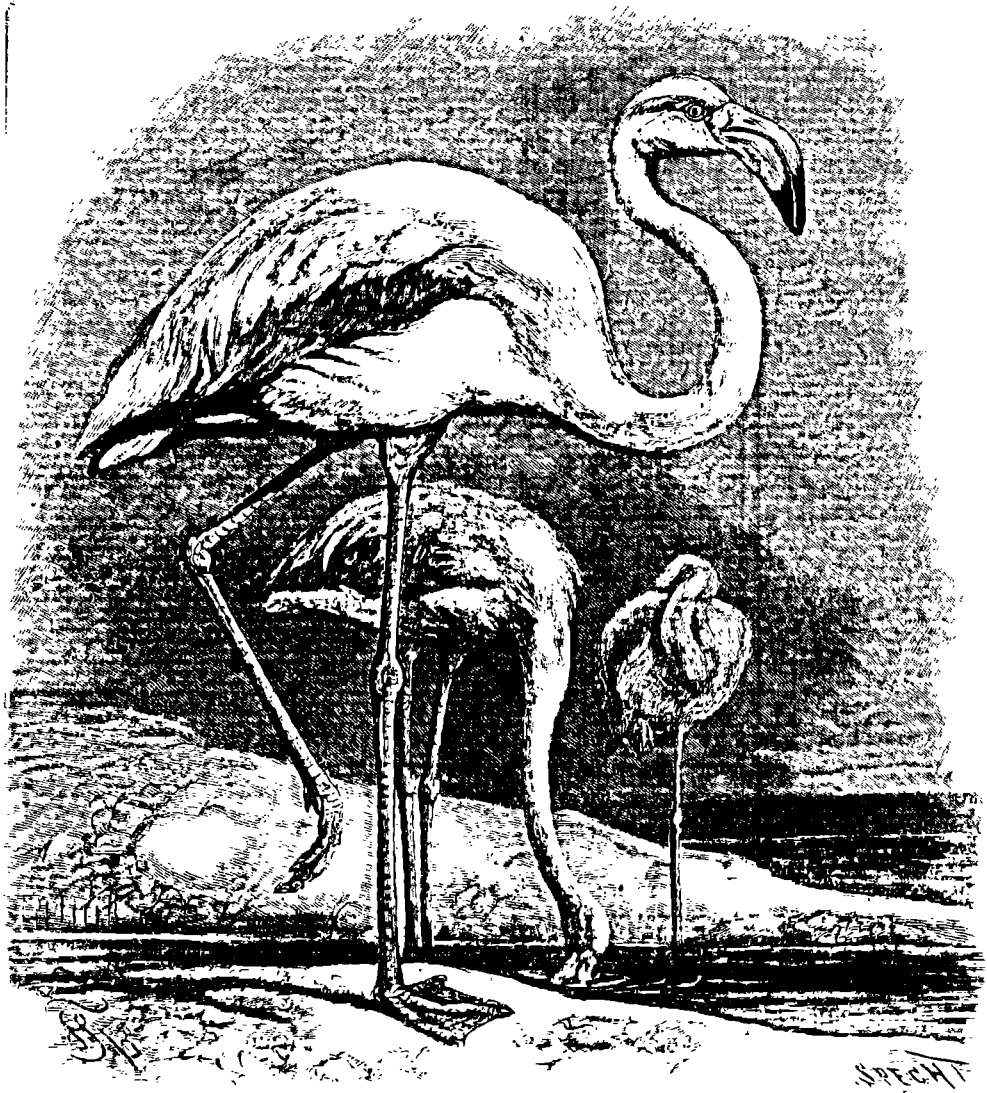
деревъ устраиваютъ столько гнѣздъ, сколько возможно. Говорятъ, что въ мѣстахъ, гдѣ деревьевъ вовсе нѣтъ, онѣ гнѣздятся даже въ камышахъ. Сами гнѣзда широки, неплотны и плохо сложены изъ крѣпкихъ прутьевъ и кусковъ камыша; изнутри гнѣздо выстлано сухими листьями тростника, ситника и осоки. Бываетъ, что кладка состоитъ изъ 2—3 и даже 4 довольно большихъ яицъ, около 70 мм. въ длину и 45 мм. въ ширину съ крѣпкой скорлупой, шершавыхъ и безъ блеска; они по бѣлому полю испещрены большимъ количествомъ красновато-сѣрыхъ и желтыхъ пятенъ, которыя, впрочемъ, разнообразно мѣняются. По всей вѣроятности обѣ птицы насиживаютъ попеременно, то самецъ, то самка, по крайней мѣрѣ, оба вмѣстѣ выращиваютъ птенцовъ до извѣстнаго возраста. Старыя птицы ведутъ молодыхъ съ гнѣзда прямо къ болоту; вся семья не только во время перелета не разлучается, но даже и первую зиму молодые возвращаются къ лѣту со старыми; прибывъ, на мѣстахъ гнѣздованія молодые образуютъ особыя стаи, не спариваясь, такъ какъ только на третьемъ году достигаютъ половой зрѣлости.

Въ прежнее время устраивали соколиныя травли на колпницъ, нынче же за ними въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ охотятся изъ за ихъ стѣдбнаго, хотя и не особенно вкуснаго мяса. Птенцы, своевременно вынутые изъ гнѣзда, легко привыкаютъ какъ къ неволѣ, такъ и ко всякому клѣточному корму, какъ къ растительному, такъ и къ животному; они научаются узнавать хозяина, завидѣвъ встрѣчаютъ его радостнымъ хлопываніемъ клюва; имъ можно позволять улетать, такъ какъ они снова возвращаются, и безпрепятственно держать ихъ съ прочими домашними птицами, такъ какъ нравъ ихъ самый кроткій и миролюбивый.

Хотя Фюрбрингеръ относилъ **Фламинго** (Phoenicopteridae) къ особому семейству, но, основываясь на точныхъ изслѣдованіяхъ Рейхенова и Гадова, онъ мною и другими причисляется къ плавающимъ, и поэтому мѣсто его именно здѣсь. Тѣло фламинго стройное, шея очень длинная, голова большая, клювъ немного длиннѣе головы, значительнѣе въ вышину, чѣмъ въ ширину, но толстый; пачиная отъ середины, загibaется подъ прямымъ угломъ, верхняя челюсть гораздо меньше и уже ниже, и что особенно замѣчательно, что она необыкновенно плоская, по края обѣихъ челюстей усажены зубчиками. Можно бы этотъ клювъ сравнить съ ящичкомъ изъ раковинъ, причемъ нижняя челюсть соотвѣтствовала бы самому ящичку, а верхняя — крышкѣ. У основанія послѣдняя покрыта довольно мягкой кожей, на концѣ-же, наоборотъ, крѣпка; у первой разстояніе между двумя частями ея совершенно мягкой восковицей. Ноги необыкновенно длинны и тонки, сплюснуты съ боковъ, высоко надъ голенью голы; три переднихъ пальца коротки и соединены между собой плавательной перепонкой, которая хотя вмѣстѣ неглубокія вырѣзки. по за-нимаетъ всѣ пальцы до когтей. Задній палецъ у одного вида совсѣмъ неразвѣтвѣнный, короткій и слабый. Крылья умѣренной величины; въ нихъ второе маховое перо превышаетъ остальные, короткій хвостъ состоитъ изъ двѣнадцати перьевъ, мелкое опереніе густое и плотное, отличается большою мягкостью и особенною красотою цвѣтовъ.

Въ этомъ семействѣ различаютъ только одинъ родъ, имѣющій шесть видовъ, которые распространены въ Старомъ Свѣтѣ и въ Америкѣ. Образъ жизни ихъ еще никто не могъ хорошенько изучить; до сихъ поръ удалось только узнать, что отдѣльные виды въ своихъ обычаяхъ и привычкахъ или вовсе между собою не различаются, или же различаются очень мало. Слѣдовательно, совершенно достаточно, если мы познако-нимся съ нижеописаннымъ видомъ.

Красный гусь, Фламинго (*Phoenicopterus roseus, antiquorum, antiquus, europaeus, platyrhynchus, blythi, andersoni*. Flamingo. Flammant.) бѣлаго цвѣта съ чрезвычайно пѣжнымъ розовато-краснымъ отливомъ; верхнія части крыльевъ карминно-красныя, маховыя перья черныя. Глаза желтыя, кольцо вокругъ глазъ

Фламинго *Phoenicopterus roseus*. наст. вел.

карминно-красное, клювъ у основанія розовато-красный, на концѣ черный, ноги карминно-красныя. Длина его 120—130 ст., размахъ крыльевъ 160—170, длина крыла 39 и хвоста 14 ст. Самка значительно меньше ростомъ, не болѣе 110 ст. длины и размахъ крыльевъ около 150 ст. У птенцовъ опереніе все сплошь бѣлое, на шеѣ сѣрое, на верхней части крыльевъ пятнистое. Только на третьемъ году цвѣтъ измѣняется и дѣлается похожимъ на цвѣтъ взрослыхъ.

Родина фламинго — страны по берегамъ Средиземнаго и Чернаго морей. Отсюда область его распространенія идетъ къ югу, къ сѣвернымъ берегамъ Краснаго моря, а съ другой стороны къ островамъ Зеленаго мыса. Точно также онъ довольно правильно встрѣчается въ Средней Азiи близъ большихъ озеръ и въ южной Азiи у морскихъ береговъ. Необыкновенно удивительна ихъ скученность въ извѣстныхъ мѣстахъ. По рассказамъ прежнихъ и теперешнихъ изслѣдователей, они появляются огромными массами въ наибольшихъ озерахъ Сардинiи и Сицилiи, а также на озерѣ Албуфера близъ Валенціи; они часто встрѣчаются во всѣхъ прибрежныхъ озерахъ Египта, Триполиса, Туниса, въ Алжирѣ и Марокко, нерѣдко и около Смирны и только въ Греціи встрѣчаются очень рѣдко. Со Средиземнаго моря они уже нерѣдко залетали въ Германію. Въ мартѣ 1795 г. одинъ фламинго былъ убитъ у Невшательскаго озера, въ 1728 году былъ застрѣленъ одинъ на берегахъ Рейна; въ июнѣ 1811 года появились близъ Келя 27 штукъ, изъ которыхъ 6 было убито; 25 июня того же года извѣстное число этихъ птицъ пролетѣло надъ Бромбергомъ; отъ 14—16 iюля наблюдали двухъ фламинго въ прирейнской долинѣ у Ширштейна. Всѣ эти заблудившіяся птицы были молодыя, которыя отстали отъ стаи. Строго говоря, южная Европа образуетъ сѣверную границу области распространенія ихъ, сѣверная же Африка и Средняя Азiя собственно настоящія мѣстожительства ихъ.

Фламинго вездѣ и всегда предпочитаютъ приморскія озера съ соленой и стоячею водою; въ прѣсноводныхъ вмѣстѣлищахъ они попадаютъ только случайно, остаются тутъ очень недолго и опять исчезаютъ. У самаго-же моря, наоборотъ, ихъ можно видѣть очень часто, но, конечно, на мѣстахъ неглубокихъ, гдѣ они могутъ безпрепятственно двигаться обычнымъ образомъ. Птицы эти считаются кочующими, но перекочевки эти совершаются такъ правильно, что немудрено, что явится вопросъ, не перелетныя-ли онѣ. Уже Четти говоритъ, что фламинго въ извѣстное время появляются въ Сардинiи, а потомъ опять оттуда улетаютъ. Графъ Сальвадори подтверждаетъ это заявленіе. Удивительно то, что на озерахъ Скафа, Ористана и Молентаргіусъ близъ Кагліяри, тѣ птицы, которыя прилетаютъ въ концѣ августа, улетаютъ въ концѣ марта или въ первыхъ числахъ апрѣля. Сальвадори старался узнать что-нибудь относительно ихъ размноженія, но ему не удалось достигъ удовлетворительнаго результата, и насколько можно судить по нынѣшнимъ свѣдѣніямъ они въ Италіи, повидимому, или вовсе не выводятъ птенцовъ, или же очень рѣдко. Они улетаютъ въ Африку и изъ Африки же прилетаютъ; по всей вѣроятности, даже тѣ, которыя проводятъ зимы въ Италіи, гнѣздуютъ на южныхъ берегахъ Средиземнаго моря. Здѣсь фламинго осѣдлыя птицы, которыя изъ году въ годъ живутъ на однихъ и тѣхъ-же озерахъ.

Всѣ тѣ, которые, какъ я, видѣли фламинго тысячами, согласны съ восторженными отзывами прочихъ наблюдателей, имѣвшихъ счастье насладиться такимъ величественнымъ зрѣлищемъ. «Если смотрѣть утромъ изъ Кагліяри по направленію къ озерамъ», пишетъ Четти, «то кажется, что они или окружены дамбой изъ красныхъ кирпичей, или же что на поверхности воды плаваютъ множество красныхъ листьевъ. Но это ничто иное, какъ фламинго, стояшіе рядами и производящіе эту иллюзію цвѣтомъ своихъ розовато-красныхъ крыльевъ. Никогда богиня утра не украшала себя болѣе яркими цвѣтами, никогда цвѣты розовыхъ садовъ Пестума не были прекраснѣе того, какъ расцвѣчены крылья фламинго. Цвѣтъ этотъ ярко огненный, розовато-красный, подобенъ цвѣту распускающихся розъ. Греки назвали эту птицу по цвѣту ея крыльевъ. Римляне сохранили это названіе, и французы несомнѣнно имѣли въ виду только этотъ ея огненно-красный цвѣтъ, назвавъ ее «Flamman» т. е. flamman (нылающій). Первое впечатлѣніе, произведенное на меня

фламинго, останется въ моей памяти навсегда неизгладимымъ. Взвѣсивъ на обширное озеро Мензале, я видѣлъ ихъ буквально тысячи, даже гораздо больше,—цѣлыя сотни тысячъ. Я не могъ отвести глазъ отъ огненной полосы необыкновенной красоты, неподдающейся описанію. Лучи солнца играли на ослѣпительно-бѣлыхъ и розово-красныхъ перьяхъ птицъ, и чудныя краски какъ будто оживали. Испуганная чѣмъ-нибудь вся масса поднималась, изъ общей путаницы, изъ живыхъ розъ выравнивалась огромная клинообразная стая, подобная журавлямъ, и теперь огненная линія тянулась вдоль голубого неба. Эта картина была восхитительна! Мало по малу птицы снова опускались и принимали прежнее положеніе, такъ что опять можно было себѣ представить, что имѣешь передъ собою отрядъ войска. При помощи зрительной трубы видно, что фламинго не составляютъ непрерывной линіи въ строгомъ смыслѣ этого слова, но помѣщаются на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга; глядя же издали, они кажутся правильно выстроившимся войскомъ. Сягалезцы называютъ своихъ фламинго «англійскія солдаты-птицы», южные американцы просто «солдатами». Гумбольдтъ рассказываетъ, что жители Ангостуры вскорѣ послѣ основанія города пришли въ большое уныніе, когда увидели однажды, что съ юга появились цапли и «солдаты-птицы». Они думали, что имъ грозитъ нападеніе индѣйцевъ, хотя тѣ личности, которыя знали въ чемъ суть, старались разъяснить дѣло, но не могли исполнѣ успокоить народъ до тѣхъ поръ, пока птицы не поднялись въ воздухъ, направляясь къ устью Ориноко.

По-одиночкѣ фламинго можно встрѣтить очень рѣдко, а до начала спариванія, кажется, никогда; если же, какъ я могъ замѣтить, это и случается, то не иначе, какъ съ молодыми птицами, которыя отстали отъ главной стаи взрослыхъ. Ихъ всегда можно встрѣтить во множествѣ; всѣ они сообща занимаются охотою, внутри же ихъ настоящей области распространенія птицы эти всегда держатся обществами въ нѣсколько сотъ или даже тысячъ штукъ. Они боязливо сторонятся тѣхъ мѣстъ, гдѣ имъ грозитъ какая-либо опасность; рыбу они ловятъ только въ открытой водѣ, дающей имъ возможность озираться кругомъ, и очень боятся тростниковыхъ зарослей. Они стремительно улетаютъ отъ приближающейся лодки и вообще пугаются всякаго незнакомаго имъ предмета, повтому нелегко наблюдать ихъ образъ жизни на свободѣ. Ихъ видишь ежедневно, но полного представленія объ ихъ образѣ жизни не получаешь и наблюдать ихъ удается только съ помощью хорошей подзорной трубы. Обыкновенно они стоятъ въ водѣ до пяточного сустава; рѣже они выходятъ на дюны или песчаные острова и очень рѣдко стоятъ на берегахъ, заросшихъ растеніями. Какъ въ водѣ, такъ и на землѣ они принимаютъ самыя странныя позы. Длинная шея ихъ изгибается самымъ удивительнымъ образомъ. Она даже какъ бы завязывается узломъ, по удачному выраженію моего брата, причѣмъ лежитъ передъ грудью; а голову фламинго помѣщаетъ на спину или прячетъ ее подъ плечевыми перьями. Вся тяжесть тѣла его всегда лежитъ на одной ногѣ, причѣмъ другая нога или вытянута криво вазадъ, или скорчена и прижата къ тѣлу. Въ такомъ положеніи фламинго спитъ: это его обычная поза. Въ другомъ состояніи, которое доказываетъ полное бодрствованіе, шея его согнута на подобіе французской буквы S, какъ у цапли, такъ что голова приходится прямо надъ основаніемъ шеи. Только тогда, когда онъ испуганъ или вообще чѣмъ-либо возбужденъ, онъ поднимаетъ голову такъ высоко, какъ позволяеть его длинная шея и на нѣкоторое время принимаетъ такую позу, которая, кажется, составляетъ излюбленное положеніе, придаваемое у насъ его чучеламъ. Одинаково странно онъ себя держитъ какъ во время покоя, такъ и при добываніи пищи. Онъ полочется по дну, подобно уткамъ, но все-же поступаетъ при этомъ нѣсколько иначе. Ловя рыбу, онъ бродитъ по водѣ и такъ сильно

нагибаетъ шею, что она приходится на одномъ уровнѣ съ ногами, другими словами, такъ, что клювъ и главнымъ образомъ верхняя часть его можетъ погружаться въ плъ. Подобнымъ способомъ онъ изслѣдуетъ дно водовмѣстилища, подвигаясь мелкими шагами назадъ и впередъ, то открываетъ, то закрываетъ свой клювъ и при этомъ шевелитъ языкомъ. Благодаря сильно развитому осязанію, все, что попадаетъ въ сито-клювъ, изслѣдуется имъ и сортируется: годное въ употребленіе удерживается, ненужное-же выбрасывается. Слепая ногами, онъ приводитъ въ движеніе и безпокойство всѣхъ маленькихъ водяныхъ животныхъ, плующихъ ему въ пищу.

Походка фламинго нѣсколько похожа на походку другихъ голенастыхъ птицъ, но имѣетъ и нѣкоторыя отличія. Аисты, журавли и цапли ходятъ иначе, чѣмъ фламинго, но разницу эту трудно выразить словами: можно только сказать, что шаги фламинго медленнѣе, неправильнѣе и болѣе развалисты, чѣмъ у прочихъ голенастыхъ, что, конечно, главнымъ образомъ зависитъ отъ длины ногъ. Судя по фламинго, живущимъ въ неволѣ, можно видѣть, что они ходятъ очень легко, хотя нѣкоторые натуралисты и утверждаютъ, что онъ долженъ подпираться клювомъ, когда ходить по землѣ; такъ какъ часто видѣли, что онъ опускаетъ голову до самой земли. Безъ сомнѣнія онъ и опирается на клювъ, но только тогда, когда послѣ сидѣнія съ согнутыми ногами онъ желаетъ быстро встать. Но разъ уже онъ поднялся, то бѣжить довольно быстро вышеописаннымъ способомъ. Передъ тѣмъ, какъ летѣть, онъ часто движется по водѣ, причемъ не то летитъ, не то бѣжитъ и дѣлаетъ это не такъ искусно, какъ буревѣстникъ, но все-же довольно ловко, какъ лысуха или утка. Полетъ начинается этими подготовительными движеніями и дѣлается очень легкимъ, когда птица поднимется на высоту. Довольно быстрые взмахи крыльевъ производятъ почти такой же шумъ, какой замѣчается при полетѣ утокъ и гусей; нѣкоторые наблюдатели сравниваютъ шумъ отъ полета внезапно спугнутой стаи птицъ съ отдаленными раскатами грома. Даже самый неопытный человѣкъ узнаетъ летящаго фламинго: противъ обыкновенія другихъ длинношеихъ птицъ, онъ вытягиваетъ свою шею впередъ, а ноги назадъ, и выглядитъ поэтому очень длиннымъ и узкимъ. Узкія крылья при этомъ приходятся какъ разъ на серединѣ тѣла, такъ что летящій онъ имѣетъ видъ креста, а пожалуй, прозаично выражаясь, похожъ и на помело съ крыльями. Стаи ихъ при полетѣ выстраиваются или въ рядъ, или въ видѣ клина, какъ журавли, причемъ стороны угла постоянно измѣняются, такъ какъ птицы поочередно мѣняются, чтобы занять вершину угла. Съ большой высоты фламинго спускаются внизъ широкими винтовыми линіями, а передъ тѣмъ, какъ сѣсть, нѣкоторое время парятъ надъ водою, пока движенія не сдѣлаются такъ медленны, что птица спокойно можетъ стать въ воду.

Между внѣшними чувствами, повидимому, зрѣніе развито одинаково хорошо, какъ и вкусъ, но богатый нервами языкъ служить вмѣстѣ съ тѣмъ и органомъ осязанія; чувство это, безъ сомнѣнія, также сильно присуще и мягкой кожѣ, одѣвающей клювъ, такимъ образомъ чувство осязанія также слѣдуетъ считать очень хорошимъ. Очень можетъ быть, что вышеописаннымъ чувствамъ много помогаетъ и обоняніе; въ данномъ случаѣ, конечно, приходится ограничиться предположеніями. О силѣ слуха нельзя сказать ничего достовѣрнаго, но во всякомъ случаѣ его нельзя считать недоразвитымъ. Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что внѣшнія чувства у фламинго развиты хорошо, въ соотвѣтствіи съ этимъ стоятъ и душевныя способности его. Онъ всегда остороженъ, а иногда даже боязливъ; отличаетъ опасное существо отъ другаго безвреднаго: стая этихъ птицъ никогда не подпускаетъ лодки на разстояніе выстрѣла, и старыя птицы цѣлый день и ночь стоятъ на сторожѣ, и провѣсти ихъ нелегко. Только одинокіе молодые фламинго

рѣдко бываютъ боязливы, такъ какъ они еще не приобрѣли опытности старыхъ. Но они быстро привыкаютъ и къ тѣмъ существамъ, которыхъ прежде считали за враговъ, напримѣръ: плѣнные фламинго привыкаютъ къ людямъ, особенно же къ тѣмъ, которые много ими занимаются; они научаются даже ихъ любить, и я по собственному опыту убѣдился, что они отличаютъ сторожа отъ другихъ людей. Съ только-что пойманными фламинго легче справляться, чѣмъ съ прочими птицами, т. е. распределять по мѣстамъ, загонять въ предназначенное для нихъ помѣщеніе и переводить съ одного мѣста на другое; они скоро привыкаютъ жить въ сообществѣ незнакомыхъ имъ животныхъ. Этому, конечно, болѣе всего способствуетъ ихъ миролюбивый нравъ. Только въ одномъ отношеніи они вовсе обижены природой: звукъ голоса ихъ грубый и хриплый; съ трудомъ выкрикиваютъ они свое «крак», подобное карканью и лишенное всякаго благозвучія, которое звучитъ то рѣзче, подобно гусиному крику, то переходитъ въ каркающее «крак». Если слушать ихъ крикъ, не видя самихъ птицъ, напримѣръ, въ туманную погоду, то можно вполне ошибиться и вообразить, что имѣешь передъ собою стадо гусей.

Пищу ихъ составляютъ маленькія водяныя животныя, преимущественно ракушки, которыхъ они добываютъ, полощась по дну и обыскивая его; ѣдятъ они также различныхъ червей, раковъ, маленькихъ рыбъ и извѣстнаго рода растительныя вещества. Содержимыя въ неволѣ могутъ нѣсколько времени питаться варенымъ рисомъ, моченой пшеницей, зернами ячменя, моченымъ хлѣбомъ и лапшею изъ тѣста; но, чтобы птицы были здоровы, ко всему этому непремѣнно слѣдуетъ прибавлять извѣстную долю животной пищи. При такой пищѣ, и разъ уже они свыклись съ неволей, они могутъ прожить довольно долгіе годы. Слѣдуетъ замѣтить, что нѣжный розовый отливъ ихъ оперенія теряется, если ихъ долго кормить исключительно растительными веществами, между тѣмъ, если давать имъ пищу смѣшанную, соотвѣтствующую той, которую они употребляютъ, живя на свободѣ, то вся красота ихъ сохраняется вполне.

Относительно размноженія фламинго и его родичей мы все еще имѣемъ мало положительныхъ свѣдѣній. Лабать сдѣлалъ сначала довольно странное описаніе насидиванія этой птицы; Дампьеръ его подтвердилъ, а послѣдующіе натуралисты повторяли его, вполне довѣряя ему. «Фламинго», говоритъ Дампьеръ, «строятъ свои гнѣзда въ болотахъ, гдѣ есть много грязи, которую они сгребаютъ ногами въ небольшие кучки, составляющія какъ бы островки, возвышающіеся на полтора фута надъ водою; эти холмики имѣютъ форму конуса и на вершинѣ кончатся гнѣздовымъ углубленіемъ». Лабать говоритъ, что подводныя части холмиковъ этихъ плотны, тѣ-же части, которыя надъ водою, полны, какъ горшки. «Когда они кладутся или насидиваютъ, то сидятъ прямо не на холмикѣ, а непосредственно подлѣ него, ногами на днѣ и въ водѣ, сами же прислоняются къ гнѣзду и закрываютъ его хвостомъ». Палласъ также выражается, что они прижимаются къ холмику и такимъ образомъ прикрываютъ свои яйца; онъ, впрочемъ, не говоритъ, самъ ли онъ наблюдалъ или все сказанное передаетъ со словъ другихъ. Науманъ рѣшительно отрицалъ всѣ эти показанія, и я, основываясь на наблюденіяхъ надъ пойманными птицами, пришелъ къ тому же заключенію, хотя мнѣ и ни разу не посчастливилось видѣть насидивающую самку фламинго. Я только могу утверждать, что птица эта гнѣздуетъ близъ озера Мензале, въ Египтѣ, такъ какъ я именно въ маѣ мѣсяцѣ нашелъ вполне образовавшееся яйцо въ яйцепроводѣ убитой самки фламинго. Противъ конусообразнаго вида стоящихъ въ водѣ гнѣздъ едва-ли могутъ явиться сомнѣнія, такъ какъ сообщенія по этому предмету какъ современныхъ, такъ и прежнихъ путешественниковъ другъ другу не

противорѣчать, но вышеописанный способъ насиживанія требуетъ еще многихъ наблюдений. Относительно же размноженія, по всѣмъ вѣроятіямъ, достоверно слѣдующее. Фламинго устраиваетъ свое гнѣздо въ водѣ, на не глубокихъ мѣстахъ, по увѣренію же арабовъ, на плоскихъ ровныхъ островахъ, поросшихъ очень низкимъ кустарникомъ. Въ первомъ случаѣ гнѣздо это представляется въ формѣ конуса изъ грязи, которая собрана въ кучу ногами, и укрѣплена, вѣроятно, водяными растениями и тому подобными веществами; оно выведено такъ высоко, что поднимается на 0,5 п. надъ поверхностью воды; если гнѣздо расположено на сушѣ, то оно имѣетъ видъ небольшого углубленія, вырытаго въ землѣ, въ которомъ, какъ мнѣ говорили арабы, лежитъ скудная подстилка изъ тростника и листьевъ осоки. Яицъ обыкновенно бываетъ два; немудрено, впрочемъ, что въ иномъ гнѣздѣ встрѣтятся и три яйца. Они очень длинны, обѣ половины не одинаковы и скорлупа ихъ мягкая, какъ бы изъ мѣла, гладки и известково-бѣлаго цвѣта. Несомнѣнно, что для насиживанія птица съ поджатыми ногами садится на самое гнѣздо; конечно можетъ случиться, что она случайно протянетъ одну изъ ногъ по другую сторону гнѣзда и держитъ ее нѣсколько времени, свѣсивши внѣ его. Говорятъ, что насиживаніе продолжается 30 — 32 дня и что самка громкими криками призываетъ самца смѣнить ее. Говорятъ также, что птенцовъ очень скоро послѣ вылупленія ведутъ въ воду и будто здѣсь съ перваго дня своего появленія на свѣтъ они начинаютъ плавать, а вскорѣ научаются и прекрасно и скоро бѣгать, способность же летать приобрѣтаютъ только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Мюллеръ увѣряетъ, что, по слухамъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ фламинго часто гнѣздились въ Камаргѣ (въ южной Франціи) и въ такомъ количествѣ, что одинъ французъ иногда могъ увозить довольно большія телѣжки, полныя яйцъ; къ этой явной нелѣпости онъ прибавляетъ, что этому нетрудно повѣрить, такъ какъ множество фламинго селится обществами и устраиваютъ гнѣзда длинными рядами на землѣ и, слѣдовательно, очень легко собирать ихъ яйца. Другіе наблюдатели были менѣе счастливы и не могли собрать много свѣдѣній. Графъ Сальвадори напрасно старался узнать что-либо положительное о размноженіи этихъ птицъ, которыхъ онъ такъ часто наблюдалъ и даже неоднократно имѣлъ въ рукахъ линяющихъ птенцовъ ихъ; онъ никогда не могъ найти ни гнѣзда, ни яйца, несмотря на то, что онъ поручалъ это много разъ рыбакамъ. «Казалось бы», говоритъ онъ, «что необыкновенная форма должна бы облегчить нахожденіе гнѣзда, которое въ такомъ маленькомъ озерѣ, какъ Скаффа, не могло остаться незамѣченнымъ, и не можетъ быть, чтобы хоть одинъ изъ многочисленныхъ рыбаковъ не открылъ присутствія его, если бы таковое тамъ нашлось».

Охота на фламинго требуетъ большой осторожности. Днемъ эти пугливыя созданія не подпускаютъ къ себѣ даже на разстояніе выстрѣла изъ винтовки; во время добыванія пищи нѣсколько старыхъ стоятъ всегда на сторожѣ и предупреждаютъ все общество о приближающейся опасности. Ночью, напротивъ, ихъ легче провести. Графъ Сальвадори увѣряетъ, что ночью ихъ можно стрѣлять даже дробью, а арабы рассказывали мнѣ, что ими можно еще легче овладѣть. Между двумя лодками натягиваютъ обыкновенную рыболовную сѣть и гребутъ, врѣзаясь въ стадо фламинговъ; испуганныя животныя поднимаются летѣть, запугиваются въ сѣть, откуда ихъ освобождаютъ лодочники. Такимъ образомъ можно забрать до 50 штукъ изъ одной стаи. На озерѣ Мензале, какъ мнѣ рассказывали рыбаки, практикуется гораздо болѣе странный способъ ловить фламинго. Послѣ того, какъ навѣрняка высмотришь мѣсто ночлега известной стаи, подъѣзжаешь ночью съ возможной осторожностью на плоту изъ камышей и отыскиваешь караульнаго. Онъ

стоит выпрямившись и бодрствует, между тѣмъ какъ всѣ остальные, у которыхъ головы попрытаны подъ крыло, спятъ. Одинъ изъ рыбаковъ, раздѣтый, пробирается то надъ водой, то подъ водой, скрываясь за связкой осоки, которую держитъ передъ собою; онъ подплываетъ къ сторожевой птицѣ, быстро схватываетъ ее, засовываетъ голову ея въ воду и поворотомъ шеи убиваетъ ее; прочіе рыбаки схватываютъ руками еще нѣсколько птицъ и, убивъ ихъ такимъ же способомъ, привязываютъ ихъ къ длинной веревкѣ. Я бы не повѣрилъ этому разсказу, если бы могъ объяснить себѣ иначе, какъ могли быть добыты эти птицы.

На рынкахъ въ городахъ сѣвернаго Египта я видалъ этихъ прекрасныхъ птицъ дюжинами, такъ какъ мясо ихъ составляетъ любимую дичь. Древніе писатели разсказываютъ, что римляне любили ихъ мясо, но особенно дорого цѣнили кушанье изъ ихъ языковъ и мозга; послѣдняго подавались огромныя полныя блюда. Я пробовалъ и мясо, и языки, и нашелъ ихъ очень вкусными, особенно языки, которые были превосходны. Рыбнаго и ворваннаго вкуса, которымъ будто бы отзывается ихъ розово-красноватое мясо, я вовсе не примѣтилъ и даже на берегахъ озера Мензале, столь богатыхъ дичью; я считалъ жаренаго фламинго за прекрасное жаркое.

Веслоногія (*Steganopodes*) имѣютъ лишь отдаленное сходство съ только-что описанными птицами; онѣ отличаются отъ другихъ семействъ этого отряда не только по своимъ веслоподобнымъ ногамъ, но и по общему строенію тѣла. Фюрбрингеръ однако ихъ относитъ къ боевымъ птицамъ.

Тѣло ихъ вытянутое, шея средней длины, голова маленькая, клювъ ихъ длинный или короткій, широкій или округленный, крючковатый, или острокопечный, но всегда характеризуется присутствіемъ между вѣтвями нижней челюсти голыи болѣе или менѣе мѣшковидно отвисающей кожей. Ноги ихъ, всегда длиннопалыя и съ короткими плюснами, весьма отличаются отъ плавательныхъ ногъ другихъ птицъ тѣмъ, что плавательная перепонка у нихъ соединяетъ всѣ пальцы. Крылья длинныя и кругловатыя или весьма длинныя и заостренныя. Хвостъ бываетъ различной формы, но всегда имѣетъ своеобразное строеніе, отличное отъ строенія хвостовъ другихъ плавающихъ птицъ. Мелкое опереніе прилегаетъ плотно, у нѣкоторыхъ видовъ жесткое и твердое, у другихъ шелковисто-мягкое; окраска его у самцовъ и самокъ мало или совсѣмъ не отличается, но съ возрастомъ большею частью сильно измѣняется.

Веслоногія тоже заслуживаютъ названіе обитателей моря, хотя только члены двухъ семействъ этой группы тѣмъ похожи на морскихъ птицъ, что безъ постоянныхъ побудительныхъ причинъ никогда не отдаляются отъ моря. Остальныя охотно улетаютъ въ глубь страны, а на подходящихъ мѣстахъ и поселяются; нѣкоторыя, напротивъ, на морѣ появляются лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Но при всемъ томъ всѣ эти птицы, разъ онѣ на морѣ, — чувствуютъ себя какъ дома; всѣ онѣ могутъ мѣсяцами проживать на немъ, отказавшись если не отъ посѣщенія материка, то все-таки отъ прѣсной воды. Нѣкоторыя располагаются на отдыхъ или на ночлегъ на скалистыхъ островахъ и берегахъ, другія — по отмелямъ, болышинство — на деревьяхъ, если имѣютъ къ тому возможность; извѣстные виды принадлежатъ къ настоящимъ лѣснымъ птицамъ. На сѣверѣ области ихъ распространенія наступающія зимы заставляютъ ихъ совершать правильные перелеты, на югъ онѣ ведутъ кочевую жизнь, слѣдуя теченію рѣкъ или направленію морскихъ береговъ, летая то въ области, лежащія къ сѣверу, то обратно.

Можно съ опредѣленностью сказать, что всѣ птицы этой группы соединяютъ

въ себѣ всѣ свойства водоплавающихъ птицъ. Между ними есть птицы, ныряющія какъ съ лету, такъ и обыкновенные нырки; онѣ превосходно летаютъ, нѣкоторыя поспорятъ въ этомъ отношеніи съ крачками; ходятъ онѣ, правда, плохо, но все-таки лучше, чѣмъ многія другія водоплавающія птицы; кромѣ того онѣ умѣютъ держаться на вѣтвяхъ деревьевъ. Органы чувствъ ихъ хорошо развиты, напротивъ—умственное развитіе довольно низкое: нѣкоторыя все-таки оказываются довольно способными и поддаются обученію. По образу жизни, несмотря на всю любовь ихъ къ общительности, онѣ далеко не могутъ быть названы миролюбивыми, напротивъ того, имъ свойственны зависть, алчность и склонность къ ссорамъ, равно какъ злость, коварство, и положительная трусость, когда имъ приходится имѣть столкновеніе съ другими существами. Единдушія въ поступкахъ и сочувственнаго отношенія всего общества къ единичнымъ членамъ его, какъ это мы видѣли у чаекъ и крачекъ, у веслоногихъ нѣтъ: помогая другъ другу во время ловли рыбы, онѣ однако не прибѣгаютъ къ взаимопомощи въ случаѣ необходимости защищаться отъ врага. На другихъ животныхъ онѣ вообще обращаютъ очень мало вниманія, нѣкоторыя, напротивъ, очень много, хотя бы въ томъ смыслѣ, что поведеніемъ своимъ уподобляются дармоеду, высматривающему, не будетъ ли какой поживы съ чужого стола. Многіе виды веслоногихъ гнѣздуютъ между цаплями или вообще между птицами другихъ группъ, при этомъ иногда дерзко прогоняютъ послѣднихъ съ ихъ гнѣздъ или грабятъ ихъ гнѣздовой матеріалъ. Одной же общей жизнью со своими собратьями по гнѣздовью онѣ отнюдь не живутъ.

Гнѣзда устраиваются ими на деревьяхъ, въ трещинахъ и по карнизамъ скалъ или на горныхъ выступахъ, рѣже на островахъ, въ болотахъ и топяхъ. Гдѣ возможно, птицы эти пользуются чужимъ трудомъ, по крайней мѣрѣ въ устройствѣ основной подстилки гнѣзда, которое онѣ уже и обдѣлываютъ по своему вкусу; въ другихъ случаяхъ онѣ и сами натаскиваютъ необходимый гнѣздовой матеріалъ, сплетая изъ него неискusstное гнѣздо. Кладка состоитъ изъ 1 или 2 — 4 яицъ. Яйца относительно малы, очень продолговаты и обыкновенно бываютъ покрыты известковымъ налетомъ, мѣстами свершенно скрывающимъ яркую, но равномерно окрашенную скорлупу; рѣже яйца бываютъ гладкія и по болѣе свѣтлому фону покрыты болѣе темными пятнами. На яйцахъ сидятъ оба родителя и при томъ такъ крѣпко, что ихъ почти нельзя согнать съ гнѣзда; оба же они заботятся о снабженіи кормомъ одного или нѣсколькихъ своихъ возлюбленныхъ птенцовъ. Нѣкоторые виды, повидимому, выводятъ молодыхъ дважды въ лѣто.

Для немногихъ изъ другихъ водоплавающихъ птицъ рыба является такою исключительною пищею, какъ для веслоногихъ. Нѣкоторые виды, конечно, ѣдятъ при случаѣ и другихъ позвоночныхъ, можетъ быть даже моллюсковъ и червей, но всегда они дѣлаютъ это лишь попутно, скорѣе случайно, нежели намѣренно. При ловлѣ рыбы онѣ или стремительно бросаются съ известной высоты и быстро ныряютъ въ воду, или плывутъ, погрузивъ свою длинную шею неглубоко подъ поверхность или, наконецъ, преслѣдуютъ свою добычу, плывя подъ водою. Всѣ веслоногія истребляютъ неимоверное количество рыбы, почему всѣ безъ исключенія и должны были бы быть причислены къ наивреднѣйшимъ птицамъ, если бы въ свою очередь не приносили пользы довольно своеобразнымъ образомъ. Последняя обусловливается все тѣми же дарами моря. Этимъ птицамъ Перу обизано болѣею частію своихъ доходовъ; онѣ съ давнихъ поръ уже вызвали къ дѣятельности безчисленные флотиліи судовъ; онѣ-то именны и есть производители гуано или удобрительнаго матеріала изъ птичьяго помѣта. Въ ихъ прожорливости и заключается ихъ главное значеніе для насъ. Нанося вредъ рыб-

нымъ богатствамъ материковыхъ водныхъ бассейновъ, онѣ накапливаютъ сокровища на пустынныхъ скалистыхъ рифахъ. Иной пользы веслоногія человѣку не приносятъ. Нѣкоторые виды изъ нихъ держатся имъ на показъ, у другихъ онѣ похищаютъ яйца и молодыхъ для того, чтобы ихъ ѣсть; однако въ этомъ отношеніи прибыль отъ веслоногихъ незначительна. Китайцы дрессируютъ одинъ видъ этихъ птицъ для ловли рыбы; невкусное мясо другихъ видовъ употребляется въ пищу арабами, а островитяне южныхъ морей употребляютъ для украшеній длинныя хвостовыя перья одного вида веслоногихъ—вотъ въ сущности все, чѣмъ исчерпывается польза, приносимая этими птицами человѣку.

Первое семейство веслоногихъ — семейство **Баклановыхъ** (Phalacrocoracidae. Scharben) включаетъ въ себѣ, между прочимъ, подсемейство **Баклановъ** (Phalacrocoracinae. Fluss-scharben. Cormorans), въ которомъ мы различаемъ болѣе 30 видовъ. Тѣло баклановъ весьма удлиненное, мощное и цилиндрическое; шея длинная или даже очень длинная, узкая или тонкая; голова небольшая; клювъ средней длины и съ сильнымъ крючковатымъ концомъ. Ноги имѣютъ короткія плюсны и длинные пальцы, съ боковъ онѣ сплющены. Крылья скорѣе длинныя, хотя и тупозаостренные, благодаря короткости большихъ маховыхъ перьевъ; у послѣднихъ третье перо обыкновенно самое длинное. Хвостъ, состоящій изъ 12 — 14 перьевъ, средней длины или же довольно длинный, немного выпуклый. Маховыя и рулевыя перья весьма жестки; опахала ихъ широки и плотно прилегаютъ другъ къ другу; стержни ихъ крѣпкіе, но гибкіе. Остальныя перья короткія, плотно прилегающія къ тѣлу; перья нижнихъ частей шелковисто распушены, перья же верхнихъ частей плотно сомкнутыя, рѣзко ограничиваются другъ отъ друга и лежатъ ступенчато одинъ на другомъ.

Бакланы встрѣчаются во всѣхъ частяхъ свѣта и живутъ одинаково на морѣ и на прѣсноводныхъ внутреннихъ бассейнахъ. Нѣкоторые виды живутъ на далекомъ сѣверѣ, большинство-же населяетъ умѣренныя и жаркія пояса земли. Одни виды рѣдко отдаляются отъ моря и живутъ на его скалистыхъ островахъ, другіе живутъ по камышевымъ или поросшимъ лѣсомъ болотамъ и толямъ, по рѣчнымъ озерамъ и тому подобнымъ воднымъ пространствамъ, появляясь на морскихъ берегахъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Слѣдуя направленію большихъ рѣкъ, бакланы забираются далеко въ глубь страны, вообще охотно кочуютъ, а въ гнѣздовую пору держатся на одномъ мѣстѣ. Сѣверные виды совершаютъ правильныя перелеты, остальные ведутъ кочевой образъ жизни.

Изъ всѣхъ веслоногихъ бакланы считаются самыми совершенными нырцами, но и во всемъ остальномъ они отнюдь далеко не неуклюжи. По ровному мѣсту они ходятъ довольно неповоротливо, въ перевалку, но по вѣтвямъ деревьевъ двигаются съ удивительной ловкостью, летаютъ быстрѣе, чѣмъ то можно было бы предположить, такъ какъ кажется, что они должны сильно уставать отъ своего полета. На водѣ они остаются по возможности дольше, плавая и ныряя; послѣднее они совершаютъ съ такимъ совершенствомъ и такъ долго остаются подъ водой, что невольно приводятъ въ удивленіе наблюдателя. Объ остальныхъ качествахъ этихъ птицъ особенно хорошаго сказать можно немного. Онѣ чрезвычайно понятливы, умны, разсудительны, хитры, но при этомъ драчливы, зазорны и въ высшей степени злопамятны и коварны. Живя между собой въ дружбѣ только потому, что каждый изъ нихъ въ состояніи дать отпоръ другому, бакланы не терпятъ другихъ птицъ, но крайней мѣрѣ при случаѣ дразнятъ и мучаютъ ихъ.

Бакланы продолжают ѣсть до послѣдней возможности и даже, наѣвшись до отвала, все еще жадно кидаются на добычу, если она попадется на глаза. Они и отдыхаютъ-то, повидимому, съ единственной цѣлью, передохнувъ, снова приняться за ловлю рыбы и ѡжорство, и не ѣдятъ только тогда, когда заняты приведениемъ въ порядокъ своего оперенія или когда спятъ. Растяжимость ихъ глотки даетъ имъ возможность проглатывать крупныхъ рыбъ; однако послѣднія перевариваются необыкновенно скоро и желудокъ вновь требуетъ пополненія. Въ культурныхъ странахъ птицы эти терпимы быть не могутъ, такъ какъ онѣ наносятъ весьма ощутительный вредъ рыболовству; напротивъ, на морѣ, по крайней мѣрѣ, мѣстами, онѣ приносятъ пользу, именно благодаря своей прожорливости, такъ какъ съѣденныхъ рыбъ, съ которыхъ онѣ берутъ обильную дань, онѣ перерабатываютъ въ гуано.

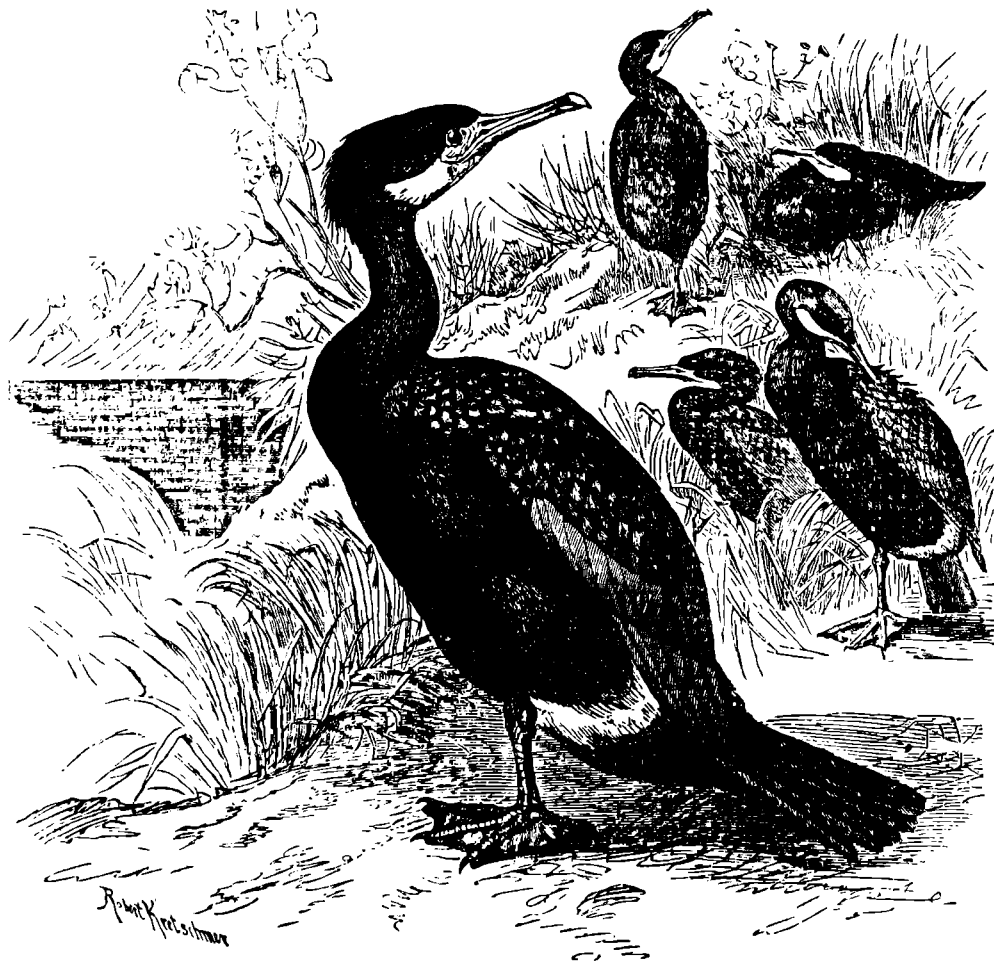
Всѣ виды этого подсемейства гнѣздятся общественно и при случаѣ основываютъ колоніи, которыя состоятъ изъ многихъ тысячъ паръ. Гнѣзда помѣщаются или на скалистыхъ островахъ, въ трещинахъ, выбоинахъ, по карнизамъ скалъ или же на деревьяхъ, иногда до 40 и 50 штукъ на одномъ и томъ же. Если бакланамъ приходится строить гнѣзда самимъ, они натаскиваютъ безпорядочную кучу толстыхъ сучьевъ, заполняютъ кое-какъ промежутки камышомъ или какой-нибудь другой травой, почти никогда не даютъ ей просохнуть, напротивъ, гораздо чаще въ гнѣздѣ ихъ бываетъ такъ мокро, что яйца лежатъ буквально въ слякоти. Яйца ихъ сравнительно очень малы, продолговатой формы и имѣютъ толстую скорлупу зеленовато-бѣлаго цвѣта и безъ пятенъ; послѣдняя мѣстами покрыта известковымъ или мѣловымъ налетомъ. На яйцахъ попеременно сидятъ оба родителя, насиживая ихъ съ усердіемъ и, можетъ быть точнѣе будетъ сказать — съ упорствомъ. Воспитаніемъ птенцовъ заняты бываютъ также и самецъ, и самка. Птенцы появляются на свѣтъ почти голые, позднѣе получаютъ короткій, темноокрашенный пушечъ, и только, когда они уже на половину выростутъ, у нихъ появляются перья. Въ гнѣздѣ молодые остаются долго, послѣ чего слѣдуютъ за родителями на воду, день—другой проводятъ здѣсь подъ руководствомъ послѣднихъ и затѣмъ уже предоставляютъ самимъ себѣ.

Пойманные бакланы доставляютъ немало удовольствія, какъ всевозможными позами, въ каждой изъ которыхъ непременно заключается что-нибудь оригинальное, такъ и быстротой, смѣлостью и хитростью, съ которыми они охотятся за всякой живностью. При хорошемъ уходѣ они размножаются, но, конечно, для нихъ нуженъ такой любитель, котораго бы не пугали далеко не незначительныя издержки на ихъ содержаніе.

* * *

Большой бакланъ (*Phalacrocorax carbo, carboides, medius, sinensis, glacialis, brachyrhynchus, macrorhynchus, leucotis, subcormoranus, arboreus, humilirostris, capillatus, filamentosus, Graculus carbo, carboides, medius, brachyrhynchus, sinensis, Pelecanus carbo, phalacrocorax, americanus, Carbo cormoranus, albiventer, leucogaster, crassirostris, nudigula, Hydrocorax carbo, Halieus cormoranus. Cormoran*) представляетъ собой самый извѣстный и, можетъ быть, самый распространенный видъ. Хвостъ его состоитъ изъ 14 рулевыхъ перьевъ. Верхняя часть головы его, шея, грудь, брюхо и нижняя часть спины блестящаго черно-зеленаго цвѣта, отливающая слабымъ металлическимъ блескомъ; передняя часть спины и крылья буроватыя съ бронзовымъ блескомъ и чешуйчатого вида, благодаря болѣе темнымъ каймамъ перьевъ. Маховыя и рулевыя перья черныя; вокругъ горла идетъ бѣлое пятно, начинающееся позади глаза; другое, болѣе круглое, находится въ паху. Глаза зе-

леного цвѣта морской воды; клювъ черный, у основанія желтоватый; голая кожа лицевой стороны и горла—желтая, ноги черныя. Въ пору размноженія на головѣ самцовъ баклановъ появляются нѣжныя волосистыя бѣлыя перья, переростающія болѣе темныя, но очень скоро и опадающія. Молодые птицы болѣе или менѣе сѣраго цвѣта, верхнюю часть тѣла имѣютъ темную пепельно-сѣрую, такого-же чешуйчатого вида, какъ и у старыхъ птицъ; нижняя сторона ихъ желтоватая или

Большой бакланъ. *Phalacrocorax carbo*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

свѣтло-сѣрая. Длина взрослой птицы достигаетъ 81—92 см., размахъ ея крыльевъ 135—150, длина крыла 36, хвоста 18 см.

Начиная отъ средней части Норвегiи, большой бакланъ встрѣчается по всей Европѣ, а зимой въ изумительно большихъ количествахъ—въ Африкѣ, кромѣ того онъ очень часто живетъ въ Средней Азiи, а равно и въ Сѣверной Америкѣ, причемъ въ первомъ случаѣ распространяется до южной Азiи, во второмъ—до Вест-индiи.

Въ сѣверной части распространенія большого баклана къ нему присоеди-няется Хохлатый или Малый бакланъ (*Phalacrocorax graculus, cristatus, desmares-*

tii, brachyurus, Graculus cristatus, Pelecanus graculus, cristatus, Carbo graculus, cristatus, brachyurus, Halieus graculus, Hydrocorax cristatus. Naubenscharbe. Petit cormoran), который съвернѣ замѣщаетъ перваго. Его хвостъ заключаетъ въ себѣ 12 перьевъ; хохолъ же, который носятъ только очень старыя птицы, состоитъ изъ согнутыхъ кпереди перьевъ около 4 см. длиною. Перья верхней части спины и, за исключеніемъ матово-черныхъ маховыхъ и рулевыхъ, всѣ остальные перья верхней части тѣла имѣютъ черный, слабо отливающий мѣднымъ цвѣтомъ, основной фонъ съ чешуйчатымъ рисункомъ; благодаря бархатисто-чернымъ каемкамъ; всѣ остальные части имѣютъ отвѣчающій или блестящій черно-зеленый цвѣтъ. Глаза голубовато-зеленаго цвѣта. Клювъ черный, скудно покрытый бурными пятнами; нижняя половинка его у основанія лимонно-желтаго цвѣта; ноги черныя. Въ молодомъ опереніи верхнія части имѣютъ болѣе темный чешуйчатый рисунокъ по сѣроватому блѣдно-бурому фону; большая часть нижнихъ частей птицы—бѣлая. Длина взрослой птицы достигаетъ 65 — 70 см., размахъ крыльевъ 110, длина крыла 27, хвоста 13 см.

Малый бакланъ распространенъ, начиная отъ скалистыхъ острововъ Шотландіи и южной Скандинавіи, къ сѣверу по всему протяженію береговъ Ледовитаго океана Стараго Свѣта; на зиму онъ совершаетъ перелеты до широтъ сѣверной Африки.

Третій европейскій видъ баклановъ—**Карликовый бакланъ** (Phalacrocorax pygmaeus, Graculus pygmaeus, Carbo pygmaeus, javanicus, melanognathus, niepei, Hydrocorax pygmaeus, niger, Haliaeus pygmaeus, niger, javanicus, algeriensis, melanognathus, Pelecanus, Microcarbo pygmaeus, Zwergscharbe. Cormoran pygmée) Хвостъ его состоитъ изъ 12 перьевъ. Верхняя часть головы, затылокъ и бока шеи ржаво-бурныя; нижнія шейныя перья и верхъ спины имѣютъ сѣровато-черное поле съ бархатисто-черными краями у перьевъ; всѣ остальные части, за исключеніемъ матово-черныхъ маховыхъ и рулевыхъ перьевъ, блестящаго темнаго чернаго цвѣта, причемъ въ брачномъ опереніи покрыты вѣжными, узенькими, бѣлыми, пушистыми, часто опадающими перышками. Молодой бакланъ сверху имѣетъ сѣро-буроватую окраску и болѣе свѣтлыя края перьевъ, снизу, большею частью бѣловатаго блѣдно-сѣраго цвѣта. Глаза красновато-бураго цвѣта, доходящаго до карминно-краснаго; клювъ и ноги черныя. Длина птицы достигаетъ 57 см., размахъ ея крыльевъ 60, длина крыла 21, хвоста 16 см.

Область распространенія малаго баклана обнимаетъ собой южную Европу, сѣверную Африку и южную Азію до Явы и Борнео; мѣстопребываніе этихъ птицъ ограничивается прѣсноводными бассейнами и участками болотной воды.

Хотя нельзя обойти молчаніемъ, что каждый изъ этихъ баклановъ въ образѣ жизни своимъ имѣетъ что-нибудь своеобразное, все-таки будетъ достаточно, если я ограничусь описаніемъ большаго баклана. Они живутъ, смотря по обстоятельствамъ, на морѣ и на прѣсноводныхъ бассейнахъ. Ихъ всегда встрѣтишь на большихъ рѣкахъ и водныхъ пространствахъ, окаймленныхъ лѣсами, тѣмъ болѣе, что эти назойливыя и наглыя птицы селятся даже въ непосредственной близости отъ мѣстечекъ и прогнать ихъ можно только съ большимъ трудомъ. Извѣстенъ случай, что этотъ бакланъ появился въ центрѣ города и выбралъ мѣстомъ своего отдыха колокольню. Въ большомъ количествѣ встрѣчаются эти птицы на морѣ, хотя только на извѣстныхъ мѣстахъ, а именно — гдѣ берегъ скалистъ и мало доступенъ или, гдѣ его окружаетъ кольцо окрестныхъ пухеръ. Вдоль береговъ Скандинавіи, Ис

ландіи, Ферерскихъ, Гебридскихъ и Оркадскихъ острововъ они столь же обыкновенны, какъ и малые бакланы, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ человекъ не въ состояніи вредить имъ. Не въ меньшихъ количествахъ собираются большіе бакланы зимою и въ южныхъ моряхъ. Уже въ Греціи ихъ изъ году въ годъ встрѣчаютъ на большихъ озерахъ и моряхъ; въ Египтѣ они иногда покрываютъ берега на протяжении всего кругозора и каждое утро совершаютъ свой вылетъ въ открытое море. Въ южномъ Китаѣ или въ Индіи они встрѣчаются въ такомъ же количествѣ. Можно съ полной совѣстью сказать, что всякое мѣсто подходитъ для баклановъ, такъ какъ, гдѣ только есть вода и рыба, они уже чувствуютъ себя на мѣстѣ.

Большіе бакланы очень общественны, почему обыкновенно и держатся большими и малыми стаями. Въ утренніе часы они усердно заняты рыболовствомъ, послѣ полудня обыкновенно отдыхаютъ и заняты перевариваніемъ пищи; къ вечеру они еще разъ принимаются за ловлю рыбы, съ заходомъ же солнца отправляются спать. Для ночлега они избираютъ высокія деревья внутри страны, растущія на островахъ по берегамъ рѣкъ или озеръ; такія деревья въ послѣдствіи служатъ имъ мѣстомъ гнѣздованія. Ночуя на морѣ, они, наоборотъ, выбираютъ скалистые острова, позволяющіе имъ видѣть далеко вокругъ и предоставляющіе возможность свободнаго прилета и отлета. Такіе острова уже издали узнаются по массѣ помета, которымъ покрываютъ ихъ эти птицы; они и у насъ въ концѣ концовъ могли быть складомъ гуано, если бы въ нашихъ странахъ было бы поменьше дождей, да тропическое солнце, которое сушитъ гуано подъ перуанскимъ небомъ. Такое излюбленное мѣстопробываніе баклановъ постоянно привлекаетъ къ себѣ вниманіе моряковъ или путешественниковъ и въ особенности, конечно, если онъ покрытъ сидящими птицами. Рядами, словно солдаты, живописно располагаются бакланы по зубцамъ утесовъ, оборотившись къ морю всѣ въ одномъ направленіи; однако лишь немногіе изъ нихъ остаются неподвижными, но каждый изъ нихъ чѣмъ-либо двигаться—или шейю, или головой, или крыльями и хвостомъ. Помахиваніе и хлопанье крыльями иногда продолжается съ четверть часа и очевидно имѣетъ цѣлью обсушить всѣ перья, такъ какъ послѣ этого бакланы грѣются на солнцѣ, уже не двигая крыльями. На такихъ мѣстахъ отдыха каждый бакланъ пользуется однимъ и тѣмъ же, разъ избраннымъ мѣстомъ и это уже по той простой причинѣ, что ходьба для него весьма затруднительна. Нѣкоторые наблюдатели утверждали, что бакланы могутъ ходить, только упираясь на хвостъ. Хотя это и неосновательно, однако самая походка этихъ птицъ представляетъ собою жалкое ковыляніе; несмотря на это, они двигаются все-таки довольно быстро. На вѣтвяхъ деревьевъ бакланъ еще ловчѣе, чѣмъ на плоской землѣ, но свое полное искусство и мастерство проявляетъ онъ, какъ и африканская анхинга, только въ плаваніи и нырніи. Когда подъѣзжаешь на лодкѣ къ какому-нибудь скалистому острову въ открытомъ морѣ, на которомъ сидятъ сотни баклановъ, то прежде всего видишь, какъ птицы начинаютъ вытягивать шею, двигать головами, послѣ чего слѣдуетъ безпомощное ковыляніе въ разныя стороны и наконецъ общее бѣгство. Однако лишь немногія изъ нихъ поднимаются на воздухъ и летятъ по прямому направленію, каждый разъ смѣняя плавнымъ полетомъ предварительное торопливое взмахиваніе крыльями, или же вначалѣ кругами забираются высоко на воздухъ; — большинство же, какъ лягушки, прыгаетъ въ море, ныряетъ и затѣмъ показывается на поверхности воды, по возможности дальше отъ мѣста, гдѣ они нырнули. Умные зеленые глаза ихъ внимательно смотрятъ на лодку и въ случаѣ необходимости бакланы, вновь ныряя и уплывая, достигаютъ желаемой безопасности.

Пингвины и анхинги ныряютъ и плаваютъ несомнѣнно быстрее, ловчѣе и

лучше, чѣмъ бакланы, но чтобы какія-нибудь другія птицы превосходили баклановъ въ ныряніи, я позволю себѣ сомнѣваться. Они такъ быстро плаваютъ подъ водой, что лучшая, управляемая испытанными гребцами лодка не можетъ настичь ихъ; кромѣ того они ныряютъ на значительную глубину, подолгу остаются подъ водой и, на секунду показавшись на поверхности, быстро вдыхаютъ воздухъ и исчезаютъ снова. Преслѣдуя свою добычу, они такъ вытягиваются и гребутъ такими размашистыми толчками, что ихъ тѣло стрѣлой несется по водному пространству. Изъ чувствъ наиболѣе развито у нихъ зрѣніе; по крайней мѣрѣ это можно заключить по ихъ живымъ, а слѣдовательно характернымъ не по одному только цвѣту, глазамъ; впрочемъ, слухъ ихъ также очень развитъ; не плохо, вѣроятно, и обоняніе; напротивъ, вкусъ ихъ нельзя назвать тонкимъ: правда, во всякомъ случаѣ замѣтно, что бакланы дѣлаютъ разницу между разными сортами рыбъ, но въ этомъ случаѣ трудно предположить, что это находится въ зависимости отъ чувства вкуса. Что касается до душевныхъ качествъ, то къ нимъ относится уже высказанное выше. Всѣ виды этого рода нужно причислить къ умнымъ, хитрымъ и недовѣрчивымъ птицамъ, такъ какъ замѣчено, что онѣ никогда не забываютъ думать о своей безопасности, ни на свободѣ, ни въ неволѣ. Однако извѣстно также, что бакланы умѣютъ быть находчивыми при различныхъ условіяхъ и извлечь изъ обстоятельствъ возможно больше пользы для себя. По отношенію къ другимъ птицамъ, съ которыми имъ приходится быть вмѣстѣ, они выказываютъ себя всегда коварными и злыми, особенно когда на сцену выступить зависть или жадность; они даже принуждаютъ такихъ птицъ работать для себя. Такъ, я наблюдалъ, какъ жившіе въ неволѣ бакланы заставляли пеликановъ проломить тонкій слой льда, который препятствовалъ плаванію и нырянію въ ихъ бассейнахъ. Бакланы видѣли, какъ пеликаны, ступая на ледъ, ломали его, что самимъ бакланамъ было не по силамъ, и у нихъ быстро зародилась мысль воспользоваться этимъ; они начали плавать за пеликанами, щипля и клюя ихъ до тѣхъ поръ, пока послѣдніе, стараясь уйти отъ нихъ, не продѣлали среди льда большой полыни.

Доказательствомъ понятливости баклановъ служить фактъ приученія баклановъ китайцами къ ловлѣ рыбы, что птицы исполняютъ къ удовольствію своихъ хозяевъ. Одинъ рыбоводъ сообщалъ Фортуну, что большіе бакланы, дрессированные для рыбной ловли, воспитываются въ неволѣ, гдѣ они и выводятся изъ яицъ, насиживаемыхъ курицами. Молодыхъ уже рано начинаютъ выносить на воду и приучать бросаться въ воду по приказанію хозяина, нырять и выносить на поверхность пойманную рыбу. «Во время прилива», рассказываетъ Дулитль, «мосты въ Фучау бываютъ запружены зрителями, смотрящими на эту рыбную ловлю. Рыбакъ стоитъ на длинномъ, около 5—6 м. плоту изъ бамбука, приводимомъ въ движеніе посредствомъ одного весла. Когда нужно, чтобы бакланъ ловилъ рыбу, рыбакъ кидаетъ птицу въ воду; если послѣдняя не хочетъ нырять, онъ до тѣхъ поръ бьетъ по водѣ весломъ, пока она не исчезнетъ въ глубинѣ. Поймавъ рыбу, бакланъ вновь появляется надъ водой съ добычей въ клювѣ, имѣя цѣлью, конечно, проглотить ее, чему однако препятствуетъ свободно обтянутый вокругъ шеи шнуръ или надѣтое на нее металлическое кольцо; такимъ образомъ птицѣ, волей неволей, приходится плыть къ плоту. Рыбакъ возможно скорѣе подплываетъ къ ней, чтобы рыба не успѣла ускользнуть изъ клюва баклана, такъ какъ иногда случается, въ особенности, когда пойманная рыба крупныхъ размѣровъ, что между чернатымъ ловцомъ и его жертвой происходитъ настоящая борьба. Когда рыбакъ достаточно приблизится, онъ накидываетъ на баклана прикрѣпленный на палку сѣтчатый сачекъ и притягиваетъ его къ плоту; рыба отнимается и баклану въ вознагражденіе

ние за труды дается немного корму, причемъ кольцо предварительно снимается, чтобы дать возможность птицѣ проглотить. Послѣ этого баклану даютъ немного отдохнуть и затѣмъ вновь посылаютъ на работу. Иногда птицѣ приходится въ голову ударить вмѣстѣ со своей добычей, тогда рыбацкѣ съ возможной быстротой спѣшитъ нагнать ее. Обыкновенно это и удается, но иногда рыбацкѣ терпитъ неуспѣхъ. Иной разъ бакланъ ловитъ такую сплывшую рыбу, что одинъ онъ съ ней справиться не можетъ; тогда къ нему на помощь плывутъ нѣсколько другихъ баклановъ. Случается также, что подобное обстоятельство порождаетъ между птицами ссору изъ за добычи. Интересъ зрителя тогда доходитъ до высокой степени и за того или другого баклана составляются пари».

На водныхъ бассейнахъ обитаемыхъ странъ бакланы терпимы быть не могутъ, такъ какъ они наносятъ неисчислимыи вредъ рыбнымъ богатствамъ нашихъ рѣкъ и озеръ. Ихъ прожорливость превосходить всякія описанія: одинъ бакланъ съѣдаетъ больше, чѣмъ человекъ, онъ съѣдаетъ если можетъ только достать, такъ-же много, какъ и пеликанъ. Я далъ одному баклану, жившему въ неволѣ, столько рыбъ, сколько онъ могъ съѣсть, и нашелъ, что онъ уничтожалъ утромъ среднимъ числомъ 26 длинныхъ плотвъ, а въ послѣполуденные часы— 17. Вначалѣ онъ не только совершенно заполнялъ рыбой желудокъ, но даже пищеводъ его необыкновенно раздувался, нѣкоторыя рыбы торчали даже изъ глотки. Однако пищевареніе шло такъ быстро, что въ теченіи двухъ часовъ глотка и пищеводъ были уже снова пусты. Въ морѣ бакланы, по всей вѣроятности, питаются одною рыбой, которую они вытаскиваютъ со дна или ловятъ полутно; на сушѣ-же они преслѣдуютъ и мелкихъ позвоночныхъ. Въ Вѣнскомъ зоологическомъ саду наблюдали, какъ тамопніе бакланы упражнялись въ ловлѣ ласточекъ. При этомъ они въ жаркій солнечный день лежали въ водѣ, глубоко погруживъ въ воду свое тѣло, пригнувъ голову назадъ и раскрывъ клювъ и подкарауливали шмыгавшихъ туда и сюда ласточекъ; выбравъ удачный моментъ, они вскидывали шею, схватывали беззаботную ласточку, прежде чѣмъ она могла уклониться, умерщвляли ее, сильно сдавивъ половинками своего клюва, и проглатывали. На Ферерскихъ островахъ баклановъ ненавидятъ, такъ какъ они кидаются даже на яйца, начинаютъ пожирать ихъ еще живыми и наконецъ убиваютъ.

Для своего гнѣзда бакланы предпочитаютъ деревья, но въ случаѣ нужды довольствуются и углубленіями въ землѣ, выступами скалъ и тому подобными мѣстами. На континентѣ или тамъ, гдѣ лѣса доходятъ до береговъ моря, бакланы являются въ поселеніи воронъ или цапель и овладѣваютъ чужими гнѣздами, первыхъ прогоняя немедленно, вторыхъ же послѣ предварительнаго жаркаго боя. Въ такія гнѣзда они натаскиваютъ жесткихъ прутьевъ, стеблей камыша, тростника и тому подобное, слегка улучшаютъ завоеванныя жилища и начинаютъ кладку. Если годъ, другой ихъ не беспокоитъ, они такъ прочно уживаются на мѣстѣ, что впоследствии прогнать ихъ можно лишь съ большими усиліями. «Весной 1812 года», говоритъ Пауманъ, «въ одномъ помѣстьѣ близъ города Лютьенбурга появились четыре пары баклановъ и поселились по близости отъ берега озера въ одной рошѣ на весьма высокихъ букахъ, служившихъ уже много лѣтъ гнѣздовьемъ многочисленнымъ грачамъ и цаплямъ. Бакланы прогнали нѣсколько семействъ цапель и завладѣли ихъ гнѣздами. Вывели два потомства,—одно въ маѣ, другое въ іюлѣ, они осенью того же года улетѣли стайей въ 30 взрослыхъ птицъ. Весною слѣдующаго года и во всѣ послѣдующія весны они прилетали вновь все въ болѣе и болѣе увеличенномъ количествѣ и вскорѣ можно было насчитать до 7000 гнѣздящихся паръ. Бойе насчитывалъ на нѣкоторыхъ деревьяхъ до 50 бакланьихъ гнѣздъ. Воздухъ былъ

наполненъ массою прилетавшихъ и улетающихъ птицъ; дикій крикъ послѣднихъ раздиралъ уши. Деревья и листья стали бѣлыми отъ помета, воздухъ былъ отравленъ выпадавшими изъ гнѣздъ и гниющими рыбами. Только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ усерднаго преслѣдованія удалось освободиться отъ этихъ непрошенныхъ гостей». Собирающіеся гнѣздиться бакланы появляются обыкновенно въ апрѣлѣ, быстро и усердно выстраиваютъ свои гнѣзда, на иныхъ деревьяхъ пользуются для того каждой вѣткой и уже въ концѣ мѣсяца кладутъ 3—4 маленькія, узкія, около 65 мм. длиной и 40 мм. шириной и снабженныя прочной скорлупой яйца, голубовато-зеленаго цвѣта и покрытыя известковымъ налетомъ. Самецъ и самка сидятъ на яйцахъ попеременно и высидиваютъ ихъ въ теченіи около 4 недѣль; птенцовъ кормятъ они также сообща. Послѣдніе, благодаря изобилію приносимаго имъ корма, вырастаютъ относительно скоро. Родители чрезвычайно любятъ ихъ, но въ опасности, по крайней мѣрѣ отъ человѣка, ихъ не защищаютъ. Прилетаютъ къ гнѣзду они обыкновенно съ переполненными глоткой и желудкомъ и иной разъ вырыгаютъ на край гнѣзда нѣсколько дюжинъ мелкихъ рыбешекъ; многія изъ послѣднихъ падаютъ черезъ край на землю, но ни одинъ бакланъ не даетъ себѣ труда поднять ихъ. Въ серединѣ іюня птенцы вылетаютъ изъ гнѣзда и тогда родители ихъ обыкновенно тотчасъ же приступаютъ ко второй кладкѣ, предоставляя молодымъ кормиться самимъ.

При обильномъ кормѣ бакланы въ неволѣ выживаютъ много лѣтъ и кромѣ удовлетворенія своего голода, почти не имѣютъ другихъ потребностей и нерѣдко размножаются даже на маленькихъ прудахъ. Кальберматтенъ сообщаетъ, что большіе бакланы легко приручаются, и что мѣстами на востокѣ ихъ можно встрѣтить среди домашнихъ птицъ.

Охота за большими бакланами или вообще за бакланами не всегда легка, такъ какъ, благодаря своей хитрости и осторожности, они умѣютъ избѣгать всѣхъ уловокъ охотниковъ. Легче убить такую птицу на стойкѣ подъ деревомъ, мѣстомъ ночлега баклановъ; всего же легче, конечно, бить ихъ съ гнѣзда. Послѣдняя охота вызывается скорѣе необходимостью, охотничій-же интересъ весь пропадаетъ, такъ какъ все сводится къ бойнѣ. Мы считаемъ бакланье мясо несъѣдобнымъ; лапландцы же и арабы держатся другого мнѣнія и считаютъ его лакомымъ кускомъ, такъ какъ оно очень жирно.

Анхинги или Змѣшейки (*Plotus. Schlagenhalsvögel. Anhingas*) являются представителями рода (*Plotus*) и подсемейства (*Plotinae*) того-же племени, котораго извѣстно всего только 4 вида. Характерныя признаки ихъ слѣдующіе: тѣло весьма вытянутое съ необыкновенно длинной, тонкой шеей и маленькой, плоской головой; клювъ длинный, прямой, слабый, веретенообразный, весьма острый, съ краями, мелко зазубренными по направленію къ концу; ноги короткія, толстыя, далеко отставленныя назадъ и снабженныя длинными пальцами; крылья длинныя, но короткоконечныя съ наиболѣе длиннымъ третьимъ маховымъ перомъ; хвостъ длинный, состоящій изъ 12 расширяющихся къ концу, чрезвычайно гибкихъ перьевъ съ полнистыми опахалами; наконецъ мелкое опереніе очень красивое и блестящее, болѣе удлинненное на верхнихъ частяхъ, бархатисто-разсученное на нижнихъ и относительно пестро окрашенное.

* *

Африканская змѣшейка (*Plotus levaillantii, congensis, Anhinga levaillantii. Schlagenhalsvogel. Anhinga de Levaillant*) имѣетъ преобладающимъ цвѣтомъ черной съ металлическимъ зеленымъ блескомъ; спина и кроющія перья крыльевъ

ея украшены широкими серебристо-бѣлыми срединными штрихами. Шея ея ржаваго цвѣта; полоска, начинающаяся около глаза и идущая по бокамъ шеи—черно-бурая, другая подъ ней—бѣлая; перья крыльевъ и рулевья чернаго цвѣта; послѣднія на концѣ свѣтлѣе. Глаза мѣдно или красно-желтаго цвѣта; голыя мѣста на головѣ желто-зеленныя; клювъ роговаго цвѣта; ноги зеленовато-сѣрыя. Длина птицы достигаетъ 86 см., размахъ ея крыльевъ 108, длина крыла 34, хвоста 25 см. У самки всѣ цвѣта менѣе ярки; однако разница между ея оперениемъ и оперениемъ самца незначительна. Змѣшейка свойственна Африкѣ и встрѣчается тамъ на всѣхъ водныхъ бассейнахъ южнѣе 15 гр. сѣв. широты вплоть до Капской земли.

Во время моего путешествія на Бѣлый и Голубой Ниль я часто видѣлъ этихъ птицъ и посвящалъ нѣкоторые часы и дни наблюдениямъ за ихъ охотой; но такихъ точныхъ наблюдений, какія были произведены Одюбономъ надъ ея американскимъ родичемъ, Американской змѣшейкой (*Plotus anhinga*. *Anhinga*. *Anhinga d'Amérique*), я, конечно, сдѣлать не могъ. Поэтому въ нижеслѣдующемъ изложеніи я буду преимущественно опираться на свѣдѣнія, сообщенныя упомянутымъ натуралистомъ, насколько они соотвѣтствуютъ моимъ личнымъ наблюдениямъ.

Анхинги живутъ по рѣкамъ, озерамъ и болотамъ, по близости которыхъ растутъ деревья, въ особенности-же на такихъ водныхъ пространствахъ, которыя окружаютъ острова, густо заросшіе деревьями. Утромъ эти птицы слетаютъ съ деревьевъ, чтобы начать свою охоту, и на ночь или отдыхъ возвращаются обратно на нихъ-же. На деревьяхъ обыкновенно помѣщаются и ихъ гнѣзда. Во всякомъ случаѣ онѣ, подобно бакланамъ, отдыхаютъ и гнѣздятся также и на скалахъ, но это, конечно, только въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ не могутъ пользоваться деревьями. Богатыя животными воды Африки предоставляютъ имъ все нужное для жизни, почему и даютъ пристанище довольно большимъ количествамъ этихъ птицъ. Такими общественными птицами, какъ бакланъ, ихъ, конечно, назвать нельзя, такъ какъ почти никогда не видно стай змѣшейекъ, которыя-бы заключали въ себѣ болѣе 10—20 птицъ, зато онѣ охотно держатся на какомъ-нибудь участкѣ озера, пруда или рѣки обществомъ изъ 5—8 штукъ; точно также нѣсколько такихъ стай вечеромъ собираются на излюбленныхъ деревьяхъ для отдыха. Въ тепловую пору въ благоприятныхъ для птицъ мѣстахъ можно встрѣтить еще болѣе многочисленныя собранія.

Едва-ли найдется другое, болѣе удачное названіе какъ то, которое дано этимъ птицамъ готтентотами, именно «змѣшейка». Шея анхингъ дѣйствительно напоминаетъ змѣю; она не только имѣетъ сходный съ послѣдней рисунокъ, но даже и двигается такимъ-же образомъ. Когда нырнувшая птица плыветъ между поверхностью воды и дномъ, она совершенно напоминаетъ змѣю, если-же принуждена защищаться или нападать на врага, то она съ такою молниеносною быстротою вскидываетъ шею, что опять-таки это можно сравнить съ нападеніемъ ядовитой змѣи. Всѣ змѣшейки искусные пловцы, но еще болѣе совершенные нырки. Бакланъ въ сравненіи съ ними увалень; по крайней мѣрѣ въ группѣ птицъ, къ которой онѣ принадлежатъ, пальма первенства въ этомъ отношеніи принадлежитъ имъ. Ихъ не можетъ превзойти почти ни одна плавающая птица, ни одинъ нырокъ, за исключеніемъ развѣ только пингвина. Тамъ, гдѣ онѣ спокойно могутъ заниматься своимъ рыболопствомъ и чувствуютъ себя въ полной безопасности, анхинги плаваютъ, наполовину погрузивъ тѣло подъ поверхность воды; если же онѣ завидятъ человѣка или какое-либо опасное животное, то онѣ такъ глубоко погружаются, что наружу остается одна только тонкая шея. Благодаря этому змѣ-

шейка необыкновенно легко скрывается отъ взора: можно проплыть совсѣмъ близко отъ нея, не замѣчая птицы, даже когда она плыветъ на совершенно-чистомъ мѣстѣ, причѣмъ она исчезаетъ, если пожелаешь, отъ самаго зоркаго глаза въ камыши, заросли и т. п. Если преслѣдуютъ ее, то она тотчасъ-же начинаетъ нырять и продѣлываетъ это съ изумительнымъ мастерствомъ. Она совершенно не употребляетъ въ дѣло крыльевъ, хотя и держитъ ихъ, слегка отставивъ отъ тѣла; она гребетъ только ногами и дѣйствуетъ хвостомъ, какъ рулемъ и при этомъ движется съ такою быстротою,

Африканская змѣшейка. *Plotos levaillantii* 1/4 наст. вел.

ловкостью и пѣрностью, что превосходить во всемъ эту самую быструю рыбу. Расстоянія болѣе чѣмъ въ 60 м. она проплываетъ менѣе, чѣмъ въ минуту; подъ водою она, повидимому, движется еще быстрѣе, чѣмъ плывя по поверхности. Походка змѣшейки переваливающаяся и ковыляющая, но сравнительно быстрая; въ вѣтвяхъ деревьевъ она проявляетъ ловкость, которую нельзя было предполагать, такъ какъ не только можетъ крѣпко держаться на сучьяхъ, но умѣетъ и ходить по нимъ назадъ и впередъ, хотя при этомъ распускаетъ для поддержанія равновѣсія крылья и пользуется клювомъ, какъ подпоркой. Полетъ ея походитъ на полетъ баклана на-

столько, что на лету этих птиц можно смѣшать. Летящая змѣшейка имѣетъ видъ уставшей птицы, хотя движется быстро и за одинъ разъ летитъ долгое время. Ненапуганная аяхинга летитъ обыкновенно довольно низко надъ водой, по возможности придерживаясь одного и того-же разстоянія отъ поверхности воды. Если она при этомъ захочетъ сѣсть на дерево, то по крутой дугѣ взлетаетъ снизу до самой вершины его, нѣсколько разъ облетаетъ послѣднюю и затѣмъ уже садится. Если ей вздумается перемѣститься съ одного воднаго пространства на другое, то, непрерывно взмахивая крыльями, взлетаетъ на довольно значительную высоту, начинаетъ плавно описывать круги, причемъ пользуется господствующимъ вѣтромъ такъ расчетливо, что быстро попадаетъ въ желаемый слой воздуха, въ которомъ уже и летитъ далѣе. Въ пору спариванія она часто залетаетъ на значительную высоту, иногда даже исчезаетъ изъ глазъ и тамъ, въ далекой выси, она по цѣлымъ часамъ, играя, описываетъ круги. Въ полуденные часы змѣшейки, совершенно какъ бакланы, опускаются на сучья или скалистые острова по рѣкѣ, раскрываютъ крылья и время отъ времени обмахиваются ими, какъ-бы чувствуя потребность освѣжиться. Въ это время онѣ чрезвычайно напоминаютъ позу орловъ на гербахъ. Каждая змѣшейка, завидѣвшая сидящую въ такой позѣ подругу, не преминетъ присоединиться къ ней; такимъ образомъ случается, что какое-нибудь излюбленное возлѣ рѣки мѣсто сборища въ опредѣленное время бываетъ покрыто многими змѣшейками и благодаря этимъ птицамъ замѣтно уже издали. Подобныхъ мѣстъ онѣ придерживаются съ такимъ-же упорствомъ, какъ и избраннаго разъ ночлега, къ которому онѣ, несмотря на повторяемое спугиваніе, постоянно возвращаются. Общественными онѣ выказываютъ себя только по отношенію къ птицамъ ихъ же вида, такъ какъ, если ихъ и видишь въ птенцовую пору между пеликанами и бакланами, то все же онѣ держатся немного поотдалъ отъ послѣднихъ и, составляя свой маленькій кружокъ, не обращаютъ никакого вниманія на то, что дѣлаютъ вокругъ нихъ другія птицы. Между собою члены одного общества, повидному, живутъ въ мирѣ, хотя, благодаря сильно развитому у нихъ чувству зависти, иногда дѣло доходитъ до битвы или, по крайней мѣрѣ, до задиранія другъ друга. По отношенію къ человѣку и другимъ опаснымъ для нихъ существамъ онѣ держатся на сторожѣ: онѣ отъ природы пугливы, и если чувствуютъ себя преслѣдуемыми, становятся необыкновенно осторожными; такимъ образомъ аяхинги проявляютъ много разсудительности. Когда онѣ сидятъ въ позѣ гербового орла на вѣтви, часто у самой воды, то, повидному, совершенно не обращаютъ вниманія на подходящаго къ нимъ охотника; на самомъ-же дѣлѣ онѣ зорко слѣдятъ за нимъ, и въ ту самую минуту, когда охотникъ вскидываетъ ружье, онѣ уже исчезаютъ въ водѣ.

Змѣшейки ловятъ рыбу такъ же, какъ и бакланы, ныряя съ поверхности воды въ глубь, быстро гребя ланами, настигаютъ подъводою рыбу и схватываютъ ее, метнувъ своей шеей. Въ открытомъ морѣ, по наблюденіямъ Чуди надъ американской змѣшейкой, эти птицы кидаются на рыбу съ замѣчательной стремительностью; однако онѣ лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ сидя остаются на волнахъ, но тотчасъ-же снова поднимаются съ добычей на воздухъ и сѣдаютъ ее на лету. Насколько вѣрны эти свѣдѣнія, я сказать не могу. Одно только вѣрно, что, поймавъ добычу, птицы эти обыкновенно выплываютъ съ нею наверхъ и только тутъ проглатываютъ ее. Птицы эти требуютъ очень много пищи, такъ какъ прожорливость ихъ необыкновенно велика. Во всякомъ случаѣ онѣ, какъ и остальные хищныя и рыбацныя птицы, по цѣлымъ днямъ могутъ оставаться безъ пищи; обыкновенно же имъ не приходится подвергаться такимъ постамъ, и онѣ имѣютъ возможность вполнѣ удовлетворить свою прожорливость. Вахманъ, другъ Одюбона, на своей плѣпной змѣшейкѣ наблюдалъ,

какъ одна рыба въ 20 см. длиной и 5 см. въ поперечникѣ, которую проглатила эта птица, часа черезъ полтора уже была переварена, и черезъ два—три часа змѣшейка эта съѣла три другихъ рыбы, почти такой-же величины. Когда ей предлагали болѣе мелкихъ рыбешекъ, приблизительно 8 см. длиной, она набирала ихъ штукъ по 40 за одинъ разъ. Между различными породами рыбъ змѣшейки, повидимому, разницы не дѣлаютъ, точно также онѣ, какъ и бакланы, по всей вѣроятности не отказываются и отъ мелкихъ позвоночныхъ, молодыхъ птичекъ и разныхъ земноводныхъ, можетъ быть даже и отъ разныхъ безпозвоночныхъ животныхъ.

Змѣшейки гнѣздятся на деревьяхъ. Ихъ гнѣзда, устроенныя изъ сухихъ прутьевъ, похожи на гнѣзда цапель. Они въ числѣ 4—8 помѣщаются на одномъ высокомъ деревѣ, если можно, окруженномъ водой. Кладка состоитъ изъ 3—4 яицъ около 55 мм. длиной и 36 мм. въ поперечникѣ, имѣющихъ свѣтло-зеленый цвѣтъ и покрытыхъ бѣлымъ известковымъ налетомъ. Гнѣздовая жизнь въ общемъ протекаетъ такъ-же, какъ и у баклановъ. Молодые, добытые Марно въ Суданѣ въ январѣ мѣсяцѣ, были съ плѣшивыми головами, на всемъ же остальномъ тѣлѣ были покрыты вѣжными, грязно-бѣлымъ пухомъ. Про птенцовъ американской змѣшейки намъ извѣстно, что они привѣтствуютъ появленіе родителей, отпрыгающихъ имъ кормъ, тихимъ, свистящимъ крикомъ, что при приближеніи врага они плотно прижимаются къ гнѣзду и только въ крайней нуждѣ прыгаютъ въ воду. Когда птенцамъ минетъ три недѣли, у нихъ появляются маховыя и хвостовыя перья, но перья нижней части тѣла выбиваются изъ подъ пуха въ то время, когда первыя уже совершенно развиты; птенцы идутъ на воду только тогда, когда совершенно выучатся летать.

Неволю африканскія змѣшейки переносятъ при нѣкоторомъ уходѣ такъ-же хорошо, какъ и бакланы, вскорѣ становятся до извѣстной степени ручными и, если воспитываются смолodu, выказываютъ большую привязанность къ человѣку. Одубонъ видѣлъ двухъ американскихъ змѣшейекъ, которыя слѣдовали по пятамъ за своимъ хозяиномъ, а впоследствии получили разрѣшеніе посѣщать, когда имъ вадумается, сосѣднія воды, такъ какъ онѣ всегда возвращались во время обратно. Изъ двухъ птенцовъ, которыхъ Вахманъ вынулъ изъ гнѣзда, болѣе сильный долженъ былъ замѣстить болѣе юной сестрѣ мѣсто втораго отца и, повидимому, весьма охотно взялъ на себя эту похвальную заботу, по крайней мѣрѣ, онъ былъ доволенъ, когда малenkій птенецъ забирался своимъ клювомъ въ его глотку и вытаскивалъ оттуда проглоченную рыбу. Оба были такими ручными и такъ привязались къ своему хозяину, что просто надоѣдали ему. Вначалѣ Вахманъ носилъ ихъ часто на одинъ прудъ и бросалъ ихъ тамъ въ воду, но къ своему удивленію замѣтилъ, что они всегда съ возможною поспѣшностью приплывали къ берегу, словно боялись своей родной стихіи; позднѣе этотъ страхъ пропалъ. Уже въ ранней молодости они выказывали себя смѣлыми и безстрашными по отношенію къ другимъ животнымъ. Пѣтухи и индюки вскорѣ со страхомъ избѣгали ихъ и даже собаки не особенно рисковали подходить къ нимъ, такъ какъ анхянги никогда не пропускали случая въ подходящій моментъ подарить ихъ ударомъ своего остраго клюва. Когда змѣшейки выросли, онѣ ежедневно отправлялись на ближайшій прудъ на рыбную ловлю, послѣ чего возвращались обратно, издевали на высокой частотѣ забора, оставались сидѣть тамъ съ цѣлью погрѣться на солнышкѣ или поспать. Холодъ, казалось, имъ былъ очень неприятенъ и во избѣжаніе его онѣ кочевали въ кухню и располагались тамъ по близости огня; при этомъ онѣ, ради наиболѣе уютнаго мѣстечка у очага, вступали въ ссору съ собакой и даже съ поваромъ. Въ ясный

день, напротив, онѣ распускали свои крылья, растопыривали перья и, казалось, наслаждались теплотой. Случайно онѣ дня два не получали корма, нашли это, однако, чрезвычайно неприятнымъ и съ пронзительнымъ крикомъ бѣгали кругомъ по двору или даже бросались на мимо шедшихъ служащихъ, какъ бы желая напомнить послѣднимъ объ ихъ небрежности. Африканскіи змѣшейки ведутъ себя совершенно такъ-же.

Въ уединенныхъ, мало посѣщаемыхъ человѣкомъ мѣстностяхъ, африканскіи змѣшейки не очень пугливы, такъ что охота за ними не представляетъ почти никакого труда. Для этого стараются разузнать ночлежныя деревья и послѣ полудня становятся подъ ними, ожидая прибытія птицъ. Послѣ выстрѣла, всѣ оставшіяся рѣ живыхъ птицы, словно мертвыя кидаются въ воду, ныряютъ вглубь и выплываютъ, то здѣсь, то тамъ, выставивъ надъ поверхностью одну только шею; однако, обыкновенно онѣ снова отыскиваютъ себѣ такія мѣста, гдѣ бы, по возможности, ихъ скрывали камышь или вѣтви. Стрѣльба въ плывущую африканскую змѣшейку не имѣетъ смысла; пороку и дроби при этомъ тратится много, а успѣхъ бываетъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, такъ какъ тѣло птицы совершенно спрятано отъ дробы и для цѣли остается одна только тонкая шея. Но и тогда даже, когда все тѣло птицы открыто для выстрѣла, послѣднюю убить нелегко, такъ какъ ея плотное опереніе обладаетъ удивительной способностью противостоятъ удару дробы.

Африканская змѣшейка, съ которой снята шкура, а не просто опипанная, по словамъ Пехуэль-Леше, представляетъ собой вовсе недурное кушанье.

Олуши (*Sulinae*. Tölpel. Fous), образующія третье подсемейство баклановыхъ птицъ и заключающія въ себѣ около 9 видовъ, характеризуются слѣдующими признаками: клювъ ихъ длиннѣе головы и на верхней челюсти его замѣчаются какъ бы два слоя, такъ что весь клювъ состоитъ изъ трехъ частей; ноги низкія, но плотныя; крылья необыкновенно длинныя, первое маховое перо ихъ длиннѣе остальныхъ; хвостъ, состоящій изъ 12 перьевъ, клиновидно заостренъ; передняя часть головы и горло остаются голыми.

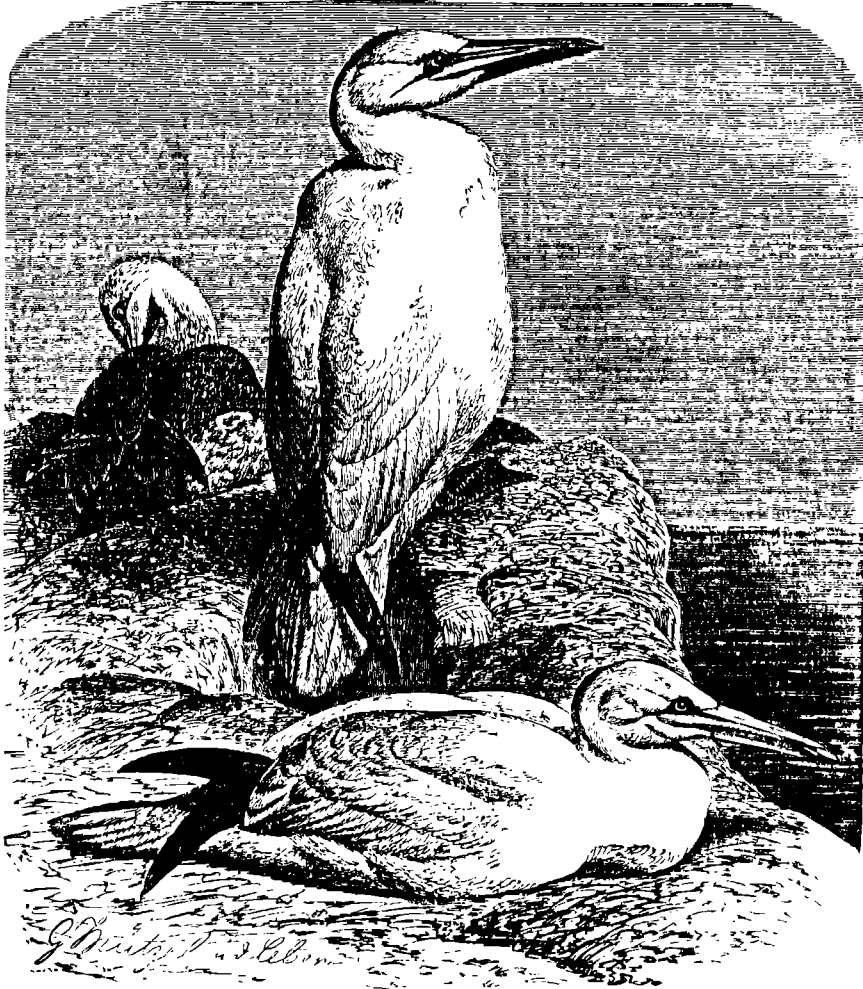
* *
* *

Олушь или Глупышъ (*Sula bassana*, *alba*, *major*, *americana*, *Pelecanus bassanus*, *maculatus*, *Disporus bassanus*. Tölpel. Fou de bassan), описанія котораго совершенно достаточно для ознакомленія съ образомъ жизни всего подсемейства, характеризуется слѣдующими признаками: окраска его, за исключеніемъ бурочерныхъ маховыхъ перьевъ перваго порядка, бѣлая; верхняя часть головы и задняя имѣютъ желтоватый налетъ; въ юности птица имѣетъ верхнюю сторону черно-бурю съ бѣлыми пятнами и снизу по свѣтлому основному фону покрыта болѣе темными пятнами и крапинками. Глаза желтые, клювъ голубоватый, ноги зеленыя; голая кожа на горлѣ черная. Длина птицы достигаетъ 98 см., размахъ ея крыльевъ 190, длина крыла 62, хвоста 26 см. Самка отличается отъ самца нѣсколько меньшой величиной.

Глупыши живутъ во всѣмъ морямъ сѣвернаго полушарія, начиная отъ 70 градуса сѣверной широты и до тропическихъ странъ. Птица эта обыкновенна въ Исландіи и на Ферерскихъ, Оркадскихъ и Гебридскихъ островахъ, рѣже у береговъ Норвегіи, одиночные экземпляры попадаются вблизи сѣверной Германіи, Голландіи и Франціи, но въ большомъ количествѣ встрѣчается по американскимъ берегамъ, а равно и въ сѣверной части Тихаго океана; нѣкоторые залетали

даже во внутрь Германіи. Повидимому, глупышъ оказываетъ особое предпочтеніе опредѣленнымъ островамъ или береговымъ мѣстамъ. Гдѣ можетъ, онъ проводитъ ночь на сушѣ, обыкновенно на высокихъ и круто-опускающихся скалахъ, поднимающихся прямо изъ воды, съ которыхъ, по крайней мѣрѣ, онъ можетъ постоянно видѣть разстилающееся передъ нимъ море. Впрочемъ, онъ, повидимому, разборчивъ и, по крайней мѣрѣ, придерживается извѣстныхъ острововъ болѣе, чѣмъ другихъ, находящихся, видимо, въ одинаковыхъ условіяхъ съ первыми.

Глупышъ. *Sula bassana*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

Искусство свое глупышъ выказываетъ на лету, на плаваніе онъ рѣшается рѣже, быть можетъ только для того, чтобы отдохнуть на короткое время, сушу же посѣщаетъ, за исключеніемъ птенцовой поры, только для сна. Уже одно стояніе на ногахъ, повидимому, его утомляетъ, по крайней мѣрѣ, онъ выглядитъ при этомъ весьма безпомощнымъ; походку его едва ли можно назвать даже ковыляньемъ, въ плаваніи, несмотря на свои сильныя плавательныя ноги, онъ также недалеко ушелъ; онъ предпочитаетъ скорѣе сдать себя во власть вѣтра, нежели плыть,

вообще же каждое его движеніе съ помощью ногъ, повидимому, дѣлается имъ только въ случаѣ необходимости. Полетъ глупыша своеобразенъ, конечно, не столь превосходенъ, какъ полетъ буревѣстника и другихъ длиннокрылыхъ птицъ, но все-таки очень хорошъ. Послѣ нѣсколькихъ, быстро слѣдующихъ одинъ за другимъ взмаховъ крыльевъ, глупышъ несется нѣкоторое время, разсѣвая воздухъ съ быстротою стрѣлы, но не плавно и спокойно, а съ стремительными изворотами; вдругъ онъ снова взмахиваетъ крыльями, трепещетъ ими, снова скользитъ по воздуху, временами описывая круги, безъ замаха крыльевъ поворачиваетъ обратно и стремительно несется, то пролетая надъ самымъ уровнемъ воды, то взвиваясь на значительную высоту. Какъ истый нырокъ, съ налета онъ промысляетъ свою добычу на лету, бросаясь съ известной высоты въ воду и съ такою силою погружается въ нее, что иногда разбиваетъ свою голову о подводныя скалы. Голосъ его состоитъ изъ короткаго, отрывистаго, кряжатаго крика, который можно приблизительно передать слогамъ «раб раб раб». Молодые глупыши, вѣроятно, кричатъ очень пронзительно. Что касается до умственныхъ способностей этихъ птицъ, то о нихъ можно сказать все то, что сказано выше о морскихъ птицахъ вообще. Глупыши не имѣютъ случая познакомиться съ человѣкомъ ближе, почему ведутъ себя по отношенію къ нему часто такъ, что дѣйствительно оправдываютъ свое названіе. Лишившись моря, они теряютъ присутствіе духа, и тогда, если не совсѣмъ утрачиваютъ способность защищаться, то все-таки позволяютъ надъ собой многое; частое преслѣдованіе, повидимому, имъ въ прокъ тоже нейдетъ. Къ другимъ птицамъ они относятся злобно и задорно и въ большихъ собраніяхъ они ссорятся съ сосѣдями и кусаютъ ихъ. Ихъ огромный клювъ представляетъ собой такое ужасное орудіе, что они могутъ не бояться ни одной морской птицы; несмотря на это, имъ приходится неразъ испытывать страхъ передъ фрегатами и поморниками, причемъ они бывають иной разъ вынуждены выкинуть схваченную ими добычу.

Стоитъ только разъ увидать вблизи гнѣздовъ глупышей и можно понять, что они въ состояніи создать гуановыя горы. «Ихъ стаи омрачаютъ свѣтъ солнца, ихъ голоса оглушаютъ всякаго, кто приблизится къ ихъ гнѣздовью». Они появляются на подобныхъ островахъ около конца апрѣля, а около октября вновь покидаютъ ихъ. Ихъ гнѣзда кладутся вплотную другъ къ другу, и во многихъ мѣстахъ почти невозможно бываетъ пройти между ними. Гнѣзда, выстроенныя глупышами, прилетѣвшими первыми, очень велики; тѣ же, которыя устраиваются позднѣе, — малы, а послѣднія изъ селящихся паръ должны удовлетворяться для своей постройки промежутками между гнѣздами птицъ, прибывшихъ ранѣе. Стѣнки гнѣздъ устраиваются изъ всевозможныхъ наземныхъ и морскихъ растеній, сплетенныхъ между собой безъ всякаго порядка. Каждая самка кладетъ только одно, относительно маленькое, 8 см. въ длину и 5 см. въ поперечникѣ, яйцо съ крѣпкой известковой скорлупой; въ началѣ оно выглядитъ бѣлымъ, но во время насиживанія пачкается отъ гнѣздоваго матеріала въ грязный желто-бурый цвѣтъ. Въ первыхъ числахъ іюня уже находятъ вылупившихся птенцовъ; въ концѣ іюля они уже на половину выросли, но все еще покрыты короткимъ, желто-бѣлымъ пухомъ. «Въ 1821 году», рассказываетъ Фаберъ, «я находился на Вестманскихъ островахъ и взобрался на одинъ маленькій скалистый островъ, на которомъ гнѣздились эти птицы. При моемъ появленіи поднялась оглушительная музыка старыхъ и молодыхъ голосовъ, состоявшихъ изъ низкаго и рѣзкаго «аррр»; однако птицы съ мѣста не двигались, и я могъ, сколько хотѣлъ, брать руками сидѣвшихъ возлѣ птенцовъ стариковъ. Гнѣзда лежали вплотную другъ къ другу, почва была настолько скользкой, благодаря загрязненію

гнѣздъ отрыгнутой рыбой и другимъ кормомъ, что я рисковалъ полетѣть со скалъ внизъ. Интересно, что почти треть гнѣздъ заключала въ себѣ неоплодотворенныя яйца, хотя птицы все-таки продолжали сидѣть на нихъ; онѣ даже, сбитыя съ толку наступившимъ временемъ кормленія птенцовъ, вырыгали пищу, какъ передъ гнѣздами съ птенцами, такъ и передъ гнѣздами, заключавшими одни только неоплодотворенныя яйца. Эти, непрерывно ловившіе рыбу глупыши представляли собою очень интересное зрѣлище. Набивъ свой пищеводъ, они, тяжело дытя, возвращались обратно къ своимъ птенцамъ. Около конца августа, а на Гримзѣ около дня св. Михаила, молодые уже покрываются перьями и тогда становятся почти крупнѣе и во всякомъ случаѣ много жирнѣе старыхъ птицъ. Мѣстные жители солятъ ихъ въ такомъ количествѣ, каковое могутъ только добыть». На островѣ Сантъ-Кильда ежегодно устраивается дѣлая охота за молодыми глупышами, которая въ концѣ концовъ превращается просто въ бойню. Убитыхъ птицъ кидаютъ сверху въ море, откуда ихъ собираютъ въ лодки и отвозятъ на рынки въ Единбургъ и другіе города, гдѣ такой товаръ всегда находятъ покупателей.

Въ неволѣ глупышей я видѣлъ только въ Амстердамскомъ зоологическомъ саду, но не могъ подружиться съ ними, такъ какъ они оставляли слишкомъ жалкое впечатлѣніе.

Самыми крупными представителями водоплавающихъ являются Пелинаны (*Pelecanidae. Pelikane. Pelicans*). Они прежде всего характеризуются своимъ огромнымъ клювомъ-сачкомъ, который состоитъ, такъ сказать, изъ мѣшка и прикрывающей его крышки, причѣмъ первый образованъ нижнею частью клюва, вторая—верхней. Крышка очень длинная, совершенно плоская, сдавленная и отъ основанія до конца довольно равномерной ширины, на самомъ-же концѣ округлена. Спичка клюва идетъ ясно замѣтнымъ килемъ по всей длинѣ его и на концѣ переходитъ въ когтевидный, сильный крючекъ. Внутри или на нижней части своей эта крышка имѣетъ вѣжную небную пленку, а по сторонамъ двойныя продольныя кромки, въ которыя, какъ въ пазы, входятъ края нижней челюсти. Нижняя часть клюва состоитъ изъ очень слабыхъ, тонкихъ, вязкихъ и гибкихъ вѣтвей нижней челюсти, соединяющихся только на концѣ, между которыми находится необыкновенно просторный, въ высшей степени растяжимый мѣшокъ. Тѣло птицы очень велико, слегка цилиндрическое; шея длинная и относительно тонкая; голова маленькая; ноги низкія съ весьма длинными пальцами, почему и снабжены большими плавательными перепонками. Крылья велики и широки; третье маховое ихъ самое длинное. Хвостъ коротокъ, широкъ, закругленъ и состоитъ изъ 20—24 перьевъ. Область горла и мѣсто вокругъ глаза обыкновенно не оперено. Опереніе неплотно прилегаетъ къ тѣлу, своеобразно шероховато и жестко, причѣмъ каждое перо сильно сужено и заострено. На серединѣ груди есть мѣсто съ совершенно расчучеными перьями. Перья задней части головы и затылка обыкновенно хохловидно или шлемовидно удлиняются. Окраска самца и самки одинаковая, но молодые птицы сильно отличаются отъ старыхъ.

Черепъ неликановъ широкой, выпуклый, имѣетъ умѣренно-развитые гребни, къ которымъ прикрѣпляются мускулы, окостенѣвшую межглазничную перегородку, четырехъ-угольное затылочное отверстіе, мало развитыя височныя отростки и широкую лобную кость, короткую крыловидную кость, лишенную третьяго сочлененія и небную кость, сросшуюся съ сошникомъ; при этомъ онъ характеризуется необыкновенно развитой воздушностью костей, а также мелкимъ клеточнымъ строеніемъ массы, выполняющей внутреннія части верхней челюсти и длинные отростки ея.

Позвоночникъ состоитъ изъ 16 толстыхъ, прозрачныхъ и воздухоносныхъ шейныхъ, 6 грудныхъ и 7 хвостовыхъ позвонковъ. Грудная кость коротка, широка, почти четырехугольна, сзади слегка лунообразно закруглена, гребень ея особенно не выступаетъ; съ дужкой грудная кость связывается костной массой. Лопатки узкія. Отдѣльныя кости предплечья длинныя. Всѣ кости воздухоносны. Языкъ имѣетъ кругловатый, крючковато-согнутый видъ и собственно представляетъ собой хрящъ, обтянутый кожей горлового мѣшка; подъязычная кость имѣетъ небольшое тѣло, но сильныя и крѣпкія рожки. Глотка необыкновенно обширна; передній желудокъ имѣетъ весьма толстыя стѣнки, необыкновенно развитъ и въ 5—6 разъ болѣе слабо-мускулистаго второго желудка; кишечникъ длинный. Весьма своеобразна для пеликановъ значительная способность воспринимать воздухъ подкожными мѣшками.

Пеликаны, которыхъ описано 9 видовъ, живутъ въ жаркомъ поясѣ и прилежащихъ частяхъ обоихъ умѣренныхъ поясовъ; они встрѣчаются во всѣхъ частяхъ свѣта и имѣютъ очень обширный районъ распространенія. По образу жизни различныя виды сходятся не во всемъ, но въ общемъ такъ походятъ другъ на друга, что мы будемъ имѣть вѣрное представленіе, если даже исключительно ограничимся разсмотрѣніемъ образа жизни обонхъ европейскихъ видовъ.

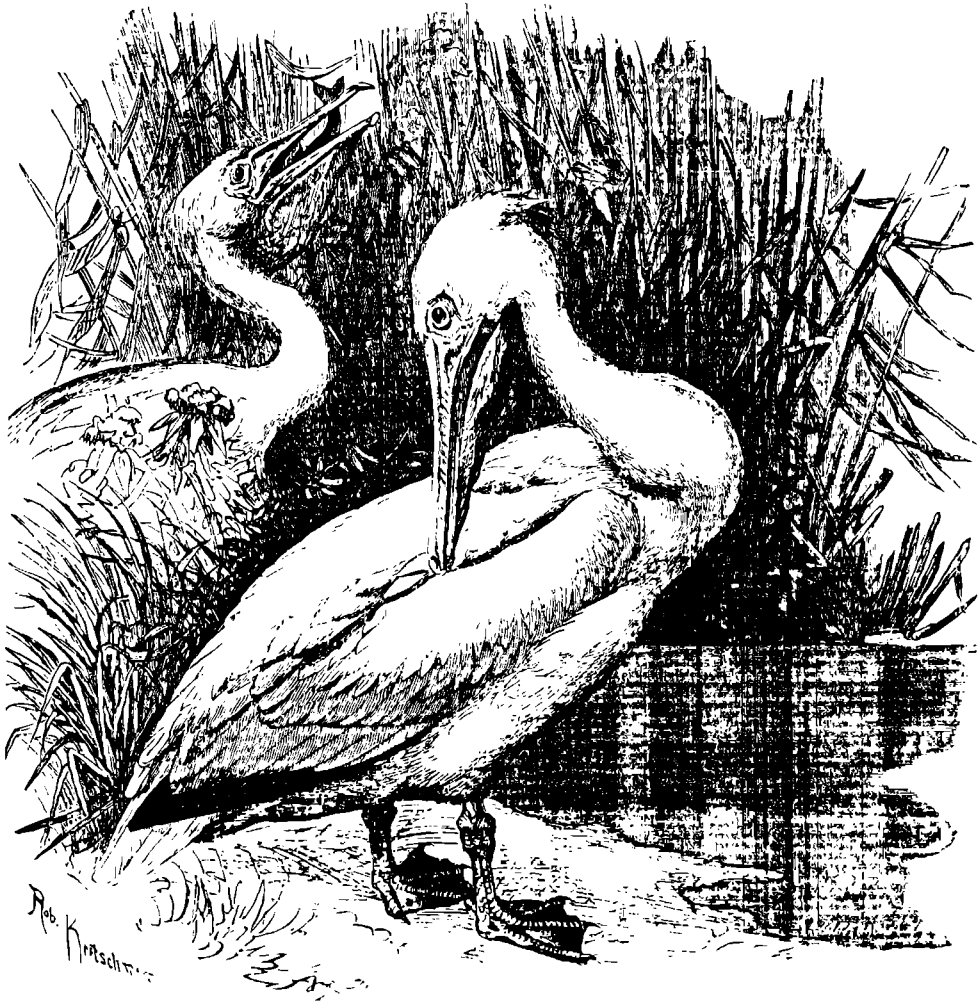
Самый обыкновенный и самый распространенный изъ всѣхъ пеликановъ, **Розовый пеликанъ** или **Баба-птица** (*Pelecanus onocrotalus, roseus, calorghynchus, minor, gangeticus, javanicus, Onocrotalus phoenix*. Pelikan. Pelican blanc). Какъ и родственныя ему виды, это—самая крупная изъ всѣхъ водолавающихъ птицъ. На головѣ розовый пеликанъ имѣетъ хохолъ, образованный изъ длинныхъ, кругловатыхъ перьевъ. Опереніе въ старости бѣлое, кромѣ бурныхъ маховыхъ перьевъ, и имѣетъ розовый оттѣпокъ; передняя часть груди желтая; въ молодости нижнія шейныя перья бываютъ бурныя съ сѣрымъ, на нижней сторонѣ пепельно-сѣрыя. Глаза ярко-краснаго цвѣта; голыя мѣста вокругъ нихъ желтыя. Клювъ сѣроватый съ красными и желтыми крапинками. Горловой мѣшокъ съ желто-синеватыми прожилками. Ноги свѣтлаго мясо-краснаго цвѣта. Длина птицы достигаетъ 140—180 см., размахъ ея крыльевъ 220—260, длина крыла почти 55, хвостъ 18 см. Самцы и самки рѣзко отличаются другъ отъ друга величиной, да и вообще ростъ этихъ птицъ бываетъ различенъ.

Другой, болѣе крупный видъ—**Кудрявый пеликанъ** или **Кудрявая баба** (*Pelecanus crispus, patagiatus*. Krauskopf-pelikan. Pelican crespé) бѣлаго цвѣта съ слабымъ сѣро-красноватымъ налетомъ и черными крыльями. Перья головы и задней части тѣла его кудрявы и удлинены въ причудливый хохолъ. Глаза серебристо-бѣлые; клювъ сверху сѣро-желтоватый; горловой мѣшокъ кроваво-краснаго цвѣта съ голубоватыми прожилками; ноги черныя. Молодыя птицы выглядятъ также сѣрыми. Длина этого вида достигаетъ 170—180 см., размахъ крыльевъ 290, длина крыла 75, хвоста 20 см.

Баба-птица распространена, начиная отъ южной Венгріи, по большей части Африка и южной Азіи; кудрявый пеликанъ свойственъ болѣе восточнымъ областямъ, водится близко отъ насъ на Черномъ морѣ и далѣе къ востоку до наиболѣе крупныхъ водныхъ бассейновъ средней и южной Азіи; нѣкоторые ежегодно посѣщаютъ южный Китай, другіе же—сѣверную Африку. Въ южной Европѣ розовый пеликанъ являлся въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая, выводитъ тамъ птен-

цовъ, и вновь оставляетъ страну въ октябрѣ. Въ такихъ случаяхъ онъ иногда залетаетъ и за границы свойственной ему области, чѣмъ и объясняется находженіе его иногда въ Германіи. На Баденское озеро однажды прилетѣла стая изъ 130 штукъ этихъ птицъ. Отдѣльныя птицы или небольшія стаи такихъ пеликановъ наблюдались во многихъ германскихъ областяхъ.

Кто не путешествовалъ по Египту или сѣверной Африкѣ вообще и не видѣлъ

Баба-птица *Pelecanus onocrotalus*. наст. вел.

ту огромную массу рыбодныхъ птицъ, живущихъ на мѣстныхъ озерахъ, гдѣ онѣ находятъ себѣ пріютъ и обильный кормъ,—тотъ не можетъ составить себѣ представленія о количествѣ всѣхъ этихъ птицъ и навѣрное объявитъ всякаго повѣствователя о тѣхъ краяхъ въ преувеличеніи. По египетскимъ берегамъ Средиземнаго моря, по теченію Нила въ пору разлива или еще далѣе къ югу, равно какъ и на Бѣломъ и Голубомъ Нилѣ съ прилежащими къ нимъ озерами и наконецъ на Красномъ морѣ—пеликаны собираются иногда въ такихъ массахъ, что глазомъ невоз-

можно бываете окинуть одну только стаю. Они въ буквальномъ смыслѣ слова покрываютъ собою нѣсколько квадратныхъ километровъ; плавая по озерамъ, уподобляются гигантскимъ водянымъ кувшинкамъ, а когда сидятъ на берегу или на островахъ, грѣясь или оправляя свои перья, представляютъ собою нѣчто вродѣ длинной, бѣлой жпвой стѣны. Тамъ, гдѣ они собираются на ночлегъ, они такъ густо покрываютъ все деревья маленькихъ острововъ, что издали кажется, будто деревья эти покрыты одними крупными. бѣлыми цвѣтами и совершенно лишены зеленой листвы. Стаи изъ 10—12 довольно рѣдки, напротивъ, сотенныя и тысячныя—явленіе обычное. По веснѣ стаи нѣсколько раздѣляются, такъ какъ многія изъ нихъ, собравшіяся сюда на зиму, предпринимаютъ перелетъ на югъ къ своимъ гнѣздовьямъ; оставаясь-же въ Египтѣ и сѣверной Африкѣ, эти стаи не могли-бы найти себѣ такихъ мѣстъ, которыя бы предоставили имъ все удобства для общественнаго гнѣздованія; однако и тогда еще можно видѣть многочисленныя стаи молодыхъ пеликановъ.

Пеликаны не дѣлаютъ разницы между прѣсной или морской водою, но предпочитаютъ мелкую воду глубокой. Изъ всего семейства только одинъ видъ, живущій въ средней Америкѣ, добываетъ свою пищу ныряніемъ съ налету; все же остальные пеликаны не могутъ ловить рыбу такимъ способомъ, будучи въ состояніи только схватывать ее съ поверхности воды. Именно, благодаря воздушнымъ мѣшкамъ, лежащимъ подъ ихъ кожей, эти птицы не имѣютъ возможности погрузить свое тѣло въ воду, почему и остаются лежать какъ пробки на поверхности ея. Вслѣдствіе этого пеликаны держатся только на мѣстахъ съ такою глубиной, которую они могли бы обыскивать, пользуясь своей длинной шеей и сачковиднымъ клювомъ. Для этой цѣли они собираются на болѣе мелкихъ мѣстахъ водныхъ бассейновъ, въ извѣстномъ порядкѣ распредѣляются по обширному пространству и затѣмъ уже, болѣе или менѣе сомкнутыми группами, вылавливаютъ рыбу изъ участковъ воды, охваченныхъ ихъ стаями. На озеряхъ и мелкихъ мѣстахъ около морского берега они образуютъ громадныя полукруги и плывутъ по направленію къ берегу или даже расаживаются большимъ кругомъ, постепенно суживая послѣдній; на узкихъ рѣчкахъ и каналахъ они раздѣляются на двѣ группы, замыкаютъ собою съ двухъ сторонъ какое-нибудь пространство, плывутъ другъ другу на встрѣчу и на-чисто вылавливаютъ все изъ выбраннаго ими района. При такой довлѣ необыкновенную пользу оказываетъ имъ ихъ сачковидный клювъ, такъ какъ онъ даетъ имъ возможность легко схватывать и удерживать пойманную добычу. Обыкновенной ѣдой пеликановъ служитъ рыба; однако иногда они питаются и другими позвоночными. Они всегда опасны для итенцовъ водоплавающихъ птицъ, живущихъ по близости; на примѣръ, они глотаютъ полувзрослыхъ утятъ. Глотка пеликановъ такъ обширна, что въ нее свободно пролѣзаетъ сжатый человѣческій кулакъ; я самъ много разъ вытаскивалъ рукой большихъ рыбъ изъ желудка пеликановъ, жившихъ у меня въ неволѣ.

Во время ходьбы пеликаны двигаются медленно, держа тѣло довольно прямо и покачиваясь; походка эта и не можетъ быть названа тяжелой; иногда они принимаютъ сравнительно длинныя прѣшія путешествія. На верхушкахъ деревьевъ они также держатся съ большою ловкостью, даже регулярно посѣщаютъ ихъ, если таковыя есть по близости; здѣсь они грѣются на солнцѣ и чистятъ свои перья. Плаваютъ пеликаны легко, быстро и продолжительно, летаютъ необыкновенно красиво. Послѣ небольшого пробѣга, причесъ, подобно лебедямъ, они бьютъ крыльями по водѣ, что слышно еще издали, пеликаны снимаются съ поверхности, складываютъ свою шею на подобіе буквы S, закидываютъ назадъ голову, помѣ-

щаютъ горловой мѣшкою на переднюю часть шоп, быстро и торопливо машутъ разъ 10—12 крыльями, широкими размахами и плавно пролетаютъ нѣсколько метровъ до тѣхъ поръ, пока не отлетятъ отъ опаснаго мѣста. Затѣмъ они или поднимаются, кружась, въ высшіе слои воздуха или все тѣмъ же полетомъ продолжаютъ летѣть далѣе. Извѣстные острова приходится имъ по нраву настолько, что они не рѣшаются покидать ихъ; они даже часто принуждены бываютъ летать съ такихъ острововъ на довольно далекия разстоянія за болѣе обильной рыбной добычей; такая экскурсія служить имъ утренней прогулкой, причемъ возвратный путь они совершаютъ несравненно скорѣе. По степени развитости чувствъ пеликаны едва-ли уступаютъ другимъ веслоногимъ; понятливостью они, повидимому, превосходятъ своихъ родичей. Тамъ, гдѣ пеликаны не довѣряютъ человѣку, они держатся съ необыкновенной осторожностью, въ другихъ мѣстахъ, напротивъ, бываютъ такъ довѣрчивы, что ведутъ себя, какъ ручныя птицы; напримѣръ, въ портовыхъ городахъ южной части Краснаго моря они беззаботно плаваютъ между судами, позволяютъ судовымъ людямъ кормить себя, какъ это дѣлаютъ наши лебеди по отношенію къ кормилицѣ ихъ публикѣ. Однако всякое преслѣдованіе остается у нихъ въ памяти и, они съ точностью отличаютъ отъ остальныхъ людей человѣка, который разъ чѣмъ-либо досадилъ имъ. Въ неволѣ пеликаны могутъ сдѣлаться необыкновенно ручными и приучаются безъ особеннаго труда къ улетанію и своевременному возвращенію назадъ; чтобы совершенно приручить ихъ, достаточно нѣсколько разъ подрѣзать или выщипывать ихъ маховыя перья, кормить ихъ на опредѣленномъ мѣстѣ и брать ихъ отсюда съ собой. По близости рыбачьихъ поселеній вдоль Египетскихъ береговъ можно видѣть ручныхъ пеликановъ, утромъ выходящихъ на свою рыбную ловлю, а къ вечеру возвращающихся обратно домой; нѣкоторыя птицы посѣщаютъ рыбныя базары, помѣщаются возлѣ рыбныхъ ларей и до тѣхъ поръ выпрашиваютъ подачку, пока имъ что-либо не бросятъ; другія даже мастерски воруютъ рыбу изъ рыбныхъ складовъ. Вначалѣ пеликаны относятся крайне недружелюбно къ своему хозяину, по крайней мѣрѣ угрожаютъ ему своимъ огромнымъ, но совершенно безопаснымъ клювомъ; впоследствии же они позволяютъ съ собой дѣлать все, что ему будетъ угодно. Они столь же добродушны, какъ и умны, уживаются со всѣми животными и кажутся весьма довольными, когда ихъ никто не обижаетъ. Только ихъ почти не унимающийся голодъ иногда можетъ побудить ихъ къ смѣлымъ поступкамъ или даже заставляеть ихъ вступать въ битву съ другими рыбадыми птицами; однако нужны весьма сильныя побудительныя причины, чтобы они забыли свою обычную трусость. Между собой экземпляры одного вида живутъ необыкновенно мирно и, насколько можно, всѣ свои дѣла совершаютъ общественно; различные виды однако никогда между собою не соединяются.

Ежедневная жизнь пеликановъ протекаетъ по одному, разъ заведенному порядку. Ранніе утренніе часы — время охоты. Начинается летъ малыхъ или большихъ стай; первыя летать косою линіей, послѣднія образуютъ клинъ; одна направляютъ свой путь къ мелкимъ бухтамъ, другіе, уже сытые, возвращаются съ нихъ назадъ. Одиночками пеликановъ-рыболововъ я видѣлъ только въ Греціи; обыкновенно же на рыбную ловлю птицы эти собираются многочисленными стаями. Около 10 часовъ утра всѣ уже насытились и располагаются на любимый отдыхъ по песчанымъ отмелямъ или группами на деревьяхъ; здѣсь они заняты своимъ пищевареніемъ и чисткою своихъ перьевъ. Послѣднее занятіе требуетъ много времени, такъ какъ неловкій клювъ затрудняетъ его и вынуждаетъ птицъ принимать престранныя позы, въ особенности, если онѣ вздумаютъ оправлять свои шейныя перья. Вычистивъ перья, пеликаны, подъ впечатлѣніемъ пріятнаго чувства пищеваренія,

лѣниво принимаютъ различныя позы, смотря по тому, сидятъ-ли они на деревьяхъ или на землѣ. Въ первомъ случаѣ они обыкновенно усаживаются вертикально на сучкахъ, сильно подткнувъ шею; на землѣ же они нерѣдко лежатъ плашмя на брюхѣ. Около полудня къ мѣсту отдыха безпрестанно прибываютъ новые пеликаны и общество съ минуты на минуту становится все многочисленнѣе. Послѣ полудня между 3 и 4 часами ряды пеликановъ вновь начинаютъ пустѣть; они всей гурьбой летятъ снова на ловлю. Эта вторая охота длится до солнечнаго захода, послѣ чего все общество летитъ на ночевку. Для этого служитъ плоская песчаная отмель или какой-либо уединенный островъ, но то и другое лишь въ томъ случаѣ, если пеликаны не имѣютъ возможности воспользоваться для своего ночлега деревьями; тамъ же, гдѣ есть острова, поросшія деревьями, пеликаны спятъ всегда на послѣднихъ.

О размноженіи этихъ птицъ я не могъ собрать собственныхъ наблюденій. Въ южной Европѣ для своихъ гнѣздовій пеликаны избираютъ болота и озера. «На такихъ гнѣздовьяхъ», говоритъ графъ фонъ деръ Мюле, «гнѣзда, большею частью влажныя или сырныя, свитыя изъ камыша и тростника, помѣщаются птицами лишь въ трудно доступныхъ мѣстахъ; гдѣ есть плавающіе острова, гнѣзда устраиваются тамъ вплотную другъ къ другъ. Вся окрестность покрывается жидкимъ бѣлымъ пометомъ гнѣздящихся птицъ. Испареніе, поднимающееся отъ него, а равно и отъ кучи гниющей несѣжденной рыбы распространяетъ въ это жаркое время года отвратительный, невыносимый и отравляющій воздухъ смрадь. Очень странно, что пеликаны выводятъ птенцовъ не одновременно, такъ какъ возлѣ уже летучихъ молодыхъ можно встрѣтить самокъ, сидящихъ еще только на яйцахъ; мой другъ Фрейбергъ, посѣщавшій много разъ такія гнѣздовья, увѣрялъ меня, что нашелъ разъ въ одномъ гнѣздѣ двухъ птенцовъ: одного уже выросшаго и другого еще только покрытаго пухомъ. Онъ не могъ объяснить себѣ этого иначе, какъ тѣмъ, что въ одномъ гнѣздѣ совмѣстно вывели птенцовъ двѣ самки». Кладка состоитъ, вѣроятно, изъ 3—5 относительно небольшихъ, болѣе или менѣе продолговатыхъ, утопчающихся къ концамъ яицъ около 9 см. длиною и 6 см. ширины; яйца имѣютъ голубовато-бѣлый цвѣтъ, но всегда покрыты толстымъ известковымъ слоемъ. По даннымъ Кальберматтена, пеликаны кладутъ только 2 — 3 яйца въ очень прочно сложенное гнѣздо, имѣющее около 2,6 м. въ поперечникѣ и 0,7 въ высоту. Вылупившіеся послѣ 38 дневнаго насиживания молодые уже покрыты сѣрымъ пуховымъ одѣяніемъ, имѣютъ чрезвычайно глупый видъ, безпрестанно издаютъ свой хриплый и рѣзкій крикъ и вообще представляютъ собой въ высшей степени отвратительныхъ существъ. Родители, дѣлившіе между собою трудъ высидиванія, горячо любятъ своихъ птенцовъ и на гнѣздѣ забываютъ всякую пугливость, свойственную имъ въ другое время.

Если застигнуть пеликановъ на мѣстѣ ихъ ночевки или отдыха, нетрудно бываетъ застрѣлить любое число ихъ, такъ какъ они такъ слабы на выстрѣлъ, что уже мелкая дробь ихъ убиваетъ. Когда они плывутъ по водѣ, то рѣдко подпускаютъ къ себѣ охотника настолько близко, чтобы выстрѣлъ могъ достать ихъ; для болѣе удачной охоты охотникъ долженъ запастись винтовкой. Частое преслѣдованіе дѣлаетъ пеликановъ необыкновенно трусливыми; но и въ этомъ случаѣ ихъ трудно согнать съ разъ избраннаго ими мѣста для ночлега. Арабы ловятъ этихъ птицъ для ѣды, хотя магометанскій обычай и запрещаетъ ѣсть пеликановъ. Преданіе говоритъ, что когда въ Меккѣ строилась Кааба, воду приходилось доставлять издалека и искорѣ явилась нужда въ носильщикахъ; однако Аллахъ не хотѣлъ, чтобы это препятствовало священной постройкѣ и послалъ тысячи пеликановъ, которые, наполняя свои горловые мѣшки водою, приносили послѣднюю рабочимъ.

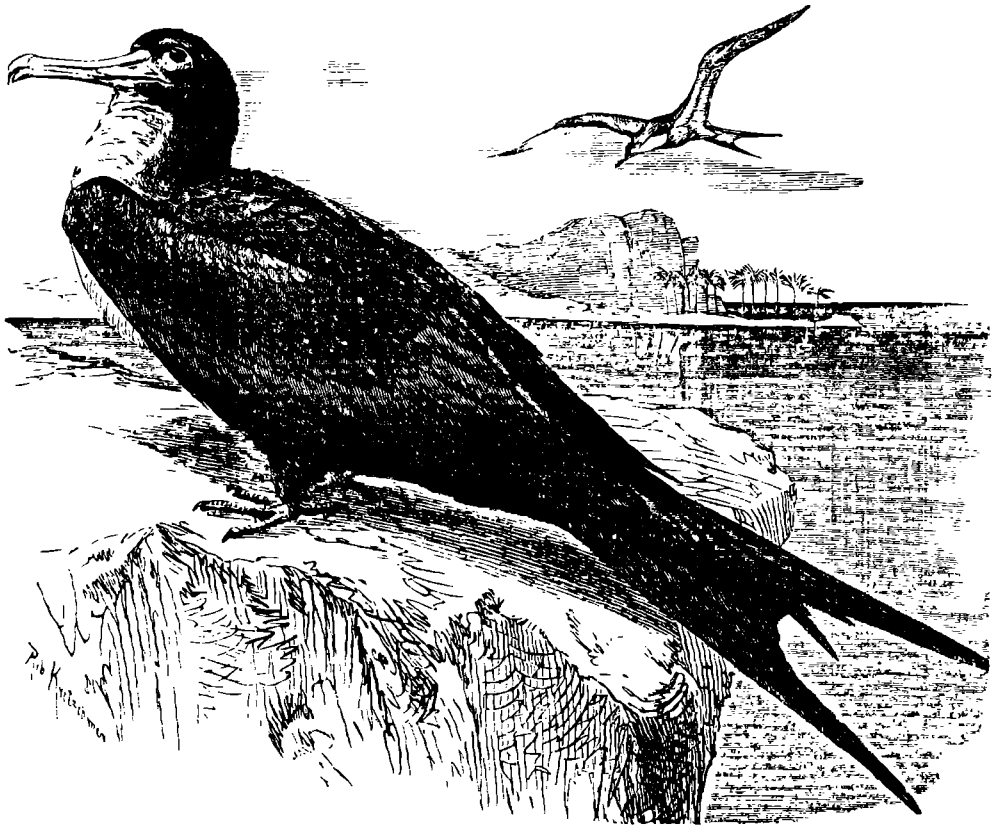
Пеликаны поддаются прирученію и становятся очень довѣрчивыми. Одна изъ такихъ птицъ, жившая въ Санто Пауло де Лоанда, по словамъ Монтейро, охотно вмѣшивалась по вечерамъ въ толпу гуляющей публики и съ видимымъ удовольствіемъ слушала музыку. При надлежащемъ уходѣ пара пеликановъ иногда выводятъ птенцовъ и въ неволѣ.

Если какая-либо птица заслуживаетъ названія «морского орла», то это— **Фрегатъ** (*Atagen aquila*, *ariel*, *Trachypetes aquilus*, *leucocephalus*, *minor*, *palmerstoni*, *Pelecanus aquilus*, *leucocephalus*, *palmerstoni*, *Fregata aquila*, *Fregattvogel*, *Frégatte*), представитель рода (*Atagen*) и семейства того же имени (*Atagenidae*). Тѣло его узкое, шея мощная, голова умѣренно крупная; клювъ на половину менѣе головы, у основанія слегка сжатый, по спинкѣ плоскій, вдоль вершины согнутый и оканчивающійся крючкомъ въ видѣ зуба, нижняя половинка клюва также согнута, уголь, образуемый на подбородкѣ вѣтвями ея—великъ, широкъ и имѣетъ голую кожу. Расщепъ клюва кончается подъ глазомъ. Ноги короткія, сильныя, съ оперенными плюснами; пальцы длинныя, снабженные сильно вырѣзанными перепонками; каждый палецъ имѣетъ сильно согнутый, острый коготь; средній палецъ имѣетъ такой же коготь, но вдобавокъ еще гребневидно зазубренный съ внутренней стороны. Крылья необыкновенно длинныя и сильно заостренные; самое длинное изъ маховыхъ перьевъ—первое. Хвостъ состоитъ изъ 12 перьевъ, очень длинный и съ глубокою развилкою. Опереніе, плотно прилегающее къ тѣлу и блестящее на головѣ, шеѣ и спинѣ, состоитъ сверху изъ продолговатыхъ перьевъ (кругловатыхъ въ области нижнихъ шейныхъ перьевъ); послѣднія на груди расчучены, а вокругъ глаза и на горлѣ совершенно отсутствуютъ. При разсмотрѣніи внутренняго строенія особенно замѣчательна легкость въ строеніи скелета и сильная развитость воздушныхъ полостей: особенно интересенъ кожистый горловой мѣшокъ, который по желанію можетъ надуться воздухомъ и снова опорожниться.

Опереніе стараго самца буровато-черное съ металлическимъ зеленымъ или пурпуровымъ блескомъ на головѣ, затылкѣ, спинѣ, груди и бокахъ; на крыльяхъ оно покрыто сѣроватымъ налетомъ, на верхней части малыхъ маховыхъ перьевъ и на рулевыхъ перьяхъ оно буроватаго цвѣта. Глаза темно-каріе, часто сѣро-бурые; голое мѣсто вокругъ нихъ пурпурово-голубое; клювъ свѣтло-голубой у основанія, въ срединѣ бѣлый и темнаго рогового цвѣта на концѣ; горловой мѣшокъ оранжево-красный. Ноги въ верхней части свѣтлыя карминно-красныя, въ нижней части оранжевыя. Самка существенно отличается отъ самца меньшимъ блескомъ и болѣе свѣтлой окраской, болѣе или менѣе бѣлой на груди. У молодыхъ нижнія шейныя перья и плечи бурныя съ болѣе свѣтлыми каймами перьевъ; наиболѣе крупныя перья плечъ, маховыя, рулевыя, перья надхвостья и верхнія и нижнія кроющія хвоста—черныя; нѣкоторыя перья на срединѣ груди и по бокамъ бурого цвѣта; всѣ остальные части бѣлыя. Длина птицы достигаетъ 108 см., размахъ ея крыльевъ 230, длина крыльевъ 65, хвоста 47 см.; напротивъ, вѣсъ ея лишь немного превышаетъ 1,5 килогр.

Родина фрегата приблизительно та же самая, что и у нижеописаннаго фазтона и простирается по морямъ, лежащимъ внутри тропиковъ; только фрегатъ рѣдко отдалается отъ береговъ такъ далеко, какъ фазтопъ. Правда, его встрѣчали и въ 200—400 морскихъ миляхъ отъ ближайшаго материка, обыкновенно же онъ почти не улетаетъ отъ берега далѣе 15 или 20 морскихъ миль и при всякомъ измѣненіи погоды возвращается обратно. Съ наступленіемъ утра онъ покидаетъ мѣсто своего ночлега и направляется въ море, то описывая круги высоко въ воз-

духъ, то летя противъ вѣтра; здѣсь онъ досыта налавливаетъ рыбъ и уже въ полдень, если предвидить бурю, возвращается обратно на сушу съ полнымъ желудкомъ и зобомъ; въ противномъ же случаѣ—только въ послѣполуденные часы. Госсе хотѣлъ узнать, въ которомъ часу фрегатъ прилетаетъ на мѣсто своего ночлега, извѣстное этому наблюдателю, и первый разъ для этого отправился туда съ заходомъ солнца. Однако оказалось, что это было довольно поздно, такъ какъ всѣ фрегаты, глупыши и пеликаны уже спали, усѣвшись на деревьяхъ. При появленіи нашего натуралиста все общество поднялось на воздухъ, и фрегаты тотчасъ же полетѣли въ море, высоко въ воздухѣ начали описывать свои красные круги и появились обратно

Фрегатъ. *Atagen aquila*. $\frac{1}{5}$ наст. вел.

только съ наступленіемъ полной темноты. Темного дней спустя, Госсе отправился на это мѣсто ночлега между 3 и 4 часами, но и въ это время фрегаты уже были тамъ въ извѣстномъ количествѣ и, слѣдовательно, до того времени уже успѣли исполнѣ удовлетворить себя рыбной ловлей.

Одубонъ и другіе наблюдатели считаютъ фрегатъ за однихъ изъ быстрѣйшихъ морскихъ легуновъ. Какъ ни проворны морскія ласточки и чайки, но, по мнѣнію Одубона, для фрегата не представляетъ ни малѣйшей трудности перегнать ихъ. «Ястребъ, сапсанъ и ловчій кречетъ, которыхъ я считаю самыми быстрыми птицами изъ всѣхъ соколиныхъ, бывають вынуждены, прежде чѣмъ завладѣть своей добычей, иногда преслѣдовать ее добрую половину англійской мили

фрегатъ же, напротивъ, молніей несется на преслѣдуемаго, если увидитъ своимъ зоркимъ глазомъ, что онъ поималъ рыбу; онъ отрѣзаетъ ему отступление и заставляетъ вырыгнуть только что проглоченную добычу». По увѣренію того же писателя, фрегатъ наблюдаетъ за дельфинами и хищными рыбами, носится надъ ними, когда тѣ преслѣдуютъ летучихъ рыбъ и какъ только послѣднія покажутся изъ воды, несется къ нимъ, на лету ловить одну изъ нихъ или стремглавъ ныряетъ за ними, когда онѣ еще плывутъ въ водѣ. Пойманную рыбу фрегатъ два или три раза роняетъ, если ему сразу не удастся схватить ее поудобнѣе; пока послѣдняя падаетъ, онъ ловить ее каждый разъ прежде, чѣмъ она коснется воды, пытаясь при этомъ половчѣе схватить ее. Иногда фрегаты цѣлыми часами кружатся высоко на воздухѣ съ легкостью и плавностью грифовъ и орловъ, которыхъ они вообще сильно напоминаютъ; иногда они гонятся другъ за другомъ, играя и продѣлывая самые затѣйливые воздушные пируеты; только при простомъ летѣ они медленно взмахиваютъ крыльями. «Ихъ длинныя, узкія крылья», говоритъ принцъ фонъ-Видъ, «выдерживаютъ по долгу самую усиленную работу; правда, буря часто гонитъ ихъ впередъ, но я видѣлъ, какъ они съ легкостью боролись съ нею долгое время и держались въ воздухѣ на одномъ мѣстѣ». На ровной поверхности земли они держаться не умѣютъ, на водѣ тоже, повидимому, немногимъ лучше; по крайней мѣрѣ ихъ еще никогда не видѣли плавающими. Съ палубы корабля они подняться совсѣмъ не могутъ; разъ они захвачены какимъ-либо врагомъ на плоскомъ, песчаномъ берегу—они погибли. Поэтому они садятся отдыхать только на такія деревья, которыя предоставляютъ имъ достаточное пространство, чтобы слетѣть.

Рѣдко можно слышать крикъ фрегата; Одюбонъ былъ единственнымъ натуралистомъ, слышавшимъ этотъ каркающій крикъ. По согласному мнѣнію наблюдателей, вѣщнія чувства фрегативъ должны быть весьма развиты, въ особенности превосходно ихъ зрѣніе. Говорятъ, что летящій высоко въ воздухѣ фрегатъ видитъ самую маленькую рыбежку, плывущую близко отъ поверхности воды; вообще же онъ вполне обнимаетъ своимъ зоркомъ взглядомъ большой районъ, растянутойся подъ нимъ. Душевные качества ихъ сходны съ качествами многихъ хищныхъ птицъ. Особенною выдающеюся понятливостью фрегатъ не обладаетъ, но онъ хорошо умѣетъ отличать враговъ отъ друзей и съ пріобрѣтеніемъ опыта становится умнѣе. Обыкновенно онъ не выказываетъ себя пугливымъ, но держится въ извѣстномъ отдаленіи отъ челоука, отъ котораго ничего добраго не ожидаетъ; однако въ то же самое время онъ внимательно слѣдитъ за рыбачьимъ судномъ, слѣдуетъ за нимъ и, когда дѣло доходитъ до вытаскиванія рыбы, летаетъ такъ близко, что его можно ударить весломъ или, какъ Розенбергъ узналъ о томъ въ Церамѣ, даже поймать его руками. На остальныхъ птицъ онъ обращаетъ вниманіе настолько, насколько думаетъ извлечь изъ нихъ пользу для себя. Одюбонъ отрицаетъ, чтобы фрегатъ нападалъ на голубиной и пеликановъ и клевалъ ихъ до тѣхъ поръ, пока они не вырыгнуть ему пищи; другіе же наблюдатели, напротивъ, подтверждаютъ это старое мнѣніе. Принцъ фонъ-Видъ также говоритъ, что видѣлъ часто одиночныхъ фрегативъ или стаи ихъ летавшихъ вдаль отъ моря надъ внутренними озерами и болотами и ссорившихся на лету изъ за добычи съ хищными птицами. Понуждаемый голодомъ, фрегатъ забываетъ всякую осторожность и налетаетъ, напримеръ, гдѣ-нибудь возлѣ самаго поселенія на рыбу или кусокъ плывущаго въ водѣ мяса. Стая фрегативъ даже собирается въ этомъ случаѣ иногда вокругъ крупной падали, пригнанной водою къ берегу, гдѣ каждый изъ нихъ старается урвать побольше. Оригинальное впечатлѣніе производятъ на фрегативъ яркіе цвѣта. Шамиссо рассказываетъ, что птицы эти налетали на пестрый вымпелъ его судна,

принимая его за добычу, а Беннетъ увѣряетъ, что и онъ видѣлъ подобное же нѣсколько разъ. Атакованные фрегаты, впрочемъ, яростно защищаются и, какъ въ томъ убѣдился Чуди, умѣютъ даже съ успѣхомъ отражать нападеніе сильныхъ собакъ. Съ глупышами, по словамъ Беннета, они часто по долгу посягаютъ въ воздухъ, вступая въ схватку, причемъ въ полномъ смыслѣ слова запускаютъ свои когти въ противниковъ и иногда вмѣстѣ съ ними съ громадной высоты летятъ прямо въ воду.

Главной пищей фрегативъ, повидимому, служатъ летающія рыбы, однако едва ли эти птицы вообще отказываются полакомиться какимъ-либо маленькимъ позвоночнымъ. Одюбонъ подозрѣваетъ ихъ въ похищеніи изъ гнѣздъ птенцовъ пеликановъ; другіе наблюдатели учили ихъ въ воровствѣ утятъ. По рассказамъ Госсе, фрегаты не всегда ловить рыбу клювомъ, но очень часто и лапами и уже затѣмъ подносятъ ее къ клюву.

Въ сѣверныхъ частяхъ области своего распространенія фрегаты начинаютъ постройку гнѣзда приблизительно въ серединѣ мая. Они держатся по близости острововъ, уже годы служившихъ имъ мѣстомъ гнѣздованія, и занимаютъ на нихъ всѣ подходящія мѣста; такимъ образомъ на одно гнѣздовье собирается 500 и болѣе паръ. Въ то время, какъ однѣ пары строятъ свои гнѣзда, другія цѣлые часы кружатся въ воздухѣ на значительной высотѣ. Старыя гнѣзда подновляются, закладываются новыя, причемъ сухія вѣтви и сучья или отламываются клювомъ отъ деревьевъ на лету, или воруются изъ другихъ гнѣздъ, или же подбираются съ воды; однако гнѣзда устраиваются не совсѣмъ искусно. Обыкновенно они строятся на деревьяхъ на сторонѣ, обращенной къ водѣ,—охотнѣе всего на деревьяхъ, верхушки которыхъ приходится надъ водой; однѣ птицы устраиваютъ свое гнѣздо въ глубинѣ верхушки, другія на ея вершинѣ, причемъ нерѣдко на одномъ деревѣ гнѣздуетъ много паръ. Кладка, по Одюбону, состоитъ изъ 2—3 яицъ съ крѣпкой скорлупой, имѣющихъ въ длину 65 мм., въ поперечникѣ 43 мм. и зеленовато-бѣлаго цвѣта. Впрочемъ, отъ содержимаго гнѣзда цвѣтъ яицъ часто измѣняется. Хвостъ и крылья сидящей на яйцахъ самки торчатъ далеко изъ гнѣзда. Вѣроятно яйца насиживаются обоими родителями попеременно: нѣтъ никакого сомнѣнія, что самецъ принимаетъ участіе въ этомъ занятіи; Беннетъ даже думаетъ, что самецъ больше заботится объ яйцахъ, нежели самка. Птенцы, вначалѣ имѣющіе видъ, какъ будто бы они совершенно лишены ногъ, появляются на свѣтъ въ желто-бѣломъ пуховомъ одѣяніи и остаются въ гнѣздѣ очень долго, такъ какъ для полного усовершенствованія въ ихъ полетѣ необходимо много времени.

По словамъ Бріана, фрегаты иногда выводятъ птенцовъ на голыхъ скалахъ и охотно дѣлаютъ это среди колоніи глупышей. На одномъ скалистомъ гнѣздовѣ на Багамскихъ островахъ около 200 паръ фрегативъ гнѣздились такъ близко другъ къ другу, что всѣ гнѣзда умѣщались на площади въ 15 м. Среди нихъ не было ни одного гнѣзда глупыша, но вокругъ этого гнѣздовья этихъ гнѣздъ были тысячи. Бріанъ могъ брать руками и молодыхъ, и стариковъ; вообще же птицы его почти не пугались, такъ какъ, если послѣ выстрѣла все общество и поднималось на воздухъ съ оглушительнымъ крикомъ, то тотчасъ же и возвращалось обратно къ своимъ гнѣздамъ. По увѣренію этого натуралиста, пара фрегативъ воспитываетъ только одного птенца.

Въ настоящее время кое-когда фрегаты попадаютъ и въ наши кѣтки и при надлежащемъ уходѣ выживаютъ годы. Тѣ, которыхъ я видѣлъ, не хотѣли ѣсть добровольно, и пищу имъ нужно было вкладывать въ ротъ. Принявъ не совсѣмъ красивую позу, они почти безъ движенія оставались на одномъ и томъ же мѣстѣ по

цѣлымъ часамъ и даже днямъ. Заботившагося о нихъ человекѣ они отличали отъ всѣхъ остальныхъ людей.

«Сыномъ солнца» *) Линней назвалъ одну птицу, появленіе которой служить для моряковъ знакомъ, что они вступили въ предѣлы жаркаго пояса. И дѣйствительно, фаэтона можно встрѣтить въ умѣренныхъ поясахъ земного шара только въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ. Правда, одиочные экземпляры залетали и въ наши области, напримѣръ, говорятъ, были наблюдаемы близъ Гельгоганда, но такія встрѣчи все-таки принадлежатъ къ числу рѣдчайшихъ исключеній.

Фаэтоны (*Phaetonidae*. *Tropikvögel*. *Phaetons*), хотя и заключаютъ въ себѣ только 4 вида, но представляютъ собой отдѣльное семейство. Характерные для нихъ признаки слѣдующіе: тѣло сжатое, величина незначительная, клювъ равный длинѣ головы, съ боковъ сжатый, на верхней сторонѣ слабо согнутый, острый, мелко зазубренный по краямъ расщепѣ и съ едва замѣтнымъ крючкомъ на концѣ; ноги слабыя, задній и внутренній пальцы ихъ связаны узкой кожицей; крылья длинныя; хвостъ состоитъ изъ 12 или 14 перьевъ, оба среднія пера его весьма удлинены и отличаются въ своей конструкціи тѣмъ, что почти лишены опахаль, тогда какъ остальные хвостовыя перья имѣютъ короткія хорошо развитыя опахала; наковецъ мелкое опереніе фаэтоновъ густое и имѣетъ нѣжную окраску.

Самымъ извѣстнымъ и наиболѣе распространеннымъ видомъ является **Фаэтонъ** (*Phaeton aethereus, melanorhynchus, catesbyi, Tropicophilus aethereus. Tropikvogel. Paille en queue*). Мелкое опереніе его бѣлаго цвѣта съ розово-красноватымъ налетомъ; полоска уздечки впереди болѣе широкая, сзади суживающаяся—чернаго цвѣта. Наружныя опахала большихъ маховыхъ перьевъ черныя; заднія малыя маховыя тоже черныя, но съ бѣлыми каймами; хвостовыя перья бѣлаго цвѣта съ бѣлыми же стержнями, за исключеніемъ среднихъ, у которыхъ стержни у основанія черныя. У болѣе молодыхъ птицъ голова, шея и нижнія части тѣла—бѣлыя, спина и нижнія шейныя перья волнисто разрисованы по бѣлому полю черными концевыми каймами перьевъ; у молодыхъ птицъ всѣ перья синны украшены полулунными концевыми пятнами, а среднія хвостовыя перья еще не удлинены. Глаза каріе; клювъ кораллово-красный, у молодыхъ птицъ темно буроватый; ноги, за исключеніемъ черной плавательной перепонки и пальцевъ, желтыя. Длина птицы достигаетъ около 100 см., включая сюда оба копьевидныя пера 50—75 см. длиною, въ послѣднемъ случаѣ перья эти заходятъ центиметровъ на 60 за наружныя хвостовыя перья; размахъ крыльевъ достигаетъ 104, длина крыла 30 см.

Всѣ моря и океаны, лежащіе между тропиками, служатъ отечествомъ фаэтоновъ. Описанный видъ, къ которому и будетъ относиться нижеслѣдующее, распространенъ подъ данными широтами Атлантическаго, Индѣйскаго и Великаго океановъ. Изъ подъ тропиковъ фаэтоны иногда залетаютъ и въ умѣренный поясъ.

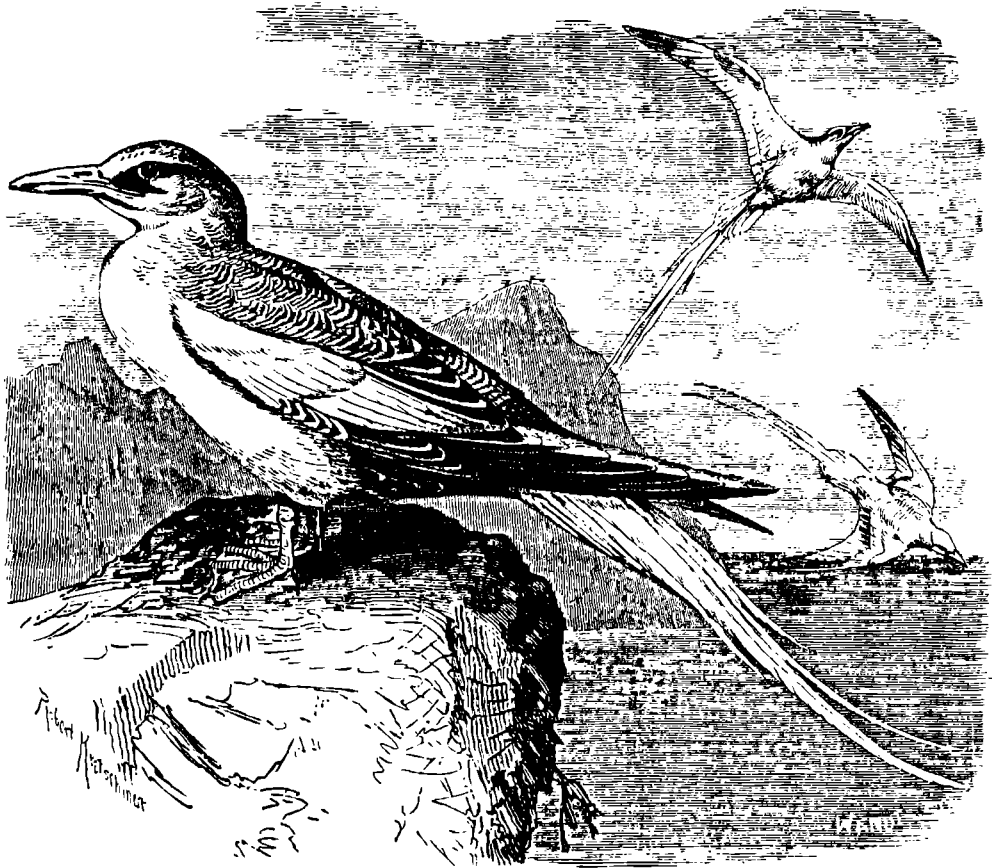
Обыкновенно фаэтоновъ видятъ днемъ летающими по близости береговъ, хотя можетъ случиться и обратное; такъ, Лессонъ видѣлъ ихъ въ тихія, лунныя ночи летавшими такъ же неумоимо, какъ и днемъ, а Веннестъ встрѣтилъ этихъ птицъ въ апрѣлѣ въ 1000 морскихъ миляхъ отъ суши. Въ общемъ моряки принимаютъ

*) По сказанію Фаэтонъ былъ сынъ Апполона и Климены.

„жизнь жироги.“ вѣра. т. VI.

300 морских миль за расстояние, на которое эти птицы отдаляются от материковъ; Гейглинъ, который, безъ сомнѣнiя, не побывалъ во всѣхъ океанахъ, нашелъ описанный видъ свойственнымъ только нѣкоторымъ островамъ.

Я видѣлъ фазановъ только разъ, въ южной части Краснаго моря, но могъ наблюдать ихъ лишь непродолжительное время; но всѣ путешественники, которые могли лучше познакомиться съ ними, согласно высказываютъ свое удивленiе красотѣ и миловидности этихъ птицъ. По словамъ Чуди, съ перваго взгляда фазанъ не оставляетъ впечатлѣнiя морской птицы; скорѣе въ немъ можно видѣть

Фазанъ. *Phaëton aethereus*. наст. вел.

обитателя суши, загнаннаго въ необозримую пустыню могучаго океана. «Фазаны», говоритъ Беннетъ, «безусловно принадлежать къ самымъ красивымъ морскимъ птицамъ и навѣрное возбуждаютъ удивленiе всякаго, кто видитъ ихъ чудное оперенiе, играющее въ яркихъ лучахъ тропическаго солнца. По своему характеру они столь же мялы, какъ привлекательны въ своемъ полетѣ, и наблюдать за ихъ искусными движенiями въ воздухѣ—доставляетъ истинное наслажденiе. Корабли часто привлекаютъ ихъ вниманiе; они прилетаютъ къ нимъ, кружатся надъ судномъ, все ниже и ниже по спиральной линiи спускаются изъ верхнихъ воздушныхъ слоевъ, временами стоять на мѣстѣ на небольшой высотѣ, трепеща своими крыльями и даже, хотя очень рѣдко, садятся на корабельныя рей. Если ихъ

не тревожить, они сопровождают такимъ образомъ корабль цѣлый день, пока онъ не выйдетъ изъ границъ ихъ мѣстожителства или по какой-либо другой причинѣ они сами не повернуть назадъ. Полное искусство своихъ воздушныхъ движеній они выказываютъ при рыбной ловлѣ. Подобно крупнымъ крачкамъ они, трепеща крыльями, стоятъ въ воздухѣ на одномъ мѣстѣ, зорко всматриваются въ воду и, вдругъ, стремглавъ несутся. сложивъ крылья, почти отвѣсно въ воду, съ такою силой, что всегда исчезаютъ подъ ея поверхностью, уходя въ глубину одного фута и, чтобы вынырнуть, должны сильно работать крыльями и ногами».

По Гейглину, имѣвшему много удачныхъ случаевъ наблюдать этихъ птицъ, фаэтоны—своею вѣтшиностью, полетомъ, способомъ и манерой ловить рыбу, а также своимъ крикливымъ голосомъ болѣе всего напоминаютъ крачку-чеграву. «Хотя цилиндрическое, тяжелое тѣло не совсѣмъ подходитъ для созданія, стихія котораго — воздушное пространство», замѣчаетъ упомянутый натуралистъ, «но необыкновенное развитие мускульной силы обуславливаетъ способность фаэтона, несмотря на его относительно слабый полетъ, летать безъ перерыва и довольно высоко, и даже выдерживать сильные порывы вѣтра. Быстрота полета фаэтоновъ изумительная, но послѣдній не такъ мягокъ и легокъ, какъ у морскихъ ласточекъ. Большую часть фаэтонъ летитъ по прямому и горизонтальному направлению на 12—20 м. надъ поверхностью воды, при этомъ клювъ его направленъ внизъ, хвостъ немного распущенъ. Кое-гдѣ онъ сдерживаетъ свой полетъ, трепещетъ крыльями на одномъ мѣстѣ или паритъ и затѣмъ внезапно, съ быстротою стрѣлы несется за рыбой. При случаѣ онъ ныряетъ глубже, чѣмъ то могутъ дѣлать крачки, и прямѣе взлетаетъ обратно на высоту. Въ бурную погоду его видятъ близъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ можетъ легко найти убѣжище въ расщелинахъ скалъ и рѣдко встрѣчаютъ его въ такую пору въ морѣ. Напротивъ, при ясномъ небѣ и тишинѣ въ воздухѣ фаэтонъ все время въ движеніи, частью отыскивая себѣ добычу, частью играя и продѣлывая различныя воздушныя упражненія. Въ это то время фаэтоны и выказываютъ въ полной красѣ свою изящность и ловкость своихъ движеній».

Пицца этихъ птицъ состоитъ исключительно изъ рыбъ и другихъ морскихъ жинотныхъ, плавающихъ на поверхности воды. Нутталль увѣряетъ, что очень часто видѣлъ ихъ ловащими летучихъ рыбъ; Беннетъ въ желудкахъ ихъ также нашелъ остатки головоногихъ.

Смотри по мѣстоположенію гнѣздовыхъ острововъ, время гнѣздованія фаэтоновъ, повидимому, различно. По Беннету, вблизи Австраліи оно начинается въ августѣ и сентябрѣ, по Веддерберну и Гурдису, на Бермудскихъ островахъ они начинаютъ гнѣздовать въ мартѣ и апрѣлѣ, а въ южной части Краснаго моря, по Гейглину, въ іюнѣ и іюлѣ. Въ это время самцы бываютъ въ чрезвычайно возбужденномъ состояніи, безпрестанно дерутся между собою, по наблюденіямъ послѣдняго изъ упомянутыхъ натуралистовъ, съ крикомъ и чирканіемъ гонятся другъ за другомъ, бѣшено носятся кругомъ и, по крайней мѣрѣ, толпятся и тѣснятся возлѣ равнодушно летающей впереди самки. Для гнѣздовой предпочтительно избираются острова, лежащіе вдали отъ людскихъ поселеній. Случалось наблюдать, что фаэтоны тамъ, гдѣ ихъ еще ни разу не безпокоили, клали свои яйца прямо на землю, болъшую же часть подъ кустами; напротивъ, на островахъ, посѣщаемыхъ человѣкомъ, они для этого избираютъ всегда различныя углубленія и расщелины скалъ. Входъ въ трещину или расщелину скалы, болъшую часть около метра глубиной, бываетъ, по Гейглину, часто такъ узокъ и низокъ, что кажется малымъ для самой птицы. Въ такомъ мѣстѣ самка кладетъ единственное яйцо на землю, на

песокъ или на голую скалу. Яйцо сравнительно велико, около 55 мм. длиной, 37 мм. въ поперечникѣ, скорѣе кругловатое, чѣмъ вытянутое, безъ блеска и по свѣтло-сѣроватому, глинистому, сѣровато-розово-красному или сѣровато-фіолетовому фону покрыто, въ особенности на тупомъ концѣ, темными фіолетовыми нижними пятнами и землисто-бурыми и ржаво-бурыми верхними пятнами и крапинками, также и черноватыми закорючками, иногда въ видѣ креста. Яйца насиживаются и самцомъ, и самкой, притомъ съ такимъ усердіемъ, что при появленіи человѣка птицы не улетаютъ, а защищаются своимъ клювомъ, нерѣдко весьма успѣшно. Гейглинъ встрѣтилъ одну самку и въ полдень сидѣвшую въ гнѣздовомъ углубленіи. По выраженію Беннета, молодые болѣе походятъ на пуховую пудреницу, нежели на птицу: они круглы, какъ мячикъ, и покрыты вѣжнымъ, сверху пепельно-сѣрымъ, на лбу и нижней сторонѣ бѣло-снѣжнымъ пухомъ. Позднѣе они получаютъ полосатое юношеское перовое одѣяніе, которое съ первой же линькой переходитъ въ чисто-бѣлое. На третьемъ году появляется розово-красная окраска и одновременно съ ней вырастаютъ и длинныя перья.

Жителя острововъ Товарищества и другихъ острововъ южной части Великаго океана употребляютъ перья этихъ птицъ на украшенія и весьма цѣнятъ ихъ. Такъ какъ такія перья добыть отъ взрослыхъ птицъ очень трудно, то островитяне придумали весьма остроумный способъ добывать ихъ. именно: они дожидаются, пока фазаны садутъ на яйца, ловятъ птицъ на гнѣздахъ, вырываютъ у нихъ перья и снова отпускаютъ на волю. Какъ разъ то же самое дѣлаютъ европейцы, поселившіеся на островѣ св. Маврикія.

Робинзонъ держалъ у себя около двухъ недѣль живого фазана и кормилъ его за это время внутренностями различныхъ рыбъ, которыя птица ѣла съ жадностью. Когда фазанъ хотѣлъ идти, онъ раскрывалъ крылья и подвигался впередъ съ большими затрудненіями. Иногда онъ издавалъ голосъ, похожій на крикъ зимородка, иной разъ кричалъ, какъ чайка. Онъ часто млевался, причѣмъ наносилъ своимъ острымъ клювомъ весьма чувствительныя раны.

Оба семейства обыкновенныхъ и морскихъ гагаръ, по Фюрбрингеру, образуютъ одну группу **Гагаровыхъ** птицъ (*Colymbi*), въ общемъ смыслѣ этого слова, съ подотрядомъ того-же имени (*Colymbiformes. Steissfüsse. Brachyptères*), которыя вмѣстѣ съ дневными хищными и пластинчатоклювыми птицами образуютъ отрядъ боевыхъ птицъ. Для гагаровыхъ характерны длинныя передніе пальцы, изъ которыхъ наружный длиннѣе остальныхъ, весьма короткій, слабженный плавательной перепонкой задній палецъ и сильно сплюснутыя съ боковъ плюсны. Ноги оперены до плюсневаго сочлененія; хвостовыя перья очень коротки или даже совсѣмъ отсутствуютъ. Крылья короткія; клювъ самое большее умѣренной величины.

Прежде всего слѣдуетъ начать съ собственно **Гагаровыхъ** или **Поганокъ** (*Colymbidae. Lappentaucher. Plongeurs*). Тѣло ихъ необыкновенно широкое и плоское, шея длинная и довольно толкая, голова мала, удлинена и низка, клювъ имѣетъ видъ удлиненнаго, сжатого съ боковъ конуса съ подвернутыми, очень острыми краями, изъ которыхъ нижніе немного входятъ въ верхніе. Ноги помѣщены на самомъ концѣ тѣла и весьма характерны по своему строенію: онѣ не особенно высоки, сжаты съ боковъ настолько, что посреди приобрѣли острое, гладкое ребро. Между тремя передними пальцами наружный равенъ по длинѣ или лишь немного длиннѣе средняго, внутрен-

ий-же гороздо короче послѣдняго, задній помѣщается довольно высоко и имѣетъ видъ небольшого отростка; всѣ передніе пальцы связаны между собой плавательной перепонкой отъ основанія и до перваго сочлененія, причемъ по обѣимъ сторонамъ пальцевъ идутъ певырѣзанныя, широкія, закругленные спереди плавательныя лопасти, къ которымъ примыкаютъ широкіе, плоскіе когти; на заднемъ пальцѣ имѣется снизу широкая плавательная лопасть, на противоположной-же верхней—лишь одна очень узкая лопастная полоска. Крылья малы, коротки и узки; изъ маховыхъ перьевъ первое, второе и третье — самыя длинныя. Хвоста совершенно нѣтъ; на мѣстѣ его имѣется лишь маленькій пучекъ разсученныхъ перьевъ. Мелкое опереніе всюду прилегаетъ плотно; на нижней сторонѣ оно образуетъ настоящій мѣхъ, имѣетъ гладкую поверхность и нѣжный атласный глянецъ; напротивъ, на головѣ, шеѣ, нижней части спины и на надхвостьѣ перья кажутся волосисто-разсученными. Въ брачную пору на головѣ у старыхъ птицъ появляется красивое украшеніе въ формѣ нащечныхъ или горловыхъ воротничковъ или двойного перистаго пучка, обыкновенно отличающагося болѣе яркой окраской.

Поганки, которыхъ извѣстно около 20 видовъ, свойственны умѣреннымъ поясамъ, не распространяются далеко на сѣверъ, но и на югъ далеко не идутъ, живутъ на стоячихъ, въ исключительныхъ случаяхъ также и на медленно текущихъ водахъ, окаймленныхъ по берегамъ камышомъ и тростникомъ; въ морѣ же онѣ появляются временами и въ видѣ исключенія. «Ни одна другая птичья порода», говоритъ Науманъ, «не можетъ быть названа съ такою справедливостью водяной или водоплавающей птицей, какъ онѣ, хотя до сихъ поръ неизвѣстно ни одной изъ нихъ, которая бы, по крайней мѣрѣ, въ извѣстную пору не проводила большаго или меньшаго времени на сушѣ. Гагаровыя выходятъ на сушу лишь въ случаѣ особенной необходимости, но и при этомъ держатся у самой воды, чтобы въ случаѣ чего тотчасъ же имѣть возможность броситься въ нее. Вода является необходимостью для всѣхъ ихъ дѣйствиій, даже для того, чтобы съѣсть съ лету или подняться на воздухъ, такъ какъ онѣ не могутъ сдѣлать этого иначе, какъ послѣ короткаго пробѣга по водной поверхности. Вся жизнь ихъ сводится къ двумъ занятіямъ—плаванию и нырянію. Въ то время, когда другія водоплавающія птицы, вздумавъ оправиться, отдохнуть или погрѣться на солнышкѣ, отправляются для этого на берегъ или другое твердое мѣстечко,—гагаровыя остаются на поверхности воды и все вышеназванное совершаютъ плавая. Когда онѣ предаются покою, ихъ тѣло лежитъ на водѣ, подобно куску пробки, весьма мало погрузившись; ноги всплываютъ кверху и кладутся вдоль крыльевъ на маховыя перья; клювъ онѣ засовываютъ между спинными и плечевыми перьями. Такимъ образомъ онѣ предаются отдыху или сну въ тихую погоду на спокойной глади водъ, обыкновенно вдали отъ берега. Если же поверхность воды не совсѣмъ спокойна, и онѣ могутъ опасаться быть пригнанными вѣтромъ къ берегу, то онѣ опускаютъ въ воду свои ноги и мастерски умѣютъ, вѣроятно однимъ своеобразнымъ движеніемъ, удерживаться на одномъ и томъ же мѣстѣ». Плывая подъ водой, онѣ движутся такъ быстро, что идущій по берегу человекъ не успѣлъ-бы за ними. При этомъ онѣ вытягиваются въ длину и гребутъ изо всей силы своєю ногой. Легкій толчекъ и—поганка уже подъ водой, еще движеніе сверху и—она снова на поверхности. Плывая, онѣ держатъ тѣло въ любомъ положеніи и могутъ погрузить его въ воду на желаемую глубину. Будучи совершенно спокойными, онѣ лежатъ на волнахъ, при нѣкоторомъ возбужденіи погружаютъ тѣло подъ поверхность воды, въ страхъ же ныряютъ. При смазываніи своего оперенія жиромъ, онѣ принимаютъ удивительныя положенія: ложатся на одну сторону, поднимаются по-

чти вертикально, такъ что обѣ ноги видны почти до пальцевъ, быстро втягиваютъ свою шею или далеко выпрямляютъ колѣна и т. п.

Насколько легко имъ двигаться при плаваніи, настолько трудно бываетъ принять какое-либо положеніе или ходить, когда онѣ попадутъ на сушу. «При этомъ», какъ говорятъ Гейглинъ, «онѣ держатъ себя прекурвезно и имѣютъ весьма потѣшный видъ. Тѣло принимаетъ почти вертикальное, слегка согнутое направленіе; шея весьма сильно согнута на подобіе буквы S; плюсны стоятъ чуть-чуть отклоняясь отъ вертикальной линіи, хотя снизу слегка оттопыриваются впередъ. Таково, и отнюдь не иное, ихъ положеніе при стояніи и ходьбѣ». Впрочемъ, большія разстоянія эти птицы пробѣгаютъ, держа тѣло не вертикально, но двигаются ползкомъ, подобно пингвинамъ. Насколько трудна для гагаръ вообще ходьба, можно скоро видѣть на тѣхъ экземплярахъ, которыхъ пускаютъ двигаться по комнатѣ. Правда, онѣ часто начинаютъ бѣгать кругомъ шагающей походкой, но при этомъ скоро падаютъ на грудь и брюхо и, если могутъ, то спѣшатъ, возможно скорѣе, добраться до воды, на которой и успокаиваются. Взлетѣть съ земли, по наблюденіямъ Наумана, онѣ также не могутъ, но дѣлаютъ это свободно съ воды, послѣ предварительнаго продолжительнаго пробѣга. Длинная шея и голова ихъ при этомъ вытягиваются прямо впередъ, широкія ноги откидываются назадъ, а крылья хлопаютъ проворно и быстро. Такимъ образомъ онѣ летятъ по прямому направленію, поднимаются вскорѣ на умѣренную высоту и двигаются удивительно быстро. Ногами онѣ пользуются какъ рулемъ, почему и могутъ, по желанію, измѣнять направленіе своего полета; короткія крылья ихъ, однако, не позволяютъ имъ плавныхъ движеній; поэтому-то онѣ, когда садятся и бросаются на воду въ косомъ направленіи, падаютъ на ея поверхность съ слышнымъ шумомъ. Впрочемъ, лѣтомъ онѣ очень неохотно рѣшаются летѣть и въ опасности обыкновенно прежде всего стараются нырнуть.

По развитію внѣшнихъ чувствъ онѣ, вѣроятно, не уступаютъ другимъ водоплавающимъ птицамъ; умственные способности, соотвѣтственно этому, также, повидимому, у нихъ развиты. Онѣ всегда бываютъ недоувѣрчивы, пугливы и хитры, мало-помалу даже научаются распознавать неопасныхъ людей или животныхъ отъ опасныхъ враговъ, но и первыхъ неохотно подпускаютъ къ себѣ близко; вообще живутъ только для себя, охотѣе всего парочками и самое большее семьями, и на другихъ животныхъ не обращаютъ вниманія болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. При опасности онѣ въ бѣгствѣ прибѣгаютъ къ различнаго рода хитростямъ; будучи пойманными, подчиняются своей судьбѣ и ведутъ себя какъ обыкновенно, не обращая ни малѣйшаго вниманія на человѣка, хотя бы онъ стоялъ вплотную съ ними.

Пищу поганокъ составляютъ рыбы, насѣкомыя, лягушки и головастики. Свою добычу онѣ добываютъ изъ глубины, но глотаютъ ее только тогда, когда выплывутъ наружу. При этомъ случайно онѣ проглатываютъ песокъ и зеленныя части растеній. Умышленно онѣ даже проглатываютъ собственныя перья, какъ это первый наблюдалъ старшій Науманъ. «Для этого», говоритъ Науманъ, «онѣ выбираютъ болѣею частью грудныя перья и не только тѣ, по удаленіи которыхъ въ птенцовую пору въ самомъ низу брюха образуются голыя мѣста, но и тѣ, которыя сами опадаютъ; въ одно время онѣ глотаютъ перья болѣе, въ другое меньше. Иѣтъ ни одной старой птицы, которая не занималась бы этимъ, а желудокъ нѣкоторыхъ иногда бываетъ такъ переполненъ перьями, что послѣднія образуютъ въ немъ рыхлая комокъ, въ которомъ почти не находится ничего питательнаго. Лучшимъ доказательствомъ этой странной привычки служить во всякое время года ихъ кожа на груди; она всегда бываетъ покрыта въ промежуткахъ

между совершенно развитыми перьями, только что выростающими перьями, имѣющими еще кровяной очинъ, полуразвитыми перышками, короче—молодыми перьями всѣхъ степеней развитія. Птицы эти начинаютъ вырывать и глотать свои перья только тогда, когда онѣ совершенно оперятся, т. е. получаютъ свое полное юношеское опереніе, но пока птенцы еще носятъ пуховую одежду, они не позволяютъ себѣ этого удовольствія».

Поганки живутъ всегда парочками, нѣжно любятъ другъ друга, совершаютъ перелетъ совмѣстно и возвращаются обратно на тотъ же прудъ, на которомъ жили раньше. Здѣсь онѣ строятъ свое плавучее гнѣздо, отличающееся отъ гнѣздъ другихъ птицъ тѣмъ, что оно бываетъ сплетено не только изъ сухого, но и изъ сырого матеріала; такимъ образомъ яйцамъ приходится лежать всегда въ сырости и даже въ водѣ. Гнѣздовый матеріалъ вытаскивается со дна, куда за нимъ птицы ныряютъ, укрѣпляется между нѣсколькими старыми стеблями камыша и сплетается чрезвычайно нерадиво, такъ что походить скорѣе на натасканную кучу, чѣмъ на гнѣздо. Спариванье происходитъ уже во время постройки гнѣзда. Настоящаго топтанія у гагаровыхъ быть не можетъ, такъ какъ ноги ихъ помѣщаются на самомъ концѣ тѣла, и птицы поневолѣ должны держаться вертикально. Послѣ предварительныхъ милованій и ухаживаній, заканчивающихся у нѣкоторыхъ видовъ шумливымъ крикомъ, самецъ и самка, по словамъ Наумана, плывутъ на встрѣчу другъ другу и, встрѣтившись, оба приподнимаются вертикально; они плотно прикасаются сначала грудью, а потомъ брюхомъ. Весь актъ совершается въ теченіи одного судорожнаго соприкосновенія, послѣ чего и самецъ и самка тотчасъ же, по обыкновенію, плывутъ рядомъ и издаютъ свой громкій крикъ, какъ будто желая оповѣстить всему свѣту о томъ, что у нихъ только что произошло.

Кладка состоитъ изъ 3—6 яицъ довольно большихъ, продолговатыхъ, съ рѣпкой и жесткой скорлупой, первоначально зеленовато-бѣлаго цвѣта, но скоро принимающихъ, благодаря загрязненію отъ гнѣзда, желто-красноватую или оливково-буроватую окраску, иногда также мраморный рисунокъ. Самецъ и самка сидятъ на яйцахъ попеременно, но самка сидитъ дольше. Пока послѣдняя сидитъ на гнѣздѣ, самецъ плаваетъ по близости. Если гнѣздо оставляютъ оба, то предварительно всегда вылавливаютъ со дна кучу полусгнившихъ водяныхъ растений и покрываютъ ими яйца. По прошествіи приблизительно трехъ недѣль насиживанія вылупляются птенцы, даже изъ такихъ яицъ, которыя при насиживаніи своемъ большею частью лежали въ водѣ; вылупившіеся птенцы тотчасъ же слѣдуютъ за родителями. Плавать они умѣютъ уже съ перваго дня своего появленія на свѣтъ, нырять научаются въ короткое время, такъ какъ вначалѣ въ случаѣ опасности старики всегда забираютъ ихъ подъ крылья и ныряютъ вмѣстѣ съ ними; нерѣдко они даже летятъ съ птенцами, спрятанными въ грудныхъ перьяхъ. Одинъ достойный довѣрія наблюдатель рассказывалъ мнѣ, что подстрѣлилъ на лету одну рогающую поганку, въ перьяхъ которой онъ, къ своему величайшему изумленію, нашелъ двухъ спрятавшихся птенцовъ. Гнѣздо свое птенцы рѣдко посѣщаютъ снова; когда они захотятъ отдохнуть, то находятъ мѣстечко для сна или отдыха на спинѣ родителей. Влѣзаніе на это теплое и мягкое ложе удается имъ съ трудомъ, но въ этомъ случаѣ ихъ родители приходятъ имъ на помощь. Они даютъ имъ знакъ держаться скученно, ныряютъ и выплываютъ подъ самыми птенцами, такъ что тѣ оказываются сидящими у нихъ на спинѣ. Такимъ же образомъ старики и освобождаются отъ своего бремени, когда оно имъ надоѣстъ или же, когда всѣмъ угрожаетъ опасность. «Чтобы промыслить кормъ своему небольшому выводку, пока

онѣ еще недостаточно вошли во вкусъ нырянія», пишетъ мнѣ Либе, «онѣ отыскиваютъ поросшее камышами мѣсто, собираютъ вокругъ себя молодое поколѣніе и сильно барахтаются въ водѣ совершенно такъ-же, какъ человекъ, желающій удержаться на глубокомъ мѣстѣ. Черезъ это онѣ непрерывно болонутятъ воду, а вмѣстѣ съ тѣмъ выкидываютъ со дна на поверхность воды червей и личинокъ, и въ распоряженіи птенцовъ является обильный кормъ».

Пока поганки находятся на водѣ, онѣ защищены отъ большинства опасностей; на лету же онѣ часто дѣлаются добычею хищныхъ птицъ. Яйца ихъ усердно уничтожаютъ вороны и камышевые дуня, быть можетъ даже водныя курочки и пастушки. Прежде этихъ милонидныхъ птицъ, служащихъ настоящимъ украшеніемъ каждаго болотца и стоячихъ водъ, били только къ посту, но съ тѣхъ поръ, какъ вошло въ моду употреблять ихъ опереніе въ видѣ мѣховыхъ украшеній, началось безопасное преслѣдованіе поганокъ. Во времена кремневыхъ ружей убить большую поганку считалось искусствомъ, такъ какъ при вспышкѣ пороха на полкѣ онѣ такъ быстро ныряли въ глубину, что дробь уже болѣе не доставала ихъ, хотя и падала на мѣсто, гдѣ онѣ только что были. Отъ нашихъ современныхъ ружей онѣ болѣе не уходятъ или очень рѣдко. Поймка ихъ дѣло случая, если только нельзя спустить воду изъ небольшого воднаго участка, на которомъ живутъ поганки, и поймать ихъ на сухомъ мѣстѣ. Пойманныхъ легко держать въ небольшихъ прудкахъ или въ соотвѣтственно устроенныхъ, т. е. снабженныхъ болѣе крупными бассейнами клѣткахъ, само собою разумѣется, конечно, при условіи снабженія ихъ въ достаточномъ количествѣ рыбой и насѣкомыми; болѣе крупные виды довольствуются одной рыбой, болѣе мелкіе—требуютъ и того и другаго. Ихъ постоянныя нырянія и выплыванія наружу, различныя позы, принимаемыя ими и выказываемая ими беззаботная довѣрчивость веселятъ всякаго, кто ихъ видитъ.

Одною изъ красивыхъ птицъ единственнаго рода (*Columbus*) въ этомъ семействѣ является **Чомга, Большая поганка, Хохлатая поганка, Хохлатый нырець, Кабра** (*Columbus cristatus, cornutus, urinator, coronatus, Podiceps cristatus, urinator, mitratus, patagiatus, longirostris, wilhelmi, Lophathea cristata*. Haubensteissfuss. Grèbe huppée). Въ брачную пору на головѣ ея замѣчается украшеніе въ видѣ одного перистаго пучка, раздѣляющагося наверху и образующаго два рожка, и роскошнаго, длиннаго, состоящаго изъ разсученныхъ перьевъ воротника, охватывающаго бока головы и горло. Верхнія части тѣла ея блестящаго черно-бураго цвѣта; зеркальце на крыльяхъ, образуемое малыми маховыми перьями, область щекъ—бѣлыя; воротничекъ ржаво-красный, съ краю черно-бурый; нижняя часть тѣла блестящаго атласно-бѣлаго цвѣта, съ боковъ покрыта ржавыми и черло-сѣроватыми крапинками. Глаза карминно-красные; уздечка красная; клювъ бѣдно-розовый; ноги съ наружной стороны темнаго роговаго цвѣта, на внутренней сторонѣ—рогово-бѣловато-бѣлыя. Въ зимней одеждѣ хохолъ и воротничекъ еще не сформированы; къ черно-бурому цвѣту верхнихъ частей примѣшивается темно-сѣрый; ржаво-красный цвѣтъ воротника и ржаво-бурый—боковъ матовѣе. Самка отличается отъ самца меньшей величиной, но не окраской. Молодые не такъ красивы, какъ старики въ зимней одеждѣ, и на головѣ и шеѣ имѣютъ еще полосатость; птенцы въ пуховомъ опереніи исполосаны сѣрымъ и чернымъ цвѣтами. Длина взрослой птицы достигастъ 95 см. размахъ крыльевъ 66, длина крыла 18 см.

Пачиная отъ 60 градуса сѣверной широты къ югу, чомгу встрѣчаютъ повсюду на всѣхъ подходящихъ озеряхъ и водныхъ пространствахъ Евро-

пы, нерѣдко въ Германіи и чаще всего на южныхъ озерахъ. На сѣверѣ она появляется весной по стаянн снѣга, т. е. въ апрѣлѣ и остается на своей родинѣ самое большее до конца ноября; тамъ же, гдѣ море не замерзаетъ, она перекочевываетъ на него и остается зимовать; нѣкоторые же, слѣдуя направленію береговъ, перелетаютъ въ южную Европу и сѣверную Африку. Въ Греціи и Испаніи чомга изъ году въ годъ живетъ осѣдло; но число живущихъ тамъ хохлатыхъ гагаръ

Чомга. *Colymbus cristatus*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

съ каждой зимой замѣтно увеличивается, благодаря прибытію новыхъ, перекочевывающихъ сюда съ сѣвера. Въ сѣверо-западной Африкѣ эта птица все еще обычный гость; въ Египтѣ ее всегда встрѣчаютъ одиночками, притомъ рѣдко. Въ Средней Азійи и Сѣверной Америкѣ гагара эта — такой же обыкновенный житель, какъ и въ Европѣ, причемъ изъ Сибири она совершаетъ перелеты въ южный Китай и Японію, а изъ Сѣверной Америки до южныхъ частей Соединенныхъ Штатовъ.

Весною чомги появляются парочками, но осенью охотно соединяются въ болѣе крупныя общества, въ которыхъ насчитывается иногда до 50 и болѣе штукъ и которыя предпринимаютъ сообща свое путешествіе на югъ. Что птицы эти совершаютъ свое путешествіе ночью, нужно еще провѣрить; что возвратный путь ихъ направляется по болѣе крупнымъ озерамъ, также по рѣкамъ, обыкновенно же слѣдуетъ направленію морскихъ береговъ, за это высказались большинство натуралистовъ. Лѣтомъ они перебираются на болѣе обширныя пруды или озера, мѣстами поросшіе камышомъ и тростникомъ. Для этихъ гагаръ нужно довольно большая площадь водной поверхности, такъ, чтобы по крайней мѣрѣ въ серединѣ онѣ могли быть въ безопасности отъ охотничьяго дробовика. Чомги болѣе, чѣмъ другіе виды, придерживаются воды, тѣмъ болѣе, что стояніе и хожденіе для нихъ затруднительнѣе, чѣмъ для ихъ болѣе мелкихъ сородичей. Въ плаваніи и нырніи онѣ не уступаютъ ни одному изъ послѣднихъ; чего онѣ не могутъ достигнуть ловкостью, того добиваются терпѣньемъ. По наблюденіямъ Наумана, въ ¹⁾ минуты чомга проплываетъ подъ водой разстояніе больше, чѣмъ въ 60 ш. Полетъ ея относительно быстръ, направляется по прямой линіи и производитъ слышимый шумъ. Между родственными формами это—самая осторожная и пугливая гагара. «Въ сущности», говоритъ Науманъ, «она не довѣряетъ никакому человѣку и даже пастуховъ, служанокъ и дѣтей предварительно наблюдаетъ издали, прежде чѣмъ сдѣлаться довѣрчивѣе и подплыть ближе; отъ рыбачьей лодки она также улетаетъ уже издали, даже и тогда, когда въ послѣдней сидятъ люди, не обращающіе на нее никакого вниманія. Если кто-либо, кто бы онъ ни былъ, встрѣтитъ ее близко отъ берега, она уже спѣшитъ, частью по водѣ, частью подъ водой, добраться какъ можно скорѣе до открытой воды и удалиться сотни на двѣ шаговъ. На такомъ разстояніи она уже чувствуетъ себя спокойно, какъ бы сознавая, что ей не можетъ быть причинено никакой неприятели. Ея осторожность побуждаетъ ее всюду, гдѣ только она чувствуетъ себя не совсѣмъ въ безопасности, держаться на чистомъ мѣстѣ, чтобы ничто не мѣшало ей кругозору и всякую опасность можно было-бы увидѣть издали; если же заботы о размноженіи и заставляютъ ее держаться вблизи кустовъ камыша и тростника, то она все-таки подплываетъ къ нимъ только тогда, когда по близости нѣтъ ни одного человѣка. Спугнутая, она также стремится въ камыши, но только до тѣхъ поръ, пока не представится возможности подъ водою добраться до чистаго мѣста, гдѣ она выставляетъ одну только голову, ныряетъ и плыветъ такъ далѣе до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ желаемаго разстоянія». Съ другими птицами она не соединяется, или же соединяется только на короткое время; въ итенцовую пору ей нѣтъ лѣла до другихъ хохлатыхъ гагаръ. Бываетъ, что въ одномъ водномъ пространствѣ гнѣздится нѣсколько парочекъ; но въ этомъ случаѣ каждая парочка строго придерживается своего района и прогоняетъ изъ него всякую другую чомгу.

Сильный, далеко слышимый крикъ хохлатыхъ гагаръ бываетъ весьма разнообразенъ. Самецъ перекликается съ самкой повторяющимся «кѣкѣкѣк»; громкое «краор» или «круор» замѣняетъ пѣніе другихъ птицъ; по крайней мѣрѣ она слышится въ пору размноженія и раздается, какъ будто усиливаясь и разстояясь отъ водной поверхности, настолько гулко, что, по увѣренію Наумана, бываетъ слышно по вѣтру на разстояніи часа пути. Впрочемъ, вблизи гнѣзда чомги не кричатъ, или только въ рѣдкихъ случаяхъ: сообразительность и страхъ не позволяютъ имъ въ этомъ мѣстѣ производить много шума. Зато тѣмъ ревностнѣе кричатъ онѣ до и послѣ спариванья, но и то только тогда, когда знаютъ, что по близости нѣтъ человѣка. Другъ къ другу птицы одной пары относятся необыкновенно нѣжно.

«Если одна изъ нихъ», говоритъ Науманъ, «случайно отдалится немного отъ другой, то послѣдняя уже горячо начинаетъ звать ее, пока та не вернется. Онѣ всегда плаваютъ вплотную другъ къ другу, вмѣстѣ играютъ и частенько затягиваютъ другъ, далеко раздающійся по окрестности. Каждая пара владѣетъ своимъ гнѣздовымъ райономъ, и тамъ, гдѣ водная площадь даетъ возможность гнѣздиться нѣсколькимъ или многимъ парамъ, передъ началомъ птенцовой поры происходитъ немало дракъ, во время которыхъ побѣжденнымъ въ концѣ концовъ обыкновенно приходится въ бѣгствѣ искать спасенія отъ преслѣдованія побѣдителей».

«Чомги приступаютъ къ кладкѣ, сообразуясь съ тѣмъ временемъ, когда камышъ поднимется на извѣстную высоту. Гнѣздо устраивается вблизи камыша, тростника или ситника близко отъ границы этой растительности съ чистыми участками воды и вдали отъ суши; часто оно кладется совершенно на открытомъ мѣстѣ на водѣ и тогда прикрѣпляется къ нѣсколькимъ стеблямъ. Ширина его достигаетъ около 30 см., вышина приблизительно 15 см. Гнѣздовое ложе необыкновенно плоско, но со временемъ мало по малу вдавливается подъ тяжестью сажающейся на него птицы. Въ общемъ такая постройка такъ напоминаетъ сплетенные вѣтромъ плавучіе пучки гнѣющихъ водныхъ растеній, что неопытный глазъ никогда не догадается, что это гнѣздо птицы. Не только нужно удивляться тому, какъ могутъ эти сырые пучки удерживать на себѣ довольно тяжелыхъ птицъ, но и тому, что они не шелохнутся даже при влѣзаніи и слѣзаніи съ нихъ гадаръ». Хотя чомга влѣзаетъ на гнѣздо съ извѣстной осторожностью, именно какъ бы вскалзывая на него, но иногда она все-таки роняетъ въ воду то или другое яйцо. Кладка состоитъ изъ 4; иногда болѣе, иногда менѣе яицъ, наполовину лежащихъ въ сырости; они имѣютъ среднимъ числомъ 52 мм. длины и 35 мм. въ поперечникѣ, вначалѣ бываютъ чисто-бѣлаго цвѣта, но скоро становятся грязнаго глинисто-желтаго цвѣта. Самецъ и самка сидятъ на яйцахъ попеременно, необыкновенно ревностны въ этомъ занятіи и проявляютъ къ потомству своему горячую любовь. Въ особенности самка ведетъ себя чрезвычайно испуганно; когда кто-либо приближается къ гнѣзду, она испускаетъ жалобные крики и безразсудно рискуетъ своею безопасностью; если въ концѣ концовъ она покидаетъ яйца, то, уходя, поспѣшно покрываетъ ихъ гнѣздовымъ матерьяломъ, удаляется недалеко и по возможности скоро возвращается обратно. Если отбирать у ней одно за другимъ яйца, которыя она кладетъ, то можно дѣло довести до того, что она снесетъ ихъ десятка два и больше.

Птенцовъ водятъ и самецъ и самка, но обязанности сторожить самецъ главнымъ образомъ беретъ на себя. Вначалѣ птенчикамъ подносятся въ клювъ мелкія личинки насѣкомыхъ, позднѣе таковыя кладутся уже на воду и одновременно птенцы обучаются нырванію. Черезчуръ крупную рыбу старики сѣдаютъ сами, если видятъ, что всѣ усилія птенцовъ проглотить ее тщетны, но впоследствии ловятъ даже для своихъ дѣтей болѣе мелкихъ рыбешекъ. Если птенцы по неловкости роняютъ кормъ, старики его тотчасъ же подхватываютъ. По описанію Теккеля, птенцы, въ особенности въ ранней молодости, бываютъ чрезвычайно милостивыми созданіями. «Немало удовольствія для натуралиста представляютъ наблюденія надъ семейною жизнью этихъ птицъ. Весело смотрѣть, какъ то одинъ, то нѣсколько птенцовъ, или уставъ вообще отъ непривычки къ долгому плаванію, или въ особенности утомленные часто сильными ударами волнъ широкой водной поверхности, лѣзутъ на спину матери, какъ впоследствии самка, ныряя, снова освобождается отъ своего бремени, какъ птенцы, отставъ немного отъ родителей, громко и испуганно поднимаютъ свой пискъ и чилаканье, какъ наконецъ они кормятся стариками, которые кладутъ кормъ передъ ними и обучаютъ ихъ ныря-

нью». Вначалѣ птицы, надъ которыми велъ свои наблюденія Иеккель, клали кормъ передъ птенцами на воду, но, спустя 8 дней жизни послѣднихъ, обученіе уже началось. «Кто-нибудь изъ стариковъ проплывалъ дважды или трижды мимо птенцовъ съ кормомъ, который послѣдніе пытались выхватить; затѣмъ старая гагара вырывается вмѣстѣ съ рыбой, побуждая тѣмъ птенцовъ слѣдовать за собой. Однако послѣдніе оказывались еще нѣсколько безпомощными; тогда она положила пищу на воду вдали отъ нихъ и громкимъ «квонг квонг» начала звать молодыхъ къ себѣ; тогда тѣ, усердно гребя ногами, проплыли это довольно большое разстояніе и лучшей плывецъ получая въ награду рыбешку». Старика героически защищаютъ своихъ дѣтей отъ пернатыхъ хищниковъ. Науманъ видѣлъ, какъ одна самка дерзко выпрыгивала изъ воды, кидаясь на летавшихъ мимо воронъ и хищныхъ птицъ и щелкала или ударяла хищника клювомъ, чѣмъ дѣйствительно ей нѣредко удавалось отогнать послѣдняго отъ своихъ птенцовъ. «Во время этой отчаянной борьбы она испускаетъ жалобные крики, въ то время какъ самецъ, будь онъ даже неподалеку, только криками, видимо, раздѣляетъ боязнь самки за птенцовъ, но имѣетъ храбрости оказать дѣйствительную помощь».

На свободѣ чомги кормятся почти исключительно рыбами, хотя отнюдь не отказываются и отъ болѣе или менѣе крупныхъ насѣкомыхъ, поэтому птицы эти могутъ принести нѣкоторый вредъ въ разсадочныхъ рыбныхъ прудахъ; тамъ, гдѣ содержатся болѣе крупныя рыбы, вредъ этотъ весьма незначителенъ и вознаграждается приносимою гагарами пользой. Мясо этихъ гagarъ во всякомъ случаѣ несъѣдобно, но шкурка ихъ весьма цѣнна и въ дѣйствительности представляетъ изъ себя нѣсколько дорогой мѣхъ, что преслѣдованіе этихъ птицъ можно съ известной точки зрѣнія извинить. Охотникъ, который не слишкомъ высоко цѣнитъ прибыль отъ убитыхъ гagarъ, едва ли будетъ преслѣдовать ихъ, такъ какъ онъ невольно любитъ этими подвижными и странными созданіями.

Въ неволѣ чомги выживаютъ мѣсяцами, если ихъ въ изобиліи снабжать рыбешками. Въ комнатѣ ихъ держать, конечно, нельзя, такъ какъ для благополучной жизни имъ необходимы далеко не маленькіе бассейны съ водой; но на небольшомъ садовомъ пруду онѣ уживаются очень скоро, черезъ нѣсколько дней уже привыкаютъ къ заботливому о нихъ челоѣку и въ концѣ концовъ становятся такими ручными, что идутъ на зовъ и берутъ бросаемый имъ кормъ, не обращая вниманія на людей, стоящихъ очень близко къ нимъ. Только зимою содержаніе ихъ нѣсколько затруднительно, такъ какъ онѣ не переносятъ значительнаго холода и при сильномъ морозѣ непременно околѣваютъ.

Между другими, живущими въ Европѣ видами, самымъ крупнымъ является **Строшекая поганка** или **Нырецъ-Красношейка** (*Colymbus griseigena, subcristatus, rubricollis, parotis, naevius, cucullatus, longirostris, Podiceps griseigena, rubricollis, subcristatus, canogularis, holboellii, cooperi, Pedetaythya subcristata. Rothalssteissfuss. Grèbe à collier*). Длина ея достигаетъ 46 см., размахъ крыльевъ 80, длина крыла ея 18 см. Верхняя часть головы, затылокъ и низъ шеи—черныя съ слабымъ зеленоватымъ блескомъ, вѣнчикъ изъ перьевъ, горло, а равно довольно длинныя перья щекъ—сѣрыя, послѣднія съ узкими сѣровато-бѣлыми каймами. Передъ и бока шеи яркаго каштаново-буро-краснаго цвѣта; сѣровато-черныя верхнія части на перьяхъ имѣютъ болѣе свѣтлыя каймы; нижнія части тѣла атласно-бѣлыя, по бокамъ имѣютъ темно-сѣроватыя стержневые штрихи и такіе же края перьевъ; маховыя перья черноватыя, но внутреннія малыя маховыя перья, образующія собою узкое зеркальце, бѣлаго цвѣта. Глаза карминно-красныя; клювъ у основанія жел-

тый, въ остальной части — черный; ноги снаружи черно-зеленыя, внутри зеленовато-желтыя. Въ зимнемъ опереніи, окраска котораго менѣе ярка, недостаетъ ржаво-краснаго цвѣта на шеѣ; юношеское опереніе характеризуется темной и свѣтлой продольной полосатостью шеп.

Область распространенія этой поганки простирается на всѣ сѣверныя страны земного шара.

Рогатая поганка, Малая гагара, Киначь (*Colymbus auritus*. Ohrensteissfuss. Grèbe cornue) характеризуется необыкновенно развитымъ шейникомъ. Шейникъ этотъ, за исключеніемъ темной, огненной, сверху сѣристо-желто отороченной полоски уздечки, — чернаго цвѣта; такого же цвѣта задняя часть шеи и верхнія части тѣла; передняя часть шеи, область зоба и бока ярко-буро-красныя; нижнія части тѣла атласно-бѣлыя. Большія маховыя перья сѣро-буро-черныя съ темно-бурными стержнями; малыя маховыя, начиная со второго — чисто-бѣлаго цвѣта и съ бѣлыми-же стержнями, только оба самыя заднія болѣе или менѣе съ широкими стержнями. Глаза ярко-красныя; клювъ блестящаго чернаго цвѣта, но какъ на концѣ, такъ и у основанія нижней половинки — краснаго персиковаго цвѣта; ноги голубовато-бѣло-желтыя, вокругъ сочлененій темно-зеленыя. Въ зимней одеждѣ на головѣ этой поганки нѣтъ украшающихъ перьевъ, отсутствуетъ ржаво-красная окраска нижнихъ частей, щеки сѣровато-бѣлыя; въ юношескомъ опереніи бока головы покрыты полосами. Длина птицы достигаетъ 33 см., размахъ ея крыльевъ 62, длина крыла 15 см.

Область распространенія обнимаетъ собою сѣверный умѣренный поясъ земного шара.

Ушастая поганка (*Colymbus nigricollis*. Schwarzhalssteissfuss. Grèbe oreillard) приблизительно такой же величины, какъ и предыдущая, на которую очень похожа. Голова ея, за исключеніемъ яркой золотисто-желтой, внизу и сзади переходящей въ красноватую, полоски уздечки, начинающейся около глаза и покрывающей область уха, — чернаго цвѣта; такія же шея и верхнія части оперенія. Верхняя часть груди и бока ярко-буро-красныя; середка груди и брюха атласно-бѣлая. Самыя внутреннія изъ большихъ маховыхъ перьевъ и верхнія кроющія перья крыльевъ — сѣровато-черныя; большія маховыя, начиная отъ шестого на концѣ внутри имѣютъ бѣлыя каймы; короткія малыя маховыя перья бѣлаго цвѣта. Глаза ярко-красныя; клювъ, впереди немного согнутый книзу, черновато-зеленый; ноги сѣро-зеленыя. Въ зимнемъ опереніи птица не имѣетъ головного украшенія; щеки сѣровато-бѣлыя; передняя часть шеи и бока ея сѣрыя. Длина птицы достигаетъ 32 см., размахъ ея крыльевъ 60, длина крыла 13 см.

Область распространенія ушастой поганки обнимаетъ собою умѣренный полетъ Стараго Свѣта.

Самый обыкновенной поганкой въ Германіи является **Малая поганка** (*Colymbus fluviatilis, minor, minutus, parvus, pygmaeus, Podiceps minor, pallidus, pygmaeus, philippensis, hebridicus, Sylbeocyclus minor, europaeus, Tachybates minor, philippensis, capensis*. Zvergsteissfuss. Petite grèbe). Въ брачную пору опереніе верхней части ея тѣла блестящаго чернаго цвѣта съ буроватымъ отливомъ; нижнія части сѣро-бѣлыя съ болѣе темными разводами; горло и мѣсто передъ глазомъ — черноватыя; бока шеи и головы, а равно и горло въ области глотки каштаново-бурные. Глаза красновато-бурные, уздечка желто-зеленая; клювъ у основаніи желто-

зеленый, на концѣ черный; ноги съ наружной стороны черноватыя, на внутренней—свѣтлаго рогового цвѣта. Въ осенней одеждѣ верхнія части болѣе буро-сѣрыя, нижнія атласно-бѣлыя, голова и шея свѣтло-сѣрыя. Длина птицы достигаетъ 25 см., размахъ ея крыльевъ 43, длина крыла ея 10 см.

Область распространения малой поганки приближительна та же самая, какъ и у ея болѣе крупныхъ сородичей; но въ Африкѣ зимою она встрѣчается чаще, чѣмъ послѣдніе. Въ сѣверной Германіи она появляется въ мартѣ, пребываетъ все время, пока воды еще не подернулись льдомъ и затѣмъ летитъ на югъ и уже въ южной Европѣ находитъ подходящія мѣста для зимовки. Любимымъ мѣстопребываніемъ этой поганки служатъ тихія стоячія воды, частью поросшія камышомъ и осокой, а также и подходящія мѣста среди болѣе крупныхъ болотъ и трясины; она избѣгаетъ селиться тамъ, гдѣ много открытыхъ водныхъ мѣстъ, такъ какъ пища ея, состоящая главнымъ образомъ изъ насѣкомыхъ и ихъ личинокъ, гораздо обильнѣе въ илистыхъ и мутныхъ мѣстахъ, чѣмъ на открытыхъ водныхъ участкахъ.

Жизнь и повадки малой поганки—тѣ же, что и у остальныхъ поганокъ. Въ плаваніи и нырніи она такая же мастерица, какъ и ея сородичи; однако полетъ ея очень плохъ, почему она летаетъ чрезвычайно неохотно, причемъ, когда летитъ, то необыкновенно торопливо машетъ крыльями, почти трепыхая ими, какъ воробей, и напоминаетъ своимъ полетомъ, по выраженію Наумана, полетъ кузнечика. Встрѣчаться съ человѣкомъ она также не любитъ, по крайней мѣрѣ у насъ; напротивъ, на зимовкахъ она не пуглива, держится часто въ непосредственной близости селеній и спокойно подпускаютъ къ себѣ охотника. При опасности она всегда ищетъ спасенія въ нырніи. Будучи испугана, она плыветъ въ густо покрытое растительностью мѣсто, выставляетъ наружу одинъ только клювъ и остается тогда, спрятавшись все время, пока считаетъ это необходимымъ. Голосъ ея—короткое, свистящее «биб» или «бйби», которое иногда, особенно въ пору спариванія, повторяется птицей такъ часто, что звучитъ трелью и напоминаетъ вѣжнѣй звонкій смѣхъ.

Гнѣздо помѣщается между тростникомъ, ситникомъ, осокой и другими растеніями, никогда не бываетъ спрятано, обыкновенно-же лежитъ открыто, но всегда по возможности дальше отъ берега пруда и устраивается птицей въ видѣ такихъ же небрежно сплетенныхъ пучковъ, какъ и у другихъ видовъ; оно бываетъ однако относительно крупнѣе и слегка вдавлено въ мѣстѣ гнѣздового ложа. Въ концѣ апрѣля или началѣ мая въ немъ находятъ 3—6 маленькихъ продолговатыхъ яицъ, въ среднемъ 36 мм. длиною, 25 мм. въ поперечникѣ; окраска ихъ также въ послѣдствіи обуславливается цвѣтомъ гнѣздового растительнаго матерьяла. Самецъ и самка сидятъ на яйцахъ попеременно около 20—21 дней, выказываютъ много заботливости по отношенію къ своему потомству и защищаютъ птенцовъ такимъ-же способомъ, какъ и ихъ сородичи.

Иногда та или другая малая поганка попадаетъ въ выставленные для рыбы верши или въ рыбачью сѣть при спускѣ воды изъ пруда. Вначалѣ, какъ весьма точно описываетъ Науманъ, она лежитъ совершенно плашмя грудью и брюхомъ, подергиваетъ время отъ времени шей, и ведетъ себя такъ, какъ будто не умѣетъ ни ходить, ни стоять; но лишь только въ комнатѣ станеть тише, она начинаетъ ходить и бѣгать кругомъ, осматриваетъ выставленную для нея посуду съ водой, обходить ее и наконецъ залѣзаетъ и помѣщается въ ней. Иногда она бѣгаетъ по комнатѣ, подобно жаворонку, шагающей походкой. Если ее хотятъ схватить, то она яля падаетъ на грудь и ждетъ, пока ее схватятъ, или же бѣжитъ въ уголь. Она никогда не пытается летѣть; ея крылья всегда лежатъ подъ покровными перьями,

плотно прижнутыя къ тѣлу. Если въ ея посудину кидаютъ водяныхъ жучковъ или дождевыхъ червей, она бѣгаетъ вокругъ нея до тѣхъ поръ, пока не выловитъ всѣхъ. Она очень хорошо себя чувствуетъ, если ее пустятъ на большое водное пространство. Здѣсь она тотчасъ же начинаетъ чиститься, смазываться жиромъ и, ныряя, гоняется и ловитъ живыхъ насѣкомыхъ и другихъ животныхъ, бросаемыхъ къ ней въ воду. Въ Лондонскомъ зоологическомъ саду въ клѣткѣ, предназначенной для зимородковъ, живутъ и малыя поганки. Послѣднихъ кормятъ мелкими рыбешками, мучными червями, муравьиными яйцами и бѣлымъ хлѣбомъ; при этомъ кормѣ онѣ чувствуютъ себя превосходно и доставляютъ много удовольствія зрителямъ, такъ какъ послѣдніе могутъ наблюдать не только за ихъ плаваніемъ по поверхности воды, но и за ихъ движеніями подъ водой.

Въ морѣ поганокъ замѣняютъ **Морскія гагары** (*Urinatoridae*. *Seetaucher*. *Plongeurs proprement dits*). Эти птицы, которыхъ извѣстно всего только четыре вида, отличаются отъ поганокъ болѣе значительной величиной, болѣе короткой шеей, болѣе крупной головой и болѣе сильнымъ клювомъ. Ноги ихъ имѣютъ полныя перепонки. Крылья короткія, покрытыя жесткими перьями; второе маховое ихъ самое длинное. Хвостъ состоитъ изъ 16—20 перьевъ. Опереніе чрезвычайно густое, плотное, съ мѣняющейся въ зависимости отъ возраста и времени года, окраской.

Прежде всего упомяну **Полярную гагару** (*Urinator glacialis*, *Colymbus glacialis*, *torquatus*, *hiemalis*, *maximus*, *immer*, *Cephus torquatus*, *Eudytes glacialis*. *Eistaucher*. *Grand plongeon*). Въ брачную пору опереніе ея сверху и на бокахъ матово-черное съ бѣловатыми, окошечко-видными пятнами, на головѣ и шеѣ зеленовато-черное, въ серединѣ послѣдней имѣется обрывающійся спереди и назадъ галстухъ, образованный изъ черныхъ и бѣлыхъ продольныхъ полосокъ; такой же окраски и поперечная полоса, находящаяся на передней части шеи. По бокамъ верхней части груди также идутъ черныя и бѣлыя продольныя полосы, въ остальномъ нижнія части бѣлаго цвѣта. Глаза свѣтло-каріе; клювъ черный; ноги снаружи сѣрыя, внутри красноватыя, мясного цвѣта. Въ зимнемъ нарядѣ опереніе наверху и на бокахъ имѣетъ черноватый, безъ бѣлыхъ окошечекъ, внизу бѣлыя, по бокамъ зоба черныя продольныя пятна; юношеское опереніе такое-же, но безъ зобныхъ пятенъ. Длина птицы достигаетъ 95—100 см., размахъ ея крыльевъ 150, длина крыла ея 42, хвоста 6.

Полосатая или Чернозобая гагара, Ревуха, (*Urinator arcticus*, *Colymbus arcticus*, *ignotus*, *leucopus*, *macrorhynchus*, *balthicus*, *pacificus*, *Cephus*, *Eudytes arcticus*. *Polartaucher*. *Plongeon arctique*), которую часто смѣшиваютъ съ предыдущей, меньше послѣдней, но почти такой же окраски и съ такимъ-же рисункомъ, какъ и она. Въ брачную пору верхъ головы ея и задняя часть шеи темнаго пенельно-сѣраго цвѣта, спина и крылья матово-черпаго; одно мѣсто въ верхней части спины и другое на задней части крыла покрыто бѣлыми окошечко-видными пятнами, третье мѣсто на передней части крыла покрыто голубоватыми крапинками; бѣлыя бока шеи имѣютъ черныя продольныя полосы, черно-сѣрый передъ шеи имѣетъ бѣлую съ черными полосками поперечную ленту; наконецъ пахи покрыты черноватыми продольными пятнами; нижнія части бѣлыя. Въ зимнемъ опереніи голова и задняя часть шеи этой гагары темно-сѣрыя, все остальное опереніе черноватаго цвѣта

съ болѣе свѣтлыми краями перьевъ; снизу—бѣлая окраска; по бокамъ головы черноватая и бѣлая полосы; послѣдняго рисунка у молодыхъ нѣтъ. Глаза свѣтло-каріе; клювъ черный; ноги спаружн сѣрыя, внутри красноватая, мясного цвѣта. Длина птицы достигаетъ 77 см., размахъ ея крыльевъ 130, длина крыла ея 38, хвоста 6.

Самая маленькая изъ всѣхъ морскихъ гагаръ—**Краснозобая гагара, Норь.** (*Urinator septentrionalis*, *Colymbus septentrionalis, stellatus, striatus, borealis, rufogularis, microrhynchus*, *Cerphus septentrionalis, stellatus*, *Eudytes septentrionalis*. *Rothkehltaucher*. *Petit plongeon*): длина ея достигаетъ 65 см., размахъ ея крыльевъ 110, длина крыла ея 30, хвоста 7 см. Опереніе на бокахъ головы и шеи пепельно-сѣрое, на задней части шеи съ черными и бѣлыми полосами, на передней части шеи блестящаго каштаново-буро-краснаго цвѣта, на спинѣ буро-черное, на нижнихъ частяхъ тѣла бѣлое, на бокахъ зоба и груди—черное съ продольными пятнами. Въ зимнемъ опереніи перья верхней стороны имѣютъ бѣловатые кончики, а область горла выглядит бѣлой. Въ юношескомъ опереніи цвѣта еще неясны. Глаза свѣтлаго буро-краснаго цвѣта; клювъ черный; ноги темно-бурья, на внутренней поверхности голубо-сѣрыя, на плавательныхъ перепонкахъ темнѣе.

Полярная гагара живетъ на далекомъ сѣверѣ, лѣтомъ доходя приблизительно до 76, къ югу же самое большее до 59 градуса сѣверной широты; въ особенности селятся она по берегамъ Гренландіи, Шпицбергена и Европейской и Азіатской Россіи, нѣкоторыхъ одиночныхъ острововъ, Ферерскихъ, Оркнейскихъ и Гебридскихъ острововъ, зимою же перекочевываетъ, хотя рѣдко, и въ Германію, гдѣ и посѣщаетъ ея рѣки. Чернозобая гагара свойственна болѣе востоку и въ Европѣ, за исключеніемъ сѣверной Россіи, повсюду рѣдка, въ Сибіри же, напротивъ, обыкновенна. Точно также она является гнѣздящей птицей и въ наиболѣе сѣверныхъ частяхъ Америки, а во время своего зимняго лета она посѣщаетъ южную и западную Россію, Данію, Германію и Голландію. Наконецъ краснозобая гагара встрѣчается въ тѣхъ же мѣстностяхъ, но область распространенія ея приблизительно обнимаетъ мѣстности обоихъ вышепозванныхъ видовъ. Она живетъ въ полсѣ между 78 и 60 градусами, на всемъ его протяженіи по земному шару и каждую зиму посѣщаетъ лежащія южнѣ моря, а равно и рѣки и прѣсноводные бассейны, которые ко времени ея появленія еще не окованы льдомъ.

Жизнью и повадками всѣ морскія гагары до такой степени сходны между собой, что будетъ вполне достаточно ограничиться здѣсь описаніемъ образа жизни послѣдней изъ поименованныхъ гагаръ. Какъ и ея сородичи, она является настоящею морскою птицей, посѣщающею прѣсновыя воды только въ пору размноженія и зимою на пролетѣ; въ остальное время она живетъ всегда на морѣ и тамъ усердно занимается своимъ рыболовствомъ. Она превосходно плаваетъ и въ совершенствѣ вырываетъ, но и летаетъ быстро и продолжительно. Всѣ морскія гагары съ большою легкостью проплываютъ обширныя пространства, но желанію могутъ держать свое тѣло совершенно поверхъ воды или погружаться въ нее настолько, что замѣтной остается лишь узкая полоска спины. Двигутся онѣ или медленно, спокойно плывутъ изумительной быстротой, исчезаютъ въ глубинѣ безъ видимаго усилія и даже безъ малѣйшаго шума; тамъ онѣ вытягиваются, плотно прижимаютъ свое опереніе, прижимаютъ крылья къ тѣлу и, работая однимъ ногами, стрѣлой несутся подъ водою то въ одномъ, то въ другомъ направленіи, то у самой поверхности воды, то на глубинѣ многихъ сажень. Въ быстротѣ онѣ поспорятъ съ самыми проворными рыбами и послѣднія становятся ихъ добычей; онѣ плаваютъ и ныряютъ на-

чиная съ первыхъ дней своего существованія, а впоследствии при каждомъ удобномъ случаѣ, такъ какъ въ водѣ онѣ чувствуютъ себя безопасно, чѣмъ на лету въ воздухѣ. Сушѣ онѣ чужды. Во всякомъ случаѣ онѣ иногда все-таки посѣщаютъ и ее, конечно, рѣже, чѣмъ большинство другихъ птицъ, за единственнымъ развѣ исключеніемъ поганокъ. Но и тогда онѣ не ходятъ по землѣ, но, скользая, выползаютъ на берегъ, такъ какъ неспособны ни къ ходьбѣ въ обычномъ смыслѣ этого слова, ни даже къ стоянію. Я недѣлями наблюдалъ за пойманными морскими гагарами, часто видѣлъ ихъ на сушѣ, но никогда не видѣлъ, чтобы онѣ стояли на пѣй или шли, упираясь на пальцы или пятки; всегда онѣ только ползали, употребляя въ дѣло клювъ, шею, а также крылья и ноги. Полетъ ихъ гораздо лучше, чѣмъ то можно было-бы предполагать, сравнивая ихъ тяжелое тѣло съ маленькими крыльями. Правда прежде, чѣмъ взлетѣть, морская гагара должна предварительно совершить сильный пробѣгъ по водѣ, но разъ она достигла извѣстной высоты, то уже быстро несется впередъ, хотя ея короткія крылья и должны двигаться чрезвычайно проворно и безостановочно. Необыкновенно красивъ ея полетъ, когда она, какъ гагары обыкновенно дѣлаютъ, съ высоты несется прямо на поверхность моря. Она движетъ тогда крыльями лишь настолько, чтобы дать полету косое направленіе и съ свистящимъ шумомъ, поворачивалась то одной, то другой стороной, въ полномъ смыслѣ стрѣлой несется въ воду и исчезаетъ въ ея глубинахъ.

Всѣ морскія гагары, а вмѣстѣ съ ними и краснозобья отличаются своимъ голосомъ отъ другихъ морскихъ птицъ. Большинство натуралистовъ называютъ крики гагаръ, слышанные ими, неприятными и противными, но я долженъ сказать, что я всегда охотно слушалъ громкіе, звонкіе голоса этихъ птицъ, хотя и не могу отрицать, что издаваемое ими кряхтѣніе звучитъ хрипло, а слѣдующій за нимъ крикъ часто напоминаетъ вой. Пронзительный крикъ полярной гагары, по Фаберу, подхваченный мощнымъ эхомъ окрестныхъ горъ, походить на жалобный крикъ человѣка, находящагося въ опасности; тотъ же натуралистъ называетъ голосъ краснозобой гагары рѣзкимъ, трещащимъ и жалобнымъ, тогда какъ я сравнилъ бы его съ дикою лѣснью моря, подслушанной птицей среди бурь и шума морскихъ волнъ. Всѣ извѣстные мнѣ виды перекликаются и кричатъ почти одинаково, такъ что различить ихъ голоса весьма затруднительно *).

Объ умственныхъ способностяхъ морскихъ гагаръ мнѣнія еще раздѣляются, такъ какъ представляется слишкомъ мало случаевъ познакомиться съ этими птицами поближе. Что всѣ онѣ имѣютъ чрезвычайно развитые органы чувствъ, въ особенности же хорошо видятъ и слышатъ, доказывается простымъ наблюденіемъ; скорѣе же узнаешь, что онѣ не лишены разсудительности и понятливости. При всякихъ обстоятельствахъ онѣ остаются осторожными и, если возлѣ гнѣзда и оставляютъ добрую часть своей пугливости, то все же никогда не бываютъ необдуманно неосторожными, скорѣе, напротивъ, строго контролируютъ все происходящее передъ ними и рѣдко доврѣняютъ; чтобы онѣ отличали опасныхъ для нихъ людей отъ неопасныхъ еще поддежить сомнѣнію; скорѣе онѣ просто склонны отнестись лишній разъ недоувѣрчиво и стараются по возможности избѣгать неприятнаго сосядства съ человѣкомъ. Во всякомъ случаѣ были наблюдаемы и исключенія изъ этого правила. Такъ, Граба видѣлъ на берегу одну полярную гагару, привлекшую вниманіе кучки изъ 4, 5 мальчиковъ и допуславшую довольно долгое время бро-

*) Мнѣ случалось слышать голоса гагаръ на обширныхъ озерахъ Лапландіи. Издали они давали положительно иллюзію множества собравшихся и плачущихъ дѣтей. Крикъ этотъ даже дѣйствовалъ на нервы

Прим. переводчики.

сать въ себя камни. «Какъ только одинъ изъ камней падалъ близко отъ нея, она всовывала въ воду голову, освѣдомляясь, что это упало, и даже ныряла для этого. Болѣе 30 камней долетѣли до самой птицы, а многіе даже попадали въ нее, но гагара не удалялась». Такіе случаи очень рѣдки; обыкновенно же морскія гагары по возможности избѣгаютъ всякаго чуждаго существа, вообще мало общаются съ другими животными и не любятъ даже своихъ сородичей. Очень часто ихъ встрѣчаютъ одиночками; во всякомъ случаѣ въ пору размноженія онѣ живутъ вѣрными парочками, но двѣ пары почти никогда не держатся близко одна отъ другой; исключеніемъ являются даже случаи, когда пара гагаръ поселится въ такихъ мѣстахъ, которыя уже населены другими птицами.

Во время перелетовъ или въ неволѣ онѣ всегда держатся поотдалѣ другъ отъ друга водоплавающихъ птицъ и, когда послѣднія приближаются къ нимъ, гагары даже клюются. Приведенныя въ крайность, онѣ яростно защищаются и наносятъ значительныя раны своимъ острымъ клювомъ; ихъ нападенія, повидимому, заключаютъ въ себѣ нѣчто коварное, и потому почти всегда бываютъ успѣшны; по поведенію однако ихъ едва ли можно приравнять къ цаплямъ и ужъ конечно нельзя назвать злыми: при оборонѣ онѣ скорѣе проявляютъ безумную отвагу, нежели дѣйствуютъ сознательно.

Я сомнѣваюсь, чтобы морскія гагары питались чѣмъ-либо другимъ, кромѣ рыбы; пока онѣ живутъ на морѣ онѣ, разумѣется, кормятся исключительно ею. Добываніе этой необходимой пищи облегчается для нихъ ихъ необыкновенной способностью плавать и нырять, тѣмъ болѣе, что морскихъ гагаръ собственно скорѣе слѣдуетъ причислить къ небрезгливымъ, чѣмъ къ прожорливымъ птицамъ. Онѣ ловятъ свою добычу, быстро преслѣдуя ее въ водѣ, пли же вытаскивая ее со дна. Само собою разумѣется, что онѣ охотнѣе ѣдятъ узкихъ рыбъ, нежели широкихъ, но и отъ послѣднихъ не отказываются. «Часто», рассказываетъ Граба, имѣвшій возможность, глядя изъ своего окна на берегъ, наблюдать полярныхъ гагаръ, «я видѣлъ, какъ онѣ уничтожали крупныхъ камбалъ, причѣмъ умѣли живо справиться съ ними. Чтобы раздѣлить рыбу на куски, онѣ кидали ее въ воду клювомъ, отхватывали большой кусокъ и сильно трясли его, повторяя это до тѣхъ поръ, пока онѣ не исчезали въ глоткѣ». Само собою разумѣется, что мелкихъ рыбъ онѣ глотали цѣликомъ, но уже рыбы, величиною съ селедку, доставляли имъ затрудненія. По поведенію гагаръ, живущихъ въ неволѣ, можно заключать, что онѣ питаются лишь живою добычей, такъ какъ только что пойманныя птицы вначалѣ совершенно отказывались ѣсть мертвыхъ рыбъ, по крайней мѣрѣ не брали ни одной ни со дна, ни съ земли и только постепенно привыкли къ столь нелюбимой ими мертвой рыбѣ; послѣднюю достигли, бросая и волоча по водѣ мелкую рыбежку, какъ будто бы послѣдняя двигалась сама. Наоборотъ, свѣже пойманную рыбу гагары ѣли тотчасъ, какъ ихъ пускали въ большой бассейнъ съ живыми рыбами: онѣ принимались за свое нырваніе, причѣмъ невольно увлекались охотой.

Всѣ морскія гагары для гнѣздованія избираютъ маленькія, спокойныя прѣсноводныя озера неподалеку отъ морского берега, иногда даже такія, которыя лежатъ на значительной высотѣ надъ уровнемъ моря. На Лофоденскихъ островахъ я наблюдалъ много паръ краснозобыхъ гагаръ, большинство которыхъ селилось на высокиихъ горныхъ озерахъ и даже на такихъ, которыя, по увѣренію норвежцевъ, были бѣдныя рыбою или были совсѣмъ безрыбныя. Напротивъ, въ тундрѣ Самоѣдскаго полуострова я видѣлъ какъ вышеупомянутой видъ, такъ и чернозобыхъ гагаръ болѣею частью на болѣе крупныхъ и богатыхъ рыбою водныхъ бассейнахъ. Какаѣ-либо пара гагаръ селилась тамъ всегда на отдѣльномъ

озеркѣ и жила иногда въ сообществѣ съ другими птицами, въ особенности съ утками и чайками. Въ пору размноженія звонкіе голоса гагарь слышатся чаще, чѣмъ въ другое время, въ особенности же оживленны эти крики, когда пара несется сверху въ море и начинаетъ свою рыбную ловлю, что бываетъ аккуратно каждый вечеръ. Гнѣзда помѣщаются на маленькихъ озерныхъ островкахъ и на берегу, если таковыхъ нѣтъ, но всегда очень близко къ водѣ; строятся они изъ сухого тростника или камыша, сплетаются небрежно и тоже совершенно не прячутся птицами, и сидящую на яйцахъ гагару можно видѣть издалека. Кладка краснозобыхъ гагарь состоитъ изъ двухъ продолговатыхъ яицъ, въ среднемъ 75 мм. длиной и 57 мм. въ поперечникѣ; послѣднія имѣютъ крѣпкую и прочную скорлупу, грубо-зернисты, хотя отчасти глянцевиты и по болѣе темному оливково-зеленому фону покрыты темными пепельно-сѣрыми нижними и красноватыми черно-бурыми верхними пятнами, точками и крапинками. Самецъ и самка сидятъ на яйцахъ попеременно, одинаково усердно и сообща водятъ всѣхъ птенцовъ.

Лйца находятъ въ гнѣздахъ въ концѣ мая, птенцовъ обыкновенно въ іюнѣ; какъ долго длится птенцовая пара, пока еще неизвѣстно. Если гнѣздовое озеро само богато рыбой, то старики не оставляютъ молодыхъ, тогда какъ поступаютъ напротивъ, если имъ приходится летать на кормежку въ море; вѣроятно тогда они приносятъ кормъ и для птенцовъ. Послѣдніе, съ первыхъ дней своего существованія бываютъ очень ловки и сами отыскиваютъ себѣ кормъ, но пользуются указаніями родителей, а также принимаютъ отъ послѣднихъ и кормъ; только научившись летать, они покидаютъ мѣсто своего дѣтства, вылетаютъ въ море и ведутъ съ того времени жизнь взрослыхъ.

Пользы морскія гагары не приносятъ. Ихъ мясо на нашъ вкусъ несъедобно, ихъ шкурки не имѣютъ примененія. На сѣверѣ ихъ никто не преслѣдуетъ, но и у насъ никто не ведетъ на нихъ правильной и преднамѣренной охоты. Охота за ними, благодаря ихъ пугливости и осторожности, требуетъ опытнаго охотника и отнюдь не всегда бываетъ успѣшна. Случайно ловятся онѣ, запутываясь въ сѣти, разставленныя для рыбы.

Послѣднимъ подотрядомъ боевыхъ птицъ Фюрбрингеръ разсматриваетъ **Утиныхъ или Зубчатоклювыхъ** птицъ (Anatiformes. Entenvögel, Zahnschläbler. Anatiformes), заключающихъ въ себѣ группу (Anates) и семейство (Anatidae) того же имени.

Прототипъ зубчатоклювой птицы всякій можетъ видѣть въ уткѣ. Подобное ей строеніе мы можемъ видѣть у всякой другой птицы, принадлежащей къ этому подотряду, хотя, конечно, съ нѣкоторыми водоизмѣненіями. Самымъ характернымъ признакомъ этихъ птицъ можно считать ихъ клювъ, служащій слтомъ, предоставляющимъ имъ возможность особымъ образомъ промышлять себѣ пищу. Этотъ клювъ рѣдко бываетъ длиннѣе головы, обыкновенно прямой, широкій, на верхней части плоско округленный, на кончикѣ образуетъ широкій коготь, съ боковъ имѣетъ листовидные роговые зубчики, входящіе въ таковыя же нижней половинки клюва; за исключеніемъ жесткихъ краевъ, онъ покрытъ мягкой кожей, по которой развѣтвляются вѣтви пятой пары нервовъ, почему она оказывается въ высокой степени чувствительной. Такое устройство клюва значительно дополняется большимъ, мясистымъ, чувствительнымъ языкомъ, лишь по краямъ покрытымъ роговымъ веществомъ и на этихъ мѣстахъ бахромчатымъ и зазубреннымъ. Весь этотъ аппаратъ представляетъ собой превосходную цѣдпку, дающую возможность отдѣ-

лать мельчайшіе пищевые кусочки отъ окружающихъ ихъ несъѣдобныхъ веществъ. Тѣло зубчатоклювыхъ плотное, но немного вытянутое въ длину; шея средней длины, или очень длинная и тонкая; голова сравнительно большая, высокая и узкая. Ноги средней высоты и даже низкія, снабженныя четырьмя, а въ исключительныхъ случаяхъ только тремя пальцами; передніе пальцы соединены между собой перепонкой. Крылья средней длины, но довольно заостренные. Хвостъ, состоящій изъ сравнительно большого числа перьевъ, средней длины, прямо срѣзанный или округленный, иногда клиновидно заостренный. Опереніе всегда очень обильное, густое и гладко прилегающее, подъ нимъ всегда находится толстый слой пуха; окраска его не роскошная, однако въ большинствѣ случаевъ весьма красивая, часто, но не всегда, неодинаковая у птицъ одного вида, но не одного пола или возраста. Внутреннее строеніе, съ которымъ мы встрѣтимся при описаніи отдѣльныхъ подсемействъ, во всѣхъ главѣйшихъ и существенныхъ чертахъ одинаково.

Область распространенія утиныхъ ограниченнѣе, нежели у другихъ водоплавающихъ птицъ. Однако и онѣ являются космополитами, такъ какъ за единственнымъ исключеніемъ материка у южнаго полюса, онѣ живутъ во всѣхъ частяхъ свѣта; но жаркій и умѣренные пояса земного шара онѣ населяютъ въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ холодные. Живущія въ послѣднемъ предпринимаютъ ежегодные перелеты на зиму, одѣ до умѣренныхъ поясовъ включительно, другія до экваторіальныхъ областей; живущія въ болѣе жаркихъ поясахъ менѣе склонны къ кочевой жизни. Въ пору гнѣздованія многія утиныя, въ другое время держащіяся въ морѣ, перебираются на прѣсныя воды; другія вплоть до вынода птенцовъ улетаютъ въ лѣса или внутреннія пустыни.

Развитіе частей тѣла птицъ этого семейства хотя и представляетъ нѣкоторое разнообразіе, но все же весьма сходно у разныхъ видовъ. Правда, нѣкоторыя изъ этихъ птицъ, благодаря ногамъ, далеко прикрѣпляющимся къ тѣлу, ходятъ медленно и переваливаясь, но нѣтъ ни одной, которая бы, подобно гагарамъ, могла бы только ползать; съ другой стороны многія изъ зубчатоклювыхъ принадлежатъ къ числу проворныхъ ходоковъ и могутъ цѣлые часы ходить безъ замѣтнаго усилія; нѣкоторыя даже въ вѣтвяхъ на деревьяхъ чувствуютъ себя какъ дома. Плаваютъ эти птицы всѣ, притомъ съ такою же ловкостью, какъ и продолжительностью, и почти нѣтъ ни одной птицы, которая бы плавала неохотно или по принужденію; болшипство болѣе или менѣе легко ныряетъ на большую или меньшую глубину; нѣкоторыя почти не уступаютъ въ ныряніи самымъ совершеннымъ пернатымъ ныркамъ. Всѣ ныряющіе виды дѣлаютъ это только съ поверхности воды: они представляютъ собой типъ обыкновенныхъ нырковъ, ныряющихъ съ поверхности воды, но не типъ стремительныхъ нырцовъ. Въ искусствѣ летать утиныя во всякомъ случаѣ уступаютъ другимъ водоплавающимъ. Почти всѣ поднимаются съ воды или земли послѣ нѣкотораго пробѣга и съ усиленіемъ, а при опусканіи ударяются о поверхность, почему нѣкоторые виды даже не рѣшаются опускаться на землю и принуждены бывать садиться на воду. Но разъ эти птицы достигли извѣстной высоты, то несутся уже впередъ весьма быстро и за одинъ разъ пролетаютъ большія пространства, хотя при этомъ и должны непрерывно махать крыльями.

Изъ вѣншихъ чувствъ, кромѣ зрѣнія и слуха, у нихъ развито осязаніе также въ значительной степени, о чемъ можно было уже заключить при наружномъ изслѣдованіи мягко-кожистаго клюва. Обоняніе, повидимому, у нихъ также довольно развито, а вкусъ тоньше, чѣмъ вообще у большинства другихъ птицъ. Въ понятливости зубчатоклювыя, быть можетъ, даже стоятъ ниже наиболее одаренныхъ боевыхъ

птицъ, но превосходятъ навѣрное всѣхъ остальныхъ водоплавающихъ. Кто, слѣдуя старой безсмысленной поговоркѣ, называетъ гуся глупымъ созданіемъ, тотъ никогда, значить, не наблюдалъ его; всякій охотникъ, пробовавшій перехитрить дикихъ гусей, держится другого взгляда. Лебеди, гуси, утки и крахали принадлежатъ къ числу осторожнѣйшихъ птицъ; они проявляютъ много хитрости и смысленности, соображаются съ обстоятельствами и въ случаѣ измѣненія таковыхъ выказываютъ много находчивости, почему въ высокой степени годятся для того, чтобы сдѣлаться домашними птицами. Во всемъ ихъ существѣ въ общемъ видны извѣстное добродушіе и миролюбіе, а также привязанность и общительность; но большинство зубчатоклювыхъ любятъ все-таки общаться лишь со своими собратьями и не всегда терпятъ поблизи себя болѣе слабыхъ сочленовъ изъ птицъ того же подотряда. Птицы одной пары очень любятъ другъ друга, и родители также чрезвычайно привязаны къ птенцамъ; селезни, впрочемъ, не всегда заботятся о своемъ потомствѣ. Особенно похвально то мужество, съ которымъ самки защищаютъ своихъ птенцовъ въ случаѣ опасности, хотя вообще утиный не могутъ быть причислены къ птицамъ пугливымъ. Съ чуждыми имъ животными зубчатоклювыя живутъ вмѣстѣ не столько по своей общительности, сколько въ силу необходимости, а свою самостоятельность приносятъ въ жертву развѣ лишь одному только сообществу съ себѣ подобными, но не сообществу вообще. Ихъ можно видѣть прохаживающимися среди пестраго сборища другихъ птицъ, но при всякомъ особенномъ поводѣ онѣ тотчасъ же собираются своими группами, причѣмъ каждая птица присоединяется лишь къ своимъ собратьямъ; затѣмъ онѣ болѣе уже не обращаютъ вниманія на бывшихъ сотоварищей и продолжаютъ заниматься своими дѣлами. Голоса ихъ разнохарактернѣе и благозвучнѣе, чѣмъ голоса другихъ водоплавающихъ птицъ.

Пищей зубчатоклювыхъ птицъ служатъ животныя и растительныя вещества. Настоящихъ хищниковъ, т. е. таковыхъ, которые бы пренебрегали растительной пищей — между ними мало, исключительно растительноядныхъ также немного. Крахали добровольно отказываются отъ всякой растительной пищи и только случайно ѣдятъ ее; гуси въ молодости очень охотно ѣдятъ различныхъ мелкихъ животныхъ, но съ дальнѣйшимъ возрастомъ уже отказываются отъ нихъ: они пасутся, т. е. щиплютъ траву своимъ клювомъ, усаженнымъ жесткими зубчиками, выщипываютъ или перегрызаютъ ее на куски, вырываютъ и затѣмъ сѣдаютъ; нырцовыя утки промышляютъ свою добычу главнымъ образомъ со дна, но питаются почти исключительно животною пищей; всѣ остальные зубчатоклювыя добываютъ свое насущное пропитаніе, ворошась клювомъ, т. е. запуская этотъ цѣдильный органъ въ жидкій иль или между плавающими растеніями и попеременно закрывая и открывая его; вначалѣ онѣ даютъ стечь жидкости и обнажить твердымъ веществомъ, а затѣмъ уже, съ помощью своего языка, отдѣляютъ съѣдобное отъ несъѣдобнаго.

Зубчатоклювыя живутъ обыкновенно парами; впрочемъ, ихъ вѣрность иногда бываетъ сомнительной. У большинства заботы высиживания и воспитанія птенцовъ лежатъ цѣликомъ на матери, а самецъ, живущій послѣ спариванія въ свое удовольствіе, легко забываетъ о дѣтенышахъ; другіе самцы, напротивъ, дѣляютъ заботы, если не высиживания, то воспитанія вылупившихся птенцовъ, исполняютъ обязанности сторожа, когда самка сидитъ на яйцахъ, причѣмъ обмануть ихъ въ это время не легко. Гнѣздо устраивается то на крѣпкихъ мѣстахъ въ болотѣ, то на сухомъ мѣстѣ, то въ дуплахъ, то въ порахъ или въ расщелинахъ и выбоинахъ скалъ; строится оно изъ разнообразнаго матерьяла, сплетается обыкновенно нескучно и грубо,

но внутри аккуратно выстилается материнским пухомъ. Яйца кругловатыя или овальныя, съ гладкой скорлупой и всегда одноцвѣтны; вылупившіеся птенцы покрыты густымъ пуховымъ одѣяніемъ, обсохнувъ, покидаютъ гнѣздо, быстро растутъ и большею частью уже на первомъ году мѣняютъ юношеское опереніе на опереніе родителей, или получаютъ послѣднее на второй, самое большее на третій годъ своей жизни. Многія зубчатоклювыя въ теченіи года носятъ два различныхъ оперенія.

У зубчатоклювыхъ несмѣтное число враговъ, хотя онѣ, по крайней мѣрѣ болѣе крупныя виды, и умѣютъ обезопасить себя отъ нѣкоторыхъ хищниковъ. Человѣкъ охотится за тѣми, которыя представляютъ для него вкусную дичь, другіе люди преслѣдуютъ ихъ ради перьевъ, собираютъ ихъ яйца, разоряютъ гнѣзда ради пуха и существенно способствуютъ тѣмъ самымъ уменьшенію числа этихъ положительно безвредныхъ птицъ. Лишь немногіе виды человѣкъ сдѣлалъ своими домашними птицами и приручилъ, хотя среди этого семейства можно бы найти много другихъ птицъ, способныхъ къ прирученію. Только въ новѣйшее время начинаютъ обращать на нихъ должное вниманіе.

Утиныя птицы составляютъ одно семейство, обнимающее собой около 180 видовъ, распространившееся по всей землѣ и распадающееся на много одинаковыхъ группъ. Между всѣми имъ первое мѣсто по праву занимаютъ лебеди, эти гордыя и величественныя птицы, воспѣтыя поэтами и прославленныя въ сказаніяхъ, представители подсемейства **Лебединыхъ** (*Cygninae*). Тѣло ихъ вытянутое, шея очень длинная; голова средней величины, клювъ, почти равный по длинѣ головѣ, прямой, равномернѣрно-широкій, спереди округлый, у основанія оголенный или вздутый бугромъ, у конца плоско-округлый и переходящій въ кругловатый коготь. Ноги низкія, плотныя, прикрѣпленныя далеко назадъ; средний палецъ длиннѣе плюсны, задній палецъ малъ и довольно слабъ, причемъ прикрѣпляется такъ высоко, что при ходбѣ не касается земли; плавательныя перепонки характерны своей большой величиной. Въ крыльяхъ заслуживаетъ интереса отношеніе между предплечными костями и маховыми перьями; перья очень длинны, послѣднія немного малы; большія маховыя перья, между которыми самое длинное второе, незначительно, но длиннѣе маховыхъ второго и третьяго порядка. Хвостъ состоитъ изъ 18—24 рулевыхъ черешковъ, снаружы ступенчато укорачивающихся. Опереніе очень богатое; мелкое опереніе необыкновенно густо, мягко и лишено блеска, на головѣ и шеѣ бархатистое, на нижнихъ частяхъ тѣла особенно чистое и напоминающее мѣхъ, на верхнихъ частяхъ состоитъ изъ крупныхъ перьевъ, причемъ повсюду подъ перьями находится обильный слой пуха.

За исключеніемъ экваторіальныхъ областей, лебеди, которыхъ описано 10 видовъ, населяютъ всѣ пояса земного шара; обыкновеннѣе всего они въ умѣренномъ и холодномъ поясахъ сѣвернаго полушарія. Область распространенія каждаго вида весьма велика; кромѣ того лебеди предпринимаютъ правильные перелеты на далекія разстоянія. Всѣ виды совершаютъ перелеты, но не всѣ при одинаковыхъ условіяхъ; такъ, нѣкоторыя нерѣдко остаются въ странѣ и на зиму или по крайней мѣрѣ только кочуютъ по ней, придерживаясь небольшого района. Мѣстомъ ихъ жительства служатъ прѣсноводныя озера и богатыя водою болота, мѣстопребываніемъ—всякаго рода водныя бассейны. Свое гнѣздо они обыкновенно устраиваютъ на сушѣ, напротивъ, послѣ птенцовой поры держатся въ морѣ. Дѣтельны они только днемъ и никогда не совершаютъ своего перелета ночью. Ихъ сфера—вода;

на землѣ они двигаются неохотно. Походка для нихъ затрудняется отставленными далеко назадъ ногами, почему она тяжеловата и переваливающаяся; полетъ, въ особенности подъемъ съ воды, стоитъ имъ видимо значительныхъ усилій, но разъ птицы поднялись на извѣстную высоту, полетъ ихъ становится уже весьма быстрымъ. Съ земли лебеди взлетѣть почти не въ состояніи и весьма рѣдко рѣшаются садиться на нее. Передъ взлетомъ они хлопаютъ крыльями и одновременно ударяютъ своими широкими лапами по поверхности воды; такимъ образомъ, они движутся, подулети, полубѣжа метровъ 15—20, шумно расплескивая воду и только послѣ этого достигаютъ необходимаго для полета толчка. Тогда они вытягиваютъ свою шею впередъ и совершенно прямо, вполне распускаютъ свои крылья и мощно и коротко взмахиваютъ ими по воздуху, производя далеко слышашійся свистъ, вблизи не совсѣмъ пріятный, но издали весьма благозвучный; этотъ звукъ отчасти напоминаетъ затихающій колокольный звонъ. При опусканіи они скользятъ мало по малу въ воздухѣ, совершенно не взмахивая крыльями, направляясь косо къ водѣ, наконецъ касаются ея; нѣкоторое разстояніе они еще пролетаютъ впередъ или выставляютъ свои ноги, чтобы уменьшить силу удара.

Нѣкоторые виды изрѣдка подають голосъ; обыкновенно это—звукъ, похожій на звукъ трубы, нѣсколько сходный съ журавлинымъ крикомъ. Больше обычно для лебедей одно только сильное шипѣніе или глухое гоготаніе; другіе виды, напротивъ, обладаютъ сильнымъ и могучимъ голосомъ, нѣсколько иного характера, который звучитъ благозвучно, если его слушать издали. Самцы кричатъ сильнѣе, звучнѣе и чаще, чѣмъ самки; молодые обоихъ половъ пищатъ какъ гусята. По умственному развитію лебединыя не уступаютъ остальнымъ зубчатоклювымъ. Птицы эти умны, понятливы, приравливаются къ условіямъ и поведенію людей, но все-же рѣдко оставляютъ свойственныя имъ пугливостъ и осторожностъ. Если съ одной стороны въ нравѣ ихъ замѣтно сознаніе собственнаго достоинства и довольство собой, то съ другой стороны и нѣкоторыя злыя наклонности, выражающіяся въ склонности къ дракамъ между собой и жаднѣ господства надъ птицами болѣе слабыми, чѣмъ онѣ. Большія общества состоятъ лишь изъ лебедей одного и того же вида, которые въ это время не терпятъ никакой другой птицы и даже не присоединяются къ своимъ сородичамъ; заблудившійся лебедь предпочитаетъ плавать одиноко, нежели присоединиться къ другимъ птицамъ. По отношенію къ болѣе слабымъ созданнымъ лебеди выказываютъ себя недружелюбными и недоброежелательными; часто они, повидимому, даже не удовлетворяются безусловнымъ господствомъ, котораго они скоро умѣютъ добиться, такъ какъ перѣдко безпрестанно преслѣдуютъ другихъ водоплавающихъ птицъ, яростно хватаютъ ихъ и убиваютъ безъ всякой причины, просто для того, чтобы показать превосходство своей силы. Изъ за самокъ лебеди дерутся очень ожесточенно.

Напротивъ, самецъ и самка одной пары необыкновенно привязываются другъ къ другу, выказывая самую преданную любовь, и разъ заключенный союзъ уже не разрывается на всю жизнь. Обѣ птицы одной пары нѣжно любятъ другъ друга, часто милуются, обвиваются своими шеями, трутся клювами и въ опасности другъ друга защищаютъ. Столь-же нѣжно родители относятся и къ своему потомству, такъ какъ, хотя самецъ обыкновенно и не раздѣляетъ трудовъ насиживания яицъ, но все-же не перестаетъ самымъ преданнымъ образомъ оберегать самку и все время остается по близости, предупреждая всякую опасность, или направляется къ гнѣзду и своимъ присутствіемъ развлекаетъ самку. Впрочемъ, по точнымъ наблюденіямъ Бассевитца, при насиживаніи яицъ самка шипуна, по крайней мѣрѣ, на время уединяется отъ самца, причемъ послѣдній, прежде чѣмъ она прочно

сидеть насиживать, всё яйца переворачиваетъ клювомъ. При постройкѣ гнѣзда, чемъ заботится самка, самецъ помогаетъ ей, по крайней мѣрѣ, доставленіемъ гнѣздового матеріала, который или приволакиваетъ въ клювъ или, пlying, кучей пригоняетъ его издали. Самое гнѣздо есть очень большая, неискusstная постройка, основаніемъ которой служатъ всякаго рода водяныя растенія; все это дополняется и выстилается сухимъ камышомъ и тому подобнымъ матеріаломъ. Тамъ, гдѣ есть маленькіе, укромные островки, самка выбираетъ ихъ мѣстомъ для своего гнѣзда; въ другихъ случаяхъ она натаскиваетъ растеній до тѣхъ поръ, пока ихъ не наберется такая куча, которая бы могла выдерживать, не утопая, тяжесть обѣихъ птицъ. Кладка состоитъ изъ 6—8 яицъ съ крѣпкой скорлупой грязно-бѣлаго или грязнаго блѣдно-зеленаго цвѣта; послѣ 5—6 недѣльнаго насиживанія изъ нихъ вылупляются молодые, чрезвычайно милые, одѣтые въ густой пуховой нарядъ птенцы. Послѣдніе, погрѣвшись съ день въ гнѣздѣ и обсохнувъ, уводятся стариками на воду. обучаются отыскивать кормъ, часто садятся къ матери на спину, ночью-же прячутся къ ней подъ крылья; при опасности мать ихъ защищаетъ, вообще же относится къ нимъ съ самой горячей нѣжностью до тѣхъ поръ, пока они не достигнутъ полнаго оперенія и болѣе уже не будутъ нуждаться въ заботахъ и руководствѣ. Съ этихъ поръ молодые оставляютъ родителей на всю жизнь, такъ какъ, если имъ придется на другой годъ вернуться на мѣсто своей родины, они могутъ встрѣтить со стороны своихъ родителей такое же отношеніе, какъ и другіе посторонніе лебеди, которые осмѣляются появиться на мѣстѣ, избранномъ уже одной парой.

Пищу лебедей составляютъ растенія, растущія въ водѣ или на бодотѣ, корни, листья и сѣмена, насѣкомыя и ихъ личинки, черви, ракушки, мелкія земноволныя и рыбы. Они добываютъ ее, погружая свою длинную шею въ воду, обрывая тамъ растенія или обшаривая иль и вылавливая изъ него все съѣдобное. На глубокихъ водныхъ бассейнахъ они временно держатся лишь тамъ, гдѣ верхніе слои воды кишатъ мелкими животными. Въ неволѣ лебеди привыкаютъ къ самому разнообразному корму, но и тогда предпочитаютъ растительную пищу животной.

На старыхъ, чаще же на молодыхъ лебедей иногда нападаютъ рѣчная скопа и беркутъ; отъ другихъ хищниковъ эти гордые и способныя дать отпоръ птицы терпятъ мало. Человѣкъ преслѣдуетъ ихъ изъ-за мяса и перьевъ, въ особенности же ради ихъ пуха. На сѣверѣ охота на нихъ производится съ лодки, причемъ во время сильнаго вѣтра къ плавающимъ лебедямъ подплываютъ съ наветренной стороны, т. е. лодка направляется такъ, что она приближается къ нимъ со стороны вѣтра. Охотникъ при этомъ можетъ надѣяться, что снявшіеся лебеди, предпочитающіе летѣть противъ вѣтра, должны будутъ повернуть въ его сторону и дадутъ возможность по нимъ стрѣлять. Въ Алжирѣ арабы добываютъ ихъ способомъ, упоминавшимся мяою при описаніи фламинго, или же вбиваютъ для этого по берегу морскихъ бухтъ колышки, привязываютъ къ нимъ бичевки изъ верблюжьей шерсти, а на концѣ ихъ крючки, на которые насаживается хлѣбъ, мясо или рыба. «Стоитъ только лебедю», говоритъ Буври, «проглотить приманку, крючекъ остается въ горлѣ, и птица вынуждена оставаться спокойно до тѣхъ поръ, пока ловець не высвободитъ ее изъ ея печальнаго положенія». Лебеди, пойманые молодыми, легко вырастаютъ при болѣе или менѣе заботливомъ уходѣ и становятся тогда такими же ручными, какъ и воспитанные въ неволѣ. Нѣкоторые горю привязываются къ заботиющемуся о нихъ; но ихъ ласки обыкновенно бываютъ такъ порывисты, что, если хотятъ заняться ими поближе, слѣдуетъ всегда быть на сторожѣ. Несмотря на это, красота ихъ формъ и миловидность ихъ дви-

женій и теперь еще располагають многихъ къ нимъ; ихъ считаютъ украшеніемъ всякаго пруда.

* *
*

Ручной лебедь нашихъ прудовъ—**Нѣмой лебедь** или **Лебедь шипунъ** (*Cygnus olor, mansuetus, gibber, sibilus, Olor mansuetus. Hockerschwan. Cygne à bec rouge*), еще по нынѣ живеть въ дикомъ состояніи на сѣверѣ Германіи или на сѣверѣ Европы вообще и въ Восточной Сибири. Если обратить вниманіе на сильно удлиненное тѣло, длинную, тонкую шею и равный по длинѣ головѣ, красный съ характернымъ чернымъ бугромъ клювъ, то этого лебеда уже не смѣшаешь ни съ какимъ другимъ видомъ. Опереніе его чисто-бѣлое, опереніе молодыхъ—сѣрое или бѣлое. Глаза каріе; клювъ красный; уздечка и бугоръ черныя; ноги буроватыя или чисто-черныя. Длина его достигаетъ 180 см., размахъ его крыльевъ 260, длина крыла 70, хвоста 18 см. Самка нѣсколько меньше.

Близкимъ родичемъ шипуну является **Лебедь-бѣлякъ** (*Cygnus immutabilis. Unveränderlicher Schwan. Cygne immuable*), опереніе котораго и въ юности бѣлое. Онъ живеть на далекомъ сѣверѣ и зимою иногда посѣщаетъ Нѣмецкое море.

Лебедь клинунъ (*Cygnus musicus, ferus, melanorhynchus, xanthorhinus, Anas, Olor cygnus. Singschwan. Cygne à bec noir*) отличается отъ шипуна болѣе приземистыми формами, немного болѣе короткой и толстой шеей и клювомъ, лишеннымъ бугра, хотя у основанія также вздутымъ и на этомъ мѣстѣ желтымъ, на концѣ же чернымъ. Длина этого лебеда достигаетъ 160 см., размахъ его крыльевъ 250, длина крыла 62, хвоста 20 см.

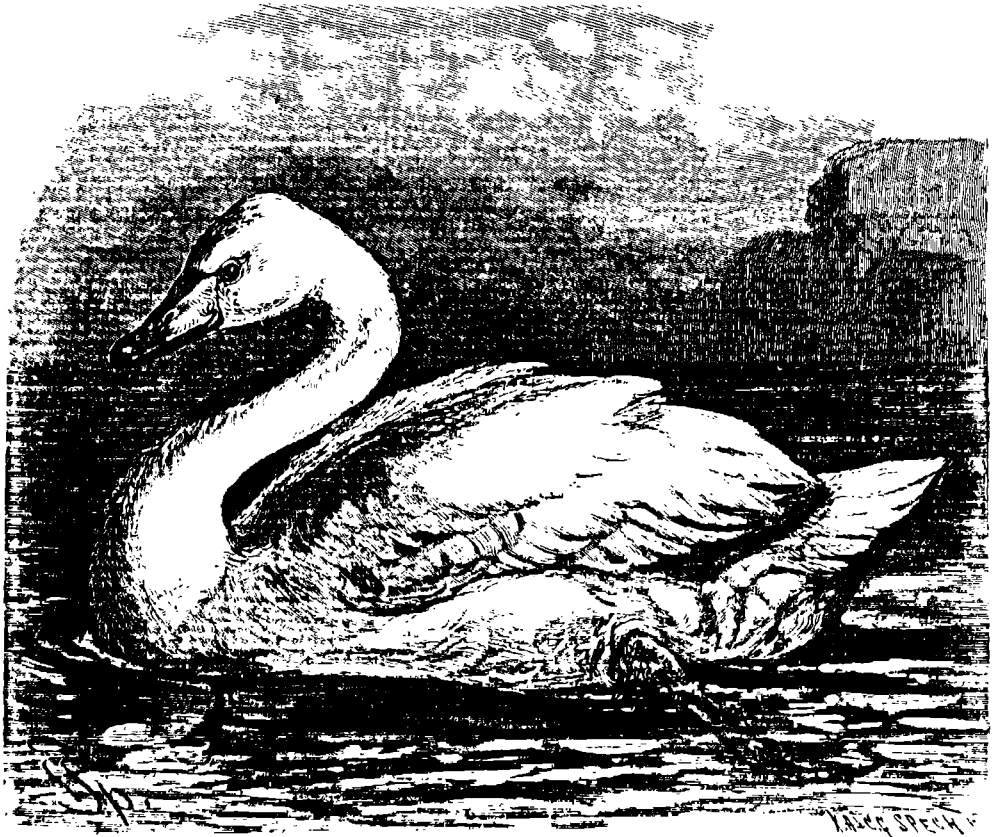
Четвертый, живущій въ Европѣ видъ, **Малый лебедь** (*Cygnus bewickii, minor, melanorhynchus, islandicus, altumi. Zwergschwan. Cygne de Bewick*) отличается отъ кликуна главнымъ образомъ своей малой величиной, тонкой шеей, очень высокимъ у основанія клювомъ и хвостомъ, состоящимъ изъ 18 рулевыхъ перьевъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ свѣдѣній я ограничусь только описаніемъ образа жизни кликуна. Онъ не рѣдокъ на сѣверѣ Европы и водится такъ-же по всей сѣверной и Средней Азии до Берингова пролива, встрѣчается также и въ Америкѣ. Во время своихъ пролетовъ онъ каждую зиму посѣщаетъ сѣверную Африку, именно какъ Египетъ, такъ и сѣверо-западную часть этой части свѣта, слѣдовательно море у Марокко, Алжира и Туниса. Въ Испаніи онъ попадается рѣдко, но столь же часто однако, какъ и его сородичи. Къ востоку онъ встрѣчается въ болѣе значительномъ количествѣ: такъ, онъ водится въ средней Россіи на всѣхъ соответствующихъ озерахъ и зимою по устьямъ южно-русскихъ рѣкъ или на солончаковыхъ озерахъ южной Европы или средней Сибири.

Изъ живущихъ въ Исландіи лебедей немногіе совершаютъ свой перелетъ, такъ какъ морскія бухты остаются свободными отъ льда, благодаря Гольфстрему, внутреннія же воды не замерзаютъ, благодаря многимъ бьющимъ тамъ горячимъ ключамъ; напротивъ, изъ Россіи всѣ лебедей улетаютъ прежде, чѣмъ ледяной покровъ помѣшаетъ добыванію ихъ нищи. Летящіе отсюда лебеди появляются тогда на Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ или на Черномъ морѣ, или же совершаютъ воздушное путешествіе далѣе на юго-западъ. На берегахъ Балтійскаго моря ихъ встрѣчаютъ уже въ октябрѣ; среднюю Германію они пролетаютъ въ ноябрѣ и декабрѣ, а на обратномъ ихъ пути—въ февралѣ или мартѣ.

Милосивностью и красотой кликунъ уступаетъ своему сородичу шипуну. Онъ

редко изгибает шею такъ граціозно, какъ послѣдній, круче и прямѣ держитъ ее, но все-таки бываетъ очень красивъ, когда плаваетъ. Однако, онъ выгодно отличается отъ шипуна своимъ громкимъ и относительно благозвучнымъ голосомъ, который, впрочемъ, нужно слушать издали, если сравнивать его подобно исландцамъ, съ трубными звуками или тономъ струннаго инструмента. Обыкновенный крикъ этого лебедя Науманъ совершенно вѣрно передаетъ слогами «кил-клии», а тихій крикъ — «анг». Оба эти звука вблизи мало пріятны и звучатъ для уха скорѣе сыпо и слегка звеняще; но можетъ случиться, что они становят-

Лебедь-кликунъ. *Cygnus musicus*. паст. вел.

ся благозвучнѣе, если слушать ихъ издали и довольно большое общество кликуновъ кричитъ одновременно. «Голосъ его», говоритъ Палласъ, «напоминаетъ пріятный звонъ серебрянаго колокола; онъ издается птицей и на лету и слышится на далекое разстояніе; все, что говорится о пѣснѣ умирающаго лебедя, вовсе не выдумка, такъ какъ послѣдніе вздохи смертельно раненаго лебедя вырываются у него въ видѣ пѣсни». «Онъ вполне заслуживаетъ», указываетъ свое мнѣніе Фабержъ, «свое названіе musicus. Когда эти лебеди, особенно небольшими стаями летаютъ высоко въ воздухѣ, то издаютъ свои благозвучные меланхолическіе крики, напоминающіе собой отдаленные звуки трубы». — «Въ долгія зимнія ночи», пишетъ Олафссонъ, «ихъ пѣсни, когда они стаяй разсѣкаютъ воздухъ, есть нѣчто въ высшей степени пріятное, напоминающее звуки скрипки». — «Вѣрно то», увѣряетъ Арманъ, «что го-

лость кликуна звучить серебристе голоса всякой другой птицы, что его вздохъ послѣ полученной раны изливается въ видѣ пѣвучей мелодіи, что неразъ было воспѣто русской народной поэзіей». — «Въ пѣснѣ его», высказывается Эзелъ, «два тона; она очень громка, издается всей стаей и слышна на 2 — 3 англійскихъ мили». — «Наконецъ-то», пишетъ Гомейеръ, «я услышалъ голосъ кликуна. 8—10 этихъ птицъ опустились въ Грабовѣ шагахъ въ 100 отъ берега и издавали громкіе, благозвучные крики. Мелодію уловить было нельзя; это были лишь отдѣльные продолжительные, пѣвучіе звуки, но одна издавались выше, другіе ниже, что выходило недурно и составляло въ нѣкоторомъ родѣ одно гармоническое цѣлое. Несмотря на дальность разстоянія, звуки были очень отчетливы и доносились до меня по спокойному озеру».

Гораздо обстоятельнѣе сообщаетъ объ этомъ Шиллингъ. «Кликунъ восхищаетъ наблюдателя не только красотой своихъ формъ, своею вдумчивостью и умомъ, которые весьма выгодно отличаютъ его отъ линуна и проявляются во всѣхъ его движеніяхъ, но и громкими, разнообразными, чистыми тонами его голоса, который онъ безпрестанно подаетъ при всякомъ поводѣ въ видѣ призывнаго крика, предостерегательнаго оклика, а когда кликуны соберутся стаей, то повидимому, и въ видѣ бесѣды между собою или для соревнованія. Когда сильный морозъ со всѣхъ сторонъ покроетъ льдомъ поверхность озера, кромѣ текучихъ мѣстъ, и тѣмъ самымъ закуетъ своимъ покровомъ мелкія мѣста, любимыя мѣстопребыванія кликуна, эти статныя птицы собираются сотнями на еще свободныя отъ льда рѣки и своимъ меланхолическимъ пѣніемъ словно сѣтуютъ на судьбу, отнявшую у нихъ возможность добывать изъ глубины необходимое для нихъ пропитаніе; находясь на разстояніи часа пути отъ лебедей, я по цѣлымъ долгимъ зимнимъ вечерамъ и ночамъ напролетъ просиживалъ, прислушиваясь къ ихъ полновзвучнымъ жалобнымъ голосамъ. Эти голоса можно было сравнить то съ пѣвучимъ призывнымъ звономъ колокола, то со звуками духовыхъ инструментовъ. Однако, они не были совершенно похожи на тотъ, ни на другіе, но во многомъ превосходили ихъ, такъ какъ издавались живыми существами и сильнѣе дѣйствовали на наше чувство, чѣмъ звуки бездушнаго металла. Эта своеобразная пѣснь какъ бы олицетворяетъ въ дѣйствительности лебединую пѣснь, упоминаемую въ поэтическихъ сказаніяхъ, да и на самомъ дѣлѣ она часто бываетъ предсмертною пѣснью этихъ красивыхъ птицъ; такъ какъ тамъ, гдѣ глубина воды отнимаетъ возможность этимъ птицамъ доставать свой кормъ, онѣ настолько истомляются голодомъ, что уже не обладаютъ достаточными силами для продолженія пути въ теплыя страны, и тогда часто ихъ находятъ на льду полузамерзшими, изголодавшими, полумертвыми или уже совершенно околѣвшими. Но до самаго конца они не перестаютъ испускать свой жалобный и все-таки звонкіе крики». По этимъ даннымъ сказаніе о лебединой пѣснѣ оказывается очень правдоподобнымъ. Оно, очевидно, основано на дѣйствительности, но поэзія и сказка облекли ее въ иную форму. Настоящимъ пѣвцомъ умиращаго лебедя назвать нельзя, но его послѣдній вздохъ столь же мелодиченъ, какъ и всякій другой, издаваемый имъ.

Между своими сородичами кликунъ оказывается, быть можетъ, самымъ пылкимъ и задорнымъ; по крайней мѣрѣ я наблюдалъ, что тѣ изъ нихъ, которыхъ сажали на одинъ прудъ съ линунами, обыкновенно прогоняли послѣднихъ, е. послѣ продолжительной борьбы брали ихъ въ бѣгство. Онъ отличается своимъ умомъ, выказываемымъ имъ какъ въ свободной жизни, такъ и въ неволѣ. Онъ съ большимъ успѣхомъ умѣетъ избѣгать преслѣдованій человека, поэтому и охота за нимъ во всякомъ случаѣ очень затруднительна. «Изъ всѣхъ примѣровъ», рассказываетъ Шиллингъ, «я приведу лишь одинъ. На одномъ изъ материковыхъ

озеръ одинъ кликунъ былъ подбитъ въ крыло и, ища спасенія, побѣжалъ по землѣ, добрался до большого пруда и смѣшался тамъ съ ручными лебедями. Когда я впоследствии продолжалъ за нимъ охоту, онъ всегда вмѣшивался въ ихъ стаю, хотя въ другое время держался поодаль; къ такому способу избѣгнуть выстрѣла онъ прибѣгалъ всегда». Воспитанные смолоду лебеди-кликунъ становятся очень ручными и, если ими заняться, то и очень привязчивыми. Одинъ, воспитывавшійся мною самецъ вскорѣ научился отличать меня отъ всѣхъ другихъ людей, отъликался мнѣ, когда я его звалъ, и подходилъ ко мнѣ, когда я желалъ этого, все равно, былъ-ли онъ вблизи, или для этого долженъ былъ проплыть довольно большой прудъ. Услышавъ мой голосъ, онъ высоко поднималъ голову, вытягивалъ почти вертикально шею, хлопалъ обоими крыльями и учащенно издавалъ свой громкій крикъ. Отвѣтивъ такимъ образомъ на мое привѣтствіе, онъ приближался ко мнѣ, припимая при этомъ въ высшей степени странную позу. Именно, онъ сгибалъ къ землѣ свою длинную шею, такъ что конецъ клюва прикасался къ шеѣ, слегка приподнималъ крылья и, переваливаясь, медленно направлялся ко мнѣ. Если для того, чтобы добраться до меня, онъ долженъ былъ перебраться черезъ прудъ, то онъ погружалъ глубоко въ воду свою согнутую шею и плылъ нѣсколько секундъ подъ-рядъ въ этомъ въ высшей степени странномъ положеніи. Приблизившись ко мнѣ, онъ снова выпрямлялся и съ минуту кричалъ, оживленно хлопая крыльями, но при этомъ всегда издавалъ только свое «кикклии». Для меня не было никакого сомнѣнія, что подобное поведеніе должно было выражать радость и привязанность ко мнѣ моего питомца. Несмотря на это, я не рѣшался перелѣзать за раздѣляющую насъ съ нимъ рѣшетку, такъ какъ въ подобномъ случаѣ онъ привѣтствовалъ меня такимъ оживленнымъ хлопаньемъ крыльевъ, что ласки эти скорѣе могли служить наказаніемъ. Если же я, находясь внутри загороди, держался на опредѣленномъ разстояніи отъ моего питомца, то онъ слѣдовалъ за мною повсюду, какъ собака, и всегда принимая вышеописанную оригинальную позу.

Въ болотахъ Финляндіи, сѣверной Россіи и средней Сибири, а также въ Сѣверной Америкѣ и Исландіи кликунъ гнѣздится въ изрядномъ количествѣ. Въ Исландіи его видятъ, по словамъ Фабера, около конца февраля на небольшихъ прѣсповодныхъ озеркахъ; тамъ онъ остается до конца апрѣля; затѣмъ большинство летитъ на высокія плоскогорья, гдѣ и гнѣздуется на озерахъ; нѣкоторые-же лебеди остаются въ долинахъ. По Радде, лишь немногіе изъ кликуновъ, прилетающихъ весной на Тарайноръ, остаются здѣсь на лѣто; большая же часть ихъ летитъ въ лѣсистыя области центральной Азіи и тамъ отыскиваетъ для своихъ гнѣздовій одиноко лежащія озера. Нѣсколько паръ этихъ лебедей гнѣздится иногда и въ Германіи, но это всегда случается въ видѣ исключенія. Каждая пара, если она не можетъ завладѣть маленькимъ озеркомъ одна, ограничиваетъ для себя извѣстный районъ и не допускаетъ ни одной другой переходить за границу его, причемъ съ осмѣлившимся на это у нея происходитъ ожесточенная драка. Большое гнѣздо кликуна или устраивается на островкѣ или бѣгаетъ плавучее, строится изъ ситника и другихъ водяныхъ растеній, а также изъ камыша, тростника и тому подобныхъ растеній; гнѣздовое ложе слегка выстилается пухомъ. Въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая, самка кликуна кладетъ своя 5—7 яицъ около 115 мм. длиною, 75 мм. поперечникѣ, желто-бѣлаго, зеленоватаго или буровато-желтаго цвѣта. Въ первыхъ числахъ іюля уже встрѣчаютъ вылупившихся птенцовъ. Пѣжный самецъ, по Фаберу, часто сидитъ на широкоемъ гнѣздѣ рядомъ съ самкой, но яицъ, впрочемъ, не насиживаетъ. Въ серединѣ октября уже видятъ стариковъ, плывающими съ молодыми.

ЧЕРНОШЕЙНЫЙ ЛЕБЕДЬ.

Всѣ сѣверныя племена усердно охотятся за кликунами. Самое плохое время для послѣднихъ, когда они линяютъ и большая часть ихъ маховыхъ перьевъ уже опала. Тогда лебедей бьютъ прямо съ лодокъ. Въ это время и старыя, и молодыя птицы очень жирны, въ особенности же хорошее кушанье представляютъ собой послѣдніе.

* *
*

Изъ вѣввропейскихъ видовъ этого подсемейства первое мѣсто по красотѣ занимаетъ **Черношейный лебедь** (*Cygnus nigricollis, melanoccephalus, melanocoryphus. Schwarzhalsschwan. Cygne à col noir*). Характерными признаками его служатъ: короткія крылья, едва достигающія основанія хвоста, и хвостъ, состоящій только изъ 18 перьевъ. Опереніе его бѣлое; голова, за исключеніемъ бѣлой надбровной полоски, и шея до половины—черныя. Глаза каріе; клювъ свинцово-сѣрый, на концѣ желтый; бугоръ на клювѣ и голое мѣсто на уздечкѣ кроваво-краснаго цвѣта; ноги блѣдно-красныя. Длина его достигаетъ около 100 см., длина крыла его 40, хвоста 20 см. Птенцы выходятъ на свѣтъ въ бѣломъ пуховомъ одѣяніи, растутъ необыкновенно быстро и въ первую же осень ведутъ жизнь, настолько сходную съ жизнью стариковъ, что ихъ трудно даже отличить отъ послѣднихъ.

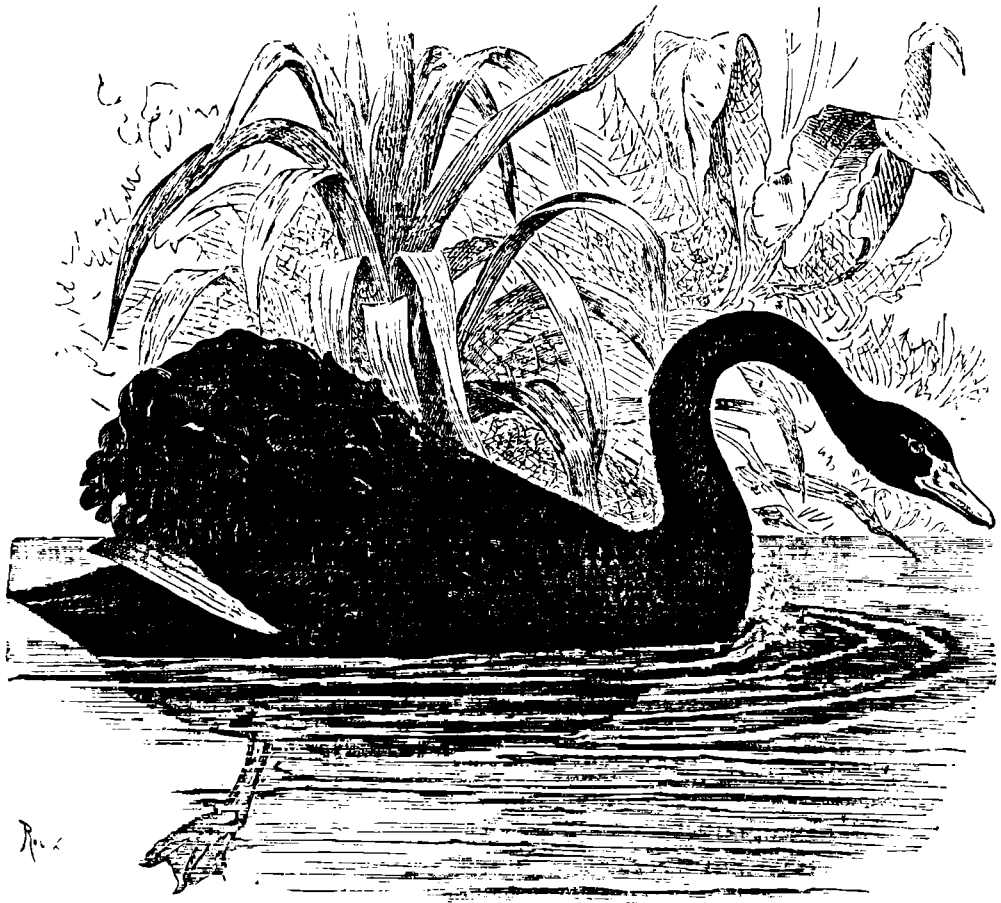
Область распространенія черношейныхъ лебедей ограничивается южной оконечностью Америки, начиная отъ южнаго Перу и до Фалкландскихъ острововъ, а отъ послѣднихъ вдоль по восточному берегу до Сантоса въ Бразиліи. Мѣстопребываніе ихъ измѣняется въ зависимости отъ времени года. Осенью и весной этихъ птицъ встрѣчаютъ небольшими обществами, летящими надъ городомъ Буэнос-Айресомъ или направляющимися къ сѣверу на зимовку или же возвращающимися на югъ на гнѣздовья. Для этой цѣли лебеди прилетаютъ на приморскія или прѣсноводныя озера или озерки; нѣкоторыя стаи—въ значительномъ количествѣ. По окончаніи птенцовой поры, о которой мы еще не имѣемъ опредѣленныхъ свѣдѣній, они соединяются съ сородичами въ многочисленныя стаи, въ которыхъ можно насчитать много сотенъ птицъ. По своему характеру и повадкамъ этотъ лебедь, насколько до сихъ поръ извѣстно, мало отличается отъ сѣверныхъ сородичей; однако фигура его менѣе красива, чѣмъ шипуна: плавая и на ходу, онъ держитъ шею болѣе прямо, чѣмъ до нѣкоторой степени напоминаетъ собою гуся. Полетъ его легокъ и красивъ.

Съ начала пятидесятыхъ годовъ черношейныя лебеди уже попадають живыми въ наши зоологическіе сады и при соответствующемъ уходѣ чувствуютъ себя тамъ очень хорошо. Они ведутъ себя такъ-же, какъ кликуны, но рѣдко издають свой слабый голосъ. Въ нѣкоторыхъ садахъ они размножились.

По красотѣ формъ и граціозности движеній шипуну не уступаютъ **Черный лебедь** (*Cygnus atratus, plutonis, novae-hollandiae, Anas atrata, plutonia, Chenopsis atrata. Schwarzschan. Cygne noir*). Тѣло его очень вытянутое, шея сравнительно еще длиннѣе, чѣмъ у шипуна, голова маленькая и красиво сложенная, клювъ равенъ приблизительно длинѣ головы и лишень бугра. Окраска мелкаго оперенія—почти одноцвѣтная буровато-черная, переходящая въ черно-сѣрый цвѣтъ лишь на краяхъ перьевъ; на нижней части она немного свѣтлѣе и роскошно выдѣляется отъ ярко-бѣлаго цвѣта всѣхъ большихъ маховыхъ перьевъ и большинства малыхъ маховыхъ. Глаза пурпурово-красныя; уздечка краснаго цвѣта гвоздики; клювъ ярко-карминно-красный; полоса передъ концомъ верхней половинки клюва и самыя концы обѣихъ его половинокъ—бѣлыя; ноги черныя. Величиной этотъ лебедь немного уступаетъ шипуну; точныя измѣренія его однако неизвѣстны.

Кукъ часто находилъ черныхъ лебедей, извѣстныхъ уже съ 1698 года, но

берегамъ Австраліи; въ свою очередь намъ тоже извѣстно, что лебедь этотъ, хотя мѣстами и вытѣсненъ, но еще обыкновененъ на всѣхъ соответствующихъ озерахъ, озеркахъ и рѣкахъ южной Австраліи и Тасманіи. Въ малопосѣщаемыхъ мѣстностяхъ, внутри материка, онъ еще теперь встрѣчается въ изумительныхъ количествахъ, соединяясь, по словамъ Беннета, въ тысячныя стаи, и еще такъ мало пугливъ тамъ, что можно безъ труда набить этихъ птицъ столько, сколько вздумается. Въ южной Австраліи онъ появляется въ зимніе мѣсяцы и

Черный лебедь. *Cygnus atratus*. наст. вел.

селится на болѣе обильныхъ болотахъ и озерахъ, разбиваясь на небольшія общества. быть можетъ на отдѣльныя семьи; къ веснѣ, времени, соответствующему нашей осени, онъ начинаетъ обратный отлетъ на гнѣздовья. По Гульду, пора его размноженія приходится на октябрь и январь мѣсяцы; этотъ натуралистъ въ серединѣ января нашелъ свѣже-снесенныя яйца и въ серединѣ декабря добилъ молодыхъ въ пуховой одеждѣ. Гнѣздо чернаго лебедя есть большая куча всякаго рода болотныхъ и водяныхъ растений и, какъ и у сѣверныхъ видовъ, устраивается то на небольшихъ островкахъ, то посерединѣ воды. Кладка состоитъ изъ 5—7 гряз-

ныхъ, бѣлыхъ или блѣдно-зеленыхъ яицъ, покрытыхъ блѣдно-зелеными пятнами и имѣющихъ 110 мм. въ длину и 70 мм. въ поперечникѣ. Самка сидитъ на яйцахъ очень усердно, самецъ же зорко сторожитъ. Птенцы вылупляются въ сѣроватомъ или дымчато-черномъ пуховомъ одѣяніи, съ первыхъ же дней превосходно плаваютъ и ныряютъ, почему и избѣгаютъ многихъ опасностей.

По своему поведенію и повадкамъ черный лебедь имѣетъ много сходства съ шипуномъ, но онъ крикливѣе послѣдняго; особенно въ пору спариванія онъ часто подаетъ свой своеобразный голосъ, который напоминаетъ немного глухіе трубные звуки, но трудно поддается описанію словами. За визкомъ, едва слышимымъ крикомъ, слѣдуетъ другой болѣе высокій, свистящій, но также не особенно громкій и нечистый, почти не поддающійся передачѣ. Каждый такой двузвучный крикъ какъ будто издается птицей съ трудомъ; по крайней мѣрѣ кричащій лебедь кладетъ свою шею во всю длину на воду, такъ что клювъ почти прикасается къ ея поверхности, и въ такой позѣ издаетъ свой крикъ. По отношенію къ своимъ братьямъ черный лебедь выказываетъ себя такимъ же драчливымъ и любящимъ властвовать надъ болѣе слабыми птицами, какъ и его сородичи. Уже плавая, онъ является въ полномъ смыслѣ слова украшеніемъ воднаго пространства, но его своеобразная красота проявляется лучше всего только тогда, когда онъ летитъ высоко въ воздухѣ и его ярко-бѣлыя маховыя перья отчетливо выдѣляются въ его опереніи. Нѣсколько летящихъ лебедей образуютъ шеренгу или извилистую линію, далеко впередъ вытягиваютъ свои шеи и часто сопровождаютъ свистящій шумъ своихъ крыльевъ призывнымъ крикомъ, издали также кажущимся очень благозвучнымъ. Въ тихія лунныя ночи они перелетаютъ съ озера на озеро и безпрестанно перекликаются между собой, что доставляетъ истинное удовольствіе наблюдателю.

Къ сожалѣнію, въ Австраліи эти птицы безпощадно преслѣдуются; въ пору гнѣздованія у нихъ отбираютъ яйца, во время линьки разыскиваютъ ихъ по болотамъ, когда они не могутъ летать, и нерѣдко убиваютъ ихъ просто ради постыдной забавы. Гульдъ приходилось слышать, что лодки китолововъ плывали въ устьяхъ рѣкъ и по прошествіи короткаго времени возвращались, наполненныя черными лебедями. Бѣлые люди—гибельны для черного лебеда: тамъ, гдѣ они поселились, онъ долженъ или отступить или же подчиниться имъ. Уже теперь много такихъ областей, гдѣ онъ совсѣмъ исчезъ, тогда какъ раньше жилъ тамъ тысячами.

Съ нашими прудами черный лебедь свикся такъ-же хорошо, какъ и всякій другой сочленъ его семейства. Суровость нашей зимы мало вліяетъ на него, потребности же въ пищѣ его не велики; въ неволѣ онъ размножается ежегодно: одна пара, которая была куплена Бодинусомъ и пользовалась его заботами, выростила болѣе чѣмъ 50 молодыхъ, населивъ ими пруды другихъ зоологическихъ садовъ.

Гуси (Anserinae. Gänse. Oies) представляютъ собой многочисленное, заключающее въ себѣ около 45 видовъ подсемейство, распространенное по всей землѣ. Они отличаются отъ лебедей толстымъ туловищемъ, болѣе короткой шеей и клювомъ и высокими, прикрѣпляющимися въ серединѣ тѣла ногами. Клювъ ихъ почти равенъ или менѣе длины головы, сверху округленный, снизу плоскій, у основанія очень высокій, болѣе высокій, чѣмъ широкій, спереди утончающійся, съ боковъ также сильно суживающійся, сверху и снизу переходящій въ широко-округлый съ острыми краями коготь, по бокамъ вооруженный жесткими зубчиками и покрытый мягкой кожей. Нога средней величины, оперены почти до сочлененія

плюсны, снабжены большею частью полной плавательной перепонкой и вооружены короткими, сильными, плоско-согнутыми когтями. Крылья длинные, широкія и заостренные; второе маховое перо длиннѣе всѣхъ остальныхъ; предплечье большею частью менѣе развито, чѣмъ у лебедей; сгибъ крыла характеренъ жесткимъ бугромъ, удлиняющимся у многихъ видовъ въ видѣ сильной шпоры. Хвостъ, состоящій изъ 14—20 перьевъ, коротокъ, широко закругленный или прямой. Мелкое опереніе необыкновенно мягко и густо, на головѣ волосистое, на спинѣ каждое перышко рѣзко выдѣляется; на шеѣ у многихъ видовъ перья своеобразно согнуты; пуховое опереніе сильно развито. Самцы и самки различаются мало, значительно же только въ исключительныхъ случаяхъ, и тогда опереніе самки уступаетъ по красотѣ оперенію самца. Молодые уже на первомъ году жизни получаютъ опереніе стариковъ.

Во всякой части свѣта есть свои оригинальные виды гусей. Въ Азій и Европѣ многіе виды встрѣчаются одинаково часто; нѣкоторые распространяются по сферѣ всего земного шара; по направленію къ югу виды отличаются другъ отъ друга рѣзче. Они держатся на водѣ менѣе другихъ зубчатоклювыхъ, а часть своей жизни постоянно проводятъ на сушѣ и даже на деревьяхъ. Въ долинахъ они встрѣчаются чаще, чѣмъ въ горахъ, но послѣднія не пугаютъ ихъ: извѣстные виды встрѣчаются на значительныхъ высотахъ. Гуси ходятъ превосходно, вообще лучше другихъ зубчатоклювыхъ, плаваютъ, правда, хуже и тише, нежели утки и лебеди, но все-таки довольно ловко и быстро; ныряютъ въ молодости или во время опасности на значительную глубину, летаютъ же легко и красиво, проносясь черезъ большія пространства: стая летитъ обыкновенно клиномъ и издаетъ свистящій шумъ. При ходьбѣ они держатъ тѣло нѣсколько приподнятымъ спереди, выпрямивъ шею или слегка изогнувъ ее, одну ногу ставятъ тотчасъ же послѣ другой, притомъ не ковыляють; въ случаѣ же нужды бѣгаютъ такъ быстро, что человекъ почти не можетъ догнать ихъ. Плавая, они глубоко погружаютъ въ воду переднюю часть тѣла, хвостъ же отстоитъ отъ нея высоко. При обыскиваніи дна они на половину опрокидываются впередъ и до верхней части груди погружаютъ переднюю часть своего тѣла; при ныриваніи они однимъ толчкомъ уходятъ въ глубину. Многіе виды издаютъ бормочущіе крики, другіе гогочущіе, наконецъ нѣкоторые выпускаютъ благозвучные и далеко слышимые звуки. Въ гнѣздѣ большинство гусей шипитъ. У самцовъ голосъ обыкновенно бываетъ выше, чѣмъ у самокъ.

Почему гуся прозвали глупымъ, сказать трудно, такъ какъ всѣ наблюденія доказываютъ обратное. Всѣ виды, безъ всякаго исключенія, принадлежатъ къ числу умныхъ, понятливыхъ и осторожныхъ птицъ. Гуси не довѣряютъ никакому человеку, навѣрняка отличаютъ охотника отъ поселеннаго или пастуха, вообще знаютъ всѣхъ опасныхъ для нихъ людей, выставляютъ сторожей, короче—съ разсудительностью принимаютъ всѣ предосторожности ради своей безопасности. Будучи пойманными, они скоро примѣняются къ измѣнившимся условіямъ и уже по прошествіи короткаго времени становятся очень ручными; вообще выказываютъ умѣніе сообразоваться съ обстоятельствами, что дѣлаетъ честь ихъ понятливости. Ихъ характеръ также достоинъ вниманія. Нѣкоторымъ видамъ нельзя отказать въ желаніи господства и склонности къ ссорамъ, большаю часть же весьма общежительныя птицы, хотя больше между собой, причемъ отдѣльныя семейства часто живутъ очень дружно. Въ пору спариванія у самцовъ дѣло не обходится безъ дракъ; но когда всѣ добудутъ себѣ самокъ, то наступаетъ миръ, и различныя пары гнѣздятся ридомъ, не безпокою другъ друга. Разъ избравши са-

мокъ, они остаются имъ вѣрными на всю жизнь. Правда, самецъ не принимаетъ участія въ насиживаніи, но позднѣе помогаетъ ей водить птенцовъ и служить стражемъ для всей семьи. Большая часть видовъ собираются весною на своей родинѣ въ безопасныхъ, рѣдко посѣщаемыхъ мѣстахъ, напримѣръ въ обширныхъ, богатыхъ растительностью болотахъ; здѣсь они устраиваютъ отдѣльно на маленькихъ островкахъ или кочкахъ большія безыскусственныя гнѣзда изъ всякаго рода растительныхъ матерьяловъ, которыя внутри выкладываютъ пухомъ; нѣкоторые виды мѣстомъ для гнѣзда избираютъ деревья, именно дупла ихъ или развилины вѣтвей; въ послѣднемъ случаѣ они иногда пользуются гнѣздами хищныхъ птицъ или другими подобными же гнѣздами, причѣмъ предварительно исправляютъ ихъ соответствующимъ образомъ. Кладка состоитъ изъ 6—12 овальныхъ, болѣе или менѣе лишенныхъ глянца, снабженныхъ крѣпкой скорлупой, одноцвѣтныхъ яицъ. По прошествіи около четырехъ недѣль насиживанія, птенцы вылупляются изъ яицъ, покрытые мягкимъ, красивымъ, сѣроватымъ пуховымъ опереніемъ и, если они были на деревѣ, то спрыгиваютъ съ него на землю. Они бѣгаютъ уже съ первыхъ дней своего существованія быстро и ловко, равнымъ образомъ умѣютъ нести себя въ водѣ и подъ руководствомъ своихъ родителей начинаютъ отыскивать себѣ кормъ. Они развиваются настолько быстро, что уже черезъ два мѣсяца приблизительно, если и не достигаютъ красоты и величины стариковъ, то все-таки похожи на нихъ и становятся самостоятельными. Несмотря на это, они еще долгое время остаются вмѣстѣ со своими родителями и образуютъ одну замкнутую семью.

Во время перелетовъ, совершающихся ночью, они иногда, летая низко въ туманную погоду, попадаютъ ошибкой въ поселенія; такъ, по сообщенію Дебеса, однажды позднею осенью въ концѣ шестидесятыхъ годовъ стая дикихъ гусей, летая низко, налетѣла вечеромъ на каштановыя деревья бульвара въ Готѣ. Ослѣпленные свѣтомъ уличныхъ фонарей, птицы носились кругомъ съ испуганными криками и усердно преслѣдовались случившимися на улицахъ прохожими. Вскорѣ однако эти рѣдкіе гости оправились отъ внезапнаго смятенія и черезъ нѣсколько минутъ уже безслѣдно исчезли.

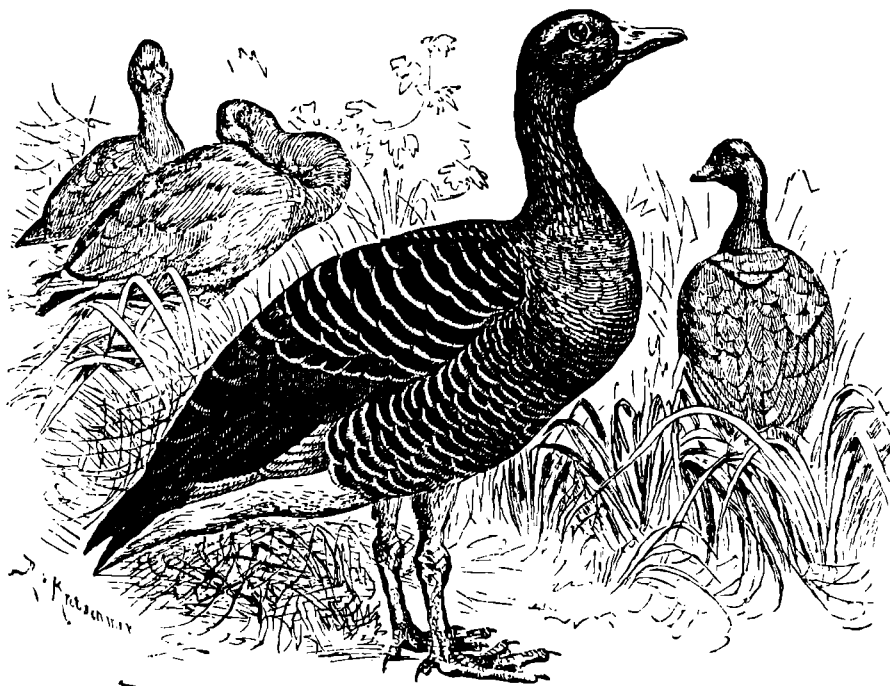
Всѣ гуси преимущественно растительноядныя птицы. Они щиплютъ съ помощью своего, снабженнаго жесткими рѣзущими краями клюва траву и злаки, капусту и другія огородныя растенія, объѣдаютъ молодыя деревья, обрываютъ листочки, ягоды, стручки и колосья, ловко и проворно вышелушничаютъ послѣднія, добываясь до зерна, роются на днѣ мелкихъ лужъ, ища и тамъ растительной пищи, и не пренебрегаютъ никакою частью подходящаго имъ растенія. Нѣкоторые виды ѣдятъ также насѣкомыхъ, ракушекъ и мелкихъ позвоночныхъ. Тамъ, гдѣ гуси водятся въ изобиліи, они могутъ принести значительный вредъ, но съ другой стороны они приносятъ и пользу въ качествѣ вкусной дичины и своими прекрасными перьями и пухомъ. За всѣми видами гусей ведется усердная охота, въ особенности въ пору линьки, когда многіе изъ нихъ нѣсколько недѣль не могутъ летать. Кромѣ человека, имъ угрожаютъ болѣе крупныя орлы, многіе четвероногіе хищники, а въ экваторіальныхъ странахъ и крупныя пресмыкающіеся, въ особенности крокодилы. Еще большимъ опасностямъ подвергаются ихъ яйца и птенцы, которыхъ родители храбро и смѣло защищаютъ.

Если принять во вниманіе, что большинство видовъ, даже будучи пойманы старыми, ручнѣются и размножаются въ неволѣ, то нужно удивляться, почему до сихъ поръ сдѣланы домашними лишь немногіе виды, и почему только два вида изъ нихъ пользуются болѣе значительной распространенностью. Именно на этихъ

то птѣцъ и надобно было обратить вниманіе, такъ какъ каждая порода гусей съ лихвой вознаграждаетъ потраченный на нее трудъ.

* *
* *

Дикій или Сѣрый гусь (*Anser ferus, cinereus, vulgaris, sylvestris, palustris, Anas anser. Graugans. Oie sauvage*), отъ котораго происходятъ наши домашніе гуси, на спинѣ буровато - сѣраго цвѣта, нижнія части тѣла желтовато-сѣрыя, скудно и неравномѣрно покрыты пятнами, благодаря одиночнымъ чернымъ перьямъ. Мелкія кроющія перья крыльевъ чисто-пепельно-сѣраго цвѣта; перья надхвостья, брюха и нижнія кроющія перья хвоста бѣлыя, всѣ же остальные перья верхней части тѣла блѣдно-сѣрыя; перья боковъ, груди и брюха темнаго блѣдно-

Дикій гусь. *Anser ferus*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

сѣраго цвѣта блѣдно-сѣрыми концевыми каймами. Маховыя и рулевыя перья черно-сѣрыя съ бѣлыми стержнями; послѣднія также на концѣ бѣлыя. Глаза свѣтло-каріе; клювъ у основанія блѣдный мясо-красный, концевой коготь его желтаго воскового цвѣта; ноги блѣдно-мясо-красныя. Длина птицы достигаетъ 98 см., размахъ ея крыльевъ 170, длина крыла 47, хвоста 16 см.

Сѣрый гусь единственный изъ живущихъ въ Европѣ гусей, который гнѣздится и въ Германіи, такъ какъ онъ свойственъ болѣе умѣреннымъ полосуамъ, нежели дальнему сѣверу. Во всякомъ случаѣ въ Лалландіи я еще видѣлъ его подъ 70 градусомъ, на низовьяхъ же Оби подъ 69 градусомъ сѣверной широты. Какъ здѣсь, такъ и тамъ это, вѣроятно, была сѣверная граница области его распространенія. Начиная отъ сѣвера, эта область простирается въ восточномъ направленіи черезъ всю Европу и Азію до дальняго Востока; на югъ границей области гнѣздованія сѣраго гуся служитъ приблизительно 45

градусъ. Во время своего пролета онъ посѣщаетъ всѣ страны южной Европы, а равно сѣверъ Китая и Индіи, иногда даже кочуетъ до середины этой послѣдней, а съ другой же стороны быть можетъ и до сѣверо-западной Африки. Однако въ южныхъ частяхъ области своихъ перелетовъ онъ всюду рѣже, чѣмъ его сородичи, хотя лѣтомъ послѣдніе и живутъ еще сѣвернѣе его. Въ Германіи сѣрый гусь является семьями или небольшими стаями въ концѣ февраля или въ началѣ марта, такимъ образомъ до наступленія полнаго таянія снѣга; оповѣщая свое прибытіе радостными криками, сѣрые гуси опускаются на свои гнѣздовья и своимъ поведеніемъ ясно показываютъ, что, прибывъ сюда, они чувствуютъ себя какъ дома. Какъ только въ концѣ іюля кончится линька, они уже начинаютъ думать объ отлетѣ, однако, по крайней мѣрѣ вначалѣ, они летятъ не вдругъ, какъ бы нехотя уступая свое мѣсто появляющимся вслѣдъ за ними гуменникамъ. Во время самого лета они рѣдко соединяются въ большія стаи; въ большинствѣ же случаевъ только родители держатся вмѣстѣ со своими выросшими молодыми.

Въ прежніе годы сѣрые гуси гнѣздились въ Германіи на всѣхъ болѣе крупныхъ стоячихъ водахъ; въ настоящее время еще встрѣчаются нѣкоторыя пары въ обширныхъ болотахъ сѣверной и восточной Германіи, большинство же водится въ Помераніи и восточной Пруссіи. Здѣсь они предпочитаютъ болота, перемежающіяся съ обширными водными пространствами или окружающіе ихъ, имѣющіе топкую почву, трудно доступные островки, поросшіе травой, камышомъ и кустарникомъ. На такихъ островахъ прибывшія пары и собираются для отдыха, а позднѣе и устраиваютъ на нихъ свои гнѣзда.

Потомки сѣраго гуся, наши домашніе гуси, по характеру и особенностямъ мало уклонились отъ своихъ предковъ; однако дикіе родичи ихъ держатъ себя, какъ вообще всѣ дикія птицы, болѣе гордо, движенія ихъ быстрѣе, и впечатлѣннѣе, производимое ими на наблюдателя, нѣсколько иное. Они ходятъ очень быстро и красиво, гораздо легче и проворнѣе домашнихъ гусей, плаваютъ хорошо, ныряютъ въ случаѣ особенной опасности на извѣстную глубину, однако на подѣ оказываются менѣе ловкими, чѣмъ на сушѣ. Полетъ ихъ хорошъ, правда не такой легкой и красивый, какъ у родственныхъ видовъ, но все-же продолжительный и довольно быстрый. При взлетѣ ихъ мощное взмахиваніе крыльями производитъ сильный шумъ; такой-же шумъ слышится и при опусканіи птицы, къ чему еще присоединяется звукъ расплескивающейся воды, когда гусь садится на ея зеркальную поверхность. Если пара намѣревается пролетѣть небольшое разстояніе, то она рѣдко поднимается на значительную высоту, что бываетъ обыкновенно во всякомъ другомъ случаѣ; самка обыкновенно летитъ впереди самца, во время же перелетовъ послѣдній съ такимъ же успѣхомъ, какъ и она, занимаетъ переднее мѣсто въ серединѣ клина. Призывной голосъ этого гуся—громкое «га-ка-ка-какъ га», часто быстро повторяемое и, если самки перекликаются съ самцами, то переходитъ въ «ги-ккакъ»; бесѣду ихъ можно передать слогами «татта-тта тта ттат», выраженіе большой радости—«тэнг»; при испугѣ слышится протяжное «кэ-ка-какъ ка-какъ какакака-какъ»; въ гнѣздѣ самецъ и самка шипятъ; все это происходитъ совершенно такъ-же, какъ и у домашняго гуся.

Понятливость сѣраго гуся видна уже по его привычкамъ. Онъ всегда бываетъ остороженъ и недоувѣрчивъ; на одномъ лишь гнѣздовѣ сѣрый гусь при видѣ человѣка не улетаетъ съ мѣста дальше, чѣмъ во всякое другое время, а любовь къ своему потомству заставляетъ его забывать даже очевидную опасность. Обыкновенно онъ очень хорошо умѣетъ отличать охотника отъ пастуховъ или крестьянъ, или же опаснаго человѣка отъ неопаснаго. Преслѣдова-

не скоро дѣлаетъ его необыкновенно осторожнымъ, и онъ никогда не забываетъ горькаго опыта. Собственно общительнымъ его назвать нельзя. «Никогда», говорятъ Науманъ, «не было примѣра, чтобы дикій гусь летѣлъ съ другими породами гусей, а гуменниковъ, онъ, повидимому, особенно недолюбливаетъ, такъ какъ, когда тѣ въ сентябрѣ прилетаютъ въ ту область, гдѣ гнѣздуютъ сѣрые гуси, то эти послѣдніе сейчасъ же уступаютъ имъ мѣсто и слетаютъ. Одни только домашніе гуси заслужили расположеніе сѣрыхъ гусей, такъ какъ послѣдніе часто на кормежахъ приближаются къ нимъ, а нѣкоторые даже нерѣдко и вмѣшиваются въ ихъ стаю. Иной разъ случалось, что такіе гуси позволяли гнать себя къ селу вмѣстѣ съ домашними гусями и улетали только тогда, когда послѣдніе уже приближались къ домамъ и, такъ какъ они всегда вновь прилетали, то попытки, правда безуспѣшныя, загнать ихъ, могли быть повторены нѣсколько дней подрядъ. Точно также случалось, что какой-нибудь дикій самецъ начиналъ свои ухаживанія въ стаѣ домашнихъ гусынь, встрѣчалъ взаимность, частенько посѣщалъ свою возлюбленную и наконецъ спаривался съ ней». Насколько мало интересуется дикій гусь чуждыми ему перватыми родичами, настолько дружно и неразлучно живетъ между собою семья его. Вплоть до весны она не распадается, иногда даже совмѣстно возвращается съ зимовокъ и разъединяется лишь тогда, когда старики приступаютъ къ новой кладкѣ.

Тотчасъ по прилетѣ соединившіяся парочки подыскиваютъ подходящее мѣстечко для устройства гнѣзда; двухлѣтніе молодые начинаютъ вербовать самокъ, тогда какъ еще незрѣлые въ половомъ отношеніи гуси сообща проводятъ время на другихъ мѣстахъ болота. Одна пара строить гнѣздо неподалеку отъ другой, но строго охраняетъ свой извѣстный районъ, переступать за который она не позволяетъ. Гусакъ съ гордымъ видомъ обходитъ гусыню, кричитъ, киваетъ головой, всюду ходитъ за ней слѣдомъ, повидимому, ревниво слѣдитъ за каждымъ ея шагомъ, храбро дерется со всякимъ холостымъ гусакомъ, позволяющимъ себѣ шалости, и внимательно заботится о безопасности своей самки. Два противника схватываются клювами за шею и бьютъ настолько безпощадно другъ друга крыльями, что звукъ этотъ слышится издали. «Гусыни обыкновенно стоятъ тутъ же и, наклонивъ вытянутыя шеи, усердно бормочатъ, причемъ трудно рѣшить, хотя ли онѣ своимъ рѣзкимъ и частымъ «таата-тат та-тат тата-тат» подбодрить бойцовъ или успокоить и разнять ихъ». Послѣ того, какъ спариваніе совершится нѣсколько разъ, гусыня начинаетъ усердно таскать различный гнѣздовый матерьялъ; гусакъ же, заботясь объ ея безопасности, ходитъ за ней, слѣдитъ за каждымъ ея шагомъ, но ей не помогаетъ. Прежде всего натаскивается то, что лежитъ поближе, затѣмъ для верхнихъ частей постройки гусыня заботливо тащитъ новый матерьялъ, часто даже издали. Толстые и мягкіе стебли, листья камыша, тростника, ситника и т. п., образуютъ собою безпорядочное и рыхло силетенное основаніе гнѣзда, болѣе нѣжный матерьялъ и толстый пуховый слой служатъ выстилкой гнѣздоваго ложа. Болѣе старыя гусыни кладутъ 7—14, болѣе молодыя 5—6 яицъ около 90 мм. въ длину и 60 въ поперечникъ, похожихъ на яйца домашняго гуся; яйца эти имѣютъ гладкую скорлупу, лишены глянца, немного крупно-зернисты, зеленовато-бѣлаго или мутнаго-желтоватаго цвѣта. Въ гнѣздахъ болѣе старыхъ парочекъ уже въ началѣ марта находятъ первое яйцо, а въ серединѣ этого мѣсяца, самое позднее въ концѣ его уже сядущую на яйцахъ самку. Приготавливаясь къ насиживанію, она вырываетъ у себя весь пухъ, выкладываетъ имъ внутренній край гнѣзда, а также и накрываетъ имъ, когда уходитъ, самыя яйца.

На 28-ой день насиживанія вылупляются птенцы, которые остаются въ гнѣздѣ

около одного дня и затѣмъ уведается родителями на воду и обучаются искать себѣ кормъ. Водяныя ряски и другія водяныя растенія служатъ ихъ первой пищей. Позднѣе они начинаютъ уже посѣщать луга и поля. Вечеромъ старъ и младъ еще возвращаются въ гнѣздо; приблизительно черезъ недѣлю оно уже становится слишкомъ мало для выросшихъ молодыхъ и послѣдніе выбираютъ для ночлега то одно, то другое мѣстечко, гдѣ и укладываются, прикурнувъ вплотную къ матери. Когда птенцы вылупятся, бдительность гусака усиливается. Гусыня идетъ или плыветъ впереди, за ней слѣдуютъ сбившіеся въ кучу гусята, гусака же замыкаетъ шестіе. При опасности онъ прежде всего подаетъ сигналъ къ бѣгству. «По истинѣ большое наслажденіе», пишетъ Науманъ, «можетъ получить натуралистъ въ прекрасный майскій вечеръ, когда, спрятавшись, ему удастся подсмотреть такую семью гусей; на заходѣ солнца одинъ за другимъ, съ разныхъ сторонъ, но почти въ одно и то же время, всѣ члены семьи появляются изъ камыша, тихо плывутъ по зеркальной поверхности водъ, направляясь къ заманчивому берегу. Отецъ семейства, радѣя о безопасности своихъ, въ это время удваиваетъ свою бдительность, если что-либо подозрѣваетъ, благополучно добравшись до пастбища, самъ онъ почти не осмѣливается даже развлечь своего вниманія ѣдой и, если подозрѣнія его были не безосновательны, онъ испускаетъ тихій предупреждающій крикъ, но при дѣйствительной опасности, къ сожалѣнію, первый же бросается въ бѣгство, издавая жалобные крики. Напротивъ, гусыня въ такихъ случаяхъ ведетъ себя гораздо мужественнѣе и прежде думаетъ о спасеніи своихъ птенцовъ, чѣмъ о своемъ собственномъ, пытаясь своимъ учащеннымъ испуганнымъ крикомъ побудить молодыхъ спрятаться, или же, если они недалеко отъ воды, то бѣжать къ послѣдней, броситься и нырнуть въ нее. Но она никогда не отлетаетъ далеко и, какъ только минетъ опасность, тотчасъ же возвращается обратно, чтобы присоединиться къ своимъ; только тогда возвращается къ семьѣ и отецъ. Случается, что гусыня пасется со своими гусятами въ довольно высоко поднявшемся хлѣбѣ и возлѣ нихъ вѣтъ ихъ бдительнаго семейнаго стража, что, конечно, бываетъ только случайно; тогда можно незамѣтно подкрасться и внезапно подбѣжать къ нимъ. Гусыня съ отчаянными криками поднимается на воздухъ и большими кругами начинаетъ летать надъ мѣстомъ происшествія, птенцы же быстро прячутся въ межи или въ какое-либо другое углубленіе, совершенно притихаютъ, такъ что нерѣдко ихъ можно вытащить одного за другимъ. Остальные при этомъ не рѣшаются бѣжать, если же схваченные начнутъ кричать, то другіе бѣгутъ прямо въ воду. Здѣсь гусята ловко ныряютъ, если они еще не умѣютъ летать, и всегда стараются спастись такимъ образомъ. Правда, они не могутъ пробыть долго подъ водою, но зато чаще и ныряютъ въ нее. Въ первыя четыре недѣли жизни птенцовъ, осторожные и хитрые старики все время ведутъ себя съ чрезвычайной бдительностью, всюду видятъ опасность, стараются избѣгать ее или отдалить отъ птенцовъ, но часто дѣлаютъ промахи въ выборѣ средствъ.

«При этомъ поведеніе ихъ часто бываетъ полно противорѣчій и загадокъ; въ исполненіи своихъ намѣреній они очень упрямы. Гусята, выведенные на какомъ-нибудь одинокомъ озеркѣ, обыкновенно уже въ первые дни своей жизни уводятся родителями, считающими такое мѣсто не совсемъ надежнымъ, на болѣе обширное водное пространство; это совершается утромъ или вечеромъ большею частью въ сумеркахъ. Весьма интересно, что эти вообще столь пугливыя созданія часто пасутся совершенно рядомъ съ ручными гусями. Боязнь стариковъ, не позволяющая имъ отдалиться отъ птенцовъ, не поддается описанію. Если очутиться среди нихъ или даже поймать одного изъ птенцовъ, гусыня съ крикомъ бросается

туда, близко подлетаетъ къ головѣ похитителя и значительное разстояніе преслѣдуетъ его, затѣмъ снова возвращается обратно къ оставшимся птенцамъ и въ концѣ концовъ присоединяется къ нимъ окончательно. Часто такія вспугиванія производили совершенно обратное дѣйствіе, когда эта путешествующая компанія встрѣчалась неподалеку отъ мѣста, откуда она перебиралась; въ такомъ случаѣ она бывала вынуждена повернуть назадъ; однако, какъ бы часто эту семейку не угоняли, гусыню все-таки невозможно отогнать отъ птенцовъ, какъ бы много ни было убито послѣднихъ.

«Нѣсколько разъ перелавливали всѣхъ птенцовъ такой путешествующей семьи и относили ихъ обратно на тотъ прудъ, который они покинули, и все-таки въ ближайшій вечеръ или утро, иногда даже черезъ часъ, ихъ встрѣчали на томъ же пути, и это случалось всегда; сколько бы разъ ни повторялись опыты. Другія гусыни думаютъ совершенно иначе и, наоборотъ, отводятъ своихъ птенцовъ подальше отъ большихъ обществъ на маленькое озерко и такимъ образомъ ищутъ уединенія. Какъ тѣ, такъ и другія, придерживающіяся противоположныхъ взглядовъ, ведутъ себя съ настойчивой твердостью. Бываютъ совершенно непонятные случаи, когда гусыни, радѣя о болѣе отдаленномъ мѣстопребываніи для себя и своихъ и птенцовъ, предпринимали еще болѣе далекое пѣшее путешествіе. Сѣрые гуси, гнѣздящіеся на Бадецкомъ прудѣ въ Ангальтѣ, нѣсколько разъ приводили въ исполненіе странную мысль путешествовать на удаленные за 10 килом. пруды вмѣстѣ со своими птенцами, едва достигшими двухнедѣльнаго возраста, несмотря на то, что этотъ длинный и затруднительный путь пересѣкалъ открытое поле, двѣ проселочныя дороги, нѣсколько полевыхъ дорожекъ, долину рѣки Нуты съ нѣсколькими селами и мельницами и проходилъ близко отъ города Цербста. Весьма и весьма вѣроятно, что десятая часть всѣхъ такихъ пернатыхъ путешественниковъ или даже всего какія-нибудь два семейства достигали цѣли столь безразсуднаго путешествія. Если убить у птенцовъ ихъ родителей, прежде чѣмъ первые оперятся, то большинство изъ нихъ погибаетъ. Правда, осиротѣлые гусята присоединяются къ птенцамъ другихъ гусей, которые захотятъ принять ихъ; но такъ какъ такихъ благодѣтелей немного, то часто около одной мягкосердечной гусыни собирается весьма многочисленное семейство. Мы видѣли разъ одну такую благодѣтельную мать, окруженную около 60 гусятами, которыхъ она водила, какъ будто они были ея собственными дѣтенышами. Если птенцы найдутъ маленькую семью, которая приметъ ихъ, то они братски привязываются другъ къ другу; когда же они лишены материнскихъ заботъ и отцовской защиты, то большинство ихъ скоро погибаетъ.» Чѣмъ больше подростаютъ птенцы, тѣмъ менѣе заботливо стережетъ ихъ отецъ семейства. Какъ только наступаетъ пора линьки, которая у него всегда начинается 1—2 недѣлями раньше, чѣмъ у самки, онъ отдѣляется отъ семьи и позднѣе, когда не можетъ уже летать, прячется въ камышѣ. Когда же и для гусыни настаетъ чередъ линять, молодые уже умѣютъ летать и могутъ существовать безъ руководства.

Пойманные смолоду дикіе гуси скоро становятся очень ручными; даже старики, попавшіе въ руки человѣка, привыкаютъ къ потерѣ своей свободы и видятъ въ немъ хозяина, желающаго имъ добра, хотя тѣ дикіе гуси, которые высиживаются домашними гусынями, никогда не оставляютъ нѣкоторыхъ чертъ своего характера. Какъ только они почувствуютъ себя взрослыми, у нихъ уже пробуждается жажда свободы: они начинаютъ летать, и по осени, если ихъ не удержатъ силою, улетаютъ на югъ, вмѣстѣ съ другими дикими гусынями. Иногда случается, что нѣкоторые изъ нихъ возвращаются обратно на птичій дворъ, гдѣ они

выросли, но такіе случаи принадлежать къ исключеніямъ. Изъ четырехъ, выведенныхъ и выращенныхъ домашнею гусынею дикихъ гусятъ, которыхъ наблюдалъ Бойе, одинъ за другимъ трое покинули своего хозяина, но одинъ вернулся на слѣдующую же весну въ имѣніе, гдѣ онъ былъ выращенъ, и дѣлалъ это въ послѣдствіи 13 лѣтъ подрядъ; наконецъ онъ не появился и нужно думать, что причиной тому была его смерть. Всѣ 13 лѣтъ онъ прилеталъ не ранѣе 1-го и не позднѣе 2-го апрѣля, слѣдовательно нѣсколькими недѣлями позже другихъ гусей. На дворѣ онъ держалъ себя совершенно ручнымъ, вѣѣ его—такимъ же пугливымъ, какъ и его дикіе собратья; въ первую же недѣлю по своемъ возвращеніи, обыкновенно утромъ или вечеромъ, онъ прилеталъ кормиться, оставался съ полчаса, или даже цѣлый часъ, но вслѣдъ за этимъ всегда снова улеталъ на ближайшее озеро, что давало возможность предположить существованіе тамъ его гнѣзда. Начиная съ того времени, къ которому дикіе гуси обыкновенно уже выводятъ своихъ птенцовъ, онъ началъ оставаться на дворѣ дольше, а въ послѣдствіи и проводилъ на немъ все время. Въ 10 ч. вечера онъ аккуратно снимался съ мѣста и летѣлъ въ садъ въ одномъ и томъ же направленіи къ озеру. Передъ тѣмъ, какъ взлетѣть, онъ издавалъ единственный крикъ, но затѣмъ, поднимаясь, испускалъ болѣе учащенные крики. пока не достигалъ известной высоты и замолкалъ, какъ только начиналъ настоящій полетъ. Однажды, вернувшись въ апрѣлѣ, онъ прилетѣлъ съ другимъ гусемъ. Оба кружились высоко въ воздухѣ, первый опустился на лугъ со всѣми признаками безпокойства, но тотчасъ поднялся съ громкими криками и улетѣлъ прочь. Гдѣ первый проводилъ лѣтомъ ночи, не могли узнать. Каждый вечеръ онъ леталъ на озеро, но уже раннимъ утромъ, часто около 3 часовъ, его находили сидящимъ на дернѣ двора. Каждый отлетъ его сопровождался криками, чего онъ никогда не дѣлалъ, прилетая осенью; ко времени отлета на зиму, онъ становился безпокойнымъ, часто взлеталъ на воздухъ, не переставая кричать, нѣсколько меньше оставался на дворѣ, пока совсѣмъ не исчезъ и на слѣдующую весну уже не вернулся.

Старые сѣрые гуси нерѣдко дѣлаются добычей болѣе крупныхъ орловъ и благородныхъ соколовъ, а иногда лисицъ и волковъ. Отъ человѣка они всегда держатся на сторожѣ, почему и охота за ними требуетъ опытнаго охотника. Когда охотятся за ними на пролетѣ, которые совершаются ими всегда совершенно правильно, то прячутся, напримѣръ, въ камышѣ, и оттуда уже безъ труда бьютъ пролетающихъ птицъ; во многихъ случаяхъ удачна ночная охота на нихъ съ разставленными стрѣлками и загонщиками. Мѣстами ихъ бьютъ, далеко не слѣдуя охотничьимъ обычаямъ, какъ это дѣлаютъ лапландцы, именно—съ лодки, когда они еще не могутъ летать. Ихъ заставляютъ безпреставно нырять до тѣхъ поръ, пока они не утомятся и нырять болѣе не могутъ; тогда гусей бьютъ палками или стрѣляютъ по нимъ изъ ружья. Мясо дикаго сѣраго гуся жестко и волокнисто, но мясо гусятъ, напротивъ, необыкновенно вкусно и вполне оправдываетъ охоту за этими птицами, если она только ведется правильно. Перья ихъ весьма цѣнятся и совершенно заслуженно считаются лучше перьевъ домашнихъ гусей, въ особенности же превосходятъ ихъ пухъ. Если принять во вниманіе вредъ, который приносятъ дикіе гуси, уничтожая сѣмена злаковъ, вылуцивая колосья, выпципывая всходы и объѣдая траву и т. п., то птицы эти, повидимому, вполне заслуживаютъ враждебнаго отношенія къ нимъ людей.

Три хорошо известныя сородича дикаго гуся: гумепникъ, полевой гусь и короткоклювный гусь, которыхъ мы соединяемъ подъ общимъ названіемъ **Полевыхъ**

гусей, постоянно смѣшиваются или спутываются натуралистами, хотя по образу жизни они такъ опредѣленно отличаются другъ отъ друга, что самостоятельность видовъ ихъ несомнѣнна.

У **Гуменника** (*Anser segetum, paludosus, platyuros, Anas segetum. Saatgans. Oie des moissons*) голова и шея землистаго цвѣта; край лба и бока основанія клюва украшены тремя раздѣленными, узкими полулунными бѣлыми полосками. Нижнія шейныя перья и мелкія верхнія кроющія перья крыльевъ исполосованы темно-бурыми полосками, благодаря узкимъ, свѣтлымъ, блѣдно-буроватымъ каймамъ перьевъ. Нижняя часть спины и надхвостье одноцвѣтныя черно-сѣро-бурыя. Зобъ, грудь и бока, постепенно темнѣя книзу, чешуйчато окрашены въ темно- или черно-бурый и серебристо-бѣлый цвѣта. Самыя верхнія покровныя перья снизу имѣютъ бѣлыя каймы. Брюхо и наиболѣе длинныя верхнія и нижнія кроющія перья хвоста бѣлыя. Малыя и большія маховыя перья буро-черныя, у основанія темныя пепельно-сѣрыя съ бѣлыми стержнями. Перья плечъ и всѣ крупныя верхнія кроющія перья крыльевъ темно-бурыя съ узкими грязно-бѣлыми кантиками. Край предплечья и нижнія кроющія перья крыльевъ темнаго пепельно-сѣраго цвѣта. Хвостовыя перья черно-буро-сѣрыя съ бѣлыми, кнаружи расширяющимися, боковыми кантами и бѣлыми концами. Глаза темнаго орѣхово-бурого цвѣта; клювъ черныя, позади когтя имѣетъ широкое, свѣтлое, желто-красное кольцо, обнимающее обѣ половинки его; ноги оранжевыя. Въ болѣе старомъ возрастѣ исчезаютъ бѣлыя полулунныя пятна клюва, опереніе темнѣетъ; въ молодости первыхъ еще совсѣмъ нѣтъ, а всѣ части свѣтлѣе, грязнѣе и сѣрѣе, чѣмъ у стариковъ. Длина этого гуся среднимъ числомъ достигаетъ 86 см., размахъ крыльевъ 180, длина его крыла 48, а хвоста 14 см.

Выдѣленный моимъ отцомъ въ отдѣльный видъ, **Полевой гусь** (*Anser argvensis, rufescens. Ackerkans. Oie des champs*) отличается отъ гуменника, на котораго онъ похожъ во всякомъ нарядѣ, болѣе значительной величиной и болѣе красивыми формами. Другими отличительными признаками его служатъ слѣдующіе: клювъ относительно длинный и вытянутый, у основанія выше и шире, на концѣ сплюснутый, черныя только на спинкѣ и въ задней части половинокъ или расщепленъ и на ногтѣ, остальные же части его оранжево-красныя; крылья болѣе короткія, чѣмъ у гуменника; будучи сложены, они достигаютъ конца хвоста, но не заходятъ замѣтно за него, какъ у послѣдняго; хвостъ немного длиннѣе, чѣмъ у гуменника; нижняя часть спины черно-сѣрая; крылья по верхнимъ краямъ и снизу темно-пепельно-сѣраго, но все-таки не совершенно темнаго цвѣта. Длина птицы достигаетъ среднимъ числомъ 95 см., размахъ крыльевъ 174, длина крыла 50, а хвоста 14 см.

Коротклювый гусь (*Anser brachyrhynchus, obscurus, brevirostris, phoenicopus. Rotfusskans. Oie à bec court*) отличается отъ похожаго на него гуменника замѣтно меньшей величиной, необыкновенно короткимъ, неуклюжимъ и толстымъ клювомъ, кольцевая полоса котораго чуть-чуть шире, чѣмъ у нашеннаго, и блѣдной розово-красной окраски. Другими отличительными признаками его служатъ: маленькія, также розово-красныя ноги, короткія крылья, которыя, будучи сложенными, не достигаютъ конца хвоста, и весьма темное опереніе, на верхней части головы черно-бурое, на шеѣ красновато-бурое, на верхней части тѣла и въ пахахъ матово-черно-сѣрое, отороченное свѣтло-сѣрымъ цвѣтомъ.

Такъ какъ три, вышеописанные въ краткихъ словахъ, вида гусей обыкновенно не различаются, а въ чучелахъ даже почти совсѣмъ не различимы, то съ точностью указать на родину каждаго отдѣльнаго вида нельзя; нельзя также и установить ее на основаніи пролетныхъ путей этихъ птицъ. Но мы съ опредѣленностью можемъ сказать, что ни одинъ изъ этихъ гусей не гнѣздится въ Германіи и мѣсто гнѣздованія ихъ слѣдуетъ искать на дальнемъ сѣверѣ Старога Свѣта. Какъ области гнѣздованія гуменника извѣстны: Исландія, Лапландія и, начиная отъ нихъ, тундры Европы и Азіи. Полевой гусь, по изысканіямъ Нордвее, гнѣздится также въ Лапландіи, а о короткоклювыхъ гусяхъ мы знаемъ, что лѣтомъ они живутъ на Шпицбергенѣ. На пролетѣ гуменника и полевые гуси бывають въ Германіи осенью и весной, тогда какъ короткоклювые встрѣчаются здѣсь гораздо рѣже, но часто наблюдались въ Норвегіи, Великобританіи, Голландіи Бельгіи и Франціи, гдѣ ежегодно ихъ и убивають въ достаточныхъ количествахъ. Гуменникъ появляется въ Германіи безчисленными стаями уже въ сентябрѣ, и остается, если погода благопріятна, всю зиму, если же она снѣжная и наступаютъ холода, то летитъ далѣе вплоть до трехъ южныхъ полуострововъ Европы, даже до сѣверо-западной Африки. Однако, какъ только ему представляется возможность, онъ возвращается обратно въ сѣверныя страны, по пути въ Германіи остается самое большее до середины, а чаще до начала мая, и затѣмъ уже эти гуси летятъ на свои гнѣздовые мѣста.

Полевые гуси появляются на обратномъ пути всегда мѣсяцемъ позднѣе. Короткоклювый гусь появляется и летитъ одновременно съ ними, но не съ гуменниками; онъ точно также безъ нужды не летитъ далеко на югъ и перезимовываетъ обыкновенно въ Великобританіи или Голландіи. Каждый видъ во время лета держится обособленно; быть можетъ какой-нибудь изъ нихъ и присоединяется къ своимъ сородичамъ, но никогда не смѣшивается съ ихъ стаяй.

По образу жизни и повадкамъ полевые гуси, какъ мы назвали всю эту группу птицъ, такъ похожи другъ на друга, что я могу ограничиться краткимъ описаніемъ жизни и поведенія гуменника. Во время своего пребыванія на зимовкахъ, эти гуси всегда соединяются въ многочисленныя стада, которыя и собираются въ извѣстное время дня на опредѣленныхъ мѣстахъ; въ опредѣленное время они летаютъ на луга и въ опредѣленное же время возвращаются обратно. Особенное предпочтеніе для своихъ стоянокъ они оказываютъ необитаемымъ, оголеннымъ, окруженнымъ неглубокими водными пространствами и недоступными для выстрѣла съ берега рѣчнымъ или озернымъ островамъ, а за неимѣніемъ такихъ безопасныхъ мѣстъ, держатся на озерныхъ берегахъ при тѣхъ же условіяхъ или избирають для той же цѣли трудно доступное болото или мелкую топь. Если же въ данной области нѣтъ ни болотъ, ни топей, то волею-неволей имъ приходится пользоваться открытой водной площадью болѣе крупнаго пруда или озера. Съ такихъ мѣстъ сборища, отдыха или ночлега, чуть забрезжитъ свѣтъ, они всегда съ крикомъ и шумомъ и постоянно опредѣленной дорогой летятъ на поля, на кормежку; около 11 часовъ утра они возвращаются на мѣсто стоянки, пьютъ, купаются, чистятся и приглаживаются, бесѣдуютъ другъ съ другомъ, немножко даже поспятъ, а послѣ полудня, около 2 или 3 часовъ, предпринимають новое путешествіе и съ наступленіемъ сумерекъ возвращаются на ночлегъ. Если данная мѣстность богата водой и гарантируетъ безопасность, то въ полдень они предпринимають, быть можетъ, еще одну прогулку, послѣ которой, гдѣ-нибудь напившись и искупавшись, отправляются немножко отдохнуть въ высоко лежація, спокойныя поля. Если стадо ихъ и раздѣляется, то это случается только на лету, когда одна

часть птицъ летитъ за другой, находясь отъ нея на различномъ разстояніи. Осенью они посѣщаютъ сжатые поля, чтобы собирать зерна, а позднѣе на озими—для того, чтобы ѣсть всходы. Такъ они проводятъ все время, пока остаются въ нашихъ краяхъ.

По своимъ качествамъ гуменникъ стоитъ по крайней мѣрѣ на одномъ уровнѣ съ дикимъ гусемъ. Ходить, плавать и летаетъ онъ такъ же хорошо, какъ и послѣдній, обладаетъ не менѣе громкимъ голосомъ и доказываетъ, что и въ понятливости онъ сърому гусю не уступаетъ. При ходьбѣ онъ держится красиво. Летя, гуменники вытягиваются въ рядъ или строятся клиномъ и двигаютъ крыльями широко охватывающими взмахами. Въ остріѣ клина, по Науману, летитъ всегда старый гусакъ, большею частью отецъ семейства, а за нимъ уже самка, молодые и тѣ, которые потеряли своихъ родителей. Однако иногда нѣсколько семей соединяются вмѣстѣ и члены отдѣльныхъ семействъ летятъ одинъ за другимъ, сохраняя всегда разъ принятый порядокъ. Крики этихъ гусей такіе же пронзительные, далеко слышные, какъ и у сѣрыхъ или домашнихъ гусей. Бесѣда выражается бормочущимъ «тадда—ддат», предостерегательный крикъ самца—сильное и низкое «кейакъ каіаіа», такой же крикъ самки болѣе высокое—«кейкэкъ кайки кливрѣ квіікгік», приглашеніе на воду—оживленное «кэнг», громкій же пронзительный крикъ выражаетъ собою испугъ или ужасъ, шипѣніе—сильное возбужденіе. Гуменники столь же понятливы и осмотрительны, какъ и нижеописанные родичи ихъ: память ихъ достойна удивленія, а осторожность столь же велика, какъ и недоверіе. Всякія попытки обмануть ихъ обыкновенно не имѣютъ успѣха, перехитрить ихъ—трудно. Они также отличаютъ опасныхъ для нихъ людей отъ неопасныхъ, но не доверяютъ никому и всегда склонны болѣе подозрѣвать, чѣмъ довериться. Если кто вздумаетъ на мѣстѣ ихъ отдыха посыпать кормъ, то этимъ навѣрное разгонитъ ихъ; кто разъ обманулъ ихъ, тотъ нелегко пріобрѣтаетъ ихъ доверіе, даже и тогда, когда они, живя долго въ неволѣ, стануть совершенно ручными. Они также привыкаютъ къ неволѣ и къ своимъ воспитателямъ, со временемъ проявляютъ даже къ послѣднему сильную привязанность, идутъ на зовъ, позволяютъ трогать и гладить себя, но никогда не теряютъ совершенно своей подозрительности и годами не забываютъ разъ причиненной имъ обиды. Съ другими животными въ неволѣ они также мало сходятся, какъ и на свободѣ; къ сѣрымъ гусямъ они проявляютъ замѣтное недоброжелательство; своихъ ближайшихъ сородичей или утокъ они возлѣ себя терпятъ, но никогда не вступаютъ съ ними въ особенно тѣсную дружбу. Несмотря на это, можетъ случиться, что въ неволѣ гуменникъ спаривается съ дикимъ гусемъ другого вида.

О размноженіи гуменниковъ на волѣ мы не имѣемъ достаточныхъ свѣдѣній. Гнѣздо, похожее на гнѣздо другихъ гусей, устраивается на болотѣ на кочкѣ или на какомъ-либо другомъ возвышеніи; во второй половинѣ іюня въ него кладется 7—10 яицъ, похожихъ на яйца сѣраго гуся, но милиметра на 4 меньше послѣднихъ.

Что касается до враговъ ихъ, охоты за ними и пищи, то про нихъ можно сказать то же, что помѣщено въ описаніи сѣраго гуся.

* * *

Подобно полевымъ гусямъ, смѣшиваютъ и спутываютъ также три вида **Сѣверныхъ гусей**, живущихъ и пролетающихъ по Европѣ. Въ этомъ случаѣ раздѣленіе на виды обуславливается только точными наблюденіями надъ образомъ жизни этихъ птицъ.

Самымъ крупнымъ изъ этихъ трехъ видовъ является **Гусь межняя** (*Anser intermedius, medius, bruchii, Mittelgans, Oie batarde*). Длина его достигаетъ около 76 см., размахъ его крыльевъ 160, длина крыла 47, хвоста 13 см. Почковидная поперечная полоска на лбу его, серповидныя пятна на каждой сторонѣ клюва и подбородокъ—бѣлаго цвѣта; голова и шея темно-сѣрая; верхнія части буро-сѣрая, болѣе свѣтлыя по краямъ; нижнія части сѣраго гусиного цвѣта; верхняя и нижняя части груди покрыты многими черными въ перемежку съ сѣрыми перьями. Надхвостье, гузка и нижнія кроющія перья хвоста—бѣлыя. Большія маховыя перья пепельно-сѣрая, малыя—черныя съ нѣжно-бѣлыми каймами; края плечъ и крыльевъ свѣтлыя пепельно-сѣрыя; мелкія кроющія перья крыльевъ свѣтло пепельно-сѣрыя; всѣ перья въ этой части имѣютъ буроватыя каймы. Хвостовыя перья черноватыя, буро-сѣрыя съ узкими бѣловатыми каймами и на концѣ имѣютъ широкіе бѣлые края. Въ юношескомъ опереніи отсутствуютъ бѣлыя отмѣтины у основанія клюва и черныя перья на груди; опереніе въ общемъ почти одноцвѣтное сѣрое. Глаза темно-каріе; клювъ почти одноцвѣтный красновато-желтый; ноги ярко-оранжевыя.

Отъ вышеописаннаго вида **Бѣлолобый гусь, Бѣлолобая казарка** (*Anser albifrons, septentrionalis, pallipes, frontalis, gambelli, Lachgans, Oie rieuse*) отличается меньшею величиною, широкимъ бѣлымъ кольцомъ на клювѣ, простирающимся до передней части темени, весьма густо разбросанными черными пятнами на груди и верхними и нижними отдѣлами крыльевъ чистаго пепельно-сѣраго цвѣта. Длина этого гуся достигаетъ около 70 см., размахъ крыльевъ 150, длина крыла его 44, хвоста 12. Концы крыльевъ доходятъ до конца хвоста.

Малая казарка, Малый гусь (*Anser finmarchicus, brevirostris, cineraceus, minutus, erythropus, temminckii, Zverggans, Oie naine*) значительно меньше двухъ предыдущихъ. Длина его достигаетъ только 60 см., размахъ крыльевъ 158, длина крыла 40, хвоста 9 см. Бѣлое лобное пятно идетъ до середины темени и имѣетъ черноватую окружающую его полосу; грудь, вслѣдствіе многихъ темныхъ перьевъ, почти черная остальное опереніе почти такое же, какъ у бѣлолобой казарки; концы крыльевъ заходятъ за конецъ хвоста. Вѣко по краю окрашено въ яркій оранжевый цвѣтъ.

Какъ и для полевыхъ гусей родина сѣверныхъ гусей, различающихся между собою больше величиной, чѣмъ окраской, пока еще съ точностью не определена. Ихъ встрѣчали во всѣхъ тундрахъ около сѣвернаго полюса и въ болѣе счастливыхъ случаяхъ могли различить другъ отъ друга бѣлолобыхъ отъ малыхъ гусей. По Фаберу, видъ гнѣздящійся на Исландіи—гусь межняя, по Нордвю, гнѣздящійся въ Лапландіи—малая казарка; по согласнымъ наблюденіямъ натуралистовъ, бѣлолобая и малая казарки водятся по всей сѣверной Сибири. Въ Германію прилетаютъ всѣ три вида, но довольно правильно только бѣлолобый гусь въ октябрѣ, во время своего пролета на югъ; гуси эти присоединяются къ гуменникамъ, однако не смѣшиваясь съ ними, и посѣщаютъ тѣ же мѣстности, что и послѣдніе. Такъ какъ главная масса, повидимому, слѣдуетъ направленію береговъ, то въ Голландіи всѣ три вида наблюдаются, ловятся и убиваются чаще, чѣмъ въ Германіи; точно также они чаще, чѣмъ въ послѣдней, встрѣчаются въ Даніи, Великобританіи, Бельгіи и Франціи. Сѣверные гуси съ сѣвера Европы долетаютъ до Египта, а съ сѣвера Азіи до южной Персіи и Индіи. Въ мартѣ и апрѣлѣ они всѣ возвращаются обратно на родину.

По поведенію эти виды мало различаются отъ вышеописанныхъ сородичей, меньше же всего отъ полевыхъ гусей. Они ходятъ, плаваютъ и летаютъ такъ-же, какъ и послѣдніе, но издають совершенно различные крики, звучащіе приблизительно какъ «кликклик» или «кляккляк клинг» и «клянг». Будучи пойманы, они ведутъ себя совершенно, какъ полевые гуси, становятся такими же ручными и остаются такими же недоуѣрчивыми. Пища какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ гусей одинаковая и даже по гнѣздованію они не различаются отъ своихъ сородичей. Яйца похожи на яйца полевыхъ гусей, но замѣтно менѣе; яйца бѣлолобаго гуся были описаны: они имѣють всего около 80 мм. въ длину и 53 въ поперечникѣ.

Эти гуси, какъ ихъ сородичи, попадаютъ въ ловушки; въ низовьяхъ Оби ихъ ловятъ остяки, преимущественно въ особыя сѣти, которыя ставятся на широкихъ просѣкахъ между ивовыми зарослями на рѣчныхъ островахъ; охотятся же за ними больше всего въ Египтѣ англійскіе туристы. Пойманные сѣверные гуси попадаютъ и въ наши зоологическіе сады изъ Голландіи.

Своеобразную окраску имѣеть **Бѣлый гусь** (*Anser hyperboreus, niveus, nivalis, albatius, Anas hyperboreus, nivalis, Chen hyperboreus, albatius, Chinochen hyperborea, Tadorna nivea. Schneegans. Oie hyperboréene*). Старый гусь весь бѣлый за исключеніемъ первыхъ десяти маховыхъ перьевъ, которыя черныя, стержни ихъ у основанія бѣлые, къ концу также черныя. Въ юношескомъ нарядѣ опереніе лишь на головѣ и затылкѣ имѣеть бѣло-сѣроватый налетъ, на нижней части шеи, верхней части спины черновато-сѣрое, такого же цвѣта перья плечь, грудь и бока, далѣе книзу цвѣта блѣднѣе; болѣе задняя часть спины и верхнія кроющія перья хвоста—пепельно-сѣрыя; большія маховыя перья сѣро-черныя, малыя маховыя такія же, но съ сѣровато-бѣлыми каймами; хвостовыя перья темно-сѣрыя съ такими же каймами. Глаза темно-каріе; клювъ блѣдный грязно-красный, по краямъ черноватый; ноги блѣдныя грязно-карминно-красныя. Длина птицы достигаетъ 86 см., размахъ крыльевъ 160, длина крыла 48, хвоста 16 см.

Родина бѣлаго гуся—далекій сѣверъ Америки, но онъ распространяется и по сѣверо-восточной Азійи и иногда залетаетъ въ Европу, но не долженъ быть причисленъ къ птицамъ, долетающимъ до Германіи. Однако онъ и въ восточномъ полушаріи встрѣчается рѣдко, такъ какъ область его гнѣздованія ограничивается прибрежными странами отъ Гудзонова залива до Алеутскихъ острововъ, а его перелеты имѣють больше юго-восточное, чѣмъ юго-западное направленіе. Во всякомъ случаѣ его наблюдаютъ каждую зиму въ сѣверномъ Китаѣ и сѣверной Японіи, одиночками и въ западной Сибири и даже въ Россіи. Главная масса однако совершаетъ летъ черезъ Сѣверную Америку и останавливается въ южныхъ частяхъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ Техасѣ, Мексикѣ, на Кубѣ и другихъ вѣсть-индскихъ островахъ онъ обыкновененъ въ зимніе мѣсяцы; въ южной Калифорніи, Техасѣ, Луизианѣ, Миссисипи, Алабамѣ, Георгіи и Флоридѣ въ это время можно видѣть тысячныя стаи этихъ гусей. Бѣлые гуси тоже не остаются зимой на одномъ и томъ же мѣстѣ, но соображаются съ погодой и соответственно ей летятъ то далѣе на югъ, то обратно на сѣверъ. Точно также, летя черезъ Соединенные Штаты, они обыкновенно держатся очень высоко въ воздухѣ, почему и случается, что представленіе о той массѣ птицъ, которая летитъ черезъ сѣверныя части Соединенныхъ Штатовъ, можно составить себѣ только на зимовкахъ этихъ птицъ. Полетъ ихъ превосходенъ, походка хороша, но держать себя они не такъ красиво, какъ канадская казарка. Отъ послѣдней, по Одибону, бѣлый гусь отличается своей молчаливостью. Прилетая на зимовку, онъ ведетъ себя очень доуѣрчиво по отношенію къ человѣку, но,

благодаря усиленному преслѣдованію, и онъ вскорѣ становится очень пу-
гливымъ.

Отъ Ричардсона мы знаемъ, что въ наиболѣе сѣверныхъ частяхъ Америки бѣлый гусь въ значительныхъ количествахъ гнѣздится въ болотахъ и топяхъ тундры, причѣмъ яйца его желтовато-бѣлаго цвѣта и красивой формы; они немного крупнѣе яицъ гаги, именно около 72 мм. длиной и 48 въ поперечникѣ. Молодые получаютъ способность летать въ августѣ и въ серединѣ сентября начинаютъ уже летать по окрестностямъ.

Въ разгаръ лѣта этотъ гусь кормится главнымъ образомъ травой и насѣко-
мыми; позднѣе онъ ѣсть ягоды, именно гоноболъ. Пойманные гуси этого вида, жившіе у Одюбона, скоро стали ручными и привыкли къ различной растительной пищѣ. Блакстонъ рассказываетъ, что къ одному ручному бѣлому гусю, который жилъ у одного изъ его знакомыхъ, во время пролета прилетѣлъ одинъ дикій собрать и провелъ зиму въ его обществѣ. Наступившей весной онъ улетѣлъ на сѣверъ, присоединившись къ летѣвшей мимо стаѣ. Но что было довольно странно, это то, что осенью онъ появился снова и вновь провелъ зиму со своимъ старымъ другомъ. Это длилось два или три года подъ-рядъ, затѣмъ онъ уже болѣе не появлялся и вѣ-
роятно былъ убитъ. Въ Европѣ, насколько мнѣ извѣстно, бѣлыхъ гусей въ неволѣ никогда не держали.

Баренстонъ говоритъ, что бѣлый гусь представляетъ одну изъ главнѣйшихъ промысловыхъ птицъ и что именно ядѣйцы производятъ жестокія опустошенія въ его стаяхъ во время пролета. Нерѣдко случается, что за это время хорошіи охотники убиваютъ сотни гусей. Стрѣлокъ обыкновенно беретъ два ружья и при-
чѣтся въ траву въ ожиданія пролетающихъ гусей. Онъ стрѣляетъ въ стаю, а жена его заряжаетъ ружья. Мясо молодыхъ птицъ, повидимому, превосходно, а мясо старыхъ годится по крайней мѣрѣ для крѣпкихъ суповъ.

* *
*

Казарки или Морскіе гуси (*Branta. Meergänse. Bernaches*) относительно малы ростомъ, плотно сложены, но все-таки красивы. Туловище ихъ сильно, шея коротка, голова довольно велика, клювъ слабоватъ, малъ и коротокъ, у основанія крѣпокъ, высокъ и широкъ, къ концу тонкій, зубчики клюва слабы; ноги сильныя, но довольно низкія; крылья такой длины, что достигаютъ конца хвоста; хвостъ короткій, слегка закругленный; опереніе плотное, на шеѣ съ мелкими выемками; основной цвѣтъ его—темный пепельно-сѣрый, на которомъ рѣзко выдѣляются темно-черный, коричнево-красный, бѣлый и т. д.

Въ Германіи встрѣчаются три вида этого рода, всего чаще **Черная казарка, Нѣмокъ** (*Branta bernicla, Bernicla monacha, torquata, brenta, collaris, glaucogaster, micropus, platyuros, pallida* и *melanopsis, Anas bernicla* и *monacha, Anser brenta* и *torquatus. Ringelgans. Cravant*). У нея передняя часть головы, шея, маховыя и рулевыя перья чернаго цвѣта; опереніе спины, груди и верхней части брюшка темно-сѣрое, съ болѣе свѣтлыми каемками; бока брюшка, гузка и верхнія хвостовыя кроющія перья — бѣлаго цвѣта. Съ каждой стороны шеи находится полулунное бѣлое поперечное пятно и перья здѣсь слегка выемчатыя. Молодыя птицы выглядятъ темнѣе и еще не имѣютъ украшенія на шеѣ. Глаза темно-коричневые, клювъ красновато-черный, лапы темно-черныя. Длина достигаетъ 62 см., размахъ крыльевъ 124, длина крыла 36, длина хвоста 11 см.

Бѣлощекая казарка, Сѣверный нѣмокъ (*Branta leucopsis*, *Bernicla leucopsis* и *erythropus*. *Anas* и *Anser leucopsis*. *Nonnengans*. *Bernache du nord*) немного крупнѣе черной казарки: длина ея достигаетъ 70 см., размахъ крыльевъ 140, длина крыла 43, длина хвоста 14 см. Лобъ и бока головы, верхнія кроющія перья хвоста, грудь, брюшко и гузка бѣлаго цвѣта. Паховыя перья съ слабыми поперечными темными полосами; задняя часть головы, шея, узкая уздечка до глаза, затылокъ, зашеекъ и средняя часть спины блестящаго темно-чернаго цвѣта; перья зашейка съ бурными каемками; нижнія шейныя перья пепельно-сѣраго цвѣта съ бѣлыми каемками; маховыя перья черно-бурныя, съ наружной стороны до конца съ сине-сѣрой оторочкой; верхнія кроющія перья крыла и плечевыя перья темнаго пепельно-сѣраго цвѣта, къ концу черно-бурныя, на концѣ съ узкой бѣлой каемкой; перья хвоста черныя. Глаза темно-каріе, клювъ и лапы черныя.

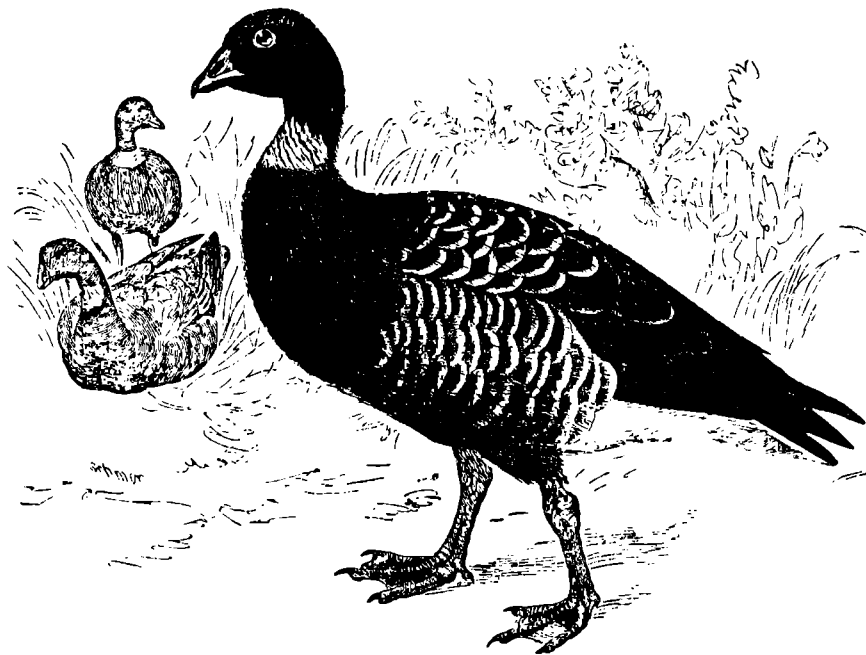
Гораздо красивѣе обоехъ предъидущихъ третій видъ—**Краснозобая казарка, Краснозобый нѣмокъ, Чаквой** (*Branta ruficollis*, *Bernicla*, *Anas*, *Anser* и *Rufibranta ruficollis*. *Rothalsgans*. *Bernache à col rouge*). Ея длина достигаетъ 55 см., размахъ крыльевъ 135, длина крыла 37, длина хвоста 11 см. Голова и задняя часть шеи, спина, нижнія шейныя перья, крылья, за исключеніемъ верхнихъ кроющихъ перьевъ— съ бѣлыми каемками, хвостъ, грудь и бока чернаго цвѣта. Продолговато-круглое уздечное пятно и надбровная полоса бѣлыя. Надбровная полоса идетъ дугообразно-сзади уха къ боку шеи и здѣсь соединяется со вторымъ, столь же широкимъ пятномъ, развѣтвляющимся сзади глаза, идущимъ вертикально внизъ сбоку головы и отсюда изгибающимся подъ тупымъ угломъ и доходящимъ до половины шеи. Большая полоса на затылкѣ, полоса на груди, пахи, средняя часть груди, брюшко, гузка, верхнія и нижнія кроющія перья хвоста—бѣлаго цвѣта. Паховыя перья съ широкой черной каймой на концѣ. Наконецъ, большое окаймленное бѣлыми полосами ушное пятно, горло, передняя часть шеи и зобъ ярко-коричнево-краснаго цвѣта. Глаза темно-каріе, клювъ голубовато-черный, лапы совсѣмъ черныя.

Отечество черной казарки—крайній сѣверъ Стараго и Новаго Свѣта. Она гнѣздуется на островахъ и побережьяхъ, лежащихъ между 60° и 80° сѣверн. широты. Въ Исландіи она гнѣздуется рѣдко, а на Шпицбергенѣ во множествѣ. Далѣе къ востоку она встрѣчается въ срединѣ лѣта по всѣмъ берегамъ Ледовитаго океана, также изобилуетъ въ Гудзоновомъ заливѣ и на сосѣднихъ водахъ. Черная казарка ежегодно совершаетъ перелеты изъ своего негостепріимнаго отечества, появляясь на нашихъ берегахъ, а иногда даже въ болѣе южныхъ мѣстностяхъ. Въ концѣ октября или самое позднее въ началѣ ноября тысячи этихъ гусей населяютъ всѣ плоскія прибрежья Балтійскаго и Нѣмецкаго морей. Отмели и песчаныя банки, обнажаемыя отлиномъ, покрываются казарками, насколько хватаетъ глазъ. Крикъ ихъ заглушаетъ грохотъ прибоя. Издали стада ихъ походятъ при взлетѣ на густой, далеко разстилающійся дымъ и положительно не поддаются исчисленію.

Бѣлощекая казарка раздѣляетъ общее отечество со своими родичами, но по видимому распространена тамъ весьма неравномѣрно. Осенью она встрѣчается по берегамъ южной Гренландіи, Исландіи, Великобританіи, Ютландіи, сѣверной Германіи, Голландіи, Бельгіи и Франціи, и во всѣхъ удобныхъ мѣстахъ названныхъ странъ проводить также и зиму, являясь кое-гдѣ столь-же многочисленной, какъ чернозобая казарка. Весной бѣлощекая казарка возвращается на свои гнѣздовья, на сѣверъ. Наконецъ, краснозобая казарка живетъ на крайнемъ сѣверѣ Азіи, а можетъ быть и на крайнемъ сѣверо-востоцѣ Европы. Она нерѣдко гнѣздуется на

Воганидахъ и многочисленными стадами перелетаетъ къ югу по долинамъ Оби, а также вверхъ по другимъ сибирскимъ великимъ рѣкамъ. Иногда, но вообще крайне рѣдко, краснозобая казарка направляется въ западную Европу по обычному пролетному пути птицъ съ сѣверо-востока на юго-западъ и зимуетъ на Каспійскомъ морѣ, изрѣдка на Черномъ и даже на Средиземномъ; чаще же всего, вѣроятно, на степныхъ озерахъ Туркестана.

Я ограничусь описаніемъ образа жизни одной черной казарки. Она, какъ и ея родственники, прибрежная птица, рѣдко теряющая изъ вида море и лишь въ исключительныхъ случаяхъ посѣщающая внутренность материковъ, слѣдуя по большимъ рѣкамъ. Отъ большинства своихъ родичей, живущихъ внутри материковъ, черная казарка отличается красотой, привлекательностью, общительностью и ми-

Черная казарка. *Branta bernicla*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

ролюбіемъ, не уступая имъ въ развитіи внѣшнихъ чувствъ. Она одинаково хорошо ходитъ и по твердой, и по илстой почвѣ, плаваетъ легко и красиво, ныряетъ отлично, во всякомъ случаѣ лучше всѣхъ остальныхъ гусей, летаетъ также легче и ловче ихъ, но не такъ часто, какъ они, принимаетъ клиновидный порядокъ, а чаще всего летитъ беспорядочной кучей. При взлетѣ большихъ стай слышится шумъ, схожій съ отдаленными раскатами грома. При прямолинейномъ полетѣ въ высшихъ воздушныхъ слояхъ ясно слышится свистъ, рѣзче, чѣмъ у болѣе крупныхъ гусей, но глуше, чѣмъ у утокъ. Крикъ ихъ очень простъ: призывной голосъ состоитъ изъ одного трудно передаваемого звука, отчасти похожаго на «квэнг». Разговорнымъ звукомъ служитъ рѣзкое и грубое «кдох». Гнѣзвъ, какъ обыкновенно у гусей, выражается тихимъ шипѣньемъ. Подобно своимъ родственникамъ, черная казарка живетъ общественно лишь съ себѣ подобными, а, соединяясь по необходимости съ другими, держится всегда плотными стадами. Случайно отбившись отъ своей стаи, она боязливо летаетъ кругомъ, пока не найдетъ снова

представителей своего вида, и никогда не чувствует себя ловко среди других гусей. Если черную казарку посадить в одно место с другими гусями, то она чрезвычайно дружелюбно относится к ним, конечно, главным образом потому, что сознает свою слабость и не может отделиться от чувства страха. Относительно человека она выказывает себя уроженкой крайнего севера, которая редко преследуется наследственным врагом животных: она гораздо меньше робка, чем остальные гуси, и становится осторожнѣе лишь послѣ продолжительных преследований. Въ неволѣ она сначала ведет себя очень робко, но скоро свыкается с измѣнившейся обстановкой и постепенно горячо привязывается къ своему хозяину, приходит на его зовъ, выпрашивает себѣ кормъ и, если ею заниматься, может быть доведена до того, что бѣгает за хозяиномъ какъ собака.

Относительно пищи морскіе гуси отличаются отъ нашихъ тѣмъ, что кромѣ травы и морскихъ растений ѣдятъ также мягкотѣлыхъ. На крайнемъ северѣ они, вѣроятно, ѣдятъ всѣ тамошнія растенія. У насъ они предпочитаютъ свѣжую луговую траву и сходныя съ ней растенія. Въ неволѣ они привыкаютъ къ зерновому корму, но чтобы они дольше жили, необходимо давать имъ также другія растительныя вещества, именно различную зелень.

Уже старинные мореплаватели упоминаютъ, что черныя казарки часто гнѣздуютъ на Шпицбергенѣ; китоловы и другіе полярные мореплаватели находили ихъ гнѣздовья на всѣхъ посѣщавшихся ими островахъ крайнего севера. «Эти обыкновеннѣйшіе гуси Шпицбергена», говоритъ Мальмгренъ, «въ очень большомъ количествѣ гнѣздуютъ на западномъ и северномъ берегахъ острова, на материкѣ и на шхерахъ, преимущественно на тѣхъ, гдѣ живетъ много гагъ. Гнѣздо дѣлается очень не искусно изъ водяныхъ растеній и ихъ листьевъ, часто располагается совсѣмъ рядомъ съ гнѣздами гагъ и обкрадывается ими. Кладка, оканчивающаяся только въ іюлѣ, состоитъ отъ 4—8 яицъ съ тонкой, неблестящей скорлупой мутнаго зеленовато или желтовато-бѣлаго цвѣта, около 72 мм. въ длину и 48 мм. въ поперечникѣ. Передъ временемъ насиживания обѣ птицы каждой пары выдѣлываютъ на очень большой высотѣ разные смѣшанные летательные фокусы и самецъ самымъ выразительнымъ способомъ ухаживаетъ за самкой. На гнѣздѣ оба совершенно не пугливы. Гусакъ защищаетъ самку и свое потомство отъ каждаго приближающагося врага, даже бросается, шипя, на человека если онъ угрожаетъ имъ. Когда у гусей есть птенцы, храбрость родителей еще болѣе возрастаетъ. Къ концу іюля наступаетъ линяніе и старики становятся такъ-же неспособны къ полету, какъ птенцы.

На крайнемъ северѣ черную казарку преслѣдуютъ эскимосы и китоловы. На южныхъ берегахъ ее убиваютъ тысячами весной и осенью. Въ Голландіи ее ловятъ въ еще большемъ количествѣ при помощи выставляемыхъ для приманки гусей. Мясо ея считается вкуснымъ, но часто обладаетъ прогорклымъ вкусомъ, который не всякому нравится. Такъ какъ онъ происходитъ отъ питанія ракушками, то въ Голландіи пойманныхъ морскихъ гусей нѣкоторое время откармливаютъ хлѣбнымъ зерномъ и только потомъ убиваютъ.

Канадская казарка (*Branta canadensis*, *Anser canadensis*, *parvipes* и *leucopareius*, *Bernicla canadensis*, *occidentalis* и *leucopareia*, *Cygnus*, *Cygnopsis*, *Leucoblepharon canadensis*. *Schwanengans*. *Bernache du Canada*), говорятъ, иногда прилетала въ Европу изъ Сѣверной Америки. У нея голова и задняя часть шеи черныя; щеки горло и зобъ—бѣлыя или сѣровато-бѣлыя, верхняя часть тѣла буровато-сѣрая, по краямъ перьевъ свѣтлѣе; грудь и верхняя часть шеи пепельно-сѣрыя;

остальные нижнія части тѣла чисто-бѣлыя. Большія маховыя перья черно-бурыя; малыя маховыя перья и рулевыя перья, 16—18 числомъ, черныя, глаза сѣро-бурые; клювъ черный, лапы черновато-сѣрыя. Длина самца достигаетъ 93 см., размахъ крыльевъ 168, длина крыла 48, длина хвоста 20 см. Самка немного менѣе.

Канадская казарка встрѣчается во всей Сѣверной Америкѣ, но уже болѣе не гнѣздуетъ въ южныхъ частяхъ Соединенныхъ Штатовъ, а съ появленіемъ европейцевъ отодвинулась къ сѣверу и съ каждымъ годомъ все болѣе оттѣсняется туда. Впрочемъ, отдѣльныя пары еще гнѣздуютъ ежегодно въ большихъ, трудно доступныхъ болотахъ среднихъ штатовъ, а во время зимняго перелета канадскія казарки посѣщаютъ всѣ штаты. Прибывая съ сѣвера, онѣ появляются стаями по 20—30 штукъ въ концѣ октября, иногда раньше, иногда позже. Остановившись въ мѣстахъ, богатыхъ кормомъ, онѣ перелетаютъ то снова къ сѣверу, то далѣе къ югу, проводятъ такъ зиму и въ апрѣлѣ или въ началѣ мая предпринимаютъ свой обратный перелетъ къ гнѣздовьямъ, которые въ настоящее время находятся по большей части въ пустыняхъ между 50° и 67° сѣверной широты.

Образъ жизни, особенности, нравы и привычки канадской казарки почти во всѣхъ отношеніяхъ сходны съ нравами и образомъ жизни нашихъ дикихъ гусей. Только голосъ ея, громкій крикъ, звучащій вродѣ «гарук гаук ра ру раук хурру-рэйт» — напоминаетъ скорѣе крикъ лебедя, чѣмъ сѣраго гуся. Напротивъ того, движенія на сушѣ и на водѣ, полетъ, порядокъ стаи при полетѣ и т. п. одинаковы у этой казарки и у нашего дикаго гуся; по нраву обѣ птицы также похожи. Всѣ наблюдатели хвалятъ необычайную остроту чувствъ, умъ, предусмотрительность, хитрость — однимъ словомъ понятливость канадской казарки, и говорятъ о ней съ тѣмъ же воодушевленіемъ, съ какимъ наши охотники рассказываютъ о дикомъ гусѣ. Канадскія казарки всегда осторожны, но внутри материка менѣе пугливы, чѣмъ на берегахъ моря; точно также онѣ менѣе осторожны на маленькихъ прудахъ, чѣмъ на большихъ озерахъ. Во время кормежки онѣ постоянно выставляютъ сторожей, которые предупреждаютъ стаю о появленіи всякаго опаснаго врага. Стадо скота или дикихъ бизоновъ нисколько ихъ не беспокоитъ, но медвѣдь или кугуаръ тотчасъ же замѣчаются, и вся стая проворнѣйшимъ образомъ направляется къ водѣ. Если врагъ пытается преслѣдовать ихъ и здѣсь, то гусаки издаютъ громкіе крики, стая смыкается и взлетаетъ вразбродъ, а если думаетъ летѣть далеко, то принимаетъ правильный клиновидный порядокъ. Слухъ канадской казарки такъ остръ, что она въ состояніи съ удивительной точностью различать различные звуки: она различаетъ, животное ли ломаетъ сухую вѣточку или на нее наступилъ человекъ. Она остается спокойной, когда дюжина большихъ черепахъ или аллигаторъ съ шумомъ бросаются въ воду, но становится боязлива, услышавъ звуки весель.

Эти гуси выказываютъ тонкую хитрость, если хотятъ неслышно и незамѣтно улизнуть. Иногда онѣ спасаются въ ближайшій лѣсъ, но обыкновенно заплываютъ или забѣгаютъ въ густую траву, прячутся тамъ и неслышно пробираются впередъ или прижимаются плашмя къ землѣ. Они любятъ придерживаться своихъ обычныхъ мѣстъ отдохновенія. Если ихъ потревожатъ, то тамъ, гдѣ имъ рѣдко докучаютъ, они обыкновенно не улетаютъ далеко, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ они пролетаютъ большія разстоянія, прежде чѣмъ опуститься. Само собою разумѣется, что они выставляютъ сторожей и на мѣстахъ отдыха. Раненыя, не могущіе летѣть, съ виду кажутся совсѣмъ здоровыми и убѣгаютъ, какъ только могутъ быстро, въ укромныя мѣста, гдѣ такъ ловко прячутся между растеніями, что очень часто ускользаютъ отъ охотника.

Однажды въ Лабрадорт Одюбонъ замѣтилъ плывущую канадскую казарку, потерявшую отъ линянья всѣ маховыя перья, и погнался за нею на лодкѣ. Когда лодка приблизилась, казарка нырнула, появилась далеко, снова нырнула и исчезла. Послѣ долгихъ поисковъ замѣтили, что она держится вплотную за кормой лодки, высунувъ изъ воды одну голову и плывя такъ съ той же быстротой, какъ лодка. Одинъ изъ охотниковъ попробовалъ схватить ее рукой, но казарка съ быстротой молніи нырнула въ глубину и начала появляться то съ одной, то съ другой стороны лодки, не даваясь никому изъ охотниковъ. При полетѣ канадскія казарки держатся выше дистанціи всякаго выстрѣла, но ночью онѣ летятъ ближе къ землѣ, подобно большинству осторожныхъ птицъ. Необыкновенныя явленія или густой туманъ сбиваютъ ихъ съ пути: онѣ нерѣдко разбиваютъ головы о свѣтящаяся стекла маяковъ ночью и о высокія зданія въ густомъ туманѣ.

Тамъ, гдѣ канадская казарка гнѣздуется въ южныхъ частяхъ Соединенныхъ Штатовъ, она начинаетъ постройку гнѣзда въ мартѣ. Въ это время самцы бываютъ очень вообуждены и въ высшей степени драчливы. Сосѣдніе гусаки постоянно вцѣпляются другъ другу въ перья, словно думая, что каждый сосѣдь хочетъ похитить у другого его самку, съ которой онъ вѣрно живетъ всю жизнь, или что другой помѣшаетъ его любовнымъ занятіямъ. Подчасъ дѣло доходитъ до упорныхъ дракъ, но исходъ ихъ всегда одинаково благополученъ для обѣихъ сторонъ, и оба противника по окончаніи схватки возвращаются съ веселымъ гоготаньемъ къ своимъ подругамъ. Гнѣздо устраивается въ мѣстѣ, нѣсколько удаленномъ отъ воды, среди густой травы, подъ кустами; также нерѣдко случается, что гнѣздо устраивается на деревѣ: принцъ фонъ Видъ нашелъ гнѣздо канадской казарки въ вѣтвяхъ высокаго тополя, на которомъ выше находилось гнѣздо бѣлоголоваго орлана. Каусъ и Стефенсонъ также находили гнѣзда этой птицы на деревьяхъ. Второе гнѣздо, изслѣдованное принцемъ фонъ Видомъ, было устроено сзади толстаго, выброшеннаго водой ствола и состояло лишь изъ мелкой ямки въ пескѣ, выстланной лугомъ. Но обыкновенно эта птица строитъ гнѣздо съ большей заботливостью, и иногда складываетъ довольно большую кучу изъ жесткой травы и другихъ растительныхъ веществъ. Кладка состоитъ изъ 3—9 яицъ, около 85 мм. длиною и 57 мм. въ поперечникѣ. Въ неволѣ эти гуси несутъ 10—12 яицъ. Послѣ 28 дневнаго насиживания изъ яицъ вылупляются пушистые птенцы, которые остаются еще 1—или 2 дня въ гнѣздѣ и затѣмъ слѣдуютъ за родителями къ водѣ, но къ вечеру обыкновенно возвращаются на сушу отдыхать и грѣться на солнцѣ, и проводятъ ночь подъ крыльями матери. Въ случаѣ опасности оба родителя съ замѣчательной храбростью защищаютъ свой выводокъ. Одюбонъ зналъ одну пару канадскихъ казарокъ, которая нѣсколько лѣтъ подъ рядъ гнѣздовала на одномъ и томъ же пруду и вслѣдствіе частыхъ посѣщеній нашего естествоиспытателя стала наконецъ такъ смѣла, что подпускала его къ себѣ на нѣсколько шаговъ. Самецъ поднимался во весь ростъ, а также иногда бросался на нарушителя покоя, чтобы отпугнуть его назадъ, и разъ, налетѣвъ, нанесъ ему сильный ударъ по рукѣ. Послѣ подобныхъ нападеній, гусакъ всякій разъ самодовольно возвращался къ гнѣзду и наклоненіями головы увѣрялъ гусыню въ своей готовности защищать ее и дальше. Чтобы поближе изучить храбрую типичную, Одюбонъ рѣшился поймать ее; для этого онъ взялъ зеренъ и разсыпалъ ихъ подлѣ гнѣзда. Черезъ нѣсколько дней обѣ казарки начали ѣсть зерна даже въ присутствіи наблюдателя, и наконецъ такъ привыкли къ нему, что позволили ему подходить на нѣсколько метровъ къ гнѣзду, но никогда не допускали трогать яйца; когда онъ попробовалъ это сдѣлать, самецъ съ яростью бросился на него и сильно укусилъ его за палецъ. Когда птенцы

должны были скоро вылупиться, Одюбонъ наживилъ зерномъ большую сѣть; гусакъ явился, началъ ѣсть и былъ пойманъ. На слѣдующее утро, когда самка хотѣла отвести на рѣку вылупившихся птенцовъ, Одюбонъ поймалъ весь выводокъ вмѣстѣ съ матерью, такъ что вся компанія очутилась въ его власти. Подрѣзавъ крылья, онъ посадилъ ихъ въ большой садъ; но старики были такъ напуганы, что пришлось опасаться за жизнь птенцовъ; однако удалось постепенно приучить ихъ къ личинкамъ саранчи (ихъ любимой пищѣ), размяченному крупно-молотому ячменю и т. п., такъ что птенцы благополучно выросли. При наступленіи сильныхъ холодовъ, въ декабрѣ Одюбонъ замѣтилъ, что самецъ часто расширялъ крылья, издавая при этомъ громкій крикъ. Всѣ члены семьи откликались на этотъ крикъ, сначала самка, потомъ молодые, и затѣмъ всѣ побѣжали насколько можно дальше въ южномъ направленіи черезъ садъ, пытаясь взлетѣть. Птицы три года оставались во власти нашего наблюдателя и нѣкоторые изъ молодыхъ, но не старики, вывели потомство въ неволѣ.

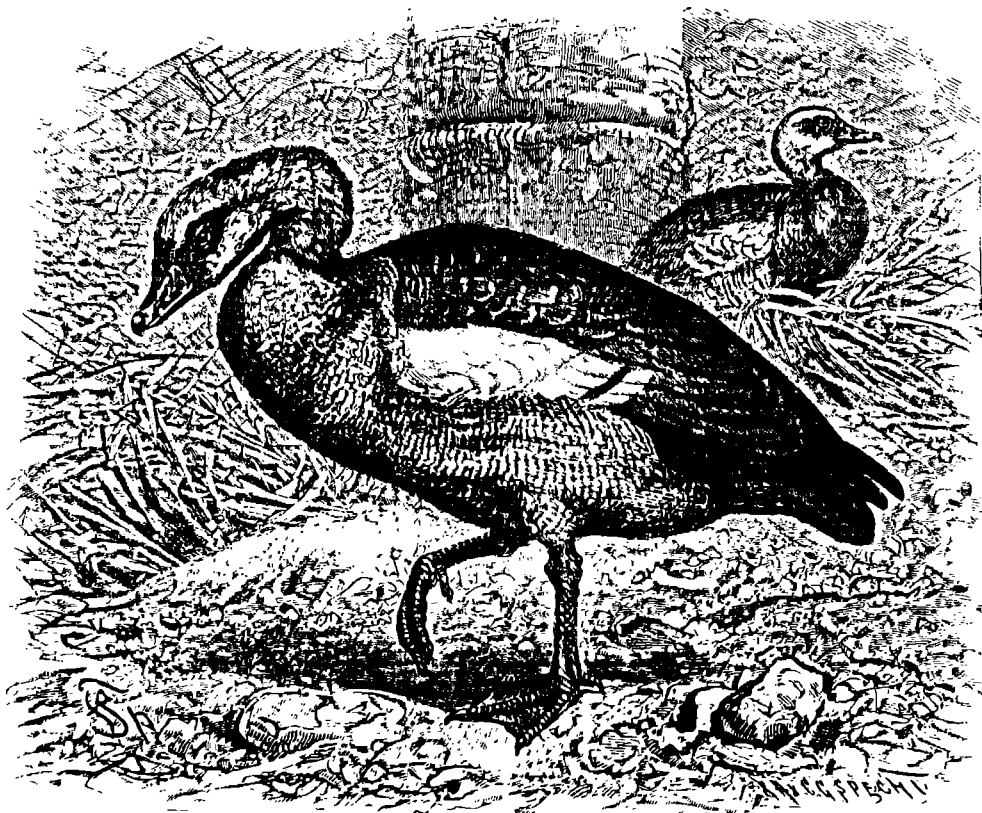
Въ настоящее время канадскія казарки содержатся всѣми болѣе зажиточными сельскими хозяевами Сѣверной Америки. Оказалось, что они приносятъ еще большую пользу, чѣмъ домашніе гуси и ихъ обратили въ настоящую домашнюю птицу. Теперь ихъ держать совершенно такъ-же, какъ ихъ родичей. Многіе скрещиваютъ ихъ съ другими гусями, особенно съ домашнимъ гусемъ, и происходящая отсюда помѣсь отличается главное тѣмъ, что откармливается легче обоихъ коренныхъ видовъ. Въ нашихъ зоологическихъ садахъ уже много лѣтъ успѣшно разводятъ канадскихъ казарокъ.

Бѣлые и индѣйцы съ одинаковыхъ рвеніемъ охотятся за этими гусями и ловятъ ихъ сотнями при помощи выставляемыхъ для приманки ручныхъ гусей; мясо ихъ солятъ или коптятъ; пухъ и перья тоже идутъ въ дѣло, причемъ по добротѣ значительно превосходятъ пухъ и перья домашнихъ гусей.

* *

Изъ чужеземныхъ гусей слѣдуетъ упомянуть о **Нильскомъ гусѣ** (*Chenalorex aegyptiacus, varius. Anas aegyptiaca, Anser aegyptiacus, varius, Bernicla aegyptiaca. Nilgans. Bernache armée*), потому что онъ довольно постоянно посѣщаетъ южную Европу изъ Африки и Сиріи, и нѣсколько разъ попадался въ Германіи. Онъ является представителемъ рода **Древесныхъ гусей** (*Chenalorex. Baumgänse*) и отличается стройнымъ тѣлосложеніемъ, тонкой шеей, большой головой, короткими клювомъ, высокими ногами, широкими крыльями и роскошнымъ опереніемъ. Клювъ полуцилиндрической формы, у лба высокій, кпереди значительно понижающійся и слабо сводчатый, переходящій на концѣ въ широкій круглый коготь. Ноги голыя нѣсколько выше плюсны, стройныя, съ небольшими пальцами. Крылья отличаются короткимъ отросткомъ на стибѣ и развитіемъ малыхъ маховыхъ перьевъ. Короткій хвостъ состоитъ изъ 14 перьевъ. Бока головы и передняя часть шеи желтовато-бѣлаго цвѣта, съ мелкими крапинками. Пятно вокругъ глаза, задняя часть шеи и широкій поясъ на половинѣ шеи — ржаво-бураго цвѣта. Опереніе верхней стороны тѣла сѣраго и чернаго цвѣта, нижней — блѣдно-желтаго съ бѣлыми и черными поперечными полосками; середина груди и брюшка свѣтлѣе, первая украшена большимъ округленнымъ коричнево-бурымъ пятномъ. Губка прекраснаго ржаво-желтаго цвѣта. Кроющія перья крыла бѣлыя, къ концу черныя съ красивымъ металлическимъ отблескомъ. Концы маховыхъ перьевъ и рулевые перья блестяще-чернаго цвѣта. Глаза желтые или оранжево-желтые; клювъ красновато-снѣгій, сверху свѣтлѣе, у корня и у конца

сѣро-синій; лапы красноватя или свѣтло-желтыя. Длина доходитъ до 70, размахъ крыльевъ до 140, длина крыла 42, длина хвоста 14 см. Самка очень походитъ на самца, только нѣсколько меньше ростомъ; опереніе ея не такъ красиво окрашено и пятно на груди не такъ велико. Отечество этого гуся—Африка, отъ Египта до Капской земли и отъ восточнаго берега далеко въ глубь страны; на западномъ берегу онъ, повидимому, не встрѣчается. Изъ Африки нильскій гусь распространился по Палестинѣ и Сириі и неоднократно залеталъ въ Грецію, южную Италію и южную Испанію. Остается неизвѣстнымъ, слѣдуетъ-ли причислять къ заблудившимся или просто къ улетѣвшимъ изъ неволи тѣхъ нильскихъ гусей, которыхъ убивали въ сѣверной и западной Франціи, въ Бельгіи и въ Германіи.

Нильскій гусь. *Chenalorex aegyptiacus*. част. вел.

Во время моихъ путешествій по Африкѣ я очень часто наблюдалъ эту красивую птицу, изображенія которой постоянно встрѣчаются на древне-египетскихъ памятникахъ. Въ Нижнемъ Египтѣ нильскій гусь встрѣчается рѣдко, начиная же отъ Верхняго Египта къ югу его нѣтъ только въ неудобныхъ мѣстахъ рѣки, т. е. тамъ, гдѣ она сжата справа и слѣва скалистыми стѣнами, не оставляя совсѣмъ мѣста для большихъ острововъ. Уже въ южной Нубіи попадаются многочисленные стада его, а въ Суданѣ онъ принадлежитъ къ обычнымъ явленіямъ на обѣихъ рѣкахъ и также встрѣчается далеко отъ нихъ на прудахъ дождевой воды и т. п. водахъ. Во время размноженія нильскій гусь попадаетъ парами и потомъ является въ сопровожденіи птенцовъ. Позже отдѣльныя семьи соединяются вмѣстѣ и ко

времени линянiя, которое, впрочемъ, не лишаетъ ихъ возможности летать, появляются неисчислимыя стаи ихъ, часто на много миль покрывающiя оба берега рѣки. Во время одной поѣздки по Бѣлому Нилу, я, какъ уже сказано выше, въ теченiи трехъ дней видѣлъ берега рѣки покрытыми безчисленными полчищами птицъ, большую часть которыхъ составлялъ нильскiй гусь. Впрочемъ, далеко отъ воды онъ встрѣчается только летящимъ высоко въ воздухѣ. Повидимому, онъ сильно привязанъ къ водѣ, особенно къ прѣсной. Но въ этомъ отношенiи онъ не взыскателенъ, такъ какъ довольствуется дождевымъ потокомъ, отъ котораго лишь кое-гдѣ остались маленькiя лужи. Но больше всего онъ предпочитаетъ мѣста, гдѣ берега рѣки поросли лѣсомъ, потому что гнѣздуется охотнѣе всего въ лѣсу и на деревьяхъ. Любимѣйшимъ его прiютомъ въ сѣверной части области Пила служатъ острова и песчаныя отмели въ рѣкѣ, отсюда онъ летаетъ на поля кормиться и снова сюда собирается для отдыха или чтобы поболтать. Каждая пара живетъ въ извѣстномъ мѣстѣ, которое ревниво охраняетъ, но самцы охотно соединяются вмѣстѣ, чтобы поболтать часокъ или при случаѣ подраться.

Нильскiй гусь соперничаетъ въ бѣгѣ съ высоконогимъ шпорцевымъ гусемъ; очень ловко плаваетъ съ глубокопогруженной грудью, при преслѣдованiи ныряетъ быстро, долго и на большую глубину или проплываетъ далеко подъ водою, работая ногами и крыльями; летаетъ съ сильнымъ шумомъ, но легко и быстро. Когда ихъ пара, то они летятъ гуськомъ, а когда ихъ много, то они поднимаются беспорядочной кучей, но принимаютъ клиновидный порядокъ, если приходится далеко летѣть. Голосъ не громокъ, звучитъ съ особенной рѣзкостью и дребезжанiемъ, какъ плохая труба. Въ особенности поразителенъ крикъ, когда что-нибудь озабочиваетъ гусей или самецъ сердится. Тогда сначала слышится рѣзкое «кэк-кэк», а въ отвѣтъ отъ другихъ грубое «тэнг-тэнг», послѣ чего всѣ вмѣстѣ громко, дребезжа голосомъ, кричатъ вродѣ «тэнг-тэнгтэр-рэнгтэнгтэнг». Особенно громко кричитъ пара или стая передъ взлетомъ, рѣже на воздухѣ.

Нильскiй гусь при всякихъ обстоятельствахъ остороженъ, постоянно заботится о своей безопасности, въ высшей степени недовѣрчивъ, а, подвергаясь преслѣдованiямъ, становится охотнѣе всѣхъ другихъ гусей, умѣетъ оцѣнивать разстоянiя и тотчасъ различаетъ иностранцевъ отъ туземцевъ, которыхъ менѣе боится. Не такъ привлекателенъ его нравъ. Онъ принадлежитъ къ самымъ властолюбивымъ и сердитымъ птицамъ, какiя только встрѣчаются, и, несмотря на сообщество съ себѣ подобными, никогда не живетъ съ ними въ мирѣ. Во время спариванiя самцы дерутся между собою буквально не на животъ, а на смерть, по крайней мѣрѣ, дѣлаютъ такъ въ неволѣ, свирѣпо и неустанно гоняются другъ за другомъ, оживленно перебраниваясь, кусаютъ другъ друга, бьютъ крыльями и взаимно истощаются до того, что падаютъ. Нѣкоторые самцы подчиняютъ себѣ не только утокъ, живущихъ въ одной съ ними сажалкѣ, но покоряютъ своей властью и болѣе крупныхъ гусей, становятся все отважнѣй и безумно смѣлѣй, наконецъ, рѣшаются нападать на другихъ животныхъ и при случаѣ бросаются даже на людей. Если къ такому самцу посадить другого самца, все равно одного или въ обществѣ самки, онъ бросается, подобно хищной птицѣ, на припелыца и стремится, какъ можно скорѣе, сдѣлать его безвреднымъ для себя. Онъ знаетъ, что ударами клюва и крыльевъ онъ его не прикончитъ, но все-таки убиваетъ врага, именно топить, послѣ того, какъ предварительно такъ утомить противника, что тотъ безсилно падаетъ; тогда побѣдитель взлѣзаетъ ему на спину, схватываетъ клювомъ за затылокъ и до тѣхъ поръ держитъ его голову подъ водою, пока птица захлебнется.

Нильскій гусь пасется на поляхъ какъ наши дикіе гуси; подобно уткамъ, копается въ илѣ бухтъ и въ рѣкѣ; онъ охотно добываетъ, ныряя, разныхъ водяныхъ животныхъ со дна рѣки. Молодые нильскіе гуси чрезвычайно жадно ѣдятъ, по крайней мѣрѣ, въ извѣстное время саранчу; взрослые тоже ѣдятъ животныя вещества, но, повидимому, пренебрегаютъ рыбой; по крайней мѣрѣ, я никогда не наблюдалъ, чтобы они гонялись за ней.

Въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ случается, что нильскій гусь рѣшается устраивать гнѣздо въ высоко расположенныхъ углубленіяхъ скаль или просто на землѣ; тамъ-же, гдѣ рѣка окаймлена лѣсомъ или хоть отдѣльныя подходящія деревья стоятъ кое-гдѣ по берегу или недалеко отъ него, онъ постоянно устраиваетъ гнѣздо на деревьяхъ, въ сѣверо-восточной Африкѣ преимущественно на одномъ видѣ колючей мимозы. Гнѣздо, главнымъ образомъ, состоитъ изъ вѣтвей самого дерева, но внутри мягко выстилается тонкими вѣточками и травами. Число яицъ, по моимъ наблюденіямъ, колеблется отъ 4 до 6, а по увѣренію моихъ черныхъ охотниковъ, отъ 10 до 12; яйца очень круглыя, въ среднемъ 64 мм. длиной, 47 мм. въ поперечникѣ, съ толстой и гладкой скорлупой, желтовато-бѣлаго цвѣта. Самое время насиживания зависитъ отъ наступленія весны. Такъ, въ Египтѣ нильскіе гуси садятся на яйца въ началѣ марта, а въ Суданѣ лишь по наступленіи періода дождей, въ началѣ сентября. Самка насиживаетъ одна, въ продолженіи 27—28 дней; самецъ изображаетъ вѣрнаго стража, постоянно сидитъ вблизи и возвѣщаетъ предостерегающимъ крикомъ о всякой приближающейсѣ опасности. Разъ въ сутки и именно въ часы послѣ полудня, насиживающая самка оставляетъ яйца, но всегда сначала тщательно прикрываетъ ихъ пухомъ. Птенцы скоро отводятся на рѣку и ускользаютъ отъ случайныхъ преслѣдованій даже на чистыхъ, т. е. не заросшихъ кустами и камышомъ, островахъ, такъ какъ при опасности самымъ проворнымъ образомъ бѣгутъ къ водѣ и умѣютъ отлично нырять. Они также воспитываются, какъ птенцы сѣрыхъ гусей, и, выросши, соединяются съ другими въ стаю.

Въ Египтѣ за нильскимъ гусемъ охотятся турки и европейцы; въ Восточномъ Суданѣ его единственнымъ опаснымъ врагомъ являются, повидимому, лишь орлы и крокодилы. Мясо его, насколько я могу судить, не отличается отъ мяса другихъ видовъ гусей; мясо молодыхъ чрезвычайно вкусно, мясо старыхъ хотя вязко и жестко, но отлично годится для супа.

* *

Индусская легенда утверждаетъ, что два любовника были обращены въ гусей и осуждены проводить ночь далеко одинъ отъ другаго на противоположныхъ берегахъ рѣки, постоянно крича другъ другу: «Чаква, можно-ли мнѣ придти?» — «Нѣтъ, чакви» — «Чаква, можно-ли придти?» — «Нѣтъ, чакви». Птица, къ которой относится эта легенда, есть **Красная утка**, **Карагатка**, **Кипуна** (*Tadorna casarca* и *rutila*, *Casarca rutila*, *Anas casarca*, *rutila* и *aurantia*, *Vulpanser rutila*, *Rostgans*, *Oie des gramines*) представитель рода **Норковыхъ гусей** (*Tadorna*, *Höhlangänse*), отличительными признаками которыхъ являются: наибольшая величина клюва, маленькій зубецъ на клювѣ, роговая одежда ногъ и складчатое строение клюва, что приближаетъ этотъ родъ къ уткамъ. Опереніе карагатки преимущественно ярко-ржаво-краснаго цвѣта, щетки желтовато-бѣлыя, шея ржаво-желтая; утка, но во время брачнаго оперенія замѣтная полоса на нижней части шеи — зелено-черная; верхнія и нижнія кроющія перья крыльевъ бѣлыя, перья зеркальца стали-зеленныя; область надхвостья, верхнія кроющія перья хвоста, маховыя и

рулевья перья блестяще-черныя. Самка отличается отъ самца меньшей величиной, менѣ яркой окраской и болѣе бѣлымъ лицомъ; также у нея обыкновенно вѣтъ черной полосы на шеѣ. Глаза свѣтло-коричневые, клювъ черный, лапы свинцово-черныя. Длина достигаетъ 62 см. размахъ крыльевъ 116, длина крыла 36, длина хвоста 14 см.

Центромъ области распространенія красной утки является Средняя Азія. Къ востоку ея отечество простирается до верхняго Амура, къ западу до Марокко. Въ особенности часто встрѣчается она въ Туркестанѣ, южной Россіи, въ Добруджѣ и Болгаріи, въ Закавказьѣ и Малой Азійи. Во время своихъ перелетовъ она очень часто посѣщаетъ Грецію, южную Италію и иногда Испанію; иногда проводитъ здѣсь зиму, но обыкновенно пролетаетъ дальше. Во всей Индіи она хорошо известна, такъ какъ зимой встрѣчается во всѣхъ частяхъ полуострова; на озерахъ въ Египтѣ она, по крайней мѣрѣ, не составляетъ рѣдкости; въ Тунисѣ, Алжирѣ и Марокко во многіе года она такъ же часто встрѣчается, какъ въ Индіи. Иногда карагатка залетаетъ къ сѣверу и сѣверо-западу, достигая и средней Германіи, но здѣсь ея появленіе принадлежитъ всегда къ рѣдкимъ исключеніямъ. Она поздно улетаетъ и уже рано весною снова появляется на своей родинѣ—въ степи. Здѣсь она всюду находитъ для себя удобныя мѣста на равнинѣ, также, какъ въ горахъ до 3000 п. высоты или до снѣжной линіи, на озерахъ, рѣкахъ, потокахъ, равно какъ и на самыхъ маленькихъ ручейкахъ. Она представляетъ характернѣйшую птицу степи и больше, чѣмъ кака-либо другая птица, содѣйствуетъ оживленію ея высотъ и зеленыхъ долинъ.

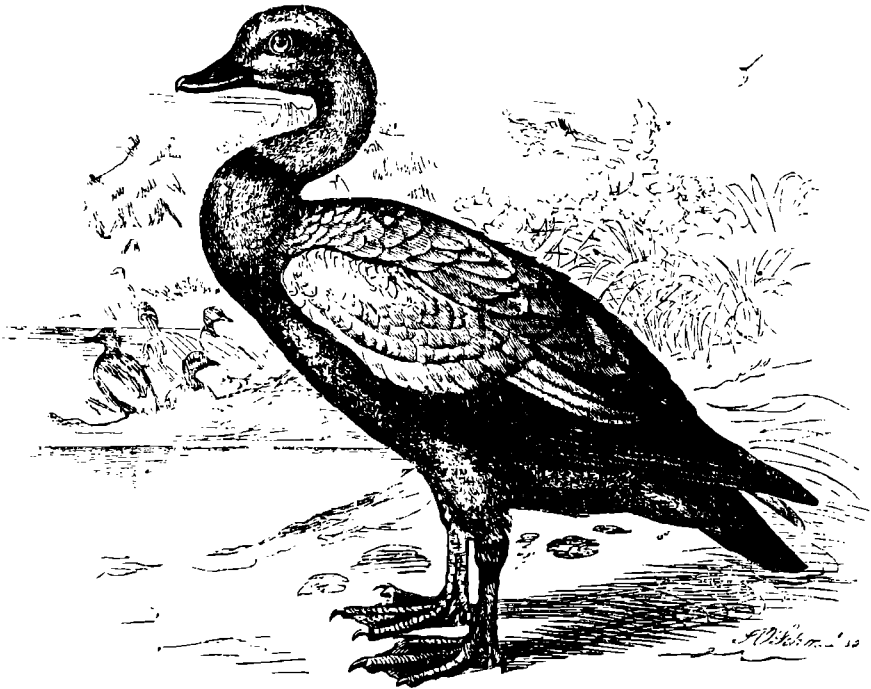
Кто судить о карагаткѣ исключительно по ея малому росту, тотъ принимаетъ ее за утку; кто хорошо ея знаетъ—видитъ въ ней гуся. Кромѣ того, что уже окраска оперенія указываетъ на ея родство съ другими гусями, образъ жизни, поведеніе, походка, полетъ и искусство плаванія, голосъ, даже способъ насиживанія согласуются съ особенностями, привычками и обычаями гусей, но не утокъ.

Онѣ живутъ попарно, выказывая взаимную вѣрность, свойственную роду гусей, живутъ не столько на водѣ, сколько у воды, рѣшительно избѣгая болотъ. Она отыскиваетъ лужайки, покрытыя сочной травой луга, поля съ хлѣбными всходами и пасется здѣсь, какъ всѣ гуси. Во всякомъ случаѣ она не пренебрегаетъ животной птицей, но рѣшительно предпочитаетъ ей растительную и въ неволѣ погибаетъ, если ея кормятъ исключительно животной пищей. Она держится прямо, высоко поднявъ голову, какъ другіе гуси; ходитъ хорошо, мѣрными шагами, которые могутъ ускоряться до очень быстраго бѣга, но никогда не переваливался, какъ утки.

При плаваніи тѣло ея болѣе погружено спереди, чѣмъ сзади. Летаетъ она, рѣдко взмахивая крыльями. Передъ опусканіемъ на землю, она паритъ и описываетъ красивые круги. Чрезвычайно приятно смотрѣть, когда пара этихъ красивыхъ и величественныхъ птицъ спускается съ вышины въ глубину долины; при этомъ онѣ всегда парятъ, не двигая крыльями, но производя великолѣпные повороты, которые не только выказываютъ бѣлизну крыльевъ и всю ихъ красоту, но и обнаруживаютъ, что этотъ гусь такой мастеръ летать, какого не встрѣчается въ семействѣ утокъ. Также сильный, далеко звучащій голосъ карагатки можетъ быть сравнимъ только съ крикомъ другихъ гусей.

Призывнымъ крикомъ служитъ разнообразно измѣняющееся, но всегда звучащее «анг» или «унг», къ которому, впрочемъ, обыкновенно присоединяются еще нѣкоторые другіе звуки, вродѣ «тур-тур-тура-гоанг-гоанг-гоак-гак-гик». Голосъ самца по тону выше, чѣмъ голосъ самки.

Относительно оцѣнки понятливости красной утки не можетъ быть разногласія. На свободѣ она нигдѣ и никогда не покидаетъ своей осторожности. Вблизи гнѣзда она такъ-же робка, какъ на зимней стоянкѣ, и такъ-же мало довѣряетъ туземцамъ, какъ и чужестранцамъ. Даже въ глубинѣ уединеннѣйшихъ стелныхъ долинъ ее вспугиваетъ все непривычное. Уже издали привѣтствуетъ она крикомъ путниковъ, приближающихся въ повозкѣ, верхомъ или пѣшкомъ, и никогда не предается пагубной безпечности. Она, повидимому, не особенно любитъ общество птицъ другихъ видовъ. Всѣ тѣ, которыхъ я могъ наблюдать, держались парами или маленькими семействами, не обращая вниманія на другихъ птицъ. Жердонъ говоритъ, что въ Индіи карагатку обыкновенно встрѣчаютъ парами, позже болѣе крупными стайками и къ концу періода размноженія большими стадами, которыя могутъ разрастаться

Карагатка. *Tadorna casarca*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

до массъ въ нѣсколько тысячъ. Такія стаи замѣтны издали не только по своей бросающейся въ глаза окраскѣ, но также и по крику, напоминающему трубные звуки.

До времени насиживанія карагатка обыкновенно живетъ съ другими особями своего вида и съ другими водяными птицами по крайней мѣрѣ въ мирѣ; но стремленіе къ размноженію въ высшей степени возбуждаетъ самцовъ и особенно вызываетъ ихъ страсть къ дракамъ. Быстрыми шагами бросаются они на другихъ самцовъ своего вида, также на селезней различныхъ утиныхъ породъ, даже на приближающихся утокъ, наклоняютъ голову низко къ землѣ, распускаютъ крылья и стараются схватить нарушителя спокойствія за шею и оттащить прочь. Послѣ того они возвращаются съ громкимъ крикомъ къ самкѣ и обходятъ ее съ разнообразными поклонами, получая оживленные привѣтствія и благодарности. Спариваніе происходитъ тотчасъ съ наступленіемъ первыхъ дней весны, а во время жизни на свободѣ навѣрно еще на зимней стоянкѣ. Обѣ птицы такъ же вѣрны одна другой,

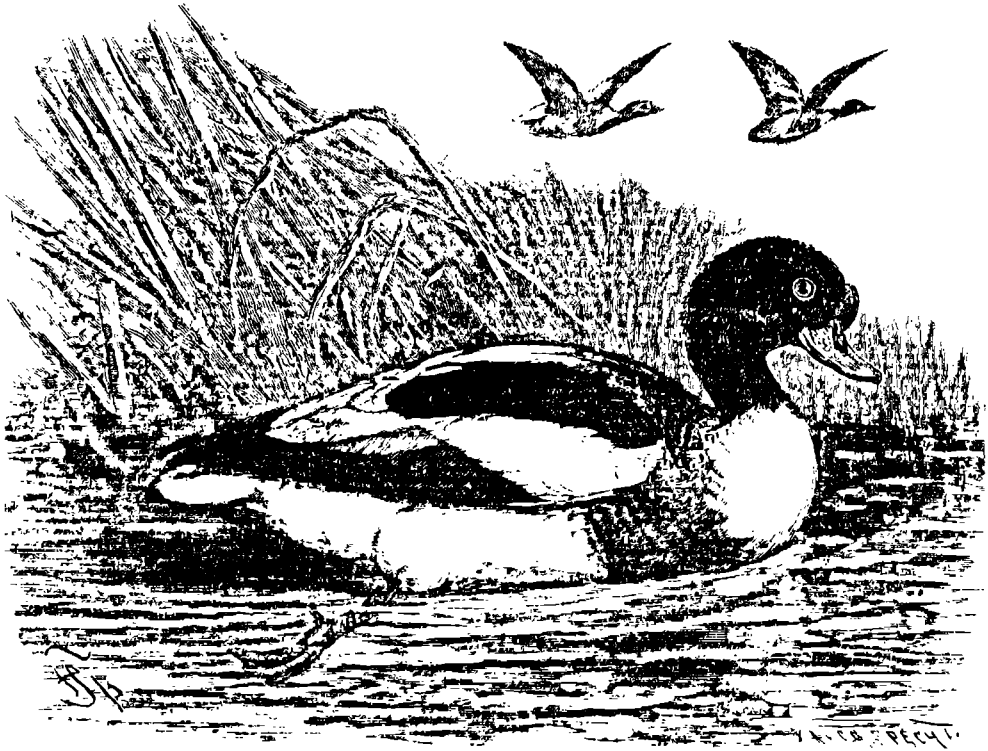
какъ у всѣхъ прочихъ гусей. Онѣ живутъ только другъ другомъ, взаимно расточаютъ другъ другу ласки, никогда не расстаются и готовы пожертвовать жизнью одинъ для другаго. Въ Туркестанѣ одинъ изъ насъ подстрѣлилъ крыло у самки одной пары и поймалъ ее на глазахъ испуганнаго самца. Съ крикомъ взлетѣлъ онъ, но не полетѣлъ прочь, какъ сдѣлалъ-бы всякій селезень, а, жалобно крича, началъ кружиться надъ мѣстомъ несчастья, не могъ быть прогнанъ шестью направленными въ него выстрѣлами и, наконецъ, заплатилъ жизнью за свою безпримѣрную преданность.

Въ началѣ и въ серединѣ мая парочка начинаетъ искать подходящаго мѣста для гнѣзда. Карагатка устраиваетъ гнѣздо только въ ворахъ и пещерахъ и поэтому часто принуждена долго искать, прежде чѣмъ найдетъ подходящее мѣсто, а также должна терпѣть сожительство очень отличныхъ отъ него птицъ. Въ сѣверо-западной Африкѣ Сальвинъ нашелъ одно гнѣздо въ расщелинѣ отвѣсной скалистой стѣны, гдѣ находились также гнѣзда коршуновъ, грифовъ и вороновъ. Въ Сибири она тоже предпочитаетъ расщелины скаль, а также гнѣздуется въ древесныхъ дуплахъ, гнѣздахъ хищныхъ птицъ или въ оставленныхъ ворахъ стениныхъ сурковъ. Ради удобной норы она иногда должна летать много верстъ отъ мѣста своей кормежки и даже забираться въ пустыню или лишенную растительности степь. Самецъ, столь-же ревнивый, какъ нѣжный, сопровождаетъ самку при каждомъ такомъ вылетѣ, а когда она сидитъ на яйцахъ, онъ для ея охраненія держится вблизи. При этомъ онъ садится или на выступѣ скалы, или на толстой вѣткѣ, держитъ бдительную стражу, предупреждаетъ при опасности особымъ крикомъ и или улетаетъ вмѣстѣ съ самкой, или бросается на встрѣчу собакамъ и другимъ хищнымъ животнымъ, нападая на нихъ или отпугивая ихъ. Самое гнѣздо устраивается изъ жесткихъ листьевъ, травы и сверху выкладывается вѣнкомъ изъ пуха. Кладка состоитъ изъ 12—15 чисто или желтовато-бѣлыхъ яицъ, блестящихъ и съ тонкой скорлупой, около 62 мм. въ длину и 46 мм. въ поперечникѣ. Когда птенцы вылупятся и обсохнутъ, они оставляютъ гнѣздо, причемъ просто спрыгиваютъ въ глубину, а затѣмъ отьодятся къ водѣ, часто за много миль разстоянія. Здѣсь проводятъ они свое дѣтство, оберегаемые и руководимые обоими нѣжно ихъ любящими родителями. Сначала они покрыты пухомъ, очень отличнымъ отъ одѣяннн утенка, но похожимъ на пухъ птенцовъ пѣганки. Верхняя часть головы, задняя часть шеи и плечъ, середина спины и у крыльевъ черно-бурого цвѣта; въ остальныхъ частяхъ—грязно-бѣлаго цвѣта. Лишь постепенно одѣяніе птенцовъ переходитъ въ опереніе молодежи, похожее на опереніе самки. Въ неволѣ карагатки выживаютъ почти такъ-же хорошо, какъ другіе виды утокъ, очень ручнѣютъ и при соответствующемъ уходѣ в содержаніи постоянно размножаются.

Пѣганка, Хархаль, Атайна, (*Tadorna damiatica, cornuta, familiaris, vulpanser, gibbera, littoralis, maritima, schachraman, bellonii, Anas tadorna, cornuta, Vulpanser tadorna. Brandgans. Tadorne commune*) имѣетъ голову и шею блестящаго темно-зеленаго цвѣта и два большихъ черныхъ пятна на плечахъ; поперечная полоса на шеѣ, расширяющаяся спереди, средняя часть спины, кроющія перья крыла, бока и хвостовыя перья до черныхъ концовъ—ослѣпительнаго бѣлаго цвѣта; широкая полоса на груди и нѣкоторыя изъ перьевъ, прикрѣпленныхъ къ плечевой кости, прекраснаго коричневаго цвѣта; средняя часть груди и брюхо—сѣро-черныя, нижнія хвостовыя кроющія перья желтоватыя, маховыя перья—черно-сѣрыя; перья, образующія зеркальце, металлически-зеленаго цвѣта. Глаза темно-орѣхово-бурые; клювъ карминно-красный, ноги мясо-красныя. Длина достигаетъ 63, размахъ

крыльевъ 110, длина крыла 36, длина хвоста 12 см. Самка носитъ такое-же опереніе, лишь немного менѣе блестящее. У молодыхъ задняя часть шеи сѣрая, верхняя часть спины буро-сѣрая, нижняя сторона гѣла желтовато-сѣрая и не имѣетъ грудной полосы.

На берегахъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей пѣганка принадлежитъ къ самымъ обыкновеннымъ видамъ своего подсемейства. Къ сѣверу она распространяется приблизительно до средней Швеціи, къ югу до сѣверной Африки, гдѣ часто встрѣчается на всѣхъ озерахъ, появляясь въ зимнее время иногда въ неисчислимомъ количествѣ. Кроме того, ее наблюдали на берегахъ Китая и Японіи и также

Пѣганка: *Tadorna damiatica*. 1/3 наст. вел.

находили на всѣхъ болѣе крупныхъ озерахъ Сибири или вообще Средней Азии. Такъ какъ она предпочитаетъ соленую воду прѣсной, то ее чаще встрѣчаютъ на самомъ морѣ или лишь на болѣе крупныхъ озерахъ съ солоноватой водой. Зимой она является великолѣпнымъ украшеніемъ озеръ сѣверной Африки, потому что здѣсь она покрываетъ иногда обширныя пространства и уже издали отличается отъ всѣхъ прочихъ птицъ своими ярко-выдѣляющимися одна отъ другой красками. На шлезвигскихъ, ютландскихъ и датскихъ островахъ, гдѣ пѣганка считается полудомашней птицей, она значительно содѣйствуетъ оживленію мѣстности и справедливо вызываетъ восхищеніе чужестранцевъ, потому что, какъ описываетъ Пауманъ, «она чрезвычайно живописно усѣиваетъ, по большей частью попарно и одна пара послѣ другой, зеленяя равнины безъ деревьевъ или маленькія долины между голыми песчаными дюнами». По своему образу жизни и движе-

нiямъ она походитъ на карагатку, но ходитъ нѣсколько тяжелѣе ея, и въ плаванiи выказываетъ большее искусство. Голосъ мало похожъ на голосъ другихъ гусей; призывной крикъ самки есть утиное криканье, самца—глухое «корр»; крикъ во время спариванiя есть трудно передаваемый пѣвучiй свистъ, который Науманъ пытается выразить слогами «тью-йо-ю-ей» и т. д. Пѣганка всего легче выказываетъ высокое развитiе своихъ умственныхъ способностей своей привязанностью къ человѣку. Она тоже робка и осторожна, но скоро научается различать, дружественно-ли расположенъ къ ней человѣкъ или нѣтъ, и когда убѣдится въ его покровительствѣ, оказывается столь довѣрчивой, что едва сходитъ у него съ дорожки, также безъ колебанiя вступаетъ во владѣнiе приготовленными для нея ямками для гнѣздъ; напротивъ того, тамъ, гдѣ ей приходится опасаться, она всегда съ величайшей предусмотрительностью избѣгаетъ стрѣлка. Съ другими представителями своего вида она живетъ до нѣкоторой степени общественно даже въ периодъ размноженiя; она мало обращаетъ вниманiя на родичей другихъ видовъ.

Пища ея состоитъ преимущественно также изъ растительныхъ веществъ въ особенности изъ нѣжныхъ частей морскихъ растений или другихъ травъ, которыя вообще растутъ въ соленой водѣ, изъ сѣмянъ, различныхъ родовъ злаковъ и осокъ, хлѣбныхъ зеренъ и т. п.; животныя вещества однако составляютъ необходимое дополненiе пищи для ея здоровья, и въ этомъ особенно ясно выказывается ея среднее положенiе между гусями и утками.

Во время жизни на свободѣ пѣганка ревностно преслѣдуетъ маленькихъ рыбокъ, слизняковъ и насѣкомыхъ; въ неволѣ она жадно бросается на кидаемыхъ ей рыбъ, краббовъ и т. п., а также охотно пожираетъ сырое мясо. Она добываетъ свою пищу не столько плавая, сколько бѣгая, при отливѣ появляется на отмеляхъ, бѣгаетъ по ихъ краямъ подобно прибрежной птицѣ и тщательно вылавливаетъ рыбу въ ямахъ съ водой. Утромъ она посѣщаетъ соседнiя сухiя мѣста и подбираетъ здѣсь земляныхъ червей и насѣкомыхъ, также обшариваетъ болотистыя мѣста или даже вылетаетъ на поля за растительной и животной пищей.

Она гнѣздуетъ такъ-же, какъ красная утка, только въ углубленiяхъ. «Тотъ, кому приходится путешествовать вблизи морскихъ береговъ», говоритъ Бодинусъ, «будетъ немало удивленъ, когда онъ часто въ двухъ километрахъ и далѣе отъ моря замѣчаетъ эту прекрасную птицу въ сопровожденiи ея самки; часто можно видѣть также много ихъ норъ на холмѣ или открытомъ мѣстѣ въ лѣсу, куда птицы вдругъ исчезаютъ».

«Если наблюдатель отправится на замѣченное мѣсто, то убѣдится, что наша блестящая водяная птица спустилась въ глубь земли, и не для того, чтобы удостовѣриться въ качествахъ находящихся тамъ лисьихъ барсучьихъ или кроликовыхъ норъ, чтобы присвоить себѣ ихъ жилища, какъ только эти четвероногия выростутъ, нѣтъ! но чтобы устроить свой домашнiй очагъ вмѣстѣ съ ними. Лисица и пѣганка живутъ въ одной норѣ; первая, вообще не щадящая никакой птицы, не легко обижаетъ пѣганку. Это достовѣрный фактъ, наблюдавшiйся и сообщенный самыми опытными писателями. Впрочемъ, по моимъ наблюденiямъ, это сожительство для пѣганки оказывается далеко не вполне безопаснымъ: я самъ нашелъ подлѣ одной обитаемой лисей норы крылья и перья пѣганки, хотя при этомъ осталось недоказаннымъ, что убийцей была лиса, потому что нора находилась въ лѣсу, населенномъ ястребами, такъ что одинъ изъ нихъ могъ съѣсть птицу на этомъ подозрительномъ мѣстѣ. Если спросить, отчего разбойница лисица, не щадящая почти никакихъ животныхъ, съ которыми можетъ справиться, дѣлаетъ исключенiе для пѣганки, то, я думаю, на это можно отвѣтить, что лисѣ внушаетъ почтенiе необык-

новенная храбрость этого гуся. Не только старья птицы, но и молодья отличаются необычайною смѣлостью. Я видаль, какъ пѣганки, всего нѣсколькo дней вылупившіяся изъ яицъ, оборонялись отъ большихъ домашнихъ птицъ и другихъ животныхъ, вродѣ маленькихъ собакъ, кроликовъ и т. п. Вмѣсто того, чтобы бѣжать отъ нихъ, онѣ мужественно остаются на мѣстѣ и ворочаютъ туда и сюда вытянутой шеей, сердито смотря на предметъ своего безпокойства и только тогда отступаютъ, когда считаютъ себя въ безопасности отъ нападенія. У старыхъ птицъ, которыя держатся попарно, преимущественно самецъ рѣшительно выступаетъ впередъ, всегда издавая особенный шипящій звукъ, принимая вышеописанную позу передъ противникомъ и смѣло нападаетъ на него, предварительно напугавъ его своими смѣлыми и сердитыми взглядами. Если удастся обратить врага въ бѣгство, то самецъ возвращается къ самкѣ, которая тоже мужественно относится къ опасности и помогаетъ самцу, хотя дѣйствуетъ и не такъ наступательно; оба затѣмъ радуются одержанной побѣдѣ, среди многихъ поклоновъ другъ другу и громкаго крика». Лѣсничій Гремельбейнъ, занимаясь однажды въ началѣ мая въ лѣсу въ значительномъ разстояніи отъ берега, замѣтилъ пару пѣганокъ, которая нѣсколькo разъ подъ рядъ кружилась надъ нимъ и его работниками и часто садилась недалеко на одно высокое мѣсто песчаной поляны. Самецъ оставался снаружи въ качествѣ сторожа, а самка подошла къ углубленію въ холмѣ, спокойно спустилась туда и оставалась внизу съ добрую четверть часа. Потомъ она снова появилась и приблизилась къ самцу; тогда, повидимому переговоривъ между собой, оба поднялись, сдѣлали нѣсколькo круговъ и начали опускаться въ ближайшихъ окрестностяхъ въ самыхъ различныхъ мѣстахъ, очевидно съ намѣреніемъ сбить съ толку наблюдателя. Этотъ поспѣшилъ къ холму, увидѣлъ здѣсь хорошо извѣстную ему лисью нору и нашелъ въ ней свѣжіе слѣды гусей и лисицы, равно какъ и пометъ. Послѣ наблюденій втеченіи многихъ дней оказалось, что гуси, вѣроятно, чтобы обмануть работающихъ людей, спускались въ эту нору только для отвода глазъ, а собственно имѣли въ виду другую, гораздо большую, въ которой жили вмѣстѣ лисицы и барсуки. Болѣе точный осмотръ обнаружилъ, что барсукъ регулярно входилъ и выходилъ и, повидимому, не обращалъ вниманія на посѣтителей своей норы, ведущей до 3 м. въ глубину, потому что слѣды обоихъ оказывались совершенно свѣжими и были ясно замѣтны до глубины въ 2 метра. Передъ другимъ выходомъ изъ той же норы, черезъ который входили и выходили лисицы, земля была гладко и твердо утоптана гусями и между слѣдами ихъ видѣлись красивые слѣды лисицы-самки, словно оттиснутые въ воскѣ. Нашъ наблюдатель тогда залегъ за одной насыпью караулить, достаточно близко къ норѣ, чтобы точно видѣть все, что тамъ происходитъ. Хитрые гуси не заставили себя долго ждать, сначала попробовали обмануть работниковъ на вышеупомянутомъ мѣстѣ, потомъ явились совсѣмъ неожиданно, летя совсѣмъ низко надъ землей съ противоположной стороны, опустились на главную нору, немного оглядѣлись и, считая себя виѣ наблюденій, начали дѣятельно расхаживать между возвышеніями и углубленіями, образовавшимися отъ частаго выкалыванія жильцами норы, также спокойно и увѣренно, какъ наши домашніе гуси на знакомомъ имъ дворѣ во время кладки яицъ. Скоро они исчезли въ отверстіи большой лисьей норы и не показывались въ теченіи полчаса. Наконецъ, появился одинъ гусь, пронорно взобрался на холмъ, подъ которымъ выходило отверстіе норы, внимательно осматрѣлся во всѣ стороны и затѣмъ спокойно полетѣлъ на лугъ.

На островѣ Сильтѣ жители устраиваютъ искусственныя норы, дѣлая въ низкихъ, покрытыхъ дерномъ буграхъ днѣмъ горизонтальныя дыры, которыя перекре-

щиваются въ серединѣ холма и служатъ для устройства гнѣздъ. Каждое мѣсто для гнѣзда снабжается плотно закрывающейся крышкой изъ дерна; ее можно приподнимать, чтобы изслѣдовать гнѣздо.

Самое мѣсто для гнѣзда выкладывается сухимъ дробкомъ и мхомъ, чтобы являющіяся птицы тотчасъ могли найти потребные имъ матеріалы. Эти норы регулярно занимаютъ пѣганки, даже когда онѣ находятся въ непосредственной близости къ человѣческимъ постройкамъ; птицы постепенно такъ привыкаютъ къ своимъ хозяевамъ, что во время насиживания позволяютъ наблюдать за собою. Если самку не тревожатъ, то она кладетъ 7—12 большихъ яицъ, около 70 мм. длины и 50 мм. въ поперечникѣ, бѣлыхъ, съ гладкой и твердой скорлупой, и затѣмъ начинаетъ ревностно насиживать. Если же у ней отбираютъ яйца, какъ дѣлаютъ на Сильтѣ, то она кладетъ ихъ 20—30. Самка постепенно окружаетъ свою кладку пухомъ и при отлучкахъ постоянно заботливо покрываетъ имъ гнѣздо. Она очень любитъ свои яйца и до тѣхъ поръ не сходитъ съ гнѣзда, пока ее почти схватятъ. Пѣганки, насиживающія въ искусственныхъ норахъ на Сильтѣ, такъ ручны, что при осторожномъ подниманіи вышеупомянутой крышечки продолжаютъ сидѣть на яйцахъ и только, когда ихъ трогаютъ, уходятъ въ боковые проходы. При осмотрѣ норы всегда сначала закупориваютъ единственный выходъ, чтобы гуси не выскочили оттуда и не сдѣлались пугливы.

Послѣ окончанія осмотра гнѣздъ снова отворяютъ главную нору, но теперь уже не появляется ни одна изъ насиживающихъ гусынь—онѣ по большей части снова отправляются на свои гнѣзда. Тѣ гусыни, которыя живутъ въ короткой, закрытой сзади норѣ, легко могутъ быть пойманы на яйцахъ, но при этомъ защищаются клювомъ, фыркаютъ, какъ кошки, или испускаютъ рѣзкіе звуки, болѣе отъ гнѣва, чѣмъ отъ страха.

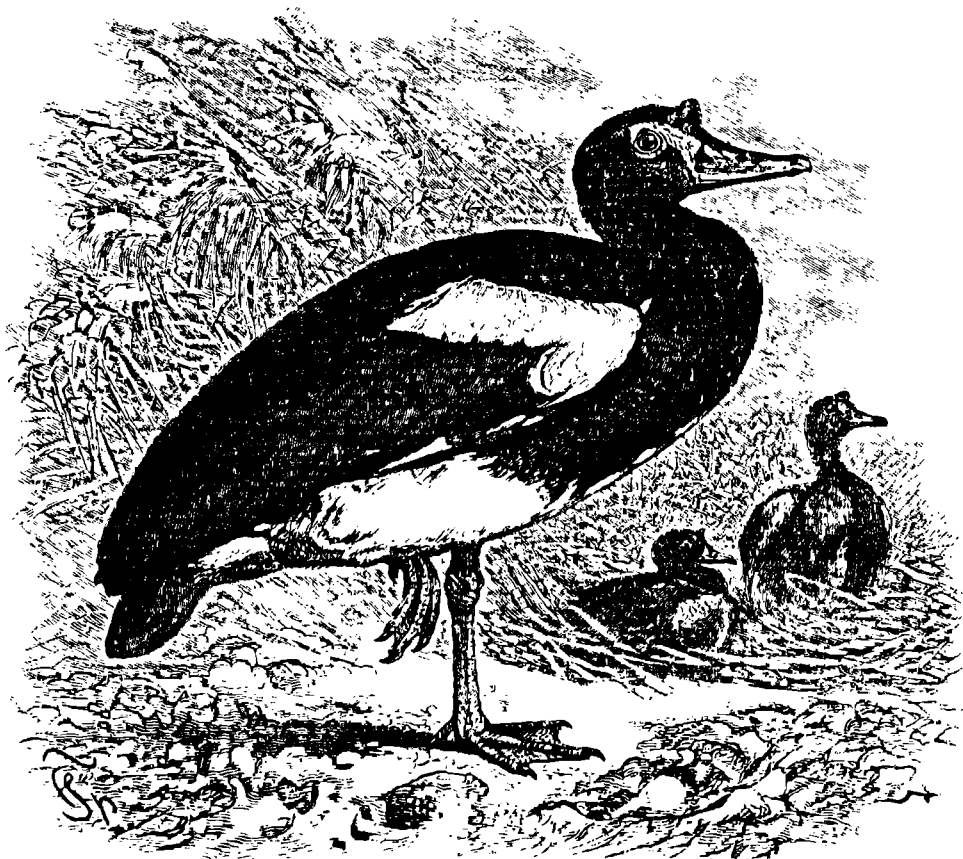
Послѣ окончанія насиживания, продолжающагося 26 дней, мать отводитъ своихъ птенцовъ къ ближайшему морскому берегу, но по дорогѣ охотно проводитъ нѣсколько дней на лежащихъ по пути прѣсныхъ водахъ. Путешествующій выводокъ легко поймать, между тѣмъ какъ это становится почти невозможно, едва выводокъ доберется до глубокой воды, потому что птенцы превосходно ныряютъ съ перваго дня своей жизни. Впрочемъ, мать старается изъ всѣхъ силъ защищать своихъ птенцовъ, смѣло нападая на враговъ или пытаясь обмануть ихъ притворствомъ.

Для жителей Сильта и другихъ острововъ Нѣмецкаго моря пѣганка не лишена значенія. Во первыхъ цѣнятся постепенно выпимаемая изъ гнѣздъ яйца, хотя вкусъ ихъ и не всякому нравится; во вторыхъ пухъ, выбраемый изъ гнѣздъ по окончаніи вывода птенцовъ, едва уступаетъ гагачьему и превосходитъ его чистотой. Мясо старыхъ птицъ не хвалятъ, потому что оно имѣетъ прогорклый вкусъ или вкусъ ворвани и противный запахъ.

Пойманные молодыми пѣганки при соответственномъ уходѣ вырастаютъ безъ особыхъ хлопотъ, становятся очень ручными и достигаютъ въ неволѣ своей полной красоты, но размножаются лишь въ рѣдкихъ случаяхъ.

Въ 1827 году, по словамъ Иррели, въ Англии, къ большому удивленію натуралистовъ, былъ убитъ одинъ видъ этого семейства, свойственный внутренней Африкѣ—**Шпорцевый гусь** (*Plectropterus gambensis, brevirostris, rueppellii, sclateri, Anser, Anas, Cygnus gambensis, Sporengans, Tadornes gambien*), почему его причислили къ европейской фаунѣ. Названный видъ довольно значительно отличается отъ

другихъ гусей и потому былъ возведенъ въ особый родъ того же названія (*Plectropterus*). Его отличительные признаки: значительная величина, стройное тѣло, длинная шея. Клювъ большой, сильный, у корня верхней половинки выдающійся бугромъ. Ноги относительно очень высокія, голыя еще выше пятокъ; лапы съ длинными пальцами и большими плавательными перепонками. Крылья длинныя, остроконечныя, съ особенно развитыми малыми маховыми перьями и развитыми въ сильныя шпоры роговыми бородавками. Хвостъ довольно длинный, клиновидно заостренный. Мелкое опереніе гладко лежащее, но состоящее изъ крупныхъ перьевъ, оста-

Шпорцевый гусь *Plectropterus gambensis*. наст.

вляющее непокрытой лобную часть головы. Щеки, подбородокъ и шея, средняя часть груди и нижняя сторона тѣла, также короткія верхнія кроющія перья крыла вдоль всего края—бѣлаго цвѣта; нижняя часть шеи и нижнія шейныя перья, маховыя и рулевыя перья—бурыя съ черно-зеленымъ отливомъ. Глаза красно-бурыя, клювъ синевато-красный, лапы свѣтло-красныя. Длина достигаетъ 90 см., размахъ крыльевъ 170, длина крыла 50, длина хвоста 18 см. Самка значительно меньше, но окрашена подобно самцу; у молодой птицы верхняя сторона тѣла бурая, крылья черныя, передняя часть шеи сѣро-бурая, на горлѣ бѣлая, въ остальныхъ частяхъ опереніе свѣтло-гусино-сѣрое.

Шпорцевый гусь распространенъ по всей средней, восточной и западной

Африкѣ, но не достигаетъ Капской колоніи. Въ Суданѣ я постоянно и часто находилъ его небольшими стаями около 14° сѣв. широты; къ сѣверу рѣже. Онъ живетъ или по берегамъ рѣкъ, или по берегамъ большихъ дождевыхъ прудовъ и, согласно моимъ наблюдениямъ, кочуетъ лишь въ ограниченной области. Въ мартѣ и іюлѣ онъ держится въ болотистыхъ мѣстахъ, какъ можно скрытнѣе, потому что линяетъ въ это время и не можетъ летать; позже стаи раздѣляются на пары, которыя въ началѣ періода дождей отправляются на гнѣздовья; здѣсь самка кладетъ 3—6 яицъ въ большое гнѣздо, сдѣланное изъ осоки, камыша, тростника и т. п., нерѣдко плавающее. Въ сентябрѣ и октябрѣ появляются птенцы въ пушкѣ, а позже находятъ стариковъ, все еще заботливо сопровождающихъ свою выросшую молодежь. Послѣ перваго линянія птенцы получаютъ опереніе стариковъ, но продолжаютъ расти и также еще не имѣютъ бугра на клювѣ.

Шпорцевый гусь бѣгаетъ лучше всѣхъ извѣстныхъ мнѣ видовъ подсемейства, держитъ высоко передъ туловищемъ и по походкѣ напоминаетъ аиста или цаплю. Передъ взлетомъ онъ сначала пробѣгаетъ порядочное разстояніе, затѣмъ поднимается, бьетъ сильно и быстро крыльями, скоро забирается на значительную высоту и тамъ быстро несется впередъ, но также часто любитъ дѣлать красивые повороты или нѣкоторое время парить. Въ плаваніи онъ не отличается отъ обыкновенныхъ гусей. Я никогда не замѣчалъ у него собственно крика, а самое большее, да и то рѣдко, рѣзкіе шипящіе звуки; но Гейглингъ утверждаетъ, что старые шпорцевые гуси издають трубоподобные, а молодые—свистящіе и дребезжащіе звуки. Всѣ, которыхъ я видалъ на свободѣ, были дики и осторожны и отлично различали европейцевъ отъ чернокожихъ, по крайней мѣрѣ подпускали послѣднихъ гораздо ближе къ себѣ, чѣмъ первыхъ. На другихъ птицъ они, повидимому, не обращали вниманія, хотя жили среди нихъ. На содержимыхъ въ неволѣ наблюдается, что они любятъ давать чувствовать свою власть слабѣйшимъ животнымъ: подобно лебедямъ, шпорцевые гуси подчиняютъ себѣ живущихъ на одномъ съ ними прудѣ водяныхъ птицъ; разсерженные бросаются на противника съ истиннымъ бѣшенствомъ, вцѣпляются ему въ перья и иногда даже убиваютъ его. Относительно пищи шпорцевые гуси еще тѣмъ отличаются отъ другихъ гусей, что охотно пожираютъ рыбу и вообще животныя вещества и, будучи разъ приучены къ нимъ, ѣдятъ ихъ съ той-же жадностью, какъ утки.

Шпорцевые гуси ежегодно привозятся живыми изъ западной Африки въ Европу. Въ Лондонскомъ зоологическомъ саду ихъ постоянно держатъ уже втеченіе болѣе сорока лѣтъ. При всемъ томъ они еще не получили у насъ правъ гражданства и, сколько мнѣ извѣстно, еще нигдѣ не размножались.

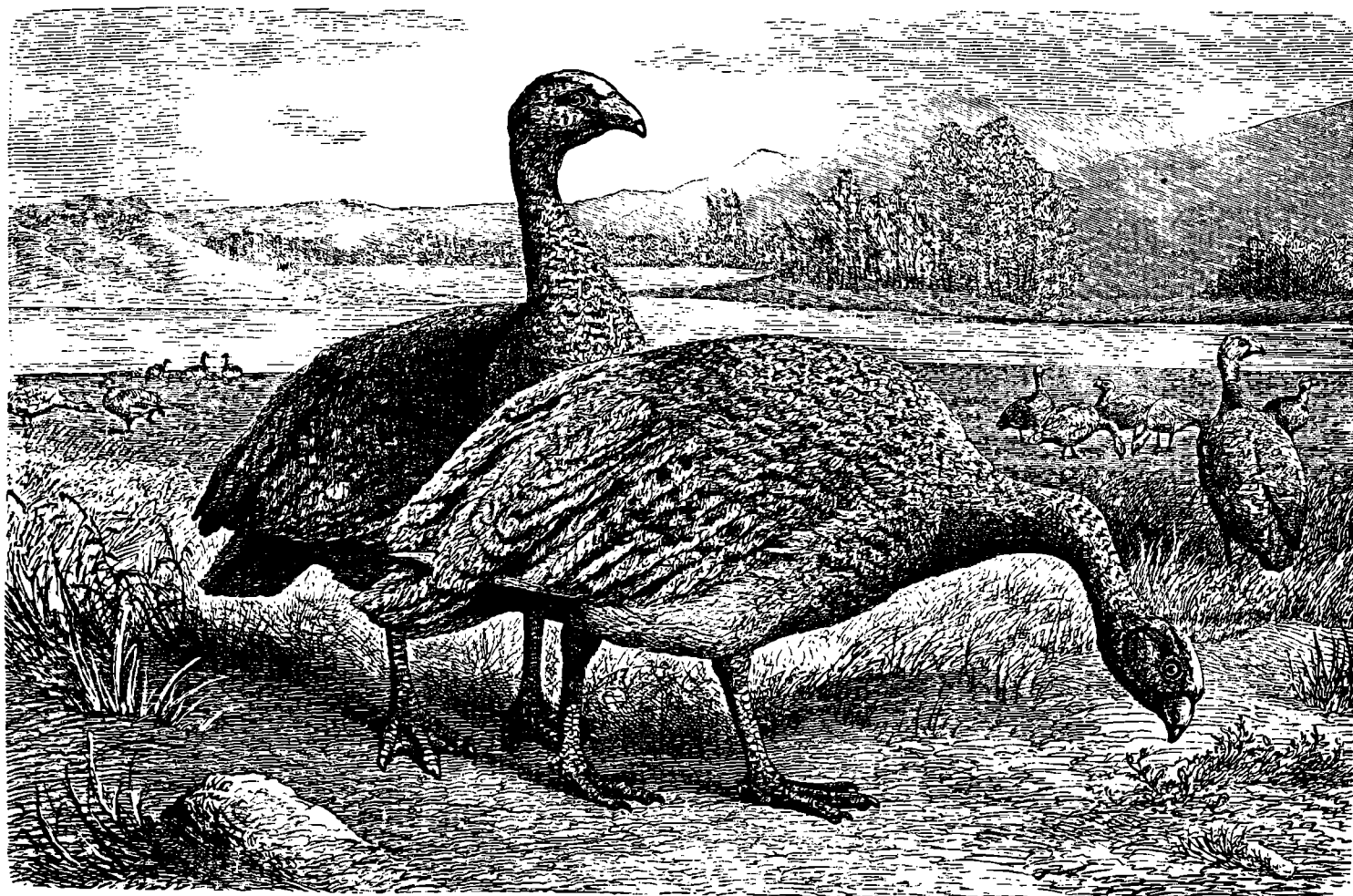
* * *

Австралія выказываетъ свой особенный отпечатокъ и въ **Новоголландскомъ гусѣ** (*Cereopsis novae-hollandiae*, *cinereus* и *australis*, *Anser griseus*, Pühnergans). Онъ представляетъ особый родъ (*Cereopsis*) и отличается слѣдующими признаками: плотное туловище, толстая короткая шея, небольшая голова; очень короткій, сильный, тупой, у основанія высокій клювъ, покрытый до конца восковицей, у конца согнутый и равномерно усѣченный, такъ что нѣсколько походитъ на клювъ нѣкоторыхъ видовъ куриныхъ; ноги съ длинной плюсной, но короткими пальцами, съ глубоко вырѣзанными плавательными перепонками и большими, сильными когтями; широкія крылья съ сильно развитыми малыми маховыми перьями; короткій закругленный хвостъ; богатое мелкое опереніе. Окраска прекраснаго пепельно-сѣраго цвѣта съ буроватымъ отливомъ, на верхней части головы переходитъ въ

свѣтло-пепельно-сѣрый, а на спинѣ разрисована кругловатыми черно-бурыми пятнами, расположенными у концов отдѣльныхъ перьевъ. Конечная половина малыхъ маховыхъ перьевъ, рулевья и нижнія кроющія перья хвоста—буровато-черныя. Глаза ярко-красныя; клювъ черный, его восковица зеленовато желтая; лапы черноватая. Длина достигаетъ 90 см., длина крыла 55, длина хвоста 20 см.

Лабильярдьеръ рассказываетъ, что первые новголландскіе гуси, найденные имъ на маленькихъ островахъ Бассова пролива, позволили поймать себя руками; но тѣ, которымъ удалось благополучно ускользнуть, скоро сдѣлались робкими и обращались въ бѣгство. Бальи подтверждаетъ это показаніе и увѣряетъ, что новголландскіе гуси, которыхъ онъ наблюдалъ, давали безъ всякихъ хлопотъ подбираться къ нимъ и ловить ихъ. Названные путешественники чрезвычайно хвалятъ мясо ихъ и ставятъ его гораздо выше мяса европейскаго гуся. Позднѣйшіе наблюдатели нашли, что новголландскіе гуси не только уже не встрѣчаются часто, но на многихъ островахъ совершенно истреблены. Гульдъ застрѣлилъ пару этихъ гусей на островѣ Изабелла, но думаетъ, что они еще находятся въ большомъ количествѣ во многихъ неизслѣдованныхъ частяхъ южной Австраліи. «Старый бушменъ» наблюдалъ ихъ въ Викторіи лишь дважды—маленькую стаю и двухъ гусей, примѣшавшихся къ ручнымъ гусямъ. Новголландскій гусь, сообразно своимъ способностямъ, живетъ гораздо больше на сушѣ, чѣмъ на водѣ. Онъ ходитъ превосходно, но плаваетъ довольно плохо и неохотно, а летаетъ тяжело. Онъ отличается отъ всѣхъ прочихъ видовъ своего семейства своей нелюбовью къ водѣ, что выказываетъ и въ неволѣ. Онъ лишь крайне рѣдко пускается вплавь безъ принужденія, но проводитъ день и ночь преимущественно на сушѣ, гдѣ утромъ и вечеромъ пасется, а въ полдень и ночью отдыхаетъ. Новголландскій гусь не выказываетъ ни малѣйшей дружбы къ другимъ птицамъ; по сварливости и драчливости онъ превосходитъ, пожалуй, даже, вилскаго гуся. Пара, посаженная вмѣстѣ съ другими водяными птицами, черезъ короткое время присвоиваетъ себѣ неограниченную власть надъ другими и умѣетъ поддерживать ее при всякихъ обстоятельствахъ; но только въ періодъ спариванія совмѣстная ихъ жизнь на прудѣ становится дѣйствительно тяжелой. Новголландскіе гуси легко привыкаютъ къ неволѣ и уже съ первыхъ дней научаются различать своего хозяина отъ другихъ людей и призываются къ нему. Кажется, въ Австраліи прежде ихъ держали почти во всѣхъ большихъ дворахъ, но потомъ отказались отъ ихъ разведенія, такъ какъ ихъ неуживчивость надоедаетъ. Въ Европѣ размноженіе новголландскихъ гусей затрудняется еще тѣмъ, что время насиживанія, соответствующее австралійской веснѣ, приходится на послѣдніе мѣсяцы осени и суровость зимы часто разрушаетъ надежды заводчика; но недавно узнали, что новголландскіе гуси, первая кладка которыхъ погибла отъ холода, снова несутся въ февралѣ и тогда благополучно выводятъ птенцовъ.

Половое возбужденіе у новголландскихъ гусей выказывается самымъ замѣтнымъ образомъ. Оба пола чаще, чѣмъ прежде, издаютъ свой ворчащій голосъ; гусакъ ходитъ вокругъ гусыни съ красивыми поклонами, длительно смотритъ во всѣ стороны и безжалостно прогоняетъ изъ своей загородки всѣхъ прочихъ животныхъ. Послѣ спариванья гусыня усердно строитъ гнѣздо, всегда выбирая для него самыя подходящія матерьялы изъ находящихся въ ея распоряженіи. Гнѣздо строится хоть и не вполне искусно, но все-таки гораздо лучше гнѣздъ большинства другихъ гусей. Внутри оно гладко закруглено и красиво выложено перьями и пухомъ. Яйца относительно малы, кругловаты, съ гладкой скорлупой желтовато-бѣлаго цвѣта. Высиживаніе продолжается 30, а въ холодную погоду и 38 дней.

НОВОГОЛЛАНДСКІЙ ГУСЬ.

Птенцы выбѣгаютъ изъ гнѣзда въ тотъ же день, какъ вылупятся, и слѣдуютъ за матерью. Они отказываются отъ крутыхъ яицъ, рубленыхъ дождевыхъ червей, вообще отъ животныхъ веществъ, также отъ блага хлѣба и, повидимому, ѣдятъ только растительную пищу. Какъ только птенцы благополучно вылупятся, гусакъ вполне проявляетъ свою необыкновенную драчливость, и тогда становится понятнымъ, почему австралійскіе поселенцы не могутъ держать у себя на дворахъ такую птицу. Нѣтъ ни одного домашняго животнаго, которое могло бы внушить страхъ новоголландскому гусаку. Онъ задираетъ даже человѣка. «Если мой гусакъ», рассказываетъ Корнели, «уже и раньше былъ золь, то теперь онъ сдѣлался просто бѣшенымъ. Съ величайшей яростью преслѣдуетъ онъ все живое. Случайно попался ему на дорогѣ большой журавль. Онъ бросился на него и хотя одинъ рабочій, побѣждавшій ихъ разнять, долженъ былъ пробѣжать всего нѣсколько сотъ шаговъ, онъ все-таки опоздалъ: когда рабочій прибылъ на мѣсто драки, журавль уже былъ убитъ. Однажды ночью гусакъ забрался въ загородку, гдѣ спалъ другой журавль; утромъ мы нашли его совершенно расклеванный трупъ. Коровы бѣгаютъ отъ гусака. Онъ нападаетъ даже на проходящихъ мимо него лошадей, такъ что приходится отгонять его палкой. Хотя новоголландскіе гуси очень хорошо разводятся и весьма красиво выглядятъ на зеленомъ лугу, но я бы никому не совѣтовалъ держать ихъ, у кого нѣтъ свободнаго большаго мѣста, потому что они только тамъ не дѣлаютъ никакого вреда, гдѣ не встрѣчаются съ другими животными».

Другое подсемейство зубчатокрылыхъ, въ которомъ насчитывается около 26 видовъ, образуютъ **Утки** (Anatinae. Schwimmenten. Canards). Онѣ отличаются отъ гусей главнымъ образомъ болѣе низкими ногами, а отъ лебедей болѣе короткой шеей. Ихъ тѣло короткое, широкое и сжато сверху внизъ. Шея коротка или самое большее средней длины, голова толстая; клювъ по длинѣ равняется головѣ или немного короче, одинаково широкъ по всей длинѣ или спереди немного шире, чѣмъ сзади, у основанія болѣе или менѣе высокій, иногда также шишковато вздутый. Верхняя половина клюва выпуклая и у краевъ такъ загнута, что нижняя половина по большей части входитъ въ нее. Зубчики клюва явственные и острые. Ноги поставлены далеко назадъ и оперены до пятокъ. Плюсна тонкая, сжатая съ боковъ; средній палецъ длиннѣе плюсны; перепонки между пальцами большія и полныя; задній палецъ всегда существуетъ; когти небольшие. Крылья средней величины, узкія и острыя; второе маховое перо всегда самое длинное; добавочное крыло обыкновенно очень развито, а также украшено своеобразно устроенными перьями. Хвостъ состоитъ изъ 14 — 20 перьевъ, короткій, широкій, на концѣ закругленный или заостренный. Мелкое опереніе очень плотное и гладкое; пуху очень много. Окраска сильно различается по полу, времени года и возрасту. У самца она болѣе или менѣе блестящая, а у самки простая и скромная.

Утки также распространены по всему земному шару, но виды ихъ многочисленнѣе въ жаркомъ и умѣренномъ поясахъ, чѣмъ въ холодномъ. Онѣ населяютъ моря и прѣсныя воды, забираясь даже высоко въ горы; перелетаютъ, если ихъ къ этому вынуждаетъ зима, въ болѣе теплыя страны, нѣкоторые виды очень далеко и во время перелета собираются въ громадныя стаи. Нѣкоторые виды ходятъ почти такъ же хорошо, какъ гуси; другіе тяжело переваливаются. Всѣ утки искусно плаваютъ, но ныряютъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ и не особенно хорошо. Летаютъ онѣ также хорошо, съ быстро слѣдующими одинъ за другимъ ударами крыльевъ, производя свистящій или звенящій звукъ. Утки одинаково

легко поднимаются и съ воды, и съ суши; онѣ иногда низко тянуть надъ землей, или поверхностью воды, иногда же поднимаются вверхъ на много сотъ метровъ. Голосъ нѣкоторыхъ утокъ благозвученъ и чистъ, дрожащій или свистящій, у другихъ квакающій или крикающій; у самца всегда другой, чѣмъ у самки. Въ гнѣвѣ нѣкоторыя шипятъ, не какъ гуси, но глухо фыркая. Утята издають слабый пискъ. Вышнія чувства у утокъ развиты, повидимому, превосходно и довольно равномерно. Умственные способности, если и не плохи, то все-таки менѣе развиты, чѣмъ у гусей. Утки робки и недовѣрчивы, но не расчетливо умны и предусмотрительны, какъ гуси. Впрочемъ, утки скоро свыкаются съ измѣнившейся обстановкой, согласуютъ свое поведение съ результатами своихъ наблюдений и относительно легко приручаются и становятся настоящими домашними птицами. Ихъ пища, добываемая ими преимущественно въ сумерки и ночью, смѣшанная. Нѣжные кончики листьевъ, клубни и всевозможныя сѣмена, болотныя и водяныя растенія, травы и хлѣбныя злаки, насѣкомыя, черви, слизняки, пресмыкающіяся, рыба, мясо болѣе крупныхъ позвоночныхъ, даже падаля—все это охотно пожирается утками. Для лучшаго пищеваренія поѣдаются также скорлупки раковинъ и песокъ или мелкіе камешки.

Хотя всѣ утки живутъ парами, но половая страсть развита у нихъ такъ сильно, что онѣ нерѣдко спариваются и съ посторонними особями своего вида и даже съ другими видами утокъ. Самки охотно устраиваютъ свои гнѣзда близко одно къ другому. Нѣкоторые виды образуютъ даже настоящіе высиживающія общества. Такое гнѣздовье, гдѣ можно скрыть гнѣздо, предпочитается всѣмъ прочимъ; но многія гнѣзда устраиваются также и на открытомъ мѣстѣ. Многіе виды гнѣздуютъ въ норахъ подъ землей или въ расщелинахъ скалъ, другіе въ дуплахъ деревьевъ, третьи на самыхъ деревьяхъ, причѣмъ пользуются гнѣздами сухопутныхъ птицъ, какъ основаніемъ для собственныхъ; прочіе устраиваютъ на землѣ глубокой лотокъ изъ различныхъ растительныхъ веществъ, и углубленіе посреди его при насиживаніи мягко выстилаютъ своимъ собственнымъ пухомъ. Кладка состоитъ изъ довольно большого числа яицъ, рѣдко меньше 6-ти, иногда же до 16-ти. Высиживаніе продолжается 21—24 дня. Когда много самокъ утокъ гнѣздуетъ вмѣстѣ, то онѣ обыкновенно воруютъ другъ у друга яйца, потому что у нихъ любовь къ насиживанію и къ птенцамъ такъ же велика, какъ половая страсть у самцовъ. Послѣдніе не принимаютъ никакого участія въ насиживаніи и послѣ того, какъ ихъ самки усядутся на яйца, собираются въ отдѣльныя стаи, а также вступаютъ въ незаконную связь съ другими самками. Какъ только птенцы обсохнутъ, мать, елико возможно скорѣе, ведетъ ихъ къ водѣ и съ горячей любовью руководитъ ими. Утята уже съ перваго дня своей жизни оказываются въ высшей степени ловкими и подвижными созданіями. Они отлично бѣгають, ловко плаваютъ и ныряють и усердно ловятъ насѣкомыхъ. Они быстро растутъ и, едва одѣвшись въ первое опереніе, начинаютъ мѣнять его на второе; когда оно разовьется, семья снова соединяется съ отцомъ или, по крайней мѣрѣ, съ какимъ-нибудь селезнемъ.

Всѣ быстро летающіе хищники, отъ орла до самокъ ястреба или перепелятника, преслѣдуютъ старыхъ утокъ. Молодыя утки преслѣдуются лисами, куницами, ласками, крысами, воронами, воробьями и хищными чайками. Кромѣ того много выводковъ уничтожается неожиданнымъ разлитіемъ водъ и другими разрушительными явленіями природы. Въ воздѣланныхъ странахъ число утокъ съ году на годъ все сильнѣе убываетъ, не столько вслѣдствіе преслѣдованій, сколько потому, что удобныя гнѣздовья и мѣста для кормленія все болѣе и болѣе осушаются. Но и тѣ виды, которыя гнѣздуютъ на крайнемъ сѣверѣ, постоянно уменьшаются въ численности, хотя тамъ человѣкъ не вездѣ увеличиваетъ собой число ихъ природныхъ враговъ и

свойства страны не измѣняются существенно. Объ этомъ уменьшеніи слѣдуетъ сожалѣть, потому что утки не причиняютъ чувствительнаго вреда, а ихъ отличное мясо, перья и пухъ приносятъ значительную пользу. На нижней Оби, гдѣ утокъ ловятъ сотнями тысячъ, онѣ въ буквальномъ смыслѣ слова представляютъ важный предметъ народнаго продовольствія.

* * *

Свѣязь, Свищъ, (*Anas penelope, penelops, fistularis, kagolka, Mareca penelope, fistularis, fistulans, kagolka, Pfeifente, Canard siffleur*) можетъ служить первымъ представителемъ рода **Настоящихъ утокъ** (*Anas*). Она отличается слѣдующими признаками: лобъ и середина темени охрово-желтые, остальная голова и шея ржаво-красныя; сзади глаза маленькое треугольное черное пятно съ золотисто-зеленымъ отливомъ. Подбородокъ и горло черноватые, зобъ нѣжно-сѣровато-розовый. Нижнія шейныя перья, спина, бока груди и брюшка—по пепельно-сѣрому фону испещрены тонкими черными поперечными полосками. Надхвостье и верхнія кроющія перья хвоста—съ неясными поперечными полосами по черно-сѣрому фону. Маленькія верхнія кроющія перья крыла, верхнія хвостовыя кроющія перья съ боковъ и на концахъ, середина груди и брюшка, а также гузка—блага цвѣта; нижнія хвостовыя кроющія перья темно-черныя. Большія маховыя перья сѣробоурыя съ свѣтлыми каемками; переднія малыя маховыя перья—черныя, снаружи съ зеленымъ отливомъ; заднія—удлиненныя, бархатисто-черныя, внутри съ сѣрыми, а снаружи съ широкими бѣлыми каемками. Зеленыя перья зеркальца спереди и сзади съ черной каемкой. Перья хвоста темно-пепельно-сѣрыя. Глаза каріе; клювъ свѣтло-синій, на концѣ черный; ноги пепельно-сѣрыя. Въ лѣтнемъ одѣяніи голова и шея усѣяны ржаво-красными, черно-зелеными и сѣрыми пятнышками. Зобъ съ коричневыми поперечными пятнами; нижнія шейныя перья и спина съ черными пятнами по блѣдному ржаво-бурому полю; бока съ буроватыми крапинками. Въ опереніи молодыхъ всѣ цвѣта грязнѣе. Самка походитъ на самца въ лѣтнемъ опереніи, но блѣднѣе. Длина достигаетъ 57 см., размахъ крыльевъ 90, длина крыла 30, длина хвоста 10 см.

Подобно многимъ другимъ сѣвернымъ уткамъ, свѣязь распространена по всей области тундръ, встрѣчаясь въ Европѣ, Азіи и Америкѣ. Во время перелетовъ она пролетаетъ всю Европу и Азію, но не проникаетъ во внутреннюю Африку, а зимуетъ въ странахъ при Средиземномъ морѣ. Въ Германіи она появляется въ началѣ октября и остается до замерзанія водъ, а въ мартѣ и апрѣлѣ появляется снова, пролетая на сѣверъ. Свѣязь также во время своихъ путешествій дѣлаетъ временныя остановки на мелкихъ морскихъ заливахъ и устьяхъ рѣкъ и рѣчекъ, но больше всѣхъ другихъ утокъ любитъ прѣсную воду и лѣтомъ живетъ только на ней. Будучи настоящей уткой по образу жизни, свѣязь существенно отличается отъ своихъ родичей своей быстрой, легкой, едва качающейся походкой, похожей на походку гусей, развишейся, повидимому, на счетъ плавательныхъ способностей. Полетъ свѣязи также необычайно быстръ и почти безшуменъ, хотя при этомъ она можетъ выдѣлывать всякіе повороты, свойственные уткамъ. Голосъ свѣязи, отъ котораго она также получила названіе «свища», состоитъ по большей части изъ высокихъ звуковъ, слышныхъ издали и довольно пріятныхъ, похожихъ на слоги «вивю вюбию вюбвию», между которыми вылетаются скрипящіе. Первые звуки, очевидно служащіе лишь для разговора, а также и послѣдніе свойственны обоимъ поламъ; самецъ кромѣ того издаетъ короткое блеющее кваканье. Внешній видъ и образъ жизни свѣязи привлекательны. Эти утки общительны и дружелюбны

даже на гнѣздовьяхъ. Умъ ихъ приблизительно стоитъ на той же степени развитія, какъ умъ другихъ утокъ, особенно кряквы, болѣе подробно описываемой ниже. По своему поведенію свіазь также мало отъ нея отличается.

Ни одна изъ извѣстныхъ мнѣ утокъ не придерживается такъ строго растительной пищи, какъ свіазь. Хотя она ѣстъ также рыбокъ, пресмыкающихся, насекомыхъ, червей и т. п., но предпочитаетъ всякія растительныя вещества, зерна и сѣмена. Свіазь пасется, какъ гусь, на лугахъ и посѣвахъ, кормится на прудахъ и болотахъ болотными и водяными растеніями, посѣщаетъ, ради зеренъ и зеленыхъ кончиковъ листьевъ, жнивья и только въ крайности питается исключительно животными веществами.

Случается, что свіазь гнѣздуетъ и въ Германіи, обыкновенно же, лишь на сѣверѣ области своего распространенія: въ Европѣ приблизительно къ сѣверу отъ южной Швеціи и Лифляндіи. Гнѣздо обыкновенно устраивается на землѣ, подъ низкими кустами или среди осоки, часто довольно далеко отъ воды, и представляетъ или выкопанное во мху углубленіе, или же небрежно сложенную кучу, но внутри всегда богато выстилается пухомъ. Кладка состоитъ изъ 9—12 яицъ, около 57 мм. длиной, 41 мм. въ поперечникѣ, съ твердой и гладкой мелко-зернистой скорлупой желтовато-бѣлаго цвѣта. Самка насиживаетъ ихъ 24 дня. Птенцы, какъ только обсохнутъ, отводятся къ водѣ и воспитываются обычнымъ способомъ безъ помощи самца.

Плѣвныя свіазы составляютъ украшеніе содержимыхъ въ порядкѣ прудовъ, хорошо переносятъ неволю и размножаются также и подъ наблюденіемъ человека; убитыя на охотѣ свіазы высоко цѣнятся гастрономами изъ-за ихъ превосходнаго мяса; цѣнятся также ихъ перья и пухъ.

Среди всѣхъ утокъ самой важной для насъ является **Кряква, Матерая утка**, (*Anas boschas, fega, subboschas* и *archiboschas*. Stockente. Canard ordinaire), потому что отъ нея ведутъ свой родъ наши домашнія утки. У самца кряквы голова и верхняя часть шеи зеленого цвѣта, передняя часть груди бурая, окраска зашейка ярко или сѣро-коричневая въ перемежку съ болѣе темными оттѣнками и на плечахъ принимаетъ водянистый сѣровато-бѣлый, бурый или черноватый цвѣтъ, верхняя часть крыльевъ сѣраго цвѣта; зеркальце роскошнаго синяго цвѣта и съ обѣихъ сторонъ окаймлено бѣлой полоской, спина и надхвостье черно-зеленныя, нижняя часть сѣровато-бѣлаго цвѣта съ весьма нѣжнымъ водянистымъ чернымъ оттѣнкомъ; зеленый цвѣтъ шеи отдѣляется отъ каштаново-бурой окраски передней части груди узкой бѣлой шейной полосой; верхнія кроющія перья хвоста, изъ коихъ среднія загнуты кверху, черно-зеленныя, нижнія кроющія перья бархатисто-чернаго, маховыя темно-сѣраго цвѣта. Глаза свѣтло-голубые, клювъ зеленовато-желтый, ноги блѣдно-краснаго цвѣта. Осенью самецъ своимъ опереніемъ походитъ на самку: ея голова и шея блѣдно-сѣраго цвѣта съ темными точками, темя черно-бурое, спина бураго цвѣта, покрыта болѣе свѣтлыми, черно-бурыми, сѣрыми, коричневыми и ржаво-желтовато-бурыми крапинками и окаймлена полосой болѣе свѣтлой окраски; нижняя часть шеи и зобъ на свѣтломъ каштаново-буромъ фонѣ покрыты черными полулунными пятнами; остальныя вижнія части тѣла покрыты бурными пятнами. Въ длину самецъ достигаетъ 63 см., размахъ крыльевъ 104, длина крыла 30, хвоста 9 см. Самка меньше самца.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ къ этому, наиболѣе извѣстному виду этого рода присоединяется походя на него своимъ сложеніемъ и отличающаяся относительно

меньшимъ, болѣе узкимъ и снабженнымъ болѣе длинными зубчиками клювомъ—**Сѣрая утка, Сѣруха, Полуматерая утка, Нерезень** (*Anas strepera*, *cinerea*, *kekuschka*, *Chaulelasmus streperus*, *cinereus*, *americanus*, *Chaulodes*, *Ktinorhynchos*, *Querquedula strepera*. Schnatterente. Chipeau). Ея голова и шея на свѣтломъ ржаво-сѣромъ фонѣ покрыты маленькими, круглыми, темно-бурыми пятнами; зобъ и верхняя часть груди на пепельно-сѣромъ фонѣ покрыты темнымъ раковистымъ рисункомъ; затылокъ, нижнія шейныя перья и бока также на сѣромъ фонѣ покрыты весьма тонкимъ волнистымъ рисункомъ, надхвостье, верхнія и нижнія кроющія перья хвоста совершенно черныя, середина груди и брюшка бѣлаго цвѣта, большія маховыя перья темно-бурыя и съ наружной стороны окаймлены болѣе свѣтлой полоской, переднія малыя маховыя перья на кончикахъ, окаймленныхъ бѣлой полоской—совершенно черного, въ остальныхъ частяхъ—пепельно-сѣраго цвѣта, заднія малыя маховыя перья, образующія зеркальце,—бѣлыя, плечевыя перья пепельно-сѣрыя, переднія верхнія кроющія перья крыльевъ длиннѣе другихъ и ржаво-краснаго цвѣта, заднія—бурыя, самыя длинныя изъ нихъ совершенно бархатисто-черной окраски, хвостовыя перья буровато-сѣрыя съ бѣлой вѣишной каймой. Глаза каріе, клювъ синеvато-черный, ноги грязно-желтаго цвѣта. Въ лѣтнемъ опереніи преобладающей окраской верхнихъ частей является темный сѣро-бурый цвѣтъ и болѣе свѣтлыя каймы, нижнія части на красно-буромъ фонѣ покрыты черными поперечными пятнами, принимающими на бокахъ стрѣловидную форму; окраска верхней части крыла сѣроватая. Опереніе самки похоже на опереніе самца, только нѣсколько свѣтлѣе. Въ длину она достигаетъ 52 см., размахъ крыльевъ равенъ 85, длина крыла 26, хвоста 10 см. Самка по обыкновенію меньше.

Область распространенія кряквы обнимаетъ всю Европу и Азію, Америку до Мексики и сѣверную Африку; область распространенія сѣрой утки едва-ли менѣе обширна. Первая, образъ жизни которой въ существенныхъ чертахъ не отличается отъ образа жизни сѣрой, совершаетъ на сѣверѣ правильные перелеты и продолжаетъ вести кочевую жизнь еще и въ нашихъ широтахъ, но уже въ южной Германіи, часто даже зимой, остается жить въ мѣстахъ своего гнѣздованія. Въ октябрѣ и ноябрѣ кряквы собираются въ огромныя стаи и направляются въ болѣе южныя страны. Большинство долетаетъ до Италіи, Греціи и Испаніи и лишь немногія изъ нихъ достигаютъ сѣверной Африки или тѣхъ широтъ южной Азіи, которыя соответствуютъ широтамъ вышеупомянутой части свѣта. Съ этого времени на итальянскихъ, греческихъ и испанскихъ озерахъ приходится видѣть ихъ тысячами и сотнями тысячъ; онѣ иногда покрываютъ поверхность воды на пространствахъ нѣсколькихъ квадратныхъ километровъ и, когда поднимаются, то производятъ глухой шумъ, который слышенъ издалека и напоминаетъ собой гулъ морского прибоя. Въ обратный путь онѣ пускаются уже въ февралѣ или, самое позднее, въ мартѣ. На родинѣ, какъ и на чужбинѣ, кряквы охотнѣе всего селятся на озерахъ, прудахъ и топяхъ, поросшихъ тростникомъ и камышиникомъ. Особенно нравятся имъ водныя пространства, лишеныя кое-гдѣ растительности, въ общемъ же поросшія кустарниками и всевозможными болотными растеніями; отсюда онѣ отъ времени до времени перелетаютъ на небольшіе пруды, лужи, канавы и поляны, чтобы покормиться на этихъ мѣстахъ. На открытой водѣ онѣ показываются сравнительно рѣдко и обыкновенно какъ можно скорѣе упираются въ чащу растеній и тамъ, бродя по водѣ и полощась, роются въ тинѣ.

Кряква принадлежитъ къ числу самыхъ прожорливыхъ изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ птицъ; она объѣдаетъ нѣжныя листики или копчики травъ и всевоз-

можныхъ болотныхъ растений, ѣсть ихъ почки, ростки и зрѣлыя сѣмена, хлѣбныя зерна, клубни, а также ревностно охотится за всѣми животными, начиная съ червей и кончая рыбами и лягушками; она, повидимому, одержима неутолимымъ голодомъ, и, чтобы насытиться, ѣсть въ теченіи всего времени, пока не спать и находить что-либо.

По своему праву, образу жизни и привычкамъ кряквы похожи на своихъ потомковъ—домашнихъ утокъ. Онѣ ходятъ, плаваютъ, выряютъ и летаютъ подобнымъ-же образомъ, какъ и домашнія утки, хотя и лучше послѣднихъ и обладаютъ совершенно такимъ же голосомъ: издали слышный голосъ самки напоминаетъ собой «квак», глухой голосъ самца—«квэк»; обыкновенно крикъ похожъ на звуки «векк векк», призывной же голосъ—на «вакк вакк», страхъ онѣ выражаютъ выразительнымъ звукомъ «рэтш» или «рѣб рѣб», однимъ словомъ онѣ издаютъ всѣ тѣ звуки, которые приходится слышать отъ домашней утки. Онѣ обладаютъ тонкими внѣшними чувствами и очень понятливы: правильно соображаютъ обстоятельства и, сообразно съ ними, поступаютъ различно, но постоянно выказываютъ осторожность и хитрость и, испытавъ преслѣдованія, становятся вскорѣ даже необыкновенно пугливыми. Чрезвычайно общительная и въ общемъ миролюбивая кряква охотно присоединяется къ своимъ родичамъ и вообще любить общество различныхъ птицъ. Она также не всегда избѣгаетъ близости человѣка, напротивъ того, часто селится на прудахъ, находящихся подъ защитой людей, какъ на примѣръ на прудахъ парковъ или большихъ садовъ; здѣсь она вскорѣ становится чрезвычайно довѣрчивой; когда человѣкъ покровительствуетъ ей прожорливости, она охотно позволяетъ кормить себя; здѣсь она выводитъ и воспитываетъ своихъ птенцовъ и, наконецъ, начинаетъ вести себя почти какъ домашняя утка. Несмотря на это, она сохраняетъ извѣстную долю самостоятельности и не становится вполне домашней, а сообщаетъ даже и птенцамъ постоянную любовь къ свободѣ и независимости. Совершенно ручяется она лишь въ томъ случаѣ, если се смолоду содержать вмѣстѣ съ домашними утками и обходятся съ ней совершенно такъ-же, какъ и съ послѣдними. Она легко спаривается съ ними, и потомки, происходящіе отъ этого, становятся такими же ручными, какъ и настоящія домашнія утки.

Вскорѣ послѣ ихъ прибытія, общества разбиваются на пары и эти послѣднія съ большой любовью привязываются другъ къ другу, хотя, впрочемъ, случается, что онѣ легко соблазняются и измѣняютъ взаимной вѣрности. Послѣ спариванья, которое почти всегда происходитъ на водѣ, начинается своеобразными движеніями и сопровождается большимъ крикомъ,—самка выбираетъ себѣ подходящее мѣсто для закладки гнѣзда. Съ этой цѣлью она отыскиваетъ спокойное, сухое мѣсто подъ кустарниками или другими растеніями, а также селится на деревьяхъ, въ готовыхъ уже гнѣздахъ хищныхъ птицъ или воронъ. Незатѣйливая постройка гнѣзда состоитъ изъ небрежно скученныхъ сухихъ стебельковъ, листьевъ и другихъ растительныхъ веществъ, которые въ углубленія гнѣзда вдавлены и въ послѣдствіи покрываются пухомъ. Кладка состоитъ изъ 8—16 продолговатыхъ, сѣровато-бѣлыхъ яицъ, съ твердой гладкой скорлупой, которыхъ нельзя отличить отъ яицъ домашней утки. Время высиживания продолжается отъ 24—28 дней. Самка высиживаетъ съ самоотверженіемъ; когда она покидаетъ яйца, то всегда осторожно прикрываетъ ихъ пухомъ, который выщипываетъ у себя, удаляется, по возможности скрываясь въ травѣ, и, возвращаясь, приближается не иначе, какъ вполне убѣдившись въ безопасности. Когда вылупятся птенцы, то самка въ теченіи одного дня еще обогрѣваетъ ихъ въ гнѣздѣ, а затѣмъ отводитъ къ водѣ.

Если птенцы вырастаютъ въ гнѣздѣ, расположенномъ высоко, то, прежде чѣмъ предпринять первый выходъ, они попросту спрыгиваютъ съ высоты на землю, не причиняя себѣ этимъ паденіемъ никакого вреда. Въ теченіи первыхъ дней своей жизни они по возможности прячутся въ густой осоцѣ, тростникѣ и другихъ болотныхъ растеніяхъ и, лишь испытавъ свои крылья, начинаютъ иногда появляться на болѣе открытой поверхности воды. Ихъ matka прилагаетъ всѣ старанія, чтобы скрыть ихъ отъ взоровъ людей или другихъ враговъ; въ случаѣ необходимости она пытается притворствомъ обратить опасность на себя, а также мужественно отражаетъ нападеніе враговъ, по крайней мѣрѣ болѣе слабыхъ изъ нихъ, и нерѣдко обращаетъ ихъ въ бѣгство. Птенцы съ искренней любовью привязаны къ самкѣ; они слѣдятъ за каждымъ предостереженіемъ, каждымъ призывнымъ крикомъ послѣдней, прячутся, какъ только она имъ это приказываетъ, между растеніями и земляными кочками и, не шевелясь, остаются въ разѣ избранномъ положеніи до тѣхъ поръ, пока она не вернется къ нимъ; при появленіи же ея въ одинъ мигъ вскакиваютъ и собираются вмѣстѣ. Растутъ они необыкновенно быстро; по прошествіи около 6 недѣль они уже летаютъ. Всѣ заботы и страхъ самки нисколько не трогаютъ самца. Когда самки начинаютъ высиживать, самцы ихъ покидаютъ, пытаются завести любовную связь съ другими самками и, если имъ это болѣе не удастся, то соединяются съ другими самцами въ общества и съ этихъ поръ уже свободно плаваютъ по различнымъ водамъ. Еще прежде, чѣмъ вылупляются птенцы, самцы начинаютъ линять, вслѣдствіе чего ихъ роскошное опереніе превращается въ незрѣлое—лѣтнее. Это послѣднее они носятъ въ теченіи около четырехъ мѣсяцевъ, а затѣмъ, вслѣдствіе линянія и измѣненія цвѣтовъ, оно снова переходитъ въ брачное. Къ этому времени начинаютъ линять и молодые, и съ этихъ поръ старые и малые обоого пола снова соединяются, чтобы сообща провести осень и впослѣдствіи всѣмъ вмѣстѣ отправиться на зимнія квартиры.

Многія старыя кряквы становятся добычей лисицы и выдры, молодыя—добычей хорька и норки; яйца и молодые птенчики похищаются водяными крысами и выслѣживаются коршунами и камышевыми лунами, но самыми страшными врагами несомнѣнно должно считать соколовъ, которые по временамъ питаются почти однѣми утками. При видѣ этого хищника, утки стараются по возможности спастись отъ него нырніемъ, при случаѣ увлекаютъ схватившаго ихъ разбойника за собой въ глубину и этимъ до такой степени утомляютъ его, что ему приходится отказаться отъ охоты. Ястреба и орлы, въ особенности орланы, не менѣе ревностно охотятся на утокъ и большей частью успѣшно, хотя и противъ нихъ утки прибѣгаютъ къ извѣстнымъ средствамъ самозащиты. Зейфертицъ наблюдалъ однажды въ теченіи нѣсколькихъ часовъ разнообразныя способы самозащиты утокъ противъ хищныхъ птицъ. Когда онѣ замѣтили медленно подлетающаго орлана, то подыались на воздухъ и начали взадъ и впередъ носиться надъ водой, отлично сознавая, что онѣ не въ состояніи изловить ихъ на лету. Когда онѣ отказались отъ охоты, онѣ снова опустились и продолжали по прежнему отыскивать себѣ пищу. Въ это время показался сапсанъ; тогда онѣ не взлетѣли, но начали, не переставая, нырять, пока и этотъ врагъ не убѣдился въ тщетности своихъ стараній. Позднѣе появился ястребъ, умѣющій одинаково хорошо ловить птицъ, какъ сидящихъ, такъ и на лету. Утки тотчасъ же стѣснились вмѣстѣ, не переставая, стали крыльями взбивать брызги и образовали такимъ образомъ непрозрачный дождь водяной пыли; ястребъ пролетѣлъ сквозь него, однако до такой степени былъ смущенъ этимъ, что также принужденъ былъ отказаться отъ охоты.

Мясо кряквы такъ прекрасно, что охота на нихъ ревностно производится всюду. Чтобы овладѣть ими прибѣгаютъ ко всѣмъ обычнымъ или возможнымъ способамъ охоты и ловли; онѣ дѣйствительно тысячами становятся добычей охотниковъ. Рынки всѣхъ городовъ Италіи, Греціи, Испаніи и Египта въ теченіи зимы буквально переполнены утками вообще и кряквами въ особенности.

Кряквы также не причиняютъ существеннаго вреда. Онѣ, правда, ѣдятъ рыбу, но въ состояніи проглатывать только мелкую и ловить ее могутъ лишь въ мелкой водѣ; поэтому такого рода истребленіе пищевыхъ продуктовъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ причинить значительнаго ущерба и искупается той пользой, которую приносятъ ихъ мясо и пухъ.

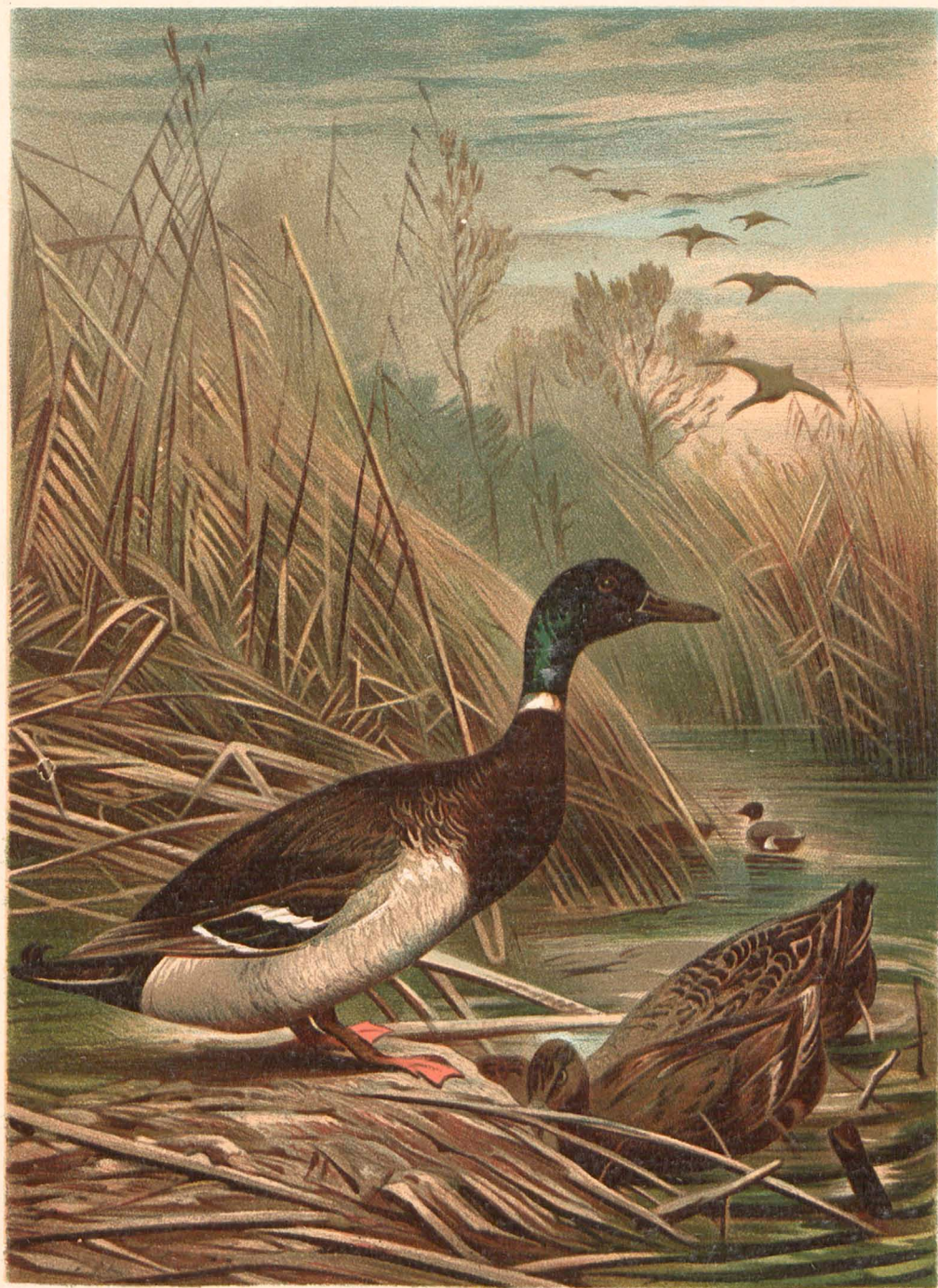
Среди болѣе мелкихъ германскихъ видовъ первое мѣсто заслуживаетъ **Чирокъ-трескунокъ**, **Чирокъ-коростелень**, (*Anas querquedula*, *circia*, *Querquedula circia*, *glaucoptera*, *scarularis*, *Cyanoptera*, *Pterocyanala circia*. Knäkente. Sarcelle ordinaire). Его темя и задняя часть шеи черно-бурого цвѣта, лобъ, обѣ стороны головы и шеи покрыты на буро-красномъ фонѣ тонкими бѣлыми черточками и отдѣлены отъ вышеупомянутыхъ частей широкой, бѣлой глазной полосой, подбородокъ и горло—черные, нижняя часть шеи, нижнія шейныя перья, спина, зобъ и верхняя часть груди на буровато-желтомъ фонѣ, принимающимъ сверху болѣе темный, снизу—свѣтлый оттѣнокъ, покрыты темно-бурыми дугообразными полосами и пятнами, перья боковъ на бѣломъ фонѣ покрыты нѣжнымъ чернымъ поперечнымъ волнистымъ рисункомъ, перья гузки и нижнія кроющія перья хвоста—ржаво-желтоватая и покрыты точками болѣе темнаго цвѣта; всѣ остальные нижнія части тѣла бѣлыя, большія маховыя перья сѣро-бурая съ бѣлыми стержнями и темно-бурыми кончиками, заднія изъ нихъ нѣсколько сѣрые, малыя маховыя перья, составляющія зеркальце,—сѣро-черныя съ стальнымъ зеленоватымъ блескомъ снаружи и бѣлой каймой на концѣ, длинныя плечевыя перья голубовато-сѣро-чернаго цвѣта съ широкой бѣлой каймой, верхнія кроющія перья крыльевъ свѣтло-сѣро-синія, хвостовыя перья темно-пепельно-сѣрыя и съ боковъ снабжены бѣловатой каймой, которая снаружи все болѣе и болѣе расширяется. Глаза свѣтло-карие, клювъ зеленовато-чернаго, ноги красновато-пепельно-сѣраго цвѣта.

Въ ихъ темномъ лѣтнемъ опереніи пропадаетъ красивая окраска головы и шеи и удлиненыя малыя маховыя перья; остаются, однако, синія кроющія перья крыльевъ. Опереніе самки похоже на лѣтнее опереніе самца; только ея кроющія перья крыльевъ не голубого, а темнаго буровато-сѣраго цвѣта. Въ длину они достигаютъ 38 см., размахъ крыльевъ 62, длина крыла 20, хвоста 8 см.

Областью гнѣздованія чирка-трескунка является вся средняя Европа и Средняя Азія; сѣверная граница ихъ распространенія доходитъ, самое большее, до южной Швеціи. Во время перелета они посѣщаютъ всѣ страны южной Европы, большую часть мѣстностей Средней Азіи и Африки; на востокъ Африки они проникаютъ до 10° сѣверной широты.

Гораздо рѣже ихъ въ Германіи гнѣздится **Чирокъ-свистунокъ**, **Обыкновенный или сѣрый чирокъ**, (*Anas crecca*, *Querquedula crecca*, *subcrecca*, *creccoides*, *Nettion crecca*. Krikente. Petite sarcelle). Онъ меньше послѣдняго; въ длину достигаетъ 32 см., размахъ крыльевъ равенъ 54, длина крыла 14, хвоста 7 см. Голова и верхняя часть шеи яркаго коричневатого-краснаго цвѣта, за исключеніемъ широкой, роскошнаго синевато-зеленаго цвѣта полосы на уздечкѣ, сливающейся на затылкѣ и окаймленной снизу и сверху узкими бѣлыми полосками, а также бѣлой полосы, которая тянется отъ передняго

К Р Я К В А .

глазного угла къ основанію клюва; задняя часть шеи, нижнія шейныя перья и обѣ стороны груди по пепельно-сѣрому фону покрыты чернымъ поперечнымъ волнистымъ рисункомъ, передняя часть шеи, область зоба и верхняя часть груди покрыты на свѣтломъ красновато-желтомъ фонѣ рѣдкими черными пятнами, боковыя кроющія перья нижней части желтоваты, а среднія нижнія кроющія перья хвоста—черныя, причѣмъ послѣднія съ боковъ свѣтло-бураго цвѣта; всѣ остальные нижнія части тѣла бѣлыя, большія маховыя перья темнаго буро-сѣраго цвѣта, малыя маховыя перья, образующія зеркальце, съ внутренней стороны буро-сѣраго цвѣта, изъ нихъ первыя четыре пера снаружи бархатисто-черныя, остальные золотисто-зеленаго цвѣта, который на концахъ дѣлается ярче; нѣсколько удлиненныя и заостренныя верхнія малыя маховыя перья пепельно-сѣрыя съ черными стержнями, небольшія верхнія кроющія перья крыльевъ буровато-сѣрыя, самыя большія изъ нихъ, окаймляющія зеркальце, на концахъ бѣлаго цвѣта, принимающаго ржавый оттѣнокъ, перья хвоста сѣровато-буро-черныя съ бѣлыми каймами. Летнее опереніе отличается сѣрыми верхними кроющими перьями крыльевъ и ярко окрашеннымъ зеркальцемъ; послѣднимъ отличается опереніе самки отъ соответствующаго оперенія чирка-трескунка.

Родиной этого чирка собственно слѣдуетъ считать тундру, однако они распространяются по всѣмъ сѣвернымъ частямъ свѣта; во время зимы они скитаются по всей Европѣ и Азій, а также въ части Сѣверной Америки, появляясь тамъ въ сентябрѣ и октябрѣ и возвращаясь обратно въ мартѣ или апрѣлѣ; они также массами посѣщаютъ сѣверную Африку.

Болѣе всего родственныя чертъ съ ними имѣетъ **Клохтунья**, **Моклонъ** (*Anas formosa*, *glocitans*, *baikalensis*, *Querquedula formosa*, *glocitans*. Zierente. Sarcelle de Sibérie). Темя, верхняя часть головы, задняя часть шеи, узкая, съ бѣлыми каймами полоса, идущая отъ глазъ въ вертикальномъ направленіи, а также подбородокъ и горло—чернаго цвѣта, широкая полоса на уздечкѣ, начинающаяся у глазъ, — блестящаго зеленовато-чернаго цвѣта, обѣ стороны головы и шеи, а также передняя часть шеи желтовато-бѣлыя, всѣ остальные части похожи на соответствующія части сѣраго чирка, но только онѣ гораздо ярче окрашены. Въ длину она достигаетъ 40 см., длина крыла равна 22, длина хвоста 9 см.

Родиной этихъ красивыхъ утокъ, два раза задежавшихъ во Францію, являются сѣверо-восточная Азія, Восточная Сибирь, Камчатка и Китай.

Въ этихъ же странахъ, а также въ Японіи живетъ **Епанчовая утка**, (*Anas falcata*, *falcaria*, *Querquedula falcata*, *falcaria*, *Eunetta falcata*. Siechelento. Sarcelle à manteau), которую также случалось встрѣчать въ западной Европѣ, даже въ Австро-Венгріи. Она отличается удлиненными на подобіе настоящей гривы перьями зашейка и весьма длинными, узкими, подвижными и серповидно загнутыми книзу плечевыми перьями. Перья головы и зашейка красно-бурныя съ мѣдно-зеленымъ отливомъ, горло и шея, за исключеніемъ ярко-зеленой полосы по срединѣ послѣдней,—бѣлаго цвѣта, зобъ и верхняя часть груди на сѣромъ, нижнія шейныя перья и плечи на сѣро-буромъ фонѣ покрыты раковистыми пятнами, остальные нижнія части тѣла на свѣтло-сѣромъ фонѣ покрыты волнистыми стрѣловидными, черными пятнышками, за исключеніемъ бѣлыхъ боковыхъ и черныхъ среднихъ перьевъ гузки, а также черныхъ нижнихъ кроющихъ перьевъ хвоста; задняя часть спины и пахвостье буровато-черныя, большія маховыя перья—темнаго буро-сѣраго цвѣта, малыя — черныя, съ зеленымъ отливомъ снаружи и бѣ-

лой каймой на концѣ, самыя длинныя изъ нихъ изогнуты такъ-же, какъ и бархатисто-черныя плечевыя перья, покрыты бѣлыми стержневыми пятнами и снабжены свѣтло-сѣрыми каймами; верхнія кроющія перья крыльевъ пепельно-сѣрыя, самыя длинныя изъ нихъ передъ черной каймой на концахъ—свѣтло-сѣраго цвѣта, перья хвоста буро-сѣрыя. Въ длину онѣ достигаютъ 50 см., длина крыла равна 28, длина хвоста 8 см.

Наконецъ къ этой группѣ остается намъ еще причислить водящегося въ южной Испаніи и сѣверо-западной Африкѣ *Узконосаго чирка* (*Anas angustirostris*, *marmorata*, *Querquedula*, *Chaudelasmus*, *Marmonetta angustirostris* *Dafila*, *Fuligula marmorata*. *Marmelente*. *Sarcelle marbrée*), хотя онъ своей простой окраской весьма сильно отличается отъ своихъ родичей. Основной окраской его оперенія является блѣдный желтоватый цвѣтъ; рисунокъ головы состоитъ изъ круглыхъ, шеи—изъ продолговатыхъ, лежащихъ правильными рядами, пятенъ, рисунокъ спины и боковъ состоитъ изъ широкихъ поперечныхъ полосъ, головы и груди—изъ поперечныхъ пятенъ темно-бураго цвѣта; нижнія части одноцвѣтны, маховыя перья бураго, снаружи пепельно-сѣраго цвѣта, малыя маховыя перья, образующія зеркальце, матоваго желтовато-бѣлаго цвѣта, верхнія кроющія перья малыхъ маховыхъ перьевъ—сѣрыя, перья хвоста сѣровато-бурыя съ широкими ржаво-бѣлыми каймами, глаза каріе, клювъ и ноги черныя. Въ длину достигаютъ они 40 см., длина крыла равна 19, хвоста 7 см.

Возвращаясь изъ своихъ зимнихъ убѣжищъ, которыми являются страны Средиземнаго моря, и путешествуя по ночамъ, чирокъ-трескунукъ въ концѣ марта и въ апрѣлѣ появляется въ мѣстахъ гнѣздованія и остается здѣсь до октября или ноября, хотя, впрочемъ, начинаетъ скитаться уже въ августѣ, послѣ окончанія высидиванія. Мѣстомъ пребыванія и гнѣздованія они охотнѣе всего избираютъ такія прѣсныя воды, которыя большей частью поросли или окружены густымъ тростникомъ, водяными растеніями, камышникомъ, ситовникомъ, также снабжены мелкими, покрытыми плавающими растеніями, бухтами и переходятъ на сушѣ въ болотистыя лужайки. Они также селятся на топяхъ и различныхъ болотахъ, особенно же охотно живутъ на стоячихъ водахъ, скрытыхъ въ лѣсахъ и осѣненныхъ высокими или низкими деревьями, или на прудахъ и лужахъ, переполненныхъ весенними дождями. Отсюда они посѣщаютъ по ночамъ всевозможныя, даже самыя небольшіе бассейны, если только послѣдніе мелки, покрыты водорослями и богаты растеніями; не менѣе охотно посѣщаютъ они также наводненныя или покрытыя оросительными или отводными канавами дуга. Здѣсь, постоянно скрываясь и прячась, совершаютъ они свою дневную, или скорѣй, ночную работу, походи въ этомъ отношеніи болѣе на болотнаго кулика, чѣмъ на другихъ утокъ, хотя въ другихъ отношеніяхъ и мало отличаются отъ послѣднихъ. Они съ необыкновенной живостью, быстротой и ловкостью плаваютъ, бѣгаютъ, разгуливаютъ и бродятъ по своимъ владѣніямъ; днемъ рѣдко показываются на открытыхъ прогалинахъ, а больше копошатся среди плавающихъ или растущихъ въ водѣ растеній; при этомъ они пробираются вдоль самыхъ узкихъ канавъ или даже сами прокладываютъ себѣ дорогу въ камышникѣ, ситовникѣ и полевой травѣ. Ходятъ они прекрасно, пролѣзаютъ среди вышеназванныхъ растеній ловко и скоро, плаваютъ легко, мастерски обыскиваютъ дно клювомъ, ныряютъ и летаютъ, хотя почти совершенно беззвучно, тѣмъ не менѣе съ быстротою стрѣлы, причесть съ одинаковымъ искусствомъ выдѣлываютъ совершенно прямыя линіи и опи-

сываютъ въ воздухѣ всевозможныя, доступныя вообще уткамъ дуги. Голось ихъ представляетъ собой слабое, высокое криканіе, которое можно уподобить слогу «квэк» или «кнэк»; во время спариванія голось самца напоминаетъ трещащій звукъ «клерррее», въ возбужденномъ состояніи они испускаютъ быстро слѣдующіе одинъ за другимъ звуки «йэк йэк йэк». Въ отношеніи права между ними и другими утками существуетъ скорѣе кажущееся, чѣмъ существенное различіе. Они слишкомъ полагаются на свое убѣжище и поэтому не особенно пугливы; однако они не менѣе умны, чѣмъ прочіе представители ихъ рода; это подтверждается, напримѣръ, тѣмъ, что они въ мѣстностяхъ, гдѣ чувствуютъ себя въ безопасности, мало-по-малу совершенно перестаютъ бояться человѣка; они чрезвычайно общительны, но въ тѣсной связи живутъ только между собой; они миролюбивыя птицы, но въ честь прекраснаго пола готовы во всякое время вступить въ бой съ своими соперниками. Сочетавшіяся парочки необыкновенно нѣжны другъ съ другомъ; но самка очень разборчива, а самецъ непостояненъ, поэтому и среди этого вида утокъ едва-ли мыслимъ союзъ на всю жизнь. Что касается пищи, то чирокъ-трескунокъ отличается въ этомъ отношеніи отъ другихъ видовъ тѣмъ, что, кромѣ всевозможныхъ веществъ животнаго происхожденія и мягкихъ ростковъ, ѣсть также множество сѣмянъ, въ особенности сѣмянъ овсяницы и другихъ травъ, растущихъ на влажной почвѣ.

Въ мѣстахъ гнѣздованія чирокъ-трескунокъ появляется обыкновенно разбившись уже на пары и сейчасъ же принимается за постройку гнѣзда; впрочемъ встрѣчаются между ними и одиночки того и другого пола, и зачастую проходятъ довольно много времени, прежде чѣмъ разборчивая самка рѣшится соединиться съ однимъ изъ самцовъ, съ ожесточеніемъ дерущихся изъ-за обладанія ею. Спариванію предшествуютъ нѣжныя любовныя сцены, пока полная покорная преданность селезня не побѣдитъ, наконецъ, недоступность самки. Между тѣмъ самка подыскиваетъ удобное, по возможности скрытое мѣстечко для своего гнѣзда, при чемъ въ отношеніи выбора мѣстоположенія не придерживается никакихъ правилъ или привычекъ, и потому одинаково легко рѣшается на выборъ мѣста, расположеннаго какъ въ водѣ или въ непосредственной близости отъ нея, такъ и удаленнаго отъ нея на разстояніе километра. Нижнюю часть гнѣзда она складываетъ изъ сухихъ частей растений, которыя собираетъ въ непосредственной близости отъ него, углубленіе обыкновенно выкладываетъ пухомъ, и въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая приступаетъ наконецъ къ кладкѣ. Кладка состоитъ изъ 9—12, а иногда и большаго числа маленькихъ достигающихъ около 46 мм. въ длину и 32 мм. въ толщину яицъ, продолговатой формы съ тонкой скорлупой и буро-желтовато-бѣлаго цвѣта; время высиживанія продолжается около 3 недѣль. Пока самка съ величайшимъ самоотверженіемъ высиживаетъ, самецъ все болѣе и болѣе отчуждается какъ отъ нея, такъ и отъ происшедшей и подрастающей семьи; уходъ, надзоръ, воспитаніе, однимъ словомъ всѣ заботы о маленькихъ прелестныхъ птенчикахъ, напоминающихъ своей ловкостью перепелокъ и съ самаго дня рожденія принужденныхъ скрываться, самецъ предоставляетъ самкѣ, а самъ между тѣмъ скатается съ другими самцами, волочится за всѣми встрѣчающимися ему самками, хотя въ большинствѣ случаевъ и терпитъ неудачи, и лишь въ августѣ, когда его дѣтеныши выросли, снова присоединяется къ семьѣ.

Тѣ же враги, которые угрожаютъ прочимъ уткамъ, вредятъ также и чиркамъ-трескункамъ, превосходное мясо которыхъ цѣнится по достоинству не одними людьми. Ихъ охотно содержатъ въ плѣну, потому что они прекрасно переносятъ неволю, скоро привязываются къ хозяину и доставляютъ

удовольствие своей миловидностью и рѣзвостью, а также и тѣмъ, что плодятся въ неволѣ.

У **Шилохвоста** (*Anas acuta, longicauda, alandica, caudacuta, sparrmanni, Dafila acuta, longicauda, caudata, caudacuta, Phasianurus acutus, Querquedula, Trachelonetta acuta* Schiessente. Pilet) голова, подбородокъ и горло пурпурово-бурые, середина задней части шеи и затылокъ сверху покрыты узкой, расширяющейся книзу, блестящей зеленовато-черной полосой, которая еще болѣе книзу переходить въ сѣрый цвѣтъ; нижнія шейныя перья, бока, спина и надхвостье на пепельно-сѣромъ фонѣ покрыты чрезвычайно вѣжными чернымъ поперечнымъ волнистымъ рисункомъ; полоса на обѣихъ сторонахъ шеи, расширяющаяся книзу, а также середина груди и живота чистаго бѣлаго, перья гузки и нижнія кроющія перья хвоста бархатисто-чернаго цвѣта, большія маховыя перья темно-буро-сѣрыя съ болѣе свѣтлой каймой, малыя маховыя—сѣраго, снаружи синеvато-зеленаго цвѣта съ мѣдно и пурпурово-краснымъ отливомъ; они украшены бархатисто-черной полосой, начинающейся у бѣлаго кончика и образуютъ зеркальце зеленоvато-золотистаго цвѣта сверху, снизу же съ зеленымъ отливомъ и черной каймой съ бѣлой полоской; верхнія малыя маховыя перья—сѣрыя, снаружи бархатисто-черныя, ланцетовидныя малыя маховыя перья бѣлыя, съ широкой бархатисто-черной полосой вдоль стержня и сѣраго цвѣта у корня, небольшія верхнія кроющія перья крыльевъ грязноватаго пепельно-сѣраго цвѣта; оба среднія рулевыя пера, имѣющія копьевидно-удлиненную форму и сильно выступающія надъ остальными—совершенно чернаго цвѣта; остальныя, принимая черный, ярко и пепельно-сѣрый оттѣнки, постепенно переходятъ кнаружи въ бѣлый цвѣтъ; верхнія кроющія перья хвоста частью снабжены черными и бѣлыми каймами, частью походятъ на перья надхвостья. Глаза темно-каріе, клювъ голубого, ноги сѣраго цвѣта. Въ лѣтнемъ опереніи отсутствуютъ пурпурово-бурый головной хохолокъ и узоръ на шейныхъ перьяхъ; верхняя часть тѣла, преобладающей окраской которой является темно-бурая, покрыта узоромъ, состоящимъ изъ болѣе свѣтлыхъ полосокъ, окаймляющихъ перья, коричневатая голова покрыта темными крапичками, нижняя часть тѣла свѣтлаго красновато-бураго цвѣта и украшена темно-бурыми поперечными, отчасти стрѣловидными пятнами. Самка, которую всегда легко узнатъ по ея стройному тѣлосложенію, лишена блестящаго зеркальца и гораздо свѣтлѣе самца въ его лѣтнемъ опереніи. Въ длину они достигаютъ 64, размахъ крыльевъ 96 см., длина крыла 29, длина хвоста, вслѣдствіе выдающагося шила—22 см.

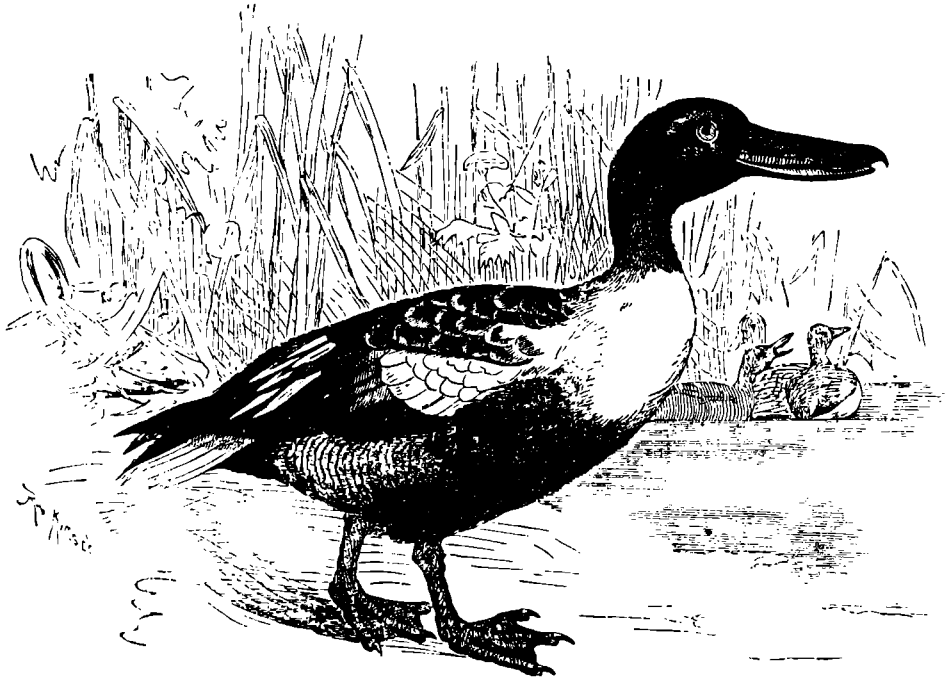
Всѣ стравы, лежащія внутри широкаго пояса земли, который охватываетъ сѣверный полюсъ и, приблизительно, расположенъ между 50-й параллелью и берегами Ледовитаго океана, составляютъ область гнѣздованія шилохвоста; остальная часть Европы и Азіи, сѣверная и средняя Африка, а также Сѣверная и Средняя Америка могутъ считаться ихъ временнымъ мѣстопробываніемъ. Въ умѣренномъ поясѣ шилохвосты гнѣздятся гораздо рѣже, чѣмъ кряквы, зато тѣмъ въ большемъ количествѣ гнѣздятся въ болѣе сѣверныхъ мѣстностяхъ и на крайнемъ сѣверѣ; улетая оттуда и возвращаясь туда обратно, они въ октябрѣ, ноябрѣ, мартѣ и апрѣлѣ многочисленными стаями появляются въ Германіи и еще въ большемъ количествѣ въ западно-европейскихъ приморскихъ странахъ. Зимуютъ они на всѣхъ водныхъ бассейнахъ, окружающихъ Средиземное и Черное моря, проникаютъ даже, придерживаясь теченія Пила, въ самую глубь или летя вдоль береговъ, до рѣкъ западной Африки; подобнымъ же образомъ страшствуютъ они въ Азіи и Америкѣ. Мѣстопробываніемъ ихъ являются, приблизительно, такія же мѣстности, какія из-

бираетъ себѣ крякву; они избѣгаютъ однако бассейновъ, скрытыхъ въ дѣсу или изобилующихъ кустарниками, и предпочитаютъ всѣмъ прочимъ мѣстамъ обширныя озера, топи и болота, поросшія тростникомъ и покрытыя всякаго рода болотными и водяными растеніями; ихъ также можно назвать коренными обитателями тундры.

Своимъ продолговатымъ тѣломъ, осанкой, а также походкой и плаваніемъ, шилохвосты сильно напоминаютъ лебедей, хотя на нихъ и лежитъ настоящій утиный отпечатокъ. Ходятъ они переваливаясь, плаваютъ легко, искусно и охотно ныряютъ и летаютъ короткими, необыкновенно быстро другъ за другомъ слѣдующими взмахами, весьма скоро и ловко, причемъ вытягиваютъ свою длинную шею и издаютъ легкій шипящій звукъ; перелетая большія пространства, они летятъ клинообразнымъ строемъ высоко въ воздухѣ, и по прямому направленію; впрочемъ они также легко и искусно извиваются въ воздухѣ, по произволу вертятся и поворачиваются и, кромѣ того, описываютъ при этомъ головой и шеей извилистыя линіи, чего не дѣлаетъ никакая другая утка. Голосъ ихъ состоитъ изъ однообразнаго высокаго звука «крѣкк», напоминающаго кряканіе и во время любви переходитъ у самца въ благозвучный звукъ «клюкк» или, если онъ разгоряченъ, то «аанкюкк... эре», гнѣвъ же свой они выражаютъ шипящимъ пыхтѣніемъ. Ихъ поведеніе, образъ жизни, обычая и привычки не представляютъ въ общемъ ничего особеннаго, такъ же, какъ и пища, мало отличающаяся отъ пищи ихъ родичей. Ихъ простое, выложенное внутри пухомъ гнѣздо приблизительно въ концѣ апрѣля содержитъ полную кладку, состоящую изъ 8—10 яицъ, длиною около 55 и толщиною около 42 мм., которыя похожи на яйца кряквы и высидиваются также безъ участія самца. Впрочемъ о подроставшихъ птенцахъ, юность которыхъ протекаетъ такъ же, какъ и у молодыхъ кряквъ, самецъ повидимому, все-таки заботится, такъ какъ я видѣлъ одного изъ нихъ, который появился въ то время, когда я однажды въ тундрѣ сѣверной Азіи перестрѣлялъ однихъ за другими самку и полувзрослыхъ утятъ. Мясо послѣднихъ превосходно, но и старыя птицы осенью также очень вкусны.

Одной изъ самыхъ пестрыхъ и удивительныхъ утокъ Германіи является **Широносна, Сонсунъ** (*Anas clypeata, rubens, mexicana, jamaicensis, Spatula clypeata, Clypeata pomarina, macrorhynchos, platyrhynchos, brachyrhynchos, Rhyrchaspis clypeata. Löffelente. Souchet commun*); она отличается большимъ, суженымъ сзади и весьма широкимъ спереди клювомъ, который сильно изогнутъ, мягокъ и снабженъ мелкими зубчиками. Голова и верхняя часть шеи ея темно-зеленая, задняя часть шеи снизу, а также зашеекъ и короткія малыя маховыя перья покрыты свѣтло-сѣрыми каймами, нижняя часть шеи, зобъ и самыя верхнія кроющія перья крыльевъ бѣлыя, остальные свѣтло-голубого цвѣта, перья зеркальца, ограниченнаго спереди широкой бѣлой полосой,—блестящаго металлически-сѣраго цвѣта, спина и надхвостье черно-зеленыя, грудь и брюшко каштаново-бурого цвѣта, нижнія кроющія перья хвоста черныя, маховыя перья буро-сѣрыя, среднія рулевыя перья бурныя, съ бѣловатыми каймами, которыя къ краямъ дѣлаются все болѣе и болѣе широкими. Глаза золотисто-желтаго, клювъ чернаго, ноги красно-желтаго цвѣта. Въ длину эта утка достигаетъ 50, размахъ крыльевъ 80, длина крыла 24, хвоста 8 см. Самка на сѣро-желтомъ фонѣ покрыта болѣе темными пятнами, верхняя часть крыльевъ сѣрая, узкое зеркальце сѣро-зеленаго, клювъ зеленоватаго цвѣта съ блѣдно-красными краями. На ея опереніе похоже лѣтнее опереніе самца.

Родиной широконоски является умеренный пояс земли; на крайнем севере она встречается реже. В Европѣ она живет повсемѣстно, начиная отъ южной Норвегіи, въ Америкѣ встрѣчается, начиная съ Канады, во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ. Отсюда онѣ зимой перекочевываютъ до Мексики, изъ Европы переселяются до сѣверной и средней Африки, изъ Азіи—до южнаго Китая, Индіи и Австраліи. Въ восточной Пруссіи, въ Польшѣ, Даніи и Голландіи эта утка принадлежитъ къ обыкновеннѣйшимъ явленіямъ, кое-гдѣ встрѣчается въ средней Германіи и массами попадаетъ зимой во всей южной Европѣ. Въ Германіи она появляется въ концѣ марта или началѣ апрѣля и уже около конца августа постепенно снова собирается летѣть на югъ. Она также предпочитаетъ прѣсныя воды морю; тѣмъ не менѣе, однако, весьма охотно селится также на мелкихъ мѣстахъ послѣдняго,

Широконоска. *Anas platyrhynchos*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

живетъ здѣсь на тѣнистыхъ мелкихъ водахъ, на песчаныхъ плоскихъ берегахъ и на лужахъ, оставленныхъ отливомъ, и ведетъ здѣсь образъ жизни, скорѣе похожій на образъ жизни береговыхъ птицъ, чѣмъ прочихъ утокъ. На озерахъ сѣвернаго Египта она постоянно придерживается окраинъ, тогда какъ другіе виды ихъ семейства населяютъ или открытыя, отдаленныя отъ берега мѣста, или покрытыя растеніями болотообразныя части озера.

Отъ остальныхъ утокъ Германіи ее уже издали можно отличить по ея роскошному и поразительному оперенію, своими же обычаями и привычками она существенно не отличается отъ послѣднихъ. Подобно остальнымъ плавающимъ уткамъ, она довольно хорошо и охотно ходитъ, плаваетъ легко и красиво, часто полонетъ въ водѣ, ныряетъ же лишь въ случаѣ крайней необходимости; летаетъ она скоро и ловко, хотя и не такъ быстро, какъ болѣе мелкіе виды, и во время полета производитъ слабый шумъ. Ея голосъ напоминаетъ криканіе, голосъ самца

похожъ нѣсколько на звукъ «воак», голосъ самки на болѣе низкій звукъ «вак». Она принадлежитъ къ наиболѣе довѣрчивымъ или наименѣ пугливымъ видамъ своего семейства, близко подпускаетъ къ себѣ охотника и иногда ведетъ себя прямо-таки глупо; въ концѣ-концовъ однако, если она видитъ, что ее преслѣдуютъ, то также становится осторожной и пугливой. Науманъ наблюдалъ, что самцы весною, когда они облечены въ свое роскошное опереніе, бываютъ пугливыѣ, чѣмъ позднимъ лѣтомъ, вѣроятно сознавая, что яркіе цвѣта весенняго оперенія скорѣе обращаютъ на себя вниманіе, чѣмъ невзрачный цвѣтъ лѣтняго. Большими обществами онѣ собираются рѣдко, или даже никогда, такъ какъ и въ зимнихъ убѣжищахъ мнѣ приходилось ихъ видѣть только небольшими семейками, хотя и могло случиться, что нѣсколько такихъ семействъ жили весьма близко одно около другаго.

Пища широконоски намъ въ точности еще неизвѣстна. Мы знаемъ, что она питается всякими маленькими червями, насѣкомыми и ихъ личинками, рыбой и лягушечей икрой, мелкой молодой рыбой и прѣсноводными улитками, а также не пренебрегаетъ и нѣжными растительными веществами; однако мы видимъ, что плѣнныя широконоски труднѣе переносятъ неволю, чѣмъ всѣ прочія утки, и часто, даже при изобильной пищѣ, хлѣбютъ и погибаютъ, и, между тѣмъ, намъ еще до сихъ поръ въ точности неизвѣстно, какого питательнаго вещества лишаетъ ихъ неволя. Между тѣмъ очевидно, что имъ не хватаетъ только какой-то любимой пищи, которая необходима для ихъ благополучія. По моимъ наблюденіямъ, самцы лучше переносятъ неволю, чѣмъ самки, изъ которыхъ больше половины вскорѣ послѣ плѣна обыкновенно погибаетъ. На волѣ онѣ, вѣроятно, находятъ массу маленькихъ животныхъ столь нѣжнаго строенія, что въ желудкѣ убитыхъ мы ихъ уже не въ состояніи опредѣлить; по крайней мѣрѣ, онѣ гораздо чаще прочихъ утокъ копошатся въ жидкой тинѣ или въ плавающихъ водяныхъ растеніяхъ. Хлѣбъ онѣ ѣдятъ, повидимому, неохотно и предпочитаютъ животную пищу растительной. Ночью онѣ болѣе занимаются разыскиваніемъ пищи, чѣмъ утки, днемъ охотно отдыхаютъ на песчаныхъ мѣстахъ берега, стоя на одной ногѣ, или лежа на животѣ и спятъ преимущественно въ полдень; при наступленіи же сумерекъ онѣ приходятъ въ движеніе и остаются дѣятельными почти до слѣдующаго утра.

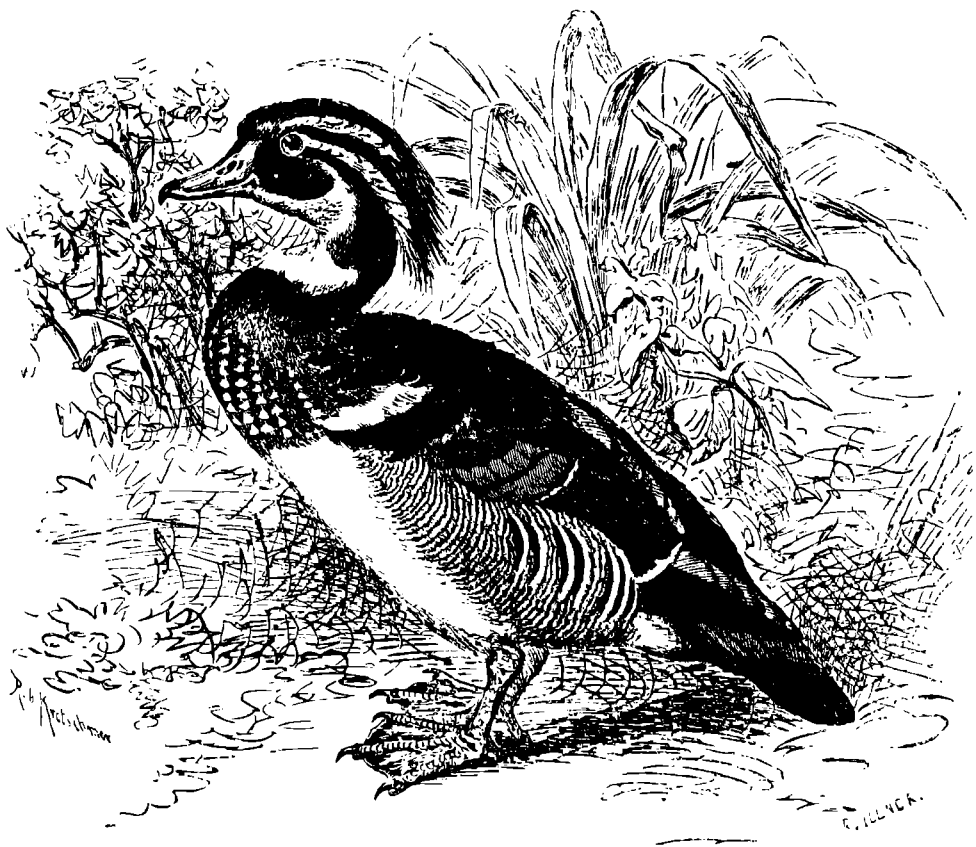
Въ южной и средней Германіи широконоска причисляется къ рѣдкимъ, гнѣздящимся тамъ птицамъ; на сѣверѣ Германіи она гнѣздится чаще, хотя и не въ такомъ количествѣ, какъ въ Голландіи. Для этого она избираетъ большія, открытыя топи, поселяется на нихъ сейчасъ же послѣ прибытія и вскорѣ начинаетъ дѣлать приготовленія для постройки гнѣзда. «На болѣе открытыхъ и глубокихъ мѣстахъ», говоритъ Науманъ, «видишь, какъ сильно возбужденные самцы любезничаютъ съ самками и при этомъ изрядно треплютъ другъ друга, такъ какъ обыкновенно нѣсколько изъ нихъ сразу помогаютъ одной самки, которая въ этомъ случаѣ часто обращается въ бѣгство; тогда высоко въ воздухѣ она долгое время преслѣдуется нѣсколькими ухаживателями, и эта гонка продолжается до тѣхъ поръ, пока она, наконецъ, не сдастся одному изъ нихъ и не удалится съ нимъ отъ другихъ; случается же это лишь тогда, когда она, утомленная погоней, снова опустится на воду». Погони эти прекращаются, когда всѣ онѣ разобьются на пары; однако, каждую самку, покинувшую гнѣздо, всѣ самцы, подруги которыхъ заняты высиживаніемъ птенцовъ, все еще продолжаютъ преслѣдовать своими любовными предложеніями. «Взаимная вѣрность птицъ одной пары», продолжаетъ Науманъ, «и у этихъ утокъ не простирается особенно далеко. Мы нѣсколько разъ

видѣли, какъ самецъ широконоски присоединился къ дикимъ селезнямъ кряквы, преслѣдующимъ самку своего вида, и вмѣстѣ съ ними съ такой горячностью гонялся за послѣдней, какъ будто бы всѣ они были широконосками». Надъ плѣнными мнѣ часто приходилось наблюдать подобные факты; самцы, повидимому, особенно были расположены къ самкамъ шилохвостовъ. Гнѣздо широконоски находится въ тростникѣ или осоцѣ, окруженныхъ водой или трясинной, въ тростникѣ, растущемъ на берегу канавъ, въ кустарникѣ и проч., въ большемъ или меньшемъ отдаленіи отъ воды, иногда даже въ посѣвахъ смежныхъ полей; оно постоянно, по возможности, хорошо скрыто, плохо свито изъ частей тростника, ситовника, травы и другихъ растений, имѣетъ глубокое углубленіе и позднѣе выкладывается также пухомъ. Кладка состоитъ изъ 7—14 овальныхъ, мелкозернистыхъ, гладкихъ матовыхъ яицъ, мутно-ржаво-желтоватаго или зеленовато-бѣлаго цвѣта, около 51 мм. въ продольномъ и 37 въ поперечномъ діаметрѣ. Матка высидываетъ съ горячей преданностью, но во время высидыванія не выноситъ помѣхъ и постоянно покидаетъ яйца въ началѣ высидыванія, если ей нѣсколько разъ помѣшали. По словамъ Наумана, время высидыванія продолжается 22—23 дня. Птенцы достигаютъ полнаго развитія по истеченіи, приблизительно, четырехъ недѣль. Мясо ихъ превосходно, но и старыя птицы также чрезвычайно вкусны.

* *

На мой взглядъ, между утками, пальма первенства за красоту принадлежитъ **Каролинской уткѣ** (*Lampronessa sponsa*, Aix, Anas, Dendronessa, Cosmonessa sponsa. Karolinente. Canard de la Caroline). Птица эта распространена и весьма многочисленна во всей Сѣверной Америкѣ и въ настоящее время прочно водворилась на прудахъ Германіи. Этотъ родъ (*Lampronessa*) отличается стройнымъ тѣломъ, тонкой, средней длины шеей, большой головой, украшенной хохломъ, довольно короткимъ, стройнымъ клювомъ, который короче головы и снабженъ сильно загнутымъ, слегка сифшивающимся надъ нижнимъ клювомъ кончикомъ, короткими, сильными ногами, узкими, заостренными, средней длины перьями, среди маховыхъ перьевъ которыхъ самыя длинныя первое и второе, расширяющимися большими маховыми перьями, длиннымъ, сильнымъ и широкимъ, сильно закругленнымъ хвостомъ, состоящимъ изъ 16 перьевъ, и роскошнымъ, плотнымъ и блестящимъ опереніемъ, которое на затылкѣ образуетъ длинный, сифшивающейся хохоль; полоска, находящаяся между основаніемъ верхней челюсти клюва и около глаза голая. Опереніе верхней части головы и области щекъ между глазомъ и клювомъ блестящаго темно-зеленаго цвѣта, обѣ стороны головы и большое пятно по сторонамъ шеи пурпурово-зеленыя съ голубоватымъ отливомъ; перья, образующія хохоль, золотисто-зеленыя и чрезвычайно украшаются двумя узкими бѣлыми полосками, изъ которыхъ одна проходитъ надъ глазомъ, а другая направляется отъ глаза назадъ. Обѣ стороны верхней части шеи и верхней части груди на яркомъ каштаново-буромъ фонѣ какъ бы обрызганы нѣжными бѣлыми капелками, плечевыя перья, большія маховыя и рулевыя перья зелено-пурпурово-синяго цвѣта съ бархатисто-чернымъ отливомъ; перья между плечами, задняя часть спины и верхнія кроющія перья хвоста — черно-зеленыя, нѣкоторыя изъ узкихъ, удлинненныхъ сбоку кроющихъ перьевъ хвоста красновато-оранжеваго цвѣта, нижнія кроющія перья хвоста бурья, подбородокъ, горло, полоса вокругъ верхней части шеи, средина груди и животъ — бѣлые; бока на желтовато-сѣромъ фонѣ покрыты тонкимъ и красивымъ чернымъ волнистымъ рисункомъ, нѣкоторыя же болѣе длинныя перья чернаго цвѣта съ широкой бѣлой каймой. Глаза ярко-красныя, вѣки оранжево-

красныя, клювъ бѣловатый, посрединѣ желтоватаго, у корня темнаго буровато-краснаго, на кончикѣ чернаго цвѣта, ноги красновато-желтыя. Длина птицы 45 см., размахъ крыльевъ 72, длина крыла 22, хвоста 10 см. Самка нѣсколько меньше самца и на головѣ не имѣетъ хохла, хотя перья головы также немного удлинены; ея опереніе на верхней части тѣла темнаго буро-зеленоватаго и блестящаго пурпуроваго цвѣта и покрыто большими пятнами, окраска головы сѣро-зеленая, шея буровато-сѣрая, зобъ бѣлаго цвѣта, грудь бѣлая съ бурыми пятнами, брюшко совершенно бѣлое; глаза окружены широкимъ бѣлымъ кольцомъ, которое позади переходитъ въ полосу и тянется до ушной области.

Каролинская утка. *Lampronessa sponsa*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

Къ югу отъ Новой Шотландіи каролинская утка живетъ во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ и во время перелета постоянно посѣщаетъ Среднюю Америку и Вестъ-Индію. Въ среднихъ Штатахъ она встрѣчается и зимой, потому что тамъ, гдѣ она находитъ открытые бассейны, она остается жить. Нѣсколько разъ случилось убивать ее и въ Европѣ; по всей вѣроятности, однако, эти экземпляры улетѣли изъ зоологическихъ садовъ Англій или Голландіи.

Съ красивой фигурой и роскошнымъ опереніемъ каролинской утки вполне согласуются ея граціозныя движенія. Она соединяетъ въ себѣ всѣ качества, которыя нужны водяной птицѣ, чтобы снискать расположеніе людей. Своими движеніями она походитъ на чирка-свистуна или трескунка, но превосходить ихъ еще

тѣмъ, что постоянно садится на деревья. Несмотря на то, что ея ноги сильно отодвинуты назадъ, она ходитъ быстро, по крайней мѣрѣ столь же проворно, какъ наша дикая утка, и при этомъ всегда повиливаетъ хвостомъ; плаваетъ легко и, по словамъ Одюбона, летаетъ между вѣтвями деревьевъ съ легкостью дикаго голубя и иногда подь вечеръ съ быстротою молніи пронесится между верхушками. Въ случаѣ необходимости она ныряетъ и дѣлаетъ это даже тогда, когда, играя, гоняется за самкой или изъ ревности преслѣдуетъ другихъ самцовъ. Голосъ состоитъ изъ чрезвычайно благозвучнаго, мягкаго, протяжнаго тихаго звука «пи піи»; звукъ, которымъ самецъ предупреждаетъ объ опасности, заключается въ не менѣе звучномъ «хуик хуик». Она менѣе боится близости человѣка, чѣмъ наша кряква; особенно трудно прогнать ее съ мѣста гнѣздованія, къ которому она привыкла; она не покидаетъ его даже тогда, когда въ непосредственной близости отъ него возводятся постройки. Если же ей приходится испытать преслѣдованіе, она все-таки скоро становится осторожной, а въ концѣ концовъ въ высшей степени пугливой и, чтобы оградить себя отъ опасности, она прибѣгаетъ также ко всемъ общеупотребительнымъ хитростямъ. Къ неволѣ она привыкаетъ быстро, чѣмъ какая-либо другая извѣстная мнѣ утка; даже тѣ изъ нихъ, которыя пойманы въ старости, скоро привыкаютъ къ измѣнившимся обстоятельствамъ: видятъ въ хозяинѣ доброжелательнаго человѣка и послѣ кратковременнаго заключенія уже начинаютъ идти на зовъ; ихъ легче, чѣмъ прочихъ утокъ, можно приучить улетать и снова возвращаться; въ плѣну онѣ всегда размножаются, если только оставить ихъ въ подходящія условія.

На свободѣ она питается зернами и сѣмями, нѣжными кончиками различныхъ водяныхъ и хлѣбныхъ растений, червями, улитками и жуками и ѣсть также маленькихъ лягушекъ и другихъ позвоночныхъ животныхъ; въ неволѣ она довольствуется зернами и рыбной пищей, но мало-по-малу приучается ѣсть все, чѣмъ питается человѣкъ.

Около марта общества разъединяются, и каждая парочка начинаетъ скитаться повсюду въ лѣсахъ; онѣ опускаются на вершины болѣе высокихъ деревьевъ, ловко и увѣренно расхаживаютъ по вѣтвямъ и изслѣдуютъ каждое, попадающееся имъ дупло. Въ большинствѣ случаевъ строитель жилищъ, удовлетворяющихъ всемъ притребностямъ утки, оказывался большой бѣлоклювый дятель; иногда имъ приходится довольствоваться покинутымъ гнѣздомъ бѣлки и, въ видѣ исключенія, даже разсѣлинами скаль. Самка съ поражающей легкостью протискивается сквозъ входное отверстіе дупла, хотя послѣднее и кажется слишкомъ маленькимъ, и искусно преобразовываетъ внутренность дупла въ гнѣздо. Пока самка лазаетъ по деревьямъ, самецъ сторожитъ снаружи и извѣщаетъ ее о приближающейся опасности или нѣжнымъ окликомъ или вышеописаннымъ крикомъ, послѣ котораго оба поспѣшно улетаютъ. Разъ найденное дупло служитъ парочкѣ подь-рядъ въ теченіи многихъ лѣтъ. Самецъ, домогающійся любви самки, выказываетъ передъ ней всевозможные фокусы, предназначенные для прельщенія ея, съ гордой осанкой, важно и высоко приподнимаетъ голову и пытается миловидными кивками и поворачиваніемъ головы тронуть сердце своей красавицы. Когда парочка спарилась, ихъ уже постоянно приходится видѣть плавающими тѣсно одинъ подлѣ другаго; отъ времени до времени они ласкаютъ другъ друга клювами, самецъ же иногда отъ удовольствія поднимается на воздухъ, хлопаетъ крыльями и, нѣжно крича, двигаетъ головой и шеей. При случаѣ бывають также поединки; по меньшей мѣрѣ каждый приближающійся самецъ устрашается такими движеніями, которыя не допускають недоразумѣнія. Между тѣмъ оба ежедневно по нѣсколько разъ посѣщаютъ дупло.

предназначенное для гнѣзда; самка устраиваетъ въ немъ гнѣздо, приводитъ его въ порядокъ и, наконецъ, въ началѣ апрѣля, а въ сѣверныхъ штатахъ мѣсяцемъ позже, приступаетъ къ кладкѣ. Кладка состоитъ изъ 7—12 маленькихъ яицъ около 48 мм. длины и 36 мм. толщины, продолговатой формы съ твердой гладкой скорлупой, чистыхъ и желтовато-бѣлаго цвѣта. Время высиживания продолжается 25—26 дней. Едва только самка снесетъ послѣднее яйцо, какъ тотчасъ же, по обыкновенію, выкладываетъ углубленіе гнѣзда пухомъ; каждый разъ, покидая гнѣздо, прикрываетъ также имъ яйца и вообще принимаетъ на себя съ этихъ поръ всѣ заботы и труды родительскаго попеченія. Пока она занята постройкой и кладкой, самецъ ее еще постоянно сопровождаетъ; позднѣе онъ поступаетъ точно также, какъ и другіе селезни, покидаетъ подругу, соединяется съ другими представителями своего пола, скитается съ ними повсюду и, наконецъ, удаляется на подходящія воды, чтобы провести здѣсь періодъ линянія. Линяніе начинается уже въ іюлѣ, кончается въ серединѣ сентября и облекаетъ селезня въ опереніе, которое едва отличается отъ оперенія самки, хотя все еще немного превосходить послѣднее блескомъ и яркостью красокъ.

Мясо каролинской утки, начиная съ сентября и до наступленія зимы, говорятъ, дѣйствительно превосходно: повтому неудивительно, что ихъ всюду преслѣдуютъ и каждую зиму тысячами доставляютъ на рынки. Объ ихъ полномъ прирученіи въ Америкѣ, повидимому, еще не помышляли; но что онѣ мало-по-малу сдѣлаются домашними птицами—не подлежитъ сомнѣнію. Для содержанія на прудахъ она заслуживаетъ предпочтенія передъ нѣкоторыми чужеземными родичами не только вслѣдствіе того, что превосходить всѣхъ ихъ красотой, но и потому, что легче всѣхъ другихъ утокъ размножается въ неволѣ.

Нырки (*Fuligulinae*. Tauchenten. Canards plongeurs) являются представителями новаго подсемейства, которое состоитъ приблизительно изъ 30 видовъ; они отличаются короткимъ, широкимъ и неуклюжимъ туловищемъ, короткой и толстой шеей, большой головой и средней длины, обыкновенно широкимъ, снабженнымъ лишь короткими зубчиками и нерѣдко вздутымъ у основанія клювомъ; ихъ короткія ноги прикрѣплены далеко назадъ туловища, до плюсны покрыты опереніемъ, а большая часть голени обернута наружной кожей брюшка; у основанія онѣ сильно сжаты; ихъ длинныя передніе пальцы соединены большими плавательными перепонками, которыя отчасти имѣются и на заднихъ пальцахъ въ формѣ широкихъ лопастей, т. е. собственно подошвы, распластанной съ обѣихъ сторонъ въ широкую перепонку; крылья у нихъ короткія, изогнутыя, среди маховыхъ перьевъ два первыхъ самыя длинныя; у нихъ средней длины или короткій, но широкій хвостъ, образованный изъ 14—18 упругихъ перьевъ и, наконецъ, плотно прилегающее опереніе, которое, смотря по возрасту и полу, бываетъ различнаго цвѣта, часто удлиняется на головѣ въ большой хохолъ или маленькій хохолокъ и покрыто своеобразнымъ пестрымъ рисункомъ.

Благодаря своей способности нырять, эти утки предпочитаютъ открытыя и глубокія воды болѣе мелкимъ и поросшимъ растеніями. Большинство изъ нихъ живетъ на морѣ, во время же размноженія преимущественно переселяются на прѣсныя воды, на которыхъ другія проводятъ большую часть своей жизни. Къ водѣ онѣ привязаны болѣе, чѣмъ всѣ вышеупомянутыя утки. Вслѣдствіе того, что ихъ ноги находятся далеко позади туловища, онѣ, чтобы удержать его въ равновѣсіи, принуждены держаться чрезвычайно прямо; поэтому ихъ походка заклю-

чается лишь въ неуклюжемъ покачиваньи, которое можно назвать переваливаніемъ съ боку на бокъ и, повидимому, весьма утруждаетъ ихъ. Полетъ также затрудняетъ ихъ болѣе, чѣмъ всѣхъ прочихъ утокъ; впрочемъ, разъ поднявшись, онѣ летятъ довольно скоро, подвигаясь впередъ быстрыми взмахами крыльевъ. Зато тѣмъ проворнѣе двигаются онѣ на водѣ. Глубоко погрузивъ свое широкое и сравнительно тяжелое тѣло въ воду, такъ что отъ него остается непокрытой лишь узкая полоска спины, а хвостъ волочится по поверхности воды, онѣ, сильно отталкиваясь широкоперепончатыми ногами, подвигаются впередъ чрезвычайно быстро; если же онѣ желаютъ погрузиться въ глубину, то имъ достаточно одного толчка своими веслами кверху, и одновременнаго съ этимъ взмахомъ хвостомъ книзу, и ихъ туловище головой впередъ опрокидывается ввизъ. Нырки неспособны, подобно гагарѣ, преслѣдовать подъ водой намѣченную добычу, но ныряютъ на дно въ болѣе или менѣе отвѣсномъ направленіи и послѣ минутнаго отсутствія появляются почти на томъ же самомъ мѣстѣ, съ котораго исчезли. Такъ какъ они отыскиваютъ свою пищу на днѣ, то имъ часто такимъ образомъ приходится нырять на значительную глубину; тѣ изъ нихъ, которые живутъ на морѣ, ныряютъ иногда на глубину около 100 м., что легко опредѣлить изслѣдованіемъ ихъ пищи. Лишь немногіе изъ нихъ питаются преимущественно растеніями; большинство изъ нихъ ѣдятъ ракушекъ и другихъ моллюсковъ, червей, раковъ, рыбъ и пр., во время же пребыванія на прѣсныхъ водахъ также и насѣкомыхъ. Пища, найденная на днѣ, тамъ же въ глубинѣ и проглатывается. Что касается голоса, то они отличаются отъ другихъ утокъ въ томъ отношеніи, что вмѣсто криканія издаютъ трескучіе или протяжныя звуки. Ихъ внѣшнія чувства и умственныя способности находятся, повидимому, приблизительно на той же степени развитія, какъ и у остальныхъ родичей.

Нырки чаще остальныхъ зубчатоклювыхъ птицъ гнѣздятся обществами, образуя иногда настоящія поселенія. Нерѣдко двѣ самки, даже различныхъ видовъ, несутъ яйца въ одно гнѣздо, сообща высидываютъ ихъ и раздѣляютъ между собой воспитаніе и заботы о птенцахъ, не дѣлая различія между собственными и чужими. Многія изъ нихъ воруютъ другъ у друга яйца и тащатъ ихъ въ свои собственныя гнѣзда или переманиваютъ къ себѣ уже вылупившихся птенцовъ, чтобы заботиться о нихъ. Яйца ихъ круглѣе и съ болѣе твердой скорлупой, чѣмъ яйца другихъ утокъ, въ общемъ же весьма похожи на нихъ.

Нѣкоторыя нырки доставляютъ значительную пользу своимъ пухомъ, которымъ выстилаютъ гнѣздо; другіе доставляютъ также вкусное мясо, тогда какъ мясо большинства изъ нихъ, вслѣдствіе ихъ пищи, имѣетъ неприятный вкусъ ворвани и по крайней мѣрѣ для избалованнаго лакомки для употребленія не пригодно. Поэтому на многихъ изъ нихъ охотятся только ради ихъ пуха, но не изъ за мяса. Отъ прочихъ враговъ они страдаютъ менѣе другихъ утокъ. Болѣе быстрыя хищныя птицы ловятъ на лету и ихъ, а болѣе крупныя рыбы или живущія въ водѣ земноводныя похищаютъ ихъ птенцовъ, вообще же вода спасаетъ ихъ отъ многихъ преслѣдованій. Для содержанія въ плѣну они не годятся. Они, правда, постепенно привыкаютъ къ обыкновенному корму, но никогда не могутъ привыкнуть къ исключительно растительной пищѣ. Лишь немногіе виды размножаются, если ихъ лишить естественныхъ условій; тѣ же изъ нихъ, которые большую часть своей жизни проводятъ на морѣ—вѣроятно никогда.

* * *

Среди всѣхъ нырковъ первое мѣсто принадлежитъ Гагамъ (*Somateria Eider-vogel. Eiders*). Кромѣ значительной величины тѣла онѣ отличаются еще сильно

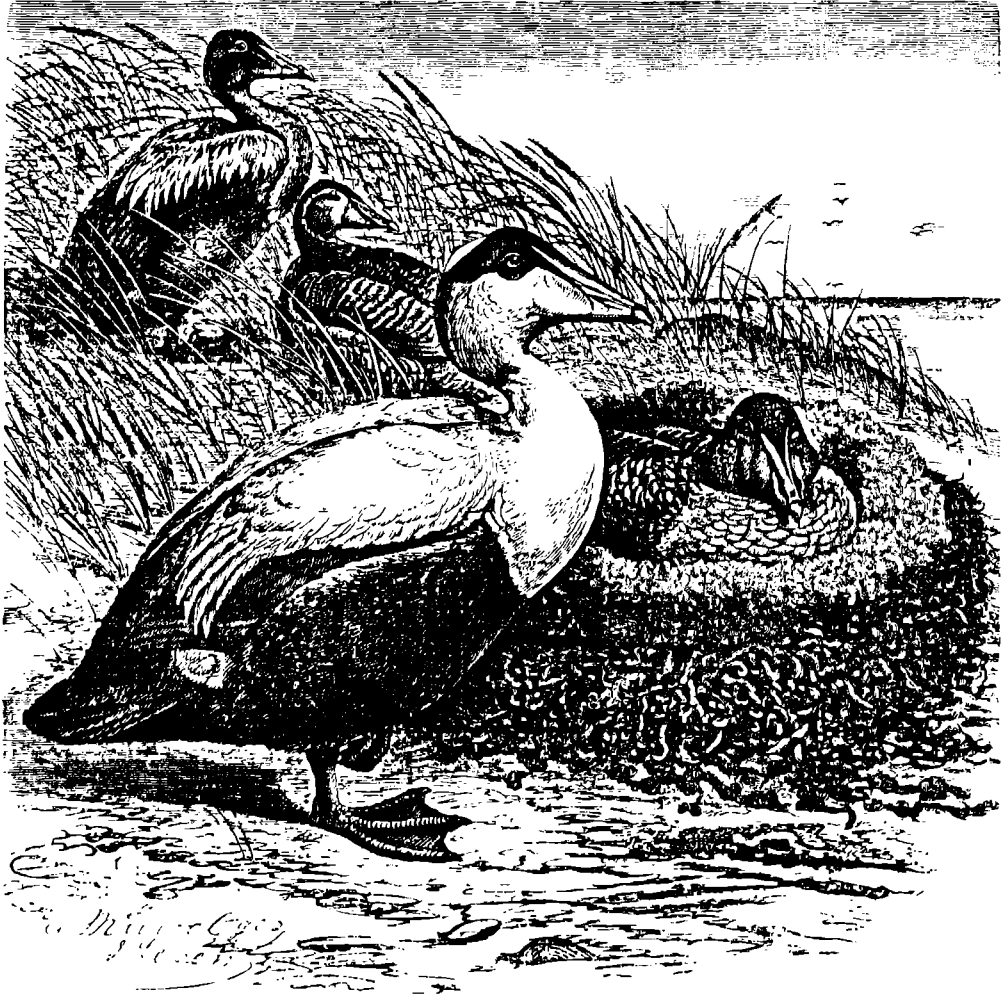
вытянутымъ длиннымъ клювомъ, спинка котораго далеко вдается въ опереніе лба; онъ ярко окрашенъ, а у нѣкоторыхъ видовъ шишкообразно раздутъ; его большой коготокъ занимаетъ весь передній конецъ верхней челюсти; у нихъ короткія, снабженныя длинными пальцами и поэтому широкоступенчатыя ноги; средней длины крылья, среди большихъ маховыхъ перьевъ которыхъ второе самое длинное, а верхнія малыя маховыя серповидно загибаются за переднюю часть крыла; хвостъ у нихъ закругленный и состоитъ изъ 14—16 заостренныхъ перьевъ, опереніе густое, своеобразно окрашенное.

У Настоящей гаги, Гавки (*Somateria mollissima*, *thulensis*, *danica*, *norvegica*, *islandica*, *borealis*, *feroensis*, *platyuros*, *megauros*, *planifrons*, *laisleri*, *cuthberti*, *dresseri*, *Anas mollissima*, *cuthberti*, *Anser lanuginosus*. Eiderente. Eider ordinaire) верхняя часть головы, шея и спина, включая сюда и верхнія кроющія перья крыльевъ,—бѣлая, на передней части груди эта окраска переходитъ въ красноватый цвѣтъ; лобъ и височная область, нижняя часть спины и брюшко—черныя, щеки свѣтло-зеленаго цвѣта; маховыя и рулевыя перья выглядятъ буровато-черными, перья, образующія зеркальце, совершенно бархатисто-чернаго цвѣта. Глаза красновато-бурые, клювъ зеленовато-желтый, ноги маслянисто-зеленыя. Длина птицы 63 см., длина крыла 29, хвоста 9 см. Самка меньше самца и ржаваго цвѣта, голова и шея ея покрыты бурыми продольными, остальные части—черными лунообразными поперечными пятнами, зеркальце бурога цвѣта съ бѣлой каймой, нижняя часть тѣла темно-бурая съ незамѣтнымъ чернымъ волнистымъ рисункомъ. По прошествіи времени высиживанія голова и шея самца становятся черно-сѣрыми съ темными облачными пятнами, плечи сѣро-черными съ свѣтлыми черточками; область зоба на желтоват-бѣломъ фонѣ покрывается узоромъ, состоящимъ изъ черноватыхъ и ржаво-бурыхъ каемокъ перьевъ.

У родственной ей Гаги-гребенушки, (*Somateria spectabilis*, *megarhynchos*, *altensteinii*, *Anas spectabilis*, *beringii*, *Platypus*, *Fuligula spectabilis*. Königseiderente. Eider orné), приблизительно равной ей по величинѣ, клювъ съ боковъ немного раздутъ въ видѣ бугра и окруженъ тонкой черной полосой; подобнаго же цвѣта полоски тянутся по обѣимъ сторонамъ шеи отъ основанія нижняго клюва; верхняя часть головы сѣрая, щеки свѣтло-зеленыя, шея бѣлая, передняя часть груди свѣтло-красновато-мясного цвѣта, средняя часть спины, кроющія перья у сочлененія крыльевъ и нижняя часть спины—бѣлаго цвѣта, всѣ остальные перья черныя; глаза каріе, клювъ красный, ноги красноватыя. Самка отличается отъ самокъ родственныхъ видовъ свѣтло-красно-бурой окраской.

По своей величинѣ область распространенія настоящей гаги превосходитъ области распространенія всѣхъ прочихъ видовъ. Она населяетъ весь сѣверъ земли, отъ Ютландскихъ острововъ до Шпицбергена и отъ западныхъ береговъ Европы всѣ сѣверные берега земли до Гренландіи и Исландіи. Иногда она появляется также и внутри Германіи, но только всегда случайно. Самое южное мѣсто ея гнѣздованія находится на островѣ Сильтъ и на маленькихъ датскихъ островахъ, лежащихъ на одинаковой широтѣ съ послѣднимъ; къ сѣверу отъ этихъ мѣстностей она, повидимому, становится многочисленнѣе. Уже въ средней Норвегіи, гдѣ прибрежные жители за ней ухаживаютъ и берегутъ ее, она, охраняемая особыми, къ сожалѣнію не вездѣ чтимыми, законами, встрѣчается тысячами; въ Исландіи и Гренландіи она также массами являетъ постоянное пребываніе. Гага-

гребенушка населяетъ болѣе сѣверныя широты, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и встрѣчается вмѣстѣ съ послѣдними; главнымъ образомъ она живетъ на Шпицбергенѣ, въ Новой Землѣ, въ Гренландіи, на сѣверныхъ берегахъ Америки и Азіи и на Беринговомъ морѣ; каждую зиму она посѣщаетъ сѣверную Россію и Лапландію и встрѣчается также вдоль береговъ Норвегіи и Великобританіи, а въ видѣ исключенія достигаетъ даже береговъ Германіи, гнѣздится же только въ вышеупомянутыхъ мѣстностяхъ и, отдѣльными экземплярами, иногда въ Исландіи.

Настоящая гага. *Somateria mollissima*. $\frac{3}{10}$ наст. вел.

Въ болѣе южныхъ мѣстностяхъ и странахъ, обнимаемыхъ ихъ областью распространенія, настоящая гага, жизнеописаніемъ которой я ограничусь, не ведетъ скитальческой жизни, потому что Нѣмецкое море, благодаря гольфстрему, не замерзаетъ почти на всемъ своемъ пространствѣ. Даже въ Балтійскомъ морѣ для нея, обыкновенно, также остаются мѣстечки, которыя не замерзаютъ и служатъ ей убѣжищемъ во время зимы. Если же зима очень сурова, то она все-таки бываетъ принуждена рѣшиться на перекочевку, и переселяется тогда къ

Нѣмецкому морю или даже къ Атлантическому океану. Въ Гренландіи, въ сентябрѣ и октябрѣ она постоянно совершаетъ перелетъ; въ это время она огромными массами собирается на изобилующихъ пищей мѣстахъ и буквально покрываетъ море на пространствѣ квадратнаго километра. Начиная съ апрѣля, она, также постоянно соединившись большими массами, возвращается на сѣверъ.

Гага—настоящая морская птица въ полномъ смыслѣ этого слова. На сушѣ она двигается неуклюже, ходитъ, переваливаясь съ боку на бокъ, съ трудомъ, спотыкается и часто падаетъ на землю. Полетъ скоро утомляетъ ее, требуетъ непрерывныхъ и чрезвычайно быстрыхъ движеній сравнительно маленькими крыльями и совершается большей частью на незначительной высотѣ надъ самой водой. Лишь находясь въ послѣдней, она выказываетъ свою настоящую способность къ передвиженію. Плаваетъ она, не такъ глубоко погружая тѣло, какъ другіе нырки, но быстрее всѣхъ прочихъ извѣстныхъ намъ видовъ, и ныряетъ на значительно большую глубину. Гольбелль увѣряетъ, согласно съ Фаберомъ, что она иногда достаетъ себѣ пищу съ глубины 50 м. и можетъ оставаться подъ водой до 6 минутъ; затѣмъ онъ упоминаетъ, что изъ извѣстныхъ ему птицъ ее превосходитъ только гребенушка, которая, по его изслѣдованіямъ, можетъ нырять на глубину до 120 м. и оставаться подъ водой до 9 минутъ. Мнѣ очень часто приходилось видѣть, какъ гаги ныряютъ, но я никогда не наблюдалъ, чтобы онѣ столь долгое время оставались подъ водой, напротивъ того я нашелъ скорѣе, что онѣ постоянно снова появляются на поверхности воды по истеченіи, самое позднее, двухъ минутъ. Голосъ самца заключается не то, чтобы въ громкомъ, но въ очень благозвучномъ, хотя и ворчливомъ звукѣ, «аху аху ахуа», голосъ самки—въ своеобразномъ, часто повторяемомъ звукѣ «корр корр коррерр». Понятливостью она не уступаетъ ни одному виду своего семейства, а, повидимому, даже превосходитъ большинство ихъ. Находясь на морѣ, она ведетъ себя весьма осторожно и даже знакомую ей рыбачью лодку рѣдко подпускаетъ къ себѣ на столь близкое разстояніе, чтобы изъ нея можно было сдѣлать по ней удачный выстрѣлъ; однако она скоро замѣчаетъ, если ей желаютъ добра, и въ этомъ случаѣ, иногда, хотя впрочемъ только во время высидиванія, ведетъ себя какъ настоящее домашнее животное.

Всѣ гаги высидиваютъ лишь въ довольно позднее время года, не ранѣе какъ въ концѣ мая, обыкновенно лишь въ іюнѣ или іюль. Съ этой цѣлью онѣ собираются вокругъ маленькихъ островковъ, къ которымъ легко можно пристать. Парочки отдѣляются отъ большой стаи, и самцы и самки, переваливаясь съ боку на бокъ, переправляются на сушу, чтобы отыскать себѣ подходящее мѣсто для гнѣзда. Выборъ послѣдняго обуславливается безопасностью положенія. Соответственно этому, острова, поросшіе низкими и тернистымъ кустарникомъ, предпочитаютъ ими всѣмъ остальнымъ. Тамъ, гдѣ человѣкъ заботится объ ихъ размноженіи, онъ для пріема этихъ полезныхъ гостей дѣлаетъ различныя приготовленія: разставляетъ на берегу старые ящики, прикрываетъ камни досками или хворостомъ и устраиваетъ разныя другія убѣжища, въ которыхъ онѣ могли бы укрыться. Насколько гага раньше была пуглива, настолько теперь она становится доверчива. Она пріобрѣтаетъ увѣренность, что напередъ можетъ рассчитывать на защиту человѣка и ни въ какомъ случаѣ не тяготится и не смущается ихъ поступками. Чтобы найти подходящее мѣсто для гнѣзда, она, переваливаясь съ боку на бокъ, добирается не только къ самому двору прибрежнаго жителя, но пропикаетъ и во внутрь его, даже въ самую хижину и несма нерѣдко случается, что нѣкоторыя самки—гаги высидиваютъ въ чуланахъ, въ конюшняхъ, въ духовыхъ

печахъ и другихъ подобныхъ мѣстахъ и положительно становятся въ тягости хозяйкамъ. Вначалѣ самецъ постоянно сопровождаетъ самку во всѣхъ этихъ путешествіяхъ пѣшкомъ; утромъ вмѣстѣ съ ней появляется на берегу, приблизительно въ полдень улетаетъ въ фіорды, выплываетъ въ открытое море, подъ вечеръ возвращается обратно и на слѣдующее утро приступаетъ къ подобному же путешествію; пока самка несется, онъ стоитъ на сторожѣ около гнѣзда; когда же кладка окончена, онъ покидаетъ гнѣздо и самку и улетаетъ въ море, чтобы соединиться здѣсь съ прочими самцами. Около отдѣльныхъ шхеръ Норвегіи, можно видѣть огромныя стаи этихъ соломенныхъ вдовцовъ, образующихъ вокругъ острововъ родъ вѣнка.

Гнѣздо состоитъ изъ того матерьяла, который онѣ находятъ въ непосредственной близости; свивается оно въ высшей степени небрежно то изъ тонкаго хвороста, то изъ морской травы, иногда изъ простой травы или соломы и пр. Зато тѣмъ гуще и богаче внутренняя пуховая подкладка гнѣзда—эта драгоценная дань, которую высжиживающія гаги оставляютъ ласково оберегающимъ ихъ людямъ. Кладка состоитъ постоянно изъ 6—8 совершенно овальныхъ яицъ, около 85 мп. длины и 60 мп. толщины съ гладкой скорлупой, грязновато или сѣро-зеленаго цвѣта. Уже спустя нѣсколько дней высиживающая самка весьма упорно сидитъ на гнѣздѣ, и тамъ, гдѣ она привыкла къ человѣку, при приближеніи послѣдняго не трогается съ мѣста, но только пригибаетъ къ землѣ голову и немного распускаетъ крылья, чтобы не быть узнавшею. Окраска ихъ оперенія, обыкновенно, до того согласуется съ окраской окружающей почвы, что неопытному человѣку дѣйствительно трудно различить и замѣтить птицу.

Вначалѣ я очень часто ошибался и бывалъ пораженъ, когда вдругъ ощущалъ въ ногѣ слабый укусъ, которымъ меня награждала сидящая на гнѣздѣ и не замѣченная мною гага-самка. Даже и на островахъ, находящихся въ отдаленіи отъ жилищъ, гаги, прежде чѣмъ улетѣть, довольно близко подпускаютъ къ себѣ человѣка. Тѣ изъ нихъ, которыя высиживаютъ вблизи жилищъ, позволяютъ наблюдателю приподнять себя съ гнѣзда, осмотрѣть яйца и снова посадить себя на нихъ, нисколько не помышляя улетѣть. Я себѣ часто доставлялъ удовольствіе тѣмъ, что продолжительное время сидѣлъ около нихъ, гладилъ, просовывалъ руку между ихъ брюшкомъ и яйцами, и весьма многихъ изъ нихъ все-таки не вспугивалъ съ гнѣзда. Нѣкоторыя, какъ бы играя, хватили меня за палецъ, другія не изъявляли никакихъ признаковъ неудовольствія. Тѣ, которыхъ я приподнималъ съ гнѣзда и опускалъ на землю въ нѣкоторомъ отдаленіи, переваливаясь съ боку на бокъ, будто ничего не случилось, отправлялись къ гнѣзду, поправляли пухъ и въ моемъ присутствіи снова садились высиживать. Больше пугливыя улетали и всегда обрызгивали яйца своимъ каломъ, однако онѣ никогда не улетали далеко и постоянно вскорѣ возвращались обратно, чтобы продолжать высиживать.

Если самку не тревожить, то она покидаетъ гнѣздо обыкновенно въ утренніе часы, но передъ тѣмъ въ высшей степени заботливо прикрываетъ кладку пухомъ, чтобы предохранить яйца отъ всѣхъ вредныхъ вліяній погоды. Послѣ этого она какъ можно быстрѣе летитъ на море, въ теченіи, приблизительно, получаса старательно ныряетъ за пищею, набиваетъ за это время свой зобъ ракушками, такъ что онъ чуть не лопаются, и опять возвращается къ гнѣзду. Самцы всегда пугливыѣ, даже тогда, когда они, въ началѣ времени высиживанія, вмѣстѣ съ самкой отправляются на сушу и стоятъ на сторожѣ около гнѣзда. Если приближаешься къ нимъ, то они приходятъ въ сильное волненіе, приподнимаютъ и опускаютъ голову, окликаютъ самку, затѣмъ съ шумомъ поднимаются и улетаютъ въ море, откуда боязливо слѣдятъ за нарушителемъ ихъ покоя.

По истеченіи 25—26 дней вылупляются птенцы; это—прелестныя, покрытыя богатымъ и довольно пестрымъ опереніемъ существа, которыя съ перваго дня своей жизни проворно плаваютъ и ныряютъ и довольно хорошо, во всякомъ случаѣ лучше матери, бѣгаютъ. Последняя, какъ только они кое-какъ пообсохли, сейчасъ же уводитъ ихъ въ море и съ втихъ поръ покидаетъ его вмѣстѣ съ ними лишь тогда, когда птенцы утомятся и при сильномъ волненіи не могутъ отдыхать на ея спинѣ. Если гнѣздо находится далеко отъ моря, то путешествіе къ нему всей семьи продолжается довольно долгое время и озабоченный владѣлецъ обыкновенно вмѣшивается: онъ укладываетъ только что вылупившихся птенцовъ въ корзину и идетъ съ ней къ морю въ сопровожденіи ковыляющей слѣдомъ за нимъ самки. Море является для птенчиковъ самымъ надежнымъ убѣжищемъ, потому что здѣсь они легче всего могутъ избѣжать преслѣдованій своихъ злѣйшихъ враговъ—кречетовъ, вѣроновъ и поморниковъ. Весьма часто нѣсколько самокъ со своими птенцами соединяются вмѣстѣ и представляютъ тогда для наблюдателя въ высшей степени разнообразное и занимательное зрѣлище. Если самка видитъ, что ее преслѣдуетъ лодка, то сперва, чтобы ускользнуть отъ стрѣлка, изъ всѣхъ силъ начинаетъ грести; при этомъ она подпускаетъ къ себѣ лодку на разстояніе нѣсколькихъ шаговъ и лишь въ случаѣ крайней необходимости рѣшается взлетѣть; если она отрѣзана отъ птенцовъ, то послѣдніе спѣшатъ на сушу, взлетаютъ и прыгаютъ на берегъ, проворно разбѣгаются во всѣ стороны и въ одинъ мигъ такъ ловко прячутся между камнями и возвышенностями почвы, что вполне могутъ обмануть неопытнаго наблюдателя. Если опасность счастливо миновала, то можно видѣть, какъ они, по прошествіи нѣкотораго времени, приподнимаются, бѣгутъ къ морю и, вполне сознавая, какую нужно избрать дорогу, по прямому направленію удаляются отъ берега и подплываютъ къ озабоченной матери или къ другой какой-либо взрослой самкѣ.

Если убить самку, пока птенцы еще не могутъ обойтись безъ материнской помощи, то они присоединяются къ другой стаѣ птенцовъ и добродушная родительница послѣднихъ безпрекословно принимаетъ ихъ, водить и заботится о нихъ, какъ будто они были ея собственными дѣтенышами. Вообще у гаги сильно замѣтно влеченіе къ материнскимъ обязанностямъ: самки, высидившія одна около другой, воруютъ другъ у друга яйца и позднѣе, если соединяются вмѣстѣ, безпрекословно дѣлятъ между собою заботы о воспитаніи малютокъ. Последнія скоро подростаютъ и уже по истеченіи первыхъ недѣль становятся столь самостоятельными, что могутъ обходиться безъ всякой посторонней помощи; тѣмъ не менѣе они остаются до слѣдующей весны въ сообществѣ своихъ родителей, а второй годъ своей жизни какъ можно чаще проводятъ время въ сообществѣ старыхъ самцовъ. Въ первые дни своей юности гаги ѣдятъ маленькихъ ракообразныхъ и моллюсковъ; позднѣе онѣ придерживаются почти исключительно ракушекъ, не пренебрегая однако мелкой рыбой и другими морскими животными.

Хотя гаги и составляютъ главнѣйшее богатство самыхъ сѣверныхъ странъ, за ними, тѣмъ не менѣе, далеко не всюду должнымъ образомъ ухаживаютъ и берегутъ. Умные владѣтели «гагачьихъ островковъ» или мѣстъ гнѣздованія, пока птицы несутся, отбираютъ у нихъ нѣсколько яицъ и этимъ заставляютъ ихъ положить ихъ больше, чѣмъ они это обыкновенно дѣлаютъ. Но затѣмъ онѣ выжидаютъ конца времени высидиванія и лишь тогда собираютъ ихъ. Такъ поступаютъ въ южной Норвегіи; иначе поступаютъ въ Лапландіи, въ Исландіи, на Шпицбергенѣ и въ Гренландіи. Здѣсь не щадятъ ни птицъ, ни яицъ. Несмотря на невкусное мясо старыхъ птицъ, здѣсь изъ году въ годъ производится на нихъ охота

и убивают ихъ тысячами; несмотря на видимую пользу, которую приносятъ прежде всего ухоть за сидящими на яйцахъ гагами, у нихъ всюду, гдѣ ихъ находятъ, отнимаютъ яйца и пухъ. На Шпицбергенѣ послѣдствія такихъ неразумныхъ поступковъ уже сильно обнаружались, потому что прежде добыча считалась тысячами килограммовъ, а теперь приходится довольствоваться сотнями. Мальмгренъ увѣряетъ, что теперь осенью тамъ далеко не часто приходится видѣть молодыхъ гагъ и что всѣ ловцы сильно плачутся на быструю убыль, въ которой, конечно, виноваты они сами. Въ Гренландіи убыль эта еще не такъ замѣтна; по словамъ Гольбелля, оттуда ежегодно продолжаютъ еще вывозить по нѣсколько тысячъ килограммовъ пуха. «Наибольшая масса нечистаго пуха, которая была вывезена въ одинъ годъ изъ южной Гренландіи, простиралась до 2005 kgr.; сѣверная Гренландія доставляетъ приблизительно вдвое меньшее количество. Считаютъ, что одинъ фунтъ пуха приходится собрать съ 12 гнѣздъ; слѣдовательно, у 104520 птицъ былъ похищенъ пухъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, по крайней мѣрѣ у большинства, также и ихъ яйца». Одинъ килограммъ очищеннаго пуха стоитъ теперь въ Норвегіи 33—45 марокъ; слѣдовательно, барышъ, который можетъ дать густо населенный гагачій островокъ, далеко не незначителенъ и повысился бы еще больше, если бы рѣшились собирать пухъ лишь послѣ того, какъ птенцы покинутъ гнѣздо. Крестьяне на Сильтѣ нисколько не падятъ этихъ, приносящихъ такую значительную пользу птицъ; за нѣсколько марокъ отдають въ аренду сборъ яицъ и такимъ образомъ, собѣ же въ ущербъ, препятствуютъ успѣшному размноженію полезныхъ гостей.

Вороны и поморники истребляютъ яйца и преслѣдуютъ птенцовъ; гаги, кречеты и песцы преслѣдуютъ какъ молодыхъ, такъ и старыхъ птицъ; человекъ употребляетъ для охоты огнестрѣльное оружіе и искусно разставляемыя сѣти. Въ Гренландіи осенью убиваютъ ихъ иногда по двадцати штукъ однимъ выстрѣломъ, въ томъ случаѣ, если удастся подплыть къ нимъ на лодкѣ такъ близко, чтобы можно было дать по нимъ выстрѣлъ на достаточно близкомъ разстояніи. Для содержанія въ плѣну гаги годятся столь же мало, какъ и всѣ другіе морскіе нырки: онѣ погибають съ тоски при лучшемъ уходѣ, даже въ томъ случаѣ, если имъ дають достаточное количество ихъ главной пищи ракушекъ. Тѣ изъ нихъ, за которыми мы до сихъ ухаживали въ зоологическихъ садахъ, постоянно умирали среди лѣта, обыкновенно при наступленіи ливня. О размноженіи ихъ въ клеткахъ нечего и думать.

* * *

Синьгами (*Oedemia. Trauerente. Macreuses*) называютъ нѣкоторыхъ большихъ нырковъ темнаго цвѣта; они отличаются отъ другихъ довольно длиннымъ, но широкимъ клювомъ, который въ старости у самцовъ особенно сильно вздутъ у основанія въ видѣ бугра; короткими ногами, съ весьма большими пальцами, средней длины крыльями, клинообразнымъ, состоящимъ изъ 14 перьевъ, хвостомъ и мягкимъ, бархатнымъ опереніемъ, имѣющимъ болѣе свѣтлую окраску только на головѣ или крыльяхъ.

Синьга (*Oedemia nigra, gibbera, nigripes, megauros, Anas nigra, atra, Melanitta nigra, gibbera, nigripes, megauros, Platypus niger, Fuligula nigra. Mohrenente. Petite macreuse*) однообразнаго, блестящаго, чернаго цвѣта; глаза ея темно-каріе, клювъ, за исключеніемъ широкаго оранжево-краснаго сѣдла вокругъ ноздрей, голубовато-чернаго, ноги черновато-оливково-зеленаго цвѣта. Самки и птенцы темно-бураго цвѣта, за исключеніемъ сѣровато-бѣлыхъ обѣихъ сторонъ головы, подбородка, горла и середины груди и живота; клювъ у самокъ

вздуть лишь очень немного. Длина птицы—52, размахъ крыльевъ—92, длина крыла 25, хвоста 9 см.

Турпань, Свиронъ (*Oedemia fusca, megapus, platyrhynchos, hornschuchii, Anas fusca, carbo, fuliginosa, Melanitta fusca, megapus, platyrhynchus, hornschuchii, Platypus fuscus, Oidemia, Fuligula fusca. Samtente. Double macreuse*) такъ же черенъ, какъ уголь, бѣлыя лишь пятно подъ глазомъ и зеркальце, клювъ ярко-желто-красный, на краяхъ и у корня черный, ноги блѣднаго мяско-краснаго цвѣта съ черными полосами на сочлененіяхъ; глаза жемчужно-бѣлые. Самка темно-бураго цвѣта, за исключеніемъ круглаго бѣлаго пятна на ухѣ и бѣлаго зеркальца, желтоватой полосы на уздечкѣ и сѣровато-бѣлой середины груди; глаза ихъ каріе, клювъ—черный, ноги зелено-желтыя. Длина птицы 55 см., размахъ крыльевъ 100, длина крыла 30, хвоста 9 см.

Наконецъ **Дзынга, Американскій турпань** (*Oedemia perspicillata, Anas perspicillata, latirostris, Pelionetta perspicillata, trowbridgii, Melanitta, Platypus, Macrorhamphos, Fuligula perspicillata. Brillenente. Macreuse à large bec*) совершенно чернаго цвѣта, кромѣ бѣлаго, большого четырехугольнаго пятна на лбу и такого же трехугольнаго, обращеннаго остриемъ книзу пятна на зашейкѣ; глаза серебристо-бѣлые, горбатый, вздутый до ноздрей клювъ оранжево-пурпурово-краснаго, около кончика оранжево-желтаго цвѣта и съ боковъ около корня украшенъ круглымъ чернымъ пятномъ; ноги темнаго карминно-краснаго цвѣта. Преобладающей окраской самки является темно-бурая, щеки и середина груди сѣроватаго цвѣта, пятна на лбу нѣтъ, на зашейкѣ—имѣется, глаза сѣровато-каріе, клювъ синевато-черный, ноги красновато-сѣрыя. Длина птицы—52, размахъ крыльевъ—92, длина крыла 25, хвоста—9 см.

Всѣ синьги родственны сѣверу земнаго шара и по сю сторону холоднаго пояса вовсе не выводятъ птенцовъ или размножаются только въ видѣ исключенія. Синьга и турпань—дѣти тундръ и живутъ общественно почти въ той-же самой области, начиная съ сѣверной Скандинавіи на востокъ до Америки, во всѣхъ сѣверныхъ странахъ вообще и въ областяхъ крайняго сѣвера, за исключеніемъ, можетъ быть, того или другаго острова. Въ сѣверной Россіи и сѣверной Сибири водятся оба эти вида. Во время перелета они случайно появляются и на нѣмецкихъ берегахъ, отсюда летать дальше на югъ и даже, хотя и рѣдко, встрѣчаются въ Испаніи и Греціи. Внутри материка они показываются не часто, обыкновенно только въ концѣ года, около половины ноября или въ началѣ декабря, остаются здѣсь до тѣхъ поръ, пока это допускаютъ открытыя воды и раньше всѣхъ остальныхъ утокъ возвращаются къ себѣ на сѣверъ. Въ тѣхъ частяхъ моря, гдѣ гольфстремъ не даетъ водѣ замерзать, ихъ можно видѣть въ продолженіи всей зимы, по большей части скучившись стаями, преимущественно въ тихихъ фіордахъ и бухтахъ, тогда какъ въ пору размноженія они располагаются въ болѣе или менѣе обширныхъ, всегда открытыхъ пространствахъ прѣсныхъ водъ въ тундрахъ. Американскій турпань живетъ при тѣхъ-же условіяхъ на сѣверѣ Америки и только въ видѣ исключенія залетаетъ къ нѣмецкимъ берегамъ.

Всѣ синьги, въ особенности оба европейскіе вида, ходятъ и летаютъ глужеловѣсно, выряютъ-же мастерски. Ихъ голосъ состоитъ изъ низкаго, хриплаго «краа краа», которое иногда издается отрывисто и нѣсколько разъ подъ рядъ. Онѣ живутъ только для себя, нисколько вообще не интересуясь жизнью прочихъ утокъ или другихъ птицъ; на гнѣздовьяхъ своихъ онѣ держатся весьма осторожно

и постоянно стараются до послѣдней возможности пребывать посреди водной поверхности, гдѣ ихъ не такъ-то легко застать врасплохъ.

Главную пищу синьгъ составляютъ мягкотѣлыя, въ особенности ракушки. Въ своихъ гнѣздовыхъ прудахъ онѣ ловятъ также насѣкомыхъ, а можетъ быть при случаѣ также и мелкую рыбу, но все-таки мягкотѣлыхъ онѣ предпочитаютъ всему другому, а потому, въ птенцовую пору, постоянно улетаютъ въ море, чтобы тамъ охотиться за ними. Что онѣ не пренебрегаютъ также и растительными веществами, это вполне установлено многими наблюдателями.

Уже на горныхъ озерахъ южной Норвегiи турпанъ и синьга гнѣздятся довольно правильно; но далѣе на сѣверъ встрѣчаются постоянно во всѣхъ большихъ водныхъ бассейнахъ этого рода. Въ серединѣ iюня въ кустарникахъ, высокой травѣ или въ ситникѣ находятъ ихъ гнѣзда, рыхло свитыя изъ грубыхъ стеблей, былиннокъ и листьевъ, а впоследствии выложенныя пухомъ самки. 8—10 яицъ, составляющія кладку, имѣютъ около 65 мм. въ длину и 58 мм. въ толщину; они продолговато-овальной формы, гладки и блестящи и, пока свѣжи, окрашены въ нѣжный красновато-желто-бѣлый цвѣтъ. Птенцы пускаются нырять съ перваго дня своей жизни, но остаются все-таки въ своемъ родномъ прудѣ до тѣхъ поръ, пока совершенно не научатся летать; вначалѣ они часто возвращаются туда обратно, но впоследствии совершенно переселяются въ море и тамъ, гдѣ ихъ принуждаетъ къ тому зима, покидаютъ свою родину въ концѣ октября.

Въ зоологическихъ садахъ рѣдко можно встрѣтить плѣнныхъ синьгъ, хотя прибрежные птицеловы ежегодно добываютъ ихъ большое количество. Содержать ихъ въ неволѣ очень трудно, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ недостатка въ ракушкахъ, ихъ любимомъ кормѣ. Хотя, повидимому, онѣ отлично выдерживаютъ зиму, исправно ѣдятъ, чувствуютъ себя вполне здоровыми и бодрыми, но, по мѣрѣ того, какъ солнце станетъ выше подниматься надъ горизонтомъ, онѣ начинаютъ чахнуть и въ концѣ концовъ погибаютъ, обыкновенно среди самаго лѣта, когда у нихъ начинается линька.

Намъ эта дичь приходится не по вкусу, но среди лалландцевъ, самоѣдовъ, остяковъ, тунгузовъ и другихъ сѣверныхъ народовъ она считается за отличное кушанье. Поэтому на крайнемъ сѣверѣ и въ Сибири за этими утками ежегодно устраиваются большія охоты. Въ морскихъ заливахъ или прѣсноводныхъ прудахъ, гдѣ онѣ скучиваются во время линьки, ихъ осторожно загоняютъ въ мелкія мѣста, приближаясь къ нимъ полукругами въ лодкахъ, и затѣмъ начинаютъ бить ихъ прямо палками, избивая такимъ образомъ въ день иногда болѣе сотни штукъ. При подобной охотѣ остается много раненыхъ, которыя впоследствии погибаютъ безъ всякой пользы для охотника, такъ какъ онѣ невѣроятно живучи и, даже смертельно раненыя, умѣютъ освобождаться отъ своихъ враговъ.

* *

Чернети (*Fuligula. Moorenten. Millouins*) отличаются средней длины клювомъ, не вздутымъ у основанiя. короткими, широкопостопными ногами, средней длины, острыми крыльями и округленнымъ хвостомъ, состоящимъ изъ 16 перьевъ.

У насъ самымъ извѣстнымъ видомъ этого рода считается **Красноголовая чернеть**, **Красноголовый нырокъ**, (*Fuligula ferina, homeyeri, Anas ferina, erythrocephala, rufa, ruficollis. lurida, Platypus ferinus, Aythya ferina, erythrocephala, Nyroca, Fulix ferina. Tafelente. Millouin commun.*). Голова его и передняя часть шеи

прекраснаго буро-краснаго цвѣта, передняя часть груди черная, спина и мягкія части блѣдно-пепельно-сѣрыя съ нѣжною черною поперечною волнистостью, область задняго прохода черная, нижнія части сѣро-бѣлыя; кроющія перья крыла пепельно-сѣрыя, тѣ перья, которыя образуютъ зеркальце, свѣтло-сѣрыя; маховыя и рулевыя перья сѣрыя. Глаза желтые, клювъ у основанія и по крайнѣ черный, въ остальной своей части голубовато-сѣрый, ноги зеленовато-сѣрыя. У самокъ голова и шея красновато-сѣро-бурая; спина, грудь и бока по желтовато-сѣрому фону разрисованы темными, черно-буроватыми или слабо выступающими серповидными пятнами; середина груди и брюхо бѣло-сѣрыя; крылья пепельно-сѣрыя. Самецъ въ своемъ лѣтнемъ одѣяніи походитъ на самку, только всѣ цвѣта въ его опереніи ярче, а перья спины совершенно сѣрыя. Длина птицы 55 см., размахъ крыльевъ 78, длина крыла 25, а хвоста 7 см.

Гораздо рѣже предыдущаго вида въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи встрѣчается **Бѣлоглазая чернетъ**, **Бѣлоглазый нырокъ** (*Fuligula pygosa*, *Anas pygosa*, *africana*, *ferruginea*, *leucophthalmos*, *glaucion*, *Aythya pygosa*, *leucophthalmos*, *Pygosa leucophthalmos*, *ferruginea*, *obsoleta*. Moorente. Petit millouin) Голова, шея до узкой темной кольцеобразной полосы, а также грудь яркаго каштаново-коричневаго цвѣта, верхнія части черно-сѣро-бурая, трехугольное пятно на подбородкѣ и середина груди и брюха бѣлыя; бока красновато-бурые; большія маховыя перья снаружи темно-бурая, внутри бѣлыя съ широкими темными полосами на концахъ; заднія большія маховыя перья также снаружи бѣлыя, малыя маховыя перья, образующія зеркальце, бѣлыя съ широкою темно-бурою поперечною полоскою у конца; хвостовыя перья черно-бурая. Глаза жемчужно-бѣлые; клювъ свинцово-черный; ноги, исключая черной плавательной перепонки, зеленовато-свинцоваго цвѣта. Въ лѣтнемъ опереніи всѣ цвѣта тусклѣе и является пестрота вслѣдствіе новыхъ маленькихъ перышекъ; у самокъ пятна разсѣяны по всѣмъ нижнимъ частямъ и они выступаютъ очень ясно; у птенцовъ голова и шея грязно-буро-красная, а глаза каріе. Длина птицы 43 см., размахъ крыльевъ 67, длина крыла 18, а хвоста 6 см.

Третій видъ этого рода, который, какъ доказано, выводитъ птенцовъ также въ прѣсноводныхъ бассейнахъ Германіи, хотя и въ очень немногихъ, это—**Красноклювая чернетъ**, **Красноносый нырокъ** (*Fuligula rufina*, *Anas rufina*, *Callichen rufinus*, *ruficeps*, *subrufinus*, *micropus*, *rufescens*, *Platypus rufinus*, *Branta*, *Netta*, *Mergoides*, *Aythya rufina*. Kolbenente. Millouin huppé). Голова, на которой темныя перья, удлиняясь, образуютъ султановидный хохолъ, стороны и передняя часть шеи яркаго ржаво-краснаго цвѣта, среднія темныя перья свѣтлѣе—ржаво желтыя; середина задней части шеи, затылокъ, зобъ, верхняя часть груди, середина брюха, гузка и надхвостье—черныя, ниже окраска переходитъ въ буро-черную; плечи и стороны груди бѣлыя; послѣднія съ свѣтло-бурымъ опушкой; нижнія шейныя и плечевыя перья желтовато-сѣро-бурыя; верхнія кроющія перья крыла буро-сѣрыя; большія маховыя перья темно-бурыя, внутреннія на бороздѣ красновато-бѣлыя, все ярче и ярче книзу, послѣднія маховыя—бѣлыя, за исключеніемъ черно-бурыхъ кончиковъ; малыя маховыя перья, образующія зеркальце, до сѣрой поперечной полосы у конца,—бѣлыя съ красноватымъ налетомъ; верхнія малыя маховыя перья буровато-пепельно-сѣрыя, нижнія кроющія перья крыла бѣлыя, хвостовыя перья темныя пепельно-сѣрыя, на концѣ съ буровато-бѣлою каемкою. Глаза яркаго желто-краснаго цвѣта, клювъ карминно-

краснаго, переходящаго въ кроваво-красный; ноги ярко-красныя. У самокъ верхняя часть головы и затылокъ грязновато-красно-бураго цвѣта; щеки и горло сѣро-бѣлыя; мелкія перья туловища свѣтло-сѣро-бурыя съ болѣе темными пятнами и поперечными полосками; крылья и хвостъ, глаза, клювъ и ноги менѣе яркаго цвѣта, чѣмъ у самцовъ. Птенцы походятъ на мать. Длина птицы 60 см., размахъ крыльевъ 98, длина крыла 30, а хвоста 8 см.

Кромѣ только-что описанныхъ видовъ Германію правильно посѣщаютъ два нижеслѣдующіе на сѣверѣ гнѣздящіеся родича: **Морская чернетъ**, **Плесовка** (*Fuligula marila, islandica, leuconotos, gesneri, Anas marila, dorsata, albifrons, frenata, Marila frenata, Fulix, Nyroca, Aythya marila. Bergente Millouinan*), которая немного уступаетъ въ величинѣ красноголовой чернети: ея длина достигаетъ 52 см., размахъ крыльевъ 75, длина крыла 22, а хвоста—6 см. Голова, шея, затылокъ, зобъ, верхняя часть груди, спина, надхвостье и гузка—черныя, первыя части имѣютъ яркій металлическій зеленый отливъ; нижнія шейныя перья и спина по сѣровато-бѣлому фону имѣютъ мелкую черную поперечную волнистость; нижнія части бѣлыя; бока исчерчены тусклыми волнистыми черточками; верхнія кроющія перья крыла по матовому буро-черному фону разрисованы буровато-бѣлыми крапинами, волнистыми черточками и зигзагами; большія маховыя перья темно-бурыя, къ концамъ темнѣе, внутри свѣтлѣе, начиная съ четвертаго, у котораго только основаніе бѣлое, значительно бѣлѣютъ книзу; малыя маховыя перья, образующія зеркальце, снаружи бѣлыя, къ концамъ буро-черныя съ зеленымъ отливомъ; хвостовыя перья буро-черныя. Глаза ярко-желтые, клювъ и ноги свинцово-сѣрыя. Въ лѣтнемъ опереніи клювъ окруженъ бѣловатымъ кольцомъ, всѣ черныя части получаютъ ржаво-бурый цвѣтъ съ болѣе темными каемками, а бѣлыя—пепельно-сѣрый или сѣроватый. Опереніе самки такой-же окраски.

Хохлатая чернетъ, **Хохлачъ** (*Fuligula cristata, patagiata, Anas fuligula, cristata, palustris, colymbis, scandiaca, latirostris, notata, baeri, Nyroca, Aythya, Fulix fuligula, Platypus fuligulus. Reiherente. Morillon*) гораздо меньше предыдущей: ея длина всего 40 см., размахъ крыльевъ 70, длина крыла 21, а хвоста 6 см. Самецъ, котораго въ лѣтнемъ одѣяніи легко отличить по довольно длинному висячему хохлу, имѣетъ голову, шею, спину, надхвостье, верхнюю часть груди и гузку черныя; на головѣ и шеѣ блеститъ металлическій отливъ; нижнія части, напротивъ того, совершенно бѣлыя; первыя большія маховыя перья черно-бурыя, внутри блѣдно-сѣро-бурыя, послѣднія снаружи у корня бѣлыя, книзу бѣлый цвѣтъ усиливается; малыя маховыя перья, образующія зеркальце, также бѣлыя, съ рѣзко выдѣляющеюся зеленовато-буро-черною полоскою на концѣ; хвостовыя перья черно-бурыя, съ болѣе свѣтлыми внутренними бородками. Глаза желтые, клювъ свѣтлый свинцово-синій, съ чернымъ концомъ; ноги зеленовато-свинцоваго цвѣта. Самецъ въ лѣтнемъ опереніи окрашенъ тусклѣе и хохоль у него еще не развитъ; самка походитъ на самку морской чернети; хохоль у нея короткій.

Начиная съ полярнаго круга до тропиковъ и отъ Китая до западной Евropy, красноголовую чернетъ можно встрѣтить во всѣхъ подходящихъ для нея мѣстностяхъ. На крайній сѣверъ, она, повидимому, не заходитъ, а южныя страны, входящія въ область ея распространенія, она посѣщаетъ только во время перелета, такъ какъ эта птица принадлежитъ собственно умѣренному поясу сѣвера и

уже на югъ Европы находятъ совершенно подходящія для себя зимнія убѣжища. Въ Германіи она вовсе не рѣдкая птица, а въ изобилующихъ водою равнинахъ сѣвера она мѣстами является даже совершенно заурядною гнѣздяущею здѣсь птицею. Красноголовая чернеть появляется на родинѣ въ мартѣ, а въ октябрѣ и ноябрѣ снова покидаетъ ее, впрочемъ отдѣльные экземпляры проводятъ иногда здѣсь и зиму, если погода стоитъ не особенно суровая. Въ южной Россіи, въ Придунайскихъ низменностяхъ, въ Греціи, южной Италиі, Испаніи и повсей сѣверной Африкѣ ее всюду можно видѣть въ продолженіи всей зимы. Она пролетаетъ ночью большими стаями, обыкновенно безпорядочно толпясь, иногда же выстраиваясь косыми рядами, по большей части съ крикомъ или, по крайней мѣрѣ съ криканьемъ, а весною появляется маленькими стайками или по-парно. Лѣтомъ она располагается въ прѣсноводныхъ озерахъ, большихъ прудахъ или въ болотахъ, гдѣ есть извѣстной глубины водные бассейны, а отсюда перелетаетъ въ сосѣднія небольшіе бассейны. Бѣлоглазая чернеть раздѣляетъ со своимъ родичемъ приблизительно ту-же самую область распространенія, населяетъ среднюю и южную Европу, а также и сѣверную Азію; зимою-же, странствуя, залетаетъ въ сѣверную Африку и Индію. Она часто гнѣздится въ сѣверной Германіи; въ Венгріи считается обыкновенною птицею, но какъ здѣсь, такъ и тамъ ограничиваетъ свое мѣстожителство болотистыми водами. Красноклювая чернеть живетъ въ южной Европѣ, Туркестанѣ и Монголіи, а также, по своей вѣроятности, во всѣхъ подходящихъ для нея водныхъ бассейнахъ Аральско-Каспійской низменности, зимою-же странствуетъ до предѣловъ сѣверной Африки и Индіи. Въ Германіи она правильно выводитъ птенцовъ на озерахъ около Мансфельда. Морская и хохлатая чернети—жители-птицы тундръ, на зиму улетающія на югъ до предѣловъ сѣверной Африки и Индіи.

Изъ всего этого семейства красноголовая чернеть, описаніемъ жизни которой я и ограничусь, принадлежитъ къ самымъ подвижнымъ видамъ. Ходить она относительно лучше большинства прочихъ, хотя все-таки еще тяжеловато и неохотно, выбираясь на сушу только въ крайнемъ случаѣ, чтобы отдохнуть въ безопасныхъ песчаныхъ отмеляхъ или изслѣдовать какое-нибудь выброшенное на берегъ растеніе; въ остальныхъ-же случаяхъ она всѣ свои дѣла справляетъ въ водѣ. При плаваніи она не такъ глубоко погружается въ воду, какъ ея родичи, но прорѣзываетъ волны съ такою-же ловкостью, какъ и тѣ, и съ быстротою молніи исчезаетъ въ глубинѣ. Полетъ, сопровождаемый ясно слышимымъ шумомъ, проводится сильными взмахами крыльевъ, и хотя онъ не изъ особенно быстрыхъ, но тѣмъ не менѣе гораздо меньше утомляетъ птицу, чѣмъ можно-бы было думать. Голосъ ея—низкій храпъ, который приблизительно можно выразить слогами «харр» или «херр»; въ періодъ спариванія онъ сопровождается своеобразнымъ гуломъ, который Науманъ называетъ квакавьемъ. Въ сравненіи съ плавающими утками красноголовая чернеть, такъ-же какъ и ея родичи, не особенно робка, иногда проявляетъ даже большую довѣрчивость, хотя преслѣдованіе и ее дѣлаетъ осторожною, такъ какъ она вообще умѣетъ дѣлать справедливую оцѣнку всѣмъ стоятельствамъ.

Лѣтомъ эта чернеть питается преимущественно растительными веществами: корневыми клубнями, ростками, вѣжными кончиками листьевъ, цвѣтами и сѣменами различныхъ водяныхъ растеній. Въмѣстѣ съ тѣмъ она ловитъ наскокомъ или рыбокъ, подбираетъ улитокъ, однимъ словомъ всячески разнообразитъ свой ежедневный кормъ; во время перелета она переходитъ преимущественно на животную пищу, и тогда эта вкусная дичь приобретаетъ неприятный запахъ ворвани.

Красноголовая чернеть выводит птенцовъ довольно поздно, рѣдко когда раньше половины мая, такъ какъ она всего охотнѣе устраиваетъ свое гнѣздо въ осоки или въ камышѣ своихъ родныхъ водъ, а такую родину являются озера или пруды, поросшіе по краямъ камышомъ, тростникомъ и осокою. Прѣсная или соленая вода въ этихъ бассейнахъ,—для нея безразлично, такъ какъ въ ней не замѣчается никакого пристрастія къ прѣсной водѣ. Иногда она устраиваетъ свое гнѣздо вблизи жилыхъ мѣстъ, зачастую на очень маленькихъ прудахъ, но въ этомъ случаѣ скоро переводитъ отсюда своихъ птенцовъ въ болѣе обширные водные бассейны. Весною, по своемъ прибытіи на родину, пары долгое время пребываютъ въ обществѣ различныхъ другихъ утокъ, повидимому не помышляя о размноженіи; но въ концѣ апрѣля онѣ вдругъ становятся безпокойными и оживленными: самцы то и дѣло выкрикиваютъ свои любовные возгласы, парочки отдѣляются и начинаются любовныя ухаживанія. Самка, по словамъ Наумана, дѣлаетъ свободный выборъ изъ массы различныхъ притязателей и затѣмъ скрывается со своимъ избранникомъ, такъ что тому не приходится выдерживать никакой борьбы со своими менѣе счастливыми соперниками. Гнѣздо устраивается изъ сухихъ стеблей камыша, тростника и листочковъ травы; оно вѣется довольно плотно и имѣетъ порядочное углубленіе, которое впоследствии выстилается пухомъ. Кладка состоитъ большею частью изъ 8—10 и лишь въ видѣ исключенія изъ большаго количества яицъ, а изъ меньшаго только тогда, когда первая кладка почему-либо была неудачна. Яйца относительно крупны, кругловатой формы, имѣютъ 64 мм. въ длину и 42 мм. въ ширину, мелкзернисты, съ тусклою скорлупою сѣраго или масляно-зеленоватаго цвѣта.

До тѣхъ поръ, пока самка занята кладкою, самецъ преданно держится по близости ея и, въ то время, какъ она сидитъ на гнѣздѣ, онъ исполняетъ обязанность сторожа, предупреждая ее о приближеніи всякой опасности; но какъ только самка начинаетъ насиживать, онъ удаляется и присоединяется къ другимъ самцамъ, ни мало не заботясь о своей подругѣ. Самка же всѣ свои заботы посвящаетъ потомству и, посидѣвши на яйцахъ нѣсколько дней, уже ни за что не броситъ ихъ. Черезъ 22—23 дня вылупляются птенцы, которые въ тотъ же самый день уводятся матерью въ воду; здѣсь они, безъ всякой предварительной подготовки, сразу пускаются плавать и нырять, но вначалѣ еще не рѣшаются удалиться изъ-подъ прикрытія спасительной осоки. Согнувъ нѣсколько стеблей тростника и камышинокъ и перевивъ ихъ водяною травою, мать устраиваетъ своимъ птенцамъ уютное гнѣздышко для отдыха и сна, которымъ они пользуются очень часто, чтобы погрѣться на солнышкѣ, почистить свои перышки или поспать. Во время преслѣдованія они ищутъ спасенія въ многократномъ ныржаніи; если-же нападеніе повторяется, то мать уводитъ ихъ въ другое мѣсто, по возможности слѣдуя теченію воды, а въ случаѣ крайности и по землѣ. Они вырастаютъ очень скоро, но выучиваются летать только тогда, когда достигнутъ своей настоящей величины. Послѣ того семьи снова соединяются со своими самцами и образуютъ до самой осени многочисленныя общества.

На ряду съ хищными птицами, воронами, сороками и пр., которыя опасны по крайней мѣрѣ для яицъ, человекъ также преслѣдуетъ красноголовую чернеть изъ-за ея очень вкуснаго мяса, и это преслѣдованіе продолжается также и въ зимнихъ убѣжищахъ. Зачастую можно однимъ выстрѣломъ убить сразу нѣсколькихъ птенцовъ, такъ какъ они имѣютъ обыкновеніе, при преслѣдованіи, скучиваться тѣсною толпою. Эти птицы легко свыкаются съ немолемъ и даже размножаются въ плѣду.

Каждую зиму среднюю Европу посѣщаетъ **Гоголь обыкновенный** (*Fuligula clangula*, *Clangula glaucion*, *vulgaris*, *chrysophthalmos*, *leucomela*, *peregrina*, *americana*, *Anas clangula*, *glaucion*, *glaucium*, *peregrina*, *glaucion clangula*, *Vuccephala clangula*, *americana*, Schellente. Garrot). Голова и верхняя часть шеи у этой птицы черныя съ металлическимъ отливомъ; нижнія шейныя перья и спина, малыя верхнія кроющія перья крыла и гибъ крыла—бархатисто-черныя; овальное пятно на щекѣ у самаго основанія клюва и всѣ остальные части бѣлыя. Перья въ пахахъ темныя съ черно-сѣрыми поперечными пятнами, большія и первыя малыя маховыя перья черныя, остальные малыя маховыя перья, образующія широкое зеркальце, бѣлыя; бѣлыя плечевыя перья снаружи имѣютъ черныя каемки; хвостовыя перья сѣровато-черныя. Глаза имѣютъ оранжево-красный зрачекъ; клювъ темно-синевато-черный; ноги красновато-желтыя. У самокъ не бываетъ пятна на щекѣ; голова и верхняя часть шеи у нихъ красновато-бурыя, преобладающая окраска остальныхъ частей—аспидно-сѣрая. Длина птицы около 50 см., размахъ крыльевъ 75, длина крыла 23, а хвоста 8 см.

Ближайшій его родичъ, который, впрочемъ, на одну четверть больше его—**Исландскій гоголь** (*Fuligula islandica*, *barrowii*, *Clangula islandica*, *scapularis*, *barrowii*, *Anas islandica*, *barrowii*, *Platypus barrowii*, *Glaucion islandicum*, *Vuccephala is'andica*, Spateente. Garrot d'Islande) отличается отъ него большимъ, занимающимъ почти половину ширины клюва отросткомъ, крупными серповидными пятнами на щекахъ, цѣлымъ рядомъ бѣлыхъ пятенъ, сливающихся въ долевую полосу, проходящую по плечамъ, и широкою, черною поперечною полосою на крыльяхъ, которая отдѣляетъ верхнюю часть крыла отъ зеркальца.

Последній самыя маленькій видъ этой группы, родственной Сѣверной Америкѣ, но встрѣчающийся также и въ Европѣ, это—**Сѣверо-американскій Гоголь** (*Fuligula albeola*, *Clangula albeola*, *Anas albeola*, *hyberna*, *vuccephala*, *rustica*, *Vuccephala albeola*, Buffelente. Garrot d'Amérique). Онъ такъ рѣзко отличается отъ своихъ обоехъ родичей, что ихъ никакъ нельзя смѣшать между собою. Преобладающій цвѣтъ головы и верхней части шеи—черный съ металлическимъ блескомъ и отливомъ; широкое, начинающееся позади глазъ кольцо, идущее кругомъ головы, плечи, малыя верхнія кроющія перья крыла, наружныя бородки малыхъ маховыхъ перьевъ, образующія зеркальце, нижняя часть шеи и вся нижняя сторона—атласисто-бѣлыя; всѣ остальные части бархатисто-черныя. Глаза желтаго цвѣта, клювъ черный, ноги желтыя.

Покидая каждую осень свою родину—тундры Новаго и Старога Свѣта—обыкновенный гоголь въ продолженіи зимы облетаетъ всю Европу, Сѣверную Америку и большую часть Азіи, распространяя свои странствованія до Сѣверной Африки. Тамъ и сямъ въ Европѣ, пмешпо въ Исландіи, къ нему присоединяется исландскій гоголь, только его странствованія въ южныя широты не имѣютъ такого правильнаго характера и уже въ Германіи этотъ гоголь принадлежитъ къ рѣдкимъ явленіямъ. Сѣверо-американскій гоголь, родина котораго находится на крайнемъ сѣверѣ Америки, въ Европѣ появляется только въ качествѣ пролетнаго гостя.

Обыкновенный гоголь появляется въ средней Европѣ самое раннее въ послѣднихъ числахъ октябрия, водворяется въ глубокихъ водныхъ бассейнахъ всякаго рода и во всѣхъ мѣстностяхъ, какъ въ равнинахъ, такъ и въ горахъ, всего же охотпѣе въ открытыхъ внутреннихъ озерахъ и рѣкахъ, и покидаетъ свою родину

только тогда, когда послѣднія открытыя воды покрываются льдомъ; въ это время онъ улетаетъ обратно въ море или направляется дальше на югъ, непосредственно за таяніемъ льда снова появляется, и въ мартѣ, а самое позднее въ апрѣлѣ, предпринимаетъ обратное путешествіе. Отдѣльныя пары выбираютъ себѣ гнѣздовые уже на сѣверѣ Германіи, въ подходящихъ водахъ, большая же часть ихъ гнѣздится въ тундрахъ.

Привычками своими и нравами обыкновенный гоголь въ общемъ нисколько не различается отъ остальныхъ своихъ родичей. Ходить онъ тяжело, летаетъ довольно быстро, но не такъ ловко, поспѣшными ударами крыльевъ разсѣкая воздухъ и сопровождая свой полетъ громкими, далеко разносящимися, звонкими звуками. давнишнее основаніе нѣмецкому названію этой птицы (Schellente); плаваетъ и ныряетъ этотъ гоголь въ совершенствѣ. Свой низкій, трещащій голосъ онъ подаетъ не особенно часто; только въ періодъ спариванья онъ становится немного голосистѣе и тогда издаетъ квакающіе звуки. Общительный и миролюбивый, подобно большинству нырковыхъ утокъ, онъ тѣмъ не менѣе избѣгаетъ тѣснаго общенія со своими родичами, живетъ преимущественно для себя, и развѣ только допускаетъ, чтобы другіе виды примыкали къ нему. Къ человѣку онъ всюду относится съ недоувѣріемъ и пугливо избѣгаетъ его даже въ тундрахъ; тѣмъ не менѣе онъ отлично умѣетъ оцѣнивать по достоинству благопріятствующія ему обстоятельства и тамъ, гдѣ его падаютъ, напримѣръ въ большихъ, омываемыхъ рѣками городахъ, держится зачастую вовсе не робко; въ неволь-же при надлежащемъ уходѣ, легко становится ручнымъ.

Благодаря своей способности въ плаваніи и нырніи, гоголь рѣдко терпитъ нужду и недостатки. Онъ питается водяными улитками, ракушками, маленькими рыбками, раками и водяными насѣкомыми, а также лягушками и водяными землеройками; вмѣстѣ съ этимъ онъ ѣстъ также всевозможныя растительныя вещества, постоянно роется въ землѣ, добывая оттуда свою пищу иногда со значительной глубины и потому съ утра до вечера занятъ изысканіемъ ея, находясь въ постоянной оживленной дѣятельности, такъ что даже позднимъ вечеромъ его можно видѣть разгуливающимъ.

Для гнѣздоваго гоголь избираетъ глубокіе водные бассейны съ большими, открытыми водными пространствами, края которыхъ поросли камышомъ и кустарникомъ. Гнѣздо представляетъ собою жалкую, самую безыскусственную постройку, сложенную кое-какъ изъ сухихъ камышинокъ и ситника, стеблей тростника и травы, но тѣмъ не менѣе внутри все-таки выложенную пухомъ; гнѣздо свое гоголь устраиваетъ въ камышахъ, въ заросляхъ ситника и осоки, подъ кустарниками, даже на кочкахъ старыхъ выгоновъ; уже въ концѣ апрѣля, на тундрахъ, впрочемъ, немного позже, въ немъ можно видѣть 10—12, иногда 14—19 овальныхъ мелко-зернистыхъ, грязно-зеленыхъ яицъ съ твердой и гладкой скорлупой, имѣющихъ 60 мм. въ длину и 40 мм. въ толщину. Самка насиживаетъ безъ всякаго участія самца, прикладывая къ этому дѣлу все, свойственное ей полу, рвеніе; птенцы вылупляются черезъ 22 дня и, будучи съ перваго дня своей жизни способны къ плаванію и нырнію, тотчасъ-же уводятся матерью въ открытую воду; тамъ она ихъ кормитъ, воспитываетъ и учитъ житейскому опыту, безпощадно подвергается ради нихъ всякой опасности и, наконецъ, когда птенцы научатся летать, пускается съ ними въ дальнія прогулки.

Врагами гоголей являются камышевые дуни, вороны и чайки, грабящія ихъ яйца, и большія рыбы, истребляющія ихъ птенцовъ. Сами они подвергаются нападеніямъ лишь немногихъ хищныхъ животныхъ, человѣкъ-же преслѣдуетъ ихъ только

на крайнемъ сѣверѣ и въ поморскихъ мѣстностяхъ, такъ какъ мясо ихъ противно всякому неогрубѣлому вкусу. Внутри материка за ними охотятся и убиваютъ ихъ главнымъ образомъ вслѣдствіе наносимаго ими вреда, такъ какъ въ своихъ гнѣздовыхъ прудахъ они сильно вредятъ разводимымъ тамъ рыбамъ.

Морянка, Саукъ (*Fuligula hyemalis, glacialis, Harelda glacialis, megauros, faberi, Anas glacialis, hyemalis, longicauda, brachyrhynchos, miclonia, Clangula glacialis, hyemalis, megauros, brachyrhynchos, musica, faberi, Crymonessa glacilis, Eisente, Garrot de Terre-Neuve*) имѣетъ слѣдующіе отличительные признаки: верхняя часть его головы, задняя и передняя части шеи, затылокъ и зобъ, плечи, брюхо, бока и гузка чисто - бѣлаго цвѣта; стороны шеи, спина, верхняя часть крыла и вся грудь темно-бурая; нижняя часть спины и надхвостье черныя; маховыя перья свѣтло-бурыя, малыя маховыя перья на концахъ имѣютъ красновато-бурыя каемки, отчего образуется чуть-чуть выступающее зеркальце; среднія, очень удлиненыя и заостренныя хвостовыя перья черныя, остальныя съ бѣлыми наружными бородками, самыя крайнія только вдоль ствола сѣры. Глаза свѣтло-бурые, клювъ черно-зеленый, у ноздрей ярко-кирпично-красный; нижняя часть клюва ярко-красная, ноги сине-сѣрыя. Въ лѣтнемъ опереніи только нижнія части бѣлыя, уздечка и ушная область сѣрая, верхняя сторона ржаво-красная, съ темно-бурыми стрѣлками; хвостовыя перья очень короткія. Самка сверху бурая, снизу бѣлая, зобъ и верхняя часть груди въ чешуйчатыхъ поперечныхъ пятнышкахъ. Длина птицы вслѣдствіе выступающихъ среднихъ перьевъ хвоста, достигающихъ почти 30 см. превышаетъ 60 см.; размахъ крыльевъ 70, длина крыла 22 см.

Родственная морянкѣ **Каменушка** (*Fuligula histrionica, Harelda histrionica, Anas histrionica, minutus, Platypus histrionicus, minutus, Clangula histrionica, minuta, torquata, Histrionicus torquatus, Vucephala, Cosmonessa, Cosmonetta, Phylaconetta histrionica, Kragenente, Canard arlequin*) имѣетъ еще болѣе пестрое опереніе. Преобладающая окраска аспиднаго цвѣта, переходящаго на брюхѣ въ блѣдно-бурый, а въ области задняго прохода въ черный; на этомъ фонѣ рѣзко выдѣляются щечныя пятна, узкая височная полоса, маленькое кругловатое пятно позади уха, полосы, исчерчивающія стороны шеи, шейная полоса, серповидное открытое спереди пятно на ключицѣ, продолговатое пятно на плечахъ, наружныя бородки верхнихъ малыхъ маховыхъ перьевъ, нѣсколько малепькихъ, кругловатыхъ пятнышекъ на верхнихъ кроющихъ перьяхъ крыла, кончики самыхъ большихъ верхнихъ кроющихъ перьевъ крыла и маленькое пятно на пахахъ, которыя имѣютъ бѣлый цвѣтъ. Узкая бровная полоса и бока, которыя образуютъ продолговатое пятно, свѣтло-каштаново-коричневаго цвѣта; большія маховыя перья черноватыя; малыя маховыя, образующія зеркальце, снаружи съ пурпуровымъ блескомъ; рулевыя перья темныя, черныя. Глаза темно-каріе, клювъ синій, ноги бурыя. У самки опереніе темное, сѣро-бурое съ болѣе свѣтлою и темною волнистостью; щеки сѣро-бѣлыя; пятно позади уха бѣлое. Длина птицы 45 см., размахъ крыльевъ 80, длина крыла 20, а хвоста 7 см.

Оба эти вида также принадлежатъ тундрамъ и потому населяютъ сѣверъ Старого и Нового Свѣта; каменушка встрѣчается гораздо чаще въ Америкѣ, чѣмъ на востокѣ своей области распространенія и правильно, въ большемъ количествѣ попадается только въ Исландіи. Отсюда она залетаетъ кое-когда на германскіе берега, тогда какъ морянка считается здѣсь обыкновеннымъ зимнимъ гостемъ, ко-

торый во множествѣ населяетъ Балтійское и Нѣмецкое моря, а также проникаетъ въ устья рѣкъ и ручьевъ и иногда, слѣдуя вверхъ по теченію рѣкъ, забирается во внутрь материка. Она появляется въ средней Европѣ уже въ сентябрѣ и остается на своихъ зимнихъ убѣжищахъ до конца апрѣля, такъ какъ не можетъ раньше мая переселиться въ свои родныя тундры, куда летитъ отсюда уже прямымъ путемъ. Во время своего путешествія, а также и зимою каменушка покидаетъ море только въ исключительныхъ случаяхъ и постоянно держится очень многочисленными, хотя и не тѣсно связанными стаями; въ пору же размноженія, напротивъ, живетъ парами въ маленькихъ прудовыхъ бассейнахъ тундръ съ голыми или лишь скудно поросшими осокой берегами, а такъ какъ на ея родитѣ въ такихъ водахъ недостатка нѣтъ, то каждая пара выбираетъ для себя отдѣльное озеро или во всякомъ случаѣ, располагается не въ обществѣ себѣ подобныхъ.

Хотя въ общемъ ихъ нравы и привычки не отличаютъ ихъ отъ другихъ нырковыхъ утокъ, но тѣмъ не менѣе у нихъ есть нѣкоторая особенность, выгодно выдвигающая ихъ изъ числа сородичей; эта особенность выражается въ высшей степени звучномъ, далеко разносящемся голосѣ. Зимою отъ нихъ рѣдко можно слышать другой звукъ, кромѣ квакающаго «вак вакъ»; но съ наступленіемъ любовной поры самецъ начинаетъ издавать громкое, звѣчное «анг ау анг лиг а-у-а-у аууликъ», которое нерѣдко звучитъ въ видѣ пѣсни, и тогда пріятно оживляетъ тихія воды тундръ. Ходятъ эти утки плохо, а летаютъ неохотно и рѣдко продолжительно, хотя повсе не медленно и не тяжело, но онѣ скоро утомляются, вслѣдствіе чрезвычайно быстрыхъ взмаховъ крыльями и, въ случаѣ необходимости спастись, прибѣгаютъ скорѣе къ плаванію и нырянію, нежели къ полету. По отношенію умѣнья спастись онѣ не уступаютъ никакимъ другимъ уткамъ и, хотя не отличаются особенною робостью, тѣмъ не менѣе, въ большинствѣ случаевъ, разстраиваютъ всякое преслѣдованіе и старанія даже самыхъ ловкихъ охотниковъ. Завидя преслѣдованіе, онѣ, подобно гагарамъ, при первомъ выстрѣлѣ, по большей части такъ быстро исчезаютъ въ водѣ, что пуля не достигаетъ ихъ, и затѣмъ плывутъ подъ водою разстояніе почти въ 100 м., псказываясь лишь на мгновение, чтобы набрать воздуха; вслѣдствіе всего этого ихъ трудно бить даже съ лодки.

Ихъ явное пристрастіе къ морю основывается, главнымъ образомъ, на составѣ ихъ пищи, такъ какъ большею частью онѣ питаются мягкотѣлыми всѣхъ видовъ, ракушками и улитками; но, кромѣ того, онѣ ѣдятъ маленькихъ рыбокъ и ракообразныхъ, а на своихъ гнѣздовыхъ прудахъ также многихъ насѣкомыхъ и ихъ личинокъ, всего охотиѣе личинокъ комаровъ, которыя служатъ вначалѣ исключительно пищею ихъ птенцовъ.

Къ размноженію онѣ приступаютъ только въ маѣ, на крайнемъ сѣверѣ даже не раньше начала іюня. Ихъ гнѣздо, представляющее собою безпорядочную и безыскусственную постройку, но, по обыкновенію, тщательно выстланную пухомъ, строится обыкновенно въ камышѣ, по близости берега. Кладка состоитъ изъ 8—10 довольно маленькихъ мелкозернистыхъ яицъ, длиною въ 52 мм., толщиною въ 40 мм., съ твердою скорлупою грязно-буро-зеленаго или желто-буроватаго цвѣта. Самка насиживаетъ одна, но самецъ все-таки находится тутъ-же, въ гнѣздовомъ прудѣ, а послѣдствіи даже въ обществѣ птенцовъ, юпошеская жизнь которыхъ проходитъ такимъ же образомъ, какъ и у другихъ нырковыхъ утокъ. Какъ только птенцы научатся летать, оба родителя уводятъ ихъ въ море.

Пѣгій нырокъ, Сибирская гага (*Fuligula stelleri*, *dispar*, *Somateria stelleri*, *Anas stelleri*, *dispar*, *occidua*, *Stelleria dispar*, *Clangula*, *Macropus*, *Polysticta*, *Eni-*

conet'a, Heniconetta, Harelda stelleri. Scheckente. Garrot pie) имѣеть опереніе съ еще болѣе роскошною окраскою и узоромъ. У него голова, затылокъ и стороны шеи бѣлыя, пятна на лбу и поперечная полоса на задней части головы зеленія, кольцо вокругъ глазъ, передняя и задняя часть шеи, спина, хвостъ и концы маховыхъ перьевъ черныя; верхнія кроющія перья крыла и плечи бѣлыя съ темно-синими долевыми полосами; нижнія части желто-бурыя до черно-бурой середины брюха. Въ опереніи самокъ преобладаетъ ржаво-бурый цвѣтъ. Глаза каріе, клювъ сѣрый, ноги зелено-сѣрыя. Длина птицы 50 см., ея крыла—22, а хвоста 8 см.

Савки (*Erismatura. Ruderenten. Souchets*) не безъ основанія соединяются въ особое подсемейство того же названія (*Erismaturinae*). Отъ всѣхъ своихъ родичей савки отличаются своимъ вышнимъ видомъ, именно — строеніемъ хвоста, и являются въ нѣкоторой степени соединительнымъ звеномъ между нырковыми утками и бакланами. Туловище у нихъ вытянутое, шея короткая и толстая, голова довольно большая, клювъ спереди плоскій, на концѣ по сторонамъ вздутый, съ маленькимъ отросткомъ; ноги съ короткими плюснами, но съ очень длинными пальцами; крылья поразительно короткія и сильно выпуклыя; хвостъ длинный, клинообразный, состоящій изъ 18 узкихъ, очень острыхъ, твердыхъ и сильныхъ перьевъ; мелкое опереніе, плотно прилегающее и жесткоперое, по оригинальной окраскѣ и узору рѣзко отличается отъ оперенія другихъ утокъ.

Савка бѣлоголовая (*Erismatura leucosephala, mersa, Anas leucosephala, mersa, Undine leucosephala, mersa, Platypus leucosephalus, Fuligula, Cercónectes mersa, Aythya, Erismistura, Biziura mersa, Ruderente. Souchet à tête blanche*) считается самымъ оригинальнымъ видомъ всего отряда. Голова и щеки у нея бѣлыя, большое пятно на верхней части головы, шейная полоса и горло черныя, нижняя часть шеи и зобъ каштаново-коричневые съ мелкою черною волнистостью; нижнія шейныя перья и спина сѣро-желтыя съ черными разводами; нижнія части ржаво-желтыя, по срединѣ сѣро-бѣлыя съ черными разводами; большія маховыя перья сѣрыя, рулевныя перья черныя. Глаза ржаво-желтые, клювъ сине-сѣрый; ноги красно-сѣрыя. Длина птицы 56 см., размахъ ея крыльевъ 65, длина крыла 17, хвоста 12 см. Маленькая, еще болѣе нестрая, но не столь красивая самка отличается отъ самца главнымъ образомъ отсутствіемъ бѣлыхъ пятенъ на сторонахъ головы и черного узора на головѣ. Верхняя часть головы и щечное пятно, окаймленное желтовато-бѣлымъ цвѣтомъ, — бурыя; остальныя перья равномѣрнаго ржаво-бурого цвѣта съ черною и сѣрою волнистостью.

Родина савки на юго-востокѣ и югѣ Европы, въ южной части Средней Азии и на сѣверо-западѣ Африки; въ Германіи она до сихъ поръ показывалась только въ качествѣ пролетной птицы; въ Венгріи встрѣчается также рѣдко, хотя и гнѣздится въ Трансильваніи. Гораздо многочисленнѣе она въ Дунайскихъ низменностяхъ, Далмаціи и въ Сардиніи, а на озерахъ Средней Азии ихъ можно встрѣтить цѣло множество. Грецію она посѣщаетъ, хотя и правильно, но рѣдко; въ Испаніи ея до сихъ поръ не наблюдалось. Шелли довольно часто встрѣчалъ ее въ низнемъ Египтѣ; Буври и Тристрамъ видали ее на Алжирскихъ озерахъ; послѣдній изъ нихъ доставалъ даже ея яйца.

«Савка, которую встрѣчаютъ всегда парами», говоритъ Буври, «принадлежитъ къ красивѣйшимъ птицамъ. Ея прекрасный, свѣтло-голубой клювъ рѣзко отдѣляется отъ бѣлой головы и бурого туловища, а ея осанка во время плаванія

въ высшей степени привлекательна: она поднимает хвостъ почти вертикально и скользитъ по поверхности воды легко и быстро, словно челнъ. При преслѣдованіи она рѣдко улетаетъ, но тѣмъ не менѣе настигнуть ее очень трудно, вслѣдствіе быстроты въ плаваніи».

Подробными и во всякомъ случаѣ лучшими сообщеніями о савкѣ я обязанъ Герману, который наблюдалъ эту, еще мало извѣстную птицу въ Трансильваніи. Савка размножается здѣсь на многочисленныхъ прудахъ и озерахъ, которыя характерны для степной, холмистой мѣстности, расположенной въ серединѣ этой страны и перерѣзанной узкими долинами. Она появляется на гнѣздовѣ уже въ концѣ весны, когда мѣстные виды успѣли избрать свои гнѣздовья, обыкновенно въ первой трети мая, обществами въ 4 — 8 штукъ, которыя вначалѣ держатся вмѣстѣ и только впослѣдствіи раздѣляются на пары. Ея любимымъ мѣстопробываніемъ служатъ бухточки поросшихъ тростникомъ прудовъ. Здѣсь она выискиваетъ себѣ и пищу, которая состоитъ изъ маленькихъ улитокъ и сѣмянъ тростника. По своей манерѣ держаться и движеніямъ она тотчасъ же бросается въ глаза среди самыхъ населенныхъ гнѣздовыхъ прудовъ. Ея бѣлая голова свѣтится уже издали и походить на яйцо, плавающее на водѣ; передняя часть тѣла погружена довольно глубоко, а хвостъ торчитъ вышеописаннымъ способомъ, такъ что птица напоминаетъ собою высокоспинное сѣдло. Сильно загребая своими широкими веслами — ногами, савка плыветъ необыкновенно быстро, ныряетъ часто и продолжительно, погружаясь на весьма значительную глубину и исчезаетъ въ ней, какъ брошенный камень; когда же вынырнетъ, то показывается опять почти на томъ же самомъ мѣстѣ, откуда и начала свой охотничій набѣгъ. Взлетать она рѣшается только въ рѣдкихъ случаяхъ и тогда предварительно дѣлаетъ далекій разбѣгъ по поверхности воды; но разъ поднявшись на высоту, она перерѣзываетъ воздухъ съ такою же легкостью, какъ и быстротою. При преслѣдованіи она обыкновенно бѣгствомъ спасается въ тростникъ, если же находится среди открытой воды, то ныряетъ, и тогда, по продолжительности и выносливости своего движенія подъ водою, превосходитъ cadaго нырка. Въ общемъ савку можно назвать скорѣе осторожною, чѣмъ робкою птицею, а въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ее не преслѣдуютъ, она держится даже доврчиво. При частыхъ и продолжительныхъ преслѣдованіяхъ она доводитъ свою осторожность до того, что только при самомъ упорномъ терпѣніи и настойчивости охотникъ можетъ достигнуть цѣли. Охотиться на нее слѣдуетъ съ дальнобойнымъ ружьемъ, и она тогда только падаетъ, когда дробь пробьетъ ей шею или голову.

Въ концѣ мая исчезли самки трехъ паръ, которыхъ долгое время наблюдалъ Германъ, и остались одни только самцы. Раннимъ утромъ самки снова показались, провели довольно значительное время въ обществѣ самцовъ и затѣмъ снова исчезли такъ незамѣтно, что нашему изслѣдователю не удалось найти гнѣзда.

Какъ намъ извѣстно отъ другихъ наблюдателей, самка устраиваетъ гнѣздо въ возможно скрытомъ мѣстѣ, большею частью въ низменныхъ мѣстностяхъ, между стволами молодого подростящаго камыша и тростника, въ густой чащѣ, и сверху зачастую прикрываетъ камышевыми стеблями. Тристрамъ нашелъ на одномъ озерѣ въ Алжирѣ два гнѣзда: одно съ тремя, другое съ восемью яйцами. Сравнительно съ самою птицею яйца очень велики, приблизительно 70 мм. въ длину и 50 мм.

толщину, правильной овальной формы, съ очень шероховатого скорлупною сферовато-бѣлаго цвѣта; ихъ сразу можно отличить отъ яицъ другихъ утокъ. Пока самка насиживаетъ, самецъ, по наблюденіямъ Германа, находится тутъ же на гнѣздовомъ прудѣ, часто перемѣняетъ свое мѣстопробываніе, плаваетъ посре,

пруда и вмѣшивается въ толпу другихъ своихъ родичей, какъ будто вѣтъ старается скрыть мѣстонахождение гнѣзда. Птенцы вылупляются въ первыхъ числахъ іюля и представляютъ собою въ высшей степени живыхъ, проворныхъ и веселыхъ утятъ; какъ только они достаточно окрѣпнутъ, мать уводитъ ихъ въ открытую воду, и тогда оба родителя предаются усерднымъ заботамъ по воспитанію своего потомства. Малѣйшаго шума, всякаго подозрительнаго обстоятельства достаточно, чтобы заставить ихъ немедленно отправиться въ камыши и тамъ сидѣть хотя бы цѣлый часъ.

Отъ перечисленныхъ до сихъ поръ зубчатоклювыхъ **Крохали** (*Merginae*. Säger. Harles) отличаются слѣдующими признаками: тѣло у нихъ очень вытянутое, шея средней длины, но тонкая, голова большая, украшенная обыкновенно султаномъ или хохломъ; клювъ длинный, прямой или немного загнутый вверхъ, стройный, тонкій, почти вальковатой формы, съ острыми краями, крѣпкими зубами и съ сильнымъ крючкомъ; ноги, сочленяющіяся далеко назадъ, низкія съ большими пальцами, изъ которыхъ задній, какъ у нырковъ, снабженъ широкою кожакою лопастью; крылья средней длины, но очень острия; изъ маховыхъ перьевъ первое и второе самыя длинныя; хвостъ короткій, широкій, округленный, состоящій изъ 16—18 перьевъ. Мягкое и красиво окрашенное мелкое опереніе мѣняется сообразно полу, возрасту, а также и времени года.

Крохали ходятъ немного приподнявъ переднюю часть тѣла, переваливаясь и покачиваясь, плаваютъ же превосходно, ныряютъ чрезвычайно легко и могутъ долго оставаться подъ водою; полетъ у нихъ легкій, быстрый, вродѣ утиного; пролетая цѣлыми обществами по воздуху, они выстраиваются въ извѣстномъ порядкѣ, поднимаются съ воды довольно легко, но съ нѣкоторымъ шумомъ и при помощи ногъ; опускаясь же, сразу бросаются съ высоты внизъ, по косому направленію и тотчасъ же ныряютъ или удерживаются на своихъ вытянутыхъ крыльяхъ. Голосъ ихъ представляетъ собою удивительное, довольно разнообразное криканье, которое, при случаѣ, можетъ быть даже благозвучнымъ. Крохали умныя, осторожныя и робкія птицы; съ другими птицами своего вида они до нѣкоторой степени ладятъ, но такъ какъ вообще довольно завистливы, то зачастую склонны ссориться и драться. Другими птицами они мало интересуются; каждый видъ живетъ болѣе или менѣе для себя и держится всегда особнякомъ, даже въ томъ случаѣ, когда имъ приходится раздѣлять свои водныя владѣнія съ другими плавающими птицами.

Всѣ десять извѣстныхъ видовъ крохалей принадлежатъ сѣверу земного шара. Сильный холодъ прогоняетъ ихъ съ родины и вынуждаетъ къ странствованіямъ, которыя довольно правильно ограничиваются сѣверомъ Германіи и только въ рѣдкихъ случаяхъ простираются до юга Европы или до странъ, лежащихъ подъ такою же широтою, въ Азіи и Америкѣ. Смотри по мѣстности, гдѣ они живутъ, крохали бывають перелетными, странствующими или кочевыми птицами. Ни одинъ видъ не улетаетъ дальше того, чѣмъ нужно. Они не пренебрегаютъ растительною пищею, но пользуются ею все-таки только въ случаѣ крайней нужды. Обыкновенный ихъ кормъ составляютъ рыбы и другія водныя животныя, наприхѣръ маленькія пресмыкающіяся, раки и наѣкомыя. Рыбу они ловятъ, быстро гоняя за нею подъ водою, совершенно такимъ же способомъ, какъ всѣ нырки; но иногда отыскиваютъ ее и въ мелкихъ мѣстахъ, обѣщающихъ наживу. Они въ высшей степени прожорливы и потому въ культурныхъ странахъ могутъ наносить чувствительный вредъ рыболовству.

Размноженіе у нихъ совершается при тѣхъ-же условіяхъ, какъ и у другихъ утокъ. Они живутъ въ единобрачіи и пары соединяются на всю жизнь; гнѣзда утroyтся на землѣ между кустарникомъ, въ ситникѣ или въ древесныхъ дуплахъ, также на подходящихъ вѣтвяхъ деревьевъ и даже въ гнѣздахъ другихъ птицъ. Ихъ безыскусственное гнѣздо вьется изъ сухихъ камышенокъ, зелени, моха, ситника и тому подобныхъ веществъ, и, какъ у всѣхъ утокъ, выстилается внутри пухомъ. Кладка состоитъ изъ 7—14 сѣро-зеленовато-бѣлыхъ яицъ безъ всякихъ пятенъ. Насиживаетъ одна самка, въ продолженіи около 22—24 дней; самецъ между тѣмъ держится по близости своей подруги, вначалѣ тоже показывается у птенцовъ, но скоро покидаетъ ихъ, соединяется съ другими птицами своего пола и проводитъ въ ихъ обществѣ время линьки.

Мелкіе виды преслѣдуются всѣми нашими кречетами и коршунами; птенцамъ-же вредятъ рѣшительно всѣ хищники. Человѣкъ не особенно усердно преслѣдуетъ ихъ, потому-что мясо ихъ невкусно и отзываетъ ворванью, однако все-таки часто захватываетъ ихъ яйца, а также пользуется ихъ пухомъ и перьями. Въ неволѣ крохалей могутъ держать развѣ только истые любители, такъ какъ содержаніе ихъ обходится довольно дорого, а существенной пользы отъ нихъ нельзя получить. Тѣмъ не менѣе по красотѣ оперенія и живости нрава они могутъ нравиться всякому любителю животныхъ.

* * *

Лутокъ, Малый крохаль (*Mergus albellus, minutus, albulus, pannonicus, Merganser albellus, stellatus, Mergellus albellus, Zwergsäger, Nonnette*) имѣетъ сходство съ нѣкоторыми нырковыми утками, въ особенности съ обыкновеннымъ гоголемъ. Брачное опереніе самца чисто-бѣлое; мѣсто между глазами и клювомъ и полоса на затылкѣ черно-зеленыя; спина и большая часть крыльевъ, двѣ узкія полоски на плечахъ и долевая на крылѣ чернаго цвѣта; бока синеvато-сѣрыя съ черною поперечною волнистостію; маховыя перья черно-бурыя, рулевыя сѣрыя. Глаза голубовато-сѣрые; клювъ и ноги сѣро-синіе. Длина птицы 50 см., размахъ крыльевъ 75, длина крыла 21, а хвоста 8 см. У самокъ, которыя меньше самцовъ, голова и задняя часть шеи бурая, уздечка черная, горло и нижнія части бѣлыя; нижнія шейныя перья сѣрыя; по крыльямъ, верхней части груди и по бокамъ проходитъ бѣлая и черная поперечная волнистость. Такое же опереніе получаетъ самецъ послѣ лѣтней линьки.

Настоящею родиною малаго крохала слѣдуетъ считать сѣверную Азію, откуда область его распространенія идетъ дальше въ западномъ направленіи до сѣвера Европы, а въ восточномъ до Америки, такъ что этотъ видъ также принадлежить тремъ сѣвернымъ частямъ свѣта. Зима загоняетъ его съ родины въ болѣе южныя страны. Въ это время опъ цѣлыми массами появляется въ Китаѣ, особенно на сѣверѣ Небесной имперіи, правильно встрѣчается также повсюду въ сѣверной Индіи, нерѣдко и, вѣроятно, каждую зиму появляется въ средней и южной Европѣ; залетаетъ также и въ область Соединенныхъ Штатовъ, но только по-одиночкѣ; по крайней мѣрѣ Одюбонъ увѣряетъ, что малаго крохала слѣдуетъ считать рѣдкою птицею для западнаго полушарія. Въ суровыя зимы опъ появляется въ средней Европѣ уже въ ноябрѣ, вообще-же не раньше половины декабря и снова отлетаетъ на сѣверъ уже въ февралѣ и мартѣ, но иногда остается на швейцарскихъ озерахъ до мая мѣсяца. Опъ живетъ только на прѣсныхъ водахъ, въ видѣ исключенія, впрочемъ, располагается и въ тихихъ морскихъ заливахъ, именно въ такихъ, въ которые выпадаютъ рѣки, но и то только на короткое

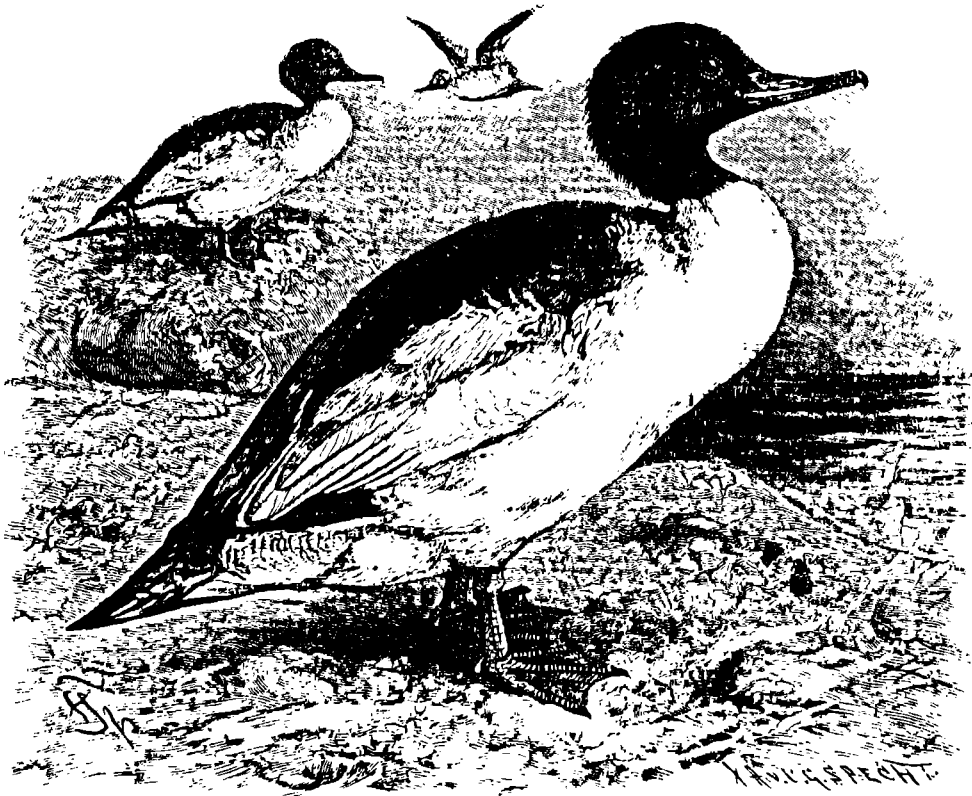
время. Въ отличіе отъ нырковыхъ утокъ онъ предпочитаетъ, подобно всѣмъ своимъ сородичамъ, проточную воду стоячей, поэтому странствуетъ всегда по рѣкамъ и отсюда уже попадаетъ въ озера и пруды, имѣющіе незамерзшую воду.

При ходьбѣ онъ держится горизонтально, вытянувъ шею, и слегка перенавиваясь, но все-таки ходитъ лучше своихъ родичей; при плаваніи онъ погружаетъ свое тѣло въ воду приблизительно до половины; передъ тѣмъ какъ нырнуть онъ дѣлаетъ надъ водою прыжокъ и тотчасъ-же исчезаетъ въ глубинѣ ея и плыветъ, вытянувъ шею и сильно гребя попеременно обѣими ногами, двигаясь съ поразительною быстротою и ловкостью, что дѣлаетъ его похожимъ скорѣе на хищную рыбу, нежели на птицу; онъ можетъ оставаться подъ водою долгое время и, вынырнувъ изъ нея, показывается на дальнемъ разстояніи отъ прежняго мѣста. По полету онъ походитъ на маленькую утку, такъ какъ летаетъ столь-же быстро, и ловко, какъ та, производя чуть замѣтный шумъ и держась всегда прямой линіи, при короткихъ перелетахъ, по большей части низко надъ водою или землею. Только во время отдыха на сушѣ онъ выглядитъ лѣнливымъ, обыкновенно-же въ высшей степени подвиженъ и даже въ сильные морозы всегда веселъ и бодръ. Онъ питаетъ какую-то странную, необъяснимую склонность къ обыкновенному гоголю. У насъ въ средней Европѣ очень рѣдко можно встрѣтить малаго крохала безъ этой свиты и не разъ наблюдался самые тѣсные союзы между этими двумя птицами, такъ что попадались зубчатоклювые, которыхъ положительно слѣдовало разсматривать какъ помѣсь этихъ двухъ видовъ. Взаимныя дружескія отношенія продолжаются даже въ неволѣ, такъ что въ нашихъ зоологическихъ садахъ не разъ случалось видѣть, какъ пролетающіе малые крохали добровольно опускались въ прудъ, гдѣ плавали обыкновенные гоголи.

Пища ихъ состоитъ преимущественно изъ маленькихъ рыбокъ, а также изъ раковъ и насѣкомыхъ; въ неволѣ они охотно ѣдятъ также нѣкоторыя растительныя вещества, въ особенности хлѣбъ. Въ умѣніи ловить рыбу они не уступаютъ своимъ болѣе крупнымъ родичамъ. «Общество этихъ крохалей», пишетъ Науманъ, «занятое рыбною ловлею, представляетъ интересное зрѣлище. Они то плывутъ всѣ вмѣстѣ, то въ одну минуту исчезаютъ съ поверхности воды. Наконецъ снова показываются одинъ за другимъ, но уже не прежнею группою, а раздѣльно, и тамъ, гдѣ это позволяетъ пространство, въ 30—50 шагахъ отъ прежняго мѣста. Затѣмъ они снова сходятся, ныряютъ вторично и опять появляются, въ разныхъ мѣстахъ, зачастую, къ великому удивленію наблюдателя, въ самомъ близкомъ разстояніи отъ него. Нужно удивляться, съ какимъ умѣньемъ они добываютъ себѣ пропитаніе, исключительно посредствомъ нырянья, пользуясь иногда для этого самымъ маленькимъ отверстіемъ во льду; они охотятся подо льдомъ, но появляются время отъ времени на открытомъ мѣстѣ только для того, чтобы передохнуть и подышать земного воздухомъ—явное доказательство, что зрѣніе этихъ птицъ дѣйствуетъ на значительныхъ разстояніяхъ. Тамъ, гдѣ открытыя воды не содержатъ въ себѣ достаточно рыбы, крохали роются въ землѣ и добываютъ оттуда насѣкомыхъ, лягушекъ, и т. п. Если цѣлое общество этихъ птицъ соберется на какомъ-нибудь маленькомъ, по изблужаемъ рыбу проточномъ прудѣ, то отъ постоянного движенія гонящихся крохалей и спасающихся отъ нихъ рыбъ, на водѣ замѣчается перѣдко сильное волненіе. Одни только крохали, собираясь охотиться за рыбою, ныряютъ обыкновенно всѣ разомъ. Дѣлаютъ они это опредѣленною цѣлюю, чтобы преслѣдовать перенуганную рыбу по всѣмъ направленіямъ, такъ что если одинъ изъ нихъ пропуститъ рыбу, то другой уже непременно поймастъ. Но намъ ни разу не приходилось замѣчать, чтобы они при этомъ выстраи-

вались въ известномъ порядкѣ и, какъ говорятъ, располагались полукругомъ, держась этого положенія даже подъ водою съ цѣлью загнать рыбу въ узкое мѣсто и удобнѣе изловить ее».

О размноженіи ихъ до сихъ поръ еще собрано мало свѣдѣній; известно лишь, что малые крохали во множествѣ гнѣздуютъ на сѣверѣ Россіи, по берегамъ или на маленькихъ островкахъ, а также въ пустыхъ древесныхъ стволахъ, строя гнѣздо изъ сухого гнѣздового матерьяла и изъ перьевъ и выстилая его пухомъ. Кладка состоитъ изъ 8—12 грязновато-бѣлыхъ или зеленовато-бурыхъ яицъ. Но ни о продолжительности наси-

Большой крохаль *Mergus merganser*. наст. в.с.

живанія, ни развитіи птенцовъ рѣшительно ничего неизвѣстно. Яйца, полученные Уоллеемъ, имѣли приблизительно 50 мм. въ длину и 40 мм. въ толщину.

Большой крохаль (*Mergus merganser*, *castor*, *gulo*, *rubricapillus*, *leucomelanus*, *orientalis*, *americanus*, *Merganser castor*, *cinereus*, *gulo*, *raii*. Gänsesäger. Harle vulgaire) отличается отъ малаго главнымъ образомъ длиннымъ, сжатымъ съ боковъ клювомъ. Въ брачномъ опереніи голова и верхняя часть шеи черно-зеленая, спина, плечи, край крыльевъ и переднія плечевыя перья черныя, вся нижняя сторона и верхнія кроющія перья крыла прекраснаго желто-краснаго цвѣта; перья, верхней части головы и спины, мелкія кроющія перья крыла, большія маховыя

и хвостовыя перья у него буро-чернаго цвѣта; стороны головы, верхняя часть шеи, плечи, внутренняя сторона малыхъ маховыхъ перьевъ и большія верхнія образующія зеркальце, бѣлыя; маховыя перья черноватыя; кроющія перья задней части спины сѣрыя съ мелкою черною волнистостью; маховыя перья черныя; рулевыя—сѣрыя. Глаза красно-желтые, клювъ кораллово-красный; ноги блѣдно-красныя. У самки верхняя часть головы и затылокъ бурый, спина сине-сѣрая, нижняя сторона и зеркальце бѣлыя, передняя часть груди и бока сѣраго цвѣта съ болѣе темною и свѣтлою волнистостью. Подобное же, только еще болѣе красивое оперение получаетъ самецъ послѣ лѣтней линьки. Длина птицы 80 см., размахъ крыльевъ 110, длина крыла 30, а хвоста 8 см.

Большой крохаль живетъ на сѣверѣ Европы, Азии и Америки. и во лѣтахъ этихъ частяхъ свѣта считается одинаково обыкновенною птицею. Родиною его слѣдуетъ считать области, лежащія между 52 и 60 градусами широты. Во время перелета, который у него ведется съ большею правильностью, чѣмъ у остальныхъ видовъ, его наблюдали съ одной стороны во всѣхъ южныхъ государствахъ Европы, а также въ сѣверной Индіи и южномъ Китаѣ, съ другой—почти повсемѣстно въ Соединенныхъ Штатахъ. Нѣкоторыя пары во всякомъ случаѣ размножаются обыкновенно также на сѣверѣ Германіи; большая-же часть тѣхъ, которые попадаютъ здѣсь, прилетаютъ съ сѣвера въ концѣ ноября, а въ февралѣ уже опять отправляются обратно.

Длинноносый или Средній крохаль (*Mergus serrator, serratus, niger, Merganser serratus, cristatus, serrata. Mittelsäger. Harle noir*) имѣетъ слѣдующіе отличительные признаки: голова и верхняя часть шеи, удлиненыя перья которой образуютъ хоухоль, бархатисто-чернаго цвѣта, съ металлически-зеленымъ блескомъ и отливомъ; средняя часть шеи и гузка, а также среднія и большія съ черными концами верхнія кроющія перья крыла—бѣлыя; малыя кроющія перья крыла сѣровато-бурья; узкая продольная срединная полоса на зашейкѣ, спина, плечевыя и послѣднія малыя маховыя перья черныя; спина, надхвостье, верхнія кроющія перья хвоста и бока бѣлаго цвѣта съ мелкою черною волнистостью; зобъ, стороны шеи сѣро-бурья съ мелкою черною волнистостью, темно-бурыми стволами и бѣлыми каймами; боковыя перья верхней части груди бѣлыя съ широкимъ зеленовато-чернымъ кантомъ; нижнія части бѣлыя съ вѣжкимъ красноватымъ налетомъ; большія маховыя перья темно-буро-сѣрыя, внутри свѣтлѣе; малыя маховыя перья бѣлыя съ наружною черною каемкою на концахъ; хвостовыя перья темно-сѣровато-бурья съ болѣе свѣтлыми каемками. Глаза съ красно-карминымъ зрачкомъ, окаймленнымъ карминно-краснымъ кругомъ; клювъ темнаго, ноги яркаго краснаго цвѣта. Въ лѣтнемъ опереніи голова и верхняя часть шеи бурья, верхняя сторона, включая малыя кроющія перья крыла, тускло-сѣрыя, зобъ и стороны шеи по свѣтлому фону имѣютъ сѣроватый поперечный узоръ. Темное опереніе самки походитъ на лѣтнее опереніе самца. Длина птицы 60 см., размахъ крыльевъ 85, длина крыла 25, а хвоста 11 см.

Родина дланноносаго крохаля находится на крайнемъ сѣверѣ Поваго и Стараго Свѣта, а область странствованій охватываетъ всю Европу, Среднюю Азію до широты южнаго Китая и южныя части Соединенныхъ Штатовъ.

Хохлатый или Американскій крохаль (*Mergus cucullatus, Merganser, Lophodytes cucullatus. Schopfsäger. Harle huppé*), родина котораго находится на сѣверѣ Америки, принадлежитъ къ наиболѣе рѣдкимъ птицамъ, залетающимъ въ Европу. Онъ отличается слѣдующими особенностями въ опереніи: очень удлиненыя перья

кроющія перья крыла бархатисто-черныя; большое пятно позади глаза, нижняя часть шеи, грудь и брюхо, а также среднія малыя маховыя перья, образующія зеркальце, бѣлаго цвѣта; бока желто-бурые съ черно-бурою поперечною волнистостью; бѣлыя нижнія кроющія перья хвоста съ такимъ-же узоромъ. Лѣтнее одѣяніе и опереніе самки хохлатого крохала такое же, какъ у длинноносаго крохала. Длина птицы 48 см., размахъ крыльевъ 65, длина крыла 19, а хвоста 10 см.

За исключеніемъ полуденныхъ часовъ, которые большой крохаль охотно проводитъ гдѣ-нибудь на песчаномъ берегу, предаваясь отдыху, его почти все время можно видѣть на водѣ, его настоящимъ мѣстожителемъ. По землѣ онъ ходитъ тяжело ковыляющею походкою, по воздуху летаетъ хотя довольно быстро, но все-же съ напряженіемъ, зато плаваетъ и ныряетъ съ одинаковою легкостью. Плывая по водѣ спокойно, онъ гребетъ сильными, хотя и рѣдкими размахами своихъ широкихъ ногъ, равномерно и довольно быстро подвигаясь впередъ; если-же, руководимый завистью, онъ преслѣдуетъ другую птицу своего вида, намѣтившую одну съ нимъ добычу и намѣревающуюся проглотить ее, то гонится за ней до того усердно, что въ состояніи перегнать всякую другую, извѣстную мнѣ плавающую птицу, и при этомъ съ шумомъ разсѣкаетъ волны. Ныряетъ онъ съ большою легкостью, почти безъ всякаго шума, и плыветъ подъ водою съ такою быстротою, что напоминаетъ скорѣе рыбу, чѣмъ птицу. Иногда онъ остается подъ водою около двухъ минутъ, обыкновенно же это не длится болѣе минуты. Въ этотъ промежутокъ времени, охотясь, а стало быть, дѣлая постоянные крюки и повороты, онъ успѣваетъ проплыть разстояніе почти въ сто шаговъ. Голосъ его представляетъ собою своеобразное трещанье, которое, по моему мнѣнію, всего удачнѣе можно сравнить съ трелью, выбиваемою на губахъ. Отдѣльные звуки звучатъ вродѣ «карр» или «корр». Но они до такой степени странно перемѣшиваются между собою, и когда долго слѣдуютъ одинъ за другимъ, соединяются въ такое своеобразное сочетаніе, что все больше и больше походятъ на трель, дѣлаемую на губахъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что крохали обладаютъ большою наблюдательностью. Охотнику очень скоро приходится убѣждаться въ необыкновенной смысленности его по тому, какъ онъ быстро понимаетъ все происходящее на его глазахъ, а наблюдатель изучаетъ его умъ по его осторожности и робости, хитрости и мужеству, воспитатель же видитъ проявленіе ума въ его способности примѣняться ко всякаго рода обстоятельствамъ. Въ отличіе отъ другихъ родичей своего семейства, большой крохаль дружитъ только съ птицами своего вида; строго голоря, онъ вовсе не интересуется хохлатымъ крохалемъ, чрезвычайно похожимъ на него по уму и нравамъ. При перелетѣ или въ зоологическихъ садахъ большіе крохали держатся всегда вмѣстѣ, но скоро приходится убѣдиться, что о настоящей тѣсной дружбѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ при малѣйшемъ поводѣ они проявляютъ свой завистливый нравъ. Тѣмъ не менѣе, этому нисколько не противорѣчитъ то обстоятельство, что, охотясь въ водѣ, они въ некоторомъ образомъ помогаютъ другъ другу тѣмъ, что одновременно ныряютъ и такимъ образомъ загоняютъ рыбу; впрочемъ, каждый работаетъ исключительно для себя и далеко отъ желанія подѣлиться съ другимъ барышами.

При условіяхъ свободнаго выбора, большой крохаль питается исключительно рыбою, всего охотнѣе маленькими рыбками, вмѣщами въ длину не больше 10—15 см., но онъ въ состояніи также одолѣть и болѣе крупныхъ. Въ видѣ исключенія онъ ѣсть также наѣкомыхъ или червей.

Въ Германіи кое-гдѣ гнѣздятся отдѣльныя парочки этихъ птицъ, всего

чаще на озерахъ въ сѣверной ея части, на примѣръ, въ Помераніи, Мекленбургѣ и Гольштиніи. На датскихъ островахъ они размножаются уже правильнѣе и отсюда дальше на сѣверъ ихъ можно встрѣтить на всѣхъ подходящихъ для нихъ водахъ. Пары сходятся вмѣстѣ уже на зимнихъ своихъ квартирахъ и появляются на гнѣздовыхъ обществахъ, но на сѣверѣ приступаютъ къ размноженію только въ началѣ іюня. Гнѣздо устраивается на землѣ въ углубленіяхъ, между камнями или подъ кустами, иногда на верхушкахъ ивы, въ старыхъ гнѣздахъ хищныхъ птицъ и воронъ, а также зачастую въ древесныхъ дуплахъ. На рѣкѣ Тана-Эльфъ я видѣлъ, что на всѣхъ высокихъ деревьяхъ были повѣшены большіе гнѣздовые ящики съ трехугольнымъ влетнымъ отверстіемъ и, при разспросахъ, узналъ, что эти жилища были устроены специально для большихъ и длинноносыхъ крохалей, чтобы добывать ихъ яйца. Гнѣздо представляетъ собою болѣе или менѣе безыскусственную постройку изъ прутьевъ, стеблей, листьевъ, лишаевъ и пр., но всегда тепло и мягко выстлано пухомъ. Кладка состоитъ изъ 8—14 яицъ, но, постепенно вынимая ихъ, можно заставить самку класть еще столько же. Яйца имѣютъ 68 мм. въ длину и 47 мм. въ толщину; они правильной овальной или немного длинноватой формы, мелкозернисты, съ твердою, крѣпкою, малоблестящею скорлупою, зеленовато-буро-сѣраго или грязновато-масляно-зеленаго цвѣта. Насиживаетъ только самка, и она-же одна несетъ на себѣ заботы по воспитанію вылупившихся птенцовъ. Птенцы, достигнувъ извѣстнаго роста, просто соскакиваютъ съ высоты гнѣзда такъ-же, какъ это дѣлаютъ утки и гуси, причемъ роскошное пуховое опереніе предохраняетъ ихъ отъ ушиба.

Если наблюденія, сдѣланныя мною надъ молодыми длинноносими крохальми, можно примѣнить и къ птенцамъ большихъ крохалей, то я долженъ сказать, что вначалѣ они ведутъ себя совершенно какъ утята, но скоро начинаютъ проявлять свойственную имъ расторопность и уже по истеченіи 8 дней ведутъ себя вполне сообразно наклонностямъ, свойственнымъ ихъ роду. Въ первые дни своей жизни они питаются только насѣкомыми, которыхъ подхватываютъ съ поверхности воды; съ третьяго дня своей жизни они начинаютъ нырять, а 8 дней отъ роду уже въ состояніи ловить рыбу. Они растутъ очень быстро и скоро дѣлаются самостоятельными. Вначалѣ послѣ каждаго вылета они собираются подъ крыльями своей матери или кормилицы; впоследствии-же, ни мало не безпокоясь объ этой послѣдней, сами составляютъ стайки и скучиваются другъ съ другомъ возможно плотнѣе, чтобы этимъ согрѣвать себя. Достигнувъ половны своего роста, они почти вовсе перестаютъ обращать вниманіе если не на мать, то во всякомъ случаѣ на кормилицу, такъ какъ мои наблюденія относятся лишь къ тѣмъ крохальямъ, которые воспитываются въ неволѣ. По прошествіи пяти недѣль они дѣлаются вполне взрослыми, но летать все еще не умѣютъ. На крохальяхъ, живущихъ на свободѣ, замѣтили, что отецъ нисколько не заботится о воспитаніи своихъ птенцовъ, хотя вначалѣ и присоединяется къ семьѣ. Необыкновенная преданность матери вполне устраняетъ въ данномъ случаѣ всякую помощь со стороны отца. Самка крохали до того предава дѣлу высиживания, что если у нея похитятъ ея собственныя яйца, то она садится на первое попавшееся утиное гнѣздо, насильственнымъ образомъ прогоняетъ оттуда его настоящую собственницу и высиживаетъ чужія яйца.

Сильные и ловкіе большіе крохали мало страдаютъ отъ преслѣдованія враговъ, которые обыкновенно угрожаютъ мелкимъ зубчатоклювымъ и плавающимъ птицамъ; отъ челювческихъ преслѣдованій они тоже въ большинствѣ случаевъ счастливо отдѣлываются. Впрочемъ настоящей охоты на нихъ и не ведется, такъ какъ мясо ихъ не съѣдобно, а перья не находятъ должнаго примѣненія.

Отрядъ XI.

Шпорцекрылыя (Palamedeornithes).

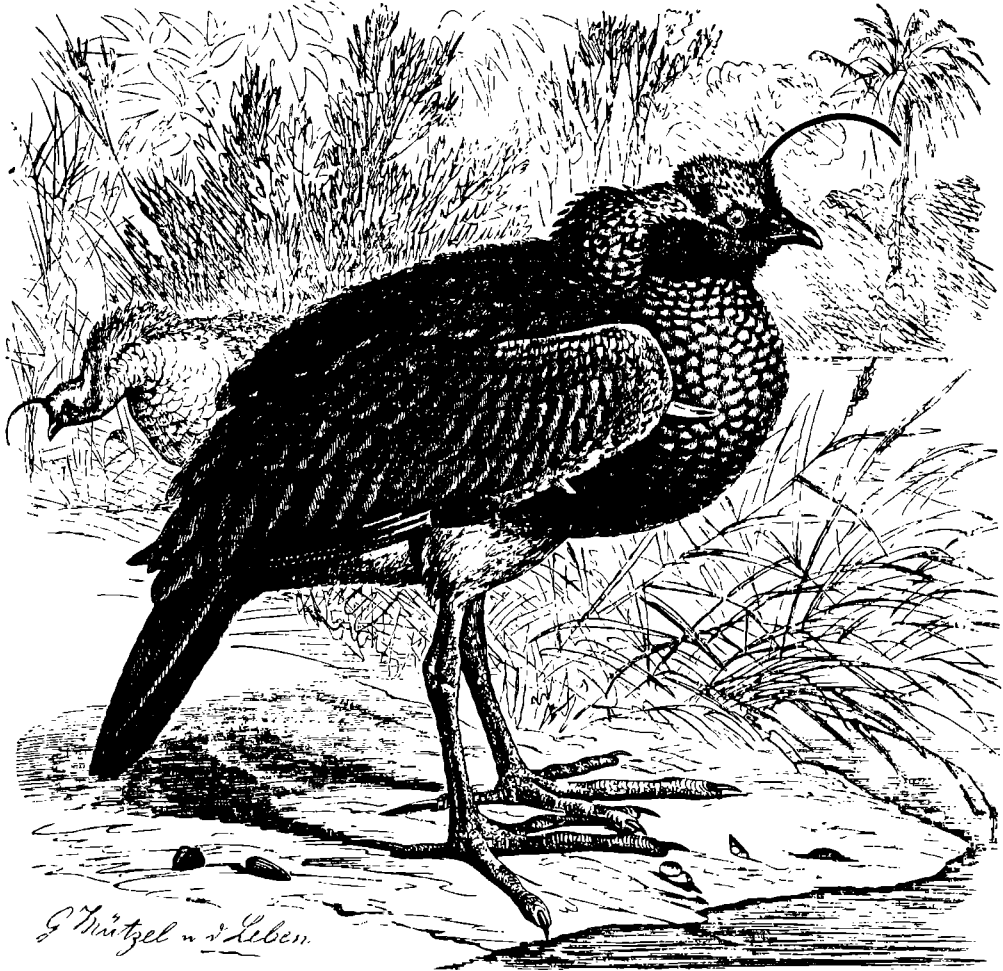
Фюрбрингеръ придерживается того мнѣнія, что Шпорцекрылыя (Palamedeidae), которыхъ обыкновенно причисляютъ къ дергачамъ (Rallen), не принадлежать къ нимъ, а скорѣе обнаруживаютъ самое близкое родство съ боевыми птицами и отдаленное—со страусами и нанду. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ полное основаніе отдѣлить этихъ странныхъ птицъ, насчитывающихъ три вида, въ отдѣльный отрядъ и семейство, состоящее изъ одного подсемейства (Palamedeiformen) и рода Паламедей (Palamedeae. Wehrvögel. Palamedes). Это большія, тяжеловѣсныя птицы съ продолговатой шеей и маленькой головой. Клювъ у нихъ меньше головы, похожій на куриный, сжатый на спинкѣ, загнутый крючкомъ на концѣ и покрытый у основанія восковицей; ноги средней длины, толстыя, съ короткими пальцами, снабженными довольно длинными, чуть-чуть изогнутыми и острыми когтями; наружный и средній пальцы соединены перепонкою. Крылья у нихъ довольно длинныя и сильныя, изъ маховыхъ перьевъ третье — самое длинное; слегка округленный хвостъ состоитъ изъ 12 перьевъ; опереніе густое и мелкоперое на шеѣ. У этихъ птицъ замѣчательны двѣ очень крѣпкія шпоры на сгибѣ крыла; одинъ видъ, кромѣ того, отличается роговымъ наростомъ на головѣ. Въ окраскѣ нѣтъ никакой разницы между полами. Скелетъ неуклюжій и массивный. Языкъ длинный, узкій и острый; зобъ большой; желудокъ съ сильными мускулами; кишечный каналъ длинный и толстокожій. Какъ у нѣкоторыхъ плавающихъ птицъ, подъ кожей у нихъ находится плотная сѣть воздушныхъ клѣточекъ и полостей, которыя, по желанію, могутъ наполняться воздухомъ или выпускать его.

Шпорцекрылыя живутъ во всѣхъ большихъ болотахъ Южной Америки и держатся обыкновенно маленькими обществами, во время же размноженія — парами; въ общемъ это миролюбивыя птицы, которыя рѣдко пускаютъ въ ходъ свое сильное оружіе, самцы—только въ любовную пору, а оба пола — въ случаѣ защиты противъ болѣе слабыхъ непріятелей. Судя по словамъ Пеппига, онѣ вступаютъ въ борьбу со змѣями, живущими въ однихъ съ ними болотахъ, и даже безстрашно нападаютъ на большихъ животныхъ. При ходьбѣ онѣ держатся горделиво и съ достоинствомъ; при полетѣ напоминаютъ большихъ хищныхъ птицъ, въ особенности грифовъ. Голосъ ихъ раздается далеко по лѣсу. Пища состоитъ главнымъ образомъ изъ растительныхъ веществъ, но, подобно всѣмъ болотнымъ птицамъ, онѣ не пренебрегаютъ также насекомыми, мелкими земноводными и рыбами. Среди болотъ онѣ устраиваютъ свое огромное гнѣздо, куда кладутъ два совершенно одноцвѣтныхъ яйца, и немедленно по вылуplenіи птенцовъ, тотчасъ же уводятъ ихъ съ гнѣзда. Взятые смолodu, онѣ легко пріучаются къ неволѣ, другія домашнія птицы ихъ слушаются и боятся; поэтому онѣ могутъ даже, при случаѣ, служить для нихъ пастухами. Въ Южной Америкѣ ихъ охотно

держатъ на дворахъ, но рѣдко пересылаютъ живьемъ въ Европу. Рогъ, лѣвая крыловая шпора, а отчасти и правая, пользуются у индѣйцевъ большою славою, какъ отличныя цѣлебныя средства.

Въ лѣсныхъ областяхъ средней Бразиліи, а отсюда, распространяясь дальше на сѣверъ чрезъ Гвиану и Колумбію, живетъ Паламедея, Анхима бразильцевъ (*Palamedea cornuta*, *bispinosa*. *Anima*. *Samouche*), которая, благодаря рогу на те-

Паламедея. *Palamedea cornuta*. наст. вел.

мени, густо оперенной уздечки и короткому оперенію на головѣ и шеѣ считается представителемъ рода (*Palamedea*). На лбу этой птицы возвышается рогъ, держащійся только на кожѣ; онъ помѣщается на разстояніи 15 мм. отъ основанія клюва и представляетъ собою тонкое, длинное, торчкомъ стоящее и чуть-чуть нагнутое впередъ роговое образованіе, имѣющее 10—15 см. длины, а толщины у основанія 3 мм.; его довольно вѣрно можно сравнить со струною. Верхняя шпора, находящаяся на сгибѣ крыла, имѣетъ трехугольную форму, очень острая, въ 4 см. длиною и слегка загнута къверху; вторая шпора, помѣ-

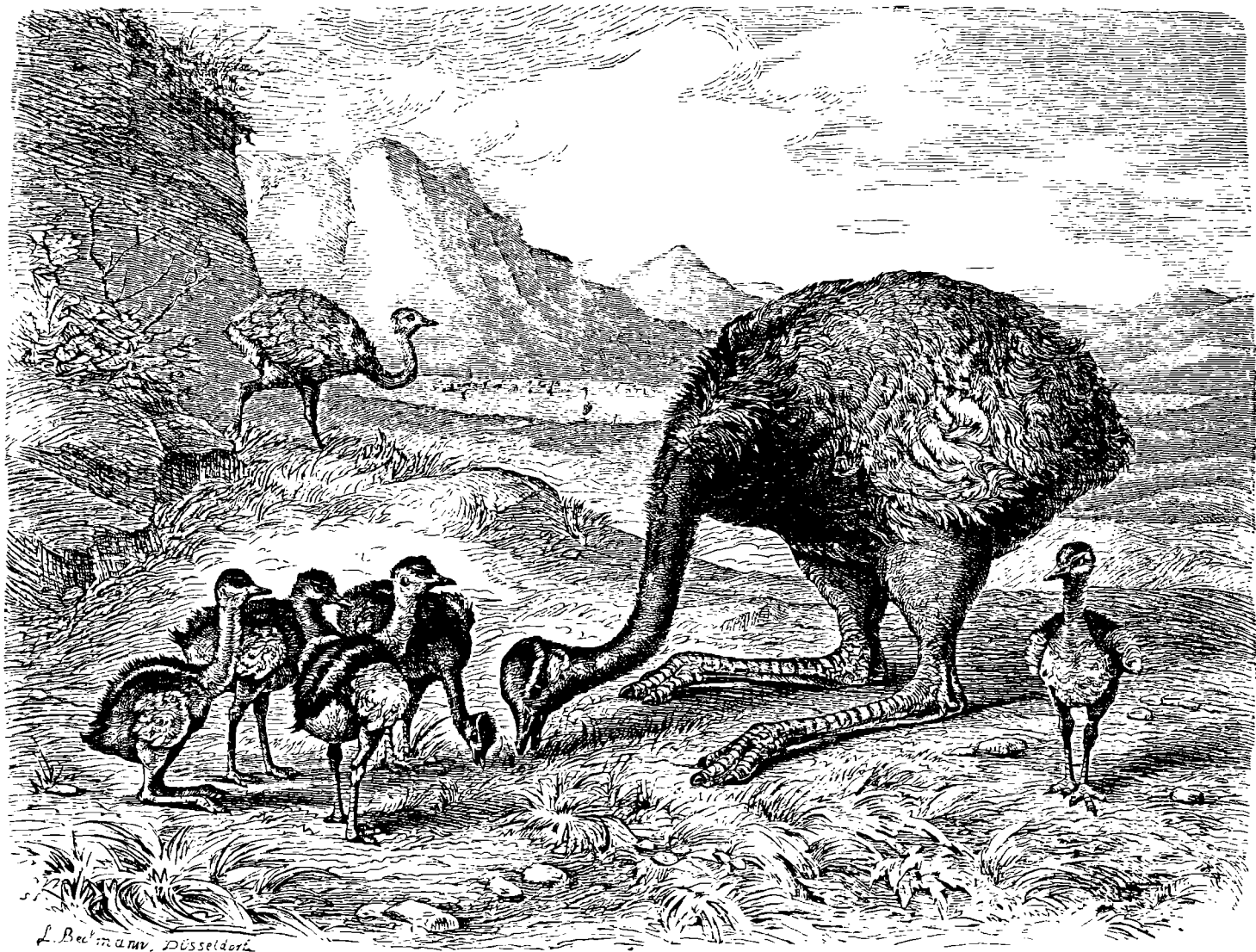
шающаяся гораздо ниже, почти прямая, имѣетъ всего 8 мм. въ длину, но такая же крѣпкая. Мягкое, бархатистое опереніе верхней части головы бѣло-сѣрое, на концахъ черноватое; щеки, горло, шея, спина, грудь, крылья и хвостъ черно-бурыя; плечевыя и большія кроющія перья крыла съ зеленоватымъ металлическимъ блескомъ; малыя покровныя перья у основанія глинисто-желтыя; нижняя часть шеи и верхняя часть груди сѣтлѣя серебристо-сѣрыя, съ широкими черными каймами; брюхо и гузка совершенно бѣлыя. Глаза оранжеваго цвѣта, клювъ черно-бурый, на коновѣ бѣловатый; рогъ бѣловато-сѣрый, ноги аспидно-сѣрыя. Длина птицы 80 см., размахъ крыльевъ 202, длина крыла 55, а хвоста—29 см.

«Паламедея», говоритъ принцъ фонъ Видъ, «какъ большая красивая птица, служить украшеніемъ бразильскихъ дѣвственныхъ лѣсовъ. Но она встрѣтилась мнѣ здѣсь только тогда, когда, направляясь съ юга на сѣверъ, я достигъ на рѣкѣ Бельмонте 16° южной широты. Здѣсь она попадаетъ во множествѣ. Она живетъ только во внутреннихъ сырыхъ лѣсахъ, удаленныхъ отъ человѣческихъ жилищъ. Я никогда не встрѣчалъ ее, какъ Соняни, въ открытыхъ мѣстностяхъ, а всегда только въ высокихъ первобытныхъ лѣсахъ по берегамъ рѣкъ. Здѣсь часто приходилось намъ слышать громкій, странный голосъ, который имѣетъ нѣкоторое сходство съ голосомъ нашего вяхря, только звучитъ гораздо громче и сопровождается нѣкоторыми другими горловыми звуками. Иногда намъ случалось видѣть паламедей, гордо расхаживающихъ по песчанымъ отмелямъ рѣкъ. Какъ только мы приближались къ нимъ хоть немного, онѣ тотчасъ взлетали и тогда походили на урбубу своими широко распушенными крыльями, своею окраскою и размахами крыльевъ. Въ такихъ случаяхъ онѣ садились всегда на высокую верхушку густолиственнаго дерева, откуда часто подавали голосъ, хотя видѣть ихъ было очень трудно. Въ пору размноженія паламедей держатся парами, а остальное время соединяются по 4, 5 и 6 штукъ вмѣстѣ. За пищей онѣ ходятъ на песчаная отмели рѣкъ или въ болота, не поросшія деревьями, которыя часто встрѣчаются по берегамъ. Пища главнымъ образомъ состоитъ, повидимому, изъ растительныхъ веществъ; по крайней мѣрѣ въ желудкахъ 5—6 вскрытыхъ мною паламедей я не нашелъ ничего, кромѣ зеленыхъ листьевъ одной травы и другихъ широколистныхъ болотныхъ растений.

Гнѣздо устраивается прямо на землѣ, въ лѣсномъ болотѣ, близъ рѣки. По словамъ ботокудовъ, оно содержитъ два большихъ бѣлыхъ яйца и состоитъ только изъ нѣсколькихъ прутьевъ. Птенцы убѣгаютъ тотчасъ же по вылупленіи. Мясо паламедей невкусно; португальцы не ѣдятъ его, тѣмъ не менѣе ботокуды прожорливо объѣдаются имъ. Красивыя большія маховыя перья идутъ для письма; хвостовыя перья употребляются дикарями на трубки. Простой народъ составилъ себѣ убѣжденіе, что когда паламедея хочетъ пить, то она каждый разъ передъ этимъ погружаетъ въ воду свой лобный рогъ.

«Маркгревъ называетъ паламедею хищной птицей, впрочемъ, даетъ прекрасное описаніе этой птицы и удачно передаетъ звукъ ея голоса словомъ «виху». Далѣе онъ говоритъ о неразлучности птицъ одной пары, тогда какъ бразильскіе охотники ничего не сообщали мнѣ по этому поводу».

Прирученныя паламедей становятся очень довѣрчивыми и послушными птицами, мирно держатся въ сообществѣ съ домашними курами и безъ нужды никогда не заводятъ ссоры; но противъ собакъ онѣ тотчасъ же пускаютъ въ ходъ свое оружіе и такъ отлично умѣютъ дѣйствовать своими крыловыми шпорами, что однимъ ударомъ обращаютъ въ бѣгство упомянутое четвероногое.

L. Beckmann, Düsseldorf

Н А Н Д У

Отрядъ XII.

Нанду (*Rheornithes*).

Въ способности летать мы признаемъ такой характерный, отличительный признакъ птицы, что тѣхъ пернатыхъ, которыя лишены этого дара, мы въ правѣ считать за необыкновенныхъ животныхъ. Неразвитой человѣкъ видитъ въ подобныхъ птицахъ какихъ-то чудовищныхъ созданій, и его воображеніе всегда готово приписать имъ чудесныя свойства. Одиатъ старый кордофанскій шейхъ рассказалъ мнѣ интересную легенду, въ которой, между прочимъ, говорится, что страусъ утратилъ способность летать потому, что въ своемъ безумномъ высокомеріи пытался долетѣть до солнца. Солнечныя лучи опалили ему крылья; злополучное созданіе сразу упало съ высоты на землю и съ тѣхъ поръ не въ состояніи летать, нося и по сейчасъ на своей груди слѣды паденія. Есть еще другой, хотя и не столь поэтичный взглядъ, по которому въ этой птицѣ видятъ ублюдка верблюда и какую-то сказочную птицу пустынь. Такое воззрѣніе тоже отдаетъ первобытными сказаніями, и оно сохранилось въ научномъ названіи этой птицы; кромѣ того, на основаніи его, но, конечно, совершенно несправедливо, страуса и другихъ короткокрылыхъ считали за самыхъ высшихъ птицъ и ставили ихъ во главѣ цѣлаго класса.

Три отряда **Короткокрылыхъ**, которыхъ мы, придерживаясь общепринятаго взгляда, несмотря на ихъ незначительное родство между собою, будемъ разсматривать вмѣстѣ, обнимаютъ собою самыхъ большихъ и древнѣйшихъ изъ всѣхъ живущихъ по настоящее время птицъ. Голова у нихъ достигаетъ самое большее средней величины, шея почти всегда значительной длины, туловище огромныхъ размѣровъ. Клювъ довольно короткій, широкій, воздри помѣщаются на самомъ концѣ его. Ноги необыкновенно развитыя, бедра очень крѣпкія, съ толстыми мышцами; плюсны длинныя, но сильныя, двухъ или трехпалыя; крылья въ высшей степени неразвѣты и покрыты совершенно видоизмѣненными, мягкими, неспособными къ полету перьями, которыя столь-же неосновательно было бы назвать маховыми, какъ и хвостовыя, т. е. правильнѣе надхвостныя перья — рулевыми. Опереніе разсученное, волосистое, потому что бородки перьевъ не соединены между собою и походятъ на волокнистыя пучки. Въ скелетѣ поражаетъ отсутствіе грудного гребня, дужки и межреберныхъ отростковъ, несоответственно короткій и малый размѣръ крыловыхъ костей, и длинный, узкій, у нѣкоторыхъ видовъ даже замкнутыя тазы. Кости черепа долгое время остаются несросшимися; ребра, прикрѣпленныя къ шейнымъ позвонкамъ, подвижны. Между черепомъ и крестцовой

костью насчитываютъ 24—26 позвонковъ; 16—20 позвонковъ превращаются въ крестцовую кость, 7—9 составляютъ хвостъ, 5—6 реберъ соединяются съ широкою и плоскою грудною костью. Ключица имѣетъ видъ отростка соединяющихся изъ одну кость лопатки и клювовидной кости. Предплечье постоянно короче плечевой кости. Тазъ очень удлинненный; ноги обыкновенно чрезвычайно развиты.

Изъ органовъ чувствъ короткокрылыхъ зрѣніе развито исключительно хорошо; слухъ и обоняніе стоятъ на одинаковой степени развитія; осязаніе слабое, вкусъ совершенно тупъ. Относительно умственныхъ способностей нельзя дать благоприятнаго отзыва. Всѣ извѣстные виды необыкновенно робки и пугливо избѣгаютъ приближенія человѣка, но когда приходится спасаться отъ опасности, то поступаютъ безъ всякой сообразительности; вообще они выказываютъ себя крайне ограниченными существами, строптивыми, злобными и почти вовсе не способными къ развитію. Между собою они живутъ въ мирѣ до тѣхъ поръ, пока въ дѣло не замѣшается ревность, допускаютъ также общество съ другими животными, не проявляя, впрочемъ, ни по отношенію себѣ подобныхъ, ни къ другимъ существамъ настоящей привязанности. Въ неволѣ они до нѣкоторой степени привыкаютъ къ своему сторожу, но плохо умѣютъ отличать его отъ другихъ людей.

Короткокрылыхъ не водится только въ одной Европѣ. Африка, со включеніемъ сюда-же и западной Азіи, служить отечествомъ двухъ видовъ, Америка тоже двухъ, Австралія вмѣстѣ съ папуасскими островами составляетъ родину десяти различныхъ видовъ. Мѣстожителемъ нѣкоторыхъ короткокрылыхъ служатъ сухія, песчанныя мѣстности, скудно поросшія кустарникомъ и травою, иначе сказать — пустынные равнины и степи; другіе же виды населяютъ густые лѣса. Одни изъ нихъ живутъ многочисленными стадами, другіе—поодиночно и не общительно.

Всѣ виды отличаются безпримѣрною способностью бѣгать, нѣкоторые изъ нихъ и плаваютъ довольно сносно, всѣ-же другіе способы передвиженія имъ чужды. Пища короткокрылыхъ состоитъ изъ растительныхъ веществъ и мелкихъ животныхъ; эти послѣдніе служатъ исключительно нищею для птенцовъ. Прожорливыми, въ тѣсномъ значеніи слова, членовъ этого семейства назвать нельзя, хотя нѣкоторые изъ нихъ и чувствуютъ непреодолимую склонность проглатывать всякій предметъ, мало-мальски приходящійся по размѣрамъ ихъ глотки, и пичкать свой желудокъ всевозможными несъѣдобными и не переваримыми веществами.

О размноженіи ихъ мы имѣемъ свѣдѣнія, на основаніи наблюденій, сдѣланныхъ только надъ нѣкими короткокрылыми. Положительно еще неизвѣстно, всѣ ли виды живутъ въ единобрачій, или нѣкоторые изъ нихъ придерживаются полигамій; одно лишь не подлежитъ сомнѣнію, что у всѣхъ короткокрылыхъ главное участіе въ высиживаніи яицъ и воспитаніи птенцовъ принимаетъ на себя отецъ; во многихъ случаяхъ онъ исключительно несетъ на себѣ всѣ обязанности, у другихъ птицъ выполняемая матерью, занимается птенцами вполнѣ самостоятельно, и не позволяетъ самкѣ вмѣшиваться въ это дѣло.

Человѣкъ преслѣдуетъ всѣхъ короткокрылыхъ: однихъ ради ихъ перьевъ, другихъ ради мяса, всѣхъ содержать въ неволѣ и въ новѣйшее время самыхъ важныхъ изъ нихъ обратилъ въ домашнихъ животныхъ.

Американскія короткокрылыя называются **Нанду** и всѣ соединяются въ одно семейство (Rheidae). Строеніе ихъ тѣла до того мало имѣетъ общаго со строеніемъ другихъ короткокрылыхъ, что Фюрбрингеръ, системѣ котораго мы слѣдуемъ.

образовалъ изъ нихъ особый отрядъ. Крылья у нихъ еще немного развиты, ноги трехпалыд. Палецъ, у основанія широкій, а на концѣ закругленный клювъ, снабженный слегка выпуклою роговою шишкою, почти такой-же длины, какъ голова; ноги, начиная отъ пяточного сустава, голыя; пятки мозолисто-бородавчатыя, три пальца средней длины и соединены у основанія короткою перепонкою; когти прямые, крѣпкіе, сжатые по сторонамъ, тупо закругленные спереди, съ остроробристыми сплянками; настоящихъ маховыхъ и рулевыхъ перьевъ нѣтъ; на краю крыла сидитъ шипообразный коготь. Уздечка и область глазъ, а также кольцо вокругъ ушного отверстія, усаженнаго щетинками,—не оперены и покрыты морщинистою кожею. Верхняя часть головы, горло, шея, туловище и бедра покрыты перьями; на головѣ и шеѣ перья короткія, узкія и острыя; на туловищѣ, напротивъ, большія, широкія, закругленныя, но мягкія, такъ что не образуютъ сплошной бородаки. Вѣки усажены большими, твердыми, щетинистыми рѣсницами. Самецъ и самка отличаются другъ отъ друга только величиною, по окраскѣ — же несъма мало.

Изъ двухъ извѣстныхъ видовъ, наиболѣе изслѣдованный и распространенный, это — **Нанду, Американскій страусъ** (*Rhea americana*, *Struthio rhea*, *Raprasstrauss*, *Nandou*). Перья верхней части головы, верхней части шеи, затылка и передней части груди у нихъ черныя, такъ-же, какъ и щетинки на уздечкѣ; середина шеи желтая; голова, щеки и верхняя часть сторонъ шеи свѣтлѣе, свинцово-сѣраго цвѣта; спина, стороны груди и крылья буровато-пепельно-сѣрыя; остальныя нижнія части грязновато-бѣлаго цвѣта. Глаза жемчужнаго цвѣта; голыя части лица мясного; клювъ сѣро-рогового, а ноги сѣраго цвѣта. Самка отличается, главнымъ образомъ, болѣе свѣтлою окраскою перьевъ на затылкѣ и передней части груди. У самцовъ размѣры слѣдующіе: длина 1,5, размахъ крыльевъ около 2,5 м. Старая самка, изслѣдованная привцемъ фонъ-Видъ, имѣла 1,38 м. въ длину и 2,2 м. въ размахѣ крыльевъ.

Область распространенія нанду занимаетъ степныя мѣстности Южной Америки. Родиною его собственно слѣдуетъ считать пампасы между Атлантическимъ океаномъ и Кордильерами, начиная отъ дѣйственныхъ лѣсовъ Боливіи, Парагвая и Бразиліи до Патагоніи или, однимъ словомъ, штаты Рио-де-ла-Плата. Какъ настоящая степная птица, нанду избѣгаетъ горы и дѣйственныхъ лѣсовъ; впрочемъ, въ холмистыхъ мѣстностяхъ онъ такъ-же часто встрѣчается, какъ и въ равнинахъ, и охотно посѣщаетъ рѣдкіе альгаробовые лѣса и расположенныя въ видѣ оазисовъ въ травяномъ морѣ миртовыхъ и пальмовыхъ рощи. Среди пампасовъ или степей мало есть мѣстностей, гдѣ бы совершенно не встрѣчался нанду.

Одинъ самецъ живетъ одновременно съ 5—7, рѣдко съ большимъ или меньшимъ числомъ самокъ, особымъ семействомъ, среди избранной имъ области, защищая ее отъ вторженія другихъ птицъ этого рода. Впрочемъ, послѣтвенцовою порывѣсколю такихъ семей соединяются вмѣстѣ и въ такое время случается встрѣчать цѣлыя стада ихъ, состояція изъ 60 и болѣе экземпляровъ. Но насколько прочна семейная связь, настолько-же ненадежны узы, связывающіе такую толпу. Всякое случайное обстоятельство способно разсытъ стадо, и разбитыя его части примыкаютъ къ другимъ ближайшимъ группамъ. Въ общемъ нанду безъ крайней необходимости рѣдко когда отдаляются отъ мѣста своего рожденія дальше двухъ англійскихъ миль; наблюденія эти вывелъ Боккингъ, которому мы обязаны лучшимъ описаніемъ жизни этой птицы. Онъ долгое время слѣдилъ за одной раненой, но потомъ выздоровѣвшей птицей, правое крыло которой немного свѣтлѣе

валось. «Этот нанду, прозванный мѣстными жителями «поврежденнымъ», иногда по цѣлымъ днямъ не показывался въ районѣ моихъ наблюденій, но зато обрѣтался въ соседнемъ округѣ, на разстояніи двухъ миль, и всегда возвращался домой въ сопровожденіи большаго или меньшаго общества». Осенью нанду выискиваютъ поросшіе кустарникомъ берега рѣкъ или низменности, гдѣ могутъ найти миртовые и другія ягоды; тамъ-же, гдѣ нѣтъ никакихъ кустовъ, они направляются въ заросли чертополоха, размноженію котораго американцы обязаны пристрастію первыхъ испанскихъ колонистовъ къ этому растенію, которое они считали огороднымъ и садовымъ; теперь оно покрываетъ въ пампасахъ цѣлыя тысячи квадратныхъ миль и годъ отъ году все болѣе и болѣе разрастается, къ великой досадѣ путешественниковъ и скотоводовъ. Зимой эта птица охотно держится на такихъ мѣстахъ, которыя правильно посѣщаются скотомъ, такъ какъ здѣсь трава всегда короткая, а потому болѣе нѣжная, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Въ это время года такія мѣста, въ которыя изо дня въ день скотъ сгоняется со всѣхъ сторонъ и которыя потому хорошо удобрены, служатъ любимымъ мѣстопребываніемъ нанду.

Нанду превосходный бѣгунъ, который можетъ утомить и сойти съ толку самую лучшую лошадь, потому-что онъ не только быстро бѣгаетъ, но въ то-же время дѣлаетъ съ поразительною ловкостью самыя удивительныя крюки. Въ пору любви онъ становится особенно оживленнымъ и день и ночь находится въ движеніи. Во время засухи онъ, подобно всякому другому животному, въ полдень 3—4 часа проводитъ въ отдыхѣ, однако, съ наступленіемъ прохладной ночи наверстываетъ потерянное время, хотя и считается настоящимъ дневнымъ животнымъ. Его обыкновенный шагъ, по Бѣккингу, равняется 50—60 см.; когда-же онъ шагаетъ, распустивъ крылья, хотя все еще повидимому лѣнливо, то размѣръ каждаго шага достигаетъ цѣлаго метра; во время преслѣдованія онъ дѣлаетъ прыжки въ 1,5 м. разстоянія и такъ быстро перестаняетъ ноги, что нѣтъ никакой возможности различить отдѣльные шаги. Во время охоты онъ зачастую совершенно неожиданно сворачиваетъ съ прямой линіи подъ угломъ въ 25—20 градусовъ, причѣмъ высоко поднимаетъ одно крыло, а другое поджимаетъ, а затѣмъ опять, какъ сумашедшій, пускается бѣжать дальше. Расщелины въ 3 м. шириною онъ перепрыгиваетъ безъ малѣйшаго напряженія, только на одианъ моментъ вспархивая крыльями, когда собирается дѣлать прыжокъ; однако крутыхъ береговъ онъ тщательно избѣгаетъ, такъ какъ ему трудно взбираться на нихъ. Дарвинъ сообщаетъ, что онъ два раза видѣлъ, какъ нанду переплывалъ рѣку Санта-Марта, а Кингу еще чаще приходилось видѣть это. Бѣккингъ-же увѣряетъ, что онъ никогда не замѣчалъ этой птицы въ глубокой водѣ и даже совершенно напрасно потратилъ время, стараясь хоть насильно загнать ее въ одну глубокую, хотя и не широкую рѣчку. «Нанду предпочелъ преодолѣть свою робость и прорваться сквозь нашу линію, чѣмъ пуститься вплавъ или хотя-бы по горло погрузиться въ воду. Вообще воды онъ боязливо избѣгаетъ и мяѣ не приходилось встрѣчать его на безчисленныхъ островахъ Уругвая или Параны, какъ-бы близко ни лежали они отъ берега, и какъ-бы ни была вода мелка. Онъ никогда не купается въ водѣ, а роется въ пыли, какъ настоящая куриная птица».

Названіе этой птицы, данное ей индѣйцами, выражаетъ собою тотъ далеко разносящійся призывной звукъ, который издаетъ самецъ во время токованія. По минованіи любовной поры оба пола издаютъ свистящій звукъ, то усиливающійся, то понижающійся, которымъ они, очевидно, созываютъ другъ друга. Штенцы пищать, какъ молодые тетерева. Криковъ боли или ужаса Бѣккингъ никогда не слыхалъ,

въ гнѣвѣ-же нанду фыркають весьма страннымъ способомъ, не поддающимся описанію.

За исключеніемъ вкуса всѣ внѣшнія чувства нанду остры; умственные ихъ способности также нельзя назвать ничтожными. По словамъ Бѳкинга, эта птица умѣетъ тонко наблюдать все происходящее и отлично примѣняется къ обстоятельствамъ. Вблизи жилищъ миролюбивыхъ колонистовъ, которые никогда не трогаютъ нанду, онъ становится такимъ доврчивымъ, что разгуливаетъ среди лошадей и рогатаго скота, а отъ людей и собакъ сторонится развѣ только съ дороги. Зато онъ со страхомъ бѣжитъ отъ гаучоса и пускаетъ въ ходъ всю свою хитрость, чтобы избѣгнуть его взоровъ. Его никогда нельзя замѣтить около жилищъ туземцевъ, развѣ только въ нѣкоторомъ отдаленіи, среди ихъ скота; гораздо чаще можно его встрѣтить среди стада робкихъ пампасовыхъ оленей, и тогда, какъ нанду, такъ и олень попеременно поднимаютъ вверхъ головы, чтобы осмотрѣться, и, почувя малѣйшую опасность, оба бѣгутъ по одному и тому-же направленію. Толпа индѣйцевъ приводитъ нанду въ неописанный ужасъ; онъ бѣжитъ отъ нея безъ оглядки, зачастую по цѣлымъ часамъ, заражая своимъ страхомъ другія стада, которыя тоже пускаются въ бѣгство, увлекая за собою иногда даже лошадей и рогатый скотъ. Въ глухихъ мѣстностяхъ, гдѣ ему рѣдко приходится встрѣчаться съ человекомъ, онъ чувствуетъ страхъ только передъ всадникомъ, а не передъ пѣшеходомъ, значеніе котораго онъ, очевидно, совсѣмъ не въ состояніи оцѣнить. Охотникъ, который, держась за вѣтромъ, подползаетъ къ нанду на карачкахъ и, лежа на брюхѣ, размахиваетъ по воздуху платкомъ, тотчасъ-же привлекаетъ къ себѣ вниманіе птицы, такъ какъ, будучи до крайности любопытною, она не въ состояніи противустоять соблазну покороче познакомиться съ неизвѣстнымъ явленіемъ. Положимъ, что подозрительность ихъ при этомъ всегда на сторожѣ, но любопытство все-таки превозмогаетъ ее, и охотнику скоро представляется возможность видѣть, какъ все общество нанду, съ самцомъ во главѣ, вытянувъ шею, осторожно выступаетъ ему на встрѣчу. При этомъ она случайно отклоняются отъ цѣли, сворачиваютъ немного въ сторону или останавливаются на короткое время, даже пасутся; но если охотникъ изъ терпѣливыхъ, то онъ все-таки дожидается, что птицы въ концѣ концовъ подойдутъ къ нему на разстояніе нѣсколькихъ шаговъ.

Въ дождливое время нанду питается преимущественно клеверомъ и насѣкомыми, а впослѣдствіи переходитъ на вышеупомянутые дуга, гдѣ пасся скотъ. Онъ очень любитъ также различныя, вывезенныя изъ Европы огородныя растенія, что, конечно, дѣлаетъ честь его вкусу, и если стадо нанду набредетъ на засѣянное поле или огородъ колониста, то слѣдуетъ принять всѣ мѣры предосторожности, если желаютъ сохранить хоть одинъ зеленый листокъ. Зато, съ другой стороны, эти птицы могутъ быть также полезными для хозяйства, такъ какъ онѣ охотно поѣдаютъ сѣмена чертополоха, этого страшнаго бича скотоводовъ, пока тѣ еще зелены. «Кому приходилось изслѣдовать въ декабрѣ желудокъ нанду», говоритъ Бѳкингъ, «тотъ знаетъ въ какой массѣ птица поѣдаетъ эти сѣмена; уже по одному этому нанду заслуживаетъ полного покровительства, которое и оказываетъ ему всякій благоразумный хозяинъ». Во всякое время и во всякомъ возрастѣ нанду ѣсть разпаго рода насѣкомыхъ, а, по увѣренію гаучосовъ, также змѣй и другихъ медкихъ пресмыкающихся; для улучшенія же пищеваренія глотаетъ камешки, подобно всѣмъ куринымъ. Пьетъ онъ рѣдко: очевидно роса и дожди вполнѣ удовлетворяютъ его потребности жажды; если же онъ приходитъ на водной, то зачерпываетъ воду клювомъ и проглатываетъ ее, закидывая вазадъ голову, какъ это дѣлаютъ всѣ курныя. Въ неволѣ же нанду пьютъ правильно.

Съ наступленіемъ весенняго времени въ южномъ полушаріи, т. е. въ октябрь, самецъ-нанду, который уже на второмъ году своей жизни становится способнымъ къ размноженію, собираетъ около себя 3 — 7, въ рѣдкихъ случаяхъ больше, самокъ и выгоняетъ изъ своего округа всѣхъ другихъ самцовъ, надѣлая ихъ ударами клюва и крыльевъ. Передъ самками, какъ мы имѣли случай убѣдиться на плѣнныхъ экземплярахъ, онъ выдѣлываетъ самыя странныя тѣлодвиженія: то шагаетъ взадъ и впередъ, широко распустивъ и свѣсивъ крылья, то вдругъ, ни съ того, ни съ сего, пускается вскачь, дѣлая съ поразительною ловкостью одинъ за другимъ 3—4 крюка, затѣмъ вдругъ умѣряетъ шагъ и съ сознаниемъ собственного достоинства гордо выступаетъ впередъ, или неожиданно присѣдаетъ къ землѣ, а затѣмъ снова повторяетъ прежнюю игру. При этомъ онъ испускаетъ глухой, ревушій крикъ, — вообще проявляетъ замѣтное возбужденіе. На свободѣ у него въ это время иногда является желаніе показать свою храбрость и подраться съ другими самцами; въ неволѣ же эта потребность выражается въ нападеніяхъ на сторожа и вообще на всякаго человѣка, который ему только попадаетъ; онъ колотитъ ихъ клювомъ, а также лягаетъ ногами, подобно африканскому страусу. Бодивусъ, воспитывая пару нанду, сдѣлалъ такого рода наблюденіе: онъ замѣтилъ, что самецъ отъ времени до времени постоянно садился на одно и то же мѣсто и такимъ образомъ, безъ всякаго рытья, постепенно сдѣлалъ углубленіе; затѣмъ онъ набросалъ по близости углубленія цѣлую кучу нарванной сухой травы, расхаживая при этомъ взадъ и впередъ и незамѣтно накидывая стебель за стеблемъ; послѣ этого онъ опять ушелъ въ ямку и по возможности примялъ накиданную траву, хотя не разровнялъ ее, а оставилъ довольно беспорядочными комками. Самка же не принимала никакого участія въ этомъ дѣлѣ.

Въ пампасахъ, по словамъ Бѳкинга, находятъ иногда еще до тепловатой поры, которая тамъ начинается въ половинѣ декабря, отдѣльныя яйца, называемыя подкидышами; они положены раньше оплодотворенною самою, которая стала класться прежде, чѣмъ самецъ успѣлъ приготовить гнѣздо. Это послѣднее, представляющее собою плоское углубленіе, устраивается постоянно въ сухихъ мѣстахъ, не подверженныхъ наводненію, по возможности скрытыхъ и заросшихъ по сторонамъ чертополохомъ или высокою травою. Въ большинствѣ случаевъ нанду пользуют углубленіями, образуемыми въ землѣ спинами дикихъ быковъ, которые, желая отдѣлаться отъ мучащихъ ихъ личинокъ, ложатся на землю и, при помощи заднихъ ногъ, вертятся на мѣстѣ. Если подобнаго углубленія не найдется, то самецъ нанду выкапываетъ его самъ въ подходящемъ мѣстѣ, вырвавъ оттуда предварительно ненужную траву, затѣмъ выстилаетъ дно и стѣнки нѣсколькими стебельками и предоставляет самкѣ положить туда 7—23 яицъ. Азара рассказываетъ, что иногда случалось находить въ одномъ гнѣздѣ 70—80 яицъ; Дарвинъ же максимальною кладкою считаетъ 40—50 яицъ. Бѳкингъ, со своей стороны, говоритъ, что хотя гаучосы и утверждаютъ, что кладка бываетъ въ 50 яицъ, но самъ онъ никогда не видалъ въ гнѣздѣ больше 23 яицъ, среднимъ же числомъ надо считать 13—17. Около гнѣзда, на разстояніи шаговъ 50-ти, постоянно можно найти другія разбросанныя яйца, такъ называемыя подкидыши, которые бываютъ всегда свѣжѣе гнѣздовыхъ.

Самыя яйца бываютъ весьма разнообразныхъ размѣровъ, отъ величины гусиныхъ до 13 ст. въ долевымъ разрѣзѣ. Окраска лицъ матовая желтовато-бѣлая; узоръ состоитъ изъ мелкихъ зеленовато-желтыхъ крапинокъ, окружающихъ большія поры, но едва яйца подвергнутся дѣйствию солнечныхъ лучей, какъ

быстро ливаютъ и уже черезъ недѣлю становятся совершенно бѣлоснѣжными. Какъ только гнѣздо наполнится яйцами, самецъ принимается одинъ за высиживаніе. Самки даже совсѣмъ отдаляются отъ него, хотя все еще держатся вмѣстѣ въ границахъ своего прежняго округа, отвоеваннаго самцомъ. Нанду насиживаетъ всю ночь, и въ утренніе часы до тѣхъ поръ, пока не высохнетъ роса; онъ покидаетъ гнѣздо, смотря по погодѣ, въ неправильные промежутки времени и уходитъ пастись. Эти промежутки иногда бываютъ очень продолжительными, причемъ это нисколько не отзывается вредно на развитіи зародыша; Бѣккинъ замѣтилъ, что одинъ нанду оставилъ свое гнѣздо на цѣлыхъ четыре часа, но послѣдствія показали, что яйца отъ этого нисколько не пострадали. Вначалѣ самецъ сидитъ не особенно старательно и при всякомъ подозрительномъ шумѣ тиховько соскальзываетъ съ гнѣзда, оставаясь въ сторонѣ до тѣхъ поръ, пока опасность не минуетъ; но подъ конецъ онъ высиживаетъ весьма усердно и сходить съ гнѣзда только передъ самымъ носомъ всадника, чѣмъ почти всегда пугаетъ лошадь. При такихъ переполохахъ случается, что одно-другое яйцо раздавится или вывалится изъ гнѣзда, несмотря на то, что вообще самецъ обращается съ яйцами въ высшей степени бережливо. Его любовь къ яйцамъ до того велика, что, забывъ всякую осторожность, онъ, распустивъ крылья и растопыривъ перья, стремительно бросается прямо на встрѣчу всаднику; во тутъ же одумывается и, описывая кривыя линіи, прихрамывая, отходитъ въ сторону, подражалъ въ этомъ другимъ птицамъ, которыя прибѣгаютъ къ такому притворству для того, чтобы отклонить вниманіе врага отъ своего потомства. Хотя нанду и не любитъ частаго посѣщенія его гнѣзда, но все-таки почти никогда не покидаетъ его до тѣхъ поръ, пока его совсѣмъ не разорить, и даже допускаетъ, чтобы на его глазахъ взяли нѣсколько яицъ. Противъ нападеній вонючекъ, двуутробокъ и змѣй онъ храбро защищаетъ свои яйца; однако Бѣккингу ни разу не случилось видѣть по сосѣдству съ гнѣздомъ ни одного убитаго хищника, и онъ находилъ тамъ только разбитыя яйца—подкидыши.

На своихъ плѣнныхъ нанду Бодинусъ наблюдалъ, что самка отправлялась къ гнѣзду только во время кладки и что его охранялъ исключительно одинъ самецъ. Этотъ послѣдній то на минуту опускался на яйца, то снова спокойно вскакивалъ, перекатывалъ ихъ со стороны на сторону, вынималъ изъ гнѣзда и снова вталкивалъ ихъ туда клювомъ. Подъ конецъ онъ уже вовсе не покидалъ больше гнѣзда и не позволялъ больше самкѣ, продолжавшей еще нести, занимать его. Самкѣ ничего больше не оставалось, какъ класть яйца на землю, по близости гнѣзда, а самецъ уже самъ тотчасъ-же забиралъ ихъ въ гнѣздо. «Время кладки», сообщаетъ этотъ наблюдатель, «началось въ концѣ мая. Вблизи углубленія, устроеннаго самцомъ и довольно скудно выстланнаго стебельками травы, самка въ теченіи двухъ дней положила 11 яицъ, которыя я и подобралъ, чтобы птенцы были выведены всѣ одновременно. Когда она положила еще 8 штукъ, я поѣхъ ихъ, вмѣстѣ съ прежними, снести въ гнѣздо; послѣ кладки 9-го яйца, самецъ, который предварительно на разныя манеры переворачивалъ и шевелилъ яйца, привялся насиживать. Самка положила подлѣ гнѣзда еще два яйца, которыя также были подобраны самцомъ и подложены подъ себя. Онъ не только оставался спокойно сидѣть на яйцахъ, когда я приближался къ нему, но даже позволялъ мнѣ вынимать яйца изъ-подъ него и разсматривать ихъ. Лившіе въ то время непрерывные дожди заставляли меня опасаться за здоровье насиживающей птицы; единственною защитою для нея служилъ кустъ, подъ которымъ было устроено гнѣздо; при такихъ то условіяхъ, по истеченіи 6 недѣль, точнѣе—39 дней, появился на свѣтъ маленькіи нанду. Тепленькое мѣстечко между ногъ папани ка-

залось ему первое время такимъ уютнымъ, что онъ выставлялъ оттуда только головку, которую иногда просовывалъ между крыломъ и туловищемъ своего родителя. Если ему случалось выйти оттуда или я вытаскивалъ его, то онъ снова поспѣшно убѣгалъ къ отцу, который предупредительно поднималъ крыло, куда въ ту-же минуту и проскальзывалъ птенчикъ. Два дня маленькій нанду оставался безъ пищи; но это нисколько не заботило меня, такъ какъ я рассуждалъ, что когда желудокъ заявитъ ему с своихъ требованій, то онъ научится и ходить, и выискивать себѣ пищу. Такъ оно и случилось. На третій день птенецъ снова вылѣзъ изъ подъ родительскаго крыла и принялся искать пищу. Онъ подбиралъ сначала мелкіе стебельки и песчинки, а потомъ брошенные ему крошки булокъ. Отъ гнѣзда онъ удалялся неохотно; старая же птица все еще продолжала старательно насиживать нѣсколько яицъ, которыя я оставилъ ей, не сомнѣваясь въ возможности подучить еще птенца. Но, прождавъ напрасно 4—5 дней, я убѣдился, что надежда моя неосуществима; тогда я вынулъ яйца и тѣмъ далъ возможность сойти съ гнѣзда старой птицѣ, которая со дня вылупленія перваго птенца вовсе не покидала своего гнѣзда и питалась совмѣстно со своимъ птенцомъ только бѣлымъ хлѣбомъ, который я крошилъ имъ. Сойдя съ гнѣзда, самецъ-нанду сталъ бродить кругомъ, въ сопровожденіи своего дѣтеныша, и ѣсть траву. Молоденькій нанду подбиралъ съ земли все съѣдобное, ципалъ верхушки травяныхъ стеблей, а потомъ сталъ ловить и мухъ, тогда какъ до муравьиныхъ яицъ и кусочковъ мяса совсѣмъ не дотрагивался. Нѣсколько разъ въ теченіи дня и регулярно каждый вечеръ отецъ и сынъ возвращались на гнѣздо, чтобы предаться отдыху, и только впоследствии старшій нанду сталъ устраиваться на покой гдѣ-нибудь въ излюбленномъ уголкѣ въ саду. Птенецъ тотчасъ же забирался на свое тепленькое мѣстечко подъ крыломъ отца и при всякомъ подозрительномъ шумѣ съ любопытствомъ высовывалъ оттуда головку». Молодой нанду имѣлъ сѣрое пуховое опереніе съ темными долевыми полосками, былъ величиною со здоровую куропатку, но, само собою разумѣется, отличался болѣе длинными ногами и относительно длинною шею. Впоследствии Бодиянъ изъ году въ годъ воспитывалъ въ Берлинѣ нанду; при этомъ ему пришлось убѣдиться, что развитіе ихъ шло успѣшно только при такихъ условіяхъ, когда ихъ вполнѣ предоставляли самимъ себѣ и даже въ неблагоприятную погоду оставляли на открытомъ воздухѣ, а не въ сараѣ, гдѣ они подвергались параличу ногъ и подъ конецъ погибали. Во всѣхъ случаяхъ самецъ насиживалъ одинъ; но самка все-таки держалась въ его обществѣ, нисколько не обременяя себя заботами о птенцахъ.

Въ Южной Америкѣ довольно распространено мнѣніе, что яйца-подкидыши служатъ первою пищею птенцовъ. Бѣккинъ въ сущности сомнѣвается въ истинѣ этого мнѣнія, такъ какъ ни одинъ наблюдатель не могъ поручиться за достовѣрность его; птенцы-же, какъ только получали способность держаться на ногахъ, принимались ловить насѣкомыхъ, въ которыхъ въ это время года не бывасть ни малѣйшаго недостатка.

Въ Южной Америкѣ первые нанду вылупляются въ началѣ февраля, на сѣверѣ немного раньше, на югѣ—позже. Они вырастаютъ удивительно быстро и уже по истеченіи двухъ недѣль достигаютъ 50 см. высоты. На третьемъ или четвертомъ днѣ отъ роду они бѣгаютъ уже до того быстро, что ни одинъ человѣкъ не въ состояніи догнать ихъ въ открытомъ полѣ; ранѣе же этого времени поймать ихъ нетрудно, такъ какъ при преслѣдованіи они плотно прижимаются къ землѣ. Приблизительно въ теченіи 5-ти недѣль они слѣдуютъ только за однимъ отцомъ, но мало-по-малу къ семьѣ присоединяются и самки. Осенью, т. е. въ нашемъ апрѣлѣ

или маѣ молодой нанду мѣняетъ свой пуховой нарядъ на первое грязновато-желто-сѣрое опереніе. Молодыхъ самцовъ тотчасъ же можно отличить отъ самокъ по ихъ болѣе крупному росту; но въ каждомъ стадѣ можно встрѣтить нѣсколько хилыхъ птенцовъ, которые бросаются въ глаза своею физическою недоразвитостію.

Бѣкинъ считаетъ предѣльный возрастъ нанду въ 14—15 лѣтъ и полагаетъ, что многіе изъ нихъ умираютъ просто отъ старческой немощи; онъ это судитъ на основаніи того, что въ зимнее время ему зачастую случалось встрѣчать отдѣльныхъ птицъ, достигнутыхъ смертію, между тѣмъ никакихъ слѣдовъ — ни вѣшнихъ пораненій, ни внутренняго отравленія — на нихъ не было. Среди животныхъ у нанду мало опасныхъ враговъ; развѣ только того или другого взрослого нанду подхватить кугуаръ, а птенца утащить лисица или орелъ; впрочемъ эти случаи очень рѣдки; не часто случается и разграбленіе гвѣзда. Весьма забавно видѣть то отвращеніе, которое питаютъ къ нанду американскіе шпорцевые чибисы. Хотя тѣ никогда не причиняли имъ никакого зла. Стоить только нанду приблизиться къ жилищу парочки этихъ чибисовъ, какъ они тотчасъ же прогоняютъ его съ оглушительными криками, подобно тому, какъ дѣйствуютъ вороны противъ нападающаго сокола. Нѣкоторое время исполнять это выносить, только обороняясь отъ толчковъ прыжками въ сторону и взмахами крыльевъ, но мало-по-малу нахальство мучителей надѣдаетъ ему до того, что онъ удаляется. Гораздо чувствительнѣе приходится ему страдать отъ клещей и кишечныхъ глистовъ, которые терзаютъ его во всякое время года. Самыми же опасными врагами нанду являются огонь и челоуѣкъ. Какъ разъ въ то время, пока эти птицы выводятъ птенцовъ, пастухи поджигаютъ степи, чтобы уничтожить прошлогоднюю сухую траву. Подобные пожары истребляютъ цѣлую массу гвѣздъ различныхъ птицъ, выводившихъ птенцовъ прямо на землѣ. Степной житель безъ церемоніи подбираетъ всѣ яйца нанду, сколько только въ состояніи ихъ забрать, такъ какъ каждое яйцо нанду оцѣнивается въ 15 штукъ куриныхъ яицъ; онъ вскрываетъ острый край, выпускаетъ бѣлокъ, имѣющій непріятный вкусъ, кладетъ внутрь немного жира, перцу и соли и варитъ желтокъ въ собственной скорлупѣ его, постоянно помѣшивая. Чтобы сварить яйцо вкрутую, какъ это дѣлаютъ обыкновенно европейцы, требуется цѣлыхъ 40 минутъ времени. Мясо нанду грубо на вкусъ, подобно лошадиному и цвѣта оно такого же; но все-же индѣйцы охотно ѣдятъ его, тогда какъ европейцы употребляютъ только вкусное мясо молодыхъ нанду. Кромѣ мяса, для кухни утилизируется еще въ свѣжемъ видѣ маслянистый, жидкій жиръ, которымъ такъ изобилуютъ нанду; къ сожалѣнію, онъ скоро портится, а въ прогорклomъ видѣ не годится даже для смазки. Изъ шейной кожи гаучосы готовятъ маленькіе мѣшечки для различнаго домашняго употребленія; изъ очень гибкихъ перовыхъ стволонъ, съ которыхъ сдираютъ бородки, мальчики дѣлаютъ петля для ловли скрытохвостыхъ куръ; взрослые же плетутъ изъ нихъ красивую и прочную сбрую, а также отличные красивые коврики. Кромѣ того перья служатъ для пыльныхъ метелокъ, а самыя лучшія и длинныя изъ нихъ — для украшенія.

Охота на нанду ведется различными способами. Индѣйцы и гаучосы преслѣдуютъ ихъ на лошадахъ и убиваютъ посредствомъ лассе или травятъ ихъ собаками не столько для того, чтобы добыть самую дичь, сколько ради простого удовольствія испытать быстроту бѣга и выносливость своей лошади или мѣткость своего глаза и вѣрность руки. На такую охоту собираются нѣсколько всадниковъ, выслѣживаютъ подъ вѣтромъ птицу, шагомъ приближаются къ ней, насколько возможно, и затѣмъ пускаютъ лошадь рысью и скачутъ до тѣхъ поръ, пока нанду не придутъ въ безпокойное состояніе. Охотники стараются отдѣлить отъ стада одну

птицу, которую и пускаются преслѣдовать. Несмотря на всю хитрость нанду, гаучосы въ короткое время настѣгаютъ его, и тотъ всадникъ, который скачетъ по лѣвую его сторону, бросаетъ лассо; черезъ минуту нанду, походя на колоссальный перовой шаръ, валится на землю и убивается силою своего паденія. Если первый всадникъ промахнется, то шаръ бросаетъ другой, и если затравленной птицѣ не удастся добраться до болота, въ которое лошадь не пойдетъ, или до кустовъ, гдѣ нельзя бросать шаровъ, то она должна считать себя погибшей. Для этой травли отлично служатъ ублюдки отъ большихъ мясницкихъ собакъ или овчарокъ съ борзыми; но слѣдуетъ остерегаться пускать на эту охоту щенковъ безъ сопровожденія старыхъ собакъ, такъ какъ такіе новички въ моментъ нападенія на нанду подвергаются столь сильнымъ ударамъ, которые, если не сваливаютъ и не ранятъ ихъ, то во всякомъ случаѣ надолго застраиваютъ. Охота съ огнестрѣльнымъ оружіемъ требуетъ надежныхъ, опытныхъ стрѣлковъ. Нанду очень живучи и зачастую съ пулею въ тѣлѣ убѣгаютъ отъ охотника. Если охотникамъ удалось заманить стадо, какъ описано выше, и убить одну птицу, то прочія, пока та еще трепещется, скачутъ вокругъ нея, выдѣливая такіе странные прыжки, какъ будто въ крыльяхъ и ногахъ у нея были судороги; это продолжается такъ долго, что стрѣлокъ имѣетъ достаточно времени сдѣлать второй выстрѣлъ. Самый выстрѣлъ не пугаетъ ихъ, что видно изъ того, что если стрѣлокъ промахнется, то они не только не убѣгаютъ, но даже еще приближаются, чтобы разслѣдовать дѣло. Раненый нанду слѣдуетъ за своимъ стадомъ до тѣхъ поръ, пока въ состояніи; когда силы оставляютъ его, онъ падаетъ на сторону и умираетъ одинъ.

Въ Южной Америкѣ повсюду можно видѣть нанду, которые, будучи пойманы смолоду и наполовину одомашнены, свободно разгуливаютъ повсемѣстно. Они до такой степени привыкаютъ къ мѣстности, гдѣ выросли, что къ вечеру всегда возвращаются домой. Еще недавно яйца, которыя кладутъ нанду, постоянно отбирались такъ какъ ихъ употребляли въ пищу; но нѣсколько лѣтъ уже тому назадъ стали разводить нанду, чтобы отъ времени до времени оципывать у нихъ перья

Въ нашихъ зоологическихъ садахъ нанду составляютъ обычное явленіе. Содержаніе ихъ не представляетъ большихъ затрудненій, такъ какъ они вполне довольствуются самымъ простымъ кормомъ, лишь-бы его было достаточно, и нечувствительны даже къ суровымъ переѣмамъ нашего климата. Я согласенъ съ мнѣніемъ Бюккинга, что нанду со временемъ можно-бы обратить у насъ въ полудомашнюю птицу, хотя не могу признать за нею никакой особенной пользы.

Отрядъ XIII.

Казуаровыя (Hippalectryornithes).

Въ 1789 году появилось описаніе путешествія губернатора Филиппа въ Ботанибей, изъ котораго ученый міръ впервые узналъ, что Австралія также населена короткокрылыми. Видъ, названный въ томъ сочиненіи «Новоголандскимъ казуаромъ», въ настоящее время носитъ названіе эму, подъ которымъ прежніе португальскіе мореплаватели подразумѣвали одну неполинскую птицу Малакки.

Эму вмѣстѣ съ казуаровыми составляютъ семейство **Казуаровыхъ** (Hippalectryones. Rossvögel), которое въ настоящее время насчитываетъ 10 видовъ. Отличительные его признаки слѣдующіе: килеватый клювъ, трехпалыя ноги и опереніе, перья котораго имѣютъ добавочный стволъ такой-же длины, какъ и главный.

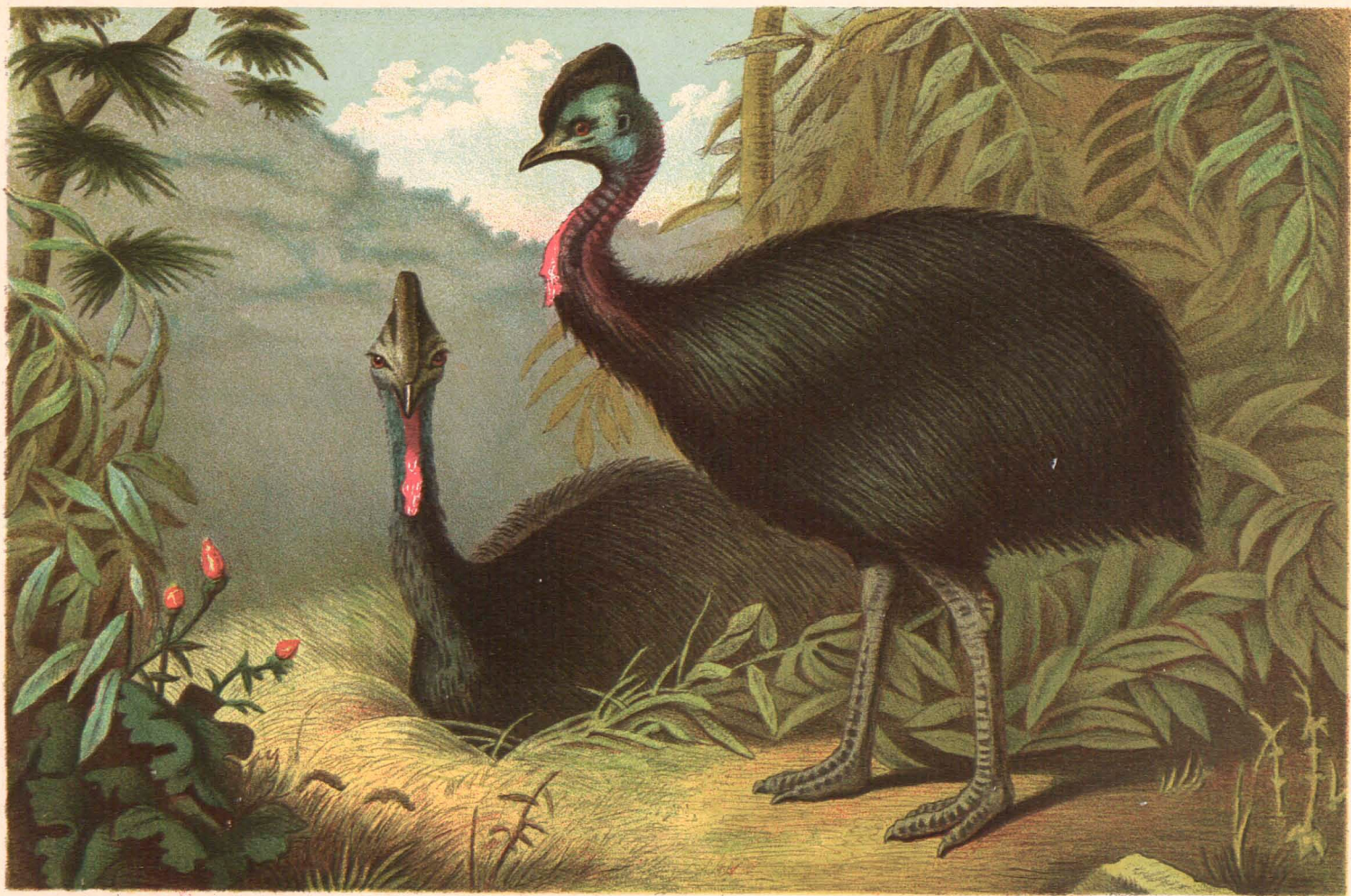
Казуары (Hippalectryonidae. Kasuare. Casoars.), которыхъ насчитываютъ не менѣе 9-ти видовъ, отличаются волосистымъ опереніемъ. Клювъ у нихъ прямой, по сторонамъ сжатый, такъ что кажется кругловатымъ, на спянкѣ выпуклый, передъ немного крючковатымъ концомъ замѣчаются зубцы сверху и снизу; ноздри, бороздки которыхъ занимаютъ почти весь клювъ, открываются у самаго кончика, довольно малы и продолговато-овальной формы; голова снабжена костянымъ шлемомъ, который у всѣхъ, до сихъ поръ извѣстныхъ видовъ имѣетъ различное устройство; шея въ верхней своей половинѣ голая и весьма яркаго цвѣта, спереди-же обыкновенно имѣетъ одинъ или два кожистыхъ нароста; короткія толстыя ноги трехпалыя; когти внутреннихъ пальцевъ болѣе, чѣмъ вдвое длиннѣе когтей другихъ пальцевъ. Короткія крылья собственно не имѣютъ настоящихъ маховыхъ перьевъ; на ихъ мѣстѣ замѣчается пять круглыхъ стволонъ безъ бородакъ, которые походятъ на роговыя шипы; настоящихъ рулевыхъ перьевъ тоже нѣтъ и самый покровъ тѣла скорѣе похожъ на волосы, чѣмъ на перья, такъ какъ короткія, жесткія бородки торчатъ раздѣльно и не имѣютъ боковыхъ полоконъ. Шлемъ образуется изъ возвышенія лобной кости и покрытъ роговою массою. Никакого различія между полами въ глаза не бросается; птенцы отличаются по окраскѣ и тѣмъ, что племной наростъ у нихъ только чуть-чуть обозначенъ.

Новоголландскій казуаръ (*Hippalectryon galeatus*, *Casuarius galeatus*, *Struthio casuarius*, *Helmkasuar*, *Casoar à casque*), прежде всѣхъ другихъ извѣстный видъ этого рода (*Hippalectryon*)—чернаго цвѣта съ зелено-синей передней частью головы. Задняя часть головы зеленая, шея спереди фиолетовая, по сторонамъ синяя, назади сургучно-красная; глаза красно-каріе, клювъ черный; ноги сѣро-желтыя. Молодые птицы выглядятъ буроватыми. Форстенъ встрѣчалъ новоголландскаго казуара въ лѣсахъ Церама, и, повидимому, мѣстожителство этой птицы ограничивается этимъ островомъ.

Всѣ путешественники, которые хоть что-нибудь могли сообщить о жизни казуара на волѣ, соглашаются въ томъ, что они, въ противоположность всѣмъ, до сихъ поръ переименованнымъ родичамъ ихъ, населяютъ дремучіе лѣса, да и здѣсь ведутъ самую замкнутую жизнь, при малѣйшей опасности тотчасъ-же убѣгаютъ и тщательно избѣгаютъ людскихъ взоровъ. На маловаселенныхъ островахъ они не только нерѣдки, но даже скорѣе обыкновенны, хотя попадаются всегда поодиночно. До какой степени трудно наблюдать ихъ, можно судить по тому, что Миллеръ ни разу не имѣлъ случая видѣть въ Новой Гвинее казуара, хотя и находилъ его слѣды и даже слышалъ шумъ отъ бѣжавшей въ кустахъ птицы. Уэллсъ тоже не могъ добыть на Церамѣ ни одного казуара, хотя онъ и встрѣчался во всѣхъ посѣщенныхъ имъ мѣстахъ. Отъ него мы узнаемъ только слѣдующее: «Эти птицы странствуютъ по дремучимъ горнымъ лѣсамъ, покрывающимъ островъ Церамъ, и питаются преимущественно опаншими плодами, насѣкомыми и ракообразными. Самка кладетъ 3—5 большихъ красиво-зернистыхъ, зеленыхъ яицъ на подстилку изъ листьевъ; самецъ и самка насиживаютъ оба, попеременно, въ теченіи цѣлаго мѣсяца». Насколько послѣднее указаніе справедливо, я оставляю нерѣшеннымъ; остается лишь пожалѣть, что Уэллсъ приложилъ такъ малое труда, чтобы обогатить науку болѣе обстоятельными свѣдѣніями.

Всѣ казуары, привозимые въ Европу, ловятся итенцами и выращиваются туземцами. Этимъ, по всей вѣроятности, и объясняется, почему большая часть ихъ оказывается относительно ручными, кроткими и довѣрчивыми, тогда какъ ихъ природному нраву свойственны какъ разъ противоположныя качества. Беннетъ сообщаетъ, что два Мурука (*Hippalectryon bennettii*, *Muruk*, *Casoar de Bennett*), добытые имъ, были принесены туземцами Новой Британіи на палубу судна «Оберонъ» и проданы капитану Давлину. Люди эти рассказывали, что старыхъ казуаровъ поймать рѣшительно невозможно, такъ какъ они крайне пугливы, при малѣйшемъ шумѣ убѣгаютъ и, благодаря своей способности быстро и выносливо бѣгать, скоро добираются до чащи, куда не въ состояніи проникнуть человѣкъ. Итенцы ловятся тотчасъ-же по вылуplenіи и выращиваются какъ цыплята. Пойманные Беннетомъ казуары были очень ручны, бѣгали повсюду по дому и по двору, не опасаясь никого изъ встрѣчныхъ, такъ какъ были порядкомъ избалованы тѣмъ, что каждый подманивалъ ихъ къ себѣ кормомъ. Со временемъ они сдѣлались до того назойливыми, что даже мѣшали прислугѣ работать; они входили во всѣ отворенныя двери, слѣдовали по пятамъ за человѣкомъ, разнюхивали въ кухнѣ по всѣмъ угламъ, вскакивали на столы и стулья и страшно этимъ надоѣдали повару. Если пытались изловить ихъ, они стремительно убѣгали прочь или подлѣзали подъ мебель и храбро зацѣплялись клювомъ и ногами. Если-же ихъ предоставляли самимъ себѣ, то они добровольно возвращались на свое обычное мѣсто. Когда служанка намѣревалась прогнать ихъ, они пустились съ нею въ драку или рвали ей платье. Они содержались въ одной конюшнѣ съ лошадьми и бѣли пазь однихъ съ ними яслей. Нерѣдко

КАЗУАРЬ.

они заходили въ самый кабинетъ Беннета, причемъ сами раскрывали неплотно притворенную дверь, бѣгали по всей комнатѣ, все осматривали и снова уходили. Каждое необыкновенное происшествіе, всякій услышанный шумъ привлекали ихъ вниманіе.

По своей походкѣ казуары существенно отличаются отъ другихъ короткокрылыхъ. Они не бѣгаютъ, но трусятъ рысью, держа туловище въ горизонтальномъ положеніи, причемъ развиваются удлиненныя перья надхвостья, такъ что птица кажется выше сзади, чѣмъ спереди. Отдѣльные шаги слѣдуютъ не особенно быстро одиѣ за другимъ, а потому рысь относительно плохо подвигаетъ ихъ впередъ; но если казуару дѣйствительно приходится отъ чего-либо убѣгать, то онъ несется съ поразительною быстротою, дѣлая при этомъ удивительно ловкіе повороты и прыжки иногда въ 1—1,5 м. высоты. Въ способности казуара отлично плавать, Рамаанъ убѣдился на своемъ плѣнномъ мурукѣ. Голосъ его можно сравнить со слабыми, горловыми звуками «хуу ху ху». Этотъ звукъ выражаетъ хорошее расположеніе духа, тогда какъ въ раздраженномъ состояніи казуаръ фыркаетъ на подобіе кошки или совы. Изъ органовъ чувствъ на первомъ мѣстѣ стоитъ несомнѣнно зрѣніе; затѣмъ всего болѣе развитъ слухъ, да и обоняніе довольно хорошее. Обладаетъ ли казуаръ развитымъ вкусомъ, это рѣшить трудно; относительно осязанія и способности ощущать температуру можно сказать лишь то, что эти чувства существуютъ у казуара.

Своими умственными способностями онъ, по моимъ наблюденіямъ, значительно отличается отъ своихъ родичей, хотя и не въ свою пользу. Я считаю его гораздо умнѣе, но и рѣшительнѣе прочихъ страусовъ. Всякое необыкновенное происшествіе приводитъ его, если не въ ужасъ, то въ возбужденіе, которое переходитъ буквально въ ярость. Тогда онъ безпощадно нападаетъ на противника, разсердившаго его, все равно—будь это человѣкъ или животное, яростно насккиваетъ на него и старается нанести удары, какъ клювомъ своимъ, такъ и ногами съ острыми когтями. Совершенно такъ же поступаетъ птица въ пору размноженія. Сторожа Лондонскаго зоологическаго сада убѣдился по опыту, что съ казуарами надо держаться крайне осторожно, такъ какъ самка послѣ спариванья зачастую съ яростью набрасывается на самца, и не разъ случалось, что эти злыя существа даже убивали своихъ самцовъ. Нѣкоторые до такой степени неистовствуютъ въ это время, что озлобляются рѣшительно противъ всѣхъ и каждого, кто имъ подвернется на глаза: набрасываются на людей, одѣтыхъ въ пестрое платье, угрожаютъ дѣтямъ и, въ свой слѣпой ярости, даже расщепляютъ и обдираютъ деревья. Во всѣхъ зоологическихъ садахъ, гдѣ помѣщаются казуары, сторожа боятся этихъ грозныхъ птицъ гораздо больше, чѣмъ большихъ кошекъ: по крайпей мѣрѣ у этихъ послѣднихъ гнѣвное настроеніе можно узнать по выраженію лица и во время остеречься, тогда какъ казуаръ приходитъ въ раздраженіе ни съ того, ни съ сего, и отъ него каждую минуту можно ожидать какой-нибудь скверной выходки. На своей родиѣ казуары, очевидно, придерживаются извѣстныхъ тропинокъ. «На берегу одной рѣки въ Новой Гвинее», пишетъ Гааке, «мы долгое время наблюдали одного казуара, который ежедневно въ 4 часа пополудни приходилъ изъ лѣсу на берегъ, чтобы здѣсь подбирать упавшіе съ деревьевъ плоды».

Хотя и нужно признать, что казуары не совсѣмъ пренебрегаютъ животною пищею, тѣмъ не менѣе эту птицу слѣдуетъ причислить къ растительнояднымъ. Гааке нашелъ, что въ лѣсахъ Новой Гвинее они питаются главнымъ образомъ пѣкными плодами, зерна которыхъ попадались непереваренными въ ихъ пометѣ. Въ особенноти они любятъ багряно-красный плодъ одной пальмы. Зерцъ и сѣмянъ, которые не перевариваются ихъ желудкомъ, они не ѣдятъ. На плѣнныхъ

наблюдали, что они способны проглатывать цѣльные яблоки или апельсины, которые, впрочемъ, тоже выходили потомъ непереваренными. Въ зоологическихъ садахъ ихъ кормятъ смѣсью, сдѣланною изъ хлѣба, зеренъ, наръзаннхъ яблоковъ и т. п., и они отлично выносятъ эту пищу; но опытъ показалъ, что они, безъ всякихъ количностей, хватали также цыплятъ и утятъ, которые случайно попадали въ ихъ загородку.

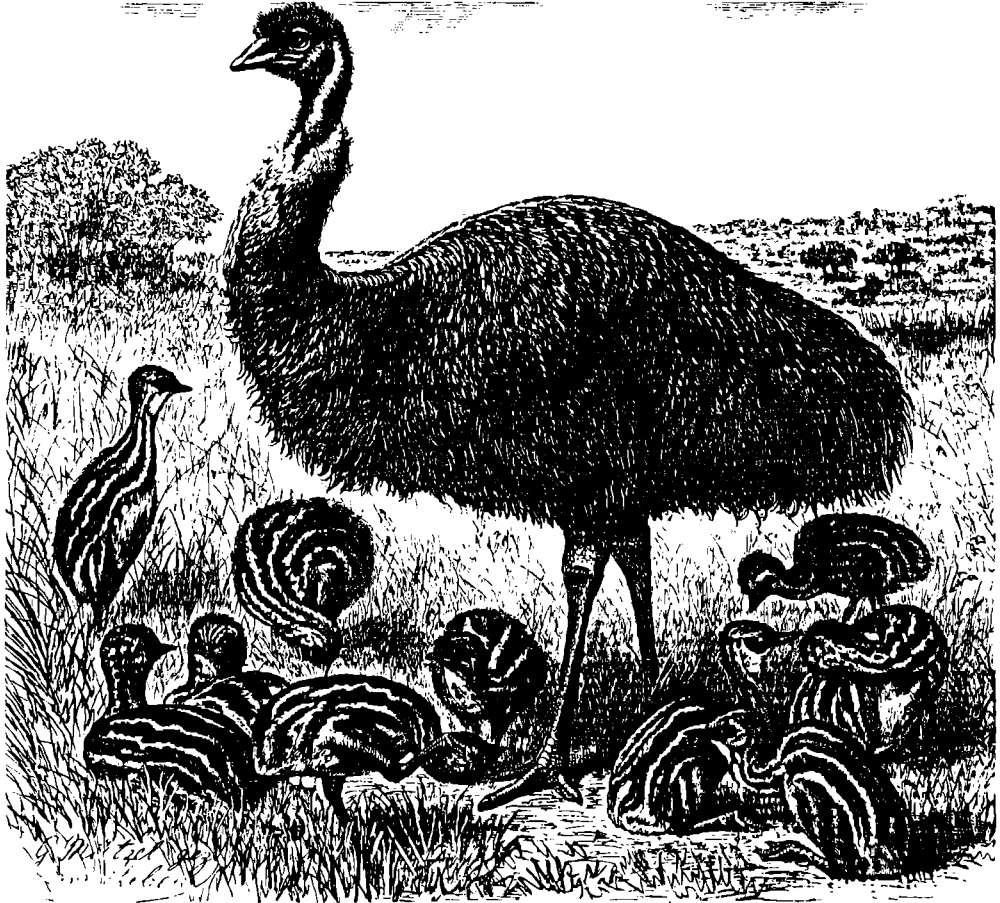
Относительно размноженія казуаровъ, живущихъ на свободѣ, чувствуется недостатокъ въ обстоятельныхъ свѣдѣнiяхъ; впрочемъ, можно думать, что въ этомъ отношенiи казуары ничѣмъ особеннымъ не отличаются отъ настоящихъ страусовъ. Пльнные казуары зачастую кладутъ яйца, но въ немногихъ лишь зоологическихъ садахъ удалось вывести птенцовъ. Величайшее препятствiе для размноженія заключается въ неуживчивости самихъ птицъ. Рѣдко можно найти пару, которая жила-бы въ мирѣ. Два мурука, содержавшіеся въ Лондонскомъ зоологическомъ саду, постепенно были приучены другъ къ другу и въ 1862 году стали дѣлать приготовленiя къ кладкѣ, и здѣсь самецъ принялъ на себя всѣ обычныя въ этомъ дѣлѣ заботы матери. Онъ съ величайшимъ усердiемъ сидѣлъ на яйцахъ цѣлыхъ семь недѣль и вывелъ птенца, который, къ сожалѣнiю, въ тотъ же день былъ заѣденъ крысами. Къ моему величайшему удовольствiю, лѣтомъ 1866 года въ томъ же зоологическомъ саду мнѣ удалось видѣть вылупившагося птенца новоголландскаго казуара, который также былъ высиженъ самцомъ. Высиживание продолжалось съ 26 апрѣля по 23 июня. Молодой казуаръ представляетъ собою милѣйшее созданiе, какъ по внѣшнему виду, такъ и по своему нраву и привычкамъ. Его пуховой нарядъ свѣтло-желто-бураго цвѣта съ темно-бурыми долевыми полосами; узоръ состоитъ изъ широкой средней полосы и узкихъ боковыхъ полосокъ, которыя идутъ вдоль всего тѣла, а одна изъ нихъ пробѣгаетъ по ногамъ. Шлемъ обозначенъ лишь въ видѣ кожаной пластинки; бородки на горлѣ уже замѣтны. Въ первый день своего появленiя на свѣтъ птенецъ плохо держался на ногахъ, боязливо переступая ими и сильно покачиваясь на бѣгу. На слѣдующій день всѣ движенiя приобрѣли бѣольшую твердость, и птица подавала уже голосъ, похожiй на цискъ маленькаго цыпленка, вродѣ «глю-глюк-глюк». Своими привычками и нравомъ онъ напоминаетъ молодого цыпленка. Отецъ обращается съ нимъ въ высшей степени заботливо, при ходьбѣ осторожно поднимаетъ ноги и, опуская ихъ, предварительно осматривается, чтобы не повредить своего птенца. Птенецъ, пошатываясь, плетется постепенно позади отца или, вѣрнѣе сказать, подъ нимъ, ни мало не поддаваемый зовомъ родителя. Сторожъ кормилъ этого птенца тѣмъ же самымъ кормомъ, который даютъ молодымъ фазанамъ, но кромѣ того часто бросалъ ему хлѣбныхъ крошекъ. По ночамъ отецъ заботливо прикрывалъ его своимъ тѣломъ.

Эму (*Dromaeus. Emus. Emueus.*), считающійся представителемъ особаго семейства (*Dromaeidae*), внѣшнимъ своимъ видомъ похожъ на страуса, только туловище его болѣе сжато и коренасто, шея короче и ноги ниже, отчего въ общемъ получается совершенно другое впечатлѣнiе. Клювъ у эму прямой, сильно сжатый съ боковъ, на спинкѣ съ яснымъ килемъ и скругленный на концѣ. Большия поздри, покрытыя кожей, открываются приблизительно на серединѣ клюва. Ноги очень сильныя, оперенныя до пяточнаго сустава и покрытыя внизу крѣпкими щитками; лапы трехпалыя; крайнiе пальцы одинаковой длины и всѣ три снабжены большими когтями. Крылья до того малы, что ихъ нельзя даже замѣтить, когда они прижаты къ тѣлу, оперенiе ихъ несколько не отличается отъ спин-

ного, такъ что о маховыхъ перьяхъ здѣсь и поминать нѣтъ; рулевые перья также отсутствуютъ. Опереніе покрываетъ почти все тѣло, оставляя обнаженными только стороны головы и горла. Всѣ отдѣльные перья отличаются значительною длиною и малою шириною, замѣчательною гибкостью и мягкостью створокъ. Перья не различаются по окраскѣ, развѣ только отчасти по величинѣ.

. Эму (*Dromaeus novae-hollandiae*, *inornatus*. *Casuarius novae-hollandiae*, *Dromajus novae-hollandiae ater*, *Dromiceus australis*, *emu*. *Emu*. *Emeu*) уступаетъ

Эму. *Dromaeus novae hollandiae*. $\frac{1}{17}$ наст. вел.

по величинѣ африканскому страусу, но превосходить въ этомъ отношеніи наиду. Высота его достигаетъ приблизительно 1,7 м.; охотникамъ приходилось убивать самцовъ въ 2 м. ростомъ. Окраска оперенія равномерная матово-бурая, на головѣ, посерединѣ шеи и спины темнѣе, на нижней сторонѣ свѣтлѣе. Глаза свѣтло-карие, клювъ темнаго рогового цвѣта, ноги свѣтло-буроватыя. Голыя части лица выглядятъ сѣро-голубоватыми.

Изъ отчетовъ прежнихъ путешественниковъ видно, что эму водился во множествѣ въ Вотапубей и Шортъ-Джаксонъ, а также по южному берегу Австраліи и на соседнихъ островахъ; вообще эта птица бросалась въ глаза всякому прѣзжающему въ Австралію, такъ какъ она показывалась вѣдь и каждому. Но уже

въ Тасманіи эму стали столь рѣдкими птицами, что каждый, желающій ихъ видѣть, долженъ по цѣлымъ мѣсяцамъ разыскивать ихъ и отправиться ради этого въ отдаленныя части. Такимъ образомъ они постепенно отѣснились отъ всего берега дальше и дальше внутрь страны, такъ что въ настоящее время во множествѣ встрѣчаются только на обширныхъ равнинахъ въ южной части Австраліи. Тѣмъ не менѣе каждый годъ на наши птичьи рынки привозится множество живыхъ эму и ихъ продаютъ за весьма незначительную цѣну. Впрочемъ нетрудно предвидѣть, что не за горами то время, когда этотъ видъ короткокрылыхъ станетъ столь же рѣдкимъ, какими сдѣлались въ настоящее время кенгуру. Гульдъ справедливо ратуетъ за то, чтобы каждая страна принимала извѣстныя мѣры защиты противъ преслѣдованія своихъ характерныхъ птицъ. По увѣренію «Старога бушмена» въ отдаленныхъ частяхъ Викторіи эму еще довольно многочисленны, но эти области отстоятъ такъ далеко отъ поселеній благаго человѣка, что въ нихъ забредеть развѣ только какой-нибудь одинокой пастухъ.

Здѣсь, гдѣ эму лишь изрѣдка приходилось сталкиваться со своимъ страшнѣйшимъ врагомъ—бѣлымъ человѣкомъ, онъ почти не проявляетъ робости и нерѣдко самъ заходитъ въ налатки этихъ предвѣстниковъ колонизаціи. Говорятъ, что эму держатся здѣсь небольшими обществами въ 3—5 штукъ, но никогда не составляютъ большого стада, и что привычки и нравы ихъ совершенно такіе-же, какъ у страусовъ. Но все-же я долженъ замѣтить, что тѣ, отъ которыхъ исходитъ это мнѣніе, врядъ-ли могли сравнивать между собою этихъ двухъ птицъ: насколько можно судить по плѣннымъ, страусъ и эму такъ существенно отличаются другъ отъ друга по манерѣ держаться и движеніямъ, что и привычки на свободѣ живущихъ птицъ, весьма понятно, должны различаться между собою. Кюрри замѣчаетъ, что эму провсеходный бѣгунъ, а потому даетъ случай къ такой-же великолѣпной травлѣ, какая устраивается въ Англій за зайцами, а иногда травля эму бываетъ даже еще интереснѣе. Куннингамъ пополняетъ это извѣстіе, описывая самую охоту, и говоритъ, что для нея употребляютъ собакъ, ходящихъ на кенгуру, но что онѣ не всегда гонятся за этими птицами, такъ какъ боятся ихъ страшныхъ ногъ. Колонисты увѣряютъ, что эму въ состояніи однимъ ударомъ своей сильной ноги переломить человѣку голень или убить хищника; поэтому хорошо выдрессированныя собаки бросаются на него спереди, схватываютъ за шею и валятъ на землю. Мясо эму сравниваютъ съ жесткимъ мясомъ рогатаго скота и хвалятъ его вкусъ, хотя оно немного сладковато; молодые-же эму, по единогласному увѣренію всѣхъ, отличаются замѣчательно вкуснымъ мясомъ. Для Лейхгардта и его сотоварищей эму часто составляли предметъ самой ревностной охоты. Эти храбрые путешественники нашли ихъ между заливомъ Карпентарія и Портъ-Эссингтономъ въ такомъ большомъ количествѣ, что на небольшомъ пространствѣ въ 8 англійскихъ миль ихъ скучились цѣлыя сотни отдѣльными группами по 3, 5 и 10 штукъ. Поимка эму была настоящимъ праздникомъ для жителей этой бѣдной пустыни. Лейхгардтъ замѣчаетъ, что туземцы, съ цѣлью убить эму, переламываютъ плѣвному крылья, такъ какъ полагаютъ, что они способствуютъ эму въ бѣгствѣ. Впрочемъ, немногія части убитой птицы идутъ въ употребленіе; для стола пользуют, главнымъ образомъ, окороками, которые такъ велики, что Куннингамъ увѣряетъ, будто эму никогда въ жизни не приходилось исполнить болѣе трудной работы, чѣмъ перетаскиваніе двухъ окороковъ эму на милое разстояніи. По словамъ «Старога бушмена» иногда эму бываетъ очень жиренъ; тогда его мясо жарятъ главнымъ образомъ для того, чтобы вытопить сало, которое, въ глазахъ охотника, служитъ великолѣпнымъ средствомъ противъ всякихъ

АФРИКАНСКИЙ СТРАУСЪ.

болѣзней, въ особенности противъ припадковъ подагры. Лейхгардтъ подмѣтилъ у туземцевъ странный обычай: ихъ молодые люди и мальчишки не смѣютъ ѣсть мясо эму.

Относительно размноженія эму, живущихъ на свободѣ, мы имѣемъ мало свѣдѣній. Гульдъ говоритъ, что самка кладетъ 6—7 красивыхъ темно-зеленыхъ, зернистыхъ яицъ въ углубленіе, вырытое ею въ землѣ, всего чаще въ песчаномъ мѣстѣ, что обѣ птицы держатся постоянно вмѣстѣ, и что самецъ принимаетъ дѣятельное участіе въ высиживаніи. Беннетъ сообщаетъ, что гнѣздо выкапывается на поросшихъ кустарникомъ холмахъ и содержитъ всегда нечетное число яицъ, какъ-то: 9, 11 или 13 штукъ. О плѣвныхъ эму имѣются болѣе подробныя свѣдѣнія. Эму легче всякаго другого короткокрылаго размножается въ неволѣ. Уже та пара, которую Беннетъ въ 1830 году наблюдалъ въ Лондонскомъ зоологическомъ саду, вывела птенцовъ; съ тѣхъ-же поръ не только въ этомъ, но и во многихъ другихъ зоологическихъ садахъ удачно получался приплодъ. Въ Германіи Бодинусъ ежегодно разводилъ эму и всегда съ болѣе или менѣе благоприятными результатами. Насиживаетъ только самецъ и притомъ съ такимъ рѣдкимъ усердіемъ, что даже во все время, т. е. въ теченіи 58 дней, не принимаетъ пищи, но крайней мѣрѣ, его ни разу не заставляли за ѣдой. Основная окраска оперенія птенцовъ чисто сѣровато-бѣлая; по спинѣ пробѣгаютъ двѣ широкія, темныя долевыя полосы, по бокамъ тоже двѣ такихъ-же полосы, которыя раздѣляются между собою узкою бѣлою чертою. Эти полосы соединяются на шеѣ и кончаются на головѣ неправильными пятнами; двѣ другія прерывающіяся полосы украшаютъ переднюю часть шеи и грудь и заканчиваются широкою полосой, которая проходить по бедрамъ. Въ Берлинскомъ зоологическомъ саду самка не только не заботилась о птенцахъ, но даже проявляла по отношенію ихъ такую неприязнь, что ее вынуждены были отдѣлить отъ дѣтенышей. Зато самецъ съ трогательнымъ самоотверженіемъ несетъ на себѣ всѣ материнскія заботы, при всякомъ необходимомъ случаѣ храбро наноситъ жестокіе удары своими хорошо вооруженными ногами и, пока птенцы нуждаются въ его помощи, проявляетъ вообще самое сильное возбужденіе. Птенцы вырастаютъ очень быстро и уже съ ранней юности чувствуютъ отвращеніе къ затворнической жизни въ четырехъ стѣнахъ; вначалѣ они держатся подъ крыльями отца, потомъ подлѣ него, ѣдятъ съ жадностью уже со втораго дня своей жизни и развиваются тѣмъ лучше, чѣмъ дольше пользуются покровительствомъ отца. По истеченіи трехъ мѣсяцевъ они вырастаютъ до половины своего настоящаго роста, а въ два года достигаютъ полнаго развитія.

Изъ всѣхъ короткокрылыхъ эму всего легче могъ бы ужиться у насъ и, при желаніи, сдѣлаться домашнею птицею, въ родѣ фазана. Во многихъ зоологическихъ садахъ за ними ухаживаютъ больше того, чѣмъ требуется. Зимую эму необходимо только защищенное отъ вѣтра помѣщеніе, но не теплый сарай, какой обыкновенно отводятъ ему. Самецъ эму, содержавшійся у Гюрнея, въ продолженіи всей зимы оставался въ саду и, повидимому, нисколько не тяготился морозами: онъ преспокойно оставался лежать на землѣ даже когда его засыпалъ снѣгъ. Кормленіе ихъ не представляетъ никакихъ затрудненій, такъ какъ это самое неприхотливое изъ всѣхъ извѣстныхъ мѣ животныхъ. Пищу свою онъ извлекаетъ главнымъ образомъ изъ растительнаго міра, хотя не пренебрегаетъ и животными веществами и даже способенъ довольствоваться простѣйшимъ зерновымъ кормомъ и всякою зеленью. Въ Австраліи онъ питается, повидимому, исключительно плодами.

Изъ всѣхъ короткокрылыхъ эму—самый скучный. Его движенія, поведеніе, характеръ и привычки гораздо однообразнѣе, чѣмъ у всѣхъ его другихъ роди-

чей, да и голосъ его не изъ привлекательныхъ: его можно сравнить съ глухимъ шумомъ, который выходитъ изъ пустого боченка, когда, напримѣръ, дѣти, играя, вынуть втулку изъ боченка и дудять прямо въ отверстіе его. У самцовъ и самокъ голосъ различный, но эта разница столь незначительна, что надо имѣть самый тонкій слухъ или привычное къ этимъ звукамъ ухо, чтобы уловить ее. О сумашедшей гонимбѣ съ быстрыми, какъ молнія, поворотами и странными движеніями, которыя замѣчаются у настоящихъ страусовъ, здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Эму шашкомъ трусить по своей загородкѣ, издавая по временамъ свои глухіе звуки, медленно и покойно поводитъ головою изъ стороны въ сторону и идетъ дальше, повидимому не заботясь о внѣшнемъ мірѣ. Ни у какой извѣстной мнѣ до сихъ поръ птицы нѣтъ такого обманчиваго взгляда, какъ у эму съ его чудными, ясными глазами. Съ перваго взгляда на лицо эму, его можно счесть за умную птицу, но при дальнѣйшемъ всматриваніи это впечатлѣніе тотчасъ-же разсѣивается.

Отрядъ XIV

Страусовыя (Struthionithes).

Страусы представляютъ самое незначительное родство съ другими живущими въ настоящее время птицами и составляютъ всего только одинъ родъ (Struthio). **Обыкновенный страусъ**, **Нааме арабовъ**, **Анвиръ бегави** (Struthio camelus и australis, Strauss. Autruche commune) имѣютъ слѣдующіе отличительные признаки: очень сильное тѣло, длинную, въ большей своей части голую шею, маленькую плоскую голову, большіе блестящіе глаза, на верхнемъ вѣкъ замѣтны рѣсницы; уши голыя, открытыя, внутри обросшія волосами. Клювъ средней длины, прямой, округленный спереди, плоскій на концѣ, снабженный роговымъ когтемъ; обѣ половинки клюва гибкія, ротовая щель доходитъ до самыхъ глазъ; ноздри продолговатыя, открывающіяся приблизительно по срединѣ клюва. Ноги у страуса высокія, сильныя и голыя, покрытыя телько на бедрахъ нѣсколькими щетинами; плюсны въ крупныхъ чешуйкахъ, лапы двухпалыя, внутренній палецъ которыхъ вооруженъ большимъ широкимъ и тупымъ когтемъ. Крылья довольно большія, но все-же неспособныя для летанья, снабженныя двумя шпорами; маховыя перья у нихъ длинныя, рыхлыя, мягкія и висячія; хвостъ довольно длинный, состоящій изъ такихъ-же перьевъ. Опереніе всего тѣла довольно густое, мягкое и курчавое; на середкѣ груди остается обнаженною роговая мозоль. У самцовъ всѣ мелкія перья туловища угольно-чернаго цвѣта, длинныя крыловыя и хвостовыя перья — ослѣпительно бѣлаго; голыя части шеи ярко-красныя; бедра мясо-краснаго цвѣта. Глаза каріе; клювъ желто-рогового цвѣта. У самокъ мелкое опереніе буро-сѣрое и только на крыльяхъ и на хвостѣ черноватое; маховыя и рулевныя перья нечисто-бѣлаго цвѣта. Молодые, недоразвитые еще страусы, сбросивъ свой птенцовый покровъ, получаютъ опереніе такое-же, какъ у самокъ. Ростъ взрослога страуса-самца достигаетъ въ высоту приблизительно 2,5 м., въ длину, считая отъ кончика клюва до конца хвоста, по крайней мѣрѣ, 2 м. Вѣсъ—около 75 кг.

Отъ обыкновеннаго страуса **Сомалиевый страусъ**, **Горайо сомалиецевъ** (Struthio molybdophanes. Somalstrauss. Autruche somali), только недавно описанный Рейхеновымъ, отличается сѣро-голубой окраской всѣхъ голыхъ частей тѣла; только клювъ и роговыя чешуйки передней стороны плюсны выдѣляются своимъ яркимъ суриково-краснымъ цвѣтомъ. Сомалиевый страусъ, въ настоящее время нерѣдко доставляемый къ намъ въ живомъ видѣ, населяетъ область Сомали и западную Галлу до рѣки Джубы.

Страусъ часто упоминался у древнихъ. На древнеегипетскихъ стѣнныхъ изображеніяхъ онъ фигурируетъ въ качествѣ птицы, приносимой царямъ въ видѣ обязательной дани; перья его также играли роль подати и дара или служили украшеніемъ головъ различныхъ божествъ, военачальниковъ и предводителей. Царица Арсиноя, по словамъ Павзанія, изображалась вѣдущею на страусѣ; перья этой птицы служили символомъ правосудія. Ассиріяне считали страуса священной птицею и его перьями были украшены платья людей, изображенныхъ на старѣйшихъ зданіяхъ Нимрода. Геродотъ упоминаетъ, что одно племя ливійцевъ во время войны одѣвало на себя страусовыя шкуры, въ качествѣ предохранительнаго средства; Страбонъ говоритъ, что струтіофаги одѣвались въ страусовое опереніе, чтобы обмануть эту исполынскую птицу. Ксенофонтъ, Аристотель, Діодоръ Сицилійскій, Плиній, Эліанъ и другіе сообщаютъ о вѣшнемъ видѣ и нравахъ, привычкахъ и образѣ жизни страуса. Элій Лампридій рассказываетъ, что императоръ Геліогабалъ во время одного пира велѣлъ подать головы 600 страусовъ, чтобы угостить пирующихъ мозгомъ этой птицы. Юлій Капитолинъ сообщаетъ, что во время одной охоты императора Гордіана появилось 300 страусовъ, выкрашенныхъ въ красный цвѣтъ. Флавій Вопискъ говоритъ, что при такихъ же обстоятельствахъ императоръ Пробъ вывелъ въ циркъ 1000 штукъ страусовъ. Въ древнихъ китайскихъ произведеніяхъ упоминается о страусовыхъ яйцахъ, которыя были подарены китайскому императору. Въ Библии также не разъ говорится о страусѣ, который причисляется къ нечистымъ животнымъ, и о немъ говорится какъ о глупой птицѣ, живущей уединенно. Въ средніе вѣка страусовыя перья продавались вездѣ въ Европѣ и употреблялись какъ самыя драгоценныя украшенія мужской и женской одежды.

Мѣстожительство страуса находится въ степяхъ и пустыняхъ Африки и западной Азіи. Въ прежнія времена эти птицы несомнѣнно были гораздо многочисленнѣе, чѣмъ теперь, и населяли такія мѣстности, области и страны, въ которыхъ теперь совершенно вывелись, но страусы все-таки и прежде всегда были птицами пустыни или степей. Страусъ живетъ въ Сахарѣ и Ливійскихъ степяхъ, во многихъ степяхъ внутренней Африки и въ южныхъ равнинахъ ея, а также въ обширныхъ полосахъ земли западной Азіи. Вторженіе европейцевъ вытѣснило эту птицу изъ многихъ странъ Африки, гдѣ она прежде водилась въ изобиліи; несмотря на это, для страуса все таки осталась еще такая масса соотвѣтствующаго его потребностямъ мѣста, что отсутствіе его замѣчается развѣ только въ немногихъ странахъ. Область его мѣстожительства начинается на югѣ Алжира и простирается черезъ всю восточную половину Африки до самой Капской земли. Въ сѣверномъ Египтѣ, гдѣ Буркгардтъ встрѣчалъ его между Каиро и Суэцомъ, онъ въ настоящее время совсѣмъ вывелся; начиная со средняго Египта и далѣе на югъ онъ живетъ и по сейчасъ въ значительномъ количествѣ, хотя многочисленъ только въ степяхъ, т. е. въ областяхъ, лежащихъ на югъ отъ пустыннаго пояса. Гартманъ замѣчаетъ, что въ степяхъ Баюды, гдѣ Гемприхъ и Эренбергъ охотились на страусовъ въ 1823 г., теперь ихъ вовсе не встрѣчается; но я рѣшительно опровергаю эти сообщенія, потому что какъ разъ въ Баюдѣ очень часто находилъ страусовыя слѣды. Мои наблюденія вполне согласуются въ этомъ отношеніи съ указаніями Гейглина, который совершенно вѣрно замѣчаетъ, что страусъ встрѣчается еще въ пустыняхъ и степяхъ между Ниломъ и Краснымъ моремъ и очень часто—въ настоящихъ степяхъ, начиная съ Самхары черезъ всю Нильскую область и далѣе на западъ. На юго-востокѣ отъ Нильской области онъ избѣгаетъ только горныхъ мѣстностей, на примѣръ—его вовсе нѣтъ въ Абиссиніи, тогда какъ во всѣхъ равнинахъ и даже на плоскихъ возвышенностяхъ онъ такъ же правильно встрѣчается, какъ и въ степяхъ. Въ

южной части Сахары онъ вездѣ многочисленъ, и отсюда область его распространения тянется почти безъ перерыва до самаго юга Африки. Здѣсь его встрѣчали всѣ путешественники, которые проникали въ глубь страны, проѣзжая черезъ сухія, песчаныя, пустынные области. Его нѣтъ только въ экваторіальныхъ странахъ западной Африки, а также, насколько до сихъ поръ извѣстно, въ Конго. Въ Азіи область его распространения въ прежнія времена была гораздо обширнѣе, чѣмъ теперь; но все-таки и въ настоящее время, какъ утверждаетъ Гартлаубъ—внимательный и ученый изслѣдователь, — его можно здѣсь встрѣтить въ пустыняхъ Евфрата, въ особенности въ Бассидѣ и Декенѣ, во всѣхъ подходящихъ мѣстностяхъ Аравіи и наконецъ въ нѣкоторыхъ частяхъ южной Персіи. Вамбери слышалъ, что его находили даже иногда по нижнему теченію Аму-Дарьи около Кунграда, гдѣ онъ былъ извѣстенъ подъ названіемъ птицы-верблюда или «сундучной птицы».

Само собою разумѣется, что песчаныя пространства пустынь, гдѣ не прозябаютъ никакого растенія, не могутъ питать страуса; онъ встрѣчается только въ тѣхъ низменностяхъ пустынного пояса, въ которыхъ растутъ хоть какія-нибудь скудные растенія. Впрочемъ, какъ совершенно правильно удостовѣряетъ Гейглинъ, слѣды этой птицы верѣдко можно встрѣтить и на совершенно голыхъ пространствахъ, такъ какъ страусъ, переходя изъ одной низменности въ другую, пересѣкаетъ такія мѣста. Въ южной Африкѣ подобныя путешествія происходятъ правильнѣе, чѣмъ въ сѣверной, по крайней мѣрѣ всѣ путешественники, которые имѣли случай дѣлать подобныя наблюденія, удостовѣряютъ временное появленіе и исчезновеніе страусовъ въ извѣстной области. Наступающая засуха принуждаетъ страусовъ покидать равнины и уходить въ другія, зачастую очень отдаленныя мѣстности, переселяться даже на избѣгаемыя ими высоты; ихъ необыкновенная подвижность даетъ имъ полную возможность легко совершать подобныя далекія переселенія. Даже въ богатыхъ растительностью степяхъ, гдѣ безконечныя травяныя пространства перемежающіяся съ низинами, поросшими кустарникомъ, во всякое время года доставляютъ обильную пищу, страусы, не будучи правильно странствующими птицами, ведутъ все-таки кочевую жизнь и, если только гнѣздованіе не приковываетъ ихъ къ извѣстному мѣсту, бродятъ изъ одного края въ другой, не стѣсняясь границами своихъ участковъ.

Нѣкоторые путешественники, въ томъ числѣ и Лихтенштейнъ, говорятъ о значительныхъ страусовыхъ стадахъ, которыя они встрѣчали на своемъ пути; Гейглинъ сообщаетъ, что осенью 1854 г. онъ столкнулся со стадомъ страусовъ въ 50—60 штукъ, большая часть которыхъ состояла изъ молодыхъ птицъ. Общихъ заключеній, впрочемъ, изъ этого вывести нельзя, а скорѣе можно признать это явленіе за исключительное. Обыкновенно страусъ живетъ какъ въ южной, такъ и въ сѣверной части Африки маленькими обществами въ 5—6 штукъ или даже семьями, въ которыхъ вообще больше самокъ, чѣмъ самцовъ. Такая семья занимаетъ довольно обширное пастбище и держится на немъ съ извѣстнымъ постоянствомъ. Первое условіе, которому должно удовлетворять подобное мѣсто, это—присутствіе воды. Тамъ, гдѣ такія водныя мѣста находятся въ пустыняхъ, постоянно натапливаешься, если не на самихъ страусовъ, то на несомнѣнные признаки ихъ присутствія,—на ихъ слѣды, которыхъ нельзя смѣшать съ чьими бы то ни было другими слѣдами. Лихтенштейнъ наблюдалъ, что страусы ходятъ на водопой постоянно одною и тою же дорогою, такъ что вытаптываютъ настоящія тропинки, которыя въ необитаемыхъ мѣстностяхъ часто приводятъ въ заблужденіе, заставляя предполагать о прохожденіи здѣсь людей. Тамъ, гдѣ переходы между временами года не такъ рѣзки, а потому и вліяніе ихъ на растительный міръ не столь велико,

чтобы страусы вынуждены были изъ за этого перекочевывать, они, по всей вѣроятности, изъ году въ годъ держатся разъ избранной мѣстности и рѣдко удаляются за границы ея.

Ежедневная жизнь страуса протекаетъ довольно правильно. Въ утренніе и полуденные часы всѣ члены одного общества заняты пастыбою. Спокойно расхаживая каждый отдѣльно, они блуждаютъ по своему району, переходя отъ одного съѣдобнаго растенія къ другому. Къ полудню желудокъ ихъ наполняется и они предаются отдыху въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, то стоя на ногахъ, то лежа на брюхѣ, или бодро и неутомимо бѣгаютъ кругомъ; иногда они кружатся въ какомъ-то сумашедшемъ танцѣ, причемъ приподнимаютъ крылья и трепещутъ ими, какъ будто собираются взлетѣть на воздухъ. Удручающая жара, повидимому, ни мало не отягощаетъ ихъ, раскаленный песокъ также не беспокоитъ ихъ. Потомъ они отправляются на водопой, иногда даже, какъ наблюдалъ Гейгливъ, купаются, причемъ плывутъ въ бродъ по песчаной отмели и затѣмъ, зачастую на значительномъ разстояніи отъ берега, погружаются въ воду по шею и въ такомъ видѣ долго стоятъ въ водѣ. Въ послѣполуденные часы они опять пасутся, а къ вечеру подыскиваютъ себѣ подходящее мѣстечко для ночлега, ложатся съ подогнутыми ногами на брюхо и спятъ, продолжая держать ухо на сторожѣ. Передъ непогодой они обыкновенно ложатся на землю, вообще-же предпочитаютъ находиться въ движеніи, нежели въ покоѣ.

Сильныя и ловкія ноги, если и не вполне замѣняютъ страусу крылья другихъ птицъ, однако дѣлаютъ его такимъ подвижнымъ, что приходишь просто въ изумленіе. Во время моего путешествія по Баюдѣ, я проѣзжалъ по одной песчаной мѣстности, гдѣ по всѣмъ направленіямъ перекрещивались страусовыя слѣды. По нимъ ясно можно было видѣть, когда птицы шли мѣрнымъ шагомъ и когда бѣжали рысью. Въ первомъ случаѣ слѣды имѣли между собою разстояніе въ 1—1,5 м., въ послѣднемъ—2—3 м. Андерсонъ увѣряетъ, что страусъ, во время преслѣдованія и притомъ на небольшомъ разстояніи, можетъ пробѣгать англійскую милю въ полминуты, такъ какъ его ноги едва касаются земли и каждый шагъ подвигаетъ его нерѣдко на 4—4,5 м. впередъ. Эти свѣдѣнія, конечно, преувеличены, хотя не подлежатъ сомнѣнію, что страусъ по крайней мѣрѣ въ прохладную погоду и на короткое время, способенъ соперничать въ быстротѣ съ скаковою лошадыю, и даже обогнать ее, подтверждая такимъ образомъ слова Библии: «Яко сокры Богъ ей премудрость, и не удѣли ей въ разумѣ. Во время же на высоту вознесеть, посмѣется коню и сѣдящему на немъ». (Говъ. 39. ст. 17, 18). При очень быстромъ бѣгѣ страусъ распускаетъ крылья, можетъ быть не столько для равновѣсія, сколько вслѣдствіе возбужденія, которое овладѣваетъ имъ въ этомъ случаѣ и которое онъ вообще выражаетъ подобнымъ способомъ.

Изъ всѣхъ чувствъ страуса самое развитое несомнѣнно зрѣніе. Глаза его положительно красивы и сила зрѣнія поразительно громадная. Всѣ наблюдатели соглашаются въ томъ, что всѣ поступки этой птицы свидѣтельствуютъ объ ея прекрасномъ зрѣніи, которое охватываетъ цѣлыя мили пространства ея пустынного мѣстожительства. Послѣ зрѣнія всего больше развиты слухъ и обоняніе, осязаніе-же и вкусъ чрезвычайно тупы, по крайней мѣрѣ судя по поведенію птицы. Объ умственныхъ способностяхъ страуса существуютъ различныя сужденія; нѣкоторые изслѣдователи соглашаются съ Библией, гдѣ говорится, что Богъ отнялъ у этой птицы мудрость и не надѣлялъ ее никакимъ разумомъ; другіе-же прославляютъ ея умъ, въ особенности-же ея осторожность и робость. Я въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ имѣлъ дѣло со страусами и долженъ подтвердить библейское сужденіе. По

моему мнѣнію, страусъ принадлежитъ къ самымъ глупымъ и тупоумнымъ птицамъ, какія только существуютъ на этомъ свѣтѣ. Трусовъ его не подлежитъ никакому сомнѣнію: онъ поспѣшно удираетъ отъ всякаго непривычнаго явленія, но врядь-ли способенъ оцѣнивать опасность по ея настоящему значенію, потому-что приходитъ въ тревогу даже при видѣ совершенно безвредныхъ для него животныхъ. Что онъ живетъ иногда среди стада умныхъ зебръ и, повидимому, пользуется ихъ осторожностью, это еще не доказываетъ его умъ, потому-что не онъ присоединяется къ зебрамъ, а, обратно, зебры къ нему, извлекая возможную пользу изъ этой птицы, самой природой призванной на сторожевую должность вслѣдствіе своего большого роста. Поведеніе плѣнныхъ страусовъ также даетъ возможность судить объ ихъ ограниченномъ умѣ. Положимъ, что они привыкаютъ къ своему воспитателю и еще больше къ извѣстной мѣстности, но не обучаются рѣшительно ничему и слѣпо слѣдуютъ всякому минутному возбужденію своего слабого мозга. Заслуженное наказаніе пугаетъ ихъ только на одну минуту, но не исправляетъ: черезъ нѣсколько минутъ они снова готовы повторить то же самое, за что только-что были наказаны. Къ другимъ животнымъ они относятся обыкновенно равнодушно; но въ пору размноженія или вообще въ раздраженномъ состояніи они стараются сорвать свою злость на комъ-попало и ужаснѣйшимъ образомъ обижаютъ свою жертву безъ всякой причины и повода. Одинъ ручной страусъ—самецъ, жившій у насъ и не успѣвшій еще привыкнутьъ къ самкѣ, опасно ранилъ ее своими острыми когтями. Онъ билъ ногою постоянно впередъ и притомъ съ такою силою и увѣренностью, что каждый разъ наносилъ страшную рану бѣдной самкѣ. Намъ онъ боялся не больше, чѣмъ животныхъ, и когда находился въ раздраженіи, то намъ нечего было и думать показываться на обитаемомъ имъ дворѣ безъ здороваго кнута въ рукахъ. Намъ никогда не случилось замѣтить, чтобы онъ отличалъ насъ отъ чужихъ, хотя я вовсе не хочу этимъ сказать, чтобы онъ былъ неспособенъ мало-по-малу привыкнутьъ къ извѣстной личности. Я охотно соглашаюсь съ Гейглиномъ, который говоритъ, что все его существо носить на себѣ отпечатокъ какой-то суетливости, хотя по временамъ онъ способенъ по-долгу стоять на одномъ мѣстѣ и въ раздумьи мечтательно смотрѣть вдаль. Насколько простираются мои наблюденія надъ плѣнными страусами, я долженъ, впрочемъ, рѣшительно не согласиться съ мнѣніемъ Гейглина, который утверждаетъ, что у страуса нравъ добродушный.

Главную, хотя вовсе не исключительную пищу страуса составляютъ растительныя вещества. На свободѣ онъ пасется подобно индюку, такъ какъ онъ щиплетъ траву и зелень и подбираетъ съ земли зерна, насѣкомыхъ и маленькихъ позвоночныхъ; въ неволѣ онъ проглатываетъ рѣшительно все, что можетъ подхватить. Онъ обладаетъ, повидимому, неудержимою потребностью схватывать все, что не прищипо или не прибито гвоздемъ, по возможности забирать это и отправлять къ себѣ въ желудокъ. Брошенный ему кирпичъ, цвѣтные черенки, камень или другіе несъѣдобные предметы тотчасъ-же привлекаютъ его вниманіе и проглатываются такъ-же исправно, какъ будто это были куски хлѣба. Что страусы способны вести себя до смерти, поѣдая негашенную известь, это вполне согласуется съ моими личными наблюденіями. Когда я въ Хартумѣ что-нибудь терялъ, что было не слишкомъ объемисто для страусоваго горла и не слишкомъ слабо для его крѣпкаго желудка, то прежде всего мы искали потерянное въ страусовомъ помѣтѣ и очень часто не безъ успѣха. Такъ напримѣръ, довольно объемистая связка моихъ ключей совершала, если я не ошибаюсь, нѣсколько разъ такую экскурсію въ желудокъ страуса. Бертоуъ, при вскрытіи одного страуса, нашелъ въ желудкѣ

его различные предметы въсомъ въ 4,228 kgr.; песку, пакли и тряпокъ было 3,5 kgr., затѣмъ 3 куска желѣза, 9 англійскихъ монетъ, 1 мѣдный шарниръ, 2 желѣзныхъ ключа, 17 мѣдныхъ и 20 желѣзныхъ гвоздей, свинцовыя пульки, пуговицы, бубенчики, кремень и проч. Мелкихъ позвоночныхъ страусъ ѣсть охотно. Мои хартумскіе плѣнники съѣли нѣсколько цыплятъ, неосторожно приблизившихся къ нимъ; Метюэнъ наблюдалъ то же самое. «Одна утка вывела совершенно здоровую большую семью утятъ, которыхъ съ материнскою гордостью водила за собою по птичьему двору. Здѣсь они встрѣтились съ страусомъ, который важно расхаживалъ по двору, а затѣмъ, одного за другимъ, быстро проглотилъ всѣхъ утятъ, какъ будто это были устрицы». Гейглинъ не безъ основанія причисляетъ всѣхъ пресмыкающихся, молодыхъ птицъ и степныхъ крысъ къ обычному корму страусовъ.

Прожорливымъ страуса все-таки считать нельзя, такъ какъ количество пищи, поглощаемой имъ, вовсе нельзя назвать несоразмѣрнымъ относительно его величины. За умѣренность его говорить уже самое мѣсто его жительства, которое находится въ такихъ бѣдныхъ питательными веществами странахъ, что зачастую удивляешься, какъ такая большая птица можетъ существовать тамъ. Способъ его ѣды указываетъ на жадность, но на самомъ дѣлѣ страуса нельзя назвать таковымъ; зато воды онъ поглощаетъ ежедневно громадное количество. Не подлежитъ сомнѣнію, что страусъ, подобно верблюду, можетъ пробыть нѣсколько дней и безъ воды; но обыкновенно, если къ тому не встрѣчается серьезныхъ препятствій, онъ ежедневно ходитъ на водопой къ источникамъ или просто лужамъ и, мучимый жаждою, пьетъ съ такой жадностью, что даже забываетъ присущую ему робость. «Когда страусы пьютъ у источника», говоритъ Андерсонъ, «они какъ будто ничего не видятъ и не слышатъ. Во время нашего пребыванія у такого источника, гдѣ я въ короткое время убилъ 8 штукъ этихъ великолѣпныхъ птицъ, онѣ регулярно появлялись тамъ каждый полдень, и хотя я не могъ подкрасться къ нимъ незамѣченнымъ, онѣ все-таки подпускали меня на выстрѣлъ и отступали неторопливо шагъ за шагомъ». То же самое рассказывали мнѣ арабы, и, по моимъ наблюденіямъ надъ плѣнными, этотъ рассказъ можно считать правдоподобнымъ. Стоятъ ли въ соотвѣтствіи съ этимъ громаднымъ количествомъ поглощаемой воды способность страуса выдѣлять жидкую мочу, чего не дѣлаетъ никакая другая птица, этого я не могу рѣшить.

Съ размноженіемъ страусовъ мы познакомились только по наблюденіямъ, сдѣланнымъ надъ плѣнными птицами. Въ прежнихъ сообщеніяхъ къ истинѣ постоянно подмѣшивался вымыселъ. Шпаррманъ былъ первымъ натуралистомъ, который далъ правдоподобное описаніе размноженія страуса на основаніи собственныхъ наблюденій; но рассказы туземцевъ и его вводили иногда въ заблужденіе. «Сегодня», рассказываетъ онъ, «мы спугнули одного страуса-самца съ его гнѣзда, находившагося среди открытаго поля и состоявшаго просто изъ голой земли, на которой и лежали вразсыпную яйца. Такимъ образомъ страусъ не представляетъ одному солнцу выводить его птенцовъ, а самъ сидитъ на яйцахъ, по крайней мѣрѣ такъ онъ поступаетъ въ этой части Африки. Изъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ можно заключить, что самецъ и самка насиживаютъ по очереди. Настоящее количество яицъ, составляющихъ обычную кладку страуса, я не берусь опредѣлить съ точностью. Въ этотъ разъ мы нашли всего 11 штукъ яицъ; всѣ они были свѣжи и количество ихъ, по всей вѣроятности, умножилось-бы, такъ какъ въ другой разъ мои готтентоты опять согнали страуса и нашли у него въ гнѣздѣ 14 яицъ, изъ которыхъ большую часть принесли мнѣ, прочія-же оставили, счи-

тая ихъ уже несвѣжими. Такимъ образомъ можно предположить, что страусъ кладетъ 16, 18, даже 20 яицъ».

Лихтенштейнъ подробнѣе описываетъ размноженіе страусовъ. Сообщивъ предварительно, что въ птенцовую пору живутъ вмѣстѣ никакъ не больше 4—5 страусовъ, т. е. при одномъ самцѣ 3—4 самки, онъ продолжаетъ дальше: «Всѣ самки кладутъ яйца въ одно и то-же гнѣздо, которое представляетъ собою ничто иное, какъ простое круглое углубленіе въ нѣсколько разрыхленной глинистой почвѣ, какъ разъ такихъ размѣровъ, что при высиживаніи птица совершенно покрываетъ его своимъ тѣломъ. Вокругъ всего гнѣзда они выкапываютъ ногами нѣчто вродѣ вала, къ которому и прислоняются яйца, располагаясь такимъ образомъ въ видѣ круга. Каждое яйцо стоитъ въ гнѣздѣ на кончикѣ для того, чтобы ихъ помѣстилось тамъ возможно большее количество. Какъ только въ гнѣздѣ накопится 10—12 яицъ, страусъ начинаетъ насиживать попеременно съ самками: днемъ самки смѣняютъ другъ друга, а ночью насиживаетъ одинъ самецъ, чтобы защищать гнѣздо отъ нападенія шакаловъ и дикихъ кошекъ, которыя жадно охотятся за страусовыми яйцами. Между тѣмъ самки продолжаютъ нести яйца во время насиживания, и не только до тѣхъ поръ, пока гнѣздо наполнится, т. е. когда тамъ будетъ лежать 30 яицъ, но даже и дольше. Эти послѣ снесенныя яйца лежатъ вокругъ гнѣзда уже въ безпорядкѣ и, повидимому, самой природой назначены для удовлетворенія хищнаго аппетита упомянутыхъ враговъ, такъ какъ страусы охотнѣе уступаютъ эти свѣжія яйца, чѣмъ уже насиженныя. Помимо того, эти яйца имѣютъ еще другое важное назначеніе, такъ какъ они служатъ первою пищею молодыхъ страусовъ, которые, по вылупленіи, имѣютъ уже величину обыкновеннаго пѣтуха, но тѣмъ не менѣе не способны еще своимъ нѣжнымъ желудкомъ переваривать твердый кормъ. Родители сами раздавливаютъ для нихъ одно яйцо за другимъ и въ короткое время птенцы такъ успѣшно развиваются на этомъ питательномъ кормѣ, что вскорѣ сами становятся въ состояніи добывать себѣ пищу на поляхъ. Страусы прилагаютъ особенныя старанія, чтобы скрыть то мѣсто, гдѣ находится гнѣздо. Они никогда не бѣгутъ прямо къ нему, а колесятъ сначала вокругъ да около. Кромѣ того при высиживаніи самки никогда не смѣняютъ другъ друга непосредственно, а предварительно обѣ удаляются съ того мѣста, гдѣ находится гнѣздо, чтобы не подстергли ихъ тамъ, или же смѣняются такъ быстро, что случайный наблюдатель никогда не можетъ застать тамъ обѣихъ вмѣстѣ. Днемъ они совсѣмъ покидаютъ гнѣздо и предоставляютъ солнцу дальнѣйшее высиживаніе. Какъ только они замѣтятъ, что гнѣздо ихъ открыто, что тамъ побывалъ человекъ или какое-нибудь хищное животное и трогалъ яйца или даже унесъ нѣсколько штукъ, они тотчасъ-же сами разоряютъ гнѣздо, растаптываютъ всѣ яйца и устраиваютъ новое гнѣздо въ другомъ мѣстѣ. Поэтому, если гнѣздо находятъ колонисты, то они довольствуются только однимъ или парю яицъ изъ тѣхъ, которыя лежатъ около гнѣзда и еще не насижены, заматаютъ слѣды своихъ ногъ и такимъ образомъ обращаютъ подобное гнѣздо въ настоящую кладовую весьма пріятныхъ питательныхъ продуктовъ, откуда каждые 2—3 дня берутъ провізій столько, сколько требуется для дома. Въ зимніе мѣсяца (іюль, августъ, сентябрь) всего чаще можно найти страусовыя гнѣзда; но въ это же время почти никуда не годятся чудныя перья этой птицы, которыя при высиживаніи касаются земли и портятся. Впрочемъ, я находилъ страусовыя гнѣзда и насиженныя яйца во всѣ времена года».

Разсказъ этотъ, основанный частью на собственныхъ наблюденіяхъ, преимущественно же на разсказахъ южно-африканскихъ жителей, не только встрѣчается

въ большей части книгъ о путешествіяхъ, но введенъ даже во всѣ естественныя исторіи, хотя, какъ теперь убѣдился, въ немъ есть много ложныхъ свѣдѣній. Точно также совершенно ложны указанія Гартмана на то, что самка несетъ два раза въ году, по 12—20 и даже по 30 яицъ каждый разъ.

Если разобрать какъ слѣдуетъ сущность этихъ сообщеній, то окажется, что въ одно гнѣздо кладутъ яйца нѣсколько самокъ, но что высидываетъ ихъ самецъ, а не самки, которыя лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ предаются этому занятію. Смотря по мѣстности, пора размноженія наступаетъ то немного раньше, то позже, но всегда и повсюду вскорѣ по наступленіи весны, когда для молодого выводка уже готовы обильныя пастбища. Самецъ ухаживаетъ за самкой съ приподнятыми и трепещущими крыльями, дѣлая разнообразныя прыжки и фигуры, о чемъ еще будемъ говорить дальше подробнѣе, и затѣмъ топчетъ ее въ сидячемъ положеніи. Послѣ изряднаго промежутка времени самка кладетъ свое первое яйцо, а затѣмъ кладка идетъ правильно съ промежутками въ два дня, пока совершенно не закончится. Тогда начинается насиживание, которое производится большею частью самцомъ; онъ вообще не допускаетъ самокъ до яицъ или, если и разрѣшаетъ имъ насиживать, то лишь на время, пока самъ удаляется для снискиванія себѣ необходимаго пропитанія. Въ прохладныхъ мѣстностяхъ яйца насиживаются какъ днемъ, такъ и ночью, въ жаркихъ же краяхъ страусы безъ всякаго ущерба оставляютъ гнѣздо днемъ на цѣлые часы, прикрывая его въ такихъ случаяхъ пескомъ. Послѣднія свѣдѣнія заимствованы мною отъ бедуиновъ; впрочемъ, Тристрамъ подтверждаетъ ихъ личными наблюденіями. «Однажды, и только всего одинъ разъ», говорятъ Тристрамъ, «мнѣ посчастливилось найти страусовое гнѣздо. При помощи нашихъ биноклей мы замѣтили двухъ птицъ, которыя долгое время стояли на одномъ мѣстѣ; это побудило насъ отправиться туда. Найдя ихъ слѣды, отыскать которые было не такъ-то легко, мы подошли къ тому мѣсту, гдѣ видѣли стоявшихъ страусовъ, и замѣтили, что песокъ тамъ утопанъ. Двое арабовъ принялись раскапывать песокъ руками и вырыли оттуда вскорѣ 4 свѣжихъ яйца, которыя лежали на глубинѣ приблизительно 60 см».

Страусовыя яйца бываютъ различной величины, но очевидно они во всякомъ случаѣ крупнѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ птицъ. Долевой ихъ размѣръ колеблется между 140—155 мм. поперечный въ наиболѣе широкомъ мѣстѣ, — между 110 и 127 мм. Яйца плѣнныхъ страусовъ, которыя обыкновенно и поступаютъ въ продажу, гораздо мельче. Форма страусовыхъ яицъ красная овальная съ почти одинаковымъ закругленіемъ на обѣихъ концахъ; блестящая скорлупа очень твердая и толстая; цвѣтъ ея желтовато-бѣлый съ свѣтло-палевымъ мраморнымъ узоромъ. Вѣсъ яйца, по измѣренію Гарди, достигаетъ среднимъ числомъ 1442 гр., т. е. равенъ вѣсу 24 куриныхъ яицъ. Желтокъ очень вкусный, хотя все-таки не такой пріятный, какъ у курянаго яйца. Тѣ яйца, которыя кладутся около гнѣзда, врядъ-ли имѣютъ значеніе, приписываемое имъ Лихтенштейномъ; они просто кладутся здѣсь самками въ то время, когда самецъ уже насиживаетъ прежде снесенныя. Весьма понятно, что въ народѣ могъ сложиться такой взглядъ на назначеніе этихъ яицъ, но трудно понять, какъ могъ придать серьезное значеніе этому повѣрью натуралистъ, обязанный во всякомъ случаѣ имѣть точныя свѣдѣнія о первой птицѣ молодыхъ цыплятъ. Высидиваніе продолжается 45—52 дня, послѣ чего вылупляются птенцы, которые, едва успѣвъ обсохнуть, тотчасъ же покидаютъ гнѣздо и отправляются на пастбище. О птенцахъ я могу говорить по собственнымъ наблюденіямъ, такъ какъ однажды я имѣлъ одновременно цѣлый десятокъ молоденькихъ страусовъ, ухаживалъ за ними и изучалъ ихъ. По увѣренію суданцевъ, принес-

шихъ ихъ мѣ, всѣ они были однодневнаго возраста; по крайней мѣрѣ эти люди увѣряли, что птенцовъ старше одного дня положительно невозможно поймать. Это премилыя существа, несмотря на то, что выглядятъ очень странными, будучи похожи скорѣе на ежей, чѣмъ на птицъ. Одѣяніе ихъ состоитъ не изъ перьевъ, а, какъ у ежей, изъ упругихъ роговыхъ образований, которыя безпорядочно торчатъ на тѣлѣ по всѣмъ направленіямъ. По словамъ Гейглина, давшаго подробное описаніе молодыхъ страусовъ, темя у нихъ яркаго ржаво-краснаго цвѣта съ нѣсколькими черными тигровыми пятнами, шея грязно-бѣлая, впадающая въ чалый цвѣтъ; щеки, ушная область и подбородокъ чисто-бѣлыя; стороны шеи украшены бурочерноватыми продольными пятнами, затылокъ-же и задняя часть шеи — тремя отчетливыми долевыми полосами такого же цвѣта; грудь чало-бѣловатая, брюхо грязно-бѣлое; спина по бѣлому фону усажена слегка курчавыми, свѣтло-соломенно-желтыми и блестяще-черными щетинками ланцетовидной формы съ приплюснутыми кончиками. Поведеніе ихъ такое же, какъ у молодыхъ дрохвъ или куръ. Тотчасъ-же по вылупленіи они съ такою же ловкостью и проворствомъ выбѣгаютъ съ гнѣзда, какъ и тѣ, и скоро привыкаютъ добывать себѣ пищу. Когда мои маленькіе пльвники достигли 14-ти дневнаго возраста, они стали держаться такъ самостоятельно, что почти уже не нуждались въ руководствѣ родителей. Тѣмъ не менѣе намъ извѣстно, что родители, или по крайней мѣрѣ отецъ, заботливо за ними ухаживаютъ.

Еще во время насиживанія страусъ проявляетъ горячую любовь къ яйцамъ, храбро выступаетъ даже противъ относительно сильныхъ враговъ и прибѣгаетъ ко всевозможнымъ искуснымъ уловкамъ, чтобы прогнать какого-нибудь непрошеннаго гостя, опаснаго ему по силѣ. Андерсонъ рассказываетъ о встрѣчѣ съ одною страусовою семьею во время охоты на нихъ. «Какъ только старыя птицы замѣтили наше намѣреніе, онѣ пустились въ поспѣшное бѣгство, самки впереди, затѣмъ птенцы и наконецъ самецъ, который замыкалъ бѣгство на нѣкоторомъ разстояніи отъ остальныхъ. Было, право, что-то трогательное въ тѣхъ заботахъ, которыя родители проявляли по отношенію своихъ птенцовъ. Замѣтивъ, что мы все приближаемся къ нимъ, самецъ вдругъ отсталъ отъ другихъ и перемѣнилъ направленіе; но такъ какъ мы не оставляли своего намѣренія, то онъ опять ускорилъ свой бѣгъ, свѣсивъ крылья такъ, что они касались земли, и сталъ колесить вокругъ насъ, описывая сначала широкіе, а потомъ все болѣе и болѣе узкіе круги до тѣхъ поръ, пока не приблизился къ намъ на пистолетный выстрѣлъ. Затѣмъ онъ неожиданно бросился на землю, подражая пріемамъ тяжело раненой птицы, и притворился, какъ будто употребляетъ всѣ силы, чтобы снова подняться на ноги. Такъ какъ я уже стрѣлялъ въ него, то думалъ, что онъ дѣйствительно раненъ и потому поспѣшилъ къ нему, но скоро убѣдился, что это было съ его стороны только притворство: едва я успѣлъ приблизиться, какъ онъ медленно подвядя и побѣжалъ въ противоположномъ направленіи отъ самки, которая тѣмъ временемъ значительно опередила насъ со своими птенцами».

На второмъ мѣсяцѣ молодые страусы теряютъ свои иглистыя перья, вмѣсто которыхъ появляется неприглядное сѣрое опереніе, какъ у самокъ. Въ этомъ нарядѣ оба пола молодыхъ страусовъ ходятъ до двухлѣтняго возраста, по минованіи котораго самецъ получаетъ свое черное опереніе, хотя совершенно вырастаетъ, окрашивается и становится способнымъ къ размноженію только на четвертомъ году своей жизни.

Если страусу предоставить достаточное пространство для свободнаго движенія, то онъ безъ всякаго огорченія переноситъ неволю, и, какъ уже сказано, на-

столько привыкаетъ къ извѣстному мѣсту, что его можно совершенно спокойно выпускать на свободу пастись и брать съ собою въ дорогу. Дюверье видѣлъ по дорогѣ въ Ратъ, въ странѣ Туареговъ, какъ одинъ ручной страусъ слѣдовалъ за караваномъ. Во время остановокъ, для того чтобы птица не убѣжала, на ноги ей наворачивали путы, какія обыкновенно носятъ верблюды на пастбѣ; въ прочее же время ее оставляли безъ всякаго присмотра, и она постоянно появлялась всюду вмѣстѣ съ верблюдами, уже безъ всякихъ путъ на ногахъ. Страусы, воспитывавшіеся у Гейглина, тоже паслись всегда на свободѣ совмѣстно съ лошадьми и верблюдами или, по желанію, бродили по улицамъ деревни; такимъ же образомъ слѣдовали за караваномъ въ южной Африкѣ тѣ страусы, которыхъ воспитывалъ Мооръ. Въ сѣверной части внутренней Африки всѣ зажиточные знатные люди, зачастую также и жители степныхъ деревень, держатъ страусовъ ради собственного удовольствія. Въ мѣстечкѣ Гашаба въ Кордофанѣ я встрѣтилъ двухъ страусовъ, живущихъ въ полудикомъ состояніи, которые бѣгали на свободѣ по всей деревнѣ и по окрестнымъ степямъ; мы приобрѣли ихъ и въ порывѣ охотничьяго задора убили ихъ и содрали съ нихъ шкуры. Въ Хартумѣ изъ за стѣнъ большихъ дворовъ постоянно выглядывала пара страусовыхъ головъ; въ другихъ мѣстечкахъ мы встрѣчали то же самое. Достаточно было одного слова, т. е. просто похвалить птицу, чтобы сдѣлаться счастливымъ обладателемъ страуса. Въ Суданѣ никто не помышляетъ о томъ, чтобы сдѣлать ихъ домашними животными, т. е. утилизировать ихъ какимъ бы то ни было образомъ; ихъ держатъ единственно ради удовольствія и не прилагаютъ ни малѣйшаго труда, чтобы разводить ихъ, а равнымъ образомъ извлекать денежную пользу изъ ихъ перьевъ. Только въ новѣйшее время отъ нихъ стали получать барыши, дѣлать попытки къ размноженію ихъ и достигать успѣха.

Раньше всего страусовъ стали воспитывать въ Алжирѣ. По словамъ Арди. въ Гамѣ, въ довольно тѣсномъ пространствѣ мѣстнаго древеснаго питомника, содержались ручные страусы. Случайно численность самцовъ превышала количество самокъ. Самцы постоянно дрались между собою, а самки не неслись, можетъ быть потому, что были слишкомъ молоды, а, можетъ быть, и вслѣдствіе того, что мѣстность для нихъ не годилась. Послѣ того какъ многихъ изъ нихъ раздарили, тамъ осталось всего два самца и двѣ самки. Въ 1852 г. эти парочки были заключены въ круглую загородку, имѣвшую 15 м. въ діаметрѣ. Парочки, повидимому, скоро сошлись, но оба самца продолжали еще драться до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ не достигъ полнаго самодержавія. Пора любовнаго возбужденія обнаруживается на самцахъ въ различныхъ признакахъ: голая кожа на бедрахъ принимаетъ ярко-красный цвѣтъ; опереніе становится прекраснаго блестяще-чернаго цвѣта. Самецъ старается выразить свою любовь своеобразными движеніями и танцами, издавая при этомъ странные хриплые глухіе звуки. Онъ присѣдаетъ передъ самкою на пяткахъ, правильно покачиваетъ шею и голову, дрожитъ всѣмъ тѣломъ и хлопаетъ крыльями. Собираясь кричать, онъ закидываетъ назадъ шею, смыкаетъ клювъ и судорожнымъ произвольнымъ движеніемъ всего тѣла выталкиваетъ изъ легкихъ содержащейся тамъ воздухъ, необыкновенно расширяя при этомъ свое горло. Три троекратныхъ звука, которые онъ часто повторяетъ, напоминаютъ собою отдаленное рычаніе льва, а также глухую барабанную трель. Второй звукъ нѣсколько выше перваго, третій же гораздо ниже и протяжнѣе, подконецъ постепенно ослабляющійся. Страусами было выкопано гнѣздо, и вслѣдъ за тѣмъ самка начала нестись. Самецъ и самка работали у гнѣзда совмѣстно, брали землю клювомъ и разбрасывали ее вокругъ по сторонамъ. Во время этой работы

крылья ихъ были опущены и находились въ трепещущемъ состояніи. Почва была переполнена щебнемъ и кремнистымъ пескомъ, что въ общемъ составляло очень твердую массу; тѣмъ не менѣе яма, имѣвшая 1 м. въ діаметрѣ, была выкопана однимъ клювомъ и даже изъ земли извлеченъ одинъ большой камень. Несмотря на эти приготовленія, самки все-таки не клали яицъ въ вырытомъ гнѣздѣ, а разбрасывали ихъ то тамъ, то сямъ.

Въ декабрѣ 1856 г. Арди перевелъ пару въ болѣе просторный и спокойный паркъ, засаженный наполовину деревьями и кустарникомъ, а съ другой стороны защищенный высокими зданіемъ. Въ январѣ страусы вырыли себѣ гнѣздо среди рощи, какъ разъ въ самой чащѣ парка. 15-го января самка начала нестись, причемъ два яйца были положены въ разныхъ мѣстахъ, а остальные 12 всѣ вмѣстѣ одно за другимъ въ вырытомъ гнѣздѣ. Въ первыхъ числахъ марта они начали насиживать. Недѣлю спустя пролилъ сильнѣйшій продолжительный дождь, вода проникла въ гнѣздо, и яйца очутились лежащими въ какомъ-то жидкомъ цементѣ, вслѣдствіе чего родители бросили ихъ. Арди принялъ нѣкоторыя мѣры, насыпалъ въ надлежащемъ мѣстѣ песочный холмикъ и, кромѣ того, покрылъ это мѣсто цинковками. Къ его великому удовольствію, въ половинѣ мая страусы стали устранивать новое гнѣздо, какъ разъ на вершукѣ этого искусственного холмика. Вскорѣ затѣмъ снова началась кладка. Въ послѣдніе дни іюня птицы сильно хлопотали около гнѣзда, а начиная со 2-го іюля стали правильно высиживать. 2-го сентября около гнѣзда показался птенчикъ. Спустя четыре дня послѣ этого родители оставили высиживанье и стали заниматься исключительно своимъ выводкомъ. Арди разбилъ яйца и нашелъ въ нихъ трехъ зародышей, уже довольно развившихся. Выведенный страусъ росъ отлично и достигъ своего полного развитія.

18-го января самка снова начала нестись, совершенно такимъ-же способомъ, какъ раньше. Послѣ того, какъ въ гнѣздѣ накопилось 12 яицъ, она приступила въ началѣ марта къ насиживанью, причемъ сидѣла на яйцахъ постоянно въ полдень болѣе или менѣе продолжительное время. Съ 12-го марта она стала сидѣть на яйцахъ прилежнѣе и тогда, а именно ночью, самецъ сталъ раздѣлять съ нею заботы по высиживанью, причемъ высиживалъ съ большимъ терпѣніемъ, а къ концу даже гораздо дольше, чѣмъ самка. Каждый разъ, какъ они смѣнялись другъ съ другомъ, приходившій старательно изслѣдовалъ одно за другимъ всѣ яйца, переворачивалъ каждое изъ нихъ и снова клалъ на другое мѣсто. Въ дождливую погоду тотъ страусъ, который не былъ занятъ высиживаньемъ, находился тутъ-же сбоку, чтобы въ случаѣ нужды защитить яйца. Уже въ первые дни насиживанья одно яйцо было выброшено изъ гнѣзда. Оно осталось нетронутымъ и не было разбито страусомъ. 11-го мая можно было видѣть, какъ нѣсколько маленькихъ страусовъ высунули свои головки изъ-подъ крыльевъ насиживающаго родителя; утромъ 13-го самецъ и самка покинули гнѣздо и повели съ собою выводокъ, состоявшій изъ 9 птенцовъ. Самые маленькіе изъ нихъ ковыляли еще невѣрными шажками, старшіе-же бѣжали довольно быстро и пощипывали нѣжную травку. Отецъ и мать съ большою заботою стерегли ихъ; отецъ въ особенности проявлялъ самую нѣжную любовь и ночью бралъ ихъ подъ свои крылья.

Въ январѣ 1859 г. Демеръ привезъ самку къ старому самцу, содержаншемуся въ зоологическомъ саду, принадлежащему графу Демидову Санъ-Донатю во Флоренціи; въ концѣ марта между птицами состоялось первое спариваніе, а нѣсколько дней спустя замѣтилъ, что самецъ сталъ строить въ опредѣленномъ мѣстѣ гнѣздо. Самка стала правильно класться около 12-го мая; такъ что къ 18 іюня въ гнѣздѣ находилось 13 яицъ. Самецъ ежедневно посѣщалъ гнѣздо, перевора-

чиваль яйца, гладили их крыльями, но не садился на гнездо насиживать. Впервые онъ сѣлъ на нихъ 21-го июня, предварительно передъ этимъ перевернувъ ихъ, и сидѣлъ въ продолженіи двухъ часовъ, повторивъ то же самое и въ слѣдующіе затѣмъ 3 дня. Тогда замѣтили, что онъ покидаетъ яйца только затѣмъ, чтобы идти ночевать въ свою сторожку, а когда ту заперли, то онъ продолжалъ сидѣть на яйцахъ и ночью и сходилъ съ нихъ утромъ въ 8 часовъ на $\frac{1}{4}$ часа, чтобы поѣсть; въ полдень онъ отправлялся кормиться во второй разъ. Такому распределенію времени онъ слѣдовалъ безъ малѣйшаго измѣненія въ продолженіи 5! дня, и такъ правильно, что когда ему приносили пищу десятью минутами раньше обычного времени, то заставляли его еще сидящимъ на яйцахъ. 16-го августа онъ покинулъ гнездо на цѣлый часъ, а на слѣдующее утро въ паркѣ замѣтили двухъ молоденькихъ, очень подвижныхъ страусиковъ, которые быстро бѣгали по дорожкамъ и подбирали песокъ. Имъ тотчасъ-же приготовили мѣсиво изъ рубленыхъ яицъ, салата и хлѣба, однимъ словомъ, обычный фазаній кормъ. Они жадно набросились на ѣду; насытившись-же, снова вернулись къ отцу, который все еще не покидалъ своего поста и, замѣтивъ своихъ малютокъ, приподнялъ крыло, чтобы пропустить ихъ туда. Они оставались скрытыми тамъ до 3 часовъ пополудни, когда отецъ, по привычкѣ, поднялся съ гнезда и убѣжалъ вмѣстѣ съ птенцами къ кормовому корыту. Здѣсь онъ бралъ пищу клювомъ, размельчалъ ее и нѣжно клалъ передъ каждымъ изъ своихъ дѣтенышей. Утоливъ голодь, цыплята снова отправлялись подъ отеческое крыло. Самка ограничивала свое участіе въ дѣлѣ вывода птенцовъ лишь тѣмъ, что во время отсутствія отца нѣсколько разъ подходила къ яйцамъ и осторожно переворачивала ихъ. Сдѣлавъ свое дѣло, она тотчасъ-же удалялась. Вслѣдствіи она ласкала птенцовъ, но все-таки не совѣстилась сѣдять ихъ кормъ, тогда какъ отецъ никогда не позволялъ себѣ даже прикоснуться къ нему. Въ концѣ концовъ самку перевели въ другой паркъ.

Сюзэ, завѣдующій зоологическимъ садомъ въ Марсели, послѣ четырехлѣтнихъ стараній и попытокъ, достигъ, наконецъ, того, что ему удалось вывести страусовъ. Мѣстомъ своихъ опытовъ онъ избралъ Монредонъ, именно: холмистый участокъ земли съ песчаною почвою и африканскою растительностью. Освоившись въ отведенной имъ загородкѣ, страусы приступили къ устройству гнезда; для этой цѣли они прежде всего вырыли въ песокъ углубленіе и посредствомъ своеобразнаго движенія шею возвели вокругъ него круглый валь, который придавалъ гнезду видъ холмика. Самка, снесшая нѣсколько яицъ еще прежде, до переведенія пары на новое мѣсто, здѣсь продолжала нестись безъ перерыва съ такими-же двухдневными промежутками, какъ и прежде, такъ что къ 20 апрѣлю въ гнездѣ насчитывалось 15 яицъ. «За нѣсколько часовъ передъ первою кладкою», говоритъ Сюзэ, «самка усѣлась на корточкахъ на гнездѣ и сдѣлала въ немъ еще нѣкоторое измѣненіе. Передъ тѣмъ моментомъ, какъ снести яйцо, она издавала клохтанье, какого я никогда прежде не слыхалъ отъ нея; на этотъ зовъ къ ней подошелъ самецъ и сталъ выдѣлывать весьма странныя движенія крыльями и всѣмъ тѣломъ. Когда въ гнездѣ накопилось уже нѣсколько яицъ, самка хотя и продолжала еще сидѣть на немъ, но самая кладка совершалась уже внѣ гнезда: едва яйцо показывалось, какъ самка своеобразнымъ движеніемъ выталкивала его въ сторону и затѣмъ уже сама посредствомъ клюва и шеи подкатывала въ гнездо и осторожно клала посреди другихъ. Въ послѣдніе дни кладки она еще за нѣсколько часовъ передъ кладкою садилась на гнездо и оставалась тамъ долгое время, зачастую даже въ продолженіи всего дня. Въ теченіи всего этого времени страусъ проявлялъ особенное безпокойство и крупными шагами бѣгалъ по парку, особенно когда кто-нибудь

приближался къ нему. Съ 20-го мая роли перемѣнились: насиживать сталъ самецъ, а самка садилась на яйца только тогда, когда самецъ на мигнуту поднимался съ нихъ. Такъ дѣло шло во все время насиживанія. Передъ тѣмъ, какъ сѣсть на яйца, страусы ежедневно переворачивали ихъ и постепенно возвышали песчаный валъ, такъ что подъ-конецъ кромѣ середины спины и вытянутой на песокъ шеи, напоминавшей собою большую змѣю, ничего больше не было видно. Самка держалась по близости гнѣзда въ такомъ же положеніи.

По наблюденіямъ Арди, въ Алжирѣ насиживаніе продолжается 56—60 дней, смотря по состоянію температуры. «Къ моему величайшему изумленію, меня извѣстили уже 3 іюня въ полдень о томъ, что въ гнѣздѣ, кажется, показался птенецъ. Послѣ долгихъ наблюденій и воспользовавшись моментомъ, когда самецъ покинулъ гнѣздо, мы окончательно убѣдились въ присутствіи птенца. Всѣ прочія яйца были еще цѣлы. Ночь положила конецъ нашимъ наблюденіямъ, но на слѣдующее утро я въ нетерпѣніи отправился въ паркъ, такъ какъ боялся, что отецъ покинетъ гнѣздо, чтобы ухаживать за птенцомъ. Впродолженіи дня мы имѣли удовольствіе насчитать не менѣе 11-ти вылупившихся страусовъ; неизвѣстно почему, 2 яйца родители выкинули изъ гнѣзда еще въ предыдущій вечеръ. Считаю съ того дня, когда самецъ принялся за насиживаніе, прошло всего 45 дней.

«Утромъ все общество покинуло гнѣздо и убѣжало въ паркъ. Птенцовъ водили оба родителя, но отецъ проявлялъ по отношеніи ихъ большую заботливость, чѣмъ мать. Хотя птенцы были уже довольно сильны, тѣмъ не менѣе они часто кувыркались на песчаныхъ холмикахъ. Одинъ изъ нихъ постоянно отставалъ и часто падалъ; такъ какъ я подумалъ, что его слабое состояніе не позволяетъ ему жить совместно съ другими, то я попытался поймать его сквозь загородку; однако это мнѣ не удалось, и мнѣ самому пришлось спасаться бѣгствомъ, такъ какъ отецъ съ такою яростью набросился на меня, что я испугался, какъ бы онъ не передалъ всѣхъ своихъ птенцовъ. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ этого, слабѣнкій страусъ околѣлъ, и общество состояло теперь изъ 10-ти штукъ.

«Хотя я и зналъ, что искусственное питаніе имъ теперь еще не нужно, тѣмъ не менѣе съ самаго момента вылупленія птенцовъ я положилъ имъ у стѣнки смѣсь салата, изрубленныхъ крутыхъ яицъ и крошекъ хлѣба; впродолженіи нѣсколькихъ дней до этой пищи совершенно не дотрагивались. Птенцы копались, по примѣру отца, въ песокъ и, къ моему великому изумленію, набрасывались на пометъ своихъ родителей. Наконецъ они начали ѣсть зелень, и эту пищу приходилось подновлять нѣсколько разъ впродолженіи дня. Крутыхъ яицъ они никогда не ѣли съ удовольствіемъ и уже черезъ нѣсколько дней цѣльные салатные листья предпочитали всему другому. Мы никогда не замѣчали, чтобы родители проявляли по отношенію своихъ птенцовъ то вниманіе и ту заботливость, какія свойственны курамъ. Они не только не указывали имъ пищу, но даже лучшіе ея куски брали себѣ. Птенцы росли очень быстро, всюду стали бѣгать, перелазывали даже черезъ плетень, самостоятельно охотились за насѣкомыми и подбирали сѣмена. Къ несчастію, они потеряли отца, который, слѣдуя за ними, разломалъ плетень и, вмѣсто того, чтобы вести обратно семейство, заблудился въ лѣсу. Мы надѣялись на его возвращеніе, пока наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ, нашли его мертвымъ у подножій скалы, съ которой онъ свалился. Съ этихъ поръ воспитаніе птенцовъ шло какъ нельзя лучше подъ руководствомъ матери. Тѣмъ не менѣе намъ все-таки приходилось стеречь отъ нея предназначенный для птенцовъ кормъ, такъ какъ, за исключеніемъ защиты, которую она оказывала своимъ малюткамъ ночью, она не проявляла по отношенію ихъ никакихъ заботъ. Развитіе молодыхъ страусовъ шло поразни-

тельно быстро. По прошествіи мѣсяца они уже походили на взрослую дрохву: шея была значительно развита, туловище довольно высоко и уже покрыто опереніемъ».

Сюжэ обращаетъ вниманіе на то, что тѣ два яйца, которые за нѣсколько дней передъ вылупленіемъ были выкинуты изъ гнѣзда и въ продолженіи 12-ти дней безъ насиживанія пролежали на пескѣ, содержали въ себѣ совершенно развитые зародыши, подававшіе еще признаки жизни. «На этомъ основаніи я склоненъ предполагать», говоритъ онъ, «что вылупленіе яицъ произошло-бы естественнымъ образомъ, если-бы ихъ оставить нетронутыми, и этотъ фактъ вполне доказываетъ такъ часто оспариваемую возможность вывода птенцовъ посредствомъ солнечной теплоты. Въ продолженіи этихъ 12-ти дней жара стояла такая сильная, какая возможна только въ сѣверной Африкѣ».

Этотъ успѣхъ, достигнутый въ дѣлѣ разведенія страусовъ, побудилъ и другихъ къ подражанію. Въ Греноблѣ разведеніемъ страусовъ занимался Бутейль, въ Мадридѣ Граалльсъ; въ нѣкоторыхъ зоологическихъ садахъ, напримѣръ въ Берлинѣ, достигли того, что страусы стали класться и приступали къ насиживанію. Необыкновенно большое вліяніе имѣли добытые результаты для Капской земли. Тутъ и прежде держали страусовъ на многихъ птичьихъ дворахъ и въ помѣстьяхъ, утилизируя нѣкоторыхъ изъ нихъ въ качествѣ животныхъ, служащихъ для ѣзды, причѣмъ ихъ запрягали въ легкія повозки; но съ нѣкотораго времени тамъ рѣшили заняться разведеніемъ страусовъ въ большомъ количествѣ. Въ 1865 г. въ Капской землѣ были выведены въ неволѣ первые страусы, а четыре года спустя счастливо удался и второй выводокъ. Одинъ собственникъ 29-ти страусовъ, среди которыхъ было 15 самцовъ, началъ впервые опичивать своихъ плѣнныхъ страусовъ и съ перьевъ, добытыхъ съ каждаго самца, получалъ ежегодно по меньшей мѣрѣ 160 марокъ прибыли. Это дало первый толчокъ той страусовой промышленности, которая въ настоящее время такъ успѣшно процвѣтаетъ во всей Капской землѣ. По исчисленію, произведенному въ 1865 г., въ поселеніяхъ было всего 80 ручныхъ страусовъ; 10 лѣтъ спустя т. е. въ 1875 г., по Дугласу, численность достигла 21751 штукъ; въ настоящее-же время страусовая промышленность составляетъ важнѣйшую отрасль доходовъ во всей южной Африкѣ, населенной европейцами. Въ 1880 г. было вывезено страусовыхъ перьевъ почти на 17,7 милліоновъ марокъ, а въ 1882 г. почти на 21,9 милліоновъ. Дугласъ опредѣлилъ численность страусовъ въ Капской землѣ въ 1886 г. круглымъ счетомъ 150,000 штукъ. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ южно-африканцы не имѣли никакого повода бояться конкуренціи въ этомъ выгодномъ производствѣ. Но когда въ 1883 году нѣкоторые эксплуататоры стали вывозить страусовъ въ Австралію, Аргентинскую республику и Калифорнію, чтобы и тамъ принятъ страусовую промышленность, въ Капской землѣ стали серьезно побаиваться за свою установившуюся монополію и издали законъ, по которому каждый выведенный страусъ облагался пошлиною въ 2000 марокъ, а за каждое страусовое яйцо должны были платить пошлину въ 100 марокъ.

При разведеніи страусовъ для нихъ отводятъ довольно обширную площадку по возможности известковой почвы и окружаютъ ее каменной оградой или желѣзной рѣшеткой. Отведенное пространство засѣваютъ люцерной и тамъ, гдѣ почва содержитъ въ себѣ все, потребное для питанія, страусовъ, по возможности, предоставляютъ самимъ себѣ; въ тѣхъ-же мѣстностяхъ, гдѣ приходится прибѣгать къ искусственному питанію, къ корму подмѣшиваютъ размельченныя кости и известнякъ. Располагая достаточнымъ помѣщеніемъ, птицамъ предоставляютъ насиживать яйца самостоятельно; если-же это не удастся, то старшихъ, по крайней мѣрѣ способныхъ къ размноженію самцовъ и самокъ отдѣляютъ, а положенныя ими яйца

собирають въ особый, приспособленный для этой цѣли согрѣвательный аппаратъ, гдѣ и выводятъ птенцовъ. Выведенные такимъ способомъ страусы, хотя и нуждаются первое время въ такомъ-же заботливомъ уходѣ, какъ осиротѣлые цыплята, но они скорѣе привыкаютъ къ человѣку, чѣмъ тѣ, которые высижены и воспитаны родителями; въ послѣдствіи туземные темно-кожіе мальчуганы выгоняютъ ихъ на пастбище, а взрослыхъ страусовъ, какъ индюковъ, гоняютъ конные пастухи, такъ что страусы пасутся и внѣ отведенной для нихъ загородки. Нѣкоторые колонисты, обладающіе легкой рукой и необходимою опытностью, даже предпочитаютъ искусственное разведеніе страусовъ естественному, и въ настоящее время занимаются разведеніемъ ихъ не только для собственной потребности, но и для другихъ, увѣряя, что ихъ воспитанники ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ страусовъ, которые выращены заботами ихъ собственныхъ родителей.

Съ взрослыхъ страусовъ перья снимаютъ черезъ каждые восемь мѣсяцевъ. Прежде чѣмъ въ этомъ дѣлѣ набрались достаточной опытности, перья просто выщипывали, причѣмъ стадо загоняли въ опредѣленное тѣсное пространство, гдѣ птица лишена была возможности какого-бы то ни было сопротивления. Но такое насильственное выдергиваніе вновь выросшихъ перьевъ зачастую вліяло крайне неблагоприятно на птицу и вызывало иногда смертные случаи. На этомъ основаніи въ настоящее время всѣ перья стригутъ вплотную у самой кожи, а черезъ 6 недѣль послѣ стрижки удаляютъ остатки стержней, не успѣвшихъ еще за это время выпасть. Тѣхъ страусовъ, которые приступаютъ къ размноженію, само собою разумѣется, не ощипываютъ; всѣ же остальные, даже самки, въ указанные промежутки времени подвергаются этой участи, такъ какъ нашли средство бѣлить страусовыя перья и красить ихъ во всевозможные цвѣта. Вслѣдствіе громадной выработки годныхъ къ употребленію перьевъ, цѣна на нихъ годъ отъ году понижается; оттого-то въ настоящее время и можно удовлетворить все болѣе и болѣе поднимающійся спросъ на нихъ, который даже та безпощадная охота, которая ведется на страусовъ, живущихъ въ дикомъ состояніи, не въ силахъ удовлетворить. Перья домашнихъ страусовъ, впрочемъ, не такъ красивы и цѣнны, какъ дикихъ, и знатоки тотчасъ-же отличаютъ ихъ съ перваго взгляда.

Страусовъ ревностно преслѣдуютъ во всей Африкѣ. Бедуины считаютъ страусовую охоту за одно изъ самыхъ благородныхъ удовольствій, такъ какъ тѣ трудности, съ которыми сопряжена она, и составляютъ особую прелесть для людей подобнаго рода. Сѣверо-африканскіе арабы весьма точно различаютъ страусовъ по полу и возрасту. Взрослый самецъ называется «эдлимъ» (совсѣмъ черный), самка-же — «рибеда» (сѣрая), а птенецъ — «эрмудъ» (буроватый). Такъ какъ главную цѣль охоты составляетъ добываніе перьевъ, то и предметомъ преслѣдованія служатъ преимущественно и почти исключительно эдлимъ; но этимъ наносится чувствительный вредъ размноженію страусовъ. По сообщеніямъ Тристрама я сужу, что и въ сѣверной Сахарѣ охотятся точно такимъ же способомъ, какъ въ Баудѣ или въ степяхъ Кордофана. Охотники выѣзжаютъ въ пустыню или степь на быстроногихъ коняхъ или на отличныхъ верблюдахъ и разыскиваютъ страусовое стадо. Въ нѣкоторомъ разстояніи слѣдуютъ нѣсколько верблюдовъ, нагруженныхъ кожаными мѣхами съ водой; погонщики ихъ держатся въ продолженіи всей охоты по возможности вблизи охотниковъ. Понавъ на слѣдъ дичи, охотники до тѣхъ поръ скачутъ вслѣдъ за стадомъ птицъ, пока какой-нибудь осторожный «эдлимъ» своимъ примѣромъ не подастъ сигналъ къ бѣгству. Тогда каждые 2 или 3 охотника выбираютъ себѣ одного самца и скачутъ за нимъ во весь галопъ; въ то время, какъ одинъ изъ нихъ слѣдуетъ за птицей по всѣмъ изгибамъ ея бѣга, другой

старается перерѣзать ей путь и, въ случаѣ удачи продолжаетъ роль перваго, заставляя того такимъ образомъ объѣзжать болѣе короткія разстоянія. Такимъ образомъ они постоянно перемѣняются ролями до тѣхъ поръ, пока окончательно не измучаютъ бѣгущаго во весь духъ страуса. Обыкновенно охотники настигаютъ птицу уже по прошествіи часа; тогда, заставивъ лошадь сдѣлать послѣднее усиліе, они наносятъ птицѣ сильнѣйшій ударъ по шеѣ или по головѣ, который сваливаетъ ее на землю. Тотчасъ-же вслѣдъ за этимъ одинъ изъ охотниковъ соскакиваетъ съ лошади и съ обычнымъ въ такомъ случаѣ возгласомъ: «Во имя Бога Всемилостиваго, Бога Великаго» перерѣзываетъ шейную артерію, а для того, чтобы перья не запачкались кровью, затыкаетъ рану когтемъ одной изъ ногъ страуса. Когда птица истечетъ кровью, то охотникъ сдираетъ съ нея шкуру, выворачиваетъ ее и употребляетъ ее въ качествѣ мѣшка для храненія красивыхъ перьевъ. Отъ мяса отрѣзываютъ лишь столько, сколько требуется въ данное время; остальное вѣшаютъ для вяленія на дерево и имъ пользуются проѣзжіе путники.

Тѣмъ временемъ подходятъ верблюды; охотникъ прохладждаетъ себя и своего коня послѣ утомительной жаркой охоты, отдыхаетъ нѣсколько часовъ и, обремененный добычей, возвращается домой. Здѣсь онъ сортируетъ перья по ихъ достоинству, связываетъ въ отдѣльные пучки драгоцѣнные бѣлыя перья, которыхъ у совершенно развитаго страуса бываетъ самое большее 14 штукъ, и до выгодной продажи хранитъ ихъ у себя въ шатрѣ. Торговецъ, желающій купить перья, долженъ самъ отправиться къ охотнику и получаетъ товаръ съ весьма странными церемоніями. Такая сдержанность охотника совершенно понятна для того, кто знаетъ, что всѣ князья и правительственные чиновники Африки и по сейчасъ, подобно тому, какъ это дѣлалось у древнихъ египтянъ, требуютъ отъ своихъ подданныхъ или отъ завоеванныхъ племенъ страусовыхъ перьевъ въ видѣ дани, которую не церемонятся отнимать даже силою посредствомъ своихъ уполномоченныхъ. Поэтому напуганный арабъ въ каждомъ, приходившемъ къ нему за перьями, готовъ подозрѣвать сборщика податей и отдаетъ свое сокровище только тогда, когда послѣ тщательныхъ распросовъ вполне убѣдится въ искренности покупателя.

Въ степяхъ около Евфрата страуса убиваютъ, по словамъ Вещштейна, за рѣдкими исключеніями, только на гнѣздѣ. «Самка, которая въ концѣ птенцовой поры уже не спасается бѣгствомъ, при видѣ охотника присѣдаетъ къ землѣ, наклоняетъ голову на сторону и пристально вематривается въ своего врага. Многіе бедуины высказывались за то, что надо имѣть самое черствое сердце, чтобы стрѣлять въ это время въ птицу. Убивъ животное, охотникъ зарываетъ его кровь, снова садитъ самку на яйца, самъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ гнѣзда зарывается въ песокъ и выжидаетъ вечера, когда придетъ самецъ, на этотъ разъ для того, чтобы быть застрѣленнымъ подлѣ своей самки. Если самку спугнуть съ яицъ, то она съ громкимъ крикомъ бѣжитъ къ самцу, который тогда, по единогласному увѣренію охотниковъ, насильно возвращаетъ ее къ гнѣзду. Отсюда происходитъ его арабское названіе «салимъ», т. е. сильный. Пусть приписываютъ только глупости этой птицы то обстоятельство, что она при безвѣтріи, вмѣсто того, чтобы бѣжать отъ скачущаго охотника, предпочитаетъ прятаться за холмики или въ ямки, вырытыя въ землѣ, зато при попутномъ вѣтрѣ бѣгущій страусъ распускаетъ перья крыльевъ и хвоста на подобіе парусовъ и, махая распущенными крыльями, съ легкостью убѣгаетъ отъ своихъ преслѣдователей». Отъ Гейглина мы узнаемъ, что въ Восточномъ Суданѣ страусовъ ловятъ также силками. Этотъ-же путешественникъ сообщаетъ, что тамошніе пастухи держатъ ручныхъ страусовъ для того, чтобы посред-

ствомъ ихъ приблизиться къ дикому, котораго затѣмъ убиваютъ отравленной стрѣлой. Такой же способъ охоты извѣстенъ и въ Сомали, гдѣ туземцы умѣютъ приманивать и очаровывать эту исполинскую птицу унылыми звуками своей свирѣли.

Андерсонъ рассказываетъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ южной Африки на страусовъ охотятся даже пѣшкомъ и что онъ самъ видѣлъ на озерѣ Игами бушменовъ, охотившихся такимъ образомъ. Они большею частью окружаютъ цѣлое стадо и обыкновенно съ крикомъ и гамомъ загоняютъ испуганную птицу въ воду. Кромѣ того эти охотники подстерегаютъ страуса на гнѣздѣ или около воды, а также, по словамъ Моффа, отправляются въ стада пасущихся страусовъ, принявъ предварительно видъ этихъ птицъ. Для этой цѣли они набиваютъ соломой плоскую двойную подушку такимъ образомъ, что придаютъ ей приблизительную форму сѣдла, покрываютъ ее перьями, затѣмъ приготавливаютъ струбленную отъ страуса голову вмѣстѣ съ шейю, кожу которой натягиваютъ на обернутую въ соломѣ палку, а ноги окрашиваютъ себѣ въ бѣлый цвѣтъ. Охотникъ одѣваетъ покрытое перьями сѣдло на голову, въ правой рукѣ держитъ нижнюю часть страусовой шеи, а въ лѣвой—лукъ и въ такомъ видѣ отправляется къ стаду страусовъ, поворачивая время отъ времени головою, подобно тому, какъ это дѣлаетъ озирающаяся птица, и потряхивая своимъ перыстымъ сѣдломъ. Иногда этотъ обманъ такъ удается, что нѣкоторые страусы сами подходятъ къ мнимой птицѣ, намѣреваясь затѣять съ нею драку. Европейцы, охотящіеся на страусовъ въ южной Африкѣ, предпочитаютъ преслѣдовать ихъ въ полуденные жаркіе часы. Затравленная птица тогда очень скоро утомляется и ее можетъ въ такомъ случаѣ догнать даже не очень быстрая лошадь.

Въ Капской землѣ съ 1870 г. страусовая охота урегулирована особымъ закономъ; всякій нарушитель этого постановленія подвергается большому штрафу. Этотъ законъ имѣетъ цѣлью оградить не только самую птицу, но также ея гнѣздо и яйца; имъ определено, смотря по мѣстности, извѣстное время для охоты, самый способъ охоты оговоренъ извѣстными условіями, яйца-же и итенцы считаются неприкосновенными. Строгимъ соблюденіемъ этого закона надѣются мало-помалу заселить Капскую землю страусами, какъ это было въ прежнія времена.

Цѣна на страусовыя перья, смотря по модѣ, подвергается сильнымъ колебаніямъ; да и не всѣ области доставляютъ одинаково цѣнный товаръ, такъ какъ бѣлизна перьевъ стоитъ въ большой зависимости отъ свойства почвы и климата. Самыми лучшими считаются такъ называемыя перья «алеппо», которыя получаютъ отъ страусовъ, живущихъ въ Сирийской пустынѣ; за ними слѣдуютъ въ перечисленномъ порядкѣ перья, получаемыя изъ Сахары, изъ Сенегальскихъ степей, съ Пила, изъ Марокко, южной Африки и южной Аравіи. Перья, снятыя съ домашнихъ страусовъ, считаются менѣе цѣнными, чѣмъ тѣ, которыя получаютъ съ дикихъ. Въ сѣверной Африкѣ за страусовую шкуру съ перьями платятъ до сотни испанскихъ талеровъ; внутри-же страны ее можно купить по болѣе сходной цѣнѣ; одинъ кгс. лучшихъ бѣлыхъ крыловыхъ перьевъ стоитъ уже въ Суданѣ 1000—1200 марокъ, тогда какъ болѣе короткія бѣлыя маховыя и надхвостныя перья обходятся всего въ четверть этой цѣны, а стоимость черныхъ спинныхъ перьевъ рѣдко превышаетъ 50 марокъ за кгс. Перья капландскихъ страусовъ цѣнятся дешевле.

Яйца страусовъ во всей южной и средней Африкѣ употребляются главнымъ образомъ въ качествѣ сосудовъ. Ихъ окружаютъ легкимъ плетеньемъ и вѣшаютъ въ чѣмъ-нибудь въ жилихъ или берутъ съ собою въ путешествія. Въ Кордофанѣ ихъ утнализируютъ въ качествѣ украшеній на верхушкахъ круглыхъ конусообраз-

ныхъ хижинъ, а въ коптскихъ церквахъ ими украшаютъ шнуры, на которыхъ висятъ лампы. Страусовыя яйца и мясо употребляются въ пищу всѣми туземцами. По словамъ Буршеля, обычный у готтентотовъ способъ приготовления этихъ яицъ очень простъ. На концѣ яйца въ скорлупѣ просверливаютъ маленькую круглую дырочку и посредствомъ гибкаго прутика взбалтываютъ содержимое яйца; затѣмъ ставятъ яйцо на огонь, время отъ времени помѣшивая внутри его, и продолжаютъ эту работу до тѣхъ поръ, пока бѣлокъ не свернется. Лихтенштейнъ рассказываетъ, что изъ числа найденныхъ имъ страусовыхъ яицъ только немногія были годны въ пищу, такъ какъ большая часть ихъ содержала въ себѣ уже взрослыхъ цыплятъ. «Наши готтентоты, впрочемъ, не пренебрегали и такими и жарили ихъ вмѣстѣ со скорлупою въ бараньемъ жиру. Впослѣдствіи я самъ попробовалъ это противное по нашимъ понятіямъ кушанье и нашелъ его очень вкуснымъ». У молодыхъ страусовъ мясо чрезвычайно нѣжное и вкусное; у старыхъ тверже и напоминаетъ говядину.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

IV, V, VI ТОМОВЪ.

П Т И Ц Ы.

А.

Аббагамба. V, 25.
Абугарнъ. V, 25.
Абурри. V, 676.
Абу-Сейяъ VI, 568.
Авдотка. VI, 182.
Авдотки. VI, 181.
Агами. V, 732
Аистъ бѣлый. VI, 553.
— обикновенный. VI, 553.
— черный. VI, 562.
Аисты. VI, 552.
— вобатые. VI, 567.
— исполнскіе. VI, 565.
— настоящіе. VI, 553.
Аквиръ. VI, 755.
Аланъ. VI, 290.
Алимошъ. VI, 498
Алкидъ. V, 55.
Алкюнь. V, 55.
Алдіона. V, 54.
— гигантская. V, 70.
— древесная. V, 68.
— райская. V, 74
Алціоновыя. V, 66.
Алціона австралійская. V
70.
— древесная. V, 68.
— райскія. V, 74.
Альбатросъ зеленоклювый
VI, 199.
— обикновенный VI, 199
Альбатросы. VI, 198
Альдарабо. IV, 130.
Амадина полосагая. IV, 397.
Амадины. IV, 397
Амарантъ. IV, 396.
Ампелидовыя. IV, 596.
Ампелиды настоящія. IV,
598.

Англіискія солдаты-птицы.
VI, 594.
Ани. V, 133.
Анхима. VI, 735.
Анхивга. VI, 607.
Апети. V, 676.
Аполловникъ. IV, 198.
Аполоновка. IV, 198.
— испанская. IV, 198.
— розовая. IV, 198.
— чернозобая. IV, 199.
Араканга. V, 330.
Арапонга. IV, 602.
Арапа гадящій V, 330.
— зеленокрылый. V, 331.
Арапуна. V, 331.
Арапы. V, 329.
Арасари. IV, 700.
Арасари. IV, 701.
Аргусовыя. V, 650.
Аргусъ. V, 650.
Ары. V, 329.
Асса. VI, 344.
Атайка. VI, 681.

Б.

Баба кудривая. VI, 616
— птица. VI, 616.
Бабачанъ. V, 355.
Баклановыя. VI, 600.
Бакланы. VI, 600.
Баклаиъ большой. VI, 601.
— карликовый. VI, 603.
— малый. VI, 602.
— хохлатый. VI, 602.
Балабанъ. VI, 242.
Балеарская птица. V, 730.
Балеарскій журавль. V, 730.
Бананофдъ южный. V, 142.
Бананофды. V, 138.

Бананофды настоящіе. V, 141.
Баль-Жокиль. V, 122.
Барашекъ. VI, 10.
Батассія. IV, 776.
Баль. VI, 427.
Безкрылъ. V, 691.
Безкрылы. V, 690.
Бекасовыя. VI, 1.
Бекасо-курочки. VI, 15.
Бекасъ обикновенный. VI,
10.
— стучикъ VI, 13.
Бекасы. VI, 2.
— болотные. VI, 7.
Бенгалисты. IV, 392.
Бептеви. IV, 594.
Береговникъ. VI, 37.
Беркутъ. VI, 291.
— канадскій. VI, 292.
Березовка. IV, 156.
Бирь. VI, 417.
Биронъ. IV, 369.
Блестянки. V, 149.
Бобованъ. V, 22.
Бобъ Уайтъ. V, 605.
Большедуру. V, 478.
Большеноги. V, 677.
Большеногъ. V, 678.
— молотковый. V, 680
Бородатка. IV, 201.
Бородатки. IV, 201.
Бородачи. V, 149.
Бородачи. IV, 703.
— азіатскіе. IV, 704.
— африканскіе. IV, 705.
— зеленые. IV, 704.
— украшенные. IV, 705.
Бородачь желтозобый. IV,
704.
— жемчужный. IV, 705.
Брикунь. IV, 355.
Бугаи. VI, 541.

Бундулокъ. V, 375.
 Бургомистръ. VI, 118.
 Буревѣстники. VI, 205.
 Буревѣстниковья. VI, 198
 Буревѣстникъ большой. VI, 217.
 — бурый. VI, 218.
 — испанскій. VI, 206.
 — капскій. VI, 210.
 — обыкновенный VI, 217.
 — океанскій. VI, 214.
 — южный. VI, 208.
 Бурунгъ. IV, 781.
 Бурангъ-унданъ. V, 15
 Бурунгъ Слиде. V, 362.
 Бѣгулки. VI, 80.
 Бѣгунокъ. IV, 522.
 — египетскій. VI, 83.
 — песчаный. VI, 80.
 Бѣлобровикъ. IV, 90.
 Бѣлогорликъ. VI, 258.
 Бѣлоноги. V, 254.
 — карликовые. V, 260.
 — лгушечные. V, 258.
 Бѣлоногъ испанскій. V, 254.
 — карликовый. V, 260.
 — ушастый. V, 258.
 Бюль-бюль. IV, 232.
 Бюль-бюль сѣрый. IV, 232.
 — темный. IV, 232.
 Бюльдрюкъ. V, 478.
 Бюрангъ-Рапа. IV, 450.

В.

Ваали. V, 469.
 Вальдшнепъ. VI, 2.
 — большой. VI, 2.
 — малый. VI, 2.
 — остроголовый. VI, 2.
 — свиноголовый. VI, 2.
 Валька-дуракъ. V, 150.
 Варакушка бѣловѣдая. IV, 56.
 — красновѣдая. IV, 55.
 — нестрѣла. IV, 142.
 — шведская. IV, 55.
 Варакушки. IV, 54.
 Вдовушки. IV, 395.
 Вдовушка райская. IV, 396.
 Веретенники. VI, 21.
 Веретенникъ большой. VI, 22.
 — красный. VI, 21.
 — малый. VI, 21.
 Вертиголовка. IV, 685.
 Вертиголовки. IV, 685.
 Вертишейка. IV, 685.
 Веслоноги. VI, 598.
 Витютень. V, 436.
 Вихляй. VI, 178.
 Волокляки. IV, 424
 Волокляки африканскій. IV, 424.
 Волчокъ. IV, 151.

Воробей болотный. IV, 371.
 — бѣлогорлый. IV, 315
 — водяной. IV, 78.
 — домашній. IV, 287.
 — испанскій. IV, 293.
 — итальянскій. IV, 290.
 — каменный. IV, 297.
 — красноголовый. IV, 296.
 — красный. IV, 342.
 — луговой. IV, 382
 — лѣсной. IV, 296.
 — общественный. IV, 300.
 — полевой. IV, 296.
 Воробы IV, 287.
 Воробьинаяодноголосья. IV, 46.
 Ворона бѣлогрудая. IV, 478.
 — бѣлошейная. IV, 481.
 — грифовая. IV, 480.
 — зеленая. V, 265.
 — сѣрая. IV, 471.
 — хохлатая. IV, 487.
 — черная. IV, 471.
 Воронки. IV, 569.
 Вороновья. IV, 463.
 Воронокъ. IV, 569.
 Воронъ большой. IV, 464.
 Вороны. IV, 464.
 — длиннохвостыя. IV, 484.
 — каменные. IV, 522
 — свиная. IV, 524.
 — синія. IV, 487.
 — средне-американскія. IV, 487.
 — черныя. IV, 464.
 — южно-американскія. IV, 487
 Вумби. IV, 444.
 Выпь. VI, 541.
 — американская. VI, 542,
 Вьрей. IV, 236
 Вьюнъ. IV, 248.
 Вьюрки. IV, 286.
 — настоящие. IV, 287.
 — подорожниковые. IV, 315.
 — ткачиковые. IV, 392.
 — ткачиковые товноклювые. IV, 396.
 Вьюрокъ настоящій. IV, 309.
 — огненный. IV, 393.
 — свѣжый. IV, 316.
 Вѣрехвостка чернобрюхая. IV, 559.
 Вѣтрепалъ птица. IV, 777
 Вѣтвременикъ. IV, 236.
 Вяхирь. V, 436.

Г.

Гавка. VI, 709.
 Гага-гребенушка. VI, 709
 — настоящая. VI, 709.
 — спбирская. VI, 724.
 Гагара краснозобая. VI, 640.
 — малая. VI, 637.

Гагара полосатая. VI, 639
 — полярная. VI, 639.
 — чернозобая. VI, 639.
 Гагаровья собственно VI, 628.
 Гагары морскія. VI, 639.
 Гагарка. VI, 144.
 — безкрылая. VI, 145.
 — малая. VI, 158.
 Гагарки. VI, 143
 Гаги. VI, 708.
 Галактины. IV, 563.
 Галипадо. VI, 513
 Галка. IV, 481
 — альпійская. IV, 519.
 Галстуншикъ. VI, 78.
 Гапга. V, 490.
 Гарпия. VI, 407
 Гаруда. V, 15.
 Гаршнепъ. VI, 13.
 Гафсере. VI, 144.
 Гвоздикъ. IV, 362.
 Герзей. V, 355.
 Гидъ-гидъ. IV, 584.
 Гимри. V, 448.
 Гипационъ. VI, 246.
 Гладикъ. IV, 399.
 Глуншъ. VI, 612.
 Глупыль. VI, 207
 Глухарь. V, 508.
 Гюмы. IV, 716.
 Губи. IV, 450.
 Говорунчикъ. IV, 118.
 Гого. V, 22.
 Гоголь исландскій. VI, 721.
 — обыкновенный. VI, 721
 — сѣверо-американскій. VI, 721.
 Гокко. V, 667.
 Гокко. V, 668.
 — настояще. V, 667.
 Голаби-какагуа. V, 405.
 Голенастыя. VI, 221.
 Голларь. V, 355.
 Головачи. IV, 600
 Головачъ хохлатый. IV, 601.
 Голощекин. IV, 461.
 Голуби. V, 425.
 — бѣгающіе. V, 458.
 — вѣнценосные. V, 465
 — древесные. V, 429.
 — земляные. V, 458.
 — зеркальные. V, 455.
 — лѣсные. V, 436.
 — плодондые. V, 468.
 — хвостатые. V, 429.
 Голубиныя. V, 425.
 Голубокъ морской. IV, 361
 — морской. VI, 119.
 — ночной. V, 220.
 Голубь бронзовый. V, 456.
 — бѣлошейный. V, 440
 — вѣрехвостый. V, 465
 — вѣнценосный. V, 465
 — дикій. V, 436.
 — дикій полевой. V, 442.
 — египетскій. V, 452.

Голубь зубчатый. V, 472.
 — кровавый. V, 460.
   малютка. V, 446.
 — никобарский. V, 463.
 — обыкновенный. V, 442.
 — рябчиковый. V, 458.
 — смѣющийся. V, 452.
 — странствующий. V, 429.
 — хохлатый. V, 455.
 — шишковатый. V, 468.
 Голубятникъ. VI, 246.
 Гомран. V, 15.
 Гомрай. V, 15.
 Горайло. VI, 755
 Горихвостка горная. IV, 65.
 — домовая. IV, 64.
 — садовая. IV, 68
 Горлица восточная. V, 448.
 — обыкновенная. V, 448.
 Горлицы. V, 448.
 Горшечники. IV, 584.
 Грачъ. IV, 474.
 Грешадерка. IV, 197
 Грифовыл. VI, 478
 Грифъ бурый VI, 493
 — индюковъ. VI, 512.
 — королевскій. VI, 510.
 — лысый. VI, 489.
 — сѣрый. VI, 485.
 — ушастый. VI, 489
 — черный VI, 513.
 Грифы американскіе. VI, 503.
 — голенастые. VI, 518.
 — гребневые. VI, 505.
 — индюковые. VI, 512.
 — настоящіе. VI, 485.
 Гривъ. IV, 516
 Грязничекъ. VI, 48
 Грязовики. VI, 48
 Грязовикъ. VI, 48.
 Гуанъ. V, 676.
 Гуахаро. V, 247.
 Гугука. V, 147.
 Гугуки сѣрая. V, 149.
 Гудгудъ. V, 33.
 Гуйя. IV, 461.
 Гуменикъ. VI, 664
 Гуркаю. V, 590.
 Гуси. VI, 655.
 — древесные. VI, 675.
 — морские. VI, 669
 — норковые. VI, 678.
 — полевые. VI, 663.
 — сѣверные. VI, 666.
 Гусь бѣлолобый. VI, 667.
 — бѣлый VI, 668.
 — дикій. VI, 658.
 — короткоклювый VI, 664.
 — красный. VI, 592.
 — малый. VI, 667.
 — межикъ. VI, 667.
 — нильскій VI, 675.
 — новоголландскій. VI, 687
 — полевой. VI, 664.
 — сѣрый. VI, 658.
 — шпорцевый. VI, 685.

Д.

Дербникъ. VI, 268.
 Дергачъ. V, 710.
 Держунъ. V, 710
 Деряба. IV, 90.
 Деряба. IV, 151.
 Джекъ. VI, 178.
 Джеуки. V, 626.
 Джуланъ. V, 22
 Дзынга. VI, 715.
 Дидрикъ. V, 103
 Дикма. V, 704.
 Древолазъ красноглазый. IV, 588.
 Древолазы. IV, 588.
 Древолазы IV, 205.
 Дремлюга. V, 220.
 Дроздовыл. IV, 47.
 Дроздъ абиссинскій бѣлолицый. IV, 183.
 — алпійскій. IV, 93.
 — большой. IV, 90.
 — бѣлозобый. IV, 92.
 — водяной IV, 78.
 — горный. IV, 95.
 — каменный. IV, 84.
 — камчатскій. IV, 95.
 — малый. IV, 90.
 — можжевельный. IV, 90.
 — мягкоперый. IV, 95.
 — Наумана. IV, 95.
 — Палласа. IV, 95.
 — пестрый. IV, 95.
 — пустынный. IV, 87
 — ивчій IV, 90.
 — ржавокрылый IV, 95
 — Свайсона. IV, 95
 — сибирскій. IV, 95
 — сизоголовый. IV, 91.
 — синий. IV, 87.
 — странствующій. IV, 95
 — темный. IV, 95.
 — тростяной. IV, 132.
 — червозобый. IV, 95.
 — черныи IV, 93.
 — чистый. IV, 90
 Дрозды абиссинскіе. IV, 183.
 — германскіе. IV, 89.
 — говоруны. IV, 181.
 — индійскіе. IV, 95.
 — каменные. IV, 84.
 — коротконогіе. IV, 232.
 — настоящіе. IV, 89.
 — пересмѣшники. IV, 166.
 — сибирскіе. IV, 95.
 — сѣверо - американскіе. IV, 95
 — японскіе. IV, 95.
 Дропго. IV, 439
 — королевскій. IV, 441.
 — райскій. IV, 439.
 — сѣрый. IV, 441.
 Дронго траурные. IV, 440.
 Дроптъ. V, 472.
 Дрофа. VI, 165.
 Дрохва. VI, 165.

Дрохва красотка. VI, 179.
 Дрохвовыл. VI, 163
 Дрохвы. VI, 163.
 Дубоноска. IV, 318.
 — зеленая. IV, 318.
 Дубоносъ обыкновенный. IV, 302.
 Дубоносы. IV, 302.
 Дубровникъ. IV, 382
 Дудакъ VI, 165.
 Дупель. VI, 7
 Дура. V, 355.
 Дурачекъ. IV, 381
 Динодиплогунъ. V, 23:
 Дюжакъ. IV, 302.
 Дятель бѣлоклювый. IV, 659.
 — бѣлоспінный. IV, 681.
 — вертялый. IV, 673.
 — греческій. IV, 681.
 — зеленый. IV, 627.
 — золотистый. IV, 637.
 — калифорнскій. IV, 646.
 — карликовъ. IV, 684
 — красноголовый. IV, 64:
 — маляританскій. IV, 666.
 — мѣдный. IV, 641.
 — обыкновенный. IV, 666.
 — пестрый большой. IV, 666.
 — пестрый малый. IV, 676.
 — полевой. IV, 641.
 — средній. IV, 673.
 — сѣдоголовый. IV, 632.
 — сѣдой. IV, 632.
 — трехнальный. IV, 663.
 — черныи IV, 652.
 — Шарпа. IV, 628.
 Дятлы гладкоклювые. IV, 652.
 — зеленые. IV, 627.
 — мягкоклювые. IV, 684
 — настоящіе. IV, 617.
 — пестрые. IV, 652.
 — пестрые настоящіе IV, 665
 — трехнальные. IV, 662
 — черные. IV, 652.
 — шилоклювые. IV, 637.

Е.

Еловикъ. IV, 355
 Ева. IV, 781.
 Ешка. IV, 781
 Ере. VI, 311.

Ж.

Жаворонки. IV, 294.
 — длинноногіе. IV, 255.
 — пустынные IV, 253.
 — ушастые. IV, 246.
 Жаворонкъ альпійскій IV, 246.
 — африканскій. IV, 251.

Жаворонок болотный. IV, 270.
 — бѣлокрылый. IV, 243.
 — дугоклювый. IV, 256.
 — короткопалый. IV, 239.
 — лавровый. IV, 250.
 — лѣсной. IV, 251.
 — лѣсной. IV, 272.
 — песчаный. IV, 254.
 — полевой. IV, 236.
 — рогатый. IV, 246.
 — сахарскій. IV, 256.
 — сибѣрный. IV, 246.
 — степной. IV, 241.
 — татарскій. IV, 244.
 — хохлатый. IV, 248.
 — черный. IV, 244.
 Жакамары. V, 150.
 Жако. V, 337.
 Желна. IV, 652.
 Желтозобикъ. IV, 333.
 Желтонось. IV, 321.
 Желтушники. IV, 403.
 — коровы. IV, 405.
 — рисовые. IV, 403.
 Желтушникъ коровій. IV, 405.
 — красноплечій. IV, 407.
 — рисовый. IV, 403.
 черно-фиолетовый. IV, 405.
 Желтянка. IV, 406.
 Жуланъ. IV, 348.
 Журавли. V, 722.
 Журавлиныя. V, 722.
 Журавль бѣлый. V, 724.
 — даурскій. V, 724.
 — малый. V, 724.
 — павлиній. V, 729.
 — степной. V, 724.
 — сѣрый. V, 724.

З.

Завируха болотная. IV, 118.
 Завирушка. IV, 116.
 — альпійская. IV, 106.
 — горная. IV, 104.
 — лѣсная. IV, 103.
 Завирушки. IV, 103.
 Заза. V, 687.
 Зангрокъ. V, 50.
 Зарничка. IV, 160.
 Заринка. IV, 61.
 Звонарь. IV, 602.
 Зеленушка. IV, 318.
 Землеѣдъ. V, 243.
 Земманъ. V, 719.
 Зеркиль. V, 719.
 Зивзакъ. VI, 69.
 Зимородки-рыболовы. V, 53.
 — сѣрые. V, 63.
 Зимородковилъ. V, 52 и 10.
 Зимородокъ. V, 55.
 — сѣрый. V, 63.
 Зивъиверъ. IV, 189.
 Зивька. IV, 189.
 Зиттае. V, 355.

Златогрудка. IV, 60.
 Змѣшейка американская. VI, 608.
 — африканская. VI, 607.
 Змѣшейки. VI, 607.
 Змѣятникъ. VI, 454.
 Знаменщикъ. IV, 724.
 — венецуэльскій. IV, 724.
 Золотушка. V, 40.
 Золотушникъ. V, 40.
 Зорька. V, 212.
 Зубоклювыя. V, 1.
 Зуекъ. VI, 37.
 Зуекъ. VI, 47.
 — каспійскій. VI, 76.
 — рѣчной. VI, 78.
 Зяблики. IV, 305.
 Зябликъафриканскій. IV, 306.
 — горный. IV, 312.
 — обыкновенный. IV, 305.

И.

Ибисъ священный. VI, 584.
 Ибисы. VI, 579.
 — собственно VI, 579.
 Ибихау. V, 243.
 Иванокъ. V, 55.
 Иволга. IV, 437.
 Иволги. IV, 437.
 Иктини. VI, 379.
 Иктинія миссиссипская. VI, 379.
 Инамбу. V, 689.
 Индѣйка кавказская горная. V, 587.
 Индѣйки горныя. V, 587.
 Индюки. V, 651.
 Индюкъ. V, 652.
 — павлиній. V, 652.
 Ипка. V, 407.
 Интауре. V, 587.
 Ирмунель. V, 590.
 Исправникъ. VI, 137.

И.

Иеваръ. V, 644.

К.

Кавра. VI, 632.
 Кагу. V, 741.
 Казарка бѣлолобая. VI, 667.
 — бѣлощечная. VI, 670.
 — канадская. VI, 672.
 — краснозобая. VI, 670.
 — малая. VI, 697.
 — черная. VI, 669.
 Казарки. VI, 669.
 Казинту. V, 615.
 Казуаровья. VI, 747.
 Казуаръновогголландскій. VI, 748.

Казуары. VI, 747.
 Кайра бѣлоглазая. VI, 153.
 — гагарка. VI, 153.
 — норвежская. VI, 153.
 Кака. V, 410.
 Какadu. V, 378.
 Каваду. V, 390.
 — бѣлесовый. V, 402.
 — желтохохлый. V, 392.
 — красноголовый. V, 400.
 — моллукскій. V, 405.
 — носатый. V, 408.
 — скребущій. V, 408.
 — черный. V, 396.
 — вороновые. V, 400.
 — настоящіе. V, 404.
 — носатые. V, 408.
 Казало. V, 418.
 Каландра. IV, 240.
 Калао двурогій. V, 15.
 — индійскій. V, 22.
 — плоскорогіе. V, 12.
 — шлемоносныя. V, 15.
 Калита. V, 309.
 Калуферка. IV, 68.
 Каменка. IV, 74.
 — бѣлохвостая. IV, 72.
 — плюсуныя. IV, 75.
 — учапая. IV, 75.
 — черногорная. IV, 75.
 Каменки. IV, 72.
 Каменушка. VI, 723.
 Каменщикъ. IV, 69.
 Камешарка. VI, 86.
 Камешарки. VI, 86.
 Камышевка береговая. IV, 138.
 — болотная. IV, 135.
 — водяная. IV, 141.
 — дроздовидная. IV, 132.
 — карликовая. IV, 136.
 — кобылочка. IV, 142.
 — нересѣтѣйка. IV, 136.
 — прудовая. IV, 134.
 — прыткая. IV, 142.
 — рѣчная. IV, 146.
 — шелковистая. IV, 150.
 — широкохвостая. IV, 149.
 Камышевки. IV, 131.
 — сверчковыя. IV, 142.
 — трясинныя. IV, 150.
 Камышникъ. IV, 371.
 Камышница зеленоногая. V, 699.
 Канарейка. IV, 337.
 — дикая. IV, 338.
 лѣсная. IV, 318.
 Канга. V, 660.
 Кани. VI, 376.
 Каякъ. VI, 326.
 Каяи чернокрылая. VI, 376.
 Каприоте. IV, 112.
 Калуцинь. IV, 600.
 Караванъ. VI, 182.
 Карагатка. VI, 678.
 Карагузъ. VI, 315.
 Каракары. VI, 446.

- Каракары настоящие. VI, 450.
 Каранхо. VI, 450.
 Кардиналь. IV, 548.
 — виргинский. IV, 364
 — красногрудый. IV, 362
 Кардиналы. IV, 361.
 — настоящие. IV, 362.
 Касатка. IV, 562
 Касатки. IV, 563.
 Кассики. IV, 409.
 Кассикъ хохлатый. IV, 410.
 Касторія. V, 365.
 Каталла. V, 405
 Качурка большая. VI, 213.
 — голубиная. VI, 214.
 — малая. VI, 212.
 Качурки. VI, 212.
 Кашкадакъ синий. V, 702.
 Кваква. VI, 545
 Квезаль. V, 8.
 Кебекъ. V, 590.
 Келичь. V, 618.
 Кептушка. VI, 67
 Керкувъ. VI, 42.
 Кесси-Кесси. V, 296.
 Киви. V, 691.
 Киви-киви. V, 691
 Кизилочка. IV, 138.
 Кикачь. VI, 637
 Кинки. V, 631.
 Кипуна. VI, 678.
 Кирма. IV, 693.
 Киррикъ. V, 618.
 Киру. V, 355.
 Китоглавъ королевскій. VI, 550.
 Клесть бѣлокрылый. IV, 356.
 — бѣлопоясный. IV, 356.
 — краснопоясный. IV, 356.
 — листовичный. IV, 356.
 — мелкій. IV, 355.
 — чистый. IV, 355.
 Клесть. IV, 354.
 Клещяды настоящие. V, 132.
 Кликунъ. IV, 355.
 Клинтухъ. V, 440
 Клоктунья. VI, 697.
 Клуса. VI, 120.
 Клушица. IV, 518
 Клушицы. IV, 515.
 Клэо. IV, 778.
 Ключачи. VI, 573.
 Ключачъ. VI, 574.
 Князекъ. IV, 192.
 Кобецъ. VI, 285
 Кобчикъ. VI, 285.
 Кобылочка. IV, 142.
 Кога. V, 109
 Козодоевы. V, 216.
 Козодои. V, 216.
 — американскіе. V, 228.
 — водные. V, 225.
 — вымпеловые. V, 226.
 — длиннохвостые. V, 224.
 — египетскіе. V, 228.
 — жирные. V, 247.
 — испанскіе. V, 242.
 Козодои настоящие. V, 220.
 — степные. V, 228.
 Козодой. V, 220.
 — великолѣпный. V, 228
 — вымпеловый. V, 226.
 — длиннохвостый. V, 224
 — жалобный. V, 223.
 — жирный. V, 247.
 — индѣйскій. V, 233.
 — ютаксій. V, 233.
 — лирохвостый. V, 225.
 — рыжезобый. V, 222.
 — четырехкрылый. V, 227.
 — южно-европейскій. V, 222
 Кокко. V, 139.
 Коллибри. IV, 713.
 — бѣлошейный. IV, 746.
 — испанскій. IV, 726.
 — кингса. IV, 732.
 — панамскій. IV, 729
 — рогатый. IV, 723
 — рубиновый. IV, 722.
 — сѣверо-американскій.
 IV, 729.
 — сѣверо-американскій за-
 падный. IV, 729
 — топазовый. IV, 719.
 — ушастый. IV, 721.
 — чинборасовый. IV, 718
 — вилохвостые. IV, 725.
 — горные. IV, 718.
 — испанскіе. IV, 726.
 — лѣсные. IV, 718.
 — мечекрылые. IV, 718.
 — настоящие. IV, 722.
 — солнечные. IV, 717.
 — цвѣтковые. IV, 720.
 — цвѣточные. IV, 720.
 — шлемовые. IV, 728.
 — лхонтовыя. IV, 719.
 Колин. IV, 789
 Колокольчики. IV, 602.
 Колокольчикъ. IV, 602.
 Коллида лопатень. VI, 588.
 Коллицевья. VI, 588.
 Комокъ. V, 220.
 Кондоръ. VI, 505
 Кошекъ водяной. IV, 273.
 — красногрудый. IV, 270.
 — луговой. IV, 270.
 — лѣсной. IV, 272.
 — степной. IV, 276.
 — шпорцевый. IV, 278.
 Коволянка обыкновенная
 IV, 320
 Коволянки. IV, 320.
 Коньки. IV, 269.
 Конюхъ. VI, 326.
 Конюхъ. V, 713.
 Копалюха. V, 509.
 Корва. V, 14.
 Корелла. V, 378.
 Коровайка. VI, 580
 Коровайки. VI, 580.
 Королекъ. IV, 170.
 — желтоголовый. IV, 162.
 — желтоволосый. IV, 162.
 Королекъ красноволосый. IV,
 163.
 — красноголовый. IV, 163.
 Корольки. IV, 162.
 Коростели. V, 710.
 Коростель. V, 710.
 Короткокрылая. VI, 737.
 — американскія. VI, 738.
 Коршунъ вилохвостый. VI,
 381.
 — красный. VI, 384
 — паразитъ. VI, 395.
 — черныи. VI, 390.
 Коршунъ. VI, 384.
 Костоломъ. VI, 460.
 Косцы. IV, 596.
 Косырь. IV, 758.
 Котинга синяя. IV, 609
 Котинги. IV, 609
 Которра. , 309.
 Котри. IV, 512.
 Кошка дикая. IV, 437
 Кошка дикая. IV, 492.
 Крапивниковыя. IV, 169
 Крапивникъ. IV, 170.
 — полярный. IV, 171
 Красава. IV, 548
 Красава. IV, 302
 Красавка. V, 724.
 Красногрудка. IV, 60.
 Краснозобикъ. VI, 44.
 Краснозобчикъ. IV, 348.
 Красноножка. VI, 32.
 Краснохвостка. IV, 68.
 Краснохвостки. IV, 64.
 Крачка быстрокрылая. VI, 99.
 — бѣлощекя. VI, 109.
 — глухая. VI, 112.
 — длиннохвостая. VI, 103.
 — дымчатая. VI, 104.
 — малая. VI, 105.
 — обыкновенная. VI, 103.
 — пестроногая. VI, 101.
 — райская. VI, 103.
 — свѣтлокрылая. VI, 109.
 — средняя. VI, 101.
 — чеграва. VI, 98.
 — черная. VI, 108.
 — черноногая. VI, 107.
 — шелковистая. VI, 111.
 Крачки. VI, 96
 — болотныя. VI, 108
 Крачунъ голубоногий. VI, 336.
 Крачуны. VI, 336.
 Крейно. IV, 609.
 Кречекъ. V, 710.
 Кречетка. VI, 67.
 Кречеть арктическій. VI, 236
 — египетскій. VI, 243.
 — исландскій. VI, 237
 — обыкновенный. VI, 235.
 Кречеты. VI, 235
 Кривокъ морской. VI, 89.
 Крикунъ. VI, 309.
 Крокодиловый сторожъ. VI,
 83.
 Кроншнепъ. VI, 17.

Кроншнейз малый. VI, 18.
 — средний VI, 17.
 — северный. VI, 18.
 Кроншнейз. VI, 17.
 Крохали. VI, 727
 Крохаль американский. VI, 731.
 — большой. VI, 730.
 — длинноносый. VI, 731
 — малый. VI, 728
 — средний VI, 431
 — хохлатый VI, 731.
 Кряква. VI, 692.
 Крякушка. VI, 67.
 Кряхтунъ. VI, 2.
 Кувау. V, 649
 Куведраха. VI, 33.
 Кувири VI, 40.
 Кузиппи IV, 783.
 Кузиль. V, 109.
 Кузнецъ. IV, 704.
 Кузничекъ. IV, 142
 Кузничекъ. IV, 189
 — лѣсной. IV, 156.
 — обыкновенный. IV, 118.
 — садовый. IV, 114
 — сѣрый. IV, 118.
 — тюкалка. IV, 156.
 — хвостатый. VI, 116
 Кузиль. V, 109.
 Кукалъ сенегальскій. V, 129.
 Кукалы. V, 128.
 Кукиль. V, 109.
 Кукушка. V, 83
 — желтоклювая. V, 112.
 — земляная. V, 125.
 — золотистая. V, 103.
 — индѣйская. V, 122
 — испанская. V, 107.
 — пѣтушокъ. V, 125
 — фазановая. V, 130
 — хохлатая. V, 117.
 — ащеричная. V, 123.
 Кукушка. V, 82.
 — высоконогая. V, 119
 — древесная. V, 82.
 — земляная. V, 125.
 — золотистая. V, 103
 — клещедная. V, 132.
 — кустовая. V, 122.
 — кустовая собственно V, 122.
 — настоящая. V, 82.
 — сойковая. V, 116.
 — тукавовая. V, 106.
 — тукавовая мелкая. V, 109.
 — шпорцевая. V, 128.
 Кукушковая. V, 82.
 Кукуша. IV, 492.
 Куликъ аистовый VI, 59.
 — болотный. VI, 22
 — большой. VI, 17.
 — долгоногий. VI, 57.
 — золотистый. VI, 15.
 — сорока. VI, 89
 — степной. VI, 17
 Куличекъ воробей VI, 46

Курика. V, 305.
 Курикъ. V, 307.
 Куриныя лѣсныя. V, 616.
 — обыкновенная. V, 501.
 — скрытохвостая. V, 500.
 Курица водная. V, 699
 — золотая. V, 631.
 — кустовая австралийская. V, 682.
 — фараоновъ. VI, 498.
 — хохлатая. V, 686.
 — цыганская. V, 686
 — черная. V, 622.
 Курицы вонючія. V, 686.
 — султанскія. V, 702.
 — хохлатыя. V, 686
 Курна. V, 2.
 Куроль. V, 273
 Куропатка бѣлая. V, 552.
 — гималайская. V, 590.
 — греческая. V, 568.
 — валадская. V, 577.
 — вунгарская. V, 520.
 — кавказская. V, 587
 — каменная. V, 568.
 — красная. V, 572.
 — сѣрая. V, 578.
 Куропатки. V, 567.
 — бѣлыя. V, 549.
 — горныя. V, 568
 Курочка болотная. V, 706.
 — болотная малая. V, 708.
 — крошка. V, 708
 — Одинова. VI, 52.
 — степная. V, 478.
 — султанская. V, 702
 Курочки болотныя. V, 706.
 — водныя. V, 694.
 — ныряющія. V, 716.
 Куруйс. V, 193.
 Куружуйка пастоящая. V, 5.
 — полосатая. V, 2
 Куружуйки. V, 1.
 — американскія. V, 5.
 — лувохвостая. V, 7.
 — настоящія. V, 3
 — огненныя. V, 2.
 — павлиныя. V, 8
 — пѣвистыя. V, 3.
 — южно-азиатскія. V, 2.
 Курухтанъ. VI, 26.
 Куры болыноногія. V, 677.
 — въ тѣсномъ смыслѣ. V, 506.
 — древесныя. V, 604
 — полевые. V, 604.
 — скрытохвостыя. V, 627.
 — степныя. V, 477.
 — страусовыя. V, 689
 — фазановыя. V, 617.
 Кустарникъ IV, 108
 — большой. IV, 114
 Кустарные пѣвцы. IV, 149.
 Кхадда. V, 494.
 Кхата. V, 491
 Кэа. V, 410

Л.

Лаветь. IV, 781.
 Лазоренка. IV, 192.
 Лазутчикъ. IV, 170.
 Лайонгъ. IV, 781.
 Ластокрылья. VI, 186.
 Ласточка береговая. IV, 574.
 — городская. IV, 569.
 — греческая. IV, 568.
 — деревская. IV, 562.
 — земляная. IV, 574.
 — пурпуровая. IV, 576
 — скалистая. IV, 761.
 Ласточки древесныя. IV, 576.
 — земляныя. IV, 572.
 — ночныя. V, 216.
 Ласточковыя. IV, 561.
 Лебеди. VI, 646.
 Лебединыя VI, 646.
 Лебедь-бѣлякъ. VI, 649.
 — кликушъ. VI, 649.
 — малый. VI, 649.
 — пѣмой. VI, 649.
 — ручной. VI, 649.
 — черношейный. VI, 653
 — черный. VI, 653.
 — шипунъ. VI, 649.
 Ледяникъ. V, 55.
 Леженокъ. VI, 7.
 Лежень. VI, 182.
 Лейбаръ. V, 355.
 Лилекъ. V, 220.
 Лимонка. IV, 329.
 Липховость. IV, 619.
 Листовка золотолобая. IV, 231.
 Листовки. IV, 231
 Личилкофды. IV, 545.
 Лозники. VI, 25.
 Ловникъ длиннохвостый. VI, 39.
 — пятнистый. VI, 37.
 Лопастовоусецъ тонкоклю-
 вый. IV, 461.
 Лори дамскіе. V, 364.
 — клинохвостые. V, 367.
 Лори дамскій. V, 365.
 — многопѣвный. V, 369
 Лофорина епальчевая. IV, 451.
 — царская. IV, 449.
 — черная. IV, 453.
 — шестиперая. IV, 452.
 Лофорины. IV, 449.
 Лофоры. V, 639
 Лофорора. V, 639.
 Лоципчикъ. IV, 557.
 Луи. VI, 431.
 — крикливые. VI, 447.
 Лушь болотный. VI, 440.
 — камышевый. VI, 440
 — луговой. VI, 435.
 — полевой. VI, 431.
 — степной. VI, 431.
 Лури. V, 365.
 Лутокъ. VI, 728.
 Лусуха. V, 696.

.Исыха испанская. V, 696.
 .Исухи. V, 695.
 .Исуховид. V, 694.
 .Исушка. IV, 68.
 .Итвики. V, 151.
 .Исной заиввало. V, 15.
 .Исные судьи. V, 152.
 .Юркиъ. VI, 158

М.

Магалать. IV, 512.
 Маки. V, 622.
 Мала морайкей. V, 15
 Малиновка. IV, 61.
 — лѣсная. IV, 151.
 — садовая. IV, 136.
 Мамбефуръ. IV, 444.
 Манакинъ. IV, 590.
 Манакины. IV, 590.
 Манго. IV, 718.
 Мавукодата. IV, 450.
 Манукъ Педангъ. IV, 779.
 Манумеа. V, 474
 Марабу. VI, 567.
 Мартынокъ. V, 56.
 Мартышка. VI, 103
 — красноногая. VI, 98.
 Маховушка. IV, 194
 Медовѣдъ африканскій. IV, 708.
 — блѣдноклювый. IV, 708.
 Медовѣды. IV, 707.
 Медоуказчикъ. IV, 707.
 Медовѣды. IV, 227
 Межвики бѣлые. V, 559.
 Мейна пѣвчая. IV, 432.
 Мейны. V, 432.
 Мельпичекъ. IV, 116.
 Менинтинъ. IV, 267.
 Мерикотка. VI, 344.
 Меченювь. IV, 727.
 Меченосная птица. IV, 779.
 Миктерн. VI, 565
 Моевка. VI, 128.
 Моклонъ. VI, 697.
 Молотильникъ. IV, 187.
 Молотобой. IV, 602.
 Молотоглавы. VI, 576.
 Момоть. V, 79
 Мональ. V, 640.
 Монауль. V, 640.
 Мородунка. VI, 40.
 Морская свика. VI, 72.
 Морляка. VI, 723.
 Московка. IV, 194.
 Моховикъ. V, 508.
 Мошникъ. V, 508.
 Мужичекъ. V, 125.
 Муравьеловка огнеглазая. IV, 581.
 Муравьеловки. IV, 581.
 Мурръ. VI, 158.
 Мурука. VI, 748.
 Мутти. VI, 290.
 Мутувгъ. V, 670.

Мухоловка - бѣлошейка. IV, 555.
 — малая. IV, 557.
 — пеструшка. IV, 554.
 — сѣрая. IV, 552.
 — черноголовая. IV, 554.
 Мухоловки. IV, 552.
 — тропическія. IV, 559.
 Мухоловковья. IV, 547.
 Мышанка длиннохвостая. IV, 789
 Мышанки. IV, 789.
 Мышконосецъ. VI, 568.
 Мягкохвостка австралийская. IV, 179

Н.

Нааме. VI, 755.
 Напду. VI, 738 и 739.
 Нарина. V, 3.
 Небесная обезьяна. VI, 342
 Нектарница блестящая. IV, 225.
 Нектарницы. IV, 224.
 Нелеть патагонскій. VI, 186.
 Нелеты. VI, 186.
 — очковые. VI, 194.
 Нерсаень. VI, 693
 Несторъ Кэа. V, 410.
 — южный. V, 410.
 Несторы. V, 409.
 Нетибли. VI, 21.
 — длинноногіе. VI, 24.
 Нетигель малый. VI, 21.
 Неясны. V, 164.
 Неясны. V, 165.
 — уральская. V, 169.
 Нимфа. V, 378.
 Нири. V, 365
 Нодди. VI, 112.
 Ножеклювь пильскій. VI, 113.
 Ножеклювь. VI, 113.
 Норъ. VI, 640.
 Ночникъ. V, 220.
 Нужда. VI, 533
 Нуктуру. V, 478.
 Пирецъ - красношейка. VI, 636.
 — хохлатый. VI, 632.
 Пирки. VI, 707.
 — буревые. VI, 217.
 Пирокъ бѣлоглазый. VI, 717.
 — красноглазый. VI, 716.
 — красноносый. VI, 717.
 — пѣгій. VI, 724.
 Пьюнтерюпъ. V, 478
 Пѣмокъ. VI, 669.
 — краснозобый. VI, 670.
 — сѣверный. VI, 670.

О.

Овинникъ. IV, 375.
 Овсянка. IV, 375.
 — бѣлопалочная. IV, 384.

Овсянка желтобровая. IV, 384.
 — карликъ. IV, 373
 — луговая. IV, 382.
 — лѣсная. IV, 373.
 — малая. IV, 373.
 — настоящая. IV, 377
 — огородная. IV, 378.
 — полосатая. IV, 384.
 — садовая. IV, 379.
 — снежиревидная. IV, 371.
 — сѣроголовая. IV, 380
 — тростниковая. IV, 371.
 — черноголовая. IV, 383
 Овсянки. IV, 371.
 Огранокъ. IV, 569.
 Олуши. VI, 612.
 Олушь. VI, 612.
 Олшанка. IV, 61.
 Оляпка. IV, 78.
 — альпійская. IV, 78
 — чернобрюхая. IV, 78.
 Оляпки. IV, 77.
 Органистъ фиолетовый. IV, 284.
 Органисты. IV, 284.
 Орель гребневый. VI, 402
 — испанскій. VI, 303.
 — карликовый. VI, 314.
 — клинохвостый. VI, 321
 — малый. VI, 309.
 — могильникъ. VI, 303
 — морской. VI, 621.
 — обутый. VI, 314.
 — степной. VI, 311
 — хохлатый. VI, 399.
 — лстребинный. VI, 322.
 Орланъ бѣлоголовый. VI, 345
 — бѣлохвость. VI, 344.
 — грифовый. VI, 360
 — крикупъ. VI, 356.
 — морской. VI, 356.
 — сѣверо-американскій. VI, 345.
 — чернохвость. VI, 345
 Орланы. VI, 344.
 Орлиный клювъ. IV, 717.
 Орлы. VI, 291.
 — коршуновыя. VI, 405.
 — хохлатые. VI, 399.
 Ортолавъ. IV, 379.
 Орѣховикъ. IV, 90.
 Орѣховка австралийская. IV, 513.
 — обыкновенная. IV, 507.
 — тонкоклювая. IV, 507
 Орѣховки. IV, 507.
 — австралийскія. IV, 513.
 Орѣшекъ. IV, 170
 Ософѣдъ европейскій. VI, 369.
 Ософды. VI, 369.
 Отецъ мѣшка. VI, 568.
 Отшельникъ. IV, 717.
 Отшельникъ бразильскій. IV, 717.
 — бурбопскій. V, 472.

П.

- Паваоне. V, 740
 Павлиновья V, 634.
 Павлиничкь. IV, 198.
 Павлинь обыкновенный. V, 635.
 Павлины. V, 634.
 Паламедей. VI, 794.
 Паламедя. VI, 735.
 Папагайо. V, 305.
 Парраква. V, 676.
 Парровья. VI, 160 и 161.
 Парры. VI, 161
 Пастушки. V, 714.
 — плавунцевые. VI, 161.
 Пастушковья. V, 694.
 Пастушокъ водяной. V, 713.
 — лѣсной. V, 31.
 Пеликанъ кудрявый. VI, 616.
 — розовый. VI, 616.
 Пеликаны. VI, 615.
 Пенелопы. V, 674.
 Перевозчикъ. VI, 37.
 Перелетка. V, 596.
 — виргинская. V, 605
 — горная. V, 610
 Перепелки холотья. V, 608.
 Перепелъ калифорнийскій. V, 608.
 — холотый. V, 608.
 Перепелитникъ гвианскій. VI, 405.
 Пересмѣшникъ. IV, 108
 Пересмѣшникъ. IV, 166.
 Перцеядъ красноклювый. IV, 693.
 — оранжевый. IV, 693.
 Перцеяды. IV, 691 и 692.
 Песарь морской. VI, 21.
 Песочники. VI, 42.
 — американскіе. VI, 47.
 Песочникъ альпійскій. VI, 44.
 — американскій. VI, 47.
 — исландскій. VI, 49.
 — малый. VI, 47.
 — малый. VI, 44.
 — морской. VI, 42.
 — обыкновенный. VI, 46.
 — переполчатопалый. VI, 51.
 — полосатый. VI, 48
 — рыжеватый. VI, 48.
 — травяной. VI, 47.
 Пестрогрудка. IV, 108.
 Песчанка. VI, 49.
 Печники. IV, 584
 Печникъ рыжій. IV, 585.
 Пятица бѣлохвостая. VI, 68.
 — обыкновенная. VI, 62.
 Пигалка. VI, 62
 Пилкопара. V, 716.
 Пилоносцы. V, 10.
 Пилоракши. V, 78.
 Пингвинъ алатовласый. VI, 187.
 Пингвины. VI, 186.
 Пинкпикъ. IV, 175.
 Пипры. IV, 590.
 Питпигъ ямайскій. IV, 222.
 Питпигъ. IV, 222.
 Питта бенгальская. IV, 578.
 Питты. IV, 578.
 Пищука-сверчокъ. IV, 213.
 Пищуки. IV, 213.
 Плавунчики. VI, 52.
 Плавунчикъ круглоносый. VI, 52.
 — плосконосый. VI, 53.
 Плащеносцы. IV, 457.
 Плесовка. VI, 719.
 Плетанка. IV, 75.
 Плиска. IV, 258.
 — желтая. IV, 263
 — желтая. IV, 258.
 — желтоголовая. IV, 266
 — полевая. IV, 264.
 — сѣверная. IV, 264
 — черноголовая. IV, 264.
 Плиски. IV, 263.
 — ласточковыя. IV, 267.
 Плистовка. IV, 258.
 Плоскоклювы. V, 75
 Плоскоклювыя. V, 74.
 Поганка большая. VI, 632
 — малая. VI, 637.
 — рогатая. VI, 637.
 — сѣрошекая. VI, 636
 — ушастая. VI, 637
 — холотая. VI, 632
 Поганки. VI, 628.
 Погоньшъ. V, 706.
 Подаровья. V, 254.
 Подема. IV, 136.
 Подкоренникъ. IV, 170.
 Подорожники. IV, 367.
 — собственно. IV, 367.
 Подорожникъ. V, 125.
 — зимній. IV, 369.
 — лавандскій. IV, 367.
 — луговой. IV, 382.
 — садовый. IV, 379.
 — тростниковый. IV, 371.
 — черноголовый. IV, 381.
 Подорѣшникъ. IV, 108.
 Подсмѣтوشка. IV, 248.
 Подсокольникъ. VI, 258.
 Подсудьба. IV, 248
 Полуничъ. IV, 213.
 Полуночникъ. V, 220
 Полусоловей. IV, 146.
 Поморникъ большой. VI, 134.
 — длиннохвостый. VI, 137.
 — короткохвостый. VI, 138.
 — средній. VI, 134.
 Поморники. VI, 132.
 Помпей. V, 5.
 Поповаень. IV, 213.
 — волчекъ. IV, 207.
 — каменный. IV, 211.
 — сѣверный. IV, 206.
 — ямщикъ. IV, 207.
 Поповаень. IV, 205.
 Попугай. V, 276.
 — австралийскіе. V, 373.
 — амазонскіе. V, 305.
 — зеленые. V, 305.
 — земляные. V, 416.
 — карликовые. V, 371.
 — клинохвостые. V, 309.
 — клинохвостые настоящие. V, 321.
 — королевскіе. V, 337.
 — короткохвостые. V, 302.
 — зори. V, 361.
 — луговые. V, 376.
 — неравлучные. V, 348.
 — нетопыри. V, 361.
 — новогвинейскіе. V, 352
 — свиные. V, 416.
 — сѣрые. V, 337.
 — толстоклювые. V, 309.
 — узоклювые. V, 315
 — черноголовые. V, 290.
 — широкохвостые. V, 373.
 Попугай александровскій. V, 290.
 — амазонскій. V, 305.
 — волнистый. V, 383.
 — вѣрный. V, 302.
 — горный. V, 410.
 — длинноклювый. V, 318.
 — зеленокрасный. V, 352.
 — земляной. V, 416.
 — канареечный. V, 383.
 — каролинскій. V, 322.
 — лазурный. V, 377.
 — ожереловый. V, 355.
 — раковистый. V, 383.
 — сѣрый. V, 337
 Попугайчики. V, 354.
 — дятловые. V, 371.
 Попугайчиковья. V, 348.
 Попугайчикъ австралийскій
 — маленкій. V, 380.
 — александровскій. V, 355.
 — волнистый. V, 381.
 — карликовый зеленый. V, 372.
 — красношейный. V, 348
 — нешерный. V, 418.
 Попутчикъ. IV, 74.
 Портника длиннохвостая. IV, 177.
 Портники. IV, 177
 Порученикъ. VI, 80.
 Порфироска египетская
 V, 704.
 — маленкая. V, 704.
 Порфиросцы. V, 702.
 Потатуйка. V, 31
 Поэ новозеландскій. IV, 228.
 Просянка. IV, 375.
 Птица воловь. IV, 601.
 — дождевая. V, 123.
 — долларъ. V, 273.
 — кошка. IV, 185.
 — красная. IV, 546.
 — лайка. IV, 584.
 — ледяная. VI, 158.

Птица пасторъ. IV, 229.
 — поджигатель. IV, 521.
 — райская безногая. IV, 444.
 — райская красная. IV, 445.
 — райская малая. IV, 444.
 — тѣневая. VI, 576.
 Птицы. IV, 1.
 — боевыя. VI, 221.
 — воробьиныя мелкія. IV, 40.
 — воробьиныя настоящія. IV, 40.
 — выводковыя. V, 500.
 — гагаровыя. VI, 628.
 — гагаровыя. VI, 221.
 — голенастыя. VI, 524.
 — древесныя. V, 1.
 — древесныя. IV, 40.
 — дрохвовыя. VI, 1.
 — дьявольскія. IV, 423.
 — дятловыя. IV, 40.
 — дятловыя. IV, 617.
 — зимородковыя. IV, 40.
 — зубоклювыя. IV, 40.
 — зубчатоклювыя. VI, 643.
 — зубчатоклювыя. VI, 221.
 — кистозащитныя. IV, 227.
 — коротконогія. IV, 40.
 — кукушковыя. IV, 40.
 — куринныя. V, 500.
 — лировыя. IV, 612.
 — ложно-пѣвчія. IV, 612.
 — ложно-пѣвчія. IV, 40.
 — меууровыя. IV, 40.
 — ванду. VI, 737.
 — носороги. V, 10.
 — одноносыя. IV, 577.
 — парровыя. VI, 1.
 — плоскоклювыя. IV, 40.
 — понсковыя. VI, 1.
 — порхающія. IV, 712.
 — пѣвчія. IV, 46.
 — пѣвчія настоящія. IV, 46.
 — райскія. IV, 443.
 — райскія настоящія. IV, 444.
 — ракъшевыя. IV, 40.
 — сахарныя. IV, 221.
 — священныя. IV, 423.
 — солнечныя. IV, 182.
 — утинныя. VI, 643.
 — хищныя. VI, 221.
 — хищныя дневныя. VI, 221.
 — цыганы. IV, 356.
 — пароклювыя. V, 276.
 — шпорцекрылыя. VI, 734.
 — шумокрылыя. IV, 40.
 Пугачъ. V, 197.
 Пукша. IV, 548.
 Пули. IV, 580.
 Пуночка. IV, 369.
 Пустельга красная. VI, 281.
 — обыкновенная. VI, 274.

Путта Деули. IV, 776.
 Пуффинъ бурый. VI, 218.
 — гибралтарскій. VI, 218.
 Пуффинъ. VI, 217.
 Пухлякъ. IV, 196.
 — горный. IV, 196.
 Пучкогѣздъ бразильскій. IV, 58.
 Пучкогѣзды. IV, 583.
 Пчелояды. V, 38.
 Пѣвунъ зеленый. IV, 279.
 Пѣвуны. IV, 46.
 — амерканскіе. IV, 279.
 Пѣвцы лѣсные. IV, 257.
 Пѣганка. VI, 681.
 Пѣвочка блѣдная. IV, 154.
 — бормотушка. IV, 154.
 — горная. IV, 157.
 — длинная. IV, 151.
 — желтогрудая. IV, 151.
 — пивовая. IV, 158.
 — индѣйская. IV, 157.
 — корольковая. IV, 160.
 — лѣсная. IV, 156.
 — лѣсная. IV, 151.
 — малая. IV, 156.
 — многоголосная. IV, 151.
 — обыкновенная. IV, 156.
 — оляковая. IV, 154.
 — пересмѣшка. IV, 151.
 — печальная. IV, 157.
 — садовая. IV, 151.
 — сѣрая. IV, 154.
 — таловая. IV, 151.
 — теньковка. IV, 156.
 Пѣвочки настоящія. IV, 155.
 — садовыя. IV, 151.
 Пѣтухи собственно. V, 615.
 Пѣтухъ банкяскій. V, 615.
 — гангскій. V, 616.
 — джунглевый. V, 616.
 — каркающій. V, 616.
 — степной. V, 125.
 — фазановый. V, 618.
 Пѣтушки. IV, 606.
 Пѣтушекъ камешчат. IV, 606.

Р.

Рагу. V, 355.
 Разини. VI, 571.
 Разниа. VI, 572.
 Ракша. V, 265.
 Ракъшевидныя. V, 153.
 Рарита. IV, 597.
 Рара. IV, 597.
 Рарнукъ. V, 730.
 Расмосось. V, 397.
 Распѣвъ. IV, 318.
 Рахамъ. VI, 498.
 Ревуха. VI, 639.
 Ремезъ. IV, 202.
 Ремезъ. IV, 202.
 Реполовъ. IV, 61.
 Реполовъ. IV, 61.
 Ржанка. VI, 73.

Ржанка глупая. VI, 75.
 — морская. VI, 79.
 — рыжая. VI, 73.
 — рѣчная. VI, 78.
 — сибирская. VI, 73.
 — степная. VI, 76.
 — черноголовая. VI, 75.
 Ржанки. VI, 71.
 Ржанковыя. VI, 1.
 Ржанковыя. VI, 62.
 Рибета. VI, 769.
 Рисовка. IV, 399.
 Рогоклювъ яванскій. IV, 611.
 Рогоклювыя. IV, 611.
 Розардо. IV, 130.
 Ровелда. V, 375.
 Ронжа. IV, 496.
 Рогтъ. VI, 158.
 Рулулъ. V, 602.
 Ручейка. IV, 78.
 Рыболовъ. VI, 122.
 Рѣпель. IV, 320.
 Рѣполовъ. IV, 320.
 Рюмъ. IV, 246.
 Рябинникъ. IV, 91.
 — большой. IV, 90.
 — малый. IV, 91.
 — сѣрый. IV, 90.
 Рыбки. V, 475.
 — собственно. V, 490.
 Рыбокъ африканскій. V, 494.
 — Лихтенштейна. V, 494.
 — сенегальскій. V, 491.
 Рябчикъ. V, 538.

С.

Саваку. VI, 548.
 Савка бѣлоголовая. VI, 725.
 Савки. VI, 725.
 Саджа. V, 478.
 Саджи. V, 478.
 Сай. IV, 221.
 Салаганга съѣдобная. IV, 781.
 Салаганга. IV, 780.
 Салсанъ. VI, 246.
 — варварійскій. VI, 247.
 — малый. VI, 247.
 — чернощекий. VI, 247.
 Саранча. IV, 146.
 Сарка. IV, 309.
 Сарнь. VI, 331.
 Саронгъ. IV, 781.
 Сарычевы. VI, 291.
 Сарычи. VI, 330.
 Сарычь бѣлохвостый. VI, 331.
 — обыкновенный. VI, 330.
 — степной. VI, 331.
 Сатиръ. V, 643.
 Сатиры. V, 643.
 Саукъ. VI, 723.
 Сафо. IV, 725.
 Сверлокъ полевой. IV, 142.
 — рѣчной. IV, 146.

- Сверчок тростниковый. IV, 148.
- Свиристель. IV, 548.
- Свиристели. IV, 548.
- Свиристель. IV, 548.
- Свирокъ. VI, 715.
- Свиць. VI, 691.
- Свиць. VI, 691.
- Секретарь. VI, 518.
- Семепуха. VI, 30.
- Семепуха. VI, 73.
- Серендакъ. V, 362.
- Серима. V, 734.
- Серимы. V, 734.
- Сериидить. V, 362.
- Сейфъ. VI, 246.
- Сивка. VI, 73.
- воронка. V, 265.
- Сивоворонка. V, 265.
- Сивоворонки. V, 262.
- Сивогранъ. V, 265.
- Сиворапша. V, 265.
- Сиворакши. V, 262.
- Сивоворонка. V, 265.
- Сизякъ. V, 442.
- Силидидь. V, 362.
- Симбиль. VI, 563.
- Синдада. V, 362.
- Синеватень. IV, 87.
- Синица альпійская. IV, 196.
- болотная. IV, 195.
- большая. IV, 189.
- горная. IV, 196.
- длиннохвостая. IV, 198.
- малая. IV, 194.
- обыкновенная. IV, 189.
- простая. IV, 189.
- синяя. IV, 192.
- сѣрая. IV, 195.
- усатая. IV, 201.
- хохлатая. IV, 197.
- черная. IV, 194.
- Синицы. IV, 188.
- длиннохвостая. IV, 198.
- лѣсная. IV, 189.
- Синичка. IV, 258.
- бѣлая долгохвостая. IV, 258.
- Синьга. VI, 714.
- Синьги. VI, 714.
- Сипуха обыкновенная. V, 160.
- Сипухи. V, 160.
- Сипъ бѣлоголовый. VI, 493.
- бѣлый. VI, 493.
- Рюппеля. VI, 493.
- Сипы. VI, 493.
- Сиринь воробьиный. V, 189.
- домовый. V, 186.
- пустынный. V, 186.
- лѣственный. V, 177.
- Сирины. V, 186.
- Скворецъ бронзовый. IV, 427.
- бѣлобрюхий. IV, 431.
- великобѣлый. IV, 430.
- водяной. IV, 78.
- ласточковый. IV, 435.
- мѣдиобрюхий. IV, 431.
- Скворецъ обыкновенный. IV, 415.
- однобѣдный. IV, 416.
- розовый. IV, 420.
- стальной. IV, 428.
- черный. IV, 416.
- черный степной. IV, 244.
- Скворцы. IV, 415.
- блестящие. IV, 427.
- ласточковые. IV, 434.
- Скиталець. VI, 246.
- Скопа рѣчная. VI, 363.
- Скуа. VI, 134.
- Славка бѣлобордая. IV, 122.
- бѣлобрюхая. IV, 124.
- восточная. IV, 129.
- длиннопогая. IV, 123.
- очковая. IV, 120.
- пересмѣшка. IV, 116.
- полевая. IV, 118.
- провансальская. IV, 127.
- шѣпчущая. IV, 110.
- рыжехвостая. IV, 129.
- Рюппеля. IV, 123.
- садовая. IV, 114.
- сардинская. IV, 126.
- сѣрая. IV, 118.
- лѣственная. IV, 108.
- Славки. IV, 108.
- европейская. IV, 108.
- кустарниковая. IV, 128.
- Славковья. IV, 102.
- Слонка. VI, 2.
- Слука. VI, 2.
- Слѣпухъ длиннохвостый. IV, 198.
- желтый. IV, 189.
- синий. IV, 192.
- сѣрый. IV, 196.
- черный. IV, 194.
- Сморозинка. IV, 114.
- Снигиревья. IV, 318.
- Снигири длиннохвостые. IV, 347.
- желтые. IV, 333.
- красные. IV, 342.
- Снигирь-жуланъ. IV, 348.
- красный. IV, 342.
- малютка. IV, 335.
- обыкновенный. IV, 348.
- пустынный. IV, 351.
- сибирский. IV, 347.
- Снигирь. IV, 348.
- Снигурка. IV, 369.
- Сова болотная. V, 209.
- бѣлая. V, 174.
- бѣлая. V, 174.
- водяная. V, 214.
- кроликовал. V, 193.
- ландшадская. V, 171.
- малютка. V, 189.
- обыкновенная. V, 165.
- пендельная. V, 172.
- подземная. V, 193.
- соколиная. V, 177.
- сѣверо-американская. V, 193.
- Сова сѣрая. V, 165.
- уральская. V, 169.
- ушастая. V, 202.
- лѣственная. V, 177.
- Совиный. V, 154.
- Совы. V, 154.
- водяныя. V, 214.
- карликовыя. V, 212.
- пещерныя. V, 193.
- сѣбѣжныя. V, 174.
- Сойка голубая зубатая. IV, 503.
- островная. IV, 496.
- саксаульная. IV, 522.
- хохлатая. IV, 500.
- Сойки. IV, 492.
- пустынные. IV, 522.
- синяя. IV, 499.
- Сойковья. IV, 491.
- Соколинныя. VI, 226.
- собственно. VI, 226.
- Соколъ королевский. VI, 235.
- красношейный. VI, 256.
- ночной. V, 239.
- перелетный. VI, 246.
- Турумды. VI, 256.
- Соколы благородныя. VI, 227.
- карликовыя. VI, 290.
- небагородимыя. VI, 272.
- ночныя. V, 239.
- Сожсуть. VI, 701.
- Солдаты. VI, 594.
- Соловей восточный. IV, 48.
- западный. IV, 48.
- китайский желтый. IV, 182.
- красношейка. IV, 59.
- курский. IV, 48.
- лѣсной. IV, 97.
- персидский. IV, 48.
- разноголосый. IV, 49.
- степной. IV, 48.
- сѣверный. IV, 97.
- Соловейчики. IV, 149.
- Соловьи. IV, 48.
- китайскіе. IV, 182.
- красношейки. IV, 58.
- настоящие. IV, 48.
- Сорока голубая испанская. IV, 505.
- голубая сибирская. IV, 505.
- дикая. IV, 492.
- индійская. IV, 512.
- лѣсная. IV, 492.
- обыкновенная. IV, 484.
- райская. IV, 453.
- странствующая. IV, 512.
- Сороки. IV, 484.
- голубыя. IV, 505.
- длиннохвостыя. IV, 512.
- лѣсныя. IV, 512.
- Сорокопутовья. IV, 526.
- Сорокопутъ. IV, 527.
- большой сѣверный. IV, 528.
- большой южный. IV, 528.

Сорокопуть бѣлокрылый IV, 528.
 — Гомейера IV, 528.
 — жуланъ IV, 534.
 — красноголовый IV, 537.
 — краснохвостый IV, 540.
 — малый IV, 531.
 — нубійскій IV, 538.
 — пурпуровый IV, 542.
 — пѣвчій IV, 542.
 — соколинный IV, 544.
 — сѣрый IV, 527.
 — черволобий IV, 531
 Сорокопуть ласточковые IV, 434.
 — дѣсные IV, 540.
 — настоящіе IV, 527
 Сорочка IV, 554.
 Основникъ IV, 355
 Сосѣдка IV, 248.
 Сплюшка V, 212.
 Стервятникъ VI, 498.
 — мохнатый VI, 502.
 Стернатики настоящіе IV, 371
 Стерхъ V, 724.
 Страусовы VI, 755.
 Страусъ американскій VI, 739
 — обыкновенный VI, 755.
 — сомалиевъ VI, 755.
 Стрепетъ VI, 173.
 Стригъ IV, 758.
 Стрижскъ IV, 569.
 — горный IV, 57.
 — земляной IV, 574.
 Стрижъ IV, 755.
 — древесные IV, 778.
 — настоящіе IV, 758
 Стрижъ IV, 574.
 Стрижъ IV, 758.
 — башенный IV, 770
 — бѣлобрюхій IV, 758.
 — длинноперый IV, 778.
 — малый IV, 776.
 — сѣрый IV, 770
 — черный IV, 758
 Стѣнолазъ краснокрылый IV, 215.
 Сукалень лапландскій VI, 21.
 — сѣрый VI, 24.
 — чернохвостый VI, 22.
 Сукальни VI, 21.
 Сукръ-эль-Хоръ VI, 234.
 Сукуши VI, 489.
 Сурацникъ IV, 69.
 Суравъ IV, 302.
 Сынъ солнца VI, 625.
 Сычъ воробей V, 189.
 — горный V, 177.
 — домовый V, 186.
 — канюкъ V, 212.
 — малютка V, 189.
 — обыкновенный V, 183.
 Сѣрокопытка IV, 527.
 Сѣруха VI, 693.
 Сѣзубъ IV, 445.
 Сѣми VI, 246.

Т.

Тализокъ V, 362
 Таловка IV, 157.
 Тамъка IV, 114.
 Тангара красная IV, 282.
 — съдобная IV, 282.
 Тангары IV, 281.
 Тапаколо IV, 583.
 Тарано V, 418.
 Таратайка VI, 26.
 Теркусъ VI, 101.
 Тетерева V, 508.
 Тетеревиныя V, 506
 — американскія V, 544.
 Тетеревъ глухой V, 508.
 — горный V, 560.
 — кавказскій V, 525.
 — косачъ V, 524
 — луговой V, 544.
 — межпикъ V, 524.
 — моховой V, 508.
 — обыкновенный V, 524.
 — полевой V, 524.
 — чернышъ V, 525.
 — шотландскій V, 554.
 Тетеревятники VI, 419
 Тетеревятникъ VI, 419
 Тига V, 355.
 Тилкувъ IV, 685.
 Тималин IV, 166.
 Тималин IV, 181.
 — собственно IV, 180.
 Тималия бурая IV, 181
 Тинтинъ IV, 175.
 Тиранъ каролинскій IV, 592.
 Тираны IV, 589.
 Тирика V, 316.
 Тиркуша луговая VI, 93
 — степная VI, 93.
 Тиркуши VI, 93.
 Тиркушопыя VI, 1.
 Тіонгъ-Бату V, 271.
 Тіонгъ-Лампай V, 271.
 Тіа V, 355.
 Ткачевыя IV, 384.
 Ткачи IV, 387.
 — амарантовые IV, 396.
 — древесные IV, 389.
 — настоящіе IV, 385
 Твачъ абиссинскій IV, 390
 — буйволовый IV, 387.
 — бѣлоклювый IV, 387
 — золотистый IV, 389.
 — огненный IV, 393.
 — свѣтлый IV, 387.
 — средній IV, 387.
 Тоди IV, 40.
 Тоди V, 75.
 — пестрый V, 75.
 Токи V, 12.
 Токо IV, 692.
 Токороро V, 7.
 Токъ V, 12.
 Токовикъ V, 529.
 Торильо V, 719.

Травникъ VI, 80.
 Травникъ VI, 32
 Травничекъ IV, 114
 Трапистъ V, 152
 Траписты V, 152.
 Тресторео V, 273.
 Трескунчикъ IV, 138.
 Трескутъ VI, 17.
 Трещетка IV, 156.
 Трикунь IV, 355.
 Триперстка африканская V, 719
 — драчливая V, 718.
 Триперстки V, 717.
 Триперстковыя V, 717.
 Троицына птица IV, 437.
 Трохидость VI, 69.
 Трохиль VI, 83.
 Трубачи V, 731.
 Трупиаль балтиморскій IV, 401.
 Трупиалы IV, 401.
 — сѣверо американскіе IV, 401.
 Трисогузка IV, 130.
 Трисогузка бѣлая IV, 258.
 — горная IV, 261.
 — желтая IV, 263.
 — желтоголовая IV, 266
 — черная IV, 258.
 Трисогузки IV, 257.
 Тсиашкаръ IV, 444.
 Тугу V, 109.
 Туи IV, 228.
 Тукапа IV, 693.
 Туканъ большой IV, 692.
 Тукапы IV, 617.
 Тукапы IV, 691.
 Тулесъ VI, 72.
 Тупаколы IV, 583.
 Туликъ VI, 140.
 Турако V, 139.
 — блохочій V, 143
 — западно-африканскій V, 145.
 — сиолинскій V, 139.
 — фиологовъ V, 142.
 — хохлатъ V, 145.
 Турако крикливые V, 147.
 — шлемоносные V, 143.
 Турпанъ VI, 715.
 Турпанъ американскій VI, 715.
 Турухтанъ VI, 26.
 Туи IV, 342.
 Тюрко IV, 583
 Тюхчъ V, 508.

У

Удодовыя V, 31.
 Удодъ древесный V, 35
 — обыкновенный V, 31.
 — райскій большой IV, 455.
 — райскій черноватый IV, 453

Удоды древесные. V, 35.
райские. IV, 453.
Улитовья. VI, 17.
Улитъ болотный. VI, 35
— большой. VI, 30.
— бѣлобрюхий VI, 37.
— красноногий. VI, 32.
— прудовой. VI, 30
— темный. VI, 33.
— чернокрылый. VI, 35.
Улиты. VI, 25.
Улларъ. V, 590
Улу V, 214.
Улувъ бѣлый. V, 174.
Урава. IV, 487.
Уруби. VI, 513.
Уручту. V, 243.
Устричный ловецъ. VI, 91.
Утка епанчевая. VI, 697.
— каролинская. VI, 704.
— красная. VI, 678
— матерая. VI, 692
— полуматерая. VI, 693.
— сѣрая. VI, 693.
Утки. VI, 690.
— настоящія. VI, 691.
Утумъ V, 214
Утятникъ VI, 419.

Ф.

Фазановья. V, 613.
Фазанчикъ. IV, 198
Фазанъ алмазный V, 652
— вологистый V, 631.
— кавказскій. V, 626.
— королевскій V, 626.
— манджурскій. V, 622.
обыкновенный. V, 626
— пестрый. V, 630.
— рогатый V, 643.
— серебряный. V, 620.
— синий. V, 622.
— свѣжый. V, 590.
Фазаны настоящіе. V, 625.
— ушастые. V, 622
Факи. VI, 358.
Фавемъ. IV, 444.
Фазтопъ. VI, 625
Фазтоны. VI, 625
Фигляръ. VI, 341.
Филинь. V, 197.
— бѣдный. V, 199.
— пѣвецкій. V, 197.
— фараоновъ. V, 199.
Фияны. V, 197
Фифи. VI, 35.
Фифиска. VI, 35.
Флажолстовый пѣвецъ. IV, 170
Фламинго. VI, 591 и 592.
Флейтчикъ. IV, 525.
Франколинъ Турчакъ. V, 585.
Франколинъ. V, 583.
Фрегаты. VI, 621.

Х.

Халкофанъ пурпуровый. IV, 413.
Халкофаны. IV, 413.
Хандъ. IV, 512.
Харатака. V, 622.
Харрадоръ. IV, 602.
Харусе. V, 649.
Хархаль. VI, 681.
Химанго. VI, 449.
Хинмахино. VI, 447.
Хиригриттерль. IV, 336.
Хитае. VI, 398.
Хиа. V, 303
Хоакцина. V, 687
Ходулочникъ. VI, 56.
Ходулочникъ. VI, 57.
Холзанъ. VI, 291.
Хохлатка. IV, 248.
Хохлячъ. VI, 719.
Хохотунъ черноголовый. VI, 122.
Хохотунья обыкновенная. VI, 119.
— сибирская. VI, 119
Хрусталь. VI, 75.
Хунгъ-по. IV, 60
Хуту. V, 79.

Ц.

Цапли VI, 524
— дневныя. VI, 527.
— малыя. VI, 538.
— солнечныя. V, 798
Цапли бѣлая. VI, 532.
— ибисовая. VI, 536.
— исполнская. VI, 529.
— косматая. VI, 537.
— малая. VI, 538.
— ночная. VI, 545.
— пурпуровая. VI, 528.
— серебряная малая. VI, 533
— солнечная V, 738.
— сѣрая. VI, 527.
— черноголовая. VI, 528.
Цесарка грифовая. V, 659.
— кистевал V, 662.
— обыкновенная. V, 661.
— хохлатая. V, 662.
Цесарки. V, 659
Циромбо. V, 273
Цируа. IV, 609.
Цисса китайская. IV, 489
Циссы. IV, 489.
Цистикола бѣгающая. IV, 174.
Цистиколы. IV, 174.
Цыганъ V, 667.

Ч.

Чагра. IV, 541.
Часяка. IV, 196
Чайка. IV, 196.

Чайка бѣлая. VI, 126.
— бѣлоглазая. VI, 123.
— вилохвостая. VI, 131.
— малая. VI, 123
— морская большая. VI, 120.
— обыкновенная. VI, 123
— одинова. VI, 119.
— полярная большая. VI, 118.
— полярная малая. VI, 118.
— розовая. VI, 132
— серебристая. VI, 118
— сивая. VI, 120.
— средиземно-морская. VI, 123.
— сѣроголовая. VI, 123.
— трехпалая. VI, 128.
Чайки. VI, 115.
— бѣлыя. VI, 126.
— вилохвостыя. VI, 131.
— настоящія. VI, 117.
Чайковья. VI, 96.
Чеквой. VI, 670.
Чеботаръ. VI, 59.
Чеглокъ. VI, 258.
— элеонора. VI, 260.
Чекканки. IV, 69.
Чекканчикъ луговой. IV, 69
— чернохвостый. IV, 70
Чекканъ-получчикъ. IV, 74.
Ченура. VI, 527.
Червякъ. IV, 142.
Чертеп. VI, 716
Чертепъ бѣлоглазая. VI, 717
— красноголовая. VI, 716.
— красноклювая. VI, 717
— морская. VI, 719.
— хохлатая. VI, 719.
Черноголовицъ. IV, 110
Черноголовка. IV, 112.
Чернообикъ. VI, 44.
— малый. VI, 44
Чернокрылка. VI, 120.
Черношляпка. IV, 112.
Чернышъ. VI, 35.
Чечевца. IV, 342.
Чечевичникъ. IV, 342
Чечетка. IV, 323.
— большая. IV, 324.
— горная. IV, 324.
— красная. IV, 324.
Чечеть. IV, 323.
Чибисъ. VI, 62
— болотный. VI, 68
— степной. VI, 67.
— шпорцевый. VI, 69.
Чивито-де-ла Парамось. IV, 729.
Чижикъ. IV, 327.
Чижикъ лимонный. IV, 329.
— обыкновенный. IV, 327.
Чиндрова. IV, 318.
Чинкисъ. V, 648.
Чинъ-по. IV, 60.
Чирака. VI, 103.
Чиркунъ. IV, 356.

Чирокъ-коростелекъ. VI, 696.
 — обыкновенный. VI, 696.
 — свистунокъ IV, 696.
 — сѣрый. VI, 696.
 — трескунокъ. VI, 696.
 — узконосый VI, 698.
 Чистиковыя. VI, 140.
 Чистикъ атлантическій. VI,
 151
 — полярный. VI, 151
 Чигрекъ. IV, 561.
 Чифча. VI, 363.
 Чомга. VI, 632.
 Чорой. V, 318.
 Чукаръ. V, 568.
 Чули. V, 109
 Чумичка. IV, 198.
 Чунья. V, 735.
 Чурилка. V, 220

Ш.

Шаку. V, 676.
 Шакупемба. V, 675.
 Шаланикъ пятнистый. IV,
 459.
 — шелковистый. IV, 457.
 Шалу. IV, 410.
 Шахинъ. VI, 247.
 Швейки. IV, 174.
 Шерстоспниный. IV, 578.
 Шилоклювка. VI, 59.
 Шилоклювки. VI, 59.
 Шилохвость. VI, 700.
 Широконоска. VI, 701
 Широкоротъ азиатскій. V, 271.
 Широороты. V, 271.
 Шелпунъ. IV, 355.
 Шомета. VI, 344.

А.

Abdimia sphenorhyncha. VI,
 563
Abdimstorch. VI, 563.
Abornis tristis. IV, 157.
Acanthis. IV, 320.
 — *cannabina*. IV, 320.
 — *carduelis*. IV, 331.
 — *flavirostris*. IV, 321.
 — *linaria*. IV, 323.
 — *linaria holboellii*. IV, 324.
 — *montium*. IV, 321.
 — *rufescens*. IV, 324.
 — *spinus*. IV, 326.
Accenteur d'orient. IV, 104.
Accenteur. IV, 103.

Шпакъ. IV, 415.
 Шпорника. V, 647.
 Шпорникъ. V, 648.
 Шрикувъкаменный. IV, 7-0.
 Шьярама. V, 623.

Щ.

Щеберница. VI, 108.
 Щеврица береговая. IV, 273.
 — бурая. IV, 274.
 — водяная. IV, 273.
 — древесная. IV, 272.
 — луговая. IV, 270.
 — лѣсная. IV, 272.
 — полевая. IV, 276.
 — шпорцевая. IV, 278.
 Щеврицы. IV, 269.
 Щегленокъ. IV, 331.
 Щеголь. VI, 33
 Щеголь. IV, 331.
 Щурикъ. V, 40.
 Щурка австралийская. V, 49.
 — египетская. V, 41.
 — золотистая. V, 40.
 — пурпуровая. V, 47
 Щурки. V, 38.
 — африканскія. V, 47.
 — ночныя. V, 50.
 — усатыя. V, 39.
 Щурковыя. V, 38.
 Щуръ. V, 40.
 Щуръ. IV, 344.
 Щурикъ. IV, 574.

Э.

Эллинь. VI, 769.
 Эльфъ великолѣпный. IV, 722.

Эльфы. IV, 722.
 — хвостатые. IV, 723.
 Эму. VI, 750 и 751.
 Энимакхи. IV, 453.
 Эркумъ. V, 25.
 Эрмудъ. VI, 769.

Ю.

Юла. IV, 251

Я.

Ягнятники. VI, 454.
 Ягнятниковыя. VI, 455.
 Ягнятникъ бородатый. VI,
 455.
 — голоногий. VI, 456.
 Яккуль. V, 407.
 Ясапа. VI, 161.
 Ястреба пѣвчіе. VI, 428.
 Ястребиныя. VI, 398.
 Ястребъ коротконогий. VI,
 411.
 — ночной. V, 220.
 — обыкновенный. VI, 410.
 — перепелятникъ. VI, 411.
 — пѣвчій. VI, 428.
 — сарапчевый. VI, 428.
 — черноголовый. VI, 419.

Ө.

Өомка. VI, 194.
 Өомка-дуракъ. V, 124.

Accentor. IV, 103.
 — *alpinus*. IV, 106.
 — *calliope*. IV, 59.
 — *collaris*. IV, 106.
 — *major*. IV, 106.
 — *modularis*. IV, 103
 — *montanellus*. IV, 104.
 — *pinetorum*. IV, 103.
 — *subalpinus*. IV, 106.
Accipiter. VI, 410.
 — *astur*. VI, 419.
 — *badius*. VI, 411.
 — *brevipes*. VI, 411.
 — *circus*. VI, 440.
 — *ferox*. VI, 331.
 — *gurneyi*. VI, 411
 — *gyrfalco*. VI, 237.
 — *haliaëtus*. VI, 363.
 — *hypoleucus*. VI, 337.

Accipiter lacertarius. VI, 369.
 — *macrourus*. VI, 431.
 — *milvus*. VI, 384.
 — *milvus*. VI, 390.
 — *nisosimilis*. VI, 411.
 — *nisus*. VI, 411.
 — *sphaenurus*. VI, 411
 — *variabilis*. VI, 431.
 — *virgatus*. VI, 417
Accipitres. VI, 221.
Accipitrinae. VI, 398.
Accipitrins. VI, 398.
Ackergans. VI, 664.
Acredula. IV, 198.
 — *caudata*. IV, 198.
 — *irbii*. IV, 198.
 — *rosea*. IV, 193.
 — *tephronota*. IV, 199
Aeridotheres roseus. IV, 420

- Acrocephalus*. IV, 131.
 — *aquaticus*. IV, 141.
 — *arundinaceus*. IV, 132.
 — *arundinaceus*. IV, 134.
 — *certhiola*. IV, 142.
 — *cellii*. IV, 150.
 — *dumetorum*. IV, 136.
 — *fluviatilis*. IV, 146.
 — *lacustris*. IV, 132.
 — *lanceolatus*. IV, 142.
 — *locustella*. IV, 142.
 — *luscinioides*. IV, 148.
 — *melanopogon*. IV, 149.
 — *montanus*. IV, 136.
 — *pallidus*. IV, 154.
 — *palustris*. IV, 135.
 — *phragmitis*. IV, 138.
 — *salicarius*. IV, 136.
 — *salicarius*. IV, 141.
 — *schoenobaenus*. IV, 138.
 — *streperus*. IV, 134.
 — *turdides*. IV, 132.
 — *turdoides*. IV, 132.
Acryllium vulturinum. V, 659.
Actitis batrami. VI, 39.
 — *glareola*. VI, 35.
 — *hypoleucus*. VI, 37.
 — *limosa*. VI, 22.
 — *macularia*. VI, 37.
 — *megarhynchos*. VI, 37.
 — *notata*. VI, 37.
 — *ochropus*. VI, 35.
 — *rufescens*. VI, 48.
 — *schlegelii*. VI, 37.
 — *stagnatilis*. VI, 37.
 — *wiedii*. VI, 37.
Actiturus. VI, 39.
 — *batrami*. VI, 39.
 — *batramius*. VI, 39.
 — *longicaudatus*. VI, 39.
 — *rufescens*. VI, 48.
Actocheilidon acufflvida. VI, 101.
 — *cantiaca*. VI, 101.
Actodromas minuta. VI, 46.
 — *minutilla*. VI, 47.
 — *wilsonii*. VI, 47.
Adler. VI, 291.
Adlerbussard. VI, 331.
Adlerschnabel. IV, 717.
Adophoneus nisorius. IV, 108.
 — *undatus*. IV, 108.
 — *undulatus*. IV, 108.
Adornis hortensis. IV, 114.
Aedon. IV, 128.
 — *bruchii*. IV, 129.
 — *familiaris*. IV, 129.
 — *galactodes*. IV, 129.
 — *meridionalis*. IV, 129.
 — *minor*. IV, 129.
 — *pallens*. IV, 129.
 — *rubiginosa*. IV, 129.
Aegialites albifrons. VI, 79.
 — *albigularis*. VI, 79.
 — *auritus*. VI, 78.
 — *cantiana*. VI, 79.
 — *curonicus*. VI, 78.
Aegialites dealbata. VI, 79.
 — *fluviatilis*. VI, 78.
 — *gracilis*. VI, 78.
 — *hiaticula*. VI, 78.
 — *hiaticuloides*. VI, 78.
 — *intermedius*. VI, 78.
 — *minor*. VI, 78.
 — *minutus*. VI, 78.
 — *pusillus*. VI, 78.
 — *pygmaeus*. VI, 78.
 — *ruficapillus*. VI, 78.
 — *ruficeps*. VI, 79.
 — *septentrionalis*. VI, 78.
Aegialophilus cantianus. VI, 79.
Aegiothus fuscescens. IV, 323.
 — *linarius*. IV, 323.
 — *rufescens*. IV, 324.
Aegithalus. IV, 202.
 — *biarmicus*. IV, 201.
 — *pendulinus*. IV, 202.
Aegolius brachyotus. V, 209.
 — *funcrea*. V, 177.
 — *otus*. V, 202.
 — *scandiacus*. V, 174.
 — *tengmalmi*. V, 183.
 — *ulula*. V, 177.
Aegothèle de la Nouvelle Hollande. V, 260.
Aegothèles. V, 260.
Aegotheles. V, 260.
 — *novae-hollandiae*. V, 260.
Aegyptius cinereus. VI, 485.
 — *niger*. VI, 485.
 — *tinnunculus*. VI, 274.
Aerolia pygmaea. VI, 44.
 — *variegata*. VI, 44.
Aesalon lithofalco. VI, 268.
 — *orientalis*. VI, 268.
 — *regulus*. VI, 268.
Aestrelata bulweri. VI, 214.
 — *diabolica*. VI, 208.
 — *haesitata*. VI, 208.
Aetrioichis australis. VI, 449.
 — *novae-zealandiae*. VI, 449.
Agami. V, 732.
Agapornis. V, 348.
 — *roseicollis*. V, 348.
Aglaeus. IV, 403.
 — *oryzivorus*. IV, 403.
 — *pecoris*. IV, 405.
 — *phoeniceus*. IV, 407.
Agrobates. IV, 130.
 — *galactodes*. IV, 129.
Agrodroma campestris. IV, 276.
Aigle à queue noire. VI, 345.
 — *à tête blanche*. VI, 345.
 — *autour huppé*. VI, 405.
 — *botté*. VI, 314.
 — *criard*. VI, 356.
 — *d'Australie*. VI, 321.
 — *de Bonell*. VI, 322.
 — *d'Espagne*. VI, 303.
 — *des steppes*. VI, 311.
 — *griffard*. VI, 399.
Aigle paillasse. VI, 341.
 — *roux*. VI, 310.
 — *royal*. VI, 291.
 — *reteté*. VI, 309.
Aigles. VI, 291.
 — *autours*. VI, 405.
 — *pecheurs*. VI, 344.
Aix sponsa. VI, 704.
Alacmon. IV, 255.
 — *desertorum*. IV, 256.
 — *dupontii*. IV, 256.
 — *jessei*. IV, 256.
Alauda agrestis. IV, 236.
 — *albigularis*. IV, 236.
 — *alpestris*. IV, 246.
 — *anthrostris*. IV, 251.
 — *arborea*. IV, 251.
 — *arenaria*. IV, 239.
 — *arenicolor*. IV, 254.
 — *arvensis*. IV, 236.
 — *bifasciata*. IV, 256.
 — *bimaculata*. IV, 241.
 — *brachydactyla*. IV, 239.
 — *bugiensis*. IV, 236.
 — *calandra*. IV, 240.
 — *calandrella*. IV, 239.
 — *callipeta*. IV, 236.
 — *campestris*. IV, 276.
 — *cantarella*. IV, 236.
 — *chrysolaeama*. IV, 246.
 — *collaris*. IV, 240.
 — *cornuta*. IV, 246.
 — *crassirostris*. IV, 236.
 — *cristata*. IV, 248.
 — *cristatella*. IV, 251.
 — *deserti*. IV, 254.
 — *desertorum*. IV, 256.
 — *dukanensis*. IV, 239.
 — *dulcivox*. IV, 236.
 — *dupontii*. IV, 256.
 — *elegans*. IV, 254.
 — *ferruginea*. IV, 256.
 — *flava*. IV, 246.
 — *galerita*. IV, 218.
 — *glacialis*. IV, 246.
 — *intermedia*. IV, 236.
 — *isabellina*. IV, 54.
 — *italica*. IV, 236.
 — *kollyi*. IV, 239.
 — *leucoptera*. IV, 243.
 — *ludoviciana*. IV, 274.
 — *matutina*. IV, 248.
 — *minor*. IV, 236.
 — *montana*. IV, 236.
 — *minor*. IV, 246.
 — *mosellana*. IV, 276.
 — *mutabilis*. IV, 244.
 — *nemorosa*. IV, 251.
 — *nigra*. IV, 244.
 — *nivalis*. IV, 246.
 — *obscura*. IV, 273.
 — *pekinensis*. IV, 236.
 — *pensylvanica*. IV, 274.
 — *petrosa*. IV, 273.
 — *pispolctta*. IV, 239.
 — *pratensis*. IV, 230.
 — *rubra*. IV, 274.

- Alauda rufa*. IV, 246.
 — *rufa*. IV, 274.
 — *segetum*. IV, 236.
 — *senegalensis*. IV, 248.
 — *sepiaria*. IV, 270.
 — *sibirica*. IV, 243.
 — *spipoletta*. IV, 273.
 — *tatarica*. IV, 244.
 — *tenuirostris*. IV, 236.
 — *testacea*. IV, 239.
 — *testacea*. IV, 273.
 — *triborchynchus*. IV, 236.
 — *trivialis*. IV, 272.
 — *undata*. IV, 248.
 — *vulgaris*. IV, 236.
 — *veltoniensis*. IV, 244.
Alaudidae. IV, 234.
Albatros. VI, 198.
Albatros. VI, 199.
 — *bec vert*. VI, 199.
Albatrosse. VI, 198.
Alca. VI, 143.
 — *alle*. VI, 159.
 — *arctica*. VI, 140.
 — *balthica*. VI, 144.
 — *bruennichii*. VI, 153.
 — *canigularis*. VI, 140.
 — *glacialis*. VI, 144.
 — *hringvia*. VI, 153.
 — *impennis*. VI, 145.
 — *islandica*. VI, 144.
 — *labradorica*. VI, 140.
 — *lacrymans*. VI, 153.
 — *leucophthalma*. VI, 153.
 — *lomvia*. VI, 153.
 — *microrhynchus*. VI, 144.
 — *pica*. VI, 144.
 — *ringvia*. VI, 153.
 — *ringvia*. VI, 153.
 — *svarbag*. VI, 153.
 — *torda*. VI, 144.
 — *troile*. VI, 153.
Alcedinidae. V, 53 и 52.
Alcedinidés. V, 52
Alcedo advena. V, 55.
 — *cancrophaga*. V, 68.
 — *fusca*. V, 70.
 — *galbula*. V, 150.
 — *gigantea*. V, 70.
 — *gigas*. V, 70.
 — *ispida*. V, 55.
 — *pallasii*. V, 55.
 — *rudis*. V, 63.
 — *semicoerulea*. V, 68.
 — *senegalensis*. V, 68.
 — *subispida*. V, 55.
 — *undulata*. V, 70.
Alcemerope d'Atherton. V, 51.
Alcemeropes. V, 50
Alcemerops athertoni. V, 51.
Alcidae. VI, 140.
Alcyon à ventre rouge. V, 68.
 — *bleu*. V, 74.
 — *géant*. V, 70
Alcyonides. V, 66.
Alcyoniformes. V, 10.
Alcyons des bois. V, 68.
Alecto albirostris. V, 387
 — *dinemelli*. IV, 387.
Alectoridornithes. V, 500.
Alectornis albirostris. IV, 387.
 — *petrosa*. V, 577
Alectors. V, 667.
Alectroenas pulcherrimus. V, 468.
Alectrorura lathamii. V, 642.
Alectura lathamii. V, 682.
Alektoweber. IV, 387.
Alken. VI, 143
Allfarblori. V, 369.
Alophius erythrorhynchus. V, 12.
Alouette africaine. IV, 254.
 — *calandre*. IV, 240.
 — *de Dupont*. IV, 256
 — *de mer*. VI, 42.
 — *de mer à collier*. VI, 46.
 — *de Sibérie*. IV, 243.
 — *de Tartarie*. IV, 244.
 — *des Alpes*. IV, 246
 — *des champs*. IV, 236.
 — *des lauriers*. IV, 250.
 — *des sables*. IV, 239.
 — *des sables*. IV, 254.
 — *des steppes*. IV, 241.
 — *des déserts*. IV, 256.
 — *huppée*. IV, 248
Alouettes. IV, 234
 — *des sables*. IV, 253.
Alpenamsel. IV, 93.
Alpendohle. IV, 519.
Alpenflüevogel. IV, 106.
Alpenkrähe. IV, 516.
Alpenlerche. IV, 246.
Alpensegler. IV, 758.
Alpenstrandläufer. VI, 44
Alsaecus leucopogon. IV, 122.
Amadina detrunca. IV, 397.
 — *fasciata*. IV, 397.
Amarant. IV, 396.
Amaranthe. IV, 396.
Amasona accipitrina. V, 302.
 — *amazonica*. V, 305
Amazonenpapagei. V, 305
Ammerrinken. IV, 316.
Ammern. IV, 347
Ammomanes. IV, 253.
 — *arenicolor*. IV, 254.
 — *cinctura*. IV, 254.
 — *deserti*. IV, 254.
 — *elegans*. IV, 254.
 — *isabellina*. IV, 254.
 — *pallida*. IV, 254.
 — *regulus*. IV, 254.
Amnicola melanopogon. IV, 149
Amoptila charadroides. VI, 89
Ampelidae. IV, 596.
Ampelides. IV, 598.
Ampelinae. IV, 598.
Ampelis. IV, 609.
 — *alba*. IV, 602.
 — *calva*. IV, 600.
Ampelis cinctus. IV, 609.
 — *coeruleus*. IV, 609
 — *cotinga*. IV, 609
 — *garullus*. IV, 548.
 — *nudicollis*. IV, 602.
 — *superbus*. IV, 609.
 — *variegatus*. IV, 602.
Amsel. IV, 93.
Anabates erythrophthalmus. IV, 588.
 — *rufifrons*. IV, 588.
Anabatidae. IV, 584.
Anabatinae. IV, 588.
Anas. VI, 691.
 — *acuta*. VI, 700.
 — *egyptiaca*. VI, 675.
 — *africana*. VI, 717.
 — *alandica*. VI, 700.
 — *albeola*. VI, 721.
 — *albifrons*. VI, 719.
 — *angustirostris*. VI, 698.
 — *anser*. VI, 658.
 — *archiboscas*. VI, 642.
 — *atra*. VI, 714.
 — *atrata*. VI, 653.
 — *aurantia*. VI, 678.
 — *baeri*. VI, 719.
 — *baikalensis*. VI, 697.
 — *barrowii*. VI, 721.
 — *beringii*. VI, 709
 — *bernicla*. VI, 669.
 — *boscas*. VI, 642.
 — *brachyrhynchus*. VI, 723.
 — *bucephala*. VI, 721.
 — *carbo*. VI, 715.
 — *casarca*. VI, 678.
 — *caudacuta*. VI, 700.
 — *cinerea*. VI, 693.
 — *circia*. VI, 696.
 — *clangula*. VI, 721.
 — *clypeata*. VI, 701.
 — *colymbus*. VI, 719.
 — *cornuta*. VI, 681.
 — *crecca*. IV, 696.
 — *cristata*. VI, 719
 — *cutliberti*. VI, 709.
 — *cygnus*. VI, 649.
 — *dispar*. VI, 724.
 — *dorsata*. VI, 719.
 — *erythrocephala*. VI, 716.
 — *falcaria*. VI, 697
 — *falcata*. VI, 697.
 — *fera*. VI, 692.
 — *ferina*. VI, 716.
 — *ferruginea*. VI, 717.
 — *fistularis*. VI, 691.
 — *formosa*. VI, 697.
 — *frenata*. VI, 719.
 — *fuliginosa*. VI, 715.
 — *fuligula*. VI, 719.
 — *fusca*. VI, 715.
 — *gambensis*. VI, 685.
 — *glacialis*. VI, 723.
 — *glaucon*. VI, 717.
 — *glaucon*. VI, 721.
 — *glaucium*. VI, 721.
 — *glucitans*. VI, 697.

- Anas histrionica*. VI, 723.
 — *hyberna*. VI, 721.
   hyperborea. VI, 668.
 — *hymalis*. VI, 723.
 — *islandica*. VI, 721.
 — *jamaicensis*. VI, 701.
 — *kagolka*. VI, 691.
 — *kekuschka*. VI, 693.
 — *latirostris*. VI, 715.
 — *latirostris*. VI, 719.
 — *leucocephala*. VI, 725.
 — *leucopthalmos*. VI, 717.
 — *leucopsis*. VI, 670.
 — *longicauda*. VI, 700.
 — *longicauda*. VI, 723.
 — *lurida*. VI, 716.
 — *marila*. VI, 719.
 — *marmorata*. VI, 698.
 — *mersa*. VI, 725.
 — *mexicana*. VI, 701.
 — *miclonia*. VI, 723.
 — *minutus*. VI, 723.
 — *mollissima*. VI, 709.
 — *monacha*. VI, 669.
 — *nigra*. VI, 714.
 — *nivalis*. VI, 668.
 — *notata*. VI, 719.
 — *nyroca*. VI, 717.
 — *occidua*. VI, 724.
   palustris. VI, 719.
 — *penelope*. VI, 691.
 — *penelopis*. VI, 691.
 — *peregrina*. VI, 721.
 — *perspicillata*. VI, 715.
 — *plutonia*. VI, 653.
 — *querquedula*. VI, 696.
 — *rubens*. VI, 701.
 — *rufa*. VI, 716.
 — *ruficollis*. VI, 670.
 — *ruficollis*. VI, 716.
 — *rufina*. VI, 717.
 — *rustica*. VI, 721.
 — *rutila*. VI, 678.
 — *scandiac*. VI, 719.
 — *segetum*. VI, 664.
 — *sparrmanni*. VI, 700.
 — *spectabilis*. VI, 709.
 — *sponsa*. VI, 704.
 — *stelleri*. VI, 724.
 — *strepera*. VI, 693.
 — *subbosca*. VI, 692.
 — *tadorna*. VI, 681.
Anastomus. VI, 571.
 — *lamelligerus*. VI, 572
Anates. VI, 643
Anatidae. VI, 643.
Anatiformes. VI, 643.
Anatinae. VI, 690.
Ancylocheilus subarquatus.
 VI, 44.
Androglossa. V, 305.
   amazonica. V, 305.
 — *leucocephala*. V, 307.
Andromeda goliath. VI, 529.
 — *nobilis*. VI, 529.
Anhinga. VI, 608.
 — d' Amerique. VI, 608.
Anhinga de Levaillant. VI, 607.
 — *levaillantii*. VI, 607.
Anhingas. VI, 607.
Ani. V, 133.
Anis. V, 132.
Aniuma. VI, 735.
Anodorhynchus hyacinthinus.
 V, 330
   maximiliani. V, 330.
Anorthura communis. IV, 170.
   troglodytes. IV, 170
Anous. VI, 112.
   frater. VI, 112.
   — *fuscatus*. VI, 112.
   leucoceps. VI, 112.
   niger. VI, 112.
   — *pileatus*. VI, 112.
   — *plumbea*. VI, 108.
   — *stolidus*. VI, 112.
   — *unicolor*. VI, 112.
Anser aegyptiacus. VI, 675.
   — *albatu*. VI, 668.
   — *albifrons*. VI, 667.
   — *arvensis*. VI, 664.
   — *brachyrhynchus*. VI, 664.
   — *brenta*. VI, 669.
   — *brevirostris*. VI, 664.
   — *brevirostris*. V, 667.
   — *bruchii*. VI, 667.
   — *canadensis*. VI, 672.
   — *cineraceus*. VI, 667.
   — *cinerus*. VI, 658.
   — *erythropus*. VI, 667.
   — *ferus*. VI, 658.
   — *finnarchicus*. VI, 667.
   — *frontalis*. VI, 667.
   — *gambelli*. VI, 667.
   — *gambensis*. VI, 685.
   — *griseus*. VI, 687.
   — *hyperboreus*. VI, 668.
   — *intermedius*. VI, 667.
   — *lanuginosus*. VI, 709.
   — *leucopareius*. VI, 672.
   — *leucopsis*. VI, 670.
   — *medius*. VI, 667.
   — *minutus*. VI, 667.
   — *nivalis*. VI, 668.
   — *niveus*. VI, 668.
   — *obscurus*. VI, 664.
   — *pallipes*. VI, 667.
   — *paludosus*. VI, 664.
   — *palustris*. VI, 658.
   — *parvipes*. VI, 672.
   — *phoenicopus*. VI, 664.
   — *platyros*. VI, 664.
   — *rufescens*. VI, 664.
   — *ruficollis*. VI, 670.
   — *segetum*. VI, 664.
   — *septentrionalis*. VI, 667.
   — *sylvestris*. VI, 665.
   — *temminckii*. VI, 667.
   — *torquatus*. VI, 669.
   — *varius*. VI, 675.
   — *vulgaris*. VI, 658.
Anserinae. VI, 655.
Anthracothorax mango. IV,
 718.
Anthropoides pavonina. V,
 729.
 — *virgo*. V, 724.
Anthus. IV, 269.
   aquaticus. IV, 273.
   — *arboreus*. IV, 272.
   — *blakistoni*. IV, 273.
   — *campestris*. IV, 276.
   — *cecilii*. IV, 270.
   — *cervinus*. IV, 270.
   — *coutellii*. IV, 273.
   — *immutabilis*. IV, 273.
   — *japonicus*. IV, 270.
   — *littoralis*. IV, 273.
   — *longipes*. IV, 278.
   ludovicianus. IV, 274.
   — *macronyx*. IV, 278.
   — *montanellus*. IV, 270.
   — *montanus*. IV, 273.
   — *nigriceps*. IV, 273.
   — *obscurus*. IV, 273.
   — *orientalis*. IV, 273.
   — *pennsylvanicus*. IV, 274.
   petrosus. IV, 273.
   pipiens. IV, 274.
   — *pratensis*. IV, 270.
   — *reinhardtii*. IV, 274.
   — *richardi*. IV, 278.
   — *rosaceus*. IV, 270.
   — *rubens*. IV, 274.
   — *rufescens*. IV, 276.
   — *ruficollis*. IV, 270.
   — *rufogularis*. IV, 270.
   — *rufosuperciliaris*. IV, 270.
   rufus. IV, 276.
   — *rupestris*. IV, 273.
   — *sepiarius*. IV, 270.
   — *spiloctta*. IV, 273.
   temophilus. IV, 270.
   — *tristis*. IV, 270.
   — *trivialis*. IV, 272.
Antigone leucogeranos. V,
 724
Antigonekranich. V, 724.
Antrostomus vociferus. V, 223.
Anumbius frontalis. IV, 588.
Apaloderma narina. V, 3
Aptenodytes chrysocome. VI,
 187
   — *forsteri*. VI, 186.
   — *imperator*. VI, 186.
   — *longirostris*. VI, 186.
   — *patagonica*. VI, 186.
   — *pennantii*. VI, 186.
   — *rex*. VI, 186.
Aptenodytidae. VI, 186.
Aptenodytiornithes. VI, 186.
Aptères. V, 690.
Apternus kamtschatskensis
 IV, 663
   — *longirostris*. IV, 663
   — *montanus*. IV, 663.
   — *septentrionalis*. IV, 663.
   tridactylus. IV, 663
Apterygiformes. V, 690.
Apteryx. V, 691.
   — *australis*. V, 691

- Apteryx mantelli* V, 691.
 — *oweni* V, 691.
Apus melba IV, 758.
Aquatilis cinclus IV, 78.
Aquila VI, 291.
 — *adalberti* VI, 303.
 — *albicilla* VI, 344.
 — *albipectus* VI, 314.
 — *albirostris* VI, 321.
 — *amurensis* VI, 311.
 — *armigera* VI, 399.
 — *assimilis* VI, 309.
 — *audax* VI, 321.
 — *balbusardus* VI, 363.
 — *bellicosa* VI, 399.
 — *bifasciata* VI, 311.
 — *bonelli* VI, 322.
 — *brachydactyla* VI, 337.
 — *canadensis* VI, 292.
 — *chrysaetos* VI, 291.
 — *clanga* VI, 310.
 — *cuneicauda* VI, 321.
 — *deserticola* VI, 345.
 — *fasciata* VI, 322.
 — *fucosa* VI, 321.
 — *fulva* VI, 291.
 — *fusca* VI, 310.
 — *fuscater* VI, 310.
 — *gallica* VI, 337.
 — *haliaetus* VI, 363.
 — *heliaca* VI, 303.
 — *imperialis* VI, 303.
 — *intermedia* VI, 322.
 — *leucamphomma* VI, 337.
 — *leucocephala* VI, 345.
 — *leucolena* VI, 303.
 — *leucorypha* VI, 345.
 — *macei* VI, 345.
 — *maculatirostris* VI, 314.
 — *marina* VI, 363.
 — *melanactes* VI, 303.
 — *minuta* VI, 314.
 — *mogilnik* VI, 303.
 — *naevia* VI, 309.
 — *naevioides* VI, 311.
 — *nipalensis* VI, 311.
 — *nobilis* VI, 291.
 — *nudipes* VI, 314.
 — *orientalis* VI, 311.
 — *palasii* VI, 311.
 — *paradoxa* VI, 314.
 — *pennata* VI, 314.
 — *piscatrix* VI, 363.
 — *pomacina* VI, 309.
 — *riparia* VI, 303.
 — *rubriventer* VI, 322.
 — *rufonuchalis* VI, 309.
 — *subnaevia* VI, 309.
 — *unicolor* VI, 310.
 — *variabilis* VI, 369.
 — *vittata* VI, 310.
 — *vocifera* VI, 356.
Aquilastur bonelli VI, 322.
Ara aracanga V, 330.
 — *ararauna* V, 331.
 — *brasilienis* V, 331.
 — *Canga* V, 330.
Ara hyacinthina V, 330.
 — *jamaicensis* V, 330.
 — *macao* V, 331.
 — *maximilien* V, 330.
Aracari IV, 701.
Aracaris IV, 700.
Arakanga V, 330.
Aramus aquaticus V, 713.
Araponga IV, 602.
 — *carunculæ* IV, 602.
Arara aracanga V, 330.
 — *ararauna* V, 331.
 — *carolinensis* V, 322.
 — *chloroptera* V, 331.
 — *erythrofrons* V, 318.
 — *hyacinthina* V, 330.
 — *macao* V, 330.
Ararakakadu V, 396.
Araras V, 329.
Ararauna V, 331.
Aras V, 329.
Arassari IV, 700 и 701.
Aratinga acutirostris V, 316.
 — *carolinensis* V, 322.
 — *ludoviciana* V, 322.
 — *viridissimus* V, 316.
Arbelorhina IV, 221.
 — *cyanea* IV, 221.
Arceuthornis pilaris IV, 91.
Archibuteo VI, 326.
 — *africanus* VI, 326.
 — *alticeps* VI, 326.
 — *lagopus* VI, 326.
 — *pennatus* VI, 326.
 — *planiceps* VI, 326.
Archicorax crassirostris IV, 480.
Arctica alle VI, 158.
Ardea VI, 527.
 — *aequinoctialis* VI, 536.
 — *alba* VI, 532.
 — *atra* VI, 562.
 — *atricollis* VI, 528.
 — *australasiae* VI, 545.
 — *bubulcus* VI, 536.
 — *candida* VI, 532.
 — *caspia* VI, 528.
 — *castanea* VI, 537.
 — *chrysopelargus* VI, 562.
 — *ciconia* VI, 553.
 — *cineracea* VI, 527.
 — *cinerea* VI, 527.
 — *comata* VI, 537.
 — *coromandelica* VI, 536.
 — *cristata* VI, 527.
 — *egræta* VI, 432.
 — *egrettoides* VI, 532.
 — *erythropus* VI, 537.
 — *ferruginea* VI, 545.
 — *flavirostris* VI, 532.
 — *flavirostris* VI, 536.
 — *fusca* VI, 576.
 — *garzetta* VI, 533.
 — *gigantea* V, 724.
 — *gigantodes* VI, 529.
 — *goliath* VI, 529.
 — *grisea* VI, 545.
Ardea grisea-alba VI, 537.
 — *grus* V, 724.
 — *hudsonia* VI, 542.
 — *hudsonis* VI, 542.
 — *ibis* VI, 536.
 — *immaculata* VI, 533.
 — *lentiginosa* VI, 542.
 — *leucophaca* VI, 527.
 — *longicollis* VI, 533.
 — *magnifica* VI, 532.
 — *marsigli* VI, 537.
 — *melanocephala* VI, 528.
 — *melanorhyncha* VI, 532.
 — *minor* VI, 542.
 — *minuta* VI, 538.
 — *modesta* VI, 532.
 — *n okoho* VI, 542.
 — *monticola* VI, 528.
 — *naevia* VI, 545.
 — *nigra* VI, 562.
 — *nigripes* VI, 533.
 — *nivea* VI, 533.
 — *nobilis* VI, 529.
 — *nycticorax* VI, 545.
 — *obscura* VI, 545.
 — *orientalis* VI, 533.
 — *pavonina* V, 729.
 — *pumila* VI, 537.
 — *purpurata* VI, 528.
 — *purpurea* VI, 528.
 — *halloides* VI, 537.
 — *rheana* VI, 527.
 — *rufa* VI, 528.
 — *rusata* VI, 536.
 — *senegalensis* VI, 537.
 — *squajotta* VI, 537.
 — *stellaris* VI, 541.
 — *variegata* VI, 528.
 — *virgo* V, 724.
 — *vulgaris* VI, 527.
 — *xanthodactylos* VI, 533.
Ardeidae VI, 524.
Ardenna major VI, 217.
Ardeola bubulcus VI, 536.
 — *comata* VI, 537.
 — *coromandelica* VI, 536.
 — *ibis* VI, 536.
 — *minuta* VI, 538.
 — *pusilla* VI, 538.
 — *ralloides* VI, 537.
 — *ruficristata* VI, 536.
Ardetta VI, 538.
 — *minuta* VI, 538.
Arenaria calidris VI, 49.
 — *cinrea* VI, 86.
 — *grisea* VI, 49.
 — *interpres* VI, 86.
 — *vulgaris* VI, 49.
Arginae V 650.
Argus de Birmanie V, 648.
 — *giganteus* V, 650.
 — *pavoninus* V, 650.
Argusanus argus V, 650.
 — *giganteus* V, 650.
Argyria albicollis IV, 746.
Arquatella maritima VI, 42.
Artamus IV, 434.

- Artamus fuscus*. IV, 435.
Arundinaceus turdoides. IV, 132.
Ascalaphia savignyi. V, 199.
Ascolopax gallinago. VI, 10.
   — *gallinula*. VI, 13.
   — *major*. VI, 8.
Asio accipitrinus. V, 209.
   — *brachyotus*. V, 209.
   — *italicus*. V, 202.
   — *otus*. V, 202.
   — *sandvicensis*. V, 209.
   — *scops*. V, 212.
   — *ulula*. V, 209.
Astur. VI, 419.
   — *atricapillus*. VI, 419.
   — *brachyrhynchus*. VI, 419.
   — *brevipes*. VI, 411.
   — *gallinarum*. VI, 419.
   — *indicus*. VI, 419.
   — *major*. VI, 411.
   — *nisus*. VI, 411.
   — *palumbarius*. VI, 419.
   — *paradoxus*. VI, 419.
   — *polyzonus*. VI, 428.
Astur secretarius. VI, 518
Asturina. VI, 428.
   — *harpia*. VI, 407.
   — *musicus*. VI, 428.
   — *polyzona*. VI, 428.
Atagen. VI, 621.
   — *ariel*. VI, 621.
   — *aquila*. VI, 621.
Atagenidae. VI, 621.
Athene cucularia. V, 193.
   — *dominicensis*. V, 193.
   — *glauca*. V, 186.
   — *indigena*. V, 186.
   — *meridionalis*. V, 186.
   — *noctua*. V, 186.
   — *passerina*. V, 189.
   — *persica*. V, 186.
   — *tengmalmi*. V, 183.
Atix hubara. VI, 179.
Attagen francolinus. V, 585.
   — *montanus*. V, 560.
Atticora ambrosiaca. IV, 777.
Atzeln. VI, 432.
Auerhuhn. V, 508.
Austernfischer. VI, 89.
Australasia Novae-Hollandiae. V, 369.
Australischer Fasankuckuck. V, 130.
Autruche commune. VI, 755.
   — *somali*. VI, 755.
Avis incendaria. IV, 521.
Avocano. IV, 602
Avocette. VI, 59.
Avocettes. VI, 59.
Aythya erythrocephala. VI, 716.
   — *ferina*. VI, 716
   — *fuligula*. VI, 719
   — *leucophthalmos*. VI, 717.
   — *marila*. VI, 719.
   — *mersa*. VI, 725.
Aythya nyroca. VI, 717.
   — *rufina*. VI, 717.

B.

- Babillarde à cape de velours*. IV, 124.
   — *à lunettes*. IV, 120.
Bachstelze. IV, 258.
Bahila calipya. IV, 182
Balaenicipidae. VI, 550.
Balaeniceps. VI, 550.
   — *rex*. VI, 550.
Balbusard. VI, 363.
Balbusardus haliactus. VI, 363.
Balearica pavonina. V, 729.
Baltimorevogel. IV, 401.
Bananenfresser. V, 141 и 142.
Bandsecadler. VI, 345.
Bandvogel. IV, 397.
Bankivahuhn. V, 615.
Bankokil. V, 122.
Banksianus australis. V, 402.
   — *galeatus*. V, 400.
Barbicans. IV, 708.
Barbus. V, 151.
Barge aboveuse. VI, 21.
   — *grise*. VI, 24.
Barges. VI, 21.
Barita tibicen. IV, 525.
Bartavelle. V, 568.
Bartgeier. VI, 454.
Bartgrasmücke. IV, 122.
Bartmeise. IV, 201.
Barteeschwalbe. VI, 609.
Bartvögel. IV, 708.
Baryphonus cyanocephalus. V, 79.
Batrachostomes. V, 258.
Batrachostomus. V, 258.
   — *auritus*. V, 258.
Batrachia laticauda. VI, 39.
Batrachus longicaudatus. VI, 39.
Baumfalke. VI, 258.
Baumgänse. VI, 675.
Baumhopf. V, 35.
Baumhopfe. V, 35.
Baumhühner. V, 604.
Baunkuckulke. V, 82.
Baumläufer. IV, 205.
Baumläufer. IV, 213.
Baumliet. V, 68.
Baumlieste. V, 68.
Baumnachtigall. IV, 129.
Baumpieper. IV, 272.
Baumschwalben. IV, 576.
Baumsegler. IV, 778.
Bec croisé à bandes blanches. IV, 356.
   — *à bandes rouges*. IV, 355.
   — *des pins*. IV, 355.
   — *ordinaire*. IV, 355.
Bec-figue. IV, 554.
Bec ouvert. VI, 572.
Becasse ordinaire. VI, 2.
Becasse sourde. VI, 13.
Becasseau. VI, 35.
Becasses. VI, 2.
Bécaassine. VI, 10.
Becfigues. IV, 272.
Becs croisés. IV, 354.
   — *en ciseaux*. VI, 113.
Bentevi. IV, 594.
Berberfalke. VI, 247.
Bergente. VI, 719.
Bergeronette à cape noire. IV, 264.
   — *boreale*. IV, 264.
   — *champêtre*. IV, 264.
   — *du printemps*. IV, 263.
   — *jaunâtre*. IV, 266.
Bergfink. IV, 309
Bergflüevogel. IV, 104.
Berghäufing. IV, 321.
Berghühner. V, 569.
Berglaubsänger. IV, 157
Bergleinfink. IV, 324.
Bergmeise. IV, 196
Bergnymphen. IV, 718.
Bergstrandläufer. VI, 44.
Bernache à col rouge. VI, 670.
   — *armée*. VI, 675.
   — *du Canada*. VI, 672.
   — *du nord*. VI, 670
Bernaches. VI, 669.
Bernicia aegyptiaca. VI, 675.
   — *brenta*. 669.
   — *canadensis*. VI, 672.
   — *collaris*. VI, 669.
   — *erythropus*. VI, 670
   — *glauco-gaster*. VI, 669.
   — *leucopareia*. VI, 672.
   — *leucopsis*. VI, 670.
   — *melanopsis*. VI, 669.
   — *micropus*. VI, 669
   — *monacha*. VI, 669.
   — *occidentalis*. VI, 672.
   — *pallida*. VI, 669.
   — *platyros*. VI, 669.
   — *ruficollis*. VI, 670.
   — *torquata*. VI, 669
Beutelmeise. VI, 202
Biblis rupestris. IV, 572
Bienenfussler. V, 38 и 40.
Bihoreau. VI, 545.
Bindetrogon. V, 2.
Birkhuhn. V, 524.
Bizet. V, 442.
Biziura mersa. VI, 725.
Blac. VI, 376.
Blasspötter. IV, 154.
Blassuhu. V, 199
Blätterhähnchen. VI, 1.
Blätterrallen. VI, 1.
Blaudrossel. IV, 87
Blaufügeliger schmal-schnabelsittich. V, 316.
Blauhäher. IV, 49.
Blauhuhn. V, 622.
Blaukelchen. IV, 54.
Blaukörnchen. V, 462.
Blaumeise. IV, 192.

- Blauroacke. V, 265.
 Blauwangenspint. V, 41.
 Blumenküsser. IV, 720 и 721
 Blummennymphen. IV, 720.
 Blumensurukus. V, 3.
 Bogenschnabellерche. IV, 256
 Bohämär. IV, 310.
 Bolborhynchs. V, 309
 — monachus. V, 309.
 Bombycilla bohemica. IV, 548.
 — garrula. IV, 548.
 Bombycillinae. IV, 548
 Bombyciphora garrula. IV, 548.
 — poliocephala. IV, 548.
 Bombycystomus fullerstonii
 V, 258.
 Bombycivora garrula. IV,
 548.
 — poliocephala. IV, 548.
 Bonasa betulina. V, 538.
 — pyrenaica. V, 491.
 — sylvestris. V, 538.
 Bonasia albigularis. V, 538.
 — betulina. V, 538.
 — lagopus. V, 538.
 — minor. V, 538
 — rupestris. V, 538.
 — sylvestris. V, 538.
 Bondrée commune. VI, 309.
 Bondrées. VI, 309.
 Boscis rosea. IV, 420.
 Botaurus. VI, 541.
 — adpersus. VI, 542.
 — arundinaceus. VI, 541,
 — lacustris. VI, 541.
 — lentiginosus. VI, 542,
 — minor. VI, 537
 — minor. VI, 542
 — minutus. VI, 538
 — mugitans. VI, 542.
 — naevius. VI, 545.
 — pusillus. VI, 538.
 — stellaris. VI, 541.
 — tayarensis. VI, 541.
 Bouscarle certhiole. IV, 142
 cetti. IV, 150.
 — fluviatile. IV, 146.
 — luscinioide. IV, 148.
 Bouvreuil de siberie. IV, 347.
 du désert. IV, 351
 — ordinaire. IV, 348
 — rose. IV, 342.
 Brachpieper. IV, 276.
 Brachschwalbe. VI, 93.
 Brachschwalben. VI, 93.
 Brachvogel. VI, 17.
 Brachvögel. VI, 17.
 Brachylophus viridis. IV, 627.
 Brachyotus aegolius. V, 209.
 agrarius. V, 209.
 — cassinii. V, 209.
 — leucopsis. V, 209
 palustris. V, 209.
 Brachypodidae. IV, 232
 Brachyprorus. IV, 513.
 cinereus. IV, 513.
 Brachypteres. VI, 628.
 Brachypus murarius. IV, 770.
 Brachystoma cinerea. IV, 513.
 Brachystome gris. IV, 513.
 Brachyurus bengalensis. IV,
 578.
 — coronatus. IV, 578
 — maculatus. IV, 578.
 Bradypterus. IV, 150.
 — cettii. IV, 150
 Brandgans. VI, 681.
 Brandseeschwalbe. VI, 101.
 Branta. VI, 669
 — bernicla. VI, 669.
 — canadensis. VI, 672.
 — leucopsis. VI, 670.
 — ruficollis. VI, 670.
 — rufina. VI, 717.
 Braunkehlchen. IV, 69.
 Braumpieper. IV, 274.
 Breitschwanzlori. V, 364.
 Brève du Bengale. IV, 578.
 Brèves. IV, 578.
 Brillenente. VI, 715.
 Brillengrasmücke. IV, 120.
 Brillentaucher. VI, 194,
 Brotogerys. V, 315.
 — tirica. V, 316,
 — viridissima. V, 316.
 Bruant. IV, 367.
 — à sourcils jaunes. IV,
 384.
 — à tête grise. IV, 380.
 — à tête noire. IV, 383.
 — commun. IV, 378.
 — de Laponie. IV, 367.
 — des marais. IV, 371
 — des neiges. IV, 369.
 — des pins. IV, 384
 — des roseaux. IV, 371.
 — des saules. IV, 382.
 — fou. IV, 381.
 — jaune. IV, 377.
 — provençal. IV, 373
 — strié. IV, 384.
 Bruants. IV, 367.
 Bruchhühnchen. V, 708.
 Bruchrohrsänger. IV, 150
 Bruchwasserläufer. VI, 35
 Brunette. VI, 47
 Bubo ascalaphus. V, 199.
 — europaeus. V, 197.
 — germanicus. V, 197.
 — grandis. V, 197
 — ignavus. V, 197.
 — maximus. V, 197.
 — melanotus. V, 197.
 — microcephalus. V, 197.
 — otus. V, 202.
 — pallidus. V, 197.
 — scandiacus. V, 197.
 — scops. V, 212.
 — septentrionalis. V, 197.
 — sibiricus. V, 197.
 — turcomanus. V, 199.
 Bubonidae. V, 197.
 Bubulcus ibis. VI, 536.
 Bucanetes githagineus. IV, 351.
 Bucco africanus. V, 279.
 — flavigulus. IV, 704.
 — fuscus. V, 152.
 — haemetocephalus. IV, 704.
 — indicus. IV, 704.
 — lathamii. IV, 704.
 — lutens. IV, 704.
 — margaritatus. IV, 705.
 — nanus. IV, 704.
 — parvus. IV, 704.
 — philippensis. IV, 704.
 — rafflesii. IV, 704.
 — rubrifrons. IV, 704.
 — striatus. V, 152.
 Bucconidae. V, 151.
 Bucephala albicola. VI, 721.
 — americana. VI, 721.
 — clangula. VI, 721.
 — histrionica. VI, 723.
 — islandica. VI, 721.
 Buceros. V, 15.
 — abyssinicus. V, 25.
 — bicornis. V, 15.
 — cavatus. V, 15.
 — cristatus. V, 15.
 — erythrorhynchus. V, 12.
 — honrai. V, 15.
 — leadbeatori. V, 25.
 — leucopareus. V, 12.
 — nasutus. V, 12.
 — plicatus. V, 22.
 — subruficollis. V, 22
 Bucerotes. V, 10.
 Bucerotidae. V, 10.
 Bucerotidés. V, 10.
 Bucia athertoni. V, 50.
 — nipalensis. V, 51.
 Bucorax abyssinicus. V, 25.
 Bucorve d'Abyssinie. V, 25.
 Bucorvus abyssinicus. V, 25.
 Budytes. IV, 263.
 — borealis. IV, 264.
 — campestris. IV, 264.
 — citreolus. IV, 266.
 — dubius. IV, 263
 — fasciatus. IV, 263.
 — flavus. IV, 263.
 — fulviventris. IV, 263.
 — melanocephalus. IV, 264.
 — melanotis. IV, 263.
 — pygmaeus. IV, 263.
 — schisticeps. IV, 263.
 Büffelente. VI, 721.
 Bul-bul gris. IV, 232.
 — sombre. IV, 232.
 Bul-buls. IV, 232.
 Bulweria columbina. VI, 214.
 Bündelnister. IV, 588.
 Buntspecht. IV, 665 и 666
 Buntspechte. IV, 652.
 Bunttodi. V, 75.
 Buphaga. IV, 424
 — africanoides. IV, 425.
 — erythrorhyncha. IV, 425
 — habessinica. IV, 425.
 Buphagus skua. VI, 134.
 Buphagus castaneus. VI, 537.

- Buphus comatus*. VI, 537.
 — *coromandelicus*. VI, 536.
 — *illyricus*. VI, 537.
 — *ralloides*. VI, 537.
 — *russatus*. VI, 536.
Bürstenvögel. IV, 449.
Buscarla cia. IV, 381.
Buschhuhn. V, 682.
Buschkuckucke. V, 122.
Buschschlüpfer. IV, 169.
Buschwürger. IV, 540.
Buse commune. VI, 330.
 — *feroce*. VI, 331.
 — *des steppes*. VI, 331.
 — *pattuc*. VI, 326.
Buses. VI, 330.
Bussarde. VI, 291.
Bussarde. VI, 330.
Butaëtus buteo. VI, 326.
 — *lagopus*. VI, 326.
 — *leucurus*. VI, 331.
 — *pennatus*. VI, 314.
Butalis africana. IV, 552.
 — *alpestris*. IV, 552.
 — *domestica*. IV, 552.
 — *grisola*. IV, 552.
 — *montana*. IV, 552.
 — *pinetorum*. IV, 552.
Butaquila leucocephala. IV, 331.
 — *strophata*. VI, 314.
Buteo. VI, 330.
 — *aeruginosus*. VI, 440.
 — *albidus*. VI, 330.
 — *apivorus*. VI, 369.
 — *aquilinus*. VI, 331.
 — *canescens*. VI, 331.
 — *capensis*. VI, 331.
 — *cinereus*. VI, 330.
 — *cutensis*. VI, 331.
 — *delalandii*. VI, 331.
 — *desertorum*. VI, 331.
 — *fasciatus*. VI, 330.
 — *ferox*. VI, 331.
 — *fuliginosus*. VI, 331.
 — *gallicus*. VI, 337.
 — *lagopus*. VI, 326.
 — *leucocephalus*. VI, 331.
 — *longipes*. VI, 331.
 — *medius*. VI, 330.
 — *minor*. VI, 331.
 — *murum*. VI, 330.
 — *mutans*. VI, 330.
 — *nigricans*. VI, 331.
 — *pectoralis*. VI, 331.
 — *rufinus*. VI, 331.
 — *rufiventer*. VI, 331.
 — *septentrionalis*. VI, 330.
 — *tachardus*. VI, 331.
 — *vociferus*. VI, 370.
 — *vulgaris*. VI, 330.
 — *vulpinus*. VI, 331.
Buteoninac. VI, 291.
Buteoninus fringillarius. VI, 411.
Butor. VI, 541.
 — *americanus*. VI, 542.
- Butor d'Amérique*. VI, 542.
 — *lentiginotus*. VI, 542.
Butorius. VI, 541.
Buzard pâle. VI, 431.
Buzards. VI, 431.
- C.**
- Cacatocorves*. V, 400.
Cacatois. V, 390.
 — *à tête rouge*. V, 400.
 — *à trompe*. V, 408.
 — *de Banks*. V, 402.
 — *des Molluques*. V, 405.
 — *fouilleur*. V, 408.
 — *inka*. V, 407.
 — *Kéa*. V, 411.
 — *noir*. V, 396.
Cacatua alecto. V, 396.
 — *aterrima*. V, 396.
 — *banksi*. V, 402.
 — *crytolophus*. V, 405.
 — *galeata*. V, 405.
 — *intermedia*. V, 396.
 — *leadbeateri*. V, 407.
 — *moluccensis*. V, 405.
 — *nasica*. V, 408.
 — *rosacea*. V, 405.
 — *rubrocristatus*. V, 405.
 — *tenuirostris*. V, 408.
Cacchalis. V, 568.
 — *chukar*. V, 568.
 — *gracca*. V, 568.
 — *petrosa*. V, 577.
 — *rubra*. V, 572.
 — *rufa*. V, 572.
 — *saxatilis*. V, 568.
Cacreba curruca. IV, 223.
 — *cyanea*. IV, 221.
 — *flaveola*. IV, 223.
 — *jamaicensis*. IV, 223.
Cagou. V, 741.
Caille. V, 596.
Calamanthella tintinabulum. IV, 174.
Calamodus aquaticus. IV, 141.
 — *phragmiliis*. IV, 138.
 — *salicarius*. IV, 141.
 — *schoenobaenus*. IV, 138.
Calamodyta aquatica. IV, 141.
 — *arundinacea*. IV, 132.
 — *boeticula*. IV, 134.
 — *cettii*. IV, 150.
 — *lanceolata*. IV, 142.
 — *melanopogon*. IV, 149.
 — *palustris*. IV, 135.
 — *phragmitis*. IV, 138.
 — *rufescens*. IV, 134.
 — *sericea*. IV, 150.
 — *strepera*. IV, 134.
Calamoherpe arbustorum. IV, 134.
 — *arundinacea*. IV, 134.
 — *cettii*. IV, 50.
 — *familiaris*. IV, 129.
 — *fruticola*. IV, 135.
- Calamoherpe galactodes*. IV, 129.
 — *locustella*. IV, 142.
 — *obsuro-capilla*. IV, 134.
 — *palustris*. IV, 135.
 — *pinetorum*. IV, 134.
 — *pratensis*. IV, 135.
 — *rufescens*. IV, 134.
 — *scita*. IV, 136.
 — *tenuirostris*. IV, 142.
 — *turdina*. IV, 132.
Calamophilus barbatus. IV, 201.
 — *biarmicus*. IV, 201.
 — *sibiricus*. IV, 201.
Calanderlerche. IV, 240.
Calandrella brachydactyla. IV, 239.
 — *deserti*. IV, 254.
 — *immaculata*. IV, 239.
 — *hermonensis*. IV, 239.
 — *sibirica*. IV, 243.
Calandritis brachydactyla. IV, 239.
 — *kollyi*. IV, 239.
 — *macroptera*. IV, 239.
Calao bicorné. V, 15.
 — *de la Nouvelle Guinée*. V, 22.
 — *des Indes*. V, 22.
 — *Toek*. V, 12.
Calaos. V, 10.
 — *à casque*. V, 15.
 — *sans casque*. V, 12.
Calcarius. IV, 367.
 — *lapponicus*. IV, 367.
 — *nivalis*. IV, 369.
Calcites auratus. V, 103.
Calidris americana. VI, 49.
 — *arenaria*. VI, 49.
 — *canutus*. VI, 42.
 — *grisea*. VI, 49.
 — *islandica*. VI, 32.
 — *mulleri*. VI, 49.
 — *rubidus*. VI, 49.
 — *tringoides*. VI, 49.
Callichen micropus. VI, 717.
 — *rufescens*. VI, 717.
 — *ruficeps*. VI, 717.
 — *rufinus*. VI, 717.
 — *subrufinus*. VI, 717.
Calliope. IV, 59 u 58.
 — *kamtschatkensis*. IV, 59.
 — *lothami*. IV, 59.
 — *suecioides*. IV, 56.
Callipepla. V, 608.
 — *californica*. V, 608.
 — *gambeli*. V, 608.
 — *picta*. V, 610.
 — *venusta*. V, 608.
Callisittacus novae-hollandiae. V, 378.
Callocephalon australe. V, 400.
 — *galeatum*. V, 400.
Calobates sulfurca. IV, 261.
Calocitta sinensis. IV, 489.
Calodera maculata. IV, 459.
Calocera luzonica. V, 460.

- Caloenas nicobarica* V, 463.
Calokitta erythrorhyncha IV, 489.
Calopsitta novae-hollandiae V, 378.
Calurus V, 8.
   — *paradiseus* V, 8.
   — *resplendens* V, 8.
Calyptrorhynchus V, 400.
   — *banksii* V, 402.
   — *cookii* V, 402.
   — *galeatus* V, 400.
   — *leachi* V, 402.
   — *macrorhynchus* V, 402.
   — *temminckii* V, 402.
Camouche VI, 735.
Campephagidae IV, 545.
Campephilus bairdi IV, 659.
   — *frincipalis* IV, 659.
Campylopterinae IV, 718.
Canard arlequin VI, 723.
   — *de la Caroline* VI, 704.
   — *ordinaire* VI, 692.
   — *siffleur* VI, 691.
Canards VI, 690.
   — *plongeurs* VI,
Canario IV, 338.
Canceroma canerophaga VI, 548.
   — *cochlearca* VI, 548.
Cancerphagus minor VI, 537.
Cannabina arbustorum IV, 320.
   — *citrinella* IV, 329.
   — *fiavirostris* IV, 321.
   — *linaria* IV, 323.
   — *linota* IV, 320.
   — *major* IV, 320.
   — *media* IV, 321.
   — *microrhynchos* IV, 321.
   — *minor* IV, 320.
   — *montium* IV, 321.
   — *pinetorum* IV, 320.
Cannepetière VI, 173.
Canutus cinereus VI, 42.
   — *islandicus* VI, 42.
Capito fuscus V, 152.
   — *indicus* IV, 704.
   — *margaritatus* IV, 705.
Capitoniidae IV, 703.
Caprimulgi V, 216.
Caprimulgidae V, 216.
Caprimulgus V, 220.
   — *africanus* V, 227.
   — *americanus* V, 239.
   — *boreanii* V, 224.
   — *caripensis* V, 247.
   — *clanator* V, 223.
   — *climacurus* V, 224.
   — *cristatus* V, 260.
   — *europaeus* V, 220.
   — *eximius* V, 228.
   — *foliorum* V, 220.
   — *forcipatus* V, 225.
   — *furcatus* V, 224.
   — *indicus* V, 233.
   — *isabellinus* V, 228.
Caprimulgus longicaudus V, 224.
   — *longipennis* V, 227.
   — *lunulatus* V, 260.
   — *macrocerus* V, 224.
   — *macrodipteryx* V, 227.
   — *maculatus* V, 220.
   — *megalurus* V, 225.
   — *novae-hollandiae* V, 260.
   — *podargus* V, 254.
   — *popetue* V, 239.
   — *punctatus* V, 220.
   — *ruficollis* V, 222.
   — *rufitorquatus* V, 222.
   — *spekei* V, 226.
   — *strigoides* V, 254.
   — *viderspergii* V, 224.
   — *virginianus* V, 239.
   — *vittatus* V, 200.
   — *vociferus* V, 223.
   — *vulgaris* V, 220.
Caracara commun. VI, 450.
   — *vulgaris* VI, 450.
Caracaras VI, 446.
Carancho VI, 450.
Carbo albiventer VI, 601.
   — *brachyurus* VI, 693.
   — *cormoranus* VI, 601.
   — *crassirostris* VI, 601.
   — *cristatus* VI, 603.
   — *graculus* VI, 603.
   — *javanicus* VI, 603.
   — *leucogaster* VI, 601.
   — *melanognathus* VI, 603.
   — *niepcii* VI, 603.
   — *nudigula* VI, 601.
   — *pygmacus* VI, 603.
Carbonarius martius IV, 652.
Cardinal de Virginie IV, 364.
   — *rouge* IV, 362.
Cardinals IV, 361.
Cardinalis virginianus IV, 364.
Carduelis auratus IV, 331.
   — *elegans* IV, 331.
   — *germanicus* IV, 331.
   — *septentrionalis* IV, 331.
   — *spinus* IV, 327.
Cariama cristata V, 734.
   — *saurophaga* V, 734.
Cariacola aquatica IV, 141.
   — *cariceti* IV, 141.
   — *phragmitis* IV, 138.
Carine V, 186.
   — *glauca* V, 186.
   — *meridionalis* V, 186.
   — *noctua* V, 186.
   — *passerina* V, 189.
Carouge brunet IV, 405.
   — *commandeur* IV, 407.
   — *oryzivore* IV, 403.
Carouges IV, 403.
Carpodacus crassirostris IV, 351.
   — *erythrinus* IV, 342.
   — *payraudei* IV, 351.
   — *sibiricus* IV, 347.
Carpophaginae V, 463.
Caryocatactes nucifraga IV, 507.
Caryocton galeatus V, 400.
Casarca rufila VI, 678.
Casmar IV, 602.
Casoar à casque VI, 748.
   — *de Bennett* VI, 748.
Casuars VI, 747.
Casse-noix à long bec IV, 507.
   — *ordinaire* IV, 507.
Cassicus IV, 409.
   — *cristatus* IV, 410.
Cassique IV, 410.
Cassiques IV, 409.
Casuarus galeatus VI, 748.
   — *novae-hollandiae* VI, 751.
Catharista VI, 512.
   — *atrata* VI, 513.
   — *aura* VI, 512.
   — *burroviana* VI, 512.
Cathariste VI, 512.
Catharistes VI, 512.
Catarrhactes fusca VI, 134.
   — *parasitica* VI, 137.
   — *pomarina* VI, 134.
   — *richardsonii* VI, 138.
   — *ryngvia* VI, 153.
   — *skua* VI, 134.
   — *troile* VI, 153.
   — *vulgaris* VI, 134.
Cathartes atratus VI, 513.
   — *aura* VI, 512.
   — *factens* VI, 513.
   — *griphus* VI, 505.
   — *monachus* VI, 502.
   — *papa* VI, 510.
   — *ricordi* VI, 512.
   — *ruficollis* VI, 512.
   — *septentrionalis* VI, 512.
   — *uribicola* VI, 512.
Catheturus australis V, 682.
   — *lathamii* V, 682.
   — *rubripes* V, 680.
Catoptrophorus semipalmatus VI, 51.
Cauralés V, 738.
Cecropis capensis IV, 568.
   — *rufula* IV, 568.
   — *rustica* IV, 562.
Centropus faisani V, 130.
Centrophanes Lapponica IV, 367.
Centropus V, 128.
   — *aegyptius* V, 129.
   — *anselli* V, 129.
   — *phasianus* V, 130.
   — *senegalensis* 129.
   — *superciliatus* V, 129.
Centronus australis V, 410.
Centurus carolinensis V, 322.
Cephalopterus IV, 600.
   — *calvus* IV, 600.
   — *ornatus* IV, 601.
Cephus alle. VI, 158.
   — *arcticus* VI, 151.

- Cephus arcticus*. VI, 639.
 — *faeroensis*. VI, 151.
 — *glacialis*. VI, 151.
   grylle VI, 151
   lacteolus VI, 151.
 — *mandtii* VI, 151.
 — *meisneri* VI, 151.
 — *scopa*. VI, 576.
 — *septentrionalis*. VI, 640.
 — *stellatus*. VI, 640
 — *torquatus*. VI, 639.
Ceratoplepharum arcticum. VI, 140.
Ceratornis. V, 643.
 — *melanocephala*. V, 644
 — *satyra*. V, 643
 — *temminckii* V, 643.
Cerchneis cenchris VI, 281
 — *media*. VI, 274.
 — *murum* VI, 274.
   paradoxa. VI, 281.
 — *ruficauda* VI, 281.
 — *rufipes*. 285.
 — *tinnuncula*. VI, 274
 — *vespertinus*. VI, 285.
Cerconectes mersa. VI, 725.
Cercopsis. VI, 687
 — *australis*. VI, 687.
 — *cinereus*. VI, 687
 — *novae-hollandiae*. VI,
Ceriornis lathamii V, 643.
   satyra. V, 643.
Certhia americana. 213.
   armillata IV, 221.
   brachydaetyla. IV, 213
 — *concinna*. IV, 223.
 — *costae* IV, 213.
 — *cyanca* IV, 221.
 — *cyanogastra*. IV, 221.
 — *familiaris* IV, 213.
 — *fasciata*. IV, 213.
 — *flaveola* IV, 222
 — *longicauda*. IV, 213.
   muraria IV, 215.
 — *nattereri* IV, 213.
 — *scandula* IV, 213.
 — *turneri* IV, 213.
Certhiidae IV, 205.
Certhiinae. IV, 213.
Certhilauda bifasciata. IV,
 256.
 — *boysii* IV, 248
 — *desertorum*. IV, 256.
 — *doriae* IV, 256
 — *dupontii* IV, 256.
 — *meridionalis*. IV, 256.
 — *salvini*. IV, 256.
Certhiola flaveola IV, 222.
Ceryle V, 63
 — *bicincta* V, 63
 — *leucomelanura*. V, 63.
 — *pic* V, 63
 — *rudis* V, 63.
 — *varia*. V, 63.
Ceryles. V, 63.
Cetosparactes eburneus. VI,
 126.
Cettia attinisonans IV, 150.
 — *boeticula*. IV, 134.
 — *cettii* IV, 150.
 — *luscinioides*. IV, 148
 — *melanopogon* IV, 149.
 — *sericca*. IV, 150.
Chacuru perlé IV, 705.
Chaetopus francolinus V, 585
Chalcopelia afra. V, 446.
 — *chalcopslos* V, 446.
Chalcothane pourpre. IV,
 413
Chalcophanes. IV, 413.
 — *quiscalus*. IV, 413.
Chafu. IV, 410.
Charadriidae. VI, 1.
Charadriiformes. VI, 1.
Charadriinae. VI, 62.
Charadriornithes. VI, 1.
Charadrius. VI, 71.
 — *aegyptiacus*. VI, 83
 — *africanus*. VI, 83.
 — *albifrons*. VI, 79.
 — *alexandrinus* VI, 79.
 — *altifrons*. VI, 73.
 — *anglus*, VI, 75.
 — *apricarius*. VI, 73.
 — *asiaticus* VI, 76.
 — *auratus* VI, 73.
 — *aureus*. VI, 73
 — *calidris*. VI, 49.
 — *cantianus*. VI, 79.
 — *caspicus* VI, 76.
 — *cinclus*. VI, 86.
 — *corrira* VI, 80.
 — *cristatus*. VI, 69.
 — *curonicus*. VI, 76.
 — *fluviatilis* VI, 78.
 — *fulcus*. VI, 73
 — *gallicus* VI, 80.
 — *gavia*. IV, 62.
 — *gigas* VI, 76.
   glaricopus VI, 73.
 — *gregarius*. VI, 67
 — *helveticus*. VI, 72.
 — *hiaticula*. VI, 78.
 — *hiaticuloides*. VI, 78.
 — *hypomelanus* VI, 72.
 — *illyricus* VI, 182.
 — *intermedius*. VI, 78.
 — *jugularis*. VI, 76.
 — *leucurus*. VI, 68.
 — *littoralis* VI, 79.
 — *longirostris*. VI, 72.
 — *melanocephalus*. VI, 83.
   minor. VI, 78.
 — *minutus* VI, 78.
 — *morinellus*. VI, 75
 — *naevius*. VI, 72
 — *oedicephalus* VI, 182.
   pardela. VI, 72
   persicus VI, 69
 — *philippinus* VI, 78.
 — *pluvialis*. VI, 73
 — *pusillus*. VI, 78.
 — *rubidus*. VI, 49
 — *scolopax*. VI, 182
Charadrius sibiricus. VI, 75
 — *spinus*. VI, 69
 — *squatarola*. VI, 72.
   tuilensis VI, 73
 — *tataricus*. VI, 75
 — *torquatus* VI, 78
 — *trachilus* VI, 79
 — *vanellus* VI, 62
 — *varius* VI, 72
 — *ventralis*. VI, 67
 — *virginianus*. VI, 73.
 — *virginicus* VI, 73
 — *vagleri*. VI, 67.
 — *xanthocheilus* VI, 73.
 — *zonatus*. VI, 78.
Charbonnière. IV, 190.
Chardonneret. IV, 331.
Chasmorhynchus IV, 602.
 — *carnunculatus*. IV, 602.
 — *nudicollis*. IV, 602.
 — *tricarunculatus*. IV, 602.
 — *variegatus*. IV, 602.
Chat-huant. V, 165.
Chats-huants. V, 164.
Chauleasmus americanus. VI,
 693
 — *angustirostris*. VI, 698.
 — *cinereus*. VI, 693.
 — *streperus*. VI, 693.
Chaulodes strepera VI, 693
Cheimonia tridactyla. VI, 128.
Chelidon fenestrarum. IV,
 569.
 — *microrhynchos* IV, 574.
 — *minor* IV, 569.
 — *rupestris*. IV, 569.
 — *rupestris* IV, 572.
 — *urbica* IV, 569.
Chelidonaria IV, 569
   urbica IV, 569.
Chema. VI, 131.
 — *sabinii*. VI, 131.
Chen albatrus. VI, 668.
   hyperboreus. VI, 668.
Chenalopex. VI, 675.
 — *aegyptiacus*. VI, 675.
 — *varius* VI, 675
Chenopsis atrasa. VI, 653.
Chetturia flavipes. VI, 68
 — *gregaria*. VI, 67.
 — *leucura* VI, 68.
Chevalier d'Amerique. VI, 89
 — *des étangs* VI, 30
 — *du Caucase* VI, 40.
   gambette VI, 32.
 — *maculé* VI, 37.
 — *noir*. VI, 33.
 — *semipalmé*. VI, 51
Chevaliers VI, 25.
Cheveche blanche. V, 174.
 — *de Laponie*. V, 172.
 — *de l'Oural*. V, 169.
 — *grise* V, 172.
 — *perlée* V, 183.
 — *rousse* V, 189.
Chibia malabroides. IV, 439
Chimachina. VI, 447.

- Chimango. VI, 449.
 Chimborazovogel IV, 718.
 Chinochen hyperborca. VI, 668.
 Chionospina nivalis. IV, 312.
 Chipeau. VI, 693.
 Chiquera ruficollis. VI, 256.
 Chiromachacris manacus IV, 590.
 Chizaornis zonura. V, 147.
 Chlamydera maculata. IV, 459.
 Chlamidodera holosericca IV, 457.
 — maculata. IV, 459.
 Chlamydorinae. IV, 457.
 Chlamydotis hubara. VI, 179.
 Chloris aurantiiventris. IV, 318
 flavigaster. IV, 318.
 — hortensis. IV, 318.
 — pinetorum IV, 318.
 Chloropeta pallida. IV, 154.
 Chloropicus canus. IV, 632.
 — viridis IV, 627.
 Chloropsis aurifrons IV, 231.
 — malabaricus. IV, 231.
 Chlorospiza chloris. IV, 318.
 — chlorotica. IV, 318.
 — citrinella. IV, 329.
 — incerta. IV, 342
 Chocard des Alpes IV, 519
 — maculé. IV, 459
 — violet. IV, 457.
 Chocards. IV, 457.
 Chordeiles. V, 239.
 — de Virginie. V, 239.
 Chordeiles. V, 239.
 — virginianus. V, 239
 Chorys arborea IV, 251
 Choucar de paradis IV, 439
 — gris. IV, 441.
 — noir. IV, 441.
 — triste IV, 440
 Choucaris IV, 439.
 Choucas. IV, 481.
 Chouette commune. V, 186.
 — des prairies. V, 194.
 — épervier. V, 177.
 — faucon. V, 178.
 — glauque. V, 186.
 — lapin. V, 193
 — des terriers. V, 193.
 Chourtka alpina. V, 587
 Chroicocephalus caniceps. VI, 123.
 — capistratus. VI, 123.
 — gelastes. VI, 119.
 — ictyalus. VI, 123
 — melanocephales. VI, 123.
 — minor. VI, 123.
 — minutus. VI, 123.
 — pileatus. VI, 123.
 — ridibundus. VI, 123.
 Chrysococyx V, 103.
 — auratus. V, 103.
 — cupreus. V, 103.
 Chrysolophus pictus. V, 631.
 Chrysomitris. IV, 327.
 — citrinella. IV, 329.
 — pinus IV, 327.
 Chrysotis amazonica. V, 305.
 — jamaicensis. V, 305.
 Cicinnurus regius. IV, 449.
 — rex. IV, 449
 — spinturnix. IV, 449.
 Ciconia VI, 553.
 — abdimii. VI, 563.
 — alba. VI, 553.
 — albescens. VI, 553.
 — argala. VI, 568.
 — candida. VI, 553.
 — crumenifera. VI, 567.
 — ephippiorhyncha VI, 565.
 — fusca. VI, 562.
 — major. VI, 553.
 — marabou. VI, 568.
 — nigra. VI, 562.
 — nivea VI, 553
 — senegalensis. VI, 567.
 — vetula. VI, 568.
 Ciconiidae. VI 552
 Ciconiiformes. VI, 221.
 Cigogne africaine. VI, 563.
 — commune. VI, 553.
 — noire. VI, 562.
 Cigognes. VI 552 II 553.
 — à sac VI, 567.
 Cincle alpestre. VI, 79.
 — à ventre noir. VI, 78.
 Cincles. VI 77
 Cinclus IV, 77.
 — albicollis. IV, 78
 — aquaticus. IV, 78.
 — cashmiriensis. IV, 78.
 — interpres VI, 86.
 — medius. IV, 78.
 — melanogaster IV, 78.
 — merula IV, 78.
 — morinella. VI, 86.
 — peregrinus. IV, 78.
 — rufipectoralis IV, 78
 Cinclus rufiventris. IV, 78.
 — rupestris. IV, 78
 — septentrionalis. IV, 78.
 Cinnamolegus papuensis. IV, 455.
 Cinnipis metallica IV, 225.
 Cinnyrincclus leucogaster. IV, 431.
 Circaète vautour. VI, 360
 Circaetes. VI, 36.
 Circaetus. VI, 336.
 — anguim. VI, 336
 — antarcticus. VI, 449.
 — brachydactylus. VI, 336.
 — caudatus. VI, 841.
 — ferox. VI, 331.
 — gallicus VI, 336.
 — hypoleucus. VI, 336.
 — leucopsis. VI, 336.
 — meridionalis. VI, 336.
 — novae-zelandiac. VI, 449.
 — orientalis VI, 336.
 Circaetus paradoxus. VI, 337
 — radiatus. VI, 454.
 Circus. VI, 431.
 — aeruginosus. VI, 440.
 — americanus. V, 113.
 — arundinaceus. VI, 440.
 — cineraceus VI, 435
 — cinerarius. VI, 436.
 — cinerascens VI, 436.
 — cinereus. VI, 431.
 — cyaneus. VI, 431.
 — dalmatinus VI, 431.
 — gallinarius. VI, 431
 — macrurus. VI, 431.
 — macrurus VI, 431
 — montégui. VI, 436
 — nigripennis VI, 431
 — pallens. VI, 431.
 — pallidus. VI, 431.
 — pygargus. VI, 431.
 — pygargus. VI, 435.
 — rufus. VI, 440.
 — swainsonii. VI, 431.
 Cissa. IV, 489.
 — erythrorhyncha. IV, 489
 — sinensis. IV, 489.
 Cistensänger. IV, 174.
 Cisticola. IV, 174.
 — arquata. IV, 174.
 — ayresii. IV, 174.
 — cursitans. IV, 174.
 — luropaca IV, 174
 — lanceolata. IV, 142.
 — munipurensis IV, 174.
 — schoeniola. IV, 174.
 — terrestris. IV, 174.
 — tintinnabulans. IV, 174.
 Cisticole ordinaire. IV, 174.
 Cisticoles. IV, 174.
 Cisticolinac. IV, 174.
 Citrinella alpina IV, 329.
 — brumalis. IV, 329.
 — chrysopteryx. IV, 384.
 — cia. IV, 381.
 — meridionalis. IV, 381.
 — serinus. IV, 329.
 Citta abdominalis. IV, 578.
 Clematores. IV, 577.
 Clangula albeola. VI, 721.
 — americana VI, 721.
 — barrowii. VI, 721.
 — brachyrhynchus. VI, 723.
 — chrysoptthalmos. VI, 721.
 — faberi. VI, 723.
 — glacialis. VI, 723.
 — glacion VI, 721.
 — istrionica. VI, 723.
 — hymalis. VI, 723.
 — islandica. VI, 721.
 — leucomela. VI, 721.
 — megaluros. VI, 723.
 — minuta. VI, 723
 — musica. VI, 723.
 — peregrina VI, 721
 — scapularis. VI, 721.
 — stelleri. VI, 724.
 — torquata. VI, 723.

- Clangula vulgaris* VI, 721.
Cleptes pica IV, 484.
Clivicola IV, 572.
   riparia IV, 574.
   rupestris IV, 572.
Clupularus fuscus VI, 120.
Clypeata brachyrhynchos VI, 701.
   macrorhynchos VI, 701.
   platyrhynchos VI, 701.
   pomarina VI, 701.
Coccoborinae IV, 361.
Coccoroborus IV, 362.
   ludovicianus IV, 361.
   virginianus IV, 364.
Coccothraustes IV, 302.
   atrigularis IV, 302.
   cardinalis IV, 364.
   cerasorum IV, 302.
   chloris IV, 318.
   deformis IV, 302.
   enucleator IV, 344.
   erythrina IV, 342.
   europacus IV, 302.
   fagorum IV, 302.
   flaviceps IV, 302.
   ludovicianus IV, 361.
   minor IV, 302.
   petronia IV, 297.
   planiceps IV, 302.
   rosea IV, 342.
   rubricollis IV, 362.
   vulgaris IV, 302.
Coccyges V, 82.
Coccygiformes V, 82.
Coccyzus V, 112.
   americanus V, 112.
   bairdii V, 112.
   julieni V, 112.
Coccytes V, 116.
   glandarius V, 117.
Coccyetinae V, 106.
Cochlearius fuscus VI, 548.
   naevius VI, 548.
Colacus IV, 482.
   frugilegus IV, 474.
   monedula IV, 481.
Colaptes IV, 637.
   auratus IV, 637.
   campestris IV, 641.
   erythrocephalus IV, 643.
   formicivorus IV, 646.
   mexicanus IV, 641.
Colibri bec d'aigle IV, 717.
   eremite IV, 717.
   géant IV, 726.
   grenat IV, 722.
   vert IV, 721.
Colli IV, 40.
Coliidae IV, 789.
Colin de Californie V, 608.
   de Virginie V, 605.
   superbe V, 608.
Colinhuhn V, 605.
Colinia virginiana V, 605.
Colinus d'Amérique V, 608.
Colius IV, 789.
   macrourus IV, 789.
   senegalensis IV, 789.
Collocalia IV, 780.
   brevirostris IV, 781.
   concolor IV, 781.
   fuciphaga IV, 783.
   nidifica IV, 781.
   unicolor IV, 781.
Collyrio excubitor IV, 527.
   meridionalis IV, 528.
Coloburis IV, 578.
   bengalensis IV, 578.
   brachyura IV, 578.
Colombar à aigrette V, 455.
   gelinotte V, 458.
   lumachelle V, 456.
   waali V, 469.
Colombars V, 455.
Colombe ensanglantée V, 460.
   nicobar V, 463.
Colombis-Hocco V, 465.
Columba V, 436.
   abissinica V, 469.
   afra V, 446.
   agricola V, 448.
   americana V, 429.
   arborea V, 440.
   bouvryi V, 440.
   cambayensis V, 449.
   canadensis V, 429.
   casiotis V, 436.
   cavorum V, 440.
   chalcopsilos V, 446.
   chalcoptera V, 456.
   coronata V, 465.
   cruenta V, 460.
   cruentata V, 460.
   cucullata V, 442.
   cyclops V, 458.
   dasyptus V, 442.
   domestica V, 442.
   dubia V, 442.
   elegans V, 442.
   galeata V, 442.
   gallus V, 463.
   gelastes V, 448.
   glauconotos V, 442.
   glauconotos V, 448.
   gutturosa V, 442.
   gymnocyclus V, 442.
   gyratrix V, 442.
   hispanica V, 442.
   hispida V, 442.
   humeralis V, 469.
   intermedia V, 442.
   livia V, 442.
   lophotes V, 455.
   luzonica V, 460.
   maculicollis V, 449.
   meena V, 448.
   migratoria V, 429.
   muhiensis V, 465.
   nicobarica V, 463.
   oenas V, 440.
   orientalis V, 448.
   palumbus V, 436.
   pinetorum V, 436.
Columba pulcherrima V, 468.
   pulehrata V, 448.
   risoria V, 452.
   rubricapilla V, 468.
   rufidorsalis V, 448.
   rupestris V, 442.
   schimperii V, 442.
   senegalensis V, 449.
   suratensis V, 449.
   tabellaria V, 442.
   tenera V, 448.
   torquata V, 436.
   trocaz V, 440.
   turbida V, 442.
   turcica V, 442.
   turtur V, 448.
   unicolor V, 442.
   vaalia V, 469.
   vitticollis V, 448.
Columbidae V, 425.
Columbinae V, 429.
Columbi VI, 628.
Columbidae VI, 628.
Columbiformes VI, 628.
Colymbus VI, 632.
   arcticus VI, 639.
   auritus VI, 637.
   balthicus VI, 639.
   borealis VI, 670.
   cornutus VI, 632.
   coronatus VI, 632.
   cristatus VI, 632.
   cucullatus VI, 636.
   fluviatilis VI, 637.
   glacialis VI, 639.
   griseigena VI, 636.
   grylle VI, 151.
   hiemalis VI, 639.
   ignotus VI, 639.
   immer VI, 639.
   lacteolus VI, 151.
   laucopus 639.
   longirostris VI, 636.
   macrorhynchos VI, 639.
   maximus VI, 639.
   microrhynchos VI, 640.
   minor VI, 153.
   minor VI, 637.
   minutus VI, 637.
   naevius VI, 636.
   nigricollis VI, 637.
   pacificus VI, 639.
   parolis VI, 636.
   parvus VI, 637.
   pyrenaicus VI, 637.
   rubricollis VI, 636.
   rufogularis VI, 640.
   septentrionalis VI, 640.
   stellatus VI, 640.
   striatus VI, 640.
   suberistatus VI, 636.
   torquatus VI, 639.
   toile VI, 153.
   urinator VI, 632.
Combattant VI, 26.
Cometes sappho IV, 725.
   sparganurus IV, 725.

- Condor. VI, 505.
 Conurinae. V, 309.
 Conurus. V, 321.
   — calita. V, 309.
   — canicollis. V, 309.
   — carolinensis. V, 322.
   — erythrofrons. V, 318.
   — griseicollis. V, 309.
   — leptorhynchus. V, 318.
   — ludovicianus. V, 322.
   — monachus. V, 309.
   — murinus. V, 309.
   — rufirostris. V, 316.
   — solstitialis. V, 296.
   — tiriacula. V, 316.
   — torquatus. V, 355.
   — viridissimus. V, 316.
 Copsichus torquatus. IV, 93.
 Coq bankive. V, 615.
   — de bruyère a queue four-
   chuc. V, 524.
   — de roche. IV, 606.
   — de sonnerat. V, 616.
   — des jongles. V, 616.
   — du Gange. V, 616.
   — faisan. V, 618.
 Coqs. V, 615.
   — de bruyère. V, 508.
   — faisans. V, 617.
 Coracia erythorhamphus. IV,
 516.
 Coraciae. V, 262.
 Coracias garrula. V, 265.
   — garrulus. V, 265.
   — loquax. V, 265.
   — melanocephalus. IV, 489.
   — orientalis. V, 271.
   — oriolus. IV, 487.
   — tibicen. IV, 525.
   — vagabunda. IV, 512.
   — viridis. V, 265.
 Coraciidae. V, 262.
 Coraciiformes. V, 153.
 Coracina cephaloptera. IV,
 601.
   — ornata. IV, 601.
 Coracornithes. V, 1.
 Coragyps atratus. VI, 513.
 Corax maximus. IV, 424.
   — nobilis. IV, 464.
   — scapulatus. IV, 478.
 Corbeau. IV, 464.
 Corbeaux. IV, 464.
 Corbivau. IV, 481.
 Cordon bleu. IV, 609.
 Cormoran. VI, 601.
   — pygmée. VI, 603.
 Cormorans. VI, 600.
 Corneille. IV, 471.
 Corone cornix. IV, 471.
   — corone. IV, 471.
 Corvidae. IV, 463.
 Corvinae. IV, 464.
 Corvultur crassirostris. IV,
 480.
 Corvus. IV, 464.
   — adoena. IV, 474.
   — agricola. IV, 474.
   — agrorum. IV, 474.
   — albicollis. IV, 481.
   — assimilis. IV, 471.
   — aureoviridis. IV, 427.
   — brachyurus. IV, 578.
   — calvus. IV, 600.
   — carnivorus. IV, 464.
   — caryocatactes. IV, 507.
   — cinereus. IV, 471.
   — cericus. IV, 464.
   — collaris. IV, 481.
   — corax. IV, 464.
   — cornix. IV, 471.
   — corone. IV, 471.
   — crassirostris. IV, 480.
   — cristatus. IV, 500.
   — curvirostris. IV, 478.
   — dauricus. IV, 478.
   — erythorhynchus. IV, 489.
   — feroensis. IV, 461.
   — frugilegus. IV, 474.
   — glandarius. IV, 492.
   — graculus. IV, 516.
   — granorum. IV, 474.
   — hiemalis. IV, 471.
   — infanctus. IV, 496.
   — leucomelas. IV, 464.
   — leuconotus. IV, 478.
   — leucophalus. IV, 464.
   — littoralis. IV, 464.
   — lugubris. IV, 464.
   — madagascariensis. IV, 478.
   — major. IV, 464.
   — maximus. IV, 464.
   — monedula. IV, 481.
   — montanus. IV, 464.
   — panderi. IV, 522.
   — peregrinus. IV, 464.
   — pica. IV, 484.
   — pileatus. IV, 487.
   — placocephalus. IV, 478.
   — pseudocorone. IV, 471.
   — rufus. IV, 512.
   — russicus. IV, 496.
   — rusticus. IV, 484.
   — scapularis. IV, 478.
   — scapulatus. IV, 478.
   — sibiricus. IV, 496.
   — squamulosus. IV, 457.
   — spermolegus. IV, 481.
   — subcornix. IV, 471.
   — subcorone. IV, 471.
   — tenuirostris. IV, 471.
   — tibetanus. IV, 464.
   — vociferus. IV, 494.
 Corydalla infusca. IV, 278.
   — richardi. IV, 278.
 Corydanix aegyptius. V, 129.
   — phasianus. V, 130.
 Coryllis. V, 361.
   — galgulus. V, 362.
 Corythacolus. V, 139.
   — cristatus. V, 139.
   — gigas. V, 139.
 Corythaix. V, 143.
   — leucotis. V, 143.
   — persa. V, 145.
 Corytholaca ruppellii. IV,
 123.
 Corythus angustirostris. IV,
 344.
   — canadensis. IV, 344.
   — enucleator. IV, 344.
   — minor. IV, 344.
   — splendens. IV, 344.
 Cosmaerops ornatus. V, 49.
 Cosmetornis. V, 226.
   — vexillarius. V, 226.
 Cosmonessa histrionica. VI
 723.
   — sponsa. VI, 704.
 Cosmonetta histrionica. VI,
 723.
 Cotinga chauve. IV, 600.
   — cineta. IV, 609.
   — coerulea. IV, 609.
   — orné. IV, 601.
 Coturnix baldami. V, 596.
   — capensis. V, 596.
   — communis. V, 596.
   — dactilisonans. V, 596.
   — europaea. V, 596.
   — japonica. V, 596.
   — major. V, 596.
   — media. V, 596.
   — minor. V, 596.
   — vulgaris. V, 596.
 Cotyle fluviatilis. IV, 574.
   — litoralis. IV, 574.
   — microrhynchus. IV, 574.
   — palustris. IV, 574.
   — riparia. IV, 574.
   — rupestris. IV, 572.
 Cou-coupe. IV, 397.
 Coua américain. V, 113.
   — de la jamaïque. V, 123.
 Couas. V, 112.
   — terrestres. V, 125.
 Coucal de Sénégal. V, 129.
 Coucals. V, 128.
 Coucou. V, 125.
 Coucou. V, 83.
   — doré. V, 103.
   — noir. V, 110.
 Coucou. V, 82.
   — dorés. V, 103.
 Coupeur d'eau. VI, 113.
 Coure-vite. VI, 80.
   — égyptien. VI, 83.
   — isabelle. VI, 80.
 Courlis. VI, 17.
   — boréal. VI, 18.
   — de terre. VI, 182.
   — ordinaire. VI, 17.
   — tenuirostre. VI, 18.
 Courou. V, 273.
   — à longue queue. V, 117.
 Courouls. V, 116.
 Couroucou couroucou. V, 5.
   — de Ceylon. V, 2.
   — narina. V, 3.
   — Pompée. V, 5.
   — temnure. V, 7.

- Couroucous V, 3.
   flamboyants V, 2.
 Crabier de Mahon VI, 537.
 Crabiers blancs VI, 538.
 Cracidae V, 667.
 Cracticus tibicen IV, 525.
 Craterope d'Abyssinie IV, 181.
   — de la Caroline IV, 185.
 Crateropes IV, 183.
 Crateropus IV, 183.
   — carolinensis IV, 185.
   — leucopygius IV, 183.
   — limbatus IV, 183.
 Cravant VI, 669.
 Crax V, 667.
   — alector V, 668.
   — carunculata V, 670.
   — tomentosa V, 668.
 Creadion IV, 461.
   — acutirostris IV, 461.
 Cresserele VI, 274.
 Cresserette VI, 281.
 Crex V, 710.
   — alticeps V, 710.
   — galeata V, 699.
   — herbarum V, 710.
   — forzana V, 706.
   — pratensis V, 710.
 Crithagra canaria IV, 338.
 Cribus madagascariensis V, 273.
 Crossoptilon V, 622.
   — auritus V, 622.
   — coeruleus V, 622.
   — manschuricus V, 622.
 Crotophaga V, 132.
   — ani V, 133.
   — laevirostris V, 133.
   — minor V, 133.
   — rugirostris V, 133.
 Crotophages V, 132.
 Crotophaginae V, 132.
 Crucirostra abietina IV, 355.
   — balearica IV, 355.
   — bifasciata IV, 356.
   — brachyrhynchus IV, 355.
   — curvirostra IV, 355.
   — europaea IV, 355.
   — intercedens IV, 355.
   — longirostris IV, 355.
   — macrorhynchus IV, 355.
   — media IV, 355.
   — montana IV, 355.
   — orientalis IV, 356.
   — paradoxa IV, 355.
   — pinetorum IV, 355.
   — pityopsittacus IV, 355.
   — pseudopityopsittacus IV, 355.
   — rubrifasciata IV, 356.
   — subpityopsittacus IV, 355.
   — trifasciata IV, 356.
 Crymonessa gracilis VI, 723.
 Crynophilus rufus VI, 53.
 Crypsirhina pallida IV, 512.
   — rufa IV, 512.
 Crypsirhina vagabunda IV, 512.
 Cryptonix cristatus V, 602.
 Cryptophaga miliaria IV, 375.
 Crypturiformes V, 687.
 Crypturus rufescens V, 689.
 Crytonix coronalis V, 602.
   — cristatus V, 602.
 Cuculidae V, 82.
 Cuculinae V, 82.
 Cuculus aegyptius V, 129.
   — afer V, 273.
   — americanus V, 112.
   — andalusiae V, 117.
   — auratus V, 103.
   — auratus IV, 637.
   — borealis V, 83.
   — canorus V, 83.
   — capensis IV, 708.
   — carolinensis V, 112.
   — chalconcephalus V, 103.
   — cinereus V, 83.
   — cinerarius V, 112.
   — crassirostris V, 110.
   — cupreus V, 103.
   — discolor V, 273.
   — dominicus V, 112.
   — giganteus V, 130.
   — glandarius V, 117.
   — gracilis V, 117.
   — gularis V, 83.
   — hepaticus V, 83.
   — honoratus V, 110.
   — bouhou V, 129.
   — indicator IV, 708.
   — indicus V, 83.
   — indicus V, 110.
   — leptodetus V, 83.
   — lineatus V, 83.
   — macurus V, 117.
   — maculatus V, 110.
   — niger V, 109.
   — orientalis V, 110.
   — panayanus V, 109.
   — paradiseus IV, 439.
   — phaeopterus V, 117.
   — phasianus V, 130.
   — piranus V, 117.
   — pyrrholeucus V, 129.
   — regius V, 142.
   — rufus V, 83.
   — scolopaceus V, 110.
   — senegalensis V, 129.
   — subgriseus IV, 685.
   — telephonus V, 83.
   — variegatus V, 109.
   — vetulus V, 123.
   — viaticus V, 125.
   — vulgaris V, 83.
 Cujelier IV, 251.
 Cultrunguis leschenaultii V, 214.
   — nigripes V, 214.
 Cuncuma alipes VI, 345.
   — macei VI, 345.
   — vocifera VI, 346.
 Cupidonia americana V, 544.
   — rapida V, 544.
 Curruca abietina VI, 156.
   — albostrata IV, 122.
   — arundinacea IV, 134.
   — atricapilla IV, 112.
   — brachyrhynchus IV, 114.
   — brevisrostris IV, 156.
   — caniceps IV, 118.
   — cineracea IV, 118.
   — cinerea IV, 118.
   — collybita IV, 156.
   — conspicillata IV, 120.
   — fruticeti IV, 118.
   — fusca IV, 135.
   — garrula IV, 116.
   — grisea IV, 114.
   — helenae IV, 110.
   — hortensis IV, 114.
   — jerdoni IV, 110.
   — leucopogon IV, 122.
   — luctuosa IV, 124.
   — luscina IV, 48.
   — melanocephala IV, 124.
   — momus IV, 124.
   — musica IV, 110.
   — nemorosa IV, 156.
   — risoria IV, 108.
   — orphea IV, 110.
   — passerina IV, 122.
   — philomela IV, 48.
   — provincialis IV, 127.
   — rubecula IV, 61.
   — rufa IV, 156.
   — rüppellii IV, 123.
   — sarela IV, 126.
   — sepiaria IV, 103.
   — septentrionalis IV, 116.
   — subalpina IV, 122.
   — succica IV, 54.
   — superciliaris IV, 116.
   — sylvestris IV, 156.
   — sylvia IV, 118.
 Cursor charadroides VI, 83.
   — europaeus VI, 80.
   — gallicus IV, 80.
   — isabellinus VI, 80.
 Cursorius VI, 80.
   — aegyptius VI, 83.
   — brachydactylus VI, 80.
   — europaeus VI, 80.
   — gallicus VI, 80.
   — isabellinus VI, 80.
   — jamesoni VI, 80.
   — pallidus IV, 80.
 Cyanecula IV, 54.
   — coerulecula IV, 56.
   — cyanea IV, 56.
   — dichrosterina IV, 56.
   — leucocyana IV, 56.
   — obscura IV, 56.
   — orientalis IV, 56.
   — succica IV, 55.
   — succioides IV, 56.
   — wolfii IV, 56.
 Cyanistis coeruleus IV, 192.
   — cyanus IV, 192.
 Cyanocitta IV, 499.
   — cristata IV, 500.

- Cyanocitta diademata*. IV, 503.
Cyanocorax. IV, 487.
   chrissops. IV, 487.
   cristatus. IV, 500.
   pileatus. IV, 487.
Cyanogarrulus cristatus. IV, 500
   diadematus. IV, 503.
Cyanopica cookii. IV, 505.
Cyanopolius. IV, 505.
   cookii. IV, 505.
   cyanus. IV, 505.
Cyanoptera circa. IV, 696.
Cyanorus pileatus. IV, 487
Cyanurus cristatus. IV, 500.
   diadematus. IV, 503
Cyanus. IV, 88.
Cygne à bec noir. VI, 649.
   — à bec rouge. VI, 649.
   — à col noir. VI, 653
   — de Bewick. VI, 649.
   — immutabilis. VI, 649.
   — noir. VI, 653.
Cygninae. VI, 646.
Cygnopsis canadensis. IV, 672.
Cygnus altumi. VI, 649.
   — *atratus*. VI, 653.
   — *bewickii*. VI, 649.
   — *canadensis*. VI, 672.
   ferox. VI, 649.
   — *gambensis*. VI, 685
   — *gibber*. VI, 649.
   — *immutabilis*. VI, 649.
   — *islandicus*. VI, 649.
   — *mansuetus*. VI, 649.
   — *melanocephalus*. VI, 653.
   — *melanocoryphus*. VI, 653.
   — *melanorhynchus*. VI, 649.
   — *melanorhynchus*. VI, 649.
   — *minor*. VI, 649.
   — *musicus*. VI, 649.
   — *nigricollis*. VI, 653.
   — *novae-hollandiae*. VI, 653.
   — *olor*. VI, 649.
   — *plutonis*. VI, 653.
   — *sibilus*. VI, 649.
   — *xanthorhinus*. VI, 649.
Cymochorea leucorrhoea. VI, 213.
Cymotomus anglorum. IV, 217
   — *arcticus*. VI, 217.
Cynanthus chrysurus. IV, 725.
   — *gigas*. IV, 726.
   — *sparganurus*. IV, 725.
   — *underwoodi*. IV, 724.
Cynchramus miliaris. IV, 375.
   — *pusillus*. IV, 373
   — *pyrrhuloides*. IV, 371.
   — *rusticus*. IV, 373.
   — *schoeni-lus*. IV, 371.
   — *septentrionalis*. IV, 371.
   — *stagnatilis*. IV, 371.
Cypselidae. IV, 755.
Cypselus alpinus. IV, 758.
   — *ambrosiacus*. IV, 777.
   — *apus*. IV, 770.
   — *barbatus*. IV, 770.
Cypselus battaviensis. IV, 777.
   — *dubius*. IV, 770.
   — *esculentus*. IV, 781.
   — *gula*. IV, 758.
   — *gutturalis*. IV, 758.
   — *klecho*. IV, 778.
   — *layardi*. IV, 758.
   — *melba*. IV, 758.
   — *murarius*. IV, 770.
   — *palmarum*. IV, 777.
   — *parvus*. IV, 777.
   — *turrium*. IV, 770.
   — *vulgaris*. IV, 770.
Cypsiurus ambrosiacus. IV, 777.
Cypsorhinus musicus. IV, 170.
- ### D.
- Dacelo actaeon*. V, 66.
   — *gigas*. V, 70.
   — *jagoensis*. V, 68.
   — *undulatus*. V, 70.
Dacni idae. IV, 221.
Dacnis. IV, 222.
   — *flaviola*. IV, 222.
Daedalion fringillarius. VI, 411.
   — *palumbarius*. VI, 419.
Dafila acuta. VI, 700.
   — *caudacuta*. VI, 700.
   — *caudata*. VI, 700.
   — *longicauda*. IV, 700.
   — *marmorata*. VI, 698.
Dalripa. V, 552.
Dammerungsschwalben. V, 239.
Dandalus foliorum. IV, 61.
   — *pinctorum*. IV, 61.
   — *rubecula*. IV, 61.
   — *septentrionalis*. IV, 61.
Daption capensis. VI, 210.
Daulias luscina. IV, 48.
   — *philomela*. IV, 48.
Demoiselle de Numidie. V, 724.
Dendrochelidon. IV, 778.
   — *ambrosiaca*. IV, 777
   — *longipennis*. IV, 778.
Dendrocitta. IV, 512.
   — *pallida*. IV, 512.
   — *rufa*. IV, 512.
   — *vagabunda*. IV, 512.
Dendrocittinae. IV, 512.
Dendrocopinae. IV, 652.
Dendrocopus. IV, 665.
   — *leuconotos*. IV, 681.
   — *major*. IV, 666.
   — *martius*. IV, 652.
   — *medius*. IV, 673.
   — *minor*. IV, 676
   — *niger*. IV, 652
   — *numidicus*. IV, 666.
   — *tridactylus*. IV, 663.
Dendrofaeco arcadicus. VI, 260.
Dendrofaeco eleonora. VI, 260.
   — *subbuteco*. VI, 258.
Dendrodromas leuconotus. IV, 681
Dendroica virens. IV, 279.
Dendronanthes arboreus. IV, 272
Dendroscopus principalis. IV, 659
Dendronessa sponsa. VI, 704.
Deropterus. V, 302.
   — *accipitrinus*. V, 302
Derotypus accipitrinus. V, 302.
Dertroides albistrostris. IV, 387.
Diademhäger. IV, 505.
Diamentfasan. V, 632.
Dichoceros bicornis. V, 15
Dicholophidae. V, 734.
Dicholophus. V, 734
   — *cristatus*. V, 734.
   — *margravii*. V, 734.
   — *saurorhagus*. V, 734.
Di schnabelstittich. V, 309.
Dicurus. IV, 439.
   — *ater*. IV, 441.
   — *cinereus*. IV, 441.
   — *divaricatus*. IV, 440.
   — *formosus*. IV, 439.
   — *grandis*. IV, 439
   — *malabaricus*. IV, 439.
   — *malabaroides*. IV, 439.
   — *malavensis*. IV, 439.
   — *paradiseus*. IV, 439.
   — *platurus*. IV, 439.
   — *rangoonensis*. IV, 439.
   — *retifer*. IV, 439.
   — *singularis*. IV, 439.
Didonele. V, 472.
Didunculinae. V, 472.
Didunculus strigirostris. V, 472.
Didus ineptus. V, 472.
Dindon. V, 652.
   — *paoné*. V, 652.
Dindons. V, 651.
Dinemellia leucocephala. IV, 887.
Diomedea adusta. VI, 199.
   — *chlororhynchos*. VI, 199.
   — *chrysoloma*. VI, 199.
   — *exulans*. VI, 199.
   — *spadicea*. VI, 199.
Diomedea. VI, 198.
Disporus bassanus. VI, 612.
Dissemerus affinis. IV, 439.
   — *brachyphorus*. IV, 439
   — *formosus*. IV, 439.
   — *grandis*. IV, 439.
   — *malabaricus*. IV, 439.
   — *paradiseus*. IV, 439.
   — *setifer*. IV, 439.
Docimastes derbianus. IV, 727.
   — *ensifer*. IV, 727.
Dohle. IV, 481.
Dolchstichtraube. V, 460.
Polichonyx. IV, 403.
   — *agripennis*. IV, 403.

- Dolichonyx oryzivorus*. IV, 403.
Dolometta cookii. IV, 505
Domicella. V, 364.
 — *atricapilla*. V, 365.
Domicelle à collier. V, 365.
Domicelles. V, 364
Dominicanus fuscus. VI, 120.
 — *marinus*. VI, 120.
Dompfaff. IV, 348.
Doppelhornvogel. V, 15.
Doppelhornvögel. V, 15.
Doppelschnepfe. VI, 8.
Dorndreher. IV, 534.
Dorngrasmücke. IV, 118.
Double becasse. VI, 8.
 — *macreus*. VI, 715.
Dreizehenspecht. IV, 663.
Dreizehenspechte. IV, 662.
Drescher. IV, 187
Dromacidae. VI, 750.
Dromaeus. VI, 750.
 — *inornatus*. VI, 751
   novae-hollandiae. VI, 751.
Dromajus ater. VI, 751.
 — *novae-hollandiae*. VI, 751.
Dromiceus australis. VI, 751.
 — *emu*. VI, 751
Dromolaca leucura. IV, 72
Drosslinge. IV, 183.
Drosseln. IV, 89.
Drosselrohrsänger. IV, 182.
Drosselshäpper. IV, 548.
Drosseluferläufer. VI, 37.
Drossling. IV, 184.
Dryomphila trifasciata. IV, 581.
Dryobates major. IV, 666.
Dryocopus. IV, 652
 — *alpinus*. IV, 652
 — *martius*. IV, 652
 — *pinetorum*. IV, 652.
 — *prinipalis*. IV, 659.
Dryopicus martius. IV, 652.
Dryoscopus aethiopicus. IV, 542
 — *erythrogaster*. IV, 542.
Dryospiza serinus. IV, 333.
Dryotomus martius. IV, 652.
 — *principalis*. IV, 659.
Dschangelha n. V, 616.
Duc d'Égypte. V, 199.
Ducs. V, 197.
Dumeticeola melanocephala. IV, 124.
   sarda. IV, 126
Dünnschnabeliger Tannenhäher. IV, 507.
Durbec. IV, 344.
- E.**
- Echasses*. VI, 56.
Echelette. IV, 215.
Electus. V, 352.
 — *pectoralis*. V, 352.
 — *polychlorus*. V, 352
Ecorcheur. IV, 534.
Ectopistes. V, 429.
 — *migratorius*. V, 429
Edelfalken. VI, 227
Edelfasan. V, 625 и 626.
Edelfink. IV, 305
Edelfinken. IV, 305
Edelpapageien. V, 348
Edelreiher. VI, 532
Edelsittiche. V, 354
Edelsteinvogel. IV, 719
Edolius affinis. IV, 439
 — *brachyphorus*. IV, 439.
 — *crissae*. IV, 439.
 — *cristatellus*. IV, 439
 — *dentirostris*. IV, 439.
 — *formosus*. IV, 439
 — *glandarius*. V, 117.
   grandis. IV, 439.
 — *malabaricus*. IV, 439.
 — *malabaroides*. IV, 439.
 — *paradiseus*. IV, 439.
 — *ragoonensis*. IV, 439
Effraye commune. V, 160
Effrayes. V, 160
Egretta alba. VI, 532.
 — *nivea*. VI, 532.
Eidechsenkuckuck. V, 123
Eider ordinaire. VI, 709.
 — *orné*. VI, 709
Eiderente. VI, 709
Eiders. VI, 708
Eidervogel. VI, 708.
Eielseeschwalbe. VI, 99.
Eisiedler. IV, 717.
Einsiedler. IV, 87
Einsiedlerkolibri. IV, 717.
Eisente. VI, 723.
Eisfeldmäwen. VI, 126.
Eismöwe. VI, 118.
Eissturmvogel. VI, 207
Eistaucher. V, 639.
Eisteiste. VI, 151.
Eisvogel. V, 55
Eisvögel. V, 52
Elanes. VI, 376
Elanoides caesius. VI, 376.
 — *yetapa*. VI, 381
Elanus. VI, 376
 — *caesius*. VI, 376
   coeruleus. VI, 376.
 — *furcatus*. VI, 381.
 — *melanopterus*. VI, 376.
 — *minor*. VI, 376.
Elfenbeinmöwe. VI, 126
Eleonorenfalken. VI, 260
Elster. IV, 484.
Emberiza. IV, 371.
 — *albila*. IV, 384.
 — *antiquorum*. IV, 379.
 — *arundinacea*. IV, 371
   aureola. IV, 382.
 — *auriceps*. IV, 335.
 — *aurifrons*. IV, 335.
 — *badensis*. IV, 379.
 — *barbata*. IV, 381.
 — *bonaparti*. IV, 384
Emberiza borealis. IV, 369
 — *borealis*. IV, 373
 — *buchanani*. IV, 379.
 — *caesia*. IV, 380.
 — *calandra*. IV, 375.
 — *calcarata*. IV, 367.
 — *canigularis*. IV, 381.
   caspia. IV, 371.
 — *chlorocephala*. IV, 379
 — *chlorophrys*. IV, 384
 — *chrysophrys*. IV, 384.
   cia. IV, 381.
   cirrus. IV, 378
 — *citrinella*. IV, 377
 — *delicata*. IV, 379
 — *dolichonia*. IV, 382.
 — *dehrazzi*. IV, 371
 — *deathorax*. IV, 378.
 — *glacialis*. IV, 369.
 — *granativora*. IV, 383.
 — *hiemalis*. IV, 317.
 — *hyemalis*. IV, 317
 — *hordei*. IV, 381.
 — *hortulana*. IV, 379.
 — *intermedia*. IV, 371
 — *lesbia*. IV, 373.
 — *leucocephala*. IV, 384
   letharingica. IV, 381.
 — *luctuosa*. IV, 554.
 — *maibeyensis*. IV, 379.
 — *melanocephala*. IV, 383.
 — *meridionalis*. IV, 381
 — *milaria*. IV, 375.
 — *montana*. IV, 369.
 — *mustelina*. IV, 369.
 — *nivalis*. IV, 312.
   nivalis. IV, 369
 — *notata*. IV, 369
 — *oryzivora*. IV, 403.
 — *palustris*. IV, 371.
 — *paradisca*. IV, 396.
 — *peccoris*. IV, 405.
 — *pinetorum*. IV, 382.
 — *pinguescens*. IV, 379
 — *provincialis*. IV, 373
 — *pusilla*. IV, 373.
 — *pyrrhuloides*. IV, 371.
 — *pythionis*. IV, 384.
 — *ratensis*. IV, 381.
 — *rufibarba*. IV, 380.
 — *rufigularis*. IV, 380
 — *rustica*. IV, 373.
 — *schoeniclus*. IV, 371.
 — *selysii*. IV, 382.
 — *septentrionalis*. IV, 377.
 — *sibirica*. IV, 382.
 — *simillima*. IV, 383.
 — *sardida*. IV, 373
   spinus. IV, 327
 — *striolata*. IV, 384
 — *sylvestris*. IV, 377.
 — *tunstalli*. IV, 379.
Emberizinae. IV, 367
Emberizoides agrippennis. IV, 403.
Emerillon. VI, 268
Emeu. VI, 751.

- Emeux. VI, 750.
 Emu. VI, 751.
 Emus. VI, 750
 Emuschlüpfer. IV, 179.
 Engoulevent à banderolles. V, 226.
 — à collier roux. V, 222.
 — criard. V, 223.
 — d'Afrique. V, 224.
 — d'Europe. V, 220.
 — longipenne. V, 225.
 Engoulevents. V, 216.
 Enicognathus leptorhynchus. V, 318.
 Eniconetta stelleri. VI, 725.
 Enicurus. IV, 267.
 — coronatus. IV, 267.
 — leschenaulti. IV, 267.
 Enneactonus collaris. IV, 534.
 — minor. IV, 531.
 — nubicus. IV, 538.
 — personatus. IV, 538.
 — phoenicurus. IV, 540.
 — rufus. IV, 537.
 Entenvögel. VI, 643.
 Enecleator angustirostris. IV, 344.
 — minor. IV, 344.
 Epeiche à cape rouge. IV, 343.
 — de Numidie. IV, 666.
 — moyen. IV, 673.
 — varié. IV, 666.
 Epervier. VI, 410.
 — autour. VI, 419.
 — à courtes pattes. VI, 411.
 — à sauterelles. VI, 428.
 — chanteur. VI, 428.
 — commun. VI, 411.
 — d'Amérique. VI, 419.
 Eperviers chanteurs. VI, 428.
 Ephialtes scops. V, 212.
 — zorca. V, 212.
 Ephippiorhynchus senegalensis. VI, 565.
 Epilais atricapilla. IV, 112.
 — hortensis. IV, 114.
 Epimachus. IV, 453.
 — albus. IV, 453.
 — ater. IV, 451.
 — erythrorhynchus. V, 35.
 — magnus. IV, 455.
 — maximus. IV, 455.
 — melanorhynchus. V, 35.
 — nigricans. IV, 453.
 — speciosus. IV, 455.
 — superbus. IV, 455.
 Epimaque à douze filets. IV, 453.
 — superbe. IV, 455.
 Epimaques. IV, 453.
 Erdkuckucke. V, 125.
 Erdsänger. IV, 47.
 Erdschwalben. IV, 572.
 Erdsittich. V, 416.
 Erdtauben. V, 458.
 Eremophila alpestris. IV, 246.
 Erithacus. IV, 48.
 — cairii. IV, 65.
 — calliope. IV, 59.
 — cyaneculus. IV, 56.
 — golzii. IV, 48.
 — hafizii. IV, 48.
 — hybrida. IV, 48.
 — luscini. IV, 48.
 — philomela. IV, 48.
 — phoenicurus. IV, 68.
 — rubeculus. IV, 61.
 — suecicus. IV, 55.
 — titis. IV, 64.
 Eriadoridae. IV, 578.
 Erisnatura. VI, 725.
 — leucocephala. VI, 725.
 — mersa. VI, 725.
 Erisaturinae. VI, 725.
 Erismistura mersa. VI, 725.
 Erithrophrys americanus. V, 113.
 Erodium alba. VI, 532.
 — egretta. VI, 532.
 — garzetta. VI, 533.
 — syrmatophora. VI, 532.
 Erolia pygmaea. VI, 44.
 — variegata. VI, 44.
 Erythaea rubecula. IV, 61.
 Erythroena pulcherrima. V, 468.
 Erythroleuca leucopogon. IV, 122.
 Erythropus cenchris. VI, 281.
 — rufipes. VI, 285.
 — vespertinus. VI, 285.
 Erythropygia familiaris. IV, 129.
 — galactodes. IV, 129.
 Erythrospiza erythrina. IV, 342.
 — githaginea. IV, 351.
 — rosea. IV, 342.
 Erythrosterna leucura. IV, 557.
 — parva. IV, 557.
 Erythrothorax erythrina. IV, 342.
 — ruber. IV, 342.
 — rubrifrons. IV, 342.
 Erzbauchglanzstar. IV, 431.
 Erzflügeltaube. V, 456.
 Erzglanzstar. IV, 427.
 Erzhonigsauger. IV, 225.
 Erzlori. V, 65.
 Erzrabe. IV, 480.
 Eskimobrachvogel. VI, 18.
 Estrela minima. IV, 396.
 — senegala. IV, 396.
 Etourneau commun. IV, 416.
 — unicolore. IV, 416.
 Etourneaux. IV, 415.
 Eudromias asiatica. VI, 76.
 — montana. VI, 75.
 — morinella. VI, 75.
 — mormellus. VI, 75.
 — stolidi. VI, 75.
 Eudynamis ceylonensis. V, 110.
 Eudynamis chinensis. V, 110.
 — nigra. V, 109.
 Eudytes chrysocome. VI, 187.
 — nigriverris. VI, 187.
 — pachyrhyncha. VI, 187.
 Eudytes arcticus. VI, 639.
 — glacialis. VI, 639.
 — septentrionalis. VI, 640.
 Eulabes. VI, 432.
 — indicus. VI, 432.
 — musicus. IV, 432.
 — religiosus. IV, 432.
 Eulen. V, 154.
 Eulenkopf. VI, 2.
 Eulenpapagei. V, 418.
 Eulenpapageien. V, 416.
 Eunetta falcata. VI, 697.
 Euphema. V, 376.
 — formosa. V, 416.
 — punchella. V, 377.
 — undulata. V, 381.
 Euphonia violocé. IV, 284.
 Euphonia. IV, 284.
 — violecea. IV, 284.
 Euplectes franciscanus. IV, 393.
 — ignicolor. IV, 393.
 — lepidus. IV, 300.
 Euplocomis. V, 617.
 — albocristatus. V, 618.
 — andersoni. V, 620.
 — meanotus. V, 918.
 — nyctherus. V, 620.
 Eupodotis macqueni. VI, 178.
 — undulata. VI, 178.
 Eurylaemidae. IV, 611.
 Eurylaemus horsfieldii. IV, 611.
 — javanicus. IV, 611.
 Eurylaime javanais. IV, 611.
 Eurylaimes. IV, 611.
 Eurypyga helias. V, 738.
 — phalenoïdes. V, 738.
 — salaris. V, 738.
 Eurypygae. V, 738.
 Eurystomus. V, 271.
 — colorynx. V, 271.
 — cyanicollis. V, 271.
 — fuscicapillus. V, 271.
 — gularis. V, 271.
 — orientalis. V, 271.
 — pacificus. V, 271.
 Euspiza aureola. IV, 382.
 — cia. IV, 381.
 — hortulana. IV, 379.
 — melanocephala. IV, 383.
 — pusilla. IV, 373.
 Eustephanus galeritus. IV, 732.
 Eustrinx flammea. V, 160.
 Eutolnactus bonalli. VI, 322.
 Eutoxeres aquila. IV, 717.

F.

Fächerpapagei. V, 302.
 Fächertaube. V, 466.

- Fadenhopf. IV, 453.
 Fahnenachtschwalbe. V, 227.
 Faisan Amherst. V, 632.
   — argente. V, 620.
   — bleu. V, 622.
   — commun. V, 626.
   — cornu. V, 644.
   — doré. V, 631.
   — mandchure. V, 622.
   — royal. V, 626.
 Faisanides. V, 613
 Faisans satyres. V, 643.
   — vrais. V, 625
 Falbstrandläufer. VI, 48.
 Falcinelle. VI, 580.
 Falcinellus cuvieri. VI, 44.
   — erythrorhynchus. V, 35.
   — igneus. VI, 580.
   — magnificus. IV, 455.
   — resplendens. IV, 453
   — rufus. VI, 580
   — senegalensis. V, 35.
   — subarquatus. VI, 44.
   — superbus. IV, 455.
 Falco abietinus. VI, 246.
   — aegyptius. VI, 395.
   — allius. VI, 245
   — aeriphilus. VI, 245.
   — acruiginosus. VI, 440.
   — aesalon. VI, 268.
   — albescens. VI, 419.
   — albicaudus. VI, 344.
   — albicilla. VI, 344.
   — albidus. VI, 330
   — albus. VI, 330
   — amurensis. VI, 286.
   — anatum. VI, 246.
   — angolensis. VI, 360.
   — apivorus. VI, 369.
   — arcadicus. VI, 260.
   — arcticus. VI, 235.
   — arcticus. VI, 236.
   — armiger. VI, 399.
   — arundinaceus. VI, 363.
   — arundinaceus. VI, 440.
   — astracanus. VI, 331.
   — ater. VI, 390.
   — atriceps. VI, 246.
   — australis. VI, 449.
   — austriacus. VI, 384.
   — barbarus. VI, 247.
   — barbatus. VI, 455.
   — barletta. VI, 258.
   — barletta. VI, 285.
   — bellicosus. VI, 399.
   — biarmicus. VI, 243
   — bonelli. VI, 392.
   — brachydactylus. VI, 337.
   — brasiliensis. VI, 450.
   — britannicus. VI, 245.
   — brookii. VI, 256.
   — brunneus. VI, 274.
   — buteo. VI, 330
   — caesius. VI, 268.
   — calidus. VI, 246.
   — candicans. VI, 235.
   — carolinensis. VI, 363.
   — cayanensis. VI, 363.
   — cenchrls. VI, 288.
   — cervicalis. VI, 243.
   — cheriway. VI, 450.
   — chiquera. VI, 256.
   — chrysaetos. VI, 291.
   — cineraceus. VI, 436.
   — cirtensis. VI, 331.
   — clamosus. VI, 376.
   — coerulescens. VI, 290
   — coeruleus. VI, 370.
   — communis. VI, 246.
   — concolor. VI, 260.
   — cornicum. VI, 246.
   — cristatus. VI, 407.
   — crotophagus. VI, 447.
   — cyaneus. VI, 431
   — degener. VI, 447.
   — desertorum. VI, 331.
   — destructor. VI, 407.
   — dichrous. VI, 260.
   — dubius. VI, 369.
   — dubius. VI, 419.
   — ducalis. VI, 322.
   — ecaudatus. VI, 341.
   — eleonora. VI, 260.
   — falconarium. VI, 268.
   — fasciatus. VI, 274.
   — feldeggii. VI, 243.
   — ferox. VI, 331
   — forficatus. VI, 381.
   — forskali. VI, 395.
   — fringillarius. VI, 290.
   — fucosus. VI, 321.
   — fulvus. VI, 291
   — furcatus. VI, 381.
   — fuscoater. VI, 390.
   — gallicus. VI, 337.
   — gallinarius. VI, 419.
   — gentili. VI, 246.
   — glaucopsis. VI, 330
   — griseiventris. VI, 246.
   — groenlandicus. VI, 235.
   — guianensis. VI, 405
   — gyrfalco. VI, 237.
   — gyrfalco. VI, 237
   — haliæetus. VI, 363.
   — hinnularius. VI, 344
   — hirundinus. VI, 258.
   — holbölli. VI, 235.
   — hornotinus. VI, 246.
   — imperialis. VI, 303.
   — incertus. VI, 369.
   — incertus. VI, 419
   — interstinctus. VI, 274.
   — islandicus. VI, 235.
   — islandus. VI, 235.
   — lagopus. VI, 326.
   — lanarius. VI, 242.
   — laniarius. VI, 242.
   — leucocephalus. VI, 345
   — leucogaster. VI, 345
   — leucogenys. VI, 246.
   — leucopsis. VI, 337.
   — leucorhynchus. VI, 345.
   — lithofalco. VI, 268.
   — longipes. VI, 419
   — lunulatus. VI, 246.
   — macei. VI, 345
   — maculatus. VI, 310.
   — marginatus. VI, 419.
   — melanactus. VI, 304.
   — melanogenys. VI, 247.
   — melanopterus. VI, 376
   — micrurus. VI, 246
   — migrans. VI, 390
   — milvipes. VI, 242
   — milvus. VI, 384.
   — minor. VI, 247.
   — mississippiensis. VI, 379.
   — mogilnik. VI, 303.
   — naevius. VI, 310.
   — naevius. VI, 419.
   — nisus. VI, 411.
   — norvegicus. VI, 237.
   — novae-zelandiae. VI, 449.
   — occipitalis. VI, 402.
   — orientalis. VI, 246
   — ossifragus. VI, 344.
   — palumbarius. VI, 419.
   — parasiticus. VI, 395.
   — pennatus. VI, 314.
   — peregrinator. VI, 247
   — peregrinoides. VI, 247.
   — peregrinus. VI, 246.
   — pinetarius. VI, 246.
   — planctus. VI, 450.
   — plumipes. VI, 326.
   — pojana. VI, 330.
   — poliorhynchus. VI, 369
   — polyzonus. VI, 428.
   — punicens. VI, 243.
   — puniceus. VI, 247.
   — pygargus. VI, 344.
   — pygargus. VI, 431.
   — radama. VI, 260.
   — regulus. VI, 268.
   — rufescens. VI, 274.
   — rufus. VI, 440.
   — ruficapillus. VI, 256.
   — ruficollis. VI, 256.
   — rufinus. VI, 339.
   — rufipes. VI, 285.
   — rusticulus. VI, 237
   — sacer. VI, 242
   — sager. VI, 242
   — saker. VI, 242.
   — senegalensis. VI, 402.
   — serpentarius. VI, 518.
   — sibiricus. VI, 268.
   — slavonicus. VI, 326.
   — smirilis. VI, 268.
   — soniensis. VI, 376.
   — strigiceps. VI, 431.
   — subbuteo. VI, 258.
   — sublagopus. VI, 326
   — tanypterus. VI, 213.
   — tharus. VI, 450.
   — tigrinus. VI, 419.
   — tinnuncularius. VI, 281.
   — tinnunculoides. VI, 281
   — tinnunculus. VI, 274.
   — versicolor. VI, 330.
   — vespertinus. VI, 285.

- Falco vocifer*. VI, 376.
 — *vociferus*. VI, 376.
 — *washingtoni*. VI, 345.
 — *xanthonyx*. VI, 281.
Falconelle. IV, 544.
Falcones. VI, 227.
Falconidae. VI, 226.
Falconinae. VI, 226.
Falconulus frontatus. IV, 544
Falken. V, 226.
Falkeneule. V, 178
Falkenvögel. VI, 226.
Falkenwürger. IV, 544.
Falsia blanca. IV, 761.
 — *nigra*. IV, 761.
Fangschnäbler. V, 10.
Fangvögel. VI, 221.
Farlouse à éperon. VI, 278.
 — *aquatique*. VI, 273.
 — *brunc*. IV, 274.
 — *commune*. IV, 270.
 — *des berges*. IV, 273
 — *rouge-gorge*. IV, 270.
Farlouses. IV, 269.
Fasanen. V, 613.
Fasanhuhn. V, 618.
Fasanhühner. V, 617.
Fasanvögel. V, 506
Faucheurs. IV, 596.
Faucon herbère. VI, 247
 — *chahin*. VI, 247.
 — *chiquera*. VI, 256.
 — *d'Australie*. VI, 247.
 — *ordinaire*. VI, 246.
Fauconides. VI, 226.
Faucons. VI, 226.
 — *vrais*. VI, 227.
Faulvögel. V, 151
Fauvette à tête noire. IV, 112.
 — *babillarde*. IV, 116.
 — *de Rüppel*. IV, 123.
 — *des jardins*. IV, 114.
 — *griset*. IV, 118.
 — *orphée*. IV, 110
 — *passerinet*. IV, 122.
 — *rayéc*. IV, 108.
Fauvettes. IV, 48.
Fauvettes. IV, 108.
Fedoa limosa. VI, 22
 — *meyeri*. IV, 21
 — *oedienemus*. VI, 182.
 — *pectoralis*. VI, 21.
 — *rufa*. VI, 21
 — *terekensis*. VI, 40.
Feencolibris. VI, 722
Feenseeschwalbe. VI, 111.
Feldhühner. V, 567
Feldlerche. IV, 236.
Feldschwirl. IV, 142.
Feldspecht. IV, 641.
Feldsperling. IV, 296.
Feldstelze. IV, 264.
Feldwe hen. VI, 431.
Felsenhühner. V, 587.
Felsenkleiber. IV, 211.
Felsenschwalbe. IV, 572
Felsentaube. V, 442.
Fersenkuckucke. V, 112.
Fettschwalk. V, 247.
Feuerauge. IV, 581.
Feuersurukus. V, 2
Feuerweber. IV, 393.
Ficedula ambigua. IV, 154.
 — *atricapilla*. IV, 554.
 — *bonellii*. IV, 157.
 — *cinerea*. IV, 118.
 — *curruca*. IV, 118.
 — *fitis*. IV, 156.
 — *hipolais*. IV, 151.
 — *olivetorum*. IV, 154.
 — *phoenicura*. IV, 68.
 — *polyglotta*. IV, 151.
 — *rubecula*. IV, 61.
 — *rufa*. IV, 156.
 — *ruticilla*. IV, 68.
 — *sibilatrix*. IV, 156.
Ficedula suecica. IV, 56.
 — *trochilus*. IV, 156.
 — *ulicicola*. IV, 127.
Fichtenammer. IV, 384.
Fichtenkreuzschnabel. IV, 355.
Figulus albogularis. IV, 585.
Finken. IV, 286.
Fischadler. VI, 263.
Fischer. V, 214.
Fischermöwe. VI, 122.
Fischermöwen. VI, 117.
Fischeulen. V, 214.
Fischreiher. VI, 527.
Fiskljese. VI, 363.
Fitislaubsänger. IV, 156.
Fjöll-ripa. V, 560.
Flageolet. IV, 170.
Flagolettvogel. IV, 170.
Flaggenelrongo. IV, 439.
Flaggennachtschwalbe. V, 226.
Flaggensylphe. IV, 724.
Flaggensylphen. IV, 724.
Flamingo. VI, 592.
Flammant. VI, 592.
Fledermauspapagaien. V, 361.
Flicker. IV, 637.
Fliegenfänger. IV, 552.
Fliegenfänger. IV, 547.
Fliegenschnapper. IV, 559.
Flödern. VI, 363.
Flossentaucher. VI, 186.
Flötenvogel. IV, 525.
Flötenwürger. 542.
Flütvögel. IV, 103.
Flügeltaucher. VI, 140.
Flügeltaucher. VI, 1.
Flughühner. V, 475.
Flughühner. V, 490.
Flussregenpfeifer. VI, 78.
Flussrohrsänger. IV, 146.
Flussscharben. VI, 600.
Flusseeeschwalbe. VI, 10.
Flussuferläufer. VI, 37.
Flüteur. IV, 525.
Formicivora. IV, 581.
 — *domicella*. IV, 581.
Fou de bassan. VI, 612.
Foulque d'Europe. V, 696.
 — *espagnol*. V, 696.
 — *picapare*. V, 716.
Foulques. V, 695.
Fournier. IV, 585.
Fourniers. IV, 584.
Fous. VI, 612.
Francolin. V, 585.
Frankolinen. V, 583.
Francolins. V, 583.
Francolinus asiae. V, 585.
 — *henrici*. V, 585.
 — *tristriatus*. V, 585.
 — *vulgaris*. V, 585.
Fratercula arctica. VI, 140.
 — *glacialis*. VI, 140.
Fregata aquila. VI, 621.
Fregatte. VI, 621.
Fregattvogel. VI, 621.
Fregilus erythropus. IV, 516.
 — *europaeus*. IV, 516.
 — *graculus*. IV, 516.
 — *himalayanus*. IV, 516.
Fregilus pyrrhocorax. IV, 519.
Freux. IV, 474.
Fringilla. IV, 305.
 — *segetum*. IV, 474
 — *africana*. IV, 306.
 — *africana*. IV, 396.
 — *albicollis*. IV, 315.
 — *argentatoremensis*. IV, 320.
 — *bononiensis*. IV, 297.
 — *caesia*. IV, 380.
 — *calcarata*. IV, 367.
 — *campestris*. IV, 296.
 — *canaria*. IV, 338.
 — *cannabina*. IV, 320.
 — *cardinalis*. IV, 364.
 — *cerdusis*. IV, 331.
 — *ciboris*. IV, 318.
 — *cisalpina*. IV, 220.
 — *citrinella*. IV, 329.
 — *coccothraustes*. IV, 302.
 — *coelebs*. IV, 305.
 — *crocea*. IV, 383.
 — *detruncata*. IV, 397.
 — *domestica*. IV, 287.
 — *enucleator*. IV, 344.
 — *erythrina*. IV, 342.
 — *fasciata*. IV, 327.
 — *flammea*. IV, 309.
 — *flavirostris*. IV, 321.
 — *githaginea*. IV, 351
 — *hiemalis*. IV, 316.
 — *hispaniolensis*. IV, 293.
 — *hortensis*. IV, 305.
 — *hudsonia*. IV, 316.
 — *ignicolor*. IV, 393.
 — *incerta*. IV, 342.
 — *islandica*. IV, 333.
 — *italica*. IV, 290.
 — *lapponica*. IV, 367.
 — *linaria*. IV, 323.

- Fringilla linota*. IV, 320.
 — *ludoviciana*. IV, 362.
 — *lutensis*. IV, 309.
 — *macrura*. IV, 396.
 — *media*. IV, 309.
 — *minima*. IV, 396.
 — *montana*. IV, 296.
 — *montifringilla*. IV, 309.
 — *montium*. IV, 321.
 — *nivalis*. IV, 312.
 — *nivalis*. IV, 317.
 — *nobilis*. IV, 305.
 — *ochracea*. IV, 331.
 — *paradisea*. 396.
 — *pecoris*. IV, 405.
 — *pennsylvanica*. IV, 315.
 — *patronia*. IV, 297.
 — *pusilla*. IV, 335.
 — *pyrrhula*. IV, 348.
 — *rubrifrons*. IV, 335.
 — *saxatilis*. IV, 312.
 — *senegala*. IV, 396.
 — *septentrionalis*. IV, 309.
 — *serinus*. IV, 333.
 — *spinus*. IV, 327.
 — *spodiogenia*. IV, 306.
 — *spodiogenys*. IV, 306.
 — *striolata*. IV, 384.
 — *stulta*. IV, 297.
 — *sylvestris*. IV, 305.
 — *thebaica*. IV, 351.
Fringillaria striolata. IV, 384.
Fringillidae. IV, 286.
Fringillinae. IV, 287.
Friquet ordinaire. IV, 296.
Froschschwalbe. V, 258.
Fruchttauben. V, 468.
Frucicola rubetra. IV, 69.
Fulica. V, 696.
 — *aethiops*. V, 696.
 — *albiventris*. V, 699.
 — *aterrima*. V, 696.
 — *atra*. V, 696.
 — *australis*. V, 696.
 — *chloropus*. V, 699.
 — *cinereicollis*. V, 696.
 — *coerulea*. V, 702.
 — *cristata*. V, 696.
 — *leucoryx*. V, 696.
 — *major*. V, 696.
 — *mitrata*. V, 696.
 — *nipalensis*. V, 696.
Fulica platyura. V, 696.
 — *porphyrio*. V, 704.
 — *pullata*. V, 696.
Fulicarinae. V, 694.
Fuligula. VI, 716.
 — *albcola*. VI, 721.
 — *barrowii*. VI, 721.
 — *clangula*. VI, 721.
 — *cristata*. V, 719.
 — *dispar*. VI, 724.
 — *ferina*. VI, 716.
 — *fusca*. VI, 715.
 — *gesneri*. VI, 719.
 — *glacialis*. VI, 723.
 — *histrionica*. VI, 723.
Fuligula homeyeri. VI, 716.
 — *hyemalis*. VI, 723.
 — *islandica*. VI, 719.
 — *islandica*. VI, 721.
 — *leuconotos*. VI, 719.
 — *marila*. VI, 718.
 — *marmorata*. VI, 698.
 — *mersa*. VI, 725.
 — *nigra*. VI, 714.
 — *nyroca*. VI, 717.
 — *patagiata*. VI, 719.
 — *perspicillata*. VI, 715.
 — *rufina*. VI, 717.
 — *spectabilis*. VI, 709.
 — *stelleri*. VI, 724.
Fuligininae. VI, 707.
Fulix fuligula. VI, 719.
 — *serena*. VI, 716.
 — *marila*. VI, 719.
Fulmarus giganteus. VI, 206.
 — *glacialis*. VI, 207.
 — *haesitatus*. VI, 208.
 — *meridionalis*. 208.
 — *minor*. VI, 207.
Furnarius. IV, 584.
 — *rufus*. IV, 585.
Fusslose Paradiesvogel. IV, 444.

G.

Galactode familiare. IV, 129.
 — *rubiginose*. IV, 129.
Galactodes. IV, 128.
Galbula. V, 150.
 — *viridicauda*. V, 150.
 — *viridis*. V, 150.
Galbulae. V, 149.
Galbulidae. V, 149.
Galbulides. V, 149.
Galbuliformes. V, 149.
Galeoscopites carolinensis. IV, 185.
Galerita abyssinica. IV, 248.
 — *arborca*. IV, 251.
 — *boysii*. IV, 248.
 — *cristata*. IV, 248.
 — *magna*. IV, 249.
 — *musica*. IV, 251.
 — *nemorosa*. IV, 251.
 — *theclae*. IV, 250.
Galgulus gularis. V, 271.
 — *pacificus*. V, 271.
Galli. V, 506.
Gallidae. V, 506.
Galliformes. V, 501.
Gallinago. VI, 7.
 — *burka*. VI, 10.
 — *caclestis*. VI, 10.
 — *gullinaria*. VI, 10.
 — *gallinula*. VI, 13.
 — *japonicus*. VI, 10.
 — *latipennis*. VI, 10.
 — *malaraspatana*. VI, 15.
 — *major*. VI, 7.
 — *media*. VI, 7.
Gallinago minima. VI, 13.
 — *montagui*. VI, 7.
 — *niloticus*. VI, 10.
 — *scolopacina*. VI, 10.
 — *scolopacinus*. VI, 10.
 — *uniclava*. VI, 10.
 — *uniclavata*. VI, 10.
Gallinula. V, 699.
 — *alleni*. V, 704.
 — *ardesiaca*. V, 699.
 — *chloropus*. V, 699.
 — *crex*. V, 710.
 — *galeata*. V, 699.
 — *leucothorax*. V, 706.
 — *maculata*. V, 706.
 — *minor*. V, 699.
 — *mutabilis*. V, 704.
 — *orientalis*. V, 699.
 — *parvifrons*. V, 699.
 — *porphyrio*. V, 704.
 — *porzana*. V, 706.
 — *punctata*. V, 706.
 — *pyrrhorhea*. V, 699.
Gallinulinae. V, 695.
Gallopavo sylvestris. V, 652.
Gallophasis melanotus. V, 618.
Gallus. V, 615.
 — *bankiva*. 615.
 — *ferrugineus*. V, 615.
 — *gallinaceus*. V, 615.
 — *gallorum*. V, 615.
 — *sonneratii*. V, 616.
 — *stanleyi*. V, 616.
 — *tahitensis*. V, 615.
 — *varius*. V, 616.
Ganga cata. V, 491.
Gangegar. V, 616.
Gänse. VI, 655.
Gänsegeier. VI, 493.
Gänseäger. VI, 730.
Garrot. VI, 721.
 — *d'Amérique*. VI, 721.
 — *d'Islande*. VI, 721.
 — *de Terre-Neuve*. VI, 737.
 — *pie*. VI, 725.
Garrulinae. IV, 491.
Garrulus. IV, 492.
 — *bohemicus*. IV, 548.
 — *cristatus*. V, 500.
 — *glandarius*. IV, 492.
 — *infaustus*. IV, 496.
 — *panderi*. IV, 522.
 — *pictus*. IV, 492.
 — *picus*. IV, 484.
Gartenammer. IV, 379.
Gartengrasmücke. IV, 114.
Gartenrotschwanz. IV, 68.
Gartensinger. IV, 151.
Gaukler. VI, 341.
Gavia. VI, 126.
 — *affinis*. VI, 123.
 — *alba*. VI, 126.
 — *audouini*. VI, 119.
 — *brachytarsa*. VI, 126.
 — *capistrata*. VI, 123.
 — *eburnea*. VI, 126.
 — *gelatae*. VI, 119.

- Gavia hyberna* VI 120.
 — *melanocephala* VI, 123.
 — *minuta* VI, 123.
 — *ridibunda* VI, 123.
 — *sabinii* VI, 131.
Gaviana audouini VI, 119.
Geai à gros bec IV, 480.
 — *commun.* IV, 492.
 — *du nord* 496.
 — *huppè* IV 500.
 — *mantelè* IV, 478.
Geais IV, 492
Gebirgsrotschwanz IV, 65.
Gebirgstelze IV, 261.
Gecinus canus IV, 632.
 — *frondium* IV, 627.
 — *pinetorum* IV, 627.
 — *sharpèi* IV, 628.
 — *virescens* IV, 627.
 — *viridis* 627.
Geier VI, 478.
Geierfalken VI 446.
Geierfalken VI, 450.
Geierperlhuhn V, 659.
Geierrabe IV, 481.
Geirfugl VI, 147.
Geirsecadler VI, 360.
Gelastes columbinus VI 119.
 — *lambruschini* VI, 119.
 — *rubriventris* VI, 119.
Gelbsteissbül-bül IV, 232.
Gelinotte V, 538.
Gelochelidon anglica VI, 107.
 — *aranea* VI, 107.
 — *balthica* VI, 107.
 — *innotata* VI, 109.
 — *macrotarsa* VI, 107.
 — *meridionalis* VI, 107.
 — *nilotica* VI, 107.
 — *palustris* VI, 107.
 — *velox* VI 99.
Gemeiner Perlhuhn V, 661.
Gennaëus nyctemerus V, 520.
Gennaija barbata VI, 247.
 — *barbarus* VI, 247.
 — *tanypterus* VI, 243.
Geococcyges V, 125.
Geoccyx californianus V, 125.
 — *maximus* V, 125
 — *variegatus* V, 125.
Geocolaptes campestris IV, 641.
Geophilus nicobaricus V, 483.
Geopsiltacus occidentalis V, 418.
Geospiza nivalis IV, 312.
Geothlypis trichas IV, 406.
Geotrygen V, 458.
 — *cruentata* V, 460
 — *cyaenocephala* V, 458.
Geotrygoninae V, 458.
Geranarchus pavonina V, 729.
Geranornithes V, 722.
Gerfalken VI, 237.
Gerfålt boreål VI, 236.
Gerfålt commun. VI, 238.
 — *d'Jslande* VI, 237.
Geronticus aethiopicus VI, 584.
Giarole de Pallas VI, 93.
Giaroles VI, 93.
Gilbsteinschmätzer VI, 75.
Gimmocephalus calvus IV, 600
 — *capucinus* IV, 600.
Gimpel IV, 348.
Gimpelammer IV, 371.
Gimpelhäher IV, 513.
Girlitz IV, 333.
Glandarius germanicus IV, 492.
 — *leucocephalus* IV, 492.
 — *robustus* IV, 492.
 — *septentrionalis* IV, 492
 — *taeniurus* IV, 492.
Glanzfasan V, 640.
Glanzfasanen V, 639.
Glanzstare IV, 427.
Glanzvögel V, 149.
Glareola austriaca VI, 93.
 — *limbata* VI, 93.
 — *melanoptera* VI, 93.
 — *nordmanni* VI, 93.
 — *pallasii* VI, 93.
 — *pratincola* VI, 93.
 — *torquata* VI, 93
Glarcole VI 95.
Glareolidae VI, 93.
Glatthornvögel V, 12.
Glaucidium microrhynchum V, 189.
 — *passerinum* V, 189.
 — *pygmaeum* V, 189.
Glaucion islandicum VI, 721.
Glaucis aquila IV, 717.
Glaucopinae IV, 461.
Glaucopsis rufa IV, 512,
Glaucopteryx cinerascens VI, 436.
 — *pallidus* VI, 431.
Glaucus argentatoides VI, 116.
 — *argentatus* VI, 118.
 — *audouini* VI, 119.
 — *consul* VI, 118.
 — *leucophaeus* VI, 119.
 — *leucopterus* VI, 118.
 — *michahellesii* VI, 619.
Gleitaar VI, 376.
Gleitaare VI, 376.
Glockenvogel IV, 602.
Glöckner IV, 602.
Glottis canescens VI, 30.
 — *chloropus* VI, 30.
 — *floridanus* VI, 30.
 — *horsfieldii* 30.
 — *natans* VI, 30.
 — *nivigula* VI, 30.
 — *semipalmatus* VI, 51.
 — *vigorsii* VI, 30.
Glutt VI, 30.
Glycisina caesia IV, 380.
Glycisina hortulana IV, 379.
Gobe-mouche à collier IV, 555.
 — *gris* IV, 552
Gobe-Mouches IV, 547.
Goeland à manteau bleu VI, 118.
 — *à manteau gris* VI, 118.
 — *à manteau noir* VI, 120.
 — *aux ailes blanches* VI, 118.
 — *du groenland* VI 119.
Goelands VI, 117.
Goldammer IV, 377.
Goldbartvogel IV, 704.
Goldbrauenammer IV, 384.
Goldfasan V, 631.
Goldhähnen IV, 162.
Goldhähnchenlaubsänger IV, 160.
Goldkuckuck V, 103.
Goldkuckucke V, 103.
Goldregenpfeifer VI, 73,
Goldschneffe VI, 15.
Goldspecht IV, 637.
Goldstirngirlitz IV, 335.
Goldstirnlaubvogel IV, 231.
Goldtaucher VI, 187
Goniaphaea ludoviciana IV, 362
Gorfou sauteur VI, 187.
Gorge-bleue IV, 54.
 — *bleue de Suède* IV, 56.
 — *bleue orientale* IV, 56.
Gougou V, 147.
Gaura à éventail V, 466.
 — *coronata* V, 465,
 — *couronné* V, 465.
 — *victoriae* V, 465.
Gracula eremita IV, 516.
 — *minor* IV, 432
 — *musica* IV, 432.
 — *pyrrhocorax* IV, 516.
 — *quiscalis* IV, 413.
 — *religiosa* IV, 432.
 — *rosea* IV, 420.
Graculus brachyrhynchus VI, 601.
 — *carbo* VI, 601.
 — *carboides* 601.
 — *cristatus* VI, 603.
 — *medius* VI, 601.
 — *pygmaeus* VI, 603.
 — *sinensis* VI, 601.
Granativora melanocephala IV, 383.
Grand bouvreuil IV, 348.
 — *chevalier* VI, 30
Grand coq de bruyère V, 508.
 — *duc* V, 197.
 — *guillemot* VI, 153.
 — *labbe* VI, 134.
 — *manchot* VI, 186.
 — *pic noir* IV, 652.
 — *pingouin* VI, 145.
 — *plongeon* VI, 639.

Grand pouillot. IV, 151.
 — puffin. VI, 217.
 — vautour. VI, 485.
 Grandala leucogaster. IV, 431.
 Grande aigrette. VI, 532.
 — Harpye. VI, 407.
 — linotte. IV, 320.
 — maubeche grise. VI, 42.
 — outarde. VI, 165.
 — pie-grièche. IV, 528.
 Grasmücken. IV, 108.
 Grasmücken. VI, 102.
 Grasschläpfer. IV, 174.
 Grassittiche. V, 376.
 Grasstrandläufer. VI, 47.
 Grauwammer. IV, 375.
 Graubühlbul. IV, 232.
 Graudrongo. IV, 441.
 Graufischer. V, 63.
 Graugans. VI, 658.
 Graukauz. V, 172.
 Grauling. IV, 513.
 Graumantelmeise. IV, 199.
 Graumantelmöwe. VI, 119.
 Graupapageien. V, 337.
 Grauspecht. IV, 632.
 Grauspötter. IV, 154.
 Grauwürger. IV, 531.
 Grébe à collier. VI, 636.
 — cornue. VI, 637.
 — huppée. VI, 632.
 — orcellard. VI, 637.
 Griechisches Steinhuhn. V, 568.
 Griffons. VI, 454.
 Grimpereau d'Europe. IV, 213.
 — de Cayenne. IV, 221.
 Grimperaux. IV, 213.
 Grion. IV, 516.
 Grive. IV, 90.
 Grive-Draine. IV, 90.
 — Litorne. IV, 91.
 — Mauvis. IV, 90.
 Gros bec. IV, 302.
 Grosser Birkenzeisig. IV, 324.
 Grossfussshuhn. V, 678.
 Grossfussshühner. V, 677.
 Grossgimpel. IV, 348.
 Grosstrappe. VI, 165.
 Grosswürger. IV, 528.
 Grous. V, 554.
 Grue antigone. V, 724.
 — blanche. V, 724.
 — commune. V, 724.
 — paon. V, 729.
 Grues. V, 722.
 Gruidae. V, 722.
 Gruiformes. V, 722.
 Grünbärtinge. IV, 704.
 Gründelpagei. V, 352.
 Grünfink. IV, 318.
 Grünflügelara. V, 331.
 Grünschnabelalbatros. VI, 199.
 Grünspecht. IV, 627.
 Grünspechte. IV, 627.
 Grünwaldsänger. IV, 279

Grus. V, 724.
 — antigone. V, 724.
 — balearica. V, 729.
 — cineracea. V, 724.
 — cinerea. V, 724.
 — communis. V, 724.
 — gigantea. V, 724.
 — leucogerana. V, 724.
 — leucogeranus. V, 724.
 — leukochen. V, 724.
 — longirostris. V, 724.
 — numidica. V, 724.
 — pavonina. V, 729.
 — virgo. V, 724.
 — vulgaris. V, 724.
 Grusc. V, 554.
 Grylle columba. VI, 151.
 — groenlandicus. VI, 151.
 — mandtii. VI, 151.
 — scapularis. VI, 151.
 Guacharo. V, 247.
 Guan bronzé. V, 675.
 Guans. V, 674.
 Guatodon strigi-rostris. V, 472.
 Guépier à moustaches. V, 39.
 — commun. V, 40.
 — d'Egypte. V, 41.
 — de Nubie. V, 47.
 — orné. V, 49.
 Guépiers. V, 38.
 Guignard. VI, 75.
 Guignette. VI, 37.
 Guillemot à lunettes. VI, 153.
 — boreal. VI, 151.
 — polaire. VI, 153.
 Guinetta hypoleuca. VI, 37.
 Guiraca ludoviciana. IV, 362.
 Guit-guit. IV, 225.
 Gürtellärmvogel. V, 147.
 Guttarama. IV, 284.
 Gygis. VI, 111.
 — alba. VI, 111.
 — candida. VI, 111.
 — napoleonis. VI, 111.
 Gymnogène. VI, 454.
 Gymnogynys melanostitus. VI, 454.
 — typicus. VI, 454.
 Gymnops strigilatus. VI, 417.
 Gypaète d'Afrique. VI, 456.
 — des Alpes. VI, 455.
 Gypaetinae. VI, 455.
 Gypaetus. VI, 454.
 — alpinus. VI, 455.
 — angolensis. VI, 360.
 — aureus. VI, 455.
 — barbatus. VI, 455.
 — castaeus. VI, 455.
 — grandis. VI, 455.
 — hemalachus. VI, 455.
 — melanocephalus. VI, 455.
 — meridionalis. VI, 456.
 — nudipes. VI, 456.
 — occidentalis. VI, 455.
 — orientalis. VI, 455.
 — ossifragus. VI, 456.
 Gyparchus papa. VI, 510.

Gypogeranus africanus. VI, 518.
 — capensis. VI, 518.
 — gambiensis. VI, 518.
 — philippensis. VI, 518.
 — serpentarius. VI, 518.
 Gypohierax angolensis. VI, 360.
 Gyps. VI, 493.
 — cinereus. VI, 485.
 — fulvus. VI, 493.
 — kolbii. VI, 493.
 — magnificus. VI, 493.
 — rüppellii. VI, 493.
 — vulgaris. VI, 493.

H.

Haberbock. VI, 12.
 Habergeis. V, 171.
 Habicht. VI, 419.
 Habichte. VI, 398.
 Habichtsadler. VI, 322.
 Habichtseule. V, 169.
 Habropyga. IV, 396.
 — minima. IV, 396.
 Haematopus balticus. VI, 89.
 — hypoleucus. VI, 89.
 — longirostris. VI, 89.
 — orientalis. VI, 89.
 — ostralegus. VI, 89.
 — ostrilegus. VI, 89.
 Haemorrhous roseus. IV, 342.
 Hafsnachtigal. IV, 48.
 Häher. IV, 492.
 Häherkuckucke. V, 116.
 Hankuckuck. V, 125.
 Hakengimpel. IV, 344.
 Halcyon. V, 68.
 — erythrogaster. V, 68.
 — giganteus. V, 70.
 — rufiventris. V, 68.
 — semicoeruleus. V, 68.
 — swainsonii. V, 68.
 Halcyones. V, 52.
 Halcyoniformes. V, 10.
 Halcyoninae. V, 66.
 Haldenhuhn. V, 590.
 Haliaeetus. VI, 344.
 — albicilla. VI, 344.
 — albipes. VI, 345.
 — angolensis. VI, 360.
 — borealis. VI, 344.
 — brooki. VI, 344.
 — chimachina. VI, 447.
 — cinereus. VI, 344.
 — clamans. VI, 356.
 — fulviventris. VI, 345.
 — funereus. VI, 344.
 — groenlandicus. VI, 344.
 — islandicus. VI, 344.
 — lanceolatus. VI, 345.
 — leucoccephalus. VI, 345.
 — leucoryphus. VI, 345.
 — macei. VI, 345.
 — nusus. VI, 344.

- Haliaetus orientalis*. VI, 344.
 — *pelagicus*. VI, 356.
 — *unicolor* VI, 345.
 — *vocifer* VI, 356.
 — *washingtoni*. VI, 345.
Haliaeetus algeriensis. VI, 603.
 — *cormoranus*. VI, 601.
 — *graculus*. VI, 603.
 — *javanicus*. VI, 603.
 — *melanognathus*. VI, 603.
 — *niger* VI, 603.
 — *pygmaeus* VI, 603.
Haliplana fuliginosa VI, 104
 — *gouldi*. VI, 104.
 — *serrata*. VI, 104
Halsbandfliegenfänger. IV, 555
Halsbandkotinga. IV, 609.
Halsbandlerche. IV, 241.
Halsbandregenpfeifer. VI, 78.
Halsbandsittich. V, 355.
Halsbandsperling VI, 293.
Hammerhuhn V, 680.
Hammerköpfe. VI, 576.
Hämmerling. IV, 602.
Hämmerling. IV, 602.
Hänfling IV, 320.
Hapaloderma narina. V, 3.
Hapalodermae V, 3.
Hapalurus malabaricus. V, 2
Harelda taberi VI, 723.
 — *glacialis* VI, 723
 — *histrionica* VI, 723.
 — *megauros*. VI, 723
 — *stelleri* VI, 725.
Harle huppé. VI, 731.
 — *noir* VI, 731
 — *vulgaire*. VI, 730.
Harles. VI, 727.
Harpactes. V, 2
 — *fasciatus*. V, 2
Harpaye. VI, 440.
Harpophynchus rufus. IV, 187
Harpypia destructor. VI, 407.
 — *ferox*. VI, 407.
 — *maxima*. VI, 407
 — *occipitalis*. VI, 402.
Harpyc. VI, 407
Haselhuhn. V, 538.
Haubenadler. VI, 399.
Haubenderche. IV, 248.
Haubenmeise IV, 197.
Haubenscharbe. VI, 603.
Haubenstärling IV, 410
Haubensteissfuss VI, 632.
Haubenwachteln V, 608.
Haubenperhuhn. V, 662
Hausrötling IV, 65
Hausperling. IV, 287
Hausstorch. VI, 553.
Heckensänger IV, 128.
Heckenwürger IV, 527
Hedydipna metallica. IV, 225.
Hedymeles ludovicianus. IV, 362
Hedymeles rubricollis. IV, 362.
Heerschnepfe VI, 10.
Heidelerche IV, 251.
Heiliger ibis. VI, 584.
Helias solaris. V, 738.
Heliactinus IV, 723.
 — *cornutus* IV, 723.
Heliornis fulica. V, 716.
 — *fulicarius*. V, 716.
 — *solaris* V, 738
 — *surinamensis*. V, 716.
Heliornithidae V, 716.
Heliotrrix. IV, 725.
 — *aurita*. IV, 721
Heliotrichinae IV, 720.
Hellenenspecht. IV, 681
Helmkakadu V, 400
Helmkasuar VI, 748.
Helmkolibris IV, 728
Helmvogel. V, 143.
Helmwachtel. V, 608.
Helodromas ochropus. VI, 35
Helotarsus. VI, 340
 — *brachyurus* VI, 341.
 — *caudatus* VI, 341.
 — *fasciatus* VI, 341.
 — *leuconotus* VI, 341.
Hemigyps pondicarianus. VI, 489
Hemipodius lunatus. V, 719.
 — *tachydromus* V, 719
Henicognathus V, 318
 — *leptorhynchus* V, 318
Heniconetta stelleri. VI, 725
Heringsmöwe. VI, 120.
Herodias alba. VI, 532.
 — *bubuleus*. VI, 536.
 — *egretta*. VI, 532
 — *garzetta*. VI, 533.
 — *jubata* VI, 533
 — *lindermaveri*. VI, 533
 — *syrmatophora*. VI, 532.
Héron à tête noire. VI, 528
 — *commun.* VI, 527
 — *géant* VI, 529.
 — *ibis*. VI, 536.
 — *pourpre*. VI, 528.
Hérons. VI, 524.
Herrenspecht. IV, 659.
Hesperidenmeise. IV, 198.
Hesperidenwürger IV, 528.
Heteralocha acutirostris. IV, 461.
 — *gouldii*. IV, 461.
Heteroclitus tataricus. V, 478.
Heterops cristatus. IV, 248
Heuschreckenschiffsänger. IV, 142.
Heuschreckenhabicht. VI, 428.
Hians capensis. VI, 572.
 — *arabs*. VI, 78.
 — *cantiana*. VI, 79.
 — *elegans*. VI, 79.
 — *philippina*. VI, 78.
 — *pusilla*. VI, 78.
Hiaticula torquata. VI, 78
Hiator lamelligerus VI, 572.
Hibou aquatique V, 214.
Hibous V, 154.
 — *aquatiques*. V, 214.
Hieraces. VI, 290.
Hieractes pennatus. VI, 314.
Hierax coeruleus. VI, 290.
 — *malayanus*. VI, 290.
Hierofalco arcticus. VI, 235
 — *groenlandicus* VI, 235.
 — *gyrfalco* VI, 237.
 — *holböllii*. VI, 235.
 — *islandicus*. VI, 235.
High-holer. IV, 637.
Himantopus. VI, 56.
 — *albicollis*. VI, 57.
 — *asiaticus*. VI, 57.
 — *atropterus*. VI, 57.
 — *autumnalis*. VI, 57.
 — *brevipes*. VI, 57.
 — *candidus*. VI, 57.
Himantopus europaeus, VI, 57.
 — *intermedius*. VI, 57.
 — *leucocephalus*. VI, 57.
 — *longipes*. VI, 57.
 — *melanocephalus*. VI, 57.
 — *melanopterus*. VI, 57.
 — *minor*. VI, 57
 — *nigricollis*. VI, 57.
 — *rufipes*. VI, 57.
 — *vulgaris*. VI, 57.
Himmelziege. VI, 12.
Hippalectryo. VI, 748.
 — *bennettii*. VI, 748.
 — *galeatus*. VI, 748.
Hippalectryones. VI, 747.
Hippalectryonidae. VI, 747.
Hippalectryornithes. VI, 747.
Hirondelle de cheminée. IV, 562.
 — *de fenêtre*. IV, 569.
 — *de mer à bec noir*. VI, 107.
 — *de mer à longue* VI, 103.
 — *de mer blanchâtre* VI, 101.
 — *de mer caspienne*. VI, 99.
 — *de mer commune*. VI, 103.
 — *de mer Gould*. VI, 104.
 — *de mer de l'Inde*. VI, 101.
 — *de mer Macdougall*. VI, 103.
 — *de mer veloce*. VI, 99.
 — *de rivage*. IV, 574.
 — *de roche*. IV, 572.
 — *pourpre*. IV, 576.
 — *roussâtre*. IV, 568.
Hirondelles. IV, 561.
Hirondelles de mer. VI, 103.
Hirundinidae. IV, 561.
Hirundo. IV, 563.

- Hirundo alpestris*. IV, 568.
 — *alpina*. IV, 758.
 — *apus*. IV, 770.
 — *capensis*. IV, 568.
 — *chalybeata*. IV, 576.
 — *cinerea*. IV, 574.
 — *coerulea*. IV, 576.
 — *daurica*. IV, 568.
 — *domestica*. IV, 562.
 — *esculenta*. IV, 781.
 — *fretensis*. IV, 562.
 — *gutturalis*. IV, 562.
 — *inornata*. IV, 572.
 — *javanica*. IV, 562.
 — *klecho*. IV, 778.
 — *ludoviciana*. IV, 576.
 — *maritima*. IV, 781.
 — *melba*. IV, 758.
 — *montana*. IV, 572.
 — *pagorum*. IV, 562.
 — *panayana*. IV, 562.
 — *pratensis*. VI, 93.
 — *purpurea*. IV, 576.
 — *riocourii*. IV, 562.
 — *riparia*. IV, 574.
 — *rufula*. IV, 568.
 — *rupestris*. IV, 572.
 — *rupicola*. IV, 572.
 — *rustica*. IV, 562.
 — *stabulorum*. IV, 562.
 — *subis*. IV, 576.
 — *urbica*. IV, 569.
 — *versicolor*. IV, 576.
 — *violacea*. IV, 576.
Histrionicus torquatus. VI, 723.
Hoazin. V, 686.
Hobereau. VI, 258.
 — *eleonore*. VI, 260.
 — *gris*. VI, 265.
Hocco. V, 668.
 — *à aigrette*. V, 670.
Hoccos. V, 667.
Hochequeues. IV, 257.
Hochlandwasserkäfer. VI, 39.
Höckerschwan. VI, 649.
Hodytes semipalmatus. VI, 51.
Höhleneulen. V, 193.
Höhlengänse. VI, 678.
Hohlensittich. V, 418.
Hohltaube. V, 440.
Hokkos. V, 667.
Hokkovogel. V, 667.
Hollentouraco. V, 145.
Holzäher. IV, 492.
Holztauben. V, 436.
Hornraus bicornis. V, 15.
Horniganziger. IV, 708.
Hornigfresser. IV, 227.
Hornigsauger. IV, 224.
Hopfe. V, 31.
Hopflappenvogel. IV, 461.
Hopterarmatus. VI, 69.
 — *persicus*. VI, 69.
 — *spinus*. VI, 69.
Hordenvogel. IV, 403.
Hornhuhn. V, 644.
Hornrabe. V, 25.
Hornracken. IV, 611.
Hornschwalm. V, 258.
Hornvögel. V, 10.
Hortulanus arundinaceus. IV, 371.
Houbara. VI, 179.
 — *undulata*. VI, 179.
Hubara macqueeni. VI, 178.
Hügelatzel. IV, 432.
Hühner. V, 501.
Hühnergans. VI, 687.
Hühnergeiern. VI, 512.
Huitrier. VI, 89.
Huppert. VI, 402.
Huppe commune. V, 31.
Huppes. V, 31.
Hurryba. IV, 231.
Hyacinth-Arara. V, 330.
Hyas aegyptia. VI, 83.
 — *aegyptiaca*. VI, 83.
 — *aegyptiacus*. VI, 83.
Hybris flammea. V, 160.
Hudemela atricapilla. IV, 554.
Hydrobata albicollis. IV, 78.
 — *cinclus*. IV, 78.
Hydrobates feroensis. VI, 213.
 — *leachii*. VI, 213.
 — *pelagicus*. VI, 212.
Hydroceropsis dougalli. VI, 103.
Hydrochelide blanche. VI, 111.
 — *hybride*. VI, 109.
 — *noire*. VI, 108.
 — *pic*. VI, 109.
Hydrochelidon. VI, 108.
 — *delalandii*. VI, 109.
 — *fuliginosa*. VI, 104.
 — *grisea*. VI, 109.
 — *hybrida*. VI, 109.
 — *indica*. VI, 109.
 — *javanica*. VI, 109.
 — *lariformis*. VI, 108.
 — *leucogenis*. VI, 109.
 — *leucopareia*. VI, 109.
 — *leucoptera*. VI, 109.
 — *meridionalis*. VI, 109.
 — *nigra*. VI, 108.
 — *nigricans*. VI, 108.
 — *nitotica*. VI, 108.
 — *obscura*. VI, 108.
 — *pallida*. VI, 108.
 — *plumbea*. VI, 108.
 — *similis*. VI, 109.
 — *subleucoptera*. VI, 109.
 — *surinamensis*. VI, 108.
Hydrocolacus minutus. VI, 123.
Hydrocorax carbo. VI, 601.
 — *cristatus*. VI, 603.
 — *niger*. VI, 603.
 — *pygmaeus*. VI, 603.
Hydroictinia atra. VI, 390.
Hydroprogne caspia. VI, 99.
Hydropsalis. V, 225.
 — *creagra*. V, 225.
 — *forcipatus*. V, 225.
Hydropsalis limbatus. V, 225.
Hydrornia porphyrio. V, 704.
Hylactes. IV, 583.
 — *megapodius*. IV, 583.
 — *tarnii*. IV, 584.
Hylactinae. IV, 58.
Hylaesiza cia. IV, 381.
Hylochlaris gigas. IV, 726.
Hypermetra. IV, 726.
 — *gigas*. IV, 726.
Hyphantes baltimore. IV, 401.
Hyphantornis abyssinica. IV, 390.
 — *flavoviridis*. IV, 390.
 — *galbula*. IV, 389.
 — *larvata*. IV, 390.
Hypocentor aureola. IV, 382.
 — *rusticus*. IV, 373.
Hypolais. IV, 151.
 — *arignis*. IV, 154.
 — *catigata*. IV, 154.
 — *cinerescens*. IV, 154.
 — *clacica*. IV, 154.
 — *fuscescens*. IV, 154.
 — *hortensis*. VI, 151.
 — *icterina*. VI, 151.
 — *megarhyncha*. IV, 154.
 — *olivatorum*. IV, 154.
 — *opaca*. IV, 154.
 — *pallida*. IV, 154.
 — *philomela*. IV, 151.
 — *polyglotta*. IV, 151.
 — *rama*. IV, 154.
 — *salicaria*. IV, 151.
 — *verdoti*. IV, 154.
 — *vulgaris*. IV, 151.
Hypotriorchis aesalon. VI, 262.
 — *chiquera*. VI, 256.
 — *eleonora*. VI, 260.
 — *lithofalco*. VI, 288.
 — *ruficollis*. VI, 256.
 — *subuteo*. VI, 258.
Hypsibates himantopus. VI, 57.

I.

- Ibidac*. VI, 579.
Ibidinae. VI, 579.
Ibijau africain. V, 227.
 — *géant*. V, 243.
Ibis. VI, 579.
 — *aethiopica*. VI, 584.
 — *brevirostris*. VI, 580.
 — *candida*. VI, 574.
 — *castanea*. VI, 580.
 — *cuprea*. VI, 580.
 — *egretta*. VI, 584.
 — *erythrorhyncha*. VI, 580.
 — *fusca*. VI, 580.
 — *ordi*. VI, 580.
 — *peregrina*. VI, 580.
 — *religiosa*. VI, 584.
 — *sacra*. VI, 580.
 — *sacré*. VI, 584.
Ibisse. VI, 579.

Ibycter. VI, 447.
 — australis. VI, 449.
 — crotophagus. VI, 447.
 Ichtyaëtus leucoryphus. VI, 345.
 — pallasii. VI, 122.
 Icteridae. IV, 401.
 Icterus. IV, 401.
 — agripennis. IV, 403.
 — baltimore. IV, 401.
 — baltimorensis. VI, 401.
 — galbula. IV, 401.
 — pecoris. IV, 405.
 — phoeniceus. IV, 407.
 Ictinia. VI, 379.
 — du Mississipi. VI, 379.
 — mississippiensis. VI, 379.
 Ictinias. VI, 379.
 Iliacus ilias. IV, 90.
 — minor. IV, 90.
 — musicus. IV, 90.
 Impeyanus recurvirostris. V, 640.
 Inambu. V, 689.
 Inambus. V, 687.
 Indicateur africain. IV, 708.
 Indicateurs. IV, 707.
 Indicator alboirostris. IV, 708.
 — archipelagus. IV, 708.
 — flaviscapulatus. IV, 708.
 — leucotis. IV, 708.
 — pallidirostris. IV, 708.
 — parmanni. IV, 708.
 Indicatoridae. IV, 707.
 Indischer Jahrvogel. V, 22.
 Inka-Kakadu. V, 407.
 Inséparables. V, 348.
 Irrisor blythi. V, 35.
 — capensis. V, 35.
 — erythrorhynchus. V, 35.
 — melanorhynchus. V, 35.
 — senegalensis. V, 35.
 Irrisores. V, 35.
 Ispida bicincta. V, 63.
 — bitorquata. V, 63.
 — rudis. V, 63.
 Italienischer Sperling. IV, 290.
 Iunco hiemalis. IV, 316.
 Ixocossyphus viscosus. IV, 90.
 Ixos leucopygius. IV, 183.
 Ixus arsinöe. IV, 232.
 — plehejus. IV, 232.
 — vaillantii. IV, 232.
 — valombrosae. IV, 232.
 — xanthopygos. IV, 232.
 — xanthopygius. IV, 232.

J.

Jabiru. VI, 565.
 Jacamar. V, 150.
 Jacana. VI, 161.
 Jagdfalke. VI, 236.
 Jägerliest. V, 70

Jahrvogel. V, 22.
 Jakamar. V, 150.
 Jakamars. V, 150.
 Jako. V, 237.
 Jaseur de Bohême. IV, 518.
 Jaseurs. IV, 548.
 Jassana. VI, 161.
 Jean le blanc. VI, 337.
 Jerax fringillarius. VI, 411.
 'oao doido. V, 153.
 Juida aeneus. IV, 427.
 — chalybea. IV, 428.
 — leucogaster. IV, 431.
 — superba. IV, 430.
 Jungfernkranich. V, 724.

K.

Kagu. V, 741.
 Kahlkopfgeier. VI, 489.
 Kaluschnabel. VI, 548.
 Kakadus. V, 390.
 Kakapo. V, 418.
 Kamblesshuhn. V, 696.
 Kammgeier. VI, 505.
 Kammhühner. V, 615.
 Kampfadler. VI, 399.
 Kampffläuer. VI, 26.
 Kanincheneule. V, 193.
 Kappenammer. IV, 383.
 Kappenblaurabe. IV, 487.
 Kappengeier. VI, 502.
 Kappenstelze. IV, 264.
 Kapfaube. VI, 210.
 Kapuzenmöwe. VI, 123.
 Kapuzinermöwe. VI, 123.
 Kapuzinervogel. IV, 600.
 Karmingimpel. IV, 342.
 Karolinasittich. V, 322.
 Karolinenente. VI, 704.
 Kasuare. VI, 747.
 Katzenaar. VI, 332.
 Katzenvogel. IV, 185.
 Käuze. V, 164.
 Kea. V, 411.
 Keilschwanzadler. VI, 321.
 Keilschwanzlör. V, 367.
 Keilschwanzsittiche. V, 321.
 Keltsch. V, 618.
 Keptuschka pallidus. VI, 67.
 Kernbeisser. IV, 302.
 Kernknacker. IV, 361.
 Ketupa ceylonensis. V, 214.
 — leschenaultii. V, 214.
 Kiebitz. VI, 62.
 Kiebitzregenpfeifer. VI, 72.
 Kiefernkreuzschnabel. IV, 355.
 Kitta holosericea. IV, 457.
 Klaffschnabel. VI, 572.
 Klappergrasmücke. IV, 116.
 Klapperstörche. VI, 553.
 Klecho. IV, 778.
 Kleiber. IV, 205 и 206.
 Kleinspecht. IV, 676.
 Kleinwanderfalke. VI, 247.

Klippenhuhn. V, 577.
 Klippenvogel. IV, 606.
 Knäkenste. VI, 696.
 Koel. V, 110.
 Kohlmeise. IV, 190.
 Kolbenente. VI, 717.
 Kolibri. IV, 713.
 — mango. IV, 718.
 Kolkraben. IV, 464.
 Königparadiesvogel. IV, 450.
 Königseidrente. VI, 709.
 Königsfasan. V, 626.
 Königsgäuer. VI, 510.
 Königskrähe. IV, 441.
 Königsvogel. IV, 592.
 Königsweihe. VI, 384.
 Kornweihe. VI, 431.
 Kraentaucher. VI, 158.
 Kragenente. VI, 723.
 Kragenhopf. IV, 455.
 Kragennachtschatten. V, 223.
 Kragenparadiesvogel. IV, 451.
 Kragentrappe. VI, 178.
 Kragenvogel. IV, 459.
 Krametzvogel. IV, 91.
 Kranichartige. V, 722.
 Kranich. V, 724.
 Kraniche. V, 722.
 Krauskopfpelikan. VI, 616.
 Kreischraubmöwe. VI, 138.
 Kreuzschnabel. IV, 354.
 Krikente. VI, 696.
 Krokodilwächter. VI, 83.
 Krontaube. V, 465.
 Krontauben. V, 465.
 Kropfstörche. VI, 567.
 Ktinorhynchus strepera. VI, 693.
 Kuckuck. V, 83.
 Kuckucke. V, 82.
 Kuhreier. VI, 536.
 Kuhstärlinge. IV, 405.
 Kuhvogel. IV, 405.
 Kupferspecht. IV, 641.
 Kuppelaar. VI, 245.
 Kurof. V, 273.
 Kurzfangsperber. VI, 411.
 Kurzfußdrosseln. IV, 232.
 Kurzfußstare. IV, 437.
 Küstenseeschwalbe. VI, 103.

L.

Labbe à courte queue. VI, 138.
 — à longue queue. VI, 137.
 — noir. VI, 134.
 Lachgans. VI, 667.
 Lachmöwe. VI, 123.
 Lachseeschwalbe. VI, 107.
 Lachtaube. V, 452.
 Lagonostica ignita. IV, 396.
 — minima. IV, 396.
 Lagopède batard. V, 559.
 — des Alpes. V, 560.
 — des neiges. V, 552.

- Lagopèdes*. V, 549.
Lagopus. V, 549.
 -- *albus*. V, 552.
   alpinus. V, 560.
   cinereus. V, 560.
   groenlandicus. V, 560.
   hemileucurus. V, 560.
   hyperboreus. V, 560.
   islandicus. V, 560.
   lagopides. V, 559.
   lagopoides. V, 559.
   montanus. V, 560.
   minutus. V, 560.
   reinhardi. V, 560.
   rupestris. V, 560.
   scoticus. V, 554.
   subalpinus. V, 552.
   tetrici-albus. V, 551.
   vulgaris. V, 560.
Lämmergeier. VI, 455.
Lampornis mango. IV, 718.
   pella. IV, 719.
Lampornithinae. IV, 718.
Lamprococyx auratus. V, 103.
   chrysochlorus. V, 103.
Lamprocolius chalubeus. IV, 428.
   superbus. IV, 430.
Lampromorpha chalconcephala. V, 103.
Lampronessa. VI, 704.
   sponsa. VI, 704.
Lamprotorne à ventre blanc. IV, 131.
   à ventre bronzé. IV, 431.
   superbe. IV, 430.
Lamprotornis. IV, 427.
   abyssinicus. IV, 428.
   acnea. IV, 427.
   acneus. IV, 427.
   chalybeus. IV, 428.
   chrysogaster. IV, 431.
   cyaniventris. IV, 428.
   leucogaster. IV, 431.
   novae-zeelandiae. IV, 228.
   superbus. IV, 430.
Langschnabelsittich. V, 318.
Laniarius aethiopicus. IV, 542.
   erythrogaster. IV, 542.
Lanier. VI, 242.
Laniidae. IV, 526.
Laniinae. IV, 527.
Lanius. IV, 527.
   aethiopicus. IV, 542.
   auricularis. IV, 537.
   badius. IV, 537.
   bengalensis. IV, 540.
   borealis. IV, 528.
   cinereus. IV, 527.
   collurio. IV, 534.
   colluris. IV, 534.
   cristatus. IV, 540.
   euclallatus. IV, 541.
   domicella. IV, 581.
   dumetorum. IV, 534.
   erythrogaster. IV, 542.
   erythropterus. IV, 541.
   excubitor. IV, 527.
   eximius. IV, 531.
   ferrugiceps. IV, 540.
   frontatus. IV, 544.
   fulvus. IV, 540.
   garrulus. IV, 548.
   glandarius. IV, 492.
   graccus. IV, 531.
   homeyeri. IV, 528.
   infaustus. IV, 496.
   italicus. IV, 531.
   leucometopon. IV, 538.
   longipennis. IV, 531.
   macrourus. IV, 789.
   major. IV, 528.
   malabaricus. IV, 439.
   melanotis. IV, 540.
   melanotus. IV, 537.
   meridionalis. IV, 528.
   minor. IV, 531.
   mollis. IV, 528.
   nigrifrons. IV, 531.
   nubicus. IV, 538.
   personatus. IV, 538.
   phoenicurus. IV, 540.
   pomeranus. IV, 537.
   rapax. IV, 527.
   roseus. IV, 531.
   ruficaudus. IV, 540.
   ruficeps. IV, 537.
   ruficollis. IV, 537.
   rufus. IV, 512.
   rutilans. IV, 537.
   rutilans. IV, 540.
   rutilus. IV, 537.
   senator. IV, 537.
   senegalus. IV, 541.
   septentrionalis. IV, 528.
   spinitorquus. IV, 534.
   sulfuratus. IV, 594.
   superciliosus. IV, 540.
   tschagra. IV, 541.
   tyrannus. IV, 592.
   vigil. IV, 531.
Laplandseule. V, 171.
Lappentaucher. VI, 628.
Laridae. VI, 96.
Larinae. VI, 115.
Lärmvögel. V, 147.
Laroides americanus. VI, 118.
   argentaceus. VI, 118.
   argentatoides. VI, 118.
   argentatus. VI, 118.
   argenteus. VI, 118.
   audouini. VI, 119.
   fuscus. VI, 120.
   glaucoides. VI, 118.
   glaucus. VI, 118.
   harengorum. VI, 120.
   leucophaeus. VI, 119.
   leucopterus. VI, 118.
   major. VI, 118.
   melanotos. VI, 120.
   michahellesii. VI, 119.
   minor. VI, 118.
   rissa. VI, 128.
Laroides subleucopterus. VI, 118.
   tridactylus. VI, 128.
Larolinicolae. VI, 1.
Larus. VI, 117.
   affinis. VI, 119.
   albus. VI, 126.
   arabicus. VI, 119.
   arcticus. VI, 118.
   argentatoides. VI, 118.
   argentatus. VI, 118.
   argenteus. VI, 118.
   atricilla. VI, 123.
   atricilloides. VI, 123.
   audouini. VI, 119.
   brachytarsus. VI, 126.
   brehmii. VI, 119.
   cachimans. VI, 119.
   cahiricus. VI, 123.
   canescens. VI, 123.
   canus. VI, 120.
   capistratus. VI, 123.
   catarractes. VI, 134.
   cephus. VI, 138.
   chroicocephalus. VI, 122.
   cinerarius. VI, 128.
   cinereus. VI, 120.
   columbinus. VI, 119.
   consul. VI, 118.
   crepidatus. VI, 138.
   cyanorhynchus. VI, 120.
   dorbignii. VI, 123.
   eburneus. VI, 126.
   erythropus. VI, 123.
   fabricii. VI, 120.
   flavipes. VI, 120.
   fuscus. VI, 120.
   gavia. VI, 128.
   gelastes. VI, 119.
   genei. VI, 119.
   giganteus. VI, 118.
   glacialis. VI, 118.
   glaucoides. VI, 118.
   glaucus. VI, 118.
   heinei. VI, 120.
   hutchensii. VI, 118.
   hybernus. VI, 120.
   ichtyaëtus. VI, 122.
   islandicus. VI, 118.
   kamtschatkensis. VI, 120.
   lambruschini. VI, 119.
   leuceretes. VI, 118.
   leucocephalus. VI, 119.
   leucophaeus. VI, 119.
   leucopthalmus. VI, 123.
   leucopterus. VI, 128.
   maculatus. VI, 120.
   marinus. VI, 120.
   maximus. VI, 120.
   melanocephalus. VI, 123.
   merulinus. VI, 128.
   michahellesii. VI, 119.
   minor. VI, 118.
   minutus. VI, 123.
   muelleri. VI, 120.
   naevius. VI, 120.
   nigrotis. VI, 123.

- Larus niveus*. VI, 120.
 — *parasiticus*. VI, 137.
 — *payroudei*. VI, 119.
 — *procellosus*. VI, 120.
 — *ridibundus*. VI, 123.
 — *risfa*. VI, 128.
 — *rosuus*. VI, 132.
   rossii. VI, 132.
 — *sabini*. VI, 131.
 — *smithsonianus*. VI, 118.
 — *subroseus*. VI, 119.
 — *tenuis*. VI, 119.
 — *torquatus*. VI, 128.
 — *tridactylus*. VI, 128.
Larvenwebervogel. IV, 390.
Lathamus azureus. V, 377.
Laubenvogel. IV, 457.
Laubsänger. IV, 155.
Laubvögel. IV, 231.
Laufhühnchen. V, 719.
Laufhühner. V, 717.
Laufhühnerartige. V, 717.
Lauftauben. V, 458.
Lavandière blanche. IV, 258.
   — *grise*. IV, 261.
   — *triste*. IV, 258.
Lavandières. IV, 257.
Lazurmeise. IV, 192.
Leiernachtschwalbe. V, 225.
Leierschwanz. IV, 613.
Leierschwanze. IV, 612.
Leimoneites temminckii. VI, 47.
Leinfink. IV, 323.
Leiothrix bigarré. IV, 182.
Leptonyx macropus. IV, 583.
Leptoptilus. VI, 567.
   — *argala*. VI, 567.
   — *crumenifer*. VI, 567.
   — *rupepellii*. VI, 567.
Leptorhynchus ruficaudus. V, 318.
Leptosoma afra. V, 273.
   — *discolor*. V, 273.
   — *longicauda*. V, 125.
Leptosomidae. V, 273.
Leptosomus afer. V, 273.
   — *discolor*. V, 273.
   — *viridis*. V, 273.
Leptotophus auricomus. V, 378.
Lerchen. IV, 234.
Lesbia sparganura. IV, 725.
Lestris benickii. VI, 138.
   — *bojei*. VI, 138.
   — *brachyrhyncha*. VI, 137.
   — *buffoni*. VI, 137.
   — *catarractes*. VI, 134.
   — *catarractes*. VI, 134.
   — *coprotheses*. VI, 138.
   — *crepidata*. VI, 138.
   — *lessoni*. VI, 137.
   — *longicaudata*. VI, 137.
   — *parasitica*. VI, 137.
   — *pomarinha*. VI, 134.
   — *pomarinha*. VI, 134.
   — *pomarinha*. VI, 134.
   — *richardsonii*. VI, 138.
Lestris schlegelii. VI, 138.
   — *skua*. VI, 134.
   — *sphaeriuros*. VI, 134.
   — *spinicauda*. VI, 138.
   — *striata*. VI, 134.
   — *thuliaca*. VI, 138.
Leucoblepharon canadensis. VI, 672.
Leucogeranos giganteus. V, 724.
Leucometopon nubicus. IV, 538.
Leuconotopicus numidicus. IV, 666.
Leucosticte nivalis. IV, 312.
Leucus audouini. VI, 119.
   — *fuscus*. VI, 120.
   — *glaucus*. VI, 118.
   — *leucopterus*. VI, 118.
Leumoniptera pratensis. IV, 270.
Liometis. V, 408.
   — *nasica*. V, 408.
   — *nasicus*. V, 408.
   — *pastinator*. V, 408.
   — *tenuirostris*. V, 408.
Lieste. V, 66.
Ligurinus aurantiventris. IV, 318.
   — *chloris*. IV, 318.
   — *chloroticus*. IV, 318.
Lillia rufula. IV, 568.
Limicola. VI, 48.
   — *glottis*. VI, 30.
   — *hartlaubi*. VI, 48.
   — *lapponica*. VI, 21.
   — *limosa*. VI, 22.
   — *platyrhyncha*. VI, 48.
   — *pygmaea*. VI, 48.
   — *terek*. VI, 40.
Limicole. VI, 48.
Limicoles. VI, 48.
Limnodromus griseus. VI, 24.
Limosulus africanus. VI, 331.
Limosa. VI, 21.
   — *acocephala*. VI, 22.
   — *ferruginea*. VI, 21.
   — *fusca*. VI, 33.
   — *glottoides*. VI, 30.
   — *grisea*. VI, 24.
   — *hartwickii*. VI, 26.
   — *indiana*. VI, 40.
   — *islandica*. VI, 22.
   — *jadreca*. VI, 22.
   — *lapponica*. VI, 21.
   — *melanura*. VI, 22.
   — *melanuroides*. VI, 22.
   — *novaboracensis*. VI, 21.
   — *recurvirostra*. VI, 40.
   — *scolopacea*. VI, 24.
   — *terek*. VI, 40.
   — *totanus*. VI, 30.
Limosa. VI, 22.
Limosenläufer. VI, 41.
Linacanthis rufescens. IV, 324.
Linaria agrorum. IV, 323.
   — *alnorum*. IV, 323.
Linaria assimilis. IV, 323.
   — *betularum*. IV, 323.
   — *canigularis*. IV, 323.
   — *cannabina*. IV, 320.
   — *dubia*. IV, 323.
   — *erythrina*. IV, 342.
   — *flavirostris*. IV, 321.
   — *flavirostris*. IV, 323.
   — *leuconotos*. IV, 323.
   — *linota*. IV, 320.
   — *minor*. IV, 324.
   — *montium*. IV, 321.
   — *pusilla*. IV, 323.
   — *robusta*. IV, 323.
   — *rubra*. IV, 323.
   — *rufescens*. IV, 324.
   — *septentrionalis*. IV, 323.
   — *spinus*. IV, 327.
   — *vulgaris*. IV, 323.
Linota cannabina. IV, 320.
   — *flavirostris*. IV, 321.
   — *linaria*. IV, 323.
   — *montium*. IV, 321.
   — *rufescens*. IV, 324.
Linotte. IV, 320.
   — *à bec jaune*. IV, 321.
   — *de Holboelle*. V, 324.
   — *rouge*. IV, 224.
Liothrix. IV, 182.
   — *luteus*. IV, 182.
Lithofalco aesalon. VI, 263.
Lobipes hyperborea. VI, 52.
Lobivanellus leucurus. VI, 68.
Locustella. IV, 142.
   — *certhiola*. IV, 142.
   — *fluviatilis*. IV, 146.
   — *lancoolata*. IV, 142.
   — *luscinioides*. IV, 148.
   — *minuta*. IV, 142.
   — *naevia*. IV, 142.
   — *rayi*. IV, 142.
   — *rupescens*. IV, 142.
   — *strepitans*. IV, 146.
Locustelle ordinaire. IV, 142.
Loenstelles. IV, 142.
Löffelente. VI, 701.
Löffelreiher. VI, 588.
Lomvia ryngvia. VI, 153.
   — *svarbag*. VI, 153.
   — *troile*. VI, 153.
Longicauda aeneus. IV, 427.
   — *caudatus*. IV, 427.
Lophathea cristata. VI, 632.
Lophoætus occipitalis. VI, 402.
Lophochroa leaidbeateri. V, 407.
Lophocorax diadematus. IV, 503.
Lophodytes cucullatus. VI, 731.
Lophophanes cristatus. IV, 197.
Lophophore. V, 640.
Lophophore. V, 639.
Lophophorus. V, 639.
   — *impevanus*. V, 639.
   — *nigelli*. V, 590.

- Lophophorus refulgens*. V, 689.
Lophorhynchus cristatus. V, 734.
Lophorina. IV, 449.
 — *atra*. IV, 451.
 — *gularis*. IV, 453.
 — *nigra*. IV, 453.
 — *regia*. IV, 449.
 — *sefilata*. IV, 452.
 — *superba*. IV, 451.
Lophornis. IV, 722.
 — *aurata*. IV, 722.
 — *ornata*. IV, 722.
Lophortyx californica. V, 608.
 — *gambeli*. V, 608.
Lophyrus coronatus. V, 465.
 — *victoriae*. V, 465.
Lorbeerlerche. IV, 250.
Lori multicolore. V, 369.
Loricule. V, 362.
Loriculus galgulus. V, 362.
 — *pumilus*. V, 362.
Loriot. IV, 437.
Loriots. IV, 437.
Loris chauves-souris. V, 361.
Lorius domicella. V, 365.
Loxia. IV, 354.
 — *abyssinica*. IV, 390.
 — *albiventris*. IV, 355.
 — *balearica*. IV, 355.
 — *bifasciata*. IV, 358.
 — *cardinalis*. IV, 342.
 — *cardinalis*. IV, 344.
 — *chloris*. IV, 318.
 — *coccothraustes*. IV, 302.
 — *curvirostra*. IV, 355.
 — *enucleator*. IV, 344.
 — *erythraea*. IV, 342.
 — *europaea*. IV, 355.
 — *fasciata*. IV, 397.
 — *flamingo*. IV, 344.
 — *franciscana*. IV, 393.
 — *jugularis*. IV, 397.
 — *ludoviciana*. IV, 362.
 — *obscura*. IV, 362.
 — *pityopsittacus*. IV, 355.
 — *psittacca*. IV, 344.
 — *pyrrhulla*. IV, 348.
 — *rosea*. IV, 342.
 — *rosea*. IV, 362.
 — *rubrifasciata*. IV, 356.
 — *sibirica*. IV, 347.
 — *socia*. IV, 300.
 — *taenioptera*. IV, 356.
Lübich. IV, 349.
Lullula arborea. IV, 251.
 — *cristata*. IV, 248.
Lund. VI, 140.
Lunda arctica. VI, 140.
Lupha cristata. V, 696.
Lusciana Golzii. IV, 48.
Luscinia efmia. IV, 48.
 — *hafizii*. IV, 48.
 — *hybrida*. IV, 48.
 — *major*. IV, 48.
 — *media*. IV, 48.
 — *megarhynchus*. IV, 48.
Luscinia okeni. IV, 48.
 — *peregrina*. IV, 48.
 — *philomela*. IV, 48.
 — *vera*. IV, 48.
Lusciniola. IV, 149.
 — *melanopogon*. IV, 149.
 — *savii*. IV, 148.
Lusciniolc. IV, 151.
Lusciniopsis fluviatilis. IV, 146.
 — *luscinioides*. IV, 148.
 — *savii*. IV, 148.
Lusciola. IV, 48.
 — *caligata*. IV, 136.
 — *calliope*. IV, 59.
 — *Golzii*. IV, 48.
 — *hafizii*. IV, 48.
 — *hybrida*. IV, 48.
 — *luscinia*. IV, 48.
 — *philomela*. IV, 48.
 — *phoenicurus*. IV, 68.
 — *rubecula*. IV, 61.
 — *suecica*. IV, 56.
 — *tithis*. IV, 65.
 — *tithys*. IV, 65.
Lycus collaris. IV, 481.
 — *monedula*. IV, 481.
Lymnocryptas gallinula. VI, 13.
Lyponix coronatus. V, 602.
Lypornix erythroptigia. IV, 705.
 — *torquata*. V, 152.
Lyrurus derbianus. V, 524.
 — *tetrix*. V, 524.

M.

- Macareux commun*. VI, 140.
Machetes alticeps. VI, 26.
 — *minor*. VI, 26.
 — *optatus*. VI, 26.
 — *planiceps*. VI, 26.
 — *pugnax*. VI, 26.
Macreuse à large bec. VI, 715.
Macreuses. VI, 714.
Macrocerus aracanga. V, 330.
 — *ararauna*. V, 331.
 — *augustus*. V, 330.
 — *chloropterus*. V, 331.
 — *hyacinthinus*. V, 330.
 — *macao*. V, 330.
Macrochires. IV, 712.
Macrodipteryx africanus. V, 227.
 — *condylopterus*. V, 227.
 — *longipennis*. V, 227.
 — *vexillarius*. V, 226.
Macropteryx ambrosiacus. IV, 777.
 — *klecho*. IV, 778.
Macropus stelleri. VI, 725.
Macrorhamphos perspicillata. VI, 715.
Macrorhamphus. VI, 24.
 — *griseus*. VI, 24.
Macrorhamphus punctatus. VI, 24.
 — *scelopaceus*. VI, 24.
Madenfresser. V, 132.
Madenhacker. IV, 424 и 425.
Mähnentaupe. V, 463.
Mainates. IV, 432.
Malachure. IV, 179.
Malaconotinae. IV, 540.
Malaconotos erythropterus. IV, 541.
 — *aethiopicus*. IV, 542.
 — *erythrogaster*. IV, 542.
 — *weroci*. IV, 542.
Malcoha triste. V, 122.
Malcohas. V, 122.
Malherbipicus campestris. IV, 641.
Malurus garrulus. IV, 588.
 — *longicaudus*. IV, 177.
 — *malachurus*. IV, 179.
 — *palustris*. IV, 179.
 — *provincialis*. IV, 127.
Mametta porzana. V, 706.
Manecus edwardsi. IV, 590.
 — *niger*. IV, 590.
Manakin d'Edwards. IV, 590.
Manakins. IV, 590.
Manchots. VI, 186.
Mangeur de riz. IV, 399.
Mango. IV, 718.
Mantelmöwe. VI, 120.
Mantschurischer Ohrfasan. V, 622.
Manucode. IV, 450.
 — *seflet*. IV, 452.
 — *superbe*. IV, 451.
Manucodes. IV, 449.
Marabou. VI, 568.
Mareca fistulans. VI, 691.
 — *fistularis*. VI, 691.
 — *kagolka*. VI, 691.
 — *penelope*. VI, 691.
Marila frenata. VI, 719.
Marmelente. VI, 698.
Marmonetta angustirostris. VI, 698.
Martin-pêcheur d'Europe. V, 55.
 — *rosé*. IV, 420.
Martinet des Alpes. IV, 758.
 — *gris*. IV, 770.
 — *longipenne*. IV, 778.
 — *noir*. IV, 770.
Martinet. IV, 755.
Martins-pêcheurs. V, 53.
Marouette. V, 700.
 — *naine*. V, 708.
Mascarinus polychlorus. V, 352.
 — *prasinus*. V, 352.
Maskenwürger. IV, 538.
Maubeche à bandes. VI, 48.
 — *alpine*. VI, 44.
 — *chinoise*. VI, 44.
 — *de Bonaparte*. VI, 47.
 — *de Schinz*. VI, 44.

- Maubeche de Temminck. VI, 47.
 — rousse. VI, 48.
 Maubeches. VI, 42.
 Mauerläufer. IV, 215.
 Mauersgler. IV, 770.
 Maurenfink. IV, 306.
 Maurenspecht. IV, 666.
 Mäusebussard. VI, 330.
 Mäusevogel. IV, 789.
 Mäusevögel. IV, 789.
 Maussegler. IV, 770.
 Mecistura caudata. IV, 198.
 — longicaudata. IV, 198.
 — pinetorum. IV, 198.
 — rosca. IV, 198.
 Meenataube. V, 448.
 Meergänse. VI, 669.
 Meerläufer. VI, 214.
 Megacephalon malco. V, 680.
 — rubripes. V, 680.
 Megalaema. IV, 704.
 — flavigula. IV, 704.
 Megalestris catarrhactes. VI, 134.
 Megalonyx rufus. IV, 583
 Megaloperdix. V, 587.
 — caucasisa. V, 587.
 — himalayensis. V, 590.
 — stolidus. VI, 112.
 Megapelia. V, 465.
 — coronata. V, 465.
 — victoriac. V, 465.
 Megapicus principalis. IV, 659.
 Megapode à marteau. V, 680.
 — tumulus. V, 678.
 Megapodes. V, 677.
 Megapodiidae. V, 677.
 Megapodius. V, 677.
 — dupercyi. V, 678.
 — menura. IV, 613.
 — tumulus. V, 678.
 Megarhynchus flavus. IV, 594.
 — sulfuratus. IV, 594.
 Mehlschwalbe. IV, 569.
 Meisen. IV, 188.
 Meisengimpel. IV, 347.
 Meistersänger. IV, 110.
 Melanerpes angustrifrons. IV, 646.
 — erythrocephalus. IV, 643.
 — formicivorus. IV, 646.
 Melanitta fusca. VI, 715.
 — gibbera. VI, 714.
 — hornschuchii. VI, 715.
 — megapus. VI, 715.
 — megauros. VI, 714.
 — nigra. VI, 714.
 — nigripes. VI, 714.
 — perspicillata. VI, 715.
 — platyrhynchus. VI, 715.
 Melanocorypha albigularis. IV, 240.
 — alboterminata. IV, 241.
 — arabs. IV, 254.
 — arenaria. IV, 239.
 Melanocorypha bimaculata. IV, 241.
 — brachydactyla. IV, 239.
 — calandra. IV, 240.
 — cinctura. IV, 254.
 — deserte. IV, 254.
 — galeritata. IV, 254.
 — isabellina. IV, 254.
 — itala. IV, 239.
 — lusitanica. IV, 254.
 — macroptera. IV, 239.
 — nigra. IV, 244.
 — obsoleta. IV, 239.
 — rufescens. IV, 241.
 — semitorquata. IV, 240.
 — sibirica. IV, 243.
 — subcalandra. IV, 240.
 — tatarica. IV, 244.
 — torquata. IV, 241.
 — yeltoniensis. IV, 244.
 Melanopelargus niger. VI, 562.
 Meleagrinae. V, 651.
 Meleagris americana. V, 652.
 — aurea. V, 652.
 — fera. V, 652.
 — gallopavo. V, 652.
 — lindesayi. V, 682.
 — novae-angliae. V, 652.
 — ocellata. V, 652.
 — satyra. V, 643.
 — sylvestris. V, 652.
 Melias tristis. V, 122.
 Melierax cantans. VI, 428.
 — polyzonus. VI, 428.
 Meliphaga concinnata. IV, 228.
 — novae-seelandiae. IV, 228.
 Meliphagidae. IV, 227.
 Melittophagus ornatus. V, 49.
 Melittotheres nubicus. V, 47.
 Melizophilus dartfordiensis. IV, 127.
 — melanocephalus. IV, 124.
 — nigricapillus. IV, 124.
 — provincialis. IV, 127.
 — sardus. IV, 126.
 Mellisuga ensifera. IV, 727.
 — ornata. IV, 722.
 — sparganura. IV, 725.
 — underwoodi. IV, 724.
 Melopsittacus undulatus. V, 381.
 Meninge rouge. IV, 546.
 Meninting. IV, 267.
 Mennigvogel. IV, 546.
 Menura. IV, 612.
 — lyra. IV, 613.
 — novae-hollandiae. IV, 613.
 — paradisea. IV, 613.
 — superba. IV, 613.
 — vulgaris. IV, 613.
 Menures. IV, 612.
 Menuridae. IV, 612.
 Merganser albellus. VI, 728.
 — castor. VI, 730.
 Merganser cinereus. VI, 730.
 — cristatus. VI, 731.
 — cucullatus. VI, 731.
 — gulo. VI, 730.
 — raii. VI, 730.
 — serrata. VI, 731.
 — serratus. VI, 731.
 — stellatus. VI, 728.
 Mergellus albellus. VI, 728.
 Merginae. VI, 727.
 Mergoides rufinus. VI, 717.
 Mergulus alle. VI, 158.
 — arcticus. VI, 158.
 — melanoleucus. VI, 158.
 Mergus albellus. VI, 728.
 — albulus. VI, 728.
 — americanus. VI, 730.
 — castor. VI, 730.
 — cucullatus. VI, 731.
 — gulo. VI, 730.
 — leucomelanus. VI, 730.
 — merganser. VI, 730.
 — minutus. VI, 728.
 — niger. VI, 731.
 — orientalis. VI, 730.
 — pannonicus. VI, 728.
 — rubricapillus. VI, 730.
 — serrator. VI, 731.
 — serratus. VI, 731.
 Merle bronzé à longue queue. IV, 427.
 — bronzé vert. IV, 428.
 — commun. IV, 93.
 — d'eau. IV, 78.
 — des Alpes. IV, 93.
 Merles. IV, 47.
 Merles. IV, 89.
 — à plastron. IV, 93.
 — bronzés. IV, 427.
 Merlin. VI, 268.
 Meropes. V, 38.
 Meropidae. V, 38.
 Merops aegypticus. V, 41.
 — amherstiae. V, 50.
 — apiaster. V, 40.
 — assamensis. V, 50.
 — athertoni. V, 50.
 — coeruleocephalus. V, 47.
 — concinnatus. IV, 228.
 — cyanogularis. V, 50.
 — frenatus. V, 39.
 — hurryba. IV, 231.
 — melanurus. V, 49.
 — novae-seelandiae. IV, 228.
 — nubicus. V, 47.
 — ornatus. V, 49.
 — paleazureus. V, 50.
 — persicus. V, 41.
 — rufus. IV, 585.
 — savignii. V, 41.
 — superbus. V, 47.
 — vaillanti. V, 41.
 Merula alticeps. IV, 93.
 — carniolica. IV, 93.
 — collaris. IV, 93.
 — longicauda. IV, 427.
 — maculata. IV, 93.

- Merula major*. IV, 93.
 — *montana*. IV, 93.
 — *musica*. IV, 90.
 — *pilaris*. IV, 91.
 — *pinetorum*. IV, 93.
 — *rosea*. IV, 420.
 — *torquata*. IV, 93.
 — *truncorum*. IV, 93.
 — *viridis*. IV, 427.
 — *viscivorus*. IV, 90.
 — *vociferans*. IV, 93.
 — *vulgaris*. IV, 93.
Mésange à longue queue. IV, 198.
 — à manteau gris. IV, 199.
 — à tête bleue. IV, 192.
 — bleue. IV, 192.
 — des Alpes. IV, 196.
 — espagnole. IV, 198.
 huppée. IV, 197.
 — palustre. IV, 195.
 — rose. IV, 198.
Mésanges. IV, 188.
 — à longue queue. IV, 198.
Mesitidae. V, 717.
Metoponia pusilla. IV, 335.
Microcarbo pygmaeus. VI, 603.
Microdactylus cristatus. V, 734.
Microglossum allecto. V, 396.
 — *aterrimum*. V, 396.
Microglossus allecto. V, 396.
 — *aterrimus*. V, 396.
 — *goliath*. V, 396.
 — *griseus*. V, 396.
Micronisus badius. VI, 411.
 — *brevipes*. VI, 411.
Micropogon margaritatus. IV, 705.
Micropsitta pygmaea. V, 372.
Micropsittacés. V, 371.
Micropsittacinae. V, 371.
Micropsittes pygmaeus. V, 372.
Microptynx passerina. V, 189.
Micropus. IV, 756.
 — *apus*. IV, 770.
 — *melba*. IV, 758.
 — *murinus*. IV, 770.
 — *pallidus*. IV, 770.
 — *paryus*. IV, 777.
 — *pecuinensis*. IV, 770.
Milan. VI, 390.
 — *commun.* VI, 384.
 — de la Caroline. VI, 381.
 — *noir*. VI, 390.
 — *parasite*. VI, 395.
Milane. VI, 384.
Milans. VI, 384.
Miliaria germanica. IV, 375.
 — *peregrina*. IV, 375.
 — *septentrionalis*. IV, 375.
Millouin commun. VI, 716.
 huppé. VI, 717.
Millouinan. VI, 719.
Millouins. VI, 716.
Milvago australis. VI, 449.
 — *chimachina*. VI, 447.
 — *leucurus*. VI, 449.
 — *ochrocephalus*. VI, 447.
Milvus. VI, 384.
 — *actolius*. VI, 390.
 — *aegyptius*. VI, 395.
 — *ater*. VI, 390.
 — *forskali*. VI, 395.
 — *furcatus*. VI, 381.
 — *fuscus*. VI, 390.
 — *ictinus*. VI, 384.
 — *leucorhynchus*. VI, 395.
 — *migrans*. VI, 390.
 — *mississippiensis*. VI, 379.
 — *niger*. VI, 390.
 — *parasiticus*. VI, 395.
 — *regalis*. VI, 384.
 — *ruber*. VI, 384.
 — *vulgaris*. VI, 384.
Miminae. IV, 166.
Mimus carolinensis. IV, 185.
 — *polyglotta*. IV, 166.
 — *rufus*. IV, 187.
Mirafra deserti. IV, 254.
 — *phoenicuroides*. IV, 254.
Misteldrossel. IV, 90.
Mittelbrachvogel. VI, 17.
Mittelgans. VI, 667.
Mittelmeersturmtaucher. VI, 218.
Mittelsäger. VI, 731.
Mittelseeschwalbe. VI, 101.
Mittelspecht. IV, 673.
Mniotilta virens. IV, 279.
Mohrencute. VI, 714.
Mohrenlerche. IV, 244.
Moineau. IV, 287.
 — *cisalpin*. IV, 290.
 — *commun.* IV, 287.
 — *de Pennsylvanie*. IV, 315.
 — *d'Espagne*. IV, 293.
 — *social*. IV, 300.
Molobrus pecoris. IV, 405.
Molothrus. IV, 405.
 — *pecoris*. IV, 405.
Molukkenkakadu. V, 405.
Momot. V, 79.
Monachus atricapillus. IV, 112.
Monasa fusca. V, 152.
Monasta fusca. V, 152.
Monastas. V, 152.
 — *fusca*. V, 152.
Monaulus refulgens. V, 640.
Mönchsgeier. VI, 485.
Mönchsgrasmücke. IV, 112.
Mönchschmuckente. VI, 590.
Mönchsittich. V, 309.
Mondeschwanztrogons. V, 7.
Monedula arborea. IV, 481.
 — *septentrionalis*. IV, 481.
 — *spermolegus*. IV, 481.
 — *turrium*. IV, 481.
Monticola. IV, 84.
 — *cyanea*. IV, 87.
 — *cyanus*. IV, 87.
Monticola saxatilis. IV, 84.
Montifringilla glacialis. IV, 312.
 — *nivalis*. IV, 312.
Moorbirkhuhn. V, 559.
Moorente. VI, 717.
Moorenten. VI, 716.
Moorhuhn. V, 552.
Moorschnepe. VI, 13.
Moorwasserläufer. VI, 33.
Moqueur. IV, 166.
 — *roux*. IV, 187.
Moqueurs. IV, 166.
Morillon. VI, 719.
Morinella collaris. VI, 86.
Morinellus asiaticus. VI, 76.
 — *caspius*. VI, 76.
 — *sibiricus*. VI, 75.
Mormon arctica. VI, 140.
 — *fratercula*. VI, 140.
 — *glacialis*. VI, 140.
 — *graboe*. VI, 140.
 — *polaris*. VI, 140.
Mornell. VI, 75.
Morphnus. VI, 405.
 — *dubius*. VI, 314.
 — *guianensis*. VI, 405.
 — *harpyia*. VI, 407.
 — *novae-zellandiae*. VI, 449.
 — *occipitalis*. VI, 402.
Motacilla. IV, 257.
 — *acredula*. IV, 156.
 — *alba*. IV, 258.
 — *algira*. IV, 258.
 — *alpina*. IV, 106.
 — *aquatica*. IV, 141.
 — *arundinacea*. IV, 134.
 — *atrata*. IV, 65.
 — *atricapilla*. IV, 112.
 — *aureocapilla*. IV, 266.
 — *bistrigata*. IV, 263.
 — *boarua*. IV, 261.
 — *brachyrhynchos*. IV, 258.
 — *calliope*. IV, 59.
 — *certhiok*. IV, 142.
 — *cervicalis*. IV, 258.
 — *cervina*. IV, 270.
 — *chrysoastra*. IV, 263.
 — *cinerea*. IV, 258.
 — *citreola*. IV, 266.
 — *citrinella*. IV, 266.
 — *coerulecula*. IV, 56.
 — *curruca*. VI, 116.
 — *dukhunensis*. IV, 258.
 — *erythrorus*. IV, 65.
 — *faciata*. IV, 258.
 — *ficedula*. IV, 554.
 — *fitis*. IV, 156.
 — *flava*. IV, 263.
 — *flaveola*. IV, 263.
 — *fruticeti*. IV, 118.
 — *garrula*. IV, 116.
 — *gibraltariensis*. IV, 65.
 — *gularis*. IV, 258.
 — *hipolais*. IV, 151.
 — *hortensis*. IV, 114.
 — *leucogastra*. IV, 124.

- Motacila leucorhoa*. IV, 74.
 — *lugubris*. IV, 258.
 — *luscinia* IV, 48.
 — *melanocephala*. IV, 124.
 — *melanope* IV, 261.
 — *melanotis*. V, 263.
 — *modularis*. IV, 103.
 — *montanella* IV, 101.
 — *neglecta*. IV, 263.
 — *oenanthe*. IV, 74.
 — *philomela* IV, 48.
 — *phoenicurus* IV, 68.
 — *provincialis* IV, 127.
 — *rubecula* IV, 61.
 — *rubetra*. IV, 69.
 — *rubicola*. IV, 70.
 — *rufa*. IV, 118.
 — *salicaria* IV, 114.
 — *salicaria* IV, 136.
 — *schoenobaenus*. IV, 138.
 — *septentrionalis* IV, 258.
 — *sibilatrix*. IV, 156.
 — *speciosa*. IV, 267.
 — *spipola* IV, 274.
 — *stapazina*. IV, 75.
 — *suecica* IV, 56.
 — *sulfurea* IV, 261.
 — *supercilliosa* IV, 160.
 — *trochilus*. IV, 156.
 — *trogodytes*. IV, 170.
 — *undata*. IV, 127.
 — *verna*. IV, 263.
 — *virens*. IV, 279.
 — *viridis* IV, 263.
 — *vitiflora* IV, 74.
 — *yarellii* IV, 258.
Motacillinae IV, 257.
Motteux. IV, 72.
 — *leucomèle*. IV, 75.
 — *oenanthe*. IV, 74.
 — *oreillard*. IV, 75.
 — *rieur*. IV, 72.
 — *sauteur*. IV, 75.
 — *strapazin*. IV, 75.
Mouchet. IV, 103.
Mouette à capuchon noir. VI, 123.
 — à capuchon plombé. VI, 123.
 — à manteau gris. VI, 119.
 — à pieds bleus. VI, 120.
 — à pieds jaunes. VI, 120.
 — aux yeux blancs. VI, 123.
 — blanche. VI, 126.
 — colombine. VI, 119.
 — d'Andouin. VI, 119.
 — de Sabine. VI, 131.
 — poissonnière. VI, 122.
 — pygmée. VI, 123.
 — reuse. VI, 123.
 — rose. VI, 132.
 — tridactyle. VI, 128.
Mouettes. VI, 115.
Moustache. IV, 201.
Moustaches. IV, 201.
Möwen. VI, 96 и 115.
Möwensturmvogel. VI, 205.
- Moyen duc*. V, 202.
 — à huppes courtes. V, 209.
Muruk. VI, 748.
Muscicapa. IV, 552.
 — *albicollis*. IV, 555.
 — *albifrons* IV, 555.
 — *alticeps*. IV, 554.
 — *animosa*. IV, 592.
 — *atricapilla*. IV, 554.
 — *atrogrisea*. IV, 554.
 — *corolinensis*. IV, 185.
 — *collaris*. IV, 554.
 — *fucedula*. IV, 554.
 — *fuscicapilla*. IV, 554.
 — *grisola*. IV, 552.
 — *lais*. IV, 557.
 — *leucura*. IV, 557.
 — *luctuosa*. IV, 554.
 — *maculata*. IV, 554.
 — *malachura*. IV, 179.
 — *melanoptera*. IV, 555.
 — *minuta*. IV, 557.
 — *muscipeta*. IV, 554.
 — *nigra*. IV, 554.
 — *parva*. IV, 557.
 — *rex*. IV, 592.
 — *rubecula*. IV, 557.
 — *rubra*. IV, 282.
 — *speculifera*. IV, 554.
 — *streptophora*. IV, 555.
 — *tyrannus*. IV, 592.
Muscicapidae. IV, 547.
Muscipeta arundinacea. IV,
 — *duchaillii*. IV, 559.
 — *ferreti*. IV, 559.
 — *lacustris*. IV, 132.
 — *locustella*. IV, 142.
 — *melaupyra*. IV, 559.
 — *melanogastra*. IV, 559.
 — *olivacea*. IV, 142.
 — *phragmitis*. IV, 138.
 — *princeps*. IV, 546.
 — *salicaria*. IV, 141.
 — *speciosa*. IV, 559.
Musophaga. V, 141.
 — *leucotis*. V, 143.
 — *rossae*. V, 142.
 — *violacea*. V, 142.
 — *zonura*. V, 147.
Musophages. V, 138.
Musophagidae. V, 138.
Muti. VI, 290.
Mutung. V, 670.
Mycteria. VI, 565.
 — *crumenifera*. VI, 568.
 — *ephippiorhyncha*. VI, 565.
 — *senegalensis*. VI, 565.
Myiactina aquila. IV, 717.
Myiagrinae. IV, 559.
Myiopsitta calita. V, 309.
 — *canicollis*. V, 309.
 — *murina*. V, 309.
Myiothera domicella. IV, 581.
Myothere domicelle. IV, 581.
Myrmeciza melanura. IV, 581.
Mystacinus arundinaceus. IV,
 201.
- Mystacinus biarmicus*. IV, 201.
 — *dentatus*. IV, 201.
 — *russicus*. IV, 201.
- N.**
- Nachtfalke*. V, 239.
Nachtigal. IV, 48.
Nachtigallrohrsänger. IV, 148.
Nachtreier. VI, 545.
Nachtschatten. V, 239.
Nachtschwalben. V, 216.
Nachtspint. V, 51.
Nachtspinte. V, 50.
Nacktfussbartgeier. VI, 456.
Nageschnäbler. V, 1.
Nandou. VI, 739.
Nanodes pulchellus. V, 377.
 — *undulatus*. V, 381.
Napolis pileata. IV, 181.
Napophila athertoni. V, 50.
 — *meropina*. V, 50.
Narina. V, 3.
Nasenkakadu. V, 408.
Nasiterna. V, 371.
 — *pygmaea*. V, 372.
Nauclerus forficatus. VI, 381.
 — *furcatus*. VI, 381.
Neomorpha acutirostris. IV,
 461.
 — *crassirostris*. IV, 461.
 — *gouldii*. IV, 461.
Nebelkrähe. IV, 471.
Nectarinia erythrorhyncha.
 V, 35.
 — *melanorhyncha*. V,
 — *metallica*. IV, 225.
Nectariniidae. IV, 224.
Nectris amaurosa. VI, 218.
 — *anglorum*. VI, 217.
 — *cinerea*. VI, 218.
 — *fuliginosa*. VI, 218.
 — *macrorhyncha*. VI, 218.
 — *obscura*. VI, 217.
 — *pygmaea*. VI, 217.
Nematophora alba. IV, 453.
Nematura paradoxa. V, 478.
Neophron carunculatus. VI,
 502.
 — *ginginianus*. VI, 498.
 — *monachus*. VI, 502.
 — *perenopterus*. VI, 498.
 — *pileatus*. VI, 502.
Nertus mississippiensis. VI,
 379.
Nestor. V, 409 и 410.
 — *australis*. V, 410.
 — *hypopolius*. V, 410.
 — *meridionalis*. V, 410.
 — *notabilis*. V, 410.
 — *nova-zealandica*. V, 410.
Nestorkakadu. V, 409.
Netta rufina. VI, 717.
Nettion crecca. VI, 696.
Neufarbenpitta. IV, 578.
Neuntöter. IV, 527.

- Neuweltsgaier*. VI, 505.
Nilgans. VI, 675.
Nimmersatt. VI, 573 и 574.
Niphaea hiemalis. IV, 317.
   — *hiemalis*. IV, 317.
Nisaetus fasciatus. VI, 322.
   — *grandis*. VI, 322.
   — *niveus*. VI, 322.
   — *pennatus*. VI, 314.
   — *strenuus*. VI, 322.
Nisoria undata. IV, 108.
   — *undulata*. IV, 108.
Nisus brevipes. VI, 411.
   — *communis*. VI, 411.
   — *elegans*. VI, 411.
   — *fringillarius*. VI, 411.
   — *fringillarum*. VI, 411.
   — *peregrinus*. VI, 411.
   — *polyzonus*. VI, 428.
   — *radiatus*. VI, 454.
Noctua cucularia. V, 113.
   — *funerea*. V, 177.
   — *glauca*. V, 186.
   — *grallaria*. V, 193.
   — *meridionalis*. V, 186.
   — *minor*. V, 209.
   — *nisoria*. V, 177.
   — *nivea*. V, 174.
   — *nyctea*. V, 174.
   — *passerina*. V, 189.
   — *tengmalmi*. V, 183.
   — *uralensis*. V, 169.
   — *urucurea*. V, 193.
   — *vetulum*. V, 186.
Nomadites roseus. IV, 420.
Nonnensteinschmätzer. IV, 75.
Nonnengans. VI, 670.
Nonnette. VI, 728.
Nordische Schafstelze. IV, 264.
Nordische Sumpfneise. IV, 196.
Nordkleiber. IV, 207.
Notankes superbus. IV, 430.
Nothura maculosa. V, 689.
Nucifraga. IV, 507.
   — *caryocatactes*. IV, 507.
   — *macrorhyncha*. IV, 507.
Numenius. VI, 17.
   — *africanus*. VI, 44.
   — *antumnalis*. VI, 580.
   — *arcuatus*. VI, 17.
   — *arquatus*. VI, 17.
   — *assimilis*. VI, 17.
   — *atricapillus*. VI, 17.
   — *borealis*. VI, 18.
   — *brevirostris*. VI, 18.
   — *castaneus*. VI, 560.
   — *chili*. VI, 580.
   — *cinerus*. VI, 40.
   — *ferrugineus*. VI, 44.
   — *haesiatus*. VI, 17.
   — *hastatus*. VI, 18.
   — *ibis*. VI, 584.
   — *igneus*. VI, 580.
   — *lineatus*. VI, 17.
   — *longirostris*. VI, 17.
   — *luzoensis*. VI, 17.
   — *major*. VI, 17.
   — *medius*. VI, 17.
   — *melanorhynchus*. VI, 17.
   — *microrhynchus*. VI, 18.
   — *minor*. VI, 17.
   — *nasicus*. VI, 17.
   — *phaeopus*. VI, 17.
   — *pusillus*. VI, 44.
   — *pusillus*. VI, 48.
   — *pygmaeus*. VI, 44.
   — *pygmaeus*. VI, 48.
   — *rufescens*. VI, 17.
   — *sarquatula*. VI, 17.
   — *syngenicus*. VI, 18.
   — *tenuirostris*. VI, 18.
   — *uropygialis*. VI, 17.
   — *variabilis*. VI, 44.
   — *virgatus*. VI, 17.
   — *viridis*. VI, 580.
Numida cristata. V, 662.
   — *meleagris*. V, 661.
   — *ptilorhyncha*. V, 662.
   — *pucherani*. V, 660.
   — *vulturina*. V, 659.
Numidinae. V, 659.
Nussknacker. IV, 507.
Nyctala albigula. V, 183.
   — *albifrons*. V, 183.
   — *baedekerii*. V, 183.
   — *dasyptus*. V, 183.
   — *frontalis*. V, 183.
   — *kirtlandi*. V, 183.
   — *minor*. V, 183.
   — *pinetorum*. V, 183.
   — *planiceps*. V, 183.
   — *richardsoni*. V, 183.
   — *tengmalmi*. V, 183.
Nyctea. V, 174.
   — *candida*. V, 174.
   — *eruminea*. V, 174.
   — *funerea*. V, 177.
   — *nivea*. V, 174.
   — *scandiacae*. V, 174.
   — *ulula*. V, 177.
Nyctemerus argentatus. V, 620.
Nyctiardea europaea. VI, 545.
Nyctibius. V, 242.
   — *grandis*. V, 243.
Nycticorax. VI, 545.
   — *ardeola*. VI, 545.
   — *badius*. VI, 545.
   — *cancerphagus*. VI, 548.
   — *europaeus*. VI, 545.
   — *gardeni*. VI, 545.
   — *griseus*. VI, 545.
   — *meridionalis*. VI, 545.
   — *minutus*. VI, 538.
Nyctiornis athertoni. V, 50.
   — *coeruleus*. V, 50.
Nyctiornites. V, 50.
Nyctipetes cucularia. V, 193.
Nymphensittich. V, 378.
Nymphicus novae-hollandiae. V, 378.
Nyroca ferina. VI, 716.
   — *ferruginea*. VI, 717.
   — *fuligula*. VI, 719.
   — *leucophthalmos*. VI, 717.
   — *marila*. VI, 719.
   — *obsoleta*. VI, 717.

O.

- Oceanites oceanicus*. VI, 214.
   — *wilsoni*. VI, 214.
Oceanodroma leachii. VI, 213.
Ocyphaps lophotes. V, 455.
Ocypterus leucorhynchus. IV, 435.
   — *rufiventer*. IV, 435.
Ocyris oinops. IV, 373.
Odontophores. V, 604.
Odontophorinae. V, 604.
Oedemia. VI, 714.
   — *fusca*. VI, 715.
   — *gibbera*. VI, 714.
   — *hornschuchii*. VI, 715.
   — *megapus*. VI, 715.
   — *megauros*. VI, 714.
   — *nigra*. VI, 714.
   — *nigripes*. VI, 714.
   — *platyrhynchos*. VI, 715.
   — *perspicillata*. VI, 715.
Oedienemidae. VI, 181.
Oedienemus arenarius. VI, 182.
   — *bellonii*. VI, 182.
   — *crepitans*. VI, 182.
   — *desertorum*. VI, 182.
   — *europaeus*. VI, 182.
   — *griseus*. VI, 182.
   — *indicus*. VI, 182.
   — *scolopax*. VI, 182.
Oenanthe leucura. IV, 72.
   — *rubetra*. IV, 69.
   — *rubicola*. IV, 70.
   — *stapazina*. IV, 75.
Oenas arenaria. V, 490.
   — *cata*. V, 491.
Oenops aura. VI, 512.
Ohreneuhen. V, 197.
Ohrengaier. VI, 489.
Ohrensteinschmätzer. IV, 75.
Ohrensteissfuss. VI, 637.
Ohrfasan. V, 622.
Oidemia fusca. VI, 715.
Oie à bec court. VI, 664.
   — *batarde*. VI, 667.
   — *des bramines*. VI, 678.
   — *des champs*. VI, 664.
   — *des moissons*. VI, 664.
   — *hyperboréene*. VI, 668.
   — *naive*. VI, 667.
   — *ricieuse*. VI, 667.
   — *sauvage*. VI, 668.
Oies. VI, 655.
Oiseau de paradis apode. IV, 444.
   — *du soleil*. V, 738.
   — *de St. Martin*. VI, 481.

- Oiseau de tempête. VI, 213.
 — fou VI, 112.
 — lyre IV, 613.
 — mouche cornu. IV, 723.
 — mouche de Linden. IV, 729.
 — mouche orné. IV, 722.
 — mouche sapho. IV, 725.
 — mouche topaze. IV, 719.
 Oiseaux de paradis. IV, 443.
 — de proie diurnes. VI, 221.
 — de proie nocturnes. V, 154.
 — mouches. IV, 713.
 — mouches topaze. IV, 719.
 Olivenspötter. IV, 154.
 Olor cygnus. VI, 649.
 — mansuetus. VI, 649.
 Ombrette. VI, 576.
 Onocrotalus phoenix. VI, 616
 Onychoprion fuliginosus. VI, 104.
 Opetiorhynchus ruficaudus. IV, 585.
 Ophiotheres cristatus. VI, 518.
 Opisthocómidae. V, 686.
 Opisthocomus cristatus V, 686.
 — hoazin. V, 686.
 Oraegithus pusillus. IV, 335.
 Orangetukan. IV, 693.
 Oreias scoticus. V, 554.
 Oreotetrax caucasica. V, 667.
 Oreotrochile de Chimborazo IV, 718.
 Oreotrochilus. IV, 718.
 — chimborazo. IV, 718.
 Orfraye. VI, 344.
 Organiste. IV, 284.
 Oricon. VI, 489.
 Oriolidae. IV, 437.
 Oriolus aureus. IV, 437.
 — cristatus. IV, 410.
 — galbula. IV, 437.
 — garrulus. IV, 437.
 — hudsonius. IV, 413.
 — hyphantus. IV, 401.
 — ludovicianus. IV, 413.
 — phoeniceus. IV, 407.
 Oriotrochilus chimborazo. IV, 718.
 Orites caudatus. IV, 198.
 — nivalis. IV, 312.
 — tephronotus. IV, 199.
 Ornismya chrysolopha IV, 723.
 — ensifera. IV, 727.
 — gigantea. IV, 726.
 — kieneri. IV, 724.
 — lindeni. IV, 729.
 — ornata. IV, 722.
 — sapho. IV, 725.
 — tristis. IV, 726.
 — underwoodi. IV, 724.
 Orotrochilus chimborazo. IV, 718.
 Orpheus carolinensis. IV, 185
 — polyglotta. IV, 166.
 Orthocois cristatus. V, 686.
 Orthorhynchus boothi. IV, 737.
 — chrysurus. IV, 725.
 Orthotome. IV, 177.
 — couturière. IV, 177.
 Orthotomus. IV, 177.
 — bennetii. IV, 177.
 — lingoo. IV, 177.
 — longicaudus. IV, 177.
 — ruficapillus. IV, 177
 — sphenurus. IV, 177.
 — sutorius. IV, 177.
 Ortogometra forzana. V, 706.
 Ortolan. IV, 379.
 Ortygion coturnix. V, 596.
 Ortygis andalusica. V, 719.
 — gibraltaria. V, 719.
 Ortygometra. V, 706.
 — arabica. V, 706.
 — crex. V, 710.
 — maruetta. V, 706.
 — parva. V, 708.
 — porzana. V, 706.
 — pusilla. V, 708.
 Ortyx. V, 605.
 — borealis. V, 605.
 — californica. V, 608.
 — castaneus. V, 605.
 — virginiana. V, 605.
 — virginianus. V, 605.
 Oryzornis oryzivora. IV, 399.
 Oscines. IV, 46.
 Osprey. VI, 363.
 Ossifraga gigantea. VI, 206.
 Ostinops cristata. IV, 410.
 Ostralega europaea. VI, 89.
 — pica. VI, 89.
 Ostralegus vulgaris. VI, 89
 Otides. VI, 163.
 Otididae. VI, 163.
 Otis barbata. VI, 165.
 — hobara. VI, 179.
 — hobara. VI, 179.
 — hubara. VI, 179.
 — macqueeni. VI, 178.
 — major. VI, 165.
 — marmorata. VI, 178.
 — minor. VI, 173.
 — oedememus. VI, 182.
 — ornata. VI, 179.
 — secretarius. VI, 518.
 — tarda. VI, 165.
 — tetrax. VI, 173.
 — undulata. VI, 179
 Otocorys. IV, 246.
 — alpestris. IV, 246.
 — chrysolaelma. IV, 246.
 — cornuta. IV, 246.
 — occidentalis. IV, 246.
 Otogyps auricularis. VI, 489.
 — calvus. VI, 489
 — nubicus. VI, 489
 — tracheliotus. VI, 489
 Otomela cristatus. IV, 540.
 — phoenicura. IV, 540
 Otus agrarius. V, 209.
 — albicollis. V, 202.
 — arboreus. V, 202.
 — asio. V, 202.
 — assimilis. V, 202.
 — auritus. V, 202.
 — brachyotus. V, 209.
 — communis. V, 202.
 — europaeus. V, 202.
 — gracilis. V, 202.
 — italicus. V, 202.
 — major. V, 202.
 — microcephalus. V, 209.
 — minor. V, 202.
 — palustris. V, 209
 — sylvestris. V, 202.
 — verus. V, 202.
 — vulgaris. V, 202.
 Outarde à collier. VI, 178
 Outardes. VI, 163.
 Oxylophus glandarius. V, 117.
 Oxyypogon. IV, 728.
 — lindeni. IV, 729.

P.

- Pagophila brachytarsa. VI, 126.
 — eburnea. VI, 126.
 — nivea. VI, 126.
 Paille en queue. VI, 625.
 Palacornis. V, 354.
 — cubicularis. V, 355.
 — novae-hollandiae. V, 378.
 — torquatus. V, 355.
 Palacornithinae. V, 348.
 Palamedea. VI, 735.
 — bispinosa. VI, 735.
 — cornuta. VI, 735.
 — cristata. V, 734.
 Palamedeae. VI, 734.
 Palamedeidae. VI, 734.
 Palamedeiformes. VI, 734
 Palamedecornithes. VI, 734.
 Palamedès. VI, 734.
 Pallestre klecho. IV, 778.
 Palmtaube. V, 449.
 Palumboena columbella. V, 440.
 — oenas. V, 440.
 Palumbus excelsus. V, 436.
 — torquatus. V, 436.
 Pampasstraus. VI, 739.
 Pandicilla suecica. IV, 56.
 Pandion albitus. VI, 363.
 — alticeps. VI, 363.
 — americanus. VI, 363.
 — carolinensis. VI, 363.
 — fasciatus. VI, 363.
 — fluvialis. VI, 363.
 — gouldii. VI, 363.
 — haliaetus. VI, 363.
 — ichtyaetus. VI, 363.
 — indicus. VI, 363.
 — leucocephalus. VI, 363.
 — minor. VI, 363.

- Pandion planiceps*. VI, 363.
Pannychistes rufipes. VI, 285.
Panurus. IV, 201
 — *barbatus*. IV, 201.
 — *biarmicus*. IV, 201.
Paon. V, 635.
Paons. V, 634.
Papageitaube. V, 469.
Paperling. IV, 403
Papuaradiesvogel. IV, 444.
Paradieselster. IV, 453.
Paradieshopfe. IV, 453
Paradieseschwalbe. VI, 103.
Paradiesvögel. IV, 443.
Paradieswitwe. IV, 396
Paradis noir. IV, 453.
 — *rouge*. IV, 445.
Paradisea alba. IV, 453.
 — *apoda*. IV, 444.
 — *atra*. IV, 451.
 — *aurea*. IV, 452
 — *bartletti*. IV, 444.
 — *furcata*. IV, 451.
 — *gularis*. IV, 453
 — *minor*. IV, 444.
 — *nigra*. IV, 453
 — *nigricans*. IV, 453
 — *papuana*. IV, 444
 — *penicillata*. IV, 452
 — *regia*. IV, 449.
 — *rubra*. IV, 445.
 — *sanguinea*. IV, 445.
 — *sefilata*. IV, 452.
 — *sexpennis*. IV, 452.
 — *sexsetacea*. IV, 452.
 — *superba*. IV, 451.
 — *vaillantii*. IV, 453.
 — *violacea*. IV, 453.
Paradiseidae. IV, 443
Paradiseinae. IV, 444.
Paralcyon gigas. V, 70.
Paramosböckchen. IV, 729.
Paridae. IV, 188.
Parkinsonius mirabilis. IV, 615.
Paroides biarmicus. IV, 201.
 — *caudatus*. IV, 198.
 — *longicaudatus*. IV, 198.
 — *pendulinus*. IV, 202.
Parotia aurea. IV, 452.
 — *sefilata*. IV, 452.
 — *sexpennis*. IV, 452.
 — *sexsetacea*. IV, 452.
Parra. VI, 161.
 — *brasiliensis*. VI, 161.
 — *jacana*. VI, 161.
 — *nigra*. VI, 161.
Parrae. VI, 160.
Parridae. VI, 161.
Parus. IV, 189.
 — *abietum*. IV, 194.
 — *ater*. IV, 194.
 — *biarmicus*. IV, 201.
 — *bombycilla*. IV, 548.
 — *britannicus*. IV, 194.
 — *carbonarius*. IV, 194.
 — *caudatus*. IV, 198.
Parus coerulescens. IV, 192.
 — *coeruleus*. IV, 192.
 — *cristatus*. IV, 197.
 — *cyanotos*. IV, 190.
 — *cyanus*. IV, 192.
 — *elegans*. IV, 192.
 — *fringilago*. IV, 190.
 — *fruticeti*. IV, 195
 — *furcatus*. IV, 182.
 — *intercedens*. IV, 190.
 — *knjasiack*. IV, 192.
 — *major*. IV, 189.
 — *mitratus*. IV, 197.
 — *narbonensis*. IV, 202.
 — *palustris*. IV, 196.
 — *palustris alpestris*. IV, 196.
 — *pendulinus*. IV, 202.
 — *pinetorum*. IV, 94.
 — *polonicus*. IV, 202.
 — *robustus*. IV, 190.
 — *roseus*. IV, 198.
 — *rufescens*. IV, 197.
 — *russicus*. IV, 201.
 — *sachyensis*. IV, 192
 — *tephronotus*. IV, 199.
Passer. IV, 287
 — *arboreus*. IV, 296.
 — *bononiensis*. IV, 297
 — *campestris*. IV, 296.
 — *cannabina*. IV, 320.
 — *carduelis*. IV, 331.
 — *chloris*. IV, 818.
 — *cisalpinus*. IV, 290.
 — *domesticus*. IV, 287
 — *hispaniolensis*. IV, 293.
 — *indicus*. IV, 287
 — *italiae*. IV, 290.
 — *lepidus*. IV, 300.
 — *linaria*. IV, 323
 — *montaninus*. IV, 296.
 — *moutanus*. IV, 296.
 — *papaverina*. IV, 320.
 — *pennsylvanicus*. IV, 315
 — *petronius*. IV, 297.
 — *pusillus*. IV, 335.
 — *salicarius*. IV, 293
 — *salicicola*. IV, 293.
 — *socius*. IV, 300.
 — *spiza*. IV, 305.
 — *stultus*. IV, 297.
 — *sylvestris*. IV, 297.
 — *tingitanus*. IV, 287.
Passereau boreal. IV, 317
Passereaux. IV, 286.
Passeres. IV, 40.
Passerina aureola. IV, 382.
 — *borealis*. IV, 369.
 — *lapponica*. IV, 367.
 — *melanocephala*. IV, 383.
 — *nivalis*. IV, 369.
 — *oryzivora*. IV, 403.
Pastor musicus. IV, 432
 — *peguanus*. IV, 420.
 — *roseus*. IV, 420.
Patagona gigas. IV, 726.
Pavo. V, 634.
 — *cristatus*. V, 635.
Pavo refulgens. V, 640.
Pavoncella pugnax. VI, 26
Pavoninae. V, 6 4
Pecuaris roseus. IV, 420.
Pedetaythya subcristata. VI, 636.
Pediopipo campestris. IV, 641.
Pedorrero. V, 78
Pegot. IV, 106
Pekingnachtigall. IV, 182.
Pelargoherodii. VI, 524.
Pelargornithes. VI, 221
Pelecanidae. VI, 615.
Pelecanopus pelicanoides. VI, 99.
 — *poliocercus*. VI, 99.
Pelecanus americanus. VI, 601
 — *aquilus*. VI, 621
 — *bassanus*. VI, 612.
 — *calorynchus*. VI, 616.
 — *carbo*. VI, 601.
 — *crispus*. VI, 616.
 — *cristatus*. VI, 603.
 — *gangeticus*. VI, 616.
 — *graculus*. VI, 603
 — *javanicus*. VI, 616.
 — *leucocephalus*. VI, 621.
 — *maculatus*. VI, 619.
 — *minor*. VI, 616.
 — *onocrotalus*. VI, 616.
 — *palmerstoni*. VI, 621
 — *patagiatus*. VI, 616.
 — *phalacrocorax*. VI, 601.
 — *pygmaeus*. VI, 603
 — *roseus*. VI, 616.
Pelican blanc. VI, 616.
 — *crepe*. VI, 616
Pelicans. VI, 615.
Pelidna alpina. VI, 44.
 — *calidris*. VI, 44.
 — *cinclus*. VI, 44.
 — *macrorhynchus*. VI, 44.
 — *maritima*. VI, 42
 — *megarhynchus*. VI, 48.
 — *melanothorax*. VI, 44.
 — *minuta*. VI, 46.
 — *pacifica*. VI, 44.
 — *pusilla*. VI, 46
 — *pusilla*. VI, 47
 — *pygmaea*. VI, 48.
 — *subarquata*. VI, 44.
 — *temminckii*. VI, 47
Pelikan. VI, 616.
Pelikane. VI, 615
Pelionetta perspicillata. VI, 715.
 — *trowbridgii*. VI, 715.
Peliornithes. V, 425.
Pelodes delalandii. VI, 109
 — *fluviatilis*. VI, 109
 — *hybrida*. VI, 109.
 — *indica*. VI, 109
 — *surinamensis*. VI, 108.
Pendulinus macrourus. IV, 202.

- Pendulinus medus.* IV, 202.
 — *polonicus.* IV, 202.
Penelope. V, 674.
 — *jacupemba.* V, 675.
 — *satyra.* V, 643.
 — *superciliaris.* V, 675.
Pernoptère à calotte. VI, 502.
 — *d'Ég pte.* VI, 498.
Pernoptères. VI, 485.
Perenopterus aegyptiacus. VI, 498
 — *aura.* VI, 512
 — *niger.* VI, 502.
 — *urubu.* VI, 513.
Perdicinae. V, 567
Perdix. V, 578.
 — *alpina.* V, 587.
 — *andalusica.* V, 719.
 — *aragonica.* V, 490.
 — *borealis.* V, 605.
 — *californica.* V, 608.
 — *caucasica.* V, 537
 — *cineracea.* V, 578
 — *cinerea.* V, 578.
 — *coturnix.* V, 596.
 — *damascena.* V, 578.
 — *francolinus.* V, 585.
 — *gibraltaria.* V, 719.
 — *hepburinae.* V, 585
 — *marilandica.* V, 605.
 — *minor.* V, 578.
 — *montana.* V, 578.
 — *petrosa.* V, 577.
 — *sylvestris.* V, 578
 — *virginiana.* V, 605
 — *vulgaris.* V, 578
Perdrix. V, 567.
 — *de mer.* VI, 93.
 — *de roche.* V, 568.
 — *faisan.* V, 590.
 — *grise.* V, 578.
 — *rouge.* V, 572.
 — *sarde.* V, 577
Perdrix rubra. V, 572.
 — *rufa.* V, 572
 — *rufidorsalis.* V, 572
 — *rupestris.* V, 568.
 — *saxatilis.* V, 568.
Pericrocotus princeps. IV, 546.
 — *speciosus.* IV, 546
Perisoreus infaustus. IV, 496.
Peristera aegyptiaca. V, 449.
 — *afra.* V, 446
 — *chalcopsilos.* V, 446.
 — *chalcoptera.* V, 456.
 — *glauconotos.* V, 448.
 — *parallinostigma.* V, 446.
 — *pygmaea.* V, 449
 — *ridens.* V, 452.
 — *risoria.* V, 452.
 — *rufescens.* V, 449.
 — *rufidorsalis.* V, 448.
 — *senegalensis.* V, 446.
 — *senegalensis.* V, 449.
 — *tenera.* V, 448
 — *turtur.* V, 448.
Perlhühner. V, 659
Perlvogel. IV, 705
Pernis. VI, 369
 — *apium.* VI, 369
 — *apivorus.* VI, 369.
 — *communis.* VI, 369.
 — *platura.* VI, 369.
 — *vesparum.* VI, 369.
Perroquet accipitriu. V, 802.
 — *amazona.* V, 805.
 — *gris à queue rouge.* V, 337
 — *terrier.* V, 418.
Perroquets gris. V, 337
Perruche à collier rose. V, 355
 — *à long bec.* V, 318.
 — *Chouette.* V, 418.
 — *de la Caroline.* V, 322
 — *multicolore.* V, 352.
 — *souris.* V, 309
 — *verte.* V, 316
Perruches à large queue. V, 373
 — *ingambes.* V, 416
 — *vraies.* V, 321
Petit barbu. IV, 704.
 — *bouvreuil.* IV, 355.
 — *bruant.* IV, 373.
 — *butor.* VI, 538.
 — *cormoran.* VI, 603.
 — *courlis.* VI, 17
 — *duc.* V, 212
 — *epeiche.* IV, 676
 — *faucon.* VI, 24
 — *gobe-mouche.* IV, 557
 — *guillemot.* VI, 151
 — *mainate.* IV, 432
 — *martinet.* IV, 777
 — *millouin.* VI, 717
 — *paradis.* IV, 444
 — *plongeon.* VI, 640
 — *ramier.* V, 440.
Petite aigrette. VI, 533.
 — *charbonnière.* IV, 194.
 — *grèbe.* VI, 637
 — *hirondelle de mer.* VI, 105.
 — *linotte.* IV, 323.
 — *locustelle.* IV, 142.
Petite macreuse. VI, 714
 — *marouette.* V, 708.
 — *pie-grièche.* IV, 532.
 — *sarcelle.* VI, 696
Petits faucons. VI, 290
Petrel de Wilson. VI, 214.
 — *des Antilles.* VI, 208.
 — *cul blanc.* VI, 213
 — *du Cap.* VI, 210.
 — *géant.* VI, 206.
 — *gris blanc.* VI, 207
 — *pigeon.* VI, 214
Petrels. VI, 205.
Petrocincla saxatilis. IV, 84.
Petrocincla saxatilis. IV, 84.
 — *cyanea.* IV, 87.
 — *longirostris.* IV, 87
Petrocincla bleu. IV, 87.
Petrocincla des roches. IV, 84.
Petrocincles. IV, 84.
Petrocossyphus cyaneus. IV, 87
 — *gourcyii.* IV, 84.
 — *polyglottus.* IV, 84.
 — *saxatilis.* IV, 84
Petronia brachyrhynchos. IV, 297
 — *brevirostris.* IV, 297.
 — *macrorhynchos.* IV, 297
 — *rupestris.* IV, 297
 — *saxorum.* IV, 297.
 — *stulta.* IV, 297
Pezophaps solitarius. V, 472
Pezopore d'Australie. V, 416.
Pezopores. V, 416.
Pezoporus. V, 416.
 — *formosus.* V, 416.
 — *terrestris.* V, 416.
Pfau. V, 635.
Pfauentrogons. V, 8
Pfauen. V, 634
Pfauenkranich. V, 729.
Pfauentruthuhn. V, 652.
Pfefferesser. IV, 691.
Pfefferfresser. IV, 692.
Pfeifente. VI, 691.
Pfingstvogel. IV, 437
Pflanzenmäher. IV, 596.
Pfuhlschnepfe. VI, 21
Pfuhlwassertreter. VI, 53.
Phacellodomus rufifrons. IV, 588
Phacomacre resplendissant. V, 8
Phaethorninae. IV, 717
Phaethornis. IV, 717
 — *affinis.* IV, 717.
 — *eurynome.* IV, 746.
 — *pretrei.* IV, 717.
 — *superciliosus.* IV, 717.
Phaëton aethereus. VI, 625.
 — *catasbyi.* VI, 625.
 — *melanorhynchus.* VI, 625
Phaëttonidae. VI, 625.
Phaëtons. VI, 625.
Phalacrocoracidae. VI, 600.
Phalacrocoracinae. VI, 600.
Phalacrocorax arboreus. VI, 601
 — *brachyrhynchos.* VI, 601
 — *brachyurus.* VI, 603
 — *capillatus.* VI, 601.
 — *carbo.* VI, 601.
 — *carboides.* VI, 601.
 — *cristatus.* VI, 602.
 — *desmarestii.* VI, 602.
 — *filamentosus.* VI, 601.
 — *glacialis.* VI, 601.
 — *graculus.* VI, 602.
 — *humilirostris.* VI, 601.
 — *leucotis.* VI, 601.
 — *macrorhynchos.* VI, 601.
 — *medius.* VI, 601.
 — *pygmaeus.* VI, 603.
 — *sinensis.* VI, 601.

- Phalacrocorax subcormoranus* VI, 601.
Phalacrotreron abyssinica V, 469
Phalaridornithes V, 694
Phalarope gris VI, 53.
   — *rouge* VI, 52
Phalaropes VI, 52
Phalaropus VI, 52
   — *angustirostris* VI, 52
   — *asiaticus* VI, 53.
   — *australis* VI, 52
   — *cinerascens* IV, 52
   — *cinereus* VI, 52.
   — *fulcarius* VI, 53
   — *fuscus* VI, 52.
   — *glacialis* VI, 53.
   — *griseus* VI, 53.
   — *hyperboreus* VI, 52
   — *lobatus* VI, 52
   — *platyrhynchus* VI, 53.
   — *platyrostris* VI, 53.
   — *rufescens* VI, 53.
   — *ruficollis* VI, 52.
   — *rufus* VI, 53.
   — *vulgaris* VI, 52
   — *yperboreus* VI, 52
Phaps V, 455.
   — *chalcoptera* V, 456
   — *lophotes* V, 455.
Pharaonenuhu V, 199
Pharomacrus mocinno V, 8.
Phasianinae V, 613
Phasianurus acutus VI, 700.
Phasianus V, 625
   — *amherstiae* V, 632.
   — *auritus* V, 622.
   — *cholchicus* V, 626.
   — *cornutus* V, 643.
   — *cristatus* V, 686.
   — *impeyanus* V, 639
   — *marginatus* V, 626.
   — *nevthemerus* V, 620.
   — *obscurus* V, 631.
   — *pictus* V, 631
   — *reevesii* V, 626.
   — *satyrus* V, 643.
   — *veneratus* V, 626.
   — *versicolor* V, 630.
Phene ossifraga VI, 456.
Phenicura suecica IV, 56.
Philacantha nisoria IV, 108.
Philemon concinnatus IV, 229.
   — *ornatus* V, 49.
Phileremos brachydactyla IV, 209.
   — *kollyi* IV, 239.
   — *moreatica* IV, 239
   — *sibirica* IV, 243.
Phileremus alpestris IV, 246.
   — *cornutus* IV, 246
   — *rufescens* IV, 246
   — *striatus* IV, 246
Philetacus socius IV, 300.
Philolimos gallinula VI, 13.
   — *minor* VI, 13.
Philolimos stagnatilis VI, 13.
Prilonachus pugnax VI, 26
Philomela atricapilla IV, 112.
   — *luscina* IV, 48.
   — *magna* IV, 48.
   — *orphea* IV, 110
Phimus violaceus V, 142
Phlegoenas cruenta V, 460
Phoenicophaës tristis V, 122
Phoenicophaeus londicaudus V, 122
   — *montanus* V, 122.
   — *monticulus* V, 122.
Phoenicopteridae VI, 591.
Phoenicopterus andersoni VI, 592.
   — *antiquorum* VI, 592
   — *antiquus* VI, 592.
   — *blythi* VI, 592.
   — *europaeus* VI, 592
   — *platyrhynchus* VI, 592.
   — *roseus* VI, 592
Phoenicornis princeps IV, 546
Phoenicosoma aestiva IV, 282
   — *rubra* IV, 282.
Phoenicura muraria IV, 68
Phoenicura ruticilla IV, 63.
   — *tithys* IV, 65
Phoenisoma aestiva IV, 282.
   — *rubra* IV, 282.
Pholeoptynx cucularia V, 193
Pholidaudes leucogaster IV, 431
Phonasia violacea IV, 284.
Phoncus rufus IV, 537
Phragmyte aquatique IV, 141.
   — *à moustaches noires* IV, 149
   — *des joncs* IV, 138.
Phylaconetta histrionica VI, 723
Phyllobasileus superciliosus IV, 160.
Phyllopneuste IV, 155
   — *bonellii* IV, 157
   — *borealis* IV, 157
   — *fulvescens* IV, 157.
   — *indica* IV, 157.
   — *javanica* IV, 157
   — *kenicotti* IV, 157
   — *magnirostris* IV, 157
   — *modesta* IV, 160
   — *montana* IV, 157.
   — *opaca* IV, 154.
   — *rufa* IV, 156
   — *sibilatrix* IV, 156.
   — *superciliosa* IV, 160
   — *sylicola* IV, 156
   — *syliculatrix* IV, 157
   — *tristis* IV, 157
   — *trochilus* IV, 156.
Phyllornis IV, 231.
   — *aurifrons* IV, 231
   — *hodgsoni* IV, 231.
Phylloscopus IV, 155
   — *bonellii* IV, 157.
   — *javanicus* IV, 157
   — *magnirostris* IV, 157
   — *modesta* IV, 160.
   — *rufus* IV, 156
   — *sibilator* IV, 156
   — *superciliosus* IV, 160
   — *tristis* IV, 157.
   — *trochilus* IV, 156.
Phylorhe. IV, 231
Phytotoma bloxhami IV, 597.
   — *rara* IV, 597.
   — *sitens* IV, 597.
Phytotominae IV, 596.
Pic doré IV, 637.
   — *des champs* IV, 641.
   — *du Mexique* IV, 641.
   — *fourmilier* IV, 646.
   — *grec* IV, 681.
   — *huppé* IV, 659.
   — *jaune* IV, 632.
   — *pie* IV, 681.
   — *tridactyle* IV, 683.
Pica IV, 484.
   — *albiventris* IV, 484.
   — *bactriana* IV, 484.
   — *bottanensis* IV, 484.
   — *butanensis* IV, 484.
   — *caudata* IV, 484.
   — *chinensis* IV, 484.
   — *chrisops* IV, 487.
   — *cookii* IV, 505.
   — *cristata* IV, 500.
   — *europaea* IV, 484.
   — *germanica* IV, 484.
   — *hiemalis* IV, 484.
   — *infausta* IV, 496.
   — *japonica* IV, 484.
   — *media* IV, 484.
   — *megaloptera* IV, 484
   — *melanoleuca* IV, 484.
   — *panderi* IV, 522
   — *pileata* IV, 487
   — *rufa* IV, 512
   — *rustica* IV, 494.
   — *septentrionalis* IV, 484
   — *sericea* IV, 484.
   — *tibetana* IV, 484.
   — *vagabunda* IV, 512.
   — *varia* IV, 484.
   — *vulgaris* IV, 484.
Pici IV, 617
Picidae IV, 617.
Picinae IV, 627.
Picoides IV, 662.
   — *alpinus* IV, 663.
   — *crissoleucus* IV, 663
   — *europaeus* IV, 663.
   — *montanus* IV, 663
   — *tridactylus* IV, 663
   — *variegatus* IV, 663.
Picopasseriformes IV, 40
Pics IV, 617.
   — *multicolores* IV, 652
   — *noirs* IV, 652.
   — *tridactyles* IV, 652.

- Picus vert* IV, 627.
Picucule IV, 684.
Piculus borealis IV, 676.
   — *crassirostris* IV, 676.
   — *hortorum* IV, 676
   — *minor* IV, 676.
   — *pumilis* IV, 676.
Picuminae IV, 684.
Picumus carayensis IV, 684
   — *cirrat* IV, 684.
   — *minutissimus* IV, 684.
   — *minutus* IV, 684.
Picus alpestris IV, 666
   — *auratus* IV, 637.
   — *bairdi* IV, 659
   — *baskirensis* IV, 666.
   — *brevirostris* IV, 666.
   — *campestris* IV, 641.
   — *caniceps* IV, 632.
   — *canus* IV, 632.
   — *chloris* IV, 632.
   — *chrysostrernus* IV, 641
   — *cirris* IV, 691
   — *cissa* IV, 666
   — *crisso eucus* IV, 663.
   — *cynaedus* IV, 673.
   — *erythrocephalus* IV, 643.
   — *formicivorus* IV, 646.
   — *frontium* IV, 666.
   — *herbarum* IV, 676.
   — *hirsutus* IV, 663.
   — *hortorum* IV, 676
   — *hudsonicus* IV, 484.
   — *jaballa* IV, 666.
   — *jugurtha* IV, 666.
   — *lathamii* IV, 641.
   — *ledoucii* IV, 676.
   — *leuconotus* IV, 681.
   — *leucopygus* IV, 663.
   — *leucotis* IV, 681
   — *lifordii* IV, 681.
   — *lucorum* IV, 666.
   — *lunatus* IV, 666
   — *major* IV, 666.
   — *martini* IV, 652.
   — *mauritanicus* IV, 666.
   — *medius* IV, 673.
   — *melanopogon* IV, 646.
   — *meridionalis* IV, 673.
   — *mesospilus* IV, 666.
   — *minor* IV, 676.
   — *minutus* IV, 684.
   — *minutissimus* IV, 684.
   — *montanus* IV, 666
   — *norvegicus* IV, 632.
   — *numidicus* IV, 666.
   — *numidus* IV, 666
   — *obscurus* IV, 643.
   — *pinetorum* IV, 666.
   — *pipra* IV, 666.
   — *pipropicus* IV, 666.
   — *polonicus* IV, 681.
   — *principalis* IV, 659.
   — *quercorum* IV, 673.
   — *roseiventris* IV, 673.
   — *rubricatus* IV, 641.
   — *sharp* IV, 628.
Picus sordidus IV, 666.
   — *striolatus* IV, 676
   — *tridactylus* IV, 663
   — *viridicanus* IV, 632.
   — *viridis* IV, 627
Pie IV, 484.
   — *bleue d'Espagne* IV, 505.
   — *chinoise* IV, 489
   — *grêche à ventre rouge*.
     IV, 542
   — *grêche commune* IV, 527.
   — *grêche de Homeyer* IV, 528
   — *grêche d'Italie* IV, 528.
   — *grêche flûteur* IV, 542.
   — *grêche hirondelle* IV, 435
   — *grêche masquée* IV, 538.
   — *grêche phœnicure* IV, 540.
   — *grêche sénateur* IV, 537.
   — *huppée* IV, 487
   — *vagabonde* IV, 512.
Pies grêches IV, 527
   — *grêches hirondelles* IV, 434
Pieper IV, 269.
Pierrot IV, 293
Pigeon à verrues V, 468.
   — *voyageur* V, 429
Pigeons muscadivores V, 468.
Pilet VI, 700
Pingouin commun VI, 144.
Pinguinaria patagonica VI, 186
Pingouins VI, 140.
   — *proprement dit* VI, 143.
Pinguinus impennis VI, 145.
   — *pica* VI, 144.
   — *torda* VI, 144.
Pinicola IV, 342
   — *americana* IV, 344.
   — *enucleator* IV, 344.
   — *erythrinus* IV, 342.
   — *rubra* VI, 344
Pinselperluhm V, 662.
Pinson d'Afrique IV, 306.
   — *des montagnes* IV, 309.
   — *des neiges* VI, 312.
   — *ordinaire* IV, 305.
Pinsons IV, 305.
Pintade à pinceaux V, 662.
   — *commune* V, 661.
   — *d'Australie* V, 662.
   — *huppée* V, 662.
   — *khauga* V, 660.
   — *vautour* V, 659.
Pintades V, 659.
Pioniás aceipitrinus V, 302
   — *alexandri* V, 290.
   — *fuscicollis* V, 290.
Pioninae V, 302.
Pipastes arboreus IV, 272.
Pipra IV, 590.
   — *edwardsi* IV, 590
   — *gutturosa* IV, 590.
   — *manacus* IV, 590.
Pipra minuta IV, 684.
   — *ruficola* IV, 606.
Pipricus leuconotus IV, 681.
Pipripicus leuconotus IV, 681.
   — *medius* IV, 673.
   — *minor* IV, 676.
   — *uralensis* IV, 681.
Pique boeuf d'Afrique IV, 425.
   — *boenfs* IV, 424.
Pirol IV, 437.
Pirolweber IV, 389.
Pisangfresser V, 138 u 142
Pisorhina V, 212.
   — *scops* V, 212.
Pit-pit IV, 223.
Pitangus sulfuratus IV, 594.
Pitchou provençal IV, 127.
   — *sarde* IV, 126.
Pitta bengalensis IV, 578.
   — *brachyura* IV, 578.
   — *malaccensis* IV, 578.
Pivert IV, 627.
Platanicus pilaris IV, 91.
Platalea VI, 588.
   — *leucorodia* VI, 588.
   — *leucopodiis* VI, 588.
Platelnac VI, 588.
Plattschmäbler V, 74 u 75.
Plattschweifsittiche V, 37
Platyceurus V, 373.
   — *eximius* V, 375.
   — *novae hollandiae* V, 378.
Platypus barrowii VI, 721.
   — *ferinus* VI, 716.
   — *fuligulus* VI, 719.
   — *fuscus* VI, 715.
   — *histrionicus* VI, 723.
   — *lucocephalus* VI, 725.
   — *minutus* VI, 723.
   — *niger* VI, 714.
   — *perspicillata* VI, 715.
   — *rufinus* VI, 717.
   — *spectabilis* VI, 709.
Plautus VI, 145.
   — *albatros* VI, 199.
   — *glaucus* VI, 118.
   — *impennis* VI, 145.
   — *leucopterus* VI, 118.
Plectrophanes borealis IV, 369.
   — *calcarata* IV, 367.
   — *fringilloides* 312.
   — *hiemalis* IV, 369.
   — *lapponica* IV, IV, 367.
   — *nivalis* IV, 369.
Plectropterus VI, 686.
   — *brevirostris* VI, 685.
   — *gambensis* VI, 685.
   — *rupepellii* VI, 685.
   — *scateri* VI, 685.
Plegadis VI, 580.
   — *falcinellus* VI, 580
Pleiodus strigirostris V, 472.
Plectolophus moluccensis V, 405.
   — *m* V, 408.

- Plissolophinae. V, 390.
 Plissolophus. V, 404.
   — erythropterus. V, 407,
   — galeritus V, 392,
   — leadbeateri. V, 407.
   — moluccensis V, 405.
 Ploceidae. IV, 384.
 Ploceinae. IV, 385.
 Ploceus. IV, 389.
   — abissinicus. IV, 390.
   — cinctus. IV, 385.
   — flavoviridis. IV, 390.
   — franciscanus. IV, 393.
   — galbula. IV, 389.
   — ignicolor. IV, 393.
   — larvatus. IV, 390.
   — nigerrimus. IV, 385.
 Plongeon alle. VI, 158.
   — arctique. VI, 639.
 Plongcons. VI, 628.
   — proprement dit. VI, 639.
 Plotinae. VI, 607.
 Plotus. VI, 607.
   — anhinga. VI, 608.
   — congens s. VI, 607.
   — levaillantii. VI, 607.
   — surinamensis. V, 716.
 Pluvialis apricarius. VI, 73.
   — aureus. VI, 73.
   — fluviatilis. VI, 78.
   — fulvus. VI, 73.
   — minor. VI, 75.
   — squatarola. VI, 72.
   — taitensis. VI, 73.
   — torquata. VI, 78.
   — varius. VI, 72.
   — xanthocheilus. VI, 78.
 Pluvianus aegyptiacus. VI, 83.
   — aegyptius. VI, 83.
   — chlorocephalus. VI, 83.
   — melanocephalus. VI, 83.
 Pluvier à collier. VI, 78.
   — alexandrin. VI, 79.
   — asiatique. VI, 76.
   — doré. VI, 79.
   — fauve. VI, 73.
   — fluviatile. VI, 78.
 Pluviers. VI, 71.
 Podarge de la Nouvelle Hol-
 lande. V, 254.
   — oreillard V, 258.
 Podargidae. V, 254.
 Podargus V, 254.
   — auritus. V, 258.
   — australis. V, 254.
   — cinereus. V, 254.
   — fullerstonii. V, 258.
   — gracilis V, 254.
   — humeralis. V, 254.
 Podemarobrsänger. IV, 136.
 Podiceps canogularis. VI, 636.
   — cooperi. VI, 636.
   — cristatus. VI, 632.
   — griseigena. VI, 636.
   — hybridicus. VI, 637.
   — holboellii. VI, 636.
   — longirostris. VI, 632.
 Podiceps minor. VI, 637.
   — mitratus. VI, 632.
   — pallidus. VI, 637.
   — patagiatus. VI, 632.
   — philippensis. VI, 637.
   — pygmaeus. VI, 637.
   — rubricollis. VI, 636.
   — subcristatus. VI, 636.
   — urinator. VI, 632.
   — wilhelmi. VI, 632.
 Podoa surinamensis. V, 716.
 Podoce de Pander. IV, 522.
 Podoceus. IV, 522.
   — panderi. IV, 522.
 Poe. IV, 228.
 Poecile atra. IV, 194.
 Polarfalkе. VI, 236.
 Polarlunne. VI, 153.
 Polarmöwe. VI, 118.
 Polartaucher. VI, 639.
 Polophilus aegyptius V, 129.
   — gigas V, 130.
   — leucogaster. V, 130.
   — macrurus. V, 130.
   — melanurus. V, 130.
   — variegatus. V, 130.
 Polyborinae. VI, 446.
 Polyboroides malzakii. VI,
   454.
   — radiatus. VI, 454.
   — t. arus. VI, 450.
   — typicus. VI, 454.
 Polyborus. VI, 450.
   — auduboni. VI, 450.
   — brasiliensis. VI, 450.
   — cheriwoy. VI, 450.
   — chimachina. VI, 447.
   — novae-zealandiae. VI, 449.
   — vulgaris. VI, 450.
 Polychlorus magnus V, 352.
 Polymitra striolata. IV, 384.
 Polyplectron. V, 647.
   — chinquis. V, 618.
 Polypteryx cinereus. VI, 485.
 Polysticta stelleri. VI, 724.
 Polysticta margaritata. IV,
   705.
 Polytminae. IV, 716.
 Polytmus aquila. IV, 717.
   — mango. IV, 718.
 Pomatorhinus rufus. IV, 187.
   — erythropterus. IV, 541.
 Pompeo. V, 5.
 Pontoaëtus leucoryphus. VI,
   345.
   — macci. VI, 345.
   — vocifer. VI, 356.
 Porphyrio V, 702.
   — aegyptiacus. V, 704.
   — alleni V, 704.
   — antiquorum V, 702.
   — caesius V, 702.
   — chloronotus. V, 704.
   — erythropus V, 704.
   — hyacinthinus V, 702.
   — madagascariensis. V, 704.
   — minutus. V, 701.
 Porphyrio smaragdtonotus. V,
   704.
 Porzana maruetta. V, 706.
 Potamodus cettii. IV, 150.
 Pouillot blafard. IV, 154.
   — bonelli. IV, 157.
   — des oliviers. IV, 154.
   — fitis. IV, 156.
   — gris. IV, 154.
   — indien. IV, 157.
   — rama. IV, 154.
   — sifleur. IV, 156.
   — triste. IV, 157.
   — veloce. IV, 156.
 Pouillots. IV, 151.
 Poule d'eau V, 696.
   — d'eau commune. V, 699.
   — sultane commune. V,
   702.
   — sultane d'Egypte. V, 704.
 Prachtrosseln. IV, 578.
 Prachtelfen. IV, 722.
 Prachtglanzstar. IV, 430.
 Prairiehuhn V, 544.
 Prairiceneule. V, 194.
 Pratincola. IV, 69.
   — glareola. VI, 93.
   — indica. VI, 70.
   — rubetra. IV, 66.
   — rubicola. IV, 70.
   — saturator. IV, 70.
 Prinia cisticola. IV, 174.
   — cursitans. IV, 174.
   — subhimalachana. IV, 174.
 Prinzenadler. VI, 303.
 Prionites brasiliensis. V, 78.
   — momota. V, 79.
 Prionitidae. V, 78.
 Priotelus V, 7.
   — temurus. V, 7.
 Procellaria borealis. VI, 207.
   — brevirostris. VI, 208.
   — bulockii. VI, 213.
   — bulwerii. VI, 214.
   — capensis. VI, 210.
   — cinerea. VI, 207.
   — cinerea. VI, 218.
   — columbina. VI, 214.
   — diabolica. VI, 208.
   — fuliginosa. VI, 218.
   — gigantea. VI, 206.
   — glacialis. VI, 207.
   — grisea. VI, 218.
   — haesitata. VI, 208.
   — Pherminieri. VI, 208.
   — hiemalis. VI, 207.
   — kuhli. VI, 218.
   — leachi. VI, 213.
   — leucorrhoea. VI, 213.
   — lugubris. VI, 212.
   — major. VI, 217.
   — melanonyx. VI, 212.
   — melitensis. VI, 212.
   — meridionalis. VI, 218.
   — minor. VI, 207.
   — naevia. VI, 210.
   — oaeica. VI, 214.

- Procellaria ossifraga*. VI, 206.
 — *pelagica*. VI, 212.
 — *puffinus*. VI, 217.
 — *punctata*. VI, 210.
 — *tristis*. VI, 218.
 — *wilsoni*. VI, 214.
 — *yelkuan*. VI, 217.
Procellariac. VI, 198.
Procellariidae. VI, 198.
Procellariiformes. VI, 198.
Procellariinae. VI, 205.
Proenias alba. IV, 602.
 — *nudicollis*. IV, 602.
Progne. VI, 576.
 — *purpurea* IV, 576.
 — *subis*. IV, 576.
Promerope. V, 35.
Promerops. V, 35.
Promerops erythrorhynchus. V, 35.
 — *melanorhynchus* V, 35.
 — *senegalensis* V, 35.
 — *striatus* IV, 455.
 — *superbus* IV, 455.
Propasser sordidus. IV, 342.
Prothemadura circinata. IV, 228.
 — *concinata* IV, 228.
 — *novae seelandiae* IV, 228.
Proyer IV, 375.
Prunella modularis IV, 103.
 — *montanella* IV, 104.
Psarocolius baltimore. IV, 401.
 — *caudatus*. IV, 403.
 — *cristatus* IV, 410.
 — *pecoris* IV, 405.
 — *phoeniceus*. IV, 407.
Psaroides roseus. IV, 420.
Pseudacteus hellicosus. VI, 399.
 — *bonelli*. VI, 322.
Pseudoluscinia savii. IV, 148.
Pseudoscines. IV, 612.
Psilorhynchus sinensis. IV, 489.
Psittacara leptorhyncha. V, 318.
 — *rectirostris*. V, 318.
Psittaci. V, 276.
Psittaciformes. V, 276.
Psittacodus magnus. V, 352.
Psittacornithes. V, 276.
Psittacula cyanepileata V, 362.
 — *galgula* V, 362.
 — *pygmaea*. V, 372.
 — *rosicollis*. V, 348.
 — *tiriacula*. V, 316.
Psittacule à colier rose V, 348.
 — *azurée*. V, 377.
 — *nymphe* V, 378.
 — *pygmée* V, 372.
 — *roselle* V, 375.
Psittaculus. V, 354.
 — *euphemes*. V, 376.
Psittacus. V, 337.
 — *accipitrinus*. V, 302.
Psittacus amazonicus. V, 305.
 — *ambiguus* V, 330.
 — *aourou*. V, 305.
 — *aracanga*. V, 330.
 — *ararauna*. V, 331.
 — *aterrimus*. V, 396.
 — *augustus*. V, 330.
 — *aurantius*. V, 352.
 — *australis*. V, 410.
 — *banksii*. V, 402.
 — *bitorquatus* V, 355.
 — *caeruleus*. V, 331.
 — *calita* V, 309.
 — *capitalus*. V, 375.
 — *carolinensis*. V, 322.
 — *choraeus* V, 309.
 — *cinereicollis* V, 309.
 — *cinereus* V, 337.
 — *clusii*. V, 302.
 — *cookii*. V, 402.
 — *coronatus*. V, 302.
 — *cotorra*. V, 309.
 — *cubicularis*. V, 355.
 — *cyanogaster* V, 369.
 — *docilis*. V, 355.
 — *domicella*. V, 365.
 — *edwardsii*. V, 377.
 — *elegans* V, 302.
 — *erithacus* V, 337.
 — *erythrofrons* V, 318.
 — *erythroleucis* V, 337.
 — *eximius*. V, 375.
 — *fimbriatus*. V, 400.
 — *flavigulus*. V, 362.
 — *formosus*. V, 416.
 — *funereus* V, 402.
 — *galeatus*. V, 400.
 — *galgulus*. V, 362.
 — *gigas*. V, 396.
 — *goliath*. V, 396.
 — *haematodus*. V, 369.
 — *haematopus*. V, 369.
 — *hyacinthinus*. V, 330.
 — *hypopolius*. V, 410.
 — *inornatus*. V, 355.
 — *lateralis* V, 352.
 — *leachi* V, 402.
 — *ludovicianus*. V, 322.
 — *luteocapillus*. V, 322.
 — *luteolus* V, 305.
 — *luteus*. V, 305.
 — *macao* V, 330.
 — *magnificus*. V, 402.
 — *magnus* V, 352.
 — *malaccensis* V, 405.
 — *manillensis*. V, 355.
 — *meridionalis*. V, 410.
 — *moluc ensis*. V, 405.
 — *monachus*. V, 309.
 — *multicolor*. V, 369.
 — *murinus* V, 309.
 — *nasicus*. V, 408.
 — *nasiterne*. V, 371.
 — *nestor*. V, 410.
 — *Novae-Hollandiae* V, 369.
 — *novae hollandiae*. V, 378.
 — *omnicolor*. V, 375.
Psittacus ondulé. V, 381.
 — *parasiticus*. V, 348.
 — *parvirostris*. V, 355.
 — *phoenicocephalus*. V, 400.
 — *pulchellus*. V, 377.
 — *pumilus* V, 362.
 — *pygmaeus* V, 372.
 — *radheca*. V, 365.
 — *raja*. V, 365.
 — *rex*. V, 365.
 — *rosaceus* V, 405.
 — *rosicollis*. V, 348.
 — *ruber* V, 337.
 — *rufirostris*. V, 355.
 — *semicollaris* V, 369.
 — *sincialo*. V, 355.
 — *sinensis*. V, 352.
 — *streptophorus* V, 355.
 — *tenuirostris*. V, 408.
 — *terrestris*. V, 416.
 — *thealassinus*. V, 322.
 — *timneh*. V, 338.
 — *tirica*. V, 316.
 — *torquatus* V, 355.
 — *undulatus*. V, 381.
 — *varius*. V, 337.
 — *viridis*. V, 352.
 — *viridissimus*. V, 316.
Psophia. V, 781.
 — *buccinator*. V, 732.
 — *crepitans*. V, 752.
 — *leucoptera*. V, 732.
 — *undulara*. VI, 179.
 — *viridis*. V, 732.
Psophiidae. V, 731.
Psophiides. V, 731.
Ptarmigan. V, 560.
Pternistes. V, 583.
 — *vulgaris*. V, 585.
Pterocle cata. V, 491.
 — *des sables* V, 490.
 — *du Sénégal*. V, 491.
Pterocles. V, 490.
Pterocles V, 490.
 — *alchata*. V, 491.
 — *arenarius* V, 490.
 — *caspicus*. V, 491.
 — *exustus*. V, 491.
 — *Lichteusteinii* V, 494.
 — *senegalensis*. V, 491.
 — *setarius*. V, 491.
 — *syrrhaptus*. V, 778.
Pteroclidae V, 475.
Pteroclidides. V, 475.
Pteroclorus alchata. V, 491.
Pterocorax scapulatus IV, 478.
Pterocyana circia. VI, 696.
Pterodroma bulweri VI, 214.
Pteroglossus. IV, 700.
 — *aracali*. IV, 701.
 — *atricollis* IV, 701.
 — *formosus*. IV, 701.
Pteroptochus megapodius. IV, 583.
Ptilonorhynchus holosericus IV, 457.

- Ptilonohynchus maclellii* IV, 457.
Ptynx liturata V, 169.
 — *urylensis* V, 169.
Pucheranperlhuhn V, 660
Puffin de la Mediterranée.
 VI, 218
 — *des anglais* VI, 217.
 — *gris* VI, 218.
Puffininae VI, 217.
Puffins VI, 217
Puffinus amaurosa VI, 218
 — *anglorum* VI, 217.
 — *arcticus* VI, 217.
 — *barolii* VI, 217.
 — *cinereus* VI, 217.
 — *columbinus* VI, 214.
 — *fuliginosus* VI, 218.
 — *griseus* VI, 218
 — *kuhli* VI, 218.
 — *major* VI, 217.
 — *obscurus* VI, 217
 — *tristis* VI, 218,
 — *yelkuan* VI, 217.
Purpurluhu V, 702.
Purpurreiher VI, 528.
Purpurschwalbe IV, 576.
Purpurschwarzvogel IV, 413.
Pycnonotus arsinoë IV, 232.
 — *barbatus* IV, 232.
 — *nigricans* IV, 232.
 — *valombrosae* IV, 232.
 — *xanthopygius* IV, 232.
 — *xanthopygos* IV, 232.
Pygargus dispar VI, 431.
 — *rufus* VI, 440.
Pygmäenstrandläufer VI, 47.
Pyrranga aestiva IV, 282
 — *erythromelas* IV, 282.
 — *mississippiensis* IV, 282
 — *rubra* IV, 282.
Pyrgita aegyptiaca IV, 293.
arcuata IV, 293.
 — *brachyrhynchus* IV, 287.
 — *cahirina* IV, 287.
 — *caupestris* IV, 296.
 — *castanea* IV, 287.
 — *castanotos* IV, 287.
 — *cisalpina* IV, 290.
 — *domestica* IV, 287
 — *hispanica* IV, 293.
 — *hispaniolensis* IV, 293
 — *intercedens* IV, 287.
 — *italica* IV, 290.
 — *melanorhyncha* IV, 287.
 — *minor* IV, 287.
 — *montana* IV, 296
 — *orientalis* IV, 293.
 — *pagorum* IV, 287.
 — *pectoralis* IV, 287
 — *petronia* IV, 297.
 — *rupestris* IV, 297.
 — *rustica* IV, 287.
 — *salicaria* IV, 293
 — *septentrionalis* IV, 296.
 — *valida* IV, 287.
Pyrrhuloxia dominica IV, 581.
Pyromelana franciscana IV, 393.
Pyroptalma melanocephala.
 IV, 124.
 — *sarda* IV, 126.
Pyrotrogon fasciatus V, 2.
Pyrrhocoracinae IV, 515.
Pyrrhocorax alpinus IV, 519.
 — *forsythii* IV, 519.
 — *graculus* IV, 516.
 — *montanus* IV, 519.
 — *planiceps* IV, 519.
 — *rupestris* IV, 516.
 — *violaceus* IV, 457
Pyrrhula caudata IV, 347
 — *coccinea* IV, 348.
 — *enucleator* IV, 344.
 — *erythrina* IV, 342.
 — *europaea* IV, 348.
 — *germanica* IV, 348.
 — *githaginea* IV, 351.
 — *longicaudata* IV, 347.
 — *major* IV, 348.
 — *payraudaei* IV, 351.
 — *peregrina* IV, 348.
 — *pileata* IV, 348.
 — *pusilla* IV, 335.
 — *rubicilla* IV, 348.
 — *rufa* IV, 348.
 — *sibirica* IV, 347.
 — *serinus* IV, 333.
 — *vulgaris* IV, 348.
Pyrrhulinae IV, 318.
Pyrrhuloxia rosaeicolor IV, 342.
 — *roseata* IV, 342.
Pytelia minima IV, 396.
Pytilus cardinalis IV, 364.

Q.
Quebranta huesas VI, 460.
Querquedula acuta VI, 700.
 — *angustirostris* VI, 698.
 — *circia* VI, 696.
 — *crecca* VI, 696.
 — *creccoides* VI, 696.
 — *falcaria* VI, 697
 — *falcata* VI, 697.
 — *formosa* VI, 697.
 — *glaucoptera* VI, 696.
 — *glocitans* VI, 697.
 — *scapularis* VI, 696.
 — *strepera* VI, 693.
 — *subreca* VI, 696.
Quesal V, 8.
Quiescala niteus IV, 413.
 — *purpurea* IV, 413.
Quiscalis purpureus IV, 413.
 — *versicolor* IV, 413.

R.
Raben IV, 464.
Rabengeier VI, 513.
Rabentakadu V, 400 u 402
Rabenkrähe IV, 471.
Racama angolensis VI, 360
Rachelhuhn V, 534.
Rachenracke V, 271.
Rachenvogel IV, 611.
Racken V, 262.
Rakenvogel V, 153.
Rale d'eau V, 713.
Rallen V, 694.
Rallenartige V, 694.
Rallenreiher VI, 537
Rallidae V, 694.
Ralliformes V, 694.
Rallus V, 714.
 — *aquaticus* V, 713.
 — *bengalensis* VI, 15.
 — *crex* V, 710.
 — *fuscolateralis* V, 713.
 — *germanicus* V, 713.
 — *indicus* V, 713.
 — *minor* V, 713
 — *porzana* V, 706
 — *sericeus* V, 713.
Ramaspötter IV, 154
Ramier V, 436.
 — *trocaz* V, 440
Rarita IV, 597.
Raubmöwen VI, 132.
Raubseeschwalbe VI, 99.
Raubwürger IV, 527.
Rauchfussbussard VI, 326
Rauchfusshühner V, 506
Rauchfusskauz V, 183.
Rauchschwalbe IV, 562
Raupenfresser IV, 545.
Rebhuhn V, 578.
Rebhuhntaube V, 458.
Recurvirostra VI, 59
 — *avocetta* VI, 59
 — *avocetta* VI, 59
 — *europaea* VI, 59
 — *fissipes* VI, 59.
 — *helebi* VI, 59.
 — *sinensis* VI, 59
Regenkuckuck V, 113.
Regenpfeifer VI, 62
Regenpfeifer VI, 71
Reguloides modestus IV, 160
 — *prorogulus* IV, 160.
 — *superciliosus* IV, 160
Regulus IV, 162
 — *chotacilla* IV, 162
 — *cristatus* IV, 162.
Regulus crocecephalus IV, 162.
 — *flavicapillus* IV, 162.
 — *ignicapillus* IV, 163
 — *modestus* IV, 160.
 — *mornatus* IV, 160.
 — *mystaceus* IV, 163
 — *prorogulus* IV, 160
 — *pyrocephalus* IV, 163
 — *vulgaris* IV, 162
Reiher VI, 524
Reiherente VI, 719.
Reisvogel IV, 399.

- Remiz. IV, 202
 Rennvögel. VI, 80
 Rey de choroy V, 319
 Rhamphastidae IV, 691.
 Rhamphastos IV, 692
 — albigularis IV, 692
 — ariel. IV, 693.
 — citreopygius IV, 693
 — erythrorhynchus. IV, 693
 — indicus IV, 692.
 — levaillantii IV, 693.
 — magnirostris IV, 692.
 — monilis IV, 693.
 — temminkii IV, 693
 — toco. IV, 692
 — tucanus. IV, 693
 Rhamphastus momota. V, 79
 Rhamphodryas temminkii IV, 693
 Rhantistes glacialis. VI, 207
 Rhea americana. VI, 739.
 Rheidae VI, 738.
 Rheornithes. VI, 737
 Rhimanphus virens. IV, 279
 Rhinocetidae. V, 741
 Rhinocetus. V, 741.
 — jubatus. V, 741
 Rhinogryphus aura VI, 512.
 Rhipidura melanogastra. IV, 559.
 Rhipidure à ventre noir IV, 559
 Rhodostethia. VI, 132
 — rosea VI, 132
 — rossi VI, 132.
 Rhondella rubecula. IV, 61
 Rhopodytes tristis. V, 122.
 Rhyacophilus glareola. VI, 35.
 Rhynchaceros. V, 12.
 — erythrorhynchus. V, 12
 — melanoleucus V, 12
 Rhynchaea. VI, 15.
 — africana. VI, 15.
 — bengalensis VI, 15
 — capensis. VI, 15.
 — madagascarensis. VI, 15.
 — madaraspatana. VI, 15
 — orientalis. VI, 15
 — sinensis VI, 15
 — variegata VI, 15.
 Rhynchapsis clypeata VI, 701
 Rhynchée du Cap VI, 15
 Rhynchées. VI, 15.
 Rhynchos V, 689
 — fasciatus V, 689
 — rufescens V, 689
 Rhyncops albirostris. VI, 113
 — flavirostris. VI, 113
 — orientalis. VI, 113
 Rhynchopsinae. VI, 113
 Rhynopomastes cyanoleucus. V, 35
 Riesenkalk VI, 145
 Riesenfischer V, 70.
 Riesengnomon. IV, 726.
 Riesenkolibri IV, 726
 Riesenkuckuck. V, 107
 Riesennachtschwalben V, 242.
 Riesenpinguin. VI, 186.
 Riesenraubmöwe VI, 134
 Riesenreiher VI, 529
 Riesenschwalm. V, 243
 Riesenchwalm. V, 254.
 Riesenstörche. VI, 565.
 Riesensturmvogel VI, 206.
 Riesentukan. IV, 692
 Riesenturaco V, 139
 Ringdrossel IV, 93.
 Ringelflughuhn V, 490.
 Ringelgans VI, 669
 Ringellume VI, 153
 Ringeltaube. V, 436
 Rissa borealis VI, 128.
 — brachyrhyncha VI, 128.
 — cinerea. VI, 128.
 — gregaria. VI, 128.
 — kotzebuei. VI, 128.
 — minor. VI, 128.
 — nivea. VI, 120.
 — nivea. VI, 128.
 — tridactyla. VI, 128.
 Rohrammer IV 371.
 Rohrdommel. VI, 541.
 Rohrmeisen. IV, 201.
 Rohrsänger. IV, 131.
 Rohrweihe. VI, 440.
 Roi des cailles. V, 710.
 — des vautours. VI, 510.
 Roitelet à huppe jaune. IV, 162.
 — à huppe rouge. IV, 163.
 — modeste. IV, 160.
 Roitelets. IV, 162.
 Rolle oriental V, 271.
 Roller. V, 271.
 Rolles. V, 271.
 Rollier commun. V, 265.
 — diademe. IV, 503.
 Rolliers. V, 262.
 Rolulus coronatus. V, 602.
 — cristatus. V, 602.
 — roulroul. V, 602.
 Rosella. V, 375
 Rosenbrustknacker. IV, 362.
 Rosenmeise. IV, 198.
 Rosenmöwe. VI, 132
 Rosenpapagei. V, 348.
 Rosensilbermöwe. VI, 119.
 Rosenstar. IV, 420.
 Rossia rosea. VI, 132.
 Rossignol. IV, 48.
 — de Golz. IV, 48.
 — de Hafiz. IV, 48.
 — hybride. IV, 48.
 — Philomele. IV, 48.
 Rossvögel. VI, 747.
 Rostammer. IV, 380
 Rostgans. VI, 678.
 Roststrandläufer. VI, 42.
 Rothbindenkreuzschnabel. IV, 356.
 Rotdrossel. IV, 90.
 Rötelfalke. VI, 281.
 Rötelschwalbe. IV, 568.
 Rötelsilbermöwe. VI, 119.
 Rotflügel. IV, 407.
 Rotfussfalke. VI, 285.
 Rotfussgans. VI, 664
 Rothalsfalke. VI, 256.
 Rothalgans. VI, 670.
 Rothalsnachtschatten. V 222.
 Rothalssteissfuss. VI, 636.
 Rothänfling. IV, 320.
 Rothbrüstige Spechtpapagei V, 372.
 Rothkehltaucher. VI, 640.
 Rothuhn. V, 572.
 Rotkehlchen. IV, 61.
 Rotkehlchenpeper. IV, 270.
 Rotköpffentimalia. IV, 181.
 Rotkopfspecht. IV, 643.
 Rotkopfwürger. IV, 537.
 Rötlinge. IV, 64.
 Rotparadiesvogel. IV, 445.
 Rotschnabeltukan. IV, 693.
 Rotschwänze. IV, 48.
 Rotschwanzwürger. IV, 540.
 Rotvogel. IV, 364.
 Rouge-gorge. IV, 61.
 Rouge-queue. IV, 65
 — queue des montagnes. IV, 65.
 Rouloul de Malaca. V, 602.
 Rousseline. IV, 276.
 Rousserole des roseaux. IV, 132.
 — des saules. IV, 136.
 — effarvate. IV, 134.
 — orientale. IV, 136.
 — verderolle. IV, 135.
 Rousserolles. IV, 131.
 Rubecula familiaris. IV, 61.
 — pinetorum IV, 61.
 Rubecula septentrionalis. IV, 61.
 — sylvestris. IV, 61.
 — tyleri. IV, 557.
 Rubetra anglicana. IV, 554
 Rubiete des jardins. IV, 68.
 Rubiettes. IV, 64.
 Rubinkolibri. IV, 722.
 Ruderente. VI, 725.
 Ruderenten. VI, 725.
 Ruffibranta ruficollis. VI, 670.
 Rupicola. IV, 606.
 — aurantia. IV, 606.
 — crocea. IV, 606
 — evana. IV, 606.
 — elegans. IV, 606.
 Russseeschwalbe. VI, 104.
 Russsturmtaucher. VI, 218.
 Rusticola europae. VI, 2.
 — sylvestris. VI, 2.
 — vulgaris. VI, 2.
 Ruticilla. IV, 64
 — arborea. IV, 68.
 — atra. IV, 64.
 — hortensis. IV, 68.
 — pectoralis. IV, 68.

- phoenicura. IV, 68.
- phoenicurus. IV, 68.
- succica. IV, 56.
- tethys. IV, 64.
- tites. IV, 64.
- titithys. IV, 64.
- titys. IV, 64.
- titys. IV, 64

S.

- Saatgans. IV, 664
- Saatkrähe. IV, 474.
- Säbelflügler. IV, 718.
- Säbelschnäbler. VI, 59.
- Säbler. VI, 59.
- Sacker. VI, 245.
- Säger. VI, 727.
- Sagittarius secretarius. VI, 518,
  - serpentarius. VI, 518.
- Sai. IV, 221.
- Salangane. IV, 781.
- Salanganen. IV, 780
- Salicaria aquatica. IV, 141.
  - arundinacea. IV, 134.
  - arundinacea. IV, 136.
  - bruniceps. IV, 174.
  - cariceti. IV, 141.
  - cettii. IV, 150.
  - cisticola. IV, 174.
  - claeica. IV, 154.
  - familiaris. IV, 129.
  - fluviatilis. IV, 146
  - galactodes. IV, 129
  - locustella. IV, 142.
  - luscinioides. IV, 148.
  - melanopogon. IV, 149.
  - olivetorum. IV, 154.
  - palustris. IV, 135.
  - phragmitis. IV, 138.
  - rufescens. IV, 134
  - turdina. IV, 132.
  - turdoides. IV, 132
  - vulgaris. IV, 151.
- Sammetspecht. IV, 646.
- Samtente. VI, 715.
- Samtköpfchen. IV, 124.
- Sandlerchen. IV, 253.
- Sanderling. VI, 49.
- Sandflughuhn. V, 491.
- Sandlerche. IV, 254.
- Sandläuferchen. VI, 47.
- Sappho sparganura. IV, 725.
- Sapphokolibri. VI, 725.
- Sarcelle à manteau. VI, 697.
  - de Sibérie. VI, 697.
  - marbrée. VI, 698
  - ordinaire. VI, 696
- Sarcorhamphes. VI, 505.
- Sarcorhamphidae. VI, 505.
- Sarcorhamphus. VI, 505.
  - condor. VI, 505
  - euntur. VI, 505
  - gryphus. VI, 505.
  - magellanicus. VI, 505

- Sarcorhamphus papa. VI, 510.
- Sardengrasmücke. IV, 126.
- Sariama cristata. V, 734.
- Sariama. V, 734.
- Saropsis anglica. VI, 107
- Sattelstorch. VI, 565
- Satya cornuta. V, 643
  - lathamii. V, 643.
  - pennantii. V, 643.
- Satyre. V, 643.
- Satyrhuhn. V, 643
- Satyrhühner. V, 643
- Saumfüsse. V, 716
- Saurophagus sulfuratus. IV, 594
- Saurothera bottae. V, 125.
  - californiana. V, 125.
  - jamaicensis. V, 123.
  - vetula. V, 123
- Savacou. VI, 548
- Saxaulhäger. IV, 522.
- Saxicola. IV, 72.
  - albicollis. IV, 75.
  - amphileuca. IV, 75.
  - aurita. IV, 75
  - cassinans. IV, 72.
  - eurymelana. IV, 75.
  - hemprichii. IV, 70
  - indica. IV, 70.
  - isabellina. IV, 75
  - leucomela. IV, 75
  - leucorhoa. IV, 74.
  - leucura. IV, 72
  - montana. IV, 84
  - oenanthe. IV, 74.
  - oenanthoides. IV, 74.
  - rostrata. IV, 74.
  - rubeculoides. IV, 557.
  - rubetra. IV, 69.
  - rubicola. IV, 70.
  - rufescens. IV, 75.
  - stapazina. IV, 75.
  - succica. IV, 56.
  - titithys. IV, 65.
- Saxilauda tatarica. IV, 244.
- Schaenura verrauxii. IV, 396.
- Schafstelze. IV, 263.
- Schahin. VI, 247.
- Schakuhühner. V, 674.
- Schakupemba. V, 675.
- Scharben. VI, 600.
- Scharlachspint. V, 47
- Scharlachtangara. IV, 282.
- Scharlachwürger. IV, 542.
- Schattenvogel. VI, 576.
- Scheindrossel. IV, 166.
- Schelladler. VI, 310.
- Schellente. VI, 721.
- Scherenschnabel. VI, 113.
- Scherenschnäbel. VI, 113.
- Schiefermöwe. VI, 119.
- Schildraben. IV, 478.
- Schirnovogel. IV, 601.
- Schizornis. V, 147
  - concolor. V, 149.
  - zonura. V, 147.
- Schlangenbussard. VI, 937.
- Schlangenbussarde. VI, 936.

- Schlangenhalsvogel. VI, 607
- Schlangenhalsvögel. VI, 607
- Schlangensperber. VI, 454
- Schlangenstorch. V, 734.
- Schleierkauz. V, 160.
- Schleierkäuze. V, 160.
- Schleierschwalm. V, 260.
- Schleppenfliegenschnäpper. IV, 559.
- Schleppennachtschwalbe. V, 224
- Schleppensylphen. IV, 725.
- Schlüpfgrasmücke. IV, 127
- Schmalschnabel. V, 315.
- Schmarotzermilan. VI, 395
- Schmarotzerraubmöwe. VI, 137.
- Schmuckelfe. IV, 722.
- Schmuckkraken. IV, 598.
- Schmuckspint. V, 49
- Schnutzgeier. VI, 498
- Schnatterente. VI, 693.
- Schneeammer. IV, 369
- Schneceente. VI, 725.
- Schneeule. V, 174
- Schneefink. IV, 312.
- Schneegans. VI, 668.
- Schneehuhn. V, 560.
- Schneehühner. V, 549.
- Schneekäuze. V, 174
- Schneekranich. V, 724.
- Schneidervogel. IV, 177
- Schneidervogel. IV, 177
- Schnepfenläufer. VI, 24.
- Schnepfenlimose. VI, 24.
- Schnepfenrallen. VI, 15
- Schnepfenstrausse. V, 690
- Schnurenvogel. IV, 590
- Schoeniculus minutus. VI, 46
  - subarquatus. VI, 47
- Schoenicola arundinacea. IV, 137
  - pyrrhuloides. IV, 371.
- Schoenicola arundinacea. IV, 371
- Schönsittich. V, 377.
- Schopfadler. VI, 402
- Schopfgeier. VI, 485.
- Schopfhäher. IV, 500.
- Schopfhuhn. V, 686.
- Schopfsäger. VI, 731.
- Schopftaube. V, 455.
- Schopfwachtel. V, 608
- Schreidler. VI, 309
- Schreitvögel. VI, 524
- Schreiseadler. VI, 356
- Schreibvögel. IV, 577.
- Schulhschnabel. VI, 550.
- Schuppenglanzstar. IV, 431
- Schwalmvögel. V, 216
- Schwalben. IV, 561
- Schwalbenmöwe. VI, 131
- Schwalbenmöwen. VI, 131
- Schwalbenstar. IV, 434
- Schwalbenstelzen. IV, 267
- Schwalbenweihe. VI, 381
- Schwalbenwürger. IV, 435

Schwanengans. VI, 672.
 Schwanzmeise. IV, 198.
 Schwanzmeisen. IV, 198.
 Schwarzbackenfalke. VI, 247.
 Schwarzbauchwasserschmätzer IV, 78.
 Schwazdrosseln. IV, 181.
 Schwarzhalstreiber VI, 528.
 Schwarzhalsschwan. VI, 653.
 Schwarzhalsteissfuss. VI, 637.
 Schwarzkehlchen. IV, 70.
 Schwarzkopfhäbicht VI, 419.
 Schwarzschwan. VI, 653.
 Schwarzspecht. IV, 652.
 Schwarzspechte. IV, 652.
 Schwarzstar. IV, 416.
 Schwarzstorch. VI, 562.
 Schwarzvögel. IV, 413.
 Schwebeweihe. VI, 379.
 Schwebeweihen. VI, 379.
 Schweißelke. IV, 723.
 Schweißelfen. IV, 723.
 Schweißkitta. IV, 489.
 Schwertschnabel. IV, 727.
 Schwimmenten. VI, 690.
 Schwimnwasserläufer. VI, 51.
 Scolopacinae. VI, 1.
 Scolopax. VI, 2.
 — aegocephala. VI, 29.
 — africana. VI, 44.
 — arquata. VI, 17.
 — avocetta. VI, 59.
 — belgica. VI, 22.
 — borealis. VI, 18.
 — brehmi. VI, 10.
 — calidris. VI, 32.
 — canescens. VI, 30.
 — cantabrigiensis. VI, 33.
 — capensis. VI, 15.
 — cinerea. VI, 40.
 — curonica. VI, 33.
 — dethargindii. VI, 44.
 — fusca. VI, 33.
 — gallinago. VI, 10.
 — gallinula. VI, 13.
 — grisea. VI, 24.
 — guaranna. VI, 580.
 — indica. VI, 2.
 — lamottii. VI, 10.
 — lapponica. VI, 21.
 — leucophaea. VI, 21.
 — leucurus. VI, 7.
 — limosa. VI, 22.
 — madagascariensis. VI, 17.
 — madaraspatana. VI, 15.
 — major. VI, 7.
 — media. VI, 7.
 — natans. VI, 33.
 — obscura. V, 713.
 — orientalis. VI, 2.
 — palustris. VI, 7.
 — paykullii. VI, 24.
 — peregrina. VI, 10.
 — phaeopus. VI, 17.
 — pica. VI, 89.
 — pinetorum. VI, 2.
 — platyura. VI, 2.

Scolopax pusilla. VI, 44.
 — pygmaea. VI, 10.
 — pygmaea. VI, 44.
 — rufa. VI, 580.
 — rusticola. VI, 2.
 — rusticola. VI, 2.
 — sabini. VI, 10.
 — saturata. VI, 10.
 — scoparia. VI, 2.
 — semipalmatus. VI, 51.
 — sinensis. VI, 15.
 — solitaria. VI, 8.
 — subarquata. VI, 44.
 — sumatrana. VI, 40.
 — sylvestris. VI, 2.
 — terek. VI, 40.
 — totanus. VI, 30.
 — uniclavata. VI, 10.
 Scopidae. VI, 576.
 Scops aldrovandi. V, 212.
 — asio. V, 212.
 — carniolica. V, 212.
 — ephialtes. V, 212.
 — europaea. V, 212.
 — giu. V, 212.
 — longipennis. V, 212.
 — minor. V, 212.
 — minuta. V, 212.
 — pygmaea. V, 212.
 — rupestris. V, 212.
 — rufescens. V, 212.
 — senegalensis. V, 212.
 — vera. V, 212.
 — zorca. V, 212.
 Scopus umbretta. VI, 576.
 Scotacrus nycticorax. VI, 545.
 Scotornis. V, 224.
 — longicaudus. V, 224.
 Scytrope géant. V, 107.
 Scythrops australasiae. V, 107.
 — australis. V, 107.
 — goerang. V, 107.
 — novae-hollandiae. V, 107.
 Secrétaire. VI, 518.
 Seeadler. VI, 344.
 Seeregenpfeifer. VI, 79.
 Seeschwalben. VI, 98.
 Seestrandläufer. VI, 42.
 Seetaucher. VI, 639.
 Segler. IV, 755.
 Seidenkleiber. IV, 207.
 Seidenlaubenvogel. IV, 457.
 Seidenliest. V, 74.
 Seidenreier. VI, 533.
 Seidenrohrsänger. IV, 150.
 Seidenschwanz. IV, 548.
 Sekretär. VI, 518.
 Selasphorus rufus. IV, 729.
 Seleucides alba. IV, 453.
 — ignota. IV, 453.
 — niger. IV, 453.
 — resplendens. IV, 453.
 Seleucis roseus. IV, 420.
 Semeiphorus vexillarius. V, 226.
 Senex australis. VI, 449.
 Seriena. V, 734.

Serin. IV, 327.
 — des Canaries. IV, 338.
 — vert. IV, 333.
 Serinus. IV, 333.
 — aurifrons. IV, 335.
 — brunnalis. IV, 333.
 — canarius. IV, 338.
 — chloris. IV, 318.
 — flavescens. IV, 333.
 — githagineus. IV, 351.
 — hortulanus. IV, 333.
 — canarius. IV, 338.
 — islandicus. IV, 333.
 — meridionalis. IV, 333.
 — occidentalis. IV, 333.
 — orientalis. IV, 333.
 — pusillus. IV, 335.
 — spinus. IV, 327.
 Serpentiariidae. VI, 518.
 Serpentarius africanus. VI, 518.
 — cristatus. VI, 518.
 — orientalis. VI, 518.
 — reptilivorus. VI, 518.
 — sc retarius. VI, 513.
 Siedler. VI, 580.
 Siedlerstrandläufer. VI, 44.
 Siedlervogel. VI, 18.
 Siechlenke. VI, 697.
 Siedelsperling. IV, 300.
 Silberfasan. V, 620.
 Silbermöwe. VI, 118.
 Silbertaube. V, 440.
 Simorhynchus cinereus. VI, 40.
 Singdrossel. IV, 90.
 Singhäbicht. VI, 428.
 Singhäbichte. VI, 428.
 Singschwan. VI, 649.
 Sitelle de Sibérie. IV, 207.
 — d'Europe. IV, 207.
 — ordinaire. IV, 206.
 Sittelles. IV, 205.
 Sitta advena. IV, 206.
 — affinis. IV, 206.
 — caesia. IV, 206.
 — coerulea. IV, 206.
 — europaea. IV, 207.
 — foliorum. IV, 206.
 — neumayeri. IV, 211.
 — pinetorum. IV, 206.
 — rupestris. IV, 211.
 — rufescens. IV, 211.
 — saxatilis. IV, 211.
 — sibirica. IV, 207.
 — syriaca. IV, 211.
 Sittace. V, 329.
 — araruna. V, 331.
 — caerulea. V, 331.
 — canicollis. V, 309.
 — chloroptera. V, 331.
 — coccinea. V, 330.
 — hyacinthina. V, 330.
 — leptorhynchus. V, 318.
 — ludoviciana. V, 322.
 — macao. V, 330.
 — murina. V, 309.
 — tinea. V, 316.
 Sittiche. V, 315.

- Sittinae. IV, 205.
 Sitzfüßler. V, 10.
 Smilonyx. V, 214
   ceylonensis. V, 214.
 Solenoglossus ce lonicus. V, 396.
 Somalstraus. VI, 755
 Somateria. VI, 708.
   — altensteini. VI, 709.
   — borealis. VI, 709.
   — cuthberti. VI, 709
   — danica. VI, 709
   — dresseri. VI, 709
   — ferocensis. VI, 709.
   — islandica. VI, 709
   — laisleri. VI, 709
   — megarhynchos. VI, 709.
   — megauros. VI, 709.
   — molissima. VI, 709.
   — norvegica. VI, 709
   — planifrons. VI, 709.
   — platyros. VI, 709.
   — spectabilis. VI, 709.
   — stelleri. VI, 725.
   — thulensis. VI, 709
 Sommergoldhähnchen. IV, 163.
 Sommerrotvogel. IV, 282.
 Sonnenkolibri. IV, 717.
 Sonnenralle. V, 738
 Sonnenrallenartige. V, 738.
 Sommenvögel. IV, 182.
 Sonnerathahn. V, 616.
 Soroplex campestris. IV, 641.
 Soubise. VI, 436.
 Souchet à tête blanche. VI, 725.
   — commun. VI, 701.
 Souchets. VI, 725
 Späthvögel. IV, 707
 Spanische Blauelster. IV, 505.
 Sparganura. IV, 725.
   sappho. IV, 725.
 Sparvius fringillarius. VI, 411.
   — albanarius. VI, 419
 Spatelite. VI, 721
 Spatellaubmöve. VI, 134.
 Spathura underwoodi. IV, 724.
 Spathure botté. IV, 724.
 Spatula clypeata. VI, 701.
 Spatula blanche huppée. VI, 588.
 Spechte. IV, 617
 Spechtneisen. IV, 205.
 Spechtpapageien. V, 371
 Speotyto. V, 193
   — cucularia. V, 193.
   — h pogaea. V, 193.
   — socialis. V, 194
 Sperber. VI, 410 и 411
 Sperberadler. VI, 405.
 Sperbereule. V, 177
 Sperbergeier. VI, 493
 Sperbergrasmücke. IV, 108.
 Sperling. IV, 287.
 Spermestes. IV, 387
   — fasciata. IV, 397
   — oryzivora. IV, 399.
 Spermestinae. IV, 392
 Spermolegus montanellus. IV, 104.
 Spheniscus chrysocome. VI, 187.
   — demersus. VI, 194
   — patagonicus. VI, 186
   — pennantii. VI, 186.
 Sphenisque. VI, 194.
 Sphenorhynchus abdimii. VI, 563
 Sphenura frontalis. IV, 588.
 Sphenure. IV, 588.
 Spiegelerche. IV, 243.
 Spiegelpfau. V, 648.
 Spiegelpfauen. V, 647.
 Spiegeltauben. V, 455
 Spiegelwürger. IV, 528.
 Spiessente. VI, 700.
 Spiessflughuhn. V, 491.
 Spinus alnorum. IV, 327
   — betularum. IV, 327.
   — carduelis. IV, 331.
   — citrimella. IV, 329.
   — linaria. IV, 323
   — medius. IV, 327.
   — nularius. IV, 375.
   — obscurus. IV, 327
   — viridis. IV, 327
 Spipola obscura. IV, 273.
 Spitzkopf. VI, 1.
 Spizaëte. VI, 399
 Spizaëtus. VI, 399.
   — bellicosus. VI, 399
   — grandis. VI, 322.
   — milvodes. VI, 314.
   — occipitalis. VI, 402
 Sporenhammer. IV, 367.
 Sporengans. VI, 685
 Sporenkiebitz. VI, 69
 Sporenkuckuck. V, 129.
 Sporenkuckucke. V, 128
 Sporenpieper. IV, 278.
 Sporenstelze. IV, 266.
 Sporothlastes fasciatus. IV, 397.
 Spotiaptex uralensis. V, 169.
 Spottedrossel. IV, 166.
 Sprachmeister. IV, 151.
 Sprosser. IV, 48.
 Squatarola cinerea. VI, 72.
   — grisea. VI, 72
   — helvetica. VI, 72
   — longirostris. VI, 72.
   — megarhynchos. VI, 72
   — melanogaster. VI, 72
   — rhynchomega. VI, 72.
   — varia. VI, 72.
   — wilsonii. VI, 72
 Stagnicola brachyptera. V, 699
   — chloropus. V, 699
   — meridionalis. V, 699
   — minor. V, 699
   — parvifrons. V, 699.
   — septentrionalis. V, 699
 Stahlglanzstar. IV, 428
 Star. IV, 415
 Stare. IV, 415
 Starlinge. IV, 401.
 Starna cinerea. V, 578
   — perdix. V, 578
 Starnocnas cyanocephala. V, 458.
 Steatornis caripensis. V, 247.
 Steatornithidae. V, 247
 Steganopodes. VI, 598
 Steganura paradisea. IV, 396
   — sphaenura. IV, 396.
 Steganurus. IV, 724.
   — spatuligera. IV, 724.
   — underwoodi. IV, 724.
 Steinadler. VI, 291
 Steindrossel. IV, 84
 Steinhuhn. V, 568
 Steinkauz. V, 186
 Steinkäuze. V, 186.
 Steinrötel. IV, 84.
 Steinschmätzer. IV, 74
   — 72.
 Steinsperling. IV, 298.
 Steinwäzler. VI, 86.
 Steisssfüsse. VI, 628.
 Steisshühner. V, 687
 Stelleria dispar. VI, 724
 Stelzen. IV, 257
 Stelzengrasmücke. IV, 123
 Stelzenläufer. VI, 56.
 Stelzenlerchen. IV, 255
 Steppenadler. VI, 311
 Steppenbrachschwalbe. VI, 93
 Steppenussard. VI, 331.
 Steppenhuhn. V, 478.
 Steppenkiebitz. VI, 67
 Steppennachtigal. IV, 48
 Steppenregenpfeifer. VI, 76.
 Steppenweihe. V, 431
 Stercorariæ. VI, 132.
 Stercorariinae. VI, 132
 Stercorarius asiaticus. VI, 138.
   — buffoni. VI, 137.
   — catarrhactes. VI, 134
   — cepphus. VI, 138.
   — crepidatus. VI, 136
   — longicauda. VI, 133.
   — longicaudatus. VI, 137
   — longicaudus. VI, 137
   — parasiticus. VI, 137
   — pomarinus. VI, 134
   — pomarinus. VI, 134.
   — pomatorhinus. VI, 134
   — richardsonii. VI, 138.
   — spinicaudus. VI, 138
   — tephros. VI, 138
 Sterna acufflavida. VI, 101
   — affinis. VI, 101
   — africana. VI, 101
   — alba. VI, 111
   — anglica. VI, 107
   — arabica. VI, 101.
   — aranea. VI, 107
   — arctica. VI, 103.
   — argentæa. VI, 103.

- Sterna argentata* VI, 103.
 — *bengalensis* VI, 191
 — *bergii* VI, 99.
 — *blasii* VI, 103.
 — *boysii* VI, 101
 — *brachypus* VI, 103
 — *brachytarsa* VI, 103.
 — *candida* VI, 111
 — *canescens* VI, 101
 — *cantiaca* VI, 101.
 — *caspia* VI, 98
 — *chelidon* VI, 103
 — *columbina* VI, 101
 — *cristata* VI, 99
 — *delamottei* VI, 109.
 — *dougalli* VI, 103.
 — *dauglasi* VI, 103.
 — *fissipes* VI, 109.
 — *fluvialis* VI, 103.
 — *fuliginosa* VI, 104.
 — *gouldi* VI, 104
 — *gracilis* VI, 102
 — *grisea* VI, 109
 — *hirundo* VI, 103
 — *hybrida* VI, 109
 — *indica* VI, 109.
 — *infusata* VI, 104.
 — *innotata* VI, 109
 — *javanica* VI, 109
 — *leucopareia* VI, 109
 — *leucoptera* VI, 109.
 — *longirostris* VI, 99.
 — *luctuosa* VI, 104
 — *macdougalli* VI, 103.
 — *macroptera* VI, 103.
 — *macrura* VI, 103.
 — *major* VI, 98
 — *marina* VI, 103.
 — *media* VI, 101.
 — *megarhynchos* VI, 98.
 — *melanotis* VI, 98.
 — *metopoleucos* VI, 105
 — *minor* VI, 105.
 — *minuta* VI, 105
 — *naevia* VI, 108.
 — *nigra* VI, 108.
 — *nilotica* VI, 107
 — *nitzschii* VI, 103.
 — *paradisca* VI, 103.
 — *pelecanoides* VI, 99.
 — *pelioecrea* VI, 99.
 — *plumbea* VI, 108.
 — *pomarina* VI, 103
 — *rectirostris* VI,
 — *risoria* VI, 107
 — *sandvicensis* VI, 101.
 — *senegalensis* VI, 103.
 — *serrata* VI, 104.
 — *similis* VI, 109.
 — *stolida* VI, 112
 — *staberica* VI, 101
 — *surinamensis* VI, 108.
 — *tenuirostris* VI, 103
 — *toresii* VI, 101
 — *tschegrava* VI, 98.
 — *velox* VI, 99.
 — *wilsonii* VI, 103
- Sterninae* VI, 96
Sternula antarctica VI, 105.
 — *danica* VI, 105
 — *fissipes* VI, 105.
 — *minuta* VI, 105.
 — *pomarina* VI, 105
Stiefeladler VI, 314
Stieglitz IV, 331
Stiervogel IV, 601
Stipiturus malachurus IV,
 179.
Stirnvogel IV, 409.
Stockente VI, 692.
Stoparola conspicillata IV,
 120
Storche VI, 552.
Stossfischer V, 63
Stossvogel VI, 221
Strahlenparadiesvogel IV,
 452
Strandläufer VI, 42
Strandpieper IV, 273
Strauss VI, 755.
Strausskuckuck V, 117
Strausswachtel V, 602.
Streifenammer IV, 384
Streifenflughuhn V, 494
Streifenchwirl IV, 142.
Streifenstrandläufer VI, 48
Streperinae IV, 524
Strepera tibicen IV, 525
Strepsilas borealis VI, 86.
 — *collaris* VI, 86
 — *interpres* VI, 86.
 — *littoralis* VI, 86,
 — *minor* VI 86
Streptopelia risoria V, 452.
Stridula flammea V, 160.
Striemenschwirl IV, 142
Strigiceps cineracens VI, 436.
 — *cineraceus* VI 436.
 — *cyaneus* VI, 431.
 — *elegans* VI, 436.
 — *pratorum* VI, 436.
 — *swainsonii* VI, 431
Strigidae V, 154
Strigides V, 154
Stringopinae V, 416.
Strigopsis habroptilus V, 418
Strigops habroptilus V, 418.
Stringops V, 418
 — *habroptilus* V, 418.
Strix V, 160
 — *acadica* V, 189
 — *accipitrina* V, 209.
 — *adspersa* V, 160
 — *aegolius* V, 209
 — *alba* V, 160.
 — *alba* V, 165.
 — *albifrons* V, 183.
 — *aluco* V, 160.
 — *aluco* V, 165.
 — *arctica* V, 174.
 — *arctica* V, 209.
 — *ascalaphus* V, 199
 — *barbata* V, 171
 — *brachyotus* V, 209.
Strix brachyura V, 209.
 — *bubo* V, 197
 — *californica* V, 194
 — *canadensis* 177
 — *candida* V, 174
 — *caparoch* V, 177
 — *carniolica* V, 212.
 — *caspia* V, 209.
 — *ceylonensis* V, 214.
 — *cunicularia* V, 193.
 — *dasyopus* V, 183.
 — *doliata* V, 177
 — *dumeticola* V, 214.
 — *flammea* V, 160.
 — *frontalis* V, 183.
 — *fuliginosa* V, 171
 — *funerea* V, 177
 — *giu* V, 212
 — *grallaria* V, 193.
 — *guttata* V, 160
 — *hardwickii* V, 214.
 — *hudsonia* V, 177
 — *hypogaea* V, 194
 — *kirchhoffii* V, 160.
 — *lapponica* V, 171.
 — *leschenaultii* V, 214.
 — *litierata* V, 169.
 — *macrocephala* V, 169.
 — *macrura* V, 169
 — *maculata* V, 160.
 — *margaritata* V, 160
 — *microphthalmos* V, 171.
 — *molitor* V, 186.
 — *uisoria* V, 177
 — *nivea* V, 174.
 — *noctua* V, 186
 — *numida* V, 186.
 — *nyctea* V, 174
 — *obscura* V, 160.
 — *otus* V, 202
 — *palustris* V, 209
 — *paradoxa* V, 160.
 — *passerina* V, 189.
 — *persica* V, 186
 — *pharaonis* V, 186.
 — *pratinnicola* V, 160.
 — *psilodactyla* V, 186
 — *pulehella* V, 212
 — *pusilla* V, 189.
 — *pygmaea* V, 189
 — *rufa* V, 165
 — *sandwicensis* V, 209
 — *scandiacae* V, 174.
 — *scops* V, 212
 — *splendens* V, 160
 — *sylvatica* V, 165.
 — *tengmalmi* V, 183
 — *tridula* V, 165.
 — *tripennis* V, 209
 — *turcomana* V, 139.
 — *uhula* V, 177.
 — *uralensis* V, 169
 — *vaparenthu* V, 174.
 — *vilgaris* V, 160
 — *zorca* V, 212
Strobilophaga enucleator IV,
 344.

- Struthidea cinerea* IV, 513.
Struthio VI, 655
   — *australis* VI, 755
   — *camelus* VI, 755
   — *casuarius* VI, 748
     molybdophanes VI,
     rhea VI, 739.
Struthionithes VI, 755.
Struthus coelebs IV, 805.
   — *hiemalis* IV, 317.
   — *hyemalis* IV, 317
   — *montifringilla* IV, 309
Stummellerche IV, 239.
Stummelmöwe VI, 128.
Stumpfschwanzpapageien V,
   302.
Sturmnöwe VI, 120.
Sturmschwalbe VI, 213.
Sturmschwalben VI, 212
Sturmsegler VI, 213.
Sturmtaucher VI, 217.
Sturnidae IV, 415.
Sturnus asiaticus IV, 420.
   — *cinclus* IV, 78
   — *collaris* IV, 106.
   — *crispicollis* IV, 228.
   — *domesticus* IV, 415
   — *indicus* IV, 416.
   — *moritanus* IV, 106.
   — *nitens* IV, 416
   — *niteus* IV, 415
   — *praedatorius* IV, 407
   — *quiescalus* IV, 413.
   — *roseus* IV, 420.
   — *septentrionalis* IV, 415
   — *silvestris* IV, 415
   — *splendens* IV, 416
   — *tenuirostris* IV, 415
   — *unicolor* IV, 416.
   — *varius* IV, 415.
   — *vulgaris* IV, 415.
Stylorhynchus erythrofrons
   V, 318.
Suchvögel VI, 1
Sucriers IV, 224
Sula alba VI, 612.
   — *americana* VI, 612
   — *bassana* VI, 612
   — *major* VI, 612.
Sulinae VI, 612.
Sultanshuhn V, 702
Sultanshuhn V, 704.
Sumpfeule V, 209.
Sumpfhalmchen V, 706
Sumpfkiebitz VI, 68.
Sumpfläufer VI, 48.
Sumpfschneise IV, 195
Sumpfrohrdommel VI, 542.
Sumpfrohrsänger IV, 135
Sumpfschneepfen VI, 7.
Sumpfwasserläufer VI, 32.
Surnia borealis V, 177.
   — *canadensis* V, 177
   — *funerea* V, 177.
   — *noctua* V, 186.
   — *nyctea* V, 174
   — *passerina* V, 189.
Surnia ulula V, 177
   — *uralensis* V, 169
Surukua V, 5
Sutoria agilis IV, 177.
Sylbeocyclus europaeus VI
   637.
   — *minor* VI, 637.
Sylochelidon affinis VI, 101.
   — *balthica* VI, 99
   — *caspia* VI, 99
   — *melanotis* VI, 99.
   — *schillingii* VI, 99.
   — *stenurus* VI, 99
   — *velox* VI, 99.
Sylva solitaria IV, 87
Sylvia IV, 108.
   — *aedonia* IV, 114.
   — *affinis* IV, 118.
   — *affinis* IV, 134
   — *albicans* IV, 157
   — *angusticauda* IV, 156
   — *aquatica* IV, 141
   — *arundinacea* IV, 134.
   — *atricapilla* IV, 112.
   — *bacticata* IV, 134.
   — *baumani* IV, 124.
   — *bifasciata* IV, 160.
   — *boeticula* IV, 134.
   — *bonellii* IV, 122.
   — *bonellii* IV, 157.
   — *caligata* IV, 136.
   — *caniceps* IV, 110.
   — *capistrata* IV, 123.
   — *cariceti* IV, 141
   — *certhiola* IV, 142.
   — *cettii* IV, 150.
   — *cinerea* IV, 118
   — *cisticola* IV, 174.
   — *coerulicula* IV, 56.
   — *coeruligula* IV, 56
   — *conspicillata* IV, 120.
   — *crassirostris* IV, 110.
   — *curruca* IV, 116.
   — *cyanea* IV, 56.
   — *dartfordiensis* IV, 127.
   — *eversmanni* IV, 156.
   — *familiaris* IV, 129
   — *ferruginea* IV, 127
   — *ficedula* IV, 554.
   — *flaveola* IV, 156.
   — *flavescens* IV, 157
   — *flaviventris* IV, 156.
   — *fluviatilis* IV, 146.
   — *fruticeti* IV, 118.
   — *fruticola* IV, 135.
   — *galactodes* IV, 129.
   — *garrula* IV, 116.
   — *grisea* IV, 110.
   — *guzurata* IV, 177.
   — *hortensis* IV, 114.
   — *horticola* IV, 134
   — *hypolais* IV, 151.
   — *hipolais icterina* IV, 151.
   — *icterops* IV, 120
   — *iliaca* IV, 90.
   — *isabellina* IV, 134.
   — *lanceolata* IV, 142.
Sylvia leucopogon IV, 122.
   — *locustella* IV, 142.
   — *luscini* IV, 48.
   — *lusciniodes* IV, 148.
   — *lutea* IV, 182.
   — *mattereri* IV, 157.
   — *melampogon* IV, 149.
   — *melandros* IV, 123.
   — *melanocephala* IV, 124.
   — *melanopogon* IV, 149.
   — *merula* IV, 93
   — *modularis* IV, 103.
   — *montana* IV, 136.
   — *montanella* IV, 104.
   — *musica* IV, 90.
   — *mystacea* IV, 122.
   — *naumanni* IV, 112.
   — *nigricapilla* IV, 112.
   — *nigritrons* IV, 135.
   — *nisoria* IV, 108.
   — *obscura* IV, 151.
   — *ochrogenion* IV, 124.
   — *oenanthe* IV, 74.
   — *olivetorum* IV, 154.
   — *orphaea* IV, 110.
   — *orphea* IV, 110
   — *pallida* IV, 154.
   — *paludicola* IV, 141.
   — *palustris* IV, 135.
   — *passerina* IV, 122.
   — *pestilentialis* IV, 552.
   — *philomela* IV, 48.
   — *phragmitis* IV, 138.
   — *phoenicurus* IV, 68.
   — *pilaris* IV, 91.
   — *pileata* IV, 110.
   — *platyura* IV, 150.
   — *polyglotta* IV, 151.
   — *prasinopyga* IV, 157.
   — *proregulus* IV, 160.
   — *provincialis* IV, 127
   — *regulus* IV, 162
   — *rubecula* IV, 61.
   — *rubetra* IV, 69.
   — *rubicola* IV, 70.
   — *rubiginosa* IV, 129
   — *rubricapilla* IV, 112
   — *rufa* IV, 118.
   — *rufescens* IV, 75.
   — *ruficapilla* IV, 112.
   — *ruficapilla* IV, 177.
   — *rüppellii* IV, 123.
   — *ruscicola* IV, 124.
   — *salicaria* IV, 114.
   — *salicaria* IV, 141.
   — *sarda* IV, 126.
   — *saxatilis* IV, 84.
   — *sericea* IV, 150.
   — *schoenobaenus* IV, 138
   — *scita* IV, 136.
   — *sibilatrix* IV, 156.
   — *stapazina* IV, 75.
   — *strepera* IV, 134.
   — *striata* IV, 141
   — *subalpina* IV, 122.
   — *succica* IV, 56.
   — *sylvicola* IV, 156.

- Sylvia tamaricis*. IV, 156.
 — *tites* IV, 65.
 — *tithys* IV, 65.
 — *torquata*. IV, 93.
 — *trochilus*. IV, 156.
 — *troglodytes* IV, 170.
 — *turdoïdes* IV, 132.
   undata. IV, 127.
 — *virens* IV, 279.
 — *viscivorus* IV, 90.
 — *xanthogastra*. IV, 151.
Sylvicola virens. IV, 279.
Sylvicole verte IV, 279.
Sylvicolinae IV, 279.
Sylviidae. IV, 46.
Sylviidés IV, 102.
Sylviinae IV, 102.
Symphemia atlantica VI, 51.
 — *semipalmata* VI, 51.
Synallaxis IV, 588.
 — *frontalis* IV, 588.
Synornis joulaimus. IV, 557.
Syrnaticus recvesii. V, 626.
Syrnia funerea V, 177.
 — *nyctea*. V, 174.
 — *psilodactyla*. V, 186.
Syrniinae V, 164.
Syrnium aedum V, 165.
 — *aluco* V, 165.
 — *barbatum* V, 171.
Syrnium cinereum V, 171.
 — *cinereum* V, 172.
 — *lapponicum* V, 171.
 — *microphthalmum* V, 171.
 — *macrocephalum*. V, 169.
 — *nyctea* V, 174.
 — *stridulum* V, 165.
 — *tengmahmi* V, 183.
 — *ululans* V, 165.
 — *uralense* V, 169.
Syrnaptere V, 478.
Syrnaptés V, 477.
 — *paradoxus*. V, 478.
- T.**
- Tachybaptés capensis*. VI, 637.
 — *minor* VI, 637.
 — *philippensis* VI, 637.
Tachydromus europaeus. VI, 80.
   gallicus. VI, 80.
Tadorna. VI, 678.
 — *bellonii* VI, 681.
 — *casarca* VI, 678.
 — *cornuta* VI, 681.
 — *diamantica* VI, 681.
 — *familiaris*. VI, 681.
 — *gibbera* VI, 681.
 — *littoralis* VI, 681.
 — *maritima*. VI, 681.
 — *nivea* VI, 668.
 — *rutla* VI, 678.
Tadorna schachraman. VI, 681.
   vulpanser VI, 681.
Tadorne commune. VI, 681.
 — *gambien*. VI, 685.
Tafelente. VI, 716.
Tagreïher. VI, 527.
Talève. V, 702.
 — *naine*. V, 704.
Tallegallus lathamii V, 682.
Tamariskensänger. IV, 149.
Tamatia erythroptigia IV, 705.
Tamnophilus erythropterus IV, 541.
Tanagra aestiva IV, 282.
   erythrorhyncha IV, 425.
   rubra. IV, 282.
 — *sinensis*. IV, 182.
 — *variegata* IV, 282.
 — *violacea*. IV, 284.
Tangara IV, 291.
 — *orange*. IV, 282.
 — *rouge*. IV, 282.
Tannenmeise. IV, 194.
Tantale VI, 574.
Tantales. VI, 573.
Tantalus VI, 573.
 — *bengalensis* VI, 560.
 — *chalcopterus*. VI, 580.
 — *falcinellus*. VI, 580.
 — *ibis*. VI, 574.
 — *ibis* VI, 584.
 — *longirostris*. VI, 574.
 — *manillensis*. VI, 580.
 — *mexicanus*. VI, 580.
 — *rhodinopterus*. VI, 574.
Tanysiptera. V, 74.
   galatea V, 74.
Tapacole IV, 683.
Taubensturmschwalbe. VI, 214.
Tauchente. VI, 707.
Taucherhühnchen V, 716.
Teichhuhn V, 699.
Teichrohrsänger IV, 134.
Teichwasserläufer VI, 30.
Teiste VI, 151.
Telephonus aethiopicus. IV, 542.
 — *erythropterus*. IV, 541.
Telmatias brachyptera VI, 8.
 — *brachypus*. VI, 10.
 — *facroensis* VI, 10.
 — *gallinago* VI, 10.
 — *gallinula* VI, 13.
 — *lacustris* VI, 10.
 — *major* VI, 8.
 — *nisoria* VI, 8.
 — *peregrina* VI, 10.
 — *petenyi* VI, 10.
 — *salicaria* VI, 10.
 — *septentrionalis*. VI, 10.
 — *stagnatilis* VI, 10.
 — *uliginosa* VI, 8.
Temnurus albicollis V, 7.
 — *rufus* IV, 512.
 — *silens* V, 7.
Temnurus vagabundus. IV, 512.
Terekia cinerea VI, 40.
 — *javanica* VI, 40.
Terekwasserläufer VI, 40.
Terpsiphone melanogastra IV, 559.
Tetrao V, 508.
 — *acatoptricus*. V,
   — *albus* V, 552.
   — *alchata* V, 491.
   — *alpinus* V, 560.
   — *andalusicus* V, 719.
   — *arenarius*. V, 420.
   — *betulinus* V, 538.
   — *bonasia*. V, 538.
   — *brachidactylus* V, 552.
   — *cachinans*. V, 552.
   — *californicus*. V, 608.
   — *canus* V, 538.
   — *caucasicus*. V, 587.
   — *caudacutus*. V, 491.
   — *coturnix* V, 596.
   — *crassirostris*. V, 508.
   — *cupido*. V, 544.
   — *damascenus* V, 578.
   — *derbianus* V, 524.
   — *ericeus*. V, 524.
   — *fasciatus*. V, 490.
   — *ferrugineus* V, 615.
   — *francolinus* V, 585.
   — *gibraltariensis*. V, 719.
   — *hybridus*. V, 534.
   — *intermedius* V, 534.
   — *islandicus*. V, 560.
   — *islandorum* V, 660.
   — *juniperorum* V, 524.
   — *lagopides*. V, 559.
   — *lagopodi-tetricides*. V, 559.
   — *lagopoides* V, 559.
   — *lapponicus* V, 552.
   — *maculatus*. V, 508.
   — *major* V, 508.
   — *marilandicus* V, 605.
   — *minor* V, 605.
   — *mlokosiewiczii* V, 525.
   — *montanus* V, 560.
   — *montanus*. V, 578.
   — *perdix*. V, 578.
   — *peregrinus* V, 524.
   — *petrosus*. V, 577.
   — *rufus*. V, 572.
   — *rupestris* V, 524.
   — *rupestris*. V, 560.
   — *scoticus* V, 554.
   — *saliceti* V, 552.
   — *sylvaticus* V, 719.
   — *tetricus*. V, 524.
   — *urogallides* V, 534.
   — *urogallo-tetricides*. V, 534.
   — *urogallo-tetricus* V, 534.
   — *urogalloides* V, 509.
   — *urogalloides* V, 534.
   — *urogalus* V, 508.
   — *virginianus* V, 605.
Tetraogallus caucasicus. V, 587.

- Tetraogalus himalayensis* V. 590.
nigelli V, 590.
 Tetraoninae V, 506.
Tétras batard V, 534.
 — à fraise V, 544.
Tetrastes bonasia V, 538.
Tetrax campestris VI, 173.
 Teufelsturmvogel. VI, 208.
 Textor. IV, 387.
 — albirostris IV, 387.
 — alecto. IV, 387.
 — dinemelli. IV, 387.
 — flavoviridis IV, 390.
 — galbula IV, 3-9.
Thasarche chlororhynchos VI, 199.
Thalassea dougalli VI, 103.
Thalasseus acufflavidus VI 101.
 — affinis. VI, 101.
 — bengalensis. VI, 101.
 — bergii VI, 99.
 — candicans. VI, 101.
 — canescens. VI, 101.
 — canticus. VI, 101.
 — caspia VI, 99.
 — maxuriensis VI, 101.
 — medius VI, 101.
 — pelacanoides VI, 99.
 — poliocercus VI, 99.
 — torresi. VI, 101.
Thalassidroma VI, 212.
 — albifasciata VI, 212.
 — anglorum. VI, 217.
 — bulcockii. VI, 213.
 — bulwerii VI, 214.
 — leachii VI, 213.
 — leucorrhoea VI, 213.
 — melitensis VI, 212.
 — minor. VI, 22.
 — oceanica VI, 214.
 — pelagica. VI, 212.
 — tenuirostris VI, 212.
 — wilsoni VI, 214.
Thalassipora infusata VI, 104.
Thalassites melanotis VI, 99.
Thalassironthes VI, 198.
Thammodia niveiventris IV, 557.
Thamnodus provincialis IV, 127.
Tharraleus modularis IV, 103.
Thaumalea picta V, 631.
Theiopicus campestris IV, 641.
Theratopus caudatus VI, 341.
Therschiornis minor VI, 584.
Thrasaetus harpyia VI, 407.
Thraupina IV, 281.
Thraupis IV, 282.
 — aetiva IV, 282.
 — rubra IV, 282.
Thremmophilus roseus IV, 420.
Threnetria fluviatilis IV, 146.
 — locustella. IV, 142.
Threskiornis religiosa VI, 584.
Tichodroma brachyrhynchos IV, 215.
 — europaea IV, 215.
 — macrorhynchos. IV, 215.
 — media IV, 215.
 — muraria. IV, 215.
 — nipalensis IV, 215.
 — phoenicoptera. IV, 215.
 — subhimalayana. IV, 215.
Timalia à cape rouge IV, 181.
Timalien IV, 166.
Timalien IV, 180.
Timelia IV, 181.
 — pileata. IV, 181.
Timeliidae IV, 166.
Timeliinae IV, 180.
Tinamus guazu V, 689.
 — rufescens V, 689.
Tinnunculus alaudarius VI, 274.
 — cenchris VI, 281.
 — rufipes VI, 285.
 — vespertinus VI, 285.
Tirica brasiliensis V, 316.
 — tiriacula. V, 316.
 — viridissima V, 316.
Tisserand alecto IV, 387.
 — à tête blanche IV, 387.
 — d'Abyssinie. IV, 390.
 — doré IV, 389.
 — ignicolore IV, 393.
Tisserands IV, 387.
Tmetoceros V, 25.
 — abyssinicus. V, 25.
Tockus erythrorhynchus V, 12.
Todi V, 75.
Todidae V, 74.
Todus V, 75.
 — multicolor. V, 75.
 — portoricensis. V, 75.
 — viridis. V, 75.
Tok V, 12.
Tokororo V, 7.
Tolmaëtus bonelli VI, 322.
Tölpel VI, 612.
Tölpeln VI, 612.
Tölpelseeschwalbe VI, 112.
Topaskolibri IV, 719.
Topaza IV, 719.
 — pella. IV, 719.
Töpfervogel IV, 585.
Töpfervogel IV, 584.
Torchepot IV, 211.
Torcol ordinaire IV, 685.
Torcots IV, 685.
Tordalk VI, 144.
Tordier V, 75.
 — multicolore. V, 75.
 — vert. V, 75.
Tordiers V, 74.
Torquilla striata IV, 685.
Totaninae VI, 17.
Totanus VI, 25.
 — aegocephala. VI, 22.
 — affinis. VI, 35.
 — ater. VI, 33.
 — batramius. VI, 39.
 — calidris. VI, 32.
 — canescens. VI, 30.
 — crassirostris. VI, 51.
 — ferrugineus. VI, 21.
 — fistulans. VI, 30.
 — fuscus. VI, 33.
 — glareola. VI, 35.
 — glareoloides. VI, 35.
 — glottis VI, 30.
 — glottoides. VI, 30.
 — graecus. VI, 32.
 — grallatorius VI, 35.
 — griseus. VI, 30.
 — guinetta. VI, 37.
 — hypoleucus. VI, 37.
 — indicus. VI, 25.
 — javanicus. VI, 40.
 — kuhlii. VI, 35.
 — leucophaeus. VI, 21.
 — leucurus. VI, 35.
 — limosa. VI, 22.
 — littoralis. VI, 32.
 — littoreus VI, 30.
 — macularis. VI, 37.
 — maculatus. VI, 33.
 — maritimus VI, 42.
 — melanopygius. VI, 39.
 — meridionalis. VI, 32.
 — natans. VI, 33.
 — novebracensis. VI, 24.
 — ochropus. VI, 35.
 — palustris. VI, 35.
 — pugnat. VI, 26.
 — rayli. VI, 33.
 — rivalis. VI, 35.
 — semipalmatus. VI, 51.
 — stagnatilis. VI, 30.
 — striatus. VI, 32.
 — sylvestris. VI, 35.
 — tenuirostris. VI, 30.
 — variegatus. VI, 39.
Toucan IV, 692.
 — ariel. IV, 693.
 — kirima IV, 693.
 — toco IV, 692.
Toucans IV, 691.
Touraco à casque V, 143.
 — à collier. V, 143.
 — géant. V, 139.
 — luppé V, 145.
 — violet V, 142.
Touracos criards V, 147.
Tourne pierras VI, 87.
Tourterelle commune V, 448.
 — naine V, 446.
 — orientale V, 448.
 — riieuse V, 452.
 — roussâtre V, 449.
Tourterelles V, 448.
Trachelia pratineola VI, 93.
Trachelonetta acuta VI, 700.

- Trachypetes aquilus*. VI, 621.
 — *minor*. VI, 621.
 — *palmerstoni*. VI, 621.
 — *leucocephalus*. VI, 621.
Trachyphonus. IV, 705.
 — *margaritatus*. IV, 705.
Tragopan abyssinicus. V, 25.
 — *lathamii*. V, 643.
 — *satyrus*. V, 643.
 — *temminckii*. V, 643.
Traquet rubicole. IV, 70.
 — *tarier*. IV, 69.
Trappen. VI, 163.
Trappenvögel. VI, 1.
Trappiste. V, 152.
Trappisten. V, 152.
Trappistes. V, 152.
Trauerdrongo. IV, 440.
Trauerente. VI, 714.
Trauerfliegenfänger. IV, 554.
Trauerlaubsänger. IV, 157.
Trauerseeschwalbe. VI, 108.
Trauersteinschmätzer. IV, 72.
Trauerstelze. IV, 258.
Treron abyssinica. V, 469.
 — *habessinica*. V, 469.
 — *vaalia*. V, 469.
Trichoglosses. V, 367.
Trichoglossinae. V, 361.
Trichoglossus. V, 367.
 — *haematodus*. V, 369.
 — *haematopus*. V, 369.
 — *multicolor*. V, 369.
 — *Novae-Hollandiae*. V, 369.
 — *swainsonii*. V, 369.
Tridactylia hirsuta. IV, 663.
 — *kamtchatkensis*. IV, 663.
Triel. VI, 182.
Tringa. VI, 42.
 — *alpina*. VI, 44.
 — *antumnalis*. VI, 580.
 — *arenaria*. VI, 49.
 — *arquata*. VI, 42.
 — *atra*. VI, 33.
 — *australis*. VI, 42.
 — *batramia*. VI, 39.
 — *bonapartii*. VI, 47.
 — *calidris*. VI, 42.
 — *campestris*. VI, 47.
 — *canadensis*. VI, 42.
 — *canutus*. VI, 42.
 — *chinensis*. VI, 44.
 — *cinclus*. VI, 44.
 — *cinerea*. VI, 42.
 — *dominicensis*. VI, 48.
 — *dorsalis*. VI, 47.
 — *elarioides*. VI, 48.
 — *equestris*. VI, 26.
 — *fasciata*. VI, 67.
 — *ferruginea*. VI, 42.
 — *fulicaria*. VI, 53.
 — *fusca*. VI, 52.
 — *fuscicollis*. VI, 47.
 — *gambetta*. VI, 32.
 — *glacialis*. VI, 53.
 — *glareola*. VI, 35.
 — *grallatoris*. VI, 35.
Tringa gregaria. VI, 21.
 — *grenovicensis*. VI, 26.
 — *grisea*. VI, 42.
 — *guinetta*. VI, 37.
 — *helvetica*. VI, 72.
 — *hudsonica*. VI, 86.
 — *hyperborea*. VI, 52.
 — *hypoleucus*. VI, 37.
 — *interpres*. VI, 86.
 — *islandica*. VI, 42.
 — *keptuschka*. VI, 67.
 — *littoralis*. VI, 42.
 — *littorea*. VI, 26.
 — *littorea*. VI, 35.
 — *lobata*. VI, 52.
 — *longicauda*. VI, 39.
 — *longipes*. VI, 33.
 — *macularia*. VI, 37.
 — *maculata*. VI, 48.
 — *maritima*. VI, 42.
 — *minuta*. VI, 46.
 — *minutilla*. VI, 47.
 — *morinella*. VI, 86.
 — *naevia*. VI, 42.
 — *nana*. VI, 47.
 — *nigricans*. VI, 42.
 — *notata*. VI, 37.
 — *oahuensis*. VI, 86.
 — *ochropus*. VI, 35.
 — *pectoralis*. VI, 48.
 — *platyrhyncha*. VI, 48.
 — *pugnax*. VI, 26.
 — *pygmaea*. VI, 44.
 — *pygmaea*. VI, 48.
 — *rufa*. VI, 42.
 — *rufescens*. VI, 26.
 — *rufescens*. VI, 48.
 — *schinzii*. VI, 44.
 — *squatarola*. VI, 72.
 — *striata*. VI, 32.
 — *striata*. VI, 49.
 — *subarcuata*. VI, 44.
 — *su arquata*. VI, 44.
 — *subruficollis*. VI, 48.
 — *temminckii*. VI, 47.
 — *totanus*. VI, 33.
 — *tridactyla*. VI, 49.
 — *vanellus*. VI, 62.
 — *varia*. VI, 72.
 — *variabilis*. VI, 44.
 — *wilsonii*. VI, 47.
Tringites macularius. VI, 37.
Tringoides batramius. VI, 39.
 — *hypoleuca*. VI, 37.
 — *macularius*. VI, 37.
 — *rufescens*. VI, 48.
Triorchis fluvialis. VI, 363.
Trochilidae. IV, 713.
Trochilinae. IV, 722.
Trochilus affinis. IV, 717.
 — *albus*. IV, 718.
 — *aquila*. IV, 717.
 — *atricapillus*. IV, 718.
 — *auriculatus*. IV, 721.
 — *auritus*. IV, 721.
 — *bilophus*. IV, 723.
 — *brasiliensis*. IV, 717.
Trochilus chrysurus. IV, 725.
 — *colubris*. IV, 722.
 — *colubris*. IV, 732.
 — *cornutus*. IV, 723.
 — *derbianus*. IV, 727.
 — *dilophus*. IV, 723.
 — *fasciatus*. IV, 718.
 — *gigas*. IV, 726.
 — *lindeni*. IV, 729.
 — *mango*. IV, 718.
 — *nigricollis*. IV, 718.
 — *nigrotis*. IV, 721.
 — *nitidus*. IV, 718.
 — *ornatus*. IV, 722.
 — *pella*. IV, 719.
 — *punctatus*. IV, 718.
 — *quadricolor*. IV, 718.
 — *pretrei*. IV, 717.
 — *radiosus*. IV, 725.
 — *sappho*. IV, 725.
 — *superciliosus*. IV, 717.
 — *underwoodi*. IV, 724.
 — *violcaudus*. IV, 718.
Troglodytes borealis. IV, 171.
 — *domesticus*. IV, 170.
 — *europaeus*. IV, 170.
 — *fumigatus*. IV, 170.
 — *Naumanii*. IV, 171.
 — *parvulus*. IV, 170.
 — *punctatus*. IV, 170.
 — *regulus*. IV, 170.
 — *sylvestris*. IV, 170.
 — *tenuirostris*. IV, 170.
 — *vulgaris*. IV, 170.
Troglodytinae. IV, 169.
Troglodytte d'Europe. IV, 170.
Troglodyttes. IV, 169.
Trogon albiventris. V, 5.
 — *cayennensis*. V, 5.
 — *ceylonensis*. V, 2.
 — *fasciatus*. V, 2.
 — *laverianus*. V, 5.
Trogon leucurus. V, 5.
 — *melanopterus*. V, 5.
 — *malabaricus*. V, 2.
 — *narina*. V, 3.
 — *paradiseus*. V, 8.
 — *resplendens*. V, 8.
 — *strigilatus*. V, 5.
 — *surucua*. V, 5.
 — *temurus*. V, 7.
 — *violaceus*. V, 5.
 — *viridis*. V, 5.
Trogones. V, 1.
Trogoni. V, 3.
Trogonidae. V, 1.
Trogoniformes. V, 1.
Trogons. V, 3 u 1.
Trompetervögel. V, 731.
Tropicophilus aethereus. VI, 625.
Tropikvogel. VI, 625.
Tropikvögel. VI, 625.
Trottellume. VI, 153.
Tropical de Baltimore. IV, 401.
Troupials. IV, 401.

Trugsänger. IV, 612.
 Truthahngerier VI, 512.
 Truthuhn V, 652.
 Truthühner. V, 651.
 Trynga guinetta VI, 97
 — leucoptera. VI, 97.
 Tryngites rufescens VI, 48.
 Trypanocorax frugilegus IV,
 474.
 Tschagra. IV, 541.
 — erythropterus IV, 541.
 — orientalis. IV, 541.
 Tschitrea ferreti IV, 559.
 — melampyra. IV, 559.
 — melanogastra. IV, 559.
 — senegalensis. IV, 559.
 — speciosa. IV, 559.
 Tschukar. V, 568
 Tui IV, 228
 Tundra-Blaukehlchen. IV, 56.
 Tundraregenpfeifer VI, 73.
 Tüpfelsumpfhühnchen. V, 706.
 Turacus cristatus. V, 139.
 — leucotis. V, 143.
 Turdinae. IV, 47
 Turdus. IV, 89.
 — acneus. IV, 427
 — aethiopicus IV, 542
 — alpestris. IV, 93
 — arboreus IV, 90.
 — arsinoë. IV, 232.
 — arundinaceus IV, 132
 — atrigularis IV, 96.
 — badius. IV, 585.
 — betularum. IV, 90.
 — calliope. IV, 59.
 — carolinensis IV, 185.
 — caudatus IV, 427
 — certhiola. IV, 142.
 — cinclus IV, 78.
 — coronatus. IV, 578.
 — cyanus. IV, 87.
 — dauma. IV, 95.
 — dubius IV, 95.
 — fuscilateralis. IV, 91.
 — gracilis. IV, 90.
 — gularis. IV, 78.
 — iliacus IV, 90.
 — juno. IV, 132
 — juniperorum IV, 91.
 — leucogaster. IV, 431.
 — leucurus. IV, 72.
 — major. IV, 90.
 — malabaricus. IV, 231.
 — merula IV, 93.
 — migratorius. IV, 95.
 — minor IV, 90.
 — mollissimus IV, 95.
 — musicus IV, 90.
 — naumanni. IV, 95.
 — obscurus IV, 95
 — pallasi. IV, 95.
 — philomelos. IV, 90.
 — pilaris IV, 91.
 — polyglotta. IV, 166
 — roseus. IV, 420.
 — rubiginosus. IV, 129.

Turdus ruficollis. IV, 95
 — rufus. IV, 187.
 — saxatilis. IV, 84.
 — sibiricus IV, 95
 — solitarius. IV, 87.
 — speciosus. IV, 546.
 — subpilaris. IV, 91.
 — swainsoni. IV, 95.
 — torquatus. IV, 92.
 — triostegus IV, 578
 — varius. IV, 95.
 — vinetorum. IV, 90.
 — viscivorus IV, 90.
 Türkenvogel. IV, 568.
 Turmfalke. VI, 274.
 Turnices V, 717.
 Turnicidae. V, 717.
 Turnicidés. V, 717.
 Turnix africana V, 719.
 — albigularis. V, 719.
 — andalusica. V, 719.
 — gibraltaria V, 719.
 — pugnax V, 718.
 — sylvatica V, 719.
 Turnix d'Afrique. V, 719
 Turtel. V, 448
 Turteltauben V, 448
 Turtur. V, 448.
 — auritus. V, 448.
 — cambayensis. V, 449.
 — communis. V, 448.
 — decipiens. V, 452.
 — gelastes. V, 448.
 — glauconotos. V, 448.
 — jamaicensis. V, 458.
 — lophotes. V, 455.
 — meena. V, 448.
 — migratorius V, 448.
 — orientalis. V, 448.
 — pygmaeus. V, 448.
 — risorius. V, 452.
 — rufescens. V, 448.
 — rufidorsalis. V, 448.
 — ruficola. V, 448.
 — ruficolus. V, 448.
 — savignii. V, 449
 — semitorquatus. V, 452.
 — senegalensis. V, 446.
 — senegalensis V, 448.
 — sylverstris. V, 448.
 — tenera. V, 448
 — vinaceus. V, 452.
 — vitticollis V, 448.
 — vulgaris V, 448.
 Tyran à ventre blanc. IV,
 592.
 — à ventre jaune. IV,
 594.
 Tyrannidae. IV, 569.
 Tyrannus carolinensis. IV,
 592.
 — intrepidus IV, 592.
 — leucogaster. IV, 592.
 — leucogaster IV, 594.
 — magnanimus. IV, 594.
 — pipiri IV, 592.
 — sulfuratus IV, 594.

U.

Uferschilfsänger. IV, 138
 Uferschnepfe. VI, 22.
 Uferschnepfen. VI, 21.
 Uferschwalbe. IV, 574.
 Ufervogel. VI, 1.
 Uhu. V, 197.
 Ulula aluco. V, 165.
 — barbata. V, 171.
 — brachyotus. V, 209.
 — cinerea. V, 171.
 — flamma. V, 160.
 — funerea. V, 183.
 — lapponica. V, 171.
 — liturata. V, 169.
 — uralensis. V, 169.
 Undine leucocephala. VI, 725.
 — mersa. VI, 725.
 Unglücksbäher. IV, 496.
 Unveränderlicher Schwan. VI,
 649
 Unzertrennliche. V, 348.
 Upupa bifasciata. V, 31.
 — brachyrhynchos. V, 31.
 — epops. V, 31.
 — erythrorhyncha. V, 35.
 — exilis. V, 31.
 — fusca. IV, 455.
 — macrorhynchos. V, 31.
 — maculigera. V, 31.
 — magna. IV, 455.
 — major. V, 31.
 — senegalensis. V, 31.
 — speciosa. IV, 455.
 — striata. IV, 455.
 — viridis. V, 35.
 — vulgaris. V, 31
 Upupidae. V, 31.
 Uragus IV, 347.
 — sibiricus. IV, 347
 Uraeuca pileata IV, 487
 Uranornis rubra. IV, 445
 Uraueas acneus. IV, 427
 Uria. VI, 151.
 — alca VI, 153.
 — alle. VI, 158.
 — arctica. VI, 151.
 — arra. VI, 153.
 — bruennichii. VI, 153.
 — francsii. VI, 153.
 — glacialis. VI, 151
 — groenlandica. VI, 151.
 — grylle. VI, 151.
 — hringvia. VI, 153.
 — intermedia VI, 153.
 — lacrimans VI, 153
 — lacteola. VI, 151.
 — leucophthalmus. VI, 153.
 — leucopsis. VI, 153.
 — leucoptera. VI, 151
 — lomvia. VI, 153.
 — longvigia VI, 153.
 — mandtii. VI, 151.
 — meisneri VI, 151.
 — minor. VI, 151.

Uria norvegica. VI, 153.
 — *polaris*. VI, 153.
 — *rhingvia*. VI, 153.
 — *ringvia*. VI, 153.
 — *scapularis*. VI, 151.
 — *svarbag*. VI, 153.
 — *troile*. VI, 153.
 — *unicolor*. VI, 153.
 — *vivea*. VI, 151.
Urinator arcticus. VI, 639
 — *glacialis*. VI, 639.
 — *septentrionalis*. VI, 640.
Urinatoridae. VI, 639.
Uroaëtus audax. VI, 321.
Urocissa brevixilla. IV, 489.
 — *erythrorhynchia*. IV, 489.
 — *sinensis*. IV, 489
Urocolius macrourus. IV, 789.
Urogallus major. V, 508.
 — *tetrix minor*. V, 524.
Utamania pica. VI, 144.
 — *torda*. VI, 144

V.

Vanellus aegyptius. VI, 62.
 — *bicornis*. VI, 62.
 — *capella*. VI, 62.
 — *crispus*. VI, 62.
 — *cristatus*. VI, 62.
 — *gavia*. VI, 62
 — *grallarius*. VI, 68.
 — *gregarius*. VI, 67
 — *helveticus*. VI, 72.
 — *leucurus*. VI, 68.
 — *melanogaster*. VI, 72.
 — *melasomus*. VI, 69.
 — *spinus*. VI, 69.
 — *squatarola*. VI, 72.
 — *villota*. VI, 68.
 — *vulgaris*. VI, 62.
Vanneau à queue blanche
 VI, 68.
 — *armé*. VI, 69.
 — *huppé*. VI, 62.
 — *mongole*. VI, 67
 — *fluvier*. VI, 72.
Vautour de Ruppel. VI, 493.
 — *fauve*. VI, 463.
 — *noir*. VI, 513.
 — *royal*. VI, 489.
Vautours. VI, 478
 — *d'Amérique*. VI, 505
 — *fauves*. VI, 493
Venturon. IV, 329.
Verdegais. IV, 341.
Verdier. IV, 318.
Veuve de paradis. IV, 396.
Veuves. IV, 395.
Vidua. IV, 395
 — *paradisea*. IV, 396
Viehweber. IV, 387.
Vinago abyssinica. V, 469
Viralva affinis. VI, 107
 — *anglica*. VI, 107.
 — *aranea*. VI, 107.

Viralva indica. VI, 109.
 — *leucepareia*. VI, 109.
 — *leucoptera*. VI, 109.
 — *nigra*. VI, 108.
Vitiflora cinerea. IV, 74.
 — *grisea*. IV, 74
 — *leucura*. IV, 72.
 — *major*. IV, 74.
 — *oenanthe*. IV, 74.
 — *oenanthoides*. IV, 74.
 — *rufa*. IV, 75.
 — *rufescens*. IV, 75
 — *septentrionalis*. IV, 74.
 — *stapazina*. IV, 75.
Vulpanser rutila. VI, 678.
 — *tadorna*. VI, 681.
Vulturinae. VI, 478
Vultur. VI, 485.
 — *aegyptius*. VI, 489.
 — *albicilla*. VI, 344.
 — *albicollis*. VI, 493.
 — *albus*. VI, 498
 — *alpinus*. VI, 455.
 — *arrianus*. VI, 485.
 — *atratus*. VI, 53.
 — *audax*. VI, 321.
 — *aura*. VI, 512
 — *auricularis*. VI, 489
 — *barbatus*. VI, 455.
 — *calvus*. VI, 489.
 — *cinereus*. VI, 485.
 — *fulvus*. VI, 493.
 — *ginginianus*. VI, 498.
 — *gryphus*. VI, 505.
 — *harpia*. VI, 407.
 — *hypoleucus*. VI, 360.
 — *imperialis*. VI, 489.
 — *leucocephalus*. VI, 455
 — *leucocephalus*. VI, 493.
 — *malcagris*. VI, 498.
 — *monachus*. VI, 485.
 — *niger*. VI, 455.
 — *niger*. VI, 485.
 — *nubicus*. VI, 489.
 — *occidentalis*. VI, 493.
 — *orientalis*. VI, 493.
 — *papa*. VI, 510.
 — *percnopterus*. VI, 498.
 — *pileatus*. VI, 502.
 — *plaucus*. VI, 449
 — *pondicerianus*. VI, 489.
 — *serpentarius*. VI, 518.
 — *stercorarius*. VI, 498.
 — *urubu*. VI, 513.
 — *vulgaris*. VI, 485.

W.

Wacholderdrossel. IV, 91.
Wachtel. V, 596
Wachtelkönig. V, 710.
Wächter. IV, 529.
Waldammer. IV, 373.
Waldflügel. IV, 103.
Waldhühner. V, 508.
Waldkauz. V, 165.
Waldlaubsänger. IV, 156
Waldmeisen. IV, 189.
Waldnymphchen. IV, 718.
Waldohrleule. V, 202.
Waldsänger. IV, 279.
Waldschecke. VI, 2.
Waldschneppen. VI, 2.
Waldwasserläufer. VI, 35.
Wallnister. V, 677.
Wanderelster. IV, 512.
Wanderfalke. VI, 246.
Wanderlaubvogel. IV, 157
Wandertaube. V, 429.
Warzentaube. V, 468.
Wassereisvogel. V, 53.
Wasserhuhn. V, 696.
Wasserhühner. V, 695
Wasserläufer. VI, 17.
Wasserläufer. VI, 25.
Wasserpieper. IV, 273.
Wasseralle. V, 713.
Wasserschere. VI, 217
Wasserschmätzer. IV, 77
 78.
Wasserschwalben. VI, 108.
Wassertreter. VI, 52
Weberfinken. IV, 392.
Wehrvögel. VI, 734.
Weichschwanzspechte. IV,
 684.
Weidenammer. IV, 382.
Weidenlaubsänger. IV, 156.
Weissaugenmöwe. VI, 123.
Weissbauchwasserschmätzer
 IV, 78
Weissbindenkreuzschnabel.
 IV, 356.
Weissfugelseeschwalbe. VI,
 109.
Weisshalssperling. IV, 315
Weisskopiseeadler. VI, 345.
Weisspecht. IV, 681
Weisssternblaukehlchen. IV,
 56.
Weisswangiger Helm. V,
 143.
Wellensittich. V, 381.
Wendehals. IV, 685.
Wendehäse. IV, 685.
Wespenbussard. VI, 369
Wespenbussarde. VI, 369.
Whipp-poor-will. V, 223.
Wichtl. V, 189
Wiedehopf. V, 31.
Wiesenpieper. IV, 270.
Wiesenweihe. VI, 436.
Wilder Kanarienvogel. IV,
 338.
Winterammerfink. IV, 317
Wintergoldhähnchen. IV, 162
Witwen. IV, 395.
Wollrücken. IV, 578.
Wuhlerkakadu. V, 408.
Würgadler. VI, 405.
Würgenschnapper. IV, 439.
Würgfalke. VI, 242.
Würgvögel. VI, 221.

Wüstengimpel. IV, 351.
 Wüstenkauz. V, 186.
 Wüstenläufer. VI, 80.
 Wüstenläuferlerche. IV, 256
 Wüstenlerche. IV, 254.
 Wüstensteinschmätzer IV,
 75.

X.

Xantholaema flavigula. IV,
 704.
 — indica. IV, 704.
 Xanthornus caucasicus IV,
 383.
 — maximus IV, 410.
 — phoeniceus. IV, 407
 Xema caniceps. VI, 123.
 — capistratum. VI, 123.
 — collaris. VI, 131.
 — ichtyaetus. VI, 122.
 — melanocephalon VI, 123.
 — minutum. VI, 123
 — pileatum. VI, 123.
 — rudibundum. VI, 123.
 — sabinii. VI, 131.
 Xemagelastes genei. VI, 119.
 — lambruschini. VI, 119.
 Xenus VI, 40.
 — cinereus. VI, 40.
 Xylocopus minor. IV, 678.

Y.

Yynginae. IV, 685
 Yynx arborea. IV, 685.
 — japonica. IV, 685.
 — major. IV, 685
 — meridionalis. IV, 685
 — minutissima. IV, 684.
 — punctata. IV, 685
 — septentionalis. IV, 685.
 — torquilla. IV, 685.

Z.

Zahnschnäbler VI, 643
 Zahntaube V, 472.
 Zanclostomi. V, 122.
 Zanclostominae. V, 122
 Zanclostomus tristis. V, 122.
 Zapornia porzana. V, 706.
 Zauspint V, 89.
 Zaunammer IV, 378.
 Zaunkönig. IV, 170
 Zaunläufer IV, 213
 Zeisig. IV, 327
 Ziegenmelker V, 220
 Zierente VI, 697
 Zippammer IV, 381
 Zitronzeisig. IV, 329
 Zonotriches IV, 315

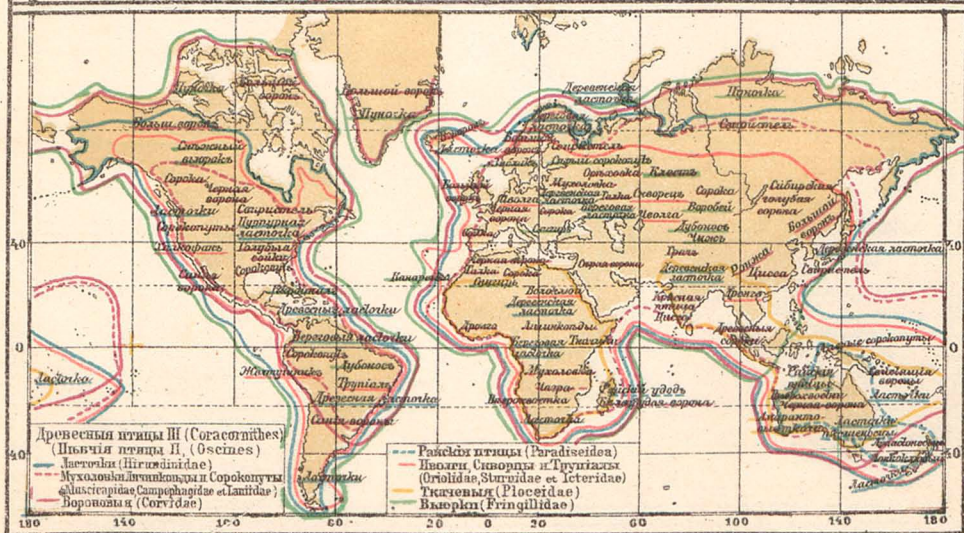
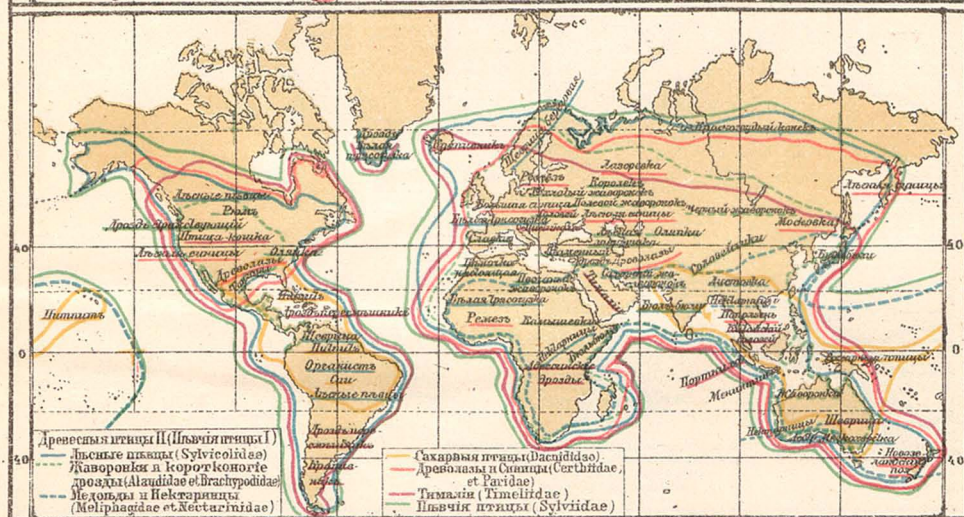
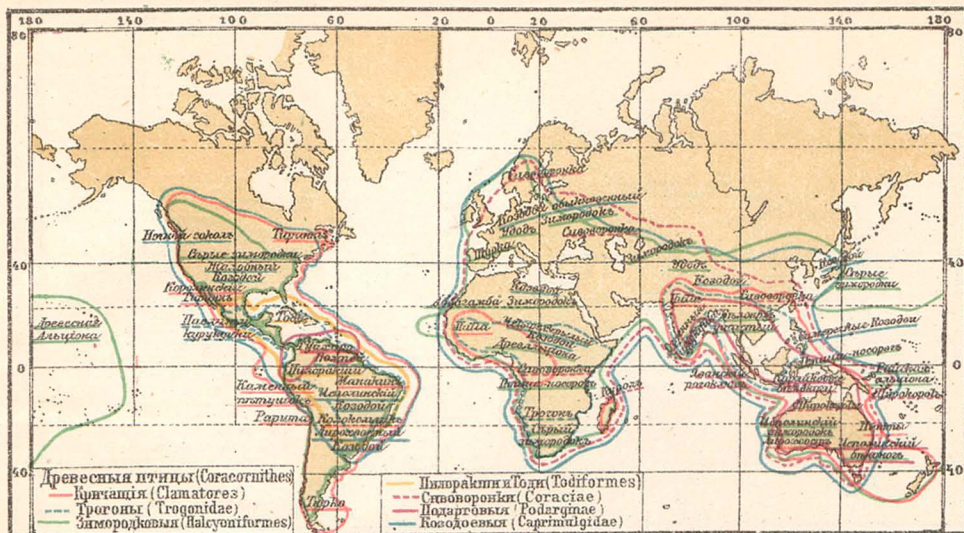
Zonotrichia. IV, 315
 — albicollis. IV, 315.
 — hiemalis. IV, 316.
 — pennsylvanica. IV, 315.
 Zukervogel IV, 221.
 Zweischaller. IV, 48.
 Zwergadler. VI, 314
 Zwergammer. IV, 373.
 Zwergedelfalken. VI, 290.
 Zwerggeule. V, 189.
 Zwergfliegenfänger IV, 557
 Zwerggans. VI, 667.
 Zwergmöwe. VI, 123
 Zwergohreule V, 212.
 Zwergpapageien. V, 371
 Zwergpurpurhuhn. V, 704.
 Zwergreiher VI, 538
 Zwergrohrdommel. VI, 538.
 Zwergrohrhühnchen V, 708
 Zwergrohrsänger. IV, 136
 Zwergsäger VI, 728
 Zwergscharbe VI, 603.
 Zwergschwalbe V, 260.
 Zwergschwan. VI, 649.
 Zwergseeschwalbe VI, 105
 Zwergsegler IV, 777
 Zwergspecht. IV, 684.
 Zwergsteissfuß VI, 637.
 Zwergstrandläufer VI, 46.
 Zwergsumpfhühnchen. V, 708.
 Zwergtaube. V, 446.
 Zwergtrappe VI, 173.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ВЪ IV ТОМѢ ОПЕЧАТКИ.

	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдуетъ.</i>
стр. 136	Подема.	Подена.
156	Берцовка.	Березовка.
156	Кузнечикъ-тюкалка.	Кузнечикъ, Тюкалка.
— 196	Чайкой, Чаечкой.	Гайкой, Гаечкой.
— 258	Желтая плиска.	Жигалка.
— 302	Дюжанъ.	Дюжакъ.
— 331	Щеголь.	Щеголь.
— 562	Касатка.	Косатка.

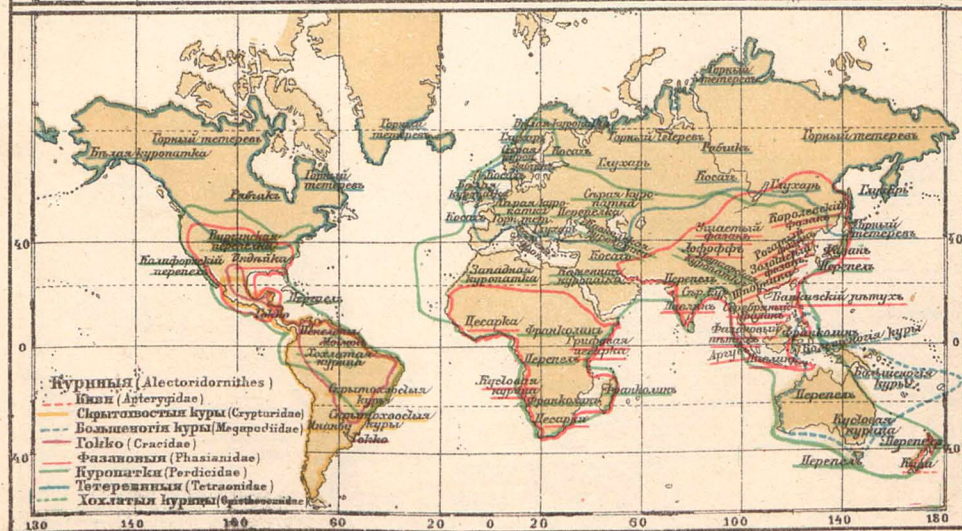
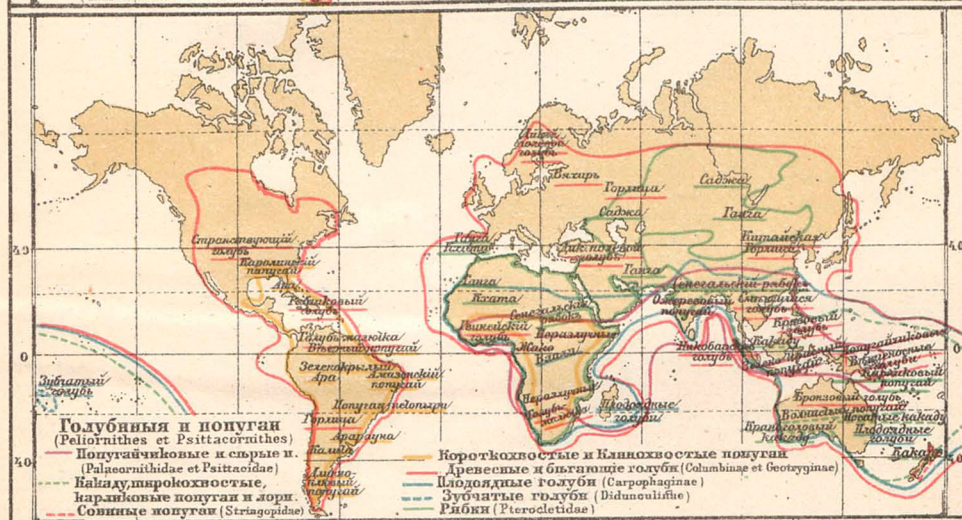
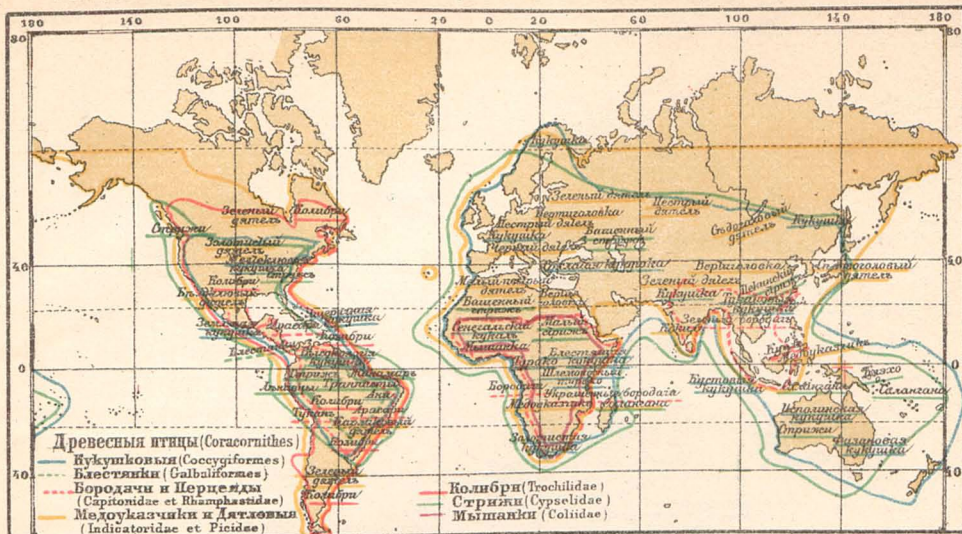

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЖИВОТНЫХ V. ПТИЦЫ I.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЖИВОТНЫХ VI. ПТИЦЫ II.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЖИВОТНЫХ VII. ПТИЦЫ III.

